

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

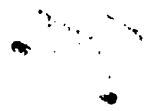
NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929201 5

Call
13E7

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀσχερὸν, τοὺς ἐτίρους μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῖναι μῆτε ποιῆσαι; Ὁρα
δ'. Ἐγὼγε καὶ τῆν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ἔμοιρον καταλιπεῖν τῶν
το ἀδικούντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ДЕВЯНОСТЫЙ.

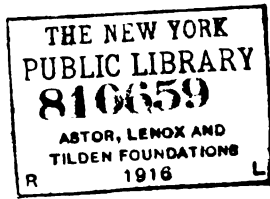
=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1848.

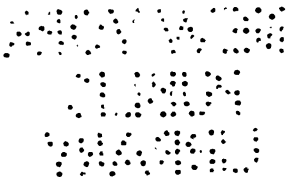
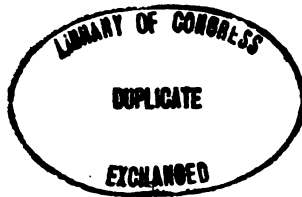
Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы на отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 8 октября 1848.

Ценсоръ В. Лангеръ.
Ценсоръ М. Срезневскій.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БЫТЬ РУССКАГО ДВОРЯНИНА
ВЪ РАЗНЫЯ ЭПОХИ ЕГО ЖИЗНИ.

« Кто хочет писать объ Россіи, тотъ
долженъ и думать по-русски. »

*Слова Императрицы Евдѣиы II
помѣщенныя въ журналъ Собесѣд-
ника 1783 года.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Не помню гдѣ-то я читалъ, или отъ кого-то слышалъ, что самое лучшее средство понравиться читателямъ и преклонить ихъ въ пользу издаваемой книги — сообщить имъ хотя краткую біографію автора той книги.

Я вполне убѣжденъ въ правильности этого замѣчанія, и, при-

Т. XС. -- Отд. I.

ступая къ чтенію всякаго новаго сочиненія *О русскомъ бытѣ*, всегда любопытствую узнать, къ какому сословію принадлежить авторъ, служитъ ли онъ или въ отставкѣ; гдѣ имѣетъ жительство, въ столицѣ, въ губернскомъ, или уѣздномъ городѣ, или въ деревнѣ; какихъ онъ лѣтъ, какого явля, пользуется ли хорошимъ здоровьемъ или подверженъ болѣзненнымъ припадкамъ; какой ведетъ образъ жизни; какое у него состояніе; женатъ ли; много ли у него сыновей и дочерей, или напротивъ, не бездѣтный ли онъ вдовецъ или старій холостакъ.

Всѣ эти подробности ведутъ къ общему заключенію, до какой степени можно имѣть довѣренность къ автору и съ какой точкой зрѣнія смотритъ онъ на избранный предметъ.

Приступая къ изданію разныхъ свѣдѣній переданныхъ мнѣ добрымъ, любезнымъ сосѣдомъ моимъ, посредникомъ полюбившихъ спеціальныхъ размежеваній, такъ же какъ и собственныхъ его разсказовъ, воспоминаній и замѣчаній, я призналъ нужнымъ прежде всего познакомить съ нимъ моихъ читателей.

По близкому нашему сосѣдству, мы часто видѣлись и постепенно сблизились и подружился. Разсказъ о прежней и настоящей его жизни, замѣчанія объ устройствѣ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣній и объ образѣ жизни дворянъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ и которыхъ часто посѣщалъ по обязанности своей, казались мнѣ во многихъ отношеніяхъ очень интересными. Возвращаясь домой, я тотчасъ записывалъ, что слышалъ отъ него.

Записки мои составили громадкую тетрадь. Съ удивленіемъ узналъ сосѣдъ мой, что я записываю его разсказы; но удивленіе его еще увеличилось, когда я сообщилъ ему о намѣреніи моемъ издать ихъ въ свѣтъ.

Съ большимъ условіемъ убѣдилъ я его дать мнѣ разрѣшеніе. Онъ пенначе согласился, какъ съ условіемъ, чтобы я не объявлялъ его имени и выключилъ все написанное мною въ похвалу ему лично, и между прочимъ то, что онъ имѣлъ необыкновенное искусство согласить всѣхъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ нашего уѣзда къ полюбовному размежеванію, такъ, что у насъ теперь черезполосныхъ дачъ не существуетъ.

Изъ всѣхъ добросовѣстныхъ дѣйствій его къ достиженію благотворной цѣли полюбовнаго размежеванія, позволилъ онъ мнѣ помѣстить только составленную имъ записку, основанную на юридическихъ справкахъ и историческихъ фактахъ, какимъ образомъ и отчего возникли и постепенно распространились черезполос-

ныя владѣнія. Эта замиска, подкрѣпленная ссылками на законы, послужила ему болѣе всего къ увѣренію помѣщиковъ въ полной вѣрности болѣе части крѣпостныхъ актовъ, на которыхъ они основывали права свои и продолжали безконечные процессы по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ, перенося ихъ съ величайшими издержками и убытками въ одной встанціи въ другую; словомъ, онъ доказалъ владѣльцамъ въ череполосныхъ дачахъ, что единственный способъ успокоиться и разойтись миролюбиво, есть тотъ, чтобы согласиться взять по удобности къ однимъ нѣстанъ, то количество земли, какое состоитъ у каждаго въ настоящемъ владѣніи, и что надежда приобрести болѣе въ свою пользу, отнявъ у другаго, никогда не можетъ свершиться, потому что по доводамъ въ его запискѣ подробно изложеннымъ, старинныя записи и крѣпости весьма двусмысленны и могутъ по неопредѣлительности и неясности своей быть истолковаными въ одной встанціи такъ, а въ другой иначе, то есть, съ какой точки зрѣнія захотятъ смотрѣть на предъявленные каждымъ документы къ подкрѣпленію правъ своихъ.

Впоследствии убѣдилъ я сосѣда моего позволить мнѣ переписать и также издать дневникъ истиннаго его друга и товарища по военной службѣ. Мнѣ удалось спасти другъ другу жизнь на полѣ чести; они поклялись въ взаимной неизмѣнной дружбѣ, помѣнялись крестами, и съ-тѣхъ поръ вполне сохраняютъ обязанности старинныхъ русскихъ крестовыхъ братьевъ.

Въ переданной мнѣ свѣдомъ мойя рукописи крестоваго его брата, писанъ русскій бытъ прямо съ натуры.

Такимъ образомъ изъ рассказовъ, замѣчаній и воспоминаній сосѣда моего, изъ рукописи крестоваго брата и другихъ сообщенныхъ отъ него свѣдѣній, нашелъ я возможность составить описаніе быта русскаго дворянина въ разные эпохи его жизни.

Поле весьма обширное. Предназначеніе русскаго дворянина—военная или гражданская служба. По выходѣ въ отставку жизнь въ деревнѣ, устройство своего хозяйства, попеченіе о благосостояніи вѣранныхъ ему Провидѣніемъ людей, и также служба по выборамъ. Сверхъ-того дворянинъ имѣетъ разныя дѣла и хлопоты въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ и въ столицахъ. Все это составляетъ разнообразныя и отдѣльныя одно отъ другаго предметы.

Свѣдѣнія, переданныя сосѣдомъ моймъ, дали мнѣ возможность представить если не полныя, то по-крайней-мѣрѣ настоящія и списанные прямо съ натуры картины быта русскаго дворянина.

Исполняя честное слово, данное мною моему сосѣду, я долженъ скрыть имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ; но всякій согласится, что все здѣсь описанное точно было или могло быть въ Россіи, въ дворянскомъ сословіи.

=

I.

ДВОРЯНИНЪ ВЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

Сосѣдъ мой принадлежитъ къ сословію дворянъ средняго состоянія. Предки его служили, по общему дворянскому обычаю, въ военной службѣ; многіе изъ нихъ окончили жизнь на ратномъ полѣ; другіе, изувѣченные и изуродованные на войнѣ, провели остатокъ дней, также по общему обычаю, въ деревняхъ своихъ; къ числу послѣднихъ принадлежалъ отецъ моего сосѣда. Онъ провелъ большую часть жизни въ походахъ изъ одной страны въ другую. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго Россія была почти въ безпрерывной войнѣ. Отецъ его, почтенный добрый старикъ, всѣми любимый и уважаемый въ нашемъ уѣздѣ, былъ необыкновенно счастливъ: почти во всякомъ сраженіи, гдѣ ему удавалось находиться, былъ онъ непременно раненъ; при взятіи Праги, лишился глаза; въ Италіи, въ сраженіи при Нови, какая-то роковая пуля изуродовала ему руку, и, наконецъ, въ арріергардѣ подъ начальствомъ князя Багратиона, во время ретираты изъ Австріи, въ сраженіи подъ Кремсомъ, получилъ онъ жестокую рану въ ногу. Со всѣми этими столь приличными для русскаго дворянина украшеніями, служить ему долѣе было невозможно, и онъ, въ чинѣ полковника, имѣя орденъ мальтійскій и авиньскій съ брилліантами на шеѣ и съ георгіевскимъ, владимірскимъ крестами въ петлицѣ, оставилъ службу съ полнымъ пенсіономъ.

Покойная матушка, рассказывала сосѣдъ мой, сопровождала отца моего во всѣхъ его походахъ. Я родился вскорѣ послѣ взятія Варшавы, гдѣ отецъ потерялъ глазъ. Получивъ въ некоторомъ облегченіи отъ раны, онъ пріѣхалъ въ Брестъ-Литовскій, гдѣ оставалась матушка, по случаю приближенія временъ родовъ. Она вздумала было убѣждать его оставить службу, но отецъ мой прямо и рѣшительно сказалъ ей, что до тѣхъ-поръ, пока его совѣтъ не изуродуютъ, не оставитъ онъ храброй молодецкой своей ро-

ты; тѣмъ окончился весь разговоръ. Матушка родила счастливо, и вскорѣ мы присоединились къ нашему полку, или лучше сказать, къ ротѣ нашей. Всѣ труды, безпокойства и страданія отъ ранъ были забыты отцемъ моимъ, когда молодымъ-усахи, любиміе своего капитана выше всего на свѣтѣ, пришли поздравить его съ пожалованнымъ ему орденомъ Владиміра четвертой степени съ бантомъ. Матушка плакала отъ радости, увидѣвъ, какъ украсилось его лице лишенное глаза, крестикомъ привѣщеннымъ къ мундиру.

Во время похода въ Италію, матушка моя оставалась на границѣ, не помню въ какомъ то маленькомъ польскомъ городѣ, чтобы скорѣй получить извѣстіе отъ отца моего. Со слезами радости узнала она о пожалованіи его командоромъ ордена мальтійскаго, потомъ Анны на шею, и еще тотъ же орденъ съ алмазами; но когда по окончаніи кампаніи, отецъ мой явился къ ней съ изуродованною рукою, она опять возобновила убѣжденія оставить службу, и тѣмъ болѣе, что семейство его увеличивалось. Насть было уже три брата. Она доказывала ему, что пора подумать объ устройствѣ собственныхъ своихъ дѣлъ, чтобы оставить дѣтямъ хотя по небольшому куску хлѣба, и опять получила тотъ же отвѣтъ, что пока будетъ онъ имѣть силы, никогда не разстанется съ молодцами гренадерами своего баталіона. Матушка поплакала, но посмотрѣвъ, какъ ему къ лицу два креста на шеѣ, одинъ на черной, а другой на красной лентѣ, вскорѣ утѣшилась. Наконецъ жестокая рана пулею въ ногу, въ сраженіи подъ Кремсомъ, заставила отца моего сознаться, что дальнѣйшая служба его будетъ бесполезна, потому что онъ съ трудомъ могъ ступить на ногу. Съ горестію долженъ онъ былъ подать просьбу въ отставку, но получивъ передъ увольненіемъ своимъ за отличную храбрость и спасеніе пушекъ въ арріергардонъ дѣлъ, георгіевскій крестъ, чего ему страстно хотѣлось и чего добивался онъ во всю свою службу, утѣшился, и потомъ часто повторялъ, что всякой увидѣвъ его раны увѣрится, что онъ служилъ, какъ должно русскому дворянину и получилъ награжденія не даромъ.

Поселившись на всегдашнее житье въ отдаленную черезполосную деревню свою, отецъ мой, отъ бездѣйствія, послѣ прежней тревожной и дѣятельной жизни, отъ забвенія того, что по привычкѣ его лѣтамъ и истощенному отъ ранъ здоровью, нельзя уже позволять себѣ такіа же продѣлки, которыя прежде счастливо сходили съ рукъ, вналъ въ продолжительную хрониче-

скую болѣзнь, и, приготовляясь къ смерти, мучился мыслию, что оставитъ сиротъ своихъ на рукахъ болѣзненной слабой матери, не успѣвъ ихъ при жизни своей никакуда пристроить. Болѣе всего опасался онъ, что послѣ его смерти мать по слабости своей не опредѣлитъ насъ въ военную службу, а одѣлаетъ подъячникомъ. Эта мысль терзала его, и онъ далъ себѣ клятву, чтобы тотчасъ, какъ почувствуетъ хотя малѣйшее облегченіе отъ болѣзни, везти насъ въ Петербургъ и опредѣлить въ который-нибудь кадетскій корпусъ.

Желаніе его исполнилось. Мнѣ было одиннадцать лѣтъ, и я поступилъ въ неравнжированную роту перваго кадетскаго корпуса, а братья мои, средній девяти и меньшей оеьми лѣтъ, были опредѣлены въ малолѣтнее отдѣленіе.

Добрый, почтенный нашъ старикъ, не смотря на болѣзненное свое состояніе, ежегодно послѣ уборки хлѣба пріѣзжалъ навѣстить насъ въ Петербургъ. Очень грустно вспомнить, что не много доставляли мы радости ему, въ особенноти же я, какъ старшій сынъ, на котораго возлагалъ онъ всю надежду, былъ величайшій шалунъ: какъ нарочно всякій разъ находилъ онъ меня страдающимъ ушибами отъ рѣзвости. Однако жъ освѣдомившись, что я учился довольно прилежно и что всѣ шалости мои происходили отъ вѣтренности и безпечности, онъ утѣшался мыслию, что съ лѣтами все пройдетъ, и въ увѣщаніяхъ своихъ всякой разъ повторялъ, что Богъ, по милости своей, вѣрно, не допуститъ дѣтей его быть безчестными людьми; что можетъ-быть и надѣлаютъ они много глупостей, но, вѣрно, никогда не будутъ трусами и не свершатъ ни какого подлаго поступка. вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ онъ намъ служить и непремѣнно служить въ военной службѣ, до послѣдняго изнеможенія и истощенія силъ своихъ.

Между-тѣмъ, время шло. Наступилъ незабвенный 1812 годъ, непріятель вторгнулся въ Россію, и батюшка написалъ къ намъ, что не взирая на лѣта и увѣчье свое, онъ поступилъ въ ополченіе, и что хотя не имѣетъ возможности стать въ ряды воиновъ для защиты отечества, но по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ будетъ способствовать къ приготовленію и образованію поступающихъ въ дѣйствительную службу.

Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ. Можно вообразить, какъ страстно хотѣлось мнѣ поскорѣй вырваться изъ корпуса и поступить въ число защитниковъ отечества; въ особенноти же мнѣ хотелось и извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій, о пріемѣ одѣ-

любомъ Государю въ Москвѣ, о повсемѣстномъ вооруженіи, о готовности всѣмъ жертвовать для защиты отечества, все это написанное сообразно съ духомъ тогдашняго времени и настоящимъ русскимъ слогомъ, такъ воспламенило меня, что я готовъ былъ выйти изъ корпуса, хотя въ званіи простаго солдата. Товарищей столь же восторженныхъ какъ и я, нашлось много, и мы въ премудрыхъ нашихъ совѣщаніяхъ рѣшились было надѣлать какихъ-нибудь важныхъ проказъ, чтобы насъ выписали солдатами въ дѣйствующую армію; но, къ счастью, разсудительный и всѣмъ уважаемый фельдфебель нашей роты, усилъ насъ образумить. Онъ растолковалъ, что всего лучше, для достиженія цѣли нашей, усилить прилежаніе къ наукамъ, приготовиться къ выдержанію экзамена и поступить офицерами въ дѣйствующую армію, а не солдатами въ какіе-нибудь дальніе гарнизоны, куда насъ выключать за проказы наши. Это послѣднее замѣчаніе и предупрежденіе нашего фельдфебеля, что за проказы выпишутъ солдатами не въ дѣйствующую армію а въ дальніе гарнизоны сильно подѣйствовало: мы стали неутомимо заниматься приготовленіемъ къ экзамену, выдержали испытаніе какъ нельзя лучше, и, въ началѣ 1813, года я произведенъ былъ въ офицеры.

Но, къ несчастію, желаніе наше не вполне исполнилось: дѣйствующая армія выступила уже тогда за границу; мы были отпращены въ резервную армію, подъ начальство князя Лобанова, гдѣ распредѣлили насъ въ резервы пѣхотныхъ полковъ, сформировавшихся на непрерывномъ маршѣ изъ внутреннихъ губерній къ границѣ и перешедшихъ тогда въ Варшаву.

Я былъ въ полномъ восторгѣ, узнавъ, что резервъ полка, въ который я поступилъ, назначенъ въ корпусъ для блокады крѣпости Модлина. Наконецъ желаніе мое исполнилось: я имѣлъ уже право въ письмахъ моихъ къ отцу назвать себя защитникомъ отечества; и въ моемъ формулярномъ спискѣ, въ графѣ, былъ ли въ походахъ и въ сраженіяхъ съ непріателемъ будетъ помѣщено: «Находился при осадѣ и взятіи штурмомъ крѣпости Модлина», потому что намъ, молодымъ прапорщикамъ, казалось, какъ же вначѣ и покорить крѣпость, какъ не штурмомъ; мы были твердо увѣрены, что полѣземъ на стѣны, и каждому изъ насъ хотѣлось первому взойти на непріятельскія батареи, захватить нѣ сколько орудій и получить, разумѣется георгіевскій крестъ. Я навѣредъ восхищался, воображая себѣ, какъ обрадуется отецъ мой, узнавъ что я кавалеръ, и какого еще ордена! Георгіевскаго, но, увы! случилось совсѣмъ противное. Корпусъ нашъ

простоялъ, почти безъ всякаго дѣйствія, блокируя Модлинь, до самаго окончанія войны, а между тѣмъ товарищи мои, которые мнѣ завидовали и называли счастливецемъ, когда я поступилъ въ блокадный корпусъ, отправились по сформированію резервовъ въ дѣйствующую армію, присоединились къ своимъ полкамъ, успѣли быть въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, въ Германіи и во Франціи, и получили награжденіе, а я сердился и скучалъ, стоя бесполезно подъ Модлиномъ.

Должно признаться, что когда получено было извѣстіе о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы и нашему полку предписано было выступить за границу, я на радости, на одномъ пріятельскомъ балѣ въ небольшомъ польскомъ городѣ, гдѣ мы стояли, выпилъ нѣсколько лишнихъ рюмокъ вина, при взаимномъ нашемъ поздравленіи другъ друга, съ тѣмъ что мы идемъ въ походъ; и послѣ того такъ охотно и шумно танцевалъ мазурку, что полковой командиръ прислалъ ко мнѣ адъютанта посовѣтовать отправиться домой, а я въ веселомъ расположеніи не скоро послушался добраго совѣта, и зато прямо съ пріятельскаго бала командированъ былъ на гауптвахту, гдѣ погостилъ нѣсколько дней, обдумывая и составляя планы о предстоящихъ мнѣ подвигахъ въ открывающуюся кампанію; но и этимъ планамъ не было предназначено свершиться. Неугомонный Наполеонъ не хотѣлъ подождать насъ; онъ бросился на Англичанъ и Прусаконъ, и они одни все дѣло окончили, такъ, что когда мы двигались къ границамъ Франціи, Наполеонъ отправился уже путешествовать на островъ Святой Елены. Опять неудача, думалъ я съ досадою; и къ довершенію моего несчастія, не было даже и въ виду ни какой надежды чтобы формулярный списокъ мой украсился описаніемъ какихъ либо сраженій съ непріателемъ. Все постепенно успокоилось; ни какой и ни съ кѣмъ войны не предвидѣлось, и кампанія, въ продолженіи которой я надѣялся надѣлать чудеса, окончилась только большимъ извѣстнымъ смотромъ всей арміи подъ Вертю.

Соединеніе всей нашей арміи для общаго смотра было весьма хорошо обдуманнѣмъ и подготовленнѣмъ урокомъ для множества иностранцевъ, собравшихся съ разныхъ сторонъ. Послѣ упорной, кровопролитной, продолжительной кампаніи отъ Нѣмана до Москвы, и оттуда до Парижа, вскорѣ потомъ опять явилось среди Франціи, новая многочисленная и во всѣхъ отношеніяхъ отлична благоустроенная армія. Это конечно заставило многихъ пріятелей и доброжелателей нашихъ призадуматься и

сознаться, что шутить съ Русскими нельзя. Съ чувствомъ исполнѣннѣйшей національной гордости, смотряль я на иностранцевъ и повторяль стихи Державина:

Быль врагъ Кипчакъ: и гдѣ Кипчаки?

Быль недругъ Ляхъ: и гдѣ тѣ Ляхи?

А Русь! Всякъ знай, мотай себѣ на усъ!

Вотъ случай, думаль я, прибавить, теперь къ этимъ стихамъ тоже о Галлахъ, Вельхахъ, и проч. и проч. Всѣ испытали, каково тягаться съ Русскими.

Нашъ полкъ поступилъ въ корпусъ, оставленный подъ начальствомъ графа Воронцова, во Франціи. Это время, говорилъ мой сосѣдъ, почитаетъ онъ самую счастливѣйшею эпохою въ своей жизни; онъ имѣлъ возможность нѣсколько усовершенствоваться довольно поверхностное корпусное свое образование; скоро сблизился съ французскимъ языкомъ посредствомъ практики и лексикона. Въ книгахъ не было недостатку; въ городѣ, гдѣ стоялъ ихъ полкъ была публичная библіотека; при томъ же и покупка книгъ стоила не дорого; жалованіе и раціоны получаемые офицерами были значительны, а издержки на содержаніе маловажны. Корпусный командиръ, графъ Воронцовъ, распорядился какъ нельзя лучше для поддержанія русской самобытности и отстраненія вѣтреннаго ему войска отъ сближенія съ Французами. Онъ употребилъ всѣ способы для сохраненія нравственнаго и тѣлеснаго русскаго здоровья: для солдатъ по его распоряженію приго-влялся русскій квасъ, черный хлѣбъ, кислая капуста, и устроены были особыя русскія бани, а для собранія офицеровъ учрежденъ отдѣльный такъ называемый русскій клубъ, гдѣ за самую дешевую цѣну имѣли они обѣдъ, ужинъ, чай и кофе, и могли читать даромъ всѣ русскіе и лучшіе избранные французскіе газеты и журналы. Утро было посвящено службѣ: солдатъ учили стрѣлять въ цѣль, дѣлать быстрыя построенія изъ фронта въ ротныя, баталіонныя и полковыя колонны; маневры, бригадами и дивизіями, представляли видъ настоящаго сраженія; стрѣлковъ учили пользоваться мѣстоположеніемъ для нанесенія вреда непріятелю во время маневровъ; на маршѣ учили устроить быстро карен; объясняли правила, какъ защищаться пѣхотѣ отъ нападенія кавалеріи; съ невѣроятною скоростію наводили и снимали повтоянные мосты, и прочая. Словомъ, графъ Воронцовъ приобрѣлъ право на вѣчную признательность всѣхъ, кто служилъ

подъ его командою. Онъ ототранилъ насъ отъ близкихъ сношеній съ Французами и поддержалъ въ войскахъ русскій духъ и самостоятельность.

Вскорѣ по возвращеніи нашемъ въ Россію, послѣдовало новое распределеніе полковъ по дивизіямъ. Нашъ полкъ, имѣвшій названіе по одной грузинской области, былъ назначенъ въ кавказскій корпусъ, на смѣну бывшаго въ томъ корпусѣ полка, носившаго наименованіе по одной изъ великороссійскихъ губерній.

По прибытіи нашемъ къ мѣсту новаго назначенія узнали мы, что командиръ кавказскаго корпуса былъ уполномоченъ выбрать и опредѣлять въ нашъ полкъ всѣхъ, кого онъ заблагоразсудитъ, изъ полка возвращающагося въ Россію. Такимъ образомъ нашъ полкъ былъ вполнѣ составленъ и укомплектованъ изъ самыхъ отборныхъ молодцовъ нашего и выступающаго въ Россію полка; и не только ротные и баталіонные командиры, но и сами полковые начальники были перемѣнены: нашъ полковникъ принялъ возвращающійся въ Россію полкъ въ неполныхъ кадрахъ, а полковой командиръ того полка сдѣлался нашимъ начальникомъ.

Я былъ въ отчаяніи, опасаясь что меня отправятъ назадъ въ Россію, и опять не свершится странное мое желаніе видѣть въ формулярномъ моемъ спискѣ въ графѣ «былъ ли въ дѣйствительномъ сраженіи», *находился въ такихъ-то и такихъ сраженіяхъ, отличился такимъ-то подвигомъ и раненъ тамъ-то*. Больше всего хотѣлось мнѣ непремѣнно быть *раненымъ*. Такое желаніе можетъ казаться страннымъ и невѣроятнымъ, но съ самаго малолѣтства моего видѣлъ я, съ какимъ уваженіемъ обходились сосѣди наши съ изуродованнымъ моимъ отцомъ, слышалъ часто рассказы о его военныхъ подвигахъ и, признаюсь, съ какою-то завистью смотрѣлъ на его равн.

Чтобы предупредить несчастіе моего возвращенія, я рѣшился идти прямо къ новому своему начальнику и убѣдительноше просить его оставить меня, не отправлять назадъ въ Россію.

Рано утромъ явился я къ нему.

Новый командиръ нашъ, человекъ уже довольно пожилой, былъ не совсѣмъ привѣтливаго и веселаго нраву, и вообще, какъ я слышалъ, былъ въ большомъ противъ насъ предубѣжденіи, называлъ насъ бѣлоручками, Французами. Онъ принялъ меня не весьма ласково.

— Что вамъ угодно, сказалъ онъ угрюмо.

Я началъ было говорить ему, что нѣтъ изъ нему убѣдительно-

итишую просьбу, но онъ не дослушалъ, и смотря на меня пристально, спросилъ, какъ моя фамилія.

— Славской *, отвѣчалъ я.

— Какъ, Славской! да не сынъ ли вы Ивана Никифоровича Славскаго?

— Точно такъ, я сынъ его.

Съ этимъ словомъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ цѣловать; потомъ остановившись и посмотрѣвъ мнѣ прямо въ глаза, сказалъ.

— Да и я какъ глупъ! что тутъ разспрашивать! надобно посмотреть, чтобъ тотчасъ узнать, что это сынъ Ивана Никифоровича. Однакожь и ты, братецъ, что за сахаръ-медовичъ такой, зачѣмъ же ты не пришелъ тотчасъ ко мнѣ и не сказалъ, что ты сынъ Ивана Никифоровича? Настоящій ты, братъ, Французъ! все ошпикки да оглядки! не такъ надобно поступать сыну Ивана Никифоровича. Да стой, стой! съ какою ты просьбою пришелъ ко мнѣ? неужели хочешь осрамить своего отца, неужели ты трусишь оставаться съ нами, и пришелъ ко мнѣ просить, чтобы тебя отправили назадъ.

— Помилуйте, полковникъ! совсѣмъ напротивъ, отвѣчалъ я. Именно объ этомъ-то я и пришелъ убѣдительноше просить васъ, чтобы меня оставили и не отправляли назадъ.

— Ну вотъ, братъ, молодець! этого то и ожидалъ я отъ сына Ивана Никифоровича.

И съ этимъ словомъ онъ бросился цѣловать меня.

— Ну, давай руку, мой любезный, и слушай первое приказаніе своего командира: не дайте, какъ сейчасъ же, вели перенести всѣ свои пожитки ко мнѣ, мы будемъ жить вмѣстѣ, и я съ первою же почтою напишу къ отцу твоему, истинному моему благодѣтелю, что я и не знаю какъ благодарить Бога, зато что онъ прислалъ ко мнѣ молодаго Ивана Никифоровича. Да ты, братецъ, не можешь повѣрить, какъ ты на него похожъ: чѣмъ ближе смотрю на тебя, тѣмъ болѣе удивляюсь; тотъ же ростъ, та же походка, тотъ же голосъ, и ты вѣрно будешь такимъ же молодцомъ и въ дѣлѣ, какимъ онъ всегда былъ.... Ну, вотъ такъ и вижу, продолжалъ полковникъ, осматривая и поворачивая меня со стороны на сторону, добраго моего почтеннаго отца и командира,

* Фамилія сосѣда моего не та, но я далъ ему честное слово, и не смѣю обмануть настоящей.

то есть именно отца.... я расскажу тебѣ все, что онъ для меня сдѣлалъ.... однакожъ я удивляюсь что онъ не сказалъ тебѣ обо мнѣ, когда ты сюда отправлялся.

— Я забѣжалъ къ нему на самое короткое время; онъ былъ не очень здоровъ, притомъ же я нашелъ его весьма въ дурномъ расположеніи отъ прибытія къ нему въ деревню полного присутствія уѣзднаго суда, для повѣрки въ натурѣ общей черезполосной дачи всего села. Онъ съ полнымъ негодованіемъ рассказывалъ мнѣ чудеса о внутреннихъ нашихъ хищникахъ называемыхъ имъ штатскими Лезгицами и Чеченцами, утверждая, что съ этими внутренними врагами гораздо труднѣе воевать чѣмъ съ вѣшними. Притомъ же, признаюсь вамъ откровенно, прибавилъ я, мнѣ и въ голову не приходило, что съ нашимъ полкомъ будетъ то, что теперь сдѣлалось, то есть, что всѣхъ насъ такъ растасуютъ. Я страстно любилъ мою роту (я тогда былъ уже штабсъ-капитаномъ), и ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы съ нею разстаться, въ надеждѣ, что съ нею заслужу и покровительство и вниманіе моихъ начальниковъ.

— Да зачѣмъ же и разставаться, сказалъ полковникъ. Я возьму всѣхъ, кого ты назначишь, выкинь только отъ себя всякую дрянъ, негодяевъ, Французовъ, которые вѣрно есть у тебя, потому что, разумѣется, въ семьѣ не безъ уroda; а я тебѣ вмѣсто ихъ подбавлю своихъ богатырей, и у тебя будетъ чудесная рота; ты братъ на самомъ дѣлѣ увидишь, что у насъ за молодцы. Вы Французы или полу-Русскіе, то есть не ты, потому что не можетъ-быть чтобы сынъ Ивана Никифоровича былъ не настоящимъ Русскимъ,—вы не имѣете понятія, что значить здѣшній солдатъ; для него нѣтъ ничего невозможнаго: зато какія чудеса можно дѣлать съ ними. Покойный благодѣтель мой, князь Павелъ Дмитриевичъ (Щицановъ), вселилъ этотъ духъ въ здѣшнихъ офицеровъ и солдатъ, а нынѣшній нашъ корпусный командиръ Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ) умѣлъ мастерски не только поддержать, но и усилить этотъ духъ. Когда ты съ нами болѣе поживешь и обуркаешься, то самъ услышишь и увидишь, какіе чудеса здѣсь дѣлаются и къ чему способенъ русскій солдатъ. Однакожъ соловья баснями не кормятъ; слушай команду: маршъ сейчасъ домой, вели ту же минуту своему деньщику явиться ко мнѣ со всею твоею поклажею, а самъ собери роту свою, которая, вѣрно, и тебя любитъ, потому что ты ее любишь,—сердце сердцу вѣсть подаетъ; скажи своимъ ребятишкамъ, что ты съ ними не расстаешься. Только еще тебѣ говорю, выкинь всякую дрянъ и шуштуру, и тотчасъ приготовь мнѣ

рапорта, сколько именно нужно тебѣ людей для полнаго укомплектованія твоей роты. Да востой, ностой; прибавлялъ онъ долгая мена. Я объѣдам по русскому старинному обычаю ровно въ двѣдцать часовъ; смотри не опоздай: я очень сердитъ, когда голодеешь.

Новый командиръ мой чрезвычайно понравился мнѣ своимъ простымъ обращеніемъ и прямодушіемъ. Мнѣ хотѣлось на первый случай показать ему точность и исправность въ исполненіи данныхъ мнѣ приказаній. Тотчасъ по возвращеніи домой отправилъ я денщика со всѣми моими ножитками къ полковнику, а фельдфебелю приказалъ собрать роту. Объявленіе мое, что мы все остаемся по прежнему въ настоящемъ нашемъ составѣ и не разтаемся другъ съ другомъ, было принято съ полною радостію. Громогласное ура! раздалось во рядахъ моей роты, и я внутренно порадовался единодушной привязанности ко мнѣ офицеровъ и солдатъ. По совѣщанію съ взводными офицерами и фельдфебелемъ выбрали мы изъ своей роты не болѣе десяти человекъ, слабосильныхъ, сухонарыхъ и слабыхъ здоровьемъ, потому что пьяница, воробъ и ни одного негодяя у меня въ ротѣ, слава Богу, не было. Я объявилъ имъ, что намъ должно проститься, и что они поступаютъ въ составъ полка возвращающагося въ Россію: они убѣдительно просили меня оставить ихъ; нѣкоторые говорили, что хстя они и худощавы, но сильнѣе можетъ-быть нѣкого толстяка; другіе, что они не успѣли еще поправиться послѣ болѣзни и оттого кажутся слабосильными; словомъ изъ десяти назначенныхъ къ исключенію, долженъ я былъ по неотступной ихъ просьбѣ и ходатайству офицеровъ и фельдфебеля оставить шесть человекъ. Дѣла мои по ротѣ были скоро окончены, и я явился къ полковнику еще прежде назначеннаго мнѣ срока.

— Ну что, братъ, ты успѣлъ уже все сдѣлать? спросилъ меня полковникъ при входѣ моемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ подавать обѣдать.

— Все, отвѣчалъ я. Рота моя въ восторгѣ, что вы принимаете насъ въ полномъ нашемъ составѣ. Вы увидите какъ мы славно будемъ служить, только дайте намъ нѣсколько вашихъ старичковъ дядюшекъ, потому что мы еще рекруты для здѣшней службы... а вотъ и рапортъ сколько нужно людей для полнаго укомплектованія моей роты. — Хорошо, хорошо, я очень радъ, что ты исправный исполнитель по службѣ, сказалъ полковникъ принимая мой рапортъ.— Ты, братъ, и въ дѣлѣ не будешь отставать. Ну да что и толковать! ты, какъ я вижу, во всемъ похожъ

на отца, а я тебѣ дамъ такихъ молодцовъ, что ужъ могу отвѣчать за нихъ, они не ударятъ лицомъ въ грязь.

Въ это время вошелъ полковой адъютантъ. Полковникъ передалъ ему мой рапортъ, и велѣлъ отдать въ приказѣ, назвавъ поименно солдатъ, которыхъ назначилъ онъ перевести въ мою роту.

— Ты, какъ я вижу, удивляешься, что я прямо понимаю называю, кого перевести къ тебѣ, сказалъ полковникъ: заѣдь, братъ, служба совсѣмъ не такая, какал, можетъ-быть, была у васъ тамъ во Франціи; я безпрестанно бываю съ своими ребятишками, всѣхъ ихъ знаю поименно, и со многими изъ нихъ мы побрелись на полѣ чести. Ну, да полно объ этомъ толковать; шя проестьнуть. Эй! подавай водку. Сядемте обѣдать.

За столомъ было васъ человекъ двадцать штабъ и оберъ офицеровъ, но все изъ прежняго полка, а Французовъ, какъ полковникъ называлъ офицеровъ нашего полка, всего только двое, я и бывший полковой нашъ адъютантъ, который, исправностию, точностию въ исполненіи и проворствомъ, съ самаго начала поправился полковнику, и онъ оставилъ его въ томъ же званіи.

— А я за тебя поссорился было съ новымъ моимъ знакомымъ господиномъ адъютантомъ, сказалъ полковникъ, опорожнивъ полную тарелку щей и запивая квасомъ. Послеъ того, какъ ты ушелъ отъ меня, я сталъ перечитывать поданные мнѣ ваши офицерскіе списки, потому что мнѣ было досадно на себя, какъ я просмотрѣлъ твою фамилію. Славской, Славской... Да это самое драгоценное для меня имя, и его-то я пропустилъ читая списки. Я сталъ ихъ вновь пересматривать, и что жъ? въ самомъ дѣлѣ, и очень легко могу пропустить твою фамилію. Самъ чортъ не разберетъ что тутъ наваракано, «Сланской, Слонской, Слосеной, Слипской, Сливской», какъ хочешь читай. Безтолковой Французъ нашъ, полковой писарь, такіе каракули поставилъ, что ни на что не похоже. Нѣтъ, господинъ адъютантъ, прошу сказать ему, чтобы онъ со мною не ссорился; чтобы онъ изволилъ писать не по-тарабарски, а по-русски, то есть, чтобы каждую букву выставлялъ не французскимъ, а русскимъ почеркомъ, такъ, чтобы я могъ читать безъ остановки. Учитель мой, при вступленіи моемъ въ службу, ротный нашъ писарь, былъ мастеръ своего дѣла: у него, бывало, всякая буква такъ ясно и разборчиво написана какъ-будто напечатано; вотъ такъ совѣтую и ему писать. Теперь у васъ стали все ученые; не такъ бывало встарину. Я помню, что, когда я опредѣлился въ службу, во всей нашей ротѣ были грамотные только старшій сержантъ, да ротный писарь, которо-

лу благодѣтель мой, отецъ вѣтъ этого молодца, продолжалъ полковникъ, показывая на меня, поручилъ ознакомить меня съ русскою грамотою. Нельзя, право, вспомнить равнодушно, прибавилъ онъ, чѣмъ я обязанъ моему благодѣтелю, и что бы я такое былъ безъ него? Вы, господа, молодые люди, воспитанные въ кадетскихъ корпусахъ, не имѣете понятія о русскихъ мелкопомѣстныхъ дворянахъ. Я въ примѣръ поставлю моего покойнаго отца: насъ было у него шесть сыновей и четыре дочери, а крестьянъ, мужскаго и женскаго пола, всего на-все осемь душъ. Старикъ мой, отставной фендрикъ (такъ назывались встарину прапорщики), долженъ былъ оставить службу за ранамъ, полученными въ прусскую войну. Возвратясь на родину и вида ежегодное приращеніе своего семейства, онъ долженъ былъ, по необходимости, чтобы прокормить насъ, прилѣяться самъ за соху: старшіе братья мои помогали ему, и я, бывши парнемъ лѣтъ шестнадцати, также приучался къ полевымъ работамъ въ то время, когда Богъ принесъ благодѣтеля моего Ивана Никифоровича съ ротою его на квартиры въ наше село. Я какъ то по счастью повстрѣлся ему, и онъ уговорилъ моего отца записать меня къ нему въ роту. Правду сказать, хорошъ же я былъ, когда опредѣлился на службу: на дворянина ни сколько не походилъ, а былъ просто мужикъ, рекрутъ, грамотѣ совсѣмъ не умѣлъ, и ходилъ въ сѣромъ кафтанѣ и въ лантяхъ; насъ, бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, было множество въ нашемъ селѣ; нвые даже были еще бѣднѣе моего отца, и всѣхъ насъ нельзя было различить съ нашими крестьянами, — всѣ мы были одинаково одѣты и работали на равнѣ съ ними. Вотъ въ какомъ положеніи поступалъ я вродь начальство благодѣтеля моего Ивана Никифоровича. Отцу родному нельзя было бы болѣе заняться сыномъ, какъ онъ занимался мною! продолжалъ полковникъ, со слезами на глазахъ. Да и я, признаюсь, полюбилъ его болѣе чѣмъ моего отца. Долго бы было рассказывать о походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ я былъ вмѣстѣ съ нимъ подъ его начальствомъ; словомъ, все, что и теперь имѣю и до чего дослужился, всѣмъ я ему обязанъ, и гдѣ его не забуду. Онъ довершилъ милости свои ко мнѣ тѣмъ, что сблизилъ меня съ княземъ Павломъ Дмитриевичемъ; по рекомендаціи его князь перевелъ меня сюда и взялъ къ себѣ въ инспекторскіе адъютанты. Вотъ и это истинный благодѣтель мой, и его въ вѣкъ я не забуду, и его любилъ я какъ отца.... Да и нельзя было не любить, такъ прямо и лѣзъ въ душу и добротою и молодечествомъ своимъ. Поживите-ка господа съ нами (при-

бавля полковникъ обращаясь ко мнѣ и къ адъютанту), вы на самомъ опытѣ увѣритесь, что великій Суворовъ, съ которымъ я былъ въ Италии уже офицеръ и самъ нѣсколько разъ видѣлъ его въ пылу сраженій, не даромъ называлъ русскихъ солдатъ чудо-богатырями. Служа здѣсь, вы также часъ отъ часу болѣе увѣритесь въ томъ, что все зависитъ отъ начальника и что съ русскимъ солдатомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Доказательствомъ этому служатъ князь Циціановъ, Котляревскій и выдѣшній нашъ командиръ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Съ такими начальниками именно, что ими только вздумано, то сказано и сдѣлано. Впрочемъ, вы сами все увидите; мы, вѣрно, здѣсь долго не застоимся; скоро пать примемся за дѣло.

— О такихъ людяхъ, какъ князь Циціановъ, Котляревскій и Алексѣй Петровичъ и говорить нечего: всѣ объ нихъ знаютъ, сказалъ одинъ штабъ-офицеръ, весьма неуклюжій, загорѣвшій отъ солнца, отъ чего умные быстрые глаза его еще болѣе блистали. А досадно вотъ то, что множество славныхъ дѣлъ, свершенныхъ молодцами пониже ихъ чинами, никому неизвѣстны; напримѣръ о подвигахъ Карягина кто знаетъ и вспоминаеть?

— Честь и слава Карягину! прибавилъ нашъ полковникъ. Жаль, что онъ умеръ рано, а то и его имя также бы гремѣло славою, наравнѣ съ прочими нашими генералами. Однакожъ вы, братцы, знаете, что я когда не въ походѣ, то живу какъ русской мужичокъ, люблю уснуть послѣ обѣда. Богъ съ вами, оставайтесь; велите, кто хочетъ, подать себѣ трубки и кофе, а меня пока отпустите не надолго на боковую.

Большая часть гостей полковника разошлись по домамъ, но штабъ-офицеръ говорившій о Карягинѣ остался. Намъ подали трубки и кофе, и мы съ товарищемъ моимъ, полковымъ адъютантомъ, не имѣя ни какого понятія объ Карягинѣ и о подвигахъ его, просили рассказать намъ обо всемъ подробно.

— Извольте, извольте, любезные новые товарищи, отвѣчалъ онъ. Я готовъ исполнить ваше желаніе: для васъ копейно должно быть любопытно звать и объ образѣ здѣшней войны, и о томъ, что иногда предстоить не только штабъ-офицеру, но и прапорщику, командированному съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ отрядомъ, что здѣсь очень часто случается. Однакожъ, господа, вы сами прежде отвѣчайте мнѣ на мои вопросы, гдѣ вы воспитывались и откуда поступили въ офицеры?

— Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ: отвѣчали мы.

— Тѣмъ лучше, давайте руки, любезные товарищи, и я

тѣмъ же воспитывался, и хотя гораздо прежде васъ выпущенъ, не за всѣмъ тѣмъ, если мы и неодноклассники, то все-таки промаи нашу молодость въ однихъ стѣнахъ.

Новый нашъ товарищъ по воспитанію, съ которымъ мы въ послѣдствіи очень сблизились и подружился, разспрашивалъ насъ о корпусныхъ офицерахъ и учителяхъ, бывшихъ въ его время и остававшихся еще при насъ; и онъ и мы вспоминали о корпусномъ нашемъ житіи бытіи. Разговоръ нашъ объ этомъ могъ бы очень долго продолжаться, если бы мы опять не повторили просьбы, разсказать намъ о подвигахъ Карягина, о которыхъ мы не имѣли ни какого понятія и никогда ничего не слышали.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, отвѣчалъ онъ, что или по равнодушію, или по неумѣстной русской скромности, множество отличныхъ подвиговъ остаются у насъ въ безгласности, предаются волному забвенію и даже между свидѣтелями и участниками въ тѣхъ подвигахъ вскорѣ изглаживаются изъ памяти. Не такъ бываетъ у иностранцевъ, въ особенности же у Французовъ; напримеръ слова французскаго генерала Комбрана, *la vieille garde meurt, mais ne se rend pas*, «старая гвардія умираетъ, но не сдается», напечатаны и перепечатаны были во всѣхъ газетахъ и журналахъ, повторялись нѣсколько разъ, не только въ одной Франціи, но и повсюду въ Европѣ, и навѣрнее имя генерала Комбрана и сказанныя имъ слова дойдутъ до позднѣйшаго потомства. А что въ нашемъ кавказскомъ корпусѣ мы не только не сдаемся, но еще и больно бьемъ тѣхъ, кто осмѣлится предложить намъ, чтобы мы сдались, объ этомъ не только въ иностранныхъ государствахъ, но даже и у насъ, въ Россіи, никто не имѣетъ понятія: доказательствомъ этому поставить должно, что вы молодые офицеры, прибывшіе служить съ нами, ничего не слышали и не знаете о чудесныхъ, истинно геройскихъ подвигахъ отличнаго вашего кавказскаго полковника Карягина. Я болѣе всѣхъ имѣю право говорить и разсказывать вамъ всѣ подробности, потому что служилъ въ то время подъ его начальствомъ; однакожъ предупреждаю васъ, что многое въ разсказѣ моемъ можетъ показаться вамъ не только преувеличеннымъ и невѣроятнымъ, а такъ сказать баснословнымъ; но будьте увѣрены, что я вамъ говорю сущую правду, именно то, что при мнѣ, въ собственныхъ моихъ глазахъ свершилось.

•Въ бѣдственный для Россіи 1805 годъ, то есть когда было а стерапцкое сраженіе, и Русскіе, бывшіе почти цѣлое столѣтіе

вездѣ и всегда побѣдителями, въ первый разъ испытали неудачу, или, называя вещи настоящимъ ихъ именемъ, потому что, какъ говорить пословица — былъ молодцу не укора, были разбиты и побуждены, задумалось и въ здѣшней сторонѣ любезнымъ нашимъ сосѣдямъ, господамъ Персїанамъ, самимъ собою, или по наущенію агентовъ, присланныхъ къ нимъ отъ Наполеона, позабавиться и потягаться съ нами; захотѣлось имъ бездѣлицы, ничего болѣе, какъ только выгнать насъ изъ добровольно покорившагося Россіи здѣшняго края, и для этого собрали они также бездѣлицу, всего только до семидесяти тысячъ войска. Одна часть этого грознаго ополченія была сосредоточена при Тавризѣ, а другая подъ начальствомъ сына его Аббасъ-Мирзы расположилась въ Ардатѣ, противъ карабахскаго ханства, отделивъ отъ себя сильный корпусъ въ самый Карабасъ, подъ начальствомъ сардаря... сардаря... забылъ его имя, ну да бѣда не велика не знать имя этого сардаря.

Персїяне думали къ переправѣ черезъ Араксъ, а для защиты этой переправы стоялъ, что нынче генералъ-лейтенантъ, а тогда майоръ Лисаневичъ, съ отрядомъ изъ трехъсотъ человекъ егерей и двухъсотъ карабахскихъ всадниковъ. Защищаться имъ было не возможно; Лисаневичъ долженъ былъ отступить къ крепости Шуши. Князь Павелъ Дмитриевичъ (Цициановъ) предвидѣлъ это еще прежде, и предписалъ закавказному въ бояхъ храбрѣйшему молодцу, шесю семнадцатаго егерскаго полка полковнику Карягину * послѣдствовать на помощь къ Лисаневичу, а у Карягина изъ всего его полка, за отномандированіемъ въ разные мѣста, оставалось на лицо не болѣе шестисотъ человекъ, следовательно и по сдѣдиненіи съ Лисаневичемъ весь отрядъ состоялъ бы не болѣе какъ изъ одной тысячи, но объ этомъ

* Записанный мною на память рассказъ моего сосѣда о подвигахъ полковника Карягина, также и краткая біографія князя Цицианова, признаны имъ были не совсѣмъ правильными и полными. Онъ отдалъ мнѣ собственныя свои о томъ записки, предоставивъ право не только списать копію, но если я пожелаю, то и напечатать; а какъ все помѣщенное о Карягинѣ и князѣ Цициановѣ въ Сѣверной Пчелѣ (въ 1845 году) заимствовано, если я не ошибаюсь, изъ этихъ же записокъ, но пропущено и выключено изъ нихъ много весьма интересныхъ подробностей, чего впрочемъ и нельзя было избѣгнуть въ ежедневной газетѣ, то я помѣщаю эти записки безъ всякихъ пропусковъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ отданы мнѣ сосѣдомъ моимъ.

князь Павелъ Дмитріевичъ и не думалъ; онъ зналъ, что самъ Карягинъ, бывшій подъ его начальствомъ маіоромъ, Котляревскій (что нынче генералъ отъ инфантеріи), также какъ и Лисаневичъ, будутъ умѣть расправиться съ Персіянами, а потому о неравенствѣ въ силахъ Персіянъ съ Русскими нисколько не безвокопился.

«Я былъ въ это время съ командою изъ двадцати человекъ отправленъ изъ полка для приему аммуниціи и боевыхъ снарядовъ, но, узнавъ о предстоящей намъ экспедиціи поспѣшилъ окончить свое дѣло и присоединиться къ полку, прежде встрѣчи съ непріателемъ.

Карягинъ узнавъ объ отступленіи Лисаневича къ крѣпости Шуши, сообщилъ ему предписаніе корпуснаго командира, и въ слѣдъ за тѣмъ выступилъ съ отрядомъ своимъ, также по направлению къ Шушѣ, но на маршѣ туда были мы открыты Персіянами. Они густыми толпами начали приближаться къ намъ. Карягинъ построилъ отрядъ свой въ каре, и занимая стрѣлками встрѣтившіяся на пути высоты, продолжалъ преднамѣренное имъ движеніе къ Шушѣ, но вскорѣ былъ атакованъ Персіянами, тысячъ до трехъ, а у насъ было всего только шестьсотъ человекъ и два артиллерійскіе орудія. Мы отстрѣливались то охотничьями, то цѣлымъ каре, и подъ сильнымъ оружейнымъ огнемъ шли верстъ болѣе четырнадцати, но пройдя рѣчку Аскарана, отрядъ нашъ остановился на окопанномъ со всѣхъ сторонъ татарскомъ кладбищѣ, въ разстояніи не болѣе двухъ или трехъ верстъ отъ главнаго лагеря Персіянъ.

«Отъ усмеленнаго марша, въ непрерывномъ отраженіи непріятеля, мы всѣ утомились, можно сказать, до невозможности; надобно было дать намъ хотя не много отдохнуть. Карягинъ приказалъ разбить лагерь на татарскомъ кладбищѣ, бывшемъ въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки Аскарана; но лишь только успѣли мы коекакъ расположиться, самъ сардаръ атаковалъ насъ. Еще никогда Персіяне не нападали такъ сильно и отчаянно; огонь былъ непрерывный, а къ довершенію всего сардаръ, въ надеждѣ совсѣмъ насъ уничтожить, послалъ сильный отрядъ кавалеріи; но всѣ усилія были бесполезны. Кавалерія допущена Карягинымъ на дистанцію, и потомъ дружнымъ залпомъ артиллерійскихъ орудій и ружей была отражена съ большимъ урономъ, послѣ неудачной кавалерійской атаки; чего впрочемъ и должно было ожидать, потому что только Персіянамъ могло войти въ голову посылать въ атаку кавалерію на пѣхотный окопанный лагерь. Сардаръ

нѣсколько разъ посылалъ на насъ пѣхоту, но и она также не имѣла ни какого успѣху; ничто не могло поколебать и разстроить насъ. Бой продолжался часовъ осемь. День уже склонялся къ вечеру, непріятель также утомился, какъ и мы. Сардаръ приказалъ своимъ войскамъ отступить, но на высотахъ, окружавшихъ нашъ лагерь, устроилъ четыре фалковетныя батареи и открылъ жестокою пальбу. Лагерь нашъ похожъ былъ на осажденную крѣпость: никуда носа нельзя было показать; въ особенности же былъ у насъ большой недостатокъ въ водѣ; къ рѣкѣ можно было подходить, и то съ большою опасностію, съ одной только стороны. Однакожъ мы не унывали. Бодрость духа, хладнокровіе и неустрашимость начальника отряда и помощника его, чудеснѣйшаго Котляревскаго, поддерживали насъ. Мы всѣ единодушно желали пробиться штыками и проложить себѣ путь къ крѣпости Шуши; но множество раненыхъ не могли за нами слѣдовать, вести ихъ было не на чемъ, лошадей было также много убитыхъ и раненыхъ, такъ, что остальныхъ, прибавивъ къ нимъ даже и всѣхъ офицерскихъ верховыхъ лошадей, едва было бы достаточно для подъему пушекъ и зарядныхъ ящиковъ. Нечего было дѣлать, тронуться съ мѣста было невозможно, оставалась надежда на помощь и выручку насъ изъ опаснаго положенія, на карабахскаго хана. Карягинъ съ общаго нашего согласія рѣшился еще болѣе укрѣпиться въ лагерѣ и ожидать пособія отъ этого хана; а того мы и не знали, что сынъ его уже измѣнилъ и передался Персіянамъ: такимъ образомъ въ ожиданіи помощи и выручки еще прошли сутки, и убитыхъ и раненыхъ въ нашемъ отрядѣ еще прибавилось, а хуже всего было то, что самъ начальникъ нашъ Карягинъ получилъ двѣ сильныя контузіи въ голову и въ грудь, и рану пулею въ бокъ, однакожъ, слава Богу, довольно легкую. Къ довершенію всего, славный, дѣятельный и ревностнѣйшій помощникъ его Котляревскій былъ также раненъ пулею въ ногу на вылетъ. Но они оба не унывали, и примѣръ ихъ поддерживалъ бодрость нашего духа. Положеніе наше было весьма и весьма незавидное, и становилось часъ отъ часу хуже; нестерпимый зной истощалъ наши силы, жажда насъ мучила, и выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей не умолкали; но на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна: начальники наши, Карягинъ и Котляревскій, не смотря на раны свои, были безотлучно съ нами, и отрядъ, уменьшенный почти до половины, не унывалъ: мы всѣ усердно работали надъ укрѣпленіемъ нашего лагеря. Сверхъ бывшихъ окоповъ кладбища, Карягинъ

составилъ изъ обоза родъ каре, оконавъ его глубокимъ ровомъ, надъ вырытіемъ котораго мы всё усердно хлопотали; остальную же въ заднемъ фасѣ каре мечеть заняли стрѣлки наши. Такимъ образомъ продолжалась оборона. Мы отстрѣливались отъ неприятельскихъ отрядовъ, безпрестанно противъ насъ высылаемыхъ, изъ пушекъ и ружей; и даже, чтобы дать имъ остраску и показать, что мы ихъ не боимся, сами дѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ, преслѣдуя обращенныхъ въ бѣгство нашими выстрѣлами. Въ такомъ положеніи прошелъ еще день, но къ вечеру Персіяне вздумали совѣсть отрѣзать насъ отъ воды, для чего перевели четыре устроенные ими фалконетные батареи, на берегъ ручья, протекавшаго вдоль лѣваго фланга нашего лагеря, откуда мы еще кое-какъ доставали воду. Карягинъ увидѣвъ стѣсненное и опасное наше положеніе и рѣшился отправить сто человѣкъ за ручей, съ тѣмъ, что если и не удастся внезапно быстрою атакою завладѣть тѣми батареями, то по-крайней-мѣрѣ хотя согнать неприятеля съ занятой ими позиціи.

«Это порученіе возложено было на меня, и я, право, не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить, что за чудесные молодцы русскіе солдаты. Поощрять и возбуждать ихъ храбрость не было мнѣ нужды. Вся рѣчь моя къ нимъ состояла въ нѣсколькихъ словахъ: «Пойдемъ ребята съ Богомъ, перекрестимся и вспомнимъ пословицу, двухъ смертей не бывать, а одной не мнновать; умереть же, вы сами знаете, лучше въ бою, чѣмъ въ госпиталѣ. Церковь святая за насъ помолится и родные скажутъ, что мы умерли, какъ должно православнымъ. Ну, ребята, слушай команду, крестись, впередъ съ Богомъ.» Всѣ перекрестились; съ быстротою молніи перебѣжали мы разстояніе отъ лагеря до рѣчки, и какъ львы бросились въ бродъ, прямо на неприятельскія батареи. Первая изъ нихъ въ нѣсколько мгновеній была наша; всѣ бывшіе на ней переколоты штыками. Тотчасъ послѣ того, не давъ образумиться бывшимъ на второй батарее, скомандовалъ я впередъ и никто не успѣлъ спастись, всѣ пали подъ штыками нашими. Съ третьею батареею недолго намъ было расправляться; почти всѣ бѣжали, однакожъ мы успѣли догнать трехъ человѣкъ и я тотчасъ отправилъ ихъ къ начальнику отряда. Оставшаяся за тѣмъ четвертая батарея, досталась намъ безъ всякихъ хлопотъ. Храбрые неприятели наши просто кинули орудія и дали тягу. Такимъ образомъ пятнадцать фалконетовъ, дѣлавшихъ намъ большой вредъ, менѣе чѣмъ въ полчаса достались намъ безъ всякаго съ нашей стороны урону. Вотъ доказатель-

ство, что можетъ сдѣлать горсть отважныхъ, неустрашимыхъ русскихъ чудо-богатырей. Очень и очень пріятно мнѣ вспомнить это время, прибавилъ нашъ корпусной товарищъ, показывая на свой георгіевской крестъ. Я смѣло могу смотрѣть всякому прямо въ глаза, и сказать что ношу этотъ крестъ не даромъ, а заслужилъ его по статуту. Я донесъ начальнику отряда объ удачномъ исполненіи сдѣланнаго мнѣ порученія, и просилъ дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ узналъ онъ отъ плѣнныхъ, что самъ Аббасъ-Мирза прибылъ съ остальными войсками своими, на подкрѣпленіе сардаря и ожидаетъ только артиллеріи, отставшей при быстромъ его движеніи, съ тѣмъ, чтобы всѣми силами ударить на насъ, то есть слишкомъ къ тремъ тысячамъ бывшимъ у сардаря, прибавить еще болѣе десяти тысячъ человекъ и соединенными силами атаковать отрядъ, въ которомъ могло быть подъ ружьемъ менѣе четырехъ-сотъ человекъ въ лагерь, защищаемомъ полковымъ обозомъ. Все это покажется просто невѣроятнымъ, и даже теперь смѣшно вспомнить объ этомъ, но тогда положеніе наше было весьма не забавно.

«Я получилъ приказаніе стараться сколько возможно поспѣшнѣе разорить батареи и со взятыми мною орудіями присоединиться къ отряду. Можно вообразить, съ какою радостію были мы встрѣчены товарищами нашими при вступленіи въ лагерь со взятыми нами пятнадцатью фалконетами. Карягинъ и Котляревскій цѣловали меня, благодарили храбрыхъ моихъ сподвижниковъ, и всѣ кричали намъ ура! ура! Но едва только успѣли мы успокоиться и немного отдохнуть, какъ объявленнос плѣнными Персіянами свершилось на самомъ дѣлѣ. На разсвѣтѣ Аббасъ-Мирза съ прибывшими къ нему артиллерійскими орудіями атаковалъ насъ, открылъ изъ своихъ орудій жестокой огонь, и послалъ противъ нашего лагеря почти всю свою кавалерію. Мы опять дали тѣмъ же самымъ манеромъ какъ и прежде сильный отпоръ, подпустили на дистанцію посланныхъ атаковать насъ, и дали дружный залпъ изъ ружей и изъ пушекъ картечью: множество повалилось отъ нашихъ выстрѣловъ, остальные дали тягу. Аббасъ-Мирза раздраженный неудачею, выслалъ противъ насъ свѣжіе свои войска, и опять мы точно также встрѣтили и дали отпоръ. Такимъ образомъ непрерывно сражались мы до самой ночи; но, къ счастью, персійская артиллерія плохо знала свое дѣло, и выстрѣлами своими вредила болѣе нашему укрѣпленію, то есть обозу, чѣмъ людямъ.

«Но въ эту ночь случилось въ нашемъ отрядѣ очень и очень

непріятное проишествіе, которое чрезвычайно огорчило нашего батальона, и всѣмъ намъ сильно встревожило. У насъ былъ бѣдной подротатонъ въ продовольствіи; оставалось только по-вѣсколку сухарей у солдатъ, а намъ было просто нечего ѣсть, и солдаты дѣлали съ нами послѣдніе свои запасы. По необходимости должно было послать фуражировъ; для этого командировали одного офицера, трехъ унтеръ-офицеровъ и тридцать пять человѣкъ солдатъ въ селеніе, лежащее верстахъ въ пяти сзади нашего лагеря, съ тѣмъ, чтобы они захватили, что только можно будетъ, и поспѣшнѣе возвратились, потому что и самому Карягину и всѣмъ намъ смертельно хотѣлось ѣсть. Отсутствіе фуражировъ, по расчету нашему, должно было продолжаться не болѣе двухъ или трехъ часовъ, но прошло слишкомъ четыре часа, а они не только не возвращались, но даже и не было объ нихъ ни какого слуху. Многие выходили изъ лагеря по дорогѣ къ селенію на встрѣчу къ нимъ, но было вездѣ тихо; это начинало насъ безпокоить; мы боялись, что они попали какъ-нибудь печально въ засаду непріятеля, однакожъ не слышно было ни одного выстрѣла, а мы знали, что наши безъ сопротивленія не отдадутся. Посланнаго съ фуражирами офицера, мы нисколько не жалѣли, онъ былъ иностранецъ, Богъ знаетъ какой націи, по-русски изъяснялся очень дурно и по-нѣмецки также довольно плохо: мы подозрѣвали, что онъ перекрещенный жидъ; словомъ онъ принадлежалъ къ сословію такихъ людей, которыхъ Богъ знаетъ какъ назвать по-русски; по-французски *aventurier*, довольно удовлетворительно объясняетъ свойство такого роду людей, но какъ это перевести по-русски? прошалыга, промдоха... все это кажется не то; въ да по необходимости назовемъ *aventurier* прошалыгомъ. Теперь слава Богу перевелись эти прошалыги, а въ старину было ихъ довольно изобильно въ нашей арміи съ краденными или подложными паспортами, уволенныхъ изъ иностранной службы штабъ и оберъ офицеровъ, поступали они въ нашу службу и нѣкоторые изъ нихъ дослуживались и до большихъ чиновъ; но въ кавказскомъ корпусѣ почти никогда такихъ прошалыгъ не было, и мы удивляемся, какъ и за чѣмъ этотъ пошалъ къ намъ.

«Безпокойство объ нашихъ фуражирахъ постепенно увеличивалось и тѣмъ болѣе, что мы были голодны. Сидя въ нашемъ офицерскомъ кружку и раздѣливъ по нѣсколку сухарей, данныхъ намъ солдатами, мы рассуждали, что такое могло случиться съ нашими фуражирами. Тутъ одинъ товарищъ мой по кадетскому

корпусу, славный, храбрый, добрый Леолидець, который хотя не так хорошо говорил по-русски, но зато лихо дрался и имѣлъ настоящее русское сердце, что вспомнилъ нашъ прошалыга наканунѣ, когда насъ подбивали съ устроенныхъ на берегу непріятельскихъ батарей безпрестанными выстрѣлами, говорилъ ему плохимъ нѣмецкимъ языкомъ, что намъ слѣдуетъ отдаться въ плѣнъ, потому что совершенно безразсудно защищаться сотнѣ людей противъ нѣсколькихъ тысячъ, и что въ той арміи, въ которой онъ прежде служилъ, такой небольшой отрядъ, какъ нашъ окруженный со всѣхъ сторонъ, тотчасъ выслалъ бы парламентаровъ и сдался бы на капитуляцію. Я просто отвѣчалъ ему, что потому только можно оставить безъ вниманія сказанные имъ глупости, что онъ понятія не имѣетъ ни о Россіи, ни о Русскихъ солдатахъ, но что если онъ впередъ осмѣлится повторять безумныя свои сужденія, то ему будетъ худо, то есть кромѣ того, что его тотчасъ выгонять изъ службы, онъ рискуетъ воротиться на свою сторону изуродованнымъ безъ носа или безъ ушей. Тѣмъ нашъ разговоръ кончился, я хотѣлъ послѣ теперешней нашей экспедиціи при всѣхъ васъ, пересказавъ, что онъ мнѣ говорилъ, пригласить его оставить насъ въ покоѣ и отправиться куда ему угодно, проповѣдывать свои правила.»

— Выгнать его отъ насъ, конечно, должно, отвѣчалъ я. И если теперь попадетса онъ въ плѣнъ и не воротится къ намъ, тѣмъ лучше: на что такой мерзавецъ и трусъ нуженъ! Но я увѣренъ, что посланные съ нимъ солдаты не отдадутся живыми въ руки непріятеля, если въ самомъ дѣлѣ этотъ прошалыга отъ глупости своей завелъ ихъ какъ-нибудь въ засаду. Странно только, что все тихо и не слышно выстрѣловъ.

Такимъ образомъ прошла вся ночь въ общемъ безпокойствѣ. Карягинъ былъ чрезвычайно встревоженъ, высылалъ нѣсколько разъ и самъ выходилъ изъ лагеря по дорогѣ къ селенію, но ничего не было слышно. Наконецъ передъ разсвѣтомъ все объяснилось: изъ отряда возвратились къ намъ одинъ фельдфебель, одинъ унтеръ-офицеръ и четверо рядовыхъ; одинъ съ нѣсколькими ранами саблею на головѣ, другой раненный въ руку кинжаломъ, третій съ разрубленнымъ лицомъ, и трое такъ изрубленные и изуродованные сабельными ударами, что черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи въ лагерь умерли. Съ величайшею горестію узнали мы, что отрядъ измѣнникомъ офицеромъ, проклятымъ прошалыгою, заведенъ былъ въ засаду. Фельдфебель раненный въ руку кинжаломъ, сохранившій болѣе прочихъ силы свои, объявилъ намъ, что они

но-какъ успѣли отбиться, а прочіе погибли, изрублены на мѣстѣ и, какъ кажется, немногіе захвачены въ плѣнъ. Еще третьяго дня, говорилъ онъ, когда мы отбивались отъ Персіянъ на походѣ къ теперешнему нашему лагерю, я былъ въ охотникахъ рассыпанныхъ въ кустарникахъ по пригоркамъ: тогда еще замѣтилъ я, что какой-то Персіянинъ, на бѣлой лошади, довольно толстый, и сидѣлъ онъ на конѣ какъ-то не по-персидски, отдѣлился отъ врозичь, махалъ кому-то бѣлымъ платкомъ и въѣхалъ въ небольшой лѣсокъ въ сторонѣ не далеко отъ насъ; потомъ показалось мнѣ, что и нашъ офицеръ поѣхалъ также въ этотъ лѣсокъ; я кричалъ ему, что тамъ Персіяне, но онъ, какъ я полагалъ, не вслушался въ мои слова, и я хотѣлъ было позвать еще нѣсколько нашихъ ребятъ, чтобы идти на выручку офицера; но мы не успѣли собраться, какъ увидѣли, что Персіянинъ на бѣлой лошади выѣхалъ изъ лѣсу; я тотчасъ пустилъ ему въ догонку пулю, и самъ видѣлъ, какъ чалма слетѣла съ его головы, и онъ пригнувшись къ лошади пустился во весь опоръ. Вскорѣ увидѣли мы, что и офицеръ нашъ выѣхалъ также изъ лѣсу и поскакалъ къ отряду: намъ и въ голову не пришло подумать, что офицеръ нашъ измѣнникъ и, видно, ѣздилъ въ лѣсъ сговариваться съ персидскимъ шпиономъ, какъ насъ подвести въ засаду.

— Это очень вѣроятно, сказалъ нашъ полковой адъютантъ, потому что подлый измѣнникъ въ то утро спрашивалъ меня, когда будетъ очередь его въ отдѣльную командировку, и я отвѣчалъ, что онъ состоитъ на первой очереди *.

— Видно Богъ попуталъ насъ за грѣхи наши, продолжалъ фельдфебель, что удалось этому злодѣю погубить насъ. Да какъ же вы это подлались, сказалъ Карягинъ. И какъ могли пробраться Персіяне въ тылъ намъ, такъ, что никто ихъ не замѣтилъ.

— Ахъ! Боже мой, сказалъ одинъ изъ офицеровъ. Прикажете отыскать и привести сюда слугу его, Нѣмца или Жида, можетъ-быть его сообщника, такого же шпиона и измѣнника: я самъ видѣлъ, какъ онъ часа за два до отправления фуражировъ изъ лагеря, что-то потихоньку разговаривалъ съ этимъ бездѣльникомъ и всунулъ ему въ руку какую-то бумажку; мнѣ въ голову не входило, что онъ затѣваетъ посрамить званіе русскаго офицера.

Тотчасъ побѣжали позвать этого слугу, но вездѣ отыскать его не могли.

* Впоследствии, по перехваченной перепискѣ, оказалось, что этотъ измѣнникъ офицеръ былъ действительно одинъ изъ многихъ шпионовъ, отправленныхъ Французами въ началѣ 1805 года, въ Персію и Грузію.

— Такъ и есть, сказавъ съ горестью Карягинъ, это наперодъ обдуманная измѣна; очень ясно, что оба эти мошенника были подосланные къ намъ шпионы, а мы такъ глупо и неосторожно поддались обману. А тебѣ братецъ, какъ не стыдно, продолжалъ онъ обращаясь къ офицеру, что ты тотчасъ не предупредилъ меня о замѣченной подозрительной ихъ бесѣдѣ между собою. Да и ты еще фельдфебелъ славный, храбрый малый, давно уже служилъ и не въ первый разъ въ походѣ; зачѣмъ ты тотчасъ не сказалъ мнѣ, когда увидѣлъ, что во время перестрѣлки съ непріятелемъ, офицеръ нашъ отлучился отъ своего мѣста въ лѣсъ, куда, самъ ты видѣлъ, проѣхала прежде какая-то персидская бестія, или что всего вѣроятнѣе сообщникъ его, такой же шпионъ.

— Виновать, ваше высокоблагородіе, на грѣхъ мастера нѣтъ, отвѣчалъ фельдфебелъ. Мнѣ никогда и въ голову не могло притти, чтобы офицеръ нашъ вздумалъ измѣнить; этого еще никогда у насъ не бывало.

— Правда, правда твоя, отвѣчалъ съ глубокимъ вздохомъ Карягинъ. Конечно, кто бы могъ этому повѣрить, что русскій офицеръ сдѣлается измѣнникомъ. Какъ быть! Божіе наказаніе! Ну рассказывай, рассказывай, какъ вы попали въ засаду.

— Вотъ какъ, ваше высокоблагородіе, продолжалъ фельдфебелъ. Когда мы пришли въ деревню, офицеръ приказалъ намъ поставить ружья въ козлы, снять патронные сумы и отправиться по саклямъ отыскивать и брать все, что попадется изъ съѣстнаго. Я было доложилъ ему, что въ непріятельской землѣ нельзя оставлять ружья, потому что не равенъ часъ, можетъ вдругъ нахлынуть непріятель, то какъ же съ пустыми руками защищаться; но онъ на меня прикрикнулъ, забормоталъ такъ что, насилу можно было понять его, что будто бы намъ бояться нечего, что деревня сзади лагера и пробраться непріятелю негдѣ, а съ аммуниціею и ружьями тяжело лазать по анбарамъ и погребамъ, а намъ мѣшкать нельзя, надобно поскорѣй вернуться въ лагерь. Нѣтъ, мусьё шмерцъ, подумалъ я, ты что то все это неладно затѣялъ; не такъ бывало дѣлали прежде отрядные офицеры. Бывало всегда половина команды оставалась на мѣстѣ съ заряженными ружьями, а другая половина отправлялась на фуражировку. При входѣ и выходѣ изъ деревни и по бокамъ разставлялись часовые и ходили патрули, чтобы вдругъ не взначай не напалъ непріятель; да съ командиромъ спорить нельзя, надобно слушаться. Всѣ наши ребята разошлись въ разныя стороны, а я остался на сторожѣ, взомелъ на небольшой пригорокъ въ деревнѣ и сталъ осматриваться и прислушиваться на всѣ стороны, но не долго стоялъ я на сто-

рожь. Хотя было довольно темно, однакожь по шороху замѣтилъ я, что нѣсколько человѣкъ выѣхали изъ лѣсу недалеко отъ деревни: одинъ изъ нихъ поскакалъ впередъ и вскорѣ возвратился. Дѣло плохо, подумалъ я; тотчасъ соскочилъ съ пригорка, побѣжалъ вдоль деревни и сталъ кричать: Эй ребята, сюда, сюда скорѣй, непріятель показался. Между-тѣмъ подбѣжалъ я къ нашимъ ребятамъ, схватилъ первое повашшееся мнѣ ружье, но вдругъ со всѣхъ сторонъ окружили меня Персіане, и та же бестія на бѣлой лошади, котораго я прежде замѣтилъ, былъ ближе всѣхъ ко мнѣ. — Ага! еще живъ, видно я не очень хорошо задѣлъ его, подумалъ я: такъ постою же, авось теперь доканаю и разомъ воткнулъ ему штыкъ прямо въ сердце. Онъ повалился съ лошади; а офицеръ нашъ бросился было на меня, но и его такъ я огорошилъ прикладомъ въ грудь, что и онъ покотился кубаремъ, и врядъ ли скоро очнется. Однакожь изъ толпы окружившихъ меня, одинъ пустилъ въ меня кинжаломъ, но я съ горяча не почувствовалъ своей раны и сталъ отбиваться отъ нихъ: инаго штыкомъ, другаго прикладомъ разогналъ, и проложилъ себѣ дорогу на просторъ. Тутъ собралось около меня человѣкъ десять нашихъ, выбѣжавшихъ на мой крикъ. — За мною ребята, закричалъ я имъ: надобно прежде всего выручить наши ружья, а тамъ еще поправимся. Всѣ бросились за мною, но и Персіане опаматовались, и они кинулись на насъ съ саблями и кинжалами. Я опять сталъ очищать себѣ дорогу къ нашимъ ружьямъ штыкомъ и прикладомъ: тѣ кто былъ поближе ко мнѣ прорвались къ ружьямъ и захватили ихъ, а прочихъ Персіане изрубилъ въ клочки. — Валяй ребята, кричалъ я тѣмъ, кто захватилъ ружья: работай дружно штыками и прикладами. Всѣ за мною послѣдовали, и мы опять продрались на просторъ, уgomонивъ таки довольно бусурмановъ; однакожь и намъ досталось нѣсколько сабельныхъ ударовъ. «Нечего дѣлать ребята, сказалъ я.» Сила солому ломить. Надобно намъ добратъ кое-какъ въ кустарникъ, тамъ верховые намъ ничего не сдѣлаютъ; а кто изъ насъ останется живъ, тотъ поскорѣй бѣги въ лагерь, можетъ-быть еще успѣютъ выслать изъ отряда на выручку нашихъ. — Шестеро изъ насъ, хотя израненные и изуродованные добрались до кустарника. Персіане насъ преслѣдовали, бросились было за нами въ кустарникъ, но мы такъ ихъ встрѣтили, что они скоро насъ оставили въ покоѣ и возвратились къ своимъ; а мы, кто еще былъ немного въ силахъ, побѣжали въ свой лагерь. Прочіе наши ребята, кажись, всѣ пропали, или убиты или захвачены въ плѣнъ, и выручать уже не

кого, прибавилъ фельдфебель, и въ совершенномъ изнеможеніи силъ, отъ потери крови, упалъ безъ чувствъ.

«Всѣ мы были поражены такимъ неожиданнымъ несчастіемъ. Отрядный начальникъ стоялъ безмолвно въ глубокой горести съ поникшею головою. Изъ небольшого числа людей, оставшихся у него послѣ уморной защиты и отраженія въ пятьдесятъ разъ сильнѣе его непріятеля, потерять вдругъ тридцать-пять отборныхъ молодцовъ — это уже само по себѣ совсѣмъ не шутка, но еще сверхъ того Карягинъ предвидѣлъ, что Аббасъ-Мирза, узнавъ отъ извѣнника нашего офицера и отъ попавшихся въ плѣнъ солдатъ, о малочисленности нашего отряда, усилитъ атаку свою на насъ. Однако жъ, подумавъ и помолчавъ нѣсколько, онъ встрепенулся и перекрестился.

— Что дѣлать братцы, сказалъ онъ намъ, собравшимся вокругъ его: горемъ бѣды не поправишь; будемъ дѣлать свое дѣло, станемъ защищаться до послѣдней капли крови. Мы православные христіяне; Богъ, вѣрно, не попуститъ восторжествовать надъ нами бусурманамъ; помолитесь и ложитесь пока отдыхать, а тамъ что будетъ, то будетъ. И вы ребята, продолжалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ: кому еще не чередъ на часы и въ патрули, ложитесь также, усните хорошенько: надобно собраться съ силами; завтра начнется потѣха... много намъ работы будетъ.

Предсказаніе его свершилось: часа черезъ два послѣ того, персидская конница и пѣхота, числомъ тысячъ до пятнадцати, опять окружила насъ; но и Карягинъ слѣдовалъ прежней методѣ: далъ имъ приблизиться до половины ружейнаго выстрѣла, и потомъ встрѣтилъ такимъ дружнымъ залпомъ пуль и картечь, что множество повалилось на мѣстѣ, а прочіе, также по прежнему обычаю, тотчасъ обратились въ бѣгство; опять еще собрались, и опять точно также были встрѣчены и разбѣжались наконецъ. Аббасъ-Мирза видно рассчиталъ, что не стоитъ того, чтобы терять людей противъ такого малочисленнаго отряда и что можно очень скоро однимъ пушечными выстрѣлами насъ уничтожить. Онъ велѣлъ отступить войску своему и открылъ жестокой противъ насъ огонь; къ счастью, персидскіе артиллеристы очень плохо знали свое дѣло; не много выстрѣловъ попадали къ намъ; они подвигали пушки свои или такъ близко, что ядра летали черезъ нашъ лагерь, или отводили такъ далеко, что выстрѣлы ихъ не доходили къ намъ, и вообще такъ дурно направляли орудія, что по одной только удачѣ кой-когда ядра долетали къ намъ; однако жъ и небольшое число удачныхъ выстрѣ-

ловъ наносило намъ величайшій вредъ. Словомъ, четырехъ-суточ- ный, почти безпрерывный бой истощалъ все наши способы: боль- шая часть лошадей была перебита и переранена; зарядовъ оста- вается уже немного, и въ продовольствіи былъ величайшій недо- статокъ, а къ довершенію всего, надежда наша соединится съ Лисавичемъ или получить какое-либо подкрѣпленіе и помощь отъ карабахскаго хана, совсѣмъ была потеряна. Чтò остава- лось дѣлать? Во всякой другой арміи, по правиламъ тактики, при- звано бы было совершенно невозможнымъ защищаться такому небольшому отряду, со всѣхъ сторонъ окруженному непріателемъ, въ это разъ его сильнѣе, и вѣрно было бы рѣшено положить оружіе и сдаться въ плѣнъ; но не такъ рассуждали нашъ отряд- ный начальникъ и храбрый, чудеснѣйшій его помощникъ, Котля- ревскій: они посовѣтовались и приняли рѣшительное, твердое на- вѣреніе — никакъ не сдаваться, а идти на проломъ сквозь пер- сидскіе войска, къ небольшой крѣпости на рѣчкѣ Шаль-Булахъ; взять ее, во что бы то ни стало, занять выстроенную на утес- стой скалѣ цитадель въ этой крѣпости, и держаться въ ней до послѣдней крайности.

Объявленное намъ рѣшеніе идти на проломъ къ крѣпости Шаль-Булаху, было принято съ единогласнымъ восторгомъ. Это не только отважное, но можно сказать, отчаянное предпріятіе, назначено было Карягиннымъ свершить ночью; и онъ тотчасъ при- ступилъ къ распоряженіямъ къ нашему походу. Вотъ при этомъ случаѣ точно можно сказать, что русская пословица совершенно справедлива: «кинь хлѣбъ-соль назадъ, а она очутится впередъ». Карягинъ сдѣлалъ какое-то большое благодѣяніе одному елса- ветпольскому жителю, Армянину; спасъ его семейство отъ разо- ренія или, не знаю навѣрное, отъ какого-то несчастія; только сынъ этого Армянина, молодой человекъ, до такой степени былъ благодаренъ Карягину и полюбилъ его, что во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ находился добровольно при немъ. Онъ взялся быть нашимъ провожатымъ.

«Приготовленія къ походу были не продолжительны. Остав- шіеся въ пѣлости два орудія зарядили картечью, запрягли для вoдѣму ихъ и патронныхъ ящиковъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ лошадей. Раненые Карягинъ и Котляревскій хотѣли-было отдать своихъ верховыхъ лошадей подъ пушки и идти съ нами пѣшкомъ, но мы все настоятельно убѣждали ихъ, чтобы они сѣли верхомъ, а гдѣ будетъ нужно, взялись мы своими руками помогать изнуреннымъ конямъ, запряженнымъ подъ пушки. Отрядъ нашъ выступилъ

нѣтъ лагеря тихо, набѣгая всякаго шума. Ранеными помогали идти здоровые, а кто утомлялся и терялъ силу, тѣхъ брали и носили на рукахъ. Карягинъ, зная по многимъ опытамъ, жадность и склонность Персiанъ къ грабежу, не велѣлъ вѣстрѣлять обоза, предоставивъ имъ все право позабавиться грабежемъ и чрезъ то дать нашему отряду болѣе времени уйти впередъ по дѣлѣ. Только пятые мною на испрiятельскихъ баттаряхъ фалконеты и оставшіяся отъ нашихъ убитыхъ ружья, зарыли мы въ землю, а лафеты и колеса переломали и перерубили.

«Ночь была, слава Богу, темная. Проводникъ нашъ, тамошній ураженецъ, зналъ хорошо мѣстность. Мы шли вѣкоторое время покойно и сирьтно отъ Персiанъ, но къ несчастію — вдругъ столкнулись съ ихъ разѣздомъ; выстрѣлы посыпались съ обѣихъ сторонъ и весь лагерь Аббасъ-Мирзы встрепенулся и поднялся на ноги. Онъ послалъ за нами погоню, и мы опять были окружены. Присутствіе духа, хладнокровіе и отважность Карягина и Ыотляревскаго, также какъ и отличная храбрость всего отряда, но вѣстѣ съ тѣмъ, однако жъ, — надобно правду сказать, — трусость и глупость Персiанъ спасли насъ отъ совершенной погибѣли; много также способствовало къ избавленію нашему предусмотрѣнное Карягинимъ при оставленіи нашемъ лагеря, именно то, что множество изъ числа посланныхъ въ погоню бросились грабить нашъ обозъ.

«Однако жъ Аббасъ Мирза угадалъ наше намѣреніе и послалъ въ подкрѣпленіе шахъ-булахскаго гарнизона большой отрядъ, подъ командою сына карабахскаго хана; но и этотъ молодецъ былъ не изъ числа храбрыхъ; Богъ знаетъ почему, онъ не только не дѣлалъ до крѣпости, но съ половины дороги, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, возвратился назадъ въ свой лагерь.

«На самомъ разсвѣтѣ подошли мы къ крѣпости, и бывшій въ ней небольшой гарнизонъ, также какъ и находившихся тамъ двухъ важныхъ сапожниковъ, любимцевъ и родственниковъ Аббасъ-Мирзы, нашли мы въ крѣпкомъ и покойномъ снѣ. Карягинъ воспользовался ослѣпленіемъ, и хотя находившіеся съ двухъ сторонъ крѣпости, въ лѣсу, особые, довольно сильныя отряды, увидѣвъ насъ, отырыли огонь; часовые на стѣнахъ крѣпости подняли также крикъ, но первые два или три выстрѣла изъ нашихъ орудій превели вѣличайшее смятеніе и въ крѣпости и въ отрядахъ. Карягинъ скомандовалъ: Впередъ! впередъ, съ Богомъ! и черезъ вѣсколько мнать русскіе штыки блистали уже на стѣнахъ крѣпости: она взята была штурмомъ почти безъ всякаго съ нашей

справы урону, а у неприятели было убито пятьдесятъ человѣкъ, и въ томъ числѣ два садовника, любимцы к родственики Аббасъ-Мирзы. Отряды, жившавшіе гдѣсь подлѣ крѣпости, просто бѣгъ какаго сопротивленія и неподавъ помощи гарнизону, обратились въ бѣгство.

Въ крѣпости нашли мы нѣсколько събитыхъ припасовъ, пороку и артиллерійскихъ снарядовъ; но самая главная и важная вещь наша была въ томъ, что мы захватили двѣдцать здоровыхъ и събитыхъ лошадей. Однакожъ не прошло двухъ часовъ послѣ паденія крѣпости, какъ явилась и опять окружила насъ подлѣ ишаковскаго самаго Аббасъ-Мирзы тысяча Персидъ. И оцѣ думалъ было возвратити крѣпость также какъ мы ее взяли штурмомъ, но встрѣтилъ по прежнему сильное сопротивленіе, потерялъ нѣсколько сотенъ отважныхъ, бросившихся на стѣны крѣпости, и отиралися назадъ въ надеждѣ принудити насъ къ сдачѣ осадою крѣпости, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ своими войсками. Наконецъ мы хотя нѣсколько, что называется, отступили. Карягинъ велѣлъ выстроиться всему отряду, и оказалось, что за исключеніемъ показавшихся въ засаду, также убитыхъ и раненыхъ во все время страствія нашего въ безпрерывной борьбѣ, осталось на лицо способныхъ къ дѣлу менше двухъ сотъ человѣкъ; и съ этою-то горстью людей окруженныхъ нѣсколькими тысячами неприятели, ни кому изъ насъ даже и въ голову не приходила мысль о сдачѣ и невозможности защищаться. Послѣ этого, по правду ли я сказалъ вамъ при самомъ началѣ моего разсказа, что онъ, точно можетъ показаться невѣроятнымъ и даже баснословнымъ, а я именно рѣшительно ничего не проумничалъ, все такъ происходило, какъ я вамъ говорилъ. Впрочемъ, еще вамъ повторю; что когда вы съ нами долже послужите, то сами согласитесь, что для русскаго солдата, съ храбрая, неустранимымъ молодцомъ начальникомъ, просто нѣтъ ничего невозможнаго.

Аббасъ-Мирза послѣ неудачной попытки возвратити крѣпость штурмомъ прислалъ къ Карягину просить выдачи тѣлъ убитыхъ родствениковъ его; но онъ отвѣчалъ, что не иначе исполнитъ его желаніе, какъ только съ тѣми условіемъ, чтобы онъ выдалъ показавшихся въ засаду нашихъ солдатъ и въ особенности командира оендера. Аббасъ-Мирза далъ знать, что всѣ солдаты наши убиты на мѣстѣ сраженія и въ плѣнъ ни одного не попалось, а оендеръ умеръ на другой день отъ полученныхъ имъ ранъ. Карягинъ приказалъ выдать тѣла убитыхъ родствениковъ его, и

велѣлъ при томъ сказать, что насчетъ нашихъ солдатъ и офицера онъ ему вѣрить, потому что у Русскихъ есть старинное правило, «кто солжетъ, тому да будетъ стыдно», и что онъ конечно не захочетъ чтобы ему было стыдно.

«Однако жъ отдыхъ и торжество наше продолжалось не долго. Съѣстные припасы найденные въ крѣпости скоро истощились, и должно было употреблять въ пищу лошадей. Въ этой ужасной крайности, истинный нашъ на то время благодѣтель, о которомъ я упомянулъ выше,—и ния его должно остаться незабвеннымъ всемъ бывшимъ въ отрядѣ,—вѣрный Армянинъ Юзбаша предложилъ намъ достать, сколько ему только будетъ возможно съѣстныхъ припасовъ, а самое главное, взялся доставить къ князю Павлу Дмитриевичу донесеніе о настоящемъ бѣдственномъ и стѣсненномъ нашемъ положеніи. Юзбаша вполне исполнилъ принятую имъ на себя обязанность. Удачно пробрался онъ въ домъ свой, стоявшій отъ крѣпости верстахъ въ пятнадцать, и узнавъ тамъ, что князь Циціановъ находится въ Елисаветнолѣ, отправилъ къ нему донесеніе Карягина съ своимъ роднымъ братомъ, а самъ вѣсть съ отцомъ тотчасъ привялся молотъ собственную свою оставленную на годовое продовольствіе пшеницу, и къ слѣдующей ночи напекли они для насъ пятьдесятъ хлѣбовъ. Сверхъ того Юзбаша набралъ съ собою сколько могъ огородныхъ овощей, и, прибавивъ ко всему этому двухъ убитыхъ барановъ, навьючилъ на лошадей всѣ свои запасы и въ ту же ночь передъ разсвѣтомъ благополучно пробрался къ намъ въ крѣпость. Карягинъ все доставленное Юзбашею раздѣлилъ по равнымъ частямъ между офицерами и солдатами, и лично для себя взялъ одинаковую съ прочими часть.

«Но этого запаса стало не на долго, и Карягинъ ободренный удачею Юзбаша рѣшился опять послать его, но уже не одного, а съ половиною всего отряда, то есть съ сотнею человекъ и съ двумя офицерами. Ночью вышли они изъ крѣпости, счастливо прокрались черезъ персидскій лагерь; однако жъ пройдя потомъ нѣсколько верстъ, наткнулись на непріятельскій объездъ. Единственное средство спасенія было то, чтобы истребить всѣхъ до одного бывшихъ въ разѣздѣ, потому что если бъ хотя одинъ изъ нихъ живой добрался до лагеря, и долъ знать о нашихъ удалцахъ, которые передъ самымъ носомъ непріятеля прошли и такъ славно ихъ одурачили, то гибель всего отряда была бы неизбѣжна.

«Старшій офицеръ нашъ, командиръ отряда былъ преду-

преждемъ Карягинимъ передъ отправленіемъ, чтобы онъ употребилъ всевозможныя мѣры осторожности, къ тому чтобы скрыть отъ непріятеля движеніе своего отряда; онъ славно распорядился. Увидѣвъ при свѣтѣ мѣсяца, который къ счастью, какъ будто нарочно въ это время показался непріятельскій разъѣздъ, бывшій благодаря Бога въ небольшомъ числѣ, — человекъ можетъ быть осемь или десять, — тотчасъ велѣлъ онъ всѣмъ своимъ солдатамъ лечь на землю и такъ пританься, чтобы разъѣздъ ничего не подозрѣвая слѣдовалъ бы по дорогѣ мимо ихъ, но какъ-скоро къ нимъ приблизится, то слушать его команду, тотчасъ вскочить и какъ можно скорѣй, не давъ имъ опомниться и выхватить свои сабли или кинжалы, окружить со всѣхъ сторонъ, стремглавъ броситься и работать какъ должно русскими штыками. Все было сдѣлано по сказанному какъ по писанному; весь разъѣздъ въ нѣсколько мгновеній былъ истребленъ, и лошади ихъ захвачены, которые въ послѣдствіи были намъ очень полезны; а къ довершенію всего, офицеръ нашъ былъ такъ предусмотрителенъ, что велѣлъ тотчасъ убитыя тѣла стащить въ ближній оврагъ и закидать землею и кустарникомъ, за тѣмъ чтобы въ случаѣ если бы на другой день утромъ будетъ отправленъ другой разъѣздъ для отысканія погвбшаго, то чтобы не было даже ни какихъ слѣдовъ свершенной нашими воледами славной продѣлки.

•Исбавленный такимъ образомъ предусмотрительностію офицера отъ явной погвбелн, отрядъ нашъ дошелъ благополучно еще до разсвѣту до жилища Юзбашн, въ селеніе, кажется, если не ошибаюсь, Касаметы, гдѣ отецъ нашего благодѣтеля, напередъ соображая, что доставленныхъ сыномъ его запасовъ, доставить намъ не на долго, успѣлъ перемолоть остальную свою пшеницу и напекъ изъ нея хлѣбовъ. Юзбаша накормилъ солдатъ, остальные хлѣбы взялъ съ собою, и весь отрядъ по совѣту его отправился въ близъ лежащіе селенія, гдѣ жили продаваемые Россіи Армяне; у нихъ купилъ онъ десять штукъ рогатаго скота, вина, плодовъ, овощей, и все это навьючивъ на благопріобрѣтенныхъ лошадей, отрядъ нашъ не потерявъ ни одного человека, къ общей чрезвычайной нашей радости, возвратился къ намъ, а Персіяне тогда только замѣтили нашихъ фуражпрровъ, когда они подходили къ крѣпостнымъ воротамъ.

•Аббасъ Мирзѣ, видно, наскучила лагерная жизнь и непрерывныя неудачи. Разсчитывая, что ему гораздо будетъ спокой-

нѣе и веселѣе въ гаремѣ, онъ ушелъ съ большою частію войска во свояси, оставивъ однако жъ держать насъ въ осадѣ окодо осьми тысячь человекъ. Осемь тысячь противъ двухъ сотъ. Какъ вамъ это правится? Потомъ Аббасъ-Мирза два черезъ три или четыре послѣ славной своей ретирады вздумалъ прислать къ Карягину парламантера, съ тѣмъ бы вы думали? Не болѣе и не менѣе, какъ съ строгимъ повелѣніемъ шаха отца своего, чтобы отрядъ нашъ безпрекословно сдался въ плѣнъ, за что обѣщаль онъ намъ пощаду и милость свою, въ особенности же Карягину сулилъ золотые горы. Мы, какъ вы можете вообразить, отъ души посмѣялись этой неожиданной продѣлкѣ, однако жъ Карягинъ, желая болѣе выиграть время и черезъ самихъ Персіянъ войти въ сношеніе съ княземъ Циціановымъ, отвѣчалъ, что ему надобно подумать объ этомъ предложеніи, въ особенности испросить разрѣшенія своего главнокомандующаго.

Персіяне очень серіозно повѣрили этому отвѣту, и сами взялись доставить донесеніе Карягина къ князю Циціанову, а между тѣмъ не только военныя дѣйствія всѣ прекратились, но по приказанію Аббасъ-Мирзы нѣсколько разъ были присылаемы къ намъ съѣстные припасы и даже медикъ для пособія нашимъ раненымъ; впрочемъ все это было придумано, чтобы поддѣлать насъ, какъ они воображали, на чудесную и премудро изобрѣтенную хитрость, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ того Аббасъ-Мирза прислалъ объявить Карягину, что Елджавецъ уже взятъ Персіянами, что намъ нѣтъ ни какой надежды получить подкрѣпленіе, и онъ вторично предлагаетъ сдаться, повторивъ прежнія великолѣпныя обѣщанія; но Карягинъ и Котляревскій уже прежде сообразили, что держаться въ крѣпости съ малочисленнымъ нашимъ отрядомъ рѣшительно невозможно, и что нужно было только выиграть время, чтобы намъ освѣжиться и отдохнуть, а главнокомандующему придумать и изыскать способы помочь и выручить насъ изъ бѣды. Карягинъ отвѣчалъ Аббасъ-Мирзѣ, что онъ проситъ только на однѣ сутки отсрочки, и что если не получитъ ни отвѣту, ни подкрѣпленія отъ главнокомандующаго, то согласится на сдѣланныя ему предложенія; но тотчасъ послѣ отбытія присланнаго отъ Аббасъ-Мирзы приступилъ Карягинъ къ распоряженіямъ о выступленіи изъ крѣпости.

Мы вышли ночью, и направили путь нашъ къ крѣпости Мухранъ, въ которой, какъ мы узнали, не было въ то время непріятеля. Величайшая осторожность и тишина были соблюдены при выходѣ нашемъ; и чтобы болѣе обмануть Персіянъ, Карягинъ

оставилъ двадцать человѣкъ часовыхъ на стѣнахъ крѣпости, приказавъ имъ по прежнему перекликаться, какъ можно громкогласнѣе, чтобы черезъ то отдалить всякое подозрѣнiе, что мы опять славно надуваемъ друзей нашихъ. Но чтобы не потерять этихъ двадцать человѣкъ и оставленнаго съ ними офицера, Карягинъ условился съ любезнымъ нашимъ Юзбашемъ по какой дорогѣ онъ пойдетъ и оставилъ его самого, съ тѣмъ чтобы часа черезъ два до разсвѣта вывелъ бы онъ ихъ и присоединилъ къ намъ въ условленномъ мѣстѣ въ горахъ. Все это свершилось съ полною удачею. Оставленные въ крѣпости часовые громко перекликались, и Персiане успокоенные общанiемъ Карягина сдаться на другой день, не обращали вниманiя на то что перекличка часовыхъ продолжалась не долго и вдругъ прекратилась. Словомъ весь нашъ отрядъ съ орудiями, съ достаточнымъ количествомъ запасовъ и не потерявъ ни одного человѣка, соединился благополучно. Однако жъ спокойное движенiе наше продолжалось не долго: мы встрѣтились съ многочисленнымъ коннымъ персидскимъ разбѣдомъ; и, слѣдуя постоянно одной методѣ, Карягинъ подпустилъ разбѣздъ къ себѣ на дистанцю и далъ дружный залпъ. Послѣдствiя были тѣже какъ и прежде; всѣ разбѣжались въ разные стороны; но начальникъ осаднаго противъ насъ корпуса, встревоженный выстрѣлами, догадался, что мы надули его. Онъ тотчасъ отправился самъ догонять насъ. Къ счастью еще было довольно темно: онъ не попалъ на наши слѣды, пошелъ со всѣмъ въ противную сторону и догнать насъ уже не могъ; а мы, идя по указанiю благодѣтеля нашего Юзбаша, продолжали дальнѣйшее слѣдованiе спокойно. Однако жъ на пути нашемъ встрѣтилось опять совсѣмъ неожиданное препятствiе: мы подошли къ какой-то вырытой Богъ знаетъ за чѣмъ канавѣ; люди и лошади могли кое-какъ перепрыгнуть черезъ эту канаву, а орудiя перевести было невозможно. Всѣ мы собрались около орудiй и не знали, что дѣлать. Лѣсу для устройства моста, въ окрестности ни гдѣ не было видно; объѣхать эту проклятую канаву и перевести пушки въ другомъ мѣстѣ было также невозможно, потому что она шла на большое разстоянiе и примыкала къ высокой горѣ; снимать пушки съ лафетовъ и переносить все на рукахъ потребовалось бы много времени, а мы безпрестанно ожидали преслѣдованiя; словомъ, мы были въ величайшемъ затрудненiи. Но тутъ русская смѣтливость и отважность явились во всемъ блѣскѣ. У насъ былъ общiй шутъ или буюшъ всего отряда, а вы сами знаете, что во всякой ротѣ и даже въ взводѣ почти всегда

бываютъ шуты, которые для поддержанія бодрости и веселости въ солдатахъ, въ особенности въ трудныхъ тяжелыхъ переходахъ, да и вообще во всякомъ затруднительномъ случаѣ, необходимо нужны.

«Что шуты полезны и нужны, въ особенности же въ нашемъ корпусѣ, я неоднократно увѣрился въ томъ многими опытами продолженія долго-временной моей службы, сказалъ полковникъ, который успѣлъ выспаться и закуривъ трубку пришелъ къ намъ. Я, командуя прежде ротой, потомъ баталіономъ, а теперь полкомъ, всегда ободрялъ шутовъ и самъ поощрялъ ихъ, за тѣмъ чтобы не давать задумываться солдатамъ и поддерживать вроденную въ русскомъ народѣ веселость. Нельзя себѣ вообразить, какимъ вздоромъ можно иногда развеселить русскаго человѣка. Надобно только шуту сдѣлать гримасу или сказать какуюнибудь самую пошлую шутку, чтобы заставить хохотать отъ всего сердца. Никогда не забуду я, однажды въ очень трудномъ переходѣ, возвращаясь къ моему баталіону отъ полковаго командира, подѣхалъ я къ четвертой ротѣ и нашелъ почти всѣхъ помирающихъ со смѣху. О чемъ вы смѣетесь? ребята, спросилъ я у нихъ. Не можемъ знать, ваше высокоблагородіе, отвѣчали они мнѣ: впереди смѣются, видно Лукашка (такъ назывался славный нашъ шутъ въ первой ротѣ) что-нибудь тамъ впереди проказничаетъ. Я подѣхалъ туда и нашелъ, что этотъ Лукашка поетъ какую-то веселую пѣсню, и несмотря на то что на немъ навьючены были патронная сумка съ полнымъ количествомъ патроновъ и ранецъ съ проклажею и сухарями на пять дней, онъ выскакивалъ изъ рядовъ, вертѣлся и приплясывалъ въ присядку. Въ первой ротѣ, передъ которою онъ отличался, начался смѣхъ и дошелъ до второй роты; оттуда перешелъ до третьей и распространился до четвертой, хотя никому не было извѣстно, въ чемъ именно состояли проказы любимаго всѣми шута.

«Нашъ шутъ, продолжалъ рассказчикъ, на этотъ разъ не разсмѣшил насъ, а оказалъ чудесный подвигъ русской смѣтливости и само-отверженія, за которые къ общему всѣхъ прискорбію заплатилъ онъ жизнью своей. Я уже сказалъ вамъ, что мы всѣ были въ недоумѣніи, какъ переправить черезъ канаву пушки. Что, ребята, стоять и задумываться, воскликнулъ онъ. Стоя города не возьмешь. Послушайте меня. Вотъ что надобно сдѣлать. Вы сами знаете, у русскаго солдата ружье — мать, жена, сестра и любовница, а пушка солдатская барыня: ну такъ надобно барыню переправить съ помощію нашихъ матерей, женъ, сестеръ и

любвицы. Понимаете ли, ребята? на ружьяхъ перевеземъ пушки. Да какъ же ты изъ ружьевъ сдѣлаешь мостъ, откуда возьмешь сван, сказалъ одинъ длинный плечистый солдатъ изъ Малороссiи. Откуда взять сван? Ахъ, ты безмозглая хохлацкая башка! а это развѣ не сван, отвѣчалъ шутъ показывая на его плечи. Слушай команду, продолжалъ онъ спрыгнувъ въ канаву: кто молодець, сюда ко мнѣ! Съ этимъ словомъ человекъ десять бросились къ нему, и въ томъ числѣ изъ первыхъ плечистый Малороссiянинъ. Ну, ребята, продолжалъ буфонъ, подавай къ намъ сюда ружья оставшіяся отъ убитыхъ и раненыхъ, отвязывай ихъ съ лафетовъ и артельной нашей повозки; мы эти ружья воткнемъ штыками въ землю, вотъ и будутъ у насъ знатные сван для моста; на нихъ положимъ мы свои ружья вмѣсто мостовъ и поддержимъ ихъ на своихъ плечахъ. Тотчасъ ружья были отвязаны и поданы въ канаву, ихъ воткнули въ землю штыками. Ну теперь, ребята, сказалъ шутъ тѣмъ, кто былъ съ нимъ въ канавѣ; отмыкай штыки съ своихъ ружей, клади плотнѣе ихъ на плечи, а вы отпрягай скорѣй лошадей, и на рукахъ черезъ наши плечи и ружья перевози живѣе пушки. Все это въ нѣсколько мгновеній было исполнено, такъ что никто изъ офицеровъ не успѣлъ сдѣлать ни какого возраженія противъ столь неслыханной и уже слишкомъ отважной переправы. Конечно пушки были легкія полевыя, притомъ же и канавъ была не слишкомъ широка; однако жъ, за всѣмъ тѣмъ, провести ихъ по плечамъ солдатскимъ не могло бы никому прійти въ голову. Медькнувшая шуту нашему мысль или лучше сказать вдохновеніе было внезапно и неожиданно, никто не подумалъ о слѣдствіяхъ. Первая пушка разомъ перѣлетела по молодецкимъ плечамъ. Ай да хватъ, ай да удалецъ, сказалъ командиръ роты, въ которой служилъ шутъ; ну, ужъ теперь никому не позволю я называть тебя Гаврило свиное рыло. За это прозвище, буфонъ можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ, а можетъ быть и притворно, изъ проказъ, такъ сердился, что готовъ былъ ругаться и даже драться не только съ своими товарищами но и съ офицерами. То-то, ваше благородіе, на силу за умъ взялись, хотите защищать Гаврилу Сидоровича, отвѣчалъ буфонъ изъ канавы. Живѣй ребята, продолжалъ капитанъ, отпрягай лошадей и дружно запѣвай:

А ужъ нѣтъ у насъ такого молодца,
Какъ Гаврила-то Сидоровича.

Авось и другая пушка также лихо переправится, какъ первая.»

Авдее слово важное въ русскомъ языкѣ; на авдее свершилось множество чудесныхъ дѣлъ; но въ теперешнемъ случаѣ этой поговоркѣ не посчастливилось. Всѣ заплѣ и дружно бросились перетаскивать на рукахъ пушку, но отъ излѣщенной поспѣшности и неосторожности одно колесо не повало на ружье, а со всего размаху соскочило на голову, прямо Гаврилу въ високъ. Онъ успѣлъ вздохнуть вѣсколько разъ, и только успѣлъ сказать: «Прощайте братцы, не забудьте лихо и помолитесь за меня грѣшнаго». Многие офицеры, въ томъ числѣ и я, бросились въ канаву помогать ему; соскочившее колесо стащило съ его головы, поставило на ружья, и пушка туго мннута была переправлена. Молодца буфона на рукахъ вытащили мы изъ канавы, но онъ былъ уже мертвый. Очень и очень была для всѣхъ насъ тягостна потеря такого славнаго, умнаго солдата, сдѣлавшагося жертвою смѣливости и отважности своей. Однако жъ долго задумываться было некогда; намъ надобно было сколь возможно поспѣшнѣе съ небольшихъ нашимъ отрядомъ скрыться отъ преслѣдованія сильнаго непріятеля. Артилерійскихъ лошадей кое-какъ принудили перепрыгнуть черезъ канаву; одна изъ нихъ отъ неудачнаго прыжка упала въ канаву и переломила ногу, но въ этомъ бѣда была не большая. Между тѣмъ Карягинъ приказалъ вырыть поскорѣй могилу; офицеры на рукахъ своихъ понесли тѣло добраго нашего буфона и опустили въ могилу. Но прежде Карягинъ перекрестилъ его и громко сказалъ: «Прощай, истинно православный русскій человекъ, вѣрный царскій слуга. Да будетъ тебѣ вѣчная память.» Офицеры поклонились его могилѣ, и многіе изъ солдатъ съ глазами полными слезъ сказали ему: «Прощай, братъ Гаврило Сидоровичъ, моли Бога за насъ.» Лошадей поспѣшно запрягли, однако жъ Карягинъ до-тѣхъ поръ не тронулся съ мѣста пока нашъ медикъ, по приказанію его, не осмотрѣлъ плечъ тѣхъ кто вмѣстѣ съ покойнымъ буфоломъ взяли на себя составить мостъ изъ своихъ плечъ для переправы пушекъ; у нѣкихъ были синія пятна, а у другихъ даже и въ какихъ признаковъ не было видно, такъ быстро перелетѣли пушки.

«Послѣ этого несчастнаго случая продолжали мы безпрепятственно дальнѣйшее движеніе наше и благополучно дошли до деревни Косанеть, родины нашего благодѣтеля Юзбаша. По прибытіи же туда, Карягинъ рѣшился остановиться съ отрядомъ, чтобы вѣсколько отдохнуть и освѣжиться, а большихъ и раненыхъ на подводахъ, собранныхъ кое какъ изъ окрестныхъ селеній, отправилъ подѣ начальствомъ раненаго и уже весьма

ослабѣшаго Котляревскаго впередъ къ крѣпости Мухраны, гдѣ Карягинъ рѣшился опять остановиться и держаться до полученія повелѣнія князя Гавла Дмитріевича. Но лишь только успѣлъ Котляревскій съ порученными ему ранеными и больными отъ насъ отдалиться, какъ мы жестоко были атакованы нѣсколькими тысячами Персіянъ, и натискъ ихъ былъ такъ силенъ и внезапенъ, что они успѣли захватить обѣ наши пушки. Это уже было со-всѣмъ не шутка. Карягинъ закричалъ: «Ребята, впередъ, впередъ, спасайте пушки.» Всѣ бросились какъ львы, и тотчасъ штыки наші открыли дорогу. Испуганные Персіяне дрогнули и обратились въ бѣгство; ихъ кололи кто попался въ догонку, и пушки наши были отбиты. Послѣ этого Карягинъ видѣлъ совершенную невозможность держаться долѣе въ Кастанстахъ и рѣшился идти для соединенія съ Котляревскимъ въ Мухранъ; но Аббасъ-Мирза, или самъ замѣтилъ, или былъ извѣщенъ шпионами о движеніи Котляревскаго, послалъ большой отрядъ пѣхоты своей, чтобы перерѣзать намъ дорогу и предупредить занятіе Мухрана; почему было бы худо нашимъ, если бъ не былъ начальникомъ Котляревскій. Онъ, не смотря на слабость и страданія свои отъ ранъ, бросился первый впередъ противъ непріятельскаго отряда, за нимъ послѣдовали раненые, кто только хотя немного былъ въ силахъ, и все кончилось, старое по старому. Персіяне не выдержали нашего натиску, и дали тотчасъ тягу, а наши пошли впередъ и благополучно достигли до Мухраны, куда къ вечеру прибылъ и Карягинъ, защищаясь и отражая безпрерывныя нападенія непріятеля во все время слѣдованія его.

«Послѣ всѣхъ бесполезныхъ успій Аббасъ-Мирзы уничтожить нашъ отрядъ, онъ можетъ быть получилъ справедливыя или ложныя свѣдѣнія о движеніи князя Циціанова, или по другимъ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ намъ причинамъ, отправился еще прежде наступленія ночи со всѣми своими войсками къ Аскерану, а противъ насъ оставилъ двухъ тысячный блокадный корпусъ.»

«Въ Мухранѣ наконецъ мы успокоились и отдохнули, получая достаточное продовольствіе посредствомъ расторопности, смѣтливости и знанія мѣстности тамошняго края, нашего добраго Юзбаши. Здѣсь Карягинъ рѣшился ожидать отвѣта главнокомандующаго на донесеніе его; и наконецъ братъ Юзбаши, посланный съ этимъ донесеніемъ, привезъ намъ повелѣніе князя Павла Дмитріевича, держаться въ Мухранѣ до прибытія его самого съ войсками на помощь нашу.»

«По полученіи этого повелѣнія, другъ нашъ Юзбаша и съ нимъ нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ дежно и ночью сторожили на курганѣ, за небольшою рѣкою не въ дальномъ разстояніи отъ крѣпости, прибытія къ намъ подкрѣпленія. Наконецъ послѣ десятидневнаго мучительнаго ожиданія блеснули въ отдаленіи русскіе штыки. Это былъ передовой отрядъ князя Павла Дмитриевича. Тотчасъ дали объ этомъ знать въ крѣпость, и всѣ мы, какъ-будто ожили: безпокойство, труды, потери, все было забыто.

«Самъ князь, не дойдя до Мухрана, утомленный сильнымъ переходомъ и нестерпимымъ зноемъ, остановился съ отрядомъ своимъ, въ селеніи,—не помню какъ называется, кажется, Маздагирти,—чтобы дать всѣмъ хотя немного отдохнуть и освѣжиться, и съ небольшимъ передовымъ своимъ отрядомъ прислалъ намъ повелѣніе оставить тотчасъ Мухранъ и присоединиться къ нему.

«Въ ту же ночь выступили мы изъ крѣпости, и опять подвигались на прежнія хитрости, обманули стоявшій противъ насъ непріятельскій блокадный корпусъ. Юзбаша повелъ насъ извѣстнымъ ему кратчайшимъ путемъ, черезъ горы; такъ, что Персія не встрепетувшись и увидѣвъ, что мы ихъ опять надули, не знали куда броситься насъ отъискивать. Рано утромъ присоединились мы къ войскамъ, прибывшимъ съ княземъ Павломъ Дмитриевичемъ. Признаюсь вамъ, этотъ день былъ для насъ такимъ же радостнымъ, какъ праздникъ Христова Воскресенія.

«Вы можете себя представить, какимъ образомъ храбрый молодецъ, отрядный нашъ начальникъ Карягпашъ и ревностный его помощникъ, Котляревскій, были приняты княземъ Цициановымъ. Онъ велѣлъ выстроиться и своему и нашему отряду, и при всѣхъ, передъ фронтомъ, обнималъ и цѣловалъ Карягпаша и Котляревскаго; называлъ героями, отличными, достойными, настоящими Русскими; ходилъ потомъ самъ по фронту въ нашемъ отрядѣ, благодарилъ и офицеровъ и солдатъ, хвалилъ ихъ, употребляя въ похвалахъ настоящее русское солдатское выраженіе, то есть: чудо богатыри, молодцы, добрые православные христіане, и прочая; останавливался подлѣ рабеньихъ, спрашивалъ съ участіемъ объ ихъ положеніи, общалъ донести о чудныхъ подвигахъ всего отряда Государю Императору, и исходатайствовать примѣрное награжденіе. Словомъ, всѣ были въ полномъ восторгѣ; громогласное ура! ради стараться! раздавались повсюду. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ пригласилъ онъ къ себѣ обѣдать, пилъ за ихъ здоровье, еще спрашивалъ о

всѣхъ подробностяхъ подвиговъ нашихъ ; превозносилъ твердость, неустрашимость, отважность и хорошую распорядительность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, и отъ души снѣлся, какъ славно надували мы Персіевъ. Въ то же время унтеръ-офицеромъ и солдатъ приказалъ онъ также угостить на свой счетъ, причемъ во всероссійскомъ и грузинскомъ винѣ не было недостатку.

Но я, къ сожалѣнію моему, не былъ участникомъ въ праздникѣ, данномъ нашему отряду. Во время послѣдняго движенія нашего къ крѣпости Мухранъ, были мы, какъ я вамъ сказывалъ, внезапно атакованы непріателемъ, причемъ онъ захватилъ было наши пушки. Вмѣстѣ съ прочими бросился и я спасать ихъ, и хотя мы сдѣлали свое дѣло, отбили пушки, но я порядочно поплатился за это. Одинъ каналья добирался шашкою своею прямо до моей головы, и, къ-счастью, хотя я успѣлъ отразить его ударъ, однако жъ онъ ефесомъ шашки больно зашибъ мнѣ голову ; въ то же время другой также бросился на меня и навесъ мнѣ рану кинжаломъ въ руку. Разумѣется, этихъ обонхъ забіякъ наши молодцы разомъ подняли на штыки, а то бы они меня доконали. Не скоро добрался я до нашего лекаря, для перевязки раны, и отъ потери крови очень ослабѣлъ. Однако жъ пробывъ нѣсколько дней въ крѣпости, я отдохнулъ, освѣжился, и имѣлъ столько силы, чтобы стать на свое мѣсто во фронтѣ при выступленіи изъ крѣпости, для соединенія съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ. Но какъ говорить пословица: «Прійдетъ бѣда, такъ отвори ворота», во время ночнаго перехода нашего черезъ горы, я какъ-то поскользнулся, упалъ и развредилъ мою рану, а къ довершенію всего при паденіи больно зашибъ себя ногу; послѣдствіемъ этого было то, что я чрезвычайно ослабѣлъ, итти пѣшкомъ никакъ не могъ и не имѣлъ также силъ ѣхать верхомъ; меня понесли на рукахъ; словомъ, отъ ушиба, отъ развереженной раны и отъ долговременныхъ трудовъ и безвокойства, я пришелъ въ такое изнеможеніе, что ни однимъ членомъ не могъ тронуться, и готовился умереть.

Князь Павелъ Дмитріевичъ, вскорѣ по прибытіи нашемъ спросилъ: гдѣ офицеръ, командовавшій отрядомъ, взявшимъ на непріятельскихъ батареяхъ пятнадцать фалконетовъ, и, узнавъ, въ какомъ я положеніи, тотчасъ пришелъ самъ ко мнѣ, благодарилъ меня, поздравилъ георгіевскимъ кавалеромъ ; словомъ, пріятливостію и добродушіемъ своимъ совершенно оживилъ меня, послѣ того отвелъ въ сторону пользовавшаго меня медика, довольно долго поговорилъ съ нимъ, и тотчасъ приказалъ приготовить соб-

ствейные свои дружебные покойные дрожки, чтобы отвезти меня въ Тифлисъ для излеченія моихъ ранъ; и обращаясь ко мнѣ, сказалъ: и Ступай, ступай, любезный другъ, въ Тифлисъ, выздоравливай! поскорѣй и возвратись къ намъ. Я увѣренъ, что чѣмъ болѣе мы познакомясь, тѣмъ болѣе полюбимъ другъ друга. Христосъ съ тобою; прибавилъ онъ; прощайся со мною. Покойные дрожки мои тотчасъ къ тебѣ явятся, и ты не мѣшкай отправляйся въ путь.»

«Вы можете вообразить, до какой степени былъ я тронутъ: слезы невольно текли изъ глазъ моихъ. Очень жаль, что не многіе начальники понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ истинная служебная психологія, то есть искусство заставить любить и уважать себя подкомандующихъ своихъ. Вы, господа, конечно согласитесь, что князь Цициановъ былъ великій психологъ; онъ просто взялъ меня всего, на всю мою жизнь, въ полное свое распоряженіе; и я готовъ былъ, по одному его слову, броситься за него въ огонь и воду. Теперешій нашъ начальникъ Алексѣй Петровичъ имѣетъ также глубокія познанія въ этой истинной служебной психологіи; вы сами увидите, до какой степени, всѣ, начиная съ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ, любить его, уважаютъ и привязаны къ нему.

Въ тотъ же день, когда посѣтилъ меня князь Павелъ Дмитріевичъ, отправился я въ Тифлисъ на покойныхъ его дрожкахъ и на его лошадяхъ, и не былъ уже свидѣтелемъ и участникомъ въ дальнѣйшихъ подвигахъ Карягина.

«Къ тому, что они отъ тебя слышали, остается прибавить не много, сказалъ нашъ полковникъ. Я былъ тогда инспекторскимъ адъютантомъ при князѣ Павлѣ Дмитріевичѣ, и находился при немъ безотлучно. Въ то время не было, какъ теперь, начальниковъ штаба, дежурныхъ штабъ-офицеровъ и старшихъ адъютантовъ. Все управленіе дѣлами по корпусу составлялось изъ одного инспекторскаго адъютанта и трехъ или четырехъ писарей. Правду сказать, на грамоту я былъ не большой мастеръ, но князю и не было въ томъ большой нужды: всѣ бумаги распечатывалъ онъ самъ, и писалъ на нихъ своею рукою такіе полные резолюціи, что писарямъ оставалось только переписывать на бѣло исполненіе; а по дѣламъ хотя не много по-серьезнѣе, князь самъ сочинялъ и черновыя бумаги. Моя же обязанность заключалась единственно только въ точности и посрѣдственности исполненія приказаній и распоряженій его. Однако жъ дѣла шли черезъ мои руки, и то что ты не досказалъ о подвигахъ Карягина, могу я до-

идеть. И такъ, слушайте, господа: еще очень и очень много
остается интереснаго. Въ то время когда Карягинъ, окружен-
ный со всѣхъ сторонъ неприятелемъ почти въ двадцать разъ силь-
нѣе его, тамъ удачно не только отражалъ непрерывныя напа-
денія, но и самъ еще нѣсколько разъ былъ, бралъ пушки и такъ
иногда нѣсколько разъ обманывалъ и ставилъ въ дураки не-
приятельскихъ военачальниковъ, мы были весьма и весьма не
въ завидномъ положеніи. Князь хотѣлъ какъ можно поскорѣй по-
сѣлится на выручку къ Карягину, но въ то же время получилъ
извѣстіе, что самъ шахъ персидскій съ сорока тысячами корпу-
сомъ пересправился черезъ Араксъ, въ карабахское ханство, и на-
биралъ шты на Елисаветполь. Тотчасъ князь сдѣлалъ сообра-
женіе, отсюда и какія войска могъ онъ собрать и противопоста-
вить Персїанамъ; написалъ самъ нововѣнне шты форсированнымъ
маршемъ, и приказалъ мнѣ какъ можно поскорѣй отправить; но
всѣ наши силы, которыми по распоряженіямъ князя должны были
соединиться въ Елисаветполь, не превышала тысячи человекъ,
включая къ то число нѣсколько сотенъ донскихъ и линейныхъ
казачковъ. Всѣ собрались къ назначенному времени, и князь тот-
часъ выступилъ на выручку къ Карягину и на встрѣчу къ шаху.

Князь сколько возможно облегчилъ солдатъ; ранцы и шинели
были сложены на взятые у обывателей подводы. Онъ приказалъ
разстегнуть мундиры, снять галстуки, но за всѣмъ тѣмъ жаръ
былъ вестерпный и большихъ переходовъ дѣлать было не воз-
можно; люди изнемогали отъ ужаснѣйшаго палящаго зноя, и еже-
дневно по нѣсколько человекъ падали на маршѣ отъ совершен-
наго истощенія силъ. Такъ прошло трое сутокъ; на чет-
вертые дошли мы до рѣки Тертери, и въ первый разъ встрѣти-
лись съ персидскою кавалерією, отправленною за тѣмъ, чтобы
выжигать хлѣбъ на поляхъ. Расправа была не долгая: нѣсколько
пушечныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны распространили смя-
теніе въ рядахъ неприятеля, и всѣ, по обычаю, дали тягу. Про-
гвавъ ихъ, мы подошли на слѣдующее утро къ раззоренному и
выжженному селевію, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости
Мухранъ, гдѣ держался молодецъ Карягинъ. Князь послалъ ему
повѣщеніе оставить крѣпость и присоединиться къ нему. Вы уже
знаете, какой былъ сдѣланъ приѣмъ Карягину, Котляревскому и
иному молодецкому отряду.

Но отдыхъ Карягина продолжался не долго: Въ тотъ же день
всѣмъ вечерней зарей, Карягинъ, съ присоединеніемъ семидесяти
старей къ остаткамъ храбраго его отряда, выступилъ по прика-

занію князя въ Елисаветполь. Путь туда предстоялъ ему через большія горы; вести пушки по горамъ было бы очень затруднительно, они были оставлены у насъ, и опять тотъ же вѣрный и преданный Юзбаша съ шестидесятью вооруженными карабахскими Армянами взялся быть провожатымъ черезъ горы.

«Самъ князь Павелъ Дмитриевичъ съ войскомъ своимъ состоявшимъ, за откомандированными семидесятью егерями въ отрядъ Карягина, менѣе чѣмъ изъ тысячи человекъ, остался на мѣстѣ въ ожиданіи достовѣрныхъ свѣденій, какое возьметъ дальѣйшее направленіе шахъ съ сорока-тысячною своею арміею, съ тѣмъ чтобы сообразить, съ какой стороны удобнѣе будетъ напасть и поколотить его. Но храбрый мудрый нашъ противникъ, при первомъ извѣстіи, что самъ князь Циціановъ идетъ противъ него, перепугался и тотчасъ бѣжалъ за Арагъ. Узнавъ о побѣгѣ его, князь выступилъ было для преслѣдованія Аббазъ-Мирзы; но и онъ всячески избѣгалъ встрѣчи съ нами, и мы дошли до Аскараны, не видавъ нигдѣ непріятеля.

«Между-тѣмъ Карягинъ добрался безъ всякихъ хлопотъ до Елисаветполя. Но лишь только успѣлъ немного отдохнуть, какъ опять предстали ему новыя заботы и опасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ новое приращеніе славы и отличія. Аббазъ-Мирза, (какъ то послѣ открылось) довольно удачно схитрилъ. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ княземъ Циціановымъ, какъ потому, что тягаться съ нимъ не такъ то ему было легко, а еще болѣе по той причинѣ, что нѣкоторые приверженные ему или подкупленные Елисаветпольскіе жители дали ему знать о слѣдованіи изъ Тифлиса большого транспорта съ провіантомъ, подъ прикрытіемъ всего только трехсотъ человекъ, пѣхоты и драгунъ, съ двумя пушками. Аббазъ-Мирза тотчасъ бросился на этотъ транспортъ; съ тѣмъ, какъ вы думаете? Не болѣе и не менѣе какъ съ пятнадцатью тысячами конницы и пѣхоты своей. Какъ вамъ это нравится? Пятнадцать тысячъ противъ трехсотъ человекъ! По всѣмъ вѣроятностямъ казалось бы, что транспортъ тотчасъ будетъ захваченъ, и прикрытіе разомъ уничтожено и раздавлено, но не тутъ то было. Командовавшей этимъ прикрытіемъ храбрый подпоручикъ Данцовъ, (имена такого роду отличныхъ офицеровъ невольно врѣзываются въ памяти на всегда) такъ хорошо распорядился, что не только посредствомъ удачныхъ выстрѣловъ изъ бывшихъ при немъ двухъ пушекъ и ружейнымъ огнемъ пѣхоты, нападеніе было отражено, но непріятель съ большою потерею бѣжалъ назадъ. Однако жъ и нашимъ обошлось это нападеніе

весьма не даромъ, а самое главное было то, что начальникъ прикрытія, истинный герой Данцовъ, былъ смертельно раненъ и вскорѣ потомъ умеръ. Вместо его принялъ начальство старшій во лейбъ нарвскаго драгунскаго полка прапорщикъ Плошневскій, который пользуясь временнымъ смятеніемъ и отступленіемъ непріятеля, успѣвши дать знать Карягину объ отчаянномъ ево-емъ положеніи. Два драгуна вызвались на это отважное и опасное порученіе, и счастливо доскакали до Елисаветполя.

У Карягина, хотя было точно желѣзное здоровье, однако жъ раны, безпрерывныя тревоги, труды, недостатокъ въ пищѣ и въ необходимомъ, хоть самомъ кратковременнымъ отдыхѣ послѣ трудовъ, чрезвычайно истощили его силы. Онъ долженъ былъ лечь въ постель; но узнавъ бѣдственное положеніе транспорта, не смотря ни на что, вскочилъ, велѣлъ ударить тревогу, и не болѣе какъ въ полчаса, съ отрядомъ своимъ, присоединивъ къ нему еще нѣсколько выздоровѣвшихъ, словомъ собралъ сколько могъ, то есть, всего не болѣе шестисотъ человекъ и съ четырьмя пушками, выступилъ на выручку транспорта. Однако жъ непріятель приготовился къ встрѣчѣ его, и по приближеніи отряда къ рѣкѣ Заги открылъ съ противоположнаго берега сильный ружейный огонь. Но Карягина, ни удивить, ни утратить ни чѣмъ было нельзя. Онъ остановился, отвѣчалъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами съ своей стороны, закричалъ: Охотники впередъ! Чело-вѣкъ до двухсотъ бросился прямо въ рѣку. Къ счастью она была не слишкомъ глубока, переправа была не затруднительна, и охотники наши весьма поспятили назадъ непріятеля. Въ то же время Карягинъ съ остальнымъ отрядомъ и съ пушками безпрепятственно переправился черезъ рѣку, и не дожидаясь пока пуш-ки надобно было обтереть и зарядить, бросился въ штыки, и не только прогналъ непріятеля, но еще версты четыре преслѣдо-валъ.

Кстати и очень кстати подоспѣлъ Карягинъ на помощь къ транспорту. Отрядъ, составлявшій прикрытіе, былъ уже въ са-момъ отчаянномъ положеніи. Большая часть людей были перебиты и переранены; отрядъ оставался безъ начальника; одинъ офицеръ, Данцовъ, былъ, какъ я уже вамъ сказывалъ, убитъ; принявшій послѣ него команду прапорщикъ Плошневскій былъ, отъ крайней его запальчивости и неосторожности, захваченъ въ плѣвъ. Но не смотря ни на что, нижніе чины, избравъ между собою одного въ начальника, поклялись не отдаваться живыми и защищаться до послѣдней капли крови. Они вполне исполнили

дугу млатву, отвергши всё великолѣпныя предложенія и обѣщанія Аббасъ-Мирзы, если они сдадутся въ плѣнъ, и не взирая на ужаснѣйшій зной и совершенный недостатокъ въ водѣ, они, до прибытїа Карягина, четверо сутокъ держались, отряжая безпрерывными нападенїа. Наконецъ, благодаря Бога, Карягинъ выручилъ ихъ изъ бѣды, прогналъ непрїателя и спасъ какъ весь транспортъ, такъ и оставшихся въ живыхъ молодцовъ, бывшихъ для прикрытїа этого транспорта. Однако жъ, лишь только успѣли они свободно вздохнуть, какъ опять возобновились атаки непрїателя. Карягинъ тотчасъ построилъ весь отрядъ въ каре, помѣстивъ повозки съ провіантомъ въ середину, и по прежнему обычаю подпуская на дистанцію, такъ удачно поподтывалъ пушечными и оружейными выстрѣлами, что и Персїяне попрежнему же обыкновенно обратились въ бѣгство и скрылись въ сдѣланные ими заблаговременно окопы. Этого-то и было надобно Карягину. Ему было извѣстно черезъ лазутчиковъ его, Армянъ, что одно его имя приводитъ Персїявъ въ ужасъ. Онъ воспользовался прїобрѣтенною надъ ними поверхностью, бросился со всѣмъ отрядомъ на штыки, выбилъ ихъ изъ окоповъ и съ неслыханною быстротою, не давъ имъ опомниться, захватилъ даже ихъ батареи съ пушками; потомъ не теряя минуты времени, и не давъ имъ, что называется, очнуться, вышелъ изъ окоповъ и успѣшно занялъ одно главное возвышенїе, командовавшее мѣстностью; и поставивъ на это возвышенїе и свои и захваченные въ окопахъ непрїательскїя пушки, тотчасъ открылъ жестокой огонь въ самый лагерь Аббасъ-Мирзы. Послѣдствїемъ этихъ правильныхъ и сообразныхъ съ обстоятельствами распоряженїй было то, что Аббасъ-Мирза успѣшно оставилъ свой лагерь и побѣжалъ куда глаза глядятъ, бросивъ множество хлѣба и продовольствїа. Все это успѣлъ захватить Карягинъ. Онъ увидѣлъ съ высоты побѣгъ непрїателя, и одержавъ такимъ образомъ блистательную побѣду, возвратился въ Елисаветполь съ военными трофеями и большою добычею; захваченною въ лагерь Аббасъ-Мирзы. Черезъ нѣсколько дней потомъ и князь Цициановъ прибылъ съ своимъ войскомъ въ Елисаветполь.

Вскорѣ послѣ того Аббасъ Мирза оставилъ подвѣдомственныхъ и покорившихся Россїи владѣнїа. Тѣмъ окончилась всѣ военныя дѣйствїа въ 1805 году.

Князь Цициановъ, въ донесенїи своемъ Государю, наименовалъ Карягина и Котляревскаго наихрабрѣйшими, примѣрно отличнѣйшими офицерами, дѣлающими честь вѣренному ему корпусу.

Былъ онъ, такъ и дѣй находившіеся въ отрядѣ, по колѣтаетъ ту цѣмъ получивши большое награжденіе. Сохранившій непоколебимую твердость и преданность, для лучше сказать, — называя вещи истиннымъ ихъ именемъ, спаситель всего отряда Армянинъ Юзбаша былъ пожалованъ въ прапорщики и сверхъ того дана ему злата медаль на шею и пожизненный пенсіонъ по двѣсти рублей серебромъ въ годъ.

Къ сожалѣнію раны, увѣчья и послѣдовавшее отъ того разслабленіе силъ и частыя болѣзни Карагина, положили преграду дальнѣйшему его служенію.

Черезъ годъ послѣ разсказанной вамъ славной экспедиціи его, онъ умеръ, оставивъ воспоминаніе о себѣ какъ о храбромъ, неутомимомъ, славно знающемъ свое дѣло военачальникѣ и добрымъ, благороднѣйшемъ человѣкѣ. Но съ сердечнымъ приговоромъ прибавить должно, что и это воспоминаніе постепенно исчезаетъ. Такъ все идетъ въ здѣшномъ мірѣ.

Теперь къ дополненію разсказа о подвигахъ Карагина, надобно вамъ прочесть присланный къ нему отъ князя Павла Дмитриевича отвѣтъ, который онъ долженъ былъ послать къ Аббасъ-Мирзѣ, на предложеніе его, чтобы онъ со войска своимъ отрядомъ сдѣлся въ плѣнъ. Я изъ любопытства сохранилъ копию, какъ съ этого отвѣта, такъ и со многихъ прокламаций и переписекъ князя съ персидскимъ шахомъ и съ нѣкоторыми владѣльцами горскихъ народовъ. Эй Фомка, закричалъ онъ своему денщику, подай сюда мою шкатулку.

Изъ числа многихъ бумагъ хранящихся въ этой шкатулкѣ онъ выбралъ и прочиталъ намъ слѣдующее:

«Нигдѣ въ провинціяхъ и извѣстныхъ царствахъ, чужаго государства чиновнику повелѣнія не пишутъ; но не смотря на сіе, отъѣжаю вамъ по повелѣнію главнокомандующаго отъ Каспійскаго моря до Чернаго генерала отъ инфантерій и разныхъ орденсовъ казандера князя Павла Дмитриевича Цицианова, на вопросъ, сдѣланный мнѣ Мирзою Ростомомъ, за что мы земли ваши занимаемъ? Онъ я, ни самъ главнокомандующій и главноуправляющій Грузіею вамъ на сіе отвѣта дать не можетъ. А такъ какъ всякій генералъ долженъ свято исполнять повелѣнія своего Государя, то я главнокомандующій въ Грузіи исполняетъ повелѣніе Его Императорскаго Величества Государя государей Богомъ вознесеннаго Великаго Императора, который положилъ границы Россіи рѣки Араксъ и Куру. Въ письмѣ вашемъ изволите писать, что родитель вашъ ко мнѣ милость имѣетъ: а я васъ

имѣю честь увѣдомить, что война съ непріятелемъ милости у него не ищутъ, кромѣ измѣнниковъ. Я же посѣдѣвшій подъ ружьемъ, за счастье себя сочту пролить кровь мою на службѣ Его Императорскаго Величества.»

Этотъ отвѣтъ, сочиненный и писанный собственною рукою князя Павла Дмитріевича, служить доказательствомъ, что онъ вполне понималъ духъ народа, съ которымъ имѣлъ дѣло, и зналъ какъ должно дѣйствовать съ Азіатцами. Подобныхъ этой бумагѣ много у меня есть по официальной и частной перепискѣ князя Павла Дмитріевича, по весьма важнымъ дѣламъ. Мы просили полковника, показать и прочитатъ намъ эти бумаги, но онъ отвѣчалъ, что теперь нѣкогда, потому что и то мы слишкомъ много заговорились, что становится уже поздно и пора собираться къ вечерней зарѣ, но что когда-нибудь, въ свободное время, онъ расскажетъ намъ много очень интереснаго о самомъ князѣ Циціановѣ и прочтаетъ его бумаги.

Мы настоятельно убѣждали полковника исполнить свое обѣщаніе, и не далѣе, какъ на другой же день утромъ, по окончаній занятій нашихъ по службѣ, забрались мы къ нему рано, часа за два до обѣда. Онъ рассказалъ намъ о князѣ Циціановѣ слѣдующія подробности:

«Я долженъ откровенно признаться вамъ, любезные товарищи, казалъ полковникъ, что я не имѣю дара слова и не мастеръ рассказывать; при томъ же и на память свою не слишкомъ надѣюсь, словомъ, не берусь рассказывать вамъ полную исторію жизни добрѣйшаго, почтеннѣйшаго, во всей силѣ слова благодѣтеля моего князя Павла Дмитріевича. Я былъ привязанъ къ нему всею душою, любилъ его какъ отца, да и всѣ, кто служилъ подъ его командою, или имѣлъ какія-либо съ нимъ сношенія, точно то же скажутъ вамъ, что невозможно было не любить и не уважать его. Полковникъ послѣ этого задумался, помолчалъ нѣсколько, и, какъ замѣтно было, обтеръ слезы, выкатившіяся изъ глазъ.

«Я прочитаю, продолжалъ полковникъ. Переписанныя мною копіи съ Высочайшихъ рескриптовъ къ нему, съ всеподданнѣйшихъ его донесеній и прочихъ официальныхъ и частныхъ бумагъ, писанныхъ къ нему и отъ него. Все это подобрано мною и разложено по годамъ; и по мѣрѣ того какъ я буду читать, расскажу, что мнѣ прійдетъ на память о происшествіяхъ, въ которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, также и то, что я слышалъ отъ самого князя или отъ приближенныхъ къ нему лицъ.

«Князь Павелъ Дмитріевичъ хотя и вѣлъ грузинскую фамилію, но былъ потомкомъ уже въ третьемъ поколѣніи грузинскаго князя Циціанова, вѣхавшаго въ Россію, при концѣ царствованія Петра Великаго съ грузинскимъ царемъ, изгнаннымъ Турками. Онъ поступилъ въ русскую службу въ чинѣ капитана, и убитъ въ сраженіи не знаю гдѣ-то въ Финляндіи. Сыиъ его, отецъ князя Павла Дмитріевича воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, но служилъ недолго въ военной службѣ, перешелъ въ гражданскую службу и умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника. Онъ былъ женатъ на Русской и имѣлъ много дѣтей; старшій изъ нихъ, бывшій пашъ незабвенный начальникъ князь Павелъ Дмитріевичъ, еще въ царствованіе Елисаветы записанъ былъ, по тогдашнему обычаю, малолѣтнимъ въ преображенскій полкъ солдатомъ.

«Подробности о молодыхъ его лѣтахъ и постепенное возвышеніе въ чинахъ мнѣ неизвѣстны; знаю я только то, что онъ очень хорошо учился, въ особенности военнымъ наукамъ; и сверхъ того отлично хорошо зналъ французскій языкъ, переводилъ многія тогдашнія военныя книги. Неизвѣстно мнѣ, издавалъ ли онъ въ свѣтъ свои переводы, но одну книгу напечатанную въ то время, когда онъ уже у насъ былъ главнокомандующимъ, подарилъ мнѣ, сдѣлавъ надпись своею рукою. Я берегу эту книгу какъ величайшую драгоценность.» Полковникъ вынулъ изъ своей шкатулки, переплетенную въ сѣмяиъ и тщательно завернутую въ бумагу книгу и показалъ намъ — это былъ переводъ съ французскаго сочиненія Фридриха Великаго: «Духъ кавалера Фоларда изъ его толкованія на Полибіеву исторію.» Мы съ благоговѣніемъ развернули эту книгу и прочли предисловіе и нѣсколько листовъ; переводъ былъ, судя по времени, очень хорошъ.

«Но стану рассказывать всѣ подробности о службѣ князя Павла Дмитріевича и о военныхъ его подвигахъ, во-время царствованія Екатерины Великой. Я помню только, что онъ самъ говорилъ о прежней своей службѣ, а именно, что изъ гвардіи вышелъ онъ подполковникомъ въ армію, формировалъ гренадерскій, кажется если не ошибаюсь, петербургскій полкъ, и за отличіе въ сраженіяхъ съ Поляками былъ произведенъ въ полковника, бригадиры и генералъ-маіоры. Государыня была къ нему чрезвычайно милостива, и доказательствомъ этому служить то, что когда послѣ покоренія Варшавы и раздѣла Польши были пожалованы во вновь присоединенныхъ къ Россіи губерніяхъ нѣвнія

генераламъ участвовавшимъ въ этой славной компаніи, то Государыня, сама собственною своею рукою изволила отмѣтить на листѣ, гдѣ помѣщены были генераль-маіоры, которымъ было назначено по пяти сотъ душъ, передъ именемъ князя Циціанова, къ пяти стамъ еще тысячу, то есть полторы тысячи душъ, сказавъ при томъ: «Эго мой собственный генераль, и хотя онъ только генераль маіоръ, но служилъ лучше многихъ генераль-поручиковъ.» Какъ объ этихъ словахъ Государыни, такъ и о приказѣ Суворова, отданномъ въ продолженіи польской кампаніи, «сражаться рѣшительно какъ сражается храбрый генераль князь Циціановъ,» вспоминалъ онъ всегда съ особеннымъ чувствомъ удовольствія.

•Въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины, она сама назначила его подъ начальство графа Зубова въ армию противъ Персіянъ. Но ему не удалось участвовать въ этой, впрочемъ, не продолжительной кампаніи; онъ былъ опредѣленъ комендантомъ въ Баку и провелъ послѣдніе мѣсяцы 1796 и первые 1797 года, въ этомъ званіи, снискавъ общее уваженіе и привязанность тамошнихъ жителей.

«Хотя вскорѣ по вступленіи Императора Павла былъ онъ назначенъ шефомъ мушкетерскаго полка своего имени, бывшаго прежде, если не ошибаюсь, суздальскимъ пѣхотнымъ, но, по разстроенному здоровью подалъ въ отставку, и получивъ увольненіе, поѣхалъ нарочно въ Петербургъ, чтобы представиться Императору, который бывши еще Великимъ Княземъ зналъ его и былъ всегда къ нему милостивъ; послѣ того прямо изъ Петербурга отправился въ пожалованное ему Государынею имѣніе въ мѣвской губерніи, гдѣ и прожилъ спокойно все время царствованія Императора Павла.

«Въ это время въ первый разъ увидѣлъ я и познакомился съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ. Я командовалъ ротой; и къ частию, квартиры моей роты назначены были въ его имѣніи. Благодѣтель мой, твой отецъ, продолжалъ полковникъ, обращаюсь ко мнѣ, былъ моимъ баталіоннымъ командиромъ. Еще по прежней службѣ своей былъ онъ очень знакомъ съ княземъ, находился подъ его начальствомъ и пользовался всегда особеннымъ благосклоннымъ его расположеніемъ. Такимъ образомъ, по старому знакомству отецъ твой часто ѣздилъ къ князю, и узнавъ отъ него, что рота моя стоитъ въ его имѣніи тихо и покойно, благодарилъ меня и представилъ князю, какъ воспитанника, или лучше сказать, какъ пріемнаго сына своего. Князь обласкалъ ме-

ля, и съ-тѣхъ-поръ я ежедневно бываю у него; и сдѣлался настоящимъ домашнимъ его. Не могу до-сихъ-поръ безъ душевнаго униженія вспомнить, до какой степени былъ онъ внимателемъ и милостивъ ко мнѣ бѣдному армейскому офицеру: зато и я съ-тѣхъ-поръ страстно полюбилъ его. Однако жъ пребываніе мое въ мѣстѣ его продолжалось не долго. Нашъ полкъ выступилъ въ Италію, а по возвращеніи оттуда поступили мы въ петербургскую инспекцію; полковая квартира нашего полка назначена была въ Нарвѣ. Это послужило къ моему счастію, какъ вы то увидите въ послѣдствіи.

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Императора Александра, князь Павелъ Дмитріевичъ былъ принятъ въ службу, съ состояніемъ по арміи. Вскорѣ потомъ возвращено ему было прежнее его старшинство, и въ день коронаціи Императора произведенъ онъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Нѣсколько времени исправлялъ онъ не знаю какую-то должность въ государственномъ совѣтѣ, и наконецъ черезъ годъ по производствѣ его въ генералъ-лейтенанты, Государь сдѣлалъ самый счастливый и удачный выборъ, назначивъ его вмѣсто генерала Кноринга, инспекторомъ кавказской инспекціи, астраханскимъ военнымъ губернаторомъ и главнокомандующимъ въ Грузіи.

Во время пребыванія нашего полка въ Нарвѣ, я довольно часто по дѣламъ службы ѣздилъ въ Петербургъ, всегда являлся къ князю и бывалъ имъ принятъ милостиво; а когда его назначили главнокомандующимъ въ Грузію, то опять отецъ твой довершилъ благодѣянія свои ко мнѣ, тѣмъ что онъ не только содѣлывалъ, но настоятельно требовалъ, чтобъ я отправился съ княземъ въ Грузію. Онъ далъ мнѣ рекомендательное къ нему письмо, въ которомъ писалъ и о себѣ, что онъ самъ съ восторгомъ пошелъ бы служить подъ его команду, если князь выхлопочетъ, чтобы его отправили вмѣстѣ съ вѣрными ему батальонамъ, къ которому онъ такъ привыкъ, что ни какъ разстаться съ нимъ не рѣшится. Князь отвѣчалъ ему, что этого сдѣлать невозможно, но что меня принимаетъ онъ съ удовольствіемъ, и тотчасъ сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня въ инспекторскіе адъютанты, и въ этомъ званіи скорѣ послѣ того отправился я съ нимъ вмѣстѣ на Кавказъ.

Слишкомъ долго было бы рассказывать вамъ, когда и какимъ образомъ присоединена была Грузія къ Россіи; также и то, какъ управлялась вообще вся та страна, до прибытія князя Циціанова и въ какомъ хаосѣ нашелъ онъ почти все отрасли управленія

въ Грузіи и на Кавказѣ. Еще повторяю, я не мастеръ разсваивать, а потому обращаюсь къ официальнымъ документамъ.

«Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ князю при отправленіи его, вотъ что было ему поставлено въ виду и въ руководство (полковникъ вынулъ этотъ рескриптъ изъ шкатулки своей). «Я пропущу — продолжалъ онъ — изъясненный здѣсь со всею подробностію планъ графа Зубова, что для безопасности границъ Грузіи необходимо должно занять всѣ земли, лежащія на пространствѣ отъ рѣкъ Ріона, Куры и Аракса до Каспійскаго Моря, и прочитаю вамъ, что Государь въ особенноти повелѣвалъ князю, а именно: «привести въ ясность запутанныя дѣла края, и кроткимъ, справедливымъ, но притомъ твердымъ поведеніемъ стараться приобрести довѣренность къ правительству, не только Грузіи, но и сосѣдственныхъ съ нею владѣній. Я увѣренъ, что убѣжденные важностію возлагаемаго на васъ служенія, и руководствуясь какъ позваніемъ правилъ монарха на сей край, такъ и собственнымъ вашимъ благородіемъ, вы исполните долгъ вашъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и правотою, которые я въ васъ всегда предполагалъ и находилъ.»

Князь Навель Дмитріевичъ, по прибытіи своемъ на Кавказъ въ Георгіевскую крѣпость, приступилъ тотчасъ къ возстановленію порядка и приведенію въ должное благоустройство управленія на Кавказской линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ также вниманіе на установленіе дружескихъ связей съ сосѣдственными Грузіи народами. Потому что приобретая постепенно мѣстные свѣдѣнія о духѣ и нравахъ народовъ, съ которыми надлежало ему имѣть сношенія, онъ нашелъ что Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее къ предѣстнику его, по принесеннымъ Государю другъ на друга жалобамъ хановъ бакайскаго, дербентскаго и тайшинскаго, чтобы стараться сколько возможно поддерживать согласіе между этими ханами и въ случаѣ надобности защищать ихъ владѣнія отъ Персіянъ. Князь по мѣстнымъ своимъ соображеніямъ призналъ употребленіе этой мѣры не только бесполезною, но даже очень для насъ вредною; и по этимъ весьма правильнымъ соображеніямъ своимъ написалъ онъ къ одному изъ приближенныхъ къ Государю вотъ что: «Правила кротости и челоуѣколюбія несовмѣстны въ сношеніяхъ съ хитрыми, коварными, вѣроломными народами, напротивъ того гораздо полезнѣе содержать ихъ всегда во враждѣ между собою.» Въ то же время во всеподданнѣйшемъ донесеніи Государю написалъ князь, что «честь и достоинство Россіи требуютъ прекращенія ежегодныхъ подарковъ»

всылаемыхъ разнымъ кавказскимъ владѣльцамъ, и что периферійная порука за ихъ приверженность и вѣрность — оружіе. Въ этомъ же донесеніи, которое читать отъ начала до конца было бы слишкомъ долго, изъяснилъ князь предложенія свои какими способами должно поддержать и обезпечить астраханскую торговлю и безопасное сообщеніе съ Грузіею. Всѣ предположенія его были признаны основательными и приняты въ уваженіе. Словомъ, Государь уполномочилъ князя дѣйствовать по обстоятельствамъ и мѣстнымъ соображеніямъ; и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы исполнѣ, какъ говорится, развязать ему руки, отдалъ въ полное его распоряженіе каспійскую флотилію.

Такимъ образомъ князь Павелъ Дмитріевичъ, уполномоченный Государемъ и не бывъ ни чѣмъ связанъ въ распоряженіяхъ своихъ, вошелъ въ дружескія сношенія съ нѣкоторыми сосѣдственными съ кавказскою линіею владѣльцами, которыхъ по соображеніямъ своимъ призналъ онъ полезнымъ преклонить на свою сторону; и устроивъ постепенно правильное по возможности управленіе по военной и гражданской части на Кавказской линіи, отправился въ Тифлисъ. Тамъ предстояло ему много и очень много самыхъ неприятныхъ и многосложныхъ хлопотъ. Прежде всего обратилъ онъ вниманіе на искорененіе усилившихся, во время прежняго управленія Грузіею, беспорядковъ и безначалія, и для того призналъ необходимымъ тотчасъ удалить изъ Тифлиса особъ царственнаго дома, и въ тоже время были имъ приняты самыя дѣятельныя мѣры къ прекращенію чумы, вторгнувшейся въ Грузію изъ Имеретіи, при концѣ управленія предмѣстника его. Словомъ, всѣ употребленные имъ способы къ внутреннему благоустройству въ Грузіи имѣли полный успѣхъ; тогда обратился онъ къ уничтоженію самыхъ основаній къ безпокойствамъ и безпорядкамъ. Главнѣйшія причины къ тому были частые разбойническіе набѣги Лезгинъ изъ племени Джаро-Бѣлоканы. Для прекращенія однимъ быстрымъ и внезапнымъ ударомъ хищничества этихъ разбойниковъ, отправилъ онъ извѣстнаго своею храбростію и распорядительностію генералъ-маіора Гулякова съ тремя баталіонами пѣхоты, двумя стами казаковъ и четырьмя пушками. Я очень все это помню, потому что бывши инспекторскимъ адъютантомъ, черезъ мои руки шли всѣ дѣла. Въ свѣжій памяти моей осталось, какъ князь призывалъ къ себѣ Гулякова, какъ онъ принималъ его съ очаровательною своею приветливостію и прямотіею, долго бесѣдовалъ съ нимъ, а мнѣ поручено было записывать все, что они по общему совѣщанію по-

ложили, и составить ошціальную бумагу изъ записаннаго мною. Гулякову поставлено было въ обязанность итти съ порученнымъ ему отрядомъ форсированнымъ маршемъ, прямо къ рѣкѣ Албанъ, тотчасъ захватить всѣ лезгинскія селенія по лѣвому берегу этой рѣки, и пользуясь общимъ смятеніемъ и испугомъ отъ внезапнаго нападенія, потребовать отъ Лезгинъ скрывавшагося у нихъ, какъ носился о томъ слухъ, мятежника и врага Россіи, грузинскаго царевича Александра: сверхъ того принудить ихъ принять и содержать на свой счетъ русскія войска, которыя должны оставаться въ ихъ главныхъ селеніяхъ Джары и Бѣлоканы. Это послѣднее селеніе почиталось неприступнымъ, такъ, что во время нашествія Шаха Падира, покушеніе взять это селеніе стоило жизни родному брату шаха и пятьнадцати тысячамъ Грузинамъ, бывшимъ подъ его предводительствомъ.

Но если Персіяне и Грузины имѣли неудачу и были отбиты съ такимъ большимъ уровнемъ, то напротивъ того Русскіе чудобогатыри, подъ предводительствомъ храбрѣйшаго молодца Гулякова, имя котораго до-сихъ-поръ еще незабвенно на Кавказѣ, имѣлъ полный и блестятельный во всѣхъ отношеніяхъ успѣхъ. Гуляковъ съ небольшимъ отрядомъ своимъ, къ которому однакъ присоединилось добровольно до пяти тысячъ Грузинъ, исполнилъ въ точности все, что ему было поручено отъ главнокомандующаго. Бѣлоканы взяты были приступомъ, и послѣ того другое главное селеніе Джары, и вообще все это лезгинское племя покорилось Гулякову. Они приняли по ихъ обычаямъ присягу быть вѣрноподанными російскому правительству, и въ числѣ многихъ другихъ наложенныхъ на нихъ Гуляковымъ обязанностей, должны они были платить ежегодно подать*, а къ довершенію всего султанъ елисуійскій, постоянный союзникъ этихъ Лезгинъ, устрешенный тѣмъ, что свершилось съ его друзьями, также покорился Россіи, и по требованію Гулякова прислалъ аманатовъ.

Князь Павелъ Дмитріевичъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи о дѣйствіяхъ отряда генерала Гулякова, отклонялъ отъ себя честь успѣха и относилъ все непосредственно къ одному Гулякову; но Государь наградивъ Гулякова, въ то же время въ изъявленіе удовольствія своего къ хорошимъ распоряженіямъ и самого князя, пожаловалъ ему алѣксандровскій орденъ.

* Сумма взимаемая съ этихъ Лезгинцевъ въ подать предназначена была княземъ Циціановымъ на учрежденіе и содержаніе въ Тифлисѣ народнаго училища.

Съ величайшимъ, единодушнымъ восторгомъ получено было въ Тифлисѣ извѣстіе о блистательной побѣдѣ, одержанной Гуляковымъ. Взятіе Бѣлоканы почитавшейся неприступною и покореніе вообще Лезгинъ, племена жаро-бѣлоканскаго, которые хищническими набѣгами своими дѣлали большой вредъ и стѣсняли Грузію, было весьма важное событіе; въ особенности же послѣдствіемъ этой побѣды было увеличеніе довѣрія Грузинъ къ Русскому войску, и у сосѣдственныхъ владѣльцевъ распространился всеобщій страхъ. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ этихъ владѣльцевъ, а именно шекинскій ханъ, шедшій уже на помощь къ Лезгинамъ, своимъ союзникамъ, узнавъ, какіе чудеса надѣлали Русскіе, обратился тотчасъ въ бѣгство. Князь Павелъ Дмитріевичъ, чтобы болѣе утвердить владычество Русскихъ, въ этомъ покоренномъ краѣ, приказалъ построить редутъ на берегу рѣки Алпзапа, при такомъ мѣстѣ, гдѣ былъ бродъ; и назвавъ его Александровскимъ, назначилъ для занятія этого редута баталіонъ пѣхоты.

Но, къ сожалѣнію, жизнь храбраго, отличнаго генерала Гулякова продолжалась не долго; не успѣлъ онъ еще новыми блистательными подвигами увеличить пріобрѣтенную имъ славу.

Во время блокады крѣпости Ганжи войсками подъ начальствомъ самого князя, получилъ онъ неблагопріятныя извѣстія объ этихъ же жарскихъ Лезгиняхъ. Они вздумали воспользоваться отсутствіемъ большей части войска къ Ганжѣ, стали упорствовать въ платежѣ наложенной на нихъ дани, и вообще, какъ дошли свѣденія до князя, начался между ними духъ мятежа и неповиновенія. Чтобы положить преграду въ самомъ началѣ и дать имъ порядочный, памятный урокъ, предписалъ онъ Гулякову съ семью баталіонами пѣхоты и съ десятию орудіями тотчасъ отправиться, для наказанія виновныхъ въ собственныхъ ихъ селеніяхъ и приведенія ихъ въ повиновеніе. Гуляковъ исполнилъ въ точности данное ему порученіе, удачно атаковалъ и разбилъ ихъ. Жарцы, бросивъ свои жилища, скрылись въ неприступное ущеліе Закатальское, а Гуляковъ ободренный успѣхомъ своимъ, также храбростію и ревностію своего отряда, быстро послѣдовалъ за неприятелемъ. Но лишь только войска, растянувшись по необходимости, вошли въ тѣсное ущеліе, посыпался съ боковъ градъ пуль; въ то же время толпа Горцевъ устремилась къ нашимъ пушкамъ, и Гуляковъ, пораженный пулею прямо въ грудь, палъ мертвый.

Смерть любимаго начальника распространила общее смятеніе въ отрядѣ. Грузины и казаки, бывшіе впереди, тѣснимые Джар-

дами, бросились назад на колоны, смѣшали ихъ в столкнудли многихъ въ оврагъ. Въ числѣ ихъ были генералъ князь Орбеліановъ и Леонтьевъ, а также участвовавшій во всѣхъ геройскихъ подвигахъ Русскихъ, во время командованія князя Циціанова, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручикъ графъ Воронцовъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, какъ называлъ его князь Циціановъ. Онъ любилъ и уважалъ этого молодаго челоуѣка и употреблялъ, несмотря на его молодость, во многихъ дипломатическихъ дѣлахъ. Къ-счастію, упавшіе въ оврагъ, не слишкомъ больно ушиблись; однако жъ погубель всего отряда казалась неизбѣжною, если бы генералъ князь Орбеліановъ не принялъ начальства: онъ устроилъ ряды, и, бывши со всѣхъ сторонъ окруженъ въ неприступныхъ мѣстахъ, рѣшился отступить и сряду осемь часовъ выдержалъ сильный натискъ и преслѣдованіе непріятеля.

Князь Павелъ Дмитріевичъ былъ чрезвычайно огорченъ извѣстіемъ о смерти Гулякова, и какъ скоро немного успокоился и отдохнулъ послѣ взятія Ганжи... О чудесныхъ подвигахъ и распоряженіяхъ самого князя, при покореніи этой крѣпости, я расскажу вамъ послѣ, а теперь окончу о Гуляковѣ... Возвратясь въ Тифлисъ, князь поспѣшилъ распоряженіями своими о сооруженіи памятника Гулякову на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Памятникъ этотъ до-сихъ-поръ цѣлъ, потому что не только мы Русскіе, но и сами Лезгинцы съ полнымъ уваженіемъ сохраняютъ воспоминаніе о Гуляковѣ.

«Дай Богъ царствіе небесное этому истинно русскому челоуѣку во всей силѣ слова!» прибавилъ полковникъ съ глубокимъ вздохомъ. Онъ задумался и замолчалъ. Мы дали нѣкоторое время успокоиться душевному волненію его при воспоминаніи о преждевременной смерти храбраго и отличнаго генерала, также какъ и о незабвенномъ благодѣтелѣ его князѣ Циціановѣ, который умѣлъ такъ цѣнить и отдавать справедливость достоинству и заслугамъ бывшихъ подъ его начальствомъ. При возобновленіи убѣжденій нашихъ продолжать рассказъ, полковникъ опять со вздохомъ сказалъ: «Что дѣлать, несповѣдны судьбы Божіи!» Но возвратимся къ нашему разсказу. Я остановился на покореніи Лезгинцевъ, дѣлавшихъ большой вредъ внезапными хищническими набѣгами жителямъ Грузіи. Усмиреніе этихъ разбойниковъ и вообще восстановление порядка, такъ же какъ и соблюденіе справедливости и безпристрастія въ управленіи князя Павла Дмитріевича Грузіею, были самыя благотворныя послѣдствія, и изъ нихъ важнѣйшее было то, что владѣтель Мингреліи, князь Дадіанъ, добровольно

ступивъ въ русское подданство, и впоследствии былъ чрезвычайно полезенъ здѣшнему краю.

Но способы князя Павла Дмитриевича къ содержанію благоустройства и спокойствія въ Грузіи были очень недостаточны. По вѣстнымъ соображеніямъ своимъ, онъ просилъ объ усиленіи войскъ и о денежномъ пособіи; и въ чемъ же состояла просьба его? въ двухъ полкахъ пѣхоты и ста-тысячахъ рублей серебромъ. Деньги были къ нему тотчасъ высланы, а полки прибыли не прежде какъ черезъ годъ послѣ его представленія. Правду сказать, князь имѣлъ необыкновенное искусство выбрать людей, зналъ какъ и съ кѣмъ надобно дѣйствовать, чтобы заставить полюбить себя страстно и внушить полную, неограниченную къ себѣ довѣренность и уваженіе. Котляревскій, Карягинъ, Гуляковъ и Несвѣтаевъ способностями своимъ, храбростію, неустрашимостію и силою характера могли, какъ часто говаривалъ князь, каждый замѣнить болѣе десяти-тысячъ войска; эти слова доходили до нихъ, и вы можете вообразить, до какой степени такого рода отзывы начальника, котораго они боготворили, поощряли и поддерживали ихъ.

О подвигахъ Карягина вы знаете, о Котляревскомъ и говорить нечего. Кто изъ Русскихъ не слыхалъ объ немъ, и не знаетъ, какія услуги оказалъ онъ отечеству въ самую критическую эпоху для Россіи, въ 1812 году. О Гуляковѣ также вамъ извѣстно изъ разсказапнаго мною о взятіи почтавшейся въ то время неприступной Бѣлокапы и о покореніи хищныхъ Лезгинцовъ. Что же касается до Несвѣтаева, то, хотя нельзя поставить въ виду особенно блистательныхъ подвиговъ его, однако онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ истинно русскихъ людей, для которыхъ рѣшительно нѣтъ ничего невозможнаго, когда что прикажетъ начальство.

— При писаніи Несвѣтаева, продолжалъ полковникъ со смѣхомъ, нельзя не разсказать вамъ одного случая. Мнѣ болѣе всѣхъ извѣстны подробности, потому что я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и участникомъ въ подвигахъ его.

Персіане, приготавлиаясь къ войнѣ съ нами, употребляли все усилія, чтобы, посредствомъ разныхъ глупыхъ на нашъ счетъ разглашеній, возмущать и возстапавлять противъ насъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ горскихъ народовъ; между прочимъ дошелъ до князя слухъ, что они злонамѣренными внушеніями и великолѣпными обѣщаніями успѣвають возбуждать духъ матажа и непокорности въ тѣхъ же Лезгинахъ, которыхъ Гуляковъ успѣлъ два раза славно поколотить. Его уже не было на свѣтѣ, и князь

избралъ извѣстнаго, также отличнаго храбростію генерала Несвѣтаева, чтобы дать этимъ буйнымъ и строитивымъ Лезгидамъ третій порядочный урокъ. Несвѣтаевъ тотчасъ получилъ отъ князя предписаніе съ большимъ, бывшимъ подъ его начальствомъ отрядомъ, отправиться для усмиренія и наказанія мятежниковъ. Онъ хотя выступилъ въ тотъ же день, когда получилъ предписаніе, однако жъ черезъ нарочнаго просилъ прислать подкрѣпленіе малочисленному его отряду, и къ офиціальному рапорту своему приложилъ частное письмо къ князю, въ которомъ, описывая затруднительное свое положеніе и убѣждая о присылкѣ подкрѣпленія, между прочимъ написалъ, что, въ числѣ многихъ его недостатковъ, у него даже нѣтъ и рому, съ которымъ онъ привыкъ пить чай.

Вотъ отвѣтъ князя на это представленіе Несвѣтаева. Полковникъ вынулъ изъ шкатулки своей одну бумагу и прочиталъ намъ слѣдующее :

«Ты просишь, любезный товарищъ, или лучше сказать, сердечный другъ мой, подкрѣпленія своему отряду; но откуда и какія способы имѣю я исполнить твою просьбу? Ты самъ знаешь, сколько у меня войска, съ которымъ мнѣ надобно хорошенько поколотить хвастуна, мятежника царевича Александра, передавашагося Персіянамъ и возбуждающаго противъ насъ Аббасъ-Мирзу и также самаго почтеннаго его папеньку, велему драго шаха. Они во многихъ мѣстахъ собрали противъ насъ грозное ополченіе. Ты самъ согласишься, что надобно любезнымъ нашимъ сосѣдямъ, Персіянамъ, на самомъ опытѣ доказать, что съ Русскими шутить безнаказанно нельзя. Я посылаю къ тебѣ своего инспекторскаго адъютанта; онъ лично расскажетъ тебѣ, на какихъ пунктахъ сколько у меня войска, и ты самъ разсудишь, есть ли какая-либо возможность откуда-нибудь, хотя нѣсколько отдѣлать къ тебѣ на подкрѣпленіе. Да на что нужно генералу Несвѣтаеву подкрѣпленіе? онъ самъ своею собственною особою можетъ замѣнить нѣсколько тысячъ войска! И я такъ увѣренъ въ генералѣ Несвѣтаевѣ, что ожидаю съ посланнымъ мною адъютантомъ полученія извѣстія о полной одержанной имъ побѣдѣ и точнаго во всѣхъ отношеніяхъ исполненія даннаго ему порученія. Словомъ, благословясь, ступай, любезный другъ, впередъ и отвалай ты мнѣ по-свойски этихъ мерзавцевъ-измѣнниковъ. Они забыли славный, данный уже имъ Гудяковымъ урокъ. Повтори, братъ, этотъ урокъ. Я знаю, что ты за свою руку охулки не положишь. Однако жъ я не во всемъ,

«о чемъ ты пишешь ко мнѣ, сердечный другъ мой, отказываю тебѣ: я тотчасъ послалъ къ нашему маркитанту и велѣлъ везти послѣднія, оставшіяся у него шесть бутылокъ рому, которыя отправляю къ тебѣ на подкрѣпленіе. Пей, братъ, на здоровье, да дай и мнѣ самому право выпить за твое здоровье и громкогласно воскликнуть: ура! ура! За здоровье молодца, храбрѣйшаго изъ храбрѣйшихъ, Несвѣтаева! Истинно уважающій тебя и прочая.»

Это посланіе я привезъ къ нему. Онъ прочиталъ, призадумался, покачалъ плечами, и потомъ съ усмѣшкою обратился ко мнѣ. «Князь Павелъ Дмитріевичъ все шутитъ», сказалъ онъ. — Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я: князю самому приходится жутко; теперь уже совсѣмъ не до шутокъ. — Тутъ началъ я рассказывать, сколько на каждомъ пунктѣ въ Грузіи и на кавказской линіи войска, но онъ мнѣ не далъ окончить. «Да что долго толковать, сказалъ онъ: ужъ если князь Павелъ Дмитріевичъ пишетъ, что нельзя дать подкрѣпленія, такъ я точно увѣренъ, что нельзя. Авошь, дасть Богъ, и такъ поправимся! Однако жъ въ цѣлости ли ты доставилъ то подкрѣпленіе, о которомъ князь пишетъ ко мнѣ?» — Все цѣло и невредимо, отвѣчалъ я, и велѣлъ привести изъ моей тележки ящикъ съ шестью бутылками рому. «Ну, вотъ, это не дурно! подавай сюда, станови на столъ. Эй, Федька, кричалъ онъ своему деньщику: станови тотчасъ на таганъ большой чайникъ, и пошли ординарца позвать ко мнѣ всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, да чтобы и фельдфебели также пришли ко мнѣ; а самое главное, чтобы тотчасъ чай былъ готовъ.»

По малочисленности отряда, лагерь простирался не на большое разстояніе. Всѣ приглашенные Несвѣтаевымъ вскорѣ собрались къ нему. — Ну, господа, сказалъ онъ имъ: мы ожидали усиленія новыми войсками нашего отряда, но вотъ все подкрѣпленіе (показывая на бутылки съ ромомъ, стоявшія на столѣ), которое въ теперешнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, готовясь къ войнѣ съ Персіянами, могъ прислать къ намъ князь Павелъ Дмитріевичъ. Садитесь, напьемся чаю съ этимъ подкрѣпленіемъ, и подумаемъ, что намъ дѣлать. Стаканы съ чаемъ были принесены. Несвѣтаевъ закурилъ трубку, многіе тоже сдѣлали: такимъ образомъ открылся военный совѣтъ, на которомъ приступили къ совѣщанію, какъ лучше и благонадежнѣе достигнуть успѣха. Между-тѣмъ стаканы чаю съ ромомъ часто перемѣнялись и всѣ единогласно рѣшили, чтобы не далѣе какъ въ эту же ночь на разсвѣтъ напасть на собирающіяся и постепенно увеличиваю-

щіяся въ разстояніи трехъ или четырехъ веретъ отъ нашего лагерьа, толпы мятежниковъ, къ которымъ вскорѣ долженъ былъ присоединиться союзникъ ихъ султанъ Елизунскій; разбить мятежниковъ, преслѣдовать внутрь ихъ владѣнія, стараться открыть главныхъ зачинщиковъ, разорить ихъ дома и ежели удасться, то ихъ самихъ захватить и отправить для заключенія въ тифлискую крѣпость, въ казематы. Послѣ этого единогласнаго рѣшенія Несвѣтаевъ велѣлъ позвать къ себѣ фельдфебелей. — Ну, ребята, сказалъ онъ имъ: завтра на разсвѣтѣ будетъ у насъ славная пирушка: объявить объ этомъ въ ротахъ, и сказать, чтобы осмотрѣли всѣ хорошенько свои ружья, привинтили покрѣпче кремни, чтобы не было осѣчкв; осмотрите сами патронныя сумки, и у кого нѣтъ полного комплекта патроновъ, тотчасъ дополнить; велите поотточить штыки, чтобы не было на нихъ охулки, потомъ тотчасъ варить кашницу, раздать мясную порцію и передъ ужиномъ по славной чепорухѣ вина, а послѣ ужина по другой и тотчасъ ложиться спать, чтобы хорошенько собраться съ силами къ завтрашней пирушкѣ. А что мы разобьемъ въ прахъ и знатно отвалаемъ бусурмановъ, объ этомъ и говорить нечего. Вы всѣ у меня народъ работающій; ужъ мнѣ не въ первый разъ съ вами бить и душить этихъ поганныхъ бусурмановъ. — «Рады стараться, ваше превосходительство, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ фельдфебели: намъ ужъ это не первоученка» — Ну, смотрите же, ребята, продолжалъ Несвѣтаевъ: отправляйтесь по своимъ мѣстамъ и чтобы непременно все было сдѣлано, какъ я вамъ приказывалъ. Я самъ пойду все новѣрять, и сохрани Богъ, если найду какую-нибудь неисправность: вы знаете, я люблю усердныхъ, исправныхъ исполнителей и крѣпко ссорюсь съ тѣми кто не послушается. — «Слушаемъ, ваше превосходительство, все будетъ готово и исправно», отвѣчали фельдфебели и отправились къ своимъ мѣстамъ. Между-тѣмъ становилось уже поздно. Несвѣтаевъ велѣлъ подавать ужинать. Приготовленія были непродолжительны: буліонъ изъ говядины и зажареная на шомполахъ дикая коза составляли весь ужинъ, но зато въ кяхтинскомъ винѣ не было недостатку. Въ заключеніе всего пиршества выпили еще шо стакачу чаю съ ромомъ и послѣ того изъ доставленнаго мною подкрѣпленія уже немного оставалось. Несвѣтаевъ прощался съ своими гостями, подтвердилъ еще ротнымъ командирамъ, чтобы передъ выступленіемъ изъ лагеря для нападенія на непріятеля прочтены были передъ фронтомъ, какъ то всегда передъ всякимъ сраженіемъ въ его отрядѣ дѣлалось, молитва Отче нашъ и

исалны Живной въ помощи Вышняго и да воспроветъ Богъ и расточаетъ враги его. Это всегда въ точности соблюдалось въ войскахъ, находившихся подъ начальствомъ Нессѣтаева, а какъ онъ былъ шефъ полка, то всякаго рекрута или стараго солдата поступающаго изъ другой команды въ его полкъ снабжалъ онъ медикою, въ которой былъ зашитъ рукописный исалонъ Живной въ помощи Вышняго и вѣстѣ съ тѣмъ строго приказывалъ носить эту ладонку на вѣстѣ и никогда отнюдь не снимать ея:

Надобно вамъ разсказать еще объ одномъ обычаѣ Нессѣтаева. Онъ былъ человекъ одиночій и въ высшей степени безнорметный: собственныя его нужды были весьма ограничены. Онъ велъ восточную солдатскую, самую умиротворенную жизнь; и всю экономическую полковую сумму, которую могъ бы онъ употреблять въ свою пользу, обращалъ для пособія бѣднымъ офицерамъ: они были обнищаваны и снабжались вѣдь нужнымъ, вѣстѣ этой экономической суммы; однако же пособіе и деньги и всякаго выдавались имъ въ видѣ записки и записывались въ долговую книгу, только никогда ничего не требовалось въ возратить и не было вычета изъ жалованья для погашенія долга. При выбитіи же по какому-либо случаю изъ его полка, онъ престо своему рукою записывалъ въ книгѣ долгъ его и прощаньемъ говорилъ только: — Христосъ съ тобою; прощай, братъ, и не кониный лихоу; а ны съ тобою соживи книгу. Вы можете вообразить, до какой степени любили и были привязаны къ нему офицеры, но вѣстѣ съ тѣмъ боялись, чтобы якимъ нибудь дуракомъ или предосудительнымъ поступкомъ не навлечь на себя негодованія его, потому что отъ него зависѣло и лишнуть пособія и потребовать возврата долга.

Но обратимся къ повѣствованію, о послѣдствіяхъ доставленнаго имъ отъ князя Павла Дмитріевича подареніемъ.

Нессѣтаевъ отсутствіе гостей своихъ, пошелъ самъ вѣстѣ со явомъ въ лагерь, чтобы повѣрить, исполнено ли все, что ныъ было приказано: ныъ увидѣли, что все одѣлано по сказанному ныъ по указному. Солдаты вышны въ чарѣхъ вина передъ ужинамъ и во другой послѣ ужина развеселились: во многихъ вѣстѣхъ слышны были пѣснѣ и хохоту. Нессѣтаевъ подходилъ къ нимъ, разговаривалъ, шутилъ, спрашивалъ хорошо ли они поумали, осматривалъ ли свои ружья, остры ли у нихъ штыки; однако же совѣтовалъ ложиться спать; потому что на разсвѣтѣ будетъ работа разгульная, свѣальная, тѣмъ надобно собраться съ силами; и скоро послѣ того наступила въ лагерь глубокая тишина, прерываемая только слышимымъ часами около лагеря и на передней цѣпи.

Часа за полтора до разсвѣту отрядъ выступилъ противъ мятежниковъ безъ всякихъ затрудненій и препятствій. По ослонности нашихъ противниковъ, приблизились мы на самой зарѣ къ лагерю мятежниковъ и, подошедши на самую близкую дистанцію Несвѣтаевъ приказалъ сдать залпъ картечью изъ четырехъ пушекъ, бывшихъ при отрядѣ. Отъ этого неожиданнаго гостинца, какъ можно себѣ вообразить, мятежники очень и очень встревожились. Вслѣдъ за залпомъ картечью, солдаты по предварительному приказанію Несвѣтаева, не давъ непріятелю опомниться, скорымъ шагомъ шли, лучше сказать, бѣгомъ, еще болѣе приблизились, дали залпъ изъ ружей и тотчасъ бросились на штыки: словомъ, въ самое короткое время и просто безъ всякой съ нашей стороны потери, потому что нападеніе было быстро и внезапно, одержана полная побѣда. Непріятель оставилъ на шютъ множество убитыхъ и раненыхъ и предался бѣгству. Несвѣтаевъ былъ впереди всѣхъ, кричалъ: «Славно, славно, ребята. Я зналъ, что вы народъ у меня работающій. Живо, живо, догоняй бѣгущихъ.» Ихъ преслѣдовали, кололи и брали въ плѣнъ почти безъ всякаго сопротивленія; такимъ образомъ Несвѣтаевъ безъ большихъ хлопотъ разбилъ въ пухъ мятежниковъ, усмирилъ ихъ, успѣлъ захватить многихъ зачинщиковъ, разорилъ ихъ жилища и ихъ самихъ отправилъ въ Тифлисъ. Остальные понорились безусловно, представили по требованію Несвѣтаева новыхъ аманатовъ и тотчасъ уплатили положенную дань.

Со мною отправилъ онъ, точно какъ князь надѣялся и писалъ къ нему, подробное донесеніе, что мятежники разбиты и вообще данное ему повелѣніе исполнѣно и со всею точностію исполнено.

Все разсказанное о подвигахъ Несвѣтаева, также и прочитанное мною письмо къ нему князя Павла Дмитриевича, служить доказательствомъ и подтвержденіемъ тому, что я прежде говорилъ, то есть, что князь имѣлъ вѣрный взглядъ и необыкновенное искусство, какъ съ кѣмъ должно дѣйствовать, то есть, что онъ какъ отличный полководецъ зналъ и умѣлъ проникнуть прямо въ глубину сердца человѣческаго.

Послѣ этого наступило общее молчаніе: замѣтно было, что полковникъ углубился въ горестное воспоминаніе о своемъ благодѣтелѣ. По прошествіи нѣкотораго времени мы просили его продолжать свой разсказъ.

— Нѣтъ, господа, теперь я не могу, сказалъ онъ: притомъ же вы сами знаете, послѣ обѣда мнѣ необходимо уснуть, а послѣ того отправляюсь ко всеобщей; завтра воскресенье; но послѣ раз-

вода и обидни, можетъ-быть, соберусь съ духомъ и готовъ буду продолжать вамъ разсказъ о благодѣтеляхъ моемъ.

Полковникъ, при возобновленіи убѣжденій нашихъ исполнить данное обѣщаніе, сказалъ вамъ опять тоже, что и прежде что онъ не имѣетъ дара слова и не слишкомъ надѣется на свою память, а потому опять будетъ читать вамъ хранящіяся у него кони съ офиціальныхъ и частныхъ бумагъ и дополнять разсказомъ то, что прійдетъ ему на память при чтеніи этихъ бумагъ.

Прежде всего надобно сказать вамъ, продолжалъ полковникъ, что князь Павелъ Дмитріевичъ зналъ, какимъ языкомъ надобно говорить съ Азіятцами, и мастеръ былъ писать напыщеннымъ восточнымъ слогомъ. Я прочту вамъ, какъ образчикъ, воззваніе его къ Джаранъ и Бѣлоканцамъ:

•Къ Джареканъ жителей, отъ 3 октября 1813 года.

•Я вижу изъ писемъ вашего, что одни обманъ суть основаніемъ вѣхъ вашихъ уврѣній; вижу и то, что кротость моя и милосердіе не дѣйствуютъ на васъ. Вы отзываетесь бѣдностью, не будучи бѣдны; если шелку вѣтъ — пришлите на первый срокъ одинадцать тысячъ русскихъ рублей серебромъ или четыре тысячи двѣсти тридцать червонцевъ и два рубля серебромъ; приготовьте такую же сумму, и тогда я вашъ отецъ буду; тогда покажу, какъ кротко и милостиво русское правленіе. Но, видно, вы не чувствуете моей жалости къ пролітію вашей крови рѣками и къ лашеню васъ домовъ вашихъ и нѣвнѣ. Идите времени, соберите вѣхъ Дагестанцевъ, и готовьтесь перемерзнуть въ сибѣгу между горъ, буде стоять устраситесь; не обманете вы меня въ другой разъ; истреблю васъ съ лица земли и не увидите вы своихъ тѣленій; пойдю съ пламенемъ, по вашему обычаю; и хотя Русскіе не привыкли мочь, но исполню все то, что займу войсками, и подаворюсь на вѣки въ вашей землѣ. Увидимъ, помогутъ ли вамъ Дагестанцы выгнать меня, и будутъ ли въ состояніи это сдѣлать. Знайте, что писалъ это письмо къ вамъ неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ какъ въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду; землю вашей области покраю кровью вашею, и она покрасѣетъ, но вы какъ зайцы уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и если не отъ ночи, то отъ стужи поколѣете. Дагестанцы же, которыхъ вы оставили зимовать, будутъ свидѣтелями тому и также покрутъ. Вы хлѣбъ увезли въ ущелья, но со смертію своею его вѣсть будете. Наконецъ говорю вамъ, что генераль-маіору и кавалеру Гулякову приказалъ отъ дня отправленія этого письма съ Алазани,

буде черезъ три дня не получите оцъ ни шелку, ни денегъ — до-нести мнѣ, чтобы я началъ мою вражду къ вамъ тяжкими нака-заниемъ аманатовъ, и тогда собирайтесь все на защиту. Великій мой Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ васъ наказать, если данш не заплатите. Онъ уже изволитъ знать, что въ августѣ шелкъ не привезенъ.»

Его же воззваніе къ Бѣлоканцамъ, отъ 3 октября 1800 года.

«Миръ и благословеніе Божіе да будетъ съ вами, бѣлоканскіе старшины и народъ, если вы слѣдующую съ васъ дань заплатите тотчасъ.»

«Неприлично подчиненнымъ учить начальника и говорить, что мнѣ свойственно и что не свойственно; воробей орла и лисица льва учить не могутъ, но я вамъ великодушно прощаю. Авія я выпустилъ; другой Бѣлоканецъ взялъ на оной страхъ Армянъ и продалъ ихъ граблеию; а третій извѣстный хищникъ, — я хищни-ковъ истреблять долженъ и буду; а храбрые и честные Бѣло-канцы будутъ мои дѣти и братья: это вамъ говорю, дабы вы знали мои правила и избрали или честную жизнь или смерть. Въ доказательство моей милости къ вамъ Бѣлоканцамъ старшинскую вдову Чугу Софью я повелѣлъ отправить безъ выкупа, и она мнѣ объявила, что здѣсь пребывая, она посярмленія ни отъ кого не получила; за что я благодарю Бога, по вѣрѣ и закону моему. Слыша объ этомъ поступкѣ моемъ, взирайте на великодушіе Россіянъ, и знайте, что онъ противныхъ караетъ огнемъ и мечомъ, а до-брыхъ милуетъ и покровительствуетъ. Опомнитесь! Если вы хо-тите остаться въ подданствѣ русскомъ, какъ присягали, и поль-зоваться вашимъ добромъ — пришлите дань, на васъ возможеш-ную, и тогда въ Бѣлоканахъ, въ домахъ вашихъ оставлю васъ; даже когда приѣду съ огнемъ и мечемъ карать непослушныхъ, то и въ тѣ часы смерти и печали никто не коснется до васъ: дамъ вамъ охрану и защиту; и выгнавъ, сокруша и истребю въ съ лица земли противниковъ моихъ, отдамъ вамъ ихъ земли, и оберегу, защищу и покрою васъ, какъ отецъ дѣтей своихъ. Вы храбрые воины, вы должны храбрыхъ любить! Кто же храбрѣе Рус-скихъ — вы знаете. Пуля ваша пяти человекъ не убьетъ, а моя пушка картечью или ядромъ за одинъ разъ тридцать человекъ повалитъ. Измѣряйте все это: у васъ бунтуютъ купцы и вашими рунами хотятъ жаръ загребать. Будьте мои дѣти! Я съ вами со-единюсь; и отъ соеѣдей взявъ земли, отдамъ вамъ.»

Еще повторяю вамъ, что князь совершенно понималъ, каковымъ языкомъ должно говорить съ Азіятцами; эти два волиѣ проща-

санныя мною воззванія, служить убѣдительнымъ тому доказательствомъ, не читать цѣлкомъ вообще всѣ его воззванія и посланія къ горскимъ народамъ и къ Персіянамъ, также донесенія и частныя письма, было бы слишкомъ продолжительно; однако жъ при дальнейшемъ моемъ разсказѣ, я буду читать вамъ краткія выписки изъ его оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ, то есть, все что есть въ нихъ самаго интереснаго и необходимо нужнаго въ подтвержденіе разсказываемаго мною событія. Вотъ на первый случай прочту я замѣченное мною карандашемъ изъ длиннаго воззванія его къ вешокорнымъ возмутителямъ Лезгинамъ, отправленное имъ прежде новелліи Нескѣтаеву дѣйствовать противъ нихъ вооруженною силою; хотѣлось ему испытать прежде мѣры кротости и убѣдить ихъ, что они напрасно надѣются на пособіе Дагестанцевъ. Вотъ это посланіе:

«Я презираю дагеставскихъ мухъ и прошу васъ вспомнить, что можетъ сдѣлать Россія. Сколько разъ Дагеставцы отъ Русскихъ, зубами своими стискивая землю, испускали духъ свой, въ адъ исходящій. Если заставите меня вынуть мечъ мой, то увѣрю васъ вѣрою моею, уже не возвратитесь вы въ землю, гдѣ родились, гдѣ предки ваши и средники васъ возрастили,» и прочая.

Послѣдствія этого предупредительнаго посланія извѣстны: предсказанія князя большею частью свершились и это сдѣлано большое на нихъ впечатлѣніе.

Князь Павелъ Дмитриевичъ, имѣя въ виду исполнить Высочайшую волю, то есть стараться по возможности распространить владѣнія наши, для благонадежнаго обезпеченія Грузинъ, дѣйствуя силою оружія, политическими сношеніями и мѣрами убѣжденія, между прочимъ обратилъ вниманіе на измѣну и вѣроломство владѣтеля Ганжи, Джавишъ-Хана. Крѣпость Ганжа и все ханство было завоевано еще графомъ Зубовымъ. Джавишъ-Ханъ присягнулъ на вѣчное подданство Россіи, и крѣпость Ганжа была занята нашимъ гарнизономъ; но по выступленіи войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ графа Зубова, ханъ призналъ себя освобожденнымъ отъ данной имъ присяги, и передавшись Персіянамъ, возволялъ подданнымъ своимъ безнаказанно грабить грузинскихъ купцовъ. Когда же прибылъ князь Циціановъ, и слухъ о славныхъ его подвигахъ начиналъ распространяться, тогда ханъ, увѣряя въ преданности своей Россіи, отказалъ однако жъ въ требованіи прислать аманатомъ своего сына, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ боится раздружиться и навѣть на себя гнѣвъ шаха персидскаго.

Видеть съ тѣмъ, онъ сильно надѣялся на непреступность Ганжи, и поддерживаемый увѣреніями и обѣщаніями Персіанъ, что они будутъ защищать его, почиталъ себя въ совершенной безопасности, и въ этой надеждѣ позволилъ себѣ, на вторичныя требованія князя покориться Россіи добровольно, прислать къ нему дерзкій отвѣтъ:

«Если ты, писалъ онъ князю, намѣренъ начинать брань, то я намѣренъ дѣлать отвѣръ; если ты надѣнешься на свои пушки, то я, при благодти Божіей, могу отражать не меньшими пушками; если твои въ аршинахъ, то мои въ четыре аршина, а побѣда зависитъ отъ Бога. Гдѣ видано, чтобы мы были храбрѣе Персіанъ? Вѣрно, несчастный ромъ завелъ тебя сюда въ Петербурга, и ты испытаешь его ударъ.»

Послѣ такого отвѣту, разумѣется, князю ничего болѣе не оставалось, какъ исполнить распоряженіями къ безотлагательному выступленію къ Ганжѣ.

Прежде рѣшительныхъ мѣръ штурма, князь обложилъ крѣпость и началъ бомбардировать ее. Вотъ что писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ доносѣ своемъ Государю Императору:

«Откровенно признаюсь, что хотя несчастливый приступъ къ крѣпости распространилъ бы вѣщесней страхъ между здѣшними военными людьми и жителями, и весьма бы облегчилъ будущія наши предпріятія; хотя штурмовыя лѣстницы готовы и позднее время года не позволяетъ зааниматься долгою блокадою, но зная челоуколюбивое сердце Вашего Императорскаго Величества, я употреблю эту кровавую мѣру въ крайней необходимости. Буду столько медлить и искать другихъ средствъ овладѣть крѣпостью, сколько честь Вашего Величества мнѣ дозволить.»

Разсказывать вамъ о всѣхъ подробностяхъ блокады Ганжи, было бы слишкомъ продолжительно: я прочтѣю только письмо, писанное ровно черезъ четыре недѣли по началу блокады, княземъ Павломъ Дмитріевичемъ къ генералу Вязмитинову, въ Петербургъ. Изъ этого письма вы увидите весь ходъ блокады и взятіе штурмомъ этой крѣпости.

«Поздравляю съ новымъ годомъ и съ новою побѣдою! Побѣдоносныя російскія орлы парятъ надъ башнями Ганжи и главная мечеть обращена въ храмъ истинному Богу. Цѣлый мѣсяцъ держали мы сію крѣпость въ самой крѣпкой осадѣ. У осажденныхъ не было ни воды, ни дровъ. Пять разъ требовалъ я сдачи, угрожалъ, убѣждалъ, обещалъ Высочайшимъ именемъ премоисердаго чюего Государя, оставить хана владѣльцемъ и данникомъ Россіи,

но что не могло превозмочь уперства и буйства върадоннаго штурмана: кромѣ штурма мнѣ ничего не оставалось дѣлать. Вызовашьриѣ хана, позднее время года, умноженіе больныхъ, недостатокъ фуражу и наше всёхъ бѣдствій, неслыханный для побѣдоносныхъ російскихъ войскъ, стыдъ отступить отъ крѣпости не взявъ ея, поставили меня въ необходимость прибѣгнуть къ единственной и кровавой мѣрѣ—зять крѣпость приступомъ. Онъ свершился съ помощію Всевышняго, четвертаго января, въ разсвѣтъ, съ нешролтными усѣхонъ и малымъ урономъ: въ полтора часа времени, крѣпость Ганжа взята. Наши солдаты дрались какъ львы. Джелетъ Ханъ и сынъ его Гуссейлъ, пали жертвами (своего уперства; но къ чести солдатъ, ни одна изъ осьми-тысячь-шестисотъ женщинъ собранныхъ ханомъ въ залогъ крѣпости ихъ мужей и ни одинъ младенецъ не погибъ. Человѣколюбіе и помилованіе моему приказанію доселѣ при штурмахъ неслыханные! Остальные два сына хана, при самомъ штурмѣ, перелѣзли черезъ стѣну и скрылись. Такая ошлошность съ нашей стороны произошла отъ малочисленности при моемъ корпусѣ кавалеріи. Татарская же кромѣ грабежа не способна ни къ какой вѣрной службѣ. Ханскіе сыновья вробрались къ Самухскому владѣльцу, зависящему отъ Ганжи. Я ихъ требую отъ сего владѣльца вѣстѣ съ его подданствомъ Россіи. Что касается до меня, то я еще не пришелъ въ себя отъ трудовъ, отъ ужасной картины превролтнаго боя, радости и славы. Счастливый штурмъ сей есть доказательство моральнаго превосходства Россіи надъ Персіянцами и того духа увѣренности въ побѣдѣ, которую вселить и воспламенить въ солдатахъ считаю я первую моею цѣлью.»

Чтобы болѣе увѣрить всёхъ, что Россія никогда и никому не уступитъ ганжинскую крѣпость, князь представилъ Государю о разрѣшеніи дать этой крѣпости русское названіе, переименовавъ ее, въ честь Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Елисаветпольскъ. Государь изъявилъ свое согласіе, и вѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ князю чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Онъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности принялъ Высочайшую милость и вотъ что писалъ Государю: «Подобная награда превышаетъ мѣру моихъ заслугъ и заставляетъ меня душевно сморбѣть только о томъ, что жизнь моя, посвященная Вашему Императорскому Величеству, приближаясь къ концу предѣла своего, недовольно достаточно будетъ, чтобы дать мнѣ время заслужить сію Высочайшую награду.»

Оставивъ въ Ганжѣ, переименованной въ Елисаветполь, достаточный гарнизонъ, князь посѣщидъ въ Тиѳлисъ, чтобы окончить прерванный походомъ въ Ганжу сношенія съ имеретинскимъ царемъ Соломономъ, который еще во время переговоровъ съ мингрельскимъ владѣльцемъ изъявилъ желаніе вступить въ подданство Россіи. Возвратясь въ Тиѳлисъ, князь узналъ, что царь Соломонъ не только колебался въ намѣреніи своемъ, но что вообще дѣйствія его были весьма двусмысленны, потому что онъ искалъ въ одно и то же время покровительства Россіи и Турціи. Князь тотчасъ самъ отправился для свиданія и личныхъ переговоровъ съ царемъ, и твердостью, рѣшительностью и настойчивостью своею, принудилъ его признать себя со всемъ своимъ народомъ, подданнымъ Россіи, въ чемъ потребовалъ тотчасъ присяги: слѣдовательно въ самое короткое время безъ всякаго кровопролитія, присоединилъ онъ къ Россіи два весьма важныя владѣнія, Мингрелію и Имеретію. Покореніе Ганжи много способствовало къ убѣжденію царя Соломона вступить въ подданство Россіи. Онъ утвердился въ томъ мнѣніи, что русскому оружію ничто противостоятъ не можетъ, и что покровительство Россіи гораздо благонадежнѣе чѣмъ покровительство Турціи. Вообще взятіе штурмомъ Ганжи почитавшейся невроступною и неодолимою, произвело такое сильное впечатлѣніе и распространило такой ужасъ по всему закавказскому краю, что большая часть владѣльцевъ прислала къ князю письма наполненныя увѣреніями въ дружественномъ расположеніи и покорности; а онъ, пользуясь правомъ побѣдителя и зная хорошо азіатскіе нравы, принялъ въ отвѣтахъ своихъ тонъ самый повелительный. Я прочитаю вамъ краткія выписки изъ нѣкоторыхъ бумагъ, писанныхъ княземъ въ то время. Первое, къ шакинскому хану, родственнику убитаго въ Ганжѣ Джавать-хана, написавшему, что онъ никогда вражды и сопротивленія Русскимъ не оказывалъ, князь отвѣчалъ: «Могъ ли ты когда-нибудь и подумать, чтобы сильной, и славою въ Европѣ и Азій гремющей державѣ Россійской дѣлать сопротивленіе?» Второе, къ карабахскому хану, взявшему, передъ приходомъ Русскихъ въ Ганжу, на сохраненіе весь скотъ ганжинскихъ жителей и на требованіе о возвращеніи отвѣчавшему напыщеннымъ, однако жъ вѣжливымъ азіатскимъ слогомъ о всегдашней его готовности и желаніи искать покровительства Россіи, князь возвратилъ ему письмо его и написалъ отъ себя: «За твою персидскую политику, ты заплатишь кровью, точно такъ же какъ Джавать ханъ. Я подданства твоего не желаю и не желаю, потому что на твою вѣр-

ность могу столько же надѣяться какъ на вѣтеръ, а требую только возвращенія ганжинскаго скота. Слыхано ли въ свѣтъ, чтобы муха вела переговоры съ орломъ. Сильному свойственно повелѣвать, а слабый родится чтобы сильному повиноваться». Вотъ мнѣ еще кетати образчикъ сношеній князя Павла Дмитриевича съ ханами и другими лицами здѣшняго края. Къ аварскому старшинѣ, оправдавшему вѣроломныя и измѣнническія дѣйствія аварскаго хана: «Сколько я ни увѣренъ въ твоей личной преданности къ Россіи, но оправдывать дѣйствія самого хана не у мѣста. Онъ самъ пишетъ ко мнѣ такое письмо, которое я изъ одного пренебреженія оставляю безъ отвѣту. Императору моему не нужно имѣть такихъ подданныхъ, которыхъ собственные ихъ подданные не боятся и отъ нихъ отлагаются. Вѣрность Великому Государю моему должна быть на дѣлѣ, а не заключаться въ персидскихъ словахъ. Вамъ всѣмъ извѣстенъ уже мой образъ мыслей и постель ли я люблю или боевое поле, гдѣ кровь льется рѣками и головы валятся какъ яблоки; слѣдовательно, не слабой мухѣ, каковъ аварскій ханъ, противъ нешобѣдимаго русскаго оружія брать гордый голосъ и думать устрашить меня, посѣдѣваго подъ ружьемъ».

Другому аварскому же старшинѣ участвовавшему въ послѣднихъ дѣйствіяхъ Лезгинъ противъ Гулякова: «Какіе мнѣ увѣрительныя письма писать и трактаты дѣлать съ измѣнникомъ поданнымъ моего Государя великаго и могущественнаго! Милости не жди ни какой: твои дѣла и ты самъ, не стоишь и мертвой собаки въ подарокъ. Покорность означается не условіями и трактатами, а исканіемъ милости и прощенія съ смиреніемъ. У кого громъ въ рукахъ, тому повелѣвать довлѣетъ, а слабому повиноваться. Трости свойственно гнуться до земли, а столѣтнему дубу видѣть, что и листь его не пошевелится при ужаснѣйшей бурѣ.» Наджаръ Али Беку посланному отъ Эриванскаго хана, отвѣчалъ князь: «Я не словами страшаю, а штыками дѣйствую и дѣломъ доказываю. Я войска мною командуемые не называю по-персидски безчисленными звѣздами, а когда приѣду съ моими войсками, то ни какого условія не приму и сдѣлаю тоже, что съ Ганжою.» А къ самому Эриванскому хану послалъ князь вотъ какое объявленіе: «Симъ объявляется, что на глупое и дерзкое письмо, какое ты осмѣлился написать ко мнѣ, хапъ, съ прописаніемъ повелѣнія (словами льва, а дѣлами теленка) Баба-хана Сардаря персидскаго, Русскіе привыкли отвѣчать штыками: посему, чтобы оный ханъ ожидалъ этого рода

отвѣту въ свое время и призвалъ бы на помощь неустрашимаго Государя Государей и испыталъ бы силу съ купцами, не давно Ганжу изъ подъ его сильной руки вырвавшими яко товаръ персидской матеріи. Скоро все познають, что славѣе, медоточивое ли веро персидское, или штыкъ русской.

Князь провидѣлъ, по всемъ своимъ соображеніямъ, скорый разрывъ съ персіянами, и не щадилъ ихъ въ письмахъ своихъ. Недоброжелательство Персіянъ уже прежде было извѣстно. Они обіщали свою помощь ганжинскому хану, приняли къ себѣ бѣжавшаго изъ Грузіи царевича Александра и въ тайнѣ распространили возмутительныя свои воззванія къ Лезгинцамъ и вообще ко всемъ подданнымъ Россіи, а послѣ покоренія Ганжи недоброжелательныя дѣйствія Персіянъ сдѣлались очевидными. Сынъ шаха, Аббасъ Мирза, гласно говорилъ о скоромъ вторженіи своемъ въ земли, занятыя Русскими. За нимъ, какъ по распространеннымъ повсюду слухамъ извѣстно было, и самъ шахъ хотѣлъ вступить въ паши владѣнія. Къ довершенію всего, первый визирь, разумѣется, по повелѣнію шаха, написалъ къ князю въ самыхъ надменныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ успѣшилъ очистить Грузію и другіе сосѣдственныя съ нею владѣнія; угрожая въ случаѣ упорства, принудить его къ тому силою. Князь отвѣчалъ то, чего и слѣдовало ожидать: что дерзкое его письмо не заслуживаетъ другаго отвѣту, какъ мечемъ и пламенемъ пачертаннаго. Онъ звалъ войско ихъ на состязаніе съ русскимъ штыкомъ. Но еще прежде этой дружеской и пріятной переписки съ визиремъ, князь собралъ въ окрестностяхъ Тифлиса отрядъ въ триста тысячъ человекъ пѣхоты и регулярной и пререгулярной конницы при двѣнадцати орудіяхъ. Этотъ отрядъ нуженъ былъ для защиты эриванскаго хана, просившаго помощи противъ войскъ шаха и обѣщавшаго въ случаѣ успѣха съ нашей стороны покориться Россіи. Князь Павелъ Дмитриевичъ, готовясь къ экспедиціи подъ Эривань, поручилъ управление Грузіи, во время своего отсутствія, генералу князю Волконскому; а князю Орбелиану, поступившему въ командованіе особымъ отрядомъ послѣ смерти Гулякова, поручено было ограждать границы Грузіи отъ вторженія Лезгинъ, служившихъ на жалованьи у ахалцыхскаго паша. Князь, намѣреваясь вступить въ эриванское ханство, имѣлъ въ виду пріобрѣсти Россіи это ханство и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалить, по возможности, отъ границъ Грузіи театръ предстоявшей войны съ Персією.

Азизъ рдъ отряда назначеннаго въ экспедицію подъ Эривань,

подъ начальствомъ генерала Тучкова, встрѣтился въ первый разъ съ Персіянцами, у урочища Гумри, съ сильнымъ персидскимъ корпусомъ, при которомъ находился бѣжавшій изъ Грузіи царевичъ Александръ. Тучковъ остановилъ этотъ корпусъ и обратилъ въ бѣгство, но царевичъ Александръ остановилъ бѣгущихъ, и получилъ подкрѣпленіе отъ Аббасъ-Мирзы, появился опять противъ Тучкова. Князь Павелъ Дмитріевичъ присоединилъ къ авангарду весь отрядъ, и чтобы не оставить у себя въ тылу войско, порученное царевичу Александру и черезъ то, при дальнѣйшемъ слѣдованіи къ Эривани, не открытъ ему границъ Грузіи, началъ со всѣмъ своимъ отрядомъ на царевича, рубилъ его и принудилъ отретироваться къ главнымъ силамъ Аббасъ-Мирзы, который въ то время перешелъ черезъ Араксъ и вступилъ уже въ эриванское ханство.

«Между тѣмъ князь пришелъ съ своимъ отрядомъ къ эчмиадзинскому монастырю, и вскорѣ потомъ вздумалось было царевичу Александру съ порученнымъ ему осмнадцати-тысячнымъ персидскимъ корпусомъ окружить насъ, но хлопотъ съ этимъ корпусомъ было не много. Князь такъ отбѣгалъ его, что хвастунъ царевичъ Александръ, увѣрявшій, какъ до насъ доходили слухи, что онъ всѣхъ насъ возьметъ живыми и самаго князя съ связанными назадъ руками представить къ Аббасъ-Мирзѣ, не оглядываясь бѣжалъ и на силу кое-какъ могъ собрать остатки своего корпуса, потерпѣвшаго при нападеніи на насъ большую потерю. Послѣ того самъ Аббасъ-Мирза съ двѣнадцатью тысячами пѣхоты и осмью тысячами кавалеріи, также захотѣлъ испытать своего счастья, сдѣлалъ нападеніе на нашъ отрядъ и точно также былъ отраженъ и орокинутъ. Часть войскъ изъ корпуса Аббасъ Мирзы засѣла было въ укрѣпленіи, на берегу рѣки Занги, но баталіонъ девятаго егерснаго полка выгналъ ихъ оттуда штыками, при чемъ захвачены двѣ пушки. Неудачные опыты царевича Александра и самаго Аббасъ-Мирзы, въ особенности же послѣднее пораженіе и потеря пушекъ, навели на всѣхъ-такой страхъ, что Аббасъ-Мирза, стоявшій лагеремъ въ двѣнадцати верстахъ отъ взятаго нами укрѣпленія, поспѣшно бросился за Араксъ. Вотъ какіе были первые дѣйствія нашихъ войскъ съ Персіянцами.

Прогнавъ Персіянъ за Араксъ, князь избавилъ Эриванъ, и изыщавъ объ этомъ хана, требовалъ отъ него немедленнаго исполненія условія, то есть сдачи эриванской крѣпости и присяги на подданство Россіи; но хитрый, а по словамъ другихъ, глупый и

вершительный ханъ, подстрекаемый внушеніями подкуленныхъ Персіянами приближенныхъ его, отдѣлялся подъ разными предлогами отъ рѣшительнаго отвѣту, и въ то же время послалъ просить помощи у персидскаго шаха, убѣждая его возвратиться опять черезъ Араксъ. Шахъ исполнилъ его просьбу. Самъ своею особою съ двадцати-тысячнымъ корпусомъ явился и раскинулъ лагерь свой не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи.

Первыя дѣйствія Персіянъ состояли въ томъ, что они безпрестанно нападали на нашихъ фуражировъ. Князь призналъ необходимымъ дать шаху порядочный урокъ. Онъ самъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, отправился атаковать, не смотря на то что Персіяне, приготовляясь къ встрѣчѣ, заняли крѣпкую позицію на высотахъ. Съ начала защищались они довольно упорно, но не могли долго устоять противъ всемогущаго сокрушительнаго русскаго штыка: они обратились въ бѣгство къ своему лагерю, бывшему въ трехъ верстахъ отъ мѣста сраженія. По малочисленности кавалеріи бывшей въ отрядѣ, не было возможности сильно преслѣдовать бѣгущихъ; чрезъ то и побѣда наша не имѣла важныхъ и рѣшительныхъ послѣдствій. Однако жъ при приближеніи нашемъ къ ихъ лагерю въ стройномъ порядкѣ они испугались, бросили лагерь и пустились бѣжать, черезъ Эривань, гдѣ гарнизонъ очень удачно и успѣшно ограбилъ своихъ разбитыхъ и бѣгущихъ едновѣрцевъ. Словомъ въ этотъ день Персіяне потеряли болѣе семи тысячъ убитыми и рапеными, весь свой лагерь, нѣскольکو знаменъ, семь фалковатовъ, а самое главное, потеряли все имущество, награбленное ими во время движенія къ Эривани и большой запасъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ у насъ былъ недостатокъ. За эту блистательную побѣду князь Павелъ Дмитриевичъ награжденъ владимірскимъ орденомъ первой степени.

Послѣ славныхъ уроковъ, данныхъ княземъ, прежде бѣглецу и хвастуну царевичу Александру, потомъ Аббасъ-Мирзѣ и наконецъ самому шаху, обратился онъ къ крѣпости Эривани, обложивъ ее слабымъ отрядомъ своимъ со всѣхъ сторонъ въ виду персидскаго корпуса, не осмѣливавшагося сдѣлать ни какого сопротивленія.

Съ начала эриванскій ханъ приступилъ было къ переговорамъ, но князь отвѣчалъ, что ему какъ измѣннику, не исполнившему своихъ обѣщаній, вѣрить нельзя, и что единственное его спасеніе состоитъ въ томъ чтобы онъ безусловно покорился въ подданство Россіи. Послѣ этого отвѣту ханъ рѣшился испытать свою силу, выступилъ изъ крѣпости съ частію гарнизона,

и съ подошедшими къ подкрѣпленію его Персіянами бросился атаковать насъ; но и эта попытка была также неудачна. Послѣ жаркаго и упорнаго сраженія, продолжавшагося болѣе десяти часовъ, побѣда осталась по прежнему на нашей сторонѣ: нападеніе было отражено; храбрецы, вздумавшіе помѣриться съ нами силами, были разбиты въ пухъ, и потерявъ убитыми и ранеными болѣе тысячи человѣкъ и двѣ пушки, бѣжали назадъ въ крѣпость.

Поправившись и образумившись отъ новаго нанесеннаго удара, Аббасъ-Мирза и самъ шахъ рѣшились еще вновь атаковать насъ; но князь имѣлъ исправныхъ и вѣрныхъ лазутчиковъ, узналъ объ ихъ намѣреніи; и чтобы предупредить ихъ, отдѣлилъ изъ своего отряда тысячу человѣкъ, и поручилъ извѣстному храбростию своему генералу Портнягину, ночью внезапно напасть на лагерь Аббасъ-Мирзы. Однако жъ къ сожалѣнію это предпріятіе не имѣло ожиданнаго успѣху, по неосторожности и запальчивости бывшихъ у Портнягина Азіятцовъ. Ударъ сдѣланъ былъ не своевременно и неудачно, такъ, что Портнягинъ самъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; но не смотря на превосходство непріятельской силы, Портнягинъ съ тысячею человѣками пробился на штыкахъ сквозь тридцать тысячъ непріятелей и безъ большаго урона возвратился въ лагерь. Мужество, неустрашимость и отважность Русскихъ привели въ изумленіе Персіянъ и сдѣлали на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они послѣ того не отваживались уже ни одного разу нападать на насъ большими массами.

Между тѣмъ князь продолжалъ блокаду Эривани и часть отъ часу болѣе стѣснялъ тамошній гарнизонъ, но къ несчастію не было у насъ осадныхъ орудій. Ужаснѣйшій жаръ, даже и въ томъ краю незапамятный, взпурялъ наши войска; число больныхъ ежедневно увеличивалось; обозы съ провіантомъ ожидаемые изъ Тифлиса не приходили; грузинскую кавалерію, совершенно намъ бесполезную, отправилъ князь назадъ, но она во время слѣдованія своего была окружена Персіянами, взята въ плѣнъ и отослана въ Тегеранъ. Постъ, занимавшій подъ начальствомъ маіора Монтезора, укрѣпленіе въ Бомбахѣ, для удержанія сношеній нашихъ съ Грузіею, былъ атакованъ Персіянами, и послѣ упорнаго, продолжительнаго сопротивленія вообще весь нашъ отрядъ вмѣстѣ съ начальникомъ изрубленъ въ куски. Лезгинцы вновь взбунтовались, Карабахцы вторгнулись въ елисаветпольскій (бывшій ганжинскій) округъ, Осетинцы также возстали противъ насъ,

и наконецъ даже татарскія дистанціи подняли противъ насъ оружіе и тѣмъ пресѣкли сообщеніе наше съ Грузією; словомъ неудача за неудачю быстро слѣдовали, и мы со всѣхъ сторонъ такъ были стѣснены, что даже до Тифлиса доходили слухи о томъ, что князь со всѣмъ отрядомъ погибъ, и оставшіяся тамъ начальники князь Волконскій сталъ готовиться къ оборонѣ самаго Тифлиса.

Неблагопріятные слухи о стѣсненномъ положеніи нашего отряда дошли, какъ то обыкновенно водится, съ постепеннымъ преувеличеніемъ до самаго Петербурга. Но князь Павелъ Дмитріевичъ не унывалъ, и въ донесеніи своемъ Государю объяснялъ, что блокада Эривани продолжается съ усильною дѣятельностію и должна вскорѣ имѣть благопріятныя послѣдствія, потому что приближается осень, и Персидское войско прибывшее для подкрѣпленія Эривани, должно по общему ихъ обычаю возвратиться по своимъ домамъ. Донесеніе это оканчивалъ онъ слѣдующимъ: «Гдѣ Богъ, священное имя Вашего Величества и непобѣдимые ваши войска, тамъ ни какихъ гибельныхъ слѣдствій ожидать не возможно.» Однако жъ правду надобно сказать, что положеніе наше становилось часъ отъ часу хуже. Персидская конница выжгла на корню весь хлѣбъ около Эривани и Эчмиадзипа; въ продовольствіи былъ у насъ большой недостатокъ, и болѣзни между солдатами увеличились отъ нестерпимаго жару и неизбѣжнаго употребленія въ пищу плодовъ: словомъ по необходимости должно было рѣшиться на одну изъ крайнихъ мѣръ, или снять осаду, или взять крѣпость штурмомъ. На эту послѣднюю мѣру рѣшился князь, въ томъ правильномъ соображеніи, что на штурмъ, можетъ онъ потерять людей даже менѣе чѣмъ при отступленіи отъ крѣпости; что еще сверхъ потери людей, можетъ имѣть вредныя послѣдствія въ нравственномъ отношеніи. Однако жъ по важности этого дѣла, онъ призналъ нужнымъ собрать военный совѣтъ; но съ сожалѣніемъ должно сказать, что на этомъ совѣтѣ единственно только генералъ Портнягинъ былъ одного мѣнія съ княземъ, то есть, чтобы итти тотчасъ на штурмъ; всѣ прочіе подали голосъ, чтобы непремѣнно и безъ отлагательства отступить. Князь долго не рѣшался на отступление; призывалъ къ себѣ полковыхъ, баталіонныхъ и даже ротныхъ командировъ, совѣтовался съ ними, долго бесѣдовалъ съ медиками и провіантскими чиновниками и наконецъ по соображеніи всѣхъ собранныхъ имъ свѣденій, съ чувствомъ глубокаго прискорбія, согласился съ большинствомъ голосовъ на военномъ совѣтѣ, и приказалъ при-

ступитъ къ распоряженіямъ объ отступленіи. Вотъ что при этомъ случаѣ писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей: «Великую истину сказалъ безсмертный нашъ полководецъ Задунайскій, что войну надобно начинать съ брюха.»

Черезъ два дня, послѣ рѣшенія военнаго совѣта, вечеромъ по пробитіи вечерней зари, стали готовиться къ отступленію отъ крѣпости, а на разсвѣтѣ войска наши тронулись изъ лагеря. Персіяне вскорѣ замѣтили наше отступленіе и начали преслѣдовать, однакожъ очень слабо и на рѣшительное нападеніе не отважились. Впродолженіи десятидневнаго нашего похода отъ Эривани до границы, заболѣло тридцать офицеровъ и болѣе четырехъ-сотъ нижнихъ чиновъ; умерло полтораста человѣкъ.

Князь въ донесеніи своемъ Государю объ отступленіи отъ Эривани, между прочимъ написалъ: «Не могу безъ стѣсненія сердца вообразить себѣ бѣдственное мое положеніе. Въ теченіи тридцати пяти лѣтъней службы, никогда еще не случалось со мною такого несчастія какъ теперь. Могъ ли я когда-нибудь предвидѣть, что и со мною случится то же, что съ начальникомъ войскъ подъ Хотинымъ, и что я буду вторымъ примѣромъ безколезной блокады и отступленія отъ крѣпости.» Государь, въ Всемилостивѣйшемъ своемъ рескриптѣ, старался утѣшить и успокоить князя, столь сильно огорченнаго неудачею. Вотъ копіи съ этого рескрипта: «Одно неудовольствіе, которое я въ семъ произшествіи имѣю, есть то огорченіе, въ которомъ вы находитесь. Никто, конечно, кромѣ васъ сравнивать не станетъ произшествія подъ Хотинымъ съ настоящимъ случаемъ, но многіе безъ сомнѣнія всегда будутъ отдавать справедливость, какъ предпримчивости вашего духа, такъ и тому, что вы съ столь малыми силами, многое въ одну кампанію привели въ дѣйствіе. Желаю чтобы сіе искреннее изложеніе мыслей моихъ успокоило и утвердило въ васъ увѣренность въ постоянномъ моемъ къ вамъ благоволеніи.»

Одно только возвращеніе князя Павла Дмитріевича въ Тифлисъ всѣхъ оживило и подкрѣпило упавшую бодрость духа народа. Онъ тотчасъ приступилъ къ восстановленію порядка и благоустройства, нарушеннаго по всѣмъ отраслямъ управленія во время его отсутствія, и вскорѣ достигъ своей цѣли; а къ довершенію всего, безъ всякихъ необыкновенныхъ усилій и кровопролитія, но твердостію и познаніемъ, какъ должно дѣйствовать съ Азіятцами, умѣлъ онъ склонить къ добровольной покорности и подданству Россіи ханства карабахское, шекинское и

шургельское султанство, не взирая на всё провски Персіянъ. За эту новую, весьма важную услугу, Государь награди́лъ князя арендою въ осемь тысячъ рублей серебромъ въ годъ.

Въ странныхъ отношеніяхъ была Россія съ Персією. Открыто объявленной войны не было, но Персіяне съ упорствомъ и недоброжелательствомъ старались вредить всѣмъ - нашимъ дѣйстви́ямъ, и вскорѣ по возвращеніи князя въ Тифлисъ изъ-подъ Эривани шахъ началъ повсюду разсылать возмутительные воззванія. Именемъ оскорбленной вѣры, побуждалъ онъ сосѣдственныхъ Грузіи владѣльцевъ къ возстанію и принятію оружія противъ насъ. Въ этихъ воззваніяхъ писалъ между прочимъ шахъ: «Сардаръ Шпекторъ (такъ называли Персіяне князя: то есть сардаръ главнокомандующій инспекторъ кавказской инспекціи), есть ничтожный предволитель горсти мелкихъ людей, умѣющихъ только торговать рыбою (такъ говорили Персіяне о Русскихъ, намекая черезъ то на рыбные наши промыслы на Каспійскомъ Морѣ).»

Однакожъ всё восклицаніе не имѣло важныхъ послѣдствій, и самъ князь не только не оставался безмолвнымъ зрителемъ персидскихъ продѣлокъ, но въ доказательство, что онъ пренебрегаетъ хвастливыми и высокопарными ихъ воззваніями, написалъ отъ себя прямо къ шаху: «Что всемплоствѣйшій Государь его Императоръ Александръ имѣеть твердое намѣреніе возстановитъ Грузію въ прежнихъ ея предѣлахъ, и что онъ по Высочайшему повелѣнію требуетъ немедленной выдачи Грузинъ, отправленныхъ въ прошломъ году изъ-подъ Эривани въ Тифлисъ; сверхъ того требуетъ миліона рублей въ возпатражденіе убытковъ, повесенныхъ Россією эриванскимъ походомъ, и возвращенія двѣнадцати пушекъ, увезенныхъ въ 1793 году Агою-Мухамедъ-ханомъ изъ Тифлиса; вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ дружбу и покровительство Россіи.» Посланіе свое къ шаху окончилъ князь слѣдующими словами: «Войска моего Государя подобны вихрю, вырывающему изъ земли столѣтніе дубы, не хотящіе предъ нимъ преклониться, и въ то же время шадящему слабый камышъ до земли нагибающійся.»

Продолженіе войны было неизбежно, но князь предусматривалъ, что по тогдашнимъ отношеніямъ Россіи съ Францією нельзя было надѣяться получить подкрѣпленіе войсками его корпусу; должно было дѣйствовать собственными средствами. Всѣ силы, которыя могъ онъ обратитъ на предстоящую борьбу съ Персіянами, не ослабляя кавказской ливні, окруженной также со всѣхъ сторонъ хищными горными народами, за-

ключались въ двухъ-трехъ-баталіонныхъ полкахъ пѣхоты, пяти-эскадронномъ драгунскомъ полку, девяти казачьихъ полкахъ и одномъ гарнизонномъ баталіонѣ; но за исключеніемъ больныхъ, утерѣ-штаба, и неполному комплекту людей, по штатному положенію, могло быть на лицо подъ ружьемъ десять-тысячь человекъ; артилерійскихъ орудій годныхъ въ дѣло было менѣе тридцати тысячъ. Въ этомъ составѣ всѣ оборонительныя и наступательныя наши средства.

Чтобъ хотя нѣсколько усилить себя и вѣстѣ съ тѣмъ развлечь вниманіе Персіанъ на оборону въ разныхъ мѣстахъ, князь призналъ нужнымъ воспользоваться каспійскою флотиліею.

Шею астраханскаго гарнизоннаго полка генералу Завалинскому предписалъ онъ, выбрать двѣнадцать лучшихъ судовъ изъ всей флотиліи, взять изъ вѣреннаго ему трехъ баталіоннаго полка половину самыхъ лучшихъ и благонадежныхъ людей, не менѣе полуторы тысячи или тысячъ-четыре-ста человекъ, взять также четыре орудія, и съ этимъ десантнымъ войскомъ тотчасъ отправиться самому къ низзеленскимъ берегамъ, завладѣть селомъ, или посредствомъ переговоровъ Перибазаромъ и Рянтомъ, оставить въ этомъ послѣднемъ портѣ нашего консула и одно военное судно, для покровительства нашей торговли, и потомъ не теряя времени поспѣшить въ Баку и взять непремѣнно эту крѣпость.

Однакожъ всѣ эти правильныя и хорошо обдуманныя распоряженія не были успѣху. Медленность въ приготовленіи флотиліи разрушила планъ князя, сдѣлать диверсію, то есть развлечь вниманіе Персіанъ на разные пункты. Кампанія началась тѣмъ, что непріятель сосредоточилъ всѣ силы свои въ двухъ мѣстахъ, часть арміи подъ предводительствомъ самаго шаха у Тавриза, а другая часть подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы у Капдича, противъ карабахскаго ханства. Аббасъ-Мирза отдѣлилъ отъ себя сильный отрядъ въ Карабахъ къ переправѣ черезъ Араксъ, защищаемой майоромъ Лисаневичемъ съ тремя-стами человекъ пѣхоты и двумя сотнями татарской конницы: На подкрѣпленіе Лисаневича отправилъ князь полковника Карягина съ однимъ некомплектнымъ баталіономъ.

О чудесныхъ, можно сказать, баснословныхъ подвигахъ Карягина вы знаете. Съ слабымъ отрядомъ своимъ, онъ не только отражалъ безпрерывныя нападенія, почти во сто разъ сильнѣе его непріятеля, но самъ атакował, билъ, бралъ пушки и нѣсколько разъ славно обманывалъ и дурачилъ Персіанъ. Все это

ужа вамъ извѣстно. Наконецъ присоединился онъ къ отряду главнокомандующаго, который и самъ шибъ на то время подъ начальствомъ своимъ всего только два слабыхъ батальона, посылалъ грозныя письма къ соседственнымъ съ Грузією надѣльцамъ, угрожалъ совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ, если они осмѣлятся противиться Россіи и пристать къ сторуку Персіанъ: выйдеть съ тѣмъ распространялъ онъ слухи, что Аббасъ-Мирза собирается разбить и что онъ идетъ для соединенія съ Карагалими (у котораго въ отрядѣ осталось менше ота человекъ), чтобы потомъ броситься на самого шаха и, сокрушивъ силы его, доказать, что никто безнаказанно не можетъ отважиться возставать противъ сильной, могущественной Россіи. Безпрерывныя неудачи Персіанъ во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ противъ насъ, также какъ и слухи, что главнокомандующій, присоединивъ къ себѣ Карагина, идетъ со всѣми своими силами противъ самого шаха, до такой степени напугали Персіанъ, что они поспѣшно оставили наши границы и возвратились по домамъ.

Этимъ окончилась наша послѣдняя дѣйствія съ Персіанами въ 1805 году. Необыкновенныя подвиги храбрости, отважности и самоотверженія, свершившіяся впродолженіи этой кампаніи, останутся на всегда незабвенными. Вотъ письма, полученное княземъ изъ Петербурга. Я ни какъ не могъ разобрать подписки имени и фамиліи на этомъ письмѣ; но судя по содержанию, читать должно, что оно писано какииъ нибудь знатнымъ приближеннымъ къ Государю, вельможею. Вотъ что между прочимъ пишетъ онъ. «У васъ свершаются дѣла бесчеловѣчныя: слыша объ нихъ, дивимся и радуемся, что ния Русскихъ, предводительствуемыхъ княземъ Цициановымъ, громить славою въ мѣстатѣ отдаленныхъ.»

Но не такъ удачно дѣйствовали наша каспійская флотлія и десантное войско. Разсужженія князя свершились неуспѣшно и несвоевременно. Въ половинѣ только іюля вышла флотлія въ море, слѣдовательно неприятель имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ: однакожъ не взирая на то генералъ Завалишинъ успѣлъ занять зинзлинскій портъ и оттуда сходно съ повелѣніемъ князя отправился и завладѣлъ Перибазаромъ; послѣ того пошелъ, также по плану князя, на Ряшты, но не могъ взять его, и очистивъ даже Перибазаръ, возвратился въ зинзлинскій портъ.»

«Между тѣмъ наступалъ ужаснѣйшій жаръ, и суда наши отомли на рейдѣ прямо и беззащитно подъ палащимъ зноемъ солнца, отчего и матросы и солдаты не находя ни тѣни ни пріюта

ного потерпѣли. Одновременно начальник десантного войска одумавшись, и, сообразивъ, какой величайшей отвѣтственности подвергнется онъ, не исполнивъ въ точности повелѣнія главнокомандующаго, наконецъ отправился въ Баку. Прибавъ туда, высадилъ онъ отрядъ свой на берегъ, приблизился къ крѣпости и требовалъ добровольной сдачи и покорности. Получивъ же отъ нея формальный отказъ, онъ обложилъ со всехъ сторонъ крѣпость. По справедливости должно сказать, что начальникъ десантного войска, генералъ Заваляшинъ, употребилъ все усиліе свое, и сдѣлалъ все что только отъ него зависѣло къ овладѣнію бакинской крѣпостью; но гарнизонъ и жители защищались упрямно и съ отчаяніемъ, въ ожиданіи помощи отъ союзниковъ своихъ: и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ получено было извѣстіе о приближеніи съ сильными подкрѣпленіемъ непріязненныхъ намъ хановъ, дербентскаго, кубинскаго и еще какого-то, забылъ я, страннаго имени соседствующаго владѣтеля. Начальникъ десантного войска, предусматривая совершенную невозможность противоборствовать столь многочисленному соединяющемуся противъ него войску, отступилъ отъ крѣпости и посадилъ отрядъ свой на сушу. Эта неудача не только ободрила Персіаго и враждебныхъ ему хановъ, но имѣла и то весьма вредное послѣдствіе что и ирравскій ханъ, готовившійся покориться Россіи, поколебался и отказался отъ намѣренія своего.

Извѣстіе объ отступленіи Заваляшина отъ Баку, привело въ самое негодование князя: онъ тотчасъ послалъ къ нему маншайское повелѣніе, безъ всякихъ отговорокъ и безъ малѣйшаго отлагательства возвратиться и блокировать крѣпость. Въ то же время написалъ князь къ баккинскому хану, чтобы онъ безусловно покорился, угрожая въ противномъ случаѣ личными своими присутіемъ съ сильными войскомъ и чтобы тогда не ожидалъ онъ ни малѣйшей пощады. Отъѣхавъ отъ хана не было, и князь не смотря на то что у него была жестокая лихорадка, такъ что съ трудомъ могъ онъ вставать съ постели, не хотѣлъ, на все наши убѣжденія, отложить исполненіе того, что онъ писалъ къ хану. «Одинъ только упрямый побѣждаетъ», повторялъ онъ любимые свои слова, сказанные не помню какому-то великому полководцемъ.

Въ холодную, ненастную погоду, отправились мы съ нимъ въ Елизаветинскъ, гдѣ по распоряженію его собралось войско. Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ князь съ отрядомъ, въ числѣ тысячи пехоты съ человѣкъ пѣхоты и конницы, и десатью орудіями

выступилъ подъ Баку. Во время похода болѣзнь его до того усиллась, что онъ не могъ ѣхать ни верхомъ ни въ коляскѣ, и по нѣскольку разъ, на каждомъ переходѣ, должно было останавливаться и по требованію его класть для отдыха на тюфякъ, подъ открытымъ небомъ. Сила необыкновеннаго его характера, упорная, можно сказать, чугунная воля и настойчивость взяли наконецъ верхъ, надъ тѣлеснымъ страданіемъ. Впрочемъ, собственнаго изобрѣтенія метода лѣченія лихорадки, то есть величайшая дѣла и польная эссенція, много способствовала къ изцѣленію его.

Слѣдуя въ Баку, чрезъ ширванское ханство, князь, такъ сказать, мимоходомъ присоединилъ къ Россіи эту обширную и многолюдную область, склонивъ хана переговорами и угрозами присягнувъ на подданство Россіи. Между тѣмъ движеніе наше продолжалось, и за одинъ переходъ до Баку послалъ князь объявить хану, что онъ идетъ съ твердымъ намѣреніемъ покорить; какъ покорилъ Ганжу «или умереть подъ стѣнами Баку». Переходъ черезъ шемахинскія горы былъ для всѣхъ насъ, и въ особенности для артиллеріи, очень затруднителенъ; однакожъ преодолевъ всѣ препятствія, подошли мы къ крѣпости, гдѣ уже нашли генерала Завалишина съ его отрядомъ.

Князь рѣшился употребить еще мѣры убѣжденія, чтобы избѣгнуть кровопролитія. Онъ опять послалъ къ хану предложеніе покориться безпрекословно, и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ ханъ отвѣчалъ, что онъ готовъ сдать крѣпость и самого себя отдастъ въ вѣчное подданство Россіи. Князь былъ чрезвычайно доволенъ успѣшнымъ окончаніемъ этого весьма важнаго дѣла и обѣщалъ оставить хана владѣльцемъ Баку на нѣкоторыхъ въ то же время объявленныхъ условіяхъ. Ханъ принялъ, какъ онъ въ письмѣ своемъ изъяснялся, милосердіе князя съ полною благодарностію, и просилъ его назначить день для врученія ключей и занятія крѣпости русскими войсками.

Вы сами согласитесь, что никому изъ насъ не могло прийти въ голову, чтобы ханъ въ присутствіи двухъ русскихъ отрядовъ отважился на невѣроятную дерзкую намѣву и вѣроломство. Князь назначилъ для принятія крѣпости осьмое февраля, день бѣдственный и навсегда для насъ памятный. Меня послалъ онъ рано утромъ назадъ, для ускоренія прибытія двухъ пушекъ, оставшихъ отъ отряда для почивки сломавшихся при переходѣ черезъ шемахинскія горы колесъ, а самъ князь, простившись со мною, отправился въ то же время ближе къ крѣпости съ двумястами

человѣкъ, назначенными имъ для составленія гарнизона. За полверсты до крѣпостныхъ воротъ, стояли баккинскіе старшійи съ ключами и съ хлѣбомъ и солью. Поднося все это князю, объявили они, что самъ ханъ еще не совѣтъ успокоенный и увѣренный въ милосердномъ прощеніи осмѣливается просить князя лично его въ томъ увѣрить. Князь согласился исполнить его желаніе и велѣлъ возвратить ключи, съ тѣмъ, чтобы ханъ самъ вручилъ ихъ ему. Онъ поѣхалъ впередъ съ однимъ казакомъ и княземъ Эрнстовымъ, котораго взялъ съ собою за переводчика. Утверждаютъ, что князь Эрнстовъ говорилъ, что для поддержанія достоинства главнокомандующаго гораздо лучше призвать къ себѣ хана, чѣмъ самому ѣхать къ нему, но князь увлекаемый несчастною своею судьбою не послушалъ его; поѣхалъ впередъ, приказавъ свитѣ своей и отряду назначенному для составленія гарнизона остаться позади, чтобы тѣмъ не подать подозрѣнія хану.

Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ крѣпости встрѣтилъ князь злодѣй баккинскій ханъ, въ сопровожденіи четырехъ человекъ свиты своей, и въ то самое мгновеніе, когда ханъ съ притворнымъ раболѣпствомъ подносилъ ключи князю, послѣдовали два выстрѣла изъ пистолетовъ; однимъ изъ нихъ пораженъ былъ на повагъ князь Павелъ Дмитриевичъ, а другимъ раненъ Эрнстовъ. Въ ту же самую минуту, когда палъ князь, свита хана бросилась рубить его саблями; съ городскихъ стѣнъ раздался ужасный крикъ; пушки открыли огонь на наши войска стоявшія въ полуверстѣ, и множество всадниковъ, выскакавъ изъ городскихъ воротъ, бросились на мѣсто злодѣйскаго убійства... Изуродованный, окровавленный трупъ князя... Но полковникъ не могъ говорить болѣе, слезы брызнули изъ глазъ его; онъ старался удержать и скрыть ихъ отъ насъ, но не могъ, выскочилъ носѣвшю изъ своей палатки и быстрыми шагами пошелъ вонъ изъ лагеря. Не прѣжде какъ часа черезъ два успокоился онъ и возвратился домой.

Мы всѣ были тронуты глубокимъ чувствомъ привязанности его къ благодѣтелю своему. Никто изъ насъ не рѣшился прервать общаго молчанія, послѣдовавшаго за выходомъ полковника. Наконецъ штабъ-офицеръ, товарищъ нашъ по кадетскому корпусу, который рассказывалъ намъ о подвигахъ Карягина, прервалъ общее молчаніе. «Добрый, почтенный нашъ полковникъ, сказалъ онъ, окончилъ мой рассказъ о Карягинѣ, а мнѣ, видно, надобно дополнить его рассказъ о князѣ Циціановѣ, потому что еще вновь

распрашивать его объ немъ было бы слишкомъ для него тяжело. Вы не можете себѣ представить какое нѣжное, чувствительное сердце скрывается подъ грубою наружностію нашего полковника. Впрочемъ къ тому, что вы уже слышали о князѣ Циціановѣ, должно прибавить только то, что внезапная мученическая смерть этого необыкновеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, распространили общую величественную горестъ, не только между войскомъ, но и между всѣми жителями Грузіи и Кавказа. Память объ немъ еще до нынѣ сохраняется, и повсюду имя его произносится съ полнымъ уваженіемъ. Надобно только принять въ соображеніе, что успѣлъ онъ сдѣлать полезнаго для здѣшняго края съ небольшими способами своими впродолженіи трехлѣтняго управленія, чтобы вполне убѣдиться, что онъ былъ точно гениальный человѣкъ во всей силѣ слова. Припомнимъ вкратцѣ дѣйствія его рассказанныя намъ полковникомъ. Онъ успокоилъ волновавшуюся Грузію, возстановилъ порядокъ и далъ правильный ходъ всѣмъ дѣламъ по разнымъ отраслямъ правленія, смирилъ хищныхъ Лезгинцевъ, навелъ ужасъ на Персіянцъ, присоединилъ къ Россіи Имеретію, Мингрелію, ханства гавжинское, карабахское, шакинское, ширванское и султанство шургельское; поселилъ въ войскахъ духъ непреодолимаго мужества, отважности, неустрашимости и твердой увѣренности въ томъ что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. И такой человѣкъ, по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, палъ жертвою злодѣйства, вѣроломства и измѣны.....»

Надобно правду сказать, продолжалъ сосѣдъ мой въ своихъ запискахъ, что несмотря на все уваженіе и увѣренность въ правдивости и прямодушій почтеннаго нашего полковника, также и бывшаго корпуснаго нашего товарища штабъ офицера, признавалъ я весьма преувеличенными и не совсемъ вѣроятными рассказы ихъ, въ особенности же о подвигахъ Карягина. Можно ли, думалъ я, чтобы онъ съ слабымъ отрядомъ своимъ, бывши нѣсколько разъ окруженъ непріателемъ, не вдвое и не втрое а въ двадцать, а иногда даже въ пятьдесятъ разъ сильнѣе его, могъ не только съ успѣхомъ отражать непрерывныя нападенія, во еще бить и брать пушки, и тѣмъ болѣе еще когда отрядъ его постепенно уменьшенный убитыми, ранеными и измѣною, дошелъ наконецъ до того, что оставалось не болѣе ста человѣкъ, и съ этою горсткою людей, безъ достаточнаго продовольствія, держаться въ крѣпости отвсюду окруженной нѣсколькими тысячами Персіянцъ; а къ довершенію всего, при совершенномъ истощеніи

всѣхъ способовъ, обмануть ихъ, и такъ сказать изъ-подъ носу ихъ уйти и присоединиться къ главнокомандующему. Все это казалось мнѣ слишкомъ и слишкомъ невѣроятнымъ. * Я не рѣшался дѣлать возраженій или просить по нѣкоторымъ предметамъ разсказа поясненій, но признаюсь, многое казалось слишкомъ невѣроятнымъ. Однако жъ, прослуживъ нѣкоторое время въ кавказскомъ

* Еще невѣроятнѣе можетъ показаться слышанное мною въ послѣдствіи о событіи во время командованія кавказскимъ корпусомъ генерала Торماسова, то есть, что четыре донскіе казака и одинъ Татаринъ защищались и отбились отъ полуторы тысячъ Персіянъ. Вотъ какъ это случилось. Въ одномъ временномъ устроенномъ военномъ постѣ, то есть просто въ землянѣ, обнесенной плетнемъ и обрытой не глубокимъ ровомъ въ казальской дистанціи на рѣкѣ Госниъ-Су оставлены были четыре донскихъ казака и пять Татаръ для возки и передачи служебныхъ бумагъ. Къ этому временному столь хорошо устроенному военному посту, то есть просто къ станціи военно летучей почты, приблизился отрядъ Персіянъ, состоявшій изъ полуторы тысячъ человекъ. Изъ числа Татаръ при первомъ появленіи непріятеля, четыре тотчасъ бѣжали, а казаки рѣшились защищаться до послѣдней капли крови и удержали у себя послѣднѣго Татарина, который тожѣ хотѣлъ было послѣдовать за своими товарищами. Они успѣли завалить тѣмъ только могли на скоро входъ черезъ плетень въ временной ихъ постъ. Зарядили ружья и пистолеты, и вооружившись пиками своими, твердо ожидали нападенія. Разумѣется борьба предстояла нѣтъ съ отличными трусами, а то какъ же бы иначе могли пять человекъ отбиться отъ полуторы тысячъ. Пушекъ при отрядѣ Персіянъ не было, а стрѣльба изъ ружей была бесполезна и не могла сдѣлать никакого вреда отважнымъ молодцамъ, огражденнымъ плетнемъ. Нѣсколько сибльчаковъ изъ непріятельскаго отряда дерзнули было подойти къ плетню, но два казака встрѣтили ихъ пиками, проткнувшими черезъ плетень, а остальные два ставъ ногами на лошадей своихъ, поподчивали ихъ выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ. Сибльчаки ранены пиками и пулями возвратились къ отряду. Опять еще нѣсколько отважныхъ приблизились, но между-тѣмъ казаки распорядились, чтобы остановленный ими Татаринъ безпрестанно заряжалъ ружья и пистолеты ихъ и подавалъ имъ, точно такимъ же образомъ какъ прежде, безпрестанными выстрѣлами удерживали сибльчаковъ. Если же которые изъ нихъ избѣгнувъ по счастью пудъ приближались къ входу въ военной постъ, то были встрѣчены пиками. Словомъ нѣсколько разъ возобновлялись неудачныя нападенія и кончались тѣмъ, что персидскій отрядъ, составленный изъ 1500 человекъ, простоявъ часовъ пять у этого военного поста, отошелъ съ потерей нѣсколькихъ человекъ убитыми и ранеными.

корпусъ, я вполне убѣдился въ томъ, что если начальникъ будетъ умѣть приобрести уваженіе и довѣренность къ себѣ русскаго солдата, то именно нѣтъ ничего невозможнаго. Тогда смѣло можетъ начальникъ предпринимать все, что ему вздумается, то есть свершать такіе подвиги, которые точно при разсказѣ могутъ показаться невѣроятными, преувеличенными и даже баснословными. Въ этомъ, еще повторяю, я совершенно увѣрился во время служенія въ кавказскомъ корпусѣ.

Къ сожалѣнію, служба моя продолжалась не долго и разсказъ о томъ, что я видѣлъ и въ чемъ самъ участвовалъ, будетъ непродолжителенъ. Я поступилъ въ полкъ, самый любимый *проконсуломъ Кавказа*, такъ именовали мы тогда Алексѣя Петровича Ермолова, нашего главнокомандующаго, а онъ называлъ нашъ полкъ десятымъ легиономъ, славившимся храбростію, неустрашимостію и отважностію въ римскомъ войскѣ. Алексѣй Петровичъ былъ почти всегда съ нашимъ полкомъ, бралъ его во всѣ экспедиціи, предпринимаемыя подъ личнымъ его начальствомъ; въ лагерь и во время переходовъ онъ никогда не отлучался отъ рядовъ нашихъ; зналъ по имени не только всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, но и большую часть унтеръ-офицеровъ и солдатъ; имѣлъ необыкновенное, свойственное только ему одному, искусство разговорами, остротами, а всего болѣе личнымъ примѣромъ чудесной храбрости, неустрашимости, присутствія духа и отеческою, можно сказать, заботливостію о продовольствіи и снабженіи всѣмъ нужнымъ, брать прямо за русское сердце и заставить себя страстно любить всѣхъ, кто былъ подъ его командою. Словомъ, видѣвши какъ дѣйствовалъ Ермоловъ, я вполне убѣдился въ томъ, что все слышанное мною о князѣ Цициановѣ, также о Гуляковѣ, Песвѣтаевѣ, Карагичѣ, Лисаневичѣ и Котляревскомъ было справедливо, и разсказы о подвигахъ ихъ ни сколько не преувеличены.

Первое вступленіе мое на настоящее военное поприще, то есть участіе въ сраженіи съ непріателемъ, свершилось подъ личнымъ начальствомъ самого проконсула.

Хотя вскорѣ, послѣ прибытія въ кавказскій корпусъ, начали говорить о предстоящемъ намъ походѣ въ горы, однако куда именно и съ какимъ народомъ будемъ имѣть дѣло, еще не было извѣстно. Приготовленія къ походу долго продолжались, и мы, повички, страстно хотѣвшіе скорѣй ознакомиться съ образомъ войны на Кавказѣ, выходили изъ терпѣнія. Наконецъ получено было расписаніе полковъ и баталіоновъ, по разнымъ отрядамъ и

команданъ. Съ восхищеніемъ узнали мы, что нашъ полкъ назначенъ въ отрядъ, предводительствуемый Ермоловымъ; онъ вскорѣ прибылъ изъ Тьолнеа, и мы выступили.

Въ нѣсколько переходовъ мы пришли во владѣніе шамкала и остановились, какъ говорили, на самое короткое время въ принадлежащемъ ему городѣ Тарнахъ. Но здѣсь настигла насъ такія мятелі, какихъ мы в средѣ нашего отечества не видывали. Артиллерійскій нашъ паркъ и полковые обозы, стоявшіе съ подъятыми вверхъ оглобли на полѣ, близъ города, заносило всякую ночь, такъ что едва оставались признаки, и съ утра почти до вочи должно было очищать нанесенный снѣгъ. Провіантъ почти уже весь былъ употребленъ въ пищу; мѣстное продовольствіе отъ города также истощалось, и мы начинали терпѣть недостатокъ, но не было ни унынія, ни ропоту отъ солдатъ: всякій зналъ, что сильныя мятелі препятствовали ходу ожидаемаго транспорта съ провіантомъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней непріятнаго бездѣйствія и недостатку въ продовольствіи, погода яросилась; транспортъ съ провіантомъ, отправленный съ кавказской линіи и задержанный въ пути сильными мятелами, прибылъ; всѣ мы ободрились и съ удовольствіемъ готовились къ дальнѣйшему слѣдованію, и только въ это время узнали мы назначеніе наше.

Ермоловъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ семи тысячъ человекъ, шелъ покорить акушинскую область, самую обширную и восточную во всемъ Дагестанѣ. Мы узнали, что для встрѣчи и противоборства готово уже болѣе двадцати-пяти тысячъ человекъ, и что намъ предстоитъ взбираться на неприступныя, грозно возвышавшіяся передъ нами горы; но никто не сомнѣвался, что мы пройдемъ черезъ эти горы, разобьемъ непріятеля и предпріятіе Ермолова будетъ увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Прибыль недавно въ этотъ край, мы вскорѣ были пропитаны общимъ духомъ кавказскихъ войскъ, то есть безпредѣльною довѣренностію къ главному своему начальнику; всѣ были убѣждены, что онъ твердо и отлично знаетъ свое дѣло и не иначе приступитъ къ свершенію своихъ предпріятій, какъ по зрѣломъ обсужденіи и съ полною увѣренностію въ успѣхъ.

Рота моя была назначена въ авангардъ отряда, и мы, благословясь, первые начали взбираться, то есть просто карабкаться на одну изъ самыхъ высокыхъ кавказскихъ горъ, называемую «Каланта.» Не знаю наивѣрное, но утверждаютъ, что высота этой горы простирается около шести верстъ, крутизна же въ кныхъ

мѣстахъ была такъ велика, что даже невозможно было ѣхать верхомъ на привычныхъ горскихъ лошадяхъ. Я велъ коня своего за поводья и мы кое-какъ вмѣстѣ карабкались; наконецъ утомительное и опасное странствіе наше благополучно окончилось: мы достигли вершины горы и остановились, для защиты этого мѣста отъ внезапнаго нападенія непріятеля и для пособія отряду при восхожденіи на гору.

Величайшее затрудненіе было съ артиллерійскими орудіями: вести на лошадяхъ не было ни какой возможности; люди тащили ихъ на себѣ съ превышающимъ всякое вѣроятіе трудомъ и опасностію, но ни кто не ропталъ и не жаловался. Впродолженіи нѣсколькихъ сутокъ отрядъ со всею артиллеріею достигъ вершины горы. Всѣ, начиная съ генераловъ до послѣдняго солдата, дѣйствовали не только съ обыкновенною бодростію духа, но даже съ какою-то веселостію; ротные и баталіонные шуты и такъ называемые дяди, то есть старые, заслуженные солдаты дѣлали свое дѣло. Работа кипѣла среди разныхъ шутокъ, прибаутокъ, смѣху и пѣсенъ.

Достигнувъ съ авангардомъ прежде прочихъ вершины горы и увидѣвъ, что пространство этой вершины ставляло не болѣе пятидесяти сажень, я удивился какъ непріятель, вмѣя, какъ утверждали, двадцать пять тысячъ человекъ подъ ружьемъ для противоборства намъ, и зная что намъ нѣтъ другой дороги какъ черезъ эту гору, не занялъ вершины прежде насъ. Что бы могли мы сдѣлать тогда? Обойти гору, по мѣстному положенію, не было ни какой возможности; брать ее приступомъ предстояла таже невозможность, потому что артиллерія наша съ подошвы горы дѣйствовать не могла; лѣзть съ штыками какъ на стѣны крѣпости было нельзя, потому что пространство, какъ говорили, шесть верстъ, перелетѣть со всею русскою храбростію и отважностію было нельзя и ни какой гигантской силы не достало бы на это. Словомъ, должно было отдать всю справедливость предусмотрительности и правильнымъ соображеніямъ нашего проконсула. Онъ, разными переговорами и предложеніями, мастерски умѣлъ усыпить непріятеля, воспользовался оплошностію и достигнулъ самого выгоднаго результата, не потерпѣвъ ни какой потери.

Такимъ образомъ занявъ высокую и по общему мнѣнію неприступную гору Каланту, то есть преодолевъ самыя важныя затрудненія предстоявшей экспедиціи, намъ оставалось только нѣсколько переходовъ для встрѣчи съ непріятелемъ.

Продолжая движеніе наше и углубляясь далѣе въ горы, я не

нахожу словъ къ изъясненію сильнаго впечатлѣнія и даже, можно сказать, душевнаго потрясенія, произведеннаго надо мною величественными громадами и вообще очаровательными и прежде мнѣ незнакомыми видами природы Кавказа.

Духъ бодрости, единодушія, согласія и веселости, одушевлявшій всѣхъ бывшихъ въ отрядѣ, наполняли душу мою какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ прежде сладостнымъ ощущеніемъ. Всѣ безпокойства, затрудненія, неизбежныя лишенія и перемены въ образѣ жизни нисколько не утомляли и не тяготили меня: я не шель, а какъ будто летѣлъ на славный пиръ. Словомъ, воспоминавія о первыхъ впечатлѣніяхъ при вступленіи моемъ въ дѣйствительную службу, то есть участіе въ военныхъ экспедиціяхъ кавказскаго корпуса, останутся на всю мою жизнь незабвенными.

Наконецъ приблизившись мы на недалеое разстояніе отъ непріятели. Начальникъ авангарда занялъ попавшуюся намъ на пути деревню, лежавшую на крѣпкой и хорошей позиціи, донесъ главнокомандующему и отрядилъ небольшую часть казаковъ изъ авангарда для рекогносцированія и открытія непріятели. Я былъ тогда капитаномъ, и пользуясь хорошимъ расположеніемъ начальника авангарда, убѣдилъ его поручить мнѣ это дѣло.

Начальствуя надъ расторопными, опытными и знающими свое дѣло казаками, мы приблизились со всѣми предосторожностями къ непріятели, укрѣпившемуся на противоположномъ хребтѣ неприступныхъ какъ казалось горъ, но для исполненія въ точности даннаго мнѣ порученія должно было осмотрѣть мѣстность и открыть ближайшее и удобнѣйшее средство къ нападенію на непріятели. Въ правѣ отъ насъ былъ большой оврагъ: я оставилъ въ нѣкоторомъ разстояніи казаковъ моихъ и отправился на противоположную сторону оврага. Оглядываясь на всѣ стороны, увидѣлъ я не болѣе какъ въ двадцати шагахъ отъ себя непріятельскій пикетъ, засѣвшій за каменьями съ ружьями на присошкахъ. Я осадилъ мою лошадь и въ то же время прожужжало мною ушей моихъ нѣсколько пуль. Возвратиться назадъ не осмотрѣвъ оврага значило бы исполнить не вполне съ добросовѣстностію данное мнѣ приказаніе; притомъ же мнѣ стыдно было возвратиться къ казакамъ своимъ, какъ бы испугавшись первыхъ выстрѣловъ. Все это заставило меня не только не сказать назадъ, а еще болѣе приблизиться къ оврагу. По мнѣ послѣдовалъ еще залпъ, и одинъ злодѣй мѣтившій прямо мнѣ въ голову, къ счастью не много ошибся, онъ прострѣлилъ мою фуражку и сорвалъ ее съ головы.

Между тѣмъ казаки, услышавъ выстрѣлы, подекакали ко мнѣ. Я скамандовалъ имъ шашки (сабли) конь и хотѣлъ броситься съ ними на непріятельскій пикетъ; но пожилой, и уже цокрытый сѣдиной казачій урядникъ, сказалъ мнѣ показывая на камни за которыми скрывался пикетъ: «Цемилуйте, ваше благородіе, какъ же можно на лошадяхъ атаковать между каменьями. Вы дѣло свое сдѣлали, открыли непріятеля; теперь только надобно какъ можно поскорѣй донести начальству: оно само разсудитъ, что далѣе дѣлать должно». Въ это время опять послѣдовалъ залпъ, пули прожужжали мимо нашихъ ушей, но по милости Божіей ни кого не задѣли, а только ранена была лошадь урядника, говорившаго со мною. «Вотъ вамъ первоученка; насъ-то Богъ помилывалъ, а у меня подстрѣлили лихаго коня, на которомъ я долго служилъ» прибавилъ онъ, слѣзая съ раненой лошади съ явнымъ противъ меня негодованіемъ. «Охъ молодость, молодость. Ну, да что-жъ дѣлать? Видно, Богу такъ угодно. Еще хорошо, что сами уцѣлѣли, а съ добрымъ моимъ савраскою, видно, надобно будетъ на вѣкъ проститься».

Начальникъ авангарда донесъ главнокомандующему, что непріятель открытъ и сдѣлано мѣстное рекогносцированіе. Вскорѣ потомъ квартирмейстерскій офицеръ, находившійся при главнокомандующемъ, привезъ повелѣніе отъ него вытѣснить непріятельскій пикетъ изъ оврага, а самому этому офицеру, командированному для съемки позиціи непріятеля, приказано было дать нужное прикрытіе и всѣ способы къ совершенію сдѣланнаго порученія.

Это повелѣніе было тотчасъ исполнено. Стрѣлки наши бросились въ оврагъ и выгнали оттуда непріятеля; авангардъ остановился, а квартирмейстерскій офицеръ отправился впередъ, чтобы избрать мѣсто, удобное для съемки. Пресерьезно сѣлъ онъ на одномъ скалистомъ обрывѣ, прямо противъ непріятельской позиціи, опустилъ ноги внизъ въ обрывъ, какъ-будто у себя въ кабинетѣ на покойномъ диванѣ, вынулъ карандашъ, бумагу, и принялся за дѣло, не смотря на то что мѣсто было открыто и что онъ могъ служить прекрасною цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ, и за этии дѣло не стало: нѣскольکو человекъ молчкомъ придвинулись къ нему на близкое разстояніе и онъ разомъ со всѣхъ сторонъ осыпанъ былъ градомъ пуль, но по необыкновенному и невѣроятному счастью, ни одна пуля прямо въ него не попала; но раздробленные выстрѣлами камни съ утеса осыпали его и много попало къ нему на бумагу. Ожъ

преспокойно остался на своемъ мѣстѣ, страхнулъ показавшіе на бумагу обломки камней и продолжалъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, свое дѣло. Опять раздались выстрѣлы, опять обломки камней посыпались на него, и онъ опять не двинулся съ мѣста. Начальникъ авангарда и многіе офицеры, въ томъ числѣ и я, бросились къ нему для убѣжденія его сойти съ мѣста и подвинуться хотя нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы за скалою скрыться отъ пули! — Не мѣшайте мнѣ, господа, сказалъ онъ: напрасно вы меня уговариваете: избранное мною мѣсто самое удобное для съемки, и я не сойду, пока не окончу своего дѣла. — Между тѣмъ пули осыпали и его и насъ. Мы отошли за скалу, а онъ ле пошевелился и не сошелъ, пока не провелъ послѣдняго штриха на планѣ. Окончивъ свое дѣло, онъ свернулъ бумагу и подошелъ къ намъ. — Посмотрите, нѣтъ ли какой ошибки, сказалъ онъ обращаясь къ начальнику авангарда. — «Алексѣй Петровичъ, разумѣется, долженъ имѣть болѣе довѣренности къ вамъ тѣмъ ко мнѣ: я прошу васъ повѣрить и подписать, что съемка сдѣлана мною вѣрно.» Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на планъ, въ особенности же на тѣ мѣста, которыя имъ были обрисованы нелѣ пущами; я не замѣтилъ, чтобы руки его гдѣ-либо траселись; линіи, проведенныя карандашемъ, были вездѣ тверды и вѣрны. — Подписать те я подпишу, что съемка сдѣлана вѣрно, отвѣчалъ начальникъ авангарда, особенно любившій этого молодого офицера, котораго и всѣ въ цѣломъ корпусѣ уважали, за прекрасную его нравственность и необыкновенную храбрость. Не мѣшай съ тѣмъ, прибавилъ начальникъ авангарда, надобно также засвидѣтельствовать и то, что ты дѣйствовалъ съ полною безразсудностію. Изъ чего ты хлопоталъ и упрямялся, не хотѣлъ сойти съ мѣста, гдѣ тебя осыпало пулями какъ градомъ. Это братецъ, позволяй тебѣ сказать не храбрость, а просто фанфаронство. — Мнѣ очень больно, что вы, человекъ душевно мною уважаемый, отвѣчалъ офицеръ, рѣшились сдѣлать такое обо мнѣ заключеніе. Вы давно меня знаете и лучше всякаго, можете сами сказать, фанфаронъ ли я. Повѣрьте, что если я не сошелъ, такъ это именно потому, что не было мѣста удобнѣе для съемки; и вы сами согласитесь, добросовѣстно ли бы я поступилъ, если бъ, устрасясь пули, отошелъ и сдѣлалъ бы невѣрную съемку; впрочемъ и то надобно сказать, прибавилъ онъ, показывая на насъ съ усмѣшкою: эти господа, и въ особенности казани, которые называютъ насъ плавщиками, вѣрно стали бы говорить: Ага! плавнички струсилъ нѣсколько пролетѣвшихъ воробьявъ,

принялъ за пули и тотчасъ спрятался за камень. Каково бы это было слушать мнѣ и товарищамъ моимъ! А теперь вы сами подходили и видѣли, что не воробьи, а настоящія пули летѣли мимо ушей моихъ, и никто не скажетъ что я трусь. — Мы всё отвѣчали ему, что репутація его уже давно сдѣлана и что никто и никогда не можетъ упрекнуть его въ трусости, а развѣ только въ излишней и неумѣстной отважности. — Хорошо, хорошо, господа, такъ-то вы теперь говорите; а если бъ я хотя не много дрогнулъ, или сошелъ съ мѣста, тогда бы совѣтъ иначе заговорили. Впрочемъ, кто идетъ въ военную службу, тотъ напередъ долженъ знать, что ему предстоитъ: а волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить, прибавилъ онъ садясь на свою лошадь: ужъ если служить такъ служить, и исполнять свою обязанность добросовѣстно. Прощайте, господа. Онъ ударилъ по лошади нагайкой и поскакалъ отъ насъ.

Такой подвигъ неустрашимости и твердости духа въ молодомъ офицерѣ никого не удивилъ, когда мы послѣ рассказывали: это было такъ обыкновенно въ кавказскомъ корпусѣ.

По причинамъ, которыя объяснились намъ въ послѣдствіи, авангардъ нашъ получилъ повелѣніе, оставить занятую нами противъ непріятеля позицію, и присоединиться къ главному отряду. Мы простояли въ бездѣйствіи нѣсколько дней. Между-тѣмъ главнокомандующій ѣздилъ обозрѣвать непріятельскую укрѣпленную самую природою позицію и окрестныя мѣста. Мы не понимали, отчего не трогаемся впередъ и стоимъ безъ всякаго дѣла на одномъ мѣстѣ; но вскорѣ причины тому намъ открылись. Главноначальствующій велъ переговоры и требовалъ къ себѣ для личнаго объясненія начальниковъ непріятельскихъ войскъ. Къ изумленію нашему, они явились безъ всякихъ предосторожностей къ намъ въ лагерь, по требованію нашего генерала. Въ это время убѣдился я на самомъ опытѣ, въ томъ, что мнѣ прежде говорили; то есть, что Ермоловъ умѣлъ пріобрѣсть отъ всѣхъ горскихъ непріязненныхъ намъ народовъ, такое къ себѣ уваженіе и довѣренность, что обѣщаніямъ и словамъ его они вѣрили, какъ своему алкорану. Не знаю, въ чемъ заключались объясненія и совѣщанія непріятельскихъ военачальниковъ съ нашимъ командиромъ, только всё мы видѣли, что онъ обходился съ ними ласково, угощалъ и велѣлъ проводить изъ лагера до нашихъ аванпостовъ.

Вскорѣ по отбытіи ихъ получили мы повелѣніе готовиться тотчасъ къ походу. Въ два часа ночью, выступили мы на пози-

цію, которую занималъ прежде нашъ авангардъ. Безъ всякаго шума спустился отрядъ въ оврагъ, и пройдя его, обратился къ ущелью въ обходъ непріятельской позиціи. Движеніе это свершилось удачно; артиллерійскія орудія спуускали въ оврагъ, и потому вели по ущелью на рукахъ. Казаки вели лошадей своихъ и артиллерійскихъ въ поводу. Все шло тихо, стройно, ни въ чемъ не было ни остановокъ, ни затрудненій, и къ свѣту явился весь отрядъ нашъ, къ совершенному изумленію непріятеля, на правомъ его флангѣ, отрѣзавъ чрезъ то сообщеніе его съ селеніемъ Левашомъ, гдѣ находились ихъ семейства и имущества, какъ въ безопасномъ по ихъ соображеніямъ, мѣстѣ.

Въ полномъ смятеніи бросились они съ укрѣпленной своей позиціи, чтобы защищать высоты, лежащія на пути къ селенію, гдѣ были собраны жены, дѣти и все ихъ имущество, укрѣпленные ими еще прежде завалами, но уже было поздно и всѣ усилія непріятеля остались безуспѣшными; храбрые наши молодцы на штыкахъ тѣснили ихъ и сгоняли съ одной высоты на другую, неутомимо преслѣдуя ихъ по распоряженію нашего Проконсула, бывшаго съ авангардомъ впереди. Онъ быстрымъ и рѣшительнымъ взглядомъ и опытностію своею умѣлъ воспользоваться мѣстностію для нанесенія рѣшительнаго удара. Авангардъ живо устремился на послѣднее возвышеніе, на которомъ непріятель надѣялся еще держаться для защиты селенія. Атака авангарда была такъ быстра и удачна, что непріятель въ нѣсколько минутъ былъ согнанъ съ самаго возвышенія, на лежащую передъ селеніемъ волнистую равнину. На этой равнинѣ бѣгущіе отъ штыковъ нашихъ толпы непріятеля начали собираться многочисленными кучами, но имъ опять не далъ Проконсулъ нашъ образумиться: тотчасъ устроилъ изъ находившихся съ авангардомъ артиллерійскихъ орудій баттарей и открылъ жестокій огонь; остальные орудія также вскорѣ подошли, огонь усилился и наносилъ непріятелю ужасныя пораженія. Собранныя толпы непріятелей дрогнули, и, наконецъ, сильный натискъ всего отряда на штыкахъ довершилъ нашу побѣду. Непріятель въ величайшемъ безпорядкѣ предался бѣгству и былъ живо преслѣдуемъ молодцами ливійскими казаками. Такимъ образомъ всѣ препоны, противопоставленные намъ природою и многочисленнымъ непріятелемъ, были преодолены, и побѣда одержанная посредствомъ личной храбрости, неутомимости, хладнокровія и знаніемъ своего дѣла нашего главнокомандующаго стоила намъ не болѣе сорока-пяти человѣкъ убитыми и ранеными. Далѣе походъ

намъ можно назвать веселою прогулкою. Нигдѣ непріятель не показывался, и мы безъ всякаго сопротивленія заняли главный непріятельскій городъ Акушу. Съ изумленіемъ смотрѣли мы на прекрасныя жилища поселянъ, попадавшія намъ на путь къ городу Акуши. Дома ихъ, выстроенные изъ необожженатаго кирпича, были обширны, содержались въ чистотѣ и опрятности; всего болѣе поразило меня обработываніе земли въ этихъ гористыхъ мѣстахъ. На самыхъ крутизнахъ очищены были, какъ заключить должно, съ большимъ трудомъ и усиліями, площадки поддерживаемые контрафорсами: словомъ, такого роду обработываніе земли могло бы сдѣлать честь самымъ просвѣщеннымъ Европейцамъ. Никогда не забуду вечернихъ зорь, во время пребыванія нашего въ Акушѣ. Полковая музыка, съ барабанами всего отряда, ракеты пускаемые съ высокихъ горъ и залпы изъ пушекъ; это повторяло громкіе звуки по многочисленнымъ ущеліямъ простиравшимся между громадными горами на большое разстояніе: все это, какъ можно вообразить, наводило какой-то ужасъ и страхъ на жителей бѣжавшихъ изъ селеній, черезъ которыя мы проходили и искавшихъ убѣжища въ этихъ ущеліяхъ. Всѣхъ ихъ безоружныхъ и въ-особенности женъ и дѣтей, можно бы было стѣснить и взять безъ всякаго сопротивленія. Но главнокомандующій намъ не велѣлъ ни к чему прикасаться и дать имъ полную свободу, такъ, что они ободрались и начали постепенно выходить изъ своихъ убѣжищъ и приближаться къ намъ. Кончилось тѣмъ, что весь народъ, благодарный за великодушіе и пощаду безоружныхъ и безсильных, выслалъ своихъ старѣйшихъ, съ предложеніемъ покориться безусловно русскому Императору и выдать намъ своихъ аманатовъ. Такъ успѣшно свершилъ Ермоловъ свое предпріятіе, и мы возвратились на квартиры.

Эта первая экспедиція, въ которой я участвовалъ, поступивъ въ кавказскій корпусъ, сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе. Тогда записывалъ я всё подробности; послѣ того находясь почти непрерывно въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, не имѣлъ ни времени, ни нужды записывать. Все шло своимъ порядкомъ: вездѣ побѣда сопровождала насъ; безпрестанно видѣлъ я, съ какою неустрашимостію, отважностію и самоотверженіемъ служили всѣ въ кавказскомъ корпусѣ, начиная отъ генерала до послѣдняго солдата, и ничто не удивляло меня; сверхъ-того вскорѣ почтенный нашъ полковникъ, былъ произведенъ за отличіе въ генераль-маіоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ, я также былъ

произведенъ въ майоры, и вскорѣ потомъ за отличіе въ подполковники. Алексѣй Петровичъ вездѣ, гдѣ было только дѣло по-важное, посылалъ бывшаго моего начальника съ особыми порученіями ему отрядами, составленными изъ разныхъ войскъ, а онъ всегда упрашивалъ, чтобъ меня командировали въ его отрядъ: такимъ образомъ, мы съ нимъ были почти непрерывно въ движеніи изъ одного края въ другой, то на границахъ Грузіи, то на кавказской линіи, и у меня осталось въ памяти только нѣсколько необыкновенныхъ событій, или лично съ самимъ мною или при мнѣ свершившихся. Навсегда останется въ памяти моей переходъ нашъ въ большой Кабардѣ, черезъ Баксанское ущелье, по крутому берегу бьющей какъ водопадъ рѣки Баксана, стѣсненной со всѣхъ сторонъ громадными горами. Намъ должно было проходить черезъ подыгнутую рѣкою скалу, висящую надъ свирѣлымъ и шумнымъ Баксаномъ. По тропинкѣ какъ по карнизу, шириною въ нѣкихъ мѣстахъ не болѣе полутера аршина, должно было слѣдовать нашему отряду. Самъ генералъ Ермоловъ находился съ нами. Ему извѣстно было черезъ лазутчиковъ, что дагѣ на пространствѣ этого ущелья въ одномъ мѣстѣ укрѣпился непріятель; и я съ моимъ баталіономъ посланъ былъ впередъ, чтобы вытѣснить его. Пройдя нѣкоторое разстояніе этою узкою тропинкою, нѣвѣною, какъ прежде сказала, видъ карниза, подошли мы къ такому мѣсту, гдѣ и эта тропинка обрушилась. Намъ предстала совершенно неожиданная препопа къ дальнѣйшему слѣдованію. Провалъ былъ сажени въ три глубины, а потомъ опять продолжалась таже тропинка. Я бросился самъ и послалъ отцѣскивать другую дорогу, чтобы миновать провалъ; по крутымъ, каменнымъ, голымъ скаламъ окружали насъ со всѣхъ сторонъ, проходу рѣшительно не было нигдѣ и я въ отчаяніи хотѣлъ-было уже возвратиться, въ то время подошелъ ко мнѣ старый кавказскій ветеранъ, котораго всѣ въ баталіонѣ называли *дядей*.—Какъ же это, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ, вернуться назадъ, вѣдь, воля ваша, не приходится: у насъ еще такого примѣру не было, чтобы мы не дошли туда, куда приказалъ Алексѣй Петровичъ.—Да что жъ намъ дѣлать, отвѣчалъ я съ нѣкоторою досадою. Вишь, у насъ крыльевъ нѣтъ, чтобы перелѣтъ черезъ провалъ.—Какъ что дѣлать? продолжалъ *баталіонный дядя*: а вотъ позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе». Съ этимъ словомъ снялъ онъ съ себя скатанную шпелю, развернулъ ее и бросилъ въ провалъ.—«Ну, ребята, шпелю долой и бросайте туда». Всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ перекрестился и первый кинулся въ

проваль съ ружьемъ.—Эге, эге! да какъ мягко ребята, кричалъ онъ оттуда: постойте, дайте я еще поправлю и поразстелю шинели, чтобы вамъ было еще мягче». Я поблагодарилъ дядю за славную его выдумку, и самъ прыгнулъ къ нему; за мною последовали другіе офицеры, одинъ за другимъ, а потомъ и солдаты. Благодаря Бога, всѣ мы очень удачно свершили наши прыганье, солдаты разобрали свои шинели, мы пошли далѣе и сдѣлали свое дѣло прогнали непріятеля изъ ущелья и очистили дорогу для своего отряда.

Въ то же время другой баталіонъ былъ отправленъ по противоположному берегу, чтобы открыть, вѣтъ ли въ ущельяхъ гдѣ-нибудь засады непріятельской. Этому баталіону встрѣтились совсѣмъ другаго рода препятствія: ему должно было идти также по узенькой тропинкѣ, которая вдругъ преграждена была каменною скалою, какъ-будто нарочно выстроенною стѣной. Кругомъ скалы сдѣланъ былъ внимательный обзоръ, но нигдѣ не нашли проходу: баталіонный командиръ не зналъ, что ему дѣлать.—«Да позвольте, ваше высокоблагородіе, еще хорошенько осмотрѣть, вѣдь бусурманы гдѣ же нибудь да ходятъ по этой тропинкѣ, сказалъ такой же старый дядя какъ и мой. Онъ отправился обходить и осматривать еще со всѣхъ сторонъ скалу, и нашелъ въ одномъ мѣстѣ маленькое узкое отверстіе въ скалѣ. — Ага! вотъ ихъ лазейка». — Да почему же и намъ тутъ же не пролѣзть, продолжалъ дядя: позвольте мнѣ попробовать, ваше высокоблагородіе, авось и мы пролѣземъ черезъ эту цѣпь». Онъ первый перекрестился, перелѣзъ черезъ отверстіе.—Ступай сюда за мною, кричалъ онъ: вотъ, ребята, пролѣзть можно, да и дорога отсюда широкая, знатная.

Баталіонный командиръ приказалъ одному изъ офицеровъ пролѣзть черезъ это отверстіе и осмотрѣть какова дорога далѣе. Офицеръ возвратился съ донесеніемъ, что дорога за отверстіемъ въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше той, по которой они шли, и что лазейка хотя немного узка, однако пролѣзть кое-какъ можно. Дѣлать было нечего, баталіонный командиръ приказалъ солдатамъ пролѣзать одному за другимъ, а самъ между тѣмъ не весьма съ пріятною миною посматривалъ на узкое отверстіе и свое маюрское брюшко: онъ видѣлъ, что очень и очень трудно будетъ помѣститься ему съ его туловищемъ въ это отверстіе, однако жъ надобно было рѣшиться, всѣ перелѣзли, пустился и онъ. Но съ цимъ свершилось именно то, что можно было предвидѣть: онъ такъ завязъ въ отверстіи, что не могъ тронуться ни

изадъ ни впередъ. Къ счастью, что онъ полѣзъ ногами впередъ: нѣсколько солдатъ тотчасъ явились къ нему на помощь, схватили его за ноги и перетащили благополучно; зато явился онъ къ своей командѣ въ оборванномъ и лишенномъ всѣхъ пуговицъ сюртукѣ, и съ весьма поматымъ маіорскимъ брюшкомъ; покряхтѣлъ немного, велѣлъ подать одному солдату манерку свою съ водою, напился, отряхнулся, и сталъ какъ встрепаной.

«Ничего, ничего, ребята,» сказалъ онъ. «Мы славно пролѣзли, благодарствуя дядя, что отыскалъ лазейку. Ну, ребята, впередъ.» Вскорѣ потомъ встрѣтились они съ непріателемъ, прогнали и также съ своей стороны очистили ущелье.

Такимъ образомъ весь остальной отрядъ могъ уже свободно идти чрезъ открытую нами дорогу. Встрѣтившійся мнѣ провалъ засыпалъ камнями и землею; узкое отверстіе въ скаль, чрезъ которое долженъ былъ не совсѣмъ легко и пріятно путешествовать маіоръ съ брюшкомъ своимъ, кое какъ порасширили; и главный отрядъ, къ которому и я съ моимъ баталіономъ присоединился, слѣдовавшій по тому берегу Баксана, по которому я былъ посланъ впередъ, продолжалъ дальнѣйшій переходъ по той же узкой тропникѣ, въ видѣ карниза: по слѣдованіе наше представляло величайшія затрудненія и опасности, въ особенности же для казаковъ, которые были необходимы при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда. Они вели лошадей своихъ въ поводу, однако жъ не смотря на всѣ употребленныя имъ предосторожности нѣсколько лошадей споткнувшись попадали съ ужасной высоты прямо въ рѣку Баксанъ и были поглощены бездною. Необыкновенно быстрое теченіе повлекло ихъ чрезъ подводные камни и тотчасъ раздробило на мелкія части, которыя стремленіемъ же воды выбрасывало на берегъ, то какъ будто топоромъ отрубленные ноги, то окровавленные головы несчастныхъ жертвъ. Съ ужасомъ думали мы, что точно тоже было бы и съ нами если бъ кто имѣлъ несчастье споткнуться, или у кого закружится бы голова въ то время когда мы шли по этому карнизу. Однакожъ благодаря Бога, ни какой потери въ людяхъ не было; всѣ благополучно миновали это опасное мѣсто и наконецъ вышли мы на довольно обширную площадь, гдѣ отрядъ остановился для отдыха.

Однакожъ въ этотъ день я подвергся самой величайшей опасности, и одно только милосердіе Божіе спасло меня. Главнocomандующій нашъ и начальникъ его штаба, храбрѣйшій, чудеснѣйшій генералъ Вельяминовъ, находились на томъ берегу,

но которому я шелъ впередъ. Адъютанты и ординарцы ихъ были всё разославы съ разными приказаніями, а надобно было отправить съ весьма важными порученіемъ, на другой берегъ къ той части отряда, который присоединился къ баталіону, пролѣзавшему, какъ я выше сказалъ, черезъ отверстіе въ скалы. Я самъ вызвался исполнить это порученіе. Мнѣ предстояло переходить черезъ рѣку по такъ называемой горной переправѣ, то есть по двумъ тонкимъ слегамъ, перевязаннымъ прутьями и перекинутымъ съ одной скалы на другую. Эти слуги колыхались какъ канатъ акробата; подъ ними ревѣлъ грозный Баксанъ; вода въ быстромъ стремленіи своемъ раздроблялась по подводнымъ камнямъ и обращалась въ мелкій дождь, и я недавно только былъ свидѣтелемъ послѣдствій паденія казачьихъ лошадей въ бездну свирѣпой рѣки. Но что робѣть, то хуже, подумалъ я, и смѣло пошелъ по колеблющимся слегамъ. Сначала путешествіе мое было благополучно, но вдругъ ремень подъ сапогомъ оттянувшись отъ дождя и верховой ѣзды, зацѣпился за прутья, которыми были связаны слуги; далѣе идти мнѣ было не возможно и на одной ногѣ долженъ я былъ балансировать надъ пропастію. Баксанъ брызгами своими обдавалъ меня; смотрѣть внизъ голова кружилась, и какъ нарочно пришли мнѣ на память видѣнные мною трупы лошадей, раздробившихся на части при паденіи ихъ на подводные камни. Меня тоже ожидаетъ, думалъ я; сотворилъ молитву, и чувствуя что голова моя чать отъ часу болѣе кружится и силы ослабѣваютъ, я приготовился къ смерти и мысленно простился съ своимъ отцомъ и матерью; но по неизрѣченному Божию милосердію, видно за молитвы моихъ родителей, вдругъ почувствовалъ я что ноги мои, зацѣпившіяся ремнемъ за прутья, не понимаю самъ какимъ образомъ, освободились; силы мои мгновенно возобновились, я носпѣшилъ впередъ, и благополучно окончивъ опасное странствіе мое, исполнилъ сдѣланное мнѣ порученіе.

Къ возвращенію моему назадъ, по тѣмъ же колеблющимъ слегамъ, я принялъ всё предосторожности, оторвалъ ремни отъ обонхъ сапогъ, и, подобно плясуну на канатѣ, взявъ для сохраненія равновѣсія шесть въ обѣ руки; для ободренія же себя вспомнилъ что въ корпусѣ былъ и изъ числа первыхъ въ гимнастикѣ. По шествуя по слегамъ, на томъ самомъ роковомъ мѣстѣ, гдѣ я прежде зацѣпился, развязавшіяся при освобожденіи ноги моей прутья, представляли большое затрудненіе; однакожь не теряя присутствія духа и бывъ точно въ малолѣтствѣ приученъ къ гимнастикѣ, я благополучно прошелъ и преодолѣлъ это весь-

на опасное затрудненіе: но признаюсь, когда вступилъ на берегъ, то прямо отъ души поблагодарилъ Бога за избавленіе меня отъ предстоявшей мнѣ ужасной, мучительной смерти.

— Далѣе нѣтъ ничего особенно интереснаго, продолжалъ мой со-
сѣдъ, перелистывая свой дневникъ. Я записывалъ для памяти гдѣ и когда былъ, въ какихъ отрядахъ, экспедиціяхъ и сраженіяхъ участвовалъ. Воспоминанія о нѣкоторыхъ отличныхъ подвигахъ храбрости, неустранимости и самоотверженіи, оказанныхъ моими сослуживцами въ кавказскомъ корпусѣ, записаны также въ моемъ дневникѣ, но послѣ разсказа о Карягинѣ, Гуляковѣ, Несвѣтаевѣ и прочихъ, ничего особенно интереснаго представить уже не возможно. Вообще дальнѣйшее чтеніе моего дневника было бы слишкомъ утомительно, потому что было бы повтореніемъ одного и того же.... Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, позвольте, вотъ еще довольно интересный разсказъ о линейныхъ козакахъ: всякій, кто служилъ на Кавказѣ, отдастъ должную справедливость ихъ отличной храбрости, неустранимости, ловкости и смѣлвости. Много и очень много можно разсказать о молодецкихъ ихъ подвигахъ. Вотъ одно изъ событій, при которомъ я самъ былъ свидѣтелемъ. Въ Чечнѣ, подъ Гороченскимъ укрѣпленіемъ, которое тогда только что начиналось постройкою, лагерь нашего отряда, назначенный для защиты отъ нападеній Чеченцевъ и для устройства крѣпости, стоялъ на послѣднихъ ступеняхъ высокихъ горъ, прилегающихъ къ обширной долинѣ, которая простиралась до самой рѣки Терека; по верстахъ въ двухъ отъ лагеря спускались въ эту долину два глубокіе оврага, чрезъ которые могли легко прокрасться непріятельскіе отряды и сдѣлать внезапное нападеніе на лагерь. Для наблюденія за дѣйствіями непріятели и огражденія лагеря отъ скрытыхъ нападеній, командированъ былъ въ нашъ отрядъ гребенскій козацкій линейный полкъ. Храбрый и знающій свое дѣло командиръ этого полка, полковникъ Ефимовичъ, кромѣ обыкновенныхъ предосторожностей, какъ то: отдаленныхъ скрытыхъ пикетовъ, вѣдетовъ и частыхъ разъѣздовъ, отправлялся самъ ежедневно съ особою партією изъ пятидесяти козаковъ для личнаго обозрѣнія овраговъ. Въ одно утро, партія его была готова къ выступленію; подведенная ему лошадь какъ-то заупрямилась и не стояла смирно: онъ садясь на нее зацѣпился саблею за сѣдло и оборвалъ портупею; поправлять было нѣкогда: онъ наказалъ лошадь за упрямство нѣсколькими ударами нагайкою, кинулъ портупею съ саблею и отправился въ путь съ двумя пистолетами

въ кубурахъ на сѣдлѣ и съ нагайкою въ рукахъ. Приближаясь къ оврагамъ онъ велѣлъ партіи идти прямо, а самъ съ двумя козаками, ординарцемъ и вѣстовымъ, поѣхалъ нѣсколько въ сторону, на одно возвышеніе, съ котораго удобно было разсмотрѣть по прямому направленію овраговъ, не скрылись ли гдѣ-либо Чеченцы. На этомъ возвышеніи слѣзъ онъ съ лошади, потому что она не стояла спокойно на одномъ мѣстѣ, и велѣлъ ординарцу подать свою подзорную трубу. Но въ эту самую минуту большая партія Чеченцевъ, человекъ до пятисотъ, выскочили внезапно изъ оврага и напали на козаковъ. По малочисленности ихъ, держаться имъ было невозможно, притомъ же заблаговременно было приказано козакамъ, въ случаѣ падевія сильнаго непріятельскаго отряда, не сопротивляясь скакать къ лагерю, стараясь чрезъ то завлечь непріятеля къ скрытой нашей батарее, гдѣ всегда было готово нѣсколько орудій заряженныхъ картечью, чтобы встрѣтить и хорошенъко поподчивать незваныхъ гостей. Козаки исполнили это порученіе, поскакали назадъ съ полною увѣренностію, что полковникъ присоединился къ нимъ и скачетъ впереди, но случилось противное. Ефимовичъ и бывшіе съ нимъ козаки, хотя и успѣли вскочить на лошадей, но были совсѣмъ отрѣзаны отъ своихъ и должны были скакать къ лагерю прямо долиною, по высокой густой травѣ. Лошадь козака скакавшаго впереди Ефимовича, запуталась въ травѣ, споткнулась и упала; онъ тоже не успѣлъ удержать своего коня и полетѣлъ черезъ голову на передняго козака; а къ довершенію всего, лошадь ординарца скакавшаго сзади, споткнулась на лошадь Ефимовича и также упала. Къ счастью ни кто изъ нихъ при этомъ паденіи не ушибся больно, но поймать лошадей своихъ они уже не могли. Онъ пустился во всю прыть къ партіи. Такимъ образомъ всѣ трое остались пѣшими, и Ефимовичъ для защиты своей имѣлъ одну только нагайку въ рукахъ. Чеченцы отрядили противъ нихъ трехъ своихъ наѣздниковъ; двое изъ нихъ мѣтко выстрѣлили по козакамъ и положивъ ихъ обоихъ на мѣстѣ поспѣшили возвратиться къ своимъ, а у мѣтившаго на Ефимовича осклосъ ружье, но онъ успѣлъ дуломъ ударить его въ спину и нѣсколько разъ повторилъ удары. Избитый до полусмерти и не имѣя чѣмъ защищаться, Ефимовичъ собравъ послѣднія свои силы, старался убѣжать отъ коннаго Чеченца; и къ счастью еще, что этому Чеченцу Богъ знаетъ почему не пришло въ голову, докапать его саблею или кинжаломъ. Впрочемъ весьма вѣроятно и то, что можетъ быть

онъ хотѣлъ захватить его живаго въ плѣнъ, и за тѣмъ только билъ въ спину ружьемъ, чтобы лишить смѣлы сопротивляться. Между тѣмъ одинъ изъ урядниковъ замѣтилъ, что лошадь полковника, также и лошади бывшихъ при немъ ординарца и вѣстоваго, скачутъ поемъ прямо къ партиѣ одинѣ, безъ всадниковъ: онъ закричалъ: «Стой, стой, ребята! полковника нашего вѣтъ, вонъ лошадь его скачетъ одна; онъ или убитъ, или попался въ плѣнъ. За мною, за мною, на выручку полковника.» Нѣсколько козаковъ остановились, примкнули къ уряднику, поймали лошадей, подскакавшихъ въ это время къ нимъ, бросились по слѣду протоптанному лошадьми по травѣ и вскорѣ увидѣли рассказанные мною подробности Чеченца съ Ефимовичемъ. Козаки гаркнули и стремглавъ поскакали на выручку его. Въ это время Ефимовичъ получилъ такой сильный ударъ дуломъ ружья въ шею, что не устоялъ на ногахъ; и еслибъ Чеченецъ не услышалъ крику козаковъ, то вѣрно докавалъ бы его саблею или потащилъ бы за собою на аркавѣ, но увидѣвъ, что стремятся изъ-дали на него нѣсколько козаковъ, онъ кинулъ Ефимовича и самъ поскакалъ назадъ къ своимъ; однакожъ козаки бросились его преслѣдовать, догнавъ и отступили за своего полковника; то есть тутъ же положили Чеченца на мѣстѣ; остальные подскакали къ Ефимовичу, подняли его, помогли сѣсть на лошадь и выѣсть съ нимъ, подгоняя его лошадей нагайками, пустились прямо въ лагерь. Но и Чеченцы, разсыпавшіеся во время преслѣдованія, собравшись опять въ кучу и съ яростію бросились на козаковъ. Все это происходило въ нашихъ глазахъ, но съ такою быстротою, что даже отрядный командиръ не успѣлъ сдѣлать распоряженія о высылкѣ подмоги. Къ счастью двѣ сотни гребенскихъ козаковъ оставшіеся въ лагерьѣ, успѣшно вскочили на лошадей и бросились стремглавъ для спасенія полковника и на помощь къ своимъ. Съ ожесточеніемъ устремились они на Чеченцевъ, опрокинули ихъ и гнали черезъ всю долину до лѣсистыхъ горъ, куда они успѣли скрыться. Тѣмъ и кончилась эта весьма неприятная потѣха. Намъ изъ лагеря все было видно, какъ на ладони: ны сосчитали болѣе пятидесяти человѣкъ свалившихся съ лошадей, были ли они убиты, или ранены, неизвѣстно; только кажется, порядочно поплатились они за кратковременное торжество свое: вадъ козакамъ; однакожъ и со стороны козаковъ осемь человѣкъ содѣлались жертвами привязанности къ начальнику.

— Вотъ еще одно событіе довольно интересное, гдѣ я былъ.

самъ дѣйствующимъ лицомъ, продолжалъ мой сосѣдъ, перевернувъ еще нѣсколько листовъ въ своемъ дневникѣ.

Офицеръ генеральнаго штаба, который, какъ я выше рассказывалъ, дѣлалъ съемку непріятельской позиціи подъ пулями, и не хотѣлъ, не смотря на всѣ убѣжденія, отойти нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы скрывшись отъ пуль за скалою, окончить свое дѣло, былъ послѣ того почти непрерывно съ нами: вездѣ гдѣ только предстояла какая-либо опасность, его навѣрное можно было найти впереди; къ этому прибавить еще должно то, что онъ пріятнымъ, веселымъ характеромъ своимъ, готовностію всѣмъ жертвовать на помощь товарищамъ, словомъ, отличными, нравственными своими качествами, успѣлъ пріобрѣсть уваженіе во всемъ корпусѣ. Мы называли его кавказскимъ рыцаремъ Баяромъ безъ страху и упрека.

Мы искренно полюбили другъ друга, сблизились, подружились и даже побратались, то есть помѣнялись крестами. Однажды находясь въ экспедиціи за Кубанью, въ отрядѣ подъ главнымъ распоряженіемъ начальника корпуснаго штаба генерала Вельяминова, обратился онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ секретъ. «Я не знаю, что значитъ отправиться въ секретъ, но съ тобою готовъ идти, куда хочешь, и въ огонь и въ воду». Онъ пожалъ мнѣ руку, и мы вмѣстѣ пошли къ генералу Вельяминову, проситься въ секретъ. Я знаю, что уговаривать васъ, сказалъ онъ намъ, подумавъ нѣсколько и улыбувшись, было бы по пустому слова тратить. «Хвостось съ вами, отправляйтесь; но смотрите, выберите и возьмите съ собою десять козаковъ, не только храбрыхъ и отважныхъ, но что называется, людей бывалыхъ, то есть знающихъ мѣстность, а то вы можете забрести Богъ знаетъ въ какую трущобу». Охотниковъ сопутствовать намъ явилось много. Мы выбрали десять отличныхъ молодцовъ лихійныхъ козаковъ и по совѣщаніи съ ними рѣшились отправиться вереть за двадцать отъ лагеря на извѣстную козакамъ гору, у которой сходятся нѣсколько дорогъ; тамъ, говорили они, встрѣтятся мы навѣрное съ какою нибудь непріятельскою партіею. Тутъ мѣста все скрытыя, говорили козакъ. Горцы прокрадываются ими часто даже и къ нашимъ границамъ, для разбою и грабежа.

Послѣ вечерней зары отправились мы въ путь, вооруженные

славными винтовками и взявъ съ собою нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. Цѣлую ночь шли мы почти безъ отдыха, и до разсвѣту достигли до избраннаго нами пункта. Мы залегли подъ обрывистыми скалами въ камыши, которые совершенно насъ скрывали. Не много отдохнули и подкрѣпили себя пищею. Вскорѣ потомъ началась занимать заря. Невозможно найти достаточныхъ выраженій для описанія прелестей восходящаго солнца въ очаровательныхъ живописныхъ гористыхъ мѣстахъ. Впрочемъ, восхищаться намъ прекраснѣйшею картиною восхожденія солнца и живописнымъ мѣстоположеніемъ было нѣкогда. Все вниманіе наше обращено было на исполненіе принятой нами на себя обязанности. Мы съ нетерпѣніемъ смотрѣли вдаль, по всѣмъ направленіямъ дорогъ, соединявшихся вблизи избраннаго нами мѣста и ведущихъ потомъ въ гору въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ. Вдругъ изъ одного ущелья показался всадникъ на красивомъ бѣломъ конѣ, потомъ другой, третій, мы насчитали ихъ до двадцати-шести. Всадникъ на бѣломъ конѣ былъ впереди всѣхъ, прочіе толпились въ нѣсколькихъ шагахъ позади его. Они стали постепенно приближаться къ намъ; но въ разстояніи сажень двѣсти, не доѣзжая до насъ, замѣтили мы, что бѣлый конь вдругъ остановился, какъ будто чего-то испугался и бросился назадъ. Всадникъ ударилъ его нѣсколько разъ пагайкой, и рьяный конь поднялся на дыбы, потомъ на мелкихъ прыжкахъ, какъ испуганный олень, пронесся на большое пространство, и, остановившись твердою рукою всадника, конь какъ будто почувалъ звѣря, уставилъ уши, раздулъ ноздри, фыркнулъ, и опять со всѣхъ ногъ бросился назадъ. Съ удивленіемъ и съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на легкія, могучія движенія копы, воспитанника роскошныхъ долинъ и скалъ Кавказа, также какъ и на красивую ловкость и силу формъ всадника. Величественная его одежда, украшенная панциремъ и шашкомъ, богатая шашка, кинжалъ и лукъ съ колчаномъ стрѣлъ, все облитое вызолоченымъ серебрянымъ наборомъ подъ чернію, обрисовывало, при восходящихъ яркихъ лучахъ солнца, высокій стройный станъ, мужественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ прелестныя черты лица его. Все это давало ему видъ красавца, рыцаря среднихъ вѣковъ. Я смотрѣлъ и любовался на него какъ на героя старинныхъ эпическихъ поэмъ.

Всадникъ, возбуждшій до высшей степени вниманіе и любопытство наше, былъ, какъ сказалъ мнѣ сидѣвшій подлѣ меня

жозакъ, одинъ изъ числа враждебныхъ и самыхъ ожесточенныхъ противъ Россіи закубанскихъ владѣльцевъ, а окруженъ онъ былъ отважнѣйшими узденями своими.

Удержавъ и повернувъ опять бѣлаго коня своего, бросившагося отъ испугу назадъ, онъ въ досадѣ на неповиновеніе коня пригнулся къ сѣдлу, ударилъ его, и въ нѣсколько мгновеній, какъ вихрь пагорный, проскакалъ большое пространство, осадивъ коня не болѣе какъ шагахъ въ тридцати отъ насъ. Уздени были тоже на лихихъ коняхъ и не отстали отъ него. Но вѣрный бѣлый конь съ тончайшимъ чутьемъ звѣря почувалъ насъ. Онъ снова фыркнулъ, поднялъ гриву и весь дрожалъ, какъ будто предупреждалъ всадника о предстоявшей ему опасности. Въ это время раздался между нами условленный напередъ сигналъ, легкой едва слышимый свистъ, и въ одно мгновеніе десять пуль зажужжало. Выстрѣлы наши были мѣтки; въсколько пуль попало прямо во враждебнаго намъ закубанскаго владѣльца, бѣлаго коня его и бывшаго вблизи его узденя. Они оба свалились съ лошадей, и еще одинъ уздень схватился руками за грудь и упалъ на луку сѣдла своего; прочіе бросились къ убитымъ, подхватили ихъ съ особенною ловкостію и проворствомъ, и во весь опоръ поспешили назадъ въ горы. Остальные наши выстрѣлы берегли мы на случай нападенія на насъ самихъ, однакожь нѣсколько пуль было еще пущено въ слѣдъ бѣгущимъ; мы видѣли что еще одинъ изъ нихъ былъ раненъ. Съ сожалѣніемъ также смотрѣлъ я на краснаго бѣлаго коня, лишившагося своего всадника. Онъ несъ окровавленную погу и долго не отставалъ отъ своихъ, но замѣтно было, что силы его постепенно истощались, и онъ палъ у подошвы горы, за которою скрылись бѣгущіе. Долѣе оставаться намъ было бы бесполезно и опасно: со всею вѣроятностію должно было ожидать, что сильная партія Закубанцевъ будетъ отправлена противъ насъ. Мы поспѣшили возвратиться въ лагерь.

Съ удовольствіемъ можно также вспомнить о разнообразныхъ видахъ и особенной, извѣстной только въ тамошней сторонѣ охотѣ нашей во время переходовъ и отдыховъ въ лагерь. Иногда верхами на лихихъ коняхъ, съ вытовками въ рукахъ пускались мы на травлю огромныхъ кабановъ; на всемъ скаку стрѣляли мы и убивали ихъ, а иногда въ то же время охотились и преслѣдовали испуганныхъ лосей и дикихъ козъ, которыхъ тоже

на всемъ скаку убивали; отправлялись иногда гѣшкомъ на куро-патовъ и фазановъ. А по ту сторону Кавказа, въ Грузіи, была другого рода охота: на неутомимыхъ горскихъ коняхъ, нѣтъ каждый изъ насъ борзую собаку на кручѣ лошади, гонялись мы на разстояніи десяти и болѣе верстъ за несмѣтнымъ числомъ быстрыхъ летучихъ джайрановъ. Джайранъ походитъ на дикую козу по формѣ, но нѣжнѣе и краснѣе; быстроту же и легкость джайрана ни съ какимъ звѣремъ сравнить нельзя. За нимъ охотятся также беркутамъ, похожими на орловъ. Охота на джайрановъ верхами съ борзыми собаками, пріятна, но весьма утомительна. Признаться должно, что никто изъ насъ на самыхъ длиннѣхъ горскихъ лошадяхъ никогда джайрана на быстромъ его бѣгу догнать не могъ, и травили мы собаками не иначе какъ уставшихъ и ослабѣвшихъ. Въ лѣсахъ находили мы много гіеннѣ, медвѣдей, барсовъ и даже иногда тигровъ. Никогда не забуду я одной большой сборной охоты нашей въ Кахетіи, не въ дальнемъ разстояніи отъ рѣки Алазана. Насъ собралось много штабъ и оберъ-офицеровъ и даже два генерала; явилось также много охотниковъ изъ солдатъ: они разсѣялись по лѣсу, чтобы шумомъ и крикомъ выгонять оттуда звѣрей. Между прочими одинъ, только что поступившій изъ рекрутъ, бывшій въ числѣ охотниковъ, подходя къ опушкѣ лѣса, услышалъ что въ одномъ огромномъ кустѣ что-то сильно зашевелилось и съ трескомъ коверкало сучья. Рекрутъ приложилъ изъ ружья своего и выстрѣлилъ на удачу; многіе изъ насъ услышали выстрѣлъ и въ слѣдъ за тѣмъ какой-то ужасный свирѣпый ревъ и рыканіе. Мы поспѣшили къ тому мѣсту, и что же увидѣли? Огромный тигръ, смертельно раненый рекрутомъ, выскочилъ изъ куста, вѣроятно съ тѣмъ чтобы броситься и разтерзать его, но отъ расслабленія силъ не могъ сдѣлать сильнаго прыжка, и мертвый распростерся у самихъ ногъ рекрута. Вотъ, сказали мы торжествующему охотнику, сбылась съ тобою пословица: Бей въ кустъ, виноватаго Богъ отыщетъ. И въ то же время сдѣлали мы складчину, купили у него кожу тигра съ тѣмъ условіемъ, чтобы бросить жребій, и кому изъ насъ достанется эта кожа, хранить ее въ память такого необыкновеннаго событія.

Зимою, стоя на кантонирѣ-квартирахъ на кавказской линіи, батальонъ мой былъ расположенъ въ двадцати верстахъ отъ бригаднаго начальника, бывшаго моего полковаго командира, который, какъ я прежде рассказывалъ, при самомъ вступленіи моемъ

въ кавказскій корпусъ, по старинному его дружеству и знакомству съ отцомъ моимъ, обласкалъ меня и принималъ во мнѣ истинное, сердечное участіе.

Я получилъ отъ него записку, чтобы тотчасъ какъ можно поспѣшнѣе пріѣхалъ къ нему, по одному весьма важному дѣлу. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы могла такъ внезапно предстоять совершенная перемѣна въ моей жизни. Бригадный командиръ исходатайствовалъ, чтобы при производствѣ меня въ майоры, былъ я переведенъ въ его бригаду, и послѣ того, при всякомъ назначеніи его начальникомъ какого либо отдѣльнаго отряда, бралъ онъ меня съ собою, это бывало очень часто: почему въ теперешнемъ случаѣ думалъ я, что ему назначено быть начальникомъ какой-нибудь новой экспедиціи, или что мнѣ одному предстоитъ какая-нибудь командировка. Получивъ записку, я тотчасъ велѣлъ осѣдлатъ мою лошадь и поспекалъ къ нему.

Онъ встрѣтилъ меня съ мрачнымъ, унылымъ видомъ. «Я долженъ сообщить тебѣ очень и очень непріятную новость,» сказалъ онъ мнѣ. «Приготовься, къ безысходному, къ неожиданному, тяжкому удару; вотъ прочти письмо, полученное мною отъ твоей матушки.»

Я взялъ письмо, и можно вообразить, до какой степени былъ я пораженъ извѣстіемъ, которое матушка просила бригаднаго командира передать мнѣ, не имѣя духу сама писать ко мнѣ прямо.

У меня было двое меньшихъ братьевъ, воспитывавшихся вмѣстѣ со мною въ корпусѣ; они были выпущены послѣ меня за отличные успѣхи въ наукахъ, одинъ въ гвардію, а другой въ артиллерію. Отецъ мой радовался на дѣтей своихъ; о моей службѣ на Кавказѣ получилъ онъ хорошіе отзывы отъ бригаднаго моего командира, который сохраняя чувство благодарности къ отцу моему, былъ въ частыхъ съ нимъ сношеніяхъ. Добрый, почтенный старичокъ нашъ неоднократно писалъ ко мнѣ, что дѣти его служатъ ему утѣшеніемъ на старости лѣтъ, что онъ помолодѣлъ и поздоровѣлъ, увѣрившись на самомъ опытѣ, что мы оправдали его ожиданія и что самъ Богъ наградитъ насъ своею милостію, зато что мы успокоиваемъ и утѣшаемъ его старость; описывалъ какими красавцами пріѣхали къ нему младшіе мои братья,

одинъ въ гвардейскомъ, а другой въ конно-артиллерійскомъ мундирѣ: и вдругъ почти въ одно время получили онъ извѣстие, что средний братъ мой, простудившись, сильно занемогъ горячкою и въ нѣсколько дней умеръ, а меньшой братъ купаясь утонулъ. Эти извѣстія, полученные имъ вслѣдъ одно за другимъ, такъ поразили старика, что съ нимъ сдѣлался ударъ: онъ лишился употребленія языка и пришелъ въ полное расслабленіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ. Матушка заклинала меня именемъ Бога, оставить службу и поспѣшить къ ней на помощь для успокоенія и услажденія послѣднихъ, можетъ-быть, весьма не долгихъ дней отца; вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждала и собственно за себя, не покинуть ея, и что по старости и слабости своей чувствуетъ она, что и ей остается не долго жить, и что ей очень и очень тяжело будетъ умереть на чужихъ рукахъ.

Какъ громомъ пораженъ я былъ, прочитавъ это письмо, облитое, какъ мать моя писала, горькими ея слезами. Добрый бригадный мой командиръ смотрѣлъ на меня съ истиннымъ сердечнымъ участіемъ и состраданіемъ, а я какъ окаменѣлый сидѣлъ безмолвно съ поникшею головою и не могъ плакать. «Что дѣлать?» сказалъ онъ мнѣ, взявши съ чувствомъ мою руку: «Богъ послалъ тяжкое испытаніе на почтенныхъ твоихъ родителей, потерять однимъ разомъ двоихъ сыновей, которые общали такъ много хорошаго, и на старости лѣтъ не имѣть ни кого при себѣ для утѣшенія и облегченія въ такой тягостной сердечной потерѣ. Что дѣлать? продолжалъ онъ, должно покориться волѣ Божіей. Ты остался одинъ у нихъ, и я твердо въ тебѣ увѣренъ, что ты нисколько не поколеблешься исполнить прямую, священную обязанность свою, послужить родителямъ твоимъ на старости лѣтъ, чтобы хотя нѣсколько отблагодарить за любовь и попеченіе ихъ о тебѣ въ твоей молодости. Впрочемъ, толковать много нечего, ты самъ понимаешь и разсудишь, что тебѣ надобно дѣлать въ теперешнемъ твоемъ положеніи.» Я не могъ ничего отвѣчать; всѣ мысли и чувства мои были въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи.

Съ состраданіемъ смотрѣлъ на меня добрый мой начальникъ, и съ глазами полными слезъ, взявши меня за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ: «Не унывай, любезный другъ, не гнѣви Бога своимъ отчаяніемъ; покорись безропотно непостижимымъ судьбамъ Его.»

«Бѣдные, бѣдные старики мои! несчастные братья! погнѣнуть такъ внезапно и такъ преждевременно! Вы только что еще начинали жить, и какая прекрасная блистательная будущность предстояла вамъ!» Я не могъ продолжать, голова моя кружилась, я чувствовалъ, что совсѣмъ задыхаюсь; но къ счастью слезы брызнули изъ глазъ моихъ и послѣ того могъ я свободнѣе вдохнуть.

Начальникъ мой бросился со слезами обнимать меня. Это прямое неліцемерное движеніе прекрасной души его, много способствовало къ уменьшенію тягостнаго пароксизма глубокой горести моей: слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ и совершенно облегчили меня; послѣ того могъ я уже хладнокровно разсуждать о томъ, что мнѣ предстояло дѣлать въ настоящемъ моемъ положеніи. Тяжело и очень тяжело мнѣ было оставить службу. Я былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, служилъ чрезвычайно счастливо, успѣлъ пріобрѣсть хорошее мнѣніе главнокомандующаго и прочихъ моихъ начальниковъ, уваженіе и дружбу товарищей, привязанность и полную довѣренность моихъ подчиненныхъ, словомъ, мнѣ чрезвычайно нравились и жизнь и служба на Кавказѣ, преисполненная, какъ говорится въ нынѣшнее время, самой живой поэзіи. Какой-то особенный духъ взаимной привязанности и товарищества, господствовавшій въ кругу офицеровъ и солдатъ, безпрерывныя военныя дѣйствія, походы и опасности, сблизили насъ всѣхъ между собою.... но священная обязанность сына преодолѣла чувство честолюбія и всѣ другія соображенія: я рѣшился выйти въ отставку и ѣхать къ своимъ родителямъ, чтобы по возможности успокоить и усладить неизбѣжный переходъ ихъ отъ здѣшней жизни въ вѣчность.

Добрый мой начальникъ подкрѣпилъ меня въ намѣреніи моемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я исполнялъ, какъ должно благородному и добросовѣстному человѣку, обязанности мои въ отношеніи къ отечеству, а теперь по волѣ Божіей предназначено мнѣ послужить моему семейству, и что самъ Богъ вознаградитъ и не оставитъ своею милостію добраго, почтительнаго сына. Онъ написалъ отъ себя къ главнокомандующему, по какимъ весьма важнымъ причинамъ долженъ я оставить службу, и послалъ съ нарочнымъ просьбу мою объ отставкѣ.

Главнокомандующій отвѣчалъ, что хотя ему очень прискорбно

разставаться съ такимъ офицеромъ какъ я, но что причины, побудившія меня оставить службу, такъ уважительны, что онъ не виѣтъ духа удерживать меня: однако же если обстоятельства мои перемѣнятся и я захочу опять вступить въ службу, то онъ съ распростертыми объятіями приметъ меня въ свой корпусъ. вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ онъ, что просьба моя пойдетъ въ Петербургъ обыкновеннымъ порядкомъ, но что онъ очень цѣнитъ нетерпѣніе мое поскорѣй ѣхать къ моимъ родителямъ, и для того посылаетъ мнѣ отпускъ на двадцать осемь-дней. Я отправился въ тотъ же день, когда получилъ паспортъ мой въ отпускъ. Всему этому прошло долгое время, но до сихъ-поръ не могу я равнодушно вспомнить, каково было мнѣ прощаться на вѣки съ добрымъ, почтеннымъ моимъ начальникомъ, и въ особенности съ батальономъ моимъ.

II.

ЖИЗНЬ ПОМѢЩИКА ВЪ ЧРЕЗПОЛОСНОЙ ДЕРЕВНѢ.

Я нашелъ отца моего въ ужасномъ положеніи, безъ языка и въ совершенномъ разслабленіи, лежащаго на постелѣ. Мать моя, не смотря на старость и уже прежде разстроенное здоровье, была на ногахъ, ходила за отцомъ моимъ какъ за ребенкомъ и была безотлучно при немъ. Молитва и сильная привязанность къ мужу, съ которымъ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ прожила она покойно и счастливо, поддерживали ея силы.

Когда сказали ей, что я ѣду, она выбѣжала на встрѣчу, бросилась ко мнѣ на шею, плакала, цѣловала, крестила, благословляла, призывала на меня милость Божию и тотчасъ послала за священникомъ, отслужить благодарственный молебенъ. Не вдругъ рѣшилась она ввести меня въ комнату къ разслабленному отцу моему: она поставила меня за ширмами и сама подошла къ его кровати; хотѣла было говорить съ нимъ, но по необыкновенной радости блиставшей на лицѣ ея, онъ догадался о моемъ пріѣздѣ, произнесъ какимъ-то страннымъ голосомъ что-то неясственно, и сталъ представлять съ постели своей. Матушка сдѣлала мнѣ

знакъ, чтобы я подошелъ къ нему. Со слезами бросился я предъ нимъ на колѣни и схватилъ цѣловать его руку. Радость придала ему силы: онъ прижалъ мою руку къ своему сердцу и началъ цѣловать меня въ губы, глаза, щеки; но возвратившись отъ необыкновеннаго потрясенія жизненныя его силы продолжались не долго, онъ въ изнеможеніи упалъ безъ чувствъ на подушку: матушка испугалась, начала ему тереть виски и остановившійся пульсъ, влила въ ротъ какія-то капли: онъ опамятовался, смотрѣлъ на меня съ радостными глазами, но не могъ тронуться ни однимъ членомъ. Полежавъ нѣсколько времени, онъ опять произнесъ какіе-то невнятные слова. Одна только матушка привыкла понимать его: она приказала мнѣ нагнуться къ нему, поднесла къ его рту, бывшіе на моемъ сюртукѣ Георгіевскій и Владимирскій кресты, потомъ штабъ-офицерскіе мои эполеты: онъ все разцѣловалъ и радостными глазами смотрѣлъ на меня. Въ это время доложили матушкѣ, что пришелъ священникъ потребованный ею тотчасъ по моемъ пріѣздѣ: она нагнулась къ его кровати, сдѣлала ему какіе-то знаки, на которые отвѣчалъ отецъ мой тоже что-то такое, что она одна могла понимать, и послѣ того приказала позвать священника, чтобы въ той же комнатѣ отслужить молебенъ. Впродолженіи молебна замѣтно было, что добрый несчастный мой отецъ прямо отъ души молился и благодарилъ Бога.

Къ счастью, предвидѣлъ я, что внезапный мой пріѣздъ и первая радость, при свиданіи со мною, могутъ сдѣлать слишкомъ сильное потрясеніе надъ ослабленнымъ старикомъ и имѣть пагубныя послѣдствія, а потому въ проѣздъ мой чрезъ нашъ уѣздовой городъ, заѣхалъ къ доктору, который давно былъ знакомъ съ нашимъ семействомъ и всегда пользовалъ моего отца: я просилъ его поспѣшить пріѣхать къ намъ въ деревню. Докторъ очень кстати и въ настоящее время вошелъ въ комнату тотчасъ по окончаніи молебна. Онъ пощупалъ пульсъ больного, очень встревожился и поспѣшилъ дать какія-то привезенныя имъ съ собою капли, а насъ просилъ выйти въ другую комнату, чтобы дать успокоиться больному и можетъ-быть уснуть послѣ лѣкарства.

Пріѣздъ мой видимымъ образомъ оживилъ отца: хотя употребленіе языка не возвратилось и онъ остался въ томъ же ослабленіи, однако сонъ его сдѣлался спокойнѣе; очень замѣтно

было по глазамъ , что онъ съ полнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на меня, въ особенности же когда я входилъ къ нему въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ и съ обонми моими крестами: однакожь онъ не хотѣлъ, чтобы я сидѣлъ безотлучно въ его комнатѣ. Знаками и произношеніемъ какихъ-то невнятныхъ словъ, онъ объяснилъ матушкѣ опасеніе свое, что бездѣйствіе и сидячи жизни могутъ быть вредны для моего здоровья, и требовалъ, чтобы я ѣздилъ верхомъ и ходилъ бы на охоту съ ружьемъ. Когда же по прошествіи нѣкотораго времени возвращался я въ его комнату, то черезъ матушку спрашивалъ онъ, ходилъ ли я съ ружьемъ и удачна ли была охота моя: я долженъ былъ показывать ему застрѣленную мною дичь.

Такимъ образомъ прожилъ онъ послѣ моего пріѣзда болѣе году. Очень замѣтно было, что хотя онъ сохранялъ рассудокъ и свѣжую память, однако гаснулъ какъ догорающая свѣча. Смерть его была тихая, покойная, безъ всякаго страданія: когда же онъ почувствовалъ скорое приближеніе смерти, то попросилъ, чтобы его пріюбщили святыхъ таинъ и соборовали масломъ. По окончаніи священнаго обряда, подозвалъ онъ меня къ себѣ, благословилъ, поцѣловалъ и потребовалъ, чтобы матушка обтерла платкомъ своими слезы катившіяся изъ глазъ моихъ градомъ: потомъ взялъ онъ меня и матушку за руки, обратилъ глаза свои къ небу и, какъ замѣтно было, молилъ за насъ Бога. Вскорѣ послѣ того онъ тяжело вздохнулъ и тѣмъ свершился переходъ его изъ земной жизни въ жизнь лучшую, вѣчную. Я отъ души благодарилъ Бога, допустившаго меня исполнить долгъ мой, послужить и по возможности успокоить добраго и почтеннаго отца моего при концѣ его жизни.

Матушка перенесла горе свое съ полнымъ христіанскимъ терпѣніемъ и покорностію. Вообще старыя люди гораздо легче переносятъ сердечныя, невозвратныя потери, чѣмъ молодые: она достигла до глубокой старости безъ всякой болѣзни. Кротостію и ангельскимъ характеромъ своимъ, она была не только не въ тягость мнѣ и окружающимъ, а напротивъ всѣ ее любили и единомышленно старались успокоить и дѣлать ей угодное.

Такимъ образомъ быстро летѣло время. Часто вспоминалъ я о Кавказѣ; получалъ письма отъ бывшаго моего начальника и товарищей, въ особенности же отъ одного вѣрнѣйшаго моего друга и кре-

стоваго брата, о которомъ расскажу въ послѣдствіи очень много чрезвычайно интереснаго и необыкновеннаго. Я слѣдилъ за ходомъ событій въ тамошнемъ краѣ и постепеннымъ возвышеніемъ не только сверстниковъ моихъ, но и младшихъ меня. Признаюсь откровенно, не могъ я иногда преодолѣть чувства нѣкоторой зависти, когда кавказскіе герои подѣ начальствомъ графа Паскевича свершали чудеса во время персидской и турецкой войны; но мнѣ даже ни разу и въ голову не приходило оставить старушку мать и опять опредѣлиться въ службу: я твердо рѣшился посвятить для успокоенія ея жизни свою, почитая обязанности семейныя священными для всякаго честнаго человѣка и христіанина. Однакожь, какъ неисповѣдны судьбы Божіи! Я имѣлъ прежде твердое намѣреніе никогда не оставлять военной службы; покойный отецъ мой подкрѣплялъ меня въ этомъ намѣреніи; я продолжалъ службу весьма счастливо, и вдругъ среди, какъ казалось, самаго блистательнѣйшаго карьера, долженъ былъ все кинуть и идти въ отставку. Почему и какъ это случается, что многіе очень и очень бы желали оставить военную службу и жить покойно въ деревнѣ, обязаны напротивъ того по необходимости служить; а тѣ, которые страстно привязаны къ военному ремеслу, должны тоже по необходимости противъ воли своей успокоиться и жить въ деревнѣ.

Съ самаго малолѣтства слышалъ я (продолжалъ мой сосѣдъ) безпрестанныя жалобы отца моего на безпрерывныя неприятели и неудобства чрезполосности владѣнія. Очень помню я, бывши еще мальчикомъ, что почти ежедневно староста и крестьяне наши пригоняли на господскій дворъ лошадей, коровъ, телятъ, свиней, овецъ, гусей, пойманныхъ на яровомъ или озимомъ нашемъ полѣ. Бывало также не рѣдко что и нашъ и крестьянъ нашихъ скотъ ловили на сосѣдскихъ поляхъ. Изъ этого возникались ссоры, и слѣдствія земскаго суда о потравѣ хлѣба безпрестанно возобновлялись, потому что раздѣлаться миролюбиво, по сосѣдски, многіе не соглашались или требовали чрезмѣрныхъ суммъ въ вознагражденіе за потраву; словомъ, отецъ мой былъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ и досадѣ, видя неправильныя притязанія со стороны сосѣдей своихъ, и прижимки и лъвную несправедливость при производствѣ слѣдствій земскаго суда. Нѣсколько разъ убѣждалъ онъ сосѣдей, разойтись къ однимъ мѣстамъ полюбовно, предлагалъ значительныя съ своей стороны уступки, готовъ былъ, даже отдать всю господскую и крестьянъ своихъ усадьбы, переселиться со всею доревнею на

новое мѣсто къ концу межи общей дачи. Нѣкоторые дворяне соглашались, но мелкопомѣстные помѣщики и въ особенности однодворцы, которыхъ у насъ въ селѣ было хотя не много, но они находились въ то время безъ всякаго присмотру и неочетливости о ихъ благосостояніи и по внушеніямъ своихъ повѣренныхъ или такъ по всей справедливости называемыхъ міроѣдовъ, ни на какія самыя выгодныя для нихъ предложенія не соглашались; а къ довершенію всего, по общей, обширной, чрезполосной нашего села земляной дачѣ, производилось, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, тяжбное дѣло, которое неоднократно пройдя черезъ всѣ инстанціи возвращалось назадъ для дослѣдованія и для какихъ-то дополненій. Все это выводило отца моего изъ терпѣнія: онъ жаловался на судьбу свою и раскаявался за тѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ этомъ несчастномъ чрезполосномъ мѣстѣ, которое не смотря на изобиліе земли, лѣсу и вообще всѣхъ угодій, давало самый ничтожный доходъ, потому что отъ непреодолимаго неудобства чрезполоснаго владѣнія не было ни какой возможности учредить хорошее и правильное хозяйство.

Я былъ еще очень молодъ, когда мой отецъ отвезъ насъ въ Петербургъ и опредѣлилъ въ кадетскій корпусъ; и хотя не очень понималъ въ чемъ именно состояли неудобства и непріятности чрезполоснаго владѣнія, однакожъ непрерывныя жалобы моего отца, слышанныя мною ребенкомъ и потомъ повторяемыя во время ежегодныхъ пріѣздовъ его въ Санктпетербургъ, когда я былъ въ кадетскомъ корпусѣ, сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе. Въ бытность мою во Франціи, въ корпусѣ графа Воронцова, и потомъ при возвращеніи въ Россію черезъ Германію, я старался узнать бытъ тамошнихъ поселянъ и права собственности по владѣнію землями. Мнѣ тогда же приходило въ голову, почему и у насъ въ Россіи земляныя дачи не раздѣлены на отдѣльныя, небольшіе участки и не устроены такія же фермы или особыя хозяйства, какъ во Франціи и Германіи. Я тогда же далъ себѣ слово воспользоваться первымъ свободнымъ временемъ, чтобы собрать свѣденія, когда именно и по какому поводу распространялось у насъ раздробительное и неправильное раздѣленіе земель на небольшіе клочки въ разныхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ. Свободнаго времени для совершенія моего намѣренія, разумѣется, не представилось, но понятія мои о величайшихъ несправедливостяхъ чрезполосныхъ владѣній болѣе прояснились, ко-

гда во время слѣдованія нашего полка въ Грузію былъ я отпущенъ на короткое время для свиданія съ моими родителями. Приѣхавъ къ нимъ въ деревню, нашелъ я отца моего въ самомъ дурномъ расположеніи духа отъ прибытія полнаго присутствія уѣзднаго суда и землемѣра для соображенія и повѣрки въ натурѣ общей череполосной земляной дачи принадлежащей къ нашему селу.

Всѣ члены суда, секретарь и вообще всѣ канцелярскіе служители съ женами своими, дѣтьми и услугою, выѣзжали въ селеніе, гдѣ подлежало дѣлать повѣрку въ натурѣ; и, подъ предлогомъ подъему дѣлъ уѣзднаго суда, требовалось отъ того селенія сотни подводъ, большею частью въ самое рабочее время: и не только члены суда и секретарь, но каждый подъячій бралъ себѣ не менѣе трехъ или четырехъ подводъ, навьючивъ ихъ женою, дѣтьми и поклажею своею и отправлялись въ селеніе, которое принуждено было кормить и поить ихъ на свой счетъ въ продолженіи иногда нѣсколькихъ мѣсяцевъ. «Какой ужаснѣйшій аппетитъ и жажда у этого народа, говорилъ мнѣ отецъ мой, этому повѣрять нельзя. Вотъ посмотри, продолжалъ онъ, записку о количествѣ съѣстныхъ припасовъ, употребленныхъ для прокормленія членовъ и служителей разнаго званія, приѣхавшихъ въ наше село, что досталось на мою часть; а сколько еще потребили они у моихъ сосѣдей и въ особенности у казенныхъ крестьянъ, ты можешь судить по расчету, сколько и чего именно у меня вышло. Вотъ прочти записку: два быка, тридцать барановъ, восемь свиней, сто-пятьдесятъ куръ, двадцать утокъ, пятнадцать гусей, тысяча пятьсотъ яицъ, два пуда масла, шесть четвертей ржаной муки, двѣ четверти пшеничной, двѣ четверти гречневыхъ крупъ и одна четверть пшена, достались лично на мою часть для прокормленія ихъ; и сверхъ того выпито подъячними, рассыльными, понятыми и рабочими людьми: шесть ведеръ простаго вина и два ведра въ видѣ ерофенча, пятнадцать ведеръ простаго пива; а членами суда, секретаремъ и помощниками, пять ведеръ винограднаго сапуринскаго вина, четыре штофа кизлярской, двадцать штофовъ обыкновенной сладкой и горькой водки, пятьдесятъ бутылокъ донскаго вина шипучки, двадцать бутылокъ мадеры и восемь рому; и хоть былъ бы какой-нибудь толкъ отъ такого ужаснаго востребованія съѣстныхъ припасовъ и питья, прибавилъ мой отецъ; хоть бы по крайней мѣрѣ окончили однимъ разомъ дѣло свое, а то я знаю напередъ, что они, проживъ у насъ нѣсколько мѣсяцевъ,

сдѣлають наконецъ заключеніе, что съ наступленіемъ глубокой осени, заморозовъ и выпадшаго преждевременно снѣга, производство повѣрки дачи въ натурѣ признано неудобнымъ, а потому опредѣлено возвратиться въ городъ и оставить рѣшительное окончаніе дѣла до будущаго года. Тогда опять возобновится объяденіе и описаніе, во врядъ ли и на будущей годъ окончится, потому что наша дача обширна, владѣльцевъ множество и, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нашихъ братій дворянъ, по неопытности и незнанію законовъ, употребляютъ значительныя пожертвованія для подкупа уѣзднаго суда, воображая, что рѣшеніе этого суда и присужденіе въ пользу ихъ нѣсколькихъ лишннихъ десятинъ будетъ прочно и навсегда ихъ успокоить; не зная того, что это рѣшеніе должно пройти еще черезъ нѣсколько инстанцій, гдѣ будутъ судить и разсматривать совсѣмъ иначе чѣмъ въ уѣздномъ судѣ.

Я съ удивленіемъ и негодованіемъ прочиталъ записку, показанную мнѣ отцомъ моимъ о количествѣ съѣстныхъ припасовъ и питья, доставшихся на его часть для продовольствія уѣзднаго суда. — Понимайте! сказалъ я: неужели могли они все это съѣсть и выпить? Вѣрно большая часть осталась у нихъ въ запасъ и они будутъ питаться оставшимися крохами цѣлый годъ? — Ты не ошибаешься, отвѣчалъ мой отецъ. Конечно, они воспользуются этимъ случаемъ и вывезутъ отсюда съ собою множество ветчины, солонины, масла, крупы, муки, ерофенча, вина и прочаго. Но все это еще не большая была бы бѣда, пускай бы кушали они себѣ на здоровье на нашъ счетъ, если бъ только исполняли добросовѣстно свое дѣло, а то, къ несчастію, они объѣвши насъ, еще сверхъ того такъ запутають все дѣло, что въ высшихъ инстанціяхъ очень будетъ затруднительно разобрать, а потому, по необходимости, дѣло будетъ возвращено назадъ для поясненія и дополненія. Этого непременно должно ожидать, и доказательствомъ тому можетъ служить то, что дѣло наше продолжается уже болѣе тридцати лѣтъ, именно по той причинѣ, что все дѣлается съ предумышленною цѣлію, чтобы часть отъ часу болѣе все запутывалось. Вотъ оттого-то именно и происходитъ то, что дѣла по землянымъ дачамъ тянутся по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ. Во всемъ нашемъ уѣздѣ, продолжалъ мой отецъ, съ-тѣхъ-поръ какъ существуетъ уѣздный судъ, одно только дѣло, по сосѣдственному съ нами селу, было наконецъ приведено къ рѣшительному окончанію и перешло на ревизію въ гражданскую палату, гдѣ, по просьбамъ и

убѣдительному ходатайству всѣхъ владѣльцевъ, было также рѣшено и поступило на разсмотрѣніе казенной палаты (тогда еще не существовали палаты государственныхъ имуществъ). Въ казенной палатѣ не предстояло ни какого затрудненія согласиться съ рѣшеніемъ гражданской палаты, потому что помѣщики уступали добровольно въ пользу казенныхъ крестьянъ изъ собственного своего владѣнія болѣе пятьсотъ десятинъ и, сверхъ-того, предоставляли имъ оставаться на прежнихъ своихъ усадьбахъ, а сами соглашались переселиться на новыя мѣста; словомъ, дѣло по правиламъ слѣдственнаго порядка дошло до разсмотрѣнія гражданского губернатора, который, видѣвъ взаимныя выгоды помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ, согласился съ рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ и представилъ съ мѣтніемъ своимъ въ окончательную высшую инстанцію, то есть въ сенатъ. Казалось, все было улажено какъ нельзя лучше, и владѣльцы, въ полномъ убѣжденіи что они уже свершили тернистое поприще тяжбы и достигли до удовлетворительнаго результата, приступили къ приведенію въ дѣйствіе миролюбивыхъ своихъ предположеній, то есть отдѣлили казеннымъ крестьянамъ предназначенное имъ количество земли по мѣстнымъ удобствамъ къ одной сторонѣ, а сами приняли каждый въ свое владѣніе участки земли, доставшіеся имъ по нарѣзкамъ, проэктированнымъ на полюбовномъ, составленномъ съ общаго согласія помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ, планѣ; и приступили къ переселенію на новыя, доставшіеся каждому, мѣста: но дальнѣйшія послѣдствія миролюбивыхъ соглашеній были совершенно противны ихъ ожиданіямъ; можетъ быть совсѣмъ неумышленно, а кто знаетъ, можетъ быть весьма и весьма умышленно, не были соблюдены при производствѣ этого дѣла, правила апелляціоннаго порядка, а потому и возвращено изъ сената въ гражданскую палату для исполненія этихъ правилъ. Гражданская палата, разумѣется, по краснорѣчивымъ убѣжденіямъ владѣльцевъ, распорядилась въ объявленіи рѣшенія своего такъ ловко и хорошо, что никто въ установленный для апелляціи срокъ не явился, и по прошествіи этого срока палата предписала уѣздному суду, а тотъ земскому суду, привести рѣшеніе свое въ дѣйствительное исполненіе, оставивъ безъ вниманія или забывъ, также неумышленно и по неопытности своей, то весьма важное обстоятельство, что это дѣло по существу своему, никакъ и нигдѣ не могло быть рѣшительно окончено, какъ по разсмотрѣніи и утвержденіи сената, разумѣется, по полученіи до-

поселія гражданской палаты, что собственное ея рѣшеніе приведено въ дѣйствительное положеніе. Сенатъ за нарушеніе ясныхъ положительныхъ законовъ и формъ о производствѣ такого рода дѣлъ, объявилъ настрожайшій выговоръ палатѣ, уничтоживъ противозаконное ея распоряженіе, предписалъ возстановить между помѣщиками и казенными крестьянами прежнее владѣніе и все дѣло представить въ свое время на разсмотрѣніе сената. При исполненіи этого указа открылось обширное поле крючкотворства. Губерискій чиновникъ, присланный для возстановленія прежняго владѣнія между помѣщиками и казенными крестьянами, научилъ ихъ, какъ имъ должно дѣйствовать. Собраны были повятые изъ сосѣдственныхъ деревень для засвидѣтельствванія и утвержденія показаній казенныхъ крестьянъ, гдѣ именно было прежде ихъ владѣніе. Повятые, какъ то обыкновенно водятся, не смѣли противорѣчить тому, что имъ приказывалъ губерискій чиновникъ, а онъ, не бывши склоненъ краснорѣчивыми убѣжденіями въ пользу помѣщиковъ, которые не согласились представить потребованныя имъ отъ нихъ ужъ слишкомъ сильныя и превышающія ихъ способы убѣжденія, славно ихъ зато обработалъ. Казенные крестьяне, по наученію чиновника, показали, а повятые подтвердили, что большая часть помѣщичьей пахатной земли съ посѣяннымъ на ней хлѣбомъ, была прежде въ ихъ владѣніи; и чиновникъ, не признавая нужнымъ принять въ соображеніе, что показаніе казенныхъ крестьянъ превышаетъ можетъ быть въ четверо то количество, что имъ слѣдуетъ по планамъ и крѣпостямъ, тотчасъ распорядился отобрать у помѣщиковъ и отдать вмѣстѣ съ посѣяннымъ хлѣбомъ во владѣніе казенныхъ крестьянъ. Послѣдствіемъ такого правосуднаго распоряженія было то, что болѣе тысячи-пятисотъ десятинъ лучшей пахатной земли съ посѣяннымъ хлѣбомъ было отнято у помѣщиковъ. Въ передѣлъ праведнаго судьи попались болшею частію бѣдвые мелководѣтные дворяне; они просто были разорены до конца, потому что кромѣ лишенія ихъ собственности, они еще обязаны были употребить послѣднія крохи для прокормленія своихъ крестьянъ. Разоренные возопіяли и обратились съ жалобами, но къ чему все это послужить имъ. Жалобы ихъ, по установленнымъ правиламъ и формамъ, будутъ разсматриваться съ неизбѣжною медленностію: и хотя, безъ всякаго сомнѣнія, выстая инстанція, то есть, сенатъ прикажетъ возвратитъ помѣщикамъ неправильно отнятую у нихъ землю, предоставивъ имъ при томъ право отъ-

искивать повесенные или убытки съ виновныхъ: но съ кого и когда могутъ они взъискать и получить свои убытки? Крестьянъ казенныхъ по законамъ нельзя подвергать ответственности, потому что они владѣли землею не насильственно, а добросовѣстно, по распоряженію начальства. Злодѣй чиновникъ, надѣлавшій такія и глыя проказы, уже принялъ свои мѣры; предусматривая, что ему нельзя отдѣлаться отъ ответственности, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку и тотчасъ опредѣлился вновь на службу въ какую-то отдаленную губернію. Очень и очень трудно будетъ отыскать его, а потомъ, когда наконецъ и будетъ онъ отысканъ, то что можно будетъ взъискать съ него? Ничего болѣе, кромѣ третьей части изъ получаемого жалованья, потому что, благопріобрѣтенный имъ капиталъ, онъ, вѣрно, уже давно успѣлъ, какъ то обыкновенно водится, внести въ опекуевскій совѣтъ на имя невѣстнаго, или купилъ имѣніе на имя жены своей; а на губернскае начальство, которое болѣе всѣхъ виновно въ допущеніи такихъ самовластныхъ и противозаконныхъ распоряженій, никто изъ ограбленныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ не осмѣлится даже и подумать предъявлять искъ объ убыткахъ своихъ. Вотъ, братъ, какіе дѣла дѣлаются, прибавилъ мой отецъ. Это едва ли не похуже везанскихъ разбойническихъ вшествій горскихъ хищниковъ на кавказской дивіи. Дай Богъ, чтобы наши внутренніе доморощенные Лезгинцы, Чеченцы, Кабардинцы были усмирены и поставлены въ должныя границы. Благодаря Всевышнему, кажется уже открывается противъ ихъ сильная экспедиція. Впрочемъ все, что я рассказывалъ тебѣ, свершилось прежде, а теперь хищники, внутренніе враги наши, стали уже весьма и весьма поосторожнѣе, потому что они по многимъ опытамъ сами видятъ, что въ настоящее время проказы ихъ не такъ уже легко сходятъ имъ съ рукъ, какъ бывало прежде.

— Помилуйте! сказалъ я съ негодованіемъ отцу моему. Да этотъ чиновникъ хуже всякаго разбойника: тотъ гораздо выше и благороднѣе его; онъ нападая на васъ, жертвуетъ жизнью, а этотъ грабитель разорилъ и погубилъ невинныхъ, въ надеждѣ прикрыть свое злодѣйство превратнымъ истолкованіемъ настоящаго смысла закона. Я не очень понимаю, что значитъ слѣдственный порядокъ судопроизводства, апелляціонные сроки и переходъ дѣлъ изъ инстанціи въ инстанцію, о чемъ вы мнѣ теперь говорили, сказалъ я своему отцу: но по здравому разсудку

и внутреннему убѣжденію моей совѣсти нахожу, что не надобно бы было допускать медленности въ осужденіи и наказаніи такого рода явныхъ преступниковъ.

— Не наше дѣло судить, что лучше и что хуже: про то першіе знаютъ, какъ говорятъ Малороссіяне, отвѣчалъ мой отецъ: наше дѣло повиноваться и молиться Богу объ улучшеніи нашего теперешняго быта. Надобно имѣть въ виду, что Россія, окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными сосѣдями, завидующими славѣ и силѣ ея, должна была, не говоря уже о прежнемъ, но начиная со временъ царствованія Петра Великаго, то есть цѣлое столѣтіе продолжать непрерывно войну. Славное противоборство наше съ врагами наконецъ достигло до самаго блестящаго результата: теперь не предвидится ни съ кѣмъ войны; и во время продолжительнаго спокойствія, чего по всѣмъ вѣроятностямъ ожидать должно, дастъ Богъ, будетъ восстановлено и внутреннее благоустройство. Мы съ полною радостію узнали здѣсь о словахъ, сказанныхъ Царемъ нашимъ Александромъ Благословеннымъ, что уничтоживъ и смиривъ самаго ожесточеннаго врага своего Наполеона, теперь настало время обратить вниманіе на искорененіе внутреннихъ враговъ благоденствія и спокойствія подданныхъ его. Эти подлинныя слова, сказанныя Императоромъ Александромъ при возвращеніи его изъ Парижа въ Санктпетербургъ, быстро распространились по всѣмъ концамъ Россіи и повсюду съ восторгомъ повторялись. Богъ явнымъ образомъ благословляетъ благія намѣренія Государя. Мы начинаемъ уже видѣть благотворныя послѣдствія войны, предпринятой противъ внутреннихъ враговъ нашего отечества, то есть, на истребленіе нашихъ доморожденныхъ Лезгинцевъ, Чеченцевъ и прочихъ хищниковъ, противъ которыхъ предстоить тебѣ ратоборствовать на Кавказѣ.

Вскорѣ послѣ этого разговору съ моимъ отцомъ, я уѣхалъ отъ него. Занятія мои по службѣ, непрерывные походы и военныя дѣйствія на Кавказѣ, совершенно изгладили изъ моей памяти все видѣнное и слышанное мною, какъ о неудобствахъ и непріятностяхъ въ черезполосныхъ владѣніяхъ, такъ и объ охотническихъ подвигахъ нашихъ доморожденныхъ, какъ называлъ ихъ покойный мой отецъ, Лезгинцевъ и Чеченцевъ. Но когда я вышелъ въ отставку и, по настоятельному требованію моей матери, вступилъ въ управленіе и сдѣлался настоящимъ хозяиномъ въ нашемъ имѣ-

ни; тогда, вникнувъ во всё подробности, увѣрился, что слышанное мною ничего не значить въ сравненіи съ тѣмъ, что я нашелъ на самомъ дѣлѣ.

Привыкнувъ всё дѣла мои дѣлать съ акуратностью и начинать всегда сначала, я велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь и вмѣстѣ съ старостою отправился лично обозрѣть состоящую во владѣніи нашемъ землю. Что же я нашелъ? При нашемъ довольно значительномъ хозяйствѣ, потому что у насъ было слишкомъ сто тяголъ на пашнѣ, и при избыткѣ земли, слѣдовавшей на нашу часть по крѣпостямъ изъ общей сельской дачи, не было ни въ одномъ мѣстѣ болѣе пяти десятинъ сряду; прочая же наша пахатная земля была до такой степени безобразно раздроблена, что не вѣдавъ самому, нельзя бы было повѣрить. Въ одномъ мѣстѣ полоска мѣтѣ полудесятины; потомъ, черезъ большое пространство опять клочекъ мѣтѣ четверти десятины; далѣе на одномъ концѣ, у самой межи общей дачи, опять небольшіе клочки, а подѣ другой межи, совсѣмъ въ противоположной сторонѣ, еще нѣсколько полосокъ. А крестьянскую пашню просто уже разобрать было невозможно; напримѣръ: въ самой серединѣ десятины чужаго владѣнія, клочекъ пашни въ нѣсколько шаговъ и такъ далѣе. Все было раздроблено и разбросано небольшими полосами и въ самомъ отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи; поля перемѣнены: среди озимаго посѣву былъ и яровой или пары, и очень часто, по необходимости, должно было сѣять хлѣбъ по хлѣбу. Можно ли ожидать на такихъ обезображенныхъ поляхъ хорошаго урожая? Удобривать землю не было ни какой возможности, потому что надобно было возить навозъ на дальнее разстояніе по горамъ и оврагамъ; а если, сверхъ чаянія, и былъ хорошій урожай, то хлѣбъ большею частью не доходилъ въ гумно, а истребляемъ былъ еще на корню скотомъ. За поправу были безпрестанно ссоры и драки, и слѣдствія земскихъ судовъ ничѣмъ болѣе не оканчивались, какъ взаимными убытками поссорившихся между собою сосѣдей и усиленнымъ ожесточеніемъ ихъ другъ противъ друга. О заведеніи хорошаго скотоводства и помышлять было нечего: кромѣ того, что отъ безпорядочнаго раздробленія земли и перемѣшанныхъ полей, яроваго и озимаго хлѣба, уборка дѣлалась не въ одно время, слѣдовательно и выпускать скотъ на жниво было невозможно; но отъ неосторожности и невниманія были очень часто моровыя язвы на скотѣ; а отдѣлать здоровый скотъ отъ больнаго и вы-

искать на шесту особо, также по тѣмъ же причинамъ, было невозможно. Такой же безпорядокъ былъ и въ сѣнокосѣ: на прекрасные заливные наши луга, всякій годъ, при наступленіи времени для сѣнокоса, выходили все помѣщичьи и казенные крестьяне для раздѣлу по жребію, и никогда этотъ дѣлежъ не оканчивался безъ брани и драки; вслѣдствіе укорялъ другъ друга въ подлогѣ и несправедливости, и очень часто совершался раздѣлъ или шагами, или, какъ по мѣстнымъ обычаямъ называлось, *бабыми полсами*; причемъ, разумѣется, бывало много притоптано по пустому траву; впрочемъ, очень часто случалось и то, что и косить почти было нечего, потому что еще прежде сѣнокоса большая часть травы была истреблена скотомъ, въ особенности при такъ называемомъ въ деревняхъ *ночномъ*, то есть при кормленіи рабочихъ лошадей ночью; хотя же и бывало по взаимному условію запрещеніе выпускать скотъ на луга, но какъ усмотрѣть ночью, да и кому какая была нужда сберегать траву, которая еще Богъ знаетъ кому по жребію доставается. Довольно значительная общая лѣсная дача была просто вся истреблена: хотя также по общему согласію всѣхъ владѣльцевъ, лѣсъ былъ раздѣленъ на дѣлянки и каждый обязанъ былъ самъ охранять дѣлянку свою отъ порубки, но это взаимное условіе точно также, какъ и все прочее, не было исполняемо. Всякій самовольно рубилъ, гдѣ и сколько хотѣлъ.

И мнѣ, при самомъ вступленіи въ распоряженіе имѣніемъ, такъ надоели все непріятности, что я хотѣлъ продать все хоть за безцѣнокъ и купить другую деревню особнякъ, хотя въ какой-нибудь отдаленной губерніи; но старушка матушка моя привыкла къ родинѣ своей, гдѣ она прожила нѣсколько десятковъ лѣтъ въ счастливомъ супружествѣ и гдѣ покоился прахъ ея мужа; при томъ же у насъ былъ начавшійся еще при моемъ отцѣ весьма важный процессъ по этому имѣнію, который долженъ былъ непременно окончиться въ нашу пользу въ высшей инстанціи, потому что вся справедливость была очевидно на нашей сторонѣ. По всемъ этимъ соображеніямъ, о продажѣ и помышлять было нечего, а должно было приискывать мѣстные способы къ улучшенію имѣнія и къ устраненію беспокойствъ и неудобствъ чрезполоснаго владѣнія. Прежде всего пришло мнѣ въ голову, что староста обманулъ меня, показывая господскія поля наши. Я никакъ не могъ постигнуть, почему и какъ могло произойти такое ни съ чѣмъ несообразное

раздѣленіе земли на мелкіе лоскутки? Еще разъ объѣхалъ я всю дачу и, сверхъ-того, выѣзжая ежедневно на полевую работу, обращался къ крестьянамъ своимъ съ распросами о господскихъ нашихъ участкахъ, и увѣрился что староста нисколько не обманулъ меня. Наконецъ, изъ рассказовъ стариковъ крестьянъ объяснились мнѣ причины такого страннаго раздробленія земли.

Въ старину, можетъ быть слишкомъ за сто лѣтъ назадъ, когда народонаселеніе было небольшое, а земли изобиліе, всякій пахалъ бесспорно гдѣ кому вздумалось, и снявъ два или три хлѣба, бросалъ землю въ залежь и распахивалъ вновь, опять сколько кому было подъ силу; потомъ, когда постепенно размножалось народонаселеніе и въ землѣ начиналъ уже быть недостатокъ, то всякій старался сохранить въ собственности свою имъ запаханый участокъ; и такимъ образомъ, по преданіямъ, отъ одного поколѣнія къ другому, переходили эти участки уже въ видѣ собственности каждаго. Мелкопомѣстные помѣщики раздѣляли, по всей обширной дачѣ, мелкіе свои участки между дѣтьми опять на нѣсколько частей; послѣдствіемъ этихъ раздѣловъ были безпрестанныя раздробленія мелкихъ участковъ еще на нѣсколько небольшихъ клочковъ, и такимъ образомъ помѣщики часть-отъ-часу бѣднѣли и многіе изъ нихъ по неимуществу, невѣжеству и по закорепѣлымъ предразсудкамъ, отклоняясь отъ вступленія въ службу, были обращены въ званіе одподворцевъ; и опять многіе же изъ нихъ, отъ безпечности, лѣни, пьянства или по другимъ причинамъ, продавали свои небольшіе клочки другимъ владѣльцамъ, и сверхъ-того оставшіеся у нихъ участки дѣлили между своими дѣтьми еще на меньшіе клочки. Такимъ образомъ, часть-отъ-часу земля болѣе путалась, раздроблялась, передавалась продажей или раздѣломъ, и переходя отъ одного лица къ другому, наконецъ достигла до высшей степени неимовернаго безпорядка и безобразія. Я обратился къ разсмотрѣнію нашихъ крѣпостныхъ актовъ, и нашелъ что предкамъ нашимъ была жалована земля Царями по грамотамъ, въ которыхъ, какъ полагать должно, по настояніямъ и хлопотамъ предковъ нашихъ, были опредѣлительно назначены урочища, границы и количество пожалованныхъ угодьевъ; были также купчія крѣпости на землю, пріобрѣтенную покупкою у разныхъ владѣльцевъ въ общей дачѣ, но также были ясно означены мѣста и количество купленной у каждаго изъ нихъ земли; и все, какъ жалованное, такъ и купленное, было предками нашими въ свое время

справлено и отказано, какъ по закону слѣдовало. Сверхъ-того была данна на купленную изъ казны въ 1770 году землю изъ дикихъ пустоворожныхъ дачъ по рублю за десятину, хотя на довольно странныхъ условіяхъ, то есть, что предоставляется владѣніе этою землею до тѣхъ поръ, пока она не будетъ потребована для владѣнія иностранныхъ переселенцевъ или для снабженія казенныхъ крестьянъ; въ такомъ случаѣ земля должна быть отобрана и взятыя по одному рублю за десятину деньги возвращены. Но по этой данной было тяжebное дѣло, которое еще при моемъ дѣдушкѣ въ сенатѣ рѣшено въ его пользу, то есть за прошествіемъ нѣсколькихъ земскихъ давностей и въ уваженіе того, что на этой землѣ купленной изъ казны, поселены также уже нѣсколько десятковъ дѣтъ крестьяне, вся дача утверждена въ вѣчное и потомственное владѣніе моего дѣда. Словомъ, всѣ наши крѣпости были въ полномъ законномъ порядкѣ и никакого чрепозпоснаго владѣнія не должно бы быть у насъ. По отчего произошло такое нестерпимо тягостное раздробленіе нашей дачи? И это, по собраннымъ моимъ справкамъ и по распросамъ стариковъ крестьянъ вашихъ, также объяснилось мнѣ.

Во время малолѣтства покойнаго моего отца, былъ у него добрый почтенный опекунъ, еще довольно близкій ему родственникъ, имѣвшій участіе во владѣніи общей земляной дачею нашего села. Онъ самовольно присвоилъ себѣ большую часть принадлежащей отцу моему земли, прежде постепенно подпахивалъ бывшую близъ его владѣнія нашу землю, потомъ по званію опекуна исходатайствовалъ разрѣшеніе о продажѣ нѣкотораго количества земли, принадлежащей малолѣтному, для уплаты оставшагося будто бы послѣ родителей его долга, котораго не только совѣтъ не было, а напротивъ того остался еще довольно значительный капиталъ; но добрый почтенный опекунъ не призналъ нужнымъ показать этотъ капиталъ въ описи при пріемѣ имѣнія въ свое владѣніе, а нашелъ гораздо для себя полезнѣе обратить его въ собственность свою. Землю, которую разрѣшено было ему продать для уплаты мнимыхъ долговъ, купилъ онъ самъ за безцѣпокъ на имя жены своей, а къ довершенію всего, уговорилъ отца моего вступить въ военную службу, прежде чѣмъ онъ достигнулъ до совершеннолѣтія; и управляя его имѣніемъ, такъ разорилъ, что если бь смерть этого безсовѣстнаго опекуна не положила преграды дальнѣйшему его грабительству, то отецъ мой остался бы

безъ куска хлѣба. Потому хотя по достиженіи его до совершенствѣннѣе и было отдано въ его владѣніе, но онъ такъ былъ привязанъ къ службѣ, что ни разу не пробѣжалъ даже взглянуть на свое достояніе. Оно оставалось безъ всякаго призора, и въ это время одинъ изъ сосѣдей, великій завоеватель, какнхъ было въ старину множество, воспользовался невниманіемъ и безпечностью моего отца, завладѣлъ самовольно большимъ количествомъ принадлежащей ему земли, и хотя старикъ приказчикъ, крѣпостной человекъ, неоднократно писалъ къ моему отцу о неправильныхъ притязаніяхъ завоевателя, но отецъ мой ничего не отвѣчалъ на эти письма, по тѣмъ же причинамъ, то-есть, что онъ ни о чемъ кромѣ военной службы не думалъ, притомъ же онъ былъ почти въ непрерывныхъ походахъ. Наконецъ приказчикъ, вѣрный старинный русской слуга, побѣжалъ самъ къ отцу моему и убѣдилъ его дать ему вѣрующее письмо на управленіе имѣніемъ и на ходатайство по дѣламъ его въ присутственныхъ мѣстахъ. Онъ началъ тяжбу съ наследникомъ бывшаго опекуна, также и съ завоевателемъ сосѣдомъ, завладѣвшимъ нашею землею; и хотя къ счастію десятилѣтняя давность на началіе иска еще не прошла, когда уполномоченный довѣренностію приказчикъ приступилъ къ формальному процессу, однакожь и у наследниковъ опекуна, также какъ и у сосѣда завоевателя, были искренніе друзья въ присутственныхъ мѣстахъ, и всѣ просьбы повѣреннаго отца моего лежали безъ всякаго движенія и дѣйствія въ судахъ; словомъ, когда отецъ мой вышелъ въ отставку и поселился на всегдашнее житье въ своемъ имѣніи, то нашелъ онъ вообще все въ чудесѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи. Онъ долженъ былъ самъ себя сознаться, что отъ безпечности и невниманія своего приближалъ себя съ семействомъ къ совершенному разоренію. По необходимости предстояло ему, скрѣпя сердце, при всей неопытности и съ пылкимъ нетерпѣлимымъ характеромъ своимъ, вступить на тернистое поприще тяжбныхъ дѣлъ. Посредствомъ неоднократно повторенныхъ жалобъ губернскому начальнику на бездѣйствіе уѣзднаго и земскаго судовъ, тяжба начатая приказникомъ двинулась впередъ, и по настоятельнымъ хлопотамъ моего отца, дѣла были рѣшены хотя не въ его пользу, однакожь онъ имѣлъ право по аппеляціи подвергнуть неправильное рѣшеніе въ пользу его соперниковъ пересмотру гражданской палаты, гдѣ это рѣшеніе уничтожено и дѣла въ полномъ ихъ составѣ возвращены въ уѣздный судъ для дополненія

и дослѣдованія: но это доволненіе заключалось только въ новомъ выѣздѣ и долговременномъ пребываніи уѣзднаго суда въ нашемъ селѣ. Словемъ этотъ выѣздъ имѣло послѣдствіемъ то, что члены и всѣ служащіе въ уѣздномъ судѣ порядочно накупились и нажились на счетъ моего отца и другихъ владѣтелей въ общей дачѣ, и истребивъ большое количество свѣтовыхъ припасовъ, возвратились въ городъ; а предвѣстное гражданское малолѣтнее дослѣдованіе и допленіе нисколько черезъ то не подвинулось впередъ: такъ что, когда я вышелъ въ отставку и имѣніе поступило въ мое владѣніе, я нашелъ, что дѣла наши еще все лежали преспокойно въ уѣздномъ судѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не получены затребованныя справки и свѣденія, необходимо будто нужны для рѣшительнаго окончанія.

Но всѣмъ соображеніямъ моимъ о предшествовавшихъ дѣйствіяхъ уѣзднаго суда, то есть просто секретаря, который всѣмъ заправлялъ и дѣлалъ, что ему хотѣлось, я предвидѣлъ, что тяжebное наше дѣло не можетъ и не должно скоро окончиться, потому что собственная выгода секретаря была часъ отъ часу болѣе путать и какъ можно далѣе продолжать, чтобы и меня и соперниковъ моихъ водить обѣщаніями и обирать насъ.

Захотѣлось мнѣ славно обмануть секретаря и вырвать у него благонадежную поживу, то есть прекратить тяжebныя наши дѣла миролюбивою сдѣлкой. Съ этою мыслью я обратился прежде къ внучкамъ наслѣдникамъ бывшаго надъ отцомъ моимъ опекуна, и предложилъ имъ окончить нашъ процессъ по родственному миролюбію. Я уступалъ искъ, представленный отцемъ моимъ противъ ихъ дѣдушки о присвоенномъ имъ капиталѣ, оставшемся послѣ смерти его родителей, также и о весьма значительной суммѣ, накопившейся во время малолѣтства моего отца изъ доходовъ его имѣнія; предоставлялъ въ неприкосновенное ихъ владѣніе, часть земли неправильно проданной изъ дачи моего отца, для уплаты минимыхъ долговъ, которыхъ по доказательствамъ представленнымъ къ дѣлу вовсе не существовало; причемъ объяснилъ я соперникамъ моимъ, что ежели они успѣютъ съ большими издержками выиграть процессъ въ уѣздномъ судѣ, то въ высшихъ инстанціяхъ, навѣрное можно предвидѣть, дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу, и тогда отъ взысканія съ нихъ капитала съ процентами и понесенными нами убытками могутъ они совершенно разориться: мои же требованія заключались только въ томъ, чтобы

возвращена была захваченная самовольно дѣдушкою ихъ земля, принадлежавшая моему отцу; къ довершенію же всего, предупредалъ ихъ, что въ отношеніи къ этой землѣ, даже и въ самомъ уѣздномъ судѣ не будутъ имѣть столько наглости, чтобы присудить ее въ ихъ пользу, потому что представленные отцемъ моимъ къ производству дѣла крѣпости и документы совершенно ясны, правильны и ничѣмъ не могутъ быть опровергнуты.

Убѣжденія подѣйствовали. Соперники кон согласились прекратить миролюбиво наше тяжebное дѣло, на предложенныхъ мною условіяхъ, и благодарили за умѣренность моихъ требованій. Къ счастью сосѣдъ-завоеватель вскорѣ послѣ кончины моего отца также умеръ. Сынъ его, вступившій по наслѣдству во владѣніе имѣніемъ, прекрасной нравственности, молодой, образованный человѣкъ, убѣдившись въ явно несправедливомъ завладѣніи отцемъ его ни почему непринадлежащей ему земли, также тотчасъ согласился на предложеніе мое прекратить нашу тяжбу миролюбиво, и такимъ образомъ намѣреніе мое надуть секретаря уѣзднаго суда удачно свершилось. Весьма понятно, что секретарю миролюбиво наше не нравилось: онъ убѣждалъ соперниковъ моихъ не соглашаться, увѣрялъ, что дѣло будетъ рѣшено непремѣнно въ ихъ пользу; но они не повѣрили его увѣреніямъ, и секретарь съ весьма пошлымъ лицомъ долженъ былъ принять наше миролюбивое прошеніе о прекращеніи тяжбы нашихъ дѣлъ.

Послѣдствіемъ примиренія было то, что я не только успокоился, но частыя сношенія мои съ бывшими коими соперниками сблизили насъ: мы подружались, стали ѣздить другъ къ другу часто, и согласились для взаимныхъ нашихъ выгодъ помѣняться мелкими чрезполосными клочками нашими, къ однимъ мѣстамъ, по удобности для каждаго. Такимъ образомъ поля мои приняла хотя нѣсколько порядочный видъ и черезъ то предстояла возможность улучшить мое хозяйство.

Вообще большая часть сутягъ стариковъ, бывшихъ сосѣдей моего отца, постепенно отправилась на тотъ свѣтъ и владѣніе перешло къ молодымъ людямъ, наслѣдникамъ ихъ. Несмотря на всѣ восклицанія, признаться должно, что выѣшнее поколѣніе гораздо лучше стариковъ нашихъ. Теперь всякій молодой человѣкъ имѣетъ хоть поверхностное образованіе; каждый изъ нихъ воспитывался или въ военно-учебномъ заведеніи, или въ лицей, университетѣ или по-крайней-мѣрѣ хоть въ гимназій. Нѣтъ уже

того закоренѣлаго невѣжества, самодурства и злоупотребленія власти, которыя существовали прежде. Нравоописательные романы и такъ называемыя поэмы, также какъ и юмористическія статьи, писанныя авторами живущими безвыѣздно въ Петербургѣ или Москвѣ, о житіи-бытіи, о нравахъ и обычаяхъ провинціаловъ, должны быть признаны не иначе, какъ историческими фактами о нравахъ прошлаго столѣтія. Россія быстрыми, гигантскими шагами идетъ впередъ: все то, что было за двадцать или за тридцать лѣтъ назадъ, совершенно измѣнилось и приняло совсѣмъ другой видъ. Словомъ Чичиковы, Коробочки, Мавялины, Собакевичи, Плюшкины, Выжигины, Сундуковы и другія дѣйствующія лица, выведенныя въ поэмахъ, романахъ и юмористическихъ статьяхъ, нигдѣ уже не существуютъ въ настоящее время: пороки, недостатки, заблужденія, свойственныя людямъ, разумѣется остались и будутъ всегда существовать, но они приняли совсѣмъ другія, нѣсколько благовидныя формы, а потому и повѣсти, романы и юмористическія статьи должны тоже принять другія формы, то есть описывать молодыхъ и старыхъ провинціаловъ въ настоящемъ, ихъ видѣ, а не представлять намъ то, что уже давно прошло и никогда не возвратится.

Въ собственной службѣ моей произошла по милости Божіей самая счастливая перемѣна. По настоятельному желанію моей матери и по внутреннему убѣжденію въ томъ, что семейная жизнь есть истинно достойное человѣка счастье въ здѣшнемъ мірѣ, я вступилъ въ бракъ съ милою, доброю дѣвушкою, принадлежащей къ почтенному многочисленному семейству. Но надобно прежде рассказать, какимъ образомъ началось и удачно свершилось мое сватовство.

Вскорѣ по смерти моего отца, разбирая оставшіяся въ его письменномъ столѣикѣ бумаги, нашелъ я записку слѣдующаго содержания:

«Живя въ глуши, въ деревняхъ нашихъ, очень часто слышали мы и читали въ газетахъ описанія о существованіи прежнихъ и объ учрежденіи новыхъ гласныхъ и тайныхъ обществъ, подъ разными наименованіями; и мы, увлекаясь духомъ времени, рѣшились учредить между собою весьма и весьма гласное общество, подъ названіемъ «Сословіе простяковъ». Основныя правила вновь учреждаемаго общества заключаются въ слѣдующемъ:

«1. Простякъ долженъ всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ утвердиться въ той мысли, что есть все-

вышнее, благое Провидѣніе пекущееся объ немъ; внутреннее въ томъ убѣжденіе облегчить и усладить всякое горе, неизбежное въ здѣшней жизни, потому что жизнь пережить не поле перейти.

«2. Простякъ не долженъ умствовать и тѣмъ болѣе кошунствовать или дерзко разсуждать о религіи; ему всегда должно помышлять, что онъ человѣкъ немудрый, слѣдовательно, немѣля выпреннаго высокаго ума, нельзя ему вступать въ сужденія о вещахъ непостижимыхъ: онъ обязанъ вѣрить и въ простотѣ сердца своего, безъ всякихъ умствованій исполнять въ строжайшей точности то, что повелѣваетъ религія, то есть помня, что *иlustь власти еще не отъ Бога*, быть вѣрнопопдааннымъ Царя своего и по точному смыслу присяги, вѣрно и неліцемерно служить ему и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови. Вообще простякъ обязанъ любить ближняго своего и служить со всею чистотою и неліцепріятіемъ Богу, Государю и человѣчеству, въ томъ званіи, въ которомъ онъ по волѣ Провидѣнія поставленъ.

«3. Простякъ слѣдую евангельскому ученію, то есть *премудрости простой*, долженъ быть убѣжденъ, что *иго Спасителя нашего благо и бремя Его легко есть*: онъ долженъ быть *кротокъ и смиренъ сердцемъ*; и если сверхъ чаянія кого-нибудь онъ неумышленно оскорбитъ, то обязанъ тотчасъ сознаться въ томъ, и употребить усилія свои къ исправленію и отвращенію послѣдствій неумышленнаго оскорбленія; если же онъ встрѣтитъ умника, который худо приметъ его сознаніе и не будетъ удовлетворенъ чистосердечнымъ желаніемъ исправить свою ошибку, то пожалѣть объ немъ и удалиться.

«4. Простяку должно ограничить всѣ желанія свои существенно необходимыми и жить сообразно съ своими способами; вообще обязанъ онъ утвердиться въ томъ весьма утѣшительномъ увѣреніи, что все то хорошо, что не можетъ быть лучше.

«5. Простякъ долженъ имѣть цѣль въ жизни сообразно съ силами и способностями своими и стремиться къ этой цѣли непоколебимо, постоянно, неутомимо. Очень можетъ быть, что на избранномъ имъ пути встрѣтятся разныя затрудненія и препятствія, но простякъ не долженъ унывать и ослабѣвать въ своемъ подвигѣ, такъ что если нельзя идти къ цѣли своей прямо ровнымъ шагомъ, то хотя ползти къ ней, ни какъ не упуская ея изъ виду.

«6. Простякъ не долженъ быть ни льстецомъ, ни обманщикомъ, ни лгуномъ, ни злорѣчивымъ, ни любостыжательнымъ. Пусть подвизаются во всемъ этомъ умники; куда поспѣтъ за ними простяку. Сохрани Богъ еще, если онъ вздумаетъ подражать умикамъ, то можетъ попасть въ такую глубокую яму, что не скоро изъ нея выкарабкается.

«7. Простякъ обязанъ любить и помогать не только своимъ собратамъ простякамъ, но и всякому умнику; и въ ежедневныхъ молитвахъ своихъ обязанъ просить Бога о подкрѣпленіи желанія его безполезно жить въ здѣшнемъ мірѣ.

«8. Да будетъ девизомъ сословія простяковъ три слѣдующія литеры изъ русской азбуки: *Рцы, слово, твердо.*

«9. Всякому вступившему въ наше общество, предоставляется право, если онъ встрѣтитъ челоѣка по сердцу, пригласить его; вѣтъ нужды дѣлать какія либо предварительныя сношенія о принятіи новаго собрата съ основателями общества; каждаго принадлежащаго къ нашему сословію можно тотчасъ узнать по образу его жизни и поступкамъ въ исполненіи семейныхъ и общественныхъ его обязанностей.

«10. Однако жъ каждому вновь поступающему въ наше сословіе должно объявить девизъ нашъ, какъ выше сказано, три литеры изъ русской азбуки: *Р. С. Т.*; дать копію объ основныхъ правилахъ общества и объяснить при томъ, что за точное исполненіе этихъ правилъ найдетъ онъ возмездіе въ чистой, спокойной совѣсти, и еще сверхъ-того приобрѣтетъ драгоценнѣйшее право не страшиться смерти и совершить неизбежный переходъ изъ здѣшней жизни въ вѣчность тихо и спокойно.»

Эти правила подписаны учредителями общества, отцемъ моимъ и старшимъ, истиннымъ его другомъ Николаемъ Анатоліевичемъ....

«Вотъ какая неожиданная для меня новость, сказалъ я обращаясь къ моей матери: я совсѣмъ не зналъ, что покойный батюшка вмѣстѣ съ другомъ своимъ Николаемъ Анатоліевичемъ былъ основателемъ общества подъ названіемъ *Простяковъ*; никогда не удавалось мнѣ даже и слышать объ этомъ. Когда же это сдѣлалось? Странно, что до-сихъ-поръ не было мнѣ извѣстно о существованіи такого общества. — Совсѣмъ не мудроно, что ты не слышалъ и не имѣлъ понятія объ этомъ обществѣ, отвѣчала матушка: ты былъ еще ребенкомъ, когда тебя отвезли въ Петербургъ въ корпусъ; а потомъ ты забѣжалъ къ намъ на самое ко-

роткое время въ проѣздъ свой въ Грузію, да и притомъ когда гостилъ у насъ уѣздный судъ: но что Николай Анатоліевичъ былъ самымъ искреннимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ твоего отца, и что они оба весь свой вѣкъ жили по точнымъ правиламъ учрежденнаго ими общества, это должно быть тебѣ извѣстно. — «Какъ же! Что они всегда были дружны между собою, мнѣ очень понятно, отвѣчалъ я: Николай Анатоліевичъ часто ѣзжалъ къ намъ и всегда ласкалъ и цѣловалъ меня когда я былъ ребенкомъ; и знаете ли, я еще помню, что у него была тройка наурныхъ лошадей, на которыхъ провожалъ онъ насъ до уѣзднаго города, когда батюшка отправлялся съ нами въ Петербургъ. Мнѣ это тѣмъ болѣе памятно, что онъ упросилъ батюшку отпустить меня къ нему въ бричку, и что въ угодность мою онъ приказалъ своему кучеру обогнать батюшкину коляску: въ это время лошади насъ повесели такъ, что онъ самъ схватился за возжи и насилу вмѣстѣ съ кучеромъ могли они удержать лошадей. Осталось въ памяти моей также и то, что при прощаніи цѣловалъ онъ и крестилъ меня и братьевъ моихъ и далъ каждому изъ насъ по серебряному рублю на лакомство. Но гдѣ же теперь этотъ добрый, почтенный Николай Анатоліевичъ и почему онъ не былъ ни при смерти, ни при похоронахъ батюшки? — «Онъ давно уже уѣхалъ въ Петербургъ за дочерью, выпущенною изъ института, но дорогою, какъ онъ писалъ къ намъ, простудился, и очень опасно занемогъ; однако жъ теперь онъ совсемъ выздоровѣлъ, и по послѣднему письму его, онъ долженъ скоро возвратиться домой: это мнѣ извѣстно потому, что я часто посылаю провѣдывать дѣтей его. Эти бѣдныя сироты, оставшіяся малъ мала меньше послѣ смерти матери, живутъ одни въ деревнѣ подъ надзоромъ старушки бабушки и гувернантки, доброй Нѣмки. — «Я очень радъ, что онъ скоро воротится домой: деревня его, кажется, верстахъ въ пятнадцати отсюда. Теперь приходитъ мнѣ на память также и то, что мы часто ѣздили къ нему, и батюшка говаривалъ, что лошади наши такъ привыкли къ дорогѣ въ Марфино, — кажется такъ называется его деревня, — что можно не дотрогиваясь до возжей пустить ихъ, они прямо привезутъ и сами остановятся у крыльца господскаго дома въ Марфинѣ. — Мы съ покойною его женою были очень дружны и часто ѣздили другъ къ другу. — «Теперь моя обязанность поддерживать дружескую связь между нашими семействами, продолжалъ я: и какъ скоро Николай Анатоліевичъ возвратится изъ Петер-

бурга, тотчасъ отправаюсь къ нему и буду просить его, чтобы онъ и меня принялъ въ сословіе простяковъ.—Ну, на это врядъ ли онъ согласится, сказала матушка съ улыбкою: старшій сынъ его, очень молодой человѣкъ, служащій въ Петербургѣ не знаю при какомъ-то министрѣ, въ бытность его, года два тому назадъ, въ отпуску, убѣдительно просилъ отца принять его въ это сословіе, но онъ отвѣчалъ, что ему кажется рано просить о соприсчисленіи его къ обществу простяковъ, потому что онъ еще *слишкомъ уменъ*, и не приобрѣлъ многими опытами увѣренности въ точномъ исполненіи того, что требуется отъ простяка, по правиламъ учрежденія общества; словомъ, надобно еще очень и очень посмотреть и увѣриться, достоинъ ли онъ быть принятымъ въ ихъ общество. Однако жъ ты, мой любезный другъ, не можешь втти въ одну категорію съ его сыномъ, прибавила матушка, обильная и цѣлуя меня: я берусь засвидѣтельствовать Николаю Анатолевичу, что тебя и можно и должно причислить къ ихъ обществу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего разговора, Николай Анатолевичь прислалъ сказать о своемъ прїѣздѣ и что онъ самъ былъ бы у насъ, но чрезвычайно усталъ съ дороги и не очень хорошо себя чувствуетъ. Я тотчасъ отправился къ нему и былъ ннъ принять съ распростертыми объятіями. Мы оба поплакали вспоминая о покойномъ моемъ отцѣ. Предсказаніе матушки свершилось, именно когда я сталъ просить его о принятіи меня въ сословіе простяковъ, онъ отвѣчалъ, что хотя по всѣмъ вѣроятностямъ кажется ему, что я имѣю полное право быть причисленнымъ къ ихъ сословію, однако жъ надобно еще подождать и посмотреть какъ я буду жить и дѣйствовать далѣе, въ какомъ еще не совсѣмъ знакомомъ мнѣ сословіи, въ которое поступилъ я совсѣмъ неожиданно, по неповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ. Добрая моя матушка постаралась сократить срокъ моего испытанія. Она спрашивала обо всѣхъ подробностяхъ моего трехдневнаго пребыванія у Николая Анатолевича и очень искусно обратила вопросы свои о дочери его прїѣхавшей съ нимъ изъ Петербурга. Я признался, что ея милое, ангельское, доброе лицо поразило меня; что я почувствовалъ что-то до-сихъ-поръ необыкновенное, неизвѣстное и какой-то голосъ внутренно говорилъ мнѣ: «Вотъ она, вотъ предназначенная тебѣ подруга и спутница твоей жизни»; однако жъ я остановилъ сердечное влеченіе мое къ ней, хотѣлъ прежде открыться и посоветоваться

съ вами. — «Ахъ! дай-то Богъ, чтобы сбылось страстное желаніе мое и покойнаго твоего отца, сказала матушка, бросившись со слезами цѣловать меня. Намъ обоимъ хотѣлось, чтобы ты вступилъ въ это почтенное и добрейшее семейство; я молюсь объ этомъ ежедневно Богу: однако жъ когда ты вѣхалъ, я нарочно не говорила тебѣ ни слова о дочери Николая Анатоліевича затѣмъ, чтобы преждевременно не поселить въ тебѣ нѣкотораго къ ней предубѣжденія. Теперь слава Богу, безъ всякихъ моихъ совѣтовъ, свершилось то, чего мнѣ хотѣлось, она самому тебѣ понравилась. Матушка на другой же день поѣхала сама къ Николаю Анатоліевичу и такъ удачно все уладила, что я не только былъ принятъ въ сословіе {простяковъ, но соединился вѣчными неразрывными узами съ дѣвушкою, которая съ перваго взгляду сдѣлала на меня сильное, необыкновенное впечатлѣніе. Мы живемъ съ женою моею нѣсколько уже лѣтъ, и я частъ отъ часу болѣе утверждаюсь въ томъ мнѣніи, что лицо есть вывѣска и зеркало души.

Вступленіе мое въ семейство Николая Анатоліевича, всѣми любимаго и уважаемаго, еще болѣе распространило кругъ моего знакомства, который и безъ того увеличился многими хорошими людьми, новыми моими родственниками по женѣ.

Образъ деревенской нашей жизни былъ совсѣмъ не тотъ какъ описываютъ въ романахъ, поэмахъ и юмористическихъ статьяхъ. О псовой охотѣ не было даже помину въ нашемъ кругу: да и вообще теперь почти повсюду перевелись собачьи охотники между русскими помѣщиками, потому что большая часть изъ нихъ давно убѣдился въ томъ, что дворянину предстоптъ занятіе гораздо лучше, полезнѣе и благороднѣе нежели рысканіе за зайцами и удаленіе изъ дому иногда надолго и на дальнее разстояніе въ отъѣзжія поля. Старинныя помѣщичьи попойки, и собраніе крестьянскихъ бабъ для пѣнія и плясанія также вышли изъ моды; а если иногда и собираютъ крестьянъ въ большіе праздники, или послѣ уборки хлѣба, для подчивванія ихъ, то совсѣмъ не для потѣхи помѣщика, а затѣмъ, чтобы добрымъ земледѣльцамъ доставить послѣ трудовъ ихъ нѣкоторое удовольствіе: однако жъ и при этомъ наблюдаютъ, чтобы никто не напился до безпамятства, а выпивъ чарки по двѣ вина, или нѣсколько ковшей деревенской браги, и насытившись хорошими, наварными щами, пирогами и кашею съ масломъ, повеселились, попѣли и поплясали, и, выпивъ еще по чаркѣ вина, разошлись по домамъ.

Такого роду угощенія имѣють тѣ послѣдствія, что они болѣе сближаютъ крестьянъ съ помѣщиками; ласки, привѣтливость и желаніе доставить имъ удовольствіе усиливаетъ ихъ привязанность. Доброе слово и явное доброжелательство дороже всего для русскаго человѣка; онъ изъ этого способенъ привязаться и полюбить до самоотверженія. Большая часть помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ своихъ, именно такъ дѣйствуютъ; и если бы угодно было либераламъ нашимъ, путешествующимъ по чужимъ краямъ и знающимъ свое отечество не далѣе какъ до окружностей Петербурга или Москвы, верстъ на двадцать отправиться во внутреннія губернія и на мѣстѣ выкинуть и обозрѣть теперешнее житье-бытье помѣщичьихъ крестьянъ, то они бы совсѣмъ перемѣнили свой образъ мыслей.

Кругъ нашъ постепенно распространялся и состоялъ чело-вѣкъ изъ двадцати ближнихъ сосѣдей, жившихъ на самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Мы дѣлали ежегодно между собою складчину для выписки лучшихъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и хозяйственныхъ книгъ, и очень часто, а по праздникамъ и воскресеньямъ непременно, кому только было можно, собирались по очереди, то у одного то у другаго, сообщали другъ-другу соображенія наши по хозяйству, наблюденія или послѣдствія нѣкоторыхъ опытовъ, предпринятыхъ по указанію земледѣльческихъ журналовъ и хозяйственныхъ книгъ, разсуждали, что можетъ-быть полезно или что никуда не годится по нашему климату и почвѣ земля. Карты совсѣмъ были неизвѣстны въ нашемъ обществѣ: намъ не было нужды убивать картежною игрою несносное для людей время; у насъ оно быстро летѣло въ разговорахъ, въ сужденіяхъ, въ разсказахъ, о прежней военной или гражданской нашей службѣ: мы курили сигары, сидѣли на воздухѣ, или, въ ненастное время и зимою, въ теплой, просторной залѣ; а жены наши, изъ которыхъ большая часть, по счастливому стеченію обстоятельствъ, были знакомы съ малолѣтства между собою, по воспитанію въ институтахъ, или по жительству ихъ, въ близкомъ разстояніи по сосѣдству, занимались своею работою и разсуждали также о женскомъ хозяйствѣ; а нѣкоторыя знавшія хорошо музыку, услаждали нашу бесѣду игрою на фортепiano. Одна изъ нихъ, имѣвшая прекрасный, обработанный голосъ, доставляла намъ истинное удовольствіе пѣніемъ изъ лучшихъ италянскихъ и нѣмецкихъ оперъ, Россини, Беллини, Доницетти, Вебера, также и русскихъ,

Гляци, Алябьева, Верстовскаго. А иногда, если попадались въ нашъ кругъ молодые люди, прїѣзжавшіе изъ губернскаго города, или офицеры бывшіе въ отпуску, то составлялись и танцы, но не иначе какъ подъ фортепіано, потому что во всемъ нашемъ уѣздѣ перевелись прежніе, доморощенные помѣщичьи оркестры; даже и у главнаго нашего уѣзнаго аристократа, предводителя дворянства, получавшаго болѣе ста тысячъ доходу, не было своихъ музыкантовъ, а на балахъ его танцовали или подъ военную музыку полка, стоявшаго въ нашемъ уѣздѣ, или подъ звуки отличнаго органа, купленнаго имъ, какъ онъ говорилъ, за десять тысячъ рублей, и ежегодно валы въ этомъ органѣ увеличивались новыми музыкальными произведеніями. Вообще помѣщики выдѣшняго поколѣнія убѣдились въ томъ, что гораздо выгоднѣе учить дворовыхъ людей вмѣсто музыки какимъ-нибудь полезнымъ мастерствамъ.

Такимъ образомъ, мы въ кругу нашемъ, благодаря Бога, такъ сблизились и подружились, что безъ всякихъ хлопотъ уничтожали миролюбивыми сдѣлками и неудобства и непрїятности черезполоснаго нашего владѣнія, согласились промѣняться и разойтись къ однимъ мѣстамъ. Конечно еще остались, между владѣльцами общей нашей дачи, нѣсколько старинныхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ сутягъ, которые были непреклонны на всѣ наши убѣжденія, но съ ними мы надѣялись кое-какъ временемъ разойтись, а самое главное затрудненіе было съ одводворцами; они никакъ не умѣли или не хотѣли постигнуть собственныхъ выгодъ, имѣть поля свои къ однимъ мѣстамъ: впрочемъ они были поддерживаемы въ упорствѣ своемъ самыми вредными въ сословіи казенныхъ крестьянъ, повѣренными своими, прозванными по всей справедливости мироѣдами. Теперь эти вредные мироѣды при новомъ устройствѣ управленія казенными крестьянами, повсюду уничтожены, а прежде они были истинными виновниками разоренія и нищеты ихъ. Мироѣды вовлекали ихъ въ неправильные процессы, и обирали ихъ, подъ предлогомъ поддержанія производства процессовъ, ссорили съ сосѣдями, помѣщиками, и для собственныхъ своихъ выгодъ, не допускали ихъ къ миролюбивому прекращенію возникающихъ между ними по сосѣдству непрїятностей, а къ довершенію всего уговаривали предоставлять имъ за труды и хлопоты, пользованіе, будто бы совѣтъ для нихъ неудобными пустошани.

Мы въ кругу нашемъ постановили, изыскать все способы къ

повѣрті, по возможности, внутренняго положенія нашей общей дачи, и къ приведенію въ нѣкоторую положительную завѣстность, кто владѣеть какимъ количествомъ земли, и соображая настоящее владѣніе каждаго изъ насъ съ крѣпостными актами, открыть черезъ то, кто изъ насъ владѣеть болѣе или менѣе того, что по тѣмъ актамъ слѣдуетъ. Я принялъ на себя эту обязанность, возобновивъ воспоминаніе преподанныхъ мнѣ въ кадетскомъ корпусѣ познаній въ Геодезіи. Съемками съ натуры занимался я во время нахожденія моего въ высшемъ классѣ въ корпусѣ, потомъ нѣсколько разъ употребленъ былъ на то же начальствомъ, въ продолженіи службы моей на Кавказѣ; все это, правду сказать, бывши въ отставкѣ совсѣмъ было я забылъ, но имѣя основательныя по этому предмету познанія, мнѣ легко было вспомнить. Я приступилъ къ дѣлу осенью, тотчасъ по уборкѣ хлѣба; и по повѣрті моей оказалось, что большая часть помѣщиковъ владѣютъ въ натурѣ именно тѣмъ, что слѣдуетъ каждому по крѣпостямъ. У мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и однодворцевъ, имѣвшихъ самыя мелкія клочки, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ обширной общественной нашей дачи, повѣрті со всею достовѣрностію количество принадлежащей имъ земли было очень затруднительно: однакожь по поверхностнымъ моимъ соображеніямъ и примѣрномъ изчисленіи казалось мнѣ, что они имѣютъ гораздо болѣе, чѣмъ имъ по крѣпостямъ слѣдуетъ, потому что въ каждой дачѣ есть непрѣмливо примѣренная земля. Сообразивъ сообщенныя мною свѣденія, мы въ обществѣ нашемъ имѣли совѣщаніе, какія ближайшія мѣры предпринять должно, чтобы постепенно уничтожить черезполосное, безобразное наше владѣніе, потому что несмотря на взаимныя наши другъ-другу уступки и промѣны землями къ однимъ мѣстамъ, все еще не было возможности учредить правильное хозяйство, все еще у многихъ изъ насъ въ самой срединѣ полей оставались небольшія полоски, принадлежащія мелкопомѣстнымъ дворянамъ и однодворцамъ, а потому и продолжались прежнія потравы скотомъ хлѣба на корню, или въ стопахъ; и ссоры, также какъ и слѣдствія земскаго суда, хотя не такъ часто какъ прежде, но все еще случались. Сверхъ того существовало также прежнее неудобство въ прокормленіи скота нашего, по парамъ, по живнью и по лугамъ послѣ сѣнокоса, потому что очень часто отъ лѣни, безпечности, пьянства, или недостатку способовъ, безтолковые наши сосѣди не успѣвали или не хотѣли убирать хлѣбъ и возять въ гумно, также и косить

сѣно въ одно съ нами время; они почти всегда опаздывали и конны ихъ хлѣба на поляхъ, или нескошенная трава на лугахъ, оставались иногда до самой глубокой осени, а мы чрезъ то лишились способоу выгонять для прокормленія скотъ нашъ.

Послѣдствіемъ нашего совѣщанія было то, что прежде всего должно было употребить все усилія къ миролюбивому прекращенію разорительнаго и тягостнаго для всѣхъ насъ производства судебнаго дѣла по общей нашей дачѣ: но для достиженія этой цѣли предлежало начать тѣмъ, чтобы преклонить мелкопомѣстныхъ дворянъ, сосѣдей нашихъ, раздѣлиться землями и отмежеваться къ однимъ мѣстамъ, или купить у нихъ имѣнія, хотя за дорогую цѣну; однако жъ мы сдѣлали условіе не набивать другъ передъ другомъ цѣну, а купивъ раздѣлить между собою по удобству владѣнія каждаго изъ насъ. Имѣя планъ вообще всей дачи, намъ предстояла возможность заблаговременно расположиться, кому въ которомъ мѣстѣ и какое количество должно отдѣлить земли, если удастся исполнить наше предположеніе купить имѣніе мелкопомѣстныхъ нашихъ дворянъ: хотя съ большими усиліями и пожертвованіями, однако жъ мы успѣли достигнуть нашей цѣли. Мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ было всего въ общей нашей дачѣ шесть человекъ. Двое изъ нихъ, молодые люди, нѣсколько образованные, поняли сами, что собственная ихъ выгода была — соединить мелкіе клочки своей земли къ одному мѣсту; они согласились переселиться изъ нашего села, по удобности мѣстнаго положенія къ границамъ дачи, а мы, въ вознагражденіе за уступленныя ими усадьбы въ селѣ, прибавили имъ пахатной и луговой земли, и помогли перевезти собственные и крестьянскіе дома на новыя мѣста. Одинъ, служившій въ военной службѣ, согласился продать намъ своихъ крестьянъ и принадлежащій ему участокъ земли въ общей дачѣ. Два развратные старые пьяницы заложили имѣнія свои въ приказѣ общественнаго призрѣнія, и за накопившуюся значительную недоимку отъ несвоевременной уплаты капитала и процентовъ, мы купили ихъ имѣнія съ аукціоннаго торгу и раздѣлили между собою по установленному прежде между нами условію. Остался одинъ помѣщикъ, упрямый, сумасбродный забѣлка, служившій секретаремъ въ уѣздномъ судѣ, который не соглашался ни на какія выгодныя для него предложенія: съ нимъ было болѣе всѣхъ хлопотъ и непріятностей; въ особенності же онъ притѣснялъ и обиралъ однодворцевъ, но наконецъ судьба сжалялась надъ нами. Помѣщикъ-секретарь за

мыти и за какое-то злоупотребленіе былъ отставленъ, преданъ суду и по положенному на него значительному взысканію, имѣніе его было подвергнуто продажѣ съ аукціоннаго торгу, которое мы купили и раздѣлили между собою на тѣхъ же условіяхъ, предварительно заключенныхъ между нами. Такимъ образомъ, хотя трехполосное наше владѣніе постепенно уничтожалось, но уладивъ кое-какъ съ мелкопомѣстными помѣщиками, мы ни какъ не могли разойтись полюбовно съ однодворцами; и воѣ тѣ же неудобства и затрудненія, хотя въ меньшемъ видѣ, существовали къ благоустройству нашего хозяйства. Мы, однако жъ, не унывали и постепенно шли къ нашей цѣли.

Я придумалъ еще средство, и мысль моя была одобрена нашимъ обществомъ. Мы обратились къ главному *міроѣду*, повѣренному однодворцевъ, и убѣдили его склонить находящихся подъ его руководствомъ велемудрыхъ и разсудительныхъ боярскихъ дѣтей (такъ называли встарину однодворцевъ) переселиться, по примѣру многихъ сосѣдственныхъ селъ, въ многоземельныя губерніи, причемъ предложены были съ нашей стороны самыя выгодныя для нихъ условія, а именно, заплатить за усадьбы и принадлежащія имъ въ общей нашей дачѣ земли за каждую десятину по сту рублей; мы доказывали *міроѣду*, что этихъ денегъ будетъ слишкомъ достаточно и на переѣздъ и на устройство домовъ и хозяйства ихъ на новыхъ мѣстахъ. *Міроѣдъ* въ надеждѣ, какъ то со всею достовѣрностію предполагать должно, удержать большую часть полученныхъ съ насъ денегъ въ свою пользу, согласился на наше предложеніе; а объ однодворцахъ и говорить нечего: они почитали слова *міроѣда* сильнѣй оракула Кавказа, и они не стали спорить и прекословить ему, потому что убѣжденія въ пользу переселенія ихъ на новыя мѣста представлены были на общей сходкѣ, передъ самымъ питейнымъ домомъ, а потому краснорѣчіе его, подкрѣпленное нѣсколькими ведрами вина, было слишкомъ сильно. Мы сочинили просьбу однодворцамъ отъ всего міра въ казенную палату (министерства государственныхъ имуществъ тогда еще не существовало) о позволеніи имъ переселиться въ многоземельную губернію, съ тѣмъ, чтобы земля, принадлежащая имъ въ общемъ трехполосномъ владѣніи съ помѣщиками, была уступлена симъ послѣднимъ, съ уплатою въ пользу ихъ (однодворцевъ) по сту рублей за каждую десятину. Но увы! предпріятіе наше, какъ намъ казалось, хорошо обдуманное, не имѣло ожидаемаго успѣху. Казенная палата отказала однодворцамъ въ

просьбѣ, на томъ, признаться должно, правильномъ основаніи, что земля въ общей дачѣ нашего села, не есть крѣпостная собственная однодворцевъ, а помѣстная, данная изъ казны предкамъ ихъ, но не въ вѣчное и потомственное владѣніе, потому она и не имѣютъ права располагать этою землею по собственному своему произволу; а чтобы помѣщики могли приобрѣтать въ свое владѣніе такого рода землю съ уплатою въ пользу однодворцевъ денегъ, на это нѣтъ въ виду ни какого закона. . Послѣ такого правильного заключенія казенной палаты, спорить и приносить жалобу было невозможно, и увы! мы остались по необходимости по-прежнему въ черезполосномъ владѣніи.

Послѣ этой неудачи я придумалъ еще новый проэктъ, выгодный, какъ мнѣ по всѣмъ вѣроятностямъ казалось, и для казны и для помѣщиковъ; но для объясненія, въ чемъ именно заключался этотъ проэктъ, надобно прежде рассказать слѣдующее.

=

ДЕВЯТОЕ МАРТА.

=

Б Ы Л Ь.

=

Alle Schuld rächt sich auf Erden.

СОКРАЩ.

I.

— Ха, ха, ха! погляди Сережа! Экая пропастъ желѣзныхъ ярушекъ! Больше чѣмъ у тебя въ спальнѣ навѣшено!

Такъ говорилъ дядюшка остановясь съ ватагой молодежи передъ лавкой купца Хазарь-Хавики, въ которой довольно живописно развѣшанное восточное оружіе прикрывало канаусы, мови, тарманы московскихъ фабрикъ; это оружіе и три чубука вмѣстѣ съ костюмомъ продавцевъ были поводомъ, что Армяшку Хазарь-Хавику во всемъ городѣ звали Персіянниномъ, а лавку его персидскимъ магазиномъ.

— Купи баринъ; хорошіи есть вещь; тифлисскій товаръ; самыя привезлы.

— Купи, баринъ! кричалъ дядюшка, такъ что на всю ярмарку было слышно: денегъ тебѣ что ли жалѣть! У насъ съ тобой не одинъ сундукъ!....

— И всѣ скоро будутъ пустыя, шепотомъ сказалъ Ваня Ивану Ивановичу; послѣдній разглядѣлъ усы, значительно посмотрѣлъ на Ваню, а потомъ на Сергѣя Аеоуасыча Лысакова, молодаго купчика, въ собольемъ новемодномъ сертукѣ, съ карманами впереди, гдѣ обыкновенно покоятся руки людей образованныхъ.

Т. ХС. — Отд. I.

Лысаковъ разсматривалъ оружіе какъ-то нехотя; глаза его безпреставно устремлялись въ глубь довольно темной галлерей, искусно сколоченной изъ разныхъ дреколій и закрытой рогожками, какъ-будто онъ ждалъ, что въ этомъ искусственномъ и полезномъ для торгующаго класса полумракѣ, блеснетъ звѣзда яркимъ свѣтомъ. Лавка Хазаръ Хаямки имѣла превосходное географическое мѣстоположеніе: въ нее упирались двѣ галлерей, и Лысаковъ тотчасъ замѣтилъ и воспользовался выгодною позиціи; онъ преспокойно сѣлъ на прилавокъ, или правильнѣе на кучу мовей и канаусовъ, и сталъ барабавить ногами въ стѣнку прилавка. Дядюшка никогда не отставалъ отъ племянника, засмѣялся, подскочилъ и тоже сѣдѣлъ на канаусѣ и также билъ нещадно ногами въ бѣдную стѣнку. Иванъ Ивановичъ закутался въ военную шинель; прижалъ кошку воротника къ ланитамъ и живописно облокотился на колонну, или правильнѣе на бревно, къ явной опасности всего армарочпаго здавія. Ваня съ важностью опустился на груды ковровъ лежавшихъ у входа; Ванюха же и Ванюха кое-какъ пріютились за прилавкомъ. Въ этомъ хорѣ запѣвалой всегда былъ дядюшка.... Отъ обыкновенныхъ запѣвалъ онъ отличался тѣмъ, что тѣ передъ подвигомъ всегда откашливаются, а этотъ отсмѣивался....

— Ха, ха, ха! рѣзко раздалась интродукція: Иванъ Ивановичъ, что насупился; не хочешь ли табачку? а?

Молчаніе.

— Ха, ха, ха! вишь разсѣялся, судить, рядить въ молчанку.

— Полно врать, дядюшка! строго сказалъ Сергій Аеонасьевичъ.

— Да это я такъ, Серсжа, въ шутку! Ей Богу въ шутку! Убей меня Богъ, если не въ шутку!

— Это онъ такъ, подхватилъ Ванюха, молодой купчикъ: съ-дуру или съ-пьяна, не разберешь! Карпъ Трофимычъ вчера былъ больно грузень....

— Грузень? ха, ха, ха! Грузень, да на ногахъ; а вы всѣ, что свайки лежали; ни одинъ головы не могъ поднять; дрянъ этакая; Ванюха затянулъ пѣсню! такъ голосъ въ горлѣ и застрялъ! махнулъ рукой, да и ухмылился....

— Да переставъ же врать, перебилъ Ванюха, также молодой купчикъ; не то мы Ивана Иваныча попросимъ, такъ онъ тебѣ пивку къ посу поставитъ.

— Самъ ты пивка этакая! только ты не кровь, а вино со-сешь....

— Хазарь! громко спросил Сережа: а это что у тебя съ золотой ручкой....

— Это самый золотой ручка! это ханской ножъ; шахъ съ такинъ на охоту ходитъ; сама рѣжетъ; два шакала разомъ распорешь! На, гляди; хоть въ циркульную отдай: борода рѣжетъ! На; можь обречь себя и посмотреть въ ножъ, хорошо ль обречь себя: зеркала не нада. Старой ножъ; на; видишь, тутъ золотомъ была написана; слезла.

— Важный ножъ! сказалъ Сережа, съ любопытствомъ разсматривая оружiе: Иванъ Ивановичъ! Поглядитка, ты военный! Первой части ...

— Знатный тесакъ! Рублевъ пять стоитъ! На кабана аль на медвѣдя пригоденъ!

Ваня, Ванька, Ванюха, всё оставили мѣста свои и окружили Сережу; разсматривали ножъ внимательно; рѣшили, что онъ очень хорошъ, до того хорошъ, что человекъ можно зарѣзать, такъ, что и не услышитъ. Кстати же на первой медвѣль поста и охоту на двухъ медвѣдей затѣваетъ Семенъ Ефимычъ Лычкинъ. При этомъ имени Сережа измѣнился въ лицѣ, а дядюшка зашѣлъ.

— Ха, ха, ха! Охота пуще неволи! Семенъ Ефимычъ за медвѣдемъ гошяется; а мы за его дочкой! Ужъ близко; кажется, скоро догонимъ козочку нашу....

— Правда! прервалъ Иванъ Ивановичъ съ насмѣшливой улыбкой: отъ такихъ собакъ не уйдешь!....

— Ха, ха, ха! Ай да Иванъ Ивановичъ! Экая военная штука! Такъ словомъ будто штыкомъ и колетъ! Завидно, что ль? Да у насъ мало ли невѣсть, что ль? Не одна Татьяна Семеновна! Вотъ Анна Федотовна Лохмотова! Тѣбу ты пропасть, легка на поминѣ.... словно снѣгъ на голову! И Ванюшка съ ней! Вотъ теперь третій день ярмарка стоитъ, масляница честная идетъ; православный народъ гуляетъ; а Ванюшка все при сестрѣ, будто городской у будки.... Э! губа не дура! Всѣ лавки мпновала, такъ и паровитъ къ Хазару или къ Сережѣ!....

— Полно врать!

— Ей Богу въ шутку! Право безъ всякаго помысла; убей меня Богъ если не въ шутку.... Матушка Анна Федотовна, всякаго здравiя желаемъ....

— Божъ журъ Карпъ Трофимычъ!

— Что я за Божуръ такой! Я тебѣ, матушка, поводу не подалъ халть меня по нѣмецкому. Пусть твой братецъ нпой части

позволяетъ себѣ носъ задирать; да ты то что? Женскій полъ бабій волосъ длинень, да умъ коротокъ! Вотъ тебѣ за Бонжуръ!

— Полно врать!

— Я въ шутку, право въ шутку, ей Богу въ шутку....

— Молчи, дядя, не то пѣвку къ носу....

— Молчу, молчу!...

Но дядя не уговорился; онъ только отретировался въ галерею, пошелъ тамъ на какого-то знакомаго и сталъ ему что-то весьма выразительно рассказывать; а въ лавкѣ Хазаръ Ханки все перемѣнилось. Ванюшка или братецъ пристасть къ Ванѣ, Вапкѣ, Ванюхѣ, Ивану Ивановичу, товарищамъ и собесѣдникамъ, которые оттащивъ его въ уголъ осыпали упреками.

— Что ты это у Сергѣя Аоонасыча пересталъ бывать? А? Шивче, не то что въ будни! На масляной уже донскаго не подавали! Чистую шампанею; а блины, братецъ, столбиками; икрой словно дегтемъ тѣсто обмазываемъ; развернулся, нечего сказать! Что отогалъ? Признавайся.

— Право, братцы, за недосугомъ! Сегодня прійду!

— Ну, да смотри же! Не придешь, такъ мы тебя по своему вытребуемъ.... Въ тоже время Анна Федотовна перебирая Тифлискіе товары изъ Москвы и не слушая объявленій Ханки, безпрестанно обращалась съ вопросами къ Лысакову:

— Что это вы покупаете?

— Да вотъ купилъ-съ ханскій ножъ!

— Ахъ, Господи, какой страшный; да на что онъ вамъ!

— На охоту-съ ходить....

— А вы ходите на охоту.

— Каждый день.. .

— Что вы это! Шутите! Ахъ вѣтъ не шутите; я васъ понимаю.... Но зачѣмъ же этотъ ножъ? Пуркуа?...

— Такъ, для плезуру и большаго азарта!...

— Вы меня дурачите!

И взоры увлажненные прозрачною слезою впелись въ глаза Сергѣя Аоонасыча. Онъ смутился, онъ былъ виноватъ передъ Анной Федотовной. Когда онъ познакомился съ ихъ домомъ, не проходило дня, чтобы онъ не побывалъ у больной старушки или у Ванюшки, съ которымъ пошла закадышная дружба. Самая непытвая дѣвушка обладаетъ опытностію а ргіогі распознавать поводы посѣщенія молодыхъ людей. Такъ и Анна Федотовна совершенно постигала, что Иванъ Ивановичъ ѣздитъ къ нимъ исправно черезъ два дня на третій для отводу, или лучше сказать для

приводу ревности въ сердце неприступной Татьяны Семесовны Лычкиной, въ которую, или въ богатство которой сей доблестный воинъ былъ влюбленъ смертельно, хотя и безъ опасности смерти; что Андрей Пикитичъ Бамазѣя ѣздить къ нимъ про случай; онъ, председатель суда, ему же кланяются издали могущественнѣйшіе и богатѣйшіе граждане, рѣшился оставить холостое состояніе и связать себя брачными узами и припать на себя тяжкую ношу чужаго богатства. Еслибы Татьяна Семесовна и рѣшилась за него выйти, то онъ, пожалуй, желится на Аннѣ Оедотовнѣ; она, безо всякой опытности, постигала что Христианъ Христиановичъ Штырхъ, хотя и холостъ, однако дорожить своею свободою; и ѣздить для полученія серебрянаго рубля за предписаніе матушкѣ хворать какъ можно долѣе; что Сергѣй Аоовасъичъ — вотъ это она знала лучше другихъ статей — ѣздить только для Анны Оедотовны; что онъ любить ее и стоить взаимной любви.... Вотъ тутъ-то женская прозорливость попала въ двойной объемъ. Могъ ли стоить взаимной любви — повѣса, купило мученикъ, который утро проводилъ за картами, вечеръ за картами, ночь за картами; въ антрактахъ пировалъ на живописныхъ хуторахъ съ живорасписанными дачами; зимою освѣжался шумнымъ катапемъ на саняхъ, съ толпою разнаго роду уменьшенныхъ Ивановъ; противу чего заботливая полиція нѣсколько разъ собиралась припать мѣры; даже посылаемы были къ Сергѣю Аоовасъичу парламентары, но каждый разъ получали самые удовлетворительные отвѣты и съ полученіемъ возвращались подъ теплый кровъ благочинія и порядка.

.....

Сергѣй Аоовасъичъ привужденъ былъ къ тому и самою многочисленностію друзей, которые познакомились съ нимъ прежде и расхватали все уменьшительныя пѣжныя имена, такъ, что когда нашъ знакомецъ, доблій воинъ, поступилъ въ банду, долженъ былъ сохранить полный титулъ Ивана Иванаыча, за недостаткомъ другихъ. Была юная Франція, была юная Литература; все это постарѣло и устарѣло; но зато еще не вывелось юное купечество. Это особенный классъ. Они все учились въ хорошихъ заведеніяхъ; такъ напримѣръ Сергѣй Аоовасъичъ въ пенсіонѣ Токмачини, о которомъ вы все, навѣрное, слышали; они все учились недурно, а многіе и отлично, въ томъ числѣ и пашъ герой. Чуть на волю — пошли карты, рысаки, рестораціи, загородныя гулянья, пріятельницы и пріятеля. Хорошо еще, если юный купецъ имѣетъ отца; тогда онъ кутить въ долгъ, что не всегда удобно; не вся-

какой кредитор вѣрять долготѣію человѣка, насильно уничтожающаго свое здоровье; а у Сергѣя Аѳопасыча отецъ умеръ черезъ недѣлю послѣ его выхода изъ пансіона, а дядюшку Карпа Трофимыча вы уже знаете. Не только особу, но и все состояніе дядюшки племянникъ прибралъ къ рукамъ, и море житейское кипѣло.

И Анна Федотовна могла любить, могла вѣрять?... Я не намеренъ доказывать психологическихъ возможностей и невозможностей; я рассказываю, что было, что случилось; къ тому же до дѣвичьяго слуха не всегда доводятся всѣ событія и случаи жизни молодыхъ людей. Зачѣмъ имъ это знать прежде времени; это было бы противно регуламъ пынѣшняго воспитанія, а на бѣду и Анна Федотовна Лохмотова была воспитана деликатно. Покойный Федотъ Петровичъ, за болѣзнію жены, держалъ гувернантку нѣмецкой націи, породы италіанской, которая усердно воспитывала Анету, но еще усерднѣе и успѣшнѣе стряпаала на кухню. По смерти Федота Петровича Италіанка вышла за мужъ за одного Француза, также гувернера, который также какъ и она, кромѣ педагогическаго таланта обладалъ обширными познаніями въ гастронومیи. Молодая, по названію и обычаю, чета завела великолѣпную гостиницу также для образованія молодыхъ людей. Французъ однако же не перенесъ своего счастья; умеръ. Италіанка стала еще счастливѣе, получивъ полную свободу и немало денегъ. Анна Федотовна при такихъ связяхъ могла бы знать тайны всего города, но мадамъ Кокі, къ сожалѣнію, нельзя было часто отлучаться отъ дому, особенно для докончанія образованія Анеты. Стоило ли для такой ничтожной цѣли жертвовать драгоценнымъ временемъ и пріятными бесѣдами....

И такъ Анна Федотовна не могла знать о подвигахъ Сергѣя Аѳопасыча. Она видѣла только въ немъ красиваго мужчину, съ которымъ могла разговаривать на смѣшанномъ русско-французскомъ языкѣ, любимѣйшемъ нарѣчій всѣхъ всероссійскихъ дамъ; притомъ же Сергѣй Аѳопасычъ былъ такъ внимателенъ; присылалъ и привозилъ превосходную постилу; даже иногда конфекты, которые впрочемъ изготавлялись городскимъ кондитеромъ только для трапезной перспективы, а въ употребленіи оказывались неудобосѣдомыми. Дѣло дошло даже до такихъ подарковъ, которые на точномъ основаніи всѣхъ правилъ благочинія, представляются только *незвѣстамъ*, какъ-то, платья, платки, броши, серьги и тому подобное. Слѣдовательно, сомнѣнія не было, эти подарки замѣняли обыкновенный порядокъ сватовства; Сергѣй Аѳо-

всичъ находилъ время заходить къ Лохмотовымъ почти ежедневно, то уи что жало нѣкоторые неблагопріятные слухи, заносимые въ домъ Лохмотовыхъ Бамазѣй и Штырхомъ; да и что всѣ эти слухи для любящихъ ушей: они слушали только Сергѣя Аео-васьича и про Сергѣя Аеоуасьича хвалебныя рѣчи Ивана Ѳедото-вича, извѣстнаго въ бандѣ подъ именемъ Ванички; да еще лю-били слушать дядюшку, который въ качествѣ наперсника, являл-ся иногда къ Аннѣ Ѳедотовнѣ вмѣсто племянника и приносилъ отъ него подарочки и хорошія вѣсти. Всѣ ждали, что къ новому году будетъ въ городѣ новость; и точно... Съ новымъ годомъ наступилъ новый порядокъ. Сергѣй Аеоуасьичъ пересталъ бы-вать у Лохмотовыхъ; дядюшкѣ запрещено было ходить туда; дя-дюшка исполнялъ приказаніе племянника по своему; прежде ходилъ къ Аннѣ Ѳедотовнѣ, теперь сталъ ѣздить, когда племян-никъ загрывался въ карты, и Анна Ѳедотовна повѣсила любя-щія уши; она знала и красоту и богатство соперницы. Татьяна Семеновна Лычкина, хотя и не имѣла деликатнаго воспитанія, но зато въ голубыхъ глазахъ ея сіяло цѣлое небо чистымъ святымъ блескомъ; черты лица ея такъ были прекрасны, такъ выразительны, что обаянному зрителю казалось, будто у нея вся душа наружу; и какая душа! Невинная, добрая, ласковая, весе-лая! А кто не любилъ душевныхъ сокровищъ, и тотъ не могъ не восхищаться красотою Татьяны Семеновны, оправленной въ брилліантовую раму серегъ, діадмъ, фермуаровъ, брошекъ, кото-рыми Семенъ Ефимычъ Лычкинъ нещадно украшалъ однород-ную. Есть красота, которую не уродуетъ и эта блестящая сбруя; ее, кажется, можно одѣть въ ризу изъ солнечныхъ лучей; по-ставить подъ балдахинъ изъ чистаго жемчуга, на изумрудныхъ столбикахъ; подъ ноги постлатъ полъ сложенный изъ самоцвѣт-ныхъ камней — и красота не потеряетъ священной своей про-стоты. Нѣтъ, небесный взглядъ, ангельская улыбка заблещутъ еще ярче, пышнѣе. Просто кричи караулъ отъ такой красоты, какъ очень часто выражался Андрей Шикитичъ Бамазѣя насчетъ Татьяны Сергѣевны. Вы теперь нѣсколько знакомы почти со всеми лицами моего разсказа и я попрошу васъ, вмѣстѣ со мною отправиться на ярмарку, прямо въ персидскій магазинъ. Вы по-мните, что отъ пламеннаго взора Анны Ѳедотовны — нашъ ге-рой смутился; онъ не зналъ, что отвѣчать; вертѣлъ въ рукахъ ханскій ножъ съ золотой ручкой, и стараясь ободрить себя, спро-силъ:

— Хазарь! А что тебѣ слѣдуетъ !....

— Да что съ тебя запрашивать; бери за моя цѣна; двадцатѣ карбованцевъ.

И Сергѣй Аоонасычъ машинально разстегнулся, вынулъ бумажникъ туго набитый депозитками; вынулъ двѣ красныя и привелъ себя опять въ прежній порядокъ. Анна Федотовна живо перебрасывала куски матерій; ни одинъ ей не нравился. Надо было уйти Сергѣю Аоонасьевичу, да вѣдь нельзя же не сказать Анетѣ на прощаніе чего нибудь; а сказать не легко было; тѣмъ болѣе, что Анета, казалось, ожидала этой рѣчи. Вдругъ раздался громкій смѣхъ и топотъ не легкихъ ногъ. Дядюшка запыхавшись вбѣжалъ въ лавку....

— Ха, ха, ха! Прозѣвали, убей Богъ, если не прозѣвали! Семень Ефимычъ! Татьяна Семеновна, Андрей Никитичъ, Пелагея Яковлевна, Христіанъ Христіанычъ!...

— Да полно врать!

— Ей Богу не вру! Вотъ ужъ этотъ разъ, просимъ извинить! На дрогахъ пріѣхали, да противу самой нашей лавки вышли, и пошли по рядамъ. Что за аксамитный салопъ у Татьяны Семеновны; пряжка тутъ на шеѣ ростомъ съ блинъ масляничный; шляпка розовая съ перьями, словно верба бѣлая на головѣ; на красный товаръ и не взглянули; такъ и повалили къ Разгидяеву. Вотъ заработаетъ плутяга! Семень Ефимычъ на томъ стоитъ, чтобы серебро, золото, да алмазы покупать; тряпокъ не любить.... Тутъ нечего ждать; сюда не пожалуютъ. Ну, Серѣжа! Скорымъ шагомъ маршъ, маршъ! Эй, вы, Кутиловцы, по два въ рядъ заходи! за нами!

Дядюшка потащилъ племянника и племянникъ повиновался, не сказавъ Анетѣ Федотовнѣ ни слова, не кивнувъ головой, не простясь взглядомъ; не до нея было влюбленному купчичѣ; онъ шелъ такъ скоро, что дядюшка возлѣ бѣжалъ и подпрыгивалъ, будто пристѣжная, покрикивая на разнаго роду Ивановъ: не отставать, Кутиловцы! Командира слушаться!...

Дядюшка не обманулъ. Лавка Разгидяева сіяла вдвойнѣ: блескомъ окладовъ на живописныхъ иконахъ; серебромъ и позолотою чашъ и евангелій. На полкахъ сверкали чайники, молочники, кружки, стаканы, и такъ далѣе. На прилавкахъ запыстья, започки, ожерелья, серги и множество мелочей изъ благородныхъ и фальшивыхъ металловъ; на складномъ стулѣ сидѣла Татьяна Семеновна и беззаботно, съ улыбкою дитяти, перебрасывала въ рукахъ дорогое ожерелье изъ яхонтовъ. Сергѣй Аоонасычъ остановился передъ лавкой и не зналъ, что дѣлать, какъ поступить, какъ переступить порогъ, за

которымъ сіяла Таня. Дядюшка тоже остановился, сказавъ прр! будто удерживая лошадь. Но это неосторожное восклицаніе обратило на Байду вниманіе гостей Разгиндіева. Андрей Никитичъ Бамазья лукаво улыбулся и значительно изъ подлюбя взглянулъ на отца и дочь; Семенъ Ефимычъ нахмурился; Христіанъ Христіановичъ Штырхъ протянулъ руку и сказалъ:

— А! Сергѣй Аванасій! каково ваше здоровье!

— Онъ ужъ таковъ, Христіанъ Христіановичъ, что на умѣ; то и на языкѣ! Пелагея Яковлевна, толстая барыня, отставная капитанша, прищурилась, припквула лорнетъ къ зеленымъ глазамъ и тихо сказала:

— А! видно, подарочки хочеть купить для мамзелей....

Но Сергѣй Аванасійчъ не слышалъ и не слушалъ ничего. Волшебный хотя и тихій голосъ Тани занялъ все его вниманіе....

— Вотъ кетати! говорила она: пожалуйста сюда, Сергѣй Аванасійчъ. У васъ столичный вкусъ; такъ всѣ говорятъ; подите къ намъ; дайте совѣтъ; вотъ они (то есть Разгиндіевъ) говорятъ; будто эта витка розовыхъ камешковъ лучше алмазовъ; будто въ столицахъ только ихъ и носятъ, а бриллынты совѣсѣмъ бросили....

— Заложили, а чтобы не остаться безъ прикрасъ, замѣнили ихъ дешевенькимъ товарцемъ.... Что можетъ быть краше чистѣйшаго изъ всѣхъ камней, что горитъ всѣми огнями, всякимъ цвѣтомъ, а самъ бѣлъ и чистъ, какъ честный человѣкъ....

— Слышите, слышите! прошепталъ Бамазья на-ухо Семену Ефимычу....

— Слышу! отвѣчалъ тотъ громко, не обинуясь тѣмъ что предаеть предателя.

— Подальше, братъ, съ вольнодумствомъ! Отваливай!

— Батюшка, съ живостью, перебила Таня: онъ правъ! Какъ хотите, а всѣ эти камешки дрянъ, хуже тряпокъ; платье два и три раза надѣнешь—не замѣтятъ; бриллынты носите хоть каждый день, а это ожерелье будто вывѣска; разъ надѣнешь, а потомъ и совѣсно.

— Дура ты у меня порядочная! Коли въ столицахъ носятъ, такъ и ты носи! что ты у меня развѣ какая ни есть сталовѣрка; я на томъ стою, что не люблю раскола; вынче свѣтъ умудрися; воды не пьеть, бриллынтово въ не носить, потому что больно ужъ чистые; ни какого цвѣту и вкусу. Ну, тезка! говори аккуратно цѣну и по рукамъ. Я самъ братъ купецъ; у меня на всякой товаръ прѣфиксъ. Торговаться не люблю....

— Полторы, послѣднее слово!

- Что ты, тетка, возьми осемь!
- Видно что торговаться не любите.
- Ну, девять! Право; довольно! Возьми еще и то въ толкъ, что оно Танѣ не нравится.
- Вотъ ужъ правда, такъ правда!
- Это вамъ потому не нравится, сказалъ Бамазѣя: что я сталъ хвалить.
- Можетъ-быть и это правда; не спорю....
- У насъ вкусу нѣтъ, потому что мы не кутимъ, не буиствуемъ, а люди солидные....
- Отвяжитесь вы съ вашею солидностію; а намековъ вашихъ я не хочу понимать. Сергѣй Афонасьевичъ, видѣли вы у нихъ (то есть, Разгидлева) икону наложную, вотъ эту! Не правда ли, чудо какъ хороша! Посмотрите лицо у Магдалины, право, будто живое! Батюшка, купите!
- Мало ихъ у тебя въ образной; да и окладъ-то бѣденекъ; ну, тѣзка, такъ ничего не уступишь....
- Извините-сь, не могу!....
- А за что вымѣняешь эту икону? спросилъ шепотомъ Сергѣй у хозяина.
- Сто-двадцать серебромъ!
- Заверни!...
- Давай сюда яхонты, тѣзка! Чортъ тебя побери! Вотъ тебѣ четыреста серебромъ.... Не люблю долго торговаться....
- Право, не могу!
- На, на, подавись! Вотъ те тридцать еще; полтора сдачи....
- Батюшка, позвольте до завтра....
- Завтра другое найдемъ, а теперь пора домой; гости станутъ съѣзжаться....
- А вы, батюшка, позабыли пригласить Сер....
- Таня не кончила, встрѣтивъ грозный, неистовый взглядъ отца. Мгновенное молчаніе было прервано дядюшкой....
- Ха, ха, ха! Сережа, сюда, Сережа, скорѣй! Вотъ, братецъ, кунштигъ....
- И Сережа поспѣшилъ къ дядюшкѣ, который съ любопытствомъ разсматривалъ серебрянаго рыцаря одѣтаго въ золотое вооруженіе. Лычкинъ воспользовался этой диверсіей.
- Чтò съ тобой, Таня! Дурище этакое! Ты меня осрамить хочешь! Ты развѣ не знаешь, каковъ гусь этотъ Лысаковъ; погляди, середь бѣла дня съ ножомъ ходить....
- И съ иконой, батюшка!

— Тебѣ въ угоду, глупая, изъ одного бахвальства выиѣнялъ; придетъ домой подѣ столъ бросить, а самъ за столъ бражничать сядетъ съ ватагой разбойниковъ; видишь, какъ они возлѣ лавки шныряють, атамана поджидаютъ....

— Батюшка! Миѣ жаль васъ, миѣ за васъ стыдно....

— Это что еще?

— Ради Бога, дома, дома! Побейте меня, убейте меня, только дома! А теперь при людяхъ, за что нападать на человѣка, про котораго говорятъ всякое зло злые языки. Кромѣ почтенія, кромѣ старанія угодить вамъ, что вы дурнаго видѣли отъ него....

— Мое почтеніе! Да ты развѣ не знаешь, что онъ на тебя иѣтитъ....

— Батюшка! да кто же это лучше меня и знать можетъ! Я рада за себя; жалко за него и за васъ! Но вы сердитесь! Ради Бога, сотворите надо мною вашъ праведный судъ — только дома! Пойдемъ!.... Прощайте, Сергѣй Аѳопасычъ!

Таня вышла изъ лавки одна со слезами на глазахъ. Лычкинъ былъ совершенно смущенъ; спутники его старались показать будто ничего не замѣчаютъ. Штырхъ пожиралъ взорами всю лавку; серебро — тотъ же опій; Штырхъ опьянѣлъ. «Скоро ли, подумалъ онъ: пожалуетъ къ намъ холера; тогда практика распространится; тогда и доктора поднимутся въ цѣнѣ, лучше чѣмъ ишеница; тогда можно за визитъ взимать и по два карбованца, а какъ холера сильно разыграется, то и по три; да съ аптекъ оброкъ можно возвысить безъ всякой обиды, потому что....» и такъ далѣе.

Бамазѣя перешептывался съ отставной капитапшей, какъ будто разсматривая разныя галаптеріи на прилавкѣ....

— Видишь, брилліантовыя серьги? Будутъ твои, если дѣло уладить.

— Нѣтъ, Андрей Никитичъ! Маловато! За женой возьмешь больше милліона, а меня пятисотенными привѣсками отпочиваешь! Стоитъ труда, а труда не мало; говоритъ, будто на тебя смотрѣть не можетъ; что у тебя... и сказать боюсь....

— Да ну, Палаша, что за счеты! Вѣдь ты миѣ давно служишь....

— Давно, да ничего не выслужила! И зато что скажу, не ожидать миѣ отъ тебя награды. Да все равно: говорить, что у тебя и образъ и душа каторжника....

— Было зачѣмъ звать! сказалъ Сережа возвращаясь изъ глубины лавки: серебряный болванъ съ позолотой!

Лычкинъ что-то пролепеталъ, и хотѣлъ уже идти, но Сережа остановилъ его.

— Семенъ Ефимычъ! Благо вы теперь одни! Я вижу, что вамъ противъ меня наговорили, или что ни есть дурное вы сами на меня выдумали; но я такъ много уважаю васъ, что готовъ просить прощенія въ проступкѣ, котораго не вѣдаю....

— Благо задѣлъ, такъ послушай же! И Лычкинъ оттащилъ Сережу въ самую глубину лавки: ты тамъ можетъ-быть и ученъ и умевъ; да мнѣ тебя не нужно; слышь, ты съ колдуньями возишься, приговариваешь къ себѣ невѣсть; Анпу Федотову ешибъ, за Таню привился; такъ я тебѣ объявляю, что не видать тебѣ Тани какъ ушей своихъ; она у меня генеральшей будетъ, а не купчихой, да еще за такимъ развратникомъ! Миліонъ? Будетъ и побольше, да не для того, чтобы ты потъ мой пропилъ; трудъ мой на мамзелей протранжирилъ.

— Семенъ Ефимычъ!

— Слушай! О Танѣ — отдумай! А тебѣ вотъ мой совѣтъ, ступай въ свой посадъ, гдѣ отецъ твой торговалъ; не держи шайки разбойниковъ; перестань пьянствовать, брось соблазнъ и скверну; женись на доброй дѣвушкѣ изъ равныхъ тебѣ купеческихъ дочекъ, а выше носа не подымай.... Утрутъ, братъ, такъ, что больно будетъ.... Ну, да не мое дѣло. Сломай себѣ шею, завязавъ въ полиціи, ступай въ каторгу, на все твоя воля, но только въ домъ мой ни ногой! Слышь! Мы не знакомы! Прощай!....

Семенъ Ефимычъ выбѣжалъ изъ лавки, какъ звѣрь лютый, толкнувъ небрежно Штырха! Бамазѣя съ капитаншей поспѣшили оставить сцену; Штырхъ оглядываясь на серебро, удалился съ важностію и глубокомысленно. Дядюшка запрыгалъ и сталъ хотать.

— Чудеса въ рѣшетѣ! Какая у председателя рожа глупая, точно волкъ озирается; того и глади укусятъ. Охъ, выпросилъ бы у Сережи полтняникъ и Бамазѣя пожаловалъ, если бы овъ Палагею Яковлевну за носъ укусилъ. Что за носъ такой, ха, ха, ха! Право, Ярославцы рѣпу такую привозили. Сережа, а Сережа! скажи правду, каковъ носъ у капитанши? А?... Да что на тебя, столбнякъ, что ли нашелъ?....

— Столбнякъ, дядя, помѣнялся и разсудкомъ и чувствами! Дядя, я буду служить тебѣ гораздо усерднѣе....

— Что, что такое?

И дядя вытянулся; приятно было, что онъ напрягаетъ все свое вниманіе, чтобы вслушаться лучше и лучше понять странныя рѣчи племянника.

— Охъ, дядя! жаль, что ты глупъ; я тебѣ завидую... Тебѣ и свое горе непонятно; какъ же ты можешь сочувствовать чужому... Да, Карпъ.... и Сережа схватилъ его за руку такъ сильно, что тотъ крикнулъ.... Довольно дурачиться! Пора опомниться! пора....

— Объдать! ей-Богу пора! Пойдемъ! всѣ ждутъ!

— Пора! пора! Ты всѣхъ насъ переморилъ твоимъ водокитством! Вотъ Иванъ Ивановичъ не выдержалъ; пошелъ къ Лычкнымъ на блины.

Такъ кричали Иваны съ галлерей.

— Ха, ха, ха! А у меня подъ ложечкой, будто Христіанъ Христіанычъ тамъ побывалъ съ аптекой! Такъ кажется цѣлый столбикъ блиновъ разомъ бы и проглотилъ.... Пойдемъ, пора!...

— Пора! страннымъ голосомъ простоналъ Сережа и пошелъ изъ лавки такъ быстро, что не только дялюшка, но и всѣ Иваны должны были подпрыгивать, какъ солдаты заднихъ шеренгъ на поворотѣ, чтобы не отстать отъ атамана. По счастью сами были близко. Банда умчалась въ домъ Лысакова.

II.

Не назвалъ я вамъ города, не назову и рѣки, а кто ея не знаетъ? Бурлива, шумна, широка, не равна, своенравна, бросаетъ острова гдѣ вздумается, увозитъ ихъ съ весною и бросаетъ въ норскую пучину; тѣшится пока не окуетъ ея морозъ русскій — и лежитъ тихая, недвижкой; по хребту ея гуляютъ салазныя бегозасно, а гдѣто и мачтовые суда дробить на щепы.... И теперь слякоть по городу; кто на колесахъ, кто на саняхъ; лужи стоятъ по улицамъ будто озера, а на рѣкѣ гладь, просторъ, твердый путь: гдѣ же и кататься объ масляной мажъ не по рѣкѣ широкой, куда коньки и кулачный бой съ утра еще слышишь пѣшее народонаселеніе. Какой-то истый патриотъ сказалъ, что русскій народъ не умѣетъ ни скучать, ни веселиться. Что хотѣлъ сказать этимъ истый патриотъ, не знаю, но скука не русская стлхія, и должно быть даже не русское слово. Тоска, печаль, грусть, уныніе, истома, горе, все это по русски, все это отгѣнки чувства бывалаго, понятнаго; всѣ эти отгѣнки слышатся въ мелодіяхъ русскихъ пѣсень; но скуку должно быть сочи-

нили русскіе сочинители. Имъ и книги въ руки. А русское веселіе?... Такъ рассуждало еще одно дѣйствующее лицо, съ которымъ не было случая познакомиться читателя. Леонидъ Степанычъ Полочка—былъ учителемъ въ городскомъ пансіонѣ. Хотя онъ и не преподавалъ философіи, потому что философія вещь греческая и новому міру вовсе не пригодная, но любилъ философствовать, потому что носилъ имя знаменитаго греческаго героя. Полочка въ будни философствовалъ только ночью и то во снѣ, потому что днемъ преподавалъ ариметику, физику, словесность и французскій языкъ. Зато въ воскресенье и въ праздники Полочка отправлялся на публичныя гульбища, покупалъ и шелкалъ орѣшки и философствовалъ со всею греческою свободою и краснорѣчіемъ до поздняго вечера, пока шатающееся челоѣчество не обнаруживало вокругъ философа явной необходимости общаго отдохновенія. Тогда Полочка возвращался домой, выпивалъ праздничную порцію настойки; закусывалъ холодной телятиной съ огурцами и спалъ уже безъ всякой философіи. Не удивительно, что въ первый день казенной масляницы, то есть, въ четвертый день сыропустной недѣли, Леонидъ стоялъ у Ѳермопила и шелкалъ орѣхи. Ѳермопилами называлъ онъ деревянный спускъ изъ города на рѣку, единственный путь по которому и конный и пѣшіи могли пробираться на рѣку и обратно. Никто не могъ ускользнуть отъ его наблюдательныхъ взоровъ; философія не могла избрать лучшей академіи; тутъ все на лицо; притомъ же перилы были такъ удобны, что могли служить и покойнымъ сѣдалищемъ и удобной опорой, когда Леониду Степанычу угодно было философствовать стѣя. Начало его философской бесѣды мы уже читали, онъ остановился на ораторской фигурѣ задержанія. А русское веселіе? Такъ утвердилъ онъ этотъ членъ своей тайной рѣчи и обратилъ внимательное око на живую картину этого веселія. И правда, рѣка кишѣла народомъ; много саней, много шляпокъ женскихъ, но больше головъ подъ платками; издали шелъ гулъ отъ кулачнаго боя; мѣстами въ загородахъ молодежь скользила на конькахъ; вечернее солнце освѣщало картину красноватымъ свѣтомъ. Гулянье на славу; одна бѣда, у самаго спуска на рѣкѣ стояла обширная лужа, какъ это всегда случается у рѣчныхъ спусковъ. Полочка обратилъ на эту лужу особенное вниманіе и уже собрался философствовать, какъ вдругъ изъ города къ спуску подѣхала красивая дорожная кибитка на полозьяхъ; тамъ сѣдѣли дядюшка съ племянникомъ съ выраженіемъ самымъ немасляничнымъ. Сережа былъ погру-

лечь въ глубокую думу; дядюшка съ завистью и досадою глядѣлъ на гулянье.

— Что я зрю? воскликнулъ Полочка: Сергѣй Леонасычъ, ты ли?

Тотъ отшулся; открылъ глаза, посмотрѣлъ на Полочку съ грустью.

— Я! отвѣчалъ онъ тихо.

— Мы! подкинулъ дядюшка громко, и уже хотѣлъ захохотать, но вопросъ Леонида Степановича: куда! остановилъ его врожденное веселіе.

— Куда? спросилъ онъ племянника съ видомъ недоумѣнія.

— Домой, въ посадь! отвѣчалъ Серёжа печально. Намъ въ вашъ важный городъ не житье... Тутъ...

Серёжа не кончилъ. Слеза досадная сверкнула въ глазахъ его.

— А далеко ли отсюда?

— Будетъ верстъ тридцать...

— Э! Такъ это всё-равно что на дачу. Значитъ на время.

— На всегда!...

— На всегда? завопилъ дядюшка не своимъ голосомъ, вспрыгнувъ и махнувъ дубиной. Лошади испугались, рванулись и благодаря покатости спуска кучеръ не могъ ихъ удержать; это была бы еще не бѣда; но въ то же время изъ большой лужи только что вынырнули четыреххвѣстныхъ новомодныхъ сани, въ которыхъ сидѣли назадъ капитанша съ Таней, а впереди Лычкинъ съ Бамазѣй; непомѣрно дородныхъ лошади уже втащили сани на деревянный помостъ спуска, какъ вдругъ кибитка Лысакова скользнувъ ударила въ новомодныя сани и нырнувъ въ лужу во всю курьерскую быстроту понеслась по рѣкѣ. И въ этомъ не было бы большой бѣды; но толчокъ былъ уже слишкомъ силенъ; сани не опрокинулись, но сѣдоки за исключеніемъ кучера и Тани не успѣли на мѣстахъ; ихъ выбросило, и прямо въ лужу. Утонуть было не гдѣ, но зрѣлище было самое соблазнительное. Капитанша окрасила желтый салопъ, розовую шляпу и рыжее лицо въ темно-коричневый цвѣтъ; Лычкинъ всталъ, отряхнулся и столпившійся народъ глядѣлъ на него съ улыбкой; но когда Бамазѣя выползъ изъ лужи, народъ захохоталъ во все горло; съ головы почтеннаго президента слетѣла тайна, которую онъ такъ долго, тщательно и такъ удачно хранилъ. Эта роковая тайна плавала по лужѣ вмѣстѣ съ щегольской шляпой; сотни рукъ указывали на парикъ Бамазѣи, сотни голосовъ разсыпались шутками.

— Эвоно, какъ у него разомъ волоса-то выгѣзли!

— Эхъ онъ живо голову себѣ обрѣлъ...

— Знатная голова; и на гребень тратиться не надо...

— Да кто его такъ охарактеризуетъ....

— Лысаковъ, оторви голова....

— Лысаковъ! Завоилъ Лычкинъ: подай его сюда, разбей дубка! Не я буду, дубиной накостилю спячу. Лавочникъ поганый, да базникъ алтынный, я тебя въ лужѣ выкудаю по своему. Подавай его сюда.

— Надрасно изводешь трудиться, Семень Ефимычъ: сказалъ Палочка подходя къ новомоднымъ санямъ. Городъ дашь поведетъ чувствительную потерю. Сергій Анонасьевичъ оставилъ его навсегда и удалился на житье въ старыя посады свои....

— Не уйдетъ, окаянный! И тамъ его найду! И въ церковь до спрячется! Гдѣ же встрѣчу; отдамъ, дарочно поведу....

— Поѣдемъ лучше домой! сказалъ жалобно Бамазья кутая въ полномъ смыслѣ обнаженную голову въ длинный дорожный шубы.

— Душе! душе! кричали въ народѣ: обрѣлся, такъ вымыться надо.

— Нѣтъ! какъ хочешь Андрей Никитичъ, а ты на то вралъ судомъ и поставилъ, чтобы разврату и безчестию потачки не давать. Пиши указъ, чтобы Лысакова въ судъ поставили....

— Пишущу, только поѣдемъ!..

Наслу угговорили Лычкина съѣсть въ саип; но этимъ комедія не кончилась; народъ бѣжалъ за ними; многіе забѣгали впередъ чтобы посмотрѣть на коричневую капитаншу. Лычкинъ былъ еще себя отъ бѣшенства; Бамазья утонулъ въ шубѣ; капитанша громко ругалась; но блѣдая Таня не обращала на нихъ ни какого вниманія. Вошедъ въ свою комнату, она упала на колѣни передъ образами и тихо сказала: Господи! неужели навсегда?...

III.

Масляницу въ нашемъ городѣ допировали довольно скучно; особенно въ домѣ Лычкина; онъ не выѣзжалъ никуда; не придижалъ никого; утромъ бранилъ Лысакова; за обѣдомъ — idem; ввечеру idem; ночью бредилъ тѣмъ же. Капитанша ѣздила по всей своей практикѣ и рассказывала о происшествіи по своему, такъ, что въ ея рассказахъ всѣ были очень забавны, только не она. Бамазья въ самомъ дѣлѣ или притворно простудился и не показывался ни куда. Христіанъ Христіановичъ увѣрялъ всѣхъ, что у него флюсъ и кашель, но что онъ его вылечитъ непре-

кѣно къ концу первой недѣли поста. Всѣ вѣрили этому охотно, потому что Штырхъ лечилъ Бамазью даромъ. Иваны разныхъ родовъ, потерявъ атамана, утѣшались у мадамъ Кокки; одинъ Леонидъ Степановичъ, замѣтивъ, что въ городской жизни произошелъ видимый беспорядокъ, рѣшился по окончаніи масляницы посѣтить всѣхъ участниковъ печальной исторіи, и само собою разумѣется, началъ съ Лычкина. Его конечно не приняли бы, по хозяйскому приказанію, но по счастью когда Полочка позвонилъ въ колокольчикъ, Лычкинъ былъ на дворѣ и распорядился.

— Кто тамъ? спросилъ онъ гнѣвно.

— Мы, отвѣчалъ Полочка: пришли провѣдать о здоровьи Семена Ефимыча.

— Здоровъ, чортъ тебя возьми; а какъ побью Лысакова, еще больше буду здоровъ; душу заморю.

— Э, да у Семена Ефимыча, гнѣвъ саженими надо мѣрять....

— Сами смѣряемъ; вашей мудрости не попросимъ; вотъ коли хочешь.... Эй, Феня,пусти Доку, — вотъ Степанычъ, коли хочешь, такъ можешь мнѣ услугу оказать....

— Я радъ служить всякому.

— Такъ, братъ, одинъ не управишься. Да не о томъ рѣчь. Тава у меня занемогла; думалъ сначала что кобенится, такъ нѣтъ. Христіанъ Христіановичъ говоритъ что и очень больна; а Нѣмецъ не солжетъ, потому что онъ у меня годовой для людей и скотовъ; разовыхъ не даю; такъ лгать ему нечего. Говорить, что пуще всякаго зелья, мази и снадобья, надо Таню развлекать; а теперь и кіатры перестали и ахтеры уѣхали, да и какъ большой ѣздить; такъ Христіанъ Христіановичъ говоритъ: читать бы ей что такое назидательное. Послалъ я за книжками, да ярмонка разошлась; книжники уѣхали; а у здѣшнихъ приступу нѣтъ: книжка съ палець толщиной полтора рубля. Вѣдь теперь на серебро; вѣдь это по настоящему пять съ четвертью; а что въ ней, прочтешь и выбрось. Отродясь книгъ не покупалъ. А вотъ у тебя чай книгъ много.

— Больше учебныя....

— Вотъ оно такихъ и надо. Вѣдь не сны же ей толковать или сказки читать. А такое учебное, знаешь, назидательное....

— Развѣ не дать ли ей «Телемака».

— А кто онъ?

— Сынъ Улиса....

— А этотъ кто?

— Грекъ....

— Отваливай! Я самъ бывалъ въ Таганрогъ; знаю, братья, Грековъ! хитры больно, а Таня у меня добрая душа, сердце на ладони.

— Такъ «Автенора....»

— А этотъ кто?

— Тоже Грекъ, да французской....

Лычкинъ низко поклонился.

— Такъ этому-то вы дѣтей обучаете. Русскаго-то у васъ ничего и нѣтъ пригоднаго для дѣвушки....

— Много есть, да все въ чтеніи; а вотъ развѣ «Большой Выходъ Сатаны.»

— Тфу ты, вотъ еще съ какою дьявольщиной поддѣхалъ.... Видно я не на того попалъ. А еще въ городѣ его всѣ хвалятъ....

— Постой, Семень Ефимычъ, придумалъ: «Женнхъ Мертвецъ....»

— Ахъ ты Степанычъ! а еще ученый! Ну какъ можно больной такую ужасъ читать. И здоровая расхворается....

— Погоди; есть у меня «Донъ-Кихоть.»

— А это что?

— Рыцарь, такой знаешь, не то угорѣлый, не то помѣшанный, всю жизнь свою глупости дѣлалъ; съ мѣльницами сражаѣя, думалъ, что супостать....

— Экой болванъ! видно ночью опознался....

— Именно! Вотъ тамъ вся жизнь его описана, и преумно; смѣшно, а назидательно....

— Батюшка, принеси....

— Пришлю, Семень Ефимычъ!

— Нѣтъ ужъ потрудись самъ принеси и самъ почитай; вѣдь у насъ-то читать некому.... Помнится же у васъ на первой недѣлѣ школьники въ науку не ходятъ.

— Да вѣдь и мы не волю; надо и намъ время отдохнуть....

— Заплачу! Что хочешь заплачу. По полтвиннику за день....

— Не смѣши, Семень Ефимычъ; цѣлый день читать нельзя, поутру часъ, да вечеромъ другой; и то трудно: дашь по цѣлковому за часъ ...

— Ахъ, ты барышникъ этакой! Гдѣ же у васъ совѣсть; да возьму я любато пономаря; такъ онъ мнѣ за пятналтынный всю твою книгу въ одинъ часъ прочтетъ.

— Ну, такъ и бери себѣ пономаря, а порядочныхъ людей не трогай! Прощай.

— Леонтій Степанычъ, постой, погоди!

— Я не Леонтій, батюшка, а Леонидъ, тотъ, что при Фермопилахъ съ тремя-стами разбилъ цѣлую армию Персовъ....

— Будь по-твоему. Бей себя Персовъ сколько душѣ угодно, только возьми по четвертаку за часъ....

— Не оскорбляй меня, Лычкинъ! Я тебѣ не батракъ какой! Я чиновникъ.

— Ваше благородіе, да всё-таки помотать часокъ языкомъ вашему брату не дорого стоитъ. Раззорюсь чортъ возьми, а вотъ тебѣ полтина за часъ!...

— Цѣлковый! Я не торгошъ какой; я... да что я... я Полочка... я двѣнадцать лѣтъ былъ въ службѣ; имѣю штабъ-офицерскій чинъ.... Я!... А ты что? Что ты? откуда у тебя чванство взялось? денегъ много накопилъ.... Не знаю, кто барышникъ.... Вотъ тебѣ! Прощай!...

— Чортъ его побери! Языкъ-то у него бритва! оболжетъ, по городу опозорить.... Эй, Леонтъ Степанычъ! Идетъ! Подавился себѣ двумя цѣлковыми, только гляди въ одинъ сутки и прочти!...

— Прощай, прощай!

— Экой ненасытный! Говори же: во сколько дней прочтешь.

— Во сколько случится.

— Нѣтъ, братъ, знаемъ мы эту штуку. Такъ у насъ и Христіанъ Христіанычъ прежде лечилъ. Что возьмешь гуртомъ за всю книгу.

— Прощай! Посылай за пономаремъ, а моя нога у тебя не будетъ....

— Ну, быть по твоему. На твою совѣсть полагаюсь; посмотримъ какова у тебя совѣсть.... И то еще я долженъ тебѣ сказать, завтра я ѣду на медвѣдя; говорятъ подъ Зипуновкой трое лежатъ. Ѳома Евлампычъ, нашъ голова, Андрей Никитичъ, предсѣдатель, да стряпчій, да я, вся честная компанія, всё ѣдемъ; такъ Танѣ безъ меня еще скучнѣе будетъ; не полѣнись, дорогой.

— Ладно, ладно! Будешь доволенъ, а когда приходитъ?

— Сейчасъ, батюшка! За тѣ же деньги и я послушаю....

Леонидъ Степанычъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ авторомъ въ душѣ; а будучи авторомъ имѣлъ и авторскія страстишки, въ томъ числѣ и страсть читать, хоть и чужое, за невѣвѣемъ пока своего. Онъ бы согласился читать и даромъ, но если бы его согласился слушать человекъ образованный. Лычкина же онъ рѣшился проучить и взять пошлину, какъ онъ говорилъ, съ невѣ-

жества. Первое и второе чтеніе прошли какъ-вѣдь лучше; Лычкинъ то и дѣло засыпалъ, но Таня слушала чрезвычайно внимательно. На третіе чтеніе, то есть, на другой день Полочка пришелъ гораздо раньше положеннаго времени; Лычкинъ уже уѣхалъ на медвѣдя; Таня весьма обрадовалась приходу Полочки и тотчасъ же пригласила приступить къ чтенію. Но Полочка счелъ долгомъ свѣтскаго человѣка прежде потолковать о томъ, о семъ, а тогда уже поразить слушательницу потокомъ сладкогласнаго чтенія.

— Какъ вы себя чувствуете, спросилъ онъ съ ужимкой....

— Плохо. Да я вамъ должна сказать, что я не больна....

— Такъ отъ чего же плохо....

— Вы человѣкъ учевый....

— Говорятъ....

— И правду.... Вамъ должно быть извѣстно все, что писано и переписано о душѣ и тѣлѣ....

— Очень много писано; но къ чему все это....

— Христіанъ Христіановичъ говорить, что тѣло онъ можетъ лечить, но душѣ помочь не умѣетъ.

— И Христіанъ Христіановичъ говорить правду. Душу можетъ утѣшать одна молитва....

— О я молилась, и какъ молилась!...

Таня до того полулежала на красивой кушеткѣ; но съ этими словами она привстала; блѣдное лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ; грудь примѣтно волновалась. Полочка, хотя и былъ энтомологъ, но не стоическій: красота Тани его отуманила; онъ смотрѣлъ на дѣвушку съ восторгомъ и глоталъ въ душѣ восклицанія: Воже мой, какъ хороша! Ай! какъ прелестна.... и тому подобное.

— Но цѣлымъ ночамъ, по цѣлымъ суткамъ молилась я, не помогло. Отмолюсь, начну думать; не понимаю кто, а подскажетъ: это подлый Бамазья батюшкѣ наговариваетъ, а Сережа добрый, честный человѣкъ....

— Бамазья? Сережа?... Извините сударыня, я совѣмъ смущенъ; я, ей Богу, не знаю о чемъ рѣчь.... то есть про Бамазью не могу ни утверждать, ни отрицать....

— Да и не надо. Это дѣло конченное. И болѣзнь моя съ него пошла. Пока онъ не объяснился, до тѣхъ-поръ я любила и не страдаю. Но помните ли тотъ день, когда онъ уронилъ парикъ....

— Не могу вспомнить безъ смѣху.. .

— А я безъ ужасу! Передъ тѣмъ послѣ обѣда, когда я одѣва-

зась, чтобы ѣхать на гулянье, Бамазѣя вползъ къ батюшкѣ въ спальню и предложилъ на мнѣ жениться....

— Бамазѣя! вскочивъ, въ ужасѣ спросилъ Полочка.... Такая прекрасная и превосходная женщина въ кабалу къ этому на-вергу!...

— Вотъ видите, Леонидъ Степанычъ, вы теперь уже не отрицаете его достоинствъ; вы пришли въ ужасъ, каково же было мнѣ услышать отъ батюшки, что они съ Бамазѣей изволятъ по-рѣшить — и что я ниѣю быть его женою...

— Никогда этого быть не должно....

— И не будетъ! Не хочу огорчить батюшки отказомъ, но меня отнесутъ въ церковь не въ подвѣнечномъ платьѣ, а въ четырехъ доскахъ гроба....

— Да что вы это матушка Татьяна Семеновна! Что вы это со мною дѣлаете! Я человекъ смирный; закончилъ въ классахъ; съку розгами дѣтей безжалостно, а самъ книгу читаю; всякую чувствительность побѣдилъ умомъ и терпѣніемъ, а вы совсѣмъ меня разжалобили. Просто баба, тряпка, дрань ... Ахъ, ты Госпо-ди, стыдъ какой, до слезъ прошибло.... Татьяна Семеновна, ну хоть въ сожалѣнія ко мнѣ, не умирайте!...

— Не въ моей власти! На то Божія воля! Мы и говорить объ этомъ перестанемъ. Я хотѣла совѣтъ не то сказать, не о томъ спросить; не знала, какъ рѣчь поведи, да спутала. Я хотѣла спросить про Сергею?

— Про котораго? У меня во второмъ классѣ два Сергѣя, до-двѣ въ третьемъ....

— Ахъ, Леонидъ Степанычъ, этотъ давно уже оставилъ училище; но можетъ быть мнѣ на спускѣ прислышалось будто вы знакомы съ Лысаковымъ.

— Съ Сергѣемъ Аеонасычемъ! О... друзья, матушка, закадыч-ные! Весело у него по вечерамъ бывало. Вотъ понялъ такъ по-нялъ Горациа, хотя по латыни ни бельмеса не знаетъ; а Горациа по-нялъ. Можетъ быть вы слыхали про знаменитую оду:

Nunc est bibendum, nunc pede libera

Pulsanda tellus....

Собственно для Сергѣя Аеонасыча цѣлую недѣлю трудился и переложилъ по-русски. Постойте, дай Богъ памяти; оно знаетъ не буквальный переводъ, не точъ въ точъ, а приблизительно, то есть что называется подражаніе; всей не припомню, а начало вотъ какъ:

Теперь друзья, когда угодно,
 Пришла пора вина испить;
 Теперь пора пятой свободной
 Подъ ладъ музыки объ-полъ битъ....

Просто, малина, не пѣсня, особенно когда хватятъ хоромъ а надо вамъ сказать, что у Лысаковскихъ Ивановъ басы пре-страшные; какъ грянуть, такъ моего тенора будто водой залило; охрипнешь, а все не слышать.... Особенно, знаете, когда вечеръ пойдетъ уже утромъ; когда бутылки не то ужъ что по столу, а по полу валяются. Со мною разъ чуть большое несчастіе не случилось; я, знаете, въ азартѣ хотѣлъ стихамъ придать выраженіе, хотѣлъ пятой свободной ударить объ полъ; хватъ — дзынь, дзынь, бутылка подъ ногами въ дребезги; а одинъ осколокъ въ сапогъ и завязъ. Спасибо сапожнику; до тѣла не дохватило. . а другой разъ.

— Заполчите! прошипѣла, прохрипѣла Таня задыхаясь и упала на кушетку, лицомъ въ подушки....

— Господи Боже мой! Да что я сдѣлалъ? Чѣмъ провинился?... Матушка, Татьяна Семеновна, голубушка, солнышко, что вы, что вы это.... Спазмы, пароксизмъ, Христіанъ Христіанычъ! Гей! Христіанъ Христіанычъ, сюда, караулъ!...

— Заполчите! заполчите! рыдая сказала Таня: мнѣ не нуженъ докторъ, мнѣ не нужно ничего; вы.... вы.... подкуплены Бамазѣй! Васъ нарочно привели сюда! Вы начали свою комедію ломать очень искусно! Вы огорчили, вы чуть не убили меня, но слава Богу, тотъ же голосъ послышался мнѣ: Таня, не вѣрь! Сережа, добрый, честный человекъ.

— Сергѣй Аоновасъичъ? — Да это совсѣмъ дѣло другое! Кто не былъ молодъ, кто не былъ жуиръ; кутежъ, это такой ужъ періодъ, возрастъ человѣчества, лишь бы тутъ зла да пороку не было. Кажется, я человекъ солидный, акуратный. Слыву и есмь примѣръ нравственности, а чтобъ въ веселой компаніи рюмку другую добраго вина не выпить, да пѣсни не спѣть; да что мы шѣмые мусульмане, что ли? На сердце смотри, на дѣла, на правду. Вотъ тогда съ Сергѣемъ Аоновасъичемъ не многіе потягаются. Честенъ какъ мечъ байрдовъ! проето чортъ на правду. На злое дѣло ни какое краснорѣчіе, ни какой интересъ его не подвинутъ; а сердце, сердце! Да это не сердце а сокровищница, изъ которой каждый бѣдный серебро пригоршнями бери. Знаете, матушка Татьяна Семеновна, хотя я и далъ слово молчать, а те-

нерь такой случай, что не могу. Знаете, тотъ неизвѣстный что присылаетъ деньги къ намъ въ училище на воспитаніе двухъ сиротъ, что погорѣли объ Рождествѣ, — это онъ. Если его вы такъ тепло любите, такъ ужъ я васъ благословляю. Парочка, нечего сказать! Я и не догадался, что за Сережа! Миѣ казалось, что онъ съ вами и незнакомъ; почитай не бывалъ у васъ....

— Рѣдко, потому что обращеніе батюшки....

— Ахъ, онъ медвѣдь этакой.... извините сударыня, я и забылъ, что про почтеннѣйшаго Семена Ефимыча идетъ рѣчь.... этакой баринъ.... баринъ важный, хотѣлъ сказать.... Право, извиняйте!... Я путаю, но сами посудите, могу ли я говорить хладнокровно, когда по милости этого.... этого человѣка, то есть вашего батюшки я лишился истиннаго моего друга; городъ потерялъ въ немъ будущаго Ротшильда; человѣчество — вполне достойнаго человѣка; исторія — почетнаго имени.... Теперь миѣ все понятно! Даже самыя вечеринки наши были не что иное, какъ дыханіе бури, кнѣвшей въ груди его. Отъ того-то мы орали, онъ молчалъ; мы пили, онъ вздыхалъ; нѣтъ, тоски его не могла заглушить самая буйная оргія; наконецъ онъ не могъ перевести тяжкихъ нукъ и уѣхалъ.... А! вѣдь миѣ стоить съѣсть, описать фактъ какъ онъ есть, послать въ какую угодно редакцію, напечатаютъ подъ именемъ Евженъ Сюя или Александра Дюмы. Бѣдный Сергѣй!

— Добрый, добрый Леонидъ Степановичъ! Теперь я не могу не вѣрить вашей искренности. Благодарю васъ! Вы меня совершенно успокоили! Рассказы, намеки, колкія насмѣшки, признаюсь, больно меня грызли. А что, думала я, если и въ самомъ дѣлѣ ты полюбила недостойнаго?

— Врутъ они всё! Самаго достойнѣйшаго! Завтра же ѣду въ его посадь; завтра же растолкую ему, что онъ глупъ, дѣла не смыслить, исторіи не знаетъ; пусть вспомнить Сикста Пятаго; притворись такимъ же дуракомъ, виновать, простякомъ, то есть простымъ человѣкомъ; Ивановъ всѣхъ въ шею; сиди въ лавкѣ, трудись, работай; Карпа Трофимыча на цѣпь, и все уладится, устроится; а насчетъ Бамазѣи, изобрѣтемъ разныя трудности, препятствія....

— Ничто не остановитъ такого человѣка....

— Ни что? А исторія! Въ ней всему примѣры! Военная хитрость во всё времена и вѣки почиталась добродѣтелью полководцевъ. А я тѣмъ хуже Аннибала? Я ему поставлю такую подложку, что не опомнится! О, да это будетъ презабавно... Вдругъ

по почтѣ къ нему присылаетъ парикъ законная жена изъ Петербурга....

— Помилуйте! Но это будетъ клевета!..

— Невинная ложь, военная хитрость! Пока онъ не представитъ доказательствъ, Семень Ефимычъ и въ домъ его не пустить.

— Но я не желала бы....

— Не мѣшайте не въ свои дѣла! Когда Александръ Македонскій принялъ подъ свое покровительство семейство Дарія, онъ у него не спрашивалъ, что дѣлать и какъ поступать, а самъ обо всемъ озаботился. Конечно! я иду, я ворочусь ввечеру читать Донъ Кихота, а теперь не могу; теперь.... Ну, да я ужъ знаю, что сдѣлаю. Будьте покойны! Прощайте!

И Леонидъ ушелъ.

Наступилъ вечеръ. Таня во весь день здоровая и веселая, стала тосковать. Смеркалось — и ей стало страшно. Кто-то бѣлый, длинный, страшный былъ въ комнатѣ. Таня затрепетала, силлась закричать, не могла; замирясь, молча, сотворила молитву; открыла глаза; бѣлый стоялъ возлѣ ея кушетки; то былъ самъ Лычкинъ, но бѣлый, длинный; Таня вскрикнула и лишилась чувствъ. Очнулась; около нея хлопотали Полочка, капитанша, дѣвки и приказчики.

— Что съ тобою, Таня?..

— Что съ вами, Татьяна Семеновна....

Таня оглядывалась, дрожа отъ страху....

— Не привидѣлось-ли что? спросила капитанша.

— Вѣрно Бамазѣя, перебилъ Полочка. Правда есть чего испугаться! Чудище этакое! Разъ онъ печально пожаловалъ на экзамень. Самый первый ученикъ, такой, что, кажется, ни что его не сконфузить, въ это время отвѣчалъ на мои вопросы; какъ взглянулъ на Бамазѣю и сбился....

— Полноте, вы тутъ еще, съ досадою сказала капитанша: а еще чиновникъ! Самое чиновничаніе заставляло бы васъ быть по-скромнѣе на счетъ такой важной персоны....

— Персона-то его можетъ-быть и важна, но ужъ фигура и рожа ни куда не годятся....

— Много вы понимаете въ фигурахъ-то....

— Надѣюсь много, когда другимъ объясняемъ....

— Школьникамъ, да мы съ Таней не школьницы; сами толкъ знаемъ; господинъ Бамазѣя прелюбезнѣйшій кавалеръ....

— Для такихъ прелюбезнѣйшихъ дамъ какъ....

— Какихъ? Извольте договаривать, какихъ?..

— Видите, сударыня, если я выражусь фигурой, такъ вы не поймете, а если на прямки, такъ у васъ сдѣлается прескверная фигура. Васъ скорчитъ отъ злости.... Прикажете сказать!...

— Отъ такихъ школьныхъ остривовъ ни какая дерзость не обидна. Возитесь съ мальчишками, съ мужварьемъ, такъ въ хорошей компаніи вамъ и неловко....

— Нѣтъ, у насъ всѣ мальчики благонравные. Есть одинъ негодяй! Пушкинъ написалъ «Капитанскую дочку», а ужъ про это теперь говорятъ: Капитаншинъ сынокъ.... Съ этимъ возмиса, такъ возмиса, да кажется, придется выгнать. Геростратъ! Геліогабалъ! Атллла!...

— Ругаться!

— Господи! онъ тутъ! побѣдишь и схвативъ за руку Полючку, прошептала Татьяна....

— Кто? Что отъ вами, Татьяна Семеновна? Воображеніе ваше растерзано представленіемъ фигуры Бамазѣи. Но вы должны превозмочь себя. Представьте себѣ Бамазѣю безъ парика — и сѣихъ сѣинитъ ужась.... Да на кого вы такъ пристально смотрите?

Таня указывала дрожащею рукою на двери отцовской спальни.

— Онъ ушелъ!

— Кто ушелъ?

Таня приложила палецъ къ устамъ и какъ-будто успокоилась. Полочка сълѣ противъ нея на кресла, покачалъ головой, пожалъ плечами и началъ такъ:

— Чудесь на свѣтѣ не перечесть. Я самъ, не могу сказать вѣрю, но люблю чудесное. Когда фактъ подвергнуть систематическому изслѣдованію, окажется, что чудо было самое естественное. Но такихъ чудесъ, которыя остались для потомства чудесами, въ исторіи очень много. Вы, вѣрно, слышали про короля Шведскаго, про Анну Иоанновну.... но про чудо, что я вамъ разскажу, вѣрно никто не слышалъ, потому что я вычиталъ его въ такой книгѣ, которая лѣтъ триста какъ забыта и совершенно того стоить. Эверсъ, имя я уже и позабылъ, былъ англійскій адмиралъ, то есть, морской генералъ. У него была жена, молодая, но сварливая, и что хуже — любила не мужа, а другихъ. Адмиралъ это подмѣтилъ и составилъ завѣщаніе, что все, что ни вѣдетъ, завѣщаетъ не женѣ, а родному племяннику; оставалось свидѣтелямъ подписать, потомъ внести въ книги судейскія и завѣщаніе спрятать. Но чтобы соблюсти всѣ эти формальности, требовалось времени по крайней-мѣрѣ мѣсяць. Хотя адмиралъ тща-

тельно скрывалъ отъ жены ното всѣхъ свою затѣю, однако у женщины есть свое чутье: пронюхала — и оторопѣла. Что тутъ дѣлать? Слышитъ она, что въ слѣдующую субботу у Эверса будутъ гости, все мужчины, и что ей не велѣно быть въ субботу дома. Не трудно было догадаться, что эти гости не кто иной какъ свидѣтели при завѣщаніи. Слышитъ она и то, что Англія, объявивъ войну Франціи, посылаетъ флотилію, и флотиліи той выйти въ четвергъ, а услышала она это примѣрно во вторникъ. И корабли уже были назначены, которымъ итти; Эверсовыхъ въ списокъ не было, хотя въ такое военное время и его были въ готовности. Весь вторникъ и всю среду госпожа Эверсъ ѣздила по хозяйственнымъ дѣламъ; ввечеру, противу обыкновенія, ни куда въ гости не поѣхала; не успѣли сѣсть къ вечернему столу, какъ-вдругъ приходитъ адъютантъ отъ королевы. Письмо, самое ласковое письмо; проситъ его королева, чтобы онъ ужъ для нея только, въ угожденіе, завтра же пошелъ въ море, на мѣсто той эскадры, а та-де получила другое назначеніе. Эверсъ поцѣловалъ письмо, сѣлъ за рабочій столъ и написалъ своимъ кораблямъ приказы; разослалъ, поутомился, легъ и заснулъ сномъ крѣпкимъ. На другой день пошли хлопоты дорожныя; но какъ-будто нарочно все было въ отличномъ порядкѣ, и эскадра около полудня благополучно снялась съ якоря. Жена торжествовала, и въ тотъ же вечеръ угощала своихъ пріятелей и пріятельницъ отличнымъ и веселымъ ужиномъ, за которымъ много смѣялись дипломатическому искусству адмиральши, умѣвшей отпратить мужа въ продолжительную и опасную экспедицію, такъ, что ни онъ, ни королева не подозрѣвали, кто причиною такой чести. Не много было гостей: двѣ миледи съ своими милыми, да милый адмиральши. Барыни пристали къ хозяйкѣ: «Покажи завѣщаніе.» Ключъ былъ давно поддѣланъ и завѣщаніе явилось на столѣ; прочли; поругали адмирала и рѣшили показать эту роковую бумагу знаменитому королевскому адвокату, который, вѣроятно, придумаетъ противу такого зла какую-либо хитрость. Что откладывать? Положили собраться къ адмиральшѣ вечеромъ, въ субботу, и привезти съ собой адвоката. Такъ и сдѣлали. Пошли сначала разговоры о войнѣ, о королевѣ, о Эверсѣ, а тутъ пуншикъ, то грокъ, а тамъ и за ужинъ.... На дворѣ выла страшная буря; частенько порывомъ вѣтра потрясало всѣ окна.

— Каково теперъ муженьку моему въ морѣ? смѣясь сказала хозяйка.

— Да и свидѣтелямъ жутко приходится, подхватилъ милый.

— Да! сказала барыня: сегодня хотѣли подписывать.

— Я думаю, сказалъ опять милый, теперь уписываютъ грокъ, чтобы ободриться. Вѣдь свидѣтели всѣ на кораблѣ адмиральскомъ.

— Правда, правда! улыбаясь замѣтила хозяйка.

Это все заинтересовало адвоката. Всѣ три барыни стали рассказывать ему дѣло.

— Такъ я не много пойму, сказалъ онъ. Нельзя ли показать мнѣ завѣщаніе.

— Можно, можно!

И хозяйка вскочила, побѣжала въ кабинетъ, который былъ тутъ же, возлѣ столовой. Черезъ растворенныя двери видно было, какъ она подошла къ конторкѣ, какъ уронила свѣчу и опрометью выбѣжала въ столовую. Блѣдная, испуганная спросила она:

— Слышите!

Всѣ поблѣдѣли. Вѣтеръ вылъ на дворѣ, а въ комнатѣ страшно скрипѣло кораблемъ, когда его сильно бурей ломаетъ; трещитъ такъ что ушамъ страшно; вдругъ будто сломалась мачта; потомъ пошелъ странный гулъ, словно что то спускалось въ комнату и разомъ все затихло. Въ безмолвномъ ужасѣ прослушали всѣ эту страшную серенаду; но когда затихло, стали оправляться и увѣрять себя взаимно, что все это не что иное какъ концертъ бури, которая что-нибудь взломала на крышѣ дома.

— Разумѣется пустяки, заключилъ адвокатъ: гдѣ же завѣщаніе?

— Я уже не въ силахъ. Поль, ты знаешь, принеси!

Такъ сказала хозяйка и усѣлась.

Поль, то есть милый, принесъ бумагу. Адвокатъ вынулъ и надѣлъ очки, придвинулъ свѣчку, рассмотрѣлъ завѣщаніе, покачалъ головою и сказалъ рѣшительно:

— Хорошо, что не успѣлъ совершить такого важнаго акта.... Надо вамъ постараться, чтобы передъ смертью....

Адвокатъ не кончилъ. Двери растворились такъ какъ будто ктозмахнулъ крыльями; пахнуло вѣтромъ и затушило всѣ свѣчи, кромѣ одной; въ комнату вошелъ адмиралъ и четыре офицера его экипажа; платье, волоса, все показывало, что они промокли съ головы до ногъ; губы у всѣхъ были синія, глаза оловячныя. Офицеры, сложивъ на груди руки на крестъ, остановились посерединѣ залы, а Эверсъ, обыкновенною своею походкою, подошелъ къ адвокату и вырвалъ у него изъ рукъ завѣщаніе.

— Поздно! сказалъ Эверсъ, какъ будто отвѣчая на послѣднюю

рѣчь адвоката и такимъ голосомъ, который точь въ точь походилъ на журчаніе фонтана. Сегодня въ одиннадцать часовъ двадцать минутъ корабль мой разбило бурей; онъ лежитъ на днѣ морскомъ вмѣстѣ съ нашими трупами!

Электрическое движеніе ужаса вздернуло живыхъ и тотъ же ужасъ приковалъ ихъ къ стульямъ. Эверсъ взялъ со стола послѣднюю свѣчу и продолжалъ:

— Адель! (такъ звали адмиральшу) въ минуту смерти узналъ я, какую безчестною цѣною ты купила мое почетное удаленіе и неожиданную смерть. Ты хотѣла, чтобы я умеръ безъ завѣщанія, но я этого не хочу. Господа, пожалуйте!

Эверсъ пошелъ въ кабинетъ, офицеры за нимъ; онъ подписалъ бумагу; офицеры сдѣлали тоже. Эверсъ сложилъ завѣщаніе въ конвертъ, запечаталъ, вынулъ ключъ, положилъ пакетъ въ конторку, заперъ. Тогда офицеры подали ему шелковый снурокъ; онъ обтянулъ этимъ снуркомъ конторку, завязалъ и припечаталъ адмиральскою своею печатью, которую вынулъ изъ кармана, потому что эта печать была съ нимъ въ походѣ. Печать Эверсъ опять положилъ въ карманъ. Исполнивъ все, онъ поставилъ свѣчу на столъ — и все исчезло будто сонъ, такъ что гости, приходя въ себя, сомнительно другъ на друга поглядывали, недоумѣвая, сонъ ли имъ мерещился, или, можетъ-быть, вмѣсто вина хлѣбнули опія. Но каково же было ихъ удивленіе, когда зажгли свѣчи и всѣмъ соборомъ удостовѣрились, что конторка точно была опечатана. Не трудно было догадаться, что барыню эта буря сломала до горячки. Во время ея болѣзни, безпамятной и отчаянной, пришло извѣстіе изъ флота, что дѣйствительно въ тотъ самый день, въ тотъ самый часъ корабль адмирала Эверса погибъ со всѣмъ экипажемъ. Кабинетъ тотчасъ опечатали. Когда Адель стала выздоравливать, ей и сказать про это боялись, но она сама догадалась. Чудная натура человѣческая: и чудеса на нее не дѣйствуютъ.

— Не боюсь! говорила она: завѣщаніе недѣйствительно, на немъ нѣтъ судейской помѣтки и оно нигдѣ не явлено.

Какъ бы не такъ. Явился наследникъ, судъ, адвокаты; вскрыли конторку и завѣщаніе: все есть и помѣтка и печать; въ судейскія книги — и тамъ все въ порядкѣ, и еще что всего важнѣе, записано заднимъ числомъ и ни тѣни подлога; она стала было доказывать, но судьи объявили ее сумасшедшею. Свидѣтели не явились и бѣдная Адель за правду сошла съ ума и умерла въ домѣ умалишенныхъ. Вотъ вамъ! а весь Лондонъ зналъ, что

случилось. Историкъ записали; докладывали королевѣ; приводили къ ней собесѣдницъ и адвоката; одинъ лордъ, приближенный и важный сановникъ, полетѣлъ съ мѣста; тѣмъ исторія и кончилась.

— Ужъ точно исторія! сказала капитанша: это вы и въ училищѣ такія небылицы рассказываете?

— Я и не думаю утверждать, а рассказалъ что прочесть случилось. Эгакихъ анекдотовъ куча. Вотъ, наприимѣръ, есть такія души, что слышать за нѣсколько верстъ, когда къ нимъ идетъ или идетъ челоуѣкъ близкій....

Таня вскочила. Глаза у нея помутнились, губы посинѣли.

— Не идетъ, не идетъ, Господи! его везутъ.... онъ уже въ нашей улицѣ.... Что съ нимъ случилось?...

Всѣ окружили Таню и старались удержать, но она рвалась къ дверямъ, вырвалась, побѣжала и вдругъ отступила. Въ комнату вошелъ Баназъ.

— Вы один?... Нѣтъ вы не один; тамъ васъ много.... Гдѣ же батюшка?...

— Татьяна Семеновна, успокойтесь! воля Всевышняго! Горячность Семена Ефимыча увлекла его слишкомъ далеко. Онъ хотѣлъ убить медвѣдя одинъ на славу, но медвѣдь....

— Растерзалъ его....

— Мы не допустили, но поздно; онъ успѣлъ уже разорвать жезлъ....

— Батюшка, батюшка!

И Таня бросилась въ сѣни, куда вносили окровавленный трупъ Лычина.

— Татьяна Семеновна! сказала Полочка съ чувствомъ входя въ комнату, гдѣ положили покойника. Таня, на колѣняхъ, приподнялась; обѣими руками указала на родителя и опять рыдая унала лицомъ на его ноги. Полочка счелъ обязанностію принять на себя временную диктатуру. Не стану описывать подробностей; рѣдкій изъ васъ не имѣлъ случая на своемъ вѣку быть свидѣтелемъ подобныхъ происшествій. Похороны, погребальный обѣдъ, поминовенія, трауръ, все это шло въ самомъ строгомъ порядкѣ, благодаря неутомимому усердію Полочки. Но его же совѣту Таня заперлась ото всѣхъ; только одинъ Полочка имѣлъ къ ней доступъ. Замѣтно было, что Леонидъ чѣмъ то особенно доволенъ, хотѣлъ сообщить Танѣ, но свѣжесть несчастія оттого его удерживала. Прошла уже и другая недѣля; Леонидъ совсѣмъ измѣнился; былъ разбѣянъ, и встревоженъ. Въ одинъ прекрас-

ный вечеръ, Леонидъ пришелъ къ Танѣ совершенно разстроенный....

— Здравствуйте, Леонидъ Степанычъ!

— Прощайте, матушка Татьяна Семеновна! Прощайте дня на два.

— Куда же это?....

— Неужели вы не догадываетесь?

Таня посмотрѣла на него пристально и покраснѣла.

— Не вѣкъ плакать, не вѣкъ сиротствовать, да и нельзя такъ жить; лучше въ монастырь идти; на свѣтъ для людей такая уже очередь; несчастье, счастье, неудача, удача, черное, бѣлое, ведро, ненастье.... Прошло несчастье, можно подумать и о красномъ дябѣ.... Вамъ на первыхъ порахъ и на умъ объ этомъ не приходило. А я сей часъ смѣкнулъ. Семень Ефимычъ, царствіе ему небесное, теперь не помѣха.... Сергѣй Авонасычъ недалече.... Пишу письмо. Посылаю по почтѣ. Все поджидаю, авось пріѣдетъ и душѣ было весело. Нѣтъ отвѣта. Недѣля съ хвостикомъ прошла. Пишу опять письмо; посылаю съ нарочнымъ. Вчера воротился безъ отвѣту.—Да что онъ, спрашиваю.—Ничего-съ.—Все молится; въ церковь ходитъ. Сказалъ: отвѣтъ пришлю.—Э, думаю себѣ, въ понедѣльникъ праздникъ, завтра суббота. Послѣ классовъ поѣду! Классы отошли. Станціонный содержатель далъ лошадей до самаго посада. Прощайте, матушка Татьяна Семеновна, не скучайте; вотъ я вамъ про запасъ и книжечки принесъ; альманахи и разное.... Прощайте, прощайте!....

И Полочка убѣжалъ подскакивая.

IV.

Тридцать верстъ не смотря на мартовскіе ухабы; не большое разстояніе. Полочка подѣхалъ къ воротамъ Лысакова часу въ десятомъ; по всему посаду еще горѣли огни; по бревенчатой мостовой ходили люди; но на дворѣ Лысакова даже собака не залаяла. Долго стучался Полочка; наконецъ послышались чьи-то медленные шаги. Калитка открылась безъ опроса; въ темнотѣ нельзя было разобрать, кто открылъ ее.

— Дома Сергѣй Авонасычъ!....

— Леонидъ Степанычъ — ты!....

— Сергѣй! Ты самъ открылъ калитку? Здравствуй дружже.... Что это у тебя, борода!....

— Не мѣсто, не мѣсто! Пойдемъ въ избу!

Въ бѣдной комнатѣ горѣли двѣ сальныя свѣчи на большомъ столѣ. Примѣтно было, что хозяинъ только-что оставилъ чтеніе Евангелія. Софа обитая тикомъ, да кресла составляли всю утварь этой комнаты. Все это показалось страннымъ любознательному Полочкѣ, но видъ хозяина заставилъ его вздрогнуть. Волоса были въ беспорядкѣ; лицо истомленное, блѣдное; борода небольшими и неровными клочьями; халатъ простой, и запачканный платокъ на шеѣ, все это крайне не понравилось Полочкѣ. Онъ взялъ Лысакова обѣими руками, подвелъ къ столу и разсматривалъ съ удивленіемъ.

— Что это значить?....

— Я тебя не понимаю, Леонидъ.

— А я тебя и того менѣе. Ну, погляди, что ты изъ себя сдѣлалъ, на кого ты похожъ....

— На добровольнаго труженника, который заслужилъ свою тяжкую жизнь....

— Ребаческими глупостями! Ты, братъ, Потемкина корчишь что ли, или Карла Пятаго. Велика бѣда, кутнулъ не въ мѣру; мѣра переполнилась, лишнее сбѣжало, и опять все въ порядкѣ. Я жемалъ бы знать, что ты этимъ сдѣлаешь, что истратишь молодую, полную силъ жизнь на сидѣніе дома, на чтеніе величайшихъ истинъ для того чтобы они остались безъ приложенія, пропали безъ плодовъ, какъ гниютъ бесполезно лучшія зерна на дурной почвѣ. Да ты, любезный, послѣ этого дармоѣдъ, грѣшникъ....

— Вотъ это правда, со вздохомъ сказалъ Лысаковъ.

— И умножаешь свой грѣхъ ежедневно, ежеминутно....

— Какъ это?

— Да такъ это, что если бы ты въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ какое зло, такъ искупить его слѣдуетъ подвигами благочестія, благотворительности, такъ, чтобы отъ тебя добро бѣжало во всѣ стороны, словно лучи отъ солнца, а то веряхой ходить.... ахъ ты фарисей этакой. А можетъ быть ты отъ любви съума сошелъ; это дѣло другое; тогда прощай! Съ сумасшедшимъ толковать нечего....

— Подвигами благочестія, благотворительности! прошепталъ Лысаковъ задумчиво садясь въ кресла.

— Краснорѣчіе прошябло. Впередъ! Положимъ, когда тебѣ Лычкинъ отказалъ на отрѣзъ, ты вотъ и впалъ въ меланхолію. Это меланхолія, мой другъ, увѣряю тебя, гипохондрія, хандра, тоска, которою страдалъ лордъ Байронъ англійскій и всѣ другіе Байроны всѣхъ націй. Миѣ эта хандра и въ стихахъ надоѣла;

Гораціанскій духъ долженъ оживлять мыслящаго человѣка. Хандрить, братъ, не трудно. Всякой дуракъ можетъ больнымъ пѣтухомъ надуться; никого не удивить; а умный человѣкъ, если у него что-нибудь и есть на душѣ, не покажетъ; долгъ ли это, рассчитается; обидѣлъ ли кого, попроситъ прощенія; сдѣлалъ зло большое, искупитъ добромъ, а не покажетъ, какъ честной человѣкъ, не покажетъ. Вѣдь это подло. Пусть себѣ собака напроказитъ и подъ плеть ползкомъ подбирается, а человѣкъ!... Пѣуй, гадко, тутъ мужъ зрѣлый гнилѣе хилой бабы. Но положимъ, что по слабости разсудка и по пылкости твоей любви къ Татьянѣ Семеновнѣ....

— Таня!... Лысаковъ всплеснулъ руками и заплакалъ....

— Положимъ, что по всѣмъ этимъ поводамъ ты и впалъ въ меланхолію. Всякая болѣзнь излечивается радикально удаленіемъ причины; причина удалена, уничтожена, Лычкина медвѣдь разорвалъ....

Лысаковъ вскочилъ въ ужасъ.

— Вотъ видишь, до чего дошла глупая твоя меланхолія; ты и писемъ мнѣхъ не читалъ. Страшно его медвѣдь помялъ. Всю грудь распоролъ. Судьба! перстъ Божій! Тутъ нашего ума нечего, прикладывать, но сила въ томъ, что Татьяна Семеновна свободна избрать себѣ въ мужья, кого ей угодно, и мы съ нею женуха себѣ выбрали....

— Выбрали?

— (Ага! Забираетъ!) Да, выбрали, да кажется придется переѣхать.... оказывается меланхоликомъ, а можетъ-быть и впросто сумашедшимъ....

— Леонидъ! Леонидъ! Не договаривай! Теперь я вижу, что милосердію Божию нѣтъ предѣловъ....

— Ну, вотъ это сказано умно и справедливо.... Дальше!

— Я не такъ виноватъ, клянусь честію, я не такъ виноватъ....

— Да это каждый мальчишка понимаетъ. Неудобно ли, дальше!

— Ты шутишь, но мнѣ не до шутокъ! Меня избилъ, изломало, изранило, а ты горячимъ масломъ пожаръ поливаешь! Правда! Я сошелъ съ ума. Я и забылъ, что я не могу на ней жениться; я не хочу ее сдѣлать навсегда несчастною.

— Ну, такъ знай же ты, хандра съ бородой, что Таня — ни за кого на свѣтѣ кромѣ тебя за-мужъ не выйдетъ; этого мало — она умретъ....

— Умретъ?

— Непремѣнно и скоро, если я не привезу ей врача! Такой

любви я не только не выдывалъ, да и не читывалъ; это, братъ, не то что у виконта Дарлинкура! Это такая страсть *aevit circa iesum ulserosum*, что если она узнаеть, что ты мину только показалъ, будто не хочешь, конечно; она будетъ *victima nil misegantis ocsi*! Понимаешь-ли, только тобой и дышетъ!

— Господи! Это мнѣ въ казнь! Но я принимаю твой крестъ; я готовъ на всѣ жертвы....

— Э, да ты братецъ Годуновъ, чтò ли? Заставляешь себя такъ усердно упрашивать. Полно дурачиться; мнѣ и самому надоѣло; только изъ дружбы къ тебѣ; изъ состраданія къ бѣдной дѣвущкѣ, я принялъ на себя роль свата; признаюсь не легкая роль; представь себѣ....

И Полочка сталъ рассказывать какъ онъ читалъ ей Донкхота, какъ принесли Лычкина, однимъ словомъ, что мы знаемъ и чего не знаемъ, что было и чего не было, убѣдительно, краснорѣчиво. Хотя Сережа по временамъ и задумывался, однако большею частію слушалъ внимательно; къ концу бесѣды онъ сталъ спокойнѣе, веселѣе; слезы, но слезы благодатныя наворачивались на глаза; утро застало ихъ еще за бесѣдой. Полочка дотога измучился, что какъ сидѣлъ на софѣ, такъ и уснулъ. Когда проснулся, передъ нимъ стоялъ прежній Сергѣй Аюнасычъ, обритый, причесанный, въ шегольскомъ сертукѣ, въ лакированныхъ сапогахъ.... Полочка глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— А гдѣ же твоя меланхолія?....

— Ты меня вылечилъ, Леонидъ, я тебѣ обязанъ второю жизнью!

— Ура! Я и не зналъ что я такой докторъ! Ну, ужъ какъ хочешь, а вели къ завтраку настоящей шампаней! Выпьемъ!....

— Шампанское будетъ, но я пить не стану.

— Это почему....

— Потому.... потому.... что я недавно выпилъ послѣднюю рюмку въ моей жизни и чуть не захлебнулся....

— Карлъ-Дѣвнадцатый! Ты вотъ такъ насильно и лѣзешь въ исторію!....

— Влѣзь, какъ то вылѣзу!.... Ну, подымайся Леонидъ! Завтракъ и лошади готовы....

— Вотъ докторъ! А!.... а что за визитъ?

— Дружескій поцѣлуй, и просьбу: не оставляй меня своею дружбой....

— Пошелъ ты прочь послѣ этого. Терпѣть не могу этихъ сладостей. Давай настойки!

Vacchum in remotis carmina rupibus
Vidi docentem....

По-русски у меня выходитъ лучше; да по-русски и пѣть можно:

Я Вакха зрѣлъ;
Онъ пѣсни пѣлъ;
Хоръ нимфъ кругомъ
Сидѣлъ рядкомъ;
Сатиры съ острыми ушами
Стучали ковылими ногами
Эвое, Эвое!

Вотъ же мнѣ это восклицаніе ужасно нравится. «Ура» это что-то такое торжественное, приличное великолѣпному празднеству. Вивать! тоже хорошо, но похоже на ординарное наше: здорово! И притомъ ловко за первымъ бокаломъ; а Эвое! что то такое пьяное, мягкое, бархатное! Эвое.... будто, знаешь, языкъ намыленъ; не поворачивается. Греки хитрые! Знатно придумали! Эвое, эвое, я Вакха зрѣлъ..... Эвое....

И Полочка пилъ и пѣлъ преусердно, не замѣчая что хозяинъ почти не прикасался къ пищѣ. Но въ этомъ отношеніи Полочка былъ эгоистъ; насилу отзавтракалъ; всталъ съ помощію Лысакова; сѣлъ въ кибитку также съ постороннею помощію и безъ всякаго уже пособія заснулъ. Еще за свѣтло они пріѣхали въ городъ, но Полочка не могъ отправиться къ Татьянѣ Семеновнѣ; его отвезли домой, а Сережа остановился на прежней своей квартирѣ. Онъ не успѣлъ или забылъ распродать мебель. Какъ будто зналъ, что воротится.

V.

— Здравствуй, Сережа! Извини что видишь меня всего въ грязи! Весна пришла; на улицахъ лужи стоятъ. Solvitur agris huemus grata vice veris ac favoni! Но я такъ спѣшилъ къ тебѣ отъ Татьяны Семеновны, что забылъ у нихъ каалоши. Ноги промочилъ; да стоятъ ли говорить о такихъ пустякахъ, когда ей угодно было изречь, тихо, тихо, такъ что только слухъ искренней дружбы могъ разслушать: я буду рада видѣть Сережу!.... А? рада! Понимаешь ли, Сережу.... Ахъ, ты, душенька Татьяна Семеновна, что за чудесная! Ну, пойдѣмъ же, пойдѣмъ къ Лычкпной....

— Я!... Мнѣ?... Итти въ этотъ домъ?... Ибойся Бога!... Я не пойду!

— Такъ зачѣмъ же мы прѣехали? — Это разъ! Во вторыхъ: сегодня праздникъ и я еще свободенъ. А завтра по утру у меня три лекціи: словесность, нѣмецкій языкъ и физика; когда же я успѣю. Правда понедѣльникъ, но сколько я ни люблю Римлянъ, но это что у нихъ было gas и nefas, просто вздоръ. Это, мой другъ, поддены авгуры выдумали; это, душа моя, были такіе мошенники, что встрѣчаясь другъ съ дружкой на улицахъ сами не могли удержаться отъ смѣху. Знаешь, любезный, у меня отъ тебя тайны нѣтъ, но дружба дружкой, а служба службой. Хотя и стыдно, а должно признаться что я нѣмецкій языкъ больно плохо разумѣю, а лекцію читать въ высшемъ классѣ. Проклятый Карлъ Карлычъ началъ съ мальчишками Жанъ-Поль-Рихтера... а тутъ его и прогнали. А я изволь продолжать.... То есть, я тебѣ скажу, безтолочь. Вотъ почему должно считать Нѣмцевъ преумнѣйшими людьми, потому что они и непонятное понимаютъ. А я, братъ, кажется, многому учился, а тутъ просто въ тушкѣ сталъ. На первый разъ я и ухитрился. Карлъ Карлычъ опальный; вотъ я и пришелъ въ классъ и говорю: Жанъ-Поль Рихтеръ отличный писатель.... тутъ я и откололъ его біографію изъ Словаря. Но.... вотъ гдѣ хитрость; слушай: но по моему мнѣнію и согласно отзывамъ германскихъ критиковъ, слогъ этого писателя не имѣетъ той классической образцовой важности, какъ слогъ Шллера и Гёте; а потому мы будемъ лучше изучать Шллера.... опять откололъ біографію, колокольчикъ зазвонилъ и лекція кончилась. Да завтра то что же я буду дѣлать. Мнѣ вѣдь надо приготовиться; всѣ переводы у насъ такіе, что просто Лука написанъ Козьмою. И тутъ я ухитрился; взялъ Валленштейна. Вотъ видишь, два стиха прочту и пошелъ рассказывать тридцати-лѣтнюю войну; а вѣдь эта война отъ того и тридцатилѣтняя что тридцать лѣтъ продолжалась. Такъ матеріалу для нѣмецкихъ моихъ лекцій на два мѣсяца станетъ. Тутъ же еще пойдетъ страстная седмица, праздники, а между чѣмъ принцуютъ учителя — и репутація моя не потеритъ поврежденія. Но все таки надо хоть и десять стиховъ, а перевести себѣ точно и ясно, филологически, и освѣжить въ наняти историческія подробности. На все нужно время, душа моя, а ужъ теперь первый часъ. Придется работать ночью.... Пойдемъ же душа моя, сдѣлай милость пойдемъ, чтобы до обѣда-то отдѣлаться....

— Ты не знаешь, Леонидъ....

— Все знаю, душа моя, понимаю какъ трудно влюбленнымъ голубкамъ первое свиданіе; оттого-то и долженъ я, въ качествѣ

медиатора быть тутъ; а не то я бы уже грызъ Валленштейна съ утра. Пойдемъ же, пойдемъ....

— Если бы ты зналъ, Леонидъ....

— Тѣу ты къ чорту! Въ самомъ дѣлѣ ты неизлечимо боленъ; опять припадокъ меланхоліи. Гдѣ же твоя вчерашняя стонческая твердость, гдѣ же веселіе, которымъ ты меня такъ обрадовалъ? Татьяна Семеновна — медвѣдь, что-ли? Чего тутъ бояться....

— Твоя правда, или, или....

— Aut Caesar, aut nihil! Маршъ!

Леонидъ Степапычъ забрыгапный съ ногъ до головы остано- вился въ прихожей, держа за руку Сережу.

— Палашка, душенька, подай стирку и щетку; почисть меня, родная; вотъ такъ, моя душа; доложи барынѣ;

— Да они васъ видѣли въ окно; приказали просить....

— Слышишь! да что ты сталъ такой гумигутовой! Ободришь! Пойдемъ....

Вошли. Татьяна Семеновна не смѣла взглянуть на Сережу; не могла вымолвить слова и обратно. Медиаторъ улыбнулся и началъ :

— Другъ мой, Сергѣй Аеоновасъевичъ Лысаковъ, воротился на жительство въ нашъ городъ, и, узнавъ о горестной потерѣ вашей, милостивая государыня Татьяна Семеновна, счелъ священнымъ долгомъ лично засвидѣтельствовать то удовольствіе.... виновать.... то сожалѣніе, которое ощущаетъ вѣжная душа моего друга. Конечно, тутъ есть и удовольствіе — видѣть васъ, милостивая государыня, Татьяна Семеновна, и найти васъ въ цвѣтушемъ здоровіи. Время излечаетъ сердечныя рапы; время безстрастное, какъ эти часы.... Господи Боже мой, что я вижу. Третій часъ!... Извините меня, Татьяна Семеновна, прости меня Сергѣй; дружба дружбой, а служба службой; право, не могу! До пріятнаго свиданія!

Полочка обратился въ бѣгство.

— Что это съ нимъ? тихо спросила Таня. Голосъ ея пролилъ въ душу Сережи знакомую сладость. Ему вдругъ стало легко; онъ рѣшился взглянуть на нее, и ему представилось, будто ангелъ примиритель явился ему и принесъ небесное прощеніе.... Онъ не могъ отвѣчать отъ полноты чувствъ, и влажными отъ слезъ глазами, въ безмолвномъ умпленіи смотрѣлъ на Таню.

— Что это съ вами? спросила Таня ободрясь и приходя въ обыкновенное состояніе своего простодушнаго права....

— Такъ-съ, ничего!

— Что же это мы стоим! Присядемъ! Вы вчера пріѣхали.

— Вчера.

— Должно быть, дурная дорога....

— Ухабы, грязь....

— А на улицу посмотрите. На лодкѣ плавать можно.

— Да, на лодкѣ....

— Я рада. По-крайней-мѣрѣ весна скоро. Можно перебраться на мызу. Привзнуюсь, мнѣ въ этомъ домѣ и грустно и страшно.

— О, да! Я васъ понимаю, Татьяна Семеновна! Но вотъ что. У васъ на мызѣ покои теплые; протопить, можно бы и теперь переѣхать.

— Прекрасная мысль! Я послушаюсь вашего совѣта; но вотъ бѣда; я еще въ городѣ не устроилась. Полочка старыхъ приказчиковъ прогналъ; открылъ плутовство; новыхъ еще мы не наняли, да и трудно сыскать....

— Татьяна Семсповна, вы такъ добры, вы не откажете....

— Въ чемъ?

— Позвольте мнѣ быть вашимъ приказчикомъ....

— Что вы, что вы?..

— Клянусь, никто на свѣтѣ не будетъ вамъ служить такъ вѣрно до гробовой доски....

— Вы меня конфузите, Сергѣй Авопасьичъ! Я не могу принять вашего предложенія.

— Не можете! Да развѣ я не могу пойти въ приказчики къ кому мнѣ угодно? Я разорился, Татьяна Семеновна; я пріѣхалъ сюда искать мѣста....

— Разорились! Господи! Да на что же Богъ послалъ мнѣ такое богатство, если не на то, чтобы помогать ближнему; возьмите сто, двѣсти тысячъ, что я, возьмите все....

— Татьяна Семеновна! съ любовью сказалъ Сережа.

— Вы добрый, честный человекъ! Когда разбогачѣете, отдадите!

— Я солгалъ неудачно! Нѣтъ, Татьяна Семеновна; съ тѣхъ-поръ какъ я выпилъ послѣднюю въ жизни рюмку вина; съ тѣхъ-поръ какъ я отдалъ чужое добро и выпросилъ изъ дому Карпа Трофимыча; съ-тѣхъ-поръ какъ я оставилъ пустую и грѣшную жизнь....

— Что съ вами?..

— Такъ что то укололо. Съ-тѣхъ-поръ, говорю, всё дѣла мое пошла совѣтъ иначе; я сидѣлъ запершись, а приказчики въ не-

дѣлю продали весь товаръ; словомъ, что до моего состоянія, то оно какъ нельзя лучше....

— Зачѣмъ же вы хотѣли идти въ приказчики?...

— Зачѣмъ?

Оба покраснѣли.

— Послушайте, Татьяна Семеновна, вы дѣвушка, управлять вамъ дѣлами не приходится; вѣдь вамъ надо же кого-нибудь да взять повѣреннымъ....

— Пока Леонидъ Степанычъ всѣмъ заправляетъ; правда, ему трудно, но онъ общалъ прискачать другаго....

— Меня, Татьяна Семеновна, меня, клянусь вамъ. Управляютъ же опекуны, друзья, родственники чужими имѣніями. Развѣ вы мнѣ не довѣряете....

— Какъ вамъ не стыдно! Но я боюсь обременить васъ; у васъ и своего дѣла....

— Полноте! Для васъ, Татьяна Семеновна, я радъ въ огонь и въ воду.

— Отъ чего же для меня! спросила съ живостію Таня и не могла удержаться отъ улыбки. Сережа смутился; собирался отвѣчать; но въ прихожей послышался шумъ; въ комнату вбѣжалъ Палочка съ веселымъ лицомъ.

— Нѣмца привезли! Нѣмца! Рихтеръ, Шплеръ, Валенштейнъ, Аделунгъ, всё подъ столъ! Здравствуйте, матушка Татьяна Семеновна, позвольте поцѣловать ручку. Физика мнѣ ни почемъ; завтра буду такъ вертѣть электрическую машинку, что днемъ дамъ фейерверкъ. Здравствуй, душенька, Сережа! Словесность! Плевое дѣло! Ораторская рѣчь завтра. Цицерона отлуплю такъ, что стекла изъ оконъ посыплются.... Нѣмецъ пріѣхалъ! знаете, матушка, этотъ Нѣмецъ, что гора на душѣ у меня лежалъ. Ухъ, воскресъ! Терпѣть не могу не своимъ дѣломъ заниматься....

— Вы, видно, Леонидъ Степанычъ я на меня намекаете, что я васъ моими купеческими дѣлами....

— Нѣтъ, нѣтъ, вздоръ, плевое дѣло! Теперь я буду по-свободнѣе, повѣреннаго мигомъ сыщу... Да вотъ вамъ повѣренный, мой Сережа! Дѣло знаетъ, человѣкъ честный и васъ безъ души любить.... Ай, проговорился!... Караулъ, не буду!... Да, впрочемъ, что жъ я тутъ сказалъ худаго. Человѣкъ человѣка или любить или не любить. Хуже послѣднее. Правда, тутъ я сказалъ что-то въ родѣ варѣчія: «безъ души».... Немного пеловко. Далъ маху! Ну, да, впрочемъ, и тутъ нѣтъ бѣды. И я васъ, Татьяна Семе-

овниа, безъ души люблю. Вотъ вамъ!... Да я думаю, и безъ мевн найдутся многіе.... Правда, мнѣ полъ-сорока, а Сережѣ и тридцати вѣтъ.... У Римлянъ одно и то же слово во время царей — одно значило; во время республики — другое, а при императорахъ третье.... Такъ и въ отношеніи къ возрасту человѣческому. Впрочемъ, слово — соколъ; слетитъ, не воротитъ. Смазаль, такъ сказалъ. Да и сказалъ правду, такъ что тутъ? Такой повѣренный васъ не продастъ. Притомъ же самъ плечистъ, сундуковъ много, то есть, я думаю, если бы ваши сундуки соединить, такъ вышло бы, почитай, губернское казначейство. А что, если бы и за правду....

— Леонидъ! мнѣ кажется, Татьяна Семеновна устала слушать твою словесность. Позволь на этотъ разъ....

— Цыплята курицы не учать! Впрочемъ, я съ тобой согласенъ, а какъ повѣренный теперь ты, а не я; а я эксповѣренный, то не угодно ли тебѣ пожаловать въ контору, для приема всѣхъ дѣлъ по описи.

— Если Татьяна Семеновна прикажетъ....

— И я сама пойду съ вами! Я вамъ покажу многое завѣтное, про что и Леониду Степанычу не успѣла сказать....

— Видишь, Сережа, какой ты у насъ повѣренный; отъ тебя у насъ вѣтъ ничего завѣтнаго.

Таня по пути легонько ударила Полочку по рукѣ и сказала съ улыбкой:

— Сами сказали, что вамъ полъ-сорока, а дурачитесь!

Всѣ ушли въ контору.

VI.

— Чортъ меня дернулъ впутаться въ любовныя и то чужія дѣла. Во всѣхъ дѣлахъ ужасная революція. Не осмотрѣлъ ретортъ, одну разорвало; благо, никому вреда не приключилось. Ни стиховъ, ни хрій не успѣлъ поправить, а вотъ уже и суббота на исходѣ; воскресенье у дверей.... Тридцать первое марта, педобросовѣстно, конечно, но завтра весь день пропадетъ, а въ понедельникъ — лекція и Леонидъ Степановичъ впервые оказался не исправнымъ. Нѣтъ, этого не будетъ. Одному поправлю введевіе, другому изложеніе, третьему заключеніе и дѣло въ шляпѣ. При томъ же вѣдь я знаю кто какъ учится и что можетъ. Катай, валия!... Bene, орtime.... Луи!..., Bene, орtime! Готова карета! спусти! Теперь настоячки, ветчники.... а ужъ завтра, думаю, Татьяна Семеновна, на славу отличится. За ваше здоровье, Татьяна

Семеновна! Ухъ! душу обожгло. Чудо не настойка, такъ, что, право, трудно рѣшить, кто изъ нихъ лучше: настойка или Татьяна Семеновна! А правду молвить, холостая жизнь преглуное дѣло. На ужинъ копченый гусь, ветчина, балыкъ, мкорка, — сухой столъ; а у женатыхъ, вотъ хоть бы и у директора, всегда есть что-нибудь горячее. Да и обѣдъ-то холостой куда плохъ! Инвалидъ Прохоръ солдатскія штн сварить, хлебай себѣ на здоровье, и завтра штн, и послѣ-завтра — штн.... Ну, и по части бѣлья; рубашки цѣлы, не подождутъ, не переменятъ; и мебель цѣла; а то пьяный Прохоръ грязнымъ вѣшникомъ пыль оботретъ, а покрывку на диванѣ запачкаетъ или разорветъ, да и зашьетъ драгвой. Вотъ и теперь, ветчину подавъ, а горчицы нѣтъ. Гей! Прохоръ!

— Сейчасъ.

— Жена — это совсѣмъ дѣло другое! Изъ класса пришелъ: здравствуй душевнѣе; нѣтъ ли чего закусить? Есть, мой милый. Вотъ тебѣ ветчинка.... Гей! Прохоръ.

— Иду!...

— И маринованные грибки, и рыбка сушеная, и домашнее соленье всякое; не будешь жить объ одной ветчинѣ и то безъ горчицы. Прохоръ! Прохоръ!

— Чего позволите?

— Горчицы!

— Сейчасъ.

— Закусил! Что мой ангелъ, не погулять ли въ общественномъ саду.—Съ удовольствіемъ.—Разодѣнется, выйдетъ, прелесть, всѣ въ саду кричатъ: Какъ хороша Татьяна Семеновна.... гм, ужъ и Татьяна Семеновна.... Не пожелай жены ближняго твоего. Оно вонечно желать такъ желать хоть не этой, а всё-таки другой точно такой же Татьяны Семеновны. Душка, милашка, ангелъ, голову даю на отсѣченіе, что ангелъ. Воротились: я и кричу: Прохоръ! обѣдать....

— Сейчасъ.

— Да что же ты, Прохоръ, въ самомъ дѣлѣ, спишь что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ....

— Гдѣ же горчица?

— Несу.

— Насилу, вотъ спитъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что же ты дѣлалъ?

— Дремалъ, ваше высокоблагородіе.

— Да развѣ это горчица, Прохоръ?...

— Это?... да, не горчица! Это вакса, ваше высокоблагородіе! Виѣсть стоять. Не ту банку взялъ....

— Ужъ хоть бы ты, Прохоръ, женился! Все бы у насъ толку было больше.

— Никакъ нѣтъ-съ, хуже будетъ!

— Это почему?

Прохоръ махнулъ рукой и ушелъ безъ отвѣту.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, какъ попадешь на такую барыню какъ наша капитанша? тогда все будешь ѣсть съ горчицей! А въ дѣвушкахъ какъ ее угадаешь? Можетъ-быть и Татьяна Семеновна пока.... Нѣтъ, не можетъ-быть. За ваше здорье, Татьяна Семеновна!...

Графинчикъ настойки опустѣлъ, а Полочка всё-еще философствовалъ, но во свѣ. Ему снилась Татьяна Семеновна, настойка, маринованные грибки, Прохоръ. Последнее не удивительно потому, что Прохоръ стоялъ у постели и читалъ обычные утреннія привѣтствія: въ классы звонять; это уже второй колокольчикъ; директоръ присылалъ.... но ни что не помогало. Прохоръ почесался и рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, которую употреблялъ только въ крайнихъ случаяхъ.

— Ваше высокоблагородіе! губернаторъ присылалъ....

— А? что?...

— Губернаторъ на обѣдъ сегодня зоветъ....

— На обѣдъ? одѣваться!

Прохоръ значительно кивнулъ головой и подалъ сапоги.

— Честь, конечно.... громко размышлялъ Полочка: но какъ же я это сдѣлаю? Я общалъ Татьянинѣ Семеновнѣ непремѣнно, непремѣнно....

— Такъ и побѣжайте, куда общали. Я губернатору и такъ отказалъ....

— Какъ? ты смѣлъ!... А, понимаю, понимаю....

— Батюшка, Леванидъ Степанычъ, не извольте гнѣваться! васъ ничѣмъ не подымеешь, и такъ уже двѣнадцатый часъ....

— Двѣнадцатый! Господи, когда же это я успѣю? До мызы версты четыре будетъ; дорога скверная; грязь нескондная. Взять линейку придется, а на дрогахъ теперь пирогомъ изъ грязи прійдешь. А эти линейцы, злодѣи, дороги, да еще воскресенье.... Ну, да была не была.... въ другомъ въ чемъ себѣ откажемъ....

— Въ чемъ бы это? подумалъ Прохоръ: не приведи Богъ, если въ настойкѣ!...

Сборы были поспѣшны и потому продолжительны. Полочка истощилъ все свое туалетное искусство и самъ былъ доволенъ собою. На улицѣ онъ весело со всѣми раскланивался и даже отпуская коротенькія привѣтствія. Вотъ уже и линейцы въ виду; стоить кликнуть, какъ вдругъ изъ-за угла показалась длинная, высокая, тощая фигура купца Сѣвалдышева; она какъ-то глупо ослабилась и зарычала, увидавъ Полочку:

— Какъ поживать изволите, Леонтій Степановичъ?...

— Богъ милуетъ! Леонидъ Степанычъ поживаетъ себѣ по-маленьку.

— Вижу, вижу, батюшка! то-то вы такимъ щеголемъ. Дѣлншкн-то поправили....

— Я васъ не понимаю....

— Да куда вамъ, такимъ ученымъ, насъ простыхъ людей понимать. Вотъ Лысачекъ изъ ученыхъ; такъ вы сейчасъ другъ друга поняли... Скажи, батюшка, не осерчай, вѣдь не я одинъ говорю; на биржѣ громко толкуютъ....

— О чемъ?

— Знатно, батюшка, прикидываешься; дѣло полюбовное и мы на торгахъ беремъ иногда даромъ тысячку-другую, только отступись отъ подряда. А тутъ и подрядецъ соблазнительный.

— Да растолкуйте о чемъ вы говорите?...

— Еще не понялъ? охъ, ученый народъ! Соловья баснями не кормятъ; воробья на мякинѣ не поймашь. Такъ вы, батюшка отъ опеки Лычкинской даромъ отказались?...

— Чтò такое?

— Ну, извини, Леонтій Степанычъ, тамъ у васъ по ученому не знаю какъ, а по нашему у молодой дѣвкн молодому парню быть повѣреннымъ не приходится.... Про Лысачка не удивительно; ну, а Танька-то.... этого никто не ожидалъ. На мызу съѣхала.... Гмъ! дураковъ наша, срамница; такъ и повѣрять....

— Ты смѣешь, борода, про Татьяну Семёнову такъ отзываться! Знаемъ мы и тебя. Знаемъ, что ты въ опекуны себя прочлѣ.... Знаемъ, знаемъ, зачѣмъ прочлѣ; не удалось, такъ ты и давай выдумывать всякую клевету; самъ же и распустилъ.... Постой, постой! не удастся! Эй, линейка, на Лычкинскую мызу?...

— Обратнò, чтò ль?

— Туда только.

— Полтора цѣлковыхъ....

— Ахъ, ты, жидъ этакой! Полтинникъ!

— Да что торговаться.... трехрублевый!

— Давай!... Да, надо же и къ Серёжѣ заѣхать, благо по дороге. Вонъ у того крылечка погоди....

— Это что? опять хавдрить! опять дурачиться!... А я сдамъ тебѣ дѣла....

— Всѣ дѣла идутъ какъ нельзя лучше, сухо отвѣчалъ Серёжа: я работаю до позднаго вечера и, благодаря Богу, все въ порядкѣ!....

— Неправда! борода не въ порядкѣ, ты весь не въ порядкѣ; ты, вѣрно, забылъ, что мы съ тобой общали Татьянѣ Семеновнѣ сегодня у нея на мызѣ обѣдать?...

— Забылъ!... Нѣтъ, не забылъ, но я думалъ!... я думалъ, что еще рано....

— Какое рано! скоро часъ.

— Часъ! я мигомъ одѣнусь....

Пока Лысаковъ занимался туалетомъ, Полочка нѣсколько разъ собирался что-то сказать, но все останавливался. Лысаковъ одѣлся, а Полочка такъ и не сказалъ ничего. Съѣли на дрожки, поѣхали и до самой мызы промолчали. Приѣхали. Въ первой комнатѣ, гдѣ въ оно время бывало играли въ горку и курочку, Полочка остановилъ Лысакова.

— Послушай, любезный, дѣло не ладно! Я и не раскусилъ, что въ самомъ дѣлѣ тебѣ повѣреннымъ быть у дѣвушки не ловко. Это, при всей невинности вашихъ отношеній, ведетъ къ клеветѣ....

— Боже мой! неужели говорятъ?....

— И громко....

— О! я сейчасъ уѣду, сегодня же напишу письмо, откажусь, объясню....

— Нѣтъ, врешь, братецъ, ты объяснишься въ любви и сегодня же!

— Нѣтъ, Леонидъ, я не могу, я не долженъ....

— Тсъ! Татьяна Семеновна идетъ.

— Я бѣгу!...

Прр! пробурчалъ Полочка, схвативъ за фракъ Лысакова, а между-тѣмъ Таня вошла въ комнату.

— Поздно назадъ! маршъ впередъ!... прошенталъ Полочка, и обратился къ Танѣ: матушка, Татьяна Семеновна, не взыщите что опоздали. Грязь ужасная, лошадь прескверная, а повѣренный вашъ не обзавелся еще экипажемъ....

— Повѣренный? вѣтъ я не повѣренный больше! Я не могу.... честь ваша для меня всего дороже!

— Простите меня; я ничего не понимаю....

— Онъ говоритъ правду. Онъ не можетъ быть долѣе вашимъ повѣреннымъ.... Дѣло не шуточное; клевета острозубая можетъ повредить адамантовой добродѣтели.... Мы объ этомъ не подумали, но все къ лучшему. Если бы не этотъ случай, онъ бы не рѣшился никогда, по застѣчивости своего характера, призваться вамъ....

— Леонидъ! Замолчи....

— Послѣ, когда ты говорить станешь, а теперь не мѣшайся.... Знаю, матушка Татьяна Семеновна, какъ затруднительно теперь и ваше и его положеніе, и потому буду кратокъ какъ Тацитъ. Сергѣй до безумія любитъ васъ и эта любовь довела его до гипохондріи....

— Господи! Нѣтъ.... нѣтъ.... я не могу.... я не долженъ....

— Нѣтъ? такъ ты не любишь Татьяны Семеновны.... Ты не готовъ привести себя въ жертву за честь Татьяны Семеновны? Нѣтъ?

— О, готовъ, готовъ, возьмите жизнь мою, но....

— Да что въ твоей жизни послѣ этого? Она жизнь какой-то улитки, а не рыцаря чести и честности?....

Татьяна Семеновна пораженная, смущенная, не зная сама, что дѣлать и что дѣлаетъ, упала въ кресла стоявшія у окна и закрыла лицо руками. Безпощадный Полочка продолжалъ:

— Не можешь? Можешь, долженъ! Вы не вчера познакомились; ужъ съ годъ по городу ходили слухи, что ты влюбленъ, что тебя любятъ.... Кто же повѣритъ теперь чистотѣ отношеній между молодою хозяйкой и молодымъ повѣреннымъ? Уѣзжай въ Америку, мнѣніе останется!

— Боже мой! всплеснувъ руками, вскричалъ Сережа, а Таня сдѣлавъ тоже, лишилась чувствъ.

— Вотъ первый плодъ твоей пламенной любви! Грѣхъ на тебѣ, если ты обманулъ меня! Вѣчное раскаяніе поселится въ груди моей, что я повѣрилъ обманщику и погубилъ честное имя лучшей дѣвушки въ свѣтѣ!... Но мнѣ всё равно теперь: любишь, не любишь, а женись!... Вижу насквозь твою нечистую душу; ага! Отвернулся. Свѣлдышевъ правъ; ты хотѣлъ.... о, да не осквернятся уста мои такимъ соблазномъ. Понимаю твое отчаяніе; ты не умѣешь притвориться даже изъ состраданія къ несчастой, которая тебя любитъ не по твоему.... Милая Таня, лучше бы тебѣ не просыпаться.... Дышеть! Приходитъ въ себя.... Сергѣй Аонасьичъ! Не угодно ли вамъ выйти? Ваше присутствіе можетъ

нить для большой гибельныя послѣдствія... Сергій Аоонасыичъ, что же вы? прибавилъ Полочка шепотомъ, но Сережа оканчивалъ молитву; слезы лились изъ глазъ его; лицо его преобразенное любовью чистою, высокою, сіяло; перекрестясь онъ молча подошелъ къ Танѣ, сталъ передъ нею на колѣни и голосомъ дрожащимъ, но полнымъ сладости и нѣжнаго чувства, сказалъ:

— Простите!... Я не смѣлъ... Я васъ считалъ для себя недоступною... какъ небо... я не любилъ... я обожалъ васъ....

И заливаясь слезами ринулся въ ноги Тани... Она плакала какъ дѣтя и доплакалась до истерики. Полочка прыгалъ отъ радости; въ восторгѣ, онъ до того забылся, что во все горло закричалъ: Прощоръ, обѣдать! — Люди засуетились въ столовой... Полочка приказалъ собраться всей дворнѣ и объявилъ, что отнынѣ Сергій Аоонасыичъ Лысаковъ не повѣренный, а женихъ Татьяны Семеновны и будущій глава дома. Таня хотѣла протестовать, но онездала.

Странно. Бываетъ это въ жизни человѣческой. Идетъ она будто въ мракѣ какомъ-то; будто черною пеленою отъ глазъ закрыто солнце; вдругъ буря, пелена упала; мракъ разсѣялся и стало свѣтло, отрадно; будто ангелъ примиритель пролетѣлъ и еще слышно мѣрное движеніе его невидимыхъ крылій. Такъ было и за трапезой у Татьяны Семеновны. Она была мила по обыкновенію; Полочка болтливъ по обыкновенію; но Лысаковъ, вдругъ изъ гнихоходрика — сталъ веселымъ, любезнымъ собесѣдникомъ; ни тѣни хандры. Полочка не отставалъ отъ счастливой четы; и онъ блаженствовалъ; тѣмъ болѣе, что изъ погреба Лычкинскаго принесли лучшаго вина, а Лычкинъ былъ большой знатокъ этого дѣла. Обѣдъ давно кончился, но бесѣда продолжалась, потому что Полочка допивалъ третью. Нензвѣстно, когда бы она кончилась, еслибы Палашка не вызвала Полочку изъ-за стола, сказавъ ему на ухо: извозчикъ!

— Забылъ, забылъ! На, душенька, отдай ему!

— Не беретъ, воротясь сказала Палашка....

— Не беретъ? Вотъ я его! Ты холопъ поганый не берешь царскаго сребра....

— Охотно беру, только мало.... Рядились только сюда.... А я тутъ почитаю три часа простоялъ....

— Такъ простоялъ же! Вѣдь я не ѣздилъ! Лошадь отдохнула. Покормить успѣлъ. На, и ступай!...

— Какъ угодно маловато. Рублика два надо!

— Ахъ ты Катилипа, Катилина! Рубль за то что ѣхалъ и

рубль за то что не ъхаль.... Вотъ тебѣ, неблагодарный, еще двугривенный; знаю, что Прохоръ будетъ ворчать, ну, да на и ступай себѣ....

— Маловато! Я и полтора не возьму....

— Да знаешь ли ты, ненасытный, что ты требуешь отъ меня всего моего дневнаго жалованья. Последнюю копѣйку хочешь вырвать изъ моего кармана.... Да впрочемъ бери не бери, больше нѣтъ! Хочешь карманы выворочу....

— Такъ за тобой баринъ будетъ; я твою фатеру знаю. Въ школѣ....

— Постой, Леонидъ; спрячь деньги, сказалъ Лысаковъ входя въ ту же комнату съ Таней: вѣдь надо же намъ на чемъ-нибудь домой ъхать.

— И то правда!

Извозчикъ ушелъ; Полочка еще выпилъ бутылочку; Сережа еще побесѣдовалъ съ Таней, о чемъ, неизвѣстно, и женихъ со сватомъ уѣхали. Дорогой Сережа опять нахмурился.

— Скажи, Леонидъ, что ты передъ обѣдомъ намѣкнулъ про Сѣвалдышева.

Тотъ рассказалъ.

— Мерзавецъ, скряга, сплетникъ! Слава Богу, развязался и съ нимъ; теперь его и векселей не беру, чтобы не имѣть дѣла. У Лычкина есть его векселя, да я ихъ завтра же сбуду....

— Да онъ, кажется, богатъ....

— Ужасно; но повѣришь ли, мнѣ рассказывали за вѣрное, что онъ всѣ ломбардные билеты и крупныя ассигнаціи съ собою носитъ. Это очень похоже на правду, потому что его приказчики все сторублевыя вымѣниваютъ. Не хочу никому зла. Сегодня, я совершилъ обѣтъ великій. Господи, дай силъ исполнить! Но я и тебя прошу, Леонидъ; оставь ты ссору съ Сѣвалдышевымъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Клевета сама собой погибнетъ. Богъ съ ней!...

VII.

Въ общественномъ саду нашего города, въ августѣ тысяча осемьсотъ неизвѣстнаго года, поутру, часу въ двѣнадцатомъ, многоуважаемый нами Полочка шелъ съ двумя прекрасными мальчиками, щегольски одѣтыми; одному былъ девятый годокъ, другому — седьмой; оба шли весело, но часто останавливались, потому что Полочка безпрестанно встрѣчалъ предметы, достойные

вниманія и объясненія. Всѣ любовались, глядя на красивыхъ отроковъ; всѣ, нѣтъ не всѣ. На скамейкѣ сидѣла Анна Федотовна, бывшая въ началѣ нашей повѣсти Лохмотова, а теперь полковница.... по фамилиі Погодайкина.... которая командовала полковникомъ мужемъ, съ отличнымъ успѣхомъ. Полковникъ же былъ не иной кто какъ тотъ же доблій воинъ Иванъ Ивановичъ, который также въ началѣ нашего разсказа имѣлъ честь, хотя и вкратцѣ, представляться вашему, благосклонный читатель, вниманію. Прошло съ-тѣхъ-поръ безъ мала десять лѣтъ, но Анна Федотовна цѣла сколько дородствомъ, столько же и разными колерами, украшающими челоуѣчество подъ вечеръ жизни. Кромѣ мужа, во власть свою захватила она еще и правую руку его, полковаго адъютанта; а по состраданію къ несчастнымъ, она держала при себѣ сиротку-компаньонку, глухо-нѣмую. Всѣ были на своихъ мѣстахъ, то есть между командиршей и адъютантомъ сидѣла глухо-нѣмая.

— Какъ вамъ понравился нашъ городъ? спросила полковница.

— Я еще не успѣлъ осмотрѣться, хотя мы здѣсь и болѣе недѣль: утромъ письмо, ввечеру спѣшишь къ вамъ на пресерансь; насилу дождался праздника, чтобы погулять утромъ. Наружный видъ мнѣ очень понравился.

— Вуй; видъ шармантъ. Рѣка какая манящя!

— Объ этомъ и говорить нечего. Строеніе тоже очень хорошее. Я думаю, вамъ должно-быть пріятно посмѣтрѣть на родной городъ?

— Комса! Родныхъ у меня тутъ нѣтъ; только Сѣвалдышевъ, да я и не велѣла принимать этого медвѣдя. Сеть энъ гарпагонъ!

— Тутъ, говорятъ, есть удивительный челоуѣкъ, какой-то Лысаковъ....

— А! это мой прежній Селадонъ! Премилый былъ молодой челоуѣкъ; къ несчастію, купчина. Я чувствовала, что я не рождена для этого круга, и чтобы не мучить его напрасными надеждами, рѣшилась отказать ему на отрѣзъ. Бѣдный! чуть съ ума не сошелъ! Уѣхалъ въ свой посадъ Зипуновку; не вытерпѣлъ; недѣль черезъ четыре воротился, получалъ второй отказъ и съ отчаянія женился на Таничкѣ Лычкиной. Я полагаю, что вышелъ хороший марьяжъ, потому что она настоящая купчиха, простая такая, добрая, и онъ, нельзя сказать, добрый челоуѣкъ, но удивительнаго я ничего не замѣчала.

— Можетъ-быть преувеличиваютъ, но то, что разсказываютъ....

— А чтѣ разсказываютъ?...

— Будто онъ на свой счетъ построилъ въ городѣ двѣ каменные церкви, да въ посадѣ, какъ вы называете, Зипуновкой?

— Да.

— Тамъ церковь каменную, да на мѣстѣ, гдѣ медвѣдь разорвалъ тестя, часовню.

— Чтò же тутъ удивительнаго? Онъ самъ былъ богатъ, а за женой взялъ, говорятъ, до двухъ милліоновъ.... торговалъ счастливо....

— Все такъ, но это только начало. Говорятъ, что въ посадѣ и въ городѣ на свой счетъ устроилъ и содержитъ богадѣльни. И это не удивительно положимъ, но спѣшить на помощь каждому несчастному; не ожидать къ тому случая, а усердно искать, гдѣ только можно помочь больному и бѣдному, это — Анна Федотовна, не шутка! Говорятъ, что онъ, несмотря на всю скромность свою, на всѣ старанія скрывать свои благодѣянія, не можетъ показаться на улицѣ. Собираются толпы нищѣ облагодѣтельствованныхъ.... это удивительно, Анна Федотовна, и удивительно въ нашъ вѣкъ, когда самые добрые люди стали тѣ, которые другому только зла не дѣлаютъ.

Анна Федотовна молчала. Адъютантъ всё болѣе и болѣе одушевлялся.

— Говорятъ, что домашняя жизнь ихъ, это какой-то рай, исполненный чистаго счастья.

Анну Федотовну будто что укололо.

— Жена плаваетъ въ блаженствѣ; четверо дѣтей, точно вербные херувимчики.... Дочери, говорятъ, будутъ первоклассныя красавицы, а мальчики получать отличное образованіе; потому что, кромѣ лучшихъ учителей въ городѣ, дядькой у нихъ, истинный другъ ихъ отца и матери, какой-то Полочка. Говорятъ, онъ былъ прежде учителемъ; но когда у Лысакова пошли дѣти, онъ бросилъ службу, отказался отъ карьеры, несмотря на всѣ убѣжденія начальства, и пошелъ въ гувернеры; говорятъ, будто даже у нихъ условія вѣтъ; безъ всякаго уговору; и ни одинъ, ни другой того не замѣчаютъ.... Какъ хотите, Анна Федотовна, а все это удивительно.

Анна Федотовна имѣла свои и не маловажные недостатки, слегка уже нами указанные, но въ самомъ дѣлѣ была женщина добрая и чувствительная. Случай и родъ жизни лишили ее возможности блистать, можетъ-быть, такими же добродѣтелями, какими блистала Татьяна Семеновна.

— Я очень была бы рада, сказала она, если бы все то, что

вы рассказываете, оказалось истинной. Вооля, Полочка! вооля и сыновья Лысакова! эта часть вашего рассказа оказывается справедливою. Дѣти шарманъ! Леонидъ Степанычъ, Леонидъ Степанычъ! вы меня не узнаете?...

— Ахъ, матушка Анна Федотовна, извините, извините, всегда близорукъ былъ; теперь еще, какъ пересталъ поправлять стихи да хрип по сотнѣ въ день, и зрѣніемъ и здоровіемъ поправился; да в жизнь-то матушка наша, бархатная, тихая, беззаботная, много способствуетъ здоровью; а всё-таки опознался; простите, матушка. Давно ли здѣсь?

— Съ недѣлю.

— А на долге ли?

— Да вѣдь мы съ полкомъ тутъ.

— Боже мой, Иванъ Ивановичъ! кажется пріятель были. Пѣлъ прекрасно! басъ такой основательный, знаете, важный басъ.

— Да, чтобы командовать полкомъ, голосъ надо имѣть.

— Полкомъ? а давно ли васъ произвели?

— Да ужъ больше полугода! А это дѣти, вѣрно....

— Наши, наши, хорошія дѣти; не устыдять отца, матери и наставника. Извините, матушка, намъ пора....

— Куда же такъ рано?...

— Первый часъ скоро. У насъ такое заведеніе, какъ на городскихъ часахъ начнетъ бить полдень, такъ съ послѣднимъ двѣнадцатымъ ударомъ Сергій Аеоносъичъ изъ конторы, Татьяна Семеновна изъ бодуара съ дѣвчонками, я съ мальчуганами съ гулянья, такъ всё въ столовую и входимъ.... такъ и боишься опоздать; никто сердиться не будетъ, да самому жалъ.

— Позвольте васъ спросить....

— Безъ четверти двѣнадцать! Извините, самымъ скорымъ шагомъ едва успѣемъ.... Дѣти, маршъ!...

И Полочка пошелъ скорымъ маршемъ; дѣти за нимъ бѣжали, подпрыгивая. Первый ударъ городскихъ часовъ раздался, Полочка со своими птенцами былъ уже на лѣстницѣ, свѣтлой, устланной коврами, убранной цвѣтами. Домъ и мыза Лычкинскія были давно проданы; Лысаковъ построилъ новый, въ самомъ модномъ вкусѣ. Это былъ первый домъ въ городѣ и по архитектурѣ, и по внутреннему расположенію, и по хлѣбосолецтву хозяина. Раза

три-четыре въ годъ собирались всѣ значительнѣйшія лица въ городѣ къ Сергѣю Аеоуасычу на богатые пиры; но сверхъ-того, у Лысакова каждое воскресенье собиралось нѣсколько человѣкъ къ обѣду и у него же проводили вечеръ за партіей преферанса. Татьяна Семеновна любила играть; постоянный ея товарищъ Полочка тоже; но хозяинъ игры не жаловалъ; онъ толковалъ съ купцами о ходѣ торговли, о литературныхъ новостяхъ, и тому подобномъ. Какъ ни счастливо, какъ ни пріятно текла жизнь этого семейства, но съ лица Сергѣя Аеоуасыча не сходилъ слѣдъ, намекъ тяжкой жизни; чело его рѣдко разглаживалось; еще рѣже улыбка оживляла плотно сомкнутыя уста. И Полочка и Татьяна Семеновна привыкли къ этому выраженію лица, и не обращали на то вниманія. Гости собрались уже къ обѣду; хозяйка старалась ихъ занять какъ умѣла. Полочка съ дѣтьми подоспѣлъ къ ней во время на помощь, потому что она истощила всѣ свои обычные вопросы и привѣтствія.

— Знаете ли кого я видѣлъ! воскликнулъ Полочка входя въ гостиную: право не угадаете! Да что васъ мучить — Анну Ѳедотовну!

— Вотъ новость, перебилъ гость: да она ужъ съ недѣлю какъ здѣсь; а на вечернихъ катаньяхъ каждый день щеголяетъ съ мужемъ, и еще дѣвушка, да офицеръ. Гордая стала, прости ей Госноди! Сѣвалдышевъ приходится ей съ родни; Сѣвалдышева старшій братъ былъ женатъ на сестрѣ ея матери; слышалъ, что пріѣхала; толкнулся было къ ней съ почтениемъ, холопы не пустили. Говорятъ, не приказано. Надо было видѣть какъ старика взорвало. Почитай первый разъ въ жизни сѣлъ на извозчика; итти не могъ; отъ бѣшенства пріѣхалъ на биржу; ругался, ругался, такъ, что всѣ разошлись; и теперь еще не спокоенъ. Вчера пришелъ на биржу, а тутъ какъ на зло пришли изъ Нижняго вѣсти; ярмарка стояла важная; у Лысакова не хватило товару: все продано, а у Сѣвалдышева почитай весь товаръ на рукахъ остался. Лысаковскіе приказчики закупили товаръ почти за даромъ, а у Сѣвалдышевскихъ не хватило денегъ, бѣда и только! Ужъ онъ давно не знаю за что косится на Сергѣя, а вчера ужъ и не выдержалъ....

— Полно, почтенинѣйшій, перебила Татьяна Семеновна: ему же и стыдно; мы про его злобу не хотѣли бы слышать. Вотъ лучше, Леонидъ Степанычъ, расскажите про Анну Ѳедотовну.

— Да что рассказывать? Толста, размалевана, разряжена, сидеть себѣ въ общественномъ саду и въ лорнетъ смотреть. Бегать съ нею! Да гдѣ же это Сергѣй, право? Сегодня безпорядокъ!.. первого десять минутъ....

— Да, приказчики изъ Нижняго пріѣхали; какъ пришелъ отъ ранней обѣдин, такъ и заперся съ ними въ конторѣ.... да еще губернской архитекторъ у него сидѣлъ больше часу.... Вотъ, кажется идетъ....

— Воскресенье, Сергѣй, а ты выходишь позже чѣмъ въ будни.

— Такой случай, сухо отвѣчалъ Лысаковъ; лицо его было измѣнено пуще обыкновеннаго: приказчики просто чудесъ надѣлали въ Нижнемъ; рассказываютъ, будто въ лавкахъ нашихъ триста человѣкъ за разъ толпилось: мѣрить, рѣзать, завертывать не успѣвали; изъ силъ выбились. Съ новой моей фабрики товаръ до тла искупленъ. Говорятъ, если бѣ втрое было, все бы сошло; а тутъ кстати подѣхалъ Кирилла Григорьевичъ; привезъ чертежи, какъ бани строить....

— Бани! воскликнули всѣ гости и Полочка.

— Да, бани! Городъ обширный, много народу чистаго живетъ, а въ бани ходить нельзя; у кого есть своя — хорошо; а у кого нѣтъ, такъ одомайся чужими; да и то сказать, для простаго народу дороговато въ нашихъ городскихъ баняхъ и простудно; вотъ мы и хотимъ построить такіа, чтобы и губернатору не стыдно было поѣхать; и чтобы дешево было сколько можно. Кирилла Григорьевичъ мастеръ своего дѣла. Чудесные чертежи. Прибыли, признаться, ни какой не будетъ, да зато городу большое удобство. Вотъ я Кириллу Григорьевичу и рассказываю про Нижній; говорю, что надо фабрику увеличить; онъ тутъ же схватилъ карандашъ и давай чертить; то есть, право, важный архитекторъ: такъ все знатно, умно рассчиталъ, что старая будетъ себѣ дѣйствовать безпрепятственно, а новая возлѣ еще до зимы вырастетъ.... много превосходнаго онъ тутъ придумалъ: и церковь своя, и для рабочихъ жилые дома, а ужъ пуще всего нѣтъ поправилась больница. Теперь таскай больныхъ за шесть верстъ, хотя я и устроилъ для того карету; да все въ такую пору года и трудно и опасно; а тутъ больница подъ рукой; лекаръ и фельдшеръ всегда на лицо, аптека тутъ же, а скорая помощь всегда важна. Э, да скоро часъ! Танюшка пора!...

— Пора, мой другъ, да вотъ ты самъ виновать. Заслушался. Милости просимъ....

Гости пошли за хозяйкой; послѣдніе шли хозяйнѣ съ Полочковой. Леонидъ оставовилъ Лысакова въ одной изъ проходныхъ комнатъ.

— Сергѣй, что съ тобой?

— Со мной? ничего!

— Не правда, что-нибудь да случилось! посмотри въ зеркало, ты никогда не былъ такъ печаленъ....

— Никогда? Леонидъ, ты не поймешь моей печали! ты будешь свѣтлѣе видѣ ея поводами. Я слишкомъ, слишкомъ черствѣе счастливъ! Избытокъ удачъ меня пугаетъ; мнѣ кажется, этотъ потокъ опрокинется водопадомъ и броситъ меня въ пучину, откуда нѣтъ исхода.... Я достигъ до такого состоянія, которое грѣхъ уже увеличивать; а надо тебѣ знать, что я объ этомъ не позаботился; я обращаю барыши на общепользныя предпріятія, на дѣла Богу угодныя. И что же? самыя безкорыстныя начинанія непостижимыми путями привносятъ мнѣ неожиданныя, огромныя прибыли....

— Что же тутъ такого печальнаго....

— То, что я этого счастья не стою.... Каждый день я жду....

— Сережа, Леонидъ Степаничъ, что же вы?... раздался голосъ изъ столовой.

— Пойдемъ! Я сказалъ тебѣ все; больше сказать не могу....

Но едва вошли они въ столовую, какъ двери съ шумомъ растворились: въ комнату вбѣжалъ съ громкимъ смѣхомъ Каршъ Трофимычъ....

Не думайте, чтобы въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ дядюшка не видался съ племянникомъ. Напротивъ того не прошло ни одного года, чтобы дядюшка не побывалъ у племянника въ городѣ, а племянникъ у дядюшки въ Зипуновкѣ, гдѣ онъ торговалъ бакалейными товарами при пособіи Лысакова, подъ присмотромъ и руководствомъ надежнаго приказчика. Но эти взаимныя посѣщенія обыкновенно бывали въ опредѣленный срокъ. Дядюшка пріѣзжалъ въ городъ къ Масленой на ярмарку; а племянникъ уѣзжалъ въ Зипуновку всегда въ первыхъ числахъ марта. Посѣщеніе дядюшки въ августѣ показалось весьма стран-

нынѣ для всѣхъ, но въ особенноти для хозяина, тѣмъ болѣе, что дядюшка былъ въ охотничьемъ платьѣ, и не совсѣмъ въ тревожнѣ видѣ....

— Удивилъ? а? удивилъ? не правда ли? Какъ сѣгъ на голову? а? не ожидали?... То-то же! Старый другъ лучше новыхъ двухъ! Вотъ что! Гренадеръ мой и полковникъ сталъ, а все Карпа не забылъ; со всей охотой въ Зипуновку пожаловалъ, да прямо ко мнѣ! А! Полковникъ, чужой, а лучше роднаго инаго.... Угостилъ же и я его по старинному. Кутнули, были помянули, да и отправились на охоту; разнаго звѣря настрѣляли; ѣшь, не могу.... Зимовать у насъ будетъ Иванъ Ивановичъ! То-то житье пойдетъ! Благородное, офицерское! Я со всею моею бакалей въ городъ перебираюсь.... Что мнѣ въ Зипуновкѣ отъ скуки гнѣтъ. Завтра же найму лавку и кончево....

— Утро вечера мудренѣе, сухо сказалъ Лысаковъ, а теперь хлѣба соли не хочешь ли?....

— Хлѣбосоль ты братъ на языкѣ; да ужъ пожалуй, отъ хлѣба соли не бѣгають.... Вели подать водки!....

Карпъ Трофимычъ скоро наливался до нельзя; его отвели въ боковую комнату и уложили; все пошло обычнымъ порядкомъ; играли въ преферансъ, толковали о нижегородской ярмаркѣ, поужинали и улеглись на покой; за то Карпъ Трофимычъ успѣлъ выспаться. Проснувшись, онъ долго не могъ понять, куда попалъ; при блескѣ отъ лампы, теплившейся предъ иконою, онъ замѣтилъ что на столѣ у зеркала стоятъ свѣчи. Карпъ Трофимычъ зажегъ свѣчу и пустился путешествовать по комнатамъ; то были парадные покои и онъ скоро узналъ въ нихъ хоромы помещика.

— Видишь, какой роскошникъ! Чего тутъ у него вѣтъ; и фарфоръ и золото и зеркала; а диваны-то какіе; словно на качеляхъ, такъ и подмываетъ; штофъ, бархатъ.... Тфу ты гладь какая на столахъ....

Такъ разсуждалъ онъ проходя по комнатамъ и осторожно трогая вазы, софы, столы и разную щегольскую рухлядь.

— Ба, ба, ба! Это что? оружейная!

И Карпъ Трофимычъ сталъ разсматривать старинное оружіе, красиво развѣшанное по стѣнамъ небольшой диванной; осмотръ его продолжался довольно долго; но къ утру онъ утомился и

прилежъ на старомъ мѣстѣ. Его разбудили къ обѣду; пожурили; покормили; подкрѣпили и виномъ, но въ мѣру и отравили въ Зипуновку подъ строжайшій присмотръ приказчика. Все опять по прежнему. Лысаковъ, по совѣту Полочки, посѣтилъ полковника; Танюшка тоже побывала у Анны Федотовны; обмѣнялись визитами, обѣдами, вечерами; а между-тѣмъ наступила осень; пошли общественныя собранія, балы, театры; зашумѣла бѣлая зима и улеглась чистымъ саваномъ на улицахъ нашего города. Полковникъ часто ѣздилъ на охоту; надо сказать что и Анна Федотовна находила, что для здоровья Ивана Ивановича это очень полезная забава. Въ азартѣ разъ, послѣ сытнаго завтрака, Иванъ Ивановичъ хотѣлъ взять съ собою и адъютанта; но Анна Федотовна объяснила что и ей тоже нужна правая рука. На что Иванъ Ивановичъ сказалъ: «Ну, чертъ вась побери» и уѣхалъ.... Охота удалась на славу. Въ городѣ всѣ заговорили о разныхъ подвигахъ охотниковъ; но всѣхъ больше отличился Карпъ Трофимычъ; какимъ образомъ, не могу вамъ объяснить, только рассказывали за истину, будто дядюшка вспрыгнулъ на бѣгущаго испуганнаго медвѣдя верхомъ и на бѣгу зарезалъ его ножомъ.

— Чепуха!.... торжественно возгласилъ Полочка слушая такой странный рассказъ. Какого ножа надо для такого подвига, а лучше какой силы. А нашъ старый Карпъ развѣ въ пьянѣ совершилъ убійство нечаянно, и то чудеснымъ образомъ.... Какъ хотите, не вѣрю. Какъ ты думаешь, Сережа....

— Конечно, конечно.... отвѣчалъ онъ разсѣянно, взявъ свѣчу со стола и ушелъ.... Долго не возвращался Лысаковъ въ гостиную; такъ долго, что гость ушелъ не простясь съ нимъ; дѣти тоже ушли спать; въ гостиной остались Таня да Полочка.

— Гдѣ это Сережа? спросила Таня съ примѣтнымъ безпокойствомъ.

— Я объ этомъ цѣлый часъ думаю. Ввечеру онъ дѣлами не занимается.

— Ну, нѣтъ, вчера ввечеру что-то писалъ....

— Вчера? Что же онъ писалъ?....

— Я никогда объ этомъ не спрашиваю. Полагаю, по новой фабрикѣ. Она совѣмъ готова. Въ посту начнутъ работать. А можетъ-быть и по ярмаркѣ; завтра откроется....

— Я смотрѣлъ сегодня лавки; на чудо убраны; какой товаръ, какой порядокъ; то есть, я вамъ скажу, въ столицѣ не должно быть лучше.... Вотъ и онъ идетъ.... Господи!

— Милостивый Боже, что съ нимъ? Какъ онъ страшень, глаза сверкають; чего онъ ищетъ!....

— Пойдемте къ нему!....

— Я боюсь, я вся дрожу.... Боже мой, Боже! Смотрите, какъ онъ нагибается, какъ ложится на полъ; ищетъ подъ столами и стульями. Чтò бы могло такъ сильно его встревожить....

— Сергѣй, чтò съ тобой!

Лысаковъ былъ уже въ гостиной, и дѣйствительно, видъ его былъ страшень. Глаза налились кровью; губы посинѣвъ дрожали; онъ искалъ пламенными взорами чего-то и, казалось, ни одна щель не ускользнула отъ его вниманія. Голосъ Полочки заставилъ его вздрогнуть; рукою онъ закрылъ глаза и нѣсколько мгновеній пробылъ какъ-будто въ безпамятствѣ. Полочка посинѣвши взять изъ рукъ его подсвѣчникъ, а Таня съ нѣжностію обнявъ мужа, повела его къ софѣ....

— Что случилось, милый, скажи намъ! Что пропало?....

— Бездѣлица, прошепталъ онъ не безъ труда: но первый разъ въ моемъ домѣ, изъ кабинета, изъ конторки....

— Да что такое?....

— Пустяки! Какъ тебѣ сказать!.... Вексель, дрянной, всего шестьсотъ, да сегодня срокъ; я вспомнилъ.... ищу.... не нашелъ.... Ну, да перестанемъ объ этомъ; мнѣ стало такъ досадно; я вышелъ изъ себя и перепугалъ васъ, добрые мои друзья!.... Не правда ли? Отъищется; пустяки, да и потеря не важная; но иногда булавка приводитъ въ бѣшенство!.... Я теперь совершенно успокоился. Гдѣ жѣ наши гости, дѣти....

— Ушли спать! Вѣдь ты часа два тамъ провозился....

— Неужели? Что значитъ досада; ну, такъ пойдемъ же и мы спать. Сонъ большой лекарь!

— Какъ, пойдемъ спать и безъ ужина! Вторая новость! Да этого съ тобой тоже никогда не бывало....

— Правда, правда! Такъ пойдемъ же ужинать....

— Третья новость! вскричалъ Полочка уже за ужиномъ: ты пьешь вино!

Сергѣй Аеонасычъ выплюнулъ вино и сказалъ:

— Прости Господи! задумался....

— О чемъ?

— О ярмаркѣ! Завтра разыграется, а я пускаю много товаровъ такихъ, которыми не торговалъ прежде; пускаю по совѣстливой цѣнѣ; всѣ на меня возстануть.... Сѣвалдышевъ будетъ ругать меня на всѣхъ перекресткахъ... Ну, да утро вечера мудренѣе. Пора на покой....

Полочка задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ уходившему Лысакову; онъ замѣтилъ какъ другъ его раза два посмотрѣлъ въ углы столовой, какъ-будто чего-то тамъ искалъ.

— Вексель? сказалъ тихо Полочка: нѣтъ, не векселя ты ищешь! Тутъ есть какая то тайна, страшная, непонятная; но не знаю почему, а мнѣ самому страшно.... Постой, онъ былъ въ кабинетѣ, онъ вышелъ оттуда въ бѣшенствѣ; слѣдственно не успѣлъ запереть его. Пойдемъ!....

Но кабинетъ былъ запертъ. Возвращаясь, Полочка замѣтилъ въ оружейной необыкновенный безпорядокъ; многія ружья валялись по полу и диванамъ.

— Вотъ онъ гдѣ былъ!

Напрасно Полочка ломалъ голову; никакой догадки не приходило на мысль, которая бы сколько-нибудь могла объяснить дѣло. Полочка всю ночь не могъ заснуть; чуть свѣтъ онъ всталъ; пошелъ въ оружейную, но тамъ все уже висѣло въ прежнемъ порядкѣ.

— Что за дьявольщина! Вѣдь не снилось же мнѣ! Спрашивать у людей не приходится; у Тани — перепугается; у него.... страшно! А чтó-то есть.... Надо уйти, не то еще застанеть....

Едва вошелъ онъ въ столовую, какъ туда же изъ спальни пришелъ и Лысаковъ. Мрачный, увидавъ Полочку, Лысаковъ сталъ веселъ; обнялъ друга съ чувствомъ; звалъ на ярмарку и выпивъ на-скоро стаканъ чаю, отправился въ ряды. Лысаковъ не ошибся. Лавки его были биткомъ набиты покупателями; знаменитый персидскій магазинъ Хазарь-Ханьки былъ тутъ же, но обратился теперь въ балаганную лавку; Сѣвалдышевъ, стоя у своей пустой лавки, ругался необинаясь во всеуслышанье; и ярмарка пошла своей чередой; въ каменныхъ новыхъ рядахъ торговали и

при огнѣ; Лысаковъ успѣвалъ только пообѣдать да выспаться; а то все время проводилъ въ лавкахъ. Необыкновенно успѣшная торговля его вывела Сѣвалдышева изъ терпѣнія; онъ рѣшился войти въ лавку Сергѣя Аеоносѣевича; обругалъ его въ лицо, плюнулъ и ушелъ... Лысаковъ вскипѣлъ.... но вдругъ опомнился, презрительно улыбнулся и обратясь къ покупателямъ, сказалъ тихо:

— Вы видѣли, слышали?

— Давно батюшка видимъ и слышимъ. Ты только пожалуйся; а весь городъ будетъ за тебя свидѣтелемъ....

— Жаловаться! Лысаковъ опять презрительно улыбнулся и сталъ разговаривать о другихъ предметахъ.

IX.

Наступилъ постъ. Ярмарка расплзалась, точно также какъ и жма, гонимая мартовскимъ вѣтромъ. Такія же лужи стояли на улицахъ, какъ были въ это же время въ достопамятную Масленицу ровно десять лѣтъ тому назадъ. Несмотря что первая седмица марта уже отошла, колеса еще не замѣнили санныхъ полозьевъ; съ визгомъ дохватывало иногда до обнаженного камня мостовой; на большой рѣкѣ появились прогалины, стояли озера; а на рѣчкѣ, раздѣлявшей нашъ городъ на двѣ равныя части, свѣшили окончить починкою мостъ по настоятельному требованію Христіана Христіановича Штырха. Онъ жилъ по ту сторону рѣчки, въ собственномъ домѣ, тогда какъ большая и важнѣйшая часть его пациентовъ пребывала на этой, такъ-сказать аристократической сторонѣ; домъ Лысакова былъ въ томъ числѣ и занималъ почти половину всей набережной рѣчки. Всегда веселый, открытый для каждаго, этотъ домъ сталъ унылъ и грустенъ. Въ первыхъ числахъ марта Сергѣй Аеоносѣевичъ обыкновенно уѣзжалъ въ Зипуновку, къ дядюшкѣ, или лучше сказать, отвозилъ дядю; но къ общему удивленію Карпъ Трофимычъ на Масленицу въ городъ не пріѣхалъ. Племянникъ также не разсудилъ ѣхать къ нему и панихиду за упокой Лычкина отслужилъ не въ часовнѣ воздвигнутой на мѣстѣ его смерти, но въ городскомъ соборѣ. Обѣденный столъ былъ утомительно скученъ;

да и кому охота въ такой день корчить забавника; веселіе на умъ нейдетъ; тѣмъ болѣе, что веселость при этомъ случаѣ могла бы оскорбить хозяйку, грустную, заплаканную, увлеченную разными воспоминаніями. Не удивительно, что гости разошлись раньше обыкновеннаго. Полочка предвидя, что преферанса не будетъ, пошелъ къ Ивану Ивановичу на вечеръ; дѣти разошлись по своимъ комнатамъ; въ гостиной остались супруги. Оба были грустны, задумчивы.... Стало смеркаться....

— Сережа, съ трепетомъ сказала Тая: не велѣтъ ли подать свѣчи....

— Пожалуй, а что?....

— Такъ! Невольно припоминается то, чего бы припоминать не хотѣлось....

— Что же тебѣ припоминается?

— Не спрашивай, Сережа! Въ эту пору, десять лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день, когда батюшка былъ на роковой охотѣ, я вижу вдругъ, входитъ онъ длинный, бѣлый, страшный... Спасите меня! вдругъ не своимъ голосомъ закричала Тая: вотъ онъ идетъ! Прямо ко мнѣ....

— Я никого не вижу.... Тая!

— Не подходи! онъ разорветъ тебя!...

— Огня, подайте огня! Ей что-то причудилось!

— Спасите меня! онъ душитъ! спасите, спасите!

Лысаковъ въ другой комнатѣ вырвалъ у бѣжавшей служанки свѣчу, вошелъ поспѣшно въ гостиную. Тая лежала на богатомъ коврѣ безъ чувствъ.... Въ комнатѣ болѣе никого не было.... Пришавъ къ женѣ, онъ увѣрился, что припадокъ обморока не лишилъ ея жизни; съ помощію служанки ему удалось привести ее въ чувство, но вслѣдъ затѣмъ открылась жестокая лихорадка. Уложивъ Тая въ постель, Лысаковъ пошелъ искать кого-нибудь, чтобы послать за Штырхомъ. Какъ-будто съ умысломъ всѣ лакеи и кучера разбрелись неизвѣстно куда. Нечего дѣлать. Лысаковъ самъ схватилъ съ крючка чью-то шубу, отыскалъ чужую шапку и выбѣжалъ на улицу.

— Извозчикъ!

— Куда изволишь?

— Къ Штырху!...

— За мостъ?

— Ну, да, за мостъ! Подавай проворнѣе....

— Три гривенника!

— Да подавай только! Пошелъ что силы есть....

— Теперь шибко не поѣдешь, видишь какая слякоть.... Вотъ бы намъ спуститься только на рѣку, а тамъ поглаже будетъ... Вотъ, прости Господи, хотя бы на спускъ-то фонарь поставили... То-го гляди опрокинешь... Да и темъ-то какая! Зги не видно!... Ну, слава тебѣ Господи; теперь только подъ мостомъ опасно....

— Помогите! помогите! Рѣжутъ, карауль, помогите!

Этотъ крикъ послышался подъ мостомъ. Лысаковъ выпрыгнулъ изъ саней и бросился на крикъ; извозчикъ въ испугѣ повернулъ оглобли и есколко силы стегая свою клячу, уѣхалъ. Лысаковъ подходя къ мосту, видѣлъ какъ по ту сторону моста кто-то вскочилъ на сани и также умчался.... Подбѣжавъ къ мѣсту преступленія, Лысаковъ слышалъ только хрипѣніе и предсмертные стоны. Онъ наткнулся на мертвое, но еще теплое тѣло. Чтобы сколько-нибудь рассмотреть состояніе несчастной жертвы, онъ приподнялъ трупъ и кровь хлынула на него ручьемъ; когда онъ вытащилъ его изъ-подъ моста, на рѣчкѣ съ обѣихъ сторонъ показались люди, блеснули фонари.

— Сюда! сюда! кричалъ онъ, но и безъ того полицейскій чиновникъ и служители окружили его и освѣтили сцену...

— Чтѣ я вижу! воскликнулъ Лысаковъ уронивъ трупъ: Сѣвалдышевъ!

— Сѣвалдышевъ, глухо повторили полицейскіе.

— Онъ никогда не ѣздилъ на извозчикѣ; лукавый попуталъ; разъ и тотъ такъ неудачно....

— На извозчикѣ? сомнительно покачивая головою, сказалъ чиновникъ: можетъ-быть и на извозчикѣ; только мы ни одного не видѣли, да и слѣдовъ-то не видно....

— Еще бы теперь въ распутицу, когда все подъ водою....

— Пусть себѣ и въ распутицу....

— Ну, дѣлайте, господа, какъ знаете, а я ужъ заѣду въ полицію, объясню полицмейстеру....

— Да зачѣмъ откладывать, не угодно ли сейчасъ со мною?

— Не могу; у меня жена при смерти; я ѣхалъ за Штырхомъ.

— Нельзя, Сергѣй Аоонасыичъ; дѣло не ладно; за Христіаномъ Христіанычемъ Наумъ сбѣгаетъ.... да смотри, болванъ, не проговорись; скажи только, что Татьяна Семеновна нездорова; сей-

часть къ себѣ просить. Пошелъ! А мы, Сергій Аѳонасьичъ, отправимся. Пусть рѣшитъ начальство, а намъ нельзя....

— Ты правъ! Пойдемъ.

Не понятно, какъ это дѣлается въ провинціальныхъ городахъ. Не успѣли дойти до полицмейстерскаго дома, который былъ можетъ-быть въ полуверстѣ отъ моста, а уже тамъ все было извѣстно. У полицмейстера были гости; нѣкоторые остались изъ любопытства; другіе ушли, чтобы имѣть удовольствіе поразить своихъ знакомыхъ удивительною и въ нашемъ городѣ небывалою вѣстью. Осторожный однако же полицмейстеръ, зная, какою прекрасною славою пользуется Лысаковъ во всей губерніи и дальше, счелъ обязанностію производить дѣло со всею предусмотрительностію и по всѣмъ тончайшимъ требованіямъ закона. Когда доложили о прибытіи Лысакова съ неприятымъ для него спутникомъ, полицмейстеръ Мальшаковъ приказалъ просить его въ секретную. Тамъ стоялъ только столъ, два стула и кровать, съ весьма твердою и невзрачною постелью.

— Батюшка, Сергій Аѳонасьевичъ! что ты это надѣлалъ?

Такъ встрѣтилъ полицмейстеръ Лысакова.

— Я? Къ сожалѣнію ничего; опоздалъ; а то бы убійца не увернулся; можетъ-быть и самое убійство не совершилось бы.

— Послушай, Сергій Аѳонасьевичъ! Вѣдь дѣло-то не ладно. придется посидѣть у насъ въ секретной....

— Что же дѣлать! Я беспокоюсь только о моей женѣ.... Она въ сильной лихорадкѣ; вѣсть эта можетъ убить ее!... Если бы можно было отыскать Полочку, я научилъ бы его какъ поступать, пока....

— Не угодно ли тебѣ научить меня, я весь къ твоимъ услугамъ, готовъ для тебя на все, только ужъ ни Полочки, ни живой души безъ губернаторскаго разрѣшенія къ тебѣ не пушу.

— Что ты это говоришь, кумъ. Да развѣ я преступникъ?...

— Пока въ подозрѣніи, а тамъ окажется по дѣлу сущая истина.... Ну, такъ научай же, что мнѣ сказать Полочкѣ.

— Но кто же меня обвиняетъ?

— Обстоятельства, куманекъ; да не трусь; что можно, обдѣлаемъ. Говори скорѣе, что сказать Полочкѣ; мнѣ некогда; я долженъ сейчасъ съ рапортомъ ѣхать къ губернатору; онъ назначитъ чиновника; мы съ нимъ да съ лекаремъ произведемъ слѣдствіе; для тебя только, пожалуй еще сегодня допросимъ тебя и выпустимъ на поруки.... Ну, что же Полочкѣ?...

— Благодарю за твою дружбу, кумъ, я умѣю быть благодарнымъ; а Полочкѣ скажи, чтобы Штырхъ запретилъ всѣмъ входить въ комнату къ Танѣ впредь до его разрѣшенія, кромѣ одной Навашки. Подъ этимъ предлогомъ, она можетъ меня и не видѣть день, другой.

— Премно, куманекъ; прощай пока!

Лысаковъ остался одинъ — и невольный ужасъ сталъ подниматься беамѣрнымъ призракомъ: привидѣнiе и болѣзнь Тани, городскія сплетни, трудность открыть скоро настоящаго убійцу, унизительная роль подозрѣваемаго въ убійствѣ при допросахъ, еще призраки... И Лысакову стало холодно; лихорадка заглядывала и ему въ глаза; кровь то отхлынетъ и слѣдъ ея подернется морозомъ, то прильетъ къ головѣ и сердцу и все тѣло въ жарѣ. Въ этомъ мучительномъ состоянiи прошло нѣсколько часовъ. Шумъ въ соседней комнатѣ заставилъ Лысакова опомниться. Онъ слышалъ, что-то тяжелое внесли въ ту комнату; долго возмалса, наконецъ все утихло; двери изъ этой комнаты отворились; какой-то чиновникъ сказалъ тихо: пожалуйста! У окна на столѣ, закрытый престыней до шеи, лежалъ мертвый Сѣвалдышевъ. За столомъ сидѣло трое слѣдователей. Въ серединѣ Антонъ Антоновичъ Чипсъ, прiятель и поклонникъ Бамазѣи; по правую отъ него руку Мальшаковъ, по лѣвую лекарь; съ боку секретарь. Больше никого не было въ комнатѣ, только въ сторонѣ столъ еще столъ, съ вещами; Антонъ Антоновичъ Чипсъ грозно посмотрѣлъ на Лысакова; воспаленный, измученный призраками и событiями дня онъ былъ по истинѣ страшенъ. Ему предложили сѣсть: онъ чуть не упалъ въ кресла. Послѣ нѣкоторыхъ формальностей, Чипсъ спросилъ:

— По какому поводу вы были во враждѣ съ Сѣвалдышевымъ?

— Я никогда ни съ кѣмъ не былъ во враждѣ, тѣмъ менѣе съ Сѣвалдышемъ.

— Позвольте вамъ напомнить, что не далѣе какъ въ послѣднiй день Масленной онъ занесъ вамъ въ лавкѣ тяжкую обиду.

— Я простилъ ему бессильную и грѣшную злобу.

— Хотя это и не совсѣмъ по человѣчески, но допустимъ. Скажите намъ по какому поводу вы очутились подъ мостомъ вмѣстѣ съ Сѣвалдышевымъ и одинъ.

— Я ѣхалъ на извозникѣ къ Штырху, потому что моя жена опасно занемогла; услышавъ крикъ, я выскочилъ изъ саней; ви-

дѣл какъ человѣкъ и, вѣроятно, извозчикъ бѣжалъ изъ подъ моста, вскочилъ на сани и умчался; мой сдѣлалъ то же....

— Тутъ не вѣроподобны всѣ показанія. Отчего вы поѣхали къ Штырху сами, когда всегда посылаете людей, а ихъ у васъ болѣе полусотни.

— Къ собственному моему удивленію, я не нашелъ ни одного дома.

— Допросить людей, отиѣйте. Отчего же на извозчикѣ, когда у васъ на конюшнѣ нѣсколько четверняковъ.

— По той же причинѣ. Я не нашелъ ни одного кучера....

— Странно! отиѣйте: допросить кучеровъ. Отчего вы не задержали того человѣка, что выскочилъ изъ-подъ моста, а бросился къ Сѣвалдышеву....

— На это, кажется, и отвѣчать не слѣдуетъ....

— Будьте осторожниѣ. Правосудіе не разбираетъ богатствъ и личностей. Отвѣчайте!

— Оттого, что когда я подходилъ къ мосту, тотъ уже стремглавъ неся на саняхъ.

— Положимъ, что все это такъ; но скажите, ваша ли это шуба и шапка.

— Нѣтъ!

— Ага!

— Что, ага! Болѣзнь жены такъ испугала меня, что я схватилъ первую попавшуюся мнѣ шубу и первую шапку; надѣлъ и вышелъ....

— Нѣтъ, это весьма неудовлетворительный отвѣтъ. Вы могли спокойно надѣть и свою шубу, но тутъ явственно вы хотѣли переодѣться съ умысломъ. Теперь послѣдній вопросъ: Это оружіе ваше?

— Лысаковъ вскочилъ въ ужасѣ и схватилъ себя за волосы обѣими руками; глаза его помутнились; онъ бросился на Чипса, чтобы вырвать изъ рукъ его тотъ самый ножъ, который онъ десять лѣтъ тому назадъ купилъ у Хазаръ-Ханики на ярмаркѣ. Слѣдователи и сами перепугались; кровь и пламя въ глазахъ, пѣна у рта, судорожныя движенія, все, все обнаруживало, что Лысаковъ уже не въ своемъ умѣ; на крикъ Чипса вбѣжали въ присутствіе служители и съ немалымъ трудомъ и вредомъ для себя, успѣли связать неистоваго. Безпамятство его продолжалось болѣе часу; онъ визжалъ на разный ладъ, скрежеталъ зубами, но ни одно слово не вырвалось изъ устъ его.

Напрасно вся слѣдственная коммиссія усердно подслушивала.... Около полуночи, онъ затихъ; слѣдователи заглянули въ секретную. Онъ лежалъ блѣдный, слабый, полумертвый; уста его что-то шептали.

Кумъ рѣшился подойти поближе и едва услышалъ слово: священника!... Желаніе его было исполнено въ нѣсколько минутъ. Священникъ былъ уже приглашенъ; дѣло ему объяснили подробно; достойный протоіерей покачалъ головою и сказалъ тихо: Не можетъ-быть! Когда его позвали къ больному, священникъ приѣтно обрадовался, но увидавъ Лысакова испугался: смерть была написана на измученномъ лицѣ; но зато на этомъ же лицѣ, при взглядѣ на добраго пастыря, просіяла улыбка надежды и упованія. Священникъ потребовалъ, чтобы больнаго развязали; это его облегчило; онъ вздохнулъ нѣсколько разъ отрадно какъ будто вывая улетающую жизнь.... Всѣ ушли; священникъ сѣлъ у постели....

— Что, Сергѣй Аеоносъевичъ? Легче ли?

Тотъ схватилъ руку пастыря и облилъ ее горячими слезами. Отецъ Исидоръ не препятствовалъ потоку освѣжительнаго чувства; онъ ждалъ, пока больной самъ не ощутитъ силы къ духовной бесѣдѣ....

— Легче, легче, святой отецъ! наконецъ сказалъ онъ довольно твердымъ голосомъ; больше десяти лѣтъ, о куда больше, мнѣ не было такъ легко, какъ теперь.... Но поспѣши, добрый пастырь, принять мою исповѣдь; она уходитъ, тяжкая жизнь моя; ты ее знаешь, какъ постоянный мой духовникъ, ты вѣдаешь всѣ грѣхи мои, кромѣ одного.... Я скрылъ его, потому что не имѣлъ силъ исповѣдать страшную тайну. Богъ наказалъ меня и утѣшилъ. Я чувствую теперь столько душевной твердости, что могу открыть тебѣ бѣдную мою душу.... Постой, дай отдохнуть....

Больной привсталъ и устремивъ тусклый взоръ на крестъ наперстный, висѣвшій на груди отца Исидора, безмолвно и долго молился; наконецъ укрѣпясь молитвой, онъ началъ свою исповѣдь. Слѣдователи напрасно подслушивали; дверь была плотно заперта; устали подслушивать и занялись бесѣдой....

— Что, Мальшаковъ, сказалъ Чипсъ: кто бы могъ подумать?

— Да, чудеса! и церкви, и богадѣльни строилъ, а выходитъ что богатство — можемъ нажить. Если ему удалось зарѣзать такихъ Свѣалдышевыхъ двухъ трехъ; такъ и довольно; миллиончикъ въ карманѣ.

— Какъ хотите, а все какъ-то жаль; для общегитія, для города, для семьи, друзей — истинная потеря...

— Татьяну Семеновну мнѣ вовсе не жаль. Какую прекрасную партію могла сдѣлать, а можно сказать насильно вышла за мужъ за разбойника.

— Да, пріятно будетъ теперь видѣть, какъ Серезу будутъ называть на площади...

— Да и она-то что? каторжница!... Что это значить...

Въ секретной раздался звонкій, торжественный голосъ отца Исидора; онъ читалъ отходную...

— Умеръ? въ недоумѣніи спросилъ Чипсъ.

— Неужели умеръ? повторилъ Мальшаковъ:

— Отыде съ миромъ, какъ очищенный святою церковью праведникъ, сказалъ Исвдоръ входя въ комнату и отирая невольную слезу...

— И такъ дѣло Сѣвалдышева покончено...

— Начинается! перебилъ священникъ. Объявляю вамъ, что въ смерти этого человека Сергій Аеонасычъ неповиненъ. Ищите убійцу.

— Вотъ тебѣ разъ! сказалъ Чипсъ, когда ушелъ священникъ.

— А, что Антонъ Антонычъ, на мое вышло. Нѣтъ, у меня глазокъ наметался, сразу видѣлъ что не онъ.

— Да отчего же онъ такъ этого ножа испугался?...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, отчего же онъ ножа испугался?

Х.

Полочка сядѣлъ спокойно у Ивана Ивановича за преферансомъ, ткнулъ дамскіи пуншикъ, какъ онъ называлъ свое оранжевое питье и любезничалъ съ Анной Федотовной; гостей было не много, играли всего на двухъ столахъ; но часу въ девятомъ набѣжало откуда ни возьмись много гостей; вошли они почти виѣстѣ; почти виѣстѣ они рассказывали:]

— Слышали?

— Удивительное происшествіе!

— Кто бы могъ подумать, что Лысаковъ....

— Вы не повѣрите, Лысаковъ зарѣзалъ Сѣвалдышева.

— Зарѣзалъ подъ мостомъ....

Полочка бросилъ карты и вскочилъ.

— Что за шутки, господа! сказалъ онъ: хорошъ вы рассказы-ваете такую неаѣность.

— Хороши шутки! я встрѣтилъ Лысакова, когда его вели въ полицію.

— А я видѣлъ какъ полицмейстеръ былъ у губернатора и рапортовалъ. Его превосходительство тотчасъ послалъ Чипса на слѣдствіе....

— А я ужъ ихъ всѣхъ видѣлъ на рѣчкѣ. Съ фонарями, кругомъ толпа народу; я сбѣгалъ справиться въ полицію; что Лысаковъ? Сидитъ въ секретной.

— А что жъ? сказалъ Полочка: статья можетъ въ городѣ и есть какой однофамилецъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй! Я самъ видѣлъ; я ему еще здрацтвуй сказалъ. Не опознаюсь. Довольно я ему денегъ переплатилъ за разный товаръ. Знаю и говорю навѣрное....

Полочка исчезъ. Дома онъ узналъ только, что Татьяна Семеновна опасно больна; какъ это случилось, никто ничего не знаетъ, потому что дома была только одна Палашка; что хозяинъ самъ поѣхалъ за докторомъ; что Христіанъ Христіанычъ былъ, но хозяинъ не возвращался, потому, потому.... и люди стали змннать-ся. Христіанъ Христіанычъ, сказалъ одинъ приказчикъ, не приказалъ объ этомъ говорить барывѣ....

— Да объ чемъ объ этомъ....

— Извѣстно о чемъ! Да этого быть не можетъ! откроется....

— Непремѣнно откроется! Только вотъ что, надо чтобы дѣти тоже пока не знали....

Ихъ Палашка давно во флигель упрятала; Дома при нихъ, а Дома мы тоже ничего не сказали.

— Умно, очень хорошо!...

— Леонтій Степанычъ, сказалъ дворникъ тихо, входя въ прихожую.

— Что тамъ?

— Полицмейстеръ спрашиваетъ.

— Гдѣ онъ?

Объяснясь съ полицмейстеромъ, Полочка воротился въ комнаты, сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія, и отправился къ больной.

Она металась въ сильной горячкѣ; бредила, но ничего нельзя было понять изъ словъ ея. Будучи годовымъ врачомъ въ домѣ

Лысакова, Штырхъ дѣйствовалъ рѣшительно; и можетъ-быть благодаря этой рѣшительности, недугъ уступилъ колоссальнымъ мѣрамъ Христіана Христіановича, и около полуночи она пріутихла и заснула довольно спокойно. Тогда Полочка поспѣшилъ въ полицію, чтобы узнать что-нибудь о несчастномъ другѣ. Весь домъ полицмейстера былъ освѣщенъ; у воротъ, на тротуарѣ толпа любопытныхъ разгуливала будто на иллюминаціи; но на дворъ никого не пускали. Полочка столько же узналъ тутъ новаго, сколько и вся эта толпа. Онъ уже хотѣлъ идти домой, какъ вдругъ на городскихъ часахъ загудѣлъ колоколъ; пробило полночь; Полочка замѣтилъ что изъ воротъ кто-то выѣзжаетъ на дрожкахъ.

— Батюшка! вскрикнулъ Полочка, увидавъ отца Исидора....

— Это вы? Васъ то мнѣ и нужно. Садитесь со мной?

— Ради Бога, не мучьте меня, сиди на дрожкахъ уже спрашивалъ Полочка: что Сергѣй мой, неужели могли повѣрить?...

— Дома, дома!

Пріѣхали къ священнику; заперлись въ особой комнатѣ.

— Сжальтесь надо мной, сказалъ Полочка: я будто на угольяхъ стою; говорите!

— Читайте! Это письмо къ вамъ; оно написано, какъ вы увидите, недавно; въ немъ вся разгадка; но прежде дайте мнѣ слово, что вы никому не расскажете содержания!

— Честное слово!

— Читайте!

Полочка развернулъ свитокъ тонкой почтовой бумаги, искусно заклеенный съ надписью: «Въ собственныя руки только одному Леониду Степанычу Полочкѣ.»

«Леонидъ! Ты видѣлъ меня вчера въ ужасѣ. Я искалъ все-ля; нѣтъ, я обманулъ жену и тебя; я искалъ ножа, что купилъ я въ роковую ярмарку; онъ былъ мнѣ дорогъ, страшень; въ немъ видѣлъ я сѣкиру, висящую надъ моею головою; пока онъ висѣлъ въ моей оружейной, прикрытый древнимъ щитомъ, я былъ спокоенъ. Онъ пропалъ и я понялъ, что онъ пропалъ на мою погибель. Это предчувствіе едва ли меня обманетъ. Я десятый годъ ожидаю казни.... десятый исходитъ....»

«Я уѣхалъ въ Зипуновку. Любовь къ Тавѣ доводила меня до сумасшествія; я прогналъ Карпа; онъ надоѣлъ мнѣ; я уходилъ въ поле, покрытое рыхлымъ снѣгомъ; я шатался изъ лѣска въ лѣсокъ какъ полоумный; на мнѣ висѣла походная фляга съ ромомъ и роковой ножъ.»

«Смерклось. Я озабь.... осушилъ флягу до послѣдней капли; мнѣ стало тепло, но голова кружилась; я хотѣлъ идти домой; оставалось пройти лѣсокъ. Стой! ни съ мѣста! кричитъ кто-то. Гляжу—Лычкинъ. Посынались страшныя ругательства; я закричалъ; въ рукахъ его поднялась на меня рогатина приготовленная на медвѣдя; я обезпамяталъ; рука, безъ воли разума моего, выдержала ножъ; Лычкинъ застоналъ; рука также судорожно выдержала ножъ изъ груди его и сиротала въ ножны: Лычкинъ лежалъ мертвый. Я ушелъ....

«Отъ тебя узналъ я, что мое невольное убійство прикрылъ и покрылъ собой медвѣдь.... Но ни что не покроетъ голоса совѣсти. Я не долженъ былъ жениться на дочери, не долженъ былъ дотрогиваться до богатствъ, мною убитого.... Вчера пропалъ ножъ, и муки тайныя не оставлявшія меня десять лѣтъ, стали нестерпимы; мнѣ кажется, что я близокъ къ страшному недугу или другому окончательному несчастію. Завѣщаніе готово, но тамъ ни слова о моей тайнѣ. Не убей жены моей ужаснымъ открытіемъ. Она проститъ мнѣ, когда увидится на томъ свѣтѣ. Если доживу до Страстной, ты этого письма не получишь. Я сложу мой грѣхъ въ сердце моего духовника, учителя, отца Исидора. Я написалъ тебѣ это письмо, потому что боюсь за слѣдующую минуту. Что-то страшное такъ и ходитъ кругомъ меня.... Не продай, не погуби памяти о твоёмъ другѣ Сергѣѣ....»

Полочка прочелъ, отеръ слезы и спросилъ священника съ чувствомъ:

— Батюшка, батюшка! Вы знаете, что тутъ написано....

— Знаю! На предсмертной исповѣди, онъ открылъ все; я самъ, по его глаголу, снялъ съ груди его письмо, и исполнилъ исполнить послѣднюю волю покойнаго....

— Онъ умеръ....

— Заснулъ сномъ свѣчнымъ, тихо, покойно, слагая мертвыми устами хвалебную пѣснь Господу.... Леонидъ Степанычъ! Не предавайся неушѣренной горести! Будь мужемъ твердымъ; теперь все зависитъ отъ твоей твердости и благоразумія....

— Господи, помилуй и укрѣпи мой бѣдный разумъ! Чтѣ намъ теперь дѣлать?

— Начнемъ съ начала; поѣдемъ къ губернатору....

Весьма трудно рассказывать конецъ событія, которое уже давно кончилось. По обстоятельствамъ это однако же необходимо.. Мы постараемся соблюсти возможную краткость.

Съ разрѣшенія почтеннаго и добраго начальника губерніи, чѣло Сергѣя Аеоансыча въ ту же ночь было перенесено въ особаѣй флигель его дома; кабинетъ и клавиовыя опечатацы, но до жилыхъ комнатъ не прикасались, чтобы не потревожить большую, которой сначала сказали, что по неожиданному извѣщенію изъ Зипуновки, Лысаковъ, убѣдился что опасность болѣзни Таня имповалась, поскакалъ въ старыѣй посадь свой; Полочка недѣль двѣ получалъ отъ него письма; читалъ ихъ Танѣ, наконецъ получилъ увѣдомленіе, будто Лысаковъ занемогъ; недугъ услалился. Приветовивъ Таню къ роковому извѣстію, Полочка призвалъ на помощь отца Исидора... Усердіе и неподдѣльное краснорѣчіе и духовное и свѣтское этихъ достойныхъ людей вывели полный успѣхъ. Таня много плакала, долго молилась надъ могилой мужа, но перевесила потерю свою съ большою твердостью и христіанскимъ смиреніемъ. Много помогло ей и то, что Карпъ явился въ судъ; объявилъ, что желалъ участвовать въ охотѣ на медвѣдя, зятѣвной Иваномъ Ивановичемъ, онъ ночью во время пересматриву оружейной племянника узналъ и похитилъ азіатскій ножъ. Поразилъ медвѣдя близъ города, онъ такъ былъ доволенъ поденгомъ что и забылъ про ножъ. Чтобы отвезти медвѣдя къ Ивану Ивановичу, послали въ городъ за извозчикомъ, который и доставилъ звѣря по назначенію, но въ немъ ножа уже не было. Полагали, что выпалъ дорогой. Открыли извозника, открыли въ немъ и убійцу Сввальдышева. Онъ сознался, что утаилъ ножъ, а къ убійству увлекъ его разговоръ двухъ господъ, которые, возвращаясь съ Лычкиной мызы, между собою толковали будто Сввальдышевъ все свои деньги носитъ съ собой... Все такимъ образомъ объяснилось и все были совершенно довольны этимъ объясненіемъ. Нѣтъ такой яркой картины, которая бы не пожукла отъ времени. Нѣтъ такихъ воспоминаній, которыя бы не потускли. Свать, опекувъ, душеприващникъ, другъ и воспитатель дѣтей Серѣжи, года черезъ полтора послѣ роноваго девятаго марта, пришелъ къ Татьянѣ Семеновнѣ съ докладомъ о разныхъ дѣлахъ. Замѣтно было, что онъ чѣмъ-то крайне недоволенъ; отдавъ отчетъ во всемъ, онъ заключилъ такъ:

— Два раза былъ я вашимъ повѣреннымъ и оба раза не совсѣмъ удачно. Первый разъ я долженъ былъ уступить мѣсто другому; теперь придется сдѣлать тоже.

— Что это значитъ?

— Много значитъ! Мнѣ теперь сорокъ-семь лѣтъ! Возрастъ

зрѣлый. Теперь я могу смѣло ѣхать за границу не опасаясь ни какихъ соблазновъ. Здоровье мое вполне удовлетворительно, такъ, что я смѣло могу пуститься даже подъ экваторъ.... Словомъ, я хочу, я долженъ ѣхать, и пришелъ къ вамъ проситься въ отпускъ.

— Не то, не то, Леонидъ Степанычъ! Я знаю что васъ такъ сильно растревожило.... Вечеръ у Анны Ѳедотовны.... Не правда ли?

— Такъ вы все знаете? Впрочемъ, они говорятъ нѣкоторымъ образомъ правду. Вамъ теперь цѣтъ еще сполна тридцати-пяти лѣтъ; а по лицу и тридцати ни кто не дастъ; вы здоровы, прекрасны, богаты; могли бы пользоваться всѣми удовольствіями свѣта, а между-тѣмъ сидите дома, никого къ себѣ не принимаете. Полочка, да Полочка, да старая Кузминишна, овдовѣлая купчиха для преферанса и приличія. Нѣтъ, полно. О, конечно мнѣ жаль разстаться съ такою чудесной жизнью; вы, ваши дѣти, ваше благосостояніе, вотъ до нынѣ была цѣль моей жизни.... Но.... *consumatum est*. Меня задѣли за живое.... Я не хочу; я не могу.... Ёду за границу.... Пожалуй, я не побѣду, но только дайте слово, что вы станете выѣзжать....

— На прогулку, извольте, но не больше, и то съ вами....

— По-крайней мѣрѣ станете принимать у себя; я устрою вечера, заведу пѣвіе, танцы; приглашу все, что ни есть лучшаго въ городѣ; авось кто и приглянется; вы выберете себѣ друга по сердцу....

— Да развѣ это такъ необходимо нужно?

— Необходимо, непременно; я этого хочу, требую....

— Такъ извольте, если такъ, я уже избрала....

Полочка испугался.

— Кого же, смутясь спросилъ онъ....

— Того, кто двѣнадцать лѣтъ былъ постояннымъ другомъ мнѣ и вторымъ отцемъ моимъ дѣтямъ....

— Кого же это? покраснѣвъ какъ ракъ и съ трудомъ скрывая слезы спросилъ Полочка....

— О, какъ вы не догадливы!... васъ, Леонидъ Степанычъ!...

— Обижать! Меня обижать! Смѣяться надъ старикомъ! За что это Татьяна Семеновна, за что?...

— Зато что вы вполне достойны моей признательности, благодарности, уваженія.... буду откровенна.... любви искренней, къ какой еще способна баба моихъ лѣтъ.... я буду выѣзжать, буду у себя гостей принимать, но когда буду за-мужемъ за Леонидомъ Степанычемъ....

— Полочкой!

— Да! Это мое послѣднее слово.

Полочка подскочилъ, сдѣлалъ пируэтъ и упалъ на колѣни.

Полочка ложился спать. Прохоръ снималъ сапоги.

— А что, Прохоръ, говорилъ я тебѣ дураку, помнишь, что ж у меня будетъ своя Татьяна Семеновна. Вотъ и будетъ!

— Хуже будетъ! проворчалъ Прохоръ, но на этотъ разъ ошибся. Дальше рассказывать не могу. Исторія прошедшая дѣлается современною.... Значитъ, вы спросите, они всѣ живы, сыновья торгуютъ, дочери замужемъ?...

— Извините, не могу! нельзя! — и кончено.

1840 г.

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

ПОЛТАВСКІЕ ВЕЧЕРА.

=

ВЕЧЕРЬ ВТОРОЙ.

=

— Ну, теперь за вами очередь, сказалъ хозяинъ другому по-
мѣщику, который былъ съ виду постарше и поплотнѣе перваго
рассказчика.

— Съ удовольствіемъ; только извините, и я затрону старину.

— Согласны, согласны! сказали прочіе гости.

— И весьма, замѣтилъ отставной чиновникъ: въ наше время
бывали сильно интересные казусы.

Всѣ сдвинулись вокругъ рассказчика; онъ, по обыкновенію,
присаплся, кашлянулъ и началъ:

I.

— Въ моемъ разсказѣ особенно такъ-называемаго казуса нѣтъ,
а просто одинъ случай....

— Случившійся? спросилъ чиновникъ.

— Пожалуй хоть и случившійся, въ городѣ Бурянахъ. Я ду-
маю, вы всѣ знаете Буряны?

— Какъ не знать! кто не бывалъ тамъ на ярмаркѣ!...

— Давно, еще когда былъ живъ мой батюшка, продолжалъ
рассказчикъ: а я учился въ.... лицѣѣ, мнѣ очень хотѣлось побы-
вать въ Бурянахъ; я воображалъ этотъ городъ какимъ-то Эльдо-
радо, такъ много окрестные помѣщики наговорили о его ярма-
рочномъ богатствѣ и веселостяхъ. И вотъ во время каникулъ
однажды мнѣ удалось побывать съ отцомъ на этой ярмаркѣ. Съ

большой дороги за нѣсколько верстъ видны были Бурвяны: на крутой горѣ очень красиво бѣлѣлъ городъ, окаймленный зелеными садами; между домами возвышались куполы церквей и колоколенъ и рядомъ съ ними почти въ уровень выселись пирамидальные тополи. День былъ ясный, жаркій, іюльскій, но надъ городомъ висѣлъ какой-то туманъ въ родѣ темной тучи.... Наконецъ, переѣхавъ мостъ, мы поднялись на крутую гору и очутились въ центрѣ тумана, грозившаго намъ издалека: это была страшная пыль, поднимаемая съ немощныхъ улицъ тысячею колесъ разнovidныхъ экипажей, начиная отъ кареты, запряженной шестерней дорогихъ коней, до скрипучей арбы Татарина, влекомой двумя верблюдами. И въ этой страшной тучѣ пыли по всѣмъ улицамъ тянутся обозы, скачутъ лошади, спѣшаютъ пѣшеходы; кругомъ крикъ, визгъ, рычанье, мычанье, разноязычный говоръ, а въ дополненіе цѣлые рои надоѣдливыхъ мухъ; эти насѣкомыя нагло облѣпляли экипажъ, лѣзли въ глаза, въ уши....

— Ваша правда, сказалъ молодой помѣщикъ: Бурвяны особенно во время ярмарки отличаются изобиліемъ мухъ.

— Много собирается народу, прибавилъ чиновникъ: народъ много истребляетъ съѣстныхъ припасовъ, болѣе или менѣе на открытомъ воздухѣ, а воздухъ въ іюлѣ и хорошая пища располагаютъ мухъ къ размноженію....

— Можетъ быть и такъ, а всё-таки мнѣ кажется насѣкомыя особенно жалуютъ Бурвяны; стоитъ только пройти по лавкамъ, гдѣ Греки продаютъ кишмишъ, шепталу, финики и другія сладости, и полюбоваться на тучи осъ летающихъ надъ ящиками со сладостями. Я никогда не забуду страдальческой, испуганной рожи, какую состроила одна чопорная дама въ лавкѣ Грека, когда захотѣла полакомиться винными ягодами и тайно запустила въ ящикъ руку, а изъ ящика выдернула ее довольно явно съ крикомъ и воплемъ, облѣпленную злыми осами.

— Вашъ случай хорошъ, замѣтилъ чиновникъ, но онъ, если не ошибаюсь, ни мало не разъясняетъ вотъ ихъ дѣло насчетъ случившагося случая.

— Ваша правда, отвѣчалъ рассказчикъ: здѣсь дѣло не о насѣкомыхъ; впрочемъ, я и самъ виноватъ, слишкомъ подробно описываю Бурвяны, между тѣмъ какъ вы сами ихъ знаете лучше меня, знаете ихъ тревожную жизнь во время ярмарки, съ блестящими поѣздами вдоль улицъ волтижеровъ и увѣчныхъ комедіантовъ, украшенныхъ мишурою и перьями; знаете загородныя скачки верхами и на тройкахъ, цыганскіе вечера, театры и

другія шумныя и буйныя веселости, гдѣ человѣкъ култы, ишь говорится на распашку, и вѣрно удивитесь, когда я скажу, что меня болѣе всего въ Бурвянахъ занялъ, болѣе всего поразилъ мое воображеніе одинъ очень сарматскій, тихій старичокъ, самый широкій житель бурныхъ Бурвиновъ.

Я на него глядѣлъ какъ на образчикъ, медаль прошлаго вѣка, какъ на антикъ, который случайно сохранился въ первоначальной своей свѣжести гдѣ-нибудь подъ землею, хотя бы наприимѣръ въ Помпей. Много уже прошло времени со дня нашей встрѣчи, но я, какъ сегодня помню, этого сѣдаго, лысаго человѣчка, немного сутуловатаго, вѣроятно отъ старости, но веселаго, живаго, съ довольно свѣжей и даже румяной фязіономіей; онъ всегда былъ одѣтъ въ мундиръ престраннаго покроя, очень мѣшиноватый, съ красными отлогими воротникомъ, обшитый золотымъ позументомъ и такими же отворотами и обшлагами. За обшлагами у него постоянно было спрятано нѣсколько зубочистокъ, ошлетенныхъ бисеромъ; очень длинный жилетъ лимоннаго цвѣту, украшенный на груди пучкомъ бѣлыхъ мажеть, былъ перенрещенъ двумя бисерными голубыми шнурками; справа и слева изъ жилетныхъ кармановъ выпускались толстыя золотыя цѣпочки отъ часовъ, отягченныя множествомъ печатей изъ сердолика, халцедона, яшмы и другихъ не очень дорогихъ камней; къ довершенію наряда мой старичекъ носилъ полусапожки съ желтыми отворотами, закрывавшіе его ноги до полъшары, ну, точно такіе въ какихъ-то прохаживаются по театральнйоу сценѣ испанскіе гранды.

— Кто бы это былъ такой?... началъ молодой помѣщикъ: я, кажется, всѣхъ знавалъ въ Бурвянахъ.

— Этотъ человѣкъ уже давно умеръ; врядъ-ли вы его знаете, отвѣчалъ рассказчикъ: впрочемъ онъ не секретъ, его фамилія — Джибжій.

— Спаси насъ Господи и помилуй! Какое калмыцкое прозвище, сказалъ отставной чиновникъ.

— Онъ былъ не Калмыкъ, какъ мнѣ говорили, а какой-то выходець изъ Греціи; но такъ обжился между Русскими, что рѣшительно узнать нельзя, какой онъ былъ націи.

— Это бываетъ, замѣтилъ молодой помѣщикъ: не далеко сказать, у мена, весной, въ прошломъ году принесли мнѣ молодую дикую утку; я приказалъ ее пустить между свойскихъ, и къ осени она такъ освоилась, что узнать было трудно.

— Ваше замѣчаніе не безъ основанія, сказалъ чиновникъ, но

сдѣлайте одолженіе, не перебивайте вотъ ихъ.... А они будутъ продолжать. Не правда-ли?

— Согласенъ, отвѣчалъ рассказчикъ. На другой день по приѣздѣ въ Бурвяны, мой отецъ сказалъ мнѣ, что мы поѣдемъ обѣдать къ его старому знакомому маіору Джибжію, что онъ дескать человѣкъ не глупый, хоть немного оригиналъ и обѣдаетъ ровно въ двѣнадцать часовъ дня. Въ одиннадцать часовъ мы подъѣхали къ чистенькому одноэтажному дому, выстроенному на крутой горѣ, и вошли въ комнаты.

— А! слыхомъ слышать!.... по волѣ или по неволѣ? кричалъ старикъ Джибжіи, обвиняя моего отца. А это что за малый? ужъ не сынишка-ли?....

— Это мой сынъ, отвѣчалъ батюшка.

— Очень радъ.... только извините.... этой гадости я терпѣть не могу.... для меня лучше разбойника пустить въ комнату, отъявленнаго вора или картежника, ихъ знаешь и будешь беречься.... а это зелье.... пренесносное!...

И старикъ, схвативъ палку, на концѣ которой былъ привязанъ круглый кусокъ кожи величиной въ ладонь, быстро бѣгалъ изъ угла въ уголокъ по комнатѣ, преслѣдуя муху, вѣроятно залетѣвшую въ комнаты при нашемъ приходѣ.

— Извините меня, молодой человѣкъ, сказалъ Джибжіи, когда убилъ муху и отдалъ ее на съѣденіе дрозду, сидѣвшему тутъ же въ углу въ большой кѣткѣ: извините меня, я человѣкъ пожилой и нахожу, что мнѣ маскироваться прошла пора, да и рѣшительно не для чего; я смерть не люблю противныхъ мухъ и у меня въ домѣ, благодаря моему неусыпному старанію, вы можете скушать кусокъ хлѣба безъ участія этихъ насѣкомыхъ, можете уснуть спокойно и никто не нарушитъ вашего сна, хотя Бурвяны могутъ назваться нарочито мушнымъ городомъ. Видите, у меня всѣ окна затянута кисеей, воздухъ въ комнатахъ свѣжій, могу сказать благонастроенный, а муха ни одна не влетитъ со двора; если же залетитъ случайно, ей нѣтъ пощады, я вооруженъ, видите?

Тутъ Джибжіи показалъ мнѣ во всѣхъ углахъ стоявшіе хлопущки, то есть, палки разной длины отъ полуаршина до сажени; на концѣ каждой былъ прикрѣпленъ лоскутъ кожи. Осмотрѣвъ странные инструменты составлявшіе повидному гордость хозяина, я въ душѣ простилъ ему первое впечатлѣніе произведенное на меня его приемомъ, и мы перешли въ гостиную, гдѣ уже было человѣка три гостей. Здѣсь я сдѣлаю маленькое отступленіе.

Первая комната куда мы вошли, и гдѣ такъ усердно хозяинъ охотился за мухой, была въ буквальномъ смыслѣ увѣтана часами: на каминѣ часы, на столахъ часы, на стѣнахъ, въ прѣстѣнкахъ, надъ окнами дома, надъ дверью; вездѣ стояли и висѣли часы всѣхъ возможныхъ видовъ: то въ родѣ вѣтренной мельницы, то въ родѣ башни, то въ родѣ гвѣзда на деревѣ и тому подобныя; нѣкоторые были, нѣкоторые играли арин, нѣкоторые пѣли пѣтухомъ, кукушкой и прочая.... а вообще шумъ отъ ихъ маятниковъ былъ очень похожъ на шелестъ многого множества какихъ-то жесткокрылыхъ насекомыхъ.

Мы перешли изъ этой комнаты, какъ я уже сказалъ, въ гостиную; здѣсь уже не было часовъ и по стѣнамъ красовались картины, нѣкоторыя за стекломъ въ золотыхъ рамахъ довольно извѣстныя всѣмъ посѣщавшимъ когда-нибудь почтовые станціи: тутъ были въ лицахъ повѣсть о красномъ носѣ и большомъ морозѣ, сказаніе о Савоськѣ и Парамошкѣ, нѣкоторыя продѣлки семки и масляницы и тому подобныя остроумныя произведенія суздальской живописи; но главную красоту составляли картины, должно полагать мѣстной бурвянской школы, писанныя на холстѣ масляными красками; онѣ отличались довольно грубою кистью, яркимъ колоритомъ, невѣрнымъ рисункомъ и отсутствіемъ всякой перспективы. На одной изъ нихъ былъ намалеванъ огромный дубъ ярко зеленаго цвѣту; къ самой вершинѣ дуба привязанъ поводомъ казацкій конь, стоящій впрочемъ на землѣ рядомъ съ дубомъ; подъ деревомъ сидитъ козакъ запорожець въ красномъ платьѣ; онъ скрестилъ ноги и задумчиво глядитъ на свои руки. Подъ картиной надпись:

Козакъ душа правдивая
Сорочки не має;
Коли не пье, що небудь бье,
А все не гуляє!...

На другой картинѣ была представлена рѣка свѣтло-голубаго цвѣту; за рѣкой виднѣнъ сѣнной покосъ на зеленомъ лугу; на берегу рѣки на первомъ планѣ стоитъ козакъ, оборотясь къ рѣчкѣ. Онъ отчаянно раскрылъ свой усатый ротъ, изъ котораго вылетаютъ слова: *скошено!* По волнамъ рѣки какъ рыбки плаваютъ слова: *стрижено!* *стрижено!* и между ними изъ глубины воды торчатъ кисть чьей-то руки съ пальцами, сложенными въ родѣ жожницъ. Подъ картиною написана цѣлая легенда въ стихахъ, объясняющая картину. Стиховъ я не помню, а легенда состояла

вотъ въ томъ: ѣхалъ козакъ съ женою на берегу бласстрой рѣки, а за рѣкой видѣть было скосено. Посмотря, иная жена, она заля козакъ, какъ хорошо сѣно скошено, словно про траву выстригъ подъ корень пожнищамъ.

— Нечему удивляться, отвѣчала жена, когда это сѣно скошено, а стрижено.

— Развѣ я дуракъ, закричалъ козакъ; гдѣ насѣтъ стригуты сѣно?

И началъ ругаться. Жена заплакала, жаловалась на свою судьбу, но увѣряла, что сѣно стрижено. Тутъ завязался между супругами рукопашный бой, и козакъ побѣдивъ свою прекрасную половинку, говорилъ ей: Ну, вотъ, видишь, до чего ты довела себя споромъ; на тебѣ лица нѣтъ! Сознайся, что поле скошено, и поѣдемъ домой, и пообѣдаемъ хорошенько, и заживемъ по-старому!...

— Хоть убей меня, отвѣчала жена, а поле стрижено.

Тогда козакъ взялъ жену въ охапку, поднесъ къ рѣкѣ и спросилъ: Говори въ послѣдній разъ, скошено или стрижено? нѣто я тебя брошу въ воду.

— Стрижено!... простонала жена, и козакъ бросилъ ее въ воду.

— Ну, что, скошено? спрашивалъ мужъ.

— Стрижено, стрижено!... отвѣчала утопающая жена.

Наконецъ, она опустилась на дно.

— Скошено? спросилъ мужъ.

Жена не могла отвѣчать, но подняла изъ воды руку, сложила пальцы въ видѣ ножницъ и начала ими стричь по воздуху. Козакъ махнулъ рукой и поѣхалъ домой одинъ.

Въ этомъ родѣ было очень много картинъ; но я не стану исчислять ихъ; вы сами вѣрно съ ними знакомы.

Въ гостиной мы нашли кромѣ картинъ, человѣкъ трехъ четырехъ гостей. Скоро разговоръ завязался. Старичекъ хозяинъ очень искусно вмѣшивался, не перебивая чужихъ рѣчей, но невольно заставляя себя слушать. По всему видно было, что онъ много видѣлъ на вѣку и обладая превосходною памятью и пріятнымъ даромъ слова, былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ. Разговаривая, онъ очень часто пилъ холодную воду, стоявшую тутъ же на столѣ въ большомъ графеномъ графинѣ, что впрочемъ не удивительно: погода была жаркая, термометръ реомюра показывалъ въ тѣни двадцать-осемь градусовъ.

Хозяинъ рассказывалъ какое-то занимательное примеченіе.

немъ путешествовалъ по Россіи Императрицы, Елизаветы-Второй; вдругъ взглянулъ на часы и не кончая даже фразы началъ заводить ихъ. Въ это время въ соседней комнатѣ уставленной часами поднялся страшный шумъ, звонъ, крикъ: всѣ часы начали бить по-своему и завѣщать хозяина что уже двѣнадцать часовъ. Хозяинъ на рыскахъ бросился къ часамъ и началъ ихъ быстро заводить одинъ за другимъ; въ нѣсколько минутъ онъ окончилъ свою операцію и вернулся въ гостиную, утирая лобъ синенькимъ вѣтчатымъ платкомъ.

— Извините, господа, говорилъ онъ: порядокъ дѣло важное; мои часы тѣмъ только и держатся, что я завожу ихъ акуратно; какъ двѣнадцать, хоть домъ горитъ, а я ихъ заведу. Эй, мальчикъ, обѣдать!

— Готово, отвѣчалъ мальчикъ.

— Долой воду!

Мальчикъ схватилъ подносъ съ графинами и стаканами и быстро вынесъ его будто какую отраву, заражающую воздухъ.

— Теперь прошу обѣдать!...

За столомъ подавали много блюдъ довольно жирныхъ и приправленныхъ до нельзя перцомъ и разными пряностями; все возбуждало жажду, а воды не было ни капли на столѣ; въ бутылкахъ стояли мадера, портвейнъ и другія крѣпкія вина, а послабѣе въ графинахъ. Я было занкнулся попросить воды; но хозяинъ отказалъ на-отрѣзъ, прибавя, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять, и я волей неволей первый разъ въ жизни долженъ былъ обѣдать безъ воды.

— И кажется, что это не дурно? спросилъ чиновникъ.

— Ничего, отвѣчалъ рассказчикъ: ко всему можно привыкнуть; а Джибжій, какъ мнѣ говорили, двадцать лѣтъ уже такъ жаль: до двѣнадцати пилъ воду, въ двѣнадцать изгонялъ ее и пилъ чистое вино до чаю; послѣ чаю опять являлась вода и хозяинъ вина не брагъ въ ротъ до обѣда...

Послѣ обѣда подали черный кофе въ очень малевькихъ чашечкахъ. Еще поговорили съ полчаса, потомъ хозяинъ всталъ и, всѣмъ кланяясь, объявилъ, что идетъ спать. Гости очень вѣжливо взяли за шляпы и разошлись. Такая безцеремонность хозяина сильно меня поразила, и еще болѣе поразила меня, что ни одинъ изъ гостей этимъ не обидѣлся, тогда какъ обидчивость сильно свирѣпствовала во время оно въ Бурьянахъ и его окрестностяхъ, когда тамъ два задушевныхъ друга едѣлались смер

тельными врагами зато, что одинъ не сказалъ другому: *железно здравствовать* въ то время какъ тотъ чихнулъ.

— Что, Джибжіи военный человекъ? спросилъ я моего отца когда мы вышли на улицу.

— Отставной майоръ и больше ничего, отвѣчалъ батюшка.

— Такъ онъ очень богатъ?

— Имѣеть домъ, въ которомъ живеть, и только.

— Такъ онъ получаетъ огромный пансіонъ?

— И этого нельзя сказать. Джибжіи не раненъ, да и вышелъ давно въ отставку, когда пансіоны были очень малы; впрочемъ, онъ получаетъ въ годъ рублей полтора ста ассигнаціями.

— Довольно странно!.... изъ чего же онъ такъ прихотничаетъ и изъ какихъ видовъ Бурвяновцы такъ свисходительно смотрять на его причуды?....

— Джибжіи живеть здѣсь уже очень давно, не мѣшается въ чужіе дѣла, никогда ни у кого ничего не просить, рѣдко наскучаетъ Бурвяновцамъ своими посѣщеніями, а самъ очень часто ихъ угощаетъ вкусными обѣдами, понтъ хорошимъ виномъ, тѣшитъ анекдотами и разказами про старину, и Бурвяновцы очень разсудительно смотрять на его причуды и странности.

— Это все понятно; но какъ же, будучи бѣднымъ человекомъ, изъ какихъ доходовъ Джибжіи такъ хорошо живеть?...

— Объ этомъ здѣсь никто не заботится. Впрочемъ, у Джибжіи есть подъ городомъ табачная плантація, приносящая ему цѣлковыхъ сотню въ годъ доходу; еще говорятъ, онъ ведеть какую-то торговлю пухомъ, да эта торговля кажется мнѣ часто баснословною и врядъ-ли не я одинъ знаю истинную причину его богатства.

— И можете разсказать?

— Пожалуй. Давно, какъ только я вышелъ изъ полка въ отставку, я, будучи по дѣламъ въ Бурвянахъ, познакомился съ Джибжіемъ. Онъ тогда былъ въ Бурвянахъ человекъ новый, недавно вышелъ въ отставку и купилъ себѣ домикъ, въ которомъ и теперь живеть; домикъ былъ ветхій, запущенный; дворъ и огородъ поросли крапивой, не было ни воротъ, ни забора.... и при всемъ этомъ Джибжіи не могъ заплатить сразу за домъ самую бездѣлицу, на половину далъ вексель и поселился въ развалинахъ. Тогда Джибжіи былъ вовсе не таковъ и очень былъ похожъ на хитраго пролаза, вездѣ бывалъ, всѣмъ кланялся, всѣмъ услуживалъ и говорилъ, что, чувствуя призваніе къ письменному дѣлу,

дѣлать писателемъ. Писатель въ Бурьянахъ значило по литературѣ, а юристъ или облагороженное названіе ябедника.

Я только-что вышелъ изъ военной службы, и Джибжіи тоже; и не имѣлъ знакомыхъ въ Бурьянахъ, и Джибжіи не могъ похвастать своими связями: можетъ-быть по этой причинѣ мы съ нимъ, что называется, сошлись, и даже разъ въ минуту откровенности, я, замѣчая весьма не глубокаго позванія Джибжіи въ юриспруденціи, сказалъ ему объ этомъ безъ обиняковъ и сомнѣвался въ успѣхъ его будущихъ процессовъ.

— Плохо вы знаете Бурьяны, отвѣчалъ мнѣ Джибжіи, а коли хотите и все человѣчество. Мы, люди военные, идемъ по разнымъ дорогамъ, намъ скрывать нечего; я не только что плохо знаю юриспруденцію, а сибѣ могу сказать вовсе ея не знаю, да это ничего. Неужели всѣ берутся зато, что они знаютъ?... Я майоръ, бывалъ въ столицахъ, знакомъ кое съ кѣмъ изъ значительныхъ людей, притомъ ниѣю здравый смыслъ и знаю грамоту; при этой обстановкѣ, я загоняю всѣхъ бурьяновскихъ ябедниковъ.... Вѣдь вы знаете, что на свѣтѣ дураки сидятъ какъ мухи по угламъ; я крѣпко вѣрю, что на мой пай найдется еще непечатой уголь!... Стоитъ только тронуть—сами объявятся.

Однако несмотря на это, не знаю, какъ бы жилъ Джибжіи отъ своихъ писарскихъ трудовъ и былъ ли бы онъ такъ спокоенъ? Богъ вѣдаетъ.

Вскорѣ послѣ моего знакомства съ Джибжіемъ, я пилъ у него чай, вечеромъ. Это было весною. Во время чаю, пріѣхалъ шестернею въ каретѣ какой-то богатый помѣщикъ, посоветоваться во очень экстренному дѣлу, и такъ спѣшилъ, что даже не велѣлъ экипажу отъѣзжать отъ крыльца. Какъ ни торопился помѣщикъ, а все просидѣлъ съ часъ, объясняя свое дѣло, и наконецъ уѣхалъ. Мы, окончивъ чай, также вышли прогуляться, пользуясь прекраснымъ вечеромъ.

— Вотъ эти богачи всегда такъ дѣлаютъ, сказалъ Джибжіи, сходя съ крыльца: пріѣдетъ, отниметъ у человѣка время и спасибо не скажетъ, а еще надѣлаетъ безпорядковъ. Вишь какую лну вырыла лошадь передъ самымъ носомъ.

Точно, передъ крыльцомъ, гдѣ стояла карета, была выбита копытомъ ямка въ четверть аршина глубиной. Ретивыя лошади часто, стоя долго въ упряжи, отъ скуки роютъ копытами землю.

— Вишь какую пропасть вырыла проклятая, говорилъ Джибжіи, втыкая въ ямку свою камышевую трость: вѣдь сюда вся трость уйдетъ.

И точно трость, сверхъ ожиданія, легко уложилъ въ землю; видно было что тамъ подъ рыхлой землей находилась пуста-та. Мы начали кругомъ пробовать тростию землю, но вездѣ была земля крѣпка словно камень, кромѣ ямки пробитой лошадыю. Джибжій еще разъ запустилъ трость почти всю въ ямку; шутя ударилъ сверху по трости рукою и она юркнула подъ зем-лю, даже мы слышали какъ она тамъ стукнулась о что-то твер-дое. Не было ни какого сомнѣнія, что подъ землею былъ по-гребъ.

— Такъ не кладь ли здѣсь, сказалъ я хозяину: вѣдь Бурвяны долго были пограничнымъ городомъ; здѣсь часто говорятъ, жи-тели зарывали имущество при набѣгѣ непріятеля....

— Пустыка, перебилъ Джибжій.

— Но я вамъ совѣтовалъ бы раскопать землю и посмотреть хоть изъ любопытства.

Джибжій долго былъ въ раздумьи, но не могъ рѣшиться по-слать за рабочими, чтобъ достать, какъ онъ говорилъ, свою пал-ку, въ дорогой серебрянной оправѣ, съ которою, дескать, и хо-дить было весело и разставаться скучно.

Солнце уже совсѣмъ садилось, когда пришлн работники и тот-часъ же принялись раскапывать землю вкругъ ямки, куда про-валилась палка Джибжія. Снявъ верхій слой земли передъ крыль-цомъ на довольно большое пространство, увидѣли плотный кир-пичный сводъ; въ сводѣ была четырехугольная отдушнина около полуаршина въ діаметрѣ, закладенная досками и засыпанная зем-лей; доски отъ времени до того перегнили что разсыпались отъ легкаго толчка. Надъ этою самой отдушниной лошадь сдѣлала яму, въ нее и ушла палка въ серебряной оправѣ. Пока расчищали землю надъ сводомъ и отдушину, настала совершенная ночь; принесся огня; въ фонарѣ; всѣмъ было любопытно знать, что скрывалось въ погребѣ; я спросилъ лѣстницу и хотѣлъ спу-ститься въ отдушину.

— Этого я не позволю, сказалъ хозяинъ: тамъ спертый воздухъ и врядъ ли можно дышать имъ.

— Пустое!

— Нѣтъ, не пустое, развѣ не чуете какой гнилью вѣетъ изъ этой норы; лучше мы сдѣлаемъ опытъ—опустимъ туда горящую свѣчу.

Говоря это, Джибжій на снурочкѣ опустилъ въ погребъ фонарь со свѣчей, но свѣча тотчасъ же погасла.

— Ну, такъ бросимъ туда разомъ цѣлый снопъ горящей соломы или выстрѣлимъ изъ пистолета, сказалъ я.

— И эта мѣра не годится, ствѣчалъ хозяинъ: весьма можетъ быть, здѣсь хранится порохъ или что нибудь горючее, и мнѣ право не хочется на свой счетъ полетать по воздуху. А не лучше ли оставить отдушину открытою на всю ночь; къ заутрену воздухъ очистится, и мы при свѣтѣ дня спустимся отыскивать мою палку.

Предложеніе было довольно благоразумно. Заплативъ рабочимъ, Джибжіи отпустилъ ихъ домой. Я тоже побрелъ на свою квартиру, мучимый любопытствомъ.

Всю ночь не могъ я соснуть, и на другой день очень рано былъ уже у Джибжіа. Къ удивленію, я услышалъ, что онъ еще спитъ, и рѣшился разбудить его.

— Ахъ, какой вы несносный человѣкъ, говорилъ Джибжіи нехотя потягиваясь на постели: стовло ли изъ за пустяковъ тревожить мой сонъ!.... Увѣряю васъ, что тамъ ничего нѣтъ, кромѣ моей палки, да и быть не можетъ; въ Бурвянахъ и теперь нѣтъ Крезовъ, а въ старину и подавно ихъ не бывало.

Однако Джибжіи довольно лѣнливо поднялся съ постели, медленно одѣвался, спросилъ чаю и еще медленно пилъ его, говоря: торопиться нечего, пусть воздухъ очищается; если что есть тамъ, то тамъ и будетъ, не выскочить!....

Наконецъ опустили въ отдушину лѣстницу, и мы вошли въ погребъ. Это была довольно большая каменная ротонда со сводами; съ одной стороны ея была желѣзная низенькая дверь; справа и слева отъ двери темнѣли двѣ довольно просторныя и глубокія ниши; въ одной нишѣ стоялъ большой глиняный горшокъ, въ другой такихъ же два горшка; но они все были пусты. Отперли дверь — она вела въ коридоръ со сводомъ, вѣроятно прежде служившій входомъ въ погребъ изъ подъ горы. Пройдя коридоромъ шаговъ десять, мы должны были вернуться: далѣе сводъ обрушился, и мусоръ и земля завалили ходъ.

— Ну, вотъ вамъ и все сокровища, говорилъ хохоча Джибжіи: я вамъ говорилъ, что кромѣ моей палки мы ничего тутъ не найдемъ. Не правда ли?

— Правда, отвѣчалъ я, но въ душѣ не былъ согласенъ съ хозяиномъ. Я готовъ былъ держать пари на что угодно, что Джибжіи постигъ раньше меня погребъ; въ этомъ меня крѣпко увѣрили три обстоятельства: первое, неестественный, натянутый смѣхъ

хозяйина и его шутка надъ несбывшимся кладомъ, тогда какъ, судя по его характеру и состоянію, онъ не былъ врагъ звонкой монеты. Потомъ мнѣ показалось странною легкость, съ какою отворилась желѣзная дверь, запертая быть-можетъ уже вѣсколь-ко десятковъ, а чего добраго и сотъ лѣтъ. А самое главное: когда я взялъ въ руки пустой горшокъ изъ ниши, то увидѣлъ, что подъ горшкомъ во всю величину его два былъ на гладкомъ полу его ниши кружечъ гораздо блѣднѣе цвѣтомъ остальнаго темнаго пола, вѣроятно, оттого что горшокъ защищалъ тутъ карнизъ отъ вліянія сыраго воздуха. Я посмотрѣлъ въ другой нишѣ и нашелъ подъ обоями горшками такіе же свѣтлые кружки. Значить причина найдена? Отчего же рядомъ съ горшками, и въ одной и въ другой нишѣ, было по крайней мѣрѣ по десяти если не болѣе такихъ же свѣтлыхъ пятенъ? По всему было видно что здѣсь *что-то* стояло и что *кто-то* взялъ его. Во всякомъ случаѣ не мое дѣло было мѣшаться; я смолчалъ. Джибжій въ этотъ же день приказалъ задѣлать кирпичемъ отдушину, засыпалъ всеземлей по прежнему, и скоро въ городѣ Бурвянахъ забыли о старинномъ погребѣ. Только Джибжій съ этого времени началъ разживаться, какъ говорятъ, не по днямъ, а по часамъ. Онъ объявилъ всему городу, что рѣшился оставить писательство и будетъ заниматься торговлей. Накупилъ хлѣба и повезъ его куда-то на четырехъ подводахъ; а возвратясь рассказывалъ, что взялъ барыша рубль на рубль. Потомъ сваялъ на аренду огородъ, засадилъ его табакомъ; табакъ вышелъ какъ и у всѣхъ или лучше или хуже, а осенью онъ продалъ какому-то таинственному купцу втрое дороже другихъ Бурвяновцевъ. Такъ видимо сталъ богатѣть отставной маіоръ; передѣлалъ и выкрасилъ свой домикъ, обнесъ дворъ красивымъ заборомъ, сооронилъ ворота; потомъ онъ нанялъ себѣ какого-то скитальца часоваго мастера и маляра, которые и теперь живутъ у него исполняя его фантазіи; еще далѣе составилъ росписаніе какъ жить, что когда ѣсть, пить, когда спать и прочая — и живетъ теперь какъ видите.

— И вы никогда не напоминали Джибжію о кладѣ? спросилъ я отца.

— Одинъ разъ, лѣтъ десять спустя, какъ-то я глазъ на глазъ, замѣтилъ ему о кружечкѣхъ въ нишахъ. Джибжій захохоталъ и сказалъ мнѣ: «Богъ съ вами! это вамъ такъ представилось!....» и сейчасъ перемѣнилъ разговоръ. Видя, что ему это не нравится, я никогда больше не заводилъ и рѣчи о погребѣ.

— Вотъ, господа, продолжалъ рассказчикъ, обратясь къ собесѣдникамъ, вотъ какого оригинала я видѣлъ въ Бурвянахъ; Уошъ давно уже умеръ, но живъ до сихъ-поръ въ моей памяти, между тѣмъ какъ много людей, съ которыми я познакомился гораздо позже, рѣшительно забываются.

Тутъ одинъ изъ гостей замѣтилъ, что оригинальное остается долѣе въ памяти. Другой прибавилъ, что подобные оригиналы должно отнести къ допотопнымъ животнымъ, и что они теперь совершенно перевелась.

— Можетъ быть и перевелась, сказалъ старичекъ-чиновникъ; но я никакъ не считаю себя допотопнымъ человѣкомъ, а помню въ своей молодости отчаянныхъ оригиналовъ, особливо четыре брата Березы у меня изъ ума не выходятъ.

— Такъ вы знавали братьевъ Березъ? спросили разомъ гости и хозяйки.

— И очень!....

— Расскажите намъ! вѣдь преданія о нихъ до-сихъ-поръ ходятъ въ сосѣдней губерніи.

II.

Четыре брата Березы, началъ отставной чиновникъ, были люди старинной натуры, исполнены были эти четыре брата!... Душа радуется вспоминая ихъ. Самый меньшой изъ нихъ былъ двухъ аршинъ десяти вершковъ росту, а самый большой чуть не дохватывалъ до сажени; въ плечахъ они были сущіе Голиафы, головы словно ведерные котелки, усы до пояса. Чудныя были фигуры!...

Служили они, сибю вамъ доложить, всѣ въ одномъ мѣстѣ, взяли по одному по два чина и разомъ вышли въ отставку, когда умеръ ихъ батюшка, человѣкъ богатый. Всѣ они, четыре брата Березы, любили другъ друга, не скажу братски, потому что часто при раздѣлѣ наслѣдства, за переломленный гвоздь или старыя подметки, ные вѣжные братцы больно ругаются и даже налагаютъ другъ на друга руки; вѣтъ, они любили другъ друга истинно но пріятельски: нанести обиду одному изъ Березъ значило нанести ее всѣмъ четверемъ, и всѣ четверо за нее вступались; сдѣлать одолженіе одному Березѣ — всѣ четверо были благодарны!

Вотъ они пріѣхали по смерти отца въ имѣніе, осмотрѣли имѣніе и порѣшили, что оно хорошо какъ есть выѣстѣ, а коли раздѣлитъ его на-четверо, то и то пропадетъ, и другое переведется.

и третьяго нельзя будет поддержать. Они и порѣшили не дѣлать имѣнія, не дробить и не обезсиловать его, а жить всѣмъ вмѣстѣ въ отцовскомъ домѣ и доходы дѣлить на четыре равныя части.

И зажили они приѣзжаячи на зло своимъ сосѣдямъ, что думали пощечиться около нихъ при раздѣлѣ и во время обычныхъ споровъ прикупить кое что изъ недвижности или хоть изъ движимости за безцѣнокъ. Сосѣди Березы очень любили подобнаго роду покупки.

Еще Березы очень не жаловали сосѣди имѣвшіе дочекъ невѣсть. Господа Березы какъ-то были не очень рады до женитьбы, даже, казалось, чувствовали отъ нея нѣкотораго роду отвращеніе, а болѣе стремились къ лошадямъ, собакамъ, ружьямъ и временемъ къ напиткиамъ немного охмѣляющимъ, какъ то къ рому, коньяку и тому подобному. Часто степенные отцы благонравныхъ невѣсть нарекали братьевъ Березы коноводами, псарниками и пьяницами, хоть правду сказать никто никогда не видалъ ни одного изъ братьевъ въ нетрезвомъ состояніи.

Узнавъ характеръ сосѣдей, Березы перестали съ ними знаться, и чтобъ показать, какъ мало они дорожили ихъ имѣніемъ, начали нарочно выкидывать разныя продѣлки, весьма удивлявшія восточную публику; но то бѣда что кутя сначала, для куріозу, для шутки, Березы мало-по-малу привыкли къ подобному образу жизни и сдѣлались, что называется, кутялами. Надъ ними сбылось философское правило: «Начни твоего слугу каждый день попрекать, что онъ крадетъ сахаръ, черезъ недѣлю онъ действительно начнетъ его красть.»

Съ Березами чрезвычайно трудно было познакомиться; они обращались со всѣми очень вѣжливо и очень холодно....

— Какъ же вы съ ними познакомились? спросилъ молодой помѣщикъ.

— Я съ ними познакомился черезъ моего дядю, и то не могу сказать, чтобъ я былъ знакомъ съ ними: я былъ молодъ и бѣденъ, они были въ лѣтахъ и богаты; но я зналъ ихъ, даже бывалъ у нихъ въ домѣ нѣсколько разъ съ дядей; а дядюшка, тотъ былъ знакомъ съ ними, любилъ ихъ, и даже заслужилъ нѣкотораго роду уваженіе отъ этихъ оригинальныхъ братьевъ. Впрочемъ, и дядюшка, какъ онъ выражался, царство ему небесное! взялъ знакомство съ Березами по военному, приступомъ. Дядюшка, извольте видѣть, былъ самъ гренадерскаго росту и складу, жилъ старикъ холостякомъ, любилъ охоту, лошадей, и такъ-называемую

пріятельскую компанію. Наслышавшись о доблестяхъ Березъ, дядюшка сильно захотѣлъ съ ними познакомиться; нѣсколько разъ въ общественныхъ собраніяхъ весьма политично заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ четырехъ братьевъ; но Березы разговаривали тоже политично и очень тонко отодвигали отъ себя его знакомство, даже ни разу не освѣдомлялись у дядюшки о его замѣли.

Разъ какъ-то вся губернія собралась въ губернскій городъ. Пріѣхалъ со мною дядюшка, пріѣхали и четыре брата Березы. Начались обѣды, завтраки, званые вечера, какъ обыкновенно было у насъ въ старину. Сталкивался дядюшка не разъ съ Березами, а все еще съ ними не познакомился, и уже было мысленно махнулъ на нихъ рукой: «Вы, дескать, сами по себѣ, и я самъ по себѣ,» какъ въ одно пріятное утро, идя въ какое то собраніе, дядюшка почувствовалъ внутренній холодъ и зашелъ по дорогѣ въ трактиръ выпить рюмку горькой водки, что обыкновенно очень успѣшно возстановляло у дядюшки нормальную теплоту крови.

Пока половой нацѣживалъ рюмку *горчайшей*, въ трактиръ вошли всѣ четыре Березы.

— Брррр!... холодно!... сказалъ маленькой Береза. Эй! малой! подай графинчикъ водки.

— Такъ холодно, что можно бы выпить и пуншу, прибавилъ второй братъ.

— Увиная рѣчь, продолжалъ третій, только съ хорошими коньякомъ, да покрѣпче.

— Разумѣется, подтвердилъ самый старшій Береза: утромъ не стать пить какихъ-нибудь сладостей!... Чтò же ты стоишь, выпила глаза? а? тебѣ говорятъ: пуншу!... развѣ не понимаешь?..

— Понимаю, ваше.... ваше.... отвѣчалъ оробѣвшій мальчикъ, сколько прикажете, ваше....

— Сколько прикажете!... извѣстно, не по стакану на брата.

— По два прикажете или дюжину?..

— Ахъ, ты, выскочка трактирная!.. удивить хочешь дюжиной!... заревѣлъ старшій братъ, описывая стуломъ по воздуху разныя вензеля надъ самой головой полового. Дамъ я тебѣ дюжину!... Сейчасъ подать сто стакановъ! да хорошаго крѣпикаго, слышишь: сто стакановъ! Чего стоишь? пошелъ, возвращайся!..

Братья Березы взглянувъ искоса на моего дядюшку, ушли съ столъ среди комнаты. Половой ушелъ. Немного погодя, дверь,

жуда ушелъ половой, слегка отворилась, въ скважинѣ мелькнулъ носъ и бѣлый колпакъ самого хозяина; но это видѣніе исчезло быстро нежелая показаться. Не прошло и пяти минутъ какъ дверь опять отворилась, только уже торжественно, распахнулись разомъ обѣ половинки и вышли другъ за другомъ три служителя; каждый держалъ по огромному подносу съ двадцатю пятью стаканами пуншу; въ заключеніе шелъ хозяинъ съ такимъ же подносомъ.

Передъ каждымъ братцомъ Березой поставили по двадцати-пяти стакановъ и ушли тѣмъ же порядкомъ; при чемъ хозяинъ, очень вѣжливый Нѣмецъ, приподнавъ свой колпакъ, долгомъ почелъ объявить что это пуншъ настоящій иностранный, какой только пьютъ честные моряки въ Гамбургѣ, и пожелалъ добраго аппетита и здоровья.

— Не опоздаемъ ли въ собраніе? сказалъ одинъ изъ братьевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ другой, глядя на свои часы, еще цѣлый часъ времени.

И они принялись пить сто стакановъ пуншу.

Дядюшка мой былъ человѣкъ обстрѣляной, бывалъ, какъ говорится, на конѣ и подъ конемъ и выдывалъ виды, а при всемъ этомъ сильно изумился когда Березы прехладнокровно начали истреблять стаканъ за стаканомъ крѣпкій пуншъ. Наконецъ всѣ сто стакановъ опустѣли, и къ большому изумленію дядюшки, почтенные братцы, ни сколько не шатаясь, встали съ мѣсто, выпили еще по рюмкѣ *горчайшей*, съѣли по бутерброду и вышли на улицу.

— Вотъ люди! сказалъ дядюшка, хлопнувъ себя рукой по-лбу, когда ушли Березы: вотъ друзья мнѣувавшихъ лѣтъ!... вотъ настоящіе коренные собесѣдники..... председатели, что называется, компаніи.... Обвини ихъ!

И дядюшка выбѣжавъ на крыльцо, закричалъ вслѣдъ уходящимъ братьямъ: — Милостивые государи!... а, милостивые государи!... остановитесь!... на пару словъ, не болѣе!...

Но или Березы ушли уже очень далеко, или не хотѣли обратить вниманія на рѣчи дядюшки, только они не остановились, даже не оглянулись и скрылись, повернувъ за уголъ улицы.

Дядюшка вернулся въ трактиръ очень озадаченный; молча взялъ свою фуражку и вышелъ задумчивый, словно обсуживая какое-нибудь важное предпріятіе.

Въ тотъ же день въ обѣденную пору, дядюшка такъ же все еще задумчивый проходилъ по улицѣ мимо квартиры Березъ.

Глядь въ окно: видно, въ комнатѣ стоитъ накрытый столъ на четыре персоны, какъ слѣдуетъ; и тарелки и ножи и ложки есть, и вина поставлено въ разныхъ бутылкахъ изрядное количество; только кушанья еще нѣтъ.

Не долго думавши, дядюшка вошелъ прямо въ комнату, слегка кивнулъ головой четыремъ братцамъ игравшимъ въ той комнатѣ въ карты, взялъ стулъ, приставилъ его къ набранному для обѣда столу и преспокойно усѣлся.

Братья Березы значительно переглянулись между собой.

Не обращая вниманія на хозяевъ, дядюшка снялъ съ прибора салфетку, вынулъ изъ кармана табакерку, высыпалъ изъ нее на тарелку табакъ, смочилъ его мадерой и началъ усердно растирать и размѣшивать, взявъ со стола серебряную ложку.

— Милостивый государь !.... сказалъ одинъ Береза, подходя къ дядюшкѣ....

— Что угодно, милостивый государь ? отвѣчалъ дядюшка, глядя въ тарелку.

— Что это, милостивый государь ! отвѣчалъ съ другой стороны другой Береза.

— Ничего, милостивые государи ! продолжалъ дядюшка растирая табакъ.

— Но кто вы, милостивый государь ?

— А вы кто, милостивые государи !

— Мы, разумѣется, хозяйева, развѣ не видите ?

— А я гость — вы видите.

— Зачѣмъ вы пришли ?

— Не за тѣмъ, чтобъ толковать съ вами. Видите зачѣмъ....

— Но вы говорите дерзости !

— И самъ не говорю, и другимъ не позволю, хоть бы ихъ было не четыре, а четыреста !....

Тутъ дядюшка собралъ въ табакерку табакъ и пошелъ къ двери, говоря : я честный и благородный человекъ, моя фамилія такая-то, живу я тамъ-то, и кто хочетъ со мною разговаривать, можетъ прийти ко мнѣ, я радъ всякому : хочешь чекнутья. — съ удовольствіемъ ; перевѣдаться серьезно — и отъ этого не прочь.

— Стой ! заревѣлъ звучнымъ голосомъ старшій Береза. Это братцы, человекъ !.... не бонжуръ какой-нибудь. Мальчики ! шампанскаго !.... Позвольте рекомендоваться....

— Это другія рѣчи, отвѣчалъ дядюшка, снявъ картузь, я самъ давно искалъ этой чести....

— Какая тутъ честь!.... Мы люди простые.... безъ кренделей, безъ анёровъ, на распашку съ людьми порядочными.... Да порядочныхъ людей поискать днемъ съ огнемъ.... Выпьемъ за здоровье порядочныхъ людей!

— Согласенъ, отвѣчалъ дядюшка, только не шампанскимъ, пусть его пьютъ бабы да мальчики.

— Золотое изрѣченіе!.... Философская истина!.... закричалъ меньшей Береза. Вонъ шампанское! Давай портвейнъ!....

— Истинный человекъ!

— Украшеніе нашего уѣзда!

— Бриллиантъ великаго Могола!.... Будьте нашимъ другомъ и братомъ, кричали попеременно братья Березы, обнявъ и цѣлуя моего дядюшку. Съ этого дня дядюшка сдѣлался своимъ въ домѣ Березы, и часто въ пріятельскомъ кругу рассказывалъ какъ онъ взялъ штурмомъ знакомство такихъ замѣчательныхъ людей.

Хотя не долго, да громко пожили братья Березы; вся губернія говорила объ ихъ разныхъ проказахъ и удалыхъ выходкахъ; вныя изъ нихъ я уже перезабылъ, другія уже нашему брату, человеку въ преклонныхъ лѣтахъ, и рассказывать не приходится.... Оригинально пожили эти люди, и смерть имъ не просто приключилась, а сами себѣ, можно сказать, они призвали смерть.

Ѣздили всегда всѣ четыре брата Березы вмѣстѣ въ одной и преогромной четверомѣстной коляскѣ, запряженной шестерней ретивыхъ сѣрыхъ жеребцовъ; на запяткахъ стояли два саженьные гайдука въ казацкихъ шапкахъ. Ѣздили они бойко, быстро, немного даже бѣшено, особливо съ горъ и на горы, за то привалы дѣлали большіе, выкармливали заботливо лошадей, и сами въ это время отдыхали и кушали не дурно.

Въ концѣ іюля, въ жаркій полдень ѣхали они вмѣстѣ изъ Кіева, и остановились покормить лошадей на постояломъ дворѣ. Пока выкармливали лошадей, Березы тутъ недалеко отъ дороги разостлали коверъ подъ тѣнью вѣтвистаго шелковичнаго дерева, пообѣдали, спросили подушекъ, да здѣсь же на коврѣ и соснули часокъ другой истиннымъ своимъ невинности.

Я думаю, вы замѣтили, милостивые государи, что лѣтомъ послѣ сна, особливо въ жаркій день, является у каждаго человека болѣе или менѣе нестерпимая жажда. Это ощущеніе испытали и братья Березы вставъ отъ сна въ тѣни шелковицы. Пока закладывали лошадей, они пробовали потушить ее то хересомъ, то мадерой, но все безуспѣшно.... Лошади готовы, братья сѣли въ коляску; хозяинъ постоялаго двора, получившій за все щедрю

плату, стоя съ боку безъ шапки и кланяясь, просилъ и впредь не забывать его....

— О Господи, говорилъ одинъ изъ Березъ, какая жара!.... дорого дали бы, чтобъ напиться чего-нибудь, эдакого кисло-ватого....

— Погодите, ваше благородіе.... если вамъ будетъ не противно, я сейчасъ сбѣгаю и принесу, попробуйте....

— Что тамъ такое?....

— Да вотъ я налилъ въ этомъ году бочечку вишневки.... вишневка первая, еще не починали. Не знаю, хороша-ли, не молодая-ли!....

— Коли стояла четыре ведѣли — можно пить!

— О больше! вотъ уже пять ведѣли какъ она налита!....

— Ахъ, ты тучело гороховое!.... еще и молчить, когда люди умираютъ отъ жажды.... Бѣги скорѣе, да привеси порядочный кувшинъ вишневки; мы подождемъ! закричали Березы — и хозяинъ убѣжалъ домой крупною рысью.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ почтительно подалъ крайнему Березѣ глиняный кувшинъ, около полуведра вмѣстимости, наполненный до краевъ густою, красною, какъ кровь вишневкой. Крайній Береза довольно долго не переводя духу тянулъ изъ кувшина, потомъ пріятно вздохнулъ и передалъ его второму. Второй, послѣ тѣхъ же пріемовъ, передалъ кувшинъ третьему, а третій на основаніи прежнихъ примѣровъ четвертому. Когда четвертый отдалъ уже пустой кувшинъ хозяину, братья радостно глядѣли другъ на друга, ихъ глаза ясно говорили: «Вотъ нектаръ! вотъ какое открытіе сдѣлали мы нечаянно, мимоходомъ!....» Ихъ сердца бились восторгомъ, какимъ, вѣроятно, не билось даже сердце Колумба, когда онъ впервые увидѣлъ Америку....

— Добрая вишневка! наконецъ сказалъ хозяину старшій Береза: мы ее почали сегодня въ первый разъ?

— Я еще и капли не попробовалъ; вотъ вы первые изволите ее испытывать, для васъ почалъ бочечку.

— Хорошо! такъ мы не допустимъ, чтобъ кто другой ее и трогалъ; мы ее возьмемъ всю съ собой.

— Куда же вы изволите ее поставить?

— Сюда въ коляску.

— Врядъ-ли войдетъ, говорилъ хозяинъ, сомнительно показавъ головой.

— Развѣ велика посудина?

— Да бочечка ровно въ сорокъ ведеръ....

— Ого! да это кладъ! выпьемъ ее братцы на нѣсть что ли?

— Пожалуй, выпьемъ, отвѣчали прочіе братья.

— Рѣшено! откладывай лошадей!.... Слышишь, хозяинъ, вишневка наша; сейчасъ ее выкатить сюда и поставить подъ шелковицей — уѣдемъ домой когда кончимъ бочку.

Незнаю сколько дней, только очень не долго, прошли Березы подъ шелковицей, выпили въ четверомъ сорока-ведерную бочку вишневки и уѣхали домой, здоровы и невредимы, какъ имъ казалось; но болѣзнь порожденная чудовищнымъ насиліемъ надъ натурой, быстро развилась въ этихъ желѣзныхъ организамахъ.

Вскорѣ по прїѣздѣ изъ Кіева, захворалъ одинъ изъ среднихъ братьевъ и въ нѣсколько дней злая горячка съ пятнами свела его въ могилу. Съ похоронъ брата, меньшей Береза началъ кашлять и видимо сохнуть, между тѣмъ какъ другой средній тоже кашляя страшно, толстѣлъ. Призванный докторъ прописалъ рецептъ, и сказалъ больнымъ латинскіе клочки ихъ болѣзней, а старшему сообщилъ по секрету, что у одного изъ братьевъ неизлечимая чахотка, а у другаго водяная въ груди, тоже подающая весьма мало надежды; что, разумѣется, бывали примѣры, и при усилахъ природы и нѣкоторыхъ необъясненныхъ переломахъ организаціи иногда наука торжествовала; что онъ, докторъ, употребить всѣ старанія, и пустить въ ходъ всѣ средства, начиная съ Иппократа до нашихъ временъ, но при всемъ этомъ совѣтуетъ быть на все готову, и ожидать болѣе или менѣе трагической развязки.

Докторъ ѣздилъ часто и все длиннѣе и длиннѣе прописывалъ рецепты; больные чувствовали себя все хуже и хуже, и наконецъ дошли до предсказанной трагической развязки. Осиротѣлъ старшій Береза, и въ этомъ году, одинокій, грустно встрѣчаетъ праздникъ Рождества Христова, бывало такой веселый праздникъ, еще недавно — въ прошломъ году!

Печаль старшаго Березы была похожа на мрачное оцѣпенѣніе; онъ не плакалъ, не жаловался, даже не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, и съ утра до ночи пилъ ромъ, коньякъ и другіе крѣпкіе спирты, вѣроятно хотѣлъ забыться въ отчаяніи, но и въ этомъ судьба ему отказала — спирты на него, казалось, дѣйствовали не сильнѣе, какъ на насъ грѣшныхъ чистая ключевая вода. Вотъ какая была натура!....

Съ мѣсяць, а можетъ-быть и болѣе, продолжалъ Береза такой

удивленный образъ жизни, пока въ одно, нельзя сказать, прекрасное утро, его не разбилъ параличъ... Послѣ этого утра онъ прожилъ или лучше сказать, претерпѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и весной умеръ.... какъ теперь помню, въ самую прекрасную пору, когда поля зеленѣли, сады цвѣли и весеннія птички радостно пѣли.... Грустно и поучительно было, милостивые государи, глядѣть на исполнискаго Березу лишеннаго почти всякаго движенія, лишеннаго даже языка! Вы не повѣрите, что онъ не могъ сказать ни одного слова, и изъ его усть при всемъ усиліи выходили какіе то иностранные звуки, не то татарскіе, не то будто говорить съ дѣтми у Ивана Ивановича выписная гувернантка. Ничего не разберешь!.... Только за нѣсколько дней передъ смертью, началъ онъ говорить русскія рѣчи; съ трудомъ, а бывало объяснить что-нибудь, только будто на смѣхъ сталъ говорить о себѣ въ женскомъ родѣ.

Бывало и смѣхъ и жалость беретъ какъ поглядишь на этого чловѣка; великъ, плечистъ, фюзіомія истинно марсовская, черные усы съ просѣдью висятъ до груди, кажется нѣтъ ничего женскаго, а слышишь лепечеть: «Я сегодня *обидала*, я *спала* хорошо!...» и тому подобное — все въ женскомъ родѣ.

Не прошло году съ того дня какъ Березы выпили подъ шелковицей бочку вишневки, а уже все четверо лежали рядомъ на кладбищѣ!... Паря держу, что никто изъ проѣзжающихъ тогда мимо не предсказалъ бы имъ этого. Вотъ какихъ я знавалъ во время оно оригиналовъ....

— Кому же осталось послѣ ихъ имѣніе? спросилъ кто-то изъ гостей, кажется любящій изучать въ подробности лица въ разсказахъ....

— Имѣніе, отвѣчалъ чиновникъ, наслѣдовалъ какой-то ввучатный племянникъ покойныхъ Березъ, страстный охотникъ до цвѣтовъ, и теперь въ покояхъ, гдѣ совершались возліянія оригинальныхъ братцевъ, благоухаютъ резеда и фіялки; на широкихъ подоконникахъ, вмѣсто чубуковъ и бутылокъ, красиво цвѣтутъ ерани и геліотропы.

Когда съдой чиновникъ кончилъ свой разсказъ, разговоръ принялъ психологическое направленіе: толковали и спорили объ оригиналахъ, рассказали нѣсколько извѣстныхъ анекдотовъ объ Англичанахъ и кончили тѣмъ, что благодаря просвѣщенію оригинальность исчезаетъ съ лица земли.

— А мнѣ кажется, замѣтилъ молодой помѣщикъ, оригинальность даже во многихъ націяхъ происходитъ отъ одного источ-

ника, отъ непокорнаго самолюбія, и пока эта страсть будетъ господствовать между людьми, оригиналы не переведутся.

— А мнѣ кажется, прибавилъ помѣщикъ, постарше и потолще, что оригиналы переведутся, когда люди сдѣлаются такъ умны, что не станутъ обращать вниманія на глупости своихъ собратій, не станутъ замѣчать ихъ странностей; тогда они сами перестанутъ ихъ дѣлать.

— Вы сказали правду: человекъ иногда дѣлаетъ глупости самъ чувствуя что это глупость, дѣлаетъ противъ своего желанія, часто рѣшительно изъ за того, чтобъ сдѣлать вопреки общему мнѣнію. Недалеко ходить за примѣрами: я самъ, сказать по правдѣ, одинъ разъ чуть не поплатился жизнью единственно изъ упрямства, даже и не отъ упрямства, а отъ желанія сдѣлать наперекоръ. Это случилось третьяго году зимою.

III.

Въ шести верстахъ отъ моей деревни живетъ старикъ помѣщикъ Булавый, человекъ очень добрый, хлѣбосоль и любитель хорошаго чаю; кромѣ этихъ качествъ онъ еще обладалъ двумя дочками. Дочки тогда обѣ были невѣсты, не дурны собой, играли пріятно на фортепіано, и пѣли не заставляя себя долго упрямствовать, что часто случается въ провинціи, и не насучая своимъ пѣніемъ, что, говорятъ, нерѣдко бываетъ въ столицахъ. Согласитесь, было много причинъ навѣщать Булаваго? Я это и дѣлалъ довольно часто, тѣмъ болѣе что дорога отъ моей деревни къ деревнѣ Булаваго шла гладкою ровной степью, была въ буквальномъ смыслѣ прями какъ стрѣла, и ѣздить по ней было истинное наслажденіе.

Однажды зимою, я поѣхалъ на обѣдъ къ Булавану и привезъ съ собой гостя, отставнаго маіора. Послѣ обѣда Булавый объявилъ что у него есть особенно хорошій чай, и, вѣроятно, мы останемся его попробовать. Разумѣется, я не спорилъ противъ этого предложенія.

Чай былъ очень хорошъ, и когда послѣ чаю я приказалъ подавать лошадей, хозяинъ просилъ остаться поужинать.

— Будетъ поздно, сказалъ я Булавану.

— Вотъ бѣда! поздно, такъ заочуйте у меня; перекинемъ въ козырьки, дочки попоютъ намъ: Богъ милостивъ, какъ-нибудь уберемъ вечеръ безъ скуки.

— Я въ этомъ увѣренъ, но....

— Что, мо? небось дома жена что ля? дѣти плачуть?

— Нѣтъ, мо у меня есть дѣла; мнѣ нужно быть сегодня дома.

— Паря держу, что врать! какія тамъ дѣла экстренныя? пустяки.

Буланый точно выигралъ бы паря. У меня рѣшительно не было ни какого дѣла, и я его выдумалъ, такъ, чтобъ сказать чтонибудь. И остался ужинать съ уговоромъ, что послѣ ужина уѣду.

— Вотъ теперь и я вамъ скажу, говорила меньшая дочь Буланого, что вы у насъ заночуете несмотря ни на какія дѣла.

— Отчего такъ? спросилъ я.

— Оттого, что на дворѣ поднялась страшная метель, и тепло, и холодно, и вамъ просто ѣхать невозможно.

— Пустое, поѣду. Ёдемъ, маіора?

— Ёдемъ, отвѣчалъ хладнокровно маіоръ.

Можетъ-быть безъ этой выходки хорошенькой барышни, я бы и остался, тѣмъ болѣе что мнѣ ѣхать было не нужно, что ѣхать было непріятно, а остаться было и тепло и весело; но какой-то бѣсъ удямства заговорилъ во мнѣ, и я не смотря на просьбы хозяевъ сѣлъ съ маіоромъ въ сани и уѣхалъ. Вѣрите ли, мнѣ даже пріятно было глядѣть на ихъ изумленные и недовольныя лица, было пріятно слышать какъ меня называли въ глаза храбрецомъ безъ нужды и упрямцемъ. Самолюбіе мое торжествовало, я внутренно сознавалъ себя героемъ и оцѣняя свои донкихотскіе поступки, давалъ себѣ большое преимущество передъ мирнымъ семействомъ Буланыхъ.

Завернувшись въ медвѣжью шубу, я прилегъ въ саняхъ рядомъ съ маіоромъ и съ удовольствіемъ прислушивался къ шуму бури и бойкому дребезжанью колокольчика.... Не мало по малу звонъ колокольчика все дѣлался тише, лѣнивѣе, и вдругъ пересталъ — мы остановились.

— Чтó тамъ? спросилъ я кучера.

— А ничего, отвѣчалъ онъ.

— Какъ ничего?...

— Ровно ничего, нѣтъ ни дороги, и неба не видно, ни землв, ничего.

— Гдѣ же дорога?

— А Богъ её знаетъ, должно-быть гдѣнибудь въ сторонѣ, лошади уже давно бредутъ въ снѣгу по брюхо, а вотъ теперь уже и стали.

— Ты бы держалъ по вѣтру.

— Съ этимъ вѣтромъ не сладись, то подереть въ правую щеку то въ лѣвую, то прихлопнетъ по затылку, то бросится прямо въ глаза, прости Господи, словно собака, а снѣгомъ такъ и сыплеть какъ изъ рукава; бѣдовый вѣтеръ!... говорить не даетъ... плохо!

— Маіоръ! а маіоръ! Вы спите?

— Нѣтъ.

— Слышите, мы сблизь съ дороги.

— Слышу.

— Что же намъ дѣлать? ужъ не вернуться ли?

— Еще будетъ хуже. Въ деревню къ Буланову мы не попадемъ, а рѣшительно потеряемъ всякій путь.

— Что же намъ дѣлать?

— Не знаю, а возвращаться не приходится.

Пока я толковалъ съ кучеромъ и маіоромъ, мятель всё разигрывалась сильнѣе, вѣтеръ крѣпчалъ съ каждою минутой и отдавалъ насъ цѣлыми каскадами мелкаго снѣгу; и небо и земля слились въ одинъ непроницаемый мракъ; кругомъ были и шумѣли вихри и высоко надъ головами нашими стоналъ ураганъ... Есть пословица: «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился.» Мнѣ кажется, провести зимнюю ночь въ степи въ мятель, тоже чего-нибудь да стоитъ.... Въ нѣсколько минутъ наши сани и лошади почти были замечены снѣгомъ; много труда намъ стоило вывести ихъ изъ сугроба, который выросъ вокругъ насъ со сказочною скоростію; но отдохнувшія лошади кое-какъ поплелись шагомъ собственно по своему произволу, потому что мы бросили возжи и ими не правили; колокольчикъ опять лѣниво порывчато зазвѣлѣлъ, а буря свирѣпо шумѣла вокругъ насъ, и холодъ постепенно начиналъ пробираться ко мнѣ сквозь шубу. Я пожалъ пружину карманныхъ часовъ, они ударили часъ.

— Плохо, сказалъ я маіору, теперь часъ, а мы выѣхали въ десять часовъ.

— Значитъ три часа ѣдемъ, замѣтилъ маіоръ.

— Для шести верстъ, этого много.

— Да, знаете, эта мятель напоминаетъ мнѣ одну мятель въ Молдавіи, или лучше сказать, въ Бессарабіи; такая же была ночь, также я ѣхалъ....

— Ну?

— Ничего, я говорю, такая же была мятель — и только.

— Какъ же вы спаслись?...

— Очень просто: ѣхали, ѣхали и наконецъ пріѣхали къ цыганъ.

ской землянкѣ; тамъ и переждали бурю. Самъ Богъ спасъ. А другіе пострадали.

— Какъ пострадали?

— Одного замело съ лошадыми; да только весною нашли когда свѣтъ стаялъ; другой заѣхалъ въ колодець и сломилъ шею; третьяго сѣли волки.... Много было непріятностей. А вѣдь начинается пробирать! не правда ли?

— Да, становится холодно, отвѣчалъ я, и признаюсь вамъ, горько задумался. Какая нелегкая сила унесла меня изъ теплаго дому Булаваго, гдѣ я, вмѣсто вою вѣтра, слушалъ бы пѣніе и разговоры мнеленькихъ дѣвушекъ; гдѣ для меня бы была мягкая постель; гдѣ въ каминѣ горѣлъ свѣтлый огонь.... я вообразилъ всѣ лица оставленные мною, лица спокойныя, веселыя, *теплыя*... Тутъ я на опытъ узналъ, что въ темнотѣ и холодѣ особенно пріятно мечтать о свѣтѣ и теплѣ. Но пока я мечталъ, вспоминая по временамъ не безъ особеннаго участія объ участи маіорскихъ знакомыхъ въ Бессарабіи, время шло своимъ порядкомъ, а морозъ прибиралъ меня видимо къ рукамъ; лихорадочная дрожь пробѣгала съ затылка по всему тѣлу, сосредоточивалась въ груди. Ощущеніе очень непріятное!... Я отчаянно пожалъ часы, они пробѣли три; въ это самое время колокольчикъ страшно задрезжалъ, наши сани покачнулись на сторону и остановились.

— Ужъ не въ колодець ли мы летимъ?

— Чего добраго, отвѣчалъ маіоръ.

— Пріѣхали! закричалъ кучеръ.

— Какъ? куда?

— Богъ его знаетъ, а куда то пріѣхали. Вотъ, лошади наткнулись на какую-то стѣну.

Къ великой радости мы нашли, что это была скирда сѣна. Лошадей мы поставили къ сѣну, а сами въ нѣсколько минутъ сдѣлали углубленіе въ скирдѣ и залѣзли въ нее какъ въ пещеру, благословляя судьбу, избавившую насъ неожиданно отъ смерти. Сначала намъ показалось наше убѣжище и тепло и мягко и очень удобно, такъ что мы располагали спокойно соснуть до разсвѣта, но вышло не по нашему: къ разсвѣту морозъ сталъ крѣпчать и наши мокрыя отъ свѣгу платья, замерзая, начали насъ мучить нестерпимо, особенно досталось ногамъ; зато, я думаю, ни одинъ тавмеестеръ никогда не видывалъ на своемъ вѣку такихъ чудныхъ *па*, какіе выкидывали мы съ маіоромъ, лежа въ сѣнѣ.

— Кучеръ! съ тобою есть огниво? спросилъ я.

— Есть, отвѣчалъ онъ.

- Руби огонь.
- Еще подожжете скирду, замѣтилъ маіоръ.
- Я и хочу ее поджечь, по крайней мѣрѣ согрѣмся.
- И заплатите нѣсколько сотъ рублей.
- Заплачу, да не умру отъ холоду. Руби.

Кучеръ началъ рубить огонь; огниво застучало по кремню, искры запрыгали, а труть не загорался — видно отсырѣлъ отъ погоды. Маіоръ совѣтовалъ приостановиться съ добываніемъ огня, говоря, что подобный процессъ опасенъ, и по одному достовѣрному преданію извѣстно, что при такомъ процессѣ вымерзло семь шатровъ цыганъ, а огня всё таки не достали.

Маіорское предсказаніе оправдалось: труть рѣшительно не захотѣлъ горѣть и огня не достали; но это занятіе пріятно сократило намъ время и мы съ радостью наконецъ замѣтили, какъ начала блѣднѣть страшная тьма ночи; немного погодя мы услышали лай собакъ; кучеръ вылѣзъ изъ сѣна и пошелъ къ лошадямъ; немного спустя онъ явился и закричалъ:

— Господи Боже мой! знаете, господа, гдѣ мы?

— А почему намъ знать?

— Вѣдь мы дома! Ей-Богу дома! вотъ, я призналъ всё наши строенія; вѣдь мы почевали на гумнѣ въ той самой скирдѣ, что привезли третьяго дня, для конюшни, изъ степи.

Вышедъ, я оглянулся кругомъ и отъ души поблагодарилъ Бога за спасеніе своей жизни и за спасеніе моего состоянія: загорись ночью труть — я былъ бы почти нищій; скирда сѣна стояла съ краю на гумнѣ, за нею въ рядъ тянулся до самой усадьбы нѣсколько сотъ скирдъ хлѣба, тамъ были амбары, конюшни и крестьянскія избы, крытыя соломой. Загорись скирда сѣна при страшномъ вѣтрѣ, дувшемъ всю ночь, я былъ бы безъ хлѣба и крова, и самъ сжегъ бы свое село.

— А послѣ чтѣ? спросили слушатели.

— А послѣ я пришелъ домой, и если бъ вы могли представить, съ какимъ аппетитомъ напился я чаю, и какъ послѣ уснулъ... Подобныя вещи не рассказываются, — ихъ надобно испытать.

— Постараемся испытать при первой же ятели, сказалъ отставной чиновникъ, а пока вѣтъ ли у васъ въ запасѣ какой-нибудь *всци*, которая рассказывается? Понщите-ка!

— Пожалуй, отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, къ которому относилась эта рѣчь: я могу рассказать презавимательное приключеніе.

— То есть анекдотъ, замѣтилъ чиновникъ.

— Нѣтъ, не анекдотъ, а истинное происшествіе, которое я изложу въ формѣ повѣсти.

— А подѣ какимъ заглавіемъ?

— Подѣ заглавіемъ «Неутолимая жажда авторской славы, или Деревенскій Шлегель.»

— Заглавіе довольно непонятное, достаточно длинное и снабжено, какъ слѣдуетъ, пояснительнымъ или. Для совершеннаго эффекта недостаетъ только эпиграфа.

— Ну, для эпиграфа я поставлю два стиха Крылова:

«Ай, моська! звать она сильна,
Что лаетъ на слова!»

— Эпиграфъ хорошъ, замѣтилъ молодой помѣщикъ: но, ради Бога, нельзя ли избавить насъ отъ заглавія: оно слишкомъ непонимается «Алексисъ, или Домикъ въ лѣсу» и другія заглавія прошлаго столѣтія.

— Извольте, я готовъ идти за вѣкомъ и стану рассказывать какъ можно народнѣе, даже облеку свою повѣсть въ сказочную форму. Хотите?

— Слушаемъ, слушаемъ!

— И такъ, господа, я вамъ расскажу полу-быль, полу-сказку, старую погудку на новый ладъ про житье-бытье пестрой птички зозули и бычка-рысачка. Извѣстно и вѣдомо каждому православному, у котораго есть глаза во лбу, да въ головѣ хоть на грошъ ассигнаціями хорошаго мозгу, что зозуля, срѣчь кукушка, птица глухая и робкая. Но что воробей, свѣрый человѣкъ и тварь вовсе не диковинная, а все лучше зозули: воробей и вишень чужихъ пощиплетъ и зерна не своего поклюетъ и припугнуть его норовитъ; да онъ всегда на лицо и храбро чикакаетъ и глядитъ прямо въ глаза; а зозуля цѣлый день прячется въ тѣни, забьется въ самое темное захоlustье и сидитъ себѣ невидимо — отъ робости стало-быть. А чуть запоютъ въ саду пѣвчія птички, засвищеть соловей, защебечетъ пѣночка — окаянная зозуля не вытерпитъ и махнетъ во все дурацкое горло: «ку-ку! ку-ку!...» Нѣ хоть сутки ее слушай, ничего больше не выслушаешь. Это стало-быть отъ глупости.

— Весьма можетъ быть, сказалъ отставной чиновникъ: я помню насчетъ этого очень занимательную эпиграмму господина Сумарокова:

«Кукушка, сидя на суку,
Кричать: ку-ку, ку-ку, ку ку!...»

— Ну, да, продолжалъ разсказчикъ. Вотъ, однажды, эта не-разумная птица....

— Кушать готово, прибавилъ у двери лакей.

— Погоди, сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ ужъ, отвѣчалъ разсказчикъ, моя повѣсть не уйдетъ; рано ли, поздно ли, вы ее узнаете, а вашъ ужинъ остынетъ, и я пари держу, почтенные слушатели не простятъ мнѣ этого; да коли правду сказать, я и самъ всегда готовъ промѣнять самый занимательный разсказъ о зозулѣ или другой подобной дичи на существенную жареную дичь.

Всѣ собесѣдники отправились въ столовую, не безъ основанія замѣчая въ разсказчикѣ склонность къ водевильнымъ остротамъ — и повѣсть отложена до слѣдующаго вечера.

Е. ГРЕБЕНКА.

=

ПЕРОСКАЯ КРАСНА-ДѢВИЦА,

или

ДЕНЬ СВЯТАГО ВАЛЕНТИНА.

=

РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

=

I.

— Это Тибръ! вскричалъ гордый Римлявинъ при видѣ широкаго Теса съ Биглійской стороны; но какой Шотландецъ станетъ хвастливо называть маленькій Тибръ Тесемъ?»

Если вы попросите смышленнаго путешественника описать самую разнообразную и живописную часть Шотландіи, то онъ, можетъ-быть, укажетъ на пероское графство. Шотландецъ изъ какаго-нибудь другаго графства въ патриотизмъ похвалитъ сперва свою родину, а потомъ отдастъ предпочтеніе Пероу, такъ, что, если отбросить всякій предразсудокъ, пероскіе жители имѣютъ полное право называть свое графство лучшимъ во всей Шотландіи. Давно уже Мери Вёртли Монтэю, писательница, одаренная тонкимъ вкусомъ, выразила мнѣніе, что самая прекрасная и разнообразная часть страны та, въ которой горы опускаются на поля или гладкія долины. Тамъ можно встрѣтить самыя живописныя и самыя высокія горы. Рѣки низвергаются со скалъ водопадами и протекаютъ по самымъ романтическимъ ущельямъ. Кроме того растительность умѣреннаго климата и хорошей зѣмли соединяется съ характеристическими картинами горъ; дѣса,

роши, кустарникъ густо покрываютъ подножіе горъ и окружаютъ пропасти. Въ этой благопріятной странѣ путешественникъ можетъ найти то, что поэтъ Грей, или кто-то другой, называлъ красотою, сидящимъ на колѣняхъ у ужасовъ.

Разнообразіе и благопріятное расположеніе этой провинціи очень привлекательны. Ея озера, лѣса и горы могутъ соперничать со всѣми хэйлендскими красотою, между-тѣмъ въ перескомъ графствѣ есть такія плодородныя и населенныя мѣста, что могутъ помѣряться богатствомъ даже съ Англіею. Страна эта была также свидѣтельницею многихъ подвиговъ и событій, замѣчательныхъ по исторической важности, или интересныхъ для поэтовъ и романтиковъ, хотя они и дошли до насъ только въ видѣ преданій. Въ этихъ-то долинахъ Саксонцы, обитатели полей, и горцы, Гэлы, тысячу разъ имѣли кровавыя схватки, въ которыхъ часто нельзя было разрѣшить, принадлежить ли побѣда кольчугамъ лаулендскихъ всадниковъ, или клѣтчатымъ плащамъ хэйлендскихъ клановъ *.

Перѣъ, замѣчательный по своему прекрасному положенію, городъ очень древній, и преданіе говоритъ, что онъ былъ заложенъ Римлянами **. Говорятъ, этотъ побѣдоносный народъ принялъ сухоходную и красивую рѣку Тей за Тибръ, и прибавляютъ: огромное поле, извѣстное подъ именемъ Нѣръ-Инчъ, очень похожее на римское Марсово Поле (Campus Martius). Старый этотъ городъ нерѣдко бывалъ мѣстомъ пребыванія шотландскихъ монарховъ. Они однако не имѣли въ Перѣъ дворцовъ; но въ монастырѣ ордена цистерціанцевъ было достаточно мѣста для нихъ и для свиты. Тутъ палъ Іаковъ Первый, одинъ изъ мудрѣйшихъ и лучшихъ шотландскихъ королей, жертвою ненависти мстительнаго аристократа. Тутъ же состоялся при Іаковѣ Четвертомъ таинственный заговоръ Гаури, котораго послѣдствія только недавно уничтожены разрушеніемъ дворца, гдѣ происходилъ заговоръ.

Одинъ изъ прекрасѣйшихъ видовъ Великобританіи или, можетъ быть, всего свѣта, представлялся въ мѣстѣ прозванномъ Биглайскіе Вики: это было нѣчто въ родѣ виши, гдѣ останавливался путешественникъ, который ѣхалъ изъ Кейпрѣса по необра-

* Лаулендъ (Lowland) значитъ низинная земля, долина, а хэйлендъ (Highland) верхняя земля, горы.

** Перѣъ, главный городъ перескаго графства, лежитъ въ тридцати осьми миляхъ отъ Эдинбурга, на юго-восточномъ берегу Тей.

ботанной и скучной странѣ. Это мѣсто образовало проходъ на верхушкѣ бугристой возвышенности, на которую путешественникъ поднимался постепенно; отсюда онъ могъ видѣть подъ собою тѣскую долину, орошаемую большою и красивою рѣкою; городъ Перезъ съ двумя огромными полями, или *инчами*, и съ колокольнями и башнями; горы Монкрейфъ и Кейнауль, которыя постепенно поднимаются въ видѣ скалъ, покрытыхъ мѣстами лѣсомъ, богатые берега рѣки, украшенной великолѣпными домами и въ дали гремпенскія горы, завѣса, гдѣ оканчивается на сѣверной сторонѣ эта восхитительная картина. Перемѣны, сдѣланныя на дорогѣ, надобно признаться, очень облегчаютъ сообщеніе, но лишаютъ путешественниковъ прекраснаго виду, и пейзажъ представляется только постепенно, частями. Кажется, есть еще тропица, которая ведетъ къ Биглѣйскимъ Викамъ, и путешественникъ можетъ сойти или оставить экипажъ, пройти нѣсколько сотъ сажень и сравнить пейзажъ съ очеркомъ, который мы покусимся сдѣлать.

Но намъ не возможно описать, а читателямъ вообразить прелесть картины, являющейся въ такую минуту, когда менѣе всего ожидаешь видѣть что-нибудь подобное.

Правда, почти дѣтское удивленіе было тогда тоже источникомъ моего удовольствія, потому что мнѣ всего было пятнадцать лѣтъ; и, какъ мнѣ тогда въ первый разъ позволили сдѣлать поѣздку на своей лошаdkѣ, то я чувствовалъ самодовольствіе, протекавшее изъ сознанія свободы съ примѣсю какого-то безпокойства, отъ котораго не можетъ освободиться самый самонадѣлиный молодой человекъ въ первый разъ предоставленный самому себѣ. Я помню, что я внезапно остановилъ лошадь и сталъ разсматривать картину, представившуюся моимъ глазамъ, какъ бы боясь, чтобы она не перемѣнилась, точно декорація въ театрѣ, не давъ мнѣ времени хорошенько разсмотрѣть всѣ ея части, и увѣриться, что все это существуетъ. Съ этого времени прекрасная картина сильно запечатлѣлась въ моей памяти (а теперь прошло съ-тѣхъ-поръ уже болѣе пятидесяти лѣтъ); я часто вспоминаю о томъ времени, между-тѣмъ, какъ событія, которыя имѣли вліяніе на всю судьбу, не оставили въ моей памяти никакихъ слѣдовъ. Естественно, что при выборѣ предмета, которымъ я намеренъ былъ доставить публикѣ удовольствіе, я избралъ предметъ, имѣющій отношеніе къ прекрасному зрѣлищу, сдѣланному на мое юношеское воображеніе такое сильное впечатлѣніе, и оно можетъ-быть произвестъ, въ отношеніи къ несовершенству м.

его сочиненія, такое же дѣйствіе, какое дамы приписываютъ красивымъ фарфоровымъ чашкамъ, возвышающимъ вкусъ простаго чаю.

Время, о которомъ я хочу рассказывать, гораздо древнѣе всѣхъ историческихъ событій описанныхъ мною. Обстоятельства, которыя я намѣренъ подробно описать, случились въ послѣдніе годы четырнадцатаго столѣтія, когда шотландскій скипетръ былъ въ рукахъ добраго, но слабаго короля Джона, царствовавшаго подъ именемъ Роберта-Третьяго.

II.

Мы уже сказали, что Перей можетъ похвалиться красотами бездушнѣй природы; но въ этомъ граствѣ никогда не бывало недостатку въ прелестяхъ болѣе интересныхъ, хотя не такъ долговѣчныхъ. Прозваніе *Пересской красной дѣвицы* всегда было большимъ отличіемъ и требовало особенной красоты по множеству соперницъ, которыя могли бы присвоить себѣ такой завидный титулъ.

Въ феодальныя времена женская красота почиталась качествомъ гораздо болѣе важнымъ нежели теперь, когда большая часть рыцарскихъ идей уже не существуетъ. Любовь древнихъ рыцарей была какое то дозволенное обожаніе, которое, по теоріи, сравнивали съ небесною любовью, а въ дѣйствительности совсѣмъ не походило на нее. Рыцари обыкновенно клялись Богомъ и дамами, и преданность къ прекрасному полу внушали кандидату въ рыцари въ такой же степени, какъ и благоговѣніе къ небу. Въ это время красота имѣла почти безграничную власть.

При королѣ, который предшествовалъ Роберту-Третьему, одна красота доставила женщинѣ низкаго происхожденія и подозрительнаго поведенія случай раздѣлить шотландскій тронъ. Многія другія женщины, не такъ искусныя и счастливыя, возвысились связями, которыя извинялись обычаями того вѣка.

Такіе примѣры могли бы ослѣпить дѣвушку лучшаго происхожденія, нежели Катерину или Кэти Глѣверъ, которую всѣ считали прекраснѣйшею дѣвушкою въ городѣ и въ окрестностяхъ. Слава пересской красной дѣвицы привлекала вниманіе многихъ молодыхъ волокитъ королевскаго двора. Дворъ этотъ находился или въ Перей, или въ его окрестностяхъ; такимъ образомъ многіе благородные дворяне и рыцари, знаменитые своими подвигами, проѣзжал мимо дверей старика Симона Глѣвера, въ улицѣ Кёрьюстритъ, старались

выказать искусство въ верховой ѣздѣ, болѣе нежели на турнирахъ, гдѣ однако бывали зрительницами самыя знаменитыя шотландскія дамы.

Но дочь Глѣвера, или Перчаточника,—потому что, по обычаю того времени, Симонъ прозывался по своему ремеслу,—ни сколько не показывала охоты слушать любезности волокить сословія выше того, къ которому принадлежала сама; и хотя Катя вѣроятно замѣчала свою красоту, однако старалась, по видимому, ограничить побѣды только людьми изъ одного круга съ нею. Красота ея души превосходила прелесть наружности; Катя, не смотря на доброту характера, была очень скромна даже между подругами, и рвеніе, съ которымъ она исполняла всѣ обязанности вѣровсповѣданія, заставило многихъ думать, что Катерина Глѣверъ питаетъ въ тайнѣ желаніе оставить свѣтъ и удалиться въ монастырь. Но если предположить, что она имѣла такое намѣреніе, то нельзя было повѣрить, чтобы ея отецъ, котораго всѣ считали за человѣка богатаго и который не имѣлъ болѣе дѣтей, когда-нибудь охотно согласился бы на это.

Рѣшимость первенствующей пероской красавицы не слушать жестныхъ словъ волокить, очень нравилась ея отцу.

— Пусть проходятъ, говорилъ онъ, пусть проходятъ, Катерина, эти волокиты со своими рѣзвыми конями, блестящими шпорами, съ перьями на токахъ, и съ закрученными усами; они не принадлежатъ къ нашему сословью и мы не стараемся поровнять съ ними. Завтра день святаго Валентина, день, въ который каждая птица избираетъ подругу; но ты не увидишь, чтобы коноплянка связалась съ ястребомъ, или ряполовъ выбралъ въ товарищи коршуна. Отецъ мой былъ честный пероскій гражданинъ и владѣлъ иголкою также хорошо, какъ и я. Однако если къ воротамъ нашего прекраснаго города приближался крикн юныи, то онъ бросалъ иглу и замшевую кожу, вытаскивалъ изъ темнаго угла хорошиіи шпшакъ и шить, и бралъ съ камня длинное копье. Пусть мнѣ скажетъ кто нибудь, когда онъ, или я, не лгался на смотръ старшины! Такъ жили мы, дочь моя; зарабатывали хлѣбъ и дрались для защиты. Я не хочу имѣть зятя, который сталъ бы воображать, что онъ лучше меня. Чтò касается до этихъ лордовъ и рыцарей, то, я думаю, ты вѣрно всегда повишишь.... ты слишкомъ низкаго происхожденія, чтобы быть ихъ женою, и слишкомъ высокаго, чтобы быть ихъ любовницею. Оставь теперь работу, дочь моя; сегодня канунъ праздника, и

намъ надобно идти къ вечернѣ. Попросимъ небо прислать тебѣ завтра хорошаго Валентина *.

Переская красна дѣвица положила въ сторону алую перчатку, которую вышивала для леди Дрёмондъ, одѣла праздничное платье и приготовилась слѣдовать за отцемъ въ доминиканскій монастырь недалеко отъ Кёрфьюстрита. На дорогѣ Симонъ Глѣверъ, извѣстный перескій гражданинъ, всѣми уважаемый, уже довольно старый и довольно богатый, получалъ отъ стариковъ и молодыхъ поклонны, которыхъ заслуживали его бархатное полукафтанье и золотая цѣпь, а передъ прекрасной Катериной, завернутою въ плащъ, похожей на нынѣшній фландрскій, граждане всѣхъ возрастовъ почтительно снимали шапки.

Отецъ и дочь шли подъ руку; за ними слѣдовалъ прекрасный высокій молодой человекъ въ самой простой одеждѣ средняго класса, которая однако выгодно обрисовывала его прекрасное тѣлосложение и позволяла видѣть благородныя и правильныя черты лица; маленькая красная шапочка очень шла къ густымъ, курчавымъ волосамъ молодого человека. Онъ не имѣлъ другаго оружія кромѣ палки, потому что ему, какъ ученику старика Глѣвера, нельзя было носить на улицѣ шпагу или кинжалъ, преимущество, которое присвоивали себѣ *дэскмены* или служители вельможъ. Онъ слѣдовалъ за хозяиномъ въ церковь, будучи нѣкоторымъ образомъ его слугою, а кромѣ того, чтобы защитить хозяевъ въ случаѣ нужды; но не трудно было замѣтить по особой внимательности къ Катерицѣ Глѣверъ, что онъ хотѣлъ служить исключительно ей. Однако онъ не имѣлъ случая выказать своего рвенія, потому что всѣ прохожіе съ почтительностью давали дорогу отцу и дочери.

Но когда въ толпѣ показались блестящіе стальные шишаки и шапки колюховъ, стрѣлковъ и воиновъ, то нужно стало при-смотреть, потому что эти люди были совсѣмъ не такъ учтивы какъ мирные граждане. Нѣсколько разъ, когда нечаянно, или можетъ быть парочно, нѣкоторые изъ нихъ при встрѣчѣ съ Симономъ поворачивали къ стѣнѣ, молодой ученикъ хму-

* 14 февраля, день святаго Валентина, въ который каждая птица, по ивѣнію Англичащъ, ищетъ подруги на весь годъ. По древнему обычаю первый мужчина, котораго дѣвушка увидитъ въ этотъ день, долженъ быть ея другомъ по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать мѣсяцевъ. Въ этотъ день дѣвушки получаютъ множество мадригаловъ и другвхъ мелкихъ стиховъ, что доставляетъ городской почтѣ большую выгоду.

рвалъ брови съ угрожающимъ видомъ чело­вѣка, который жа­летъ доказать рвеніе къ услугамъ своей госпожи. Каждый разъ, когда это случалось, Конэчеръ,—такъ звали ученика,—получалъ отъ хозяина выговоръ не вмѣшиваться въ подобныя дѣла безъ особаго приказанія.

— Сумасшедшій, говорилъ онъ ему, развѣ ты не довольно просидѣлъ въ моей лавкѣ.... не могъ узнать, что за толчкомъ слѣ­дуетъ сеора и что кивжалъ также легко прокалываетъ кожу, какъ игла! Развѣ ты не знаешь, что я люблю миръ, хотя и не боюсь войны, и что мнѣ все равно, съ которой стороны я иду съ дочерью?

Конэчеръ извинялся рвеніемъ, которое имѣлъ для защиты хо­зяйской чести; но этотъ отвѣтъ не успокоилъ стараго перскаго гражданина.

— Между нами и честью нѣтъ ничего общаго, вскричалъ Си­монъ Глѣверъ; если ты хочешь остаться у меня, то думай толь­ко о честности, а честь предоставь этимъ легкомысленнымъ хва­стунамъ, которые носятъ на каблукахъ шпоры, а на плечахъ латы. Если ты хочешь завести себѣ такія украшенія, то ты по­жалуй можешь сдѣлать это, но только не у меня.

Этотъ выговоръ, казалось, не унималъ, а только увеличивалъ гнѣвъ Конэчера. Но знакъ Катерины,—если легкое движеніе, ко­торое она сдѣлала, приподымая маленькій палець, можно назвать знакомъ,—произвелъ на молодага чело­вѣка гораздо болѣе дѣй­ствія нежели всѣ упреки разсерженнаго хозяина. Съ лица Конэ­чера тотчасъ сошло воинственное выраженіе, которое было ему такъ свойственно, и онъ опять сдѣлался скромнымъ ученикомъ мирнаго гражданина.

Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подошелъ молодой чело­вѣкъ въ плащѣ, покрывавшемъ часть лица; этотъ обычай при­нимали очень часто тогдашніе волокиты, чтобы не быть узна­ными. Казалось, онъ хотѣлъ сказать окружающимъ:

— Я теперь не хочу быть узнаннымъ; я не хочу, чтобы ме­ня называли по имени; но какъ я одинъ отвѣчаю за мои дѣла, то и скрываю себя только для формы, и мнѣ все равно узнали-ли вы меня или нѣтъ.

Онъ подошелъ къ Катеринѣ, которая шла съ отцемъ подъ ру­ку, умѣрилъ шаги, какъ бы для того, чтобы провожать ихъ.

— Здравствуйте, любезнѣйшій.

— Желаю вашей милости того же, и благодарю васъ. Мо­гу ли я просить васъ продолжать идти? Мы идемъ слишкомъ

тихо для вашей милости и наше общество слишком низко для сына вашего отца.

— Объ этомъ, старикъ, лучше всего можетъ судить сынъ моего отца; но мнѣ надобно поговорить о дѣлѣ... съ вами и съ прекрасною Катериною, которая была такъ любезна и такъ жестока.

Позвольте напомнить вамъ, милордъ, что сегодня канунъ праздника святаго Валентина, и оттого теперь не слѣдуетъ говорить о дѣлахъ. Ваша милость можетъ прислать приказанія завтра утромъ со слугою, въ какое угодно время.

— Теперь для этого самое лучшее время, отвѣчалъ молодой человѣкъ, который, казалось, принадлежалъ къ такому сословію, что считалъ за лишнее церемониться; мнѣ хочется узнать, кончили ли вы заказанное мною полукафтанье изъ буйволовой кожи.... И прошу васъ, милая Катерина, скажите мнѣ, продолжалъ онъ шепотомъ, вышивали ли на немъ ваши хорошенькіе пальчики, какъ вы обѣщали. Но мнѣ нечего спрашивать, потому что мое бѣдное сердце чувствовало каждую стежку.... Жестокая, какъ можете вы мучить сердце, которое васъ такъ вѣжно любитъ.

— Умоляю васъ, милордъ, перестаньте говорить такимъ образомъ; вамъ не слѣдуетъ дѣлать этого, а я не должна слушать васъ. Мы происхожденія низкаго, но честнаго; и присутствіе отца должно бы было защитить дочь отъ словъ, которыя я слышу изъ устъ вашей милости.

Катерина говорила такъ тихо, что ни отецъ ни Ковзчеръ не могли слышать ее.

— Хорошо же, тиранка, отвѣчалъ пастойчпвый волокита: я не стану болѣе надобдать вамъ, если получу позволеніе видѣть васъ завтра утромъ у окна въ ту минуту, когда солнце поднимется на востокъ надъ горами и вы дадите мнѣ такимъ образомъ позволеніе быть вашимъ Валентиномъ весь годъ.

— Нѣтъ, милордъ; мой отецъ недавно говорилъ, что соколъ, а еще тѣмъ болѣе орелъ не избираетъ въ подруги скромную коноплянку. Отъищите какую-нибудь даму двора, которой вы сдѣлали бы честь и посвятили свое вниманіе. Чтò касается до меня, ваша милость позволять сказать откровенно правду, оно меня только опозорить.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до церкви.

— Я надѣюсь, милордъ, сказалъ Симонъ, что вы позволите проститься тутъ съ вами. Я хорошо знаю.... безпокойство, которое могутъ произвести ваши првхоти въ людяхъ нашего класса,

не удержать васъ исполнить ихъ; но по множеству слугъ у дверей церкви надобно предполагать, что тамъ есть особы, имѣющіе право на уваженіе даже съ вашей стороны.

— Да, уваженіе!... а кто имѣетъ ко мнѣ уваженіе? шепталъ надменный молодой человѣкъ. Негодный ремесленникъ и его дочь, которые должны бы почитать за счастье, что я обращаю на нихъ малѣйшее вниманіе, осмѣливаются сказать: «ваше общество опозориваетъ насъ!...» Очень хорошо, моя царевна замшевой кожи и синяго шелку, вы скоро раскаетесь въ этомъ.

Между-тѣмъ, какъ онъ говорилъ съ самимъ собою, перчаточникъ вошелъ съ дочерью въ доминиканскую церковь, а ученикъ Конэчеръ, желая слѣдовать за ними совсѣмъ близко, толкнулъ, можетъ-быть, нарочно молодаго человѣка. Волокита, пробудясь отъ своихъ злыхъ замысловъ, думалъ, что его обидѣли, схватилъ ученика за грудь, ударилъ и грубо оттолкнулъ. Конэчеръ споткнулся и едва удержался на ногахъ; потомъ онъ протянулъ руку къ лѣвому боку, гдѣ обыкновенно носятъ оружіе и, повидимому, искалъ шпаги или кинжала; но не нашедши ничего, онъ знаками выразилъ гнѣвъ и досаду, и вошелъ въ церковь. Молодой же волокита стоялъ, сложа руки на груди и надменно улыбался, какъ бы презирая его угрожающій видъ. Когда Конэчеръ исчезъ, соперникъ его поправилъ плащъ, чтобъ еще больше скрыть лицо и подалъ знакъ, приподнимая перчатку. Къ нему тотчасъ подошли два человѣка, которые были закутаны какъ и онъ, и ждали его приказанія въ нѣкоторомъ отдаленіи. Они съ живостью стали говорить; потомъ молодой человѣкъ пошелъ въ одну сторону, а его друзья, или слуги — въ другую.

Симонъ Глѣверъ, входя въ церковь, посмотрѣлъ на нихъ, но занялъ мѣсто прежде нежели они успѣли разойтись. Онъ всталъ на колѣни съ видомъ человѣка, у котораго на душѣ тяжесть; но когда кончилась служба, онъ, казалось, освободился отъ всѣхъ заботъ и вполне предалъ небесной волѣ себя и свои заботы. Служба была торжественная и при ней присутствовало множество вельможъ и дамъ высокаго происхожденія. Приготовились принять самаго добраго старика-короля; но какая то немочь, которой Робертъ-Третій былъ подверженъ, не позволила ему присутствовать, какъ обыкновенно, при службѣ. Когда стали расходиться, перчаточникъ съ дочерью остались еще нѣсколько времени, чтобы дожидаться очереди исповѣдаться. Оттого, при возвращеніи ихъ домой изъ церкви, улицы были темны и пусты, и многіе уже спали. На улицахъ ходили одни ночные гуляки, ку-

тели, или слуги надменныхъ вельможъ, самохвальные лѣнтяи, которые часто обижали мирныхъ прохожихъ, потому что не боялись наказанія по причинѣ милостиваго пріема своихъ господъ при дворѣ.

Можетъ-быть, боясь какого-нибудь приключенія въ этомъ родѣ, Конзчеръ подошелъ къ перчаточнику и сказалъ :

— Хозяинъ, идите скорѣе: за нами слѣдуютъ.

— Слѣдуютъ, говоришь ты? Кто? зачѣмъ?

— Человѣкъ въ плащѣ слѣдуетъ за нами какъ тѣнь.

— Въ Кёрфьюстритѣ я ни за что не стану прибавлять шагу.

— Но у него есть оружіе.

— И у насъ тоже.... и руки и ноги. Чтò, Конзчеръ, боишься ты человѣка?

— Боюсь! повторилъ Конзчеръ, оскорбленный такимъ вопросомъ: вы скоро увидите, боюсь ли я.

— Вотъ ты и въ другой крайности.... съумасшедшій! не можешь держаться середины! Оттого что мы не хотимъ бѣжать, намъ нечего заводить ссоры. Иди съ Катериною впереди, а я займу твое мѣсто. Намъ нечего опасаться въ такой близости отъ дому.

Перчаточникъ помѣстился въ арріергардѣ и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ человѣка, который слѣдовалъ за ними такъ близко, что это было довольно подозрительно, если сообразить время и мѣсто. Когда они переходили черезъ улицу, онъ тоже переходилъ ее; когда они шли тише, онъ дѣлалъ то же самое. Это обстоятельство не показалось бы Глѣверу важнымъ, если бы онъ былъ одинъ; но красота его дочери могла быть поводомъ къ преступному замыслу въ странѣ, гдѣ защита законовъ имѣла мало значенія для тѣхъ, которые не умѣли сами защитить себя. Конзчеръ дошелъ съ прелестною хозяйскою дочерью до домовыхъ дверей, которыя отворила старая служанка. Перчаточникъ болѣе не беспокоился, однако рѣшился узнать, если можно, имѣлъ ли онъ къ тому поводъ, и сказалъ громкимъ голосомъ человѣку, который напугалъ его и теперь остановился и старался скрыться въ темнотѣ:

— Полно, полно, пріятель! подойди, не играй въ прятки. Развѣ ты не знаешь, что тѣ, которые прогуливаются въ темнотѣ какъ привидѣнія, подвергаются ударамъ палокъ? Подойди! говорю я тебѣ.... дай посмотрѣть на себя.

— Очень охотно, мистръ Глѣверъ, громко отвѣчалъ незнакомецъ: я очень расположенъ показать себя.

— Право, я знаю этотъ голосъ! вскричалъ Смионъ. Дѣйстви-
тельно ли это ты, Генри Гау? Право, ты не пройдеши сквозь
эти двери съ сухими губами. Еще не звонили *керфью* *. Да если
бы и звонили, то это не раздѣлить отца съ сыномъ. Войди,
дружокъ; Доротея подастъ намъ кое что, и мы выпьемъ бутылочку
передъ твоимъ уходомъ. Говорю тебѣ, войди; Кэти очень рада
будеть видѣть тебя.

Глѣверъ ввелъ того, съ кѣмъ разговаривалъ такъ друже-
ски, въ кухню, обыкновенно служившей и столовою. Она была
украшена оловянными тарелками и нѣсколькими серебряными куб-
ками, которые стояли на полкахъ, обыкновенно называемыхъ въ
Шотландіи *банкъ*. Хорошо разведенный огонь и свѣтло горящая
лампа придавали кухнѣ веселый видъ, а запахъ приготовляемаго
ужина возбуждалъ аппетитъ.

Незнакомецъ, который вошелъ въ кухню, хотя не былъ краса-
вецъ и не имѣлъ виду достоинства, однако его станъ и лицо не
только заслуживали, но даже возбуждали вниманіе. Онъ имѣлъ
почти средній ростъ, но широкія плеча, длинныя руки, сильно
обрисовывающіеся мускулы показывали, что онъ чрезвычайно си-
ленъ и безпрестанно упражняетъ свои силы; ноги были не мно-
го согнуты, однако такъ, что это совсѣмъ не казалось безобраз-
нымъ, напротивъ, они шли къ сильному тѣлосложенію, хотя
и нарушали немного симметрію. На незнакомцѣ было по-
лукафтанье изъ буйволовой кожи и поясъ, на которомъ висѣли
широкій тесакъ и кинжалъ, какъ бы для защиты кошелька, ви-
сѣвшаго тамъ же, по обычаю гражданъ; курчавыя волосы были
коротко острижены и выказывали круглую и хорошо сложенную
голову; черныя глаза выражали отвагу и рѣшительность, а чер-
ты лица—застѣнчивость, смѣшанную съ добродушіемъ, и какъ
бы удовольствіе свиданія со старыми друзьями. Отбросивъ вы-
раженіе минутной застѣнчивости, лобъ Генри Гау или Смиа **
(такъ какъ его называли однимъ или другимъ именемъ, означав-
шимъ его ремесло — кузнеца) былъ высокъ и полонъ благородства;

* Вильгельмъ Завоеватель, покоривъ Англію и боясь ночныхъ собраній и
возмущеній, приказалъ звонить каждый вечеръ, въ назначенный часъ, ко-
торый перемѣняла, смотря по времени года; тогда всѣ должны были га-
снуть огонь и свѣчи. Это называли *керфью* (*curfew*), перековерканное изъ
французскаго *couvre-feu*, *накрываніе*, *погашеніе огня*.

** Гау (*Gow*), слово гэлнское, а Смиа (*Smith*) — англійское, и оба
означаютъ *кузнеца*.

но нижняя часть лица не была такъ счастливо устроена. Смитъ имѣлъ большой ротъ съ прекрасными зубами, которыхъ расположеніе соответствовало силѣ и здоровью его тѣла; короткая густая борода и усы, недавно тщательно закрученные, довершали его портретъ. Онъ былъ лѣтъ двадцати-осьми.

Казалось, все семейство радо было видѣть стараго пріятеля. Симонъ Глѣверъ нѣсколько разъ пожалъ ему руку, Доротей низко кланялась, а Катерина сама подала руку. Генри взялъ ее, какъ бы намѣреваясь поднести къ губамъ, но улыбка на покраснѣвшемъ лицѣ переской красной дѣвицы увеличила замѣшательство любезника. Симонъ, видя нерѣшимость друга, вскричалъ съ откровенною веселостью:

— Въ губы, другъ мой, въ губы! я это скажу не каждому, кто переходитъ мой порогъ. Но клянусь святымъ Валентиномъ, котораго праздникъ будетъ завтра, я такъ радъ видѣть тебя опять въ нашемъ прекрасномъ Перѣѣ, что ни въ чемъ не могу отказать тебѣ.

Слова Симона ободрили Смита, и онъ скромно поцѣловалъ Катерину, которая позволила сдѣлать это съ улыбкою, выражавшею любовь сестры, и потомъ сказала:

— Можно ли мнѣ надѣяться, что вы возвратились въ Перѣѣ челоѣкомъ, который раскаялся и исправился.

Онъ держалъ ея руку, какъ-бы съ намѣреніемъ отвѣчать, но вдругъ выпустилъ съ видомъ челоѣка, потерявшаго смѣлость въ ту минуту, когда надобно было выказать ее, и отошелъ, точно будто испугался своей смѣлости. Онъ покраснѣлъ отъ удовольствія и застѣчивости и сѣлъ къ огню напротивъ Катерины.

— Доротей, вскричалъ Симонъ: подавай скорѣе ужинъ!.... А Конэчеръ.... гдѣ Конэчеръ?

— Онъ пошелъ спать, батюшка.... у него болитъ голова, отвѣчала Катерина, запинаясь.

— Пойди, позови его, Доротей, сказалъ старикъ Глѣверъ: я не хочу, чтобы онъ велъ себя такъ; хэйлендская его кровь вѣрно слишкомъ благородна для накрыванія стола и раздачи тарелокъ. Онъ думаетъ присоединиться къ старому и почтенному сословію мастеровъ перчаточниковъ, не исполнивъ обязанностей ученика!.... Говорю тебѣ, иди, зови его; я не потеряю такого невниманія ко мнѣ.

Скоро раздался голосъ Доротей на лѣстницѣ, которая вела на чердакъ, гдѣ жилъ непокорный ученикъ. Онъ отвѣчалъ ворча-

нѣтъ однако немедленно явился въ столовую. Его надменное, но красивое лицо было омрачено темнымъ облакомъ неудовольствія, и повидному Ковэчера унижали лакейскія занятія, которыя исполнялъ, накрывая столъ скатертью и разставляя тарелки, соль, пряности и другія приправы. Обычай того времени предписывалъ ученикамъ исполнять должность нывѣшняго слуги. Перескя красна дѣвица боязненно смотрѣла на него, какъ-бы опасаясь, чтобъ худое расположеніе его духа не увеличило неудовольствія хозяина, и только когда глаза Ковэчера во второй разъ встрѣтились съ глазами Катерины, онъ рѣшился скрыть немного неудовольствіе и показать видъ покорности и охоты при исполненіи требованій хозяина.

Тутъ надобно извѣстить читателей, что, хотя взгляды обмѣненные Катериною Глёверъ и молодымъ горцемъ указывали на какое-то вниманіе дѣвушки къ поведенію его, но и проницательному наблюдателю трудно было открыть, имѣла ли она къ нему чувство живѣе того, какое питаешь къ человѣку, съ которымъ живешь въ одномъ домѣ и видишься ежедневно.

— Ты долго путешествовалъ, сынъ мой, Генри, сказалъ Глёверъ, который всегда называлъ Смита этимъ именемъ, хотя они оба совсѣмъ не находились между собою въ родствѣ. Ты видѣлъ много другихъ рѣкъ кромѣ Тей, и много другихъ городовъ кромѣ Седжонстона *.

— Но я не видалъ ни рѣки, ни города, которые были бы въ долину такъ хороши, какъ Перезъ и Тей; увѣрю васъ, батюшка, при перѣздѣ черезъ Биглійскіе Вики, нашъ прекрасный городъ открылся передо мной, какъ въ романахъ царица фей, которую рыцарь нашелъ спящею на дикихъ цвѣтахъ, и мнѣ стало легко, точно птицѣ, опустившей усталыя крылья въ своемъ гнѣздѣ.

— Ага! такъ ты еще говоришь поэтически? сказалъ Глёверъ. Чтò, будутъ у насъ опять свои баллады, рондо и веселыя рождественскія пѣсни?

— Нѣтъ ничего невозможнаго, батюшка, хотя вѣтеръ мѣховъ и удары молотка о наковальню не совсѣмъ хорошій аккомпаниментъ пѣснямъ мещстреля; однако другой музыки у меня

* Перезъ назывался прежде Седжонстономъ. Пикты построили тутъ, по сѣбъ обращенія своего въ христіанство, церковь во имя Святаго Іоанна (saint John); оттого городъ получилъ имя Седжонстонъ или городъ Святаго Іоанна.

нѣтъ, и если я дѣлаю худые стихи, то зарабатываю хорошія деньги.

— Славно сказано, сынъ мой; какъ-нельзя лучше. Я думаю, ты совершилъ выгодное путешествіе?

— Да, очень выгодное, батюшка. Я продалъ стальной панцырь, который вы знаете, за четыреста марокъ англійскому смотрителю восточныхъ Марчей, сэру Магнусу Редману. Онъ взялъ панцырь безъ торгу, когда испробовалъ крѣпость его сильнымъ ударомъ сабли. А бѣднякъ Хэйлендеръ, который заказалъ его, торговался и просилъ взять половинцу, хотя я и работалъ за вольчугою цѣлый годъ.

— Ну, что ты зѣваешь, Конэчеръ? сказалъ Симонъ, обращаясь мимоходомъ къ ученику-горцу: когда научишься ты дѣлать свое дѣло, а не слушать, что происходитъ вокругъ тебя? Какое тебѣ дѣло до того, что для Англичанина дешева вещь, дорогая для Шотландца.

Конэчеръ оборотился, чтобы отвѣчать, но, одумавшись, опустил глаза и старался возвратиться къ прежнему спокойствію, нарушенному презрительными словами, которыми Смитъ выражался о своихъ горныхъ заказчикахъ.

— Я продалъ тоже по хорошей цѣнѣ нѣсколько сабель и охотничьихъ ножей въ Единбургѣ. Тамъ ожидали войны, и если Богу угодно будетъ послать ее, то товаръ мой выслужитъ заплаченные деньги. Благодарю за то Святаго Дѣнстэна, вѣдь онъ покровитель нашего ремесла *. Однимъ словомъ, прибавилъ онъ, ударя рукою по кошельку, кошелекъ этотъ былъ овсѣмъ плоскій, когда вышелъ изъ нашего городу, теперь онъ возвращается круглый и толстый, какъ четырехмѣсячный поросенокъ.

— А не шибль ли дѣла и тотъ чудакъ съ желѣзною ручкою и кожаными ножнами, который виситъ подлѣ кошелька? Ну, Смитъ, признавайся... сколько разъ дрался ты съ тѣхъ поръ, какъ перешелъ Теѣ?

— Напрасно, батюшка, дѣлаете такіе вопросы при вашей дочери, отвѣчалъ Смитъ, поглядывая изъ-подъ тишка на Катерину. Правда, я кую сабли, но предоставляю другимъ употреблять ихъ. Нѣтъ, нѣтъ, у меня рѣдко бываетъ въ рукахъ клинокъ на голо, если не для того чтобы ковать или точить его; а между-тѣмъ меня

* Въ легендахъ говорится, что этого святаго дьяволъ посѣтилъ въ кузницѣ. Дѣнстэнь схватилъ раскаленные щипцы, которые висѣли подлѣ руками, и ущепилъ за носъ пекунителя, который тотчасъ же убѣжалъ.

отерпели передъ Катериною и заставляли ее думать, что самый ширный перескій гражданинъ — буянь. Пусть храбрѣйшій житель Переа осмѣлится сказать это на Киннаулъ, когда я тоже буду тамъ!

— Да, да! со снѣгомъ вскричалъ Глѣверъ, мы тогда увидимъ прекрасное доказательство твоего миролюбиваго духа. Полно, Генри! можно ли говорить такія вещи человѣку, который тебя очень хорошо знаетъ? Ты думаешь, Катъ неизвестно, что въ этой странѣ рука должна охранять голову, если хочешь спать спокойно. Полно! полно! признайся.... ты напортилъ столько же оружія, сколько самъ сдѣлалъ.

— Право, Симонъ, худой бы былъ тотъ оружейникъ, который не могъ бы самъ показать превосходство своего оружія. Если бы нѣтъ не случилось отъ времени до времени разрубить шпакъ или найти недостатки кольчуги, то я не зналъ бы, какъ крѣпко дѣлать свое оружіе; я дѣлалъ бы такія же бумажныя латы, какія эдмбургскіе оружейники не стыдятся выпускать изъ своихъ кузницъ.

— Ага! бьюсь объ закладъ, ты имѣлъ споръ по этому поводу съ какимъ нибудь эдмбургскимъ кузнецомъ.

— Споръ! нѣтъ батюшка; но признаюсь, я помѣрилъ шпагу съ однимъ изъ нихъ на горѣ Святаго Леоварда за честь нашего города. Конечно вы не подумаете, чтобы я иначе поспорился съ собратомъ по ремеслу.

— Конечно нѣтъ! Но какъ отдѣлался твой собратъ?

— Какъ человѣкъ, у котораго на груди только листъ бумаги, можетъ отдѣлаться отъ удара копья, или лучше сказать, онъ со всѣмъ не отдѣлался, потому что когда я уѣзжалъ, онъ былъ еще въ хижинѣ отшельника, ожидая со дня на день смерти, и отецъ Длѣрвикъ говорилъ, что онъ приготовлялся къ ней, какъ истинный христіанинъ.

— Хорошо.... не мѣрилъ ли ты шпаги еще съ кѣмъ нибудь? спросилъ Глѣверъ.

— Признаться сказать, я дрался съ однимъ Англичаниномъ въ Бѣрдикъ изъ-за стараго вопроса о верховности, какъ они это называютъ. Я увѣренъ, вы не захотѣли бы, чтобы я не поддерживалъ свое мнѣніе, и къ счастью я разцѣлъ противника въ лѣвое колено.

* Англія уже до Роберта Брюса присвоивала себѣ верховную власть надъ Шотландією.

— Чудесно, клянусь святымъ Андреемъ!.... А потомъ что ты еще сдѣлалъ? сказалъ Симонъ, сѣясь надъ подвигомъ миролюбиваго друга.

— Я дрался съ однимъ Шотландцемъ въ Торрудѣ, потому что мы сомнѣвались, кто изъ насъ лучше владѣеть палашемъ. А это можно было узнать только на опытѣ. Бѣдняку это стоило двухъ пальцевъ.

— Ну, этого довольно будетъ для мирнаго черескаго гражданина, который вынимаетъ клинокъ только для того, чтобы точить его. Нѣтъ ли у тебя еще чего-нибудь рассказать?

— Почти ничего; едва ли стоитъ говорить объ урокъ, который я задалъ одному горцу.

— А за что ты задалъ ему урокъ, миролюбивый человекъ? спросилъ перчаточникъ.

— Не помню за что, отвѣчалъ кузнецъ: знаю только, онъ встрѣтился со мною на южной сторонѣ Стѣрлинской Вершинны.

— Ну, выпью за твое здоровое, мнѣ очень пріятно видѣть тебя послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ..... Конэчеръ, поворачивайся. Наливай памъ, да и самъ выпей стаканъ этого прекраснаго пива.

Конэчеръ съ почтеніемъ подалъ хозяину и Катеринѣ по стакану пива. Но потомъ поставилъ бутылку на столъ и усѣлся.

— Что братъ!.... что ты тамъ дѣлаешь? Подай стаканъ нашему гостю, достойнѣйшему мистру Смигу.

— Мистръ Смигъ самъ можетъ вадить стаканъ пива, если ему угодно пить, возразилъ молодой горецъ. Сыпъ моего отца довольно униженъ для одного вечера.

— Да онъ для своихъ лѣтъ довольно пѣтушится, сказалъ Генри, но ты братъ правъ.... тотъ, кому нуженъ мундшенкъ, когда хочется пить, стоитъ того, чтобы умереть отъ жажды.

Старикъ Симонъ не такъ терпѣливо сносилъ непослушаніе своего ученика.

— Клянусь честнымъ словомъ, вскричалъ онъ, и лучшею парюю монхъ перчатокъ, ты подашь Генри стаканъ пива, если хочешь остаться эту ночь со мною подъ одною крышею.

При этой угрозѣ, Конэчеръ мрачно всталъ и подошелъ къ Смигу, который держалъ уже стаканъ въ рукахъ. Горецъ налил пиво; но когда Генри поднялъ руку, чтобы пить, онъ нарочно споткнулся и упалъ на кузнеца, а пѣнящаяся жидкость залила лице и одежду оружейника Смигъ, при всей своей склонности къ спору, былъ добрякъ; однако эта выходка вывела его изъ терпѣнія. Онъ схватилъ молодаго человека за шею, которая пер-

мя попалась ему под руку, когда Конзечеръ совершилъ свое
платное паденіе, и сжавъ ее, оттолкнулъ ученика и вскричалъ:

— Если бы это случилось въ другомъ мѣстѣ, то я обрѣзалъ
бы тебѣ уши, какъ уже сдѣлалъ это со многими горцами твоего
князя....

Конзечеръ вскопчилъ съ ловкостью титра и вскричалъ:

— Ты этимъ никогда болѣе не похвастаешь!

Тутъ онъ вырвалъ съ груди небольшой острый ножъ и под-
скочилъ къ Генри, стараясь ударить его въ шею, что смертельно
ранило бы кузнеца. Но Смитъ ловко схватилъ руку Конзечера и
ножъ только порѣзалъ до крови. Сжимая руку ученика точно
тискаемъ, кузнецъ въ минуту обезоружилъ его. Лицо Конзечера, рас-
кравившееся отъ гнѣву, покрылось блѣдностью, когда онъ уви-
дѣлъ себя во власти мощнаго противника. Отъ боли и стыда
поводой человекъ молчалъ. Наконецъ Смитъ выпустилъ руку и
спокойно сказалъ ему:

— Твое счастье, что ты не можешь разгнѣвать меня... ты
еще мальчишка, и я, мужчина, не рѣшился обидѣть тебя.... Пусть
это послужитъ урокомъ....

Конзечеръ постоялъ съ минуту, какъ бы намѣреваясь отвѣчать,
но вдругъ вышелъ изъ комнаты прежде нежели Смитъ успѣлъ
оправиться отъ удивленія и сказать что-нибудь. Катерина упала
въ обморокъ при видѣ крови.

— Позвольте мнѣ уйти, батюшка, печально сказалъ Генри: я
долженъ бы былъ догадаться, что меня не оставитъ старая при-
вычка и я надѣлаю шуму и пролью кровь въ такомъ мѣстѣ, куда
желалъ принести миръ и счастье. Не заботьтесь обо мнѣ....
вспомните на бѣдную Катерину; испугъ убилъ ее.... и всему
виною я....

— Ты, сынъ мой!... Во всемъ виноватъ этотъ хэйлендскій раз-
бойникъ! Домъ мой точно проклятъ его присутствіемъ; но завтра
же онъ воротится въ горы или познакомится съ городской тюрь-
мою.... Покусись на жизни гостя своего хозяина въ самомъ домѣ
хозяина! Это разрываетъ всякую связь между нами.... Покажи рану.

— Позаботьтесь о Катеринѣ! повторилъ оружейникъ; о Катеринѣ!

— Доротея позаботится о ней.... Изумленіе и страхъ не убива-
ютъ; но кинжалы и ножи гораздо опаснѣе. Впрочемъ, если она
моя дочь по крови, то ты, Генри, сынъ мой по любви къ тебѣ...
Покажи рану.... Скинокль опасное оружіе въ рукахъ горца *.

* Скинокль (skene-ocle) называется кинжалъ Хэйлендцевъ. По сло-
вскому переводу skene-ocle означаетъ *подмышечный ножъ*.

— Я забочусь объ этой ранѣ не больше, какъ о царапинѣ дикой кошки, сказалъ оружейникъ, и какъ на лицѣ Катерины опять показывается румянецъ, то вы меня увидите черезъ минуту совершенно здоровымъ.

Онъ пошелъ къ углу, гдѣ встѣло зеркальцо, вынулъ изъ кармана корпю, приложилъ къ легкой ранѣ и отворотилъ на шею и на плечѣ кожанное полукафтанье. Мужественныя формы Смита не были замѣчательнѣе близвы тѣла на мѣстахъ не подверженныхъ дѣйствию воздуха и его труднаго ремесла. Онъ поспѣшно остановилъ корпиею теченіе крови, смылъ свѣжею водою слѣды раны и застегнувъ полукафтанье, оборотился къ Катеринѣ. Она была еще блѣдна и дрожала, но уже пришла въ себя отъ обмороку.

— Простите ли вы мнѣ? сказалъ онъ: я весь огорчилъ въ самую минуту своего возвращенія? Этотъ молодой человекъ забылся до того, что обидѣлъ меня, а я былъ такъ глупъ, что разгорячился дерзостью молокососа. Отецъ вашъ не порицаетъ меня, Катерина; а вы, можете вы простить меня?

Мнѣ нечего прощать, отвѣчала Катерина, когда я не имѣю права обижаться. Если отцу моему правятся въ домѣ ночныя ссоры, я конечно должна быть свидѣтельницею ихъ... я ничего не могу сдѣлать. Можетъ-быть, я виновата, что прервала обидокомъ такую прекрасную борьбу. Единственное мое извиненіе... я не сишу виду крови.

— А! такъ-то ты принимаешь моего друга послѣ долгой разлуки? сказалъ отецъ. Моего друга! моего сына, долженъ я сказать; его едва не убилъ дуракъ, отъ котораго я завтра же освобожусь, а ты обходишься съ Генри будто онъ провинился, отталкивая змѣю, хотѣвшую отравить его своимъ ядомъ!

— Мнѣ нечего разрѣшать, кто въ этомъ спорѣ правъ, кто виноватъ, отвѣчала переская дѣвица; я даже не видала хорошевно, кто былъ зачинщикомъ и кто только зачинчался. Но другъ нашъ, мистръ Генри, не станетъ отвѣкиваться, что онъ живетъ въ безпрестанныхъ ссорахъ и кровавыхъ дракахъ. Если кто нибудь хвалится искусствомъ владѣть палашемъ, то онъ сейчасъ ревнуетъ его славу и испытываетъ свое искусство. Если мистръ Генри видитъ драку, онъ кидается между спорщиками; съ друзьями онъ дерется для чести, съ врагами изъ ненависти и чувства мщенія. На тѣхъ, которые ни пріатели, ни враги его, онъ нападаетъ, потому что они на сѣверѣ или на югѣ какой-ни-

будь рѣка. Дни его—дни драки, а ночью ему, вѣрно, снятся одиессоры и споры.

— Дочь, сказала Симонъ, языкъ твой вертится слишкомъ свободно. Споры и борьба касаются однихъ мужчинъ, а не женщинъ, и молодой дѣвушкѣ неприлично не только говорить, но даже думать о нихъ.

— Но если они провсходятъ въ нашемъ присутствіи, то жестоко бы было запрещать намъ думать и говорить о нихъ. Я согласна, что у этого достойнаго перскаго гражданина прекраснѣйшее сердце... онъ отоидетъ шаговъ триста съ дороги, чтобы не задвить насѣкомое... онъ не убьетъ паука для забавы, точно какой нибудь родственникъ покойнаго короля Роберта. * Понѣднѣній споръ передъ отъѣздомъ онъ имѣлъ съ четырьмя мясниками, съ которыми дрался, чтобы не дать имъ убить бѣднаго бульдога, худо травившаго быка. При этомъ мистръ Генри едва не подвергся самъ участи бульдога. Я согласна тоже, что вищій не пройдетъ мимо дому богатаго оружейника, не получивъ пищи или милостыни. Но къ чему служить благотворенія Смита, если рука его приговариваетъ къ печали и слезамъ столько вдовъ и сиротъ, которымъ онъ помогаетъ деньгами.

— Выслушай меня, Катерина, прежде нежели станешь дѣлать другу моему упреки, которые, кажется, виѣютъ смыслъ, но въ дѣйствительности не сходятъ съ тѣмъ, что мы видимъ и слышимъ. На какія зрѣлища сходятся нашъ король, дворъ его, вельможи, дамы, абаты, монахи и священники? Не на турниры ли? Не ходять ли они туда удивляться подвигамъ рыцарства, посмотреть на искусство храбрыхъ рыцарей, видѣть знаменитыя и удивительныя дѣла, которыя исполняются оружіемъ и цѣною крови? Чѣмъ отличаются забавы этихъ благородныхъ рыцарей отъ тѣхъ, что дѣлаетъ нашъ добрый Генри Гау въ своемъ кругу? Кто можетъ сказать, что онъ употребилъ силу и искусство для зла и покровительства притѣсненію, и кому не извѣстно сколько разъ онъ подымалъ оружіе въ нашемъ городѣ за истину? Не должна ли ты считать за честь, что между всѣми женщинами города ты

* Рассказываютъ, что Брюсъ, находясь однажды въ большомъ затрудненіи, увидѣвъ полѣе своей постели паука, который напрасно старался прикрѣпить паутину. Послѣ продолжительныхъ трудовъ ему наконецъ удалось исполнить свое намѣреніе, и этотъ случай король привялъ за хорошее предвѣщаніе, которое придало ему твердости въ трудномъ его положеніи. Съ тѣхъ поръ всѣ Брюсы и родственники ихъ считали преступленіемъ мучить или убивать насѣкомыхъ этого роду

ишь такое сильного и смѣетъ съ тѣмъ доброго защитника? Чѣмъ гордятся всего болѣе самыя благородныя дамы, если не храбростью своихъ кавалеровъ? А исполнял-ли самый свѣтлый шотландскій рыцарь такіе зайѣчательные подвиги, какъ мой храбрый сынъ Генри, хотя онъ и низкаго происхожденія? Не называютъ ли его въ верхней и нижней Шотландіи лучшимъ оружейникомъ, который когда либо ковалъ палаши, и лучшимъ бойцемъ, который когда либо вынималъ его изъ ноженъ?

— Вы противорѣчите сами себѣ, батюшка, если позволите вашей дочери сказать это. Поблагодаримъ Бога и всѣхъ святыхъ, что мы родились въ скромномъ и мирномъ кругу, на который не обращаютъ вниманія люди высокаго происхожденія. Ихъ благородство, а еще болѣе гордость заставляетъ хвалиться кровавыми жестокостями. Вельможи навываютъ это рыцарскими подвигами. Согласитесь, безумно было бы парягаться намъ въ ихъ перья, и носить блестящую одежду: къ чему же намъ подражать порокамъ, которымъ они предаются? къ чему присвоимъ мы надменность зачерствѣлага къ сердца и варварскую жестокость, дѣлающую изъ страданій не только удовольствіе, но и тщетную славу? Пусть тѣ, которыхъ происхожденіе требуетъ кровавыхъ забавъ, забавляются и хвалятся этимъ; но мы принадлежимъ къ числу жертвъ и скорѣе можемъ хулить такіе подвиги. Поблагодаримъ небо, что оно поставило насъ въ столь смиренное положеніе, и избавляетъ насъ отъ покушеній.... Но извините, батюшка, если я перешла границы своего долга, опровергая мнѣніе, которое вы раздѣляете съ другими объ этихъ предметахъ.

— Право, ты, Катерина, всегда наговоришь промасть противорѣчій, сказалъ немного разсерженный отецъ. Я только простой ремесленникъ и всего лучше умѣю различить перчатку съ правой руки отъ перчатки съ лѣвой. Но если хочешь получить прощеніе, скажи Генри что-нибудь утѣшительное. Смотри, какъ онъ смущенъ и опечаленъ отъ твоей проповѣди; для него звуки трубы призываютъ на праздникъ, а теперь онъ опечаленъ свисткомъ ребенка.

Оружейникъ дѣйствительно опустил голову на руки, лежавшія на столѣ, и въ этомъ положеніи слушалъ съ глубокою печалью, почти съ отчаяніемъ, черную картину своего характера изъ устъ, которыя ему были очень дороги.

— Я благодарна бы небо, батюшка, отвѣчала Катерина, если бы могла утѣшить Генри, не измѣняя истинамъ, которыя вы сказала! И я могу, я должна сдѣлать это, продолжала она голо-

сонъ, который при ея красотѣ и энтузіасмѣ казался выражать вдохновеніе. Потомъ она торжественно сказала:

— Небо никогда не вѣряло истинны голосу самому слабому, не давая ему права произносить помилованіе вѣстѣ съ осужденіемъ. Подыми голову, Генри; подыми голову, человекъ добрый, великодушный, хотя ужасно заблудшій! Твои пороки — пороки вышшняго жестокаго вѣка, который ни въ чемъ не раскаивается; твои добродѣтели принадлежатъ тебѣ одному.

Между тѣмъ какъ говорила это, Катерина положила свою руку на руку Смита, съ вѣжнымъ усиліемъ выдернула ее изъ подъ головы и заставила оружейника обратить къ себѣ лицо, по которому текли слезы, вызванныя ея упреками и другими чувствами.

— Не плачь, сказала она, или лучше плачь, но слезами человека съ надеждами. Изгони демона гордости и гнѣву, который безпрестанно овладѣваетъ тобой; брось далеко отъ себя это презрѣтое оружіе.... его ужасное и убійственное употребленіе соблазняетъ тебя и ты легко поддаешься соблазну.

— Это потерянные совѣты, Катерина, возразилъ Смитъ. Я могъ бы постричься въ монахи и удалиться отъ свѣта, но я всю жизнь не буду въ состояніи оставить своего ремесла; а когда я дѣлаю оружіе, то не могу не уступить соблазну употребить его. Вы не упрекали бы меня, если бъ знали, какъ связанъ воинственный духъ, порицаемый вами, съ ремесломъ, которымъ я питаюсь. Между-тѣмъ какъ я кую шпашекъ или щитъ, воображенію моему всегда представляется, какъ на него могутъ падать удары.... Можно ли мнѣ забыть употребленіе шпаги, когда я закалываю ее?

— Ну, дорогой мой Генри, вскричала восторженная дѣвушка, сжимая обѣими руками сильную руку мощнаго оружейника, и привадышал ее съ небольшимъ трудомъ, чему Смитъ не сопротивился; ну, дорогой мой Генри, откажитесь отъ ремесла, которое такъ соблазняетъ. Бросьте приготовленіе оружія, полезнаго только для сокращенія человѣческой жизни, безъ того уже короткой для раскаянія. Знаніе искусства ковать наступательное и оборонительное оружіе—преступленіе для того, кто соблазняется этимъ къ грѣху. Откажитесь совсѣмъ отъ производства оружія какого бы то рода ни было, и заслужите прощеніе неба, отбросивъ все, что можетъ возвратитъ васъ къ обычному погрѣшенію.

— Чѣмъ же стану я добывать насущный хлѣбъ? спросилъ

Смитъ, когда оставлю ремесло, которое сдѣлало извѣстнымъ имя перескаго Генри отъ Тея до Темзы?

— Искусство ваше дастъ вамъ средство къ невинному и похвальному источнику процвѣтія, отвѣчала Катерина. Если вы перестанете ковать щиты и шпаги, вы можете дѣлать полезные заступы и почтенные плуги, всѣ снаряды, которые способствуютъ къ поддержанію и удовольствію жизни. Вы можете ковать заноры и замки для охраненія собственности слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ, или отъ разбойниковъ. Народъ будетъ бѣгать къ вамъ, а ваше честное ремесло....

Тутъ рѣчь Катерины была прервана. Въ ея выходкѣ противъ турнировъ отецъ Симонъ слышалъ совершенно новыя для него мысли и внутренно одобрялъ ихъ. Ему даже хотѣлось въ тайнѣ, чтобы тотъ, кого онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать своимъ зятемъ, не подвергнулся такъ часто опасностямъ, которыя Смитъ до сихъ-поръ легко побѣждалъ при предпримчивости характера и необыкновенной силѣ; Симонъ желалъ, чтобы въ этихъ отношеніяхъ убѣжденія Катерины произвели желаемое дѣйствіе на жениха, упрямого и непоколебимаго, когда ему грозилъ. Но разсужденія дочери были противны видамъ отца, когда она стала уговаривать Смита перемѣнить ремесло, самое выгодное въ то время въ Шотландіи и которое доставляло перескому Генри больше прибыли нежели какому-либо другому оружейнику королевства. Старикъ имѣлъ неясныя мысли, что Смиту не худо бы оставить привычки часто прибѣгать къ помощи оружія, хотя Симонъ и гордился отдать дочь за челоуѣка такъ хорошо владѣвшаго шпагою и палашемъ, что было большимъ достоинствомъ въ тотъ воинственный вѣкъ. Но онъ слышалъ совѣтъ дочери оставить, для достиженія миролюбія, выгодное ремесло, въ которомъ Смитъ не имѣлъ соперника; притомъ частныя споры и нерѣдкія войны въ тотъ вѣкъ общали непрерывно приносить оружейнику доходы. Симонъ не могъ удержать гнѣву. Катерина едва успѣла посовѣтовать Смиту дѣлать земледѣльческія орудія, отецъ увѣрился, что онъ самъ правъ, хотя и сомнѣвался въ этомъ при первой части разговорѣ дочери, и съ досадою вскричалъ:

— Заноры, замки! плуги!... отчего же не лопаточки, щипцы и гердли *? Тогда ему нужень будетъ только осель, чтобы развозить товаръ изъ деревни въ деревню... а ты поведешь другаго

* Гердли (girdles) тонкія желѣзныя пластинки, на которыхъ пекутъ самое любимое кушанье въ Шотландіи, пироги, называемыя oaten cake.

за недоуздокъ.... Ты совсѣмъ потеряла рассудокъ, Катерина! гдѣ ты думаешь, стануть въ нашъ вѣкъ охотно давать деньги за что другое нежели за оружіе для нападенія на неприятелей и защиты собственной жизни? Теперь намъ всего нужнѣе шпага для защиты, а не плугъ чтобы обрабатывать землю, для посѣву, котораго плодовъ никогда не увидишь. Что касается до насущнаго хлѣба, сильный завладѣваетъ имъ и живетъ, а слабый обходится безъ него и умираетъ съ голоду. Счастливъ тотъ, кто, какъ сынъ мой, зарабатываетъ хлѣбъ не шпагою! Проповѣдуй ему ипръ сколько тебѣ угодно.... я никогда не захочу сказать тебѣ вѣтъ... но слышать, что ты совѣтуешь первому оружейнику въ Шотландіи отказаться ковать шпаги, топоры и латы.... да это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія.... Прочь съ моихъ глазъ!... и если ты будешь имѣть завтра утромъ счастье увидѣть Генри Смита, чего ты не заслужила за свое обхожденіе съ нимъ, то вспомни, во всей Шотландіи оиъ не имѣетъ соперника въ искусствѣ владѣть оружіемъ, и можетъ заработать пятьсотъ марокъ въ годъ, отдыхая каждый праздникъ....

Дочь, выслушавъ рѣшительныя слова отца, низко поклонилась ему и, не говоря ни слова, ушла въ свою спальню.

III.

Сердце оружейника волновалось противоположными чувствами, такъ, что, казалось, хотѣло выскочить изъ подъ буйволоваго полукастанья. Смитъ всталъ, обернулся и протянулъ руку къ перчаточнику, отворачивая лицо, точно будто желая скрыть смущеніе.

— Да повѣсь меня, если я хочу теперь проститься съ тобой, сказалъ Смитъ, ударивъ по протянутой къ нему рукѣ. Я еще дѣлый часъ не пожму тебѣ руки. Подожди немножко, я тебѣ все объясню; вѣрно, нѣсколько капель крови изъ царапины и вѣсколько глупыхъ словъ молодой дѣвушки не поссорятъ отца съ сыномъ послѣ долгой разлуки? Остаешься, если хочешь получить благословеніе отца и святаго Валентина, котораго завтра праздникъ.

Перчаточникъ громко сталъ звать Доротею, и послѣ брешающаго ключанья и стуку на дѣствяцѣ, она явилась съ тремя огромными стаканами въ зеленого стекла, что считали тогда большою рѣдкостью. За нею шелъ Смитъ съ бутылкою, въ которую

входили по-крайней-мѣрѣ три квартиры (два штофа) нашего испорченнаго вѣка.

— Вотъ вино, Генри, вдвое старше меня; мой отецъ получилъ его въ подарокъ отъ знаменитаго старика Краба, едамадскаго наженера, который такъ храбро защищалъ Перезъ въ малолѣтство Давида-Втораго. Мы, перчаточники, тоже дѣлаемъ кое-что для войны, хотя и не такъ непосредственно, какъ вы, оружейники. И мой отецъ поправился старику Крабу.... я расскажу тебѣ когда-нибудь, какъ это случилось. Вино долго было скрыто отъ жадности англійскихъ мародеровъ. Теперь я выпью стаканъ за душу моего почтеннаго отца.... дай Богъ ему царство небесное! Доротей выпей тоже стаканъ, а потомъ иди на чердакъ. Я знаю, тебѣ хочется послушать насъ, но то, что я скажу, долженъ слышать только мой приемный сынъ.

Доротей ничего не отвѣчала, взяла стаканъ и храбро выпила его. Потомъ пошла по приказанію хозяйки въ свою комнату. Друзья остались одни.

— Жаль, другъ мой, Генри, сказалъ Симонъ, паливая себя и гостю вина, жаль, что моя дочь въ такомъ худомъ расположеніи духа; но мнѣ кажется, ты самъ немного виноватъ въ томъ. Зачѣмъ пришелъ сюда со шпагою и книжаломъ, когда знаешь, что она, по глупости, не любитъ оружія? Помнишь ли ты маленькую ссору, которую имѣлъ ты съ нею, передъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Переза, изъ-за того что не хотѣлъ одѣться въ платьѣ миролюбиваго гражданина, а ходилъ всегда съ оружіемъ, какъ мошенники джеменны, слуги вельможъ? Право, для мирнаго гражданина, будетъ время взяться за оружіе, когда городской колоколъ зазвонитъ сборъ.

— Но, любезный батюшка, я совѣмъ не виноватъ. Едва успѣлъ я сойти съ лошади, какъ поспѣшилъ извѣстить васъ о своемъ пріѣздѣ и думалъ просить позволенія быть въ этомъ году Валентиномъ миссъ Катерины; тогда я узналъ отъ мистриссъ Доротен, что вы пошли слушать службу въ церковь Черныхъ Братьевъ. Я отправился туда помолиться, а кромѣ того.... простите мнѣ Божья Матерь и святой Валентинъ!... посмотрѣть на особу, которая вовсе не думаетъ обо мнѣ. Когда вы входили въ церковь, я увидѣлъ трехъ человѣкъ, которые показались мнѣ подозрительными; они разговаривали, посматривая на васъ и на Катерину, и я узналъ именно сѣра Джона Раморна, несмотря что онъ старался не быть узнаваемъ, въ широкомъ лакейскомъ плащѣ и подъ бархатными мушками на глазахъ.... Я подумалъ, ба-

тише, вы стары, а этотъ горнецъ слишкомъ молодъ для обороны, и не худо будетъ тихо слѣдовать за вами до дому; я не сомнѣваюсь, что съ моимъ оружіемъ я раздѣлаюсь со всланиль, кто идунасть обидѣть васъ. Вы сами узнали меня и насильно принимали войти; иначе, увѣряю васъ, я не рѣшился бы предложить вашей дочери, не одѣвши новое полукафтанъ, заказанное въ Беруикъ по послѣдней модѣ, и она ни за что не увидѣла бы оружія, котораго не любитъ. Однако, сказать правду, къ счастью много есть людей, которые по той или другой причинѣ смирительно ненавидятъ меня, такъ, что мнѣ болѣе чѣмъ кому-нибудь нельзя выходить ночью безъ оружія.

— Вотъ объ этомъ глупая то и не подумала, сказала Симоць Глэверъ: у нея никогда нѣтъ разсудку поразмыслить, что въ нашей любезной Шотландіи каждый считаетъ себя вправе самъ читать судъ и расправу. Но, любезный Генри, не принимай словъ ея такъ къ сердцу. Я видѣлъ, какъ смѣло ты говоришь съ другими дѣвушками; отчего же ты молчишь передъ нею?

— Потому что она совѣтъ не то, что другія, батюшка; она столько красивѣе ихъ, но и умѣе, образованнѣе, скромнѣе, заслуживаетъ гораздо болѣе почтенія, и мнѣ кажется, у нея есть другое тѣло нежели у насъ. Я могу высоко поднять голову передъ другими дѣвушками, когда мы пляшемъ вокругъ майскаго шеста; но подлѣ Катерины я считаю себя за существо грубое, жестокое, которое едва ли достойно смотрѣть на нее, а тѣмъ болѣе возражать на ея слова.

— Неблагоразумный же ты покупательъ, Генри Смитъ, сказалъ Симоць: ты слишкомъ хвалишь товаръ, который хочешь продать. Катерина дѣвушка хорошая и дочь моя; но если ты говоришь местными словами и застѣнчивостью сдѣлаешь изъ нея высокоумную обезьяну, то мы оба не увидимъ исполненія нашихъ желаній.

— Я этого и самъ боюсь, добрый батюшка, сказалъ Смитъ, потому что помню, какъ мало имѣю достоинствъ передъ Катериной.

— Цили о кусочкѣ нитки! сказалъ перчаточникъ: или помни скорѣе обо мнѣ и Катеринѣ, другъ мой Смитъ. Вспоминай, какъ обетуютъ бѣдную дѣвушку съ утра до вечера.... и что за люди! даже когда заперты окна и двери. Вотъ еще сегодня присталъ къ моей дочери волокита, слишкомъ могущественный, чтобы называть его.... да! и еще не старался скрыть досады, что я не позволилъ ему говорить дочери гаупости во время

священной службы. Есть и другіе не умѣе этого. Иногда я жалѣю, что Катерина так хороша и возбуждаетъ опасный родъ удивленія; часто мнѣ хочется видѣть ее не такою скромницею чтобы она рѣшилась сдѣлаться доброю женою храбраго Генри Смита, который защитилъ бы ее отъ всего рыцарства шотландскаго двора.

— И если я не сдѣлаю этого, сказалъ Генри, вытягивая руку атлета, то не стану болѣе опускать молотка на наковальню! Да если и дойдетъ до этого, то прекрасная Катерина узнаетъ, что для мужчины не худо умѣть защищаться. Но мнѣ кажется, она думаетъ, что свѣтъ огромная церковь и каждый долженъ вести себя какъ при вѣчной священной службѣ.

— Право, сказалъ Симонъ, она имѣетъ странное вліяніе на окружающихъ ее людей.... Этотъ горецъ, Конэчеръ, который у меня уже года два или три, имѣетъ, какъ ты видѣлъ, отличительный характеръ своихъ соотечественниковъ; почти только она можетъ заставить его слушаться, и она очень старается отъчпть его отъ грубаго хэйлендскаго обращенія.

Генри Смигу, казалось, неловко было сдѣлать: онъ взялъ бутылку, поставилъ на столъ и, наконецъ, вскричалъ:

— Къ чорту щенка горца и всю его породу! К чему Катерина учить такого чудака? Съ нимъ будетъ то же, что съ молодымъ волкомъ, котораго я по глупости воспиталъ какъ собаку. Каждый думалъ, что онъ сталъ ручной; но въ одинъ худой часъ я пошелъ съ нимъ гулять на монакрейскую гору. Тамъ онъ бросился на стадо помѣщика и надѣлалъ столько бѣды, что если бы помѣщику этому не нужно было въ то время доспѣховъ, мнѣ дорого обошлась бы эта шутка. И я удивляюсь, что вы, человекъ благоразумный, держите этого молодого горца.... такого чудака.... въ близкихъ сношеніяхъ съ Катериною.

— Полно! сынъ мой, полно!... вотъ ты уже ревнуешь несчастнаго, который, признаться сказать, только оттого тутъ, что ему не такъ хорошо жить по ту сторону горъ.

— Ну, хорошо, батюшка, возразилъ оружейникъ: однако если бы я не боялся обидѣть васъ, то сказалъ бы вамъ, что вы слишкомъ много связываетесь съ чужаками-горцами.

Вѣдь надобно же мнѣ откуда-нибудь доставать оленью кожу, лайковую кожу и прочее, любезный Генри; а съ горцами славно торговать.

— Да, они все дешево продаютъ, сухо возразилъ Генри, потому что воруютъ.

— Хорошо, хорошо; какъ бы то ни было — не мое дѣло знать откуда они достаютъ животныхъ, если они только доставляютъ мнѣ кожи. Но какъ я уже сказалъ, я дѣлаю одолженіе отцу этого молодого человѣка, удерживая его по нѣкоторымъ обстоятельствамъ здѣсь. Впрочемъ, онъ только поддурецъ и не нѣтеть необходимаго духу какого-нибудь глѣнэми.... Сверхъ того, я рѣдко видѣлъ Конэчера въ такомъ дикомъ расположеніи духа, какъ сегодня.

— Однако онъ едва не убилъ меня, возразилъ оружейникъ также сухо какъ и прежде.

— Впрочемъ, если тебѣ угодно, Генри, я безъ церемоніи завтра же пошлю этого чудака искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

— Полноте, батюшка, сказалъ кузнецъ: вы должны быть увѣрены, что Генри Гау заботится объ этомъ горномъ котенкѣ столько же, сколько о лишнемъ уголькѣ въ своей кузницѣ. Увѣрю васъ, я не стану безнокояться, хоть бы весь его кланъ вошелъ въ городъ по главной нашей улицѣ Шѣгэтъ съ криками *слоганъ!** и при звукахъ волюнки; я пашелъ бы пятьдесятъ клинковъ и шитовъ, которые заставили бы уйти ихъ скорѣе нежели они пришли. Но призваться сказать, хотя я говорю глупость, мнѣ не нравится видѣть этого чудака такъ часто съ Катериною. Помните, батюшка, ремесло перчаточника требуетъ всего вашего вниманія, даже когда этотъ лѣвтяй работаетъ, что съ нимъ рѣдко случается, какъ вы знаете.

— Да, правда, сказалъ Симонъ. Онъ рѣжетъ всѣ перчатки для правой руки и во всю жизнь не сдѣлалъ еще цѣлой пары.

— Конечно, у него совсѣмъ другія мысли о рѣзаніи кожи, продолжалъ Генри. Но съ вашего позволенія, батюшка, я хотѣлъ сказать, работаетъ ли онъ, или лѣвится, у него всё таки хорошіе глаза.... его руки не обожжены желѣзомъ и не жестки отъ кузнечной работы.... волосы не закопчены въ горнилѣ, какъ барсучья шкура. Пусть Катерина будетъ самою лучшею дѣвушкою въ свѣтѣ, и я увѣрю, она лучшая въ Перевѣ; однако она пойметъ, что это отличаетъ насъ другъ отъ друга, а отличія мои совсѣмъ не говорятъ въ мою пользу.

— Отъ всего сердца пью за твое здоровье, сынъ мой Генри, сказалъ старикъ, наливая себѣ и товарищу по стакану вина. Вижу, что, какой бы ты ни былъ хорошей кузнецъ, ты не знаешь изъ какого металла женщины. Ты долженъ быть сиѣмѣ, Генри;

* Военный крикъ шотландскихъ горцевъ.

не ходи какъ вѣбѣльщикъ, а какъ веселый молодой человекъ который знаетъ свое достоинство и не хочетъ сносить презрѣнія самой лучшей вучки Евы. Катерина такая же жеманна какъ и мать ея, и ты очень ошибаешься, если думаешь нравиться только наружностью; намъ надобно тоже похвалиться разговоромъ. Женщина должна знать, что тетя, кому она оказываетъ предвѣтвенію, человекъ храбрый и рѣшительный, и можетъ заслужить милость двадцати другихъ, хотя и избралъ ее предпочтительнее Повѣры старичку, женщины основываютъ рѣшенія свои скорѣе на мнѣніи постороннихъ, нежели на собственномъ; пусть Катерина спроситъ: кто въ Перевѣ смѣлѣе всѣхъ? чье имя услышитъ она, если не кузнеца Генри!... Кто лучший оружейникъ, который когда-либо ковалъ на наковальнѣ оружіе?... Что? опять Генри Смитъ... Кто лучше всего пляшетъ вокругъ майскаго шеста?... веселый кузнецъ... Кто поетъ лучшія баллады?... непременно Генри Гау... Кто лучший боецъ на саблѣхъ со шитомъ... укрѣпитель копей и длиннхъ горцевъ?... все ты.... ты.... непременно ты.... И Катерина можетъ предпочитать вынидыша горца?... Нѣтъ! я говорю тебѣ, Коначеръ для нея—ничто, развѣ только она старается спасти его отъ когтей дьявола, который владѣетъ имъ также какъ и другими горцами.... Да благословитъ ее Богъ, бѣдную дѣвушку! она обратила бы весь человѣческій родъ къ лучшимъ мыслямъ, если бы могла.

— Но я увѣренъ, она не успѣетъ въ этомъ.... вскричалъ кузнецъ, который не любилъ горцевъ, какъ уже читатель замѣтилъ. Я побьюсь съ Катериною объ закладъ въ пользу дьявола, я съ нимъ нежного знакомъ, потому что мы работаемъ въ одной стѣнѣ. Дьяволъ достанетъ горекій плащъ, — это вѣрно.

— Да, у Катерины есть помощникъ, котораго ты не знаешь, возрѣзилъ перчаточникъ. Отецъ Климентъ взялъ этого чужака въ руки и онъ боится сотни чертей столько же, сколько я стада гусей.

— Отецъ Климентъ? сказалъ кузнецъ; у васъ вѣчно новые святые въ этомъ прекрасномъ городѣ Сенджонстонѣ. А позволите спросить, что онъ за разоритель чертей?... не какой ли ивбуудъ отшельникъ, который постомъ и зинтеміями предуготовляется дѣлать чудеса, какъ боецъ бороться?... Не правда ли?

— Нѣтъ, то-то и удивительно, что отецъ Климентъ ѣсть, пьетъ и живетъ почти какъ всѣ другіе люди, но соблюдаетъ всѣ предписанія церкви.

— А, понимаю!.... онъ весельчакъ священникъ, который больше

думаетъ о хорошемъ житьѣ, нежели о хорошей жизни.... выпить кружку вина на канунѣ постанго дня, чтобы быть въ состоянн бороться съ постомъ.... онъ вѣрно знаетъ пріятныя правила и исповѣдуетъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ городѣ.

— Ты опять ошибаешься, Смитъ. Я съ дочерью какъ разъ умалъ бы лицемѣрнаго постника, или обжору; но отецъ Климентъ ни то ни другое.

— Но чтѣ же онъ наконецъ?

— Онъ человекъ, который стоитъ половины всѣхъ монаховъ Сладковстова, или онъ такъ худъ, какъ худшій изъ нихъ, и что грѣхъ и срамъ терпѣть его въ городѣ.

— Не худо бы было сказать, стоитъ ли одно другаго, пришло-мъ кузнецъ.

— Довольно будетъ съ тебя знать, что если станешь судить по его собственнымъ словамъ и дѣйствіямъ, то будешь считать лучшимъ и добрейшимъ человекомъ въ свѣтѣ; у него всегда бываетъ утѣшеніе огорченными, совѣтъ для того, кто въ затрудненіи; онъ хороший путеводитель богачамъ, преданнѣйшій другъ бѣдняковъ. Но если станешь слушать, чтѣ говорятъ о немъ доминиканцы.... впрости Господи! (тутъ перчаточникъ перекрестился), то надобно подумать, что онъ скверный раскольникъ, котораго надобно бы заставить перейти изъ земнаго огня въ вѣчное пламя.

Кузнецъ тоже перекрестился и сказалъ:

— Пресвятая Марія!... батюшка, вы такъ добры и благоразумны, что васъ прозвали *мудрыми пероскими перчаточникомъ*, и вы позволяете своей дочери быть подъ руководствомъ чело-вѣка, котораго.... помогите намъ всѣ святые!... котораго подозреваютъ въ союзѣ съ самымъ нечистымъ духомъ. Чтѣ! не священникъ ли вызвалъ бѣса въ Миль-Винвелъ, когда домъ Ходжа Джексона былъ опрокинутъ бурей? Не показался ли чортъ посреди Тея въ одеждѣ священника, плавая въ водѣ какъ морская свинка, въ то утро, когда увесло нашъ прекрасный мостъ?

— Не могу сказать, было ли это такъ или нѣтъ, возразилъ перчаточникъ, знаю только, что я не видалъ бѣса. Чтѣ касается до Катерины, отецъ Климентъ совсѣмъ не руководитель ея, потому что дочь мою исповѣдуетъ доминиканецъ, старикъ Францискъ, который далъ ей сегодня отпущеніе грѣховъ. Но женщины иногда своевольны и Катерина совѣтуется съ отцомъ Климентомъ конечно чаще, нежели я желаю; однако каждый разъ, когда я говорилъ съ нимъ, онъ казался мнѣ такимъ добродѣтель-

вымъ и святымъ, что я готовъ былъ сдѣлать его своимъ исповѣдникомъ. О немъ идутъ между доминиканцамъ худыя толки, это вѣрно. Но чтѣ намъ за дѣло до того, сынъ мой? Станемъ исполнять предписанія нашей матери церкви, давать милостыни, исповѣдываться, поститься, и святые уже спасутъ насъ.

— Конечно; и они будутъ милостивы къ несчастному удару, который человекъ можетъ сдѣлать въ дракѣ, когда противникъ его защищается; а этимъ однимъ только и можео жить въ Шотланди, что бы тамъ ни говорила ваша дочь. Да! мужина долженъ умѣть фехтовать или жпть очень не долго въ странѣ, гдѣ бьютъ такъ сильно. Мнѣ стоило червонца несчастье, случившееся со мною въ бою съ лучшимъ бойцемъ, котораго я когда либо видѣлъ.

— Кончимъ бутылочку, сказалъ старикъ Гдѣверъ: на доминиканской башнѣ бьетъ уже полночь. И послушай, сынъ мой Генри, будь до восходу солнца у окна моего дому и дай знать о своемъ присутствіи легкимъ свистомъ. Я устрою такъ, что Катерина выглянетъ изъ окна, и ты будешь имѣть право пробить цѣлый годъ ея любезнымъ Валентиномъ. Если ты не воспользуешься этимъ случаемъ, то я буду имѣть поводъ думать, что хотя ты и покрытъ львиною шкурою, однако природа оставила на тебѣ ослабныя уши.

— Амивъ, батюшка, сказалъ оружейникъ, желаю вамъ спокойной ночи, и да благословитъ Богъ вашъ домъ и его жителей. Вы услышите мой свистъ съ первыми пѣтухамъ; увѣряю васъ, я пристыжу за лѣпость самаго сэра Чэптикапра*.

При этихъ словахъ онъ простился съ перчаточникомъ, и хотя кузнецъ не зналъ, чтѣ такое страхъ, однако шелъ по пустымъ улицамъ какъ человекъ осторожный и наконецъ увидѣлъ домъ свой, который находился на западномъ концѣ Пероа, въ Мильвиндѣ**.

IV.

Можно вообразить, что храбрый оружейникъ въ определенное время пошелъ на свиданіе, назначенное его будущимъ тестемъ. Генри одѣвался съ особенною заботливостью, стараясь устроить все, чтѣ имѣло вопиственный видъ. Онъ былъ слишкомъ извѣстенъ,

* Такъ въ древнихъ англійскихъ стихотвореніяхъ называютъ пѣтуха.

** Mille Wynd, *перулокъ мелюнцы*. По мѣсту, гдѣ жилъ Генри, его называютъ въ лѣтописяхъ Henry of the Wynd, *Генри изъ перулка*, а сокращенно — Генри Виндъ.

чтобы идти по городу совершенно безъ оружія; онъ конечно имѣлъ пропасть друзей; но прежними подвигами навлекъ на себя смертельную ненависть людей, отъ которыхъ не могъ ожидать пощады, если бы они нашли удобный случай напасть на него. Вотъ отчего онъ носилъ подъ одеждою легкую и гибкую кольчугу, которая мѣшала свободѣ движенія столько же, сколько вышшіе жилеты; но она была испробована и Генри могъ полагаться на нее, потому что самъ сдѣлалъ каждое колечко. Сверхъ кольчуги онъ одѣлъ платье мирнаго гражданина, фламандскіе штаны и полукафтанье, которое для праздника было изъ тончайшаго англійскаго свѣтло-голубаго сукна, съ чернымъ атласомъ въ прорѣзахъ и обшитый чернымъ шелкомъ. Сапоги были изъ кордованской кожи; плащъ, изъ хорошаго сѣраго шотландскаго сукна, скрывалъ охотничій ножъ, который висѣлъ на поясѣ и былъ единственнымъ наступательнымъ оружіемъ Смита, потому что въ рукахъ у него была только остролистовая палка. Бархатная шапка, выложенная сталью, защищала голову кузнеца.

Вообще Генри казался тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно и былъ: богатымъ гражданиномъ, который стоитъ уваженія. Въ немъ были открытость и рѣшительность; и хотя Смитъ обращеніемъ своимъ показывалъ, что ничего не боится, однако совѣтъ не имѣлъ виду забіякъ и буяновъ того времени, къ которымъ его часто причисляли по несправедливости. Многие приписывали споры кузнеца задорливому, горячему нраву и увѣренности въ своей силѣ и искусствѣ владѣть оружіемъ.

Одѣвшись такъ хорошо, какъ могъ, честный оружейникъ положилъ къ сердцу, которое сильно билось, подарочекъ, давно приготовленный для Катерины Глѣверъ. Въ качествѣ Валентина онъ могъ скоро поднести ей подарокъ, который переская красная дѣвица должна была принять по существовавшему обычаю. Подарокъ этотъ былъ рубилъ въ видѣ сердца, проколотаго золотою стрѣлою и вложеннаго въ небольшой кошелекъ изъ стальныхъ колечекъ. Кошелекъ этотъ былъ сдѣланъ съ такою тщательностью, какъ будто павцырь для самого короля. На немъ была надпись:

Love's darts

Cleave hearts

Through mail-shirts * . . .

Оружейнику довольно стоило труда выдумать эту надпись, и онъ былъ доволенъ ею: она, казалось, говорила, что искусство

* Стрѣлы любви прокалываютъ сердца сквозь кольчугу.

его можетъ защитить каждое сердце кромѣ его собственнаго. Онъ завернулся въ плащъ и поспѣшно прошелъ по тихимъ улицамъ, чтобы подойти къ назначенному окну до восходу солнца.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ прошелъ Хейстритъ и поворотилъ на площадь, гдѣ теперь стоитъ церковь святаго Іоанна, чтобы войти въ Кёрфьюстритъ. Но ему показалось, по небу, что еще слишкомъ рано, и онъ рѣшился идти къ назначенному мѣсту черезъ часъ. Было очень вѣроятно, что около дому перескокой красной дѣвицы прохаживаются какіе нибудь волокиты, и Смитъ боялся вдаться въ соблазнъ и подраться съ которыми нибудь изъ нихъ. Онъ думалъ:

— Дружба старика Симона дастъ мнѣ преимущество; къ чему же стану я марать руки кровью бѣдняка, который не стоитъ моего гнѣву, потому что онъ не такъ счастливъ какъ я? Нѣтъ нѣтъ.... я сегодня буду благоразуменъ и удалюсь отъ всякаго искушенія къ дракѣ. Для спору они будутъ имѣть времени лишь нѣсколько минутъ, необходимыхъ для передачи условленныхъ знаковъ между мною и Симономъ. Не понимаю, какъ старикъ уговорить ее выглянуть изъ окна? Я опасаюсь, если онъ узнаетъ намѣреніе отца, то едва ли согласится.

Между-тѣмъ какъ мысли эти, достойныя любовника, слѣдовали одна за другою въ головѣ оружейника, онъ сталъ идти тише и часто поглядывать на востокъ; но ничто не показывало приближенія солнца, котораго восходу Генри ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Онъ тихо шелъ у стѣны часовни святой Анны не забывая прочесть Ave, это священное мѣсто. Вдругъ раздался голосъ, выходившій изъ дверей часовни:

— Тотъ, кто долженъ бѣжать, едва передвигаетъ ноги!

— Кто говоритъ? осматриваясь, вскричалъ оружейникъ, не много удивленный словами, сказанными такъ внезапно и странно.

— Все равно кто говоритъ, отвѣчалъ тотъ же голосъ. Спиши мнѣ ты опоздаешь. Не отвѣчай ни слова, а бѣги.

— Святой или грѣшникъ, ангелъ или дьяволъ, сказалъ Генри крестясь: совѣтъ твой для меня слишкомъ важенъ, чтобы не обращать на него вниманія. Давай мнѣ святой Валентинъ ноги.

При этихъ словахъ онъ перемѣнилъ свой шагъ на такой, что не многіе могли бы слѣдовать за нимъ, и въ одну минуту онъ былъ уже въ Кёрфьюстритъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать трехъ шаговъ къ дому Симона Глѣвера, какъ въ узкой улицѣ къ нему стали подходить вдоль стѣны два человѣка, чтобы помѣшат

ити дальше. Въ темнотѣ онъ могъ только видѣть, что имъ нѣхъ плащи горели:

— Мошенники, давайте дорогу! громко и рѣшительно вскричалъ оружейникъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ, но Генри увидѣлъ, какъ они вынули шпаги, чтобы силою не дускать его дальше. Кузнецъ сталъ беспокоиться, хотя и не зналъ, чего ему опасаться; но онъ рѣшился, во что бы то ни стало, очиститъ себѣ дорогу и идти защищать свою подругу или по крайней мѣрѣ умереть у ея ногъ. Онъ сложилъ плащъ на руку въ видѣ щита и поспѣшно подошелъ къ двумъ своимъ противникамъ. Тотъ, который былъ поближе, попалъ ему шпагою въ плащъ; Генри оттолкнулъ его на лѣвую сторону ударомъ кулака въ лицо и толкнулъ ногою. Почти въ то же время онъ свалилъ и другаго ударомъ охотничьяго ножа.

Генри еще болѣе обезпokoился тѣмъ, что улицу караулили люди, которые поступали такъ насильственно. Онъ поспѣшно побѣжалъ дальше. У дома перчаточника, подъ окномъ, гдѣ Генри надѣялся увидѣть Катерину и получить право быть ея Валентиномъ, онъ услышалъ шопотъ. Смитъ остановился, чтобы узнать число и намѣреніе людей, стоявшихъ тамъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, видѣлъ или слышалъ, какъ кузнецъ шелъ по улицѣ, привалъ за своего караульнаго и сказалъ въ полголоса:

— Чтò тамъ за шумъ, Кеннетъ? Отчего ты не далъ намъ условеннаго знака?

— Мошенники! вскричалъ Генри. Вы открыты и должны погибнуть!

Съ этимъ словомъ онъ ударилъ незнакомца охотничьимъ ножомъ, направивъ его въ голову спрашивавшаго, который однако подымая руку уклонился. Но онъ, вѣрно, получилъ сильную рану, потому что пошатнулся и упалъ съ страшнымъ крикомъ. Не думая больше о немъ, Смитъ побѣжалъ къ группѣ людей, приставлявшихъ, какъ казалось, къ окну лѣстницу. Генри не думалъ узнать намѣреніе ни числа людей, ни намѣреніе ихъ. Съ обычнымъ крикомъ тревоги, на который граждане всегда сбѣгались, онъ бросился на ночныхъ бродягъ. Одинъ изъ нихъ уже выходилъ по лѣстницѣ. Генри схватилъ ее за нижнюю ступень, сбросилъ, поставилъ ногу на грудь удавшаго съ нея челоуѣка и не давалъ ему встать. Другіе съ живостью напали на него чтобы освободить товарища. Но кольчуга оказывала прекрасную услугу и Генри съ лѣхвою возвращалъ противникамъ удары и кричалъ:

— Помогите, помогите, ради прекраснаго Семджонстова!... Рубите и колите, храбрые граждане! рубите и колите!... въ наши дома врываются при ночной темнотѣ!

Слова эти далеко раздавались по улицамъ города; ихъ сопровождали тяжелые удары, которые дѣйствовали на противниковъ кузнеца. Между-тѣмъ жители просыпались и выходили на улицу въ рубашкахъ, но со шпагами и щитами, иные несли зажженные факелы. Тутъ незнакомцы убивали, остался только тотъ, который упалъ съ лѣстницы. Храбрый оружейникъ схватилъ его за воротъ въ ту минуту, какъ онъ вставалъ. Раненыхъ унесли товарищи.

— Вотъ мошенники, нарушающіе городскую тишину, сказалъ Генри собравшимся сосѣдямъ; бѣгите за плутами. Они не могутъ идти очень скоро, потому что я прокололъ нѣкоторыхъ въ пихъ; вамъ можно найти ихъ по кровавымъ слѣдамъ.

— Какіе нибудь мошенники горцы, сказалъ одинъ гражданинъ: пойдемте, погонимтесь за ними, сосѣди.

— Да, гонитесь.... гонитесь.... я уже раздѣляюсь вотъ съ этимъ.... продолжалъ оружейникъ.

Граждане разбѣжались по разнымъ сторонамъ при свѣтѣ факеловъ и съ криками, которые раздавались далеко по окрестности.

Между-тѣмъ плѣнникъ оружейника старался освободиться обѣщаньями и угрозами.

— Если ты дворянинъ, говорилъ онъ, то отпусти меня; и то, что ты сдѣлалъ, будетъ прощено тебѣ.

— Я не дворянинъ, я Генри Виндъ, перескій гражданинъ; я ничего не сдѣлалъ, чтобы получить прощенье.

— Мерзавецъ! ты не знаешь, что дѣлаешь! Но отпусти меня, я наполню шапку твою золотомъ.

— Въ твоей шапкѣ будетъ разрубленная голова, если ты не будешь стоять смирно, какъ настоящій плѣнникъ.

— Чтò тамъ такое, сынъ мой, Генри? спросилъ Симонъ, который показался у окна. Я услышалъ твой голосъ, но совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ. Зачѣмъ собрались сосѣди?

— Зачѣмъ что толпа мошенникомъ хотѣла влѣзть въ это окно, батюшка; но я крѣпко держу одного изъ нихъ.

— Послушайте, Симонъ Глѣверъ, сказалъ плѣнникъ; позвольте мнѣ поговорить съ вами наединѣ и освободите меня отъ этого болвана съ желѣзною рукою и свинцовой головой. Я докажу вамъ, что мы не хотѣли обезпокоить ни васъ, ни вашихъ домашнихъ.

— Мне кажется, я знаю этот голосъ, сказала Симонъ Глэверъ, выходя на улицу съ фонаремъ. Сывъ мой Смитъ, дайте этому молодому человѣку, поговорить со мной.. Боятся нечего, увирую васъ.. Постой не много тутъ и никого не выпускай сюда. Я отвѣчаю за этого молодца, онъ хотѣлъ только пошутить въ день святаго Валентина.

При этихъ словахъ старикъ звелъ плѣнника въ домъ, заперъ двери и оставилъ Генри, немного удивленнаго неожиданнымъ мнѣнiемъ тестя объ этомъ случаѣ.

— Пошутить! повторилъ онъ: славная была бы шутка, если бы они вошли въ спальню его дочери!... Да они бы и сдѣлали это, если бъ честный, добрый голосъ не извѣстилъ меня изъ за дверей часовни. Если голосъ этотъ не голосъ святой, то онъ все-таки говорилъ съ ея позволенiя, и я общаю поставить ей такую дивную свѣчу, какъ мой охотничiй ножъ. А жаль, что у меня не было съ собою большаго палаша для чести Седжонстона и для урока этимъ бездѣльникамъ.... Охотничiй ножъ очень хорошеькiя игрушки, но идутъ больше къ дѣтской рукѣ нежели мужской. О, старый мой палашъ Троицеъ! если бъ ты былъ со мной, вмѣсто того чтобы висѣть надъ моей постелью, эти мошенники не убѣжали бы.... Но я вижу факелы и шпаги.... Эй!... стойте!... Чтѣ? вы стоите за Седжонстонъ? Если вы друзья города, подходите сюда, очень радъ видѣть васъ.

— Мы гнались за ними, да никого не поймали, сказалъ одинъ горожанинъ. Мы шли по слѣду крови до доминиканскаго кладбища и увидѣли, какъ на одной могилѣ двое мошенниковъ поддерживали третьяго, который, вѣрно, вамъ рацеъ, Генри. Они дошли до дверей алтаря прежде, нежели мы успѣли догнать ихъ, и позвонили.... двери открылись и ихъ впустили въ алтарь. Такимъ образомъ они теперь въ безопасности и мы можемъ идти грѣться въ нашихъ охолодѣвшихъ постеляхъ.

— Да, сказалъ другой, у добрыхъ доминиканцевъ всегда стоять у дверей монаховъ и отворяеть бѣднякамъ, которые въ опасности и ищутъ спасенiя.

— Да, если только бѣднякъ можетъ хорошо заплатитъ, замѣтитъ третiй; но тотъ, кто бѣденъ и кошелькомъ и умомъ, можетъ оставаться у дверей до-тѣхъ-поръ покуда его схватятъ преслѣдователи.

Человѣкъ невысокаго росту, который съ минуту смотрѣлъ на землю при свѣтѣ факела, всталъ и заговорилъ. Онъ былъ доволь-

но талотъ, но лавокъ; его звали Оливеромъ Праудъютонъ и считали богатымъ шапочникомъ; оттого онъ говорилъ голосомъ довольно повелительнымъ:

— Не можете ли сказать вамъ, храбрый Смитъ (при свѣтѣ факеловъ можно было узнавать другъ друга) — кто надѣлалъ въ нашемъ городѣ такой тревоги?

— Миѣ показалось, что на первыхъ двухъ, которыхъ я встрѣтилъ, одѣты были хэйлендскіе плащи, отвѣчалъ оружейникъ.

— Можетъ быть.... можетъ быть, сказалъ одинъ гражданинъ, покачивая головою. Стыдно, что до сихъ-поръ не задѣлали проломъ въ стѣнѣ и разбойники горцы могутъ заставлятъ честныхъ людей выходить изъ постелей, когда ночная темнота покровительствуетъ имъ.

— Но посмотрите сосѣди, сказалъ Оливеръ Праудъютъ, показывая окровавленную руку, которую онъ подвигалъ. Можетъ ли эта рука принадлежать горцу? Она конечно велика и сильна, но кожа на ней слишкомъ вѣжна; а посмотрите на пальцѣ кольцо, которое блеститъ, какъ свѣчка. Симонъ Глѣверъ вѣрно дѣлалъ перчатки на эту руку; вѣдь онъ работаетъ на весь дворъ.

Присутствовавшіе стали разсматривать окровавленную руку и каждый объяснялъ приключеніе оружейника по своему.

— Въ такомъ случаѣ Генри Смигу всего лучше убѣжать, сказалъ кто-то. Сколько онъ ни станетъ увѣрять судей, что защищалъ домъ гражданина, они все-таки возразятъ, что неизвѣстно отрубить дворянину руку; а за отнятіе членовъ существуютъ строгія наказанія.

— Полноте, что вы говорите Мичель Вэбстеръ, возразилъ шапочникъ. Развѣ мы не представители и потомки древнихъ Римлянъ, которые построили Перезъ и сдѣлали его какъ можно больше похожимъ на свой городъ? И не имѣемъ ли мы хартій отъ всѣхъ нашихъ благородныхъ королей, называвшихъ насъ своими любезными подданными? Хотите вы, чтобы мы отказались отъ нашихъ правъ, преимуществъ, льготъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ судовъ, отъ нашего права приговаривать къ штрафу, конфискаціи, аресту, и даже смертной казни? Нѣтъ, храбрые граждане и братья; скорѣе Тей потечетъ къ Денкильду, нежели мы покоримся такой несправедливости.

— А что же мы станемъ дѣлать? сказалъ важный старикъ, который стоялъ подперши бокъ на огромномъ мечѣ. Что станемъ мы дѣлать?

— Право, господинъ судья Греджделл, странно, что именно вы спрашиваете это. Я хотѣлъ бы, чтобы отпразднелись всѣ, какъ люди рѣшительные, представиться королю, даже если надобно разбудить его. Смажемъ ему, какъ для насъ неприятно вставать съ постели почти въ одной рубашкѣ въ такое время года. Мнѣ покажемъ руку и попросимъ разрѣшить: хорошо ли и честно ли, что съ его любезными подданными обращаются такъ великодушны и рыцари развращеннаго двора. Вотъ что называю я горячо защищать ваши права.

— Горячо, говоришь ты? возражалъ старякъ: да такъ горячо, что мы замерзнемъ прежде нежели вамъ отворять дверь, чтобы представить королю. Пойдемте друзья, ночь холодна.... мы исполнили свою обязанность, а храбрый Смитъ задалъ нашимъ обидчикамъ урокъ, который стоитъ двадцати королевскихъ прокламаций. Завтра тоже будетъ день; мы посоветуемся на этомъ же самомъ мѣстѣ, какъ открыть и преслѣдовать разбойниковъ. Покуда простыня, а не то кровь замерзнетъ въ нашихъ жилахъ.

— Прекрасно, прекрасно! соседъ Греджделл... да здравствуетъ Севджонстоуны!

Оливеръ Праудфьютъ хотѣлъ возражать, потому что онъ былъ беспощадный говорунъ, который думалъ побѣдить своимъ краснорѣчьемъ всѣ препятствія. Но ни кто не хотѣлъ слушать его, и всѣ горожане разстались и пошли по домамъ при первомъ свѣтѣ зари, которая показалась на горизонтѣ въ видѣ яркой кометы.

Едва всѣ ушли, въ домѣ старяка Глѣвера отворилась дверь и перчаточникъ, взявъ Смита за руку, ввелъ къ себѣ.

— Гдѣ плѣнникъ? спросилъ кузнецъ.

— Убѣжалъ.... спасся.... почему я знаю? отвѣчалъ перчаточникъ. Онъ вышелъ черезъ заднюю дверь, а потомъ черезъ маленькій садъ.... Но оставь его, войди и посмотри на Валентину, которой жизнь и честь мы спасли сегодня.

— Дайте мнѣ только вытереть охотничій ножъ и вымыть руки, сказалъ кузнецъ.

— Нечего терять времени, она встала и одѣлась.... Пойдемте.... Она тебя увидитъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ крови. Пусть узнаетъ, чего стоитъ храбрость мужьяны. Она долго не давала мнѣ говорить правду по своей глупости и строгости. Пусть узнаетъ цѣну любви храбраго человека и снѣлаго гражданина.

V.

Разбуженная вдругъ шумомъ, переская красна дѣвица съ ужасомъ слушала тревогу. Она упала на колѣни, стала просить помощи неба, и когда услышала голоса сестѣй и друзей, благодарила милостивое Провидѣніе. Она еще стояла на колѣняхъ въ то время, какъ Симонъ втокнулъ защитника ея къ ней въ комнату. Смущенный любовникъ остановился у дверей, боясь обидѣть хозяйку и помѣшать молитвѣ.

Батюшка, сказалъ оружейникъ, она молится.... я не посмѣю говорить съ нею.

— Дѣлай что угодно, благородный и храбрый глупецъ, возразилъ Симонъ и обращаясь къ своей дочери, прибавилъ:

— Лучше всего можно отблагодарить небо, дочь моя, благоклонностью къ нашимъ ближнимъ. Вотъ орудіе, которымъ Богъ спасъ тебя отъ смерти, или отъ позора. Грими его, Катерина, какъ вѣрнаго Валентина, какъ человѣка, котораго я желалъ бы назвать настоящимъ моимъ сыномъ.

Нѣтъ, батюшка, возразила Катерина: я теперь ни кого не могу видѣть.... ни съ кѣмъ не должна говорить. Я благодарна.... можетъ быть слишкомъ благодарна тому, кто защитилъ насъ отъ опасности; но позвольте мнѣ поблагодарить сперва ангела-хранителя, который такъ кстати прислалъ помощь, а сверхъ того дайте мнѣ хорошенько одѣться.

— Право, жестоко было бы отказать мнѣ въ моей просьбѣ изъ за неоконченнаго туалета; я уже два дня не слыхалъ отъ тебя женскихъ рѣчей.... Ну, сынъ мой Генри, желалъ бы я, чтобы дочь моя дождалась того времени, когда ее причтутъ къ лику святыхъ, подъ именемъ святой Катерины.

— Не шутите, батюшка; клянусь, у нея есть уже по крайней мѣрѣ одинъ искренній обожатель, человѣкъ, который дѣлаетъ для нея все что можетъ сдѣлать грѣшникъ.... Прощайте покуда, прекрасная Катерина, продолжалъ Генри, возвышая голосъ: да пошлетъ вамъ небо такіе же мирные сны, какъ и ваши ежедневныя мысли. Я буду охранять вашъ сонъ, и бѣда тому, кто вздумаетъ нарушить его.

— Добрый... храбрый Генри, котораго превосходное сердце въ такомъ разногласіи съ ужасною рукой, не затѣвайте въ эту точь новыхъ споровъ; но получите съ моей стороны вѣжливѣшю

благодарность и постарайтесь вытѣ такія же мирныя мысли, какія, вы думаете, вытѣю я. Мы увидимся утромъ, тогда я увирю васъ въ моей благодарности.... Прощайте.

— Прощайте, надежда и свѣтъ моего сердца! вскричалъ оружейникъ и, сошедши съ лѣстницы, собрался было выйти на улицу, но перчаточникъ остановилъ его за руку и сказалъ:

— Сегодняшній шумъ и стукъ оружія понравится мнѣ больше лежеш и когда-либо думалъ, Генри, если возвратить дочери моей здравый рассудокъ. Клянусь святымъ Мэкгридеромъ! я даже не сержусь на этихъ буяновъ и мнѣ жалъ бѣднаго волокиту, который не станетъ больше держать шить лѣвою рукою. Да! Онъ вѣчно будетъ вспоминать объ этой потерѣ, особенно когда вздумаетъ надѣвать перчатки; да, онъ въ послѣдствіи будетъ для меня только полупокупателемъ.... Нѣтъ, въ эту ночь ни шагу изъ моего дому, продолжалъ онъ. Ты не долженъ оставлять насъ, сынъ мой.

— Да я и не думаю. Но, съ вашего позволенія я буду караулить на улицѣ. Нападеніе можетъ повториться.

— Ну, если это случится, сказалъ Симонъ, тебѣ лѣгче будетъ прогнать ихъ. Для насъ гражданъ всего приличнѣе драться изъза стѣнъ. Наша обязанность, наблюдать за общественною безопасностью; впрочемъ теперь довольно есть открытыхъ ушей и глазъ, которые караулятъ.... Поди сюда....

Съ этими словами онъ повелъ Генри въ ту самую комнату, гдѣ вечеромъ ужинали и гдѣ теперь старуха, тоже проснувшаяся отъ почнаго шуму, разводила огонь.

— Ну, любезный сынъ, сказалъ перчаточникъ, какого вина хочешь выпить за здоровье отца?

Генри Смитъ машинально сѣлъ на стулъ изъ стараго темнаго дубоваго дерева, и сталъ смотрѣть на огонь, который, отражаясь, распространялъ на мужественныхъ чертахъ лица оружейника красноватый отливъ. Кузнецъ говорилъ самому себѣ въ полголоса.

— *Добрый Генри, храбрый Генри...* Ахъ! если бы она сказала *дорогой мой Генри!*

— Чтò это за вино? спросилъ старый перчаточникъ со смѣхомъ. Въ моемъ погребѣ вѣтъ такого; но если угодно рейпскаго, гисковскаго.... скажи одно слово, сейчасъ привесутъ.... вотъ чтò.

— *Ея, нпжнпйшая благодарность!* продолжалъ оружейникъ, слѣдуя за своими мыслями: она никогда не говорила мнѣ такъ

много.... ея *многочынная* *благодарность!* чего тутъ не подумаешь....

— Подумаешь, что все пойдетъ прекрасно, если только ты станешь слушаться добрыхъ совѣтовъ. Но скажи же, что угодно тебѣ выпить для утра.

— Всё-равно, батюшка, разсѣянно отвѣчалъ кузнецъ и продолжалъ разборъ свой. *Превосходное сердце!* сказала она, но прибавила: *жестокая рука!* Чѣмъ же мнѣ вылечиться на землѣ отъ воинственнаго духу? Конечно лучше всего было бы отрѣзать себѣ правую руку и прибить къ церковнымъ дверямъ, чтобы избѣгнуть упрековъ Катерины.

— Для одной ночи ты довольно нарѣзалъ рукъ, сказалъ Симонъ, ставя на столъ бутылку вина. Что тебѣ мучаться? Она вдвое полюбила бы тебя, если бы увидѣла, какъ ты сходишь по ней съума. Но теперь это становится дѣломъ серьезнымъ. Я совсѣмъ не забочусь о томъ, что слуги вельможъ приступомъ возьмутъ мой домъ, потому что называютъ Катерину переской красной дѣвницей. Нѣтъ! но она узнаетъ своего отца; я хочу, чтобы она слушалась; законы и Евангеліе даютъ мнѣ на то право. Я хочу выдать ее за тебя, мой дорогой Геприя.... золотой мой.... и прежде нежели пройдетъ вѣсколько недѣль.... Полно, полно! за вашу веселую свадьбу, храбрый Смитъ.

Старикъ выпилъ большой стаканъ, и снова наливъ въ него вина подаль кузнецу, который тихо поднесъ стаканъ къ губамъ, но не дотронувшись, вдругъ поставилъ на столъ и покачалъ головой.

— Если ты не хочешь пить такого тоста, то я не знаю, кто стаплетъ пить его, сказалъ Симонъ. Да о чемъ думаешь ты? Ты находишься въ такомъ положеніи, что имѣешь ее во власти; если она тебѣ скажетъ нѣтъ! то съ одного конца города до другаго всё закричатъ эи! Я, отецъ ея, не только соглашаюсь на этотъ бракъ, но даже очень желаю, чтобы вы соединились. На твоей сторонѣ счастье, отецъ, все, а ты имѣешь видъ отчаяннаго любовника и, кажется, желаешь лучше броситься въ Тей, нежели любезничать съ дѣвушкою, на которой можешь жениться, если только попросишь ее объ этомъ во время.

— То-то и есть, что не знаешь, когда попросить, батюшка! Едва ли Катерина смотритъ на насъ, обитателей земли, и захочетъ ли слушать такого грубаго и необразованнаго ремесленника какъ я. Не знаю, что это значить, батюшка; вездѣ я могу не-

дымать голову высоко, а передъ вѣнкою дочерью и терять оцѣ-
лости, и мнѣ кажется, что невозможно заслужить ея привязан-
ности. Мысли ея слишкомъ неземныя, чтобы спуститься на такое
существо какъ я.

— Дѣлай, что угодно, Генри, отвѣчалъ перчаточникъ. Дочь
моя не любезничаетъ съ тобой.... изъ-за хорошаго предложенія не-
чего ссориться.... только если ты думаешь, что я соглашусь на
ея желаніе идти въ монастырь, то ты очень ошибаешься. Я лю-
блю и почитаю церковь, продолжалъ онъ, крестясь: я охотно
исполняю всѣ предписанныя ею обязанности; даю милостыни,
лино и воскъ. Я даю все это очень охотно, но не могу отдать
единственной своей овечки. Мать ея была мнѣ очень дорога
покуда жила, а теперь она ангелъ на небесахъ. Одна Катерина
можетъ замѣнить мнѣ потерянное; и если она когда-нибудь всту-
питъ въ монастырь, то это случится не прежде моей смерти....
Что касается до тебя, другъ мой Гоу, поступай какъ хочешь.
Увѣряю тебя, мнѣ не хочется навязывать тебѣ жену.

— Ну вотъ уже на что вы своротили, сказалъ Генри. Разго-
воръ у насъ всегда кончается такъ; вы сердитесь на мою перѣ-
шность; но увѣряю васъ, я не могу просить о томъ, что сдѣ-
лало бы меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Если въ
сердцѣ моемъ есть капля крови, которая не принадлежитъ Кате-
ринѣ, то я сейчасъ же дамъ проколоть его самымъ острымъ кнѣ-
жаломъ. Но что дѣлать? Я не могу уменьшить ея достоинствъ и
увеличить свое; то, что кажется другимъ легко и просто, для
меня также трудно, какъ сдѣлать стальную кольчугу изъ прѣжи....
Но за ваше здоровье, батюшка, прибавилъ онъ болѣе веселымъ
голосомъ, и за здоровье моей прекрасной Валентины: я надѣ-
юсь, что Катерина будетъ моею въ этомъ году. Я не стану
больше мѣшать вамъ спать; идите, совѣтуйтесь съ пуховикомъ
до утра; а потомъ сведите меня къ дверямъ Катерины, спро-
сите за меня позволеніе войти, пожелать добраго утра, и я буду
счастливѣйшимъ человѣкомъ, какого солнце пробудитъ въ горо-
дѣ, или даже на цѣлу ю мило въ окрестности.

— Совѣтъ не худой, сынъ мой, сказалъ честный перчаточ-
никъ. Но что ты станешь дѣлать? не хочешь ли лечь подлѣ ме-
ня или подлѣ Ковэчера?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генри Гоу, я вамъ только помѣшаю; для
меня это кресло не хуже пуховика; я усну какъ часовой, съ ору-
жіемъ въ рукахъ.

При этихъ словахъ онъ положилъ руку на охотничій ножъ.

— Дай Богъ, чтобъ намъ не нужно было оружія... Прощайте до восходу солнца... Первый, кто проснется, разбудить другихъ.

Такимъ образомъ разстались оба гражданина. Перчаточникъ легъ въ постель и, вѣрно, заснулъ. Влюбленный не былъ такъ счастливъ. Его крѣпкое тѣло легко свосило усталость, которую онъ почувствовалъ въ эту ночь. Съ одной стороны Генри былъ только рѣшительный гражданинъ того времени, гордый тѣмъ, что также хорошо употребляетъ какъ и дѣлаетъ оружіе; ревность къ соперникамъ по ремеслу, тѣлесная сила и званія въ фехтованіи часто вовлекали Смита въ споры и драки. Его всѣ стали бояться, а нѣкоторые ненавидѣть. Но къ этому у него присоединялись доброта и простодушіе ребенка, воображеніе и энтузіазмъ, которые казалось совсѣмъ не согласовались съ работою въ кузницѣ и частыми драками. Пылкія чувства, описанныя въ древнихъ балладахъ и романахъ, бывшихъ единственнымъ источникомъ образованія Смита, можетъ-быть побудили его къ многимъ подвигамъ, которые носили на себѣ духъ рыцарства; крайней-мѣрѣ въ любви его къ Катеринѣ было много шекотливости, которая бы очень шла кавалеру не высокаго происхожденія, удостоеннаго улыбкою дочери венгерскаго короля, если вѣрить балладѣ. Его любовь къ Катеринѣ была такъ пламенна, какъ-будто онъ обожалъ настоящаго ангела, а старикъ Симонъ со многими другими считалъ страсть его за такую возвышенную, что она не могла имѣть удачи у смертной дѣвушки. Она однако ошибалась. Катерина при всей своей скромности имѣла сердце, которое могло хорошо понимать и чувствовать страсть оружейника; и можно ли ей было раздѣлять ее или пѣть, она однако гордилась привязанностью страшнаго Генри Гоу столько, сколько гордилась бы героиня романа ручнымъ львомъ, который ходилъ бы за нею для защиты. Катерина съ искреннѣйшею благодарностью вспоминала, пробудясь при восходѣ солнца, объ услугахъ Генри въ эту безпокойную ночь, и первою мыслью ея было: какъ-бы выразить чувства, которыя волновали грудь ея.

Она на-скоро одѣлась, немного покраснѣла изъ-за своего предпріятія и сказала про себя:

— Я была слишкомъ холодна и, можетъ-быть, несправедлива; я не буду неблагодарною, хотя и не могу уступить его желаніямъ... не стану ждать, покуда батюшка прикажетъ мнѣ прійти

его, какъ Валентина на этотъ годъ; я сама пойду къ нему и выберу его. Я обвиняла другихъ дѣвушекъ за излишнюю смѣлость въ этомъ случаѣ; но это понравится батюшкѣ, и я только исполню предписаніе святаго Валентина, доказывая благодарность храбруму Генри.

Кое-какъ справивши свой туалетъ, въ которомъ противъ обыкновенія осталось немного безпорядку, она сошла съ дѣстницы и отворила дверь туда, гдѣ предполагала найти Генри. Катерина остановилась у дверей въ нерѣшимости исполнить ли намѣреніе, которое не только позволяло, но требовало, чтобы Валентины начинали годъ дружбы поцѣлуемъ любви. Считали хорошимъ предвѣстіемъ, если одинъ изъ нихъ находилъ другаго уснувшимъ и будилъ его, или ее, исполненіемъ интереснаго обряда.

Никогда еще не представлялся болѣе удобный случай къ заключенію мистическаго союза. Послѣ продолжительнаго мечтанія храбрый оружейникъ наконецъ уснулъ въ креслѣ, въ который утѣлся. Черты его имѣли во свѣ выраженіе рѣшительности и мужества, котораго Катерина не предполагала въ немъ, потому что всегда видѣла его въ смущеніи отъ страха не понравиться ей, и Катерина привыкла видѣть въ его лицѣ какое-то выраженіе глупости.

— У него прекрасное лицо, сказала она: если онъ разсердится... а потомъ, какъ проснется.... мы одни.... не позвать ли Доротею.... или не разбудить ли отца.... но нѣтъ! это вѣдь только обычай и исполняется изъ братской любви. Я не предполагаю, чтобы Генри пришелъ оттого въ недоумѣніе, и я не позволю дѣтскому страху превозмочь мою благодарность.

При этихъ словахъ она на цыпочкахъ пошла по комнатѣ и покрасѣла при мысли о смѣломъ предпріятіи; она подошла къ креслѣ и поцѣловала уснувшаго такъ легко, что поцѣлуй ей можно было сравнить съ паденіемъ розоваго листочка. Но сонъ Генри вѣрно былъ тоже очень легокъ, потому что онъ проснулся, и свѣ его, вѣроятно, находились въ связи съ причиною пробужденія. Онъ поспѣшно всталъ, обнялъ Катерину и въ радости хотѣлъ возратить полученный поцѣлуй. Но Катерина сильно протѣивилась, и какъ усилія ея казались болѣе зѣнакомъ устрешенной стыдливости нежели застѣнчивостью, то боязливый любящий выпустилъ ее, хотя и могъ легко побѣдить.

— Не сердитесь, добрый Генри, сказала Катерина удивленно-любовникому самымъ кроткимъ голосомъ. Я исполнила предпи-

саміе святаго Валентина, чтобы доказать, какъ уважаю я друга, котораго онъ прислалъ мнѣ въ этомъ году. Подождите моего отца и я готова буду подвергнуться пенѣ за нарушеніе сна.

— Не робѣй, вскричалъ старый перчаточникъ, въ восхищеніи входя въ комнату: впередъ Смитъ... впередъ!... ну! желѣзо пока оно горячо; научи ее, что значитъ будить спящаго кота.

Ободренный Генри снова обнялъ Катерину, которая краснѣя покорилась довольно охотно обратному полученію поцѣлуя. Генри прибавилъ еще дюжину другяихъ поцѣлуевъ въ видѣ вознагражденія. Наконецъ она освободилась изъ объятій Смита и какъ-бы испугавшись своего поступка, или раскаяваясь въ томъ что сдѣлала, бросилась на стулъ и закрыла лицо руками.

— Подвини голову, глупенькая, сказалъ ей отецъ: не стыдись, что сдѣлала двухъ человекъ счастливейшими людьми въ Перрѣ. Вѣдь и отецъ твой очень радъ. Никогда еще не цѣловали такъ удачно.... Посмотри на меня, дорогая моя, посмотри и дай взглянуть на твою улыбку. Честнымъ словомъ увѣряю: солнце, которое поднимается теперь надъ нашимъ городомъ, не можетъ показать мнѣ чего-нибудь болѣе пріятнаго. Что, продолжалъ онъ: не думаешь ли имѣть кольцо Джеми Киди и сдѣлать ее невидимкою? * Нѣтъ, нѣтъ! моя ясная! Когда я вставалъ, то слышалъ, какъ отворилась дверь. Я тихонько пошелъ за тобой не для защиты отъ заснуваго, а для того, чтобы собственными глазами увидѣть исполненіе моего желанія.... Полно, отпни эти стыдливыя ручки, некрасивыя; въ утро святаго Валентина дѣвущкѣ и надобно краснѣть.

При послѣднихъ словахъ, Смитъ съ нѣжностью содвинулъ руки съ лица дочери. Катерина дѣйствительно покраснѣла по-уши; но лицо ея выражало больше нежели стыдъ, и изъ глазъ текли слезы.

— Что! ты плачешь, моя милая? продолжалъ отецъ: ну, полно, этого уже слишкомъ много.... Генри, помоги мнѣ утѣшить глупенькую дѣвочку.

Катерина сдѣлала надъ собою усиліе и улыбнулась, но въ улыбкѣ ея видна была задумчивость.

— Только скажу вамъ, батюшка, проговорила перрская красавица: что, выбравъ Генри Гоу своимъ Валентиномъ, я сдѣлала

* Въ Шотландіи есть преданіе о портномъ Киди, вшедшемъ въ пещеру на ривингской горѣ Каммултъ, близъ Перра, кольцо, которое дѣлало людей невидимыми.

ему обычное привѣтствіе и хотѣла доказать мое послушаніе къ вамъ и признательность за услуги добраго Генри... Но не заставляйте предполагать.... и не предполагайте сами, дорогой батюшка, что я думаю быть больше, нежели вѣрною и привязанною Валентиной во весь этотъ годъ.

— Да, да, да.... мы понимаемъ! сказала Симонъ голосомъ, который принимаютъ кормилицы, чтобы успокоить дѣтей: мы понимаемъ это! для перваго разу довольно. Вы настоящіе, вѣрныя, любящіе другъ друга Валентины, а тамъ дальше, какъ угодно Богу.... Ты поступила хорошо, прекрасно.... Теперь пойдѣ къ Доротеѣ, и позови старую лѣтвицу. Надобно сдѣлать сытный завтракъ, чтобы подкрѣпить силы послѣ безпокойной ночи и радостнаго утра. Ты сама приготовай нѣсколько вкусныхъ пирожковъ, какихъ никто кромѣ тебя не умѣетъ хорошо сдѣлать. И ты имѣешь право хранить тайну; вѣдь та, которая выучила тебя.... Ахъ! дай, Господи, миръ душѣ твоей дорогой матери! прибавилъ онъ со вздохомъ: какъ пріятно было бы ей видѣть такой счастливый день святаго Валентина!

Катерина воспользовалась случаемъ выйти. Смуту казалось, будто солнце исчезло въ самый полдень и оставило его въ внезапной темнотѣ. Надежды, которыя пробудились въ немъ, стали разсѣиваться, когда онъ вспоминалъ внезапную перемену въ поведеніи Катерины, ея слезы, страхъ, который видѣтъ былъ на ея лицѣ, и заботливость, какъ можно яснѣе выразить, не оскорбляя деликатности, что она только вѣрно исполняла предписаніе обычаевъ. Старикъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ замѣтилъ печальное выраженіе лица Генри.

— Во имя добраго святаго Іоанна, что съ тобою? почему ты смотришь такъ важно, точно сова?... Если такой умный молодецъ, какъ ты, дѣйствительно влюбленъ въ эту бѣдную дѣвушку, то онъ долженъ радоваться.

— Ахъ, батюшка! возразилъ пріунывшій влюбленный: на лбу ее написано, что для Валентины она довольно любитъ меня, но для жены слишкомъ мало.

— Я говорю тебѣ, что ты простофиля.... холодный и безъ сердца. Я умѣю читать на лбу женщины не хуже, или еще лучше тебя, а между-тѣмъ ничего подобнаго не видалъ у моей дочери.... Да, вотъ, ты лежалъ въ креслахъ точно какой-нибудь лордъ, или судья въ присутствіи; а если бы ты былъ горячо влюбленъ, то не закрывалъ бы глазъ до первыхъ лучей солнца. Но

нѣтъ! ты отдыхалъ, спалъ, храпѣлъ, увѣряю тебя, и не думалъ ни о ней, ни о чемъ-нибудь другомъ; а бѣдная дѣвушка между тѣмъ встала при самомъ восходѣ солнца, боясь, чтобы у нея не отняли дорогаго и бдительнаго Валентина, и она разбудила тебя поцѣлуемъ, который... помоги мнѣ святой Мэгрндеръ... оживилъ бы твою наковальню; а ты проснулся со вздохомъ, съ жалобами, точно будто она провела по губамъ раскаленное жѣлзо! Клянусь святымъ Юанномъ, хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ прислалъ вмѣсто Катерины старуху Доротею и она заставила бы тебя быть Валентиномъ живаго, беззубаго скелета. Во всемъ Перетъ нельзя найти лучшей Валентины для такого трусливаго любовника.

— Что касается до трусости, батюшка, отвѣчалъ кузнецъ, то двадцать пѣтуховъ, которыми я сбилъ гребни, скажутъ вамъ трусилъ ли я ее или нѣтъ. Да, я отдалъ бы домъ, кузницу, мѣхи, наковальню и все свое имѣніе, чтобы думать также какъ вы..... Однако я не говорю ни о стыдѣ Катерины, ни о краскѣ на ея лицѣ, но о блѣдности, которая внезапно смѣнила краску, и о слезахъ. Они были точно апрѣльскій проливной дождь, который затемняетъ самыя прекрасныя дни.

— Та-та-та! вскричалъ перчаточникъ: ни Перетъ, ни Римъ не были построены въ одинъ день. Ты тысячу разъ ловилъ лососей и могъ научиться кое-чему. Выдернуть удочку въ то время, какъ рыба дергаетъ за крючокъ, значитъ порвать лесу; но опусти руку, дай лосося всплыть на воду, потерпи, и менѣе нежели черезъ полчаса она будетъ на землѣ.... Дѣло у васъ прекрасно началось и ты не можешь требовать, чтобы Катерина подбѣгала къ твоей постели какъ къ кресламъ; у молодыхъ скромныхъ дѣвушекъ это не водится. Но, послушай: послѣ завтрака я доставлю тебѣ случай поговорить съ нею на единѣ.... Будь терпѣливъ; не спѣши вытаскивать рыбу прежде времени, и я увѣренъ, тебѣ все удастся.

— Что я ни сдѣлаю, батюшка, возразилъ Генри, я всё таки покажусь вамъ неряхой; или я не довольно поспѣшу, или, напротивъ, слишкомъ буду спѣшить. Я далъ бы лучший панцырь, чтобы затрудненія были съ моей стороны, потому что я имѣлъ бы больше надежды превозмочь ихъ. Впрочемъ, признаюсь, не знаю какъ начать съ нею разговоръ: я на это ужасно глухъ.

— Пойдемъ со мной въ лавку, сынъ мой, я тебѣ дамъ годную для того вещь. Ты знаешь, что мужчина, котораго дѣвушка

подшлвала во снѣ, долженъ ей дать пару перчатокъ. Пойдемъ въ лавку, я дамъ тебѣ пару изъ самой лучшей лайковой кожи; она будетъ. Катерина совѣмъ въ пору.... Я думалъ о ея матери выкраивая ихъ, прибавилъ Симонъ, вздыхая: и кромѣ Катерины я не знаю ни одной женщины въ Шотландіи, которой эти перчатки были бы въ пору, хотя я и снималъ мѣрки со швѣхъ красавицъ нашего двора. Говорю тебѣ, пойдѣмъ, и я дамъ средство завести какой угодно разговоръ, если ты только не потеряешь при немъ духу и благоразумія.

VI.

Никогда Катерина не отласть своей руки мужчине.

Шекспиръ, «Укрощенная злая женщина.»

Подали завтракъ и пирожки изъ бѣлой муки и меду, приготовленные по домашнему рецепту. Они, конечно, были расхвалены отцомъ и любовникомъ; но лучшимъ доказательствомъ достоинства этихъ пирожковъ былъ аппетитъ, съ которымъ ихъ кушали. Говорили, шутили и смѣялись. Катерина тоже успокоилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы нынѣшнія дамы и дѣвицы совѣмъ растерялись, то есть въ кухнѣ. Она всегда съ большимъ искусствомъ исполняла тамъ должность хозяйки. Я очень сомнѣваюсь, могло ли бы чтеніе Сенеки успокоить ее во столько же времени.

Старая Доротея сидѣла на нижнемъ концѣ стола, по обычаю того времени. Оба друга такъ были заняты разговоромъ, а Катерина вѣрно такъ внимательно слушала ихъ, или думала о чемъ-нибудь другомъ, что Доротея первая замѣтила отсутствіе молодого Конэчера.

— Да, правда, сказалъ перчаточникъ: пойдѣ, позови этого лѣвшаго горца. Его не было видно ночью во время суматохи; по крайней мѣрѣ я не видалъ его. Развѣ кто-нибудь другой замѣтилъ?

Всѣ отвѣчали отрицательно и Генри прибавилъ:

— Горцы умѣютъ иногда скрываться не хуже оленей.... да!.... и какъ можно скорѣе бѣгать отъ опасности; я этому самъ былъ свидѣтелемъ.

— А вѣдь было время, возразилъ Симонъ, что король Артуръ и его рыцари Круглаго Стола не могли справиться съ ними. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты говорилъ о горцахъ съ большимъ ува-

женіемъ. Они часто приходятъ въ Перевъ по одиночѣ или по нѣскольку вмѣстѣ, и вы должны жить съ ними мирно, покуда они не нарушатъ миру.

Генри хотѣлъ было возражать, но благоразуміе остановило его.

— Вы знаете, батюшка, сказалъ онъ, улыбаясь: мы, ремесленники, предпочитаемъ людей, отъ которыхъ жаждаемъ клябъ. Я работаю для рыцарей, дворянъ, пашей, воиновъ и другихъ, которые носятъ оружіе моего издѣлія. Естественно, что я предпочитаю Редвиновъ, Лидсеевъ, Огильви, Олдезитовъ и прочихъ нашихъ благородныхъ сосѣдей, которые покрыты моимъ оружіемъ. Вѣдь мошенники горцы ходятъ почти голые и стараются только вредить намъ; сверхъ того въ кланѣ едва ли найдется пять кольчугъ, старыхъ и заржавѣвшихъ какъ *брэтиечи* *, да и тѣ работы какихъ-нибудь веловкихъ кузнецовъ, которые не были членами нашего почтеннаго цеха и ковали точно отцы ихъ. Увѣрю васъ, на такихъ людей нельзя смотрѣть благосклонно.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Симонъ, но не станемъ больше говорить объ этомъ, вотъ идетъ лѣвтяя нашъ, и хотя сегодня праздникъ, однако мнѣ не хочется кроваваго пудинга.

Молодой человѣкъ вошелъ. Лицо его было блѣдно, глаза красны; онъ вообще имѣлъ видъ задумчивый и безпокойный. Конэчеръ сѣлъ къ вышнему концу стола напротивъ Доротен и перекрестился, какъ бы собираясь завтракать. Онъ ничего не кушалъ; Катерина подала ему пирожки, которые заслужили всеобщую похвалу. Сначала онъ отказался, но когда она съ добродушною улыбкою попросила еще разъ, Конэчеръ взялъ пирожокъ, переломилъ его и откусилъ; однако ему, казалось, было такъ трудно проглотить его, что онъ не покушался повторить этого.

— Для утра святаго Валентина у тебя худой аппетитъ, Конэчеръ, сказалъ повеселѣвшій хозяинъ; но ты, я думаю, хорошо спалъ эту ночь, потому что, вѣрно, не слышалъ суматохи у нашего дому. Я предполагалъ, что дѣятельный глѣнэми долженъ помогать своимъ хозяевамъ съ книжалою въ рукахъ при верномъ звукѣ, который даетъ знать объ опасности.

— Я слышалъ только неясный шумъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, краснѣя, какъ раскаленный уголь, и думалъ, что на улицѣ какіе-нибудь гуляки; вѣдь вы запретили мнѣ отворять въ такомъ случаѣ окно или двери, или обезпокоить весь домъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Симонъ, я предполагалъ, что го-

* Знамена шотландскихъ клановъ.

речь умѣть отличить звуки оружія отъ звуковъ ары, дикіе вошскіе крики отъ криковъ веселости. Но перестанемъ, братъ, говорить объ этомъ; меня очень радуетъ, что ты не имѣешь болѣе спорливаго характера. Во всякомъ случаѣ, позавтракай; мнѣ надобно препоручить тебѣ кое-что.

— Я уже завтракалъ. Я отправляюсь въ горы. Нѣтъ ли у васъ порученій къ моему отцу.

— Нѣтъ, съ удивленіемъ отвѣчалъ перчаточникъ; но что ты, братъ, съ ума сошелъ? Отчего ты вдругъ уходишь отсюда?

— Я неожиданно получилъ приказаніе, отвѣчалъ Ковзчеръ, завидясь оттого, что не всегда могъ хорошенько выражаться на чужомъ для него языкѣ*, или по какой-либо другой тайной причинѣ, навѣрное распознать этого нельзя было. Тамъ будетъ собраніе, прибавилъ онъ, охота.... И Ковзчеръ замолчалъ.

— А когда намѣренъ ты воротиться съ этой благословенной охоты? сказалъ хозяинъ. То есть, если мнѣ позволено спросить....

— Я не могу сказать навѣрно когда, отвѣчалъ ученикъ. Можетъ быть никогда.... если угодно будетъ моему отцу, продолжалъ Ковзчеръ съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Я думалъ, серьезно возразилъ Симонъ Глѣверъ, что если ты вступилъ ко мнѣ, то о подобныхъ вещахъ не стануть больше толковать. Когда я принялъ тебя, послѣ продолжительныхъ просьбъ, въ мой домъ, чтобы научить честному ремеслу, то думалъ, что не услышу больше объ охотахъ, собраніяхъ клана, выѣздахъ или о чемъ-нибудь подобномъ.

— Со мною не совѣтовались, когда присылали сюда, надменно возразилъ молодой человекъ. Я не могу сказать, на какихъ условіяхъ меня здѣсь приняли.

— Но я могу сказать тебѣ, Ковзчеръ, сердито вскричалъ перчаточникъ, что съ твоей стороны совѣтъ не честно поступить къ почтенному ремесленнику и перепортить у него больше кожи, нежели стоитъ твоя; а теперь, когда можешь пригодиться на что-нибудь, ты самъ распоряжаешься своимъ временемъ, точно будто оно принадлежитъ тебѣ, а не хозяину.

— Разсчитайтесь съ отцомъ, возразилъ Ковзчеръ, онъ за каждую испорченную кожу отдастъ французскаго барана**, а за каждый день моего отсутствія жирную корову или быка.

* Горцы говорятъ на галичскомъ языкѣ, который нельзя причислить ни къ англійскому ни къ шотландскому.

** Французская золотая монета, названная такъ отъ ягненка, который былъ вычеканенъ на ней съ одной стороны.

— Соглашайтесь, другъ мой Глѣверъ.... соглашайтесь, сухо ска- залъ оружейникъ. Вамъ заплатятъ если не честно, то хорошо. Хотите бы мнѣ знать, сколько очистили кошельковъ, чтобы на- полнить *споррэнъ**, изъ котораго вы получите это золото, и съ какихъ пастбищъ быки, которыхъ вамъ пришлютъ изъ грешіен- скихъ ущелій.

— Вы напоминаете мнѣ, любезнѣйшій, что у насъ есть съ вамъ счеты, надменно сказалъ молодой горецъ, оборачиваясь къ ору- жейнику.

— Не приближайся ко мнѣ, вскричалъ Генри, протягивая силь- ные свои руки: я не хочу больше имѣть съ тобой дѣла.... и хочу больше булавочной драки, какъ прошедшею ночью. Я и забочусь объ ужаленіи осы; но не люблю приближенія наѣкомаго, когда слышу его жужжаніе.

Конэчеръ презрительно улыбнулся.

— Я не желалъ тебѣ зла, сказалъ онъ. Сынъ моего отца сдѣ- лалъ тебѣ слишкомъ много чести, проливая кровь такого грубіяна, какъ ты. Я заплачу по столько-то за каждую каплю твоей крови, чтобы она высохла и больше не маразала пальцевъ моихъ.

— Полно, хвастуй! сказалъ кузнецъ: кровь храбраго человѣка нельзя цѣвнать золотомъ. Единственное удовлетвореніе, которое можешь дать мнѣ, состоятъ въ томъ, что ты прійдешь съ двумъ самыми гордыми хвастунами твоего клана, на мнѣ разстояніи отъ горъ; между тѣмъ какъ я буду раздѣлываться съ ними, мо- ученикъ, малескій Джэпкинъ, задастъ тебѣ урокъ.

Катерина прервала этотъ разговоръ.

— Полпоте, мой вѣрный Валентинъ, сказала она, вѣдь я имѣю право приказывать вамъ; перестаньте и вы Конэчеръ, вы должны слушаться меня, какъ хозяйской дочери. Не хорошо возобновлятъ утромъ споръ, который слѣдовало забыть въ продолженіи ночи.

— Прощайте же, хозяинъ, оказалъ Конэчеръ, еще разъ взгля- нувъ надменно на кузнца, который отвѣчалъ на это только гром- кимъ смѣхомъ. Прощайте! и благодарю васъ за снисхожденіе, ко- торого я не заслуживалъ. Если я казался иногда неблагодарнымъ, то этому впововаты были обстоятельства. Катерина....

Сильно растроганный, онъ взглянулъ на молодую дѣвушку, хо- тѣлъ сказать что-то, но отвернулся и прибавилъ только:

* Горцы носятъ сверхъ одежды сумочки или кошельки, которые обы- новенно дѣлаются изъ козловой шкуры. Сумочка эта называется *споррэнъ* (*sportan*).

— *Присядьте!*

Черезъ пять минутъ онъ выходилъ изъ Перва черезъ сѣверныя ворота, въ горскихъ полусапожкахъ и съ небольшимъ узломъ подъ мышкою. Онъ пошелъ къ горамъ.

— Вотъ онъ и ушелъ, гордый и хвастливый, какъ все горскіе кланы, замѣтилъ Генри. Онъ говоритъ о червонцахъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ я о мелкихъ серебряныхъ деньгахъ; однако я клянусь, что въ большой палецъ шерстяной перчатки его матери войдутъ сокровища всего клана...

— Можетъ быть, сказалъ перчаточникъ, улыбувшійся при этой мысли, вѣдь у его матери была порядочная рука.

— Что касается до скота, продолжалъ Генри, я думаю отецъ и братья Ковзчера стоятъ годовалыхъ барановъ.

— Будемъ говорить объ этомъ какъ можно меньше, сказалъ Глѣверъ, принимая опять важный видъ. У него нѣтъ братьевъ.... Отецъ его человекъ могущественный... у него руки длинны, онъ протягиваетъ ихъ какъ можно дальше, и слышитъ такъ далеко, что съ нимъ даже не нужно видѣться, чтобы сказать что-нибудь.

— Однако онъ сдѣлалъ единственнаго своего сына ученикомъ перскаго перчаточника! произнесъ Генри. Я думалъ, что благородное ремесло святаго Криспиво * шло бы для него лучше; и если сынъ какого-нибудь великаго Мэкъ или О' сдѣлается ремесленникомъ, то приметя только за ремесло, въ которомъ ему предшествовалъ принцъ.

Хотя это замѣчаніе и было сдѣлано ироническимъ тономъ, однако оно, казалось, разбудило въ Симонѣ чувства достоинства его ремесла, чувства, которыя характеризировали всехъ ремесленниковъ того времени.

— Вы ошибаетесь сынъ мой Генри, возразилъ онъ съ важностью: ремесло перчаточниковъ благороднѣе, потому что они работаютъ для рукъ, между тѣмъ какъ чеботари и сапожники работаютъ только для ногъ.

— Это тоже члены необходимые, сказалъ Генри, котораго отецъ былъ сапожникъ.

— Можетъ-быть, сынъ мой, но руки благороднѣе ногъ. Вспомните... они служатъ залогомъ чести и дружбы; ноги не имѣютъ того предпочтенія. Храбрецы дерутся руками; трусы спасаются ногами. Перчатку держать высоко, башмаки погружаются въ

* Сапожное ремесло.

грязь.... друга встрѣчаютъ съ открытою рукою; погой отталкиваютъ собаку или человѣка, которымъ пренебрегаютъ, какъ собакой. Перчатка на пикѣ во всемъ свѣтѣ знакъ довѣрія, а перчатка брошенная на землю вызовъ рыцарей на бой; между тѣмъ я не знаю въ башмакѣ другой эмблемы, кромѣ киданья старая башмака въ спину для счастья; но и этому я что-то не очень вѣрю.

— Право, вскричалъ кузнецъ, повеселѣвшій отъ краспорѣчи друга въ пользу ремесла перчаточниковъ: будьте увѣрены, что я не стану унижать вашего ремесла. Подумайте, вѣдь я самъ дѣлаю перчатки. Но достоинство древняго вашего цѣха не уменьшитъ моего удивленія, что отецъ Ковэчера вздумалъ отдать его въ ученье къ лаулендскому ремесленнику; вѣдь горцы считаютъ насъ безусловно ниже своего высокаго званія, и говорятъ, что мы порода презрѣнныхъ подешниковъ, которые не достойны другой участи, какъ быть ограбленными этими голоногими вельможами, если для нихъ найдется для того удобный случай.

— Да, отвѣчалъ перчаточникъ, но по очень важнымъ обстоятельствамъ.... очень важнымъ обстоятельствамъ.... Онъ удержалъ слова, которыя только что хотѣлъ сказать, и прибавилъ: По очень важнымъ обстоятельствамъ отецъ Ковэчера прислалъ его ко мнѣ. Сверхъ того я исполнилъ все, что обѣщалъ, и не сомнѣваюсь.... онъ поступитъ со мною честно. Но везапный уходъ Ковэчера приводитъ меня въ замѣшательство.... Ему было что-то вѣрено.... Однако мнѣ надобно птти въ лавку.

— Нельзя-ли мнѣ помочь вамъ? спросилъ Генри, обманутый серьезнымъ голосомъ друга.

— Ты?... пѣтъ!... сухо возразилъ Симонъ, и Генри такъ сильно почувствовалъ неловкость своего предложенія, что покраснѣлъ отъ стыда надъ своею недогадливостью въ обстоятельствахъ, гдѣ любовь должна была бы понимать намѣреніе старика Глѣвер по однимъ намекамъ.

— Ты, Катерина, сказалъ перчаточникъ, выходя изъ комнаты остался минутъ пять со своимъ Валентиномъ, и не отпускалъ его покуда я не порочусь.... Поди сюда Доротея, разшевелись не много и помоги мнѣ.

Онъ вышелъ со старухою, а Генри Смитъ остался съ Катериною наединѣ, можетъ-быть во второй разъ въ жизни. Минутъ съ пять Катерина находилась въ замѣшательствѣ, и влюбленному тоже было что-то неловко. Генри собралъ все свое мужество, вынулъ изъ кармана перчатки, умолялъ дѣвушку о позволе-

ни поднести ей обычный подарокъ за дорогую утреннюю благо-склонность и за то, что уснулъ въ минуту, за которую отдалъ бы сонъ цѣлаго года, чтобы не спать въ то время.

— Но приношеніе сдѣланное мною святому Валентину не требуетъ платы, которую вы хотите дать, и которую я не могу согласиться принять, сказала Катерина.

— Перчатки эти сдѣланы рукою, очень дорогой для васъ, при-ложилъ Генри, незамѣтно подвигая стулъ къ Катеринѣ, и онѣ вамъ совѣмъ въ пору.

При этихъ словахъ онъ разложилъ ихъ на столѣ, взялъ руку Катерины и положилъ подлѣ нихъ, чтобы показать, какъ они ей будутъ въ пору.

— Посмотрите на эту круглую ручку, продолжалъ Генри, по-смотрите на эти тонкіе пальчики; подумайте, кто вышивалъ на нихъ шелкомъ и золотомъ, и скажите должны ли перчатки и ру-ки, которымъ онѣ въ пору, быть раздѣлены, потому что бѣдныя ишли несчастье находиться въ такихъ грубыхъ и загорѣлыхъ рукахъ, какъ мои.

— Съ охотою принимаю подарокъ отца... конечно и моего друга, сказала Катерина, ударяя на послѣднее слово, моего Ва-лентина и защитника.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ надѣть ихъ, произнесъ кузнецъ, приближаясь еще болѣе къ ней: для перваго разу онѣ будутъ немножко узки, и я думаю вамъ необходима помощь.

— Вы въ этомъ очень искусны, добрый Генри Гоу, сказала Катерина, улыбаясь, но отодвигая стулъ отъ влюбленнаго.

— Конечно, возразилъ Генри склоня голову, я лучше умѣю одѣть рыцарю стальную перчатку, нежели молодой дѣвушкѣ вы-шитую лайковую.

— Въ такомъ случаѣ я не стану беспокоить васъ, мнѣ помо-жетъ Доротея.... Впрочемъ мнѣ не нужна помощь.... глаза и паль-цы отца никогда не ошибаются; всѣ его работы бываютъ въ пору.

— Позвольте мнѣ увѣриться въ томъ, сказалъ кузнецъ, по-звольте узнать дѣйствительно ли вамъ въ пору эти красивыя перчатки?

— Въ другой разъ, добрый Генри, отвѣчала дѣвушка, я стану носить эти перчатки въ честь святаго Валентина и друга, кото-раго онъ прислалъ мнѣ въ нынѣшнемъ году. Дай Богъ, чтобы я могла исполнить и другія важныя желанія отца моего.... но теперь запахъ этой кожи увеличиваетъ мою головную боль.

— У васъ болитъ голова! милая Катерина? отозвался влюбленный.

— Назовите скорѣ болью сердца и вы назовете ее вѣрною, сказала Катерина, вздыхая и серьезно продолжала:

— Можеть быть теперь я буду такую смѣлою, какою вы, вѣрно, считали меня сегодня утромъ. Я первая начну говорить предметъ, на который мнѣ, по настоящему, надобно ждать вопроса. Но я должна объяснить вамъ мои чувства, если не хочу опасться оставить васъ въ недоразумѣннн послѣ происшествій нынѣшняго утра.... Не отвѣчайте, не выслушавъ меня.... Вы, Гейри, храбрѣе большей части людей, честны и вѣрны; на васъ можно положиться, какъ на сталь, которую вы куете....

— Пойдите.... пойдите, Катерина, прошу васъ! Вы никогда не говорили обо мнѣ хорошаго, если не думали произвести изъ до мной горькаго суда. Вы скажете, что я человекъ честный такъ далѣе, но безразсудный буянъ, смутникъ, спорщикъ убійца!

— Я была бы несправедлива къ самой себѣ и къ вамъ, если бы назвала васъ такъ. Нѣтъ, Гейри, Катерина никогда не ввбрала бы въ Валентины убійцу. Если иногда я хулила вашу склонность къ гнѣву и дракамъ, то дѣлала это для того, чтобы стараться заставить васъ ненавидѣть грѣхъ гордости и запальчивости, которымъ вы легко предаетесь. Я говорила объ этомъ больше для того, чтобы встревожить вашу совѣсть, нежели въ сказать свое мнѣнiе. Я знаю также хорошо, какъ и отецъ мой, что въ нынѣшнее несчастное время безпорядковъ нельзя приводить въ примѣръ обычаи нашего народа, и даже всѣхъ христiанскихъ народовъ, для оправданiя привычки заводить изъ за глупости кровавый споръ, за самую легкую обиду стараться отплатить ужасною и смертельною местию, и убивать другъ друга изъ чести или даже для забавы. Но я знаю, что за все это насъ будутъ судить, и я хотѣла убѣдить васъ, мой честный, и ликодушный другъ, чаще слушать совѣты вашего добраго сердца и не гордиться силою и искусствомъ неумолимой руки.

— Я.... я убѣжденъ, Катерина! вскричалъ Гейри. Слова ваши будутъ мнѣ закономъ. Я уже довольно.... слишкомъ довольно сдѣлалъ, чтобы доказать свое мужество; но отъ васъ одной, Катерина, зависитъ научить меня лучшимъ мыслямъ. Вспомните, прекрасная Валентина, что желанiе выказаться въ искусствѣ владѣть оружіемъ, охота къ ссорамъ,—если это можно назвать такъ, не имѣють довольно сильнаго противника въ моемъ благороднѣйшемъ

и болѣе мирномъ характерѣ. Если случается споръ.... и предположимъ я, вспомнивъ ваши совѣты, не имѣю большой охоты продолжать его.... думаете вы, легко мнѣ будетъ избрать миръ или войну? Нѣтъ, клянусь святою Марією! это человѣкъ станутъ поджигать меня. Ну, что теперь, Смитъ, у тебя заржавѣлъ клинокъ? скажетъ одинъ. Выходи за честь Пероа, скажетъ милордъ Патрикъ Вэртризъ, нашъ старшина: выходи, Геври, противъ ихъ всѣхъ; я бьюсь за тебя объ закладъ и ставлю золотой, вскричать, пожалуй, отецъ вашъ. Что же дѣлать бѣдняку, Катерина, если всѣ возбуждаютъ его во имя искusstеля и никто не можетъ помочь ему противиться.

— Да, я знаю, у искusstеля всегда бываетъ кто нибудь для исполненія его предпріятій; но надобно противиться такимъ худымъ рѣчамъ, если даже они выходятъ изъ устъ людей, которыхъ мы обязаны любить и почитать.

Кромѣ того есть еще менестрели, съ романсами и балладами, въ которыхъ все достоинство человѣка заключается въ полученіи и отдачѣ хорошихъ ударовъ. Не повѣрите, Катерина, за сколько грѣховъ монахъ долженъ отвѣчать менестрель, слѣпой Геври или Хэрри. Иногда я ударялъ немного сильно.... клянусь святымъ Іоанномъ не для того, чтобы сдѣлать противнику зло!... но только старался подражать удару Вильяма Валзка.

Тёска менестреля говорилъ такъ серьёзно, что Катерина невольно улыбнулась; впрочемъ, она стала доказывать ему ничтожность этой причины сравненія съ опасностью, въ которой находится его собственная жизнь и жизнь другихъ людей.

— Да, мнѣ кажется, миръ водворился бы еще лучше, если бы нашелся адвокатъ, возразилъ Геври, ободренный улыбкою Катерины. Положимъ, напримѣръ, меня подталкиваютъ и возбуждаютъ взять въ руки оружіе: какъ хорошо было бы имѣть воспоминанія объ ангелѣ-хранителѣ, который остался дома и котораго образъ, кажется, говоритъ мнѣ: «Геври, не дѣлай насильства! ты замараешь мою руку кровью!... Геври, не подвергайся бесполезно опасностямъ....» Такія мысли, продолжалъ кузнецъ, произвели бы на меня больше дѣйствія, чѣмъ если бъ всѣ перескіе монахи стали кричать: «Не поднимай руки, не то мы отлучимъ тебя отъ церкви.»

— Если совѣты любящей сестры могутъ имѣть въ такой борьбѣ дѣйствіе, сказала Катерина, думайте, что ударомъ вы покрываете руку ея кровью, и что если вы получите рану, то ея сердце почувствуетъ.

Голось искренней привязанности, съ которымъ она сказала это, ободрилъ кузнеца.

— Отчего не перейти немного черезъ эти холодныя границы любви? Вы такъ добры и великодушны, что принимаете немного участія въ бѣдномъ невѣждѣ, который передъ вами. Отчего вы не сдѣлаете его тотчасъ же своимъ ученикомъ и мужемъ? Вашъ отецъ желаетъ, а городъ ожидаетъ этого; перчаточники и кузнецы готовятся къ весельямъ; и вы, одѣвъ вы, при своей вѣжности и добротѣ, не хотите дать согласія.

— Генри, сказала Катерина тихимъ и дрожащимъ голосомъ, повѣрите, я послушалась бы приказаній батюшки, если бы не существовалъ непобѣдимый препятствія....

— Однако подумайте... подумайте немного. Я мало могу сказать въ свою пользу вравненіи съ вами; вѣдь вы умѣете читать и писать; но я люблю слушать чтеніе и всегда буду послушенъ вашему вѣжному голосу. Вы любите музыку, я играю на арфѣ и пою не хуже менестреля. Вы любите дѣлать благодѣнія, а я могу давать, не обѣдняя себя; я каждый день могу давать такія же милостыни, какъ діаконъ *, не замѣчая убытку. Вашъ отецъ уже становится старъ для работы; онъ жилъ бы съ нами, и я считалъ бы его тогда настоящимъ отцемъ своимъ. Я удержался бы отъ всякаго легкомысленнаго спору, и если кто-нибудь вздумаетъ обидѣть васъ, то товаръ его не попадетъ на хорошей рынокъ.

— Вкусите семейное счастье, которое изображаете, Генри.... но съ женщиною счастливѣе меня.

Такъ проговорила, или лучше сказать, простонала переская красна дѣвица, которая, казалось, хотѣла скрыть слезы.

— Такъ вы меня презираете? спросилъ влюбленный послѣ минутнаго раздумья.

— Нѣтъ, клянусь небомъ.

— Или вы любите кого-нибудь другаго?

— Жестоко спрашивать то, что не можетъ быть для васъ полезнымъ. Но вы ошибаетесь.

— Можетъ-быть дикую кошку, Ковачера? Я замѣтилъ его взгляды.

— Вы пользуетесь труднымъ моимъ положеніемъ, чтобы обидѣть меня, чего я не заслуживаю. Ковачеръ для меня ничто; я

* *Діаконъ* чинъ церковный; но въ Шотландіи этимъ чинемъ называютъ цеховыхъ судей или свидковъ.

только старалась покорить его жестокой нравъ; я приняла немного участія въ молодомъ челоуѣкѣ, предоставленномъ своимъ предразсудкамъ и страстямъ, и который оттого походитъ немного на васъ, Генри.

— Ну, такъ, вѣрно, какойнибудь шеголь, сэръ Шеликовъ Червь, принадлежащій ко двору, сказалъ оружейникъ, у котораго досада раздражила его природную горячность: одинъ изъ тѣхъ, которые воображаютъ, что могутъ побѣдить все длинными перьями на шанкахъ и блескомъ шпоръ. Хотѣлъ бы я знать, кто это оставилъ обыкновенныхъ своихъ подругъ, нарумяненныхъ и вадушенныхъ дамъ, и любезничаетъ съ дочерьми простыхъ городскихъ ремесленниковъ. Хотѣлъ бы я знать его имя и фамилію.

— Генри Смитъ, сказала Катерина, побѣдивъ слабость, которая едва не овладѣла ею: это слова безразсудства и неблагодарности или скорѣе гнѣву. Я уже сначала говорила вамъ, что въ мірѣ вѣтъ никого, о комъ я имѣла бы высшее мнѣніе нежели о томъ, который при каждомъ словѣ, сказанномъ голосомъ подозрительнымъ и разгнѣваннымъ, теряетъ часть моего уваженія къ нему. Вамъ даже не должно было знать то, что я сказала, однако и это не даетъ вамъ права думать, что я васъ въ особенности предпочитаю, хотя я и призвалась, что никого не предпочитаю вамъ. Достаточно будетъ сказать, что вашимъ желаніямъ протнвустоятъ непобѣдимыя препятствія, точно будто чары очаровалъ мою судьбу.

— Чары могутъ быть разрушены храбрыми людьми, возражалъ кузнецъ. Дорбювъ, датскій оружейникъ, увѣрялъ меня, будто онъ пѣнами очаровывалъ оружіе свое такъ, что оно дѣлалось неразрушимымъ. Я сказалъ ему, что эти руническія рюмане были непробованы оружіемъ, которымъ сражались при Лэнкэрти. Нечего разсказывать дальше, перейду къ заключенію. Тотъ кто носилъ латы, и врачъ который лечилъ раны, знаютъ, умѣетъ ли Генри Гоу побѣждать чары.

Катерина посмотрѣла на него, какъ-будто желала доказать, что совѣтъ не удаляется поддигамъ, которыми онъ похвасталъ. Но прежде нежели она успѣла высказать свои мысли, отецъ ея выглянулъ изъ-за дверей въ комнату.

* Лэнкэртиское поле находится на западномъ берегу Тея, въ четырехъ миляхъ отъ Перва. Въ десятомъ вѣкѣ Датчане были побѣждены на немъ Шотландцами.

— Геври, сказалъ онъ, мнѣ надобно прервать твою пріятную бесѣду и попросить сію-минуту войти въ мою мастерскую, чтобы поговорить о дѣлахъ очень важныхъ для города.

Геври, поклонившись Катеринѣ, вышелъ по приказанію ея отца изъ комнаты. Можетъ быть внезапная остановка была къ лучшему, чтобы поддержать ихъ дружескія отношенія, если вспомнить, какое направленіе принялъ разговоръ. Влюбленный, воображая себя поощреннымъ, считалъ отказъ необъяснимымъ капризомъ перескокой красной дѣвицы, а Катерина думала, что онъ хочетъ употребить во зло ея свисхожденіе.

Но между ними осталась взаимная любовь, которая послѣ спору непремѣнно брала верхъ и заставляла дѣвушку забыть обиду, а влюбленнаго—пренебреженную страсть.

VII.

Ссора эта можетъ имѣть кровавыя послѣдствія,

Шекспиръ, «Генрихъ-Шестой.»

Граждане собрались, чтобы разсудить о дѣлахъ предстоящей ночи.

Рабочая комната Симона Глѣвера была наполнена толпою довольно значущихъ лицъ; между-ними, нѣкоторые были одѣты въ черные бархатные кафтаны, съ золотыми цѣпочками на шеѣ. Это были выборные изъ города, уѣздные судьи и члены корпорацій. Передъ началомъ засѣданія по всемъ правиламъ, они разговаривали въ полголоса, и лица ихъ дышали гнѣвомъ, важностью и оскорбленнымъ достоинствомъ. Между этими озабоченными особами, болѣе всѣхъ казался встревоженнымъ тотъ низенькій мѣщанинъ съ чваннымъ лицомъ, который по собственному его мнѣнію былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ во время ночной тревоги. Это былъ шляпный мастеръ Оливеръ Праудфутъ. Онъ бѣгалъ и хлопоталъ; его видѣли то тамъ то сямъ, какъ чайку передъ бурей, когда она разпускаетъ крылья, кричать и машетъ по воздуху, въ то время когда ей слѣдовало бы запрягаться въ гнѣздо свое и сидѣть тихо и смирно пока не стихнетъ буря.

Какъ бы то ни было, Праудфутъ стоя посреди толпы, цѣплялся пальцами за пуговицы одного, поднося къ своимъ губамъ

уху другого, подходилъ, приставалъ къ тѣмъ, которые были съ нимъ почти одного росту, подымался на цыпочки къ тѣмъ, которые были выше его, и чтобъ не упасть держался за воротники слушателей. Чувствуя выгодное свое положеніе, — потому что онъ былъ очевидцемъ тревоги, — онъ уже считалъ себя героемъ этого дѣла и намѣренъ былъ выйти изъ границъ скромности и правды. Нельзя сказать чтобъ рассказы его были слишкомъ любопытны или попятны; они вообще ограничивались слѣдующимъ:

— Клянусь, все это правда, истинная правда; я самъ былъ на мѣстѣ и все видѣлъ собственными глазами. Я первый прибѣжалъ на шумъ; и еслибъ не я, да еще какой-то сильный дѣтина, который прибѣжалъ почти въ одно время со мною, то они навѣрно ворвались бы въ домъ къ Симону Глѣверу, зарѣзали бы его и увели бы въ горы дочь его. Такихъ вещей не должно позволять, любезный сосѣдъ Крукшенкъ, не должно терпѣть, сосѣдъ Глассъ, не должно переносить, сосѣди мои Бальневсъ, Ролѣкъ и Кристсонъ. Хорошо еще, что я и тотъ сплать подоспѣли на помощь. Не правда ли, достойный мой судья и сосѣдъ Крегдаль?

Хлопотливый шляпникъ говорилъ это всѣмъ и каждому.

Судья Крегдаль, — тотъ самый чиновникъ, который совѣтовалъ отложить это дѣло до другого дня, — былъ толстый и высокій мужчина, очень пріятной наружности; онъ отдѣлался отъ Праудфута, который держалъ его за воротникъ, точно также, какъ ретивый конь потрясая гривой отдѣлывается отъ докучливаго слѣпня.

— Молчите, честные граждане! вскричалъ онъ: вотъ Симонъ Глѣверъ; онъ всегда говорилъ правду. Мы узнаемъ отъ него самого, какъ оскорбили его и чего онъ требуетъ.

Симонъ объяснилъ дѣло съ видимымъ замѣшательствомъ, которое приписывалъ тому, что ему будетъ очень непріятно, если цѣлый городъ изъ-за него одного поссорится съ кѣмъ бы то ни было.

— Тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, сказалъ онъ, это просто шутка, шалость придворной молодежи; но чтобъ шутка эта невозобновилась и чтобъ снова не надѣлать шуму, я придѣлаю къ окнамъ дочери крѣпкія желѣзныя рѣшетки и все прійдетъ въ прежній порядокъ.

— Но если это была только одна шутка, сказалъ судья Крегдаль, то собрать пашъ оружейникъ Генри кругомъ виновать, что поступилъ такъ необдуманно, отрѣзалъ руку порядочному человѣку, и городъ, если мы не схватимъ преступника, можетъ

за это дорого поплатиться; неравно насъ заставятъ заплатить какую-нибудь значительную пенью..

— Что за вздоръ! вскричалъ перчаточникъ. Если бъ вы знали, что я знаю, то не дотрогивались бы до этого дѣла какъ до разналоманнаго желѣза. Но если вамъ угодно совать пальпы въ огонь, то я долженъ вамъ сказать всю правду. Такимъ образомъ, что бы тамъ ни случилось, а я скажу, что дѣло это могло очень худо кончиться для меня и моихъ близкихъ, еслибъ Генри Гоу не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь.

— И я тоже, сказалъ Оливеръ Праудфутъ, хотя я и не умѣю управлять также хорошо саблею, какъ сосѣдъ нашъ Генри Гоу. Вы видѣли меня въ началѣ тревоги, мистръ Глэверъ.

— Я видѣлъ васъ, когда она уже совсѣмъ кончилась, сухо отвѣчалъ перчаточникъ.

— Да, это правда, это правда, подхватилъ Праудфутъ; я забылъ что пока мы мѣнялись ударами вы сидѣли дома, слѣдовательно не могли знать, кто ихъ раздавалъ и кто получалъ.

— Замолчите; сдѣлайте милость за молчите, мистръ Праудфутъ, сказалъ судья, которому по видимому очень надоѣло карканье достойнаго шляпнаго мастера. Тутъ есть что-то таинственное, прибавилъ онъ, и, какъ мнѣ кажется, я угадываю тайву. Нашъ другъ Симонъ, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, самый тихій и спокойный человекъ: онъ готовъ скорѣй перенести несправедливость, чѣмъ для собственнаго своего удовлетворенія подвергнуть друга или сосѣда опасности. Но ты, Генри Гоу, ты который бываешь всегда въ готовности, когда городъ нуждается въ защитникѣ, расскажи намъ все, что ты знаешь на счетъ этого дѣла.

Оружейникъ рассказалъ исторію точно такъ какъ мы ее рассказали; а хлопотливый шляпный фабрикантъ еще разъ вскричалъ....

— Неправда ли, пріятель Смитъ; ты видѣлъ меня во время тревоги?

— Нѣтъ, не видалъ, сосѣдъ, клянусь честью, не видалъ, отвѣчалъ Генри: но ты такъ малъ, что, очень можетъ статься, я не замѣтилъ тебя.

Отвѣтъ этотъ заставилъ разохотаться всѣхъ присутствующихъ, даже самого Оливеръ, который не могъ однако удержаться чтобъ не прибавить:

— Все-таки я первый подоспѣлъ на помощь къ сосѣду Глэверу.

— Да гдѣ жъ ты былъ, сосѣдъ? спросилъ Смитъ: потому что если говорить по совѣсти, я не видалъ тебя; и право отдалъ бы лучшее оружіе, вышедшее изъ рукъ монаховъ, чтобъ имѣть при себѣ такого спльнаго и храбраго удалца какъ ты.

— Я стоялъ недалеко отъ тебя, любезный Смитъ, и пока ты размахивалъ саблей на право и на лѣво, я предохранялъ тебя отъ ударовъ мошенниковъ, которые хотѣли напасть на тебя съ тылу; вотъ отчего ты и не видалъ меня.

— Я слышалъ что въ старину водились одноглазые кузнецы; но у меня, слава Богу, два, и вставлены они не въ затылкѣ а во лбу, и потому, сосѣдъ, я не могъ видѣть, что происходило у меня за спиною.

— Я былъ однако тутъ, вскричалъ упрямый Праудфутъ, в тотъ часъ расскажу мистру Креддальн, какъ все это случилось, потому что Генри Гоу и я первые прибѣжали на помощь.

— Съ насъ довольно и того что мы уже знаемъ, сказалъ судья, дѣлая знакъ, чтобъ онъ молчалъ. Мы довольствуемся увѣреніями Симона Глѣвера и Генри Гоу. Теперь, господа, намъ надо знать, что дѣлать и какъ поступить. Всѣ права наши, права гражданства были оскорблены, поруганы, и, вѣрно, какимъ-нибудь сильнымъ человѣкомъ, потому что никто иной не смѣлъ бы поступить такимъ образомъ. Трудно, жестоко, господа, покориться такому оскорбленію. Законы поставили насъ ниже лордовъ, перовъ, герцоговъ, бароновъ и вообще всего дворянства; изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ они имѣли право врыватья къ намъ въ дома и оскорблять жевъ нашихъ и дочерей, и что мы должны переносить все это не требуя даже удовлетворенія.

— Этого не должно быть! вскричали въ одинъ голосъ граждане.

Симонъ Глѣверъ вышелъ впередъ; всѣ черты его дышали смущеніемъ и безпокойствомъ.

— Надѣюсь, любезные соотечественники, сказалъ онъ, что никто не имѣлъ намѣренія оскорбить насъ, какъ мы могли это предполагать; что до меня касается, я охотно прощаю виновнымъ шумъ и тревогу, произведенныя въ моемъ домѣ, лишь бы только избавить нашъ городъ отъ непріятностей, которыя могутъ произойти отъ этого дѣла. Раздумайте хорошенько, какихъ еще судей намъ назначать? Я говорю съ сосѣдами, съ друзьями, слѣдовательно могу говорить откровенно; и такъ, между нами будь сказано, король такъ ослабъ тѣломъ и душою, что передастъ это дѣло одному изъ своихъ совѣтниковъ, какому-нибудь вельможѣ,

который пользуется теперь его минутною милостью, а можетъ быть и брату своему герцогу д'Ольбени, который подъ предлогомъ оправдать насъ, станетъ брать съ насъ взятки.

— Не хотимъ д'Ольбени! вскричало собраніе въ одинъ голосъ.

— Можетъ быть онъ отошлетъ насъ къ герцогу Роусею, продолжалъ Симоцъ: а молодой этотъ повѣса обратитъ оскорбленіе въ предметъ шутокъ и пѣсенъ, которыя станетъ распѣвать со своими веселыми товарищами и мещестрелями.

— Не хотимъ Роусея! онъ слишкомъ молодъ и слишкомъ легкомысленъ чтобъ быть нашимъ судьей! вскричали граждане.

Симоцъ, видя, что приближается къ цѣли, которой желалъ достигъ, ободрился немного; потомъ, понизивъ голосъ, какъ-будто боялся произнести страшное имя, прибавилъ:

— Можетъ быть, вамъ пріятнѣе будетъ имѣть дѣло съ Дугласомъ Чернымъ?

Никто не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Всѣ поблѣднѣли и съ смущеніемъ глядѣли другъ на друга.

Генри Смитъ выступилъ впередъ, смѣло посмотрѣлъ на собраніе и выразилъ твердымъ голосомъ чувства, которыми всѣ были одушевлены, но которыхъ никто не смѣлъ обваружить.

— Ты съума сошелъ, отецъ Симоцъ! сказалъ Генри: предлагать въ судьи между мѣщаниномъ и дворяниномъ Дугласа-Чернаго! въ такомъ случаѣ лучше идти въ адъ и выбрать самаго чернаго чорта. Развѣ можно дѣлать такія предложенія?

Настало опять молчаніе отъ страху и неизвѣстности; судья Креддальн, бросая выразительный взглядъ на оружейника, первый заговорилъ.

— Вы, кажется, падѣтесъ на вашъ исподній камзолъ, сосѣдъ Смитъ, сказалъ судья, а иначе вы не стали бы говорить такъ смѣло.

— Я надѣюсь на сердце, которое бьется подъ моимъ камзоломъ, отвѣчалъ неустрашимый Генри: и хотя я не большой охотникъ до болтовни, однако не позволю ни одному изъ вашихъ лордовъ или бароновъ зажать мнѣ ротъ.

— Такъ посетите же камзолъ потолще, мой добрый и честный Генри, или не говорите такъ громко. Тутъ, въ городъ, есть люди, которые носятъ на плечѣ кровавое сердце*. Но что жъ станемъ мы дѣлать? вѣдь разговоры эти ни къ чему не ведутъ.

— Чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ лучше, вскричалъ оружейникъ

* Гербъ Дугласовъ.

Пойдемте къ нашему засѣдателю и попросимъ у него помощи и защиты.

Ободрительный говоръ послышался со всѣхъ сторонъ.

— Я тоже говорю, вскричалъ Оливеръ Праудфутъ, но никто не хочетъ меня слушать. Пойдемте къ нашему засѣдателю, говорю я: онъ самъ изъ дворянъ, слѣдовательно, долженъ разобрать споръ между городомъ и дворянствомъ.

— Тише! тише, сосѣди! будьте поумѣреннѣе въ словахъ вашихъ и дѣйствіяхъ, сказалъ низенькій и худенькій человекъ, который старался принимать на себя скромный и униженный видъ, чтобъ паружность его еще больше согласовалась съ рѣчами, и казаться еще худощавѣе и ничтожнѣе чѣмъ природа создала его.

— Извините, сказалъ онъ, я не что иное какъ ничтожный аптекаръ; между тѣмъ я воспитываюся въ Парижѣ и слушалъ тамъ курсъ медицины не хуже тѣхъ, которые называютъ себя учеными-докторами: я думаю, что могу ощупать рану и вылечить ее успокоительными средствами. Вотъ другъ нашъ Симонъ Глѣверъ, который, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, самый честный и почетный человекъ. Развѣ вы думаете, что, если бѣ нужно было, онъ не принялъ бы самыхъ строгихъ мѣръ въ дѣлѣ, касающемся до его семейства? Если же онъ не хочетъ жаловаться на этихъ кутиль, значить, у него на то есть достаточная причина желать, чтобъ дѣло это смолкло. Не мнѣ, разумѣется, дотрогиваться до раны друга нашего Глѣвера, но, увы! мы всѣ знаемъ, что молодая дѣвушка то же, что эфирная эссенція, которая быстро испаряется. И такъ предположимъ, что какая-нибудь честная дѣвушка, въ простотѣ своего сердца, отворяетъ окно въ день святаго Валентина, чтобъ какой-нибудь услужливый кавалеръ могъ сдѣлаться ея Валентиномъ; положимъ тоже, что его застали: развѣ она не можетъ закричать какъ будто не ждала посѣщенія услужливаго этого кавалера, и.... и.... перетолките все это въ стулъ и посмотрите потомъ, стѣнитъ ли изъ того что выйдетъ, цѣлому городу ссориться съ кѣмъ бы то ни было.

Аптекарь произнесъ свою рѣчь самымъ ласковымъ тономъ, но низенькій ростъ его сдѣлался еще меньше, когда онъ увидѣлъ, что яркая краска выступила на лицѣ старика Глѣвера, и пламя гнѣву запылало въ глазахъ неустрашимаго оружейника.

Гейри выступилъ впередъ и, посмотрѣвъ яростно на аптекаря, вскричалъ:

— Ходячій скелеть! старая одышка! отравитель! если бѣ я думалъ, что ядовитыя слова твои могутъ хоть сколько-нибудь по-

вредить безпорочному имени Катерины, то я Истолокъ бы тебя въ собственной твоей ступѣ, недостойная тварь, чтобъ сдѣлать потомъ мазь для бѣшеныхъ собакъ.

— Перестань, перестань, сынъ мой Генри! сказалъ перчаточникъ: кромѣ меня никто не имѣетъ права вступаться въ это дѣло. Достойный судья, Крегдальн, если свисхожденіе мое перетолковываютъ въ такую дурную сторону, то я рѣшился до конца преслѣдовать это дѣло; и хотя слѣдствія докажутъ, можетъ-быть, что мы лучше бы сдѣлали, если бъ не заводили ссоръ; но по крайней-мѣрѣ всѣ увидятъ, что дочь моя своимъ поведеніемъ не подавала повода къ такому соблазну.

Судья заговорилъ въ свою очередь.

— Сосѣдъ Генри, сказалъ онъ, мы собрались сюда не затѣмъ чтобъ ссориться, а чтобъ посовѣтоваться. Какъ одинъ изъ правителей нашего прекраснаго города, я приказываю тебѣ не питать злобы и ненависти къ здѣшнему аптекарю Двинингу.

— Онъ слишкомъ ничтоженъ, господинъ судья, чтобъ я сталъ долго объ немъ думать, отвѣчалъ Смитъ. Миѣ стѣдуетъ только ударить молоткомъ, чтобъ развѣять его въ прахъ со всѣми его товарищи.

— Такъ молчите же и выслушайте меня. Всѣ мы увѣрены въ честности переской красной дѣвицы; объ этомъ нечего и горить. Чтѣ же касается до нашего засѣдателя, всѣ ли вы согласны поручить ему это дѣло, потому что тутъ, по-видимому, замѣшано очень важное лицо?

— Засѣдатель самъ изъ дворянъ, сказалъ аптекарь, успокоясь немного послѣ испугу, когда увидѣлъ, что судья вступаетъ за него: Богу извѣстно, что я не хочу говорить ничего такого, что бы могло подвергнуть осужденію такого важнаго человѣка, который занимаетъ свое мѣсто по наслѣдству отъ предковъ.

— По желанію и свободному выбору перескихъ гражданъ, сказалъ Смитъ, перебивая оратора сильнымъ своимъ голосомъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ смущенный аптекарь: да иначе и быть не можетъ; только прошу не перебивать меня, любезный Смитъ; я говорю съ почтеннымъ нашимъ судьей Крегдальн и сообщаю ему мои слабыя мысли. И такъ, что бы ни случилось, а я говорю, что сэръ Патрикъ Чартризь дворянинъ, а воронъ ворону глаза не выключетъ. Онъ можетъ защитить насъ въ ссорѣ нашей съ горцами, какъ начальникъ и засѣдатель нашъ; но захочетъ ли онъ, который ходитъ въ шелковой одеждѣ, вступить за насъ и идти противъ шитыхъ золотомъ кафтановъ? Послушайтесь со-

вѣта глуца. Мы спасли нашу красную дѣвицу, которую я не имѣлъ въ помысленіи обидѣть. Я никогда не говорилъ о ней ничего дурнаго, потому что не видалъ ничего такого. По крайней мѣрѣ, благодаря Генри Смиуту, у нихъ не достаетъ одной руки....

— И мнѣ тоже, сказалъ низенькій хлопотунъ, шляпникъ Праудфутъ.

— И Оливеру Праудфуту, какъ онъ говоритъ, прибавилъ аптекаръ, который не опровергалъ ни чьей славы, только бѣ его не принуждали идти по той опасной дорогѣ, по которой прошли заслужившіе славу. Я думаю, любезные сосѣди, что они никогда больше не возвратятся въ Кёрфьюстритъ, потому что оставили намъ въ залогъ руку; и по слабоумію моему, мнѣ кажется, что намъ остается только поблагодарить нашего храбраго земляка Генри, потому что вся честь осталась на сторонѣ города, и дать замолкнуть этому дѣлу.

Мирный этотъ совѣтъ сдѣлалъ впечатлѣніе на многихъ гражданъ, которые начали уже, въ знакъ согласія, кивать головами, и глядѣть внимательно на проповѣдника умѣренности, съ мнѣніемъ котораго соглашался даже самъ Симонъ Глѣверъ. Но Генри Смитъ не раздѣлялъ его. Видя, что всѣ молчатъ, онъ заговорилъ съ своею обыкновенною откровенностью.

— Сосѣди, сказалъ онъ, я не старше и не богаче васъ, и, право, не досаую на это. Годы прійдутъ въ свое время, деньги тоже, я могу нажать ихъ при свѣтѣ горна и при вѣтрѣ мѣховъ. Но никто не можетъ сказать, чтобъ я сидѣлъ спокойно, сложивъ руки, когда кто словомъ или дѣломъ оскорблялъ нашъ родной городъ; поэтому я не могу хладнокровно перенести такой обиды. Я пойду къ засѣдателю самъ, если бѣ даже мнѣ пришлось идти одному. Я знаю, онъ кавалеръ и, какъ намъ всѣмъ извѣстно, самаго знатнаго происхожденія. Но если бѣ даже онъ былъ самый гордый изъ всѣхъ здѣшнихъ вельможъ, то и тогда онъ долженъ былъ бы заботиться о сохраненіи правъ города, потому что онъ перескій засѣдатель. Да, я увѣренъ, что онъ вступится за насъ; я дѣлалъ для него стальные кирасы, и знаю какое сердце имъ предназначено предохранять отъ ударовъ.

— Разумѣется, сказалъ судья, наша жалоба ни к чему не послужитъ, если сэръ Патрикъ Чартризь не вступится за насъ. Намъ непремѣнно отвѣтять: «Подите къ своему засѣдателю, глуцы!» Такимъ образомъ, если вы согласны съ моимъ мнѣніемъ, сосѣди и сограждане, то я и аптекаръ Двиннагъ тотчасъ

же отправимся въ Квинсаусъ, съ Симономъ Глѣверомъ, храбрымъ Свитомъ и неустрашимымъ Оливеромъ Праудфутомъ, какъ свидѣтелями оскорбленія, и будемъ просить сэра Патрика Чартриза отъ имени нашего города.

— Сдѣлайте милость, оставьте меня, сказалъ мирный продавецъ медикаментовъ, у меня не хватитъ смѣлости говорить съ кавалеромъ.

— Все равно, пойдемъ; ты долженъ идти съ нами, сосѣдъ, сказалъ судья. Весь городъ, не смотря что мнѣ уже пошелъ шестой десятокъ, считаетъ меня вспыльчивымъ человѣкомъ. Симонъ Глѣверъ оскорбленъ; всемъ извѣстно, что Генри Смитъ больше портитъ латъ саблю, чѣмъ дѣлаетъ молоткомъ; а сосѣдъ нашъ Праудфутъ, который самъ увѣряетъ, что присутствуетъ при началѣ и концѣ всѣхъ возможныхъ ссоръ, случающихся въ городѣ Пероѣ, долженъ быть по этому очень скоръ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ намъ надо по крайней-мѣрѣ хоть одного смирнаго и спокойнаго человѣка и выборъ нашъ падаетъ на тебя, Двиингъ; ты долженъ разыгрывать эту роль. Такъ собирайтесь же, господа, сдѣлайте вашихъ лошадей и съѣзжайтесь къ западной заставѣ, если вамъ угодно будетъ возложить на насъ это порученіе.

— Согласны! согласны! вскричали единодушно граждане. Если засѣдатель вступится за насъ, какъ городъ нашъ имѣетъ на то право, то намъ нечего бояться.

— И такъ сосѣди, сказалъ судья, пусть будетъ сдѣлано, какъ сказано. Меня ожидаетъ теперь городской совѣтъ, а какъ я вижу здѣсь многихъ изъ его членовъ, которые рѣшили, что надо прибѣгнуть къ помощи засѣдателя, то и не сомнѣваюсь въ мнѣніи остальныхъ; они вѣрно тоже будутъ на это согласны. И такъ, добрые сосѣди и честные граждане прекраснаго города Пероа, садитесь на лошадей и ждите меня у западной заставы.

Засѣданіе этого, такъ сказать, частнаго совѣта кончилось общимъ одобреніемъ, и горожане разошлись по домамъ; одни пошли приготовляться въ дорогу, другіе отдавать жепамъ и ветеринарнымъ дочерямъ отчетъ въ мѣрахъ, принятыхъ для охраненія ихъ кончатъ отъ посягновеній услужливыхъ кавалеровъ.

Пока сдѣлаютъ лошадей и пока члены совѣта разсуждаютъ, мы растолкуемъ читателю нѣкоторыя вещи, которыхъ коснулись только вскользь въ предыдущемъ разговорѣ.

Въ ту эпоху, когда могущество феодалной аристократіи презирало права шотландскихъ городовъ, и часто нарушало ихъ привилегіи, горожане, если было только возможно, выбирали себѣ

засѣдателя, то есть главнаго судью, не изъ купцевъ или явщанъ, занимавшихъ низшія мѣста въ магистратѣ, а изъ дворянъ или бароновъ, жившихъ въ окрестностяхъ города. Кого общество выбирало въ это высокое званіе, тотъ обязанъ былъ блюсти пользу города, покровительствовать граждамъ при дворѣ, командовать войскомъ, когда имѣлъ съ кѣмъ особую оспору, и посылать на помощь собственныхъ вассаловъ.

Такое покровительство не всегда было безкорыстно. Начальники пользовались иногда своимъ достоинствомъ и употребляли во зло довѣріе гражданъ; они брали себѣ земли и дома, принадлежащіе обществу, такъ, что услуги эти обходились городу очень дорого. Другіе же довольствовались помощью горожанъ въ своихъ собственныхъ феодалныхъ ссорахъ, или уваженіемъ и благодарностью городовъ, которыми управляли, и ихъ содѣйствіемъ въ случаѣ нужды. Баронъ, какъ покровитель города Пероа, принималъ эти вольныя приношенія отъ гражданъ и платилъ имъ за это своимъ краснорѣчіемъ въ совѣтѣхъ и храбростью на полѣ сраженія.

Жители города Пероа, или лучше сказать, прекраснаго города Пероа, какъ они сами его величали, въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній, выбиралъ себѣ засѣдателя изъ благородной и древней семьи Чартризовъ, владѣтелей замка Кинфауствъ, который находился въ сосѣдствѣ города. Въ царствованіе Роберта-Третьяго, родоначальникъ этого семейства поселился въ замкѣ, къ которому принадлежали плодородныя и живописныя нивы, луга и лѣса. Исторія этого чужеземца дышетъ такимъ рыцарствомъ и романтизмомъ, что не мало помогла ему остаться въ замкѣ, куда его призвала судьба. Мы передадимъ эту исторію такъ, какъ гласитъ старинное преданіе, которое заключаетъ въ себѣ много истины и можетъ быть, заслуживаетъ мѣста въ болѣе серьезномъ сочиненіи чѣмъ то, которое находится теперь передъ глазами читателя.

Нужа жизни знаменитаго патріота сэра Вильяма Веллеса, оградившаго на время свое отечество отъ набѣговъ Англичанъ, онъ предпринялъ съ нѣкоторыми вѣрными друзьями путешествіе во Францію, чтобъ побудить французскаго монарха послать войско въ Шотландію, или какимъ-нибудь другимъ образомъ возвратить Шотландцамъ независимость.

Шотландскій воинъ находился на небольшомъ суднѣ, которое отправилось къ дѣшскому порту, какъ вдругъ замѣтилъ въ дали паруса, на которые матросы поглядывали сперва съ сомнѣніемъ, а потомъ съ ужасомъ. Веллесъ спросилъ,

чего они испугались. Капитанъ отвѣчалъ, что корабль, который летитъ на ихъ судно съ намѣреніемъ захватить его, принадлежитъ знаменитому корсару, который славится своею храбростью, силою и постояннымъ счастьемъ. Имъ командовалъ одинъ французскій дворянинъ, по имени Томасъ де-Лонгвилль, одинъ изъ тѣхъ пиратовъ, которые называли себя друзьями моря и врагами всѣхъ, кто распускалъ паруса свои на этой стихіи. Онъ грабилъ суда всѣхъ націй. Капитанъ прибавилъ, что ни одно судно не могло ускользнуть отъ корсара, такъ корабль его леталъ быстро, и что ни одинъ экипажъ, не смотря ни на какую храбрость, не могъ ожидать спасенія, когда корсаръ бросался на бордажъ.

Веллесъ горько улыбулся, когда капитанъ съ испуганнымъ видомъ и слезами на глазахъ объявилъ, что они будутъ захвачены Краснымъ-Корсаромъ, — такъ называли Томаса де-Лонгвилля, потому что онъ выкидывалъ обыкновенно кроваваго цвѣту флагъ, который далеко видѣлся.

— Я избавлю море отъ этого корсара! сказалъ Веллесъ.

Созвавъ тогда друзей своихъ, Байда, Керли, Сетона и другихъ, онъ приказалъ имъ вооружиться, и лечь на палубу, такъ, чтобъ ихъ не было замѣтно. Всему экипажу, исключая тѣхъ которые были необходимы для управленія кораблемъ, онъ приказалъ сойти внизъ, а кормчему управлять такъ, чтобъ непріятельскій корабль думалъ, что судно спасается отъ его преслѣдованій; между тѣмъ дать возможность Красному-Корсару догнать его. Самъ Веллесъ легъ на палубу чтобъ не было замѣтно ни какого сопротивленія. Черезъ полъ-часа корабль Лонгвилля настигъ судно шотландскаго бойца. Чтобъ увѣриться въ добычѣ, корсаръ перекинулъ крюки, уцѣпился ими за судно и вооруженный съ ногъ до головы перескочилъ черезъ бортъ, со всѣмъ своимъ экипажемъ, который испустилъ ужасный крикъ, какъ будто побѣда была уже на ихъ сторонѣ. Но вооруженные Шотландцы тотчасъ же вскочили, и Красный-Корсаръ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ людьми, которые считаютъ побѣду за собою, хотя на каждомъ изъ нихъ приходилось по два и по три противника. Веллесъ бросился на пирата и между ними завязался такой страшный бой, что всѣ остальные перестали драться и слѣдовали глазами за каждымъ движеніемъ своихъ храбрыхъ начальниковъ, какъ будто рѣшились съ общаго согласія предоставить имъ окончаніе этой борьбы. Корсаръ дрался отчаянно, какъ только можетъ драться человекъ, но Веллесъ обладалъ болѣе чѣмъ человѣческими силами. Онъ вышибъ шпагу изъ руку пирата, который былъ

въ такой опасности, что для избѣжанія смерти не было другихъ средствъ какъ броситься на шотландскаго бойца и побѣдить его рукопашнымъ боемъ: но и тутъ ему не удалось. Оба упали на палубу; но Веллесъ былъ сильнѣе, онъ схватилъ своего противника за горло и такъ крѣпко сжалъ, что не смотря на твердость стали его ошейника, кровь хлынула изъ рта, ушей, носу и глазъ, и только одними знаками корсаръ могъ просить помилованья... Когда матросы корсара увидѣли, что атаманъ ихъ находится во власти побѣдителя, то, бросивъ оружіе, они стали просить пощады. Веллесъ даровалъ всѣмъ жизнь, но оставилъ ихъ плѣнными и захватилъ корабль.

Когда корабль былъ уже въ виду діапскаго пристани, Веллесъ, поднявъ красный флагъ корсара, перепугалъ городъ; жители Діэпа думали, что на нихъ идетъ Лонгвилъ, чтобъ предать городъ огню и мечу.

Забили въ набатъ, зазвонили въ колокола, затрубили въ трубы, и граждане побѣжали къ оружію, какъ вдругъ сцена перемѣнилась. Шотландскій левъ на золотомъ полѣ развѣвался надъ знаменемъ пирата, и возвѣщалъ что шотландскій герой приближается, держа разбойника какъ добычу въ когтяхъ.

Онъ вышелъ на берегъ со своимъ плѣнникомъ, представилъ его французскому двору. По его просьбѣ, король простилъ Лонгвилю всѣ его разбои, и возложилъ даже на него знаки рыцарства, предлагая вступить въ королевскую службу; но Красный Корсаръ такъ сильно привязался къ своему великодушному побѣдителю, что рѣшился соединить судьбу свою съ судьбою Веллеса. Онъ возвратился съ нимъ въ Шотландію, дрался подлѣ него въ самыхъ кровавыхъ сраженіяхъ и превзошелъ всѣхъ своею храбростью, которая ни кому не уступала, развѣ только шотландскому герою. Онъ былъ счастливице своего друга. Прекрасный собой, смѣлый, сильный и храбрый, Томасъ де Лонгвилъ поввѣнился молодой дѣвушкѣ изъ старинной фамиліи Чартризовъ; она вышла за него и принесла въ приданое прекрасный замокъ Кингаусъ со всѣми владѣніями принадлежащими къ этому баронству. Потомки ихъ приняли фамилію Чартризовъ, прежнихъ владѣтелей замка, хотя имя Томаса Лонгвиля было ими глубоко уважаемо. Шпага его до-сихъ-поръ еще хранится въ ихъ семействѣ. Другое преданіе говоритъ будто самого Лонгвиля звали Чартризомъ.

Замокъ этотъ перешелъ потомъ во владѣніе Блеровъ, а теперь принадлежитъ лорду Грейю.

Кинфозувскіе бароны въ продолженіи вѣсколькихъ поколѣній, исполняли обязанность пероскихъ засѣдателей или покровителей; званіе это переходило отъ отца къ сыну. Сосѣдство замка съ городомъ было выгодно для обѣихъ сторонъ, такъ, что они могли поддерживать одна другую.

Сэръ Патрикъ Чартризь, о которомъ мы теперь рассказываемъ, вѣсколько разъ предводительствовалъ пероскими жителями въ экспедиціяхъ противъ несправивныхъ гордыхъ мардеровъ, и противъ другихъ чужеземныхъ и единоземныхъ враговъ. Правда, что его часто утомляли бесполезныя и ничтожныя ихъ жалобы, которыми они падоѣдали ему попустому; а какъ онъ не всегда ихъ выслушивалъ, то иные обвиняли его въ гордости какъ дворянина, и въ безпечности какъ богатаго человѣка, который предпочиталъ охоту феодальному гостепримству, и не такъ торопился къ услугамъ прекраснаго города какъ бы слѣдовало. Но если случалось какое-нибудь важное дѣло, то сэръ Патрикъ никогда не отказывался помочь гражданамъ, которыхъ защищалъ съ жаромъ, и словомъ и дѣломъ.

VIII.

Описавъ въ послѣдней главѣ характеръ сэра Патрика Чартриза и сказавъ, кто онъ таковъ, мы присоединимся теперь къ депутаціи, которая должна собраться у западной заставы чтобъ оттуда отправиться въ замокъ Кинфозувсъ, съ жалобою къ покровителю.

Симоуъ Глѣверъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту; онъ ѣхалъ на спокойномъ конѣ, который удостоивался иногда чести носить местолко тяжелую но болѣе прекрасную пошу въ особѣ его прелестной дочери. Нижняя часть лица его была закрыта плащомъ, для того, можетъ-быть, чтобъ друзья его, встрѣтившіеся съ нимъ на улицѣ, не останавливали своими вопросами, или потому что было довольно холодно. Лобъ его былъ наморщенъ глубокимъ безпокойствомъ, какъ будто бы дѣло, въ которое онъ вмѣшался, по мѣрѣ того какъ онъ размышлялъ о немъ, назалось ему труднѣе и опаснѣе. Когда друзья его и знакомые явились въ свою очередь, онъ поклонился имъ молча.

Маленькая, сильная, черная лошадка, старшиной галловайской породы, низенькая но крѣпкаго сложенія, привезла къ западной заставѣ крабраго оружейника.

Знатокъ тотчасъ бы увидѣлъ искру злости въ глазахъ этого

животваго. потому что крѣпкія и сильныя лошади большею частью бывають злы и упрямы; но тяжесть всадника, умѣнье управлять и осанка, съ которою онъ сидѣлъ на сѣдлѣ, укротили на время это упрямство. Его сопровождалъ честный шляпникъ, который былъ, какъ уже извѣстно читателю, низенькій и довольно толстый мужчина; закутанный въ красный плащъ, онъ скорѣе лежалъ чѣмъ сидѣлъ на огромномъ сѣдлѣ, и очень походилъ на красный клубокъ; сѣдло, на которомъ покоился всадникъ, было привязано подпругою къ фламандской лошади съ открытыми, какъ у верблюда, поздюми. Между всадникомъ и кошемъ была такая странная противоположность, что пока прохожіе удивлялись, какъ одинъ могъ вскарабкаться на другаго, друзья шляпника боялись за него, потому что ноги его не доходили даже до половины чепрака.

Онъ поджидалъ Смита, съ намѣреніемъ присоединиться къ нему, думая, что дѣятельные и храбрые люди должны быть вмѣстѣ, потому что тогда болѣе видны ихъ личныя достоинства. Оливеръ Праудфутъ былъ въ восторгѣ, когда услышалъ, что какой-то повѣса изъ черни закричалъ безъ хохоту: — Вотъ наша гордость, слава города Перва! Вотъ два примѣрные гражданина, храбрый оружейникъ Смитъ и непобѣдимый Оливеръ Праудфутъ!

Правда, что мальчикъ закуспилъ губу и шелкалъ языкомъ дѣлая знаки своимъ товарищамъ, такимъ же негодямъ какъ в онъ самъ; но шляпникъ фабрикантъ не замѣтилъ этого, и чтобъ наградить его за умѣнье цѣнить и уважать храбрыхъ людей, онъ бросилъ ему серебряную монету. Такая щедрость привлекла толпу ребятъ, которые бѣжали за всадниками, кричали и смѣялись отъ всей души; но Генри Смитъ обернулся и разогналъ ихъ хлыстомъ своимъ.

— Вотъ мы и собрались, сказалъ крошечный человекъ на огромной лошади, подвѣзая къ Симону Глѣверу: но гдѣ же остальные? Ахъ! любезный Генри, власть такая тягость, которая прилична скорѣй ослу, чѣмъ смѣлому, пылкому коцу. Она стѣсняетъ только такихъ молодыхъ людей какъ ты да я.

— Желательно бы было, достойный Праудфутъ, отвѣчалъ смѣясь Генри, чтобъ на твою долю досталось побольше тяжести, хоть матаго только, чтобъ ты сидѣлъ покрѣпче на сѣдлѣ, потому что ты дѣлаешь такіе отчаянные прыжки, какъ-будто плывешь янгу.

— Да, да, у лошади этой предепріятная рысь; но она носила меня по водамъ и по рвамъ и спасала во многихъ опасныхъ

случаяхъ, и потому я никогда не разстанусь съ своей Изавелью. Я далъ ей это имя въ честь кастильской принцессы Изавели.

— Ты вѣрно хочешь сказать Изавеллы.

— Да, да, Изавеллы, Изавеллы; да вѣдь это всё-равно. Вотъ наконецъ судья нашъ Кредальи, съ презрѣнною этою тварью, трусомъ аптекаремъ. Они взяли съ собою двухъ солдатъ съ пиками, для охраненія, вѣроятно, своихъ драгоценныхъ особъ. Если я ненавижу кого въ мирѣ, такъ это гнуснаго этого хама Двиннига.

— Берегись, чтобъ онъ не подслушалъ тебя, пріятель. Увѣряю тебя, что живой этотъ скелетъ гораздо опаснѣе двадцати такихъ отчаянныхъ молодцовъ какъ ты.

— Ба! ты шутишь надо мною, Смитъ, сказалъ Оливеръ понизивъ голосъ и посмотрѣвъ на аптекаря, какъ будто хотѣлъ рассмотреть, который членъ, или которая черта лица аптекаря могла угрожать ему опасностью: образъ этотъ, повидимому, успокоилъ его, потому что онъ прибавилъ громко:

— Клянусь саблей и щитомъ! я справлюсь съ дюжиной такихъ Двинниговъ. Что можетъ сдѣлать онъ съ живымъ чело-вѣкомъ!

— Поподчивать его своими лекарствами, отвѣчалъ сухо оружейникъ.

Они не могли продолжать разговоръ, потому что Кредальи подѣзжая къ нимъ совѣтовалъ пуститься въ путь, и самъ подалъ тому примѣръ.

Въ дорогѣ разговоръ шелъ о засѣдателѣ, о пріемѣ, котораго они могли ожидать, и объ участіи саповника въ дѣлѣ, о которомъ они пришли просить его. Перчаточникъ былъ въ уныніи и нѣсколько разъ заговаривалъ, давая понять, что ему гораздо пріятнѣе бы было, если бъ дѣло это оставили и не говорили о немъ больше. Однако онъ не слишкомъ открыто говорилъ на этотъ счетъ, потому что боялся снисходительностью своею повредить репутацію дочери. Двиннигъ былъ того же мнѣнія, но выражался по-осторожнѣе прежняго.

— Впрочемъ, когда я вспомню о всѣхъ подаркахъ, посылаемыхъ нашимъ прекраснымъ городомъ лорду засѣдателю, сказалъ судья, то не думаю чтобъ онъ сталъ мѣшкать въ такомъ важномъ случаѣ. Сколько барокъ нагруженныхъ французскими винами отправилось въ замокъ Кивфаунсъ! Я имѣю право говорить, потому что самъ нагружалъ ихъ.

— Я тоже, сказалъ Двиннигъ пискливымъ своимъ голосомъ,

могу сказать, сколько банокъ дорогихъ вареній, пирожныхъ, и даже сколько цѣлыхъ головъ сахару отсылалось отъ имени города къ лорду засѣдателю для празднованія крестинъ, свадебъ и другихъ торжествъ. Но, увы! внно выпито, варенья и пирожное съѣдены, а какъ во рту больше ничего не осталось, то и изъ памяти оно испарилось.

— Да вѣдь мы посылали тоже и перчатки наполненныя червонцами.

— Я долженъ это знать лучше другихъ, сказалъ Симонъ Глѣверъ, потому что я ихъ дѣлалъ. Между ними была одна пара охотничьихъ перчатокъ, для миледи. Онѣ были немного широки, но ея милость не прогнѣвалась, потому что знала чѣмъ онѣ были подбиты.

— Ну, что жъ, сказалъ Крегдальи, все это доказываетъ, что я говорю правду: если и этотъ подарокъ исчезъ, то виновать не городъ, а самъ засѣдатель, потому что его нельзя было ни съѣсть, ни выпить.

— Я тоже могъ бы напомнить о прекрасныхъ латахъ, сдѣланныхъ мною для сэра Патрика; но я думаю, что онъ исполнить свою обязанность въ отношеніи къ городу и что прежде времени не слѣдуетъ вычислять подарковъ.

— Я тоже говорю, вскричалъ Праудфутъ съ высоты своей лошади. Мы, обстрѣленные порохомъ, не имѣемъ низкой привычки пересчитывать подарки, когда даримъ ихъ такому другу, какъ сэръ Патрикъ Чартризь. Вѣрьте, что такой охотникъ какъ онъ считаетъ за великую милость позволеніе охотиться на городскихъ земляхъ, а этимъ правомъ, исключая его величества, никто въ мірѣ не можетъ пользоваться.

Шляпникъ не кончилъ еще своей рѣчи, какъ съ лѣвой стороны послышались крики охотника, подстрекающаго ястреба.

— Миѣ кажется, сказалъ оружейникъ, что кто-то пользуется правомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, и если судить по наружности, то это не король и не засѣдатель.

— Да, сказалъ шляпникъ, которому показалось, что обстоятельство это доставляло ему удобный случай отлучиться. Подскочимъ къ нему, храбрый Смитъ и спросимъ: по какому праву охотится онъ на городскихъ земляхъ.

— Хорошо, сказалъ Смитъ.

Праудфутъ прищипорилъ лошадь и полетѣлъ впередъ, будучи увѣренъ, что товарищъ его скачетъ за нимъ.

Но Крегдальи удержалъ за поводья лошадь оружейника.

— Останься съ нами, сказалъ онъ, и посмотримъ какъ справится наша легкая кавалерія. Если ему дадутъ какую-нибудь колотушку, онъ будетъ помирнѣе на остальную часть дня.

— Я думаю, что желаніе ваше сбудется, отвѣчалъ Генри. Посмотрите, нагнецъ этотъ остановился и смотритъ на насъ такъ дерзко, какъ-будто имѣетъ полное право охотиться на нашихъ земляхъ. Судя по лошади, желѣзному заржавленному шишаку, украшенному пѣтушьимъ перомъ, и по длинной саблѣ, можно подумать, что онъ находится въ услуженіи какого-нибудь лорда съ южной стороны. Онъ очень походитъ на тѣхъ людей, которые жвуютъ такъ близко къ Англіи, что вѣчно ходятъ въ латахъ, и руки которыхъ также щедры на удары какъ пальцы готовы на грабежъ.

Пока они разсуждали о слѣдствіяхъ этой встрѣчи, храбрый шляпникъ начиналъ уже придерживать свою лезавель, чтобъ Смитъ успѣлъ догнать его; онъ всё еще думалъ, что Генри ѣдетъ за нимъ.

Но когда онъ оглянулся и увидѣлъ, что оружейникъ стоитъ отъ него въ трехъ-стахъ шагахъ, то морозъ пробѣжалъ по кожѣ перскаго бойца. Между-тѣмъ, близость друзей и надежда на ихъ помощь ободрили немного Праудфутъ, которому очень хотѣлось обернуть назадъ лезавель и возвратиться какъ можно скорѣй къ своимъ товарищамъ, подъ покровительствомъ которыхъ ему было бы очень желательно находиться въ эту минуту; но стыдъ не позволялъ бѣжать отъ предпріятія, на которое самъ вызвался, тѣмъ болѣе, что непріятель его былъ одинъ; ктому жъ Праудфутъ надѣялся, что онъ испугается когда увидитъ такое многочисленное собраніе. Такимъ образомъ Праудфутъ продолжалъ приближаться къ неизвѣстному; но ужасъ его еще больше увеличился когда онъ увидѣлъ, что тотъ пустивъ лошадь свою во всю рысь повесся къ нему на встрѣчу.

Наблюдая за движеніями своего противника, по видимому наступательными, нашъ герой нѣсколько разъ оборачивался назадъ, какъ-будто хотѣлъ узнать мѣсто гдѣ находится, чтобъ обратиться въ тылъ, и откуда остановился, не зная на что рѣшиться бѣжать, или драться. Но Филестимляннъ подѣхалъ прежде чѣмъ шляпный фабрикантъ могъ опомниться, а Филестимляннъ этотъ былъ очень подозрительной наружности. Онъ былъ высокаго росту, на лицѣ два или три глубокіе рубца; и вся особа напоминала человѣка привыкшаго говорить проходнымъ: Кошелькъ или жизнь!

Незнакомецъ, посмотрѣвъ сурово на шляпнаго фабриканта, вскричалъ:

— Убирайся къ чорту, проклятая кукушка! К чему ѣдешь ты мне болота и мѣшаешь мнѣ охотиться?

— Почтенный иностранецъ! отвѣчалъ нашъ другъ Оливеръ, съ видомъ кроткаго упрека: я перескій гражданинъ, Оливеръ Праудъ-эутъ, всѣми уважаемый человѣкъ; а вотъ тамъ не въ далекомъ отъ насъ разстояніи ѣдутъ почтенный Адамъ Креддальи, старшій судья нашего города, храбрый оружейникъ Смитъ и еще трое или четверо вооруженныхъ всадниковъ, которые желаютъ знать ваше имя, и по какому случаю вы охотитесь на нашихъ земляхъ. Но не менѣе того, я отвѣчаю за нихъ, что они вовсе не намѣревы сориться съ дворяниномъ или иностранцемъ за случайное нарушеніе правилъ. Только по обычаю своему они этого не позволяютъ.... но если ихъ убѣдительно объ этомъ попросить.... тогда.... тогда.... Вотъ почему, почтенный иностранецъ, я желаю знать ваше имя и фамилію.

Презрительный и свирѣпый взоръ, съ какимъ охотникъ посмотрѣлъ на бѣднаго шляпника совершенно смутилъ, обезкуражилъ его; но еслнбъ тутъ былъ Генри Гоу, то онъ разумѣется держалъ бы себя иначе.

Хотя Праудъэутъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ самымъ скромнымъ видомъ, но незнакомецъ отвѣчалъ ему съ сверкающими отъ гнѣву глазами, которые отъ глубокихъ рубцевъ на лицѣ его казались еще свирѣпѣе.

— Ты хочешь знать мое имя? сказалъ охотникъ: такъ знай же, что меня зовутъ Хельгардомъ, Дикомъ Діаволомъ; я извѣстенъ какъ благородный Джонстонъ во всей Анандалин. Я нахожусь въ свитѣ храбраго лорда Вемфрея, сопровождающаго непобѣдимаго своего родственника лорда Джонстона, который ѣдетъ съ знаменитымъ и могущественнымъ графомъ Дугласомъ; а графъ, лордъ, герцъ и я, его конюшіи, спускаемъ нашихъ ястребовъ вездѣ гдѣ только есть дичь, ни у кого не спрашивая на то позволенія.

— Я передамъ вашъ отвѣтъ, сказалъ Праудъэутъ съ кроткимъ видомъ, потому что ему хотѣлось отдѣлаться поскорѣй отъ посольства, за которое взялся такъ необдуманно и такъ дерзостно, и хотѣлъ уже повернуть лошадь, но незнакомецъ остановилъ его призывая.

— И въ тоже время приди вотъ это на память отъ Дика Діавола, и знай что не слѣдуетъ мѣшать охотиться человѣку, который носитъ на плечѣ крылатую щипору.

Сказавъ это, онъ выхватилъ хлысть изъ рукъ несчастнаго шляпника и осыпалъ его градомъ ударовъ; нѣкоторые достались на долю Изабеллы, которая вставъ на заднія ноги, опрокинула всадника и помчалась во весь галопъ на встрѣчу къ пероскимъ гражданамъ.

Растянувшись на землѣ, Праудѣуть кричалъ такимъ голосомъ въ которомъ не было ничего мужественнаго, и умолялъ шопотомъ о пощадѣ, потому что противникъ его, соскочивъ съ лошади, приставилъ ему къ горлу охотничій ножъ, а другою рукою опустошалъ карманы бѣднаго шляпника. Осмотрѣвъ потомъ сумку висѣвшую черезъ плечо Праудѣута, незнакомецъ поклялся что завладѣетъ всѣмъ, что найдетъ въ ней, чтобъ вознаградить себя за помѣху на охотѣ. вмѣсто того чтобъ разстегнуть пряжку, онъ разорвалъ застежку, но не нашедши ничего такого, что бы могло искутить его алчность, онъ бросилъ ее съ презрѣніемъ, и вскочивъ на лошадь посмотрѣлъ на товарищей шляпника, которые въ это время спѣшили къ нему на помощь.

Когда Праудѣуть упалъ съ лошади, они сначала разохотались; но когда противникъ его, сошедъ съ лошади приставилъ ему къ горлу ножъ, то Смитъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать.

— Какъ вамъ угодно, господинъ судья, но я не могу глядѣть равнодушно какъ бьютъ, грабятъ, а можетъ-быть и убиваютъ одного изъ нашихъ гражданъ въ глазахъ нашихъ. Для Праудѣута это несчастье, а для насъ и для города стыдъ. Я бѣгу къ нему на помощь.

— Мы всѣ идемъ, сказалъ Крегдальи; но чтобъ никто безъ моего приказанія не вынималъ оружія. У насъ ужъ и безъ того такая бездна ссоръ, что не знаемъ какъ ихъ и кончить. И потому я приказываю вамъ, именемъ нашего прекраснаго города, въ особенности же тебѣ, Генри Гоу, не обнажать оружія вашего, развѣ только для своей защиты.

Увидѣвъ такое множество вооруженныхъ всадниковъ, незнакомецъ отошелъ отъ своей добычи, но остановился въ нѣкоторомъ разстояніи, и глядѣлъ на нихъ какъ волкъ, который хотя скрывается отъ собакъ, но не можетъ рѣшиться убѣжать со всѣмъ.

Генри, пришпоривъ лошадь, поскакалъ впередъ товарищей на помощь къ бѣдному Праудѣуту, который въ эту минуту вставалъ съ земли. Первымъ дѣйствіемъ Смита было остановить Изабеллу, вторымъ, отвести ее къ ея господину, который шелъ на встрѣ-

чу товарищамъ въ изодранной, запыленной одеждѣ, съ слезами на глазахъ отъ боли и униженія.

Онъ такъ перемѣнился, что вовсе не походилъ на прежняго самонадѣяннаго хвастуна, такъ, что честному оружейнику стало жаль маленькаго человѣчка, и онъ сталъ упрекать себя, что не предупредилъ это несчастіе. Я думаю, что нѣтъ никого кто бы не любилъ иногда подшутить надъ своимъ ближнимъ; но разница въ томъ, что злой человѣкъ безъ угрызеній совѣсти забавляется шутками такого рода, между-тѣмъ какъ тотъ, кого природа наделила добрымъ сердцемъ, скоро забываетъ смѣшную сторону и думаетъ только, какъ бы помочь тому, кто страдаетъ.

— Дай, я помогу тебѣ сѣсть на лошадь, сказалъ Генри слѣзая съ своей и помогая Праудфуту взобраться на Изабеллу.

— Богъ съ тобой, Смитъ; ты покинулъ меня, отвѣчалъ Оливеръ. Еслибъ меня увѣряли самые правдивые люди, что Смитъ сдѣлаетъ такой поступокъ, то и тогда бъ я не повѣрилъ.

Таковы были первыя слова, сказанныя Оливеромъ Праудфуту скорѣе съ горемъ чѣмъ съ гнѣвомъ.

— Судья удержалъ меня. Ктому жъ, прибавилъ Генри съ улыбкою, которая не смотря на все его состраданіе неволью показалась на лицѣ его, я думалъ что ты разсердишься, подумаешь, что я, помогая тебѣ въ встрѣчѣ съ однимъ человѣкомъ, хочу затмить твою славу. Но не горюй, утѣшься, это не твоя вина, а вина твоей Изабеллы; разбойникъ воспользовался ея упрямствомъ.

— Это правда! истинная правда! сказалъ Оливеръ хватаясь поспѣшно за это извиненіе.

— И бродяга этотъ радуется еще злу, которое причинилъ, и торжествуетъ какъ-будто отличился какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ.

— Поѣдемъ со мною, и ты самъ увидишь какъ мы его отдѣлаемъ. Ну, поѣдемъ! Не бойся, на этотъ разъ я не покину тебя.

Сказавъ это, онъ схватилъ за поводья Изабеллу, и не давъ Оливеру времени сказать, что прогулка эта не по его вкусу, пустился во весь галопъ на Дика-Дявола, который стоялъ на возвышеніи, не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи.

Но благородный Джонстонъ, разсудивъ вѣроятно, что бой будетъ не совѣтъ ровень, или что онъ уже довольно отличился въ этотъ день, зашелкалъ пальцами и протянулъ руки съ хвастливымъ и насмѣшливымъ видомъ; послѣ чего, свернувъ въ сосѣднее болото, на которомъ по видимому держался съ истиникомъ дикой утки, хотя волкая другая лошадь и всякой другой всадникъ

непримѣнно бы тамъ уязли, онъ сталъ свистомъ звать своего лстреба.

— Вотъ настоящій болотный разбойникъ, вскричалъ оружейникъ. Если онъ не захочетъ драться, то бесполезно будетъ его преслѣдовать, такъ же какъ дикаго гуся. Вѣроятно, онъ отнял у тебя кошелекъ, потому что разбойники эти не имѣютъ привычки уходить съ пустыми руками.

— Да, разумѣется, уныло отвѣчалъ Праудъ: но я радъ, что онъ не унесъ покрайней мѣрѣ моей сумки.

— Безъ сомнѣнн, сумка твоя служила бы ему эмблемой торжества, троеземъ, какъ говорятъ менестрели.

— Тамъ находится очень важная вещь, другъ Генри, сказала Оливеръ выразительнымъ голосомъ.

— Да? тѣмъ лучше, сосѣдъ. Какъ я радъ, что ты снова взял на себя свой важный, судейскій тонъ. Такъ утѣшься же, гляди какъ противникъ твой бѣжитъ, слѣдовательно ты снова завоевалъ трофеи, которыхъ потерялъ, когда находился безъ защиты.

— Ахъ! Генри! Генри! вскричалъ шляпникъ и остановился испустивъ глубокий вздохъ, который можно было принять за стоны.

— Что съ тобою?

— Мнѣ кажется, любезный Генри, что мерзавецъ этотъ бѣжалъ потому что испугался не меня, а тебя.

— Что за вздоръ! онъ увидѣлъ двоихъ человѣкъ и убѣжалъ. Кто можетъ знать, кого онъ испугался, тебя или меня? Ктому жъ онъ знаетъ по опыту, какъ ты силенъ и ловокъ. Мы всё видѣли какъ ты дрался погами и колѣнами пока лежалъ на землѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не помню, сказалъ бѣдный Праудъ. О! на этотъ счетъ я очень ловокъ и силенъ, но всё ли они видѣли?

— Какъ же! какъ же! отвѣчалъ Гоу, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣху.

— И ты, вѣрно, имъ напомнишь?...

— Непрѣмѣнно, и расскажу еще, съ какими отчаяннѣе ты преслѣдовалъ своего противника. Замѣть то, что я скажу судѣ Кредгалли, и извлеки себѣ изъ того пользу.

— Разумѣется, я не нуждаюсь въ свидѣтельствахъ, потому что отъ природы я также храбръ какъ большая часть перескихъ гражданъ; только....

Храбрецъ не досказалъ своей мысли.

— Только что жъ? спросилъ Генри.

— Только и боюсь, чтобъ меня не убили. Ты вѣрно согласишься,

Гову, что трудно разставаться съ хорошенькою женой и съ жалостными дѣтьми. Ты это еще лучше поймешь, когда будешь въ такомъ же положеніи; тогда самъ увидишь, что пламенная твоя храбрость не замѣтно притихнетъ.

— Очень можетъ быть, задумчиво отвѣчалъ оружейникъ.

— Ктому жъ, я такъ свыкъ съ оружіемъ и дышу такъ свободно, что рѣдкіе могутъ со мною бороться. Посмотри, прибавивъ извѣстнѣйшій человѣчекъ выставляя впередъ грудь свою и проводя по ней рукою, тутъ есть мѣсто для свободнаго дыханья.

— Осмѣлюсь сказать, что ты долго можешь не переводить дышья, это видно по твоимъ разговорамъ.

— По моимъ разговорамъ? ты шутишь!... Да!... я выписалъ въ Дуаде картину изображающую вѣнчаніе *дромонда*, и....

— Изображающую вѣнчаніе Дрёмонда! вскричалъ оружейникъ: съдѣственно мистръ Оливеръ, ты долженъ поссориться съ цѣлымъ племенемъ Дрёмонда, а оно, какъ я слышалъ, не уступить въ ищеніи другимъ племенамъ.

— Ты не понимаешь меня, Генри. Я говорю тебѣ о дромондѣ, то есть большомъ кораблѣ. Я дѣлалъ исправить и вырѣзать эту картину, такъ чтобъ фигурой своею она походила на султана или Сарацина. Я поставилъ ее и привнитилъ у себя на дворѣ, и по цѣлымъ часамъ упражняюсь надъ ней въ гибельныхъ ударахъ эскадройомъ.

— Съдѣственно ты хорошо теперь умѣешь управлять этимъ оружіемъ

— Безъ сомнѣнія; иногда я надѣваю на моего султана шапку, — разумется старую, и такъ колочу его что у него скоро не будетъ черепа.

— Это не совсѣмъ хорошо, пріятель, потому что какимъ образомъ ты потеряешь практику. Но что ты на это скажешь, господинъ шляпникъ, если я когда нибудь надѣну шпашакъ, латы и позволю тебѣ обходиться съ собою какъ съ султаномъ, только съ условіемъ, чтобъ ты оставилъ мнѣ шпагу, которою я бы могъ защищаться отъ твоихъ ударовъ, и, если понадобится, платилъ тебѣ тѣмъ же. Ну, что, согласенъ?

— Нѣтъ, не согласенъ, любезный другъ. Я не хочу вредить тебѣ. Ктому жъ, если говорить правду, то у меня рука дрожить, если эта каска или шапка надѣта не на султана, а на комъ-нибудь другомъ. О! тогда я увѣренъ, что поражу его. Но когда я вижу, что на шпашакѣ этомъ раздѣваются перья, а изъ подъ забрала сверкаютъ страшные глаза;... однимъ словомъ, когда я ви-

жу передъ собой противника, который мечется во всѣ стороны, то признаюсь.... я совершенно тогда теряюсь.

— Но елибъ кто выбудъ согласился стоять неподвижно передъ тобой, какъ твой султанъ: я думаю, ты сдѣлался бы тогда тираномъ?

— Да, со временемъ и практикою я думаю, что сдѣлался бы имъ. Но вотъ мы и догнали товарищей. Кажется, судья нашъ сегодня не въ духъ, но я не боюсь его.

Лишь только перескѣе граждане замѣтили, что незнакомецъ исчезъ, то не хотѣли сдѣлать на помощь къ Праудфуду, думая, что для этого достаточно одного присутствія неустрашимаго Генри Смита. И потому они поѣхали прямо въ Кинфаунсъ, боясь заподздать въ дорогѣ.

Какъ прошло довольно времени пока шляпникъ и оружейникъ могли нагнать своихъ товарищей, то судья, обращаясь къ Генри, спросилъ его, для чего потеряли они столько драгоценнаго времени, преслѣдуя по пустому этого бродягу.

— Это не моя вина, господинъ судья, отвѣчалъ Смитъ. Если вы соедините обыкновенную гончую собаку съ собакой волчьей породы, то не должны осуждать первую, зачѣмъ она бѣжитъ въ ту сторону куда тащить ее вторая. Вотъ именно что со мною случилось. Только что Оливеръ всталъ и опомнился послѣ ушибу, какъ съ быстротою молніи онъ бросился на свою *Езавелку*, и горя негодованіемъ, что подлець этотъ воспользовался его паденіемъ, онъ поскакалъ за нимъ во весь опоръ. Что жъ мнѣ было дѣлать? Чтобъ предупредить второе паденіе и защитить нашего друга, нашего храбраго воина, я долженъ былъ поскакать за нимъ. Но мошенникъ такъ испугался нашего сосѣда, что убѣжалъ безъ оглядки.

Судья съ изумленіемъ выслушалъ сказку, которую Смитъ угодно было разсказать, потому что всегда сомнѣвался въ истинѣ романическихъ исторій, которыя шляпникъ самъ про себя разсказывалъ. Смѣтливый перчаточникъ понялъ въ чемъ дѣло.

— Ты съума сведешь бѣднаго шляпника, сказалъ онъ на ухо Смиту. Онъ вездѣ теперь будетъ благовѣстити, что побѣдилъ непобѣдимаго кавалера, между тѣмъ какъ изъ уваженія къ приличіямъ ему бы слѣдовало молчать.

— Что за бѣда если онъ прихвастнетъ немножко, отвѣчалъ оружейникъ: я люблю этого крошечнаго фанфарона, батюшка Глѣверъ, и не могъ перенести мысли, что онъ будетъ сты-

даться и стоять молча въ углу залы засѣдателя, между тѣмъ какъ другіе, а именно этотъ отравитель аптекарь, стануть болтать все, что имъ взбредеть въ голову.

— Ты слишкомъ добръ, Генри, отвѣчалъ Глѣверъ. Но замѣть, кака разница между этими людьми. Маленькій этотъ шляпникъ ни кому не дѣлаетъ вреда, и чтобъ скрыть свою врожденную трусость, принимаетъ на себя видъ тирана, между тѣмъ какъ аптекарь, чтобъ скрыть гнусный свой характеръ, притворяется тихимъ, скромнымъ и кроткимъ. Онъ ядовитѣе змѣи ползущей подъ камнями. Увѣрю тебя, сынъ мой Генри, что движущійся этотъ скелетъ съ своимъ боязливымъ видомъ и подслащенными словами, такъ любитъ дѣлать зло, что не боится опасности. Но вотъ мы ужъ и добрели до засѣдательскаго замка, и надо признаться, что жилище это достойно лорда.

Это истинная честь для города, находится подъ покровительствомъ владѣтеля такого замка.

— Да, это настоящая крѣпость, сказалъ оружейникъ глядя въ широкій Тей, текущій у подошвы горы, на которой возвышался замокъ (какъ возышается теперь другой, смѣнившій его) и который казалось царствовалъ надъ долиной, хотя съ другой стороны рѣки крѣпкія и толстыя стѣны Эльхо, казалось, оспаривали у него первенство. Эльхо былъ однако въ то время тихимъ монастыремъ, мрачныя стѣны котораго служили оградой удалившимся отъ свѣта весталкамъ; тамъ не было войска.

— Чудесный замокъ! повторилъ еще разъ Генри, глядя на кинѳауенскія стѣны: это щитъ и латы быстрого стремленія Тей. Прежде тѣмъ овладѣть имъ надо притупить нѣсколько сотъ шпагъ.

Кинѳауенскій привратникъ, узнавъ издали приближающихся особъ и ихъ званіе, отворилъ ворота и послалъ доложить лорду Чартризу, что старшій перескій судья съ нѣкоторыми гражданами приближается къ замку. Добрый кавалеръ приготовился ѣхать на соколиную охоту, и потому не совсѣмъ былъ радъ когда ему доложили о пріѣздѣ непрощенныхъ гостей. Втайнѣ онъ проклиналъ ихъ, а громко приказывалъ принять со всею возможною уваженіемъ и почетомъ. Онъ велѣлъ столбникамъ и кравчимъ накрыть въ большой залъ столъ, откупорить бутылки съ виномъ и угощать гостей какъ слѣдуетъ, потому что если прекрасный городъ Перезъ и наполнялъ иногда погреба барина, за то жители его всегда были готовы опустошать ихъ.

Добрыхъ гражданъ ввели въ большую залу, гдѣ ихъ ожидалъ

самъ кавалеръ. въ охотничьемъ платьѣ и высокихъ сапогахъ, выше колѣнъ; онъ принялъ ихъ вѣжливо, учтиво, но съ покровительственною благосклонностію, внутренно желая, чтобъ, вмѣсто того чтобъ мѣшать его забавѣ, которой онъ намѣренъ былъ посвятить утро, они бы всѣ очутились на днѣ Тея. Онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу до половины залы съ открытою головою, держа беретъ въ рукахъ, и, привѣтливо кланяясь, сказалъ :

— А! господинъ судья! любезный Глѣверъ! достойные отцы прекраснаго нашего города!... и ты тоже, храбрый Смитъ! какъ я радъ васъ видѣть..... мой ученый аптекаръ тоже съ вами!... и непобѣдимый шляпникъ, который больше рубить чѣмъ прикрываетъ голову. Какимъ это образомъ доставляете вы мнѣ случай видѣть столько друзей, да еще такъ рано? Вы пріѣхали очень кстати, потому что я намѣренъ ѣхать на соколиную охоту, такъ что, вмѣсто одного удовольствія, буду наслаждаться двумя, то есть вашимъ прекраснымъ обществомъ и охотою, (дай Богъ, думалъ онъ, чтобъ они свернули себѣ головы), если только городъ не имѣетъ мнѣ дать какихъ-нибудь приказаній. Кравчій, Жильбертъ! поспѣши, любезный. Надѣюсь однако, что я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ не серьезному какому-нибудь дѣлу, а вѣроятно, вамъ захотѣлось знать, сохранило ли еще мальвуази свой чудный букетъ?

Представители города отвѣчали на учтивости засѣдателя поклонами, которые болѣе или менѣе обрисовывали ихъ характеръ. Аптекарская голова наклонялась ниже всѣхъ, а голова оружейника безцеремоннѣе всѣхъ. Вѣроятно, онъ зналъ себѣ цѣну.

Судья Кредальи взялся отвѣчать за всѣхъ.

— Сэръ Патрикъ Чартризь, нашъ лоръ-засѣдатель, сказалъ онъ важнымъ тономъ, если бъ у насъ не было другой пѣли какъ только наслаждаться гостепріимствомъ и радушіемъ, съ которыми вы насъ такъ часто принимали, тогда бы мы, какъ люди умѣющіе жить въ свѣтѣ, дождались вашего приглашенія. Чтò же касается до охоты, то съ насъ будетъ и той, которую смотрѣли сегодня утромъ. Бѣдучи сюда, мы встрѣтились съ какимъ-то бродягою, который охотился на городскихъ болотахъ съ своимъ соколомъ; и зато только, что Оливеръ Шляпникъ, или Праудфьютъ, спросилъ его отъ имени города и вашего, кто онъ таковъ, что позволяетъ себѣ такія дерзости, онъ напалъ на него и чуть-было не изувѣчалъ.

— Чтò жъ онъ на это отвѣтилъ? спросилъ рыцарь. Клянусь честью! я выучу этого неуча охотиться по слѣдамъ моннъ!

— Осмѣлюсь доложить вашей милости, сказалъ шляпный эсбрикантъ, что онъ воспользовался моимъ паденіемъ съ лошади; но я скоро оправился, вскочилъ на сѣдло и преслѣдовалъ его до последней возможности. Онъ говоритъ, что его зовутъ Ричардомъ Діаволомъ.

— Какъ! сказалъ засѣдатель: тотъ самый, на котораго сложено столько балладъ и романсовъ? Я думалъ, что рыцаря этого звали Робертомъ.

— Кажется, это не тотъ, милордъ, отвѣчалъ Оливеръ: я только сдѣлалъ ему честь, назвавъ его цѣлымъ именемъ, потому что онъ самъ называлъ себя Дикомъ Діаволомъ *, прибавивъ, что онъ благородный Джонстонъ, находящійся въ свитѣ лорда Джонстона. Но я прогналъ его въ болото и отнялъ сумку, которую онъ взялъ у меня въ то время, когда я не могъ защищаться.

Кавалеръ задумался.

— Мы слышали о лордѣ Джонстонѣ и его свитѣ, сказалъ онъ: я не думаю, чтобы, мѣшаясь въ дѣла ихъ, можно было многозыграть. Какъ могъ ты это, Смитъ, вывести такъ хладнокровно?

— Я принужденъ былъ къ этому, сэръ Патрикъ, потому что получилъ приказанія отъ начальниковъ не вынимать оружія.

— Ну, если ты не вынималъ оружія, то я, право, не вижу причины, почему и мнѣ не послѣдовать твоему примѣру; тѣмъ болѣе, что Оливеръ Праудѣють отомстилъ за честь города и свою, хотя сначала противникъ его торжествовалъ надъ нимъ. Но вотъ и вино! Наполняйте кубки! такъ, чтобы вино лилось черезъ край, и подносите гостямъ мои. За здоровье Джонстона, и за ваше посѣщеніе, друзья мои! Теперь садитесь за столъ, потому что солнце уже высоко, а вы, дѣловые люди, вѣрно, разозвтракаете?

— Прежде всего, милордъ засѣдатель, позвольте намъ объяснить важную причину, которая привела насъ сюда, потому что мы еще не говорили съ вами.

— Послѣ, послѣ, любезный судья; отдохните прежде и покушайте, а послѣ мы и займемся дѣломъ. Вѣрно, жалоба на какого-нибудь джекмена, осмѣлившагося играть въ шары на улицѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ, милордъ, отвѣчалъ Кредгальи твердымъ голосомъ: мы

* Дикъ — сокращеніе имени Ричарда.

пришли жаловаться не на джекменовъ, а на господъ ихъ, которые играютъ въ шары съ честью домовъ нашихъ и слишкомъ безцеремонно обходятся съ дочерьми нашими. Шайка ночныхъ повѣсь, изъ придворной молодежи,—какъ это по всему видно,—аздумала прошедшею ночью ворваться въ домъ Симона Глѣвера. Они лѣзли уже въ окно, но приходъ Генри Смита разстроилъ ихъ предпріятіе. Молодые люди выхватили шнаги и дрались до тѣхъ поръ, пока сбѣжавшіеся граждане не заставили ихъ удалиться.

— Неужели! вскричалъ рыцарь, ставя на столъ кубокъ, который было поднесъ къ губамъ своимъ. Докажите мнѣ только истинную словъ вашихъ, и я поклянусь душою Томаса Ловгвила, что употреблю всѣ силы и всю власть свою, чтобъ удовлетворить васъ, если даже это будетъ стоить мнѣ жизни и лишитъ меня всего состоянія. Кто можетъ доказать правду? Симонъ Глѣверъ, тебя считаютъ честнымъ и благоразумнымъ человѣкомъ: берешь ли ты на свою совѣсть это обвиненіе.

— Поймите, милордъ, отвѣчалъ Симонъ, что я жалуясь не по собственной волѣ. Въ этомъ дѣлѣ пострадали только тѣ, которые возмутили общее спокойствіе. Я думаю, что только одна высшая власть могла ободрять такую дерзость, такое презрѣніе къ законамъ; а мнѣ бы не хотѣлось быть причиною ссоры между моимъ роднымъ городомъ и какимъ-нибудь сильнымъ вельможею. Я не хотѣлъ жаловаться; но нынѣ стали говорить, что свисходительностью своею я подамъ поводъ думать, будто дочь моя ожидала этого посѣщенія, что вовсе не справедливо. И потому, милордъ, я расскажу вашей милости все, какъ было, и предоставляю вашему благоразумію рѣшить, что слѣдуетъ намъ дѣлать.

И Симонъ рассказалъ отъ слова до слова все, что случилось въ прошлую ночь.

Патрикъ Чартризь, внявательно выслушавъ Глѣвера, казалось, былъ крайне удивленъ обстоятельствомъ, что человѣкъ, котораго схватили, успѣлъ убѣжать.

— Страшно, что ты не заперъ его, сказалъ онъ перчаточнику, пока онъ былъ въ твоихъ рукахъ! Развѣ ты не замѣтилъ лица его?

— Я видѣлъ его, милордъ, при блѣдномъ свѣтѣ лампы, отвѣчалъ Симонъ: ктому же я былъ одинъ, а въ мои лѣта трудно поймать молодаго человѣка. Я, правда, могъ остановить его; но, услышавъ крикъ въ комнатѣ дочери, бросился туда, а когда

вернулся, его уже не было: онъ выскочилъ въ окно и убѣжалъ садомъ.

— Теперь расскажи ты мнѣ это дѣло, какъ честный и храбрый воинъ, сказалъ Чартризь, обращаясь къ оружейнику.

Генри Гау рассказалъ все, какъ было, своимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ тономъ.

Дошла очередь и до шляпнаго фабриканта, который сталъ сообщать свои свѣденія съ обыкновеннымъ своимъ важнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— Правда, отвѣчалъ Праудфьютъ, что касательно этой страшной и странной тревоги, которая произошла въ прошедшую ночь у насъ въ городѣ, я не могу сказать, чтобъ я видѣлъ... какъ Генри Гау... именно начало ссоры; но никто не можетъ опровергнуть, чтобъ я не былъ свидѣтелемъ конца... по-крайней-мѣрѣ я видѣлъ всѣхъ кто тамъ былъ, а главное — представилъ доказательство, по которому можно будетъ отъискать преступниковъ.

— А что это за доказательство? спросилъ рыцарь: не теряй такъ много времени въ пустословіи и отвѣчай, что это за доказательство?

— Одинъ изъ этихъ злодѣевъ потерялъ на волѣ сраженія одну вещь, которую я положилъ вотъ въ эту сумку и принесъ показать ее вашей милости. Признаюсь по совѣсти, что я овладѣлъ этою вещью не саблею, но все же я овладѣлъ ею съ тѣмъ присутвіемъ духа, которое дѣлаетъ честь всякому человѣку, потому что рѣдко кто не оробѣетъ при звукѣ оружія и при свѣтѣ боевыхъ огней.

Сказавъ это, онъ вытащилъ изъ сумки руку, которую нашелъ на мѣстѣ, гдѣ происходила борьба.

— Будь спокоенъ, пріятель, сказалъ лордъ Чартризь, я могу смѣло засвидѣтельствовать, что ты довольно храбръ чтобъ овладѣть рукою человѣка, когда она отдѣлена отъ туловища; но ты еще чего-то ищешь въ своей сумкѣ?

— Я положилъ въ нее... милордъ... тутъ было... кольцо... надѣтое на руки этого злодѣя. Вѣрно я забылъ его дома... Я взялъ эту вещь чтобъ показать женѣ, то есть, кольцо, а не руку, потому что ей нѣтъ дѣла до чужихъ рукъ; кому жъ подобныя зрѣлища не совѣмъ пріятны для глазъ женщины. Мнѣ показалось... что я надѣлъ его опять на палецъ злодѣя... но его тутъ нѣтъ... такъ вѣрно я оставилъ дома... Погодите я съѣзжу за нимъ съ Генри Синтомъ.

— Мы все съ тобою поѣдемъ, сказалъ Чартризь, потому что

я самъ поѣду въ городъ. Выслушайте меня, почтенные граждане и сосѣди. Когда вы приходили ко мнѣ съ пустыми жалобами, какъ напримѣръ, что люди сосѣднихъ бароновъ охотятся на земляхъ вашихъ или играютъ въ шары на улицахъ, то разумѣется вы выслушивали васъ равнодушно, и вы могли думать, что я не шекую о пользахъ города. Но теперь, это совсѣмъ другое дѣло!.. Желую душою Томаса Лонгвила, что въ этомъ случаѣ вы не станете обвинять Патрика Чартриза въ безпечности. Рука эта, продолжалъ онъ, поднимая ее и показывая всѣмъ, принадлежитъ человѣку непривыкшему къ труднымъ работамъ. Мы поставимъ ее на такое мѣсто гдѣ ее вѣрно узнаютъ; и если въ товарищахъ того, кто лишился руки, осталась хоть одна капля чести, то они станутъ требовать ее. Слушай, Жерардъ! собери мнѣ в сваради съ дюжину храбрыхъ молодцовъ, и скажи, чтобъ они надѣли латы. Между тѣмъ, если послѣ этого случится какая-нибудь ссора, что должно предполагать, сосѣди, то мы должны другъ друга поддерживать. Сколько человѣкъ приведетъ вы мнѣ на помощь, если неравно нападутъ на мой замокъ.

Граждане прекраснаго города посмотрѣли на Генри Гау, къ которому какъ-будто по вистиваку обращались каждый разъ когда дѣло шло о войнѣ.

— Головой отвѣчаю, сказалъ онъ, что прежде чѣмъ городскіе часы пробьютъ десять минутъ, пятьдесятъ храбрыхъ всадниковъ явятся на помощь вашей милости, а черезъ часъ и тысяча будетъ готова къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо! отвѣчалъ безстрашный лордъ: такъ, если понадобится, я соберу всѣхъ моихъ солдатъ и пойду на защиту города. Теперь, друзья мои, на коней! и въ дорогу!

IX.

Въ день Святаго Валентина, около полудня, пріоръ доминиканцевъ исповѣдовалъ какую то знатную и важную особу. Это былъ мужчина очень пріятной наружности; здоровье цвѣло на щекахъ его, осѣненныхъ длинною, сѣдою бородою, доходившею до самаго шолса. Широкое, возвышенное чело и свѣтлоголубые большіе глаза его выражали достоинство. По достоинству этому, казалось, слѣдовало скорѣе принимать почести, которыя ему всякій охотно воздавалъ, чѣмъ принуждать къ этому тѣхъ, которые могли отказать. Лицо его было исполнено такой доброты, что почти выражало беззащитную простоту или слабость характера не спо-

собаю защитить себя или покорить сопротивление. На съдой голове этой особы былъ надѣтъ золотой кружокъ или вѣнецъ, прирѣзанный голубою повязкой. Въ рукахъ у него были четки изъ большихъ золотыхъ бусъ, довольно грубой работы, но украшенные шотландскими перлами, замѣчательными своею величиною и красотою. Другихъ украшеній на немъ не было. Онъ былъ одѣтъ въ длинное шелковое платье, пурпуроваго цвѣту, и подпоясанъ такимъ же поясомъ.

Старикъ этотъ, кончивъ исповѣдь, всталъ съ видимымъ трудомъ съ вышитой подушки, на которой во время исповѣди стоялъ на колѣняхъ, и, опираясь на черную трость, подошелъ прихоранивая къ камину и сѣлъ на золоченыя кресла, стоявшія подъ балдахномъ.

Это былъ шотландскій король Робертъ; третій по имени и второй изъ несчастнаго рода Стуртовъ. Онъ обладалъ многими добродѣтелями и не былъ лишенъ дарованій; но несчастіе его, какъ и многихъ другихъ принцевъ этого дома, предназначеннаго къ столькимъ бѣдствіямъ, состояло въ томъ, что прекрасныя эти качества не годились для человѣка призваннаго по своему рожденію управлять цѣлымъ народомъ и разыгрывать такую важную роль на землѣ.

Королю или главѣ такого воинственнаго народа, каковы были въ то время Шотландцы, слѣдовало бы быть пылкимъ, дѣятельнымъ и неустрашимымъ воиномъ, строго наказывать преступленія и щедро награждать заслуги, такъ, чтобъ его поступки внушали страхъ, повиновеніе и любовь. Но Робертъ Третій вовсе не походилъ на воина; напротивъ, онъ представлялъ своею особою совершенную противоположность съ этимъ описаніемъ. Правда, что въ молодости онъ присутствовалъ при многихъ сраженіяхъ, но въ немъ никогда не было замѣтно того стремленія къ опасностямъ, которыя такъ нравятся, такъ очаровываютъ пылкую молодость, ни того пламеннаго желанія отличиться какимъ-нибудь осязательнымъ, смѣлымъ, блестящимъ подвигомъ, ни того воинственнаго и рыцарскаго духа, котораго въ тотъ вѣкъ требовали отъ каждаго молодаго человѣка благороднаго происхожденія, и вѣющаго право на власть. О Робертѣ Третьемъ можно было сказать только то, что онъ не осрамился, не бѣжалъ съ поля сраженія.

Впрочемъ, онъ не долго былъ на военномъ поприщѣ. На турнирѣ, во время тревоги, лошадь сэра Дугласа Делькейфскаго ударила копытомъ въ ногу, молодаго графа Карикскаго (такъ назы

вали тогда Роберта-Третьяго), и такъ сильно, что онъ на всю жизнь остался хромымъ, слѣдовательно, не могъ впоследствии участвовать ни въ войнѣ, ни въ турнирахъ или другихъ какихъ-нибудь удовольствіяхъ такого рода.

Но Робертъ не чувствовалъ повидимому этого лишенія, потому что не любилъ воинскихъ упражненій.

Между-тѣмъ происшествіе это, или лучше сказать, слѣдствіе этого происшествія унизили его въ глазахъ гордаго дворянства и неугомоннаго народа. Онъ былъ принужденъ повѣрять важныя дѣла государства то тому, то другому члену своего семейства, съ званіемъ главнаго правителя королевства, представляя ему полную власть дѣйствовать какъ угодно.

Изъ отеческой любви, онъ бы хотѣлъ лучше прибѣгнуть къ помощи старшаго своего сына, котораго, чтобъ еще больше приблизить къ трону, сдѣлалъ герцогомъ роесайскимъ, но молодой принцъ, несмотря на свои блестящіе дарованія, былъ слишкомъ пылокъ и вѣтренъ, чтобъ держать съ достоинствомъ скипетръ, который бы ему вѣрили.

Хотя герцогъ Роесай любилъ власть, однако предпочиталъ ей удовольствія; шалостямъ и любовнымъ интригамъ его не было ни счету, ни конца, такъ, что дворъ и государство глядя на поведение молодого человѣка, который долженъ бы былъ служить примѣромъ шотландской молодежи, приходили въ ужасъ и негодованіе.

Тѣмъ болѣе его осуждали въ народѣ, что онъ былъ женатъ; другіе же любя его за веселость, молодость, доброту сердца, красоту и миловидность, были снисходительнѣе, говоря, что этотъ самый бракъ извиняетъ его развратную жизнь.

Многіе помнили, что свадьбу эту устроилъ дядя его, герцогъ Ольбени, который старался вредить своему племяннику во мнѣніи короля, постулавшаго почти всегда по совѣтамъ брата.

По интригамъ Ольбени, рука молодого принца была такъ сказать, продана съ публичнаго торгу, потому что онъ всенародно далъ понять шотландскимъ вельможамъ, что тотъ, который дастъ больше всѣхъ приданаго за свою дочь, можетъ надѣяться выдать ее за Роесая.

Георгъ, владѣтель Дѣнбара и Марча, которому принадлежала большая часть границъ Англіи, взялъ верхъ надъ остальными

* До-тѣхъ-поръ въ Шотландіи не было герцоговъ; герцоги Ольбени и Роесай первые носили этотъ титулъ.

претендентами, и дочь его, съ обоюднаго согласія юной четы, была обручена съ наследникомъ престола.

Но Ольбени забылъ посовѣтоваться еще съ однимъ лицомъ, которое было никто иной, какъ графъ Арчбалдъ Дугласъ, сильный и страшный своими огромными владѣніями, своими личными достоинствами, состоящими въ храбрости и осторожности; прибавьте еще къ тому непреклонную гордость и жажду мести больше тѣмъ феодалную. Графъ былъ также близкій родственникъ королю, потому что былъ женатъ на старшей его дочери.

Дугласъ иѣскалъ прїѣздомъ какъ-будто хотѣлъ доказать, что переговоры эти не могутъ состояться безъ его согласія; наконецъ, послѣ обрученія Роесай съ дочерью владѣтеля Дѣнбара, онъ прїѣхалъ, и уничтоживъ свадебныя условія съ графомъ Марчекимъ, предложилъ дочь свою Марджорей, обѣщая дать ей въ приданое гораздо значительнѣе того, что давали за прежней невѣстой.

Ольбени, мучимый жадностью и боясь ищевія Дугласа, употребилъ все свое вліяніе на большого и робкаго монарха, и уговорялъ его разрушить условія съ графомъ Дѣнбарскимъ и женить сына на Марджорей Дугласъ, женщину, которую Роесай не могъ любить. Не знали, какъ извиниться передъ графомъ Дѣнбаромъ, и потому ему сказали, что парламентъ не разрѣшилъ еще этого брака, а пока не пришло соизволеніе парламента, никто не обязанъ исполнять условій такого контракта.

Графъ былъ сильно оскорбленъ такимъ поступкомъ, и всѣ думалъ, что пользуется вліяніемъ, которое имѣлъ на границахъ Англіи, онъ станетъ мѣтить за дочь свою.

Съ своей стороны, герцогъ Роесай, недовольный Ольбени, который для государственныхъ видовъ пожертвовалъ его рукой и сердцемъ, старался показать свое неудовольствіе всѣми возможными средствами; онъ не заботился о женѣ, презиралъ грознаго и опаснаго своего тестя, и не обращалъ ни какого вниманія на утѣшанія дяди, котораго считалъ отъявленнымъ врагомъ своимъ.

Во время этихъ семейныхъ ссоръ, которыя продолжались и въ советѣ и въ администраціи, и сѣяли повсюду пагубныя свои слѣдствія, слабый монархъ находилъ только утѣшеніе и опору въ советѣхъ своей супруги, королевы Аннабеллы, которая происходила изъ древней и знатной фамиліи Дрѣмондовъ. Умная, зоркая, твердая, она удерживала, останавливала сына, который уважалъ ее, и твердостью духа поддерживала иногда колеблющуюся душу своего супруга. Но послѣ смерти ея онъ ушелъ на корабль, который потерявъ паруса и снасти, шатает-

ся со стороны въ сторону, куда подуетъ вѣтеръ. Робертъ страстно любилъ своего сына, питалъ робкое уваженіе къ брату, который былъ гораздо тверже его, чувствовалъ безсознательный, невольный страхъ къ Дугласу, и сомнѣвался въ преданности смѣлаго, но непостояннаго графа Марча.

Чувства, которыя онъ питалъ къ различнымъ этимъ лицамъ, такъ смѣшались въ его сердцѣ, что по временамъ они казались ему совсѣмъ не такими, какъ были въ самомъ дѣлѣ. Уступая послѣднему влиянію того, кто овладѣвалъ слабымъ его характеромъ, король, изъ добраго, снисходительнаго агнца, дѣлался ужаснымъ тираномъ, — довѣріе къ брату превращалось въ подозрѣніе, и добрый, кроткій король становился жестокимъ, скупымъ и завистливымъ человѣкомъ. Слабый умъ его какъ хамелеонъ отражалъ свѣтъ того человѣка, совѣты котораго онъ выслушивалъ на минуту, пока нуждался въ его помощи. Когда онъ переставалъ слушать одного и начиналъ говорить съ другимъ, то совершенно перемѣнялъ мнѣніе. Такая безхарактерность не дѣлала чести королю и подвергала опасности государство.

Разумѣется, что католическое духовенство, пользуясь слабостью человѣка, намѣренія котораго были прекрасны, благородны, но на котораго нельзя было надѣяться, стало имѣть на него большое влияніе.

Если говорить правду, то рѣдкіе, въ тотъ вѣкъ, не испытывали этого влиянія. Мало того, что внутреннее чувство говорило Роберту, что онъ поступаетъ не такъ какъ слѣдуетъ, мучило его самосознаніемъ собственныхъ проступковъ, но еще рабская и суевѣрная душа его терзалась сомнѣніемъ и боялась загробной жизни.

Кончимъ здѣсь это длинное отступленіе, безъ котораго читатели не могли бы хорошенько понять то, что слѣдуетъ.

Король съ трудомъ и медленно приблизился къ мягкому креслу, приготовленному для него подъ балдахиномъ. Онъ бросился въ него съ восхищеніемъ безпечнаго человѣка, находившагося въ-которое время въ вѣлковомъ положеніи. Когда онъ сѣлъ, то кроткое и почтенное лицо его выражало только одну благосклонность. Подлѣ кресла короля, въ почтительномъ положеніи, стоялъ пріоръ, человѣкъ лѣтъ сорока или пятидесяти, но волосы его были еще совершенно черны. Умное, надменное лицо его и быстрые глаза доказывали человѣка съ дарованіями, благодаря которымъ, святой отецъ возвысился до важнаго поста, который занималъ теперь при особѣ короля и въ государственномъ совѣтѣ. Привычка и воспитаніе выучили его имѣть въ виду два главные предмета, а

иненно: приращеніе церковныхъ имуществъ и истребленіе ереси, и потому онъ всѣми средствами стремился къ этой двойной цѣли. Но онъ дѣлалъ честь своей религіи, потому что поступалъ во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни по совѣсти, по внутреннему убѣжденію и по правиламъ нравственности. Если отецъ Ансельмъ заблуждался, даже иногда до жестокости, то это надо приписать его вѣку и званію. Добродѣтели же его принадлежали ему собственно.

— Такъ вы думаете, батюшка, что если я отдамъ земля, о которыхъ мы сейчасъ говорили, монастырю, то заслужу благосклонность нашей святой матери церкви, и могу тогда назваться ея почитательнымъ сыномъ? спросилъ король.

— Разумѣется, ваше величество, отвѣчалъ пріоръ; дай Богъ, чтобъ всѣ ея дѣти приходили на исповѣдь съ такимъ искреннимъ раскаяніемъ и съ такимъ живымъ желаніемъ загладить свои проступки, какъ вы, государь. Но я утѣшаю теперь не шотландскаго короля, а моего набожнаго и кающагося сына, Роберта Стурарта Карикскаго.

— Вы удивляете меня, святой отецъ. Какъ король, я почти ни въ чемъ не грѣшенъ противъ Бога; на этотъ счетъ совѣсть моя спокойна, потому что я скорѣй дѣйствовалъ по совѣтамъ монаховъ умныхъ совѣтниковъ, чѣмъ по собственному мнѣнію.

— То то и дурно, государь. Святѣйшій отецъ въ каждой вашей мысли, въ каждомъ вашемъ словѣ, въ малѣйшемъ вашемъ дѣйствіи, видитъ самаго покорнаго, самаго послушнаго раба нашей церкви; но вы окружены коварными совѣтниками, которые слѣдуютъ влеченію своихъ испорченныхъ сердецъ, употребляютъ во зло доброту и кротость своего государя, и подъ предлогомъ, что пекутся о его земномъ счастьи, губятъ его душу и лишаютъ вѣчнаго блаженства.

Король Робертъ всталъ и принялъ повелительный видъ, который очень шелъ къ нему, но къ которому никто не привыкъ.

— Отецъ Ансельмъ, сказалъ онъ, если вы замѣтили въ монахахъ проступкахъ что-нибудь такое, что заслуживаетъ выговора, подобнаго тому, какой вы мнѣ сдѣлали, то вы обязаны сказать мнѣ это, потому что я могу провиниться какъ король и какъ частный человѣкъ, и я приказываю вамъ объясниться.

— Покорюсь вашему приказанію, государь, отвѣчалъ пріоръ, низко кланаясь; потомъ, принявъ видъ, приличное своему званію, сказалъ: Выслушайте меня, государь: изъ устъ монаховъ выходятъ теперь слова святѣйшаго нашего отца, наследника святого Петра,

которому вѣрены были ключи рая, съ властію связывать и разрѣшать родъ человѣческій. О! Робертъ Шотландскій, для чего не отдалъ ты монастыря Святаго-Андрея Роберту Верлеву, за котораго просилъ тебя папа? Для чего уста твои клянутся въ повиновеніи и уваженіи церкви, а поступки доказываютъ непослушаніе и упрямство? Послушаніе лучше всякихъ жертвъ.

— Сэръ пріоръ, отвѣчалъ новархъ, съ видомъ тоже приличнымъ его сану: дѣло это касалось до насъ, до нашего государства, но ни сколько не до совѣсти, и потому я позволяю себѣ не отвѣчать вамъ на этотъ счетъ.

— Увы! сказалъ пріоръ, кто жь станетъ въ послѣдній день заботиться о вашей совѣсти? который изъ могущественныхъ вашихъ лордовъ или богатыхъ гражданъ, спасетъ короля своего отъ наказанья, которое онъ заслужитъ, если въ державныхъ дѣлахъ станетъ слѣпо слѣдовать свѣтской политикѣ? Такъ знай же, сильный король, что если бъ все твое рыцарство собралось къ тебѣ на помощь и вытянулось бы передъ тобою въ строй, то и тогда оно можетъ истлѣть какъ кусокъ сухаго пергамента, брошеннаго въ печь огненную.

— Добрый наставникъ, сказалъ король, на боязливую совѣсть котораго подѣйствовали уже слова хитраго пріора: вы слишкомъ строго судите объ этомъ дѣлѣ. Это случилось во время моей болѣзни, когда графъ Дугласъ управлялъ государствомъ въ званіи верховнаго правителя королевства, такъ, что я не могъ помѣстить вашего прелата: тутъ было столько препятствій.... Такъ не обвиняйте же меня.... я не былъ тогда въ состояніи заниматься государственными дѣлами и принужденъ былъ передать власть мою другому.

— Подданный вашего величества довольствуется этимъ отвѣтомъ. Но если препятствія случились во время правленія графа Дугласа, такъ для чего же онъ тотчасъ же не исчезли, какъ скоро король взялъ снова въ свои руки бразды правленія? Такъ спросить васъ легать его святѣйшества. Правда, что Дугласъ-Черный очень силенъ, даже слишкомъ силенъ для подданаго, но онъ не можетъ быть посредникомъ между вашимъ величествомъ и вашею совѣстью; онъ не можетъ снять съ васъ обязанностей, наложенныхъ на васъ, какъ на государя, церковь. Вы чадо церкви, слѣдовательно должны заботиться о ней какъ о матери и думать о ея пользахъ.

— Вы строго судите меня въ этомъ дѣлѣ, сказалъ Робертъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Прежде чѣмъ осуждать меня, вамъ бы

слѣдовало подождать удобнаго времени, чтобъ я могъ по-крайней-мѣрѣ оправиться и исправить зло. Подобныя распри часто случались во время царствованія моихъ предшественниковъ, и святой Давидъ, одинъ изъ нашихъ предковъ, не отказался какъ монархъ отъ правъ своихъ, напротивъ, защищалъ ихъ до послѣдней возможности, хотя и принужденъ былъ за это поспориться съ самимъ святѣйшимъ отцомъ.

— Да развѣ онъ хорошо поступилъ въ этомъ дѣлѣ? Зато Богъ и наказалъ его, предавъ врагамъ, которые одержали надъ нимъ побѣду, когда онъ поднялъ мечъ на знамена святаго Петра, святаго Павла и святаго Іоанна Беверлейскаго. Хорошо еще, что Господь сожалѣлся надъ нимъ, и вмѣсто того чтобъ вписать его преступленіе въ книгу страшнаго суда, послалъ ему земное наказаніе, какъ царю Давиду, имя котораго онъ носилъ на землѣ.

— Хорошо, хорошо, отецъ Ансельмъ; но полно объ этомъ говорить. Съ Божіею помощію, его святѣйшеству не на что будетъ жаловаться; я думаю, что онъ останется доволенъ мною. Беру въ свидѣтели Богородицу, что ни за что въ мірѣ, даже за корону, надѣтую теперь на главѣ моей, не взялъ бы на душу грѣха, словомъ или дѣломъ повредить нашей матери Церкви. Я всегда думалъ, что Дугласъ мало заботится о будущей жизни, а стремится только къ одной славѣ и браннымъ благамъ міра сего....

— Да вотъ, еще недавно Дугласъ ворвался силою въ монастырь Абербродхока, съ тысячею человекъ свиты, и аббать принужденъ теперь доставлять его людямъ и лошадямъ все, что только понадобится. Графъ называетъ это гостепрѣимствомъ, на которое, говорятъ, имѣетъ право, потому что предки его много жертвовали монастырю. Въ такомъ случаѣ, лучше отдать Дугласамъ ихъ земли и даянія, чѣмъ покоряться такимъ дерзостямъ. Поступокъ этотъ скорѣй походитъ на яростный набѣгъ дикихъ разбойниковъ, чѣмъ на прїѣздъ христіанскаго барона.

— Дугласъ происходитъ изъ такого рода, который не терпитъ противорѣчій, сказалъ король вздыхая. Но что я говорю о Дугласѣ? развѣ я самъ не такой же невѣжа, что пользуюсь такъ долго вашимъ гостепрѣимствомъ, и хотя свита моя не такъ многочисленна какъ свита Дугласа, все-таки вамъ должно быть трудно содержать столько людей и лошадей. Я далъ однако приказаніе воинамъ поставщикамъ облегчить какъ можно больше ваши вседневные расходы; но если присутствіе мое вамъ хоть сколько-нибудь въ тягость, то можно подумать и объ отъѣздѣ.

— Избави Боже! вскричалъ пріоръ, въ характерѣ котораго ничего не было низкаго или жаднаго, но смотря на то что онъ добивался власти; напротивъ онъ былъ щедръ и роскошенъ до невѣроятія. Если монастырь доминиканцевъ не отказывалъ въ гостепрѣимствѣ странникамъ всѣхъ сословій, то вѣрно можетъ предложить его своему государю. Нѣтъ, ваше величество, еслибъ вы даже пріѣхали со свитою, въ десять разъ больше этой, то и тогда она не стала бы ни въ чемъ нуждаться. Церковные доходы такъ велики, что монаху не слѣдуетъ желать большаго; и потому мы можемъ принять, съ должнымъ уваженіемъ и почетомъ, не лишая себя ничего, ваше королевское величество, но не должны позволять чтобъ грубые люди, алчность которыхъ и самоуправство не знаютъ ни какихъ границъ, вырывали у насъ изъ рукъ, насильственно, то, что мы пріобрѣли нѣсколькими столѣтіями....

— Хорошо, хорошо, любезный пріоръ. Теперь чтобъ отдохнуть немного мыслями отъ государственныхъ дѣлъ, расскажите намъ, мудрый мой наставникъ, какъ встрѣтили добрые перекские жители день Святаго Валентина? Вѣрно, весело; даже, кажется, слишкомъ весело?

— Я не понимаю, государь, въ чемъ состоитъ веселье; и потому не могу вамъ отвѣчать, весело ли они встрѣтили этотъ день; но знаю только что не спокойно, потому что сегодня утромъ, до разсвѣту, прибѣжали къ намъ три или четыре человѣка, изъ которыхъ двое были опасно ранены, и умоляли насъ, укрыть ихъ въ алтарь; за ними бѣжала вооруженная пиками, саблями, шпагами и сѣкьерами толпа, и кричала:

— Ловите ихъ! рѣжьте, убивайте!

Мы выслали сторожа и привратника сказать имъ, что люди, которыхъ они преслѣдуютъ, нашли убѣжище въ алтарь, слѣдовательно до нихъ ни кто не можетъ и не смѣетъ дотронуться; но они не довольствовались этимъ отвѣтомъ и продолжали кричать и стучать въ ворота и требовать, чтобъ имъ выдали этихъ людей, которые жестоко оскорбили ихъ. Я боялся, чтобъ они не разбудили и не испугали вашего величества.

— Тутъ не было бы еще большой бѣды, почтенный отецъ Ансельмъ.... Увы!... въ Шотландіи есть только одно мѣсто, гдѣ можно скрыться отъ воплей жертвъ и угрозъ притѣснителей, и мѣсто это, святой отецъ, — могила.

Пріоръ хранилъ почтительное молчаніе; раздѣляя чувства мо-

нарха, сердечная доброта котораго такъ не сходствовала съ буйнымъ правомъ его народа.

Помолчавъ немного, Робертъ спросилъ:

— Чтò жь сдѣлалось съ этими несчастными?

— По ихъ желанію, съ разсвѣтомъ дня, имъ отворили ворота, осмотрѣвъ прежде тщательно, не поджидаютъ ли ихъ гдѣ-нибудь враги; послѣ чего, поблагодаривъ насъ, они ушли съ миромъ.

— И вы не знаете, кто таковы эти люди, и зачѣмъ они просили у васъ убѣжища?

— Они поссорились съ городскими жителями, но не знаю за что. Обычай нашего монастыря запрещаетъ, въ продолженіи дѣльныхъ сутокъ, обращаться съ какими бы то ни было вопросами къ несчастнымъ, прибѣгающимъ къ помощи святаго Доминика. Если они желаютъ оставаться еще въ некоторое время, то причина заставившая ихъ скрываться должна быть вписана въ монастырскую книгу, и благодаря нашему святому заступнику, временное это покровительство спасаетъ отъ строгости законовъ такихъ людей, которыхъ, еслибъ мы знали, въ чемъ состоитъ ихъ преступленіе, слѣдовало бы предать правосудію.

Пока пріоръ говорилъ, неясная мысль мелькнула въ головѣ монарха; онъ думалъ, что такіе монастырскіе обычай могутъ быть большою помѣхою для благоустройства его государства. Но онъ отогналъ эту мысль, какъ діавольское паущеніе, и не сказалъ ни слова на этотъ счетъ; онъ не хотѣлъ, чтобъ монахъ зналъ, что такая грѣшная мысль хоть на минуту коснулась ума его. Напротивъ, онъ успѣшилъ переменить разговоръ.

— Какъ солнце медленно подвигается, сказалъ онъ. Меня удивляетъ что послѣ такого неприятнаго случая, составляющіе советъ мой вельможи, нейдутъ ко мнѣ за приказаніями, касательно таинственнаго этого происшествія. Несчастливая судьба моя назначила меня правителемъ такого народа, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, я одинъ только желаю тишины и спокойствія.

— Церковь всегда желаетъ тишины и спокойствія, сказалъ пріоръ, которому хотѣлось, чтобъ бѣдный монархъ вѣчно думалъ о церкви.

— Я тоже думаю, сказалъ Робертъ: но согласитесь сами, почтенный пріоръ, что если Церковь станетъ вмѣшиваться во всѣ ссоры, для того, разумѣется, чтобъ прекратить ихъ, то будетъ походить на хлопотливую хозяйку, которая желая вымести соръ, подымаетъ пыль.

Приоръ собирался отвѣчать на это замѣчаніе, но дверь открылась и камергеръ доложилъ:

Его высочество, герцогъ Ольбени.

Х.

Право, я попался въ такія хлопоты, что если я скажу, мнѣ удастся обдѣлать всё эти дѣла, вы можете не вѣрить мнѣ.

Шекспиръ, «Ричардъ-Третій.»

Герцога Ольбени звали также Робертомъ какъ и брата его, короля шотландскаго. До вступленія на престолъ послѣдняго, его звали Иоанномъ, но суевѣріе сдѣлало замѣчаніе, что имя это приноситъ несчастье; что всё Иоанны, Иоаннъ-Англійскій, Иоаннъ-Французскій и Иоаннъ Баліоль Шотландскій были очень несчастливы впродолженія всей своей жизни и всего своего царствованія, и потому, чтобъ отвратить роковое предзнаменованіе, новаго короля называли Робертомъ, въ воспоминаніе о Робертѣ Брюсѣ, котораго всё единодушно обожали въ Шотландіи.

Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ потому, что въ то время, однакія имена въ одномъ и томъ же семействѣ считались такою же странностью какъ и теперь.

Герцогъ Ольбени, будучи немного моложе короля, тоже не слѣшкомъ любилъ воинственныя предпріятія. Но если онъ не отличался храбростью, зато умѣлъ хорошо скрывать свою трусость, будучи напередъ увѣренъ, что если недостатокъ этотъ откроется, то навсегда разрушатъ его честолюбивыя планы. У него было тоже довольно гордости и самолюбія, и довольно власти надъ собою, чтобъ скрывать волненіе и боязнь, гдѣ присутствіе его было необходимо.

Герцогъ Ольбени былъ зоркій и искусный политикъ; хитрый, хладнокровный, онъ достигалъ цѣли, къ которой стремился всѣми средствами, и какъ-бы далеко ни была она, днѣ ни на минуту не терялъ ея изъ виду, хотя извилины, которыми онъ шелъ, казалось, вели его совершенно въ противоположную сторону.

Лицомъ и станомъ онъ походилъ на короля, обращеніе и манеры его были также благородны, также величественны; но онъ имѣлъ надъ братомъ то преимущество, что Богъ избавилъ его отъ немощей и надѣлилъ быстрымъ и дѣятельнымъ умомъ. Онъ былъ одѣтъ просто, но роскошно, какъ прилично было его дѣлу тамъ и званію.

Подобно брату своему, королю, онъ не носилъ ни какого оружія: ножны маленькихъ ножей занимали у пояса его мѣсто шпаги или кинжала.

Когда герцогъ вошелъ, пріоръ, поклонясь ему, почтительно удалился на другой конецъ залы, чтобъ присутствіемъ своимъ не помѣшать разговору двухъ братьевъ.

Надо сказать, что окно, у котораго стоялъ пріоръ, находилось въ углубленіи внутренняго фасада монастырскаго строенія, названнаго, по причинѣ частыхъ посѣщеній короля, дворцемъ, хотя тутъ обыкновенно жилъ пріоръ или аббатъ. Изъ отвореннаго окна, находящагося надъ главнымъ входомъ королевскихъ покоевъ, видѣть былъ внутренній монастырскій дворъ, обстроенный съ одной стороны великолѣпною церковью, а съ другой зданіемъ, въ которомъ помѣщались кельи, столовая и chapter-house или зала капитула. Вся эта часть не завѣсла отъ пространства, занимаемаго королемъ и его свитою. Четвертый рядъ строенія, наружный фасадъ котораго выходилъ на востокъ, состоялъ изъ обширнаго *пріюта* для посѣтителей или странниковъ, изъ службъ и магазиновъ или кладовыхъ для огромныхъ запасовъ, необходимыхъ для роскошнаго гостепримства отцевъ-доминиканцевъ.

Высокіе своды вели во внутренній дворъ восточнымъ фасадомъ. Дворъ находился именно противъ того самаго окна, передъ которымъ стоялъ отецъ Ансельмъ. Взоръ пріора могъ проникнуть подъ темные своды и слѣдить за солнечными лучами падающими туда съ западныхъ воротъ, которыя въ это время были отворены; но пріоръ не могъ хорошенько видѣть воротъ, потому что стоялъ довольно высоко, а своды были очень глубоки.

Необходимо замѣтить это устройство.

Обратимся теперь къ разговору двухъ братьевъ.

— Любезный братъ, сказалъ король, когда тотъ наклонился, чтобъ поцѣловать ему руку: любезный братъ, къ чему этотъ церемоніалъ? Развѣ мы дѣти не одного отца Стурта Шотландскаго и не одной матери Елизаветы Муръ?

— Я не забываю этого, отвѣчалъ герцогъ вставая, но я не долженъ забывать передъ братомъ уваженія къ королю.

— Къ несчастію, это правда, истинная правда, Робинъ! сказалъ король: тронъ дикая, безотрадная скала, на которой никогда не увидишь ни цвѣточка, ни зелени; все пусто кругомъ ея.... Государь не смѣетъ даже прижать къ сердцу своего брата, ни показать любви сыну; онъ долженъ отказаться отъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, отъ самыхъ теплыхъ привязанностей.

— Да, государь, такова въ нѣкоторомъ отношеніи судьба величія, по небо отдалившее ваше величество отъ собственнаго семейства дало ей вмѣсто дѣтей цѣлый народъ.

— Я вижу, Робертъ, что ты лучше меня выполнилъ бы обязанности монарха. Съ высоты моего величія я гляжу на эту толпу, которую ты называешь дѣтьми мои: я люблю ихъ, хотѣлъ бы видѣть ихъ счастливыми, но ихъ слишкомъ много, и они слишкомъ отдалены отъ меня. Увы! у бѣднѣйшаго изъ нихъ есть какое-нибудь милое, любимое существо, которое онъ можетъ прижать къ сердцу и на которое можетъ излить всю нѣжность родительской любви своей! Все, чѣмъ монархъ можетъ обласкать народъ свой, состоитъ въ улыбкѣ, подобной тѣмъ бесполезнымъ лучамъ, которыми солнце издали золотитъ ледяныя вершины Грампиенскихъ Горъ. Слушай, Робертъ, отецъ ласкалъ насъ, упреки его дышали нѣжностью; а между-тѣмъ, онъ былъ такой же король какъ и я. Отчего мнѣ не позволено, какъ ему, нѣжностью возвратитъ на путь истины блуднаго моего сына?

— Да развѣ вы не пробовали, государь, этого средства? отвѣчалъ Ольбени, съ грустнымъ видомъ челоуѣка, принужденнаго говорить горькія истины: разумѣется, что кротость лучшее средство. Но ваше величество сами видѣли, что средство это не помогаетъ, и потому вы сами должны рѣшить, какъ поступать съ герцогомъ Роусаемъ, для его собственнаго блага и для блага государства. Это зависитъ совершенно отъ васъ однихъ, государь.

— Это слишкомъ жестоко! ты требуешь отъ меня такой ужасной жертвы, а между-тѣмъ не хочешь помочь мнѣ совѣтами.

— Я всегда готовъ къ услугамъ вашего величества, но изъ всѣхъ окружающихъ, я одинъ, можетъ-быть, не смѣю совѣтовать строгихъ мѣръ противъ сына вашего и наследника, потому что, въ случаѣ прекращенія вашего рода, мнѣ придется надѣть эту тяжелую, роковую корону. Развѣ не стану говорить и думать, что Ольбени поссорилъ короля съ наследникомъ престола, чтобъ проложить себѣ путь къ нему? Нѣтъ, нѣтъ! избави меня Боже отъ такихъ совѣтовъ!... Всцѣльчивый Марчъ, гордый Дугласъ и другіе, скажутъ, пожалуй, что я наговариваю вамъ на сына, чтобъ присвоить себѣ всю вашу довѣренность, и потому я могу пожертвовать вамъ жизнью, государь, но не честью; она должна быть неприкосновенна.

— Ты правъ, Робертъ, совершенно правъ, сказалъ король, стараясь придать другой смыслъ словамъ брата: сильные и опасные наши бароны не должны знать, что дѣлается у насъ въ се-

испытій. Этого надо избѣгать какъ-можно осторожнѣй, и потому я постараюсь кротостью и снисхожденіемъ исправить Роесяя. По-временашъ я замѣчаю въ немъ проблески благоразумія, и потому не отчаяваюсь; онъ, право, стѣбитъ, чтобъ его любилъ. Вѣдь онъ еще молодъ, даже очень молодъ; ктому же наследникъ престола и во всей силѣ юности. Такъ будемъ къ нему терпѣливы, какъ добрый всадникъ съ упрямымъ конемъ. Потерпи, дай пройти первому пылу молодости, и ты будешь тогда доволенъ его поведеніемъ. Ты упрекалъ меня иногда, что я слишкомъ кротокъ, слишкомъ уступчивъ; у Роесяя нѣтъ этихъ недостатковъ.

— Безъ сомнѣнія, нѣтъ, отвѣчалъ Ольбени.

— Правда, онъ пылокъ, но зато какъ здраво разсуждаетъ для своихъ лѣтъ, сказалъ король стараясь оправдать сына въ глазахъ брата: мнѣ хочется, чтобъ онъ присутствовалъ сегодня въ совѣтѣ. Я послалъ за нимъ. Увидимъ, какъ-то онъ будетъ держать себя. Ты самъ соглашаешься, Робертъ, что когда Роесай расположенъ серьезно запыться дѣломъ, то всегда сдѣлаетъ какъ-нибудь лучше, потому что у него есть способность къ дѣламъ, ктому жъ и въ остроуміи нѣтъ недостатку.

— Да, согласенъ, государь, когда онъ расположенъ серьезно заняться дѣломъ.

— Именно, именно, я то же говорю. Какъ я радъ, милый Робертъ, что ты соглашаешься со мною въ намѣреніи попробовать еще разъ, кротостью привести на путь истины этого бѣднаго молодого человѣка. Вспомни, Ольбени, что у него нѣтъ больше матери, которая бы заступилась за него и вымолила прощеніе у разгнѣваннаго отца.

— Желаю, чтобъ, покоряясь влеченію родительскихъ чувствъ вашихъ, вы бы могли въ одно и то же время спасти отъ бѣды сына и государство.

Герцогъ замѣтилъ невнятную стратегику, которою король хотѣлъ отдѣлаться отъ его совѣтовъ.

Подъ предлогомъ, что братъ тоже согласенъ на кроткія мѣры, король намѣревался поступить съ сыномъ совершенно противоположно тому, какъ онъ ему совѣтовалъ.

Герцогъ, хотя и видѣлъ, что не можетъ склонить брата на свою сторону, не терялъ еще надежды, потому что зналъ характеръ Роесяя, и потому, надѣясь на новыя шалости племянника, рѣшился ждать, съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ посорить короля съ наследникомъ престола.

Въ это время король Робертъ, опасаясь, чтобъ братъ его не

коснулся грустного предмета, отъ котораго только-что избавился, подзвалъ къ себѣ пріора.

— Мнѣ слышится конскій топотъ, сказалъ онъ: посмотрите пожалуйста въ окно; и скажите мнѣ, кто пріѣхалъ. Ужъ не Россай ли?

— Нѣтъ, государь, это благородный графъ Марчскій со своею свитою, отвѣчалъ пріоръ.

— А велика его свита? опрѣсилъ король. Во внутренній дворъ они въѣзжаютъ?

Въ эту минуту Ольбени, наклонясь на-уху королю, сказалъ ему шопотомъ:

— Не бойтесь, государь, всѣ ваши Бранданы * здѣсь, подъ ружьемъ.

Король поблагодарилъ его легкимъ наклоненіемъ головы.

Въ это время пріоръ, отвѣчая на вопросъ короля, сказалъ:

— Графа сопровождаютъ два пажы, два рыцаря и четыре конюшихъ. Одинъ пажъ идетъ за нимъ по парадной лѣстницѣ и несетъ шагу его свѣтлости, остальные свита стоятъ во дворѣ, и..... Ахъ, Господи, что это значить! пѣвица съ виолей готовится пѣть подъ окнами королевскихъ покоевъ, да еще въ монастырѣ доминиканцевъ, какъ-будто находится на дворѣ какой-нибудь гостиницы! Этого не должно быть: я велю ее выгнать!

— Не дѣлайте этого, почтенный отецъ, сказалъ король: позвольте мнѣ вступить за странницу. Веселая наука, которою она занимается, бываетъ всегда неразлучна съ нищетою, къ которой предназначено несчастное племя менестрелей. Въ этомъ отношеніи они походятъ на монарховъ, которые всюду слышатъ похвалы и восклицанія, но напрасно вздыхаютъ о тихомъ и мирномъ счастьи, которымъ послѣдній земледѣлецъ наслаждается въ своемъ семействѣ.... Такъ не гоните же, почтенный отецъ, бѣдную эту пѣвицу: пусть ее поетъ, если ей это нравится, и забавляетъ рыцарей и пажей; это развеселитъ ихъ и помѣшаетъ, можетъ-быть, поссориться другъ съ другомъ; они служатъ такимъ вспыльчивымъ, такимъ нетерпѣливымъ вельможамъ.

Пріоръ поклонился въ знакъ повиновенія.

Въ это самое время отворилась дверь, и графъ Марчъ, оста-

* Жителей острова Бута звали Бранданами, неизвестно почему. Островъ Буть принадлежалъ королю и жители его составляли его свиту, то есть были его гѣохранителями. Буть принадлежитъ къ Гебридскимъ Островамъ; столица его — Россай.

шить въ присвоенной почетнаго звана , несмаго за нить швагу, вешель въ залу въ одеждѣ рыцарей того времени , и съ книжалоу за поясомъ.

Графъ былъ высокаго росту и хорошъ собой ; живою , свѣжій цвѣтъ лица, густые, волнистые блонкурые волосы, блестящіе темносинніе глаза, орлиный пронизательный взоръ и вообще всѣ его манеры и движенія , хотя очень пріятныя , доказывали человѣка раздражительнаго , ветерилнаго и необузданнаго характера ; а положеніе его въ свѣтѣ давало ему волю удовлетворять своимъ страстямъ.

— Я очень радъ видѣть васъ, любезный графъ, сказала король , кланяясь ему благосклонно : васъ давно не видать въ нашемъ совѣтѣ ?

— Государь, отвѣчалъ Марчъ, низко кланяясь королю и обращаясь къ Ольбени съ надшеннымъ и церемоннымъ поклономъ: если я давно не присутствовалъ въ совѣтѣ вашего величества, такъ потому только, что мѣсто мое было занято другими совѣтниками, которые гораздо пріятнѣе, а главное — умнѣе меня, въ чемъ я ни сколько не сомнѣваюсь. Теперь, я пріѣхалъ только сказать вашему величеству, что извѣстія, полученные мною съ англійской границы, заставляютъ меня немедленно возвратиться въ собственныя мои владѣнія. У васъ остается братъ, мудрый совѣтникъ и опытный политикъ, герцогъ Ольбени, совѣты котораго можетъ приводить въ исполненіе храбрый и сильный графъ Дугласъ. Я могу быть полезенъ только въ своей странѣ, и, съ позволенія вашего величества, намѣренъ немедленно туда отправиться, чтобъ исправлять свою должность хранителя восточныхъ границъ.

— Увѣренъ, что вы не захотите поступить съ нами такъ жестоко, любезный кузенъ. У насъ тоже не все въ порядкѣ. Мы получили дурныя новости: говорятъ, что горвыя племена начинаютъ открыто возставать противъ насъ, а для спокойствія собственнаго двора нашего и для исполненія нашихъ рѣшеній намъ необходимы теперь лучшіе наши совѣтники и храбрѣйшіе наши бароны. Потомокъ Томаса Рандольфа, вѣрно, не покинетъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ внука Роберта Брюса.

— Я оставляю при немъ потомка Джемза Дугласа, еще знаменитѣе моего предка, отвѣчалъ Марчъ. Милость его хвастаетъ, что никогда не закидываетъ ноги въ стремя безъ того, чтобъ тысяча человѣкъ свиты не была готова къ его услугамъ; вы можете объ этомъ спросить абербратакскихъ монаховъ: они охот-

но подтвердятъ слова Дугласа *. Рыцарямъ Дугласа скорѣй можно усмирить горцевъ, чѣмъ мнѣ противиться Англіи и власти Генриха Гатспура. Тѣмъ болѣе я могу быть совершенно спокоенъ насчетъ вашей безопасности, что увѣренъ въ преданности къ вамъ герцога Ольбеин, который окружаетъ вашу особу Бранданами, когда покорный подданный приближается къ жилищу своего государя съ шестью человекъ свиты, какъ самый бѣдный баронъ, владѣющій одною только башнею и тысячею акрами земли. Если принимаютъ такія предосторожности, когда нѣтъ ни какой опасности, — потому что теперь кажется некого бояться, развѣ только меня, — что жъ будетъ, если и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь случится?... Такъ успокойтесь, ваше величество, герцогъ Ольбеин спасетъ васъ.

— Милордъ, сказалъ герцогъ, обращаясь къ графу: бѣднѣйшіе бароны, о которыхъ вы сейчасъ говорили, вооружаютъ людей своихъ когда принимаютъ самыхъ близкихъ друзей за рѣшеткою своего замка; такъ если бароны эти заботятся о своей безопасности, для чего жъ имъ угодно, чтобъ я не думалъ о безопасности его величества? Бранданы составляютъ неотлучную стражу короля: они принадлежатъ ко двору его, и если въ эту минуту при особѣ его величества находится, положимъ, хоть сто человекъ, всё-таки этого слишкомъ мало, милордъ, въ сравненіи съ вашей и Дугласовой свитой, потому что ваша свита бываетъ обыкновенно въ десять разъ многочисленнѣе свиты его величества.

— Если королевская служба потребуетъ, я могу вооружить и выступить съ войскомъ въ десять разъ многочисленнѣе моей обыкновенной свиты; но я никогда этого не дѣлалъ съ враждебными намѣреніями противъ его величества, или изъ гордости, чтобъ превзойти въ роскоши другихъ бароновъ.

— Братъ Робертъ, сказалъ король, взявъ снова на себя роль примирителя: ты не правъ въ отношеніи къ графу Марчу; онъ ничѣмъ не заслужилъ нашего подозрѣнія. А вы, графъ, прибавилъ король обращаясь къ Марчу, приняли въ другую сторону осторожность моего брата. Но кончимъ этотъ разговоръ; я слышу очень пріятные звуки; кажется, дѣвушка эта поетъ хорошо. Вы знаете веселую эту науку, милордъ, и любите ее, такъ подойдите вотъ къ этому окну, гдѣ стоитъ пріоръ.... Я не хочу

* Жалобы абербратакскихъ монаховъ на слишкомъ большую честь, которую сдѣлалъ имъ графъ Дугласъ, посѣтивъ ихъ съ тысячею человекъ свиты, вошли въ пословицу.

развлекать его мирскими вопросами... и скажите намъ, стоитъ ли эта музыка того, чтобъ ее слушали. Кажется, она поетъ по-французски: въ такихъ случаяхъ я никогда не спрашиваю мнѣня брата; онъ, какъ устрица, ничего въ этомъ не понимаетъ. Потрудитесь послушать, любезный кузень, и сказать намъ, стоитъ ли пѣвица награды. Я думаю, что сынъ мой и лордъ Дугласъ скоро будутъ, и когда совѣтъ соберется, мы потолкуемъ о болѣе важныхъ предметахъ.

Чтò-то похожее на презрительную улыбку промелькнуло на губахъ и гордыхъ бровяхъ графа Марча, пока онъ переходилъ заду. Не сказавъ ни слова, онъ всталъ подлѣ пріора.

Покоряясь приказанію короля, Марчъ угадывалъ, что Робертъ желаетъ предупредить ссору и презиралъ въ душѣ робкаго монарха.

Пѣвица продолжала пѣть. Сначала слышались веселые и живые звуки; но по немвогу голосъ пѣвицы и звуки инструмента сдѣлались жалобными и прерывистыми, какъ-будто выражали скорбь сердца.

Не смотря на любовь свою къ музыкѣ, оскорбленный графъ не обратилъ большаго вниманія на чужеземку. Въ гордомъ сердцѣ его происходила борьба между любовью къ своему монарху, котораго не переставалъ еще любить, и жаждой мести къ Роберту Стурту, который разрушилъ его честолюбивые планы и оскорбилъ честь его дочери, допустивъ Маржорей Дугласъ сдѣлаться женою наследника престола, вмѣсто Елизаветы Дѣйбаръ, собственной его дочери, уже обрученной съ молодымъ принцемъ.

Марчъ имѣлъ всѣ пороки и всѣ добродѣтели нерѣшительныхъ характеровъ. Прощаясь съ королемъ, онъ имѣлъ намѣреніе отказаться отъ вѣрности, въ которой клялся ему, тотчасъ же какъ скоро возвратится въ свои феодальныя владѣнія, но колебался: онъ не могъ рѣшиться на такое преступленіе.

Графъ былъ занятъ этими мыслями, пока молодая дѣвушка пѣла первую половину своей пѣсни.

Но другіе предметы разогнали печальныя мысли графа и привлекли его вниманіе на то, что происходило на монастырскомъ дворѣ.

Дѣвушка пѣла на провансальскомъ нарѣчій, которое было въ то время языкомъ поэзіи при всѣхъ европейскихъ дворахъ, особенно же при шотландскомъ. Стихи были однако проще обыкновенныхъ сатирическихъ пѣсень трубадуровъ и походили скорѣе на романсы сѣверныхъ менестрелей.

Вотъ что пѣла дѣвушка:

Бѣдная Луиза! въ зѣнкахъ и хижинахъ твоей звучный голосъ повторяетъ робинизъ пастушканъ: «Берегитесь, не ходите въ лѣсъ!»

Бѣдная Луиза!

Бѣдная Луиза! солнечные лучи напали уже своимъ зноемъ кроткое лицо твое; въ воздухѣ было такое благоуханіе, въ рощѣ такая свѣжесть и прохлада, а птички, качаясь на вѣтвяхъ, воспевали любовь!

Бѣдная Луиза!

Бѣдная Луиза! въ прекрасныхъ мѣстахъ этихъ никогда не видали ужаснаго волка; появленіемъ своимъ онъ не нарушалъ тихаго счастья селянина. Но для тебя, Луиза, лучше бы было, если бъ ты встрѣтилась съ волкомъ.

Бѣдная Луиза!

Бѣдная Луиза! она идетъ по тропинкѣ; вдругъ является передъ нею охотникъ со шнагой на золотой перевязи и говоритъ что она прекрасна.

Бѣдная Луиза!

Бѣдная Луиза! въ глазахъ твоихъ золото не имѣло блеску; оно не могло составить твоего счастья; но ты была свѣжа какъ роза, невинна какъ голубица, и имѣла право на счастье сердца.

Бѣдная Луиза!

Бѣдная Луиза! что случилось съ тѣмъ, чѣмъ ты могла гордиться? что случилось съ твоимъ сердцемъ? Ужъ не похитилъ ли его охотникъ?

Бѣдная Луиза!

Бѣдная Луиза! грустная пѣснь ея не долго будетъ раздаваться въ ушахъ вашихъ; взоръ ея устремленъ въ могилу; она умерла для любви, для счастья. Но въ небесахъ есть милосердый Богъ; Онъ приметъ къ Себѣ

Бѣдную Луизу.

Какъ только пѣвица перестала пѣть, король, боясь, чтобъ ссора не возобновилась между графомъ Марчемъ и герцогомъ Ольбени, подозвалъ графа.

— Ну, что, какъ нравится вамъ эта музыка? спросилъ онъ: кажется, довольно живая и пріятная?

— Сужденіе мое не законъ, государь, отвѣчалъ Марчъ; но пѣвица можетъ обойтись и безъ моихъ похвалъ, потому что герцогъ Росоай осыпалъ, кажется, ее своими; а онъ первый судья во всей Шотландіи.

— Какъ! Развѣ сынъ мой пріѣхалъ? Можетъ-ли это быть? вскричалъ взволнованный король.

— Онъ стоитъ на лошади, подлѣ пѣвицы, и, кажется, больше занятъ ея разговорами, чѣмъ пѣсней.

— Что это значитъ, отецъ пріоръ? сказалъ король.

Но пріоръ отошелъ отъ окна.

— Я не хочу глядѣть на то, что мнѣ трудно передавать вашему величеству, отвѣчалъ отецъ Ансельмъ.

— Что все это значитъ? повторилъ король краснѣя и вставая со стула, какъ-будто хотѣлъ подойти къ окну; но боясь быть свидѣтелемъ какой-нибудь новой шалости Роесая, котораго не въ состояніи будетъ наказать, онъ перемѣнилъ намѣреніе.

Графъ Марчъ, казалось, забавлялся мученьями бѣднаго отца, рассказывая ему то, чего онъ не хотѣлъ знать.

— Посмотрите, государь, вскричалъ онъ, все идетъ лучше и лучше. Мало того, что пѣвица привлекла вниманье шотландскаго принца и всѣхъ пажей и солдатъ, столпившихся на дворѣ, во даже заполнила самого Дугласа-Чернаго; мы до сихъ поръ еще не знали, что онъ такой страстный поклонникъ веселой науки. Теперь я понимаю его удивленіе; принцъ, для поощренія хорошаго профессора пѣнія, удостоилъ его своимъ поцѣлуемъ.

— Какъ! вскричалъ король, Роесай играетъ съ какой-нибудь пѣвицей, да еще въ присутствіи своего тестя? Идите, добрый пріоръ, вѣди, любезный братъ, и скажите, чтобъ онъ немедленно сюда явился.

Когда они вышли, король продолжалъ:

— Я увѣренъ, любезный Марчъ, что все это кончится очень дурно; умоляю васъ, идите тоже туда и повторите мои приказанія.

— Ваше величество забываете, сказалъ графъ съ выраженіемъ глубоко оскорбленной особы, что отцу Елизаветы Дѣнбаръ не прилично быть посредникомъ между Дугласомъ и его августѣйшимъ зятемъ.

— Ахъ! простите, простите насъ, отвѣчалъ бѣдный старикъ; согласенъ, что съ вами поступили жестоко.... несправедливо.... но они убьютъ моего сына: ахъ!.... надо поспѣшить къ нему на помощь.

Добрый отецъ, вставая поспѣшно съ креселъ, оступился, пошатнулся, и со всего размаху упалъ на полъ. Головою онъ ударился объ уголъ креселъ и лишился чувствъ. Приключеніе это въ одну минуту смягчило ненавнсть Марча и раздѣлило его сердце. Онъ подбѣжалъ къ монарху, и, употребивъ съ вѣжностью и уваженіемъ всѣ средства, могущія привести къ жизни, посадилъ бережно на кресла.

Робертъ отырылъ глаза, и, озираясь кругомъ, спросилъ слабымъ голосомъ:

— Чтò такое случилось?... Одни мы?... Кто съ нами?...

— Вѣрноподанный вашего величества, Марчъ, отвѣчалъ графъ.

— Одинъ съ графомъ Марчемъ! повторилъ король въ сильномъ волненіи; онъ не могъ слышать безъ ужасу имени сильнаго и могущественнаго барона, котораго такъ смертельно оскорбилъ.

— Да, одинъ, добрый и благосклонный мой монархъ, одинъ съ бѣднымъ Георгомъ Дѣнбарскимъ, котораго враги хотѣли очернить въ глазахъ вашего величества, и который въ минуту опасности будетъ преданіе своихъ обвинителей.

— Съ вами поступили слишкомъ несправедливо, но мы постараемся загладить эту обиду, и удовлетворить васъ, графъ.

— Если ваше величество желаете, то легко можете загладить эту обиду, сказалъ Марчъ: наслѣдный принцъ и Маржорей Дугласъ близкіе родственники.... Правда, что папа разрѣшилъ этотъ бракъ, но онъ состоялся не по правиламъ, не по законамъ и обрядамъ нашей церкви, такъ, что бракъ этотъ не можетъ быть законнымъ. Папа, готовый все сдѣлать для такого пажнаго монарха, какъ ваше величество, изъ уваженія къ первымъ условіямъ, разорветъ христіанскія эти узы. Подумайте хорошенько, государь, продолжалъ графъ, одушевленный честолюбивыми мечтами, и выбирайте Дугласа или меня. Согласенъ, что онъ пленъ и могущественъ, но Георгъ Дѣнбарскій носитъ ключи Шотландіи за поясомъ; онъ можетъ отворить ворота Эднбургга и ввести цѣлое войско, прежде чѣмъ Дугласъ для защиты успѣетъ выйти за границы Крентебля. Августѣйшій сынъ вашъ любитъ бѣдную, покинутую дочь мою и ненавидитъ гордую, надменную Маржорей Дугласъ. Ваше величество можете судить о его уваженія къ ней по одному этому поступку съ странствующей пѣвицей.

Король слушалъ разсужденія графа съ смутнымъ вниманіемъ робкаго всадника, несомато бѣшенымъ конемъ, котораго онъ не можетъ остановить, ни управитъ его бѣгомъ. Но послѣднія слова пробудили въ умѣ его мысль объ опасности, которой подвергался сынъ его.

— Ахъ, Господи! такъ это правда? вскричалъ онъ трепещущимъ голосомъ: О, сынъ мой!.... Дугласъ!.... Ахъ!.... спасите его!.... Я все для васъ сдѣлаю. Слушайте!.... Чтò это за шумъ?.... это звукъ оружія!

— Клянусь рыцарствомъ и графскою моею короною, что спасу его! сказалъ Мартъ, глядя въ окно, выходившее на монастырскій дворъ, наполненный вооруженными рыцарями и всадниками, которые, махая саблями, бѣгали взадъ и впередъ. Темный и глубокий проходъ, находящійся подъ сводами, былъ наполненъ юннами, толпившимися у входовъ; можно было предвидѣть, что скоро начнется бой между тѣми, которые старались затворить дверь, и тѣми, которые рвались въ нихъ.

— Не безпокойтесь, государь, я сойду туда и постараюсь прекратить этотъ шумъ. Но умоляю ваше величество подумать о томъ, что я имѣлъ смѣлость предложить.

— Я все исполню, добрый другъ мой, сказалъ король, самъ не зная, что говорилъ. Идите, предупредите кровопролитіе и спасите моего сына!

XI.

Дѣвушка, о которой мы уже говорили, стояла на широкихъ ступеняхъ крыльца, ведущаго на парадную лѣтвицу. Она была одѣта, какъ одѣвались пѣвицы того времени. Нарядъ ея былъ скорѣе великолѣпенъ чѣмъ богатъ, и обрисовывалъ формы ея болѣе чѣмъ обыкновенная одежда другихъ женщинъ. Она поставила подлѣ себя маленькую плетеную корзинку, заключающую въ себѣ остальное ея платье, и положила на нее свой плащъ; молоденькая собачка испанской породы лежала подлѣ пожитковъ госпожи своей и, казалось, стерегла ихъ. Свѣтло-голубой камзолъ, шитый серебромъ, изъ подъ котораго висѣло нѣсколько рядовъ кофть различныхъ фасоновъ, цвѣтовъ и матерій, обхватывалъ станъ пѣвицы, и обрисовывалъ грудь и плечи. Серебрянная цѣпочка, обмотанная вокругъ шеи, исчезала между кофть и снова показывалась; на цѣпочкѣ висѣла медаль такого же металла, и показывала, въ какомъ обществѣ менестрелей молодая дѣвушка выучилась *веселой* или *радостной* наукѣ. Маленькій кожаный мѣшокъ связанный голубою шелковою лентой, висѣлъ черезъ плечо пѣвицы.

Смуглый цвѣтъ лица, бѣлые какъ снѣгъ зубы, огненные, черные глаза и вообще весь нарядъ ея показывали, что она родилась въ самой южной части Франціи; а подбородокъ съ ямками и остроумная улыбка подтверждали это. На прекрасныхъ волосахъ ея, обмотанныхъ около золотой стрѣлы, была накинута золотая сѣтка.

Короткая, шитая серебромъ юбка, красные чулки, и изъ тончайшей кожи багряная довершалка порады ея, который, не будучи уже новъ, былъ однако праздничный; видно было, что и въ лица содержала его въ большомъ порядкѣ, потому что хотя одежда ея и не была свѣжа, зато была очень опрятна.

По видимому, ей было двадцать пять лѣтъ, но лишенія страннической жизни успели, можетъ быть, прежде времени свѣжесть первой молодости.

Манеры и движенія молодой вѣвницы были живы, отвѣты скоры.

Въ веселости ея была какая-то принужденность, потому что по своему званію она принуждена была быть веселою и скрывать сердечныя страданія подъ безпечною улыбкою; можно было угадать, что такова была судьба Луизы.

Въ самомъ ли дѣлѣ она была героиней своего романа, или другая какая скорбь тѣснила сердце Луизы, но лицо ея, часто противъ воли, даже тогда, когда она смѣялась, выражало глубокое горе и безотрадную тоску; это самое смягчало живость ума ея, которой необходимо требовала веселая наука.

Даже въ самыхъ шутливыхъ отвѣтахъ у Луизы недоставало той дерзости и смѣлости, которою отличались женщины ея сословія.

Невозможно было, чтобъ этотъ классъ женщинъ, въ то время многочисленный, былъ уважаемъ въ свѣтѣ. Не смотря на то, идея времени, особенно же законы рыцарства, покровительствовали имъ и защищали отъ обидъ; рѣдко случалось, чтобъ странствующія эти дѣвушки приходили на кого жаловаться. Они безпрепятственно переходили изъ замка въ замокъ, и часто находились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вооруженные рыцари встрѣтили бы вѣроятво кровавое сопротивленіе; но ихъ всюду пропускали.

Не смотря однако на эту терпимость, менестрелей того времени, подобно нынѣшнимъ стравающимъ комедіантамъ и музыкантамъ не уважали, потому что они вели слишкомъ нищенскую и слишкомъ безпорядочную жизнь. Между ревностными католиками искусство это даже считалось преступленьемъ.

Такова была молодая дѣвушка, которая стоя на возвышеніи, обратилась къ слушателямъ и объявила имъ, что она прошла курсъ музыки и любви *, что имѣеть дипломъ отъ общества ее-

* Въ Провансѣ было нѣсколько курсовъ любви. Стихотворенія трубадуровъ раздѣляются на *souls* (советы), *cançons* (пѣсни), *sirventes*, (сатирическія поэмы), *madrigales* (мадригалы), и *setons*, или римованные разговоры.

своей науки, которое находится въ Э къ Продастѣ, подъ покровительствомъ храбраго, прекраснаго и вѣжливаго рыцаря, графа Аймера; что она проситъ шотландское рыцарство, известное во всему лицу земли своею храбростью и любезностью, позволить ей, бѣдной чужеземкѣ, развеселить его своимъ искусствомъ.

Въ эту эпоху любовь къ пѣнію, какъ и любовь къ славѣ, была общемою страстью; если кто и не чувствовалъ, тотъ притворялся, и потому предложеніе Луизы было единодушно принято.

Въ это время, какой-то старый монахъ, стоя между слушателями, счелъ обязанностью напомнить дѣвушкѣ, что если ее терпѣть въ этихъ стѣнахъ, въ которыя не имѣютъ привычки впускать людей ея званія, то она должна держать себя прилично, и что онъ надѣется, что пѣвица ни словомъ, ни пѣснью не осквернитъ святаго мѣста.

Луиза склонила голову, сложила руки, встряхнула локоны и набожно перекрестилась, потомъ зашла романсъ бѣдной Луизы, который мы помѣстили въ концѣ послѣдней главы нашего разсказа.

Въ это самое время голосъ ея былъ заглушенъ криками:

— Раздайтесь! посторонитесь! дайте проѣхать его высочеству, герцогу Роэсай!

— Не безпокойтесь, и не тревожьте никого для меня, сказалъ молодой и прекрасный всадникъ, вѣхавшій на дворъ на арабскомъ жеребцѣ, которымъ управлялъ такъ легко, что почти не касался боковъ его, отъ чего казалось, что животное шло по собственной волѣ и что всадникъ сидѣвшій на немъ, былъ слишкомъ безпеченъ чтобъ управлять имъ. Принцъ былъ въ богатомъ одѣяніи, во всей его особѣ была видна чрезмѣрная безпечность. Хотя онъ былъ худъ и малъ ростомъ, однако станъ его былъ гибокъ и прямъ.

Герцогъ Роэсай отличался правильностью и красотою чертъ; во на блѣдномъ лицѣ его было замѣтно страданіе происходящее или отъ безпоинства или разсѣянной жизни, а можетъ быть и отъ обѣихъ этихъ причинъ.

Глаза его были мутны и окружены темною полоскою, вѣроятно отъ вчерашняго кутежа, бессонницы и усталости.

Таковъ былъ герцогъ Роэсай, наследникъ шотландскаго престола, предметъ любви и состраданія своихъ подданныхъ.

Увидѣвъ принца, всѣ разсупились, между тѣмъ какъ онъ вторялъ безпечно:

— Не безпокойтесь, не торопитесь; я успѣю доѣхать, вѣдь

мвѣ не къ спѣху. Но что я вижу? послѣдовательницу веселой науки! да еще такую хорошенькую! Не безпокойтесь, говорю я вамъ, не безпокойтесь; я не имѣю привычки прерывать музыки. Какой прекрасный голосъ! Спой еще разъ этотъ куплетъ, моя красавица.

Луиза не знала молодаго человѣка, который говорилъ съ нею, но общее подобострастіе и небрежность, съ которою онъ принималъ знаки уваженія окружающихъ, доказывали человѣка самаго высокаго провѣщенія.

Луиза сивса заплѣла. Къ концу романса, принцъ задумался. Но онъ не имѣлъ привычки на долго поддаваться грустнымъ впечатлѣніямъ.

— Какая меланхолическая пѣсня, милая брюнетка, сказалъ онъ взявъ дѣвушку за подбородокъ и удерживая ее за воротникъ, что было ему не трудно, потому что онъ остановилъ лошадь у самыхъ ступеней крыльца, на которомъ стояла Луиза.

— Но я увѣренъ что у тебя есть пѣсни повеселѣе этой, прекрасная моя, и что ты можешь пѣть вездѣ, гдѣ тебѣ вздумается: подъ тѣнью деревъ, впереди поля, на берегу источника, днемъ, ночью, вездѣ и всегда.

— Я не соловей, милордъ, отвѣчала Луиза стараясь отдѣлаться отъ куртизанства Роевая. Въ такомъ святомъ мѣстѣ ей казалось это неприличнымъ, но принцъ, повидимому, не обращалъ ни какого вниманія на это обстоятельство.

— Что это у тебя, душа моя? прибавилъ принцъ оставляя воротникъ и схватывая кожаный мѣшокъ надѣтый черезъ плечо дѣвушки.

Луиза поспѣшно развязала ленту, и, оставляя мѣшокъ въ руприща, отошла отъ него, сказавъ.

— Это орѣхи, милордъ, весенніе орѣхи.

Принцъ захвативъ цѣлую горсть, вскричалъ:

— Орѣхи! можно-ли это, молодая дѣвушка! ты переломашь свои переломутовые зубки, испортишь прекрасный голосъ. Сказавъ это, онъ какъ деревенскій школьникъ сталъ щелкать орѣхи.

— Орѣхи эти не изъ моей страны, сказала Луиза: но дерево росло не высоко, такъ, что рука бѣдняка могла достать ихъ.

— погоди, я дамъ тебѣ одну вещь, которая доставитъ тебѣ лучшее пропитаніе, сказалъ принцъ голосомъ, въ которомъ выражалось больше доброты чѣмъ въ презрительныхъ и притворныхъ его ласкахъ.

Въ то время когда Роевая обращалась къ одному изъ своихъ

приближенныхъ, спрашивалъ кошелекъ свой, онъ встрѣтилъ строгій и пронзительный взоръ высокаго и чернаго человѣка, сидѣвшаго на конѣ сѣрожелѣзнаго цвѣту. Онъ въѣхалъ со своею свитою въ то время когда Роесай разговаривалъ съ Луизой, и увидавъ такое непристойное зрѣлище какъ вкопанный остановился отъ гнѣву и удивленія. Кто не видалъ еще Дугласа-Чернаго, узналъ бы его по смуглому цвѣту лица, гигантскому росту, по одеждѣ изъ бычачьей кожи, и по его спокойному, храброму, смѣлому, глубокомысленному, важному и непреклонно-гордому виду. Онъ лишился глаза на войнѣ, хотя съ перваго взгляду этого не было замѣтно, потому что зрачекъ остался невредимъ, и лицо его сохранило мрачное и неподвижное выраженіе.

Встрѣча августѣйшаго зятя и ужаснаго тестя, въ такихъ обстоятельствахъ, привлекла взоры и вниманіе всѣхъ присутствующихъ, которые, удерживая дыханіе, какъ будто думая тобъ лучше видѣть и слышать, ждали въ молчаніи того, что должно было произойти.

Когда герцогъ понялъ по мрачному выраженію лица Дугласа, что тотъ не намѣренъ показывать ему нѣ уваженія должнаго его сану, ни даже удостоить простымъ поклономъ, то рѣшился показать ему какъ мало дорожитъ его свирѣпыми взглядами, и потому взявъ кошелекъ изъ рукъ камергера, сказалъ:

— Вотъ тебѣ, красавица, червонецъ за пѣсню, которую ты мнѣ спѣла; вотъ тебѣ другой за орѣхи, которые я укралъ у тебя, а вотъ и третій за поцѣлуй, которымъ ты отдарилъ меня; потому что знай, милая пѣвица, что когда для моего удовольствія, изъ прекраснаго ротика (а твой, за немѣнѣемъ лучшаго, можетъ тоже назваться прекраснымъ) вылетаютъ пріятные звуки, то я поклялся святому Валентину награждать его поцѣлуями.

— За пѣсню я уже награждена, милордъ: орѣхи продала по хорошей цѣнѣ; а другая торговля не достойна васъ и не прилична для меня.

— Какъ! ты вздумала скромничать, страстующая нимфа? сказалъ съ презрѣніемъ Роесай. Знай, душа моя, что я не откажусь къ отказамъ.

— Это шотландскій принцъ, герцогъ Роесай, шептали испуганной дѣвушкѣ придворные толпясь около нея; не противорѣчь ему.

— Но вы такъ высоко сидите, что я не могу подняться до вашего высочества.

— Если мнѣ придется сойти съ лошади, то тебѣ придется за-

платить еще большую цену, сказал Роесай. Это что такое! Отчего дѣвушка эта такъ дрожить? Поставь ногу на кончикъ сапога моего; теперь дай мнѣ руку. Вотъ такъ.

И пока дѣвушка, стоя на носкѣ его, висѣла такимъ образомъ на воздухѣ, Роесай поцѣловалъ ее.

— Вотъ твой поцѣлуй, а вотъ и мой кошелекъ, сказалъ онъ: и чтобъ еще больше почитать тебя, Роесай въ честь тебѣ приноситъ цѣлый день твой кожаный мѣшокъ.

Тогда онъ позволилъ пѣвицѣ соскочить на землю и посмотрѣлъ презрительно на Дугласа, какъ будто хотѣлъ сказать: Не забочусь ни о твоёмъ, ни о дочери твоей мнѣиш, и смѣюсь надъ вашими правами.

— Клянусь святой Бригиною Дугласъ!.... вскричалъ графъ задыхаясь отъ злости: нѣтъ! это слишкомъ грубый, безсмысленный и безчестный молодой человекъ! Вы знаете, что удерживаетъ руку Дугласа, иначе вы бы не осмѣлялись....

— Умѣете вы играть въ билиардъ, милордъ? сказалъ принцъ ставя орѣхъ на второй сгибъ большаго пальца лѣвой руки и шелкая по немъ правою. Орѣхъ попалъ прямо въ Дугласа.

Онъ не сказалъ ни слова, но невнятные звуки, подобные рычанью разъяреннаго льва, вырвались изъ широкой груди.

— Прошу вашу свѣтлость извинить меня, сказалъ Роесай спокойнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ всѣ дрожали вокругъ него: глядя на ваше одѣяніе, я не думаю, чтобъ орѣхъ могъ прострѣлять васъ; надѣюсь однако, что онъ не коснулся вашего глаза?

Пріоръ, посланный королемъ, пробился наконецъ черезъ толпу. Онъ подошелъ къ Дугласу и схвативъ лошадь его за поводья, такъ, чтобъ онъ не могъ ѣхать далѣе, напомнилъ ему, что принцъ сынъ его монарха и мужъ его дочери.

— Не бойтесь, отецъ пріоръ, отвѣчалъ Дугласъ: я слишкомъ презираю этого ребенка, чтобъ поднять на него руку. Но за оскорбленіе я отплачу оскорбленіемъ. Сюда! кто-нибудь изъ тѣхъ, кто любитъ Дугласа!

— Выгоните палками изъ монастыря эту дрянъ и приколотите ее такъ, чтобъ она помнила до конца своей жизни, что подала молодому повѣсѣ поводъ оскорбить Дугласа.

Подошло нѣсколько человекъ, чтобъ исполнить Дугласовы приказанія, которыя рѣдко давались напрасно; и бѣдная Луиза, если бъ Роесай не принялъ ее подъ свое покровительство, жестоко искупила бы оскорбленіе, котораго была невинною и невольною причиною.

— Глянь палками бѣдную дѣвушку! вскричалъ онъ съ негодованіемъ: бить ее, зато что она мнѣ повиновалась! Гони лучше своихъ несчастныхъ вассаловъ, яростный баронъ; а за нимъ и нѣмъ ихъ бей гонимыхъ своихъ! но не смѣй дотрогиваться даже до собаки, если рука Россая приласкала ее, а тѣмъ болѣе до женщины, уста которой коснулись его устъ.

Дугласъ хотѣлъ отвѣчать и, вѣроятно, отвѣтилъ бы вызовомъ; но въ это время у наружныхъ монастырскихъ воротъ послышался шумъ; прѣтивники обернулись въ ту сторону и увидѣли толпу конныхъ и пѣшихъ людей, которые тѣснили другъ друга чтобъ войти на дворъ. Хотя они и не дрались, однако, повидимому, имѣли враждебныя намѣренія.

Одна партія состояла изъ сообщниковъ Дугласа; ихъ можно было узнать по кровавому сердцу вышитому на плечѣ; другая изъ переселенныхъ гражданъ. Повидимому, они дрались до самыхъ монастырскихъ воротъ, но входя въ монастырь, изъ уваженія къ святому мѣсту, опустили оружіе и кончили бой ругательствами и насмѣшками.

Тревога имѣла то благотворное дѣйствіе, что разлучила впринца съ Дугласомъ въ ту минуту, когда вѣтренность и дерзость одного и злобная гордость другаго толкали ихъ на самыя отчаянныя средства. Но въ примирителяхъ не было недостатку; они явились со всѣхъ сторонъ. Пріоръ и монахи бросились въ толпу и умоляли именемъ неба, изъ уваженія къ святому мѣсту, прекратить бой и ссоры, а въ случаѣ неповиновенія, угрожали отлучить ихъ отъ церкви. Средство это удалось.

Въ эту минуту явился Ольбени, котораго король послалъ вначалѣ ссоры. Онъ тотчасъ обратился къ Дугласу, умоляя его шепотомъ пощадить племянника.

— О! я отмщу за честь свою и клянусь въ томъ святой Бригиттою Дугласъ! Горѣ человѣку, который осмѣлился оскорбить Дугласа.

— Когда настанетъ время, вы можете отмстить за честь свою, отвѣчалъ Ольбени: но не надо чтобъ говорилъ, что Дугласъ Великій, какъ чванливая женщина, не умѣетъ выбирать для своего мщенія ни времени, ни мѣста. Вспомните, что одно роковое обстоятельство можетъ разстроить въ минуту то, что мы уже сдѣлали. Джорджъ Денбарскій имѣлъ тайный разговоръ съ нашимъ добрыкомъ, и хотя этотъ разговоръ продолжался не болѣе пяти минутъ, я всё-таки боюсь, не уговорилъ ли онъ короля растор-

гнуть бракъ, который мы составили съ такимъ трудомъ. Разрѣшеніе папы еще не пришло изъ Рима.

— Сущая бездѣлица, отвѣчалъ высококомѣрно Дугласъ: они не осмѣлятся на такое дѣло.

— Да, не осмѣлятся пока Дугласъ на свободѣ, отвѣчалъ герцогъ, и во всей силѣ и славѣ. Но пойдемте со мною, благородный графъ; я вамъ покажу невыгодное положеніе, въ которомъ вы теперь находитесь.

Дугласъ сошелъ съ лошади и молча послѣдовалъ за хитрымъ своимъ товарищемъ. Въ нижней залѣ они увидѣли Брандановъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ шапкахъ и кольчугахъ. Начальникъ ихъ, поклонясь герцогу Ольбени, казалось, хотѣлъ переговорить съ нимъ.

— Что такое, Мекъ-Луи? спросилъ герцогъ.

— Мы знаемъ, что герцога Роосая оскорбили, и я съ трудомъ могу удержать Брандановъ; они хотѣтъ бѣжать къ нему на помощь.

— Благодарю, храбрый Мекъ-Луи, сказалъ герцогъ, и васъ тоже, вѣрные Бранданы; но благодаря Бога, его высочество, герцогъ Роосай, также здоровъ и невредимъ, какъ вы да я. Тутъ случилась маленькая тревога, но теперь все уже стихло.

Ольбени, идя съ Дугласомъ далѣе, сказалъ ему шепотомъ:

— Ну что, милордъ? видите? Если королю вздумается приказать арестовать васъ, приказаніе это тотчасъ же исполнится, а вы согласитесь, что свита ваша вовсе не такъ многочисленна, чтобъ сопротивляться.

Дугласъ покорился необходимости ждать другаго, удобнѣйшаго случая для удовлетворенія своей мести.

Въ это время Джорджъ Дѣнбарскій взялъ на себя не столь тяжелый трудъ успокоить принца.

— Ваше высочество, сказалъ онъ важнымъ и церемоннымъ тономъ, мнѣ печего напоминать вамъ, что вы должны въ некоторымъ образомъ удовлетворить меня, — хотя я не обвиняю васъ, — именно за оскорбленіе, разрушившее мирное счастье моего семейства. Такъ изъ уваженія къ просьбамъ человѣка, который для вашей пользы забываетъ собственную обиду, прекратите на время эту неприличную ссору.

— Милордъ, я обязанъ уважать ваши просьбы.... но свирѣпый этотъ блюститель порядка, этотъ гордый баронъ укололъ честь мою.

— Оставьте все это до другаго разу, а теперь подумайте о

король; представивъ себѣ опасность, въ которой вы находитесь, онъ упалъ въ обморокъ, и теперь еще болѣтъ.

— Болѣтъ! отѣцъ! добрый старикъ! онъ упалъ въ обморокъ, говорите вы, милордъ? Ахъ! Господи! я бѣгу къ нему!

Герцогъ Роесай поспѣшно соскочилъ съ лошади, и бѣжалъ уже ко дворцу съ быстротою молодой лани, какъ вдругъ слабая рука схватила его за плащъ; онъ опустилъ глаза и увидѣлъ женщину, которая стоя на колѣняхъ, говорила трепещущимъ голосомъ:

— Спасите меня, благородный принцъ, спасите несчастную чужеземку.

— Оставь его высочество, убирайся бродяга, сказалъ Марчъ, отталкивая умоляющую пѣвицу.

Но принцъ остановился.

— Да, она имѣетъ право на мое покровительство, сказалъ онъ: я призвалъ на голову этого бѣднаго существа именье демона, который никогда не прощаетъ. О! Боже! какая несчастная судьба моя! даже для тѣхъ, которые имѣютъ со мною какое нибудь столкновение!... Что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ?... Куда я дѣву ее?... Я не могу скрыть ея въ своихъ покояхъ!... а слуги мои не люди, звѣри!... Ахъ!... Генри Смитъ?... что ты тутъ дѣлаешь?

— У насъ вышло нѣчто въ родѣ сраженія, милордъ, отвѣчалъ старинный нашъ знакомый, оружейникъ, низко кланяясь принцу; горожане связались съ этими бездѣльниками, съ вопиани Дугласа, и мы гнали ихъ до самыхъ монастырскихъ воротъ.

— Очень радъ, очень радъ! вскричалъ герцогъ: надѣюсь что вы приколотили ихъ какъ слѣдуетъ.

— Разумѣется, ваше высочество. Правда, что насъ было почти вдвое больше; но за то нѣтъ людей лучше вооруженныхъ чѣмъ всадники кроваваго сердца: такимъ образомъ, въ одномъ смыслѣ мы ихъ приколотили по веѣмъ правиламъ, потому что какъ извѣстно вашему высочеству, оружейникъ вооружаетъ воиновъ, а вооруженные люди не боятся числа.

Пока они разговаривали такимъ образомъ, графъ Марчъ обратился къ кому-то, стоявшему у дверей дворца, подбѣжалъ къ принцу, и сказалъ:

— Ваше высочество, королю гораздо лучше; онъ почти выздоровѣлъ, и если вы не поспѣшите, герцогъ Ольбени и Дугласъ успеютъ ваговорить ему на васъ.

— Если отцу моему лучше, сказалъ вѣтренный принцъ, и

если онъ намѣренъ присутствовать или присутствуетъ уже въ совѣтъ, то ни мнѣ, ни вашей свѣтлости не прилично идти туда безъ зову. Такимъ образомъ я успѣю переговорить съ честнымъ оружейникомъ.

— Если вы такъ разсуждаете, сказалъ графъ, честолюбивыя надежды котораго рождались и умирали съ одинакою быстротою: если вы такъ разсуждаете, то не падѣйтесь больше на Герога Дёнбарскаго.

Онъ исчезъ въ толпѣ съ мрачнымъ и недовольнымъ видомъ.

Такимъ образомъ, въ ту эпоху, когда аристократія была такъ сильна и такъ опасна для престола, наследникъ его нажалъ себѣ двухъ враговъ, изъ двухъ сильнѣйшихъ шотландскихъ вельмож: одного онъ оскорбилъ презрительнымъ своимъ обхожденіемъ, а другаго непростительно вѣтренностью.

Герцогъ Роосай почти не замѣтилъ уходу графа, или лучше сказать обрадовался ему, потому что отдѣливался отъ его совѣтовъ.

Принцъ продолжалъ ничтожный разговоръ съ оружейникомъ, который благодаря своему искусству былъ знакомъ съ первѣйшими вельможами двора.

— У меня есть до тебя просьба, Смитъ, сказалъ Роосай; можешь ты починить мою миланскую кольчугу? Тамъ соскочила одна петля.

— Извольте, ваша свѣтлость, я подниму вамъ ее также хорошо какъ бабушка моя поднимала филейные петли. Миланецъ, сдѣлавшій эту кольчугу, не различитъ своей работы отъ моей.

— Очень хорошо! но не въ томъ дѣло, любезный Гау; у меня до тебя есть другая просьба, сказалъ принцъ. Ты храбръ, следовательно можешь защитить женщину. Возьми вотъ эту ночь свое покровительство.

Генри Смитъ, какъ мы уже видѣли, былъ смѣлъ и предприимчивъ, когда дѣло шло до сраженія или драки; но у него тоже была своя гордость, гордость гражданина; онъ не хотѣлъ вѣшиваться въ подозрительныя дѣла, которыя могли навлечь на него хулу, и очернить его во мнѣніи шекотливыхъ и подозрительныхъ согражданъ.

— Извините ваше высочество, сказалъ онъ: я не что иное какъ бѣдный ремесленникъ; я, не смотря на все мое уваженіе къ вашей милости, не дамскій кавалеръ. Можетъ-быть, между адскими лордами и рыцарями найдется кто-нибудь, кто согласит-

ся разыгрывать эту слишком рыцарскую роль; но для Генри Гау она не годится.

— А! понимаю! сказалъ принцъ: Эдгардъ!... гдѣ мой кошелекъ?.. Ахъ, я и забылъ, что отдалъ его этой дѣвушкѣ: я хорошо знаю васъ, васъ вообще ремесленниковъ; вы ничего не любите дѣлать даромъ; но я думаю, что для этого достаточно будетъ одного моего слова. Слушай, Смитъ, за пустое это одолженіе, я заплачу тебѣ какъ за полное вооруженіе.

— Ваше высочество знаете, можетъ быть, другихъ такихъ ремесленниковъ; но, — не смотря на все мое къ вамъ уваженіе, — не знаете Генри Гау. Онъ будетъ повиноваться вамъ каждый разъ, когда вы прикажете сдѣлать или починить какое-нибудь оружіе; но онъ не угождаетъ вельможамъ, когда дѣло идетъ о какихъ-нибудь пѣвцахъ.

— Слушай, пероскій верблюды, сказалъ принцъ улыбаясь, — ему было смѣшно что Генри съ такимъ жаромъ вступается за честь свою; слушай, дѣвушка эта мнѣ, все равно какъ и тебѣ, ровно ничего не значить; но въ минуту вѣтренности, о которой ты вѣроятно слышалъ, если самъ не видалъ, я пощеловалъ ее мимоходомъ, и поцѣлуй этотъ можетъ ей стоить жизни. У меня здѣсь нѣтъ никого, кому бы я могъ ее ввѣрить, чтобъ защитить отъ солдатъ Дугласа, который поклялся выместить на ней непріятности сегодншняго дня.

— А! это другое дѣло! если такъ, то женщина эта имѣетъ право на покровительство каждаго честнаго человѣка; и потому, ваше высочество, я отвѣчаю за ея безопасность, хотя бы и желалъ, чтобъ юбка ея была по-длиннѣе и сшита не по такой странной модѣ. Но куда жъ мнѣ вести ее?

— Право, не знаю; сведи ее къ сэру Джону Раморни... Или вѣтъ, вѣтъ; онъ не здоровъ; къ тому жъ есть и другія причины... Если хочешь, сведи ее хоть къ самому чорту, только спаси ее, чѣмъ неслыханно обяжешь Робина Роеала.

— Благородный принцъ, сказалъ оружейникъ, я думаю, — не смотря все-таки на мое къ вамъ уваженіе, — что лучше поручить беззащитную женщину чорту чѣмъ сэру Джону Раморни. Но хотя чортъ, подобно мнѣ, вѣчно возится съ огнемъ, я не знаю, гдѣ отыскать его, и надѣюсь, съ помощью святой церкви, держать его всегда въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Но какъ быть, чтобъ провести ее черезъ толпу въ такомъ шутовскомъ нарядѣ? Вотъ еще новое затрудненіе.

— Вотъ этотъ монахъ проведетъ васъ, сказалъ принцъ схва-

тивъ за капишонъ перваго попавшагося ему подъ руку монаха. Слушай, отецъ Николай или Бонифацій?...

— Смиранный братъ Кипріянь, къ услугамъ вашего высочества, отвѣчалъ монахъ.

— Ну, вотъ любезный братъ Кипріянь сведеть васъ какимъ-нибудь тайнымъ проходомъ, продолжалъ принцъ: онъ вѣроятно всѣ ихъ на перечетъ знаетъ, а я послѣ съ нимъ увижусь и отблагодарю какъ слѣдуетъ.

Монахъ поклонился въ знакъ согласія, а бѣдная Луиза, которая въ продолженіи этихъ переговоровъ смотрѣла попеременно то на принца, то на Смита, сказала съ живостью:

— У меня есть плащъ, я надѣну его, чтобъ безумный парядъ мой не смущалъ этого добраго человѣка.

— Поздравляю, любезный Смитъ! сказалъ принцъ смѣясь: теперь ты можешь прикрывать грѣхи свои; женскій плащъ и монашескій капишонъ!... Ахъ! еслибъ и мнѣ можно было скрыть свои шалости! Прощай, другъ, мы скоро увидимся!

Сказавъ это, онъ поспѣшно вошелъ во дворецъ, какъ будто боялся новыхъ возраженій со стороны оружейника.

Послѣ уходу принца, Геври Гау стоялъ въ какомъ-то остолебеніи. Онъ вмѣшался въ такое дѣло, которое могло подвергнуть его опасности и однимъ ударомъ разрушить всѣ его надежды. А между-тѣмъ, оставить бѣдное беззащитное существо на произволъ судьбы, или, что еще хуже, на варварство Галовайцевъ, это была такая мысль, которую честная душа Геври не могла перенести даже одной минуты.

Однообразный голосъ монаха вывелъ его изъ задумчивости, и просилъ слѣдовать за нимъ.

Оружейникъ вздохнулъ, но вздохъ этотъ походилъ на стонъ, и пустился въ дорогу не обращая большаго вниманія, куда шелъ. Они вошли въ монастырь черезъ проходъ, котораго монахъ не затворилъ за собою.

Луиза схвативъ поспѣшно узелокъ свой и позвавъ вѣрное животное, товарища своихъ далекихъ странствованій, бѣжала съ трепетомъ изъ мѣста, гдѣ въ такое короткое время подверглась столькимъ опасностямъ.

ХII.

Монахъ провелъ ихъ черезъ потайной ходъ въ монастырскую церковь, которой внутреннія двери, обыкновенно отворенныя

заперли во время суматохи, когда мятежники вздумали проникнуть туда не для молитвы, а съ совершенно другою цѣлью.

Они прошли темные церковные ходы, подъ мрачными сводами которыхъ раздавались тяжелые шаги оружейника.

Луиза замѣтила, что ни одинъ изъ провожатыхъ ея не имѣлъ къ ней ни какого уваженія. Монахъ былъ человекъ суровый, котораго глаза показывали, какое отвращеніе и презрѣніе онъ чувствуетъ къ странствующей дѣвушкѣ.

Хотя оружейникъ, добрыйшій человекъ въ свѣтѣ, какъ мы уже видѣли, съ неудовольствіемъ игралъ роль, для него неприличную, однако онъ чувствовалъ невозможность отказаться отъ нея, и эта противоположность распространяла на его лицѣ важный, почти строгій видъ.

Худое расположеніе его духа конечно падало на молодую дѣвушку, вѣрнннуну ему; онъ думалъ, посяматривая на цѣвицу съ презрѣніемъ:

— Я, честный гражданинъ, стану ходить по улицамъ Пероа съ этою царицею нищихъ! Эта красотка можетъ также испортить репутацію, какъ всѣ ея сотоварищи.... Далеко же я пойду, когда до ушей Катерины дойдетъ слухъ о моей рыцарской учтивости. Это будетъ хуже извѣстія объ убійствѣ даже самаго лучшаго перескаго гражданина; клянусь мелоткомъ и гвоздями! я лучше сдѣлалъ бы это лежени сталъ бы провожать дѣвушку-бродягу по городу.

Можетъ-быть Луиза угадала причину безпокойства своего провожатаго, потому что она боязливо и запинаясь сказала:

— Достойнѣйшій сэръ.... не лучше ли будетъ остановиться мнѣ въ этой часовнѣ и одѣть плащъ.

— Хмъ! да, хорошо, сказалъ оружейникъ.

Но монахъ обернулся и поднялъ руку, какъ бы дѣлая знакъ запрещенія.

— Часовня святаго Мэдкса, сказалъ онъ, совсѣмъ не комната для переодѣванья фокусниковъ и бродягъ. Я скоро покажу тебѣ мѣсто приличное для людей твоего состоянія.

Бѣдная молодая женщина опустила голову и отошла отъ дверей часовни, чувствуя свое униженіе. Ея собачка казалось угадала изъ взглядовъ и движеній госпожи, что имъ не мѣсто быть въ этомъ святыищѣ; она опустила уши, поджала хвостъ и тихо шла почти по пятамъ Луизы.

Монахъ не останавливался ни на минуту. Они сошли нѣскольکو ступеней, прошли лабиринтъ худо освѣщенныхъ подземныхъ

ходовъ , и когда проходили мимо низенькой двери, монахъ оборотился и строгимъ голосомъ сказалъ Луизѣ :

— Вотъ, дочь легкомыслия, комната, гдѣ многіе оставили свою одежду.

Послушная малѣйшему приказанію; Луиза отворила двери, но тотчасъ же съ ужасомъ отступила.

Тутъ былъ костяникъ до половины наполненный костями и черепами.

— Я боюсь одѣваться здѣсь, и одна.... Но если вы батюшка прикажете, то я послушаюсь.

— Дня суеты, останки, которые ты видишь, принадлежать людямъ, искавшимъ однихъ земныхъ наслажденій. И ты будешь похожа на нихъ послѣ всѣхъ легкомысленныхъ странствованій. Ты и всѣ служители суетныхъ удовольствій, вы не будете погребены, такъ же какъ и эти кости, которыя пугаютъ твою разборчивость и на которыя ты не смѣешь посмотреть.

— Не говорите о разборчивости, почтенный отецъ, возразила пѣвица: беру въ свидѣтели небо, что я завидую покою этихъ бѣдныхъ побѣдѣвшихъ останковъ; и если бы я могла, распростершись на этихъ костяхъ, кончить свою жизнь, то предпочла бы останки эти лучшей постели въ Шотландіи.

— Потерпи и слѣдуй за мною, сказалъ монахъ болѣе кроткимъ голосомъ: жнецъ не долженъ оставлять работы до заката солнца.

Они пошли дальше. Отецъ Кипріанъ отворилъ въ концѣ длинной галлерей дверь небольшой комнаты, или, можетъ-быть, часовни, потому что тамъ стояло распятіе, передъ которымъ горѣла лампада. Всѣ трое встали на колѣни и перекрестились, а монахъ сказалъ пѣвицѣ, указывая на распятіе:

— Чтò говоритъ тотъ, чье изображеніе стоитъ здѣсь?

— Онъ говоритъ грѣшникамъ и людямъ праведнымъ, чтобы они подходили къ нему.

— Да, если грѣшники раскаяются, сказалъ монахъ. Приготовься тутъ въ дорогу.

Луиза съ минутою или двѣ пробыла въ часовнѣ и вышла въ длинномъ сѣромъ суковномъ плащѣ, снявъ всѣ украшенія и уложивъ ихъ въ корзиночку.

Монахъ отворилъ дверь и всѣ трое вышли въ садъ, который окружалъ доминиканскій монастырь.

— Южная рѣшетка заперта только на задвижку, сказалъ онъ, и вы незаметно можете выйти.... Да благословитъ тебя Богъ, сынъ мой!... и тебя тоже, несчастная! Вспоминай почаще о мѣстѣ

гдѣ ты скинула свой суетный нарядъ и постарайся никогда больше не надѣвать его.

— Ахъ, батюшка! вскричала Луиза, если бы несчастная иностранка могла добыть пропитаніе болѣе почетнымъ занятіемъ, она съ радостью отказалась бы отъ своего презрѣннаго искусства. Но....

Но монаха уже не было; казалось, и дверь, черезъ которую они вышли, исчезла, такъ искусно была она скрыта подвижнымъ столбомъ и сложными украшеніями въ готическомъ вкусь.

— Вотъ вышла женщина изъ потаенныхъ дверей, подумалъ Генри. Дай Богъ, чтобы добрые отцы никогда не впускали ихъ туда. Тутъ кажется очень удобно играть въ прятки.... Но, Господи, что теперь дѣлать? Мнѣ хочется поскорѣе освободиться отъ этой дѣвушки; но мнѣ надобно видѣть ее въ безопасности. Что бы у нея ни было на сердцѣ, она имѣетъ слишкомъ скромный видъ въ этой одеждѣ, чтобы заслужить наказаніе, которое хотѣли дать ей дикари, галловейскіе Шотландцы, или бѣсовскій легіонъ изъ Лиддла.

Луиза стояла, какъ бы ожидая, что Смитъ выберетъ дорогу. Собачка, оштрафованная свѣжимъ воздухомъ, скакала и бѣгала около своей хозяйки, и иногда, хотя и боязливо, кружилась вокругъ ногъ Смита, чтобы выразить удовольствіе и заслужить его милость.

— Полно, Шарло, перестань! сказала пѣвица. Ты радъ видѣть солнце; но гдѣ проведемъ мы ночь, мой бѣдный Шарло?

— Теперь, мнѣсь, куда вамъ угодно идти, сказалъ кузнецъ голюсомъ не грубымъ, потому что этого не было въ его характерѣ, но довольно сухимъ, какъ человѣкъ, который желаетъ освободиться отъ непріятной роли?

Луиза смотрѣла въ землю и молчала. Кузнецъ опять спросилъ, куда прикажетъ она вести себя. Луиза вторично потупила глаза и отвѣчала, что не знаетъ.

— Полно, полно, сказалъ Генри, я это понимаю.... я вѣкогда былъ гулякою.... кутилой.... но лучше взяться за умъ. Теперь я человѣкъ надолго исправившійся; и такъ, моя красавица, мы разстанемся скорѣе нежели такая дѣвушка, какъ вы, хотѣла бы оставить подобнаго молодого человѣка.

Луиза тихо заплакала, все-еще съ потупленными глазами, точно будто глубоко почувствовала обиду, на которую не могла жаловаться. Наконецъ замѣтивъ, что провожатый теряетъ терпѣніе, она прошептала:

— Благородный сэръ....

— Говорите сэръ рыцарю, нетерпѣливо сказалъ кузнецъ, а благородный какому-нибудь барону. Я Генри Вилдъ, честный ремесленникъ и членъ цеха.

— Такъ, добрый гражданинъ, продолжала пѣвица, вы судите слишкомъ строго, но, конечно, по наружности. Я сейчасъ бы освободила васъ отъ моего общества, которое, признаюсь, не сдѣлаетъ чести почтенному гражданину; но я не знаю, куда идти.

— Идите туда, гдѣ праздникъ или ярмарка, отрывисто сказалъ Генри, не сомнѣваясь, что дѣвушка говорила такъ печально, чтобы побѣдить его. Но, можетъ-быть, онъ и боялся поддаться соблазну. Въ Очтерердрѣ праздникъ святаго Мэдокса. Я увѣренъ, вы легко найдете туда дорогу.

— Офт... Очтер... повторяла пѣвица, стараясь подражать своимъ южнымъ языкомъ цельтійскому выговору. Миѣ сказали, что ближе къ вашимъ страшнымъ горамъ не поймутъ моихъ бѣдныхъ пѣсенъ.

— Такъ вы хотите остаться въ Перѣѣ?

— Но гдѣ же миѣ остановиться?

— Тамъ, гдѣ вы останавливались прошедшую ночь, возразилъ кузнецъ. Вы, вѣрно, знаете откуда пришли, хотя, кажется, и не знаете куда идти?

— Я ночевала въ монастырской богадѣльнѣ. Но меня съ трудомъ впустили туда и приказали не возвращаться.

— Конечно, васъ теперь въ особенности не примутъ, когда надъ вашею головою виситъ мечъ Дугласа. Но принцъ говорилъ о сэрѣ Джонѣ Раморни.... я могу свести васъ къ нему.... хотя это и не хорошо для честнаго гражданина.... сверхъ того миѣ нѣтъ времени.

— Я пойду, куда угодно.... знаю, что я предметъ позору и затрудненія. Были другія времена.... Но этотъ Раморни, кто онъ?

— Прелюбезный кавалеръ, который ведетъ веселую холостую жизнь; шталмейстеръ и искреннѣйшій другъ, какъ говорятъ, молодого принца.

— Чтò! этого легкомысленнаго молодого человѣка, который далъ поводъ къ тому срамному происшествію?... О, не ведите меня туда, добрый гражданинъ! Не знаете ли какой-нибудь доброй христіянки, которая бы дала несчастной мѣсто на одну ночь хоть въ хлѣву, или на чердакѣ? Я уйду съ восходомъ солнца и хорошо заплачу. У меня есть золото.... и я награжу васъ тоже, если вы сведете меня въ такое мѣсто, гдѣ я буду въ безо-

навести отъ безумнаго распутника и овиты мрачнаго барона, у котораго въ глазахъ была смерть.

— Берегите золото для тѣхъ, кому оно нужно, сказалъ Генри, и не предлагайте честнымъ рукамъ деньги, заслуженныя игрою на виолѣ и тамбуричѣ, танцами и можетъ-быть занятіемъ еще болѣе постыднымъ. Я дамъ просто скажу, миссъ, я не такъ глупъ, чтобы вѣрить вашимъ словамъ. Я готовъ вести васъ, куда прикажете, потому что слово мое твердо, какъ желѣзный щитъ. Но вы не увѣрите меня, будто не знаете, куда идти. Вы вѣдь не такой новичекъ въ своемъ ремеслѣ, чтобы не знать въ каждомъ городѣ, и въ особенности въ Персѣ, гостиницы, гдѣ за деньги принимаютъ такихъ дѣвушекъ, какъ вы, если онѣ не находятъ дурака, который заплатилъ бы ихъ вздержки. Если у васъ есть деньги, миссъ, то я не беспокоюсь о васъ очень много; право, въ дѣвухѣ вашего состоянія я вижу только предлогъ въ боязни и чрезмѣрномъ страхѣ остаться одной.

Показавъ Луизѣ такимъ образомъ, что его нельзя обмануть обыкновенными уловками женщины ея класса, Генри ступилъ нѣсколько шаговъ и старался увѣрить себя въ благоразуміи своего поступка. Однако онъ не могъ удержаться, оглянулся и посмотрѣлъ, что дѣлаетъ Луиза. Кузнецъ увидѣлъ ее на скамейкѣ съ опущенными на колѣни руками, въ которыхъ она скрывала лице. Все ея положеніе представляло отчаяніе.

Кузнецъ старался остаться хладнокровнымъ при этомъ зрѣищѣ.

— Она все представляется, пробормоталъ онъ: безстыдница знаетъ свое дѣло.... кланусь святымъ Финганомъ.

Въ это время кто-то дернулъ его за плащъ; онъ оглянулся и увидѣлъ собачку, которая, точно будто прося за госпожу, стояла на заднихъ лапкахъ и съ визгомъ стала скакать, оглядываясь на Луизу, какъ бы умоляя о состраданіи къ своей оставленной госпожѣ.

— Бѣдное животное, сказалъ кузнецъ, это, можетъ-быть, тоже обманъ и ты повторяешь то, чему тебя выучили.... Однако я обѣщаль покровительствовать этой несчастной.... если она дѣйствительно въ обморокѣ, то я въ одного человѣколюбія не долженъ оставлять ее.

Онъ воротился и подошелъ къ молодой дѣвухѣ. По измѣненію цвѣту въ ея лицѣ онъ заключилъ, что она дѣйствительно въ ужаснѣйшемъ отчаяніи, или имѣетъ непостижимый талантъ притворяться.

— Послушайте, сказалъ онъ болѣе кроткимъ голосомъ, я вамъ откровенно представляю мое положеніе. Сегодня день святаго Валентина и по существующему обычаю я долженъ провести его съ милою Валентиной. Но цѣлое утро, исключая полчаса, у меня заняли споры и драка. Теперь вы легко поймете, гдѣ мои мысли и сердце, и гдѣ долженъ я быть уже изъ одной учтивости.

Пѣвица слушала и, казалось, поняла его.

— Если вы вѣрный любовникъ, сказала она, и имѣете цѣломудренную Валентину, то Боже сохрани, чтобы такое существо, какъ я, разсорило васъ съ нею. Эта большая рѣка будетъ моимъ проводникомъ до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ океанъ, а мнѣ, кажется, сказали, что тамъ приморскій портъ; оттуда я побѣду въ прекрасную Францію и еще разъ увижу страну, въ которой самый грубый крестьянинъ не обидитъ бѣдной женщины.

— Вамъ нельзя идти сегодня въ Денди, возразилъ кузнецъ. Люди Дугласа въ движеніи по обѣимъ берегамъ рѣки и, вѣрно, знаютъ о сегодняшнемъ спорѣ. Весь сегодняшний день, эту ночь, завтра, они соберутся вокругъ знамени своего начальника, точно горцы вокругъ огненнаго креста. Видите, тамъ пятеро или шестеро скачутъ во весь опоръ по ту сторону рѣки? Это люди изъ Энпенделя; я узнаю ихъ по длиннымъ копьямъ, которыя они держатъ особеннымъ образомъ. Энпендонецъ никогда не пагубае копьа назадъ, острее всегда стоитъ прямо и впередъ.

— Ну, такъ что? сказала пѣвица. Они солдаты.... они будутъ имѣть уваженіе къ моей виолѣ и безпомощности.

Я не стану ихъ порочить, отвѣчалъ кузнецъ. Если бы вы находились въ ихъ долинахъ, они приняли бы васъ хорошо; но теперь они въ походѣ. Все, что имъ попадется, для нихъ пожива. Иные покусятся на вашу жизнь изъ за золотыхъ серегъ. Вся душа ихъ въ глазахъ, когда они ищутъ добычи, и въ ихъ рукахъ, когда можно схватить ее. У нихъ нѣтъ ушей слушать пѣсни и музыку, или пресѣбно помилваніи. Сверхъ того они имѣютъ на счетъ васъ приказаніе отъ своего начальника, и непременно исполнять его. Они скорѣе послушаются, если имъ скажутъ: сожгите церковь, нежели когда прикажутъ построить.

— Ну, такъ всего лучше остаться здѣсь и умереть, прозвѣсла пѣвица.

— Не говорите этого, возразилъ кузнецъ. Если я найду вамъ ночлегъ, то сведу завтра утромъ къ лѣстницѣ Божьей Матери, откуда идутъ суда внизъ по рѣкѣ до Денди, и я вѣрю

васъ кому-нибудь, кто поѣдетъ туда же и найдетъ вамъ пріютъ, гдѣ васъ хорошо примутъ.

— Добрый... прекрасный... великодушный человекъ, сказала дѣвица, сдѣлайте это, и если молитвы и благословія несчастной достигнутъ до неба, Богъ наградитъ васъ. Мы увидимся у тѣхъ дверей въ то время, когда уѣзжаютъ суда.

— То есть въ шесть часовъ утра, при восходѣ солнца.

— Такъ идите къ своей Валентинѣ... и если она любитъ васъ, о! не обманывайте ее.

— Ахъ! бѣдная дѣвушка! не заставляй ли васъ невѣрность любовника приняться за такое занятіе. Но я не оставлю васъ, не узнавъ, гдѣ вы проведете ночь.

— Не беспокойтесь объ этомъ, возразила Луиза: небо чисто... тутъ на берегу довольно кустарнику и деревьевъ; я и Шарло, мы можемъ довольствоваться эту ночь пріютомъ подъ древесной зеленью; а завтра съ вашей помощью я буду въ безопасности. О! ночь скоро пройдетъ, если есть чего надѣяться къ утру!... Что же вы еще стоите въ нерѣшимости? Вѣдь васъ ждетъ Валентина. Берегитесь, я стану считать васъ за безчестнаго любовника, а вы знаете, какъ важны упреки менестреля.

— Я не могу оставить васъ, отвѣчалъ оружейникъ, совершенно перемѣнивъ мнѣніе. Безчеловѣчно было бы оставить васъ въ холодную шотландскую февральскую ночь на воздухѣ. Нѣтъ, нѣтъ... такимъ образомъ я не сдержу своего слова, и если меня обезславить, то это будетъ справедливымъ наказаніемъ, зато что я такъ худо судилъ о васъ и огорчилъ обхожденіемъ, котораго, я теперь увѣренъ, вы не заслуживаете. Пойдемте со мной... у васъ будетъ безопасное и честное пристанище на эту ночь. Катеринѣ не повредилось бы, если бы я далъ замерзнуть несчастной, для того, чтобы часомъ раньше увидѣться съ подругою.

Генри отогналъ все свое беспокойство о худыхъ послѣдствіяхъ или непріятности, которыя могли произойти отъ этого намѣренія. Онъ мужественно рѣшился презирать злословіе и дать путешественницѣ пристанище въ собственномъ домѣ. Надобно прибавить, что онъ сдѣлалъ это съ неохотою и съ какимъ-то вдохновеннымъ человеколюбіемъ.

Прежде нежели нашъ сильный сынъ Вулкана влюбился въ персскую красную дѣвицу, пламенные страсти подчиняли его вліянію Венеры столько же, сколько и вліянію Марса; но искренняя привязанность совершенно излѣчила его отъ слабостей. Оттого онъ боялся потерять новую славу своей скромности, которая под-

вергалась сильному подозрѣнiю отъ его поступковъ съ пѣвицею... а можетъ-быть онъ сомнѣвался въ своихъ силахъ, такъ дерзко подвергаясь искушенiю. Онъ былъ также въ отчаянiи что потерялъ день святаго Валентина, когда имѣлъ право, даже обязанность, провести его съ подругою. Путешествiе въ Книфаунсъ и разныя приключенiя, которыя слѣдовали за нимъ, отняли у Генри часть дня и время уже шло къ вечеру.

Онъ поднялъ плащъ до самаго лица, надвинулъ шляпу на глаза, и прошелъ черезъ доминиканскiй садъ въ городъ, точно будто хотѣлъ выиграть время, которымъ долженъ былъ пожертвовать предмету совсѣмъ не похожему на то, что было у него на сердцѣ. Съ тою же поспѣшностью шелъ онъ по улицамъ и аллеямъ, ведѣясь дойти до Винда, къ своему дому, ни кѣмъ не замѣченный. Но когда Смитъ бѣжалъ минутъ съ десять, онъ вспомнилъ, что можетъ-быть дѣвушка не въ состоянiи слѣдовать за нимъ. Онъ оглянулся нетерпѣливо и скоро раскаялся, когда увидѣлъ ее почти взнеможенную отъ усталости.

— Надо бы меня повѣсить за грубость, сказалъ Генри про себя. Если я стану слѣпить еще больше, развѣ это дастъ несчастной крылья? И она тащитъ еще свое имущество! Я ужаснѣйшiй скотинна, это вѣрно, если имѣю дѣло съ жовщиною; и я вѣчно неправъ, при всемъ своемъ намѣренiи сдѣлать добро.... Послушайте... дайте мнѣ нести эти вещи. Мы такимъ образомъ пойдемъ скорѣе.

Бѣдная Луиза хотѣла противиться, но отъ усталости не могла говорить, и позволила своему доброму провожатому взять корзиночку. Какъ скоро собачка замѣтила это, она подскочила къ Генри, встала на заднiя лапки, согнула переднiя и тихо завизжала.

— Ну, такъ мнѣ и тебя надобно взять, сказалъ кузнецъ, замѣтивъ, что животное тоже устало.

— Полно! Шарло, вскричала Луиза, ты знаешь, я повесу тебя.

Она попыталась взять собачку, но животное снаслось отъ ея рукъ и побѣжавъ къ Генри возобновило свою просьбу.

— Шарло правъ, сказалъ кузнецъ: онъ лучше знаетъ, кто можетъ нести его. Изъ этого я узнаю, что вы не всегда носили свои вещи одиѣ.... Шарло измѣняетъ вамъ.

У несчастной пѣвицы лице покрылось смертною блѣдностью; Генри долженъ былъ поддержать ее, иначе она упала бы. По немногу она пришла въ себя и слабымъ голосомъ выразила желанiе продолжать птти.

— Послушайте, сказалъ Генри, когда они пошлѣ: держитесь за плащъ, или за мою руку; она лучше поддержитъ васъ.

— Хороши же мы теперь, подумалъ оружейникъ: если бы у меня была на спинѣ дрянная скрипка или гитара, а на плечахъ обезьяна, мы походили бы на самую отчаянную пару бродягъ, которые когда либо играли у рѣшетки зѣмка ... Чортъ возьми!... что, ~~хотѣла~~ меня встрѣтить какой-нибудь сосѣдъ съ корзиною на спинѣ, собаченкой подъ мышками, и подъ руку съ такою дѣвушкою?... Что подумаетъ онъ?... Вѣрно, что я сдѣлался нищимъ. За лучшее оружiе, которое я когда либо сдѣлалъ, не желаю я встрѣтяться съ какимъ-нибудь городскимъ болтуномъ; надо мною станутъ шутить со дня святаго Валентина до самаго Срѣтенья Господня.

Обезпокоенный этими мыслями, кузнецъ пошелъ какъ можно скорѣе и сдѣлалъ кругъ, чтобъ избѣжать многочисленныхъ улицъ. Но, къ несчастью, его благоразумiе ни къ чему не послужило: въ одной аллеѣ онъ встрѣтилъ человѣка, завернушагося въ плащъ. Казалось, онъ не желалъ быть узнаваемъ. Однако по сухоощавому тѣлу, тонкимъ ногамъ, которыя виднѣлись подъ плащомъ, и маленькимъ чернымъ глазамъ, блестящимъ подъ шапкой, можно было узнать аптекаря, тонно будто нмѣ его стояло на ярлыкѣ. Эта непредвидѣнная и неприятная встрѣча привела кузнеца въ смущенiе. Бѣгство не согласовалось съ его храбрымъ и предпримчивымъ нравомъ; а онъ зналъ, что аптекарь такой же шлетникъ, какъ и любопытный, и расположенъ къ нему въ особенности худо. Оставалась одна надежда выйти изъ затрудненiя: Генри думалъ, что достойнѣйшiй аптекарь дастъ ему случай свернуть шею и увѣрится такимъ образомъ въ его молчанiе.

Однако аптекарь совѣмъ не думалъ дѣлать чего-нибудь, что могло бы оправдать такое поведенiе. Замѣчая, какъ близко подходитъ къ нему его храбрый согражданинъ, онъ сочелъ за необходимость поклониться и сдѣлать встрѣчу по возможности короткою. Не обращая, по видимому, большаго вниманiя на товарища кузнеца, онъ сказалъ:

— Желаю вамъ веселаго праздника, храбрый Смитъ. Что! да вы никакъ ведете двоюродную сестру, милую Джанну Лионетъ! вы несете ея вещи съ рѣки... я увѣренъ, она только что прiѣхала изъ Денди? Я слышалъ, ее ждутъ у стараго сапожника.

Говоря это, онъ не смотрѣлъ ни на право, ни на лѣво, и при прощаньи оказалъ:

— Да благословитъ васъ Богъ!

И аптекаръ исчезъ какъ тѣнь.

Оружейникъ скорѣе пробормоталъ нежели произнесъ то же самое.

— Чортъ меня побери, если я могу проглотить эту пилюлю, хотя она и вызолочена, пробормоталъ Генри Смитъ. У монетника славные глаза, когда дѣло идетъ о женщинахъ; онъ умѣетъ отличить дикую утку отъ домашней лучше всякаго другаго въ Персѣ. Онъ послѣдній въ нашемъ прекрасномъ городѣ приметъ исплюю сливу за грушу, или мою толстую двоюродную сестру Джанпу за эту замѣчательную штуку... Онъ точно будто сказалъ мнѣ: Я не хочу видѣть того, что вы желаете скрыть отъ меня. И онъ преумно ведетъ себя, продолжалъ Гау: иначе голова его была бы въ опасности, если бы онъ вздумалъ мѣшаться въ мои дѣла... Онъ будетъ молчать для своей же пользы. Но кто тамъ еще идетъ?... Клянусь святымъ Дѣвствомъ! это болтунъ, хвастунъ и трусливый чудакъ, Оливеръ Праудфьютъ!

Это дѣйствительно былъ храбрый шляпочникъ. Онъ подходилъ, напѣвая:

«Ты мой милый Томми, Томъ,
Засидѣлся за винцомъ.»

Эта чрезмѣрная веселость показывала, что за обѣдомъ горло у него не сохло.

— Ахъ! другъ мой Смитъ, вскричалъ онъ, попался вы?... Что, гнется настоящая сталь?... Можетъ Вулканъ оплачивать Венерѣ тою же монетой? Право! вы будете славнымъ Валентиномъ во весь годъ, если такъ весело начинаете первый день.

— Послушайте, Оливеръ, съ неудовольствіемъ сказалъ кузнецъ: закройте глаза и проходите мимо. Послушайте еще, не говорите о томъ, что до васъ не касается, если не хотите потерять своихъ зубовъ.

— Я измѣню тайнѣ?... Мнѣ сплетничать, и сверхъ того на брата по оружію?... Я это презираю... я не скажу обо всемъ этомъ ни слова, даже моему деревянному султану!... Э! да въ уголокъ я могу быть такимъ же молодцомъ, какъ и вы... Ахъ! вотъ что пришло мнѣ на мысль, я пойду съ вами куда нибудь, мы вмѣстѣ подгульнемъ, а ваша Далила споетъ пѣсенку. Что?... хорошо?...

— Прекрасно, сказалъ Генри, сгарая отъ желанія свалить своего брата по оружію добрымъ пивкомъ: но онъ нашелъ болѣе мирное средство отвязаться отъ него. Чудесно! прибавилъ онъ;

миѣ нужна будетъ твоя помощь.... передъ нами пятеро или шестеро Дугласовъ.... Они непремѣнно захотятъ отнять эту дѣвучку отъ такого бѣднаго гражданина какъ я; такъ я очень радъ имѣть помощь такого храбреца....

— Благодарю.... благодарю, отвѣчалъ шляпочникъ: но не лучше ли сбѣгать и приказать звонить въ большой колоколъ и взять мой огромный мечъ?

— Да, да.... бѣгите, какъ можно скорѣе, и не говорите о томъ что видѣли.

— Кто, я?... Нѣтъ, не бойтесь. О! я презираю сплетниковъ.

— Бѣгите-же.... я слышу стукъ оружія.

Эти слова возвратили ногамъ шляпочника жизнь и силу. Онъ нѣбѣжалъ отъ предполагаемой опасности такъ скоро, что, вѣрно, черезъ нѣсколько минутъ былъ у своего дому.

— Вотъ другой болтуни, котораго я долженъ опасаться, подумалъ кузнецъ, но я имѣю средство заставить его молчать. У нестрелы есть басенка о птицѣ въ чужихъ перьяхъ.... Оливеръ и есть та птица.... и клянусь святымъ Дѣнстэномъ, если онъ станетъ подшучивать надо мною, я обшплю его какъ соколъ куропатку. Онъ это знаетъ.

Между-тѣмъ какъ въ головѣ у кузнеца кружились такія мысли, онъ достигалъ къ цѣли своего путешествія, дошелъ съ молодою женщиною подъ-руку до середины Винда, въ которомъ стоялъ его домъ. Тутъ въ будни горѣлъ въ печи огонь и четверо полунагихъ молодцовъ оглушали окрестность ударами молотка по наковальнѣ. Но въ день святаго Валентина никто не работалъ и циклоны заперли лавку, чтобы справить собственные дѣла, или повеселиться. Домъ подлѣ кузницы принадлежалъ Генри; хотя онъ былъ не великъ и стоялъ въ узенькой улицѣ, однако большой фруктовый садъ придавалъ ему пріятный видъ. Оружейникъ, вмѣсто того чтобы звать или стучать, и обратить тѣмъ вниманіе сосѣдей, вынулъ изъ кармана отмычку собственного издѣлія. Тогда эта вещь была большою рѣдкостью. Генри открылъ двери и вошелъ съ дѣвучкою въ домъ.

Покой, въ которую вошелъ съ нею Гау, служилъ кухней и главнымъ помѣщеніемъ людямъ его сословія, хотя въ-которые, какъ напримѣръ Симонъ Глѣверъ, имѣли особую столовую для необыкновенныхъ случаевъ. Въ углу чрезвычайно опрятной комнаты сидѣла старушка; ея чистое платье и симметрически одѣтый на головѣ красный платокъ, опускавшійся по плечамъ, показывали,

что матушка Шульбридъ особа поважнѣй ключницы кузнеца. Впрочемъ она не имѣла другаго титула.

Она не была у вечерни и спокойно сидѣла у огня. Полуразбраннѣе четки висѣли на лѣвой рукѣ, полузакрытые глаза дремали, между-тѣмъ какъ она ждала молочнаго сына, не зная, когда онъ воротится. Услышавъ шаги входящихъ, она встала и посмотрѣла на провожавшую его дѣвущку съ удивленіемъ, которое скоро превратилось въ неудовольствіе.

— Помогите всѣ святые глазамъ моимъ, Генри Смитъ!... вскричала она набожно.

— Амѣнь отъ всего сердца. Приготовь что-нибудь покушать добрая кормилица.... я думаю, эта путешественница очень легко обѣдала.

— Я опять прошу Божью Матерь избавить мое зрѣніе отъ всякаго обману сатаны.

— Да будетъ такъ, говорю я, любезная моя. Но къ чему всѣ эти молитвы? Не слышишь ты меня? или не хочешь исполнить моей просьбы?

— Да, это должно быть онъ самъ! Но съ этою женщиною подъ ручку онъ скорѣе походитъ на бѣса въ образѣ Генри.... О, Генри Смитъ, васъ называли ужаснымъ распутникомъ! Но кто могъ подумать, что Генри приведетъ женщину дурнаго поведенія въ домъ, въ которомъ жила его мать и гдѣ живетъ уже тридцать лѣтъ его кормилица.

— Прикуси язычекъ, старушка, и будь благоразумна, сказалъ кузнецъ. Эта пѣвица не любовница ни мѣнѣ ни кому-нибудь изъ моихъ знакомыхъ; но она ѣдетъ завтра въ Денди и ей надобно дать на ночь пристанище.

— Пристанище! вскричала старушка. Давайте пристанище такимъ животнымъ, Генри Видъ; но я не останусь въ одномъ домѣ съ этою бродягою, будь въ томъ увѣренъ.

— Ваша матушка сердится на меня, сказала Луиза, ошибаясь въ родствѣ Смита съ его кормилицею. Я не останусь здѣсь, если это обидитъ ее. Нѣтъ ли у васъ конюшни или хлѣва. Для меня и Шарло довольно будетъ мѣста въ пустомъ стойлѣ.

— Да, да; я думаю, вы всего лучше привыкли къ такой квартирѣ, проговорила матушка Шульбридъ.

— Послушай, кормилица Шульбридъ, сказалъ кузнецъ. Ты знаешь, я люблю тебѣ изъ-за матерп моей; клянусь святымъ Денстеномъ, который тоже былъ кузнецъ, я хочу быть хозяиномъ своего дому; и если ты оставишь домъ только по не-

основательному подозрѣнію, то тебѣ надобно будетъ подумать, какъ отворить потомъ дверь; потому что, будь увѣрена, я не стану помогать тебѣ.

— Дитя, эта жестокость не заставитъ меня обезчестить имя, которое я ношу уже шестьдесятъ лѣтъ. Твоя мать никогда не имѣла обычая (и я тоже не буду имѣть его) водиться съ фокусниками, пласуньями и пѣвцами; и мнѣ не такъ трудно найти жилище, чтобы оставаться въ одномъ домѣ съ подобною бродящею кралею.

При этихъ словахъ строгая ключница поспѣшно стала приготовляться оставить домъ; она надѣла клѣтчатый плащъ и надвинула его такъ высоко, что онъ покрылъ полотняный чепчикъ, котораго края-окружали морщинистое, но здоровое лицо. Потомъ она взяла палку, вѣрнаго товарища ея путешествій, и гордо пошла къ дверямъ. Кузнецъ загородилъ ей дорогу и сказалъ:

— Подожди по-крайней-мѣрѣ пока мы сведемъ счеты. Въдѣя долженъ награждать тебя.

— Э! вотъ еще новая выдумка вашей легкомысленной головы! какое награжденіе должна я получить отъ сына вашей матери, которая кормила, одѣвала и любила меня какъ сестру?

— Хорошо и вы оплачиваете ей, кормилица, оставляя сына ея въ величайшемъ затрудненіи.

Это, казалось, разбудило у старухи раскаяніе. Она остановилась и попеременно смотрѣла на хозяйна и пѣвицу; потомъ наклонивъ голову и, казалось, рѣшилась идти къ двери.

— Я принялъ эту-бѣдную путешественницу только для того, чтобы спасти отъ тюрьмы и наказанія, продолжалъ кузнецъ.

— А къ чему ты спасаешь ее? спросила неумолимая Шульбридъ. Я увѣрена, она заслужила то и другое, какъ воръ заслуживаетъ петлю.

— Какъ бы то ни было, я не знаю, заслужила ли она или нѣтъ. Но она не заслуживаетъ быть засѣченной до смерти или умерщвленою съ голоду; а это ожидаетъ всѣхъ тѣхъ, кто не понравился Черному Дугласу.

— И ты хочешь обидѣть Дугласа изъ любви къ пѣвицѣ? Это ужасный споръ.... О, Генри Гау, въ вашей головѣ столько же жельза, сколько и на наковальпѣ!

— Я самъ иногда думалъ тоже, миссъ Шульбридъ; но если меня хорошенько ранять, то не знаю, кто станетъ ходить за мной, когда вы уйдете, какъ разсерженная дикая утка? Да сверхъ-то-

го кто приметъ мою милую невѣсту, которую я надѣюсь привести сюда на дняхъ?

— Ахъ, Генри, Генри! вскричала старушка, покачивая головою: честный человѣкъ не такъ готовится принять молодую невѣсту.... ты бы долженъ былъ руководствоваться скромностью и благоразуміемъ, а не распутствомъ.

— Повторяю тебѣ, эта несчастная мнѣ совсѣмъ чужая. Я только желаю, чтобы она была въ безопасности, и я думаю, самый храбрый пограничный житель Перва будетъ уважать замокъ моихъ дверей также, какъ и замокъ рѣшетки кэрпильскаго замка.... Я иду къ Симону Глѣверу.... и останусь тамъ на всю ночь. Горскій ученикъ убѣжалъ къ своимъ, точно волченочъ въ лѣсъ. Теперь тамъ есть пустая постель и батюшка Симонъ позволитъ мнѣ воспользоваться ею. Ты останешься съ этою бѣдною женщиною, накорми ее и побереги. Я приду сюда до восходу солнца и проведу ее до рѣки.

— Все это хорошо, сказала Шульбридъ: но къ чему рискуешь ты своею репутаціею изъ-за такой дѣвушки? Она можетъ найти себѣ ночлегъ за два пенса, и даже дешевле.

— Это ужъ мое дѣло; но будь къ ней ласкова.

— Увѣряю тебя, я гораздо ласковѣе нежели она того заслуживаетъ; хотя я и не люблю такого общества, однако оно для меня не такъ опасно, какъ для тебя.... если она только не колдунья, что очень вѣроятно: всѣ бродяги продаютъ душу дьяволу.

— Она такая же колдунья, какой я волшебникъ, сказалъ честный кузнецъ: она бѣдняжка, которая если и согрѣшила, то была увлечена какими-нибудь чарами. Обходись съ нею кротко, продолжалъ онъ, обращаясь къ Лунзѣ: я увижусь завтра утромъ и сведу васъ къ рѣкѣ. Эта старушка будетъ хорошо обращаться съ вами, если вы не скажете ей чего-нибудь, что можетъ обидѣть честную женщину.

Бѣдная пѣвица слушала этотъ разговоръ, понимая только одинъ общій смыслъ, потому что хотя она и говорила хорошо по-англійски, однако выучилась языку въ самой Англии и худо понимала сѣверное нарѣчіе. Впрочемъ, она увидѣла, что остается со старушкою, и съела скромно сложа руки на груди и опустивъ голову. Потомъ она съ живѣйшею благодарностью посмотрѣла на кузнеца, подняла глаза къ небу, взяла его за руку и хотѣла поцѣловать ее, но матушкѣ Шульбридъ не нравилось это выраженіе благодарности. Она бросилась къ Лунзѣ, оттолкнула и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу видѣть этого. Идите туда въ уголокъ вѣтки, и если вы хотите цѣловать руку, то цѣлуйте юю сколько угодно.... А ты, Генри, иди къ Смигуну Глѣберу, потому что если Катерина узнаетъ, кого ты привелъ сюда, она также какъ я, не похвалитъ.... Но что это значитъ?.... съ ума мы сошли?.... Вы пойдете безъ кольчуги, когда весь городъ въ сивтернѣ!

— Да, матушка, правда, сказалъ оружейникъ, и надѣвъ на широкія плечи кольчугу, вышелъ изъ дому.

ХІІІ.

Оставимъ теперь второстепенныхъ лицъ нашей исторической драмы и перейдемъ къ дѣйствіямъ высшаго класса людей, которые имѣли большее вліяніе на эти происшествія.

Изъ уютнаго дома простаго оружейника мы переходимъ теперь въ королевскій совѣтъ, и продолжаемъ нашу исторію съ той минуты, когда монархъ высококомѣрнымъ своимъ начальникомъ отдалъ приказаніе явиться предъ лицо его. Они вошли въ залу съ недовольными лицами, бросая другъ на друга свирѣпые взгляды, и не желая слушать ни какихъ оправданій, думали только о личныхъ своихъ оскорбленіяхъ. Только одинъ Ольбени умѣлъ притворяться и сохранять наружное спокойствіе. Онъ, казалось, приготовлялся пользоваться ссорами другихъ и извлекать изъ нихъ выгоды для своихъ тайныхъ видовъ и честолюбивыхъ шаговъ.

Нерѣшимость короля, доходившая иногда до робости, не погнѣшила ему, однако, взять на себя достойный видъ приличной его сану.

Онъ тогда только терялъ наружное спокойствіе, когда былъ совершенно выведенъ изъ себя, какъ въ предъидущей сценѣ. Вообще онъ рѣдко терялъ врожденное свое достоинство, хотя и принужденъ былъ часто отказываться отъ своихъ намѣреній.

Онъ принялъ Ольбени, Дугласа, Марча и пріора вѣжливо, но величественно, что напомнило надменнымъ этимъ вельможамъ, что они находятся въ присутствіи своего монарха, котораго должны уважать.

Принявъ поклоны своихъ совѣтниковъ, король просилъ ихъ сѣсть; они повиновались, какъ вдругъ вошелъ Роесай. Онъ подошелъ ласково къ отцу, и вставъ передъ нимъ на колѣно, просилъ благословенія. Робертъ, котораго взоръ выражалъ горе и нѣж-

ность, старался принять на себя сердатый видъ, а между тѣмъ клалъ руку на голову сына и говорилъ со вздохомъ:

— Да благословитъ тебя Богъ, вѣтренное дитя, и сдѣласть изъ тебя настоящаго человѣка.

— Аминь, отвѣчалъ Роесай съ чувствомъ, которое проявлялось въ немъ иногда, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ поцѣловалъ руку короля съ уваженіемъ сына и подданнаго, и вмѣсто того чтобъ сѣсть за столъ, за которымъ сѣдѣли всѣ члены совѣта, остался за креслами короля. Положеніе это давало ему возможность говорить, если захочетъ, подъ ухо королю.

Робертъ сдѣлалъ знакъ пріору, сѣсть за бюро, заваленное множествомъ бумагъ, которыхъ исключая Ольбени и монаха никто не могъ прочесть.

Король объявилъ тогда причину ихъ собранія, сказавъ съ большимъ достоинствомъ:

— Милорды! дѣла, о которыхъ мы намѣрены разсуждать теперь, относятся къ возстаніямъ горныхъ племенъ, которыя могутъ причинить гибель и раззореніе всей странѣ, даже подвергнуть опасности наше королевское мѣстопробываніе. Но не смотря на это несчастіе, злонамѣренные люди, благодаря суровой судьбѣ нашей, не довольствуются этимъ ужъ и безъ того близкимъ къ нашей особѣ бунтомъ, и посягаютъ еще раздоръ между перескскими гражданами и свитами вашихъ свѣтлостей, и другими рыцарями и баронами. И потому, милорды, я обращаюсь къ вамъ и спрашиваю во первыхъ: отчего происходятъ неприличныя эти ссоры, и зачѣмъ тревожатъ августѣйшую нашу особу? во вторыхъ: какими средствами можно ихъ прекратить? Я начинаю съ тебя, любезный братъ, скажи что ты объ этомъ думаешь?

— Государь и августѣйшій братъ мой, отвѣчалъ герцогъ: когда началась ссора, я находился при вашей особѣ, слѣдовательно не могу знать причины.

— Что до меня касается, сказалъ молодой принцъ, я не слышалъ другихъ воинственныхъ криковъ, кромѣ баллады пѣвицы, и не видалъ другихъ пуль и картечей кромѣ безвредныхъ орѣховъ.

— А я, сказалъ графъ Марчскій, видѣлъ какъ перескскіе жители гвалась за какими-то бродягами, у которыхъ, впрочемъ, было вышито на плечѣ кровавое сердце; но они слишкомъ скоро бѣжали, чтобъ принадлежать къ свитѣ его свѣтлости графа Ду-гласа.

Дугласъ понялъ насмѣшку, и отвѣчалъ на нее одними мрачными взглядами, выразившими злобу.

— Государь, отвѣчалъ онъ съ высокомеріемъ и хладнокровіемъ, я долженъ отвѣтить на это обвиненіе тѣмъ, что каждый разъ, когда въ Шотландіи происходитъ драка или ссора, клеветники увѣряютъ, что или Дугласъ, или Дугласовы приверженцы тому причинѣ. Тутъ были свидѣтели, они могутъ разсказать, какъ все случилось. Я не говорю о милордѣ Ольбени, который отдѣлялся тѣмъ что сказалъ, будто, по должности своей, находясь при вашемъ величествѣ, онъ не знаетъ причины ссоры. Не говорю также ничего и о его высочествѣ послѣдномъ принцѣ, который, вѣроятно, изъ уваженія къ своему сану и къ самому себѣ, изволилъ въ это время шелкать орѣхи съ какою-то странствующею пѣвицей: онъ улыбается, потому что можетъ говорить теперь все, что ему вздумается; онъ знаетъ, что я помню гдѣ нахожусь теперь; не смотря на то что самъ забылъ величіе этого мѣста.... Но вотъ графъ Марчскій, который увѣряетъ, будто видѣлъ, какъ люди мои бѣжали отъ пересѣкъ мужиковъ! На это я могу отвѣтить его свѣтлости, что тѣ, которые слѣдуютъ за кровавымъ сердцемъ, идутъ впередъ или назадъ по приказанію своего начальника или когда благо Шотландіи того требуетъ.

— Отвѣчаю.... вскричалъ гордый и вспыльчивый графъ Марчскій, побагровѣвъ отъ ярости; но король остановилъ его.

— Перестаньте! перестаньте, мстительные вельможи, сказалъ монархъ: вспомните гдѣ и передъ кѣмъ вы теперь находитесь. А вы, милордъ Дугласъ, скажите, если можете, причину этого шума, и отчего ваши люди, услуги которыхъ мы признаемъ впрочемъ, принимали въ этомъ дѣлѣ такое жаркое участіе?

— Повинуясь вашему величеству, отвѣчалъ Дугласъ слегка наклонивъ голову, которая очень рѣдко приклонялась. Я ѣхалъ изъ дому въ картезіанскій монастырь; проѣзжая черезъ городъ Перезъ съ нѣкоторыми моими приближенными, я увидѣлъ на главной улицѣ бездну народу, который толпился около креста; на крестѣ было прибито вотъ это объявленіе, а подлѣ вотъ это, государь.

Графъ вынулъ изъ кармана человѣческую руку и кусокъ пергамента.

Король испугался, изумился.

— Удалите отъ глазъ моихъ это страшное зрѣлище, сказалъ онъ Дуглау; потомъ обратился къ пріору, продолжалъ трепещущимъ голосомъ.

— Прочитайте объявленіе, отецъ пріоръ.

Пріоръ повиновался.

«Поелки, въ послѣднюю ночь, на канунѣ праздника святаго Валентина, въ домѣ одного перескаго гражданина произошла тревога, причиненная ночными бродягами, принадлежащими, вѣроятно, къ обществу иностранцевъ, живущихъ теперь въ нашемъ прекрасномъ городѣ; а какъ во время ссоры одному изъ нарушителей порядка (слѣдовательно и законовъ) отрѣзали руку: то засѣдатель и сановники города приказали прибить къ кресту вышеупомянутую руку, въ знакъ вызова и презрѣнія къ тѣмъ, кто учинилъ вышеупомянутую тревогу.

«Буде же кто изъ бароновъ или рыцарей думаетъ, что мы не правы поступая такимъ образомъ, то я, Патрикъ Чартризь, рыцарь и владѣтель Кинфаунса, принимаю этотъ вызовъ на чистомъ полѣ, съ рыцарскимъ оружіемъ въ рукахъ; а если кто не столь важнаго происхожденія захочетъ опровергнуть вышесказанное, то ему на это отвѣтитъ одинъ изъ гражданъ прекраснаго города одинаковаго съ нимъ происхожденія. А за тѣмъ да благословитъ насъ Богъ и святой Іоаннъ, покровитель нашего прекраснаго города!»

— Ваше величество, вѣрно, ни сколько не удивитесь когда узнаете, прибавилъ Дугласъ, что когда капелланъ мой сообщилъ мнѣ дерзкое содержаніе этого пергамента, то я приказалъ одному изъ моихъ конюшихъ сорвать столь оскорбительныя для рыцарства и всего шотландскаго дворянства трофеи. Дерзкіе граждане напали на мою свиту, которая стада топтать ихъ лошадиными копытами, и вѣроятно прекратила бы скоро эту ссору, еслибъ я не далъ своимъ формальнаго приказанія слѣдовать за мною. Мы пустились далѣе, а сволочь за нами, и проводила до самыхъ монастырскихъ воротъ. Вотъ почему графу Марчу показалось будто всадники мои бѣжали; но еслибъ я имъ позволилъ сопротивляться, то они подошли бы съ четырехъ концовъ ненавистный этотъ городъ и обратили бы въ пепелъ проклятыхъ его жителей.

Когда Дугласъ кончилъ, настала минута глубокаго молчанія; наконецъ герцогъ Роесай, обратясь къ отцу, сказалъ:

— Если графъ Дугласъ имѣетъ право жечь города, принадлежащіе вашему величеству, потому только что поссорился съ засѣдателемъ насчетъ какой-то оргіи, то мы должны бытъ ему чувствительно благодарны зато что онъ изволилъ пощадить городъ, въ которомъ теперь находимся.

— Может-быть герцога Роесай и правъ, что благодарить Бога; но ему слѣдовало бы посерьёзнѣе благодарить его, зато что Дугласъ также вѣренъ своему монарху какъ силёнъ и храбръ на войнѣ, отвѣчалъ графъ, который, по-видимому, рѣшился не выходить изъ границъ терпѣнія. Его высочеству слѣдовало бы дѣлать такихъ войновъ, потому что въ Шотландіи довольно горючихъ веществъ, которыя очень легко могутъ вспыхнуть. Когда мужики позволяютъ себѣ вызывать на бой дворянъ и приколачивать къ городскому кресту руку, можетъ быть рыцаря, то я не говорю, что боюсь бунта, это была бы ложь; но говорю что предвижу его и готовлюсь усмирить бунтовщиковъ.

— А почему, отвѣчалъ графъ Марчскій, милордъ Дугласъ думать, что мужики вызываютъ на бой? Тутъ стоятъ имя сэра Патрика Чартриза; кажется, онъ благородной крови. Даже самъ графъ Дугласъ, который такъ жарко вступается въ это дѣло, можетъ безъ боязни, не безчестя себя, поднять перчатку сэра Патрика Чартриза.

— Милорду Марчу, отвѣчалъ Дугласъ, не слѣдовало бы говорить того, чего онъ не понимаетъ. Я отдаю полную справедливость потомку Краснаго-Корсара; но говорю что онъ слишкомъ легко, чтобъ вѣситься на однихъ вѣсахъ съ Дугласомъ. Потомукъ Томаса Рандольфа вмѣсть на то болѣе права.

— Очень радъ, милордъ! я не хочу упустить случая воспользоваться такою честью, сказала Джорджъ Дѣнбарскій снимая перчатку.

— Остановитесь! вскричалъ король: вызывая другъ друга на смертный бой, въ присутствіи нашемъ и въ жилищѣ этомъ, вы оскорбляете нашу особу; вмѣсто того чтобъ ссориться, протяните лучше другъ другу руку и обнимитесь въ знакъ взаимной вѣрности шотландскому престолу.

— Этого никогда не будетъ и не можетъ-быть, ваше величество, отвѣчалъ графъ Дѣнбарскій: вы можете приказать мнѣ надѣть перчатку, потому что какъ она такъ и все мое вооруженіе принадлежитъ моему монарху, пока графство мое принадлежитъ шотландской коронѣ. Но если я дотронуся когда-нибудь до Дугласа, такъ это будетъ вооруженною рукою. Прощайте, государь. Кажется, здѣсь могутъ обойтись и безъ моихъ совѣтовъ; къ тому-жь совѣты другихъ такъ благосклонно приняты, что мнѣ не слѣдуетъ здѣсь долѣе оставаться. Да спасетъ Господь ваше королевское высочество отъ открытыхъ враговъ и друзей скры-

нашихъ свое коварство. Я ѣду въ Дёнбаръ, откуда, надѣюсь, вы скоро получите обо мнѣ извѣстія. Прощайте, милорды; вы вѣдали за слишкомъ смѣлое дѣло; постарайтесь обдѣлать его честнымъ образомъ. Прощайте бѣдный принцъ, прощайте ит-ренний юноша, который, какъ молодая лань, беззаботно играетъ лапше тигра. Прощайте, всё вы! Джорджъ Дёнбарскій видитъ, что не миновать вамъ бѣды, но не можетъ спасти васъ. Прощайте!

Король хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на губахъ его, потому что въ это время онъ взглянулъ на герцога Ольбени, который сдѣлалъ ему знакъ чтобъ онъ молчалъ. Джорджъ Дёнбарскій вышелъ изъ залы; включая Дугласа всё члены совѣта поклонились ему; но рыцарь кроваваго сердца отвѣтилъ на поклонъ одною презрительною улыбкой.

— Измѣнникъ хочетъ продать насъ Англичанамъ, сказалъ онъ: вся гордость его основана на Дёнбарѣ, черезъ который враги наши могутъ пройти въ Ловионъ. Но не бойтесь, государь, я отвѣчаю за то, что говорю. Между-тѣмъ время еще не ушло; прикажите только арестовать его, и графъ Марчскій не кончитъ своего коварнаго предпріятія.

— Это было бы слишкомъ смѣло, любезный графъ, отвѣчалъ Ольбени, которому больше хотѣлось, чтобъ могущественные эти вельможи боялись другъ друга чѣмъ отдать рѣшительное предпочтеніе тому или другому. Графъ Марчскій пріѣхалъ сюда полагаясь на слово короля, слѣдовательно честь августѣйшаго моего брата запрещаетъ не исполнять своихъ обѣщаній. Однако если вы, ваша свѣтлость, можете представить неоспоримыя доказательства....

Ольбени остановился: трубный звукъ перебилъ его рѣчь.

— Его свѣтлость, герцогъ Ольбени что то слишкомъ совѣстливъ сегодня, что, впрочемъ, съ нимъ не рѣдко случается, отвѣчалъ Дугласъ. Но нечего говорить теперь; это будетъ бесполезно; вотъ уже слышны трубы графа Дёнбарскаго, и я ручаюсь, что онъ будетъ лѣтъ не останавливаясь, до-тѣхъ-поръ пока не переѣдетъ Южный Мостъ. Онъ сказалъ, что мы скоро услышимъ о немъ; я тоже думаю; и если онъ вернется, такъ не иначе какъ со всею Англіею.

— Мы имѣемъ лучшее мнѣніе о благородномъ графѣ Марчскомъ, сказалъ король: онъ вспыльчивъ, но не метителевъ. Его если и не обманули, такъ онъ самъ обманулся, слѣдовательно въ настоящихъ обстоятельствахъ къ нему надо быть снисходительнѣе чѣмъ къ кому другому. Но слава Богу! всё мы здѣсь при-

судящуюе одного мѣня и изъ одного семейства; такимъ образомъ раздоры не смутятъ больше нашего совѣта.

Отецъ пріоръ, потрудитесь взять эти рукописи и быть, какъ обыкновенно, нашимъ секретаремъ.

— Теперь применитесь за дѣла, милорды; прежде всего намъ надо подумать о мѣрахъ противъ возстанія въ горныхъ земляхъ.

— Кланъ Чатана и Кея, или Кайя, сказалъ пріоръ, по послѣднимъ извѣстіямъ полученнымъ нами отъ дѣнкельдскихъ нашихъ братій, объявилъ другъ другу самую ужасную войну. Эти чада Велиала желаютъ ни болѣе ни менѣе какъ уничтожить другъ друга. Силы ихъ собираются съ обѣихъ сторонъ и всѣ родственники до десятого колѣна должны соединиться у знамени своего племени, или подвергнуться наказанью огнемъ и мечемъ.

«Огненный крестъ подобно метеору, показываясь вездѣ, пробудилъ чужеземные и неизвѣстные племена до самыхъ береговъ Мюррая. Да примутъ насъ Господь и святой Доминикъ подъ своей милосердой покровъ! Но если ваши свѣтлости не примутъ ни какихъ мѣръ противъ этого зла, то оно всюду распространится, и собственность цѣркви достанется на разхищенье и ярость этимъ Амалекитамъ, въ сердца которыхъ нѣтъ больше ни любви къ Богу, ни жалости къ ближнимъ. Да спасетъ насъ Пресвятая Богородица отъ такихъ тяжкихъ бѣдъ. Намъ пишутъ, что въ некоторые изъ нихъ совершенные язычники, и что они поклоняются Магомету и Термаганту.»

— Милорды и родственники, сказалъ Робертъ, мы слышали какъ важно это дѣло, и прежде чѣмъ сообщить вамъ то, что внушитъ вамъ высокая ваша мудрость, вы, вѣроятно, желаете знать и мое на этотъ счетъ мнѣніе. Право, я не вижу другаго средства какъ послать туда двухъ уполномоченныхъ, съ необходимою властью прекратить эти ссоры и уговорить ихъ оставить оружіе; а если не послушаются, то судить по законамъ.

— Одобряю намѣреніе вашего величества, отвѣчалъ Роесай, и увѣренъ, что добрый пріоръ не откажется отъ почетнаго призванія миротворца. Преподобный братъ его, аббатъ картезіанскаго монастыря, вѣрно, тоже захочетъ сопутствовать его преподобію и быть причислену къ сонму мучениковъ, потому что горцы не дѣлаютъ большаго различія между духовными и свѣтскими лицами, которыхъ отправляютъ къ нимъ какъ посланниковъ.

— Милордъ Роесай, сказалъ пріоръ: если Господь предназначилъ мнѣ мученичeskій вѣнецъ, то, вѣроятно, и пошлетъ туда, гдѣ мнѣ надо будетъ получить его; но, между тѣмъ,

если, говоря такимъ образомъ, вы хотите смѣяться надо мною, то я прошу Бога простить вамъ и просвѣтитъ умъ вашъ свѣтомъ благодати, чтобъ вы могли видѣть, что гораздо благороднѣе посвятить свое оружіе на защиту церкви, чѣмъ смѣяться надъ ея служителями.

— Я вовсе не думаю ни надъ кѣмъ смѣяться, сказалъ принцъ зѣвая, какъ-будто проповѣдь эта ему ужъ надоѣла: однако согласитесь сами, что въ февралѣ мѣсяцѣ гораздо приличнѣе и пріятнѣе закутаться въ шубу чѣмъ надѣвать на себя стальные латы; а мнѣ такъ не хочется облекаться въ эту холодную одежду, да еще въ такое холодное время, что, признаюсь, очень буду радъ, если Церковь, для прекращенія раздоровъ, пошлетъ туда отрядъ святыхъ горцевъ, которые больше нашего привыкли къ тому климату и будутъ драться какъ весельчакъ Георгъ Англійскій. Я право не знаю какъ это дѣлается; но всякій разъ, когда мы взываемъ къ нимъ, намъ говорятъ объ ихъ чудесахъ, или о мщени, когда мы захватываемъ церковныя владѣнія, и все это для того чтобъ заставить насъ быть щедрыми, податливыми; но если же явится какаа-нибудь ватага горцевъ, человекъ двадцать, то колокола, книги и свѣчи остаются въ бездѣйствіи, и бароны обязаны еще отстаивать земли, данныя имъ Церкви, точно какъ-будто получаютъ еще съ нихъ какіе-нибудь доходы.

— Робертъ, сказалъ король, ты даешь слишкомъ много воли языку твоему.

— Я замолчу, ваше величество, отвѣчалъ принцъ: я не имѣлъ намѣренія беспокоить васъ или обижать отца-пріора, который, будучи окруженъ столькими чудесами, не можетъ или не смѣетъ противиться какой-нибудь ничтожной горсти бунтовщиковъ.

— Знаемъ, сказалъ пріоръ съ негодованіемъ, изъ какого источника проистекаютъ эти ненавистныя правила, которыя ужасаютъ насъ въ устахъ вашего высочества. Когда принцы разговариваютъ съ еретиками, то умъ и сердце ихъ невольно развращаются; тогда они показываются на улицѣ съ масками и женщинами дурнаго общества, а въ совѣтѣ являются хулителями Церкви и святыхъ вѣровавй....

— Перестаньте, благочестивый отецъ, сказалъ король: Россай просить у васъ извиненія, что говорилъ такъ необдуманно. Дайте, сдѣлайте милость, намъ посовѣтоваться спокойно, дружественно, а не походить, какъ теперь, на буйную ватагу погибающихъ моряковъ, которые, вмѣсто того чтобъ помогать капитану, думаютъ только какъ бы повздорить съ своими товарищами. Ми-

лордъ Дугласъ, когда шотландскій престолъ нуждается или въ скорой помощи или въ мудрыхъ совѣтахъ, домъ вашъ всегда былъ готовъ къ его услугамъ. Надѣюсь, что и теперь вы поможете намъ въ этомъ горѣ.

— Признаюсь, меня очень удивляетъ, что горе это существуетъ, сказалъ гордый графъ Дугласъ. Когда меня сдѣлали правителемъ государства, то нѣкоторые изъ проклятыхъ этихъ клановъ тоже взбунтовались. Я не надѣдалъ правительству этимъ дѣломъ, а приказалъ шерпу, лорду Рутвену, сѣсть на лошадь, собрать нѣкоторыхъ бароновъ и идти со всѣми силами на мятежниковъ. Клянусь святой Бригиттой! когда мошенники эти увидели красы, то узнавъ, кому годны сабли и копья. На мѣстѣ сраженія осталось болѣе трехъ сотъ человекъ, кромѣ начальника ихъ, Дональда Кормака, да повѣшенныхъ было столько же. Вотъ какъ слѣдуетъ поступать съ бездѣльниками; но если кроткія мѣры будутъ имѣть болѣе успѣху, то прошу не осуждать Дугласа, зато что онъ выразилъ мысль свою. Вы опять улыбаетесь, милордъ Россей? Прежде чѣмъ отвѣчать на первую вашу шутку, охотѣюсь ли спросить васъ, какимъ образомъ я могъ вторично возбудить вашу веселость?

— Не гнѣвайтесь, мой добрый Дугласъ, отвѣчалъ принцъ: я улыбался, думая, какъ уменьшилась бы ваша свѣтлота, если бъ со всѣми бездѣльниками поступали также какъ съ бѣдными этими горцами.

Дугласъ хотѣлъ отвѣчать, но король, чтобъ предупредить ссору, перебилъ, сказавъ:

— Графъ очень основательно совѣтуетъ намъ идти противъ горцевъ, когда они поднимутъ оружіе противъ нашихъ подданныхъ на открытомъ полѣ; но вотъ въ чемъ состоитъ трудность: надо прекратить безпорядки въ горахъ. Мнѣ нечего говорить вамъ, что кланы Чатапа и Кайя — настоящая конфедерация, составленная изъ различныхъ племенъ, которые соединились, чтобъ участвовать въ общей ссорѣ. Еще недавно распри ихъ покрыли кровью все мѣста, гдѣ они проходили, и если не остановимъ ихъ, то непрерывные эти бунты совершенно разорятъ несчастную страну нашу.

— Тутъ нѣтъ еще бѣды, отвѣчалъ Дугласъ, что бездѣльники эти уничтожаютъ другъ друга. По мѣрѣ того какъ люди будутъ уменьшаться, дичь горныхъ земель будетъ прибавляться, и потому то, что потеряемъ какъ войны, мы выиграемъ какъ охотники.

— Снашите лучше, что волков прибавится, и что они замѣнять людей, сказалъ король.

— Я предпочитаю голодныхъ волковъ динить горцамъ, отвѣчалъ Дугласъ. Не останавливайте этой междуособной войны: пусть она какъ огонь распространится по всѣмъ горнымъ землямъ; не тушите этого пламени; тогда, не имѣя болѣе пищи, оно само собою погаснетъ. Дѣти будутъ покорѣе отцовъ и станутъ повиноваться малѣйшему знаку вашего величества; между-тѣмъ какъ бездѣльники, которые теперь живутъ, не слушаются даже самыхъ строжайшихъ вашихъ предписаній.

— Это благоразумный, но противозаконный совѣтъ, отвѣчалъ пріоръ качая головой. Совѣсть моя не позволяетъ мнѣ одобрить его. Это было бы слишкомъ жестоко, ваша свѣтлость.

— Сердце мое говоритъ тоже самое, сказалъ Робертъ кладя руку на грудь. Господь потребуетъ отъ меня отчету на страшномъ судѣ. Чѣмъ отвѣчу я Ему когда Онъ спроситъ: «Робертъ Стюартъ, что сдѣлалъ ты съ подданными, которыхъ Я ввѣрилъ тебѣ, гдѣ они?» Нѣтъ, графъ, я долженъ отвѣчать не за однихъ Шотландцевъ, а за всѣхъ моихъ подданныхъ; не за тѣхъ только, которые владѣли землями и значеніемъ, но и за тѣхъ даже, которые были преступны и воровали изъ бѣдности или бунтовали изъ невѣжества.

— Сердцемъ вашего величества, сказалъ пріоръ, обладаютъ христіанскія чувства, но въ рукахъ вашихъ не одинъ синицуръ, а въ настоящихъ обстоятельствахъ только одинъ мечъ можетъ исправить зло.

— Выслушайте меня, лорды, сказалъ принцъ поднимая голову, какъ-будто думезарная мысль блеснула въ умъ его: положимъ, что мы выучимъ дикарей этихъ рыцарству, и устроимъ такъ, что начальники клановъ вызовутъ другъ друга на смертный бой; тогда они могутъ сражаться тутъ, въ Перевъ. Мы дадимъ имъ лошадей и вооруженія: такимъ образомъ ссора эта прекратится смертью одного, а можетъ-быть и обоихъ измѣнниковъ (потому что, я думаю, тотъ и другой при первыхъ ударахъ сдѣхнутъ себѣ шею); такимъ образомъ христіанское желаніе батюшки не проливать крови исполнится, а между-тѣмъ мы будемъ дѣлать удовольствіе присутствовать при поединкѣ двухъ дикихъ рыцарей, которые въ первый разъ въ жизни вырядились въ доспѣхи и сѣли на взвзданныхъ коней, чего не видавали со времени короля Артура.

— Перестань Роосай, сказалъ король, развѣ можно шутить

надъ несчастіями своего отечества и выходками своими мѣшать нашему совѣщанію.

— Прошу извинить меня, августѣйшій братъ мой, сказалъ Ольбени: но мнѣ кажется, что изъ словъ принца, моего племянника, хотя онъ выразился не совсѣмъ пристойно, можно извлечь большую пользу въ теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Повторяя неприличные шутки Роесай, ты не хорошо поступаешь, братъ, сказалъ король, потому что выказываешь этимъ все его безразсудство. Ты самъ знаешь, что начальники клановъ рѣшительно не понимаютъ, что такое рыцарство, даже не знаютъ, какъ рыцари одѣваются или сражаются; какъ же ты хочешь, чтобъ изъ того, что сказалъ Роесай, можно было извлечь какую-нибудь пользу?

— Это правда, августѣйшій братъ мой, сказалъ Ольбени, дикари эти ничего не понимаютъ, но между тѣмъ я говорю серьезно. Разумѣется, что у горцевъ нѣтъ, какъ у насъ, обычая драться въ открытомъ полѣ; зато у нихъ есть другіе обычаи, результаты которыхъ тѣ же самые. Теряя или выигрывая сраженіе, они подвергаются тѣмъ же опасностямъ. Что намъ за дѣло, какъ они дерутся и чѣмъ рѣжутся: копьемъ или шпагою, какъ Галы и какъ прилично рыцарямъ, или какъ англійскіе мужики кѣшками на полненныхъ пескомъ, или ножами и кинжалами, какъ принято у этихъ варваровъ. Какъ нашъ такъ и ихъ обычай ввергаетъ всякую ссору или опроверженіе правъ рѣшенію боя. Они также тщеславны какъ смѣлы, и мысль сражаться въ глазахъ нашего величества и всего двора заставитъ ихъ рѣшиться на поединокъ, даже и тогда, когда имъ предпишутъ законы, противные ихъ обычаю, или назначатъ число сражающихся. Разумѣется, что ихъ не надо подпускать къ вашей особѣ, развѣ тогда только, когда они будутъ обезоружены и въ слишкомъ маломъ количествѣ, чтобъ осмѣлиться насъ беспокоить. Когда мы будемъ тамъ образомъ на сторожѣ, то чѣмъ больше будетъ между ними храбрыхъ, тѣмъ скорѣе они станутъ уничтожать другъ друга. Тогда горы надолго успокоятся.

— Въ предложеніи этомъ много крови, любезный братъ, сказалъ король, и я еще разъ принужденъ оказать тебѣ, что сохотѣлъ не допустить меня глѣдѣть на рѣзню этихъ грубыхъ и необразованныхъ людей, которые не уступаютъ въ невѣжествѣ самымъ азычникамъ.

— Развѣ жизнь ихъ, спросилъ герцогъ Ольбени, дороже жизни столькихъ рыцарей и бароновъ, которые съ позволенія ваше-

го величества, или для собственного удовольствія и славы выходятъ на поединокъ и сражаются на открытомъ полѣ?

Королю нечего было отвѣчать противъ этого обычая поединковъ, обычая терпимаго законами и утвержденного рыцарствомъ. Несмотря на то онъ сказалъ:

— Богу извѣстно, что если я и давалъ на то мое соизволеніе, такъ это было съ большимъ отвращеніемъ; я никогда не могъ равнодушно смотрѣть, какъ рыцари проливаютъ благородную кровь свою. Я всегда желалъ остановить ее цѣною собственной крови.

— Ахъ, добрый монархъ! сказалъ пріоръ: если мы не последуемъ хитрымъ совѣтамъ герцога Ольбени, то принуждены будемъ прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ графа Дугласа. Мы не знаемъ еще, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, между-тѣмъ подвергаемъ неминуемой смерти вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, а горцы в безъ того перерѣжутъ другъ друга; такъ пусть же ихъ лучше рѣжутся тутъ чѣмъ у себя въ горахъ. Что думаетъ графъ Дугласъ о политическихъ планахъ его свѣтлости принца Ольбени?

Гордый вельможа отвѣчалъ:

— Дугласъ никогда не совѣтуетъ употреблять хитрости тамъ, гдѣ можно дѣйствовать силою. Онъ сохраняетъ свое прежнее мнѣніе и говоритъ, что готовъ идти на горцевъ съ своими васалами и перескими баронами. Дугласъ вразумить двкарей или принудить къ повиновенію; а если не успѣетъ, то оставить тѣло одного изъ Дугласовъ въ ихъ безлюдныхъ степяхъ.

— Ты благородно разсуждаешь, милордъ Дугласъ, сказалъ Ольбени, и король совершенно правъ, что вѣрнется тебѣ и всѣмъ тѣмъ, которые слѣдуютъ за твоимъ знаменемъ.

— Но развѣ ваша свѣтлость не видите, что услуги ваши и присутствіе понадобятся можетъ-быть въ другомъ мѣстѣ, гдѣ вы можете быть полезнѣе своему монарху и Шотландіи? Развѣ вы не замѣтили, съ какимъ мрачнымъ видомъ необузданный Мартъ увѣрялъ государя въ своей вѣрности до-тѣхъ-поръ пока останется шотландскимъ подданнымъ? Развѣ вы думаете, что онъ не можетъ перейти на сторону Англіи? Другіе не столь сильные и знаменитые воеводы могутъ мѣрять силы свои съ горцами. Но если Дугласъ пойдетъ на нихъ, кто жъ выгонитъ тогда Перси и Англичанъ, когда Мартъ введетъ ихъ въ государство.

— Шага моя, отвѣчалъ Дугласъ, можетъ защищать его величество какъ на границахъ такъ и въ горахъ; я видѣлъ уже какъ Джорджъ Дѣнбарскій и гордый Перси бѣжали отъ меня, и

могу еще разъ съ вами повидаться, если государю угодно будетъ чтобъ я помѣшалъ союзу иноземца и измѣнника; и потому, вмѣсто того чтобъ ввѣрять такое важное дѣло какому-нибудь ничтожному или слабому человѣку, я одобряю предложеніе милорда Ольбени. Для чего тревожить бароновъ и рыцарей, когда дикари эти и безъ того готовы перерѣзать другъ друга.

— Милордъ Дугласъ, сказалъ молодой принцъ, который, по видимому, не хотѣлъ упустить ни одного случая, чтобъ не унизить гордаго своего тестя, милордъ Дугласъ не хочетъ оставить намъ, бѣднымъ жителямъ равнинъ, даже славы побѣдить жителей горъ, между тѣмъ какъ самъ поживаетъ уже въ мысляхъ жатву лавровъ, которую приобрѣтетъ побѣдою надъ Англичанами. Но Перси видѣлъ точно также какъ и Дугласъ, какъ бѣжали нѣкоторые люди, и я часто слышалъ, что нѣкимъ случается идти за шерстью и возвращаться общипанными.

— Какъ это мило сказано, отвѣчалъ Дугласъ, особенно же для принца, который говоритъ о чести, а между тѣмъ на токъ носить, какъ какую-нибудь драгоцѣнность, кошель распутной женщины.

— Какъ же быть, милордъ? Но кто женатъ не по вкусу, тотъ не слишкомъ разборчивъ въ предметахъ любви своей. Цѣпная собака должна довольствоваться тою костью, которая лежитъ поближе къ ней.

— Роесай! вскричалъ король; съ ума ты сходишь, несчастное дитя? или совершенно хочешь разгнѣвать своего отца и монарха?

— Коль скоро вы приказываете, я молчу, отвѣчалъ принцъ.

— Теперь, милордъ Ольбени, сказалъ король, если вы непременно желаете кровопролитія, скажите, какъ заставить намъ грубыхъ этихъ людей согласиться на бой, который вы такъ хладнокровно предлагаете.

— Прежде чѣмъ отвѣчать вашему величеству, надо хорошенько подумать. Но это будетъ нетрудно: можно будетъ подкупить ихъ бардовъ, совѣтниковъ или начальниковъ, и дать понять полководцамъ двухъ главныхъ клановъ, что если они не согласятся на эти мирныя условія...

— Мирныя? хороши мирныя! сказалъ король съ горькою улыбкою.

— Да, мирныя, государь, повторилъ Ольбени, потому что пусть лучше страна искупитъ миръ цѣною нѣсколькихъ дюжихъ гор-

дсвь, чѣмъ губить вѣсколько сотъ тысячъ людей огнемъ, мечемъ, голодомъ и всѣми бѣдствіями междоусобной войны. Но возвратимся къ нашему предпріятію; я думаю что тотъ князь, которому прежде сдѣлають это предложеніе, приметъ его съ радостью; а другому стыдно будетъ отказать и ввѣрить участь свою храбрости другаго. Изъ ненависти и тщеславія они не угадаютъ нашихъ намѣреній, и чѣмъ больше мы будемъ ободрять ихъ, тѣмъ яростіе они будутъ рубить и рѣзать другъ друга. Исполнивъ свою обязанность, я прошу позволенія удалиться.

— Погодите еще немного, сказалъ пріоръ. Я тоже хочу сообщить одну такую мрачную, такую ужасную тайну, что вы, ваша свѣтлость, не поймете ея; тѣмъ болѣе это сокрушаетъ меня, что она причиною небеснаго гнѣву, низшедшаго на несчастную страну нашу, и поражающаго ее раззореніемъ, раздорамн, смутами, горемъ и всѣми ужасами междоусобиной войны.

— Говорите, преподобный отецъ, сказалъ король; если причина зла находится во мнѣ или въ семействѣ моемъ, то вы можете быть увѣрены, что мы искоренимъ ее.

Онъ сказалъ это слабымъ голосомъ, и ожидалъ со страхомъ и трепетомъ отвѣту пріора, какъ-будто боялся, не открылъ ли онъ еще какихъ пороковъ или шалостей въ Роесаѣ. Не знаю отчего, но ему показалось что глаза монаха остановились на молодомъ принцѣ прежде чѣмъ онъ сказалъ торжественно:

— Ересь поселилась между нами, добрый и великодушный государь нашъ, да, ересь!... Она какъ волкъ расхищающій овецъ губить человѣческія души.

— У насъ, кажется, нѣтъ недостатку въ пастухахъ, сказалъ Роесай; четыре монастыря набиты монахами... не считая еще свѣтскихъ священниковъ. Я думаю, что если въ одномъ городѣ находится такое большое воинство, то нечего бояться враговъ.

— Одинъ измѣнникъ въ воинствѣ, сказалъ пріоръ, можетъ раззорить цѣлый городъ, еслибъ даже его стерегли цѣлые легіоны; а если измѣнника этого, изъ легкомыслія, или изъ любви къ новизнѣ, или по другимъ какимъ причинамъ, вмѣсто того чтобъ выгнать отъ себя, кормить еще и защищаютъ, то онъ каждый дсвь подъ различными предлогами, будетъ находить случай дѣлать зло.

— Вы, кажется, намекаете на кого-то изъ присутствующихъ, отецъ пріоръ, сказалъ Дугласъ. Если это на меня, то вы напрасно обижаете меня. Я знаю, абербротонскій аббатъ жаловался, что я не позволялъ ему держать много скота, и гро-

ить монастырскіе чердаки рожью и овсомъ, между-тѣмъ какъ у людей нашихъ не было ни говядины, ни овса. Но мнѣ кажется что предки мои не съ тою мыслию отдавали монастырю эти плодородныя поля и луга, чтобъ потомки ихъ посреди этого изобилія умирали съ голоду. И клянусь святой Бригиттой, этого никогда не будетъ! Чтò же касается до ереси и до вольнодумства, прибавилъ графъ стуча изо всей силы огромнымъ кулакомъ своимъ, кто смѣетъ обвинять Дугласа? Разумѣется, что изъ какихъ-нибудь пустяковъ я не позволю жечь бѣдныхъ людей, но рука моя и шпага всегда готовы на защиту христіанской вѣры.

— Я ни сколько въ этомъ и не сомнѣваюсь, милордъ, отвѣчалъ Ансельмъ: въ благородномъ вашемъ домѣ всегда такъ поступали. Чтò же касается до жалобъ аббата, то мы оставимъ это до другаго разу; а теперь я желаю, чтобъ назначили комиссію и поручили бы изслѣдованіе одному изъ главнѣйшихъ вельможъ государства, который бы соединился съ членами святой церкви и поддержалъ силою, если это будетъ нужно, разскавія, которыя пограничный церковный судья, и другія духовныя лица, въ числѣ которыхъ нахожусь и я, недостойный рабъ Божій, намереваются сдѣлать касательно новыхъ догматовъ, которые развращаютъ чистоту вѣры, обманываютъ легковѣрныхъ, и презираютъ святаго отца и его преподобныхъ предшественниковъ.

— Такъ пусть графъ Дугласъ получить королевскую комиссію, сказалъ Ольбени, и чтобъ всѣ, исключая короля, находились подъ его властью. Что до меня касается, — и хотя я увѣренъ что никогда ни словомъ, ни мыслью, ни дѣйствіемъ не одобрялъ и не принималъ такихъ догматовъ, которыхъ бы не освятила святая Церковь, — я постыдился бы требовать снисхожденія; какъ членъ королевскаго дома, я не хотѣлъ бы чтобъ думали, будто я грѣшенъ въ такомъ ужасномъ преступленіи, и пользуясь своимъ положеніемъ стараюсь избѣжать наказанья.

— Я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло, отвѣчалъ Дугласъ; съ меня довольно будетъ Англичанъ и измѣнника Дѣнбарскаго. Дай Богъ мнѣ съ ними справиться. Къ тому жъ, я настоящій Шотландецъ и не желаю, чтобъ шотландская Церковь унижалась передъ Римомъ, и баронская корона преклонялась передъ митрой или клобукомъ; иго это слишкомъ для насъ постыдно. Такъ возьмите лучше на себя, благородный герцогъ Ольбени, трудъ управлять этою комиссіей, и смягчать рвеніе членовъ святой Церкви, которые длятого соединились съ вашею свѣтлостью, чтобъ

не перейти за границы, потому что если Дугласъ почувствуетъ запахъ костра, то возвратится немедленно, еслибъ онъ даже былъ на стѣнахъ Юрка.

Герцогъ поспѣшилъ увѣрить, что комиссія будетъ поступать благоразумно и умѣренно.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ король Робертъ: комиссія должна имѣть большія права; и если бъ это только не унижало нашего достоинства, то мы охотно поддались бы ея власти; но мы надѣемся, что Церковь, меча громовыя стрѣлы въ виновниковъ ереси, будетъ поступать кротко и сострадательно съ несчастными жертвами ихъ коварныхъ соблазновъ.

— Такъ всегда, государь, поступаетъ святая Церковь, сказалъ пріоръ.

— Такъ пусть пошлютъ комиссію отъ имени брата моего Ольбени, и тѣхъ кого найдутъ способными къ этой должности, сказалъ король. Пойдемъ со мной, Роесай; дай мнѣ руку, мнѣ надо поговорить съ тобою наединѣ.

— Гола! эй! вскричалъ пріицъ, какъ будто обращаясь съ лошадыю.

— Чтѣ это значитъ, грубый мальчишка? сказалъ король. Неужели ты никогда не выучишься ни благоразумію, ни вѣжливости?

— Не думайте, чтобъ я хотѣлъ оскорбить ваше величество, отвѣчалъ Роесай: но мы разстались, не рѣшивъ ничего насчетъ отрубленной руки, которую Дугласъ такъ мило вытащилъ изъ кармана. Если мы будемъ во враждѣ съ гражданами, то намъ не будетъ покою ни здѣсь, ни въ Перетѣ.

— Предоставьте это дѣло мнѣ, сказалъ Ольбени. На этотъ разъ мы успокоимъ ихъ какими-нибудь ничтожными даяніями, землями, деньгами и, главное, словами, и они вѣрно утѣшатся; но надо наказать баронамъ, которые по должности находятся теперь при дворѣ, также какъ и людямъ ихъ, не нарушать спокойствія города.

— Разумѣется, сказалъ король: нужно дать на этотъ счетъ самыя строжайшія приказанія!

— Это значитъ слишкомъ баловать этихъ неучей, сказалъ Дугласъ: но надо поступать по желанію вашего величества. А затѣмъ прошу позволенія удалиться.

— Нужно прежде выпить гастонскаго, милордъ, сказалъ король.

— Извините, отвѣчалъ графъ: мнѣ не хочется пить, | ни.

когда не пью для того только чтобъ пить, а если пью, такъ по дружбѣ или по нуждѣ.

Сказавъ это, онъ удалился.

Король, какъ-будто обрадовавшись, что избавился отъ его присутствія, обратился къ Ольбени и сказалъ:

— Теперь, милордъ, нужно побранить этого повѣсу Роесая. Но между-тѣмъ, онъ намъ такъ помогъ въ совѣтѣ, что ради заслуги этой мы будемъ по-нисходительнѣе къ его шалостямъ.

— Очень радъ узнать, что это за заслуга, спросилъ Ольбени съ сомнительною улыбкою.

— Какъ ты непонятливъ, братъ, сказалъ король: я не хочу думать, чтобъ ты былъ завистливъ. Развѣ ты не замѣтилъ, что Роесай первый подалъ мысль о поединкѣ между горцами? Правда, что опытность твоя облекла ее въ болѣе приличную форму, и она была единодушно всѣмъ принята. Да вотъ сейчасъ еще мы хотѣли уже разойтись, совершенно забывъ такое важное дѣло, а онъ напомнилъ намъ о ссорѣ пересѣвшихъ гражданъ.

— Я ни сколько не сомнѣваюсь, государь, чтобъ со временемъ племянникъ мой не сталъ обладать мудростью своего родителя, сказалъ Ольбени тономъ, которымъ надѣялся навѣрное понравиться королю.

— Или лицемѣриемъ другаго члена своего семейства, отвѣчалъ герцогъ Роесай, того, который такъ ловко умѣетъ скрывать всѣ свои пороки, что кажется, будто ихъ и не имѣетъ.

— Отецъ пріоръ, сказалъ герцогъ обращаясь къ доминиканцу, сдѣлайте милость, выйдите на минуту: королю и мнѣ есть много что сказать принцу, чего нельзя даже сообщить и вамъ.

Пріоръ поклонился и вышелъ.

Когда король остался одинъ съ братомъ и сыномъ, то онъ казался грустнымъ, смущеннымъ, а Ольбени мрачнымъ и задумчивымъ, между-тѣмъ какъ Роесай старался скрыть боязнь подъ обыкновенною своею вѣтренностью.

Настала минута молчанія, послѣ чего Ольбени сказалъ:

— Августѣйшій братъ мой, принцъ, мой племянникъ, принимаетъ съ такимъ недовѣріемъ всѣ мои совѣты, что я прошу ваше величество, взять на себя трудъ сказать ему то, что необходимо ему знать.

— Ужъ это, вѣрно, что-нибудь слишкомъ непріятное, сказалъ принцъ, потому что милордъ Ольбени не можетъ склестъ смысла недобрыми словцами.

— Молчать! дерзкій молодой человѣкъ, сказалъ разгнѣванный

король. Ты сейчас говорил о ссорѣ перескихъ гражданъ: кто былъ причиною этой ссоры, Робертъ? Кто выбилъ стекла въ домѣ смирнаго гражданина, нашего вассала? Кто возмутилъ общее спокойствіе свѣтомъ факеловъ, кто надѣлалъ эту тревогу и напугалъ нашихъ подданныхъ?

— Право, не знаю, отвѣчалъ принцъ.

— Между ними былъ кто-то изъ твоей свиты; буянъ, негодѣй, котораго я строго накажу.

— У меня нѣтъ такихъ слугъ; по-крайней-мѣрѣ я не знаю такихъ, которые могли бы заслужить немилость вашего величества, отвѣчалъ Роесай.

— Не запирайся, говори откровенно, молодой человѣкъ. Гдѣ ты былъ наканунѣ святаго Валентина?

— Думаю, что молился ему какъ слѣдуетъ набожному и благородному человѣку, отвѣчалъ небрежно принцъ.

— Не угодно ли будетъ принцу сказать, гдѣ былъ его конюшій наканунѣ этого праздника? спросилъ герцогъ Ольбени.

— При мнѣ, отвѣчалъ Роесай.

— Говори, я приказываю тебѣ говорить, Робертъ, сказалъ король.

— Раморни былъ занятъ своею должностію. Я думаю, что отвѣтъ этотъ можетъ удовлетворить дядюшку.

— Но не меня, сказалъ разгнѣванный отецъ. Богу извѣстно, что я никогда не желалъ ни чьей крови, но я сниму голову этому Раморни, если законъ только не восрепятствуетъ. Онъ былъ совѣтникомъ и товарищемъ твоихъ шалостей и пороковъ, я устрою такъ, чтобъ онъ не могъ больше этого дѣлать. Позови Мекъ-Луп со стражею!

— Не губите невиннаго человѣка, сказалъ принцъ, рѣшась на всѣ самопожертванія, чтобъ спасти только своего любимца. Даю вамъ честное слово, что Раморни былъ занятъ своею должностію, слѣдовательно, не могъ быть замѣшанъ въ этой исторіи.

— Ты лжешь, молодой человѣкъ, сказалъ король подавая принцу перстень съ гербомъ Раморни. Посмотри, чей это гербъ. Раморни потерялъ его во время постыдной этой тревоги; одинъ изъ воиновъ Дугласа нашелъ этотъ перстень и отдалъ графу, который передалъ его брату. Не проси, не вступайся за своего любимца; онъ погибшій человѣкъ, а съ твоей стороны безчестно пятнать ротъ свой такою гнусною ложью.... и еще съ самоувѣренностію!.... Прочь съ глазъ моихъ!.... Стыдно тебѣ

стыдно, Робинъ! Какъ сынъ, ты оскорбилъ отца; какъ рыцарь, ты обманулъ командора своего ордена.

Принцъ молчалъ. Совѣсть говорила ему, что онъ впововать.

Онъ тогда далъ волю благороднымъ своимъ чувствамъ, которыя всегда таились въ душѣ его, и, бросясь передъ отцомъ на колѣни, вскричалъ:

— Рыцарь, который осмѣлился обмануть своего командора, заслуживаетъ, чтобъ его разжаловали; подданный, который лгалъ передъ своимъ монархомъ, заслуживаетъ смерти. Но сынъ умоляетъ отца простить подданнаго, потому что не онъ былъ причиною своего разврата; напротивъ, онъ бросился въ него съ отвращеніемъ, изъ одного только повповенія приказанія своего принца. Оставьте на мнѣ всю тяжесть справедливаго вашего гнѣву, и пощадите Раморни: онъ былъ скорѣе орудіемъ чѣмъ товарищемъ моихъ проступковъ. Вспомните, что его представила ко мнѣ святая мать моя, которая...

— Не называй ее, Робинъ, я запрещаю тебѣ, сказалъ король. Благодарю Бога, что Онъ избавилъ ее отъ горя видѣть сына своего, сына любви своей, обезчещеннаго ложью и пороками.

— Сознаюсь, что я не достоинъ того чтобъ произносить ея имя, отвѣчалъ принцъ: но несмотря на то, я умоляю ея именемъ помиловать Раморни.

— Если я имѣю право давать совѣты, сказалъ герцогъ Ольбени, который видѣлъ уже скорое примиреніе между отцомъ и сыномъ, то посовѣтовалъ бы вашему величеству отставить Раморни отъ должности конюшаго и удалить отъ принца; это будетъ ему наказаніемъ за такой необдуманпый поступокъ. Это удовлетворитъ народъ и дѣло легко обойдется, если его свѣтлость не будетъ противиться правосудію.

— Согласенъ ты, Робинъ, прогнать отъ себя этого опаснаго человѣка? сказалъ король дрожащимъ голосомъ и съ слезами на глазахъ. Согласенъ ли ты это сдѣлать для меня, который съ радостью пожертвовалъ бы тебѣ своею жизнью?

— Согласенъ, любезный батюшка, и тотчасъ исполню ваше желаніе, отвѣчалъ принцъ.

Онъ схватилъ перо, подписалъ отставку Раморни и, отдавая ее Ольбени, прибавилъ:

— Какъ бы я желалъ исполнять также скоро всѣ ваши желанія.

Сказавъ это, онъ вторично бросился къ ногамъ отца, который, обливъ его съ нѣжностью, сжалъ крѣпко въ своихъ объятіяхъ.

Ольбени молчалъ и мрачно глядѣлъ на примиреніе отца съ сыномъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ :

— Все это такъ счастливо кончилось , что теперь , я думаю , можно спросить , будете ли вы , ваше величество , присутствовать при богослуженіи ?

— Разумѣется , отвѣчалъ король : мнѣ надо поблагодарить Бога , что Онъ водворилъ миръ и согласіе въ моемъ семействѣ ? Вѣдь и ты съ нами , братъ ?

— Нѣтъ , государь ; если позволите мнѣ отлучиться , я пойду посоветоваться съ Дугласомъ и другими баронами , какъ лучше завлечь въ сѣти этихъ горныхъ коршуновъ .

Ольбени пошелъ предаваться своимъ честолюбивымъ мечтамъ , а король съ сыномъ пошелъ въ капеллу , гдѣ оба слушали обѣдню и благодарили Бога за свое счастливое примиреніе .

XIV.

Въ одной изъ прежнихъ главъ мы представили читателю королевскую моленную ; теперь мы покажемъ подобную же сцену , хотя между другими лицами и въ другомъ мѣстѣ . Въмѣсто готической темной комнаты монастыря , передъ нами одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ Шотландіи . У подножія скалы сидитъ перекся красна-дѣвица и съ пажобною внимательностью слушаетъ поученія картезіанскаго монаха , на которомъ бѣлая одежда . Онъ окончилъ рѣчь молитвою . Дѣвушка пажобно повторяла ее .

Когда они кончили молитву , священникъ сѣлъ и сталъ смотрѣть на прекрасный видъ , который ничего не терялъ отъ февральскаго холоду . Прошло довольно времени покуда онъ наконецъ заговорилъ со своею внимательною спутницею .

— Не знаю , дочь моя , долженъ ли я удивляться милости Бога или неблагодарности человѣка , когда разсматриваю эту богатую и живописную страну , эти замки , церкви , монастыри , нивы , плодородныя поля , пространныя лѣса и красивую рѣку.... Онъ далъ намъ красоту и плодородіе земли , а мы сдѣлали изъ дара его кладбища и полн сраженія . Онъ далъ намъ средства побѣждать стихіи , строить для удобства и защиты дома , а мы превратили ихъ въ вертепы разбойниковъ и злодѣевъ .

— Однако , батюшка , на землѣ есть мѣста , гдѣ можно жить спокойно , возразила Катерина : даже въ долину , на которую мы смотримъ . Тамъ четыре красивые монастыря съ цер-

кнами и башнями, которые, кажется, громко говорят гражданамъ, чтобы они не забывали обязанностейъ вѣры.... тамъ живутъ люди, оставившіе свѣтъ съ его гоненіями и удовольствіями; они посвятили себя Богу.... Всѣмъ извѣстно, что хотя въ Шотландіи кровопролитія и грѣхи обыкновенны, однако въ ней стараются исполнять требованія церкви.

— Да, дочь моя, отвѣчалъ монахъ: то, что ты говоришь—кажется правдою; но если посмотрѣть на это повнимательнѣе, то едва ли найдешь описанное спокойствіе. Правда, была пора въ христіанскомъ мірѣ, когда добрые люди, питавшіеся трудами своихъ рукъ, собирались.... не для того, чтобы спокойно жить, а чтобы укрѣпить другъ друга въ вѣрѣ и получить качества, необходимыя для передачи народу слова Божьяго. Безъ-сомнѣнія, и теперь есть такіе люди въ зданіяхъ, которые мы видимъ. Но надобно опасаться, что у большей части благотворительность охладѣла. Наши духовные разбогатѣли даяніями набожныхъ людей и подкупами злыхъ, воображающихъ въ своемъ невѣжествѣ, что можно купить у Церкви прощеніе грѣховъ, которые некупаются только искреннимъ раскаяніемъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ Церковь богатѣла, поученія ея, къ несчастію, теряли ясность, точно такъ какъ пропадаетъ и является свѣтъ въ лампѣ, когда ее прикрываешь золотомъ или простымъ стекломъ. Богу извѣстно, что я вижу и замѣчаю эти вещи не для того чтобы выказаться или быть проповѣдникомъ новаго ученія. Нѣтъ, во въ груди моей горитъ пламя негодованія, которое не позволяетъ мнѣ молчать. Я исполняю предписанія ордена и не уклоняюсь отъ ихъ строгости. Необходимы ли они для нашего спасенія, или только приняты вмѣсто истиннаго откровеннаго покаянія, я всё-таки обѣщала, даже поклялся исполнять эти предписанія; я буду уважать ихъ тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ станутъ подозрѣвать во мнѣ охоту къ удобству жизни; но клянусь небомъ, я очень мало обратилъ бы вниманія на страданія тѣла, если бы это могло возратить Церкви прежнюю чистоту, а жизни священниковъ первоначальную простоту.

— Батюшка, сказала Катерина, но за это васъ называютъ послѣдователемъ Лоллерда и Виклефа, и говорятъ, что вы хотите уничтожить церкви и монастыри и возстановить язычество.

— Оттого, дочь моя, я принужденъ искать убѣжища въ горахъ и скалахъ и довольствоваться побѣгомъ къ грубымъ горцамъ, которые однако заслуживаютъ помилованія болѣе нежели люди, оставленные мною, потому что горцы дѣлаютъ пре-

ступенія по невѣжеству, а не изъ дерзости и тщеславія. Я стану стараться избѣгать ихъ жестокости всеѣми средствами, какія дастъ мнѣ небо: я буду считать это знакомъ, что мнѣ надобно исполнить еще какую нибудь обязанность. Но если Господу угодно будетъ сдѣлать противное, то ему извѣстно, какъ охотно Климентъ Блэръ оставитъ жалкую жизнь, въ смиренной надеждѣ на лучшую.... Но отчего ты смотришь такъ безпокойно на сѣверъ, дитя мое?... Твои молодые глаза видятъ лучше монахъ.... и деть кто нибудь?...

— Я, батюшка, смотрю, не идетъ ли Конэчеръ, который хотѣлъ быть вашимъ проводникомъ въ горахъ, гдѣ отецъ его можетъ предложить вамъ безопасное хотя и неудобное убѣжище. Онъ это часто обѣщалъ, когда мы говорили о васъ и вашихъ поученіяхъ.... Боюсь, что онъ теперь въ обществѣ, гдѣ онъ это скоро забудетъ.

— Молодой человекъ иногда былъ привѣтливъ, сказалъ отецъ Климентъ: хотя въ его родѣ обыкновенно бываютъ слишкомъ привязаны къ дикимъ и свирѣпымъ обычаямъ, чтобы терпѣливо исполнять заповѣди церкви и законы общественные.... Ты никогда не говорила мнѣ, дочь моя, какимъ образомъ сталъ онъ жить въ домѣ вашего отца. Это совершенно не согласуется ни съ городскими, ни съ горскими обычаями.

— Я знаю только, сказала Катерина, что отецъ его человекъ важный у горцевъ. Онъ просилъ моего отца, который имѣлъ съ нимъ торговыя дѣла, поддержать молодаго человека у себя. Для два тому назадъ Конэчеръ ушелъ домой въ горы.

— Какъ же могла ты поддержать съ молодымъ горцемъ такія отношенія что знала, куда послать за нимъ? спросилъ монахъ. Конечно, удивительно, что молодая дѣвушка имѣетъ столько власти надъ такимъ дикаремъ какъ этотъ горецъ.

Катерина покраснѣла и, запинаясь, отвѣчала:

— Если я имѣла надъ Конэчеромъ какую-нибудь власть, то употребляла ее только на то чтобы умирить горячность его нраву и заставить покоряться законамъ общественной жизни. Признаться, я давно уже предвидѣла, что вы принуждены будете бѣжать, и уговорилась съ Конэчеромъ увидѣться тутъ, какъ скоро я пришлою за нимъ. Вчера я послала мальчика изъ его же клана. Этотъ мальчикъ проворенъ и часто бывалъ у насъ съ разными порученіями изъ горъ.

— И могу ли я вѣрить, что этотъ красивый молодой горецъ

тебѣ дорогъ только какъ человѣкъ, котораго ты желала образовать?

— Точно такъ, батюшка, не иначе, отвѣчала Катерина: можетъ-быть, мнѣ и не должно было имѣть съ нимъ близкихъ сношеній, даже для исправленія и образованія.... Но разговоры мои никогда не имѣли другой цѣли.

— Ну, такъ я ошибся, дочь моя; но я замѣтилъ съ нѣкотораго времени переѣну въ твоемъ поведеніи: ты, кажется, много съ завистью посматриваешь на свѣтъ, который прежде хотѣла оставить.

Катерина опустила голову, и краснѣя еще болѣе, сказала:

— Вѣдь вы, батюшка, сами отговаривали меня идти въ монастырь.

— Да и теперь не уговариваю, дитя мое, возразилъ монахъ. Бракъ — почтенное состояніе, указанное небомъ, какъ правильное средство къ продолженію человѣческаго рода; и я не читалъ въ Писаніи, чтобы безбрачіе было высшимъ состояніемъ, какъ въ послѣдствіи вообразили люди. Но боюсь за тебя, дитя мое, какъ отецъ за единственную дочь, чтобы ты не пожертвовала своею судьбою человѣку, который не достоинъ тебя. Я знаю, отецъ твой гораздо сговорчивѣе нежели былъ бы я на его мѣстѣ: онъ подтверждаетъ притязанія шумливаго гуляки, прозваннаго Генри Виндомъ. Онъ богатъ, можетъ-быть; но онъ посѣщаетъ не хорошія, распутныя общества.... онъ буянъ, который проливаетъ кровь какъ воду.... Можетъ ли такой человѣкъ быть хорошимъ мужемъ для Катерины Глѣверъ?... А между-тѣмъ все говорятъ о скоромъ бракѣ....

Между-тѣмъ какъ переская красна-дѣвица снѣшила отвѣчать, на лицѣ ея блѣдность нѣсколько разъ смѣняла краску.

— Я о немъ не думаю; однако мы обмѣнялись нѣсколькими учтивостями, потому что онъ пріятель моему отцу, а по высшему обычаю, мой Валентинъ.

— Твой Валентинъ, дитя мое? вскричалъ отецъ Климентъ. И твоя скромность, благоразуміе и женская щекотливость могутъ сносить подобныя отношенія къ такому человѣку, какъ этотъ оружейникъ?... Думаешь ты, что Валентинъ, добрый, святой христіанскій епископъ когда-нибудь ввелъ такой легкомысленный и неприличнѣйшій обычай, который, всего вѣроятнѣе, происходитъ отъ поклоненія Флорѣ или Венерѣ? Во времена идолопоклонства смертные давали порокамъ и страстямъ имена и болѣе старались возбуждать нежели обуздывать ихъ.

— Батюшка, сказала Катерина голосомъ противъ обыкновенія недовольнымъ, не знаю, почему вы порицаете меня такъ строго за исполненіе всеобщаго обычая, освященнаго согласіемъ моего отца. Мнѣ больно, что вы мною недовольны за такія вещи.

— Прости, дочь моя, кротко отвѣчалъ монахъ, если я обидѣлъ тебя. Но этотъ Генри Гау или Смитъ дерзкій беспорядочный человѣкъ, съ которымъ ты не можешь имѣть ни какихъ сношеній.... Ты не должна подавать ему надеждъ, потому что подвергаешься въ такомъ случаѣ сдѣлаться предметомъ злыхъ толковъ.... Впрочемъ если ты скоро думаешь выйти за него замужъ, то....

— Перестаньте, батюшка, сказала Катерина. Вы огорчаете меня больше нежели желаете, и можетъ-быть, заставите меня возражать неприлично.... Можетъ-быть у меня уже довольно есть причинъ раскаиваться въ исполненіи этого дурнаго обычая. Во всякомъ случаѣ, повѣрьте, что Генри Смитъ для меня ничто.... Сверхъ того я прервала съ нимъ всякія сношенія....

— Очень радъ слышать это, дочь моя, возразилъ монахъ; но я долженъ говорить теперь о предметѣ, который заставляетъ меня очень бояться за тебя. Ты непременно знаешь это; но я желалъ бы не говорить о такой опасной вещи, даже передъ этими горами, скалами и камнями.... Однако, что дѣлать.... надобно сказать.... Катерина, у тебя есть поклонникъ изъ самой знатной шотландской фамиліи.

— Знаю, почтенный отецъ, спокойно отвѣчала Катерина. Но я желаю, чтобы этого не было.

— И я тоже, сказалъ монахъ, если бы ты даже была вѣтреницею, какъ большая часть женщинъ, и въ особенности красавицы. Но если твой прелести.... говоря языкомъ свѣта.... привлекли такого знатнаго поклонника, то я знаю, что твоя добродѣтель и благоразуміе будутъ имѣть вліяніе на умъ принца.

— Батюшка, возразила Катерина, принцъ опасный поклонникъ, котораго вниманіе меня только обезчеститъ и погубитъ. Вы недавно, казалось, были испуганы, что я неблагоразумно обмѣнялась учтивостями съ человѣкомъ изъ моего круга, а теперь вы спокойно говорите о непохвальной любви наслѣдника шотландскаго трона? Такъ знайте же, двѣ ночи тому назадъ, онъ едва силою не ворвался съ толпою распутниковъ въ домъ моего отца; но мнѣ помогъ Генри Смитъ.... который хотя и легкомысленно подвергается опасности изъ-за какой-нибудь глупости, однако всегда готовъ

жизнью стоять за невинность, или за притѣсненныхъ. Я должна отдать ему въ этомъ справедливость.

— Я это должно знать не хуже тебя, сказалъ монахъ, потому что самъ послалъ его къ тебѣ на помощь. Я видѣлъ мимоходомъ толпу у дверей и слышалъ просить помощи у городской стражи, какъ вдругъ увидѣлъ человѣка, который медленно приближался ко мнѣ. Опасаясь, что онъ тутъ на стражѣ, я сталъ за столбъ часовни святаго Іоанна. Когда незнакомецъ подошелъ ближе, я узналъ Генри Смита, угадалъ, куда онъ идетъ и голосъ мой заставилъ кузнеца двонуть шаги.

— Благодарю васъ, батюшка, сказала Катерина; но все это и собственные слова герцога Россая показываютъ, что принцъ обратный молодой человѣкъ, который готовъ на все, чтобы удовлетворить мнѣшную прихоть. Его повѣрчивый Раморин, осмѣлился сказать мнѣ, что моему отцу худо будетъ, если я сдѣлаюсь женою честнаго гражданина, а не недостойною любовницею жеманнаго принца. При такихъ обстоятельствахъ я должна избрать или монашеское покрывало, или погребель собственную и моего отца. Но если бы и этого не было, то угрозы человѣка, которому такъ легко сдержать слово, были бы достаточны, чтобы заставить меня не сдѣлаться женою честнаго гражданина, потому что это значило бы дать поводъ къ убійствамъ... О, добрый батюшка! какая страшная участь моя! мнѣ предвѣщено сдѣлать несчастнымъ отца и того, съ кѣмъ я могу соединить свою ужасную судьбу!

— Не жалуешься дочь моя, сказалъ монахъ: даже въ твоемъ кажущемся несчастіи есть счастье. Раморин измѣнникъ, который употребляетъ во зло довѣріе своего господина. Принцъ къ несчастью нехорошій, легкомысленный молодой человѣкъ; но его нравъ скоро переѣмится. Ему открыли низость Раморина и онъ вѣрно глубоко раскаивается, что сдѣлалъ его совѣтамъ. Я думаю.... я даже увѣренъ, что страсть его къ тебѣ получила высшій и болѣе благородный характеръ и что проповѣдь, въ которой я говорилъ объ испорченности церкви и вѣка, глубоко проникаетъ въ его душу и произведетъ, можетъ-быть, удивительные плоды, если ты подтвердишь ее. Древнее предсказаніе гласило, что Римъ падетъ отъ словъ женщины.

— Это, батюшка, сонъ, возразила Катерина, мечты человѣка, который до того много думаетъ о высокихъ предметахъ, что не можетъ вѣрно судить объ обыкновенныхъ земныхъ дѣлахъ. Если мы слишкомъ долго смотримъ на солнце, то все видимъ не ясно....

— Ты судишь очень поспѣшно, дочь моя, сказала Климентъ, и скоро согласишься со мною. Я хочу открыть тебѣ предположеніи, которыя не должны бы быть изъяснены женщиной съ нетвердою добродѣтелью или чрезвычайнымъ честолюбіемъ. Можетъ быть мнѣ не слѣдуетъ открывать моихъ надеждъ даже тебѣ; и я очень увѣренъ въ твоихъ правилахъ.... Такъ знай же: очень можетъ-быть, что римская Церковь разорветъ узы, которые сама связала, и освободитъ герцога Роеая отъ союза съ Маржерей Дугласъ....

Тутъ онъ остановился.

— Но если Церковь имѣетъ такую власть и сдѣлаетъ это, произнесла дѣвушка, то какую связь имѣетъ разводъ герцога съ счастьемъ Катерины Глѣверъ?

При этихъ словахъ она боязливо смотрѣла на монаха, которому, вѣрно, трудно было отвѣчать, потому что онъ потупилъ глаза и сказалъ:

— Что сдѣлала красота Катерины Ложі? Если отцы наши не глупы, она возвысила ее до трона Давида Брюса.

— Была ли она счастлива, сожалѣли ли о ея смерти, добрый отецъ? спросила Катерина тѣмъ же спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

— Она вступила въ этотъ союзъ изъ мірскаго, а можетъ-быть и преступнаго честолюбія, возразилъ отецъ Климентъ: но она дорого заплатилась зато. А если бы она имѣла намѣреніе исправить невѣрующаго супруга, или разсѣять его сомнѣнія, то получила бы достойную награду, — любовь и почтеніе на землѣ, а въ небесахъ участь королевы Маргариты и героинь, которыя были строительницами Церкви.

До-сихъ-поръ Катерина сидѣла на камнѣ, у ногъ монаха, и смотрѣла на него, но тутъ ее оживило спокойное, хотя и твердое чувство негодованія. Она встала и обратясь къ монаху протянула руку. Въ этомъ положеніи она походила на ангела, соблазнующаго о смертномъ, которому хочетъ дать выговоръ за заблужденія.

— Возможно ли? вскричала она: неужели желанія, надежды и предразсудки злаго міра занимаютъ того, кого, можетъ-быть, завтра заставятъ пожертвовать жизнью за непослушаніе испорченному вѣку и за оужденіе отступничества духовныхъ лицъ? Можетъ ли быть, чтобы строго-добродѣтельный отецъ Климентъ посовѣтовалъ своей духовной дочери завладѣть трономъ и ложемъ, которые могутъ сдѣлаться свободнымъ только черезъ ужас-

ую несправедливость къ ихъ настоящему владѣтелю? Можетъ ли тотъ быть мудрымъ преобразователемъ Церкви, кто основываетъ свои предположенія (въ сущности несправедливыя) на такихъ непрочныхъ вещахъ? Съ которыхъ поръ распутный принцъ перемѣнилъ свой нравъ, и выказалъ ли онъ желаніе честнымъ образомъ свататься къ дочери перескаго ремесленника? Вѣрно, два дня произвели большую перемѣну; потому что два дня тому назадъ онъ вламывался ночью въ домъ моего отца съ злыми намѣреніями разбойника. Впрочемъ, если бы даже сердце внушило Роосаю мысль о такомъ неровномъ бракѣ, неужели вы думаете, что принцъ можетъ исполнить ее, не подвергаясь опасности? Вѣдь это значило обидѣть и Марча и Дугласа. О, отецъ Климентъ! гдѣ было ваше благоразуміе, когда вы позволили себѣ поддаться такой страшной мечтѣ и заставили самую скромную послѣдовательницу свою наговорить вамъ столько упрековъ?

У старика на глазахъ выступили слезы, а Катерина видимо тронутая замолчала.

— Богъ поучалъ устами дѣтей и младенцевъ тѣхъ, которые воображали себя мудрецами своего вѣка, сказалъ монахъ. Благодарю небо, что оно внушило мнѣ лучшія мысли черезъ такую добрую учительницу.... Да, Катерина, послѣ этого мнѣ уже нельзя будетъ удивляться, если я увижу, что тѣ, которыхъ я осуждалъ такъ строго, будутъ нѣсколько времени имѣть надо мною верхъ и говорить притомъ съ большимъ уваженіемъ къ вѣрѣ. Благодарю тебя, дочь моя, за кроткій и полезный упрекъ, и благодарю небо, что оно дозволило мнѣ слышать его изъ твоихъ устъ, а не отъ строгаго попрекателя....

Катерина подняла голову, чтобы отвѣчать и утѣшить старика, котораго униженіе было для нея тягостно; но глаза молодой дѣвушки остановились на другомъ предметѣ. Между обломками, которые окружали это пустынное мѣсто, стояли два камня, такъ близко другъ отъ друга, что казались кусками одной и той же скалы, разколотой громомъ или землетрясеніемъ; между ними было отверстіе фута въ четыре шириною. Въ этомъ отверстіи выросъ самъ собою дубъ и имѣлъ фантастическій видъ, который часто принимаютъ деревья при такихъ обстоятельствахъ. Заглушенное, худо пятасмое дерево протянуло корни въ разныя направленія по поверхности камней, чтобы найти пищу. Корни эти скрещаясь походили на огромныхъ змѣй индѣйскаго архипелага. Когда Катерина посмотрѣла на эти странно-изогнутые

сучья и перепутанные корни, она вдруг примѣтила между листьями большіе глаза, которые блестѣли какъ у зѣбры и пристально смотрѣли на нее. Она вздрогнула, и не говоря ни слова, указала на этотъ предметъ своему собесѣднику; вглядываясь внимательно она стала наконецъ различать густые рыжіе волосы и курчавую бороду, которые были до-тѣхъ-поръ скрыты листьями.

Когда горецъ, стоявшій за деревомъ, увидѣлъ, что онъ открытъ, то вышелъ изъ своей засады и подошелъ къ монаху и дѣвушкамъ. Горецъ былъ высокаго росту, и одежда его состояла изъ плаща съ красными, малиновыми и зелеными клѣтками, и изъ буйволового полукафтанья. На спинѣ у него были лукъ и стрѣлы, а голова не покрыта. Курчавые волосы служили ему шапкой. За поясомъ висѣли мечъ и кинжалъ, а въ рукахъ горецъ имѣлъ датскую сѣкиру, которую обыкновенно называли локэберскимъ топоромъ. Черезъ тоже самое отверстіе вышли другъ за другомъ еще четыре человѣка такого же росту и такъ же одѣтые, какъ и первый горецъ.

Катерина слишкомъ привыкла къ появленію горцевъ такъ близко отъ Перва и потому не очень испугалась. Она спокойно смотрѣла, какъ эти великаны полукругомъ стали вокругъ нее и монаха и уперли въ нее глаза, которые выражали, сколько Катерина могла понять, дикое удивленіе ея красотѣ. Катерина наклонила голову и неслышно произнесла обычное привѣтствіе горцевъ. Старшина или начальникъ этой толпы отвѣчалъ на поклонъ и потомъ замолчалъ. Монахъ сталъ перебирать четки; и даже у Катерины пробудилась странная боязнь за собственную безопасность. Она хотѣла узнать настоящее свое положеніе и для того пошла съ монахомъ, чтобы сойти съ горы; но когда они хотѣли пройти мимо горцевъ, великаны протянули сѣкиры и замкнули такимъ образомъ проходъ, черезъ который можно было пройти.

Катерина смутилась, хотя и не потеряла духу, потому что не предполагала въ горцахъ преступныхъ намереній. Она сѣла на обломокъ скалы и просила стоявшаго подлѣ нее монаха не бояться.

— Если я боюсь, оказалъ отецъ Климентъ, то боюсь не за себя. Эти дикари можетъ-быть убьютъ меня сѣкирою, какъ быка негоднаго къ работѣ, или, связавъ мнѣ руки тѣвюю, предадутъ мученіямъ.... Для меня это не будетъ большою бѣдою, если они только позволятъ тебѣ уйти безъ всякой обиды.

— Намъ нечего бояться ни того ни другаго, возразила пере-

ская красавица. Вотъ идетъ Конэчеръ: онъ увѣритъ насъ въ этомъ.

Говоря это, Катерина едва вѣрила своимъ глазамъ; такъ перемѣнились манеры и видъ красиваго молодаго человѣка, потому что онъ былъ теперь богато одѣтъ. Конэчеръ точно дикій козелъ соскочилъ съ высокой скалы, и ловко всталъ передъ дѣвушкою. На немъ былъ такой же плащъ, какъ и у первыхъ горцевъ, но на шеѣ и рукахъ онъ застегивался золотыми пуговицами. Кольчуга молодаго человѣка была такъ чисто выполирована, что сталь походила на серебро. На рукахъ блестяла пропасть украшеній, а на шапкѣ кромѣ орлиныхъ перьевъ (отличительный знакъ начальниковъ шотландскихъ клановъ) видѣлась золотая цѣпь, обмотанная нѣсколько разъ вокругъ окольщика и скрѣпленная жемчужною пряжкой. У Конэчера не было въ рукахъ другаго оружія кромѣ крюковатой сосновой палки. Его видъ и походка, которые прежде выражали печаль и досаду на униженіе, имѣли теперь что-то отважное, мужественное и гордое. Онъ остановился передъ Катериною, улыбаясь самодовольно, точно будто желалъ дать ей время узнать стараго знаконца.

— Конэчеръ! сказалъ Катерина, которой хотѣлось скорѣе освободиться отъ безпокойства, это люди вашего отца?

— Нѣтъ, прелестная Катерина, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Конэчеръ уже не существуетъ, хотя обиды, которыя онъ получилъ, будутъ оплачены. Я—Янъ, Ичнъ-Макъ-Янъ, сынъ начальника клана Кѣхли. Перемѣнивъ имя, я перемѣнилъ и перья, какъ вы видите. Что касается до этихъ людей, они принадлежатъ не къ свѣтѣ моего отца, а къ моей собственной. Вы видите только половину моихъ приближенныхъ, которые состоятъ изъ моего молочнаго отца и его оцми сыновей. Они мои тѣлохранители и живутъ только для того, чтобы исполнять мою волю. А Конэчеръ, прибавилъ онъ нѣжно, еще существуетъ, если Катерина хочетъ видѣть его, и между-тѣмъ, какъ передъ другими будетъ молодымъ начальникомъ клана Кѣхли, передъ нею онъ останется скромнымъ и послушнымъ, точно ученикъ Симона Глѣвера. Посмотрите, вотъ палка, которую я получилъ отъ васъ въ тотъ день, какъ мы вмѣстѣ собирали орѣхи на ледничскихъ холмахъ.... Это было въ началѣ осени прошлаго году. Я не отдамъ ея, Катерина, даже за начальнической жезлъ нашего племени.

Между-тѣмъ какъ Ичинъ говорилъ, Катерина стала сомнѣваться, благоразумно ли поступила, прося помощи у надменнаго молодого человѣка, безъ сомнѣнія, гордаго внезапнымъ переходомъ отъ униженія къ состоянію, которое давало ему большую власть надъ горными дикарями.

— Вы меня не боятесь, прелестная Катерина? сказалъ молодой начальникъ, взявъ дѣвушку за руку. Я приказалъ своимъ людямъ явиться нѣсколькими минутами раньше меня, чтобы узнать, какъ вы будете сносить ихъ присутствіе; и мнѣ показалось, что вы смотрѣли на нихъ точно будто родились быть начальницею.

— Мнѣ нечего бояться со стороны горцевъ, съ твердостью возразила Катерина, въ особенности если я знаю, что съ ними Ковачеръ. Ковачеръ былъ съ нами изъ одной чашки, и ѣлъ нашъ хлѣбъ; сверхъ того отецъ мой часто торговалъ съ горцами и никогда не вѣдалъ съ ними спору.

— Неужели? вскричалъ Гекторъ (это имя соответствуетъ на саксонскомъ языкѣ Ичину) и даже тогда, когда онъ принялъ сторону Гау Крома, кривоногаго оружейника, противъ Ичина Мекъ-Яна?... Не говорите ничего въ извиненіе и повѣрьте, что вы сами будете виноваты, если я впоследствии стану напоминать объ этой ссорѣ. Но вы хотѣли мнѣ приказать что-то... Говорите, я готовъ повиноваться.

Катерина поспѣшила отвѣчать, потому что слова и обхожденіе молодого начальника возбудили въ ней охоту скорѣе кончить это свиданіе.

— Ичинъ, сказала она, — если васъ больше не зовутъ Ковачеромъ, — вы должны понимать, что я просила помощи у равнаго себѣ и не думала увидѣть въ васъ такой знатной особы. Но вы на равнѣ со мною обязаны этому доброму человѣку религіозными поученіями. Онъ теперь въ большой опасности; злые люди обвинили его въ небывалыхъ преступленіяхъ. Ему хотѣлось бы пробыть въ безопасномъ мѣстѣ, куда пройдетъ буря.

— А! добрый отецъ Климентъ? Да, достойный священникъ много сдѣлалъ для меня, хотя я изъ-за своего безпокойнаго характера и не могъ воспользоваться его совѣтами. Хотѣлъ бы я видѣть, кто смѣетъ преслѣдовать въ Перевѣ человѣка, который держался за плащъ Мекъ-Яна....

— Неблагоразумно было бы довѣряться такому обѣщанію, сказала Катерина. Я совсѣмъ не сомнѣваюсь въ силѣ вашего племени; но если въ какую-нибудь ссору вмѣшивается Черный Дугласъ, то онъ никогда не отступаетъ передъ плащемъ горца.

Горцы скрыли свое неудовольствие вынужденною улыбкою.

— Веробей вблизи кажется больше орла за облаками, сказалъ онъ. Вы боятесь Дугласа, потому что онъ близокъ. Вы не знаете границъ нашихъ горъ и лѣсовъ; вы думаете, что весь свѣтъ заключается въ берегахъ Тея. Но этотъ добрый монахъ увидитъ горы, которыя защитятъ его отъ всѣхъ Дугласовъ.... Да.... онъ увидитъ также людей, могущихъ прогнать преслѣдователей къ югу Граннионскихъ Горъ.... Отчего же вы не войдете съ этимъ добрымъ человѣкомъ? Я пошлю въ Переѣ людей, которые приведутъ вашего батюшку; ему можно будетъ продолжать свою торговлю иза озеромъ Теемъ.... только я не стану больше шить перчатокъ. Я буду доставать вашему отцу шкуры....

— Отецъ мой придетъ разъ посмотрѣть, какъ вы хозяйничаете, Конзетеръ.... то есть я хотѣла сказать Гекторъ. Но надобно подождать болѣе спокойнаго времени, потому что городскіе жители въ ссорѣ съ людьми вальмовъ, а кромѣ того переговариваютъ о войнѣ съ герцами.

— Да, клянусь Богородицей, Катерина! если бы не эта война, вы бы дольше пробыли въ горахъ. Но горцы не будутъ больше раздѣляться на два народа. Они храбро станутъ сражаться за верховную власть, а тотъ кто побѣдитъ будетъ обращаться съ шотландскимъ королемъ какъ съ равнымъ себѣ, а не какъ съ начальникомъ. Молите Бога, чтобы Мекъ-Янъ побѣдилъ, моя благочестивая Катерина, и вы будете молиться за человѣка, который вѣрно любитъ васъ.

— Я буду молиться за правое дѣло, возразила Катерина, или я еще больше стану молить Бога водворить миръ.... Прощайте, добрый отецъ Климентъ; я никогда не забуду вашихъ поученій.... Прошу и васъ, не забывайте меня въ своихъ молитвахъ.... Но какъ вы окончите такое трудное путешествіе?

— Его будутъ нести въ случаѣ нужды, возразилъ Гекторъ, если мы не найдемъ для него лошади. Но вы, Катерина.... вѣдь отсюда далеко до Переѣ. Позвольте мнѣ, какъ и въ старину, проводить васъ.

— Если бы вы были тѣмъ же самымъ что прежде, я не отказалась бы. Но золотыя пуговицы и украшенія—опасные провожатые, когда Лидиздальцы и Эннендальцы разсыпаны по дорогамъ точно листья въ праздникъ всѣхъ святыхъ; и горскому плащу и стальной кольчугѣ никакъ нельзя спокойно пройти.

Она рѣшилась сказать это, полагая что молодой Ичнъ не со всѣмъ отвыкъ отъ прежнихъ привычекъ и что хотя Google и го-

ворить отважно, однако не станеть противиться превосходству числа. А если бы онъ сошелъ въ долину, то это непременно случилось бы. Казалось Катерина не ошиблась; потому что послѣ прощанья, она одна пошла по дорогѣ въ Перезъ и оборотившись увидѣла горцевъ, которые шли по трудной и неровной дорогѣ на сѣверъ.

По мѣрѣ того какъ эти люди удалялись, Катерина становилась спокойнѣе. Она знала, что горцы во всемъ будутъ слушаться начальника, а начальникъ этотъ легкомысленный, надменный молодой человекъ. Возвращаясь въ Перезъ, она не боялась обидѣ со стороны солдатъ, потому что въ то время рыцарскіе законы защищали порядочную дѣвушку лучше всякаго конвоя. Но она думала объ очень отдаленной опасности. Преслѣдованія распутнаго принца приняли страшный видъ съ тѣхъ-поръ, какъ хитрый совѣтникъ, Раморинъ, грозилъ погубить ея отца, если она будетъ противиться требованіямъ наследника шотландскаго престола. Въ такой вѣкъ и отъ такого человека подобныя угрозы должны были беспокоить каждаго. Не менѣе опасными считала она притязанія Ковачера, который скрывалъ свою любовь во время службы у ея отца, и теперь открыто признался въ ней. Она боялась этой любви тѣмъ болѣе, что горцы уже нѣсколько разъ врывались въ Перезъ и брали гражданъ въ плѣнъ, или убивали на улицахъ въ самомъ городѣ. Катерина боялась тоже докучливости отца въ пользу Смита, котораго поведеніе въ день святаго Валентина ей рассказали; и если бы она имѣла еще о немъ доброе мнѣніе, то не смѣла слушаться отца послѣ угрозъ Раморинъ. Она вспомнила обо всѣхъ этихъ опасностяхъ и болѣе нежели когда-нибудь хотѣла скрыться въ монастырь и спастись отъ всѣхъ бѣдъ, но не видѣла возможности вымолить у отца позволеніе на единственное средство къ водворенію спокойствія.

Въ мысляхъ Катерины мы не могли открыть, чтобы ей было жаль, что всему причиною ея прозвище: *Переская красна дѣвица*. Катерина не была совершеннымъ ангеломъ, это видно изъ этой слабости. Можетъ-быть она имѣла еще другую слабость: сожалѣніе объ истинномъ или воображаемомъ проступкѣ Смита; потому что она каждый разъ вздыхала, когда вспоминала о днѣ святаго Валентина.

XV.

Мы открыли тайны исповѣдальни; тайны комнаты больного также не скроются отъ насъ. Въ темномъ покоѣ пластыри и лекарства показывали, что аптекарю много дѣла. На постелѣ лежалъ въ халатѣ человекъ высокаго росту. Лицо его было блѣдно, а грудь высоко подымалась отъ тысячи разныхъ мыслей. Все показывало, что хозяинъ комнаты богатъ. Аптекарь, Ханбэнъ Двиннигъ, который по видимому лечилъ больного, бѣгалъ изъ угла въ уголъ съ ловкостью кошки, смѣшивалъ лекарства и приготовлялъ перевязки. Больной раза два простоналъ; врачъ подошелъ и спросилъ, тѣлесная или душевная боль.

— То и другое, отравитель, сказалъ сэръ Джонъ Раморни: я вздохнулъ также оттого, что долженъ сносить твое присутствие.

— Если такъ, то я могу помочь одной изъ этихъ болѣзней: я, пожалуй, уйду, сказалъ аптекарь. Благодаря спорамъ нынѣшняго бурнаго времени, мнѣ такъ много дѣла, что я желалъ бы имѣть двадцать рукъ вмѣсто этихъ двухъ. И у меня была бы работа, за которую хорошо платятъ. Между тѣмъ вы, сэръ Джонъ, вымещаете на своемъ хирургѣ гнѣвъ, который должны, по настоящему, имѣть на виновника вашей раны.

— Я не могу отвѣчать тебѣ, бездѣльникъ, сказалъ больной: по каждое слово съ твоего злаго языка для меня ударъ кинжаломъ, раздрающимъ рану, которой не можетъ залѣчить ни какой арабскій бальзамъ.

— Сэръ Джонъ, я васъ не понимаю; но если вы станете такъ сердиться и гнѣваться, то у васъ непременно будетъ лихорадка и воспаленіе.

— Тавъ зачѣмъ же ты разгорячаешь меня своими рѣчами? Зачѣмъ ты говоришь мнѣ, что желаешь имѣть двадцать рукъ, между тѣмъ какъ я, дворянинъ, изуродованъ точно инвалидъ.

— Сэръ Джонъ, возразилъ хирургъ, я не богословъ и мало вѣрю ученіямъ богослововъ. Однако позвольте замѣтить вамъ, что вы не очень пострадали.... могло быть и хуже; если бы ударъ, который назначенъ былъ вашей шеѣ, достигъ цѣли, то онъ снялъ бы съ васъ голову, а не такой незначительный членъ.

— Жаль, что меня не ударили повыше.... жаль. Я не видѣлъ бы разрушенія моихъ тонко обдуманыхъ плановъ неловкою рукою пьянаго болвана. Я не видѣлъ бы лошадей, на которыхъ не могу ѣздить.... ристалища, на которомъ мнѣ нельзя отличатся.... почестей,

которыхъ я не въ состоянн достигнуть.... сраженій, въ которыхъ мнѣ невозможно участвовать. Я не долженъ бы былъ сидѣть въ бездѣйстви при моемъ честолюбивомъ и воинственномъ нравѣ точно женщина. Да и женщины не стали бы презирать меня какъ несчастнаго, безсильнаго урода, который не стоить милостей прекраснаго пола.

— Положимъ, все это такъ, однако позвольте замѣтить, что глаза, которые вы потеряли бы съ головою, могутъ доставить вамъ удовольствія не хуже удовлетворенія честолюбивыхъ замысловъ, побѣды на полѣ битвы или даже любви женщинъ, возразилъ Двиннигъ, всё еще занятый приготовленіемъ перевязокъ.

— Мои умственные способности слишкомъ слабы, чтобы понять тебя, аптекарь, сказалъ Раморнн. Какое прекрасное зрѣлище могу я видѣть въ моемъ несчастіи?

— Самое прекрасное, продолжалъ Двиннигъ. *Плоды мести*, прибавилъ онъ съ выраженіемъ любовника, который произноситъ имя своей возлюбленной.

Больной приподнялся на постели, чтобы выслушать разгадку загадки хирурга. Когда онъ узналъ ее, онъ опять легъ и, послѣ минутнаго молчанія, спросилъ:

— А въ какомъ христіанскомъ училищѣ научился ты такой морали, почтеннѣйшій мистръ Двиннигъ?

— Ни въ какомъ христіанскомъ училищѣ, отвѣчалъ хирургъ: хотя она тайно принята почти вездѣ, однако нигдѣ не подтверждена открыто. Но я учился у людей мудрыхъ въ Гренадѣ, гдѣ каждый храбрый Мавръ высоко поднимаетъ смертоносный кинжалъ, покрытый кровью врага, и громко хвалить ученіе, которому робкій христіанинъ слѣдуетъ въ тихомолку.

— Да у тебя, бездѣльникъ, есть душевная энергія, которой я не предполагалъ въ тебѣ.

— Объ этомъ нечего говорить, возразилъ Двиннигъ. Тихія воды очень глубоки, и самый опасный врагъ тотъ, который не грозитъ, а прямо бьетъ. Вы, кавалеры и воины, съ мечемъ въ рукахъ прямою дорогою идете къ цѣли. А мы достигаемъ всего искусствомъ и окольными путями, и достигаемъ своей цѣли вѣрнѣе всѣхъ.

— А я, презрительно сказалъ кавалеръ, вооруженный съ ногъ до головы, отыщалъ до сихъ поръ обиды, и теперь долженъ употреблять къ тому твои мерзкія средства!

— У кого нѣтъ силы, сказалъ коварный врачъ, тотъ долженъ употреблять при своихъ дѣлахъ искусство и ловкость.

— Скажи мнѣ откровенно, почему говоришь ты мнѣ такіа дьявольскія поученія? Кчему ты стараешься заставить меня мстить смерти и силѣе нежели я желаю? Я опытный знатокъ свѣта, и знаю, что такіе люди какъ ты, ничего не говорятъ даромъ и не стараются имѣть опасныхъ сношеній съ подобными мнѣ людьми, если не видятъ въ томъ какой-нибудь пользы. Какое тебѣ дѣло до того, хочу ли я миру, или кровавой мести?

— Скажу откровенно, сэръ Раморни, я хочу мстить однимъ и тѣмъ же путемъ съ вами, отвѣчалъ аптекарь.

— Со мной? презрительно сказалъ удивленный Раморни. Я думалъ, что взоръ мой обращенъ слишкомъ высоко для тебя.... Ты хочешь мстить съ Раморни одному и тому же человѣку.

— Такъ точно, возразилъ Двиннингъ, потому что грубиянъ кузнецъ, который ударилъ васъ, часто обижалъ меня. Его грубое и рѣшительное обхожденіе—живой упрекъ моей врожденной ловкости. Я боюсь и ненавижу его.

— И ты надѣешься имѣть во мнѣ дѣятельнаго соучастника? проговорилъ Раморни прежнимъ презрительнымъ голосомъ. Но знай, что ремесленникъ для меня слишкомъ низокъ, чтобы я сталъ ненавидѣть или бояться его.... Однако онъ не уйдетъ.... Мы не ненавидимъ змѣй, которая ужалила насъ, хотя и можемъ бросить и растоптать ее. Я давно знаю этого мошенника, какъ искуснаго бойца и претевдента на презрѣнную куклу, которой красота служила поводомъ къ нашему замысловатому предпріятію.... Дьяволъ, управляющій этимъ ирачнымъ свѣтомъ, зачѣмъ ты позволилъ бездѣльнику отрубить точно молодое дерево руку, направившую копье въ сердце принца?... Хорошо, аптекарь, до-свѣтъ поръ мы пойдемъ по одной дорогѣ, и я прошу повѣрить, что раздвину эту гадину, если тебѣ угодно. Но не думай уйти отъ меня, если я достигну первой цѣли своего мщенія. Это не много стѣбитъ труда и искусства.

— Ну, это не такъ легко какъ вы думаете, сказалъ аптекарь, потому что съ кузнецомъ опасно мѣряться силою. Онъ владѣетъ шпагою ловчѣе и смѣлѣе всѣхъ въ Переѣ и въ окрестностяхъ.

— Не бойся; мы найдемъ равнаго ему, если бы даже онъ имѣлъ силу Самсона. Но, послушай, не надѣйся уйти отъ моей мести, если ты не будешь молчаливымъ сообщникомъ. Еще разъ говорю, слушай, что я тебѣ открою. Но берегись измѣнить мнѣ, потому что, какъ бы ни была сильна твоя дьявольская наука, ты всё-таки учишься у дьявола, который ниже моего. Слушай, я прислуживалъ добродѣтелямъ и порокамъ моего господина съ

большимъ стараніемъ и безпримѣрною вѣрностью; я льстилъ легкомысленнымъ выдумкамъ этого человѣка и изъ-за него невозвратно потерялъ руку, а онъ хочетъ лишитъ меня своей милости, чтобы угодить просьбамъ отца, который почти уже ребенокъ; онъ хочетъ отдать меня во власть лицемернаго родственника, съ которымъ старается помириться мнѣ во вредъ. Если онъ будетъ такъ неблагодаренъ, то мстительные Мавры покрасивѣютъ, потому что я превзойду ихъ мстительность! Но прежде нежели предамся своему гнѣву, я дамъ ему случай возстановить его честь и безопасность.... Я тебѣ ничего больше не открою... по рукамъ?... а гдѣ рука, которая должна служить залогомъ честнаго слова Раморни? Она прибита къ столбу, или брошена собакамъ, которыя, можетъ-быть, пожираютъ ее въ эту минуту. Приложи только пальцы къ изувѣченному члену и клянись помогать мнѣ мстить также какъ я стану помогать тебѣ.... Ну, что же, почтеннѣйшій врачъ?... ты блѣднѣешь.... ты говоришь о смерти: впередъ или назадъ, а теперь задрожалъ, когда я заговорилъ объ ней? Я совсѣмъ не упоминалъ о награжденіи, потому что тотъ, кто любитъ мстить, требуетъ одной мести. Впрочемъ, если недвижимое имѣніе и золото могутъ увеличить твои старанія, то будь увѣренъ, ты ихъ получишь.

— Да, это согласуется съ моими смиренными желаніями, отвѣчалъ Двинингъ; въ свѣтѣ бѣдный человѣкъ точно карликъ между великанами: онъ всегда попадаетъ подъ ноги толпы, которая скоро затаптываетъ его; а богатые и сильные возвышаются и живутъ спокойно, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ всё шумятъ.

— Ну, такъ возвысься надъ толпою, сколько тебя можетъ возвысить золото. Этотъ кошелекъ довольно тяжелъ, но составляетъ только очень малую часть того, что я намѣренъ дать тебѣ.

— А кузнецъ? мой благородный благодѣтель, сказалъ аптекаръ, опуская подарокъ въ карманъ. Этотъ Генри Виндъ.... или какъ бы его тамъ ни называли.... Я думаю, извѣстіе объ его наказаніи поможетъ вашей ранѣ лучше всякаго бальзаму изъ Мекки, которымъ я лечу васъ?

— Для Раморни слишкомъ низко думать о немъ; я ненавижу его не больше, какъ бездушное оружіе, которымъ онъ меня ударилъ. Но надобно удовлетворить твоей мстительности. Гдѣ онъ обыкновенно бываетъ?

— Я объ этомъ давно уже думалъ, отвѣчалъ Двинингъ. Но

напасть на него днем и въ собственномъ его домѣ было бы очень опасно и неблагоуразумно, потому что въ кузницѣ съ нимъ пять работниковъ. Ночью тоже трудно... онъ крѣпко запираетъ двери дубовыми брусьями и желѣзными запорами, и если вздумашь выломить ее, то разбудишь весь околотокъ, особенно теперь, когда у всѣхъ еще въ головѣ происшествіе кануна дня святаго Валентина.

— Да, правда, сказалъ Раморни.... впрочемъ, ты въ состояніи обмануть даже меня.... Ты говорилъ, что узналъ мою руку и печать, когда ее нашли на улицѣ... Такъ зачѣмъ же ты слѣдовалъ за этими глупыми гражданами, когда они шли совѣтоваться съ патрикомъ Чартризомъ, у котораго слѣдовало бы отнять шноры, чтобы отучить заступаться за болвановъ гражданъ? И зачѣмъ слѣдовалъ ты за ними, когда они ругались надъ этою безчувственною рукой, до которой сэръ Патрикъ не дотронулся бы во время мира и отъ которой не получилъ бы удара на войнѣ, если бы она была на своемъ мѣстѣ.

— Мой благородный покровитель, какъ скоро я узналъ, что вы ранены, я употребилъ всѣ средства, чтобъ прекратить шумъ; но этотъ хвастунъ Смитъ и нѣсколько другихъ крикуновъ настояли на томъ, что месть необходима. Надобно вамъ знать.... этотъ кузнецъ называетъ себя защитникомъ переской красной дѣвицы и считаетъ непрѣмѣнною обязанностию преслѣдовать всякую обиду отца ея; но я уже замутилъ воду и это начало моего мщенія.

— Что это значитъ? спросилъ больной.

— Надобно вамъ знать, сэръ Джонъ, что этотъ кузнецъ живетъ очень безпорядочно. Я встрѣтилъ его въ день святаго Валентина, скоро послѣ драки горожанъ съ людьми Дугласа. Да, я встрѣтилъ его въ аллеѣ съ пѣвицею; онъ несъ вещи и виолу этой дѣвушки. Что вы объ этомъ думаете, сэръ Джонъ? каковъ молодецъ? Въ однѣ сутки былъ соперникомъ князя, отрубилъ вамъ, рыцарю и барону, руку, и сдѣлался кавалеромъ бродяги?

— Ну, онъ мнѣ теперь нравится за такое рыцарское поведение, какой бы онъ ни былъ бездѣльникъ, сказалъ Раморни. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ лицомъромъ, а не откровеннымъ гулякой, тогда я охотнѣе помогаль бы тебѣ мстить.... И что за месть! месть оружейнику.... заниматься ссорой несчастнаго фабриканта лошадиныхъ наглавниковъ! Пфу!.... Однако я это сдѣлаю. Ты увѣрялъ меня, что самъ уже началъ мстить?

— Еще очень слабо, отвѣчалъ аптекаръ; я постарался расска-

зачь которію вѣрнато Валентина Катерини двумъ или тремъ пер-
съоотритскимъ болтунамъ, которые очень не любятъ прозвѣсно
пересказъ краше-дѣвца. Они чрезвычайно жарко принялись за
дѣло и не только повѣрили мнѣ, но готовы присягнуть, что
сами были всему свидѣтелями. Любовникъ пришелъ черезъ часъ
изъ Глѣверу, и вы можете вообразить себѣ, какъ его приняли....
Катерина на него смотрѣть не хотѣла. Вотъ какимъ образомъ
я началъ свою мечь. Но я надѣюсь хорошо кончить ее, потому
что заключилъ съ вами братскій союзъ, который....

— Братскій! вскричалъ рыцарь съ негодованіемъ. Ну, по-
жалуй, вѣдь поны говорятъ, будто мы всѣ сдѣланы изъ од-
ной земли.... А мнѣ кажется, что есть разница; но тотъ, кто
отлѣтъ въ лучшую форму, сдержитъ свое слово, и ты будешь
отомщенъ. Позови сюда моего нажа.

Хирургъ позвалъ молодаго человѣка, который тотчасъ же во-
шелъ.

— Эво, сказалъ сэръ Джонъ, дома Бонтронъ? не пьянъ ли?

— Нѣтъ, онъ напившись выпался, отвѣчалъ нажъ.

— Такъ пришли его сюда и запри дверь.

Скоро слышались тяжелые шаги. Вошелъ человѣкъ, у ко-
торого невысокій ростъ вознаграждался шириною плечъ и си-
лою рукъ.

— Ты будешь имѣть дѣло съ однимъ человѣкомъ, Бонтронъ,
сказалъ рыцарь.

У Бонтрона лицо прояснилось и онъ улыбнулся.

— Этотъ врачъ понажеть тебѣ того человѣка. Хорошенько
разсчитай время, мѣсто и другія обстоятельства, чтобы непре-
мѣнно имѣть успѣхъ; и смотри, берегись, потому что человѣкъ,
о которомъ я говорю, извѣстный боецъ, оружейникъ изъ Винда.

— Надобно употребить все искусство, потому что если
промахнусь, то я непременно погибъ. Весь Переъ говорить о
силѣ и ловкости этого кузнеца.

— Возьми еще двухъ убійцъ, сказалъ Раморни.

— Нѣтъ, возразилъ Бонтронъ. Если вы хотите удвоить что
нибудь, то удвойте награду.

— Хорошо, я удвою ее, если ты, какъ слѣдуетъ, сдѣлаешь
свое дѣло.

— Положитесь на меня, сэръ Джонъ... я рѣдко не попадаю
въ цѣль.

— Слѣдуй совѣтамъ этого благоразумнаго человѣка, сказалъ

Безвѣной, унизившая на хирурга. И олушай.... подожди сперва кузнеца.... и не ней, не окончивши дѣла.

— Я не стану пить, отвѣчала мрачный убійца; моя собственная жизнь зависитъ отъ вѣрности удару. Я знаю, съ кѣмъ буду пить дѣло.

— Такъ жди же, покада врачъ призоветъ тебя, и приготовь кинжалъ и сѣкиру.

Бонтронъ поклонился и вышелъ.

— Вы хотите вѣрить это дѣло одному человѣку? сказалъ врачъ, когда убійца вышелъ. Позвольте напомнить, что дѣй вочя тому назадъ кузнецъ побѣдилъ шеестерыхъ.

— Не спрашивай меня; такой теовѣкъ, какъ Бонтронъ, отбить дюжины полупьяныхъ гулякъ, если онъ только знаетъ время и мѣсто.... Позови Эвю.... ты долженъ сперва показать свой талантъ въ дѣченіи и ты, вѣрно, отличишься; въ другомъ дѣлѣ ты будешь пить человѣка, который преловко умѣетъ отправлять людей на тотъ свѣтъ.

Пожъ Эвю вошелъ во второй разъ и по знаку своего господина сталъ помогать хирургу снимать съ раны перевязки.

Движигъ посмотрѣлъ на обнаженную руку съ удовольствіемъ мастера, который восхищается своимъ произведеніемъ.

Удовольствіе это возвышалось еще его врожденною злобою. Онъ съ радостью смотрѣлъ на страданія сэра Джона. Рыцарь обратилъ свои глаза на это ужасное зрѣлище. Не смотря на все свои успія онъ не выдержалъ боли и застоналъ.

— Вы стонете, сказалъ врачъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ и съ радостною и презрительною улыбкою, которая невольне показала на губахъ. Вы стонете, но успокойтесь. Этотъ Генри Смитъ знаетъ свое дѣло.... онъ владѣетъ мечемъ также хорошо, какъ и молоткомъ. Другой испортилъ бы только немного и кость, и разрѣзалъ бы мускулы, такъ что даже мое искусство не поправило бы рану. Но Генри Смитъ рѣжетъ гладко, и раны, которыя онъ сдѣлалъ, лечитъ очень легко. Черезъ нѣсколько дней вамъ можно будетъ выходить со двора, если вы станете исполнять мои предписанія.

— Но моя рука.... потеря моей руки?

— Эту потерю можно скрыть на нѣкоторое время, сказалъ врачъ. Я за тайну открылъ нѣсколькимъ болтунамъ, что рука, которую нашли на улицѣ, принадлежитъ вашему лакею Блэкъ Квентину, а вы знаете, онъ уѣхалъ въ фейвское графство и все этому погрѣять.

— Знаю; этотъ разсказъ скроеть на нѣкоторое время истину; а потомъ что? спросилъ Раморни.

— Это можно скрыть до-тѣхъ-поръ, когда ваша милость удалится отъ двора. Новыя событія заставятъ забыть нынѣшнее происшествіе и тогда можно будетъ сказать, что вы ранили себя сломавшимся копьемъ, или стрѣлою. Вашъ рабъ найдетъ приличныя средства заставить этому вѣрять....

— Эта мысль сводитъ меня съ ума, сказалъ Раморни, и снова застоналъ отъ страданій тѣлесныхъ и душевныхъ. Однако я не-знаю лучшаго средства.

— Да и нѣтъ лучшаго, возразилъ врачъ, котораго восхищали страданія больнаго. Покуда знаютъ только, что вы сидите дома изъ-за какого-то ушибу и очень огорчены рѣшеніемъ принца, который намѣренъ лишить васъ своей милости и отказать отъ мѣста по совѣту герцога Ольбени: это всѣмъ извѣстно.

— Бездѣльникъ, ты забавляешься моими страданіями, проговорилъ больной.

— Если хорошенько все разсмотрѣть, то вы еще счастливо отдѣлялись, сказалъ Двиннигъ. У васъ нѣтъ одной руки, это конечно несправимое зло; но она по-крайней-мѣрѣ хорошо отрѣзана и ни во Франціи ни въ Англіи нѣтъ хирурга, который сдѣлалъ бы эту операцію однимъ ударомъ искуснаго кузнеца.

— Я знаю, чѣмъ я ему обязанъ, сказалъ Раморни, скрывая свой гнѣвъ: и если Бонтронъ не оплатитъ ему такимъ же ловкимъ ударомъ и не сдѣлаетъ излишнюю помощь хирурга, то скажи, что сэръ Джонъ Раморни не умѣетъ оплачивать одолженія.

— Прекрасно сказано, благородный рыцарь! вскричалъ врачъ. Но позвольте мнѣ еще прибавить, что искусство оператора было бы не нужно и ваши члены ослабѣли бы отъ истоку крови безъ перевязокъ добрыхъ монаховъ и ничтожныхъ услугъ Двиннига.

— Перестань! вскричалъ больной. Пока ты говорилъ, мнѣ казалось, будто мои нервы дрожали, вытягивались и стягивались, точно будто я дѣйствовалъ еще пальцами, которые нѣкогда могли держать кинжалъ.

— Это феноменъ намъ очень извѣстный, сказалъ врачъ. Древніе мудрецы предполагали симпатію между нервами и отрѣзанною частью, и увѣряютъ, что видѣли стягиваніе и вытягиваніе пальцевъ, и это движеніе казалось происходило отъ симпатіи жизненныхъ силъ къ тѣлу. Если бы мы могли достать обратно руку прибитую къ кресту, или находящуюся подъ карауломъ Чернаго Дугласа, то я охотно посмотрѣлъ бы на это явленіе

Но я думаю, это также опасно, какъ отнять у голоднаго орла добычу.

— Но будь также увѣренъ, что играть гнѣвомъ сэра Джона Раморна такъ же опасно, какъ и гнѣвомъ раненнаго льва, сказалъ рыцарь съ необыкновенною досадою. Презрѣнный, исполняй свою обязанность, и помни, что если у меня нѣтъ рукъ, чтобы схватить князя, зато я повелѣваю сотнею другихъ рукъ.

— Одна гнѣвно поднятая рука можетъ уже уничтожить жизнь вашего хирурга; но тогда, прибавилъ онъ полунасмѣшливымъ, вкрадчивымъ голосомъ, кто уничтожилъ бы страданія, которыя заставляютъ васъ гнѣваться на своего бѣднаго слугу, потому что онъ изясняетъ правила своего искусства?

Не осмѣливаясь играть долѣ терпѣниемъ больнаго, хирургъ серьезно принялся перевязывать рану и приложилъ къ ней душистую мазь, которой запахъ распространился по комнатѣ. Мазь эта скоро уменьшила жгучую боль раны, и произвела въ разгорѣнномъ больномъ большую перемену: вмѣсто стону послышалось радостное восклицаніе и раненный легъ на постель, чтобы вполне вкусить спокойствіе, которое онъ чувствовалъ.

— Ваша милость знаетъ теперь, кто ваши преданные друзья, сказалъ Двиннигъ: дали бы вы волю своему гнѣву и приказали бы убить меня, гдѣ нашли бы вы въ Великобританіи, между четырьмя морями, человѣка, который доставилъ бы вамъ такое спокойствіе?

— Забудь мои угрозы, добрый врачъ, и осторожно обходись со мной. Такіе люди, какъ я, не сносятъ шутокъ надъ своими страданіями. Береги насмѣшки для несчастныхъ, которые въ госпиталяхъ.

Двиннигъ не осмѣливался возражать. Онъ вынулъ изъ кармана стекляночку и налилъ изъ нея нѣсколько капель въ рюмку вина съ водою.

— Это питье приготовлено, чтобы доставить вамъ сонъ, сказалъ врачъ.

— Какъ долго буду я спать? спросилъ рыцарь.

— На вѣрно не знаю.... можетъ-быть, до завтрашняго дня.

— Можетъ-быть, вѣчно? прибавилъ больной. Послушай, выпей немного этого лекарства прежде меня.

Врачъ съ презрительною улыбкою исполнилъ это.

— Я охотно выпилъ бы все, сказалъ Двиннигъ: но этотъ отваръ индѣйской смолы даетъ сонъ и здоровому, а дѣла не позволяютъ мнѣ спать.

— Извини, сказалъ Реморни, опуская глаза точно будто оты-
дась своему подозрѣнiю.

— Нечего просить извиненiя, гдѣ нѣтъ обиды, возразилъ врачъ. Настѣкомое должно благодарить великана, что онъ не затопты-
ваетъ его. Однако, благородный рыцарь, настѣкомые могутъ дѣ-
лать это также, какъ и врачи. Что мнѣ стоило отравить пазъ,
приможленную къ вашей ранѣ и вознелить руку по самое плече?
Кто помѣшалъ бы мнѣ употреблять болѣе искусные средства и
заполнить, наприимѣръ, комнату эссенціями, которыми ослабили
бы васъ такъ, что жизнь ваша погасла бы точно свѣча въ шару
подземелья? Вы мало уважаете мою власть, если не знаете это-
го, а мое искусство нѣтъ еще болѣе тонкія средства къ убій-
ству. Но врачъ не убиваетъ больного, милостани котораго самъ
живетъ; а въ особенности того, кто обещалъ мстить.... Еще одно
слово.. если вамъ надобно будетъ проснуться—вѣдь въ Шот-
ландiи, я думаю, никто не можетъ спокойно проспать восемь
часовъ,—то запахъ эссенціи, которая въ этой коробочкѣ, совер-
шенно пробудитъ васъ.... Теперь прощайте, сэръ Джонъ; и если
вы не предполагаете во мнѣ большой честности, то будьте увѣ-
рены, что у меня есть немного здраваго разсудку.

При этихъ словахъ врачъ вышелъ; его врожденная низкая
ползучая походка выражала что-то гордое послѣ побѣды надъ
надменнымъ большимъ.

Сэръ Джонъ Реморни сталъ думать; наконецъ онъ почувство-
валъ дѣйствіе наркотическаго средства. Онъ на минуту всталъ
и позвалъ пажа.

— Эво! гдѣ ты!... напрасно же я открылся этому отрави-
телю.... Эво!

Вошелъ пажъ.

— Что, ушелъ уже аптекарь?

— Да, такъ угодно было вашей милости.

— Одинъ, или еще съ кѣмъ-нибудь?

— Бонтронъ говорилъ съ врачомъ и тотчасъ же пошелъ съ
нимъ.... по приказанію вашей милости, какъ онъ увѣрялъ меня.

— Да, сегодня прескверный день!... онъ пошелъ достать лѣ-
карства.... и скоро вернется.... Если Бонтронъ будетъ пьянъ,
не выпускай его и ни съ кѣмъ не позволяй говорить. Онъ
говоритъ глупости, когда пьянъ. Онъ былъ славный малый по-
куда его не ударилъ по головѣ одинъ Англичанинъ. Съ тѣхъ
поръ онъ всегда мелетъ пустяки, когда выпьетъ лишнее.... Ска-
залъ тебѣ врачъ что-нибудь, Эво?

— Ничего кромѣ приказанія не беспокоить вашей милости.

— Ты долженъ слушаться его, особенно въ этомъ, сказалъ рыцарь. Миѣ хочется спать; а я былъ лишенъ сна съ тѣхъ поръ, какъ меня ранили.... если и спалъ, то очень немного. Помогни мнѣ спать халать.

Дай Богъ вамъ спокойнаго сна, милордъ, сказалъ пажъ, исполнивъ приказаніе господина и выходя изъ комнаты.

Когда Эво вышелъ, Раморни, у котораго мысли стали путаться, пробормоталъ, повторяя слова Эво:

— Богъ!.... Богъ!.... нѣкогда я спалъ послѣ такого благословенія.... но теперь.... я думаю, если не исполнятся мои честолюбивые замыслы и месть, то для меня лучше всего пусть будетъ этотъ сонъ предвѣстникомъ сна вѣчнаго.... Но я не могу долѣе разсуждать....

Говоря такимъ образомъ онъ уснулъ.

XVI.

Слѣдующей ночи не назначено было пройти спокойно. Въ семь часовъ прозвонили *керфью* и уже черезъ два часа лежались спать всѣ кромѣ тѣхъ, которые проводили ночь безъ сна по обязанности или для удовольствій. Былъ вечеръ наслаивающаго заговѣнья; въ увеселительныхъ домахъ было больше народу тѣмъ въ церквахъ.

Простой народъ до усталости игралъ весь день въ мячъ; дворяне и вельможи забавлялись пѣтушьями боємъ, или слушали веселыя пѣсни менестрелей, между тѣмъ какъ горожане объѣдались жирными жареными въ свиномъ салѣ или хлѣбомъ и жирнымъ супомъ изъ соленаго мяса и крупы. Это кушанье теперь еще составляетъ любимое блюдо у неприхотливыхъ Шотландцевъ. Эти занятія и блюда были необходимою принадлежностью заговѣнья. Въ этотъ вечеръ празднество требовало, чтобы истинный католикъ выпилъ какъ можно больше элю и вина; а люди молодые и здоровые танцовали съ масками, которыя, какъ и вездѣ, носили въ Перей особенный фантастическій костюмъ.

Всѣ веселились подъ предлогомъ, что наступаетъ продолжительный великій постъ со своими лишеніями, и находили благузнымъ насладиться всевозможными удовольствіями.

Это обычное веселье уже прошло и во многихъ кварталахъ горожане улеглись спать. Знать особенно озаботилась въ этотъ день, чтобы не было ссоръ между ихъ людьми и горожанами,

такъ, что праздникъ прошелъ спокойноѣ обыкновеннаго; всего убили только тронхъ и ранили нѣсколькихъ; но и это случилось съ такими незначительными людьми, что и не думали о слѣдствіи. Карнавалъ вообще кончился спокойно, во въ иныхъ мѣстахъ еще не переставали веселиться.

Толпа гулякъ, которая заслужила особенныхъ похвалъ и вниманія, казалось не хотѣла разстаться съ удовольствіями. Такъ называемый *эходъ* (entry) состоялъ изъ тринадцати масокъ, одѣтыхъ въ кожаныя полукафтаны, которыя были странно выкроены и вышиты. Кромѣ того на нихъ были зеленыя шапки съ серебряными желудями и красными лентами, и бѣлые башмаки; на колыбняхъ висѣли звонки, а въ рукахъ блестя обнаженные мечи. Эта шегольски одѣтая толпа протанцовала передъ королемъ пляску меча, которая состояла изъ ряду особенныхъ позъ, сопровождаемыхъ ударами оружія. Потомъ веселыя маски пошли плясать передъ домомъ Симона Глѣвера, гдѣ они выказали много искусства, стали потомъ сами пить вино и подбивать имъ зрителей, и прокричали тостъ переской красавицѣ. Старикъ Симонъ вышелъ изъ дому, благодарилъ согражданъ за учтивость и въ свою очередь приказалъ вынести вина въ честь веселыхъ перескихъ тляпоровъ.

— Благодаримъ, батюшка Симонъ, сказала одна маска поддѣльнымъ голосомъ, который худо скрывалъ хвастливаго Оливера Праудфьюта. Намъ было бы пріятнѣе видѣть твою прелестную дочь, нежели бочку мальвазій.

— Благодарю васъ также, сосѣди, за доброту, сказалъ Симонъ. Моя дочь не совсѣмъ здорова и не можетъ выйти въ такую холодную ночь на воздухъ.... но если весельчаку, котораго голосъ я кажется узналъ, угодно войти въ мой незатѣйливый домъ, то она препоручитъ ему поблагодарить всѣхъ другихъ за лестное вниманіе.

— Такъ ты прійдешь къ намъ въ гостиницу Грифа, закричали маски Оливеру: мы тамъ окончимъ карнавалъ и вторично выпьемъ за здоровье прекрасной Катерины.

— Черезъ полчаса я прійду къ вамъ, сказалъ Оливеръ, и мы увидимъ, кто выпьетъ больше и запоетъ громче. Я хочу какъ можно веселѣе провести остатокъ карнавала, точно будто бы мнѣ завтра нельзя будетъ и рта разинуть.

— Прощай же, кричали его товарищи; прощай веселый шляпочникъ.... до свиданья!

Маски, припласывая и припѣвая; пошли по улицѣ съ четырьмя

музыкантами впереди. Симонъ Глѣверъ ввелъ между тѣмъ Оливера и усаживалъ его у огня.

— Но гдѣ ваша дочь? сказала Оливеръ. Она магнитъ, который притягиваетъ насъ, храбрыхъ клинковъ.

— Она теперь въ своей комнатѣ, Оливеръ, и по правдѣ сказать уже въ постели.

— Ну, такъ я схожу утѣшить ея горе.... вы, батюшка, своротили меня съ пути и должны вознаградить.... такой храбрецъ какъ я не хочетъ терять и вино и дѣвушку.... Она въ постели? Но я вотъ что скажу вамъ:

Люблю съ собачкою я дѣвицъ посѣщать,
Чѣмъ можно въ горести бѣднѣежкъ утѣщать...
Гдѣ отъ тоски дѣвица умираетъ,
Всегда собачка тамъ со мною бываетъ.
Когда меня придется хоронить,
Прошу, друзья, подъ бочку положить.
Потомъ, сложивши руки мнѣ на грудь крестомъ.
(собачку положить со мною въ вѣчный домъ....

— Нельзя ли прервать васъ, сосѣдушка? спросилъ Глѣверъ. Мнѣ надобно поговорить съ вами о серьезной вещи.

— О серьезной? вскричалъ гость: да я сегодня весь день горюю только вещи серьезныя.... отъ меня все слышали разсужденія о смерти и тому подобныя вѣщахъ, которыя наводятъ печаль.

— Помилуйте, что вы наговариваете на себя?

— Совсѣмъ не на себя.... эти темныя картины не мнѣ представляютъ смерть.... У меня славный гороскопъ и я проживу по крайней-мѣрѣ еще пятьдесятъ лѣтъ. Но этотъ несчастный.... изъ свиты Дугласа.... я ранилъ его въ день святаго Валентина.... и онъ можетъ-быть умеръ прошедшею ночью.... Вотъ что пробудило во мнѣ такія мрачныя мысли. Ахъ! батюшка Симонъ, мы воинственные люди часто проливаемъ въ гнѣвѣ кровь и оттого у насъ бывають иногда черныя мысли. Мнѣ не рѣдко жаль, что я кроилъ не одинъ шерстяныя шапки.

— И я желалъ бы рѣзать одну козловую кожу, но часто случается, что порѣзываю пальцы. Впрочемъ вашей совѣсти нечего мучиться; въ день святаго Валентина опасно раненъ былъ только тотъ, кому Генри Смитъ отрубилъ руку; говорятъ, что онъ совсѣмъ выздоровѣлъ. Его зовутъ Блэкъ Квентинъ, онъ слу-

жить у сэра Джона Раморни, и его тайно послали на родину, въ Фейвское графство.

— Чтò? Блэкъ Квентинъ?... такъ его-то я ранилъ вмѣстѣ съ Генри, мы вѣдь стояли тогда другъ подлѣ друга, только мой ударъ упалъ раньше удара кузнеца. Я и городской старшина, мы боимся, не подымутъ ли изъ-за этого въ Переѣ шуму.... И онъ выздоровѣлъ? Ну, такъ я опять буду веселъ, и если вы не хотите показать мнѣ Кэти въ ночномъ уборѣ, то я пойду къ своимъ товарищамъ въ гостиницу Грѣа.

— Погодите немножко. Вы товарищъ Генри Винда; вы часто оказывали ему услуги, и я хотѣлъ васъ попросить, нельзя-ли вамъ очистить его въ моихъ глазахъ отъ вины, которую приписываетъ ему молва.

— Да я, готовъ поклясться рукояткою меча, что молва эта ложь. Да!.... храбрые люди обязаны поддерживать другъ друга.

— Успокойтесь сосѣдушка. Вы можете оказать кузнецу услугу.... Я хотѣлъ съ вами посоветоваться, но не оттого, что вы самая умная голова въ Переѣ.... вѣтъ!.... это было бы ложь, вѣдь....

— Хорошо, хорошо, самодовольно вскричалъ шляпочникъ; знаю въ чемъ вы меня упрекаете.... Вы, люди хладнокровные, воображаете, что мы храбрецы безумны... Я часто слышалъ, какъ называли Генри Винда, на примѣръ, безумцемъ....

— Вы добрый человѣкъ и старый пріятель Генри. Я теперь немного поссорился съ нимъ, продолжалъ Симонъ. Вы знаете.... уже поговоривали о бракѣ моей дочери съ Генри Гау?

— Да, я слышалъ чтò-то въ родѣ того, послѣ праздника святаго Валентина.... Ахъ! кто женится на переской красной дѣвицѣ, будетъ человѣкомъ счастливымъ.... Впрочемъ женитьба часто портитъ молодыхъ людей. Я самъ иногда раскаяваюсь, что....

— Оставьте покуда свое раскаяніе въ сторонѣ, прервалъ его Глѣверъ. Надобно вамъ знать, Оливеръ, что нѣсколько перескихъ кумушекъ сплетницъ обвинили Генри въ близкихъ спомешіяхъ съ пѣвицею или съ кѣмъ-то въродѣ этого. Катерина приняла это къ сердцу; и я считаю дочь мою обиженною, потому что Генри не пробылъ у нея тогда весь день, какъ настоящій Валентинъ, а предпочелъ неприличное общество, вмѣсто того чтобы воспользоваться днемъ и древнимъ обычаемъ и открыться передъ Катериною въ своей любви. Оттого я не пустилъ Генри къ себѣ въ домъ, когда онъ поздно вечеромъ пришелъ ко мнѣ.... Я, старый дуракъ, просилъ его воротиться къ подругѣ, которую онъ оставилъ.... Съ-

тѣхъ-порѣ я не видалъ кузнеца, и мнѣ кажется, что я слишкомъ жарко принялся за дѣло. Кэти мое единственное дитя, и пусть она лучше умретъ нежели выйдетъ замужъ за распутника. Но я знаю Генри Гау, какъ моего сына, и не думаю, чтобы онъ хотѣлъ обидѣть насъ. Непремѣнно есть средство истолковать все это дѣло въ его пользу. Мнѣ посовѣтовали распросить Двиннига и онъ говоритъ, что встрѣтилъ кузнеца съ дѣвушкою.... Если повѣрить ему, то это была двоюродная сестра Смита, Джанна Лвемъ.... Но вѣдь вы знаете, этотъ сплетникъ говоритъ языкомъ одно, а глазами другое.... Вотъ вы, Оливеръ, человѣкъ не злой.... то есть, я хочу сказать, очень честный.... вы не солжете.... Такъ какъ Двиннигъ увѣрялъ, что и вы видѣли ее.

— Я ее видѣлъ? И Двиннигъ говоритъ, что я ее видѣлъ?

— Нѣтъ; но онъ говоритъ, будто вы *разсказывали*, что встрѣтили Смита съ такимъ провожатымъ.

— Такъ вретъ же онъ, и я растолку его за это въ ступкѣ! вскричалъ Оливеръ Праудфюкъ.

— Какъ? развѣ вы не говорили ему объ этой встрѣчѣ?

— Да если бы я это и сдѣлалъ? Вѣдь онъ поклялся же, что ничего не разскажетъ ни одному живому существу? Такимъ образомъ разсказавъ вамъ эту исторію, онъ солгалъ!

— Такъ вы не встрѣчали кузнеца съ безпутною дѣвушкою, какъ говоритъ молва?

— Помните.... можетъ-быть я видѣлъ, можетъ-быть нѣтъ. Неужели вы думаете, что я, человѣкъ женатый, могу помнить наружность пѣвицы, каймы ея платья и другія мелочи? Я предоставилъ разсматривать это веселому Генри.

— Значитъ вы видѣли его въ день святаго Валентина на улицѣ, при людяхъ, съ распутною женщиною....

— Совсѣмъ нѣтъ! сосѣдушка, я встрѣтилъ его въ самой пустынной и темной улицѣ Перва. Онъ съ оружіемъ и вещами шелъ прямо домой и какъ истинно учтивый кавалеръ держалъ въ одной рукѣ собачку, а другую поддерживалъ дѣвушку.... по моему мнѣнію, премиленькую....

— Клянусь святымъ Іоанномъ, вскричалъ перчаточникъ, такое поведеніе можетъ заставить христіянина отступиться отъ вѣры и въ досадѣ обожать Магомета! Но онъ больше не увидитъ моей дочери. Пусть она лучше уйдетъ въ горы къ головогнѣмъ мошенникамъ горцамъ; но я ни за что не позволю ей выйти замужъ за человѣка, который забывается до такой степени.... Полно говорить объ немъ!

— Ну, ну, Симонъ! сказалъ снисходительный шляпочникъ; вѣдь вы не берете въ расчетъ горячей молодой крови. Кромѣ того Генри не долго оставался съ нею.... я это знаю, потому что.... сказать правду.... я за нимъ подсматривалъ. На другое утро пѣвица уѣхала по Тею въ Дѣнди.... Такъ вотъ видите ли, это была только шалость молодого человѣка.

— И онъ пришелъ сюда, съ горькою улыбкой сказалъ Симонъ. Онъ хотѣлъ заслужить любовь моей дочери, между-тѣмъ какъ его дома ждала любовница! Пуетъ бы онъ лучше убилъ цѣлую дюжину людей!... Вамъ это, конечно, не казалось бы худымъ поступкомъ, потому что хотя вы, Оливеръ, и не храбрѣе, однако выдаете себя за храбреца. Но....

— Не смотрите на это прошепествiе съ такой важной точки зрѣнiя, проговорилъ Оливеръ, который видѣлъ, какъ вредна его болтовня Генри Смиту. Кромѣ того онъ вспомнилъ, что кузнецъ общалъ за взмѣну тайнъ.

— Пораздумайте хорошенько, продолжалъ онъ, такому грѣху обыкновенно бываетъ виноватъ случай, а сверхъ того исповѣдъ разрѣшитъ отъ грѣха. Признаюсь вамъ.... хотя у меня прекрасная жена, я однако не разъ....

— Замолчи презрѣнный хвостунъ, вскричалъ разсерженный перчаточникъ: твоихъ любовныхъ похажовiй и храбрыхъ поддоговъ никто не видалъ и они никогда не существовали. Если ты ужъ хочешь лгать, то лги въ свою пользу.... Да вѣдь я тебя насквозь знаю. Неужели ты думаешь, мерзкій шапочникъ, что я не знаю, какъ ты трусливъ? Если бы жена слышала твое хвастовство, ты не посмѣлъ бы перейти черезъ порогъ своего дому. Да ты не посмѣешь скрестить шагу съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, который въ первый разъ имѣетъ въ рукахъ клинокъ? Клянусь святымъ Иоанномъ, за твои глупыя рассужденiя стоило бы разсказать Магдалинѣ о хвастовствѣ ея супруга.

При этой угрозѣ шляпочникъ векочилъ, точно будто мимо его неожиданно пролетѣла стрѣла, и дрожащимъ голѣеомъ возражлъ:

— Добрый Симонъ, вы слишкомъ храбритесь; вспомните, со-вѣдъ, вы слишкомъ стары, чтобы помѣряться силами съ такимъ молодымъ воиномъ, какъ я. Что касается до Магдалины, то я могу положиться на васъ. Вы не такой человѣкъ, который захочетъ разрушить миръ цѣлаго семейства.

— Такъ не полагайся же на меня, вскричалъ перчаточникъ внѣ себя отъ гнѣву: сейчасъ же убирайся вонъ, не то у меня воротится прежняя сила и я разобью тебѣ черепъ.

— Для праздника вы выпили лишнее, сказалъ шляпочникъ. Желаю вамъ хорошо выспаться; завтра мы будемъ прежними приятелями.

— Убирайся вонъ! Мнѣ стыдно, что такое ничтожное существо сердить меня.... Дуракъ.... сплетникъ! закричалъ перчаточникъ, бросаясь на стулъ въ ту минуту, какъ шляпочникъ выходилъ изъ комнаты. Возможно ли, чтобы лгуно не нашелъ средства скрыть постыдное поведеніе своего пріятеля? А я-то что?... Я желалъ оправдать грубую обиду, нанесенную мнѣ и моеѣ дочери? Однако я былъ расположенъ повѣрить всякой лжи, которую этотъ оселъ могъ наговорить мнѣ о Генри. Ну.... объ этомъ нечего больше думать. Пусть все разрушится; но нашего честнаго имени не должно опозоривать.

Между-тѣмъ какъ перчаточникъ думалъ о дурномъ поведеніи Генри, Оливеръ, переходя при nocturnoмъ холодѣ черезъ улицу, нѣмалъ время разсуждать о важности гнѣва старика Глѣвера.

— Да это ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что, можетъ быть, сдѣлаетъ Генри. Видно тому, кто поссорилъ его съ Катериною, шепталъ онъ про себя. Конечно, лучше было бы отпереться отъ всего. Но меня увлекла страсть выказаться всезпайкою.... Итти ли мнѣ въ гостиницу Грифа? Магдалина разшумится, если я ворочусь поздно. Впрочемъ, сегодня послѣдній день карнавала.... можно сдѣлать исключеніе. Ахъ, вотъ славная мысль: я пойду къ Смитту, а не въ гостиницу Грифа; онъ вѣрно дома, потому его во весь день никто не видалъ.... Постараюсь помириться и предложу ему посредничество между нимъ и перчаточникомъ. Генри простякъ и добрый малый, и хотя я уступаю ему въ силѣ, однако мое краснорѣчіе побѣдитъ его. На улицѣ теперь тихо.... почъ темпа, и мнѣ легко будетъ спрятаться, если я кого встрѣчу. Я пойду къ кузнецу, и если заслужу его дружбу, то и не стану смотрѣть на Симона. Храни меня эту ночь, святой Рингень.... Я лучше проглочу языкъ, чтобы не павлечь себѣ опять новой бѣды!... Когда этотъ старый дуракъ разгорячится, онъ болѣе похожъ на головорѣза, чѣмъ на закройщика кожанной одежды.

Разсуждая такимъ образомъ, могущественный Оливеръ поспѣшнo шелъ къ переулку, гдѣ жилъ Смиттъ, и старался дѣлать притомъ какъ можно меньше шуму. Но злая судьба не переставала преслѣдовать шляпочника. Когда онъ вышелъ на главную городскую улицу, близъ него раздалась веселая музыка и громкіе клики.

Это мои веселые товарищи, подумалъ онъ. Скрияку старика

Иерею легко узнать. Я прежде их перейду через улицу; если они меня замѣтятъ, то подумаютъ, что я ищу приключенія, и это сдѣлаетъ большую честь моей отважности.

Это желаніе отличиться между волокитами и храбрецами побѣдило благоразуміе. Шляпочникъ попытался перейти через улицу. У ночныхъ гулякъ были факелы и маски, они тотчасъ замѣтили Оливера, одѣтаго въ свѣтлый нарядъ.

Вдругъ раздались крики:

— Понжка!... понжка!

Прежде нежели Оливеръ могъ рѣшиться, бѣжать ли, или остаться, къ нему подошли двое молодыхъ людей въ маскахъ и въ нарядѣ дикарей. Они трагическимъ голосомъ сказали испуганному шляпочнику:

— Сдавайся, человѣкъ съ колокольчиками.... сдавайся безъ сопротивленія.... нето ты долженъ умереть.

— Кому мнѣ сдаваться? сказалъ шляпочникъ дрожащимъ голосомъ.

Хотя Оливеръ видѣлъ, что имѣеть дѣло съ масками, которыя для удовольствія прогуливаются по городу; однако онѣ, повидимому, принадлежали къ высшему обществу, и Праудъютъ не имѣлъ довольно смѣлости выдержать роль въ шуткѣ, отъ которой человѣкъ низшаго происхожденія легко можетъ пострадать.

— Ты еще хочешь переговариваться? возразилъ наряженный: не доказать ли тебѣ, что ты плѣнникъ, ударами палокъ по подшвамъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, могущественный Индѣецъ, сказалъ шляпочникъ. Я сдѣлаю все, что вамъ угодно.

— Такъ пойдемъ, отвѣчалъ одинъ изъ наряженныхъ. Иди на поклонъ къ императору мимовъ, королю прыгуновъ и великому герцогу темной ночи. Объясни, по какому праву осмѣлился ты пѣть, плясать и носить кожаные башмаки въ его владѣніяхъ, не заплативъ податей? Знаешь ли?... вѣдь тебя объявятъ государственнымъ преступникомъ.

— Это было бы жестоко, возразилъ бѣдный Оливеръ: вѣдь я не зналъ, что его милость будетъ царствовать сегодня вечеромъ. Но я готовъ заплатить подать, если вамъ угодно будетъ принять отъ бѣднаго шляпочника нѣсколько ведеръ вина, или чего-нибудь въ родѣ этого.

— Ведите его къ императору, кричала толпа.

Оливера подвели къ молодому человѣку, который хотя и былъ слабъ, однако имѣлъ развязное обращеніе и ловкія манеры. Одежда

его отличалась богатствомъ. Поясъ и корона были украшены павлиньими перьями, которыя привозили тогда съ востока, какъ величайшую рѣдкость. Короткая куртка и нижнее платье въ леопардовой шкуры составляли остальную часть его наряда и тѣсно сидѣли на тѣлѣ, обтянутомъ шелковою матеріею розоваго цвѣту. Импровизированный императоръ держалъ въ рукахъ пучекъ павлиньихъ перьевъ, сложенныхъ въ видѣ опахала.

— Кого ведутъ къ намъ? спросилъ онъ. Кто осмѣлился привѣсить колокольчики къ такому печальному ослу? Послушай, любезнѣйшій, твое платье дѣлаетъ тебя нашимъ подданнымъ, потому что наша власть распространяется надъ всѣмъ веселымъ міромъ. Чтò же ты не говоришь? Его надобно поподчивать виномъ.... подайте скорлупку хересу.

Несчастному подставили огромный мѣхъ съ хересомъ, между тѣмъ принцъ и его свита просили шляпочника выпить.

— Раскуси мнѣ этотъ орѣшекъ, и не смѣй поморщиться, сказалъ король.

Оливеръ съ удовольствіемъ выпилъ бы немного этого вина, но ужасное количество, которое заставляли его проглотить, пугало бѣдняка. Онъ выпилъ глотокъ и сталъ просить помилованія.

— Позвольте сказать вашей милости, мнѣ еще далеко надобно идти, и если я исполню ваше приказаніе, то не буду въ состояніи передвигать ноги.

— Хорошо! но умѣешь ли ты вести себя, какъ истинный въ сельчакъ? Ну, прыгни.... разъ.... другой.... третій.... славно! еще.... Пришнорьте его! (Одинъ изъ свиты слегка укололъ Оливера шпагой). Ну, это былъ самый лучшій скачокъ! Онъ прыгаетъ точно кошка. Подайте ему вина и не принуждайте; онъ заплатилъ подать и заслужилъ не только свободу, но и благодарность. На колѣни, на колѣни.... рыцарь виннаго мѣху. Давайте сюда рапиру. Какъ тебя зовутъ?

— Оливеръ, ваша милость.... я хотѣлъ сказать, ваше величество.

— Оливеръ? Ну, значитъ, ты одинъ изъ двѣнадцати перовъ *. Встань, сэръ Оливеръ Соломенная Голова, кавалеръ ордена Тыквы.... вставай во имя легкомыслія и убирайся къ чорту.

При этихъ словахъ вндѣйскій принцъ сильно ударилъ его шпагою плашмя. Шляпочникъ вскочилъ съ необыкновеннымъ про-

* Двѣнадцать перовъ Карла-Великаго, лица извѣстныхъ въ древнихъ сказкахъ.

ворствомъ. Преслѣдуемый криками и громкимъ смѣхомъ онъ добѣжалъ до дому кузнеца съ поспѣшностью лисицы, которая хотѣтъ скрыться отъ охотника въ своей берлогѣ.

Шляпочникъ постучалъ въ дверь и потомъ вспомнилъ, что надобно было бы сперва подумать, какъ представиться Генри и выпросить прощеніе за откровенность къ Глѣверу. Никто не отвѣчалъ на первый стукъ. Шляпочникъ, можетъ-быть, и не рѣшился бы постучаться во второй разъ; но онъ вдругъ опять услышалъ громкіе крики и смѣхъ. Опасаясь въ другой разъ попасть въ руки наряженныхъ вельможъ, отъ которыхъ теперь спасся, онъ вторично постучался. За дверьми послышался грубый голосъ :

— Кто тамъ стучитъ?... что вамъ надобно?

— Это я, Оливеръ Праудфьютъ, отвѣчалъ шляпочникъ; мнѣ надобно рассказать вамъ кое-что.

— Рассказывайте свои глупости кому-нибудь другому, возражалъ Генри. Убирайтесь.... Я сегодня никого не принимаю....

Но послушайте, кумъ... добрый мой кумъ, вскричалъ храбрецъ въ себя: я окруженъ мошенниками и прошу у васъ убѣжища.

— Ай да молодецъ! сказалъ Генри. Самый трусливый пѣтухъ, который дрался въ нынѣшній праздникъ, постыдится вступить въ бой съ такою мокрою курицею, какъ вы.

Въ эту минуту опять раздалась музыка и шляпочнику показалось, что она приближается. Это обстоятельство перепугало его до нельзя и онъ со страхомъ вскричалъ :

— Во имя нашей дружбы и ради Божьей Матери, дайте мнѣ убѣжище, если не желаете видѣть завтра у своихъ дверей мое тѣло, обезображенное кровожаднымъ Дугласомъ.

— Это было бы для меня стыдно, подумалъ кузнецъ, и, можетъ быть, онъ дѣйствительно находится въ опасности.

Размышляя такимъ образомъ, Генри отворялъ крѣпко запертую дверь, чтобы сперва увѣриться, есть ли опасность, а потомъ впустить шляпочника. Но между тѣмъ, какъ кузнецъ смотрѣлъ на улицу, Оливеръ точно преслѣдуемое животное бросился въ домъ и утѣлся въ кухнѣ передъ огнемъ. Генри разглядѣлъ улицу и увѣрился, что никто не преслѣдовалъ трусливаго бѣглеца. Онъ заперъ дверь и воротился въ кухню недовольный тѣмъ, что трусливый Оливеръ напрасно обезпокоилъ его.

— Что это значитъ? холодно спросилъ онъ, когда увидѣлъ шляпочника, который спокойно сидѣлъ у огня. Что это за шутка, Оливеръ?... Я никого не видалъ на улицѣ.

— Дайте мнѣ испить, добрый кумъ, возразилъ Оливеръ: я задыхался, такъ скоро бѣжалъ я сюда.

— Я поклялся, что въ моемъ домѣ не будутъ ночныя попойки, сказалъ Генри.... Вы видите.... я въ рабочемъ платьѣ. Нынѣшній день для меня не праздникъ.... Я имѣю на то основательныя причины.... Вы довольно выпили для нынѣшняго вечера, потому что едва говорите.... Если вамъ угодно еще элю или вина, то вамъ надобно идти дальше.

— Да, я порядочно выпилъ сегодня, сказалъ бѣдный Оливеръ.... Меня едва не потопили въ винѣ.... Проклятый мѣхъ.... Дайте воды, кумъ.... вы, вѣрно, не откажете мнѣ въ этомъ?.... или если угодно стаканчикъ слабаго элю.

— Ну, если вы только этого хотите, то я не откажу вамъ, сказалъ Генри. Но, вѣрно, избытокъ вина заставляетъ васъ просить воды.

При этихъ словахъ онъ вынулъ полбутылки пива въ кружку, которая стояла подлѣ него и подалъ гостю. Оливеръ поспѣшно схватилъ кружку и дрожащею рукою поднесъ къ губамъ. Хотя это было слабое пиво, однако онъ такъ изнемогъ, что выпивъ его, усталъ отъ усталости, безпокойства, страху и хмѣлю на стулѣ, самодовольно вздохнулъ и нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе.

— Ну, теперь вы напились, сказалъ кузнецъ. Чтò вамъ угодно? Кто васъ преслѣдовалъ? Я никого не выдалъ.

— Да! но меня преслѣдовали человекъ двадцать до самаго переулка, отвѣчалъ Оливеръ. Однако когда они увидѣли насъ обоихъ вмѣстѣ, то конечно потеряли смѣлость, съ которою нападали на одного.

— Перестаньте шутить, пріятель, возразилъ хозяинъ. Я сегодня въ худомъ расположеніи духа.

— Я не шучу, клянусь перескимъ святымъ Іоанномъ. Меня остановили и обидѣли самымъ низкимъ образомъ. Легкомысленный Давидъ Роесай и проклятый Раморни заставили меня выпить цѣлую бочку мальвазіи.

— Полноте говорить глупости; аптекарь вездѣ рассказываетъ что Раморни при смерти болѣвъ. Вы вѣрно ошиблись.

— Можетъ-быть, возразилъ Оливеръ. Но я готовъ поклясться, что узналъ шапки, которыя недавно шилъ для нихъ. Они имѣютъ особенный видъ и кромѣ того долженъ же я знать свою работу.

— Хорошо, можетъ-быть, васъ обидѣли, сказалъ Генри. Если

вы действительно находитесь въ опасности, то я сдѣлаю вамъ постель и вы сейчасъ должны лечь, потому что я сегодня не расположенъ болтать.

— Я охотно остался бы тутъ, но Магдалина разсердится.... Она знаетъ, что я не обращаю на это вниманія, но будетъ беспокоиться, не случилось ли со мною чего-нибудь. Она знаетъ, что я точно также какъ и вы, отвѣчаю на каждое слово ударомъ.

— Ну, идите домой; пусть она увидитъ свое сокровище въ безопасности.... На улицѣ тихо.... и откровенно скажу вамъ.... мнѣ хочется быть одному.

— Подождите еще немножко, мнѣ надобно поговорить съ вами, возразилъ Оливеръ, который прежде боялся остаться, а теперь, казалось, не хотѣлъ уйти. Въ городѣ много говорятъ о происшествіи, которое случилось на канунѣ святаго Валентина. Городской старшина сказалъ мнѣ, что онъ уговорился съ Дугласомъ.... споръ разрѣшится дуэлью. Нашъ старый знакомецъ Дикъ Дьяволъ переходитъ на сторону Дугласа и вельможъ, а кто-нибудь изъ насъ обонхъ будетъ стоять за гражданъ. Хотя я и дольше васъ нахожусь въ городскомъ совѣтѣ, однако по дружбѣ уступаю вамъ первое мѣсто, а самъ буду, пожалуй, скромнымъ палочникомъ *.

Не смотря на свое горе Генри Смитъ улыбнулся.

— Если это беспокоитъ васъ, то все легко устроить. Я не стану отнимать у васъ чести драться за городъ. Я принималъ участіе по-крайней-мѣрѣ въ двадцати дуэляхъ, а это уже много.... слишкомъ много. Вы, я думаю, рубили только своего деревяннаго султана.... Было бы несправедливо, безчестно, жестоко, употреблять во зло дружеское предложеніе. Идите домой, добрый пріятель, и не опасайтесь потерять случай отличиться.... Будьте увѣрены, вы отвѣтите на вызовъ; вы имѣете на то право, потому что этотъ грубіяня конюхъ обидѣлъ васъ.

— Благодарю, отъ всего сердца благодарю васъ, сказалъ Оливеръ, смущенный неожиданною уступчивостью своею пріятеля. Я всегда былъ увѣренъ, что вы расположены ко мнѣ. Но я очень люблю Генри Смита и не стану драться во вредъ ему. Клянусь святымъ Іоанномъ, я ни за что не поддамся соблазнительному предложенію; вѣдь вы не захотите, чтобы я не исполнилъ клятвы.

* *Палочникъ, stickler.* Такъ назывался у Шотландцевъ старшину секунданты дуэлистовъ, потому что нѣмъ съ собою палки, эмблему обязанности наблюдать за справедливымъ ходомъ дѣла,

— Послушайте, признайтесь.... вы трусь, Оливеръ; скажите разъ правду, нето я предоставляю вамъ окончить этотъ споръ.

— Помилуйте, добрый мой кумъ, вы знаете, я никогда не трушу, возражалъ шляпочникъ. Но признаюсь, это такой отчаянный разбойникъ.... притомъ у меня жена.... бѣдная Магдалина, вы знаете.... дѣти, а вы....

— А я.... что я?... у меня ихъ нѣтъ и не будетъ, съ досадою прервалъ Генри.

— Да, конечно.... въ такомъ случаѣ деритесь лучше вы за меня.

— Клянусь, надъ вами не трудно подшучивать, отвѣчалъ оружейникъ. Неужели вы такъ глушы и не понимаете, что сэръ Патрикъ Чартризь насмѣхался надъ вами? Неужели вы думаете, что онъ доверитъ честь нашего города такому человѣку, какъ вы? или что я уступаю вамъ въ подобномъ дѣлѣ. Богъ съ вами! идите домой. Пусть Магдалина надѣнетъ вамъ темный ночной колпакъ, закусите хорошенько, выпейте чистой водицы и вамъ можно будетъ побѣдить завтра своего деревяннаго болвана, котораго вы называете султаномъ. Онъ одинъ страдалъ отъ вашихъ ударовъ.

— А! такъ то, товарищъ? отвѣчалъ Оливеръ, который успокоился на счетъ дуэли, но считалъ обязанностью казаться обиженнымъ. Миѣ ни по чемъ ваше худое расположеніе духа; вы никогда не заставите меня выйти изъ терпѣнія. Полно.... мы кумовья и я въ вашемъ домѣ. Къ чему мѣряться силами двумъ лучшимъ перескскимъ рубакамъ? Да что! Я привыкъ къ вашему праву и прощаю вамъ.... Но дѣйствительно ли сошлись обѣ стороны?

— Совершенно, сказалъ кузнецъ. Городъ далъ кошелекъ золота, чтобы освободиться отъ докучливаго Оливера Праудфьюта; но этотъ кошелекъ долженъ кушать для городского старшины островъ Слнплесъ. Такимъ образомъ сэръ Патрикъ Чартризь получитъ Инчъ, * который насупротивъ его дома. Обѣ стороны будутъ удовлетворены.... Вѣдь то, что получаетъ предводитель, принадлежитъ городу. Сверхъ того Дугласъ выѣхалъ изъ Пероа и отравился на югъ, въ Англію. Говорятъ Англичане собираются на границъ, потому что ихъ созвалъ хитрый графъ Марчъ.... И прекрасный нашъ городъ освобожденъ отъ Дугласа и его свиты.

— Но, во имя святаго Іоанна! какъ все это сдѣлалось? спросилъ Оливеръ. Вѣдь никто не говорилъ объ этомъ?

* Большое поле посреди города Пероа.

— Видите ли, вотъ въ чемъ, кажется, было дѣло. Человѣкъ, которому я отрубилъ руку, говорятъ, служилъ у сэра Джона Раморни. Онъ убѣжалъ на родину въ сѣверо-восточное графство, куда всякій честный человѣкъ согласится оселать и сэра Джона.... Но всё дѣла сэра Джона Раморни касаются и до болѣе важной особы.... По крайней-мѣрѣ, я думаю, Симонъ Глѣверъ говорилъ это сэру Патрику Чартризу. Если я отгадалъ истину, то благодарю небо и всѣхъ святыхъ, что я не убилъ человѣка на лѣстницѣ.

— И я тоже благодарю небо и всѣхъ святыхъ, сказалъ Оливеръ: вы знаете.... я былъ тогда подаѣ васъ и....

— Перестаньте говорить объ этомъ и возмитесь за умъ.... Убийство принцевъ строго наказываютъ.... лучше не трогать подковы покуда она не охладѣла. Но теперь все устроилось....

— Ну, если такъ, то у меня есть причина сердится на сэра Патрика Чартриза, который, будучи городскимъ предводителемъ, шутить честию почтеннаго гражданина.

— Совѣтую вамъ, Оливеръ, вызвать его въ поле; онъ спуститъ на васъ свору собакъ. Но между тѣмъ, какъ вы болтаете, на улицѣ становится все темнѣе и темнѣе.

— Мнѣ надобно сказать вамъ еще одно слово, кумъ. Но дайте мнѣ сперва еще кружку пива.

— Тѣу пропасть! Вотъ вамъ.... пейте сколько угодно.

Оливеръ взялъ другую кружку пива и сталъ медленно пить, чтобы выиграть время и раздумать ходъ второй части разговору.

Предметъ казался ему очень щекотливымъ при худомъ расположеніи духа кузнеца.

Онъ не могъ выдумать ничего замысловатаго и сказалъ наконецъ:

— Я видѣлъ сегодня Симона Глѣвера.

— Ну, если вы его видѣли, то мнѣ до этого что за дѣло? спросилъ кузнецъ съ мрачнымъ выраженіемъ.

— Ничего ничего, отвѣчалъ шляпочникъ, блѣднѣя.

Я только думалъ, не худо бы извѣстить васъ, что Симонъ спрашивалъ.... не выдалъ-ли я васъ въ день святаго Валентина послѣ суматохи въ доминиканскомъ монастырѣ....

— И вы вѣрно отвѣчали, что видѣли меня въ темной улицѣ съ пѣвицею.

— Вы знаете, Генри, я не имѣю дару лгать; но я все устроилъ прекрасно.

— Какъ такъ!

— Да вот какъ! Послушайте Симонъ, сказалъ я, вы уже старикъ и не знаете какая кровь течетъ въ жилахъ молодыхъ людей. Вы, вѣрно, думаете, что онъ заботится объ этой дѣвушкѣ, сказалъ я, и что она гдѣ нибудь спрятана въ Перевъ? Совсѣмъ нѣтъ; я это знаю, сказалъ я, и готовъ поклясться, что она уѣхала на другой день рано утромъ въ Денди. Чтѣ? Славно я васъ выпуталъ?

— Чудесно! я такъ и думалъ. Къ моему несчастію надобно было еще, чтобы такой оселъ, какъ вы, наступилъ мнѣ ногою на голову и совсѣмъ потопилъ меня. Убирайтесь вонъ.... Стоить такому болтуву свернуть шею.... Убирайтесь вонъ.... говорить вамъ, или я выброшу васъ за дверь.

— Ха, ха, ха! воскричалъ Оливеръ, стараясь засмѣяться: такъ могъ какъ! Но проводите меня, кумъ, для прпровожденія времени до Миллвицеля, гдѣ мой домъ.

— Чортъ бы васъ побралъ!

— Я славно поподчую васъ виномъ, если вы пойдете со мною, сказалъ Оливеръ.

— А я поподчую васъ палкою, если вы не уйдете! возразилъ Генри.

— Ну, такъ я уйду и надѣну ваше полукафтанье и стальную цеску. Я пойду съ такимъ же шумомъ какъ и вы, и стану насвистывать вашу любимую пѣсню о лонкэртійскихъ переломанныхъ костяхъ. Если меня примутъ за васъ, то и четверо не посмѣютъ подойти....

— Надѣвайте, чтѣ хотите, только убирайтесь.

— Хорошо, хорошо, мы увидимся, когда вы будете въ лучшемъ расположеніи духа, сказалъ Оливеръ, который уже одѣлся.

— Идите.... и я хотѣлъ бы никогда больше не видать вашего глупаго лица.

Оливеръ наконецъ вышелъ. Онъ, какъ могъ, подражалъ смѣлой и вольной походкѣ своего страшнаго пріятеля и насвистывалъ его любимую пѣсню. Но когда добрый, хотя и занятый собою Оливеръ вышелъ изъ переулка и поворотилъ въ большую улицу, его ударилъ сзади и онъ упалъ за-мертво; шляпочникъ попытался пробернотать ния Генри, у котораго всегда просилъ помощи, но это ния замерло на губахъ умирающаго.

XVII.

Воротимся къ толпѣ весельчаковъ , которые полчаса тому назадъ хохотали надъ прыжками несчастнаго шляпочника. Насмѣявшись вдоволь , они продолжали свою прогулку , оставившая и пугая всѣхъ , кто имъ попадался навстрѣчу ; но надобно сказать правду , они никому не наносили грубыхъ обидъ. Утомившись отъ продолжительной ходьбы , начальникъ приказалъ собраться всѣмъ вокругъ него.

— Храбрые и мудрые совѣтники , сказалъ онъ , мы настоящій король надъ всѣмъ чѣмъ стѣишь управлять въ Шотландіи. Мы забываемъ время , когда у насъ идетъ круговая чаша , красота смягчается , легкомысліе пробудилось , а благоразуміе уснуло въ своей норѣ. Предоставляемъ нашему намѣстнику , королю Роберту , властвовать надъ гордыми дворянами , удовлетворять жадность духовенства. Пусть онъ покоряетъ дикарей горцевъ и уничтожаетъ кровавые споры.... Какъ мы властвуемъ надъ миромъ и удовольствіями , то должны всѣми силами стараться утѣшить тѣхъ , которые принуждены проводить время въ печали. Я говорю о сэрѣ Джонѣ Раморни. Мы не видали его со дня святаго Валентина. И хотя мы знаемъ , что онъ немного ушибся , всё-таки не понимаемъ , отчего онъ не пришелъ къ намъ на поклонъ , какъ истинный вѣрноподанный.... Послушайте , царь винаго мѣха , приглашали вы законнымъ образомъ сэра Джона принять участіе въ сегодняшней прогулкѣ ?

— Да , милордъ.

— Сказали вы , что мы отміняемъ на сегодняшнюю ночь его ссылку ? Потому что , если высшая власть устроила это дѣло , то мы можемъ по-крайней мѣрѣ весело проститься со старымъ пріателемъ.

— Я передамъ ему все это , милордъ , отвѣчалъ герольдъ.

— И онъ не написалъ ни словечка , несмотря что считаетъ себя великимъ писакой ?

— Онъ спалъ , милордъ , и я не видалъ его. Миѣ сказали , сэръ Джонъ никого не принимаетъ , потому что онъ разшибся и опечаленъ немилостью двора. Онъ боится обидъ , потому что граждане преслѣдовали его и двухъ слугъ до самаго монастыря. Слугъ этихъ послали въ Фейвское графство , чтобы они не проболтались.

— И прекрасно сдѣлали , сказалъ принцъ. Товарищей болтунъ не худосылать подальше. Но отсутствіе сэра Джона въ праздникъ , къ которому давно уже приготовлялись , есть измѣна , со-

вершенное непослушаніе. Если онъ дѣйствительно долженъ сидѣть дома изъ-за болѣзни и печали, то намъ надобно посѣтить его. Наше присутствіе и поцѣлуй виновнаго мѣха будутъ лучшими лекарствомъ.... Впередъ конюхи, пѣвцы, тѣлохранители и свита! Поднимайте выше эмблему нашего званія.... поднимайте виновный мѣхъ, говорю вамъ! Пусть самые твердые несутъ его; ноша тяжела и драгоценна! Теперь пойдите, милорды, и пусть музыканты играютъ самые веселые и шумные марши.

Они продолжали свой путь полушьяные отъ вина и веселья; многочисленные факелы освѣщали краснымъ свѣтомъ маленькія окна узкихъ улицъ, а иногда мужчинъ въ ночныхъ колпакахъ и женщинъ, которые украдкою смотрѣли, кто нарушаетъ ночную тишину. Наконецъ веселая толпа остановилась передъ домомъ сэра Джона Раморни.

Они стали стучать и кричать; общали отомстить тому, кто не отворялъ рѣшетку. Наконецъ погрозили посадить въ бочку въ Мессморѣ или темницѣ феодаднаго замка принца Препровожденія Времени, то есть въ пивной погребъ. Но Эво, пажъ Раморни, слышалъ стукъ и зналъ кто шумитъ. Вспомнивъ положеніе своего господина, онъ думалъ, что лучше не отвѣчать на стукъ. Пажъ надѣялся, что гулякамъ наскучитъ ждать и они уйдутъ. Спальная сэра Джона выходила въ садъ и шумъ не былъ такъ слышенъ. Онъ довѣрился крѣпости наружныхъ дверей и думалъ дать имъ ломиться въ домъ, покуда они устанутъ или отрезятся. Гуляки дѣйствительно перестали стучаться и, казалось, устали; но принцъ назвалъ ихъ лѣнивыми и скучными обожателями веселья и вина.

— Принесите ключъ, который лежитъ тамъ и приложите его къ дверямъ, сказалъ онъ.

Предметъ, на который принцъ указалъ и назвалъ ключемъ, было огромное бревно, лежавшее посреди улицы.

Индійскіе стрѣлки тотчасъ же схватили его, подняли и съ размаху такъ сильно ударили, что замокъ и запоръ едва не сломались. Эво не хотѣлъ ждать конца этаго приступа; онъ вышелъ на дворъ, для формы сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ и приказавъ отворить ворота, какъ-будто теперь только узналъ ночныхъ посѣтителей.

— Невѣрный рабъ измѣнника, сказалъ принцъ, гдѣ нашъ въ рокомный подданный, сэръ Джонъ Раморни, который не послушался моихъ приказаній.

— Милордъ, сказалъ Эво, преклоняясь передъ истиннымъ и

маскираднымъ принципомъ: мой господинъ теперь очень нездоровъ.... онъ принялъ сонное питье.... и.... ваше высочество извините меня, если я, исполнивъ свою обязанность, скажу, что съ мойнъ господиномъ никто не можетъ говорить.... Это убьетъ его.

— Не говори мнѣ объ опасностяхъ, почтеннѣйшій Тевъо.... Чевъо.... Эвъо.... какъ тебя тамъ зовутъ? Веди меня въ комнату своего господина или отвори лучше дверь.... я самъ сыщу сэра Джона.... Подымайте мѣхъ выше, славные мои товарищи.... и смотрите, капли не пролейте. Бахъ подарилъ насъ виномъ, чтобы лечить тѣлесныя болѣзни и душевную печаль. Впередъ.... держите выше благословенный сосудъ, въ которомъ хранится эта драгоценная жидкость.

Принцъ хорошо зналъ расположеніе комнатъ и взбѣжалъ на верхъ. Эвъо слѣдовалъ за нимъ и напрасно просилъ не шумѣть. Черезъ нѣсколько минутъ принцъ со всею свитою ворвался въ комнату больного.

Тотъ, кто знаетъ дѣйствіе опиума, можетъ легко представить себѣ чувства сэра Джона, разбуженнаго ужаснымъ шумомъ. Кроме того въ головѣ Раморни роились мысли о страшномъ приказаніи убить кузнеца. Такому пробужденію можно бы предпочесть вѣчный сонъ. Раморни такъ страшно застоналъ отъ боли, что молодые весельчаки нѣсколько времени стояли точно окаменѣлые. Больной, не перемѣняя положенія, въ которомъ сналъ, мрачно водилъ глазами по комнатѣ, наполненной фантастическими лицами; не совсѣмъ еще собравшись съ мыслями, онъ прошепталъ:

— Такъ, значитъ, легенды не лгутъ! Вотъ дьяволы и я проклять на вѣкъ! Хотя огня и не видно, однако онъ жжетъ.... онъ жжетъ мое сердце, которое горитъ, точно въ горнилѣ.

Между тѣмъ, какъ онъ съ ужасомъ смотрѣлъ вокругъ себя и старался собраться съ мыслями, Эвъо упалъ передъ принципомъ на колѣни и умолялъ приказать свитѣ удалиться.

— Эта сцена, сказалъ онъ, можетъ убить моего господина.

— Не бойся, Чевъо, возразилъ герцогъ Роэсай: если бы онъ уже боролся со смертью, то у насъ есть средство прогнать дьявола.... Поднесите сюда мѣхъ.

— Если онъ теперь выплетъ каплю вина, то непременно умретъ, сказалъ Эвъо.

— Ну, такъ кто-нибудь долженъ выпить за твоего господина и онъ оттого выздоровѣетъ.... пусть нашъ могущественный Бахъ возвратитъ больному спокойствіе сердца и придастъ воображенію легкость. А вѣрный слуга, который выплетъ за сэра Джона до-

становитъ его тошноту, боль, судороги, печальные глаза и прочія немочи, безъ которыхъ намъ было бы очень пріятно жить на свѣтѣ... Что ты скажешь Эвю? хочешь ли быть вѣрнымъ слугою и выпить за твоего господина?... Мы тогда уйдемъ, потому что намъ подданный очень страшно осматривается.

— Я готовъ употребить всѣ средства къ спасенію сэра Джона но тутъ есть человѣкъ, который охотно исполнитъ ваше предложеніе и поблагодаритъ еще сверхъ того.

— Кто это? спросилъ принцъ. Мясникъ, который только что воротился съ бойни.... Развѣ мясникамъ есть дѣло наканувѣ великаго поста? Фу, какъ онъ пахнетъ кровью!

Принцъ говорилъ о Бонтропѣ, который удивался шуму въ домѣ, куда надѣялся воротиться въ тишинѣ и во мракѣ. Совершенно поглупѣвъ отъ вина, которое уже успѣлъ выпить, онъ, стоялъ въ дверяхъ въ окровавленномъ полукафтанѣ и съ сѣкпю, и безмысленно смотрѣлъ на наряженныхъ. Молодые гуляки неволью почувствовали страхъ и омерзѣніе при видѣ этого ужаснаго человѣка.

Въ ту минуту, какъ ему подавали мѣхъ и онъ протягивалъ значканныя руки, чтобы схватить его, принцъ вскричалъ:

— Ведите его на низъ! Пусть этотъ злодѣй не пьетъ въ нашемъ присутствіи; дайте ему другой сосудъ, а не мѣхъ, эмблему нашего веселья.... лучше всего бить бы ему свиной мѣхъ. Прочь съ моихъ глазъ! затопите его виномъ за воздержность сэра Джона. Оставьте меня одного съ сэромъ Джономъ и Эвю; клянусь честью, мнѣ не нравятся эти страшные глаза.

Свита принца вышла, остался одинъ Эвю.

— Я боюсь, сказалъ принцъ, подходя къ постели больного, я боюсь, мой любезный сэръ Джонъ, что вамъ не нравится это посѣщеніе; но вы сами виноваты. Помните нашъ уговоръ? вы должны были принять участіе въ сегодняшнемъ весельи, и не пришли ко мнѣ съ самаго дня святаго Валентина.... а теперь уже заговѣнье. Это непослушаніе, измѣна нашему царству веселья и статуту виннаго мѣха.

Раморин поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на принца; потомъ знаками приказалъ Эвю подать питье. Пажъ поднесъ большую чашку травяной воды и больной съ поспѣшностью протянулъ къ ней губы. Онъ выпилъ возбуждательное питье, которое аптекарь нарочно сдѣлалъ, и по видимому пришелъ въ себя.

— Дайте мнѣ пощупать вашъ пульсъ, любезный Раморин, про-

должалъ принцъ: я знаю кое-что изъ этого ремесла.... Какъ? Вы подаете мнѣ лѣвую руку, сэръ Джонъ?... это неправильно по законамъ этикетности и медицины.

— Правая рука уже исполнила свой послѣдній долгъ на службѣ вашему высочеству, возразилъ брѣвнѣй тихнѣй изволнованнымъ голосомъ.

— Что вы говорите? спросилъ принцъ. Я знаю, что вашъ слуга Блэкъ Гивентинъ потерялъ руку; но онъavorуетъ другою столько же сколько и двумя; значитъ въ судьбѣ его ничего не переишло.

— Не онъ потерялъ руку на службѣ вашему высочеству... а я.... Джонъ Раморнъ.

— Вы! вскричалъ принцъ. Вы шутите, или еще не совсемъ оправдали отъ приему соннаво питья.

— Союзъ всего египетскаго маку не будетъ имѣть дѣйствія, когда я посмотрю на такое зрѣлище, возразилъ Раморнъ и въ ту же минуту вынулъ изъ подъ одѣла правую руку, обернутую перевязками, и протянулъ къ принцу.

— Если бы эти тряпки были сняты, ваше высочество, вы увидѣли бы опрочавленную руку, которой кисть вынимала шпагу при малѣйшемъ знакѣ вашей милости.

Росай съ ужасомъ отступилъ.

— Это надобно отомстить! вскричалъ онъ.

— Я уже отомщенъ отчасти, сказалъ Раморнъ, потому что мнѣ показалось, будто Бонтрапъ находился съ другими демонами, когда я видѣлъ адъ, который померещился мнѣ при пробужденіи. Эво, позови его.... то есть, если онъ еще въ состояніи ходить.

Эво вышелъ и скоро воротился съ Бонтрапомъ, котораго онъ только что спасъ отъ втораго мѣху вина. Убийца успѣлъ уже вынуть одишъ и это, казалось, не произвело на него никакого дѣйствія.

— Эво, сказалъ принцъ, не подпускай этого скота ко мнѣ. Моя душа кажется отстываетъ передъ нимъ отъ страха и омерзѣнія; въ глазахъ его есть что-то нечеловѣческое. Я дрожу передъ нимъ точно передъ презрѣнною змѣею, отъ которой дождусь бѣды.

— Послушайте его сперва, милордъ, отвѣчалъ Раморнъ. Никто не говоритъ такъ мало, какъ онъ.... Имѣлъ ты съ нимъ дѣло, Бонтрапъ?

Убийца поднялъ топоръ, который держалъ еще въ рукахъ, и показалъ острѣе.

— Хорошо; как ты его узнал? Говорятъ, теперь темно.

— По платью, походкѣ и по голосу.

— Хорошо, выйди вонъ!... Эвъо, дай ему вина и золота, чтобы угодить его скотскую жажду.... Убирайся!... вди и ты съ нимъ, Эвъо!...

— Кого же онъ убилъ? спросилъ принцъ, успокоившійся послѣ страху, который чувствовалъ въ присутствіи убійцы. Я надѣюсь, это только шутка? Или, признаюсь, это ужасный поступокъ. Кто тотъ несчастный, котораго отдали въ руки такого страшнаго убійцы?

— Это чедовѣкъ, который стоилъ не много больше его, отвѣчалъ больной; незначительный ремесленникъ, которому судьба однако дала силу сдѣлать Раморни уродомъ.... пусть будетъ проклята душа его! Смерть его только самая маленькая часть моей мести! Я буду говорить коротко, потому что мысли у меня опять перепутываются.... Ваша жизнь въ опасности, милордъ,... я это дѣйствіе знаю.... вы побѣдили Дугласа, обидѣли дядю.... разгнѣвали отца.... но послѣднее было бы малостью безъ двухъ первыхъ бѣдъ.

— Мнѣ очень жаль, что я разгнѣвалъ отца, сказалъ принцъ, совершенно забывъ объ убіеніи ремесленника при мысли о такихъ важныхъ вещахъ; но если я буду живъ, то могущество Дугласа будетъ уничтожено, а хитрости Ольбени ни къ чему не послужать.

— Въ томъ-то и дѣло.... если.... если.... сказалъ больной. Съ такими противниками нельзя полагаться на *если* и *но*.... вы должны рѣшиться побѣдить или покориться.

— Что вы говорите, Раморни? Вы въ горячкѣ и бредите, отвѣчалъ Роесай.

— Нѣтъ, милордъ. Если бы я сталъ мстить самымъ ужаснымъ образомъ, то теперешнія мысли оправдали бы эту мстительность. Можетъ быть сожалѣніе о несправивной бѣдѣ приводитъ меня въ отчаяніе, а боязнь за вашу безопасность заставляетъ меня приняться за отважныя предпріятія; но я въ полномъ разумѣ, когда говорю, что если вы желаете носить шотландскую корону.... скажу даже болѣе.... если вы хотите еще разъ встрѣтить дель святаго Валентина, вы должны....

— Что *долженъ* я сдѣлать, Раморни?... спросилъ принцъ съ достоинствомъ. Надѣюсь, ничего низкаго?...

— Ничего, конечно ничего недостойнаго наследника шотланд-

скаго престола, если лѣтопись вѣрно передастъ ваши дѣянія; но принцъ мимовѣ и насокъ можетъ испугаться этого.

— Вы строги, сэръ Джонъ, съ неудовольствіемъ сказалъ Роесай: но вы дорого купили право порицать насъ.... Это вамъ стоило большой потери на службѣ вашего господина.

— Милордъ Роесай, сказалъ кавалеръ, хирургъ говорилъ мнѣ.... чѣмъ больнѣе для меня прикосновеніе инструментовъ, тѣмъ вѣрнѣе я выздоровлю. Оттого я не поколеблюсь затронуть вашу пекотливость, если это можетъ спасти вашу жизнь. Вы уже слишкомъ давно заняты однимъ легкомысленнымъ весельемъ; вы должны выказать теперь благоразуміе или позволить раздавить себя точно бабочку на цвѣтахъ.

— Знаю я цѣль вашихъ наравоученій, сэръ Джонъ; вамъ надоѣли пріятныя занятія.... что монахи называютъ грѣхами. Убіенство возвысило бы пріятность попойки, точно оливки возвышаютъ вкусъ вина. Чтѣ касается до меня, мои величайшія преступленія только легкомысленныя шалости; я не люблю крови и презираю преступленія; я не могу видѣть ихъ, не люблю слушать рассказы объ убійствахъ... Если я буду королемъ, то молодые Шотландцы станутъ держать одною рукою бутылку, а другою любовницу. Управлять станутъ поцѣлуями и стаканами, а не книжаломъ и цѣпями. На моей могилѣ напишутъ: «Здѣсь покоится Робертъ-Четвертый по своему имени; онъ не выигрывалъ сраженій, какъ Робертъ-Первый; не сдѣлался изъ графа королемъ, какъ Робертъ-Второй; не основалъ церквей, какъ Робертъ-Третій: все его честолюбіе ограничивалось желаніемъ жить и умереть королемъ весельчакомъ.» Я завидую только тому изъ моихъ предковъ двухъ послѣднихъ столѣтій, о которомъ говорятъ: «Нашъ старикъ король любилъ выпить вдоволь.

— Ваше высочество, сказалъ Раморин, позвольте напомнить вамъ.... ваше веселье бываетъ иногда причиною великихъ бѣдъ. Если бы я потерялъ руку, сражаясь противъ котораго-нибудь изъ двухъ вашихъ враговъ, то не жаловался бы на свое несчастье. Но носивши шлемъ и кольчугу, я принужденъ одѣваться теперь въ юбки изъ-за легкомысленнаго предпріятія....

— Ну, опять! сэръ Джонъ, прервалъ неблагоуразумный принцъ. Къ чему вы мнѣ все показываете окровавленную руку, точно привидѣніе Гэскхоля, которое бросило сэру Вильяму Веллеку свою голову *. Вы гораздо неблагоуразумнѣе самого Фовдіона, потому

* Принцъ намекаетъ на преданіе, которое сохранилось въ поэмі о Вал-

что Валлекъ отрубилъ ему голову въ минуту гнѣву, а я отдалъ бы все, чтобы возвратить вамъ потерянную руку. Но какъ этого нельзя сдѣлать, то я дамъ руку, похожую на стальную руку стараго рыцаря Кэрлоджа, которою онъ могъ клясться друзьями, ласкать жену, побѣждать враговъ и дѣлать то, чего не въ состояніи исполнить обыкновенная рука. Будьте увѣрены сэръ Джонъ, у насъ много есть лишняго: человѣкъ можетъ видѣть однимъ глазомъ, слышать однимъ ухомъ, ослзать одною рукой, нюхать одной поздрую. Къ чему намъ вѣтъ всего этого по два? Не понимаю.... Развѣ для замѣны въ случаѣ потери одного.

Сэръ Джонъ отворотился и глухо простоналъ.

— Право, сэръ Джонъ, я не шучу, продолжалъ принцъ. Вы лучше меня знаете легенду о стальной рукѣ Кэрлоджа, вѣдь онъ былъ вашимъ сосѣдомъ. Въ то время такія удивительныя вещи дѣлались только въ Римѣ; но я готовъ биться объ закладъ, что если бы Генри Виадъ видѣлъ эту руку, то сдѣлалъ бы точно такую же не хуже лучшихъ римскихъ оружейниковъ, которые даютъ кардиналамъ благословлять свои произведенія.

— Я побился бы объ закладъ, милордъ, возразилъ Раморин съ горечью, но теперь шутить нечего. Вы отставили меня отъ мѣста по приказанію дяди....

— По приказанію отца, отвѣчалъ принцъ.

— Которымъ управляетъ вашъ дядя, продолжалъ Раморин. Я теперь въ немилости и брошенъ точно вещь совершенно ненужная.... Я очень похожу на перчатку моей правой руки. Однако голова моя много можетъ сдѣлать для васъ, хотя рука и не принесетъ ни какой пользы. Расположены ли вы выслушать вещь очень важную?... потому что я истощенъ.... я теряю силы....

— Говорите, сказалъ принцъ: ваша рана заставляетъ меня слушаться васъ. Эта окровавленная рука преслѣдуетъ меня точно упрекающее привидѣніе. Говорите, но прошу васъ, не употреблите этого позволенія во зло.

— Я буду говорить какъ можно короче, для себя и для васъ; мнѣ не много надобно сказать. Дугласъ начальствуетъ надъ своимъ флотомъ. Онъ хочетъ собрать во имя короля Роберта трид-

цать сѣрнаго менестреля Хэрри. Шотландскій рыцарь убилъ кавалера Фовдіона, котораго подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Валлекъ находился однажды въ старомъ замкѣ Гэскхолѣ. Вдругъ вошелъ Фовдіонъ съ головою въ рукахъ и бросилъ ее рыцарю въ лицо.

пять тысяч пограничных жителей, которыхъ скоро поведутъ въ Шотландію, чтобы доставить герцога Россей дачу Марджорей всѣ права и преимущества герцогини. Король Робертъ согласился на всѣ предложенія, чтобы возстановить миръ.... Что сдѣлаетъ герцогъ Россей?

— Герцогъ Россей любитъ миръ, надменно сказалъ принцъ, но онъ никогда не боялся войны; прежде нежели онъ раздѣлится съ Марджорей столъ и ложе, Дугласъ будетъ шотландскимъ королемъ.

— Хорошо!... Но это не главная опасность, потому Дугласъ не скрываетъ своихъ намѣреній, а грозитъ.

— Что за важная тайна не даетъ намъ спать? Я усталъ, вы ранены и даже факеламъ, кажется, надобно слушать нашъ длинный разговоръ....

— Скажите мнѣ, кто управляетъ Шотландією? спросилъ Раморн.

— Робертъ, третій по имени, отвѣчалъ принцъ, снимая шапку; дай ему Богъ долго держать скипетръ.

— Правда, аминь! сказалъ Раморн; но кто управляетъ королемъ Робертомъ, кто предписываетъ все, что добрый король долженъ исполнять?

— Милордъ Ольбени, хотите вы сказать? возразилъ принцъ. Да, правда, мой отецъ почти совершенно слѣдуетъ совѣтамъ своего брата; мы не можемъ упрекнуть его въ этомъ; сынъ ему такая худая помощь...

— Такъ поможемъ ему, милордъ. Я знаю страшную тайну... Ольбени предложилъ мнѣ перейти на свою сторону, чтобы погубить васъ. Онъ обѣщаетъ мнѣ прощенье и великія милости.

— Что?... погубить меня? Я думаю, вы хотите сказать... отнять у меня королевство? Это было бы ужасное беззаконіе!... Онъ братъ моего отца... они сидѣли на колѣняхъ одного отца... лежали на груди одной матери... Полноте! большаго во всемъ можно увѣрить!

— Увѣрить! право, для меня новость названіе легковѣрнаго. Но человѣкъ, котораго Ольбени употребилъ посредникомъ, такъ ужасенъ, что отъ него вѣтъ преступленіемъ.... Даже лекарства, которые онъ приготовилъ, отзываются ядомъ....

— Да, такой человѣкъ въ состояніи обезславить святаго. Въ этотъ разъ вы обмануты, Раморн.... будьте увѣрены. Мой дядя Ольбени, честолюбивъ и хотѣлъ бы присвоить себѣ и своей фамиліи власть, которой не имѣетъ. Но нельзя предполагать, что-

бы онъ думалъ убить или лишитъ престола сына родного брата.... Полноте, Раморни, вы заставляете меня повторить старую посылку.... у страха глаза велики.... Васъ перепугали подозрѣнія; вы, вѣрно, не слышали ничего подобнаго.

— Ваше высочество въ ужасномъ заблужденіи; но я окончу то, что хотѣлъ сказать вамъ. Герцога Ольбени презираютъ всё за жадность и скуность.... Ваше высочество больше любить нежели....

Раморни нерѣшительно остановился, а принцъ хладнокровно продолжалъ:

— Больше любить нежели уважаютъ? Этого-то я и хочу, Раморни.

— То есть, васъ больше любить нежели бояться, сказалъ Раморни, а это очень невѣрное положеніе для принца. Но дайте мнѣ честное слово навалера, что вы подтвердите всё мои предложенія, одолжите печать, чтобы собрать отъ вашего имени друзей, и Ольбени потеряетъ власть при дворѣ.... Она только тогда возвратится къ нему, когда кисть моей обезображенной руки займетъ прежнее мѣсто и будетъ исполнять мои желанія.

— Вы вѣрно не осмѣлитесь пролить королевскую кровь? спросилъ принцъ глухимъ голосомъ.

— Полноте, милордъ; крови совсѣмъ не нужно проливать; жизнь можетъ сама угаснуть. Огонь, который не поддерживаютъ свѣжій масломъ или отдаютъ на волю вѣтра, задрожитъ и наконецъ угаснетъ. Дать человѣку умереть не значить убить его.

— Правда.... я забылъ эту политику. Если мой дядя перестанетъ жить,—кажется вы это хотѣли сказать,—то кто же станетъ управлять шотландскимъ дворомъ.

— Робертъ-Третій и высокій, могущественный герцогъ Давидъ Роесай, намѣстникъ королевства и наследникъ короля. Я увѣренъ, что добрый король, уставшій отъ трудовъ и безпокойства своего сана, отдастъ власть въ ваши руки. Такимъ образомъ да здравствуетъ нашъ молодой король Робертъ-Четвертый.

— А нашъ отецъ и предшественникъ? спросилъ Роесай: позволить ему жить и молиться? дадутъ ему умереть естественною смертью? или онъ по какому нибудь нечаянному случаю перестанетъ жить и переимѣнитъ темницу или монастырь (что все равно) на холодное безмолвное жилище, гдѣ по словамъ монаховъ, мысленные люди перестаютъ дѣлать зло, а угнетенные отдыхаютъ.

— Вы шутите, милордъ, возразилъ Раморни. Покусаться на жизнь добраго короля было бы неестественно и неблагоразумно.

— Зачѣмъ отступать, отвѣчалъ принцъ мрачнымъ голосомъ, когда весь вашъ планъ состоитъ изъ преступленій и худо скрытаго честолюбія. Если шотландскій король едва можетъ справиться съ дворянствомъ, выставляя свое честное незапятнанное имя, то кто же станетъ слушаться принца, который убилъ дядю и заключилъ отца въ темницу? Да, такая политика возмутитъ даже ядопоклонниковъ, а о христіанахъ и говорить нечего.... Вы были моимъ менторомъ, Раморни, и я по справедливости могу указать на ваши поученія и примѣры, когда меня обвиняютъ въ легкомысліи. Безъ васъ я можетъ-быть не стоялъ бы теперь, ночью, въ дурацкомъ платьѣ, продолжалъ принцъ, поглядывая на свой нарядъ, не слушалъ бы честолюбца, который совѣтуетъ убить дядю и лишить престола лучшаго изъ отцовъ. Если я также виноватъ въ своемъ униженіи, какъ и вы, то было бы несправедливо, чтобы вы страдали одни. Но не осмѣливайтесь возобновлять мерзкихъ предложеній! или я доведу на васъ отца, герцогу Ольбена, всей Шотландіи! На каждомъ позорномъ крестѣ будетъ висѣть кусочекъ трупы измѣнника, который осмѣлился предложить подобныя вещи послѣднику шотландскаго трона! Я для вашей чести надѣюсь, что это было только дѣйствіе разгоряченнаго большаго воображенія.

— Право, милордъ, отвѣчалъ Раморни, если я сказалъ вашему высочеству что иибудь обидное, то это было изъясненіе моей преданности, смѣшанное съ теперешнею слабостью моего ума. Изъ всѣхъ людей я всего менѣе могу обладать честолюбіемъ! Да, всѣ мои желанія должны ограничиться перемѣною копы и сѣдла на часовню и исповѣдальню. Лидоризскій монастырь приметъ бѣднаго обезображеннаго кавалера Раморни, который будетъ имѣть время раздумать о судьбѣ человѣческой.

— Это хорошее намѣреніе, отвѣчалъ принцъ, и мы будемъ покровительствовать ему. Я думалъ, что мы разстанемся на короткое время, но теперь мы должны разлучиться навсегда. Послѣ нашего разговору намъ не слѣдуетъ жить вмѣстѣ. Но мы богато украсимъ лидоризскій монастырь, или то мѣсто, гдѣ вы найдете убѣжище.... Прощайте, сэръ Джонъ Раморни, спите..... спите.... и забудьте нашъ разговоръ, въ которомъ, кажется, играли главную роль ваша болѣзнь и моя хитрость.... Эвъо проводить меня.

Эвъо созвалъ свиту принца, которая дремала на лѣстницѣ и въ передней.

— Есть ли между вами человекъ трезвый? спросилъ Россай съ отвращеніемъ, смотря на своихъ товарищей.

— Никто, никто! закричали всѣ. Никто не измѣнилъ императору веселья.

— Чтò? вы всѣ стали скотами?

— Чтобы угодить и подражать вашей милости, возразилъ молодой человекъ изъ свиты: но если мы отстаемъ, то достаточно будетъ глотка изъ....

— Замолчи, скотина! сказалъ принцъ. Спрашиваю, есть ли между вами человекъ трезвый?

— Да, благородный принцъ, отвѣчалъ кто-то: между нами нашелся измѣнникъ, Англичанинъ Ваткинсъ.

— Поди сюда, Ваткинсъ, посвѣти мнѣ. Подай плащъ и другую шапку, подбери это тряпье, продолжалъ онъ, кидая на землю свою корону. Если бы мнѣ можно было бросить также свое легкомысліе!.... Англичанинъ Ваткинсъ, ты одинъ будешь прислуживать мнѣ; а вы, прочіе, перестаньте дурачиться, бросьте свои шары и маски. Карнавалъ кончился, начинается постъ.

— Нашъ монархъ бросаетъ сегодня веселье раньше обыкновеннаго, сказалъ кто-то изъ свиты.

Но принцъ не одобрилъ этой шутки. Пьяная толпа, удивляясь своей хмѣли, старалась принять трезвый видъ и скрыть свое состояніе самымъ неловкимъ образомъ. Принцъ между-тѣмъ поспѣшно одѣлся и пошелъ съ единственнымъ трезвымъ человекомъ. Сходя съ лѣстницы онъ споткнулся на заснувшего Бонтрова.

— Чтò это? вскричалъ принцъ съ гнѣвомъ и омерзѣніемъ: эта тварь опять у меня на дорогѣ? Эй, кто-нибудь.... бросьте его въ конюшню и вымойте въ первый разъ въ жизни.

Бонтрова потащили къ фонтану, который былъ посерединѣ двора. Между-тѣмъ какъ убійца выдерживалъ наказаніе, принцъ отправился въ такъ называемый констебльскій домъ, гдѣ находился его покой. Домъ этотъ принадлежалъ графу Эрлю.

На дорогѣ принцъ спросилъ своего товарища, для развлеченія отъ мрачныхъ мыслей, почему онъ остался трезвъ, когда всѣ едва держались на ногахъ?

— Если вашему высочеству угодно знать это, отвѣчалъ Англичанинъ Ваткинсъ, то признаюсь, я всегда воздерживаюсь отъ вина, когда ваша свита упивается. Они всѣ Шотландцы, и я думаю, что лучше всего не напиваться вмѣстѣ съ ними. Они едва сносятъ мое присутствіе, когда трезвы; но если бы я присоединился

къ нимъ, то вѣрно сдѣлаютъ бы что-нибудь несправедливое... и мнѣ отплатили бы за это отъмѣняющаго ударомъ кинжала, сколько въ вашей свѣтѣ людей.

— Значитъ, ты никогда не намѣренъ принимать участія въ нашихъ попойкахъ?

— Нѣтъ, но если нашему высочеству угодно будетъ приказати своей свѣтѣ быть одинъ день трезвою, Виль Ваткинсъ напьется не опасаясь за свою жизнь.

— Это можетъ случиться.... Гдѣ ты служишь, Ваткинсъ.

— Въ конюшнѣ.

— Нашъ камергеръ едетъ тебя ночнымъ тѣлохранителемъ. Ты мнѣ понравился.... Вѣдь что-нибудь да значитъ имѣть въ домѣ трезваго человѣка, даже если онъ трезвъ изъ болѣзни за свою жизнь. Ты будешь служить при нашей особѣ и увидишь, что трезвость хорошая добродѣтель.

Между тѣмъ къ болѣзни сэра Джона присоединилась новая тяжесть. Его мысли, разстроенныя дѣйствіемъ оиуму, смѣшались еще болѣе послѣ уходу принца. Раморни безпорядочно вспоминалъ, что находится въ большой опасности.... навлекъ на себя ненависть принца и невольно открылъ тайну, которая могла стоить ему жизни. Въ этомъ состояніи души и тѣла не удивительно, что ему стали мерещиться страшныя вещи. Ему представилась тѣнь королевы Аннабаллы, которая спрашивала молодого человѣка, еще простаго, добродѣтельнаго и невиннаго.

— Тебѣ ввѣрила я сына, говорила блѣдная тѣнь: а ты сдѣлалъ его человѣкомъ презрѣннымъ и порочнымъ. Однако благодарю тебя, неблагодарный Джонъ Раморни, измѣнникъ своему слову. Твоя ненависть поправитъ зло, которое сдѣлала дружба. И я надѣюсь,—такъ какъ ты больше не совѣтникъ его,—что мой сынъ искупитъ небесное прощеніе земными страданіями.

Раморни протянулъ руку къ благодарительницѣ, хотѣлъ просить прощенія и выразить свое раскаяніе, но она становилась все темнѣе и страшнѣе. Наконецъ, вмѣсто королевы представился Дугласъ-Черный... потомъ добрый король Робертъ, который, казалось, горевалъ о близкомъ разрушеніи королевскаго дома. Наконецъ это явленіе замѣнилось толпою фантастическихъ лицъ. Они безпрестанно дѣлали страшныя гримасы, шептали самымъ невыносимымъ образомъ и повидному свѣялись надъ сэромъ Джономъ.

XVIII.

На другое утро солнце взошло блѣдное. Воздухъ былъ холоднѣе, какъ обыкновенно бываетъ въ Шотландіи, въ началѣ весны. Морозило. Перескіе граждане старались прогнать своихъ слѣдствій вчерашней невоздержности. Солнце уже кѣльи часть стояло на горизонтѣ, а на улицѣ еще не было ни души. Наконецъ одинъ набожный гражданинъ, отправляясь къ заутренѣ увидѣлъ бѣдлага Оливера Праудъюта, лежащаго лицомъ къ землѣ въ томъ же положеніи, какъ упалъ подъ ударами Антона Бонтрона.

Усердный гражданинъ былъ Оленъ Грифъ, прозванный по имени своей гостиницы. Онъ сталъ громко кричать и тотчасъ съѣхались сосѣди, а потомъ и болѣе отдаленные городскіе жители. Въ первую минуту Оливера приняли за Смита, потому что на немъ было все тѣ же знакомое полукафтанье и каска. Развѣся слухъ, будто храбрый кузнецъ убитъ. Эта вѣсть поддерживалась вѣскольکو времени. Трактирщикъ Грифъ, будучи самъ членомъ магистрата, никому не позволялъ дотрогиваться до убитаго.

— Это важное происшествіе для прекраснаго города, сказалъ онъ: если убитъ храбрый нашъ кузнецъ, то, вѣрно, весь Перръ готовъ будетъ отдать жизнь и имѣніе, чтобы отомстить за него. Посмотрите, разбойники ударили сзади. Никто не осмѣлился бы напасть на него лицомъ къ лицу. О, храбрые сограждане! цвѣтъ нашихъ героевъ срѣзанъ рукою труса!

Раздался дикій крикъ народа, который быстро стекался.

— Мы возьмемъ его на плечи, сказалъ огромный мясникъ, и понесемъ къ королю въ доминиканскій монастырь.

— Да, да! вскричалъ кузнецъ, насъ не удержатъ ни замки, ни заборы! мы увидимъ короля; ни монахи, ни обѣды не остановятъ насъ. Лучшаго оружейника никогда не бывало.

— Къ доминиканцамъ, къ доминиканцамъ! кричала толпа.

— Послушайте, сограждане, сказалъ кто-то: вашъ добрый король любитъ насъ точно дѣтей. Только Дугласъ и герцогъ Ольбени не дадутъ ему выслушать жалобу народа.

— Развѣ мы можемъ позволить, чтобъ насъ убивали на собственныхъ нашихъ улицахъ, потому только что у короля слишкомъ нѣжное сердце? вскричалъ мясникъ. Брюсъ воступилъ бы иначе. Если король не хочетъ управлять нами, то мы примемъ за управленіе. Бейте въ набатъ.... звоните во все колокола.... Кричите и никого не жалѣйте....

— Да, пойдомте... сождемъ до тла дворцы Дугласа и Ольбени, закричалъ другой гражданинъ. Пусть зарево пожара докажетъ, что Перей умѣлъ отомстить за смерть храбраго Генри Смита!... Онъ двадцать разъ защищалъ честь города; побьемся и мы за него. Вооружайтесь, сограждане... защищайте Сентджонстоуъ!...

Подобные крики рѣдко раздавались въ Перей и то только тогда, когда наносили обиду всему городу. Они переходили отъ одного къ другому. Разъяренные граждане завладѣли нѣсколькими колоколами и стали звонить безъ всякаго толку, чтобы созвать гражданъ.

Хотя толпа все увеличивалась и крики становились громче, однако Олень Грифъ, человекъ уважаемый всѣми, не сходилъ съ мѣста. Онъ поставилъ одну ногу на трупъ и громко приказывалъ народу не подступать покуда не придетъ магистратъ.

— Мы должны соблюсти порядокъ въ этомъ дѣлѣ, господа, надобно дождаться магистрата. Члены его честно избраны въ ратушѣ; они всѣ люди извѣстные, на которыхъ можно полагаться. Мы не хотѣли прослыть мятежниками и возмутителями. Но дайте мѣсто и замолчите... вотъ идетъ нашъ судья, Кредальи и Симонъ Глѣверъ, которому городъ многимъ обязанъ. Да, достопочтеннѣйшіе сограждане! дочь его была вчера счастливою невѣстою, а теперь пересская красна-дѣвица овдовѣла до замужества.

Эта новая жалоба увеличила ярость народа тѣмъ болѣе, что къ нему присоединились женщины, которыя вторили крикамъ мужчинъ.

— Да! да!... Впередъ всѣ, за пересскую красну дѣвцу и храбраго Генри Смита!... впередъ!... Не скупитесь, удары! Въ конюшни! въ конюшни. Безъ лошадей, ратники ни къ чему не годны... Гоните лакеевъ и слугъ!... Бейте, колите, уводите лошадей!... Пусть надменные кавалеры дерутся съ нами пѣшіе!... Да, они не осмѣлятся!...

— Не осмѣлятся! конечно, не осмѣлятся! закричали мужья. Вся сила у нихъ въ лошадяхъ и оружіи, а они еще убили лучшаго оружейника... Вооружайтесь! вооружайтесь, храбрые граждане!...

Магистратъ и почетные граждане едва могли пробраться сквозь толпу, чтобы разсмотрѣть убитаго. Съ ними былъ городской актуаріусъ для записки протокола. Толпа послушно и терпѣливо подверглась отстрочкѣ и радостно встрѣтила магистратъ, потому что надѣялась отомстить черезъ него законнымъ образомъ.

Между-тѣмъ какъ въ толпѣ раздавались еще крики и сужденія, старшина магистрата приказалъ поднять и осмотрѣть убитаго. Когда его подняли, то всѣ закричали, что это не оружейникъ Генри, всѣми уважаемый, а Оливеръ Праудфьютъ, человѣкъ хотя и почтенный, однако не очень важный.

Народъ былъ такъ увѣренъ въ смерти откровеннаго, храбраго Генри, что неожиданная ошибка охладила ярость толпы. Но если бы съ самаго начала узнали Оливера Праудфьюта, то всѣ были бы готовы отомстить за него, какъ и за Генри Винда. Неожиданная вѣсть даже вызвала у нѣкоторыхъ улыбку: такъ близко смѣшное къ печальному.

— Убийцы вѣрно приняли его за Генри Смита, сказалъ Гривъ. Это извѣстiе будетъ очень утѣшительно для кузнеца.

Но появленiе новыхъ лицъ придало этой сценѣ прежнiй трагическiй видъ.

XIX.

Шумъ и бой набата привели весь городъ въ ужасъ. Вельможи и кавалеры собирались со своими свитами и избирали мѣста, гдѣ бы можно было лучше защищаться. Шумъ дошелъ до королевскаго жилища, куда молодой принцъ явился первый для защиты стараго короля, въ случаѣ нужды. Онъ вспомнилъ вчерашнюю сцену и кровожадное лицо Бонтрона и у него родилось неясное подозрѣнiе, что теперешнiй шумъ находится въ связи съ поступкомъ страшнаго слуги сэра Джона. Интересный разговоръ, который онъ имѣлъ потомъ съ Раморни, не совсемъ изгладилъ изъ его памяти то, что онъ не вполне узналъ о какомъ-то убiйствѣ. Роесай для одного отца явился со своими вооруженными офицерами, въ которыхъ нельзя было узнать вчерашнихъ весельчаковъ; блестящее оружiе и копыя придавали имъ совершенно другой видъ. Этотъ знакъ привязанности тронулъ короля и онъ съ гордостью представлялъ ихъ брату Ольбени, который пришелъ послѣ.

— Вотъ мы трое Стуртовъ, сказалъ онъ, нераздѣльные точно святой трилиственникъ. Говорятъ, тотъ кто носитъ эту траву можетъ побѣдить всякiя чары; также покуда мы будемъ вѣрны другъ другу, до-тѣхъ-поръ станемъ побѣждать ненависть и злобу враговъ.

Братъ и сынъ почтительно поцѣловали руку короля, между тѣмъ какъ Робертъ-Второй увѣрялъ ихъ въ своей привязанности. Молодой человѣкъ цѣловалъ отъ всей души, а братъ какъ Луда.

Кодоколъ церкви святаго Іоанна разбудилъ также карьероустроитскихъ жителей. Доротей прежде всѣхъ услышала въ домѣ Симона Глѣдера тревогу. Хотя она была крѣпка на ухо, однако когда дѣло шло о худомъ вѣстѣи, она слышала прекрасно. Доротей, не смотря на свою доброту, имѣла страсть узнавать и распространять страшныя вѣсти. Старушка разузнала, что случилось и вбѣжала въ комнату къ хозяину, который пользовался преимуществомъ своихъ лѣтъ и президивка, чтобы доспать по-дольше.

— Онъ еще валется въ постель! вскричала Доротей. Вотъ онъ лежитъ; его лучшаго друга убили, а онъ и не знаетъ этого... точно поворожденный, который не умѣетъ отличать жизни отъ смерти.

— Что! что такое? спросилъ перчаточникъ, вскакивая съ постели. Что случилось, старуха? здорова ли дочь моя?

— Старуха? сказала Доротей, которая любила помучить: я не довольно стара, чтобы видѣть, какъ встаетъ и одѣвается мужчина.

При этихъ словахъ она вышла изъ спальни. Черезъ минуту ея голосъ раздадеа въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ она принялась мести полъ.

— Доротей! старуха! дьяволъ! Скажи только, здорова ли дочь моя?

— Слава Богу, батюшка, отвѣчала Катерина изъ своей спальни. Но Боже мой, что случилось? Бьютъ въ набатъ, на улицѣ страшный шумъ....

— Сейчасъ узнаю.... Эй, Конэчеръ!... скорѣе одѣваться!... Ну, забывъ.... горецъ давно уже за Фортингеломъ.... Подожди, дочь моя, сейчасъ узнаю.

— Для этого вамъ нечего спѣшить, сказала упрямая старуха. Вамъ можно все рассказать прежде нежели вы успѣете дойти до дверей; я узнала всю исторію. Я думала, добрый мой хозяинъ такъ упрямъ, что непремѣнно побѣжитъ смотрѣть на суматоху, не зная причины ея. Оттого не худо бы мнѣ узнать, что случилось, нею онъ сунетъ туда носъ и, пожалуй, попадетса.

— Что же тамъ за новость, старуха? спросилъ нетерпѣливый Глѣверъ, завязывая множество тесемочекъ, которыми связывалось полукафтанье.

Доротей дала ему продолжать это занятіе и когда онъ оканчивалъ закричала:

— Пойдите, стойте! не моя будетъ вина, если вы поздно

узнаете новость. Вы потеряли самого дорогого друга, а Перез храбрѣйшаго гражданина...

— Генри Смита! Генри Смита! вскричали отецъ и дочь.

— А, вотъ! наконецъ успѣла сказать, прибавила Доротея: а кто виноватъ?... вы же. Вы дѣлали столько шуму, что онъ провожалъ пѣвицу, будто она была жидовка!

Доротея еще многое наговорила бы, но хладнѣя ея закричалъ своей дочери, которая была еще въ спальнѣ:

— Это глупости, Катерина.... сидити старой дуры. Ничего такого не случилось.... Я сейчасъ придему вѣрныя вѣсти....

Старикъ схватилъ давку, воепѣдно прошелъ мимо Доротеи и выбѣжалъ на улицу, гдѣ народъ стремился въ Хейстритъ.

Между-тѣмъ Доротея борзотала про себя:

— Ущныи человекъ твой отецъ; вѣрь ему. Онъ скоро воротится съ сиваками, которые получить въ суматохѣ, и потомъ застанеть: — Доротея, дай керпін.... Доротея, приготовь пластырь.... А теперь, Доротея дура, глупья, сидитица.... Да можетъ ли Доротея сидѣтичать.... вниогда! Неужели старикъ Симонъ думаетъ, что у кузнеца Генри была желѣзная голова, а подлѣ него щѣпый кланъ горцевъ....

Ворчаніе ея было прервано появленіемъ Катерины, которая подошла къ ней съ неподвижными глазами, блѣдностью на лицѣ и растрепанными волосами. Это такъ перепугало старушку, что она позабыла свою досаду.

— Богъ съ вами, дитя мое! сказала она. Что вы такъ страшно смотрите?

— Вы сказали... кто-то умеръ? спросила Катерина.

— Да, да! умеръ! и еще какъ умеръ. Мы никогда не увидимъ его ирачныхъ взглядовъ.

— Умеръ! повторила Катерина съ страшнымъ равнодушіемъ. Умеръ!... Его убили.... горцы... да, горцы?

— Конечно горцы, проклятые мошенники. Кто убиваетъ кромѣ ихъ! Случаются иногда несчастія въ ссорахъ между гражданами, или на турнирахъ рыцарей.... да и то рѣдко.... Но я готова битися объ закладъ, что въ этотъ разъ виноваты горцы, потому что никто изъ пероскихъ жителей не осмѣвался бы напасть на Генри Смита лицомъ къ лицу. Противъ него было ужасное злоумышленіе.... право. Вотъ увидимъ, когда разберутъ дѣло....

— Горцы, продолжала Катерина, точно будто преслѣдовала какую-то мысль. Горцы!... О, Ковэчеръ, Ковэчеръ!

— Точно, вы даете ключъ ко всему дѣлу, Катерина. Вы знаете,

они рассорились на канунъ дня святаго Валентина и даже подрались. Горцы злопамятны. Дайте ему оплеуху въ день святаго Мартына, щека будетъ еще горѣть въ Троицу. Но кто заставилъ проклятыхъ горцевъ сойти въ городъ и убивать?...

— Ахъ, Боже мой, я!... сказала Катерина, я заставила сойти горцевъ... я посылала за Конзчеромъ... Да, они подстерегли Генра; но я подвела ихъ къ добычѣ... Миѣ надобно собственными глазами видѣть все... А потомъ... Знаю, что сдѣлаю... Скажите отцу, что я скоро ворочусь.

— Съ ума вы сошли, дитя мое? закричала Доротея, когда Катерина бросилась къ дверямъ. Неужели вы побѣжите по городу съ растрепанными волосами... вы... переская красна-дѣвица?... Вотъ она уже на улицѣ... что будетъ, то будетъ... а старикъ разбраить меня, какъ-будто я могла удержать ее... Славно начинается постъ!... Что дѣлать?... Искать хозяина и попасть подъ ноги народу, который мало станетъ заботиться обо мнѣ, старухѣ... Бѣжать за Катериной?... но она уже далеко ушла и у нея ноги прытче моихъ!... Лучше пойду къ Николаю Барберу; мы обсудимъ все это дѣло...

Между-тѣмъ какъ Доротея исполняла свое благоразумное намѣреніе, Катерина бѣжала по улицамъ Перва. Въ другое время обратилъ бы вниманіе, что она съ безумною поспѣшностью бѣжитъ безъ плаща и шарфа, безъ которыхъ порядочныя женщины никогда не выходили со двора; но теперь всѣ были заняты: одни спрашивалъ, другой объяснялъ причину суматохи. Всѣ разсказывали дѣло по-свѣдому. Никто не удивлялся беспорядку наряда Катерины и она спокойно могла продолжать свой путь. Ее замѣчали не больше другихъ женщинъ, которыя изъ любопытства и отъ страху выходили узнать причину шума и всеобщаго ужасу.

Проходя по улицамъ, Катерина тоже почувствовала ужасъ и едва не повторяла возмутительные крики, которые раздавались вокругъ нея. Она все бѣжала, мучась, какъ-будто видѣла во снѣ ужасныя несчастія, которыхъ не могла понять. Но почему она была увѣрена, что человѣкъ, вѣжно любившій ее и котораго она очень уважала, убить? Онъ казался ей теперь дороже нежели нѣсколько времени тому назадъ. Связь между предполагаемою смертію Генри и появленіемъ Конзчера съ товарищами, показалась бы очень вѣроятною, если бы она даже хладнокровно разсуждала объ этомъ происшествіи. Она не знала, что дѣлать, и была занята одною неясною мыслію, — удостовѣриться въ своемъ

несчастія. Катерина бросилась въ ту часть города, которой ей слѣдовало бы избѣгать по причинѣ непріятныхъ воспоминаній.

Кто подумалъ бы во вторникъ вечеромъ, что гордая, застѣнчивая Катерина побѣжитъ въ среду растрепанная и полуодѣтая, передъ обѣденою и въ страшную суматоху по перескннмъ улицамъ искать любовника, который, по видимому, низко обманулъ и грубо обидѣлъ ее, предаваясь скверной, порочной любви. Однако это случилось. Она шла по болѣе пустымъ улицамъ и старалась не попадать въ Хэйстритъ, гдѣ толпился народъ. Она пошла по той самой узенькой улицѣ, по которой Генри Смитъ велъ Луизу. Но все было въ такомъ смятеніи, что даже этотъ обыкновенно пустой проходъ сдѣлался шумнымъ. Катерина Глэверъ послѣшно пробиралась мимо прохожихъ, которые, поематривая на нее, печально качали головой. Наконецъ, не зная, что дѣлать, она остановилась передъ домомъ кузнеца и сильно постучалась.

Безмолвіе, за тѣмъ послѣдовавшее, увеличило Катеринино безпокойство, которое заставило ее рѣшиться на такой отчаянный поступокъ.

— Отворите.... отворите, Генри! закричала она. Отворите, если вы еще живы!... Отворите.... вы, вѣрно, не желаете видѣть у своихъ дверей Катерину Глэверъ мертвою!

Когда молодая дѣвушка испускала отчаянные крики, назначенные уху умершаго, Генри самъ отворилъ дверь въ ту минуту, какъ Катерина уже падала на землю. Крайняя радость, которую онъ почувствовалъ при этой неожиданной встрѣчѣ, не могла сравниться съ его удивленіемъ. Онъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и очень испугался, когда увидѣлъ закрытые глаза, полуоткрытый ротъ и страшную блѣдность Катерины.

Несмотря на крики давно доходившіе до слуха Генри, онъ оставался дома и рѣшился не вдаваться въ ссору, которой могъ избѣжать. Только, по приказанію магистрата, онъ, какъ гражданинъ, принужденъ былъ идти на сборъ, снялъ длятого шпагу и щитъ и собирався выйти на улицу.

— Прескверно, говорилъ онъ про себя: во всякой дракѣ мепи выставляютъ впередъ, а Катерина такъ презираетъ драку.... Вѣдь въ Перевѣ много дѣвушекъ, которыя говорятъ своимъ кавалерамъ: «Иди, исполняй свою обязанность и заслужи милость дамы....» Почему не посылаютъ за ними.... оставили бы меня въ покоѣ.... я не могу исполнять обязанность кавалера: покровительствовать

бѣдной пѣвицѣ и драться за честь города.... Катерина сочтеть меня за буяна и распутника.

Вотъ какія мысли занимали Генри, когда онъ отворилъ дверь и неожиданно увидѣлъ самую драгоценную ему особу, которая безъ чувствъ упала къ нему на руки.

Радость, удивленіе, безпокойство не лишили его присутствія духа, особенно необходимаго въ эту минуту. Катерину надобно было свести въ безопасное мѣсто и привести въ чувство, прежде нежели пойти на зовъ магистрата, какъ бы ни была велика нужда. Онъ повесѣлъ драгоценную женщину, которая показавшись ему легче пера, въ небольшую комнату, сначала покойной матери. Она была прекрасно расположена для больной, потому что выходила въ садъ, гдѣ не слышно было шуму.

— Эй! кормилица, кормилица Шульбридъ! скорѣе!... скорѣе сюда!

Добрая старушка прибѣжала, бормоча :

— Ахъ! если бы это удержало его дома.

Но каково было ея удивленіе, когда она увидѣла на постелѣ покойной госпожи пероскую красну-дѣвцу, которая совсѣмъ помертвѣла.

— Катерина Глѣверъ! вскричала Доротей: и въ какомъ состояніи.... она какъ-будто умерла!

— Нѣтъ, старушка, сказалъ кузнецъ: дорогое сердце еще бьется.... она еще дышетъ! Поди сюда.... ты лучше меня съумѣешь помочь ей.... Принесите воды.... эссенціи.... чего-нибудь. Небо привело ее сюда не умирать, а жить для себя и для меня.

Шульбридъ искала лекарства отъ обмороку съ такой поспѣшностью, какой нельзя было предполагать въ ней. Она научилась на своемъ вѣку лечить не одинъ обморокъ, но и раны. Она не разъ имѣла случай выказать свое искусство надъ воинственнымъ Генри.

— Послушайте, Генри, отнимите руки. Я очень хорошо знаю.... вамъ пріятно было бы оставить ихъ; но вы должны будете полагать мнѣ все вужное. Впрочемъ, держите, пожалуй, ея руку, только съ тѣмъ, чтобы вы хлопали по ней.

— Мнѣ хлопать жесткими пальцами въ эту миленькую, нѣжную ручку! Да это будетъ всё-равно, что ковать стекло.... Но пальцы раздвигаются и мы найдемъ лучшее средство нежели хлопанье.

Тутъ кузнецъ сталъ цѣловать руку, которой движеніе показывало, что Катерина приходитъ въ себя. Она тихо вздохнула

раса два, отирала глаза, устремля ихъ на Генри, стоявшаго на колѣняхъ, и опять опустила голову на подушку. Впрочемъ, двушка не совсемъ еще пришла въ себя, потому что не замѣтила вольности Генри, который поднеслъ ея руку то къ губамъ, то къ сердцу. Въ то же время щеки Катерины стали покрываться румянцемъ, и она начала дышать гораздо свободнѣе и спокойнѣе.

Шумъ у дверей увеличивался и Генри звали всевозможными прозвищами.

— Смигъ..... Генри..... Хэль..... Виднъ..... Гау! кричали они, точно идиолопоклонники, которые даютъ своимъ божествамъ разные имена. Источивъ намонецъ просьбы, они прибѣгнули къ угрозамъ.

— Стыдно, Генри! ты будешь безчестнымъ человѣкомъ, не сдержишь клятвы гражданина, измѣнишь прекрасному городу, если не присоединишься тотчасъ же къ намъ.

Старанія тѣтушки Шульбридъ помогли. Катерина пришла въ себя, оборотилась къ Генри, опустила правую руку на плечо его и прошептала:

— Не уходите, Генри.... оставайтесь со мной.... они убьютъ васъ.... они кровожады!

Эти слова удерживали кузнеца въ прежнемъ положеніи, несмотря на крики у наружныхъ дверей.

— Чортъ возьми! вскричалъ какой-то храбрецъ своимъ согражданинъ: грубиянъ кузнецъ наемѣхается надъ нами! Войдите въ домъ и вытащите его за ноги!

— Берегитесь, лучше не дѣлайте этого! сказалъ болѣе благоумный горожанинъ. Тотъ, кто ворвется въ домъ Генри, непременно воротится съ переломанными костями. Но вотъ кто больше насъ имѣетъ права идти къ нему и говорить съ нимъ.

Этотъ «кто-то» былъ Симонъ Глѣверъ. Онъ прибылъ на мѣсто преступленія въ ту самую минуту, когда Крогдаль приказывалъ оборотить трунъ. Симонъ, къ своему величайшему удивленію, увидѣлъ, что убитъ не кузнецъ, а Оливеръ. Появилась улыбка, или нѣчто въ родѣ того, у тѣхъ, которые вспомнили, какъ Оливеръ старался казаться храбрецомъ и бувромъ, несмотря на свой миролюбивый нравъ. Это расположеніе къ неумѣтной веселости увеличивалось все болѣе и болѣе; но крики женщины, которая пробиралась сквозь толпу, уничтожили эту веселость.

— Ахъ, мой мужъ!.... мой мужъ!.... кричала несчастная Магдалина.

Бѣдную вдову пропустили; за нею слѣдовали двѣ-три пріятельницы. Магдалина Праудѣютъ была до сихъ-поръ извѣстна какъ хорошенькая брюнетка. Ее считали за женщину надменную къ людямъ ниже ея по званію или богатству, и кромѣ того говорили, что она порядочно водить мужа за носъ. Но теперь Магдалина имѣла очень величественный видъ.

— Вы сибетесь, вскричала она, недостойные пересекіе граждане! Неужели оттого, что пролита кровь вашего согражданина? или что убить мой мужъ? Развѣ онъ заслужилъ такую участь?... Развѣ онъ не жилъ честно своимъ ремесломъ?... Отказывалъ онъ когда-нибудь въ помощи бѣдняку или больному?... Не былъ его домъ открытъ для каждаго несчастнаго?... Не ссужалъ онъ нуждающихся?... Не въ мирѣ онъ жилъ съ сосѣдями?... Не всегда онъ былъ готовъ дать совѣтъ, или справедливо судить въ магистратѣ?...

— Правда! правда! закричала толпа. Кровь его—наша кровь, и онъ не хуже Генри Смита.

— Да, сосѣди! сказалъ Крегдалли; это дѣло нельзя пропустить такъ, какъ тогдашнее.... кровь гражданъ не должна проливаться безнаказанно, нето весь Тей скоро побагровѣетъ. Но этотъ ударъ не былъ назначенъ несчастному покойнику. Всякій зналъ Оливера Праудѣюта.... онъ хотя и казался страшнымъ на словахъ, но на дѣлѣ былъ очень добръ и миролюбивъ. На немъ надѣто Смитово полукафтанье, которое знакомо всему городу.... въ этомъ дѣлѣ сомнѣваться нечего. Онъ имѣлъ страсть подражать во всемъ Генри Смиуту. Кто-нибудь, въ ярости или съ пьяна, ударилъ невиннаго шляпочника, котораго никто не ненавидѣлъ и не боялся.... Признаться, о немъ мало заботились, между тѣмъ какъ страшный оружейникъ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ двадцать ссоръ....

— Что же дѣлать? кричала толпа.

— Это разрѣшить магистратъ, друзья; онъ тотчасъ же соберется, какъ скоро прійдетъ сэръ Патрикъ Чартризь. Между тѣмъ Двинингъ разсмотритъ тѣло и скажетъ, отчего Оливеръ умеръ. Потомъ шляпочника обернуть въ чистый саванъ и снесутъ въ церковь святаго Іоанна. Перестаньте шумѣть!.... Пусть всякой, кто любитъ нашъ прекрасный городъ, идетъ домой, вооружится и явится въ Хэйстритъ по первому зову съ ратуши.... Мы отмстимъ за согражданина или исполнимъ то, что внушитъ намъ небо. Покуда избѣгайте всякой ссоры съ рыцарями и ихъ слугами.... Сперва надобно узнать кто правъ, кто виноватъ.... Но

отчего не идетъ этотъ плутъ кузнецъ? Онъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ его не нужно, а теперь не идетъ, когда можетъ принести пользу прекрасному Пероу?... Не знаетъ ли ктонибудь чтѣ съ нимъ случилось? Проказничалъ ли онъ вчера?...

— Онъ или болѣвъ или въ худомъ расположеніи духа, сказалъ городской смотритель. Говорятъ, что Генри дома, но никого не принимаетъ.

— Если угодно, господинъ судья, я самъ пойду за Генри Смитомъ, сказалъ Симонъ Глѣверъ. Мнѣ надобно переговорить съ нимъ кое о чемъ, и я благодарю Бога; что онъ еще живъ.

— Приведите храбраго кузнеца въ ратушу, сказалъ судья, которому прошепталъ что-то на ухо првскакавшій всадникъ. Вотъ онъ извѣстилъ меня о пріѣздѣ Чартриза.

И Симонъ Глѣверъ отправился къ Генри. Его не остававляли ни страхъ, ни сомнѣніе; онъ пошелъ прямо въ приемную и услышалъ голосъ тетушки Шульбридъ, которая, казалось, была очень занята. Пользуясь правомъ короткаго пріятеля, Симонъ безъ церемоніи отправился въ спальню и извинился только тѣмъ, что сказалъ:

— Извините, любезнѣйшій!....

Онъ отворилъ дверь, вошелъ въ комнату и увидѣлъ совершенно неожиданную сцену.

Голосъ отца, казалось, помогъ Катеринѣ лучше всѣхъ средствъ тетушки Шульбридъ. Блѣдность въ одну минуту замѣнилась прекраснымъ румянцемъ. Катерина оттолкнула Генри обѣими руками. Смитъ, какъ уже извѣстно читателю, былъ застѣнчивъ и едва не упалъ. Всѣ, кромѣ тетушки Шульбридъ, пришли въ смущеніе. Доротей такъ радовалась, что не могла удержаться отъ смѣху, а перчаточникъ, оправившись отъ изумленія, послѣдовалъ ея примѣру.

— Клявусъ святымъ Іоанномъ! вскричалъ онъ. Я думалъ, что сегодняшнее утреннее зрѣлище уничтожить во мнѣ охоту смѣяться до самаго окончанія поста; но вотъ это развеселило бы меня даже на смертномъ одрѣ. Тутъ стоитъ честный Генри Смитъ, котораго уже причисляли къ мертвымъ, оплакивали и для него же звонили во всѣ городскіе колокола. А онъ спокоенъ и веселъ и не думаетъ умирать.... Моя дорогая дочь вчера еще порицала тѣхъ, которые посѣщаютъ худыя общества и водятся съ пѣвцами.... Да! она презирала и Валентина и Купидона.... а вотъ, какъ мнѣ кажется, она сидитъ тутъ не хуже какойнибудь пѣ-

впцы. Право! очень радъ видѣть, что вы, тетушка, по крайней мѣрѣ присутствуете при этомъ любовномъ свиданіи.

— Вы обижаете меня, дражайшій батюшка, сказала Катерина, едва не рыдая. Я пришла сюда совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ.... Я пришла сюда, затѣмъ что.... затѣмъ что....

— Затѣмъ что думала найти Генри мертваго, продолжалъ Симонъ, а увидала живаго.... онъ можетъ принять твои ласки и отвѣчать на нихъ. Право! если бы не грѣхъ, я поблагодарилъ бы тебя, что ты хоть разъ выказала себя женщиною.... Симонъ Глѣверъ недостойнъ имѣть дочь, похожую на ангела.... Полно, не смотри на меня съ такимъ отчаяніемъ и не жди пощады! Я только постараюсь умѣрить свою радость, если ты не перестанешь плакать или не признаешься, что плачешь отъ радости.

— Если бы жизнь моя зависѣла отъ этого признанія, я все-таки не знала бы, что сказать, отвѣчала бѣдная Катерина. Я прошу только васъ и Генри повѣрить, что я не пришла бы сюда, еслибъ.... еслибъ....

— Если бы не думала, что Генри невозможно прійти къ намъ, сказалъ перчаточникъ. Но теперь хлопните по рукамъ, помиритесь и будьте настоящими Валентинами.... Вчера было заговѣнье, Генри.... Мы увѣревы, что вы исповѣдались въ своихъ грѣхахъ, получили прощенье и освобождены отъ проступка, въ которомъ васъ обвиняли.

— Что до этого касается, то я вамъ все объясню, батюшка, сказалъ кузнецъ. Вы теперь довольно хладнокровны.... Клянусь Евангеліемъ и беру въ свидѣтели тетушку Шульбридъ, что....

— Ну, перестаньте! вскричалъ перчаточникъ. Къ чему возобновлять старую ссору?

— Эй! Симонъ! Симонъ Глѣверъ! кричали на улицѣ.

— Ахъ, да! Смитъ, серьезно сказалъ перчаточникъ, у васъ есть другое дѣло съ вами. Мы должны тотчасъ же идти въ ратушу. Пусть Катерина останется съ тетушкою Шульбридъ, куда мы воротимся. Какъ въ городѣ суматоха, то я поведу ее съ Генри домой.... посмотримъ, кто тогда осмѣлится стать намъ на дорогѣ.

— Знаете ли батюшка, улыбаясь сказала Катерина, вы соперничаете съ Оливеромъ Праудфьютомъ, который называетъ Генри своимъ братомъ по оружію.

Лицо старика омрачилось.

— Твои слова раздираютъ мнѣ сердце, дочь моя; но ты не

знаешь еще, что случилось.... Полно объ этомъ.... поцѣлуй Генри въ знакъ прощенья.

— Нѣтъ, сказала Катерина, я уже слишкомъ много сдѣлала для него. Когда онъ свелъ бродящую пѣвицу въ безопасное мѣсто, то ему довольно было времени выпросить эту награду.

— Ну, такъ я какъ хозяинъ, вскричалъ Генри, прошу у васъ того, что вы отказываете мнѣ подъ другимъ именемъ.

Онъ обнялъ дѣвушку, и она дала поцѣловать себя.

Сходя съ кузнецомъ внизъ, старикъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Генри, наши задушевныя желанія исполнились; но небу угодно было, чтобы это случилось въ ужасную минуту.... Теперь въ городѣ страшная суматоха.

— Правда, возразилъ кузнецъ. Но вы знаете батюшка.... въ Перевѣ шумъ не рѣдкость, однако онъ никогда не продолжается очень долго....

Потомъ онъ отворилъ дверь въ кузницу и закричалъ:

— Эй! товарищи, Антонъ, Кётбертъ, Дингвель и Рингенъ! Не уходите, куда я не ворочусь. Будьте вѣрны какъ шпаги, которыя я выучилъ васъ ковать.... Если вы исполните мое приказаніе, я дамъ вамъ по французскому эки и по шотландской кривѣ.... Я оставляю вамъ драгоценное сокровище.... Караульте хорошенько двери.... Пусть маленькой Дженникинъ караулитъ въ переулкѣ, а вы будьте готовы драться, если кто нибудь подойдетъ къ дому. Никому не отворяйте прежде меня или батюшки Симона.... Дѣло идетъ о моей жизни и моемъ счастьи.

Здоровые закоптѣлые великаны, съ которыми онъ говорилъ отвѣчали:

— Смерть тому, кто вздумаетъ сдѣлать это!

— Теперь ваша дочь въ безопасности, сказалъ Генри Глѣверу, точно будто ее охраняютъ двадцать солдатъ въ королевскомъ замкѣ. Мы спокойнѣе пройдемъ къ ратушѣ черезъ садъ.

Онъ провелъ Симона черезъ небольшой птичникъ, гдѣ разныя, птицы уже встрѣчали весну своимъ пѣніемъ.

— Послушайте это щебетанье, сказалъ кузнецъ; я смѣялся надъ нимъ въ своей горести, когда вспомнилъ сколько будетъ еще холодныхъ дней. Но теперь это пѣніе мнѣ нравится, потому что у меня тоже есть Валентина, какъ и у нихъ.... И что бы завтра ни случилось, сегодня я счастливѣйшій человекъ во всемъ Перевѣ.

— Однако я долженъ уменьшить вашу радость, сказалъ ста-

рикъ Глѣверъ. Знаете ли.... бѣдный Оливеръ Праудсъютъ, который никого не обижалъ, найденъ сегодня утромъ на улицѣ мертвымъ.

— То есть мертвецки пьянымъ, надѣюсь? возразилъ кузнецъ. Въ такомъ случаѣ хорошая похлебка и наставленія жены приведутъ его въ чувства.

— Нѣтъ, Генри, нѣтъ.... Онъ убитъ.... убитъ топоромъ или чѣмъ-то въ родѣ этого.

— Не можетъ быть! вскричалъ кузнецъ. У него были прекрасныя ноги; хотя онъ не умѣлъ употреблять въ дѣло рукъ, за то удивительно бѣгалъ.

— Ему, вѣрно, нельзя было. Его ударили сзади по головѣ. Убийца, кажется, былъ ниже Оливера и употребилъ рыцарскую сѣкиру, потому что лочеберскимъ топоромъ разрубили бы маковку головы.... Онъ лежитъ тамъ мертвый.... ему разможжили голову самымъ ужаснымъ образомъ.

— Удивительно! Онъ пришелъ ко мнѣ вчера, ночью, наряженный, и, казалось, былъ на веселѣ; рассказалъ мнѣ, будто его преслѣдуютъ какіе-то буяны, но.... вы знаете его.... я думалъ, онъ хвастаетъ.... это случилось съ нимъ часто, когда онъ выпивалъ лишнее. Прости меня, Божья Матерь! Я отпустилъ его одного. Но клянусь святымъ Іоанномъ! Я всегда былъ готовъ защищать людей беспомощныхъ въ случаѣ опасности; а тѣмъ болѣе Оливера, съ которымъ не разъ ѣлъ одинъ хлѣбъ и пилъ изъ одной чаши. Кто могъ подумать, что обидятъ такое кроткое, миролюбивое существо?

— Генри, на немъ была ваша каска, ваше полукафтанье, вашъ щитъ.... Какъ это случилось?

— Онъ занялъ у меня.... я былъ въ худомъ расположеніи духа и старался скорѣе отвязаться отъ него, потому что не хотѣлъ веселиться въ праздникъ изъ-за нашего недоразумѣнія.

— Судья Креддальн и всѣ умные совѣтники думаютъ, что ударъ назначенъ былъ вамъ и вамъ же слѣдуетъ отомстить за него.

Кузнецъ хранилъ нѣсколько времени молчаніе. Они вышли изъ саду и переходили черезъ пустую улицу, которая вела къ ратушѣ.

— Вы молчите, сынъ мой, между тѣмъ какъ намъ надобно о многомъ переговорить, сказалъ Симонъ Глѣверъ. Вспомните.... если вдова Магдалина вздумаетъ обвинить кого-нибудь въ своемъ несчастіи, то ей необходимъ будетъ защитникъ, по нашимъ

законамъ и обычаямъ. Кто бы ни былъ убійца, но мы хорошо знаемъ рыцарей и ихъ слугъ; они станутъ требовать поединка для доказательства невинности, надѣясь пристыдить насъ, которыхъ они называютъ трусливыми горожанами. Между-тѣмъ мы вѣдь не трусы.... они не должны смѣяться надъ нами.... нѣтъ, Генри Виндъ!

— Понимаю, что вы хотите сказать, печально возразилъ Генри. Клянусь святымъ Іоанномъ, ни одинъ боевой конь не слушалъ съ такимъ удовольствіемъ звуки трубы, какъ я призывъ къ бою. Но видите ли, батюшка, я потерялъ расположение Катерины именно оттого, что слишкомъ расположенъ употреблять въ дѣло руки. Я уже не надѣялся больше заслужить дружбу Катерины.... Теперь мы помирились.... я еще чувствую на губахъ поцѣлуй прощенья.... а меня опять принуждаютъ къ бою.... вѣдь вы знаете, это обидитъ Катерину?

— Непріятно же мнѣ давать вамъ такіе совѣты, Генри, сказалъ Симонъ. Но вотъ что я долженъ спросить васъ.... имѣете вы основательныя причины думать, что бѣднаго Оливера приняли за васъ?

— Кажется, это очень вѣроятно, сказалъ Генри. Говорятъ, что бѣднякъ походилъ немного на меня, а сверхъ того сталъ подражать моей походкѣ, моимъ ухваткамъ и даже любимому напѣву.... Вотъ какъ дорого стоило ему все это. У меня довольно враговъ, которые желаютъ мнѣ зла, а у него добряка, я думаю, нѣтъ ни одного недруга.

— Хорошо, Генри. Однако я не могу ручаться, что Катерина не обидится. Она часто говорила съ отцемъ Климентомъ и забрала себѣ въ голову такія мысли о мирѣ и прощеніи обидъ, какія совѣмъ не могутъ защитить человѣка въ странѣ, гдѣ законы защищаютъ только сильнаго и храбраго. Если вы рѣшитесь вступить въ бой, то я постараюсь заставить Катерину смотрѣть на это дѣло съ настоящей точки зрѣнія; если же вы оставите дѣло въ сторонѣ, не захотите отомстить за покушеніе на вашу жизнь, то я тоже буду смотрѣть на васъ благосклонно, потому что вы въ любви къ моей дочери не станете мстить. Но въ такомъ случаѣ намъ надобно уѣхать изъ Пероа.... всѣ станутъ презирать васъ.

Генри вздохнулъ, хранилъ съ минутой молчаніе и отвѣчалъ потомъ:

— Лучше умереть нежели заслужить презрѣніе согражданъ! О, я бы охотно побился вчера съ лучшимъ бойцемъ; но сего-

для Катерина тонно будто сглазала мнѣ: — Генри, я люблю васъ! — Ахъ, батюшка, это ужасно! Однако я самъ виноватъ во всемъ! Бѣдный Оливеръ! Мнѣ слѣдовало бы удержать его у себя, когда онъ умолялъ проводить!... Если бы я провожалъ его, то спасъ бы или раздѣлилъ одну участь съ нимъ. Но я насмѣхался, проклиналъ; святымъ угодникамъ извѣстно, что я это дѣлалъ въ худомъ расположеніи духа... Я прогналъ его, беззащитнаго, предалъ смерти, которая назначена была мнѣ... Я долженъ отомстить, или навсегда потерять добрую славу.

Посмотрите, батюшка... Говорятъ, будто я жестокъ, какъ сталь которую выдѣлываю... Развѣ сталь проливаетъ слезы, какъ я?... Стыдно, а плачу!

— Тутъ нѣтъ никакого стыда, сынъ мой; вы всегда были добры и храбры. Можетъ быть не откроютъ, кто убилъ, и тогда поединка не будетъ... Не похвально желать, чтобы невинная кровь не была отомщена... Но если подлый убійца избѣгнетъ здѣсь наказанія, то небо непременно покараетъ его.

Съ этими словами они подошли къ ратушѣ. Пробравшись сквозь толпу до дверей, они увидѣли караулъ, состоявшій изъ вооруженныхъ гражданъ и пятидесяти конейщиковъ Чартриза, который привелъ со своими союзниками Греемъ, Бларомъ и Мокрейнсомъ большой отрядъ конницы. Какъ скоро Симонъ и Генри подошли къ дверямъ, ихъ тотчасъ же пропустили въ залу совѣта, гдѣ уже собрался магистратъ.

XX.

Переская зала совѣта представляла странное зрѣлище. Въ темной комнатѣ, которая худо освѣщалась двумя неровными окнами, сидѣлъ кружокъ мужчинъ у большаго дубоваго стола. Кресла повыше занимали старшины цѣховъ. Они одѣты были въ обыкновенное платье, но большей частью носили нагрудники и перевязи, на которыхъ висѣло оружіе. Низшія мѣста занимали простые ремесленники. Они тоже были вооружены: одни имѣли чешуйчатые кольчуги, другіе буйловыя полукафтаны, которые могли защищать отъ ударовъ шпаги. На концѣ стола сидѣлъ въ этомъ пестромъ собраніи сэръ Луисъ Лейднъ, особа вовсе не воинственная, а священникъ при церкви святаго Іоанна. Онъ былъ въ одеждѣ духовнаго и имѣлъ передъ собой перо и чернила. Сэръ Луисъ Лейднъ служилъ въ званіи городского актуаріуса и

назывался, какъ всё тогдашніе священники, Dominus; это прозвище сокращали въ *домъ* или *дэмъ* и переводили словомъ *сэръ*.

На верхнемъ концѣ стола сидѣлъ сэръ Патрикъ Чартризь, покрытый блестящимъ оружіемъ, которое производило странный контрастъ съ полувоенною одеждою миролюбивыхъ гражданъ. Обхожденіе председателя совѣта показывало превосходство его происхождения, званія, и начальство надъ собравшимися особами, но это нисколько не уменьшало довѣрчивости въ взаимныхъ сношеніяхъ и общихъ интересахъ рыцаря и гражданъ. За нимъ стояли двое оруженосцевъ; одинъ держалъ шлемъ, другой щитъ рыцаря. На щитѣ былъ гербъ: рука, держащая кивчалъ или короткій мечъ, и гордый девизъ: *This is my charter*, то есть, *вотъ моя хартія*. Одинъ красивый пажъ держалъ длинную шпагу, а другой копье рыцаря. Всѣ эти рыцарскіе знаки тѣмъ тщательнѣе выставлялись, что владѣтель ихъ исполнялъ теперь магистратскую службу. Чартризь даже принялъ гордый, надменный видъ, что вовсе не согласовалось съ веселымъ откровеннымъ нравомъ его.

— Наконецъ-то вы пришли, Генри Смитъ и Симонъ Глѣверъ, сказалъ сэръ Патрикъ: мы давно уже ждемъ васъ. Если то же самое случится и при исполненіи вашихъ обязанностей, то я наложу на васъ пеню, которую непріятно будетъ платить. Хорошо... не извиняйтесь. У васъ не спрашиваютъ извиненій... Знайте же, милостивые государи, нашъ достойный актуаріусъ подробно написалъ то, что я скажу вкратцѣ... Нашъ покойный согражданинъ, Оливеръ Праудфьютъ, найденъ мертвымъ въ Хэйстритѣ у самаго Винда, гдѣ живетъ Смитъ. Кажется, его убили топоромъ, которымъ неожиданно ударили сзади. Вотъ преступленіе... Что касается до преступниковъ, то одни обстоятельства могутъ навести на слѣдъ... По протоколу достойнѣйшаго сэра Лунса Лѣндина, многіе граждане, заслуживающіе довѣрія, видѣли Оливера съ толпою наряженныхъ, съ которыми онъ дошелъ до дому Симона Глѣвера въ Кѣрфьюстритѣ. Доказано также, что поговоривъ съ Симономъ, Оливеръ отдѣлился отъ толпы и обѣщалъ сойтись съ нею въ гостиницѣ, подъ вывѣскою Грѣа и окончить тамъ праздникъ... Теперь спрашиваю васъ, Симонъ, такъ ли все это было и что говорили вы съ Оливеромъ Праудфьютомъ?

— Милордъ председатель и достойнѣйшій сэръ Патрикъ, отвѣчалъ Симонъ Глѣверъ, вы и все это собраніе знаете, что между мною и Генри Смитомъ была небольшая размолвка. Несчастнѣйшій

нашъ согражданинъ Оливеръ Праудъюотъ очень старался распространить вѣсть объ этомъ, потому что любилъ посплетничать. Я обмѣлился съ нимъ нѣсколькими словами насчетъ этого дѣла и онъ, какъ кажется, отправился отъ меня прямо къ Генри Смитту, потому что не пошелъ къ своимъ товарищамъ въ гостиницу Грифа, какъ обмѣшалъ. Впрочемъ, я не могу сказать ничего вѣрнаго.... потому что больше не видалъ его.

— Хорошо, сказалъ сэръ Патрикъ, все это сходно съ прежними показаніями.... Теперь, милостивые государи, мы видимъ нашего бѣднаго согражданина въ Керъюстритѣ, въ толпѣ наряженныхъ. Они поступили съ нимъ самымъ низкимъ образомъ, заставили встать посерединѣ улицы на колѣни и насильно выпить огромное количество вина. Наконецъ ему удалось вырваться изъ рукъ ихъ. Они шпагами окончили свое насильство и такъ страшно кричали, что привлекли вниманіе многихъ гражданъ, которые, желая знать причину шума, выглянули изъ оконъ. Одинъ или двое прохожихъ не осмѣлились подойти къ людямъ съ факелами, но видѣли, какъ низко обошлись съ нашимъ согражданиномъ, Хотя эти гуляки были наряжены и носили маски, однако костюмы хорошо извѣстны, потому что сэръ Джонъ Раморни, шталмейстеръ его королевскаго ~~двора~~^{двора} герцога Роесса, заказывалъ ихъ нѣсколько недѣль тому назадъ.

Въ залѣ раздался глухой ропотъ.

— Да, почтенные граждане, продолжалъ сэръ Патрикъ: наши разспросы привели насъ къ самымъ плачевнымъ и ужаснымъ заключеніямъ.... Да, то, что я сказалъ вамъ, истина. Нѣсколько работниковъ подробно описали наряды, которые шли для сэра Джона Раморни, а на гулякахъ были точно такіе же костюмы. Гражданинъ Вингфэлдъ, который тоже видѣлъ наряженныхъ, говоритъ, что узналъ головные уборы изъ крашенныхъ перьевъ, которые онъ самъ дѣлалъ по заказу шталмейстера его высочества.... Послѣ бѣгства отъ гулякъ мы теряемъ всѣ слѣды Оливера; но мы можемъ доказать, что наряженные пошли къ сэру Джону, гдѣ ихъ приняла немного погодя. Говорятъ, что ты Генри Смитъ видѣлъ нашего несчастнаго соотечественника послѣ того, какъ онъ вырвался изъ рукъ ночныхъ гулякъ... Расскажи намъ, что знаешь?

— Онъ пришелъ къ моему дому въ Виндѣ, сказалъ Генри, за полчаса до полуночи; я съ неудовольствіемъ впустилъ его, потому что онъ праздновалъ заговѣнье, а я сидѣлъ дома. Извѣстно.... человѣку сытому худо говорить съ голоднымъ.

- Въ какомъ состояніи былъ онъ? спросилъ сэръ Патрикъ.
- Онъ, казалось, задыхался, отвѣчалъ кузнецъ, и безпрестанно говорилъ, что на него напала толпа буиновъ. Я мало обращалъ вниманія на эти слова, потому что онъ хотя и былъ чело-вѣкъ добрый, но считался величайшимъ трусомъ, и оттого я приписывалъ его страхъ врожденной трусливости. Но я никогда не прошу себя, что не проводилъ его; если я буду жить, то непременно стану молиться за упокой души его.
- Описалъ онъ своихъ обидчиковъ? спросилъ рыцарь.
- Онъ сказалъ мнѣ, что на него напали замаскированные буи-ны, отвѣчалъ Генри.
- Думалъ ли онъ ихъ встрѣтить на возвратномъ пути?
- Онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, будто его ожидаютъ на улицѣ; но я считалъ это за пустое предположеніе, потому что на улицѣ никого не было.
- Значитъ онъ не получалъ отъ тебя ни какой помощи?
- Нѣтъ, сэръ Патрикъ, онъ снялъ маскератное платье, надѣлъ мое буйволовое полукафтанье, мою каску и мой щитъ. Вчерашній нарядъ Оливера еще у меня.... Онъ хотѣлъ возвратитъ сего-дня мое оружіе и взять обратно костюмъ....
- Видѣлъ ты его послѣ этого?
- Нѣтъ, милордъ.
- Еще одинъ вопросъ, сказалъ старшина: имѣешь ли ты при-чину думать, что ударъ, которымъ убить Оливеръ, назначенъ былъ не ему?
- Да, отвѣчалъ кузнецъ. Но это только предположеніе, кото-рому опасно давать вѣсу.
- Всѣ-таки говори для исполненія своей обязанности и клятвы.
- Если я долженъ говорить, то скажу вамъ вотъ что: мнѣ кажется, этотъ ударъ назначенъ былъ мнѣ. Я думаю это тѣмъ болѣе, что Оливеръ безпрестанно обѣщалъ подражать моей по-ходкѣ и ухваткамъ.
- Имѣлъ ты какую-нибудь ссору, что думаешь такъ? спросилъ сэръ Патрикъ.
- Признаюсь, къ стыду моему, я вездѣ ссорился въ горахъ и въ долинѣ, въ Англіи и въ Шотландіи.... Но не предполагаю, чтобы Оливеръ имѣлъ кого-нибудь врагомъ.
- Послушай, Смитъ, отвѣчай ясно: не имѣешь ли ты вражды съ домою сэра Джона Раморин.
- Конечно, милордъ. Теперь всѣ говорятъ, что рука, кото-рую я отрубилъ въ день святаго Валентина, принадлежитъ Блэкъ

Квентину, ухавшему въ Фейвиръ. Блэкъ Квентинъ былъ камердинеръ сэра Джона; значить, домъ Раморни не можетъ смотрѣть на меня благосклонно.

— Да, это правда, Смитъ, замѣталъ сэръ Патрикъ Чартриазъ. Теперь, почтеннѣйшіе члены магистрата, у насъ два предположенія, которыя ведутъ къ одному заключенію. Можетъ быть гуляки опять встрѣтили нашего несчастнаго согражданина и заключили свое недостойное поведеніе убійствомъ.... Оливеръ самъ сказалъ Генри Смитъ, что опасается чего-нибудь подобнаго.... Въ такомъ случаѣ одинъ или нѣсколько слугъ сэра Джона убили Праудфюта. Но мнѣ вѣроятнѣе кажется, что двое или трое мажорковъ остались на улицѣ или, переодѣвшись, воротились туда. Эти люди приняли Оливера Праудфюта по платью и походкѣ за Генри Смитъ.... Вѣроятно, говорю я, въ нихъ пробудилась неважность, и они, видя Генри одного, рѣшились освободиться отъ опаснаго врага. Это предположеніе тоже заставляетъ думать, что люди сэра Джона Раморни убили Оливера.... Какъ вы думаете, господа, въ правдѣ ли мы обвинить ихъ?

Магистратъ шептался нѣсколько минутъ и отвѣчалъ наконецъ черезъ судью Крегдалль:

— Благородный рыцарь и достойнѣйшій нашъ предсѣдатель.... мы совершенно согласны съ вашимъ мнѣніемъ въ этомъ ужасномъ и таинственномъ происшествіи; мы не сомнѣваемся въ вашей смѣлости и предполагаемъ, что покойнаго гражданина убили люди сэра Джона.... приняли ли они шляпочника за него самого, или за нашего храбраго соотечественника Генри Смита. Но сэръ Джонъ, въ званіи шталмейстера его высочества, держитъ много преслуги.... мы должны ожидать, что на обвиненіе протестуютъ.... спрашивается, что намъ тогда дѣлать?.... Если бы законы позволяли зажечь домъ сэра Джона и казнить всѣхъ, которые живутъ въ немъ, то мы принялись бы къ старой шотландской поговоркѣ: Чѣмъ короче судъ, тѣмъ лучше.... потому что нигдѣ не собиралось столько богоотступниковъ, убійцъ и обольстителей, какъ въ домѣ Раморни. Но я сомнѣваюсь въ законности такой казни.... а по всему слышанному мнѣ не возможно рѣшить, кто именно преступникъ.

Городской актуаріусъ всталъ прежде нежели сэръ Патрикъ успѣлъ отвѣчать, и повпросилъ позволенія говорить.

— Братъ, сказалъ онъ, во времена нашихъ отцевъ и нынѣ, Богу угодно было иногда ясно указать на виновнаго. Попросимъ у Короля Роберта, отъ имени вашего прекраснаго города, позво-

ленія обратиться, по древнему обычаю, къ Божьему суду.... Попросимъ, говорю я, позволенія на *гробовое испытаніе*, которое подтверждено буллами и декретами.... Оно позволялось иногда нашими древними королями и къ нему прибѣгали, на примѣръ, Карлъ Великій во Франціи, король Артуръ въ Англіи и Гроторій-Великій въ Шотландіи.

— Я слышалъ кое-что о *гробовомъ испытаніи*, сэръ Луисъ, сказалъ рыцарь, и знаю, о немъ упоминается въ Хартіи нашего прекраснаго города; но мнѣ худо извѣстны старые законы, и я прошу васъ объяснить, въ чемъ состоитъ это испытаніе?

— Если мое предложеніе примутъ, сказалъ сэръ Луисъ Лэндинъ, то мы попросимъ у короля позволенія перенести тѣло убитаго гражданина въ церковь святаго Іоанна. Тутъ будутъ служить надъ покойникомъ павихиды и просить Господа открыть убійцу. Между тѣмъ мы доставимъ приказаніе, чтобы сэръ Джонъ Раморин далъ списокъ своихъ слугъ, которые были въ Перевъ въ день заговѣнья. Люди эти должны будутъ прийти въ назначенный день и часъ въ церковь святаго Іоанна, ихъ стануть поодначкѣ вызывать и подводить къ убитому. Они обязаны будутъ поклясться надъ тѣломъ покойника по предписанной *формѣ*, что не участвовали въ преступленіи ни посредственно, ни непосредственно. Если убійца произнесетъ эту клятву, то въ мертвецѣ пробуждаются признаки жизни и на ранѣ появляется свѣжая кровь.... Вѣроятно, небу угодно какими-то тайными средствами, которыхъ мы не можемъ постигнуть, открыть преступленіе того, кто осмѣлился обезобразить Божье творенье.... Это доказали многие примѣры.

— Да, я слышалъ объ этомъ законѣ, сказалъ сэръ Патрикъ: его употребляли во времена Брюса. Конечно, при такихъ таинственныхъ происшествіяхъ прилично употреблять для открытія истины необыкновенныя средства. Если мы просто обвинимъ людей сэра Джона, то намъ, конечно, отвѣтятъ совершеннымъ протестомъ. Однако нельзя ли мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ нашему почтенному сэру Луису: Какимъ образомъ воспрепятствовать мы бѣгству убійцы.

— Граждане составятъ на крѣпостныхъ стѣнахъ необыкновенный караулъ, подъемные мосты будутъ подняты отъ заката до восходу солнца, а всю ночь по городу должны ходить большіе патрули. Граждане, вѣрно, охотно возьмутся за временную службу, чтобы не выпустить убійцы.

Присутствовавшіе дали свое согласіе словами и знаками.

— Еще одинъ вопросъ, сказалъ рыцарь: если кто-нибудь изъ подозрѣваемыхъ откажется отъ гробоваго испытанія?

— Тогда онъ имѣеть право доказать свою невинность поединкомъ, съ человѣкомъ равнаго званія съ собой, отвѣчалъ актуаріусъ: въ подобномъ судѣ обвиняемый имѣеть право избирать средство, которымъ надобно испытать его. Но если онъ и отъ этого откажется, то его считаютъ виновнымъ и казнятъ.

Совѣтники единодушно согласились на предложеніе городского старшины и актуаріуса, и хотѣли подать королю формальное прошеніе. Но прежде нежели магистратъ разошелся, судѣ Кредальи вздумалось спросить, кто будетъ защитникомъ Магдалины Праудфьютъ и двухъ сиротъ.

— Объ этомъ нечего много думать, сказалъ сэръ Патрикъ, мы мужичны и носимъ шпаги. Если кто нибудь изъ насъ не готовъ защищать вдову и сиротъ, тому надобно переломить шпагу на головѣ. Если самъ сэръ Джонъ вздумаетъ биться, то я, Патрикъ Чартризь стану до смерти сражаться съ нимъ верхомъ или пѣшой. Но если боецъ низшаго происхожденія, то Магдалина сама выберетъ себѣ защитника изъ храбрыхъ переселенныхъ гражданъ.... Стыдно будетъ прекрасному городу, если избранный откажется.... Приведите сюда Магдалину, пусть она выберетъ кого угодно.

Генри Смитъ слушалъ эти слова съ печальнымъ предчувствіемъ, что бѣдная женщина выберетъ его. Едва успѣлъ онъ помириться съ Катериною, какъ ему прійдется снова заводить ссору, которой ни какъ не могъ избѣжать честнымъ образомъ. Генри зналъ, что вслѣдствіе поученій отца Климента Катерина, считала *гробовое испытаніе* скорѣе неуваженіемъ къ Богу нежели доказательствомъ безпредѣльной вѣры въ него.... Сверхъ того ей казалось несправедливымъ доказательство невинности поединкомъ гдѣ искусство и сила обыкновенно брали верхъ. Значитъ, онъ опасался Катериныхъ мнѣній, которыя были очищены отъ ошибокъ и заблужденій того вѣка.

Между-тѣмъ какъ онъ мучился этими мыслями, передъ соборіемъ явилась вдова убитаго. Она была въ глубокомъ траурѣ и ее поддерживали пятеро пріятельницъ, изъ которыхъ одна несла новорожденнаго мальчика, а другая вела за руку двухлѣтняго ребенка, который бѣжалъ неровными шагами и съ удивленіемъ осматривался.

Собраніе встало и встрѣтило печальное общество поклономъ. Магдалина съ достоинствомъ отвѣчала на него. Потомъ сэръ

Патрикъ подошелъ къ ней и, съ утчивостью рыцаря и защитника вдовы, взялъ несчастную за руку и объяснилъ, на что рѣшился совѣтъ для отомщенія за убійство ея мужа.

Объяснивъ вдовѣ рѣшеніе совѣта, онъ обратился къ собранію и громко сказалъ :

— Почтенные граждане, слушайте, что теперь будетъ.... Вотъ Магдалина Праудъють, которая требуетъ наказанія за смерть мужа, убитаго сэромъ Джономъ, что она надѣется доказать *гробомъ испытаніемъ* или поединкомъ. И потому я, Патрикъ Чартризь, дворянинъ по происхожденію, готовъ биться за это дѣло куда будетъ держаться на ногахъ конь и человѣкъ, если кто ибудь равнаго со мною званія подыметъ мою перчатку.... Говорите, Магдалина Праудъють.... хотите вы имѣть меня своимъ защитникомъ ?

Вдова запинаясь отвѣчала :

— Я не могу имѣть болѣе благороднаго защитника.

Тогда сэръ Патрикъ взялъ ее за правую руку, поцѣловалъ въ лобъ, какъ требовала церемонія, и торжественно сказалъ :

— Да поможетъ мнѣ Богъ и святой Іоаннъ въ часъ нужды.... Какъ слѣдуетъ исполню обязанность защитника, человѣка и рыцаря. Теперь, Магдалина, выбирайте самі между присутствующими и отсутствующими гражданами защитника на случай, если боецъ будетъ низкаго происхожденія.

Всѣ посмотрѣли на Генри Смита, котораго всѣ считали лучшимъ защитникомъ. Но вдова не ждала, чтобы ей указали на него. Она немедленно послѣ словъ сэра Патрика подошла къ кузнецу, взяла его за руку и сказала :

— Избираю Генри Смита, добраго гражданина и ремесленника; мой.... мой....

Мужъ, хотѣла она сказать; но это слово не сходило съ ея губъ и она принуждена была прибѣгнуть къ другому выраженію.

— Тотъ, который уже не существуетъ, уважалъ васъ больше всѣхъ другихъ людей.... значитъ вамъ и слѣдуетъ защищать вдову и дѣтей его.

Если бы для Генри было возможно отдѣлаться отъ должности, которую всѣ налагали на него, то всякая мысль объ отказѣ прошла бы при первыхъ словахъ вдовы; голосъ съ неба не слыхалъ бы на кузнеца сильнѣйшаго впечатлѣнія нежели призваніе несчастной Магдалины. Напоминаніе о сношеніяхъ съ покойнымъ сильно тронуло его. Конечно, при жизни Оливера было

что-то смѣшное въ его притязаніяхъ на товарищество съ Геври; но теперь кузнецъ все забылъ и предаваясь врожденной горячности помнилъ только, что Оливеръ былъ его другомъ; что шляпочникъ сколько могъ любилъ и уважалъ его, и что вѣроятно покойный сдѣлался жертвою покушенія на жизнь Геври.

Оттого онъ съ жаромъ поцѣловалъ несчастную Магдалину въ холодный лобъ и сказалъ :

— Я, Геври Смитъ, принимаю званіе защитника вдовы Магдалины и ея дѣтей, и стану биться за ихъ дѣло до смерти со всякимъ человѣкомъ равнаго со мною званія. Да помогутъ мнѣ въ часъ нужды Господь и Святой Іоаннъ!

Въ собраніи раздался одобрительный говоръ, который показывалъ, что присутствующіе очень интересуются этимъ дѣломъ и увѣрены въ успѣхъ.

Разставшись съ собраніемъ, сэръ Патрикъ рѣшился идти къ королю и просить позволенія на *гробовое испытаніе*.

Въ секретной аудіенціи король весьма разгнѣванъ былъ этимъ новымъ проиществіемъ и приказалъ сэру Патрику явиться на другое утро, послѣ обѣдни, получить отвѣтъ. Между-тѣмъ къ коннетаблю послали за спискомъ слугъ сэра Джона Раморни и приказали сказать бывшему шталмейстеру его высочества, что ему и его слугамъ запрещенъ выѣздъ изъ Перва безъ разрѣшенія короля.

XXI.

Въ залѣ совѣта доминиканскаго монастыря сидѣлъ король Робертъ съ братомъ Ольбени, котораго притворная добродѣтель и строгость имѣли сильную власть надъ монархомъ. Естественно, что государь, который рѣдко видѣлъ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, смотрѣлъ на все такъ, какъ объяснялъ человѣкъ дерзкій и коварный и притомъ близкій родственникъ.

Король, всегда опасавшійся за своего развращеннаго сына, старался теперь увѣрить Ольбени, что Россай не принималъ ни какого участія въ убійствѣ шляпочника. Сэръ Патрикъ Чартриксъ оставилъ у короля для разсмотрѣнія все дѣло, и братья разсуждали теперь о немъ.

— Это прескверно, любезный братъ мой, сказалъ король, и дастъ поводъ къ ссорѣ народа съ дворянами, что уже случилось въ вѣкоторыхъ отдаленныхъ провинціяхъ. Я вижу одно только утѣшеніе въ этомъ дѣлѣ... хорошо, что сэру Джону Раморни да-

да отставку отъ имени герцога Ровеса.... теперь никто не можетъ сказать, что сэръ Джонъ или кто-нибудь изъ его слугъ совершилъ это преступленіе съ согласія моего бѣднаго сына.... Конечно, братъ мой, мы оба можемъ засвидѣтельствовать, что онъ съ величайшею легкостью согласился оставить Раморни послѣ суматохи въ Кёрфьюстритъ.

— Да, помню, сказалъ Ольбспи: в надѣюсь, что между принцемъ и Раморни не было больше сношеній послѣ того какъ Ровесай, казалось, уступилъ желанію вашего величества.

— Казалось, уступилъ?... возобновленныя сношенія?... повторилъ король. Чтѣ вы хотите этимъ сказать, братъ мой? Давидъ просилъ скрыть керфьюстритское дѣло и общалъ зато разстаться съ Раморни, потому что онъ внушалъ принцу такія худыя мысли.... Вы, конечно, не сомнѣваетесь, что сынъ мой общалъ искренно и сдержитъ свое слово? Помните, когда вы посовѣтовали наложити большую пеню на фейнширское имѣніе сэра Джона, то принцъ самъ сказалъ, что изгнаніе будетъ лучше и для него и для Раморни?

— Очень хорошо помню, ваше величество. Я тогда не думалъ, чтобы Раморни имѣлъ какую нибудь власть надъ принцемъ, поставивъ его въ такое непріятное положеніе. Но благородный мой шеманникъ самъ признался вашему величеству, что если Раморни оставить при дворѣ, то онъ станетъ управлять поведеніемъ Ровеса. Тогда я раскаявался, что посовѣтовалъ перемѣнить изгнаніе въ пеню. Но теперь это время прошло.... нынѣшнее происшествіе ставитъ въ опасное положеніе и ваше величество и наследника престола.

— Чтѣ вы хотите сказать, Робинъ? вскричалъ слабый маркизъ. Прошу васъ, ради предковъ нашихъ и безсмертнаго Брюса, скажитесь надо мной. Говорите, какая опасность грозитъ моему сыну и вашему государству?

Король дрожалъ отъ безпокойства и глаза его наполнялись слезами, между тѣмъ какъ братъ его, казалось, обдумывалъ отвѣтъ.

— Милордъ, вотъ въ чемъ опасность.... Ваше величество воображаете, что принцъ не участвовалъ во второмъ покушеніи на спокойствіе гражданъ.... въ убійствѣ этого шляпочника.... Граждане кричатъ о немъ точно чайки, у которыхъ ребенокъ убилъ стрѣлюю товарища.

— Имъ дорога собственная жизнь и безопасность друзей, забылъ король.

— Точно такъ, государь: и они съ лавою отплачиваютъ за

каждую царапину.... Но я говорилъ, что ваше величество думаете, будто принцъ не участвовалъ въ этомъ убійствѣ. Я не стану разувѣрять васъ въ этомъ, но самъ постараюсь убѣдиться.... Ваши мысли для меня приказанія. Робертъ Ольбени всегда думаетъ точно Робертъ Шотландскій.

— Благодарю, благодарю, сказалъ король, пожимая брату руку. Я знаю, что ваша привязанность справедливо судить о неосторожномъ Роосаѣ, который подвергается своимъ поведеніемъ разнымъ толкамъ и едва заслуживаетъ вашу привязанность.

Ольбени такъ хорошо умѣлъ владѣть собою, что въ свою очередь пожалъ королю руки и придумывалъ средства къ разрушенію надеждъ старика.

— Но, увы! прибавилъ герцогъ вздыхая: этотъ медвѣдь, Чартризь, и его крикуны граждане иначе станутъ смотрѣть на дѣло. Они осмѣливаются говорить, что замаскированный Роосай и его товарищи обидѣли чудака, недавно убитаго, останавливали мужчинъ и женщинъ, заставляли плясать, выпивать ужасно много вина и дѣлать вещи, о которыхъ лучше не рассказывать.... и они говорятъ, что эта толпа наряженныхъ отправилась къ сэру Джону Раморни и въ беспорядкѣ бросилась къ нему въ дождь. Это даетъ поводъ думать, что отставка Раморни отъ службы была хитрость, служившая къ обману публики. Изъ всего этого выводятъ слѣдующее заключеніе: если преступленіе сдѣлано сэромъ Джономъ или его слугами, то, вѣроятно, герцогъ Роосай но крайней мѣрѣ знаетъ объ убійствѣ шляпочника.

— Ольбени, это ужасно! сказалъ король. Неужели изъ моего сына хотятъ сдѣлать убійцу?... Неужели они утверждаютъ, что мой Давидъ безъ всякой причины замаралъ руки шотландскою кровью? Нѣтъ.... нѣтъ.... кто могъ выдумать такую клевету?... Никто не повѣритъ ей.

— Извините, ваше величество, возразилъ герцогъ Ольбени: говорятъ, что въ кэрьюстритской дракѣ принцъ виноватъ болѣе сэра Джона; никто не думаетъ, а тѣмъ менѣе еще вѣрить, будто это предпріятіе дѣлалось для удовольствія кавалера Раморни.

— Ты меня сводишь съ ума, Робинъ! сказалъ король.

— Такъ я замолчу, отвѣчалъ братъ. Я высказалъ свои смиренныя мнѣнія по приказанію вашего величества.

— Знаю.... твои намѣренія хороши, сказалъ король: но чѣму раздраешь ты мнѣ сердце, рассказывая ужасную пестиву.... лучше дай совѣтъ, какъ избѣгнуть опасности?

— Хорошо, ваше величество: но какъ единственный мой со-

вѣтъ будетъ непріятель, то вы должны сперва увѣриться въ необходимости той мѣры, которую я предложу.... Хирургъ убѣждаетъ сперва пациента въ недѣйствительности всѣхъ другихъ средствъ, а потомъ уже предлагаетъ отнятіе члена, какъ единственное средство....

Эти слова произвели въ королѣ безпокойство и негодование, котораго Ольбени не предполагалъ въ немъ.

— Отнятіе члена, милордъ Ольбени? Отнятіе члена единственное средство!... Это непонятныя слова, милордъ.... Если вы приложите ихъ къ нашему сыну Роесаю, то должны будете доказать неоспоримую правоту этихъ словъ, въ противномъ случаѣ вы горько раскаетесь въ своей неосторожности.

— Вы слишкомъ буквально принимаете смыслъ моихъ словъ, ваше величество, сказалъ Ольбени. Я не о прищѣ выражался такъ, потому что онъ мнѣ дорогъ, какъ сынъ любезнаго брата, и я люблю Давида какъ своего сына. Я заговорилъ о необходимости удалить его отъ мірскихъ проступковъ и пороковъ. Святые сравнивали ихъ съ ранеными членами, которые надобно отрѣзать и бросить какъ препятствія къ добродѣтели.

— Понимаю.... вы совѣтуете отказать отъ двора сэру Джону Раморни, котораго считаютъ выдумщикомъ всѣхъ шалостей моего сына и оставить его въ изгнаніи, покуда нынѣшнее дѣло забудется и наши подданные будутъ расположены смотрѣть на Роеся съ лучшей точки зрѣнія.

— Да, это прекрасно, ваше величество: по мнѣ кажется, къ этому не худо прибавить самую.... самую малость.... не худо бы удалить и принца на нѣкоторое время отъ двора.

— Чтò такое?... Мнѣ разстаться съ сыномъ, моимъ перво-роднымъ.... разстаться со свѣтомъ моихъ глазъ?... О, Робинъ!... Я не могу, я не хочу....

— Ваше величество, это только предложеніе.... я хорошо понимаю, какъ трудно отцу рѣшиться на такія мѣры.... вѣдь и я отецъ!

Тутъ онъ, точно въ безнадежной горести, опустилъ голову.

— Я не переживу этого, Ольбени. Вѣдь мы имѣемъ власть надъ его душою, когда онъ находится съ нами. Чтò же будетъ тогда, когда онъ не станетъ больше видѣть насъ?... Какимъ опасностямъ подвергнется онъ? Я не буду въ состояніи закрыть глаза, если онъ не станетъ больше жить подлѣ меня.... Мнѣ покажется, что каждый вѣтерокъ привноситъ его послѣдній вздохъ....

А вы, Ольбени, и вы будете безпокоиться, хотя и съумѣете скрыть это.

Такъ говорилъ слабый король, стараясь умиловить брата и обмануть самого себя, представляясь, что не сомнѣвается въ взаимной привязанности дяди и племянника.

— Ваши отеческія заботы встревоживаются слишкомъ легко, сказалъ Ольбени. Я совсѣмъ не предлагаю дать волю необузданнымъ страстямъ принца. Я думаю, Роесаю не худо пробить нѣсколько времени въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, подъ надзоромъ мудраго совѣтника, который долженъ будетъ отвѣчать за поведение и жизнь принца, то есть, который станетъ смотрѣть за нимъ, какъ опекунъ за питомцемъ.

— Какъ! опекуна?... въ такія лѣта? вскричалъ король. Опъ уже, два года тому назадъ, сдѣлался по нашимъ законамъ совершеннолѣтнимъ.

— Благоразумные Римляне назначили совершеннолѣтіе четырьмя годами позже, сказалъ Ольбени. Если разсудить хорошенько, то родители должны надзирать за дѣтьми неопредѣленное время, смотря по праву дѣтей.... Вотъ, напримѣръ, молодой Ливдсей, графъ Кравфордъ, который, говорятъ, покровительствуетъ сэру Джову Раморни.... Ливдсею всего пятнадцать лѣтъ, а опъ уже имѣетъ страсти и рѣшительность тридцатилѣтняго.... Между-тѣмъ мой племянникъ, который имѣетъ гораздо лучшія и благороднѣйшія качества ума и сердца.... мой племянникъ, говорю я, несмотря на свой двадцати-трехъ-лѣтній возрастъ, бываетъ иногда капризенъ точно дитя.... Но не печальтесь объ этомъ, милордъ, и не сердитесь на брата, если опъ говоритъ истину.... Впрочемъ, вѣдь известно, что лучшіе плоды зрѣютъ очень медленно, а тѣ лошади, которыхъ всего труднѣе приучить къ бою и турнирамъ, достигаютъ высшаго совершенства.

Герцогъ остановился, далъ королю подумать нѣсколько минутъ и прибавилъ веселымъ голосомъ :

— Успокойтесь, ваше величество, можетъ-быть это дѣло устроится безъ всякаго бою и затрудненій. Вдова бѣдна.... мужъ ея имѣлъ много покупателей, но любилъ мотать.... Значитъ, ее можно удовлетворить деньгами. Раморни заплатитъ штрафъ за убійство шляпочника.

— Нѣтъ, мы сами заплатимъ за него, вскричалъ король, надѣясь окончить этотъ непріятный разговоръ. Намѣренія Раморни уже будутъ уничтожены отказомъ отъ двора.... и несправедливо обременять падающаго человѣка.... Но вотъ идетъ нашъ секре-

тѣрь, чтобы извѣстить о преступленіи часу совѣта.... Здравствуйте, достойный отецъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, ваше величество, отвѣчалъ жбать.

— Мы не станемъ ждать Роесая.... я впередъ ручаюсь, что онъ согласится съ нашимъ рѣшеніемъ.... Не знаете ли чего нибудь новаго о Дуглазѣ?

— Онъ пріѣхалъ въ тентловскій замокъ, ваше величество, и прислалъ сказать, что графъ Марчъ остается въ дѣнбарской крѣпости, а приверженцы его собираются близъ Колдингхамъ, гдѣ они ожидаютъ сильной помощи отъ Англичанъ. Хотсаэръ и сэръ Ральфъ Перси набираютъ у границы многочисленный корпусъ.

— Худыя же новости, сказалъ король, да проститъ Богъ Джорджу Дѣнбару!

Въ эту минуту вошелъ принцъ и король продолжалъ:

— Наконецъ ты пришелъ, Роесай; я не видалъ тебя у обѣдин.

— Сегодня я полѣнился, отвѣчалъ принцъ. Я провелъ безпокойную ночь.

— Если бы ты не кутялъ въ заговѣнье, то спокойно спалъ бы въ первый день поста.

— Не прерывайте изъ-за меня своей рѣчи, ваше величество, сказалъ принцъ; вы молились за кого-то, вѣрно за врага, потому что вы чаще всего молитесь за нихъ.

— Саднесь и молчи, легкомысленный молодой человѣкъ, сказалъ отецъ, любуясь на красоту и ловкія манеры сына.

Роесай подтащилъ къ ногамъ короля подушку и небрежно сѣлъ на нее. Король между-тѣмъ продолжалъ:

— Графъ Марчъ, разставаясь со мною, получилъ увѣренія, что всѣ его жалобы будутъ удовлетворены.... Теперь онъ возстаетъ противъ своего отечества.... Вотъ о чемъ я сожалѣлъ. Неужели онъ сомнѣвался, сдержимъ ли мы слово?

— Я за него отвѣчу. Нѣтъ! сказалъ принцъ, Марчъ никогда не сомнѣвался въ обѣщаніяхъ вашего величества. Однако онъ очень могъ сомнѣваться, дадутъ ли вамъ исполнить ихъ ваши совѣтники?

Робертъ-Третій имѣлъ привычку представляться, что не слышалъ выраженій, которыя требуютъ выговору. Онъ продолжалъ разговоръ свой, точно будто сынъ его ничего не сказалъ; но дерзость Роесая увеличивала негодованіе, которое сталъ чувствовать король противъ него.

— Я очень доволенъ, что Дугласъ на границѣ, сказалъ король; его корпусъ, точно войска предковъ его, всегда былъ надежнымъ оплотомъ Шотландіи.

— Ну, такъ худо же намъ будетъ, если онъ обратится въ бѣгство! вскричалъ неисправимый Роесай.

— Ты сомнѣваешься въ храбрости Дугласа? гнѣвно сказалъ король.

— Никто не можетъ сомнѣваться въ мужествѣ графа, отвѣчалъ Роесай. Онъ непобѣдимъ точно его гордость.... но вѣдь можно сомнѣваться въ счастьи....

— Клянусь святымъ Андреемъ! вскричалъ отецъ. Ты Давидъ, точно зловѣщій филинъ, все предсказываешь несчастія.

— Я замолчу, батюшка, отвѣчалъ молодой человекъ.

— А какія новости о безпокойствахъ въ горахъ? продолжалъ король, обращаясь къ секретарю.

— Кажется они приняли благопріятный видъ, отвѣчалъ священникъ. Огонь, который угрожалъ пожрать всю землю, вѣроятно загасится кровью сорока или пятидесяти горцевъ.... Эти два большіе клана уговорились окончить споръ такимъ оружіемъ, какое избересть ваше величество. Они поклялись явиться на назначенное мѣсто тридцатаго марта, въ верблюе воскресенье. На каждой сторонѣ будетъ не больше тридцати бойцовъ.... Бой совершится въ вашемъ присутствіи и они униженно просятъ ваше величество не пользоваться въ этотъ день своею властью.... не прерывать бой, кидая скипетръ или крича: «довольно!»

— Дикіе варвары! воскликнулъ король. Они хотятъ ограничить нашу лучшую, дражайшую власть останавливать бой и кровопролитіе? Они хотятъ уничтожить единственный поводъ, по которому я присутствовалъ бы при этой рѣзнѣ?... Хотятъ они биться какъ люди, или драться точно волки?

— Милордъ, сказалъ Ольбени, я и графъ Кравфордъ, мы безъ вашего разрѣшенія дали на эту просьбу утвердительный отвѣтъ.

— Что! графъ Кравфордъ! вскричалъ король. Мнѣ кажется, онъ слишкомъ молодъ, чтобы давать совѣты въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ.

— Не смотря на его возрастъ, горцы такъ уважаютъ графа, что безъ его помощи намъ ничего нельзя сдѣлать съ нами, возразилъ Ольбени.

— Слышншь, Роесай? съ упрекомъ сказалъ король.

— Жаль мнѣ Кравфорда, ваше величество, отвѣчалъ принцъ.

Онъ очень рано лишился отца, котораго совѣты могли быть ему полезны.

При этомъ отвѣтѣ, въ которомъ видно было изъясненіе сыновней любви, король съ торжествомъ посмотрѣлъ на Ольбени.

Ольбени, не обращая на это вниманія, продолжалъ:

— Для успокоенія горцевъ нужна не жизнь, а смерть.... вотъ почему мы, то есть графъ Кравфордъ и я, предполагали, что тотъ бой долженъ быть смертельнымъ.

— Конечно, если молодой Ляндсей уже теперь держится такой политикъ, то милосердый же онъ будетъ начальникомъ лѣтъ черезъ двѣнадцать, сказалъ принцъ. Чтò это за мальчикъ, который имѣетъ такое жестокое сердце?.... Лучше бы онъ смотрѣлъ въ заговѣнье на пѣтушій бой, и не думалъ о рѣзнѣ людей въ вербное воскресенье....

— Вѣдь Ровсай правъ, Ольбени, сказалъ король: христіанскому монарху неприлично соглашаться на такое предложеніе. Я никогда не рѣшусь смотрѣть на людей, которыхъ убиваютъ одного за другимъ точно овецъ на бойнѣ.... Такое зрѣлище лишитъ меня здоровья, и скипетръ невольно выпадетъ изъ рукъ.

— Но на это не обращать вниманія, сказалъ Ольбени. Позвольте замѣтить вамъ, ваше величество, стоитъ только отказать на день отъ своего преимущества и вашего знака не послушаются, потому что онъ не требуетъ послушанія. Если вы бросите скипетръ посреди сражающихся, то онъ произведетъ такое же дѣйствіе, какъ соломенка упавшая изъ клюва воробья посреди дерущихся волковъ.... Они остановятся только тогда, когда больше невозможно будетъ проливать кровь.... Да, я думаю, лучше если они будутъ рѣзаться другъ съ другомъ, нежели съ войскомъ, которое вы послали бы разнимать ихъ? Какъ скоро они увидятъ, что для водворенія миру употребляютъ силу, то тотчасъ же станутъ подозрѣвать, нѣтъ ли въ этомъ какой-нибудь ловушки?... Тогда обѣ партіи соединятся для защиты.... рѣзня будетъ та же; но надежда на водвореніе миру въ горахъ погибнетъ на всегда.

— Ваши слова слишкомъ справедливы, братъ мой, сказалъ перемѣнчивый король. Мало пользы приказывать то, чего не станутъ слушаться; и хотя это, къ несчастію, случается со мною почти каждый день, однако я не хочу показать примѣръ слабости короля передъ собравшейся толпой зрителей. Пусть же эти анкари раздраютъ другъ друга, я не покушусь остановить ихъ.... Небо! сжался надъ несчастною странюю! Я пойду въ моленную

и помолюсь за нее, потому что мнѣ иначе нельзя помочь ей. Святой отецъ, проводите меня.

— Еще одно слово, братъ мой, сказалъ Ольбени. Позвольте напомнить вамъ.... вы должны разсудить доносъ пероскихъ гражданъ на сэра Джона Раморни по случаю убійства шляпочника....

— Ахъ, да.... да! сказалъ монархъ, опять садясь. Еще насильство.... еще убійство.... О! Шотландія! Шотландія! Если бы кровь твоихъ храбрѣйшихъ дѣтей могла оплодотворить каменную почву, ты была бы богатѣйшею страной всего свѣта! Какой Шотландецъ дождется сѣдыхъ волосъ, если онъ не походитъ на своего несчастнаго монарха, котораго слабость защищаетъ отъ убійства?... И король этотъ принужденъ смотрѣть на рѣзню и не имѣть права остановить ее?... Пусть они выйдутъ.... не заставляйте ждать ихъ.... Они спѣшатъ убивать и завидуютъ каждому вздоху ближняго.... Кажется, демонъ кровопролитія овладѣлъ всею страной.

Только что король съ необыкновеннымъ неудовольствіемъ и нетерпѣніемъ усѣлся въ кресла, дверь въ глубинѣ залы отворилась и вдали показался рядъ стражи, передъ нею стояла вдова несчастнаго Олвера, которой сэръ Патрикъ съ учтивостью подавалъ руку, точно будто она знатная дама. За Магдалиною шли двѣ пожилыя женщины, жены членовъ магистрата. Обѣ были въ траурѣ: одна несла новорожденнаго, а другая вела двухлѣтняго ребенка. Потомъ шелъ кузнецъ въ лучшемъ своемъ платьѣ; на полукафтанѣ у него надѣтъ былъ черный креповый шарфъ. Судья Крегдальн и магистратъ имѣли тоже знаки траура и закладывали шествіе.

Худое расположеніе духа короля тотчасъ же уничтожилось при видѣ блѣднаго лица вдовы и малолѣтнихъ дѣтей, которые не могли еще понимать своей потери. Когда сэръ Патрикъ Чартризь помогъ Магдалинѣ Праудѣють стать на колѣни, рыцарь не оставляя руки ея, самъ опустился на одно колѣно. Король съ участіемъ спросилъ объ имени несчастной вдовы и о причинѣ ея прихода. Она не отвѣчала, а только пробормотала что-то, посматривая на своего провожатаго.

— Такъ говорите за эту бѣдную женщину, сэръ Патрикъ Чартризь, сказалъ король, изъясните причину вашего прихода.

— Какъ прикажете, ваше величество, отвѣчалъ сэръ Патрикъ вставая. Эта женщина и эти сироты жалуются на кавалера, сэра Джона Раморни, потому что онъ самъ или люди его убили въ

заговѣнне Оливера Праудфутъ, свободнаго гражданина, мужа этой женщины и отца этихъ двоихъ дѣтей.

— Жена, милостиво возразилъ король, твоему полу свойственна кротость, а твое несчастіе должно сдѣлать тебя милосердною, потому что несчастія дѣлаютъ насъ сострадательными. Твой мужъ перешелъ только границу, черезъ которую мы всѣ перейдемъ.

— Въ такомъ случаѣ (это былъ короткій кровавый переходъ, замѣтила вдова.

— Согласенъ, что онъ былъ не хорошъ. Но я не покровительствовалъ ему, какъ мнѣ слѣдовало дѣлать это, оттого я удовлетворю нуждамъ сиротъ твоего мужа.... Откажись только отъ этого обвиненія и не причиняй новаго кровопролитія. Обдумай хорошенько отвѣтъ.... Я даю тебѣ выборъ между милосердіемъ и местию, излншествомъ и бѣдностью!....

— Правда, мы бѣдны, ваше величество, отвѣчала вдова съ непоколебимою твердостью; но я и дѣти мои, мы лучше станемъ вскать пропитанія, какъ презрѣнныя животныя, нежели согласимся жить цѣною крови отца нашего семейства. Я требую поединка съ моимъ защитникомъ!

— Зналъ я, что дѣло дойдетъ до этого, сказалъ король глядя на Ольбени; поединокъ, кровь, месть!.... это первыя слова, которые лепечетъ въ Шотландіи ребенокъ, и послѣдній возгласъ умирающаго старика.... Безполезно отклонять долше; прикажите войти обвиняемымъ.

Въ залу вошелъ сэръ Джонъ Раморни. Онъ былъ въ длинномъ широкомъ платьѣ, которое носили знатные люди, когда выходили безъ оружія. Раненная рука искусно скрывалась въ складкахъ, а другою сэръ Джонъ опирался на молодаго человѣка, едва вышедшаго изъ дѣтства; по на лбу этого юноши уже видны были глубокія мысли и ужасныя страсти. Этого молодаго человѣка звали Лндсеємъ, графомъ Кравфордомъ. Онъ впослѣдствіи заслужилъ прозвище графа Тигра и свирѣпствовалъ въ городѣ Стрэтморѣ съ неслыханною жестокостью. Нѣсколько пріятелей графа пришли помогать сэру Джону Раморни.

Обвиненіе опять было произнесено и отвергнуто совершеннымъ протестомъ. Обвинители предложили имъ доказать невинность гробовымъ испытаніемъ.

— Я не принужденъ подвергаться этому испытанію, отвѣчалъ сэръ Джонъ Раморни: могу доказать свидѣтельствомъ принца, моего прежняго господина, что въ ту минуту, когда по мнѣнію

сэра Патрика Чартриза совершенно убійство, я лежалъ дома на постелѣ, больной. Значить, меня совсѣмъ нельзя подозрѣвать въ этомъ убійствѣ.

— Я могу только засвидѣтельствовать, что видѣлъ сэра Джона и говорилъ съ нимъ о дѣлахъ, которыя касались нашего дому, во время совершенія убійства. Знаю также, что сэръ Джонъ Раморни дѣйствительно лежалъ больной.... Но не могу утверждать, что люди его невинны.... не могу ручаться, совершилъ ли кто изъ нихъ это преступленіе или нѣтъ?

При нервныхъ словахъ Раморни торжественно и дерзко осмотрѣлся; но окончаніе рѣчи немного смутило его.

— Благодарю ваше высочество, сказалъ онъ улыбаясь, благодарю за ваше свидѣтельство.

— Если у васъ нѣтъ другихъ доказательствъ невинности, сэръ Джонъ Раморни, сказалъ король, то мы не можемъ отказать этой вдовѣ произвести надъ вашими людьми гробовое испытаніе, если который нибудь изъ нихъ не предпочтетъ поединка. Что касается до васъ, вы по свидѣтельству принца освобождены отъ всякаго подозрѣнія.

— Ваше величество, отвѣчалъ сэръ Джонъ, я могу ручаться за невинность моихъ слугъ.

— Такъ говорятъ только монахи и женщины, возразилъ Чарризъ. Но скажи, какъ рыцарь, хочешь ли ты, сэръ Джонъ Раморни, биться со мною за своихъ людей.

— Предсѣдатель Переса едва успѣлъ бы произнести слово поединка и я бы припалъ вызовъ; но теперь я не въ состояніи держать коня.

— Извините, сэръ Джонъ, если я скажу, что очень радъ этому, воскликнулъ король. Все таки прольется немного меньше крови. Значить вашимъ людямъ надобно будетъ явиться въ большую церковь святаго Юанна, чтобы въ присутствіи всѣхъ доказать свою невинность.... Смотрите, они всѣ должны прийти къ обѣднѣ; неисполненіе этого приказанія будетъ неизгладимымъ пятномъ на вашей чести.

— Они явятся всѣ до единого, сказалъ сэръ Джонъ Раморни.

При этихъ словахъ онъ учтиво поклонился королю, потомъ, оборотясь къ Рюесаю, сдѣлалъ низкій поклонъ и сказалъ принцу такъ, что тотъ одинъ слышалъ его слова:

— Великодушно-же вы поступили со мной! Одного слова было бы довольно, чтобъ кончить это дѣло.... и вы отказались произнести его!

— Клянусь жизнью, прешенталъ принцъ, я говорилъ столько сколько позволяла истина и совѣсть. Я думаю, вы не могли предполагать, что я стану выдумывать для васъ ложь.... а кромѣ того, сэръ Джонъ, я нѣсколько помню какого-то шѣпаго, который очень походилъ на палача и держалъ въ рукахъ короткую сѣкиру.... Можетъ быть онъ-то и убилъ шляпочника?.... Что?.... поймалъ я васъ?....

Раморин ничего не отвѣчалъ, но тотчасъ же отворотился, точно будто кто дотронулся до его ранъ. Сэръ Джонъ пошелъ съ графомъ Кравфордомъ, для котораго приказалъ устроить великолѣпный завтракъ, чтобы отблагодарить за помощь молодого человѣка.

XXII.

Когда послѣ продолжительнаго обѣда, который показался раненому рыцарю вѣчностью, графъ Кравфордъ сѣлъ наконецъ на лошадь и отправился въ свой отдаленный замокъ; Раморин ушелъ къ себѣ, мучимый сильною болью и въ тоже время безпокойствомъ. Онъ нашелъ у себя Хенбана Двининга, въ помощи котораго теперь нуждался. Докторъ съ обыкновеннымъ своимъ притворствомъ объявилъ, что надѣется скоро видѣть больнаго своего счастливымъ и довольнымъ.

— Да, я счастливъ какъ бѣшеная собака и доволенъ какъ нищій, укушенный дикимъ звѣремъ и начинающій уже чувствовать приближеніе смерти. Повѣса этотъ видѣлъ, какъ я страдалъ и не хотѣлъ облегчить моихъ мученій. Надо отдать ему справедливость. Еслибъ я отдалъ ему эту справедливость, ему и всему міру, то давно вышвырнулъ бы его въ окно, и положилъ бы конецъ существованію, которое, если онъ хочетъ продолжать такъ какъ началъ, будетъ источникомъ бѣдъ для всей Шотландіи, особенно же для этого берега Тейл. Снимай осторожиѣ перевязку; мнѣ такъ больно, что еслибъ муха коснулась крыломъ своимъ до моей раны, мнѣ это показалось бы тысячей ударовъ кнжалою.

— Не бойтесь, благородный мой покровитель, сказалъ аптекаръ съ усмѣшкою, которую напрасно старался скрыть подъ притворною чувствительностью: мы приложимъ сейчасъ другой успокоительный бальзамъ, и боль, которую вы перепосите съ такимъ присутствіемъ духа, тотчасъ прекратится.

— Съ такимъ присутствіемъ духа?... дуралей! сказалъ Раморин

скрежетавшій отъ боли зубами: да, я переношу эту боль такъ, какъ переносятъ бы пламя чистилища. Мнѣ кажется, что кость моя превратилась въ каленое желѣзо; твоя масляная мазь вѣрно зашипитъ когда капнетъ на рану.... А между тѣмъ это декабрьскій ледъ въ сравненіи съ жаромъ охватывающимъ мою голову.... я такъ взволнованъ....

— Сперва мы постараемся успокоить тѣло, благородный мой покровитель, сказалъ Двиннигъ, а потомъ, если позволите, покорнѣйшій вашъ слуга посмотритъ, можетъ ли его искусство успокоить вашъ взволнованный духъ, хотя я почти увѣренъ, что душевная эта тревога зависитъ отчасти отъ раздраженія раны. Какъ скоро тѣлесныя страданія прекратятся, что, надѣюсь, скоро случится, то, можетъ-быть, душевныя бури сами собою утихнутъ.

— Ты чудесный, несоцѣпенный докторъ, Двиннигъ, сказалъ Раморци, когда почувствовалъ, что боль въ самомъ дѣлѣ уменьшилась: но есть вещи выше твоей науки. Ты можешь придать тѣлу моему безчувственность, уничтожить мучительную, невыносимую боль, но не можешь сдѣлать меня хладнокровнымъ къ презрѣнью этого ребенка, котораго я воспиталъ, любилъ!.. Да, Двиннигъ! я любилъ его цѣлно, горячо!.. Вѣдь только изъ угожденія къ нему я рѣшился на самыя гнусныя поступки, а онъ не хотеть даже сказать слова, между тѣмъ какъ это одно слово могло бы все устроить; и вообрази, онъ еще улыбнулся... да, улыбнулся, я самъ видѣлъ, когда проклятый этотъ предсѣдатель, товарищъ и покровитель низкихъ горожанъ, вызвалъ меня на поединокъ, меня.... между тѣмъ какъ безчеловѣчный этотъ ребенокъ зналъ, что я не въ состояніи держать оружія!.. и вмѣсто того чтобъ пожалѣть меня, у него нашлось еще духу смѣяться!.. Будь увѣренъ, что прежде чѣмъ я забуду или прошу ему это, ты самъ станешь проповѣдывать о прощеніи оскорбленій. Но подумаемъ о завтрашнемъ днѣ: неужели ты думаешь, что рапы убитаго человѣка при приближеніи убійцы и въ самомъ дѣлѣ разкроются и что изъ нихъ потекутъ кровавыя слезы?

— Не могу вамъ ничего сказать вѣрнаго, милордъ, по крайней мѣрѣ людская молва утверждаетъ, что это такъ, отвѣчалъ Двиннигъ.

— Дурачина этотъ Бонтровъ пугается при одной этой мысли и говоритъ, что согласенъ скорѣе на поединокъ. Что ты на это скажешь? Онъ хорошо умѣетъ драться.

— Вѣдь это ремесло оружейника, отвѣчалъ Двиннигъ.

— Хотя, теряя Бонтрова, я теряю правую свою руку, но всё-таки съумю утѣшиться, сказалъ Раморин.

— Легко вѣрю что ваша милость скорѣе утѣшитесь теряя эту правую руку чѣмъ ту, которую потеряли во время послѣдней тревоги.... хе! хе! хе! Извините шутку. Но что за человѣкъ этотъ Бонтронъ?

— Настоящій бульдогъ, отвѣчалъ рыцарь: онъ раздираетъ, но не ласть.

— Вы боятесь, чтобъ онъ не признался?

— Кто можетъ поручиться, на что готовъ человѣкъ когда видѣть передъ собою смерть? отвѣчалъ Раморин. Онъ выказалъ уже трусость совершенно противоположную обыкновенной твердости своего характера; убивъ человѣка онъ не хотѣлъ даже смыть крови съ рукъ своихъ, а теперь боится глядѣть на кровь мертвого.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ докторъ, надо для него что нибудь сдѣлать, потому что, если принять все въ соображеніе, такъ онъ нанесъ этотъ ударъ пзъ угожденія ко мнѣ, хотя къ несчастью нанесъ его не тому ному слѣдовало.

— А кто жъ виновать, если не ты, трусъ этакой, вскричалъ Раморин; вѣдь ты указалъ ему вмѣсто десятирогаго оленя на драную лань?

— Ахъ Господи! сказалъ докторъ, какъ же вы хотите, благородный рыцарь, чтобъ я, который исключая монахъ занятій ничего не знаю, также хорошо зналъ охоту какъ ваша свѣтлость, и могъ отличить лань отъ оленя и косулю отъ оленцы въ девять часовъ ночи и въ темной улицѣ? Мнѣ показалось, что это былъ не онъ, когда тотъ прошелъ такъ скоро въ танцорскомъ одѣяніи и вошелъ въ домъ оружейника. Я не былъ увѣренъ, точно ли это былъ Смитъ, потому что онъ мнѣ показался ниже обыкновеннаго. Но когда, оставаясь въ домѣ столько времени сколько нужно для того чтобъ переодѣться, онъ вышелъ наконецъ въ шпикакъ и буйволовомъ своемъ кафтанѣ, присвистывая какъ оружейникъ, то, признаюсь, я совершенно поналъ въ просакъ, и пустилъ на него бульдога вашей милости, который хотя и ошибся въ добычѣ, однако исполнилъ свою обязанность. И потому, съ помощью монахъ знаній, я рѣшился спасти Бонтрова, если только проплатятъ Смитъ не положить его мертвымъ на мѣстѣ.

— Тутъ понадобится и въ самомъ дѣлѣ все твое искусство, ученый докторъ, сказалъ Раморин, и я думаю, что это будетъ для

него тяжкое испытаніе, потому что, если онъ будетъ побѣжденъ, его потащатъ за ноги и безъ всякой церемоніи, какъ уличеннаго въ смертоубійствѣ, и вздернуть на висѣлицу; а когда онъ повиситъ тамъ часъ или два, какъ украшеніе занавѣсей, то я не думаю чтобъ ты взялся поправить ему шею.

— Не соглашаюсь съ мнѣніемъ вашей милости, отвѣчалъ смиренно Двиннигъ. Съ подвожія висѣлицы я могу перенести его въ страну очарованій, какъ короля Артура, или сэра Гюона Бордоскаго, или Ожьера Датчанина, или, если я только захочу, то оставляю его на висѣлицѣ столько-то часовъ, или столько-то минутъ, и тогда въ глазахъ всѣхъ унесу его также легко какъ вѣтеръ уносить изсохшія листь.

— Это только пустое хвастовство, господинъ докторъ, отвѣчалъ Раморни. Весь народъ соберется на мѣсто казни, и станетъ съ алчностью ожидать смерти человѣка находящагося въ службѣ вельможи, за то только что онъ убилъ какого-то ничтожнаго мѣщанина.... Тутъ ихъ будетъ болѣе тысячи....

— Еслибъ даже и десять тысячъ, вскричалъ Двиннигъ, то и тогда я съумѣю надуть глупую и невѣжественную толпу. Если самые простые фигляры успѣваютъ обманывать зоркій взоръ просвѣщеннаго дворянства, то какъ же мнѣ, который учился въ Испаніи и даже въ Аравіи, не сдѣлать того же самого? Увѣрю васъ, что я ихъ проведу.

— Если ты говоришь правду,—а я не думаю чтобъ ты осмѣлился шутить надо мною касательно такого важнаго предмета,—то, вѣрно, находившись въ близкихъ сношеніяхъ съ чортомъ; а я не хочу съ нимъ имѣть никакого дѣла; я презираю его, но вовсе не боюсь.

Двиннигъ чуть не разохотался, когда услышалъ, что покровитель его говоритъ, будто не боится чорта, а между тѣмъ крестится и шепчетъ молитвы. Однако, посмотрѣвъ на Раморни и видя мрачное лицо его, онъ удержался, и сказалъ довольно важнымъ тономъ, хотя хохотъ душилъ его, такъ, что по временамъ онъ долженъ былъ останавливаться:

— Черти, благородный рыцарь, душа и помощники фигляровъ. Но.... ха! ха! ха! Я не имѣю чести быть.... ха! ха! ха!... союзникомъ барона, о которомъ вы сейчасъ говорили, и въ существованіе котораго не слишкомъ-то вѣрю.... ха! ха! ха!... хотя ваша милость должны лучше моего знать какъ слѣдуетъ поступать....

— Договаривай, дуракъ, и избавь меня отъ этого смѣху, который можетъ тебѣ дорого стоить.

— Очень ослотно, безотрашный рыцарь, отвѣчалъ Дашинингъ, Такъ знайте что у меня тоже есть помощникъ, безъ котораго все мое искусство пропало бы даремъ.

— Кто жъ таковъ этотъ помощникъ?

— Стефанъ Смоосервилъ, палачъ прекраснаго нашего города, къ услугамъ вашей милости. Удивляюсь что ваша милость не знаетъ его.

— А я вовсе не удивляюсь что ты его знаешь. Я думаю, ты не одинъ разъ былъ съ нимъ въ сломаннѣ, сказала Раморни; однако ночь твоя все еще на своемъ мѣстѣ; уши твои не вырваны; а если на плечѣ и есть какой-нибудь знакъ, то его не видѣть, потому что коровникъ скрываетъ его отъ глазъ людскихъ.

— Хе! хе! хе! милость ваша изволятъ шутить, сказалъ докторъ: вѣдь я познакомился съ Стефаномъ Смоосервилемъ не по личнымъ отношеніямъ, а черезъ торговлю; я покупалъ у него тѣла, головы и члены тѣхъ, которые умирали отъ руки друга моего Стефана.

— Подлецъ! вскричалъ съ ужасомъ рыцарь: для составленія злѣй, чаръ твоихъ и низкаго колдовства ты покупаешь эти остатки.

— Хе! ха! ха! нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, отвѣчалъ докторъ, котораго очень забавляло неимѣстество его некровителя. Мы, рыцари хирургіи, должны вырѣзывать члены мертвыхъ, то есть разсѣкать трушы, разсматривать мертвый членъ, чтобъ знать какимъ образомъ вылечить тотъ въ которомъ есть еще жизнь, но который по болѣзни или по другому какому несчастію находится въ оцѣпеннѣ или расслабленнѣ. Ахъ! если бѣ ваша милость видѣлъ мою лабораторію, я бы показалъ вамъ руки и ноги, головы и легкія такихъ людей, которые уже давно разсыпались въ прахъ, какъ напримеръ: черепъ Веллеса, похищенный съ Лондонскаго моста; сердце Симона Фрезера, который никого и ничего не боялся; и королевскій черепъ красавицы Джески Ложки. Какъ жаль, что я не видѣлъ счастья сохранить рыцарскую руку моего высокоуважаемаго некровителя.

— Перестань, дерзкій ханъ! ты хочешь опротивить мнѣ этииъ спискомъ ужасовъ. Говори безъ обиняковъ, что хочешь ты этииъ сдѣлать, и какимъ образомъ сдѣлки твои съ палачемъ могутъ помочь мнѣ или Бонтрону?

— Я предлагаю это средство только въ крайности, отвѣчалъ Дашинингъ. Положимъ что бой конченъ, и что нашего пѣтуха

приколотил. Главное, надо увѣрить его, что если онъ будетъ побѣжденъ, то мы спасемъ его по крайней мѣрѣ отъ висѣлицы, если только онъ ничего такого не скажетъ, что можетъ повредить вашей милости.

— Ахъ!... и въ самомъ дѣлѣ мнѣ пришла мысль, сказалъ Раморни. Да, я еще лучше придумалъ: мы можетъ научить Бонтрона сказать такую вещь, которая приведетъ въ отчаяніе того, кого я имѣю право проклинать, потому что онъ былъ причиною моего несчастья. Пойдемъ въ конуру бульдога и растолкуемъ ему какъ онъ долженъ поступить. Если мы уедемъ уговорить его рѣшиться на испытаніе гробоваго права, тогда мы спасены, потому что это, можетъ-быть, одинъ обманъ. Если же онъ предпочтетъ бой и восторжествуетъ надъ своимъ противникомъ, что очень можетъ быть, потому что онъ дикъ и свирѣпъ какъ медвѣдь, на котораго напали собаки, тогда мы больше чѣмъ спасены, мы отпущены. Однако, мы подвергаемся еще одной опасности. Положимъ, что онъ будетъ смертельно раненъ: кто можетъ помѣшать ему сказать совершенно противное тому чему мы его научили?

— Кто? Да развѣ вы забыли, что при немъ будетъ докторъ, сказалъ Двиннигъ. Если бъ меня только призвали къ нему на помощь!... мнѣ будетъ стоить только положить палецъ на его рану и я вамъ отвѣчаю что онъ не измѣнитъ вашей тайнѣ.

— Вотъ злодѣй, котораго не надо просить: онъ самъ предлагать свои услуги! сказалъ Раморни.

— Онъ слѣдуетъ примѣру своего покровителя, который тоже не заставитъ себя просить о наградѣ, а самъ предложить ее, отвѣчалъ Двиннигъ.

— Такъ пойдемъ учить его, сказалъ рыцарь: онъ вѣрно будетъ кротокъ, потому что не смотря на то что онъ собака и знаетъ отличать руку, которая его кормитъ, отъ той, которая бьетъ, онъ ненавидитъ бывшего моего господина за презрительное его съ нимъ обхожденіе; онъ не можетъ забыть нѣкоторыхъ оскорбительныхъ его выраженій. Теперь расскажи мнѣ, какимъ образомъ думаешь ты спасти нашего бульдога отъ ярости этой негодной черни.

Оставимъ достойную эту чету стовариваться и интриговать; мы увидимъ потомъ слѣдствія этихъ тайныхъ переговоровъ. Хотя составленные изъ разныхъ стихій, они также хорошо были созданы другъ для друга, какъ двѣ охотничьи собаки разной породы, изъ которыхъ одна отыскиваетъ слѣдъ дичи, выгоняетъ

ее, а другая бросается и уничтожается; такъ и наши собесѣдники, одинъ выдумывалъ, а другой приводилъ въ исполненіе мрачныя намѣренія другаго. Гордость и себялюбіе обозначали рѣзкими чертами того и другаго; только, вслѣдствіе различнаго положенія въ свѣтъ, воспитанія и дарованій, пороки ихъ выставлялись въ совершенно противоположномъ видѣ.

Ничего не могло быть поразительнѣе и противоположнѣе чрезвѣрнаго высокоумія и честолюбія любимица првдворнаго, роскошнаго молодаго человѣка, храбраго воина, и маленькаго, ползавшаго и покорнаго аптекаря, который, казалось, искалъ обидъ и забавлялся дерзостью грубыхъ и необразованныхъ вельможъ того времени, между тѣмъ какъ чувствовалъ въ душѣ, что умомъ своимъ и познаніями стоитъ гораздо выше ихъ всѣхъ.

Двиннигъ зналъ это очень хорошо, и потому, какъ сторожъ для нихъ звѣрей, осмысливался иногда, для собственнаго удовольствія, разшевеливать необузданныя страсти такихъ людей какъ Раморинъ, будучи заранѣе увѣренъ, что смиреніемъ и покорностью своею спасется отъ бури, которую самъ поднималъ. Что феодалный баронъ презиралъ простолюдина аптекаря, это очень естественно; но не смотря на то Раморинъ чувствовалъ, что Двиннигъ имѣеть на него вліяніе, и когда имъ случалось спорить, рыцарь всегда былъ побѣжденъ аптекаремъ, также какъ двѣнадцати-лѣтній мальчикъ всегда можетъ укротить самую бѣшеную лошадь, если только умѣеть управлять ею. Двиннигъ тоже презиралъ Раморинъ, но онъ умѣлъ дать себѣ отчетъ въ этотъ презрѣніи. Сравнивая себя съ рыцаремъ, онъ глядѣлъ на послѣдняго какъ на созданье, которое было чуть-чуть лучше скотины; созданье это могло причинить вредъ какъ быкъ рогами, или волкъ лапами и зубами, но не всегда отваживалось, потому что находилось подъ вліяніемъ предрасудковъ; однимъ словомъ, по его мнѣнію, Раморинъ былъ существо назначенное самою природою ему въ невольники, чтобъ работать и добывать ему золото, которое было его идоломъ, страстью, слабостью, главнымъ порокомъ.

Чтобъ извинить въ собственныхъ глазахъ своихъ эту низкую склонность, онъ увѣрялъ себя, будто она происходитъ отъ честолюбія.

— Хенбанъ Двиннигъ, говорилъ онъ глядя съ наслажденіемъ на сокровища скопленные имъ тайно. Хенбанъ Двиннигъ не глупый скупецъ, который любитъ золото за одинъ блескъ его; онъ обожаетъ золото за власть, за славу, которую оно доставляетъ.

Чего не можетъ золото? Любишь ли ты красавицъ, а между тѣмъ сама гадокъ, старъ, уродливъ и немощенъ: вотъ удочка, на которую попадетъ самая гордая красавица. Если ты, безъ покровителей, притѣшься: посредствомъ золота найдешь защитниковъ гораздо могущественнѣе того ничтожнаго тирана, котораго такъ боишься. Если ты любишь великолѣпіе и роскошь, и хочешь блеснуть передъ другими своимъ богатствомъ: въ этомъ маленькомъ ящичкѣ заключается много горъ, много плодородныхъ долинъ и луговъ, много лѣсовъ наполненныхъ дичью и бездна вассаловъ. Желаетъ ты славы, почестей, милости при дворѣ духовномъ и свѣтскомъ, улыбки монарха, прощенья папы и всего духовенства за старые грѣхи твои, и индульгенціи или снисхожденія благословляющаго на новыя преступленія: всѣ средства ты можешь достать цѣною золота. Даже само мщеніе, которое боги оставили, какъ говорятъ, только для себя, потому что не хотѣтъ уступить людямъ такого лакомаго кусочка, мщеніе тоже можно удовлетворить золотомъ. Но можно также добыть его хитростью и ловкостью, и это благороднѣйшее средство. Такъ я лучше припрячу золото для другаго употребленія, а мечь мою удовлетворю даромъ, или лучше я соединю удовольствіе копить золото и сладость мщенія воедино.

Такъ думалъ Двиннигъ возвратясь домой и прибавилъ къ кучѣ золота то, что получилъ отъ сэра Джона Раморни за различныя свои услуги.

Насладившись такимъ зрѣлищемъ, онъ заперъ тщательно свой желѣзный сундукъ и пошелъ навѣщать больныхъ, уступая дорогу всѣмъ, кого встрѣчалъ, кланяясь, снимая шапку самому мелочному торгашу, даже самому простому ремесленнику, который добывалъ себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего.

— Дураки, низкія, бессмысленныя созданія, думалъ онъ кланяясь на право и на лѣво: если бъ вы знали, что лежитъ подъ этимъ ключемъ, то нѣтъ бури, которая удержала бъ шапки на головахъ вашихъ. Если бъ вы это знали, то несмотря ни на какую грязь бросался бы на колѣни передъ обладателемъ столькихъ сокровищъ. Не я вамъ дамъ почувствовать мое могущество, хотя меня забавляетъ скрывать его. Вы не захотѣли, чтобъ я былъ вашимъ судьей, такъ я буду хранителемъ сокровищъ вашего прекраснаго города.

Я буду парить надъ вами какъ злой духъ, пугать васъ страшными сновидѣніями, но буду невидимъ для вашихъ глазъ. Глушецъ этотъ Раморни тоже, теряя руку свою, потерялъ, какъ бѣд-

ный ремесленникъ, единственную драгоценную часть своего существа; онъ оскорблялъ меня на каждомъ шагу, какъ будто слова его могутъ унижить такого твердаго и умнаго человѣка какъ я? Когда онъ называетъ меня плутомъ, злодѣемъ, невольникомъ, то также умно поступаетъ какъ будто вытаскиваетъ изъ головы моей по одному волоску, между тѣмъ какъ въ рукѣ моей находится всѣ добры его сердца. За всякое оскорбленіе я могу заплатить ему въ ту же самую минуту, надѣлать его и душевными и тѣлесными страданіями, и.... ха! ха! ха!... надо признаться что я не остаюсь въ долгу у его милости.

Пока врачъ предавался демонскимъ своимъ думамъ, и пробирался по-своему вдоль улицы, сзади его послышались женскіе голоса.

— Ахъ! вотъ онъ! благодареніе Пресвятой Богородицѣ! Вотъ самый сострадательный человѣкъ изъ всего города, сказалъ первый голосъ.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, о рыцаряхъ и баронахъ, будто они защищаютъ отъ обидъ; я же знаю только достойнаго нашего аптекаря Двиннига, сказалъ другой голосъ.

Въ ту же минуту докторъ былъ окруженъ добрыми кумушками прекраснаго города.

— Ну, что такое? что у васъ тамъ случилось? спросилъ Двиннигъ: какая корова замычала?

— Тутъ дѣло идетъ не о коровѣ, сказала одна женщина, а объ одномъ бѣдномъ, умирающемъ ребенкѣ, у котораго нѣтъ отца; пойдите скорѣе; мы всѣ вѣрнимъ вашему искусству.

— Чѣмъ же боленъ ребенокъ?

— Крупомъ! крупомъ! вскричала одна изъ кумушекъ: бѣдный малютка каркаетъ какъ воронъ!

— А! Болѣзнь эта идетъ скорыми шагами; надо захватить ее какъ можно скорѣе. Ведите меня къ больному, сказалъ докторъ, который, несмотря на свою врожденную злость, никогда не отказывался отъ больныхъ, если даже они не могли заплатить ему за визитъ. Вѣроятно, онъ это дѣлалъ изъ тщеславія и любви къ наукѣ.

Но несмотря на то, если бъ аптекарь зналъ куда вести его добрыя женщины, то вѣрно нашелъ бы предлогъ отказаться отъ больнаго; но прежде чѣмъ Двиннигъ догадался и могъ найти какое-нибудь названіе, его повлекли къ дому Оливера Праудмюта, откуда слышалось погребальное пѣніе женщинъ, приготовляющихъ умершаго шляпочника къ погребенію.

Въ пѣвѣи своемъ женщины превозносили до небесъ усопшаго и призывали гнѣвъ Божій на убійцу его.

Несмотря на очерствѣлость своего сердца, Двинингъ почувствовалъ какой то невольный страхъ; онъ колебался и не смѣлъ перешагнуть черезъ порогъ дома, который оплакивалъ теперь чловѣка убитаго по его наущенію.

— Дайте пройти, сказалъ онъ: я не могу воскрешать мертвыхъ, надо прежде думать о живыхъ.

— Да; но малютка лежитъ наверху.... Пойдемте, пойдемте.

Двинингъ былъ принужденъ итти за ними.

Въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ переднюю, пѣніе прекратилось и, къ крайнему удивленію аптекаря, одна изъ женщинъ сказала другой:

— Господи! кто это вошелъ? Посмотрите какъ кровь выступила изъ раны!

— Нѣтъ, нѣтъ, это не кровь, а бальзамъ, отвѣчала другая.

— Нѣтъ, матушка, это кровь. Я еще разъ спрашиваю, кто это вошелъ сюда?

Одна изъ женщинъ отворила дверь въ переднюю, гдѣ Двинингъ, подъ предлогомъ, что не видитъ лѣстницы, ведущей наверхъ, остановился, смущенный тѣмъ, что слышалъ.

— Ахъ! это нашъ почтенный докторъ, сказала одна изъ сивиллъ.

— А! это мистръ Двинингъ, сказала съ радостью та, которая первая увидала крови: вашъ лучший другъ и утѣшитель въ горѣ. Такъ разумѣется, что это была не кровь, а бальзамъ.

— Нѣтъ, отвѣчала другая: очень можетъ быть что это была и кровь, потому что докторъ, видите ли, получилъ приказаніе отъ начальниковъ оцупать рану инструментами. А какъ же могъ знать мертвый Оливеръ, что Двинингъ дѣлаетъ это съ добрымъ намѣреніемъ.

— Ты права, матушка. А какъ сосѣдъ нашъ, Оливеръ, когда былъ въ живыхъ, принималъ часто друзей своихъ за враговъ, то какъ же ты хочешь, чтобъ онъ сдѣлался теперь умѣе прежняго?

Двинингъ не могъ слышать далѣе, потому что его повлекли къ лѣстницѣ, а оттуда почти внесли на чердакъ, гдѣ на кровати сидѣла Магдалина, прижимая къ сердцу больного своего ребенка; трудное и прерывистое дыханіе и почернѣлое уже лицо доказывали, что онъ кончаетъ краткое свое существованіе. Домникавецъ, сидя у кровати, держалъ другаго ребенка и по време-

намъ обращался къ матери съ утѣшительными словами или дѣлалъ замѣчашя насчетъ болѣзни дитяти.

Докторъ посмотрѣлъ на святаго отца съ тѣмъ презрѣніемъ, которое ученые чувствуютъ къ тѣмъ, которые, по ихъ мнѣнію, вмѣшиваются въ дѣла не до нихъ касающіеся. Докторъ тотчасъ же принялся за свое дѣло и дитя почувствовало скорое облегченіе. Онъ вырвалъ ребенка изъ рукъ матери, открылъ горло и пустилъ кровь. Опасность миновала, и Двинингъ, перевязавъ рану, отдалъ ребенка плачущей матери.

Пока сынъ ея былъ въ опасности, горе вдовы молчало передъ раздирающимъ страхомъ матери; но когда она узнала что онъ вышелъ изъ опасности, то, вспомнивъ потерю свою, она снова впала въ глубокое отчаяніе.

— Ахъ! почтенный и ученый докторъ, сказала она: вы находите теперь въ бѣдности ту, которая жила прежде въ богатствѣ; во человѣкъ, который возвратилъ моей нѣжности милое это дитя, не долженъ уходить съ пустыми руками. Благородный, великодушный мистръ Двинингъ, возьмите эти четки.... онъ сдѣлалъ изъ серебра и перламутра.... Онъ любилъ, чтобъ у него все было также хорошо какъ у какого-нибудь барона, и во всей его особѣ было что-то похожее на дворянина.... и вотъ что съ нимъ случилось.

Сказавъ это, она прижала четки къ сердцу и губамъ покойнаго своего мужа и, подавая Двинингу, сказала съ горемъ:

— Возьмите ихъ на память отъ человѣка, который любилъ васъ отъ всего сердца. Онъ всегда говорилъ, что если кто можетъ воскресить мертваго, такъ это мистръ Двинингъ, и Двинингъ спасъ его ребенка, между-тѣмъ какъ онъ самъ лежитъ тамъ холоднѣе, недвижнѣе, не подозрѣвая даже, что сынъ его былъ болѣнъ и теперь выздоровѣлъ. Ахъ, я несчастная!... несчастная!... Но возьмите же четки.... и когда будете молиться, вспомните о его доброй душѣ. Онъ скорѣе выйдетъ изъ чистилища, когда добрые люди стануть о немъ молиться.

— Оставьте у себя эти четки, любезная, сказалъ докторъ, который былъ больше взволнованъ, чѣмъ ожидалъ отъ своего очерствѣлаго сердца.

Отталкивая отъ себя даръ мрачнаго предзнаменованія, онъ прибавилъ:

— Я не понимаю этого колдовства и фиглярства.

Послѣднія эти слова обидѣли монаха, о которомъ Двинингъ совершенно забылъ.

— Что это значитъ, господинъ докторъ? сказала доминиканецъ: развѣ молитвы за усопшій можно вызывать ангелоточку? Шайдеръ, англійскій миссионеръ, правду говоритъ про всеъ, вѣсть медиковъ, что вы не слышите-то любите изучать Святое Писаніе. Наша мать, святая Церковь, дремала до-сихъ-поръ, но теперь она открыла глаза и умѣетъ отличать враговъ своихъ отъ друзей, и потому будьте увѣрены, что....

— Позвольте, почтеннѣйшій отецъ, сказалъ Двинингъ, вы не дали мнѣ окончить мысли; я хотѣлъ сказать, что не могу дѣлать чудесъ, что это принадлежность святой нашей Церкви, и потому наде было вамъ отдать эти дорогія четки, чтобъ вы сдѣлали приличное употребленіе для облегченія души покойника.

Сказавъ это, онъ сунулъ четки въ руки монаха, и вышелъ послѣднѣе изъ дому плача и скорби.

«Вотъ странный случай! думалъ онъ, идя по улицѣ. Не знаю почему, вѣрно по глузости; но я, который смѣюсь надъ всѣми этими глузостями, несказанно радъ, что спасъ этого крикуна мальчика. Но пора идти къ другу моему Смевервилю, котораго легко будетъ уговорить насчетъ Бентрона; такимъ образомъ я спасу двѣ души вмѣсто той, которую погубилъ; сдѣлать не о чемъ и думать.»

XXIII.

Церковь святаго Іоанна Перескаго была построена въ честь покровителя города, и потому градоначальники рѣшили, что церемонія должна быть въ этой церкви, какъ самой приличной и лучше другихъ устроенной для такого случая. Церкви и монастыри доминиканцевъ, картезіянцевъ и другихъ монашескихъ орденовъ были осыпаны дарами королей и рыцарей, и потому городской совѣтъ съ единодушнаго согласія гражданъ рѣшилъ, что святому Іоанну, котораго они такъ любили и на милости котораго могли надѣяться, должно отдать предпочтеніе передъ другими новыми покровителями, въ честь которыхъ доминиканцы, картезіянцы и кармелиты выстроили новые храмы вокругъ прекраснаго города. Несогласіе и зависть, царствовавшія между бѣлыми духовствомъ и монашествомъ, еще больше прежняго усилились. Обѣ партіи хотѣли, чтобъ чудо сотворилось у нихъ въ Церкви.

Зато нельзя себѣ представить сколько затѣялось мелкихъ интригъ и низкихъ козней насчетъ выбору Церкви, гдѣ небо должно было указать убійцу.

Но градоначальники, рассудивъ что дѣло это слишкомъ касается чести города, рѣшились, вѣруя въ правосудіе и безпристрастіе своего покровителя, вѣряться святому Іоанну и просить его указать имъ злодѣя.

Послѣ торжественной обѣдни, совершенной со всею католическою пышностью, началось приготовленія къ церемоніи.

Зрѣлище было величественное, торжественное. Западное окно, разрисованное богатою живописью, разливало живой и пріятный свѣтъ на главный алтарь, передъ которымъ лежали въ гробу бровные останки убитаго Оливера; онъ лежалъ съ сложенными за-крестъ руками, съ поднятыми кверху пальцами, какъ будто безчувственный этотъ прахъ взывалъ къ небу и умолялъ отпустить тѣмъ, которые насильственно отдѣлили безсмертную его душу отъ обезображенной ея оболочки.

Подлѣ гроба возвышался тронъ, на которомъ сидѣли король Робертъ и братъ его, герцогъ Ольбенскій. Приницъ сидѣлъ пониже, на табуретѣ, подлѣ отца своего; такое устройство мѣстъ показало нѣкоторымъ страннымъ и заставило ихъ говорить и дѣлать разные замѣчанія насчетъ того, что Ольбени сидѣлъ на точнѣ такомъ же мѣстѣ какъ и король, между тѣмъ какъ наследникъ престола, несмотря что достигъ совершеннолѣтія, казался, былъ униженъ передъ дядею и еще въ присутствіи всего народа. Гробъ былъ поставленъ такимъ образомъ, чтобъ можно было видѣть со всѣхъ сторонъ лежащее въ немъ тѣло.

Въ головахъ гроба стоялъ обвинитель, сэръ Патрикъ Чартризь, а въ ногахъ, какъ будто представляя защитника, молодой графъ Кравенордскій. Свидѣтельство герцога Роеса избавило Раморни отъ необходимости явиться на испытаніе, а болѣзнь его служила ему предлогомъ сидѣть у себя дома. Весь домъ Роеса въ томъ числѣ и тѣ десять или двѣнадцать человекъ, которые не смотря что находились при Джонѣ Раморни считались слугами принца и не получили еще отставки, тоже присутствовали при церемоніи; большая часть изъ нихъ была извѣстна за головорѣзовъ и кутиль, слѣдовательно очень натурально, что на нихъ надало подозрѣніе. Они стояли всѣ въ рядъ по лѣвую сторону церкви и были одѣты въ бѣлые балахоны, довольно похожіе на одежду подсудимыхъ.

Всѣ взоры были обращены на нихъ; нѣкоторые казались до того смущенными, что присутствующіе могли очень легко приять ихъ за сообщниковъ злодѣянія. Только одинъ настоящій убійца держалъ себя бодро, у него было одно изъ тѣхъ врач-

ныхъ и суровыхъ лицъ которыя никогда не улыбаются, даже послѣ вина и веселья; на которыя ничто не дѣйствуетъ, ни страхъ, ни опасность, ни даже самая смерть; они никогда не измѣняются.

Лицо, грудь и руки мертвеца были открыты. Остальныя части были закрыты саваномъ изъ тончайшаго полотна, для того что если кровь выступитъ на которомъ нибудь закрытомъ мѣстѣ, чтобъ тотчасъ же можно было видѣть ее.

По окончаніи обѣдни и послѣ торжественнаго взыванья къ Богу, чтобъ онъ защитилъ невиннаго и наказалъ виновнаго, вызвали на испытаніе Эво, пажа сэра Раморни. Онъ подошелъ шатаясь. Онъ внутренно былъ убѣжденъ, что Бонترونъ былъ убійца Оливера, и потому можетъ-быть думалъ, что этого одного будетъ достаточно чтобъ замѣшать его въ преступленіи хотя онъ и не участвовалъ въ немъ.

Онъ остановился передъ гробомъ, и голосъ его задрожалъ когда онъ сталъ присягать и клясться всѣмъ, что было создано въ продолженіи семи дней и семи ночей, небомъ, адомъ, будущею своею жизнью и Богомъ создателемъ всей твари, что онъ невиненъ въ смертоубійствѣ челоуѣка, передъ которымъ стоитъ теперь, и чтобъ доказать истину словъ своихъ онъ сдѣлалъ крестъ на груди покойника. Тѣло лежало также неподвижно какъ и прежде; крови не было видно на полотнѣ.

Перескіе граждане посмотрѣли другъ на друга съ мрачнымъ недоумѣніемъ. Они были увѣрены что Эво убилъ Оливера, а трепещущій его голосъ и слабая походка еще больше подтвердили ихъ подозрѣніе; зато они крайне были удивлены когда Эво оправдался. Это ободрило другихъ слугъ Раморни, они подошли къ присягѣ смѣло и не робѣя подверглись испытанію; послѣ чего судьи объявили, что они совершенно оправданы и что никто не имѣетъ права подозрѣвать ихъ въ убійствѣ Оливера Праудѣюта.

Но между ними стоялъ челоуѣкъ, который не чувствовалъ той смѣлости; напротивъ совершенно потерялъ присутствіе духа.

Три раза имя Бонтропа раздалось подъ церковнымъ куполомъ, но тотъ кто назывался имъ не выходилъ впередъ, а отвѣчалъ на зовъ этотъ одними судорожными движеніями, какъ будто былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ.

— Да отвѣчай же, собака, сказалъ-ему на ухо Эво, или приготовляйся къ собачьей смерти.

Но убійца былъ до того смущенъ этими зрѣлищемъ, что су-

ди, видя таковой трепетъ, хотѣли уже силою привести его къ гробу или за отсутствіемъ его произнести надъ нимъ смертный приговоръ. Наконецъ его спросили въ послѣдній разъ, хотеть ли онъ выдержать испытаніе; тогда только онъ отвѣчалъ съ обыкновенною своею грубостью:

— Нѣтъ, не хочу. Могу ли я знать, къ какимъ можно прибѣгнуть «иглярствамъ», чтобъ погубить бѣднаго человѣка. Я предлагаю бой каждому, кто только думаетъ, что я причинилъ наибольшій вредъ этому тѣлу.

И, слѣдуя обычаю, онъ бросилъ перчатку свою на полъ.

Генри Смитъ выступилъ впередъ посреди ободрительнаго говору и удивленія, и поднявъ перчатку злодѣя, прикололъ ее къ своей шапкѣ; потомъ, по тогдашнему обычаю, бросилъ свою въ знакъ, что принимаетъ вызовъ; но Бонтровъ не поднялъ ея.

— Онъ мнѣ не ровня, пробормоталъ дикарь, и не имѣетъ права подымать моей перчатки. Служа главному конюшему его высочества, я нахожусь въ штатѣ шотландскаго принца, а дуралей этотъ ничто иное какъ простой ремесленникъ....

Но принцъ перебилъ его.

— Ты говоришь, негодяй, что числишься въ моемъ штатѣ!... такъ я выгоняю тебя, в сію же минуту. Возьми его, Смитъ, и колоти по немъ такъ, какъ ты никогда не колотилъ на своей наковальнѣ! Это злодѣй, да еще подлый злодѣй, у котораго даже не хватаетъ духу сознаться въ своемъ преступленіи. Я не могу глядѣть на него безъ отвращенія, и если августѣйшему моему родителю угодно будетъ позволить, то я бы совѣтовалъ дать тому и другому по хорошей шотландской сѣкирѣ, и не пройдетъ получаса, какъ мы увидимъ который изъ нихъ останется побѣдителемъ.

Графъ Кравфордскій и сэръ Патрикъ Чартризь, представители обѣихъ партій, охотно согласились, а какъ противники были люди низшаго сословія, то рѣшили что они будутъ ержаться въ шпанахъ, въ буйволовои одеждѣ и съ сѣкирами въ рукахъ.

Оставалось только назначить мѣсто боя. Выбрали Площадь Скорняковъ, большое пространство, въ сосѣдствѣ церкви святаго Іоанна, занятое цехомъ, отъ котораго происходило ея названіе; на площади этой отвели мѣсто въ тридцать футовъ длины, въ двадцать пять ширины и приготовили все для боя. Дворянство, духовенство, народъ, все обратилось туда, исключая короля, который не могъ равнодушно глядѣть на такое кровавое зрѣлище; онъ уѣхалъ во дворецъ и назначилъ су-

двоюродная графа Эрль, лорд великого коннетабля, потерявший по должности العهد и безъ того долженъ былъ присутствовать. Герцогъ Ольбени внимательно, во въ тоже время очень осторожно наблюдалъ все что происходило вокругъ него; а племянникъ его глядѣлъ на все, съ обыкновенною своею деобдуманностью и вѣтренностью, характеризующею всё его дѣйствіе.

Когда противники явились на ратное поприще, ничто въ мірѣ не могло представить болѣе поразительной противоположности тѣмъ мужественное и открытое лицо оружейника, ясные глаза котораго, казалось, блистали уже надеждою побѣды, и самрѣпый и улыбый взоръ Бонтрона, который походилъ на хищную птицу, выгнанную на Божій свѣтъ изъ мрачнаго своего убѣжища. Оба они понялись что дерутся за явное дѣло. Генри Гау исполнилъ этотъ обрядъ съ благородною самоувѣренностью, а Бонтронъ послѣдовалъ его примѣру мрачно, но рѣшительно, что заставило сказать герцога Роеаса сидѣвшаго подлѣ великаго коннетабля:

— Всмотритесь хорошенько, любезный Эрль, въ лицо этого злодѣя; видали-ль вы когда-нибудь такое смѣшеніе злости, жестокости, и вмѣстѣ съ тѣмъ трусости?

— Не хорошъ, отвѣчалъ графъ: судя по тому что я видѣлъ, онъ долженъ быть опасный мошенникъ.

— Я побился-бъ съ вами объ закладъ за бочку вина, любезный лордъ, что онъ будетъ побѣжденъ. Оружейникъ Генри также силенъ какъ и онъ, но гораздо его ловче и смѣлѣе; къ тому-жъ, посмотрите какой у него храбрый видъ; между тѣмъ какъ въ лицѣ другаго есть что-то отвратительное, невыносимое. Прикажите скорѣй начать, любезный коннетабль; увѣряю васъ, онъ такъ гадокъ, что трудно на него смотрѣть.

Лордъ Эрль обратился тогда къ вдовѣ, которая съ дѣтми сидѣла въ глубокомъ траурѣ въ оградѣ ристалища.

— Жевщина, сказалъ великій-коннетабль, показывая на Генри, согласна ты принять этого человѣка своимъ защитникомъ?

— Да, согласна, и принимаю его съ большою радостью, отвѣчала Магдалина Праудфьютъ; да благословитъ его Господь, и да поможетъ ему святой Іоаннъ Перескій, потому что защищая вдову и сиротъ онъ вступается за правое дѣло.

— Такъ я объявляю, сказалъ громкимъ голосомъ великій-коннетабль, что бой начинается. Чтобъ ливто, подъ смертною ка-

зию, не осмѣливался словомъ, знакѣмъ или взоромъ прерывать этого поединка. Трубите; бойцы, выходите!

Трубы зазвучали, и бойцы вѣдя съ противоположныхъ концовъ, внимательно всматривались другъ въ друга, слѣдя взоромъ за каждымъ движеніемъ противника, чтобъ судить по движению глыбы, съ которой стороны надо остерегаться перваго удара. Наконецъ, надоумил-ли ему эти хитрости, или можетъ-быть онъ думалъ, что продолжая такимъ образомъ онъ можетъ потерять выгоды, которыя судя по его гигантскому росту и атлетической силѣ были теперь на его сторонѣ, или можетъ-быть онъ боялся силы левкаго оружейника, Бонтронъ недвѣдлъ страшную свою ошибку и со всего размаху хотѣлъ ударить въ голову Смита, но Смитъ бросился въ сторону и прежде чѣмъ Бонтронъ успѣлъ встать въ оборонительное положеніе, нанесъ ему такой сильный ударъ, что прорубилъ шишакъ и Бонтронъ ушелъ за-мѣртвое на землю.

— Признавайся въ смертоубійствѣ или умрешь, вскричалъ побѣдитель ставя ногу на грудь противника и приставивъ къ горлу острое сѣкиры.

— Во всемъ признаюсь, сказалъ убійца, бросая дикій взоръ на небо: но только дай мнѣ встать.

— Да, когда ты сознаешься, что побѣжденъ, отвѣчалъ Генри.

— Сознаюсь, прошепталъ Бонтронъ, и Смитъ провозгласилъ громкимъ голосомъ, что противникъ его побѣжденъ.

Герцогъ Роесай и Ольбени, великій-конетабль и пріоръ доминиканцевъ вошли тогда за рѣшетку, и обращаясь къ Бонтрону, спросили признаеть-ли онъ себя побѣжденнымъ.

— Да, признаю, отвѣчалъ злодѣй.

— И виновнымъ въ убійствѣ Оливера Праудельюта?

— Да, я убилъ Оливера, но принялъ его за другаго.

— Кого жъ ты хотѣлъ убить? спросилъ пріоръ. Говори, сынъ мой, и истиннымъ раскаяніемъ заслужи прощеніе въ томъ мѣрѣ, вѣстому что въ этомъ тебѣ, кажется, нечего ожидать.

— Я хотѣлъ убить того, отвѣчалъ Бонтронъ, чья рука побѣдила меня, и чья нога давить теперь грудь мою.

— Благодареніе святымъ! сказалъ пріоръ: теперь все тѣ, которые сомнѣвались въ истинѣ этого священнаго помытанія, должны сознаться въ своемъ осмѣленіи. Онъ самъ вошелъ въ яму, которую рылъ для воиннаго.

— Я почти не знаю этого человѣка, сказалъ оружейникъ: никогда не дѣлалъ ему ни малѣйшаго вреда, ни ему, ни его род-

вѣнъ, и потому не знаю, за что онъ хотѣлъ погубить меня. Не угодно ли будетъ вашему святѣйшеству спросить его, за что онъ такъ низко хотѣлъ убить меня?

— Это очень естественный вопросъ, отвѣчалъ пріоръ. Воздай хвалу кому она слѣдуетъ, сынъ мой, если бѣ даже это было для стыда твоего. За что хотѣлъ ты убить этого оружейника, который говоритъ, что никогда не сдѣлалъ тебѣ ни малѣйшаго зла?

— Онъ сдѣлалъ зло тому, кому я служилъ, отвѣчалъ Бонтронъ: я убилъ того человѣка по его приказанію.

— По чьему приказанію? спросилъ пріоръ.

Бонтронъ молчалъ нѣкоторое время, потомъ сказалъ:

— Онъ слишкомъ силенъ и знатенъ, чтобъ я осмѣлился на звать его.

— Послушай, сынъ мой, сказалъ монахъ: еще нѣсколько минутъ и всѣ люди какъ знатные, такъ и простые будутъ казаться тебѣ одними тѣнями. Теперь, въ эту самую минуту уже готова для тебя телега, которая повезетъ тебя на мѣсто казни. Еще разъ упрощаю тебя, сынъ мой; подумай о душѣ своей, скажи всю правду и воздай хвалу Богу, что посылая земныя страданія, Онъ спасаетъ тебя отъ вѣчныхъ мученій. Сэръ Джонъ Рамборнъ заставилъ тебя совершить такое низкое злодѣяніе?

— Нѣтъ, не онъ, а человѣкъ гораздо могущественнѣе его, отвѣчалъ злодѣй всё-еще лежа на землѣ и показывая пальцемъ на принца.

— Негодяй! клеветникъ! вскричалъ удивленный герцогъ Россай: смѣешь ли ты увѣрять, что я велѣлъ тебѣ умертвить этого человѣка?

— Да, милордъ, вы, вы сами, отвѣчалъ злодѣй безъ малѣйшаго смущенія.

— Такъ умри же, низкая тварь! вскричалъ принцъ, и выхвативъ шпагу онъ хотѣлъ пронзить клеветника, но великій-констабль остановилъ его.

— Вѣрно, ваше высочество извинить меня, что я исполняю свою обязанность.... Но несчастнаго этого надо отдать въ руки палача. Онъ недостоинъ умереть отъ чьей бы то ни было руки, а тѣмъ болѣе отъ руки наслѣднаго принца.

— Какъ! благородный графъ, вскричалъ громко Ольбени съ истиннымъ или притворнымъ негодованіемъ: неужели вы хотите чтобъ злодѣй этотъ пошелъ шептать въ уши народу ложныя обвиненія противъ шотландскаго принца? Пусть растерзаютъ его на мѣстѣ въ мелкіе куски!

— Извините, ваша свѣтлость; но приговоръ долженъ свер-
ниться.

— Такъ свяжите же его, сказалъ герцогъ Ольбени. А вы, авгу-
стѣйшій мой племянникъ, к чему стоите въ такомъ окаменѣннѣ?...
Ободрайтесь.... Поговорите съ преступникомъ.... Опровергните эту
ложь, клянусь всѣмъ, что только есть святаго на землѣ, что вы
ничего не знали о такомъ ужасномъ преступленнѣ.... Посмотрите
какъ всѣ глядятъ на насъ, какъ всѣ шепчутся.... Я увѣренъ, что
обманъ этотъ распространится гораздо скорѣе чѣмъ какая-ни-
будь евангельская истина.... Поговорите съ ними.... Всѣ-равно,
то бы вы имъ ни сказали, только увѣрьте народъ, что это не
правда....

— Какъ, милордъ! вамъ угодно чтобъ я отвѣчалъ на обвине-
ннѣ этой гадкой твари? отвѣчалъ Роосай выходя вдругъ изъ
остолбенѣннѣ и глядя гордо на дядю. Пусть тѣ, которые могутъ
думать, что сынъ ихъ монарха и потомокъ знаменитаго Брюса
способенъ ставить сѣтъ бѣдному ремесленнику, пусть тѣ насла-
ждаются удовольствіемъ и вѣрятъ этому злодѣю.

— Только не я, отвѣчалъ твердо оружейникъ. Я никогда не
зналъ зла его свѣтлости, никогда тоже не видалъ и съ его
стороны ни какого ко мнѣ недоброжелательства, напротивъ, гер-
цогъ былъ всегда ко мнѣ очень милостивъ, и потому я не могу
и не хочу вѣрить, чтобъ злодѣй этотъ поступалъ по его прика-
занію.

— Да развѣ ты думаешь, что его высочество забылъ, какъ ты
сбросилъ его съ лѣстницы, въ ночь чистаго понедѣльника? ска-
залъ Бонтронъ: и ты воображаешь, можетъ-быть, что за такую
нелюбовь надо благодарить тебя?

Это было сказано такимъ твердымъ тономъ, что оружейникъ,
внесмотря на довѣріе свое къ принцу, усомнился въ его невни-
мости.

— Можетъ ли это быть, милордъ, сказалъ онъ глядя на Роо-
са съ грустнымъ упрекомъ: чтобъ ваше высочество покусились
на жизнь человѣка, зато только, что онъ защищалъ по своему
долгу, бѣдную дѣвушку? Лучше бы было если бъ я погибъ тогда
чѣмъ жить длѣтого чтобъ слушать такіе толки о потомкѣ велика-
го Брюса!

— Ты честный человѣкъ, Смитъ, сказалъ герцогъ Роосай:
но я не могу требовать чтобъ ты разсуждалъ умнѣ другихъ.
Ведите этого злодѣя на висѣльцу, пусть онъ клевететь тамъ до
последняго своего издыханія.

— Сказавъ это, принцъ удалился, не обращая вниманія на мрачныя взгляды и на шепотъ разступившейся толпы, которая провожала его глазами съ отвращеніемъ и ропотомъ негодованія, походившимъ на глухой и продолжительный стонъ. Только немногіе изъ его свиты послѣдовали за нимъ, несмотря на то что онъ пріѣхалъ окруженный роемъ вельможъ и бароновъ. Даже граждане низшаго сословія не хотѣли проводить несчастнаго принца, который своею дурною репутаціею заслужилъ такое оскорбительное подозрѣніе.

Онъ пошелъ медленно и задумчиво къ церкви доминиканцевъ, но ужасная молва, прежде чѣмъ онъ пришелъ, достигла уже до ушей отца его. Когда принцъ вошелъ во дворецъ и изъявилъ желаніе видѣть короля, то къ крайнему своему удивленію узналъ, что король находится въ тайномъ совѣщаніи съ герцогомъ Ольбени, который въ ту самую минуту какъ Россай удалился, сѣлъ на лошадь и прискакалъ прежде его въ монастырь. Онъ хотѣлъ было воспользоваться правами своего сана и происхожденія и войти безъ доклада въ королевскіе покои, но Макъ-Луи, начальникъ Брандановъ, далъ понять ему въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что получилъ настрожайшее приказаніе не впускать его.

— Такъ войди ты, Макъ-Луи, и доложи обо мнѣ, сказалъ принцъ, чтобъ они знали по-крайней-мѣрѣ, что я жду, когда мнѣ будетъ угодно принять меня. Если дядѣ моему угодно, чтобъ думать, что онъ имѣетъ власть недопускать сына къ отцу, то онъ будетъ радъ, узнавъ, что я жду въ передней какъ послѣдній лакей.

— Извините, ваше высочество, сказалъ Макъ-Луи колеблясь: но если бъ вамъ угодно было удалиться и подождать нѣсколько минутъ, то я бы предупредилъ васъ какъ скоро герцогъ Ольбени уйдетъ отъ короля; тогда, я увѣренъ, его величество не медля приметъ васъ. Но теперь прошу извинить меня, потому что мнѣ невозможно пропустить ваше высочество.

— Понимаю! но всё-таки иди, Макъ-Луи, и исполни мое приказаніе.

Ошидеръ повиновался и возвратясь сказалъ, что король чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ удалился во внутренніе покои; но что герцогъ Ольбени тотчасъ выйдетъ къ его высочеству.

Прошло болѣе получаса, а Ольбени всё-еще не являлся; въ это время Россай то разговаривалъ съ Макъ-Луи и Бранданомъ, то сидѣлъ мраченъ и безмолвенъ, смотря по тому, что брали

верхъ, раздражительность характера или врожденная вѣтренность.

Наконецъ дверь растворилась и герцогъ сопровождаемый великимъ конетаблемъ вошелъ въ комнату; графъ Эроль былъ грустенъ и смущенъ.

— Августѣйшій племянникъ, сказалъ герцогъ Ольбени: мнѣ больно объявлять вамъ, что августѣйшій братъ мой для чести королевской фамиліи желаетъ, чтобъ вы удалились на нѣкоторое время къ великому конетаблю, и чтобъ согласились довольствоваться его однимъ обществомъ, пока прискорбные эти слухи не стихнутъ или не будутъ опровержены.

Принцъ окаменѣлъ.

— Что это значить, лордъ Эроль? вскричалъ онъ наконецъ: вашъ домъ долженъ быть моею темницею, а ваша свѣтлость мнѣ тюремщикомъ?

— Избави Боже, милордъ! отвѣчалъ графъ Эроль: но, къ несчастію, я обязанъ исполнять приказанія вашего родителя; его величество желаетъ, чтобъ вы находились нѣкоторое время подъ моею... такъ-сказать... опекою.

— Принцъ! герцогъ Роесай! наследникъ шотландскаго престола! подъ опекою великаго конетабля? А почему, позвольте васъ спросить, поступаютъ со мною такимъ образомъ? развѣ злобитый языкъ безчестнаго злодѣя можетъ затмить мой королевскій гербъ?

— Пока вы не оправданы, любезный мой племянникъ, такое обвиненіе мало того что можетъ запятнать вашъ гербъ, но даже гербъ самаго монарха.

— Мнѣ оправдываться, милордъ! вскричалъ принцъ, и передъ кѣмъ еще? передъ презрѣнною тварью! Да развѣ можно вѣрить такому злодѣю, если бъ даже тутъ дѣло шло не о моей чести, а о чести самаго послѣдняго нищаго? Прикажете привести его, пусть ему покажутъ орудія пытки, тогда сами увидите, что онъ откажется отъ клеветы, которую имѣлъ смѣлость выдумать на наследника престола.

— Висѣлица слишкомъ хорошо исполнила свое дѣло, чтобъ Бонтронъ могъ еще чувствовать мученія пытки, отвѣчалъ герцогъ Ольбени: ужъ болѣе часу какъ его повѣсили.

— А для чего такая поспѣшность, милордъ? спросилъ принцъ: знаете-ли, я могу думать, что это сдѣлали длятого только чтобъ запятнать мое имя?

— Законъ непреложенъ. Побѣжденнаго въ испытаніи должно

по закону немедленно вести съ поля сраженія на висѣлицу; но несмотря на то, августѣйшій мой племянникъ, прибавилъ герцога Ольбени, если бѣ вы смѣло защищались и настойчиво опровергали это обвиненіе, я бы даровалъ жизнь злодѣю до подробнѣйшихъ изслѣдованій; но какъ ваше высочество изволили молчать, то я думалъ, что лучше будетъ задумнѣть скорѣй такой скандалъ, чѣмъ дать ему распространиться.

— Нѣтъ, это слишкомъ оскорбительно, милордъ! призываю въ свидѣтели святую Марію! Неужели вы, мой родной дядя, могли думать, что я способенъ на такое безчестное дѣло?

— Не мнѣ слѣдуетъ допрашивать его высочество, а не то я спросилъ бы его въ свою очередь; можетъ ли онъ тоже отпереться отъ нападенія на домъ перчаточника. Это было хотя не столь кровавое, но почти такое же безчестное дѣло! Не сердитесь, любезный племянникъ, но увѣряю васъ, что вамъ необходимо удалиться отъ двора хотя на пѣкоторое время, пока король будетъ оставаться въ этомъ городѣ, который имѣлъ столько причинъ на васъ жаловаться.

Услыхавъ такую проповѣдь, Роесай остановился и, бросая выразительный взглядъ на герцога, отвѣчалъ:

— Вы отличный охотникъ, любезный дядюшка, и умѣете очень ловко натягивать ваши сѣти: но не смотря на то все ваши усилія остались бы бесполезными, еслибъ самъ огонь не бросился туда.... Да услышитъ васъ Богъ и да вознаградитъ васъ по заслугамъ вашимъ. Скажите батюшкѣ, что я повинуюсь его приказанію. Лордъ Эроль, я въ вашей волѣ и готовъ слѣдовать за вами, куда и когда вамъ будетъ угодно. Если мнѣ ужъ дали опекуна, то я радъ по-крайней-мѣрѣ что выборъ палъ на васъ, графъ.

Свиданье дяди и племянника кончилось; принцъ вышелъ съ графомъ Эролемъ.

Граждане, какъ только завидѣли Роесая, отворачивались чтобы не кланяться принцу, котораго считали жестокимъ и развратнымъ повѣсою.

Принцъ и графъ Эроль душевно были рады, что благополучно дошли до дому конетабля; но между-тѣмъ видно было, что обонимъ было неохотно оставаться на единѣ другъ съ другомъ въ такомъ непріятномъ положеніи.

Теперь возвратимся на мѣсто сраженія и переведемся въ ту мнинуту когда дворянство разошлось и толпа раздѣлилась на двѣ части. Одна часть, меньшая, состояла изъ выборныхъ, то есть

самых почетных переских граждан, которые поздравляли победителя, и радовались что взяли верхъ надъ придворными. Начальники города были въ такомъ восхищеніи, что дали объѣдъ сэру Патрику Чартризу и просили его сдѣлать имъ честь откушать съ ними въ большой залъ ратуши. Разумѣется что герой Генри былъ также приглашенъ; его такъ упрашивали, что просьбы эти походили на приказанье. Онъ принялъ приглашеніе съ большимъ смущеніемъ, потому что сердце его уже лѣзло къ Катеринѣ Глѣверъ. Но друзья Симона Глѣвера уговорили его. Старый гражданинъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ привыкъ глубоко уважать начальство прекраснаго города, и потому очень цѣнилъ всякое вниманіе протекавшее изъ этого источника.

— Тебѣ и думать нельзя, любезный сынъ мой, Генри, уходить отъ таково торжественнаго праздника. Сэръ Патрикъ Чартризь самъ тутъ будетъ; это прекрасный случай заслужить его милость. Можетъ-быть, онъ закажетъ тебѣ новое вооруженіе, и я самъ слышалъ отъ судьи Кредгалли что хотять доволнить городской арсеналь. Не надо пренебрегать выгодами, особенно теперь, когда дѣло идетъ о жевитьбѣ.

— Ахъ, не говорите! отвѣчалъ побѣдитель, не зная что ему дѣлать; у меня, слава Богу, довольно заказовъ, а вы сами знаете, что Катерину можеть удивить мое отсутствіе; еще ей, пожалуй, опять насакажутъ разныхъ сказокъ... а я не хочу чтобъ она думала, будто явѣ могутъ правиться другія.

Будь совершенно спокоенъ на этотъ счетъ, сказалъ перчаточникъ; но какъ покорный гражданинъ иди туда, куда приказываютъ начальники. Я знаю, что тебѣ не легко будетъ помириться съ Катериной, потому что она не любитъ кровопролитій и думаетъ, что на этотъ счетъ знаетъ больше чѣмъ самъ король и его совѣтъ, и больше предсѣдателя и судей его. Но я помирю тебя съ нею и устрою дѣло такъ, что хотя сначала она можеть-быть и будетъ дуться, но подъ конецъ расплачется, а послѣ слезы эти превратятся въ улыбку какъ весеннее утро, которое начинается дождемъ, а кончается радугою. Такъ прощай же сынъ мой; я жду тебя завтра утромъ, тотчасъ послѣ объѣда.

Оружейникъ по неволѣ принужденъ былъ согласиться съ будущимъ своимъ тестемъ, и разъ рѣшившись принять честь, которую ему дѣлали начальники города, вышелъ изъ толпы, побѣжалъ домой, переодѣлся и скоро явился въ залу, гдѣ былъ накрытъ массивный дубовый столъ, который, казалось, гнулся подъ

тяжестью огромныхъ блюдъ съ чудесною тейскою лососиною и морскими рыбами изъ Дёнды; блюда эти считались тогда самыми дорогими, потому что это было во время поста; вино, медъ и пиво тоже стояли на столѣ и пѣвались въ бутылкахъ. Впродолженіи всего обѣда играли музыканты, а въ промежуткахъ музыки одинъ изъ менестрелей декламировалъ съ большою напыщенностью длинное поэтическое описаніе блекерисидскаго сраженія противъ англійскаго полководца Северда и подвиговъ сэра Вильяма Веллоса и его безстрашнаго друга и товарища Томаса де-Лонгвилля; всѣ присутствующіе знали рассказъ этотъ наизусть, но не смотря на то слушали его съ такимъ же вниманіемъ, какъ будто онъ имѣлъ всю прелесть новизны. Нѣкоторые мѣста, гдѣ говорилось о храбрости прадѣда рыцаря линфаунскаго и предковъ другихъ перескихъ фамилій, были заглушены рукоплесканіями, между-тѣмъ какъ потомки подливали другъ другу въ огромные кубки и пили за упокой героевъ, прославившихся подъ предводительствомъ защитника Шотландіи.

Послѣ чего стали пить за здоровье Генри Смита среди громкихъ и единодушныхъ возгласовъ и рукоплесканій; предсѣдатель съ бокаломъ въ рукахъ объявилъ всенародно, что считаетъ долгомъ дать какую-нибудь особенную привилегію Смигу или какую-нибудь другую блестящую награду, чтобъ доказать, какъ высоко граждане цѣнятъ его благородную храбрость.

— Помните, къ чему это? сказалъ оружейникъ съ своимъ обыкновеннымъ чистосердечіемъ: я не хочу, чтобъ говорили, что храбрость такая диковинка въ Пероѣ, что награждаютъ человека зато только что онъ защитилъ несчастную вдову. Я увѣренъ что между гражданами нашлось бы много защитниковъ, которые бы сдѣлали то же самое, да еще лучше меня. Потому что, по совѣсти, мнѣ бы слѣдовало разбить шишакъ этотъ какъ глиняный горшокъ; да я бы и могъ это сдѣлать, еслибъ не самъ его работаъ для сэра Джона Раморни. Но если прекрасный городъ думаетъ, что я заслужилъ какую-нибудь награду, то почту себя болѣе чѣмъ вознагражденнымъ, если онъ дастъ изъ общественной казны какое-нибудь вспомошествованіе бѣдной Магдалинѣ Праудфьютъ и ея малюткамъ.

— Это своимъ чередомъ, отвѣчалъ сэръ Патрикъ Чартризь: но нашъ городъ довольно еще богатъ, чтобъ заплатить также и долгъ свой Генри Смигу; впрочемъ, не ему объ этомъ судить, потому что онъ ослѣпленъ пустою делкатностью, которую иначе называютъ скромностью. Если же городъ слишкомъ

бдѣнь для этого, то предсѣдатель беретъ на себя эту обязанность. Слава Богу, богатство Корсара еще не все расплылось.

Кубки снова заходили кругомъ стола подъ именемъ тоста утѣшенія для вдовы, а слѣдующій тостъ былъ за упокой души бывшаго шляпнаго фабриканта, столь благородно отмищеннаго.

Однимъ словомъ, всѣ были согласны, что на этомъ веселомъ пиру, для совершеннаго удовольствія недоставало только самаго покойника. Праудъ ютъ былъ обыкновенно предметомъ шутокъ такихъ сборищъ, и потому судья Крегдальи очень остроумно замѣтилъ, что еслибъ Оливеръ явился теперь передъ ними, то непремѣнно бы сказалъ, что онъ былъ героемъ дня и сталъ бы клясться и божиться, что самъ отмстилъ за смерть свою.

Зазвонили ко всенощной и компанія разошлась: иные, степеннѣе другихъ, пошли помолиться въ церковь, гдѣ съ полузакрытыми глазами и раскрасѣвшимися лицами присоединились какъ добрые и набожные католики къ молящимся; другіе пошли домой рассказывать жепамъ и дѣтямъ всѣ приключенія боа и пира; а иные, вѣроятно пошли въ какую-нибудь любимую таверну, которая не смотря на строгость поста не такъ плотно затворяла двери, чтобы никто не могъ войти туда. Генри, воспламененный виномъ и рукоплесканіями своихъ согражданъ, возвратился домой и мечтая о Катеринѣ Глѣверъ и совершенномъ счастьи заснулъ крѣпкимъ сномъ. Мы уже сказали, что толпа послѣ поединка раздѣлилась на двѣ части.

Пока уважасмая часть жителей составляла торжественный поѣздъ побѣдителю и слѣдовала за нимъ до самой Думы, другая часть гораздо многочисленнѣе первой, составленная изъ того, что можно назвать чернью, слѣдовала за побѣжденнымъ, который шелъ въ другую сторону и для совершенно другаго назначенія. Какъ ни велика бываетъ притягательная сила мрачныхъ или радостныхъ зрѣлищъ, не трудно отгадать, которое привлечетъ большее число зрителей, когда намъ приходится быть свидѣтелями несчастья, котораго не должны раздѣлять, или удовольствія которыми не можемъ наслаждаться. Зато за телѣгою подвигавшеюся къ мѣсту казни, шла большая часть пересскаго народонаселенія.

На той же телѣгѣ, подлѣ преступника сидѣлъ монахъ, которому Бонтронъ не колеблясь повторялъ, подлѣ тайною исповѣди, тѣ же самыя клятвы, которыя уже разглашалъ послѣ поединка; во время дороги онъ увѣрялъ съ необыкновеннымъ нахальствомъ тѣхъ, кто былъ по-ближе къ нему, будто умиралъ потому толь-

ко что согласился быть орудіемъ герцога Рюсяя. Виродженіи нѣсколькихъ минутъ онъ повторялъ тоже самое глухимъ и однообразнымъ голосомъ, какъ затверженный урокъ, или какъ лгувъ, который, повторяя одно и тоже, хочетъ, чтобъ ему повѣрили, между-тѣмъ какъ чувствуетъ въ душѣ, что ему нельзя вѣрить. Но когда онъ подвѣлъ глаза и увидѣлъ вдали висѣлицу, по крайней мѣрѣ въ сорокъ футъ вышины, роковую лѣстницу и веревку, то вдругъ замолчалъ.

Монахъ, видя его трепеть и смущеніе, сказалъ кроткимъ голосомъ:

— Ободришь, сынъ мой; ты исповѣдывался въ грѣхахъ своихъ, сказалъ всю правду и за такое чистосердечіе Господь приметъ твое раскаяніе; не смотря что ты возымѣлъ преступныя мысли и облилъ руки свои христіанской кровью, въ назначенное время молитвы святой нашей церкви спасутъ тебя отъ мстительнаго пламени чистилища.

Такого роду увѣренія могли скорѣй напугать чѣмъ успокоить преступника, который начиналъ уже сомнѣваться, могутъ ли и хотять ли еще спасти его отъ смерти, потому что довольно хорошо зналъ человѣка, съ которымъ шѣлъ дѣло, и зналъ, что онъ не посовѣтится для своихъ выгодъ пожертвовать существомъ, которое въ послѣдствіи могло быть для него опаснымъ обвинителемъ.

Между-тѣмъ судьба его была рѣшена и не было ни какой возможности перемѣнить ее.

Тѣлега медленно приближалась къ роковой висѣлицѣ, поставленной на пригоркѣ, на берегу рѣки, въ полу-миль отъ городскихъ стѣнъ; такое мѣсто было выбрано парочно; чтобъ тѣло преступника, которое должно было служить пищею хищнымъ птицамъ, можно было видѣть со всѣхъ сторонъ.

Монахъ передалъ Бонтрона на руки палачу, который помогая ему всходить на лѣстницу торопиль его. Вѣроятно, такъ требовалъ законъ.

Съ минутой, несчастный боролся со смертію; но вскорѣ увидѣли что онъ посинѣлъ, окостенѣлъ и заболтался.

Палачъ какъ будто выжидая, чтобъ погасла послѣдняя искра его жизни, пробылъ на своемъ мѣстѣ около получасу долѣе назначеннаго времени; потомъ обращаясь къ любителямъ такихъ пріятныхъ зрѣлищъ, объявилъ, что нельзя еще сваять тѣла и привязать къ висѣлицѣ, потому что желѣзные крючки еще не го-

тѣмъ, и потому церемонія эта отлагается до завтрашняго утра послѣ восхода солнца.

Но смотря на позднее и довольно неловкое для жителей время, назначенное для казни, около мистра Смоорвилля толпилось еще много народу, чтобъ видѣть послѣднія мученія умирающаго. Но каково жъ было удивленіе и негодованіе этихъ любителей, когда на другое утро они увидѣли что тѣло Бонтрона исчезло. Они скоро догадались въ чемъ дѣло. Бонтронъ находился въ службѣ барона, уроженца графства Фейвскаго, гдѣ онъ владѣлъ многими замками и помѣстьями. Слѣдовательно, очень естественно что жители Фейва, проѣзжая безпрестанно по рѣкѣ, похитили и скрыли тѣло своего соотечественника, чтобъ избавить его и себя отъ такого ужаснаго стыда. Чернь напала на Смоорвилля, зачѣмъ онъ не кончилъ своего дѣла на кауцѣ, и еслибъ онъ не бросился въ лодку и не переѣхалъ рѣку, народъ растерзалъ бы его.

Между тѣмъ приключеніе это не могло произвести большаго удивленія, потому что было слишкомъ въ духѣ того времени.

Въ слѣдующей главѣ мы узнаемъ настоящую правду.

XXIV.

Приключенія такой исторіи какова эта должны быть приспособлены оди къ другимъ какъ ключъ къ замку. Какъ-нибудь вѣжливъ читатель, онъ все-таки не обязанъ довольствоваться одними прошепествіями, хотя вообще въ обыкновенной жизни онъ можетъ знать только то что дѣлается вокругъ его. Читая для удовольствія, онъ въ то же время хочетъ видѣть внутреннія пружины подвигающія событія. Любопытство это очень естественно, потому что всякій имѣетъ право раскрывать собственныя часы и разсматривать ихъ механизмъ, хотя ему не позволено разсматривать такимъ же образомъ внутренности часовъ, поставленных на городской башнѣ для общаго употребленія.

Слѣдовательно, было бы невѣжливо не рассказать читателю какии образомъ похитили трупъ убійцы Бонтрона. Нѣкоторые приписывали это событіе нечистой силѣ, между тѣмъ какъ другіе ограничились тѣмъ, что стали обвинять жителей графства Фейвскаго, которымъ разумѣется неприятно было видѣть, что соотечественникъ ихъ виситъ на берегу Тея; зрѣлище это казалось имъ постыднымъ для всей провинціи.

Въ день казни, около полуночи, когда жители Пероа погру-

жены были въ глубокой сонъ, три человекъ, закутанные въ плащи и держа въ рукахъ потаенный фонарь, шли по саду ведущему къ Тею, у берега котораго стояла барка привязанная къ плотнику служившему мѣстомъ выгрузки; садъ этотъ принадлежалъ къ дому, занимаемому сэромъ Джономъ Раморни. Вѣтеръ уныло завывалъ между деревъ и кустарниковъ, на которыхъ не было больше листьевъ, а блѣдная луна плавала, какъ говорится по шотландски, въ облакахъ гонимыхъ непогодой и угрожающихъ скорымъ ненастьемъ.

Три человекъ, озираясь кругомъ, вошли въ лодку съ большою предосторожностью, и какъ-будто боялись чтобъ ихъ не узнали. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, сильный и толстый; другой маленький, сгорбленный; а третій средняго роста, ловкій и дѣятельный. Вотъ все что можно было разглядѣть при блѣдномъ свѣтѣ луны. Они сѣли въ барку, отвязали веревку и стали отчаливать.

— Пока не доѣдемъ до моста, надо плыть по теченію; тамъ стоятъ часовые, а вы знаете пословицу: «Переская стрѣла всегда летитъ прямо къ цѣли», сказалъ младшій изъ нихъ, взявъ на себя должность кормчаго и отталкивая барку отъ берега, между тѣмъ какъ другіе, взявъ весла окрученныя холстиною, стали дѣйствовать ими съ большою осторожностью, пока не достигли середины рѣки. Тогда они перестали грести, облокотились на весла и положили на умѣнне кормчаго, который долженъ былъ управлять ладьею, такъ, чтобы она плыла по срединѣ теченія, и кѣмъ не замѣченные они вѣхали подъ готпческія арки стараго моста, построеннаго въ 1329 году, великолѣпною роскошью Роберта Брюса, и унесеннаго наводненіемъ въ 1621 году. Хотя они и слышали голоса часовыхъ, которые съ-тѣхъ-поръ какъ начались смуты каждую ночь стояли на этомъ важномъ постѣ, однако ихъ не остановили.

Отплывъ довольно далеко отъ берегу, такъ, что часовые не могли ихъ больше слышать, они заговорили въ полголоса.

— Съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобою видѣлись, товарищъ, ты принялся, кажется, за новое ремесло, сказалъ одинъ гребець другому. Когда я уѣзжалъ, ты лечилъ въ то время раненаго рыцаря, а теперь, какъ я вижу, крадешь мертвыя тѣла.

— Извините, господинъ коюшій, не мертвыя, а живыя тѣла, иначе я пересталъ бы вѣрить наукѣ.

— Надо вѣрить вамъ, господинъ аптекаръ; но если вашей уче-

ности не угодно будетъ сказать, какими средствами она думаетъ спасти его, то я осмѣлюсь сомнѣваться въ успѣхѣ.

— Очень простымъ средствомъ, мистеръ Бункль; даже слишкомъ простымъ чтобъ нравиться такому просвѣщенному гению какъ гений вашей храбрости. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда человѣка повѣсятъ, онъ умираетъ отъ апоплексическаго удара, то есть когда сжатіе жилъ мѣшаетъ крови обращаться около сердца, то она бросается въ мозгъ и человѣкъ умираетъ. Тѣмъ болѣе что по причинѣ разжиженія, легкія не получая больше достаточнаго запаса жизненнаго воздуха, который имъ необходимъ и по причинѣ лигатуры веревки около горловыхъ жилъ, подсудимый неизменно умираетъ.

— Да, я понимаю все это, господинъ докторъ, но какимъ образомъ спасти его? спросило третье лицо, сидѣвшее въ лодкѣ.

Это былъ Эво, пажъ Раморни.

— Да какъ же, отвѣчалъ Двиншигъ: повѣсьте человѣка такъ, чтобъ шейныя артеріи не были сжаты, кровь не бросится въ мозгъ, и удару не будетъ; потомъ если около горловыхъ жилъ нѣтъ лигатуры, воздухъ по прежнему будетъ входить въ легкія, не смотря вато что человѣкъ виситъ, или стоитъ на твердой землѣ.

— Все это я довольно хорошо понимаю, отвѣчалъ Эво: но какъ можно соединить все это, повѣсить человѣка и не задушить его. Вотъ чего ограниченный умъ мой не можетъ понять.

— Ахъ! молодой человѣкъ, храбрость испортила твою голову, которая имѣла хорошія способности. Еслибъ ты захотѣлъ у меня учиться, то узналъ бы вещи гораздо мудренѣе этого. Но вотъ средства мною употребляемыя: Я беру бинты сдѣланные изъ такого же вещества какъ ваши лошадиныя поддруги, но притомъ надо смотрѣть хорошенько, чтобъ они не растягивались, какъ бы ихъ крѣпко ни вытягивали: вначе опытъ мой не удался. Каждая нога подсудимаго связывается этимъ бинтомъ, который идетъ потомъ на верхъ по обѣимъ сторонамъ тѣла до самаго пояса сдѣланнаго изъ такого же вещества. Отъ этого пояса идутъ другіе бинты обхватывающіе грудь и спину; такимъ образомъ тяжесть раздѣляется и человѣкъ становится гораздо легче. Но вотъ въ чемъ состоитъ главная штука: грудные и спинные бинты привязываются къ широкому жестяному ошейнику, съ загнутыми краями, къ которымъ придѣлываются крючки, чтобъ веревка, которою благонамѣренный палачъ стягиваетъ не горло, а ошейникъ, не соскочила и не задушила подсудимаго. Такимъ образомъ

онъ уже не виситъ, а стоитъ на битахъ, прикрѣпленныхъ къ ошейнику; а какъ жили его не сжаты, то онъ можетъ дышать свободно, и кровь его, не смотря на испугъ отъ новизны положенія, течетъ также правильно, также спокойно какъ ваша, когда вы сидите верхомъ опираясь ногами на стремена.

— Странно! вотъ рѣдкая выдумка! сказалъ Бункль.

— Не правда ли? отвѣчалъ Двиннигъ, и достойная быть узнав-ной такими воспріимчивыми умами какъ ваши, гоенода, потому что нельзя знать, до какой высоты могутъ достигнуть люди, находящіеся въ службѣ у сэра Джона Раморни, и если вамъ, неравно, придется отлпчаться на кончикѣ веревки, вы, вѣроятно, скорѣе выберете мою методу, чѣмъ ту, которую обыкновенно употребляютъ. Но для этого надо имѣть кафтанъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, чтобъ можно было скрыть стальной ошейникъ, а главное, чтобъ стянуть веревку, надо найти такого же добраго товарища какъ другъ мой Смоервилъ.

— Низкій торгошъ, отравитель! сказалъ Эвъо: люди нашего сословія умираютъ на полѣ чести, а не издыхаютъ на вѣсплицѣ!

— Что бы тамъ ни было, отвѣчалъ Бункль, а я на всякій случай буду помнить урокъ: неравно, онъ можетъ пригодиться. Но я думаю, какую ужасную ночь провелъ этотъ мошенникъ, эта новѣшенная собака Бовтронъ, танцуя на чистомъ воздухѣ подъ музыку своей дубовой висѣлицы, качаясь то на право, то на лѣво, смотря, въ какую сторону подуесть вѣтеръ.

— Право, было бы хорошо, еслибъ его тамъ оставили, сказалъ Эвъо, потому что спасать его значитъ поощрять на новыя убійства. Онъ живетъ только въ двухъ стихіяхъ, въ вѣнѣ и крови.

— Сэръ Джонъ Раморни тоже, можетъ-быть, раздѣляетъ ваше мнѣніе; но прежде слѣдовало бы отрѣзать языкъ Бовтрону, чтобъ онъ не разсказалъ странныхъ исторій; къ тому жъ тутъ были еще другія причины, которыхъ вамъ не надо знать, сказалъ Двиннигъ. Я, право, самъ удивляюсь своему великодушію, потому что злодѣй этотъ также крѣпокъ какъ эдинбургскій замокъ, и скелетъ его вѣрно бѣ перещеголялъ всѣ тѣ, которые находятся въ нашей хирургической залѣ. Но скажите, сдѣлайте милость, мистръ Бункль, какія извѣстія привезли вы отъ гордаго Дугласа?

— Спросите у тѣхъ кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ Бункль: я тоже чтò оселъ, который носитъ корзины, но не знаетъ чтò въ нихъ лежитъ. Это, можетъ-быть, еще лучше, а если не лучше, то по-крайней мѣрѣ вѣрнѣе для меня. Герцогъ Ольбени и сэръ Джонъ Раморни посылали меня съ письмомъ къ Дугласу; прочи-

тавъ его, онъ сдѣлался также сумраченъ какъ черная туча; а когда я принесъ имъ отвѣтъ графа, то они сдѣлались также веселы какъ весеннее солнце. Подите, докторъ, посоветуйтесь съ зѣвками и постарайтесь угадать что это значитъ.

— Мнѣ кажется, что это будетъ очень легко и что для этого не надо большой проныцательности, отвѣчалъ Двиннигъ. Но я вижу при лунномъ свѣтѣ нашего живаго мертвеца. Ну, если бъ онъ закричалъ теперь и позвалъ бы какого-нибудь прохожаго? Это было бы пристрастное и презабавное развлеченіе для путешественника, который среди ночи вдругъ услышалъ бы, что его зовутъ съ высоты такой висѣлицы какъ эта. Слышите? мнѣ кажется, онъ стонетъ; но завыванье вѣтра и стукъ оковъ его заглушаютъ эти стоны. Теперь не шумѣть.... берите багоръ, только тише; причальте барку, и подайте мнѣ ящикъ и все что надо. Не мѣшало бы и огня, но это можетъ все испортить. Ну, молодцы, несите за мною фонарь и идите только какъ можно осторожиѣе, потому что мы идемъ къ висѣлицѣ. Надѣюсь, что намъ оставили лѣстянцу.

Приближаясь къ висѣлицѣ, они явственно слышали стоны, которые однако жъ были задушены. Двиннигъ, чтобъ подать знакъ, кашлянулъ два или три раза; но не получая отвѣту, сказалъ товарищамъ :

— Надо поспѣшить; вѣрно другъ нашъ находится при послѣднемъ издыханіи, потому что не отвѣчаетъ на условленный знакъ. Ну, примемтесь же теперь за дѣло; я первый взойду на лѣстницу и отрѣжу веревку; вы же слѣдуйте за мною и держите какъ можно крѣпче тѣло, чтобъ оно не упало, и не забывайте, что хотя онъ разынгрываетъ эту почъ роль совы, но у него нѣтъ крыльевъ, а упасть съ висѣлицы точно также опасно какъ взойти на нее.

Разговаривая такимъ образомъ онъ взошелъ на лѣстницу и, удостоверившись, что товарищи его поддерживаютъ тѣло, отрѣзалъ веревку и помогъ имъ свести злодѣя, котораго никто бы не могъ увѣрить, что онъ живъ еще.

Снявъ Бонтрона съ висѣлицы, они положили его на землю и, удостоверившись, что онъ хотя и слабъ, однако живъ еще, понесли къ берегу, гдѣ Двиннигъ разными спиртами и лекарствами сталъ приводить его въ чувство.

Прежде всего онъ снялъ съ него оковы, которыя палачъ, чтобъ облегчить трудъ Двиннигу, нарочно не заперъ, а потомъ распуталъ бинты, на которыхъ висѣлъ преступникъ. Несмотря одна-

ко жъ на всѣ старанія аптекаря, Бонтронъ долго не могъ очнуться; потому что подруги, хотя и были очень ловко устроены, однако всё-таки вытянулись и чуть-было не задушили несчастнаго. Между-тѣмъ искусство хирурга превозмогло всѣ препятствія, и злодѣй, послѣ двухъ или трехъ непродолжительныхъ конвульсій, чихнуль, вытянулся и представилъ явное доказательство возвращенія своего къ жизни, выхвативъ изъ рукъ оператора бутылку съ крѣпкимъ спиртомъ и направилъ ее ко рту. Двиннигъ отнялъ силою отъ него бутылку и снова принялся тереть ему грудь и шею.

— Спиртъ этотъ два раза перегнанъ! сказалъ удивленный аптекарь: всякому другому онъ захватилъ бы горло и сжегъ желудокъ; но необыкновенное это животное такъ мало походитъ на человѣка, что меня ни сколько не удивить, если спиртъ этотъ приведетъ въ чувство эту тварь, между-тѣмъ какъ другіе давно бы умерли на мѣстѣ отъ одного глотка.

Бонтронъ привсталъ, осмотрѣлся кругомъ помѣшанными глазами и сказалъ :

— Вина! вина!

Это были первыя его слова.

Вотъ какимъ образомъ онъ подалъ товарищамъ первые знаки жизни.

Двиннигъ подалъ ему стаканъ воды съ виномъ, вливъ туда нѣсколько ложекъ лекарства; но Бонтронъ оттолкнулъ его, сказавъ, что это поманъ, и снова повторилъ :

— Вина! вина!

— Выпей же за здоровье дьявола! вскричалъ Двиннигъ: потому что онъ одинъ знаетъ твою натуру и можетъ судить о силѣ твоего тѣлосложенія.

Бонтронъ поднесъ къ губамъ бутылку и проглотилъ такой глотокъ, отъ котораго затрещало бы въ головѣ у каждаго, но на него это имѣло благотѣльное вліяніе, потому что возстановило только его силы. Однако онъ не скоро еще опомнился, и не могъ сообразить, гдѣ былъ и что съ нимъ случилось, потому что спросилъ, по своему обыкновенію, сурово и отрывисто, для чего его привели туда и въ такой поздній часъ ночи.

— Вѣрно, опять какая-нибудь шалость этого бѣшеннаго принца, сказалъ опъ: ему, кажется, опять хочется покупать меня, какъ это уже нѣсколько разъ случалось.... Клянусь кровью и ногтями, что я дорого бы далъ....

— Молчи, сказалъ Эвъо: и если въ сердцѣ твоёмъ не совѣмъ

еще угасла благодарность, то благодари, что мы не оставили твоего остова на съѣденіе хищнымъ птицамъ, и что душа твоя еще не тамъ, гдѣ воды слишкомъ мало, чтобъ можно было купаться.

— Теперь я начинаю вспоминать..... сказалъ злодѣй, который остановился и вторично поднесъ ко рту бутылку. Потомъ, выпивъ все, что тамъ было, онъ бросилъ ее всторону, опустил на грудь голову и, казалось, началъ приводить въ порядокъ разбросанные свои мысли.

— Намъ нельзя ждать конца его размышленій, сказалъ Двиннигъ: когда онъ проснется, ему станеть легче. Ну, вставай, Бонترونъ, продолжалъ онъ, ты погулялъ вѣсколко часовъ по воздуху; теперь попробуй, не спокойнѣе ли будетъ кататься по водѣ. Помогите мнѣ, товарищи; я не могу одинъ справиться съ этою глыбою мяса; вѣдь онъ стѣить зарѣзаннаго быка.

— Мы поставили тебя на ноги, Бонترونъ, сказалъ Эво: такъ держись по-крайней-мѣрѣ на нихъ.

— Не могу! мнѣ кажется, что кровь не течеть, а горить въ моихъ жилахъ, такъ, что колѣна мои слабѣютъ и отказываются поддерживать тяжесть моего тѣла. Не понимаю, чтѣ все это значить? Вѣрно, опять какал-нибудь штука этого проклятаго аптекаря!

— Да, разумеется, честный мой Бонترونъ, что это моя штука, за которую, когда очнешься, будешь благодарить меня. Теперь пока ложись у руля, и дай накрыть себя вотъ этимъ плащемъ.

Бункль, Двиннигъ и Эво, взявъ Бонтрона, понесли въ лодку, гдѣ уложили такъ спокойно какъ только могли. Онъ же отвѣчалъ на ихъ попеченія однимъ кряхтѣніемъ, похожимъ на мычаніе дикаго звѣря, когда находитъ пищу, которою бываетъ очень доволенъ.

— Теперь, храбрый оруженосецъ, сказалъ Двиннигъ Бунклю: ты знаешь, что тебѣ остается дѣлать. Свези въ Ньюбургъ, водою, этотъ живой товаръ, и тамъ распорядись, какъ тебѣ приказано. А пока вотъ оковы его и биты, доказательства его неволи и освобожденія; сверни ихъ въ клубокъ и брось въ рѣку, только какъ можно глубже, а нето, если оковы эти найдутъ у тебя, то они могутъ служить обвиненіемъ противъ насъ всѣхъ. Если ты устанешь грести, то можешь поднять парусъ, какъ только будетъ освѣтлѣе, потому что съ запада ужъ начинается дуть попутный вѣтеръ. Чтѣ же до васъ касается, господинъ нашъ, то вашей храбрости прійдется отправляться пѣшкомъ въ городъ, потому

что наша прекрасная компанія должна здѣсь разстаться. Возьми съ собою фонарь, Бункль, потому что онъ тебѣ скорѣй пригодится чѣмъ намъ; да не забудь возвратить мнѣ ящики.

Пока пѣшеходы наши приближались къ Пероу, Эвль объявилъ Двинингу, что онъ убѣжденъ въ помѣшательствѣ Бонтрона и думаетъ, что разумокъ его никогда не возвратится, потому что ужасъ сдѣлалъ слишкомъ сильное потрясеніе на его мозгъ; умственные его способности совершенно разстроены, въ особенности же память.

— Въ этомъ-то именно вы и ошибаетесь, господинъ пажъ, отвѣчалъ Двинингъ. Разумокъ Бонтрона, какъ онъ есть, очень крѣпокъ. Онъ болтается теперь изъ стороны всторону какъ часовая гиря, которую раскатали и которая по немногу сама собою прійдетъ въ порядокъ. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей, память больше всѣхъ подвергается бездѣйствію. Отъ сна и пьянства она тоже терлется, но, несмотря на то, снова возвращается, когда винные пары испаряются изъ головы пьяницы, или когда сонъ пробуждается. Испугъ производитъ иногда тѣ же самыя слѣдствія. Я знавалъ въ Парижѣ одного преступника, приговореннаго къ висѣлицѣ, и приговоръ этотъ свершился. Когда онъ взшелъ на эшафотъ, то, по-видимому, не былъ слишкомъ встревоженъ; онъ говорилъ и дѣйствовалъ какъ всѣ вообще, когда находятся въ такомъ положеніи. Случай сдѣлалъ для него ту же маленькую невинную хитрость, которая и намъ съ вами удалась, чтобъ спасти любезнаго друга, съ которымъ мы теперь разстались. Когда тѣло его отдали родственникамъ, то жизнь не совсѣмъ еще въ немъ угасла и я имѣлъ счастье спасти его. Но несмотря что онъ окрѣпъ физически, память его совершенно ослабла, такъ, что онъ почти забылъ все, что съ нимъ было. Онъ даже не подозрѣвалъ.... хе! хе! хе!... что исповѣдался въ тотъ самый день утромъ; совсѣмъ забылъ какъ его вывели изъ тюрьмы, какъ привели на лобное мѣсто и какъ повѣсили; нашъ пришлецъ съ того свѣта не зналъ даже, что поучительною своею рѣчью.... хе! хе! хе!... привелъ на путь истины столько набожныхъ христіанъ; все исчезло у него изъ памяти, даже и то, какъ онъ взшелъ на лѣстницу и сдѣлалъ роковой прыжокъ *. Между-тѣмъ....

* Точно такой же случай былъ въ нынѣшнемъ столѣтіи съ одною молодою женщиною, приговоренною къ смерти за дѣтубійство. Одинъ ученый профессоръ лондонскаго университета издалъ разговоръ, который онъ имѣлъ съ нею послѣ ея выздоровленія.

Но вотъ мы ужъ и дошли до мѣста, гдѣ намъ должно разстаться, потому что если мы встрѣтимъ часовыхъ, то не хорошо если насъ увидятъ виѣтъ; и я бы даже совѣтовалъ не входить въ городъ въ одинъ и тѣ же ворота. Должность моя можетъ служить мнѣ благовиднымъ предлогомъ; я могу ходить по улицамъ, какъ днемъ такъ и ночью, и никто не будетъ удивляться; вы же, съ своей стороны, если это только понадобится, можете найти тоже какой-нибудь предлогъ для оправданія вашихъ ночныхъ путешествій.

— Воля моя, если меня станутъ допрашивать, будетъ достаточнымъ оправданіемъ, отвѣчалъ съ высокоуміемъ молодой человекъ: однако если только возможно, я постараюсь избѣгать этихъ встрѣчъ. Луна покрылась тучами, а дорога такъ черна какъ волчья пасть.

— Хорошо, хорошо, не беспокойтесь, отвѣчалъ Двиннигъ: намъ скоро прійдется ходить по дорогамъ еще чернѣе этой.

Не требуя объясненія этихъ словъ, которые звучали такимъ дурнымъ предзамеоложеніемъ, и почти не слушая ихъ, по высокоумію и безпечности своего характера, пажъ разстался съ едвинъ опаснымъ товарищемъ, и оба пошли въ разные стороны.

XXV.

Истинная любовь источникъ, котораго теченіе никогда не бываетъ спокойно.

Оружейника не обманули грустныя его предчувствія.

Когда, послѣ поединка, добрый Глѣзеръ разстался съ тѣмъ, кого хотѣлъ назвать своимъ сыномъ и возвратился домой, то увидѣлъ, что дочь его вовсе не расположена къ своему жениху.

Но хотя онъ и видѣлъ, что дочь его была холодна, молчалива и серьезна, однако рѣшился дѣлать видъ, будто не обращаетъ на это вниманія и сталъ говорить о бракѣ съ Генри какъ о событіи, которое должно было непременно случиться. Она слушала съ такимъ равнодушіемъ, даже почти съ презрѣніемъ всѣ похвалы и рассказы о блестящихъ подвигахъ Смита, что глядя на нее можно было подумать, что она вытѣснила изъ груди своей всѣ человѣческія страсти.

Накоонецъ, когда она снова заговорила, что привязанность ея къ Генри Смиуту не выходитъ изъ границъ дружбы, что она не чувствуетъ къ нему ничего особеннаго, что рѣшилась не выхо-

дить никогда замужъ, и что мнимая храбрость Смита нисколько не радуеть ее, а напротивъ, огорчаетъ, потому что онъ поступаетъ противъ Божіей воли и противъ человѣческихъ законовъ, тогда разумѣется, перчаточникъ разсердился.

— Я не могу знать, что происходитъ въ твоёмъ сердцѣ, дочь моя, сказалъ Глѣверъ, и не могу понять, по какому непостижимому праву ты обнимаешь объявленнаго обожателя, позволяешь обнимать себя, бѣжать къ нему, когда вѣсть разнеслась объ его смерти и броситься къ нему въ объятія, когда застаешь его одного. Все это очень хорошо въ дѣвушкѣ расположенной повиноваться волѣ своихъ родителей и вступить въ бракъ благословенный ея отцемъ; но обходиться такъ съ человѣкомъ, котораго не можешь любить и за котораго не намѣрена выходить, не прилично и не пристойно. Ты была уже гораздо ласковѣе съ Генри чѣмъ мать твоя была со мною прежде чѣмъ вышла за меня замужъ. Я говорю тебѣ, Катерина, что не могу, не хочу и не долженъ позволять шутить такимъ образомъ надъ любовью честнаго человѣка. Я согласился на этотъ бракъ, и требую чтобы онъ совершился немедленно и чтобы ты приняла завтра утромъ Генри Смита какъ человѣка, котораго ты должна быть скоро женою.

— Власть гораздо сильнѣе вашей, батюшка, препятствуетъ этому браку,

— Увидимъ. Моя власть законная: это власть отца надъ дочерью и надъ такою дочерью, которая сбилась съ прямого пути. И божескіе и человѣческіе законы дають мнѣ эту власть.

— Въ такомъ случаѣ, да спасетъ насъ небо, потому что если вы будете настаивать на этомъ, мы всё погибнемъ.

— Когда мы поступаемъ не такъ какъ слѣдуетъ, Катерина, то вамъ нечего ожидать помощи Божіей. Я самъ довольно хорошо знаю законы, и могу увѣрить тебя, что нѣтъ священника который бы не сказалъ тебѣ, что такое сопротивленіе родительской власти, безъ всякой причины, большой грѣхъ. Но есть еще что-то, о чемъ я хотѣлъ предупредить тебя: ты говорила съ презрѣніемъ о судѣ Божіемъ черезъ испытаніе поединкомъ. Берегись, я предупреждаю тебя, что святая ваша церковь пробудилась и намѣрена искоренять ересь огнемъ и мечемъ.

Катерина вскрикнула, но вспохватилась, и стараясь казаться спокойною, общала во всемъ признаться отцу, если ему угодно будетъ отложить разговоръ этотъ до завтрашняго дня.

Симонъ Глѣверъ принужденъ былъ довольствоваться этимъ

обещаніемъ, хоти каждая минута отлагательства казалась ему цѣлымъ вѣкомъ мученій. Онъ зналъ, что Катерина была благо-разумная и обстоятельная дѣвушка, и потому не могъ поинтъ, отчего она дѣйствовала такъ необдуманно и такъ легкомысленно съ человекомъ, котораго онъ самъ ей выбралъ и котораго еще такъ полюбилъ и такъ живо она прибавала предметомъ своего выбора. Какая же посторонняя сила могла перебить, и такъ скоро, рѣшениіе Катерины? Это была невосстижимая для него тайна:

— Но я буду также упрямъ какъ и она, думаю перчаточникъ. она должна немедленно выйти за Генри Гоу или объяснить причину такого упрямства.

Разговоръ этотъ длился и кончился и не возобновлялся впродолженіи вечера; но на другой день, утромъ, съ восходомъ солнца, Катерина встала и пошла въ комнату отца; онъ спалъ еще. Сердце ея такъ сильно билось, какъ-будто хотѣло выскочить изъ груди. Она зашлась и слезы ея капали на лицо Симона. Добрый старикъ проснулся, посмотрѣлъ на нее, перекрестилъ и крѣпко обнялъ.

— Понимаю, Катя, сказалъ онъ: ты пришла неговѣдовать и вѣрно хочешь откровенностью своею избавиться отъ строгаго наказанія.

Катерина молчала.

— Нечего спрашивать у васъ, батюшка, помните-ли вы еще отца Климентя. Вы такъ часто ходили слушать его проповѣди, что все стали говорить, какъ вамъ это было извѣстно, что онъ обратилъ васъ въ свою вѣру. Про меня тоже это говорили, и говорили справедливо и основательно.

— Все это я очень хорошо знаю, сказалъ старикъ облакачиваясь. Но никакъ не можеть доказать, чтобы я соглашался на предложенія еретиковъ, хотя и любилъ слушать, какъ онъ говорилъ объ испорченности нравовъ духовенства, о худомъ правленіи дворянства, и о невѣжествѣ народа, потому что мнѣ казалось, зная онъ хотѣлъ доказать, что добродѣтель, честность и всѣ качества достойныя уваженія находятся только въ одной класѣ первостепенныхъ гражданъ, а это очень полезно и полезно для города. Но если онъ проповѣдывалъ не на пользу, а во вредъ челоуѣку, то длячего монастырское начальство терпѣло его въ стѣнахъ своихъ? Если пастухи впустили въ стадо свое волка прикрытаго овечьей шкурой, то не должны упрекать овечь, что ихъ пожираютъ волки.

— Они позволяли ему проповѣдывать, сказала Катерина, даже поощряли его, пока пороки свѣта, ссоры дворянства и притисненія вельможъ были предметомъ его нападенія. Они даже радовались, что толпа оставляла другія церкви и стремилась въ ихъ монастырь; но когда лицемѣры эти, — увѣрю васъ, что они настоящіе лицемѣры, — увидѣли, что проповѣдникъ ихъ Климентъ, послѣ нападеній на вельможъ, началъ преслѣдовать и самое духовенство, упрекая его въ гордости, тщеславіи, невѣжествѣ, честолюбіи, развратѣ, власти, которую они приносили себѣ надъ совѣстью своихъ ближнихъ, и ненасытной алчности, чтобъ прибрать къ себѣ въ руки всё сокровища этого міра.... Тогда лицемѣры эти соединились съ другими монахами и стали обвинять Климента въ ереси!....

— Катерина! ради Бога говори тише; ты возвышаешь голосъ все громче и громче, и говоришь съ такою горечью, что глаза такъ и сверкаютъ; вотъ отчего неблагонамѣренныя люди даютъ тебѣ ненавистное и опасное прозваніе еретички.

— Вы знаете, что я говорю правду, батюшка; да и вы говорили то же самое.

— Неужели ты хочешь, чтобъ я признавался въ томъ, что можетъ мнѣ стоить жизни и денегъ? потому что уже назначили комисію чтобъ судить еретиковъ, которымъ приписываютъ всё послѣднія смуты и всё безпорядки. Вотъ отчего тѣмъ меньше говоришь, тѣмъ лучше. Я всегда соглашался съ нѣмкимъ старшаго менестреля, который говаривалъ: «Думай все что хочешь, но прежде раздумай хорошенько о томъ что намѣренъ сказать».

— Это слишкомъ поздній совѣтъ, батюшка, сказала Катерина падая въ кресла; вы говорили, васъ подслушали, и Симона Глѣвера, пересскаго гражданина обвиняютъ въ неуваженіи къ церковнымъ постановленіямъ, и....

— Это ложь! вскричалъ Глѣверъ. Я никогда не разсуждаю о томъ, что выше моихъ понятій.

— Говорятъ тоже, что вы клеветали духовенство....

— Въ этомъ я не отпираться; что правда, то правда. Можетъ-быть, за стаканомъ пива или бутылкою вина я и сказалъ что-нибудь такое.... но я былъ въ своей компаніи, а иначе я слишкомъ остороженъ чтобъ подвергаться такой опасности.

— Вы такъ думаете, батюшка, но малѣйшія слова ваши были переданы, и васъ обвиняютъ будто вы смѣялись надъ Церковью и надъ духовенствомъ съ безпорядочными и развратными людьми, какъ наприимѣръ съ Оливеромъ Праудфьютомъ, Генри оружейни-

ишь и другими, которые будто слѣдуютъ поученію Климента, обвиненнаго въ ереси, и котораго вездѣ ищутъ, чтобъ приговорить къ смерти. Но этому не бывать, прибавила она глядя на небо.... Въ этомъ положеніи она похолола на статую мученицы или святой.... Онъ избавился отъ сѣтей птицелова, и, благодаря Бога, я спасла его отъ щъ козней.

— Ты! вскричалъ съ удивленьемъ перчаточникъ, да ты съума сошла, Катерина?

— Я никогда не отойрусь отъ того, что дѣлаетъ мнѣ честь. Я написала Ковзчеру, чтобъ онъ взялъ нѣсколькихъ товарищей, прѣехалъ сюда и увезъ старика. Теперь онъ въ безопасности, далеко отъ сюда, въ горахъ!...

— Дерзкая! безумная! какъ ты осмѣлилась помогать человѣку обвиненному въ ереси; писать горцамъ, призывать ихъ въ городъ и заставлятъ жѣсать правительству? Увы! ты поправа какъ человѣческіе такъ и Божескіе законы! Что будетъ съ нами, если это только сдѣлается извѣстнымъ?

— Ужъ это извѣстно, батюшка, сказала Катерина твердымъ голомъ, и извѣстно такимъ людямъ, которые скорѣе другихъ поспѣшатъ наказать за это доброе дѣло.

— Ты ошибаешься, дочь моя, жестоко ошибаешься; хитрые монахи и лстивыя монашенки вбили тебѣ въ голову эти глупыя мысли, и ты вѣришь имъ. Все это не сообразно съ расположеніемъ, которое ты еще такъ недавно чувствовала къ Генри Гау.

— Ахъ! милый батюшка, вспомните въ какомъ я была отчаяніи, когда мнѣ сказали что онъ убитъ; и мою радость и восхищеніе, когда увидала, что это неправда.... Но тогда я не знала еще всего, и думала я преувеличиваю опасность; но я жестоко была выведена изъ заблужденія. Вчера!... сама игуменья приходила ко мнѣ съ доминиканцемъ. Они показали мнѣ листъ, на которомъ были выставлены всѣ имена еретиковъ, въ томъ числѣ и наши имена; игуменья, со слезами, истинными слезами умоляла меня вступить немедленно въ монастырь, чтобъ избавиться отъ такой ужасной участи, а доминиканецъ далъ мнѣ честное слово, что если я соглашусь на это, то васъ не стануть тревожить.

— Аспиды! крокодилы! вскричалъ перчаточникъ: да провались они оба въ пренесподию!

— Жалобы и вспышки ни къ чему не ведутъ, батюшка! Но вы теперь видите, что я не безъ причины плакала и тосковала.

— Ахъ, какое дитя, куда дѣвалось твоё благоразуміе? какъ могла ты попасть въ такой смятокъ?

— Выслушайте меня батюшка: у насъ остается еще одно средство къ спасенію: будьте увѣрены что я часто объ этомъ думала и непремѣнно хотѣла исполнить, только напрасно просила вашего согласія.

— Понимаю... ты снова задумала о монастырѣ. Но какой пріоръ или какая игуменья осмѣлятся...

— Я тотчасъ объясню вамъ это, батюшка, и въ тоже время вы узнаете, отчего я повзвѣсивъ колебалась въ моемъ намѣреніи выходить за Смига. Отецъ Францискъ, старій доминиканецъ, который сдѣлался духовникомъ моимъ по вашему приказанію...

— Да, разумѣется, что я тебѣ совѣтовала, даже приказывала, чтобы уничтожить слухъ, будто совѣтъ твой находится въ совершенномъ распоряженіи отца Климента.

— Такъ, этотъ отецъ Францискъ нѣсколько разъ заговаривалъ со мною о такихъ предметахъ, о которыхъ думала, что я говорю, вѣроятно, съ отцемъ Климентомъ. Отецъ Францискъ хотѣлъ знать, чему онъ утѣлъ меня. Да проститъ меня Богъ за мое ослѣпленіе. Онъ говорилъ со мною вѣжливо, какъ человѣкъ жалостливый убѣждался въ истинѣ словъ моихъ, и потому я говорила свободно и защищала съ жаромъ мои вѣрованія. Вотъ какимъ образомъ я попала въ смятокъ.... Тогда только я узнала настоящій его характеръ и тайныя намѣренія, когда выпытала изъ меня все что я знала, онъ сталъ угрожать мнѣ земнымъ наказаніемъ и вѣчными муками въ будущей жизни. Если бъ я одна подвергалась опасности, то перенесла бы все съ твердостью, и умѣла бъ быть равнодушною къ жестокостямъ притѣснителей, потому что страданія цытки не долговременны, а я не вѣрю ихъ власти за предѣлами гроба.

— Ради Христа!... вскричалъ перчаточникъ видя одушевленіе дочери и какой она подвергалась опасности своею осторожностью въ словахъ: ради Христа, перестань оскорблять святую цытку Церковь; у нея вездѣ есть уши, она все слышитъ и ужасно метитъ клеветникамъ словомъ.

— Меня не отращать земныя муки, продолжала Катерина, снова поднимая глаза къ небу. Несмотря на всѣ убѣжденія отца Франциска и игуменьи, я оставалась твердою. Но когда она заговорила, что если я не соглашусь идти въ монастырь, то и весь тоже предадутъ суду и вѣдѣмъ мукамъ пытки, то признаюсь, я задрожала и хотѣла уже послѣдовать ихъ совѣтамъ. Я разсказа-

и все это матери Марѣ, игуменѣ эльховскаго монастыря, и она обѣщала принять меня къ себѣ, если, отказавшись отъ любви и брака, я постригуся въ монахини. Я увѣрена, что она стоворилась съ отцомъ Францискомъ, потому что оба они пѣли одну и ту же пѣсню: «Если ты оставишься въ свѣтѣ, то отца твоего и тебя предадутъ суду какъ еретиковъ; если же пойдешь въ монастырь, то грѣхи обожь васъ простятся, даже забудутся». Они не принуждали меня отказаться отъ моихъ вѣрованій, не изывали ихъ оселѣпленіемъ; это имъ все равно, только бѣ я постриглась въ монахини.

— Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, напротивъ совершенно увѣрена. Старика Глѣвера считаютъ богачемъ, слѣдовательно состояніе его вмѣстѣ съ дочерью перейдетъ въ эльховскій монастырь, не считая еще того, чего доминикацы станутъ требовать на свою долю. Вотъ призваніе твое въ монастырь! вотъ для чего ты отвергаешь Генри Смита!

— Увѣряю васъ, батюшка, что все соединилось какъ-будто нарочно, чтобъ заставить меня идти въ монастырь; да и я сама не чувствовала къ этому отвращенія. Сэръ Джонъ Раморин увѣрялъ меня, что принцъ будетъ мнѣ ужасно мстить, если я еще стану сопротивляться его преступнымъ мольбамъ. Чтò же касается до бѣднаго Генри, то я недавно только узнала, что въ немъ гораздо больше достоинствъ чѣмъ недостатковъ, и что я люблю его гораздо больше чѣмъ думала. О, Боже! для чего я это узнала! вѣрно длятого чтобъ мнѣ еще больнѣе было разставаться съ этимъ міромъ. Я никакъ не думала, что мнѣ будетъ такъ грустно, прибавила Катерпина, закрывъ лицо руками и горько заплакавъ.

— Все это глупости, сказалъ Глѣверъ. Умный человекъ никогда не можетъ быть въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобъ не найти средства выпутаться изъ бѣды, если у него только нѣтъ недостатку въ смѣлости. Мы, слава Богу, не въ Римѣ, гдѣ монахи дѣлаютъ, чтò имъ угодно; но у насъ есть законы, которые могутъ ограничить ихъ хищничество. Если бѣ стали вѣшать всѣхъ тѣхъ, которые говорили, что монахи любятъ золото и что между ними есть и такая жизнь, которая не согласуется съ церковными постановленіями, то признаюсь, Смоервиллю будетъ много работы. Только если они хотятъ заключать въ монастыри всѣхъ молодыхъ вѣтрянницъ, которые увлекаются рѣчами молодыхъ проповѣдниковъ, то имъ надо распространить ихъ и брать по-дешевле съ послушницъ. Въ былыя времена до-

брые наши государи защищали права наши даже противь сегого паны; и когда, бывало, имъ вздумается мѣшаться въ правленіе свѣтскихъ дѣлъ, шотландскій парламентъ напоминалъ имъ ихъ обязанности отправляя туда грамоту, которая должна бы была быть написана золотыми литерами. Я самъ видѣлъ эту грамоту, и хотя не могъ читать, однако сердце у меня такъ и запрыгало отъ радости, когда увидѣлъ на ней печати добрыхъ и благородныхъ бароновъ и почтеннаго нашего духовенства. Тебѣ бы не слѣдовало такъ долго скрывать эту тайну, дочь моя; но теперь не время упрекать тебя. Поди, приготовь мнѣ завтракать: я сейчасъ сяду на лошадь, поѣду къ лорду засѣдателю и попрошу его помощи и совѣтовъ; надѣюсь, что онъ не откажетъ мнѣ въ своемъ покровительствѣ, и что ни онъ, ни другіе благородные и храбрые Шотландцы не потерпятъ, чтобъ притѣснили честнаго гражданина зато только, что онъ сказалъ нѣсколько необдуманныхъ словъ.

— Этого-то именно я и боялась, батюшка. Я знала напередъ, что если я вамъ открою эту тайну, вы тотчасъ же вспылите и надѣлаете шуму, какъ-будто бы религія, которую намъ далъ отецъ мира и тишины, не велитъ намъ прощать врагамъ нашимъ. Въ сто того чтобъ ссориться, я могу даже и теперь отказаться отъ свѣта и удалиться, правда, что съ грустью въ сердцѣ, въ эльховскій монастырь, если вы согласны только на эту жертву. Только объ одномъ прошу васъ, батюшка, когда меня не будетъ, когда я на вѣки разстанусь съ бѣднымъ Генри, то любите, утѣшайте его. Скажите ему, чтобъ онъ не обвинялъ Катерину, что она не будетъ больше надѣдать ему упреками, но будетъ только молиться о немъ.

— Что за дѣвушка! она такъ сладко говоритъ, что разжалобить хоть Турка, сказалъ Симонъ, у котораго у самого навернулись слезы на глазахъ. Но я разрушу козни монашенки и монаха, не отдамъ единственнаго моего дѣтища. Иди внизъ; мнѣ надо одѣваться, а главное, будь готова на все, что я прикажу тебѣ для твоего собственнаго счастья и спокойствія. Приготовь узелокъ съ платьемъ и положи туда все, что у тебя есть подороже. Вотъ ключи отъ желѣзнаго сундука, подарка бѣднаго Генри. Ты найдешь въ немъ червонцы. Раздѣли ихъ на двѣ равныя доли; одну долю положи въ кошелекъ и оставь у себя, а другую зашей въ кожаный поясъ, который я надѣваю въ дорогу. Такимъ образомъ ни ты, ни я не будемъ нуждаться, если судьба разлучитъ насъ. Дай Богъ, чтобъ буря пощадила этого молодой и

зеленым листъ, а если нужно, то унесла бы лучше изсохшій! Прикажи немедленно осѣдлатъ мою лошадь и твоего бѣлаго жеребца; вѣдь нѣтъ еще сутокъ какъ я подарилъ его тебѣ... Я надѣлся, что ты скоро обновишь его и пойдешь въ церковь святаго Іоанна, какъ счастливая и веселая невѣста окруженная дѣвухами и женщинами нашего прекраснаго города и... Но что объ этомъ говорить? Поспѣши укладываться, а главное, не забывай, что святые только тѣмъ помогаютъ, кто самъ старается выпутаться изъ бѣды. Ни слова болѣе!... дѣлай, что тебѣ велѣтъ; теперь не время имѣть свою волю. Когда бываетъ тихо на морѣ, то кормчій позволяетъ юнгѣ забавляться кормиломъ; но когда вѣтеръ завоетъ и волны поднимутся, онъ самъ беретъ его въ руки. Такъ иди же и дѣлай, что тебѣ приказываютъ.

Катерина вышла изъ комнаты чтобъ исполнить какъ могла приказанія отца, потому что знала, что несмотря на страстную свою къ ней любовь и врожденную кротость, онъ требовалъ иногда послушанія, когда ему казалось, что надо возстановить домашнюю дисциплину, хотя повидимому позволялъ ей дѣлать что хочетъ, даже управлять имъ самимъ.

Пока прекрасная Катерина укладывалась, а старикъ Глѣверъ спѣшилъ одѣваться, какъ человѣкъ который торопится въ дорогу, на улицѣ послышался конскій топотъ и у воротъ Симонова дома остановился всадникъ закутанный въ широкій плащъ, правая пола котораго, перекинутаая черезъ плечо, скрывала нижнюю часть лица, между-тѣмъ какъ беретъ съ большимъ перомъ, нахлобученный на брови, скрывалъ глаза и лобъ его. Онъ соскочилъ съ лошади, и Доротея не успѣла еще отвѣтить на вопросъ какъ онъ забѣжалъ уже на лѣстницу и очутился въ комнатѣ Глѣвера. Испуганный и удивленный такимъ раннимъ посѣщеніемъ, Симонъ принялъ незнакомца за присланнаго отъ комиссиі за нимъ и его дочью. Какова же была его радость когда въ незнакомцѣ, когда тотъ снялъ беретъ и опустилъ плащъ скрывавшій лицо его, увидѣлъ добрыя черты храбраго владѣтеля Кинфаунса и предсѣдателя прекраснаго города? Въ домѣ Симона посѣщеніе это во всякое время считалось необыкновенною честью; но такъ рано и въ такихъ обстоятельствахъ, казалось чѣмъ-то сверхъестественнымъ или скорѣе ужаснымъ.

— Сэръ Патрикъ Чартризь! вскричалъ перчаточникъ: какую дѣлаете вы честь вашему покорнѣйшему слугѣ...

— Перестань, сказалъ рыцарь, теперь не время разсыпаться въ учтивостяхъ. Я пріѣхалъ самъ потому, что въ трудныхъ об-

стоителстванъ некая дѣла дѣржа послѣдоваго какъ самого себѣ и не могу долга оставаться, потому что вѣрнѣе тамъ остаться, чѣмъ посоветовать тебѣ, добрый Глѣверъ, бѣжать и можно скорѣй; советъ долженъ выдать сегодня бумагу, по которой тебя и дочь твою схватятъ и заключатъ намъ еретики, и малѣйшее замедленіе будетъ стоить тебѣ свободы, а можетъ быть и жизни.

— Я ужъ объ этомъ слышалъ, отвѣчалъ перчаточникъ, и хотѣлъ ѣхать въ Кинсаунсъ увѣрить васъ, что постыдное это обвиненіе пало на невиннаго, просить советомъ у вашей милости помолить о покровительствѣ.

— Невинность твоя ни к чему не послужитъ, добрый Глѣверъ; судьи предубѣждены противъ тебя, и потому я советую тебѣ бѣжать и ждать лучшихъ временъ для возврата. Что же касается до моего покровительства, то надо потерпѣть чтобъ вѣтеръ перебѣнциса, а иначе оно не можетъ быть тебѣ полезно. Герцога Ольбени и духовенство соединилась и интригуютъ вмѣстѣ; они представили королю, что упадокъ католической вѣры — единственная причина всѣхъ нашихъ народныхъ несчастій; они совершенно завладѣли королемъ и дѣлаютъ изъ него, по крайней-мѣрѣ въ настоящую минуту, все что хотятъ: но если ты можешь удалиться на нѣсколько дней или на нѣсколько недѣль, то я почти увѣренъ, что въ это время партія Ольбени ослабѣетъ. Между тѣмъ знай, что король мало того что отдастъ приказанія преслѣдовать еретики, но еще утвердилъ, по назначенію папы, Роберта Вардавскаго въ званіи архіепископа святаго Андрея и примаеса Шотландіи. Такимъ образомъ онъ уступаетъ Риму права и привилегіи шотландской церкви, права, которыя предки его со временъ Малькольма Канмора защищали съ такимъ жаромъ, съ такимъ самоотверженіемъ; они бы, я думаю, подписали скорѣе договоръ съ самимъ чортомъ, чѣмъ уступить Риму въ такомъ важномъ дѣлѣ.

— Ахъ, Господи! да какъ же можно исправить это зло?

— Никакъ, развѣ только если при дворѣ случится какаянибудь перемена. Нашъ король не что иное какъ зеркало, которое само по себѣ не имѣя свѣту, отражаетъ только то лицо, которое стоитъ передъ нимъ въ настоящую минуту. И хотя Дугласъ находится теперь въ дружескихъ сношеніяхъ съ герцогомъ Ольбени, однако коснется на неумѣренныя требованія этихъ властолюбивыхъ монаховъ и недавно еще поссорился съ ними за жалобы ихъ на насильство свиты его въ арбретскомъ монасты-

дн. Горная степановна теперь еще сильнее прожалеет, потому что если неслучится, будто графиня Марья бѣжала отъ его оружій. Когда она вернется, то все переищется, и присутствіе ея будетъ держать гордаго Ольбена въ границахъ умеренности, тѣмъ болѣе, что большая часть дворянства, въ томъ числѣ и я, гварію тебѣ это по секрету, — рѣшилась, соединилась съ графиней, защищать права и привилегіи королевства. Тамъ изгнаніе твое кончится съ его возвращеніемъ ко двору, и потому тебѣ надо искать только временнаго убѣжища.

— О! что до этого, милордъ, то я несколько не беспокоюсь, потому что имѣю полное право на некровительство одного сильнаго горца Джилькрета Макъ-Яна, начальника вольскаго племени.

— Если ты можешь только ухватиться за кончикъ его плаща, то не нуждаешься ни въ чьей помощи. Ни правительство, ни духовенство не осмѣлится идти въ горы приводить въ дѣйствіе свой приговоръ.

— Но дочь моя, милордъ! моя Катерина?

— Возьми ее съ собою. Тамашній хлѣбъ сохраняеть бѣлизну зубъ ея; козье молоко снова зажметъ румянцемъ ея щеки, которыя начали уже блѣднѣть отъ всѣхъ этихъ волненій, а горная трава будетъ служить ей постелью.

— Я не гляжу на такія бездѣлицы, сэръ Патрикъ. Катерина моя—дочь простаго мѣщанина, слѣдовательно не знаетъ роскоши. Но сынъ Макъ-Яна провелъ нѣсколько лѣтъ въ моемъ домѣ, и я припужденъ сказать, что онъ смотрѣлъ на дочь мою (которая нѣкоторымъ образомъ уже помолвлена) такъ нѣжно, что я началъ беспокоиться. Здѣсь въ Переѣ это было не такъ опасно: во тамъ, въ горахъ, гдѣ у Копэчера много друзей, а у меня нѣтъ ни одного.... право, немного страшно.

Вмѣсто отвѣту рыцарь засвисталъ.

— Въ такомъ случаѣ совѣтую тебѣ послать ее въ эльховскій монастырь. Если я не ошибаюсь, ты, кажется, съ родни тамашней игуменьѣ; да, она мнѣ сама это сказала, и прибавила еще, что душевно любитъ дочь твою, и все что тебѣ принадлежитъ.

— Охотно вѣрю, милордъ, что игуменья такъ уважаетъ меня, что изъ угожденія ко мнѣ приметъ съ радостью и дочь мою, и все мое состояніе, и все что мнѣ принадлежитъ: но въ любви ея есть что-то упорное; и ей очень трудно будетъ разстаться съ моею дочерью, особенно же съ деньгами.

Засѣдатель опять засвисталъ.

— Клянусь честию, Симонъ, что потокъ этотъ очень трудно распутать. Но я не допущу, чтобъ первую красавицу нашего прекраснаго города заперли въ монастырь какъ цыпленка въ курятникъ, и еще въ минуту, когда она выходитъ за нашего храбраго Генри Смита. Нѣтъ, пока я нахожусь въ званіи переснаго предѣдателя и пока ношу еще мечъ и шпоры, этому не бывать! никогда не бывать!

— Да что жъ намъ дѣлать, милордъ?

— Что? дѣйствовать очерта голову. Садитесь на лошадей, ты и дочь твоя, и слѣдуйте за мною. Посмотритъ, кто осмѣлится глядѣть на васъ изъ подлобыя. Прикажъ еще не выданъ оставитъ васъ, а если пошлютъ въ Кингаунсъ съ приказомъ недели и онъ не будетъ подписанъ собственною рукою его величества, то клянусь душой Краснаго Корсара! я заставляю его проглотить и пергаментъ и печать. Поспѣшимъ! поспѣшимъ! пора въ дорогу! И вы тоже, моя красавица, сказалъ онъ Катеринѣ, которая въ эту минуту вошла въ комнату, не мѣшкайте, собирайтесь какъ можно скорѣе.

Въ двѣ или три минуты отецъ и дочь были готовы и сидѣли уже на лошадяхъ.

По совѣту предѣдателя они ѣхали впередъ въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, чтобъ не было замѣтно, что они ѣдутъ вмѣстѣ. Они поспѣшили выѣхать за восточную заставу и продолжали тѣмъ же шагомъ свой путь пока не исчезли изъ виду. Сэръ Патрикъ слѣдовалъ за ними изъ-дали; но какъ скоро онъ пропалъ изъ глазъ часовыхъ, то, пришпоривъ коня своего, скоро догналъ Глѣвера и дочь его.

Слѣдующій разговоръ объяснитъ нѣкоторыя мѣста этой исторіи.

XXVI.

— Я придумалъ средство, сказалъ благонамѣренный рыцарь, укрыть васъ не надолго отъ злобы людской, потому что увѣренъ, что черезъ двѣ или три недѣли при дворѣ произойдутъ большіе перевороты. Но скажи мнѣ, Симонъ, въ какихъ сношеніяхъ находишься ты съ Макъ-Яномъ и почему ты имѣешь къ нему такое полное довѣріе? Мнѣ необходимо это знать, чтобъ лучше разсудить, какъ намъ надо дѣйствовать. Ты наблюдаешь всѣ городскія постановленія и знаешь, что они подвергають строжайшему наказанью гражданъ, которые находятся въ сношеніяхъ или перепискѣ съ горными племенами.

— Это правда, милордъ, но вы тоже знаете, что я, по своему ремеслу, не могу обойтись безъ козихъ и бараньихъ шкуръ, и вообще безъ кожъ; слѣдственно, насъ ремесленниковъ исключаютъ изъ этого закова; намъ позволяютъ торговать съ горцами, во первыхъ, потому что имъ легче чѣмъ кому другому доставлять намъ этотъ товаръ; во вторыхъ, торговля эта приноситъ большую пользу городу. Такимъ образомъ я имѣлъ съ ними большія дѣла, и могу сказать, даже поклясться душою, что во всемъ мѣрѣ не найдешь людей, которые бы производили торговлю такъ честно и такъ справедливо. Въ свое время я предпринималъ нѣсколько такихъ путешествій, и вѣря честности ихъ начальниковъ ходилъ далеко въ горы. Я не знаю никого, ктобы лучше ихъ держалъ свое слово, если они кому разъ ужъ дали его. Что же касается до начальника кельскаго племени, Макъ-Яна, то если бы онъ не былъ такъ мстителемъ, я не знаю прятѣ и благороднѣе его человѣка.

— Ужъ это слишкомъ, любезный Симонъ; а между-тѣмъ вѣдь я тоже знаю этихъ разбойниковъ горцевъ.

— Они дѣйствуютъ различно въ отношеніи къ врагамъ своимъ, милордъ, и ваша милость, вѣрно, сами это понимаете. Но что бы тамъ ни было, а мнѣ случилось въ одномъ важномъ дѣлѣ, сдѣлать одолженіе Макъ-Яну.

Осмынадцать лѣтъ тому назадъ, кельское племя было въ войнѣ съ чатанскимъ, что впрочемъ нисколько не удивительно, потому что они рѣдко бываютъ въ мирѣ, — Макъ-Янъ былъ такъ разбитъ, что почти все семейство его было истреблено. Семь сыновей его убиты, замокъ разграбленъ, сожженъ и самъ онъ принужденъ бѣжать. Жена его, ожидавшая каждый день разрѣшенія, убѣжала тоже въ лѣсъ, взявъ съ собою дочь свою и одного вѣрнаго слугу. Тамъ, посреди горя и волненій она произвела на свѣтъ сына; но какъ она не могла кормить его, то вѣрный слуга вмѣсто кормилицы привелъ ему лань, которую успѣлъ похитить изъ неприятельскаго стана.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Макъ-Янъ оплатилъ тѣмъ же врагамъ своимъ, разбивъ ихъ совершенно и отнявъ у нихъ свой бывший кланъ. Каково жъ было его восхищеніе, когда онъ узналъ, что жена его и сынъ живы еще, а онъ считалъ ихъ добычею волковъ и дикихъ кошекъ.

Но общій и закоренѣлый предрасудокъ, какіе часто встрѣчаешь у полудикихъ народовъ, отравилъ радость Макъ-Яна и не далъ ему исполнѣ насладиться счастьемъ, видѣть въ без-

одиночества единственнаго сына, который еще у него оставался. Старшине предсказаніе пласало, что мать ихъ погибнетъ съ ребенкомъ, который долженъ родиться въ лѣсу и будетъ выкорюченъ бѣлаго ланью. Къ вѣстиваю Джилькреста, двойное это предсказаніе сбылось надъ его ребенкомъ, и старшины клана требовали, чтобъ его лишили жизни, или удалили бы по крайней мѣрѣ и воспитывали въ незнакомости. Джилькрестъ Макъ Янъ принужденъ былъ согласиться на это требованіе, и рѣшась на последнее средство, поручилъ мнѣ ребенка, назвалъ его Конэчеромъ, и просилъ чтобъ я воспитывалъ его въ своемъ семействѣ и скрывалъ отъ него, кто онъ таковъ и какія права имѣлъ владѣть надъ многочисленнымъ и воинственнымъ народомъ. Прешло нѣсколько годовъ и старшины клановъ принудившіе Джилькреста нѣкоторымъ образомъ рѣшиться на эту мѣру, умерли или по старости лѣтъ сдѣлались неспособными къ дѣланью. Съ другой стороны власть Макъ Яна надъ племенемъ своимъ еще больше усилилась въ слѣдствіе побѣдъ одержанныхъ надъ кланомъ Чаттана, и возстановившихъ между двумя непріятельскими конфедерациями равенство, существовавшее между ними прежде того кроваваго сраженія, о которомъ я говорилъ вашей чести. Какъ скоро онъ увидѣлъ, что власть его утвердилась, то очень естественно сталъ желать возвращенія единственнаго своего сына, и отдать ему все чѣмъ онъ могъ пользоваться въ своемъ семействѣ.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ нѣсколько разъ вызывалъ въ горы Конэчера, какъ называли его тогда. Молодой человекъ былъ статенъ и хорошъ собой, такъ, что ему легко было заволовить сердце всякаго отца; и мнѣ кажется, что онъ узналъ наконецъ тайну своего рожденія, потому что не могу передать вамъ отвращенія, съ какимъ кордыи этотъ горецъ смотрѣлъ на честное мое ремесло, такъ, что я не смѣлъ, бывало, выколотить его кафтанъ моею палкою, а не то, того и гляди что онъ пырнетъ въ тебя кинжаломъ. Въ это-то самое время мнѣ и хотѣлось отъ него отдѣлаться, и тѣмъ болѣе что онъ сдѣлался слишкомъ внимателенъ къ Катеринѣ, которой вздумалось учить дикаго горца нравственности и снисхожденію. Она сама знаетъ, какую это принесло ему пользу.

— Я хотѣла спасти его, батюшка, сказала Катерина.

— И губить себя, подхватилъ старикъ Глѣверъ: это не со-
вѣтъ умно. Чтѣ скажетъ на это его милость?

— Милости моей не хотѣлось бы обидѣть Пероскую Красну

Девону, отыгнать сарь Папрыхъ. Макте лучше меня не знаеть девицности и чистоты души ея; но между тѣмъ надо замѣтите, что сарабъ этоть итонецъ лапи былъ черный, рыжий, гладкъ помѣщавными глазами, былъ созданъ какъ какой нибудь обрубокъ и вообще походилъ на герцевъ, которыхъ я прежде знавалъ, те не думаю, чтобъ Персонала Красна Дѣвица приналежъ отъ талмъ же раслиемъ за его обращеніе на путь истинный; и сарабъ Катерина была также стара, горбата и сморщена какъ вама слупапка., которая отворена мнѣ сегодня дсера, то буюсь объ закладъ золотыми монни шперами на пару сапоговъ, что дивая ата лапи не пришла бъ и двухъ разъ слушать эти проговѣди. Ты смѣешься, Глѣверъ, а Катерина краснѣеть съ досады; но всё равно, это обыкновенный ходъ природы.

— По крайней мѣрѣ, милордъ, такъ думаютъ свѣтскіе люди о сарабъ ближнихъ, отыгнала Катерина съ жаромъ.

— Ну, не сердись, красавица, видѣ это только шутка, сказалъ сарь Папрыхъ; а ты Симонъ, разокажи мнѣ, какъ кончилась эта исторія. Впрочемъ, Коэнтеръ убѣжалъ отъ насъ въ горы?

— Онъ возвратился къ отцу, отыгчалъ перчаточникъ. Впрочемъ послѣднимъ двухъ или трехъ лѣтъ, пока Коэнтеръ жилъ у меня, около города бродилъ какой-то дикарь, что-то въ родѣ посланцаго, который подъ разными предлогами ходилъ назадъ и впередъ, но въ сущности былъ агентомъ и посредникомъ между Джамарптономъ Махъ-Яномъ и сыномъ его Коэнтеромъ, или Гекторомъ, какъ теперь его называютъ. Я узналъ отъ этого бродяги что приговоръ названіа «внотница бѣлой лапи» былъ отданъ на разсмотрѣніе. Молочный отецъ его, Торквалъ Дубъ, бывший лѣсничій, явился въ собраніе съ осмью своими сыновьями, старыми и красивыми молодцами, такими что во всемъ кланѣ не было нѣтъ лучше, и просилъ чтобъ приговоръ этоть былъ отмененъ. Тѣмъ болѣе просьбу его уважилъ «что онъ былъ неовидный» и, какъ всё утвердилъ, въ сношеніи съ невиданнымъ миромъ. Торквалъ подтавердилъ, что онъ вызывалъ духа, который сообщилъ ему что только одинъ Коэнтеръ, называемый теперь Ичиномъ (то есть Гекторомъ) Махъ-Яномъ, выйдетъ здравъ и невреденъ изъ болъ, въ которому приготовлялись два враждебные клана. Изъ этого Торквалъ Дубъ заключилъ, что присутствіе Коэнтера необходимо, потому что сама судьба назначила его одержать побѣду надъ врагами. Я въ этомъ такъ твердо убѣжденъ, прибавилъ онъ, что ни я, молочный его отецъ, ни сыновья мои не будемъ драться, если Ичина не будетъ въ рядехъ нашихъ.

Выслушавъ Торкиля, всё оробѣли, потому что думали, что бой рѣшится малымъ количествомъ людей съ обѣихъ сторонъ, а если въ кельскомъ кланѣ не будетъ доставать девятерыхъ человѣкъ, да еще самыхъ сильныхъ изъ всего клана, то побѣда могла перейти на сторону непріятеля. Новые предразсудки взяли верхъ надъ старыми суевѣріями касательно питомца бѣлой лани. Отецъ воспользовался этимъ случаемъ и представилъ клану столь долго скрываемаго своего сына, котораго молодость, красота, одушевленіе, ловкость и гордый видъ привели всѣхъ въ восторгъ. Горцы приняли его съ радостью, какъ сына ихъ пачальника, которому, не смотря на зловѣщія предсказанія, онъ долженъ былъ наследовать.

По всему этому ваша снѣтлость сами видите, отчего я такъ увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ Макъ-Яна, и отчего неблагоуразумно бы было съ моей стороны вести туда Катерину. Вотъ что именно и беспокоитъ меня, благородный лордъ.

— Мы постараемся успокоить тебя, добрый Глѣверъ, отвѣчалъ сэръ Патрикъ Чартризь, и я возьму на себя позаботиться о тебѣ и твоей дочери. По союзу моему съ Дугласомъ я нахожусь теперь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ дочерью его Марджорей, герцогиней Россай, покинутою супругою нашего вѣтреннаго принца. Будь увѣренъ, добрый Глѣверъ, что дочь твоя будетъ тамъ въ безопасности, всё-равно какъ бы она была въ неприступной крѣпости. Герцогиня находится теперь въ замкѣ Фальлендъ, принадлежащемъ герцогу Ольбени, который отдалъ его ей въ распоряженіе. Тамъ не весело, Катерина, потому что герцогиня несчастна, а кто несчастливъ, тотъ бываетъ сердитъ, высокохвренъ, повелителемъ; у нея нѣтъ тѣхъ прелестей, которыя такъ нравятся въ женщинахъ, и потому она завидуетъ тѣмъ, кому онѣ достались въ удѣлъ. Но она тверда въ своемъ словѣ, и такъ благородна, что еслибъ какое-нибудь духовное лицо, даже самъ папа пріѣхалъ къ ней и захотѣлъ схватить того, кого она взяла подъ свое покровительство, то безъ всякой церемоніи она приказала бы выпроводить его за ворота замка. Слѣдовательно вамъ будетъ тамъ хорошо и спокойно, только не очень пріятно.

— Я не имѣю права требовать болѣе, сказала Катерина, и душевно благодарю васъ за благосклонность, которая доставляетъ мнѣ такое сильное покровительство. Если герцогиня будетъ горда, то я буду помнить, что она урожденная Дугласъ, слѣдовательно имѣетъ полное право гордиться; если она станетъ сердиться,

я вспомню, что она несчастна; если же будетъ бранить меня напрасно, то я буду твердить себѣ, что она моя покровительница. Такъ не думайте обо мнѣ, милордъ, мнѣ будетъ хорошо у герцогини: во что стаетея съ моимъ бѣднымъ отцомъ! Каково мнѣ будетъ знать, что онъ находится между этими дикими и страшными людьми.

— Что объ этомъ думать, Катерина, сказалъ перчаточникъ: мнѣ нечего бояться, я хорошо знаю горцевъ, но меня одно тревожитъ, чтобъ бой, прежде моего приходу, не рѣшилъ судьбу одного изъ клавовъ; особенно же, если кельскій кланъ побѣдитъ, то я погибъ.

— Мы тебя до этого не допустимъ, отвѣчалъ сэръ Патрикъ; будь увѣренъ что я не оставлю тебя въ бѣдѣ. Но какъ ты думаешь, за кѣмъ останется побѣда.

— Если говорить откровенно, милордъ, то я думаю что клану Шатана не сдобровать, потому что десять такихъ молодыхъ какъ сыновья Торквелла составляютъ только третью часть избраннаго войска, окружающаго начальника кельскаго клана, а вѣдь они пре-страшные бойцы.

— А ученикъ твой? какъ тебѣ кажется, оправдаетъ ли онъ ожиданія своего войска?

— Онъ горячъ какъ огонь, и зыбучъ какъ вода. Если онъ останется въ живыхъ-то будетъ со-временемъ храбрымъ воиномъ.

— Что же до настоящаго, то сердце его плаваетъ еще въ молокѣ бѣлой лани, не такъ ли Симоуъ.

— Ему недостаетъ опытности, милордъ, и мнѣ нечего говорить такому храброму воину какъ вы, что прежде чѣмъ полюбить опасность надо свыкнуться съ нею.

Разговаривая такимъ образомъ, они доѣхали до замка Кинсаунса, гдѣ, позавтракавъ немножко, отецъ и дочь стали приготовляться къ разлукѣ. Когда Катерина увидѣла, что безпокойство о ней отца изгладило изъ памяти его воспоминаніе о другѣ, то прошептала какъ-будто во снѣ имя Генри Смита.

— Да, да, ты права, Катерина, надо предупредить его о нашихъ намѣреніяхъ.

— Это мое дѣло, сказалъ сэръ Патрикъ. Я не стану ему писать, потому что не хочу ввѣрять писемъ моимъ постороннимъ людямъ, но завтра рано утромъ я самъ поѣду въ Перечъ и сообщу Смиуту наши намѣренія.

Настала наконецъ минута разлуки; она была ужасна; но му-

жественный характер старика Глёвера и покорность Катерины полъ Бешей уладилъ гореть ея больше чѣмъ можно было надѣваться. Добрый рыцарь торопилъ въ дорогу мѣщанина, но такъ ясно, что нельзя было обидѣться; даже предлагалъ ему денегъ, что было въ то время рѣдкостью, потому что деньги были очень рѣдки; слѣдовательно, такое предложеніе могло считаться вернымъ дружбы. Глёверъ поблагодарилъ рыцаря, простился съ нимъ и съ дочерью и пустился въ дорогу. Гостеприимное покровительство сара Патрика Чартериса не оставило также своею благосклонностью и пересекшей красной дѣвицы. Онъ поручилъ ее попеченіямъ своей домоправительницы и оставилъ еще нѣсколько дней въ Книфаузе, потому что Китъ Степковъ, къ которому баронъ имѣлъ большое довѣріе и который взялся доставить Катерину въ замокъ Фальклендъ, не пріѣхалъ еще за нею.

Отецъ и дочь разстались въ самую трудную минуту, когда обстоятельства, которыхъ они тогда не знали, умножали еще опасность, такъ что имъ почти не оставалось ни какой надежды.

XXVII.

«Отецъ это сдѣлалъ. — Сдѣлалъ? право? слѣдовательно и для меня онъ можетъ это сдѣлать.»

Поэз.

Мы не можемъ лучше слѣдовать за ходомъ этой исторіи, какъ идти по слѣдамъ Симона Глёвера.

Мы не имѣемъ намѣренія показывать, на какомъ именно мѣстѣ находились границы, разделяющіе два враждебныхъ стана, и тѣмъ болѣе, что даже сами историки, передавшіе намъ подробности этой достопамятной междоусобной войны, не слишкомъ-то подробно ихъ обозначили. И потому достаточно будетъ сказать, что владѣнія чатанскаго клана простирались очень далеко, и заключали въ себѣ Кайтнесъ и Сутерландъ, что главнымъ начальникомъ его былъ могущественный графъ, который назывался именемъ этого послѣдняго граства, и котораго по этой причинѣ называли Mohr an Chat, то есть Большая Кошка. Въ этомъ смыслѣ Кейты, Свиклеры, Гуны и другія фамиліи, пользовавшіяся большою властью, находились въ союзѣ. Но они не участвовали въ войнѣ, которая относилась прямо къ чатанскому клану, находящемуся въ горахъ на сѣверо-востокъ отъ Перра и Инчерреса. Всѣ знаютъ, что два многочисленные клана, которые, без-

сворю, принадлежалъ къ чатавскому клану, Макъ-Ферсоны и Макъ-Нитоны еще до сихъ-поръ спорятъ, кто изъ нѣхъ начальникомъ предводительствовалъ банденоскинъ племенемъ, и оба эпизода назывались начальниками чатавского клана.

Non possumus inter vos tantas componere lites. Не намъ судить о такомъ важномъ дѣлѣ.

Но во всякомъ случаѣ Банденекъ, вѣрно, былъ центромъ ко-оде-рація, что относилось къ различнымъ племенамъ, принимавшимъ участіе въ этой враждѣ.

Мы скажемъ впоследствии почему не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній насчетъ союза враждебныхъ племенъ, составляющихъ кланскій, или кайскій кланъ, какъ называютъ его. Букананъ и другіе новѣйшіе писатели смѣшали кельскій кланъ съ многочисленнымъ и могущественнымъ племенемъ Макъ-Кайя. Если они имѣли достаточныя причины думать такимъ образомъ, то очень сомнительно, то надо полагать, что племя это, съ царствованія Роберта-Третьяго, очень отдалилось отъ своего отараро жилища, потому что теперь оно осталось какъ кланъ только на сѣверѣ Шотландіи, въ графствахъ Россъ и Сутерлендъ; слѣдовательно мы не можемъ описать съ такою точностью, какою бы желали, географіи нашей исторіи. Такъ мы скажемъ только то, направляя путь на сѣверо-западъ, морчаточникъ провелъ нѣкій день въ дорогѣ; ему хотѣлось дойти скорѣй до Бредаль-бана, отсюда наиѣревался отправиться въ замокъ Джилькриста, гдѣ Макъ-Янъ, отецъ ученика его Коначера, жилъ по тогдашнему варварскому обычаю роскошно, богато, окруженный стрелною саптою и всѣмъ церемоніаломъ, соответствующимъ его честолюбивымъ мечтамъ.

Мы не станемъ описывать усталости Симона и опасностей, которыя онъ подвергался во время странствованія своего по лѣсамъ, горамъ, болотамъ и необработаннымъ землямъ, то заваленнымъ валожниномъ, то пересѣкаемымъ большими ручьями и даже рѣками.

Но если Симонъ Гдѣверъ изъ любви къ честному ремеслу уже нѣсколько разъ подвергался такимъ опасностямъ, то, вѣроятно, и теперь переносилъ бодро всѣ непріятности путешествія, когда дѣло шло о его свободѣ, а можетъ-быть и жизни.

Какъ Симонъ зналъ нравы, обычая и языкъ этой дикой страны, то его не пугала встрѣча съ жителями. Симонъ никогда не обращался безъ успѣху къ гостепріимству горцевъ, кото-

рые въ другихъ обстоятельствахъ убили бы человека, чтобъ овладѣть серебряною пуговицею, застегивающую плащъ его; но тутъ каждый изъ нихъ отказался бы отъ своего обѣда, чтобъ облегчить нужды странника, стоящаго у порога его хижины и просящаго гостепріимства. Во избѣжаніе опасностей надо было во время путешествія казаться какъ можно добѣрчивѣе; зато перчаточникъ нашъ не взялъ съ собою ни какого оружія и щелъ, повидимому, безъ малѣйшей предосторожности; а между-тѣмъ старался скрывать то, что могло искусить ихъ сребролюбіе. Другое правило, которое онъ считъ благоразумнымъ наблюдать, было — избѣгать сношеній съ проходящими, развѣ только отвѣчать учтивыми поклонами на ихъ поклоны; церемонія, которой горцы рѣдко не выполняютъ. Ктому жъ ему мало представлялось случаевъ выказать свою учтивость, потому что страна эта, обыкновенно дикая, казалась въ ту минуту совершенно безлюдною: жители, покинувъ свои дома, бѣжали въ лѣса и пещеры. Это было очень понятно, особенно въ ту минуту, когда всѣ ожидали междоусобной войны, которая, какъ всѣ полагали, должна была быть сигналомъ общаго грабежа и такого разоренія, какого еще не видывали въ этой несчастной странѣ.

Симонъ началъ безпокоиться; онъ не зналъ гдѣ ему почевать, потому что съ-тѣхъ-поръ какъ выѣхалъ изъ Книфаунса, оставался только одинъ разъ, чтобъ дать вздохнуть лошади. Онъ намѣренъ былъ провести ночь въ хижинѣ одного стариннаго знакомаго, Нилъ Бушалоча, то есть Волопаса, потому что онъ пасъ многочисленныя стада предводителя кельскаго клана. Вотъ почему онъ жилъ на берегу Тея, не въ далекомъ разстояніи отъ озера того же имени, изъ котораго вытекала эта рѣка. Глѣверъ надѣялся узнать отъ стариннаго своего пріятели, у котораго онъ уже гостилъ и покупалъ мѣха и кожи, въ какомъ положеніи находилась теперь страна; чего должно ожидать, мира или войны, и чтѣ должно предпринять въ настоящую минуту, чтобъ оградить себя отъ опасности.

Надо замѣтить, что вѣсть о подписаніи условій сраженія, которое должно было рѣшить участь клановъ меньшимъ числомъ сражающихся, была сообщена королю Роберту только наканунѣ Глѣверова отъѣзду, и распространилась въ народѣ гораздо позже.

— Если Нилъ Бушалочъ тоже выѣхалъ, то мнѣ будетъ не совсѣмъ то весело, потому что мало того, что я нуждаюсь въ его совѣтахъ, надо еще чтобъ онъ представилъ меня Джилькристу Макъ-Яну; ктому жъ мнѣ смерть какъ спать и ѣсть хочется.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ взомель на верхъ горы, покрытой зеленью, откуда представился глазамъ его великолѣпный видъ Тейскаго Озера, подобнаго огромному свѣтлому зеркалу, окруженному, какъ рамою, черными горами и высокими дубами.

Симонъ всегда былъ равнодушенъ къ природѣ, а тѣмъ болѣе теперь, когда думалъ только о своемъ спасеніи; несмотря однако жъ на такое равнодушіе, одна точка великолѣпнаго этого зрѣлища остановила его взоръ; это былъ лугъ, откуда Тей, выходя величественно изъ озера, извивается въ живописной и широкой долинѣ, и бросается потомъ на юго-западъ, какъ побѣдитель и законодатель, чтобъ покорить и обогатить потомъ отдаленныя страны. На очаровательномъ этомъ мѣстѣ, между озеромъ, рѣкою и горою возвышался замокъ Баллукъ, который потомъ замѣнился роскошно-великолѣпнымъ дворцомъ графа Бредальбана.

Но хотя Кембл достигли уже большой власти въ граствѣ арджильскомъ, однако не распространились еще до западной части Тейскаго Озера, берега котораго, по праву или по какой другой причинѣ, были заняты кельскимъ кланомъ, который пастъ тутъ избраннымъ стада свои.

Такъ въ этой-то долинѣ, между рѣкой и озеромъ, посреди дубовыхъ рощъ и большихъ господскихъ и кѣдровыхъ лѣсовъ была построена уютная хижина горца Нила Бушалоча, изъ гостеприимной трубы которой вился дымъ столбомъ къ несказанной радости Глѣвера, который ужъ думалъ что ему придется ночевать на чистомъ воздухѣ.

Онъ подошелъ къ дверямъ хижины, закричалъ, засвисталъ и такимъ образомъ объявилъ о своемъ приходѣ. Охотничьи и дворовыя собаки отвѣчали ему лаемъ; наконецъ вышелъ и самъ хозяинъ. Онъ казался озабоченнымъ и, по видимому, былъ удивленъ, когда увидѣлъ Глѣвера, хотя и старался, чтобъ перчаточникъ не замѣтилъ этого, потому что нѣтъ ничего невѣжливѣе въ той сторонѣ какъ дать замѣтить гостю взглядомъ или жестомъ что ему не рады, или даже что его вовсе не ожидали. Лошадь Симона повела въ конюшню, а передъ нимъ самимъ, по тамошнему обыкновению, и въ ожиданіи чего-нибудь посытнѣе, поставили хлѣбъ и сыръ.

Симонъ хорошо зналъ нравы и обычаи горцевъ, и потому притворился, будто не замѣчаетъ безпокойства Нила и всего его семейства, и, откусивъ кусокъ хлѣба, спросилъ какъ обыкновенно водится:

— Ну, что новенькаго у васъ?

— Да все какъ нельзя хуже, отвѣчалъ Ниль: отца нашего нѣтъ больше на свѣтѣ.

— Какъ! вскричалъ испуганный Симонъ: предводитель кельскаго клана умеръ!

— Предводитель кельскаго клана не можетъ умереть, сказалъ Бушалочъ; но Джилькристъ Макъ-Янъ умеръ сутки тому назадъ, а теперь нашимъ предводителемъ сдѣлался сынъ его Ичинъ Макъ-Янъ.

— Какъ! Ичинъ?! То есть Конячеръ, мой ученикъ.

— Сдѣлай милость, братъ Симонъ, говори объ этомъ какъ можно меньше. Надо замѣтить, любезный другъ, что не смотря на достоинство твоего ремесла, оно слишкомъ однообразно, чтобъ его можно было уважать при подоспѣвѣ Бень-Лаверса и на берегахъ озера Тся. На нашемъ языкѣ даже нѣтъ слова, которое бы выражало дѣлателя перчатокъ.

— Было бы очень странно, любезный другъ, отвѣчалъ сухо Глѣверъ, еслибъ слово это существовало, потому что у насъ не носятъ перчатокъ. Я думаю что во всемъ кланѣ не найдется даже пары перчатокъ, развѣ только тѣ, которыя я подарилъ Джилькристу Макъ-Яну, который принялъ ихъ отъ меня съ такою радостью, какъ будто это былъ самый дорогой подарокъ. Миѣ душевно жаль его; вѣдь я зарочше пришелъ, чтобъ поговорить съ нимъ о дѣлахъ.

— Въ такомъ случаѣ я совѣтую тебѣ повернуть кося и завтра утромъ отправиться куда знаешь, потому что скоро будутъ похороны, только самые простые; церемоніи не будетъ, потому что всѣ приготовляются къ сраженію, которое назначено въ зоркое воскресенье; следовательно намъ остается очень мало времени оплакивать покойнаго нашего предводителя и отдавать честь живому.

— У меня дѣла очень спѣшныя, такъ, что миѣ непременно надо повидаться съ молодымъ предводителемъ и поговорить съ нимъ хоть съ четверть часа.

— Выслушай меня, другъ; ты, вѣроятно, пріѣхалъ или за деньгами или за товаромъ; такъ если молодой нашъ предводитель долженъ тебѣ за свое воспитаніе или за что нибудь другое, то теперь не время тревожить его и просить денегъ въ такую минуту когда они ему самому такъ нужны для вооруженія воиновъ. Онъ не хочетъ, чтобъ ему было стыдно передъ этими горпыми кошками, которыхъ мы должны превзойти своею роскошью, храбростью и превосходствомъ; такъ, что намъ санинѣ только что хватить всѣхъ

сокровищъ нашего клана. Если же ты пріѣхалъ торговать съ нами, то и на это намъ нѣтъ теперь времени. Ты самъ знаешь, что возбудилъ зависть многихъ горцевъ, зато что тебѣ поручили воспитаніе нашего молодаго предводителя, а эту честь дѣляютъ только храбрѣйшимъ изъ всего клана, въ награду за какую-нибудь важную услугу.

— Да ты съ ума сошелъ Ниль, я никогда не добивался этой чести; напротивъ, меня удерживали и ушамивали, чтобъ я взялъ его, и кромѣ убытку мнѣ это ровно ничего не принесло, потому что этотъ Конзчеръ, Гекторъ, или какъ бишь вы его называете, испортилъ мнѣ не знаю на сколько тысячъ ливровъ кожъ и всякаго товару.

— Опять принялся за свое! Знаешь ли, пріятель, что такіе разговоры могутъ стоить тебѣ жизни, если ты не перестанешь твердить о кожахъ, шкурѣ, овцахъ и товарѣ. Предводитель нашъ гордится своимъ саномъ; слѣдовательно очень естественно, если онъ желаетъ, чтобъ все, что относится до его изгнанія, было совершенно забыто. Ему непріятно будетъ если станутъ напоминать ему и народу о томъ, о чемъ вспоминать такъ грустно. Подумай теперь самъ, какими глазами станутъ смотрѣть на старика Глевера, у котораго предводитель нашъ такъ долго находился въ учевьи! Ахъ, любезный другъ, ты ошибся въ своихъ расчетахъ; тебѣ не слѣдовало приходить сюда. Ты слишкомъ поспешилъ кланяться восходящему солнцу, когда лучи его еще на равнѣ съ горизонтомъ. Приходи лучше тогда когда оно подымется по-выше, тогда ты получишь свою долю развивающейся около него теплоты.

— Мы старинные съ тобою друзья, Ниль Бушалочъ, какъ ты сейчасъ это сказалъ; а какъ я вѣрю твоей дружбѣ, то буду говорить откровенно, не смотря что откровенность эта можетъ погубить меня, если кто насъ подслушаетъ.

Ты думаешь, что я пришелъ изъ какихъ нибудь видовъ къ вашему начальнику, и ты это думаешь очень естественно. Но въ мои лѣта я не разстался бы съ теплымъ уголкомъ моего и не пришелъ бы грѣться лучами самаго блестящаго солнца, которое когда либо всходило надъ вашими горами, еслибы не нужда привудила меня къ тому, любезный Ниль. Я пришелъ сюда потому что не могъ сдѣлать иначе. Враги оклеветали меня, и обвиняютъ въ томъ, о чемъ я даже не смѣю и думать. А между-тѣмъ жизнь моя была въ опасности, такъ, что мнѣ оставалось или бѣжать или гибнуть. Такъ я пришелъ къ вашему предводителю какъ къ

человѣку, который, когда былъ безъ приставища, нашель его у меня, ѣлъ мой хлѣбъ и пилъ изъ одной со мною чашн. Я прошу у него пріюта и надѣюсь, что онъ мнѣ не откажетъ, потому что думаю, это будетъ не на долго.

— О! это совсѣмъ другое дѣло. Я увѣренъ, что онъ приметъ тебя съ радостью, еслибъ даже ты постучался къ нему въ полночь, держа въ рукахъ голову шотландскаго короля; и еслибъ за тобой бѣжало тысяча человѣкъ погонн, то и тогда я не думаю чтобъ честь Макъ-Яна позволила ему отказать тебѣ въ покровительствѣ.

Что же касается до того, виновать ты или нѣтъ, то ему до этого нѣтъ дѣла; или лучше сказать, если ты виновать, онъ еще скорѣе обязанъ дать тебѣ приставище, потому что тогда ты подвергаешься большей опасности. Въ такомъ случаѣ мнѣ надо предупредить его немедленно, чтобъ кто-нибудь прежде меня не сообщилъ ему этой новости и не сказалъ причины твоего пріѣзда.

— Мнѣ досадно, что я безпокою тебя; да гдѣ же теперь вашъ предводитель?

— Въ десяти миляхъ отсюда; онъ занятъ теперь приготовленьями къ похоронамъ и къ сраженію.

— Такъ тебѣ прійдется провести цѣлую ночь въ дорогѣ, потому что это очень далеко взадъ и впередъ. Я увѣренъ, что если Ковэчеръ узнаетъ, что это я, то....

— Да что у тебя за Ковэчеръ!... сдѣлай милость, забудь это имя, сказалъ волопасъ прикладывая палецъ къ губамъ. Еслибъ даже я скакалъ и тысячу миль, то и тогда это скачекъ для горца, который идетъ съ порученіемъ отъ друга своего къ начальнику.

Дѣятельный Ниль Бушалочъ всталъ и, поручивъ странника попеченіямъ старшаго сына и дочери, вышелъ изъ дому въ десять часовъ вечера, а вернулся гораздо раньше восходу солнца.

Онъ не хотѣлъ будить усталаго гостя; но какъ только тотъ всталъ, Ниль сообщилъ ему, что пачальника ихъ будутъ хоронить утромъ, и что хотя Ичинъ Макъ-Янъ не можетъ пригласить Саксовца на похороны, однако будетъ очень радъ, если онъ не откажется отъ похороннаго обѣда.

— Нечего дѣлать, сказалъ улыбаясь перчаточникъ, надо согласоваться съ его волею: теперь онъ мною командуетъ. Надѣюсь однако, что онъ не забылъ моей снисходительности, когда я былъ его господиномъ....

— Тихе, тихе,, прїятель, вскричалъ Бушалочъ; чѣмъ меньше ты будешь объ этомъ говорить, тѣмъ лучше. Ичннъ прїнеть тебя радушно; да кто жъ осмѣлится дотронуться до тебя въ его владѣнїяхъ. Такъ прощай, любезный, мнѣ надо итти на похороны; не хорошо будетъ если я останусь, потому что въ нашемъ кланѣ не было и не будетъ такого предводителя. Если хочешь видѣть процессію и слышать *короначъ**, который долетитъ до вершины Бенъ-Лаверса, то зайди за домъ и подымись на Томъ-опъ-Лоначъ. Черезъ три часа, на озерѣ, въ полумиліи отъ Тея, съ западной стороны, тебя будетъ ожидать барка; садись въ нее и прїѣзжай куда знаешь. И такъ до свиданья.

Сказавъ это, Ниль взялъ съ собою трехъ своихъ сыновей и двухъ дочерей, безъ которыхъ нельзя было составить хора или скорѣе пронзительныхъ криковъ, которые по тогдашнему обычаю были необходимы въ такихъ важныхъ случаяхъ, и отправился къ берегу, гдѣ ожидала его барка, которая должна была присоединиться къ похоронной процессіи.

Оставшись одинъ, Глѣверъ пошелъ въ конюшню посмотрѣть, все ли есть у его лошади, и увидѣлъ что передъ нею лежалъ грандъ или хлѣбъ сдѣланный изъ жженого ячменя. Симонъ былъ тронутъ такимъ вниманіемъ, потому что зналъ нужду ихъ въ хлѣбѣ. Мяса у нихъ было вдоволь, рыбы для поста тоже, хотя они и не всегда его наблюдали, но хлѣбъ былъ рѣдкимъ лакомствомъ у горцевъ. На болотахъ росло что-то въ родѣ травы, изъ которой выходило предурное сѣно, но какъ всадники такъ и лошади не были прїучены тогда къ изысканной пищѣ. Перчаткѣ, такъ называлась лошадь Глѣвера, сдѣлали подстилку изъ свѣжей травы, такъ, что она пользовалась всѣмъ, что только могло доставить ей горское гостепрїимство.

Симону Глѣверу, съ грустными думами, не оставалось ничего лучшаго какъ послѣдовать совѣту Бушалоча.

Удостоверившись, что нѣмой его спутникъ совершенно удовлетворенъ, Симонъ взоселъ на гору, называемую Томъ опъ-Лоначъ, то есть горою Ивъ.

Послѣ получаса ходьбы онъ очутился на вершинѣ Томъ-опъ-Лонача, и глазамъ его представилось великолѣпное зрѣлище. Нѣсколько старыхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ ивъ оправдывали названье горы, покрытой зеленью и кустами. Но большая часть деревьевъ была принесена въ жертву нуждѣ, потому что въ этотъ

* Погребальное пѣніе.

воинственный видъ каждый нуждался въ стрѣльбѣ, которая была въ большомъ употребленіи у горцевъ, хотя стрѣлы нѣкъ качествомъ своимъ и формою были гораздо хуже употребленныхъ англійскими стрѣльщиками. Оставшіеся еще деревья походила на вострановъ разбитой арміи; они, казалось, занимали въ безпорядкѣ какое-нибудь выгодное положеніе съ твердымъ намѣреніемъ защищаться до послѣдней возможности. Внизу горы лежало тихое, прозрачное озеро, а сзади возвышалась еще выше этой гора, которая стояла въ совершенномъ отдаленіи. Частію она была покрыта кустарниками, а частію довольно плохими пастищами, гдѣ скотъ щипалъ траву около болотныхъ мѣстъ или искалъ корму у источниковъ.

Противоположные, то есть сѣверные берега озера представляли болѣе гористый видъ чѣмъ южные, гдѣ былъ тогда Симонъ Глѣверъ. Лѣса и кустарники покрывали склоны горъ и исчезали въ извилинахъ пропастей и рвовъ. Но вдали, возвышались черныя, песчаныя горы, которыя представляли взору всю безотрадность конца осени и пачала зимы. Между всѣми этими скалами и утесами явныя возвышались грозными, остроконечными пиками, явныя были совершенно гладкія, крутыя, между тѣмъ какъ другія представляли болѣе пріятныя для глазъ формы, какъ напримѣръ величественныя горы Бенъ-Лаверса и Бенъ Моро. Возвышались надъ всѣми этими скалами, вершины ихъ сохраняютъ дѣвственные снѣга свои посреди самаго лѣта, а иногда и цѣлый годъ. Границы этой дикой страны, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ горы спускаются къ озеру, представляли даже въ ту отдаленную эпоху слѣды человѣческихъ жилищъ. Особенно на сѣверныхъ берегахъ озера, въ долинахъ орошаемыхъ ручьями, которые вливали благотворныя свои воды въ Тейское Озеро, видны были полуразрушенныя хижины, которыя какъ и все почти на свѣтѣ, вращались только пзъ-дали, но по мѣрѣ приближенія отъ нихъ отворачивались съ отвращеніемъ; такъ было все тамъ грязно и разрушено, потому что въ нихъ жило такое племя, которое почти не обрабатывало земли и не любило ни какой промышленности.

Женщины, не смотря что съ ними обходились ласково, даже уважительно, были завалены домашнею, необходимою работою. Мужчины, завявшись на полѣ, и то нехотя, какую-нибудь работою возвращаясь домой и думали только о своемъ черношерстомъ скотѣ. Они пахали землю плохою бороною или лопатой и смотрѣли на земледѣльство какъ на недостойное занятіе.

Иногда они ходили на охоту, или рыбную ловлю, но только для удовольствія; а въ мирные времена, что впрочемъ было рѣдко, ходили на разбой. Во время войны они грабили еще съ большою суровостію, и дрались съ немнотѣрными изобрѣтеніями, не смотря, частная или общая была эта вражда, и все равно гдѣ бы она ни была: это было главною цѣлью ихъ жизни, единственнѣйшимъ занятіемъ, котораго они не считали унижательнымъ.

Чудная поверхность самаго озера представляла зрѣлище, на которое нельзя было глядѣть безъ восхищенія; пространство и обширность его, и широкая и быстрая рѣка изъ него вытекающая, представляли взору очаровательную перспективу, которая казалась еще живописнѣе отъ одного изъ тѣхъ острововъ, какіе такъ часто и такъ счастливо встрѣчаются на озерахъ въ Шотландіи.

На островѣ этомъ, въ лѣсу и теперь еще находятся развалины, которыя въ ту эпоху представляли башни и стѣны аббатства, гдѣ была погребена Сивила, дочь Генриха Пятаго, короля англійскаго, и супруга Александра Перваго, короля шотландскаго.

Изначъ Макъ-Япъ и старшины клана выбрали на время священное это мѣсто какъ достойное принять бранные остатки ихъ атамана, котораго окончательно, когда мпнуеть опасность, хотѣли похоронить въ знаменитомъ сѣверномъ монастырѣ, подлѣ его предковъ.

Со всѣхъ концовъ озера плыло безчисленное множество барокъ: на нѣкихъ развѣвалось черное знамя, а на другихъ сидѣли пѣсельники со свирѣлями и по временамъ издавали то жалобные, то пронзительные звуки.

Перчаточникъ понялъ, что это было начало процессіи.

Погребальные эти звуки были однако только прелюдіей концерта вздоховъ и воплей.

Отдаленный шумъ пробѣжалъ по поверхности озера и разнесся по долинамъ, гдѣ Дотаръ и Лочн, прежде чѣмъ броситься въ Тейское Озеро, взвиваются между луговъ и пастбищъ.

Въ этомъ-то дикомъ и неприступномъ мѣстѣ, гдѣ Кембли остроплия впоследствии финляндскую крѣпость, умеръ храбрый и всѣмъ уважаемый предводитель кельскаго клана; и чтобъ похоронить съ должнымъ почетомъ и пышностію, весь народъ долженъ былъ провожать его черезъ озеро до острова, гдѣ временно хотѣли похоронить его. Похоронная флотилія, предводимая баркою предводителя, на которой развѣвался большой черныи

Плачь, прошла уже болѣе половины дороги прежде чѣмъ Глѣверъ увидѣлъ ее съ возвышенности, гдѣ стоялъ. Какъ только съ траурной барки раздалось похоронное пѣніе, вздохи и вопли вдругъ прекратились, точно будто воронъ пересталъ каркать, и истребъ свистать, когда раздался крикъ ора. Барки, плававшія до сихъ-поръ въ безпорядкѣ какъ стая залетныхъ птицъ, разлетѣвшихся по поверхности озера, вдругъ выстроились въ порядкѣ, чтобъ пропустить погребальную флотилію, въ слѣдъ за которою они поплыли. Звуки свирѣли и вопли отчаянія становилась все явственнѣе и пронзительнѣе; это былъ дикій гимнъ, который долеталъ до самой вершины Томъ-онъ-Лонача. На баркѣ плывшей впереди стояло что-то въ родѣ катафалка, на которомъ лежало тѣло покойнаго предводителя, обернутаго въ бѣлое сукно; но лицо его не было закрыто. Сынъ и ближайшіе родственники стояли на той же баркѣ; за нею плыло безчисленное множество лодокъ разной величины и формы; нѣкоторыя были очень легкой постройки. Всѣ ладьи тайскаго озера составляли похоронное шествіе, даже нѣкоторыя были перенесены сухимъ путемъ съ Эрнскаго Озера и другихъ ближайшихъ озеръ.

Тутъ были и курраги, то есть ладьи, въ родѣ британскихъ, сдѣланныя изъ бычачьихъ кожъ, натянутыхъ на обручи; и даже челноки сдѣланные изъ первыхъ попавшихся въ руки щепокъ; они были связаны и смазаны такъ слабо, что можно было ожидать каждую минуту, что который-нибудь изъ членовъ клана свалится въ воду и прежде окончанія похоронъ соединится въ странѣ духовъ съ своимъ храбрымъ предводителемъ.

Когда столпившіяся у береговъ барки увидели главную флотилію, то испустили такой дикій и пронзительный стонъ, что мало того, что перепугали всѣхъ дикихъ ланей, но даже самый домашній скотъ, который хотя и привыкъ къ человѣческимъ голосамъ, однако не могъ преодолѣть ужасу и разбѣжался по лѣсу и болотамъ.

Крики эти предупредили жившихъ на островѣ монаховъ, что шествіе приближается. Они вышли изъ монастыря со крестами, знаменами и всею католическою пышностію того времени. Похоронный звонъ колоколовъ достигалъ до ушей безмолвной тогда толпы и сливался съ торжественнымъ пѣніемъ монаховъ.

Пока родственники выносили покойника на берегъ, монахи совершали священные обряды. Тѣло предводителя положили на

возвышеніе, съ давнихъ временъ посвященное этому обычаю, и стали ходить кругомъ покойника *.

Когда подняли тѣло покойника, чтобъ нести въ церковь, то толпа испустила второй ужасный вопль, въ которомъ мужественные голоса воиновъ, звонкіе женщины, дрожащіе старцевъ и пронзительные голоса дѣтей смѣшались въ одинъ дикій, несогласный крикъ. Когда тѣло внесли въ церковь, куда нѣтъ право войти только ближайшіе родственники покойника и самые первые полководцы клана, то раздался короначь. Последній этотъ ревъ скорби былъ такъ силенъ и повторяемъ столько-ни отголосками, что перчаточникъ невольно заткнулъ пальцами уши, чтобъ не слышать его, или по-крайней-мѣрѣ смягчить пронзительный гулъ. Онъ остался въ такомъ положеніи до-тѣхъ-поръ, пока испуганныя совы, астребы, кукушки и другія птицы стали успокоиваться въ своихъ убѣжищахъ.

Когда онъ вынималъ пальцы изъ ушей, сзади его послышался голосъ, который сказалъ ему :

— Какъ ты думаешь, Глѣверъ, такимъ ли гимномъ покаянія и благодарности должно провожать человѣка, когда покидая тѣн-ную свою оболочку, онъ возносится къ Создателю?

Перчаточникъ обернулся.

Сзади его стоялъ сѣдой старикъ съ длинною бородой, кроткимъ лицомъ и взоромъ исполненнымъ благосклонности и прямодушія.

Сиюпъ тотчасъ же узналъ отца Климента, хотя на немъ и не было монашескаго одѣянія, и хотя вмѣсто клобука на головѣ у него былъ надѣтъ шотландскій беретъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Глѣверъ хотя и чувствовалъ уваженіе къ этому человѣку, но не любилъ его. По разсудку онъ не могъ не уважать стараго монаха; но правила и поученія отца Климента были причиною изгнанія его дочери и несчастнаго положенія, въ которомъ онъ самъ теперь находился, и потому онъ не совѣмъ радушно отвѣчалъ на поклонъ монаха, который еще разъ принужденъ былъ спросить его, что онъ думаетъ о такихъ странныхъ обрядахъ.

* Старинный обрядъ этотъ назывался *deasil*; онъ состоялъ въ томъ, что присутствующіе должны были обходить три раза около живаго или мертваго человѣка, желая ему всевозможныхъ блягъ. *Deasil* должно дѣлать по теченію солнца, то есть съ права на лѣво. Если же церемонія эта дѣлается цѣлью желать кому-нибудь вреда, то падо дѣлать на изворотъ, то есть съ лѣва на право.

— Я, право, не знаю, что сказать, отвѣчала наконецъ Глѣнеръ; ихъ нельзя осуждать батюшка, они по обычаю своихъ предковъ отдають послѣдній долгъ своему предсѣдателю, и теряя друга, хотѣтъ выразить скорбь свою и вознести въ небо молитвы за упокой души его. Гдѣ поступаютъ во сердцу, тамъ по моему мнѣнію, надо смотрѣть съ хорошей стороны на эти дѣйствія. Еслибъ было иначе, то мнѣ кажется, что они ужъ давно бы просвѣтились и дѣйствовали совершенно не такъ какъ теперь.

— Ты ошибаешься, Симонъ Глѣверъ, Богъ просвѣтилъ насъ всѣхъ, хотя въ различныхъ степеняхъ, но человекъ охотно закрываетъ глаза и предпочитаетъ тьму свѣту. Слѣдная толпа эта смѣшиваетъ постановленія римской Церкви съ древними языческими обрядами своихъ предковъ, соединяя такимъ образомъ безбожіе разращенной роскошью и властолюбіемъ Церкви съ жестокими и кровавыми обычаями дикихъ язычниковъ.

— Батюшка, отвѣчалъ Симонъ, довольно сухимъ тономъ, мнѣ кажется, было бы гораздо полезнѣе, еслибъ вы вмѣсто того, чтобъ потрясать правила и вѣрованья смиреннаго, хотя и безмысленнаго какъ я христіанина, пошли бы въ церковь, и помогли вашимъ братьямъ въ исполненіи ихъ долга.

— Почему ты думаешь, любезный братъ, что я стараюсь колебать правила твои и вѣрованья? Беру въ свидѣтели небо, что пожертвовалъ бы собственною кровью, чтобъ только утвердить, а не искоренить вѣру въ сердцѣ моего ближняго.

— Согласенъ, батюшка, что вы очень краспорѣчивы; но если судить о наставленіяхъ вашихъ по ихъ плодамъ, то небо, рукою Церкви ужъ наказало меня, зато, что я слушалъ ихъ слишкомъ внимательно. Прежде, пока я не зналъ васъ, духовникъ мой не ставилъ мнѣ въ грѣхъ, если за бутылкою пива я рассказывалъ какую-нибудь веселую сказку, если даже сюжетомъ этой сказки былъ монахъ или монашенка. Если мнѣ случалось иногда сказать, что отецъ Губертъ любитъ больше ходить на охоту за зайцами, чѣмъ за душами, то шелъ исповѣдываться къ отцу Винзауфу, который вмѣсто того, чтобъ бранить меня, самъ же смѣялся, и вмѣсто земныхъ поклоновъ заставлялъ угостить себя; или если мнѣ случалось сказать, что отецъ Винзауфъ предпочитаетъ бутылку четкамъ, то на неповѣдн признавался въ этомъ отцу Губерту и за пару охотничьихъ перчатокъ онъ разрѣшалъ меня отъ грѣховъ, такъ, что я выходилъ отъ него былъ какъ свѣтъ. Но съ тѣхъ-поръ, какъ я познакомился съ вами, отецъ Климентъ, и сталъ слушать ваши проповѣди, мнѣ прожу-

ждали все уши адома и чистилищномъ въ будущемъ мѣрѣ и огнемъ, костромъ и всѣми муками въ здѣшнемъ. Такъ оставьте же меня, отецъ Климентъ, и обращайтесь къ тѣмъ, кто поминаетъ ваши поученія; мнѣ же вовсе не хочется быть мученикомъ. Я ужасно боюсь огня, такъ, что въ продолженіи всей моей жизни у меня ни разу не хватило духу свѣять со свѣчи вальдими; и если говорить правду, мнѣ страшно какъ хочется возвратиться въ Перечъ, вымолить прощенье у духовенства, и въ знакъ искренняго раскаянія взять нестеръ свой и принести его на мѣсто казни, чтобы добрые люди видѣли, что я возвратился на путь истинный, и снова одѣлся ревностнымъ католикомъ. Я такъ жалею свое ослѣпленіе что хотѣлъ бы искупить его цѣною всего, что имѣю на землѣ.

— Не ропщи, не стѣуй, любезный братъ; неужели изъ за того только, что подвергнешся теперь минутной опасности, и можешь потерять земнаго соправнца, ты раскаиваешься въ дѣлахъ своихъ земнородныхъ.

— Да, вамъ хорошо говорить, отецъ Климентъ, вамъ, которые уже давно отказались отъ свѣта и всѣхъ мірскихъ благъ, и готовы отдать жизнь свою какъ только ее потребуютъ въ зашѣну поученій вашихъ, которыми такъ тепло вѣруете и которыми уже давно живете на мѣлѣхъ. Вы точно также готовы надѣть на себя желтую сорочку и сѣрую шапку, какъ всякой другой лѣчь въ всталъ, и готовы это сдѣлать безъ отыраженія. Но я дорожу тѣмъ, что имѣю. Состояніе мое еще не отягчено; я могу жить еще вѣчно, и благодарю за это Бога. Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, я твердъ еще на ноги, вижу тоже довольно хорошо, и ни чуть не тороплюсь доживать вѣкъ. Да если бъ я даже былъ бѣдѣнъ, какъ Іовъ, и стоялъ уже одною ногою въ гробу, то и тогда не долженъ ли я заботиться о дочери, которой проповѣди ваши пришлись, кажется, очень дорого.

— Дочь твоя, Симоно, истинно можетъ назваться земнымъ ангеломъ.

— Да, можетъ быть ее скоро позвуютъ и небеснымъ, благодаря зашему иррапорѣчю, и повезутъ на небо въ огненной тележкѣ.

— Сдѣлай милость, любезный братъ, перестань говорить о томъ, чего не понимаешь. Какъ я не хочу терять времени и показывать тебѣ свѣтъ, отъ котораго ты отворачиваешься, то выслушай по крайней мѣрѣ то, что я хочу тебѣ сказать касательно твоей дочери, земное счастье которой также дорого Кли-

менту Блеру какъ и отцу ея родному, хотя я ни минуты не сравниваю его съ вѣчнымъ блаженствомъ.

Слезы лились изъ глазъ старика, Симонъ тоже пришелъ въ умиленіе.

— Отецъ Климентъ, сказалъ онъ, васъ можно принять за прекраснѣйшаго и добрѣйшаго человѣка. Какъ же это сообразить, что гдѣ бы вы ни были, вами воздѣ бываютъ не довольны? Отвѣчаю головою, что вы ужъ нашли средство обидѣть эту полудюжину бѣдныхъ монаховъ запертыхъ въ свою кѣтку окруженную водою, и что вамъ запретили быть на похоронахъ.

— Это правда, сынъ мой; и я не думаю, чтобъ злость ихъ позволила мнѣ остаться здѣсь. Я только сказалъ имъ, что съ ихъ стороны величайшее безуміе и суевѣріе думать, что посредствомъ колокола можно узнать правду, кто обокралъ церкви святаго Филляпа, и что купая помѣшанныхъ въ водоемѣ можно возвратить имъ разсудокъ; послѣ этого они тотчасъ же отлучили меня отъ своей братіи, а скоро захотятъ и исключить изъ числа живущихъ.

— Вотъ вы и попались, отецъ Климентъ! Вотъ что значитъ человѣкъ, который во все мѣшается! Тагъ я вамъ скажу, батюшка, что если бъ я не былъ съ вами такъ близокъ, то никогда бы не имѣли причины исключить меня изъ числа живущихъ. Такъ прошу васъ сказать мнѣ теперь, что вы такое имѣли сообщить мнѣ насчетъ моей дочери, а потомъ, если хотите, будьте опять сосѣдами, да только не такими близкими.

— Такъ слушай, вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ, братъ Симонъ. Молодой этотъ предводитель храбръ, честолюбивъ, онъ взираетъ съ гордостью на свою власть и славу, однако всему этому предпочитаетъ дочь твою.

— Кто? Конэчеръ? Бѣглый мой подмастерье! смѣетъ думать о моей дочери?

— Ахъ, Господи! Какъ сильна гордость человѣческая! она унижается около насъ какъ плющъ около стѣны, и ничто въ мірѣ не можетъ оторвать его. Посмотри на дочь свою, мой добрый Симонъ! увы! это теперь невозможно. Сильный и могущественный предводитель кельскаго клана, который впослѣдствіи падѣтся быть еще могущественнѣе, удостоиваетъ своимъ взоромъ дочь перескаго гражданина, и думаетъ, что дѣйствуя такимъ образомъ онъ унижается. Но, если говорить по свѣтски, по его, то Катерина дороже ему всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Онъ не можетъ жить безъ нея.

— Въ такомъ случаѣ, если ему угодно, онъ можетъ умереть; я далъ за нее слово и не откажусь отъ него, если бѣ даже она должна была выйти за наследнаго припца.

— Я предвидѣлъ твой отвѣтъ, и потому желалъ бы, достойный мой другъ, чтобъ для душевнаго спасенія у тебя нашлось хоть сколько-нибудь той безстрашной рѣшимости, съ какою ты ведешь твои земныя дѣла.

— Молчите, молчите, батюшка! Когда вы говорите о такихъ предметахъ, то мнѣ дѣлается страшно; отъ васъ пахнетъ тогда огнемъ и дымомъ, а я не люблю этого духу. Чтò же касается до Катерины, то постараюсь обдѣлать дѣло такъ, чтобъ не обидѣть вашего предводителя, но я благодарю Бога, что не взялъ ее съ собою и что онъ не можетъ видѣть ее.

— Такъ она должна быть очень далеко отсюда, сказалъ старый монахъ. Если же мнѣнiе и присутствiе мое кажутся опасными тебѣ, братъ Симонъ, то я остаюсь одинъ съ своими мыслями и наставленiями, которыя подвергаютъ меня опасностямъ. Теперь ты ничего не видишь, глаза твои помутнились страхомъ и мирскими надеждами, но когда они узрятъ свѣтъ и посмотрятъ на прошедшее, на того, который можетъ быть скоро уйдетъ навсегда отъ васъ, то вспомни Климента Блера, который былъ одушевлялъ только однимъ глубокимъ чувствомъ истины и добродѣтели, что онъ презиралъ, даже вызывалъ ненависть злыхъ и сильныхъ, приводилъ въ ужасъ завистливыхъ и робкихъ, и жилъ въ свѣтѣ какъ будто бы онъ не принадлежалъ ему, соглашаясь даже, чтобъ люди смотрѣли на него какъ на помѣшаннаго, только бы приобрѣсть Богу души человѣческiя. Клянусь лебомъ, что я пожертвовалъ бы всѣмъ, чтобъ приобрѣсть только любовь своихъ ближнихъ, потому что мнѣ больно видѣть какъ почтенные люди бѣгають отъ меня какъ отъ прокаженнаго; развѣ мнѣ легко переносить притѣсненiя фарисеевъ, которые называютъ меня истиннымъ еретикомъ; быть предметомъ презрѣнiя и ужасу толпы, которая считаетъ меня опаснымъ безумцемъ? Но если бѣ даже мнѣ пришлось страдать еще вдвое больше, то и тогда одушевляющiй меня огонь не погаснетъ въ груди моей и голосъ шепчущiй мнѣ: «Говори!» не перестанетъ раздаваться и прославлять имя Божiе. Горе мнѣ, если уста мои смолкнутъ для евангельскихъ истинъ, съ которыми я никогда не разстанусь, если бѣ даже мнѣ пришлось проповѣдывать ихъ на горящемъ кострѣ!

Такъ говорилъ неустрашимый монахъ, одинъ изъ тѣхъ вдохновенныхъ, которыхъ Богъ посылалъ отъ времени до времени

чтобь сохранять посреди вѣковъ невѣжества и передать будущимъ святую, чистую христіанскую вѣру.

Симонъ Глѣверъ видѣлъ, что поощунаеть не такъ, какъ слѣдуетъ, хотѣлъ послѣдовать примѣру безкорыстнаго проповѣдника, но чувство это было такъ быстро какъ молнія, которая проникаетъ въ мрачное подземелье, но не можетъ сохранять тамъ своего свѣту. Онъ сошелъ медленными шагами съ горы въ противоположную сторону отъ отца Климента, котораго скоро забылъ равно какъ и его поученія, и передалъ безпомышленную свою и дочерней участь.

XXVIII.

Когда некороткая церемонія кончилась, та же самая эскадрилья, которая вѣселою часою тому назадъ плыла къ острову грустно и торжественно, возвращалась теперь съ распушенными знаменами и со всеми знаками радости и веселья, потому что некая была терять времени; слѣдовало снѣшить праздновать посвященію новаго предсѣдателя: время назначенное для сраженія между горцами альпскаго плана и ихъ страшными противниками было уже недалеко. Рѣшено было что тотчасъ послѣ похоронъ будутъ праздновать посвященіе Иова Макъ-Яна.

Иные стали возражать противъ этого распоряженія и говорить, что это дурное презнаменованье. Но съ другой стороны надо было взять въ соображеніе привычки и чувства горцевъ, которые до-сихъ-вѣръ еще смѣшиваютъ веселье и праздники съ похоронными церемоніями, какъ-будто-хотятъ разогнать грусть весельемъ. У восторженнаго этого народа не боится говорить и думать о тѣхъ, кого любилъ и потерялъ, какъ у другихъ болѣе образованныхъ народовъ. Мало того, что молодые люди хвалятся, какъ это вездѣ водится, уморшихъ прежде ихъ родителями; даже вдовы обыкновенно говорятъ о покойныхъ мужьяхъ своихъ. Шотландскіе горцы смотрять на смерть какъ на временную разлуку, и не приходятъ въ такое отчаяніе какъ въ другихъ странахъ, когда лишаются друга или родственника.

Они говорятъ о любимыхъ предметахъ какъ объ отсутствующихъ, къ которымъ они сами скоро пойдутъ на встрѣчу, и потому похоронный ниръ, какъ обыкновенно водится по всей Шотландіи, не представлялъ ничего такого, что бы не согласовалось съ радостнымъ событіемъ дня.

Новый предводитель, молодой Мавъ-Янгъ, вошелъ въ ту самую барку, которая привезла тѣло отца его и былъ оглушенъ радостнымъ пѣніемъ менестрелей, только-что отдавшихъ послѣднюю честь покойнику. На всѣхъ баркахъ раздавались радостные и торжественные гимны и восклицанія, замѣнившіе отчаянные вопли, которые такъ недавно еще перепугали всѣхъ птицъ и взволновали поверхность Тейскаго Озера.

Тысячи глазъ поднялись со всѣхъ сторонъ когда увидѣли, что молодой предводитель стоитъ на палубѣ, вооруженный съ ногъ до головы, во всемъ цвѣтѣ молодости и пылу юности, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ отецъ его. Одна изъ барокъ флотиліи не отставала ни на минуту отъ почетной барки. Ею управлялъ Торквилъ Дубъ, сѣдой великана, а сыновья его, всѣ выше обыкновеннаго человѣческаго росту, гребли веслами. Подобно осторожной любимой собакѣ сорвавшейся съ цѣпи и прыгающей около своего господина, барка управляемая молочными братьями предводителя сновала, то вправо, то влево около его барки съ ревностью того же животного, съ которымъ мы сейчасъ его сравнивали, не допуская другія лодки.

Возведенные въ высокое званіе клана, по случаю восшествія своего молочнаго брата, они доказывали буйною и даже страшною радостью участіе, которое принимали въ торжествѣ своего полководца.

Гораздо дальше и съ совершенно различными чувствами въ сердцѣ, приближалась другая ладья управляемая Бушалочемъ и его сыномъ. Въ ней сидѣлъ Глѣверъ.

— Если мы должны ѣхать до конца озера, сказалъ Симоць другу, то намъ прійдется долго грести.

Пока они разговаривали такимъ образомъ, съ барки предводителя подали знакъ, и молочные братья, или Лейхтачи, то есть, тѣлохранители опустили весла и ждали пока не подѣхала ладья Бушалоча. Перебросивъ веревку Нилю, который привязалъ ее къ рулю, они снова взяли весла, и несмотря что къ баркѣ ихъ была привязана ладья, полетѣли съ быстротою вихря. Маленькая лодочка, влекомая съ такою силой, казалось, готова была или опрокинуться или разбиться въ дребезги.

Глѣверъ началъ беспокоиться. Хотя другъ его Ниль Бушалочъ и увѣрялъ его что все это дѣлается въ честь ему, опъ всё-таки желалъ доѣхать скорѣе до берегу. Это случилось, и гораздо рань-

ше чѣмъ онъ ожидалъ, потому что мѣсто назначенное для праздника выходило только въ четырехъ миляхъ отъ острова гдѣ скоронные Джильарита.

Мѣсто это выбрали для того чтобъ сократить дорогу предводителю, который тотчасъ же послѣ обеда долженъ былъ ѣхать на восточную сторону.

На южной сторонѣ озера выходила площадь, усыпанная мелкимъ блестящимъ пескомъ, гдѣ баркамъ было очень легко пристать, а за площадью видѣтъ былъ довольно зеленый для того времени лугъ, окруженный горами покрытыми деревьями и кустарниками.

На этомъ-то лугу приготовили со всевозможною роскошью праздникъ для новаго предводителя.

Горцы, известные своимъ плетичнымъ мастерствомъ, построили для обеда большую залу или скорѣе бесѣду, въ которой могло помѣститься по-крайней-мѣрѣ двѣсти человѣкъ, а около залы несчетное множество шалашей, вѣроятно для того чтобъ ночевать послѣ праздника.

Зала была составлена изъ деревь, листьевъ, кустарниковъ и гирляндъ.

Въ этотъ-то зеленый дворецъ собрались первые лица клана, и послѣ привѣтствій и поздравленій всѣ сѣли за столъ своимъ порядкомъ.

Остальные гости помѣстились въ шалашахъ и на открытомъ воздухѣ у дерновыхъ столовъ.

Дальше стояли зажженные костры, около которыхъ безчисленное множество поваровъ бѣгало, суетилось и хлопотало. Въ большихъ ямахъ вырытыхъ въ горахъ и обложенныхъ накаленными камнями варились огромные быки, бараны и другія мяса. На деревянныхъ вертелахъ висѣли телята, поросята, которые жарились цѣликомъ. Другіе же были разрѣзаны по кускамъ и варились въ кожаныхъ котлахъ, сдѣланныхъ изъ шкуръ животныхъ. Наконецъ на горячихъ угольяхъ приготавливались лещи, лососина и логовина.

Глѣверъ нѣсколько разъ былъ на пиршествахъ горцевъ, но никогда еще ему не случалось видѣть такого варварскаго изобилія.

Однако онъ не могъ долго наслаждаться этимъ зрѣлищемъ.

Какъ только они вышли на берегъ, Бушалочъ, отвѣдя его въ сторону, сказалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что такъ какъ противъ его ожиданія ихъ не пригласили за почетный столъ, то

ниъ сѣнитъ надо позаботиться о мѣстахъ и вѣти къ столамъ закрытымъ въ шалашахъ.

Сказавъ это, возопявъ повелѣть туда Глѣвера, какъ вдругъ одинъ изъ тѣлохранителей предводителя, исполнявшій по одному должности церемоніймейстера, остановилъ его и сказалъ что-то на ухо.

— Я тоже думаю, отвѣчалъ Бушалочъ, что ни гостя ни чело-вѣка занимающаго мое мѣсто нельзя не посадить за почетный столъ.

Низъ являи въ большое строеніе, гдѣ почти всѣ мѣста были уже заняты, между-тѣмъ какъ горцы, исполняя должность лансеевъ, ставили на столъ огромныя, но простыя, блюда составляющія обѣденный ширъ. Разувѣется что молодой предводитель видѣлъ Симо-на и его товарища, но не обратилъ на нихъ ни какого вниманія, и друзей посадили на конецъ стола, гораздо ниже солонки*.

Солонка эта была не что иное какъ огромный массивный ну-сокъ стариннаго серебра, единственный предметъ цѣнности, на который стоило посмотреть и который горцы считали чѣмъ-то въ родѣ палладіума: его выставляли на показъ и употребляли только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ тотъ день когда праздновали посвященіе въ предводительское званіе.

Бушалочъ, недовольный приѣмомъ, садясь за столъ, сказалъ тихо Симону:

— Времена переходныя, другъ Симонъ. Отецъ его, да упо-коитъ Господь Богъ его душу, былъ не таковъ, у него бы на-шлось, что поговорить и съ тобой и со мной. Но помня съ вами, онъ набрался худыхъ привычекъ.

Глѣверъ не смѣлъ за шумное отвѣчать за это замѣчаніе и за-нялся разсматриваньемъ деревъ, кожъ и другихъ вещей украша-вшихъ внутренность залы.

Предметы болѣе достойные замѣчанія были молотки горнаго произведенія, стрѣлы, стальные пишаки, сѣкиры, топоры, щиты и щпаги. Все это было развѣшено по стѣнамъ.

Каждая кольчуга висѣла на оленьей, хорошо обдѣленной кожѣ,

* То что называли тогда солонкою было въ родѣ нынѣшнихъ судковъ, которымъ придавали форму фонтана, горы, башни или зѣвка. Тамъ нахо-дились подраздѣленія, куда клали соль, перецъ и другія пряности. Она сто-ла на серединѣ стола. Гостей по-знатиѣ сажали на верхній конецъ, то есть выше солонки, а гостей по проще, даже слугъ, сажали ниже солонки, то есть на конецъ стола.

что выставляло красоту оружія и предохраняло его от сырости.

— Это вооруженіе бойцовъ выбранныхъ нашимъ кланомъ, сказалъ шепотомъ Бумалотъ другу своему Симону. Какъ видишь по оружію, ихъ всего на все только двадцать-девять человекъ, а этотъ будетъ тридцатымъ; и еслибъ онъ не былъ вооруженъ теперь, то кольчуги его, мечъ и шпашакъ висѣли бъ вмѣстѣ съ остальными: къ тому жъ у него нѣтъ такого новаго шпашака, чтобъ можно было надѣть въ вербное воскресенье. Огромныя эти вооруженія назначены для Лейхтачей, на которыхъ такъ крѣпко надѣются.

— Какія славныя кожан! сказалъ Глѣверъ, у котораго страсть къ ремеслу снова пробудилась, и онъ не могъ равнодушно глядѣть на такой славной товаръ; не продастъ ли ихъ вашъ предводитель? вѣдь они пригодятся для кафтановъ, которые рыцари носятъ полъ латами.

— Развѣ я не просилъ тебя не заводить такого разговору?

— Да вѣдь я говорю теперь о латахъ, а не о кожахъ, отвѣчалъ Симонъ. Осмѣлюсь ли спросить, нѣтъ ли тутъ вооруженій работы знаменитаго нашего оружейника, Генри Смита.

— Еще лучше! отвѣчалъ Ниль. Имя этого человѣка производить то же дѣйствіе на Ичнина, что буря на поверхность овера; а между тѣмъ никто не знаетъ тому причины.

— Я угадываю, подумалъ перчаточникъ, но не сообщилъ своей мысли.

Какъ Симонъ начиналъ дважды разговоръ и дважды онъ не удался ему, то не желая и въ третій разъ подвергаться той же неудачѣ, онъ по примѣру прочихъ занялся своимъ обѣдомъ.

Судя по приготовленіямъ, читатель самъ можетъ понять, что обѣдъ состоялъ изъ самыхъ простыхъ блюдъ. Большею частію они состояли изъ говядины, которую гости, не смотря на постъ, ѣли безъ зазрѣнія совѣсти, хотя тутъ были и монахи, которые не отказались сдѣлать честь обѣду своимъ присутствіемъ. Тарелки и даже кубки были деревянные, и гости не разбирая пили изъ нихъ всевозможные напитки и даже говяжій сокъ, который считался тогда лакомствомъ. Тутъ было и молоко приготовленное на разные манеры, которое подавалось тоже въ деревянныхъ сосудахъ. Горцы очень любили и дорожили этимъ блюдомъ.

Хлѣбъ былъ первымъ лакомствомъ на этомъ пиру; но, по особенной милости, Глѣверу и другу его Нилу поднесли тоже по одному маленькому хлѣбу; ѣли же онъ малецкими охотничьими но-

жами называемыми *скинзлами*, или большими книжалами, — *дирками*, — не мало не заботясь что они прежде служили для совершенно другого употребленія. Обычай рѣзать книжалами и охотничьиими ножами водился тогда во всей Великобританіи.

У верхняго конца стола на возвышеніи стояло пустое кресло, надъ которымъ возвышался балдахинъ изъ остролистныхъ вѣтвей и плюща; на балдахинѣ висѣла шпага въ ножнахъ, а на креслахъ лежало сложенное знамя. Это было сѣдалище покойнаго предводителя; изъ уваженія къ его памяти мѣсто это осталось не занятымъ. Ичннъ сидѣлъ по ниже, на правой сторонѣ балдахина.

Если, судя по этому описанію, читатель думаетъ, что собесѣдники вели себя какъ стая голодныхъ волковъ, то онъ крайне ошибается. Напротивъ, всѣ члены кельскаго клана были внимательны другъ къ другу и вели себя вѣжливо и учтиво, что часто встрѣчаешь у первобытныхъ народовъ, особенно же у воинственныхъ, потому что это необходимо для избѣжанія ссоръ, кровопролитій и смерти.

Торквилъ Дубъ исполнялъ должность учредителя порядка: онъ разсаживалъ гостей, показывая каждому назначенное для него мѣсто, до котораго дотрогивался бѣлою палочкою, но не говорилъ ни слова.

Когда гости усѣлись, лейхтаци стали разносить и раздавать кушанья; храбрѣйшимъ воинамъ и знатнѣйшимъ членамъ клана накладывали двойную порцію, которой давали громкоо названіе *bieu fir*, то есть, «человѣческой порціи».

Когда лейхтаци кончили свою должность, то въ свою очередь сѣли за столъ и каждый взялъ себѣ по двойной порціи.

У каждаго прибора стояла вода и горсть моху, замѣнявшаго салфетку, такъ, что послѣ каждаго кушанья они, какъ на Востоку, умывали себѣ руки.

Бардъ воспѣвалъ достоинства покойнаго предводителя и выражалъ въ пѣсняхъ довѣріе клана къ добродѣтелямъ его наслѣдника.

Одинъ изъ присутствующихъ рассказывалъ исторію и радословную племени, которую выводилъ отъ Дальриадовъ. Говорятъ, что первая колонія Скоттовъ находилась сперва въ Ирландіи, въ странѣ, называемой Дальриадой. Исторія Дальриадовъ покрыта мракомъ невѣдѣнности. Въ Шотландіи изъ дальриадскаго племени считается двадцать-три короля, портреты которыхъ до-сихъ-поръ еще украшаютъ стѣны голирудскаго замка. Звонкія струны баяновъ огласили залу звуками арфы, между-тѣмъ какъ свирѣли забавляли толпу на чистомъ воздухѣ.

Древніе шотландскіе баллы играли большею частью на арфахъ, которыхъ вѣтъ больше въ горныхъ странахъ.

Разговоръ шелъ смирно, чинно и учтиво; никто не позволялъ себѣ ни малѣйшей остроты, которая бы перешла за границы приличія или возбудила бы громкій смѣхъ. Не было слышно ни одного голоса, который бы говорилъ громче другихъ, или чтобъ ктонибудь изъ собесѣдниковъ спорилъ.

Въ Перетѣ, на городскихъ обѣдахъ, Глѣверъ слыхалъ, бывало, больше шуму чѣмъ здѣсь, въ собраніи двухъ сотъ дикихъ горцевъ.

Даже вина и напитки не имѣли довольно силы, чтобъ заставить ихъ забыть законы вѣжливости и приличія.

Подаваемые напитки были различныхъ сортовъ; но вино являлось только изрѣдка и то его подносили только однимъ почетнымъ лицамъ. Симону Глѣверу снова сдѣлали честь, включивъ его въ это число избранныхъ. Правда, что хлѣбецъ и вино были единственными доказательствами вниманія предводителя; но Ниль, желая прославить гостепрѣимство своего начальника, даъ замѣтить Глѣверу, что, по его мнѣнію, это большое доказательство уваженія.

Виноградныя вина, которыя въ такомъ употребленіи теперь у горцевъ, въ то время были имъ почти неизвѣстны.

Сладкаго вина подавали очень мало; ктому жъ оно такъ было напитано сафраномъ и другими ароматическими травами, что походило скорѣе на лекарственный декоктъ чѣмъ на вино.

Пива и мѣду было вдоволь, но самое пріятное питье было брага, которой наварили бездну для такого торжественнаго случая. Однако они пили ее съ умѣренностью, вовсе неизвѣстною теперь между горцами. Когда обѣдъ кончился, первый тостъ былъ провозглашенъ въ честь покойнаго предводителя, послѣ чего по залѣ пробѣжалъ глухой говоръ похвалъ и благословеній, и монахи, присоединясь къ воплямъ, запѣли торжественныя молитвы за упокой души храбраго Макъ-Яна.

Настало глубокое молчаніе, какъ будто ожидали чего то необыкновеннаго.

Тогда Ичинъ всталъ, взошелъ съ гордымъ, мужественнымъ видомъ на возвышеніе и сказалъ съ достоинствомъ и твердостью:

— Объявляю, что имѣю право на предводительское достоинство и наслѣдство отца моего, и потому я беру ихъ. Да благословить меня Господь и да поможетъ мнѣ святой Баръ!

— **Имя** будешь управлять ты чадами отца твоего? спросилъ одинъ старикъ, дядя покойнаго Макъ-Яна.

— Я стану защищать ихъ мечемъ отца моего, и буду судить ихъ надъ змиеномъ отца моего.

Старикъ дрожавшею рукою вынулъ тогда изъ ноженъ тяжелос оружіе и, взявъ его за острие, поднесъ рукою къ молодому предводителю. Въ то же самое время Торквилъ Дубъ развернувъ знамя, сталъ вѣять имъ надъ головою Ичнна, который, съ быстротою конки и пыломъ юности, замахалъ огромною своею шпагою, имъ-будто хотѣлъ спасти его.

Раздался хоръ похвалъ, восторговъ, восклицаній, и всѣ единодушно объявляя, что признають Ичнна своимъ предводителемъ, и не было ни кого, кто бы въ храбромъ и прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, который стоялъ теперь передъ ними, хотѣлъ видѣть того, чье рожденіе предвѣщало столько горя и бѣдствій.

Пока Ичнинъ, въ блестящемъ вооруженіи и облокотясь на мечъ свой, изъявлялъ милыми жестами благодарность свою народу, восклицанія котораго раздавались по всей залѣ и по всему лугу, Глѣверу не хотѣлось вѣрить, чтобъ величественное это лицо принадлежало тому самому молодому человѣку, съ которымъ онъ обходился иногда такъ безцеремонно, и начиналъ уже бояться неприятныхъ для себя слѣдствій. Общій хоръ всѣхъ инструментовъ, всѣхъ голосовъ бардовъ, всѣхъ восклицаній и кликовъ огласилъ радостными звуками пещеры, лѣса, скалы и долины, которые такъ недавно еще повторяли горестные и отчаянные вопли тѣхъ же самыхъ людей.

Не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности и описывать продолженіе праздника; умолчимъ тоже и о тостахъ въ честь древнихъ героевъ клана и о задравныхъ кубкахъ, выпитыхъ за здоровье двадцати-деяти храбрыхъ воиновъ, которые должны были скоро сразиться въ глазахъ всего клана, подъ предводительствомъ юнаго своего полководца.

Барды, которые въ старинныя времена были и поэтами и прощателями, предсказали имъ самую блестящую побѣду, и описали въ пѣсняхъ своихъ ярость, съ какою Голубой Ястребъ (эмблема кельскаго клана) истерзаетъ въ клочки Горную Кошку, (символь чатапскаго клана).

Солнце закатывалось за горы, когда дубовый кубокъ съ серебряными обручами, называемый Кубкомъ Милости, началъ ходить вокругъ стола; это былъ знакъ, что собесѣдникамъ пора расходиться. Между-тѣмъ кому еще хотѣлось поинтересоваться, тотъ могъ удо-

вотворить это желаніе: стояло только перейти въ палатъ или на поле.

Что же касается до Симона Глёвера, то Бушалочъ свелъ его въ маленькую хижину, которая, казалось нарочно, была построена только для одного человѣка. Тамъ была приготовлена постель изъ мху и свѣжей травы, а на столѣ стояло множество блюдъ подобныхъ тѣмъ, что подавались за обѣдомъ; все это доказывало Глёверу, что объ немъ заботятся.

— Не выходи изъ этой хижины, сказалъ Бушалочъ другу своему: тебѣ назначили ее почлегомъ, но въ такую суматошную ночь можно легко лишиться такого спокойнаго уголка, а если барсукъ выйдетъ изъ норы своей, то лисица можетъ овладѣть ею.

Симона весь этотъ шумъ и крикъ дотога утомили, что онъ только и думалъ какъ-бы скорѣе добраться до постели. Онъ закусилъ, выпилъ кубокъ вина, пробормоталъ вечернюю молитву, завернулся въ плащъ и бросился на постель.

Шумъ и крикъ веселящейся толпы не долго тревожили Глёвера, потому что не прошло десяти минутъ какъ онъ уже спалъ глубокимъ сномъ, какъ-будто лежалъ на собственной своей постели въ Керфьюстритѣ.

XXIX.

Полоній. — Вѣчно говорить о моей
Шекспиръ. «Гамлетъ».

Прежде чѣмъ прощѣлъ пѣтухъ, прежде чѣмъ взошло солнце, Симонъ былъ разбуженъ знакомымъ голосомъ, который назвалъ его по имени.

— А! это ты, Ковзечеръ? вскричалъ перчаточникъ вскакнвалъ поспѣшно. Да развѣ ужъ такъ поздно?

Раскрывъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собой того, о комъ безпрестанно думалъ, и въ ту же минуту всё вчерашнiя происшествiя представились его памяти. Каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что видѣніе сохраняло все тотъ же образъ, что и во снѣ.

Это уже не былъ съ погъ до головы вооруженный предводитель, съ шпагою въ рукѣ, какимъ онъ видѣлъ его наканувѣ, но передъ нимъ стоялъ прежній Ковзечеръ, въ скромномъ одѣваніи подмастерья и съ дубовою тростью въ рукахъ. Никакое видѣніе не могло бы больше удивить перескаго гражданина.

Пока Симонъ таращилъ на него глаза, молодой человѣкъ на-

привалъ на лицо его свѣтъ фонаря, въ которомъ горѣлъ кусокъ болотнаго дерева *, и ставя его на столъ, отвѣчалъ на восклицаніе перчаточника:

— Да, отецъ Симонъ, это я, Конзечеръ, пришелъ возобновить съ тобою знакомство, въ такую минуту, когда на насъ не обратятъ большаго вниманія.

Говоря таиннымъ образомъ, онъ сѣлъ на скамейку и продолжалъ самымъ дружескимъ тономъ.

— Я пользовался твоимъ хлѣбомъ и солью, отецъ Симонъ; надеюсь, что въ семействѣ моемъ тебѣ платили тѣмъ же.

— Безъ сомнѣнія, Ичинъ Макъ-Янъ, отвѣчалъ перчаточникъ: я всегда былъ доволенъ вашимъ приѣмомъ, особенно же сегодня въ постное время; вы угостили меня очень хорошо, даже слишкомъ, потому что мнѣ стыдно, когда я вспомню, чѣмъ мы тебя кормили въ Переѣ.

Простота горныхъ нравовъ и языка не допускаетъ ни какихъ титуловъ, и потому перчаточникъ несмотря на теперешнее свое уваженіе къ Ичину, продолжалъ говорить ему ты.

— Я буду выражаться собственными твоими словами, отецъ Симонъ, и скажу, что содержаніе твое было слишкомъ хорошее для дармоѣда и для удовлетворенія нуждъ молодаго горца. Положимъ, что ты и въ самомъ дѣлѣ былъ доволенъ столомъ моимъ, но можешь ли сказать тоже самое и о приѣмѣ? Не отпирайся, я знаю, что ты не былъ доволенъ. Но власть моя надъ кланомъ еще такъ шатка, что я не хочу обращать его вниманія на времена, проведенныя мною въ низменныхъ странахъ, времена которыхъ я однако никогда не забуду.

— Я это очень хорошо понимаю, но я пришелъ сюда не по собственной волѣ, а по нуждѣ.

— Перестань, перестань, любезный Глѣверъ; я душевно радъ, что ты пришелъ посмотреть на мое горное величіе, пока оно еще не угасло. Приходи сюда послѣ Вербнаго; и кто можетъ звать, что найдешь ты и кого увидишь на этой самой землѣ. Ди-

* Въ Шотландіи и Ирландіи, въ болотахъ и рвахъ видно множество деревь лежащихъ поперекъ или косвенно, которые повидному были оторваны огнемъ отъ корней своихъ, хотя слѣды его видны только на мѣстѣ отдѣленія. Явленіе это не было объяснено удовлетворительнымъ образомъ. Дерево осталось совершенно невредимымъ, его употребляютъ для строеній и для свѣтлячковъ, которые прекрасно горятъ, потому что дерево очень смолисто.

ная конка может вырвать себя барлогу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ праздновали вчера торжество Ичниа Макъ-Ява.

Молодой человѣкъ замолчалъ и приложилъ трость къ губамъ своимъ, какъ-будто хотѣлъ удержать мысль готовую сорваться съ языка его.

— Тебѣ нечего бояться, Ичниъ, сказала Симонъ съ тѣмъ разобъясненіемъ, которое часто встрѣчаешь въ равнодушныхъ учителяхъ, когда имъ хочется отвлечь мысль друга отъ неминуемой опасности.

— Напротивъ, отвѣчалъ Ичниъ: я долженъ ожидать совершеннаго разоренія. Меня удивляетъ, что отецъ мой принялъ хитрое это предложеніе Олабени. Мнѣ бы хотѣлось оговориться съ Макъ-Джвиемъ и Чатакавомъ, и вмѣсто того чтобы проливать благородную кровь вашу, сойти вмѣстѣ съ нимъ въ Стратмуръ, перерѣзать все, что будетъ намъ сопротивляться и овладѣть потомъ страной. Я бы сталъ владѣть Пероомъ, а онъ Дѣндеемъ; тогда бы вся огромная эта долина, до самыхъ береговъ Фрита и Тайя, была бы нашею собственностью. Вотъ почитина, которую я занимаю изъ старой, съдой головы твоей, батюшка Глѣверъ; я научился ей, когда съ тарелкою въ рукахъ я стоялъ за твоимъ стуломъ и слушалъ, какъ ты разговаривалъ иногда съ судьей Крегдалемъ.

— Правду говорятъ, что языкъ самая вредная часть тѣла. Такъ это я свѣтилъ чорту и показывалъ ему дорогу! думалъ про себя перчаточникъ, но велухъ сказалъ только:

— Кажется объ этомъ поздно думать.

— Разумѣется, что поздно, отвѣчалъ Ичниъ. Къ условіямъ поединка уже приложены наши знаки и печати, а взаимныя оскорбленія и хвастовство сдѣлали изъ жгучей нашей ненависти неугасимое пламя. Да, теперь слишкомъ поздно; время уже прошло. Но поговоримъ теперь о твоихъ дѣлахъ, отецъ Глѣверъ. Ниль Бушалоць сказалъ мнѣ, что тебя преслѣдуютъ за религію. Зная твою осторожность, я не предполагалъ, чтобы ты могъ поссориться съ Церковью. Чтò же касается до моего стариннаго знакома, отца Клемента, онъ изъ числа тѣхъ восторженныхъ, которые жаждутъ мученическаго вѣнца; онъ думаетъ, что всѣ лица окруженная пылающими кострами скорѣе достойна объятій тѣмъ юная и прекрасная супруга. Онъ настоящій страствующій рыцарь, вооруженный восторженными своими вѣрваніями съ ногъ до головы, и вездѣ гдѣ онъ явится, найдетъ слу-

чай срисовал. Онь ужь успѣлъ изобрѣсти съ надими модами.
Видѣлъ ты его?

— Да, видѣлъ, только почти не говорилъ; у меня не было времени.

— Такъ, вѣроятно, онь сказалъ тебѣ, что сеть третье лицо, го-
нящее за вѣру, особа, которой слѣдовало бы скорѣе скрывать
тѣхъ тебѣ остерожному гражданину, или ему респектному про-
повѣднику, и которую приняли бы съ радостью если бь она
пришла просить нашего покровительства. Умъ твой помрачился,
старикъ, или ты не хочешь почитать меня.... Дочь твоя..... Кате-
рина....

Предводитель сказалъ это по-англійски, какъ-будто боялся, чтобъ
его не подслушали и даже замѣтно колебался объяснить мысль
свою.

— Дочь моя Катерина, сказалъ перчаточникъ, вспоминая, что
говорилъ ему отецъ Климентъ, слава Богу здорова и находится
въ совершенной безопасности.

— Да гдѣ же она?... И съ кѣмъ ты ее оставилъ?... Зачѣмъ
не пришла она съ тобою?... Развѣ ты думаешь, что въ кель-
скомъ кланѣ не найдется для услугъ дочери прежняго господи-
на ихъ предводителя, какой-нибудь столь же дѣятельной хозяйки
какъ старая ваша Доротея, которая такъ часто терла мнѣ уши.

— Сердечно благодаренъ за твое радушіе и нисколько не со-
мнѣваемся въ твою власть, ни въ твою готовность спасти
насъ съ дочерью; по одна знатная дама, другъ сэра Патрика
Чартриза, предложила ей вѣрное убѣжище, такъ, что ей не надо
было подвергаться усталости, холоду и всѣмъ неприяностямъ
дороги, особенно же теперь въ такое смутное время.

— Да, разумѣется, сказалъ холодно Ичинъ, сэръ Патрикъ Чар-
тризъ долженъ быть предпочтенъ остальнымъ твоимъ знакомымъ.
Онь, кажется, другъ тебѣ?

Свиноу Глѣверу ужасно хотѣлось, за такое притворство, на-
казать молодого человека, котораго онь каждый день и по нѣ-
скольку еще разъ бранилъ, что онь выбѣгаетъ на улицу, чтобъ
посмотрѣть только на сэра Патрика Чартриза и его сыту; но
не высказалъ своего мнѣнія и отвѣчалъ очень просто.

— Сэръ Патрикъ Чартризъ былъ семь лѣтъ нашимъ председа-
телемъ, слѣдовательно и теперь еще оставленъ, потому что вы-
боры бываютъ не постомъ, а въ день святаго Мартына.

— Ты такъ привыкъ, любезный Глѣверъ, сказалъ Ичинъ бо-
лѣ дружескимъ и болѣ развязнымъ тономъ, къ великолѣпнымъ

зрѣлищамъ, что нашъ варварскій праздникъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ты видѣлъ въ Персѣ, вѣроятно, показался тебѣ весьма ничтожнымъ: но какъ поправилась тебѣ вчерашняя церемонія?

— Я нашелъ, что она была трогательна и торжественна, особенно для меня, который зналъ твоего отца. Когда облокотился на шпагу ты гордо глядѣлъ на своихъ подданныхъ, мнѣ казалось будто вижу стариннаго моего друга Джилькрета Макъ-Яна, вышедшаго со славою и честію изъ гроба и снова возвратившаго свою силу и молодость.

— Я смѣло и бодро держалъ себя, и надѣюсь, что не далъ поводу думать, что это тотъ самый подмастерье, котораго ты имѣлъ привычку... то есть съ которымъ ты привыкъ обходиться такъ, какъ онъ заслуживалъ.

— Ичнѣ столько же походить на Конэчера, какъ лососина на *пара* *, хотя и говорятъ, что это таже самая рыба, только въ различныхъ возрастахъ, или какъ бабочка походить на червяка.

— Какъ ты думаешь, пока я принималъ власть, которую такъ страстно любятъ всѣ женщины, могъ ли я быть тогда предметомъ, на которомъ глаза дѣвушки остановились бы съ удовольствіемъ? Однимъ словомъ, что подумала бы Катерина во время этой церемоніи?

— Вотъ мы и наѣхали на мѣль, подумалъ Глѣверъ; мнѣ надо быть теперь смышленнымъ кормчимъ, а нето корабль мой разобьется о берегъ.

— Большая часть женщинъ, Ичнѣ, любятъ то, что поражаетъ взоръ, бросается въ глаза; но мнѣ кажется, что моя Катерина составляетъ исключеніе. Она бы, вѣрно, порадовалась счастью и славѣ своего стариннаго друга, товарища своего дѣтства; но величественнаго Макъ-Яна она не предпочла бы бѣдному сиротѣ Конэчеру.

— Я знаю, что она была всегда великодушна и безкорытна; но ты, отецъ Симонъ, ты, который жилъ въ свѣтѣ гораздо дольше своей дочери, слѣдовательно можешь лучше судить, что значить слава и богатство. Подумай объ этомъ и скажи мнѣ откровенно: что бы ты почувствовалъ, еслибъ увидѣлъ Катерину подъ тѣмъ балдахиномъ, подъ которымъ я стоялъ вчера, владычицею ста горъ, имѣющею право на покорность и уваженіе

* Маленькая рыба, которая говорятъ, рождается изъ лососиныхъ молокъ.

ста тысячъ вассаловъ, и въ замѣну всѣхъ этихъ наслажденій отдающую руку свою человѣку, который любить ее больше всего въ мірѣ.

— То есть, ты говоришь про себя, Конэчеръ?

— Да, называй меня Конэчеромъ. Я люблю это имя, потому что меня такъ называла Катерина.

— Такъ я скажу тебѣ откровенно, отвѣчалъ перчаточникъ, стараюсь выбирать выраженія, чтобъ не обидѣть Ичниня: что въ такомъ случаѣ я лучше согласился бы навсегда остаться съ дочерью въ уютной моей лавкѣ, и не имѣя другихъ вассаловъ кромѣ старой Доротен.

— И бѣднаго Конэчера тоже? Надѣюсь, что вы бы не оставили его томиться въ одинокомъ величин.

— Съ моей стороны было бы слишкомъ несправедливо; я не хотѣлъ лишать старинныхъ друзей моихъ, и въ такую еще критическую минуту ихъ юнаго и храбраго предводителя, ни покидать у него самого славу, которую онъ долженъ приобрести начальствуя надъ этими благородными воинами.

Чтобъ скрыть досаду, Ичнинъ закусилъ губу.

— Это только одни слова, пустыя слова, отецъ Симонъ, сказалъ онъ, не заключающія въ себѣ ни какого смысла. Ты скорѣе боишься, чѣмъ любишь нашъ кланъ, и думаешь, что онъ придетъ въ негодованіе, въ ярость, если предводитель женится на дочери простаго мѣщанина.

— А если бъ я и въ самомъ дѣлѣ этого боялся, Ичнинъ Макъ-Янъ, то развѣ не былъ бы правъ? Скажи, чѣмъ кончались неровные браки Макъ-Конэчера, могущественнаго Макъ-Мояса, а даже лорда Острововъ? Чѣмъ? Разводомъ, лишеніемъ наслѣдства, а иногда еще худшая судьба ожидала честолюбивую и надменную дѣвушку, вышедшую изъ своего сословія. Ты не можешь вѣнчаться съ моею дочерью; можешь только жениться съ лѣвой стороны; а я...

Симонъ остановился, боясь сказать что-нибудь лишнее и прибавить:

— А я хотя и простой, однако честный человѣкъ, который предпочитаетъ видѣть дочь свою законною и признанною женою гражданина своего сословія, чѣмъ объявленною любовницею первѣйшей особы въ мірѣ.

— Я женюсь на Катеринѣ по церковнымъ и гражданскимъ уставамъ, предъ лицомъ всего міра, предъ алтаремъ и черными камнями Ювы! вскричалъ пылкій молодой человѣкъ. Она любовь.

мечта моеї юности, и нѣтъ ни какихъ узъ религіи или чести, которыхъ изъ любви къ ней я бы не принялъ. Я предупредилъ моихъ вассаловъ. Если мы одержимъ побѣду.... а съ надеждою обладать Катериною, я готовъ на самыя отчаянныя подвиги; то они до того полюбить меня, что если бъ я даже захотѣлъ жениться на комъ ни попало и привелъ къ себѣ жену мою, они приняли бы ее съ тѣмъ же уваженіемъ, какъ если бъ она была дочерью Макъ-Конэчера. Но ты отвергаешь мою просьбу, сказалъ Ичнпъ съ горечью.

— Ты выдумываешь, будто я хочу обижать тебя, сказалъ старикъ, и послѣ можешь наказать за это, потому что я нахожусь теперь въ совершенной твоей власти. Но дочь моя, по крайней-мѣрѣ съ моего согласія, никогда не выйдетъ за человѣка выше ея или званіемъ или состояніемъ. Сердце ея истомилось бы посреди безпрестанныхъ войнъ и кровавыхъ зрѣлищъ, къ которымъ предназначила тебя судьба твоя. Еслибъ ты любилъ ее истинно и помнилъ, какой ужасъ наводили на нее ссоры и кровопролитія, то не захотѣлъ бы, чтобъ она жила посреди ужасовъ войны, которая должна быть твоимъ неминувемымъ и вѣчнымъ занятіемъ, потому что ты долженъ идти по слѣдамъ отца твоего, храбраго и смѣлаго Макъ-Яна. Выбери себѣ супругу изъ дочерей предводителей вашихъ, сынъ мой, или изъ дочерей гордыхъ и благородныхъ рыцарей низменныхъ странъ. Ты молодецъ, хорошъ, статенъ, богатъ, силенъ, слѣдовательно не будешь вздыхать по пустому, и легко найдешь супругу, которая будетъ радоваться твоимъ побѣдамъ и утѣшать въ несчастіи, а Катерина боится того и другаго. Воинъ долженъ носить желѣзную перчатку, а кожаную или лайковую онъ изорветъ въ одну минуту.

Темное облако покрывало чело молодаго человѣка, который минуту тому назадъ былъ одушевленъ такимъ жгучимъ пламенемъ.

— Такъ прощай навсегда, свѣтлая надежда, сказалъ онъ: ты одна могла довести меня до побѣдъ и славы.

Сказавъ это, онъ сложилъ руки, опустилъ глаза, нахмурилъ брови, погрузился въ молчаніе, и предался своимъ глубокимъ и безотраднымъ думамъ.

Наконецъ посмотрѣвъ на Глѣвера, онъ сказалъ ему.

— Батюшка,—я могу назвать тебя отцемъ, потому, что въ дѣствѣ ты замѣнялъ его,—я открою тебѣ тайну. Благоразуміе, гордость и осторожность, совѣтуютъ мнѣ молчать, но судьба велитъ говорить, и я долженъ ей повиноваться. Я скажу тебѣ самую

сверзную тайну, которой ни одинъ человекъ не сообщалъ другому; но берегись!.... чѣмъ бы ни кончилось наше свиданіе, берегись, берегись если ты хоть полслова проронишь о томъ, что я намеренъ сообщить тебѣ; и потому знай, что если ты заговоришь объ этомъ въ самомъ отдаленномъ углу Шотландіи, то и тамъ, на такомъ разстояніи и ульшу тебя, потому что у меня есть уши, и книжалъ презитъ сердце извѣнника. Такъ слушай: я.... нѣтъ не могу.... уста не могутъ выговорить этой тайны.

— Такъ не говори, сказалъ осторожный перчаточникъ: тайна уже не есть тайна, когда она сорвалась съ языка того, кому принадлежитъ, и я вовсе не желаю такого опаснаго довѣрія, какииъ ты угрожаешь мнѣ.

— Я долженъ сказать, а ты долженъ выслушать эту тайну. Въ этотъ вопиственный вѣкъ, ты, вѣрно, и самъ сражался, батюшка?

— Только одинъ разъ, когда Англичане напали на нашъ прекрасный городъ, мнѣ приказали вооружиться и идти на защиту его, — я повиновался; это была моя обязанность, потому что всѣ корпораціи ремесленниковъ должны защищать городъ и охранять его отъ враговъ.

— Что жъ чувствовалъ ты въ это время?

— Что за вопросъ? онъ кажется вовсе не касается до того, что занимаетъ насъ теперь? спросилъ Симонъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Напротивъ; если бъ онъ не касался, я бы не сдѣлалъ его, отвѣчалъ Ичтинъ съ высокоуміемъ.

— Нѣтъ ничего легче какъ заставить старика говорить о старинѣ, сказалъ Симонъ, который, подумавъ немного, былъ душевно радъ, что разговоръ начиналъ переходить отъ дочери его къ другому предмету. Признаюсь, что въ чувствахъ испытываемыхъ тогда мною не было ничего, что бы походило на ту самоувѣренность, жажду славы и даже радость, которыми бывають одушевлены другіе, когда идутъ на бой. Я занимался всегда мирнымъ ремесломъ своимъ, велъ тихую жизнь, и когда обстоятельства требовали, не былъ трусомъ; но тутъ какъ нарочно не могъ заснуть цѣлую ночь; это было наказуе сраженія. Меня мучилъ страхъ, потому что я много слышалъ о саксонскихъ стрѣлкахъ, о томъ какъ они пускають стрѣлы на локоть дальше насъ, и что луки ихъ въ двое больше нашихъ. Когда я засыпалъ на минуту, и когда соломенка изъ матраса колола меня въ бокъ, я просыпался, вздрагивалъ и

чуть не кричалъ, думая что англійская стрѣла уже впиалась мнѣ въ тѣло. Къ утру, я до того утомился отъ болѣзни, что прекрѣпко заснулъ, какъ вдругъ городской колоколъ, призывавшій гражданъ на защиту города, разбудилъ меня. Никогда, ни прежде ни послѣ этого времени, ни какой звукъ не производилъ на меня такого страннаго впечатлѣнія какъ въ этотъ день; онъ казался мнѣ похороннымъ, роковымъ колоколомъ.

— Продолжай, продолжай, что жъ потомъ?..

— Я вооружился какъ только могъ, и пошелъ къ матери, женщинѣ съ твердою и высокою душою, которая говорила мнѣ о подвигахъ отца моего, какъ онъ защищалъ честь города, и наконецъ благословила меня. Это придадо мнѣ бодрости, и я почувствовалъ еще больше смѣлости когда очутился между моими товарищами; всѣ они были вооружены луками, потому что надо сказать тебѣ, что Пероцы извѣстны своимъ умѣньемъ управлять этимъ оружіемъ. Намъ разставили по стѣнамъ и роздали всѣмъ различныя посты.

Рыцари, оруженосцы, пажы, покрытые стальными кольчугами, сѣмшались съ нами, и принимали на себя храбрый видъ, надѣясь можетъ-быть на крѣпость своихъ латъ. Чтобы придать намъ болѣе храбрости, они объявили, что разрубить въ куски, если кто изъ насъ задумаетъ бѣжать. Старикъ Кемпъ Кинсаунскій, бывшій нашъ предсѣдатель и отецъ сэра Патрика Чартриза, былъ такъ милостивъ что лично передалъ мнѣ это объявленіе. Онъ былъ внукомъ Краснаго-Корсара, Томаса де-Лонгвила, слѣдовательно сдержалъ бы свое слово, и обратился ко мнѣ потому вѣроятно, что проведя ночь безъ сна я казался блѣднѣе обыкновеннаго и къ тому жъ былъ еще такъ молодъ.

— Какъ же подѣйствовали на тебя эти совѣты? прибавили они тебѣ трусости или храбрости? спросилъ Ичинъ, который, по видимому, слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

— Храбрости, отвѣчалъ Слмонъ, потому что я не знаю ничего въ мірѣ, что бы могло придать болѣе мужества чѣмъ мысль, что сзади тебя стоятъ человѣкъ готовый пришибить тебя, если ты забываешь какъ держать себя.

Я взошелъ довольно бодро на стѣну, и меня, какъ хорошаго стрѣлка, поставили вмѣстѣ съ другими на башню Спей. Но морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда я увидѣлъ Англичанъ, подходящихъ къ намъ въ строевомъ порядкѣ, и въ трехъ сильныхъ колоннахъ; стрѣлки ихъ шли впередъ.

Они шли твердымъ шагомъ. Нѣкоторымъ изъ насъ хотѣлось

выстрѣлить по нимъ; но намъ запретили самымъ крайнимъ образомъ, и мы принуждены были стоять неподвижно и скрываться за парашетомъ.

Когда Англичане выстроились, мнѣ снова сдѣлалось трудно дышать, и я бы много далъ, чтобъ мнѣ позволили только вернуться домой и выпить стаканъ перегнанной воды *. Но посмотрѣвъ назадъ, я увидалъ достойнаго Кемпа Кин-аунскаго съ огромнымъ самострѣломъ въ рукахъ, и подумалъ, что было бы жаль терять выстрѣлъ противъ честнаго Шотландца, когда тутъ находилось такое множество Англичанъ. Нечего было дѣлать, я остался на своемъ мѣстѣ, въ довольно выгодномъ углу.

Погода немного, я поднялъ голову, осмотрѣлся кругомъ и не видя ни одного раненнаго, исключая Джона Скамета, городского сторожа, которому стрѣла раздробила челюсть, ободрился и выстрѣлилъ въ свою очередь, стараясь попасть въ цѣль. Пока я мѣтилъ въ ряды, какой-то маленькій человекъ высунулся изъ за огромнаго щита своего и тутъ же упалъ на землю съ прострѣленнымъ плечомъ.

— Славно! славно, Симонъ перчаточникъ, вскричалъ баронъ Кин-аунскій. Да спасетъ святой Іоаннъ нашъ прекрасный городъ, храбрые мои товарищи!... закричалъ я въ свою очередь, хотя былъ тогда еще ученикомъ. И можешь ли представить себѣ, что послѣ того, въ продолженіи всего сраженія, которое кончилось бѣгствомъ неприятеля, я натягивалъ лукъ и спускалъ стрѣлы съ такимъ же хладнокровіемъ какъ будто стрѣлялъ на воздухъ, а не въ людей. Меня прославили храбрецомъ, и съ-тѣхъ-поръ я и самъ сталъ думать, что это правда. Послѣ этого я никогда не былъ на войнѣ; но никогда больше не трусилъ, и хотя подвергался другимъ опасностямъ, однако какъ благоразумный человекъ старался избѣгать ихъ; если же они были неизбежны, то я шелъ имъ навстрѣчу какъ храбрый человекъ. Только такъ можно жить и глядѣть людямъ прямо въ глаза въ Шотландіи.

— Я очень хорошо понимаю тебя; но тебѣ, зная племя, отъ котораго я происхожу и отца моего, котораго нѣтъ еще и сутокъ какъ похоронили, тебѣ трудно будетъ попать меня. Слава Богу что овъ теперь въ такомъ мѣстѣ гдѣ никогда не услышишь того, что ты сейчасъ услышишь. Смотри, отецъ, свѣтъ, освѣщающій теперь эту комнату, починаетъ уже блѣднѣть; но прежде

* Такъ называютъ водку и другіе вѣршкіе напитки.

чѣмъ онъ потявезеть, я долженъ выговорить это постыдное слово.... Такъ слушай, отецъ, я.... Трусъ! Я выказалъ наконецъ мое постыдную тайну, и безчестіе мое извѣстно постороннему человѣку.

Роковое это признаніе дѣтото измалочивало молодого человѣка, что онъ упалъ почти безъ чувствъ.

Глѣбъ, измалочивавшій страхомъ и состраданіемъ, старшимъ всѣми средствами привелъ его въ чувство, и къ счастью успѣлъ въ этомъ, только не могъ успокоить его.

Ичнѣ, закрывъ лицо обѣими руками, проливалъ горькіе потоки слезъ.

— Ради Бога, успокойся, сказалъ старикъ, и забудь это гадкое слово; какъ будто ты никогда не произносилъ его. Я лучше тебя знаю. Ты вовсе не трусъ, а только очень молодой, слишкомъ неопытенъ, и подаренъ слишкомъ живыми воображеніемъ, чтобы имѣть твердую неустрашимость съдой бороды. Если бъ кто другой сталъ отзываться о тебѣ такимъ образомъ, Ковачъ, то и изобличалъ бы его во лжи, и потому увѣряю тебя, сынъ мой, что ты вовсе не трусъ; я часто видѣлъ въ глазахъ твоихъ яркія искры храбрости и даже за сѣмля бездѣлицы.

— Да, искры гордости и гнѣву, отвѣчалъ несчастный Макъ-Янъ: но скажи, когда ты видѣлъ во мнѣ рѣшительность или присутствіе духа? Искры эти падали на низкое мое сердце какъ на льдину, которой ничто не можетъ разогрѣть. Если оскорбленіемъ гордѣсть я заставляла меня драться, то минуту спустя я бѣжалъ изъ низкой трусости.

— Отъ непривычки, отвѣчалъ Симонъ. Карабкаясь по стѣпамъ, дѣти учатся лазить на скалы. Начиная легкими поединками противъ друзей твоихъ, упражняйся каждый день въ военномъ искусствѣ, и во немногу ты привыкнешь....

— Да развѣ у меня есть время! вскричалъ вздрагивая Ичнѣ, какъ будто какая-нибудь ужасная мысль представилась его воображенію. Сколько дней остается до Вербнаго Воскресенья? И что должно тогда случиться? Со всѣхъ сторонъ огороженное рѣсталище. Шестдесятъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ отчаянныхъ, исключая одного, воиновъ, сбѣжавшихъ со всѣхъ нашихъ горъ и жаждущихъ крови враговъ своихъ.... Король, рыцари и бароны присутствуютъ при этомъ зрѣлищѣ и поджигаютъ рукоплесканіями и похвалами ихъ адскую ярость. Бойцы, какъ существа лишеныя разума, бросаются другъ на друга.... сталь блещетъ, кровь течеть!... они борются какъ дикіе звѣри; раненныхъ, даже друзья и товарищи топчутъ погами.... кровь брызжетъ, струится, руки

слабнютъ, въ глазахъ темнѣетъ, и пока въ которомъ нибудь изъ двухъ противниковъ остается хоть капля крови, тутъ не можетъ быть ни переговоровъ, ни отдыху, ни перемирія. Тутъ нельзя метать стрѣлъ изъ дали или прятаться за парашеты, но надо биться лицомъ къ лицу, до послѣдней возможности, пока оружіе не выведетъ изъ ослабншихъ рукъ. Что жъ будетъ тогда въ сущности, если одно описаніе такъ ужасно? Отвѣчай!

Перчаточникъ молчалъ.

— Да отвѣчай же, что ты думаешь?

— Я могу только жалѣть о тебѣ, Конэчеръ. Положеніе твое ужасно: происходитъ отъ такого храбраго племени, быть сыномъ такого благороднаго отца, повелѣвать по праву рожденія такимъ воинственнымъ народомъ, и не имѣть... или, скорѣе, думать, что не имѣешь,—потому что я все еще думаю, что виновате въ томъ слишкомъ высокое твое воображеніе, проувеличивающее опасность,—думать, говорю я, что не имѣешь тѣхъ качествъ, которыя находишь въ каждомъ вѣтухѣ, заслуживающемъ горсти зерна, или собакѣ, достойной куска хлѣба. Но я вотъ чего не могу сообразить: ты предлагаешь славу и величіе моей дочери, а между тѣмъ увѣрляешь, что не можешь дать сраженія, отъ котораго зависить твоя слава и величіе? Развѣ дочь моя можетъ помочь тебѣ одержать побѣду?

— Да, старикъ, можетъ! Если бъ Катерина захотѣла отвѣчать на страстную любовь мою, то увѣренность эта могла бъ сдѣлать изъ меня героя. Какъ ан грустно внутреннее убѣжденіе въ собственной слабости, но участіе Катерины вооружило бы меня смѣлостью. Если бы одержали побѣду, то умоляю тебя, дай мнѣ слово, что она будетъ моею. Да я увѣрюсь, что самъ Гау, сердце котораго такъ же твердо какъ желѣзо, которое онъ куетъ, никогда бъ не одержалъ побѣды, если бъ не былъ одушевленъ мыслью о Катеринѣ. Всякая страсть побѣждается сильнѣйшею страстью.

— Это сущій вздоръ, Конэчеръ. Мнѣ кажется, что мысль о выгодахъ, чести и власти могутъ также одушевить какъ мысль о молодой дѣвушкѣ! Стыдись, любезный другъ!

— Я самъ собѣ твердилъ то же самое, отвѣчалъ Ичинъ вздыхая: но все это бесполезно. Тогда только олень дѣлается опаснымъ, когда находится вѣстѣ съ ланью. Не знаю отчего происходитъ такая робость: отъ тѣлосложенія ли, или, какъ скажутъ вѣроятно наши горныя кальяши, отъ ланьяго молока? или это только слѣдствіе мирнаго моего воспитанія, страху, въ которомъ

ты держалъ меня, или воображенія, представляющаго себѣ гораздо большую опасность, чѣмъ есть въ сущности? Я не могу этого опредѣлить, но знаю свою слабость, и.... долженъ признаться, она такъ сильна, что я не могу опредѣлить ее. Если бы ты могъ согласиться на мои просьбы, я отказался бы отъ сана моего, отъ власти, отъ всего.... только съ однимъ условіемъ.... и предался бы тихой и спокойной жизни.

— Какъ! ты сдѣлался бы наконецъ перчаточникомъ? Можетъ ли это быть, Конзержъ? Да это, право, стоить легенды о святомъ Криспинѣ. Нѣтъ, ты не способенъ къ этому ремеслу; ты становишь портить только мои кожи.

— Не смѣйся, Симонъ, я говорю серьезно. Если я не буду въ состояніи работать, то по богатству моему могу жить и безъ этого. При звукѣ трубъ и литавръ они объявятъ меня измѣнникомъ; но я и на это согласенъ, чтобы только Катерина любила меня зато, что я предпочелъ путь мира окровавленной дорогѣ. Отецъ Климентъ научилъ насъ быть снисходительными къ свѣту, и прощать ему, когда онъ станетъ укорять насъ; упреки эти не могутъ намъ сдѣлать тогда ни малѣйшаго вреда. А ты, отецъ Глёверъ, будешь счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; сидя передъ камелькомъ своимъ....

— Остановись, Ичинъ, сдѣлай милость, остановись; сосновая вѣтвь, освѣщающая теперь насъ, ввмѣстѣ съ которою долженъ кончиться разговоръ этотъ, начинаетъ уже гаснуть; а мнѣ бы тоже хотѣлось сказать нѣсколько словъ, потому что нѣтъ ничего лучше откровенности. Какъ ты ни сердись, какъ ни плачь, какъ ни отчаявайся, а я долженъ остановить мечты твои и сказать не запинаясь, что Катерина не можетъ быть твоею. Перчатка — эмблема честности; слѣдовательно человѣку моего ремесла надо быть честнѣе другихъ, а не отказываться отъ своего слова. Катерина помолвлена, и помолвлена за человѣка, котораго ты можешь ненавидѣть, но не можешь не уважать; однимъ словомъ, она выходитъ за Генриха, оружейника. Это равный, приличный бракъ; они нравятся другъ другу, и я далъ ему слово. Лучше говорить правду, чѣмъ обманывать тебя; пожалуй, сердись на меня, если хочешь, — я въ совершенной твоей власти; но ни за что въ мірѣ не стану обманывать честныхъ людей.

Глёверъ потому только говорилъ такъ рѣшительно, что зналъ по опыту вспыльчивый характеръ своего бывшего ученика, который всегда, бывало, покорялся его твердой и непреклонной волѣ. Вспомнивъ однако, гдѣ онъ былъ, Симонъ началъ бояться.

Угасающее пламя то вспыхивало, то дрожало, то поднималось вверх и освещало как молніей лицо Ичина, который былъ блѣднѣе какъ смерть и сверкалъ глазами какъ человѣкъ въ бреду или въ сумасшествіи. Пламя затрещало и наконецъ погасло.

Оставшись въ потьмахъ, Симонъ началъ бояться, чтобъ молодой человѣкъ не задушилъ или не убилъ его; онъ зналъ по опыту, что, въ порывахъ гнѣву, онъ былъ на все способенъ.

— Смотри, чтобъ разговоръ этотъ навсегда остался тайною, лето рой себѣ лучше могла! сказалъ Ичинъ задыхающимся и трепещущимъ голосомъ.

Сказавъ это, онъ отворилъ дверь и вышелъ.

Глѣверъ вздохнулъ свободно, какъ-будто тяжелая гора свалилась съ плечъ его; онъ радовался, что опасный этотъ разговоръ кончился такъ мирно и такъ благополучно.

Однако онъ былъ глубоко огорченъ положеніемъ молодого человѣка.

— Бѣдный юноша! подумалъ онъ: стоять такъ высоко и пасть такъ низко! Вѣдь это для меня не новость; я давно замѣчалъ, что Конэчеръ любить больше ссориться чѣмъ драться. Но я не могу постичь такой венмовѣрной трусости, которой ни что въ мірѣ не можетъ побѣдить, ни стыдъ, ни даже необходимость. И предлагаетъ еще руку моей дочери, какъ-будто жена должна запастись храбростью и для себя и для мужа! Нѣтъ, нѣтъ! Катерина должна выйти за человѣка, которому бы могла сказать: «Пошади врага своего», а не за такого, за котораго ей еще придется упрашивать и обращаться къ великодушію врага, чтобъ онъ помиловалъ ее мужа.

Наконецъ, утомленный размышленіями, старикъ заснулъ.

На другое утро Бушалочъ разбудилъ его и предложилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ возвратиться въ его хижину, стоящую тамъ, гдѣ Тей вытекаетъ изъ озера. Онъ сказалъ, что предводитель не можетъ принять, и старался извинить его, прибавивъ, что онъ занятъ приготовленіями къ бою. Ичинъ Макъ-Янъ думаетъ, говорилъ онъ что Симону Глѣверу нигдѣ не можетъ быть лучше какъ у Нилъ Бушалоча, гдѣ воздухъ будетъ полезенъ для его здоровья, и что онъ отдалъ приказаніе удовлетворять всѣ желанія Симона.

Нилъ Бушалочъ съ намѣреніемъ распространился насчетъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ; ему было совѣстно за своего предводителя, который отправлялъ гостя, не давъ ему даже особой аудіенціи.

— Отецъ его лучше умѣлъ обходиться, продолжалъ Нилъ: но гдѣ было научиться ему обхожденію? Вѣдь бѣдный этотъ моло-

дой человекъ ничего не видалъ кромѣ вашего города, гдѣ, исключая тебя, другъ Глѣверъ, никто не знаетъ, что такое вѣжливость.

Можно представить себѣ, что Глѣверъ вовсе не сердился за невниманіе, которымъ былъ такъ недоволенъ другъ его. Напротивъ, онъ предпочиталъ спокойное жилище Ниля шумному гостепримству Макъ-Яна, если бъ даже и не имѣлъ съ Ичиномъ разговору, котораго, вѣроятно, не желалъ снова возобновлять.

Друзья отправились къ Нилю, гдѣ Глѣверъ, если бъ не беспокоился о Катеринѣ, могъ бы довольно пріятно провести время. Онъ катался по озеру, ловилъ рыбу съ однимъ молодымъ горцемъ и приставалъ часто къ маленькому острову, гдѣ посѣщала могилу старпшинаго друга своего Джилькрита Макъ Яна.

Симонъ въ скоромъ времени приобрѣлъ дружбу монаховъ, подаривъ пару касторовыхъ перчатокъ пріору, а остальнымъ монахамъ по парѣ перчатокъ изъ кожи дикой кошки.

По вечерамъ онъ раскладывалъ свои кожи, изъ которыхъ дѣлалъ эти маленькіе подарочки, кроплъ, шилъ и рассказывалъ баллады и легенды, которыми имѣлъ даръ сокращать время. Семейство Ниля окружало его, восхищалось его ловкостью управлять поживцами и иглою и слушало его исторій. Такимъ образомъ время проходило незамѣтно и весело.

Надо сказать, что осторожный перчаточникъ избѣгалъ разговоровъ съ отцомъ Климентомъ, котораго считалъ совершенно напрасно виновникомъ своего несчастья.

— Изъ угожденія къ его капризамъ, думалъ онъ, я не стану жертвовать дружбою этихъ добрыхъ монаховъ, которые могутъ мнѣ пригодиться. Онъ можетъ быть спокоенъ; проповѣди его надѣлалъ мнѣ довольно вреда. Я не сдѣлался отъ нихъ умнѣе, а только бѣднѣе. Нѣтъ, нѣтъ, Катерина и онъ могутъ думать какъ имъ угодно; но я воспользуюсь первымъ случаемъ и возвращусь въ Перръ, гдѣ истиннымъ раскаяніемъ и большою пенею докажу Церкви, что всегда былъ ея ревнителемъ, и она проститъ меня.

Прошло болѣе двухъ недѣль какъ Глѣверъ жилъ у Бушалоча и не получалъ еще писемъ ни отъ дочери ни отъ Генри Смита, которому, вѣроятно, думалъ онъ, сэръ Патрикъ сообщилъ его планы и мѣсто, куда онъ намѣренъ былъ отправиться. Онъ зналъ, что храбрый Гау, по причинѣ разныхъ ссоръ съ горцами и именномъ съ Ичиномъ, пока онъ еще назывался Конзчеромъ, не могъ входить во владѣнія кельскаго клана; но ему казалось, что Генри могъ бы писать къ нему и дать знать о себѣ черезъ курьеровъ,

которую безпрестанно ткнули отъ дѣра въ лѣву и отъ лѣва по дѣру, для окончательныхъ условій боя.

Это было въ половинѣ марта, и Вербное Воскресеніе было уже не далеко.

Между-тѣмъ изгнанный перчаточникъ ни разу не видалъ еще бывшаго своего ученика, хотя все, что окружало его, доказывало, что онъ не забывалъ и думалъ о его спокойствіи.

Но всякій разъ, когда звуки охотничьихъ роговъ предводителя раздавались по лѣсу, Глѣверъ направлялъ шаги свои въ противоположную сторону.

Несмотря на то, однажды утромъ судьба столкнула его почти лицомъ къ лицу съ Ичникомъ, и такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ избѣжать этой встрѣчи. Вотъ какъ это случилось:

Глѣверъ, погруженный въ думы, гулялъ по лугу, окруженному высокими деревьями и кустарниками, какъ вдругъ бѣлая лань, преслѣдуемая двумя охотничьими собаками, выбѣжала изъ лѣсу. Одна схватила ее за бокъ, а другая за горло. Она унала въ двухъ-стахъ шагахъ отъ перчаточника, который вздрогнулъ отъ такого неожиданнаго случая. Въ ту же минуту пронзительный звукъ роговъ и лай гончихъ объявили ему, что охотники, преслѣдующіе лань, не далеко; и въ самомъ дѣлѣ, онъ слышалъ ихъ голоса и хрустъ шаговъ по валежнику. Если бь Симонъ раздумалъ хорошенько, то убѣдился бы, что ему слѣдовало или оставаться на своемъ мѣстѣ или удалиться медленными шагами, такъ, чтобы молодой предводитель, по расположенію духа, могъ или поговорить съ нимъ или ѣхать далѣе. Но желаніе избѣгать Ичнина превратилось въ немъ въ какое-то непреодолимое, инстинктивное чувство, и онъ, не будучи въ состояніи побѣдить своего страха, бросился въ кустарники, гдѣ его никакъ нельзя было увидѣть.

Только что Глѣверъ успѣлъ опомниться, какъ Ичникъ, съ разгорѣвшимися отъ движенія щеками, вышелъ изъ лѣсу, сопровождаемый молочнымъ отцомъ своимъ, Торквилемъ Дубомъ, который съ обыкновенною своею силою и ловкостью перевернулъ на спину борящуюся еще съ собаками лань, прижалъ ее колѣномъ, схватилъ правою рукою за переднія ея ноги и, подавая лѣвою охотничій ножъ предводителю, какъ-будто говорилъ: «Убей ее!»

— Нѣтъ, не могу, сказалъ Ичникъ, убей ее самъ. Она такъ похожа на ту, которая меня вскормила.

Онъ сказалъ это съ грустною улыбкою и съ слезами на глазахъ.

Торквилъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на своего юнаго пред-

водителя какъ-будто не хотѣлъ вѣрять глазамъ, и поднявъ ношу вознилъ его съ такою силою и умѣньемъ, что острее дошло до самой кости.

Торквилъ всталъ тогда и, устремивъ пронизательный взоръ на Ичнина, сказалъ:

— Вотъ какова была бы участь человѣка, если бъ онъ услышалъ только, что молочный сынъ мой говоритъ о бѣлой лани и присоединяетъ ее къ имени Гектора.

Если бъ у Глѣвера не было прежде причины скрываться, то слова Торквила подтвердили бъ ему, что осторожность не лишняя вещь.

— Я не могу долѣе скрывать, говорилъ Ичнинъ, это скоро будетъ всѣмъ извѣстно.

— Скрывать? чего не можешь ты скрывать? Что такое будетъ всѣмъ извѣстно? спросилъ удивленный Торквилъ.

— Онъ говоритъ о своей роковой тайнѣ, думалъ Симонъ: и если совѣтникъ разболтаетъ теперь, то и мнѣ придется быть отвѣтчикомъ за срамъ Ичнина.

Мучимый этимъ новымъ страхомъ, онъ воспользовался однако своимъ положеніемъ и сталъ наблюдать, что происходило между предводителемъ и его совѣтникомъ.

Пока Торквилъ слушалъ, Ичнинъ упалъ къ нему въ объятія и положивъ голову на плечо ему, кончилъ исповѣдь свою шопотомъ и прерывистымъ голосомъ.

Торквилъ слушалъ его съ удивленіемъ и, казалось, не вѣрилъ ушамъ своимъ. Чтобъ удостовѣриться точно ли онъ говоритъ со своимъ воспитанникомъ, онъ приподнялъ его и поддерживая за плечи сталъ пристально всматриваться въ него неподвижными и вытаращенными глазами. Когда старикъ выслушалъ юношу, то лицо его приняло такое суровое и дикое выраженіе, что Симонъ вздрогнулъ сперва за себя, а послѣ за Ичнина.

Глѣверъ боялся, чтобъ старикъ не оттолкнулъ отъ себя Ичнина, какъ обезчещеннаго и недостойнаго человѣка: въ такомъ случаѣ онъ, пожалуй, могъ упасть въ кусты гдѣ сидѣлъ самъ перчаточникъ, а это могло быть ему очень непріятно и даже очень опасно. Но страсть Торквила къ его питомцу приняла совершенно другой оборотъ.

— Нѣтъ, я не вѣрю! это не правда, говорилъ онъ. Можетъ ли это быть, чтобъ сынъ твоего отца... сынъ твоей матери... а главное, мой сынъ!... Нѣтъ, вѣтъ; это ложь, клевета!... Я готовъ биться до послѣдней капли крови съ тѣмъ, кто осмѣлится под-

держатъ такую лошъ! Тебя сглазали, милое дитя, а слабость, которую ты называешь трусостью, есть не что иное какъ чары колдовства. Я помню какъ летучая мышь, въ минуту твоего рожденія, погасила свѣтлыиикъ освѣщающій первые шаги твоей жизни... Это былъ день горя и радости. Но успокойся, дорогой мой Гекторъ, мы пойдемъ съ тобою къ Яну, и добрый свѣтитель Коломба, который всегда любилъ и охранялъ родъ твой, съ прѣчетомъ всѣхъ святыхъ и ангеловъ, вырветъ изъ груди твоей сердце бѣлой лани и возвратитъ то, что у тебя похитили.

Ичигъ слушалъ старика и казалось хотѣлъ вѣрить утѣшительнымъ словамъ его.

— Слушай, Торквилъ, сказалъ онъ, положимъ, что молитвы святыхъ и спасутъ меня, но роковой день уже близокъ, и я боюсь опозорить васъ.

— Это невозможно!... вскричалъ Дубъ. Адъ не можетъ торжествовать до такой степени!... Мы опустимъ твою шпагу въ святую воду, осѣнимъ шлемъ твой травами уничтожающими чары, окружимъ тебя... и ты, находясь посреди твоихъ молочныхъ братьевъ, будешь въ совершенной безопасности какъ въ стѣнахъ неприступнаго замка.

Предводитель прошепталъ еще что-то, и такъ тихо что Симонъ не могъ слышать. Но отвѣтъ Торквила, который говорилъ твердымъ и громкимъ голосомъ, явственно дошелъ до его слуха.

— Да, Гекторъ, у меня есть средство избавить тебя отъ поединка. Ты моложе всѣхъ изъ защитниковъ нашего клана... Выслушай меня, и ты увидишь, какъ сильна любовь отца твоего и какъ превышаетъ она всѣ остальные чувства... Младшаго изъ защитниковъ чатанскаго клана зовутъ Феркхардомъ Дайемъ. Отецъ его убилъ моего отца, и кровь его еще дымитъ между нами. Я ожидалъ съ нетерпѣнiемъ Вербнаго Воскресенья, думая что оно будетъ днемъ искушенья, и сотретъ слѣды нашей крови... Но, напряги теперь все твое вниманье!... Еслибъ кровь Феркхарда Дайя и мою влили въ одинъ и тотъ же кубокъ, ты бы, вѣрно, подумалъ, что она не можетъ смѣшаться съ моею; но вышло иначе. Феркхардъ устремилъ влюбленный взоръ на единственную дочь мою Евву, прекраснѣйшую изъ всѣхъ нашихъ дѣвушекъ. Представь себѣ, что я почувствовалъ, когда узналъ эту новость. Это было все равно какъ еслибъ волкъ ферранскихъ лѣсовъ сказалъ мнѣ: — Торквилъ, отдай за меня дочь свою. Евва же не такъ думаетъ; она любитъ Феркхарда, и проводитъ цѣлые дни въ слезахъ. Она такъ бонется, чтобъ его не убили во время сраженія.

что затѣтно слабѣть и бѣдѣвать. Если Ева скажетъ ему одно благосклонное слово, то я твердо убѣжденъ что Ферххардъ отпадетъ тогда отъ своихъ родныхъ, отъ клана, отъ всего и убѣжитъ съ нею въ пустыню.

— Такъ если на полѣ сраженія не будетъ младшаго изъ Чатанскаго клана, то и мѣ какъ младшему изъ кельскаго можно тоже не принимать участія? спросилъ Ичннъ, краснѣя отъ стыда, что принималъ такое постыдное средство къ спасенію.

— Теперь, предводитель, сказалъ Торквилъ, ты можешь судить о моей къ тебѣ привязанности... Другіе, можетъ быть, пожертвуютъ для тебя жизнью своею и дѣтей своихъ, я же отдаю тебѣ честь моего семейства.

— Другъ! отецъ! вскричалъ Ичннъ ожимая Торквила въ своихъ объятіяхъ. О! какое я низкое, презрѣнное существо! какъ могу я принимать отъ тебя такую жертву?

— Перестань, Ичннъ! лѣса могутъ насъ подслушать.... Вернемся теперь въ лагерь и пошлемъ за нашею дичью.... Назадъ! сюда! вскричалъ онъ обращаясь къ собакамъ.

Когда перчаточникъ, потерявъ ихъ совершенно изъ виду, и душевно радуясь ихъ уходу, всталъ и пошелъ такъ скоро какъ позволяли ему лѣта, въ противоположную сторону, то сталъ размышлять о вѣрности и преданности Торквила, которому не могъ довольно надивиться.

— Какъ вѣрны и благородны эти горцы, думалъ онъ. Человѣкъ этотъ походитъ скорѣе на героя романа чѣмъ на существо созданное изъ такой же плоти какъ мы грѣшныя; а между тѣмъ христіане могли бы поучиться у него вѣрности. Однако послѣдняя его выдумка доказываетъ, что онъ довольно простъ: похитить человѣка изъ вражескихъ рядовъ! какъ-будто въ цѣломъ кланѣ не найдется человѣка готоваго замѣнить его.

Такъ разсуждалъ нашъ перчаточникъ; но онъ не зналъ, что въ это время горцамъ обонхъ клановъ, якъ родственникамъ, знакомымъ и слугамъ было объявлено въ настрожайшей прокламаціи не подходить къ Пероу и въ продолженіи семи дней остававшихся до сраженія останавливаться въ пятнадцати миляхъ отъ города; а чтобъ приказаніе было исполнено, правительство окружило его войскомъ.

Возвратясь къ Бушалочу, другъ нашъ Симонъ узналъ отъ отца Клементя еще другія болѣе пріятныя новости.

Клементъ, возвращаясь на югъ, пришелъ въ одеждѣ странника

проститься съ товарищемъ своего изгнанья или взять его съ собою въ спутники.

— Что за причина, что вы собрались такъ поспѣшно, спросилъ Глѣверъ, и въ такое еще мѣсто гдѣ васъ ожидаетъ неминуемая опасность.

— Развѣ ты не слышалъ, отвѣчалъ отецъ Климентъ, что графъ Марчъ и Англичане его союзники бѣжали въ Англiю отъ Дугласа, который по добротѣ души своей сжалился надъ бѣдствiями государства, написалъ королю и упросилъ его, чтобы онъ отменилъ приказанiе данное комиссiи противъ еретиковъ. Бѣльшая часть изъ находящихся теперь при дворѣ бароновъ и рыцарей, въ томъ числѣ и сэръ Патрикъ Чартризь, вашъ достойный предсѣдатель, присоединились къ Дугласу, а герцогъ Ольбени, по доброй ли волѣ или только изъ политики, право не знаю, тоже на это согласился. Нѣтъ ничего легче какъ уговорить короля на что-нибудь доброе; онъ такъ кротокъ и снисходителенъ. Такъ притѣснителямъ нашимъ подпилили теперь зубы и вырвали добычу изъ когтей.... Идешь ты со мной, Симонъ, или остаешься еще на нѣкоторое время?

Ниль Бушалочъ избавилъ друга отъ веловкаго отвѣту, сказавъ что предводитель велѣлъ задержать Глѣвера до тѣхъ-поръ пока войска не отправятся въ Перѣъ.

Перчаточнику показалося, что такой отвѣтъ не совсѣмъ сходствуетъ съ совершенною свободою; но онъ объ этомъ не слишкомъ заботился, потому что имѣлъ благовидный предлогъ отдѣлаться отъ монаха.

— Вотъ примѣрный человѣкъ, сказалъ онъ Нилу, какъ только отецъ Климентъ ушелъ. И ученый и святой, такъ, что, право, становится жалко, что онъ избавился отъ костра; проповѣданъ его посреди пламени и дыму вѣрно бѣ обратили цѣлыя тысячи народу. Но къ чему послужило бѣ жечь такого бѣднаго невѣжду какъ я? Вѣдь вмѣсто оимiаму нельзя предложить старыхъ перчатокъ, а сырыми кожами тоже нельзя возжигать жертвенниковъ. Если говорить правду, я слишкомъ мало знаю и слишкомъ боюсь огня, чтобы онъ могъ доставить честь и привести мнѣ хоть какую нибудь пользу; изъ чего слѣдуетъ, что я бы одинъ пострадалъ.

— Истинная правда, отвѣчалъ Бушалочъ.

XXX.

Мы должны воротиться къ особамъ, которыхъ оставили въ Перѣъ, когда слѣдили за Глѣверомъ и его дочерью по дорогѣ

въ Кингаунъ, а отсюда путешествіе Симона къ озеру Тей. Мы должны обратить вниманіе на принца и другихъ знатныхъ людей.

Горчій и легкомысленный молодой человекъ нетерпѣливо спросилъ зреть у лорда конетабля, который былъ для него товарищемъ, стоящимъ уваженія; но принцъ видѣлъ въ немъ только тюремщика.

Поссорившись съ дядею, разсердивъ отца, онъ конечно тушилъ о сэрѣ Джонѣ Раморни, съ которыми привыкъ веселиться. Онъ послалъ сказать, что будетъ ждать его, если здоровье позволитъ, и приказалъ пріѣхать водою къ павильону конетабляскаго сада, который выходилъ на Тей. Возобновляя съ Раморни опасныя сношенія, принцъ помнилъ только, что сэръ Джонъ былъ для него свисходительнымъ пріателемъ.

Раморни со своей стороны помнилъ только обиды, которыя получилъ отъ своего господина, потерю руки, и легкомысленное сужденіе объ этомъ несчастіи, и наконецъ помнилъ, какъ поспѣшно Роесай отказался защищать его въ дѣлѣ объ убійствѣ шляпочника. Онъ горько улыбнулся, когда прочиталъ записку принца.

— Эво, сказалъ онъ, приготовь большую лодку и выбери шестерыхъ вѣрныхъ людей.... только, смотри, вѣрныхъ.... Не теряй ни минуты; и пришли сюда Двиннига....

— Небо улыбается намъ, сказалъ сэръ Джонъ врачу. Я выбивался изъ силъ, чтобы придумать хорошее средство достигнуть до этого ребенка, а теперь онъ самъ приглашаетъ меня къ себѣ сегодня вечеромъ.

— Хмъ! ясно вижу въ чемъ дѣло, возразилъ Двиннигъ. Небо улыбается страшнымъ послѣдствіямъ этого приглашенія.... Ха, ха, ха!

— Всѣ-равно, онъ попался, и у меня есть приманка, за которою онъ выйдетъ изъ своей пустыни.... И это не трудно.... онъ ужасно скучаетъ и на все рѣшится. Приготовься въ путь.... ты поѣдешь съ нами.... Напиши ему.... вѣдь я самъ не могу писать.... что мы скоро пріѣдемъ къ нему.... Только напиши хорошенько. Онъ отлично читаетъ и обязанъ этииъ мнѣ же.

— Онъ много еще выучится у васъ передъ своею смертью.... Ха, ха, ха! Но вѣренъ ли вашъ договоръ съ герцогомъ Ольбени.

— Онъ удовлетворяетъ моему честолюбію, твоей жадности и нашей общей мстительности. Ѣдемъ, Ѣдемъ скорѣе! Эво, захвати нѣсколько бутылокъ лучшаго вина и холоднаго мяса!

— А ваша рука, милордъ сэръ Джонъ? Не беспокоитъ она васъ?

— Біевіе сердца ушчтожасть боль моеї раны.... Сердце, кажется, хочет выскочить отъ нестерпівія.

— Не дай Богъ!.... сказалъ Двиннигъ и тутъ же подумалъ:

— Странное бы это было зрѣлище и жаль бы я анатомировать сердце Раморин; но боюсь, пожалуй, я сломаю вой свои инструменты о каменную оболочку этого жестокаго сердца.

Черезъ нѣсколько минутъ они сѣли въ лодку, между-тѣмъ какъ нарочный бѣжалъ къ принцу съ отвѣтомъ.

Россай, отобѣдавъ, мрачно сядѣлъ съ конетаблемъ и молчалъ. Графъ только-что спросилъ, не прикажетъ ли принцъ убирать со стола, какъ молодому человѣку подали письмо, которое произвело въ немъ благопріятную перемену.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ. Я пойду въ садъ... въ павильонъ.... конечно, если позволитъ милордъ конетабль.... Я приду тамъ моего прежняго шталмейстера.

— Милордъ? вскричалъ графъ Эроль.

— Послушайте, милордъ! неужели я два раза долженъ спрашивать позволенія?

— Нѣтъ, конечно нѣтъ, ваше высочество, отвѣчалъ конетабль: но вспомните.... сэръ Джонъ Раморин....

— Надѣюсь, онъ не чума? возразилъ Россай. Полноте, Эроль, неужели вы хотите играть роль строгаго тюремщика. Это не въ вашемъ характерѣ.... Прощайте на полчаса.

— Новая шалость! сказалъ Эроль, между-тѣмъ какъ принцъ отворялъ дверь и выходилъ въ садъ. Какъ можно принимать этого бездѣльника.... Но принцъ ослабленъ.

Принцъ между-тѣмъ воротился и поспѣшно сказалъ:

— Пожалуйста, пришлите въ павильонъ одну или двѣ бутылки вина и что нибудь легкѣе покусать.

Конетабль поклонился и тотчасъ же приказалъ снести все это въ павильонъ. Такимъ образомъ сэръ Джонъ Раморин увидѣлъ прекрасно накрытый столъ, когда вышелъ на берегъ.

— Миѣ очень жаль видѣть ваше высочество подъ арестомъ, сказалъ Раморин съ прекрасно сыграннымъ участіемъ.

— Ваше горе миѣ тоже горе, отвѣчалъ принцъ. Правда, Эроль пречтѣнный человѣкъ, но онъ ужасно наскучилъ миѣ своею важностью и разговоромъ, который очень похожъ на уроки нравственности.... Однимъ словомъ, я соскучился.... Если миѣ нечего ожидать отъ васъ хорошаго, я по-крайней-мѣрѣ повеселюсь. Но прежде всего скажу вамъ, Раморин, что пропшествоіе ночи на за-

говѣние прескверное дѣло. Надѣюсь, вы не дали поводъ къ этому убійству.

— Клянусь честью, милордъ, это была только ошибка снота Вентрона. Я сказалъ ему, что надобно побить чужака, который отрубилъ мнѣ руку; а онъ пошопенекъ сдѣлалъ двойную ошибку.... принялъ одного человѣка за другаго, а вмѣсто жалки употребилъ сѣкиру.

— Хорошо, что это еще такъ кончилось. Не беда, что убили шлюпочника; но смерти кузнецца я никогда не простилъ бы вамъ.... Во всей Британіи нѣтъ подобнаго ему.... Надѣюсь, мерзавца повѣсина довольно высоко?

— Если тридцати сутокъ камутся вамъ достаточными.... отвѣчалъ Раморни.

— Ну, нельзя говорить о шегъ.... одно или мерзавца придется этому вину вкусъ крови.... Что въ Перей новаго, Раморни?.... Что подѣлываютъ наши милыя пріятельницы и веселые товарищи?

— Теперь и не думаютъ о весельи, ваше высочество, возразилъ рыцарь. Всѣ слѣдятъ за движеніями Чернаго Дугласа, который съ пятью тысячами избраннаго войска идетъ, чтобы разобрать наши дѣла. Говорятъ, онъ опять будетъ намѣстникомъ королевства. Конечно, многіе подали голосъ въ его пользу....

— Такъ пора же мнѣ освободиться; нето дадутъ пожалуй тюремщика по строже графа Эрля, сказалъ Россай.

— Ахъ, милордъ! если бы вы ушли отсюда?.... Вамъ легко собрать приверженцевъ и идти противъ Дугласа.

— Раморни, серьезно сказалъ прищъ, я едва помню ваме ужасное предложеніе, которое вы недавно сдѣлали мнѣ. Берегитесь давать мнѣ подобные совѣты.... Я хочу быть свободнымъ, но никогда не подниму оружія противъ моего отца или довѣренныхъ ему особъ.

— Я говорилъ только о собственной вашей свободѣ, отвѣчалъ Раморни. Если бы я былъ на мѣстѣ вашего высочества, то сейчасъ бы сѣлъ въ лодку, которая стоитъ такъ на Теѣ, спокойно побѣжалъ бы въ Фейвъ, гдѣ васъ ждутъ друзья, и устроился бы въ Фальклендѣ. Это королевскій замокъ, и хотя отецъ вашъ подарилъ его герцогу Ольбени, однако вы вѣдь можете жить въ домѣ таюого близкаго родственника.

— Онъ тоже вольно обращался съ моими пмѣніями, сказалъ герцогъ: но пойтейте, Раморни.... пойтейте.... Кажется, Эрль говорилъ, что леди Марджорей Дугласъ, которую называютъ гер-

потенно Россей; въ Фальклендъ? Я не хочу жить съ нею подъ одной крышей, но не желаю тоже обидѣть ее и выгнать изъ замка.

— Она могла танцъ; но я получила вѣрныя извѣстія, что леди Марджорей поѣхала встрѣтить отца, възражалъ Раморинъ.

— А! она можетъ возмутить Дугласа противъ меня? или возмутитъ для меня побѣду, если я на войнѣхъ стану просить мѣста въ ея востелѣ, точно сарацннскій эмиръ, который вступилъ въ бракъ съ дочерью султана. Раморинъ, я послѣдую призывамъ сынагу Дугласа, который говоритъ: «Лучше слушать пѣніе лавроножа нежели визгъ ныши.» * Я не дамъ наложить на себя цѣпи на руки и на ноги.

— Вамъ всего лучше вѣхать въ Фальклендъ. У меня довольно людей, чтобы защищать васъ. Если же вашему высочеству угодно будетъ уѣхать оттуда, то вы тремя дорогами въ короткое время достигнете до морскаго берегу.

— Да, правда.... Но мы попрежнему тамъ со скуки... Тамъ нѣтъ веселья, музыки, дѣвушекъ.... сказала легкомысленный принцъ.

— Извините, благородный герцогъ; но хотя леди Марджорей Дугласъ и уѣхала, точно героиня романа, просить у отца помощи, въ Фальклендъ есть однако дѣвушка гораздо моложе.... осмѣливаюсь сказать... гораздо любезнѣе ея.... Если этой дѣвушки еще нѣтъ тамъ, то она скоро прійдетъ.... Ваше высочество, вѣрно, не забыли перескую красну дѣвицу.

— Забыть первую красавицу всей Шотландіи!.... Нѣтъ.... я не забылъ ея, также какъ и то, съ какою силою вы употребили въ дѣло свою руку въ день святаго Валентина.

— Я употребилъ руку?... Вы хотѣли сказать, я потерялъ руку... Катерина Гибверъ въ Фальклендъ, или скоро будетъ тамъ.... это также вѣрно какъ и то, что я никогда больше не буду имѣть правой руки.... Я не сообщу вашему высочеству, если скажу, что она надѣется увидѣть васъ тамъ.... Но главное ея желаніе стать подъ покровительство леди Марджорей.

— Ахъ, она извѣстница!.... вскричалъ принцъ. Она переходитъ къ моему неприятелю и стоитъ наказанія?

— Надѣюсь, ваше высочество накажете ее пріятнымъ образомъ, возразилъ рыцарь.

— Право, я давно хотѣлъ быть ея исновѣдникомъ; но она всегда противилась!

* То есть, это значитъ, лучше жить въ лесу нежели отдаться въ заключеніе.

— У васъ не было хорошаго случая, милордъ, сказалъ сэръ Джонъ, а теперь не надобно терять времени.

— Да, я теперь очень расположенъ пошлать; но мой отецъ....

— Онъ въ безопасности и совершенно свободенъ, между тѣмъ какъ ваше высочество....

— Долженъ носить цѣпи.... по-крайней-мѣрѣ Гинемей Знаю... Вотъ Дугласъ придетъ со своею дочерью, которая надменна и не красива точно отецъ.

— А въ Фальклендѣ живетъ въ одиночествѣ первая красавица всей Шотландіи, сказалъ Раморни: здѣсь только наказаніе и лишенія, тамъ же веселье и свобода.

— Да вы уже уговорили меня, возразилъ Россай: но, осмотрите, это послѣдняя моя шалость.

— Я думаю, сказалъ Раморни. Если вы будете свободны, то уже помиритеcь съ отцомъ.

— Я напишу ему, Раморни.... Дай, что нужно для письма.... Нѣтъ, я не могу писать теперь... не могу передать своихъ мыслей.... Напишите вы.... пожалуйста....

— Ваше высочество, вы забыли.... сказалъ Раморни указывая на изуродованную руку.

— Ахъ, эта проклятая рука.... Что же намъ дѣлать?

— Если вамъ угодно, вы можете приказать врачу Двиннигу.... онъ славно пишетъ

— Знаетъ ли онъ обстоятельства? ... ходъ дѣла?

— Все знаетъ, отвѣчалъ Раморни и, отворивъ окно, позвалъ врача.

Двиннигъ вошелъ съ чрезвычайною осторожностью, точно будто полъ выложенъ былъ яйцами. Врачъ опустилъ глаза и униженно согнулся.

— Вотъ все, что нужно для письма.... покажи свой талантъ. Ты знаешь, въ чемъ дѣло.... Представь королю мое поведеніе въ хорошемъ свѣтѣ.

Двиннигъ сѣлъ и въ нѣсколько минутъ написалъ письмо, которое передалъ сэру Джону Раморни.

— Да тебѣ просто дьяволъ помогаль, Двиннигъ, сказалъ рыцарь. Послушайте милордъ.... «Глубокопочитаемый батюшка и милостивый государь мой!.... Честь имѣю извѣстить, что важныя обстоятельства заставляютъ меня удалиться отъ двора. Я намѣренъ жить въ Фальклендѣ, потому что замокъ принадлежитъ моему любезному дядѣ (вѣдь вы желаете, чтобы я обходился съ нимъ какъ можно короче); кромѣ того тамъ находится особа,

съ которою я давно не вдался, и я спѣшу теперь доказать ей всю мою вѣжность.»

Герцогъ Роесай и Раморни захохотали, а врачъ, который слушалъ чтеніе пьесы, точно смертный приговоръ, ободрился и приподнявъ голову, издавъ свое обычное восклицаніе ха, ха, ха! Потому онъ принялъ прежній важный видъ и замолчалъ, какъ бы боясь, что перешелъ границу должнаго почтенія.

— Чудесно! вскричалъ принцъ, чудесно! Старикъ отнесетъ все это къ такъ называемой герцогинѣ Роесай.... Двиингъ, тебѣ надобно бы быть секретаремъ наши, если правда, что его святѣйшество затрудняется иногда въ прискиваніи двѣсмысленныхъ выраженій. Я подпишу письмо и мнѣ припишутъ сочиненіе его.

— Теперь, милордъ, сказалъ Раморни запечатывая письмо, не угодно ли вамъ сѣсть въ лодку.

— Надобно подождать камердинера, мои платья и все нужное.... Позовите моего кравчаго....

— Милордъ, спѣшите.... вѣдь приготовленія заставляютъ подозрѣвать.... сказалъ Раморни. Ваши приближенные придутъ завтра, а сегодня достаточны будутъ и мои услуги за столомъ и въ спальнѣ.

— Теперь вы сами забыли, сказалъ принцъ, дотрогиваясь до равенной руки палкою. Вѣдь вамъ нельзя разрѣзать кашлуна и приколоть булавку. Славный вы будете камердинеръ.

Раморни задрожалъ отъ гнѣву и боли, потому что хотя рана и зажила, однако была еще очень чувствительна. Стояло только протянуть палецъ, и сэръ Джонъ уже дрожалъ.

— Не угодно ли вашему высочеству сѣсть въ лодку?

— Нѣтъ еще.... сперва надобно проститься съ конетаблемъ. Роесай не можетъ уйти изъ дому графа Эроля, точно воръ изъ тюрьмы.... Попросить его сюда!

— Милордъ, не воспрепятствуетъ ли онъ исполненію нашихъ намѣреній, сказалъ Раморни.

Къ чорту препятствія и ваши намѣренія!.... Я долженъ обходиться съ Эролемъ почтительно.

Вошелъ графъ.

— Я обезножилъ васъ, милордъ, продолжалъ Роесай съ учтивостью и достоинствомъ, чтобы поблагодарить за гостеприимство и ваше общество. Теперь я не могу болѣе пользоваться ими: мнѣ непремѣнно надобно ѣхать въ Фальклендъ.

— Милордъ, вы, вѣрно, не забыли, что находитесь подъ моимъ надзоромъ, сказалъ конетабль.

— Что!.... подъ надзоромъ?... Въ заключеніи и? говорите даже. Если я свободенъ, то я ѣду.

— Вашему высочеству не худо бы попросить у короля позволенія ѣхать. Его величество будетъ очень недоволенъ.

— Къмъ?... мною или вами, милордъ?

— Я уже сказалъ вашему высочеству, что вы находитесь подъ надзоромъ; но если вамъ угодно ѣхать, то я не имѣю.... благодаря Бога.... приказанія держать васъ насильно. Я только прошу васъ.... для вашей собственной пользы....

— Я очень хорошо знаю, что для меня полезно.... Прощайте, милордъ.

Упрямый принцъ сѣлъ съ Двиннигомъ и Рамори въ лодку, а Эвъ тотчасъ же отчалилъ, и они быстро поехали внизъ по рѣкѣ.

Нѣсколько минутъ герцогъ Ровсей былъ задумчивъ и молчалъ. Никто не осмѣливался прерывать его. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Мой отецъ любитъ шутки и не станетъ серьезно осуждать нашу шалость.... Посмотрите, вотъ стоитъ на берегу старая крѣпость Кинфаунсъ.... Скажите же мнѣ, Раморин, какъ удалось вамъ вырвать красотку изъ рукъ упрямаго сэра Патрика.... Вѣдь Эвъ увѣрялъ меня, что онъ взялся защищать ее.

— Точно такъ, милордъ; но онъ хотѣлъ отдать ее подъ защиту герцогини.... то есть, я хотѣлъ сказать леди Марджорей Дугласъ. Этотъ председатель только храбрый дуракъ и имѣетъ у себя ловкаго повѣреннаго. Сэръ Патрикъ обыкновенно слѣдуетъ совѣтамъ этого молодца. Вотъ къ такому-то повѣренному я обращаюсь, если желаю знать мысли подобнаго барона. Повѣренный въ Кинфаунсъ называется Китъ Хиншо, онъ былъ прежде шкиперомъ. Этотъ человѣкъ сдѣлался моимъ агентомъ и придумалъ разные препятствія, чтобы остановить отъѣздъ Катерины.

— Къ чему?

— Не знаю, сказать ли вашему высочеству, можетъ-быть вы не одобрите мое мнѣніе. Я желалъ, чтобы члены комиссіи противъ еретиковъ нашли пересекую красну дѣвицу въ Кинфаунсъ; вѣдь эта непобѣдимая красотка въ расколѣ съ Церковью.... значитъ, я желалъ, чтобы и рыцарю пришлось платить штрафъ.... Монахи не прочь поддержать его въ своихъ рукахъ.... Онъ часто имѣлъ съ ними споръ изъ-за десятой доли изъ ловли лососей.

— Но къ чему вы хотѣли разорить Кинфаунса и предать молодую хорошенькую дѣвушку востру?

— Помните, милордъ! монахи никогда не жгутъ хоронительныхъ Старуха конечно была бы въ опасности. Что касается до милорда председателя, какъ называютъ его горожане, то не бѣда, если у него отымутъ нѣсколько десятинъ земли. Это было бы небольшиниъ вознагражденіемъ за побѣду надо мной въ церкви святаго Іоанна.

— Миѣ кажется, сэръ Джонъ, это довольно низкая мѣста.

— Помилуйте, милордъ, вѣдь я не могу же мстить рукой... значить, я долженъ мстить умомъ. Впрочемъ Дугласъ отнялъ у меня и этотъ случай отомстить, объявивъ себя защитникомъ богоотступницы. Тутъ старикъ Хяню не могъ болѣе оставаться перескую красну дѣвицу и она поѣхала въ Фалькландъ... не для того, чтобы развлекать леди Марджорей, какъ думаетъ Катерина и сэръ Патрикъ, но чтобы не дать соскучиться вашему высочеству, когда мы воротимся съ охоты.

Наступило опять молчаніе и принцъ вторично задумался.

— Раморни, сказалъ онъ наконецъ, это дѣло, кажется, что-то щекотливо; если я сообщу вамъ мои мысли, то вѣрно миѣ дьявольскій союзникъ найдетъ средство уничтожить мою непримиримость.... Это уже не въ первый разъ такъ случается. Я не видалъ дѣвушки прекраснѣе Катерины, исключая Клеветы Дѣибарской. Но Катерина Глѣверъ невѣста и скоро выйдетъ замужъ за кузнеца Генри, самаго некуснаго оружейника и сверхъ-того отличнаго бойца. Окончить эту интригу значить обидѣть добраго кузнеца.

— Ваше высочество конечно не предполагаете, что я забочусь объ интересахъ Генри Смита, сказалъ Раморни поглядывая на свою обезображенную руку.

— Клянусь крестомъ святаго Андрея, вы, Раморни, слишкомъ часто вспоминаете объ этомъ происшествіи. Дѣло сдѣлаю.... по-нотъ нельзя.... надобно забыть.

— Да вы, милордъ, чаще меня вспоминаете о немъ, конечно для шутки; между-тѣмъ какъ я... Но миѣ можно умолчать объ этомъ, если я не могу забыть.

— Ну, такъ видите ли, миѣ что-то неловко приняться за эту интригу.... Помните, когда мы ходили слушать отца Климента... то есть посмотрѣть на прекрасную раскольницу... помните какъ трогательно представилъ проповѣдникъ бѣдняка, у котораго богать отнимаетъ единственную овечку?

— Право, велика бѣда, что старшій сынъ мужа этой женщины будетъ имѣть отцемъ шотландскаго принца. Сколько мужей же-

дали бы своимъ графинямъ такой участи? Многіе уже имѣли это счастье и преспокойно спали при томъ.

— Если мнѣ позволено говорить, сказалъ врачъ, то я замѣчу что древніе шотландскіе законы даютъ всякому феодалному владѣльцу это право надъ вассалами. Однако многіе отказывались изъ скупости отъ этого права и брали деньги.

— Мнѣ не нужно слишкомъ много изъясненій, чтобы рѣшиться полюбезничать съ хорошенькою женщиной; но Катерина всегда была холодна, сказалъ принцъ.

— Полноте, милордъ! вскричалъ Раморинъ. Если вы, красивый молодой человекъ и притомъ принцъ, не сумѣете побѣдить женщины, то мнѣ нечего и говорить.

— И если мнѣ простять мою смѣлость, замѣтилъ врачъ, то я прибавлю.... въ Перепѣ всемъ извѣстно, что эта молодая дѣвушка никогда не избирала себѣ Генри Смита въ женихи; только отецъ принуждаетъ ее выйти за него замужъ. Я навѣрно знаю, что она нѣсколько разъ отказывалась отъ этого.

— Ну, если ты можешь увѣрить насъ въ этомъ, то дѣло приметъ совсѣмъ другой видъ, сказалъ Рюссай. Вулканъ, какъ и Генри, былъ кузнецъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ жениться на Венерѣ, а что отъ этого произошло, мы знаемъ изъ лѣтописей.

— Ну, такъ пусть же здравствуетъ леди Венера, вскричалъ Раморинъ, желаю побѣды кавалеру Марсу, который отправляется любезничать съ прекраснымъ божествомъ.

Разговоръ нѣсколько времени продолжался въ этомъ тонѣ; но Рюссай скоро перемѣнилъ его.

— Я оставилъ тюрьму, однако мнѣ что-то не весело, сказалъ онъ. Мною овладѣла томность, точно будто я усталъ отъ удовольствій или работы.... Ахъ, славно бы теперь послушать немного музыки?

— Вашему высочеству стоитъ только пожелать и тебскія нимфы исполнять ваши желанія, отвѣчалъ Раморинъ. Послушайте, софты играютъ на лютиѣ.

— Да, это лютиѣ! сказалъ принцъ, прислушиваясь. И какъ чудесно играютъ на ней. Поѣзжайте въ ту сторону, гдѣ музыка.

— Это старикъ Хиншо ѣдетъ вверхъ по рѣкѣ, примолвилъ Раморинъ. Эй, шкиперъ!

Лодочникъ отозвался и подѣхалъ къ лодкѣ принца.

— Ого! старая пріятельница! вскричалъ принцъ, узнавъ лицо и одежду французской пѣвицы Луизы. Кажется, я у тебя въ долгу, что перепугалъ такъ въ день святаго Валентина. Сядь ко мнѣ

въ лодку съ лютиною, собачкой и вещами.... Я дамъ тебѣ мѣсто у госпожи, которая даже твою собачку станетъ кормить кашу-нами.

— Я надѣюсь, замѣтилъ Раморин, ваше высочество обдумаете...

— Я думаю объ одиѣхъ удовольствіяхъ, сэръ Джонъ, и прошу не думать ни о чемъ другомъ.

— Дѣйствительно ли вы дадите мнѣ мѣсто у дамы? спросила Луиза. Гдѣ она живетъ?

— Въ Фальклендѣ, отвѣчалъ принцъ.

— О, я слышалъ объ этой знатной дамѣ. И вы дѣйствительно дадите мнѣ мѣсто у ея высочества, вашей супруги?

— Да, клянусь честью, отвѣчалъ герцогъ и прибавилъ шопотомъ: какъ скоро я признаю ее супругою. Не забудьте этого условія, Раморин.

Пассажиры, которые сидѣли въ лодкѣ, думали, что принцъ мирится съ женой, и посовѣтовали Луизѣ пользоваться счастливымъ случаемъ и принять службу въ свитѣ герцогини Россай. Многие благодарили ее за пѣсни.

Между-тѣмъ Раморин шепнулъ Двиннигу на ухо:

— Выдумай какое-нибудь препятствіе. Она будетъ съ нами очень не кстать.... Скажи что нибудь, а я покуда переговорю съ Хиншо.

— Позвольте замѣтить, милордъ, сказалъ Двиннигъ, въ Эдинбургѣ открылась заразительная болѣзнь и для вашего высочества опасно будетъ брать съ собою эту молодую путешественницу.

— А тебѣ что за дѣло, хочу ли я дать себя отравить чумою или аптекаремъ? И ты противишься моимъ желаніямъ?

Между-тѣмъ какъ принцъ возражалъ на доводы Двиннига, сэръ Джонъ Раморин узналъ отъ Хиншо, что отъѣздъ герцогини изъ Фалькланда почти никому не извѣстенъ, а Катерина Глѣверъ прибудетъ въ замокъ вечеромъ или на другое утро съ надеждою на покровительство знатной дамы.

Задумчивый герцогъ Россай холодно принялъ эти новости, а сэръ Джонъ въ свою очередь осмѣлился упрекнуть его.

— Вы хотѣли освободиться, сказалъ онъ, вы свободны. Вы вздыхаете о красавицѣ.... она ждетъ васъ. Даже ваши малѣйшія желанія исполняются; захотѣли же вы слушать музыку, когда, казалось, невозможно было достать музыканта?... и вотъ раздаются звуки лютины. Надобно вкушать счатья, а не поступать подобно дѣтямъ, кидającymъ игрушки, изъ-за которыхъ они плакали, чтобы имѣть ихъ.

— Выете ли, Раморин, чтобы наслаждаться счастьемъ, надобно зѣвать несчастіе, точно такъ, какъ надобно не кушавъ чтобы имѣть апетитъ. Мы все можемъ имѣть, и потому не пользуемся, когда имѣемъ.... Видите вы эту тучу, которая готова залить насъ дождемъ? Она, кажется, давитъ меня.... берега потеряли въ глазахъ моихъ свою прелесть....

— Милордъ, извините вашего покорнаго слугу, сказалъ Раморин, но вы слишкомъ предаетесь иррациымъ мыслямъ, точно не искусный рыцарь, который даетъ дикой лошади стать на дыбы, упасть и раздавить всадника. Бросьте эти мечты. Пусть эта пѣвица сыграетъ что-нибудь?

— Да, пусть она пропоетъ.... но что-нибудь печальное; веселые звуки будутъ для меня теперь непріятны.

— Луиза запѣла печальную пѣсню на нормандскомъ языкѣ и сопровождала ее не менѣе печальною музыкой.

Въ послѣдній разъ ты посмотри вокругъ себя,
Взгляни на это поле,
На голубое небо!
Тебѣ не жить ужъ дольше,
Ты долженъ умереть!

Бѣднякъ! хотя еще непустилъ ты духъ,
Однако ужъ монахи
Читаютъ панихиду,
И колоколъ звонитъ:
Ты долженъ умереть!

Но не пугайся и встрѣчай спокойно смерть.
Пройдетъ одно мгновенье,
На вѣкъ тебя не станетъ.
Судьба ужъ разъ сказала:
Ты долженъ умереть!

Принцъ не дѣлалъ ни какихъ замѣчаній насчетъ пѣсни, а дѣвушка играла, по приказанію Раморин, на лютнѣ, останавливаясь иногда для отдыха. Вечеромъ пошелъ дождь, сначала не сильный, но подулъ холодный вѣтеръ и дождь полилъ точно изъ ведра. Принцъ не взялъ съ собой плаща и съ досадою отказался принять тотъ, который предлагалъ Раморин.

— Роосаю неприлично носить вашъ старыя платья, сэръ Джонъ.... этотъ дождь пробирается до самыхъ костей.... И вы всему виноваты. Какъ вы осмѣлились приказать отваливать, не дожидаясь моихъ слугъ и вещей.

Раморни не извинялся. Онъ зналъ, если принцъ въ худомъ расположеніи духа, то очень любилъ погорячиться. Роесай дѣйствительно то горячился, то хранилъ мрачное молчаніе. Наконецъ ледя доѣхала до Ньюбѣрга, гдѣ жили рыбаки. Тутъ путешественники вышли на берегъ и сѣли на давно подготовленныхъ лошадѣ. Принцъ всё-еще былъ въ худомъ расположеніи духа, раскритиковалъ упряжь и осыпалъ всѣхъ, даже Раморни, ѣдкими замѣчаніями. Наконецъ они поѣхали. Роесай, презирая всякую опасность, поскакалъ впередъ. Пѣвица достала по особому приказанію лошадь. Къ-счастью, Луиза привыкла къ непогодѣ и верховой ѣздѣ, и оттого могла на равнѣ съ мужчинами сносить ночное путешествіе. Раморни ѣхалъ подлѣ принца, опасаясь, что Роесай задумается завернуть къ гостепріимному барону и остаться тамъ ночевать. Это разрушило бы всѣ планы сэръ Джона и принцъ не поналъ бы въ приготовленную ловушку. Такимъ образомъ Раморни ѣхалъ, страдая душевно и тѣлесно.

Наконецъ они вѣхали въ Фальклендскій лѣсъ и скоро увидѣли при лунномъ свѣтѣ мрачныя башни замка. По данному знаку опустили подъемный мостъ. На дворѣ горѣли факелы и толпились слуги. Принцу помогла сойти съ лошади и повелъ въ комнату, гдѣ его ожидали Раморни и Двиннигъ. Они оба совѣтовали принцу отпустить Луизу; но Роесай надменно отказался и приказалъ стлать постель. Онъ простоялъ нѣсколько времени у огня и, не говоря ни слова, ушелъ въ спальню.

— Видишь ли, какъ онъ капризенъ, сказалъ Раморни Двиннигу. Удивительно ли, если я, сдѣлавъ для него столько, устану прислуживать?

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ врачъ. Такое своезравіе и заманчивыя обѣщанія поколеблуютъ вѣрность cadaго.... Но сегодня ли мы начнемъ? Мнѣ кажется, онъ простудился и получить лихорадку, на которую можно будетъ свалить всю вину.

— Да, это было бы хорошо, сказалъ Раморни: но мы должны окончить дѣло послѣ пріѣзду Катерины Глѣверъ. Она можетъ служить потомъ свидѣтельницею, что видѣла принца живаго и здороваго нѣсколько времени до.... вы меня понимаете?

— Двиннигъ утвердительно наклонилъ голову и прибавилъ:

— Время не потеряно. Не трудно завять цвѣтку, который слишкомъ рано расцвѣлъ.

XXXI.

На другое утро расположеіе духа принца переменилось. Онъ хотя и жаловался немного на лихорадку, однако обходился съ Раморни очень дружески и, казалось, хотѣлъ изгнать изъ ума то-варищей память о вчерашней сварливости. Россай былъ со всѣми учтивъ и шутилъ съ Раморни насчетъ пріѣзду Катерины.

— Какъ удивится хорошенькая Катерина, когда увидитъ себя посреди мужчинъ. Я думаю, тутъ въ замкѣ мало прекраснаго пѣлу, Раморни?

— Конечно, не много; кромѣ пѣвицы тутъ всего двѣ служанки, безъ которыхъ намъ нельзя обойтись. Но кстати о пѣвицѣ.... она безпрестанно спрашиваетъ о госпожѣ, при которой вы хотѣли дать ей мѣсто.... Прикажете отпустить ее искать новой госпожи гдѣ угодно?

— Нѣтъ, она будетъ забавлять Катерину.... Одна конюшная.... не нарядится ли, къ пріему нашей красотки.

— Какимъ образомъ, милордъ?

— Вы очень недогадливы, Раморни.... Мы не станемъ обманывать ея ожиданія ... Она надѣется увидѣть тутъ герцогиню Россай.... я и буду герцогиней.

— Я васъ всё такъ не понимаю!

— Никто не бываетъ глупѣемышленнаго человѣка, который не тотчасъ понимаетъ идею.... Моя такъ называемая супруга очень спѣшила выѣхать изъ Фалькленда.... Въ гардеробѣ, подлѣ моей спальни, лежитъ женскихъ платьевъ на цѣлый карнавалъ... Видите ли.... я стану играть роль леди Марджорей, которая лежитъ въ постели.... Вы Джонъ будете преважною гофдамою, графиней Хирмиджилдъ, а Двиннигъ чудесно представитъ старуху кормилицу Хвизту. Нарядите горничныхъ и пажей, чтобы составить мой штатъ.... Понимаете?... Такъ скорѣе принимайтесь за дѣло!

Раморни вышелъ въ переднюю и сообщилъ врачу выдумку принца.

— Исполни капризъ этого глупца, сказалъ онъ: теперь всё равно.... пусть дѣлаетъ что хочетъ.... вѣдь мы знаемъ, чѣмъ все кончится.

— Хорошо, я все исполню, отвѣчалъ Двиннигъ, пожимая плечами. Хорошо, же мясникъ, который пугается блявня овцы, которую хочетъ убить.

— Хорошо! не бойся, я не теряю твердости.... я не могу забыть, что онъ едва не бросилъ меня въ монастырь, точно обломокъ негоднаго коня.... Принимайся за дѣло.... однако постой.... Прежде нежели мы устроимъ этотъ маскарадъ, надобно придумать какимъ образомъ надуть болвана Чартриза.... Если ему сказать, что герцогиня Роесай тутъ, то онъ вѣрно явится съ визитами и такъ далѣе.... а мнѣ и не зачѣмъ говорить тебѣ, какъ это будетъ не кстати.... Это еще тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Перевѣ многіе увѣряютъ, будто глупый рыцарь защищаетъ Катерину изъ любви.

— Хорошо.... дайте мнѣ подумать. Я пошлю письмо, которое уничтожитъ въ немъ охоту ѣхать въ Фальклендъ.... Не знаете ли какъ зовутъ исповѣдника герцогини?

— Вельтьофъ.

— Хорошо!

Черезъ вѣсколько минувъ проворный Двиннигъ подалъ Раморни письмо.

— Удивительно! сказалъ сэръ Джонъ: это письмо доставило бы тебѣ величайшую милость Роесай.... Я бы ревновалъ къ тебѣ если бы ему не приходилось умереть такъ скоро.

— Прочтите громко, сказалъ Двиннигъ; гладко ли написано письмо.

Раморни прочиталъ слѣдующее:

По приказанію высокой могущественной принцессы Марджорей Дугласъ, герцогини Роесай, и прочая, мы, Вельтьофъ, недостойный братъ ордена святаго Франциска, извѣщаемъ васъ, сэра Патрика Чартриза, кавалера Кинфаунса, что ея высочество очень удивляется вашей смѣлости. Вы прислали къ ней женщину, о которой она можетъ судить только самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Эта женщина провела въ вашемъ замкѣ слишкомъ недѣлю въ обществѣ служанокъ, потому что другихъ женщинъ у васъ нѣтъ, и о ней идутъ въ Фейвѣ, Энгессѣ и Перевѣ самые худые слухи. Однако ея высочество сжалась надъ человѣческой слабостью и не приказала наказать присланной женщины крапивою или чѣмъ-нибудь другимъ. Но такъ какъ двое почтенныхъ монаховъ, Тикскѣль и Дендерморъ, шли по особому приказанію въ горы, то ея высочество ввѣрила имъ молодую дѣвушку и препоручила проводить къ отцу, который по словамъ Катерины находится въ окрестностяхъ озера Тея. Покуда герцогиня живетъ въ Фальклендѣ, для этой дѣвушки причинѣе находится подъ покровительствомъ отца. Герцогиня Роесай про-

она обонхъ монаховъ внушить молодой женщинѣ ужасъ къ грѣху невоздержности, а вамъ самимъ приказываетъ исповѣдаться и пошутся.»
«Вельможа.»

«Но приказанію высокой и могущественной принцессы.» и... такъ далѣе....

— Прекрасно.... превосходно! вскричалъ Раморни, окончивъ чтеніе.... Этотъ неожиданный выговоръ перепугаетъ Чартриза! Онъ давно почитаетъ герцогиню и очень будетъ смущенъ подозрѣніемъ въ невоздержности. Онъ долго не прійдетъ посмотреть перескую красну дѣвицу или засвидѣтельствовать свое почтеніе леди Марджорей.... Но займись маскарадомъ, а я стану дѣлать приготовленія къ окончанію праздника.

Около полудня пріѣхала Катерина съ Хиншо и слугою рыцаря Кинзаунса. На фальклендской башнѣ развѣвался флагъ съ гербомъ Роосая, на слугахъ была ливрея принца; все согласовалось съ общимъ мнѣніемъ, что принцесса въ замкѣ. Сердце Катерины трепетало. Дѣвушка слышала, что герцогиня горда и надменна какъ Дугласъ; оттого она не знала, какого ей ожидать пріему. Входя въ замокъ, Катерина увидѣла очень немногочисленную свиту герцогини; но какъ леди Марджорей была, нѣкоторымъ образомъ, въ изгнаніи, то это не удивило дочери перчаточника. Въ передней ее встрѣтила старушка, согнувшаяся отъ старости и опирающаяся на палку изъ чернаго дерева.

— Здравствуй, милая дочь моя, сказала старуха, обнимая Катерину; тебя хорошо примутъ въ домѣ скорби. Я надѣюсь, продолжала она, вторично обнимая дѣвушку, я надѣюсь, ты утѣшишь мою дорогую дочь, принцессу... Сядь, моя милая, я посмотрю, можно ли герцогинѣ принять тебя. Ахъ! дочь моя, ты очень мила.... право.... если у тебя душа также хороша, какъ наружность....

При этихъ словахъ мнимая старуха медленно потащила въ сосѣдную комнату, гдѣ находился наряженный Роосай и Раморни въ обыкновенной своей одеждѣ.

— Да ты предрогоцѣнный мошенникъ, сказалъ принцъ врачу. Мнѣ кажется, ты съумѣлъ бы сыграть всѣ роли, даже роль любовника.

— Если вамъ угодно, я избавлю ваше высочество отъ труда, ха-ха-ха! отвѣчалъ врачъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Роосай, мнѣ никогда не будетъ нужна твоя помощь.... Скажи, каковъ я въ постели?... похожъ ли я на слабую даму, а?

— Осмѣлюсь сказать, у васъ слишкомъ хороши черты лица и слишкомъ тонкія черты для леди Марджорей Дугласъ, отвѣчалъ Дэвингтъ.

— Поди, приведи сюда прекрасную льдину.... Не бойся, она не разсердится на мое женское лицо.... а вы, Раморин, уйдите теперь.

Между тѣмъ какъ сэръ Джонъ выходилъ черезъ одніе двери, старуха вводила Катерину Глэверъ въ другія. Комнату нарочно сдѣлали темною; Катерина думала, что въ постели лежитъ женщина, и ничего не подозревала.

— Это та дѣвушка? спросилъ Роесай тихимъ голосомъ. Пусть она подойдетъ и поцѣлуетъ мою руку.

Мнимая кормилица подвела дрожащую дѣвушку къ постели и поставила на колѣни. Катерина съ уваженіемъ поцѣловала протянутую руку, на которой надѣта была перчатка.

— Не бойся, сказалъ герцогъ прежнимъ тихимъ мягкимъ голосомъ; ты видишь во мнѣ печальный примѣръ послѣдствій желанія достигнуть величія.... Счастливы тѣ, которые по своему положенію въ обществѣ не должны принимать участія въ политическихъ буряхъ.

При этихъ словахъ мнимая герцогиня обняла и поцѣловала Катерину, точно будто желала доказать этимъ свою благосклонность. Но поцѣлуй былъ данъ съ такимъ необыкновеннымъ жаромъ, что Катерина приняла герцогиню за сумасшедшую и вскричала.

— Полно глупенькая! сказалъ принцъ: это я, Робертъ Роесай.

Катерина осматрѣлась. Кормилицы не было въ комнатѣ. Герцогъ сорвалъ съ себя женское платье и стоялъ передъ дѣвушкою въ обыкновенной одеждѣ. Катерина увидѣла себя во власти дерзкаго распутника.

— Теперь помоги мнѣ небо! подумала она. И оно поможетъ мнѣ, если я не потеряю присутствія духа.

Вооружась этой надеждой, она подавила крикъ, который едва не испустила, и старалась скрыть свой страхъ.

— Полноте шутить, сказала она: позвольте мнѣ удалиться, продолжала Катерина, потому что Роесай держалъ ее еще за руки.

— Нѣтъ, милая плѣнница.... не старайся вырваться изъ рукъ моихъ... Чего ты боишься?

— Я не стараюсь вырваться изъ вашихъ рукъ, потому что вашему высочеству угодно держать меня. Я не хочу борьбою дать вамъ случай оскорбить меня.... Вы тогда будете раскаиваться.

— Какъ, намѣшница! ты держала меня въ плѣну нѣсколько мѣсяцевъ и не хочешь остаться у меня нѣсколько минутъ?

— Эти слова были бы комплиментомъ на улицѣ въ Перевѣ, гдѣ я могла бы слушать или не слушать ихъ, какъ угодно.... Но здѣсь это жестокость.

— А если я отпущу тебя, куда ты уйдешь? мосты подняты.... рѣшетки опущены.... а люди мои глухи къ крикамъ дѣвушки. Будь снисходительна и ты узнаешь, что значитъ сдѣлать снисхождение принцу.

— Оставьте же меня, милордъ, прошу васъ, принца Роеаса, наследника шотландскаго престола.... Я дочь почтеннаго гражданина.... почти обвинчалась съ человѣкомъ честнымъ и храбрымъ. Если я ободряла ваше высочество къ теперешнему поступку, то дѣлала это невольно.... Оттого умоляю васъ, не употребляйте свою власть во зло.... позвольте мнѣ уйти.... Ваше высочество ничего не можете получить отъ меня средствами, которыя не достойны рыцаря и порядочнаго человѣка.

— Вы очень смѣлы, Катерина, сказалъ принцъ; но ваши слова вызовъ, отъ котораго нельзя отказаться ни рыцарю ни порядочному человѣку... Вы должны узнать, какъ опасно дѣлать такой вызовъ.

При этихъ словахъ онъ хотѣлъ обвинить ее руками, но она вырвалась и продолжала съ прежнею рѣшительностью:

— У меня будетъ столько силы, милордъ, бороться за свою честь, сколько у васъ, чтобы напасть на меня съ безчестнымъ намѣреніемъ. Не стыдите себя и меня такую борьбой. Вы можете быть убьете меня, или позовете кого нибудь на помощь, чтобы овладѣть мною; но иначе ваши намѣренія не исполнятся.

— Чтѣ за животное хотите вы сдѣлать изъ меня! сказалъ принцъ. Мои усилія должны только служить извиненіемъ женской слабости.

Принцъ немного смутился.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Катерина, употребляйте ихъ съ тѣми женщинами, которыя желаютъ имѣть такое извиненіе. Я же рѣшительно противлюсь, желая сохранить свою честь и не имѣть причины стыдиться. Увы! милордъ, если бы вы побѣдили, то разорвали бы связь между мною и жизнью.... между собой и честью. Меня обманомъ заманили сюда, и если бы я вышла изъ замку обезчещенная, то стала бы во всей Европѣ доносить о презрѣнномъ поступкѣ истребителя моего счастья. Я взяла бы посохъ пилигрима и вездѣ, гдѣ почитаютъ рыцарство и слышали о

Шотландія, я объявила бы, что наследникъ ста королей *, сынъ добраго Роберта Стюарта, будущій послѣдователь героя Брюса, млатвопреступникъ и не стоитъ короны, которой ожидаетъ, и шпуръ, которыя носятъ. Во всей Европѣ каждая дама постыдилась бы тогда произнести ваше имя.... всякій рыцарь сталъ бы считать васъ за недостойнаго воина, который не сдержалъ своего обѣта защищать женщинъ и покровительствовать слабымъ.

Россай всталъ и посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и досадою.

— Вы забываете съ кѣмъ говорите. Знаете ли, предпочтеніе, которое я вамъ сдѣлалъ, многія женщины вашего званія почли бы за честь.

— Еще разъ говорю вамъ, милордъ, предоставьте эту честь тѣмъ женщинамъ, которыя цѣнятъ ее; а лучше всего употребите время и здоровье на болѣе благородныя занятія: защищайте отечество и составьте счастье своихъ подданныхъ. О, какъ охотно вазоветъ васъ тогда своимъ начальникомъ цѣлый народъ!... Съ какою радостью сбѣжится онъ, если вы покажете желаніе защитить его противъ притѣсненій знатныхъ, насильства людей почрочныхъ и жестокости лицемѣровъ.

Въ герцогѣ Россай также легко было возбудить, какъ и усилить добродѣтельныя чувства. Энтузіазмъ, съ которымъ говорила Катерина, совершенно измѣнилъ принца.

— Извините, если я испугалъ васъ, сказалъ онъ; у васъ слишкомъ благородное сердце, чтобы служить игрушкой минутной прихоти.... Если бы вы были благороднаго происхожденія, то я всё-таки не могъ бы предложить вамъ своего сердца.... Всѣ мои надежды уничтожились.... единственная женщина, которую я истинно любилъ, должна была покориться капризной политикѣ и разстаться со мной.... мнѣ навязали жену.... я презиралъ бы ее, если бы даже она имѣла нѣжность и кротость, самыя милыя качества женщины. Здоровье мое вянетъ съ самаго дѣтства; значить, мнѣ остается срывать цвѣты, которыя я встрѣчу на короткомъ пути къ могилѣ. Посмотрите на лихорадочный цвѣтъ моихъ щекъ.... пощупайте, если угодно, мой неровный пульсъ и сжалитесь надо мной.... извините, что тотъ, у котораго были затоптаны въ прахъ права принца и челоуѣка, поступаетъ иногда несправедливо и предается минутнымъ эгоистическимъ желаніямъ.

— О, милордъ! вскричала Катерина съ восторгомъ, который такъ характеризовалъ ее, я назову васъ дорогой мой лордъ.... по-

* Шотландскія лѣтописи считаютъ до Роберта-Третьяго сто королей.

тому что наследникъ Брюса долженъ быть дороже вслѣдствію Нидерланду... забудьте меня отъ подобныхъ признаній! Ваши знаменитые предки испытали изгнанье, преслѣдованія, голода, опасности войны, чтобы освободить свою землю... владѣйте также собою и освободитесь. Не доверяйте ужасному Раморни!... вы его не знаете... я увѣрена въ томъ... вы не могли знать его; но презрѣнный человѣкъ, который въ состояніи грозить дочери смертью отца, если она не исполнитъ постыднаго дѣла... такой человѣкъ способенъ на все... на всякую нивѣю.

— Неужели Раморни грозилъ? сказалъ принцъ.

— Да, милордъ... и онъ не посмѣетъ отпереться.

— Я объ этомъ вспомню, отвѣчалъ герцогъ Ровсай. Я пересталъ любить его; но онъ очень пострадалъ за меня и я долженъ постараться наградить его за заслуги.

— За заслуги? О, милордъ! если лѣтописецъ говорить правду, то подобныя услуги разрушили Трою и передали Испанію въ руки невѣрныхъ.

— Полно, Катерина, прошу васъ, говорите осторожнѣе, сказалъ принцъ, вставая. Этими мы кончимъ нашъ разговоръ.

— Еще одно слово, герцогъ Ровсай, сказала Катерина вдохновеннымъ голосомъ, точно ангелъ, который сошелъ на землю дать смертному совѣтъ. Не знаю, что заставляетъ меня говорить такъ смѣло; но моя мысль беспокоитъ меня... я должна высказать ее... Оставьте сейчасъ же замокъ, здѣшній воздухъ вреденъ для васъ... Сію же минуту оставьте Раморни! его общество очень опасно.

— Почему говорите вы это?

— Я не имѣю ни какой особенной причины въ томъ, милордъ, отвѣчала Катерина, почти испугавшись своей смѣлости. Я только боюсь за вашу безопасность.

— Наслѣдникъ Брюса не долженъ обращать вниманія на неопредѣленные опасенія... Эй! нѣтъ ли тамъ кого-нибудь!...

Вошелъ Раморни и почтительно поклонился принцу и даже Катеринѣ, которую считалъ можетъ-быть будущей любимой сужатней.

— Раморни, сказалъ принцъ, есть ли въ домѣ порядочная женщина, которая можетъ прислуживать этой молодой дѣвушкѣ, куда мы пошлемъ ее, куда ей будетъ угодно?

— Можетъ-быть вамъ не понравится истина, отвѣчалъ Раморни; но такія женщины рѣдко водились въ вашемъ домѣ. Признаться сказать, пѣвица теперь самая лучшая...
Digitized by Google

— Тамъ пусть же она прислуживаетъ этой молодой особѣ, сама нѣтъ лучшей.... Прощайте Катерина, потерпите немного!

Катерина ушла.

— Вотъ какъ, милордъ.... скоро же вы разстанетесь съ персикой красной-длинной? Право, это значитъ употребить победу во зло.

— Тутъ совсѣмъ нѣтъ победы, сухо возразилъ принцъ. Эта дѣвушка не любитъ меня; а я не довольно люблю ее, чтобы мучиться для победы надъ ея холодностью.

— Что же она, цѣломудренная, добродѣтельная? спросилъ Рамори.

— Сдѣлайте одолженіе, дайте вашему уму отдохнуть, или переищите разговоръ.... Уже полдень; пожалуйста, прикажите подавать обѣдать.

Рамори вышелъ, но Роессю показалось, что онъ улыбку. Принцу очень неприятно было слышать цѣлью насмѣшекъ этого человѣка. Однако онъ пригласилъ сэра Джона къ столу и сдѣлалъ эту же честь Динингу. Они вели чрезвычайно веселый разговоръ; принцъ самъ говорилъ очень вольно, точно будто желалъ унѣтожить воспоминавія объ утреннемъ воздержаніи, которое Рамори осмѣлился сравнить съ воздержаніемъ Цициона.

Хотя здоровье принца было въ сомнительномъ состояніи, однако обѣда дѣлался безъ нужды и вино пили безъ всякой мѣры. Отъ дѣйствія ли вина при слабомъ сложеніи, или, что вѣроятнѣе, отъ подмѣсы, которую сдѣлалъ Динингъ въ послѣднемъ стаканѣ, принцъ заснулъ и его никакъ нельзя было разбудить. Сэръ Джонъ и Динингъ перенесли Роессю въ его комнату. Имъ помогала только одинъ человѣкъ, котораго мы скоро узнаемъ.

На другое утро объявили, что принцъ заболѣлъ прилипчивою болѣзью, и чтобы она не распространялась, то къ Роессю позволено ходить только прежнему шталмейстеру, врачу Динингу и тому человѣку, о которомъ мы сейчасъ говорили. Одинъ изъ нихъ безъ выходу оставался въ комнатахъ, между тѣмъ какъ оба другіе соблюдали величайшую осторожность при сношеніяхъ со слугами, какъ слѣдовало, чтобы прилипчивая болѣзнь не распространилась.

XXXII.

Легкомысленный наслѣдникъ шотландскаго престола имѣлъ совсѣмъ не ту судьбу, которую приписывали ему въ Фальклендѣ.

Честолюбивый дядя приговорилъ племянника къ смерти, потому что онъ былъ самымъ главнымъ и опаснымъ препятствіемъ между фамиліею Ольбени и трономъ. Іаковъ III, сынъ короля, былъ еще малъ, и Ольбени легко могъ освободиться отъ него во всякое время. Желаніе Раморни возвыситься и мечь за потерю руки сдѣлали сэра Джона добровольнымъ орудіемъ уничтоженія принца. Любовь къ золоту и врожденная злость тоже располагали къ этому врача Двиннига. Онъ съ холодною жестокостью обдумалъ, что надобно убить принца, но такъ, чтобъ не оставалось слѣдовъ насильства. Онъ рѣшился уморать Роеся голодомъ, который долженъ былъ въ короткое время уничтожить слабый организмъ. Шотландскаго принца не убивали, а, — какъ однажды выразился Раморни, — ему не мѣшали умирать.

Спальня Роеся въ фалькендской башнѣ была хорошо выбрана для исполненія этого ужаснаго намѣренія. Узевская, почти неизвестная лѣстница вела оттуда въ подземную тюрьму замка. Этою лѣстницею пользовались владѣльцы, когда желали, переодѣтые, тайно посѣтить жителей этого мѣста. По этой-то лѣстницѣ преступники снесли принца, впавшаго въ глубокой сонъ, и заключили въ самую глубокую тюрьму, такъ, что около замка не могли быть слышны его вздохи и крики. Запоры и замки могли долго противиться всевозможнымъ усиліямъ, если бы и успѣли отарыть входъ. Бонтронъ, котораго спасли отъ висѣлицы для исполненія новаго преступленія, служилъ орудіемъ Раморни въ этомъ ужасномъ дѣлѣ.

Бездѣльникъ Бонтронъ воротился въ темницу именно въ то время, когда принцъ просыпался, чувствуя смертельный холодъ и тяжесть цѣпей, которыя едва позволяли ему двигаться на сырой соломѣ. Сперва онъ принялъ все это за ужасный сонъ; но потомъ сталъ угадывать истину.... Онъ позвалъ, закричалъ... испустилъ наконецъ бѣшеный ревъ, но помощи не было; одни своды повторяли его отчаянные крики. Бонтронъ слышалъ ихъ и радовался, потому что помнилъ, какое омерзѣніе принцъ чувствовалъ въ его присутствіи. Когда несчастный молодой человекъ, изнемогши и потерявъ всякую надежду, замолчалъ, варваръ рѣшился представиться плѣннику. Бонтронъ отодвинулъ задвижку, снялъ цѣпь и отворилъ двери. Роесай приподнялся сколько позволяли цѣпи. Красноватый свѣтъ, который распространялся подъ сводами, заставилъ принца закрыть глаза. Открывъ ихъ, онъ увидѣлъ гадкаго преступника, котораго сти-

талъ мертвымъ. При этомъ зрѣлищѣ Россай опустился на со-
лону.

— Я осужденъ! воскликнулъ онъ, и самому страшному демо-
ну ада поручено мучить меня!

— Я еще живъ, милордъ, возразилъ Бонтронъ, а чтобы вы
жили и наслаждались жизнью, присядьте и позавтракайте.

— Освободи меня отъ этихъ цѣпей, сказалъ принцъ, выведи
меня изъ тюрьмы и какой-бы ты ни былъ преступникъ, я сдѣ-
лаю тебя самымъ богатымъ человекомъ въ Шотландіи.

— Если бы вы предложили мнѣ столько золота, сколько вѣ-
сятъ ваши цѣпи, то я предпочелъ бы видѣть васъ въ заключе-
ніи... но посмотрите... вы любите хорошо покушать... вотъ я
приготовилъ вамъ завтракъ.

Тутъ бездѣльникъ съ адской улыбкой развернулъ узелъ, кото-
рый нѣмъ подъ мышкой и освѣтилъ лампою принесенный пред-
метъ. Онъ показалъ несчастному принцу голову только что уби-
таго быка, а это въ Шотландіи почиталось знакомъ неизбѣжной
смерти. Бонтронъ положилъ голову подлѣ соломы, на которой
лежалъ принцъ.

— Не много кушайте, сказалъ убійца: вамъ долго не дадутъ
другой пищи.

— Скажи мнѣ только, бездѣльникъ, знаетъ-ли обо всемъ этомъ
сэръ Раморни?

— А развѣ можно было привести тебя сюда безъ него? Что
ты за тетеревь?... самъ полѣзъ въ ловушку?

При этихъ словахъ онъ заперъ дверь. Раздался звукъ запоровъ
и несчастный принцъ остался въ темнотѣ и одиноществѣ.

— О, отецъ мой! отецъ мой!... твое предсказаніе исполни-
лось!... палка, на которую я опирался, превратилась въ копье.

Мы не станемъ описывать страданія, которыя онъ чувство-
валъ въ слѣдующіе часы и дни.

Однако небу не угодно было оставить такое преступленіе
безъ наказанія.

На Катерину Глэверъ и пѣвицу мало обращали вниманія; всѣ,
казалось, были заняты болѣзью принца. Они однако не могли
допроситься позволенія выѣхать изъ замка. Говорили, что ихъ
отпускаютъ тогда, когда узнаютъ дѣйствительно-ли прилипчива
болѣзнь принца. Обѣ женщины принуждены были проводить
вмѣстѣ время и сдѣлались если не друзьями, то по-крайней-мѣрѣ
пріятельницами. Онѣ сошлись еще ближе, когда Катерина узнала,

что именно эта пѣвица была причиною недоразумѣнн между ею и Генри Смитомъ. Она съ удовольствіемъ услышала полное оправданіе поведенія кузнеца. Пѣвица, съ своей стороны чувствовала превосходство положенія и характера Катерины, и охотно говорила о предметѣ, который, казалось, нравился пересекской красной-дѣвицѣ. Луиза доказывала свою благодарность къ кузнецу частыми повтореніемъ любимой шотландской пѣсни:

«О, храбръ и вѣренъ человекъ въ синей шапкѣ. Онъ никогда не зналъ боязни или вѣроломства; его сердце было вѣрно слову, его рука прекрасно владела мечемъ. — Ищите по всей Европѣ, не найдете доброй синей шапки.

«Я видѣла турниры гордыхъ Германцевъ, видѣла любезныхъ французскихъ рыцарей, несравненныхъ бойцовъ на мечахъ и коняхъ, видѣла вѣрныхъ сыновъ Англии, которые владѣютъ бердышемъ и стрѣляютъ изъ лука. Ищите въ прекрасной Франціи, свободной Англии, не найдете доброй синей шапки!»

Однимъ словомъ занятіе Луизы оттолкнуло бы Катерину при другихъ обстоятельствахъ отъ общества пѣвицы; но теперь пересекская красавица принуждена была проводить съ нею время и увидѣла въ ней скромнаго товарища.

Такимъ образомъ жили онѣ дней пять и сами приготовляли себѣ кушанья въ своихъ комнатахъ, чтобы избѣжать взглядовъ и нескромнаго любопытства слугъ. Однако между дѣвушками и слугами необходимы были нѣкоторыя сношенія и Луиза, болѣе привыкшая къ обхожденію съ чужими и желая услужить Катеринѣ, бралась ходить внизъ къ управляющему за съѣстными припасами для умѣреннаго обѣда, который она приготовляла съ врожденнымъ проворствомъ.

Пѣвица сошла на шестой день внизъ за припасами. Желая подышать воздухомъ и поискать салату, овощей или раннихъ цвѣтовъ, Луиза пошла въ небольшой садъ. Она воротилась въ свою комнату блѣдная какъ смерть и дрожала точно листокъ. Страхъ ея тотчасъ же сообщился Катеринѣ, которая едва имѣла силы спросить, что случилось.

— Умеръ герцогъ Роесай?

— Еще хуже! его морятъ съ голоду.

— Чтò за глупости!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! проговорила Луиза, едва дыша. Я искала цвѣтовъ, потому что вы сказали вчера, что любите ихъ.... моя бѣдная собачка зашла въ кустарникъ, который ра-

стеть у стѣны замка, и воротилась ко мнѣ, печально завывая. Я подошла, чтобы узнать причину.... и, Боже мой! услышала пружасный стонъ, который былъ однако слабъ и кажется выходилъ изъ земли. Наконецъ я замѣтила, что онъ выходитъ изъ узенькаго отверстія стѣны; я приложила ухо къ отверстию, и ясно услышала голосъ принца, говорившаго: «Это не долго будетъ длиться!....» Потомъ онъ, кажется, сталъ произносить молитву.

— Праведное небо!.... сказали вы ему что-нибудь!

— Я сказала: «Вы это, милордъ?....» а онъ отвѣчалъ: «Кто сѣдется надо мной, давая мнѣ этотъ титулъ». Я спросила чѣмъ нѣтъ можно услужить ему, а онъ отвѣчалъ отчаяннымъ голосомъ; котораго я никогда не забуду: «Хлѣба!.... хлѣба!.... Я умираю съ голоду.» Я сейчасъ пошла разеказать вамъ это.... Чтѣ дѣлать?.... Поднять весь домъ?....

— Нѣтъ, это болѣе повредитъ нежели сдѣлаетъ для него пользу, сказала Катерина.

— Такъ чтѣ же намъ дѣлать? возразила Луиза.

— Я еще не знаю, отвѣчала Катерина, рѣшительная въ опасную минуту, хотя она и не была такъ изобрѣтательна при обыкновенныхъ случаяхъ какъ Луиза. Я еще не знаю, но сдѣлаемъ покуда чтѣнибудь..... потомукъ Брюса не умереть, не дожидавшись помощи.

При этихъ словахъ она взяла небольшой горшокъ съ супомъ, говядицу, изъ котораго онъ былъ сваренъ и нѣсколько шпретковъ. Потомъ Катерина подала пѣвицѣ знакъ идти за собой съ горшечкомъ молока. Обѣ успѣшно отправились въ садъ.

— А, вотъ вышла наша вестална, сказалъ единственный слуга, который встрѣтилъ ихъ; но Катерина не останавливалась и ничего отвѣчала, а безпрепятственно пошла въ садъ.

Луиза показала ей кучу развалинъ, которыя были покрыты кустарникомъ и находились у самой стѣны замка. Это, вѣроятно, было нѣкогда пристройкою. Сюда выходило отверстіе, назначенное, повидимому, для притоку воздуха въ подземную тюрьму. Время расширило это отверстіе такъ, что сквозь него проходилъ лучъ свѣта, котораго конечно не могли замѣтить люди, входившіе въ тюрьму съ факелами.

— Здѣсь безмолвіе смерти, сказала Катерина, внимательно прислушиваясь. Праведное небо! онъ уже умеръ.

— Рискнемъ, замѣтила пѣвица, перебирая слегка струны лютни. Въ глубинѣ тюрьмы послышался вздохъ. Катерина рѣшилась сказать:

— Я тутъ, милордъ.... я тутъ, и принесла вамъ покушать.

— О! Раморни!.... ты слишкомъ поздно шутишь со мною.... я умираю, отвѣчалъ принцъ.

— Онъ въ помѣшательствѣ, подумала Катерина, и это не удивительно; но если онъ живъ, то есть надежда.

— Это я, милордъ, я, Катерина Глѣверъ.... я принесла вамъ покушать.... какъ-бы передать вамъ пищу?

— Да благословить васъ небо! я думалъ, что страданія мои прошли; но они возобновились, когда я услышалъ о пищѣ.

— Тутъ есть пища.... только какъ передать ее вамъ? отверстіе узко, стѣна толста.... Ага! я нашла средство.... Скорѣе, Луиза; отломн самый длинный прямой сучекъ.

Пѣвица послушалась. Катерина расколола толстый конецъ палки и передала принцу пирожокъ омоченный въ супъ. Такимъ образомъ это служило Роосаю и пищею и питьемъ.

Несчастный молодой человекъ кушалъ мало и съ большимъ трудомъ; но онъ осыпалъ благословеніями того, кто пришелъ ему на помощь.

— Я хотѣлъ сдѣлать васъ жертвою своихъ пороковъ, сказалъ онъ Катеринѣ: а вы стараетесь спасти мнѣ жизнь! Но уйдите, васъ замѣтять.

— Я при первомъ случаѣ принесу вамъ пищи, сказала Катерина.

Но въ эту минуту Луиза дернула ее за рукавъ и дала знакъ молчать и спрятаться.

Обѣ дѣвушки спрятались за развалинами и услышали, какъ разговаривалъ Раморни съ Двиннигомъ, прогуливаясь по саду.

— Онъ сильнѣе нежели я думалъ, сказалъ сэръ Джонъ въ полголоса. Какъ долго выдержалъ Далволси, когда рыцарь Лидисдель заперъ его въ замокъ Херштеджъ?

— Двѣ недѣли, отвѣчалъ Двиннингъ: но онъ былъ силенъ и кромѣ-того питался немного зернами, падавшими съ чердака, который находился надъ тюрмою *.

— Не лучше ли окончить дѣло поскорѣе? Дугласъ Черный приближается. Онъ не знаетъ тайны Ольбени и захочетъ уви-

* Сэръ Александръ Рамсей навлекъ на себя непріязнь Вильяма Дугласа, лорда Бловей, потому что получилъ мѣсто твѣоттельскаго шерифа, а гордый баронъ считалъ это мѣсто своею принадлежностью. Сэра Александра схватили въ Хэвникъ и посадили въ Херштеджъ, гдѣ и уморили съ голоду, въ 1342.

дѣться съ принцемъ. Значить, *надобно* все кончить до его приходу.

Они пошли дальше и продолжали свой ужасный разговоръ.

— Воротимся теперь въ нашу башню, сказала Катерина пѣвицѣ, когда увидѣла, что сэръ Джонъ и Раморни выходятъ изъ сада. Я выдумала, какъ бѣжать отсюда и помочь принцу. Молочница приходитъ подъ вечеръ и обыкновенно оставляетъ свой плащъ въ проходѣ, когда несетъ къ управляющему молоко. Надѣньте плащъ и пройдите мимо придверника: онъ обыкновенно пьянъ въ это время и вы уйдете, а онъ приметъ васъ за молочницу и дастъ пройти мимо рѣшетки и черезъ мостъ. Тогда добѣжите къ Черному Дугласу; это ближайшая.... единственная наша помощь.

— Но вѣдь ужасный Дугласъ просилъ наказать меня, сказала Луиза.

— Будьте увѣрены, такія существа, какъ вы и я, остаются въ памяти Дугласа не долѣе часу. Скажите, что зять его, шотландскій принцъ, умираетъ.... медленною смертію.... съ-голоду.... въ фальклендскомъ замкѣ.... и вы заслужите не только прощеніе, но и награду.

— Мнѣ не нужна награда, возразила Луиза, доброе дѣло само себѣ награда. Но я думаю, оставаться тутъ опаснѣе нежели уйти отсюда.... Лучше оставьте меня здѣсь.... я буду кормить несчастнаго принца, а вы отправьтесь за помощью. Если меня убьютъ до вашего возвращенія, то я оставлю вамъ свою лютю и прошу сжалиться надъ бѣднымъ Шарло.

— Нѣтъ, Луиза, возразила Катерина, вы опытиѣ меня въ путешествіяхъ.... идите.... и если вы найдете меня при возвращеніи мертвою, то отдайте отцу это кольцо и локонъ волосъ и скажите, что Катерина умерла, стараясь спасти потомка Брюса.... А вотъ этотъ локонъ дайте Генри; скажите, Катерина думала о немъ передъ смертію и если слишкомъ строго судила о пролитіи чужой крови, зато не жалѣла своей....

Обнявшись онѣ рыдали. Остатокъ вечера онѣ провели совѣтуясь, какъ-бы лучше передавать принцу пищу и выдумали составить изъ тростяника трубку, чтобы доставить плѣннику питье. Колоколъ фоклендской деревенской церкви зазвонилъ къ вечернѣ. Пришла молочница, чтобы снабдить замокъ молокомъ и рассказать или узнать новости. Какъ скоро она вошла въ кухню, пѣвица обняла Катерину, увѣрила ее въ своей непоколебимой вѣрности и тихо сошла съ лѣстницы, держа на рукахъ собаку.

Через минуту Катерина едва дыша смотрѣла, какъ Луиза довольно спокойно прошла черезъ мостъ въ плащѣ молочницы.

— Что вы сегодня такъ рано идете домой, Мей Бриджитъ? спросилъ привратникъ: развѣ сегодня не о чемъ толковать въ кухню?... Что?... Время болѣзни худое время!

— Я забыла кое-что, отвѣчала Француженка съ удивительнымъ присутствіемъ духа: я скоро ворочусь.

Она продолжала свой путь и обошла деревню проселочной дорогой. Катерина стала дышать свободнѣе и благодарить Бога, когда потеряла ее изъ виду. Однако она была еще безпокойна впродолженіи цѣлаго часу. Тутъ наконецъ замѣтили бѣгство Луизы, потому что молочница хватилась своего плаща, окончивши въ часъ то, что можно было сдѣлать въ десять минутъ. Немедленно обвѣскали весь домъ, вспомнили о пѣвицѣ и стали подозревать, что она воспользовалась случаемъ стащить новый плащъ. Привратникъ утверждалъ, что молочница проходила черезъ мостъ тотчасъ послѣ вечерняго звону, а молочница отрицала это показаніе. Привратникъ же увѣрялъ, что, вѣрно, чортъ принялъ ея образъ.

Однако проискавъ пѣвицу во всемъ домѣ, наконецъ угадали истину. Управляющій объявилъ объ этомъ Раморни и Двинингу, которые были почти нераздѣльны. Самыя неважныя обстоятельства возбуждаютъ подозрѣніе преступниковъ. Они съ недомыслиемъ посмотрѣли другъ на друга и тотчасъ же отправились въ скромное жилище Катерины, чтобы внезапно допросить о причинѣ уходу Луизы.

— Гдѣ ваша компаньонка? спросилъ Раморни съ суровою важностью.

— У меня нѣтъ здѣсь компаньонки, отвѣчала Катерина.

— Не шутите! продолжалъ рыцарь: я говорю о пѣвицѣ, которая жила съ вами.

— Говорятъ, она ушла, сказала Катерина: ушла съ часъ тому назадъ.

— Куда? спросилъ Двинингъ.

— Какъ могу я знать, куда пошла женщина, которая живетъ тѣмъ, что бродитъ съ мѣста на мѣсто? возразила Катерина. Ей, вѣрно, наскучила одинокая жизнь.... повидному танцы, веселье и праздники, въ которыхъ она участвуетъ по ремеслу, нравятся ей больше. Она ушла, и я удивляюсь, что она такъ долго оставалась тутъ.

— И вы только это можете сказать, миссъ? спросилъ Раморни.

— Да, сэръ Джонъ, отвѣчала Катерина рѣшительно, и если бы самъ принцъ спрашивалъ меня, я и ему не могла бы сказать больше.

— Не бойтесь, онъ не станетъ уже говорить съ вами, скажь Раморни: если бы даже Шотландія не находилась въ опасности потерять его.

— Неужели герцогу Роэсаю такъ худо? спросила Катерина.

— Мы имѣемъ надежду на одно небо, отвѣчалъ Раморни, поднимая глаза къ потолку.

— Въ такомъ случаѣ да поможетъ ему небо, воскликнула Катерина, если людямъ нельзя помочь ему!

— Аминь, прибавилъ Раморни съ непоколебимою важностью, между-тѣмъ какъ Двинингъ тоже старался принять такой видъ. Но онъ, кажется, съ трудомъ подавлялъ злую улыбку, которая всегда выступала на лицѣ его при религіозномъ оборотѣ разговора.

— И это люди.... смертные, а не кровожадные дьяволы, думала Катерина, въ то время, какъ обманутые допросчики выходили изъ комнаты. И они взываютъ къ небу, когда по каплѣ высасываютъ кровь несчастнаго своего господина.... Отчего не разразятся надъ ними громы и молніи?... Но они скоро загрохочутъ, и дай Богъ, чтобы спасли и наказали кого слѣдуетъ.

Въ часъ обѣда всѣ были въ замкѣ заняты. Катерина думала, что тогда всего удобнѣе подойти незамѣченною къ темницѣ принца. Дождавъ этого времени, ей показалось, что въ замкѣ происходитъ движеніе, безмолвное точно тюрьма герцога Роэса. Она услышала потомъ стукъ рѣшетки и шумъ отъ копытъ лошадей и оружія. Она увидѣла, что всѣ вооружены. Эти обстоятельства заставили биться сердце Катерины; она заключила, что помощь близка, а сверхъ-того безпокойство въ замкѣ дѣлало садъ совершенно пустыннымъ. Наконецъ насталъ полдень; она постаралась достать отъ управляющаго все, что считала для плѣнника необходимымъ. Катерина пошла къ развалинамъ и произнесла вполголоса нѣсколько словъ.... отвѣту не было. Она заговорила громче.... то же молчаніе.

— Онъ спитъ, прошептала дѣвушка и вздрогнула, услышавъ за собой голосъ, который отвѣчалъ:

— Да, онъ спитъ, по сномъ вѣчнымъ.

Она оборотилась и увидѣла сэра Джона Раморни, вооруженнаго

съ носъ до головы; но забрало было у него поднято и онъ походилъ скорѣе на умирающаго нежели на рыцаря, готоваго къ бою.

— Катерина, продолжалъ Раморни, я говорю истину. Онъ умеръ.... вы сдѣлали для него все, что могли.... вамъ нельзя больше помочь ему.

— Не хочу.... не могу вѣрить этому, вскричала Катерина. Господи! Повѣрить, что такое преступленіе исполнилось, значило бы усомниться въ провидѣніи.

Не сомнѣвайтесь въ провидѣніи, Катерина, потому, что возвращенный человекъ умеръ въ слѣдствіе своихъ пороковъ. Пойдете со мной... мнѣ надобно поговорить съ вами. Пойдете, продолжалъ Раморни, видя ея нерѣшительность, если вы не предпочтаете остаться тутъ во власти скота Бонтрона или врача Двиннига.

— Я пойду съ вами, сказала Катерина. Вы не можете сдѣлать мнѣ больше, нежели позволить Богъ!

Они пошли въ башню, а потомъ съ одной лѣстанцы на другую.

— Катерина потеряла смѣлость.

— Я не пойду дальше, сказала она. Куда ведете вы меня?... Если хотите убить, убейте тутъ....

— Я веду васъ только на стѣну замка, сказалъ Раморни, отворяя дверь, которая выходила на платформу башни.

Тутъ солдаты приготовляли каменометницы. Такъ назывались военныя машины для метанья стрѣлъ и камней. Солдаты таскали камни и ставили самострѣлы. Но защитниковъ было не болѣе двадцати человекъ, и Катеринѣ показалось, что они работали неохотно.

— Катерина, сказалъ Раморни, мнѣ нельзя оставить этотъ постъ.... Это приготовленія къ собственной моей защитѣ; но я могу очень хорошо говорить съ вами тутъ.

— Говорите, отвѣчала Катерина, я готова слушать васъ.

— Вы узнали ужасную тайну, Катерина. Можете ли вы сохранить ее?

— Не понимаю васъ, сэръ Джонъ, возразила дѣвушка.

— Видите ли.... Я далъ умереть.... пожалуй убилъ, если угодно.... моего прежняго господина, герцога Роэса. Не трудно было угасить искру жизни, которую вы хотѣли поддержать.... Испускающая духъ онъ произнесъ имя отца.... Вы обмираете.... ободритесь.... вы услышите еще больше. Вы знаете преступленіе; но вамъ не извѣстно, что дало поводъ къ нему. Посмотрите! вотъ

эта стальная перчатка нуста, я потерялъ руку на службѣ у Рое-са, а когда мнѣ больше нельзя было служить ему, онъ прогналъ меня точно хромую собаку, негодную къ охотѣ. Сверхъ того онъ насмѣхался надъ моею ужасной потерей и посоветовалъ идти въ монастырь, между тѣмъ какъ я люблю жить въ свѣтѣ и при дворѣ.... Подумайте объ этомъ.... вы скалитесь надо мной и поможете мнѣ.

— Какой помощи можете вы ожидать отъ меня? спросила Катерина дрожа отъ страху. Я не могу возвратить вашей потери, ни уничтожить вашего преступленія.

— Но вы можете молчать о томъ что видѣли и слышали въ саду. Я прошу васъ только забыть это.... Я знаю, вамъ повѣрять, скажете ли вы истину или станете отрицать ее. Что касается до показанія пѣвицы, то оно стоитъ не больше булавочной головки. Согласитесь на мою просьбу, и я сію же минуту открою ворота тѣмъ, которые идутъ сюда; въ противномъ случаѣ я стану защищать этотъ замокъ покуда у меня останется еще одинъ человѣкъ и сброшу васъ съ этой стѣны. Да! посмотрите.... этотъ прыжекъ трудно сдѣлать. Вы поднялись сюда по семи лѣстницамъ и едва не задохлись; но вы опуститесь внизъ въ одинъ мигъ! Рѣшайтесь, и не забудьте, съ вами говоритъ человѣкъ, который совѣмъ не хочетъ сдѣлать вамъ зла, а только желаетъ сохранить свою тайну.

Перепуганная Катерина не имѣла силы отвѣчать этому отчаянному человѣку; но появленіе Двининга избавило и отъ отвѣту. Врачъ подошелъ къ рыцарю со своей обыкновенной униженностью и худо скрытой улыбкой.

— Извините, благородный сэръ Джонъ, что я явился передъ вами, когда вы заняты разговоромъ съ прекрасной дѣвицей. Но мнѣ надобно спросить о самой малости.

— Говори, палачъ! сказалъ Раморни. Худыя новости доставляютъ тебѣ удовольствія, если даже они грозятъ тебѣ самому, только бы другіе тоже находились въ опасности.

— Хмъ!... ха ха-ха!... Я хотѣлъ только узнать, имѣете ли вы намѣреніе исполнить рыцарскую обязанность, защищать замокъ одной рукой.... извините, я хотѣлъ сказать рукой безъ кисти? Этотъ вопросъ стоитъ сдѣлать, потому что я мало помогу при защищеніи замка, если вы, можетъ быть, не убѣдите осаждающихъ лѣчиться.... ха-ха-ха! А Бонтронъ мертвецки напился.... Только онъ, вы да я расположены защищать замокъ.

— Какъ!... развѣ эти собаки не стануть драться? вскричалъ Раморни.

— Никто еще не показывалъ такой неохоты къ дракъ... ни-кто.... Но посмотрите, вотъ идутъ двое изъ нихъ. *Veni summa dies.* Ки, ки, ки!

Эвбо и товарищъ его Бѣнкль подошли съ мрачнымъ рѣшитель-нымъ видомъ людей, намѣренныхъ противиться власти, которой до-сихъ поръ покорялись.

— Это чтò значить! вскричалъ Раморни, подходя къ нимъ. Почему оставили вы свой постъ? Почему сошелъ ты съ редута, Эвбо? не приказалъ ли я тебѣ, Бѣнкль, смотрѣть за каменометами?

— Надобно сказать вамъ, сэръ Джонъ Раморни, отвѣчалъ Эвбо, что мы не хотимъ драться.

— Чтò? мои конюхи хотять дѣлать мнѣ предписанія? вскри-чалъ Раморни.

— Мы были вашими конюхами и нажами, когда вы были шталмейстеромъ герцога Роесая. Говорять, герцогъ убитъ.... мы хотимъ знать истину.

— Кто осмѣлился распространять такіе ложные слухи? отвѣ-силъ Раморни.

— Веѣ тѣ, которые выходили изъ замка, и я между прочи-ми. Пѣвица, убѣждавшая вчера, вездѣ рассказывала, что принца убили или собираются убить. Дугласъ идетъ съ многочисленнымъ войскомъ и....

— И вы, мошенники, пользуетесь ложнымъ слухомъ, чтобы из-мѣнить своему господину? съ презрѣніемъ сказалъ Раморни.

— Сэръ Джонъ, возразилъ Эвбо, покажите мнѣ и Бунклю гер-цога Роесая, и пусть онъ самъ прикажетъ защищать замокъ. Если мы тогда не станемъ драться до послѣдней капли крови, то повѣсьте насъ на самую высокую висѣлицу. Если принцъ умеръ естественною смертию, то мы отворимъ Дугласу ворота; онъ, го-ворять, намѣстникъ въ королевствѣ.... Но если, чего не дай Богъ, благородный принцъ убитъ, мы не будемъ сообщниками пре-ступления, мы не станемъ защищать убійцъ, кто бы они ни были.

— Эвбо, вскричалъ Раморни, поднимая раненную руку: ес-ли бы эта перчатка не была пуста, ты не успѣлъ бы произне-сти и двухъ словъ изъ своей дерзкой рѣчи.

— Все равно, возразилъ Эвбо, мы только исполняемъ свою обя-занность. Я долго слушался вашихъ приказаній, милордъ, но те-перь не послушаюсь.

— Такъ прощайте и будьте прокляты! воскричалъ разгнѣван-
ный рыцарь. Прикажите милости моею лошадей!

— Его милость собирается ѣхать, сказала Девинингъ Катери-
нѣ, къ которой незамѣтно подошелъ. Катерина, вы суевѣры какъ
и всѣ женщины; но вы не безъ ума и говорите гораздо благо-
разумнѣе этихъ скотовъ, которые окружаютъ насъ.... Что они,
эти гордые бароны, въ злополучный день?... солома, которую раз-
гнѣваетъ вѣтеръ! Пусть случится что-нибудь съ ихъ руками, или
ногами..., пропали тогда храбрцы. Сердце и смѣлость для нихъ
совсѣмъ не необходимы.... главное дѣло — ловкость въ движені-
яхъ.... Если они сильны, то бываютъ не лучше разъяренныхъ
быковъ. Отнимите у нихъ эту силу и ловкость, и наши рыцари
станутъ походить на избитыхъ клячъ. Человѣкъ умный совѣтитъ
другое дѣло. Покуда еще въ головѣ его хорошо текутъ мысли,
онъ, несмотря на свои раны и раздавленные члены, несколько не
теритъ своей власти.... Катерина, сегодня я хотѣлъ отправить
васъ на тотъ свѣтъ; но одумался и желаю, чтобы вы могли раз-
сказать, что бѣдный аптекаръ, позолотчикъ пилюль, продавецъ
яду, раздѣлилъ одну судьбу съ бѣднымъ рыцаремъ Раморинъ, ба-
рономъ и будущимъ графомъ Линдорнскимъ. Да спасетъ Богъ
его сіятельство!

— Послушайте, сказала Катерина, если вы дѣйствительно такъ
близки къ смерти, то вы должны мыслить совершенно о другихъ
вещахъ.... Не позвать ли монаха?...

— Да, возразилъ Девинингъ съ презрѣніемъ: не обратиться ли
мнѣ къ жирному монаху, который... хе! хе! хе!... который не по-
нимаетъ латыни, хотя произноситъ латинскія молитвы по при-
вычкѣ. Славный это будетъ совѣтникъ человѣку, учившемуся въ
Испаніи и Аравіи! Нѣтъ, Катерина.... я изберу себѣ исповѣдника,
на котораго пріятно смотрѣть.... вамъ преноручу я эту должность....
Взгляните теперь на его сіятельство.... На лбу у него теперь те-
четъ потъ.... губы дрожатъ отъ страха; вѣдь его сіятельство....
хе! хе! хе!... выпрашиваетъ себѣ жизнь у своихъ слугъ и не до-
вольно краснорѣчивъ, чтобы убѣдить ихъ.... Посмотрите, какъ у
него шевелятся всѣ мускулы на лицѣ.... Онъ умоляетъ этихъ не-
благодарныхъ скотовъ спасти жизнь ихъ господина.... Видите....
извѣнники смотрятъ на него очень страшно и рѣшительно.... те-
перь они опускаютъ глаза и, по-видимому, стыдятся своего от-
казу.... Однако эти бездѣльники считаютъ себя выше меня.... Вы
глупцы, не можете вѣрить въ Бога!... Богъ не можетъ унижить-
ся и сотворить такихъ подлыхъ людей.

— Нѣтъ, злой человѣкъ, не правда! вскричала Катерина съ жаромъ. Богъ, котораго я обожаю, сотворилъ всѣхъ людей съ способностями любить и познавать Его, помогать ближнимъ, и быть добродѣтельными. Пороки и искушенія дьявола сдѣлали ихъ такими. О! если бы этотъ урокъ тронулъ ваше каменное сердце! Богъ далъ вамъ больше знаній нежели другимъ; Онъ позволилъ вамъ проникнуть въ тайны природы и одарилъ васъ умомъ и ловкостью; но гордость отравила эти дары и сдѣлала изъ васъ страшнаго безбожника, между-тѣмъ какъ вы могли бы быть добрымъ христіанствомъ.

— Вы говорите, что я сталъ безбожникомъ? возразилъ Двиннигъ: можетъ-быть, я имѣю какое нибудь сомнѣніе насчетъ этого, но оно скоро уничтожится. Я вижу, вотъ идетъ человѣкъ, который уже многихъ отослалъ туда, гдѣ открываются всѣ тайны.

Катерина посмотрѣла туда, куда глядѣлъ врачъ. Она увидѣла у опушки лѣса толпу всадниковъ, скакавшихъ галопомъ. Посреди нихъ развѣвался флагъ. Хотя Катерина не могла разсмотрѣть гербъ, но на стѣнѣ заговорили, что идетъ Черный Дугласъ съ войскомъ. Къ воротамъ подъѣхалъ герольдъ съ двумя трубами и попросилъ впустить въ замокъ могущественнаго Арчбалда, графа Дугласа, наместника королевства.... вмѣстѣ съ тѣмъ герольдъ передалъ приказаніе графа, чтобы гарнизонъ снялъ оружіе, въ противномъ случаѣ они будутъ считаться государственными преступниками.

— Слышите, сказалъ Эво, обращаясь къ Рамори, который стоялъ въ нерѣшительности: прикажете вы отворить ворота? нето я прикажу сдѣлать это!

— Нѣтъ, бездѣльникъ! я буду приказывать до послѣдней минуты, вскричалъ рыцарь. Отворите ворота, поднимите рѣшетку, опустите мостъ и дайте Дугласу вѣхать въ замокъ!

— Вотъ прекрасное доказательство свободы приказывать, сказалъ Двиннигъ. Это точно будто мѣдь, въ которую недавно трубили, станетъ увѣрять, что она сама издавала звуки.

— Несчастный! возразила Катерина: замолчите и думайте о вѣчности, которой скоро предадутъ васъ!

— А вамъ что до этого за дѣло? отвѣчалъ Двиннигъ. Вы не можете принудить себя не слышать того, что я говорю вамъ. Перезъ и Шотландія должны узнать кого потеряли въ Хнибенѣ Двиннигъ.

Стукъ оружія показалъ, что воины уже вѣхали на дворъ, сошли съ лошадей и отбирали оружіе у малочисленнаго гарнизона. Самъ Дугласъ взшелъ съ нѣсколькими офицерами на стѣну и при-

казалъ схватить Раморин и Двиннига. Нѣсколько воннозъ привели Бонтрона, котораго нашли мертвецки пьянаго.

— Такъ они были при герцогѣ Россетъ во время его минимой болѣзни? спросилъ Дугласъ, продолжая допросъ, начатый въ передней.

— Никто больше не видалъ его, милордъ, отвѣчалъ Эвбо, хотя я и предлагалъ мои услуги.

— Веди меня въ комнату герцога и пусть пѣвнички идутъ за нами. Тутъ должна быть еще и женщина, если ея не убили или не выгнали.... она жила съ пѣвицей, которая донесла намъ о преступленіи....

— Вотъ она, милордъ, сказалъ Эвбо, подводя Катерину.

Ея красота и смущеніе, казалось, тронули безстрастнаго графа.

— Не бойся, милая, сказалъ онъ: ты заслужила похвалу и награды.... Скажи мнѣ, какъ духовнику, чтò ты видѣла въ замкѣ?

Немного словъ нужно было Катеринѣ, чтобы разсказать ужасную тайну.

— Это совершенно сходно съ доносомъ пѣвицы, сказалъ Дугласъ. Пойдемъ теперь въ комнату принца.

Они пошли къ комнатѣ, въ которой принцъ провелъ одну ночь. Но дверь была заперта, а ключъ затерянъ, и Дугласъ приказалъ выломить ее. При входѣ они увидѣли обезображенное тѣло принца, котораго, казалось, въ поспѣшности бросили на постель. Однако убійцы, по-видимому, хотѣли придать тѣлу видъ, будто принцъ умеръ естественною смертію. Но бѣгство Луизы прервало занятія преступниковъ. Дугласъ посмотрѣлъ на тѣло принца, котораго страсти и капризы довели до такой смерти.

— Я долженъ былъ отомстить ему за обиду, сказалъ онъ: но такое зрѣлище заставляетъ все забыть!

— Хе! хе! хе! мы устроили бы все по вашему вкусу; только ваше сіятельство слишкомъ спѣшили, а слишкомъ терпѣливому господину трудно услужить, сказалъ Двиннигъ.

Дугласъ, казалось, не слыжалъ словъ врача и былъ занятъ разсматриваніемъ изсохшаго тѣла. Катерина не могла выдержать этого зрѣлища и едва не лишилась чувствъ. Ей наконецъ позволили выйти. Всѣ въ замкѣ были такъ заняты, что она безпрепятственно дошла до своей комнаты, гдѣ ее обняла Луиза, которая пріѣхала съ отрядомъ Дугласа.

Дугласъ продолжалъ свой допросъ. Въ рукахъ принца нашли ключекъ черныхъ волосъ, которые очень походили на жесткіе волосы Бонтрона. Хотя убійство начато было голодомъ, однако по-

видимому его оменчили насильемъ. Потопленная лѣстница, которая вела въ тюрьму; ключи отъ тюрьмы, висѣвшіе на косякѣ убійцы, отверстіе въ стѣнѣ близъ развалинъ; солома и цѣпи, оставшіеся въ темницѣ... все доказывало истину объясненій Катерины и пѣвицы.

— Мы не будемъ медлить ни одной минуты, сказалъ Дугласъ своему близкому родственнику, Болвину, когда всѣ вышли изъ тюрьмы. Приведите преступниковъ и повѣсьте на самомъ верху башни.

— Но, милордъ, можно бы соблюсти нѣкоторыя формы суда, замѣтилъ Болвинъ.

— Къ чему? возразилъ Дугласъ. Я поймалъ ихъ на дѣлѣ и могу приказатъ казнить ихъ.... Нѣтъ ли у насъ когонибудь изъ Джидвуда?

— У насъ дозволено Тёрбульцевъ, Рётерфордцевъ, Энзлійцевъ и такъ далѣе, отвѣчалъ Болвинъ.

— Ну, такъ прикажите имъ исполнить приговоръ; они люди честные и храбрые. Повѣсьте преступниковъ, между тѣмъ какъ я буду судить въ большой залѣ.... Увидимъ, кто скорѣе кончитъ свое дѣло: судъ, или палачъ!... Мы сдѣлаемъ это по-джидвудски: Сперва повѣсимъ, а судить станемъ, когда будетъ свободное время.

— Пойдите, милордъ, вскричалъ Раморни, вы можете быть расклеваны въ поспѣшности.... Позвольте сказать вамъ одинъ нѣсколько словъ.

— Ни за что на свѣтѣ! возразилъ Дугласъ. Скажи громко то, что хочешь сказать!

— Такъ знайте же всѣ, громко сказалъ Раморни, этотъ благородный графъ получилъ отъ герцога Ольбени и отъ меня черезъ подлеца Бѣннля письма.... пусть онъ отворется, если смѣетъ... Въ этихъ письмахъ говорилось объ удаленіи принца на нѣкоторое время отъ двора.

— Но мы никогда не писали, что герцога хотятъ бросить въ темницу.... умерить съ голоду.... убить, возразилъ Дугласъ съ торжественной улыбкой. Пусть уведутъ преступниковъ, Болвинъ; они слишкомъ долго заражали воздухъ, которымъ Богъ позволялъ намъ дышать.

Преступниковъ повели на самый верхъ башни. Но между-тѣмъ какъ дѣлали приготовленія къ казни, аптекарь настоятельно просилъ для спасенія своей души видѣться съ Катериной. Она согласилась взойти наверхъ и увидѣть ужасную сцену, надѣясь,

что въ жестокомъ сердцѣ Двиннига пробудились передъ смертью лучшія чувства. Она съ одного взгляду увидѣла Болтрона, впаившаго отъ вѣка въ совершенную безчувственность, Ранорни, который напрасно старался сарить страхъ и Двиннига съ обычнымъ унылымъ видомъ. Врачъ держалъ маленькое серебрянное перо, которымъ только что написалъ нѣсколько словъ на пергаментѣ.

— Катерина, сказалъ онъ, я желаю.... хи-хи-хи!.. поговорить съ вами о моихъ религіозныхъ мнѣніяхъ.

— Если вы имѣете это намѣреніе, то не теряйте со мной времени! Поговорите съ этимъ почтеннымъ отцемъ!

— Да этотъ почтенный отецъ уже обожаетъ.... хи-хи-хи!... моего кумира. Я хочу доставить моему алтарю новую обоjetельницу, вась, Катерина. Въ этой запискѣ написано, какъ войти въ мой храмъ, гдѣ я часто преклонялся передъ идоломъ, котораго самъ себя сдѣлалъ. Я дѣлаю вась наследницею этого идола только потому, что ненавижу и презираю вась меньше всѣхъ презрѣнныхъ глупыхъ существъ, которыхъ меня принуждали называть своими ближними.... Теперь идите прочь!.. или оставьтесь и посмотрите какъ я кончу свою жизнь.

— Боже сохрани! вскричала Катерина.

— Пойдите, продолжалъ Двиннигъ, мнѣ надобно сказать вамъ еще одно слово: этотъ благородный лордъ тоже можетъ услышать его, если ему угодно.

Лордъ Болвини подошелъ съ любопытствомъ; рѣшительность чловѣка, который не умѣлъ владѣть шпагой или носить оружіе, казалась ему почти колдовствомъ.

— Видите ли вы этотъ маленький инструментъ, сказалъ аптекаръ, показывая серебрянное перо. Вотъ онъ можетъ доставить мнѣ средство спастись отъ власти Чернаго Дугласа.

— Не давайте ему чернилъ и бумаги, поспѣшно вскричалъ Болвини: онъ напишетъ чары.

— Не угадали.... хи-хи-хи! возразилъ Двиннигъ, развѣчивая голову палочки.

Онъ вынулъ изъ пера вещество, похожее на губку, величиной съ горошину, не больше.

— Теперь, смотрите! вскричалъ аптекаръ.

Онъ положилъ шарикъ въ ротъ и въ тотъ-же мигъ упалъ за мертво; но на губахъ была еще ироническая улыбка.

Катерина вскрикнула и побѣжала внизъ, чтобы избавиться отъ

ужаснаго зрѣлища. Лордъ Болвини остолебенѣлъ отъ изумленія и наконецъ воскричалъ:

— Это можетъ-быть штуки! повѣсить его, живаго или мертваго. Если его проклятая душа чарами отдѣлилась отъ тѣла на нѣсколько времени, то возвратясь, увидитъ только стланутое горло.

Приказаніе это тотчасъ же исполнили. Потомъ приступили къ казни Бонтрона и Раморни. Первый, казалось, не понималъ что съ нимъ хотятъ дѣлать. Раморни же, блѣдный, имѣлъ еще столько духу и гордости, что потребовалъ казни рыцаря, казни мечемъ.

Дугласъ никогда не перемѣняетъ рѣшенія, отвѣчалъ Болвини. Впрочемъ мы не повѣсимъ рыцаря.... Пусть придетъ поварь съ ножемъ.

Повара привели.

— Чего дрожишь, дуракъ? сказалъ Болвини; отруби золотыя шпоры съ пятокъ этого человѣка.... Теперь, Джонъ Раморни, ты больше не рыцарь... Палачъ, повѣсь его съ товарищами; по Джона выше обонхъ другихъ.

Черезъ четверть часа Болвини извѣстилъ Дугласа, что казни исполнена.

— Въ такомъ случаѣ и судить нечего, сказалъ графъ. Что вы думаете, господа судьи? были ли эти три человѣка государственными преступниками.... да или нѣтъ?

— Да, единодушно вскрикнули снисходительные судьи, намъ не нужно другихъ доказательствъ.

— Такъ затрубите же отъѣздъ. Я возьму съ собою маленькую свиту. Чтобы никто не говорилъ ни слова о томъ, что тутъ случилось, прежде нежели я не объявлю объ этомъ королю, а этого я не могу сдѣлать раньше Вербнаго Воскресенья. Болвини, выберите мнѣ свиту и скажите всѣмъ, что если кто проболтается, того накажутъ смертью.

Черезъ минуту Дугласъ со свитой былъ готовъ къ отъѣзду. Онъ послалъ къ вдовѣ герцога Роесая нарочнаго съ приказаніемъ, чтобы дочь ѣхала въ Перезъ по берегу Лочливина, не приближаясь къ Фалькленду, и приняла бы подъ свое покровительство Катерину и Луизу, какъ особъ, въ которыхъ графъ принимаетъ участіе.

Когда они выѣхали изъ лѣсу, то увидѣли на башнѣ трехъ повѣшенныхъ, которые казались теперь темными точками надъ стѣной стараго замка.

— Рука наказана, сказалъ Дугласъ; но кто обвинитъ голову, которая управляла дѣйствіями этой руки!

— Вы говорите о герцоге Ольбени? спросил Болвини.

— Да, любезный мой родственникъ, и если бы я слѣдовалъ голосу моего сердца, то сейчасъ бы донесъ на него, потому что, вѣрно, онъ приказалъ исполнить это убійство. Но другихъ доказательствъ, кромѣ сильныхъ подозрѣній нѣтъ; а Ольбени привлекъ къ себѣ всѣхъ друзей дома Стурта. Они, конечно, и не могли привязаться къ слабому королю или распутному Роесау. Если я разорву союзъ съ Ольбени, то изъ этого возникнетъ война, которая разрушитъ бѣдную Шотландію, потому что ей грозитъ нашествіе Перси и измѣна Марча.... Нѣтъ.... наказаніе Ольбени надобно предоставить небу: оно непременно отомститъ ему и его дому.

XXXIII.

Припомнимъ теперь читателю, что Симонъ Глѣверъ и дочь его должны были на скоро оставить свое жилище, не успѣвъ даже уведомить Генри Смита о своемъ отъѣздѣ, и о тревожной причинѣ, побудившей ихъ къ тому. Когда въ самое утро ихъ побѣгу, молодой человекъ пріѣхалъ въ Керьюстривъ, то вмѣсто ласковаго приему добраго мѣщанина, и встрѣчи, подобной апрѣльской погодѣ, то есть полудожливой и полуясной, какъ ему было это обѣщано, онъ узналъ только грустную новость объ отъѣздѣ отца и дочери съ какими-то незнакомцемъ, который всѣми мѣрами старался закрывать лицо, чтобъ не быть узнану. Доротея, у которой былъ даръ смотрѣть на все черезъ черное покрывало и сообщать свои идеи другимъ, сочла за нужное прибавить, что, по всей вѣроятности, господинъ ея съ барышней уѣхалъ въ горы, чтобъ избѣжать встрѣчи съ педелями, пріѣхавшими вскорѣ послѣ ихъ отъѣзду обѣсидывать домъ отъ комиссіи, назначенной самимъ королемъ; они обошли весь домъ, наложили на все печать, и оставили имъ повелѣніе явиться въ назначенный день въ судъ комиссіи, которая въ случаѣ непослушанія объявитъ ихъ изгнанными изъ отечества. Доротея постаралась описать всѣ эти непріятныя обстоятельства самыми черными красками: и прибавила въ утѣшеніе, что господинъ ея поручилъ ей сказать Генри, чтобъ онъ спокойно оставался въ Пероѣ, куда они скоро ему напишутъ. Извѣстіе это переимѣнило намѣреніе Смита, который хотѣлъ немедленно ѣхать въ горы, и раздѣлить съ ними участь, какая бъ ни была.

Притомъ, когда онъ размыслилъ о разныхъ своихъ расправахъ съ нѣкоторыми горцами кельскаго клана, а въ особенности о личной его враждѣ съ Конэчеромъ, который сдѣлался теперь сильнымъ начальникомъ, то не могъ не согласиться, что неожиданный его прїѣздъ можетъ скорѣе повредить чѣмъ принести какую-нибудь пользу изгнанникамъ.

Генри зналъ дружескія сношенія Симона съ начальникомъ кельскаго клана, изъ чего и заключалъ, что Глѣверъ пользуется тамъ всѣмъ, что можетъ только доставить дружба съ атаманомъ, и что присутствіе его можетъ только повредить Симону; что же касалось до личной его храбрости, то она не могла защитить его противъ цѣлаго племени мстительныхъ горцевъ. Сердце его рвалось однако отъ негодованія, когда онъ вспоминалъ что Катерина находится теперь во власти Конэчера, его отъявленнаго врага и соперника, который имѣлъ теперь столько средствъ достигнуть своей цѣли.

Развѣ рука дочери не можетъ быть цѣною жизни отца, думалъ Генри, который хотя и былъ увѣренъ въ любви Катерины, однако, зная сильную привязанность ея къ отцу, боялся, чтобъ для него она не пожертвовала собою.

Мучимый всѣми этими мыслями, онъ рѣшился остаться въ городѣ, разгонять по мѣрѣ возможности грусть свою и ожидать писемъ отъ старика Глѣвера.

Письма пришли, но не возвратили спокойствія его сердцу.

Сэръ Патрикъ Чартризь не забылъ своего обѣщанія, и самъ хотѣлъ сообщить оружейнику намѣреніе изгнанниковъ, но во время такой тревоги, происходящей отъ вступленія войскъ, не могъ этого сдѣлать, и потому послалъ къ нему съ этимъ порученіемъ своего повѣреннаго Хенсхава. Какъ достойная эта osoba дѣйствовала за одно съ Раморни, который хотѣлъ скрывать отъ всѣхъ, особенно же отъ такого дѣятельнаго и предприимчиваго обожателя какъ Генри, гдѣ была тогда Катерина, то и сказалъ несчастному оружейнику, что другъ его Глѣверъ находится въ горахъ, въ совершенной безопасности; о Катеринѣ же не сказалъ ни слова, а только далъ подразумевать ему, что и она тоже находится подъ покровительствомъ кельскаго клана. Но онъ снова подтвердилъ именемъ сэра Патрика, что отецъ и дочь находятся въ совершенной безопасности и что всего умнѣе — спокойно ждать ихъ возвращенія.

Несчастный Гау рѣшился до новыхъ извѣстій ничего не предпринимать.

Ремесло его было любимымъ его занятіемъ, и потому, чтобъ развлечь себя и избѣжать неприятныхъ толковъ, онъ заперся въ своей кузницѣ и принялся усердно за работу, полагаясь на испытанную дружбу Симона и на покровительство сэра Патрика Чартриза.

Между-тѣмъ время шло, а Генри всё-еще не получалъ вѣстій отъ друзей своихъ.

Наконецъ, незадолго до Вербнаго Воскресенья, сэръ Патрикъ Чартризъ пріѣхавъ въ городъ для разныхъ распоряженій, относящихся къ сраженію, вспомнилъ тоже о Генри и зашелъ навѣстить его.

Онъ вошелъ къ оружейнику съ такимъ печальнымъ лицомъ, что тотъ въ ту же минуту догадался, что онъ пришелъ къ нему не съ добрыми вѣстями.

Генри дотого испугался, что руки его задрожали и поднятый къверху молотокъ, не понавъ на раскаленное желѣзо, упалъ на землю.

— Бѣдный Генри, сказалъ сэръ Патрикъ, я пришелъ къ тебѣ не съ радостными вѣстями; но это еще не вѣрно; да еслибъ и вѣрно было, то такому храброму человѣку какъ ты, не слѣдуетъ слишкомъ огорчаться.

— Надѣюсь, милордъ, что это не относится однако къ Симону или его дочери?

— Къ нимъ самимъ, нѣтъ; они здоровы и находятся въ совершенной безопасности; но я думаю теперь не о нихъ, о тебѣ, мой бѣдный Генри, потому что несчастье это относится именно къ тебѣ. Ты знаешь, что я старался помѣстить Катерину къ герцогинѣ Роесай? Но она не захотѣла взять Катерину подъ свое покровительство и отправила ее въ горы, къ отцу. Ты слышалъ, можетъ быть, что Джилькристъ Макъ-Янъ умеръ, и что сынъ его Ичинъ, называемый въ Перѣѣ Конзчеромъ, сдѣлался теперь предводителемъ клана? Я посылалъ одного изъ моихъ слугъ въ Бредальбанъ, чтобъ уговориться съ горцами насчетъ вѣкоторыхъ распоряженій, относящихся къ сраженію, и онъ сообщилъ мнѣ, что между Макъ-Явами носится слухъ, будто предводитель ихъ сватается къ Катеринѣ. Тутъ нѣтъ еще ничего вѣрнаго, однако оно очень походитъ на правду.

— Видѣлъ слуга вашъ Глѣвера и его дочь? спросилъ Генри, который наслу могъ дышать, и чтобъ скрыть свое волненіе отъ рыцаря, началъ кашлять и ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣчалъ сэръ Патрикъ. Горды, каза-

лось, не хотѣли допустить его до старика Глёвера; а онъ боялся просить позволенія повидаться съ Катериною, потому что не хотѣлъ возбудить ихъ подозрѣвiя. Ктому жъ, посланный мой не умѣетъ говорить на ихъ языкѣ, а тотъ, который сообщилъ ему эти новости, почти не понимаетъ по-англійски, такъ, что все это можетъ быть неправда. Между тѣмъ всѣ объ этомъ говорятъ, и я думалъ, что гораздо лучше предупредить тебя. Но ты можешь быть увѣренъ, что прежде Вербнаго Воскресенья свадьба этой не бывать, потому что надо прежде знать, чѣмъ кончится сраженiе, и я совѣтую тебѣ, пока не узнаешь всѣхъ подробностей, ни на что не рѣшаться; по моему, лучше знать правду, если даже она и горькая правда. Бдешь ты въ городской совѣтъ? спросилъ баронъ, помолчавъ немного. Тамъ будутъ говорить о приготовленiяхъ къ сраженiю въ Нордъ-Ичтъ и всѣ будутъ рады видѣть тебя.

— Нѣтъ, милордъ, не поѣду.

— Вижу, что ты огорченъ, любезный Смитъ; впрочемъ, всѣ женщины — флюгарки; это неоспоримая истина, Соломонъ прежде насъ это испыталъ.

Сказавъ это, сэръ Патрикъ вышелъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что исполнилъ какъ нельзя лучше свою обязанность утѣшителя.

Но несчастный оружейникъ выслушалъ эту новость и совѣты рыцаря съ совершенно противоположными чувствами.

— Предсѣдатель нашъ прекрасный человекъ, думалъ съ горечью Генри, но такъ надутъ своимъ рыцарствомъ, что если говорить и глупости, то думаетъ, что бѣдный человекъ обязанъ слушать ихъ съ почтенiемъ, точно также какъ хвалить пиво его сiятельства, когда оно подается вмѣсто вина въ серебряномъ бокалѣ. Это все равно, что еслибъ я летѣлъ съ горы и онъ бы сказалъ мнѣ: — Жаль мнѣ тебя, Генри, потому что пропасть, которой не избѣжать тебѣ, очень глубока. Но не теряй надежды, можетъ-быть ты увидишь камень или кустъ, за который можешь уцѣпиться. Право, не знаю, какъ глубока эта пропасть; но когда ты свалишься въ нее, то самъ увидишь. Когда жъ ты придешь играть со мною въ шары? Ну, можетъ ли такая болтовня спасти человека? Это ли доказательство дружбы. Нѣтъ! когда я вспомню объ этомъ, то готовъ съ ума сойти, взять молотокъ и расколотить все, все, что только попадется мнѣ подъ руки. Но я буду спокоенъ, и если только этотъ горный ястребъ, который называетъ себя орломъ, нападетъ на мою гор-

лицу, то я докажу ему, что перескій гражданинъ умѣетъ натягивать стрѣлы.

Это было въ четвергъ, на вербной недѣлѣ, и бойцы обонхъ вражескихъ клановъ должны были прїѣхать на другой день, чтобъ субботу провести въ отдыхѣ и приготовленіяхъ къ бою. Кланъ послалъ наканунѣ въ Перезъ двоихъ или троиъ изъ своихъ горцевъ, чтобъ они все приготовили къ ихъ прїѣзду. И потому Генри нисколько не былъ удивленъ, когда увидѣлъ въ Виндѣ, гдѣ самъ жилъ, рослаго и сильнаго горца, который осматриваясь съ любопытствомъ кругомъ, казалось, въ жизнь свою не видывалъ самыхъ обыкновенныхъ вещей.

Смитъ посмотрѣлъ на него изъ-подлобья, не потому только, что онъ былъ горецъ, которыхъ оружейникъ вообще несправдѣлъ, но потому, что онъ былъ въ одѣянїи кельскаго клана; дубовая вышитая шелкомъ вѣтка, доказывала тоже, что человекъ этотъ былъ изъ числа тѣлохранителей Ичина.

Генри ушелъ къ себѣ въ кузницу, потому что не могъ хладнокровно глядѣть на этого человека, и зная, что горецъ этотъ назначенный защитникомъ своего клана, не могъ быть предметомъ посторонней ссоры, онъ хотѣлъ по крайней-мѣрѣ избавиться отъ дружескихъ съ нимъ сношеній.

Вдругъ дверь въ его рабочую отворилась и Генри увидѣлъ передъ собою горца, который вошелъ къ нему гордою поступью человека, воображающаго что всѣ, съ кѣмъ онъ можетъ встрѣтиться, гораздо ниже его. Войдя въ кузницу, онъ остановился, какъ-будто ожидалъ что его примутъ ласково, вѣжливо и будетъ ему рады, но Генри вовсе не намѣренъ былъ льстить его самолюбію и подавая видъ, будто не примѣчаетъ его, продолжалъ заниматься своею работою.

— Тебя зовутъ кривоногимъ кузнецомъ? спросилъ горецъ.

— Да, такъ меня зовутъ только тѣ, кому хочется, чтобъ я переломалъ имъ поги, отвѣчалъ Смитъ.

— Я не хотѣлъ обидѣть тебя, а пришелъ кушать вооруженіе.

— Въ такомъ случаѣ ты можешь отсюда отправляться. У меня нѣтъ ничего для продажи.

— Если бъ это случилось не за два дня до Вербнаго Воскресенья, то я выучилъ бы тебя пѣть пѣсни на другой ладъ.

— А какъ это случилось сегодня, отвѣчалъ Генри презрительно и хладнокровно, то я прошу тебя отойти отъ свѣту.

— Ты настоящій невѣжа; но я самъ кузнецъ и знаю, что когда желѣзо раскалится, кузнецъ тоже пылеть.

— А если ты самъ кузнецъ, то можешь самъ себя сдѣлать вооруженіе.

— Разумѣется могу, и не сталъ бы просить твоей помощи.... но слышалъ, будто выработывая свои мечи и шпаги, ты насвистываешь пѣсни и поешь такія слова, которыя имѣютъ даръ придавать имъ такую силу, что рѣжутъ сталь какъ бумагу, между-тѣмъ какъ твоихъ кольчугъ ничѣмъ нельзя разрубить.

— Вотъ, невѣждамъ рассказываютъ разные турысы на колесахъ, а вы всему такъ и вѣрите. Правда, что я работаю какъ честный ремесленникъ и насвистываю все, что мнѣ взбредетъ въ голову, но не колдую; чаще же всего я пою одну горную пѣсню, которая начинается словами «Я иду на висѣлицу», и каждый разъ когда я пою ее, молотъ мой очень натурально колотить въ тактъ.

— Другъ, сказалъ горецъ съ достоинствомъ, не хорошо погонять лошадей, когда ноги у нея связаны. Ты знаешь, что я не могу теперь драться, а тебѣ не дѣлаетъ чести швырять въ меня насмѣшками.

— Клянусь гвоздями и молоткомъ, что ты правъ, совершенно правъ, вскричалъ Смитъ, перемѣнявъ тонъ. Но объяснися, другъ; что тебѣ надо отъ меня? Я не намѣренъ терять время.

— Мнѣ нужна каска для моего предводителя, Ичнна Макъ-Яна.

— Ты кузнецъ, говоришь ты: такъ понимаешь ли толкъ вотъ въ этомъ? спросилъ оружейникъ вытаскивая изъ ящика только что конченныя кольчуги.

Горецъ сталъ разсматривать ихъ съ восхищеніемъ, къ которому примѣшивалось однако немного зависти.

Онъ разсмотрѣлъ ихъ и сказалъ что въ жизнь свою не видывалъ ничего подобнаго.

— Еслибъ тебѣ дали за эти кольчуги сто быковъ или коровъ и порядочное стадо барановъ, то и тогда бы это не было слишкомъ дорого, сказалъ горецъ для первой попытки; а между тѣмъ хотя мнѣ и негдѣ этого взять, но я предлагаю тебѣ это съ радостью.

— Это очень хорошая цѣна, но я не отдамъ ихъ ни за золото, ни за товаръ. Я хочу попробовать на нихъ одну шпагу и отдамъ только тому это вооруженіе, кто захочетъ надѣть его и драться со мною. На такихъ условіяхъ я отдаю его вашему предводителю.

— Полно! полно! съ ума ты сошелъ. Выпей лучше стаканъ вина да ложись спать, ты вѣрно не проспался, пріятель, сказалъ горецъ съ презрѣніемъ. Развѣ ты думаешь что предводитель кельскаго клана захочетъ драться съ простымъ мѣщаниномъ? Выслушай меня: я сдѣлаю тебѣ такую честь какой еще никто не удостоивался изъ твоего роду: за это чудное вооруженіе я самъ стану съ тобою драться.

— Надо прежде доказать, можешь ли ты равняться со мною силами, сказалъ улыбаясь Генри.

— Какъ? что такое? Я, лейхташъ Ичина, не могу равняться съ тобою силами?

— Если хочешь, можешь попробовать.

— Ты кузнецъ, говоришь ты?

— Умѣешь ты пускать молотками?

— Умѣю ля я? Спроси у орла, умѣетъ ли онъ парить надъ Феррагономъ?

— Но прежде чѣмъ драться со мною, надо познакомиться съ однимъ изъ моихъ лейхташей. Дѣнтеръ, сюда! подойди по ближе; намъ надо постоять за честь города. Теперь, пріятель, выбирай, вотъ цѣлый рядъ молотковъ. Бери который хочешь и пойдемъ въ садъ.

Горецъ, котораго звали Норманомъ Ордомъ, или Норманомъ Молотомъ, выбравъ самый тяжелый молотокъ изъ тѣхъ которые ему показывали, доказалъ, что заслужилъ это названіе. Генри, замѣтя это, улыбнулся.

Дѣнтеръ, работникъ Смита, бросилъ свой молотокъ на разстояніе, которое могло назваться неимовѣрнымъ; но горецъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, бросилъ свой на два или на три локтя далѣе. Онъ посмотрѣлъ на Генри съ торжествующимъ видомъ. Смитъ снова улыбнулся.

— Посмотримъ теперъ твое умѣнье, сказалъ горецъ подавая ему молотъ.

— Только не этотъ, отвѣчалъ Гау; это настоящая дѣтская игрушка; онъ такъ легокъ что почти не можетъ летѣть противъ вѣтру. Дженкинъ! принеси мнѣ Самсона. Нѣтъ; подай лучше Ребенка; Самсонъ ужъ черезъ чуръ тяжелъ.

Молотъ, принесенный Дженкиномъ, былъ вдвое больше и тяжелѣе того, что горецъ выбралъ для себя, и который по его мнѣнію былъ необыкновенной тяжести. Норманъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ; но удивленіе его еще увеличилось, когда Гау, взявъ

молотъ и вставъ въ позицію, размахнулся имъ и пустилъ огромную эту массу, которая полетѣла какъ изъ лука стрѣла, просвистѣла по воздуху, наконецъ упала, и впиалась на локоть въ землю, почти на шесть футъ дальше того мѣста гдѣ упалъ молотъ Нормана.

Побѣжденный и пристыженный горецъ поднялъ молотъ, свѣсилъ въ рукѣ и сталъ внимательно разсматривать, какъ-будто думалъ, нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь особеннаго.

Наконецъ, онъ отдалъ его Смигу съ горькою улыбкою.

— Посмотримъ теперь твое умѣнье, сказалъ въ свою очередь Генри.

— Норманъ ужъ и безъ того слишкомъ много проигралъ въ этой игрѣ, отвѣчалъ горецъ пожимая плечами и качая головой; онъ лишился собственнаго своего имени, имени Молотка. Но неужели Гау и въ самомъ дѣлѣ работаетъ этою желѣзною массой, которая была бъ тяжестью даже для лошади?

— Посмотришь, такъ увидишь, пріятель, отвѣчалъ Генри, уводя его въ кузницу.

— Дѣятеръ, сказалъ онъ обращаясь къ своему помощнику, положи на наковальню вотъ этотъ кусокъ желѣза.

Взявъ тогда уродливой величины молотъ, тотъ который назывался Самсономъ, онъ сталъ расколачивать желѣзо, то правую, то лѣвою рукою, а иногда и обѣими вдругъ, но съ такою силою и ловкостью, что менѣе чѣмъ въ три минуты сдѣлалъ маленькую подкову.

— Ай! ай! вскричалъ горецъ. Но зачѣмъ хочешь ты драться съ нашимъ предводителемъ? Еслибъ ты даже былъ первѣйшій въ мірѣ кузнецъ, то и тогда, по рожденію, онъ стоитъ гораздо выше тебя.

— Выслушай меня, сказалъ Генри, ты, кажется, добрый малый и я тебѣ скажу истинную правду. Предводитель твой оскорбилъ меня, и я, чтобъ нѣтъ только возможность драться съ нимъ, съ радостью отдамъ ему эти латы.

— Если онъ оскорбилъ тебя, то обязанъ исполнить твое желаніе, отвѣчалъ тѣлохранитель Ичнна. Всякая обида срываетъ орлиное перо съ головы предводителя. Еслибъ онъ даже былъ главнымъ властелиномъ всѣхъ нашихъ горъ — чѣмъ и есть теперь Ичнинъ — онъ долженъ сразиться съ тѣмъ кого оскорбилъ, или терять одну розу изъ своей гирлянды.

— Такъ послѣ Вербнаго Воскресенья ты уговоришь его?

— Употреблю всё силы если только коршуны не сгдожутъ костей моихъ. Потому надо сказать тебѣ, пріятель, что у чатанскаго племени предлинныя и преострые когти.

— Только на такихъ условіяхъ я отдаю Ичину это вооруженіе. Если же онъ мнѣ не заплатитъ условленной цѣны, то я пристыжу его при королѣ и при всемъ дворѣ.

— Будь спокоенъ, совершенно спокоенъ! будь увѣренъ что я самъ приведу его на мѣсто сраженія.

— Я буду тебя за это благодарить; а чтобъ ты не забылъ своего обѣщанія, я дарю тебѣ вотъ этотъ кинжалъ. Смотри на него почаще! Если рука твоя тверда и ты захочешь поразить имъ врага своего, то нарови попасть ему въ затылокъ между каскою и воротникомъ латы; ручаюсь, что ему не понадобится тогда пускать крови.

Горецъ поблагодарилъ Смита и отправился домой.

— Я отдалъ ему лучшее вооруженіе, какого я отъ роду не дѣлывалъ, сказалъ оружейникъ съ нѣкоторою досадою, и зато только что онъ хочетъ уговорить своего атамана удостоить меня чести драться съ нимъ; пусть Катерина принадлежитъ тогда челоуѣку, который заслужитъ ее съ оружіемъ въ рукахъ. Но я боюсь только, чтобъ предводитель этотъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ не отказался отъ поединка. Впрочемъ если онъ будетъ такъ счастливъ, что ему удастся одержать побѣду, то можетъ быть это и разлакомитъ его на новые подвиги. Я не теряю однако надежды, потому что мнѣ иногда случалось видѣть новичковъ, которые, прежде чѣмъ научились владѣть шпагою, были настоящими карликама и вдругъ послѣ нѣсколькихъ побѣдъ становились гигантами.

Вооруженный самою отчаянною рѣшимостью, но немнѣя однако большой надежды, Генри Смитъ ожидалъ минуты, которая должна была рѣшить судьбу его.

Сердце его рвалось отъ зловѣщихъ предчувствій, оно изнывало при мысли о Глѣверѣ и его дочери.

— Имъ стыдно сказать мнѣ правду, признаться въ своей измѣнѣ, и потому они не пишутъ мнѣ, думалъ Гау.

Оба войска, представители враждебныхъ клановъ, пріѣхали въ пятницу, въ полдень, къ мѣсту своего назначенія, гдѣ должны были отдохнуть и приготовиться къ бою.

Защитники кельскаго клана помѣстались въ богатомъ скни-

скомъ аббатствѣ, между тѣмъ какъ соперниковъ ихъ угощалъ предсѣдатель въ своемъ замкѣ Кинфаунсѣ.

Городъ старался всѣми мѣрами удовлетворить объ партіи, такъ, чтобъ ни та ни другая не имѣла права жаловаться на предпочтеніе или пристрастіе.

Въ это время лордъ великій конетабль, графъ Эроль, покровитель чатанскаго клана и молодой графъ Кравфордскій, покровитель кельскаго, условились во всѣхъ пунктахъ этикета и сраженія, и подписали ихъ. Посланные безпрестанно ѣздили изъ одного графства въ другое, такъ, что въ продолженіи тридцати часовъ, прежде чѣмъ они условились на счетъ всѣхъ пунктовъ церемоніала, у нихъ было шесть или семь свиданій.

Съ другой стороны во избѣжаніе возобновленія старинныхъ ссоръ между гражданами и горцами, ихъ сосѣдями, первымъ было запрещено подходить на разстояніе полу-мили къ мѣстамъ, гдѣ находились представители обонхъ клановъ, а послѣднимъ входить въ Пероъ безъ особаго позволенія.

А чтобъ приказаніе было выполнено, городъ окружили войскомъ, которое въ такой точности исполняло волю своихъ начальниковъ, что даже самого Симона Глѣвера, хотя и пероскаго гражданина, не впустили въ городъ, потому только что онъ пришелъ съ воинами Ичнна Макъ Яна и что на немъ былъ плащъ кельскаго клана.

Такое непредвидимое обстоятельство помѣшало Симону идти къ Генри Смиуту и сообщить ему все что съ нимъ случилось съ тѣхъ поръ какъ они разстались.

Еслибъ судьба свела ихъ тогда, то развязка этого романа была бы другая....

Въ субботу вечеромъ, пріѣхалъ графъ Дугласъ сопровождаемый только тридцатью всадниками; но всѣ они были рыцари или молодые люди изъ первыхъ дворянскихъ домовъ. Пріѣздъ этотъ точно также занималъ народъ какъ приготовленія къ бою горцевъ.

Всѣ взоры были устремлены на Дугласа и слѣдовали за нимъ какъ слѣдуютъ за полетомъ орла, когда онъ паритъ подъ облаками, не зная еще куда направить путь свой. Графъ вѣхалъ въ городъ шагомъ, выѣхалъ въ сѣверныя ворота и остановился у доминиканскаго монастыря. Онъ слѣзъ потомъ съ лошади и изъявлялъ желаніе видѣться съ герцогомъ Ольбени. Его тотчасъ же повели къ нему; герцогъ принялъ его ласково и вѣжливо, но

видно было, что притворяется и желает скрыть свое смущение. После первых привѣтствій, графъ съ мрачнымъ видомъ сказалъ:

— Я прѣхалъ къ вамъ не съ добрыми вѣстями, милордъ; племянника вашего высочества, герцога Роеса я нѣтъ больше на свѣтѣ. По всему видно, что онъ былъ жертвою злодѣйскихъ козней.

— Злодѣйскихъ козней! повторилъ герцогъ смутясь немного. Какихъ козней? Кто жъ осмѣлился погубить наследника шотландскаго престола?

— Не мнѣ приходится объяснять вамъ это, сказалъ Дугласъ; но говорятъ, что орла убила стрѣла украшенная перьями изъ собственныхъ его крыльевъ, и что дубъ расколотъ топоромъ, сдѣланнымъ изъ того же дерева.

— Графъ Дугласъ, отвѣчалъ герцогъ Ольбени, я не умѣю отгадывать загадокъ.

— А я не думаю задавать ихъ вамъ, отвѣчалъ Дугласъ съ высокомеріемъ. Вы найдете въ этихъ бумагахъ подробности, которыя стоитъ прочитать. Я пойду прогуляюсь немного, а потомъ снова прійду къ вамъ.

— Вы не къ королю идете, милордъ? спросилъ Ольбени.

— Нѣтъ, не къ нему, отвѣчалъ Дугласъ. Я думаю, что до завтрашняго дня королю не должно объявлять этого ужаснаго несчастія.

— Я тоже думаю, отвѣчалъ герцогъ Ольбени; если король узнаетъ эту потерю, то не будетъ присутствовать при поединкѣ; а если онъ не будетъ тамъ лично, то очень вѣроятно, что горцы не захотятъ драться, и всѣ труды наши пропадутъ. Но сдѣлайте милость, садитесь, милордъ, а я пока займусь этими бумагами.

Онъ сталъ разсматривать бумаги привезенныя графомъ, одинъ пробѣгая только глазами, а другія читая со всевозможнымъ вниманіемъ, какъ будто отъ нихъ зависѣла вся судьба его.

Прочитавъ бумаги, онъ поднялъ глаза и сказалъ въ раздумьи:

— Утѣшительно еще, милордъ, что я не нашелъ въ этихъ бумагахъ ничего такого, что бы могло возобновить распри, такъ часто происходившія въ королевскомъ совѣтѣ, в которыхъ благодаря вамъ и мнѣ прекратились теперь совершенно. Въ слѣдствіе этихъ распоряженій, несчастнаго моего племянника слѣдовало удалить отъ государственныхъ дѣлъ, пока умъ его не созрѣетъ съ лѣтами. Судьба распорядилась сама, предупредивъ мѣры, которыя съ вами мы хотѣли предпринять.

— Если ваша свѣтлость, отвѣчалъ графъ, не видите въ этомъ ничего, что бы могло возмутить миръ, спокойствіе и безопасность Шотландіи, и если для этого требуется, чтобъ мы поддерживали другъ друга, то я довольно люблю свое отечество, чтобъ глядѣть на это слишкомъ близко.

— Я васъ понимаю, милордъ, сказалъ герцогъ Ольбени съ живостью. Вы воображали, будто я обидѣлся, что вы, исполняя обязанность главнаго правителя королевства, наказали убійцъ въ мнѣхъ фальклендскихъ владѣніяхъ. Напротивъ, я долженъ благодарить васъ, что вы избавили меня отъ этихъ злодѣевъ, на которыхъ я бы не могъ глядѣть безъ отвращенья. Вѣроятно, шотландскій парламентъ изслѣдуетъ это злодѣйство, и я душевно радъ, что мечъ правосудія попалъ въ руку такого твердаго чловека какъ ваше сіятельство. Вѣроятно, вы помните, что мы на время только хотѣли удалить несчастнаго моего племянника, пока онъ не сдѣлается немного поблагодарумнѣе...

— Разумѣется, что таковы были намѣренія вашей свѣтлости, по-крайней-мѣрѣ вы мнѣ такъ говорили, отвѣчалъ графъ, и потому я, по совѣсти могу это засвидѣтельствовать.

— Мнѣ кажется, благородный графъ, сказалъ герцогъ Ольбени, насъ нельзя обвинять въ этомъ злодѣяннѣ: у насъ были благородныя намѣренія...

— Парламентъ разсудитъ это дѣло, отвѣчалъ Дугласъ. Что до меня касается, совѣсть моя спокойна.

— И моя тоже, прибавилъ герцогъ Ольбени торжественно. А теперь, милордъ, какъ вамъ поступить съ особою молодаго Іакова *, который дѣлается прямымъ наследникомъ отца своего? Кому намъ ввѣрить его, какъ вы думаете?

— Это дѣло касается до короля; онъ самъ рѣшитъ, отвѣчалъ Дугласъ, который начиналъ уже выходить изъ терпѣнія. Я согласенъ, чтобъ его помѣстили, куда угодно, только не въ Стирлингъ, не въ Денъ и не въ Фальклендъ.

Сказавъ это, онъ вышелъ.

— Вотъ онъ и ушелъ, прошепталъ хитрый Ольбени: онъ принужденъ быть мопмъ союзникомъ, а между тѣмъ чувствуетъ ко мнѣ ненависть самаго лютаго врага. Да, впрочемъ, все равно! Роесай лежитъ теперь подлѣ своихъ предковъ; Іаковъ можетъ

* Второй сынъ Роберта-Третьяго, братъ несчастнаго герцога Роесая, а впоследствии Іаковъ-Первый король шотландскій.

быть скоро за нимъ послѣдуетъ, и мнѣ въ награду за столько испытаній достанется корона.

XXXIV.

Настало наконецъ Вербное Воскресенье.

Въ болѣе отдаленныя времена христіанства, сражаться на святой недѣлѣ считалось святотатствомъ, заслуживающимъ отрѣшенія отъ церкви. Римская церковь, къ своей чести, рѣшила, что во время Пасхи, когда празднуютъ искупленіе падшаго человѣка, мечъ войны долженъ возвратиться въ ножны, и монархи должны чтить время названное Миромъ Божиимъ. Бѣшеная ярость послѣднихъ войнъ между Англіею и Шотландіею заставляла забывать воиновъ это церковное постановленіе. Напротивъ, которая вѣбудь партія, чтобъ напасть на врага своего, очень часто выбирала самый торжественный праздникъ, надѣясь застать его въ церкви или занятымъ другими какими священными обрядами и не въ состояніи защищаться. Такимъ образомъ перестали наблюдать перемиріе, которое обозначало прежде это время года, и сдѣлалось даже обыкновеннымъ выбирать самыя большіе церковныя праздники для поединковъ, похожихъ на тотъ, къ которому теперь приготавлились.

Церковныя обряды того дня были выполнены однако со всею тогдашнею торжественностью, и даже сами воины приняли въ нихъ участіе. За недостаткомъ пальмовыхъ вѣтвей они взяли лвовыя и отправились къ обѣднѣ, одни въ доминиканскій, а другіе въ картезіанскій монастырь, чтобъ приготвиться къ кровопролитному бою.

Перескскіе жители толпами бѣжали по улицамъ, чтобъ посмотреть на такое необыкновенное шествіе.

Обѣ церкви были полны; всѣмъ хотѣлось посмотреть, какъ будутъ держать себя представители обонхъ клановъ, и судить по наружности, который изъ нихъ одержитъ побѣду.

Хотя горцы рѣдко посѣщали храмы, однако держали себя по всѣмъ правиламъ приличія, и несмотря на свою дикую и необузданную природу, ни одинъ изъ нихъ не изъяснилъ ни любопытства, ни удивленія. Многое однако представлялось, вѣроятно, въ первый разъ глазамъ ихъ, но имъ казалось унизительнымъ показывать, будто они ничего до-сихъ-поръ не видали.

Даже самыя знатоки человѣческаго тѣлосложенія, которые увѣ-

ряли, будто могутъ судить по жиламъ и мускуламъ, кто одержитъ побѣду, не осмѣлились предсказать развязки поединка. Между-тѣмъ высокій ростъ Торквиля и его сыновей заставилъ многихъ думать, что побѣда останется на сторонѣ кельскаго клана: женщины были въ томъ увѣрены, судя по красотѣ и благородному вѣду Ичйна Макъ-Яна. Многие старались припомнить, гдѣ видѣли это лицо, но молодой предводитель былъ такъ великолѣпно одѣтъ, что никому не могло прийти въ голову узнать въ немъ робкаго Глѣверова ученика.

Только одинъ оружейникъ узналъ врага своего; онъ стоялъ въ первомъ ряду любопытныхъ, столпившихся, чтобъ поглядѣть на представителей клановъ.

Ненависть, ревность и даже восхищеніе смѣнялись въ сердцѣ бѣднаго Смита, и онъ съ завистью глядѣлъ на прежняго ученика перчаточника, который живостью глазъ своихъ, благородствомъ лица, красотой стана и великолѣпіемъ вооруженія, казалось, былъ созданъ повелѣвать избранными людьми, чтобъ жить или умереть за честь своего племени. Смиуту не вѣрилось чтобъ это былъ тотъ самый вспыльчивый молодой человекъ, котораго онъ часто отгонялъ отъ себя какъ муху, которой не давилъ только изъ состраданія.

— Какъ ему къ лицу эта каска, прошепталъ Генри: я отъ роду лучшей не дѣлалъ. Если бѣ однако судьба свела насъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы были бы съ нимъ вдвоемъ, глазъ на глазъ, то клянусь этою церковью и всѣмъ, чтѣ въ ней есть святаго, вооруженіе это возвратилось бы къ прежнему хозяину. Я пожертвовалъ бы всѣмъ въ мірѣ, чтобъ только нанести ему три сабельныхъ удара и разбить собственную свою работу. Но не бывать такому счастью. Если онъ выйдетъ побѣдителемъ, то не захочетъ драться съ простымъ ремесленникомъ, со мною, а пошлетъ кого-нибудь изъ своихъ бойцевъ, моего собрата *Молота*, и все, что я могу тутъ выиграть, такъ это заколотъ этого горнаго быка. Если бѣ я могъ повидаться съ Симономъ Глѣверомъ! Пойду посмотрю, нѣтъ ли его въ другой церкви; я думаю, онъ тоже вернулся съ горъ.

Когда Генри рѣшился отыскивать Глѣвера, сталъ выходить изъ церкви, и онъ не могъ скоро исполнить своего намѣренія, потому что толпа и церковные обряды останавливали его на каждомъ шагу. Пробираясь далѣе, онъ вдругъ очутился такъ близко подлѣ Ичйна, что глаза ихъ встрѣтились.

Смуглое лицо смѣлаго оружейника вспыхнуло какъ зарево. Черты Ичина зардѣлись тоже негодованіемъ, а глаза засіяли гордостью и ненавистью. Но живая и внезапная эта краска смѣнилась смертною блѣдностью и Макъ-Янъ въ ту же минуту отворотилъ голову чтобъ не встрѣтить грознаго и неумолимаго взору оружейника.

Торѣвиль, слѣдившій глазами за своимъ питомцемъ, замѣтилъ его смущеніе и оглядываясь съ безпокойствомъ кругомъ, казалось, хотѣлъ угадать тому причину. Но Генри былъ уже далеко, онъ шелъ къ картезіанскому монастырю. Обѣдня и тамъ кончилась, и всѣ шли уже на поле сраженія; нныя приготовлялись лишить жизни своихъ ближнихъ или самому ея лишиться, другіе же на мѣревались смотрѣть на эту лютую борьбу съ тою дикою радостью, съ какою зычники смотрѣли на бой своихъ гладиаторовъ.

Въ церкви было такъ тѣсно, что другой на мѣстѣ Смита отчаялся бы туда пробраться; но всеобщее уваженіе къ Генри, какъ къ перескому защитнику и твердое убѣжденіе, что онъ, если захочетъ, можетъ пробить себѣ дорогу, заставляли каждого уступать ему мѣсто, такъ что онъ скоро очутился подлѣ воиновъ чатанскаго клана. Свирѣльщики предводительствовали ихъ колоннами; за ними слѣдовали всѣмъ извѣстные ихъ знамена, представляя глазамъ горную, ползущую кошку съ девизомъ: *Не тронь кошки безъ перчатокъ*. Предводитель шелъ за знаменами держа шпагу обѣими руками, какъ-будто защищая эмблему своего племени. Онъ былъ средняго росту, лѣтъ около пятидесяти, но судя по лицу его и стану, нельзя было сказать, что онъ начинаетъ уже старѣться: ярко-рыжіе, короткіе съ просѣдью волосы вились натуральными кольцами на головѣ его, а походка и всѣ движенія его были такъ быстры, такъ легки, какъ-будто ему не было еще и тридцати лѣтъ. Сѣрые глаза его свѣтились дикимъ огнемъ, доказывавшимъ неустрашимость и силу; но лобъ, губы и брови его дышали умомъ и опытностью. Бойцы шли за нимъ по два въ рядъ. Безпокойство выражалось на многихъ лицахъ, потому что они узнали въ то же самое утро, что у нихъ не доставало одного товарища, а какъ тутъ дѣло шло объ отчаянномъ, ужасномъ боѣ, то отсутствіе одного изъ нихъ погружало въ уныніе всѣхъ остальныхъ, исключая предводителя неустрашимаго Макъ-Джилли Чатанача.

— Ни полъ-слова объ этомъ, сказалъ храбрый горецъ, узнавъ объ уменьшеніи своего войска: не надо говорить Саксонцамъ.

Клеветники низменныхъ странъ, пожалуй, скажутъ еще, что въ нашемъ кланѣ нашелся трусъ, который бѣжалъ отъ страху, между-тѣмъ какъ другіе благопріятствовали, можетъ-быть, его побѣгу, чтобъ имѣть предлогъ отказаться отъ бою. Я увѣренъ, что Феркхардъ Дай явится въ рядахъ нашихъ прежде начатія поединка. Если же онъ не поспѣетъ, то я могу драться и за двоихъ. Но во всякомъ случаѣ, намъ нельзя ждать; лучше итти пятнадцать человѣкамъ противъ тринадцати, чѣмъ отказаться отъ ожидающей насъ славы.

Слова благороднаго предводителя были заглушены рукоплесканіями, а между-тѣмъ безпокойные взгляды въ надеждѣ видѣть Феркхарда устремлялись то въ ту, то въ другую сторону. Они думали, что онъ не замедлитъ явиться.

Изъ всего войска только одинъ предводитель глядѣлъ, можетъ-быть, хладнокровно на его отсутствіе.

Они прошли уже городъ, а Феркхарда Дайя всё еще не было видно.

Пока они поджидали его, онъ былъ уже далеко за горами и наслаждался любовью Еввы, которая вознаграждала его за потерю чести.

Макъ Джильи Чатаначъ шелъ впередъ и, казалось, вовсе не думалъ о бѣгломъ Дайѣ.

Наконецъ они дошли до Нордъ-Инча, прекрасной, обширной равнины, которая находилась подъ самыми стѣнами города и служила для военныхъ ученій и парадовъ.

Равнина эта, орошаемая съ одной стороны Теемъ, широкою и глубокою рѣкой, была обнесена съ трехъ сторонъ высокими заборомъ. Это было пространство въ семьдесятъ-пять сажень длины, на тридцать-семь ширины. Заборъ былъ окруженъ амфитеатромъ назначеннымъ для зрителей средняго сословія, но тутъ было оставлено мѣсто для конныхъ и пѣшихъ всадниковъ и для любопытныхъ низшаго класса.

На концѣ ристалища была выстроена большая и высокая галерея для короля и его свиты; она была убрана зеленью и тѣнью множествомъ золотыхъ украшеній, что мѣсто это и до сихъ-поръ еще называютъ Золотою Галереей.

Горныя свирѣли, которыя во время дороги играли воинственныя пѣсни обоихъ враждебныхъ клановъ, дошедъ до Инча замолчали, потому что имъ было такъ приказано. Два старыхъ воина, почтенной и благородной наружности, каждый съ знаме-

комъ своего джюмени, встали во каждомъ ристалища, чтобъ быть зрителями поединка, въ которомъ не должны были участвовать. Воины воткнули знамена въ землю, а свирѣльщики, которые тоже были равнодушными зрителями этого кровопролитія, съѣли подлѣ знаменъ своекъ.

Чернь, увидѣвъ приближеніе войскъ, наполнила воздухъ кликами и ружондескавіями, которыми обыкновенно встрѣчаютъ тѣхъ, отъ кого ожидается въ подобныхъ случаяхъ какого-нибудь развлеченія или забавы. Воины не отвѣчали на эти возгласы, но разошлись по разнымъ концамъ ристалища, гдѣ находились проходы, въ которые имъ надо было войти. Множество всадниковъ стерегли эти проходы; графъ-маршалъ и лордъ великій конетабль, стоя у обонкъ входовъ, осматривали входящихъ, чтобъ удостовѣриться, есть ли у нихъ требуемое оружіе, то есть: панцирь, шишакъ, кольчуга, шлега и кинжалъ. Они также пересчитывали воиновъ.

Вдругъ графъ Эрль, поднявъ руку, вскричалъ:

— Сраженіе не можетъ состояться; въ чатанскомъ кланѣ не достаетъ одного ратника.

Услыхавъ это, зрители испугались: они боялись лишиться зрѣлища, котораго такъ давно ожидали.

— Все равно! отвѣчалъ молодой графъ Кравфордскій; прежде чѣмъ сходить съ горы, имъ слѣдовало пересчитать своихъ воиновъ.

Между тѣмъ, графъ маршалъ и лордъ великій конетабль видѣли, что пока не устаноятъ равенства, сраженія не могло быть.

Въ народѣ послышался говоръ; онъ боялся, что всѣ эти приготовления и хлопоты пропадутъ даромъ.

Изъ воѣхъ зрителей, только двоихъ радовала можетъ быть эта отетрочка; и эти двое были предводитель кельскаго клана и добрый король Робертъ, который не могъ выносить такихъ кровавыхъ зрѣлищъ.

Между тѣмъ, оба предводителя, сопровождаемые каждый другомъ или совѣтникомъ, графомъ-маршаломъ, лордомъ-великимъ конетаблемъ, графомъ Кравфордскимъ и сэромъ Патриккомъ Чартризомъ, вышли на середину ристалища сговориться, какъ имъ слѣдуетъ поступить въ подобномъ случаѣ. Предводитель чатанскаго клана объявилъ, что онъ готовъ немедленно сражаться, что даже желаетъ этого, несмотря что у него не достаетъ воина.

— Кельскій кланъ не можетъ на это согласиться, отвѣчалъ

Торквилъ Дубъ. Мы не хотимъ, чтобъ вы тѣшились на нашъ счетъ. Вы знаете, что побѣда останется на нашей сторонѣ и потому ищите предлога сказать послѣ, что были поражены, потому только что у васъ было меньше нашего' рукъ. Но я думаю вотъ какое предложеніе: Феркхардъ Дай младшій у васъ, а Ичннъ Макъ-Ягъ моложе всѣхъ насъ; такъ чтобъ возстановить равенство, мы соглашаемся исключить его изъ числа сражающихся.

— Это было бы слишкомъ несправедливо! и потому мы не можемъ принять вашего предложенія, вскричалъ Точхашъ Бекъ, помощникъ или совѣтникъ Макъ-Джилъ-Чатанача. Предводитель жизни клана, и мы никогда не согласимся подвергать своего опасностямъ, отъ которыхъ вы избавляете вашего.

Торквилъ испугался, онъ видѣлъ, что планъ его рушится и хотѣлъ было придумать какое-нибудь новое средство, чтобъ спасти своего питомца, какъ вдругъ Ичннъ вскричалъ:

— Я самъ не хочу оставаться въ бездѣйствіи во время такого славнаго сраженія. Если, по молодости, я еще не опытенъ въ ратномъ дѣлѣ, то могу брать примѣръ съ храбрыхъ воиновъ, окружающихъ меня.

Онъ сказалъ это съ такимъ жаромъ, что внушилъ Торквилю, а можетъ быть и самому себѣ уваженіе къ молодому предводителю.

Надо замѣтить, что въ робости его не было того постыднаго чувства, которое заставляетъ человѣка подвергаться скорѣе безчестію чѣмъ опасности. Напротивъ, онъ былъ храбръ въ душѣ, хотя робокъ по темпераменту; и мысль, дать поводъ думать, что онъ избѣгнетъ боя, такъ сильно подѣйствовала на него, что стыдъ безчестія побѣдилъ въ немъ боязнь.

— Да благословить его Богъ, подумалъ Торквилъ, я знаю, что у него благородное сердце, и былъ увѣренъ, что какъ-скоро онъ увидитъ знамя нашего племени и услышитъ трубные звуки, то ужасныя чары прекратятся и духъ робости, обладающій имъ, исчезнетъ самъ собою.

— Милордъ, сказалъ великій-конетабль обращаясь къ маршалу, вотъ уже двѣнадцать часовъ, и мы не можемъ долѣе отлагать поединка. Если предводитель чатанскаго клана можетъ, то пусть замѣнитъ кѣмъ-нибудь пропавшаго воина; пусть онъ ищетъ, мы даемъ ему на то полчаса времени; если же не найдетъ, то не смотря на неровное число воиновъ, бой долженъ начаться.

— Согласенъ, отвѣчалъ графъ-маршалъ: но какъ здѣсь нѣтъ ни одного горца изъ его клана, а посылать за нимъ болѣе чѣмъ

за пятьдесят миль слишкомъ далеко, то я, право, не знаю, какъ можетъ Макъ-Джилли замѣнить его.

— Ужь это его дѣло, сказалъ графъ Эроль. Если онъ предложитъ хорошую награду, то, вѣрно, многіе согласятся на его предложеніе. Да я самъ, еслибъ только должность и самъ позволили мнѣ, радъ былъ бы подраться съ этими дикарями, и вѣрно бы прославился.

Они сообщили свое рѣшеніе горцамъ и предводитель клана чатанскаго отвѣчалъ:

— Вы, милорды, разсудили насъ благородно и безпристрастно, и я ставлю себя въ обязанность слѣдовать вашимъ предписаніямъ. Потомъ, обратясь къ герольдамъ, прибавилъ:

— Герольды, объявите всѣмъ здѣсь присутствующимъ, что если кто хочетъ раздѣлить съ чатанскимъ кланомъ честь нынѣшняго дня, тотъ получитъ золотую монету, и до конца жизни будетъ имѣть право сражаться въ рядахъ моихъ.

— Васъ нельзя назвать щедрымъ, предводитель, сказалъ маршалъ. Золотая монета не можетъ вознаградить за всѣ опасности такого опаснаго сраженія какъ это.

— Если кто хочетъ сражаться за честь, то цѣна эта достаточна, отвѣчалъ Макъ-Джилли Чатаначъ, а если кто хочетъ одного золота, то я не прииму услугъ такого бродяги.

Герольды объѣхали уже полъ-круга, но никто не вызывался, не предлагалъ своихъ услугъ. Иные смѣялись надъ бѣдностью горцевъ, предлагавшихъ такую ничтожную награду за такое опасное дѣло; другіе притворялись обиженными, и говорили что негодуютъ, видя, какъ низко цѣнятъ кровь честныхъ гражданъ, и никто не изъявлялъ желанія быть тридцатымъ представителемъ чатанскаго клана. Наконецъ, голоса герольдовъ достигли до ушей Генри Смита, который стоя за рѣшеткой разговаривалъ съ мистромъ Кредгалли, или скорѣе слушалъ, и то разсѣянно, что говорилъ ему судья.

— Что тамъ такое объявляютъ? спросилъ онъ.

— Великодушное предложеніе Макъ-Джилли-Чатанача, отвѣчалъ судья. Онъ предлагаетъ всѣмъ кому угодно сдѣлаться на сегодняшній день дикою кошкой и, вѣроятно, положить за него животъ свой; и въ награду за такую услугу жалуется золотою монетою. Вотъ и все тутъ.

— Какъ! вскричалъ съ жаромъ оружейникъ, герольды вызываютъ кого-нибудь на бой съ кельскимъ кланомъ?

— Да, отвѣчалъ спокойно Кредгалъ: но я не думаю, чтобъ во всемъ городѣ нашелся такой дуракъ.

Онъ не успѣлъ выговорить, какъ Генри перескочилъ уже черезъ заборъ и, вбѣжавъ въ середину ристалища, вскричалъ:

— Слушай, герольдъ, я, Генри Гоу, готовъ драться съ какою-нибудь кланонъ.

Со всѣхъ сторонъ раздались крики, рукоплесканія; между тѣмъ какъ нѣкоторые честные граждане не будучи въ состояніи объяснить себѣ поступка Генри, заключили что изъ любви къ браши, онъ совершенно помѣшался. Даже самъ засѣдатель не зналъ, что и думать.

— Ты съ ума сошелъ, Генри, сказалъ онъ ему; у тебя нѣтъ ни шпаги, ни панциря.

— Это правда, отвѣчалъ Смитъ, у меня ничего нѣтъ; я подарилъ кольчуги, которыя одѣлалъ для самого себя, молодому кельскому предводителю, который почувствуетъ острое на плечахъ своихъ, какъ я сколачиваю ихъ. Что же касается до шпаги, то съ меня будетъ вотъ этой, пока не найду на полѣ сраженія по-увѣснѣе.

— Это невозможно, сказалъ графъ Эроль. Слушай, храбрый Смитъ, я даю тебѣ испанскую мою шпагу и миланскій мой панцирь.

— Благодарю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Смитъ: съ меня довольно было бы и одной шпаги, которою знаменитый вашъ предокъ одержалъ левкартійскую побѣду; но я не привыкъ ходить въ чужомъ вооруженіи и драться шпагою не собственной своей работы, потому что не могу знать, крѣпокъ ли панцирь и сколько можетъ выдержать ударовъ.

Въ это время, въ городѣ уже разнесся слухъ, что храбрый Смитъ будетъ сражаться безъ вооруженія.

Наконецъ настала минута сраженія.

Въ это время послышался пронзительный голосъ женщины, которая пробиралась сквозь толпу и просила, чтобъ ее пропустили. Народъ разступился, и она, наслу дыша подъ тяжестью латы, шишака и огромной шпаги, вошла за рѣшетку и приблизилась къ Смиту.

Это была вдова Оливера Праудфюта. Она несла латы и шлемъ, принадлежащіе Генри, который одолжилъ это вооруженіе ей мужу. Разумѣется, что этотъ панцирь принесенъ былъ къ ней вмѣстѣ съ тѣломъ несчастнаго Оливера. Благодарная вдова при-

кеса ихъ на поле сраженія, чтобъ отдать тому, кому они принадлежали, въ ту минуту когда они были ему такъ нужны. Генри вридалъ ихъ съ радостью и благодарностью.

Магдалена вооружила Смита трепещущею рукою и прощаясь съ нимъ вскричала:

— Да спасетъ Господь защитника сиротъ! Горе тому, кто подмететъ на него руку.

Надѣвъ кольчугу и панцирь, Генри почувствовала новую силу и бодрость, и топая ногою, казалось, хотѣлъ, чтобъ вооруженіе это влилось въ его члены. Выхвативъ потомъ изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ размахивать ею во все стороны съ быстротою и ловкостью, доказывавшею, съ какою силою онъ умѣлъ управлять этимъ оружіемъ.

Бойцамъ отдали тогда приказаніе обойти ристалище и такъ устроили, чтобъ враги проходя мимо королевской галереи не могли встрѣтиться а отдали бы королю почести попеременно.

Пока войско обходило церемоніальнымъ маршемъ ристалище, большая часть зрителей все еще занималась сравненіемъ обонхъ клановъ и предсказывала побѣду то тому, то другому.

Ссоры цѣлаго столѣтія со всемъ буйствомъ и несправедливостію волновали сердца кривовъ. Черты ихъ приняли самое дикое выраженіе гордости, ненависти и отчаянной рѣшимости биться до послѣдней возможности.

Пока они проходили, говоръ радости и рукоплесканій пробѣгалъ между зрителями, такъ ветерпѣливо ожидавшихъ этого кроваваго зрѣлища. Многіе начали биться объ закладъ, который изъ клановъ одержитъ побѣду.

Открытое, спокойное но одушевленное лицо оружейника привлекло на себя всеобщее вниманіе и внушило всемъ ^{себѣ} такое участіе, что многіе стали биться объ закладъ, что прежде чѣмъ самъ упадетъ онъ побьетъ тронхъ враговъ.

Какъ только Смитъ вооружился, бойцамъ отдали приказаніе становиться на мѣста, и въ ту же минуту Генри услышалъ изъ смолкнувшей на время толпы голосъ старика Глѣвера, который звалъ его и кричалъ:—Генри! Генри Смитъ! что за безуміе? что ты это дѣлаешь?

— А! онъ хочетъ спасти своего зятя, настоящаго или будущаго, отъ рукъ оружейника. Такова была первая мысль Смита. Вторая—обернуться и идти говорить съ нимъ. Но третья напомнила ему, что честь ни водъ какимъ видомъ не позволяетъ остав-

дать постъ свой или даже назаться, будто желалъ отерочить минуту опасности.

И потому онъ сталъ только думать о настоящей минутѣ. Оба войска были разстановлены своими временными начальниками въ три линіи; каждая линія состояла изъ десяти человекъ. Воины стояли на довольно большомъ другъ отъ друга разстояніи, какъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ полную свободу размахивать во всѣ стороны своею шпагою, клинокъ которой безъ рукояти было въ пять футъ длины.

Вторая и третія линіи должны были служить резервомъ, въ случаѣ если первая будетъ разбита.

На правой сторонѣ, во второмъ ряду кельскаго клана стоялъ предводитель ихъ Ичинъ Макъ-Янъ между двумя молочными своими братьями. Четверо изъ нихъ занимали правый конецъ перваго ряду, а двое остальныхъ прикрывали тылъ возлюбленнаго своего вождя. Самъ же Торквилъ стоялъ за самыми его плечами, чтобъ въ случаѣ опасности имѣть возможность спасти его. Такимъ образомъ Ичинъ находясь въ центрѣ самыхъ храбрѣйшихъ воиновъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ самыми сильными и рослыми защитниками.

Воины чатанскаго клана были разстановлены въ томъ же порядкѣ, только въ томъ была разница, что атаманъ ихъ вѣсто того, чтобъ стоять съ праваго фланга помѣстился въ центрѣ втораго ряду.

Гебри Смитъ, который видѣлъ во всѣхъ этихъ рядахъ только одного врага, несчастнаго Ичина, помѣстился въ первомъ ряду лѣваго фланга.

Но распорядженіе это не понравилось Макъ-Джилди, и онъ напомнилъ Гебри, что онъ долженъ ему повноваться, поставилъ его въ третій рядъ, сзади себя. Это было почетное мѣсто, отъ котораго Гау, разумѣется, не могъ отказаться. Онъ повиновался не хотя.

Когда оба клана встали такимъ образомъ другъ противъ друга, то люта я наследственная ненависть еще сильнѣе закипѣла въ непреклонныхъ сердцахъ ихъ, и они изъявляли нетерпѣніе свое напасть другъ на друга дикими и неистовыми криками. Всѣ они махали шпагами, какъ будто прежде чѣмъ вступить въ бой хотѣли побѣдить воображеніе своихъ противниковъ.

Въ эту роковую минуту, Торквилъ, никогда и никого не страдившійся, началъ бояться за своего питомца. Однако онъ скоро

успокоился, видя съ такимъ храбрымъ и рѣшительнымъ видомъ Ичинъ ободрять своихъ товарищей и говорить, что рѣшился раздѣлить участь ихъ и жить или умереть вмѣстѣ съ ними. Но онъ не успѣлъ кончить своей рѣчи, королевскіе трубачи протрубили, свирѣли пропѣвали, и ратники маршируя въ строевомъ порядкѣ сперва пошли другъ на друга, потомъ по мѣрѣ приближенія удвоили шагъ, наконецъ побѣжали, встрѣтились на серединѣ ристалища и бросились другъ на друга съ яростью и быстротою водопада, когда онъ встрѣчаетъ приливъ, который мѣшаетъ ему продолжать путь свой.

Въ первый минуты, два первыхъ ряда не представляли ничего взору, какъ только длинный рядъ частныхъ поединковъ. Но ратники вторыхъ двухъ рядовъ, движимые ненавистью и жаждою славы, тоже вмѣшались въ бой, наполнили промежутки раздѣлявшіе воиновъ перваго ряду, и дѣло завязалось съ шумомъ, крикомъ и проклятіями. Шпаги, то подымались, то опускались; иные еще блестяли, но другіе были уже въ крови, и по быстротѣ ударовъ, можно было подумать, что ими скорѣе дѣйствуетъ какой нибудь сложный механизмъ чѣмъ человѣческія руки.

Нѣкоторые ратники были такъ стиснуты, что не могли больше драться длиннымъ этимъ оружіемъ, и потому выхвативъ кинжалы, старались напасть по-ближе на враговъ своихъ.

Между тѣмъ кровь текла, и стоны раненыхъ начинали смѣшиваться съ криками поражающихъ. Горцы такъ страшно кричатъ, что крики ихъ походятъ скорѣй на ревъ дикихъ звѣрей, чѣмъ на человѣческій голосъ. Зрители однако не могли еще рѣшить, за кѣмъ останется побѣда, потому что превосходство было то на той, то на другой сторонѣ. Пронзительные звуки волюнки разносились по полю и возбуждали разъяренныхъ ратниковъ на новыя неистовства.

Вдругъ, и какъ будто съ общаго согласія, трубы обихъ клановъ затрубивъ на отступленіе, начали издавать мрачные, унылые звуки, подобные похоронному пѣнію, какъ будто отпѣвали храбрыхъ воиновъ оставшихся на полѣ сраженія

Войска разошлись на нѣсколько минутъ, чтобъ отдохнуть.

Зрители, не смотря что ряды бойцовъ становились очень рѣдки, все еще не могли различить, которая сторона претерпѣла больше урону. По-видимому, въ чатанскомъ кланѣ оставалось больше ратниковъ чѣмъ у его противника; но зато окравленные ихъ

плаци, (большая часть воиновъ и съ той и съ другой стороны обросли ихъ съ себя,) доказывали что у нихъ больше раненныхъ чѣмъ у нельскаго клана. Однимъ словомъ, раненыя и умирающіе оставались около двадцати человекъ на полѣ.

Руки, ноги, отдѣленные отъ туловища, разрубленные головы, и изуродованные лица доказывали въ одно время яростное остревеніе боя, и остроту орудій, которыми дрались, и ужасную силу рукъ управлявшихъ ими.

Предводитель чатанскаго клана бился съ неизмѣрною отчаянною храбростію, и былъ легко раненъ. Ичина, окруженный своими тѣлохранителями, тоже не терялъ присутствія духа. Старикъ Торквилъ, сжимая въ объятіяхъ, осыпалъ его похвалами и благословеніями. Шпага его была окровавлена, осанка вопиюща, видъ смѣлый, и онъ улыбался глядя на своего воспитателя.

Предводители, давъ отдохнуть войскамъ своимъ, снова выстроили ихъ въ ряды, въ которыхъ недоставало болѣе третьей доли воиновъ.

Они выбрали новое мѣсто сраженія и расположили войска свои ближе къ рѣкѣ, потому что прежнее было покрыто убитыми и ранеными, которые, привставая по временамъ, глядѣли, что происходило на полѣ сраженія, и снова падали истекая кровью.

Генри Смита легко можно было отличить отъ другихъ, во первыхъ по одеждѣ, которая нисколько не походила на нарядъ горцевъ, во вторыхъ онъ не двигался съ прежняго мѣста сраженія и стоялъ облокотясь на шпагу передъ трупомъ, голова котораго покрытая шапкой съ дубовою вышитую вѣткою; — особеннымъ знакомъ тѣлохранителей Ичина, — была отброшена силою удара на десять шаговъ отъ туловища.

Съ тѣхъ поръ какъ Генри убилъ этого человекъ, онъ не нанесъ еще ни одного удара, а довольствовался только обороною отъ тѣхъ, которые были направлены на него самого и на предводителя.

Когда Макъ-Джилъ Чатавачъ подалъ сигналъ войску своему строиться въ рядъ и увидѣлъ, что страшный союзникъ его не трогается съ мѣста и вовсе не думаетъ присоединиться къ другимъ, то испугался и спросилъ его :

— Что съ тобою? можешь ли быть чтобъ низкая душа жила въ такомъ статномъ тѣлѣ? Приготовляйся къ бою!

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, ты сказалъ мнѣ, что запла-

тѣмъ за труды мои; если это правда, отвѣчалъ Генригъ показывая на обезглавленный трупъ, то я заработалъ ужь эту плату.

— Кто не считается со мною услугами, скавалъ производитель, съ тѣмъ и я не считаюсь наградамъ.

— Въ такомъ случаѣ я службу охотникомъ и могу стоять гдѣ мнѣ вѣдуется.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ Макъ-Джилль, который не хотѣлъ спорить съ такимъ сильнымъ союзникомъ.

— Хорошо, скавалъ Генригъ; и взявъ шпагу на плечо, присоединился къ другимъ воинамъ и всталъ напротивъ Ичина.

Макъ-Янъ вздрогнулъ; сердце его, съ тѣхъ поръ какъ начался бой, въ первый разъ забилось боязнью, потому что онъ всегда почиталъ Генрига за самаго опаснаго бойца. Къ ненависти, которую Ичинъ чувствовалъ къ нему какъ къ сопернику, присоединилось воспоминаніе о легкости, съ какою Смитъ, безъ оружія, отразилъ нѣсколько времени тому назадъ его отчаянное и внезапное нападеніе; и потому когда Гау устремилъ на него пронзительный свой взоръ, поднялъ окровавленную шпагу и готовъ былъ броситься на своего противника, бодрость оставила Ичина; онъ замѣтно сталъ дрожать; чтò не избѣгло вниманія его воспитателя.

Къ счастью Ичина, Торквилъ, какъ истинный горецъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ человѣкъ, происходящій отъ такого племени, предводитель его и воспитаникъ, могъ чего-нибудь бояться. Еслибъ онъ только подозрѣвалъ это, то Ичину не долго оставалось бы жить: ярости и отчаянью Торквила не было бы предѣловъ и онъ не допустилъ бы своего питомца опозорить своей чести и имени. Но мысль эта была по его мнѣнію такъ уродлива и такъ противуестественна, что онъ не допускалъ ея. Состояніе, въ которомъ находился теперь Ичинъ, было для него загадкою, и чтобъ разрѣшить ее онъ прибѣгалъ къ суевѣрію и увѣрялъ себя, что Ичина испортили, околдовали. И потому онъ спросилъ его съ безпокойствомъ и шепотомъ:

— Ну, что, Ичинъ? кажется, чары снова овладѣли твоею душой.

— Да, слова, отвѣчалъ несчастный молодой человѣкъ показывая на оружейника, и вотъ кто околдовалъ меня, вотъ онъ, жестокой чародѣй.

— Какъ! вскричалъ Торквилъ, и ты могъ надѣть его латы? Норманъ, для чего принесъ ты ему этотъ проклятый панцырь?

— Если стрѣла моя не попала въ цѣль и пропала даромъ, от-

вѣчалъ Норманъ Ордь, то я замѣню ее моею жизнью. Не рѣбѣйте, и вы увидите, что я разрушу эти чары.

— Да, не надо робѣть, отвѣчалъ Торквилъ: онъ можетъ быть очень искусный чародѣй, но я слышалъ собственными ушами и предсказалъ, что Ичинъ выйдетъ изъ этого сраженія здоровъ, свободенъ и невредимъ. Посмотримъ, можетъ ли саксонскій колдунъ опровергнуть слова мои? Правда, что онъ силенъ, но прежде чѣмъ занести руку на моего питомца, ему надо будетъ свалить весь дубовый * лѣсъ и вырвать его съ корнями, дуплами и вѣтвями. Дѣти! окружите Ичина! умремъ за Ичина!

Сыновья Торквила подхватили его слова и въ свою очередь закричали: — Умремъ за Ичина!

Ободренный ихъ преданностью, Ичинъ, казалось, одушевился и закричалъ твердымъ голосомъ трубачамъ своимъ: — Трубите!

Дикіе звуки снова возвѣстали нападеніе, но враги приближались другъ къ другу ужъ не столь быстрымъ шагомъ какъ въ первый разъ, а какъ люди, которые знаютъ другъ друга и умѣютъ цѣнить обоюдную храбрость.

Гебри, который горѣлъ отъ нетерпѣнья сразиться съ врагомъ своимъ, пошелъ впередъ товарищей и сдѣлалъ знакъ Ичину поспѣшить къ нему на встрѣчу. Но Норманъ бросаясь впередъ прикрывъ молочнаго своего брата.

Всѣ остановились, какъ будто ждали отъ этого поединка рѣшенія своей участи.

Горецъ подошелъ съ поднятою шпагою, какъ будто намѣревался нанести ударъ, потомъ отскочилъ въ право и выхвативъ кинжалъ ранилъ его въ шею и закричалъ:

— Ты самъ учишь меня какъ надо поступать въ такихъ случаяхъ.

Но на Гебри былъ крѣпкій панцирь изъ двойной стали, и еслибъ онъ не былъ такъ крѣпокъ, то минута эта рѣшила бы судьбу Гебри и прекратила бы его славные подвиги.

— Безумный! отвѣчалъ Гау ударяя Нормана рукоятію шпаги, которая оттолкнула его назадъ: я учишь тебя порѣзать, но не учишь предупреждать удары. И подливъ шпагу, онъ такъ сильно ударилъ Нормана, что не смотря на стальной шишакъ его, онъ разрубилъ ему черепъ. Перескочивъ потомъ черезъ трупъ врага свое-

* Намекъ на Торквилъ Дуба и его сыновей.

го, онъ подбѣжалъ къ Ичнну, который стоялъ тогда противъ него.

Но сильный голосъ Торквилля раздался какъ громъ. Онъ вскричалъ:

— Отстанвай предводителя! Умремъ за Ичнина!

Двое изъ сыновей Торквилля, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ предводителя, бросились впередъ и нападав на Генри принудили его защищаться.

— Дѣти кошки тигрицы, впередъ! вскричалъ Макъ-Джилль Чатаначъ: впередъ! на помощь храброму Саксонцу! Пусть почувствуютъ эти коршувы ваши когти!

Предводитель, не смотря на нѣсколько довольно тяжелыхъ ранъ, самъ побѣжалъ на помощь къ Смитту, и поразилъ одного изъ лейхташей нападавшихъ на него, между тѣмъ какъ добрая шнага Генри избавляла его отъ другаго.

— Отстанвай предводителя! опять закричалъ вѣрный его кормилецъ.

— Умремъ за Ичнина! повторили двое оставшихся сыновей Дуба.

Пока они защищались, предводитель ихъ дрался на лѣвомъ флангѣ и нѣсколькими проблесками храбрости воскрешалъ умиравшую надежду своихъ товарищей.

Воины чатанскаго предводителя, услышавъ крикъ его, бросились въ ту сторону, и двое другихъ сыновей Торквилля раздѣлили участь своихъ несчастныхъ братьевъ.

Умирая, сыновья Ичнина! отместили однако за себя, оставивъ, какъ живымъ такъ и мертвымъ, ужасные знаки своихъ острыхъ мечей.

Но необходимость удержать около особы предводителя храбрѣйшихъ солдатъ повредила кельскому клану.

Ряды воиновъ сдѣлались такъ рѣдки, что оставшихся легко можно было сосчитать. Въ чатансовомъ кланѣ оставалось только пятнадцать человекъ, изъ которыхъ многіе были ранены, а въ кельскомъ только десять, въ томъ числѣ и Торквилль съ тремя оставшимися: тѣлохранителями Ичнина.

Бой однако не прекращался, и по мѣрѣ того какъ физическія силы покидали воиновъ, ярость и неистовство ихъ усиливались.

Генри былъ покрытъ ранами; но не смотря на то у него въ головѣ была только одна мысль: поразить храбрыхъ воиновъ, пркрывавшихъ предметъ его ненависти, и проложить себѣ до него дорогу.

Но храбрый Ториваль не переставал кричать: — Отказавшій предводителя!

Хотя герцога кельскаго клана оставалось гораздо меньше чѣмъ чатанскаго, однако нельзя было еще рѣшить, за кѣмъ останется побѣда.

Оба клана до того утомились, что принуждены были слова отдохнуть.

Тогда увидѣли что въ чатанскомъ кланѣ оставалось только двѣнадцать человекъ, изъ которыхъ трое были такъ слабы, что насаду держались на ногахъ. Въ кельскомъ же кланѣ оставалось только пять ратниковъ, въ томъ числѣ и Ториваль съ младшимъ сыномъ своимъ Тармотомъ.

Оба они были ранены; только одинъ Ичинъ остался невредимъ, потому что семейство дуба предупредило всѣ направленные на него удары. Усталость превратила ярость ихъ въ мрачное отчаяніе. Оставшіеся въ живыхъ, какъ полусонные ходили шатаясь между трупами лежащими на землѣ, на которые какъ будто для того глядѣли, чтобъ оживить ненависть свою къ врагамъ и отмстить имъ за смерть друзей своихъ.

Наконецъ, оставшіеся въ живыхъ собрались на берегу Тел. Мѣсто это не такъ было завалено трупами какъ прежде, которое отъ большаго количества крови было такъ скользко, что на немъ нельзя было продолжать сраженія.

— Ради Бога! умоляю васъ, сказалъ добрый Робертъ обращаясь къ герцогу Ольбени, велите прекратить этотъ бой! Развѣ можно допускать Божіи творенія до такой бойни? Вѣрно, они одумались, и согласятся теперь на миръ на удобнѣйшихъ условіяхъ.

— Успокойтесь, государь, отвѣчалъ герцогъ. Горцы эти настоящая для насъ язва. Оба предводителя живы еще, и если они уцѣлѣютъ, то бой этотъ не принесетъ намъ ни какой пользы. Помните, что вы обѣщали совѣту не останавливать боя и не вѣшиваться въ это дѣло.

— Ты принуждаешь меня къ ужасному злодѣянію, Ольбени. Какъ государь, я долженъ защищать своихъ подданныхъ; какъ христіанинъ, я долженъ любить моихъ братьевъ.

— Вы ошибаетесь, государь, люднѣти вамъ совершенно чужды; ихъ нельзя назвать вѣрными подданными, потому что они непокорные бунтовщики, что можетъ засвидѣтельствовать вамъ лордъ Кравфордъ, а тѣмъ менѣе христіанами, въ чемъ удостовѣрять

защиты за меня приоръ доминиканцевъ, потому что они болѣе чѣмъ полуязычники.

Король тяжело вздохнулъ.

— Дѣлай, что тебѣ угодно, сказалъ онъ: ты слишкомъ уменъ для меня; я не могу съ тобой бороться; могу только отвернуться, закрыть глаза, чтобъ не видѣть такой рѣзни, которая раздираетъ сердце, и заткнуть уши, чтобъ не слышать этихъ проклятій и ругательствъ. Но я знаю, что Господь покараетъ меня; я не долженъ былъ позволить такого кроволитія и мнѣ не слѣдовало бы даже тутъ присутствовать. Да, я увѣренъ, что Богъ не проститъ мнѣ этого.

— Трубите! вскричалъ Ольбени, раны ихъ засохнуть, если они станутъ еще долѣе медлить.

Во время этого разговору Торквилль обвинялъ и ободрялъ юного своего предводителя.

— Погоди еще нѣсколько минутъ, говорилъ онъ, и чары исчезнутъ. Утѣшься, другъ, и будь увѣренъ, что выйдешь невредимъ изъ бою, даже безъ царапины. Утѣшься же, говорю тебѣ.

— Какъ могу я утѣшиться, отвѣчалъ Ичинъ, когда храбрые мои братья одинъ подлѣ другаго умерли у ногъ моихъ, и умерли за меня, который не заслуживаетъ такой преданности?

— А для чего жъ бы имъ было и родиться на свѣтъ, какъ не для защиты своего предводителя? отвѣчалъ хладнокровно Торквилль. Когда стрѣла попала въ цѣль, то можно ли жалѣть, что она не осталась въ лукѣ? Такъ утѣшься же, повторяю я тебѣ еще разъ.

Посмотри на Тормота и на меня: мы почти не ранены, между тѣмъ какъ эти дикія кошки ползаютъ по полю, какъ-будто ихъ собаки душили да не задушили. Крѣпись, Ичинъ, еще нѣсколько минутъ и побѣда останется за тобою, хотя очень вѣроятно, что ты будешь одинъ воспѣвать ее. Баяны, трубите къ нападенію.

Вонзновенные звуки послышались съ обѣихъ сторонъ въ одно и тоже время, и остатки обѣихъ клановъ схватились въ третій разъ, разумѣется, уже не съ тою силою, но съ тѣмъ же ожесточеніемъ, которое ни сколько не стихло. Тѣ, которые по своему долгу держали нейтралитетъ, тоже вмѣшались въ бой, не будучи въ состояніи оставаться въ бездѣйствіи. Два старыхъ воина, державшіе знамена племенъ своихъ, незамѣтно и по немогу приблизились съ противоположныхъ концовъ ристалища къ кровавому этому зрѣлищу. Когда они по ближе увидали эту рѣз-

ню, то ими овладѣло непреодолимое желаніе отомстить за братьевъ своихъ или умереть вмѣстѣ съ ними. Они съ яростью напали другъ на друга и стали поражать мечами, къ которымъ были прикрѣплены ихъ знамена. Потомъ не выпуская знаменъ своихъ, они ухватились или скорѣе впились другъ въ друга, равняли одинъ другаго и продолжали яростную эту борьбу съ такимъ озлобленіемъ, что не видя ничего кругомъ себя, упали вмѣстѣ въ Тея, гдѣ и утонули.

Ужась, ярость и отчаяніе овладѣли потомъ менестрелями, которые во время битвы употребивъ все силы, чтобъ поддержать бодрость духа своихъ соотечественниковъ, и видя, что борьба займѣннѣемъ рукъ почти кончилась, бросили свои свирѣли и напали съ княжалами другъ на друга. Каждый изъ нихъ думалъ скорѣе о томъ какъ бы умертвить врага своего, чѣмъ защищать собственную свою жизнь.

Баянъ кельскаго клана былъ тотчасъ убитъ, а чатанскій упалъ въ ту же минуту, смертельно раненый.

Онъ поднялъ однако свирѣль свою и умирающимъ ея звуками до-тѣлъ-поръ продолжалъ одушевлять ратниковъ пока смерть не заглушила этихъ звуковъ. Инструментъ, на которомъ онъ игралъ, или покрѣпейшей-мѣрѣ часть, называемую свирѣлю, до-сихъ-поръ сохраняютъ еще съ большимъ почтеніемъ въ семействѣ одного горнаго предводителя, и называютъ ее «Federal Dhu», или черная свирѣль *.

Между тѣмъ несчастный Торматъ, которымъ отецъ на защиту своего предводителя пожертвовалъ какъ и другими сыновьями, былъ смертельно раненъ неумолимымъ Смитомъ. Два оставшихся въ кельскомъ кланѣ воина также погибли, а Торквилъ съ питомцемъ своимъ и Торматомъ, принужденные отступитъ, остановились на краю Тея, чтобъ послѣднимъ, отчаяннымъ усліемъ

* Клуни Макъ-Ферсонъ, предводитель своего племени, владѣетъ теперь этою свирѣлю. доказывающему присутствіе его предковъ въ Нордъ-Интѣ. Другое преданіе гласитъ, что во время битвы надъ чатанскимъ кланомъ явился въ облакахъ воздушный баянъ, который, издавъ изъ инструмента своего нѣсколько дикихъ звуковъ, уронилъ его. А какъ инструментъ этотъ былъ стеклянный, то, разумѣется, онъ разбился. Осталась только одна свирѣль, которая по тогдашнему обычаю была сдѣлана изъ вервы. Свирѣльщикъ Макъ-Ферсонова племени подилъ очарованный этотъ рожокъ, и увѣряютъ, что онъ приносить счастье этому племени.

спасти, если возможно, жизнь свою, между-тѣмъ какъ осемь или десять человѣкъ, оставшихся въ чатанскомъ кланѣ, приближались къ нимъ неровными шагами и такъ скоро какъ позволяли только имъ раны

Только что Торквилъ дошелъ до мѣста, гдѣ рѣшился биться до послѣдней крайности, какъ Торматъ упалъ къ ногамъ его и въ ту же минуту умеръ.

Смерть его вырвала изъ груди отца первый, единственный вздохъ, продолженіи всей этой страшной битвы.

— Торматъ! сынъ мой! вскричалъ Торквилъ: юнѣйшій и любезнѣйшій изъ всѣхъ сыновей моихъ!... Но если я спасу Ичнна, то все спасено! Дорогой мой питомецъ, исключая послѣдней жертвы, я сдѣлалъ для тебя все, что было только въ человѣческихъ силахъ. Дай, я сниму съ тебя роковой этотъ панцырь и надѣну Торматовъ. Онъ подтверже и поудобаѣе твоего. Въ это время я нападу вотъ на этихъ раненыхъ, что приближаются сюда, и поступлю съ ними какъ знаю. Надѣюсь что они меня не слишкомъ измучаютъ, потому что слышу идуть, точно изъжженные лошади. Если же я не могу спасти тебя, любезный сынъ мой, то покажу по-крайней-мѣрѣ какъ слѣдуетъ умирать храбруму воину.

Говоря такимъ образомъ, Торквилъ снималъ панцырь съ Ичнна; суевѣріе увѣряло его, что онъ разрушитъ чары, которыми боязнь и колдовство обояли молодого человѣка.

— Ахъ, отецъ мой! вѣтъ, больше чѣмъ отецъ!... останься подлѣ меня! вскричалъ Ичнна. Я чувствую, что если ты не будешь отходить отъ меня, то я могу драться до послѣдняго издыханія.

— Невозможно! отвѣчалъ Торквилъ, кто жъ будетъ удерживать ихъ пока ты будешь надѣвать Торматовъ панцырь? Да благословитъ тебя Богъ, возлюбленное дитя души моей!

Сказавъ это, Торквилъ дубъ, замахавъ шпагой и бросаясь впередъ, повторилъ тотъ же роковой крикъ, который уже столько разъ раздавался на этой окровавленной равнинѣ:

— Умремъ за Ичнна! Слова эти, произнесенныя громовымъ голосомъ, раздались три раза по полю, и каждый разъ какъ Торквилъ произносилъ этотъ воинственный возгласъ, заставлялъ грызть землю одного изъ ратниковъ чатанскаго клана, которые безпрестанно заслоняли ему дорогу.

— Bravo, старый ястребъ! молодецъ! кричали зрители видя

неизмѣримыя успѣха Торквилля, который даже въ эту послѣднюю минуту могъ еще одержать побѣду.

Вдругъ послѣ страшныхъ криковъ настала глубокая тишина, посреди которой слышенъ былъ только одинъ сабельный стукъ, но такой ужасный какъ-будто битва только что началась.

Это была встрѣча Генри Смита съ Торквилемъ-Дубомъ, встрѣча страшная, ужасная, яростная!

Независть ихъ была взаимная, потому что Торквиль почиталъ Генри за чародѣя, околдовавшаго возлюбленнаго его питомца, а Смитъ видѣлъ въ немъ гиганта, который впродолженіи всей битвы мѣшалъ ему исполнить единственное желаніе, для котораго онъ рѣшился жертвовать своею жизнью. Они дрались одинаково храбро, чего бы можетъ быть не было, еслибъ Генри, раненный своимъ противникомъ не ослабѣлъ и не потерялъ обыкновенной своей ловкости.

Въ это время Ичнинъ, оставшись одинъ, напрасно пытался надѣть вооруженіе своего молочнаго брата; видя эту ужасную борьбу и боясь чтобъ кто-нибудь еще изъ чатанскаго клана не напалъ на его воспитателя, Ичнинъ, одушевленный стыдомъ и отчаяніемъ, бросился къ нему на помощь съ твердымъ намѣреніемъ вступитъ въ этотъ смертельный бой.

Но онъ не успѣлъ еще сдѣлать и пятнадцати шаговъ, какъ Торквиль лежалъ уже на землѣ, проколотый въ самое сердце и неспособный послѣднее дыханіе, шепталъ еще: Умремъ за Ичнина!

Несчастный юноша! онъ терялъ послѣдняго друга, между тѣмъ какъ лютый врагъ преслѣдовавшій его впродолженіи всей битвы стоялъ передъ нимъ только въ двухъ шагахъ и размахивая тяжелымъ своимъ оружіемъ, проложившимъ ему путь до Ичнина, казалось готовъ былъ растерзать его.

Можетъ-быть этого одного достаточно было, чтобъ довести до послѣдней крайности его врожденную робость; а можетъ быть и то что онъ вспомнилъ въ эту минуту, что былъ обезоруженъ, и враги его не смотря на тяжелыя своя раны, по жаждуніе крови и мести подходили къ нему, шатаясь, съ поднятыми княжалами.

Сердце Ичнина замерло, въ глазахъ помутнилось, въ ушахъ зазвенѣло, голова отуманилась, и онъ забывъ все, бросился въ рѣку, прежде чѣмъ Генри успѣлъ нанести ему ударъ.

Шумный хохотъ, пасмѣшки слышались со всѣхъ сторонъ и провожали несчастнаго пока онъ переплывалъ рѣку, хотя между

зрителями вѣрно не нашлось бы и десяти человѣкъ, которые бы выказали большую храбрость въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Гебри, не говоря ни слова, слѣдовалъ за Макъ-Яномъ глазами, но не могъ понять причины его бѣгства; какъ скоро храбрость перестала одушевлять его, онъ такъ ослабъ, что принужденъ былъ сѣсть на берегъ Тея, и стараясь остановить кровь текущую изъ ранъ, не переставалъ глядѣть въ слѣдъ Ичину, котораго потерялъ скоро изъ виду.

Побѣдителямъ отдали должную дань рукоплесканій. Герцогъ Ольбени и многіе другіе вельможи вошли за рѣшетку ристалища, и Гебри былъ почтенъ ихъ особеннымъ вниманіемъ.

— Если ты хочешь вступить ко мнѣ въ службу, мой храбрый воинъ, сказалъ Дугласъ обращаясь къ Гебри, то вмѣсто кожаннаго передника я надѣну на тебя рыцарскую перевязь, и дамъ тебѣ помѣстье во сто ливровъ годоваго дохода, чтобъ ты могъ поддерживать рыцарское свое достоинство.

— Приношу вамъ глубокую мою благодарность, милордъ, отвѣчалъ утомленный оружейникъ. Я ужъ и безъ того довольно пролилъ крови, и небо наказало меня за это, не допустивъ меня до единственнаго желанія, для котораго я рѣшился на бой.

— Что это значитъ, другъ? спросилъ Дугласъ, развѣ ты дрался не за чатанскій кланъ и не одержалъ блистательной побѣды?

— Я сражался для себя собственно, то есть я дѣйствовалъ изъ собственныхъ видовъ, а не для вашей пользы, отвѣчалъ равнодушно Смитъ.

Это выраженіе Гебри вошло въ пословицу, которая и до-сихъ-поръ не вывелась еще въ Шотландіи.

Добрый король Робертъ, сидя на вноходцѣ, вѣхалъ, эту минуту за рѣшетку, чтобъ подать помощь раненымъ.

— Милордъ, сказалъ онъ обращаясь къ Дугласу, вы утомляете этого бѣднаго молодого человѣка, и говорите о земномъ, когда ему надо думать о небесномъ. Нѣтъ ли здѣсь кого изъ друзей его, чтобъ перенести въ такое мѣсто гдѣ бы могли дать душѣ и тѣлу его помощь?

— Всѣ храбрые его друзья, государь, отвѣчалъ сэръ Патрикъ Чартризь: я тоже изъ числа ихъ и принимаю въ немъ живѣйшее участіе.

— Боченокъ всегда пахнетъ селъями, сказалъ высококомѣрный Дугласъ, поворачивая свою лошадь. Если бъ въ немъ была хоть

капля благородной крови, то предложеніе Дугласа могло бѣ воскресить его изъ мертвыхъ.

Не обращая вниманія на колкую насмѣшку могущественнаго графа Дугласа, сэръ Патрикъ сошелъ съ лошади и хотѣлъ подвѣять Генри Смита, который отъ изнеможенія упалъ на спину; но Симонъ Глѣверъ предупредилъ его: онъ пришелъ за нимъ съ нѣсколькими почетными перескскими гражданами.

— Генри! милый сынъ мой Генри, вскричалъ старикъ, зачѣмъ вышлася ты въ это дѣло? Господи! умираеть! не дышетъ!

— Нѣтъ, я дышу еще.... отвѣчалъ Генри. Катерина.... прибавилъ онъ слабымъ голосомъ и не могъ продолжать далѣе.

— Катерина, слава Богу, здорова, сказалъ Симонъ, и будетъ твоею, если.... то есть....

— То есть, если она еще не погибла, хочешь ты сказать, старикъ? спросилъ Дугласъ, котораго хотя и раздосадовала отказъ Генри, однако онъ былъ слишкомъ великодушень, чтобъ не принять участія въ такихъ честныхъ людяхъ. Если Дугласово знамя можетъ спасти ее, то она спасена, и будетъ богата, потому что Дугласъ можетъ обогатить тѣхъ, кого сочтеть достойнымъ.

— Да удостоятъ благородный Дугласъ, отвѣчалъ Глѣверъ, принять благодарность и благословеніе отца, но богатства намъ не надо, милордъ, мы и безъ того довольно богаты. Вѣдь золото не можетъ возратить мнѣ этого возлюбленнаго сына.

— Чудеса! вскричалъ графъ, простолюдинъ отказывается отъ дворянства! мѣщанинъ отъ золота!

— Съ позволенія вашей свѣтлости, отвѣчалъ сэръ Патрикъ Чартризь, я, баронъ и рыцарь, осмѣлюсь сказать, что такой храбрый воинъ какъ Генри Смитъ, не нуждается въ титлахъ, и что такой честный гражданинъ какъ этотъ почтенный старикъ можетъ легко обойтись и безъ золота.

— Вы совершенно правы, баронъ, отвѣчалъ Дугласъ, и я несколько не обижаюсь, что вы вступаетесь за свой городъ. Я не принуждаю принимать мои благодаренія. Потомъ, подходя къ Ольбени, онъ сказалъ ему на ухо: было бы не лишнее, еслибъ ваше высочество удалили короля отъ такого кроваваго зрѣлища, потому что надо сказать ему сегодня вечеромъ то, что будетъ известно завтра всей Шотландіи. Распри эти кончены: но мнѣ, душевно жаль, что погибло такъ много храбрыхъ воиновъ, руки которыхъ моглибъ служить еще на защиту отечества.

Стоило довольно труда уговорить короля Роберта удалиться

съ окровавленного ристалища. Слезы текли по щекамъ и сѣдой бородѣ почтеннаго старика; онъ умолялъ окружающихъ его бароновъ и монаховъ не покидать раненыхъ, которыхъ можно было еще спасти, и честно похоронить убитыхъ. Бывшіе тутъ монахи обѣщали ему взять на себя эту двойную обязанность, и сдержали вѣрно и ревностно свое обѣщаніе.

Такъ кончился этотъ знаменитый бой. Изъ шестидесяти четырехъ храбрыхъ воиновъ, — въ томъ числѣ баяны и знаменосцы, — осталось только семеро; да и тѣ были въ такомъ ужасномъ положеніи, что ихъ вынесли за мертво на носилкахъ. Только одинъ Ичинъ остался невредимъ и..... опозоренъ.

Остается прибавить, что ни одинъ изъ ратниковъ кельскаго клана не пережилъ кроваваго этого побоища. Совершенное раззореніе этой конфедераціи было слѣдствіемъ ихъ распрей. Имена составляющихъ ея клановъ остались только предметомъ предположеній для антикварія, потому что послѣ этого послѣдняго сраженія они никогда больше не могли соединиться подъ одно знамя. Чатанскій же кланъ, напротивъ, продолжалъ процвѣтать и размножаться, и знатнѣйшія фамиліи сѣверныхъ горъ Шотландіи считаютъ за честь происходить отъ племени Горныхъ Кошекъ.

XXXV.

Пока король медленными шагами возвращался въ монастырь, гдѣ было тогда его мѣстопребываніе, Ольбени подошелъ къ Дугласу и блѣдный какъ смерть пробормоталъ ему невятнымъ голосомъ:

— Ваша свѣтлость были въ Фальклендѣ, и сами видѣли всѣ эти ужасы, такъ не мозметесь ли объявить это несчастье моему бѣдному брату?

— Ни за что въ мірѣ, еслибъ даже мнѣ предлагали всю Шотландію, отвѣчалъ Дугласъ. Я лучше соглашусь подставить грудь мою тиведальскимъ стрѣлкамъ, чтобъ она служила имъ цѣлью, чѣмъ взять на себя такое страшное порученіе. Нѣтъ, клянусь Святою Бригиттою, этому не бывать! Я скажу ему только, что видѣлъ его несчастнаго сына мертвымъ, а ваше высочество потрудитесь, можетъ-быть, объяснить, какъ это случилось. Еслибъ не возстаніе Марча и не война съ Англіей, то я бы

мог кое-что сказать на этот счет. Сказавъ это, графъ поклонился королю, вышелъ и оставилъ Ольбени выпутываться изъ бѣды какъ знаетъ.

— Еслибъ не возстаніе Марча и не война съ Англіей? повторилъ герцогъ про себя! Да, и еслибъ не личныя твои выгоды, гордый Дугласъ, потому что не смотря на твое честолюбіе, ты не осмѣлишься отдѣлать своихъ выгодъ отъ моихъ. Ну, нечего дѣлать, надо рѣшиться, если ужъ эта обуза досталась на мою долю.

Сказавъ это, Ольбени вошелъ за королемъ въ его покои.

Робертъ сѣлъ на обыкновенное свое мѣсто и посмотрѣлъ съ удивленіемъ на брата.

— Какъ ты блѣденъ сегодня, Робинъ! сказалъ король. Посмотри, какъ ты взволнованъ; тебѣ вѣрно жаль всѣхъ этихъ храбрыхъ воиновъ, и потому тебѣ слѣдовало бы, прежде чѣмъ начинать такое кровавое дѣло, обдумать его хорошенько. А между тѣмъ, Робинъ, я люблю тебя еще больше прежняго, потому что вижу, что, не смотря на твою политику, у тебя доброе сердце.

— Дай Богъ! чтобъ у меня не было другаго горя, отвѣчалъ герцогъ прерывающимся голосомъ.... Я вовсе не жалѣю этихъ дикарей.... Но пришелъ....

Герцогъ остановился.

— Что такое! вскричалъ король пораженный ужасомъ: опять какое нибудь несчастье?... Вѣрно, Роосай?... Говори ради Бога!.... Что съ нимъ случилось?... Опять какая-нибудь шалость?....

— Государь, отвѣчалъ герцогъ, шалости несчастнаго моего племянника кончились вмѣстѣ съ нимъ.

— Какъ!.... Роосай!.... умеръ!.... умеръ! кричалъ въ отчаяніи несчастный отецъ. Какъ братъ, я умоляю тебя, Ольбени.... Но нѣтъ, я больше тебѣ не братъ.... я только король.... и потому какъ король приказываю тебѣ открыть мнѣ всю правду, какъ бы ни была она ужасна.

Ольбени смутился.

— Государь, отвѣчалъ онъ трепещущимъ голосомъ, я не знаю подробностей этого несчастья, и могу сказать только, что племянника моего нашли прошлую ночь мертвымъ, послѣ внезапной болѣзни, продолжавшейся, какъ говорятъ, очень недолгое время.

— Ахъ, Робертъ! возлюбленный мой Робертъ! Еслибъ Господь позволилъ мнѣ умереть за тебя!.... сынъ мой! милый мой сынъ!

Такъ говорилъ несчастный отецъ, лишенный послѣдней наде-

жды, употребляя самыя трогательныя выраженія из Священнаго Писанія и вырывая свои сѣдые волосы, между тѣмъ какъ Ольбени, мрачный, безмолвный и мучимый угрызениями совѣсти не осмѣливался прерывать такого святаго горя.

Но почти въ ту же минуту печаль старика превратилась въ сильную ярость, такую несходную съ его кроткимъ и робкимъ характеромъ, что герцога Ольбени испугался.

— Такъ вотъ конецъ твоихъ правилъ и правоченій, твоихъ наказаній, стараній привести его на путь истины! вскричалъ Робертъ. Но ты скоро узнаешь, что безумный отецъ взвѣрившій тебѣ сына, предавшій невиннаго юношу палачу, ужъ не братъ тебѣ, а король.... Неужели убійцу, обогрennaго кровью моего сына, моею кровью, я буду называть братомъ и сносить его присутствие?.... Нѣтъ! нѣтъ! это невозможно! — Кто тамъ! Сюда! гей! — Макъ-Лун! — Бранданы! — сюда! — Измѣна! — Смертоубійство — Спасите! Помогите! если вы преданы еще Стурту!

Макъ-Лун съ нѣсколькими воинами бросился на зовъ короля.

— Смертоубійство! Измѣна! кричалъ несчастный Робертъ. Бранданы, благороднаго вашего принца.... онъ не могъ докончить, горе и волненіе задушили слова его.

Наконецъ онъ снова заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Приготовить плаху и сѣкиру.... Арестовать.... онъ снова остановился не будучи въ состояніи высказать своей мысли и объявить Бранданами роковой вѣсти.

— Кого прикажете арестовать, государь, спросилъ Макъ-Лун, который видя короля въ такой ярости, несомнѣнной съ его обыкновенной кротостью, начиналъ уже думать что онъ помѣшался отъ вѣхъ ужасовъ и кровопролитія, которыхъ былъ въ тотъ день свидѣтелемъ. Кого прикажете арестовать, государь, повторилъ снова Макъ Лун. Я здѣсь не вижу никого кромѣ герцога Ольбени, брата вашего величества.

— Да, правда, сказалъ король; порывъ ярости его начиналъ уже стихать: правда, тутъ нѣтъ никого кромѣ Ольбени, никого кромѣ сына моего отца, никого кромѣ моего брата. Ахъ! Господи, Господи! дай мнѣ силу переместить это несчастіе! избавь меня отъ преступнаго этого гнѣву; онъ жжетъ грудь мою!... Господи, помилуй вась!

Макъ-Лун съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ольбени.

— Жестокое это несчастье, сказалъ герцогъ на ухо Макъ-Луи такъ взволновало его, что онъ, кажется, помѣшался.

— Какое несчастье, милордъ? спросилъ Макъ-Луи: я ничего не слышалъ, ничего....

— Какъ! отвѣчалъ герцогъ, ты не слышалъ о смерти моего племянника, герцога Роесая?

— О смерти герцога Роесая! Такъ герцогъ умеръ, милордъ? вскричалъ вѣрный Бранданъ съ ужасомъ и удивленіемъ: когда? какъ? и гдѣ?

— Два дня тому назадъ; подробности смерти еще не извѣстны; но онъ умеръ въ моемъ замкѣ Фальклендѣ.

Макъ-Луи пристально посмотрѣлъ на герцога. Потомъ съ разгорѣвшимися глазами и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ королю, который все еще шепталъ про себя молитву:

— Государь, минуту тому назадъ, вы приказывали арестовать кого-то... но не назвали его по имени. Такъ назовите, государь!... и увидите, что малѣйшее ваше желаніе законъ для нашихъ вѣрныхъ Брандановъ.

— Я молилъ Бога, чтобъ Онъ избавилъ меня отъ искушеній, сказалъ отчаянный король, а ты вводишь меня въ искушеніе! Бѣшенному не даютъ въ руки орудій! Ахъ, Ольбени! Ольбени! другъ, братъ мой, Ольбени, совѣтникъ сердца!... Какъ могъ ты рѣшиться поступить такимъ образомъ?

Видя, что король начинаетъ смягчаться, Ольбени оправился и отвѣчалъ съ большою твердостью: стѣны замка моего не могутъ быть преградой смерти, власть ея сильнѣе всего въ мірѣ. Судя по выраженіямъ вашего величества, можно подумать, что я заслужилъ оскорбительное это подозрѣнье. Я прощаю его горю отца, лишеннаго сына; но готовъ поклясться передъ крестомъ и алтаремъ, будущую мою жизнь, и душою нашихъ родителей, что....

— Перестань! Робертъ, вскричалъ король; не прибавляй ложныхъ клятвъ къ смертоубійству!... и все это для того, чтобъ приблизиться хоть на шагъ къ скиптру и коровѣ! Возьми ихъ хоть сейчасъ и да почувствуешь ты какъ жгутъ они! О, Роесай! Роесай! Богъ избавилъ тебя по крайней-мѣрѣ отъ несчастья царствовать!

— Государь, сказалъ Макъ-Луи, позвольте напомнить вамъ, что послѣ васъ скиптръ и корона Шотландіи принадлежатъ по

праву сыну вашему принцу Іакову, который наследуетъ правамъ брата своего.

— Ты правъ, Макъ-Лун, вскричалъ съ жаромъ король, совершенно правъ: это бѣдное дитя наследуетъ опасностямъ своего брата. Благодарю тебя, Макъ-Лун; ты напомнилъ мнѣ, что у меня остается еще одна надежда на землѣ. Вооружи, какъ можно скорѣй, твоихъ Брандановъ. Мы возьмемъ съ собою только тѣхъ, чья вѣрность уже испытана; особенно же надо беречься всѣхъ, кто былъ въ какихъ либо сношеніяхъ съ герцогомъ Ольбени, то есть съ этимъ человѣкомъ, который называется моимъ братомъ. Прикажи, сію же минуту, приготовить мнѣ посылки. Мы увидимъ или въ дѣмбартонское или въ бутекое графство, Макъ-Лун. Горы, пропасти и сердце мовъ Брандановъ, спасутъ этого ребенка, пока мы не проложимъ Онеана между нимъ и жестокимъ честолюбиемъ его дяди. Прощай, Робертъ Ольбени! Прощай навсегда, кровожадное очерствѣлое созданье. Наслаждайся частицею власти, которая останется тебѣ отъ Дугласа, но не старайся меня видѣть. А главное, берегись, не подходи къ моему сыну, потому что я велю тогда Бранданамъ проколоть тебя пиками. Макъ-Лун, отдай это приказаніе!

Герцогъ Ольбенскій удалился, не стараясь оправдаться и не отвѣчая ни слова.

Дальнѣшее принадлежитъ исторіи. Въ слѣдующемъ засѣданіи, герцогъ Ольбени упросилъ шотландскій парламентъ объявить его невиннымъ въ смерти герцога Роеаса, между-тѣмъ доказавъ, что признасть себя виновнымъ, взявъ отъ паны отпущикой лютъ.

Старый и несчастный король заперся въ замкѣ своемъ Роеасѣ, въ графствѣ Бутъ, гдѣ оплакивалъ потерю одного сына и охранялъ отъ враговъ жизнь другаго.

Чтобъ спасти его, Робертъ не нашелъ лучшаго средства, какъ послать во Францію, гдѣ хотѣлъ воспитывать его при дворѣ французскаго монарха. Но корабль, на которомъ отправился шотландскій принцъ, былъ захваченъ англійскимъ крейсеромъ, и хотя между обонми государствами было тогда перемиріе, однако Генрихъ Четвертый былъ такъ низокъ, что задержалъ его у себя въ плѣну. Послѣдній этотъ ударъ довершилъ несчастье Роберта Третьяго, и совершенно истерзалъ сердце добраго монарха.

Месть хотя и медленными шагами, но слѣдовала за измѣною и жестокостью его брата. Правда что Ольбени дожилъ до сѣдыхъ

голосъ и сошелъ съ миромъ въ могилу, передавъ сыну своему Мёрдочу регентство, которое приобрѣлъ столь преступными ере-дствами. Но девятнадцать лѣтъ спустя по смерти короля Робер-та, Яковъ Первый возвратился въ Шотландію, и герцогъ Мёр-дочъ Ольбени купилъ на шафотѣ съ дѣтьми своими, свои и отцовскія преступленія.

XXXVI.

Возвратимся теперь къ переской краевой дѣвицѣ, которую Ду-гласъ послѣ ужасныхъ событій въ Фальклендѣ отослалъ къ до-чери своей, вдовствующей герцогинѣ Ровсай, чтобъ она при-няла ее подъ свое покровительство.

Герцогиня жила тогда на время въ кемпсійскомъ монастырѣ, живописныя развалины котораго и до-сихъ-поръ еще находятся на берегахъ Тей.

Монастырь стоялъ на верху крутой горы, спускавшейся въ самую рѣку, которая въ этомъ мѣстѣ была особенно живописна, водо-падомъ названнымъ Кемпси Линъ, гдѣ воды его шипятъ и клу-бятся черезъ гранитовые утесы и скалы, останавливающіе бѣгъ его, какъ шреграда поставленная руною челоуѣка.

Восхищенные красотою столь живописнаго вида, монахи ве-двѣдгли тамъ зданіе и посвятили его святому Гуанду; они при-ходили туда наслаждаться природою и углубиться въ набож-ныя размышленія. Услыжавъ о приближеніи благородной дамы, монахи съ радостью и уваженіемъ отворили ей ворота, потому что вся эта страна была подъ властью лорда Дрёмонда, союзни-ка Дугласова.

Начальникъ отряда, провожавшаго Катериу и Луизу, подаль герцогинѣ письмо отъ грааа.

Хотя Маржерей имѣла много причинъ жаловаться на Ровсай, однако ужасный и внезапный конецъ его сдѣлалъ такое глубокое впечатлѣніе на эту знатную даму, что она провела асю ночь въ горѣ, слезахъ и молитвѣ.

На другой день утромъ (это было въ достопамятное Вербное Воскресенье) герцогиня призвала къ себѣ Катериу и Луизу.

Обѣ онѣ находились въ уныніи отъ ужасовъ, которыхъ онѣ были такъ недавно еще свидѣтельницами, а видъ герцогини Мар-жерей, какъ и отца ея, могъ скорѣе внушить уваженіе и страхъ чѣмъ довѣріе.

Не смотря на глубокое свое горе, герцогиня обошлась съ ними ласково, и узнала отъ нихъ все что онѣ могли ей разсказать о судьбѣ несчастнаго ея супруга. Маржорей благодарила дѣвушекъ за ихъ усилія и старанія спасти Россая отъ ужасной смерти. Она предложила имъ помолиться вмѣстѣ съ дею за упокой души Роберта, а когда насталъ часъ обѣда, она дала имъ поцѣловать свою руку и отпустила отъ себя, увѣряя обѣихъ, а въ особенности Катерину, въ своемъ покровительствѣ, которое, говорила она, доставитъ имъ какъ той такъ и другой защиту и оборону отпа ея, такъ долго какъ она сама будетъ жить.

Онѣ вышли отъ герцогини и пошли обѣдать съ ея дамами и фрейлинами. Холодные, величественныя и печальныя ихъ лица испугали вѣтренную французенку и сдѣлали непріятное впечатлѣніе даже на Катерину Глёверъ. Сердце пѣвицы сжалось и переская красная дѣвица оробѣла; и потому обѣ подруги, (теперь ихъ можно такъ называть) желая избавиться отъ общества этихъ дамъ, пошли осматривать окрестности монастыря, чѣмъ очень угодили своимъ повымъ знакомкамъ, которыя всѣ будучи знатнаго происхожденія думали, что унизятся если примутъ въ свой кругъ дочь мѣщанина и страстную пѣвицу.

Маленькій садикъ, обсаженный кустарниками и фруктовыми деревьями, выдавался съ одной стороны монастыря до самаго рва, отъ котораго былъ отдѣленъ только однимъ парапетомъ, построеннымъ на краю скалы, но такъ низко, что глазъ могъ проникнуть до глубины пропасти, и видѣть какъ вода пѣнясь и клубясь рвалась въ рѣку надъ каменнымъ подводнымъ рифомъ, находившимся подъ самыми ихъ ногами.

Переская красна дѣвица съ подругою своей прогуливалась по дорожкѣ, окружающей парапетъ внутри сада, и любясь живописнымъ видомъ раскинутымъ предъ ихъ глазами спрашивала: Что это долженъ быть за видъ лѣтомъ, когда земля и деревья показываются во всей своей красотѣ и во всемъ блескѣ! Нѣсколько минутъ онѣ молчали, наконецъ, смѣлость и веселость Луизы побѣдилъ грусть ея и она обращаясь къ Катеринѣ сказала:

— Вы всё-еще не можете забыть ужасовъ Фалькленда? Берите примѣръ съ меня, прекрасная Катерина, и постарайтесь разогнать печаль свою. Надо быть разсудительной, не оглядываться назадъ, а идти все впередъ по пути жизни и страхать съ себя дождевыя капли горя.

— Ужасовъ этихъ нельзя забыть, отвѣчала Катерина: но я теперь не о томъ горюю; я беспокоюсь о батюшкѣ и думаю, сколько честныхъ и храбрыхъ людей погибаетъ можетъ-быть въ эту минуту, и только въ шести миляхъ отсюда.

— Вы говорите о сраженіи двухъ клановъ, о которыхъ конюшій Дугласа рассказывалъ намъ вчера? Вотъ зрѣлище для глазъ менестреля! Но, вѣтъ! я никогда не могла смотрѣть хладнокровно на шпаги и кровопролитіе. Ахъ, посмотрите, Катерина, посмотрите, какъ онъ бѣжитъ, торопится.... вотъ тамъ. Вѣрно, это посланный съ вѣстями о сраженіи.

— Миѣ кажется, я узнаю его, сказала Катерина: только не понимаю, что придаетъ ему такую быстроту.

Пока онъ разговаривалъ, человѣкъ все бѣжалъ къ саду. Луизина собака бросилась на него и залаяла, но вернулась назадъ, съежилась и спряталась за госпожу свою, всё-еще продолжая ворчать, потому что даже животныя умѣютъ отличать, когда въ человѣкѣ преобладаютъ сильныя страсти, и тогда боятся встрѣтиться съ нимъ или загородить ему дорогу.

Незнакомецъ вбѣжалъ въ садъ съ непокрытою головою, съ растрепанными волосами; съ богатой одежды его лилась вода, а изодранные сапоги оставляли за собою кровавые слѣды. Онъ повидному ничего не видалъ и не слышалъ, какъ зайцы, когда за ними гонятся собаки, и озирался кругомъ помѣшанными глазами.

— Ковэчеръ! вскричала Катерина.

Услыхавъ свое имя, молодой человѣкъ остановился.

— Чтò это значитъ, Ковэчеръ? или лучше сказать, Ичинъ Макъ-Янъ; что все это значитъ? Развѣ кланъ вашъ разбитъ?....

Ичинъ остановился, задумался; потомъ поднявъ голову, сказалъ:

— Когда я былъ счастливъ, меня звали Ковэчеромъ: когда былъ силенъ, могущественъ — Ичиномъ; но теперь у меня нѣтъ больше имени: кельскій кланъ больше не существуетъ, и надо быть помѣшанной, чтобъ говорить съ человѣкомъ, котораго нѣтъ больше на свѣтѣ, о томъ, чего уже не существуетъ.

— Несчастный!

— А почему несчастный? Вѣдь я трусъ и измѣнникъ, а трусость и измѣна повелѣваютъ стихіями? Развѣ я не бросался въ тейскія воды, и онѣ не поглотили меня? Какой смертный можетъ противиться моимъ намѣреніямъ?

— Господи! онъ въ бреду, помѣшался!... сказала Катерина: поди, Луиза, позови кого-нибудь, я не боюсь за себя, а боюсь за него самого, чтобъ онъ не сдѣлалъ себѣ какого-нибудь вреда. Посмотри какъ онъ страшно смотритъ на водопадъ.

Луиза поспѣшила исполнить приказанія Катерины, а Ичнинъ оставшись вдвоемъ съ нею, казалось немного опомнился.

— Катерина, сказалъ онъ, теперь какъ она ушла, я могу сказать, что узнаю тебя. Я знаю какъ ты любишь миръ и спокойствіе и какъ ненавидишь войну и кровопролитіе; выслушай меня: вмѣсто того чтобъ нападать на враговъ моихъ, я отказался отъ всего, что только мило человѣку на землѣ, и потерялъ честь, славу, друзей, да какихъ еще друзей! прибавилъ онъ, закрывъ лицо обѣими руками: о! любовь ихъ превышала любовь женщины. Для чего мнѣ скрывать слезы? Вѣдь всѣ видѣли стыдъ мой, всѣ должны видѣть и горе; да, его всѣ могутъ видѣть, но кто сжалятся надъ нимъ? Катерина, пока я, какъ сумасшедшій, бѣжалъ по равнинѣ, мужчины и женщины кричали мнѣ: — Трусъ! трусъ; стыдись. Нищій, которому я бросилъ милостыню, чтобъ купить у него хоть одно благословеніе, отвернувшись отъ меня съ презрѣніемъ, закричалъ: — Будь проклятъ, трусъ! Мнѣ казалось, что даже колокола повторяли: Стыдъ и поношеніе бѣглецу. Блѣянье и мычанье стадъ, завываніе вѣтра, журчанье воды все шептало мнѣ на ухо проклятія, все преслѣдовало меня уничтожительнымъ хохотомъ. Вѣрные мои Лейхташи бѣгутъ за мною и кричатъ слабымъ голосомъ: «Отмести за насъ хоть однимъ ударомъ; мы всѣ за тебя погибли!»

Пока молодой человѣкъ произнесъ невнятные эти слова, легкій шорохъ послышался въ кустарникахъ.

— У меня остается еще одно средство, вскричалъ онъ вскакивая на парашетъ и бросая боязливый взоръ на кустарники, изъ которыхъ съ намѣреніемъ схватить его, осторожно выходили двое слугъ.

Но лишь только онъ увидѣлъ человѣческую фигуру, какъ поднявъ къверху руки закричалъ: Умремъ за Ичнина! и бросился въ водопадъ, швырнувшій у ногъ его.

Безполезно говорить, что въ такомъ сильномъ паденіи одинъ только пухъ могъ бы не разбиться. Но вода въ этотъ день была очень высока, и остатковъ несчастнаго Ичнина никогда не могли найти.

Преданіе сохраняетъ много дополненій къ этой исторіи.

По мнѣнію иныхъ онъ переплылъ рѣку и скитался нѣкоторое время по лѣсу, гдѣ встрѣтился съ отцомъ Климентомъ, который жилъ тогда въ пустынѣ, въ совершенномъ уединеніи, какъ древніе шотландскіе отшельники, называемые Кѣльдами.

Отецъ Климентъ, какъ говорятъ, обратилъ кающагося Конэчера, съ которымъ дѣлилъ свою келью, постническую жизнь и всѣ возможныя лишенія до той минуты, пока смерть не похитила ихъ обонхъ.

Другая легенда, довольно странная, предполагаетъ, будто предводитель кельскаго клада былъ спасенъ даядами, то есть, феями, и что до сихъ поръ продолжаетъ скитаться по лѣсамъ и пустынямъ, въ вооруженіи древнихъ горцевъ, только держитъ шпагу въ лѣвой рукѣ. Привидѣніе вѣчно бываетъ погружено въ глубокое горе. Иногда онъ нападаетъ на путешественника, но если видитъ, что тотъ защищается храбро, то немедленно убѣгаетъ. Легенда эта основана на двухъ главныхъ пунктахъ его исторіи: врожденной робости и самоубійствѣ, чего не слыхано въ исторіи горныхъ предводителей.

Симонъ Глѣверъ перенесъ друга своего Генри къ себѣ въ домъ, и позаботясь, все ли тутъ есть, что ему нужно, отправился въ Кемсѣ за дочерью. Онъ засталъ Катерину въ постелѣ; она лежала въ сильной горячкѣ. Это было слѣдствіе всѣхъ ужасовъ, которыхъ она такъ недавно была свидѣтельницею; особенно же ее поразила страшная смерть Ичнна, такъ внезапно разлучившая ее съ несчастнымъ товарищемъ ея дѣтства.

Луиза съ такимъ вниманіемъ и такою любовію ходила за больною, что Глѣверъ объявилъ, что беретъ Луизу къ себѣ и что не будетъ виновать, если впредь она будетъ играть на віолѣ иначе какъ для своего удовольствія.

Прошло довольно времени прежде чѣмъ Глѣверъ осмѣлился объявить дочери о послѣднихъ подвигахъ Генри, о болѣзни его и о сраженіи, въ которомъ онъ былъ такъ опасно раненъ. Рассказывая ей эти происшествія, Глѣверъ старался, чтобъ Катерина замѣтила и оцѣнила то обстоятельство, что вѣрный женохъ ея, изъ угожденія къ ней, отказался отъ рыцарства, почестей и богатства. Катерина глубоко вздохнула; но вскорѣ успокоилась: она разсудила, что люди рѣдко опережаютъ вѣкъ свой и что съ тою

желанный вѣкъ, въ которомъ жилъ Генри, немощная храбрость его предпочтительнѣе трусости, которая была гибелью Конэчера.

Катерина всё-еще сомнѣвалась на этотъ счетъ, но Генри, какъ только оправился, пришелъ, разуверилъ ее и вымолилъ себѣ прощенье.

— Мнѣ право совѣстно признаться, говорилъ Генри, вспоминая Катерину: но я не могу теперь видѣть кровопролитій; въ Нордъ-Ипчѣ, въ Вербное Воскресенье, было такъ много крови, что она могла утолить самаго яростнаго тигра; и потому я рѣшился дать покой мечу моему, — повѣсить его и не дотрогиваться до-тѣхъ-поръ, пока Шотландіи не понадобятся защитники.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала Катерина, я сама принесу его.

— А чтобъ ты больше не мучилась, сказалъ восхищенный Глэверъ, мы станемъ какъ можно чаще заказывать обѣдни и панихиды за упокой душъ, погибшихъ отъ меча Смита... и такимъ образомъ примиримся съ святою нашею Церковью.

— Очень рада, батюшка, отвѣчала Катерина: и на это мы можемъ употребить сокровища, оставленные мнѣ Дэниингомъ; я увѣрена, что вы не захотите пользоваться состояніемъ, нажитымъ, можетъ-быть, преступленіями, и мѣшать его съ вашимъ, приобретеннымъ честнымъ трудомъ.

— Разумеетсяъ, лучше удавиться!... отвѣчалъ Глэверъ рѣшительнымъ тономъ.

И потому сокровища злодѣя аптекаря роздали пересккимъ монастырямъ, и съ той минуты Симона и дочь его не подозрѣвали больше въ ереси.

Бракъ Генри съ Катериною праздновали четыре мѣсяца спустя послѣ нордъ-ипчской битвы, и перескіе граждане никогда такъ не веселились какъ на свадьбѣ храбрѣйшаго молодого человѣка и на прекраснѣйшей дѣвушки въ прекрасномъ городѣ Перетѣ.

Десять мѣсяцовъ спустя, въ люлькѣ, убранной со вкусомъ и тщаніемъ, лежалъ прелестный ребенокъ, котораго Луиза убаюкивала своими пѣснями.

Вотъ имена крестныхъ отцовъ и крестной матери, выставленные на метрическомъ свидѣтельствѣ ребенка: высокороденный, сильный и могущественный графъ Арчбалдъ Дугласъ; храбрый и высокороденный рыцарь, баронъ Кинфаунскій, сэръ Па-

трикъ Чартризь и благовѣрная принцесса Марджорей, вдовствующая супруга его королевскаго высочества Роберта Стурта, герцога Роеса.

Съ такими покровителями скоро можно возвыситься. Зато въ Шотландіи, а особенно въ графствѣ перескомъ, многія почтенныя семейства и знатныя лица, отличившіеся на войнѣ или въ искусствахъ, почитаютъ за честь происходить отъ Гау Крома и Переской Красной Дѣвицы.

=

ВУДСТОКЪ.

=

РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

I.

Уже звѣзда, предвѣстница Авроры, приводя день, прогоняетъ на кладбище безкопныхъ духовъ, возставшихъ изъ могилъ.

Шекспиръ.

Свѣжій утренній воздухъ разсѣялъ всѣ непріятныя впечатлѣнія ночи; у Эврарда осталось только удивленіе и любопытство. Онъ съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ всю комнату, полъ, деревянную обшивку по стѣнамъ, стучалъ вездѣ рукой и палкой, но не нашелъ ни какого потаеннаго ходу, а дверь, съ двумя задвижками и замкомъ, была въ томъ же положеніи какъ онъ заикнулъ ее съ-вечера. Мысль о появленіи существа, похожаго на Виктора Ли, пробудила воспоминаніе о слышанныхъ въ дѣтствѣ разказахъ и о томъ какъ говорили, будто подобная тѣнь часто показывалась въ необитаемыхъ покояхъ и корридорахъ вудстокскаго замка, и опять Эврардъ упрекнулъ себя, что почти повѣрилъ этимъ дѣтскимъ сказкамъ.

— Но во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, этотъ припадокъ без-
Т. ХС. — Отд. II.

умія не могъ помѣшать мнѣ выстрѣлить въ цѣль. Вѣроятно, интриганты наши средство вынуть пули изъ моихъ пистолетовъ.

Онъ осмотрѣлъ другой пистолетъ и нашелъ, что боевой зарядъ цѣль и въ порядкѣ. Эвгардъ снова осмотрѣлъ всю комнату и нашелъ въ деревянной обшивкѣ, на стѣнѣ, пулю въ прямой чертѣ по тому мѣсту, куда онъ выстрѣтилъ. Не оставалось сомнѣнія, что пуля прошла сквозь призракъ. Это непостижимое обстоятельство, по видимому, доказывало, что въ дѣло вмѣшалась черная магія.

Потомъ вниманіе его обратилось на портретъ Виктора Ли. Онъ сталъ пристально всматриваться и сравнивать полинявшія краски, гордость неподвижнаго взгляда и смертную блѣдность всего лица съ совершенно иною фizioноміей, которую онъ видѣлъ ночью. Тогда при слабомъ мелькающемъ огнѣ свѣчи, и краски казались ему ярче и въ членахъ какъ-будто заключалась жизнь; теперь же, днемъ, это былъ просто посредственный портретъ Гольбейновской школы.

Не желая упустить ничего такого, посредствомъ чего можно бы было проникнуть въ тайну, онъ взлѣзъ на стулъ, поставленный на столъ, подлѣ каминна, и старался отыскать какуюнибудь пружину, отворявшую позади картины потаенный ходъ, какіе довольно часто устроивались въ старинныхъ замкахъ и были извѣстны только хозяевамъ или ихъ повѣреннымъ. Но большая доска съ изображеніемъ Виктора Ли была плотно вдѣлана въ деревятую обшивку, съ которою составляла одно цѣлое.

Эвгардъ разбудилъ Виldreка, который, несмотря на добрый сонъ, все еще ощущалъ въ головѣ остатки вечерняго глотка. Это, какъ онъ говорилъ, было ему вознагражденіе за воздержность; онъ выпилъ только одну, зато спалъ долѣе и крѣпче чѣмъ тогда, когда обременялъ свою совѣсть всѣми грѣхами поужинниковъ *. послѣ которыхъ позволялъ себѣ еще добавочныя возліянія.

— Если бы воздержности твоей досталось еще столько, сколько ты выпилъ въ видѣ одного глотка, ты, вѣроятно, уснулъ бы такъ, что разбудила бы развѣ только послѣдняя труба.

— И тогда я, конечно, всталъ бы съ жестокимъ трескомъ въ головѣ, отвѣчалъ Виldreкъ: даже теперь умѣренность моя не со-

* *Rege-supper, après souper*, назывался второй ужинъ, вошедшій въ употребленіе въ Англіи, въ царствованіе короля Якова. Въ первый разъ ужинали часу въ седьмомъ, а поужинникъ начинался въ одиннадцатомъ и служилъ предлогомъ оставаться за столомъ до полуночи.

всѣмъ избавила меня отъ этого. Но пойдѣмъ, узнаемъ, какъ другіе провели эту ночь, когда у насъ было столько странныхъ приключеній. Я полагаю, они всѣ очень расположены выбраться изъ Вудстока; развѣ только они были счастливѣе нашего въ выборѣ комнатъ и отдохнули спокойнѣе.

— Если они готовы уйти, ты отправишься въ Джослайнову хижину къ сэру Генри Ли и попросишь его воротиться въ свое жилище. Я надѣюсь, что посредствомъ моей силы у лорда-генерала, вмѣстѣ съ подозрительнымъ слухомъ объ этомъ замкѣ, можно будетъ отворотить всякое новое нашествіе комиссаровъ.

— Отъ комиссаровъ избавятся, такъ. Но какъ они защитятся стъ духовъ? Клянусь честью, если бъ я принималъ участіе въ такой хорошенькой дѣвушкѣ какъ кузина, которою ты можешь похвастать, я не захотѣлъ бы подвергать ее ужасамъ, неизбѣжнымъ съ пребываніемъ въ Вудстокѣ, гдѣ бѣсы.... прошу у нихъ извиненія.... я полагаю, они слышатъ насъ.... гдѣ бѣсы, мы домовые, такъ потѣшаются съ вечера до утра.

— Я такъ же какъ и ты, любезный Вилдрекъ, думаю, что всѣ наши рѣчи подслушаны, но это мало беспокоитъ меня; я тѣмъ не менѣе скажу все, чтѣ думаю. Я надѣюсь, сэръ Генри и Алиса ничего не знаютъ о томъ, чтѣ здѣсь творится, потому что не могу согласить такихъ сценъ съ благородною гордостью дяди, ни со скромностью кузины, ни съ разсудительностью ихъ обоихъ. Ничто не можетъ побудить ихъ взяться за такія странныя средства. Чтѣ до бѣсовъ, Вилдрекъ, они — изъ твоей братьи: это кавалеры, и хотя я убѣжденъ, что сэръ Генри и Алиса не имѣютъ съ ними ни какихъ сношеній, однакожъ и опасаться этихъ духовъ имъ нечего. Впрочемъ, сэру Генри и Джослайну должны быть хорошо извѣстны всѣ тайные углы въ замкѣ, и при нихъ не такъ легко будетъ разыгрывать бѣсовскія штуки, какъ при чужихъ. Но одѣнемся и тогда увидимъ, что дѣлать.

— Проклятый пуританскій нарядъ, въ которомъ я шеголяю, едва ли заслуживаетъ щетки, возразилъ Вилдрекъ: и шага, со сто фунтовымъ ржавымъ ефесомъ, которою ты меня наградилъ, дѣлаетъ меня похожимъ на обанкрутившагося квакера.... погоди, я помогу тебѣ справить туалетъ. Ручаюсь, что я уберу тебя такимъ шеголемъ, какихъ еще не бывало между лицемѣрными мошенниками всей твоей братьи.

И въ то же время Вилдрекъ запѣлъ извѣстную кавалерскую пѣсню: «Когда доведется намъ снова быть въ Вайтголлѣ, вы-

стланномъ паутиной, мы тамъ не разъ еще попируемъ; только бѣ дожидаться возврата короля.»

— Ты забываешь о нашихъ товарищахъ, замѣтилъ Эврандъ.

— Я помню о хозяевахъ и пою только для духовъ, которые за это могутъ только полюбить меня. Мнѣ очень пріятно думать, что эти бѣсы добрые малые, и я надѣюсь при встрѣчѣ найти въ нихъ такихъ же молодцовъ, какихъ я знавалъ служа подъ командою Горинга... когти такія острыя, что ничему спуску не дадутъ; желудки такіе, что ни чѣмъ не наполнишь; полупомѣшанные отъ разгулу, попойекъ, пѣсень, дракъ и грабежей; спящіе въ трапезяхъ и храбро умирающіе въ сапогахъ. Увы! прошли тѣ времена! Нынче и у кавалеровъ вошло въ моду кислое и важное лицо, — особенно у пастырей, которые лишились своихъ паствъ. Я тогда былъ въ своей стихіи: я никогда не желалъ и не пожелаю поры счастливѣе той, которую провелъ въ продолженіи первыхъ нашихъ схватокъ съ возмутителями.

— Ты всегда былъ дикою птицей, Вилдрекъ; всегда предпочиталъ ураганы тишицѣ, бурныя волны океана — гладкой поверхности озера, борьбу съ вѣтромъ и всякими препятствіями — насущному хлѣбу, удобству и покою.

— Чортъ поберн гладкую поверхность озера! Я ужъ вижу, какъ старая баба изъ окна бросаетъ мнѣ выжимки солоду и какъ я, виѣстѣ съ другими дворовыми утками, долженъ разиня клювъ бѣжать на кличъ. Да, Эврандъ, я люблю чувствовать упоръ вѣтра подъ моими крыльями и то нырять то всплывать на вершину волны, — то погружаться въ глубь океана, то возноситься подъ облака. Такова жизнь дикой утки, степенный мой полковникъ, и такую жизнь мы вели въ продолженіи междуусобной войны. Выгонять изъ одного графства, мы явились въ другомъ; сегодня насъ побьютъ, завтра мы поколотимъ; то умираемъ съ голоду у какого-нибудь бѣдняка роялиста, то упитываемся насчетъ какого-нибудь богатаго пресвитера, овладѣваемъ кухонною кладовой, погребомъ, буфетомъ и даже хорошенькою служанкой, буде есть.

— Тихе, Вилдрекъ, тихе; не забывай, что я также членъ пресвитеріанской общины.

— Тѣмъ хуже для тебя. Но... ты самъ сказалъ... объ этомъ не стоить толковать. Пойдемъ лучше, посмотримъ, какъ твой пресвитеріанскій пасторъ Гольднофъ провелъ ночь и успѣшнѣе ли твоего онъ сражался съ нечистою силой.

Они вышли изъ комнаты и ихъ тотчасъ же осадили солдаты

и слуги съ докладами о томъ, что каждый видѣлъ или слышалъ минувшею ночью. Нѣтъ нужды входить въ подробности насчетъ этихъ донесеній, тѣмъ болѣе что люди въ подобныхъ случаяхъ считаютъ для себя стыдомъ пострадать и испытать меньше другихъ.

Самые умѣренные изъ этихъ рассказчиковъ ограничивались повѣствованіемъ о звукахъ, подобныхъ кошачьему мяуканью, собачьему вою и даже свиному хрюканью. Другіе слышали, какъ бѣсы вколачивали гвозди, пилили дрова, волочили цѣпи; третьихъ поражалъ шерохъ шелковыхъ платьевъ, разные музыкальные инструменты, — словомъ, слышали всевозможную разноголосицу. Нѣкоторые клялись, что ощущали разные запахи, въ особенности запахъ горной смолы, — духи, конечно, адскіе; другіе не клялись, но утверждали, что своими глазами видѣли съ ногъ до головы вооруженныхъ людей, безголовыхъ лошадей, рогатыхъ ословъ и шестиногихъ коровъ, не говоря уже о черныхъ фигурахъ, козлиныя ноги которыхъ достаточно доказывали, къ какому царству они принадлежатъ. Эти ночныя видѣнія представлялись до такой степени всѣмъ по ровну, что часовые не имѣли возможности подать другъ другу помощь и дрожа прятались каждый въ свой уголъ, такъ, что рѣшительный непріятель легко могъ бы овладѣть всѣмъ гарнизономъ.

Между-тѣмъ во всей этой тревогѣ не случилось ничего особенно важнаго: духи, казалось, намѣрены были только потѣшиться и не прибѣгали къ насиліямъ. Только одному бѣдному солдату, котораго полковникъ Эврардъ приказалъ поставить въ осьми-угольныхъ сѣняхъ, передъ верхней галерей, достался синій желвакъ во лбу отъ собственнаго приклада, зато что онъ подставилъ штыкъ какой-то явившейся передъ нимъ фигурѣ, да еще на мистра Дизбро вылилъ ведро помоевъ. Это были единственные осязательные признаки дѣйствительности явленія домовыхъ.

Гаррисонъ, по словамъ степеннаго мистра Томкинса, провелъ ночь спокойно, хотя передъ своимъ находился все въ какомъ-то оцѣневѣніи и все простиралъ впередъ руки. Духи, вѣроятно, сочли, что онъ съ вечера уже достаточно поплатился на свою долю.

Эврардъ отправился въ покой къ остроумному Дизбро и храброму философу Блетсону. Оба уже одѣвались и первый еще зѣвалъ отъ изумленія и ужасу. Онъ сталъ горько жаловаться Эврарду на беспокойную ночь и безъ всякаго зазрѣнія ропталъ на своего страшнаго родственника, который подвергъ его такимъ непріятностямъ.

— Его превосходительство, мой родственникъ Нолль, могъ бы, кажется, бросить своему зятю въ ротъ лепешку по-лучше этого проклятаго Вудстока, испеченнаго въ печи у Сатаны. Я не могу хлебать лапши съ чортомъ, не могу... ложка моя слишкомъ коротка. Онъ могъ бы выбрать для меня мѣсто по-спокойнѣе и отдать этотъ начиненный бѣсами замокъ какому-нибудь ратнику-оратору, болѣе меня знакомому съ заклинаніями. Я съ моей стороны очень хорошо умѣю отличить добраго коня по ногамъ и знаю толкъ въ волахъ, а Моисеевыхъ книгъ никогда не читалъ. Но я откажусь отъ этого порученія, откажусь однажды навсегда. Надежда на мірскую корысть уже не вовлечетъ меня въ опасность достаться въ когти чорту, не считая удовольствія спать вверхъ-ногами и купаться въ помояхъ. Пѣтъ, на это я слишкомъ благоразумевъ.

Блетсону предстояло разыграть шую роль. Онъ говорилъ, что не имѣетъ ни какого повода къ жалобамъ; напротивъ, онъ спалъ бы такъ хорошо, какъ никогда въ жизнь еще не удавалось спать, если бъ дураки часовые не будили безпрестанно своими криками и тревогой, когда, по несчастію, мимо ихъ пробѣгала какая-нибудь кошка. Онъ гораздо лучше соглашался спать посреди шабаша вѣдьмъ, — если только вѣдьмы существуютъ.

— Такъ вы не вѣрите въ привидѣнія, мистръ Блетсонъ? спросилъ Эврардъ. Я также не вѣрилъ, во нынѣшнюю ночь случились вещи довольно странныя.

— Сны, грёзы, любезнѣйшій полковникъ! просто грёзы и больше ничего, отвѣчалъ Блетсонъ, хотя блѣдность лица и трепеть по всѣмъ членамъ изобличали его храбрость во лжи: старикъ Чаусеръ раскрылъ намъ истинную причину этихъ грёзъ. Онъ часто посѣщалъ вудстокскій лѣсъ, и тамъ....

— Шасеръ? возразилъ Дизбро: это, судя по имени, вѣроятно, какой-нибудь охотникъ? Неужели и его духъ бродить здѣсь такъ же какъ духъ Гирна * въ Виндзорѣ?

— Я говорю о Чаусерѣ, любезный Дизбро, отвѣчалъ Блетсонъ: это, какъ полковникъ знаетъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые живутъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ по смерти и которыхъ слова еще звучатъ въ нашихъ ушахъ, когда ихъ кости давно уже обратились въ прахъ.

— А! колдунъ какой-нибудь! замѣтилъ Дизбро: ну, что до меня

* Духъ охотника Гирна — тотъ самый, котораго роль Фальстафъ принужденъ играть въ Шекспировой комедіи «Виндзорскія кумушки.»

касается, я желаю, чтобъ онъ не подходилъ ко мнѣ слишкомъ близко. Но что же онъ сказалъ о грѣзахъ?

— Нѣсколько стиховъ, которые я напомию полковнику и которые для тебя, Днэбро, останутся тарабарскою грамотой. Старикъ Джоуей Чаусеръ приписываетъ всѣ наши ночныя видѣнія заваламъ въ печени и другихъ внутренностяхъ. «Отъ этого, говорятъ онъ, намъ представляются всякія живыя видѣнія, грезится падающій со всѣхъ сторонъ градъ стрѣлъ, копьевъ и огня; отъ этого иной во снѣ стонетъ, плачетъ, кричитъ и видитъ, что бѣсы его ташутъ.»

Между-тѣмъ какъ Блетсонъ приводилъ это свидѣтельство Чаусера, Эвхардъ примѣтилъ у него на постелѣ, подъ изголовьемъ, книгу, которую достопочтенный членъ парламента, вѣроятно, читалъ ночью.

— Это Чаусеръ? спросилъ полковникъ: я желалъ бы самъ прочесть все стихотвореніе.

— Чаусеръ? повторилъ Блетсонъ, загороживая Эвхарду дорогу: нѣтъ, это Лукрецій, мой любимецъ. Но я не могу показать вамъ его, потому что сдѣлалъ въ этой книгѣ нѣсколько отмѣтокъ собственнo для себя.

Эвхардъ однакожъ уже успѣлъ взять книгу.

— Лукрецій? повторилъ онъ: нѣтъ, мистръ Блетсонъ, это товарищъ гораздо болѣе приличный человѣку въ пору страха или опасности. Кчему вамъ красѣть за это? Только напрасно вы, мистръ Блетсонъ, кладете эту книгу подъ подушку: лучше бы вы начертили ея содержаніе въ своемъ сердцѣ; тогда она была бы вамъ полезнѣе и Лукреція и Чаусера.

— Какая-же это книга? спросилъ Блетсонъ, взглянувъ на нее и напрасно стараясь скрыть выступившую краску: а! Библія! Это, вѣрнo, мой секретарь Джибіонъ подложилъ; услужить хотѣлъ. Эти жиды ужасно суевѣрны.

— Полноте, Блетсонъ, не красѣйте за самый умный поступокъ въ вашей жизни и сознайтесь откровенно, что въ минуту страха вы рѣшились поучиться изъ нея.

Блетсоново самолюбіе такъ оскорбилось, что взяло верхъ даже надъ обыкновенною его трусостью. Онъ покрасилъ до зрачковъ, худощавые пальцы затрепетали и голосъ задрожалъ совсѣмъ не по-философски.

— Мистръ Эвхардъ, вскричалъ онъ, вы человѣкъ военный, вооруженный, и потому, кажется, считаете себя вправѣ оскорблять мирнаго гражданина.... Но я попрошу васъ вспомнить, милости-

вый государь, что есть предѣлы, за которыми не должно искушать ничего терпѣнія, милостивый государь.... и потому, господинъ полковникъ, я ожидаю вашихъ извиненій.... въ невозвратной, милостивый государь, и неумѣстной шуткѣ.... а нето, милостивый государь, вы услышите обо мнѣ такую рѣчь, которая можетъ показаться неприятною, милостивый государь.

Эвгардъ не могъ удержаться отъ улыбки при видѣ этой внезапной храбрости, порожденной униженнымъ самолюбіемъ.

— Послушайте, мистръ Блетсонъ, сказалъ онъ: правда, что я солдатъ, но я никогда не любилъ крови, и, какъ христіанину, мнѣ неприятно было-бы послать въ царство тѣней новаго обитателя, прежде чѣмъ настанетъ его часъ и очередь. Если небо даетъ вамъ сроку покаяться, то я не желалъ бы лишитъ васъ этой возможности: я не хочу чтобы ваше вѣчное спасеніе зависѣло отъ конца моей шпаги или отъ моей пистолетной пули. Я предпочитаю извиниться передъ вами, и мистра Дизбро, — если онъ успѣлъ образумиться, — приглашаю въ свидѣтели, что не подозреваю въ васъ ни малѣйшаго расположенія къ здравому смыслу. Я прошу у васъ извиненія даже въ томъ, что потратилъ мое время на попытку выбѣлить голову негра и склонить отъявленнаго атеиста къ основательному сужденію.

Блетсонъ былъ въ восхищеніи отъ этого обороту дѣла, потому что, едва вызовъ сорвался у него съ языка, онъ сталъ уже страшиться слѣдствій. Онъ съ просіявшимъ лицомъ спѣшилъ отвѣчать:

— Ни слова больше, любезнѣйшій полковникъ. Одно извиненія между порядочными людьми совершенно достаточно. Извиненіе не оставляетъ ни малѣйшаго пятна на томъ, кто его принимаетъ, и ни сколько не унижаетъ того, кто его приноситъ.

— Да, я надѣюсь, что въ моемъ извиненіи нѣтъ ничего унижательнаго, замѣтилъ Эвгардъ.

— Совершенно нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Между-тѣмъ я совершенно доволенъ имъ. Дизбро засвидѣтельствуетъ, что вы передо мною извинились, и этого совершенно достаточно.

— Надѣюсь, что вы и мистръ Дизбро будете говорить очень осторожно объ этомъ предметѣ и не скажете смыслу моихъ рѣчей.

— Хорошо, хорошо, полковникъ; мы ни слова не станемъ говорить объ этомъ; съ этой минуты все рѣшительно забыто. Только прошу васъ, любезнѣйшій Эвгардъ, не предполагайте во мнѣ никогда способности къ суевѣрію. Если я и боялся дѣйствитель-

ной и видимой опасности, то этотъ страхъ позволителенъ человѣку; я не имѣю притязанія выказывать себя менѣе доступнымъ ему чѣмъ другіе. Но если меня считаютъ способнымъ прибѣгать къ заклинаніямъ, класть подъ голову книги, чтобы отбиться отъ наважденія нечистой силы.... это, ужъ извините!... за это можно поссориться съ самымъ близкимъ другомъ.... Ну, что, полковникъ, что мы теперь станемъ дѣлать? Какъ мы выполнимъ наши обязанности въ этомъ проклятомъ замкѣ? Клянусь честью, если бѣ меня угостили на постелѣ такимъ купаньемъ какъ Дизбро, я умеръ бы отъ кашлю, а онъ ничего: отряхнулся точно почтовая кляча, и какъ будто ни въ чемъ не бывалъ.... Я полагаю, вы къ намъ прикомандированы? Какъ вы думаете, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать?

— Вотъ Гаррисонъ очень кстати идетъ, отвѣчалъ Эврдъ: я воспользуюсь присутствіемъ всѣхъ въ собраніи и представлю приказъ, данный мнѣ лордомъ-генераломъ. Въ этомъ приказѣ значится, что комиссія имѣетъ немедленно прекратить свои дѣйствія и оставить вудстокскую Ложу.

Дизбро взялъ бумагу и посмотрѣлъ на подпись.

— Да, это Ноллева подпись, сказалъ онъ: только съ нѣкотораго времени онъ своего Оливера ставитъ въ видѣ гиганта, а Кромвеля въ видѣ карлы, точно какъ будто хочетъ сказать, что послѣднее имя современемъ должно совершенно скрыться. Но неужели его превосходительство Нолль Кромвель, — пока онъ еще носитъ это имя, — столько неразумителенъ, что считаетъ вовсе не нужнымъ хоть чѣмъ-нибудь вознаградить своихъ родственниковъ и друзей, которые въ одну ночь были поставлены на голову съ опасностью свихнуть шею, въ другую потоплены въ помояхъ, и день и ночь терпѣли страхъ отъ колдуновъ, привидѣній, домовыхъ и всякихъ бѣсовъ? Годдемъ!.... прости, Господи, мое согрѣшеніе.... если дѣла пойдутъ такимъ образомъ, я лучше ворочусь на мою ферму, займусь волами и овцами, чѣмъ тратить время въ его свѣтѣ, хотя я и женатъ на его сестрѣ. Правду сказать, она была довольно бѣдна, когда я женился на ней, хотя Нолль теперь и очень высоко держитъ голову.

— Я не намѣренъ вступать въ пренія въ этомъ достопочтенномъ собраніи, сказалъ Блетсонъ: никто не можетъ сомнѣваться въ моемъ уваженіи и привязанности къ генералу, котораго стеченіе обстоятельствъ, личные достоинства и безпримѣрная твердость поставили въ наше роковое время на такую высоту. Если я вазову его прямымъ и непосредственнымъ изліяніемъ души

міра, созданіемъ, которымъ гордится мать его природа, всегда заботящаяся о сохраненіи и обезпеченіи своихъ дѣтей, то и тогда я недостаточно выражу мое высокое помятіе объ немъ. Не предупреждаю, что тотъ ошибется, кто подумаетъ, будто я предполагаю возможнымъ такое изліявіе или *испареніе* души міра. Я говорю объ этомъ только предположительнымъ образомъ. Я ссылаюсь на васъ, мистръ Дизбро, какъ на родственника его превосходительства, и на васъ, полковникъ Эврардъ, какъ на чловека, носящаго еще болѣе завидное званіе его друга, — ссылаюсь на васъ, слишкомъ ли я опираюсь на мою преданность генералу.

Ораторъ сдѣлалъ паузу. Эврардъ отвѣчалъ наклопеніемъ головы, но Дизбро считалъ нужнымъ вполне выразить свое одобреніе.

— Да, я могу засвидѣтельствовать, сказалъ онъ: я видывалъ, какъ вы застегивали ему камзолъ, щеткою чистили плащъ и оказывали множество тому подобныхъ услугъ. Онъ поступаетъ съ вами просто неблагодарно!... изорту вынимаетъ кусокъ хлѣба, который далъ; вынимаетъ, когда....

— Не въ этомъ дѣлѣ, возразилъ Блетсонъ: вы не отдаете мнѣ справедливости, мистръ Дизбро, совершенно не отдаете справедливости, сэръ, хотя я знаю, что намѣреніе у васъ доброе. Нѣтъ, сэръ, нѣтъ; ни какія личныя выгоды не побуждали меня принять это порученіе. Я довѣренное лицо англійскаго парламента, именемъ котораго начата эта война, и государственнаго совѣта, который охраняетъ англійскую независимость. Кто вложилъ мнѣ оружіе въ руку, если не общая довѣренность и надежда, что мы.... вы, достойный генералъ Гаррисонъ, и я, стоящій выше всякихъ своекорыстныхъ видовъ, — также какъ и вы, почтеннѣйшій полковникъ Эврардъ, еслибъ вы принадлежали къ комиссіи, — кто, говорю я, вооружилъ насъ, если не надежда, что я могу оказать услугу моему отечеству, съ помощью моихъ почтенныхъ товарищей, говоря о всѣхъ вообще и о каждомъ въ особенности?... и при вашемъ содѣйствіи, полковникъ Эврардъ, какъ скоро вы привяли бы участіе въ нашемъ трудѣ. Да, эта самая надежда заставила меня воспользоваться случаемъ оказать эту важную услугу нашей родной и любезной матери, англійской республикѣ. А теперь приказъ лорда-генерала отнимаетъ у насъ полномочіе, которымъ мы были, такъ сказать, облечены!.... Да, господа, со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ его превосходительству, я спрашиваю у достопочтеннаго собранія, выше ли власть генерала той власти, отъ которой онъ самъ имѣетъ свое полномочіе? Никто не станетъ утверждать этого. Я спрашиваю, на

томъ ли онъ мѣстѣ сидитъ, съ котораго мы удалили покойнаго Карла? Обладаетъ ли онъ великою печатью, имѣеть ли какія права поступать такимъ образомъ? Я не вижу ни какого основанія подобному предположенію и, слѣдовательно, долженъ отвергнуть такое ученіе. Отдаюсь на вашъ судъ, честные и достопочтенные мои товарищи. По моему смиренному разумѣнію, я нахожусь въ несчастной необходимости заключить, что мы должны продолжать наши занятія, такъ, какъ-будто бы не было ни какого перерыву, ни помѣхи, съ тѣмъ только легкимъ измѣненіемъ, чтобы комиссія секвестра, по обыкновенію, собиралась въ вудстокской Ложѣ въ дневное время, а съ закатомъ солнца комиссары имѣли бы отправиться въ городъ, въ гостиницу Георгія, какъ для того, чтобы оградить слабыхъ отъ вліянія суевѣрнаго страха, такъ и для того, чтобы всѣхъ вообще не подвергать опасности отъ неблагонамѣренныхъ кавалеровъ, которыхъ, я увѣренъ, много скрывается здѣсь, въ окрестности.

— Любезнѣйшій мистръ Блетсонъ, возразилъ Эврардъ, не мнѣ бы слѣдовало отвѣчать вамъ; вы сами знаете, какъ англійская армія и ея главнокомандующій умѣютъ поддержать свою волю. Смотрите, чтобы волю эту не растолковалъ вамъ какой-нибудь отрядъ конницы, изъ Оксфорда. На это, кажется, уже дано предписаніе, а вы по опыту знаете, что солдаты по командѣ генерала пойдутъ и на приступъ.

— Конечно, и мы можемъ повиноваться лорду-генералу, но это повиновеніе не безусловно! вскричалъ Гаррисонъ: развѣ ты, Меркемъ Эврардъ, не знаешь, что я слѣдовалъ за человѣкомъ, которому ния Кромвель, такъ же неотступно какъ бульдогъ слѣдуетъ за своимъ хозяиномъ? И я еще готовъ слѣдовать за нимъ. Но я не говчая собака, которая сноситъ, когда у нея вырываютъ добычу изъ зубовъ, и не жалкій дворовый песъ, которому вмѣсто жалованья идутъ палки и позволеніе сохранить свою шкуру какъ знаетъ. Я видѣлъ, что мы трое можемъ здѣсь честнымъ, благороднымъ образомъ, и съ пользою для республики, нажить по четыре или по пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Неужели же Кромвель воображаетъ, что однимъ словомъ можетъ заставить меня отказаться отъ моей доли? На свой счетъ никто войны не ведетъ и всякій служащій службою живетъ. Нужны же благочестивымъ ратникамъ средства на содержаніе коней и сбруд, чтобы могли противустать профанамъ и нечестивцамъ. Неужели Кромвель считаетъ меня такимъ ручнымъ тигромъ, что можно изъ зубовъ взять брошенный кусокъ? Нѣтъ,

я этого не позволю. Солдаты, которые здѣсь есть, принадлежать къ моему полку. Они ждуть и надѣются. Свѣтильники у нихъ зажжены и бедра препоясаны; желѣзо звенить у нихъ по голениамъ. Они помогутъ мнѣ отстоять этотъ домъ отъ всякаго нападенія, даже отъ самого Кромвеля, да! Я все сказалъ.

— А я, сказалъ Дизбро, я пойду набирать войско для подкрѣпленія вашихъ аванпостовъ. Я не хочу запереться здѣсь вмѣстѣ съ гарнизономъ.

— А я, сказалъ Блетсонъ, я ворочусь въ Лондонъ, на свое мѣсто, въ парламентъ, и отдамъ отчетъ о происходящемъ здѣсь.

Эврарда всѣ эти угрозы не очень испугали. Опасаться можно было только Гаррисона, который по своей восторженности, отважности, упрямству и вліянію на фанатиковъ, могъ сдѣлаться довольно страшнымъ врагомъ. Прежде чѣмъ началъ убѣждать, Эврардъ попытался воротить его къ умѣренности напоминаніемъ о ночныхъ тревогахъ въ замкѣ.

— Не говори мнѣ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, молодой человѣкъ! возразилъ Гаррисонъ: не говори мнѣ о врагахъ, каковы бы они ни были, воплощенные или безплотные. Развѣ я не ратникъ, призванный сражаться съ дракономъ и морскимъ чудовищемъ? Развѣ не назначенъ я въ предводители лѣваго крыла и двухъ полковъ центра, когда благочестивые будутъ поражать безчисленные легіоны Гога и Магога? Я тебѣ по истинѣ говорю, молодой человѣкъ, что имя мое записано на огненно-хрустальномъ морѣ, и я буду твердо держаться въ этой Ложѣ и въ этомъ паркѣ, на полѣ и въ стѣнахъ, противу всей нечистой силы, доколѣ не наступитъ царство блаженныхъ.

-- Эврардъ увидѣлъ, что пора употребить въ дѣло записку, которую онъ получилъ отъ Кромвеля послѣ того какъ Вилдрекъ принесъ первый приказъ. Записка эта была вполне способна погасить неудовольствіе комиссаровъ. Въ ней Кромвель главною причиною удаленія комиссіи изъ Вудстока представлялъ свое предложеніе парламенту поручить генералу Гаррисону, полковнику Дизбро и достойному представителю города Литльфайта, мистру Блетсону, дѣло гораздо важнѣе, а именно секвестрацію королевскаго замка, парка и всѣхъ принадлежностей въ Виндзорѣ. При этомъ новомъ извѣстіи комиссары встрепнулись и уши навострили. Мрачное выраженіе досады и озлобленія тотчасъ же уступило мѣсто пріятной улыбки; глаза засверкали и усы зашевелились отъ удовольствія.

Полковникъ Дизбро тотчасъ же призналъ, что его достойный

родственниковъ неспособенъ забыть долгаго узамъ крови и дружбы. Мистръ Блетсонъ открылъ, что для республики втрое важнѣе Вудстока сохраненіе и порядочное управленіе имѣніемъ виндзорскимъ. Гаррисонъ ни мало не запинаясь вскричалъ, что остатки послѣ винограднаго сбора въ Виндзорѣ больше стѣютъ чѣмъ весь сборъ въ Вудстокѣ. И между-тѣмъ какъ онъ говорилъ такимъ образомъ, въ черныхъ глазахъ его сверкало столько же радости этимъ земнымъ благамъ, сколько доставляла ему нелѣпная его надежда на свою долю въ тысячелѣтнемъ царствѣ. Восхищеніе его походило на торжество коршуна, который съ удовольствіемъ ѣсть за ужиномъ агненка, хотя и видитъ стотысячную рать, готовую на завтра сразиться и обезпечить ему гораздо болѣе лакомый и пышный пиръ на счетъ тѣхъ, что останутся на полѣ сраженія....

Всѣ объявили, что они совершенно согласны и готовы исполнить волю лорда-генерала. Однако жъ Блетсонъ, въ видѣ предосторожности, предложилъ остаться на время въ городѣ Вудстокѣ и дожидаться приказа насчетъ виндзорской комиссіи. Мѣру эту рѣшили принять на томъ основаніи, что не разсудительно развизывать одинъ узелъ, не скрѣпивъ надлежащимъ образомъ другаго, которымъ слѣдуетъ замѣнить его.

Коммиссары написали, каждый особенно отъ своего лица, къ Кромвелю и выразили каждый по своему безпредѣльную свою привязанность къ нему. Каждый являлся готовымъ буквально повиноваться всѣмъ приказаніямъ его превосходительства, но каждый, при строгой своей преданности парламенту, находилъ также неудобнымъ сложить съ себя данное отъ парламента порученіе, потому что не желалъ имѣть виду нерадѣющаго о службѣ, и считалъ себя по совѣсти обязаннымъ остаться въ Вудстокѣ до полученія точныхъ инструкцій касательно гораздо болѣе важнаго управленія виндзорскимъ имѣніемъ, которому управленію каждый готовъ былъ посвятить себя совершенно согласно волѣ и желанію его превосходительства.

Таково было вообще содержаніе трехъ писемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, принадлежащихъ личному характеру каждаго писавшаго. Дизбро, на примѣръ, впустилъ нѣсколько словъ насчетъ возложенной религіею на всякаго человѣка обязанности заботиться о своихъ близкихъ и кровныхъ; Блетсонъ ввелъ нѣсколько длинныхъ фразъ насчетъ политическаго долга каждаго члена общества посвящать все свое время и всѣ свои способности служенію отечеству; Гаррисонъ говорилъ о брэнно-

сти и личтожествѣ всего сущаго на зѣмлѣ въ сравненіи съ будущими великими переворотами. Впрочемъ, хотя украшенія трехъ посланій были различны, однакожъ всѣ стремились къ одной цѣли, — комиссары рѣшительно не намѣрены были терять изъ виду Вудстокъ, пока не добудутъ себѣ другой комиссіи, но-выгоднѣй.

Меркемъ Эврардъ также написалъ къ Кромвелю и выразилъ ему свою признательность, которая, безъсомнѣнія, была бы не столько жива, если бы Вилдрекъ вполне передалъ мысли, побудившія коварнаго старика исполнить просьбу полковника. Эврардъ притомъ увѣдомлялъ главнокомандующаго о своемъ намѣреніи остаться въ Вудстокѣ, какъ затѣмъ чтобъ комиссары не оставили приказа неисполненнымъ, такъ и для наблюденія, чтобы нѣкоторыя случившіяся въ замкѣ необыкновенныя обстоятельства не причинили нарушенія общественнаго спокойствія. Онъ зналъ, — или такъ по-крайней-мѣрѣ онъ выражался, — что лордъ-генераль, выше всего цѣнящій порядокъ, лучше любитъ предупреждать тревоги и возмущенія чѣмъ наказывать за нихъ, и потому просилъ положиться на его заботливость о пользѣ общей.

Всѣ четыре посланія запечатали въ одинъ пакетъ и отправили съ нарочнымъ въ Виндзоръ.

II.

«Часто, когда наступитъ спокойствіе, люди желаютъ воротиться въ предѣлы, за которые зашли изъ слишкомъ большаго усердія.»

Между-тѣмъ какъ комиссары готовились ^епребратъ изъ замка въ городъ Вудстокъ, съ шумомъ и тревогой всегда сопровождающими передвиженія важныхъ особъ, и въ особенноти тѣхъ, которыя еще не привыкли къ своей важности, Эврардъ имѣлъ свиданіе съ инструмъ Гольднофомъ, котораго блѣдныя щеки и задумчивое выраженіе доказывали, что и онъ провелъ ночь не лучше другихъ гостей въ Ложѣ. Когда полковникъ предложилъ ему завтракъ, онъ отвѣчалъ:

— Я не приму сегодня другой пищи кромѣ той, какая намъ показана достаточною для существованія: сказано, что насущный хлѣбъ намъ дастся, а въ водѣ не будетъ недостатку. Я не хочу, чтобы лакомыя яства отуманили сегодня мой разумъ и

уничтожили плоды Божьяго милосердія, которыхъ я нынче ночью такъ чудесно спасся.

— Я знаю, что вы человекъ твердый и добродѣтельный, мистръ Гольднофъ, сказала Эввартъ: вчера, вечеромъ, я видѣлъ, какъ мужественно вы шли исполнять вашу овлащенную обязанность, когда ратники, — ратники уже довольно опытные, — робѣли.

— Да, съ мужествомъ, съ излишнимъ мужествомъ, отвѣчалъ пресвитеріанецъ съ уныніемъ: слабыя, слабые мы существа, мистръ Эввартъ, и слабость наша увеличивается по-мѣрѣ силъ, которыя мы въ себѣ предполагаемъ. Ахъ, полковникъ! прибавилъ онъ, помолчавъ, какъ-будто высказывалъ невольное признаніе: мнѣ кажется, я не переживу того, что видѣлъ.

— Вы удивляете меня, мистръ Гольднофъ! Позвольте попросить васъ объясниться. Я слышалъ много разказовъ объ этой ночи, и самъ видѣлъ довольно странныя вещи, но мнѣ очень желательно знать, что случилось съ вами.

— Вы человекъ скромный, полковникъ. Я бы не желалъ, чтобы эти еретники, раскольники, браунисты, мѣгльтопцы, анабаптисты и всякіе, нашли поводъ торжествовать и радоваться моей неудачѣ въ настоящемъ случаѣ; но я знаю, что вы вѣрный сынъ Церкви, и могу говорить съ вами откровенно. Сядемте и позвольте попросить стаканъ воды; въ тѣлѣ я всё-еще ощущаю нѣкоторое немощеніе, хотя, слава Богу, въ душѣ уже столько спокоенъ и твердъ, сколько можетъ быть спокоенъ и твердъ слабый смертный послѣ такихъ видѣній. Люди говорятъ, что подобныя сверхъестественныя видѣнія предвѣщаютъ близкую смерть. Если это правда, я покину міръ какъ утомленный часовой, котораго начальникъ смѣняетъ съ караулу, и буду радъ, что эти ослабѣвшіе глаза уже ничего не видятъ и это оглушенное ухо уже не слышитъ всѣхъ этихъ антиномійцевъ, пелагійцевъ, соційцевъ, арминійцевъ, арианъ и прочихъ, которые разсѣяны по всей Англій какъ нечистыя гады, которыхъ Богъ нослалъ на жилище Фараона,

Тутъ вошелъ слуга со стаканомъ воды, которую поднесъ и, примѣтивъ выраженіе лица у пастора, съ изумленіемъ сталъ всматриваться, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ трагическую тайну, которой измѣнили разстроенныя черты. Принявъ пустой стаканъ-онъ вышелъ покачивая головой какъ человекъ, который открылъ что дѣло неладно, хотя и не знаетъ, въ чемъ именно состоитъ это неладное.

Полковникъ просилъ пастора отвѣдать чего-нибудь по-питья тѣмъ же воды, но тотъ рѣшительно отказался.

— Я нѣкоторымъ образомъ ратникъ, сказалъ онъ, и хотя испыталъ пораженіе въ послѣдней встрѣчѣ съ непріятелемъ, однако жъ еще не потерялъ трубы, которою можно трубить тревогу, и меча, которымъ можно поразить въ другой разъ. Затѣмъ, я, подобно древнимъ Назарянамъ, не приму соку винограда и никакого вина, доколѣ дни битвъ не минутъ.

Полковникъ Эврдъ снова съ почтительною лаской просилъ рассказать о случившемся прошлою ночью, и добрый пасторъ началъ такъ:

— Въ молодости, будучи въ кембриджскомъ университетѣ, я коротко сдружился съ однимъ товарищемъ, быть-можетъ потому... хотя и не слѣдовало бы этимъ тщеславиться... потому что насъ двоихъ отличали какъ самыхъ лучшихъ учениковъ и мы шли такъ ровнио, что трудно было бы сказать, который оказалъ больше успѣховъ. Нашъ профессоръ Перфой говаривалъ только, что если товарищъ мой превосходитъ меня по умственнымъ способностямъ, зато у меня больше благочестія. Другъ мой въ самомъ дѣлѣ очень любилъ мірское и мало полезное изученіе древнихъ классиковъ, часто вводящихъ въ соблазнъ и даже въ нечестіе, а мнѣ Богъ далъ столько разуму, что я занимался преимущественно священными языками. Мы расходились также въ мнѣніяхъ касательно англійской Церкви. Онъ поддерживалъ ученіе армініевцевъ, такъ же какъ Лодъ и какъ всѣ тѣ, которымъ хочется сдѣлать изъ Церкви недостойную смѣсь религіозныхъ и мірскихъ уставовъ; словомъ, онъ былъ расположенъ къ епископству какъ относительно догматовъ, такъ и относительно формъ, и хотя мы разстались со слезами на глазахъ, однако жъ пошли по совершенно различнымъ путямъ. Онъ получилъ мѣсто и сталъ ревностнымъ защитникомъ епископовъ и двора; я, съ моей стороны, какъ вы знаете, также очинилъ мое скромное перо на защиту реформы. Пришла междуособная война, и я, повинуясь голосу совѣсти, не опасаясь и не предвидя несчастныхъ слѣдствій возстанія индепендентовъ, согласился содѣйствовать сподвижникамъ великаго дѣла и вступилъ капелланомъ въ полкъ полковника Гаррисона. Оружія плоти я не носилъ на полѣ сраженія, оборони Богъ всякаго служителя алтаря отъ такого поведенія! Но я проповѣдовалъ, увѣщавалъ, въ случаѣ нужды исполнялъ обязанности хирурга и старался изцѣлять раны тѣла такъ же какъ и язвы души. Къ концу войны одинъ отрядъ неблагонамѣренныхъ овладѣлъ укрѣпленнымъ замкомъ въ графствѣ Шрюзбѣри, на небольшомъ озерномъ островѣ, куда можно было пройти толь-

ко по узкой плотинѣ. Оттуда они производили набѣги на всю окрестность и опустошали ее такъ, что необходимо стало усмирить. Послали полкъ и меня прикомандировали, потому что ратниковъ было мало для занятія такого важнаго поста, и командиръ надѣялся, что мои слова придадутъ имъ бодрости. Такимъ образомъ я, противъ моего обыкновенія, послѣдовалъ за ратниками до самаго поля сраженія. Съ обѣихъ сторонъ дрались храбро, однако жъ неблагонамѣренныя, благодаря крѣпостнымъ пушкамъ, были перевѣсъ надъ нами. Разбивъ ворота ядрами, полковникъ повелъ своихъ людей по плотинѣ на приступъ, но жестокий огонь со всѣхъ сторонъ смѣшалъ ихъ и заставилъ отступить съ большимъ урономъ. Гаррисонъ храбро охранялъ отступление, между тѣмъ какъ непріятель сдѣлалъ вылазку и преслѣдовалъ его со шпагою въ рукахъ.... Теперь, полковникъ, я долженъ вамъ сказать, что правъ у меня отъ природы горячій, хотя этого теперь и не видно, потому что душеспасительное изученіе древняго закона сдѣлало меня спокойнымъ и терпѣливымъ. Я не могъ вынести зрѣлища нашихъ Израильтянъ, бѣжавшихъ отъ Филистимлянъ, бросался на плотину съ Библіей въ одной рукѣ, съ найденною сѣкпрой въ другой, и, заступивъ бѣгущимъ дорогу, побуждалъ воротиться, грозился изрубить перваго, кто ступитъ еще шагъ. Указывая въ тоже время на священника, бывшаго въ рядахъ непріятельскихъ, я спрашивалъ ратниковъ, неужели они не захотятъ послушаться истиннаго служителя алтаря, когда даже нечестивцы повинуются голосу ваалова жреца? Мои рѣчи и нѣсколько ударовъ подѣйствовали; наши ратники повернули назадъ и съ крикомъ: «Погибни Ваалъ и его поклонники!» напали на неблагонамѣренныхъ съ такимъ ожесточеніемъ, что не только отразили, но ворвались вмѣстѣ съ ними въ замокъ. Я также вошелъ, потому что толпа увлекала меня. Будучи уже въ замкѣ, я старался укротить ратниковъ, чтобъ пощадили побѣжденныхъ. Сердце мое обливалось кровью при видѣ христіанъ, Англичанъ, побиваемыхъ на улицахъ подобно бѣшенымъ собакамъ. Въ этой сумятицѣ я вмѣстѣ съ сражавшимися взоселъ на высланную свинцомъ платформу главной башни, гдѣ кавалеры пскали послѣдняго убѣжища. Меня по витой лѣстницѣ почти на плечахъ внесли наши ратники, которые какъ разъяренные гончіе псы преслѣдовали свою добычу, и я очутился посреди ужасной сцены. Осажденные, разсѣянные по разнымъ угламъ на платформахъ, защащались съ изступленіемъ отчаянія; нѣкоторые падали на ко-

лѣви и просили пощады, съ выраженіемъ, котораго я въ вѣкъ не забуду; другіе обращались къ Богу, потому что у людей уже не находили помилованія. Несчастныхъ рубили саблями, били прикладами или бросали съ башни въ озеро, и дикіе вопли побѣдителей вмѣстѣ со стопами и криками побѣжденныхъ производили такое ужасное впечатлѣніе, что одна смерть можетъ стертъ его съ памяти. И люди, производившіе такую жестокую рѣзню надъ себѣ подобными, были не язычники, пришедшіе изъ дикихъ и далекихъ странъ, и не разбойники, отверженные своимъ обществомъ и родиной, а существа въ хладнокровномъ состояніи умные и даже религіозные, пользовавшіеся во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ доброю славой. Ахъ, полковникъ, страшно ваше ремесло! Ово самыхъ степенныхъ людей можетъ обратить въ волковъ.

— Это жестокая необходимость, отвѣчалъ Эвхардъ: вотъ все, что можно сказать въ оправданіе нашего ремесла. Но продолжайте, мистръ Гольднофъ. До свихъ поръ я не вижу, какую связь съ событіями прошлой ночи можетъ имѣть приступъ, о которомъ вы рассказываете. Этихъ вещей не мало случилось впродолженіи междоусобиной войны.

— Вы сейчасъ увидите связь, сказалъ пасторъ и, промолчавъ мнѣ минуты двѣ, какъ будто хотѣлъ успокоиться отъ тягостныхъ воспоминаній, продолжалъ рассказъ: посреди этой адской сумятицы... ничто на землѣ не можетъ подать понятія объ адѣ, кровѣ людей предающихся ожесточенію въ битвѣ... я опять увидѣлъ того священника, котораго примѣтилъ на плотницѣ. Наши ратники тѣснили его вмѣстѣ съ двоими или тринми кавалерами, которые отчаянно, но напрасно отбивались.... Я увидѣлъ.... я узналъ.... ахъ, полковникъ!...

Говоря это Гольднофъ лѣвою рукой сжалъ руку Эвхарду, а правую закрылъ себѣ глаза и лобъ, и зарыдалъ.

— То былъ вашъ университетскій товарищъ? сказалъ Эвхардъ угадывая.

— Да, то былъ мой старинный другъ, мой единственный другъ, съ которымъ я провелъ счастливые дни моей молодости. Я хотѣлъ пробиться сквозь толпу, которая окружала его, хотѣлъ просить, на колѣняхъ вымолить ему пощаду, но силы измѣнили мнѣ и голосъ замеръ: я только успѣлъ вскрикнуть, между-тѣмъ какъ ожесточенные со всѣхъ сторонъ ревѣли: «Погибни, Вааловъ жрецъ! Смерть Маоану! Бейте его! Бросьте его въ озеро!» И я видѣлъ, какъ онъ ухватился за дождевой желобъ; но его били по

рукамъ.... и потому я слышалъ какъ онъ упалъ въ воду... Извините.... я не могу продолжать.

— Можетъ быть, онъ спасся.

— Нѣтъ, невозможно!.. Башня была четырехъ этажная, и даже тѣ, которые бросались изъ оконъ въ озеро, въ надеждѣ спастись вплавь, все утонули. Конные ратники, кровожадные не менѣе своихъ пѣшихъ товарищей, скакали по берегу и стрѣляли по плывущимъ или рубили ихъ, какъ только выберутся на землю. Все погибли до послѣдняго.... Дай Богъ, чтобъ пролитая въ этотъ день кровь никогда не возопіяла къ небу объ отмщенья и чтобы земля навсегда скрыла ее въ своихъ нѣдрахъ! и да проститъ Господь грѣшному ослѣпленному человѣку, который вмѣшался въ ряды ратниковъ и своимъ голосомъ подстрекалъ ихъ къ такимъ жестокостямъ!.. О, Ольбени! о, братъ мой! я пролилъ много слезъ о тебѣ, какъ Давидъ о Ионаанѣ.

Пасторъ продолжалъ плакать, а Эврардъ, принимая искреннее участіе въ его скорби, рѣшился не тревожить его любопытными распросами, пока не успокоится. По лицу пресвитеріянина текли крупныя слезы. Онъ взялъ полковника за руку, пожалъ въ благодарность за участіе, и, отерѣвъ глаза, сказалъ:

— Извините мое волненіе. Я чувствую, что человѣку въ моей одеждѣ, обязанному утѣшать другихъ, неприлично предаваться врывамъ скорби, потому что это по крайней мѣрѣ слабость, если не грѣхъ. Что мы такое, что осмѣливаемся плакать и роптать на воупущенное небомъ? Но Ольбени былъ мнѣ почти братомъ: я провелъ съ нимъ самые счастливые дни моей жизни, прежде чѣмъ почувствовалъ себя призваннымъ исполнять нынѣшнія мои обязанности.... Но нужно сократить рассказъ....

И, придвинувъ свое кресло къ Эврарду, онъ съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, почти шепотомъ прибавилъ:

— Я видѣлъ его въ прошлую ночь.

— Видѣли? кого? спросилъ Эврардъ.

— Того, котораго видѣлъ и въ часъ смерти его.... моего школьнаго товарища, Джозефа Ольбени.

— Мистръ Гольднофъ, вашъ характеръ и ваше одѣяніе, кажется, не позволяютъ вамъ шутить такими важными вещами.

— Шутить!... Я такъ шутить могу и на смертномъ одрѣ моемъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы ошиблись. Это трагическое происшествіе, вѣроятно, часто представляется вашему воображенію и, въ минуту волненія, эта мечта, можетъ-быть, вела васъ въ за-

блужденіе. Когда намъ кажется, что мы должны увидѣть что-нибудь сверхъестественное, то наша собственная мечта часто заступаетъ мѣсто видѣнія, а голова бываетъ слишкомъ разгорячена и не можетъ разсѣять призрака.

— Исполняя мои обязанности, полковникъ, возразилъ Гольдиофъ съ важностью, я не имѣю надобности стыдиться кого бы то ни было, и потому объявляю вамъ рѣшительно, что вамъ употреблять ваши мірскія знанія на обсужденіе такихъ вещей и на объясненіе тайнъ другаго міра — то-же что горстью смѣрять воды Илзеа. Вы ошибаетесь на этотъ счетъ, полковникъ, и можете другимъ недалгоммыслящимъ подать поводъ примѣшать ваше благородное имя къ защитникамъ колдуновъ, къ вольнодумцамъ, атеистамъ, словомъ, къ людямъ какъ Блетсонъ, который, если бы правила нашей церкви исполнялись такъ какъ въ началѣ этой великой борьбы, давно уже былъ бы отверженъ отъ лона ея и преданъ свѣтской власти, чтобы наказаніемъ плоти, если возможно, спасти по-крайней-мѣрѣ его душу.

— Вы сами ошибаетесь, мистръ Гольдиофъ; я не отвергаю существованія сверхъестественныхъ явленій, потому что не могу и не дерзаю возвышать моего голоса противъ свидѣтельства вѣковъ и вѣрованія такихъ ученыхъ людей какъ вы. Однакожь, хотя и допущу возможность, я долженъ сказать, что никогда еще не слыхивалъ о примѣрѣ, видѣнномъ въ наше время и подтвержденномъ такими доказательствами, чтобы невозможно было не приписать его міру духовъ.

— Такъ выслушайте же, что я вамъ скажу; выслушайте слово христіянина, служителя и старосты нашей святой пресвитеріальской Церкви; выслушайте меня, хотя я, какъ человекъ, и признаю себя недостойнымъ возвѣщать міру истину. Вчера, вечеромъ, я помѣстился въ полумеблированной комнатѣ, гдѣ находится большое зеркало, въ которое Голиаѳъ могъ бы осмотрѣться съ ногъ до головы, когда надѣвалъ свои мѣдные доспѣхи. Я выбралъ эту комнату, потому что она поближе другихъ къ галереѣ, въ которой вы подверглись нападенію злаго духа... Правда это?

— Да, на меня напалъ кто-то, конечно, не очень благонамѣренный. До сихъ поръ — правда.

— Ну, я выбралъ себѣ постъ какъ-можно поближе къ этой галереѣ, подобно отважному генералу, который раскидываетъ свой лагерь и дѣлаетъ окопы какъ можно ближе у осаждаемаго города. Конечно, нельзя сказать, чтобы я былъ совершенно хлад-

покровенъ.... Даже святые пророки, повелѣвавшіе стихіямъ были причастны брѣнной нашей природы, тѣмъ менѣе можетъ быть исключенъ такой бѣдной грѣшникъ какъ я. Однако жъ мужество поддерживало и надежда не покидала меня. Я припоминалъ тексты, которыми могъ воспользоваться, — не какъ чарами и талисманами подобно ослѣпленнымъ папстамъ, а какъ святымъ словомъ, питающимъ и укрѣпляющимъ упованіе на обѣтованное, какъ истинною палицею вѣры, способною притупить и сокрушить всѣ жала Сатаны. Вооружась и приготовясь такимъ образомъ, я сѣлъ и занялся чтеніемъ и письмомъ, чтобы не дать воображенію заблудиться и породить суетный страхъ. Я писалъ, что считалъ приличнымъ въ ту минуту, и жаждущія души, можетъ быть, еще воспользуются духовною пищею, которую я имъ приготовилъ такимъ образомъ.

— Вы поступили мудро и по-христіянски, почтеннѣйшій пасторъ. Но продолжайте, сдѣлайте одолженіе.

— Спусти около трехъ часовъ мною овладѣлъ страннѣйшій трепеть. Мнѣ показалось, какъ будто старинный покой расширился, сталъ мрачнѣй, и ночной воздухъ какъ-будто сталъ холоднѣй, — можетъ быть, оттого что огонь въ каминѣ сталъ гаснуть, или оттого что явленіямъ подобнымъ тому, какое мнѣ предстояло, всегда предшествуетъ таинственное дуновение, атмосфера ужасу, и — какъ Іовъ говоритъ — страхъ объѣлъ меня, и кости мои затрепетали. Истинно говорю, въ ухахъ у меня зазвенѣло, голова закружилась; я ходилъ на тѣхъ, что вопіютъ о помощи когда нѣтъ ни какой опасности, и бѣгутъ когда никто не преслѣдуетъ ихъ. Тогда что-то прошло позади меня и отразилось въ зеркалѣ, передъ которымъ я поставилъ столъ съ письменнымъ приборомъ. Я взглянулъ въ зеркало и явственно увидѣлъ образъ челоуѣка.... это такъ истинно какъ то что я стою предъ вами.... образъ Джозефа Ольбени, моего школьнаго товарища.... того, котораго я видѣлъ сброшеннаго въ озеро съ башни Клейдстрауфсаго замка.

— Что же вы сдѣлали?

— Я тотчасъ же вспомнилъ, что философъ Аевендоръ избавился отъ ужасу такого видѣнія тѣмъ, что продолжалъ свою работу, и въ этомъ меня подкрѣпила еще мысль, что я проповѣдникъ христіянства, служитель алтаря, гораздо меньше имѣю поводу поддаваться страху и гораздо лучше могу употребить мои умственные труды чѣмъ язычникъ, ослѣпленный своею своею мудростью. Такимъ образомъ, не обнаруживая ни какой

тревоги, даже не поворачивая головы, я продолжалъ писать. Но, признаюсь, сердце у меня билось и руки дрожали.

— Если вы, при такомъ впечатлѣніи на воображеніе, могли написать хоть одно слово, то у васъ уже достаточно твердости и мужества, чтобы отличатся въ первыхъ рядахъ англійской арміи.

— Не намъ принадлежитъ наше мужество, полковникъ, и не слѣдуетъ намъ хвалиться имъ. Но если вы говорите объ этомъ видѣніи какъ о дѣйствіи моего воображенія, а не дѣйствительности, которая поразила мои органы чувства, то позвольте вамъ сказать, что земная мудрость въ отношеніи къ этимъ вещамъ не что иное какъ безуміе.

— Вы вторично взглянули въ зеркало?

— Да, когда списалъ утѣшительный текстъ: «Ты попроси Сатану стопами твоими».

— И что же вы увидѣли?

— Я увидѣлъ образъ Джозефа Ольбени, который какъ будто тихонько проходилъ позади меня; я видѣлъ знакомое лицо, которое хорошо зналъ въ молодости: оно только казалось по-старше и было очень блѣдно.

— Что же вы сдѣлали?

— На этотъ разъ я оглянулся и очень явственно увидѣлъ, какъ отражавшаяся въ зеркалѣ фигура дѣйствительно шла къ двери, не скорымъ и не медленнымъ, а ровнымъ шагомъ, и какъ-будто едва касаясь полу. На порогъ она остановилась и опять показала мнѣ черты Ольбени. Какъ она исчезла, въ дверь или иначе, не знаю, не помню; я, кажется, былъ такъ взволнованъ, что не могъ примѣтить этого.

— Да, это очень странное видѣніе, мистръ Гольднофъ, и будучи рассказано вами, оно не можетъ подвергаться сомнѣнію. Однако жъ, если и дѣйствительно вамъ являлось существо другаго міра, — чего я не намѣренъ отвергать, — то будьте также увѣрены, что есть живые неблагонамѣренные люди, которые принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ тревогахъ. Я самъ встрѣчался здѣсь съ существами очень дѣйствительными, очень тяжелыми на руку и вооруженными, безъ всякаго сомнѣнія, по земному, дѣйствительнымъ желѣзомъ.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, полковникъ. Вельзевулъ любитъ атаковать и пѣхотой и конницей вмѣстѣ, какъ дѣлывалъ шотландскій генералъ Давидъ Лесли. У Вельзевула есть и воюющіе бѣсы; онъ однихъ другими поддерживаетъ.

— Очень можетъ-быть, но что вы мнѣ присовѣтуете въ такомъ случаѣ, мистръ Гольднофъ?

— Мнѣ дужно напередъ посоветоваться съ моими братьями. Если въ окрестности у насъ осталось хоть не болѣе пяти слушателей истинной Церкви, то мы изгонимъ бѣсовъ, увидите. Если же нельзя будетъ воздвигнуть такой духовной рати противу врага, то, по моему мнѣнію, этотъ окаменный замокъ, этотъ нечистый вертедь колдовства и нечестія, предать огню и истребленію, чтобы дьяволъ не обратилъ его себѣ въ притонъ, откуда, какъ изъ крѣпости, можетъ дѣлать вылазки на всю окрестность. Я, разумѣется, не посоветую ни одному христіянину жить въ этомъ домѣ, а если покинуть его какъ есть, то онъ непременно обратится въ сборное мѣсто вѣдьмъ и колдуновъ, которые станутъ праздновать здѣсь свои шабаши и варить проклятыя зелья, и сюда же станутъ собираться тѣ несчастные, которые, въ жадѣ однихъ земныхъ благъ, ищутъ золота и серебра посредствомъ чаръ и талисмановъ, и находятъ только вѣчную гибель души своей. Повѣрите, полковникъ, всего лучше будетъ скрыть это гнѣздо до основанія, чтобы камня на камнѣ не осталось.

— Это невозможно, почтенный другъ мой. Лордъ-генералъ позволилъ брату моей матери, сэру Генри Ли, воротиться въ этотъ замокъ, въ которомъ жили его предки и который остался единственнымъ приютомъ его сѣдой головы.

— И это дѣлается по вашему хотадайству, мистръ Эввартъ? спросилъ суровымъ тономъ Гольднофъ.

— Да. Почему жъ бы мнѣ и не воспользоваться своимъ вліяніемъ, чтобъ доставить убѣжище родному дядѣ?

— Ну! вашей же душой клянусь, я не повѣрилъ бы этимъ словамъ, если бы ихъ пропелъ кто-нибудь другой. Скажите, пожалуйста, вѣдь это тотъ самый сэръ Генри Ли, который со своими буйволовыми кафтанами и зелеными куртками исполнилъ данное однимъ папистомъ предписаніе поставить алтарь въ восточномъ концѣ вудетокской церкви, и который своею бородой клался повѣсить на большой улицѣ всякаго, кто не станетъ пить за здоровье короля. Развѣ онъ не обагралъ рукъ въ крови благочестивыхъ? Развѣ во всей арміи неблагонамѣренныхъ есть человѣкъ, который съ большимъ рвеніемъ и настойчивостью сражался за епископство и за Карла?

— Все это, можетъ-быть, такъ, мистръ Гольднофъ, но теперь мой дядя дряхлый старикъ. Подъ начальствомъ у него остается едва одинъ солдатъ, а дочь его существо, на которое самый су-

ровый человекъ не можетъ смотрѣть безъ участія, существо, которое....

— Существо, которое Меркему Эварду дороже его славы, дороже вѣрности друзьямъ, дороже обязанностей къ небу. Теперь не такая пора, чтобъ для рѣчи умахать уста медомъ. Вы идете по опасному пути, Меркемъ Эвардъ. Вы стараетесь воздвигнуть опрокинутый Божьимъ гнѣвомъ папистскій свѣтильникъ, возвратить въ этотъ окаянный замокъ отверженныхъ грѣховодниковъ, которые обратили его въ притонъ бѣсовъ. Я не потерплю, чтобы они заражали нечестіемъ всю эту окрестность. Они не воротятся сюда.

Гольднофъ произнесъ эти слова съ запальчивостью, сильно стукнувъ тростью въ полъ, и полковникъ, въ досадѣ, самъ началъ говорить довольно громко.

— Мистръ Гольднофъ, сказалъ онъ, прежде объявленія такого рѣшительнаго приговору, вамъ не мѣшало бы сообразить, какія средства вы имѣете на исполненіе.

— Развѣ мнѣ не дана власть связывать и разрѣшать?

— Эта власть можетъ касаться только до членовъ вашей секты, возразилъ Эвардъ почти презрительно.

— Берегитесь! берегитесь! вскричалъ пасторъ, человекъ добрый, но до крайности раздражительный: не оскорбляйте меня! Почтите посла пзъ уваженія къ пославшему его! Не пытайте моего терпѣнія: я исполняю долгъ мой, хотя бы оттого принужденъ былъ сеоряться съ братомъ-близнецомъ.

— Я не вижу, какой долгъ у васъ можетъ быть здѣсь, сухо сказалъ полковникъ, и совѣтую вамъ не переступать предѣловъ вашего долга вмѣшательствомъ въ дѣла, которыя до васъ вовсе не касаются.

— Прекрасно! Вы предполагаете во мнѣ такое же послушаніе какъ въ вашихъ гренадерахъ, возразилъ пресвитеріанецъ, у котораго отъ негодованія всѣ члены дрожали и волосы становились дыбомъ: но знайте, сэръ, что власти у меня совѣмъ не такъ мало какъ вы думаете. Я со всею силою слова моего обращусь къ истиннымъ христіянамъ въ городѣ Вудстокъ и заставлю ихъ препоясаться по бедрѣ, воспротивиться возстановленію епископства, угнетенія и власти неблагонамѣренныхъ въ этомъ краѣ. Я пробужу справедливое негодованіе благочестивыхъ на Изманльтянина, на Эдомитянина, на все его племя, на всѣхъ тѣхъ, которые поддерживаютъ его и поощряютъ снова поднять голову. Я не щадя груди громкимъ голосомъ возопію, призову и ожи-

лю даже тѣхъ, у кого остылъ уже небесный огонь, — даже толпу, которая ко всему равнодушна. Найдутся люди, которые послушаютъ меня. Тогда я возьму Юсифовъ жезлъ, бывшій въ рукахъ Ефрема, и очищу домъ этотъ отъ вѣдьмъ, колдуновъ, духовъ и бѣсовъ, и воскликну: хотите вы стоять за Ваала? Хотите вы служить Ваалу? — Нѣтъ! да погибнуть жрецы и поклонники Вааловы! Пусть ни одинъ изъ нихъ не укроется отъ васъ!

— Миястръ Гольднофъ, вскричалъ полковникъ съ вѣтерпвнѣемъ, судя по исторіи, которую вы мнѣ рассказали, вы и то уже слышномъ много проповѣдовали на этотъ текстъ.

Едва Эврардъ произнесъ эти слова, пасторъ сильно ударилъ себя рукою по лбу и упалъ на кресло, какъ будто пораженный пулею. Эврардъ раскаялся, что съ горяча упрекнулъ старика, и сталъ извиняться, употреблялъ всѣ средства, чтобъ помириться.

Но Гольднофъ былъ чувствительно пораженъ и отказывался слушать, не далъ руки. Онъ вдругъ всталъ и съ усиліемъ сказалъ:

— Вы во зло употребили мою откровенность, полковникъ; вы недостойнымъ образомъ сдѣлали мнѣ упрекъ, котораго не посильны бы сдѣлать, если бъ я носилъ оружіе. Наслаждайтесь, сэръ, славною побѣдой, которую одержали надъ старикомъ, надъ стариннымъ другомъ нашего отца; терзайте раны, которыя показала вамъ моя безразсудная довѣрчивость.

— Достойнѣйшій, уважаемый другъ мой, сказалъ полковникъ, выслушайте....

— Другъ! вскричалъ старикъ вздрогнувъ: мы враги, сударь, враги отнынѣ навсегда!

Съ этимъ словомъ онъ посѣшнѣ вышелъ, бормоча еще что-то такое сквозь зубы, какъ будто для того чтобъ поддержать огонь своего гнѣву объясненіями понесенной обиды.

— Вотъ хорошо! сказалъ Эврардъ: мало было несогласія дядошки съ вудстокскими жителями; нужно мнѣ было посѣять еще новыхъ сѣмянъ раздору, подогрѣвъ желчь этого раздражительнаго старика! Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что онъ подниметъ вудстокскую чернь. Онъ не нашелъ бы во всемъ городѣ двадцати челоувѣкъ, которые бы помогли ему совершить честное и хорошее дѣло, а если клякнетъ клячь на зажигательство и разбой, такъ можно поручиться, что будетъ имѣть несмѣтную толпу послѣдователей. И дядя мой не меньше запальчивъ и упрямъ. Онъ за всѣ свои прежнія имѣнія не захочетъ, чтобъ ему дали челоувѣкъ двадцать солдатъ для охраны. А оставшись съ однимъ Джолифомъ, онъ, въ случаѣ нападенія, точно также приметъ стрѣ-

лякъ, какъ будто бы дѣлалъ сто человѣкъ гарнизону. Все это только увеличитъ опасность и поведетъ къ напрасному кровопролитію.

На этихъ мысляхъ его засталъ Гольднофъ, воротившійся такъ же поспѣшно какъ выбѣжалъ. Онъ прямо подошелъ къ Эврарду и сказалъ :

— Примите мою руку, Меркемъ; примите поскорѣй, потому что человѣческое сердце мое уже шепчетъ мнѣ, что стыдно мнѣ будетъ долго протягивать ее напрасно.

— Я принимаю ее всей душою, почтенный другъ мой, отвѣчалъ Эврардъ, и надѣюсь, что вы предлагаете мнѣ ее въ знакъ возобновленія нашей дружбы.

— Конечно, всеконечно, отвѣчалъ Гольднофъ пожимая руку: слова ваши были жестки, правда, но вы кстати сказали мнѣ истину, и, кажется, намѣреніе у васъ было похвальное. Я въ самомъ дѣлѣ согрѣшилъ бы, если бъ увлекся запальчивостью на какое-нибудь насиліе, тогда какъ на памяти у меня еще свѣжо ужасное происшествіе, въ которомъ вы меня упрекнули...

— Извините, любезнѣйшій Гольднофъ, извините! Я слишкомъ погорячился; я вовсе не намѣренъ былъ оскорблять васъ.

— Ну, полно! пожалуйста, полно! Я хочу сказать, что вы упрекнули меня по справедливости, хотя этимъ и возмутили человѣческую мою кровь.... искуситель вѣдь всегда у насъ на сторожѣ.... Не вспылить бы мнѣ слѣдовало, а поблагодарить васъ. Я несчастнымъ моимъ словомъ уже произвелъ кровавую битву, уже послалъ столько живыхъ къ мертвымъ и, кажется, даже мертвыхъ къ живымъ. Мнѣ теперь слѣдуетъ думать только о томъ, какъ бы поддержать миръ и согласіе и предоставить заботу о карѣ Тому, кто всѣмъ намъ обѣтовалъ возмездіе за благо и зло.

Лицо старика выражало искреннее смиреніе. Эврардъ зналъ слабую сторону почтеннаго пастора и понималъ всю важность борьбы, которой стоило старику это возвращеніе; поэтому онъ поспѣшилъ выразить свое восхищеніе христіанской его добродѣтели и продолжалъ обвинять себя въ безразсудствѣ и жестокости.

— Полно, полно объ этомъ, Меркемъ, перестанемъ вспоминать прошлое! возразилъ Гольднофъ: мы оба были неправы, — я тѣмъ, что увлекся ревніемъ въ ущербъ милосердію, вы тѣмъ, что слишкомъ сурово толкнули старика, который только-что сложилъ свои страданія на лоно дружбы. Перестанемъ думать объ этомъ. Пусть ваши друзья воротятся въ этотъ замокъ, если происходившее здѣсь

не сомкнуть ихъ и если они въ состояніи оградить себя отъ вліянія беззлотныхъ силъ. А я обещаю вамъ, что съ моей стороны приложу все стараніе, чтобы оградить ихъ отъ всякаго нападенія земныхъ враговъ. Будьте увѣрены, полковникъ, что мой гласъ еще нѣмѣтъ нѣкоторое вліяніе на достойнаго мера, на почтенныхъ альдерменовъ и на именитѣйшихъ обывателей этого города, хотя низшіе классы и увлекаются первыми вѣтрами всякаго новаго ученія. Будьте также увѣрены, что, если братъ вашей матери или кто нибудь изъ его семейства признаетъ, что не хорошо едѣла въ возвратъ въ этотъ несчастный домъ, или что совѣтъ его тѣмъ встревожена и проситъ утѣшенія, старикъ Гольднофъ лично и пощю готовъ къ его услугамъ, какъ и для всякаго кающагося грѣшника, воспитаннаго на дощѣ истинной Церкви, которой я служу. Ни страхъ сверхъестественныхъ явленій, могущихъ снова посѣтить этотъ домъ, ни моя увѣренность въ ослѣпленіи слѣдующихъ епископству, никогда не помѣшаютъ мнѣ исполнить все, что только могу для охраненія и наставленія ихъ.

— Я очень признателенъ вамъ, мистръ Гольднофъ, за вашу доброту, отвѣчалъ Эврдъ, но не думаю, чтобы мой дядя сталъ утруждать васъ. Онъ привыкъ самъ защищаться отъ земныхъ опасностей; а что до неземныхъ, то онъ уповаеъ на свои молитвы по правиламъ той Церкви, къ которой принадлежитъ.

— Надѣюсь, что я не провинился въ самонадѣянности, когда предложилъ мое духовное содѣйствіе, отвѣчалъ пасторъ, нѣсколько оскорбленный этимъ отказомъ: если же такъ, то прошу извиненія, смиреннѣйшимъ образомъ прошу извиненія. Я не желаю, чтобы меня считали самонадѣяннымъ.

Полковникъ успѣшилъ предупредить и успокоить новое раздраженіе пресвитеріянина, всегда пылковаго и безпокойнаго на счетъ всего, что могло причинить ущербъ его важности: это былъ единственный порокъ добраго старика, кромѣ раздражительности, которою онъ не всегда умѣлъ управлять.

Она по прежнему стали друзьями, когда Вилдрекъ воротился изъ Джолифовой хижины и шепнулъ Эврарду на ухо, что успѣшно исполнилъ порученіе. Полковникъ обратился къ пастору, сообщилъ ему объ удаленіи комиссаровъ, о намѣреніи сэра Геври къ полудню воротиться въ замокъ, и предложилъ вмѣстѣ отправиться въ городъ.

— Развѣ вы не оставитесь? спросилъ Гольднофъ нѣсколько подозрительно: развѣ вы не хотите поздравить вашихъ родственниковъ съ возвращеніемъ?

— Нѣтъ, почтенный другъ мой, отвѣчалъ Эврадъ: партія, къ которой я перешелъ при этихъ несчастныхъ раздорахъ, а можетъ-быть и различіе нашихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній, поселили у дядюшки такое предубѣжденіе противъ меня, что я, по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько времени, долженъ оставаться совершенно чуждымъ ему и его дому.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ пасторъ: ну, очень радъ, очень радъ... отъ всей души радуюсь.... Извините мою откровенность... я думалъ.... Но какая надобность до того, что я думалъ.... Я не хочу снова огорчать васъ.... Однакожъ, хотя эта молодая особа имѣетъ очень пріятную наружность, хотя старикъ, — какъ всѣ говорятъ, — человекъ неукоризненный ни въ чемъ, что касается до житейскихъ дѣлъ.... Но я ужъ вижу, что вы опять огорчаетесь; я ничего больше не скажу, — развѣ только сами вы пожелаете знать мнѣніе человека искреннаго и непричастнаго предразсудкамъ: въ такомъ случаѣ я весь къ вашимъ услугамъ. Но я не имѣю притязанія предлагать вамъ мои услуги противъ вашей воли.... Ну, такъ мы вмѣстѣ отправимся въ Вудстокъ? Пріятное удивленіе въ лѣсу, можетъ-быть, расположитъ насъ къ желанію открыть другъ другу сердца наши.

Они пошли пѣшкомъ, и хотя дорогою разговаривали о разныхъ разностяхъ, однако же полковникъ, къ удивленію мистра Гольвофа, не пожелалъ знать его искреннаго и непредубѣжденнаго мнѣнія насчетъ своей любви къ одаренной пріятною наружностью кузинѣ. Пасторъ, съ своей стороны, противъ ожиданія полковника, строго держался даннаго слова и, — говоря его выраженіемъ, — не обнаружилъ притязанія давать насчетъ такого шекотливаго предмета совѣты, которыхъ у него не спрашивали.

III.

«Наконецъ отправились!.. А мы неужели займемъ мѣста, гдѣ снѣгли эти гады и не очистимъ стѣнъ, запятнанныхъ ихъ прикосновеніемъ.»

Успѣху Видрекова посольства преимущественно содѣйствовалъ пасторъ, котораго мы видѣли отправляющимъ службу у сэра Генри, и который по многимъ причинамъ имѣлъ вліяніе на стараго кавалера.

За нѣсколько минутъ до полудня, сэръ Генри Ли со своею

весьма немногочисленною свитой безпрепятственно занялъ Ложу и покой, въ которыхъ прежде жилъ, а Джолифъ, Фиби и старая Джанна привились поправлять безпорядки, произведенные незваными и выжитыми гостями.

Сэръ Генри, какъ и всѣ знатные люди того времени, любилъ порядокъ до мелочаго. Его оскорблялъ, почти унижалъ хаосъ, который онъ нашелъ у себя въ домѣ и онъ не могъ дожидаться, когда вычистятъ, вымоютъ и уничтожатъ послѣдніе слѣды, оставленные временными жильцами. Въ нетерпѣніи онъ отдавалъ больше приказаній чѣмъ могли исполнить его слуги.

— Эти негодяи, говорилъ онъ, оставили по себѣ сѣрный сиракъ, какъ-будто старикъ Деви Лесли стоялъ здѣсь со всею своею шотландскою арміею.

— Да не лучше, подтвердилъ Джослайнъ: говорятъ, самъ бѣсъ лично былъ здѣсь съ ними. Онъ же, говорятъ, и выгналъ ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ кавалеръ, князь тьмы — порядочный джентльменъ, какъ говорятъ Шекспиръ: онъ братается и водится только съ равными себѣ. Фамилія Ли жила здѣсь нѣсколько вѣковъ, и никогда онъ ея не тревожилъ, а эта сволочъ едва показалаcя, онъ тотчасъ пожаловалъ.

— По-крайней мѣрѣ они оставили намъ и такое, за чтò можно спасибо сказать, продолжалъ Джолифъ: чуланы и погребя наши давно уже не были такъ хорошо снабжены.... цѣлыя бараны, огромныя части мяса, цѣлые ящики съ лакомствами, боченки съ элемъ и виномъ.... и Богъ знаетъ, чего тутъ вѣтъ; на пользы намъ хватитъ. Джаннѣ вужно тотчасъ же приняться солить мясо.

— Фи! фи! вскричалъ кавалеръ: неужели ты думаешь, мы дотроемся хоть до малѣйшей частички съѣстныхъ припасовъ, оставленныхъ этими негодяями? Сейчасъ же все выкинуть за окно!.... Или нѣтъ, выкинуть грѣшно было бы. Отдать лучше нищимъ, или отослать, кому принадлежитъ. Помни, что я не хочу проглотить ни одной капли ихъ питья. Я лучше готовъ всю жизнь довольствоваться питьемъ отшельника, чѣмъ утолять жажду виномъ этихъ мерзавцевъ.... И воды не смѣть брать изъ колодца, изъ котораго они брали. Сходи, принеси мнѣ кружку воды изъ Розамундина Ключа.

Алиса слышала это приказаніе и, зная, что люди всѣ заняты, сама ни слова ни говоря взяла большую кружку и пошла за водою къ Розамундину Ключу.

Джолифъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ объявилъ кавале-

ру, что въ замкѣ еще находится одинъ изъ принадлежащихъ къ вышнѣмъ гостямъ.

— Ему поручено наблюдать за отправкою принадлежащихъ комиссарамъ чемодановъ, говорилъ онъ, и если вашей милости угодно, вы можете приказать ему насчетъ провизіи.

— Хорошо, кликни его.

Разговоръ происходилъ въ большой прихожей.

— Что жъ ты? продолжалъ кавалеръ: чего ты переминаешься, Джослайвъ?

— Да вотъ что... вашей милости, можетъ-быть, не угодно будетъ видѣть этого человѣка... Это тотъ самый, который...

— Какой вышивъ у меня шпагѣ? Такъ что жъ? Развѣ я когда-нибудь лично ненавидѣлъ человѣка, который умѣлъ устоять противъ меня въ бою? Хоть онъ и Круглоголовый, но за храбрость я не сержусь на него; напротивъ я жажду и алчу снова помѣряться съ нимъ. У меня во все это время изъ ума не выходила штука, которую онъ со мной сыгралъ, и я думаю, что если мы еще разъ встрѣтимся съ оружіемъ въ рукахъ, я не такъ легко поддамся. Позови его.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Томкинсъ-Вѣрный, вооруженный невозмутимую важностью, которой ни ужасы предшествовавшей ночи, ни надменный видъ стараго кавалера, ни на минуту не могли поколебать.

— Ну, что, молодецъ, сказалъ сэръ Генри, я желалъ бы еще разъ испытать твое искусство въ фехтованіи. Ты тогда обезоружилъ меня, но, я полагаю, это оттого, что для моихъ глазъ слишкомъ мало оставалось свѣту. Возьми-ка вотъ эту рапиру. Я хожу здѣсь, по сѣнямъ, какъ говоритъ Гамлетъ, и это такая пора дня, когда я могу вздохнуть свободно. Давай, бери рапиру.

— Извольте, если вашей чести угодно, отвѣчалъ Томкинсъ и, сбросивъ плащъ, взялъ рапиру.

— Ну, если ты готовъ, и я готовъ, сказалъ кавалеръ: мнѣ кажется, что мнѣ стоило только пройтись по этимъ плитамъ, чтобъ оглушить подагру, которая угрожала моимъ ногамъ. Я твердъ какъ боевой пѣтухъ.... Разъ.... два.... три....

Они начали сражаться, и оба выказали много ловкости. Или сэръ Генри въ самомъ дѣлѣ дрался на рапирахъ хладнокровнѣе тѣмъ на шпагахъ, или Томкинсъ нарочно хотѣлъ въ этомъ примѣрномъ поединкѣ дать ему перевѣсъ, только кавалеръ одержалъ побѣду и развеселился.

— Видишь, что я открылъ твой фокусъ! сказалъ онъ: два раза

на одну штуку меня не поймашь. Обмань то былъ обязательный, да я тогда, вечеромъ, плохо могъ видѣть. Ну, да и толковать не стоитъ... довольно. Я не хочу подражать нашимъ безразсуднымъ кавалерамъ, которые такъ часто колотили васъ, Кругловыхъ, что наконецъ, себѣ же на бѣду, выучили драться. Кстати, зачѣмъ вы оставляли ваши припасы въ монхъ чуланахъ? Неужели вы думаете, я стану подѣбать ваши остатки? Или вы не знаете, куда дѣвать награбленную провизію, что покидаете ее на квартирахъ, съ которыхъ сходите?

— Можетъ быть, вашей чести и не нужна эта провизія, отвѣчалъ Томкинсъ, но узнавъ, что она куплена на деньги изъ доходовъ вашего дичійскаго имѣнія, забраннаго въ прошломъ году въ казну, вы, вѣроятно, не захотите выбросить ее.

— А! въ такомъ случаѣ, конечно, нѣтъ. Я очень радъ, что вы возвращаете мнѣ хоть часть моего добра. Хорошъ же я въ самомъ дѣлѣ! не сообразилъ, что вы ничего не отдадите иначе какъ насчетъ ограбленныхъ!

— А что до бычачьихъ заднихъ четвертей, продолжалъ Томкинсъ съ тою же важностью, въ Вестминстрѣ есть одно *филе**, съ которымъ армія прійдется порядочно повозиться прежде чѣмъ удастся нарѣзать себѣ по вкусу.

Сэръ Генри съ минуту молча посмотрѣлъ на республиканца и какъ будто старался разгадать его риторическую фигуру: воображеніе у него было не слишкомъ живое. Но наконецъ, появивъ смѣль, онъ расхохотался такъ громко и такъ чистосердечно, что удивилъ Джолфа, который давно уже не слыхалъ отъ него такого смѣху.

— Прекрасно! сказалъ кавалеръ: твоя острота мнѣ нравится. Это — правоученіе вашей кукольной комедіи. Фаустъ вызвалъ чорта, а парламентъ созвалъ армію; потомъ чортъ взялъ Фауста, а армія заберетъ парламентъ, или филейную часть, какъ ты называешь, — то есть ту часть, которая осталась въ засѣданіи парламента. А затѣмъ я самому наибольшему чорту даю мое разрѣшеніе въ свою очередь побрать армію, отъ перваго генерала до послѣдняго барабанщика.... Не хмурься, любезный другъ; помни, что теперь у насъ свѣту достаточно на партію въ клубки.

Томкинсъ, вѣроятно, не считъ за нужное выразить свое неудовольствіе; сказавъ, что возы съ поклажею комиссарскихъ вещей готовы, онъ поклонился и отправился въ городъ Вудстокъ.

* По-англійски *гипр*, отъ котораго произведено данное парламенту бражное прозвище.

Старикъ продолжалъ прохаживаться по вновь завоеванной прихожей и потирать руки съ удовольствіемъ, какого у него не видали со времени роковаго тридцатаго января.

— Ну, вотъ мы воротились въ наше старое гнѣздо, Джослайнъ, говорилъ онъ: и запасы наши.... Какъ этотъ шутъ ловко освободилъ мою совѣсть!... Величайшій глупецъ между вами отличный казуистъ, когда дѣло коснется какойнибудь прибыли.... Посмотри-ко, Джослайнъ, не бродитъ ли здѣсь около замка какойнибудь бѣднякъ, оборванный солдатъ, который Божьимъ даромъ сочтетъ кусокъ съѣстнаго.... А какъ онъ фехтуетъ, Джолифъ!.... Я не то чтобы унижаю его.... онъ не дурно защищался.... но ты видѣлъ, какъ я его обработалъ, когда у меня свѣту было достаточно?

— Видѣлъ, видѣлъ, отвѣчалъ Джолифъ: ваша милость научилъ его отличать кавалера отъ огородняка. Ручаюсь, что онъ не захочетъ въ другой разъ попасть къ вамъ въ руки.

— Да, я старѣю, сказалъ сэръ Генри, но искусство отъ времени не ржавѣетъ; только мышцы становятся немножко по туже. Старость моя походитъ на зиму, холодную, но здоровую, какъ говоритъ Шекспиръ. И кто знаетъ, хоть мы и стары, а можетъ-быть еще доживемъ до лучшей поры. Увѣрю тебя, Джослайнъ, что я нисколько не огорченъ этою размовкой между мошенническимъ парламентомъ и мошенническою арміею. Споръ воровъ — обкраденнымъ спасенье.

Такимъ образомъ старыи кавалеръ наслаждался тройнымъ торжествомъ, — возвращеніемъ на свое пещалище, восстановленіемъ, какъ льстилъ себѣ, своей ратной славы и открытіемъ нѣкоторой перемѣны въ обстоятельствахъ, перемѣны, которая, какъ онъ надѣялся, послужитъ въ пользу королевской партіи..

Тѣмъ временемъ Алса съ давно небывалымъ весельемъ исполняла свою долю хозяйственныхъ работъ, шла за водой къ Розамундину Ключу. Можетъ-быть, она припоминала, что въ дѣтствѣ исполняла тоже самое по волѣ кузена Меркема, когда представляла плѣнную троянскую царевну, обязанную черпать изъ греческаго колодца воду для гордаго побѣдителя. Какъ-бы то ни было, она почитала себя почти очастливленною возвращеніемъ отца въ старинное жилище, и радость ея не уменьшалась отъ того что возвращеніемъ этимъ они были обязаны кузену Меркему, который даже въ глазахъ ея предубѣжденнаго противъ него отца уже нѣсколько оправданъ. Наконецъ она думала, что если

ниръ и не заключенъ еще, зато основанія положены и есть надежда, что желанное современемъ совершится.

Возмутить счастье Алисы въ эту минуту могла только сомнительная судьба ея брата, но Алиса выросла посередине междуособныхъ смуть и войнъ, и привыкла надѣяться до послѣдней возможности поддержать хоть малѣйшую надежду. Впрочемъ, всѣ полученные извѣстiя, казалось, ручались ей за безопасность Альберта Ли.

Алиса имѣла еще другую причину радоваться возвращенiю въ жилище своего дѣтства, въ мѣста, которыя оставляла со скорбiю, тѣмъ болѣе глубокою что скрывала ее отъ отца, чтобы не увеличить его огорченiя. Она наслаждалась удовольствiемъ дѣвушки, которая нашла случай быть полезною своимъ милымъ и оказать одну изъ маленькиихъ услугъ, такъ охотно принимаемыхъ стариками отъ молодежи.

Она проворно пошла въ паркъ, къ Розамундину Ключу. Движенiе оживило ея лицо и придало ему веселое выраженiе, которое было отличительною чертою красоты ея въ счастливые дни первой молодости.

Старинная каменная обстройка ключа нѣкогда была украшена лѣпною работою въ стилѣ шестнадцатаго вѣка. Все это было разрушено временемъ и представляло груду развалинъ, поросшихъ мхомъ. Но источникъ продолжалъ изливать свои свѣтлыя сокровища, которыя пробивались изъ щелей расколотыхъ камней и разливались по обломкамъ.

Миссъ Ли, съ улыбкой на губахъ, легкою поступью подходила къ удивленному колодцу, какъ вдругъ увидѣла, что подлѣ него кто-то есть. Она остановилась, но разглядѣвъ, что то была женщина, смѣло, хотя и медленно, продолжала свой путь. То, можетъ-статься, была изъ городу служанка, которую прихотливая госпожа послала за прославленною чистою водою, или какая-нибудь старуха, промышлявшая продажей этой воды. Опасаться было совершенно нечего. Между-тѣмъ малѣйшее неожиданное обстоятельство въ то время казалось такъ страшнымъ, что Алиса не могла смотрѣть на незнакомку безъ нѣкотораго безпокойства. Тогда много было и женщинъ, которыя, совершенно покинувъ отличiя своего пола, слѣдовали за армiями и упражнялись въ грабежѣ и въ убiйствѣ, — одни подлѣ личиною фанатизма и лицемерiя, а другiя съ нагло открытымъ лбомъ разврата и нечестiя. Но былъ полдень, и Ложа не въ дальнемъ разстоянiи. Дочь ста-

раго кавалера хотя удивилась неожиданной встрѣчѣ въ обыкновенно пустынномъ мѣстѣ, однакожь обладала слишкомъ возвышеннымъ духомъ, чтобъ поддаться страху безъ причины.

Женщина, находящаяся у колодца, принадлежала къ низшему классу. Красный плащъ, коричневая юбка, косынка съ синею каймой и высокая шляпа доказывали жену земледѣльца, а можетъ-быть и что нибудь похуже. Одежда ея была не изношенная, но только надѣта небрежно, — обстоятельство, которое женскій глазъ открываетъ съ перваго взгляду, — и какъ будто не ей принадлежала, а досталась по какому-нибудь случаю, — можетъ-быть по случаю покражи. Притомъ сама женщина была довольно необыкновеннаго росту, что также не укрылось отъ Алисы. Черты были суровыя, вовсе не привлекательныя, и кожа чрезвычайно загорѣлая. Наклоняясь къ колодцу, чтобы наполнить свою кружку, Алиса раскаявалась, зачѣмъ не воротилась и не послала лучше Джолфа. Но было уже поздно; оставалось только по возможности скрыть неприятыя чувстваванія, порожденные этою встрѣчей.

— Богъ на помощь, красавица, сказала незнакомка грубымъ голосомъ, въ которомъ однакожь не было ничего неприязненнаго.

— Благодарю, отвѣчала Алиса, продолжая наливать кувшинъ помощью желѣзнаго ведра, висѣвшаго на желѣзной цѣпи въ колодцѣ.

— Не помочь ли тебѣ?

— Благодарю; если бѣ мнѣ нужна была помощь, я взяла бы кого-нибудь съ собою.

— Не сомнѣваюсь, моя красавица. Въ Вудстокѣ нѣтъ недостатку въ молодыхъ людяхъ съ глазами во лбу. Я увѣрена, что ты могла бы, если бѣ захотѣла, привести съ собою всякаго, кто только увидѣлъ бы тебя.

Алиса не отвѣчала. Она желала прервать разговоръ, потому что вольность этой женщины очень не понравилась ей.

— Ты обидѣлась, красавица? продолжала незнакомка: я не имѣла намѣренія оскорбить тебя. Я спрошу другими словами. Неужели вудстокскія женщины такъ нерадѣютъ о своихъ дочеряхъ, что позволяютъ такой молоденькой дѣвушкѣ одной ходить по лѣсу и никого не пошлютъ, кто бы помѣшалъ волку утащить ягленка? Мнѣ кажется, эта безпечность не доказываетъ большой нужности.

— Не безпокойся, матушка; я очень легко найду помощь, если

будеть нужно, отвѣчала Алиса, которую дерзость этой бабы все больше и больше досадовала.

— Увы! моя красавица, возразила та, положивъ свою широкую и жесткую руку на голову Алисъ, которая въ это время опять наклонилась надъ колодезь: такой голосокъ какъ твой едва ли кто услышитъ отсюда въ городѣ Вудстокѣ, какъ-бы звонко ты ни закричала.

Алиса вздернула голову, чтобы освободиться изъ подъ наглої руки, и взяла кувшинъ, хотя онъ былъ еще только до половины наполтъ. Видя, что и незнакомка собирается идти, она не безъ подозрѣнія, однакожь спокойнымъ тономъ неудовольствія и достоинства сказала:

— Мнѣ вовсе не нужно, чтобы голосъ мой слышали въ городѣ: я найду помощь гораздо ближе.

Она какъ-будто знала, что говорила, потому что въ ту же минуту Бивисъ продираясь сквозь кусты приближалъ, остановился подлѣ нея и устремилъ грозные глаза на незнакомку. Шерсть у него ощетинилась какъ у кабана и зубы осклалились какъ у волка. Онъ не лаялъ и не трогался съ мѣста, а только глухимъ ворчаньемъ, казалось, говорилъ, что не станетъ дожидаться приказанія госпожи, чтобы броситься на подозрительную женщину.

Но та не оробѣла.

— Да, у тебя точно страшный защитникъ, моя красавица, сказала она: хоть какого ребенка испугаетъ. Но у насъ, бывалыхъ и на войнѣ, есть хорошія средства къ усмиренію такихъ свирѣлыхъ драконовъ. Смотри, чтобы твой четвероногий покровитель не подходилъ ко мнѣ. Это важный песь; я только по-крайней необходимости рѣшусь убить его.

Съ этими словами она вынула изъ кармана пистолетъ, взяла курокъ и прицѣлилась въ собаку.

— Тихе, матушка, стой! воскричала Алиса: моя собака тебя не тронетъ. Туббъ, Бивисъ! смирно!... А ты прежде чѣмъ вздумаешь стрѣлять, знай, что это любимая собака сэра Генри Ли изъ Дичли, оберъ-егермейстера и хранителя Вудстокской Ложи. Можешь дорого поплатиться за выстрѣлъ.

— А ты, красавица, вѣрно ключница стараго кавалера? Я слышалъ, кавалеры Ли Дичли — люди со вкусомъ.

— Я дочь кавалера Ли.

— Дочь!... Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! что я, слѣна что-ли? Можеть-ли что-нибудь быть похожѣе на описаніе миссъ Алисы Ли!... Надѣюсь, что мои глупости не оскорбили васъ, миссъ Ли? Въ

знакъ примиренія, позвольте мнѣ налить вамъ кувшинъ и отнести, куда прикажете.

— Пожалуй, но я возвращаюсь въ Ложу и въ настоящее время не могу никого принять тамъ. Дальше ограды тебѣ нельзя будетъ идти. Я уже слишкомъ долго промедлила здѣсь. Прощай. Я пришлю кого-нибудь за кувшиномъ.

Съ этими словами она пошла по дорогѣ къ замку, и чтобы поскорѣй избавиться отъ незнакомки, прибавила шагу. Ею овладѣвалъ страхъ, котораго она сама не могла объяснить себѣ.

Но черезъ минуту незнакомка догнала ее, — не бѣгомъ, а просто изумительно крупными и совершенно несвойственными женщинамъ шагами. Хотя голосъ ея былъ по-прежнему грубъ и непріятель, однако обращеніе стало гораздо почтительнѣе и скромнѣй.

— Прекрасная миссъ Ли, сказала она, простите иноземкѣ, что не умѣла отличить особы вашего званія отъ простой горожанки, и наговорила вамъ глупостей, которыхъ, если бѣ знала, ни какъ бы не позволила себѣ. Я боюсь, не прогнѣвила ли васъ.

— Совсе вѣтъ, отвѣчала Алиса. Но я уже дома и могу избавить васъ отъ труда провожать меня. Вы же совершенно незнакомы мнѣ.

— Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ваша судьба была незнакома мнѣ. Посмотрите, прекрасная миссъ Алиса, на мое смуглое лицо. Въ Англіи такія не рождаются, а въ той странѣ, откуда я пришла, солнце за черную кожу вознаграждаетъ насъ званіями, въ которыхъ отказываетъ обитателямъ вашихъ холодныхъ климатовъ. Дайте посмотрѣть на вашу ручку и, я увѣрена, вы услышите много пріятныхъ вещей.

— Я уже слышу довольно непріятныхъ, отвѣчала Алиса отдергивая руку, которую незнакомка хотѣла схватить: поди ворижи вудстокскимъ мѣщанкамъ. Въ моихъ глазахъ твоя наука — обманъ, или знаніе пріобрѣтенное непозволительными средствами.

— Однако жѣ вамъ не непріятно было бы услышать къ чему объ одномъ полковникѣ, котораго несчастныя обстоятельства разлучили съ родными. Вы дороже денегъ дадите, если узнаете, что увидите его черезъ день-другой, а можетъ-быть и раньше.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать. Если тебѣ нужна милостыня, вотъ одна монета, — все, что у меня есть теперь.

— Жаль мнѣ было бы взять послѣднее. Однако жѣ дайте. Во всѣхъ волшебныхъ сказкахъ принцессы заслуживаютъ расположеніе благодѣтельныхъ фей, прежде чѣмъ тѣ оказываютъ имъ свое покровительство.

— Возьми, возьми! отдай мнѣ мой кувшинъ, и ступай.... Вотъ идетъ нашъ слуга.... Джослайвъ! Джослайвъ, сюда!

Ворожея поспѣшно что-то бросила въ кувшинъ, отдала Алисъ и скрылась въ чащѣ парка.

Бивисъ оборотился и обнаружилъ желаніе пуститься по слѣдамъ подозрительной женщины, однако жъ ворча подбѣжалъ къ Джолифу, какъ будто не звалъ, на что рѣшиться, и спрашивалъ совѣту. Джолифъ успокоилъ собаку, подошелъ къ госпожѣ и съ удивленіемъ спросилъ, что случилось, отчего она такъ перепугалась. Алиса слегка отвѣчала о своей тревогѣ, которой сама не могла хорошенько опредѣлить, потому что въ обращеніи незнакомки ее непріятно поражала вольность и наглость, но не было ничего грознаго. Алиса отвѣчала только, что встрѣтила у колодца ворожею, отъ услугъ которой съ трудомъ отдѣлалась.

— А! воровка цыганка! вскричалъ Джолифъ: она пронюхала, что кладовая наша полна. У этихъ бродягъ претонкое чутье, товше чѣмъ у воронъ. Оглянитесь, миссъ Алиса: теперь вы не увидите ни одной вороны; но пусть на полѣ баранъ упадетъ, тотчасъ явятся десятки, еще прежде чѣмъ скотина вздохнетъ, и станутъ лаять и скликатъ свою братью на пиръ. Точно таковы и эти безсовѣстные попрошайки и пищіе. Нечего давать, такъ нпкого не увидишь, а только положи кусокъ говядины въ котелъ, тотчасъ прибѣгутъ за своею долей.

— Ты такъ гордишься своею кладовой, Джолифъ, что воображаешь, будто всѣ замышляютъ нападеніе на нее. Я не думаю, чтобы эта женщина осмѣлилась близко подойти къ тебѣ.

— И не совѣтую, если она хочетъ сохранить свое здоровье: угошу такъ, что не скоро отдышется. Но дайте мнѣ кувшинъ, миссъ Алиса; мнѣ приличнѣе нести его.... А что жъ тамъ такое на днѣ звонитъ? Развѣ вы камнелевъ зацепнули съ водой?

— Нѣтъ; вѣроятноѣ что эта женщина что-нибудь бросила.

— Чужво посмотрѣть. Это, вѣрно, какое-нибудь колдовство, а у насъ въ Вудстокѣ ужъ довольно бѣсовщины. Не безпокойтесь о водѣ; я сейчасъ схожу за другою.

Онъ вылилъ воду на траву и нашелъ золотой перстень съ лхонтомъ, какъ казалось, довольно цѣннымъ.

— Если это не колдовство, такъ я — не я, сказалъ онъ. По моему, миссъ Алиса, я бы сейчасъ бросилъ эту бѣсовскую штуку. Такіе подарки, изъ такихъ рукъ — чортовы грабли, которыми онъ грѣшныхъ на свою службу забираетъ. Отъ него возьми одну грушу, такъ на весь вѣкъ запродашь себя. Да, смотрите на

этотъ перстень; завтра виѣсто его увидите свинцовое кольцо съ булыжнымъ камнемъ.

— А я думаю, лучше отыскать эту женщину и возвратитъ ей вещь, которая, кажется, довольно дорога. Постарайся найти ее, Джослайнъ, и отдай перстень. Онъ слишкомъ хорошъ чтобъ бросать.

— Вотъ каковы всѣ женщины! проворчалъ про себя Джолифъ: выбери лучшую изъ нихъ, и та прельстится побрякушками.... Вспомните, миссъ Алиса, что вы слишкомъ молоды и слишкомъ хороши, чтобъ опредѣляться въ полчище вѣдьмъ.

— Я этого побоюсь тогда, когда ты сбѣлаешься колдуномъ, Джослайнъ. Поспѣши лучше сходить за водой; у колодца, можетъ быть, найдешь эту женщину и отдашь перстень. Скажи, что миссъ Алиса Ли не желаетъ ея подарковъ, какъ не желаетъ и встрѣчь съ нею.

Съ этимъ словомъ Алиса пошла къ Ложѣ, между-тѣмъ какъ Джолифъ отправился исполнять порученіе. Но онъ у колодца не нашелъ ворожен, а далѣе искать не счелъ нужнымъ.

— Баба, конечно, гдѣ нибудь ukrала этотъ перстень, говорилъ себѣ лѣсничій: и если онъ въ самомъ дѣлѣ стѣитъ чего нибудь, такъ пусть же лучше останется въ честныхъ рукахъ, чѣмъ у воровки. Впрочемъ, баринъ мой имѣетъ право на найденныя въ его владѣніи вещи, а это тоже чтѣ найденное; слѣдовательно, я безъ зазрѣнія совѣсти могу удержать его и употребить на пополненіе кладовой, которая легче опораживается чѣмъ наполняется. Моя военная опытность, слава Богу, научила меня осмотрительности, и я хорошо знаю военныя права. Наконецъ, я могу показать этотъ перстень сэру Меркему Эварду и у него спроситься. Онъ, на мои глаза, теперь точно ученый докторъ и адвокатъ во всемъ, чтѣ касается до миссъ Алисы, и даже чтѣ касается до Церкви, до государства и до сэра Генри. Ышьте, собаки, мои кости, если я даромъ отдаю кому-нибудь мою довѣренность; нѣтъ, ее нужно заслужить....

IV.

• Я мало знаю эти мѣста, для иностранца, безъ вожатыхъ и друзей, довольно опасныя.

Шекспиръ.

Когда насталъ часъ обѣда, немногочисленные но вѣрные слуги доказали свое мнѣніе, что сэръ Генри Ли воротился въ замокъ съ торжествомъ. На столъ поставилъ большой кубокъ, на кото-

ромъ въ видѣ барельеа былъ изображенъ архангелъ Михаилъ, перирающій ногою Сатану. Джослайнъ и Фибгъ встали позади стульевъ, — онъ у сэра Генри, она у миссъ Алисы, — и исполняли свою должность съ приличною почтительностью несравненно расторопнѣе и усерднѣе обыкновеннаго.

— За здравіе короля Карла! сказала старый кавалеръ подавая дочери полный кубокъ элю: пей, милая Алиса, хоть это питье и оставлено намъ бунтовщиками, и я выпью: здоровье, за которое мы вѣдемъ, скрашиваетъ напитокъ, — хоть бы самъ старый Полли варилъ его.

Алиса взяла кубокъ, смочила губы и отдала отцу, который поставилъ на столъ, значительно облегчивъ его.

— Не скажу: добрые люди, сказалъ онъ, а должно признаться, что эти мошенники пьютъ хорошей эль.

— Это вовсе не удивительно, сударь, замѣтилъ Джолнѣ: хмѣль нѣтъ ничего не стѣтъ, — развѣ только труда брать.

— Хорошо сказано, Джослайнъ! вскричалъ сэръ Генри: вотъ тебѣ зато, дочей кубокъ.

Львенчій не заставилъ просить себя выпить за здоровье короля. Ставя кубокъ обратно на столъ, онъ поклонился барину и, посмотрѣвъ съ торжествующимъ видомъ на барельеа, сказалъ:

— Четверти часа не будетъ тому, какъ я высказалъ одному Круглоголовому мое мнѣніе объ этомъ архангелѣ Михаилѣ.

— Круглоголовому! вскричалъ запальчивый старикъ: какому Круглоголовому? Развѣ въ Вудстокѣ еще есть кто-нибудь изъ этихъ стриженныхъ уродовъ? Проводи его въ шею, Джослайнъ; выкинь его за окно!

— Онъ по дѣлу остался, ваша милость, и теперь скоро отправится.... Это тотъ самый.... который.... съ которымъ вы изволили сражаться въ паркѣ.

— А!... да вѣдь я ему уже сдалъ сдачу, въ прихожей; развѣ ты не видалъ? Иногда еще я не бывалъ такъ хорошо расположенъ къ фехтованью. Впрочемъ, эта круглая башка не совершенный негодяй; хорошо дерется, очень хорошо. Я желалъ бы посмотрѣть, какъ бы ты съ нимъ помѣрялся, завтра, въ прихожей. Но я думаю, онъ слишкомъ силенъ для тебя, Джослайнъ. Я вѣдь знаю твою силу.

Кавалеръ не безъ основанія отзывался такимъ образомъ: онъ довольно часто упражнялся съ Джослайномъ на рапирахъ, и Джослайнъ въ такихъ случаяхъ всегда старался развернуть дов-

кости и силы не больше того, сколько нужно было, чтобы победа не казалась слишком легкой. Въ качествѣ скромнаго слуги онъ всегда предоставлялъ торжество своему господамъ.

— А что же Круглоголовый говорилъ объ архангелѣ Михаилѣ? спросилъ кавалеръ.

— Да не признаетъ его, а изображеніе на кубкѣ угодилъ бетельскому золотому тельцу. Но я ему отвѣчалъ, чтобъ лучше подождать судить такъ, пока кому-нибудь изъ ихъ круглоголовыхъ блаженныхъ удастся такъ притоптать бѣса, какъ сразилъ его святой Михаилъ. Этого было довольно, чтобъ заставить его замолчать. Потомъ онъ сталъ дивиться, что ваша милость и миссъ Алиса, и мы всѣ не боимся почевать въ этомъ домѣ, гдѣ такъ много, по его мнѣнію, бываетъ ночныхъ тревогъ. На это я ему отвѣчалъ, что мы нечистой силы не боимся, когда намъ съ вечера прочитаютъ молитвы по уставу нашей Церкви.

— Ты съума сошелъ, Джослайнъ? вскричала Алиса: развѣ ты не знаешь, съ какою опасностью для насъ и для себя нашъ пасторъ исполняетъ свою обязанность?

— Помилуйте, миссъ Алиса! возразилъ съ замѣшательствомъ Джолифъ: вы можете быть увѣрены, что я ни слова не сказалъ ему о пасторѣ. Нѣтъ, право, нѣтъ, я не говорилъ ему, что мы имѣемъ здѣсь капеллана. Впрочемъ, я знаю этого Круглоголоваго; мы помѣрялись локтями и живемъ въ ладу какъ два пальца одной руки, — несмотря на то что онъ фанатикъ.

— Смотри, не слишкомъ довѣрай ему, замѣтилъ кавалеръ: я опасуюсь, ужъ не проболтался ли ты, и можно ли будетъ капеллану вечеромъ прійти сюда, какъ мы условились. У этихъ республиканцевъ чутье какъ у собакъ: они пронюхаютъ роюлиста, какъ бы онъ ни переодѣлся.

— Если вы такъ думаете, сударь, возразилъ Джолифъ, то я буду охранять капеллана. Я проведу его черезъ заколоченную калитку прямо сюда, такъ, что Томкинсъ никогда не провѣдаетъ объ немъ. Или, если вашей милости кажется это недостаточнымъ, я заведу съ Круглоголовымъ споръ и перерѣжу ему горло. Мнѣ это не дороже булавки.

— Сохрани Богъ! вскричалъ сэръ Генри: онъ подъ нашей кровлей гость, хоть и не званый. Ступай, Джослайнъ; въ наказаніе за болтливость своего языка, ты обязанъ отвѣчать за безопасность капеллана, пока онъ будетъ находиться у насъ. Если онъ проведетъ еще двѣ три октябрьскія ночи въ лѣсу, это докончитъ его.

— Нѣтъ, онъ скорѣе увидитъ конецъ нашего октябрьскаго * тѣмъ октябрь увидитъ его кончину, сказалъ Джолифъ уходя, между-тѣмъ какъ кавалеръ провожалъ его одобрительною улыбкой.

Лѣсяничій кликнулъ Бивиса, чтобъ помогъ ему въ должности сторожа, и, освѣдомясь, гдѣ найти капеллана, общалъ оградить его отъ всякой бѣды.

Когда Фиби, убравъ со стола, также ушла, старый кавалеръ погружился въ кресла и предался думамъ гораздо пріятнѣе тѣхъ, которыя постоянно тяготили его въ послѣднее время. Такъ его и сонъ засталъ. Алиса, ступая осторожно на цыпочки, пошла, взяла свое шитье и сѣла подлѣ отца. Работая, она по временамъ поглядывала на старика съ нѣжностью ангела хранителя. Когда смерклось, она хотѣла-было кликнуть Фиби и потребовать огня, но вспомнила, что старикъ давно уже не спалъ такъ спокойно, и не рѣшилась потревожить его.

Она сидѣла противъ того самаго большаго окна, черезъ которое Вилдрекъ видѣлъ угощеніе Томкинса и Джолифа, и съ сумерекъ могла уже только смотрѣть на проносившіяся по небу облака, между которыми то скрывалась, то выплывала взошедшая луна. Царица ночи какимъ-то особеннымъ образомъ очаровываетъ воображеніе, когда плаваетъ посреди паровъ, которыхъ она не можетъ разсѣять и которые между-тѣмъ не въ состояніи совершенно помрачить ея блескъ. Это образъ добродѣтели, которая, будучи вооружена терпѣніемъ, спокойно продолжаетъ свой путь посреди похвалъ и клеветъ, и должна бы была восхищать цѣлый міръ и всегда торжествовать, но бываетъ временно заключена отъ него несчастіемъ и несправедливостью.

Между-тѣмъ какъ подобныя, можетъ-быть, этимъ мысли представлялись уму Алисы, она вдругъ съ изумленіемъ и испугомъ увидѣла, что кто-то лѣзетъ на окно и заглядываетъ въ комнату. Она ни на минуту не вообразила ничего сверхъестественнаго; глаза ея были слишкомъ привычны къ мѣсту, гдѣ она находилась. Привидѣнія едва ли могутъ чудиться человѣку тамъ, гдѣ онъ провелъ дѣтство и всю свою жизнь. Но въ странѣ еще возмущенной мародеры могли быть опасны, и эта мысль вооружила Алису такимъ мужествомъ, что она схватила со стѣны пистолеть, навела дуло въ окно и тогда уже крикомъ разбудила отца. Она исполнила все это тѣмъ проворнѣе, что въ фигурѣ,

* Пива.

показавшейся въ окнѣ, несмотря на темноту, думала найти въ-которое сходство съ цыганкой, которую встрѣтила у Розамунды на Ключахъ.

Сэръ Генри, вскочивъ со сна, схватилъ шпагу и побѣжалъ къ окну. Испуганный, вѣроятно, незванный посетитель хотѣлъ поспѣшно спуститься, но оборвался и съ шумомъ упалъ. Общая мать наша приняла его на свое лицо не очень вѣжно. Притомъ страшный лай неказалъ, что Бивисъ подоспѣлъ къ приему. Онъ схватилъ унавиваго, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ встать.

— Держи, Бивисъ, держи! только не кусай! закричалъ кавалеръ изъ окна: Алиса, ты царица своего пола! Остаешься здѣсь, я пойду, возьму этого молодца.

— Нѣтъ, батюшна, не ходите; ради Бога, не ходите! Джослайвъ сейчасъ придетъ.... Слышите?... его голосъ.

Въ самомъ дѣлѣ подь окномъ кто-то заговорилъ, замелькали двѣ свѣчи, въ фонаряхъ. Разговоръ вели вполголоса, почти шепотомъ. Человѣкъ, которому Бивисъ не давалъ встать, потерялъ терпѣніе и менѣе осторожно сказалъ:

— Ли!... лѣсивчій!... возьмите собаку, или я принужденъ буду застрѣлить ее.

— Только смѣй! закричалъ старый кавалеръ: я тебѣ самому въ ту же минуту размозжу голову.... Воры, Джослайвъ! воры! Бѣги же, Джослайвъ! схвати этого мошенника.... Держи, Бивисъ, держи!

— Оставь, Бивисъ, оставь! крикнулъ Джослайвъ: иду, сэръ Генри; я здѣсь.... Господи, я съума сойду.

Страшная мысль мелькнула въ умѣ Алисы. Джослайвъ могъ измѣнить имъ. Отчего онъ Бивису приказываетъ оставить не-пріятеля, вмѣсто того чтобъ поощрить собаку? У старика, вѣ-роятно, родилось подобное же подозрѣніе. Онъ поспѣшно от-ступилъ отъ освѣщеннаго луною окна, увлекая и дочь, и всталъ въ тѣни, чтобы лучше видѣть, что дѣлается внизу. Бивисъ, по приказанію Джослайна, оставилъ своего плѣнника, и нѣсколько человѣкъ шепотомъ говорили, какъ будто совѣтовались, что дѣ-лать.

— Теперь все тихо, сказалъ одинъ голосъ: я влѣзу впередъ и приготовлю вамъ дорогу.

И черезъ минуту кто-то явился въ окнѣ, отворилъ его и вскочилъ въ комнату. Но едва онъ ступилъ на полъ, старый кавалеръ съ бѣшенствомъ началъ на него и нанесъ такой ударъ, что сбилъ съ ногъ.

Джоннетъ, свидѣвавшій за нѣмъ тѣмъ же путемъ, съ сонорнѣе въ рукахъ, увидѣлъ ударъ и съ ужасомъ вскричалъ:

— Господи! онъ убилъ своего сына!

— Нѣтъ, нѣтъ, говорятъ вамъ; нѣтъ! вскричалъ молодой человекъ, — Альбертъ Ли, единственный сынъ стараго кавалера: я вовсе не раненъ. Не шумите; подайте огня.

Онъ какъ могъ проворно вскочилъ на ноги, выпутываясь изъ плаща, проткнутаго шпагою вмѣстѣ съ полукафтаньемъ. Къ счастью, шпага прошла у него подъ мышкой, а упалъ онъ отъ удара есесомъ въ грудь, потому что, сосканивая съ окна, еще не успѣлъ твердо встать на ноги.

Между-тѣмъ Джослайвъ умаливалъ всѣхъ, чтобъ молчали.

— Ради Бога! ради жизни вашей, тише! ради спасенія души вашей, тише, тише!

Когда Джослайвъ добылъ огня, Алиса увидѣла отца, который, услышавъ роковое восклицаніе лѣсничаго, упалъ навзничъ въ кресло и такъ остался, блѣдный, безъ движенія, безъ малѣйшаго признаку жизни.

— Братецъ! вскричала Алиса: чтó это значитъ? Какимъ образомъ ты попалъ сюда?

— Не спрашивай меня теперь, Алиса, отвѣчалъ Альбертъ: Боже мой, чтó я надѣлалъ! продолжалъ онъ, глядя на отца, который походилъ скорѣе на мертвеца или на статую смерти чѣмъ на живаго человека: вотъ для чего судьба пощадилла мою жизнь!... чтобъ я былъ свидѣтелемъ такого зрѣлища! прибавилъ онъ въ отчаяніи поднимая руки къ небу.

— Чтó Богъ послалъ, то и неси, молодой человекъ, сказалъ вошедшій въ это время пасторъ, который отправлялъ вечернюю службу въ хижинѣ лѣсничаго: мы сносимъ жизнь до тѣхъ-поръ пока Господу угодно сохранить намъ ее... Позвольте; дайте воды поскорѣй.

Алиса, съ дѣятельною нѣжностью, которая не предается безполезнымъ стenanіямъ, пока есть хоть сколько-нибудь надежды, тотчасъ же побѣжала за водой и принесла.

— Это обморокъ! сказалъ пасторъ, пощупавъ пульсъ у сэра Генри: отъ неожиданнаго сильнаго волненія. Ободритесь, Альбертъ; ручаюсь вамъ, что это только обморокъ... Дайте тарелку и какой-нибудь бить, — хоть ленту, — милая Алиса. Нужно пустить кровь. Приготовьте также что-нибудь душистое, если можно.

Между-тѣмъ какъ Алиса готовила все, чего требовалъ

пасторъ, тихонько заворачивала отпу рукавъ, и, казалось, преду-гадывала все, что потребуется, брать ея, не слушая ни какихъ утѣшеній, не видя ни какого признаку надежды, въ нѣмомъ отчаяніи протянувъ сложенные руки къ небу, неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, и во всѣхъ чертахъ его, по видимому, выражалась мысль: — Вотъ бездыханный трупъ моего отца, а убилъ его я, моею неосторожностью!

Но когда кровь, послѣ удару ланцетомъ, стала показываться сперва каплями, понемножку, потомъ побѣжала ровною струей; когда, послѣ натиранія висковъ свѣжею водою и вдыханія ароматовъ, старикъ вздохнулъ и пошевелился, Альбертъ вдругъ бросился къ ногамъ пастора, и еслибъ тотъ допустилъ, раздѣловалъ бы полы его одежды и самую обувь.

— Встаньте, встаньте, Альбертъ, сказалъ почтенный пасторъ съ укоризной: пора бы вамъ образумиться; вы все также безразсудны. Преклоните колѣни передъ Богомъ, а не передъ слабѣйшимъ изъ орудій его. Вы уже избавились отъ великой бѣды. Если хотите заслужить милосердіе Божіе, вспомните, для какой цѣли вы сами сохранены. Уйдите съ Джолифомъ; помните вашу обязанность, и помните, что отцу вашему лучше будетъ не видать васъ теперь на нѣсколько минутъ. Ступайте.

— Благодарю, благодарю васъ тысячу разъ, возразилъ Альбертъ и выскочилъ въ окно также неожиданно какъ явился.

Джоллифъ послѣдовалъ за нимъ туда же.

Алиса переставала уже страшиться за жизнь отца и, увидѣвъ новое движеніе на сценѣ, съ удивленіемъ обратилась къ пастору и сказала:

— Сдѣлайте милость, объясните мнѣ, что это значитъ? Точно ли братъ Альбертъ былъ здѣсь, или я все это видѣла во снѣ? Если бы я не видѣла теперь васъ, я подумала бы что сонъ и теперь продолжается... Этотъ страшный ударъ шпагою... отецъ — холодный образъ смерти... молодой человекъ — терзаемый нѣмымъ отчаяніемъ.... Мнѣ кажется, я видѣла сонъ.

— Если вы видѣли сонъ, милая Алиса, то желательно бы было чтобъ всѣ женщины такъ грезили во снѣ, когда ходятъ за больнымъ. Но вашъ сонъ вышелъ изъ роговыхъ воротъ*, — какъ говорятъ Виргилій. Да, вы дѣйствительно видѣли Альберта, и скоро опять увидите.

* Въ палатахъ сна двое воротъ. Одно роговыя, изъ которыхъ выходятъ правдивые сны...

— Альбертъ! повторилъ сэръ Генри: кто говоритъ о моемъ сынѣ?

— Я, добрый мой патронъ. Позвольте мнѣ кончить перевязку вашей руки.

— Моей раны? Извольте, отвѣчалъ сэръ Генри приподнимаясь и мало по малу возвращаясь къ силамъ: мнѣ давно извѣстно, что вы врачуете тѣло такъ же искусно какъ и душу. Я помню, какъ вы, въ моемъ полку, исполняли двѣ должности, капеллана и хирурга. Но гдѣ жъ тотъ молодецъ, котораго я убилъ? Я никогда въ жизни не наносилъ такого ловкаго удара. Я просадилъ ему шпагу насквозь, по самый сѣсць. Онъ долженъ быть мертвъ, или рука моя забыла свое ремесло.

— Никто не убитъ, отвѣчалъ пасторъ, и мы за это возблагодаримъ Бога, потому что могли бы убить друзей. Шпага повредила только плащъ и полукафтанье, и доставила нѣсколько работы портному. А послѣднимъ вашимъ противникомъ былъ я, и я лишилъ васъ нѣкотораго количества крови, — помощью ланцета, — единственно для того чтобъ поставить васъ въ возможность перепестъ неожиданную радость. Вы скоро увидите съ сыномъ. Онъ благополучно ушелъ отъ преслѣдованій изъ Ворчестра и воротился въ Вудстокъ, гдѣ мы, съ помощью Джослайна, надѣюсь, укроемъ его. Для этого-то я и уговаривалъ васъ согласиться на предложеніе вашего племянника воротиться въ Ложу. Здѣсь хоть сто человѣкъ могутъ удобно укрываться, и цѣлая тысяча не найдетъ ихъ. Въ мірѣ нѣтъ зданія удобяще этого для игры въ прятки: это я докажу, когда мнѣ можно будетъ издать мои «Вудстокскія чудеса».

— Но гдѣ же сыяъ мой? гдѣ мой милый Альбертъ? Отчего я не вижу его? Зачѣмъ вы раньше не сказали мнѣ, что онъ воротился?

— Зачѣмъ что я не воплилъ былъ увѣренъ, куда онъ обратится. Я считалъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ постарается добраться до берегу моря, и мнѣ казалось болѣе приличнымъ придержать извѣстія, пока не узнаю съ точностью, что онъ сѣлъ на корабль и плыветъ во Францію. Мы такъ и условились, чтобъ я все сказалъ вамъ сегодня, вечеромъ. Но въ замкѣ есть еще однаъ Круглоголовый, и мы не хотѣли, чтобъ онъ увидѣлъ насъ. Мы не смѣли пройти въ сѣни, и бродя около замка Альбертъ вспоминалъ, что въ дѣтствѣ не разъ, для забавы, лазилъ въ это окно. Бывшій съ нами молодой человѣкъ хотѣлъ полѣзть впередъ. Огня въ комнатѣ не было, а луна могла измѣнить намъ на мѣстѣ,

гдѣ мы стояли. Онь погѣзъ, но оборвался, упалъ, Бивисъ недо-спѣлъ, и вотъ вся исторія.

— Да, вы поступили довольно просто; вы пошали на гарни-зонъ, не предупредивъ его.... Но гдѣ же мой сынъ? отчего его нѣтъ здѣсь?

— Потерпите немножко, сэръ Генри; подождите пока ваши слѣды....

— Убирайтесь вы съ силами! вскричалъ старый кавалеръ, у котораго съ памятью воротилась и прежняя нетерпѣливость. Развѣ вы не помните, какъ я, послѣ эджильскаго сраженія, пролежалъ цѣлую ночь на полѣ, истекая кровью изъ пяти глубокихъ ранъ, а черезъ шесть недѣль потомъ опять былъ передъ своимъ строемъ? И вы мнѣ говорите о нѣсколькихъ капляхъ крови, о кошачьей царапинѣ!

— Ну, хорошо, если вы такъ бодры; я пойду, позову вашего сына. Онь недалеко.

Съ этими словами насторъ вышелъ изъ комнаты, сдѣлавъ Али-сѣ знакъ, чтобъ не отходила отъ старика, потому что припадокъ слабости мотъ воротиться.

Къ счастью, сэръ Генри, казалось, вовсе не вспоминалъ съ точностью, какого роду испугъ везанно повергъ его въ обмо-рокъ и на минуту остановилъ всѣ жизненные силы. Онь еще нѣсколько разъ говорилъ о страшномъ слѣдствіи, какое могъ бы имѣть его шпажный ударъ, но вовсе, по видимому, не представ-лялъ себѣ, что этой опасности подвергался его сынъ. Алиса была очень рада, что отецъ забылъ объ этомъ ужасномъ обстоя-тельствѣ, какъ человѣкъ часто забываетъ нравственную и даже физическую причину своего обморока. Черезъ нѣсколько минутъ появленіе брата совершенно избавило ее отъ всякихъ объясненій. Альбертъ бросился въ объятія отца и сестры.

V.

«Этотъ молодецъ.... какъ-бышь тебя? Какъ тебя зовуть? — Яковъ. — Помню, помню.»

Всѣ члены семейства Ли собрались какъ нѣжно любящіе другъ друга родные, которые послѣ долгихъ бѣдствій въ разлукѣ на-слаждаются по-крайней мѣрѣ тѣмъ счастьемъ, что могутъ раздѣ-лять горе. Они обнимались и предавались веѣмъ излияніямъ, об-легчающимъ душу и сердце. Наконецъ волненіе стало успокоя-

заться, и сэръ Генри, еще держа возвращеннаго сына за руку, началъ овладѣвать собою.

— Такъ ты видѣлъ послѣднюю нашу битву, Альбертъ? сказалъ онъ: и знамена нашего короля навсегда пали передъ бунтовщиками?

— Къ несчастію, да, отвѣчалъ Альбертъ: это былъ послѣдній ходъ въ кости, и мы проиграли. Кромвелево счастье взяло верхъ въ Ворчестрѣ какъ и вездѣ, гдѣ онъ цоявлялся.

— Это не всегда такъ будетъ! нѣтъ, это не всегда такъ будетъ! Сатана, говорятъ, можетъ возвышать своихъ любимцевъ и осыпаетъ всѣми возможными земными благами, но не въ его власти дать имъ долго пользоваться ими... А король, Альбертъ? король? король?... говори мнѣ на-ухо.... тихонько, тихонько.

— По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ сѣлъ на корабль въ Бристоль.

— Слава Богу! слава Богу! Гдѣ ты разстался съ нимъ?

— Почти все наше войско разбито въ прахъ на переходѣ черезъ мостъ. Я сопровождалъ короля вѣстѣ съ пятьюстами офицеровъ, которые всѣ рѣшились умереть подлѣ него. Но какъ такой многочисленный конвой тѣмъ больше навлекалъ преслѣдованій, то его величеству угодно было отпустить насъ. Онъ всѣхъ благодарилъ и каждому сказалъ ласковое слово. Мнѣ въ особенности поручено передать вамъ, батюшка, свидѣтельство милостиваго расположенія его величества.... Все сказанное мнѣ лично бланкомъ лестно, такъ, что я не могу повторить.

— Чтò же тебѣ сказалъ король? Чтò онъ сказалъ? Я хочу знать. Увѣренность, что ты исполнилъ свой долгъ, и что король Карлъ призналъ это, одна можетъ утѣшить насъ во всемъ, что мы перенесли. Неужели ты хочешь лишитъ меня этого утѣшенія изъ-за пустой скромности? Говори, что король сказалъ тебѣ? Или ты хочешь, чтобы я силою добылъ у тебя языка?

— Нѣтъ, насмѣя не нужно, батюшка, отвѣчалъ Альбертъ съ улыбкою: его величество король удостоилъ меня порученія сказать сэру Генри Ли, что сынъ, если и не можетъ никогда опередить его на пути чести, зато по крайней-мѣрѣ слѣдуетъ за нимъ шагъ въ шагъ.

— Это онъ сказалъ тебѣ?... Старикъ Викторъ Ли, я думаю, съ гордостью взираетъ на тебя, Альбертъ... Но я совсѣмъ забылъ.... Ты, конечно, утомился, хочешь поѣсть чего-нибудь?

— Да, правда, батюшка; но утомленіе и голодъ такія вещи,

о которыхъ я научился не заботиться, когда пришлось думать о безопасности.

— Джослайвъ! Эй! Джослайвъ!

Лѣсничій явился и получилъ приказаніе подать ужинъ.

— Да поскорѣй! подтвердилъ кавалеръ: мой сынъ и ученый докторъ Рочклевъ проголодались.

— А внизу, отвѣчалъ Джолифъ, есть еще молодой человѣкъ, — пажъ полковника Альберта, какъ онъ говоритъ. У него также страшно бурчитъ въ животѣ. Я думаю, онъ копя съ сѣдломъ проглотитъ, — какъ говорится въ іоркскомъ графствѣ. Онъ уже съѣлъ цѣлый хлѣбъ; Фиби едва успѣвала рѣзать и намазывать. И то, говоритъ, едва примѣтно, что есть чтѣ-нибудь въ желудкѣ. Сверхъ-того, я думаю, лучше будетъ, если вы оставите его при себѣ, потому что, если онъ прійдетъ въ кухню, Томкинсъ можетъ задать ему трудныхъ вопросовъ. Онъ же нетерпѣливъ какъ всѣ пажи, и слишкомъ увивается около Фиби.

— О комъ онъ говоритъ? спросилъ сэръ Генри у сына: какой это у тебя пажъ, такой повѣса?

— Это сынъ дорогаго мнѣ друга, одного шотландскаго лорда, который служилъ подъ знаменами великаго Монтроза, потомъ былъ при королѣ, въ Шотландіи и подъ Ворчестромъ. Будучи на кануи сраженія опасенъ раненъ, онъ просилъ меня позаботиться объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Я общалъ. Можно ли было отказать умирающему въ такой просьбѣ за единственнаго сына?

— Ты заслужилъ бы веревку, если бъ отказался. Малѣйшій кустикъ можетъ дать тѣнь. Мнѣ пріятно думать, что старинныя нравы вудстокскаго племени еще не совсѣмъ извелись и что оно еще въ состояніи дать пріютъ, кому нужно. Позови этого молодого человѣка. Онъ благороднаго происхожденія. Впрочемъ, въ такое время какъ наше чиновъ не разбираютъ: хоть онъ и пажъ, однако пусть съ нами уживаетъ. И если ты еще не успѣлъ вунуть ему, какъ слѣдуетъ вести себя, то ему не бесполезно будетъ выслушать урокъ другой отъ меня.

— Вы только не взыщите съ него за національный выговоръ, батюшка; я знаю, что вы не любите шотландскаго выговору.

— И не безъ основанія, Альбертъ, не безъ основанія. Кто причиною всѣхъ нашихъ смуть? Кто поддержалъ парламентъ, когда отъ уже сталъ падать? Шотландцы. Кто поквнулъ короля, который родился въ Шотландіи и довѣрился защитѣ своихъ земляковъ? Опять Шотландцы. Но отецъ этого молодого человѣка сражался подъ знаменами Монтроза, говоришь ты, а такой чело-

вѣкъ какъ великій маркизъ можетъ заставитьъ насъ забыть испорченность цѣлаго народа.

— Конечно, батюшка, и нужно прибавить, что хотя этотъ молодой человѣкъ имѣетъ странности и даже нѣсколько своенравствъ, однако король во всей Англии не имѣетъ болѣе преданнаго и вѣрнаго слуги. Каждый разъ, когда представлялся случай, онъ дрался отлично мужественно.... Но отчего онъ не идетъ?

— Онъ сейчасъ кушался, отвѣчалъ Джослайпъ, и торопился ужасно; говоритъ, пусть между-тѣмъ будетъ готовъ ужинъ.... Такъ всѣмъ и повелѣваетъ, точно какъ-будто въ своемъ отцовскомъ замкѣ, гдѣ теперь, я думаю, не скоро кого нибудь докличешься.

— Э! да это, кажется, пѣтухъ изъ бойкихъ! вскричалъ сэръ Генри обращаясь къ сыну. Какъ его зовутъ?

— Его имя такъ трудно выговаривается, что я безпрестанно забываю, отвѣчалъ Альбертъ: его зовутъ Кернеги, Лунсъ Кернеги, а отецъ былъ лордъ Кайлстеверсъ изъ Киякардайншира.

— Кернеги, Кайлстеверсъ изъ Кив.... Кив.... какъ?... Право, имена и прозвища у этихъ сѣверныхъ такъ и пахнутъ своимъ истороженіемъ: точно сѣверо-восточный вѣтеръ свищетъ между вересками и утесами.

— Эта суровость кельтическо-саксонскаго нарѣчія, замѣтилъ ученый Рочклифъ, по словамъ Верстчена, до сихъ-поръ сохраняется на сѣверномъ краю нашего острова. Но вотъ ужинъ, а за нимъ и мистръ Кернеги.

Джослайпъ и Фибн принесли ужинъ и за ними слѣдомъ дѣйствительно шелъ Лунсъ Кернеги, опираясь на суковатую палку и поднимая носъ на вѣтеръ какъ собака, которая отыскиваетъ слѣдъ дичи. Все его вниманіе, казалось, было устремлено единственно на предшествовавшее ему блюдо. Онъ безъ большихъ церемоній усѣлся на нижнемъ концѣ стола.

Это былъ молодой человѣкъ высокаго росту, худошавый и ярко рыжій. Цвѣтъ лица у него обратился почти въ черный отъ вѣтру, дождя, холоду и зною, которымъ подвергались всѣ бѣдствовавшіе и страпствовавшіе роялисты, и оттого уже отъ природы угловатые черты казались еще болѣе рѣзкими. Манеры его были очень мало привлекательны, потому что представляли смѣсь неуклюжести и наглости, которая примѣчательнымъ образомъ доказывала, что человѣкъ можетъ-быть лишена всякой ловкости и все-таки обладать достаточнымъ количествомъ самоувѣренности.

Сверхъ-того, онъ, вѣроятно, получилъ передъ тѣмъ нѣсколько парапигъ: на лицѣ у него было наклеено нѣсколько черныхъ мушекъ, которыя еще больше выдвигали его дурноту. Между тѣмъ глаза были блестящи, выразительны, и въ выраженіи всей фязіономіи обнаруживались рѣшительность и быстрое соображеніе.

Одежда и на Альбертѣ была гораздо ниже его званія, какъ сына сэра Генри Ли и какъ полковника королевской службы, но на пажѣ—еще хуже: старая зеленоватая куртка, которой солнце и дожди придали тысячу различныхъ отливовъ, такъ, что невозможно было разгадать первобытный цвѣтъ; большіе сапоги съ толстыми подошвами; кожаные штаны, какъ у угольщика; и толстые сѣрые шерстяные чулки, — таковъ былъ нарядъ молодого пажа. Ко всемъ этимъ прелестямъ, онъ хромалъ или по крайней мѣрѣ волочилъ одну ногу, что увеличивало неловкость его движеній и въ то же время показывало, сколько онъ долженъ былъ страдать. Словомъ, вся его наружность такъ близко подходила къ смѣшному, что Алиса разсмѣялась бы, если бы ея не удержало нѣкоторое состраданіе.

Рочклифъ благословилъ хлѣбъ и вмѣстѣ съ Альбертомъ принялся отдавать ужину такую честь, которая доказывала, что они не всякой дещь такъ пировали. Но вся ихъ работа казалась дѣтскою игрой въ сравненіи съ подвигами молодого Шотландца. Истребленные въ кухнѣ тартинки, казалось, нисколько не обременили ему желудка: онъ обнаруживалъ такой аппетитъ, какъ будто девять дней постился. Старый кавалеръ, глядя на него, готовъ былъ вообразить, что самъ демонъ голода вышелъ изъ сѣверныхъ пустынь и пожаловалъ къ нему въ гости. Мистръ Луисъ Кернеги между тѣмъ какъ будто боялся малѣйшаго размеченія надъ своимъ важнымъ занятіемъ: глаза онъ имѣлъ только для тарелки, а языкъ для пособія жеванью и глотанью.

— Я очень радъ, что вы принесли такой добрый аппетитъ на нашъ скромный ужинъ, сказалъ сэръ Генри.

— Да, аппетитъ у меня хорошъ, сэръ, отвѣчалъ пажъ съ рѣзкимъ шотландскимъ выговоромъ: но я каждый день могу представить такой же, если вамъ угодно давать ему упреженіе. Впрочемъ, правду сказать, въ послѣдніе четыре дня я такъ перенакопилъ его побольше обыкновеннаго: въ вашемъ полуденномъ краѣ мясо дорого; не легко добудешь. Зато я и вознаграждаю потерянное время, — какъ говорилъ кобзарь изъ Слиго, съѣвъ полъ-барана.

— Вы воспитывались въ деревнѣ, молодой человекъ, сказалъ

сэръ Генри, который въ качествѣ старшнчаго дворянина въ от-
ношеніи къ дисциплинѣ старался держать молодое поколѣніе въ
уздѣ: по крайней мѣрѣ если судить по молодымъ Шотландцамъ,
которыхъ я видѣлъ при дворѣ покойнаго короля, — когда вре-
мена у насъ были лучше. У нихъ я примѣчалъ меньше апети-
ту и больше... меньше...

Между-тѣмъ какъ старый кавалеръ отыскивалъ перифразы,
чтобъ не слишкомъ сурово выразить свое мнѣніе, пажъ доска-
залъ фразу по-своему:

— И побольше мяса на костяхъ; можетъ-быть. Тѣмъ лучше
для нихъ.

Сэръ Генри вытаращилъ глаза, но ни слова не сказалъ. Аль-
бертъ увидѣлъ, что пора вступиться.

— Вспомните, батюшка, сказалъ онъ, сколько прошло лѣтъ съ
1638, когда начались смуты въ Шотландіи, и вы не станете
удивляться, что шотландскіе бароны, будучи постоянно въ по-
ходахъ, не зато такъ за другое, оставляли воспитаніе своихъ
дѣтей въ небреженіи, и что оттого молодые люди, подобные мо-
ему другу, лучше знакомы со шпагою и копьемъ чѣмъ съ при-
личіями и требованіями общества.

— Это совершенно достаточная причина, отвѣчалъ старикъ:
если твой пріятель Кернегго хорошо дерется, мы не оставимъ
его безъ проволочствія.... Посмотри, ради Бога, какими глазами
онъ смотритъ на эту часть телятины. Сдѣлай милость, положи
ему всю на тарелку.

— Шпильки не помѣшаютъ мнѣ скушать телятину, сказалъ
Кернегг: голодная собака не гонится за пивкомъ, лишь бы бро-
сли кость.

— Господи помилуй! сказалъ сэръ Генри шепотомъ: если это
сынъ шотландскаго пера, я, — будь я хоть англійскимъ извозчи-
комъ, — не захотѣлъ бы помѣняться съ нимъ на обращеніе, хоть
бы онъ давалъ мнѣ въ придачу всю свою знатность и свои вла-
дѣнія, — если у него есть владѣнія. Посмотри, вѣдь онъ съѣлъ
четыре фунта говядины, да какъ! точно волкъ гложетъ лошади-
ный остовъ.... Вотъ начинистъ пить!... О! обтираетъ ротъ!... мо-
читъ пальцы въ стаканъ! и вытираетъ салфеткой!... Впрочемъ, и
то сказать, еще не совершенный мужикъ: могло бы быть и хуже.

— Пью за общее любезное здоровье, сказалъ сынъ шотланд-
скаго лорда и выпилъ соразмѣрное тому количеству яствъ, который
уже отправились къ нему въ желудокъ.

Потомъ онъ, небрежно бросивъ вилку и ножикъ на тарелку,

отодвинулъ ее почти на середину стола, протянулъ ноги во всю длину и опрокинулся на спинку стула съ выраженіемъ человѣка, который готовится насвистывать себѣ сонъ.

— Почтенный мистръ Керинго наконецъ положилъ оружіе, сказалъ кавалеръ: можно снять кушанье и подать стаканы. Налей, Джослайнъ, и хотя бы самъ чортъ или парламентъ подслушивалъ, сэръ Геври Ли изъ Дичли будетъ пить за здоровье короля Карла и на сокрушеніе его враговъ.

— Амни! отвѣчалъ чей-то голосъ за дверью.

Всѣ собесѣдники съ удивленіемъ переглянулись. За неожиданнымъ отвѣтомъ послѣдовалъ особеннаго роду стукъ въ дверь, — подобные франкмасонскимъ знакамъ, которые завелись у розлиствова и которыми они доказывали свой образъ мыслей, когда нужно было признавать другъ друга при случайныхъ встрѣчахъ.

— Опасности нѣтъ, сказалъ Альбертъ, которому знаки были знакомы: это другъ; однако жъ въ эту минуту я не желаю бы видѣть его.

— Отчего же, сынъ мой? Неужели ты подосадуешь на приходъ честнаго человѣка, которому, можетъ быть, очень нужно раздѣлить съ нами наше изобиліе. Поди, Джослайнъ, посмотри, кто стучится, и если хорошій человѣкъ, впусти.

— А въ противномъ случаѣ, я, надѣюсь, сумѣю выпроводить его, отвѣчалъ лѣсничій.

— Только не прибѣгай къ насилію, Джослайнъ! вскричалъ Альбертъ.

— Ради Бога, безъ насилій! прибавила Алиса: смотри, Джослайнъ!

— По крайней-мѣрѣ безъ нужды не должно прибѣгать къ насилію, подтвердилъ кавалеръ: если же будетъ нужно, я покажу, что я хозяинъ въ моемъ домѣ.

Джолнѣ пошелъ къ двери и, прежде чѣмъ отворилъ, также стуча, обмѣнялся вѣсколькими таинственными знаками съ тѣмъ, который просился въ комнату.

Нужно замѣтить, что такіе знаки товарищества заводились преимущественно въ самомъ разгульномъ и отчаянномъ классѣ кавалеровъ, у молодыхъ людей продолжавшихъ вести беспорядочную жизнь, къ которой привыкли въ дурно дисциплинированной арміи, гдѣ все похожее на порядокъ и правило, къ несчастію, почиталось признакомъ пуританства. Эти сорванцы собирались въ тавернахъ и, когда могли добыть немножко денегъ или кредиту, воображали произвестъ контръ-революцію, объявляя

свои застѣданія непрерывными и распѣвая свои любимыя пѣсни, съ приѣздами въ родѣ — «Будемъ пить и кутить, до возврата короля.»

Предводители партіи, принадлежавшіе къ высшему классу, не одобряли такого поведенія, но не упускали изъ виду людей, которые своею отчаянною храбростію могли, при случаѣ, оказать королевской сторонѣ важныя услуги. У нихъ были на примѣтѣ всѣ таверны, гдѣ молодцы собирались, точно также какъ и у фабрикантовъ бываютъ на счету всѣ кабаки, гдѣ въ случаѣ нужды можно отыскать нужныхъ работниковъ.

Съ другой стороны, въ самомъ низшемъ какъ и въ самомъ высшемъ классѣ были люди способные измѣнить болѣе или мѣнѣе удачно составленнымъ замысламъ своихъ сообщниковъ. Кромвель въ особенности имѣлъ нѣсколькихъ такихъ прислужниковъ, которые однако жъ между роялистами пользовались самою неукоризненною славой и которые, если совѣстились предать лично довѣрившихся имъ, зато безъ зазрѣнія извѣщали, кого слѣдовало, о всѣхъ дѣйствіяхъ заговорщиковъ и разстроивали ихъ предпріятія.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Кончивъ таинственные переговоры и удостовѣрившись, что посѣтитель изъ посвященныхъ, Джолифъ отворилъ дверь. Вошелъ нашъ знакомецъ Роджеръ Вилдрекъ, Круглоголовый по костюму, какъ того требовали его личная безопасность и служба при полковникѣ Эврардѣ. Но этотъ костюмъ странно противорѣчилъ обращенію и рѣчамъ того, на комъ былъ надѣтъ.

Пуританская шляпа, подобіе Ральфовой * на гравюрахъ Гудибраса, — войлочный зонтикъ, какъ онъ ее называлъ, — была надѣта на бекрень, какъ испанская, и украшена перомъ; темнаго цвѣту суковный плащъ безъ всякихъ украшеній былъ небрежно накинутъ на одно плечо, точно тафтяный на алой подкладкѣ, а большими ботфортами онъ щеголялъ точно шелковыми чулками и испанскими башмаками съ розетками. Словомъ, онъ придавалъ себѣ видъ челоуѣка обладающаго квинтессенціею кавалерскаго духу. Взглядъ выражалъ довольство самимъ собою и неподражаемая смѣлость движеній обнаруживала нравъ веселый, безпечный, совершенно противоположный важности паряда.

Съ другой стороны, несмотря на оттѣнокъ смѣшнаго въ этой наружности, ни на нѣкоторый недостатокъ уваженія къ нрав-

* Ральфъ—конюшій Гудибраса, въ Бутлеровой комической поэмѣ.

ственности, — следствие разгуливой жизни въ Лондонѣ и въ арміи, — Вилдрекъ умѣлъ внушить и уваженіе, даже въ случаѣ нужды страхъ. При всей наглости, лицо у него было красивое; во всѣхъ обстоятельствахъ онъ обнаруживалъ самую рѣшительную храбрость, хотя, по хвастливости его, въ ней и можно было иногда усомниться. Наконецъ, онъ былъ вѣренъ своимъ политическимъ правиламъ, и велъ себя такъ неосторожно, что даже слишкомъ явно выказывалъ ихъ, хотя его связь съ полковникомъ Эвхардомъ у многихъ разсудительныхъ людей возбуждала сомнѣніе насчетъ его искренности.

Таковъ былъ Вилдрекъ, нежданный и незванный гость, вошедшій съ выраженіемъ чловѣка, который по справедливости считаетъ себя вправѣ ожидать самаго ласковаго и радушнаго пріему.

— Мое почтеніе, господа, здравствуйте, сказалъ онъ: мое почтеніе, сэръ Генри Ли... хотя я не имѣю чести быть знакомымъ вамъ. Здравствуйте, почтенный докторъ, да воздвигнется англійская Церковь изъ своихъ развалинъ.

— Добро пожаловать, сэръ, отвѣчалъ старый кавалеръ, не желая выказать неудовольствія незваному посѣтителю, изъ уваженія къ уставамъ гостепріимства и къ долгу относительно къ ролялсту, товарищу по бѣдствіямъ: если вы сражались или страдали за короля, то уже имѣете достаточное право присоединиться къ намъ, хотя мы здѣсь въ своей семьѣ, и можете ожидать всѣхъ услугъ, какія мы въ состояніи будемъ оказать вамъ. Но я, кажется, уже видѣлъ васъ при Меркѣмъ Эвхардѣ, что зовется полковникомъ. Если вы приняли по его порученію, то, можетъ-быть, желаете поговорить со мною наединѣ?

— Вовсе нѣтъ, сэръ Генри, вовсе нѣтъ. Правда, что злая судьба поставила меня за изгородью, на холоду и на вѣтру, какъ всѣхъ порядочныхъ людей, — вы понимаете меня, сэръ Генри, — и я съ радостью принялъ покровительство стариннаго друга, товарища... не льстя ему, впрочемъ, и не отрекаясь отъ своихъ правъ, а только оказывая всѣ услуги, какія сообразны съ моимъ положеніемъ и образомъ мыслей. Я пришелъ сюда съ порученіемъ отъ него къ этому старому... сыну... тысячу извиненій передъ прекрасною дамой, отъ кончиковъ косы до подошвы башмаковъ... къ этому старому плуту Круглоголовому, хотѣлъ я сказать. Отыскивая въ темнотѣ дорогу, я услышалъ, что вы шѣте за здоровье, которое согрѣваетъ мнѣ сердце, и будетъ согрѣвать пока смерть не оледенитъ. Я принялъ смѣлость сказать вамъ, что васъ слышалъ честный чловѣкъ.

Такъ отресокомендовался Вилдрекъ. Кавалеръ отвѣчалъ приглашеніемъ сѣсть и также выпить за благополучное возстановленіе его величества. Вилдрекъ тотчасъ-же сѣлъ подлѣ шотландскаго пажа и не только сталъ пить, но даже безъ приглашенія запѣлъ любимую свою пѣсню: «Король воротить свой вѣнецъ.» Выраженіе, съ какимъ онъ пѣлъ, еще больше отворило ему душу стараго кавалера, но Алиса и Альбертъ украдкой брошенными взглядами выражали другъ другу, что они вовсе недовольны присутствіемъ этого незваннаго гостя. Кернеги или въ самомъ дѣлѣ былъ такъ равнодушенъ, что не обращалъ ни какого вниманія на окружающихъ, или превосходно умѣлъ придать себѣ такой видъ: онъ преспокойно занимался щекланьемъ орѣховъ, которые отъ времени до времени поливалъ глоткомъ вина, и какъ-будто вовсе не примѣчалъ пріумноженія общества. Вилдрекъ, любя вино и общество, принималъ на себя всѣ издержки на поддержаніе бесѣды, однакожъ обращался преимущественно къ хозяйну.

— Вы говорите о борьбѣ и страданіяхъ, сэръ Генри, сказалъ онъ: Богу извѣстно, что всякому изъ насъ досталась своя доля. Да и намъ всѣмъ извѣстно также, что дѣлалъ сэръ Генри Ли въ сраженіи подъ Эджгилемъ, и всюду, гдѣ развѣвалось королевское знамя, всюду, гдѣ обважалась шпага за доброе дѣло. Я и самъ не сидѣлъ сложа руки. Мое имя — Роджеръ Вилдрекъ изъ Скватлсмера, что въ линкольнскомъ графствѣ, — не думаю, чтобы вы слышали, но я былъ капитаномъ въ Ленсфордской легкой кавалеріи; потомъ служилъ подъ Горнигомъ. Я былъ *Людодомъ*, сэръ.

— Да, я слышалъ о подвигахъ вашего полка, сэръ, и если мы съ четверть часа побесѣдуемъ, вы увидите, что я также былъ свидѣтелемъ этихъ подвиговъ. Мнѣ кажется даже, что я слышалъ ваше имя. Пью за ваше здоровье, капитанъ Роджеръ Вилдрекъ изъ Скватлсмера.

— И я за ваше, сэръ Генри, отвѣчалъ Вилдрекъ, взявшись за большой кубокъ, потомъ, оглянувшись на Альберта и на пажа, прибавилъ: выпилъ бы охотно и за прочихъ, еслибъ зналъ этого кавалера и этого конюшаго въ зеленой курткѣ, — предполагая, что она зеленая, потому что глаза у меня не всегда хорошо различаютъ цвѣта.

Альбертъ въ это время въ-полголоса разговаривалъ съ докторомъ Рочклифомъ, однакожъ это не мѣшало ему слышать все прочее и даже отъ времени до времени вставить слово кстатѣ въ общую бесѣду.

— Я и другъ мой, отвѣчалъ онъ Вилдреку, не имѣемъ ни ка-

кой причины скрывать наши имена, какъ скоро обстоятельства того требуютъ, но вы на себѣ испытали бѣдствія нашего времени и должны знать, что при случайныхъ встрѣчахъ, подобныхъ этой, нынче люди не произносятъ своихъ именъ безъ надобности. Если вашъ другъ и покровитель, полковникъ Эвардъ теперь подвергнетъ васъ допросу хоть подъ клятвой, вы безъ всякаго укору совѣсти можете сказать, что не знаете людей, которые пили за чье-то здоровье.

— Клянусь честью, сэръ, возразилъ Вилдрекъ, я знаю способъ гораздо лучше, какъ избѣжать такого укору совѣсти: я вовсе не помню, пилъ ли кто-нибудь за чье-нибудь здоровье. У меня на это удивительный даръ забвевія.

— И прекрасно, капитанъ, отвѣчалъ Альбертъ: но у насъ память подлиннѣй, и мы предпочитаемъ держаться общаго правила.

— Какъ вамъ угодно, сэръ. Чортъ меня побери, если я желаю принудить кого-бы то ни было къ откровенности. Я обратился къ вамъ только изъ учтивости, чтобъ приличнымъ образомъ выпить за ваше здоровье.

И онъ опять заплъ свою любимую пѣсню.

— Капитанъ Вилдрекъ — кавалеръ старинной школы, замѣтилъ сэръ Генри: одинъ изъ тѣхъ, котсырхъ мы называли рыссытими молодцами. Имъ можно и спустить кое-что: они, если и лихо пьютъ, зато славно дерутся. Я никогда не забуду, какъ одинъ ихъ отрядъ кетати подоспѣлъ на выручку къ намъ, Оксфордскимъ Писсамъ, какъ прозвали нашъ полкъ. Это было въ дѣлѣ подъ Брентфордомъ. Пики лондонской сволочи окружали насъ спереди и сзади, и плохо бы намъ пришлось, еслибъ Ленсфордъ-вы Людофды, — какъ ихъ звали, — не освободили насъ своею атакой.

— Мнѣ очень пріятно, что вы помните это, сэръ Генри, сказалъ Вилдрекъ: а припомните ли, что тогда говорилъ капитанъ этого отряда?

— Кажется помню, отвѣчалъ сэръ Генри съ улыбкой.

— Вы помните, что послѣ дѣла, когда насъ окружила толпа бабъ, которые ревѣли какъ вѣдьмы, онъ сказалъ: нѣтъ ли у кого нибудь изъ васъ жирнаго ребенка намъ на завтракъ?

— Правда, правда! и одна толстая баба тотчасъ поднесла мнѣ-мому людофду ребенка, котораго держала на рукахъ.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ содрогнулись и изумились; только мистръ Кернеги, казалось, разсуждалъ, что всякое мясо — голодному желудку пища.

— Да, продолжалъ Вилдрекъ, эта.... Тысячу извиненій передъ прекрасною дамою, отъ головной наколки до послѣдней петельки на платьѣ.... но мерзавка, какъ я послѣ узналъ, была кормилица изъ воспитательнаго дому, получившая жалованье за полгода впередъ. Миллионъ бомбъ! я вырвалъ ребенка изъ рукъ этой волчицы, и хотя самъ Богъ знаетъ какъ часто не имѣлъ необходимаго, однако нашелъ средство воспитать мой маленькій Завтракъ, какъ я его называю. Впрочемъ, это немножко дорогая плата за шутку.

— Капитанъ! вскричалъ старый кавалеръ съ овлаженными глазами: я высоко чту ваше человѣколюбіе, уважаю ваше мужество, и въ восхищеніи, что вижу васъ у себя. Такъ это вы командовали отрядомъ, который выручилъ насъ изъ бѣды? Ахъ, если бы вы остановились, когда я кликалъ васъ; если бъ вы обождали, пока наши фузилеры вывели бы брентфордскія улицы, — мы въ тотъ же день были бы почти у воротъ Лондона. Но вы сдѣлали то, что казалось лучше.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, сказалъ Вилдрекъ, откинувшись на спинку стула и наслаждаясь полнымъ торжествомъ своей славы: и теперь я пью въ память всѣхъ храбрыхъ, которые сражались и пали подъ Брентфордомъ. Мы гнали непріятеля, какъ ураганъ гонитъ пыль, и останавливались только передъ кабаками и другими неодолимыми искушеніями. Чортъ возьми! у насъ, у Людоѣдовъ, было слишкомъ много знакомства въ Брентфордѣ, а храбрый принцъ Рупертъ всегда лучше зналъ толкъ въ атакѣ чѣмъ въ ретравдѣ. Что до меня, я только на минуту зашелъ къ одной старинной знакомкѣ, вдовѣ, чтобъ коня покормить. Самъ я не успѣлъ запить проглоченнаго куска, какъ проклятая сволочъ, — какъ вы прекрасно называли, — снова собралась и подняла пики точно бодливый козелъ рога. Я опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и вскочилъ на лошадь, но солдаты мои, вѣроятно, такъ же утѣшали вдовъ и сиротъ: я собралъ всего только пять человѣкъ; однако жъ мы пробились сквозь толпу копейщиковъ. Я еще увезъ съ собою, на лукъ сѣдла, мой маленькій Завтракъ, посреди криковъ и реву цѣлаго города. Они думали, что я этого мальчишку тотчасъ зарѣжу, изжарю и съѣмъ, какъ только доберусь до квартиры. Кричали они на меня шибко, однако жъ на почтительномъ разстояніи: ни одинъ не смѣлъ остановить.

— Увы! сказалъ старый кавалеръ, мы всѣ какъ-будто старались казаться хуже чѣмъ были и вели себя такъ дурно, что не заслуживали Божьяго благословенія даже въ добромъ дѣлѣ. Но

чему вспомнить старое... Мы, не заслуживали даже побѣдъ, которыя Богъ посылалъ намъ, потому что мы никогда не подвизались; ни, какъ бы слѣдовало добрымъ христіанскимъ солдатамъ, а всегда отдавали все выгоды врагамъ. Эти фанатики изъ Лигеріи, вриучались къ диецшиинѣ, которую намъ, вооруженнымъ за правое дѣло, слѣдовало бы поддерживать по праву и убѣжденію. Но вотъ моя рука, капитанъ; мнѣ часто приходило желаніе видѣть храбраго офицера, который выручилъ насъ своею славною атакой, и я въ восхищеніи, что этотъ старый замокъ еще въ состояніи оказать вамъ гостепримство, хотя мы и не можемъ поподавать васъ ребенкомъ, ни варенымъ ни жаренымъ.... а! капитанъ!

— Да, правда, сэръ Генри, что на этотъ счетъ распространено много клеветъ. Я помню, какъ Леси, бывшій актеромъ и потомъ поручикомъ въ моей ротѣ, дѣлалъ на это намеки въ миссъ — «Старое Войско», кажется, — которую иногда играли въ Оксфордѣ, когда еще на душѣ у насъ было повеселѣй.

Разговаривая такимъ образомъ и осваиваясь, по мѣрѣ того какъ видѣлъ свое достоинство признаннымъ, Вилдрекъ сѣлалъ на стулѣ движеніе, которое приблизило его къ молодому Шотландцу. Тотъ отодвинулся, и такъ веловко, что ногою подъ столомъ толкнулъ миссъ Ли, которая сидѣла противъ него. Алиса, нѣсколько осморбленная или по крайней мѣрѣ смущенная, въ свою очередь отодвинула стулъ, чтобъ избѣжать втораго подобнаго толчка.

— Извините, сказалъ Кернеги, но я, право, не виноватъ. Это вы, сэръ, продолжалъ онъ обращаясь къ Вилдреку: вы виноваты, что я толкнулъ даму.

— Извините, сэръ, отвѣчалъ Вилдрекъ, и въ особености прошу прощенія у миссъ Ли. Однако жъ, будь я на висѣлицѣ, если я поставилъ вашъ стулъ такимъ образомъ на выворотъ. Милльонъ бомбъ! я, сударь, не принесъ ни чумы ни другой какой заразы. Чего вы удаляетесь отъ меня съ такимъ страхомъ, какъ будто отъ прокаженнаго, и черезъ то потревожили даму. Я жизнью моею заплатилъ бы, чтобъ предупредить это, сэръ. Если вы Шотландецъ, какъ слышно по выговору, то, чортъ возьми! я одинъ подвергался опасности; вамъ вовсе не нужно отодвигаться.

— Сэръ Роджеръ Вилдрекъ, сказалъ Альбертъ вступаясь, этотъ молодой человекъ иноземець и такъ же какъ вы пользуется гостепримствомъ у моего отца, которому не можетъ быть пріятенъ споръ между гостями. Одежда моего друга можетъ ввести васъ въ заблужденіе насчетъ его званія. Это благородный сэръ

Дуэль Коршети, сина г-да Гайлстевенса изъ Кинкардайншира. Онъ уже сражался за короля, не смотря на свою молодость.

— Я не имѣю ни какого настрѣнія заводить споръ, сэръ, отвѣчалъ Вилдрекъ: вовсе нѣтъ. Вашихъ словъ мнѣ совершенно достаточно. Министръ Гирниго, достойный сынъ г-да Гилстера изъ Грингарденшира, явашъ покорнѣйшій слуга, сэръ, и паю за ваше здоровье, и за всѣхъ Шотландцевъ, которые обнажали шпагу за правое дѣло, сэръ.

— Много обязанъ; благодарю васъ, сэръ, отвѣчалъ молодой человекъ съ важностью, которая не совсѣмъ согласовалась съ грубостью, съ какою онъ прибавилъ: и я также желаю здравствовать.

Человекъ осторожный оставилъ бы разговоръ на этомъ, но Вилдрекъ тѣмъ отягчался, что никогда не могъ оставить дѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ оно само остановилось. Онъ продолжалъ остерить надъ гордымъ и неловкимъ молодымъ человекомъ и дѣлалъ ему разныя замѣчанія.

— У васъ національный выговоръ очень замѣтенъ, министр Гирниго, говорилъ онъ, но всё еще не такъ, какъ я слышалъ у другихъ шотландскихъ кавалеровъ, у Гордона, напримѣръ, который всегда произносилъ *n* вмѣсто *f* и говорилъ *Милланъ*, вмѣсто Филиппъ, *пуражъ* вмѣсто фуражъ, и такъ далѣе.

Альбертъ взялся самъ отвѣчать и объяснилъ, что произношеніе измѣняется по провинціямъ въ Англии точно такъ же какъ и въ Шотландіи.

— Ваша правда, сэръ, отвѣчалъ Вилдрекъ: я самъ льщу себя надеждой, что довольно порядочно владѣю этимъ собачьимъ жаргономъ, не въ обиду будь вамъ сказано, министр Гирниго. Но, однажды, будучи въ Южныхъ Горахъ, — какъ они называютъ свою проклятую пустырь... также не во гнѣвъ вашей милости... я какъ-то заблудился и, встрѣтивъ пастуха, во всей силы разинулъ ротъ и спросилъ чисто по-шотландски: «На что ступать дорога?» Что жъ вы думаете, не отвѣчалъ вѣдь, мошенникъ! Притворился крѣпкимъ на ухо, какъ часто случается у мужиковъ, когда они видятъ, что порядочный человекъ нѣдетъ въ нихъ надобность.

Вилдрекъ хотя обращался съ этою рѣчью преимущественно къ Альберту; однако жъ взглядывалъ и на молодого Шотландца, но тогъ, по застѣчивости, или по другой причинѣ, не хотѣлъ вступать въ разсужденія, и на полученные въ то же

время отъ Вилдрекъ два или три толчка локтемъ отвѣчалъ только:

— Недоразумѣніе очень легко можетъ случиться, когда люди говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ.

Вилдрекъ выпиналъ больше тѣмъ бы слѣдовало въ порядочномъ обществѣ; голова у него была распалена и онъ начиналъ уже придирааться ко всякому слову.

— Недоразумѣніе, сэръ? недоразумѣніе! Чтò вы этимъ хотите сказать, сэръ? Судя по мушкамъ на вашемъ достопочтенномъ портретѣ, можно предположить, что у васъ недавно было какое-нибудь недоразумѣніе съ кошкой.

— Ошибаетесь, любезный другъ, съ собакой, сухо отвѣчалъ Шотландецъ, и взглянулъ на Альберта.

— Мы такъ поздно пришли, что встревожили собакъ, прибавилъ тотъ: мой другъ, обороняясь отъ нихъ, упалъ на груду камней и разшибся.

— Позвольте вамъ напомнить, сэръ Генри, о вашей подагрѣ и о дорогѣ, которую мы прошли, сказалъ въ это время ученый докторъ Рочклифъ: мнѣ тѣмъ болѣе хочется этого, что вашъ сынъ въ продолженіи всего ужина задавалъ мнѣ вопросы, которые лучше бы было оставить до завтра. Позвольте намъ отправиться на вчлегъ.

— Частныя совѣщанія въ веселой компаніи — непозволительная несообразность по правиламъ общежитія, замѣтилъ Вилдрекъ: они всегда напоминаютъ мнѣ проклятые вестминстерскіе комитеты. Но неужели мы отправимся на насѣсть, не разбудивши филина лихимъ хоромъ?

— А! капитанъ, вы умѣете ссылаться на Шекспира? вскричалъ сэръ Генри, обрадовавшись, что открылъ въ своемъ гостѣ новое привлекательное качество: хорошо! въ память веселаго Вилюшки,— котораго я, правда, никогда не видалъ, хоть и зналъ многихъ его товарищей, Оллейна, Гиммингса и многихъ другихъ, — мы споемъ пѣсню и еще выпьемъ здоровье, на сонъ грядущій.

Послѣ обыкновенныхъ споровъ насчетъ выбору, всѣ согласились наконецъ спѣть бывшую тогда въ большомъ ходу у кавалеровъ хоровую пѣсню на здравіе короля, сочиненную, какъ додозрѣвали, самимъ ученымъ докторомъ богословія Рочклифомъ. Каждый куплетъ оканчивался припѣвомъ: «Выпьемъ за здравіе короля!»

Отведя такимъ образомъ душу и окончивъ воздѣянія, общество

приготовилось разойтись. Сэръ Генри предложилъ ночлегъ и своему старинному знакомцу, и тотъ разсудилъ дѣло такъ:

— Правду сказать, мой патронъ будетъ ждать меня, въ городѣ; но, впрочемъ, онъ привыкъ къ моимъ отлучкамъ. Съ другой стороны, говорятъ, будто въ этомъ замкѣ водится нечистая сила, но при благословеніи почтеннаго пастора, я плюю на нее и на всѣ дѣла ея. Впрочемъ, я уже провелъ здѣсь двѣ ночи и ничего не видалъ. Если тогда чертей здѣсь не было, то, ужъ конечно, сэръ Генри не привелъ ихъ съ собой. Я принимаю ваше приглашеніе, сэръ Генри, и благодарю, какъ долженъ Ленсфордъ Людофдъ благодарить Оксфордскаго Писца. Да здравствуетъ король! миллионъ бомбъ! Чтò мнѣ за дѣло, кто меня подслушаетъ; провалъ возьми стараго Нолля и его красный носъ!

Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, опираясь на Джослайна, которому Альбертъ тайно приказалъ положить его подалеже отъ городскихъ покоевъ.

Альбертъ поцѣловалъ сестру и, по обычаю того времени, подошелъ подъ благословеніе отца. Пажъ его, казалось, хотѣлъ сдѣлать также, по-крайней мѣрѣ чтò касается до первой половины. Но когда онъ подошелъ къ Алисъ, она важно поклонилась и отступила на шагъ. Кенерги довольно неловко поклонился сэру Генри, и тотъ, пожелавъ доброй ночи, прибавилъ:

— Мнѣ пріятно видѣть, молодой человѣкъ, что вы по-крайней-мѣрѣ научились уважать старость. Никогда не забывайте этого, сэръ. Поступая такимъ образомъ, вы отдаете только то, чего сами пожелаете, когда будете доживать свой вѣкъ. На досугѣ, я вамъ еще кое-что скажу насчетъ обязанностей пажа. Эта должность нѣкогда была школою рыцарства, а въ послѣднее время, благодаря духу смуть, она обратилась въ упражненіе безразличности; оттого Бенъ-Джонсонъ и говоритъ....

— Батюшка, перебилъ Альбертъ, вспомните, что мы сегодня очень устали. Бѣдный другъ мой едва держится на ногахъ. Завтра онъ съ большею пользой выслушаетъ ваши наставленія. А вы, Лунсъ, исполните хоть часть вашей обязанности: возьмите свѣчу и свѣтите мнѣ. Вотъ Джослайнъ воротился; онъ покажетъ вамъ дорогу. Прощайте, докторъ; желаю вамъ спокойной ночи.

VI.

конюшій. Здравія желаю, благородный
принцъ!

Ричардъ. Спасибо, благородный перъ.
Мы упали въ цѣпь, но все еще дороги.

Шекспиръ. «Ричардъ Третій.»

Джослайвъ отвелъ Альберта и его пажа въ покой, называвшійся Испанскимъ. Это была большая комната, носившая на себѣ явныя слѣды опустошеній отъ времени. Но тутъ находилась еще большая постель для господина и походная для слуги, какъ велось въ старинныхъ англійскихъ замкахъ еще недавно, для того чтобъ гость всегда могъ имѣть своего слугу при себѣ. Стѣны были обиты кордовскимъ золоченымъ сафьяномъ съ изображеніемъ битвъ Мавровъ съ Испанцами, боя быковъ, и другихъ свойственныхъ испанскому полуострову увеселеній. Обои эти были во многихъ мѣстахъ истерты, прорваны и отставши отъ стѣны. Но Альбертъ не дѣлалъ наблюденій на этотъ счетъ: онъ торопился услатъ Джослайна, такъ, что, когда тотъ спросилъ, прибавитъ ли дровъ въ каминъ и принесть ли пѣтыя на ночь, онъ отвѣчалъ однимъ лаконическимъ «нѣтъ», и на прощанье отвѣчалъ такъ же коротко. Наконецъ лѣсничій ушелъ, не совсѣмъ довольный, правда: онъ разсуждалъ, что молодой баринъ могъ бы сказать слово-другое лѣшнее вѣрному слугѣ, послѣ такого продолжительнаго отсутствія.

Едва лѣсничій ушелъ, Альбертъ, не говоря ни слова, подошелъ къ двору, внимательно осматрѣлъ замокъ и задвижки, и тщательно все засеръ. Не довольствуясь этимъ, онъ вынулъ изъ кармана длинный желѣзный бѣгъ съ винтообразнымъ концемъ и силою ввернулъ его въ полъ подлѣ задвижки, такъ, что дверь невозможно было бы отворить, не разломавъ.

Для этой операціи Альбертъ всталъ на колѣни и кончилъ дѣло быстро и ловко, а пажъ ему свѣтилъ. Но какъ только онъ всталъ, обращеніе обожъ друзей совершенно перемѣнилось. Почтенный мистръ Лунсъ Кернеги вдругъ какъ-будто скинулъ съ себя заимствованную неуклюжесть шотландскаго недоросля и обнаружилъ пріятность и смѣлость движеній, къ каимъ могъ пріучиться только въ самомъ избранномъ обществѣ.

Онъ отдалъ Альберту свѣчу съ равнодушіемъ знатнаго чело-вѣка, который оказываетъ подчиненному милость и проситъ при томъ оказать маленькую услугу. Молодой Ли, въ свою очередь,

принялъ роль самаго почтительнаго слуги и понесъ свѣчу передъ своимъ пажемъ на другой-конецъ комнаты, подвигаясь задомъ, чтобы не оборотиться спиной. Поставивъ свѣчу на столъ, у постели, онъ почтительно подошелъ къ молодому человѣку, помогъ ему скинуть старую зеленую куртку и принялъ ее съ такою же осторожностью и вниманіемъ какъ первый камергеръ или другой придворный савояннъ снимаетъ съ короля мантию ордена Подвязки.

Молодой человѣкъ принималъ всѣ эти знаки уваженія съ приличною важностью и продолженіи минуты или двухъ, но потомъ вдругъ громко расхохотался и вскричалъ:

— Что ты, Ли, пустился въ церемоніалъ! Ты отдаешь этимъ трапкамъ честь, точно шелку и бархату съ горностаемъ, и обращаешься съ бѣднымъ Лунсомъ Кернеги точно съ государемъ Великобританіи!

— Да, ваше величество, отвѣчалъ Альбертъ, если обстоятельства в заставили меня на минуту забыть, что вы мой государь, зато я могу оказать вамъ должное уваженіе теперь, когда мы одни и когда вы находитесь въ вашемъ королевскомъ замкѣ Вудстокъ.

— Правда, отвѣчалъ переодѣтый король, государь и дворецъ не дурно подобраны: эти изодранные обои и эта затаасканная куртка какъ нельзя болѣе подь масть другъ другу. И это Вудстокъ! это волшебный замокъ, гдѣ норманскій король купался въ морѣ наслажденій съ прекрасною Розамундой Клиффордъ? Клянуся честью, это отличное сборное мѣсто для филиновъ и совъ!

Но вспомнивъ, вѣроятно, что такой презрительный тонъ могъ огорчить Альберта Ли, онъ тотчасъ же съ свойственною себѣ ласковостью прибавилъ:

— Впрочемъ, чѣмъ темнѣй и уединеннѣе это убѣжище, тѣмъ лучше для насъ, Альбертъ, и если оно похоже на гнѣздо филиновъ, — въ чемъ нельзя не признаться, — зато въ немъ родятся орлы.

Говоря такимъ образомъ онъ разлегся на креслѣ и съ примельчатѣльною безпечностью принялъ услуги Альберта, который въ эту минуту отстегивалъ ему грубыя кожаныя штиблеты.

— Вашъ отецъ, прибавилъ онъ потомъ, прекрасный образчикъ кавалеровъ стараго времени. Странно, что я прежде никогда не видалъ его. Но я не разъ слышалъ, когда мой отецъ говорилъ объ немъ какъ о цвѣтѣ стариннаго англійскаго рыцарства. Судя по тому какъ онъ принялся было учить меня, ты у него хо-

диль на короткой уздечкѣ, Альбертъ? Держу пари, что ты являлся передъ нимъ не иначе какъ со шляпою въ рукѣ.

— По-крайней-мѣрѣ я не надѣвалъ ее при немъ, ваше величество, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые молодые люди. Если бъ я это сдѣлалъ, нужно бы было имѣть очень твердую шляпу, чтобъ уберечь голову отъ желвака.

— Не сомнѣваюсь. Славный старикъ. Кажется только, что онъ держится правила — кто крѣпко любить, крѣпко бьеть. Слушай, Альбертъ; предположимъ, что славное возстановленіе совершится и, конечно, скоро, если для этого достаточно только пить за благополучное окончаніе дѣла, потому что въ этомъ отношеніи наши вѣрныя подданные никогда не упускаютъ своей обязанности... предположимъ, говорю я, что оно совершится, и твой отецъ, какъ слѣдуетъ, сдѣлается графомъ и членомъ тайнаго совѣта.... годдемъ! я буду бояться его какъ мой дѣдушка, Генрихъ-Четвертый, боялся старика Скулли. Представь себѣ, что при дворѣ у насъ будетъ какойнибудь перлъ въ родѣ прекрасной Розамунды или красавицы Габріелъ; сколько будетъ камеръюнкерамъ и пажамъ хлопотъ выпроводить такую драгоценность по потайной дѣстницѣ, когда въ прихожей послышатся шаги графа Вудстокскаго!

— Мнѣ очень пріятно видѣть веселость вашего величества послѣ такого утомленія.

— Утомленіе ничего не значить; ласковый пріемъ и добрый ужинъ совершенно достаточно вознаграждаютъ за это. Но твои родные, вѣрно, подумали, что ты привелъ къ нимъ волка изъ бадночскихъ лѣсовъ вмѣсто двуногаго съ обыкновеннымъ чемоданомъ для провизіи. Мнѣ, право, самому было стыдно за мой аппетитъ; но ты знаешь, что я двадцать-четыре часа ничего не ѣлъ, кромѣ одного сыраго яйца, которое ты утащилъ у старухи изъ курятника. Да, я краснѣлъ за свою прожорливость передъ твоимъ почтеннымъ отцомъ и этою прелестною дѣвушкой... твою сестрой-твою кузницей... кто она?

— Моя сестра, отвѣчалъ Альбертъ коротко, и тотчасъ же прибавилъ: аппетитъ вашего величества былъ очень приличен молодаго шотландскаго педоросля. Угодно теперь вашему :
ству лечь въ постель?

— Сейчасъ, отвѣчалъ Карлъ, не перемѣняя положенія: я радъ, что языку наконецъ свобода дана. Цѣлый день говорить на этомъ деревянномъ сѣверномъ нарѣчій... ужасъ!... ломать себѣ языкъ и мучиться еще, чтобъ не сказать лишняго слова; это то же что ходить подобно галерному невольнику съ осьмидесяти-фунтовымъ

адромъ у ноги: волочить его можно, но бѣжать не думай. Кстати, что жъ ты не отдаешь мнѣ заслуженной дани удивленія? Развѣ я не превосходно сыгралъ роль Лунса Кернеги?

— Если вы не шутя желаете знать мое мнѣніе, ваше величество, то я осмѣлюсь замѣтить, что выговоръ вашъ былъ уже слишкомъ грубъ для шотландскаго дворянина, и манера, можетъ быть, также. Притомъ мнѣ показалось еще, что вашъ шотландскій языкъ былъ не совсемъ чистъ.

— Не совсемъ чистъ! На тебя трудно угодить, Альбертъ. Кто жъ можетъ говорить по-шотландски чище меня? Вѣдь я десять мѣсяцевъ былъ шотландскимъ королемъ. И если я впродолженіи этого времени не научился шотландскому языку, то желаю знать, что же я тамъ выигралъ? Развѣ я не слышалъ, какъ всѣ восточныя, западныя, южныя и сѣверныя графства кричали и горлачили около меня на всѣхъ своихъ хрипящихъ и свистящихъ нарѣчіяхъ? Годдемъ! развѣ я мало слышалъ рѣчей ихъ ораторовъ, адрессовъ ихъ сенаторовъ и укоризнъ министровъ? Развѣ я не садился на кресло покаянія и не смотрѣлъ еще какъ на милость, что Мекъ Джонъ Джильспи позволилъ мнѣ принести это покаяніе въ моей комнатѣ, а не въ полномъ собраніи духовныхъ чиновъ? И послѣ всего этого ты мнѣ говоришь, что я говорю недостаточно чисто по-шотландски, чтобъ озадачить оксфордскаго кавалера и его семейство!

— Прошу васъ вспомнить, ваше величество; я началъ съ признанія, что я не судья въ шотландскомъ языкѣ.

— Полно, полно, Альбертъ; это просто зависть. У Нортонъ ты мнѣ говорилъ, что я слишкомъ любезенъ для пажа, а теперь говоришь, что я слишкомъ неуклюжъ былъ.

— На все есть мѣра; нужно только умѣть держаться ея, отвѣчалъ Альбертъ въ такомъ же тонѣ шутки, въ какомъ король нападалъ на него: напримѣръ сегодня утромъ, когда вы наряжались въ женское платье, вы, переходя черезъ первый ручей, подтянули юбки слишкомъ высоко, а когда мы подошли ко второму, хотѣли доказать, что воспользовались урокомъ, и совсемъ затоптали подолъ на воду.

— Чортъ побери женскія платья! вскричалъ Карлъ: они меня такъ обезобразили, что моей фигуры было совершенно достаточно, чтобъ навсегда вывести изъ моды всѣ юбки, корсеты и передники. Даже собаки бѣжали отъ меня. Если бъ я прошелъ черезъ какую-нибудь деревню, меня непременно выкупали бы въ

какомъ-нибудь прудѣ, какъ колдунью. Я былъ живою клеветой на прекрасный полъ. Эти кожаные штаны, конечно, не очень изящны, но по-крайней-мѣрѣ они приличны въ своемъ родѣ, и я очень радъ снова напялить ихъ. Скажу тебѣ также, любезный Альбертъ, что возвращаясь къ одеждѣ моего пола, я намѣренъ и пользоваться всѣми его преимуществами. Ты говоришь, что я сегодня былъ истиннымъ мужикомъ; зато завтра я буду съ нисей Алисой обращаться какъ прилично совершенному кавалеру. Я уже нѣсколько познакомился съ нею, когда назвалъ существомъ ея пола, и я открылъ, что въ эту сторону вѣтеръ несетъ другаго полковника, вовсе не полковника Альберта Ли.

— Ваше величество... отвѣчалъ Альбертъ, и остановился.

Ему трудно было высказать свою мысль, потому что она сопровождалась очень непріятнымъ чувствованіемъ. Король очень хорошо примѣтилъ это, однако жъ продолжалъ въ томъ же тонѣ.

— Миѣ кажется, я не хуже всякаго другаго умѣю проникать въ сердца дѣвушекъ, хотя и бываютъ такія глубокія, что самый искусный изъ насъ не измѣритъ. Разыгрывая роль ворожеи, я сказалъ твоей сестрѣ... въ томъ простодушномъ предположеніи, что дѣвушка, воспитанная въ деревнѣ, не можетъ думать ни о комъ кромѣ брата... я сказалъ ей, что она беспокоится насчетъ нѣкотораго полковника. Я говорилъ только о дѣлѣ, никого не называя по имени. Намекалъ я на тебя, но яркая краска, которую намекъ мой вызвалъ на щекахъ дѣвушки, была слишкомъ не свойственна простому братолюбію, и дѣвушка улетѣла отъ меня какъ испуганный воробей. Я прошаю ей это отъ всей души, потому что, посмотрѣвшись потомъ въ воду я сознался, что и самъ, встрѣтивъ такую фигуру, закричалъ бы огня и хворосту, чтобъ сжечь ее. Но какъ ты думаешь, Альбертъ? кто этотъ полковникъ, который завоевалъ сердце твоей сестрицы?

Альбертъ, зная образъ мыслей короля насчетъ прекраснаго пола, старался прекратить этотъ разговоръ и отвѣчалъ очень серьезно.

— Моя сестра почти вмѣстѣ выросла съ сыномъ нашего дяди съ матерней стороны, съ Меркемомъ Эвардомъ. Но какъ отецъ его и самъ онъ перешли на сторону Круглоголовыхъ, то оба семейства прекратили всѣ сношенія, и когда-то, можетъ быть, существовавшее предположеніе союза давно съ обѣихъ сторонъ забыто.

— Ты ошибаешься, Альбертъ, ты ошибаешься, возразилъ король, продолжая шутить: вы, полковники, — какими бы шаррами

ни повязывались, хоть синими, хоть раужевыми,—вы слишкомъ красивые молодцы, чтобъ можно было такъ легко забыть васъ, когда вы уже успѣли возбудить участіе. Однако не слѣдуетъ донускать, чтобъ миссъ Алиса, такая хорошенькая дѣвушка, которая притомъ такъ горячо молится за короля, долго сохранила память о фанатикѣ Круглоголовомъ. Какъ ты думаешь? Позвольшь ты мнѣ постараться, чтобъ она забыла его? Впрочемъ, мнѣ больше чѣмъ кому-нибудь нужно заботиться о сохраненіи духа вѣроподданства въ Англіи, и если я успѣю снискать расположеніе женщинъ, то приверженность ихъ любезныхъ необходимо должна скоро послѣдовать. Этому правила держался веселый король Эдуардъ.... Эдуардъ-Четвертый, ты знаешь. Графъ Варвикскій, этотъ Кромвель своего времени, нѣсколько разъ лишалъ его престола, но на его сторонѣ были сердца лондонскихъ дамъ, и добрые горожане отворили свои кошельки и жилы, чтобы возстановить его на престолѣ. Ну, что скажешь? Страхнуть ли сѣверную суровость? Заговорить ли съ Алисой природнымъ языкомъ? Показать ли ей, какъ воспитаніе и умѣнье жить вознаграждаютъ недостатки красоты въ лицѣ?

— Государь, отвѣчалъ Альбертъ съ смущеніемъ: я не ожидалъ, чтобъ ваше величество....

Онъ остановился, потому что не могъ найти для своей мысли выраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить видъ должнаго уваженія къ королю, который пользуется у него правами гостеприимства и котораго самъ онъ взялся охранять.

— Чего же мистръ Ли не ожидалъ? спросилъ король съ важностью.

Альбертъ еще попытался отвѣчать, но только и могъ произнести:

Надѣюсь, что ваше величество....

И опять остановился. Врожденная глубокая почтительность и сознаніе своего долга въ отношеніи къ королю, непытавшему столько бѣдствій, породили въ немъ опасеніе, что не сдумѣтъ выразиться довольно осторожно.

— Чего надѣется полковникъ Альбертъ Ли? спросилъ Карлъ холодно и сухо какъ прежде. Нѣтъ отвѣту? Хорошо же, я самъ, я надѣюсь, что полковникъ Ли въ пустой шуткѣ не увидитъ ничего такого, что могло бы оскорбить честь его семейства; иначе онъ сдѣлалъ бы весьма плохой комплиментъ своей сестрѣ, своему отцу и самому себѣ,—не говоря уже о Карлѣ Стуртѣ, котораго онъ называетъ своимъ королемъ. Я надѣюсь, что меня

корошо поймутъ, чтобъ не счесть способнымъ забыть, что миссъ Ли—дочь вѣрнаго слуги и теперь моего хозяина, и сестра моего вожатаго и избавителя. Полно, полно, Альбертъ, прибавилъ онъ возвращаясь къ прежнему веселому и дружескому тону: ты забываешь, что я долго жилъ въ странѣ, гдѣ всѣ мужчины, женщины и дѣти, съ утра до вечера болтаютъ о любви и любезничаньѣ, не связывая съ этимъ ничего кромѣ желанія провести время. Но и я, съ моей стороны, забылъ, что ты принадлежишь къ старинной англійской школѣ, — что ты сынъ сэра Генри Ли, сынъ по сердцу, и слѣдовательно не понимаешь шутокъ въ подобныхъ вещахъ. Не шутя и искренно говоря, Альбертъ, если я оскорбилъ тебя, извини.

Говоря это, король подаль полковнику руку. Тотъ почувствовалъ, что слишкомъ поторопился принять шутку въ важную сторону и, почтительно поцѣловавъ руку, старался извиниться.

— Ни слова больше, ни слова, сказалъ добрый король, поднимая своего вѣрнаго и смущеннаго слугу, преклонившаго колѣно: мы понимаемъ другъ друга. Ты немножко устранился славы любезника, которую я себѣ составилъ въ Шотландіи. Но увѣряю тебя, что передъ миссъ Алисой я буду такою пѣшкой какъ только можешь пожелать ты или другой полковникъ. Я приберегу всѣ мои любезности для хорошенькой субретки, которая прислуживала намъ за столомъ, — если только самъ полковникъ Альбертъ не имѣетъ ея въ виду.

— Она уже имѣется въ виду, ваше величество; это вѣрно, хотя и не у меня, а у лѣснаго Джослайна Джолифа, котораго намъ не слѣдуетъ вооружать, потому что мы уже довѣрили ему часть нашей тайны, а обстоятельства могутъ принудить и всю довѣрить. Мнѣ кажется, онъ и то уже догадывается о подлинномъ званіи Лунса Кернеги.

— О! какіе молодцы вудстокскіе кавалеры! вскричалъ король смѣясь: все забираютъ, что только есть подъ руками. Если бы мнѣ пришла фантазія, — что непременно случилось бы съ Французомъ, — шепнуть что нибудь нѣжное на ухо глухой старухѣ, которую я видѣлъ въ кухнѣ, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что и это ухо исключительно завоевано докторомъ Рочклифомъ.

— Я въ восхищеніи отъ веселости вашего величества, и не постигаю, какъ послѣ такихъ утомленій, опасностей и тревогъ, вы можете столько шутить.

— Это значитъ, камеръ-юнкеръ желаетъ, чтобы его величе-

ство отправился спать. Хорошо; еще два слова о болѣе важныхъ дѣлахъ, и я кончу. Я совершенно отдался подъ руководство тебѣ и доктору Рочклифу; по твоему требованію я бросилъ женскую одежду и нарядился пажемъ. Я своротилъ и съ дороги, которую предполагалъ себѣ изъ Гемпшира, и пришелъ искать убѣжища здѣсь. Ты всё-еще полагаешь, что это самое благоразумное дѣло?

— Я совершенно увѣренъ въ докторѣ Рочклифѣ, ваше величество. Его связи съ разбѣянными повсюду роялистами даютъ ему возможность собирать самыя точныя свѣденія обо всемъ происходящемъ. Тщеславіе, возбужденное у него обширностью его сношеній и сложностью интригъ, которыя онъ затѣваетъ для пользы вашего величества, составляетъ его пищу, его жизнь; но его ловкость и прозорливость равняется его тщеславію. Съ другой стороны, я безпредѣльно довѣряю Джолифу; объ отцѣ и сестрѣ не считаю нужнымъ говорить. Однако жъ тѣмъ не менѣе не желалъ бы, чтобъ кто-нибудь, безъ крайней необходимости, зналъ о присутствіи вашего величества.

— Но хорошо ли съ моей стороны не довѣриться сэру Генри Ли? сказалъ король задумчиво.

— Вы слышали, ваше величество, какой опасный обморокъ онъ имѣлъ вчера, вечеромъ? Не должно спѣшить сообщеніемъ ему извѣстій, которыя могутъ взволновать его.

— Правда. Но, ты думаешь, намъ нечего опасаться здѣсь посѣщенія краснокафтанныковъ? И въ Вудстокѣ и въ Оксфордѣ есть отряды.

— Докторъ Рочклифъ не безъ основанія говоритъ, что лучше сидѣть подлѣ огня, когда каминъ дымится, и что вудстокскую дожу, бывшую еще сегодня утромъ во власти парламентскихъ комиссаровъ, станутъ стеречь не такъ подозрительно какъ другія болѣе отдаленныя мѣста, гдѣ можно предполагать больше безопасности. Впрочемъ, доктору извѣстны очень важныя и любопытныя вещи насчетъ положенія вещей въ этомъ замкѣ. Они благоприятствуютъ пребыванію вашего величества здѣсь впродолженіи нѣсколькихъ дней, пока не найдется надежное судно для отъѣзду. Сперва парламентъ прислалъ сюда комиссаровъ, которыхъ здѣсь нечистая совѣсть, съ помощью, можетъ быть, нѣкоторыхъ предприимчивыхъ кавалеровъ, напугала такъ, что они съ трепетомъ убрались и, вѣрно, не желаютъ воротиться. Потому хищникъ Кромвель уступилъ этотъ замокъ полковнику Эварду, который выпросилъ только для того чтобъ возвратитъ свое-

му дядѣ и кузинѣ, а самъ остался въ городѣ Вудстокѣ для наблюденія, чтобы ихъ никто не потревожилъ.

— Какъ! полковникъ миссъ Алисы? Это не очень успокоительное обстоятельство. Предположимъ, что онъ удержитъ другихъ; но кто же ему самому помѣшаетъ найти тысячу предлоговъ пожаловать сюда?

— Докторъ Рочкливъ увѣряетъ, что уговоръ съ сэромъ Генри обязываетъ полковника Эврарда не являться безъ приглашенія. Докторъ не безъ труда убѣдилъ моего отца воротиться сюда, и то только тѣмъ, что представилъ, какія изъ того могутъ послѣдовать выгоды для вашего величества. Но будьте увѣрены, что онъ не поторопится послать приглашеніе Эврарду.

— А вы увѣрены, что Эврардъ не прійдетъ безъ приглашенія? Объ этихъ вещахъ трудно судить, когда дѣло касается до сестры. Эврардъ прійдетъ сюда, говорю я тебѣ, какъ будто влекомый четверкою лошадей. Не говори мнѣ объ обѣщаніяхъ; цѣни не удержать его. И въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, здѣсь не совсѣмъ безопасно.

— Я осмѣливаюсь думать противное, государь. Во-первыхъ, я знаю, Меркемъ Эврардъ — рабъ своего слова. Во вторыхъ, если какой-нибудь случай и заведетъ его сюда, вашему величеству не трудно будетъ сыграть передъ нимъ роль Лунса Кернеги. Съ другой стороны, хотя мы уже нѣсколько лѣтъ не имѣли почти ни какихъ сношеній, однако жъ я считаю его неспособнымъ быть предателемъ вашего величества. Наконецъ, если увижу хоть малѣйшую опасность, то, будь онъ десять разъ племянникомъ моей матери, я всажу ему шпагу въ животъ, прежде чѣмъ онъ успеетъ обдумать злодѣйство.

— Ну, еще одинъ вопросъ, Альбертъ, и тогда отпущу тебя на покой. Ты увѣренъ, что здѣсь не стануть производить ни какихъ поисковъ. Можетъ-быть; но во всякой другой землѣ, эта сказка о духахъ и привидѣніяхъ нагнала бы сюда тучу духовныхъ и судейскихъ чиновъ, для изслѣдованія дѣла, и толпу праздныхъ, для удовлетворенія любопытныхъ.

— Относительно перваго опасенія, ваше величество, мы можемъ надѣяться, что полковникъ Эврардъ не допуститъ слѣдствія, по-крайней-мѣрѣ въ первое время, чтобы не обезпокоить своего дядю; а безъ позволенія и права никто не явится. Отецъ мой съ одной стороны пользуется привязанностью многихъ здѣсь въ окрестности; съ другой внушаетъ многимъ страхъ. Наконецъ

вудстокскія привидѣнія распространили такой ужасъ, что любопытство, вѣроятно, останется въ почтительномъ отдаленіи.

— Слѣдовательно всѣ обстоятельства благопріятствуютъ нашему плану. Больше этого въ нашемъ положеніи и желать невозможно. Епископъ рекомендовалъ мнѣ доктора Рочклифа какъ одного изъ самыхъ умныхъ, предприимчивыхъ и честныхъ сыновъ англиканской Церкви, а ты, Альбертъ, представилъ мнѣ сотни доказательствъ преданности: я полагаюсь на васъ обоихъ и на ваше знаніе мѣстности. Теперь приготовь оружіе.... живаго меня никогда не возьмутъ. Впрочемъ, мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобъ сынъ англійскаго короля, законный наследникъ престола, могъ подвергнуться какой-нибудь опасности въ собственномъ своемъ дворцѣ и подъ охраною такого вѣрнаго семейства.

Альбертъ положилъ шпаги и пистолеты у королевской кровати и у своей, и Карлъ, растянувшись на постелѣ, нѣсколько разъ вздохнулъ отъ удовольствія какъ человекъ, давно уже не видавшій такого теплаго и удобнаго ложа. Онъ пожелалъ спокойной ночи своему вѣрному товарищу, который также легъ на походную постель, и оба, государь и подданный, не замедлили вкусить сладость сна.

VII.

Благодарность сэру Никласу Трелькельду! Слушай, добрый старикъ, бывшій деревомъ помощи и пріюта юному певцу, въ часъ бѣдствія; подъ твоими вѣтвями пашель онъ кровь, и могъ безопасно играть и рѣзвиться, когда ястребы гонялись за добычею.

Вордсвортъ.

Не смотря на опасность, царственный бѣглець успелъ крѣпкимъ сномъ молодости и утомленія. Не такъ спокойно провелъ ночь его проводникъ и охранитель; нѣсколько разъ онъ просыпался и прислушивался; не смотря на увѣренія доктора Рочклифа, онъ хотѣлъ самъ въ точности узнать положеніе вещей вокругъ нихъ.

Онъ всталъ на разсвѣтѣ; но какъ ни старался ходить по возможности безъ шума, Карлъ былъ слишкомъ напуганъ, чтобы не проснуться при малѣйшемъ шорохѣ. Онъ вскочилъ на постелѣ, и спросилъ, не тревога ли какая опять?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Ли: только, размышляя

о вчерашнихъ вопросахъ вашего величества, и о томъ, до какой степени безопасность ваша ограждена здѣсь отъ непредвидимыхъ случаевъ, я всталъ раньше чтобы посоветоваться съ докторомъ Рочклифомъ, и въ то же время сдѣлать обходъ, какъ слѣдуетъ въ мѣстѣ, заключающемъ въ себѣ будущее счастье Англiи. Я принужденъ буду просить ваше величество, для безопасности, собственною рукою запереть дверь за мною.

— Сдѣлай милость, не величай меня величествомъ, любезный Альбертъ, сказалъ бѣдный король, тщетно стараясь надѣть нѣкоторыя части своей одежды, чтобы пройти черезъ комнату. Когда платье короля такъ изодрано, что ему также трудно влѣзть въ него, какъ пройти Динскiй лѣсъ безъ проводника, ему, по совѣсти, надо отказаться отъ величества до тѣхъ-поръ, пока дѣла его не поправятся. Притомъ, чего добраго, такое крупное слово еще сорвется нечаянно при такихъ ушахъ, которыхъ намъ нужно остерегаться.

— Слушаю ваше величество, отвѣчалъ Ли, отворивъ наконецъ дверь, къ которой король перебѣжалъ со стыдомъ, не смѣя взглянуть на свой безпорядочный нарядъ. Альбертъ вышелъ повторяя просьбу, чтобы король замкнулъ за нимъ дверь, и не впускалъ никого, кромѣ его и доктора Рочклифа.

За тѣмъ Альбертъ отправился отыскивать комнату доктора Рочклифа, которая была извѣстна только самому доктору и вѣрному Джолифу. Она уже много разъ служила убѣжищемъ смѣлому безпокойному пастору, безпрестанно мѣшавшемуся въ неудачныя интриги въ пользу короля. Въ послѣднее время преслѣдованiя отъ враждебной партiи было прекратились, потому что Рочклифъ велъ себя осторожнѣе, и отказался отъ интригъ; но послѣ ворчестрскаго сраженiя, онъ опять зашевелился дѣятельнѣе и безпокойнѣе чѣмъ когда-нибудь; онъ-то,—черезъ друзей и сообщниковъ, въ особенности же черезъ епископа,—убѣдилъ короля бѣжать къ Вудстоку, хотя до самаго дня прибытiя не могъ ручаться за безопасность его пребыванiя въ этомъ старинномъ замкѣ.

Хотя Альбертъ Ли очень уважалъ непреклонную душу, изобрѣтательность и находчивость безпокойнаго пастора, однако жъ не безъ досады замѣчалъ, что докторъ не далъ ему средствъ отвѣчать на всѣ вопросы Карла съ ясностью, которой можно было требовать отъ того, кому было вѣрено охраненiе безопасности короля. Вотъ почему онъ шелъ теперь къ доктору, чтобы лично узнать всѣ подробности этого важнаго дѣла, какъ

сгидовало человѣку, на которомъ лежала такая огромная отвѣтственность.

Самаго его знанія мѣстности было бы недостаточно для отысканія тайныхъ покоевъ доктора, если бы ему не послужилъ руководителемъ сильный запахъ жареной дичи. Этотъ запахъ провѣлъ его разными темными корридорами, то внизъ, то вверхъ по совершенно бесполезнымъ лѣстницамъ, чрезъ люки и потаскиныя двери, въ таинственное убѣжище гдѣ Джослайвъ Джолнѣвъ готовилъ доброму доктору великолѣпный завтракъ: жареную дичь и кружку легкаго пива, настоеннаго вѣткою розмарину, которое докторъ предпочиталъ самымъ крѣпкимъ напиткамъ. Подлѣ него сидѣлъ Бивисъ, поджавъ хвостъ, облизываясь и дѣлая глазки; соблазнительный запахъ завтрака совершенно уничтожилъ его врожденную степенность.

Кабинетъ доктора Рочклифа была небольшая осьмиугольная комната, съ чрезвычайно толстыми стѣнами, въ которыхъ было построено множество ходовъ, въ разныхъ направленіяхъ, сообщавшихся съ разными частями замка. Вокругъ стѣнъ было разставлено разное оружіе, а въ одномъ углу небольшой боченокъ, какъ можно было догадаться, съ порохомъ; по столамъ кипы бумагъ и нѣсколько ключей для шифрованнаго письма; подлѣ него лежали два или три листа исписанные какими-то іероглифами, которые Альбертъ принялъ за астрологическіе гороскопы; кой-гдѣ стояли также модели машинъ, до которыхъ докторъ былъ большой охотникъ; наконецъ разнаго роду орудія, маски, плащи, глухой фонарь, и безчисленное множество другихъ необходимыхъ принадлежностей заговорщика въ смутныя времена. Въ одномъ углу стояла шкатулка, наполненная золотыми и серебряными монетами различныхъ странъ; шкатулка была открыта, какъ-будто докторъ Рочклифъ всего менѣе дорожилъ этимъ богатствомъ, хотя вообще образъ его жизни обличалъ, если не крайнюю бѣдность, то по крайней-мѣрѣ очень стѣсненныя средства. Подлѣ самой тарелки пастора лежали Библия, молитвенникъ, и нѣсколько корректурныхъ листовъ, повидимому только что вышедшихъ изъ подъ станка. Подъ рукою лежали также шотландскій книжалъ, пороховница, мушкетъ и пара хорошенькихъ карманныхъ пистолетовъ. Докторъ сидѣлъ среди этого разнаго собранія и съ рѣдкимъ аппетитомъ отправлялъ свой завтракъ, нисколько не смущаясь всѣми этими признаками опасности, какъ работникъ, привыкшій къ опасностямъ пороховаго завода.

— А, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, вставая и протягивая

Альберту руку, скажите, вы пришли раздѣлить со мною по пріятельски мою утреннюю трапезу, или разстроить ее, какъ вчерашній ужинъ неумѣстными вопросами?

— Я охотно воспользуюсь у васъ одною косточкою, отвѣчалъ Альбертъ: а потому, не прогибъвайтесь, докторъ, сдѣлаю вамъ нѣсколько вопросовъ, которые нѣтъ кажутся ни чуть не неумѣстными.

Съ этими словами онъ сѣлъ и сталъ помогать доктору улетать двухъ дюймовъ утокъ и вѣсколю штукъ мелкой дичи. Бивисъ, который съ большимъ терпѣніемъ ожидалъ очереди, получилъ свою порцію жареной говядины, составлявшей часть обильнаго завтрака; потому что, какъ высокородная и благовоспитанная собака, онъ не кушалъ водяной дичи.

— Теперь поди сюда, Альбертъ Ли, сказалъ докторъ, положи въ ножикъ и вилку, и отвязывая изъ подъ подбородка салфетку, какъ скоро Джослайнъ вышелъ: ты все еще тотъ же, что былъ прежде, когда я былъ твоимъ наставникомъ; тебѣ мало было узнать грамматическое правило, надо еще терзать меня распросами, почему это правило такъ, а не иначе; всегда тебя навело къ познаниамъ, которыхъ ты еще не могъ понимать, какъ Бивисъ облизывался на дюкую утку, которой не ѣсть.

— Надѣюсь, докторъ, что я сталъ теперь поумнѣе, отвѣчалъ Альбертъ; и прошу вспомнить въ то же время, что я уже не подъ учительскою ферулою, и нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что не могу дѣйствовать по чужой указкѣ, пока не убѣжденъ собственнымъ своимъ разумомъ. Я буду вполне достоинъ вслѣдствія, колесованія, или четвертованія, если вслѣдствіе моей неразумности въ этомъ дѣлѣ случится какое нибудь несчастіе.

— По этому то именно, Альбертъ, я желалъ бы, чтобы ты положился во всемъ на меня, безъ лишнѣхъ разсужденій. Ты справедливо говоришь, что ты уже не находишься подъ учительскою ферулою; но вспомни, что между-тѣмъ какъ ты дрался на полѣ битвы, я строилъ заговоры въ своемъ кабинетѣ, знаю всѣ комбинаціи друзей короля, и всѣ движенія его враговъ, какъ паукъ знаетъ всѣ нити своей паутины. Вспомни мою старую опытность, молодой человекъ. Нѣтъ кавалера въ Англии, который не слышалъ бы о Рочклифѣ, стропилѣ заговоровъ. Я былъ правою рукою во всемъ, что замышлялось съ сорокъ-второго году, велъ переписку, сочинялъ прокламаціи, сносился съ предводителями, набиралъ приверженцевъ, добывалъ оружіе, сби-

раль деньги, назначалъ свиданія. Я участвовалъ въ западномъ восстаніи; а передъ тѣмъ въ прошеніи купечества, въ движеніи сэра Джона Овена, въ Валлисѣ,—словомъ, почти во всѣхъ предпріятіяхъ въ пользу короля, начиная съ дѣла Томкинса и Чаллопера.

— А удалось ли хоть одно изъ этихъ предпріятій? замѣтилъ Альбертъ: развѣ Томкинсъ и Чаллоперъ не повѣшены, докторъ?

— Это такъ, мой другъ, отвѣчалъ докторъ съ важностью: и многіе другіе мои союзники повѣшены, но потому именно, что не слѣдовали безусловно моимъ совѣтамъ. Отчего меня самого не повѣсили?

— Время, можетъ-быть, не уйдетъ, сказалъ Альбертъ: ходитъ кувшинъ по воду, пока не разобьется: что поговорна скажетъ, отъ того не уйдешь, какъ говорить отецъ. Но я также имѣю нѣкоторое довѣріе къ собственному своему разуму, и какъ я ни уважаю Церковь, однако же не соглашусь на слѣпое повиновеніе. Я скажу вамъ въ немногихъ словахъ, на какіе пункты мнѣ нужно объясненіе; а отъ васъ уже будетъ зависть, дать мнѣ его, мы отвѣчать королю, что вы не хотите объяснить своихъ плановъ. Но въ послѣднемъ случаѣ, если онъ послушается моего совѣту, онъ немедленно оставитъ Вудстокъ и возвратится къ прежней своей мысли, постарается поскорѣе пробраться къ берегу.

— Если такъ, недовѣрчивое чудовище, отвѣчалъ докторъ, то дѣлай свои вопросы, и если я могу удовлетворить ихъ не измѣняя повѣренной мнѣ тайны, я буду отвѣчать.

— Во первыхъ, что значить вся эта сказка о духахъ, колдовствѣ, и привидѣніяхъ? Думаете-ли вы, что его величество можетъ оставаться въ безопасности въ домѣ, подверженномъ такъ или иначе нечистымъ дѣламъ, дѣйствительнымъ или вымышленнымъ?

— Ты долженъ довольствоваться въ этомъ случаѣ моимъ отвѣтомъ *in verbo sacerdotis*; обстоятельства, о которыхъ ты говоришь, не будутъ тревожить Вудстока во все пребываніе короля. Болѣе я тебѣ объяснить не могу, но за это отвѣчаю головою.

— Стало-быть, сказалъ Ли, мы должны довольствоваться по-рукою доктора Рочклифа въ томъ, что чортъ уговорится и не будетъ шалить въ присутствіи нашего любезнаго государя — пожалуй. Далѣе: вчера почти весь день шатался въ домѣ, а можетъ-быть и почевалъ здѣсь какой-то Томкинсъ, — отчаянный нагледецъ, и секретарь что-ли, или писецъ поганнаго пса, па-реубійцы Дизбро. Этотъ человѣкъ извѣстенъ, какъ отъявленный

изувѣрь, въ религиозныхъ мнѣніяхъ, а въ мірскихъ дѣлахъ какъ такой же пронырливый, хитрый и корыстолюбивый мерзавецъ, какъ вся ихъ братья.

— Будь увѣренъ, отвѣчалъ докторъ, что мы счумѣемъ воспользоваться его глупымъ фанатизмомъ, чтобы обмануть его злобное пронырство; ребенокъ можетъ вести свинью, если догадается привязать веревку къ кольцу, продѣтому ей въ носъ.

— Вы можете ошибиться, сказалъ Альбертъ; въ наше время много подобныхъ ему людей, у которыхъ религиозныя и мірскія понятія смотрятъ въ разныя стороны, какъ косые глаза; одинъ глазъ коситъ и не видитъ далѣе носу, а другой пронзительнѣе и зорче чѣмъ у прямого.

— Мы повяжемъ ему прямой глазъ, отвѣчалъ докторъ, и поставимъ смотрѣть однимъ косымъ глазомъ. Надо тебѣ сказать, что этому человѣку всегда являлось болѣе привидѣній чѣмъ кому-нибудь, и всегда самыя страшныя; онъ въ этомъ отношеніи трусливѣе кошки, хотя довольно храбръ противъ живыхъ враговъ. Я отдалъ его подъ присмотръ Джослайна Джолифа, который между водкою и сказкою о привидѣніяхъ обрабатываетъ его такъ, что онъ ничего не увидитъ и не услышитъ, хотя бы передъ самымъ его носомъ провозгласили возстановленіе короля.

— Положимъ, что такъ; но къ чему держать здѣсь такого человѣка.

— О, на это есть важныя причины; онъ намъ служитъ союзникомъ, чѣмъ-то въ родѣ посланника отъ своихъ достойныхъ повелителей; мы совершенно безопасны отъ всякаго вторженія, пока они воображаютъ, что знаютъ обо всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ черезъ вѣрнаго Томкинса.

— Я знаю Джослайна какъ честнаго и вѣрнаго малаго, сказалъ Альбертъ, и если онъ поручится мнѣ, что не спуститъ глазъ съ этого мошенника, то я пожалуй положусь на него. Правда, онъ не знаетъ всей важности возлагаемой на него обязанности, но достаточно будетъ сказать ему, что отъ этого дѣла можетъ зависѣть моя жизнь, и онъ не будетъ длошать. Пока все хорошо; далѣе: что если вдругъ вагрянетъ на насъ Меркемъ Эв-рардъ?

— Отъ этого охраняетъ насъ его честное слово, отвѣчалъ Рочклифъ, его честное слово, переданное намъ его другомъ.... Ты знаешь, способенъ ли онъ нарушить свое честное слово?

— Знаю, что онъ на это неспособенъ, возразилъ Эв-рардъ. Притомъ, даже если бы что-нибудь дошло до его свѣдѣнія, я

убѣжденъ, что онъ никогда не употребить его во зло.... Но все таки, храни насъ Богъ отъ необходимости повѣрить что-нибудь объ этомъ столь священномъ для насъ дѣлѣ челоуѣку, служившему подъ знаменами парламента!

— Аминь! отвѣчалъ докторъ. Что-же, всё ли твои сомнѣнiя теперь успокоены?

— Еще подозрителенъ мнѣ, сказалъ Альбертъ, тотъ безстыдный хвастунъ, что называетъ себя кавалеромъ, протерся вчера вечеромъ въ наше общество, и обворожилъ моего отца своими разсказами о брентфордской битвѣ, которой, готовъ биться объ закладъ, онъ не видалъ.

— Ты обижаетъ его, любезный Альбертъ, возразилъ Рочклифъ: Роджеръ Вилдрекъ, хотя я недавно только узналъ его имя, дворянинъ, воспитывался въ юридическомъ училищѣ, и прожилъ свое имуществу на службѣ королю.

— На службѣ дьяволу, скорѣе, сказалъ Альбертъ. Эти-то люди, которые, низшедши отъ вольности военной жизни въ праздный разгулъ бродяжничества, наполняютъ страну грабежемъ и воровствомъ, буянятъ въ грязныхъ кабакахъ и погребкахъ, гдѣ продаются крѣпкіе напитки за полночь, и своими богохульными ругательствами, буйнымъ роуализмомъ и пьянымъ мужествомъ, заставляютъ каждого порядочнаго челоуѣка стыдиться даже имени кавалеровъ.

— Къ несчастію, это правда, отвѣчалъ докторъ; но можетъ ли быть иначе? Когда высшіе, болѣе образованные классы бѣдствуютъ, и привуждены мѣшаться съ низшими сословіями, они почти всегда утрачиваютъ въ этомъ всеобщемъ смѣшеніи праву и привычекъ, лучшіе признаки своего высокаго происхожденія, — какъ горсть серебрянныхъ медалей вытирается и терлетъ свой блескъ отъ долгаго соприкосновенія съ мѣдными деньгами. Даже первая изъ всѣхъ медалей, которую мы, роулисты, такъ охотно носили бы на самомъ сердцѣ, и та, можетъ быть, не избѣжала нѣкоторой порчи.... Но пусть другіе, а не я, говорятъ объ этомъ....

Альбертъ Ли, выслушавъ объясненія доктора Рочклифа, задумался.

Докторъ, сказалъ онъ наконецъ, многіе обвиняютъ васъ въ слишкомъ неосмотрительной готовности вовлекать людей безъ всякой пользы въ опасныя затѣи....

— Богъ да проститъ тѣхъ, которые судятъ обо мнѣ такъ несправедливо! сказалъ докторъ.

— Всё однако жъ, не исключая и этихъ строгихъ судей, согласны въ томъ, что вы болѣе кого-либо изъ вашего званія, сдѣлали и пострадали для короля....

— И отдають мнѣ только справедливость, подхватилъ докторъ Рочкливъ, одну справедливость.

— Поэтому я готовъ подчиниться вашему мнѣнію, если вы, обсудивъ все обстоятельно, признаете, что намъ нѣтъ опасности оставаться въ Вудстокѣ.

— Не въ томъ вопросъ, отвѣчалъ докторъ.

— Какъ не въ томъ? сказалъ Альбертъ Ли: въ чемъ же?

— Вопросъ въ томъ, можно-ли указать на болѣе безопасный образъ дѣйствія. Мнѣ прискорбно сказать это, но оно такъ. Въ выборѣ должно искать только относительной безопасности; о безусловной, къ сожалѣнію, не можетъ-быть и рѣчи. Въ такомъ смыслѣ, я объявляю, что Вудстокъ, съ теперешними его средствами защиты и охраненія, самое надежное убѣжище, какого только можно желать.

— Довольно, сказалъ Альбертъ; я въ этомъ отношеніи полагаюсь на васъ какъ на человѣка, имѣющаго въ такихъ важныхъ дѣлахъ неравномерно большія и обширнѣйшія свѣдѣнія чѣмъ я, не говоря уже о вашихъ лѣтахъ и опытности.

— И хорошо дѣлаете, отвѣчалъ Рочкливъ; если-бы другіе руководствовались такимъ же недовѣріемъ къ собственному званію, и полагались на совѣты болѣе опытныхъ людей, не то было бы съ нашимъ вѣкомъ. Вотъ почему мудрость уединяется въ свои непроницаемыя крѣпости, и умъ удаляется на высокія свои башни. (Тутъ онъ съ видомъ самодовольствія осмотрѣлся вокругъ кельи). Мудрецъ предвидитъ грозу, и ограждается отъ нея.

— Докторъ, сказалъ Альбертъ, пусть ваша предусмотрительность оградитъ безопасность особы, которой жизнь дороже нашей съ вами.... Позвольте мнѣ еще спросить, размыслили вы, долженъ ли нашъ царственный бѣглецъ быть гостемъ въ нашемъ семействѣ, или скрываться въ какомъ-нибудь потаенномъ углу дома?

— Гмъ! отвѣчалъ докторъ съ видомъ глубокаго размышленія: я думаю, что ему безопаснѣе слыть по-прежнему Лунсомъ Керлеги, и держаться всегда около васъ....

— Я думаю, отвѣчалъ Альбертъ, что мнѣ не мѣшало бы немножко пошататься внѣ замка, показать себя въ дальнихъ концахъ провинціи, чтобы они, пришедши можетъ-быть за мною, не попали на болѣе дорогую добычу....

— Сдѣлайте милость, не перебивайте меня — держаться всегда около васъ или вашего отца, и не удаляться отъ комнаты Виктора Ли, изъ которой, какъ вы сами знаете, ему легко бѣжать въ случаѣ опасности.... Это мнѣ кажется лучше всего въ настоящее время.... сегодня же я надѣюсь получить извѣстіе о кораблѣ... не сегодня, такъ завтра, никакъ не поздиѣ.

Альбертъ Ли простился съ дѣятельнымъ, но слѣпкомъ самоудѣльнымъ старикомъ и вышелъ отъ него, дивясь, какъ эти интриги и хитрости сдѣлались для него стихією, въ которой докторъ былъ вполне счастливъ, несмотря на все, что одинъ великій поэтъ говорить о времени пытки, отдѣляющемъ составленіе заговора отъ его исполненія.

На возвратномъ пути изъ кабинета доктора Рочклифа Альбертъ встрѣтилъ Джослайна, который съ безпокойствомъ искалъ его.

— Молодой шотландскій баринъ, сказалъ онъ таинственно, всталъ и, услышавъ мои шаги за дверью, позвалъ меня въ свою комнату.

— Хорошо, отвѣчалъ Альбертъ, я сейчасъ иду къ нему.

— И потребовалъ себѣ чистаго бѣлья и платья. Онъ говоритъ, сэръ, точно будто привыкъ, чтобы всѣ ему повиновались. Я ему и подалъ пару платья, случившуюся въ гардеробѣ, что въ западной башнѣ, и вашего бѣлья; а потомъ, одѣвшись, онъ велѣлъ мнѣ вести его къ сару Генри Ли и къ барышнямъ.... Я было хотѣлъ ему сказать, сэръ, что надо подождать вашего возвращенія, но онъ подралъ меня, шута, за уши (такія у него, ей-Богу, чудныя затѣи!), и сказалъ мнѣ, что онъ у мистра Альберта Ли гость, а не плѣнникъ. Такимъ образомъ, сэръ, хотя я и боялся, что вы, можетъ-быть, будете недовольны тѣмъ, что я пускаю его шататься по дому, и чего добраго показаться на глаза людямъ, которымъ бы не слѣдовало его видѣть, — но что мнѣ было отвѣчать?

— Ты парень смѣтливый, Джослайнъ, всегда хорошо помнишь, что тебѣ приказываютъ. Молодой нашъ гость, кажется, не хочетъ слушаться ни тебя, ни меня; но мы тѣмъ усерднѣе должны наблюдать за его безопасностью.... Пожалуйста, не спускай глазъ съ этого плута секретаря.

— Ужъ положитесь на меня; на его счетъ вы можете быть спокойны.... Но я желалъ бы, чтобы молодой Шотландецъ опять надѣлъ свое прежнее платье; а то, какъ онъ надѣлъ ваше верховое, такъ и задумаешься, кто бы онъ могъ быть.

Изъ образа выраженія своего вѣрнаго слуги, Альбертъ видѣлъ,

что онъ догадывался, кто былъ въ самомъ дѣлѣ шотландскій пажъ; однако жъ онъ не счелъ нужнымъ ни подтвердить, ни отрицать его догадки, зная, что, вѣрнѣе ли онъ ему тайну исполнилъ, или предоставлялъ собственной его смѣтливости открыть ее, въ обоихъ случаяхъ могъ равно полагаться на вѣрность Джолива. Полный тревожныхъ думъ, пошелъ онъ къ покою Виктора Ли, гдѣ, по словамъ Джолива, собрался весь домъ. Положивъ руку на замкъ двери, онъ вздрогнулъ, потому что услышалъ внутри громкій и веселый смѣхъ; такъ этотъ смѣхъ былъ несогласенъ съ сомнѣнiемъ и мрачными мыслями тѣснившимися въ его душѣ. Онъ вошелъ, и засталъ отца въ чрезвычайно веселомъ расположенiи духа; старикъ хохоталъ и шутилъ съ молодымъ гостемъ, котораго наружность была такъ непохожа на вчерашнюю, что трудно было приписать эту внезапную выгодную перемену нѣсколькимъ часамъ отдыха и порядочному платью. И дѣйствительно, это обстоятельство не одно произвело благоприятную перемену, хотя не мало ей содѣйствовало. Новый парадъ Лунса Кернеги былъ вовсе не пышенъ; это было простое верховое платье изъ сѣраго сукна, обшитое серебряными галунами, какъ носили тогда провинціальныя дворяне. Но оно было ему къ лицу; сѣрый цвѣтъ и серебро хорошо вязались съ смуглымъ цвѣтомъ лица; притомъ онъ уже теперь держалъ голову прямо, и принялъ манеры не только порядочнаго человѣка, но даже привыкшаго къ самому образованному обществу. Когда онъ ходилъ, его вчерашняя неуклюжая хромота измѣнилась въ ловкую, хотя и неровную походку, которую въ тогдашнее безпокойное время можно было приписать ранѣ, и тѣмъ сдѣлать его интереснѣе. Во всякомъ случаѣ это было для знатнаго пѣшехода самое удобное средство напомнить о трудномъ путешествiи.

Черты путника были также грубы, какъ прежде; но онъ скинулъ свой неуклюжiй рыжiй парикъ; всклокоченныя черныя волосы, съ помощью Джослайна обратились въ прелестныя кудри, а прекрасныя черныя глаза, блистая изъ подъ густыхъ рѣсницъ, вполне соотвѣтствовали живому, хотя далеко не прекрасному лицу. Въ разговорѣ онъ откинулъ грубость народной рѣчи, подъ которую поддѣлывался наканунѣ, и если еще употреблялъ отчасти шотландское нарѣчiе, то не больше чѣмъ было нужно, чтобы придать своей рѣчи дорическiй оттѣнокъ, отличающiй каждаго шотландскаго дворянина. Никто не умѣлъ лучше его поддѣлываться къ обществу, въ которомъ онъ находился; изгнанiе познакомило его съ жизнью во всѣхъ ея оттѣнкахъ и превратностяхъ;

правъ его, не всегда ровный, но гибкій, былъ проникнутъ какою-то эпикурейскою философіею, которая научила его, среди величайшихъ трудностей и опасностей, ловить каждое мгновеніе снокойствія и радости, и вполне наслаждаться настоящимъ, — словомъ, въ молодости и бѣдствіи онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ впоследствии на престолѣ: любезнымъ и веселымъ, во сухихъ сластолюбомъ; былъ мудръ, пока не просыпались въ немъ страсти; щедръ, пока расточительность или предубѣжденіе не отнимали у него средствъ или желанія дѣлать добро; пороки его могли бы возбудить противъ него ненависть, еслибы не присодинялись къ нимъ такое чистосердечіе и такая любезность, что обиженному невозможно было не забыть обиды.

Альбертъ Ли засталъ все общество, то есть своего отца, сестру и мнимаго пажу за завтракомъ, и самъ сѣлъ къ столу. Но онъ былъ только задумчивымъ, безмолвнымъ зрителемъ, между-тѣмъ какъ пажъ, уже совершенно обворожившій стараго кавалера, представляя въ лицахъ какъ шотландскіе пасторы проповѣдовали въ пользу своего милостивца лорда маркиза Аргайльскаго и высокой лиги и Ковенанта, обратилъ свои усилія на прекрасную Алису, и старался занимать ее разсказами о военныхъ подвигахъ и опасностяхъ, которые еще со временъ Дездемоны всегда имѣли волшебную прелесть для женскихъ ушей. Впрочемъ бесѣда его не ограничивалась воинскими подвигами на сушѣ и на морѣ; еще охотнѣе говорилъ онъ о праздникахъ, шарахъ и балахъ въ чужихъ земляхъ, на которыхъ цвѣтъ Франціи, Испаніи или Нидерландовъ красовался передъ глазами ихъ первыхъ красавицъ. Алиса была еще очень молода и, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, провела почти всю свою жизнь въ деревнѣ, нерѣдко въ совершенномъ заточеніи; поэтому неудивительно, что она со вниманіемъ и съ улыбкою удовольствія слушала живые разсказы молодаго гостя, тѣмъ болѣе, что онъ умѣлъ искусно приплетать къ нимъ рыцарскіе подвиги и нравственныя замѣчанія, и тѣмъ придавать своей пустой и блестящей болтовнѣ болѣе серьезный колоритъ.

Словомъ, сэръ Генри Ли хохоталъ, Алиса улыбалась, и всѣ были довольны кромѣ Альберта, который однако жъ и самъ не могъ бы дать себѣ точнаго отчету въ причинѣ своей тоски.

Остатки завтрака были наконецъ убраны подъ надзоромъ бѣлокурой Фибби, которая не разъ безъ нужды останавливалась, чтобы посмотреть черезъ плечо на новаго гостя, и прислушаться къ

его бойкой рѣчи; она не востычала этой висящей перемены къ молодомъ человѣкѣ, котораго она накануне, прислуживая за ужиномъ, объявила мысленно самымъ глухимъ изъ всѣхъ гостей, когда либо входившихъ въ ворота Вудстокской Дома со времени прекрасной Розамунды.

Только когда прислуга удалилась, и шумъ отъ убирания завтрака утихъ, Лунсъ Кернеги замѣтилъ, что неприлично было ему совершенно устранять отъ разговора своего друга и названнаго господина, Альберта, и обращать на себя одного вниманіе семейства, съ которымъ еще такъ недавно познакомился. Онъ подошелъ къ Альберту сзади, и наклонившись надъ спинкою стула, сказалъ съ привѣтливою шутивостью, вспоминая показывавшаго его цѣль:

— Или мой добрый другъ, проводникъ и господинъ узналъ неприятныя вѣсти, которыхъ не желаетъ намъ сообщить, или онъ споткнулся на изодранное платье, въ которомъ я щеголялъ вчера, и заразился, отъ прикосновенія, всѣмъ запасомъ глупости, который я сбросилъ съ себя вмѣстѣ съ этимъ лохмотьемъ. Но не задумываться, любезный полковникъ Альбертъ, — если позволите своему папу такъ называть васъ, — вспомните, что вы въ кругу людей, съ которыми отроду и чужому, а вы и подавно не должны бы скучать.... Расправьте свои нахмуренныя брови.... Сколько разъ видалъ я васъ веселымъ и беззаботнымъ за черствымъ сухаремъ съ горстью болотнаго крессу.... такъ подно же унывать за стаканомъ рейнвейну и дичпою.

— Любезный Лунсъ, отвѣчалъ Альбертъ, стараюсь разогнать тоску, и стыдась своего молчанія; я не такъ спокойно' спалъ какъ вы, и всталъ раньше васъ.

— Хотя бы и такъ, подхватилъ отецъ, это нисколько не оправдываетъ твоего угрюмаго молчанія. Альбертъ, ты такъ долго не видался съ отцомъ и сестрою, которые такъ безпокоились о тебѣ, возвратился къ нимъ цѣлъ и невредимъ, находишь ихъ здоровыми, и въ первый день свиданія сидишь какъ чужой....

— Правда, батюшка, возвратился цѣлъ и невредимъ, но не долго ли; намъ, Ворчестрамъ, долго еще нельзя ручаться за свою цѣлость и невредимость. Впрочемъ, что касается до моей личной безопасности, не она меня тревожитъ.

— Чья же? Всѣ слухи подтверждаютъ, что король безопасно укрывся отъ пастей этихъ нечестивыхъ собакъ.

— Ну, не советамъ безопасно, пробормоталъ Лунсъ, вспоминая встрѣчу, сдѣланную ему накануне Бивисомъ.

— Не совѣшь безопасно, правда, отвѣчалъ старый кавалеръ; но, какъ говорить старикъ Виллюшка, «Такое священное величіе охраняеть особу государя, что измѣна не смѣетъ взглянуть на то, чѣмъ жаждетъ овладѣть». Да, благодаря Бога, о немъ уже нечего беспокоиться; онъ, наша надежда и наше счастье, спасся изъ Бристоля.... Еслибы я не зналъ этого, Альбертъ, я бы грустилъ и печалился еще болѣе тебя. Для его спокойствія, я цѣлый мѣсяцъ оставался въ этомъ домѣ, хотя зналъ, что если меня откроютъ, я заплачу за это жизнью. Это было во время возстанія лорда Голленда и герцога Букингема въ Кингстонѣ. А убей меня Богъ, если я въ этихъ грозныхъ обстоятельствахъ хоть разъ хмурилъ брови, какъ ты теперь; вѣтъ, я смѣялся надъ опасностью, какъ слѣдуетъ истинному кавалеру.

— Если вы позволите мнѣ сказать слово въ вашемъ разговорѣ, сказалъ Лунсъ, я смѣю увѣрить полковника Альберта Ли, что король лучше желалъ бы покориться своей несчастной судьбѣ, какъ бы тяжела она ни была, чѣмъ быть причиною такого безпокойства и унывія своимъ лучшимъ подданнымъ.

— Ты смѣю отвѣчаешь за короля, молодой человѣкъ! сказалъ сэръ Генри.

— Немудрено, отецъ мой былъ въ большой милости у короля, отвѣчалъ Лунсъ, вспомнивъ свое настоящее скромное званіе.

— Теперь я не удивляюсь, возразилъ сэръ Генри, что ты такъ внезапно развеселился, и вспомнилъ свое благородное воспитаніе, когда узналъ о спасеніи его величества. Ты сегодня столько же похожъ на того парня, что мы видѣли вчера вечеромъ, какъ лучшей мой охотничій конь на ломовую лошадь.

— О, отдыхъ, кормъ и уходъ много значать, сказалъ Лунсъ. Вечеромъ сходишь съ уставшей, истощенной клячи, а утромъ и не узнаешь ее, когда она, отдохнувъ и подкрѣпивъ силы, ржетъ и зангрывается и готова опять понестись.... особенно если въ ней есть капля хорошей крови.... кровная лошадь мигомъ поправится.

— Правда, отвѣчалъ сэръ Генри. Но если твой отецъ былъ при дворѣ, и ты, вѣроятно, около него что-нибудь узналъ, такъ расскажи намъ что-нибудь, мистръ Кернеги, о томъ, о комъ мы никогда не паслушаемся, о нашемъ любезномъ королѣ; мы здѣсь одни, въ дружеской бесѣдѣ, бояться нечего; ни кто сору изъ дому не вынесетъ. Юношей подавалъ онъ большія надежды; надѣюсь, что распустившійся цвѣтъ общается теперь богатымъ плодъ?

При этихъ словахъ старика Луисъ потупилъ глаза, и сначала не зналъ, по видимому, что отвѣчать. Но обладая удивительнымъ даромъ выпутываться изъ подобныхъ затрудненій, онъ скоро нашелся, и отвѣчалъ, что съ его стороны было бы дерзостью говорить объ этомъ предметѣ въ присутствіи своего господина, полковника Альберта Ли, который несравненно лучше его могъ судить о характерѣ короля Карла.

Сэръ Генри и Алиса пристали къ Альберту, чтобы онъ описалъ имъ характеръ его величества.

— Я буду судить по однимъ фактамъ, сказалъ Альбертъ; въ противномъ случаѣ меня можетъ-быть стали бы подозрѣвать въ пристрастіи. Еслибъ король не былъ одаренъ предпримчивымъ духомъ и воинскимъ искусствомъ, онъ никогда не задумалъ бы шорчестрской экспедиціи; еслибъ не имѣлъ личной храбрости, онъ не оспаривалъ бы сраженія такъ долго, что самъ Кромвель уже считалъ его потеряннымъ. Всѣ обстоятельства, сопровождавшія его бѣгство, свидѣтельствуютъ о его твердости и предусмотрительности; притомъ онъ умѣлъ спускать любовь своихъ подданныхъ, это видно изъ того, что хотя, вѣтъ сомнѣнія, многіе узнали его, никто однако же до-сихъ-поръ не выдалъ.

— Полно, Альбертъ, возразила Алиса: такъ ли долженъ вѣрный кавалеръ прославлять характеръ своего короля? прилагая примѣръ къ каждому признаваемому въ немъ качеству, какъ купецъ отмѣриваетъ полотно аршиномъ?... Стыдись!... не мудроно что васъ разбили, если вы также холодно сражались за короля, какъ ты теперь о немъ отзываешься.

— Я старался, какъ умѣлъ, начертать образъ того, что я видѣлъ и зналъ въ дѣйствительности, любезная Алиса, отвѣчалъ Альбертъ. Если ты желаешь идеальнаго портрета, отъищи художника, одареннаго болѣе пылкимъ воображеніемъ.

— Я сама буду этимъ художникомъ, сказала Алиса: въ моемъ портретѣ государь нашъ явится, чѣмъ долженъ быть тотъ, кто имѣетъ такое высокое притязаніе,—и чѣмъ онъ долженъ быть по своему высокому происхожденію,—чѣмъ, я увѣрена, каждое вѣрное сердце въ его королевствѣ должно считать его.

— Славно сказано, Алиса! подхватилъ отецъ. Посмотримъ на тотъ и на другой портретъ! молодой нашъ гость будетъ судьей. Готовъ биться объ закладъ о лучшей моей лошади... то есть если бы у меня еще были лошади... что Алиса перещеголяетъ брата въ живописи. У сына моего, кажется, еще туманъ въ головѣ,

съ пораженія... еще не вывѣтрилъ изъ нея ворчестрскаго дыму... Стыдно, любезный! еще молодой человѣкъ, а повѣсилъ носъ отъ одного пораженія. Добро бы тебя поколотили двадцать разъ, какъ меня; тогда бы другое дѣло... было бы съ чего задуматься!... Но продолжай, Алиса, краски готовы на палитрѣ... создай намъ что-нибудь такое, что похоже было бы на живые портреты Вандейка, рядомъ съ сухимъ, безжизненнымъ изображеніемъ нашего предка Виктора Ли.

Алиса, воспитанная отцомъ въ строгихъ, даже преувеличенныхъ понятіяхъ о рыцарской преданности, которыми отличались кавалеры, была обрадована счастливымъ возвращеніемъ брата, и желала продлить веселое настроеніе духа своего отца, котораго въ послѣднее время рѣдко видала веселымъ.

— И такъ, начала она, хотя я не Апеллесъ, однако же постараюсь изобразить Александра, какимъ я надѣюсь, и убѣждена, онъ является въ лицѣ нашего сверженнаго короля, которому Богъ да пошлетъ скорое торжество надъ врагами. Я не выйду изъ его собственнаго рода. Въ немъ должны воскреснуть рыцарское мужество и военная доблесть его дѣда Генриха, короля французскаго; съ помощью ихъ онъ снова взойдетъ на свой престолъ; его же щедрость и добродушіе, его любовь къ народу, готовность принести свои собственные желанія и удовольствія въ жертву общему благу, чтобы его всѣ благословляли въ живыхъ и долго помнили въ мертвыхъ, чтобы по прошествіи многихъ вѣковъ считалось святотатствомъ сказать дурное слово о престолѣ, имъ занимаемомъ! И много лѣтъ спустя послѣ его смерти, пока будетъ живъ хоть одинъ старикъ, выдавшій его, и хотя бы тотъ современникъ его былъ простой слуга или поденщикъ, государство возьметъ его старые годы на свое попеченіе и на его сѣдые волосы будутъ смотрѣть съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ на графскую корону, потому что онъ помнитъ Карла Втораго, монарха всѣхъ сердецъ въ Англіи.

Пока Алиса говорила, она едва замѣчала присутствіе отца и брата, — пажъ нѣсколько удалился отъ собесѣдниковъ, такъ, что нечему было напоминать ей о немъ; поэтому она дала полную свободу своему энтузіазму, слезы блистали въ ея глазахъ, черты прекраснаго лица вдохновились... она была точно ангелъ, сошедшій съ неба, чтобы прославлять великія добродѣтели любезнаго своему народу государя. Тотъ, кого всѣхъ болѣе интересовало это описаніе, какъ мы уже сказали, отошелъ въ сторону, и

старался скрыть лицо, но такъ, чтобы не упустить ни одного движенія прекрасной прорицательницы.

Альбертъ Ли былъ въ смущеніи, и не зналъ, что дѣлать; но отецъ, видѣвшій въ восторженныхъ словахъ дѣвушки выраженіе собственныхъ своихъ чувствъ, былъ внѣ себя отъ восхищенія.

— Хорошо, Алиса, сказалъ онъ: это о королѣ; а что ты скажешь о человѣкѣ?

— О человѣкѣ? продолжала Алиса тѣмъ же голосомъ: чего мнѣ еще желать ему, какъ не отеческихъ доблестей его несчастнаго родителя, о которомъ самые неустовые враги говорили, что если бы вѣнецъ давался за нравственные добродѣтели и религіозную вѣру, никто не могъ бы имѣть на немъ болѣе неоспоримыхъ правъ. Воздерженъ, мудръ, бережливъ,—но щедръ въ награжденіи заслугъ,—покровитель наукъ и искусствъ,—но строгій каратель злоупотребленія этихъ даровъ,—доблестный дворянинъ, кроткій властитель, вѣрный другъ, нѣжный отецъ, добрый христіанинъ....

Тутъ голосъ ея задрожалъ; сэръ Генри давно уже закрылъ глаза платкомъ.

— Все правда, дочь, все правда! вскричалъ онъ: но будетъ, дочь; ради Бога, не продолжай; да ниспошлетъ Богъ сыну его тѣ же добродѣтели, но лучшихъ совѣтниковъ, и болѣе счастливую судьбу, и онъ будетъ всѣмъ, къ чему могутъ стремиться самыя пламенные, самыя выпрепнія желанія.

За этимъ послѣдовало продолжительное молчаніе. Алиса чувствовала, что высказала свою мысль слишкомъ откровенно, и слишкомъ пламенно для своего пола и лѣтъ; сэръ Генри погрузился въ печальныя размышленія о судьбѣ покойнаго короля, а Кернеги и его мнимый господствъ стояли въ смущенія, можетъ-быть отъ невольнаго сознанія, какъ непохожъ былъ настоящій Карлъ на образъ начерченный такими блестящими красками. Бываютъ случаи, когда преувеличенная, или незаслуженная хвала дѣлается самою язвительною сатирою.

Но такія размышленія не могли быть пріятны человѣку, который могъ въ нихъ видѣть тайный укоръ. Онъ принялъ насмѣшливый тонъ,—лучшее средство, можетъ-быть, укрываться отъ голосу совѣсти,—и сказалъ:

— Каждый кавалеръ долженъ бы на колѣняхъ благодарить миссъ Алису Ли, за начертаніе такого лестнаго портрета короля, въ которомъ она соединила достоинства всѣхъ его предковъ; жаль только, что она умолчала объ одномъ пунктѣ,

который не долженъ бы укрыться отъ вниманія портретисти. Если она сдѣлала это, по праву наслѣдства по дядѣ и отцѣ, образцомъ всѣхъ царственныхъ и личныхъ достоинствъ, зачѣмъ не дала она ему вышней красоты его матери? Почему бы сыну Генриетты Марин, первой красавицы своего времени, не присоединить къ своимъ душевнымъ достоинствамъ пріятнаго лица? Онъ имѣлъ на него такое же наслѣдственное право, какъ и на нравственные богатства: картина же была бы съ этимъ прибавленіемъ, своего роду совершенствомъ, и дай Богъ, чтобы она могла имѣть сходство съ подлинникомъ!

— Понимаю, мистръ Кернеги, сказала Алиса, но я не волшебница, чтобы давать, какъ въ дѣтскихъ сказкахъ, дары, отличающіе Провидѣніемъ. Какъ женщина, я не могла не справиться съ этимъ, и знаю по общей молвѣ, что король, хотя и сынъ родителей, отличавшихся наружною красотой, очень обиженъ въ этомъ отношеніи природою.

— Помилуй, помилуй, сестра! сказалъ Альбертъ, вскочивъ съ катервѣніемъ со стула.

— Да не ты ли самъ говорилъ мнѣ? возразила Алиса, изумленная его волненіемъ, и еще говорилъ....

— Это изъ рукъ вонъ! пробормоталъ Альбертъ.... Мнѣ надо немедленно отдать приказаніе Джослайну.... вы, вѣроятно, поймете со мною Лунсъ, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Пошелъ бы отъ всего сердца, отвѣчалъ Кернеги, съ лукавою улыбкою, но вы видите, что я еще страдаю своею хрипотою.... Помилуй, Альбертъ, продолжалъ онъ шопотомъ, противясь усиліямъ молодого Ли увести его изъ комнаты: неужели ты думаешь, что я могу этимъ обидѣться?.... Напротивъ, мнѣ очень хочется воспользоваться урокомъ.

— Дай-то Богъ, сказалъ Ли про себя: это будетъ въ первый разъ, что онъ воспользуется урокомъ.... Чортъ бы подралъ проклятыхъ заговорщиковъ, заставившихъ меня привезти его сюда!

Съ этими словами онъ вышелъ разогнать свою досаду въ паркѣ.

VIII.

Тамъ, говорятъ, онъ каждый день водится съ разгульными пріятелями; и, молодой, легкомысленный, извѣженный мальчишка, онъ считаетъ долгомъ чести поддерживать эту развратную ватагу.

Шекспиръ «Ричардъ Второй».

Беседа, которую Альбертъ тщетно пытался прервать, продол-

жалась по выходѣ его въ прежнемъ духѣ. Она очень забавляла Луиса Кернеги; къ его порокамъ нельзя было причислить ни тщеславія, ни излишней обидчивости къ заслуженнымъ порицаніямъ; и въ самыхъ дѣлѣ, этихъ слабостей невозможно бы согласить съ такимъ умомъ, который, при болѣе твердыхъ нравственныхъ началахъ, при болѣе твердости и дѣятельности и не столь сильнымъ эгоизмѣ, поставилъ бы Карла въ число самыхъ великихъ англійскихъ государей. Съ другой стороны, сэръ Генри съ восхищеніемъ слышалъ такія благородныя рѣчи въ устахъ своей возлюбленной дочери. Природа дала ему свойства болѣе энергическія, чѣмъ блестящія; и воображеніе его возбуждалось только вліяніемъ другаго, какъ колесо электрической машины заряжается только отъ тренія подушекъ. По-этому ему пріятно было, когда Кернеги продолжалъ разговоръ, замѣтивъ, что миссъ Алиса Ли не объяснила, какимъ образомъ добрая волшебница, надѣлившая короля столькими нравственными достоинствами, не могла уничтожить въ немъ тѣлесныхъ недостатковъ.

— Вы ошибаетесь, сэръ, отвѣчала Алиса. Я ни чѣмъ его не надѣляю; я пыталась только изобразить нашего короля такимъ, какимъ я желала бы видѣть его, и какимъ онъ можетъ быть, я въ этомъ убѣждена, если только онъ захочетъ. Общая молва говорить, что наружность его не привлекательна; но та же молва говорить, что онъ одаренъ самыми рѣдкими способностями. Слѣдовательно, ему даны средства достигъ совершенства, если онъ будетъ благоразумно развивать и направлять эти способности. Не каждому доброму человѣку дано быть умнымъ; но каждый умный человѣкъ, если захочетъ, можетъ столько-же отличаться добродѣтелями, какъ и умомъ.

Кернеги вдругъ всталъ, и прошелся по комнатѣ; но прежде, чѣмъ сэръ Генри успѣлъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе на эту необычайную живость, онъ уже опять сѣдѣлъ на своемъ стулѣ, и сказалъ, нѣсколько измѣнившимся голосомъ:

— Миссъ Алиса! кажется, пріятеля, описывавшіе вамъ бѣднаго короля, также неблагопріятно отзывались о его нравственности, какъ и о наружности?

— Вамъ истина должна быть лучше извѣстна, чѣмъ мнѣ, сказала Алиса. Носилась нѣкоторые слухи, обвинявшіе его въ распутствѣ, которое, — что бы ни говорили льстецы въ оправданіе его, — недостойно сына мученика. Мнѣ будетъ очень пріятно, если кто-нибудь докажетъ ложность этихъ слуховъ.

— Дивлюсь я твоей глупости, сказалъ сэръ Генри Ли; можно

ли вѣрить этимъ клеветамъ, распущеннымъ подлыми хищниками, которые завладѣли управленіемъ; клеветамъ, выдуманымъ врагами?

— Нѣтъ, сэръ, возразилъ Кернеги смѣясь: не должно, въ пылу ревности къ королю, взваливать на врага клеветы, въ которыхъ онъ не повиненъ. Миссъ Алиса предложила вопросъ мнѣ. Я могу только отвѣчать, что ни кто не можетъ быть болѣе преданъ королю, чѣмъ я, — что я чрезвычайно пристрастенъ къ его хорошимъ свойствамъ, и слѣпъ къ недостаткамъ, и что, словомъ, я послѣдній изъ людей откажусь защищать его, пока есть возможность ~~эго~~. Не смотря на то, я долженъ согласиться, что если король не наследовалъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ своего наваррскаго дѣда, то на бѣдняжку перешла добрая доля тѣхъ слабостей, которыя, говорятъ, затмѣвали величіе великаго государя. Правда, что Карлъ немножко легкосердеченъ, когда дѣло идетъ о красотѣ.... но не судите его слишкомъ строго, прекрасная миссъ Алиса; когда злая судьба бросила человѣка среди терніевъ, жестоко было бы не позволять ему наслаждаться немногими розами, которыя онъ найдетъ между ними.

Алиса, находя вѣроятно, что разговоръ зашелъ слишкомъ далеко, встала и вышла изъ комнаты не дождавшись конца рѣчи мистра Кернеги, и не выслушавъ вопроса, которымъ онъ ее заключилъ. Отцу ея также не совсѣмъ правился оборотъ, который Кернеги далъ бесѣдѣ, и онъ былъ доволенъ выходомъ дочери. Желая учтиво прекратить разговоръ, онъ сказалъ:

— Кажется, хозяйственныя дѣла принудили дочь оставить насъ; по этому я предложу вамъ, молодой человѣкъ, чтобы расправить члены, пофехтовать со мною, на однихъ рапирахъ, на рапирѣ и кинжалѣ, на шпагахъ, на эспадронахъ, или хоть на вашемъ отечественномъ оружіи, палашахъ и щитахъ; любое изъ этихъ оружіи вы найдете у меня въ прихожей.

Мистръ Кернеги отвѣчалъ, что ему, бѣдному пажу, будетъ слишкомъ лестно попытать свое искусство въ фехтованіи съ такимъ знаменитымъ бойцомъ, какъ сэръ Генри Ли, и что онъ надѣется имѣть эту честь, прежде чѣмъ уѣдетъ изъ Вудстока; но что въ настоящее время нога его еще въ такомъ плохомъ состояніи, что онъ только осрамилъ бы себя.

Тогда сэръ Генри предложилъ прочесть ему какую-нибудь трагедію Шекспира, и выбралъ «Короля Ричарда Второго». Но едва онъ успѣлъ прочесть первый стихъ, какъ собесѣдника его схватили такіа корчи, что онъ принужденъ былъ немедленно

расходить ноги. По этому онъ проситъ членъ не поднимать голоса вокругъ Ложь, если сэръ Генри не имѣетъ союзомъ съ лѣсоопаснымъ.

— Я могу ручаться за неизвѣстную, ~~она вылетѣла изъ~~ ~~руки~~ ~~и~~ ~~сказала~~ ~~сэръ~~ ~~Генри~~, и знаю, что сынъ мой приказалъ ей неусыпно наблюдать за вѣнцомъ безотаченности. Если услышите колоколь въ Ложь, то совѣтую, ~~ей~~. Она была медленно домой мимо королевскаго дуба; что ~~было~~ ~~оно~~ ~~молодежь~~, ~~дѣлѣ~~, и возвышается надъ другими деревьями. Я: Седла и другого-нибудь, чтобы тайно выустить васъ въ замокъ, свой въкъ и

Молодой пажъ слушалъ эти предостереженія съ нетерпѣливостями шельника, который жаждетъ насладиться праздникомъ, и слушаетъ безъ вниманія наставленія дядьки или родителей о томъ, какъ должно беречься отъ простуды, и о томъ подобныхъ вещахъ.

Отсутствіе Алисы Ли лишило Вудстокскую Ложу всей ея прелесть и нетерпѣливый пажъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ развлеченія, предложеннаго сэромъ Генри. Онъ прицѣпился шнагу, накинулъ плащъ, принадлежавшій къ его заемному платью, и закрылъ имъ лицо до самыхъ глазъ; это не могло ни кому показаться страннымъ или подозрительнымъ, потому что въ то время очень многіе носили плащи такимъ образомъ, и въ городахъ и въ деревнѣ, или когда не желали чтобы ихъ кто-нибудь узналъ, или для того чтобы избавиться отъ необходимости отвѣчать на поклоны и привѣтствія. Кернеги перебѣжалъ черезъ лужайку, отдѣлявшую фасадъ Ложь отъ лѣсу, съ торопливостью птицы, только что вырвавшейся изъ клѣтки и среди радости освобожденія понимающей, что ей нуженъ покровъ и пріютъ. Лѣсъ представлялъ вѣрное убѣжище нашему бѣглецу, какъ и птичкѣ.

Достигши лѣсу, въ которомъ онъ былъ защищенъ отъ лишнихъ глазъ, и въ то же время не терялъ изъ виду Ложь и открытаго пространства передъ нею, Лумсъ Кернеги сталъ размышлять о своемъ побѣгѣ.

— Что за наказаніе «ехтовать» съ старымъ подарникомъ, который, я думаю, не знаетъ ни одного новаго приему со временъ Винченца Савіоло! или еще хуже, выслушать одно изъ тѣхъ сборищъ сценъ, которые въ Англіи называютъ драмами, отъ пролога до эпилога, отъ «выхода перваго» до «всѣ уходятъ» — теснота, отъ которой и тюрьма станеть въ десятеро нестерпимѣе и даже Вудстокъ еще скучнѣе.

нѣтъ дворянскаго дому, котораго каждый членъ не подиалъ выше носу, если можетъ похвастать такимъ союзомъ съ лѣвой руки съ великимъ монархомъ.

Такия мысли тѣснились въ умѣ Карла, когда онъ вышелъ изъ вудстокской Ложи, и углубился въ окружавшій ее лѣсъ. Впрочемъ эта безправственная логика не была ему врожденна, и даже не безъ борьбы утвердилась въ его здоровомъ умѣ. Она была плодомъ его дружбы съ остроумною и развратною молодежью, которою онъ былъ окруженъ: Вилье, Вильмота, Седлея и другихъ повѣсь, которые умомъ своимъ развратили свой вѣкъ и своего государя, кмѣвшаго въ свою очередь такое вредное вліяніе на общественныя нравы. Воспитанные среди разгута междоусобной войны, не зная благодѣтельнаго вліянія родителей или родственниковъ, заставляющаго обуздывать молодые страсти, эти люди рано познакомились со всѣми пороками, и проповѣдывали ихъ словомъ и примѣромъ, поднимая на смѣхъ болѣе благородныя чувства, удерживающія людей отъ удовлетворенія своимъ низкимъ страстямъ. Обстоятельства жизни короля приготовили его къ принятію этого эпикурейскаго ученія. Имѣя полное право на участіе и помощь, онъ встрѣчалъ одну холодность прииностранныхъ дворахъ, которые принимали его скорѣе какъ терпимаго просителя, а не какъ изгнаннаго монарха; видѣлъ во всѣхъ равнодушіе и презрѣніе къ своимъ правамъ, и примирялся съ холоднымъ, себялюбивымъ распутствомъ, потому что оно представляло ему минутное удовольствіе. Если это удовольствіе покупалось цѣною счастья другихъ, какое же было ему дотога дѣло? и почему не поступать съ другими, какъ другіе поступали съ нимъ самимъ?

Но, хотя въ немъ уже было положено основаніе этому несчастному образу мыслей, однако же въ то время, къ которому относятся нашъ разсказъ, онъ еще не былъ тѣмъ, чѣмъ явился, когда внезапно открылся путь къ возвращенію его на престолъ. Напротивъ того, хотя приведенныя нами размышленія и представилсь его уму, какъ самыя согласныя съ ученіемъ его обычныхъ совѣтниковъ, однако онъ вспомнилъ, что то, на что во Франціи или Нидерландахъ смотрѣли бы, можетъ быть, какъ на шалости, или что его кочующій дворъ обратилъ бы въ забавную повѣсть или сатиру, то между авглійскимъ провинціальнымъ дворянствомъ могло почесться неблагогодарностью и предательствомъ, и нанести сильный, можетъ быть неисцѣлимый ударъ его вліянію въ умахъ пожилыхъ и самыхъ надежныхъ его при-

верженцевъ. Потомъ онъ разсудилъ, — потому что онъ и при этомъ взглядѣ на вещи, не терялъ изъ виду своихъ выгодъ, — что оба Ли, отецъ и сынъ, слыли людьми очень строгими во всемъ, что касалось ихъ чести, и что если бы они стали подозревать замышляемое имъ оскорбленіе, имъ не трудно было найти средство отмстить оскорбителю, своими ли руками или руками торжествующей партіи.

— Опасность вторично отворить вайтгольское окно, и возобновить трагедію замаскированного человѣка, заключилъ онъ, страшѣе древней шотландской скамьи покаянія; и какъ ни хороша Алиса Ли, я не могу заводить интриги подъ такимъ страхомъ. Такъ прощай обворожительная дѣвушка! развѣ, какъ бывають примѣры, ты сама вздумаешь броситься къ ногамъ своего короля.... тогда я столько великодушенъ, что не откажу тебѣ въ покровительствѣ.... И то вѣтъ.... когда я вспомню блѣдное, холодное какъ смерть лицо старика, какъ онъ лежалъ передо мною вчера вечеромъ.... когда подумаю о негодованіи и отчаяніи Альберта Ли.... представляю его себѣ съ рукою на рукояти меча, котораго рыцарская вѣрность не позволяетъ вонзить въ грудь короля.... вѣтъ, эта картина слишкомъ ужасна!... Карлъ долженъ навсегда переименоваться въ Юсофы, какъ бы ни слабо было обольщеніе; отъ чего да сохранить меня судьба!

Сказать правду, Карлу тѣмъ легче было принять такое благоумное намѣреніе, что онъ не звалъ тѣхъ сильныхъ, все низверзающихъ страстей, для которыхъ весь свѣтъ погибай, только бы онѣ были удовлетворены. Для него любовная интрига, какъ часто бываетъ въ наше время, была болѣе дѣломъ привычки и тщеславія, чѣмъ любви; и когда онъ сравнивалъ себя въ этомъ отношеніи съ Генрихомъ-Четвертымъ, онъ не отдавалъ справедливости ни себѣ, ни дѣду. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на пріятное препровожденіе времени, на забаву, на естественное слѣдствіе обыкновеннаго порядка вещей въ обществѣ. Онъ не утруждалъ себя всѣми хитростями науки волокитства, потому что рѣдко имѣлъ въ нихъ нужду; высокій санъ и нестрогость окружающихъ его женщинъ, избавляли его отъ этого труда. Притомъ, онъ по тѣмъ же причинамъ рѣдко встрѣчалъ преграду въ строптивомъ вмѣшательствѣ родственниковъ и даже мужей, которые по большей части казались готовыми смотрѣть на эти вещи сквозь пальцы.

Такимъ образомъ, не смотря на шаткость своихъ нравственныхъ началъ и на невѣріе въ женскую добродѣтель и въ муж-

ея понятія о чести, когда дѣло идетъ о добромъ имени ихъ родственницъ, Карлъ былъ неспособенъ обдуманно замышлять безчестіе семейства, когда предвидѣлъ что торжество будетъ сопряжено съ затрудненіями и съ сильною борьбою и породитъ общее горе и бѣдствіе для озоренныхъ; не говоря уже о томъ, когда оно могло имѣть болѣе опасныя послѣдствія для самаго виновника.

Но общество короля было тѣмъ не менѣе опасно; потому что онъ не вѣрилъ возможности такихъ случаевъ, когда бы его любовная интрига могла имѣть горестную развязку, или вслѣдствіе собственнаго раскаянія главной жертвы, или вслѣдствіе оскорбленной чести ея родственниковъ. Онъ уже видалъ примѣры, на твердой землѣ, что на эти вещи смотрѣли какъ на самое обыкновенное дѣло, кончавшееся всегда полюбовно, какъ скоро тутъ запутывался человѣкъ съ вѣсомъ. Словомъ, онъ былъ совершенный скептикъ въ отношеніи къ строгости добродѣтели, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ полѣ; и смотрѣлъ на нее, какъ на лецеярную завѣсу, которую тотъ и другой надѣваютъ для того, чтобы дороже продать свое снисхожденіе.

Между тѣмъ какъ мы разсуждаемъ о характерѣ его волокитства, ситалець, пройдя множествомъ изворотовъ, въ которые завела его избранная имъ аллея, очутился наконецъ подъ окнами покоя Виктора Ли; Алиса поливала и очищала цвѣты, стоявшіе на окнѣ, въ которое, казалось; такъ легко было войти днемъ, хотя ночью онъ нашелъ это не совсѣмъ безопаснымъ подвигомъ. Но Алиса была не одна; скоро и отецъ ея показался у окна, и звалъ мистра Кернеги въ замокъ. Общество хозяевъ показалось теперь бѣглому принцу занимательнѣе прежняго; къ тому же ему надоѣло играть въ мячи съ своею совѣстью, и онъ рѣшился предоставить будущее на произволъ судьбы.

Онъ безъ труда взобрался по изломанной лѣсенкѣ, и былъ встрѣченъ очень радушно старымъ кавалеромъ, который очень цѣнилъ ловкость въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Алиса, казалось, также была очень довольна прибытіемъ живаго и разговорчиваго молодого человѣка. Ободряемый ея присутствіемъ и непринужденною веселостію, онъ далъ волю своему оригинальному остроумію и шутливости, въ которыхъ ни кто не могъ съ нимъ поспорить.

Его сатирическій умъ восхищалъ сэра Генри; старикъ хотѣлъ до слезъ, когда юноша, о высокомъ санѣ котораго ему и не случилось, забавлялъ его, представляя въ лицахъ попеременно то шотландскаго пресвитеріанскаго пастора, то нищаго но гордаго сѣ-

вернаго гдальго, непокорнаго и надменнаго горнаго вождя, съ его политическимъ нарѣчіемъ, или медлительнаго, увѣснстаго жителя Подгорья. Долгое пребываніе въ Шотландіи познакомило Карла со всѣми этими типами. Алнса также смѣялась отъ души; въ особеннсти восхлщала ее веселость отца. Словомъ, всѣ были въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, когда вошелъ Альбертъ Ли, и вызвалъ Люнса Кернеги на тайное совѣщаніе съ докторомъ Рочклиномъ, который своею ревностью, дѣятельностью и удивительнымъ знаніемъ всѣхъ тайныхъ пружинъ, сдѣлался главнымъ лодманомъ во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Безполезно было бы знакомить читателя со всѣми подробностями ихъ совѣщанія. Полученныя докторомъ вѣсти были съ одной стороны благоприятны; врагъ по видимому не имѣлъ никакого извѣстія о бѣгствѣ короля къ югу, и былъ увѣренъ, что онъ бѣжалъ за границу черезъ Бристоль, какъ носились о томъ слухи, и какъ дѣйствительно сначала предполагалось. Другая вѣсть была не такъ радостна; шкиперъ корабля, приготовленнаго для короля, струслилъ и отплылъ, недождавшисъ своего царственнаго пассажира. Впрочемъ, его внезапное отплытіе, и подозрѣніе о веденныхъ съ нимъ переговорахъ утверждало всѣхъ въ мнѣніи, что король отплылъ съ нимъ.

Это было еще довольно утѣшительно; но докторъ получилъ другія, еще болѣе непріятныя вѣсти съ берегу: ему говорили о трудности напать корабль и найти шкипера, которому можно бы поручить такого драгоценнаго пассажира. Болѣе же всего убѣждала его величество не приближаться къ берегу ни подъ какими предлогами, до тѣхъ поръ, пока его не извѣстятъ, что всѣ мѣры приняты, и все окончательно улажено въ его отплытію.

Никто не могъ предложить королю убѣжища безопасноѣ того, гдѣ онъ находился. Полковникъ Эврардъ, по общему мнѣнію, не имѣлъ ни какой личной вражды противъ короля; а Кромвель имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе. Въ замкѣ было множество потаенныхъ убѣжищъ и выходовъ, извѣстныхъ однимъ старожиламъ Ложи; многія даже зналъ одинъ докторъ Рочклинъ, потому что, когда онъ былъ ректоромъ въ сосѣднемъ городѣ, его антикварская страсть побудила его къ безчисленнымъ разысканіямъ въ старинныхъ развалинахъ; результатъ же этихъ разысканій, какъ подозрѣвали, онъ во многихъ случаяхъ сохранилъ для себя одного.

Противъ этихъ удобствъ можно было, правда, возразить, что комиссары парламента были еще не далеко, и что они готовы

были снова приняты за дѣло, какъ скоро представится къ тому случай. Но никому не казалось вѣроятнымъ, чтобы такой случай могъ представиться. Напротивъ, всѣ думали, что, видя безпрепятственное усиленіе власти Кромвеля и вліянія войска, обиженные комиссары не предприняли бы ничего противнаго его волѣ, а будутъ терпѣливо ждать себѣ вознагражденія за упраздненную должность, въ другомъ мѣстѣ. Молва, устами мистра Джозефа Томкинса, говорила, что они рѣшились на первое время удалиться въ Оксфордъ, и уже собирались къ отъѣзду. Это еще болѣе упрочивало безопасность Вудстока. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ было рѣшено, королю оставаться гостемъ въ Ложѣ, подъ именемъ Лунса Кернеги, до-тѣхъ-поръ пока не будетъ нанятъ корабль для его переѣзду въ томъ портѣ, гдѣ окажется удобнѣе и безопаснѣе.

IX.

Самая смертельная змѣя та, которая, увишись вокругъ цвѣтовъ, мѣшаетъ своимъ яркимъ цвѣтамъ съ ихъ пестротою, между-тѣмъ какъ глаза блестятъ какъ двѣ крупныя капли росы; и во всемъ она такъ подобна безвреднѣйшимъ существамъ въ природѣ, что рѣзкая невнимательность, не подозревая опасности, безпечно подвергается ядовитому жалу.

Карлъ безъ труда примирился съ обстоятельствами, принуждавшими его оставаться въ Вудстокѣ. Конечно ему было бы пріятнѣе оградить себя отъ всѣхъ опасностей немедленнымъ удаленіемъ изъ Англіи. Но онъ столько разъ уже бывалъ принужденъ скрываться въ еще болѣе неудобныхъ убѣжищахъ, и принимать еще болѣе непріятныя роли; столько разъ долженъ былъ совершать трудныя и продолжительныя странствія, въ которыхъ не разъ подвергался опасности быть узнаваемъ, — или полицейскими служителями принадлежавшими къ торжествующей партіи, — или отрядами ратниковъ, которыхъ предводители обыкновенно судили и рядили по собственному своему умозрѣнію, — что онъ былъ радъ и этому относительному покою, и этой относительной безопасности.

Притомъ же, надо замѣтить, что онъ примирился съ вудстокскимъ обществомъ, съ-тѣхъ-поръ какъ лучше узналъ его. Онъ увидѣлъ, что для того, чтобы заслужить благорасположеніе пре-

красной Алпсы, и имѣть удовольствіе часто бывать съ нею, нужно было только подчиняться причудамъ старика отца ея, и спискать его дружбу. Подраться раза два три на рапирахъ или на эспадронахъ — причеиъ Карлъ, разумѣется, не употреблялъ всего своего искусства и всей своей юношеской силы и ловкости; — выслушать терпѣливо нѣсколько Шекспировыхъ сценъ, которыя старикъ читалъ болѣе съ жаромъ, чѣмъ со вкусомъ; поиграть на лютиѣ, потому что сэръ Генри въ свое время самъ слылъ хорошимъ музыкантомъ; оказывать уваженіе къ нѣкоторымъ устарѣлымъ понятіямъ, надъ которыми Карлъ посмѣивался изподтишка. И этого было достаточно мнимому пажу, чтобы сдѣлаться пріятелемъ съ сэромъ Генри Ли, и въ той же мѣрѣ заслужить доброе расположеніе его очаровательной дочери.

Никогда, можетъ-быть, двое молодыхъ людей не вступали въ такія близкія сношенія съ такими неравными средствами. Распутный Карлъ, хотя и не рѣшился бы хладнокровно обдумывать планы для удовлетворенія своей любви къ Алисѣ, однако жъ готовъ былъ при каждомъ удобномъ случаѣ покушаться на добродѣтель, въ твердость которой не вѣрилъ. Съ другой стороны Алиса едва понимала, что значило названіе волокиты или обольстителя. Мать ея умерла въ самомъ началѣ междоусобной войны, и она была воспитана по большей части съ братомъ и съ двоюроднымъ братомъ; это воспитаніе дало ей какую-то развязность и довѣрчивую откровенность въ обращеніи, которую Карлъ охотно толковалъ самымъ благопріятнымъ образомъ для своихъ видовъ. Даже любовь Алисы къ Эврарду, — первое чувство научающее обыкновенно простодушное сердце бояться и дичиться мужскаго пола вообще, — не произвела въ ней этого дѣйствія. Эврардъ былъ ей близкій родственникъ; онъ былъ нѣсколькими годами старше ея, такъ, что она съ самаго дѣтства привыкла смотрѣть на него съ почтеніемъ и съ любовью. Когда эта дѣтская привязанность обратилась въ юношескую любовь, взаимную и сознательную, она всё-таки во многомъ осталась непохожею на любовь двухъ лицъ, бывшихъ первоначально чуждыми другъ другу, и начавшуюся обыкновеннымъ порядкомъ. Въ любви Эврарда и Алисы было болѣе нѣжности, болѣе откровенности и довѣрія; но въ ней не было ни порыву страсти, ни ревнивой боязни.

Алисѣ никогда не приходило въ голову, чтобы кто-нибудь захотѣлъ отбивать ея сердце у Эврарда, а тѣмъ менѣе, чтобы ей нужно было опасаться или остерегаться этого молодого Шотландца,

съ которыми она охотно смѣялась, потому что онъ забавлялъ ее посмѣиваясь въ то же время надъ собственными своими странностями. Она была съ Кернеги такъ же развязна и проста въ обращеніи, какъ была бы съ подругою, которой бесѣда всегда забавляла ее, хотя она не всегда одобряла ея образа мыслей.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что непринужденное обращеніе Алисы Ли, происходившее отъ совершеннаго равнодушія, показалось высокому волокитѣ чѣмъ-то въ родѣ ободренія, и что рѣшимость его устоять противъ всѣхъ обольщеній, скорѣе чѣмъ отплатить позоромъ за гостепріимство, все болѣе и болѣе колебалась по-мѣрѣ того, какъ представлялись случаи.

Этимъ случаямъ благопріятствовалъ также отъѣздъ Альберта изъ Вудстока на другой же день по пріѣздѣ. Въ совѣщаніи его съ Карломъ и докторомъ Рочклифомъ было положено, ѣхать ему къ своему дядѣ Эврарду, въ кентское графство, чтобы своимъ присутствіемъ въ другомъ мѣстѣ отвлечь подозрѣніе отъ Вудстока и не дать поводу беспокоить отца его за продержательство челоуѣка, незадолго передъ тѣмъ участвовавшаго въ попыткахъ роялистовъ. Сверхъ того онъ принялъ на себя опасное порученіе посѣтить разные приморскіе города, чтобы узнать, откуда будетъ королю безопаснѣе удалиться изъ Англіи.

Всѣ эти мѣры были хорошо придуманы для безопасности короля и для облегченія ему бѣгства. Но Алиса вслѣдствіе ихъ лишилась присутствія брата, который былъ бы неусыпнымъ ея хранителемъ, не смотря что онъ уже одинъ разъ приписалъ легкомысленныя рѣчи короля его веселому нраву, и счелъ бы оскорбленіемъ своему государю, серьезно подозрѣвать его въ такихъ неблагодарныхъ и неблагородныхъ замыслахъ.

Были однако же въ Вудстокѣ два существа, которыя не переставали косяться на Лунса Кернеги и на его намѣренія. Во-первыхъ, Бивисъ, который, казалось, съ первой своей невѣжливой встрѣчи съ новымъ гостемъ, не могъ еще съ нимъ примириться, не смотря на всѣ старанія Карла приласкать его. Какъ скоро Карлъ оставался наединѣ съ Алисою, Бивисъ непременно втирался въ ихъ бесѣду, садился подлѣ стула своей госпожи, и громко ворчалъ, когда волокита приближался къ ней.

— Жаль, говорилъ Карлъ, что Бивисъ не бульдогъ; его бы можно сейчасъ пожаловать въ круглоголовые; но онъ слишкомъ красивъ, слишкомъ благороденъ, у него слишкомъ аристократическіе приемы, чтобы такъ косо и неприязненно смотрѣть на бѣдшаго, безпріютнаго кавалера. Я готовъ биться объ закладъ, что

въ него переселилась душа Пима или Гампдена, и по старой памяти мурзится на королевскій санъ и его приверженцевъ.

Алиса отвѣчала, что Бивисъ вѣрнѣе на словахъ и на дѣлѣ, но что онъ раздѣляетъ предубѣжденія ея отца противъ Шотландцевъ, и что, правда, онъ довольно упоренъ въ своихъ предубѣжденіяхъ.

— Нѣтъ, возразилъ Лунсъ; тутъ должна быть другая причина; мнѣ не вѣрится, чтобы неприязнь сэра Бивиса произошла изъ одной народной антипатіи. Я думаю скорѣе, не переселилась ли въ него душа какого-нибудь вѣзнаго рыцаря, который отправился на войну и не возвращался, и теперь въ его образѣ посѣщаетъ мѣста, съ которыми ему такъ тяжело было расставаться, и не хочетъ, чтобы даже бѣдный Лунсъ Кернеги сидѣлъ подлѣ предмета его былой любви. Тутъ Карлъ, придвинулъ свой стулъ къ Алисѣ, а Бивисъ заворчалъ еще сердитѣе.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Алиса, смѣясь, вамъ бы лучше сидѣть по-дальше, потому что укушеніе собаки, въ которой обитаетъ духъ ревниваго любовника, должно быть не безопасно.

Король продолжалъ разговоръ въ томъ же тонѣ; Алиса смотрѣла на него какъ на пустое любезничанье тщеславнаго молодого человѣка, но самолюбіе мнѣшаго Лунса Кернеги перетолковывало ея вниманіе въ одну изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ часто и такъ легко даются особамъ его сана. Не смотря на свою проникательность, онъ не думалъ, что путь къ женскому сердцу открыть монархамъ только тогда, когда они путешествуютъ въ полномъ парадѣ, и что, когда они скрываютъ свое имя, путь изъ волокитства такъ-же извилистъ и труденъ, какъ и для прочихъ смертныхъ.

Но кромѣ Бивиса еще другой домохозяецъ не спускалъ глазъ съ Кернеги, и глазъ очень не дружелюбныхъ. Фиби Меллауръ, хотя опытность ея не выходила изъ круга деревни, знала свѣтъ гораздо лучше своей госпожи; притомъ же она была нѣсколькими годами постарше; а зная болѣе, она, разумѣется, была и не такъ довѣрчива. Ей показалось, что этотъ дерзкій шотландскій мальчишка становился на такую ногу противъ ея барышни которая не шла къ его низкому званію; и что сама Алиса смотрѣла на него нѣсколько милостивѣе чѣмъ стала бы смотрѣть на такого выскочку Партенія въ отсутствіе своего Аргала, — книга о любви этихъ знаменитыхъ Аркадцевъ была въ то время любимымъ чтеніемъ всѣхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ по всей веселой Англіи. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ

•

Фиби не знала, какъ ей дѣйствовать, но твердо намѣрена была не терпѣть, чтобы возникли какія-либо препятствія вѣрной любви полковника Эврарда. Она сама была особенно благосклонна къ Меркему и увѣряла, что такого прекраснаго и любезнаго молодаго чловѣка не найдется другаго во всемъ оксфордскомъ графствѣ; а эта шотландская ворона, прибавляла она, похожа на него, какъ извѣсть на сыръ. Однакожъ она соглашалась, что у мистра Джерриджи премасленный языкъ, и что съ такими влюбленными шутить нельзя. Что тутъ дѣлать? — фактовъ не было, а одно подозрѣнiе; замѣтить о томъ барышня она не смѣла, потому что какъ ни кротка была Алиса, она не позволяла ей мѣшаться не въ свое дѣло.

Фиби стала пытаться Джослайна; но онъ, не знала она почему, принималъ такое участiе въ молодомъ Шотландцѣ, и такъ высоко чтилъ его, что слова ея не произвели на него ни какого впечатлѣнiя. Сказать слово сэру Генри Ли значило поднять ужасную бурю. Всего естественнѣе было-бы обратиться къ капеллану замка, который былъ общимъ совѣтникомъ въ Вудстокѣ во всѣхъ щекотливыхъ дѣлахъ; онъ по сану былъ чловѣкъ миролюбивый и строгихъ нравовъ, а практическая жизнь дала ему ловкiй, увертливый умъ. Но, къ несчастiю, онъ какъ-то неумышленно оскорбилъ Фиби, назвавъ ее классическимъ эпитетомъ *rustica fidele*; не понимая этого слова, она вбила себѣ въ голову, что это слово бранное, и съ того времени избѣгала сколько могла всякихъ сношенiй съ докторомъ Рочкларфомъ.

Мистръ Томкинсъ безпрестанно шатался подъ разными предлогами взадъ и впередъ по всему дому; но онъ былъ Круглоголовый, а она была слишкомъ вѣрна партiи Кавалеровъ, чтобы ввести врага въ ихъ домашнiя распри; сверхъ того онъ самъ не разъ заводилъ съ Фиби такiя рѣчи, послѣ которыхъ она считала необходимымъ избѣгать великихъ короткихъ сношенiй съ нимъ. Наконецъ, можно бы было посовѣтаться съ кавалеромъ Вилдреккомъ; но у Фиби были свои причины говорить торжественно, что кавалеръ Вилдрекъ самый безстыдный лондонскiй повѣса. По всѣмъ этимъ причинамъ она рѣшилась сообщить свои опасенiя тому, кому всего важнѣе было ихъ оправданiе или опроверженiе.

— Я дамъ знать мистру Меркему Эврарду, что шмель вертится около его сота, сказала Фиби; да сверхъ того мнѣ извѣстно, что этотъ шотландскiй негодяй перемѣнилъ женское платье на мужское у Гуди-Грина, и далъ Гуди-Гриновой Долли

золотой, чтобы она объ этомъ никому не говорила; — и она никому не говорила, кромѣ меня одной — а ужъ сама она лучше знаетъ, давала ли она сдачи съ золотого, — мистръ Лунсъ, впрочемъ, безстыдная голь, отъ него станется, спросить.

Въ такомъ положеніи дѣла прошло дня три или четыре; Карлъ по временамъ помышлялъ объ интригѣ, которую благодѣтельная судьба послала ему для развлечения, и старался пользоваться представлявшимся случаемъ, чтобы сойтись короче съ Алисою. Ли, по чаще мучилъ доктора Рочклифа вопросами о возможности скорѣйшаго бѣгства, такъ, что добрый докторъ, не зная что отвѣчать, рѣшился наконецъ оградить свои досуги отъ королевскихъ вторженій, запираясь въ разные тайныя убѣжища. Ложь, извѣстная можетъ-быть ему одному, потому что онъ лѣтъ двадцать занимался своею книгою о Чудесахъ Вудстока.

На четвертый день случилось сѣру Генри Ли отлучиться; онъ оставилъ молодого Шотландца, бывшаго уже въ домъ какъ родной, одного съ Алисою, въ покоѣ Виктора. Ли Карлъ рассудилъ, что случай былъ благоприятенъ, чтобы сдѣлать, такъ сказать, попытку въ волокитствѣ, какъ водится у Кроатовъ, когда они несутся къ вражескому стану, готовые сдѣлать атаку, или повернуть назадъ, не досказавъ, смотря по обстоятельствамъ. Но послѣ десяти минутъ чувствительной, отвлеченной болтовни, которую Алиса могла, по желанію, принять за пустое любезничаніе или за серьезныя притязанія на ея сердце, и въ то самое время, какъ Алиса, по его мнѣнію, старалась проникнуть тайный смыслъ его рѣчей, одинъ вопросъ мгновенно разрушилъ его самолюбивыя мечты, доказавъ ему, что Алиса вовсе его не слушала, и что предметъ ея мыслей былъ совсемъ не тотъ, какой онъ предполагалъ. Она спросила его который часъ, такимъ голосомъ, что нельзя было сомнѣваться, что вопросъ былъ не умова ракетства, а сдѣланъ съ дѣйствительнымъ желаніемъ узнать время.

— Я схожу посмотрѣть на солнечныя часы, миссъ Алиса, отвѣчалъ Карлъ, покраснѣвъ.

Это явное пренебреженіе сильно кольнуло его самолюбіе.

— Вы меня очень обяжете, мистръ Кернеги, сказала Алиса, не замѣчая его досады.

Мистръ Лунсъ Кернеги вышелъ, но не затѣмъ чтобы возвратиться съ отвѣтомъ, а чтобы разогнать свою досаду и злость и поклясться, — съ твердымъ намѣреніемъ исполнить угрозу, — что Алиса будетъ раскаиваться въ своей дерзости. Несмотря на доброту своего сердца, онъ не забывалъ своего высокаго сана, не былъ

привыченъ къ противорѣчію, а тѣмъ менѣе къ пренебреженію, и самолюбіе его было затронуто за живое. Онъ поспѣшными шагами углубился въ паркъ, помня только, что для собственной безопасности слѣдовало ему выбрать самыя темныя и уединенныя аллеи. Тутъ онъ долго ходилъ скорымъ шагомъ, — нѣсколько дней отдыха совершенно уже оправили его отъ утомленія труднаго пути, — и утѣшалъ свою досаду, придумывая планы мести противъ дерзкой дѣревенской кокетки, планы, отъ которыхъ, говорилъ онъ, не защититъ ея уже ни какой долгъ благодарности.

Взбѣшенный волокита прошелъ мимо солнечныхъ часовъ, не удостоивъ ихъ одного взгляду; правда, что это не ко многому бы повело, потому что солнце въ это время скрывалось за тучею. Онъ шелъ все впередъ, закутавшись въ плащъ, и сгорбившись, чтобы уменьшить нѣсколько своего росту. Мало-по-малу онъ зашелъ въ самыя темныя аллеи рощи; но шелъ все далѣе, не уменьшая скорости шагу, и не заботясь о томъ куда они его приведутъ, пока не былъ остановленъ, сначала громкимъ окликомъ, а потомъ приказаніемъ остановиться; всего болѣе пугнуло его, что это приказаніе было сопровождено легкимъ, дружескимъ, но въ то же время повелительнымъ ударомъ по плечу тростью.

Въ его положеніи ни какая встрѣча не могла быть ему пріятна и совершенно безопасна; наружность же остановившаго не могла успокоить его опасеній. Передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ футовъ шести росту, хорошо сложенный; но простота его наряда, впрочемъ довольно щегольского и красиваго, его опрятность, начиная съ бѣлизны и твердости отложнаго воротника до неукоризненной чистоты башмаковъ испанской кожи, обличали любовь къ порядку, чуждую побѣжденнымъ и обнищавшимъ кавалерамъ, но свойственную тѣмъ изъ торжествовавшей партіи, которые имѣли средства хорошо одѣваться, но по своему образу мыслей не допускали въ одеждѣ ни какой лишней роскоши. Другое обстоятельство еще усилю безпокойство Карла. Во всемъ сложеніи незнакомца была видна сила; на лицѣ написана была рѣшительность и упорство; на лѣвомъ боку висѣлъ длинный палашъ, на правомъ къ ремню поясу привѣшенъ кинжалъ, а за поясъ заткнута пара пистолетовъ. Уже это одно дало бы ему преимущество передъ королемъ, если бы даже тѣлесными силами они были равны, потому что король имѣлъ при себѣ одну только шпагу.

Карлъ искренно сожалѣлъ о безразсудной вспышкѣ гяфву, во-

влекшей его въ это затруднительное положеніе; а еще болѣе сердился на себя, зато что забылъ взять съ собою пистолеты, самое удобное оружіе, чтобы поставить самаго сильнаго человѣка и самаго слабаго на одну погу. Однако же онъ не потерялъ мужества и присутствія духа, которыми были въ избыткѣ надѣлены почти всѣ члены его несчастнаго рода въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Онъ стоялъ твердо и неподвижно, стараясь закрывать плащомъ нижнюю часть лица, чтобы дать время объясненію, въ случаѣ если незнакомецъ не узналъ его, а принялъ за кого другаго.

Это спокойствіе произвело желанное дѣйствіе: незнакомецъ сказалъ съ удивленіемъ и нерѣшительно:

— Джослайнъ Джолифъ, — не ты? Если я могу не узнать Джослайна Джолифа, то по-крайней-мѣрѣ какъ не узнать мнѣ своего плаща?

— Я не Джослайнъ Джолифъ, какъ вы сами видите, сэръ, сказалъ Кернеги, выпрямляясь, чтобы показать различіе росту, и опуская плащъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ незнакомецъ съ удивленіемъ: въ такомъ случаѣ, господинъ неизвѣстный, извините меня, что я остановилъ васъ. Изъ вашего платья, которое я не колеблясь признаю своимъ, я заключилъ, что вы должны быть Джослайнъ, потому что я ему поручилъ храненіе своего платья въ Ложѣ.

— А если бы и Джослайнъ, сэръ, возразилъ Кернеги съ удивительнымъ хладнокровіемъ, мнѣ кажется, вамъ всё-таки не слѣдовало бить такъ крѣпко.

Незнакомецъ очевидно смутился при этомъ неизмѣнномъ хладнокровіи. Онъ вѣжливо повторилъ свои извиненія въ ошибкѣ, происшедшей отъ полной увѣренности, что имѣлъ дѣло съ другимъ лицомъ. Положеніе Лувса Кернеги не позволяло ему быть слишкомъ взыскательнымъ. Онъ поклонился незнакомцу въ знакъ согласія; потомъ отвернулся и пошелъ въ ту сторону, гдѣ находилась Ложа; по-крайней-мѣрѣ онъ такъ полагалъ, потому что слишкомъ торопливо и разсѣянно бродилъ по аллеямъ, пересѣкавшимъ рошу во всѣхъ направленіяхъ, чтобы твердо запомнить свою дорогу.

Онъ очень смутился, замѣтивъ, что это не освобождаетъ его отъ навязавшагося ему спутника. Ускорялъ ли онъ шагъ, или замедлялъ, незванный пріятель въ пуританскомъ платьѣ, спланный и хорошо вооруженный, по-видимому, намѣренъ былъ не отставать отъ него; не приближался къ нему и не старался всту-

пять въ разговоръ, но не давалъ опережать себя болѣе чѣмъ на пять или на десять шаговъ. Скиталецъ прибавлялъ шагу; но несмотря на то, что онъ въ молодости, какъ и по возвращеніи своемъ на родину; былъ однимъ изъ первыхъ скороходовъ въ Англіи, незнакомецъ поспѣвалъ за нимъ безъ малѣйшаго усилія. Это преслѣдованіе наконецъ вывело его изъ терпѣнія и возбудило страхъ; онъ началъ уже помышлять, не безопаснѣе ли развѣдаться съ наглцомъ наединѣ въ лѣсу, несмотря на преимущества противника и въ силѣ и въ оружіи, чѣмъ приблизиться съ нимъ къ жплому мѣсту, гдѣ у пуританца, вѣроятно, найдутся друзья и подкрѣпленіе.

Волнующій опасеніями, досадою и гнѣвомъ, Карлъ вдругъ обернулся къ преслѣдователю. Они въ это время вышли въ узкую просѣку, въ концѣ которой видѣлись исполняскій стволъ и кривые, голые сучья королевскаго дуба.

— Сэръ, сказалъ Карлъ своему преслѣдователю, вы уже сдѣлали мнѣ одну грубость; вы въ ней извинились, и я, не имѣя ни какихъ причинъ полагать, чтобы вы хотѣли умышленно оскорблять меня, принялъ ваше извиненіе. Или вы желаете еще въ чемъ-либо объясниться со мною, что вы такъ слѣдуете за мною по пятамъ? Если такъ, то мнѣ весьма пріятно будетъ дать вамъ объясненіе, — или удовлетвореніе, какъ потребуютъ обстоятельства. Я не думаю, чтобы вы могли имѣть причину на меня сердиться; потому что, сколько мнѣ извѣстно, мы съ вами видимся въ первый разъ. Впрочемъ, если вы можете представить достаточный поводъ требовать этого, я готовъ удовлетворить васъ лично. Если же вы это дѣлаете изъ одного наглаго любопытства, то я предупреждаю васъ, что я никому не позволю преслѣдовать меня такимъ образомъ въ моихъ одинокихъ прогулкахъ.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ незнакомецъ сухо, что когда я вижу свой плащъ на чужихъ плечахъ, я имѣю полное право идти за нимъ, чтобы узнать, что съ нимъ становится. Знайте, сэръ, я могъ ошибиться въ человѣкѣ, падѣвшемъ его, но увѣренъ, что имѣю право ударить тростью по плащу, въ который вы кутаетесь, какъ каждый имѣетъ право выбивать пыль изъ своего платья. По этому, если вы желаете разстаться со мною дружелюбно, вы позволите мнѣ спросить васъ, откуда вы его взяли, и куда вы въ немъ идете? Въ противномъ случаѣ я осмѣлюсь васъ остановить, и считаю себя въ полномъ правѣ сдѣлать это.

— Провалиться бы проклятому плащу! подумалъ скиталецъ;

проклятая охота ходить сюда, закутавъ носъ, навязывать себѣ на шею ссоры и привлекать вниманіе людей, когда спокойствіе и тайна первыя условія моей безопасности!

— Если вы мнѣ позволите угадывать, сэръ, продолжалъ Меркемъ Эврардъ, я докажу вамъ, что знаю васъ лучше, чѣмъ вы предполагаете.

— Сохрани, Господи! взмолился мысленно несчастный король съ усердіемъ, какого еще ни разу во всю жизнь не бывало въ его молитвахъ. Но и въ эту роковую минуту онъ не потерялъ присутствія духа, и лицо не измѣнило ему; онъ вспомнилъ, что необходимо было не показывать ни страху, ни удивленія, и отвѣчать такимъ образомъ, чтобы принудить, если можно, опаснаго спутника высказать, до какой степени онъ знаетъ или угадывалъ его тайну.

— Если вы знаете меня, сэръ, сказалъ онъ, и если вы благородный человѣкъ, какъ можно полагать по вашей наружности, то вы безъ труда угадаете, какое несчастіе припудило меня надѣть это платье, которое вы называете свопмъ.

— О, сэръ, возразилъ Эврардъ, котораго гнѣвъ нѣсколько не былъ тронутъ кротостью отвѣта: мы въ свое время читали Овидіевы Превращенія, и знаемъ, зачѣмъ знатные молодые люди путешествуютъ переодѣтые; мы знаемъ что при случаѣ они прибѣгаютъ даже и къ женскому платью; — слышали мы о Вертумѣ и Помонѣ.

При этихъ словахъ, король опять взмолился мысленно, чтобы эта несчастная встрѣча не имѣла болѣе опаснаго источника, какъ только ревность какого-нибудь обожателя Алисы, и далъ себѣ слово, что несмотря на свою слабость къ прекрасному полу, онъ не поколеблется отказаться отъ прекраснѣйшей изъ дочерей Еввы, чтобы выпутаться изъ настоящаго затруднительнаго положенія.

— Сэръ, сказалъ онъ, вы, кажется, дворянинъ; по этому я не задумаюсь сказать вамъ, что я принадлежу къ тому же словію.

— Можетъ-быть и къ нѣскольکو вышему? сказалъ Эврардъ.

— Званіе дворянина, возразилъ Карль, обнимаетъ всѣ сословія, имѣющія право на гербъ. Герцогъ, лордъ, князь — все тотъ же дворянинъ; и находясь въ несчастіи, подобно мнѣ, долженъ быть радъ, если ему позволяютъ носить этотъ общій почетный титулъ.

— Сэръ, сказалъ Эврардъ, я вовсе не намѣренъ вынуждать у

вась сознавіе, которое могло бы нарушить вашу безопасность; и считаю не своимъ дѣломъ заботиться о задержаніи частныхъ лицъ, которыхъ ложное понятіе объ обязанностяхъ къ отечеству вовлекло въ ошибки, заслуживающія скорѣе сожалѣнія благородныхъ людей, чѣмъ наказанія. Но когда виновники междоусобій и бѣдствій отечества стануть еще оскорблять и безславить наши семейства, — продолжать свои частныя распутства къ позору гостепріимнаго крова, давшаго имъ пріютъ отъ послѣдствій ихъ преступленій противъ общества, — неужели вы думаете, милордъ, что мы будемъ сносить это съ покорностью?

— Если вы рѣшились завязать со мною ссору, отвѣчалъ король, скажите это прямо, какъ дворянинъ. Вы, конечно, вооружены лучше меня, но увѣряю васъ, что такіе пустяки не заставятъ меня бѣжать отъ одного человѣка. Если же, напротивъ, вы желаете объясниться толкомъ, то я объявляю вамъ очень спокойно, что не знаю за собою оскорбленія, къ которому могли бы относиться ваши слова, и не понимаю, почему вы величаете меня лордомъ.

— Стало быть, вы запираетесь въ томъ, что вы лордъ Вильмотъ? сказалъ Эврдъ.

— Я могу отречься отъ этого безъ зазрѣнія совѣсти, отвѣчалъ король.

— Можетъ-быть вамъ пріятнѣе называться графомъ Рочестромъ? До насъ доходили слухи, что ваше честолюбіе домогалось грамоты на то отъ шотландскаго короля.

— Я не лордъ и не графъ, могу васъ въ томъ увѣрить спасеніемъ своей души. Мое имя....

— Не упускайте себя бесполезною ложью, милордъ; тѣмъ болѣе, что вы имѣете дѣло съ частнымъ человѣкомъ, который, ручаюсь вамъ, не призоветъ законовъ на помощь своему доброму мечу, когда сочтетъ нужнымъ прибѣгнуть къ нему. Взгляните на этотъ перстень, и повторите, что вы не лордъ Вильмотъ!

Онъ вынулъ изъ кошелька перстень, и подалъ его королю, который тотчасъ узналъ тотъ самый перстень, который онъ опустилъ въ кувшинъ Алисы у источника, неосторожно увлекшись своею страстью къ любезности и желаніемъ оставить дорогую вещьцу на память хорошенькой дѣвушкѣ, которую онъ неумышленно испугалъ.

— Я знаю этотъ перстень, отвѣчалъ онъ, онъ былъ въ мо-

ихъ рукахъ. Но не понимаю, какъ онъ можетъ доказывать, что я лордъ Вильмотъ; свидѣтельство это несправедливо.

— Вы сейчасъ увидите доказательство, сказалъ Эврдъ, взявъ перстень, и прижимая пружину, искусно скрытую въ оправѣ; камень отскочилъ, и король увидѣлъ внутри превосходно вырѣзанный вензель лорда Вильмота, съ короною. — Что вы на это скажете, сэръ?

— Что вѣроятности не доказательства, отвѣчалъ король, и что тутъ еще нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя объяснить очень просто. Я сынъ шотландскаго дворянина, смертельно раненаго и взятаго въ плѣнъ въ ворчестрскомъ сраженіи. Прощаясь со мною, и убѣждая меня спастись бѣгствомъ, онъ далъ мнѣ немногія драгоценныя вещи, какія я имѣю, и между прочими этотъ перстень. Я слыхалъ отъ него, что онъ когда-то, въ Шотландіи, помѣнялся перстнями съ лордомъ Вильмотомъ, но я донынѣ и не подозрѣвалъ хитрости, которую вы мнѣ сейчасъ открыли.

Король говорилъ совершенную правду; онъ не отдалъ бы такъ легкомысленно перстня, если бы зналъ, что онъ можетъ выдать его. Помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ:

— Еще разъ повторяю, сэръ, я вамъ сказалъ многое, что можетъ повредить моей безопасности; если вы благородный человѣкъ, отпустите меня, я вамъ, можетъ-быть, отплачу когда-нибудь за это доброе дѣло. Если же вы намѣрены задержать меня, то должны это сдѣлать здѣсь съ опасностью собственной жизни; потому что я не пойду далѣе за вами, и не позволю вамъ слѣдовать по пятамъ за мною. Если вы меня отпустите, я вамъ буду благодаренъ, — если же нѣтъ, то беритесь за оружіе.

— Молодой человѣкъ, сказалъ полковникъ Эврдъ, вы заставили меня сомнѣваться, точно ли вы тотъ самый безпечный молодой человѣкъ, за котораго я васъ принялъ; но по дружбѣ съ нимъ вашего семейства, нельзя сомнѣваться, что вы учились въ той школѣ разврата, въ которой Вильмотъ и Вилье — учителя, а ихъ государь — ученикъ подающій большія надежды. Ваше поведеніе въ Вудстокъ, гдѣ въ благодарность за оказанное вамъ гостепріимство, вы отплачиваете посягательствомъ на честь вашихъ благодѣтелей, доказываетъ, что вы достойный членъ этой академіи. Я только хотѣлъ предостеречь васъ; сами себя вините, если я буду принужденъ присоединить къ увѣщанію и наказаніе.

— Увѣщаніе и наказаніе! вскричалъ король въ негодованіи.

Вы слишкомъ положились на мое терпѣніе, сэръ, и ваша самонадѣянность можетъ вамъ дорого стоить. За оружіе, сэръ.

Съ этими словами онъ обнажилъ шпагу.

— Мое вѣроисповѣданіе, сказалъ Эврандъ, запрещаетъ мнѣ необдуманно проливать кровь. Идите домой, сэръ, и будьте осторожныѣ..... не забывайте законовъ чести и благоразумія. Не посягайте на честь дома Ли, и помните, что есть человекъ, которому она дорога, и который потребуетъ отъ васъ строгаго отчету во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ.

— А, понимаю! сказалъ король съ язвительною усмѣшкою: мы имѣемъ честь видѣть круглоголоваго полковника — почтеннаго брата пуританца, который моритъ со смѣху Алису Ли своими текстами и правоченіями.... Если вѣроисповѣданіе ваше, сэръ, не позволяетъ вамъ давать удовольствіе, — то жаль, что оно не запрещаетъ оскорблять благороднаго человека!

Терпѣніе обоихъ противниковъ было переполнено; оба схватились за оружіе; огнестрѣльное оружіе могло бы дать несомнѣнный перевѣсъ полковнику, но чувство чести не позволяло ему прибѣгнуть къ этому средству. Одно невольное движеніе руки, или не твердое положеніе ноги могло въ это время измѣнить судьбу Англій, если бы прибытіе третьяго лица не прекратило боя.

X.

Стои — король сбросилъ съ себя плащъ.

Шекспиръ. «Ричардъ Второй.»

Противники сдѣлали нѣсколько эволюцій, обличившихъ въ обоихъ равное мужество и искусство. Карлъ слишкомъ часто бывалъ въ дѣлѣ, и слишкомъ давно былъ участникомъ и жертвою въ междоусобной войнѣ, чтобы ему было ново обороняться собственными руками; а Эврандъ не разъ уже отличался лично храбростью и другими свойствами полководца. Но прибытіе третьяго лица отвратило трагическую развязку боя, въ которомъ за кѣмъ бы ни осталась побѣда, побѣдитель равно бы сожалѣлъ о своемъ торжествѣ.

Это третье лицо былъ самъ сэръ Генри Ли, на своей лѣсной лошади, потому что война и секвестрованіе лишили его средствъ разъѣзжать на болѣе благородномъ конѣ. Онъ бросился между бойцевъ, и велѣлъ имъ прекратить бой подъ страхомъ смерти. Окинувъ взглядомъ обоихъ противниковъ, чтобы знать,

съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, онъ спросилъ ихъ, не поселились ли въ нихъ обоихъ вудстокскіе черти, о которыхъ толкуетъ народъ, что они осмѣлились обнажить мечи въ предѣлахъ королевскаго парка? — Знайте оба, продолжалъ онъ, что пока старикъ Генри Ли живетъ въ Вудстокъ, права вудстокскаго парка будутъ соблюдаться точно также, какъ еслибы король былъ еще на престолѣ. Никто не будетъ здѣсь драться, кромѣ оленей, когда имъ приходитъ время. Шпаги въ ножны! не то я буду третьимъ въ бою; тогда вамъ не сдобровать ни тому, ни другому! Я, какъ говоритъ Вилюшка, «такъ окручу и васъ и ваши шпаженки, что вы подумаете, не самъ ли дьяволъ вышелъ изъ ада.»

Противники опустили оружіе, но стояли неподвижно и сердито смотрѣли другъ на друга, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда ни тотъ, ни другой не хочетъ показать, будто онъ болѣе желаетъ миру и первый готовъ вложить оружіе въ ножны.

— Оружіе въ ножны! господа, немедленно! повторилъ сэръ Генри повелительнымъ голосомъ, или вамъ придется развѣдаться со мною. Счастье ваше, что не тѣ времена; а въ прежнее время дерзость ваша стоила бы каждому правой руки, если бы не выкупили ее доброю суммою денегъ.... Племянникъ, если не хочешь поссориться со мною навсегда, я приказываю тебѣ вложить шпагу Мистръ Кернеги, вы мой гость; я надѣюсь, что вы не захотите оскорбить меня, оставаясь съ обнаженнымъ мечемъ тамъ, гдѣ я обязанъ наблюдать за сохраненіемъ мира.

— Повинуюсь вамъ, сэръ Генри, сказалъ король, влагая шпагу въ ножны: тѣмъ болѣе, что я самъ не знаю, за что этотъ господинъ напалъ на меня. Увѣряю васъ, что никто болѣе меня не уважаетъ королевской особы и королевскихъ правъ, несмотря, что это нынче не въ духъ времени.

— Мы можемъ отыскать для свиданія другое мѣсто, сэръ, сказалъ Эврардъ, гдѣ не будетъ опасности оскорбить королевскую особу или права.

— Ну, это довольно трудно, сэръ, возразилъ Карлъ, который не могъ упустить случая съострить: у короля такъ мало вѣрныхъ приверженцевъ, что утрата самаго ничтожнаго изъ нихъ должна ему быть прискорбна; впрочемъ, я готовъ имѣть съ вами свиданіе во всякомъ мѣстѣ, откуда есть возможность бѣдному кавалеру уйти безопасно, если ему посчастливится въ бою.

Первой заботой сэра Генри Ли было охраненіе правъ коро-

левскаго владѣнія; потомъ уже подумалъ онъ о безопасности своего родственника и молодаго роялиста.

— Господа, сказалъ онъ, я требую, чтобы вы это дѣло сейчасъ же кончили мировою. Племянникъ Меркемъ, такъ-то ты благодаришь меня, зато что я по твоему ручательству согласился возвратиться въ Вудстокъ? При первомъ удобномъ случаѣ ты готовъ перерѣзать горло моему гостю.

— Если бы вы знали его замыслы, какъ я ихъ знаю, сказалъ Меркемъ, но тотчасъ же замолчалъ, вспомнивъ, что онъ только болѣе раздражить дядю не убѣдивъ его, потому что все, что онъ могъ сказать о видахъ Кернеги на Алису было бы приписано собственной его ревности. Онъ потупилъ глаза и молчалъ.

— А вы, мистръ Кернеги, продолжалъ сэръ Генри, скажите, за что вы хотите лишити жизни этого молодаго человѣка, котораго, несмотря на его несчастное отступничетство, я не могу не любить сколько-нибудь, какъ своего племянника?

— Я не зналъ, что онъ имѣетъ честь быть вашимъ племянникомъ, отвѣчалъ Кернеги: иначе это одно удержало бы мою шпагу. Впрочемъ, онъ самъ завелъ ссору; и я рѣшительно не знаю, зачѣмъ выборъ его палъ именно на меня, развѣ потому что наши политическія мнѣнія различны.

— Вы должны помнить, напротивъ, возразилъ Эввартъ, что вамъ нечего бояться меня, какъ скрывающемуся роялисту, а послѣднія слова ваши доказывали, что вы очень хорошо угадывали мое родство съ сэромъ Генри. Это, впрочемъ, пустое дѣло. Я счелъ бы униженіемъ, приводить свое родство въ защиту отъ васъ или отъ кого бы то ни было.

Между тѣмъ какъ они спорили, не говоря ни съ той, ни съ другой стороны ни слова о настоящемъ предметѣ ссоры, сэръ Генри смотрѣлъ по-очередно на обоихъ противниковъ съ видомъ истиннаго миротворца, и подкрѣпляя свои услія стихами Шекспира.

— Полно, молодые люди, говорилъ онъ, позвольте старикъ быть посредникомъ. Я человѣкъ бывалый въ такихъ дѣлахъ. Вся бѣда вышла изъ комаринаго крылышка; сколько я въ жизнь свою перевидалъ случаевъ, что два соперника дерутся на пропалую, а конченъ споръ, и никто не помнитъ изъ чего спорилъ.... Ну, много ли надо, чтобы молодымъ людямъ повздорить?... одинъ не въ ту сторону посторонился, другой проходя нечаянно за дѣлъ плечо, сказалъ горячее слово — вотъ и пошло!.... Забудьте ссору, господа, о чемъ бы она ни была — довольно вы поколо-

лись, а если не обагрили мечей кровью, не ваша вина: такъ приказалъ старшій, человекъ, имѣющій право указывать. На островѣ Мальтѣ, гдѣ строго соблюдаются всѣ правила дуэли, когда рыцарь, или священникъ, или дама прикажетъ, соперники обязаны остановиться, прерванная ссора почитается уже конченною съ честью и не можетъ возобновиться. Племянникъ, не годится тебѣ досадовать на этого молодаго человека, зато что онъ сражался за короля. Послушайся меня, Меркемъ, ты знаешь, что я на тебя не сержусь, хотя и имѣлъ бы причины быть тобою недоволенъ,—подай руку моему гостю въ знакъ дружбы и пойдете втроемъ въ Ложу, выпить на мировую по стакану канарійскаго.

Меркемъ не могъ устоять противъ такой неожиданной любезности дяди. Онъ подозрѣвалъ, правда, и не совѣмъ несправедливо, что причиною этому было не одно возвращеніе прежняго благорасположенія, но также надежда уломать его этимъ вниманіемъ, если не содѣйствовать сокрытію бѣглого роялиста, то по крайней-мѣрѣ смотрѣть на него сквозь пальцы. Эврардъ понималъ, что онъ находился въ очень неловкомъ положеніи, что сношеніе съ человекомъ, дававшимъ пріютъ такимъ людямъ, хотя бы это былъ близкій родственникъ, могло возбудить подозрѣніе собственной его партіи. Но, съ другой стороны, онъ разсуждалъ, что уже оказалъ довольно важныя услуги республикѣ, чтобы этимъ перевѣсить всѣ внушенія зависти. Притомъ надо замѣтить, что хотя междоусобная война раздѣлила множество семействъ, однако же съ тѣхъ-поръ какъ она клонилась къ окончанію и торжеству республиканцевъ, политическая вражда стала ослабѣвать, и старыя родственныя и дружественныя связи получили опять почти всю свою прежнюю силу. Много уже было заключено мировыхъ; и тѣ, которые подобно Эврарду, принадлежали къ торжествующей партіи, нерѣдко ходатайствовали за своихъ побѣжденныхъ родственниковъ.

Къ этимъ мыслямъ присоединилась въ умѣ его надежда возобновить сношенія съ Алисою Ли, и такимъ образомъ имѣть возможность защитить ее отъ бѣдствія или оскорбленія. Онъ протянулъ руку шотландскому пажу, сказавъ, что онъ съ своей стороны готовъ забыть причину ссоры, или по крайней-мѣрѣ, смотрѣть на нее какъ на слѣдствіе недоразумѣнія и предложить мистру Кернеги такую дружбу, какая можетъ-быть между благородными людьми, приставшими къ противнымъ политическимъ мнѣніямъ.

Хотя благоразуміе предписывало Карлу забыть свой высокій

санъ, однако ему не доставало на это силъ; онъ низко поклонился Эврарду, но не взявъ протянутой ему руки. Ему не трудно было, сказалъ онъ, позабыть причину ссоры, потому что онъ никогда не звалъ ея порядкомъ; но, какъ онъ не отказывался отъ удовольствія, точно также готовъ принять предлагаемую дружбу, и отвѣчать на нее въ той же степени, въ какой его удостоивали этой честью.

Эврардъ опустилъ руку съ улыбкою, и отвѣчалъ на поклонъ пажа такимъ же поклономъ, приписывая его холодный и чопорный отвѣтъ ребяческой гордости молодого Шотландца, выросшаго въ самыхъ нелѣпыхъ понятіяхъ о своей родовой и личной важности, и неисправленнаго еще знаніемъ свѣта.

Сэръ Генри Ли былъ восхищенъ примиреніемъ, которое приписывалъ одному уваженію къ собственной своей особѣ; онъ также не совѣмъ недоволенъ былъ случаемъ возобновить знакомство съ племянникомъ, котораго, не смотря на его политическіе грѣхи, онъ любилъ болѣе чѣмъ можетъ-быть самъ сознавалъ.

— Не сердитесь на меня, господа, сказалъ онъ въ утѣшеніе, увѣряю васъ, что мнѣ самому больно было разводить васъ, когда я видѣлъ, какъ вы искусно дрались, и все изъ одной чести, безъ всякаго злобнаго или кровожаднаго умыслу. Увѣряю васъ, что не будь я королевскимъ смотрителемъ, и присягою обязанъ смотрѣть за сохраненіемъ порядку и миру въ королевскомъ помѣстьѣ, я не только не помѣшалъ бы вамъ, но еще служилъ бы вамъ за секунданта. Но поконченная ссора то же что небывалая; и ваша не должна имѣть другихъ послѣдствій кромѣ аппетита, который вы вѣроятно получили отъ мѣщину.

Сказавъ это, сэръ Генри тронулъ свою лошадку и отправился ближайшею дорогою къ Ложѣ. Посмотрѣвъ на него, онъ былъ настоящимъ мажорнымъ пафздинкомъ, достойнымъ сидѣть на самомъ Буцефалѣ: ноги почти до земли, едва касались стремянъ кончикомъ посковъ; колѣна вогнуты, и прижаты къ сѣдлу; пятки врозь, и опущены внизъ; туловище прямо; поводья систематически распредѣлены между пальцами лѣвой руки, а въ правой рукѣ хлыстикъ, наклоненный къ лѣвому уху лошади. Спутники, шедшіе съ боковъ, какъ кошухи, съ трудомъ удерживались отъ усмѣшки при видѣ этого правильнаго, строго-ученаго положенія, такъ рѣзко противорѣчившаго нечесаной и мнціатурной наружности клячки, съ ея косматою шерстью, длиннымъ хвостомъ и

гривою, и быстрыми глазками, горѣвшими какъ два угля изъ подъ густой чолки, покрывавшей коротенькую морду. Если читатель видалъ книгу герцога Ньюкестльскаго о верховой ѣздѣ, онъ можетъ составить себѣ понятіе о добромъ сэрѣ Генри, посадивъ одного изъ изображенныхъ тамъ наѣздниковъ, со всеми хитростями ихъ высокаго искусства, на валлійскую или эмурскую лошаденку, въ дикой ея простотѣ, нехоленую и нешколенную; и для большаго контрасту, вспомнить различіе росту коня и всадника.

Сэръ Генри, вѣроятно, замѣтилъ удивленіе своихъ спутниковъ, потому что, какъ скоро они оставили мѣсто свиданія, онъ сказалъ:

— Пикси мой малъ да удалъ, господа (и въ доказательство онъ старался заставить Пикси скакать и ломаться), — ростомъ съ собаку, а съ воровомъ; если бы я не былъ немножко великъ для эльфа (сэръ Генри былъ безъ мала шести футовъ), — я на своемъ Пикси могъ бы уподобиться царю эльфовъ, котораго описываетъ Миша Дрейтонъ, что сидитъ на клещавѣ, а конь скачетъ и вьется, будто подъ нимъ земля горитъ.

— Старый пріятель Пикси! сказалъ Эврардъ, потрепавъ лошадку по шеѣ: какъ я радъ, что ты пережилъ эти времена смутъ и тревогъ. Пикси вашему должно быть уже за двадцать лѣтъ, сэръ Генри?

— За двадцать лѣтъ будетъ, конечно. Да, племянникъ Меркешъ, война — что ураганъ въ плантаціи, шадитъ только то, чего не стоило беречь. Старый Пикси и его старый хозяинъ уже ни къ чему не годны, а пережили многихъ молодцевъ, и многихъ добрыхъ коней. Впрочемъ, Вилюшка говоритъ, что и въ старикѣ можетъ-быть прокъ; такъ и мы съ Пикси еще живы.

И сэръ Генри принялся опять колотъ бока старикку Пикси, чтобы пробудить въ немъ остатки древней удалы.

— Еще живы, подхватилъ молодой Шотландецъ, доканчивая фразу сэра Генри: — еще живы, ѣздой удалою чтобъ міръ потѣшить.

Эврардъ понялъ насмѣшку и покраснѣлъ; но дядя его, въ простодушномъ своемъ тщеславіи никогда не сомнѣвался въ чисто сердечіи комплимента.

— И вы замѣтили? сказалъ онъ съ самодовольствіемъ. При королѣ Яковѣ я дѣйствительно участвовалъ въ турнирахъ, и когда, бывало, покажусь, всѣ шепчутъ: «Вотъ юный Гарри, съ поднятымъ забраломъ....» теперь же, когда юный Гарри сталъ ста-

рыиъ Гарри — (Тутъ сэръ Генри пріостановился съ видомъ застѣчиваго человѣка, высидѣвшаго остроу) — смотрѣть на него все равно что смотрѣть на чорта.... Понимаете, мистръ Кернеги?... кѣдъ вы знаете, что чортъ мнѣ тезка.... Ха, ха, ха!... Племянникъ, надѣюсь что моя невинная шутка не оскорбитъ твоихъ благочестивыхъ ушей?

Старикъ былъ такъ восхищенъ одобреніемъ обонхъ слушателей, что продекламировалъ весь отрывокъ своего любимаго поэта, котораго первымъ стихомъ встрѣчали его красавицы въ блаженныя времена короля Якова, и заключилъ вызовомъ всему новому поколѣнію, вѣсьмъ его умникамъ, Донну, Коулею, Валлеру и ихъ братьѣ, представить одного поэта, съ десятою долею генія старика Виллошии.

— Говорятъ, что между нами есть одинъ изъ его потомковъ, — сэръ Вильямъ Дэвентъ, сказалъ Лунсъ Кернеги, и многіе считаютъ его человѣкомъ съ большимъ дарованіемъ.

— Какъ! вскричалъ сэръ Генри: Виль Дэвентъ, котораго я знавалъ на сѣверѣ, что служилъ подъ начальствомъ Ньюкестля, когда маркизъ стоялъ подъ Гулемъ?... онъ былъ добрый кавалеръ, и довольно бойко ваялъ дубовыя вишни.... Но какимъ чортомъ попалъ онъ въ родню къ Виліу Шекспиру.

— Съ лѣвой руки, какъ водится съ покоя въку, если только Дэвентъ не жметъ, отвѣчалъ молодой Шотландецъ. Мать его, какъ кажется, была хорошенькая, веселая и чувствительная содержательница постоялаго двора на дорогѣ изъ Лондона въ Стратфордъ, въ которомъ Виль Шекспиръ обыкновенно останавливался, когда ѣзжалъ на родину. Подружился, поумнился, какъ говорится у насъ въ Шотландіи, и вотъ Виль Шекспиръ сталъ крестнымъ отцомъ Виліу Дэвенту; а Дэвентъ, въ довольствуюсь духовнымъ родствомъ, сталъ придумывать себѣ права и на родство естественное; мать его, говоритъ онъ, очень уважала умныхъ людей, и угожденіямъ ея гешяльшимъ людямъ не было границъ.

— Подлая собака! сказалъ Эврдъ: неужели ему родство съ поэтомъ или съ знатнымъ лицомъ дороже добраго имени матери? Онъ стоитъ, чтобы ему отрубили носъ.

— Это довольно трудно, возразилъ Кернеги, вспомнивъ наружный недостатокъ поэта *.

* Дэвентъ дѣйствительно имѣлъ очень крошечный носъ; и этотъ недостатокъ былъ неисчерпаемымъ источникомъ шутокъ для современныхъ остраковъ.

— Виль Дэвнентъ сынъ Виля Шекспира, воскликнулъ сэръ Генри Ли, не могшій еще ономинуться отъ изумленія, которымъ поразило его такое неслыханное притязаніе. Это, напоминаетъ мнѣ одну кукольную комедію, въ которой Фаэтонъ жалуется матери:

«Меня ругаетъ каждый въ городѣ мальчишка.

Сынъ солнца ты?... врешь, окаявный, врешь, лгунишка!»

Въ жизнь не видалъ я подобной дерзости!... Виль Дэвнентъ сынъ величайшаго и славнѣйшаго поэта прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ временъ! Просимъ извиненія, дорогой племянникъ; вы, мы знаемъ, не охотники до театральнахъ пьесъ.

— Я не такъ строгъ, какъ вы воображаете, дядюшка. Въ свое время я можетъ-быть слишкомъ любилъ театральныя пьесы; да и теперь не осуждаю ихъ безусловно, хотя и не могу одобрять ихъ вольности и несообразностей. Не могу я, напримѣръ, въ самомъ даже Шекспирѣ, не видѣть много такого, что противно приличіямъ и доброй нравственности многихъ вещей, въ которыхъ осмѣивается добродѣтель, а порокъ восхваляется, или крайней мѣрѣ безобразіе его смягчается. Не думаю, чтобъ прекрасныя поэмы; въ которыхъ единственное занятіе мужчинъ — кровопролитіе, а женщинъ — любовныя интриги, могли быть полезнымъ чтеніемъ, въ особенности для юншества того и другаго пола.

Дѣлая эти замѣчанія, Эвхардъ былъ довольно простъ, чтобы думать, что онъ только доставлялъ дядѣ случай пуститься въ свое любимое разсужденіе, не оскорбляя его такимъ умѣреннымъ и смягченнымъ противорѣчіемъ. Но онъ тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, забывалъ, какъ упрямъ былъ сэръ Генри во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ, религіозныхъ, политическихъ или литературныхъ, и что легче было обратить его къ пресвитеріанскому ученію, чѣмъ поколебать вѣру въ Шекспира. Въ старикѣ была еще особенность, которой Эвхардъ никогда не былъ въ состояніи постичь, потому что самъ былъ прямого и неподатливаго характеру, и потому что его религіозныя понятія не допускали недомолвокъ и скрадываній истины, употребительныхъ въ обществѣ. Сэръ Генри, зная свой горячій нравъ, тщательно наблюдалъ за собою, и иногда, какъ ни былъ раздраженъ, сохранялъ въ разговорѣ удивительное спокойствіе и хладнокровіе, пока гнѣвъ его не доходилъ до того что прорывалъ всѣ искусственныя преграды, и нестово обрушался на противника.

Такимъ образомъ часто случалось, что онъ отступалъ передъ соперникомъ, въ порядкѣ и безъ спѣху, какъ старый хитрый полководецъ, слабостью обороны завлекалъ непріателя, и потомъ атаковалъ его всѣми силами, пѣхотою, конницею и артиллеріею, такъ быстро и неожиданно, что непременно разстроивалъ его, если и не всегда могъ опрокинуть.

По этой тактикѣ, выслушавъ послѣднее замѣчаніе Эврарда, сэръ Генри скрылъ свою досаду, и сказалъ съ удивительною вѣжливостію, что пресвитеріанское дворянство, конечно, представило достаточныя доказательства своей скромности и безкорыстнаго стремленія къ общественному благу, чтобы можно вѣрить чистосердечію ихъ сильнаго предубѣжденія противъ сочиненій, въ которыхъ самыя благородныя религіозныя и нравственныя изрѣченія, — способныя обратить на путь истины самыхъ закосивѣлыхъ грѣшниковъ, и достойныя устъ умирающихъ святыхъ и мучениковъ, — сталкиваются иногда, вслѣдствіе невѣжества и грубаго вкуса вѣка, съ довольно вольными шутками; хотя, по его мнѣнію, эти шутки никому не мѣшаютъ, кромѣ тѣхъ, которые отыскивали ихъ, за тѣмъ чтобы съ помощью ихъ затоптать въ грязь то, что заслуживало одного благоговѣнія. Но въ особенноти желалъ онъ узнать отъ племянника, гдѣ тѣ даровитые люди, которые вытѣснили съ кафедръ ученыхъ членовъ англиканской церкви и заступили ихъ мѣсто, и знали ли они вдохновеніе музъ (если такое свѣтское выраженіе не оскорбляло полковника Эврарда), или же они также невѣжественно и глупо чуждались изящной литературы, какъ челоуѣколюбія и здраваго смысла?

Полковникъ Эврардъ могъ угадать, какая буря бушевала въ груди его дяди, по ироническому тону, какимъ была произнесена эта рѣчь, или даже потому что онъ величалъ его полковникомъ. Старикъ не любилъ этого слова, потому что оно напоминало ему отношенія его племянника къ враждебной партіи, и употреблялъ его только въ минуты гнѣва; въ другое же время онъ называлъ Эврарда племянникомъ, или просто Меркемомъ. Вслѣдствіе этой догадки, а отчасти и надежды видѣть Алису, полковникъ удержался отъ отвѣту на рѣчь дяди, которая кончилась въ то самое время, какъ старикъ сошелъ съ лошади у подъѣзду Ложи и входилъ съ своими спутниками въ сѣни.

Немедленно явилась Фиби, и сэръ Генри приказалъ ей подать чай для гостей. Вудстокская Геба, узнавъ Эврарда, привѣтствовала его почти непримѣтнымъ поклономъ; но она оказала

ему плохую услугу, спросивъ сэра Генри, не прикажетъ ли онъ позвать миссъ Алису. Старикъ отвѣчалъ сердито и рѣшительно нѣтъ, а неумѣстный вопросъ повидимому только усилилъ его гнѣвъ на Эврарда за неуваженіе къ Шекспиру.

— Я бы попросилъ еще разъ полковника Эврарда, сказалъ сэръ Генри, возобновляя роковой разговоръ, — если только бѣдному отставному кавалеру позволено такъ настаивать передъ полковникомъ побѣдоносной арміи, — сказать мнѣ, въ комъ время смуть, наславшее на насъ такое безконечное число святыхъ и пророковъ, дало намъ также поэта, могущаго своимъ дарованіемъ и святостью затмить бѣднаго старика Виля, бывшаго оракуломъ и кумиромъ намъ, слѣпымъ и земнымъ кавалерамъ?

— Я знаю стихи, отвѣчалъ полковникъ Эврардъ, писанные однимъ приверженцемъ республики, и притомъ въ драматическомъ родѣ, которые, при безпристрастномъ обсужденіи, могутъ сравниться даже съ произведеніями Шекспира, и притомъ въ нихъ нѣтъ напыщенности и непристойностей, которыми великій поэтъ кормилъ иногда своихъ полу-дикихъ слушателей.

— Право? сказалъ сэръ Ли, едва удерживая свое негодованіе. Желалъ бы я знать это диво поэзіи!.... Позвольте по крайней мѣрѣ узнать имя этого великаго смертнаго.

— Вѣроятно Викарсъ, или по крайней мѣрѣ Уитерсъ, подхватилъ пажъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Эврардъ, и не Друмондъ изъ Готоридена, и даже не лордъ Стэрлингъ. А стихи подтверждаютъ мои слова, если вы будете свисходительны къ моему неамастерскому чтенію.... я вѣдь болѣе привыкъ говорить передъ фронтомъ, чѣмъ съ поклонниками музъ. Говоритъ женщина; она сбилась съ дороги въ непроходимомъ лѣсу, и ее застигаетъ ночь; она сначала изъясняетъ страхъ, который внушаютъ ей ея положеніе, и мысль о духахъ и привидѣніяхъ.

— И еще театральная пьеса, написанная Круглоголовымъ! воскликнулъ сэръ Генри въ изумленіи.

— По крайней мѣрѣ въ драматической формѣ, отвѣчалъ Эврардъ, и сталъ читать просто, но съ выраженіемъ, стихи знаменитаго нынче поэта, но котораго слава между современниками основывалась болѣе на его полемическихъ и политическихъ сочиненіяхъ, а не на поэтическихъ произведеніяхъ, обезсмертившихъ его для потомства.

— Лишь удивятъ такіа мысли могутъ

А не смутить того, кому всегда
Хранитель-спутникъ вѣрный — совѣсть...»

— Моя мысль, Меркемъ, моя мысль! вскричалъ сэръ Генри въ восторгѣ; лучше выражено, а рѣшительно то же, что я говорилъ, когда эти Круглоголовые мошенники вздумали, будто имъ являлись привидѣнія въ Вудстокъ.... Но продолжай, Эвардъ.

Эвардъ продолжалъ:

«Привѣтствую тебя, святая Вѣра,
И васъ, — Надежда, златокрылый ангель,
И непорочной мысли Чистота!
Вы мнѣ явились, и появилась я,
Что Онъ, Богъ Всеблагій, кому какъ рабъ
Покорно зло, орудье каръ и мести,
Хранителя съ небесъ мнѣ низпошлетъ.
Да защититъ мою онъ жизнь и честь!
Но что? обманъ ли глазъ, или серебромъ
Обраенный, свой черныи саванъ туча
По небу разостлала?...»

— Далѣе не припомню, сказалъ Эвардъ; и то удивительно, что это запомнилъ.

При этихъ стихахъ, столь не похожихъ на то, чего онъ ждалъ, презрительная усмѣшка исчезла съ лица сэра Генри; искривленная верхняя губа его выпрямилась, одною рукою онъ поглаживалъ бороду, а палецъ другой приставилъ къ брови, въ знакъ глубокаго вниманія. Когда Эвардъ замолчалъ, старикъ вздохнулъ, потомъ заговорилъ съ кротостью.

— Племянникъ Меркемъ, сказалъ онъ, стихи эти плавны и сладостны, какъ лепеставіе лютии, когда на ней хорошо играютъ. Но ты знаешь, что я тяжелъ на голову, и плохо понимаю, что слышу въ первый разъ. Я люблю стихи читать по два раза, въ первый прислушиваюсь къ мѣрѣ, а во второй къ смыслу.

Эвардъ повторилъ стихи съ большею смѣлостью и большимъ успѣхомъ; сэръ Генри на этотъ разъ все понялъ, какъ видно было изъ его радостныхъ, одобрительныхъ взглядовъ и движеній.

— Да! сказалъ онъ, когда Эвардъ опять замолчалъ, — да, это по моему настоящая поэзія, хотя бы его написалъ пресвитеріанецъ, или даже анабаптистъ. Пашлись вѣдь богобоязненные люди въ городахъ, обреченныхъ за грѣхи свои гибели отъ небеснаго огня. И я слышалъ, хотя плохо этому вѣрилъ, — извини,

Эврдъ—что между вами есть люди, знавшіе преступность своего возстанія противъ добрѣйшаго и милосерднѣйшаго монарха, котораго они привели къ тому, что онъ былъ умерщвленъ еще болѣе необузданною ватагою. Да, нѣтъ сомнѣнія, что чистый умъ и кроткая душа, внушившія эти дивныя строки, давно научили автора говорить: грѣшенъ, грѣшенъ.... и сладостная арча его разбита раскаяніемъ въ преступленіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.... и онъ плачетъ надъ позоромъ и скорбью Англіи, а чудные стихи его, по выраженію Вилюшки, что прелестныя колокольчики, когда ихъ ударяютъ слишкомъ громко и не въ тонъ. Не такъ ли мистръ Кернеги.

— Не думаю, сэръ Генри, отвѣчалъ пажъ, съ хитрою усмѣшкою.

— Какъ? ты не вѣришь, что авторъ этихъ стиховъ долженъ быть лучше другихъ, и подходить къ нашему образу мыслей?

— По стихамъ я думаю, сэръ Генри, что авторъ годится на то, чтобы писать комедію о Путичаровой женѣ и ея строптивомъ возлюбленномъ; по послѣдней же метафорѣ, въ которой онъ одѣваетъ тучу въ черный кафтанъ или плащъ съ серебрянымъ галуномъ, я счелъ бы его за портнаго, еслибы не зналъ, что онъ, по званію школьный учитель, а по политическимъ мнѣніямъ удостоился чести быть Кромвелевскимъ поэтомъ-лауреатомъ. Знайте; авторъ этихъ стиховъ, которые полковникъ Эврдъ прочелъ съ такимъ благоговѣніемъ, не кто иной, какъ знаменитый Джонъ Мильтонъ.

— Джонъ Мильтонъ! вскричалъ сэръ Генри въ изумленіи.... Какъ! Джонъ Мильтонъ, печестивый и кровожадный авторъ «Защиты англійскаго народа»!.... защитникъ адскаго верховнаго суда воплощенныхъ дьяволовъ!.... твореніе и нахлѣбникъ того великаго обманщика, подлаго лицемеря, ненавистнаго чудовища, выродка изъ природы, позора человѣческаго рода, того собранія всѣхъ нечестій, грѣховъ и подлостей, Оливера Кромвеля!

— Тотъ самый Джонъ Мильтонъ, отвѣчалъ Карлъ: учитель деревенскихъ мальчишекъ, и портной облаковъ, которыя онъ одѣваетъ въ черное платье съ серебрянымъ галуномъ, на счетъ здраваго смысла.

— Меркемъ Эврдъ, сказалъ сэръ Генри: я этого никогда не прошу тебѣ.... никогда, никогда. Ты заставилъ меня отозваться съ похвалою о человѣкѣ, котораго трунъ слѣдовало бы бросить на расклеваніе коршунамъ. Не оправдывайся, а иди прочь! Моею ли похвалою, твоего дяди и благодѣтеля, тебѣ играть какъ

ничемъ, и обращать ее на такія выбѣленные могилы, какъ твоя соиствъ Мильтонъ?

— Позвольте сказать вамъ, что это несправедливо, сэръ Генри, сказалъ Эврардъ. Вы же сами настаивали, чтобы я вамъ показлъ образецъ поэзіи, достойной Шекспира. Я имѣлъ въ виду одни стихи, а не политическія мнѣнія Мильтона.

— Да, знаемъ, возразилъ сэръ Генри: знаемъ, что вы мастера дѣлать разграниченія; но Богъ васъ услышитъ и будетъ вамъ судьей.... Убери вино, Фиби (это было сказано въ скобкахъ, и обращалось къ Фиби, вошедшей въ то время съ виномъ), полковникъ Эврардъ не хочетъ пить. Вы отерли уста и говорите, что ничѣмъ не виноваты. Но вы обманули человѣка, Бога же вамъ не обмануть! Не утрете болѣе устъ въ Вудстокъ, ни послѣ стола, ни послѣ питья; даю вамъ слово!

При этомъ неожиданномъ попрекѣ всѣми преступленіями, въ которыхъ роялисты обвиняли его релігіозную секту и политическую партію, Эврардъ слишкомъ поздно догадался, какой онъ далъ промахъ, необдуманнѣмъ противорѣчіемъ мнѣнію дяди о драматической поэзіи. Онъ хотѣлъ объясниться, извиниться, но уже было поздно.

— Я ошибся въ вашей цѣли, сэръ Генри, сказалъ онъ, я полагалъ, что вы въ самомъ дѣлѣ желали узнать что-нибудь о нашей литературѣ, и увѣряю васъ, прочтеніемъ стиховъ, которые считалъ достойными выслушанія, думалъ доставить вамъ удовольствіе, а не возбудить ваше негодованіе.

— Знаемъ, отвѣчалъ старикъ, нисколько не смягчаясь: увѣряю, увѣряю, это ваше новое выраженіе, которымъ вы замѣняете нечестивыя клятвы придворныхъ и кавалеровъ. Посовѣтовалъ бы я вамъ, сэръ, по-меньше увѣрять, а по-больше являть на дѣлѣ.... а между тѣмъ, прощайте.... Мистръ Кернеги, мы выпьемъ въ моей комнатѣ.

Между-тѣмъ какъ Фиби стояла разинувъ ротъ, не понимая возникшей ссоры, досада и гнѣвъ полковника Эврарда были еще болѣе растравлены нахальнымъ видомъ молодого Шотландца. Засунувъ руки въ карманы, по придворной замашкѣ, онъ гнѣвно растянулся въ старинномъ креслѣ, и нисколько не стараясь скрыть-какъ забавлялъ его результатъ посѣщенія полковника въ Вудстокъ. Онъ не смѣялся въ слухъ, потому что этого не допускала придворная вѣжливость; но за то онъ вполне обладалъ искусствомъ смѣяться про себя, тѣмъ язвительнымъ смѣхомъ, который свѣтскіе люди придумали для того, чтобы забавляться, не

нанося прямого оскорбленія, и не навлекая себѣ ссоры. Терпѣніе полковника Эврарда достигло той границы, гдѣ оно должно было разразиться бурей, потому что не смотря на различіе дяди и племянника въ политическихъ мнѣніяхъ, между ними было разительное сходство нравовъ.

— Проклятiе! сказалъ онъ, голосомъ такъ же непринчливымъ строгому пуританцу, какъ и самое выраженіе.

— Амниъ! подхватилъ Лувсъ Кернеги, но такъ тихо, что казалось, будто слово не было сказано съ умысломъ, а только сорвалось съ языка.

— Сэръ! сказалъ Эврардъ, подступая къ нему съ видомъ человѣка, желающаго найти предметъ, на которомъ бы ему выместить свою досаду.

— Что прикажете? спросилъ пажъ спокойно, и взглянувъ на полковника съ невинностью младенца.

— Я желалъ бы знать, сэръ, что значило сказанное вами сейчасъ слово? сказалъ Эврардъ.

— Просто, мое искреннее желаніе, почтенный сэръ, отвѣчалъ Кернеги: небольшая посылочка на небо, на мой собственный счетъ, прилагаемая къ вашему святому прошенію.

— Сэръ, возразилъ Эврардъ, бывали случаи, что за вашу улыбку весельчаку пересчитывали всѣ кости.

— Вотъ видите, сэръ, сказалъ насмѣшливый пажъ, которому даже собственная безопасность ничего не значила противъ удовольствія отпустить остроту: если бы вы остались при своихъ пуританскихъ *уопреніяхъ*, вы бы навѣрное давно задохлись; но ваше здоровое проклятiе хлопнуло какъ пробка изъ бутылки сидру, и выпустило на волю пѣнящееся бѣшенство, на прямомъ, некрещенномъ языкѣ обыкновенныхъ людей.

— Радн Бога, мистръ Гиррри, сказала Фибби, не оскорбляйте полковника такими дерзкими рѣчами!.... А вы, полковникъ Меркекъ, не обращайтесь вниманія на его слово; вѣдь онъ еще ребенокъ.

— Когда полковнику, или вамъ самимъ угодно, миссъ Фибби, вы можете убѣдиться, что я не ребенокъ.... полковнику, я думаю, уже не нужно этого доказывать.... Онъ можетъ-быть посоветуетъ вамъ взять роль дѣвушки въ «Комусъ»; надѣюсь только, что въ благоговѣніи своемъ къ Джону Мильтону, онъ не задумаетъ взять на себя роль «Страдающаго Самсона» и не взорветъ стараго вудстокскаго замка своими проклятiями, или не обрушитъ его въ гнѣвъ своемъ на наши уши.

— Молодой человекъ, сказалъ полковникъ, дрожа еще отъ гнѣва, если вы не хотите уважать моихъ вѣрованій, не забудьте, что только они защищаютъ васъ отъ заслуженнаго урока.

— Видно, сказала Фиби, придется призвать кого-нибудь, чьи слова подѣйствуютъ больше моихъ. И она поспѣшно вышла изъ комнаты, между-тѣмъ какъ Кернеги отвѣчалъ Эврарду съ тѣмъ же оскорбительнымъ хладнокровіемъ:

— Прежде, чѣмъ угрожать мнѣ вашимъ страшнымъ гнѣвомъ, не мѣшало бы узнать, не принуждаютъ ли меня обстоятельства отказать вамъ въ удовлетвореніи вашего желанія.

Въ это мгновеніе, Алиса, вѣроятно по призыву Фиби, торпливо вошла въ залу.

— Мистръ Кернеги, сказала она, батюшка проситъ васъ пожаловать въ комнату Виктора Ли.

Кернеги всталъ и поклонился, но съ очевиднымъ намѣреніемъ дожидаться выхода Эврарда, чтобы не дать ему возможность объявиться съ двоюродною сестрою.

— Меркемъ, сказала Алиса съ волненіемъ, Меркемъ,.... я не могу долго оставаться здѣсь.... ради Бога уйдите, немедленно.... будьте осторожны и терпите.... но уходите поскорѣе; батюшка въ ужасномъ гнѣвѣ.

— Мнѣ это уже говорилъ самъ дядюшка, отвѣчалъ Эврардъ, и въ то же время приказалъ выйти; я немедленно исполню его волю. Не думалъ я, что вы такъ охотно возьметесь подтвердить его жестокое приказаніе; но я уйду; знаю, что здѣсь остаются люди, которыхъ общество пріятѣе моего.

— Безжалостный!... неблагодарный!... сказала Алиса, но боясь, чтобы эти слова не дошли до ушей, которымъ не слѣдовало ихъ слышать, она произнесла такъ тихо, что ихъ не могъ слышать и тотъ, кого они должны были утѣшить.

Эврардъ холодно поклонился Алисѣ, и, обращаясь къ Шотландцу, сказалъ съ принужденною учтивостью, которою порядочные люди прикрываютъ смертельную вражду:

— Кажется, мистръ Кернеги, я принужденъ буду удалиться, не высказавъ моего мнѣнія о предметѣ, на который мы намекнули, но я пошлю человека, который, я надѣюсь, сумѣетъ устроить ваши предубѣжденія.

Мнимый Шотландецъ поклонился съ видомъ высокомѣрнаго снисхожденія, сказалъ, что будетъ ждать приказаній полковника; потомъ подавъ руку миссъ Алисѣ, чтобы вести ее къ отцу, и съ торжествующею улыбкою разстался съ соперникомъ.

Вся кровь кипѣла гнѣвомъ въ жилахъ Эврарда; по ловкости и холодной самоувѣренности молодого Шотландца, онъ былъ убѣжденъ, что это или Вильмотъ или кто-нибудь изъ товарищей его распутствъ. Возвращаясь въ городъ Вудстокъ, онъ клялся что не потерпитъ осмѣянія и оскорбленія, хотя бы пришлось вскакать расправы путями, которыхъ не оправдывали его религіозныя и нравственныя понятія.

XI.

Между-тѣмъ какъ полковникъ Эврардъ съ негодованіемъ удался изъ замка, куда дядя въ припадкѣ любезности пригласилъ его на завтракъ, а вспышка гнѣву выгнала по-прежнему на тощакъ, старый кавалеръ, съ трудомъ успокоившись, сѣлъ за столъ съ дочерью и гостемъ. Вспомнивъ потомъ о нѣкоторомъ дѣлѣ въ паркѣ, онъ клякнулъ Бивнса и ушелъ. Сэръ Генри всё-еще съ величайшею точностью исполнялъ всѣ обязанности своего званія смотрителя вудстокскаго парка. Молодые люди остались одни.

«Теперь Алиса не смѣетъ своего льва при себѣ, подумалъ влюбленный король: можно посмотрѣть, принадлежитъ ли она къ породѣ тигрицъ.»

— Сэръ Бивнсъ покинулъ свой постъ, сказалъ онъ: я полагаю, что старинные рыцари, строгіе стражи,—которыхъ онъ такой достойный представитель,—поусердиѣ охраняютъ вѣренное имъ сокровище.

— Бивнсъ знаетъ, что я могу обойтись и безъ его охраны, отвѣчала Алиса: притомъ у него есть другія обязанности, такія, который всякій истинный рыцарь предпочитаетъ сидѣнью на привязи у жезскаго передника.

— Такая рѣчь — уголовное преступленіе противъ истинной привязанности. Малѣйшее желаніе дамы налагаетъ на всякаго рыцаря обязанности, которыя могутъ уступить развѣ только волѣ государя. Я желалъ бы, миссъ Алиса, чтобъ вы дали мнѣ хоть угадать какое-нибудь ваше желаніе; вы увидѣли бы, какъ я умѣю повиноваться.

— Однакожь вы сегодня утромъ не пришли сказать мнѣ, который часъ, возразила Алиса: и я осталась здѣсь съ сомнѣніемъ, точно ли крылья времени развернуты, тогда какъ мнѣ лучше сѣдовало бы вспомнить, что любезность мужчинъ непостояннѣе самаго времени. Знаете ли, чего могла стоить мнѣ и другимъ

ваша несправность?... Пуддингъ и думплингъ * могли подгорѣть. Вы не знаете, что я не покидаю стариннаго обычая присмотрѣть за кухней? Кроме того, я могла пропустить часъ молитвы или не поспѣть на свиданіе, а все это по нерадѣвію мистера Лунса Кернеги.

— О! возразилъ пажъ: я изъ тѣхъ любовниковъ, которые не выносятъ разлуки: мнѣ нужно вѣчно находиться у ногъ моего прекраснаго врага.... Такъ, кажется, романы научаютъ насъ называть жестокихъ, которымъ мы посвящаемъ сердце и жизнь свою?.... Говори ты за меня, добрая лютня, прибавляя оны, взявъ инструментъ: и покажи, знаю ли я мои обязанности.

Съ этимъ словомъ оны не столько искусно сколько со вкусомъ запѣлъ французскую арію, къ которой кто-то изъ его придворныхъ приладилъ англійскія слова:

Когда востока край зарей горитъ, —
 Что бѣдняка съ былой бѣдой, съ тоскою,
 И съ будущей заботой примирить?
 Одинъ часокъ съ тобою.

Раскинетъ солнце золотой вѣнецъ, —
 Что труженнику силъ дать и покою,
 Источъ близкій посулить конецъ?
 Одинъ часокъ съ тобою.

А скроется въ чужихъ краяхъ царь дня, —
 Что сниметъ бремя, воскреситъ душою,
 Утѣшитъ безнадежнаго меня?
 Одинъ часокъ съ тобою.

— Есть еще четвертый куплетъ, сказалъ пѣвецъ, но его я не стану пѣть вамъ, миссъ Алиса, потому что оны не нравятся въ некоторымъ чопорнымъ скромницамъ при дворѣ.

— Благодарю васъ за осторожность, мистръ Кернеги. Я хотя воспитана въ деревнѣ, однакожъ желаю слѣдовать обычаямъ двора, такъ, что не принимаю ничего такого, что бы не было въ ходу у знатнѣйшихъ дамъ.

— Я бы желалъ, миссъ Ли, чтобы вы принимали все, что у этихъ дамъ считается ходячею монетою.

— Что-жъ бы вышло? простодушно спросила Алиса.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Лунсъ съ замѣшательствомъ

* Dumpling, легкое тѣсто, въ которомъ запекаются яблоки или другіе плоды.

какъ генераль, который видитъ, что всё его приготовленія къ нападенію не производятъ ни малѣйшей тревоги въ непріятельскомъ станѣ: въ такомъ случаѣ вы, прекрасная Алиса, не оскорбитесь, если я заговорю языкомъ по-вѣжнѣе обыкновенной любезности.... когда я вамъ скажу, какъ дорого моему сердцу то, на что вы смотрите какъ на шутку.... когда я не шутя признаюсь вамъ, что отъ васъ зависитъ сдѣлать меня самымъ счастливымъ или несчастнымъ изъ людей.

— Объяснимся хорошенько, мистръ Кернеги, возразила Алиса безъ всякаго смущенія: я мало знаю обычая большаго свѣта, однако скажу вамъ откровенно, что вовсе не желаю прослыть глупою деревенскою дѣвушкой, которая по невѣжеству или чопорности пугается первой любезности, сказанной молодымъ человекомъ на досугѣ, отъ нечего дѣлать. Между тѣмъ это опасеніе показаться деревенскою простотою не должно заводить меня слишкомъ далеко. Я не знаю въ точности границъ, гдѣ оно должно остановиться, и постараюсь не зайти слишкомъ далеко.

— Надѣюсь, миссъ Ли, что какъ-бы строги вы ни были, вы не станете тяжело наказывать меня за проступокъ, котораго виною — единственно ваши же прелести.

— Выслушайте меня, пожалуйста, сэръ. Я слушала васъ, когда вы говорили какъ пастушокъ; я даже до того была снисходительна, что отвѣчала вамъ какъ пастушка.... Я убѣждена, что діалоги между Линдоромъ и Джаннетой могутъ довести только до смѣшнаго, и главный недостатокъ его слогу — смертная скука и утомительная вычурность. Но когда вы начинаете преклонять колѣно передо мной, хотите взять меня за руку и заговорить важнымъ тономъ, тогда я принуждена напомнить вамъ, кто мы. Я дочь сэра Генри Ли, сэръ, а вы — мистръ Лудсъ Кернеги, пажъ моего брата, нашедшій пріютъ подъ кровлею моего отца, который, оказывая вамъ гостепримство, нѣсколько подвергается опасности и котораго дочь, слѣдовательно, должна бы быть недопустимою нападеніямъ съ вашей стороны.

— Дай Богъ, прекрасная Алиса, чтобъ только званіе Лудса Кернеги мѣшало вамъ отвѣчать на мое призваніе въ любви не шутя, а такъ, какъ о предметѣ, который можетъ рѣшить мою судьбу. Алиса, въ васъ душа вашей фамиліи, и честь также. Я не бѣдный шотландскій пажъ; только необходимость заставила меня въ первый вечеръ нашего знакомства разыграть передъ вами роль неуклюжаго и грубаго недоросля. Эта рука, — какъ ни бѣдна она теперь кажется, — можетъ предложить корону.

— Такъ поберегите ее для болѣе честолюбивой дѣвушки, ии-лордъ... такъ, конечно, слѣдуетъ называть васъ, если вы гово-рите правду. Я не приму вашей руки, хотя бы она предлагала мнѣ герцогскую корону, не только грасскую.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи, прекрасная Алиса, вы не пре-увеличили ни моей власти, ни моей щедрости. Съ вами говорить вамъ король, Карлъ Стуартъ. Онъ можетъ дарить герцогства, и если красота того заслуживаетъ, то кто же можетъ быть достой-нѣе Алисы Ли?... Встаньте, не преклоняйте колѣна... Мнѣ слѣ-дуетъ преклонить колѣни передъ вами, Алиса. Вашъ король про-дастъ вамъ въ тысячу разъ болѣе чѣмъ посмѣлъ бы выразить бѣдный Лунсъ Кернеги. Я знаю, что Алиса воспитана въ пра-вилахъ любви и повиновенія, и по совѣсти не можетъ огорчить своего короля отказомъ въ самомъ пламенномъ его желаніи...

Несмотря на всѣ услія Карла, Алиса оставалась въ своемъ положеніи, преклонивъ колѣно, и поцѣловала руку, которая хотѣла поднять ее. Отдавъ это почтеніе королю, она встала, по-чтительно, но спокойно выпрямилась, подняла ясный, зоркій взглядъ и, совершенно владѣя собою, казалось, очень мало была восхищена довѣренностью, которою ее хотѣли ослѣпить. Карлъ не зналъ, какъ продолжать разговоръ.

— Вы молчите, прекрасная Алиса? спросилъ онъ: неужели король имѣетъ на васъ не болѣе вліянія какъ и бѣдный шот-ландскій пажъ?

— Въ одномъ отношеніи, отвѣчала Алиса, мой государь имѣетъ на меня безпредѣльное вліяніе: ему принадлежать всѣ мои мы-сли, всѣ мои желанія, всѣ мои молитвы, вся преданность, какую женщины изъ дому Ли всегда готовы, въ случаѣ нужды, заме-чательнѣе своею кровью, какъ и всѣ мужчины, носящіе это имя, всегда доказывали ее своими мечами. Но далѣе обязанностей вѣр-ноподданной король для Алисы Ли даже меньше чѣмъ бѣдный Лунсъ Кернеги. Шотландскій пажъ могъ по-крайней-мѣрѣ пред-ложить ей честный союзъ; король можетъ предложить только запятнанную герцогскую корону.

— Вы ошибаетесь, Алиса; вы ошибаетесь. Сядьте и выслу-шайте меня... Сядьте, говорю я вамъ. Чего вы боитесь?

— Я ничего не боюсь. Чего мнѣ бояться отъ короля Велико-британіи, мнѣ, дочери одного изъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ, и подъ отцовскою кровлею? Но я знаю, какое огромное разсто-янiе раздѣляетъ насъ. Я могла болтать и шутить съ равнымъ себѣ; по передъ королемъ должна являться только въ почтитель-

номъ положеніи подданной.... развѣ только безопасность его придать меня притворяться, будто я не узнаю его достоинства.

Карлъ, несмотря на молодость, былъ уже не новичекъ въ побдвхъ сценхъ, и удивился, встрѣтивъ сопротивленіе; какого еще не выдывалъ въ такихъ обстоятельствахъ, даже когда испытывалъ неудачи. Во всемъ обращеніи Алисы онъ не видалъ ни гнѣву, ни безпорядку, ни гордости. Она оставалась неподвижною, и казалась готовою спокойно разсуждать о предметѣ; который обыкновенно рѣшается страстью; даже не покушалась выйти и какъ будто хотѣла терпѣливо выслушать все, что любимый вмѣстѣ сказать ей, но вмѣстѣ съ тѣмъ показывала, что дѣлаетъ это только изъ угожденія волѣ короля.

— Она честолюбива, подумалъ Карлъ: страстныя мольбы не тронуть ея; тутъ можно успѣть только посредствомъ блеску славы.... Прощу васъ, прекрасная Алиса; садитесь, сказалъ онъ: любовникъ просить, и король такъ приказываетъ.

— Король, отвѣчала Алиса, можетъ дозволить нѣкоторое ослабленіе церемоніала, должнаго его величеству, но онъ не можетъ даже именными повелѣніями уничтожить обязанностей своихъ подданныхъ. Я буду стоять здѣсь, пока вашему величеству угодно будетъ говорить со мной, и стану слушать терпѣливо, какъ долгъ велитъ.

— Такъ знайте же, неопытная дѣвушка, что отвѣчая на мою нѣжность и принимая мое покровительство, вы ни сколько не погрѣшите противъ правилъ нравственности и чести. По рожденію назначенные для престола осуждены на лишеніе семейныхъ радостей и въ особенности самаго отраднаго, самаго драгоценнаго права — выбирать себѣ по сердцу подругу на всю жизнь. Союзы ихъ заключаются условіями и требованіями политики, и часто случается, что они находятъ въ своихъ супругахъ такіе характеры и наклонности, которые совершенно неспособны упрочить ихъ семейное счастье. Оттого общество страдаетъ къ намъ и валагаетъ на наши невольные союзы не столько тѣсныя и тяжелыя цѣпи, какъ на браки нашихъ подданныхъ, которые вольны сами выбирать ихъ себѣ. Поэтому, съ-тѣхъ-поръ какъ Генрихъ построилъ этотъ замокъ, всѣ знатные и незнатные привыкли видѣть прекрасныхъ Розамундъ, которыя властвовали надъ любящимъ сердцемъ короля и утѣшали его за лишенія и принужденія. Свѣтъ не порицаетъ подобныхъ связей; напротивъ, онъ толпами бѣжитъ на праздники къ красавицѣ Эсэри, восхищается ея прелестью, и осаждаетъ ее просьбами о покровитель-

ствѣ, потому что знаетъ ея силу. Ея дѣти становятся въ рядъ знатнѣйшихъ вельможъ въ государствѣ, и мать, почтенная и благословенная, переживая себя въ потомствѣ, умираетъ оплаканная въ объятіяхъ любви и дружбы.

— Точно ли такъ умерла Розамунда, государь? спросила Алиса. Наши лѣтописи утверждаютъ, что она отравлена оскорбленною королевой, и умерла, не успѣвъ даже помолиться Богу объ отпущеніи своихъ грѣховъ. Не это ли значитъ пережить себя? Я слышала также, что епископъ, очищая церковь въ Годстовѣ, приказалъ открыть памятникъ, воздвигнутый Розамундѣ, и выкинуть ея кости въ неосвященную землю.

— Вы говорите объ очень отдаленномъ времени, Алиса, отвѣчалъ Карлъ, о времени еще грубомъ и варварскомъ. Нынче уже нѣтъ такихъ ревнивыхъ королевъ, ни такихъ строгихъ епископовъ. Знайте, впрочемъ, что у насъ есть законъ, который устраняетъ отъ подобнаго союза даже малѣйшую тѣнь предосудительнаго. По обычаямъ нашей земли, у насъ есть родъ брака, который соотвѣтствуя всѣмъ требованіямъ Церкви, не оставляетъ ни какого пятна на совѣсти и только не даетъ такой супругѣ правъ ея вѣщественнаго супруга, не нарушаетъ обязанностей короля въ отношеніи къ подданнымъ. Такимъ образомъ Алиса Ли можетъ сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ законною женой Карла Стурта, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что не будетъ имѣть права на его престолъ и титулъ англійской королевы.

— Мое честолюбіе, отвѣчала Алиса, будетъ совершенно удовлетворено, когда я увижу, что Карлъ царствуетъ. Я вовсе не желаю раздѣлять ни его могущества и почестей передъ народомъ, ни его роскоши и пышности въ частной жизни.

— Я понимаю васъ, Алиса, возразилъ король, стараясь скрыть свою досаду: вы смѣтаете надо мной, зато что я будучи изгнанникомъ позволяю себѣ говорить какъ король. Признаюсь, это привычка, отъ которой всѣ мои несчастія не могли отгнать меня. Но положеніе мое еще не такое отчаянное, какъ вы, можете-быть, думаете. Мои виѣшніе союзники для собственныхъ своихъ выгодъ должны поддерживать меня. Испанія и Франція обнадѣживаютъ меня; я совершенно увѣренъ, что кровь моего отца не останется безъ отмщенія. Я уповаю на того, кѣмъ поставлены земные цари, и, что бы вы ни думали о настоящемъ положеніи дѣлъ, у меня есть стоящее убѣжденія предчувствіе, что онъ возведетъ меня на престолъ моихъ предковъ.

— Дай Богъ! подтвердила Алиса: и чтобы Богу угодно было

исполнить вашу надежду, обдумайте, можете ли вы теперешнимъ своимъ поведеніемъ заслужить такое милосердіе. Вспомните, чего вы требуете отъ дѣвушки, давно лишенной совѣта матери и не имѣющей на защиту противъ вашихъ софизмовъ ничего кромѣ природнаго сознанія достоинства своего пола. Сообразите, каково будутъ отличаться въ исторіи вашего царствованія смерть моего отца, — неминуемое слѣдствіе безразсудства его дочери, — отчаяніе брата, который такъ часто жертвовалъ жизнью для вашего величества, и позоръ дома, который пріютилъ васъ? И могутъ ли всѣ эти вещи склонить къ вамъ милость Бога, безъ того уже слишкомъ явно покаравшаго домъ вашъ своимъ гнѣвомъ; могутъ ли они возвратить вамъ привязанность англійскаго народа, въ глазахъ котораго подобныя поступки — срамъ? Подумайте объ этомъ, ваше величество.

Карлъ молчалъ. Его поразила неожиданная оборота дѣла; онъ не предполагалъ, что страсть и личная польза его встрѣтятся въ такой борьбѣ.

— Если вашему величеству ничего не угодно приказать, сказала Алиса, я попрошу позволенія удалиться.

— Одну минуту еще, странная, непостижимая дѣвушка. Отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ. Не по несчастному ли настоящему положенію моему вы отвергаете мое предложеніе?

— Мнѣ нечего скрывать, ваше величество; я отвѣчу вамъ точно такъ же ясно и откровенно какъ вы спрашиваете. Чтобы рѣшиться на постыдный и сумасбродный поступокъ, мнѣ нужно бы было быть ослѣпленной страстью, которую обыкновенно оправдываютъ проступки и даже преступленія, и даже тогда, когда этой страсти вовсе не бывало, — словомъ, мнѣ нужно бы было чувствовать любовь, какъ говорится. Любовь я могла бы чувствовать къ равному, но никогда къ моему государю, — носишь только титулъ или будь дѣйствительно владѣтелемъ своего государства.

— Однако жъ, Алиса, преданность королевскому дому всегда была отличительною чертою вашей фамиліи и такую добродѣтель, которою она всего болѣе гордилась.

— А развѣ я могу представить лучшее доказательство преданности нежели теперь, когда отказываюсь даже отъ предложенія моего короля и заклинаю его отказаться отъ намѣренія постыднаго столько же для него сколько для меня? Развѣ я поступлю какъ вѣрноподданная, если соединюсь съ нимъ въ безум-

номъ поступкѣ, ддятого только чтобъ бросить ему новое препятствіе на пути къ престолу?

— Я вижу, что мнѣ лучше бы было оставаться въ роли наша чѣмъ являться королемъ.

— Я поступаю еще откровеннѣе, ваше величество; я скажу вамъ, что нѣтаю и нѣтала бы къ Луису Кернеги равно столько же склонности сколько въ наследнику великобританскаго престола. Моя любовь, — не похожая на описанія, которыя я читала въ романахъ и балладахъ, — уже принадлежитъ другому.... Я вижу, что огорчаю ваше величество, и искренно жалѣю объ этомъ, но спасительныя лекарства часто бываютъ горьки.

— Да, и разсудительныя медки требуютъ, чтобы большыя глотали эти лекарства какъ медъ. Такъ исторія, которую мнѣ шепотомъ рассказали о кузенѣ полковникѣ, истинна? Дочь вѣрнопоподданнаго Генри Ли отдала свое сердце фанатику, бунтовщику?

— Сердце мое было отдано прежде нежели я узнала, что значать слова фанатикъ и бунтовщикъ. Я не взяла моего сердца обратно, потому что человекъ, о которомъ вы говорите, выбирая сторону въ этихъ смутахъ, терзающихъ наше отечество, могъ ошибиться, однако жъ дѣйствуетъ всегда по совѣсти. Въ этомъ я убѣждена. Оттого ему принадлежать и мое уваженіе и моя привязанность. Вотъ все, чего онъ можетъ ожидать отъ меня, все, чего онъ самъ требуетъ, пока какое-нибудь счастливое обстоятельство не изцѣлитъ общихъ нашихъ страданій и не примиритъ его съ моимъ отцомъ. Дай Богъ, чтобы счастливое возстановленіе вашего величества скоро привело насъ къ этой желанной цѣли.

— Вы нашли средство заставить меня возненавидѣть эту счастливую переменѣ, и вы сами, Алиса, вы не можете искренно желать этого. Развѣ вы не видите, что вашъ любезный, идя бокъ о бокъ съ Кромвелемъ, можетъ или, лучше сказать, долженъ раздѣлить его могущество? Даже, если Ламбертъ не предупредитъ его, онъ можетъ подкосить у Кромвеля траву подъ ногами и занять его мѣсто. Неужели вы думаете, что онъ тогда не найдетъ средства побѣднть вѣрнопоподданническую честность и гордость фамиліи Ли и заключить союзъ, подготовленный уже гораздо прочнѣй чѣмъ тотъ, который, говорятъ, Кромвель замышляетъ для одного изъ достойныхъ своихъ сыновей съ неменѣе вѣрнопоподданною наследницею фамиліи Фоковберговъ?

— Наконецъ вы нашли случай отмстить, ваше величество, если то, что я говорила, заслуживаетъ мести, отвѣчала Алиса.

— Я могу указать еще кратчайшій путь къ достиженію этого союза, продолжалъ Карлъ, не обращая вниманія на огорченіе Алисы, или, можетъ-быть, находя удовольствіе въ томъ чтобы потерзать ее: предположимъ, что вы дадите вашему полковнику знать, что здѣсь находится нѣкто Карлъ Стюартъ, пришедшій въ Англію возмущать мирное правленіе благочестивыхъ и оспаривать власть, которую они приобрѣли своими молитвами, проповѣдями, пиками и ружьями; предположите, что онъ догадается привести сюда дюжину Круглоголовыхъ, — этого въ настоящемъ положеніи вещей достаточно, чтобы рѣшить судьбу англійскаго престола, — и тогда, неужели вы думаете, обладаніе такимъ пѣвникомъ не доставитъ ему отъ парламента или отъ Кромвеля достаточно блестящаго вознагражденія, чтобы побѣдить отвращеніе вашего отца отъ союза съ пуританномъ и поставить прекрасную Алису съ кузеномъ полковникомъ на вершину блаженства?

— Ваше величество! вскричала Алиса вспыхнувъ и устремивъ на него сверкающіе глаза, — она также имѣла свою долю фамиліной запальчивости: это превосходитъ мѣру моего терпѣнія. Я могла выслушать унижительныя предложенія и не высказать моего негодованія; я старалась смягчить мой отказъ изгнанному принцу такъ, какъ будто-бы онъ предлагалъ мнѣ корону твердо укрѣпленную на головѣ. Но неужели вы думаете, я могу слушать клеветы на всѣхъ моихъ близкихъ, и не возмутиться, не отвѣчать? Нѣтъ, ваше величество, если бы я даже видѣла васъ, сидящаго посреди всѣхъ ужасовъ палаты пытокъ, какъ вашего отца, и тогда я вступилась бы за отсутствующихъ, и тогда защитила бы невиновныхъ. Я ничего не скажу о моемъ отцѣ, развѣ только, что онъ теперь лишенъ состоянія, почти не имѣетъ средствъ къ существованію, почти не имѣетъ пріюта, единственно за свою службу королю. Ему не нужно было бы прибѣгать къ предательству, чтобы добыть себѣ богатство, которое уже достаточно обезпечивали ему поимѣстья. Что до Меркема Эврарда, онъ не знаетъ, что такое эгоизмъ. За всѣ богатства Англій, хотя бы она заключала въ себѣ цѣлое Перу, онъ не согласится на веступокъ, который бы могъ запятнать его имя насчетъ кого бы то ни было. Король, ваше величество, могли бы поучиться у него. Тенерь, ваше величество, я имѣю честь откланяться.

— Одно слово, Алиса! одно слово! вскричалъ король: ушла!....

Вотъ, кажется, добродѣтель.... истинная, безкорыстная, высокая добродѣтель.... или на землѣ вовсе нѣтъ добродѣтели. Между-тѣмъ, Вильмотъ и Вилье не повѣрили бы, они причислили бы эту исторію къ вудстокскимъ чудесамъ. Рѣдкая дѣвушка, ш... говори слогомъ полковника.... я объявляю, что не знаю, какъ мнѣ съ нею быть, подружиться или мстить? Не будь этого проклятаго кузена.... пуританскаго полковника... я могъ бы все простить такому благородному созданію.... Но видѣть, что мнѣ предпочитаютъ Круглоголоваго бунтовщика!.... слышать это предпочтеніе своими ушамъ!.... слышать, что короли могутъ поучиться у него!.... Это ядъ и полынь! Если бъ старикъ не подоспѣлъ сегодня утромъ, король уже далъ бы или получилъ бы урокъ.... тяжкій урокъ. Съ моею отвѣтственностью и обязанностями безумно подвергаться такимъ встрѣчамъ, однако жъ эта дѣвушка такъ раздражила меня, внушила такую ревность къ этому полковнику, что, если представится случай, я думаю, у меня достанетъ безразсудства еще разъ воспользоваться имъ.... Это кто идетъ?

Вопросъ этотъ относился къ прибывшему къ это время другому дѣйствующему лицу нашей драмы.

ХII.

ВЕНЕДИКТЪ. Можно сказать вамъ словечко на ухо?

КЛАВДІО. Оборони, Боже, отъ вызову.

Шекспиръ.

Карлъ выходилъ уже изъ комнаты, но его остановилъ Владрекъ, который явился съ приращеніемъ важности и съ вольностью, подходившею почти къ панибратству.

— Извините, сэръ, сказалъ онъ, но.... какъ говорится въ нашей сторонѣ, когда двери отворены, и собакамъ вольно входить. Я никого не достучался, не докликался въ передней; и зная дорогу въ эту комнату.... Я служилъ въ легкой кавалеріи и никогда не забываю мѣста, гдѣ побывалъ.... какъ видите, осмѣлился явиться безъ доклада.

— Сэръ Генри вышелъ, кажется, въ паркъ, а полковникъ Альбертъ Ли два дня тому назадъ уѣхалъ, холодно отвѣчалъ Карлъ.

— Это я знаю, сэръ. Я ни къ тому, ни къ другому теперь имѣю дѣло.

— А къ кому же вы имѣете дѣло здѣсь, если смѣю спросить? Мнѣ кажется, невозможно, чтобы это было ко мнѣ.

— Еще разъ попрошу извиненія, сэръ. Я только вамъ могу сообщить дѣло, которое привело меня сюда, если вы, какъ я предполагаю.... хотя и вижу нарядъ почище прежняго.... если вы—мистръ Лунсъ Гирниго, шотландскій дворянинъ и пажъ мистра Альберта Ли.

— Здѣсь только я могу вамъ отвѣчать за него.

— Правда, я примѣчаю нѣкоторую перемену.... Но отдыхъ и порядочная одежда тоже что-нибудь значать, и это мнѣ очень пріятно, потому что горько было бы такую обязанность, какая на меня возложена, исполнять передъ какимъ-нибудь оборвышемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, къ дѣлу, сэръ, къ дѣлу. Вы имѣете порученіе ко мнѣ, говорите вы?

— Точно такъ, сэръ. Я другъ полковника Меркема Эврарда... человека добраго росту, сэръ, и знатно работающаго на полѣ сраженія,—хоть я и желалъ бы, чтобъ онъ сторону выбралъ лучше. Я отъ него имѣю къ вамъ маленькое посланіе, которое осмѣлюсь представить по принятой обычаемъ формѣ.

Съ этимъ словомъ онъ обнажилъ шпагу, наткнулъ на конецъ ея полковникову записку и поднесъ Карлу съ низкимъ поклономъ.

Лунсъ Кернеги съ важностью отдалъ поклонъ и принялъ записку.

— Я полагаю, сказалъ онъ не распечатывая, нельзя ожидать что увидишь любезность въ посланіи, подавномъ такимъ враждебнымъ образомъ.

— Сэръ.... кхи! кхи!.... отвѣчалъ посолъ, и откашлялся раза два-три, чтобъ успѣть обдуманно сохрaвить сладкій тонъ дипломатическаго агента: я не считаю это приглашеніе совершенно враждебнымъ, хотя оно и такого рода, что сначала можетъ показаться воинственнымъ и непріязненнымъ. Я надѣюсь, впрочемъ, что нѣсколько ударовъ шпагою покопчатъ дѣло къ общему удовольствію; *paх nascitur ex bello*, — миръ отъ войны родится, — говаривалъ мой латинскій учитель. Что касается до меня, я истинно восхищенъ, что мой другъ Меркемъ Эврардъ далъ мнѣ это порученіе, тѣмъ болѣе, что я уже опасался, чтобъ британскіе правила, которыми онъ, къ несчастію, напитаенъ, не возбудили въ немъ отвращенія отъ обычая джентльменовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Теперь же я, оказывая услугу моему другу, надѣюсь также не сдѣлать тѣмъ ничего непріятнаго вамъ, мистръ Гирниго, и прошу васъ, позвольте мнѣ надѣяться

также, что по окончаніи этого дѣла,—если не случится ни какой бѣды,—мы всё будемъ пріятельми дружнѣй прежняго.

— И я такъ думаю, отвѣчалъ Карлъ, взглянувъ на записку: во всякомъ случаѣ, сэръ, намъ уже не бывать хуже чѣмъ смертельными врагами, — такими какъ изображаетъ васъ эта записка.

— Совершенная правда, сэръ. Это вызовъ на поединокъ, въ видахъ миролюбія, для восстановленія совершеннаго согласія между пережившими.... если, къ счастью, это слово можно будетъ употребить во множественномъ числѣ послѣ дуэли.

— Словомъ, я предполагаю, что цѣль этого поединка — ускорить дружеское соглашеніе между нами?

— Именно, сэръ; благодарю васъ за ясность опредѣленія. Ахъ, сэръ, подобное порученіе очень легко исполнить, когда имѣешь дѣло съ порядочнымъ джентльменомъ, и притомъ съ человѣкомъ умнымъ. По этому, прошу у васъ какъ личной милости.... Утро, вѣроятно, будетъ холодное, а я подверженъ ревматизму.... плоды походоу, сэръ.... Прошу васъ, говорю я, сдѣлайте милость, приведите съ собою какого-нибудь порядочнаго джентльмена, который бы не отказался принять участіе въ томъ, что должно произойти, и который бы согласился немножко подражаться съ такимъ бѣднымъ солдатомъ какъ я, — для того чтобы мы не получили насморкъ, глядя на васъ, когда вы будете сражаться.

— Очень хорошо, сэръ; если дѣло состоится, я постараюсь представить вамъ достойнаго противника.

— Много обязанъ вамъ, сэръ. Считаю нужнымъ прибавить, что я не слишкомъ буду взыскателемъ насчетъ званія моего противника. Я почелъ бы за честь скрестить шпагу съ сэромъ Генри или съ мистромъ Альбертомъ Ли, но если это невозможно, не откажусь выступить и противъ всякаго другаго, лишь бы служилъ подъ знаменами короля, — что я принимаю нѣкоторымъ образомъ за дворянскую грамматику. Съ такимъ лицомъ я безъ всякихъ разсужденій готовъ сражаться....

— Король будетъ благодаренъ вамъ, сэръ, за честь, которую вы оказываете его подданнымъ.

— О! я очень разборчивъ на этотъ счетъ, сэръ, очень разборчивъ. Когда дѣло идетъ о круглой головѣ, я справляюсь въ герольдіи, чтобы узнать, дѣйствительно ли подлежащее лицо имѣетъ право носить оружіе, — какъ, напримѣръ, мистръ Меркомъ Эррардъ. Не имѣй полковникъ этого права, не я принесъ бы вамъ его вызовъ. Но всякій роляистъ въ моихъ глазахъ — джентль-

нотъ; какъ бы низко ни было происхожденіе, вѣрноподданство облагороживаетъ его.

— Прекрасно сказано, сэръ. Эта записка приглашаетъ меня сойтись съ мистромъ Эвардомъ, завтра, въ шесть часовъ утра, у дуба, называемаго королевскимъ. Я не имѣю ничего возразить ни противъ мѣста, ни противъ времени. Полковникъ предлагаетъ шпиги, и говорить, что это оружіе нѣкоторымъ образомъ уравниваетъ наши силы. Я согласенъ. Онъ проситъ привести секунданта, и я постараюсь представить такого, который бы былъ по плечу вамъ, сэръ.

— Какъ нельзя больше обязанъ вамъ, сэръ; цѣлую ваши ручки и имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

— Благодарю васъ, сэръ. Въ означенное время я буду на мѣстѣ, съ условленнымъ оружіемъ, и дамъ вашему другу удовлетвореніе со шпагою въ рукахъ, какъ онъ требуетъ, или, чтобы избѣжать этого, представлю столько же удовлетворительное объясненіе.

— Извините, сэръ, возразилъ Вилдрекъ, если умъ мой слишкомъ ограниченъ, чтобъ понять, какое средство можетъ остаться у двоихъ джентльменовъ въ подобномъ положеніи кромѣ— этого и этого!

Говоря это онъ отвернулся въ сторону и необнаженною шпагой сдѣлалъ примѣрное нападеніе.

— Извините и вы меня, сэръ, если я не хочу утомлять вашей головы задачею на размышленіе о случаѣ, который можетъ и не случиться. Но я могу, на примѣръ, сослаться на важную общественную обязанность.

Карлъ произнесъ послѣднія слова, таинственно понизивъ голосъ. Вилдрекъ, казалось, совершенно понялъ его, потому что приложилъ указательный палецъ къ верхней губѣ. Этотъ жестъ онъ почиталъ чрезвычайно выразительнымъ и означающимъ большую проицательность.

— Если вы заняты какимъ-нибудь дѣломъ на службѣ короля, сэръ, сказалъ онъ, то мой другъ будетъ столько разсудителенъ, что подождетъ. Въ случаѣ надобности, чтобы васъ не тревожить, я самъ готовъ подраться съ нимъ, только для того чтобы дать пищу его воинственной страсти.... Кстати, сэръ, если при вашемъ предпріятіи вы найдете мѣсто для бѣднаго кавалера, служившаго у Лэнсфорда и Горинга, сдѣлайте милость, назначьте мнѣ время и условія. Мнѣ чертовски надоѣла моя стриженная голова, безобразная шляпа и факельщиковъ плащъ, въ которые меня нарядилъ

мой другъ. Я съ удовольствіемъ еще разъ подрался бы за короля, хотя бы меня потомъ и поколотили или повѣсили, мнѣ всё-равно.

— Я припомню ваши слова, сэръ, когда случай представится. Желаю, чтобъ у его величества много было такихъ подданныхъ. Теперь, кажется, наше дѣло улажено?

— Да, если вы потрудитесь дать мнѣ записку въ двухъ словахъ, въ доказательство, что я исполнилъ возложенное на меня порученіе. Таковъ обычай; вы знаете. Писанный вызовъ требуетъ писаннаго отвѣту.

— Сейчасъ; это легко исполнить: здѣсь есть все, что нужно для письма.

— Еще, сэръ, если... кхм! кхм!... Если вы имѣете достаточно вліянія здѣсь въ домѣ, чтобы добыть бутылочку рейнскаго вина... Я вообще молчаливъ, а теперь отъ продолжительнаго разговору въ горлѣ першить.... Впрочемъ, важное дѣло такого рода всегда волнуется. Къ тому же, сэръ, разстаться съ сухимъ ртомъ—какъ-будто знакъ несогласія, а я не желаю, чтобъ у насъ съ вами случилось такъ, не дай Богъ.

— Я не увѣренъ, что имѣю много вліянія здѣсь въ домѣ, сэръ, отвѣчалъ мнѣ пажъ: но если вамъ угодно принять эту золотую монету, вы можете утолить жажду въ Гостиницѣ Святаго Георгія.

Обычай времени допускалъ этотъ странный знакъ вѣжливости, а Вилдрекъ притомъ былъ не очень разборчивъ, такъ, что не поцеремонился.

— Много вамъ обязанъ, сэръ, отвѣчалъ опъ: только не знаю, прилично ли будетъ принять это одолженіе, если вамъ не угодно пожаловать со мною?

— Извините, сэръ, возразилъ Кернеги, личная безопасность не дозволяетъ мнѣ теперь показываться въ обществѣ.

— А! это другое дѣло. Бѣдному кавалеру не слѣдъ нынче выѣзжать на церемоніяхъ. Я вижу, сэръ, что вы знаете закопъ храбрыхъ: пока у товарища есть деньги, другому не слѣдуетъ терпѣть нужду. Желаю вамъ продолженія здравія и благополучія; до свиданія, до завтра, подъ Королевскимъ Дубомъ.

— Прощайте, сэръ.

И Вилдрекъ пошелъ съ лѣстницы насвистывая пѣсню «Кавалеры-молодцы», къ которой стукъ его шпаги по ступенямъ составлялъ весьма приличный аккомпаниментъ.

— Прощай, повторилъ король, прощай, вѣрная эмблема состо-

лнн, до какого войны, бѣдствія и отчаяннѣ довели большую часть храбрыхъ роялистовъ.

Впродолженн остальной части дня не случилось ничего достойнаго разсказу. Алнса тщательно остерегалась показать переодѣтому королю холодность или уклончивость, которыя бы могли быть прнмѣнены отцомъ или другимъ къмъ-нибудь. Съ виду молодые люди обращались совершенно по-прежнему. Алнса однакожъ въ то же время старалась вести себя такимъ образомъ, чтобы Карлъ видѣлъ, что ея короткость служить только для сохраненн наружнаго виду и ни мало не опровергаетъ строгаго отказа, которымъ она отвѣчала на его предложенн. Королю не оставалось ни какаго сомнѣнн, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ оскорбленнымъ самолюбнмъ и досадою на счастливаго соперника, заставило его раньше обыкновеннаго покинуть общество и пойти прогуляться по лабиринту, что находилось передъ паркомъ и назывался, какъ мы уже сказали, Пустынею. Тамъ онъ, какъ Геркулесъ, колебался въ выборѣ между добродѣтелью и наслажденнмъ, и вслушивался то въ голосъ благоразумнн, то въ совѣты безразсудной страсти.

Благоразумнѣ давало ему чувствовать важность его жизни для исполненн великихъ предпрнннн, въ которыхъ онъ уже испыталъ неудачу,—для возстановленн монархн въ Англн,—для возстановленн своего трона, — для возвращенн себѣ отцовской короны, — для отмщенн смерти отца и возврата состоянн и отечества многочисленнымъ роялистамъ, которые страдали въ нищетѣ и изгнанн, зато что отстаивали его права. Гордость, или скорѣе справедливое чувство своего достоинства показывало ему, какъ неприлично королю унижаться до поединка съ подданнымъ, какаго бы званн онъ ни былъ, и какимъ пятномъ на имени ляжетъ его смерть, если онъ погибнетъ вслѣдствн темной любовной интриги. Чтѣ скажутъ о такомъ поступкѣ его мудрые совѣтннн, Гейдъ и Николзь, и добрый, благоразумный его дядька, маркизь Эртфортъ? Не достаточно ли этого будетъ, чтобъ поколебать вѣрность всѣхъ остальныхъ его степенныхъ приверженцевъ? Къ чему они станутъ жертвовать жизнью для возведенн на престолъ молодаго человѣка, который не умѣетъ управлять своими страстями?

Къ этимъ доводамъ слѣдовало прибавить еще, что даже успѣхъ въ предстоящемъ поединкѣ могъ только прибавить новое затрудненн его выѣзду за границу, и то уже достаточно окруженному пренятствннми. Если онъ только побѣдитъ, а не убьетъ против-

ника, кто поручится, что республиканецъ не постарается отомстить выдачею правительству неблагонамѣреннаго Лунса Кернега, котораго подлинное имя въ такомъ случаѣ неизмѣнно откроется?

Всѣ эти причины побуждали его окончить дѣло безъ дуэли, и оговорка, съ какою онъ принялъ вызовъ, облегчала средство.

Но, съ другой стороны, у страсти также были свои доводы, а обращалась она къ характеру раздраженному недавними неудачами и глубокимъ оскорбленіемъ. Во-первыхъ, онъ былъ принцъ и джентльменъ; нельзя ему было не имѣть и чувствованій рыцарскихъ, нельзя было не дать и не потребовать удовлетворенія по рыцарскому обычаю. Никогда онъ не потеряетъ уваженія Англичанъ, зато что не укроется за свое рожденіе и права на престолъ, а явится готовымъ со шпагою въ рукѣ отвѣчать за все, что сказалъ или сдѣлалъ. Поступокъ, который можно приписать только чести и великодушію, не только не уронитъ его въ общемъ мнѣніи, но напротивъ долженъ у свободно мыслящаго народа дать ему еще больше права на уваженіе. Къ тому жъ, слава храбрости ему нужнѣе всякой другой для поддержанія своихъ притязаній, а получить вызовъ и не отвѣчать значило бы подать поводъ усомниться въ своей храбрости. Наконецъ, что скажутъ Вильмотъ и Вилье объ интригѣ, въ которой онъ дозволилъ воспитанной въ деревнѣ дѣвушкѣ озадачить его, и не отомстить сопернику? Остроты и насмѣшки, которыя они распускаютъ по этому случаю, гораздо труднѣй будетъ перенести чѣмъ важныя правоученія Гейда, Николза и Эртфорда. Это разсужденіе, льстившее его отвагѣ, положило конецъ колебанію. Король воротился въ Ложу съ твердою рѣшимостью явиться на назначенное свиданіе, во что бы то ни стало.

Можетъ-быть, ко всему этому примѣшивалось еще тайное предчувствіе, что встрѣча не будетъ для него бѣдственной. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ, ловокъ во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ, и, судя по утреннему опыту, ни въ чемъ не уступалъ полковнику Эврарду. По-крайней-мѣрѣ всѣ эти мысли могли представляться воображенію короля, между-тѣмъ какъ онъ напѣвалъ начало пѣсни, которую выучилъ во время пребыванія въ Шотландіи:

Можно пить — хмѣльнымъ не быть,
 Дратся — грудь не напороть,
 И красотку приглубить —
 Не попасться на крючокъ.

Между-тѣмъ докторъ Рочклифъ, всегда занятый, въ хлопотахъ объ управленіи всѣми дѣлами, нашелъ средство тайно пошепнуть Алисѣ, что имѣеть нужду поговорить съ нею наединѣ, и назначилъ ей свиданіе въ такъ называемой библіотекѣ, въ комнатѣ, гдѣ нѣкогда хранились старыя книги, давно уже употребившіяся на матроны и надѣлавшія въ свѣтѣ гораздо больше шуму разлетѣвшіяся по листкамъ тѣмъ тогда, когда сохранились въ цѣлости.

Тамъ Алиса нашла старика сидящимъ на большомъ кожаномъ креслѣ. Онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ сѣла подлѣ него на табуретѣ.

— Алиса, сказалъ онъ, вы добрая и благоразумная дѣвушка, дѣвушка добродѣтельная, вы перлъ, вы жемчужина изъ дѣвушекъ.... Вы знаете, кто Лужсъ-Кернеги.... Не смущайтесь, будьте откровенны со мною; я все знаю, все, говорю я вамъ. Вы знаете, что этотъ домъ имѣеть честь заключать въ себѣ всю надежду Англіи.... Не возражайте мнѣ.... погодите; выслушайте.... Или, лучше скажите мнѣ, какъ онъ обращается съ вами?

Алиса вспыхнула.

— Я воспитана въ деревнѣ, отвѣчала она, а его обращеніе слишкомъ.... свѣтское.

— Довольно.... Я все знаю. Слушайте, Алиса; онъ подвергается величайшей опасности, завтра утромъ, и вамъ однимъ предстоитъ спасти его.

— Великой опасности! повторила Алиса съ изумленіемъ, и мнѣ спасти его?... Какимъ же образомъ? Я обязана какъ подданная все сдѣлать, что только отъ меня зависить и что прилично дочери сэра Генри Ли, но....

Она съ смущеніемъ остановилась.

— Да, продолжалъ Рочклифъ: завтра у него — дуэль, дуэль съ Меркемомъ Эврардомъ. Все уже условлено. Время—шесть часовъ утра; мѣсто — у Королевскаго Дуба. Если они сойдутся, одинъ навѣрное погибнетъ.

— Сохрани Боже! вскричала Алиса, и смертная блѣдность заступила мѣсто яркой краски на щекахъ: но это невозможно! Меркемъ никогда не подниметь руки на короля.

— Ну, за это я не поручусь. Но предположимъ даже, что этотъ несчастный молодой человѣкъ еще сохранилъ нѣсколько честности подданнаго, — несомнѣстной впрочемъ съ его поведеніемъ, — и тогда мы не можемъ ею воспользоваться: онъ не знаетъ короля и смотритъ на него только какъ на кавалера, который оскорбилъ его.

— Такъ пусть же онъ узнаетъ! пусть узнаетъ тотчасъ же! Ему поднять руку на короля!.... на беззащитнаго изгнанника! На это Меркемъ неспособенъ. Я жизнью моею отвѣчаю, что никто такъ дѣятельно не позаботится о безопасности Карла какъ онъ.

— Такъ можетъ разсуждать молоденькая дѣвушка, Алиса, и притомъ дѣвушка, которая, какъ я думаю, увлечена въ заблужденіе своимъ сердцемъ. Было бы больше нежели измѣною — довѣрить такую важную тайну бунтовщику и пріятелю архиепископа Кромвеля. Я не осмѣлюсь принять на себя такую отвѣтственность. Отецъ Карла довѣрился Гаммонду, и вы знаете, что вышло.

— Ну, такъ пусть мой отецъ узнаетъ. Онъ пойдетъ къ Меркему и скажетъ, что нападать на гостя значитъ нападать на хозяина.

— Мы не станемъ сообщать этой тайны вашему отцу. Я только намекнулъ ему о возможности, что Карлъ прійдетъ искать пріюта въ Вудстокъ, онъ съ такимъ восторгомъ принялся разсуждать о приготовленияхъ къ достойному приему и о приведеніи замка въ оборонительное состояніе, что ясно показалъ мнѣ, какъ опасна его неосторожная преданность. Нѣтъ, вы, Алиса, вы одни можете спасти единственную надежду роялистовъ.

— Я?... Невозможно! Но зачѣмъ же не заставить отца вступить за своего гостя, не открывая ему, кто Лунсъ Кернеги?

— Вы забываете характеръ вашего отца, милая Алиса. Онъ прекраснѣйшій, добрѣйшій человекъ, но какъ только услышитъ звонъ оружія, тотчасъ становится страшнымъ воеводой и уже не слушаетъ голоса разсудка, и думаетъ о мирѣ столько же какъ пѣтухъ, начавшій драку.

— Вы сами забываете, докторъ, что батюшка еще сегодня утромъ остановилъ ихъ, не позволилъ драться.

— Да, но отчего? Оттого что онъ считаетъ долгомъ сохранять спокойствіе въ оградѣ королевскаго парка. И то онъ сдѣлалъ съ сожалѣніемъ, Алиса, такъ, что если бъ снова увидѣлъ сражающихся, я ручаюсь, онъ остановилъ бы ихъ только длятого чтобъ отвести на непривилегированное мѣсто, гдѣ сказалъ бы, пусть дерутся сколько душѣ угодно, и самъ насладился бы этимъ пріятнымъ зрѣлищемъ. Нѣтъ, Алиса, повторяю вамъ, вы одни можете помочь намъ въ этомъ отчаянномъ дѣлѣ.

— Я не вижу, какимъ образомъ, отвѣчала дѣвушка краснѣя.

— Напишите къ королю записку. Нѣтъ такой женщины, которая бы не знала лучше мужчины, какъ изложить подобное дѣ-

до. Назначьте ему свиданіе въ тотъ самый часъ, когда ему слѣдуетъ явиться на дуэль. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ предпочтетъ васъ; я знаю его слабую сторону.

— Докторъ Рочклифъ, сказала Алиса съ важностью: вы знаете меня съ дѣтства; что вы примѣтили во мнѣ такого, что думаете, я послушаюся подобнаго совѣта?

— А вы, если знаете меня съ вашего дѣтства, что примѣтили во мнѣ такого, что можете подозрѣвать, будто я дамъ дочери моего друга неприличный совѣтъ? Невозможно вамъ быть столько помѣшанною, чтобы вообразить, будто я желаю, чтобы вы довели угодливость далѣе простой бесѣды въ продолженіи какого-нибудь часу или двухъ, — пока я сдѣлаю все приготовленія къ его отъѣзду. На это я легко склоню его; стѣнитъ только сказать, что Круглоголовые собираются сдѣлать обыскъ въ замкѣ. Карлъ Стуртъ сядетъ на коня и уѣдетъ, а миссъ Алисъ Ли — честь, что она спасла его.

— Да, насчетъ своей доброй славы и съ опасностью запятнать честь своей фамили. Вы говорите, вы все знаете, Но, послѣ того, что уже случилось, что вы хотите, чтобы король подумалъ, когда я назначу ему свиданіе? Какъ потомъ увѣрить его въ благородствѣ моихъ намѣреній?

— Предоставьте это мнѣ, Алиса; я объясню ему ваше поведеніе.

— Нѣтъ, это невозможно, докторъ. Вашъ изобрѣтательный умъ и ваша совершенная мудрость много могутъ сдѣлать, но когда упавшій сиѣгъ загрязнится, то ни какое искусство, ни какое знаніе уже не возвратятъ ему первобытной бѣлизны. Таково и доброе имя женщины.

— Алиса, милая Алиса, подумайте! Если я предлагаю вамъ этотъ способъ спасти жизнь королю, или по-крайней-мѣрѣ отвратить отъ него большую опасность, — если я убѣждаю васъ на одну минуту принять на себя видъ проступка, — то это только въ крайности и въ такихъ обстоятельствахъ, которые не могутъ возобновиться. Я приму самыя надежныя мѣры къ предупрежденію оскорбительныхъ слуховъ, къ какимъ можетъ подать поводъ исполненіе моей просьбы.

— Не могу, докторъ. Скорѣй рѣку можно заставить течь къ источнику чѣмъ остановить клевету. Король при своемъ дворѣ похвалится, какъ легко ему было бы сдѣлать Алису Ли своею любовницею, если бъ не помѣшала внезапная тревога, и языкъ, который для другихъ — источникъ почестей, для меня будетъ

источникомъ позору. Составьте болѣе приличный плацъ; примите мѣры болѣе согласныя съ вашимъ характеромъ и званіемъ. Не заставляйте его отказаться отъ свиданія, на которое призываетъ долгъ чести, для другаго, въ которомъ нѣтъ ничего честнаго съ его стороны. Пойдите къ нему сами и поговорите, какъ служители алтаря Божьяго имѣютъ право говорить съ царями земли. Покажите ему безуміе и беззаконіе его намѣренія; скажите ему, что друзья, погибшіе за него на вортчестрскомъ полѣ, и на плахѣ, и еще погибающіе въ темницахъ, въ изгнаніи, разсыпанные, разоренные изъ-за него, не длятого принесли всѣ эти жертвы, чтобъ онъ могъ отваживать свою жизнь въ безумномъ личномъ спорѣ. Объявите ему, что его дни не ему принадлежать и, слѣдовательно, онъ не имѣетъ права отваживать ихъ; скажите, что онъ ошозорится, если измѣнитъ довѣрію столькихъ людей къ его мужеству и добродѣтели.

Докторъ Рочклифъ посмотрѣлъ на нее съ грустною улыбкой и съ овлаженными глазами сказалъ:

— Увы! Алиса, я самъ не могъ бы отстаивать это правое дѣло съ такимъ краснорѣчіемъ и силой какъ вы. Но Карлъ не станетъ слушать ни меня ни васъ. Онъ отвѣтитъ, что не у женщинъ и поповъ слѣдуетъ спрашивать совѣту, когда дѣло идетъ о кавалерской чести.

— Ну, такъ послушайте, докторъ; я пойду на мѣсто поединка и не дамъ ему состояться. Не опасайтесь неудачи. Мнѣ это будетъ стоить жертвы, но я жертвую не именемъ. Сердце мое, можетъ-быть, сокрушится, прибавила она съ трудомъ удерживая слезы, — но ни какая оскорбительная мысль не прицѣпится къ воспоминанію объ Алисъ Ли въ воображеніи мужчины... который притомъ ея государь....

Съ этимъ словомъ она закрыла лицо платкомъ и зарыдала.

— Чтò значать эти слезы? спросилъ Рочклифъ съ удивленіемъ и нѣсколько встревоженный глубиностью скорби: Алиса, не скрывайте отъ меня ничего; я долженъ все знать.

— Такъ напрягите ваше воображеніе, отвѣчала Алиса, недовольная важностью тона упрямаго доктора богословія: разгадайте мой плацъ, если вы такъ искусны все разгадывать. Съ меня довольно и того, что я должна исполнить такое трудное дѣло; я не хочу быть осужденною на объясненія передъ мужчиной... который думаетъ, что волненію моему нѣтъ достаточнаго основанія.

— Я вижу, что нужно будетъ употребить власть, сказалъ Роч-

како: если я самъ не могу принудить молоденькую дѣвушку объясниться, такъ посмотрю, не побольше ли вліянія имѣетъ отецъ.

Съ этими словесъ, и съ недовольнымъ выраженіемъ, онъ всталъ и хотѣлъ идти къ двери.

— Вы забываете, докторъ, что сами сейчасъ сказали мнѣ, какъ опасно было бы довѣрить моему отцу эту важную тайну.

— Правда! сказалъ Рочклифъ, и остановился. Я вижу, Алиса, вы слишкомъ тонки для меня. Это я еще ни о комъ не говорилъ.... Но вы добрая дѣвушка; вы добровольно откроете мнѣ свое намѣреніе. Для моей славы и для моего вліянія на короля необходимо, чтобы я зналъ все *quod est actum atque tractatum*, то есть все, что творится и совершается въ этомъ дѣлѣ.

— Довѣрьте мнѣ заботу о вашей славѣ, добрый докторъ, возразила Алиса съ улыбкой: уронить ее гораздо труднѣе чѣмъ уронить славу женщины; и она менѣе подвергается опасности подъ моею защитой чѣмъ моя подъ вашею. Я скажу вамъ только, что вы всему будете свидѣтелемъ; вы пойдете со мною на мѣсто поединка и выше присутствію внушить мнѣ увѣренность и смѣлость.

— Конечно, и это чего-нибудь стѣнитъ, сказалъ докторъ, не со всѣмъ однакожъ довольный полудовѣренностью: вы всегда были ласковою дѣвушкой, Алиса, и я полагаюсь на васъ.... Нечего дѣлать, видно, надо положиться.

— Такъ ожидайте же меня, завтра утромъ, въ Пустынѣ. Только скажите напередъ, совершенно ли вѣрно вы знаете назначенное время и мѣсто дуэли? Малѣйшая ошибка можетъ сдѣлаться роковою.

— Будьте увѣрены, что мои свѣденія совершенно точны, отвѣчалъ докторъ Рочклифъ съ прежнею важною, которая впродолженіи бесѣды попесла немножко ущербу.

— Позвольте спросить, какимъ образомъ вы получили эти свѣденія?

— Безъ сомнѣнія, можете спросить, отвѣчалъ докторъ, воротивъ все свое сознаніе превосходства: но отвѣчу я вамъ, или не отвѣчу, это другой вопросъ. Я не вижу, чтобы для вашей или для моей славы нужно было вамъ знать объ этомъ. Вы имѣете ваши тайны, миссъ Ли, а я мои, и въ числѣ моихъ, смѣю думать, есть такія, которыя узнать было бы гораздо любопытнѣе.

— Вѣрю, сказала Алиса очень спокойно. Если вы хотите явиться завтра утромъ ровно въ половинѣ шестаго къ солнеч-

нымъ часамъ, мы вмѣстѣ отправимся и увидимъ, какъ дуалисты придутъ на мѣсто свиданія. Дорогою я побѣжду теперешнюю застѣнчивость и объясню вамъ, какія намѣрена употребить средства къ предупрежденію дуализма. Можетъ-быть вы сами сдѣлаете нѣкоторыя попытки, чтобы избавить меня отъ вмѣшательства довольно труднаго и неловкаго.

— Прекрасно, дитя мое! Если вы отдадитесь подъ мое руководство, такъ развѣ первая будете имѣть причину жаловаться на это. Будьте увѣрены что, исключая одного человѣка, я ни о комъ не забочусь столько, сколько о васъ, и ужъ, конечно, не хочу, чтобы вы заблудились за недостаткомъ добраго совѣту. Такъ въ половинѣ шестаго, у солнечныхъ часовъ, и да благословить Богъ наше предпріятіе.

Въ эту минуту совѣщаніе прервалъ раздавшійся въ корридорѣ звучный голосъ сэра Генри, который громко кликалъ:

— Алиса! Алиса!... докторъ Рочклифъ!... Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ онъ входя, что вы здѣсь сидите какъ два ворона въ туманѣ, тогда какъ могли бы вмѣстѣ со мной потѣшиться? Этотъ повѣса пажъ, Луисъ Кернеги, то смѣшитъ меня, такъ что за бока держись, то играетъ на гитарѣ, такъ что жаворонки изъ подъ облаковъ слетаются послушать.... Пойдемте, пойдемте; одному неловко хохотать.

XIII.

Да, тутъ и есть; вотъ середина роши;
Вотъ величавый дубъ, монархъ лѣсовъ.

Солнце золотило непроницаемые куполы зелени деревьевъ въ паркѣ и въ лѣсу: на каждомъ листочкѣ висѣли капли росы и многіе деревья начинали уже представлять разнообразныя оттѣнки осени. Была та пора года, когда природа, какъ расточительница, которой средства начинаютъ уже истощаться, обиліемъ и разнообразіемъ красокъ своего наряда какъ-будто хочетъ вознаградить себя за близкій конецъ всей пышности. Птицы молчали. Даже красногрудый реполовъ, чирикавшій по близости Ложи и искавшій поживы на счетъ гостепріимнаго сэра Генри, не отваживался въ глубину парка. Боясь ястреба и другихъ враговъ, онъ предпочиталъ окружности человѣческаго жилья, гдѣ почти одинъ изъ всѣхъ своихъ сродниковъ пользуется безкорыстнымъ покровительствомъ.

Было что-то истинно очаровательное въ безмолвіи и разнооб-

разныхъ видахъ дѣса, когда докторъ Рочклифъ, завернувшись въ изношенный красный плащъ, которымъ закрывалъ лицо больше по необходимости чѣмъ по надобности, шелъ къ мѣсту назначенной дуэли. Алпса также надѣла мантилію, чтобы защититься отъ холодной сырости осеняго утра. Важное совѣщаніе, казалось, дѣлало ихъ нечувствительными къ неудобствамъ пути, хотя они часто принуждены бывали продирались сквозь кустарники, которые орошали ихъ брызгами. Они остановились за кустарниками, откуда могли видѣть всю площадку вокругъ Королевскаго Дуба. Огромный стволъ, могучіе сучья и полузасохшая вершина придавали этому дереву видъ стараго солдата, инвалида, весьма способнаго быть судьей въ поединкѣ.

Первый на свиданіе пришелъ веселый кавалеръ Роджеръ Вилдрекъ. Онъ также былъ въ большомъ плащѣ, только пуританскую свою шляпу передѣлалъ по испански, обвязалъ галуномъ и украсилъ перомъ, которое, по видимому, давно уже претерпѣвало угнетенія отъ всѣхъ стихій. Но чтобы прикрасить эту бѣдность, шляпа была надѣта на бекрень, чертовски отчаянно, — какъ выражались кавалеры.

— Первый въ полѣ! клянусь Юпитеромъ! А я думалъ, Эврардъ обгонитъ меня, между-тѣмъ какъ я пилъ утреннюю чарочку. Благодѣтельная была чарочка.... Что жъ, осмотрѣть отъ нечего дѣлать мѣстность, въ ожиданіи полковника, у котораго пресвитеріанскіе часы, какъ кажется, ходятъ такимъ же обдуманнѣмъ шагомъ какъ онъ самъ.

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ шпагу изъ подъ плаща и началъ осматривать кусты.

— Я предупрежу его, шепнулъ Рочклифъ Алпсѣ: я сдержу вамъ слово; вы не явитесь на сценѣ, nisi dignus vindice nodus.... * Это я вамъ объясню въ другой разъ. Vindex — столько же женскаго роду сколько мужскаго, слѣдовательно цитата можетъ-быть приѣдена.... Спрячьтесь хорошенько.

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ на поляну и поклонился Вилдреку.

— Мистръ Лунсъ Кернеги, сказалъ Вилдрекъ снимая шляпу, но увидѣвъ ошибку, прибавилъ: нѣтъ.... кажется, нѣтъ. Извините, сэръ.... потолще, пониже, постарше.... Вѣроятно, я имѣю честь говорить съ другомъ мистра Кернеги, съ человѣкомъ, съ которымъ надѣюсь черезъ нѣсколько минутъ имѣть дѣло?.... А

* Если развязка не будетъ достойна важнаго лица.

почему же и не сейчасъ, сэръ.... до прибытія главныхъ лицъ?... Это было бы вѣчто въ родѣ закусточки передъ обѣдомъ. Чтѣ вы скажете, сэръ?

— Вы, кажется, напротивъ, хлопчете о томъ какъ бы избавить кого нибудь отъ потребности закусывать и обѣдать.

— Да, вы правы, сэръ; вы прекрасно говорите; это точно можетъ случиться. Но для чего вы такъ закрываете лицо, сэръ? Я согласенъ, что таковъ обычай всѣхъ порядочныхъ людей въ это несчастное время, и это довольно досадно. Но здѣсь мы можемъ дѣйствовать открыто: между нами нѣтъ предателей. Я подамъ примѣръ и докажу вамъ, что вы имѣете дѣло съ джентльменомъ, который почитаетъ короля и достоинъ помѣряться со всякимъ, кто сражался за короля какъ вы.... Конечно, вы сражались за короля, сэръ, когда вы другъ мистра Луиса Кернеги?

Говоря такимъ образомъ Видрекъ разстегивалъ застѣжки своего плаща.

— Долой! долой, занятой нарядъ! прибавилъ онъ: долой завѣса, скрывающая Борджію!

Плащъ упалъ на землю и Видрекъ явился въ полномъ костюмѣ кавалера, — въ аломъ тафтяномъ, изрядно поношенномъ казолѣ, съ вѣкогда бѣлыми прорѣзями; въ штанахъ такого же цвѣту и въ многоштопанныхъ чулкахъ, когда-то персиковаго цвѣту; въ башмакахъ, по тонкости подошвъ, неудобныхъ для ходьбы по росѣ, и въ шарфѣ съ широкимъ шитьемъ, весьма пострадавшимъ отъ времени.

— Ну, сэръ, поспѣшайте, не лѣнитесь! вскричалъ онъ: я къ вашимъ услугамъ. Вы видите передъ собой честнаго кавалера, который уже не одному Круглоголовому шпагой просадилъ животъ насквозь. Принимайтесь, сэръ, за инструменты. Мы еще успѣемъ по полудюжинѣ разовъ ударить другъ друга, до ихъ приходу, и пристыдить ихъ за медленность.... О! вскричалъ онъ съ огорченіемъ, когда Рочклифъ распахнулъ плащъ: да это пасть!

Однако жъ уваженіе къ Церкви и желаніе удалитъ особу, которой присутствіе можетъ помѣшать дуэли, заставили его тотчасъ же принять другой токъ.

— Извините, почтеннѣйшій докторъ, сказалъ онъ: цѣлую край вашей одежды.... клянусь Юпитеромъ громовержцемъ!.... еще разъ простите. Но я въ восхищеніи, что встрѣтилъ васъ. Васъ требуютъ въ Ложу, — для вѣчанія, для крещенія, для погребенія, для исповѣди.... право, не знаю, для чего, но только по весьма

важному дѣлу. Ради Бога, не теряйте ни минуты, поспѣшите туда.

— Въ Ложу? возразилъ докторъ: какъ же это? Я сейчасъ только оттуда; вы не могли послѣ меня зайти туда, потому что я видѣлъ, какъ вы пришли сюда по дорогѣ изъ Вудстока.

— Да, да, въ Вустокъ-то васъ я требують. Чортъ возьми! неужели я сказалъ въ Ложу?.... Нѣтъ, нѣтъ, въ Вудстокъ, въ городъ Вудстокъ. Мой хозяинъ не можетъ повѣситься.... ни дочери выдать.... ни жены похоронить.... ни ребенка окрестить безъ настоящаго пастора. Гольднофы для нихъ ничего не стоятъ. Мой хозяинъ человекъ съ добрыми правилами, приверженецъ истинной Церкви. Поспѣшите, если вы дорожите вашею службой!

— Извините, мистръ Вилдрекъ; я ожидаю здѣсь мистра Кернега.

— А! въ самомъ дѣлѣ! Я и забылъ, что Шотландцы ничего не дѣлаютъ безъ пастора; однако жъ я не думалъ, чтобъ они приглашали его и на такой случай. Впрочемъ, мнѣ случалось встрѣчать и въ этомъ званіи добрыхъ малыхъ, которые прекрасно владѣли шпагой. Вамъ извѣстна цѣль нашего свиданія, докторъ? Скажите, вы пришли сюда какъ духовный утѣшитель.... или какъ хирургъ.... или вы сами владѣете шпагой?.... такъ, такъ!

Съ этими словами Вилдрекъ, не обнажая шпаги, сдѣлалъ примѣрное нападеніе.

— Иногда и я брался за оружіе.... въ случаѣ необходимости, отвѣчалъ Рочклифъ.

— Ну, на этотъ случай вы можете смотрѣть какъ на необходимость. Вамъ извѣстна моя преданность Церкви. Если бъ человекъ съ вашими достоинствами почтилъ меня объѣмомъ хотъ только трехъ ударовъ, я почелъ бы себя несчастливѣйшимъ изъ всѣхъ.

— Мнѣ не возможно принять ваше предложеніе, сэръ, отвѣчалъ Рочклифъ съ улыбкой: я безъ оружія.

— Безъ оружія! миллионъ бомбъ! это ничего: у васъ есть добрая трость. Чтò же мѣшаетъ намъ сразиться?.... разумѣется, что я буду держать шпагу съ ножами. Мои башмаки совсѣмъ залиты проклятою росой, и я боюсь, что эта исторія будетъ мнѣ стоить нѣсколькихъ отмороженныхъ пальцевъ на ногахъ, если я не доставлю имъ ни какого движенія, между тѣмъ какъ другіе будутъ сражаться. Полагаю, вы можете вообразить, что драться будутъ здѣсь не воробьи какіе-нибудь: дѣло будетъ не шуточное.

— Мое дѣло, если возможно, предупредить всякую драку, отвѣчалъ Рочклифъ.

— Милліонъ бомбъ! это уже слишкомъ шутливо, докторъ. За это, — не будь моего уваженія къ Церкви, я, чтобы отомстить вамъ, перешелъ бы къ пресвитеріанцамъ.

— Отойдите, пожалуйста; не ходите въ эту сторону, сказалъ Рочклифъ, потому что Вилдрекъ, въ волненіи отъ изумленія, подошелъ слишкомъ близко къ тому мѣсту, гдѣ скрывалась Алиса.

— Отчего такъ, докторъ? спросилъ кавалеръ, но ступивъ еще ближе выразилъ свое удивленіе эпергическою поговоркой и прибавилъ: вотъ тебѣ и разъ! юбка въ кустахъ! и въ такую пору! та-та-та!.... Тутъ онъ въ видѣ новаго междометія прибавилъ еще долгій свистъ, потомъ обратился къ Рочклифу, приложилъ указательный палецъ къ носу, и сказалъ: вы плутоваты, докторъ, чертовски плутоваты.... Но зачѣмъ же вы тотчасъ не сказали мнѣ, что у васъ здѣсь кладовая контрабанды? Годдемъ! я не такой человекъ, чтобы выводить чужіе грѣшки.

— Послушайте, милостивый государь, вы наглый грубиянъ, возразилъ Рочклифъ: если бы время позволяло, и вы бы стояли того, я наказалъ бы васъ за эту дерзость.

Рочклифъ такъ долго видѣлъ войну, что не мудро ему было къ званіямъ богослова приобрѣсть и нѣкоторыя свѣденія кавалерійскаго капитана. Онъ грозно поднялъ трость, къ великому удовольствію кавалера, у котораго почтеніе къ Церкви не уничижало желанія позабавиться пасчетъ ближняго.

— Берегитесь, докторъ, сказалъ онъ: если вы станете держать вашу палку такимъ образомъ, какъ саблю, надъ головой, моя рапира вишь тронетъ васъ.

Въ то же время онъ необнаженной шпагой опять сдѣлалъ примѣрное нападеніе, не желая впрочемъ прикоснуться къ пастору. Между-тѣмъ Рочклифъ быстро перемѣнилъ направленіе трости, по правиламъ фехтованія на шпагахъ, и съ ловкостью мастера въ этомъ дѣлѣ вышибъ у кавалера шпагу изъ рукъ, такъ, что она отлетѣла на десять шаговъ.

Въ эту минуту Карлъ и полковникъ Эвардъ пришли на мѣсто свиданія.

— Это что значитъ? вскричалъ Эвардъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на Вилдрекъ: это ли поведеніе друга?.... Что значитъ этотъ нарядъ, приличный только сумасшедшему? и къ чему вы здѣсь разъигрываете штуки фигляра?

Достойный секундантъ молча потупилъ голову, какъ пойман-

ный на шалости школьникъ, и пошедши поднять шпагу еще разъ заглянулъ въ кусты, не увидитъ ли предмета, который возбуждалъ его любопытство.

Карлъ, также удивленный зрѣлищемъ, обратился къ Рочклифу.

— Какъ! докторъ Рочклифъ! членъ Церкви-посредницы, фехтуетъ съ моимъ другомъ, кавалеромъ Вилдрекомъ! Позвольте попросить васъ удалиться, потому что у насъ съ полковникомъ есть важное дѣло.

Рочклифъ былъ намѣренъ вооружиться всею силой своихъ священныхъ обязанностей и придать своему вмѣшательству тонъ, которымъ бы можно было озадачить даже короля. Но воля, которую онъ неосторожно далъ собственнымъ страстямъ, и легкомысліе, на которомъ его застали, лишили его всякаго превосходства и надежды побѣдить упрямого и своенравнаго Карла. Однако жъ онъ старался возстановить свое достоинство и самымъ важнымъ и вмѣстѣ самымъ почтительнымъ тономъ отвѣчалъ, что также пришелъ по важному дѣлу, которое не дозволяетъ ему согласиться на требованіе мистра Кернеги.

— Не взывайте за эту неумѣстную остановку, сказалъ Карлъ Эврарду, приподнявъ шляпу: я сейчасъ распоряжусь.

Эврардъ съ важностью, молча, отдалъ поклонъ.

— Вы сума сошли, докторъ Рочклифъ? сказалъ Карлъ: вы глухи? вы забыли природный вашъ языкъ? Я просилъ васъ удалиться.

— Я не сумасшедшій, отвѣчалъ Рочклифъ, вооружась всею своею рѣшимостью и придавая голосу всю привычную твердость и желаю другихъ удержать отъ сумасшества. Я не глухъ; я хочу другихъ попросить, чтобы послушались голосу разсудка. Я не забылъ моего природнаго языка; я пришелъ сюда говорить отъ имени царя царей.

— Чтобъ фехтовать наметельникомъ, хотите вы сказать, возразилъ Карлъ: полноте, докторъ; эта важность, въ которую вы такъ мгновенно облеклись, пристала вамъ столько же, сколько воинственная потѣха, на которой мы васъ застали. Вы, кажется, не католическій аббатъ и не шотландскій Массъ-Джонъ, что требуете отъ своихъ прихожанъ безусловнаго повиновенія. Вы служитель англиканской Церкви, и въ этомъ качествѣ должны исполнять ея уставы и повиноваться ея главамъ.

Последніе слова король произнесъ понизивъ голосъ, но усиливъ выраженіе. Примѣтивъ это, Эврардъ отступилъ на нѣсколько шаговъ. Природное великодушіе не дозволяло ему вслушиваться

ся въ чужія рѣчи и тайны, когда это могло почитаться опаснымъ для говорившихъ. Они однако жъ продолжали говорить очень осторожно.

— Я не намѣренъ повѣрять или ограничивать вашихъ желаній, мистръ Кернеги, говорилъ Рочклифъ: сохрани Богъ! Я говорю вамъ только то, что предписываетъ здравый смыслъ, Священное Писаніе, религія и нравственность.

— А я, возразилъ король съ улыбкою, указывая на несчастную трость доктора богословія: я скорѣй послѣдую вашему примѣру, чѣмъ вашему правоученію. Если достопочтенный докторъ и пасторъ самъ порѣшаетъ свои споры съ палкою въ рукахъ, то какое право имѣетъ онъ вмѣшиваться въ споры другихъ? Полноте, докторъ; уйдите. Не заставьте меня вашею пастойчивостью забыть всѣ услуги, которыя вы мнѣ оказали.

— Подумайте, что мнѣ стоитъ произнести только одно слово, чтобы воспрепятствовать этой дуэли.

— Произнесите это слово; уничтожьте однимъ этимъ словомъ всѣ дѣйствія достохвальной жизни; откажитесь отъ правилъ вашей Церкви, сдѣлайтесь клятвопреступникомъ, измѣнникомъ, предателемъ, чтобы помѣшать человѣку исполнить долгъ дворянина. Убейте вашего друга, чтобы не подвергался опасности. Нето пусть безусловное повиновеніе, которое вы такъ часто носите на языкѣ, переселится теперь въ ноги; отойдите минутъ на десять къ сторонѣ. Можетъ-быть, и меньше чѣмъ черезъ десять минутъ понадобится ваша помощь, какъ отъ врача души и тѣла.

— Въ такомъ случаѣ у меня остается только одно средство....

Пока происходилъ этотъ разговоръ въ одной сторонѣ, въ другой Эврардъ почти силою удерживалъ Вилдрека, который будучи полюбопытнѣе и помельше деликатенъ, не посоветился бы подойти къ разговаривавшимъ и подслушать ихъ тайны. Но увидѣвъ, что докторъ подходитъ къ кустамъ, онъ съ живостью шепнулъ Эврарду:

— Держу королевскій червонецъ противъ республиканскаго вѣднаго гроша, что докторъ пришелъ сюда не только проповѣдовать миръ, но представить даже главныя условія.

Эврардъ ничего не отвѣчалъ. Онъ уже обнажилъ шпагу, и когда Рочклифъ отворотился, Карлъ также обнажилъ свою. Но противники не успѣли отдать другъ другу обычнаго поклона и встать въ позицію, какъ докторъ воротился, держа за руку Алису. Одежда дѣвушки была промочена росой; отсырѣвшіе кудри распу-

стались и упали на плеча; лицо было покрыто блѣдностью, но блѣдностью рѣшимости и отчаянія, а не страху. Изумленіе породило на минуту безмолвіе и неподвижность. Противники опустили концы шпагъ въ землю. Вилдрекъ про себя шепталъ восклицанія:

— Bravo, докторъ! Это стоить аббата въ гороховомъ супѣ! * Ни больше ни меньше дочери своего патрона!... Да и миссъ Алиса, которую я считалъ снѣговымъ хлопкомъ... молодецъ! бой дѣвка! Это нашего поля ягода!

Этихъ восклицаній, конечно, никто не разслышалъ. Алиса первая заговорила вслухъ.

— Мистръ Эврардъ, мистръ Кернеги, вы удивляетесь моему приходу.... я не замедлю открыть поводъ. Будучи убѣждена, что я причиною вашего несогласія, — хотя и совершенно невиннымъ образомъ, — я желаю предупредить опасныя слѣдствія и не побоялась вступить. Мистръ Кернеги, неужели всѣ мои просьбы, всѣ мольбы, всѣ убѣжденія, ни вашъ благородный образъ мыслей, ни память о важныхъ вашихъ обязанностяхъ, неужели все это не имѣетъ ни какого вѣсу въ этомъ дѣлѣ? Заклинаю васъ, послушайте разсудка, долга, религіи, и вложите вашу шпагу въ ножны.

— Я покоренъ какъ восточный рабъ, миссъ Ли, отвѣчалъ Карлъ, влагая шпагу въ ножны: но увѣряю васъ, что дѣло, которое такъ тревожитъ васъ, совершенно пустое. Въ пять минутъ мы съ полковникомъ Эврардомъ порѣшимъ его лучше чѣмъ цѣлый совѣтъ министровъ, которому въ помощь будетъ данъ цѣлый парламентъ женщинъ. Мистръ Эврардъ, не угодно ли вамъ прогуляться со мною подальше? Мы, кажется, должны будемъ перемѣнить мѣсто.

— Я готовъ слѣдовать за вами, сэръ, отвѣчалъ Эврардъ, также вложивъ шпагу въ ножны.

— Такъ моя просьба ничего не значитъ у васъ, сэръ? сказала Алиса, продолжая обращаться къ королю: вы не опасаетесь, что я употреблю въ дѣло тайну, которою владѣю, чтобы предупредить эту дуэль? Неужели вы думаете, Меркемъ Эврардъ подыметъ руку на васъ, если узнаетъ....

— Что я лордъ Вильмотъ? спросилъ король: случай уже открылъ ему это, и я думаю, вамъ трудно будетъ даже разуверить его.

* Намекъ на анекдотъ объ аббатѣ, котораго вносили къ дамамъ въ вязанкѣ зеленого гороху.

Алиса промолчала нѣсколько времени, глядя на Карла съ годованіемъ. Потомъ слѣдующія слова какъ-будто неодолимою силою вырывались у нея черезъ промежутки, не смотря на чувства, побуждавшіе удержать ихъ:

— Холодный.... згонсть.... жестокой.... неблагодарный.... Горь странѣ, которая....

Она остановилась и потомъ прибавила:

— Горе странѣ, которая его и ему подобныхъ принуждаетъ считать въ числѣ своихъ знатныхъ и сильныхъ!

— Прекрасная Алиса, сказалъ Карлъ, который, не смотря на обыкновенную свою безпечность, не могъ не почувствовать строгости этихъ укоровъ, хотя и чувствовалъ гораздо слабѣ чѣмъ желала Алиса: вы несправедливы ко мнѣ и слишкомъ пристрастны къ болѣе счастливому смертному. Не называйте меня ни жестокимъ, ни неблагодарнымъ; я пришелъ сюда только затѣмъ чтобъ отвѣтить на вызовъ мистра Эврарда. Я не могъ отказаться отъ этого свиданія, а пришедши, не могу отказаться отъ дуэли, не лишась чести. Пятно на этой чести можетъ распространиться слишкомъ далеко. Я не могу бѣжать отъ мистра Эврарда: слишкомъ много было бы стыда. Если онъ настаиваетъ на вызовѣ, это дѣло должно кончиться по принятому обычаю. Если же онъ откажется, я изъ угожденія вамъ согласенъ не показывать слишкомъ большой взыскательности. Я не потребую даже, чтобъ онъ извинился за безпокойство, которому я подвергся. Я очень желаю, чтобы все это дѣло было принято за недоразумѣніе, за несчастную ошибку, которой причины я, съ моей стороны, никогда не стану развѣскипать. Все это я сдѣлаю для васъ. Это уже достаточная снисходительность для честнаго человѣка, и вы знаете, что съ *моей* стороны это много значить, миссъ Ли. Не обвиняйте же меня въ недостаткѣ великодушія, когда я готовъ сдѣлать все, что можетъ сдѣлать благородный человѣкъ.

— Слышите, Меркемъ Эврардъ? вскричала Алиса: слышите? Страшная отвѣтственность вся падаетъ на васъ. Вы привыкли быть спокойнымъ, умѣреннымъ, религіознымъ, миролюбивымъ. Неужели вы изъ-за пустяковъ захотите довести эту частную ссору до ужасной крайности, до преступнаго убійства? Повѣрьте мнѣ, что, если вы, наперекоръ правиламъ всей вашей жизни, опустите узду вашимъ страстямъ, слѣдствія могутъ выйти такіа, что вы во весь остатокъ своихъ дней, а если Богъ не помилуеъ, даже на томъ свѣтѣ не перестаете горько расказываться.

Меркемъ глядѣлъ въ землю и съ минутоу хранилъ мрачное молчаніе; наконецъ поднялъ глаза и сказалъ:

— Алиса, вы дочь солдата, сестра солдата... всѣ ваши родственники со включеніемъ и того, къ которому вы нѣкогда питали привязанность, сдѣлались солдатами вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ нашего отечества. Вы видѣли, какъ они бранись за оружіе и, по противоположнымъ убѣжденіямъ своимъ, становились подъ разныя знамена, переходили на враждебныя одна другой стороны, и вы не такъ сильно тревожились. Отвѣчайте мнѣ; отъ вашего отвѣту будетъ зависеть мой костюмокъ. Развѣ этотъ молодой человекъ, котораго вы знаете такъ недавно, уже имѣетъ въ вашихъ глазахъ больше цѣны чѣмъ всѣ ваши близкіе, чѣмъ отецъ, чѣмъ братъ, чѣмъ всѣ родные, которыхъ вы провозгласили на войну почти равнодушно? Отвѣчайте мнѣ утвердительно, и я уйду отсюда, чтобъ никогда больше не видать ни васъ, ни моеи родины.

— Оставайтесь, Меркемъ, оставайтесь! Вѣрьте мнѣ, что если я отвѣчаю на вашъ вопросъ утвердительно, это оттого что безопасность мистра Кернеги въ эту минуту важнѣе жизни всякаго другаго изъ тѣхъ, о которыхъ вы говорите.

— Право? я не зналъ, что графская корона въ вашихъ глазахъ на столько важнѣе дворянскаго шлема. Но я слышалъ, что многія женщины такъ думаютъ.

— Вы не понимаете меня, возразила Алиса въ смущеніи отъ затрудненія выразиться такъ, чтобы предупредить поединокъ, обезоружить возникшее въ душѣ милого подозрѣніе, и не повести къ открытію настоящаго имени Луиса Кернеги: Меркемъ, жальтесь падо мной; не принуждайте меня теперь къ объясненію. Вѣрьте мнѣ, честь и счастье моего отца, моего брата, всей фамиліи зависятъ отъ безопасности мистра Кернеги.... совершенно зависеть отъ того, па что вы теперь рѣшитесь.

— О! я не сомнѣваюсь; фамилія Ли всегда мечтала о титулахъ и во всѣхъ своихъ союзахъ всегда больше дорожила приверженностью придворнаго чѣмъ прямымъ и честнымъ патріотизмомъ простаго помѣщика. Съ этой стороны ничто меня не удивить. Но вы, Алиса, вы, которую я такъ нѣжно любилъ, вы, которая подавала мнѣ вѣру, что я пользуюсь взаимностью,—возможно ли, чтобы суетная прелесть титула и вольныя любезности придворнаго кавалера, котораго вы видѣли въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, могли заставить васъ предпочесть этого лорда мнѣ, моему сердцу?

— Нѣтъ, нѣтъ! о! нѣтъ! вскричала Алиса въ невѣроятномъ волненіи.

— Дайте мнѣ отвѣтъ, который, кажется, такъ затрудняетъ васъ,—дайте мнѣ его въ одномъ словѣ. Кто вамъ тотъ, за безопасность котораго вы такъ трепещете?

— Мнѣ оба дороги, отвѣчала Алиса.

— Этого отвѣту не достаточно. Равенства здѣсь быть не можетъ. Мнѣ нужно знать, на чтѣ разсчитывать, и я узнаю. Я не понимаю изворотовъ дѣвушки, которая не рѣшается на выборъ изъ двухъ жениховъ, между-тѣмъ мнѣ не хочется обвинить васъ въ кокетствѣ, которое не можетъ удовольствоваться однимъ любовникомъ.

Эвхардовъ жаръ въ рѣчахъ и предположеніе, будто-бы любезность придворнаго волокиты могла заставить ее легкомысленно забыть искреннюю привязанность, пробудили наконецъ гордость Алисы. Мы уже сказали, что и она имѣла свою долю львиного праву, которыми отличалась вся ея родня.

— Если слова мои такъ дурно перетолковываются, сказала она, если меня считаютъ недостойною ни малѣйшаго довѣрія и я не могу добыть безпристрастнаго суда, такъ слушайте же, и какъ-бы странно ни показались мои рѣчи, будьте увѣрены, Меркемъ, что вы не найдете въ нихъ ничего предосудительнаго, когда будете въ состояніи объяснить ихъ. Слушайте же, я объявляю вамъ, и всѣмъ присутствующимъ, и самому мистру Кернеги... который очень хорошо понимаетъ, въ какомъ смыслѣ я говорю... что его жизнь и безопасность въ моихъ глазахъ дороже жизни и безопасности всякаго другаго человѣка не только въ этомъ государствѣ, но и въ цѣломъ мірѣ.

Она произнесла эти слова такъ твердо и рѣшительно, что увѣчтожила всякую возможность возраженія. Карлъ важно и молча поклонился ей. Эвхардъ въ сильномъ волненіи подошелъ къ своему противнику и, напрасно стараясь придать своему тону твердость, сказалъ:

— Вы слышали объявленіе миссъ Ли, сэръ; и безъ сомнѣнія очень признательны ей. Я, какъ бѣдный родственникъ, какъ недостойный искатель ея руки, уступаю вамъ права, на которыя посмѣлъ объявить притязаніе. Я никогда добровольно не причинялъ ей ни малѣйшаго огорченія, и надѣюсь, вы повѣрите, что я поступаю какъ благородный человѣкъ, когда говорю вамъ, что отрекаюсь отъ записки, которая побудила васъ побезпокоиться

и прійтъ сюда въ такую раннюю пору.... Алиса, прибавилъ онъ, прощайте, Алиса!... прощайте навсегда!

Бѣдная дѣвушка, лишившись напряженнаго мужества, которое ее поддерживало, пыталась повторить слово «Прощайте!» но не могла. Она упала бы, если бы Рочклифъ не поддержалъ. Вилдрекъ тоже подскочилъ на помощь къ доктору. Онъ также былъ взволнованъ, хотя не понималъ причины, и остатками своего носоваго платка отеръ глаза.

Карлъ смотрѣлъ на всю эту сцену молча, но съ сильнымъ волненіемъ, которое начинало уже обнаруживаться и въ смугломъ лицѣ и въ движеніяхъ. Сначала онъ стоялъ совершенно неподвижно, скрестивъ руки на груди, какъ человѣкъ, который хочетъ предаться теченію обстоятельствъ. Потомъ перемѣнилъ положеніе; выставилъ ногу, и отставилъ; открылъ руку и опять сжалъ. Все доказывало, что онъ борется съ противуположными чувствованіями и ищетъ, на что рѣшиться.

Но когда Меркемъ бросилъ отчаянный взглядъ на Алису и отворотился, чтобъ уйти, онъ не выдержалъ:

— Годаемъ! такъ нельзя! вскричалъ онъ бросившись къ Эврарду и ударивъ его по плечу: позвольте, сэръ, на одно слово! прибавилъ онъ повелительнымъ тономъ, который шелъ къ нему какъ нельзя больше.

— Какъ вамъ угодно, сэръ, отвѣчалъ Меркемъ, оборотясь и взявшись за шпагу.

Онъ предполагалъ, что противникъ возобновляетъ вызовъ, и, казалось, былъ очень доволенъ. Глѣвъ, говорятъ, столько же близко къ огорченію, сколько состраданіе къ любви.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ король, теперь это уже невозможно, полковникъ Эврардъ. Я — Карлъ Стуртъ.

Эврардъ въ изумленіи отступилъ.

— Не можетъ-быть! сказалъ онъ: это невозможно! Шотландскій король въ Бристолѣ сѣлъ на корабль. Милордъ Вильмотъ, ваше искусство въ интригѣ извѣстно. Вы не проведете меня.

— Пожалуй, хоть и король шотландскій, — если вамъ такъ угодно ограничивать его титулъ, — и во всякомъ случаѣ старшій сынъ покойнаго короля великобританскаго стоитъ передъ вами, полковникъ Эврардъ, и слѣдовательно не могъ на корабль сѣсть въ Бристолѣ. Докторъ Рочклифъ подтвердитъ вамъ это. Онъ же скажетъ вамъ, что у лорда Вильмота лицо бѣлое и волосы бѣлокурые, тогда какъ, вы видите, у меня кожа смуглая и волосы черные.

Видя этотъ оборотъ дѣла, Рочклифъ оставилъ Алису на попеченіи Вилдрека, котораго деликатность и скромность въ попыткахъ привести ее въ чувство составляли разительную противоположность съ обыкновенною его безпечною и наглостью. Онъ былъ такъ занятъ, что на минуту остался въ невѣденіи важнаго открытія, въ которомъ бы не могъ не принять живѣйшаго участія.

Докторъ Рочклифъ, въ крайней тревогѣ, подошелъ ломая руки и произнося отрывистыя невольныя восклицанія, какъ человѣкъ, который совершенно потерялся.

— Молчите, докторъ, сказалъ Карлъ съ полнымъ спокойствіемъ, приличнымъ королю: я убѣжденъ, что мы имѣемъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ. Мистру Эврарду не непріятно будетъ увидѣть только изгнаннаго принца въ томъ, въ комъ предполагалъ счастливаго соперника по любви. Онъ долженъ отдать справедливость чувствованіямъ, побуждающимъ меня поднять завѣсу, которою безпримѣрная преданность этой дѣвушки продолжаетъ укрывать меня во вредъ собственному счастью. Ему же выгодно моя откровенность, и я, конечно, имѣю право надѣяться, что мое положеніе, уже довольно бѣдственное, не сдѣлается хуже отъ того, что полковникъ узнаетъ меня въ подобныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ, теперь слово уже сказано, и полковнику Эврарду приходится самому опредѣлить, какъ поступать.

— Государь! ваше величество!... Государь! повелитель мой! король мой! вскричалъ Вилрекъ, услышавъ наконецъ, въ чемъ дѣло, и ползая на колѣняхъ схватилъ у Карла руку и поцѣловалъ больше какъ любовникъ у милой чѣмъ какъ подданный, отдающій долгъ почтенія государю: если другъ мой, Меркемъ Эврардъ, поступитъ какъ собака, я его тотчасъ же и задушу какъ собаку, хотя бы долженъ былъ вслѣдъ за тѣмъ зарѣзаться самъ.

— Тихе, тихе, любезный и вѣрный мой подданный, сказалъ король: успокойся. Хотя я принужденъ былъ на минуту назваться своимъ именемъ, однакожъ мы здѣсь не въ такой безопасности, чтобъ принимать вашихъ подданныхъ.

Эврардъ стоявшій все время неподвижно, въ оцѣневѣніи, наконецъ ветрепнулся, какъ будто проснувшись.

— Ваше величество, сказалъ онъ съ низкимъ почтительнымъ поклономъ, если мое колѣно и моя шпага не отдають вамъ почести, должной отъ подданнаго государю, то это оттого что Богъ, по-крайней мѣрѣ теперь, отказываетъ вамъ въ возможно-

сти воротиться на отцовскій престолъ, не заминая новой междоусобной войны. Не воображайте ни на одну минуту, что я могу посягнуть на вашу безопасность. Если бы я не былъ обязанъ вамъ лично за благородство, съ какимъ вы предупредили несчастье всей моей жизни, ваши несчастія одѣлали вашу особу для меня столько же священной какъ и для самаго преданнаго роялиста. Если ваши плапы хорошо обдуманы, надежны, сочтите все происходившее за сонъ, и если они таковы, что я могу содѣйствовать исполненію, не погрѣшая противъ обязанностей моихъ въ отношеніи къ республикѣ, вы можете располагать моими услугами, ваше величество.

— Можеть случиться, что я поставлю васъ въ вѣкоторое затрудненіе въ этомъ отношеніи, отвѣчалъ король: мое положеніе таково, что не позволяетъ отказаться отъ содѣйствія, даже предложеннаго съ такими ограниченіями. Но если возможно будетъ, я не обращусь къ вамъ; я не люблю пользоваться состраданіемъ чловѣка насчетъ того, что онъ почитаетъ своимъ долгомъ. Докторъ, кажется, сегодня фехтованья не будетъ, ни на шпагахъ, ни на палкахъ; слѣдовательно, — прибавилъ онъ, взглянувъ на Алису и Эврарда, — мы можемъ воротиться въ Ложу и оставить здѣсь тѣхъ, которымъ, можеть быть, нужно еще нѣсколько объясниться.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Алиса, совершенно пришедшая въ чувство, намъ съ кузеномъ Меркемомъ не нужно ни какихъ объясненій. Онъ простить мнѣ, что я говорила загадками, когда не смѣла выражаться яснѣй, а я прошу ему, что не умѣлъ разгадать ихъ. Но я дала слово отцу. Мы не можемъ ни видѣться ни переписываться. Ступайте, кузень Меркемъ, воротитесь въ Вудстокъ и, если будетъ угрожать опасность, дайте вамъ знать.

Эврардъ желалъ промедлить, извиниться въ несправедливыхъ подозрѣніяхъ, сказать тысячу пужныхъ вещей, но Алиса не хотѣла слушать и на все отвѣчала только:

— Прощайте, Меркемъ, прощайте до болѣе счастливой поры.

— Это просто ангелъ, а не дѣвушка! вскричалъ Вилдрекъ: а я, нечестивый еретикъ, давеча чуть не назвалъ ее отчаянною кокеткой..... Но, простите, ваше величество..... не имѣете ли чего приказать бѣдному Роджеру Вилдреку, который готовъ сорвать голову кому бы то ни было въ Англіи, даже самому себѣ, чтобъ угодить вашему величеству.

— Мы попросимъ нашего друга Вилдрека ничего не дѣлать слѣшкомъ поспѣшно, отвѣчалъ Карлъ съ улыбкой: такая голова

какъ у него — рѣдкость, и если ее сорвать, то, можетъ-быть, трудно будетъ найти другую подобную. Мы совѣтуемъ ему быть скромнымъ и молчаливымъ, не драться съ честными служителями англиканской Церкви, и сдѣлать себѣ не откладывая новый камзолъ, — въ чемъ просимъ позволенія оказать нѣкоторое пособіе. Когда придетъ время, мы надѣемся дать ему приличное занятіе.

Съ этимъ словомъ Карлъ опустилъ Вилдреку въ руку десять червонцевъ, и кавалеръ такъ разчувствовался отъ благодарности, что заплакалъ. Онъ не отсталъ бы отъ короля, если бъ Рочклифъ строго и рѣшительно не настоялъ, чтобы остался при своемъ покровителѣ. Впрочемъ, докторъ общалъ, что употребить его при охраненіи короля на побѣгѣ за границу, когда представится надобность.

— Будьте такъ великодушны, почтенный докторъ, отвѣчалъ кавалеръ: вы обяжете меня на всю жизнь. Заклинаю васъ, не сердитесь на меня за давешнюю глупость.

— Я не имѣю ни какой причины сердиться, капитанъ Вилдрекъ: кажется, не я остался въ накладѣ.

— Правда, докторъ; и что касается до меня, я вамъ прощаю. Умоляю васъ ради христіанскаго милосердія, дайте мнѣ возможность хоть чѣмъ-нибудь услужить королю. Я только эту надеждою и жить буду, и вы можете быть увѣрены, что разочарованіе въ этомъ непремѣнно убьетъ меня.

Пока докторъ и кавалеръ договаривались такимъ образомъ, король прощался съ Эврардомъ, который съ непокрытою головою слушалъ пріятливую рѣчь Карла.

— Считаю не нужнымъ замѣчать вамъ, что вы не имѣете причинъ ревновать, говорилъ Карлъ: полагаю, вы сами понимаете, что между мной и Алисой Ли не можетъ быть рѣчи о бракѣ, а волокитѣ нужно быть уже слишкомъ безсовѣстнымъ, чтобы покушаться на обольщеніе такого возвышеннаго и благороднаго созданія. Вѣрьте, что я отдалъ справедливость ея достоинствамъ, прежде чѣмъ получилъ это дорого стоившее доказательство ея подданнической вѣрности и преданности. Ея отвѣты на нѣкоторыя рѣчи пустой любезности довольно хорошо показали мнѣ благородство ея характера. Я вижу, что ея счастье зависить отъ васъ, полковникъ Эврардъ, и надѣюсь, что вы будете достойнымъ хранителемъ его, когда мы успѣемъ уничтожить нѣкоторыя препятствія. Если это будетъ зависѣть отъ насъ, будьте увѣрены, что мы употребимъ наше вліяніе. Прощайте, полков-

никъ; если намъ нельзя будетъ сдѣлаться совершенными друзьями, такъ по-крайней мѣрѣ не станемъ смотрѣть другъ на друга враждебно чѣмъ въ эту минуту.

Въ обращеніи Карла было что-то трогательно, и его положеніе, какъ изгнанника, въ государствѣ, принадлежавшемъ ему по праву рожденія, отозвалось въ сердцѣ у Эврарда, несмотря на то что чувство это было совершенно противоположно политическимъ правиламъ, по которымъ онъ находилъ нужнымъ и должнымъ дѣйствовать въ тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ его отечества. Онъ стоялъ съ непокрытою головою, какъ мы сказали, и вся наружность его выражала глубочайшее почтеніе, какое только можетъ оказывать человѣкъ государю не будучи его подданнымъ. Онъ поклонился такъ низко, что губами почти коснулся руки короля, однако жъ не поцѣловалъ.

— Если бъ я могъ содѣйствовать вашей безопасности, ваше величество, сказалъ онъ, я сдѣлалъ бы это не щадя жизни моей. Вотъ все....

Онъ остановился, и король взялся досказать рѣчь.

— Вотъ все, что вы можете сдѣлать, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ. Этого мнѣ довольно. Вы не можете отдать моей рукѣ чести, принадлежащей государю, но не помѣшаете мнѣ взять вашу, какъ руку друга, — если вы согласны на это званіе.

Благородная душа Эврарда сильно взволновалась. Онъ взялъ руку короля и почтительно поцѣловалъ.

— О! если бъ могло настать такое счастливое время! вскричалъ онъ.

— Не связывайте себя ни чѣмъ, любезный Эврардъ, сказалъ добрый король: въ волненіи плохо разсуждать. Я не хочу, чтобы люди привязывались ко мнѣ противъ своихъ убѣжденій, и не хочу увлекать за собою въ паденіи тѣхъ, которые еще столько чувствуютъ по-человѣчески, что сострадаютъ къ моему настоящему положенію. Если болѣе счастливое время настанетъ, тогда увидимся, и, надѣюсь, къ взаимному нашему удовольствію; если жъ нѣтъ, какъ сказалъ бы вашъ будущій тесть, — прибавилъ Карлъ съ улыбкой и увлажненными глазами, — если нѣтъ, то, значить, намъ тѣмъ болѣе слѣдовало разстаться.

Эврардъ удалился съ низкимъ поклономъ и съ сердцемъ, разтерзаннымъ противоположными чувствованіями, изъ которыхъ господствующимъ была признательность за великодушіе, съ какимъ Карлъ, презирая собственную опасность, открылъ тайну грозившую нарушить счастье Эврарда и Алисы. Онъ пошелъ въ

городъ Вудстокъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Вилдрокъ, который такъ часто взглядывалъ на небо и всплескивалъ руками, что полковникъ принужденъ былъ замѣтить ему опасность и подозрительность подобныхъ изъясненій чувства.

Великодушное поведеніе короля при концѣ этой сцены не укрылось отъ Алисы. Она тотчасъ же изгнала изъ сердца всю свою досаду на него и всѣ подозрѣнія; отдала справедливость природной добротѣ его сердца и все должное почтеніе его особѣ, какъ было внушено ей съ дѣтства. Она чувствовала что королевскіе добродѣтели принадлежали самому Карлу, а недостатки были слѣдствіемъ воспитанія и ласковыхъ совѣтовъ. Въ восхищеніи отъ этого открытія она не знала, или по крайней-мѣрѣ въ эту минуту не думала, что если врачю не помогутъ, она заглушитъ все поле. *Virtus rectorem discipulae desiderat, vitia sine magistro discuntur*, какъ сказала ей однажды докторъ Рочкливъ, обещавъ притомъ, не обыкновенно, на досугъ объяснить это мѣсто.

Цитаты ученаго доктора и антиварія часто оставались безъ объясненій, потому что въ душѣ онъ презиралъ войдъ не знающихъ мертвые языки, и рѣдко удостоивалъ труда переводить классическія сентенціи для удобнѣйшаго разумѣнія дамъ и неученыхъ мужчинъ. Но чтобъ дамы и неученые мужчины не лоннули съ досады на свое невѣжество, мы имъ объяснимъ, что *virtus rectorem discipulae desiderat, vitia sine magistro discuntur* значить— «добродѣтель имѣетъ нужду въ руководителѣ и наставникѣ, а порокамъ научаются безъ преподавателя».

Но въ объясненіе цитаты нѣкогда было вдаваться. Разсчитывая на взаимную искренность, и по тому духовному сообщенію, посредствомъ котораго два человека, оставленные въ трудное положеніе, объясняются удобнѣе чѣмъ на словахъ, король и Алиса откинули всякое принужденіе и осторожность. Карлъ съ увѣренностью благосклоннаго молодаго человѣка и вмѣстѣ съ благосклонностью короля предложилъ Алисѣ руку, чтобъ вернуться въ Ложу, а она съ почтительною скромностью, но безъ малѣйшаго страху или подозрѣнія, приняла предложеніе. Впродолженіи послѣдняго получасу они, казалось, взаимно вполне узнали характеры одинъ другаго и убѣдились въ чистотѣ наирѣннѣй каждаго.

Они пошли такъ скоро, что докторъ Рочкливъ, не смотря на всѣ напряженія, не могъ поспѣвать слѣдомъ и отсталъ довольно далеко.

— Милая Алиса, сказалъ король,—но такимъ тономъ, что при-

лагательное выражало нѣжность чисто братскую, — вась Эврадъ мнѣ очень нравится. Далъ бы Богъ, чтобъ онъ принадлежалъ къ нашимъ. Но если это невозможно, то я по-крайней мѣрѣ надѣюсь найти въ немъ великодушнаго непріятеля.

— Мой кузеньъ никогда не будетъ личнымъ непріятелемъ вашего величества, спокойно отвѣчала Алиса: онъ изъ небольшого числа тѣхъ людей, на слово которыхъ можно положиться лучше нежели на нныя клятвы. Онъ не способенъ употребить во зло великодушную довѣренность вашего величества.

— Клявусь честью, и я такъ думаю, Алиса... но, goddeme! милая миссъ Ли, оставьте величество куда всторонѣ. Дѣло идетъ о моей безопасности. Называйте меня словомъ сэръ, котораго совершенно достаточно, или еще лучше, пусть я снова буду для васъ сумасшедшимъ Лунсомъ Кернеги.

— Какъ угодно вашему величеству, отвѣчала Алиса, склонивъ голову; но это невозможно.

— А! понимаю. Лунсъ былъ несносный человекъ, заносчивый грубиянъ; вы не можете терпѣть его при себѣ, и правы, можете быть. Но подождемъ доктора Рочклифа, прибавилъ король, желая избавить Алису отъ обороту разговора, который могъ причинить ей замѣшательство.

Они остановились и Алиса могла одна предаться своему чувству признательности за такое благородное угожденіе.

— Докторъ, продолжалъ король, я не могу убѣдить нашего прекраснаго друга миссъ Ли, что она изъ благоразумія не должна давать мнѣ титула, котораго я теперь не имѣю средства поддержать.

— Это укоръ землѣ и счастью, ваше величество, отвѣчалъ докторъ, отдышавшись: настоящее положеніе вашего величества точно не позволяетъ вамъ принимать почестей, принадлежащихъ вамъ по священному праву, но я надѣюсь, что скоро, если усилія вашихъ вѣрныхъ слугъ не останутся безуспѣшными и если сбудется тайное желаніе всѣхъ трехъ королевствъ, мы увидимъ восстановленіе всѣхъ природныхъ правъ вашего величества.

— Хорошо сказано, докторъ. Но, въ ожиданіи, не можете ли вы объяснить миссъ Алисѣ два Гораціевы стиха, которые я нѣсколько лѣтъ уже ношу въ головѣ, и теперь только нашелъ случай примѣнить къ обстоятельствамъ. Это, кажется... Telephus... да, такъ точно:

Telephus et Peleus, quum pauper et exul uterque,
Projicit ampullas et sesquipedalia verba.

Т. ХС. — Отд. II.

— Я объясню миссъ Алисъ эти стихи, когда она мнѣ напечатать, или, прибавилъ докторъ, вспомнивъ, что откладывать не слѣдуетъ, когда объясненія требуетъ король: я приведу ей стихи изъ моего переводу Горация:

«Несчастный государь, изгнанникъ изъ отчизны,
Напыщенны слова и семимильны рѣчи
Покинь....»

— Превосходный переводъ, докторъ, сказалъ Карлъ: чрезвычайно сильно сказано. Въ особенности мнѣ нравится переводъ выраженія *sesquipedalia verba* выраженіемъ — семимильные сапоги... семимильныя рѣчи, то есть, хотѣлъ я сказать. Это напоминаетъ мнѣ половину моей жизни, — Бабушкины Сказки.

Разговаривая такимъ образомъ они пришли въ Ложу и король отправился въ свою комнату дожидаться завтрака.

— Вильмотъ и Вильё порядочно посмѣялись бы на мой счетъ, — думалъ онъ входя, — если бы слышали о походѣ, въ которомъ я не одержалъ побѣды ни надъ мужчиной ни надъ женщиной. Но, годдемъ! пусть ихъ смѣются, сколько угодно; въ душѣ у меня есть что-то доказывающее мнѣ, что я на этотъ разъ поступилъ хорошо.

Тотъ день и слѣдующій прошли спокойно. Король съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о готовности судна, на которомъ ему надлежало отплыть. Но онъ узналъ только, что неутомимый Альбертъ Ли, подвергаясь величайшимъ опасностямъ, по всѣмъ прибрежнымъ городамъ ищетъ корабля, и что приверженцы короля, извѣщенные Рочклифомъ, помогаютъ ему по силамъ.

XIV.

Не изволь рукамъ такой воли давать,
любезный! *Шекспиръ.*

Теперь нужно сказать также нѣсколько словъ о другихъ лицахъ нашей драмы.

Коммиссары, — изгнанные изъ эдема, какой надѣялись найти въ Вудстокъ, не херувимомъ, подобно Адаму и Еввѣ, а духомъ другаго рода, какъ сами они полагали, — оставались еще въ окрестности. Они покинули Вудстокъ подъ предлогомъ недостатку въ хорошихъ квартирахъ, а въ сущности только потому что досадовали на Эврарда и не хотѣли, чтобы онъ могъ наблюдать за ними. Они не далеко ушли, въ Оксфордъ, гдѣ и засѣли какъ вороны

на деревѣ, поджидавшіе добычи отъ остатковъ охоты. Тамъ университетъ и городъ, въ особенности университетъ, доставилъ имъ возможность упражнять свои таланты до желанной минуты, когда призовутъ въ Виндзоръ или обратно въ Вудстокъ.

Блетсонъ, для препровожденія времени старался втерѣться въ общество ученыхъ и благочестивыхъ докторовъ, которые терпѣть его не могли; онъ душилъ ихъ своимъ атеизмомъ, софизмами и нечестивыми выходками, на которыя принуждалъ возражать. Дизбро, одинъ изъ грубѣйшихъ невѣждъ того времени, принялъ титулъ попечителя одного училища и не теряя времени порубилъ принадлежавшій тому училищу лѣсъ и присвоилъ серебряную посуду. Гаррисонъ говорилъ рѣчи, въ церкви Святой Маріи, въ полномъ мундирѣ, въ буйволовомъ полукафтанѣ и въ сапогахъ со шпорами, какъ будто на походѣ въ Армагеддонъ, и трудно было бы сказать, отъ чего больше терпѣлъ ученый, релігіозный и честный Оксфордъ, — отъ холоднаго ли скептицизма Блетсона, отъ ненасытнаго грабительства Дизбро, или отъ изступленной восторженности поборника пятой монархіи.

Отъ времени до времени изъ Оксфорда въ Вудстокъ и обратно ходили солдаты, посредствомъ которыхъ поддерживалось постоянное сношеніе съ Томкинсомъ Вѣрнымъ, а тотъ, хотя живъ въ городѣ, довольно часто подъ разными предлогами посѣщалъ Ложу, такъ, что комиссары могли разсчлсывать на знаніе всего, что тамъ дѣлается.

Въ самомъ дѣлѣ, Томкинсъ, казалось, нашелъ тайное средство списать, если не вполнѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ частію, довѣріе почти всѣхъ, игравшихъ роли въ интригахъ того времени: всѣ хватался за него; всѣ имѣли съ нимъ особенныя совѣщанія. Кто былъ въ состояніи, склонялъ его подарками; кто побѣдѣй, расточалъ общанія. Когда онъ приходилъ въ Ложу, — всегда совершенно случайно, разумѣется, — и встрѣчалъ сэра Генри Ли въ прихожей, тотъ неминуемо предлагалъ ему рапирю и такъ же неминуемо, послѣ нѣкотораго труда, торжествовалъ побѣду, такъ, что за всѣ эти торжества старый кавалеръ почти прощалъ Томкинсу двойной грѣхъ, — республиканство и пуританство. Когда потомъ медленные методическіе шаги мистра Томкинса раздавались по корридорамъ, докторъ Рочклифъ встрѣчалъ и уводилъ его въ какую-нибудь отдаленную комнату, — только не въ свою, — и они имѣли продолжительныя совѣщанія, по-видимому одинаково интересныя для обоихъ.

На кухнѣ мистръ Томкинсъ пользовался не менѣе добрымъ

пріемомъ. Джослайнтъ всегда встрѣчалъ его самымъ откровеннымъ и дружелюбнымъ образомъ; на столѣ тотчасъ являлись пироги и бутылка, и начиналось угощеніе. Нужно замѣтить, что со времени прибытія доктора Рочклифа, средства къ угощенію въ Вудстоки вообще стали обильнѣе; докторъ, въ качествѣ агента многихъ роллистовъ, могъ располагать порядочными суммами, и жистръ Томкинсъ, вѣроятно, также находилъ тутъ свою долю.

Когда Томкинсъ предавался брешности плоти, — какъ онъ выражался, — и въ особенности вовсе неумѣренному расположенію къ крѣпкимъ напиткамъ, рѣчи его, обыкновенно скромныя и приличныя, становились вольными и соблазнительными. Онъ съ чувствомъ стараго кутлы распространялся о подвигахъ своей молодости, то есть о браконьерствѣ, грабежѣ, пьянствѣ и всякихъ буйствахъ; пѣлъ вакхическія и любовныя пѣсни, и рассказывалъ иногда такія вещи, что принуждалъ Фибн уходить изъ компаніи; даже глухая старуха Джанна подчасъ находила неприличнымъ оставаться.

Посреди этихъ оргій иногда случалось, что Томкинсъ попадетъ на религіозный предметъ; тогда онъ съ жаромъ и краснорѣчіемъ разсуждалъ о превосходныхъ достоинствахъ своей секты и нещадно поразжалъ всё прочія.

Джослайнтъ, почти не слушая и вовсе не понимая его, обыкновенно старался опять свести рѣчь на болѣе веселый предметъ, какъ напримѣръ на воспоминаніе о старинныхъ потѣхахъ, до междоусобій, не заботясь и не разбирая убѣжденій благочестивой Круглой Головы и имѣя въ виду только покровительство, которое она можетъ доставить Вудстоку. Впрочемъ, какъ было не вѣрить въ добрыя намѣренія молодца, для котораго эль и водка, — когда не доставало вина, — казалось, составляли главнѣйшія потребности жизни, и который пилъ за здравіе короля и за кого угодно, лишь бы чарка была полна до краевъ?

Онъ принадлежалъ собственно къ сектѣ, называвшейся Семействомъ Любви, но болѣе извѣстной подъ названіемъ Рантеровъ, которая довольно значительно распространилась при чрезвычайномъ разногласіи религіозныхъ мнѣній и при множествѣ ересей и расколовъ, доходившихъ до крайнихъ предѣловъ безумія и нечестія. Приверженцы пелѣпаго ученія Рантеровъ были клятвенно обязаны хранить подлинныя свои правила въ тайнѣ, для исполненія невпріятностей и неминуемыхъ нападокъ. Исполнять это правило было нетрудно, потому что уставъ позволялъ и даже предписывалъ сообразоваться, въ случаѣ надобности, съ об-

религии и обычаями всякой господствующей секты. На этомъ основаніи Томкинсъ у доктора Рочлива доволано искусно выдавалъ себя за усерднаго приверженца англиканской Церкви, служащаго въ неприятельскихъ рядахъ только для шпіонства, и докторъ, дѣйствительно получившій черезъ него нѣсколько разъ довольно важныя извѣстія, совершенно вѣрилъ ему въ этомъ.

Однакожъ, опасаясь, чтобы частое присутствіе этого страннаго человѣка въ Ложѣ не подвергло короля опасности, Рочливъ присовѣтовалъ Карлу не показываться ему, а въ случаѣ нечаянной встрѣчи какъ можно лучше разыграть роль Луиса Кернеги. Джозефъ Томкинсъ въ его глазахъ, конечно, былъ Джой Честный, но честность, по его же мнѣнію, клача, которому не слѣдуетъ слишкомъ навьючивать; онъ разсуждалъ, что не должно вводить ближняго въ искушеніе.

Томкинсъ, казалось, самъ соглашался держаться въ границахъ того довѣрія, какое ему оказывали, и какъ будто не примѣчалъ Шотландца. Джослайвъ, самъ малый ловкій, раза два примѣчалъ, что Томкинсъ при неизбѣжныхъ встрѣчахъ съ пажемъ, обращалъ на него гораздо меньше вниманія чѣмъ бы слѣдовало ожидать отъ человѣка столько любопытнаго какъ онъ.

— Онъ ничего не спрашиваетъ у меня объ этомъ чужеземцѣ! думалъ Джолифъ: неужели онъ знаетъ уже слишкомъ много? или онъ только подозреваетъ.

Но опасенія лѣсничаго разсѣялись, когда однажды Томкинсъ сталъ говорить о бѣгствѣ короля изъ Англіи какъ о вещи совершенно достовѣрной, и даже назвалъ капитана и корабль, на который Карлъ будто бы сѣлъ въ Бристолѣ. Томкинсъ казался столько убѣжденнымъ въ этомъ, что Джолифъ считалъ подозрѣніе противнаго невозможнымъ.

Однако жъ несмотря на это убѣжденіе и дружелюбное обращеніе, лѣсничій зорко слѣдилъ за своимъ пріателемъ Томкинсомъ и всегда былъ готовъ ударить тревогу. «Правда, думалъ онъ, что Томкинсъ, несмотря на пьянство и фанатизмъ, заслуживаетъ столько довѣрія, сколько ему оказываетъ докторъ Рочливъ, однако жъ онъ всё-таки шеромыга, и кафтанъ у него отливаетъ всѣми цвѣтами. Можно ли поручиться, что значительная награда или прощеніе какой-нибудь продѣлки не заставятъ ^{его} надѣть кафтанъ и на изнанку?»

Мы сказали, что скромный республиканецъ былъ вездѣ хорошо принятъ, и въ городѣ Вудстокѣ и въ Ложѣ. Однако жъ бы-

ли два человѣка, которые, хотя по разнымъ причинамъ, однако же чувствовали неодолимую вражду къ нему.

Одинъ былъ Неемія Гольднофъ, который съ негодованіемъ вспоминалъ, какимъ насильственнымъ образомъ независимый со-гналъ его съ кафедръ. Онъ говорилъ о Томкинсѣ не иначе какъ о посланикѣ духа лжи и тьмы. Однажды онъ даже сказалъ торжественную рѣчь о лжепророкѣ, изъ устъ котораго вѣсто-словъ сыпались лягушки. Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣ-ніе на мѣра и на знатнѣйшихъ гражданъ; всѣ нашли, что мистръ Гольднофъ нанесъ ею жестокій ударъ самому корню *индепен-дентизма*. Противная партія между-тѣмъ утверждала, что Том-кинсъ одержалъ побѣду, когда возражалъ на эту рѣчь вечеромъ того же дня, и, къ удовольствію многочисленныхъ слушателей изъ черни и ремесленниковъ, неопровержимо доказалъ, что пресви-терство — лжеученіе. Гольднофъ послалъ къ мистру Эдуарду опи-саніе поступковъ своего противника, для того чтобы тотъ въ по-номъ изданіи своей «Gangrena» указалъ на него какъ на самую злокачественную язву еретичества, а Томкинсъ рекомендовалъ пресвитеріанскаго пастора полковнику Дизбро какъ человѣка весьма способнаго перенести добрую пеню за оскорбленіе духа вѣрныхъ индеевентовъ, увѣряя въ то же время, что, какъ ни бѣденъ кажется на взглядъ мистръ Гольднофъ, стоитъ только поставить у него человѣкъ десять солдатъ, до уплаты пени, и жены всѣхъ богатыхъ лавочниковъ города Вудстока ограбить выручки своихъ мужей, и выручать своего любимца. Изъ этого можно заключить какъ дружно жили ораторы.

Но гораздо болѣе огорчало Томкинса нерасположеніе другой особы, у которой ему несравненно желательнѣе было снискать милость чѣмъ у Нееміи Гольднофа. То была не кто иная какъ хорошенькая Фибби, къ обращенію которой на путь истины онъ почувствовалъ большое призваніе, со времени своей декламации противъ Шекспира, съ перваго разу когда увидѣлъ ее въ Ложѣ. Однако жъ онъ желалъ совершить это великое предпріятіе втай-нѣ, и въ особенности старался скрыть свой миссіонерскій под-вигъ отъ Джослайпа Джолифа, чтобы не возбудить ревности. Но напрасно онъ напѣвалъ Фибби то стихи изъ Пѣсни Пѣсней, то мѣста изъ «Аркадіи» Грина, то отрывки изъ «Венеры и Адониса», то правила еще болѣе отвлеченнаго свойства, почерпнутыя изъ знаменитаго въ то время сочиненія подъ заглавіемъ «Ари-стотелевъ ше-д'евръ», — напрасно онъ употреблялъ и духовныя и свѣтскія средства, напрасно волочился классически и метафи-

зически, — Фибби вовсе не оказывалась расположенною слушать его не шути.

Съ одной стороны Фибби любила Джослайна, съ другой Томкинсъ ей не понравился съ перваго разу, какъ бунтовщикъ пуританинъ, и потомъ она не могла найти ничего хорошаго, когда открыла въ немъ лицемеръ и развратника. Поэтому она ненавидѣла его вдвойнѣ; присутствіе его она сносила только тогда, когда не могла уйти, а будучи принуждена оставаться, слушала его рѣчи только потому, чтобы не оскорбить его ко вреду своихъ господъ, къ которымъ была безпредѣльно привязана.

По подобнымъ же почти причинамъ она не выказывала своего отвращенія къ независимому и передъ Джослайномъ. Воинственный духъ лѣсничаго могъ бы повести къ объясненіямъ, въ которыхъ охотничій ножъ и дубинка были бы неравными оружіями съ длиннымъ палашемъ и пистолетами Круглоголоваго. Но трудно ослабить ревность, когда она уже находитъ причину къ сомнѣнію. Притомъ, очень можетъ быть, что строгій надзоръ Джослайна за пріятелемъ происходилъ не только отъ ревностной службы королю, но и отъ подозрѣнія, не замышляетъ ли честный Джой поохотиться въ чужомъ лѣсу.

Фибби, какъ благоразумная дѣвушка, сколько возможно укрывала себя присутствіемъ старой Джанны. Правда, что независимый тѣмъ не менѣе и тогда преслѣдовалъ ее своими эротическими и нравственными разсужденіями, по крайней мѣрѣ не могъ извлечь ни какого плода: Фибби была на все это столько же глуха какъ и сама старуха. Томкинсъ, разумѣется, досадовалъ на это равнодушіе и искалъ времени и мѣста, гдѣ бы любовь его могла по-настоящивѣе принудить красавицу къ вниманію. Счастье, коварное божество, которое часто къ нашей же гибели исполняетъ наши желанія, наконецъ доставило ему вожелѣнный случай.

Однажды, вечеромъ, около заката солнца, Фибби, на дѣятельности которой держалось все хозяйство въ Ложѣ, отправилась за водой къ Розамундину Ключу, потому что старый кавалеръ не находилъ нигдѣ воды чище и лучше этой, а не исполнить хоть малѣйшей прихоти старика для всѣхъ въ замкѣ значило погрѣшить противъ священной обязанности.

Съ нѣкотораго времени, какъ мы уже видѣли примѣръ, не легко было налить кувшинъ воды у Розамундина Ключа. Но догадливый Джослайнъ недавно поправилъ какъ могъ стѣну колодца и вставилъ деревянный насосъ, черезъ который вода пошла обиль-

нѣе и падала съ вышины двухъ футовъ. Теперь уже нужно было только подставить кувшинъ и вода, хотя очень медленно, однако жъ наливалась сама.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ мы говоримъ, Фибн въ первый разъ увидѣла эту пріятную переѣму и, отдавая справедливость любезности своего милаго, который постарался такъ облегчить ей дневной трудъ, она, пока вода наливалась, стала мечтать о предупредительномъ инженерѣ, и можетъ быть даже думала, что онъ могъ бы самъ прійти къ колодцу, чтобъ получить должную благодарность. Но Фибн знала, что Джослайнъ остался въ кухнѣ съ ненавистнымъ Томкинсомъ, а видѣть ихъ вмѣстѣ она вовсе не желала даже у Розамундина Ключа.

Между-тѣмъ какъ Фибн разсуждала такимъ образомъ, коварное счастье послало къ колодцу именно Томкинса, и послало даже безъ Джослайна. Завидѣвъ его издали на тропинкѣ, бѣдная дѣвушка встревожилась. Она была одна, въ лѣсу, и не могла надѣяться ни на какую помощь, потому что послѣ заката солнца запрещено было ходить въ королевскій паркъ, чтобы не тревожить покоя оленей. Однако жъ Фибн старалась собрать свою твердость и рѣшилась не обнаруживать ни какой робости, хотя уже издали видѣла, что выраженіе глазъ и лица независимаго не обѣщаетъ ничего добраго.

— Богъ на помощь, красавица, сказалъ Томкинсъ: я встрѣчаю васъ здѣсь точно какъ старшій изъ Авраамовыхъ слугъ встрѣтилъ Ревекку, дочь Бетеля, сына Милькова, у колодца города Накора, что въ Месопотаміи. Какъ же мнѣ не сказать: Наклони свой кувшинъ, дай мнѣ испить?

— Кувшинъ къ вашимъ услугамъ, мистръ Томкинсъ, отвѣчала Фибн: можете пить, сколько вамъ угодно. Но я думаю, вы недавно пили лучше этого.

Въ самомъ дѣлѣ очевидно было, что независимый только-что совершилъ обильное возмѣяніе: лицо его сильно горѣло, однакожъ онъ еще не былъ пьянъ.

— Я пользуюсь только моими правами, милая Ревекка. Земля отдана благочестивымъ со всѣмъ, что на ней находится. Они должны быть хозяевами богатства рудниковъ и сокровищъ виноградной лозы, и возвеселиться имуществомъ своимъ. Тебѣ еще предстоитъ узнать, какими преимуществами пользуются благочестивые, милая Ревекка.

— Мое имя Фибн, отвѣчала дѣвушка, чтобы нѣсколько прогла-

дѣть дѣйствительную или искусственную восторженность благочестиваго.

— Фиби по плоти, но Ревекка по духу. Развѣ ты не заблудшая овца? Развѣ не я посланъ воротить тебя къ роднымъ яслямъ? Развѣ не мнѣ было сказано: Ты найдешь ее сидящую у колодца древней прелестницы Розамунды?

— Нѣтъ сомнѣнія, что вы нашли меня здѣсь, мистръ Томкинсъ, но если вамъ угодно составить мнѣ компанію, пойдѣте въ Ложу, снесите мнѣ туда этотъ кувшинъ, — если хотите сдѣлать одолженіе, — а я дорогою буду слушать ваши прекрасныя рѣчи. Мнѣ нужно поторопиться, потому что сэръ Генри всегда передъ молитвой требуетъ воды.

— Какъ! этотъ старикъ съ испорченнымъ сердцемъ и окровавленными руками послалъ тебя сюда, исполнять работу невольницы? По истинѣ говорю, ты воротись въ освобожденную! А вода, которую ты почерпнула, будетъ разлита какъ вода изъ источника вилеемскаго.

Съ этимъ словомъ онъ, не смотря на крикъ и просьбы Фиби, вылилъ воду изъ кувшина, и снова поставилъ его подъ желобъ, изъ котораго вода текла топкою струей.

— Знай, продолжалъ онъ, что это для тебя знаменіе. Вода, падающая въ этотъ кувшинъ, подобна песку, что переливается въ часахъ. Если, въ продолженіи того времени пока кувшинъ наполняется, ты будешь слушать мои рѣчи, благо тебѣ будетъ и ты будешь поставлена на высокую степень на равнѣ съ тѣми, которые забывъ поученія дѣтства, вскормившія ихъ какъ молоко кормилицы, насыщаются пищею сильныхъ. Но если вода перельется черезъ край кувшина прежде чѣмъ ухо твое выслушаетъ и разумъ пойметъ меня, ты будешь покинута въ рабствѣ на жертву тѣмъ, которые владѣютъ благами земли.

— Вы пугаете меня, мистръ Томкинсъ; однакожъ, я думаю, что вы дѣлаете это не съ намѣреніемъ. Я удивляюсь, какъ вы осмѣливаетесь произносить слова похожія на библейскія, когда сами же вы столько хохотали надъ своими начальниками, когда помогали производить навожденіе привидѣній въ Ложѣ.

— Неужели ты такъ проста, что думаешь, я превзошелъ данныя мнѣ права, когда насмѣхался надъ Гаррисономъ и его товарищами? Нѣтъ, по истинѣ нѣтъ. Выслушай меня, неразумная. Когда я прежде былъ величайшимъ негодяемъ въ графствѣ оксфордскомъ, ходилъ по ярмаркамъ, плясалъ около майскаго шеста, выказывалъ ловкость на мячахъ и палкахъ, когда меня на язы-

кѣ нечестивыхъ звали Филиппомъ Газдайнномъ,—потомъ, когда я былъ пѣвчимъ и звонаремъ, прислуживалъ пастору Рочклифу, я не зналъ прямого пути; узналъ я его тогда, когда постигъ истинное ученіе, хотя и имѣлъ наставниками слѣпаго за слѣпымъ. Но я всѣхъ ихъ покинулъ, и сумасшедшаго Гаррисона— послѣдняго. Я собственными средствами, безъ всякой посторонней помощи, проложилъ себѣ дорогу къ сіяющему свѣту, который покажу и твоимъ глазамъ, Фиби.

— Благодарю васъ, мистръ Томкинсъ, отвѣчала дѣвушка, прикрывая страхъ свой равнодушіемъ: съ меня и теперь довольно будетъ свѣту, чтобъ воротиться въ Ложу, съ кувшиномъ, который вы позволите взять.

Съ этимъ словомъ она хотѣла взять кувшинъ, но Томкинсъ схватилъ ее за руку. Фиби мгновенно послѣдовала внушенію чувства самоохраненія и отважности, которую наслѣдовала отъ отца, также бывшаго лѣсничимъ: не успѣвъ взять кувшинъ, она схватила камень и скрыла въ рукѣ.

— Возстань, неразумная дѣвочка, и выслушай меня, сказалъ Томкинсъ: познай, что грѣхъ, за который человекъ подпалъ гнѣву Божьему, заключается не въ дѣлахъ плоти, а въ помышленіяхъ грѣшнаго духа. Вѣрь, милая Фиби, что все чисто для чистаго, и что грѣхъ заключается въ помышленіяхъ нашихъ, а не въ дѣлахъ, точно такъ же какъ самый яркій свѣтъ представляетъ слѣпцу только мракъ, между тѣмъ какъ зрящій хорошо видитъ и ночью. Многое воспрещено, многое возбранено новичкамъ въ дѣлахъ духа; ихъ питаютъ молокомъ какъ младенцевъ. Но благочестивые возвышены надъ всѣми запретами и ограниченіями. Благочестивому, какъ любимому чаду въ домѣ, данъ ключъ отъ всѣхъ наслажденій и желаній сердца. Я поведу тебя, милая Фиби, по пріятнымъ путямъ къ радости, къ невинной свободѣ, къ наслажденіямъ, какія недоступны нечестивымъ и предоставлены только избраннымъ.

— Я желала бы, чтобъ вы позволили мнѣ уйти, мистръ Томкинсъ, отвѣчала Фиби, которой не совсѣмъ были понятны ученія и только очень не нравился способъ наставленія.

Томкинсъ между тѣмъ продолжалъ развивать свои отвратительныя правила, которыхъ держался вмѣстѣ съ «благочестивыми» и которыя основывались на положеніи, будто грѣшить могутъ только мысль и духъ, а тѣлу предоставляется право творить всевозможныя мерзости, лишь-бы человекъ столько возвысился духомъ, чтобъ считать себя выше грѣха.

— Ты видишь, милая моя Фибби, продолжалъ онъ, стараясь привлечь ее къ себѣ: я могу предложить тебѣ больше чѣмъ когда-либо было предложено женщинѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ Адамъ взялъ свою супругу за руку. Пусть другіе держать губы сухо и постанутъ какъ паписты, когда чаша удовольствій разливаетъ свои чары. Любишь ты деньги? У меня есть, и я могу имѣть ихъ еще больше, потому что я имѣю право добывать ихъ всякими средствами и черезъ всякія руки. Хочешь помѣститься? Котораго изъ этихъ комиссаровъ имѣніе нравится тебѣ? Я отниму для тебя, потому что мой духъ крѣпче ихъ духа, и не напрасно я помогалъ этому неблагонамѣренному, Рочклифу, и болвану Джолифу напугать ихъ. Проси у меня, чего хочешь, Фибби; я все могу доставить тебѣ. Начни со мной усладительную жизнь на этомъ свѣтѣ, и мы будемъ блаженствовать на томъ.

Онъ снова снѣлся привлечь къ себѣ дѣвушку. Фибби, въ страхѣ, не теряя присутствія духа, старалась укротить его просьбами. Но лицо фанатика-лицемѣра, прежде всегда холодное, тутъ приняло страшное выраженіе, и онъ вскричалъ:

— Нѣтъ, Фибби, нѣтъ! не думай уйти отъ меня! Ты отдана мнѣ какъ плѣнница; ты пропустила срокъ спасенія. Посмотри, вода льется черезъ край кувшина! Это былъ условный знакъ. Теперь я уже не стану просвѣщать тебя рѣчами, которыхъ ты недостойна. Я поступлю съ тобою какъ съ отвергнутою благо, которое было тебѣ предложено.

— Мистръ Томкинсъ, отвѣчала Фибби умоляя: вспомните, ради Бога, что я бѣдная сирота, не обижайте меня: стыдно будетъ вамъ и всему полу вашему. Я не понимаю вашихъ прекрасныхъ рѣчей. Я завтра обдумаю.... Перестаньте! вскричала она потомъ съ возрастающимъ гнѣвомъ: какъ вы смѣете такъ обращаться со мной! Оставьте, или худо вамъ будетъ!... Нѣтъ, ну! если такъ, прибавила она, между тѣмъ какъ онъ сильно прижалъ ее къ груди и хотѣлъ схватить за правую руку, — такъ вотъ же тебѣ.... и будь проклятъ!

Съ этими словами Фибби, изъ всей силы, ударила его по лбу камнемъ, который держала наготовѣ, на случай крайности.

Оглушенный ударомъ, лицемѣръ отшатнулся и отпустилъ руку дѣвушки; Фибби воспользовалась временемъ и крича бросилась бѣжать, а побѣдоносный камень все держала въ рукѣ. Томкинсъ, въ ярости отъ удара, и волнуемый самыми черными страстями и опасеніемъ открытія, пустился догонять. Онъ кричалъ дѣвушкѣ, чтобъ остановилась, грозилъ даже застрѣлить, если не послу-

шается, но Фибби продолжала бить. Ему оставалось уже только выполнить угрозу или увидеть, какъ она въ замкѣ откроетъ его злодѣйство, какъ вдругъ Фибби, къ несчастью, зашлепала за большой корень на тропикѣ и упала. Томкинсъ бросился къ своей жертвѣ, но тутъ неожиданно явился заступникъ, — Джослайвъ со своею дубинкой.

— Это чтó значить? вскричалъ Джолифъ, заступивъ Круглоголовому дорогу.

Томкинсъ, въ припадкѣ ярости, отвѣчалъ на спросъ востолетнымъ выстрѣломъ. Пуля ожгла лѣсничему щеку; тотъ въ свою очередь озлобился за такое покушеніе на его жизнь и вскричалъ:

— Вотъ чтó!... Такъ вотъ же дерево за свинцеъ!

И съ этимъ словомъ онъ хватилъ республиканца дубиной по виску.

Томкинсъ покатылся по землѣ въ смертныхъ корчахъ и пронося невнятные, отрывистыя слова:

— Джолифъ.... умираю.... Рочклифа.... священника.... охъ!... отслужить....

Эти слова, по видимому, означали возвращеніе къ вѣрованію, отъ котораго Томкинсъ, можетъ-быть, еще не такъ совершенно отрекся какъ самъ полагалъ. Но голосу уже не стало; только смертное хрипѣніе доказывало, что онъ еще живъ.

Потомъ сжатые кулаки расправились, зажмуренные глаза открылись и обратились къ небу.... но взоръ уже потухъ.... члены окоченѣли; душа, изпанная изъ земной оболочки въ такую страшную минуту, уже предстала передъ престоломъ суда.

— Чтó ты сдѣлалъ, Джослайвъ! чтó ты сдѣлалъ! вскричала Фибби: ты убилъ его!

— Лучше же чѣмъ онъ убилъ бы меня. Онъ не изъ тѣхъ, которые два раза къ-ряду промахиваются. Однако жъ мнѣ жаль его. Мы съ нимъ вмѣстѣ не разъ веселились, когда онъ еще назывался Филиппомъ Газдайнсомъ. Онъ и тогда, правда, не большаго стоилъ, но съ-тѣхъ-поръ какъ прикрылъ свои пороки личиною лицемѣрія, онъ, кажется, сдѣлался совершеннымъ негодяемъ.

— Пойдемъ, Джослайвъ, пойдемъ поскорѣй; не смотри на него такъ долго, умоляла Фибби, потому что лѣсничій, опираясь на свою дубинку, смотрѣлъ на трупъ съ выраженіемъ изумленнаго.

— Это все отъ злу, продолжала она: я всегда тебѣ говорила, что пьянство до добра не доводитъ. Но, ради Бога, пойдемъ въ замокъ; тамъ разсудимъ, чтó дѣлать.

— Погоди, Фиби; дай сперва оттащить его къ сторонкѣ; нельзя оставить здѣсь, на дорогѣ.... Помогни мнѣ немножко.

— Помочь, Джослайнтъ?... вѣтъ, вѣтъ! сохрани Богъ! я не допрусь до него ни за весь Вудстокъ!

— Ну, я и одинъ справлюсь, отвѣчалъ Джослайнтъ, который однако жъ, несмотря на ремесло лѣсничаго и охотника, съ обращеніемъ принимался за пошу.

Послѣдніе взгляды и слова умирающаго произвели сильное впечатлѣніе на лѣсничаго, хотя нервы у него были не очень чувствительны. Однако жъ онъ оттащилъ убитаго отъ тропинки и спряталъ въ кусты, потомъ воротился къ Фиби, которая въ трепетѣ отъ страха, и въ изнеможеніи, сѣла подъ деревомъ, бывшимъ причиною ея паденія.

— Ну, теперь пойдѣмъ въ замокъ и увидимъ, что будетъ, сказалъ Джолионъ. Такое приключеніе, конечно, не уменьшитъ нашихъ опасностей. Но чего же онъ хотѣлъ отъ тебя, Фиби? Отчего ты бѣжала отъ него какъ безумная?.... Да, да! понимаю.... Онъ всегда былъ нетипный сатана до женщинъ.... Это еще развилось съ тѣхъ-поръ какъ онъ сдѣлался «благочестивымъ....» Вотъ именно на этомъ мѣстѣ я засталъ его, когда онъ заносилъ руку на сэра Генри.... Поплатился же онъ, по-крайней-мѣрѣ.

— Но какъ ты могъ довѣрить такую-нибудь тайну такому злодю, Джослайнтъ? Какъ могли вы принять его въ товарищи, чтобы напугать комиссаровъ?

— Съ первой минуты, когда увидѣлъ, я почти узналъ его, особенно когда Бивисъ, также знавшій его еще въ лѣтчикъ загопшикахъ, не сразу бросился и не схватилъ его за горло. А когда мы возобновили старое знакомство въ Ложѣ, я узналъ, что онъ тайно сносится съ докторомъ Рочклиномъ, который считалъ его за роялиста. Докторъ хвалится, что узналъ отъ него много важныхъ вещей, но я молю Бога, чтобы не вышло, что онъ самъ сообщилъ ему еще больше.

— Тебѣ бы не слѣдовало пускать этого человѣка въ Ложу.

— Онъ и не ступилъ бы туда ни ногой, если бы я зналъ, какъ воспрепятствовать. Впрочемъ, что же мнѣ оставалось думать, когда онъ такъ охотно помогалъ намъ во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ?... когда онъ мнѣ растолковалъ, какъ нарядиться, чтобы походить на актера Робинзона, котораго тѣбѣ тревожитъ Гаррисона? Надѣюсь, что меня ни какая тѣнь не станетъ тревожить.... А когда онъ научилъ меня, что дѣлать, чтобы испугать Дизбро?... Надѣюсь однако жъ, что докторъ не сообщилъ

ему самой важной нашей тайны.... Но вотъ мы и дома. Ступай въ свою комнату, Фиби, и постарайся успокоиться. Миѣ нужно повидаться съ Рочклифомъ. Онъ всегда толкуеть о своей изобрѣтательности; пусть теперь изобрѣтеть что-нибудь.

Фиби ушла въ свою комнату, и тамъ силы, поддерживаемыя необходимою, оставили ее совершенно; съ нею сдѣлался нервный припадокъ, потребовавшій попеченій старой Джанны и самой Алисы.

Между тѣмъ лѣсничій сообщилъ свое дѣло политику-доктору; тотъ до крайности встревожился и сталъ даже чинить строгій выговоръ за убіеніе человѣка, на вѣсти котораго онъ привыкъ рассчитывать. Между-тѣмъ по лицу доктора видно было, что онъ не совсѣмъ увѣренъ, не слишкомъ ли много довѣрялъ Томкинсу, и это сомнѣніе тѣмъ болѣе беспокоило его, что онъ не хотѣлъ выказать его, чтобы не повредить своей славѣ тонкаго и ловкаго политика.

Довѣріе добраго доктора Рочклифа къ Томкинсу, однако жъ, казалось, имѣло довольно прочныя основанія. До междоусобной войны, Томкинсъ, подъ настоящимъ своимъ именемъ Газдайна, пользовался покровительствомъ вудстокскаго ректора, прислуживалъ ему въ церкви, участвовалъ въ хорѣ пѣвчихъ и довольно отличался умомъ и ловкостью, даже помогалъ ученому доктору въ его археологическихъ трудахъ надъ развалинами Вудстока. Вступивъ подъ знамена республики, онъ тѣмъ не менѣе поддерживалъ сношенія съ Рочклифомъ и сообщалъ отъ времени до времени довольно важныя извѣстія. Въ послѣднее время онъ былъ очень полезенъ доктору, тѣмъ что помогъ придумать и исполнить хитрости, которыми комиссары изгнаны изъ замка. Правда, что за это ему обѣщано было все оставшееся въ Ложѣ серебро. Докторъ, сознавая, что Томкинсъ былъ человѣкъ испорченный, однако жъ сожалѣлъ объ немъ какъ о полезномъ помощникѣ, котораго смерть могла притомъ повести къ опаснымъ изслѣдованіямъ и розыскамъ.

XV.

Кассіо. Моя одежда лучше чѣмъ ты полагаешь; если бѣ она была по-плоше, я палъ бы отъ этого улару. *Шекспиръ.*

Темнымъ октябрьскимъ вечеромъ того дня, когда погибъ Томкинсъ, у полковника Эврарда, кромѣ его товарища Роджера Вла-

дрекъ, ужиналъ почтенный Неемія Гольднофъ. Послѣ вечерней молитвы, по пресвитеріанскому уставу, на столѣ явилась легкая закуска и двѣ бутылки французскаго вина. Мистръ Гольднофъ скоро пустился въ полемическое разсужденіе объ индипендентахъ и другихъ сектаторахъ, не примѣчая, что его краснорѣчіе нисколько не занимаетъ того, передъ кѣмъ преимущественно ратчалося. Полковникъ думалъ о замкѣ и обо всемъ, что тамъ находилось, — о королѣ, о дядѣ и въ особенности объ Алисѣ. Вилдрекъ про себя проклиналъ пресвитеріанцевъ и индипендентовъ, которые въ его глазахъ были совершенно равны какъ два сельдя изъ одного боченка, и вѣроятно уснулъ бы, если бъ у него не было также тревожной мысли.

За столомъ прислуживалъ молодой человекъ, похожій на цыгана, въ сильно поношенной ранжевой курткѣ, съ синими шерстяными обшивками вмѣсто галуновъ. Росту онъ былъ какого-то не удавагоса, но фязіономія показывала много смѣтливости и проворства. Этого слугу выбралъ Вилдрекъ, который и далъ ему прозвище Плюйгоновъ съ обѣщаніемъ повышенія, когда молодой приемышъ, Завтракъ, подростетъ и будетъ въ состояніи занять мѣсто пажъ. Нѣтъ нужды и говорить, что всѣ издержки на *хозяйство* принадлежали исключительно полковнику Эврарду, который предоставилъ Вилдреку распорядиться по благоусмотрѣнію. Пажъ, подливая вино, доставлялъ кавалеру два случая освѣжиться вмѣсто одного, достаточнаго, по его мнѣнію, полковнику и настороу.

Между-тѣмъ какъ они были заняты такимъ образомъ, ораторъ увлекался своими аргументами, слушатели своими думами, у наружныхъ дверей неожиданно послышался стукъ, и всѣ трое встрепенулись. Малѣйшая бездѣлица можетъ встревожить тѣхъ, у кого въ сердцѣ есть безпокойство.

Стукъ, по-видимому, былъ произведенъ не робкимъ и скромнымъ посѣтителемъ, который едва осмѣливается представиться, и не походилъ также на тревогу, предшествующую важной особѣ, напыщенной своимъ значеніемъ. Это былъ одинъ рѣшительный, твердый ударъ, въ которомъ выражалось что-то торжественное, почти грозное. Кто-то изъ слугъ отворилъ, и на лѣстницѣ раздались тяжелые, но ровные шаги. Въ комнату вошелъ дюжій мужчина, который, снимая плащъ, сказалъ:

— Меркемъ Эврардъ, здравствуй!

То былъ генералъ Кромвель.

Меркемъ, изумленный и захваченный въ-расплохъ, напрасно

искалъ словъ, однако жъ стараясь вѣжливо принять гостя и услужливо помогая ему освободиться отъ плаща. Кромвель быстрымъ взоромъ окинулъ комнату и оставилъ его на цасторѣ.

— Я вижу при тебѣ почтенную особу, сказалъ онъ Эварду: ты не изъ тѣхъ людей, которые тратятъ время безъ пользы. Отдавая къ сторонѣ дѣла этого міра, занимаясь преимущественно вѣчностью, употребляя такимъ образомъ наши минуты въ этой обители грѣховъ и заботъ, мы можемъ надѣяться.... Но это что значить? прибавилъ онъ вдругъ рѣзкимъ тономъ, въ которомъ проглянуло безпокойство: кто вышелъ отсюда?

Вышелъ Вилдрекъ. Но онъ опять уже воротился и явился на балконѣ, какъ будто хотѣлъ не скрыться, а только почтительно отойти.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ онъ: я только съ должнымъ почтениемъ отступилъ. Надѣюсь, ваше превосходительство, что въ государствѣ все идетъ прекрасно, хотя вы и изволили удостоить насъ посѣщеніемъ въ такую позднюю пору.... Не изволите ли приказать подать чего нибудь?...

— А! сказалъ Оливеръ, устремивъ на кавалера строгій взоръ: это нашъ вѣрный посредникъ, нашъ достойный повѣренный. Нѣтъ, любезный, мнѣ покуда ничего не нужно, кромѣ добраго пріему, а мой другъ Меркемъ Эвардъ, кажется, не очень расположенъ принимать гостей.

— Добрый пріемъ ожидаетъ васъ всюду, милордъ, отвѣчалъ полковникъ: я надѣюсь, что не дурныя какія-нибудь вѣсти принудили ваше превосходительство пріѣхать сюда такъ поздно, и осмѣлюсь повторить вопросъ моего отца: не угодно ли вамъ чѣмъ освѣжиться?

— Государство здорово и крѣпко, полковникъ Эвардъ, отвѣчалъ Кромвель: однако жъ оно было бы еще здоровѣе и крѣпче, если бъ многіе изъ тѣхъ, которые до-сихъ-поръ трудятся для него, не охладѣли въ своей любви и привязанности къ правому дѣлу, за которое мы всѣ, безъ различія, всякій по своему званію должны быть готовы дѣйствовать и трудиться, какъ только будемъ призваны исполнять все, что надлежитъ по назначенію нашему, не лѣнливо и безопасно, и не насильственно, а съ такимъ расположеніемъ, чтобы усердіе и благочестіе, такъ сказать, встрѣчались и обнимались въ дѣаніяхъ и помышленіяхъ нашихъ. А между-тѣмъ, за то что мы оглядываемся, прежде чѣмъ приложимъ руку къ боронѣ, силы наши отнимаются у насъ.

— Извините, сэръ, сказалъ Пеемія Гольдшофъ, который слу-

шалъ съ нетерпѣніемъ и начиналъ догадываться, кого видитъ передъ собою: извините, это, кажется, вещи, о которыхъ я призванъ говорить.

— А! сказалъ Кромвель: да, мы, конечно, огорчаемъ духъ, когда остаиваемъ изліянія, которыя какъ источникъ, брызжущій изъ камня....

— Въ этомъ я отличаюсь отъ васъ, сэръ, потому что такъ же какъ есть ротъ, для передачи тѣлу пищи, и желудокъ, для сваренія посланнаго Богомъ, такъ есть проповѣдникъ, для поученія, и есть народъ, чтобы слушалъ, — пастырь, чтобы загонять овецъ во дворъ, и овца, чтобы пользовалась попеченіемъ пастыря.

— А! почтеннѣйшій, мнѣ кажется, вы очень близки къ великому заблужденію, что полагаетъ, будто церкви — большіе каменные дома, построенные каменщиками, а вѣрные прихожане — люди, богатые люди, которые болѣе или менѣе щедро платятъ за службу, и что пастыри — люди въ черныхъ или сѣрыхъ рясахъ, получающіе плату....

Въ эту минуту отворилась дверь, вошелъ офицеръ, и Кромвель, вдругъ покінувъ напыщенный тонъ, съ живостію спросилъ:

— Что, Персонъ, пришелъ онъ?

— Нѣтъ еще, генералъ; мы напрасно искали его тамъ, гдѣ вы приказали, и во многихъ другихъ мѣстахъ, которыя онъ, говорятъ, посѣщалъ въ городѣ.

— Это что значитъ? Неужели онъ измѣнилъ? Нѣтъ, нѣтъ; ему слишкомъ полезна вѣрность; онъ скоро явится. Послушай меня здѣсь.

Можно представить себѣ, въ какой тревогѣ былъ Эвхардъ въ продолженіи этого разговору. Неожиданное прибытіе Кромвеля, очевидно, было слѣдствіемъ какого-нибудь важнаго открытія; вѣроятно было, что онъ узналъ, гдѣ скрывается Карлъ. Если его схватятъ, страшная трагедія тридцатаго января можетъ возобновиться, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ будетъ гибель всего дому Ли; а можетъ-быть и смерть самаго полковника Эвхарда.

Онъ отыскивалъ какого-нибудь утѣшенія въ глазахъ у Вилдрека, но тотъ и самъ насилу скрывалъ свое безпокойство; бремя его было слишкомъ тяжело: ноги у него безпрестанно перемѣняли положеніе, глаза блуждали по сторонамъ и руки судорожно сжимались и расправлялись какъ у свидѣтеля, который бьется допросу.

Между-тѣмъ Кромвель не далъ друзьямъ ни на минуту сойтись. Даже между-тѣмъ какъ потокъ его многословнаго краснорѣчія колесилъ въ такихъ изворотахъ, что невозможно было разгадать, куда онъ мѣтеть, зоркій глазъ его уничтожалъ всѣ успія Эврарда передать Вилдреку хоть какой-нибудь знакъ. Одинъ разъ только полковнику удалось остановить глаза на минуту на окнѣ и потомъ взглянуть на друга, чтобы спросить, не можетъ ли уйти этимъ путемъ. Но Вилдрекъ печально и чуть примѣтно тряхнулъ головой. Эврардъ потерялъ всякую надежду; онъ уже видѣлъ неизбежное несчастіе и его безпокоила только мысль, какъ и въ какомъ видѣ оно разразится.

Вилдрекъ однако жъ еще сохранялъ искру надежды. Въ ту минуту, когда Кромвель вошелъ, онъ поспѣшно вышелъ и сбѣжалъ съ лѣстницы, но на крыльцѣ произнесенные вдругъ двумя часовыми слова: «Не приказано пускать!» заставили его воротиться. На возвратномъ пути онъ встрѣтилъ пажа и увелъ въ свою комнату.

Вилдрекъ былъ утромъ на охотѣ и въ комнатѣ у него лежало нѣсколько штукъ убитыхъ птицъ. Онъ поспѣшно вырвалъ перо изъ крыла бекаса и сказалъ:

— Плюйогонь, слушай мое приказаніе какъ дѣло о жизни и смерти твоей. Я спущу тебя на черный дворъ черезъ это окно. Заборъ не высокъ и часовыхъ тамъ, вѣрно, нѣтъ. Бѣги въ Ложу какъ побѣжалъ бы отъ вѣрной смерти, и отдай это перо Аллсѣ Ли, если возможно, а нѣтъ, такъ Джослайну Джолифу. Скажешь, что я выигралъ барышнинъ закладъ. Понялъ ты меня?

Смѣтливый молодецъ хлопнулъ своего барина по рукѣ и отвѣчалъ:

— Сдѣлано!

Вилдрекъ отворилъ окно, спустилъ мальчика, держа его за воротъ, и хотя вышина была довольно значительная, однакожъ скачку благопріятствовала лежавшая подъ окномъ куча соломы. Вилдрекъ видѣлъ, какъ мальчикъ вскочилъ и перелѣзъ черезъ заборъ. Все это было исполнено такъ быстро, что кавалеръ успѣлъ воротиться къ тому времени, когда Кромвель по приборамъ на столѣ примѣтилъ, что изъ комнаты кто-то вышелъ.

Во время Кромвелева разсужденія о недостаткахъ разныхъ сектъ Вилдрекъ обдумывалъ, не лучше ли бы было, если бѣ догадался послать болѣе ясное словесное извѣстіе, когда уже невозможно было написать. Но мальчика могли на дорогѣ остановить, разспросить; знаніе важной вѣсти могло самого посла сму-

тить. Соображая все это, Вилдрекъ остался доволенъ, что употребилъ такую загадочную форму извѣщенія. По этому онъ былъ всё-еще спокойнѣе своего покровителя.

Едва Персонъ затворилъ дверь, Гольднофъ, столько же готовый вооружиться противъ будущаго диктатора, сколько смѣло выступилъ противъ мнимыхъ духовъ въ вудетокскомъ замкѣ, снова пошелъ въ атаку на раскольниковъ, которыхъ называлъ лжеучителями, лживыми послами и душегубцами. Кромвель, вѣроятно, соскучившись надъ этимъ разсужденіемъ, учтиво прервалъ его и обратилъ разговоръ на другой предметъ.

— Увы! почтенный пасторъ говорить правду, по мѣрѣ своего разума и познаній, сказалъ онъ: да, горькая истина! мы видимъ глазами людей, а не глазами ангеловъ. Лживые послы, говорить пасторъ.... Онъ правъ: міръ наполненъ ими. Они несутъ вашу тайную вѣсть въ домъ смертельнаго врага вашего и говорятъ: Смотри! мой господинъ идетъ съ небольшимъ конвоемъ, онъ пройдетъ по такой-то и такой-то дорогѣ черезъ пустырь. Поторопись съдѣлать засаду, и убьешь его. А другой, знающій, гдѣ скрылся врагъ твоего дома, вмѣсто того чтобъ извѣстить своего господина, спѣшитъ къ врагу и говоритъ: Смотри! мой господинъ знаетъ твое тайное убѣжище; встань и бѣги, чтобы онъ не попалъ на тебя какъ левъ на свою добычу.... Но пройдетъ ли имъ это безъ наказанія? прибавилъ онъ уставивъ глаза на Вилдрека: нѣтъ, клянусь жизнью души моей и Тѣмъ, кто далъ мнѣ власть во Израилѣ! эти лживые послы будутъ привязаны къ висѣлицамъ на краю дороги, и правая рука ихъ будетъ протянута, чтобы указывала другимъ путь, съ котораго сами они своротили.

— Конечно, подтвердилъ Гольднофъ, такихъ преступниковъ, по справедливости, слѣдуетъ наказывать.

— Спасибо, Массъ-Джонъ! подумалъ Вилдрекъ: но пресвитеръ никогда не упуститъ подать дьяволу руку помощи.

— Но я замѣчу, продолжалъ Гольднофъ, что это вовсе не касается того, что я сказалъ, потому что лжеучители....

— Именно, именно, перебилъ Кромвель: они изъ нашего жероду. Вы совершенно правы, почтеннѣйшій. Да! о комъ намъ теперь сказать, что это истинный братъ, — хотя бы онъ и былъ шодомъ одной утробы? Хотя бы мы и соединяли наши труды на общій подвигъ, обѣдали за однимъ столомъ, сражались бокъ о бокъ, поклонялись одному Богу, — правды мы въ немъ не найдемъ. Ахъ, Меркемъ Эврардъ! Меркемъ Эврардъ!

Послѣ этого восклицанія онъ замолчалъ, и Эврардъ, желая токт

иась же узнать, до какой степени подпалъ подозрѣнiю, возра-
зить:

— У вашего превосходительства, кажется, что-то есть на умѣ противъ меня. Позвольте попросить объясниться, чтобы я зналъ, въ чемъ меня обвиняютъ.

— Ахъ, Меркемъ, Меркемъ! отвѣчалъ генералъ: начто обвинителю говорить, когда голосъ совѣсти есть? Развѣ я не вижу шоту на лбу у тебя, Меркемъ Эврардъ? Развѣ нѣтъ смущенiя въ глазахъ твоихъ? Развѣ не трепещутъ всѣ твои члены?... А кто видывалъ что-нибудь подобное у благороднаго и храбраго полковника Эврарда, у котораго лобъ едва овлажался и послѣ того какъ, бывало, цѣлый лѣтнiй день проносятъ на головѣ каску?... у того, у котораго рука не дрожала, поработавши нѣсколько часовъ къ ряду тяжелымъ палашомъ? Но полно, Эврардъ, ты слишкомъ мало доврѣяешь мнѣ. Развѣ ты не былъ мнѣ братомъ? Развѣ я не прошу тебѣ даже въ семьдесятъ-седьмой разъ? Негодяй, который бы теперь могъ уже давно оказать намъ важную услугу, потѣшается Богъ знаетъ гдѣ. Воспользуйся его отсутствiемъ, Меркемъ. Это тебѣ неожиданное Божiе милосердiе. Я не говорю тебѣ: Упадн къ моимъ ногамъ; я говорю: Открой мнѣ правду, какъ другъ другу.

— Я никогда не говорилъ вашему превосходительству ничего недостойнаго того названiя, котораго вы меня удостоиваете, отвѣчалъ Эврардъ съ гордостью.

— Этого я не говорю, возразилъ Кромвель: но... вамъ, полковникъ, слѣдовало бы помнить вѣсть, которую я послалъ вамъ съ этимъ человѣкомъ (онъ указалъ на Вилдрека). И какъ послѣ этой вѣсти, подкрѣпленной столь сильными доводами, ваша совѣсть дозволила вамъ выгнать моихъ друзей изъ Вудстока и пойти наперекоръ всѣмъ моимъ намѣренiямъ? Какъ вы могли воспользоваться милостью, не исполнивъ условiй, на которыхъ она была оказана?

Эврардъ хотѣлъ-было отвѣчать, но, къ удивленiю, увидѣлъ, что Вилдрекъ подходитъ съ выраженiемъ и взглядомъ, въ которыхъ вовсе не было обыкновеннаго легкомыслия: напротивъ, кавалеръ, казалось, былъ вооруженъ достоинствомъ.

— Вы ошибаетесь, мистръ Кромвель, сказалъ онъ спокойно и снѣло: вы обращаетесь съ вашими упреками не къ тому, кто ихъ заслужилъ.

Эта неожиданная рѣчь была пропзнесена такимъ отважнымъ тономъ, что Кромвель отступилъ на шагъ и схватился за эфесъ

шпаги, какъ-будто ожидалъ нападенія. Онъ скоро принялъ опять равнодушное положеніе, но, досадуя на примѣченную у Вилдрекъ улыбку, съ достоинствомъ человѣка, давно привыкшаго видѣть, чтобы всѣ трепетали передъ нимъ, сказалъ:

— Ко мнѣ эта рѣчь обращается, пріятель? Знаешь ли ты, съ кѣмъ ты говоришь?

— Пріятель! повторилъ Вилдрекъ: какой я вамъ пріятель, мистръ Кромвель! Я видѣлъ пору, когда Роджеръ Вилдрекъ, молодой человѣкъ пріятной наружности и владѣлецъ хорошаго помѣстья, не захотѣлъ бы почитаться товарищемъ хэнтингдонскому банкроту пивовару.

— Молчать, Вилдрекъ! вскричалъ Эврардъ: молчи, если тебѣ дорога жизнь.

— Жизнь мнѣ не дороже вѣднаго гроша, возразилъ Вилдрекъ впрочемъ, годдемъ! если моя рѣчь ему не нравится, пусть обнажаетъ шпагу. Я знаю же, что у него есть порядочная кровь въ жилахъ, и готовъ пустить ее немножко, хоть бы онъ десять разъ былъ пивоваромъ.

— На такія грубости я отвѣчаю презрѣніемъ, сказалъ Оливеръ: но если ты имѣешь сказать что-нибудь о предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь, объяснись какъ человѣкъ, — хотя ты, правда, больше похожъ на животное.

— Я имѣю сказать только то, возразилъ Вилдрекъ, что Эврардъ не заслужилъ вашихъ упрековъ, зато что воспользовался вашею милостью, какъ вы говорите; онъ не зналъ ни одного слова о подлыхъ условіяхъ, на которыхъ вы оказали ему эту милость. Я тщательно скрылъ ихъ отъ него; слѣдовательно, на меня одного должно пасть ваше мщеніе, если это доставить вамъ удовольствіе.

— Ты со мной такъ осмѣливаешься говорить, рабъ? вскричалъ Кромвель, удерживая однако жъ гнѣвъ, потому что предметъ былъ недостоинъ его.

— Да, вы всѣхъ Англичанъ сдѣлаете рабами, если ваши намѣренія удадутся, продолжалъ Вилдрекъ несколько не смущаясь; но дѣлайте, что вамъ угодно, мистръ Кромвель; я васъ предупреждаю, что птичка слетѣла съ гнѣзда.

— Ты смѣешь сказать мнѣ это въ глаза? вскричалъ Кромвель: онъ бѣжалъ?... Гей! Персопъ!... на копей сейчасъ!... Бѣжалъ!... это ложь!... Куда? куда онъ бѣжалъ?

— Куда? Въ томъ то и вопросъ! сказалъ Вилдрекъ: потому

«что, извольте видѣть, сэръ, куда-нибудь надо же уйти, это вѣрно, но куда?...

Онъ остановился на минуту, а Кромвель съ напряженнымъ вниманіемъ выжидалъ, чтобъ запальчивый кавалеръ съ-горяча самъ проболтался и подалъ бы какое-нибудь указаніе Карлова слѣда.

— Но куда? повторилъ Вилдрекъ: это ужъ пусть мистръ Кромвель самъ постарается отгадать.

Произнося послѣднія слова, онъ обнажилъ шпагу и бѣшено нанесъ Кромвелю ударъ. Если бъ клинокъ не встрѣтилъ другаго препятствія кромѣ полукафтаныя изъ буйволовоы кожи, поприще генерала, вѣроятно, кончилось бы въ Вудстокѣ. Но Кромвель, давно уже опасаясь подобныхъ покушеній, подъ полукафтаныемъ носилъ крѣпкую стальную кольчугу. Шпага разлетѣлась въ дребезги. Вилдрекъ, схваченный Эврардомъ и Гольдвофомъ, швырнулъ сѣсць объ полъ и съ досадою вскричалъ:

— Будь проклята рука, которая тебя ковала! Такъ долго служила, и измѣнила въ ту самую минуту, когда могла принести честь намъ обонмъ!...

Въ первую минуту тревоги, и опасаясь, можетъ-быть, что Вилдрекъ имѣетъ сообщниковъ, Кромвель до половины вынулъ изъ-за пазухи пистолеть, но опять спряталъ, когда увидѣлъ, что полковникъ и пасторъ держать кавалера за обѣ руки.

На шумъ Персонъ прибѣжалъ съ двумя солдатами.

— Взять этого болвана! сказалъ генералъ съ равнодушіемъ челоуѣка, слишкомъ привыкшаго къ опасностямъ, чтобъ они могли возбудить его гнѣвъ: связать его.... Не такъ крѣпко, Персонъ, прибавилъ онъ, потому что солдаты въ всѣхъ силъ принялись скручивать кавалера своими ременными поясами, за недостаткомъ веревокъ: онъ хотѣлъ убить меня какъ разбойникъ, но я намѣренъ побереечь его для участи, которой онъ достоинъ.

— Какъ разбойникъ? повторилъ Вилдрекъ: я презираю ваши слова, мистръ Кромвель. Я предлагалъ вамъ честный поединокъ, вы не приняли.

— Разстрѣлять его на улицѣ, для примѣру? спросилъ Персонъ, между тѣмъ какъ Эврардъ старался удержать Вилдрека, чтобъ не увеличивалъ гнѣву генерала.

— Вашей жизнью вы отвѣчаете мнѣ за его жизнь, отвѣчалъ Кромвель: спрячьте его въ надежное мѣсто, подъ хорошими карауломъ.

— Перестань мучить меня, Эврардъ! говорилъ въ то-же время

Видрекъ: я теперь уже не служу ни тебѣ и никому на свѣтѣ, и я точно такъ-же готовъ умереть какъ всегда былъ готовъ выпить стаканъ вина.... Кстати, мистръ Кромвель.... Вы прежде были веселымъ малымъ.... прикажите ко одному изъ вашихъ вареныхъ раковъ подвести мнѣ ко рту эту кружку съ элемъ; и выпью за здоровье вашего превосходительства, и свою пѣсню.... и.... шепну тайну.

— Развязать ему одну руку и дать, чего просить, сказалъ Кромвель.

— Премного благодаренъ вашему превосходительству, сказалъ Видрекъ, у котораго единственною цѣлю было продлить разговоръ, чтобы выиграть время, потому что каждая минута была дорога. Вы прежде варивали доброе пиво, и за это вамъ можно сказать спасибо. А теперь вотъ вамъ задравное привѣтствіе и пѣсня, то и другое вмѣстѣ:

Сынъ колдуньи окаявной,

Чтобъ тебѣ вздохнуть, грязью подавиться,

Сгнить въ помойной ямѣ,

Такъ какъ всѣмъ, съ тобою кто сдружится,

Той порой, когда мы, Англичане,

Будемъ пить за короля и веселиться.

Теперь нужно вамъ знать мою тайну, чтобы вы не сказали, что я ушелъ, не заплативши трактирщику; я сомнѣваюсь, чтобъ вы приняли мою пѣсню за чистыя деньги. Такъ слушайте же, мистръ Кромвель; моя тайна... состоитъ въ томъ что птичка улетѣла, и что вашъ красный носъ побѣлѣетъ какъ саванъ,—который, современемъ, вамъ понадобится, — прежде чѣмъ вы пронохаете, въ которую сторону она пустилась.

— Глупецъ, береги свои шутки до висѣлицы, отвѣчалъ Кромвель съ презрѣніемъ.

— Я на висѣлицу буду смотрѣть смѣлѣе чѣмъ ты смотрѣлъ на портретъ короля-мученика, возразилъ Видрекъ.

Это задѣло Кромвеля за живое.

— Негодяй! вскричалъ онъ: Персонажъ, уведи его; возьми пакетъ и.... или вѣтъ, вѣтъ; не теперь. Только запереть его и стеречь хорошенько. Если покусится говорить съ часовыми, заткнуть ротъ.... или лучше поставить подлѣ него побольше вина, такъ онъ и самъ себѣ свяжетъ языкъ по своему. Когда настанетъ время, я свяжу его по моему, чтобъ былъ примѣромъ.

Впродолженіи различныхъ остановокъ между приказами гене-

ралъ успѣлъ овладѣть своимъ гнѣвомъ; началъ онъ говорить съ бѣшенствомъ, а кончалъ спокойнымъ презрительнымъ тономъ челоуѣка, который считаетъ себя недоступнымъ оскорбленіямъ подчиненнаго. Между-тѣмъ въ душѣ его, повидимому, еще оставалось недоумѣніе; онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, устремивъ глаза въ полъ и приложивъ палецъ къ губамъ.

Персону нужно было еще что-то спросить; онъ отошелъ къ сторонѣ и сдѣлалъ другимъ знакъ, чтобъ молчали.

Гольднофъ не видалъ этого знака, или не счелъ нужнымъ повиноваться. Онъ подошелъ къ генералу и почтительно, но съ твердостью сказалъ:

— Хорошо ли я понялъ намѣреніе вашего превосходительства? Вы хотите, чтобы этотъ несчастный умеръ завтра?

— Что? вскричалъ Кромвель, очнувшись: что ты говоришь?

— Я осмѣлился спросить, неужели вы хотите казнить этого несчастнаго?

— Кого? Меркема Эврарда? Ты думаешь, и его слѣдуетъ казнить?

— Сохрани Богъ! вскричалъ Гольднофъ отскочивъ: я спрашиваю объ этомъ заблудшемъ, о Вилдрекѣ; неужели онъ такъ скоро будетъ отрѣшенъ отъ живыхъ?

— Да, да! отвѣчалъ Кромвель: хотя бы весь вестминстерскій капитулъ и весь санхедришъ пресвитеріанскій предлагали мнѣ поруку за него.

— Если вы непремѣнно того хотите, продолжалъ Гольднофъ, такъ по-крайней мѣрѣ не давайте ему по скотски помрачить разумъ. Позвольте мнѣ пойти къ нему и позаботиться о его душѣ, хоть въ послѣдній часъ его жизни.

— Ради Бога, генералъ, обдумайте хорошенько, что хотите сдѣлать, сказалъ тутъ Эврардъ, который со-сихъ-поръ молчалъ, потому что лучше зналъ Оливеровъ нравъ.

— Тебѣ ли давать мнѣ совѣты? возразилъ Кромвель: подумай о собственныхъ своихъ дѣлахъ, и вѣрь мнѣ, тебѣ на это нуженъ весь твой умъ, даже побольше. Что до васъ, почтеннѣйшій, продолжалъ онъ, обратясь къ Гольднофу: моимъ арестантамъ не нужны исповѣдники. Если этому негодю захочется духовнаго утѣшенія.... я думаю, впрочемъ, ему скорѣй захочется водки.... то мой капралъ Хэмгедженъ утѣшитъ его не хуже вашей ученой братьи.... Но это мѣшканье нестерпимо!.... Персонъ! пришелъ ли этотъ болванъ?

— Нѣтъ еще, генералъ, отвѣчалъ Персонъ: не лучше ли намъ

отправиться въ Ложу не дожидаясь его? Могутъ провѣдать, что мы здѣсь.

— Правда, отвѣчалъ генералъ отвѣдя офицера къ сторонѣ: но ты знаешь, Томкинсъ совѣтовалъ намъ не ходить безъ него, потому что въ этомъ старомъ замкѣ столько закоулковъ и потаенныхъ ходовъ, что онъ походитъ на кроличью нору, и что, несмотря на всѣ наши предосторожности, отъ насъ могутъ уйти, если онъ не укажетъ намъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ слѣдуетъ поставить караулы. Онъ сказалъ также, что, можетъ-быть, нѣсколькими минутами запоздастъ, но вотъ уже полчаса какъ мы ждемъ его.

— Можете ли вы совершенно положиться на Томкинса, ваше превосходительство? спросилъ Персонъ.

— На столько, на сколько это выгодно ему самому, разумеется, отвѣчалъ Кромвель: черезъ него я всегда узнавалъ о тайнахъ и заговорахъ роялистовъ, въ особенности о замыслахъ Рочклифа, который довольно простъ, когда воображаетъ, что такого молодца какъ Томкинсъ не можетъ купить всякій, кто больше дастъ.... Однако жъ становится поздно; я опасаюсь, что намъ придется идти въ замокъ безъ него. Это неприятно. Пождемъ лучше здѣсь до полуночи. Ахъ, Эврдъ! если бъ ты захотѣлъ, ты могъ бы избавить насъ отъ хлопотъ. Нѣкоторыя смѣшныя правила, нѣкоторыя странные предрассудки имѣютъ на твою душу больше вліянія нежели желаніе мира и счастья Англіи, и больше нежели довѣріе, которое бы ты долженъ былъ питать къ твоему другу, къ твоему благодѣтелю, который можетъ упрочить состояніе и безопасность всѣхъ твоихъ родственниковъ. Неужели все это для тебя легче па вѣсахъ чѣмъ пользы недостойнаго молодого человѣка, который съ отцомъ и съ домою своего отца уже пятьдесятъ лѣтъ нарушаетъ миръ Израиля?

— Я не понимаю васъ, генералъ; не знаю, о какой услугѣ вы говорите, я могу ли я честнымъ образомъ оказать ее. Миѣ жаль было бы, если бъ отъ меня потребовали чего-нибудь несомнѣстнаго съ моею честью.

— То, чего я требую, можетъ быть совмѣстнымъ съ твоею честью, или съ твоимъ упрямствомъ, — какъ хочешь называй. Тебѣ, безъсомнѣнія, извѣстны всѣ тайные выходы вудстокскаго замка и ты можешь указать миѣ мѣста, гдѣ нужно поставить караулы, чтобы никто не могъ выйти.

— Въ этомъ я не могу помочь вамъ, генералъ. Я не знаю

всѣхъ тайныхъ выходовъ этого замка; а если бы и зналъ, моя совѣсть не позволитъ указать ихъ.

— Такъ мы и безъ васъ найдемъ, сказалъ Кроивель надменно: и если тамъ откроется что-нибудь противъ васъ, помните, что вы лишитесь всякаго права на мое покровительство.

— Мнѣ очень жаль лишиться вашей дружбы, генералъ, но я полагаю, что въ качествѣ Англичанина мнѣ не нужно ни чьего покровительства. Я не знаю ни какого закона, который бы обязывалъ меня быть шпиономъ и доносчикомъ, хотя бы я и былъ въ состояніи исполнять эти почтенныя должности.

— Хорошо, хорошо; однако я позволю себѣ взять васъ, со всѣми вашими правами и привилегіями, сегодня ночью съ собою въ вудстокскую Ложу, гдѣ я намѣренъ произвестъ слѣдствіе по дѣлу о пользахъ государства. Поди сюда, Персонъ. (Онъ вынулъ изъ кармана грубо начерченный планъ вудстокскаго замка, и разныхъ дорогъ, которые вели туда). Посмотри на это хорошенько. Намъ нужно пойти пѣшкомъ, раздѣлвшись на два отряда, и какъ можно осторожнѣй. Ты обойдешь на заднюю сторону этого несчастиваго гнѣзда, съ сорока человекъ, и поставишь ихъ какъ съумѣешь лучше. Возьми съ собою этого почтеннаго пресвитеріанца. Во всякомъ случаѣ нужно задержать его; притомъ онъ можетъ служить тебѣ проводникомъ. Я займу передній фасадъ, и когда всѣ выходы будутъ обставлены, ты придешь ко мнѣ за приказомъ. Молчаніе и точность! А собака Томкинсъ, который не сдержалъ слова, представитъ мнѣ достаточное основаніе, или горе сыну его отца! Ваше преподобіе, потрудитесь отправиться съ этимъ офицеромъ. Полковникъ Эврардъ, пожалуйста за мною; но сперва отдайте вашу шпагу капитану Персону и считайте себя подъ арестомъ.

Эврардъ, не говоря ни слова, отдалъ шпагу и съ томительнымъ предчувствіемъ великаго несчастія пошелъ за республиканскимъ генераломъ. Онъ видѣлъ, что сопротивленіе было бы бесполезно.

XVI.

Находившееся въ Ложѣ небольшое общество въ тотъ же вечеръ, въ восемь часовъ, собралось къ ужину. Сэръ Генри, забывъ о накрытомъ столѣ, стоялъ у каминна и при свѣтѣ лампы съ грустнымъ вниманіемъ читалъ письмо.

— Подробнѣе ли мой сынъ пишетъ вамъ, докторъ? спросилъ

онъ прочитавъ: здѣсь только сказано, что онъ, вѣроятно, въ эту ночь прїѣдетъ къ намъ и что мистръ Кернеги долженъ приготовиться къ немедленному отъѣзду вмѣстѣ съ нимъ. Чтѣ бы значила такая поспѣшность? Развѣ снова начинаютъ преслѣдовать бѣдныхъ роялистовъ, докторъ? Вы не слышали? Я желалъ бы, чтобы мнѣ хоть на одинъ день позволили спокойно насладиться присутствіемъ моего сына.

— Спокойствіе, зависящее отъ великодушія злыхъ, должно считать не днями и не часами, а минутами, отвѣчалъ Рочклифъ: кровь, которою они упились въ Ворчестрѣ, насытила ихъ на минуту, но я думаю, жажда уже воротилась.

— Вы получили какія-нибудь извѣстія?

— Вашъ сынъ писалъ мнѣ съ тѣмъ же курьеромъ. Онъ рѣдко отпускаетъ писать; онъ знаетъ, какъ важно и нужно, чтобы я зналъ все, чтѣ дѣлается. Онъ на берегу нашелъ средство покинуть королевство, и мистръ Кернеги долженъ быть готовымъ въ ту же минуту уѣхать съ нимъ, какъ-только онъ прїѣдетъ.

— Это странно. Бывало, впродолженіи сорока лѣтъ, единственною заботой у насъ здѣсь было — знать, какъ время провести, и если бы я не затѣвалъ какой-нибудь охоты или тому подобной забавы, то могъ бы сидѣть здѣсь на своемъ креслѣ такъ же спокойно какъ спящій сурокъ, изъ году въ годъ. Теперь я какъ заяцъ въ норѣ долженъ спать съ открытыми глазами, и бѣжать, лишь только вѣтеръ зашевелится въ кустахъ.

— Странно, докторъ, сказала Алиса, что Круглоголовый ничего вамъ не сказалъ. Онъ довольно разговорчивъ насчетъ всего, чтѣ дѣлается въ его партіи, а я видѣла, какъ вы сегодня разговаривали съ нимъ очень близко.

— Я сегодня же вечеромъ увижу его еще ближе, но онъ уже не станетъ разговаривать, мрачно отвѣчалъ Рочклифъ.

— Совѣтую вамъ не слишкомъ много довѣрять ему, прибавила Алиса. Мнѣ лицо это человѣка, не смотря на всю его тонкость, кажется такимъ злобѣщимъ, какъ-будто у него на лбу написана измѣна.

— Будьте спокойны, онъ уже не измѣнитъ, отвѣчалъ Рочклифъ съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ.

Ни кто не отвѣчалъ. Можно было подумать, что страхъ и безпокойство вдругъ обдали все общество холодомъ, какъ случается, что люди съ воспріимчивыми нервами заранѣе ощущаютъ электрическое вліяніе близкой грозы.

У переодѣтаго короля, узнавшаго, что нужно быть готовымъ

къ отъезду, была также своя доля грусти. Но онъ первый прогналъ ее какъ несогласную ни съ его характеромъ ни съ положеніемъ. Веселость у него была врожденная, а обстоятельства требовали присутствія духа.

— Мы только замедляемъ ходъ времени, когда проводимъ его такъ угрюмо, сказалъ онъ; миссъ Алиса, не споете ли вы намъ лучше прощаніе веселаго Патрика Карейя?... Какъ! вы не знаете Патрика Карейя, меньшаго сына лорда Фокленда?

— Братъ безсмертнаго лорда Фокленда сочинялъ пѣсни! вскричалъ Рочклифъ.

— О! докторъ, отвѣчалъ Карль: музы берутъ давнѣе со всѣхъ званій. Вы не знаете словъ, миссъ Алиса, но по крайней мѣрѣ можете повторять припѣвъ. Вотъ онъ —

Пришлось намъ съ родины бѣжать!
Прощай, любезный край, на время!
По пѣсню спѣть — не опоздать;
Потомъ — прости, и ногу въ стремя.

Пѣніе началось, но безъ веселости. Вынужденный смѣхъ таковъ, что всегда выражаетъ не веселость, а отсутствіе ея. Карль на половинѣ пѣсни остановился и сталъ укорять повторявшихъ припѣвъ.

— Чтò вы это, миссъ Алиса?... и вы, докторъ, точно панихиду служите!

Докторъ вскочилъ изъ-за стола и подошелъ къ окну. Это слово имѣло поразительное соотношеніе съ обязанностью, которую ему въ ту ночь надлежало исполнить. Карль смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Безпрерывныя опасности побуждали его присматривать за малѣйшими движеніями окружающихъ. Потомъ онъ обратился къ сэру Генри и сказалъ:

— Почтвенный мой хозяинъ, объясните мнѣ, пожалуйста, причину этой внезапно напавшей на насъ хандры, если можете.

— Пѣтъ, любезный Лунсъ, отвѣчалъ кавалеръ, я въ тонкостяхъ философіи ни чего не смыслю. Мнѣ эту задачу рѣшить такъ же трудно какъ сказать, отчего Бивисъ дѣлаетъ три круга прежде чѣмъ ложится. Чтò до меня, если старости, горя и безпокойствъ достаточно, чтобъ сокрушить духъ, отъ природы веселый, такъ и на мою долю кое что приходится. А если я печаленъ, такъ не могу сказать, чтобы это было только оттого что мнѣ не весело. У меня слишкомъ много есть причинъ къ печали. Я желалъ бы увидѣться съ сыномъ, хоть на мигу.

Счастье на этотъ разъ, казалось, расположено было угодить старику: Альбертъ Ли вошелъ именно въ эту минуту. Онъ былъ въ дорожномъ платьѣ, и по-видимому совершилъ дальнѣйшій путь въ короткое время. Входя, онъ поспѣшно осмотрѣлся, остановилъ глаза на королѣ и, довольный отвѣтомъ, подошелъ къ отцу, поклонилъ колѣно, чтобъ по старинному обычаю получить благословеніе.

— Ты заслужилъ его, сынъ мой, сказалъ старикъ.

И слеза блеснула у него на глазахъ, между тѣмъ какъ онъ клалъ руку на долгіе волосы, означавшіе званіе и образъ мыслей молодого кавалера. Прежде эти волосы, бывало, тщательно завивались и причесывались; теперь они въ беспорядкѣ разсыпались по плечамъ. Отецъ и сынъ съ минуту пробыли въ этомъ положеніи. Вдругъ старикъ выпрямился, какъ-будто стыдился своего волненія при свидѣтеляхъ, и поспѣшно проведя рукою по глазамъ, сказалъ Альберту, чтобъ всталъ и поужиналъ.

— Я полагаю, ты порядочно скакалъ, прибавилъ онъ: и съ послѣдняго привала, вѣроятно, довольно прошло времени. И мы выпьемъ за твое здоровье.... если доктору и всей компаніи будетъ угодно. Эй! Джослайнъ! поворачивайся! наливай!... Что ты смотришь, точно тебѣ домовой привидѣлся?

— Джослайнъ нездоровъ, по симпатіи, сказала Алиса. Сегодня, вечеромъ, въ паркѣ, олень напалъ на Фиби, и она была такъ счастлива, что Джослайнъ подоспѣлъ къ ней на помощь. У нея цѣлый вечеръ, однако жъ, продолжались нервныя припадки.

— Ахъ, глупая! сказалъ кавалеръ: она, дочь лѣсничаго, такая трусиха!... Но, послушай, Джослайнъ, если этотъ олень такъ опасенъ, нужно пустить ему добрую стрѣлу въ животъ.

— Нѣтъ, не нужно, сэръ Генри, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ лѣсничій: онъ теперь уже спокоенъ.

— Ну, тѣмъ лучше; только смотри, помни, что миссъ Алиса тоже часто гуляетъ по парку.... Наливай, наливай кругомъ, и себѣ тоже налей; запьешь безпокойство. Фиби, вѣрно, не очень больна; она кричала только, чтобы доставить тебѣ удовольствіе прибѣжать на помощь.... Смотри же, что ты дѣлаешь! не разливай вино по полу.... Ну, господа, за здоровье нашего путешественника! Поздравимъ его съ пріѣздомъ!

— Никто охотнѣе меня не выпьетъ за это здоровье! сказалъ мнимый Лунсъ Кернеги, принимая важную осанку, которая плохо шла къ его роли.

Сэръ Генри полюбилъ молодого челоѣвка, несмотря на нѣко-

торыя примѣчательныя въ немъ странности, и при этомъ случаѣ удовольствовался только легкимъ выговоромъ за вольность, которую онъ себѣ позволяеть.

— Ты веселый и безпечный молодой человекъ, Луисъ, сказалъ онъ: но, право, чудно, когда посмотришь, какъ нынѣшнее поколѣние совершенно выходитъ изъ предѣловъ почтенія, которое въ прежніе годы оказывалось старшимъ по лѣтамъ и по званию. Въ твои лѣта я не посмѣлъ бы отдать поводья языку въ присутствіи ученаго доктора богословія, какъ не посмѣлъ бы разговаривать въ церкви во время службы.

— Вы правы, батюшка, поспѣшно возразилъ Альбертъ, но мистръ Кернеги тѣмъ болѣе имѣетъ права говорить въ эту минуту, что онъ знаетъ, я хлопоталъ объ его дѣлахъ столько же, сколько о монахъ. Я видѣлся со многими изъ его друзей и привезъ ему важныя вѣсти.

Карлъ былъ готовъ встать и отвести Альберта къ сторонѣ, чтобы услышать эти вѣсти, но Рочклинъ дернулъ его за платье и тѣмъ далъ знать, чтобы не слишкомъ обнаруживалъ нетерпѣніе и не довелъ бы тѣмъ до открытія своего званія. Въ такомъ случаѣ восторженность сэра Генри могла бы надѣлать шуму.

Карлъ остался на мѣстѣ и отвѣчалъ кавалеру, что въ самомъ дѣлѣ имѣлъ право поспѣшить изъявленіемъ благодарности полковнику Альберту Ли, — что, впрочемъ, благодарность выражается безъ церемоній, но что онъ много обязанъ сэру Генри за полезныя наставленія, и что во всякомъ случаѣ, когда бы ни уѣхалъ изъ Вудстока, онъ увѣренъ, что уѣзжаетъ лучшимъ тѣмъ пріѣхалъ.

Эта рѣчь, по-видимому, была обращена только къ старому кавалеру, но одинъ взглядъ, брошенный на Алису, удостовѣрилъ ее, что и ей принадлежитъ нѣкоторая доля комплимента.

— Я опасуюсь только, прибавилъ Карлъ, обращаясь къ Альберту, что вы дадите намъ очень не много сроку побыть здѣсь.

— Нѣсколько часовъ, отвѣчалъ Альбертъ: не больше того, сколько нужно, чтобы лошадямъ дать отдыхъ. Я добылъ двѣ хорошія лошади. Но докторъ Рочклинъ не сдержалъ мнѣ слова. Онъ обѣщалъ прислать кого-нибудь къ Джослайновой хижинѣ, гдѣ я оставилъ лошадей. Не нашедши никого, я самъ потерялъ часть времени на уходъ за лошадьми, чтобы могли быть годны въ дорогу къ разсвѣту.

— Я... я... хотѣлъ послать Томкинса, пробормоталъ Рочклинъ, но... я...

— Вы не нашли его, или Круглоголовый негодай напился пьянъ, вѣроятно. Тѣмъ лучше; я боюсь, не слишкомъ ли много вы ему догѣряете.

— Онъ до-сихъ-поръ былъ вѣренъ мнѣ, отвѣчалъ докторъ, и... теперь, я думаю, не измѣнитъ. Но Джослайна пойдеть къ себѣ домой и позаботится о лошадяхъ.

Джослайнъ во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ оказывался очень расторопнымъ, но тутъ очевидно колебался.

— Не проводите ли вы меня немножко, докторъ? спросилъ онъ, прислонившись нѣкоторымъ образомъ къ Рочклину.

— Это что такое? уродъ! дуракъ! сумасшедшій! вскричалъ кавалеръ: ты смѣешь просить доктора Рочклина, чтобъ проводить тебя въ такую пору? Вонъ, собака! убирайся въ свою конуру, пока я не разможилъ тебѣ головы.

Джослайнъ тоскливо взглянулъ на доктора, какъ-будто умоляя вступиться, но едва тотъ собрался заговорить, внизу послышался жалобный вой собаки и скребеть въ дверь.

— А съ Бивисомъ что сдѣлалось? вскричалъ кавалеръ: сегодня, видно, праздникъ сумасшедшихъ, что всѣ голову потеряли.

Карлъ и Альбертъ прервали свой только-что тайнѣ заведенный разговоръ и полковникъ пошелъ въ прихожую, чтобы узнать причину вою.

— Это не тревога, мистръ Кернеги, сказалъ сэръ Генри: въ такихъ случаяхъ собака лаетъ отрывисто, скоро и зло. А такой протяжный вой, говорятъ, дурное предвѣщаетъ. Такъ дѣдъ Бивиса вылъ цѣлую ночь передъ смертью моего бѣднаго отца. Если это предвѣстие, дай Богъ, чтобъ оно относилось къ тѣмъ, которые, по лѣтамъ, уже не нужны на свѣтѣ, а не къ тѣмъ, которые еще могутъ послужить королю и отечеству.

Между-тѣмъ какъ Альбертъ остановился въ дверяхъ прихожей, чтобы прислушаться, нѣтъ ли какого шума на дворѣ, Бивисъ вошелъ въ комнату, держа что-то въ зубахъ, опустивъ хвостъ и голову, и какъ-будто съ покорностью исполняя важную обязанность. Онъ подошелъ къ удивленному Джослайну, у ногъ его сложилъ свою ношу и опять жалобно тихонько взвылъ.

Джослайнъ наклонился и поднялъ солдатскую перчатку. Вещь сама по себѣ не могла быть страшною, но Джослайнъ, едва взглянувъ, уронилъ ее, отшатнулся, застоналъ и самъ чуть не упалъ безъ чувствъ.

— Проклятый трусъ! глупецъ! вскричалъ кавалеръ поднимая и разсматривая перчатку: ты стоишь того, чтобъ отправить те-

бя въ школу и съчь до-тѣхъ-поръ пока вытечетъ вся трусливая кровь твоя. Развѣ ты, дуракъ, не видишь, что это перчатка, и перчатка чертовски грязная?... Постои, на ней есть мѣтка.... написано—Джозефъ Томкинсъ. Какъ! это тотъ мошенникъ, Круглоголовый! Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?... Это не одна грязь на перчаткѣ.... тутъ есть кровь. Можетъ-быть, Бивнсъ укусалъ его.... Однакожъ, они, кажется, жили въ дружбѣ. Можетъ-быть, олень ранилъ его. Бѣги, Джослайнъ, бѣги скорѣй, съищи его; труби въ рогъ, чтобъ подать ему вѣсть.

— Не могу, прошепталъ Джослайнъ: развѣ что....

И онъ снова обратилъ на Рочклифа умоляющій взоръ; тотъ успѣвшимъ успокоить лѣсничаго, котораго услуги были очень нужны въ эту минуту.

— Приготовь заступъ и фонарь, сказалъ онъ, и обожди меня въ Пустынь.

Джослайнъ вышелъ, а Рочклифъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснился съ Альбертомъ.

— Со времени вашего отъѣзду случились довольно странныя вещи, сказалъ онъ: Томкинсъ грубо поступилъ съ Фиби; за это Джослайнъ съ нимъ поссорился и Томкинсъ теперь лежитъ, мертвый, въ паркѣ, подъ кустомъ. Миѣ нужно съ Джослайномъ сходить, похоронить его, чтобы не увидалъ кто-нибудь и не надѣлалъ тревоги. Притомъ, Джослайнъ ни на что не годенъ, покуда этотъ трупъ не зароемъ въ землю. Нашъ лѣсничій храбръ какъ левъ, но имѣетъ свою слабую сторону; онъ больше боится мертваго чѣмъ живаго. Въ которомъ часу вы полагаете отправиться?

— На разсвѣтѣ, и даже раньше. Но мы еще увидимся. Судно готово. Я приготовилъ смѣны лошадей во многихъ мѣстахъ; мы достигнемъ берега въ суссекскомъ графствѣ; тамъ я найду шлюзо, которое укажетъ настоящую стоянку корабля.

— Отчего же вы не сейчасъ сядете?

— Лошадямъ нужно отдохнуть; они много пробѣжали сегодня.

— Ну, до свиданья, Альбертъ. Миѣ нужно пойти, исполнить мою обязанность, и вы исполните вашу, отдохните. Спрятать покойника и избавить короля отъ опасности и плѣну въ одну и ту же ночь, это, кажется, только со мной можетъ случиться. Но когда только еще облакаешься въ броню, не слѣдуетъ хвалиться побѣдой.

Докторъ завернулся въ плащъ и отправился въ такъ называемую Пустыню.

Ночь была холодная; на всѣхъ низменныхъ мѣстахъ лежалъ туманъ, однакожъ мракъ былъ не очень глубокой. Все-таки докторъ не могъ разглядѣть Джослайна и, чтобы подать знакъ, кашлянулъ раза два или три. На это лѣсничій отвѣчалъ лучемъ свѣту, который выпустилъ изъ своего потайнаго фонаря, и Рочклифъ нашелъ его стоящаго у каменнаго откоса, который вѣкогда служилъ опорой развалившейся террасѣ. Въ рукахъ у него былъ заступъ, а на плечахъ ланья шкура.

— Эта шкура на что? спросилъ Рочклифъ.

— Это.... да если сказать, такъ все рассказать нужно, отвѣчалъ лѣсничій: у насъ съ нимъ.... вы знаете, о комъ я говорю.... много лѣтъ тому назадъ, былъ споръ изъ-за этой шкуры. Хотя мы жили очень дружно и Филиппъ, съ позволенія барина, помогалъ мнѣ иногда на службѣ, однакожъ я зналъ, что онъ самъ иногда позволяетъ себѣ украдкою охотиться. Браконьеры въ ту пору были очень смѣлы.... это было передъ самымъ началомъ войны, и законы почти вовсе не соблюдались. Однажды я встрѣтилъ въ паркѣ двухъ молодцовъ, которые начернивъ себѣ лица и надѣвъ рубашки поверхъ платья, тащили убитую лань.... лучшую лань въ цѣломъ паркѣ. Я тотчасъ же напалъ на нихъ. Одинъ убѣжалъ, но другаго я схватилъ и узналъ: это былъ Филиппъ Газдайнъ. Я не скажу, хорошо я сдѣлалъ или дурно, но мы были друзьями, товарищами, собутыльниками, и я удовольствовался его общаніемъ не покушаться болѣе на такія дѣла. Онъ мнѣ пособилъ повѣсить лань на дерево, и я отправился за лошадыю, чтобъ свезти въ замокъ. Но парни были слишкомъ ловки для меня. Пока я ходилъ, они распластали добычу и утащили; я нашелъ только шкуру и бумажку, на которой было написано: «Заднія тебѣ, переднія мнѣ, а шкура и рога лѣсничему, на водку.» Эта продѣлка со стороны Филиппа такъ озлила меня, что я отдалъ шкуру выдубить и поклялся, что она послужитъ саваномъ ему, или мнѣ. Послѣ я не разъ каялся, что произнесъ такую безумную клятву. Я и забылъ ее, но бѣсъ вспомнилъ.

— Да, ты не хорошо сдѣлалъ, что далъ такую клятву, отвѣчалъ Рочклифъ: но еще хуже было бы, если бъ ты самъ сталъ искать случая выполнить ее. Утѣшься; по всему, что я слышалъ объ этомъ несчастномъ случаѣ отъ тебя и отъ Фиби, я не могу осудить тебя, хотя мнѣ и жаль, что ты убилъ его. Впрочемъ,

если хорошенько разсудить, — по всему, что Фибби рассказывала мнѣ о рѣчахъ этого человѣка, — такъ оно, можетъ быть, и лучше, что черепъ и мозгъ его разбить, такъ сказать, въ колыбели: по-крайней-мѣрѣ не успѣлъ сдѣлаться совершеннымъ грайдльтопцемъ или мегльменомъ, въ которыхъ совершенство всѣхъ ересей и мерзостей соединяется съ такимъ лицемѣриемъ, что способны надуть самого учителя своего, Сатану.

— Какъ бы то ни было, докторъ, я надѣюсь, вы отслужите надъ нимъ панихиду по уставу Церкви. Это было его послѣднее желаніе, и онъ произнесъ ваше имя. Безъ этого я во всю жизнь не посмѣю выйти въ паркъ, въ темную пору.

— Глупый ты!... Но если онъ умирая называлъ меня, если желалъ церковной службы, значить онъ обратился, покался въ послѣднюю минуту, и если небо допустило его до такой молитвы, то человѣкъ, конечно, не посмѣетъ возбранить. Я боюсь только, что времени не хватитъ.

— Вы можете сократить службу; онъ, безъ сомнѣнія, не стоитъ полной, но если вы не прочтаете надъ нимъ ни какой молитвы, я, кажется, принужденъ буду покинуть этотъ край. Я не могу забыть послѣднихъ словъ его, и мнѣ кажется, онъ съ Бивисомъ прислалъ мнѣ свою перчатку, чтобъ напомнить просьбу.

— Полно, дурень! Неужели ты думаешь, мертвые посылаютъ живымъ свои перчатки, какъ рыцари въ романахъ, чтобъ вызвать на дуэль? Это случилось очень просто. Бивисъ, бродя по парку, вѣроятно, случайно нашелъ тѣло и принесъ тебѣ перчатку, чтобъ извѣстить или призвать на помощь. Истинякъ у этихъ животныхъ чудеса творить, когда они видятъ кого нибудь въ опасности.

— Если вы такъ думаете, докторъ.... оно и правда, что Бивисъ былъ ласковъ къ нему.... и если не другой кто, можетъ быть, оборотился въ Бивиса на этотъ случай, потому что.... мнѣ казалось, въ глазахъ у собаки было что-то дикое и гордое; она какъ будто заговорить хотѣла.

Говоря такимъ образомъ Джослайнъ все держался посади; это не поврѣдилось доктору.

— Подвигайся же впередъ, трусъ! вскричалъ онъ: вѣдь ты въ солдатахъ былъ; чего ты боишься мертвого человѣка? Я ручаюсь, что ты не одного убилъ на войнѣ, а можетъ-быть и нѣсколькихъ браконьеровъ въ лѣсу.

— Да, отвѣчалъ Джослайнъ, но тѣ оборачивались ко мнѣ спиною, и я никогда не видывалъ лица, которое бы смѣло на

меня съ такимъ выраженіемъ ненависти, ужасу и укору, до-тѣхъ-поръ пока не остыло совѣмъ. Если бъ васъ теперь не было со мною, и если бы дѣло не касалось безопасности моего господина, я ни за что въ мірѣ не рѣшился бы еще разъ взглянуть на этотъ трупъ.

— Однако жъ принужденъ будешь, отвѣчалъ докторъ, остановившись. Вотъ онъ гдѣ лежитъ. Ступай дальше въ кусты.... берегись, не упади.... Вотъ удобное мѣсто.... Послеъ прикроемъ хвостомъ.

И между-тѣмъ какъ Джослайнъ копалъ узкую и неровную могилу, что въ замерзшей землѣ и при множествѣ корней было довольно трудно, докторъ Рочклифъ прочиталъ нѣсколько молитвъ, съ одной стороны для того чтобы разсѣять страхъ лѣсничаго, съ другой потому что не считалъ себя вправѣ отказать въ исполненіи священнаго обряда останкамъ человѣка, который умирая просилъ объ этомъ.

XVII.

Накройтесь, накройтесь, опустите забрала.

Шекспиръ «Генрихъ IV».

Общество, которое мы оставили въ покоѣ Виктора Ли, уже встало, чтобы проститься и разойтись на ночь, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь на подъездѣ. Альбертъ, какъ передовой отряда, пошелъ отворить дверь, и выходя изъ комнаты, совѣтовалъ собесѣдникамъ сидѣть смирно, пока онъ не узнаетъ причины стуку. Подходя къ наружной двери, онъ спросилъ кто тамъ, и зачѣмъ, въ такую позднюю пору.

— Это я, отвѣчалъ тощенькій голосокъ.

— А кто же ты, дружокъ? спросилъ Альбертъ.

— Плюйгоны, сэръ, отвѣчалъ голосъ за дверью.

— Плюйгоны? повторилъ Альбертъ.

— Точно такъ, сэръ, отвѣчалъ голосъ; то есть всѣ называютъ меня такъ, даже самъ полковникъ Эврардъ; но настоящее мое имя всё-таки Спитталъ.

— Полковникъ Эврардъ! ты отъ него? спросилъ молодой Ли.

— Нѣтъ, сэръ: я отъ Роджера Вилдрека, съ позволенія вашей милости, отвѣчалъ мальчикъ; и пришелъ съ посылочкою къ миссъ Ли, которую мнѣ приказано отдать ей въ собствен-

ныя руки, если вамъ угодно будетъ отворить дверь, сэръ, и впустить меня, — нельзя же мнѣ исполнить приказанія, когда между вами цѣльная, трехъ-дюймовая доска?

— Какаянибудь новая проказа этого пьяпаго повѣсы, сказалъ Альбертъ вполголоса сестрѣ, которая подкралась вслѣдъ за нимъ на цыпочкахъ.

— Однако же не спѣши такъ приговоромъ, возразила сестра: въ теперешнее время подъ каждымъ вздоромъ можетъ крыться важное значеніе. Какую же посылочку, любезный, приказалъ отдать мнѣ мистръ Вилдрекъ?

— Посылка то не очень дорогая, отвѣчалъ мальчикъ: но онъ такъ дорожилъ доставленіемъ ся вамъ, что высадилъ меня въ окно, какъ котенка, затѣмъ только, чтобы солдаты не остановили меня.

— Слышишь? шепнула Алиса брату; ради Бога отвори поскорѣе.

Альбертъ уже самъ раздѣляя опасенія сестры; онъ поспѣшно отворилъ дверь, и впустилъ мальчика, котораго наружность, довольно похожая на ободраннаго кролика въ ливреѣ, или на ярморочную обезьяну, въ другое время не мало насмѣшила бы ихъ. Маленькій посланецъ вошелъ въ прихожую, и послѣ долгихъ почтительныхъ поклоновъ и привѣтствій, бережно вручилъ молодой дѣвушкѣ бекасиное перо, увѣряя ее, что это призъ выигранный ею по какому-то закладу.

— Сдѣлай милость, пріятель, сказалъ Альбертъ, скажи мнѣ, твой баринъ былъ трезвъ или пьянъ, когда послалъ тебя въ такую даль, и въ глухую ночь, съ этою дрянью?

— Съ вашего позволенія, сэръ, отвѣчалъ мальчикъ, онъ былъ, что самъ называетъ трезвъ, но что я для другаго человѣка называлъ бы на веселѣ.

— Чортъ побери пьяпаго хвастуна! сказалъ Альбертъ. Вотъ тебѣ шесть пенсовъ за трудъ, да скажи своему баряпу, когда ему прійдетъ въ другой разъ охота отпускать шутки, чтобы онъ получше выбиралъ людей и время.

— Погоди, сказала Алиса, не надо такъ спѣшить, это дѣло требуетъ осторожности.

— Бекасиное перо, вскричалъ Альбертъ: в столько хлопотъ изъ за пера! Помилуй, самъ докторъ Рочкльпъ ничего не выжметъ изъ этой дрянни; а онъ, кажется, высосетъ вѣсточку изъ всякаго вздору, какъ сорока высосетъ яйцо.

— Пেষытаемся, не добьемся ли мы чего и безъ его помощи,

отвѣчала Алиса. Потомъ, обращаясь къ мальчику, спросила: стало-быть, у твоего барина кто нибудь есть, чужіе?

— То есть у полковника Эврарда, миссъ; да это все равно, отвѣчалъ мальчикъ.

— Что жъ это за люди? спросила Алиса: гости, что ли?

— Гости, миссъ, отвѣчалъ мальчикъ, такіе гости, что сами себя угощаютъ, когда не угостить хозяинъ: солдаты.

— Не тѣ ли, которые долго стояли въ Вудстокъ? спросилъ Альбертъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ мальчикъ: новые, въ воинственныхъ воловьихъ кафтанахъ и стальныхъ нагрудникахъ; а предводитель ихъ—такого человѣка ваши милости и въ жизнь не видали! по-крайней-мѣрѣ я не видалъ ничего подобнаго!

— Каковъ же онъ собою? большого росту, или маленькій? спросилъ Альбертъ, нѣсколько встревоженный.

— Не то что большого, но и не маленькаго, отвѣчалъ мальчикъ: плотный, широкоплечій; огромный носъ, и такое лицо, что языкъ не поворотится сказать ему нѣтъ. При немъ нѣсколько офицеровъ. Я его видѣлъ только мелькомъ, но ужъ не забуду его до гроба.

— Ты права, сказалъ Альбертъ сестрѣ, отводя ее въ сторону: самъ врагъ идетъ на насъ.

— А перо, сказала Алиса, которую боязнь научила разгадывать самые ничтожные знаки, перо значитъ бѣгство, а бекасъ перелетная птица.

— Правда, отвѣчалъ братъ, ты угадала; но намъ дано такъ мало времени, что мы едва успѣемъ. Дай еще что-нибудь мальчику, — бездѣлицу, чтобы не внушить подозрѣнія, — и отпусти его. А я долженъ позвать Рочклифа и Джослайна.

Онъ отправился за ними, но не отыскавъ ихъ, скоро возвратился поспѣшными шагами въ гостинную, гдѣ пажъ Луисъ выбивался изъ силъ, чтобы удержать стараго кавалера, который, какъ ни забавляли его рассказы гостя, беспокоился и непремѣнно хотѣлъ втти посмотреть, что дѣлалось въ прихожей.

— Что тамъ такое, Альбертъ? спросилъ старикъ: кто приходилъ въ Ложу въ такое неприличное время, и зачѣмъ ты отворилъ ему дверь? Хотя я старъ и бѣдень, я однако же не хочу, чтобы мои приказанія, и порядокъ, который я постановилъ въ этомъ домѣ, были нарушаемы. Что жъ ты не отвѣчаешь? о чемъ ты тамъ шепчешься съ Луисомъ Кернеги, и зачѣмъ ни ты, ни онъ не слушаете, когда я съ вами говорю? — Алиса, хоть

ты довольно ли сохранила благоразумія и память своего долга ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ, кого и зчѣмъ выпускали сюда вопреки моему приказанію?

— Никого, батюшка, отвѣчала Алиса: приходилъ только мальчикъ, съ вѣстью, и какъ кажется, съ вѣстью не радостною.

— Вѣсть заключается въ томъ, батюшка, сказалъ Альбертъ, выступая впередъ, что вмѣсто того, чтобы пробывать у васъ до завтра, какъ мы располагали, мы должны проститься съ вами теперь же.

— Нѣтъ, братецъ, возразила Алиса, ты долженъ оставаться и помочь намъ обороняться; если здѣсь не найдутъ ни тебя, ни мистра Кернеги, за вами тотчасъ пустятся въ погоню, и, вѣроятно, настигнутъ васъ; если же ты будешь здѣсь, враги употребятъ много времени на обысканіе всѣхъ тайныхъ убѣжищъ въ домѣ. Ты можешь даже, пожалуй, помѣняться платьемъ съ Кернеги.

— Въ самомъ дѣлѣ, моя храбрая сестрица, сказалъ Альбертъ: хорошо придумано; и такъ, Луисъ, я остаюсь здѣсь, и буду Кернеги, а ты бѣги подъ видомъ молодаго мистра Ли.

— А гдѣ жъ тутъ справедливость? возразилъ Карлъ.

— И я не согласенъ, сказалъ старикъ. Всѣ въ моемъ домѣ ходятъ взадъ и впередъ, строятъ планы, и перестраиваютъ ихъ, не удостоивъ даже посовѣтоваться со мною! Что же такое этотъ мистръ Кернеги, и что онъ мнѣ за родня, чтобы моему сыну оставаться и подвергаться опасности, между тѣмъ какъ шотландскій пажъ преспокойно скроется въ его платье? Я не допущу исполненія этихъ хитрыхъ продѣлокъ, хотя бы это была тончайшая паутина, какая когда-либо сплеталась въ головѣ доктора Рочклифа. Я не желаю тебѣ зла, Луисъ; ты добрый и веселый малый; но со мною во всемъ этомъ дѣлѣ обращались слишкомъ неперемонно.

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, сэръ Генри, отвѣчалъ Карлъ. Неблагодарно, въ самомъ дѣлѣ, платить вамъ за ваше гостепрѣимство недовѣрчивостью, тогда какъ никто болѣе васъ не достоинъ полного довѣрія. Но пришло время сказать вамъ, однимъ словомъ, что я несчастный Карлъ Стюартъ, которому злая судьба судила быть причиною гибели его лучшихъ друзей, и который оставаясь у васъ долѣе, погубить и васъ, и всѣхъ вашихъ ближнихъ.

— Мистръ Луисъ Кернеги, сказалъ сэръ Генри гнѣвно, я научу васъ выбирать другіе предметы для своихъ шутокъ, когда

мы говорите со мною; притомъ же много нужно чтобы возбудить во мнѣ желаніе пролить унцію другую вашей же проученой крови.

— Тихе, батюшка, ради Бога не горячитесь! сказалъ Альбертъ. Это дѣйствительно самъ король; и ему угрожаетъ такая близкая опасность, что каждая минута промедленія можетъ погубить ея.

— Великій Боже! воскликнулъ отецъ, сложивъ руки, и готовый упасть на колѣна; неужели исполнилось самое пламенное мое желаніе? и затѣмъ же такимъ образомъ, что я долженъ бы молить Бога, чтобы оно никогда не исполнялось?

И онъ хотѣлъ преклонить колѣно передъ королемъ, цѣловать его руки, и крупныя слезы блистали въ его глазахъ: потомъ онъ сказалъ: прости меня, государь.... простите меня, ваше величество.... позвольте мнѣ сѣсть на одно мгновеніе въ вашемъ присутствіи.... чтобы дать успокоиться моей взволнованной крови, а потомъ....

Карлъ поднялъ своего стараго, вѣрнаго слугу; забывъ безпокойство и угрожающую опасность, самъ повелъ его къ кресламъ, въ которыхъ старикъ онутился въ видимомъ изнеможеніи; голова его поникла на длинную сѣдую бороду, и по серебристымъ ея волосамъ покатались слезы. Алиса и Альбертъ стояли подлѣ короля, умоляя его бѣжать немедленно.

— Лошади стоятъ у избы лѣсничаго, сказалъ Альбертъ, а поставивъ мѣсяхъ въ двадцати отсюда. Только бы лошади дотащили туда....

— Не лучше ли бы, замѣтила Алиса, вашему величеству скрыться въ потаенныхъ убѣжищахъ замка; ихъ много, и они надежны.... напримѣръ покой Рочкляфа.... или другіе, еще вѣрнѣе?

— Да я самъ знаю ихъ только по названію, возразилъ Альбертъ. Отецъ мой поклялся открыть ихъ только одному человѣку, и избралъ длятого Рочкляфа.

— По моему, отвѣчалъ король, широкое поле лучше самаго сокрытаго мѣста во всей Англій. Только бы мнѣ дойти до избы, у которой стоятъ лошади, а тамъ я употреблю все убѣжденія кнута и шпоръ, чтобы заставить своихъ клячъ идти до мѣста свиданія, гдѣ меня ждетъ Томасъ Экландъ съ свѣжими лошадьми. Пойдемте со мною, полковникъ Ли, поспѣшимъ. Круглоголовые разбили насъ въ сраженіи; но когда дѣло пойдетъ на перегонки, пѣшкомъ или верхомъ, я имъ покажу, что не имъ тягаться за мною.

— Но такимъ образомъ, сказалъ Альбертъ, мы упустили время, которое можемъ выиграть обороною дома; нельзя оставить его на рукахъ одного отца, который по своему положенію не способенъ ничего дѣлать; за вами немедленно погонятся на свѣжихъ лошадяхъ, а ваши слишкомъ истощены для долгаго пути. Еслибы знать, куда дѣвался мерзавецъ Джослайнъ!

— Куда пропалъ докторъ Рочклифъ? говорила Алиса: у него всегда въ запасѣ добрый совѣтъ... куда бы онъ могъ дѣваться? Если бы отецъ мой могъ опомниться?

— Отецъ твой опомнился, сказалъ сэръ Генри, вставая и подходя къ нимъ со всею энергіею мужества въ походѣ и въ дѣвешіяхъ. Я только собирался съ мыслями. Кто посмѣетъ сказать, чтобы когда-либо Ли не былъ готовъ, когда нуженъ былъ совѣтъ или помощь его государю?

И онъ заговорилъ съ точностію и ясностію полководца во главѣ арміи, дѣлающаго распоряженія къ атакѣ или оборонѣ, съ спокойствіемъ и твердостью, внушавшими во всѣхъ окружающихъ бодрость и повиновеніе. Дочь, сказалъ онъ, подними на ноги старуху Джанну; стащи Фибби съ постели, хотя бы она умирала, и вели укрѣпить запоры на всѣхъ дверяхъ и окнахъ.

— Это строго исполняется съ-тѣхъ-поръ, какъ мы удостоились высокой чести... отвѣчала дочь, указывая на короля; однако же, я велю еще разъ осмотрѣть всѣ комнаты. Алиса вышла отдать приказанія, и тотчасъ возвратилась.

Старикъ продолжалъ тѣмъ же рѣшительнымъ и послѣднимъ голосомъ:

— Гдѣ вашъ первый привалъ?

— У Грея, въ Ротбери, близъ Генли; сэръ Томасъ Экландъ и молодой Нолзъ ждутъ тамъ съ свѣжими лошадями, отвѣчалъ Альбертъ, не знаю только, дотащатъ ли туда наши загнанные лошади?

— Положитесь въ этомъ на меня, сказалъ сэръ Генри, и продолжалъ тѣмъ же повелительнымъ голосомъ: ваше величество должны идти немедленно къ Джослайновой хижинѣ; тамъ ваши лошади и ваши средства спасенія. Потаенные углы нашего дома, съ нѣкоторою смѣтливостію дадутъ работы этимъ собакамъ бунтовщикамъ на добрые два-три часа. Рочклифъ, вѣроятно, попался въ ихъ руки; чего добраго, его индипендентъ пожалуй выдалъ его; жаль, что я не узналъ хорошенько этого мерзавца прежде, я бы давно прокололъ его насквозь, когда случилось мнѣ фехтовать съ нимъ, и не дрогнулъ бы мечъ, какъ говорить

Вилюшка. Но вамъ нуженъ проводникъ; на полвыстрѣла отъ Джослайна стоитъ хижина старика Мартина, огородинна; онъ дзума десятками лѣтъ постарше меня, но здоровъ какъ старый дубъ; забѣжайте къ нему, и велите ему ѣхать съ вами на животъ или на смерть. Онъ проводитъ васъ до назначеннаго мѣста; онъ одна старая лиса, спасавшаяся отъ охотниковъ, не знаетъ такъ вѣхъ лавсекъ на семь миль кругомъ.

— Прекрасно, батюшка, безподобно! сказалъ Альбертъ: я и забылъ о старикѣ Мартинѣ.

— Молодые люди ни о чемъ не помнятъ, отвѣчалъ сэръ Генри. Жаль, что члены отказываются служить, когда голова могущая управлять ими достигнетъ всей своей силы.

— Но лошади выбились изъ силъ, сказалъ король: нельзя ли достать другихъ?

— Невозможно въ такую позднюю пору, отвѣчалъ сэръ Генри: впрочемъ, и на усталыхъ лошадяхъ можно доѣхать, съ умѣньемъ и осторожностью.

Съ этими словами онъ поспѣшно вошелъ въ свой кабинетъ, помѣщавшійся въ одной изъ амбразуръ оконъ, и сталъ искать чего то въ ящикахъ, выдвигая ихъ одинъ за другимъ.

— Время уходитъ, батюшка, сказалъ Альбертъ, опасаясь, чтобы благоразуміе и энергія старика не были одною мимолетною вспышкою свѣтильника, готоваго опять погрузиться въ вечернюю мглу.

— Молчи сынъ, отвѣчалъ отецъ сурово: не тебѣ учить меня въ присутствіи такой особы. Знай, что хотя бы вся сволочь Круглоголовыхъ выползла изъ ада и окружила Вудстокъ, и тогда я проводилъ бы надежду Англій дорогой, которой не провѣдаетъ самый проищпательный изъ ихъ братьевъ. Алиса, моя душа, не спрашивай меня, а иди скорѣе на кухню, и возьми кусокъ или два говядины или лучше дичины, нарѣжь ее длинными тонкими ломтиками, слышишь?...

— Старческое ребячество, шепнулъ Альбертъ королю. Слушать его, значить дѣйствовать противъ его же желанія, и подвергать опасности ваше величество.

— А я думаю напротивъ, и знаю отца лучше тебя, сказала Алиса, выходя изъ комнаты, чтобы исполнить приказаніе старика.

— Я тоже думаю, сказалъ Карлъ; пресвитеріанскіе священники въ Шотландіи, громя съ кафедръ грѣхи мои и моихъ приближенныхъ, дерзали въ глаза называть меня Іеровоамомъ или

Роговамонъ, или какъ-то такъ, за то, что я сдѣлалъ събитіиъ злодѣйхъ людей; на это же мнѣ, послушаюсъ разъ въ жизни живота съдой бороды, потому что никогда не видывалъ я такой пронзительности и твердости, какъ въ лицѣ этого почтеннаго старика.

Между-тѣмъ сэръ Генри нашелъ то, чего искалъ.

— Въ этой жестяной коробкѣ, оказалъ онъ, шесть катышковъ, пригощенныхъ изъ самыхъ вѣннательныхъ снадобій, съ ври-мѣсю лучшихъ освѣжающихъ лекарствъ. Стоять только давай-те катышку черезъ два часа, завернувъ его въ кусочекъ свѣ-жей говядины или дичины, и хорошая лошадь выдержитъ безъ утомленія пять часовъ сряду ѣзды, пробѣгая по пятнадцати миль въ часъ; благодаря Бога, вашему величеству не нужно и четверти этого времени, чтобы быть внѣ опасности. Что оста-нется, можетъ пригодиться въ другой разъ. Мартинъ умѣетъ давать ихъ; а усталая лошадь Альберта, прошедшая минутъ де-сять шагомъ, готова будетъ глотать пространство, какъ гово-рять старый Вилюшка. Не теряйте времени на разговоры; ваше величество дѣлаете мнѣ слишкомъ много чести, пользуетъ тѣмъ, что принадлежитъ вамъ. Теперь, Альбертъ, посмотри, свободенъ ли выходи; его величество должны отправиться немедленно. Плохо мы исполнимъ свое дѣло, если кто-нибудь пустится за нимъ въ погоню ранѣе двухъ часовъ, остающихся до разсвѣту. Войдите сюда, въ спальню, и помѣняйтесь платьемъ, какъ вы хотѣли: это можетъ при случаѣ пригодиться.

— Но, любезный сэръ Генри, сказалъ король, вы въ своемъ усердіи упустили одно важное обстоятельство. Я, правда, при-шелъ давеча отъ хижины лѣсничаго сюда, но это было днемъ, и притомъ у меня былъ проводникъ; теперь же въ темнотѣ и безъ проводника, я боюсь, что не найду дороги. Я принужденъ буду, я думаю, взять съ собою полковника; между-тѣмъ умоляю васъ и приказываю вамъ, не утруждать и не подвергать себя опасности обороною дома; старайтесь только проволочить по возможности время, показывая ваши потаенныя убѣжища.

— Положитесь на меня, государь, отвѣчалъ сэръ Генри; но Альбертъ долженъ оставаться здѣсь, а вмѣсто него проведитъ ваше величество до Джослаймовой избы Алиса.

— Алиса, воскликнулъ Карлъ, отступая отъ изумленія; какъ въ такую темную ночь.... и ... и.... Онъ взглянулъ на возвра-тившуюся къ тому времени Алису, и прочелъ въ глазахъ ея страхъ и недоумѣніе, доказывавшіе, что всѣ усилія его, со дня

небдника, держать свою страсть къ волонтерству въ приличныхъ границахъ, не взглядали изъ ея памяти прежняго ея поведенія. Онъ поспѣшилъ рѣшительно уклониться отъ предложенія, которое, очевидно, было ей неприятно. Я не могу, сэръ Генри, воспользоваться услугою Алисы; а долженъ бѣжать, какъ-будто у нея дѣлая свора собакъ за спиною.

— Алиса побѣжитъ не хуже любой дѣвки оксфордскаго графства, отвѣчалъ сэръ Генри: а къ чему послужить вашему величеству скорость шагу, когда вы не знаете, какою дорогою идти?

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ Генри, продолжалъ король, на дворѣ темная ночь.... но мы теряемъ время.... я найду дорогу одинъ.

— Поспѣшите только помѣняться платьемъ съ Альбертомъ, сказалъ сэръ Генри, а остальные распорядитесь предоставьте мнѣ.

Карлу хотѣлось еще возражать, но время было дорого; онъ вышелъ въ другую комнату, чтобы помѣняться платьемъ съ молодымъ Лн. Между тѣмъ сэръ Генри сказалъ дочери:

— Алиса, надѣнь теплый плащъ и рантовые башмаки; ты бы могла, пожалуй, ѣхать на Пикси, но онъ немножко горячъ, а ты трусливая наѣздница; это было всегда твоею единственною слабостью.

— Неужели, батюшка, возразила Алиса, устремивъ глаза на отца съ выраженіемъ недобрѣчности, неужели я въ самомъ дѣлѣ должна идти съ королемъ одна? Нельзя ли бы намъ взять съ собою Фиби или Джанну?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ сэръ Генри: дура Фиби, какъ ты знаешь, опять нибѣла свои припадки ночью; а такая прогулка будетъ плохое лекарство отъ истерии; старуха Джанна плетется тише безпогой кобылы; къ тому же она глуха, не услышитъ, если прійдется что-нибудь спросить.... Нѣтъ, ты пойдешь одна, и приобрѣтешь право написать на своей гробницѣ: «Здѣсь покоится прахъ спасительницы короля!...» Слушай еще: тебѣ не нужно приходить сегодня домой, оставайся у огородника съ его племянницею. Паркъ и роща скоро наполнятся нашими врагами, а что здѣсь случится, ты успѣешь узнать завтра утромъ.

— А что же я могу узнать? сказала Алиса, и отъ кого я узнаю? Батюшка, позвольте мнѣ оставаться съ вами и раздѣлить вашу участь. Я сброшу съ себя женскую робость, и если нужно, буду сражаться вмѣстѣ съ вами за нашего короля. Но....

миѣ страшно подумать, что я буду его единственною спутницею въ такую темную ночь, и по такой уединенной дорогѣ.

— Какъ! воскликнулъ старикъ, гнѣвно, неужели ты смѣешь думать объ этомъ пустомъ, глупомъ скромничаньи, когда дѣло идетъ о безопасности короля, о его жизни? Клянусь этимъ свидетелемъ моей вѣрнопопдаинической преданности, продолжалъ онъ, указывая на сѣдую голову, еслабы я могъ только подозревать, что ты можешь сдѣлаться недостойною дочерью дома Ля, я бы....

Тутъ рѣчь его была прервана возвращеніемъ короля и Альберта, переодѣтыхъ. Они были довольно похожи другъ на друга ростомъ, несмотря на то, что Карлъ былъ поплотнѣе Альберта, и не такъ хорошо сложенъ; цвѣтъ лица былъ также неоднаковъ; но это трудно было замѣтить съ перваго взгляду, тѣмъ болѣе, что Альбертъ надѣлъ черный парикъ и подсурмилъ брови.

Альбертъ вышелъ за ворота, осмотрѣть вокругъ дома, и узнать съ которой стороны должны приближаться враги, чтобы разсудить какою дорогою безопасноѣ отпустить вѣнценоснаго бѣглеца. Между тѣмъ король, слышавшій часть суровой рѣчи сэра Генри къ дочери и, угадывая причину его гнѣва, подошелъ къ нему съ тѣмъ величіемъ, которое онъ такъ хорошо умѣлъ принимать, когда хотѣлъ.

— Сэръ Генри, сказалъ онъ, мы желаемъ и даже приказываемъ, чтобы вы не употребляли въ этомъ дѣлѣ своей родительской власти. Я увѣренъ, что миссъ Алиса имѣетъ основательныя причины на свой образъ дѣйствія, и я никогда бы не простилъ себѣ, если бы она нашлась въ неприятномъ положеніи изъ-за меня. Я слишкомъ хорошо знакомъ съ лѣсами и степями, чтобы бояться заблудиться среди своихъ родныхъ вудстокскихъ дубовъ.

— Ваше величество не подвергнется этой опасности, возразила Алиса совершенно успокоенная простою, чистосердечною рѣчью короля. Я не допущу опасности, которую могу предупредить; проведя всю жизнь среди тревогъ междоусобной войны, я должна была познакомиться съ нашимъ лѣсомъ вдоль и поперегъ, и пройду ночью также вѣрно, какъ среди дня. И такъ, если вамъ угодно взять меня въ проводники, мы можемъ отправиться сейчасъ же.

— Если вы предлагаете это отъ чистаго сердца, я принимаю ваше предложеніе съ благодарностью, сказалъ король.

— Отъ чистаго сердца, отвѣчала она. Позвольте мнѣ одной изъ первыхъ показать усердіе и довѣріе, которыя, я надѣюсь, вся Англія когда нибудь единодушно изъявитъ вашему величеству.

Непривужденность и веселость, съ которыми она произнесла эти слова, и поспѣшность, съ которою стала собираться въ путь, ясно доказывали, что опасенія ея совершенно разсѣялись, и что сердце ея было занято единственно великимъ дѣломъ, которое отецъ возлагалъ на нее.

— Выходъ безопасенъ, сказалъ Альбертъ, возвращаясь съ рекогносцировки; ваше величество можете идти какимъ путемъ угодно; но самый сокровенный вѣрѣе. .

Карль милостиво подошелъ къ сэру Генри Ли, и взялъ его за руку. Я слишкомъ гордъ, сказалъ онъ, чтобы давать обѣщанія, которыхъ я, можетъ быть, никогда не буду въ состояніи исполнить. Но пока живъ Карль Стюартъ, онъ будетъ вѣчно вашимъ благодарнымъ должникомъ.

— Не говорите этого, ваше величество, воскликнулъ старикъ, стараясь подавить рыданія, заграждавшія ему горло. Тотъ не можетъ быть должникомъ, кто, имѣя право на все, принимаетъ только малую частицу.

— Прощай, вѣрный другъ, прощай! сказалъ король; считай меня всегда покорнымъ сыномъ, братомъ Альберту и Алисъ, которые, кажется, уже выходятъ изъ терпѣнія. Дай мнѣ отеческое благословеніе, и отпусти въ путь.

— Богъ, ставящій царей на царство, да благословитъ ваше величество, воскликнулъ старикъ, вставъ на колѣни и возводя свое почтенное лицо и сложенные руки къ небу: Богъ да благословитъ васъ, и защититъ ваше величество отъ угрожающихъ вамъ опасностей, и приведетъ васъ въ назначенный имъ часъ къ спокойному обладанію престоломъ, достояніемъ вашимъ.

Карль принялъ это благословеніе какъ отъ отца, и отправился въ путь съ Алисою.

Когда они вышли, сэръ Генри Ли, окончивъ свою усердную молитву, медленно опустилъ руки и склонилъ голову. Сынъ не смѣлъ прервать его размышленія, не смотря на свои опасенія, чтобы такое необычайное волненіе не истощило слабыхъ силъ старика, и не лишило его чувствъ. Наконецъ, однако, онъ рѣшился подойти къ нему, и даже дотронуться до него. Старикъ вскопчилъ на ноги, и въ одно мгновеніе сдѣлался опять тѣмъ же дѣятельнымъ, бодрымъ и провинцательнымъ распорядителемъ, какимъ былъ не задолго передъ тѣмъ.

— Ты правъ, сынъ, сказалъ онъ: мы должны бодрствовать и дѣйствовать. Агутъ они, круглоголовые предатели, когда называютъ его развратникомъ и негодяемъ. Въ немъ душа, достойная сына блаженнаго мученика. Ты видѣлъ, какъ, на краю опасности, онъ готовъ былъ лучше обречь себя гибели, чѣмъ взять въ проводники Алесу, потому что глупая дѣвочка не рѣшалась идти съ нимъ. Кто развратенъ, тотъ себялюбивъ, и не заботится о чувствахъ ближняго. Но задернулъ ли ты засовъ, когда выпустилъ ихъ? Признаюсь, я почти не видалъ, какъ они вышли.

— Я выпустилъ ихъ въ калитку, отвѣчалъ полковникъ, и возвратившись, испугался, не больны ли вы?

— Радость, Альбертъ, одна радость; въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ни какому сомнѣнью. Богъ не оставитъ потомка ста королей, не отдастъ законнаго наследника ихъ въ руки бунтовщиковъ. Въ глазахъ его блеснули слезы, когда онъ простался со мною.... я это видѣлъ. Не готовъ ты съ радостью положить за него жизнь, сынъ?

— Если я долженъ умереть за него въ эту ночь, отвѣчалъ Альбертъ, я пожалѣю только о томъ, что не услышу завтра вѣсти о его спасеніи.

— Хорошо; но теперь надо намъ приняться за свое дѣло, сказалъ сэръ Генри; довольно ли ты приглядѣлся къ его обращенію, чтобы наши служанки, видя тебя въ его платьѣ, приняли тебя за пажу Кернеги?

— Гмъ! отвѣчалъ Альбертъ: не совсѣмъ легко выдавать себя за короля, когда тутъ припугаются женщины. Но внизу довольно темно, попытаюсь.

— Попробуй сейчасъ же, сказалъ отецъ; мы не успѣемъ оглянуться, какъ мошенники будутъ уже здѣсь.

Альбертъ вышелъ, а старикъ продолжалъ про себя:

— Если онъ будутъ убѣждены, что Кернеги еще здѣсь, это подрѣшитъ мой замыселъ.... собаки пойдутъ по ложному слѣду, и царственный олень будетъ внѣ опасности прежде чѣмъ они попадутъ на настоящій. Будемъ водить ихъ отъ одного потасяднаго убійца къ другому; они не пересмотрятъ и половины до зари.... Да, одурачу ихъ, будутъ видѣть добычу подъ носомъ, а зубами не ухватятъ!.... Заведу ихъ такъ, что не скоро выберутся.... Но чего это мнѣ можетъ стоить? продолжалъ старикъ, прерывая веселый ходъ мыслей: о! Авессаломъ, Авессаломъ! сынъ мой, сынъ!.... Пусть будетъ, что будетъ, если ему суждено умереть, такъ пусть умретъ какъ умирали его отцы, за дѣло, для котора-

го они жили! Но вотъ онъ идетъ.... иш.... Что же, Альбертъ, удалось?

— Удалось, сэръ, отвѣчалъ Альбертъ: обѣ готовы поклясться что сейчасъ видѣли Луиса Кернеги въ домѣ.

— Хорошо; онѣ добрыя, надежныя женщины, готовы поклясться въ чемъ бы то ни было для безопасности его величества; но клятва ихъ будетъ убѣдительнѣе, когда онѣ сами увѣрены, что говорятъ правду. Чѣмъ же ты успѣлъ обмануть ихъ?

— Очень просто; перенявъ небольшую слабость королевскую, о которой не стоить и говорить.

— Негодяй! ты мараешь доброе имя короля своимъ дурачествомъ.

— Гмъ! проворчалъ Альбертъ, не смѣя высказать своей мысли вслухъ: если бы я въ точности слѣдовалъ его примѣру, не знаю, чье доброе имя пострадало бы болѣе?

— Теперь мы должны заняться мѣрами къ оборонѣ входовъ, условиться въ знакахъ, и въ средствахъ выиграть поболѣе времени.

Сказавъ это, старикъ принялся опять искать чего-то въ потасяныхъ ящикахъ своей конторки, и вынулъ листъ пергамента, на которомъ былъ начерченъ планъ.

— Вотъ, продолжалъ онъ, планъ цитадели, какъ я ее называю; она еще довольно долго можетъ держаться послѣ того, какъ ты будешь принужденъ уступить всѣ известныя тебѣ потасяныя убѣжища. Владѣлецъ обязанъ клятвою держать этотъ планъ втайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ одного лица, на случай внезапной смерти. Садись, и разберемъ его вмѣстѣ.

Они сѣли, и стали составлять планъ обороны. Самое дѣло лучше покажетъ намъ его, нежели перечень ихъ предположеній и соображеній на разные случаи, изъ которыхъ большая часть не представлялась.

Наконецъ молодой Ли, вооружившись и запасшись пищей и виномъ, простился съ отцомъ и заперся въ покояхъ Вилтора Ли. Отсюда былъ ходъ въ цѣлый лабиринтъ особенныхъ покоевъ, или потасяныхъ убѣжищъ, которыми такъ хорошо пользовались союзники для того, чтобы разыгрывать свои фантастическія шутки надъ комиссарами республики.

— Надѣюсь, сказалъ сэръ Генри, врестившись съ сыномъ и садясь къ своей конторкѣ, что Рочкливъ не выболталъ тайны замысла тому негодяю Томкинсу, который, чего добраго, разнесетъ ее по всѣмъ пріятелямъ.... Буду сидѣть здѣсь, можетъ-быть,

въ послѣдній разъ, съ Библіею по одну сторону, и Шекспиромъ по другую, готовый, благодаря Бога, умереть какъ жилъ... Удивительно, что ихъ еще не видать, продолжалъ онъ немного погодя: я всегда полагалъ, что дьяволъ лучше умѣетъ погонять своихъ клеветовъ, когда они въ собственномъ его служеніи.

XVIII.

Смотри, лицо его почернѣло и все въ крови; зрачки его выступили болѣе чѣмъ у живаго, и стоятъ неподвижно какъ глаза удушенника; волосы стоятъ дыбомъ, ноздри раздулись отъ напряженія; руки вытянуты, какъ-будто онъ хватался за жизнь, вцеплялся въ нее, но былъ побѣжденъ силою.

Шекспиръ, «Генрихъ-Шестой».

Если бы тѣ, которыхъ неприятнаго посѣщенія ждалъ сэръ Генри, пошли прямо къ Ложѣ, и не потеряли три часа времени въ Вудстокѣ, они, вѣроятно, захватили бы свою жертву. Но Томкинсъ, частью за тѣмъ, чтобы не дать королю спастись бѣгствомъ, частью же чтобы придать себѣ болѣе важности въ этомъ дѣлѣ, увѣрилъ Кромвеля, что жители Ложи безпрестанно на сторожѣ, и что ему необходимо дожидаться, пока онъ, Томкинсъ, самъ явится донести ему, что весь домъ уснулъ. На этомъ условіи онъ вызывался не только узнать, въ которой части дома ночуетъ несчастный Карлъ, но даже, если можно, укрѣпить дверь снаружи; и тѣмъ лишить его возможности бѣжать. Онъ обѣщалъ также добыть ключъ отъ калитки, чтобы солдаты могли войти, не производя тревоги. Дѣло, говорилъ онъ, благодаря его знанію мѣстности, можно повести такъ хитро, что онъ брался привести его превосходительство или кого онъ на то назначить, къ самой постели Карла Стюарта, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ выснать вечерній хмѣль. Важнѣе же всего, по его мнѣнію, было поставить надежныхъ людей для охраненія выходовъ, которыхъ было очень много, какъ во всѣхъ старинныхъ строеніяхъ. Поэтому онъ убѣждалъ Кромвеля остановиться въ городѣ, если не застанетъ его; прибавляя, что переходы войскъ во всѣхъ направленіяхъ такая обыкновенная вещь въ настоящее время, что даже если бы въ Ложѣ получили вѣсть о прибытіи свѣжаго отряда, это никого не встре-

вожить. Наконецъ онъ совѣтовалъ выбрать для этой экспедиціи надежныхъ солдатъ, не такихъ робкихъ духомъ, которые отступили бы отъ горы Джилеадской, устращаясь Амалекитянъ, а людей крѣпкихъ, привыкшихъ владѣть мечемъ, и поражать съ перваго удара. Благоразумно было бы, также, говорить онъ, вручить начальство надъ отрядомъ Персону, или другому надежному вождю, а самому генералу, если онъ сочтетъ нужнымъ находиться на мѣстѣ, скрывать свое присутствіе даже отъ собственного войска.

Кромвель въ точности послѣдовалъ всѣмъ этимъ совѣтамъ. Онъ пошелъ самъ въ авангардѣ отряда, составленнаго изъ ста отборныхъ солдатъ, которыхъ онъ назначилъ въ эту экспедицію; это были все люди отчаянной храбрости, бывалые въ опасностяхъ и закаленные противъ всякаго колебанія и состраданія своимъ прачнымъ фанатизмомъ, — люди для которыхъ каждое приказаніе Оливера, ихъ полководца и вождя избранныхъ, было повелѣніемъ Божиимъ.

Какова же была досада Кромвеля, на неожиданное отсутствіе чловѣка, на помощь котораго онъ такъ сильно надѣялся? и чего онъ не придумывалъ, чтобы объяснить себѣ причины его загадочнаго поведенія? То приходило ему въ голову, что Томкинсъ далъ волю своей слабости къ вину, которая была извѣстна Кромвелю, и тогда гнѣвъ его разражался въ проклятіяхъ, нехожихъ на клятвы и ругательства кавалеровъ, но въ которыхъ было столько же богохульства и гораздо болѣе сознательной злобы. То онъ думалъ, что, можетъ-быть, неожиданная тревога, или какая-нибудь кавалерская пирушка побудила жителей вудстокской Ложн сидѣть долѣе обыкновеннаго. Это предположеніе казалось ему всего правдоподобнѣе, и успокоивало его. Надежда, что Томкинсъ еще придетъ на условное мѣсто съ вѣстями, и боязнь испортить все дѣло излишнею поспѣшностью, побудили его остановиться въ городѣ.

Между тѣмъ, видя невозможность долѣе скрывать личное свое присутствіе, Кромвель дѣлалъ распоряженіе, чтобы все было готово по первому знаку. Онъ велѣлъ спѣшиться половинѣ отряда и поставить лошадей на отдыхъ; остальнымъ приказалъ держать лошадей подъ сѣдломъ, и садиться по первому слову. Людямъ позволено входить поочередно въ домъ, чтобы подкрѣпиться пищею, оставляя достаточный караулъ при лошадяхъ.

Отдавъ эти приказанія, Кромвель сталъ, не безъ нѣкотораго

безпокойства, ждать прибытія своего лазутчика. Отъ времени до времени онъ бросалъ пылливый взглядъ на полковника Эврарда, будто хотѣлъ сказать ему, что онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, замѣнить отсутствующаго секретаря. Эврардъ отвѣчалъ спокойнымъ взглядомъ и неизмѣннымъ лицомъ, въ которыхъ не замѣтно было ни смущенія ни боязни.

Наконецъ пробило полночь; должно было рѣшиться дѣйствовать. Томкинсъ могъ взмѣнить, или, что болѣе подходило къ истинѣ, его продѣлки могли быть открыты, и тогда онъ безъ сомнѣнія убить или схваченъ мстительными роялистами. Однимъ словомъ, чтобы не упустить представлявшагося случая завладѣть самымъ опаснымъ соперникомъ, преграждавшимъ ему путь къ верховной власти, къ которой Кромвель уже явно стремился, нельзя было терять времени. Онъ приказалъ Персону звать солдатъ къ оружію, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ ихъ строя, и велѣлъ идти въ походъ безъ шума, или, словами приказа: «какъ Геденъ шелъ безмолвно въ лагерь Маданитянъ, съ однимъ служителемъ своимъ Фурахомъ. Можетъ-быть, продолжалъ этотъ любопытный приказъ, и мы узнаемъ, что случилось тѣмъ Маданитянамъ.»

Патруль съ однимъ капраломъ и пятью храбрыми опытными солдатами составлялъ авангардъ; за нимъ слѣдовалъ главный отрядъ; арріергардъ изъ десяти человекъ охранялъ Эврарда и проповѣдника. Перваго Кромвель взялъ съ собою на случай, еслибы потребовалось допросить его, или дать ему очную ставку съ другими; а мистра Гольднофа, чтобы онъ не могъ убѣжать и произвести возстаніе въ городѣ. Пресвитеріане хотя и содѣйствовали сначала междоусобной войнѣ, и даже возбуждали ее, однако въ послѣднее время были очень недовольны преобладаніемъ военныхъ сектаторовъ, и потому на нихъ нельзя было полагаться какъ на охранителей мира, когда дѣло касалось ихъ интересовъ. Построившись, пѣхота выступила лѣвымъ флангомъ; она была вооружена короткими ружьями, въ родѣ нынѣшнихъ карабиновъ, употреблявшимися и въ конницѣ. Кромвель и Персонъ шли пѣшкомъ передъ центромъ, или главною массою отряда. Солдаты шли соблюдая всевозможную тишину и въ удивительномъ порядкѣ, какъ одинъ человекъ.

Саженой на сто за арріергардомъ пѣшаго отряда шла конница; казалось, сами лошади понимали приказанія Кромвеля, не ржали, и бережно ставили ноги на землю, стараясь не топтать по обыкновенію.

Кромвель шелъ съ озабоченнымъ лицомъ и хранилъ угрюмое

молчаніе; только нзрѣдка отдавалъ вполголоса приказаніе не шумѣть и не говорить; впрочемъ это повтореніе было излишне, потому что солдаты, восхищенные честью итти подѣ личнымъ начальствомъ славнаго своего вождя, вѣроятно, на важное секретное дѣло, старались почти не переводить духу, чтобы сообразоваться съ его волею.

Отрядъ пустился вдоль единственной улицы города. Почти всѣ жители давно уже сидѣли по домамъ; двое или трое, засидѣвшіеся долге обыкновеннаго на вечернихъ пирושкахъ, встрѣчая сильный отрядъ солдатъ, не только не думали освѣдомляться, куда онъ идетъ въ такую позднюю пору, но старались даже сами не попадаться на глаза, потому что солдаты нерѣдко самовольно принимали на себя должность городской полиціи.

Къ наружнымъ воротамъ парка, съ самаго прибытія отряда въ Вудстокъ, былъ приставленъ сильный караулъ, для пресѣченія сообщеній между Ложею и городомъ. Плюйгонъ, посланецъ Вилдрека, зная хорошо всѣ концы лѣса, куда хаживалъ за птичьими гнѣздами, перелѣзъ съ другой стороны черезъ проломъ въ заборъ.

Авангардъ Кромвелева отряда помѣнялся съ карауломъ паролю и лозунгомъ, по правиламъ военной дисциплины. Пѣхота вступила въ паркъ, а за нею и ковница, которой приказано было избѣгать жесткой дороги, и стараться итти съ боковъ, по дереву. Сверхъ-того нѣсколькимъ пѣшимъ солдатамъ приказано обыскать лѣсъ по ту и по другую сторону, и хватать, а въ случаѣ сопротивленія стрѣлять, въ каждаго, кого встрѣтятъ бродящимъ въ лѣсу подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Между-тѣмъ и погода стала благопріятствовать Кромвелю. Густой туманъ, застилавшій до-тѣхъ-поръ всѣ окружающіе предметы, и затруднявшій ходъ войска въ лѣсу, мало по-малу сталъ рѣдѣть, и луна, пробивъ, послѣ долгихъ усилій, пары, показалась на небѣ тусклымъ полукругомъ, и освѣтила его какъ полуугасшая лампада освѣщаетъ келью отшельника. Когда отрядъ поровнялся съ фасадомъ замка, Гольднофъ шепнулъ Эврарду, шедшему съ нимъ рядомъ:

— Смотри, вотъ мерцаетъ огонекъ въ башнѣ развратной Розамунды. Нынѣшняя ночь докажетъ, кто сильнѣе, дьяволъ ли еретиковъ или дьяволъ нечестивыхъ. Воспоемъ пѣснь радости и торжества; царство Сатаны раздѣлилось и возстало на себя самого!

Тутъ поспѣшно подошелъ унтеръ-офицеръ, и прервалъ радость проповѣдника, шепнувъ ему грознымъ голосомъ :

— Молчать, арестанты ; молчать, подъ страхомъ смерти.

Черезъ нѣсколько минутъ слово «стой» прошло шопотомъ по всѣмъ рядамъ, и весь отрядъ мгновенно остановился. Причиной тому было возвращеніе одного изъ отряженныхъ въ сторону патрулей, который донесъ Кромвелю, что въ нѣкоторомъ разстояніи въ лѣво показался въ лѣсу огонь.

— Что бы это могло быть? сказалъ Кромвель, тихо и сурово; движется онъ или стоитъ на одномъ мѣстѣ?

— Сколько можно судить, онъ, кажется, неподвиженъ, отвѣчалъ солдатъ. Странное дѣло! около тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ свѣтится, нѣтъ ни избушки.

— Съ позволенія вашего превосходительства, это можетъ-быть наважденіе сатаны, сказалъ капралъ Гемгоджонъ своимъ гнусливымъ голосомъ : оно въ послѣднее время было очень сильно въ здѣшнемъ околоткѣ.

— Съ позволенія вашего дурачества, ты оселъ, отвѣчалъ Кромвель: но вспомнивъ тотчасъ, что капралъ былъ одинъ изъ агитаторовъ или трибуновъ между солдатами, и что ему слѣдовало оказывать уваженіе, сказалъ: впрочемъ, если это наважденіе сатаны, съ помощью Божьею, мы пойдемъ на него, и пойдлый рабъ сгинетъ передъ нами.... Персонъ, продолжалъ онъ, возьми свой взводъ, и узнай что тамъ такое?... Нѣтъ, эти трусы пожалуй бросятъ тебя.... Ступай прямо къ Ложѣ, и окружи ее, какъ я тебѣ говорилъ, чтобы птичкѣ не улетѣть.... поставь два ряда часовыхъ, но не поднимай тревоги, пока я не подоспѣю къ тебѣ. Если кто вздумаетъ пробраться — стрѣлай.... Бей на мѣстѣ, повторилъ онъ грозно, кто бы то ни былъ. Не къ чему навязывать республикѣ на руки плѣнныхъ.

Персонъ, выслушавъ приказаніе, отправился исполнять волю полководца.

Будущій Протекторъ между-тѣмъ распредѣлилъ остальной отрядъ такъ, чтобы онъ подошелъ въ одно время съ разныхъ сторонъ къ огню, возбуждавшему его подозрѣнія, и велѣлъ ему подкрасться безъ шума какъ можно ближе, стараясь въ то же время всѣмъ плотно держаться между собою, и броситься разомъ, какъ скоро онъ подастъ знакъ громкимъ свистомъ. Кромвель получилъ отъ природы военачальническую провицательность и быстроту соображенія, которая въ другихъ бываетъ плодомъ изученія и долготѣнаго опыта. Желая удостовѣриться въ истинѣ собствен-

ными глазами, онъ сталъ подкрадываться отъ дерева къ дереву легкою поступью и съ осторожностью дикаря американскихъ лѣсовъ; и прежде чѣмъ отрядъ успѣлъ подойти довольно близко, чтобы различать предметы, онъ уже увидѣлъ, при свѣтѣ стояшаго на землѣ фонаря, двухъ человекъ, копавшихъ могилу, и повидимому очень неискусно. Въ вѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ лежало что-то завернутое въ оленью шкуру, и очень похожее на мертвое тѣло. Они разговаривали между собою вполголоса, довольно громко однако же, чтобы онъ могъ подслушать ихъ слова.

— Готово наконецъ, сказалъ одинъ: отроду не случилось мнѣ такой трудной и тяжелой работы. Чувствую я, что мнѣ не сдобровать, даже руки у меня будто не свои; и странно, какъ я ни работаю, а не могу отогрѣться.

— А я славно отогрѣлся, сказалъ Рочкливъ, задыхавшись отъ усталости.

Ознобъ пронимаетъ меня до самого сердца, продолжалъ Джослайвъ: мнѣ, кажется, уже никогда не отогрѣться. Еще странность; насъ точно кто-нибудь обошелъ; копали часа два, а много ли выкопали? могильщикъ Дипенъ не употребилъ бы на это и получасу.

— Правда, не мастера мы копать, отвѣчалъ докторъ Рочкливъ. Каждому свое ремесло: твое дѣло охотничій рогъ, а мое — шифрованная грамота. Но не унывай; немудрено, что работа наша была трудна, когда земля промерзла, и полна кореньевъ. Теперь, какъ мы отдали должную честь покойному, и прочитали надъ нимъ церковную службу, положимъ его на послѣднее его ложе; на землѣ немного въ немъ утратятъ.... Мужайся, смотри бодро какъ солдатъ; наступятъ болѣе спокойныя времена, мы велимъ перенести его въ освященную землю, хотя онъ этого и не стоитъ.... Помоги же мнѣ опустить его въ землю; засыпавъ прахъ прахомъ, прикроемъ мѣсто дерномъ и хвостомъ.... а ты не предавайся отчаянію, и помни, что тайна твоя въ однихъ твоихъ рукахъ.

— За это не поручусь, возразилъ Джослайвъ: мнѣ кажется, будто самый вѣтеръ ночной будетъ рассказывать среди шелесту листьевъ, что мы здѣсь дѣлаемъ; кажется, будто сами деревья будутъ шептать: «Въ корняхъ нашихъ лежатъ трупъ.» Когда прольется кровь человѣческая, свидѣтели уже найдутся.

— Найдутся, и скорѣе, чѣмъ ты воображаешь, вскричалъ Кромвель, выскочивъ изъ чащи, и въ то же время схватилъ Джо-

слайна за руку, и приставилъ ему ко лбу пистолетъ. Во всякое другое время лѣсничій сталъ бы отчаянно обороняться, не смотря ни на какое число; но убіеніе стараго товарища, хотя бы въ оборонѣ собственной жизни, внушало ему такое омерзѣніе къ себѣ самому, что онъ совершенно упалъ духомъ, и отдался въ руки враговъ такъ же покорно, какъ баранъ въ руки мясника. Докторъ Рочклифъ хотѣлъ сопротивляться, но въ то же мгновеніе нѣсколько солдатъ окружили и схватили его.

— Эй, кто-нибудь, сказалъ Кромвель, посмотрите, что за человекъ умертвили эти богомерзкіе сыны Ваала.... капралъ Гемгоджонъ, посмотри, не узнаешь ли въ лицо?

— Еще бы не узнать, прогнуслиъ капралъ, осмотрѣвъ съ помощью фонаря лицо убитаго: какъ самого себя въ зеркалѣ узнаю; это нашъ благочестивый братъ о вѣрѣ, Джозефъ Томкинсъ.

— Томкинсъ! воскликнулъ Кромвель, бросившись къ трупу, удостовѣриться въ истинѣ, Томкинсъ.... убить.... вотъ я проломъ на вискѣ.... говорите правду, собаки.... зачѣмъ вы убили его?... вѣрно, открыли его измѣну.... то есть, его преданность англійской республикѣ, и ненависть его къ мерзкимъ замысламъ, въ которые вы хотѣли завлечь его честное простодушіе?

— Мало того, подхватилъ Гемгоджонъ: вздумали еще осквернять его прахъ своими папистскими обрядами. Позвольте, генералъ, перевязать покрѣпче этихъ мошенниковъ.

— Не нужно, капралъ, отвѣчалъ Кромвель: намъ время дорого. Послушай, пріятель; ты, если я не ошибаюсь, докторъ Автовій Рочклифъ; я даю тебѣ на выборъ, быть повѣшеннымъ на зарѣ, или заглазить свое преступленіе, открывъ намъ безъ утайки все, что ты знаешь о тайнахъ этого дома.

— По истинѣ, сэръ, сказалъ Рочклифъ, вы застали меня только за исполненіемъ моего священническаго долга; я хоронилъ покойника. Что же касается до отвѣту на ваши вопросы, я твердо намѣренъ, и совѣтую своему несчастному товарищу....

— Ведите его, прервалъ Кромвель, я давно знаю его упрямство, хотя и не разъ заставлялъ его пахать мою пашню, между тѣмъ какъ онъ воображалъ, что тащитъ свою борону. Ведите его въ арріергардъ, и давайте сюда другаго.... Подойди-ко сюда, ближе, ближе.... Капралъ Гемгоджонъ, держи его за ремень, которымъ онъ опоясанъ; мы должны паблюдать за безопасностью нашей жизни ради нашего бѣдствующаго отечества, хотя бы для самихъ себя не ставили ее въ мѣдный грошъ. Слушай же, пріятель, одно изъ двухъ: или открой намъ все, что

знаешь, или я велю тебя сейчасъ же вздернуть на этотъ старый дубъ.... Что ты объ этомъ скажешь?

— По истинѣ, сэръ, отвѣчалъ лѣсничій, прикидываясь гораздо мужиковатѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, потому что онъ успѣлъ набратъся нѣкотораго лоску въ обхожденіи въ частыхъ своихъ сношеніяхъ съ сэромъ Генри-Ли: я скажу, сэръ, что на дубу будетъ висѣть немножко крупный желудъ.... и все тутъ.

— Со мною, братъ, шутки въ сторону, сказалъ Кромвель: я говорю тебѣ напередъ, что я не охотникъ до шутокъ. Какіе гости были у васъ въ томъ домѣ, что называется Ложею?

— Да мало ли перебывало у насъ гостей, сэръ, въ мое время: ужъ я вамъ скажу, отвѣчалъ Джослайнъ. Посмотрѣли бы вы, какъ бывало дымилась у насъ трубы, лѣтъ за двѣнадцать! Бѣдѣ какъ только бы понюхать, такъ не нужно и обѣда.

— Молчать, мерзавецъ, вскричалъ Кромвель, дурачить меня, что ли, вздумалъ? Говори сейчасъ, какіе были у васъ гости въ послѣднее время.... да вспомни, пріятель; послушавшись меня, ты не только спасешь свою шею отъ петли, но еще окажешь государству большую услугу, за которую получишь хорошую награду. Вѣдь я не изъ тѣхъ, которые думаютъ, что когда дождь орошаетъ высокія, гордыя деревья, такъ и довольно: я хочу, если Богъ услышитъ мои ничтожныя желанія и молитвы, чтобы онъ орошалъ и дольную траву, и скромный колосъ, да возрадуется сердце пахаря! хочу чтобы, какъ кедръ Ливанскій растетъ, пускаетъ вѣтви и корни, такъ бы могъ цвѣсти и скромный кринъ въ разсѣлинѣ, и.... и.... Повнимаешь, мошенникъ?

— Не то, чтобы очень ясно, отвѣчалъ Джослайнъ, а слышится, что ваша милость точно проповѣдь читаетъ, и что тутъ много мудраго ученія.

— Ну, такъ одно слово.... Ты знаешь пѣкоего Лунса Кернеги, или Каряго, или какъ-то такъ, который укрывается въ Ложѣ?

— Не могу знать, сэръ, отвѣчалъ лѣсничій: много народу приходило и опять уходило со дня ворчестрской битвы; гдѣ мнѣ знать, кто они такіе?... моя служба вѣдь за воротами.

— Говорю тебѣ; отсчитаю тебѣ тысячу фунтовъ стерлинговъ, если отдашь мнѣ въ руки этого молодца.

— Тысяча фунтовъ много денегъ, сэръ, сказалъ Джослайнъ, да у меня и безъ того уже болѣе крови на рукахъ, чѣмъ бы я желалъ. Знаю, что деньги, взятые за душу ближняго, не пой-

дуть въ прокъ.... и будь со мною что будетъ, не хочу попробовать.

— Ведите упряма въ аррьергардъ, сказалъ Кромвель, и смотрите, чтобы онъ не разговаривалъ съ другимъ. Дуракъ я, что тѣрю только съ ними время; вздумалъ ждать молока отъ козла.... Въ путь, ребята, къ Ложѣ.

Отрядъ двинулся въ такомъ же безмолвіи какъ прежде, не смотря на препятствія, которыя встрѣчались имъ безпрестанно отъ незнанія безчисленныхъ извилинъ и неровностей дороги. Наконецъ; ихъ перекликнулъ вполголоса одинъ изъ собственныхъ ихъ часовыхъ, разставленныхъ въ два концентрическихія ряда вокругъ Ложы, на такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что не было ни какой возможности пробѣжать мимо ихъ. Вѣншній рядъ составляли по дорогамъ и равнинамъ конница, а по мѣстамъ не ровнымъ или поросшимъ лѣсомъ пѣхота; внутренній рядъ состоялъ изъ одной пѣхоты. Часовые тѣмъ неусыпнѣе исполняли свою обязанность, что всѣ угадывали, какія важныя послѣдствія должна была имѣть такая таинственная и необычайная экспедиція.

— Ну, какія вѣсти, Персонъ? спросилъ генералъ своего адъютанта, явившагося къ нему немедленно съ рапортомъ.

— Ня какихъ, отвѣчалъ Персонъ.

Кромвель отвелъ его въ сторону, и остановился противъ самыхъ воротъ Ложы, между обими рядами часовыхъ, такъ что разговоръ ихъ никому не могъ быть слышенъ. Онъ продолжалъ свои разспросы:

— Не видали ли свѣту, въ Ложѣ, не замѣчали ли движенія, приготовленій къ вылазкѣ или къ оборонѣ?

— Все было спокойно и тихо, какъ въ долинѣ мрака смерти, тихо какъ въ долинѣ Юсафатовой.

— Убирайся съ своей Юсафатовой долиной, Персонъ, сказалъ Кромвель: эта чепуха къ лицу другимъ, а не тебѣ. Говори просто, по солдатски. У cadaго человѣка своя рѣчь, тебѣ свойственна солдатская прямота и грубость, а не благочестіе.

— Сказать по-просту, въ Ложѣ ничто не шелохнулось, отвѣчалъ Персонъ. Впрочемъ, человѣкъ....

— Безъ общяковъ, прервалъ Кромвель, не бѣси меня, если хочешь, чтобы зубы твои были цѣлы. Я всегда подозрѣваю человѣка, который говоритъ не своимъ языкомъ.

— Такъ чортъ же возьми! дайте мнѣ досказать, отвѣчалъ Пер-

сонъ, а потомъ я буду говорить какимъ языкомъ будетъ угодно вашему превосходительству.

— Вотъ это такъ по твоему, пріятель, сказалъ Оливеръ: не красно, да зато прямо изъ души. Продолжай же: ты знаешь, я люблю тебя и вѣрю тебѣ. Хорошо ли ты наблюдалъ? намъ надо знать это, прежде чѣмъ поднимать тревогу.

— Убей Богъ мою душу, отвѣчалъ Персонъ, если я не смотрѣлъ за ними, какъ котъ за мышиною норкою. Невозможно, чтобы что-нибудь ускользнуло отъ моего вниманія; если бы что-нибудь только пошевелилось въ домѣ, я не могъ бы не замѣтить.

— Хорошо, сказалъ Кромвель, я не забуду твоей службы, Персонъ. Ты не мастеръ говорить проповѣди и молиться, но умѣешь исполнять свое дѣло, а это все выкупаетъ.

— Благодарю, ваше превосходительство, сказалъ Персонъ: но прошу васъ позволить мнѣ соображаться въ своей рѣчи съ духомъ времени; маленькому человѣку не годится строить изъ себя чудака.

Онъ замолчалъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Кромвеля. Его не мало удивляло, что врожденная дѣятельность и быстрота ума полководца позволили ему, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, обратить вниманіе на такой пустой предметъ, какъ образъ выраженія его подчиненнаго. Еще болѣе удивился онъ, когда свѣтлый лучъ луны, прорвавшійся между двухъ тучъ, показалъ ему явственнѣе образъ полководца: Кромвель стоялъ неподвижно, оперевъ руки на обнаженный мечъ, нахмурилъ брови, и потупивъ мрачный взоръ. Персонъ ждалъ нѣкоторое время съ нетерпѣніемъ, не смѣя прервать его думы, чтобы не обратить этого неумѣстнаго припадка хандры въ гнѣвъ и нетерпѣніе; онъ старался вслушаться въ неясные звуки, срывавшіеся съполоткрытыхъ устъ начальника, но могъ разобрать только повторенныя нѣсколько разъ слова: «Тяжкая необходимость!»

— Генераль, сказалъ наконецъ Персонъ, время уходитъ.

— Молчи, хитрый врагъ, не соблазняй меня! отвѣчалъ Кромвель. Или ты воображаешь, подобно другимъ дуракамъ, что я запродалъ чорту душу за неизмѣнный успѣхъ, и что я обязанъ совершить свое дѣло въ опредѣленный срокъ, пока не разрушится нечистая сила?

— Я думаю только, генераль, возразилъ Персонъ, что судьба сама отдаетъ вамъ въ руки то, чѣмъ вы такъ давно желаете овладѣть, а вы колеблетесь.

Кромсаль тяжело вздохнулъ.

— Ахъ, Персонъ, сказалъ онъ, въ этомъ смутномъ мѣрѣ, человѣку призванному подобно мнѣ совершить великіе дѣла во Израилѣ, надо бы имѣть душу, какъ говорятъ поэты, выкованную изъ твердой стали, неспособную къ человѣческому чувству состраданія, безстрастную, непреклонную. Потомство, Персонъ, можетъ - быть, будетъ воображать меня такимъ желѣзнымъ человѣкомъ, выкованнымъ изъ желѣза.... но оно будетъ судить обо мнѣ несправедливо.... сердце мое плоть, въ немъ бьется такая же теплая кровь, какъ у другихъ. Когда я былъ охотникомъ, мнѣ жаль было величавой цапли, на которую вылетѣлъ мой соколъ; мнѣ больно было слышать стоны зайца подъ лапою моей собаки; неужели же ты думаешь, что мнѣ легко, когда на моей душѣ отчасти кровь отца, пролить еще кровь сына? Они принадлежатъ къ славному роду англійскихъ королей, и приверженцы ихъ, безъ-сомнѣнія, смотрятъ на нихъ какъ на полубоговъ. Меня уже теперь называютъ цареубійцею, кровожаднымъ хищникомъ, за то что я пролилъ кровь одного человѣка, чтобы остановить общее бѣдствіе, какъ Аханъ былъ убитъ для того, чтобы Израиль могъ потомъ возстать на враговъ своихъ. Несмотря на то, кто сказалъ мнѣ съ тѣхъ-поръ одно доброе слово? Тѣ, которые участвовали со мною въ этомъ дѣлѣ, рады свалить всю вину на меня, чтобы самимъ выйти чистыми; а кто только смотрѣлъ, не подавая помощи, тѣ увѣряютъ теперь, что были принуждены насиліемъ. Когда я возвращался съ ворчестрскаго поля, на которомъ Богъ избралъ меня недостойнымъ орудіемъ побѣды, я ожидалъ общихъ рукоплесканій; а вмѣсто того, народъ вездѣ отворачивался отъ меня, говоря: «Вотъ цареубійца, отцеубійца; скоро и его постигнетъ достойная кара!....» Воистину, Джильбертъ Персонъ, прекрасная доля быть вознесеннымъ надъ толпою; но когда видишь, что она возбуждаетъ въ другихъ не любовь и уваженіе, а только ненависть и презрѣніе, тогда тяжела эта доля для кроткаго сердцемъ и слабого духомъ.... Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ бы пролить до послѣдней капли своей крови на полѣ битвы, еслибъ могъ этимъ отвратить предстоящее мнѣ дѣло.

И онъ зарыдалъ; слезы ручьемъ потекли по его щекамъ. Такіе странные припадки чувствительности и тоски случались съ нимъ довольно часто; они не происходили отъ дѣйствительнаго раскаянія, но и не были однимъ лицемѣріемъ; это было просто слѣдствіе его страннаго характера, въ которомъ съ самою тонкою

хитростью и съ пламеннымъ энтузіазмомъ соединилась глубокая хандра; эта хандра иногда пересиливала энергію его души и изливалась въ подобныхъ сценахъ; впрочемъ, онъ рѣдко случался, какъ теперь, передъ исполненіемъ какого-нибудь важнаго замысла.

Персонъ, хорошо знакомый съ странностями характера своего начальника, былъ изумленъ и встревоженъ этимъ припадкомъ тоски и сомнѣнія, который такъ внезапно уничтожилъ, казалось, всю твердость его души. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ сказалъ ему довольно сухо:

— Если такъ, то жаль, что ваше превосходительство пришли сюда. Капраль Гемгоджонъ и я, первый святой и первый грѣхотворникъ вашей арміи, исполнили бы все дѣло одни, и раздѣлили бы между собою грѣхъ и честь.

— Не хочешь ли ты похитить добычу изъ пасти льва? воскликнулъ Кромвель, затронутый за живое.

— Когда левъ поступаетъ какъ деревенская шапка, отвѣчалъ Персонъ смѣло, которая сначала лаеетъ, и хочетъ, кажется, всѣхъ изорвать на клочки, а бѣжить какъ-скоро ей погрозишь палкой или камнемъ, зачѣмъ мнѣ его бояться? Если бы здѣсь былъ Ламбертъ, то не такъ много было бы разговоровъ, а болѣе дѣла.

— Ламбертъ? Почему ты вспоминаешь о Ламбертъ? спросилъ Кромвель съ неудовольствіемъ.

— Потому, отвѣчалъ Персонъ, что я долго колебался, пристать ли къ вашему превосходительству или къ нему; а теперь начинаю сомнѣваться въ удачности своего выбора.

— Ламбертъ! повторилъ Кромвель съ досадою, но понизивъ голосъ, чтобы никто не могъ подслушать сужденія его о соперникѣ. Что же такое Ламбертъ? Глупецъ, помѣшанный на тюльпанахъ, котораго природа прочла въ голландскіе садовники, и которому слѣдовало бы родиться въ Дельфтѣ или въ Роттердамѣ. Неблагодарный! что могъ бы для тебя сдѣлать Ламбертъ?

— Онъ, отвѣчалъ Персонъ, не стоялъ бы въ нерѣшительности передъ запертыми воротами, когда судьба представляла бы ему случай упрочить, однимъ ударомъ, свое счастье и счастье своихъ сподвижниковъ.

— Ты правъ, Джилбертъ Персонъ, сказалъ Кромвель, схвативъ руку своего помощника, и крѣпко сжимая ее. Пусть половина этого смѣлаго подвига принадлежить тебѣ, будемъ ли мы разсчитываться на землѣ или на небесахъ.

— Пусть онъ весь принадлежит мнѣ на небесахъ, отвѣчал Персонъ грубо: только бы ваше превосходительство воспользовались имъ на землѣ. Укройте въ тылу, пока я буду проламывать ворота, здѣсь можетъ быть опасность, если отчаяніе побудитъ ихъ рѣшиться на вылазку.

— Если они и сдѣлаютъ вылазку, кто изъ моихъ Желѣзныхъ менѣе меня бонется огня или меча? сказалъ Кромвель. Пусть десять человѣкъ самыхъ неустрашимыхъ идутъ съ нами, двое съ алебардами, двое съ карабинами, а остальные съ пистолетами... Пусть они зарядятъ оружіе, и стрѣляютъ не дрогнувъ, какъ скоро тамъ вздумаютъ сдѣлать вылазку или обороняться.... Съ ними пусть идетъ капралъ Гемгоджонъ, а ты оставайся здѣсь, и наблюдай, чтобы никто не могъ бѣжать; смотри какъ за спасеніемъ своей души.

Затѣмъ генералъ сталъ стучаться въ ворота, рукояткою меча, сначала довольно тихими и рѣдкими ударами, потомъ такъ сильно и часто, что старыя стѣны зданія задрожали. Нѣсколько разъ повторилъ онъ этотъ шумный вызовъ, не получая никакого отвѣту.

— Что это значитъ? сказалъ Кромвель: невѣроятно, чтобы они успѣли бѣжать, и оставили домъ пустымъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Персонъ, я могу поручиться, что никто не выходилъ; но ваше превосходительство стучитесь съ такимъ нетерпѣніемъ, что не даете времени отвѣчать. Тсъ! я слышу лай собаки; и голосъ, внимающій ее.... Не ворваться ли намъ съ разу? или вести переговоры?

— Сначала переговоримъ, отвѣчалъ Кромвель. Эй, кто тамъ? отвѣчайте?

— Кто тамъ? отозвался сэръ Генри Ли изнутри: что вамъ нужно въ глухую ночь?

— Мы по предписанію англійской республики, отвѣчалъ Кромвель.

— Я не отниму ни запора, ни щеколды, не выдавъ сначала предписанія, сказалъ сэръ Генри; насъ здѣсь довольно для обороны замка; ни я, ни мои люди не сдадимъ его иначе, какъ на честныхъ условіяхъ; а договариваться о нихъ будемъ днемъ.

— Не хотите подчиниться праву, такъ уступите силѣ, отвѣчалъ Кромвель. Берегитесь вы, въ замкѣ, ворота черезъ пять минутъ полетятъ на васъ.

— Берегитесь сами! возразилъ гордый старикъ: если вы употребите насиліе, мы будемъ стрѣлять.

Но увы! между-тѣмъ какъ говорилъ такимъ дерзкимъ языкомъ, весь гарнизонъ его состоялъ изъ двухъ полумертвыхъ отъ страху женщинъ; сынъ его, по условленному между ними плану, вышелъ изъ залы, и заперся въ потаенныхъ убѣжищахъ замка.

— Что они хотятъ теперь дѣлать, сэръ? спросила Фиби, слыша будто скрипъ плотничьяго бурава, мѣшавшійся съ шопотомъ множества голосовъ.

— Ставятъ петарду, отвѣчалъ сэръ Генри спокойно. Я замѣтилъ, Фиби, что ты понятливая дѣвушка; такъ я тебѣ объясню, что это значитъ: это желѣзный горшокъ, довольно похожій на сахарныя головы, которыя эти мошенники носятъ на головахъ, только не съ такими широкими полями; въ горшокъ набиваютъ нѣсколько фунтовъ мелкаго пороху. Потомъ....

— Милосердый Боже! да они взорвутъ насъ, вскричала Фиби, понявъ изъ всего толкованія сэра Генри одно слово «порохъ.»

— Не бойся, глупая дѣвочка, отвѣчалъ сэръ Генри. Отведи старуху Жанну въ амбразуру того окна, а мы съ тобою укроемся въ этомъ. Я еще успѣю докончить свое объясненіе, потому что они плохіе инженеры. Былъ у насъ въ Ньюаркѣ французскій мастеръ, тотъ сдѣлалъ бы все въ одинъ пистолетный выстрѣлъ.

Какъ скоро они стали въ безопасное мѣсто, сэръ Генри продолжалъ свое объясненіе.

— Когда петарда готова, какъ я тебѣ толковалъ, ее прикрѣпляютъ къ толстой крѣпкой доскѣ, и потомъ привѣшиваютъ, или скорѣе прибиваютъ къ воротамъ, которые нужно прорвать.... Но ты меня не слушаешь?

— До того ли теперь, сэръ Генри, отвѣчала Фиби, когда намъ самниъ угрожаетъ такая петарда? Боже мой, я съ ума сойду со страху!... Того и смотри, что насъ разорвутъ на клочки; взорвутъ на воздухъ.

— Мы въ безопасности отъ взрыву, сказалъ сэръ Генри, хладнокровно; петарда направлена прямо, въ средину комнаты; а эта глубокая амбразура достаточно защититъ насъ отъ осколковъ, которые могутъ разлетѣться всторону.

— Но они убьютъ насъ, когда войдутъ, простонала Фиби.

— Ну, тебя они пощадятъ, ради хорошенькаго личика, сказалъ сэръ Генри; если я не всаживаю пары пуль въ лобъ проклятому инженеру, то только потому, что не хочу подвергнуться строгости военныхъ законовъ, опредѣляющихъ казни мечемъ за оборону мѣста, котораго нельзя отстоять. Впрочемъ не думаю,

чтобы сила закона могла распространиться на старуху Джанну или на тебя, Фиби, потому что вы безоружны. Если бы была здесь Алиса, она бы еще могла что-нибудь сделать, потому что она по крайней мере владеет охотничьим ружьем.

Фиби могла бы сослаться на собственные свои подвиги того дня, болѣе подходившіе къ рукопашному бою, чѣмъ все подвиги ея барышни; но она ничего не помнила отъ страха, ожидая ежеминутно, вслѣдствіе толкованія сэра Генри, какой-то ужасной катастрофы, которой она толкомъ не понимала, не смотря на старанія старика объяснить свойства и дѣйствія петарды.

— Вотъ ужъ не мастера своего дѣла, сказалъ сэръ Генри; маленькій Бутирленъ успѣлъ бы въ это время взорвать весь домъ.... Будь онъ здесь, поподчивали бы мы ихъ.... убей меня Богъ, если бы онъ не устроилъ мигомъ контрамны, а люблю смотрѣть, какъ инженера взорветъ свой собственный подкопъ, какъ говоритъ безсмертный Шекспиръ.

— Боже милосердый! рехнулся бѣдный старикъ, подумала Фиби. Не лучше ли бы, сэръ, оставить въ покоѣ книги и комедіи, и подумать о послѣднемъ часѣ? сказала она, дрожа отъ страха, и съ досадою.

— Если бы я не готовился къ нему уже съ давнихъ лѣтъ, отвѣчалъ сэръ Генри, я бы не былъ теперь такъ спокоенъ. «Безстрашно и весело, будто ко сну, вду я къ смерти.... у праваго душа спокойна!» говоритъ Шекспиръ.

Между-тѣмъ какъ онъ говорилъ, широкое, безцвѣтное пламя сверкнуло въ окна залы, сквозь крѣпкія желѣзныя рѣшетки, которыми они были защищены, и озарило старинные доспѣхи и оружіе темно-краснымъ свѣтомъ, будто зарево пожара. Фиби вскрикнула, и забывъ въ ужасѣ долгъ почтенія, прижалась къ рукѣ и плашу сэра Генри; между-тѣмъ какъ старуха Джанна, глухая, но не слѣпая, завывала въ своей уединенной нишѣ, какъ сова при внезапномъ появленіи луны.

— Отстань, милая Фиби, сказалъ старикъ, если ты будешь такъ вѣшаться мнѣ на руку, мнѣ нельзя будетъ владѣть мечемъ... Дураки! невѣжи! не могутъ приладить петарды безъ факеловъ!... Надо воспользоваться этимъ промежуткомъ... Помни же, Фиби, что я тебѣ говорилъ, и какъ я училъ тебя оттягивать время.

— Помню, сэръ... о Боже.... все скажу, сэръ... Господи, хоть скорѣе бы все кончилось.... Ай!... что то завизжало, сэръ, точно змѣя....

— Это ракета, какъ мы, военные люди, ее называемъ, ска-

залъ сэръ Генри; это фитиль, зажигающій петарду; онъ бываетъ длиннѣе или короче, смотря по разстоянію....

Сэръ Генри не успѣлъ досказать; слова его были прерваны оглушительнымъ взрывомъ, отъ котораго, какъ онъ самъ предсказывалъ, крѣпкая дверь разлетѣлась въ куски, и стекла въ окнахъ разбились въ дребезги и посыпались на полъ, со всѣми королями и героинями, которыхъ память они хранили въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Женщины кричали безъ умолку, а въ отвѣтъ имъ раздался лай Биввеса, который заранѣе былъ запертъ по-далѣе отъ мѣста дѣйствія. Сэръ Генри, съ трудомъ высвободившись отъ Фиби, вышелъ на середину залы встрѣчать гостей, врывающихся съ факелами и мечами наголо.

— Смерть всѣмъ сопротивляющимся, милость сдающимъ! закричалъ Кромвель, топнувъ ногою. Кто начальникъ гарнизона?

— Сэръ Генри Ли изъ Дичли, отвѣчалъ старикъ, выступая впередъ; не имѣя другаго гарнизона, кромѣ двухъ слабыхъ женщинъ, онъ принужденъ покориться тому, чему охотно бы сталъ сопротивляться.

— Обезоружить закосиѣлаго бунтовщика! кричалъ Оливеръ. Не стыдно ли тебѣ, сэръ, держать меня передъ воротами дома, котораго тебѣ мечтъ отстанвать? Сѣдая борода, а не знаешь, что кто не хочетъ сдать поста, который не можетъ держаться, во всеобщимъ законамъ заслуживаетъ висѣлицы!

— Мы съ моею сѣдой бородой обо всемъ уже разсудили, возразилъ сэръ Генри, и во всемъ согласились. Лучше подвергнуться опасности взойти на висѣлицу честнымъ человѣкомъ, чѣмъ выдать то, что намъ ввѣрено, какъ трусы и измѣнники.

— Ты такъ думаешь? сказалъ Кромвель: мы увѣрены, что ты не безъ важныхъ причинъ суешь голову въ петлю. Но мы съ тобою еще поговоримъ, немного погодя.... Эй, Персонъ Джильбертъ Персонъ, вотъ тебѣ записка.... возьми съ собою старуху, пусть она проведетъ тебя по всѣмъ мѣстамъ, означеннымъ въ этой запискѣ.... обыщи всѣ указанныя комнаты, и арестуй, а въ случаѣ сопротивленія, бей или стрѣлай cadaго, кого встрѣтишь. Обращай особое вниманіе на всѣ мѣста, отмѣченныя въ запискѣ, какъ важнѣйшіе пункты для пресѣченія сообщеній внутри дома, выходы къ главной лѣстницѣ, большую галерею, и прочая. Съ старухой обходись вѣжливо. При запискѣ есть планъ, съ помощью котораго ты можешь отыскать важные пункты, если старая дура заупрямится.... Ты же, капралъ, между-тѣмъ отведи старика и ту красавицу въ вѣрное

мѣсто.... хоть въ такъ называемые покои Виктора Лн. Тамъ не будетъ насъ душить запахъ пороху.

Съ этими словами онъ пошелъ самъ къ покоямъ Виктора Лн, не требуя ни чьего руководства, ни указанія. Сердце смалось у сэра Генри, когда онъ увидѣлъ, съ какою увѣренностью генераль показывалъ путь: это доказывало, что врагъ былъ гораздо короче знакомъ съ мѣстностью Вудстока чѣмъ хозяинъ предполагалъ, и что ему трудно будетъ привести въ исполненіе свой планъ, занять посланцевъ республики бесполезными обьисками въ изворахъ и закоулкахъ Ложи.

— Теперь я сдѣлаю тебѣ нѣсколько вопросовъ, старикъ, сказалъ Кромвель, войдя въ назначенную комнату: и предупреждаю тебя, что единственная для тебя надежда на прошеніе твоихъ постоянныхъ усилій противъ блага республики заключается въ добросовѣстномъ, безутайномъ отвѣтѣ на мои вопросы.

Сэръ Генри поклонился. Ему хотѣлось говорить, но онъ чувствовалъ, что въ немъ кипѣла кровь, и боялся что пылъ его истощится, прежде чѣмъ онъ успѣетъ разыграть до конца роль, которую назначилъ себѣ для того, чтобы дать королю время бѣжать.

— Кто былъ у тебя въ домѣ, въ послѣднее время, сэръ Генри Лн? укажи намъ своихъ домочадцевъ и гостей.... Мы знаемъ, что средства твоя на содержаніе дома не такъ велики, какъ были прежде; слѣдовательно перечень не будетъ затруднителенъ для твоей памяти.

— И очень незатруднителенъ, отвѣчалъ сэръ Генри съ удивительнымъ хладнокровіемъ: со мною была дочь, а въ послѣднее время и сынъ; для прислуги же эти двѣ женщины, и нѣкто Джослайнъ Джолифъ.

— Я не спрашиваю о членахъ твоего семейства, и объ обыкновенной прислугѣ; мнѣ нужно знать, кто прибѣгалъ къ тебѣ, погостить ли, или искать убѣжища, какъ враги отечества?

— Ихъ могло быть, и тѣхъ и другихъ, сэръ, болѣе чѣмъ я умѣю вамъ показать, не во гнѣвъ вашему превосходительству. Приходилъ ко мнѣ однимъ утромъ племянникъ мой Эврардъ.... да помнится еще, былъ съ нимъ его служитель, по имени Видрекъ.

— Не былъ ли также у тебя молодой кавалеръ, называвшійся Лунсомъ Гарнеджи? спросилъ Кромвель.

— Нѣтъ, такого не помню, хоть убейте, отвѣчалъ сэръ Генри.

— Или Кериги, какъ-то такъ, продолжалъ генераль; о точности имени спорить не буду.

— Точно, сказалъ сэръ Генри, гостилъ у меня молодой Шотландецъ, по имени Лунсъ Кернеги; онъ уѣхалъ нынче утромъ въ дорсетское графство.

— Нынче утромъ! вскричалъ Кромвель, топнувъ ногою. Судьба будто нарочно идетъ намъ наперекоръ, въ то самое время, какъ она повидимому благопріятствуетъ намъ!... Въ которую сторону онъ поѣхалъ, старикъ?... На какой лошади?... кто поѣхалъ съ нимъ?

— Съ нимъ поѣхалъ мой сынъ, отвѣчалъ сэръ Генри: онъ же привезъ его сюда, какъ сына какого-то шотландскаго лорда... Сдѣлайте милость, сэръ, кончайте допросъ; потому что, не смотря на почтеніе, которое я долженъ вамъ оказывать, по словамъ Виліюшки Шекспира: «Уважай ради мѣста, и даже чорту иной разъ поклонись, ради его огненнаго престола»; однакоже мнѣ скоро не станеть уже терпѣнія.

Кромвель шепнулъ нѣсколько словъ капралу, который въ свою очередь отдалъ приказаніе двумъ солдатамъ, и они вышли изъ комнаты.

— Отведи старика въ сторону, я распрошу его служанку, сказалъ генераль. Знаешь ты, продолжалъ онъ, обращаюсь къ Фиби, нѣкоего Лунса Кернеги, выдающаго себя за шотландскаго пажу, который пріѣхалъ сюда за нѣсколько дней назадъ?

— Какъ не знать, сэръ! отвѣчала Фиби: я его не скоро забуду; да и никакая смазливенькая дѣвушка, я думаю, не забудетъ его, если хоть разъ попадалась ему навстрѣчу.

— Ага! сказалъ Кромвель: отъ нея мы, кажется, скорѣе добьемся правды.... Когда онъ уѣхалъ отсюда.

— Ей Богу, я ничего не знаю о томъ, когда и куда онъ ходилъ; я рада была, когда не попадалась ему на глаза. Но если онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ, то онъ всё-таки былъ здѣсь часа два назадъ; я сама видѣла его, онъ встрѣтился мнѣ внизу въ корридорѣ, что ведетъ изъ залы въ кухню.

— Почему же ты узнала, что это былъ точно онъ? спросилъ Кромвель.

— По довольно грубой примѣтѣ, сказала Фиби: но, сэръ, вы спрашиваете о такихъ вещахъ.... продолжала она, потупивъ глаза.

Тутъ капраль Гемгоджонъ вмѣшался въ разговоръ, принявъ на себя роль совѣтника.

— По истинѣ, сказалъ овъ, если въ томъ, что эта женщина должна показать, есть что либо непристойное, я прошу ваше превосходительство позволить мнѣ удалиться; я не желаю, чтобы мое ночное бдѣніе было нарушено такого рода разсказами.

— Нѣтъ, ваша милость, сказала Фиби, я презираю слова этого старика, и его сужденія о пристойности и непристойности. Министръ Луисъ только похитилъ у меня поцѣлуй; вотъ вся правда, я не таю ея.

Гемгоджонъ тяжело вздохнулъ, между-тѣмъ какъ его превосходительство съ трудомъ удерживался отъ смѣху.

— Твоя примѣта совершенно удовлетворительна, Фиби, сказалъ овъ: и если ты не лжешь, а мнѣ кажется, что тебѣ можно вѣрить, ты получишь заслуженную награду.... А, вотъ идетъ нашъ посланный съ конюшенъ.

— Нѣтъ ни какихъ признаковъ, сказалъ солдатъ, чтобы на конюшняхъ стояли лошади, за цѣлый мѣсяцъ; ни соломы въ стойлахъ, ни сѣна въ ясляхъ; лари пусты, а колоды затянуло паутиною.

— Было время, сэръ, подхватилъ сэръ Геври, когда у меня на конюшняхъ бывало до двадцати добрыхъ коней, и не мало было при нихъ конюховъ и служителей.

— Не въ томъ дѣло, перебилъ Кромвель; а въ томъ, что те-перешнее состояніе ихъ не подтверждаетъ твоей сказки, будто тамъ стояли нынче лошади, на которыхъ этотъ Кернеги ускакалъ съ твоимъ сыномъ отъ правосудія.

— Я не говорилъ, что лошади стояли тамъ, возразилъ сэръ Геври: у меня могутъ быть лошади и конюшни и въ другихъ мѣстахъ.

— Стыдись, старикъ, стыдись, сказалъ Кромвель: съдой ли борода, повторяю тебѣ, давать ложныя показанія?

— По совѣсти, сэръ, возразилъ сэръ Геври, ложь нынче въ почетъ, и не удивительно, что тѣ, которые ею живутъ, такъ строго преслѣдуютъ не получившихъ на нее привилегіи. Но такіе ужъ нынче времена, и такіе люди управляютъ ими, что принуждаютъ стариковъ лгать.

— Ты подшучиваешь, пріятель, и довольно дерзко и зло, сказалъ Кромвель: но повѣрь мнѣ, мы съ тобою разсчитаемся, прежде чѣмъ я уйду. Куда ведетъ эта дверь?

— Въ спальни, отвѣчалъ старикъ.

— Въ спальни, только въ спальни? сказалъ Кромвель, голо-сомъ, который ясно показывалъ, что внутренняя борьба, развле-

кавшая его мысли, не позволила ему совершенно ясно понять отвѣтъ.

— Чтò же вы тутъ находите такого страннаго, сэръ? возразилъ сэръ Генри. Я сказалъ, что эта дверь ведетъ въ спальню; въ мѣста, гдѣ праведные люди почиваютъ, а злодѣевъ терзаетъ безсонница.

— Тебѣ хочется сдѣлать расчетъ свой со мною подлиннѣе, сэръ Генри, сказалъ Кромвель: но мы за все рассчитаемся заодно.

Во все продолженіе этой сцены, Кромвель, несмотря на борьбу, происходившую въ его душѣ, соблюдалъ удивительную воздержанность въ словахъ и въ обращеніи, какъ-будто все это касалось до него не болѣе какъ до военнаго савойщика, исполняющаго порученіе, возложенное на него начальствомъ. Но это наружное спокойствіе было только зеркальною поверхностью потока передъ паденіемъ. Рѣшеніе его было тѣмъ суровѣе и непоколебимѣе, что онъ не давалъ ему высказаться ни въ одномъ гнѣвномъ словѣ. Онъ сѣлъ въ кресла съ видомъ, въ которомъ не замѣтно было ни малѣйшаго колебанія, а только твердое намѣреніе ждать, чтобы ходъ обстоятельствъ указалъ ему образъ дѣйствія. Сэръ Генри, рѣшившись ни въ чемъ не отступать отъ правъ своего званія и сана, также сѣлъ, и надѣвъ шляпу, лежавшую подлѣ него на столѣ, смотрѣлъ на генерала съ спокойнымъ, безбоязненнымъ равнодушіемъ. Солдаты стояли вокругъ, одни съ факелами, разливавшими по комнатѣ тусклый и печальный свѣтъ, другіе опершись на оружіе. Фибі, сложивъ руки, и поднявъ глаза вверхъ, такъ, что почти не видать было зрачковъ, безъ капли крови въ щекахъ, стояла неподвижно, будто въ ожиданіи смертнаго приговору и немедленнаго его исполненія.

Наконецъ раздались тяжелые шаги, и Персонъ возвратился съ нѣсколькими солдатами. Кромвель, казалось, только того и ждалъ. Онъ вскочилъ, и спросилъ торопливо.

— Чтò новаго, Персонъ? много плѣнныхъ? много убито сопротивлявшихся бунтовщиковъ?

— Ни одного, ваше превосходительство, отвѣчалъ Персонъ.

— А вездѣ ли разставлены часовые, какъ назначено въ запискѣ Томкинса, и даны ли имъ надлежащія приказанія?

— Все исполнено со всевозможною точностью, отвѣчалъ Персонъ.

— Увѣренъ ли ты? сказалъ Кромвель, отведя его въ сторону.

Вспомни, что когда мы вступимъ въ потаенные покои, все будетъ потеряно, если тѣ, кого мы ищемъ, успѣютъ обойти насъ, и пробраться въ открытые покои, а оттуда пожалуй и въ лѣсъ.

— Генераль, отвѣчалъ Персонъ, если достаточно разставить часовыхъ, по указаннымъ въ запискѣ мѣстамъ, съ строгимъ приказаніемъ задерживать, а въ случаѣ сопротивленія бить или стрѣлять каждаго, кто захочетъ пройти мимо поста, то все это исполнено; и приказанія отданы надежнымъ людямъ, которые ихъ исполнять не дрогнувъ. Если же нужны еще какія мѣры, то извольте приказывать.

— Нѣтъ, нѣтъ, Персонъ, сказалъ Кромвель, больше не нужно. Завтра, если эта ночь пройдетъ такъ какъ мы надѣемся, ты не останешься безъ награды.... А теперь за дѣло.... Сэръ Генри Ли, откройте тайную пружину этого портрета вашего прадѣда.... Не утруждайте и не срамите себя ложью и увертками, а откройте немедленно пружину....

— Когда я признаю васъ своимъ господиномъ, и надѣну вамъ ливрею, тогда буду повиноваться вашимъ приказаніямъ, отвѣчалъ сэръ Генри; но и тогда бы мнѣ надо сначала понимать, чего вы требуете.

— Ты, сказалъ Кромвель, обращаясь къ Фиби, открой пружину.... умѣла же ты открывать ее, когда участвовала въ проказахъ вудетокскихъ чертей, и пугала даже самого Меркема Эврарда, отъ котораго я не ожидалъ подобной глупости.

— Господи, что мнѣ дѣлать, сэръ, воскликнула Фиби, глядя на Генри: они все знаютъ; что мнѣ дѣлать?

— Ради собственной жизни, крѣпись до конца! Каждая минута дороже милліона.

— Слышалъ, Персонъ? сказалъ Кромвель своему адъютанту: потомъ, топнувъ ногою, продолжалъ: открой пружину, вето я велю приняться за ломы и клещи.... Или.... да! еще петарду, и дѣло съ концомъ.... Позвать инженера!

— О, Господи! сэръ, возопла Фиби, я не переживу другой петарды.... я открою пружину.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ сэръ Генри; не много пользы будетъ вмѣ отъ того.

Стъ дѣйствительнаго ли волненія, или отъ желанія выиграть время, Фиби нѣсколько мпнутъ билась надъ пружиною. Она была въ самомъ дѣлѣ очень искусно скрыта въ рамкѣ портрета; не только картина казалась неподвижною, когда она была закрыта, но даже, кто зналъ, что она сдвигалась, какъ мы видѣли при

осмотрѣ полковника Эварда, не могъ отыскать ни какихъ вѣшнихъ слѣдовъ.

Наконецъ картина сдвинулась, и открыла узкій проходъ, и съ одной сторбны ступени, изсѣченныя въ толстой стѣнѣ. Кромель былъ точно борзая собака, спущенная со своры, и идущая передъ собою добычу.

— Наверхъ, закричалъ онъ; Персонъ, ты попроворише меня... А за нимъ ты, капрагъ.... Факельщики, впередъ!

Съ быстротою, которой трудно было ожидать отъ его дороднаго сложенія, и преклонныхъ лѣтъ, пустился онъ вслѣдъ за отрядомъ, какъ опытный охотникъ, за сворою собакъ, ободряя и руководствуя ихъ, въ лабиринтъ, описанный докторомъ Рочклифомъ, въ его «Вудстокскихъ чудесахъ.»

XIX.

Поэтому король, для защиты отъ гибкой королевы, построилъ въ Вудстокѣ теремъ, какого до-тѣхъ-поръ не видало. Чудно былъ построенъ этотъ теремъ, изъ камня и крѣпкаго лѣсу; полтораста было въ немъ дверей; и онѣ были устроены такъ хитро, такими изворотами, что нельзя было войти въ теремъ или выходить изъ него безъ мотка нитокъ.

Баллада о прекрасной Розамундѣ

Нетолько мѣстное преданіе, но и нѣкоторыя историческія свидѣтельства подтверждали общее мнѣніе о существованіи, внутри старой королевской вудстокской Ложы, лабиринта, то есть собранія связныхъ между собою подземныхъ ходовъ, построенныхъ по большей части королемъ Генрихомъ-Вторымъ, для защиты его любовницы Розамунды Клиффордъ отъ ревности его супруги, славной королевы Элеоноры. Правда, докторъ Рочклифъ, подъ вліяніемъ духа противорѣчія, находящаго по временамъ на антикваріевъ, дерзнулъ отвергать назначеніе, которое преданіе приписывало безчисленному множеству потаенныхъ покоевъ и запутанныхъ проходовъ, скрытыхъ въ толстыхъ стѣнахъ стараго дворца; но не подлежитъ сомнѣнію, что строитель, вѣроятно Нормандецъ, соединилъ тутъ все хитрости этого рода, видѣнныя имъ въ дру-

тихъ мѣстахъ. Тутъ были и лѣстницы, восходившія за тѣмъ только, чтобы опять сходить на нѣсколько сажень; и корридоры, которые послѣ многихъ изворотовъ возвращались къ тому самому мѣсту, откуда начинались; провалы и люки, потаенныя двери и подвижныя рамы въ стѣнахъ. У Кромвеля былъ планъ замка, святый и доставленный ему Томкинсомъ, который, бывъ въ услуженіи у доктора Рочклифа, успѣлъ познакомиться съ мѣстностью; но планъ этотъ оказался не точнымъ и недостаточнымъ. Сверхъ того, другое важное препятствіе представляли ему въ поискахъ, тяжелыя двери на пружинахъ, подвижныя стѣны и желѣзные ворота, изъ которыхъ многіе нужно было разбивать ломомъ и топорами. Медленно подвигался отрядъ по темнымъ проходкамъ, задыхаясь отъ пыли, которую поднимали, разваливая стѣны, и не разъ принужденъ былъ останавливаться для отдыха; толстый капралъ шихтѣль и кряхтѣль какъ китъ, застрявшій въ шхерахъ. Одинъ Кромвель не унывалъ; ободрялъ солдатъ, уговаривалъ ихъ продолжать поиски и неусыпно наблюдать за удержаніемъ занятыхъ уже мѣстъ. Его ястребиный глазъ проивкалъ во все углы; открывалъ, съ презрительною улыбкою, веревки, посредствомъ которыхъ была опрокинута кровать Дизбро, потаенные выходы и остатки нарядовъ служившіе для того, чтобы одурачить Дизбро, Блетсона и Гаррисона. Онъ указывалъ ихъ Персону, восклицая вмѣсто всякаго разсужденія: глупцы!

Но товарищи его начинали упивать и, вѣроятно, отказались бы отъ дальнѣйшихъ поисковъ, если бы онъ не употреблялъ всѣхъ средствъ своего ума, чтобы поддержать ихъ мужество. По временамъ обращалъ ихъ вниманіе на голоса, раздававшіеся будто бы впереди, и служившіе, говорилъ онъ, доказательствомъ что они приближались къ слѣду какого нибудь врага государства, укрупившагося въ этихъ почти недоступныхъ убѣжищахъ для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ.

Наконецъ и эти увѣщанія стали безсильны для поддержанія ихъ бодрости. Они стали перешептываться между собою о вудстокскихъ чертяхъ, которые можетъ быть заводили ихъ въ комнату, гдѣ по словамъ преданія, полъ вдругъ перевертывался и сбрасывалъ неосторожныхъ посѣтителей въ бездонную пропасть. Гемгоджонъ замѣтилъ даже, что онъ утромъ вопрошалъ священныя писанія, и попалъ на стихъ «Эвтихій упалъ съ третьяго....» Однако же твердость Кромвеля, съ помощью розданной имъ пищи и водки восторжествовала надъ ропотомъ и они продолжали поиски.

Несмотря на всѣ усилія, уже занималась заря, когда они достигли кабинета доктора Рочклифа, въ который самъ докторъ ходилъ другимъ, гораздо кратчайшимъ путемъ. Тутъ они опять остановились въ недоумѣнн; по разнымъ предметамъ продовольствія и житейскимъ удобствамъ, которымъ былъ уставленъ этотъ покой, можно было полагать, что тутъ была цитадель лабиринта; но хотя къ нему примыкало много проходовъ, они или приводили къ мѣстамъ, черезъ которые они уже проходили, или къ другимъ частямъ замка, гдѣ были разстановлены ихъ часовые-увѣрявшіе, что никто не проходилъ. Самъ Кромвель былъ въ недоумѣнн, однако жъ онъ приказалъ Персону собрать шифровачныя и другія важныя бумаги, лежавшія на столѣ. — Хотя тутъ не много найдется, сказалъ онъ, чего бы я не зналъ уже отъ Томкинса... отъ честнаго Джоя... Такихъ пропырливыхъ, ловкихъ лазутчиковъ немного уже найдется въ Англіи.

Послѣ продолжительнаго размышленія, испытавъ рукоятку меча каждый камень и каждую половину въ комнатѣ, генералъ приказалъ привести сэра Геври и доктора Рочклифа, въ надеждѣ добиться отъ нихъ какого-нибудь объясненія относительно тайнъ этого покоя.

— Если угодно вашему превосходительству, я допрошу ихъ по-своему, сказалъ Персонъ, который долго промышлялъ охотою за буйволами въ Вестъ-Индіи: какъ обяжу имъ голову бичевою и закручу пистолетнымъ дуломъ, такъ выжму или правду съ языка, или глаза изъ головы.

— Молчи, Персонъ, отвѣчалъ Кромвель съ негодованіемъ: мы должны стыдиться такихъ жестокостей, какъ Англичане и христіяне. Можно убивать злодѣевъ, какъ можно раздавить ядовитую гадюку, по терзать ихъ — смертный грѣхъ; въ Писаніи сказано: « Онъ вселилъ жалость въ сердца полюбившихъ ихъ. » Не хочу ихъ даже допрашивать; надѣюсь, что Богъ пошлетъ намъ мудрость, угадать ихъ самые тайные замыслы безъ ихъ помощи.

Кромвель опять задумался; вдругъ счастливая мысль мелькнула въ его умѣ.

— Подайте сюда эту скамью, сказалъ онъ, и поставивъ ее подъ однимъ изъ оконъ, которые были вырублены такъ высоко, что съ полу нельзя было достать, онъ забрался въ амбразуру окна; стѣна, въ которой оно было пробито, имѣло отъ шести до семи футовъ въ толщину. Взойди сюда, Персонъ, сказалъ онъ, во сначала удвой караулъ подъ тою баш-

жею, что называется Лѣстницею Любви, и вели принести петарду. Теперь взойди сюда.

Персонъ былъ храбръ на полѣ сраженія, но не могъ безъ головокруженія смотрѣть внизъ съ значительной высоты. Увидѣвъ подъ своими ногами пропасть, на краю которой Кромвель стоялъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, онъ отступилъ назадъ; но Кромвель схватилъ его за руку и притянулъ къ себѣ.

— Миѣ кажется, сказалъ онъ, что я нашелъ ключъ, но миѣ не легко воспользоваться. Смотри, мы стоимъ въ порталѣ у самой вершины Розамундовой Башни: а эта башенка, что напротивъ въ ногахъ нашихъ — это Лѣстница Любви; съ нея, вѣроятно, перекинуть былъ подъемный мостъ, по которому развратный Нормандецъ ходилъ въ теремъ своей прелестницы.

— Такъ, милордъ, сказалъ Персонъ: по моста вѣтъ.

— Его нѣтъ, Персонъ, возразилъ Кромвель, но съ нѣкоторою ловкостью можно перескочить съ этого окна на площадку башенки.

— Сомнѣваюсь, милордъ, сказалъ Персонъ.

— Какъ! возразилъ Кромвель, даже когда за человѣкомъ гонится грозный метатель, съ кровавымъ мечемъ!

— Когда угрожаетъ неминуемая смерть, можно сдѣлать многое, отвѣчалъ Персонъ: но когда я посмотрю съ обѣихъ сторонъ на эти высоты, на пропасть, зіяющую между нами и башенкою, до которой будетъ добрыхъ двѣнадцать футовъ, признаюсь, что я развѣ только въ крайней опасности рѣшился бы на такое дѣло.... При одной мысли у меня уже кружится голова!.... Меня беретъ страхъ, когда я вижу какъ ваше величество стоите надъ этою бездною, будто примѣряете свои силы, чтобы совершить гибельный скачекъ.... Увѣряю васъ, я для спасенія своей жизни не рѣшился бы стоять такъ близко къ краю, какъ ваше величество.

— Подлая, робкая душа! сказалъ Кромвель: душа, рожденная изъ илу и грязи; неужели ты не сдѣлалъ бы этого и еще болѣе, изъ-за царства? то есть, продолжалъ онъ измѣнивъ тонъ, будто замѣтилъ, что высказалъ слишкомъ много, не сдѣлалъ бы для того, чтобы ставъ великъ во Израилѣ, выкупить Иерусалимъ изъ плѣну вавилонскаго и, можетъ-быть, совершить великое дѣло во благо скорбящаго народа нашей земли.

— Ваше величество можетъ-быть чувствуете въ себѣ такое призваніе, отвѣчалъ Персонъ: но оно не по силамъ бѣдному Джильберту Персону, вашему вѣрному слугѣ. Вы изволили шутить надо мною вчера, когда я пытался говорить вашимъ язы-

комъ; я такъ же не способенъ совершать ваши помыслы, какъ и говорить вашимъ языкомъ.

— Послушай, Персонъ, сказалъ Кромвель, ты три раза.... нѣтъ, четыре раза величалъ меня величествомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, милордъ? я не замѣтилъ, простите меня, отвѣчалъ Персонъ.

— Обиды тутъ нѣтъ, сказалъ Кромвель. Я въ самомъ дѣлѣ стою высоко, и можетъ-быть стану еще выше.... хотя, можетъ-быть, для простаго человека какъ я, лучше бы возвратиться къ сохѣ и заняться по-прежнему земледѣліемъ. Впрочемъ, я не буду противиться волѣ Всевышняго, если Ему угодно будетъ избрать меня на дальнѣйшую службу. нашему благому дѣлу. Ибо тотъ кто былъ нашему британскому Израилю щитомъ помощи, и мечемъ побѣды, и открылъ неправды его враговъ, не выдастъ на-сты безумнымъ вестминстерскимъ пастырямъ, которые стригутъ овецъ, а не пасутъ ихъ, — которые во всѣхъ дѣлахъ своихъ являютя наемниками, а не истинными пастырями.

— Я надѣюсь дожить до того дня, когда ваше величество свергнете ихъ всѣхъ съ лѣстницы, отвѣчалъ Персонъ. Но позвольте спросить, къ чему намъ вести теперь такія рѣчи, пока мы не овладѣли еще общимъ врагомъ?

— Правда, не надо терять времени, сказалъ Кромвель: поставь сильный караулъ къ выходу Лѣстницы Любви вниз; я почти увѣренъ, что врагъ, котораго мы всю ночь тѣснили изъ одного укрѣпленія въ другое, перескочилъ наконецъ на площадку башенки съ того самаго окна, на которыхъ мы теперь стоимъ. Когда выходъ внизъ будетъ загражденъ, онъ попадетъ въ своемъ убѣжищѣ какъ въ мышеловкѣ, изъ которой уже нѣтъ спасенія.

— Здѣсь въ кабинетѣ стоитъ боченокъ пороху, сказалъ Персонъ: не лучше ли, если онъ не сдастся добровольно, подкопать башню и взорвать ее вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ?

— Глушецъ, отвѣчалъ Кромвель, ударивъ его дружески по плечу: если бы ты это сдѣлалъ не сказавъ мнѣ ни слова, было бы за что оказать спасибо. Мы сначала окликнемъ его, а потомъ подумаемъ не прибѣгнуть ли намъ къ петардѣ.... безъ подкопа всѣ-таки не обойдется.... Трубите окликъ, вниз.

Трубачи затрубили, и оглушительное эхо пробѣжало по всѣмъ изворотамъ и сводамъ стараго замка. Кромвель, будто не желая видѣть того, кто долженъ былъ явиться на вызовъ, отошелъ,

какъ некромантъ, несмѣющій взглянуть на вызванное имъ видѣніе.

— Вышелъ на площадку, сказалъ Персонъ Кромвелю.

— Въ чемъ онъ одѣтъ? спросилъ полководецъ изъ комнаты.

— Въ сѣромъ верховомъ платьѣ, съ серебряными галунами, въ.... сапогахъ.

— Онъ, онъ! вскричалъ Кромвель; благодареніе небу за новую милость!

Между-тѣмъ Персонъ и Альбертъ переговаривались съ своихъ постовъ.

— Сдавайся, сказалъ первый, или мы взорвемъ тебя съ твоею крѣпостью на воздухъ.

— Я слишкомъ высокой крови, чтобы сдаваться бунтовщикамъ, отвѣчалъ Альбертъ, принимая величественный видъ, съ какимъ говорилъ бы въ такомъ положеніи король.

— Будьте всѣ свидѣтелями, вскричалъ Кромвель въ восторгѣ, онъ отказался отъ помилованія. Во истину, да обратится кровь его на собственную его голову.... Эй, снесите внизъ бочку пороку. Такъ какъ онъ любитъ возноситься высоко, то мы прибавимъ еще сколько найдется въ солдатскихъ патронахъ.... Пойдемъ, Персонъ, ты понимаешь это дѣло.... Капралъ, встань на платформу окна, гдѣ мы сейчасъ стояли съ Персономъ и приставъ свое.... въ каждого, кто захочетъ пройти. Ты силенъ какъ быкъ; и я поручусь, что ты неспособенъ даже къ отчаянію.

— Но, возразилъ капралъ, взлѣзая съ явною неохотою, этотъ постъ вершина храма, а въ писаніи сказано, что Эвтихій упалъ съ третьяго.... и поднять мертвымъ.

— Потому что уснулъ на часахъ, сказалъ Кромвель. Берегись отъ безпечности въ исполненіи своихъ обязанностей, и нога твоя не оборвется.... Вы четверо оставайтесь здѣсь для подкрѣпленія капрала въ случаѣ нужды; и какъ скоро трубы затрубятъ отбой, идите въ проходъ, что подъ сводами. Онъ крѣпокъ, какъ казематъ, и вы будете въ безопасности отъ мины. Ты, Зоровавель Робинсъ, примешь надъ ними начальство.

Робинсъ поклонился, и Кромвель вышелъ къ тѣмъ, которые были на дворѣ.

Едва онъ дошелъ до двери залы, раздался взрывъ петарды. Взрывъ былъ удаченъ, потому что солдаты, махая мечами и пистолетами, бросились во взорванные ворота башенки. Трепетъ удовольствія, впрочемъ не безъ примѣся ужаса, пробѣжалъ по жиламъ честолюбиваго война.

— Конечно, конечно! говорилъ онъ: они рассчитываются съ нимъ.

Но ожиданіе его было обмануто. Персонъ возвратился съ своимъ отрядомъ въ уныніи, и донесъ, что былъ остановленъ на узкой лѣстницѣ люкомъ, закрытымъ крѣпкою желѣзною рѣшеткою; и какъ они могли замѣтить, футахъ въ десяти надъ нею, ожидала ихъ такая же преграда. Одолѣніе ея силою, когда надъ ними на ступеняхъ лѣстницы стоялъ вооруженный человѣкъ, доведенный до отчаянія, стоило бы множество народу.

— А мы, подхватилъ Кромвель, должны щадить жизнь своихъ подчиненныхъ. Что ты посоветуешь, Персонъ.

— Надо прибѣгнуть къ пороху, милордъ, отвѣчалъ Персонъ, видя, что начальникъ его слишкомъ скромнень, чтобы присвоить себѣ всю заслугу этой мѣры. Подъ лѣстницею не трудно будетъ устроить хорошую камеру. У насъ же къ счастью есть еще сиссонъ....

— Хорошо, сказалъ Кромвель; я знаю, что ты на это дѣло мастеръ.... Я же, Джильбертъ, обойду посты, и прикажу часовымъ отходить на безопасное разстояніе, какъ скоро затрубятъ къ отбою. Дай имъ на это пять минутъ.

— Трехъ будетъ съ этихъ подлецовъ, сказалъ Персонъ. Хромой развѣ не успѣетъ отойти въ три минуты; я для себя прошу только одной, хотя долженъ зажечь кишку.

— Помни, продолжалъ Кромвель, если бѣднякъ будетъ просить пощады, выслушать его! онъ можетъ-быть раскается въ своемъ жестокосердіи, и взмолится о милосердіи.

— Пожалуй пошадимъ его, отвѣчалъ Персонъ, если только онъ будетъ довольно громко кричать, чтобы намъ услышать его; проклятая петарда оглушила меня хуже чортовой бабки!

— Молчи, Джильбертъ! сказалъ Кромвель: каждое твое слово оскорбленіе небу.

— Чортъ возьми, сэръ, долженъ же я говорить или вашимъ языкомъ или своимъ, сказалъ Персонъ: или мнѣ быть и глухимъ и вѣчнымъ? Идите, милордъ, осмотрѣть посты; сейчасъ услышите, какъ я на шумлю на свѣтѣ.

Кромвель улыбнулся веселости своего любимца, ударилъ его по плечу, назвалъ его сумасшедшимъ, отошелъ на вѣсколько шаговъ и возвратился, чтобы шепнуть ему: — Смотри же, скорѣе! Потомъ опять пошелъ къ часовымъ, стоявшимъ снаружи. Дорогою онъ вѣсколько разъ оборачивался назадъ, чтобы удостовѣриться, что капралъ стоялъ на вѣрномъ ему постѣ, и дер-

жалъ ружье надъ бездною отдѣлявшею башню Розамунды отъ противоположной вышки. Увидѣвъ его, генераль пробормоталъ сквозь зубы: — этотъ молодецъ здоровъ и безстрашенъ какъ медвѣдь; а на этомъ постѣ одинъ удерживъ цѣлую сотню. — Онъ еще разъ взглянулъ на эту исполинскую фигуру, стоявшую на такой высотѣ будто готическая статуя, установивъ конецъ своего карабина на площадку противоположной башенки, а прикладъ уперевъ въ правую ногу, между тѣмъ какъ лучи восходящаго солнца играли на его стальномъ шпакѣ и вороненыхъ латахъ.

Кромвель пошелъ сдѣлать необходимыя распоряженія, чтобы часовые, которые могли подвергаться опасности отъ взрыву мины, отошли къ назначенному мѣсту, при первомъ звукѣ трубы. Никогда во всю свою жизнь не являлъ онъ такого спокойствія и присутствія духа. Онъ былъ ласковъ, даже шутилъ съ солдатами, которые обожали его; онъ былъ какъ вулканъ передъ изверженіемъ — спокоенъ и холоденъ снаружи, между тѣмъ какъ въ груди его кипѣли самыя противоположныя страсти.

Капраль Гемгоджонъ стоялъ твердо на своемъ опасномъ постѣ; но хотя онъ въ неустрашимости не уступалъ никому въ страшномъ полку Желѣзныхъ, и хотя въ немъ была не малая доля того восторженнаго фанатизма, который такъ изощрялъ врожденное мужество суровыхъ раскольниковъ, однакоже и ему это положеніе показалось не совсемъ пріятнымъ. На разстояніи одной пика отъ него стояла башня, которая черезъ нѣсколько минутъ должна была разлетѣться обломками по воздуху; и онъ плохо надѣялся на достаточность времени, даннаго ему на то, чтобы укрыться отъ этого опаснаго сосѣдства. Этотъ девольный страхъ отвлекалъ его отъ точнаго исполненія своей обязанности; глаза его невольно клонились отъ времени до времени внизъ, туда гдѣ приготовлялась мина, вмѣсто того, чтобы приковываться къ противоположной башнѣ.

Наконецъ участіе его въ происходившемъ внизу возрасло до высшей степени. Впродолженіе минутъ двадцати Персонъ безпрестанно входилъ въ башню, и снова выходилъ изъ нея; и теперь по видимому вышелъ въ послѣдній разъ, неся и развертывавшая сосиску, то есть холстяной мѣшокъ набитый порохомъ, который долженъ былъ служить проводникомъ огня между взрываемою миною и мѣстомъ гдѣ стоялъ инженеръ, зажигавшій ее. Въ это время капраль на башнѣ не могъ свести глазъ съ приготовленій къ взрыву. Но между тѣмъ какъ все его вниманіе было обращено на адъютанта, готовившаго пистолеть, чтобы за-

жечь книжку, и на трубача, державшаго уже трубу въ рукѣ и ожидавшаго только приказанія, чтобы трубить отбой, судьба обрушилась на несчастнаго часоваго самымъ неожиданнымъ путемъ.

Альбертъ все время наблюдалъ изъ бойницъ всѣ дѣйствія осаждающихъ. Полагаясь на свою молодость, ловкость и присутствіе духа, онъ рѣшился сдѣлать отчаянное усиліе чтобы снагнись отъ неминуемой гибели. Между-тѣмъ какъ часовой стоявшій на противоположной платформѣ, наклонившись впередъ, смотрѣлъ внизъ, онъ смѣло перескочилъ черезъ пропасть, не смотря на то, что на площадкѣ двоимъ едва можно было стоять, столкнулъ капрала съ его гибельнаго поста, и самъ соскочилъ въ кабинетъ доктора. Грузный солдатъ пролетѣлъ прямо около двадцати футовъ, ударился о выдавшуюся стѣну, которая оттолкнула его далѣе, и упалъ головою внизъ съ такою силою, что голова ушла на шесть дюймовъ въ землю и раздробилась какъ личная скорлупа. Не зная случившагося, но улыбаясь паденію какого то тяжелаго тѣла, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, Персонъ спустилъ курокъ пистолета, не давъ предварительнаго извѣщенія; порохъ вспыхнулъ, огонь пробѣжалъ по сосискѣ, и раздался оглушительный взрывъ. Если бы мина была туго набита порохомъ, многимъ изъ часовыхъ не миновать бы смерти, но мина только что могла взорвать въ бокъ часть стѣны, надъ самымъ основаніемъ; этого впрочемъ достаточно было для того, чтобы разрушить равновѣсіе всего зданія; оно зашаталось среди густаго столба дыму, обхватившаго всю башню, и медленно восходившаго къ его вершинѣ; потомъ стало клониться на бокъ, сначала медленно, потомъ скорѣе, и вдругъ рухнулось на основаніе, раскидавъ по землѣ огромныя глыбы камню и глины, свидѣтельствовавшіе о прочности ея постройки. Самъ Персонъ зажегши сосиску, побѣжалъ въ такомъ страхѣ, что едва не набѣжалъ на генерала, шедшаго къ нему, въ то самое мгновеніе, какъ огромный камень свалился съ самой вершины зданія и упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Ты слишкомъ поторопился, Персонъ, сказалъ Кромвель, съ удивительнымъ спокойствіемъ: не упалъ ли кто съ этой силой-ской башни?

— Кто-то свалился, отвѣчалъ Персонъ, еще не оправявшійся отъ испугу; вотъ лежитъ его тѣло въ развалинахъ.

Кромвель быстрымъ рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ трупу, и вскричалъ:

— Персонъ, ты погубилъ меня; молодой человекъ убѣжалъ.... Это нашъ же часовой.... провалиться бы ему давно, старому дураку!.... Пускай себѣ гниетъ подъ развалинами, которыя раздавили его!

Въ эту минуту раздался крикъ на площадкѣ Башни Розамунды, которая казалась еще выше, съ тѣхъ поръ какъ исчезла ея со перница:

— Плѣнный, генералъ! плѣнный! попался звѣрь, за которымъ мы гнались всю ночь.... Господь выдалъ его въ руки своихъ вѣрныхъ служителей....

— Не выпускайте его, закричалъ Кромвель, и ведите сейчасъ же внизъ въ ту комнату, куда примыкаютъ тайные ходы.

— Слушаемъ, ваше превосходительство.

Попытка Альберта Ли была неудачна. Какъ мы уже говорили, онъ сбросилъ съ площадки солдата, которому было поручено стеречь его, и въ случаѣ надобности даже стрѣлять, и соскочилъ въ комнату доктора Рочклифа. Но поставленные тамъ солдаты немедленно бросились на него, и, несмотря на отчаянное сопротивление, одолѣли; онъ упалъ, увлекая за собою двоихъ противниковъ. Въ это самое мгновеніе раздался будто слышимый ударъ грому, разразившагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, и башня задрожала и зашаталась, какъ гордая мачта корабля, готовая упасть за бортъ. За этимъ ударомъ послѣдовалъ сначала глухой грохотъ, потомъ сталъ усиливаться, будто водопадъ, который крутится, реветъ и низвергается съ высоты, оглушая небо и землю. Такъ ужасенъ былъ грохотъ рушившейся башни, что и плѣнный и его противники остановились, и нѣсколько времени оставались неподвижно въ объятіяхъ другъ у друга.

Альбертъ первый опомнился отъ пораженія, и возобновилъ борьбу. Онъ сбросилъ съ себя лежавшихъ на немъ ратниковъ, сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы встать на ноги, и почти успѣлъ въ томъ. Но онъ имѣлъ дѣло съ людьми привыкшими ко всякаго рода опасностямъ; они также скоро оправались, схватили его за руки и скрутили. Вѣрный своему долгу, онъ рѣшился до конца выдержать взятую на себя роль, и когда уже не было возможности бороться, вскричалъ: — Подлые бунтовщики! Такъ-то вы дерзаете убивать своего короля?

— А, слышали? взревѣлъ одинъ изъ ратниковъ, обращаясь къ своему временному начальнику. Не сразить ли этого сына не-

честиваго отца подъ пятое ребро, какъ Эхудъ нѣкогда сразилъ моавитскаго тирана ножемъ въ локоть длинны?

Но Робинсъ отвѣчалъ: — Храни насъ Богъ, Стрикольтро, хладнокровно убивать того, кто сдѣлался плѣнникомъ нашего меча и лука. Довольно мы, кажется, пролили крови со дня тредагскаго штурма,.... если вамъ дорого спасеніе душъ, не дѣлайте ему зла; отнимите у него только оружіе, и ведите его къ избранному орудію, нашему генералу; пускай онъ рѣшитъ, что дѣлать съ плѣннымиъ.

Въ это время солдатъ, который въ первомъ восторгѣ поспѣшилъ съ башни возвѣстить счастливое событіе Кромвелю, сошелъ къ товарищамъ, и передалъ имъ приказаніе генерала, согласное съ совѣтомъ ихъ временнаго начальника. Альберта Ли, обезоруженнаго и связаннаго, повели въ комнату, получившую свое названіе отъ побѣдъ его прадеда, и представили самому генералу Кромвелю.

Сображая время, протекшее отъ отправленія Карла до той минуты, когда осада кончилась собственнымъ его плѣномъ, Альбертъ могъ основательно надѣяться, что его государь уже успѣлъ укрыться отъ преслѣдователей. Однакоже онъ рѣшился продолжать свой обманъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе спасти короля отъ погони. Несходства ихъ, онъ думалъ, нельзя было такъ скоро замѣтить, тѣмъ болѣе, что онъ былъ весь въ пыли и въ коноты, и обезображенъ запекшеюся кровью изъ царапинъ полученныхъ имъ въ дракѣ съ часовыми.

Въ этомъ видѣ, но стараясь придать себѣ благородство и величіе, свойственныя принятому имъ саму, Альбертъ былъ введенъ въ комнату Виктора Ли, гдѣ въ креслахъ отца его сидѣлъ торжествующій врагъ тѣхъ, для кого домъ Ли изъ рода въ родъ готовъ былъ отдать послѣднюю каплю крови.

XX.

Дорого купилъ ты пустой титулъ: зачѣмъ сказалъ ты мнѣ, что ты король?

Шекспиръ. «Генрихъ-Четвертый».

Какъ скоро два ветерана, Зоровавель Робинсъ и Милосердіе-Стрикольтро ввели своего плѣнника, держа его подъ руки, Оливеръ Кромвель всталъ съ кресель, и устремилъ на Альберта

свои суровые каріе глаза. Долго онъ не могъ дать воли различнымъ чувствамъ, возмущавшимъ его душу; восторгъ почти душилъ его.

— Не ты ли, сказалъ онъ наконецъ, тотъ Египтянинъ, что недавно еще возбудилъ возстаніе и вывелъ въ пустыню пѣсочкомъ тысячь человѣкъ..... все однихъ убійць?... Молодой Человѣкъ, я травилъ тебя изъ Стэрлинга въ Ворчестръ, изъ Ворчестра въ Вудстонъ, и вотъ наконецъ мы сошлись.

— Желалъ бы я, отвѣчалъ Альбертъ, сойтись съ тобою тамъ, гдѣ бы я могъ показать тебѣ различіе между законнымъ королемъ и честолюбивымъ хищникомъ!

— Не горячись, Молодой Человѣкъ, сказалъ Кромвель: смани лучше, различіе между судьбою, возставшимъ во искупленіе Англіи, и сыномъ королей, которыхъ Господь въ гнѣвѣ своемъ допустилъ царствовать надъ нею. Но мы не станемъ попусту тратить словъ. Богу извѣстно, что не наша воля подвигла насъ на эти великія дѣла; духъ нашъ смиренъ, какъ наше рожденіе; разумъ нашъ слѣдитъ въ погрѣшителейъ, и не способенъ былъ бы указать намъ путь и наставить въ дѣйствіяхъ, если бы не говорилъ въ насъ высшій разумъ, а тотъ разумъ не отъ насъ.... Но ты усталъ, Молодой Человѣкъ, тѣло твое требуетъ отдыха и пищи, привыкши, вѣроятно, къ нѣжному обращенію и угожденію.... потому что оно взрело на жирной пищѣ и сладкомъ питъѣ, въ багряницѣ и тонкомъ бѣльѣ....

Тутъ генералъ вдругъ остановился, и потомъ вскричалъ гнѣвно: — Это что?.... Кто это такой?.... Не такіе волосы у чернаго Карла Стюарта!.... Обманъ, обманъ!....

Альбертъ быстро взглянулъ въ зеркало, находившееся въ комнатѣ, и замѣтилъ, что черный парикъ, заимствованный имъ изъ собранія костюмовъ доктора Рочкинаа сдвинулся во время борьбы съ ратниками, и что изъ-подъ него вырывались собственные его свѣтлорусыя кудри.

— Кто это? вскричалъ Кромвель, топая въ ярости ногою: сорвите съ него парядь!

Солдаты повиновались, и въ то же время подвели своего плѣннаго къ свѣту. Продолжать обманъ уже было невозможно. Кромвель подошелъ къ Альберту скрежеща зубами, ломая руки, и дрожа отъ бѣшенства, и сказалъ ему глухимъ, яростнымъ голосомъ, какъ будто готовъ былъ пырнуть противника ножемъ.

— Твое имя, молодой человѣкъ?

— Альбертъ Ли изъ Дичли, вѣрный подданный короля Карла,

отвѣчалъ Альбертъ спокойно и твердо, съ выраженіемъ торжества и даже презрѣнія въ лицѣ.

— Я бы долженъ угадать, сказалъ Кромвель. Хорошо, такъ я же тебя отправлю къ королю Карду, не далѣе полудня.... Персонъ, продолжалъ онъ, отвести его къ другимъ; и какъ пробьетъ полдень, казнить ихъ!

— Всѣхъ, сэръ? спросилъ удивленный Персонъ; потому что Кромвель, хотя иногда и давалъ грозные примѣры, однако же вообще не любилъ проливать кровь.

— Всѣхъ, повторилъ Кромвель, устремивъ взоръ на молодого Ли. Такъ, продолжалъ онъ, твой поступокъ подвергаетъ смерти твоего отца, и брата, и посторонняго человѣка, жившаго въ твоемъ семействѣ. Вотъ какую гибель навлекъ ты на родительскій домъ.

— И отца.... даже старика отца! воскликнулъ Альбертъ поднявъ глаза къ небу, и стараясь поднять связанные руки.... Да будетъ воля Господня!

— Ты можешь еще отвратить все это кровопролитіе, сказалъ Кромвель: если отвѣтишь мнѣ на одинъ вопросъ. Гдѣ находится молодой Карлъ Стуартъ, называвшій себя королемъ шотландскимъ?

— Подъ защитою неба, и въѣ твоей власти, отвѣчалъ Альбертъ твердо и не задумываясь.

— Ведите его въ тюрьму! сказалъ Кромвель, а оттуда на казнь вмѣстѣ съ остальными измѣнниками, схваченными на дѣлѣ. Учредить надъ ними немедленно военный судъ.

— Одно слово, сказалъ молодой Ли, когда его повели изъ комнаты.

— Постойте, постойте! вскричалъ Кромвель, съ волненіемъ возобновившейся надежды: надо его выслушать!

— Вы любите изрѣченія изъ Священнаго Писанія, сказалъ Альбертъ: вотъ вамъ текетъ на будущую вашу проповѣдь: «Зналъ ли кокой Цимри, убійца своего господина?»

— Ведите! вскричалъ Кромвель: смерть ему.... рѣшено!

При этихъ словахъ Персонъ замѣтилъ, что смертная блѣдность вдругъ покрыла лицо генерала.

— Ваше превосходительство слишкомъ утомляете себя государственною службою, сказалъ Персонъ, не мѣшало бы вамъ вечеромъ поохотиться за оленями, чтобы отдохнуть. У старика Ли есть чудесная борзая собака, если только можно будетъ за-

стоять ее травить безъ хозяина; это пожалуй что будетъ не легко, потому что собака вѣрное животное, и....

— Повѣсить ее! сказалъ Кромвель.

— Какъ!.... когѣ?... такую прекрасную собаку? Ваше превосходительство всегда любили хорошихъ собакъ.

— Все равно, отвѣчалъ Кромвель; убить ее. Въ Священномъ Писаніи сказано, что въ долинѣ ахорской убили не только нечестиваго Ахана съ сыновьями и дочерьми, но и вѣловъ и ослезъ его, и овецъ его, и всякое живое существо, принадлежавшее ему.... Такъ мы поступимъ и съ вѣроломнымъ демономъ Лн, который содѣйствовалъ бѣгству Сизеры, когда Израиль хотѣ разойти на всегда освободиться отъ его гоненій.... Но разошли поскорѣе гонцовъ и патрули.... послать погоню во всѣ стороны.... вездѣ искать и стеречь его.... Чтобы черезъ пять минутъ была готова моя лошадь, или привести мнѣ первую, какая попадется.

Персону показалось, будто эти слова сказаны не совсемъ въ здоровомъ умѣ, и что по лбу генерала катился притомъ холодный потъ. По этому онъ опять заговорилъ о необходимости генералу немного отдохнуть, и сама природа, повидимому, подтверждала его увѣщанія. Кромвель всталъ, сдѣлалъ шагъ или два къ дверямъ; потомъ остановился въ изнеможеніи, и постоявъ немного, опять опустился въ кресло.

— Ты правъ, Персонъ, сказалъ онъ; наше изнуренное тѣло не позволяетъ намъ заняться даже самыми важными дѣлами; мнѣ теперь надо выспаться, а не бодрствовать, что со мною рѣдко бываетъ.... Разставь вездѣ часовыхъ, а мы пока отдохнемъ часъ или два. Разошли гонцовъ во всѣ стороны.... не щади лошадей. Разбули меня, если военному суду понадобятся мои приказанія, и не забудь, что приговоръ долженъ быть исполненъ во всей строгости надъ обоими Лн, и всѣми, кто былъ арестованъ съ ними.

Сказавъ это, Кромвель всталъ и пріотворилъ дверь одной изъ спаленъ. Персонъ остановилъ его, и спросилъ, такъ ли онъ полагалъ его превосходительство, и точно ли всѣхъ арестантовъ слѣдуетъ казнить?

— Развѣ я не говорилъ тебѣ — всѣхъ! сказалъ Кромвель съ досадою. Ты любишь кровь, и всегда былъ готовъ проливать ее; такъ не потому ли ты теперь и радъ корчить жалость, чтобы показать, что у тебя сердце мягче моего?... Говорю тебѣ, что если будетъ хоть на одну букву отступлено отъ приговора, ты собственной жизнью заплатишься за упущеніе.

Съ этими словами Кромвель ушелъ въ спальню, съ своимъ слугою, пришедшимъ къ тому времени по призыву Персона.

По выходѣ генерала, Персонъ долго стоялъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать. Не то чтобы строгость приговора возмущала его совѣсть; но онъ боялся навлечь на себя неудовольствіе начальства и промедленіемъ, и излишнею поспѣшностію, и точностію въ исполненіи его приказаній.

Между-тѣмъ Стрикольтро и Робинсъ отводя Альберта въ назначенное мѣсто, возвратились въ комнату, гдѣ Персонъ еще ломалъ голову надъ приказаніями генерала. Оба были проповѣдниками въ арміи, и старые солдаты, съ которыми Кромвель всегда обращался съ уваженіемъ и дружески; поэтому Робинсъ не колебался спросить капитана Персона, намѣренъ ли онъ исполнить приказанія генерала въ буквальной точности.

Персонъ покачалъ головою съ видомъ сомнѣнія, но сказалъ, что ему нельзя отступить.

— Будь увѣренъ, сказалъ Робинсъ, что если ты сдѣлаешь эту глупость, ты возлечешь Израиля въ грѣхъ, и генералъ будетъ недоволенъ твоею службою. Ты знаешь лучше всѣхъ, что хотя Оливеръ подобенъ мужествомъ и мудростію Давиду, сыну Джесову, однако же на него находятъ по временамъ злой духъ, какъ находилъ онъ на Саула, и тогда онъ даетъ приказанія, за исполненіе которыхъ никому не скажетъ спасибо.

Персонъ былъ слишкомъ тонкій политикъ, чтобы прямо согласиться съ мнѣніемъ, котораго не могъ однако же и отвергать; онъ только покачалъ опять головою и сказалъ, что легко такъ говорить тому, съ кого не потребуютъ отвѣту, и что обязанность солдата — точно исполнять приказанія, а не разбираться.

— Неоспоримая истина, сказалъ Милосердіе-Стрикольтро, старый суровый Шотландецъ: не понимаю, что это у нашего брата Зоровавеля вдругъ такъ развѣжилось сердце?

— Какая тутъ вѣжность! возразилъ Робинсъ: я прошу только, чтобы двумъ-тремъ такимъ же человѣкамъ, какъ мы, позволено было вѣсколько лишнихъ часовъ порадоваться на Божій свѣтъ; большаго зла не можетъ быть оттого, что мы повременицъ исполненіемъ приговора, а генералъ успѣетъ, можетъ-быть, раздумать.

— Это все такъ, сказалъ капитанъ Персонъ, но отъ меня, по службѣ моей, потребуютъ большей точности въ исполненіи чѣмъ отъ тебя, престога солдата, пріятель Зоровавель.

— Въ такомъ случаѣ грубая «фризовая шинель простаго солдата поможетъ золотому штылю капитана выдержать бурю, отъчасть Зоровабель. Да, по истинѣ, я могу представить тебѣ несомнѣнные доказательства, почему мы должны помогать другъ другу въ дѣлахъ милосердія и многотерпѣнія, потому что лучшіе изъ насъ — только бѣдные грѣшники, и тяжело имъ можетъ прійтись, потому что близокъ часъ, когда потребуется отъ нихъ строгій отвѣтъ.

— По истинѣ, ты изумляешь меня, братъ Зоровабель, сказалъ Стрикольтро: не ждалъ я отъ тебя, стараго опытнаго воина, побѣдившаго въ бояхъ, чтобы ты давалъ такіе совѣты молодымъ вождямъ. Не на то развѣ избранъ нашъ генералъ небомъ, чтобы искоренить изъ этой земли всѣхъ нечестивыхъ Амалекитянъ, Джебузитянъ, Перицитянъ, Хиттитянъ, Гиргашитянъ и Амортитянъ?... Не подобны развѣ всѣ эти люди пяти царямъ, которые укрылись въ погребѣ Мекдаха и были выданы имъ въ руки Іошуа, сына Нуова? И Іошуа привелъ своихъ вождей и ратниковъ, и велѣлъ попруть ихъ ногами, и потомъ убилъ ихъ и повѣсилъ на пяти деревьяхъ, и оставилъ труны ихъ до захожденія солнца. А ты, по имени Джильбертъ Персонъ, не слушай увѣщаній отклоняющихъ тебя отъ возложеннаго на тебя дѣла, а поступи, какъ тебѣ приказалъ тотъ, что воздвигнуть на судъ и на искупленіе Израиля. Написано въ Священномъ Писаніи: «Проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ свой мечъ отъ убійства.»

Ратники-богословы долго еще продолжали свой споръ, который Персонъ слушалъ въ нерѣшимости и недоумѣніи, болѣе заботясь объ угожденіи желаніямъ Кромвеля, чѣмъ о разгаданіи воли небесной.

XXI.

Теперь, какъ солдаты на часахъ, закусь въ латы свои души, и будемъ готовы ко всему, что сулитъ солдату жребій войны.

Джоанна Бейли.

Читатель вѣроятно помнитъ, что когда докторъ Рочклифъ и Джослайвъ были схвачены, отрядъ, которому они отданы подъ конвой, велъ уже двухъ другихъ плѣнныхъ, полковника Эварда и преподобнаго Неемію Гольднофа. Когда Кромвель вступилъ въ

вудстокискій замокъ и сталь нечать бѣлаго короля, плѣнныхъ посадили на старую гаубтвахту, которая, по своей крѣпости, могла при случаѣ служить тюрьмою; для бѣдшей безопасности Персонъ приставилъ къ ней караулъ. Имъ не позволили развести огня, и они должны были довольствоваться мерцаніемъ тлѣющаго угля. Узники были посажены врознь: съ одной стороны полковникъ Эврдъ съ Неемію Гольднофомъ, а съ другой докторъ Рочлифъ, сэръ Генри Ли и Джослайвъ. Вскорѣ общество ихъ умножилось еще прибытіемъ Вилдрека, котораго также привели въ Ложу, и такъ неперемонно втокнули на гаубтвахту, что онъ, будучи связанъ по рукамъ, едва не упалъ носомъ посреди комнаты.

— Спасибо вамъ, пріятель, сказалъ онъ, оглядываясь на дверь, которую запирали за нимъ на замокъ. Безъ церемоній.... что за бѣда, что споткнешься, только бы попасть въ пріятное общество.... Мое почтеніе, господа.... Какъ же это?... завтра умирать, а нечѣмъ даже придать себѣ бодрости и встрѣтить съ честью дорогую гостью?... Вѣдь это послѣдняя наша ночь; хоть объ закладъ биться, полпенса противъ милліона, что завтра прійдется намъ поздороваться съ разбойницею, висящей. Хозяинъ, почтенный хозяинъ, какъ поживаете? Подлюю же шутку съигралъ съ вами бестія Ноль!... Я такъ другое дѣло; я заслужилъ отъ него можетъ быть и похуже.

— Сдѣлай милость, Вилдрекъ, садись, сказалъ Эврдъ: ты пьявъ.... не мѣшай намъ.

— Пьявъ!... я пьявъ?... вскричалъ Вилдрекъ: я только спленилъ гротъ брасъ, какъ говоритъ мой пріятель Ваня.... хлебнулъ стаканчикъ Полевой водки за здоровье короля.... да другой, чтобъ поперхнуться его превосходительству.... да еще одинъ, чтобы провалиться парламенту.... да еще парочку съ такими же чертовски хорошими пожеланіями. Но я совсѣмъ не пьявъ.

— Сдѣлай милость, пріятель, не говори нечестивыхъ рѣчей, сказалъ Неемія Гольднофъ.

— А, мой дорогой пресвітеріанинъ, мой крошка-проповѣдникъ? и тебѣ приходится сказать аминь этой жизни? вскричалъ Вилдрекъ. Вотъ я такъ пожилъ на свою долю.... Почтенный сэръ Генри, кончикъ моего толедскаго клинка былъ вчера вечеромъ ближе къ сердцу Кромвеля, чѣмъ пуговица на его камзолѣ. Да не убьешь его, окаяннаго, носить скрытую кольчугу... Хорошъ солдатъ! Когда бы не его проклятая стальнаа рубаха, прокололъ бы

я его как жаворонка... Докторъ Ротельнъ... вѣдь вы знаете, что я мечтаю владѣть хоть куда.

— Знаю, отвѣчалъ докторъ; а вы знаете, что и я мастеръ.

— Пожалуйста молчите, инстръ Вилдрекъ, сказалъ сэръ Генри.

— Полно, сэръ Генри, отвѣчалъ Вилдрекъ, будьте по-снхо-дательнѣе къ товарищу въ несчастіи. Вѣдь тутъ не то что братъ Брентфордъ штурмомъ. Обманщица судьба всегда смотрѣла на меня мачихою. Послушайте: я вашъ свою пѣсенку, которую я сложили про свою неудачу.

— Теперь, капитанъ Вилдрекъ, вамъ не до пѣсенъ, сказалъ сэръ Генри учтиво и важно.

— Ничего; она поможетъ вамъ готовиться къ смерти. Послушайте только.... самая душеспасительная пѣсня.

Когда молодъ я былъ
 Покутить я любилъ,
 Хоть бывало порою, ни гроша за душою.
 Добрай водки за штофъ
 И красотки любовь
 Душу чорту продать приходилось порою.
 Зато вынче, ей, ей,
 Только грабь, не робѣй!
 Тутъ и я, какъ ни глупъ, а добра я добул.
 Пару добылъ чулковъ,
 Негдѣ взять сапоговъ,
 Все ходи въ башма ахъ, хоть бы въ дождь, хоть въ погоду.
 Чортъ возьми сапоги!
 Превались каблукъ!
 Отворотами Ноль старый чортъ подавился!

Вилдрекъ только что копчалъ свою пѣсню самымъ громозвучнымъ голосомъ, какъ дверь отворилась, вбѣжалъ часовой, и назвавъ пѣвца «богохульства изрыгающимъ волкомъ бешанскимъ», ударилъ его по плечу алебардою; связанные руки не позволили Вилдреку отплатить за оскорбленіе.

— Вашъ покорный слуга, сказалъ онъ, съживая плечи: очень жаль, что не могу изъявить вамъ своей благодарности, принужденъ молчать, какъ капитанъ Бобадилъ. Сэръ Генри, вы слышали какъ захрустѣли мои косточки? Такъ и взвизгнуло.... злодѣй могъ бы давать батоги въ присутствіи самаго турецкаго султана!...

Оте, видно, не охотился до музыки, сэръ Генри; его не трогаетъ «согласіе гнѣвныхъ звуковъ....» Я увѣренъ, что отецъ способенъ на вѣнчу, на обманъ, на грабительство, на всѣ злодѣйства.... Не такъ!... Ну, мойду я теперь, усну на лавкѣ, какъ мнѣ случилось уже не одинъ разъ, а къ утру буду готовъ идти на висѣльницу порядочнымъ человѣкомъ, чего со мною еще не случилось во всю жизнь.

Когда молодъ я былъ,
Покупить я любилъ!...

Тьфу! не на тетъ голосъ!

Тутъ отецъ улегся, и тотчасъ уснулъ; всѣ товарищи последовали скоро его примѣру. Лавки, приготовленныя для отдыха солдатъ, послужили нашимъ узникамъ кроватями; но можно себя представить, что сонъ ихъ не былъ ни крѣпокъ, ни спокоенъ. А едва стала занимать заря, взрывъ пороку, а за нимъ обрушеніе подкопанной башни, разбудили бы даже семерыхъ сонныхъ рыцарей, или самого Морфея. Дымъ, проникавшій въ окна, объяснилъ имъ причину шуму.

— Это мой порохъ взорвало, сказалъ Рочклифъ; надѣюсь, что отецъ положилъ доброе число этихъ подлыхъ бунтовшиковъ; на то отецъ былъ припасенъ, хотя думали употребить его другимъ образомъ, въ полѣ. Должно быть случайно вспыхнулъ.

— Случайно? нѣтъ, возразилъ сэръ Генри: будьте увѣрены, что мой храбрый Альбертъ зажегъ кншку, и что съ этимъ взрывомъ Кромвель взлетѣлъ къ небу, на которомъ ему не бывать.... Храбрый сынъ, и можетъ-быть самъ тутъ же погибъ, какъ юный Самсонъ среди непокорныхъ Филистимлявъ!... Но не надолго я буду разлученъ съ тобою Альбертъ!

Эврдъ подошелъ къ двери, надѣясь отъ часоваго, который, вѣроятно, звалъ его имя и званіе, получить какое-нибудь объясненіе шуму.

Въ то же время Неемія Гольднофъ, пробужденный звукомъ трубы, подавшей сигналъ варыву, вскочилъ въ ужасъ и вскричалъ неистовымъ голосомъ:

— Это труба архагела! наступилъ часъ рушенія нашего міра стихій.... раздается труба страшнаго суда!... Мертвые повинуются ея гласу.... они съ нами.... среди насъ.... возстаютъ въ своихъ телесныхъ образахъ.... призываютъ насъ на судъ!

Съ этими словами взоръ его вперился въ доктора Рочклифа,

стоявшего против него. Когда онъ вскопчалъ съ своей лавки, скамейки, которую онъ обыкновенно носилъ, по обычаю лицъ духовнаго званія, и вообще всѣхъ состоявшихъ въ гражданской службѣ, упала съ его головы, и стащила огромный шелковый пластырь; онъ носилъ его вѣроятно для того, чтобы измѣнить свою физиономію; потому что на щекѣ подъ нимъ не было даже ни какой царапины, и глазъ былъ также здоровъ, какъ другой.

Полковникъ Эврдъ, воротившись отъ двери, напрасно старался объяснить мистру Гольднофу, что онъ узналъ отъ часоваго: что взрывомъ убитъ только одинъ изъ Кромвелевыхъ, ратниковъ. Пресвитеріанскій пасторъ стоялъ неподвижно, вперивъ дикій взоръ въ служителя епископской церкви.

Но докторъ Рочклифъ слышалъ и понялъ объясненіе полковника Эврарда; и оправившись отъ минутнаго безпокойства, подошелъ къ отступающему кальвинисту, дружески протягивая ему руку.

— Чуръ меня!... чуръ меня! вскричалъ Гольднофъ; живые не могутъ принимать руки мертвыхъ.

— Да я такой же живой, какъ и ты, возразилъ Рочклифъ.

— Ты живой?... Джозефъ Ольбени, котораго при мнѣ сбросили съ башни замка Клайдстро?

— Такъ, отвѣчалъ докторъ; но ты не видѣлъ, что я вышлыгъ къ болоту, поросшему травою — *fugit ad salices* — какъ это я смастерилъ, объясню въ другой разъ.

Гольднофъ послѣ этого объясненія взялъ его руку, но все еще съ нѣкоторою недобѣрчивостью и нерѣшительностью. Ты въ самомъ дѣлѣ тепелъ и живъ, сказалъ онъ.... но послѣ столькихъ ранъ и такого страшнаго паденія.... ты не можешь быть монимъ Джозефомъ Ольбени.

— Я Джозефъ Ольбени Рочклифъ, отвѣчалъ докторъ: послѣднее имя я получилъ отъ небольшого помѣстья моей матери, которое все ушло на штрафы и конфискаціи.

— Тотъ самый! сказалъ Гольднофъ: стало быть я нашелъ моего стараго друга.

— Нашелъ, отвѣчалъ Рочклифъ: я же являлся тебѣ въ зеркальной комнатѣ. Ты былъ такъ смѣлъ и неустрашимъ, Неемія, что весь нашъ заговоръ рушился бы, еслибъ я не явился тебѣ подъ видомъ умершаго друга. Но повѣрь мнѣ, любезный другъ, я дѣлалъ это противъ воли, по необходимости.

— Стыдно, стыдно! прервалъ Гольднофъ бросаясь въ объятія доктора, и прижимая его къ груди: это было не по пріятельски. Какъ могъ ты такъ дурачить меня? Чтò, Ольбени, помнишь доктора Тюрфоя, и коллегіумъ Кауса?

— Еще бы не помнить? отвѣчалъ докторъ, взявъ пресвитеріанскаго пастора подъ руку и ведя его къ скамьѣ, стоявшей поодаль отъ прочихъ арестантовъ, которые не могли надвинуться на эту сцену. Еще бы не помнить коллегіума? сказалъ Рочклифъ: и славный эль, который мы тамъ попивали, и наши сходбища у тетки Гуфканъ?

— Суета суетъ! сказалъ Гольднофъ, улыбаясь, и крѣпко сжимающую руку отыскавашагося школьнаго товарища.

— А когда мы обобрали садъ своего директора, помнишь? вѣдь славно было ведено дѣло, продолжалъ докторъ: это былъ первый мой заговоръ, и не мало труда стоило мнѣ втянуть тебя!

— Не поминай этого нечестиваго дѣла, сказалъ Неемія, я могу сказать, какъ говаривалъ благочестивый мистръ Бекстеръ, что эти дѣтскія шалости не остались безъ наказанія впоследствии, потому что эта неумѣренная страсть къ запрещеннымъ плодамъ родила разстройство желудка, которымъ я страдаю донинѣ.

— Правда, правда, любезный Неемія, отвѣчалъ Рочклифъ: но что думать о немъ?... выпей рюмочку водки, и боль какъ рукой сниметь. Мистръ Бекстеръ былъ... докторъ хотѣлъ сказать: оселъ, но остановился, и потомъ докончилъ свою фразу такъ: былъ добрый человѣкъ, хотя по моему слишкомъ щепетивень.

Такъ сидѣли они друзьями; и съ полчаса вспоминали свои школьныя продѣлки. Мало по-малу они перешли къ политикѣ и хотя руки ихъ уже были врознь, и безпрестанно слышались фразы: — Нѣтъ, любезный братъ, или: — въ этомъ я не могу съ тобою согласиться; — или: ну ужъ, извини, я думаю напротивъ; — но какъ скоро рѣчь дошла до брани на индепендентовъ и на другихъ сектаторовъ, они дружно повеселись въ обгонку, такъ, что трудно было сказать, кто кого изъ нихъ опережалъ. Къ несчастію, рѣчь какъ-то коснулася епископствъ, и перешла на спорный вопросъ о церковномъ управленіи. Мигомъ прорвались плотины, и съ обѣихъ сторонъ хлынулъ потокъ греческихъ и еврейскихъ текстовъ; глаза обонхъ друзей загорѣлись, щеки всыхнули, руки склепились, и они стали болѣе похожи на

двухъ яростныхъ противниковъ, готовыхъ выпарашить другъ другу глаза, чѣмъ на учителей: Слова Божіи.

Роджеръ Вилдрекъ вѣшался въ споръ и еще болѣе растрывилъ его. Онъ, разумеется, живо принялъ сторону одного изъ противниковъ, хотя вовсе не понималъ предмета спору. Сначала бойкое краснорѣчіе и ученость Гельдиофа нѣсколько озадачили его, и онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на доктора Рочкина; но когда поборникъ епископской церкви гордо возсталъ, и съ огнемъ вдохновенія въ глазахъ сталъ отвѣчать на греческіе и еврейскіе тексты другими греческими и еврейскими текстами, Вилдрекъ счелъ обязанностью подтвердить его доводы, стукомъ скамейки, и громкимъ смѣхомъ въ лицо его противнику. Сэръ Генри и полковникъ Эвхардъ должны были противъ воли вступить въ дѣло, и съ трудомъ убѣдили двухъ друзей отерочить свой споръ до другаго времени; почти силою развели они противниковъ въ разныя стороны; старая дружба ихъ, казалось, была совершенно забыта, и они смотрѣли такими глазами, какъ будто хотѣли съѣсть другъ друга.

Но между тѣмъ какъ они косялись между собою, и выжидали только случая, чтобы возобновить споръ, въ которомъ каждый надѣялся остаться побѣдителемъ, вошелъ Персонъ, и глухимъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ арестантамъ, что они должны всѣ готовиться къ смерти.

Сэръ Генри выслушалъ приговоръ съ мрачнымъ спокойствіемъ, которое онъ сохранялъ во время допросу и обыску. Полковникъ Эвхардъ объявилъ, что онъ намѣренъ подать грозную апелляцію парламенту противъ приговора военнаго суда и генерала. Но Персонъ не согласился принять и препроводить жалобу, и съ мрачнымъ выраженіемъ унынія, не оставляющимъ ни какой надежды плѣннымъ, повторилъ свое увѣщаніе, чтобы всѣ были готовы умереть ровно въ полдень. За тѣмъ онъ тотчасъ вышелъ изъ тюрьмы.

Но трогательно было дѣйствіе этого возвѣщенія на обояхъ служителей церкви. Съ минуту смотрѣли они другъ на друга съ выраженіемъ нѣжности, раскаянія и стыда: эти чувства вытѣснили изъ ихъ душъ всякую злобу и гнѣвъ, и съ словами:—Братъ, братъ, я согрѣшилъ противъ тебя!—они бросились въ объятія другъ другу и со слезами прояснили прощенія. Потомъ, какъ два воина, забывающіе свои личныя неудовольствія, для исполненія общаго долга, они вспомнили обязанности своего священнаго сана, ста-

ли уищавать, окружающихъ встрѣтить готовившійся имъ жребій, съ покорностью и твердостью, какую можетъ внушать одна христіанская вѣра.

XXII.

Милосердный государь! вскричалъ добрый Каннингъ: предоставь Богу карать виновнаго, брось свой желѣзный скипетръ и возьми вѣтвь маслины.

Баллада о сэрѣ Чарльзѣ Бодингѣ.

Было уже часовъ пять вечера, и время назначенное для казни уже давно прошло, когда Кромвель велѣлъ призвать Персона. Но охотно, съ трепетомъ повиновался Персонъ, не зная какого ему ждать приѣма. Пробывъ у генерала съ четверть часа, онъ вышелъ въ комнату Виктора Ли, и встрѣтилъ старика Зороравеля Робинса, ожидавшаго его возвращенія.

— Что Оливеръ? спросилъ старый ратникъ съ безпокойствомъ.

— Ничего, отвѣчалъ Персонъ, о казни ни слова, а распрашивалъ только, вѣтъ ли извѣстій о бѣгствѣ Молодаго Человѣка, и кажется очень огорченъ, что нѣтъ надежды его нагнать. Я подаль ему также разныя бумаги, принадлежащія измѣннику Ротклифу.

— Такъ я попытаюсь уладить дѣло, сказалъ Зороравель: дай мнѣ салфетку, я пойду будто затѣмъ, чтобы служить ему за столомъ, и прикажи принести кушанье, которое я велѣлъ держать въ готовности.

Двое рядовыхъ привесли перцію говядины, въ той же сапой и въ такой же приправѣ, какъ давалось солдатамъ; оловянную кружку элю; соли въ деревянной солонкѣ; перцу и ломоть солдатскаго хлѣба.

— Пойдемъ со мною, сказалъ Робинсъ Персову: и не бойся; Ноль охотникъ пошутить.

Ратникъ смѣло вошелъ въ спальню генерала и сказалъ громко:

— Встань; ты поставленъ судьей во Израилѣ, не предавайся болѣе бездѣйствію сна. Я пришелъ къ тебѣ знаменьемъ. Вставай же, подкрѣпи тѣло пищею и питьемъ, и да возвеселится твое сердце, потому что ты съ радостью примешь пищу того, что трудится въ окопахъ, вспомнишь, что съ-тѣхъ-поръ какъ ты на-

чальствуешь надъ войскомъ, бѣдный часовой получаетъ такую же пищу, какую я принесъ для твоего подкрѣпленія.

— По истинѣ, братъ Зоровавель, сказалъ Кромвель, привышій къ такимъ восторженнымъ рѣчамъ своихъ приверженцевъ: желательно, чтобы было такъ; мы не хотимъ ни мягче спать, ни вкуснѣе ѣсть, чѣмъ послѣдній изъ ратниковъ, служащихъ подъ нашими знаменами. По истинѣ, ты хорошо сдѣлалъ, что принесъ мнѣ солдатскую пищу; самый запахъ ея услаждаетъ мое обоняніе.

Онъ всталъ съ постели, на которой отдыхалъ полуодѣтый, и, завернувшись въ плащъ, сѣлъ подлѣ кровати и съ удовольствіемъ ѣлъ приготовленную для него пищу. Въ то же время онъ приказалъ Персону продолжать рапортъ.

— Не нужно тебѣ стѣсняться присутствіемъ этого почтеннаго солдата, потому что его духъ — мой духъ.

— Позволь, генералъ, сказалъ Робинсъ: надо тебѣ прежде всего доложить, что Джильбертъ Персонъ не вполне исполнилъ твой приказанія, насчетъ тѣхъ измѣнниковъ, которыхъ ты велѣлъ предать смерти ровно въ полдень.

— Предать смерти!... какихъ измѣнниковъ? вскричалъ Кромвель, положивъ приборъ.

— Тѣхъ, что находятся въ тюрьмѣ, здѣсь въ Вудстокѣ, отвѣчалъ Зоровавель: которыхъ ты велѣлъ казнить въ полдень, какъ уличенныхъ въ измѣнѣ республикѣ.

— Мерзавецъ! вскричалъ Кромвель, вскочивъ и обращаясь къ Персону: неужели ты дерзнулъ коснуться Меркема Эврарда? Онъ не виноватъ, онъ былъ обманутъ негодяемъ, который прошелъ между нами?.... Или наложилъ руку на пресвитеріанскаго проповѣдника, за котораго всѣ его единовѣрцы возстанутъ на насъ какъ на святотатцевъ и навѣки отрекутся отъ насъ?

— Если ваше превосходительство желаете, чтобы они остались живы, жизнь и смерть ихъ зависятъ отъ одного слова, отвѣчалъ Персонъ.

— Освободить ихъ; мнѣ надо имѣть пресвитеріанцевъ на своей сторонѣ, если можно.

— А Рочклифа, главу всѣхъ заговорщиковъ? продолжалъ Персонъ: я думалъ казнить его, но....

— Кровопійца! воскликнулъ Кромвель: неблагодарный и безразсудный душегубецъ, развѣ не знаешь, что онъ моя приманка? Онъ просто колодезь, не глубокой правда, но всё-таки по-

глубже тѣхъ ключей, которые изливаютъ въ него свои тайны; а я потому прихожу съ наеосомъ, и все изъ него высасываю на поверхность. Отпустите его и дайте ему денегъ, если ему нужно. Я знаю, гдѣ онъ шатается; куда бы онъ ни шелъ, у меня изъ глазъ не уйдетъ. Но что значать ваши ирачные взгляды?... Тутъ есть что нибудь не доброе, чего вы не смѣете сказать?... ужъ не казнили ли вы сэра Генри Ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Персонъ. Но этотъ старикъ закоснѣлый извѣстникъ, и....

— Онъ всё-таки прекрасный остатокъ стараго англійскаго дворянства, возразилъ Кромвель. Желалъ бы я знать, чѣмъ можно склонить этихъ людей на свою сторону! Но мы, Персонъ, носящiе вмѣсто царской мантии солдатскiе доспѣхи, а вмѣсто скипетра—мечъ, слишкомъ недавно вышли въ люди, чтобы заслужить уваженiе этихъ гордецовъ, которые подчиняются только царской крови. А посмотрѣли бы они, самый старинный королевскiй родъ развѣ не происходитъ отъ простаго воина? Но почему же болѣе уважать потомка побѣдоноснаго вождя, чѣмъ того, который своими личными заслугами и собственными побѣдами можетъ поспорить съ предками своего соперника? Но сэръ Генри живъ и останется живъ.... Сынъ его, такъ вполне заслужилъ казнь, и, вѣроятно, приговоръ исполненъ?....

— Милордъ, пробормоталъ Персонъ, если ваше превосходительство находите, что я былъ правъ, отложивъ исполненiе вашего приказанiя въ столькихъ случаяхъ, то не взыщите съ меня и въ настоящемъ: я полагаю, что благоразумнѣе будетъ дожидаться болѣе опредѣлительныхъ приказанiй.

— Ты удивительно размиловался сегодня, Персонъ, сказалъ Кромвель съ неудовольствiемъ.

— Если ваше превосходительство прикажете, отвѣчалъ Персонъ, висѣлица готова, а палачъ ждетъ только слова.

— Нѣтъ, если ты, такой охотникъ до крови, пощадилъ его, мнѣ уже не приходится быть жесточе тебя, сказалъ Кромвель. Да, въ бумагахъ, отобранныхъ у Рочклифа, говорится что-то о наймѣ двадцати злодѣевъ, чтобы схватить насъ.... въ прлмѣрь другимъ надо бы наказать.

— Милордъ, сказалъ Зоровавель, вспомните, что этотъ молодой человекъ былъ можетъ быть подлѣ васъ, въ тѣхъ темныхъ проходахъ, которые онъ, вѣроятно, знаетъ, а мы не знали. Если бы онъ былъ изъ тѣхъ, что способны на злодѣйство, ему

столько бы только выстрѣлить изъ вѣстолета, и угадъ бы сѣтъ Израиля. Сверхъ того, при общемъ беспорядкѣ, который оттого произошелъ бы, чаровые бросили бы посты, и оны могъ бы безопасно бѣжать.

— Довольно, Зараванъ, пускай онъ останется живъ, сказалъ Оливеръ. Однако же его надо продержатъ еще нѣкоторое время подъ стражею, а потомъ изгнать изъ Англии... Объ остальныхъ двухъ и говорить нечего; отпустить ихъ... такимъ ли ничтожнымъ существамъ возбудить мой гнѣвъ и заслужить мою месть?

— Одинъ изъ нихъ, явочий Джонсъ, заслуживаетъ однако же смерти, возразилъ Персонъ: онъ прямо осмѣлся, что убилъ честнаго Джозефа Томкинса.

— Мы должны еще награждать его, зато что избавилъ насъ отъ труда, отвѣчалъ Крэмвель: этотъ Томкинсъ былъ мерзавецъ, недѣлимъ перебѣжчикъ. Въ этихъ бумагахъ есть доказательство, что еслибъ мы потеряли сраженіе при Верчестрѣ, мы крѣпко бы распались въ томъ, что вѣрши мистру Томкинсу. Одна наша побѣда удержала его отъ измѣны, следовательно мы еще въ долгу у Джослайва.

— Остается только несчастный, безстыдный кавалеръ, который покушался вчера вечеромъ на жену вашего превосходительства? сказалъ Персонъ.

— Наказывать его, отвѣчалъ Крэмвель, значило бы унизиться въ своей мести. Шпаженка его могла намъ столько же повредить, какъ если бы онъ бросилъ въ насъ вроблюю. Орлы не мстятъ дикимъ уткамъ, ни даже селезнямъ.

— Однако же, сэръ, сказалъ Персонъ, этого мерзавца надо бы наказатъ за пасивылъ. Послѣ того множества подмыкъ и дерзкихъ ругательствъ, которыя найдены у него въ карманахъ, нельзя же его отпустить безнаказанно. Извольте взглянуть, генералъ.

— Что за гнусная рука, сказалъ Оливеръ, просмотрѣвая нѣсколько листовъ поэтическихъ произведеній нашего пріятеля Вилдрема. Рука кажется такъ же пьяна, какъ сочинитель, да и сочиненія не похожи на трезвыя.

— Это что такое?

Когда молодъ я былъ
Покупить я любилъ...

— Что за чепуха!... далѣе:

Выпить, чтобы провалился
 Дьяволъ старый Намъ!
 Выпить, чтобы возвратился
 Добрый нашъ король!

Но истинъ, если этимъ можно возвратить короля, то это здоревый поборникъ. Дай новѣе пять шиллинговъ, Персонъ, и пошли его продавать свои вирши. Впрочемъ скажи ему, что если онъ приблизится къ нашей особѣ на разстояніе менѣе двадцати шилъ, мы велимъ его высѣчь такъ, что кровь потечетъ до плечей.

— Есть еще одинъ осужденный, сказалъ Персонъ; прекрасная быстрая собака, какой ваше превосходительство не видали и въ Ирландіи. Она принадлежитъ старику сэру Генри Ли. Не желаете ли ваше превосходительство взять себѣ это чудное животное... или посмѣю ли я просить позволенія...

— Нѣтъ, Персонъ, отвѣчалъ Кромвель: старикъ самъ вѣрный слуга; не надо отнимать у него вѣрной собаки. Жалалъ бы я жить существо, хотя бы только собаку, которое слѣдовало бы за мною изъ любви, а не изъ выгоды, которую можетъ извлечь изъ меня.

— Ваше превосходительство обижаете своихъ вѣрныхъ солдатъ, сказалъ Зоровавель грубо: они слѣдуютъ за вами какъ собаки, дерутся за васъ какъ собаки, и ихъ хоронятъ какъ собакъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пали.

— Это какъ, старый ворчунъ? сказалъ Кромвель: откуда такая внезапная перемена?

— Останки капрала Гемгоджона гниютъ подъ развалинами башни, а трувъ Томкинса брошенъ въ яму подъ репейникомъ, какъ задохлая скотина.

— Правда, правда, сказалъ Кромвель. Ихъ надо перенести на кладбище. Пусть всѣ солдаты проводятъ ихъ въ кокардахъ изъ бадамъ и голубыхъ лентъ; унтеръ-офицеры и адъютанты повяжутъ руку Флѣромъ, и мы сами будемъ участвовать въ процессіи; а потомъ велимъ отпустить вина, водки и розмарину на совершеніе тризны. Позаботься объ этомъ, Персонъ. Послѣ похоронъ, Вудстокъ будетъ разрушенъ и подкопанъ, чтобы тайныя убійства его не могли въ другой разъ служить мѣстомъ укрытельства для бунтовщиковъ и измѣнниковъ.

Приказанія генерала были въ точности исполнены. Всѣхъ плѣн-

ныхъ отпустили, кромѣ Альберта Ли, который еще нѣсколько времени оставался подѣ стражею, а по освобожденіи отправился за границу, и поступилъ въ число тѣлохранителей короля Карла. Судьба, какъ мы увидимъ далѣе, готовила ему блестящее, но короткое поприще.

Возвратимся къ освобожденію прочихъ вудстокскихъ узниковъ. Оба священника, совершенно примирившись, пошли вѣбѣтъ, рука объ руку, въ приходскій домъ, бывшій нѣкогда мѣстопробываніемъ доктора Рочклифа, но въ которомъ теперь былъ гостемъ у своего преемника, Неемія Гольднофа. Поселивъ друга своего подѣ своимъ кровомъ, добрый пресвитеріанинъ убѣждалъ его считать домъ своимъ, и раздѣлять даже принадлежавшіе къ нему доходы. Рочклифъ былъ очень тронутъ предложеніемъ, но благоразумно уклонился отъ него, помня различіе ихъ понятій о церковномъ управленіи, къ которымъ каждый изъ нихъ былъ такъ же привязанъ какъ къ догматамъ своей вѣры. Новый споръ хотя не такой жестокой, какъ первый, о санѣ епископовъ въ Церкви первыхъ вѣковъ, утвердилъ его въ своемъ намѣреніи. Они разстались на слѣдующій же день, и съ тѣхъ поръ дружба ихъ не нарушалась ни какими спорами, до самой смерти мистра Гольднофа. Этимъ согласіемъ они были отчасти обязаны тому, что уже не сходились послѣ свиданія своего въ вудстокской караульнѣ. Докторъ Рочклифъ, при реставраціи, получилъ обратно свой приходъ, а потомъ дослужился до высшихъ духовныхъ чиновъ.

Менѣе важныя изъ лицъ, освобожденныхъ изъ вудстокскаго заключенія, безъ труда нашли временной пріютъ въ городѣ, у старыхъ знакомцевъ; но никто не смѣлъ принять сэра Генри Ли, считавшагося въ большой немилости у правительства; даже содержатель постоялаго двора, бывшій нѣкогда его фермеромъ, съ трудомъ рѣшился впустить его на правахъ всякаго путешественника, платящаго за постой и пищу. Эврардъ не оставлялъ его; старикъ не звалъ его, не разрѣшалъ ему быть при немъ, но и не запрещалъ. Сердце сэра Генри стало опять лежать къ племяннику, когда онъ узналъ о его поступкѣ на памятномъ свиданіи подѣ Королевскимъ Дубомъ; въ особенности же съ тѣхъ поръ какъ онъ въ немъ видѣлъ скорѣе предметъ вражды, чѣмъ милости Кромвеля. Но было еще другое, тайное чувство, побуждавшее его къ примиренію съ племянникомъ: сознаніе, что онъ раздѣлялъ собственное его безпокойство на счетъ дочери, кото-

рая еще не возвращалась изъ своего труднаго и опаснаго походу. Онъ поднималъ, что ему самому почти невозможно будетъ узнать, гдѣ Алиса укрылась во время послѣднихъ происшествій, и выхлопотать ей освобожденіе въ случаѣ, если она схвачена. Ему хотѣлось, чтобы Эврардъ вызвался итти отыскивать ее, но совѣстился самъ просить его о томъ; Эврардъ же, съ своей стороны, не зная перемены образа мыслей дяди, не смѣлъ даже произнести имени Алисы, не только что предлагать свою помощь.

Солнце уже закатилось; они сидѣли молча, и смотрѣли другъ другу въ лицо, какъ вдругъ раздался вблизи конскій топотъ,..... стукъ въ ворота..... потомъ легкіе шаги на лѣстницѣ, и Алиса, предметъ ихъ тревожныхъ думъ, стояла передъ ними. Она радостно бросилась въ объятія отца, который осторожно оглянулся вокругъ комнаты, и спросилъ ее шопотомъ:

— Въ опасности?

— Въ всякой опасности, отвѣчала Алиса: а я привезла вамъ подарочекъ.

При этихъ словахъ, взоръ ея остановился на Эврардѣ: она покраснѣла, смутилась и замолчала.

— Не бойся своего двоюроднаго брата пресвитеріяннина, сказалъ отецъ, съ добродушною улыбкою: онъ доказалъ, что не измѣнитъ по-крайней-мѣрѣ долгу чести, и едва не сдѣлался жертвою своего благородства.

Она вынула изъ-за корсета королевскій рескриптъ, писанный на засаленномъ клочкѣ бумаги, и обвязанный, вмѣсто печати, шерстяною ниткою. Сэръ Генри принялъ его съ восточнымъ подбострастіемъ, не развязывая, прижалъ къ губамъ, къ сердцу и ко лбу, и слеза капнула на бумажку. Только тогда старикъ нѣлъ силу открыть записку и прочесть ее. Содержаніе ея было слѣдующее:

«Любезный и многоуважаемый нашъ другъ и вѣрный подданный!

«До свѣдѣнія нашего дошло, что семейство ваше имѣло въ виду выдать миссъ Алису Ли, вашу единственную дочь за Меркема Эврарда, изъ Эверсла, ея двоюроднаго брата и вашего племянника по свойству. И какъ намъ извѣстно, что этотъ бракъ былъ бы вамъ весьма пріятенъ, если бы не представилось нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ вы, какъ нашъ вѣрный подданный, сочли долгомъ не дать своего согла-

«сія, — то мы извѣщаемъ васъ, что этотъ союзъ не только не
 «будеть предосудителенъ, но что напротивъ, мы просимъ, и,
 «сколько имѣемъ на то права, требуемъ, чтобы вы дали свое
 «согласіе на этотъ бракъ; чѣмъ вы сдѣлаете намъ угодное,
 «и много будете содѣйствовать успѣху нашихъ дѣлъ; предо-
 «ставляя вамъ впрочемъ, какъ слѣдуетъ христіянскому госу-
 «дарю, полную свободу дѣйствовать по собственному вашему
 «усмотрѣнію, относительно другихъ могущихъ представиться
 «препятствій къ этому браку, независимыхъ отъ нашей службы.
 «Оставаясь вамъ признательны за вѣрную службу вашу покой-
 «ному королю нашему родителю, и намъ самимъ, подписуемъ
 «собственноручно, К. К.»

Долго не могъ сэръ Генри свести глазъ съ письма, читалъ и
 перечитывалъ его, будто хотѣлъ затвердить на память. Потомъ
 онъ бережно вложилъ его въ свой бумажникъ, и просилъ Алису,
 дать ему отчетъ во всѣхъ происшествіяхъ прошлой ночи. Она
 рассказала все въ немногихъ словахъ. Ночной переходъ ихъ че-
 резъ паркъ былъ совершенъ скоро и безъ всякой опасности, и
 король ни разу не покушался возобновить предложеній повѣсы
 Луиса Кернеги. Когда Карлъ и проводникъ его отправились да-
 лѣе, она отдохнула въ избѣ, гдѣ разстались. Утромъ пришло из-
 вѣстіе о занятіи Вудстока солдатами. Алиса и не пыталась воз-
 вратиться, зная, что возвращеніе ея могло внушить подозрѣніе,
 допросы, розыски, и навлечь новыя опасности. Она отправилась
 къ одной сосѣдкѣ, извѣстной своею преданностью королевской
 партіи, вдовѣ майора, служившаго въ полку сэра Генри Ли, и
 убитаго въ сраженіи при Незби. Министрисъ Эйльмеръ была жен-
 щина умная; притомъ самая необходимость въ это смутное вре-
 мя изощряла способности каждаго на хитрости и уловки. Она
 послала надежнаго слугу побродить вокругъ Вудстока. Какъ ско-
 ро плѣнные были распущены, и слуга могъ узнать, гдѣ сэръ Ген-
 ри Ли намѣревался ночевать, онъ возвратился съ этимъ извѣстіемъ
 къ своей барынѣ, и потомъ, по приказанію ея, проводилъ Алису
 верхомъ къ отцу.

Мало, можетъ-быть, бывало такихъ молчаливыхъ ужинновъ, какъ
 въ этотъ вечеръ у сэра Генри Ли; каждый былъ погруженъ въ
 собственныя свои размышленія, и тщетно старался разгадать мы-
 сли другихъ. Наконецъ Алиса разсудила, что ей можно итти от-
 дохнуть послѣ такого утомительнаго дня. Эвхардъ проводилъ ее
 до дверей ея комнаты, и хотѣлъ уже самъ удалиться, когда, къ

крайнему его изумленію, сэръ Генри прѣсиль его возвратиться, указавъ ему стулъ и подалъ письмо короля, не сводя съ него глазъ во все время чтенія; онъ рѣшился, если не замѣтитъ восторгу въ лицѣ Эвварда, скорѣе послушаться приказаній короля, чѣмъ отдать Алису челоуѣку, который бы не принималъ ея руки, какъ величайшее благо на землѣ. Но радость, надежда и удивленіе, выразившіяся въ глазахъ и лицѣ Эвварда, превзошли всѣ ожиданія старика. Прочитавъ записку, Меркемъ подвинулъ робкіе, недовѣрчивые глаза на сэра Генри, который сказалъ ему съ радостною улыбкою:

— Если бы у короля даже не было другихъ подданныхъ въ Англіи, король имѣлъ бы полное право располагать всѣми членами дома Ли. Но, кажется, домъ Эввардовъ не былъ въ послѣднее время такъ покоренъ престолу, чтобы сообразоваться съ королевскимъ приказаніемъ, женить своего наследника на дочери нищаго.

— Дочь сэра Генри Ли, возразилъ Эввардъ, преклоня колѣно передъ дядею и насильно цѣлуя ему руку, составитъ счастье любого герцогскаго дома.

— Да, дѣвочка такъ себѣ, сказалъ сэръ Генри съ гордостью: чтѣ касается до меня, бѣдность моя не будетъ ни въ стыдъ ни въ тягость никому изъ моихъ друзей. У меня еще кое-что осталось по дружбѣ доктора Рочклифа, и мы съ Джослайномъ еще что-нибудь добудемъ.

— Нѣтъ, дядюшка, вы богаче чѣмъ полагаете, сказалъ Эввардъ. Та часть вашего имѣнія, которую мой отецъ выкупилъ за небольшую сумму, еще ваша и управляется на ваше имя повѣренными, въ числѣ которыхъ нахожусь и я. Мы только считаемъ на васъ въ долгу сумму, употребленную на выкупъ имѣнія, и если желаете, мы разотчемся съ вами съ лихвою, какъ ростовщики. Отецъ мой неспособенъ для приращенія своего богатства воспользоваться несчастнымъ положеніемъ друга; и все это вы давно бы уже узнали, если бы только хотѣли.... то есть, я хотѣлъ сказать, если бы время позволило объясниться.... то есть....

— То есть, ты хочешь сказать, что я слишкомъ погорячился и не хотѣлъ выслушать толкомъ, Меркемъ; пожалуй, я съ тобою согласенъ. Но теперь мы, кажется, понимаемъ другъ друга. Завтра я ѣду съ своимъ семействомъ въ Кингстонъ, гдѣ у меня есть еще старый домишка, который я могу называть своимъ. Приѣзжай туда на досугъ, Меркемъ.... или какъ скоро успѣешь, —

твое дѣло спѣшить или не спѣшить, — но прїѣзжай съ позволенія своего отца.

— Съ самимъ отцомъ, если позволите, сказалъ Эврардъ.

— Пожалуй и то, отвѣчалъ сэръ Генри: какъ ты съ нимъ знаешь. Я полагаю, что Джослайнъ не захлопнетъ тебѣ двери въ лицо, и что Бивисъ не будетъ на тебя ворчать, какъ на бѣднаго Луска Кернеги. Ну, полно благодарить; доброй ночи, Меркемъ, ярошай.... Если ты не слишкомъ усталъ отъ вѣчернихъ трудовъ.... и если будешь здѣсь завтра, въ семь часовъ утра, волею или неволею прїдется позволить тебѣ проводить насъ въ Книгстоунъ.

Эврардъ еще разъ пожалъ руку сэру Генри, погладилъ Бивиса, который принялъ его ласки съ благодарностью, и пошелъ домой мечтать о своемъ счастьи. Мечты его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сбылись, сколько могутъ сбываться наши мечты въ этомъ непостоянномъ мірѣ.

XXIII.

«Всю жизнь я провелъ на службѣ тебѣ, и умираю у твоихъ ногъ.»

Донъ Себастьянъ.

Вихремъ мчатся мимо насъ годы. Мы не видимъ откуда придеть и не знаемъ куда онъ стремится; видимъ какъ годы проходятъ, но не замѣчаемъ какъ мы сами измѣняемся; время же между-тѣмъ мало-по-малу похищаетъ силы человѣка, какъ вихрь обшипываетъ листья съ деревьевъ.

Послѣ свадьбы Алисы и Меркема Эврарда, сэръ Генри Ли поселился въ ихъ сосѣдствѣ, въ старой усадьбѣ, принадлежавшей жѣ выкупленной части его имѣнія; Джослайнъ и Фиби, нынче мужъ и жена, и двое другихъ слугъ завѣдывали всѣмъ его хозяйствомъ. Когда надоѣстъ ему Шекспиръ и одиночество, онъ всегда былъ дорогимъ гостемъ у зятя и ѣздилъ къ нему тѣмъ охотнѣе, что Меркемъ совершенно устранился отъ общественныхъ дѣлъ; онъ не одобрялъ насильственнаго распушенія парламента, и покорялся владычеству Кромвеля не какъ законному образу правленія, а какъ меньшему изъ золъ. Кромвель, по-видимому, всегда старался показывать свое расположеніе къ нему, но Эврардъ не могъ простить ему предложенія выдать короля, которое онъ

считалъ оскорбленіемъ своей чести. Поэтому онъ никогда не отвѣчалъ на изъявленія благосклонности протектора, и мало-помалу сталъ раздѣлять быстро распространявшееся въ народѣ мнѣніе, о невозможности учредить прочный образъ правленія безъ призванія изгнаннаго королевскаго дома. Нѣтъ сомнѣнія, что личная благодарность къ Карлу была не безъ вліянія на его образъ мыслей. Однако же, пока былъ живъ Оливеръ, онъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ обязательствъ съ роялистами, зная, что власть Кромвеля была слишкомъ прочна, чтобы ее могли потрясти составлявшіеся противъ него заговоры.

Вилдрекъ по-прежнему оставался въ домѣ и подъ покровительствомъ Эварда, хотя это покровительство иногда причиняло не мало хлопотъ и непріятностей покровителю. Пока почтенный кавалеръ оставался спокойно въ домѣ своего благодѣтеля, или у его тестя, онъ исполнялъ многія мелкія обязанности, и снискалъ благосклонность Алисы своими угожденіями ея дѣтямъ, въ особенности тремъ мальчикамъ, которыхъ училъ ѣздить верхомъ, драться, дѣйствовать пикюю, и другимъ благороднымъ искусствамъ; или же онъ развлекалъ сэра Генри, игралъ съ нимъ въ шашки или въ шахматы, или читалъ съ нимъ Шекспира; иногда исправлялъ должность дьячка, когда какой-нибудь изгнанный изъ своего прихода священникъ совершалъ службу; когда сэръ Генри ходилъ на охоту, онъ отыскивалъ ему дичь; всего же чаще бесѣдовалъ съ нимъ о брентфордскомъ штурмѣ, или о сраженіяхъ при Эджгилѣ, Бенбери или Роундвейдоунѣ. Старый кавалеръ очень любилъ слушать эти рассказы; но доставалось Вилдреку, когда случалось ему заговаривать объ этихъ подвигахъ полковнику Эварду, стяжавшему свои лавры на службѣ парламенту.

Общество Вилдрека стало въ особенности необходимо сэру Генри Ли, когда онъ лишился своего единственнаго сына. Храбрый Альбертъ былъ убитъ въ несчастной дункирхенской битвѣ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ дрались Англичане. Кромвель, какъ союзникъ Франціи, послалъ ей вспомогательное войско, а приверженцы изгнаннаго короля сражались за Испанцевъ. Сэръ Генри принялъ это печальное извѣстіе какъ старикъ, то есть съ большимъ наружнымъ спокойствіемъ, чѣмъ можно было ожидать. Онъ недѣли и мѣсяцы сидѣлъ надъ строками, доставленными ему неутомимымъ докторомъ Рочклифомъ. Въ началѣ письма было написано мелкими буквами К. К., а въ концѣ подписано Лувсъ Кернеги. Писавшій увѣщавалъ его перенести эту горестную потерю

съ покорностью и твердостью, и помнить, что у него остается еще другой сынъ, то есть самъ писавшій, который всегда будетъ чтить его какъ отца.

Но несмотря на это утѣшеніе, горестъ незамѣтно точила сѣра Генри, какъ упырь сосала его кровь и мало по-малу изсушала въ немъ родники жизни; старикъ, безъ всякой видимой болѣзни, безъ жалобы, все болѣе и болѣе утрачивалъ силы, унадалъ, и помощь Вилдрекъ дѣлалась съ каждымъ днемъ необходимѣе.

Она, впрочемъ, не всегда была подъ рукою. Кавалеръ былъ изъ числа тѣхъ счастливицевъ, которымъ крѣпкое сложеніе, безпечный нравъ и кипучая кровь позволяютъ всю жизнь быть школьниками, — наслаждаться настоящимъ, не заботясь о послѣдствіяхъ.

Разъ или два въ годъ, когда у него накоплялось нѣсколько денегъ, кавалеръ Вилдрекъ отправлялся въ Лондонъ. Тамъ онъ, какъ самъ рассказывалъ, шатался, пилъ сколько могъ промыслить вина, словомъ, кутилъ съ такими же буйными кавалерами каковыя былъ самъ, пока, вслѣдствіе какого-нибудь неумѣстнаго слова или буйнаго дѣла, не попадалъ въ маршалскую, флотскую или другую какую-нибудь тюрьму, откуда его надо было выручать ходатайствомъ, деньгами, и отчасти цѣною собственнаго своего добраго имени.

Наконецъ Кромвель умеръ, сынъ его отрекся отъ управленія, и послѣдовавшія затѣмъ перемѣны побудили Эврарда и многихъ другихъ принять болѣе дѣятельныя мѣры въ пользу короля. Эврардъ далъ даже для короля значительныя суммы денегъ; впрочемъ со всевозможною осторожностью, переписываясь о томъ непосредственно съ самимъ канцлеромъ, которому онъ въ то же время сообщилъ много важныхъ обстоятельствъ по управленію государства. Несмотря на все свое благоразуміе, онъ едва не былъ вовлеченъ въ неудачное возстаніе Бута и Мидльтона на западѣ, и съ трудомъ избѣжалъ послѣдствій этой преждевременной попытки. Послѣ этого, несмотря на усилившійся безпорядокъ въ королевствѣ, счастье казалось не на сторонѣ короля, до самаго движенія генерала Монка изъ Шотландіи. Даже тогда, наканунѣ полнаго успѣху, приближенные Карла считали его положеніе безнадежнымъ болѣе чѣмъ когда-нибудь, въ особенности когда при наленькомъ дворѣ его, въ Брюсселѣ, получили извѣстіе, что Монкъ, прибывъ въ Лондонъ, изъявилъ покорность волѣ парламента.

Въ это самое время, однажды вечеромъ, когда король, Букингамъ, Вильмотъ и нѣкоторые другіе члены его кочующаго двора

сидѣла за пріятельскою пирушкою, канцлеръ Кларендонъ неожиданно потребовалъ аудіенціи и, войдя съ мѣньшими церемоніями противъ обыкновеннаго, объявилъ важную вѣсть. О самомъ вѣстникѣ, говорилъ онъ, нельзя сказать ничего кромѣ того, что онъ, по-видимому, крѣпко подпилъ и плохо выпался; но что онъ привезъ вѣрющія письма отъ человѣка, за вѣрность котораго можно поручиться головою. Король пожелалъ самъ видѣть вѣстника.

Вошелъ человѣкъ, въ пріемахъ котораго еще были замѣтны нѣкоторые слѣды порядочнаго общества, но болѣе похожій на негодяя самаго низшаго разряда; глаза его опухли и покрасѣлись; на каждомъ шагу онъ шатался и спотыкался, частью, вслѣдствіе недостатку сна, частью отъ дѣйствія средствъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для подкрѣпленія своихъ силъ. Онъ безъ церемоній привалился къ столу, схватилъ руку короля и принялся облизывать ее какъ кусокъ пряника. Карлу, начинавшему припоминать его по этому странному привѣтствію, было очень досадно, что свиданіе ихъ происходило при столькихъ свидѣтеляхъ.

— Я привезъ добрую вѣсть, сказалъ вѣстникъ, чудесную вѣсть. Король получитъ обратно достояніе свое! Возвеселились ноги мои по горамъ! Чортъ возьми! не даромъ прожилъ я столько времени между пресвитеріями: выучился ихъ языку.... Но теперь мы всѣ дѣти одного отца.... дѣти вашего величества. Парламентъ въ Лондонѣ лопнулъ: вездѣ горятъ потѣшные огни, гремитъ музыка; вездѣ пьютъ за здоровье короля; весь Лондонъ будто въ огнѣ отъ Странда до Ротергайта, — вездѣ гремятъ кубки....

— Это мы и сами можемъ угадать, сказалъ герцогъ Букингамъ.

— Старый другъ мой Меркемъ Эвхардъ послалъ меня съ вѣстью... будь я проклятъ, если съ-тѣхъ-поръ сомкнулъ глаза хоть на минуту. Ваше величество узнаете меня, я надѣюсь? Помните, ваше величество?... у Королевскаго Дуба, въ Вудстокѣ?

— Мистръ Вилдрекъ; помню очень хорошо, сказалъ король. И вѣсть ваша вѣрна?

— Какъ нельзя вѣрнѣе, ваше величество; я самъ слышалъ какъ звонили колокола.... самъ видѣлъ потѣшные огни.... самъ пилъ за здоровье вашего величества такъ усердно, что ноги едва дотащили меня до гавани. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я бѣдный Роджеръ Вилдрекъ изъ Скватльсмера, что въ Линкольнскомъ графствѣ.

Тутъ герцогъ Букингамъ шепнулъ королю:

— Я всегда подозрѣвалъ, что ваше величество изволили водиться съ очень подозрительными людьми послѣ бѣгства изъ Ворчестра, но такого образчика я не ждалъ.

— То же что ты, и всѣ тѣ, съ которыми я вожусь столько лѣтъ здѣсь, отвѣчалъ Карль: такое же неустрашимое сердце, и такая же пустая башка; столько же мишуры, только погрязнѣе; такой же мѣдный лобъ, и почти столько же мѣди въ карманѣ.

— Ваше величество должны бы отдать этого вѣстника съ его добрыми вѣстями въ мои руки, я бы выжалъ изъ него всю правду, сказалъ Букингамъ.

— Благодарю васъ, герцогъ, отвѣчалъ король; но у этого молодца такая же крѣпкая воля, какъ у васъ, а такіе люди рѣдко ладятъ. Лордъ канцлеръ человекъ благоразумный, мы положимся на него. Мистръ Вилдрекъ, ступайте за лордомъ канцлеромъ, онъ доложитъ намъ о вашей доброй вѣсти; и не бойтесь, чтобы вы напрасно потрудились первый привезти намъ эту вѣсть.

Съ этими словами король сдѣлалъ знакъ канцлеру, чтобы онъ увелъ Вилдрека съ собою; онъ боялся, чтобы онъ въ настоящемъ своемъ положеніи не выболталъ кой-чего изъ вудстокскихъ продѣлокъ, такого, что доставило бы надолго пищи остроумію его придворныхъ остряковъ.

Вскорѣ было получено подтвержденіе радостной вѣсти, и Вилдрекъ получилъ хорошее награжденіе и небольшую пенсію, которая, по желанію короля, не была сопряжена ни съ какою обязанностью.

Нѣсколько недѣль спустя, вся Англія хоромъ воспѣвала «двадцать-девятое мая, тотъ радостный день, когда добрый король возвратился въ свою отчину». Въ этотъ достопамятный день король совершалъ свой вѣздъ изъ Рочестра въ Лондонъ, и былъ принятъ народомъ съ такими восторженными выраженіями радости, что онъ сказалъ шутя, что вѣроятно самъ былъ виноватъ, если такъ долго отсутствовалъ изъ страны, гдѣ прибытіе его возбуждало такой восторгъ. Онъ ѣхалъ верхомъ между своими двумя братьями, герцогами Йоркскимъ и Глочестрскимъ, и медленно двигался по улицамъ, усеянными цвѣтами; вездѣ были фонтаны вина, построены были триумфальныя ворота, стѣны домовъ были обвѣшаны коврами и обоями. Граждане стояли толпами, одни въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми цѣпями; другіе въ военныхъ мундирахъ изъ золотой или серебрянной парчи, а за

ними ремесленники, которые ругались въ Вайтголлѣ надъ отцомъ, а теперь съ радостными кликами вводили сына во владѣніе отцовскимъ дворцомъ. Въ Благитѣ встрѣтило короля войско, столько времени наводившее ужасъ на Европу и на самую Англiю, и которое возстановило престолъ, имъ же передъ тѣмъ низвергнутый. Проѣхавъ послѣдніе ряды его, король выѣхалъ на открытую часть холма, гдѣ въ толпѣ простаго народа ждали его многіе знатные люди, чтобы поздравить на пути въ столицу.

Въ числѣ этихъ знатныхъ людей была одна группа, обращавшая на себя особое вниманіе всѣхъ окружающихъ, почтеніемъ, которое оказывали ей всѣ разставленные около того мѣста солдаты. И Кавалеры и Круглоголовые наперерывъ старались услуживать ей; потому что и старикъ и молодой человѣкъ, бывшіе въ этой группѣ отличались во время междуусобной войны.

Группа очевидно составляла одно семейство; главнымъ лицомъ ея былъ старикъ, сидѣвшій въ креслахъ, съ улыбкою удовольствія на лицѣ, и со слезами на глазахъ, когда проходилъ мимо его безконечный рядъ распущенныхъ знаменъ и когда онъ слышалъ давно уже несслыханныя восклицанія толпы; — Боже храни короля Карла! Лицо его было блѣдно, и сѣдая борода бѣлѣлась какъ пухъ; голубые глаза были ясны, хотя очевидно лишены зрѣнія. Всѣ движенія его были медленны; говорилъ онъ мало, и только чтобы отвѣчать на лепетъ своихъ внуковъ, или спросить что-нибудь у дочери, сидѣвшей подлѣ него, въ полномъ развитіи красоты, или у полковника Эврарда стоявшаго позади. Далѣе стоялъ здоровый лѣсничій Джослайвъ Джолифъ, въ своемъ лѣсничьемъ нарядѣ, опершись, какъ Бенаія, на свою дубинку, которая въ свое время также не разъ служила королю; подлѣ него краснощекая его жена, самодовольно улыбалась собственной своей важности, и по временамъ ея рѣзкій голосъ и оглушительный басъ мужа сливались съ кликами толпы.

Три хорошенькихъ мальчика и двѣ дѣвочки лепетали вокругъ дѣда, который отвѣчалъ на ихъ дѣтскіе вопросы, и безпрестанно гладилъ своею изсохшею рукою ихъ бѣлокурые кудри, между тѣмъ какъ Алеса и Вилдрекъ (одѣтый въ богатое платье, и придавшій себѣ мужества однимъ только стаканомъ канарійскаго вина) старались отвлечь ихъ, чтобы они не беспокоили старика. Не забудемъ еще одного замѣчательнаго члена этой группы; огромную собаку, очевидно достигшую послѣднихъ предѣловъ собачьей жизни. Ей было уже пятнадцать или шестнадцать лѣтъ и

она представляла одну развалюху прежней своей красоты; глаза ея отуманились, члены окостенѣли, голова повисла, гордая поступь и живописныя движенія застывались непереворотливую, хромую походкою; но привязанность ея къ господину была также сильна какъ въ молодости. Лежать лѣтомъ у ногъ сэра Генри, а зимою передъ огнемъ, поднимать голову, чтобы смотрѣть на него, лизать отъ времени до времени его высохшую руку или морщинаватую щеку, казалось теперь единственною цѣлью жизни Бивса.

Три или четыре служителя, въ ливреяхъ, стояли около группы, чтобы защищать ее отъ толпы. Но это было бесполезно. Плотный видъ и простота этихъ лицъ давали имъ, даже въ глазахъ самой грубой черни, какое-то патриархальное величiе, внушающее всѣмъ уваженiе, и они сидѣли на своей скамьѣ возлѣ дороги такъ же спокойно, какъ въ собственномъ своемъ паркѣ.

Вотъ звукъ роговъ въ дали возвѣстилъ приближенiе короля; вдутъ герольды и трубачи, вдутъ пышныя перья и золотыя епанчи; вдутъ распущенные знамена, и мечи горять на солнцѣ, и вотъ наконецъ, среди первыхъ вельможъ Англiи, и между своими двумя братьями, ѣдетъ самъ король Карлъ. Онъ уже нѣсколько разъ останавливался, изъ благосклонности ли или изъ политики, чтобы сказать нѣсколько милостивыхъ словъ лицамъ, которыхъ онъ узнавалъ въ толпѣ, и народъ громко прiвѣтствовалъ умное свисхожденiе государя. Но когда онъ увидѣлъ описанную нами группу, — еслибы даже Алиса такъ переиѣнилась, что онъ бы ее не узналъ, — онъ не могъ не узнать съ перваго взгляду Бивса и его стараго господина. Король немедленно сошелъ съ лошади, и подошелъ къ старикну; громкіе клики огласили воздухъ, когда народъ увидѣлъ, какъ онъ собственными руками старался удерживать сэра Генри, хотѣвшаго встать, чтобы прiвѣтствовать своего государя. Усадивъ его въ кресло, Карлъ сказалъ:

— Благослови меня, отецъ, благослови своего сына возвращающагося цѣлымъ и невредимымъ, какъ ты благословилъ его, когда онъ отправлялся въ путь въ часъ опасности.

— Богъ да благословитъ тебя... и сохранить... прощепталъ старикъ, взнемогая отъ волненiя.

Король чтобы дать ему отдохнуть, обратился къ Алисѣ.

— А вы, моя прелестная проводница, какъ провели вы время съ той опасной ночной прогулки? Впрочемъ, и спрашивать не надо, продолжалъ онъ, оглядываясь кругомъ: на службѣ королю и королевству, воспитывалъ имъ такихъ же вѣрныхъ подданныхъ

нашъ отцы. Прекрасное петомство, и весьма отрядное для глазъ англійскаго короля!... Полковникъ Эвхардъ, мы надѣемся увидѣться съ вами къ Вайтгольцъ?

Потомъ король кинулъ головою Виздреку.

— А ты, Джослайнъ, продолжалъ онъ, ты, вѣрно, еще удержишь свою палицу одною рукою, а другую подай мнѣ.

Джослайнъ, потупивъ глаза отъ смущенія, протянулъ королю; какъ бодающийся быкъ, черезъ плечо Алисы; ладонь широкую и жесткую какъ деревянное блюдо; король наполнилъ ее золотомъ.

— Вотъ тебѣ, купи головной уборъ моею пріятельницѣ Фибби, сказалъ онъ: она также вѣрой и правдой служила старой Англии.

Потомъ король еще разъ обратился къ сэру Генри Ли, который, казалось, силлся что то сказать. Онъ взялъ его изсохшую руку, наклонился, чтобы выслушать его слабую рѣчь, но ничего не разслушалъ кромѣ словъ любимаго поэта старика: «Разметана кровавая измѣна, и возвратилась на родину изгнанная вѣрность!»

Высвободившись бережно взъ рукъ старика, и желая поскорѣе избавиться отъ сцены, которая становилась уже затруднительною, король сказалъ со всевозможною внятностью, чтобы старикъ понималъ каждое слово:

— Мѣсто слишкомъ многолюдно для всего, о чемъ мы бы желали поговорить. Но если вы не навѣстите скоро короля Карла въ Вайтгольцъ, то онъ пришлетъ къ вамъ Луиса Кернеги, чтобы вы убѣдились, что онъ сдѣлался гораздо разсудительнѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ порыскалъ по свѣту.

Сказавъ это, онъ еще разъ дружески пожалъ руку сэру Генри, поклонился Алисѣ и всѣмъ окружавшимъ, и отошелъ. Сэръ Генри слушалъ его съ улыбкою, доказывавшею, что онъ понималъ мнѣстивое значеніе его словъ. Когда король удался, старикъ прислонился къ спинкѣ кресель, и сталъ бормотать:

— Отпусти, Господи, душу мою!

— Извините, что я васъ заставилъ ждать, господа, сказалъ король, садясь на лошадь: еслибъ не этотъ добрый народъ, вы бы могли прождать еще долѣе. Ъдемте дальше.

И шествіе двинулось впередъ. Звуки трубъ и клики народа, умолкнувшіе, пока король стоялъ, возобновились. Шествіе представляло такое любопытное, такое великолѣпное зрѣлище, что даже Алиса забыла на время свою заботливость объ отцѣ, и слѣдила за блестящею полосою, извивавшеюся по холму. Когда она опять взглянула на сэра Генри, она испугалась, замѣтивъ, что щеки его, зарумянившіяся во время разговорѣ съ королемъ, опять

поблѣднѣли; глаза были закрыты, и не открывались, и во всѣхъ чертахъ было какое-то спокойствіе и строгость, не похожія на сонъ. Всѣ поспѣшили къ нему на помощь, но уже было поздно. Огонь, догоравшій въ лампадѣ, вспыхнулъ радостнымъ пламенемъ, и мгновенно погасъ.

Остальное читатель самъ угадаетъ. Скажемъ только, что вѣрная собака немногими днями только пережила его, и что изображеніе Бивиса, лежащаго у ногъ своего господина, изсѣчено на надгробномъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ память сэра Генри Ли изъ Дичли.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.

=

I.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Что городъ, то норовъ;
Что деревня, то обычай.

Старинная пословица.

Свадьба въ семейной жизни русскаго народа составляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій, когда человѣкъ вступаетъ въ кругъ новыхъ обязанностей гражданина и семьянина. Потому-то издревле бракосочетаніе сопровождается разными освященными временемъ обрядами, отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою, по мнѣнію народа, непріятныя послѣдствія. Хотя въ большихъ городахъ, отъ вліянія образованности, свадебные обряды не соблюдаются уже съ такою строгостію, какъ въ прежнія времена, однако въ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи они считаются донынѣ совершенно необходимыми, особенно между низшими сословіями. Такъ напримѣръ въ Южной Сибири, или въ обширномъ округѣ

колывановоскресенскихъ заводовъ, занимающемъ почти всю томскую губернію, свадебные обряды, не говоря уже о другихъ повѣрьяхъ и обычаяхъ, сохраняются до нынѣ между нижними горными чинами, заводскими мастеровыми, мѣщанами и главнѣйше крестьянами, или вообще въ среднемъ и низшемъ сословіи тамошняго края, къ которымъ должно причислить также живущихъ въ горномъ округѣ казаковъ линейнаго сибирскаго войска и нижнихъ военныхъ чиновъ. Свадьбы лицъ этихъ сословій конечно совершаются не одинаково, но вполнѣ, и по всѣмъ обычаямъ старины, у крестьянъ, слѣдующимъ образомъ:

Родители, задумавшіе женить сына, прискавъ невѣсту, возлагаютъ сватовство болѣею частію на женщину, извѣстную своими успѣхами и опытностію въ дѣлахъ подобнаго роду. Сваха, разумѣющая вполнѣ ремесло свое, строго наблюдаетъ всѣ необходимыя для успѣху въ такомъ случаѣ условія. Входя на крыльцо дома невѣсты, она ступаетъ на первую ступень правою ногою, говоря: «Какъ нога моя стоитъ твердо и крѣпко, такъ слово мое будетъ твердо и лѣпко; тверже камня, лѣпче клею и сѣры (сосновой); острѣе булатнаго ножа; что задумаю — да исполнится.» Слѣдуя далѣе, она шагаетъ черезъ порогъ непременно прежде правою ногою, а войдя въ комнату и помолясь Богу, садится только подъ *матицей* *, и на ту лавку, которая идетъ по длинѣ пола. Усѣвшись, нежданая, а иногда и желанная гостя завязываетъ съ хозяевами какой-нибудь незначущій разговоръ, стараясь потомъ ловко обратить его къ прямой цѣли своего посѣщенія, а хозяева, угадывая это намѣреніе, вслѣдствіе уклоняются отъ объясненія, какъ-бы въ доказательство, что о замужествѣ дочери и не думаютъ.

Наступательныя дѣйствія съ одной и оборонительныя съ другой стороны, длятся иногда значительное время. Наконецъ сваха, улучивъ удобную минуту, встаетъ, и обращаясь къ отцу и матери невѣсты съ низкими поклонами ведетъ такую рѣчь: «Я пришла къ вамъ не пиръ пировать, не столы столовать, а пришла я съ добрымъ дѣломъ со сватаньемъ: у васъ есть дорогой товаръ, а у меня знатный купецъ.» Тутъ объявляетъ она имя жениха, и если услышитъ какія-нибудь отговорки, наприимѣръ что

* Балка, бревно, поддерживающее потолокъ. Для объясненія значенія нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ этой статьѣ словъ, мы ко второй статьѣ присоединимъ словарь, заключающій въ себѣ и рѣченія малопозвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ.

невѣста молода еще, что ей надо покопнть ума-разума, — те обращаетъ ихъ въ шутку, возражая: «То вѣдь не бѣда, что невѣста молода; съ добрымъ молодцомъ возмужаетъ подь вѣдцомъ!» и тому подобное.

Нерѣшительность родителей невѣсты или несогласіе послѣдней, заставляють иногда сваху посѣтить ихъ неоднократно, безъ всякаго успѣху, не смотря на всѣ употребляемые ею способы и таинственныя предосторожности, — порою заклинанія и наговоры. Впрочемъ, медленность въ согласіи родителей и невѣсты происходитъ нерѣдко съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выиграть время, необходимое для развѣдыванія о качествахъ жениха, его состояніи и прочаго. Но если предлагаемый союзъ находятъ выгоднымъ, или когда женихъ полюбится дочери, то переставъ противиться, и какъ-бы предоставляя дѣвушкѣ полную свободу выбора, обыкновенно говорятъ въ такомъ случаѣ: «Ну, итъ съ Богомъ! выбрала молодца, такъ ужъ послѣ не пѣняй на отца!» За тѣмъ дѣло и пойдетъ своимъ порядкомъ.

Назначается день *рукобитья* (сговора), на которое приглашаются въ домъ невѣсты только ближайшіе съ обѣихъ сторонъ родственники. Когда соберутся всѣ, то зажигаютъ свѣчи предъ образами, потомъ, помедливъ немного, всѣ присутствующіе встають и безмолвно молятся Богу. Послѣ этого религіознаго обряда, сваха, или кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ жениха, беретъ за руку отца невѣсты, а одинъ изъ почетныхъ гостей подходитъ къ нимъ, и, разнимая ихъ руки, говоритъ: «Благослови Господи! въ добрый часъ!» Всѣ въ голосъ повторяють: «Въ добрый часъ!» За тѣмъ слова молятся Богу, поздравляють другъ друга съ начатымъ дѣломъ и садятся по мѣстамъ. Въ это время входитъ невѣста въ сопровожденіи матери, которая, подведя ее къ жениху, говоритъ: «Вотъ тебѣ суженая ряженая; прошу любить да жаловать!» Женихъ кланяется, беретъ невѣсту за руку, цѣлуетъ и сажаетъ возлѣ себя. Послѣ того начинаются угощеніе и приличныя пѣсни.

1. НА ВЫБОРЪ НЕВѢСТОЮ ЖЕНИХА.

Какъ у Аннушки матушка
 Не добра была, не ласкова;
 У Андреевны родная
 Не ласкова, не привѣтлива.
 Посылала ее матушка

Что во сырой боръ по ягоды:
 Выбери-ко себѣ дитятко,
 Что изъ ягодокъ, ты, ягоду;
 Изъ калины - калинушку,
 Изъ малины - малинушку,
 Изъ смородины - смородинку.
 Какъ у Аннушки матушка
 И добра была и ласкова;
 У Андреевны родимая
 И ласкова и привѣтлива.
 Посылала ея матушка
 Во высокъ теремъ бояръ смотрѣть.
 Выбери ко себѣ, дитятко,
 Изъ князей ты себѣ княжича,
 Изъ бояръ себѣ боярина;
 Выбери сужено, ряжено,
 Удалова, добра молодца.
 Красна дѣвица назадъ идетъ;
 Подъ ней ноги подгибаются,
 Бѣлы руки опускаются,
 Очи ясны закрываются.
 Горьки слезы проливаются.
 Ужъ я выбрала - то, матушка!
 Себѣ суженое, ряженое,
 Удалова, добра молодца,
 Свѣтъ Ивана - то Никитича!

2. Невѣствъ:

Перекатное, красно солнышно,
 Ты звѣзда ли перекатная!
 Закатилася ты за облаки,
 Прочь отъ свѣтлаго, ясна мѣсяца.
 Перешла наша дѣвица
 Что изъ горницы, во горницу,
 Изъ хорошей-то во свѣтлую;
 Перешла и задумалась
 Какъ задумавшись, заплакала;
 Во слезахъ-то слово молвила:
 Государь ты мой, родной батюшка!
 Невозможно-ли того сдѣлати,
 Что за мужъ меня не гыдати?

3. Невѣстину отцу.

Не лежи ты, боберь, у крутыхъ береговъ,
 Черная куна возгъ быстрой рѣки;
 Не сиди, Андреянъ, во чужомъ во пиру,
 Андреянъ господинъ, свѣтъ Михайловичъ!
 Сваряжай ты свадьбу Дунюшкину
 Свѣтъ Авдотьи Андреевны.
 У меня свадьба снаряжена:
 Девять печей хлѣба спечено,
 Десятая печь большихъ калачей;
 Девять четвертей вина насыжено;
 Все приданое приготовлено:
 Десять городовъ съ пригородками;
 Десять теремовъ съ притеремками.

4. Ему же и матери.

Ты выхоже ли, красно солнышно,
 Государь мой, родной батюшка!
 Ты заря моя, подвосточная,
 Государыня, родна матушка!
 Не вставай-ко, родна матушка,
 На рѣзвья свои ноженьки;
 Не вздувай-ко ты, родимая,
 Изъ углей огня яснаго;
 Не затепливай, родна матушка,
 Ты свѣчи-то воску яраго
 Передъ образами чудными.
 Не запоручивай буйну голову,
 Буйну голову, дѣвью красоту!
 Ужъ гораздо я вамъ наскучила,
 Ужъ гораздо напрокучила:
 Много хлѣба, соли скушала,
 Много квасу, пива выпила;
 Износила платья цвѣтнаго,
 Истоптала много чоботовъ.
 Богоданый сударь-батюшка!
 Ты моги-ко встать, поднятися,
 Нарѣзвые свои ноженьки;
 Ты моги-ко дойти, достигнуть.

До берчатой, до занавѣсы,
До кручинной, красной дѣвицы!

5. Имъ жк.

Кругомъ солнце обошло;
Рядомъ бояре ѣхали;
Вершину у рябинушки сломили,
Конямя подъ ноги бросили;
Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябина безъ верху;
Живи, батюшка, безъ дочери,
Безъ любимыя, Аннушки.
Кругомъ солнышко обошло,
Рядомъ бояре ѣхали;
У рябины вершинушку сломили,
Конямя подъ ноги бросили.
Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябинушка, безъ верху,
Живи, матушка, безъ дочери,
Безъ любимыя дочери, Аннушки!

6. Невѣста подружкамъ.

Вы, голубушки мои сизыя,
Приближенныя сосѣдочки!
Любезныя мои подруженьки!
Что пройдетъ-то зима студеная,
Что пройдетъ-то весна красная,
Сокатятся съ горъ бѣлы снѣжки,
Нарастетъ-то трава мурава
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы;
На кустъ созрѣетъ ягодка,
Черна ягодка-смородинка.
Какъ пойдете вы въ чисто поле,
Что по ягуду-смородину;
Принесите-ко, голубушки,
Что мою-ль то, дѣвью красоту;
Какъ моя-то дѣвья красота,
Что на кустикъ, на ракивовомъ;
Привидась-то дѣвья красота
Ко кусточку алой ленточкой.
Вы снимите дѣвью красоту

Со ракитова со кустика;
 Положите во коробочку,
 Принесите къ рѣдну батюшкѣ,
 И къ родимой моей матушкѣ,
 Что во свѣтлую во свѣтлицу,
 Во свѣтлицу — въ нову горницу;
 Что поставьте вы коробочку
 Во свѣтлицѣ, на дубовой столѣ.

7. НЕВѢСТЪ.

Какъ на улицѣ, улицѣ,
 На широкой на площади,
 Тутъ играли, поигрывали
 Что милы дружки Дуняшиньки.
 Они мало выигрывали,
 Они много проигрывали;
 Проиграли свою сестру,
 Что Авдотью Ивановну.
 На дугу, дугу зѣленомъ,
 На ковръ, ковръ шелковомъ,
 На кругу, кругу зѣлотомъ.
 Тутъ играли, поигрывали
 Что милы братцы Фѣкины. •
 Они мало проигрывали,
 Они много выигрывали:
 Выиграли милу сноху,
 Что Авдотью Ивановну;
 Рѣдну батюшкѣ — невѣстушку;
 Рѣдной матушкѣ — замѣнушку;
 Какъ милу дружку обручницу!
 Обручницу, подвѣнчницу,
 Подвѣнчницу, вѣковѣчницу!

Послѣ *рукобитья* назначаются *смотрѣнье* и *дѣвичникъ*. Первое — торжественное обоюдное представленіе жениха и невѣсты будущимъ родственникамъ и знакомымъ. *Дѣвичникъ* — послѣдній вечеръ передъ свадьбою. Иногда то и другое бываетъ въ одинъ день. Какъ на *дѣвичникѣ*, такъ и на *смотрѣнье* собираются, кромѣ родственникововъ, не только лица приглашенные, которыя должны участвовать въ свадебномъ пиршествѣ, но приходятъ и незваные, особенно если знаютъ, что въ заключеніе вечера бу-

детъ пляска. Между-тѣмъ женихъ, во все время отъ *рукобитья* до свадьбы, ходитъ или долженъ ходить къ невѣстѣ каждый день; но у поселянъ это не всегда наблюдается. Онъ приноситъ съ собою разные, по своему достатку гостинцы, — пряники, орѣхи и тому подобное, — угощая невѣсту и подругъ ея, которыя шьютъ приданое подъ напѣвъ приличныхъ случаю пѣсень. Иногда, вечеромъ, приходятъ товарищи жениха и затѣваютъ какія-нибудь игры.

На смотрѣнье, дѣвичникъ и свадьбу приглашаются у поселянъ и мастеровыхъ дружка, у другихъ сословіи шаферъ. Дружка долженъ быть знахаремъ, чтобы кто-нибудь не *похиностиль* (не испортилъ) жениха, невѣсту, или ихъ родственниковъ и поѣзжанъ; долженъ знать порядокъ, что и за чѣмъ слѣдуетъ; уметь во время сдѣлать, что нужно. Онъ самое необходимое лицо, безъ совѣту котораго ничего не предпринимается, и потому дружка распорядится всѣмъ, какъ совершенный хозяинъ; назначаетъ, когда подавать закуски или кушанье на столъ; угощаетъ отца и мать невѣсты, жениха, его родню, и всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ это время на кушакѣ у него съ лѣвой стороны виситъ ножъ, для разрѣзыванія кушанья, на передѣ *берчатое пологенце* и пистолетъ, на правой сторонѣ заткнута плеть или бичъ. Во время угощенья, или когда гости заняты пѣснями, дружка неожиданно стрѣляетъ изъ пистолета въ матицу, въ уголь или стѣну, и каждое дѣйствіе свое сопровождаетъ различными присказками и поговорками, иногда полными неподдѣльного остроумія и простодушной прови, заставляющей тѣхъ, къ которымъ относится мѣткое слово дружки, невольно закусывать губу, а другихъ смѣяться до слезъ. Впрочемъ на смотрѣнн иногда дружки и не бываетъ.

Въ назначенный для смотрѣнья день, вечеромъ, или вскорѣ послѣ обѣда прѣзжаетъ женихъ съ отцомъ и матерью, родственниками и товарищами къ невѣстѣ, и помолясь Богу, всѣ садятся чинно по мѣстамъ. Въ это время вводятъ невѣсту изъ другой комнаты, или изъ *хути*, отдѣляемой отъ прочаго пространства избы досчатую перегородкою или занавѣскою. Женихъ и всѣ присутствующіе, вставъ, единогласно привѣтствуютъ ее, а потомъ женихъ беретъ невѣсту за руку, и, поцѣловавъ, сажаетъ возлѣ себя. Впродолженіи всего вечера, она, по обычаю, сидитъ, сложивъ голову и почти вовсе не разговариваетъ съ женихомъ, даже не глядитъ на него, исключая тѣхъ минутъ, когда подають угощенье. Послѣ этой церемоніи начинаютъ пѣсни.

Тебѣ Богъ судья, рѣдной батюшка!
 Тебѣ Богъ судья, рѣдна матушка!
 Поневолили меня замужъ итти,
 За удалаго, добра молодца.
 Развѣ много я хлѣба скушала?
 Износила платья цвѣтнаго?
 Мнѣ не годъ годовать у васъ;
 Не зиму зимовать у васъ;
 Не весну весновать у васъ;
 Одну ноченьку ночевати!
 Не знать ноченьку пролежати,
 Не знать ноченьку просидѣти,
 Не знать ноченьку проходить,
 Не знать поченьку простояти,
 Не знать съ батюшкой думу думать,
 Не знать съ матушкой мысли смыслити,
 Не знать съ братцами мнѣ гуляти?

На горѣ-то, на высокія,
 Какъ у церкви, у соборныя,
 Высоко поднять колоколь;
 Далеко звонъ услышали.
 Слышно съ городу на городъ,
 Слышно съ терема на теремъ.
 Въ терему красна дѣвица,
 Свѣтъ Авдотья Ивановна;
 Запоручена, запросватана,
 За удалова, добра молодца,
 За Григорья Николаича.
 Вы голубушки мои, сизыя,
 Вы любезныя, вы подруженьки!
 Потрудитесь-ко, голубушки,
 Въ дѣвѣй красотѣ во послѣдніе:
 Ужъ мнѣ съ вами-то, подруженьки,
 Во зеленомъ саду не гуливать,
 Алы ягодки не щипывать!
 Со восточной со сторонушки,
 Потянули вѣтры буйныя;
 Накатились тучи грозныя;
 Налетѣли черны вороны!

Во полѣ лебедушка *кикала*;
 Въ теремѣ Устиньюшка плакала.
 Тебѣ Богъ судья, родной батюшка,
 Отдаешь молодую во чужие люди.
 Остается отъ меня зеленъ садъ,
 Завянуть цвѣтики лазоревы.
 Накажу я родную батюшкѣ:
 Ужъ вставай-ко ты ранешенько,
 Поливай цвѣты частешенько,
 При вечерней зарѣ, утренней,
 И своею горячею слезой.

—

Сободемъ Наташинька *лѣса прошла*; (bis)
 Крыла лѣса *алымъ баргатомъ*,
 По пути катила *крупнымъ жемчугомъ*.
 Прикатила на *крутой бережокъ*;
 Стала на *бѣль-горючъ камешокъ*;
 Вскрикнула она *зычнымъ голосомъ*:
 Кто бы меня за *рѣку перевезъ*?
 Много бы дала *тому золота*,
 Больше бы того *скатна жемчугу*.
 Не откуль взялся *Агафонъ господинъ*;
 Агафонъ господинъ, *свѣтъ Ивановичъ*.
 Онъ лодочку спускаетъ *во быстру рѣку*;
 Онъ скоро поспѣшаетъ *ко Наташинькѣ*,
 Ко Наташинькѣ, *свѣтъ къ Федотовнѣ*.
 Ужъ чѣмъ тебя дарить, *добрый молодецъ*?
 Есть у меня *золота казна*;
 Жемчугъ дорогой, *платье цвѣтное*.
 Миѣ не надо твоя *золота казна*;
 Жемчугъ дорогой, *платье цвѣтное*:
 Подари собой, *мое сужено*,
 Мое сужено, *мое ряжено*!

—

Агафонъ господинъ ходитъ по двору,
 Свѣтъ Козмичъ гуляетъ по широкому.
 Кунья шуба на немъ до полу;
 Соболина шапка до верху;
 Божья милость на немъ до неба;

Какъ богатство, счастье до вѣку.
 Сужено смотреть изъ полога
 А бояре смотреть изъ города,
 А боярнии изъ терема.
 Бояре молвятъ: чей же такой?
 Боярнии молвятъ: чей господинъ?
 А сужено молвить: мой дорогой.

Ты рѣка - ли, моя рѣченька,
 Ты рѣка - ли, моя быстрая!
 Ты рѣка по лугамъ течешь,
 По раздольямъ равливаешься,
 У тебя - ль, у быстрой рѣченьки,
 Берега были хрустальные,
 А пески на нихъ жемчужные.
 Тутъ стоялъ тонкій бѣлъ шатерь.
 Ужъ какъ дѣвица изъ терема
 Приходила ко-бѣлу шатру;
 Разбужала добра молодца:
 Пробудись удамой молодецъ!
 Пробудися мое сужено,
 Пробудися мое ряжено!
 Что пришла къ тебѣ дѣвица,
 Что пришла я позабавиться,
 Поиграть въ гусли звончатые.
 Проиграла красна дѣвица
 Золотой перстень съ правой руки.
 Не въ досаду - ль, тебѣ, дѣвица?
 Не въ досаду добрый молодецъ.
 Проигравъ ей добрый молодецъ
 Свои гусельцы звончатые.
 Не въ досаду - ль тебѣ молодецъ?
 Не въ досаду красна дѣвица.
 Проиграла красна дѣвица
 Что свою - то трубочату косу.
 Не въ досаду - ль красна дѣвица?
 Не въ досаду добрый молодецъ.

Какъ сидѣла я во теремѣ,
 И низала - ли жемчужинки

Что на длинную ниточку.
 Не отколь взялся ясенъ соколъ,
 Онъ взмахнулъ правымъ крылышкомъ,
 Онъ задѣлъ имъ за тарелочку,
 За тарелочку серебряну:
 Онъ просыпалъ вѣв жемчужинки;
 До одинаго до зернышка.
 Какъ расплакалася дѣвица,
 Стоючи передъ батюшкой.
 Ты не плачь ко, мое дитяtko:
 Созову я князей, бояръ;
 Подберутъ твои жемчужинки,
 До одинаго до зернышка.

Въ это время угощаютъ гостей питьями. Гости отвѣдавъ вина или наливки, просятъ подсластить ихъ, что значитъ поцѣловать жениху невѣсту. Выпивъ рюмку, дарятъ невѣсту, кто чѣмъ можетъ.

Пѣсня на подарки.

По городу, по городу звоны пошли;
 По терему (bis), дары понесли.
 Дарили дары душъ дѣвицъ.
 Прими дары, душа дѣвица,
 На наши дары не прогнѣвайся:
 Наши дары, не пасенныя;
 Свадебка-то, неожиданна.

За тѣмъ поются пѣсни тысяцкому (начальнику поѣзда, воеводѣ), свахамъ, и всѣмъ вообще присутствующимъ, каждому особо. По окончаніи пѣсни одна изъ дѣвушекъ подноситъ рюмку вина или наливки тому, для котораго поется пѣсня. Угощаемый, выпивъ рюмку, кладетъ на подносъ деньги, которыя дѣлятся потомъ между пѣвицами. Если подаркомъ останутся довольны, то величаютъ (благодарятъ), въ противномъ случаѣ платятъ на смѣшную.

Пѣсня тысяцкому.

Ахъ ты, тысяцкой воевода!
 Ты похваля, сударь, воевати,
 Не невѣрную силу побѣждати,

Не въ чуду, дальну землю;
 Но съ пушвымъ, сударь, со товаромъ,
 Что со черными, сударь, соболями.
 Ты за то, сударь, брать головами,
 Что съ дѣвными красотами,
 Что со русыми со косами.
 А ты слышишь - ли, слышишь - ли,
 Сударь, тысяцкой воевода?
 Тебѣ пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ!
 Что по имени тебя называемъ,
 По *изотчеству* * величаемъ!

Жениховой свахѣ.

Что княжая - то наша свашенька богата,
 Какъ по имени Ирина Ермолавна;
 Она съ гривенки на гривену ступаетъ,
 Что рублемъ она вороты отпоряетъ,
 А полуторчя широки запираетъ,
 По подтипъ во все стороны бросаетъ.
 Изъ тюремъ она тюремныхъ выкупае,
 Изъ неволн - то невольныхъ выручала;
 Сиротамъ, вдовамъ казны много давала,
 За нее - то сироты, вдовы Бога молятъ.

Ахъ ты, слыпишь - ли княжая свашенька,
 Свѣтъ Ирина душа Ермолавна?
 Про тебя дѣвицы пѣсню пѣли,
 Что по имени тебя называли,
 По *изотчеству* тебя величали.
 Ты дари - ко дѣвицъ, не скупися,
 Не рублемъ ихъ, не подтиной — алатой гривной.

Свахѣ невѣстиной.

Что княжина - то свашенька, бѣлая,
 Какъ по имени - то Анна Евсигневна.
 Что по три годъ полотна бѣлила,
 Что на синемъ морѣ ихъ полоскала,
 Что на камешкѣ, на сѣромъ колотила;

* Имя отца, придаваемое къ собственному; называть по *изотчеству* величать.

Что къ Авдотѣ - то на свадьбу поспѣшала,
 Что къ Денисьевнѣ на чѣстну торопилась.

Ахъ, ты, слышишь - ли княжина сващинька ?
 Мы те пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ ;
 Будьто сыръ молодой на блюдѣ,
 Какъ скатень - то жемчугъ въ ожерельѣ.
 Ты дари - ко дѣвицъ, не скупися ;
 Не рублемъ, не полтиной — золотой гривной.

Женатымъ.

На лугъ, лугъ,
 Стояли три роты ;
 Три роты военны.
 Посередь роты ходить
 Господинъ нашъ полковникъ,
 Свѣтъ Андрей Николаичъ.
 На немъ шуба соболья,
 Она крыта парчею,
 Что парчею голубою.
 Какъ бояре - то спросятъ :
 Господинъ нашъ, полковникъ,
 Тебя кто шубой дарилъ ?
 Али тестъ, али теща ?
 Отвѣчаетъ имъ полковникъ :
 Не тестъ дарилъ, не теща.
 Что дарилъ государь - царь
 За мою службу върну.
 За мою неизмѣнну,

Послѣ каждаго стиха этой пѣсни припѣваютъ : уряди, дидъ ла-
 до, уряди !

Холостымъ.

Во полъ дѣревцо,
 Во чистомъ кипарисъ - древо !
 На томъ на дѣревцѣ
 Выростали двѣ вѣточки ;
 На тѣхъ на вѣточкахъ
 Выростали двѣ ягодки ;
 Первая - то ягодка
 — Какъ Иванъ - то Андреевичъ ;

Вторая - то ягодка
— Катерина Ивановна.

2.

Исполать тебѣ, удадь молодець,
Какъ Иванъ, сударь, Николаевичъ!
Ты умвль хорошь родитися,
Хорошо снарядитися:
Со тонка высокошенекъ,
Со бвлд кудреватенекъ.
Чго пора тебѣ спожевитися
Какъ нявста твоя выросла
Дороги дары повышила.

Ахъ, ты слышишь - ли?
Мы те пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
По имени называемъ,
По изѳтчеству величаемъ.
Будьто сыръ молодой на блюдъ
Какъ скатанъ - то жемчугъ въ ожерельѣ.
Ты дари - ко дѣвицъ, не скупися,
Не рублемъ, не полтиной — златой гривной
А ты станешь дарить,
Мы те станемъ хвалить;
Ты не станешь дарить,
Мы те станемъ корить.

Ахъ, ты, самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши вожницами;
У те шея бвлд
Будьто въ петлѣ была;
У те рожа пестра
Лихорадка трясла.

3.

Вообщемъ мужчинамъ

То Михайлѣ пѣсенка,
То ясному соколу,
Со бвлдой лебедушкой,
Свѣтъ съ Анной Григгорьевной.

Слышишь ли, Михайло господинъ,
 Слышишь-ли, Федотычъ господинъ ?
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ ;
 Мы тебя величаемъ,
 И по имени называемъ.
 Какъ бы бѣлый сыръ на блюде,
 Какъ бы сладкой медъ въ сосудѣ ;
 Въ саду вишенье садовое,
 Сладко яблочко, наливное.
 Мы просимъ тебя, не скупися,
 Съ золотой гривной разступися.

Чтобъ побудить къ щедрости, поютъ еще слѣдующія припѣвки:

Тысяцкому.

Ты удалый, добрый молодецъ,
 Свѣтъ Андрей, сударь, Ивановичъ !
 Ты охочь былъ по пирамъ ходить,
 По сговорамъ, по дѣвичникамъ,
 По дѣвичьимъ вечериночкамъ,
 Ты охочь былъ пѣсни слушати,
 И охочь ты былъ дѣвицъ дарить,
 Не рублями, не полтинами,
 Золотыми все бы гривнами.

Другимъ мужчинамъ.

Агафонъ господинъ, не скупися,
 Съ золотой гривной разступися ;
 Тебѣ тѣмъ казны не скопити.
 Башмаковъ невѣствъ не купиши.
 Ко обвѣднѣ пойдетъ — замарасть,
 Отъ обвѣдни пойдетъ — потеряеть.

Или:

Ахъ! мы пѣсенки перепѣли,
 У насъ горлышки пересохи ;
 Отъ Варлама даровъ не видали,
 Отъ Андрѣича не примѣли.
 Хоть дѣвицамъ бы водицы,
 А послаще водицы - сытницы.

Если подаркомъ довольны, то поютъ:

Бьемъ челою, покланяемся;
 На большихъ дарахъ, на Варламовыхъ.
 Дай-те Богъ, подаруй Христось,
 Дворъ те скота, да авбаръ живота;
 Сына сокола, дочь боярыню.

Или:

Спасибо, Варламя господинъ,
 Спасибо, Федотьевичъ;
 Твоего меду мы выпили,
 И челою тебѣ ударили,
 Со поклономъ, словомъ ласковымъ.

Въ противномъ же случаѣ:

У Варлама въ гостяхъ *не бывали* (bis)
 Его меду мы *не пивали*;
 Ужъ какъ медъ-то его *что водица*,
 А дары-то его *что тряпича*.

Кромѣ приведенныхъ выше пѣсень, поютъ холостыиъ еще слѣдующую:

У воротъ вились веревушки
 У широкихъ завивалися.
 Какъ не сами онѣ вилися
 — Завивали ихъ плотнички,
 Топорами-то булатными,
 Ужъ какъ у свѣта-Николиньки
 Не сами-то кудри вилися,
 Не сами-то завивалися;
 Завивала ихъ мила сестра,
 Свѣтъ Авдотья-то Григорьевна.
 Что на всякую кудрмичку,
 По бурмицкой по жемчужинкѣ,
 Самоцвѣтному по камешку.

Всѣ эти пѣсни свахамъ и гостямъ, называемыя вообще *припѣлками*, поются и на дѣвичникѣ.

Когда всѣ такимъ образомъ будутъ обойдены, начинается слѣдующая пѣсня:

Ахъ ты, воля, ты воля бѣтюшкина,
 Ахъ, ты, нѣга, ты нѣга матушкина!

Я у батюшки жила, красовалася,
 Я у матушки жила во своей волю.
 По утру ранымъ раненько не вставывала,
 И я раннихъ пѣтуховъ млада не слушивала;
 А умывъ руки, садилася за дубовый столъ,
 Со батюшкой, со матушкой хлѣбъ соль кушати;
 Со подруженьками думу думати.
 Вы, любезные подруженьки, голубушки!
 Научите вы, подруженьки, уму разуму:
 Оставлятъ ли мнѣ свой родимый кровъ?
 Отказаться-ль мнѣ отъ родителей?
 Называться-ль мнѣ по чужой семьѣ?
 Вы не знаете моей горести:
 Ужъ какъ я млада запросватана
 За пезнамова добра молодца!

Этою послѣднею пѣснею оканчивается церемонія смотрѣнія; послѣ чего женихъ, пригласивъ отца и мать невѣсты и другихъ гостей къ себѣ, и угостивъ вечернимъ столомъ, пріѣзжаетъ обратно къ невѣстѣ, гдѣ оставшіяся подружки ея веселятся всю ночь. Какъ въ этотъ вечеръ, такъ и во всѣ другіе дни, съ рукобитья до самой свадьбы, собирающіяся къ невѣстѣ подружки поютъ пѣсни, въ которыхъ выражается сожалѣніе дѣвушки объ оставляемыхъ отцѣ и матери, дѣвичьей волю, беззаботной жизни и прочемъ. Изъ пѣсней главнѣйшія и общеупотребительныя —

1.

Какъ ночью-то мнѣ, матушка,
 Мнѣ малымъ-мало спалося;
 Малымъ спалося, много видѣлось.
 Что привидѣлся чудный сонъ:
 Какъ построена горенка,
 Что во горенкѣ кроватушка,
 На кровати черный соболь,
 На полу сѣра уточка,
 По полочкамъ голуби,
 По лавочкамъ ласточки,
 На окошкѣ ясенъ соколъ.
 Ты дитя-ль, мое дитятко,
 Ты дитя, чадо милое,

Я тебѣ этотъ сонъ разсужу:
 Какъ построена горенка
 — То чужа тебѣ сторонушка;
 На кровать черной соболь
 — Это твой свекорь батюшка;
 На полу сѣра уточка
 — То свекровушка матушка;
 А на подочкахъ голуби
 — Это братья деверья твои;
 А на лавочкахъ ласточки
 — То сестрицы золовушки;
 На окошкѣ ясенъ соколъ
 — То твое, дитя, суженое;
 Твое сужено, ряженое.

2.

По горамъ я ходила,
 Полянъ траву сѣяла
 Василечки садила.
 Не отколь взялся мѡлодецъ
 На своемъ на добромъ конѣ.
 Онъ полянъ траву вытопталъ,
 Василечки всѣ выщипалъ,
 И меня, младу, высмотрѣлъ.
 Сестра брату жаловалась:
 Ахъ ты братъ, ты мой мизый братъ,
 Я по горамъ ходила,
 По высокимъ гуляла,
 Полянъ траву сѣяла,
 Василечки садила.
 Не отколь взялся молодецъ
 На своемъ на добромъ конѣ;
 Онъ полянъ траву вытопталъ,
 Василечки повыщипалъ
 И меня младу высмотрѣлъ.
 Ты, сестра, моя милая,
 Сестра, сиза голубушка,
 Свѣтъ Маланья Григорьевна!
 Я и самъ-то холѡстъ хожу,
 Я чужихъ самъ сестеръ смотрю.

3.

Педь горой, горой високою,
 Что кипить колодезь съ краснымъ золотомъ,
 Красны дѣвнцы разчерпываютъ;
 Коя чарой, коя ковшичкомъ,
 Одна Машинька цѣлымъ кубцомъ,
 Кому кубецъ отдать съ краснымъ золотомъ?
 Отдать батюшкѣ — назадъ не взять,
 Отдать матушкѣ — ничего не видать;
 Какъ отдамъ кубецъ Ксенофонтушкѣ,
 Ксенофенту да Кириловичу:
 Тѣмъ кубцомъ мы село заведемъ.

4.

Полегѣй, полегѣй мати Волга рѣка,
 Полегѣй ты круты берега.
 Что не долго лелѣяти —
 Съ весны да до осени,
 До студенаго замороза.
 Полегѣй, отецъ, дочеръ свою.
 Что не долго лелѣяти,
 Съ четверга да до пятницы,
 А въ субботу дѣвичь-вечеръ,
 Въ воскресенье разлучный день:
 Разлучать пташку съ гнѣздышкомъ;
 Маргаритушку съ батюшкомъ,
 Елисеѣвну свѣтъ съ роднымъ!

5.

Не бушуйте буйны вѣтры,
 Не раскачивайте звонки колоколы;
 Не будите красну дѣвицу,
 Парасковью Максимовну;
 Какъ вѣчоръ-то она долго не спала —
 Ширинку шила краснымъ золотомъ,
 Подарить свокра батюшка.

Не бушуйте буйны вѣтры,
 Не раскачивайте звонки колоколы,

Не будите красну дѣвицу
 Свѣтъ Прасковью Максимовну;
 Какъ вечеръ-то она долго не спада —
 Шила рубашечку полотняну,
 Подарить свекровь матушку.

6.

Перелетная ласточка,
 Сизокрылая косаточка!
 Ты къ чему рано вылетывала
 Изъ своего тепла гнѣздышка
 Отъ своихъ малыхъ дѣтушекъ?
 Ахъ вы, ласточки, косаточки!
 Не своей волей охотою:
 Съ восточной со сторонюшки
 Потянули вѣтры буйные,
 Всколебалось море синее,
 Поглушило малыхъ дѣтушекъ!
 Ты душа ли, красна дѣвица
 Свѣтъ Авдотья Николаевна,
 Ты къ чему рано замужъ пошла?
 Вы голубушки, подруженьки!
 Не своей волей, охотою:
 Отдаетъ меня сударь батюшка,
 Запоручила родна матушка!

7. СИРОТЪ НЕВѢСТЪ.

Ты рѣка ли, моя рѣченъка,
 Ты рѣка ли моя быстрая!
 Ты течешь, не колыхнешься,
 Со песками ты не взмутишься.
 Ты душа ли, красна дѣвица,
 Ахъ, ты что сидишь, задумалась?
 Для чего тебѣ печалиться?
 У васъ горница полна гостей.
 Вы голубушки, подруженьки!
 Еще какъ то мнѣ не думати,
 Вице какъ-то не печалиться?
 Хотя горница полна гостей,
 Ужъ какъ все-то гости есть какъ есть.

Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ.
 Нѣту гостенька любимаго
 — Моего отца родимаго!
 Мнѣ теперь бы его надобно.
 Государь ты, родной брателко,
 Ты подойди-ко къ Божьей церкви,
 Ты взойди-ко на колоколенку,
 Ты ударь-ко въ большой колоколъ,
 Разбуди моего батюшку;
 Мнѣ теперь его-то надобно,
 Что ко часу, ко послѣднему,
 Къ благословенью великому.
 Благословить меня нѣкому:
 Благословляетъ меня брателко;
 Со родимой моей матушкой,

8.

Взвѣяли вѣтры по полю,
 Грянули веслы по морю.
 Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думать?
 Думу думать съ роднымъ батюшкой —
 Та мнѣ дума не крѣпка, не вѣрна;
 Тѣ словеса не понравилися.

Взвѣяли вѣтры по полю,
 Грянули веслы по морю.
 Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думать?
 Думу думать съ родной матушкой
 Та мнѣ дума не крѣпка, не вѣрна,
 Тѣ словеса не понравилися.

Взвѣяли вѣтры по полю,
 Грянули веслы по морю.
 Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думать?
 Думу думать мнѣ съ Федоромъ —
 Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна,
 Тѣ словеса мнѣ понравилися!

Заключительною же пѣсней смѣртѣнья бываетъ слѣдующая.
 Когда невѣста, проводивъ жениха, остается съ родителями своими
 и подругами, то становится передъ отцомъ на колѣни, а дѣвушки
 начинаютъ пѣть, или вѣрнѣе *суть* (причитать).

На зарь-то, зарь утренней
 На восходѣ солнца краснаго,
 Пѣтухи поютъ ранни утренни,
 Разбужаютъ они родна батюшка.
 Ужь ты встань, родимый батюшко!
 И умойся ключевой водой,
 Ключевой водой, студеною!
 Ты утрись, родимый батюшка,
 Тонкимъ, бѣлымъ полотеничкомъ!
 Помодись, родимый батюшка,
 Ты Царю Богу Спасителю-
 Ты пойдн, родимый батюшка,
 Къ моему другу милому;
 Ты узнай, родимый батюшка,
 Ты про все его житье бытѣ.
 Онъ не пьетъ ли зеленá вина?
 Не играть ли въ кости, карточки?
 Не проигрывать ли платья цвѣтнаго
 И мою-то, дѣвью красоту?
 А потомъ, родимый батюшка,
 Ты зайди-ко въ Божью церковь;
 Ты узнай, родимый батюшка,
 Мнѣ какимъ вѣнцомъ вѣнчатися
 И какимъ кольцомъ обручатися?

Въ рукобитѣ, смотрѣньѣ и дѣвичникѣ, а также и въ другіе
 вечера между ними, жениха провожаютъ домой слѣдующею шѣ-
 сней:

Въ горницѣ гусли лежали,
 А вѣкому въ гусли играти.
 Какъ Андрея дома не лучилось,
 Свѣтъ Петровича дома не лучилось.
 У ласкова тестя пируеть,
 У ласковой тещи онъ столуеть.
 Теща-то зятю проводала,
 А сама зятю наказала:
 Пей, мой зять, не упивайся;
 Придешь домой, не ломайся,
 Вздъ мое-то дитя молодое,
 Твоего обычая не знаетъ,
 Твоего норору не вздаеть.

Последнее слово повторяется три раза.

Севастьянъ, господинъ, *воротися!* (bis)
 Свѣтъ Григорьичъ, *воротися!*
 Что Маланья твоя *стосковалась;*
 Изъ окна она въ окошко *бросалась;*
 Всѣ стekoлышки *приломала.*

Женихъ, вышедшій за двери, ворочается по окончаніи пѣсни и поцѣловавъ невѣсту, выходитъ; но, вызванный снова, возвращается, что повторяется до трехъ разъ.

Дѣвчаникъ бываетъ обыкновенно наканунѣ свадьбы. Сирота невѣста, поутру, ѣдетъ на могилы отца или матери, и плачетъ тамъ съ *причитаніемъ*, жалѣя, что они не могутъ благословить ее. По возвращеніи оттуда, садится за столъ. Для угощенія подругъ невѣсты, женихъ, смотря по состоянію, присылаетъ штокъ или четверть ведра наливки, вина простаго или винограднаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ коробочку, заключающую въ себѣ мыло, гребень, румяны, бѣллы, башмаки, перчатки, булавки и прочее, также нѣкоторые подарки для дѣвушекъ. Между тѣмъ приданое, жервая принадлежность котораго состоитъ изъ перины съ подушками, одѣяла, *полога*, отправляютъ къ жениху съ *постельницей*, ввозжаая ее слѣдующею пѣсней:

Разливалася вода вешняя,
 На дуга, на зеленые;
 У Федота Деметьича
 Ворота отворилися
 Что безъ вѣтру, безъ вихоря.
 Три кораблика уплыли:
 Первый корабль съ краснымъ золотомъ,
 Второй корабль съ чистымъ серебромъ
 А третій корабль съ красной дѣвицей.
 Какъ не жаль мнѣ золотой казны,
 Мнѣ не жаль чиста серебра;
 Только жаль мнѣ красной дѣвицы,
 Жаль моей милой дочери
 Парасковьи Федотѣвны!
 А у Якова Савельича
 Что безъ вѣтра, безъ вихоря
 Ворота растворилися;
 Три кораблика приплыли:
 Ужъ какъ первый съ краснымъ золотомъ,

А второй съ чистымъ сѣребромъ,
 Что третій корабль съ красной дѣвицей
 Мнѣ не дорого красно зодото,
 Мнѣ не дорого чисто сѣребро:
 Дорога красна дѣвица,
 Свѣтъ Прасковья Федотовна,
 Мое сужено, ряжено!

Родители жениха, встрѣтивъ постельницу, и принявъ приданое, угощаютъ ее и дарятъ по возможности. Когда постельница уберетъ постель въ назначенной для того комнатѣ, тогда прїѣзжаетъ тысяцкой, запираетъ комнату на замокъ, а ключъ беретъ съ собою. Вообще брачное ложе называется *подкльтомъ*. Но возвратимся къ невестѣ. Когда дѣвушки приглашены уже сѣсть за столъ, тогда поютъ слѣдующую пѣсню:

Сборы вы, сборы Прасковьины,
 Великіе сборы Федотовны!
 Собирада она подружекъ за дубовый столъ,
 Садила подружекъ вокругъ стола,
 А сама садилась выше всѣхъ,
 Голову клонила ниже всѣхъ,
 Думушку думала крѣпче всѣхъ.
 Вы голубушки мои подруженьки!
 Придумайте вы, присовѣтуйте,
 Какъ жить-то мнѣ въ чужихъ людяхъ?
 Какъ мнѣ звать свекра съ свекровью?
 Называть свекомъ — онъ разсердится.
 Назвать батюшкой — мнѣ не хочется.
 Назвать свекровью — разсердится;
 Назвать матушкой — не хочется.
 Я невольна должна покоритися!
 Назову я свекра батюшкой,
 Назову я свекровь матушкой.

По окончаніи обѣда, готовятъ невесту идти въ баню, и чтобы расплести косу, поютъ слѣдующую пѣсню:

Ты коса ли, моя косынька,
 Ты коса ли, моя русая!
 Тебя чесывала матушка,
 Заплетала рѣдна сѣстрица!

Ужь какъ мнѣ ли тебя косанька,
 Знать-то, болѣе не плетать будетъ;
 Алой ленточки не нашивать.
 Разстаюсь съ тобою, косанька!
 Разстаюсь съ дѣвѣй красотою!
 Расплетутъ тебя, косанька,
 Какъ на мелкія на пряпочки,
 Поведутъ меня, дѣвицу,
 Въ нову баню мытися.
 Тамъ я смою дѣвью красоту
 Ключевой водой студенюю.

Когда невѣста готова, просить отца, мать, братьевъ и сестеръ расплести косу; при чемъ, обращаясь къ отцу, поютъ, съ причитаньемъ.

Приступи, родимый батюшка,
 Ко мой-то-ли дѣвѣй красотѣ;
 Расплети, родимый батюшка,
 Что мою-то трубчатую косу.
 Видно, я у васъ отнѣжилась,
 Видно, я открасовалась!
 Видно, я ужъ вамъ наскучила,
 Видно, я вамъ напрокучила!
 Награди, родимый батюшка,
 Ты меня благословеньицомъ!

Въ это время отецъ, подойдя къ дочери, расплетаетъ немного косы; потомъ, причитая тоже самое, обращаются къ матери, братьямъ и сестрамъ. Каждый, подобно отцу, подошедъ къ невѣстѣ, дѣлаетъ тоже; остальную часть косы расплетаютъ дѣвушки, припѣвая между тѣмъ:

Приступите-ка подруженьки,
 Что ко дѣвѣй красотѣ мойей;
 Расплетите-ка, голубушки,
 Что мою ли трубчатую косу.
 Разчешите-ка, подруженьки,
 Что мей-то русы волосы.
 Поведите-ка, голубушки,
 Вы меня во свѣтлу парусу.
 Вы тамъ смойте-ка, подруженьки,
 Что мою ли дѣвью-красоту!

По окончании этого берутъ невесту подъ руки, накрываютъ платкомъ и отправляются въ баню; впередъ и обратно ѣдутъ съ пѣснями и причитаемыми. Въ банѣ поютъ:

Потрудитесь-ко, подруженьки,
 На роду-то ли не впервые,
 А въ дѣвѣй красотѣ впослѣднѣе.
 Ужь вы смойте-ка, подруженьки,
 Что мою ли дѣвью красоту,
 Со моего тѣла блага.
 Какъ моя-то дѣвья красота
 Улетитъ она въ чисто поле
 Что привьется дѣвья красота
 Что на кустичекъ малиновый.
 Вы пойдите въ чисто поле,
 Принесите мою красоту
 Ко родимому ко батюшкѣ!

Возвратясь изъ бани готовятъ невесту къ принятію жениха, который вечеромъ долженъ быть на дѣвичникѣ со всѣми родными и приглашенными со стороны его знакомыми, дружкой, тысяцкимъ и поѣзжанами. Когда женихъ пріѣдетъ со всѣмъ поѣздомъ, то его встрѣчаютъ отецъ и мать невесты со своими гостями, а дѣвушки въ это время поютъ:

У воротъ было, у воротичекъ,
 У воротъ было, у стекольчатыхъ,
 У витѣ кольца, сѣребряна.
 Тугъ стучить, брячить Агафоновъ, сударь,
 Что стучить, брячить-то Ивановичъ;
 Онъ стучить, брячить со боярами,
 Со боярами, со княжими-то.
 Отпирай-ко ты, тещь, воротички,
 Ты встрѣчай-ко, теща, ласково,
 Ты, своячина, встрѣчай привѣтливо,
 По двору идетъ — покланяется,
 На крыльцо идетъ — усмѣхается,
 Во теремъ идетъ — похваляется:
 Я пріѣхалъ къ вамъ не молебны пѣть,
 Я пришелъ-то къ вамъ не воды святить;
 Я пріѣхалъ къ вамъ по сужено,
 Я пришелъ-то къ вамъ по ряжено;

Не душу-ль, по красне дѣвицу,
 Не Авдотью-то Николаевну.

Войдя въ комнату, молятся Богу и садятся по мѣстамъ; женихъ въ передній уголъ, подъ *божницею* *, за убранный столъ съ хлѣбомъ и солью и закусками. Невѣста въ это время находится въ другой комнатѣ или въ кутѣ. Дѣвушки поютъ:

Не стой, рябина, по край берегу,
 Не мочи вѣтви во быстрѣ рѣку;
 Не летай содовой одинъ въ саду.
 Много со мною гусей, лебедей,
 Больше того сврыхъ уточекъ;
 Нѣтъ лишь со мной перепелки одной.
 Не сиди, Андрейвъ, одинъ за столомъ,
 Не сиди одинъ за блѣдубовымъ.
 Много со мною князей и бояръ,
 Больше того княженецкихъ дѣтей;
 Нѣту со мной Катерины одной
 Нѣту со мной Севастьяновны.

Въ эту минуту вводятъ невѣсту; женихъ беретъ ее за руку, и, поцѣловавъ, сажаетъ подлѣ себя. Дѣвушки поютъ:

Ахъ, ты, рѣченька,
 Ахъ, ты, быстрая!
 Ахъ, почто же ты, рѣченька,
 Ахъ, почто не быстрѣ бѣжинь,
 Никуда не колыхнешься,
 Ни къ которому берегу,
 Ни къ которой сторонушкѣ?
 Ахъ ты, дѣвица, дѣвица!
 Ахъ ты дѣвица красная!
 Ахъ почто же ты, дѣвица,
 Ахъ почто же ты тихо сидишь,
 Не промолвишь словечушка,
 Ни съ отцомъ ты, ни съ матерью,
 Ни съ сестрами, ни съ братьями,
 Ни съ своимъ милымъ суженымъ,
 Ни съ своимъ другомъ ряженымъ?
 Развѣ всѣ напрокѣчили?
 Развѣ всѣ опротивили?

* олка въ переднемъ углу, на которую ставятся иконы.

Невѣста, вызванная на отвѣтъ, стыдливо взглядываетъ на жениха, и въ доказательство, что не всё опротивѣли, цѣлуетъ его, а дѣвушки начинаютъ пѣть:

Какъ во каменной во палатѣ,
 На тесовой да на кровати,
 Что не голубь со голубушкой воркуеть:
 Андреянъ тутъ Катеринушку цѣлуетъ,
 Какъ Васильичъ свѣтъ Иванову милуетъ.
 Принеси-ка Катеринушка мнѣ сына,
 Что при младости на потѣху,
 А при старости на замѣну;
 Чтобъ царю онъ былъ слуга вѣрный,
 А князьямъ, боярамъ думой крѣпкой.

Затѣмъ поются пѣсни невѣстъ, жениху, обонимъ вмѣстѣ, тысяцкому, свахамъ, поѣзжанамъ и всѣмъ присутствующимъ гостямъ.

НЕВѢСТЪ.

Ахъ ты, злая наша измѣнница,
 Зла измѣнница, красна дѣвица!
 Ты сказала намъ, что замужъ нейдешь,
 Ни за князя, ни за боярина,
 Ни за гостя, купца торговаго.
 А теперь-то, наша подруженька,
 Ты пошла замужъ, задумала,
 За удалова, добра молодца
 За Михайла, свѣтъ Васильича.

Не сама собой я замужъ пошла;
 Отдаетъ меня сударь батюшка,
 Приневольиваетъ родна матушка,
 Потакаютъ люди добрые.

Вы красуйтесь, красны дѣвицы,
 Во своей-то дѣввѣй красотѣ;
 Ужъ какъ я открасовалася,
 Не плести ужъ мнѣ русой косы,
 Не носить мнѣ алой ленточки!

ЖЕНИХУ.

Ахъ ты, царь-ли нашъ, царевичъ!
 Ты король нашъ, королевичъ!

Разудалый, добрый молодецъ,
 Андреянъ, сударь Васильевичъ!
 Ты умѣлъ хорошъ родитися
 И богато снарядитися!
 Повосила тебя матушка
 Во утробѣ девять мѣсяцевъ,
 Тяжелымъ тяжелешенько;
 Во десятый-то породила,
 Во христовскую заутреню,
 Какъ во первый большой благовѣсть.
 Обмывала тебя бабушка
 Ключевой водой студеною;
 Пеленала тебя бабушка
 Во пеленочки полотняны;
 Во свивальнички шелковыя.
 Сберегала тебя матушка
 И отъ вѣтра и отъ вихоря
 И отъ *Божьей* тебя *милости*;
 Не могла она сберечь тебя
 Лишь отъ ясныхъ, отъ дѣвичьихъ глазъ.

ЖЕНИХУ И НЕВѢСТѢ.

Во саду было, во садикѣ,
 Во зеленомъ виноградникѣ;
 Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
 Андреянъ сударь, Васильевичъ.
 Онъ чесалъ-ли буйну голову,
 Чесалъ кудри, приговаривалъ:
 Ахъ, вы, кудри, мои кудерцы,
 Ахъ, вы кудри, мои черныя,
 Прилегайте къ моимъ плечамъ,
 Ко моему лицу бѣлому,
 Ко моему ко румяному.
 Привыкай-ка красна дѣвица
 Катерина Севастьяновна,
 Ко моему уму разуму,
 Ко обычью молодецкому
 И ко праву княженецкому.

Ужъ какъ мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
 За досаду показалось;

Привыкать мнѣ не хотѣлося.
 А ужъ, знать-то, привыкать будетъ,
 Спѣси, гордости убавити,
 Ума, разума прибавити!
 Голову держать поклонную,
 Ретиво сердце покорное!

—

Ахъ, ты, Дымка, Дымка рѣка!
 Промежду, Дымка, горъ протекла.
 Черезъ Дымку, быструю рѣку
 Мощены мосты калиновые,
 Перекладинки-то валежныя.
 Что никто по мостамъ нейдетъ,
 По калиновымъ не перейдетъ.
 Какъ Иванъ по мостамъ пройдетъ,
 Какъ Михайловичъ-то перейдетъ,
 За собою онъ Аксинью ведетъ
 Николаевну переведетъ.
 Самъ онъ дѣвушкѣ наказываетъ:
 Ты, Аксиньюшка, не упади,
 Николаевна не утони.
 Я хоша, сударь, упаду,
 Хоша упаду, не утону:
 Не схватаюсь я за батюшка;
 За родиму свою матушку —
 За тебя, сударь, схватаюся,
 За твои-то руки бѣлыя,
 За твои перстни значеныя.

Послѣ этого одна изъ дѣвушекъ, наливъ рюмку вина, подпо-
 ситъ жениху; другія поютъ:

Удивися, ты, Дементій, удивися,
 Удивися, ты, Васильчъ, удивися:
 Подъ тобою все ларцы кованыя, кованыя;
 На ларцахъ ковры шелковыя, шелковыя.
 Во ларцахъ казна золотая, золотая.
 Золотая казна тебѣ на свадьбу, на свадьбу;
 А серебряна вѣдь дѣвицамъ, вѣдь дѣвицамъ.
 А копѣчки-то въ богадѣльну, въ богадѣльну.

Женихъ, выпивъ рюмку, кладетъ на подпосъ деньги. Затѣмъ

припиваютъ пѣсни свахамъ, тысяцкому, дружкѣ, поѣзжанымъ и гостямъ, какъ на смотрѣньи, и тѣ же самыя, и поднося вино, получаютъ подарки. По окончаніи вечера, женихъ отправляется домой съ тою же, какъ и на смотрѣньи, церемоніей, то есть, трижды прощается съ невѣстою.

Въ день свадьбы, одѣвая невѣсту къ вѣнцу, поютъ:

Что не вьюнъ на водѣ увивается,
 Какъ женихъ у воротъ убивается,
 Ахъ, ты, батюшка, тесть мой ласковый,
 Ты отдай мое суженое.
 Высылаютъ ему копьѣ.
 Не мое это суженое,
 Не мое это ряженое.

Что не вьюнъ на водѣ увивается,
 Какъ женихъ у воротъ убивается.
 Ахъ, ты, матушка, теща ласкова,
 Теща ласкова, привѣтливая,
 Ты отдай мое суженое,
 Мое суженое, ряженое.
 Высылаютъ ему ларець.
 Не мое это суженое,
 Не мое это ряженое.

Что не вьюнъ на водѣ увивается,
 Какъ женихъ у воротъ убивается.
 Ахъ, ты, шуринъ мой, шуринъ мой ласковый,
 Ты отдай мое суженое,
 Мое суженое, ряженое.
 Высылаютъ ему дѣвицу,
 Что Ульяну Сергѣевну:
 Вотъ мое это суженое,
 Мое суженое, ряженое.

Когда невѣста одѣнется къ вѣнцу, собираются въ комнату родители, братья, сестры, и приглашенные на свадьбу родственники и знакомые. Она падаетъ въ ноги отцу и матери, испрашивая благословенья ихъ, потомъ прощается со всѣми. Въ это время плачутъ навзрыдъ, а между-тѣмъ припѣваютъ:

Благослови-ко, родимый батюшка!
 Награди меня благословенникомъ,
 Отъ желаннаго сердечушка,

Во Божье церковь, подъ златъ вънецъ!
 Видно, я у васъ открасовалася!
 Распрощаюсь я съ дѣвьею красотой
 И съ любезными подружками!
 Научи ко, родной батюшка,
 Какъ-то жить мнѣ во чужихъ людяхъ?
 Называть ли мнѣ свекра — батюшкой?
 Почитать ли свекровь — матушкой?
 Называть деверьевъ братьями?
 Почитать зодовою сестрами?

Отецъ, оградивъ дочь знаменіемъ креста, цѣлуетъ ее; потомъ обращаются къ матери, братьямъ и сестрамъ съ тою же пѣсней. Когда же станетъ прощаться съ дѣвцами, то онѣ поютъ:

Вы простите меня, мои подруженьки,
 Вы простите меня, мои голубушки!
 Видно, съ вами я открасовалася!
 Поручаю вамъ дѣвью красоту;
 Принуждаютъ меня съ ней разстатися,
 Заставляютъ меня отказатися!
 Ужъ мнѣ чѣмъ платить, голубушки,
 За труды ваши, за усердіе?
 Не въ моей волѣ золота казна,
 Не въ моей волѣ дороги дары!

По окончаніи этого обряда, невѣсту сажаютъ за столъ, а подлѣ нея мальчика изъ братьевъ или родственниковъ, который продаетъ косу. Онъ держитъ въ рукахъ подъ столомъ плетъ; у пещелян сажаютъ взрослога. Продающій косу называется *косникѣмъ*. Въ домѣ жениха происходитъ между-тѣмъ слѣдующее:

Когда всѣ усладутся по мѣстамъ, дружка говоритъ: «Батюшка родимый, матушка родима! умѣли вы своего чада мила хороша спородить, вздумали поженить: благословляйте буйву голову чосать, черны кудри завивать, цвѣтно платье надѣвать; станемъ къ нему княженецкій полкъ подбирать: кому быть тысяцкимъ? барникомъ большимъ, среднимъ и меньшимъ? вѣжливымъ челоукомъ? дружкѣ съ полудружьемъ, княжой свахенькѣ?» Богъ благословитъ — отвѣчаютъ отецъ и мать.

Послѣ этого жениха выводятъ изъ-за стола, и онъ начинаетъ подпивать виномъ; дружка наговариваетъ: «Бьетъ челоу нашъ князь молодой, съ княжова стола, княжнимъ медомъ! Тысяцкѣй

надвѣщаютъ; большій бояре на ногахъ стоять, а мы, рѣзвы дружки, по свѣтлой свѣтлицѣ похаживаемъ; ножки съ подхodomъ, ручки съ подносомъ, языкъ съ приговоромъ, сердце покорно, а голова поклонна. Извольте *горницъ* принять, изъ горица медъ выкушать; пить до дна, а молить добра; буйну голову взвеселите, ретиво сердце обкатите, не будьте кручинны, а будьте радощны, отъ нашего князя молодого ласковымъ словомъ потѣшны!»

Дружка приговариваетъ это до-тѣхъ-поръ, пока женихъ не ушотчивается виномъ всѣхъ; послѣ того требуетъ себѣ приглашеннаго заранѣе на этотъ случай полудружья, говоря: «Батюшка родимый! матушка родима! Всѣ - у нашего князя молодого князя, бояре, веселы и радощны по мѣстамъ сидятъ; только не веселъ не радощенъ храбрый друженька: вѣтъ у него полудружья! Дайте жъ мнѣ изъ лучшихъ лучшаго, изъ всего княженецкаго храбраго полку и поѣзду полудружья!» (назоветъ его и *взвеличиваетъ*).

Послѣ этого дружка съ полудружествомъ отправляются верхомъ на лошадяхъ *попровндать* невѣсту. Подвѣхавъ къ избѣ, дружка стучитъ въ *красное* окно плетью, творя громко молитву: «Господи, Иисусе Христе и Сыне Божій, помилуй насъ!» Ему *отдаютъ* изъ избы *аминь*. Дружка говоритъ: «Спасибо на аминѣ; аминь насъ спасетъ, аминь помилуетъ! мы ѣдимъ не оханьщички, не обманьщички, не московски разсказчики, не морски рыболовщички, не грозвыи гонцы, а ѣдимъ скорыи послы отъ нашего князя молодого, съ добрыми вѣстьми, съ хорошими рѣчьми! Нашъ князь молодой стоитъ на пути на дорогѣ, на доброй квартирѣ: съ мѣста не шевелится!»

Отъѣзжаютъ отъ окна, сходятъ съ лошадей, и привязавъ поводья къ кольцамъ, всегда вколачиваемыхъ на веряхъ воротъ, идутъ въ сѣни. У дверей избы дружка говоритъ: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Ему *отдаютъ* аминь. Дружка отвѣчаетъ: «Спасибо на аминѣ: аминь насъ спасетъ, аминь помилуетъ! Есть ли у вашего здоровья у дверей придверники, чашники, ложники, блюдники, рядники, скорыи поспѣшники? Если нѣту у вашего здоровья у дверей придверниковъ, чашниковъ, ложниковъ, блюдниковъ, рядниковъ, скорыхъ поспѣшниковъ,—благословляйте насъ переѣзжихъ, храбрыхъ дружекъ (Господь благословитъ—отвѣчаютъ изъ избы), за *ребрчатую* скобу взяти, двери на пята отворити, первый жаръ пропустить.»

* Витую.

Дружка съ полудружемъ, перекрестясь, входятъ въ избу, ступая черезъ порогъ правою ногою и говоря: «Скокъ! Черезъ порогъ едва ноги переволокъ дружка съ полудружемъ; *чирокъ* да *лутокъ* *; мохнатый звѣрь не богатый дворъ!» Помолясь Богу, дружка, обратившись къ отцу и матери невѣсты, говоритъ: «Богоданный батюшка! богоданная матушка! благословляйте насъ, переѣзжихъ храбрыхъ друженекъ за бѣлодубову скамью переступити, стаканъ меду налити, по свѣтлой *гридню* походити — (Наливаетъ стаканъ пива, и, опрокинувъ на ладонь вверхъ дномъ, подноситъ невѣстѣ) — въ куть за занавѣсу до кручинной красной дѣвицы сходити. Вотъ! сказали, что наша невѣста и крива и слѣпа! А хорошо видить, далеко смотрить!» Невѣста, оборачивая руку дружки, беретъ стаканъ, и выпивъ, отдаетъ обратно; дружка, принимая, говоритъ: «Вашимъ добромъ, да вамъ же и челомъ! Живъ и здоровъ нашъ князь молодой; велѣлъ вашему здоровью челомъ ударить и челобитье справить!» Потомъ отправляются къ жениху, гдѣ дружка, входя съ молитвою, говоритъ: «Наша княгиня молода жива и здорова; велѣла вашему здоровью челомъ ударить, челобитье справить.» Садятся за столъ и по лавкамъ; немного погодя, встаютъ и молятся Богу, дружка говоритъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Батюшка родимый! Матушка родима! благословляйте нашего князя молодого по сужено ѣхать, сужено понять, подъ златъ вѣнецъ стать, законъ Божій принять, златымъ перстнемъ помѣняться и во уста сахарныя поцѣловаться! Братья, сестры, дядя, тетки, кумъ, кума, весь родъ — племя, гости званы и незваны, почтены и Богомъ сполубовны! Во всю свѣтлую свѣтлицу, свѣтлую *гридню*! Благословляйте нашего князя молодого по сужено ѣхать, сужено понять, подъ златъ вѣнецъ стать, законъ Божій принять, златымъ перстнемъ помѣняться, въ уста сахарныя поцѣловаться. Въ куть по лавицѣ, впередъ по скамѣицѣ, за бѣрчатой занавѣсью сидятъ пѣвцы, пѣвицы, молодые молодичицы, красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, дочери отецки, жены молодецки, лебеди бѣлы, малины зрѣлы, изюмныя ягоды, наливныя яблочки! Въ куты, на полатяхъ сидятъ стары, старики саваты, горбаты, косыя заплааты; старыя старухи килваты, маленьки ребята — пирожныя осадтики, материнны опачки, уривковригу! Самн сдогадайтесь!» Родители благословляютъ жениха ѣхать за невѣстой.

* *Лутокъ* особенная порода маленькой дикой утки.

Между-тѣмъ сваха женихова отправляется прежде къ невѣстѣ съ тысяцкимъ, но большою частью вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ. Когда сваха войдетъ въ избу, дѣвушки поютъ:

Я не знала, не вѣдала,
 Ко мнѣ сваха прѣехала;
 Молода и ломливая,
 И горда и спѣсивая.
 Не ступя, она ступила,
 Не молвя, слово молвила.
 А хоша она ступила
 — По атласу, по бархату;
 А хоша она молвила
 — Все съ князьями, съ боярами,
 Да со мной съ красной дѣвицей.
 Сваряжайся ты, умница,
 Сваряжайся разумница!
 Мнѣ куда сваряжатися?
 Мнѣ куда ообиратися?
 Отъ роднаго батюшки,
 Отъ родимыя матушки,
 Отъ родныхъ братцовъ, сестрицъ?
 Отъ всего роду племени?
 Ко чужому отцу, матери,
 Ко чужимъ братцамъ, сестрицамъ,
 Ко чужому роду племени.

Когда поѣздъ прѣдетъ къ дому невѣсты, дружка у краешаго окна стучитъ плетью, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!». Изъ избы отдають аминь. Дружка продолжаетъ: Спасибо на аминѣ, аминь насъ спасеть, аминь поминають! Мы ѣдимъ не оханьщики, не обманьщики, не московски разсказчики, не морски рыболовщики, не грозны гонцы, а ѣдимъ скоры послы съ добрыми вѣстями, съ хорошими рѣчьми отъ нашего князя молодаго. Дайте нашему князю молодому дворъ широкій на прѣздъ, новы сѣни на приходъ; прибылъ нашъ князь молодой, къ вамъ на широкій дворъ». Заѣзжаютъ во дворъ и выходятъ изъ экипажей, а дружка снова подѣзжаетъ къ окну, требуя караульнаго, слѣдующимъ образомъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Просимъ нашего повозничка смѣннть, а своего посадить». Послѣ этого приѣзавъ къ кольцу лошадей, идетъ впереди всѣхъ, въ сѣни, и оста-

повясь у дверей комнаты, стучить въ нихъ плетью, творя ту же какъ и прежде молитву. Когда *отдадутъ* аминь, дружка говоритъ: «Спасибо на аминѣ; аминь насъ спасеть, насъ помилуетъ! Есть ли у вашего здоровья у дверей придверники, блюдники, рядники, скоры поспѣшники? Если вѣтъ у вашего здоровья у дверей придверниковъ, чашниковъ, ложниковъ, блюдниковъ, рядниковъ, скорыхъ поспѣшниковъ, благословляйте (Господь благословить, отвѣчаютъ изъ избы) за реберчату скобу взяти, дверь на пята отворити, первый жаръ пропустити». Отворяя дверь, говорятъ: «Скокъ! черезъ порога едва ноги переволокъ! Дружка полудружье; чирокъ да лудокъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ; прибѣжалъ соболь къ кунницѣ, а пріѣхалъ удалый молодецъ къ красной дѣвницѣ!» Потомъ молятся Богу. Между тѣмъ какъ дружка пріѣдетъ съ поѣздомъ на дворъ и выполняетъ описываемый обрядъ, дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни:

ДРУЖКЪ.

Воротички скрипъ, скрипъ,

— Морозъ на дворъ.

Ай! дружинька скачетъ

Безъ кова!

Здравъ бы былъ у дружки

Князь молодой,

Будеть у дружиньки

Конь вороной.

Воротички скрипъ, скрипъ

— Морозъ на дворъ.

Ай! дружинька скачетъ

Безъ сѣдла!

Здравъ бы былъ у дружки

Князь молодой,

Черкасско сѣдло.

Воротички скрипъ, скрипъ,

— Морозъ на дворъ.

Ай! дружинька скачетъ

Безъ узды!

Здравъ бы былъ у дружки

Князь молодой,

Будеть у дружиньки

Тесьмяна узда.

Воротички окрыпъ, скрыпъ,
— Морозъ на дворъ.
Ай! дружинька скачатъ
Безъ плети!

Здравъ бы былъ у дружи.
Князь молодой,
Будеть у дружиньки
Шелковая плеть.

ВСЕМУ ПОѢЗДУ.

Ахъ, вы, всѣ-ли, бояре?
Ахъ, вы, всѣ-ли, князіе?
Вы садитесь, бояре, по мѣстамъ:
Какъ большой-то бояринъ по-выше,
Что меньшой то бояринъ по-ниже,
Княжа свашенька въ свое мѣсто,
Большой дружинька на ногахъ стой,
Что полудружье помогаи.

Когда дружка съ поѣздомъ войдетъ въ комнату, тогда, сотворивъ молитву, обращается къ отцу и матери невесты, говоря: «Богоданный батюшка! богоданная матушка! Дали вы нашему князю молодому дворъ широкій на пріѣздъ, новы сѣни на приходъ, свѣтлу грядню на обогрѣвъ: дайте жъ нашему князю молодому и княжѣе мѣсто, гдѣ княжо мѣсто ведется—въ переднемъ углу, подъ святыми иконами. Да нѣтъ ли въ княжомъ мѣстѣ помѣстниковъ?» — Есть видно, отвѣчаетъ шуточно отецъ невесты. Дружка, наливъ стаканъ или рюмку вина, сыплеть, бреча, на поднось деньги, и подавая *коснику*, проситъ выпить. *Косникъ*, не отвѣчая ничего, грозитъ плетью, и дружка снова сыплеть деньги, что повторяется нѣсколько разъ, или до-тѣхъ-поръ пока не будетъ положено достаточно. *Косникъ*, принимая поднось, прежде всего долженъ ссыпать съ него деньги, а потомъ выпить вино, въ противномъ случаѣ онъ лишается и денегъ и мѣста; конечно перваго никогда не бываетъ. Когда коса у невесты такимъ образомъ будетъ куплена, и *косникъ* выйдетъ изъ-за стола, виѣстѣ съ дѣвушками, подругами невесты, которымъ также какъ и *коснику*, дружка поднеситъ вино или наливку, положивъ на поднось мыло, калачи, деньги и какіе-либо по состоянію жениха подарки, тогда сваха расплетя косу, садится съ женихомъ подлѣ невесты. Въ это время поютъ:

Ты коса-ли, моя косанька!
 Ты коса-ли, моя русан!
 Что чесала тебя рѣдна матушка,
 Что плетала тебя рѣдна сестрица.
 Ужъ какъ нынѣ тебя, косанька,
 Знать-то, больше не плетать будетъ;
 Алой ленточки не нашивать!
 Разстаюсь съ тобою, косанька,
 И со дѣввѣй красотой своей.
 Расплетуть тебя, руса коса,
 Что на мелкія на прядочки!

Дружка, усадивъ весь поѣздъ, говоритъ: «Батюшка родимой! матушка родима! чьи дары передомъ пойдутъ? Ваши али наши?» Затѣмъ, наливъ жемчужно вино въ рюмки, и положивъ подарки на поднось, подаетъ сначала отцу невѣсты, а потомъ матери. Обращаясь къ нимъ, дружка спрашиваетъ ихъ: «Богоданные батюшка и матушка, кто у васъ по роду ближе?» Въмѣсто отвѣту отецъ и мать невѣсты подводятъ ближнихъ родственниковъ, которые бы могли пользоваться подарками. Послѣ даровъ подчуютъ виномъ. Въ это время весь поѣздъ стоитъ на ногахъ; но угощенія же дружка повелѣваетъ ему словомъ: «Садитесь!»

Когда сядутъ по мѣстамъ, дружка говоритъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Богоданные батюшка и матушка, благословляйте скатерти раскинуть, ложки прираскласть передъ князя и княгиню молодыхъ, передъ тысяцкаго, боярина большого, средняго и меньшаго, передъ дружку съ полудружемъ, передъ княжю и княгиню свашняскъ». Потомъ приступая къ поставленному на столъ пирогу пля калачу, дружка продолжаетъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Богоданные батюшка и матушка! благословляйте бѣль крупичатый калачъ рѣшать, укроща да кушать». Въ это время отецъ и мать невѣсты подносятъ поѣзжанамъ вино, а дружка говоритъ: «Благословляйте рушану да кушану хлѣбъ-соль со стола увести, а не рушану, не кушану на столъ принести». По окончаніи закуски, невѣсту выводятъ изъ-за стола, а дружка, творя молитву, обращается къ отцу и матери невѣсты: «Батюшка и матушка! благословляйте нашего князя и съ княгиней молодой, со всѣмъ дорогимъ честнымъ полкомъ и поѣздомъ изъ-за дубова стола преступити, на кирѣсчатъ полъ стати, къ образамъ лицомъ поворотиться, Господу Богу и святымъ угодицамъ помолиться, а

за хлѣбъ за соль челомъ ударить». Дѣлають три поклона. Послѣ чего дѣвушки поють:

Шла наша Устинья изъ-за дубова стола,
Бросила ключи на дубовый столъ;
И тебѣ, батюшка, не ключница,
И тебѣ, матушка, не дарчница:
Ключница я чужо батюшкѣ,
Дарчница я чужой матушкѣ.

Отецъ и мать благословляютъ жениха и дочь образомъ, хлѣбомъ и солью, а дружка приговариваетъ почти то же самое, что и при отправленіи жениха къ невѣстѣ. Между-тѣмъ дѣвушки поють:

Что не стукъ-то стучить во теремъ,
Что не громъ-то гремитъ во высокомъ.
Молится Богу красна-дѣвица;
Благословляетъ ее сударь батюшка,
Во Божью церковь подъ златъ вѣнецъ,
Благословляетъ и наказывать:
Ты живи-ко, мое дитятко,
Во чужихъ людяхъ смиреншенько;
Голову держи поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Повинуйся свекру-батюшкѣ,
Почитай-ты свекровь матушку.

Ахъ вы, комони, комони,
Комони, кони добрые!
Знать слышали комони
Что невзгоду великую:
Изъ Дуная воды не пили,
Изъ тихова не кушали.
По Дунаю насадъ плыветь,
По тихому ветляньской;
Подлѣ берегъ колымагу несутъ,
Подлѣ крутой багрецовую.
Во насадъ Андрей сидитъ,
Что Андрей, свѣтъ Николаевпчъ;
Въ колымагѣ красна дѣвица,
Что Надежда Терентьевна.
Какъ Андрей-то Богу молится,

Николаевичъ поклоняется.
 Какъ создай Боже, Господи,
 Со небесъ тучу грозную
 Со громами со страшными
 Съ моланьями со яркими;
 Снеси, Боже, Господи,
 Что насадъ съ колымагею;
 Сочетай Боже, Господи,
 Что Андрея-то съ Надеждою,
 Николаевича съ Терентьевной.

Отставала лебедь бѣлая,
 Что отъ стада лебединова;
 Приставала лебедушка
 Что ко стаду ко сѣрыхъ гусей,
 Ужъ какъ стали гуси сѣрые
 Что лебедушку щипати,
 А лебедушка *никати*:
 Ахъ вы, гуси, гуси сѣрые!
 Не щиплите мои перышки!
 Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
 Не своей волей охотою:
 Занесли-то вѣтры буйные,
 Забросили вихри бурные!
 Отставала красна дѣвица
 Прочь отъ батюшки отъ матушки,
 Отъ своихъ братцовъ сестрицъ;
 Приставала красна дѣвица,
 Катерина свѣтъ Михайловна,
 Приставала ко чужой семьѣ,
 Ко чужой семьѣ, незнаемой.
 Ее стали тамъ журить, бранить,
 Ее стали тамъ уму учить.
 Не журите меня, дѣвицу,
 Не браните меня, красную:
 Не сама собой я къ вамъ зашла,
 Не своей волей охотою;
 Занесли меня добры кони,
 Что добры кони Терентьевы!

Съ этою пѣсней провожаютъ невѣсту до повозокъ. Она, покрытая фатою или платкомъ, садится со свакою, тысяцкѣй съ однимъ изъ поѣзжанъ, имѣя въ рукахъ образъ. Между-тѣмъ

дружка, отвѣчающій за благополучное окончаніе свадьбы, ограждаетъ поѣздъ отъ колдуновъ, недобрыхъ знахарей и *волхитовъ*, для чего онъ беретъ восковую свѣчу, обходитъ кругомъ около всего поѣзда, похлопывая бичемъ и наговаривая про себя: «Встану я рабъ Божій (имя) благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь студеной ключевой водою, утрюсь тонкимъ полотенцомъ; *оболокись* я *оболоками*, подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцомъ, обычусь частыми звѣздами и освѣчусь я краснымъ солнышкомъ. Огражду вокругъ меня (имя) и дружины моей съ ослатами, тынъ желѣзный, почву укладу (укладъ-сталь), небо булатно, чтобъ никто не могъ прострѣлить его, отъ востока до запада, отъ сѣвера на лѣто (югъ), ни еретикъ, ни еретѣца, ни колдунъ, ни колдунѣца, годный и негодный, кто на бѣломъ свѣтѣ хлѣбъ ѣсть. Голова моя — коробей, языкъ мой — замокъ.» Потомъ молитву: да воскреснетъ Богъ и нѣкоторыя другія, что продолжаетъ до трехъ разъ; отъ свѣчи же отдѣливъ небольшіе кусочки воску, налѣпляетъ поѣзжанамъ на кресты, а лошадямъ въ гривы.

Въ то же время дѣвушки поютъ:

Ты постой, постой, добрый конь,
 Ты у батюшкина широка двора,
 У матушкина высока теремá
 У братцова у красна крыльца
 У сестрицына у кутна окна.
 Ахъ, ты, дай-ко мнѣ наглядѣтися:
 Мнѣ на батюшкинъ на широкій дворъ,
 Мнѣ на матушкинъ на высокъ терёмъ,
 Мнѣ на братцовъ на красно крыльцо,
 На сестрицыно на кутно окно.
 Увезутъ меня горьку, бѣдную,
 Далекимъ-то далекошенько,
 На чужую дальню сторонушку!
 Ахъ ты, красное мое солнышко,
 Ты родимый мой, сударь батюшко!
 Незакатная, непомеркая,
 Ахъ ты свѣтлая моя звѣздочка,
 Ты родимая моя матушка!
 Какъ знялись твои ручки бѣлыя
 Расплести мою трубчату косу
 Потерять мою алу ленточку!

ПОТОМЪ:

Рядомъ, рядомъ бояре вѣли,
 У рябины вѣточку сломили,
 Коню подъ копыты бросили;
 Топчи, топчи, доброй ночью, вѣточку,
 Стой ты, рябинушка, безъ верху;
 Живи, живи, батюшка, безъ дочери,
 Безъ любимыя дочери Аннушки!

Дружка, усадивъ всѣхъ, и установа порядокъ поѣзда, садится на лошадь и приказываетъ отправляться. Впереди всѣхъ ѣдетъ тысяцкій съ образомъ, потомъ женихъ и невѣста съ своими сватами, за ними родственники съ обѣихъ сторонъ; въ заключеніе поѣзджане верхами. Когда поѣздъ тронется съ мѣста, дѣвушки, провожая невѣсту, поютъ:

Вы метитесь, улицы,
 Становитесь города,
 Города съ пригородками,
 Терема съ притеремками,
 Вы носите, кони добрые,
 Красну дѣвицу въ Божью церковь,
 Во Божью церковь подъ златъ вѣнецъ,

Всѣ ѣдутъ съ открытыми головами, если церковь близко; въ противномъ случаѣ, выѣхавъ за селеніе, закрываютъ образъ и надѣваютъ шапки, не переставая пѣть приличныя случаю пѣсни. Между гѣмъ дружка увивается около поѣзда, скачетъ взадъ и впередъ стрѣлая изъ пистолета, иногда изъ ружья; то же дѣлаютъ и нѣкоторые поѣзджане. Какъ свадьбы болѣею частію бывають осенью, передъ Филиповымъ постомъ, или зимою, послѣ Рождества, когда крестьяне имѣютъ болѣе свободнаго времени, и какъ сибирскіе крестьяне, особенно въ томской губерніи, считаютъ у себя лошадей десятками, а нныя цѣлыми табунами, то свадебный поѣздъ богатаго крестьянина бываетъ многочисленъ; гѣмъ болѣе, что въ немъ участвуютъ не только приглашенные, но и всѣ, у кого есть досужное время и хорошая лошадь; кто хочетъ и людей посмотреть и себя показать. Такой поѣздъ въ ясный зимній вечеръ вызываетъ все народонаселеніе на улицу, гдѣ пробѣгаетъ свадьба. Долго прислушиваются къ смѣшанному гулу пѣсень, стрѣлбы, колокольчиковъ, бракунцовъ и

ширкунчиковъ *, украшающихъ сбрую лошадей. Поѣзжане, проводивъ свадьбу до *разстаней* **, возвращаются домой, если церковь находится не близко. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ Южной Сибири есть такіе приходы, поперечникъ пространства которыхъ занимаетъ иногда до ста-пятидесяти верстъ. По совершении бракосочетанія, женихъ и невеста кланяются три раза въ землю, и поцѣловавъ другъ друга, отправляются домой, называясь съ этого времени *новобрачными*. За воротами встрѣчаютъ ихъ пѣсней:

Ахъ вы, сокоды, сокоды,
 Сокоды вередетные!
 Вы куда, сокоды, летали?
 Вы чего, сокоды, видѣли?
 Ужъ лѣтали, сокоды,
 Какъ со моря-то на море;
 Ужъ мы видѣли, сокоды,
 Что былъ лебѣдь на заводѣ.
 Вы къ чему ее не поймали?
 Мы хоша ее не поймали
 — Сизы перышки повыщипали.
 Ахъ вы, бѣяре, бѣяре,
 Вы, бояре, переважіе,
 Вы куда, бояре, ѣздили?
 Вы чего, бояре видѣли?
 Ахъ мы видѣли, бояре,
 — Красну дѣвицу въ высокомъ терему.
 Вы къ чему ее не привезли?
 Мы хотя ее не привезли
 — Мы русую косу рѣсплели,
 Горючія слезы пролили.

Дружка, прискакавъ прежде новобрачныхъ, подѣзжаетъ къ окну, и стуча плетью, говоритъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Батюшка родимый! матушка родима! Прибыль нашъ новобрачный князь, съ княгиней молодой и со всѣмъ

* *Брякунецъ* — мѣдная круглая или четырехъ-угольная бляха съ кольцомъ, прикрѣпляемая на верхней части хомута; во время ѣзды, кольцо падая на бляху, производитъ звукъ; — *ширкунчикъ*, пустой мѣдный шарикъ съ дробью, привязываемый къ сбруѣ лошади.

** *Разстани*, мѣсто за городомъ, селомъ, до котораго провозжаютъ ного лабо, — расстаются; также перекрестки на улицахъ.

дорогимъ, честнымъ полкомъ поѣздомъ, къ вамъ, на широкій дворъ!» Потомъ, сойдя съ лошади, высаживаетъ молодыхъ изъ экипажа и ведетъ къ крыльцу, на которое выходятъ отецъ и мать съ образомъ, хлѣбомъ и солью, гдѣ и благословляютъ, угощая свахъ и всѣхъ гостей виномъ; цѣлуютъ новобрачныхъ. Въ это время жениховъ и невестина свахи, стоя другъ противъ друга, съ рюмками въ рукахъ, заводятъ какой-нибудь шуточный разговоръ, во время котораго стараются обратить вниманіе другъ друга на что-нибудь, напримѣръ одна, сказавъ: «Гляди-ко ты, лихотка, что съ тысяцкимъ-то дѣется!» отливаетъ изъ своей рюмки другой вино, когда та заглядится въ сторону; но дружка восстанавливаетъ между ними порядокъ, раздѣливъ между свахами разстояніе рукояткою плетя. Когда онѣ выпьютъ вино, то цѣлуются. За тѣмъ по угощеніи всего нѣмца, входятъ въ комнату, и, помолитвись Богу, садятся за столъ. Свахи, закрывъ невесту со всѣхъ сторонъ платками или тѣмъ нибудь, начинаютъ *окручать* ее, то есть плетутъ двѣ косы, и *окрутисъ* вокругъ головы, надѣваютъ *шамшур* (мокошникъ) и повязываютъ платкомъ. Въ это время поютъ:

Сѣмена ли, мои сѣмена,
Сѣмена мои сахарные!
Васъ немного было сѣяно —
Ужъ какъ много уродилось,
Три раздолья, три широкия!
Ты коса ли, моя косанька!
Какъ доседева-то, косаньку,
Заплетала родна матушка,
Что мелкимъ она, мелкошенко.
А теперь мою русу косу
Расплетаютъ ее на двое;
Обвиваютъ вкругъ буйной главы;
Надѣваютъ сшиму черную!
Мнѣ не снять ее, не обрести,
Что отъ младости до старости,
До сѣдаго, бѣла волоса.
Какъ доседѣ сшима черная
По дворамъ она валялася,
По подлавчю тасалася;
А теперь-то сшима черная
Она мнѣ-то пригодилася,
На мою, буйну головушку!

Также:

Ты коса ли, моя косанька!
 Ты коса ли, дѣвья красота!
 Меня красила ты, косанька
 Въ ясный день передъ солнышкомъ;
 Темной ночью передъ мѣсяцомъ.
 Ахъ ты грѣла, дѣвья красота,
 Среди зимы студеныя
 Во морезы во крещенскіе!

Между тѣмъ дружка, сотворивъ молитву, говоритъ: «Батюшка родимый! матушка родима! благословляйте нашу княгиню молодую сварядить, оболочѣ (облечь, одѣть), бѣлу кикѣболку (кокошникъ) наложить, въ нову смальню свать положить.» Потомъ обращается съ этими же словами ко всѣхъ присутствующимъ въ комнату, подобно тому, какъ и во время благословенія жениха родителями передъ отъѣздомъ въ церковь. Послѣ *окрученія* объѣдаютъ, а не приглашенные къ тому гости и дѣвушки, подруги молодой, идутъ домой. Послѣ обѣда тысяцкій отпираетъ комнату; новобрачныхъ раздѣваютъ и ведутъ на *подклѣтъ*, поставя тамъ вина и закуску. Потомъ, заперевъ на замѣкъ дверь, возвращаются продолжать пиршество. Черезъ нѣсколько часовъ, а иногда на другой день поутру, *поднявъ* молодыхъ, выводятъ къ гостямъ. Всѣ поздравляютъ ихъ, цѣлуютъ; пьютъ за здоровье ихъ, поютъ, веселятся всю ночь; особенно если новобрачная окажется достойною такой радости. Молодая у крестьянъ выходитъ въ одной рубашкѣ и угощаетъ гостей виномъ. Если молодыхъ кладутъ на *подклѣтъ* навремя, то свахи, послѣ поднятія съ *подклѣта*, снявъ съ молодой рубашку, привозятъ ее немедленно съ тысяцкимъ и нѣкоторыми изъ поѣзжанъ къ отцу и матери, благодарятъ за воспитаніе дочери и просятъ къ столу; въ противномъ случаѣ эта церемонія дѣлается поутру. На другой день молодые посѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ, послѣ того отправляются къ тестю на блины; то есть къ столу, къ которому приглашаются всѣ родные и почетныя лица изъ знакомыхъ; потомъ поочередно, *отводятъ вечерніе столы*, если имѣютъ возможность къ тому. Тысяцкій и поѣзжане угощаются женихомъ послѣ перваго стола. Въ это время молодой даритъ ихъ, чѣмъ можно. Иногда, при многочисленности родственниковъ и поѣзжанъ, условливаются, чтобы не дарить съ обѣихъ сторонъ, никого, кромѣ дружки, тысяцкаго и свахъ.

Такимъ образомъ совершаются свадьбы у богатыхъ и зами-

точныхъ крестьянъ въ Южной Сибири. Описавъ вполне всѣ обряды при этомъ наблюдаемые, мы ограничились помѣщеніемъ только тѣхъ пѣсенъ, которыя вездѣ считаются необходимыми и употребительными. Всѣ вообще пѣсни, исключая такъ называемыхъ *припѣвокъ*, на смотрѣнныя и дѣвичникѣ, имѣютъ грустные, унылые мотивы, исполненные простоты и глубокаго чувства. Поютъ ихъ тамъ превосходно. Нѣкоторые изъ приведенныхъ въ нашей статьѣ пѣсенъ, находятся также съ небольшими перемѣнами въ пѣсняхъ Русскаго Народа, изданныхъ господиномъ Сахаровымъ.

ЗАКЛИНАНІЯ И НАГОВОРЫ ЗНАХАРѢЙ.

На привораживаніе кого-нибудь.

1.

Встану я рабъ Божій (имя) и пойду изъ дверей дверьми, изъ воротъ воротами, подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну Господню, къ тому синему морю, синему морю окіяну. У того, у синяго моря лежитъ бѣлъ алатръ камень; подъ тѣмъ, подъ бѣлымъ алатромъ камнемъ лежатъ три доски, а подъ тѣми досками три тоски тоскучія, три рыды рыдучія. Подожду я близехонько, поклонюсь низехонько: Вставайте, вы, матушки, три тоски тоскучія, три рыды рыдучія и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя) дѣвицу, разжигайте ее во дни, въ ночи и въ полуночи, при утренней зарѣ и при вечерней. Садитесь вы, матушки три тоски, въ ретивое ея сердце, въ печень, въ легкія; въ мысли и въ думы; въ бѣлое лицо и въ ясныя очи; дабы рабъ Божій (имя) казался ей пуше свѣта бѣлаго; пуше солнца краснаго; пуше луны Господней. Ъдой бы она не захѣдала; питьемъ бы она не запивала; гульбой бы не загуливала; при пирѣ она или при бесѣдѣ, въ полѣ она или въ домѣ, не сходилъ бы онъ съ ея ума разума. Будьте вы мои слова крѣпки и лѣпки; крѣпче камня и булата. Замыкаю я васъ тридевятью замками; запираю я васъ тридевятью ключами. Нѣтъ моихъ словъ переговора и недоговора, и не измѣнить ихъ ни хитрецу ни мудрецу.

2.

Встану я рабъ Божій (имя) и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле подъ востокъ, подъ восточную

сторону. На встрѣчу мѣ семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ. Откуда вы, семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ идете? куда пошла? Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья суждѣ травы скошенныя, лѣса порубленныя, земля вспаханная. Подите вы семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоску тоскуція со вдовъ, скреть и маленькихъ ребятъ, со всего свѣта благо, понесите къ красной дѣвицѣ (нмя) въ ретивое сердце; простѣкните булатнымъ топоромъ ретивое ея сердце, посадите въ него тоску тоскуцію, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, въ составы; въ семьдесятъ семь составовъ и подосоставковъ — одинъ составъ въ семьдесятъ семь жилъ, единую жилу становую; чтобы красная дѣвица (нмя) тосковала и горевала по (нмя) во всѣ суточныя въ двадцать четыре часа; ѣдой бы не заѣдала; питьемъ бы она не запивала; въ гульбѣ бы она не загуливала и во снѣ бы она не засыпывала; въ теплой *парушь* калиновымъ щелоконъ не смывала, шелковымъ вѣнкомъ не спаривала; пошла — слезно плакала, и казался бы ей (нмя) милѣе отца и матери, милѣе всего роду племени, милѣе всего подъ луной Господней: скатываго жемчугу, платья цвѣтнаго, золотой кавзы. Будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки; крѣпче камня и булата. Ключъ мощию словамъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ, на рыбѣ и китѣ; и никому эту китъ-рыбу не добыть и замокъ не отпереть авромѣ меня (нмя). А кто эту китъ-рыбу добудетъ и замокъ мой отпереть, да будетъ яко древо, палимое молнією.

3.

Встану я (нмя) и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье, къ синему морю рѣкву. У того у синяго моря окіяна лежитъ огненный згѣй. Сражается и снаражается онъ зажигать горы и доли и быстрыя рѣки; болотныя воды со ржавчиною; орлицу съ орлятами, скопу со окопятами; травы подкошенныя, лѣса подсѣченныя. Подойду я поближе, поклонюсь пониже. Гай-еси ты, огненный згѣй! Не зажигай ты горы и доли, ни быстрыя рѣки, ни болотныя воды со ржавчиною, ни орлицу съ орлятами, ни скопу со скопятами; зажги ты красну дѣвицу (нмя), въ семьдесятъ-семь составовъ, въ семьдесятъ-семь жилъ и въ единую жилу становую; во всю ея хочъ; чтобъ ей миллось и хотѣлось; брало бы ее днемъ при солнцѣ, ночью при мѣсяцѣ; чтобы она тосковала и горевала по (нмя); сномъ бы она не засыпала; ѣдою не заѣдала; гульбою не

загуливала. Какъ бѣлая шука рыба не можетъ быть безъ проточной воды и безъ пробѣжки, такъ бы красная дѣвица (нмя) не могла бы безъ (нмя) ни жить ни быть. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки; крѣпче камня и булата, острога ножа и борзомѣткаго копыя. А ключъ моимъ словамъ и утвержденіе, и крѣпость крѣпкая и сила сильная въ небесной высотѣ, а замѣкъ въ морской глубинѣ.

4.

Встану я (нмя) и пойду изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле. На встрѣчу мнѣ огонь и полымя и буюнъ вѣтеръ. Встану и поклонюсь имъ низешенько и скажу такъ: Гой еси огонь и полымя! не палите зеленыхъ луговъ, а буюнъ вѣтеръ не раздувай полымя, а сослужите службу вѣрную, великую; выньте изъ меня (нмя) тоску тоскучую и сухоту плакучую; понесите ее черезъ боръ не потеряйте, черезъ пороги не уроните, черезъ моря и рѣки не утопите, а вложите ее въ рабу Божию (нмя), въ бѣлую грудь, въ ретивое сердце и въ легкія и въ печень, чтобъ она обо мнѣ рабѣ Божьемъ (нмя) тосковала и горевала, денну, ночну и полуночну; въ сладкихъ ѣствахъ бы не заѣдала, въ меду, пивѣ и винѣ не запивала. Будьте вы мои слова крѣпки и лѣпки, отнынѣ и до вѣку. Заключаю крѣпкимъ замѣкомъ и ключъ въ воду.

—

Приведенные здѣсь наговоры называются *присушками*, то есть, привораживаніемъ. Они наговариваются на вино, воду, хлѣбъ и прочее, что должно дать какимъ-либо образомъ привораживаемому; иногда на оставленные имъ на пескѣ и землѣ слѣды. Къ этому же разряду относится наговоръ, когда сваху посылаютъ *засватывать* избранную невѣсту. Для этого берегутъ кусокъ воску и пригвѣляютъ его къ снурку креста, который носятъ на шеѣ. Впрочемъ, это употребляется только въ такомъ случаѣ, когда не надѣются получить согласіе отца и матери невѣсты.

—

Встану я (нмя) на утренней зарѣ, на *солносходѣ* краснаго солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на

восточную сторону, въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ гу-
ляетъ буйный вѣтеръ. Подойду я поближе, поклонюсь пониже и
скажу: Гой еси, буйный вѣтеръ! пособи и помоги мнѣ (нмя) за-
конъ получать отъ сего дома, и взять кого я хочу, и у того бы
чеговѣка (нмя) умъ и разумъ отступился и на всѣ четыре сто-
роны разшился, а ко мнѣ бы (нмя) приступился и умъ разумъ
домашнихъ *судьбы* наипаче, кого хочу получить; и перевалились
бы и отошли бы ко мнѣ (нмя), всѣ ея мысли, и охоты, и заба-
вы, и всѣ бы ихъ внизъ по водѣ унесло, а на меня (нмя) при-
несло. Ключъ въ морѣ, языкъ въ ротѣ. Тому слову нѣту края и
конца, отъ злаго челоуѣка вреда, бѣды и напасти. А кто бы на
меня и на нее подумалъ (то есть, недоброе) и замыслилъ, у того
челоуѣка ничего бы не послѣдовало, а заперло бы ключами и
замкѣми и восковыми печатями запечатало.

Тѣ наговоры и заклинанія, посредствомъ которыхъ желаютъ
у мужичины или женщины любви къ кому-нибудь, называются
отсушками; тѣ же которыми хотятъ, чтобы мужичина разлюбилъ
женщину или на оборотъ, *отстудю*, *отворотомъ*. Наговарива-
ютъ на тѣ же предметы, какъ и *присушка*, кромѣ-того берутъ
землю и по наговорѣ бросаютъ на того челоуѣка, котораго *от-
студить* нужно, или на слѣдъ его.

Отсушка.

Встану я (нмя) и пойду изъ избы въ двери, изъ воротъ въ во-
роты на быструю рѣку (нмя рѣки), и стану я (нмя) по три кра-
ты мыться и полоскаться, по три зари утренни и по три зари
вечерни, и приговаривати: Гой еси рѣка быстрая! (нмя рѣки)
прихожу я къ тебѣ по три зари утренни и по три зари вечерни
съ тоской тоскучей, съ сухою плакучей, мыти и полоскати ли-
цо бѣлое, чтобы спала съ моего лица бѣлаго сухота плакучая,
и изъ ретива сердца тоска тоскучая, и понеси ты, быстра рѣ-
ченька (нмя рѣки), своею быстрою струею и затопи ты ее въ
своихъ валахъ глубокихъ, чтобы она никогда ко мнѣ (нмя) не
приходила. А всѣ эти слова до слова заключаю замкѣмъ крѣ-
жимъ и ключъ въ воду.

Отстуда.

Пойду я въ поле на травы зелены, на цвѣты лазоревы. На

встрѣчу шибъ бѣжить духъ-вихорь * изъ чистаго поля со своею негодною силою, съ моря на море, черезъ лѣса дремучіе, черезъ горы высокія, черезъ доли широкіе; и какъ онъ бьетъ травы и цвѣты ломаетъ и бросаетъ, также бы (иня) билъ, ломалъ (иня) и бросалъ и на очи не принималъ, и до себя вплоть не допускалъ, и казался бы тотъ человѣкъ пуше змѣя лютаго, и жгло и палило бы его огнемъ, громомъ и молніей. Тому слову моему нѣтъ края и конца, ни переговору и недоговору.

Отъ уроковъ (сглаженія).

Отговариваю (иня) отъ колдуна и колдуницы; отъ чернаго и черемнаго (рыжаго); отъ бѣлаго и русаго; отъ дѣвки *самокрут-ки*, отъ бабы *простоволоски*. И какъ никто не можетъ своего носа да глаза откусить, также бы не могли *изурочить* и испортить (иня), и не могло бы заразить его вѣтроносное язво. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, и будьте мои слова еднвокупно не въ договорѣ и переговорѣ; тѣмъ моимъ словамъ губы да зубы замѣкъ, языкъ мой -- ключъ. И брошу я ключъ въ море; останься замѣкъ въ ротѣ. Бросилъ я ключъ въ сипее море и щука-бѣлуга подходила, ключъ подхватила, въ морскую глубину ушла и ключъ унесла.

Также.

Уроки и всѣ банныя *притки* ** сойдите съ (иня) и пойдите на нечистые гады. Будьте вы мои слова крѣпки и лѣпки.

Отъ лихорадки.

Прежде всего упомянувъ святаго, именемъ котораго называется больной лихорадкой, знахарь говоритъ далѣе: «и святой отче, Сисиніе, отгоните отъ (иня) Иродовыхъ *** дочерей, да не прибли-

* Простой народъ въ Сибири думаетъ, что въ вихрѣ летаетъ *негистый дуть*, дьяволъ, негодная, нечистая сила, и что во время грозы молнія всегда на него падаетъ, а дьяволъ въ это время оборачивается въ какую-нибудь домашнюю птицу, животного, иногда въ ребенка.

** *Банная притка*, болѣзнь, полученная въ банѣ отъ неопредѣленной причины, думы, воображенія.

*** Простой народъ называетъ лихорадки Иродовыми дочерьми.

жаются они къ нему во вѣки; прогоните ихъ нещадно въ мѣста пусты и безводны. Далѣе наговариваютъ нижеслѣдующее на вино или соль: Явился имъ съ небеси огненный столпъ; изъ того огненнаго столпа вышло двѣнадцать дѣвъ простовласыхъ: первая невѣя, вторая снѣй, третья легкая, четвертая трясуница, пятая желтуница, шестая мученица, седьмая огненная, осьмая аки ледь, девятая временная, десятая безвѣстная, одиннадцатая вешняя, двѣнадцатая листопадная. Спрашивали ихъ (имя святаго угодника) и святой отче Сисиніе: Куды онѣ? Отвѣчали двѣнадцать дѣвъ: мы посланы отъ Ирода царя въ мѣръ, въ родъ христіанскій, кости ихъ крушить, власы ихъ студить, жилы ихъ таять, самихъ ихъ огнемъ жечь. Тогда (имя святаго угодника) и святой отче Сисиніе начали ихъ бить прутьями желѣзными и дали имъ каждой по тысячѣ ранъ. Тогда отвѣчала первая невѣя: * гдѣ мы сію молитву услышимъ (то есть начало этого наговора), не будемъ въ дома ихъ входить, кости ихъ крушить, жилы ихъ таять, власы ихъ студить, самихъ ихъ огнемъ жечь. Вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку.»

Прежде всего читается молитва: Да воскреснетъ Богъ; Достойно есть. Потомъ: «Встану я рабъ Божій (имя) благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери изъ воротъ въ ворота, подъ восточную сторону, въ чистое поле, къ окіану морю, на святой Божій островъ. На этомъ островѣ лежитъ алатръ камень, а на камени стоитъ Мати Пречистая Богородица. Просить и молить безпрестанно Господа Иисуса Христа объ насъ грѣшныхъ (имя). Прошу и молю, Пречистая Божія Матерь, усердно, своими горькими слезами! заступи обо мнѣ рабѣ Божьемъ (имя); отгони злую лихоманку за тридцать земель въ тридцатое пустое царство; отгони и отведи отъ меня Божья челоуѣка (имя)! Ключъ въ морѣ, языкъ въ ротѣ.»

Сибирскую язву знахари лечатъ также наговорами, употребляя вмѣстѣ съ тѣмъ и медицинскія средства. Язва обнаруживается у челоуѣка вдругъ въ видѣ опухоли, большею частію на открытыхъ частяхъ тѣла: лицѣ, шеѣ, груди, рукахъ. Когда она будетъ замѣчена, то знахарь очерчиваетъ больное мѣсто безвмяннымъ пальцемъ (четвертымъ отъ большаго), читая молитву: Да воскреснетъ Богъ; потомъ: «Встану я рабъ Божій (имя) благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь утреннею росою, утрусь

* Хотя наговоръ этотъ находится въ рукописи, писанной уставомъ довольно четко, однако мы не понимаемъ значенія слова: *нещадно*.

тонкимъ бѣлымъ полотномъ, и пойдѣ изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, подѣ восточную сторону къ окіану морю. На томъ окіанѣ морѣ стоитъ Божій островъ, на томъ островѣ лежитъ бѣль-горючъ камень алатръ; а на каменѣ святыи пророкъ Илія съ небесными ангелами. Молюся тебѣ, святыи пророче Божій Илія! пошли тридцать ангеловъ въ златокованномъ платѣ, съ луки истрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ (имя) уроки и призоры и притки; щипоты и ломоты и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топучія болота; и встрѣчно и поперечно; стамовѣ и ломовѣ; на молѣду, на вѣтху и на перекроѣ мѣсяца.»

Вмѣсто безымяннаго пальца очерчиваютъ пораженное язвою мѣсто *мертвыми мыломъ* (то есть тѣмъ, которымъ обмывали умершаго человѣка) или сосновымъ сукомъ, который отъ гнилости или отъ другой причины выпадаетъ самъ собою. Въ первомъ случаѣ послѣ обращенія съ молитвою къ Иліѣ пророку и силамъ небеснымъ (ангеламъ) знахарь говоритъ: «Спустите мнѣ громъ и моланью; отбивайте и отстрѣливайте отъ раба Божія (имя) уроки и призоры, щипоты и ломоты, потяготы и позѣвоты, и вѣтроносное язво, куда крылатая птица не залетаетъ, а удалый молодецъ на конѣ не заѣзжаетъ; встрѣчное и поперечное; стамово и ломово; внутренно, споево, закожно и жилинно. Какъ у мертваго мертвеца колѣбютъ руки и ноги, зубы и губы, трепущее тѣло; такъ бы колѣбли у (имя) уроки и призоры и притки; щипоты и ломоты; потяготы и позѣвоты и вѣтроносное язво; встрѣчное и поперечное, стамовѣ и ломовѣ; внутренно, споево, закожно и жилинно.»

Во второмъ случаѣ, когда очерчиваютъ сосновымъ сукомъ, послѣ того же, какъ и въ предъидущихъ двухъ наговорахъ, обращенія къ пророку Иліѣ и ангеламъ, знахарь говоритъ: Какъ у матушки у сухой сосны, сохнуть и посухаютъ сучья и кореня изъ бѣлой *болони* и краснаго сердца; такъ бы сохло и посухало у (имя) уроки и призоры и притки, щипоты и ломоты, потяготы и позѣвоты, на молѣду, подѣ полянъ, на перекроѣ и на вѣтху мѣсяца; съ буйной головы, съ русыхъ волосъ, черныхъ бровей, ясныхъ очей, съ губъ, съ зубъ, съ рукъ, съ ногъ, съ легкаго и съ печени, съ крови горячей и *трепуцаго* (живаго) тѣла.»

Лекарю и больному весь Ильинской мѣсяцъ (Іюль) жить должно во всей чистотѣ души и тѣла, и не имѣть блуднаго грѣха, безъ чего леченіе не будетъ успѣшно. Средства медицинскія и

диететическія суть: на большое мѣсто кладутъ привочку изъ табаку и нашатыря; иногда онуюжь прокалываютъ иглой или шиломъ, пока не дойдутъ они до здороваго мѣста, и насыпаютъ въ ранку нашатырю съ табакомъ. Если боль на сердце бросится (то есть во время лихорадки отъ распространенія опухоли), то больному даютъ пить рѣдечнаго соку съ нашатыремъ въ винѣ; а ѣсть одну вещь, — рѣдку тертую съ кислымъ квасомъ, ржанымъ или пшеничнымъ (бѣлымъ) хлѣбомъ; въ питье давать, до уничтоженія боли, рѣдечный сокъ или кислый квасъ, а всего лучше оба вмѣстѣ. Впрочемъ мы отъ очевидцевъ слышали, что и безъ употребленія медицинскихъ средствъ, о которыхъ сказано выше, знахари вылечиваютъ сибирскую язву очерчиваніемъ и паговоромъ. Сибирская язва обыкновенно обнаруживается съ половины іюня мѣсяца на лошадяхъ, продолжаясь до августа. Сильнѣе всего она свирѣпствуетъ въ жаркое лѣто на низкихъ луговыхъ мѣстахъ и степяхъ, поражая тогда и людей; въ горахъ ея не бываетъ; почему непужныхъ для домашнихъ работъ лошадей отправляютъ *табунами* на *отгонъ* въ горы или мѣста возвышенныя.

У лошадей опухоль также очерчиваютъ, называя по цвѣту масти, и паговаривая на деготь, чеснокъ и нашатырь, вмѣстѣ стертые, которыми и мажутъ больное мѣсто; внутрь даютъ нашатырь, вино и чеснокъ; въ кормъ тогда уже, когда кожа на больномъ мѣстѣ станетъ морщиться, по немногу сухаго сѣна; въ питье отваръ степной полыни (*artemisia absinthium*).

По словамъ одного изъ горныхъ офицеровъ, тамъ въ недавнее время стали употреблять знахари съ большимъ успѣхомъ противъ сибирской язвы, *закусываніе*, состоящее въ томъ, что на показавшуюся опухоль кладутъ платокъ, салфетку или тряпку, и кругомъ, со всѣхъ сторонъ обкусываютъ больное мѣсто; послѣ чего на немъ образуется нарывъ и струпъ, который начинаетъ сначала отдѣляться отъ здоровыхъ частей и, чрезъ нѣсколько времени, выпадаетъ въ видѣ воронкообразнаго стержня. Нельзя не пожалѣть при этомъ случаѣ, что у насъ многія, употребляемая простымъ народомъ съ пользою при леченіи разныхъ болѣзней средства медицинскія, остаются до нынѣ неизслѣдованными ученымъ образомъ; а между-тѣмъ въ настоящее время было бы весьма удобно черезъ мѣстныхъ образованныхъ медиковъ описать извѣстныя въ каждомъ уѣздѣ и цѣлой губерніи простому народу медицинскія средства и вещества, входящія въ составъ лекарствъ.

Наговоръ на скотину.

Дабы сохранить отъ болѣзней и хищныхъ звѣрей стадо коровъ или овецъ, захаръ вырѣзываетъ понемногу шерсти съ передней холки, черныхъ, красныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ и прочихъ какія въ стадѣ находятся, коровъ и овецъ, и завязавъ шерсть въ узелъ обходитъ стадо три раза по солнцу; наговаривая ни-жеслѣдующее, а потомъ опускаетъ въ воду до осени, пока скотъ въ полѣ.

«Встану я рабъ Божій (имя) благословясь, пойду перекрестясь изъ воротъ въ ворота, изъ дверей въ двери, въ чистое поле, подъ вытокъ, подъ выточную сторону, на море окіянь. На этомъ морѣ окіянь лежитъ бѣлъ аламы камень, а на камени сила небесная. Подойду я поближе, поклонюсь повѣже: Силы небесныя подшлите свою помощь и силу на нашъ скотъ — милый животъ, въ чистое поле, въ зеленые луга въ темные лѣса. И сходить семь ангелъ, вмущихъ въ рукахъ семь свѣтильникъ съ горящими свѣщами, и обходить около нашего скота — милаго живота; и жгутъ они, пожигаютъ всѣхъ колдуновъ и колдуницъ, еретиковъ и еретницъ, звѣрей и звѣрицъ, змиевъ и змицъ, волковъ и волчицъ, и оказываютъ святін ангели нашъ скотъ — милый животъ *пеньемъ* (пнями) и *колодьемъ* (колодами). Встрѣтили нашъ скотъ — милый животъ святый великомученикъ Георгій и святый царь Константинъ * на бѣлыхъ копяхъ, имуще въ рукахъ щиты огненные; и объѣзжаютъ около нашего скота — милаго живота, и бьютъ они, побиваютъ всѣхъ колдуновъ и колдуницъ, еретиковъ и еретницъ, воровъ и ворицъ, звѣрей и звѣрицъ волковъ и волчицъ, и оказываютъ имъ *пеньемъ* и *колодьемъ*. — Встрѣчаютъ нашъ скотъ — милый животъ святін безсребреницы Косма и Даміанъ, имуще въ рукахъ различное врачество, и обходятъ около нашего скота — милаго живота, врачуютъ ихъ отъ всякія болѣзни, и тлѣтворныхъ вѣтровъ и смертоносныя язвы, и оказываютъ нашъ скотъ — милый животъ всѣмъ колдунамъ и колдуницамъ, еретикамъ и еретницамъ, волкамъ и волчицамъ, *пеньемъ* и *колодьемъ* вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, нынѣ и присно, и прочая. Потомъ: Да воскреснетъ Богъ, трижды.

Для лошадей взять всячій замокъ, обходить съ нимъ около стада трижды замыкая и отмыкая; въ послѣдній же разъ за-

* Св. Георгій читается покровителемъ стадъ.

мкнувъ, положить въ воротахъ, закрыть соломой и перегонять лошадей въ поле; потомъ замокъ повѣсить куда-нибудь до самой осени.

На замокъ наговариваютъ: «зamyкаю я (имя) снмъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна; отъ сѣрыхъ, гнѣдыхъ, вороныхъ (какой масти есть лошади въ стадѣ) вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку; отнынѣ и присно», и прочая.

Чтобы лошади не выходили съ паствы на другое мѣсто, нужно взять палку изъ муравейника, объѣзжать съ нею вокругъ стада три раза, а потомъ воткнуть по срединѣ круга и сказать:

«Заговариваю я (имя) сей заговоръ надъ моимъ табуномъ. Какъ мураши, гдѣ ни ходятъ ни гуляютъ, а приходятъ и не отлучаются отъ своего гнѣзда; такъ бы мои добрые кони, вороны, гнѣдые, не вышли бы изъ сего круга; вѣкъ по вѣку» и прочая.

«Встану я (имя) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, къ острову буяну, къ Георгію храброму, и скажу: Гой еси Георгій храбрый! укрѣпи своею сляой мощною мое стадо (название его), чтобъ оно отъ пѣступа не разбѣгалось, а ходило бы въ кучѣ смирнехонько, ѣло хорошохонько и было глаже гладкаго горюстая; и заключу слова мои поклономъ низкимъ. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки».

«Встану я (имя), пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, а изъ воротъ въ чистое поле, и поклонюсь на всѣ на четыре стороны и скажу: Гой еси Георгій храбрый! изцѣли отъ недуга и всякой скорби стадо (имя), и пошли всѣ недуги и скорби на нечистые гады. Заключаю слова поклономъ низкимъ. Будьте мои слова», и прочая.

Чтобы воръ не вышелъ изъ круга, сдѣланнаго около чего-нибудь.

Взять нитку изъ савана, смѣрять длину мертвеца; обходить до трехъ разъ около дома, кладовой, и такъ далѣе, потомъ нитку обернуть около палочки, которую воткнуть въ срединѣ обойденнаго пространства, и сказать:

«Какъ сей мертвецъ, рабъ Божій (имя), не встаетъ и не выходитъ изъ могилы; такъ бы сей заблужденный (заблуждающійся,

грѣшнѣй) рабъ не вышелъ изъ сего круга. Вѣкъ по вѣку», и прочая.

Чтобы растенія хороощо родились.

«Встану я рабъ Божій (имя) благословясь, пойду помолясь изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, прямо на востокъ, и скажу: Гой еси солнце жаркое! не пали и не пожгай ты овощъ и хлѣбъ мой (имя), а жги и пали куколь и волюнь-траву. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки.»

Или:

«Умоюсь я (имя) въ утреннюю зорю утренней росой, и очерчу себя безъимяннымъ пальцемъ и скажу: Гой еси ты, заря утренняя! и ты, заря вечерняя! пади ты на мою рожь и проч., дабы она росла какъ лѣсъ высока, какъ дубъ толста. Будьте мои слова», и прочая.

Чтобы не заблудиться въ лѣсу.

«Встану я (имя) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, а изъ воротъ въ чистое поле; поклонюсь на всѣ на четыре стороны и пойду въ густой, темный лѣсъ. Прийду въ середину густаго лѣса и найду тутъ старца стараго, какъ лушь сѣдаго; поклонюсь ему низехонько и скажу: Гой еси, старецъ, какъ лушь сѣдой! Скажи ты мнѣ всю правду петину, гдѣ живетъ царь Зміуланъ? Поди ты въ правую сторону къ царю Зміулану. И пойду въ правую сторону къ царю Зміулану: что не дубъ стоитъ — Зміуланъ сидитъ; что не вѣтеръ шумитъ — Зміуланъ говоритъ: Гой еси, царь Зміуланъ! прикажи ты своимъ вѣрнымъ слугамъ меня (имя) изъ сего лѣса темнаго вывести, и направитъ на путь на дорогу. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, отнынѣ до вѣку. Замокъ въ ротѣ, а ключъ въ воду.»

На выживаніе кикиморы.

«Ахъ ты гой еси, кикимора домовая! выходи изъ горюшка дома скорѣе, а нето задеруть тебя калеными прутьями, сожгутъ огнемъ-полынемъ, и черной смолой зальютъ. Будьте мои слова», и прочая.

Чтобы рыба попадалась въ сѣти или неводъ.

«Идите рыба и малая рыбица въ мой *матерь* неводъ, широку матню» (три раза повторяется).

Отъ нарыва, чирья.

Очерчивая больное мѣсто *безымяннымъ* пальцемъ или сосновымъ сукомъ, говорятъ: «Какъ сукъ сохнетъ, такъ бы сохъ у раба Божія (имя) чирей, изъ земли въ землю, въ три сажени. Будьте мои слова», и прочая:

СТЕПАНЪ ГУЛЯЕВЪ.

=

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.

=

II.

П Ъ С Н И И.

Почему слышится и раздается немолчно въ углахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря пѣсня? Что въ ней, въ эти пѣсни? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь!...

Гоголь.

Къ любопытнѣйшимъ памятникамъ старины принадлежатъ, кромѣ свадебныхъ обрядовъ, и самобытныя созданія народной поэзіи, заключающіяся въ сказкахъ и пѣсняхъ, и разныя повѣрья и обычаи предковъ русскаго народа. Множество пѣсень сохраняется донынѣ въ Южной Сибири, населенной добровольными выходцами изъ сѣверовосточныхъ областей Россіи, и казаками. Всѣ пѣсни раздѣляются на четыре разряда: 1) *Круговыя, сопровождаемыя играми* 2) *Собственно круговыя.* 3) *Проголосныя* и 4) *Плясовыя.*

Принадлежащія къ двумъ первымъ разрядамъ называются *круговыми* потому, что дѣвушки и молодые мужчины, взявшись за руки, становятся къ кругу, и запѣвъ *круговую* пѣсню, начи-

наютъ подѣ мѣру такта, ходить въ которую-нибудь сторону, а тамъ оборачиваются въ другую, попеременно, измѣняя съ тѣмъ вмѣстѣ фигуру круга, вьющагося по прихоти *запльвалы* или *запльвалыщницы*. *Круговыя* пѣсни, сопровождаемыя играми, изображаютъ какіе-нибудь случаи изъ семейной жизни русскаго народа. Содержаніе просто-круговыхъ составляютъ жалобы дѣвушки на грустную жизнь одиночества, или сожалѣніе женщины, вышедшей замужъ за постылаго человѣка о счастливомъ беззаботномъ дѣвическомъ времени, объ утраченной въ горѣ *дльвей* красотѣ, и жалобы на ревниваго мужа, на ляхаго свекра и свекровь и злыхъ золовокъ, пересуды сосѣдей, и прочая.

Проголосныя заключаютъ въ себѣ бѣльшую частію разсказъ дѣвушки, женщины или молодца, о горькой, по чему-нибудь, долѣ жизни своей. Мотивы круговыхъ и проголосныхъ пѣсень исполнены мелодіи и отличаются тою же грустію, разлитюю вообще во всѣхъ напѣвахъ русскаго народа, исключая пѣсень насмѣшливаго содержанія и *пласовыхъ*. Тактъ проголосныхъ пѣсень медленный.

Пѣсни плавовыя суть тѣ, подѣ напѣвъ которыхъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни какого музыканта, пляшутъ на *вечоркахъ*, *супраткахъ*, *помочахъ* и свадьбахъ.

Прослѣдимъ кругъ цѣлаго года, чтобы, въ краткомъ очеркѣ, показать время, посвящаемое этимъ удовольствіямъ въ жизни русскаго народонаселенія въ Южной Сибири. Съ перваго дня Святой недѣли, дѣвушки и молодыя женщины, собравшись по праздникамъ у которой-нибудь изъ подругъ, поютъ *круговыя* пѣсни, вмѣстѣ съ приставшею молодѣжью, и на улицахъ, отъ вечера до поздней ночи. Это продолжается до Троицына дня. Послѣ того, по случаю постовъ и сельскихъ работъ, онѣ прекращаются; ихъ поютъ только, или какъ говорятъ тамъ, *играютъ кружкомъ*, на *помочахъ*, а съ половинны сентябля, въ домахъ уже, на *капусткахъ*, *супраткахъ* и *вечоркахъ*. Съ Рождества до поста круговыя пѣсни услышите въ домахъ всѣхъ сословій, у горожанъ и сельскихъ жителей, на святочныхъ вечерахъ и *супраткахъ*. Лѣту и зимѣ присвоены особенныя круговыя пѣсни.

Вечоркою (вечернякою) называется импровизированное собраніе дѣвушекъ и молодежи у которой-нибудь изъ подругъ; иногда просятъ сдѣлать *вечорку* какую-нибудь женщину за плату или ничтожное угощеніе. *Вечорки* у простаго народа бываютъ *денныя* и *ночныя*. Первые дѣлаются на Святкахъ вскорѣ послѣ обѣда до 4 или 5 часовъ; послѣднія по исправленіи домашнихъ

работъ, какъ-то: уборкѣ скота, приготовленіи для домашнихъ ужины, и прочаго. На нихъ собираются званые и незваные; угощенія же никогда не бываетъ, исключая вечеринокъ въ домахъ чиновниковъ и лицъ средняго сословія, состоящаго изъ купцовъ и нижнихъ чиновъ; вечеринки ихъ, по тамошнему этикету, называются *собраніями*. На этихъ вечеринкахъ, также какъ и на балахъ большихъ городовъ, заключаются сердечные союзы, и потому-то каждая дѣвушка и молодой человекъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ времени, когда онѣ начнутся.

Помочью называется всякая работа, производимая не по найму, но приглашенными хозяиномъ знакомыми, за одно только угощеніе: вечеромъ — ужины и вино, а въ заключеніе пляски. Помочь дѣлается для того, чтобы, пользуясь напримѣръ хорошею погодою, скосить разомъ, въ одинъ день, лугъ, сжать хлѣбъ, и прочая, что избавляетъ отъ хлопотъ найма работниковъ и необходимо нужнаго за ними надзору, берегаетъ время и ограничивается расходами на обѣдъ, состоящій изъ холодной закуски, и на вечерній столъ. А зажиточность хозяевъ доставляетъ къ тому всѣ способы. Кромѣ этого *помочи* представляютъ еще замѣчательную черту патриархальнаго быта русскаго народа.

Первыя помочи дѣлаются лѣтомъ на сѣнокосъ, уборку сѣна въ стоги, жатву; потомъ для приготовленія капусты въ прокъ, пряжи изъ льна и овечьей шерсти; вывозку зимою сѣна, бревенъ на постройку дома, однимъ словомъ на все, что требуетъ много рукъ и времени. Для помочи на сѣнокосъ и жатву хлѣба выбирается праздничный день. Хозяинъ, по количеству предстоящей работы, приглашаетъ съ вечера своихъ знакомыхъ, сколько нужно. Поутру часовъ въ пять, ранѣ или позже, смотря по обстоятельствамъ, *помочане* отправляются въ телѣгахъ, верхомъ, или въ лодкахъ, если сѣнокосъ находится по берегамъ рѣки. Приѣхавъ и помолвившись Богу, работаютъ до обѣда; отобѣдавъ, немного отдыхаютъ, а потомъ снова начинаютъ свое дѣло, и по окончаніи отправляются обратно съ пѣснями. Вымывшись и одѣвшись въ лучшее платье, идутъ къ хозяину, у котораго между-тѣмъ приготовлены уже столы и кушанье. По окончаніи стола, при чемъ гостепривіимый хозяинъ не жалѣетъ вина, наливки и пива, начинаются игры и пляска подъ скрипку, а если нѣтъ, то подъ балалайку и бубель. У поселянъ простопѣсни плясовыя, и для мѣры такта, палка, увѣшанная колокольчиками и ширкувчиками, а иногда и обыкновенный роговой гребень, которыми, прикладывая зубцами обернутыми бумажкою,

къ губамъ, производить похожіе на кларинетный мундштукъ звуки, конечно слабыя. Пастушій рожокъ тамъ совсѣмъ незатѣстелъ. Само собою разумѣется, что на работу, требующую много силы, приглашаются болѣею частію мужчины, или попадають съ женщинами.

Капустки и *супратки* дѣлаются на однѣхъ женщинахъ и двѣухахъ. Для капустокъ просто приглашаютъ знакомыхъ, и въ небольшомъ числѣ, потому что тутъ не требуется много рукъ, а для супратокъ число помочавокъ простирается иногда до пятидесяти. *Супратки* дѣлаются слѣдующимъ образомъ: когда приготовлены будутъ осенью ленъ и шерсть для пряжи нитокъ, хозяйка разсылаетъ съ кѣмъ-нибудь извѣстное количество по знакомымъ женщинамъ и двѣухамъ, и, смотря по времени, какое нужно для приготовленія пряжи и нитокъ, назначаетъ день *супратки*, преимущественно на святкахъ; а иногда тою же осенью; о чемъ поутру или накануне дается знать. Вечеромъ назначеннаго для супратки дня, являются *супратницы* въ лучшихъ нарядахъ своихъ, съ работою, — мотками пряжи и нитокъ. Когда соберутся всѣ, то садятся за приготовленные столы обѣдать. Тѣ изъ супратницъ, которые не пьютъ вина, приводятъ съ собою *захребетниковъ*, мужа или брата. Во время стола, когда хозяйка подноситъ вино или наливку, супратница, приложивъ рюмку къ губамъ, передаетъ захребетнику, который въ это время ставится за стуломъ, и выпивъ, закусываетъ кускомъ пирога или чѣмъ другимъ. Впрочемъ передача рюмки дѣлается не вдругъ, а по усиленной просьбѣ хозяйки, обращаемой къ супратницѣ, выпить поднесенный напитокъ. Другіе не имѣющіе захребетника приносятъ съ собою маленькіе *туяпочки*, и поставя ихъ во время стола на колѣни, съ такою же церемоніею отливають въ нихъ поднесенный напитокъ, который поэтому называется *отливушками*. Послѣ обѣда начинаются круговыя пѣсни и пляска. Супратки дѣлаются болѣею частію горожанами и жителями заводскихъ селевій. Что касается до русской пляски, то она совсѣмъ нехороша, и состоитъ изъ однообразныхъ *па*, или лучше сказать изъ мѣрной бѣготни по комнатамъ, постукиванія пятками, а у мужчинъ изъ прыжковъ и неловкихъ кривляній. Для нихъ она служитъ вмѣстѣ удовольствіемъ и тяжкимъ испытаніемъ, потому, что обычай требуетъ приглашать на танецъ не по выбору, а по очереди всѣхъ, которыхъ бы бѣдный плясунъ и не хотѣлъ просить. А какъ изъ супратницъ каждая пляшетъ сколько хочетъ, то съ бѣднаго плясуна потъ иногда катится ручьями. Впро-

чешь, тамъ есть особенный, характеристическій танецъ, называемый *осьмеркою*, отличающийся разнообразіемъ фигуръ и похожий на кадрили. Музыкой служитъ для него, или можетъ служить мотивъ всякой пѣсни, которой тактъ имѣетъ двѣ четверти.

Круговыя пѣсни, сопровождаемыя играми, почти всегда изображаютъ какіе-нибудь случаи изъ домашней жизни русскаго народа. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней поются преимущественно зимою, то есть съ Рождества до масленицы, и болѣею частію на святкахъ, почему и называются святочными; нынѣ весною и лѣтомъ на улицахъ. Въ пѣніи участвуютъ всѣ, въ игрѣ болѣею частію двое: молодецъ и дѣвушка, представляющіе, смотря по содержанію игры и пѣсни, мужа и жену или жениха и невесту. Разумѣется, при этомъ должно быть обоюдное согласіе, потому что игра оканчивается поцѣлуями.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ, ОБЯДНЫЯ.

(Святочная).

Ужъ какъ звали молодца,
 Почтали удалца,
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 На пирь въ гости посидѣть,
 На бесѣду поглядѣть,
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 Посадили молодца,
 Посадили удалца,
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 Противъ вдовушки на скамью,
 Противъ горькой на соснову.
 Я на вдовушку взгляну,
 Тяжелешенько вздохну;
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 Пухову шляпу сниму,
 Противъ вдовушки брошу;
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 Ахъ ты, вдовушка, подай,

Горегорькая, подними;
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
«Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя.»
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Самъ я шляпу подниму,
На головушку надѣну.
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Ужъ какъ звали молодца,
Почитали удальца,
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Противъ дѣвушки на стульчикъ,
Противъ красной на ремечать.
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Я на дѣвушку взгляну,
Полегошенью въ воздуху;
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Пухову шляпу сниму,
Противъ дѣвушки положу;
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Ахъ ты, дѣвушка, подай
Раскрасотка, подними.
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
«Я слуга, сударь, твоя,
Я послушаюсь тебя.»
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
«Пухову шляпу подниму,
Черныя кудри разчешу;»
Дунай, мой Дунай,

Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 «Черныя кудри разчешу,
 Пухову шляпу наложу;
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!
 «Пухову шляпу наложу,
 Поцѣлю, обниму.»
 Дунай, мой Дунай,
 Сынъ Ивановичъ, Дунай!

При пѣніи этой пѣсни играющіе составляютъ кружокъ или садятся по мѣстамъ; молодецъ выходитъ на средину, и, поступая во словамъ пѣсни, снимаетъ шляпу или шапку и кладетъ передъ вдовою, а если не случится ея въ бесѣдѣ, то передъ какимъ-нибудь мужчиною; вдова отталкиваетъ шляпу; молодецъ, надѣвъ ее, снова снимаетъ и кладетъ передъ дѣвушкою, которая поднимаетъ ее, приглаживаетъ волосы молодцу, надѣваетъ на него шляпу и потомъ цѣлуетъ, и игра оканчивается, или начивается снова.

Ахъ, вы, вороги-сосѣди, лиходѣи!
 Лиходѣи!
 Зачѣмъ молода молодчика женили!
 Женили!
 Что жена-то меня молодца не любитъ!
 Да не любитъ!
 Что злодѣйка-лиходѣйка ненавидитъ,
 Ненавидитъ.
 Со тесовыя кровати прочь толкаетъ,
 Прочь толкаетъ.
 Со высокаго сголовья, со подушекъ,
 Со подушекъ.
 Ужъ я встану молоденецъ утромъ рано,
 Утромъ рано.
 Я умоюсь, молодешенецъ бѣленько,
 Да бѣленько.
 Сваряжусь я, молоденецъ, хорошенько,
 Хорошенько.
 Я поѣду, молоденецъ во Новгородъ,
 Во Новгородъ.
 Я закупочки тамъ буду закупати,
 Закупати

Я куплю своей хозяюшкѣ подарокъ,
 Подарокъ.
 Саму лучшую, диковинну камочку,
 Да камочку.
 Принимайся, жена, не домайся!
 Не домайся.
 Что со ласковыми со словами,
 Со словами.
 Посмотрите-ка, добрые люди!
 Добрые люди!
 Что жена-то меня молодца не любить,
 Не любить.
 Что подарокъ она не принимаетъ,
 Не приниматьъ.
 Ужь я вставу молоденекъ утремъ рано,
 Утремъ рано.
 Я унесуь молоденекъ близанько,
 Да близанько.
 Снаряжусь я, молоденекъ, хорошенько,
 Хорошенько.
 Я поведу-ли во Новгородъ гуляти,
 Да гуляти.
 Что закупочки закупати,
 Закупати.
 Я куплю своей сударушкѣ подарокъ,
 Да подарокъ.
 Саму лучшую диковинну, ей плетку,
 Ей плетку.
 Принимайся, жена не домайся,
 Не домайся.
 Что со ласковыми со словами,
 Со словами,
 Со горячими ль со слезами,
 Со слезами.
 Посмотрите-ка, добрые люди,
 Добры люди,
 Какъ жена-то меня, молодца, влюбилъ,
 Да влюбилъ;
 Какъ за мной-то она заходила,
 Заходила;
 Во глаза-то она мнѣ заглядѣла,
 Заглядѣла;

Во уста-то она зацѣловала,
Цѣловала.

Подъ напѣвъ этой пѣсни, дѣвушка ходитъ въ кружкѣ, отвора-чиваясь отъ молодца - мужа, который заглядываетъ въ ясные очи и ласкается къ ней. Она отворачивается отъ него, когда онъ предлагаетъ ей и подарокъ, но при словахъ: «Я куплю своей сударушкѣ подарокъ, самую лучшую, диковинную пастку» вдругъ пронадастъ сѣбѣ дѣвушка - жены; она сама, въ свою очередь начинаетъ ухаживать за молодцомъ, потомъ обнимаетъ его и цѣлуетъ.

Я качу, качу по блюдечку,
По наливному яблочку.
Что не конь берегами-то бѣжить,
Онъ бѣжить, бѣжить, торопится;
Самъ головушкой помахиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ,
Стременами пошевеливаетъ.
Тутъ и шель, тутъ прошелъ молодець,
Разудалый добрый молодець,
Свѣтъ (припѣваютъ имя и отчество);
За собой ведетъ онъ суженую,
Свѣтъ муну врену-двенцу.
Какъ-чи (припѣваютъ имя и отчество девушки)
Онъ трепаль-бы, трепаль-бы ее,
Со трепаньца бѣлы-руки болятъ,
Золоты перстни ломаются
Алы вставочки теряются.
Свекровь матушка журить ее, бранить,
Что журить, бранить, здороваться велить.
Гдѣ мы сойдемся близѣшенько,
Мы поклонимся низѣшенько,
Поцѣлуемся милѣшенько.
* Трои, двою, со всѣмъ повздомъ.

При первыхъ словахъ этой пѣсни, кто-нибудь изъ молодцовъ выступаетъ на средину круга, и, пригласивъ дѣвушку, водить ее за руку; при словахъ: «Онъ трепаль-бы, трепаль-бы ее» трепалеть по плечу; потомъ, остановясь другъ противъ друга, кланяются и цѣлуются.

(Святочная.)

Со вѣномъ я хожу,
 Съ животомъ я хожу;
 Мнѣ куда будетъ вѣна положить?
 Мнѣ куда живота положить?
 Положу я вѣна, положу живота
 Ужъ я Павъ на паволоку.
 Свѣтъ Андреевиъ на паволоку,
 Красной дѣвицъ на правое плечо.
 Чѣмъ мнѣ вѣна выкупать?
 Чѣмъ живота выкупать?
 Ужъ я дамъ-ли, ужъ дамъ за вѣна
 Три гривны серебряныя,
 Три, четыре позолоченыя;
 Что коня-ли иноходнова,
 Соколика сизопераго,
 Молодчика кудреватаго,
 Холостаго, не женатаго.
 Я за дѣвицей хожу,
 За хорошею хожу,
 Перемѣнику жду,
 Цѣловать ее хочу.

Запѣвъ эту пѣсню, молодецъ съ платкомъ въ рукахъ ходитъ
 по срединѣ круга, составленнаго играющими, кладетъ платокъ
 на плечо дѣвушки, и, поступая сообразно словамъ пѣсни, выку-
 паетъ его поцѣлуемъ.

(Святочная.)

Не ходи бѣлъ-зайко
 Около кружечка,
 Кружка дѣвичьяго.
 Челомъ приударилъ,
 Челобигье справилъ,
 Всѣмъ краснымъ дѣвицамъ,
 Молодымъ молодкамъ,
 Маленькимъ ребятамъ.

ГОРЬ

Не припадчивой зайко осинки глотать,
 Не припадчивой зайко березинки;

Кого я люблю, того я возьму,
Кого не люблю, того не возьму.

**Молодецъ, до окончанія этой пѣсни, ходитъ по комнатѣ, потомъ
выбираетъ дѣвушку, которая смѣняетъ его поцѣлуемъ.**

(Святочная.)

Кроватушка, кроватушка,
Нова тесовая;
Перинушка, перинушка,
Мягка, перовая;
Зголовьеце, зголовьеце,
Мягко, пуховое;
Одвяло, одвяло,
Черво соболдино;
Кого хочю, того люблю,
Того поцѣлую.

Игра та же, какъ и предъидущая.

(Святочная.)

Заскочилъ козелъ въ огородецъ,
Въ огородецъ;
Что кому козла выгоняти,
Выгоняти?
Выгонять когда будетъ (припѣваютъ имя мужчины съ повто-
реніемъ)
У насъ (имя мужчины) молодецъ хорошій,
Да хорошій.
Во рукахъ у него есть полѣнцо,
Да полѣнцо;
Онъ и бьетъ козла подъ колѣнцы,
Подъ колѣнцы.
На колѣночки козелъ припадаетъ,
Припадаетъ;
Что изъ садичка вонъ выбѣгаетъ,
Выбѣгаетъ;
Выбѣгавши козелъ, выбираетъ,
Выбираетъ;
Выбираетъ козелъ красну дѣвку,
Красну дѣвку;
А и выбравши самъ цѣлуетъ.

Игра сообразна словамъ пѣсни.

Заведу я киселя
 На холодной на водѣ;
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой!
 На холодной на водѣ,
 На прѣсномъ на молокѣ;
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой!
 Разолью я тотъ кисель,
 На двѣнадцать блюдъ;
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой!
 На двѣнадцать блюдъ,
 На серебряныя;
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой!
 Я кого буду звать
 Киселя съ собой хлѣбать?
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой!
 Ахъ, ты (имя мужчины)
 Киселя съ нами хлѣбать,
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой!
 Что съ сытою съ медовою
 Душа (имя дѣвушки) съ тобою,
 Люли, люли, мой кисель,
 Люли, люли, молодой.

Запѣвъ эту пѣсню, дѣвушки становятся кружкомъ, и поочередно приглашаютъ мужчинъ съ дѣвцами хлѣбать кисель; кончивъ приглашеніе, встаютъ парами, подобно тому какъ въ игрѣ *лестить мостъ*.

Ахъ, ты, вѣнь ли мой
 Да вѣнчикъ; (2)
 Мой лазоревый
 Василечикъ; (2)
 На кого, тебя, вѣнчикъ
 Положити? (2)

Положу тебя вънчичкъ
 На лободку; (2)
 Ко душѣ красной дѣвицѣ
 На головку; (2)
 Что не кумъ со кумою
 Покумился; (2)
 Среди кружка
 Становился; (2)
 Онъ подарочкомъ
 Подарился; (2)
 Еще ты мой кумъ,
 Еще я твоя кума;
 Гдѣ мы сойдемся
 Тутъ обоймемся,
 Поцѣлуемся,
 Разойдемся. (2)
 Ахъ ты, вънчичкъ мой
 Да вънчечекъ; (2)
 Мой лазоревой
 Василечекъ; (2)
 На кого тебя, вънчечекъ.
 Положити? (2)
 Положу тебя вънчечекъ
 На головку; (2)
 • На удалую молодецку
 Молодецку, (2)
 Молодецкую
 Княженецку. (2)
 Что не кумъ со кумою
 Покумился; (2)
 Среди кружка
 Становился; (2)
 Онъ подарочкомъ
 Подарился. (2)
 Еще ты мой кумъ,
 Еще я твоя кума;
 Гдѣ мы сойдемся,
 Тутъ обоймемся;
 Поцѣлуемся,
 Разойдемся, (2)

Молодецъ при началѣ пѣсни выходитъ съ платкомъ въ ру-

какъ или на плечѣ, — разумѣется подѣ платкомъ вѣнокъ. При словахъ: «положу тебя, вѣнчекъ» кладетъ платокъ на плечо какой-нибудь дѣвушкѣ, которая встаетъ; потомъ оба, подѣ тактѣ пѣсни, ходятъ по комнатѣ и *кумятсѣ*. Послѣ этого молодецъ садится, а дѣвушка ищетъ въ свою очередь кума; положивъ свой платокъ на плечо избраннаго, *кумятсѣ*, и такъ далѣе. Поцѣлуй заключаетъ каждое кумовство, которое достается каждому изъ играющихъ, какъ случай выбрать любимую или любимаго и поцѣловать, съ позволенія пѣсни.

Ходить царь, (2)
 Вкругъ Новагорода,
 Вкругъ Нова-широка.
 Ищетъ царь (2)
 Царевну свою,
 Королевну свою.
 Гдѣ то она, (2)
 Царевна моя,
 Королевна моя?
 Да простояла? (2)
 Во се она (2)
 Во Новомъ городѣ
 Во новомъ широкомъ.
 Золотымъ вѣнцомъ (2)
 Да просвѣтила, (2)
 Золотми ключми (2)
 Да побрякнула; (2)
 Зайди въ городъ (2)
 Во Новой широкой, (2)
 Возьми ее (2)
 За правую руку; (2)
 Поведи ее (2)
 Вкругъ Нова-города
 Вкругъ Нова-широка
 Поставь ее (2)
 Среди города,
 Среди широка;
 Заставь ее (2)
 Скакать и плясать. (2)
 Скакни, царевна, (2)
 Царевичъ велѣлъ,
 Молодой приказалъ.

Поклонись, царевна, (2)
 Царевичъ велѣлъ,
 Молодой приказалъ;
 Поцѣлуй, царевна, (2)
 Царевичъ велѣлъ,
 Молодой приказалъ.

Въ среднѣй круга, составленнаго играющими, становится дѣвушка, представляющая царевну; около кружка ходить молодецъ; лова пѣсни опредѣляютъ эту игру.

У воробушка головушка больна:
 Ужъ болѣла, ужъ болѣла, ужъ болѣла;
 Что ретивое сердечушко кипѣло,
 Ужъ кипѣло, ужъ кипѣло, ужъ кипѣло,
 Неужель-то нашъ воробушекъ не можетъ?
 Онъ не можетъ, онъ не можетъ, онъ не можетъ?
 Онъ на правую на ножку припадаетъ,
 Припадаетъ, припадаетъ, припадаетъ.
 Что пора тебѣ, воробушекъ, садиться,
 Ужъ садиться, ужъ садиться, ужъ садиться;
 Посреди кружка на лужечекъ,
 На лужечекъ, на лужечекъ, на лужечекъ;
 Что пора тебѣ, воробушекъ, вставати,
 Ужъ вставати, ужъ вставати, ужъ вставати;
 Время изъ круга вонъ вылетати,
 Вылетати, вылетати, вылетати;
 Пережъну себѣ выбирать,
 Выбирать, выбирать, выбирать.

Во время пѣнія молодецъ или дѣвушка входитъ въ кругъ, выходящая содержаніе словъ пѣсни; по окончаніи выбираетъ себѣ пережъну, то есть цѣлуетъ избранную, которая застываетъ его нѣсто.

Ай мы просо сѣяли, сѣяли,
 Ой дидѣ-ладо, сѣяли, сѣяли.
 А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
 Ой дидѣ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.
 А чѣмъ-то вамъ будетъ вытоптать?
 Ой дидѣ ладо, вытоптать, вытоптать?
 А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
 Ой дидѣ-ладо, выпустимъ, выпустимъ.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
 Ой дидь-ладо, переймемъ, переймемъ.
 А чьмъ-то вамъ будетъ перенять, перенять?
 Ой дидь-ладо, перенять, перенять?
 А шелковымъ неводомъ, неводомъ,
 Ой дидь-ладо, неводомъ, неводомъ.
 А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
 Ой дидь-ладо, выкупимъ, выкупимъ.
 А чьмъ-то вамъ будетъ выкупить, выкупить?
 Ой дидь-ладо, выкупить, выкупить?
 А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
 Ой, дидь-ладо, сто рублей, сто рублей.
 Намъ не надо тысячи, тысячи,
 Ой, дидь-ладо, тысячи, тысячи.
 А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
 Ой, дидь-ладо, дѣвицу, дѣвицу.

Условясь *спясть просо*, дѣвушки берутъ другъ дружбу за руки и становятся рядомъ; противъ нихъ рядомъ же, и взявшись за руки, мужчины; первый, начавъ пѣть, медленно подходитъ къ послѣднимъ и, подъ припѣвъ *ой дидь-ладо*, отступаютъ на прежнее мѣсто. То же дѣлаютъ со своей стороны и мужчины. При послѣднихъ словахъ пѣсни, двое мужчинъ съ котораго-нибудь края дѣлаютъ *вороты*, то есть поднимаютъ вверхъ руки, не распуская однако жъ ихъ; въ эти ворота бѣгутъ дѣвушки, взявшись за руки, одна за другою; передъ послѣднею, или передъ тою, которую изберутъ, молодцы, опустивъ руки, удерживаютъ ее и, остановившись на прежнемъ мѣстѣ противъ дѣвушекъ, поютъ :

А нашего полку прибыло, прибыло,
 Ой, дидь-ладо, прибыло, прибыло!

Дѣвушки отвѣчаютъ :

А нашего полку убыло, убыло.
 Ой, дидь-ладо, убыло, убыло!

и начинаютъ пѣсню снова, до-тѣхъ-поръ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ на сторону мужчинъ, становясь съ ними попарно. Потомъ которая-нибудь крайняя пара дѣлаетъ *вороты*, черезъ нихъ проходятъ всѣ играющіе подъ напѣвъ слѣдующей пѣсни :

Вокругъ города, вѣругъ Архангельскаго,
 Островъ мой, да зеленъ мой;

Были три вѣрота, три широкія,
 Островъ мой, и прочее.
 Какъ во первые вѣрота сундуки провезли,
 Островъ мой, и прочее.
 Какъ во вторые вѣрота бояре прошли,
 Островъ мой, и прочее.
 Какъ во третьи-то вѣрота женихи прошли,
 Островъ мой, и прочее.
 Женихи прошли и невѣсть провели,
 Островъ мой, и прочее.
 Ужь какъ кто-то сына женить,
 У кого-то дочь беретъ?
 Островъ мой, и прочее.
 А (такой-то) сына женить,
 У (такого-то) дочь беретъ;
 Островъ мой, да земля мой.

Княгини, мы къ вамъ пришли, молодья!
 Мы къ вамъ пришли.
 Бояре, вы зачѣмъ пришли, молодые,
 Вы зачѣмъ пришли?
 Княгини, мы невѣсть смотрѣть, молодья,
 Мы невѣсть смотрѣть.
 Бояре, покажите жениха, молодые,
 Покажите жениха.
 Княгини, во се, во се, женишокъ, молодья,
 Во се, во се, женишокъ.
 Бояре, покажите кафтанъ, молодые,
 Покажите кафтанъ.
 Княгини, во се, во се, кафтанъ, молодья,
 Во се, во се, кафтанъ.
 Бояре, покажите сапоги, молодые,
 Покажите сапоги.
 Княгини, во се, во се, сапоги, молодья,
 Во се, во се, сапоги, молодья.
 Бояре, покажите колпачокъ, молодые,
 Покажите колпачокъ.
 Княгини, на подушечкѣ забыть, молодья,
 На подушечкѣ забыть.

Бояре, покажите намъ перчатки, молодья,
 Покажите намъ перчатки.
 Княгини, намъ невѣста принесеть, молодья,
 Намъ невѣста принесеть.
 Бояре, недовязаны, молодые,
 Недостроченыя.
 Княгини, вы вяжите поскорѣе, молодья,
 Вы вяжите поскорѣе!
 Бояре, вамъ которая люба, молодые,
 Вамъ которая люба?
 Княгини, намъ и Аннушка люба, молодья,
 Намъ Ивановна люба.
 Бояре, отпирайте воротá, молодые,
 Отпирайте широки.

При этой игрѣ, также когда *сплуть просо*, дѣвушки становя-
 ся рядомъ, противъ мужчинъ; послѣднiе, начавъ пѣсню, подхо-
 дятъ къ дѣвушкамъ и, поклонившись, отступаютъ медленно на-
 задъ. Дѣвушки просятъ показать имъ жевиха, кафташъ его
 и прочее, однимъ словомъ, поступаютъ при этой игрѣ по сло-
 вамъ пѣсни. При окончанiи жевихъ съ другимъ, подлѣ него стоя-
 щимъ мужчиною, дѣлаютъ ворота; дѣвушки, одна за другою,
 проходятъ въ нихъ; передъ невѣстою руки опускаются. Жевихъ
 беретъ ее за руки и цѣлуетъ. Затѣмъ игра слова начинается.

То-то я, молодець, на тихой переборъ,
 На тихой переборъ, (2)
 Спожениться захотѣлъ. (2)
 Ахъ ты, красная дѣвица,
 Ты поди за меня, (2)
 Ты поди за меня,
 За удала молодца. (2)
 То-то я молодець на тихой переборъ,
 На тихой переборъ, (2)
 Спожениться захотѣлъ.
 Ахъ, ты, дѣдушка,
 Будь мнѣ тестюшка,
 Тесть мой батюшка.
 То-то молодець, и прочее.
 Молодець удалый,
 Будь мнѣ шуринушка,

Шуринъ братъ родной.

То-то я молодець, и прочее.

Ахъ, ты, красная дѣвица,

Будь своячина моя. (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ахъ, ты, тещюшка,

Тесть мой батюшка, (2)

Ты вина-то бери,

Да зятя въ гости жди.

То-то я молодець, и прочее.

Ахъ, ты, тещенка,

Теща матушка, (2)

Ты блины-то пеки,

Зятя въ гости жди. (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ахъ, ты, шуринушка,

Шуринъ братъ родной; (2)

Ты свна-то коси,

Зятя въ гости жди. (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ты же, красная дѣвица,

Сваячина моя, (2)

Ты пива-то вари,

Зятя въ гости жди. (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ты ли, тещюшка,

Тесть мой батюшка, (2)

Какъ отъ зятя тѣ дары —

Двѣ кукишки голы. (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ахъ, ты, тещенка,

Теща матушка, (2)

Какъ отъ зятя тѣ дары —

Двѣ кукишки голы, (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ахъ, ты, шуринушка,

Шуринъ братъ родной, (2)

Какъ отъ зятя тѣ дары —

Двѣ кукишки голы. (2)

То-то я молодець, и прочее.

Ты ли, красная дѣвица,

Сваячина родна, (2)

Какъ отъ зятя тѣ дары
 Двѣ кукушки голы. (2)
 То-то я молодецъ, и прочее.
 Ахъ, ты, тещюшка,
 Тесть мой батюшка, (2)
 Ты смилуйся,
 Не прогнѣвайся, (2)
 Я вечеръ былъ пьянъ
 Да промолвился; (2)
 Я не самъ говорилъ,
 Меня хмѣль издолилъ. (2)
 Какъ сегодня къ тебѣ
 На прощенье пришелъ. (2)
 Что отъ зятя тѣ дары —
 Юетовы сапоги. (2)
 То-то я молодецъ, и прочее.
 Ахъ, ты, тещенка,
 Теща матушка, (2)
 Ахъ, ты, смилуйся,
 Не прогнѣвайся, (2)
 Я вечеръ былъ пьянъ,
 Да промолвился; (2)
 Я не самъ говорилъ,
 Меня хмѣль издолилъ; (2)
 Какъ сегодня къ тебѣ
 На прощенье пришелъ; (2)
 Какъ отъ зятя тѣ дары —
 Двѣ китайки алы. (2)
 То-то я молодецъ, и прочее.
 Ахъ, ты, шуринушка,
 Шуринъ братецъ мой, (2)
 Ты смилуйся,
 Не прогнѣвайся, (2)
 Я вечеръ былъ пьянъ,
 Да промолвился; (2)
 Я не самъ говорилъ,
 Меня хмѣль издолилъ; (2)
 Что теперь то къ тебѣ
 На прощенье пришелъ, (2)
 Какъ отъ зятя тѣ дары —
 Козловы сапоги. (2)
 То-то я молодецъ, и прочее.

Ты ли, красная дѣвица,
 Своячина родна, (2)
 Ты смилуйся,
 Не прогнѣвайся, (2)
 Я вечеръ былъ пьянъ,
 Да промолвился; (2)
 Я не самъ говорилъ,
 Меня хмѣль издолзалъ; (2)
 Что теперь же къ тебѣ
 На прощенье пришелъ; (2)
 Какъ отъ зятя тѣ дары —
 Сафьяновы башмаки. (2)
 То-то я молодець, на тихой переборъ,
 На тихой переборъ, (2)
 Спожениться захотѣлъ. (2)

Слова этой пѣсни показываютъ содержаніе игры. Молодець *захотѣвшій спожениться*, ходя по комнатамъ, избираетъ невесту-дѣвушку, мать, свояченицу, шуринна, тестя; потомъ *издолженный хмѣлемъ* предлагаетъ имъ подарки свои. Опомившись просить прощенья, обвиняя свою родню и цѣлуя поочередно каждого. Забавно смотрѣть на эту игру, особенно когда ловкій молодець представляетъ жениха.

Слѣдующая пѣсня сопровождается подобною же игрою.

Ходить Бориско (2)
 Вдоль по кружечку,
 Вдоль по широкому;
 Ищетъ Бориско (2)
 Онъ себѣ невесту. (2)
 Красная дѣвица, (2)
 Будь ты мнѣ невеста; (2)
 Дядюшка родимой, (2)
 Будь ты мнѣ тестемъ; (2)
 Старая старушка, (2)
 Будь ты мнѣ теща; (2)
 Молодець удалый, (2)
 Будь ты мнѣ шуринъ; (2)
 Молода молодка, (2)
 Будь ты мнѣ свахой; (2)
 Красная дѣвица, (2)

Будь ты мнѣ своячина; (2)
 А вы добры люди, (2)
 Жалуйте на свадьбу, (2)
 Пива, вина пяти, (2)
 Хлѣба соли кушать. (2)
 Раскудрили люди (2)
 Борисову свадьбу, (2)
 Дядюшка родимой, (2)
 Ты мнѣ не тестемъ; (2)
 Бабушка родима, (2)
 Ты мнѣ не теща; (2)
 Тетушка родима, (2)
 Ты мнѣ не сваха, (2)
 Молодецъ удалый, (2)
 Ты мнѣ не шуринъ; (2)
 Красная дѣвица, (2)
 Ты мнѣ не своячина, (2)
 Красная дѣвица, (2)
 Ты мнѣ не невѣста; (2)
 А вы, добры люди, (2)
 Нѣзачѣмъ на свадьбу;
 Пива, вина нѣту,
 Хлѣба, соли не бывало. (2)

Скоморохъ ходигъ

Вдоль по улицѣ,
 Вдоль по широкой;
 Онъ и стучался,
 Онъ и брякался
 У честной вдовы
 Подъ окошечкомъ;
 Ты пусти, пусти,
 Да честна вдова;
 Скомороха ночевагъ,
 Положи его
 На тесовую
 На кроватушку,
 Ты на мягкую
 На перинушку,

На пуховую

На подушечку:

Подъ словомъ «скоморохъ» въ округѣ колывановоскресенскихъ заводовъ, разумѣютъ музыканта, *скрипача*, а иногда плясуна, то есть, человѣка, который предпочитаетъ пляску всякому занятію. Этотъ скоморохъ бездомный гуляка, представляемый какимъ-нибудь молодцомъ, ходить около кружка съ палкою, *посохомъ*, въ рукахъ, и при словахъ: *онъ и стучался, онъ и брякался*, стучитъ посохомъ въ землю, противъ вдовы, если она найдется въ кружкѣ или противъ какой-нибудь дѣвушки, *брякаетъ*, то есть, представляетъ какъ-будто-бы беретъ за кольцо дверей. По окончаніи послѣдняго стиха пѣсни, вдова отвѣчаетъ: *мьста нѣтъ*, и скоморохъ отправляется искать другаго ночлега; пѣсня начинается снова:

Скоморохъ ходилъ

Вдоль по улицъ,

Вдоль по широкой;

Онъ и стучался,

Онъ и брякался

Какъ у дѣвушки

Подъ окошечкомъ,

Подъ косящетымъ:

Ты пусти, пусти,

Красна дѣвица,

Скомороха ночевать;

Положи его

На тесовую

На кроватушку,

Ты на мягкую

На перинушку,

На пуховую

На подушечку.

На стукъ и бряканье противъ избранной дѣвушки, скоморохъ, получивъ благопріятный отзывъ *мьсто есть*, входитъ въ кружокъ, и, по обычаю, цѣлуетъ дѣвушку-хозяйку.

Пора пашню пахать, (2)

Ай, мой горохъ, (2)

Садовой полевой со гороховицей;
 Пора боронить; (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора горохъ сѣять, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора вереть сѣннать, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора и молотить, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора горохъ молотъ, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора муку сѣять, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора квашню творить,
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора тѣсто мѣсить, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора пирогаъ печи, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора пирогаъ сажать, (2)
 Ай мой горохъ, и прочее;
 Пора и вынимать, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Пора пирогаъ дѣлать, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Лизанькѣ пирогаъ, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее;
 Съ Василькой пирогаъ, (2)
 Ай, мой горохъ, и прочее.

Припѣваютъ затѣмъ поимянно всѣхъ дѣвушекъ съ молодцами; угадывая, кому съ кѣмъ пріятно будетъ раздѣлить пирогаъ, то есть, цѣловаться, а иногда въ шутку, заставляють дѣлать его молодцу съ нелюбимою имъ дѣвушкою и наоборотъ. Кому мало досталось, у другихъ припрашиваютъ, приговаривая, что обдѣли; что будутъ голодны; что другіе трудились не болѣе ихъ при посѣвѣ, а получили по хорошей частицѣ пирога, и прочее, и прочее.

Какъ то мнѣ, мати,
 Пашенку пахати?
 Вотъ такъ, вотъ и сякъ,

Вотъ и эдакъ, и вотъ такъ.

Какъ-то мнѣ, мати,

Пашню боронити?

Вотъ такъ, и прочее,

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ сѣяти?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ снимати?

Вотъ такъ, и прочее. •

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ складати?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ сбирати?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ мяти?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ трепати?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ чесати?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ прясти?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ мотати?

Вотъ и такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ сновати?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Бѣлый ленъ ткати?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Холстики бѣлити?

Вотъ такъ, и прочее.

Какъ-то мнѣ, мати,

Холстики кроити?

Вотъ такъ, и прочее.
 Какъ-то мнѣ, мати,
 Рубашечки шити?
 Вотъ такъ, и прочее.
 Какъ-то мнѣ, мати,
 Рубашки носити?
 А вотъ такъ, вотъ и сякъ,
 Вотъ и эдакъ, и вотъ такъ.

При первыхъ словахъ этой пѣсни, дѣвушка, побойчѣе изъ играющихъ, обращается къ какой-нибудь женщинѣ, представляющей мать, съ вопросами. Последняя учитъ ее необходимому для всѣхъ занятію, приготовленію льна, показывая руками какъ все это дѣлается.

За рѣченькой хмѣль, хмѣль,
 За быстрою ярый.
 Ладо, ладо, ладо,
 За быстрою ярый.
 Возьму я рѣшетцо,
 Пойду погуляю,
 Ладо, ладо, и прочее,
 Нащиплю я хмѣлю,
 Хмѣлю яроваго;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Наварю я пива,
 Пива медоваго;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Позову я гостя,
 Гостя дорогаго;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Что у насъ будетъ,
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, и прочее.
 Мы пива напьемся
 И всѣ испосадемъ;
 Ладо, ладо, и прочее,
 Варил дѣвницы
 Пьяное пиво;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?

Ладо, ладо, и прочее.
 Мы пива напьемся
 И все исповстанемъ,
 Ладо, ладо, и прочее.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, и прочее.
 Мы пива напьемся
 И все подеремся.
 Ладо, ладо, и прочее.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, и прочее.
 Мы пива напьемся
 И все разодемся.
 Ладо, ладо, и прочее.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, и прочее.
 Мы пива напьемся
 И все соберемся.
 Ладо, ладо, и прочее.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво;
 Ладо, ладо, и прочее.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, и прочее.
 Мы пива напьемся
 И все помиримся.
 Ладо, ладо, ладо,
 И все помиримся.

Составя кругъ, играющіе постоупаютъ, какъ указываютъ слова пѣсни: садятся, встаютъ, расходятся въ разные стороны, есорятся. И какъ примиреніе омовившется перцѣлуами, то мужчины, молодицы и дѣвушки, по праву игры, пользуются этимъ случаемъ, чтобы перецѣловать другъ друга.

Начиная играть въ фанты (?), что бываетъ почти на каждой вечеринкѣ, зимою, одна изъ дѣвушекъ, или кто-либо изъ играющихъ садится посрединѣ кружка на стулъ и собираетъ кольца и перстни. При этомъ поютъ:

Сидить олень
 Подъ кустичкомъ,
 Подъ ракинымъ.
 Что тепло-ли те, олень?
 Студено-ли те, олень?
 Мнѣ не то тепло,
 Мнѣ не то студено.
 Приодѣньте меня,
 Прикутайте:
 Что со дѣвушки вѣномъ,
 Со молодушки платокъ,
 Со старой бабы шлыкъ,
 Съ огорода шишъ;
 Какъ со малова ребенка
 Пеленочка;
 Съ молодца удалца
 Шапка бархатная.

Когда, послѣ нѣсколькихъ повтореній этой пѣсни, фанты будутъ собраны, тогда поютъ.

Сидить, сидить ящеръ
 Ой диди, ой ладо;
 На золотъ стулъ,
 Ой диди, ой ладо;
 Грызеть, грызеть ящеръ
 Ой диди, ой ладо;
 Орѣховы ядра,
 Ой диди, ой ладо.

Собравшій кольца и перстни или фанты, пригласивъ думныхъ

Волръ, спрашиваетъ ихъ: «Тей саягъ вынется, какую службу назначитъ тому?» Волре предлагаютъ иногда что-нибудь забавное, и исполненіе смѣшить всю бесѣду, а иногда и радуется, если поручено будетъ поцѣловать кого-нибудь по выбору.

Ты не стой, не стой, колодець
Полонъ со водою,
Со ключевой свѣжею.

Калина моя, малина моя!

У меня ли у молодой,
Быль свекоръ лютой,
Что не ласковый.

Калина моя, малина моя!

Посылаетъ молоду
Во полночь по воду
По ключевую.

Калина моя, малина моя!

Ужъ какъ я молода
Не *послѣмна* была,
Не послушалася.

Калина моя, малина моя!

Ужъ я свекрову грозу
Въ узелокъ завяжу,
Да покрѣпче затяну.

Калина моя, малина моя!

Брошу, брошу узелокъ
Его на печь въ уголокъ,
Съ глазъ подыме.

Калина моя, малина моя!

Узелочикъ-то лежитъ
Уголочикъ-то дрожить,
Я молодая не шелохнуся.

Калина моя, малина моя!

При этой пѣснѣ играющіе разделяются на двѣ половины, подобно тому какъ при игрѣ въ преео; но окончаніи пѣсни одна половина пробѣгаетъ сквозь *воротцы*, дѣлаемыя по порядку, дву-

мя мужчинами, которые отдѣляютъ по одной дѣвушкѣ; такимъ образомъ, по окончаніи игры, всё переплетается руками.

Изъ-за горь дѣвица
 Гусей выговяла;
 Изъ за чиста поля
 Бѣлыхъ лебедекъ.
 Тига, гуси, домой
 Тига, сврые, домой;
 Гуси нейдуть домой
 Свры не пойдуть.
 Я сама гуськомъ,
 Сама свренькимъ;
 Я старымъ старичкомъ
 Стадоводничкомъ.
 Заплетайся плетень, заплетайся,
 Золотая камка, завивайся.

При пѣніи заплетаются руками, какъ въ предыдущей игрѣ.

Селезенько, сизъ косатый,
 Поплывай, мой селезенько,
 Внизъ по тихому Дунаю.
 Сядь подь грушей, самъ послушай,
 Какъ Павлуша скачетъ, пляшетъ.
 А вотъ эдакъ и вотъ такъ,
 Вотъ Андреевичъ какъ пляшетъ.

При этой пѣснѣ сколько есть въ кругу играющихъ, приглашаютъ каждого, называя по имени и по *изотчеству*, и всякій долженъ проплясать подь этотъ напѣвъ.

По берегу, по крутому
 Ходилъ добрый молодець,
 Петрованушко, купецъ.
 Чесагъ кудри, чесагъ черны
 Частымъ рыбьимъ гребешкомъ.
 Самъ съ кудрями, самъ съ черными
 Разговоры говоритъ:
 Кому кудри, кому черны
 Достанется разчесать?

Достаются кудри, кудри,
 Достаются черны, черны
 Катеринушкѣ чесать.

Когда окончатъ приплёску всѣхъ играющихъ, то мужчины цѣлуются съ тѣми дѣвушками, которыя были съ ними приплёты.

Пѣсни круговыя.

Какъ по снѣжамъ, было, снѣжикамъ,
 По частымъ переходикамъ,
 Тутъ ходила показивала
 Свѣтъ-душа красна дѣвица,
 Свѣтъ (имя дѣвушки и отчество);
 Она будила, побуживала
 Своего друга милаго.
 Ужъ ты встань, пробудись миль-другъ
 Свѣтъ (имя и отчество молодца).
 Оторвался твой добрый конь
 Отъ столба, столба дубоваго,
 Отъ колечушка серебрянаго,
 Отъ витаго, позолоченаго;
 Онъ ворвался въ зеленый садъ,
 Истопталъ груши, вишенья.
 Ты не плачь, не тужи моя краса;
 Наживемъ съ тобой зеленый садъ,
 И со калиной, со малиной,
 Съ черной ягодой смородиною.

Ахъ, вы бѣлыя, бѣлолички мои,
 Листовы алы румянички,
 Сокатитесь со бѣла лица домой;
 Ужъ какъ ѣдетъ мой ревнивой мужъ домой:
 Онъ весьма, весьма сердить на меня,
 Сильно, больно принавыпилосъ.
 Онъ везеть, везеть гостинецъ дорогой.
 Шелковую плеть подъ правую полой.
 Я не знаю, млада, пени и вины,

Ни какой большой проступки надъ собой ;
 Только знаю одну пенту и вину :
 У сосѣдушки бесѣдушка была ;
 Я названа на бесѣдушку пришла ;
 Трѣба, дѣло, и со горениѣ яшла,
 Пышка, шестѣло, по шкѣмѣ по стѣмѣ ;
 Холостому стаканъ меду поднесла,
 А женатому зеленого вина ;
 Холостой, дуракъ, на ноженьку ступилъ,
 Ко стакану бѣлу ручку придавилъ,
 О стаканчикъ золотъ перстень изломалъ ;
 При людяхъ меня сестрицей называлъ,
 Безъ людей сизой голубушкою ;
 Ахъ ты, любушка, голубушка моя,
 Поглянулася мнѣ походочка твоя,
 Поглянулся твой умильный взглядъ,
 Поглянулся веселый твой поцѣлуй.»

На горъ, горъ, пѣтуки поютъ,
 Подъ горой, горой, братцы тѣшатся ;
 Они тѣшатся, потѣшаются,
 Въ Колывань городъ снаряжаются !
 Ужъ какъ я млада, малодѣшенька,
 По новымъ стѣнямъ съ переходами,
 Подыма шубу, соболяную,
 Чтобы шубочка не прошумѣла,
 Златы пуговики не пробрякнули,
 Не услышалъ бы мой лютой свекоръ,
 Не сказалъ бы онъ своему сыну,
 Своему сыну, моему мужу.
 Ужъ какъ мой-то мужъ горькой-пьяница ;
 Онъ безъ пива пьянъ, безъ вина хмѣленъ.
 Онъ безъ плеточки меня высѣчетъ,
 Безъ шелковыя меня выучить,

Какъ у насъ было во садичкѣ,
 Во зеленомъ виноградничкѣ,
 Соловейко громко пѣсенки поетъ :

Онъ поеть, поеть, насвистываетъ;
 Краснымъ дѣвушкамъ назолушку даетъ.
 Вы красуйтесь, красны дѣвушки,
 У родимаго у батюшки,
 У родимыя у матушки.
 Неровнюшка за мужъ выйдется,
 Неровень дуракъ навяжется,
 Либо пьяница-тарыка съ кабака,
 Миновалась моя дѣвья красота,
 Какъ со калиной, со маливою,
 Съ черной ягодою смородиною.
 Нажла я себѣ мужа дурака.
 Онъ дуракъ, дуракъ, дурачій сынъ,
 Съ дураками, дуракъ, знается.
 Со боярами не водится, дуракъ!
 Каждый день онъ напивается;
 Онъ въ кабакъ идетъ, какъ маковъ цвѣтъ цвѣтотъ,
 Съ кабака идетъ, какъ мать родна,
 Во черной грязи валяется,
 Надо мной, бѣдной, домается,
 Заставляетъ разувать, раздѣвать,
 Заставляетъ буйну голову чесать,
 У меня ли молодешенькой,
 Мои рученьки бѣлошеньки,
 На рукахъ перетни златешеньки:
 Бѣлы ручки замараются,
 Златы перетни распаяются;

На горѣ, горѣ высокой,
 Во избѣ, избѣ сосновой,
 На скамеечкѣ дубовой,
 Молодецъ въ гусли играетъ,
 Свою Дуню утѣшаетъ,
 Ахъ, вы, дѣвушки, пляшите,
 Вы, молодушки, играйте,
 На меня, млада, не дивуйте;
 Ужъ какъ я, млада, сговорена,
 За купца, купца молодого,
 За приказчика холостаго.

Мой-то суевой молоденецъ,
Умомъ, разумомъ, глупевекъ.

—

Черезъ рѣченьку жестяночка лажала
Черезъ быструю сырая лажала.
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не пролежитъ.
Случилось мимо вѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ, не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вадешевало?
Вадешевали въ торгу стары старухи
По семи старухъ на болушну,
А осьмая-то старуха въ кашевары,
А девятая старуха въ кашевары.
Черезъ рѣченьку жестяночка лажала,
Черезъ быструю сырая лажала;
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не пролежитъ.
Случилось мимо вѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ;
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вадеремале?
Вадорожали въ торгу красны-двѣицы:
Что одна красна-двѣица рублей во стѣ,
Ея русая коса въ полтораста;
А двѣиця красота въ полтрѣиаста,
А самой красной двѣицъ цѣны нѣту.

—

Изъ бору, бору,
Изъ зеленѣва,
Шумѣла, гремѣла
Быстрая рѣчка;
По той, по той рѣченькѣ
Калина, малина, (2)
Калиновый мостикъ;
На томъ на мосточкѣ
Лежить мостовина;

На той мостовинѣ
 Сидитъ голубина; (2)
 Рѣзвы ножки моетъ.
 Мыла, мыла ноженьки,
 Перемывала;
 Свои сизы перышки,
 Перебирала.
 Перебравши перышки,
 Сама взворковала:
 «Завтра поутру
 Радость будетъ; (2)
 Веселья прибудетъ; (2)
 Батюшка будетъ.»

— Не воркуй, не воркуй,
 Сиза голубинка;
 Это мнѣ не радость,
 Это не веселье
 Съ этого веселья
 Не могу вставать; (2)
 Головы поднять; (2)
 Огонь высвѣтитъ; (2)
 Воротъ отворятъ; (2)
 Батюшку встрѣчатъ.

Изъ бору, бору,
 Изъ зеленого,
 Шумѣла, гремѣла
 Быстрая рѣчка;
 По той, по той рѣченькѣ
 Калиновый мостикъ
 Калина, малина,
 Калиновый мостикъ,
 На томъ на мосточкѣ
 Лежитъ мостовина;
 На той мостовинѣ
 Сидитъ голубина; (2)
 Рѣзвы ножки моетъ.
 Мыла, мыла ноженьки,
 Перемывала;
 Свои сизы перышки
 Перебирала;
 Перебравши перышки,

Сама взорковала:
 «Завтра по утру
 Радость будетъ; (2)
 Веселья прибудеть; (2)
 Матушка будетъ.»

— Не воркуй, не воркуй,
 Сиза голубина;
 Это мнѣ не радость,
 Это не веселье!
 Съ этого веселья
 Не могу вставати, и прочее.

Изъ бору, бору.
 Изъ зеленого, и прочее, до стиха
 Веселье прибудеть.
 Миленькій будетъ.

— Вотъ это мнѣ радость,
 Это мнѣ веселье!
 Съ этого веселья
 Я могу вставати;
 Я могу вставати,
 Огонь высвкати;
 Огонь высвкати,
 Двери отворяти;
 Двери отворяти,
 Милаго встрѣчати.

Во саду-ли, въ огородѣ
 Дѣвица гуляла;
 Невеличка, круглоличка,
 Съ личика бѣленька.
 Подходилъ къ саду, къ огороду
 Удамый молодчикъ
 Онъ и звалъ красну дѣвицу
 Въ сыръ боръ по грузочки.
 Я нейду, нейду съ тобою,
 Ножи приустануть;

Заложу, милый, карету,
 Я сяду, повзду;
 Заложу, милый, другую
 Я сяду въ любую;
 Заложу, милый, и третью,
 Да садись самъ съ плетью;
 Заложу, милый, четверту,
 Повзжай самъ къ чорту.

На горѣ то сырой дубъ,
 Подъ горой береза;
 Между дубомъ и березой
 Рѣчка протекала;
 Рѣчка, рѣчка невеличка,
 Собою глубоководка.
 Нельзя, нельзя воду пити,
 Нельзя почерпнути;
 Нельзя, нельзя жену бити,
 Нельзя поучити.
 Ужь я билъ жену часочикъ,
 Самъ плакалъ годочикъ;
 Сушилъ, крушилъ ясны очи
 По всѣ темны ночи;
 Какъ по всѣ-ли темны ночи
 И ясны денечки;
 Истратился издержался
 На разны лекарства.

Ай, во полѣ, ай, во полѣ,
 Ай, во полѣ калина;
 Подъ калиной, подъ калиной,
 Подъ калиной малина;
 Подъ малиной, подъ малиной,
 Подъ малиной дѣвица.
 Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травы;
 Вида вънокъ, вида вънокъ,
 Вида вънокъ на главу.

Сама надъ нимъ, сама надъ нимъ,
 Сама надъ нимъ всплакала;
 А всплакавши, а всплакавши,
 А всплакавши говорить:
 «Кому мой вѣтъ, кому мой вѣтъ,
 Кому вѣтъ достанешься?»
 Достанусь я, достанусь я,
 Достанусь я старому.
 «Я старва, я старова,
 Я старова мужа на смерть не люблю;
 Со старымъ мужемъ, со старымъ мужемъ,
 Со старымъ мужемъ гулять не пойду;
 За млада, за млада,
 Я млада мужа на смерть люблю;
 Съ младымъ мужемъ, съ младымъ мужемъ,
 Я съ младымъ мужемъ гулять пойду!»

Не ходи, бѣль-кудреватый
 Мимо моей каты;
 Не топчи бѣль-кудреватый
 Зеленую миту,
 Я сама миту садила,
 Сама поливала;
 Поливала, укрывала,
 Животъ надрывала;
 Я не для ради инова,
 Для дружка милова.
 Не стой, милый, у крылечка,
 Не зноби сердечка;
 А со краснова крылечка
 Во новые сѣни.
 Какъ во новыхъ то во сѣняхъ
 Гости всѣ сидѣли;
 Все не сваты, все не браты —
 Злые сопостаты.

Подъ тихаго Дуная,
 Одна паньюшка гуляла,
 Со бережку ножки мыла

Со крутора ползала,
 Замочила, забрызгала
 Свою аленьку еднику.
 Ахъ, я домой пути не емлю;
 Отецъ, мати — не родные;
 Братъ съ сестрою наследные.
 Отецъ, мати будутъ бити;
 Братъ съ сестрою горити,
 Я пойду къ другу милóму.

Я, младешенька, по борозку кошу;
 Я по крутому негуливала,
 Во табунъ гусей загашивала;
 Меш гуси не табунятся,
 Меш овры разлетаются,
 По кусточкамъ развѣиваются.
 Загнала гусей, домой пошла,
 А навстрѣчу мнѣ младешенькой
 Молодой парень хорошенькой;
 Опъ я билъ меня по бѣлу лицу
 По бѣлому, по румяному.
 Не шути-ка, парень, шуточки со мной;
 Ты не бей меня по бѣлу лицу:
 Мое личико разгорчивое,
 Рѣтиво сердце заенобчивое;
 Разгорится мое лицо бѣлое,
 Разъиграются румянички въ щекахъ.
 Сдогадятся сударь-батюшко,
 Спехвататся родна матушка,
 Не отпустятъ въ зеленый садъ гулять,
 Съ конопелюшекъ воробышекъ гонять.

Ты пчела-ли, мой ичеловька,
 Пчела съра, сивокрыленькая!
 Пчелка по псаю полетывала,
 Ко сырой землѣ припадывала.
 Ахъ вы, нянюшки, вы, мамушки мои!
 Вы подите въ чисте поле гулять,

Ко крестьянину на пашеньку;
 Вы возьмите часть борону,
 Разчешите сяду бороду,
 Что его то стару голову;
 У моего у старя мужа
 У моего у постылаго.
 Онъ не садить на колѣночки меня,
 Не обниметь своей правою рукой,
 Не цѣлуеть во сахарныя уста!

Ты пчела-ли, моя пчелонька,
 Пчела свра, синекрыленькая!
 Пчела по полю полетьывала,
 Ко сырой землѣ припадывала.
 Ахъ вы нянюшки, вы мамушки!
 Вы подите во зеленый садъ гулять;
 Вы возьмите частый рыбій гребешокъ,
 Разчешите младу голову.
 Что его-то кудри черныя
 Моего ли, друга милаго,
 Онъ посадить на колѣночки меня,
 Онъ обойметъ своей правою рукой,
 Поцѣлуеть во сахарныя уста.

При долинушкѣ калинушка стоитъ,
 На калинѣ соловей птичка сидитъ;
 Горьку ягоду калинушку клюеть,
 Во все стороны поглядываеть,
 На четверту — не оглянется.
 Пристали къ соловью два сокола,
 Звали, звали соловья они съ собой.
 Какъ навстрѣчу яснымъ соколамъ,
 Трои саночки дубовые,
 Что четвертые со вырѣзами
 А запяточки со вычурами.
 Какъ на саночкахъ-то дѣвушка лежитъ,
 Подъ дѣвушки-то молодецъ сидитъ.

Полоса, моя полосанька,
 Полоса моя, не паханая,
 Не пахана, не бороненая;
 Заросла моя полосанька
 Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
 И горькимъ, мелкимъ осинничкомъ.
 Изъ того-ль горька осинничка
 Выбьгала лошадь, добрый конь.
 Онъ бьжить, бьжить, торопится,
 Самъ головошкой помахиваетъ,
 Золотой уздой побрякиваетъ.
 На Дунаѣ дѣвка мылася было,
 Она мылася, бьдилася,
 Она мылася, румянилася;
 Нарумянившись, заплакала пошла,
 Жалобу творить на батюшку,
 На родиму свою матушку:
 Не за ровню замужъ отдали,
 Не за ровню — за разбойника,
 За разбойника — *станѡвщица* *.
 Онъ со вечера добра коня поилъ,
 Со полуночи въ разбой вступилъ.
 Веротившись, зычнымъ голосомъ кричитъ.
 Отворяй жена воротички,
 Принимай братца родимаго,
 Моего шурина любимаго.

Полетай, соловушка,
 На нашу сторонушку;
 Распроси, соловушка,
 Будетъ ли намъ волюшка
 Лишняя заботушка?
 Первая заботушка —
 Зла, лиха свекровушка,
 Зла, лиха не ласкова.
 На посылкахъ меня смучила,
 Посылаетъ и туды и сюды;
 Во чужи люди по сито, рѣшете;

* Пристанодержатель.

Въ темный погребъ по зеленое вино.
 Въ погребу млада замѣшкалася,
 Зелена вина обтрескалася,
 Сладкой водочки до-пыла нашлася.
 Ахъ ты груша, моя грушевица,
 Ты почто груша, не зелена степишь?
 Отъ чего-то мнѣ зеленой банишь:
 Солнце яркое и грѣеть и палить.
 Ужъ какъ стали ныль-то толки времена;
 Что сушать крушать дзелене друзья:
 Никого ближнихъ любити не велеть.
 То-ли воля, то-ль охотушка?
 То не лишняя-ль заботушка?

Лучина, лучина, березовая;
 Что же ты, лучива, не ясно горишь?
 Не ясно горишь, не свѣтло свѣтишь?
 Будто ты лучина въ печкѣ не была,
 Въ печкѣ не была, жару не дала.
 Зла, лиха свекровушка щами залила,
 Щами залила, пеплежъ зегрбле.
 Сынъ ли, мой сыночекъ, сынъ любезный мой,
 Что жену не учишь, людямъ не велишь?
 Взялъ со спицы плеть, повелъ жену въ вѣтъ,
 Стегалъ по стѣнѣ, сказалъ по спинѣ;
 Стегалъ по пазамъ, сказалъ оп глазамъ;
 Стегалъ по полѣну, сказалъ по кодыну:
 Стегалъ по перинѣ, сказалъ по Оринѣ.
 Сынъ мать утѣшилъ, жену не гнѣвилъ.
 Жена его плачетъ, губы надуваетъ;
 Губы надуваетъ, всю семью ругаетъ:
 Будь ты проклятая, большая семья,
 Большая семья, несогласная!

ПѢСНИ ПРОГОЛОСНЫЯ *.

Я на шуточкахъ другу милому говорила, —

* *Песни проголосныи* называются тѣ, которыя не принадлежатъ къ свадебнымъ и круговымъ, и поются вообще медленно.

Своего-то я друга милаго преглявила, —
 Тебѣ полно, мой душа милый другъ, валежится,
 Что пора тебѣ, душа милый другъ, ужъ кониться.
 Какъ пошелъ домой душа милый другъ, самъ заплакалъ.
 Что со вечера душа милый другъ послалъ сватать;
 Со полуночи душа милый другъ обручался;
 Ко блѣ сѣту душа милый другъ обвѣчался;
 Что ко раннему ко обвѣдкѣ съигралъ свадьбу.
 Ужъ какъ тутъ я, красна-дѣвица, здогадалась;
 Словно рыбочка во синемъ морѣ встрепескалась!
 Если бѣ я-то, красна-дѣвица, была сизой голубкой,
 Если бѣ были у меня младай быстры крылья,
 Я взвилась бы, поднялася, полетѣю,
 Къ своему ли другу милому я на свадьбу;
 Я бы съла сизой голубушкой на окошко;
 Жалобненько бѣ сизой голубушкой взворковала.
 Какъ тогда-то мой душа милый другъ здогадался бѣ;
 Ахъ вы, братцы мои, товарищи, повзжане!
 Вы возьмите эту голубунку со окошка;
 Вы напоите сизу голубушку, накормите,
 Со двора вы сизу голубушку проводите;
 Вы во слѣдъ-то сизой голубушкѣ накажите,
 Чтобы впредь-то она ко мнѣ не дѣтала:
 Не голубушка это сизая, а моя любезная.

—

Изъ-за дѣсу, дѣсу темнаго,
 Изъ-за горъ, было, высокихъ горъ,
 Вылетала тутъ птица камская,
 Птица камская, младай сизой оредъ.
 Во когтяхъ несетъ тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, молодецкое;
 Праву рученьку съ могучимъ плечомъ.
 Какъ на-рученькѣ-то золотъ перетемъ,
 Что золотъ перетень, во пятьсотъ рублей;
 Одна вставочка есть во тысячу;
 А на вставочкѣ-то написано:
 Отцу, матери челобитьщю;
 Братьямъ, сѣстрицамъ по поклану ведемъ;

Молодой жень своя волюшка :
Хоть замужъ поиди, хоть вдовой живи.

—

Ахъ, ты, горе мое, горе великое,
Что великое горе, со кручиной!
Я отъ баяушки мада осталась,
Своей матушки не вспомяну!
Какъ вспоилъ-то, вскормилъ родной братацъ;
Возлежала меня родна сестрица.
Ужь какъ братъ-ко сестру любить,
По вечерочкамъ сестру водить,
На колыночки сестру садить,
По головушкѣ сестру гладить.
Не ходи-ко ты, сестра, замужъ.
Ты не въ городъ, сестра, не въ деревню,
Въ несогласную большу семью;
Ты не къ свекру, сестра, не къ свекровкѣ,
Не къ доверьямъ, сестра, не къ золовкамъ.

Нажила-то я, двушка, всѣ заботы:
Ужь какъ первая забота — чужа сторона;
А вторая-то забота — лютый свекоръ,
Лютый свекоръ-то, — зла свекровка;
Ужь какъ третья-то забота — что доверья,
Что доверья ли, да золовки;
А четвертая забота — не удалъ мужъ.
Ужь какъ не съ кѣмъ мнѣ думу думать,
Не съ кѣмъ тайное слово молвить!

—

Какъ во садичкѣ млада гуляла,
У соловушка пѣсни слушала;
Хорошо въ саду соловей поеть,
Онъ поеть, поеть, самъ насвистывать,
Самъ насвистываѣтъ, наговаривать.

Парень двушку уговаривать :
Посиди ко, двука, во двушкахъ,
Покопи-ка ты ума-разума,
Ума-разума, плетя цвѣтнаго;

Почеши-ко ты буйну голову;
 Поплети-ко ты русу косу.

—

Ты гуляй, гуляй, душа милый другъ,
 Ты потуль гуляй, какъ не женишься;
 Ахъ, ты женишься — перемънишься,
 Перемънишься, другъ, вспокаешься;
 Ты возьмешь себѣ молоду жену,
 Молоду жену, змѣю лютую:
 Изъ норы ползеть — озирается,
 По песку ползеть — извивается,
 По травѣ ползеть — мураву сушить.

Ахъ, ты, дѣвушка, дѣвка красная!
 Не ходи, дѣвка молода, замужъ,
 Посиди-ко, дѣвка, во дѣвушкахъ,
 Покопи-ко ты ума-разума,
 Почеши-ко, дѣвка, буйну голову.
 Поплети-ко ты трубчатую косу,
 Заплетай въ нее алу ленточку.

—

По синю морю корабль плыветь;
 На корабликъ сидитъ молодецъ,
 Сидитъ молодецъ съ красной дѣвушкой.
 Парень дѣвушку уговаривалъ,
 За себя замужъ подговаривалъ:
 Пойди, дѣвушка, за меня замужъ,
 За удалова, добра молодца;
 Не пойдешь, дѣвка, за меня замужъ —
 Сойди, дѣвушка, съ корабля долой;
 Безъ того корабль тяжело плыветь,
 Тяжело плыветь, онъ на дно всгаетъ.
 На корабль вода заливалась;
 Оттого дѣвка испугалася,
 Съ корабля водою умывалася,
 Подотенечкомъ утиралася,
 Что бѣзлемеи она бѣзилася,
 А румянами румявилася,

Въ чисто зеркало смотрѣвша,
 Красотъ своей удивилася:
 Красота ль моя, дѣвья красота!
 Что кому краса ты достанешься?
 Какъ тому ли вору, разбойнику,
 Что разбойнику, муму старечу!

Туманы, вы, туманички,
 Синеморскіе туманы!
 Не подняться вамъ, туманички,
 Прочь отъ синяго, отъ моря.
 Не отстать тоскѣ кручинушкѣ
 Отъ ретиваго отъ сердца!
 Мнѣ *ночѣсь*-то молодешенькой
 Какъ малымъ малó спалось,
 Мнѣ спалось малó младешенькой,
 Много видѣлось во снѣ.
 Что предвидѣлся мнѣ, дѣвушкѣ,
 Ужъ какъ страшный, чудный сонъ:
 Какъ въ далекомъ чистомъ полѣ,
 На саратовской степи.
 Что подъ кустичкомъ ракизовымъ *,
 Душа милый другъ лежитъ.
 Онъ убитъ, мой душе милый другъ,
 Весь израненый лежитъ.
 Что буйна его головушка
 Ко восточной сторонѣ.
 А рѣзвыя ноги у молодца,
 Что ко быстрой ко рѣкѣ.
 А его-то тѣло бѣлое
 Испротыкане копьемъ.
 Сквозь его-то мелия ребрышки
 Проросла ковыль-трава.
 Сквозь его сердце ретивое
 Змѣя гвѣта проползла;
 Изъ его-то изъ ясныхъ очей
 Ключи быстры протекли;

* *Ракитникъ*, родъ низенькой вербы (*salix chalcodonica*), растетъ на открытыхъ ровныхъ мѣстахъ и степяхъ, по берегамъ озеръ и рѣкъ.

Изъ его буйной головушки
Часть ракушекъ пусть проросъ.
Что на томъ-то бы, на кутичкѣ
Соловейко гнѣздо сплѣ.

Ты не пой, не пой соловушко,
Утромъ рано на зарѣ;
Не давай тоску *низблужку*
Сердечушку моему.
Безъ того мое ретивое
Ужъ изныло все во мнѣ!

Какъ прошли то развеселые часы,
Ишновалися утѣшны времена,
Вступало время слезно для меня!
Для меня молодой, для горькой сироты.
Некатились горячи слезы изъ глазъ,
Что по моему, по блѣлому лицу,
По моймъ-то по румянымъ по щекамъ.
Ахъ вы, вздохи, мои вздохи тяжемы!
Вздохнитъ-ко, ты любезная, по мнѣ.
Ужъ я самъ-то позаочно вздохну,
Стану плакать, буду письма я вносить,
Каждо строчку я слезами обмывать,
А во письмахъ челобитые посылать:
Ты не плачь, не плечь, милая, обо мнѣ.
Во мочи ты очи ясныя свои,
Во терай ты свой румянецъ мѣт лица!

Какъ ходилъ гулять добрый молодецъ ровно три года;
На четвертый добрый молодецъ домой пошелъ;
Что зашелъ-то добрый молодецъ на выськъ курганъ.
Какъ на встрѣчу добру молодцу змѣя лютая,
Что лютая змѣя — *красиная* *.
Вынимаетъ добрый молодецъ саблю острую,

* Красиная, подкрапивная, змѣя зеленого или свраго цвѣту; она почти тощая у простаго народа самую ядовитую.

Онъ хотѣлъ срубить змѣѣ голову.
 Что возговорить змѣѣ добру молодцу,
 Не сѣки, не руби меня, добрый молодецъ,
 Я скажу тебѣ великое сподивовище:
 Какъ твоя то жена — горька пьяница,
 Пропила она твоихъ добрыхъ коней,
 Промотала твоихъ ясныхъ соколовъ,
 Расточила она всю золоту казну.
 Какъ пошелъ то добрый молодецъ на широкій дворъ,
 А на встрѣчу ему молодая жена;
 Вынималъ молодецъ саблю острую,
 И отсѣкъ онъ женѣ буйну голову;
 Покатилась голова по широку двору,
 Покатилась конямъ подъ ноги:
 Что его-то кони овесъ ѣдятъ;
 Что пошелъ молодецъ въ новы горницы —
 Что ясны его соколы пшено клюютъ;
 Какъ пошелъ молодецъ къ кладовымъ своимъ —
 Золотая казна замкомъ заперта,
 Замкомъ заперта запечатана.
 Тутъ взъелся-то добрый молодецъ, погубился,
 Погубилъ онъ свою буйную головушку!

Ахъ ты, дума-ль, моя думушка,
 Ахъ ты, мысль моя, молодецкая!
 Пригадай-ко мысль молодецкая,
 Что жениться-ли мнѣ молодцу,
 Или вѣкъ мнѣ холостому жить?
 Что придумала моя думушка,
 Пригадала мысль молодецкая.
 Не женись-ко, добрый молодецъ,
 Не теряй свою золоту казну,
 Ты на тѣ же деньги коня купи,
 Не поглянется тебѣ добрый конь —
 Ты продашь коня или прогибнишь,
 Иль товарища братца подаришь;
 Не поглянется тебѣ худа жена,
 Ни продать-то ее, ни прѣмѣнять,
 Ни товарища братца подарить;
 Тебѣ вѣкъ съ ней горе мыкати!

Какъ не бѣлая березанька
 Со липой свивалась;
 Какъ въ пятнадцать лѣтъ дѣвица
 Съ молодцомъ свыкалась.

Ты заря-ли, моя зоренька,
 Подвосточная заря,
 Не давала ты мнѣ зорюшка,
 Съ поля съѣхати домой.
 Я съ того горя съ кручинушки
 Пойду выйду на крыльцо;
 Закричу-то я, добрый молодець,
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 Ахъ, вы, слуги, слуги вѣрны,
 Неизмѣнные мои!
 Вы подите-ка, слуги вѣрны,
 Вы поймайте трехъ коней;
 Запрягите-ка, слуги вѣрны,
 Ихъ въ новую во повозку:
 Какъ поведу ль я, добрый молодець
 Ко моей любезной;
 Я спрошу-ли, добрый молодець,
 У своей любезной:
 Каково ты, моя любезная,
 Живешь, можешь безъ меня?
 Не корыстненько жить-бытье
 Мой любезный безъ тебя.

Какъ изъ дѣлече, изъ чистѣ поля.
 Изъ раздольца изъ широкова,
 Вызываетъ тутъ старый казакъ;
 Старъ — старый казакъ, Илья Муромецъ
 На своемъ онъ на добромъ конѣ.
 На лѣвой бедрѣ сабля острая,
 Во правой руцѣ тупо копьѣ.
 Онъ тупымъ копьемъ подпирается,
 Своей храбростью похваляется;

Что велить-ли Богъ въ Царѣградѣ быть,
 Я старыхъ Турковъ всѣхъ повырѣблю,
 Молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму.
 Не откуль взялся богатырь Турокъ;
 Съ Ильей съѣхался, не здоровался;
 Приразѣхались, приударились.
 Онъ и бѣгъ Илью острымъ концомъ,
 Илья Муромецъ бѣетъ тупымъ копьемъ.
 Онъ сшибаетъ Турка съ добра коня.
 Ужъ какъ палъ Турокъ на сыру землю;
 Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,
 Онъ понесъ Турка во чисто поле,
 Во чисто поле, къ синю морю;
 Онъ бросилъ Турка во сине море.
 Какъ сине море всколебалось,
 На пески вода разливалась.

Дѣвка, красotka молодая!
 Полно по горѣнкѣ ходити,
 Полно по миленькомъ тужити.
 Какъ мнѣ по миломъ не тужити,
 Что во вѣки такого не нажити:
 Ростомъ, дородствомъ, красотою,
 Всею молодецкою поступкою,
 Всею княженицкой поговоркой.
 Вечоръ я со милымъ побранилась,
 Вечоръ я съ надеждой посчиталась.
 Какъ-то мнѣ съ миленькимъ мириться?
 Самой покориться не годится;
 Людьюми засылаться — много славы:
 Кого же за милымъ спосылаю?
 Старого послать — не дожждаться;
 Молодаго послать — заиграется;
 Ровнюшку подружку — засидится,
 На милаго друга заглядится.
 Дождусь я млада течной но-чи,
 Темныя ноци полуночи;
 Пойду я, младенька, разгуляюсь,

Со своимъ миленькимъ повидаюсъ,
 Своему другу милому попеняю;
 Во глаза друга милаго поругаю.
 Что ты въ гости ко мнѣ, другъ, не ходишь?
 Что гостинцы мнѣ ты не носишь?
 Радъ бы къ тебѣ, милая, ходити,
 Нечего въ гостинечки носити.
 Принеси мнѣ, душа милый другъ, въ гостинцы
 Алу юбочку, мнѣ *душегрѣйку*.

Какъ сказали про мою жену, неряха.
 Что неряха-то жена моя, не пряха.
 Что по пятницамъ жена моя не пряха,
 Какъ въ субботу она баню протопила,
 Въ воскресенье-то жена пропировала.
 Въ понедѣльникъ съ похмѣлья пролежала;
 А во вторникъ на молитвѣ простояла.
 Ужъ какъ въ среду вставала раненько;
 Оттянула три ниточки тоненько,
 Навертѣла три мозоля кровавые.
 Она сдѣлала милу другу обновку:
 Тонку бѣленьку, полотняну застежку.
 Ты вставай-ко, душа милый другъ, съ постельки;
 Проздравляемъ те, душа моя, въ обновкѣ,
 Въ тонкой бѣленькой конопляной застежкѣ;
 Пролежать бы тебѣ три года въ огневкѣ!

Погуляй-ко, добрый молодецъ,
 Покуль воля тебѣ есть.
 Ужъ я радъ бы погуляти,
 Товарища со мной нѣтъ.
 Ужъ какъ есть одинъ товарищъ,
 Вороненекъ, добрый конь;
 А второй-то мой товарищъ
 Зелененекъ тѣгой лукъ;

Какъ бы третій мой товарищъ
 Есть каленая стрѣла.
 Каленую эту стрѣлочку,
 Въ чисто поле отпущу.
 Полетан-ко, моя стрѣлочка,
 Въ чисто поле далеко;
 Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
 Въ бѣлъ полотняный шатеръ.
 Какъ въ этомъ-то во шатрочкѣ,
 Свѣрый *пѣтничокъ* лежитъ ;
 Что на томъ ли да на потничкѣ
 Добрый молодець лежитъ.
 Что за тѣмъ было за шатричкомъ
 Казаковъ стоитъ толпа,
 Что у тѣхъ-ли у казаковъ
 Горѣлъ ясный огонекъ;
 Горѣлъ ясный огонекъ,
 Наносилъ дымокъ.
 Что подъ этимъ подъ дымочкомъ
 Лежалъ добрый молодець.
 Онъ убить-то не убить,
 Весь израненный лежитъ.
 Прижигаетъ, припекаетъ
 Свои раны кровавы.
 Ужъ какъ первая-то рана
 Во буйной его главѣ;
 Что вторая его рана,
 Во ретивомъ его сердцѣ ;
 Ужъ какъ третья его рана
 Что на правомъ на плечѣ.

Вложилъ мысли, вложилъ душу,
 Вложилъ ласковы слова;
 Я ума его не знала,
 Начала крѣпко любить
 Ужъ какъ все люди узнали,
 Все сосѣди говорятъ ;
 Меня дѣвушу, красотку,

Всѣ ругаютъ и бранятъ.
 Стыдно дѣвкѣ, стыдно красной
 По ночамъ одной гулять.
 Мнѣ того стало стыднѣ
 Молодца-парня любить.
 Я съ того горя съ кручины,
 Пролила слезы изъ глазъ,
 Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
 Не плачь, ягодка моя!
 Подарю тебѣ подарокъ
 Что на шеечку платокъ;
 Подарю второй подарокъ
 Что на ножки башмачки.

Со широкаго, со новаго двора,
 Шла дѣвонюшка красotka молода;
 За собою вела добраго коня,
 За шелковые за новы повода,
 На Дунай рѣку водой поить.
 Изъ Дуная конь воды не пьетъ,
 Самъ копытчкомъ сырую землю бьетъ;
 На дѣвонюшкѣ цвѣтное платье рветъ.
 Плачеть дѣвка, коню платье не даетъ.
 Что не ты мнѣ это платье заводилъ,
 Заводилъ его бояринъ молодой.

Вѣтерокъ куда повѣетъ,
 Туда миленькій поѣдетъ,
 Ко мнѣ, дѣвкѣ не забѣдетъ.
 Хоть забѣдетъ, не ночуетъ;
 Хоть ночуетъ, прогорюетъ;
 Онъ по горенкѣ проходить;
 Поднявъ ручки къ сердцу носить,
 На окошко припадаетъ,
 Своей милой отвѣчаетъ:

Еще что это за чудо!
На дворъ ужъ свѣтъ свѣтасть;
Не пора ли провонати?
Вдоль по горенкѣ съ словами;
По свияль-то съ фонарями;
Ко крылочку съ фонарями,
Вдоль по улицѣ съ слезами!

СТЕПАКЪ ГУДЕНЪ.

=

СЛОВАРЬ

КЪ СТАТЬЕ:

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.

=

А.

Алабырь, **алайръ**, камень, упоминаемый въ наговорахъ знахарей. *Въ чистомъ полѣ лежитъ бѣль-горючъ камень, алабырь (алайръ), а на томъ камени....* Кажется, это испорченное *alabaſtre*, алебастръ.

Алырникъ, **алырчикъ**, человекъ, ничего не дѣлающій; насмѣшникъ, зубоскаль. **Алырничать**, зубоскалить, ничего не дѣлать.

Б.

Багрѣць, шелковая ткань краснаго пурпуроваго цвѣту.

Багрѣцовый, красный, пурпуровый.

Багрить, ловить красную рыбу *бигрѣжъ*, то есть, крючкомъ, прикрѣпленнымъ къ длинному тонкому шесту, который, опуская въ прорубь, сдѣланную въ томъ мѣстѣ, гдѣ откroютъ остановившееся стадо рыбы, поднимаютъ безпрестанно, зацѣпляють стерлядь или осетра.

Бадѣгъ, половина погонной сажени.

Баклушка, короткий, расколотый обрубокъ дерева.

Балдѣ, большой молотъ.

Балѣдка, молотокъ.

Бастрыгъ, стягъ, которымъ пригнетаютъ сѣно или солому на возу.

Баской, красивый. *Баскаѣ дѣвушка, баской платокъ.*

Баско, красиво, хорошо.

Баять, говорить, сказывать. *Она баяла, что....* Думаемъ, что слово *Боянь*, или *Байнь*, упоминаемое въ «Словѣ о полку Игоревѣ», не есть имя собственное, какъ полагаютъ нѣкоторые наши ученые, состоящее изъ частицы *бо* и *янь*; но значить просто *разсказчика*, *сказочника*, *поэта*, какъ то показываетъ придаваемый эпитетъ : *вѣщій*, то есть *предсказывающій*,

*прорицающий, знахарь, свѣдѣнь или свѣдѣнь, знающій многое; а въ знахарь соединяются или должны соединяться многія свѣдѣнія и въ томъ члѣсѣ достоинство разказчика. Если же находящіяся во многихъ мѣстахъ «Библіи» слова: *обаяніе, обаятель*, принадлежащія къ одному корню съ глаголомъ *бѣять*, существовали за долго до «Слова о подку Игоревъ», то, конечно, не отъ слова *Баянь* произошли онѣ, какъ полагають нѣкоторые.*

Байкать, убаякивать.

Бѣрчатый, ая, рѣдкая, узорчатая льняная ткань, употребляемая для занавѣсокъ.

Бѣрчатый пологъ, бѣрчатая занавѣсь.

Бить печь, дѣлать печь, набивая одну глину въ ириготовленную изъ досокъ форму.

Битокъ, бабка, которую сбиваютъ другин, поставленные на кону.

Близни (родительный падежъ *близнѣмъ*), двѣ сформировавшіяся пятки въ основѣ холста.

Богоданный батюшка, тесть, въ отношеніи къ жениху. и свекоръ, въ отношеніи къ невѣстѣ.

Богоданная матушка, теща, свекровь.

Божница, полка въ переднемъ углу избы, на которой ставятся иконы.

Болѣкъ, повозка, обитая вмѣсто кожи тонкими досками.

Болѣнь, верхній слой дерева; также мисо между грудью и задними ногами быка; брюхо.

Болѣня, деревянная палочка, продѣваемая въ носовой хрящъ верблюда, вода, для привязыванія повода.

Браный, узорчатый, тканый узорами. *Браный пологъ, браная окатерть.*

Братанъ, братаничъ, братъ.

Брателко, братецъ.

Братъ крестовый, обмѣнявшіи съ кѣмъ-либо крестомъ, и заключившій черезъ это союзъ на вѣчную, неизмѣнную дружбу.

Братъ названый, для той же цѣли условившійся называть кого-либо.

Бродникъ, бродничокъ, маленький неводъ, бредень.

Бродни, сапоги съ длинными голенищами.

Брякувецъ, мѣдная бляха съ кольцомъ, прикрѣпляемая на клещяхъ хомута запряженной лошади.

Брякать, гремѣть, звучать. *Златы пуговицы пробрякнули*, (пѣсня).

Бѣтало, гремушка изъ листоватаго желѣза, привязываемая къ шеѣ лошади вѣсто колокольчика.

Бѣтать, шевелить, болтать ногами.

Бѣтать, толстѣть.

Бѣесть, отвага, удалъ.

Буланный, желтый; говоритъ только при означеніи масти лошади.

Буть, пыль отъ муки, отдѣляющаяся во время просѣиванія; также мелкій уголь, въ видѣ пыли.

Бусить, пылить мукою; **бусить**, идти мелкій дождь.

Бумшй, съдой, сврый. Поэтому *бусово время*, въ «Словѣ о полку Игоревѣ», не значить ли *старое. съдое время*?

Бучить, парить холстъ при бѣленіи его, кидая въ щелокъ каленные камни.

Бущное корыто, корыто, въ которомъ стирають бѣлье.

Бяловодья, ни кѣмъ незаселенная вольная земля. Такъ называется юго-восточная часть томской губерніи, на китайской границѣ.

В.

Варавна, веревка.

Вариво, вѣря, припасъ, взятый въ известномъ количествѣ для приготовления кушанья. *Говядины осталось на два варива*.

Варонки, вареное тѣсто, въ которое положень творогъ.

Варовѣ, скорѣе, живѣе, проворитѣе. *Шевелись варовѣ*.

Вервь, дратва, которою шьютъ обувь.

Верещѣга, хлѣбъ, жареный на сковородѣ въ маслѣ съ яйцами.

Вершинникъ, сучья, вершинки дерева. *Гать изъ вершинника*.

Весѣлко, узенькая лопатка, которою вымѣшиваютъ тѣсто въ квашнѣ.

Весанна, шерсть, снимаемая съ овцы весною.

Вечѣрка, вечеринка.

Вилы, деревянный хомутъ, на подобіе трехъугольника, надѣваемый на шею свиньѣ, для того чтобы она не могла пролезать въ огороды черезъ плетень, тынь.

Виноградѣ, виноградникъ. *Ахъ, ты, садъ ли мой, садочикъ, садъ зелена виноградѣ!* (старинная пѣсня).

Витѣлка, плетеная сайка, крендель.

Вихорь, вихрь.

Виза, сырон, длинный пруть, вѣтвь, которыми пригнетаютъ сѣно къ стогу.

Водяной, чортъ, обитающій, по мнѣнію простаго народа, въ омутахъ, мѣльничныхъ прудахъ.

Восгривый, сопливый, нечистоплотный.

Волкитъ, волкъ, колдунъ, знахарь. *Ты поди лѣкарей добывай, а и волкита поди спрашивать*. (Гость Терентьище, въ дровняхъ русскихъ стихотворенійхъ Кириши Данилова).

Волкитка, волшебница, чаровница, колдунья, знахарка.

Ворѣбы, станокъ, на которомъ растягивается мотокъ пряжи, свиваемый на клубокъ или *тюрикъ*. (Смотри это слово).

Втаперы, тогда, въ то время, въ ту пору.

Выследеть, найти, отыскать звѣря по слѣдамъ; открыть вора, или имъ похищенное по какимъ-либо признакамъ, примѣтамъ.

Бытъ, количество пищи, достаточное или нужное для насыщенія; порція; время между завтракомъ и обѣдомъ, обѣдъ или ужинкомъ; или, какъ говорить

народъ : *Отъ вды до вды. Давать одну выть*, то есть, одинъ разъ въ день, одну порцію ; *потерять выть*, не имѣть позова на пищу ; *выть прошла*, аппетитъ прошелъ. (Сравни старинное выть).

Ввнъ, ввнокъ. *Кому, мой ввнъ, достанешься?* (Старинная пѣсня).

Ввнки завивать, закручивать березовыя вѣтви на подобіе ввнка, гадая о будущемъ.

Ввщица, колдунья, вѣдьма, оборачивающаяся всегда въ безхвостую сороку. Оттого въ Южной Сибири сорока всегда называется *ввщицею*, и слова, *сорока* и *ввщица*, тождественны.

Ввщунъ, ввщій, знахарь, колдунъ.

Г.

Гайно, хлѣвъ, нечистое мѣсто. *Жить въ гайнѣ*, грязно, тѣсно, нечисто.

Гайтанъ, снурокъ, на которомъ носятъ крестъ на шеѣ.

Гаркать, восклицать, кричать, кликать или звать. *Гаркни его. позови его. Гаркнунъ молодецкимъ покрикномъ* (старинная сказка). *Жены русскія вслакаишь, аркучи...* вслаица (въ «Словѣ о полку Игоревѣ»).

Гасникъ, снурокъ, которымъ стягиваются шаровары, порты.

Гладѣнь, высокое мѣсто, гора, холмъ.

Глуздѣрь, молокососъ.

Глушать, ловить рыбу, особенно налимовъ и щукъ, оглушая ихъ. Для этого, когда рѣки покроются тонкимъ прозрачнымъ льдомъ, отправляются съ *киемъ*, деревянною колотушкою, на подобіе большой сахарной головы, на *заводи* (смотри это слово), и замѣтивъ рыбу подъ льдомъ, ударяютъ по немъ противъ того мѣста, гдѣ стоитъ она, толстымъ концомъ кія, отчего она глушится и, лишаясь движенія, всплываетъ къ верху и вынимается въ сдѣланное острымъ концомъ кія отверстіе во льду.

Глыбъ, глубина.

Глыбоко, глубоко.

Глыза, смерзшійся комокъ гризи, навозу.

Гонть, изгонть, устраивать, приводить въ порядокъ. *Изба гоюшо угбена,* покрыта, уконопачена, полна хозяйственныхъ вещей. *У него лошади угбены,* напоены, накормлены. По этому старинное слово *изгой*, принадлежащее, по мнѣнію нашему, къ одному корню съ глаголомъ *гонть*, сначала, кажется, крестьянина, поселенца, которому отъ помѣщика даны земля, изба, и прочее, или который имѣлъ собственное свое хозяйство, то есть челоуѣка *угбеннаго*, или *изгбеннаго*. *Гонть*, значитъ также угомонить.

Голбецъ, узкія нарвы на печи, подъ одной изъ стѣнъ, по длинѣ печи, иногда надъ ходомъ въ *подпольѣ*, который бываетъ за печью, или съ наружной стороны ея.

Голбчакъ, деревянный памятникъ надъ могилой, на подобіе домика.

- Голкъ**, звукъ, раздающийся въ лѣсу отъ чего-либо. *Когда онъ выстрѣлялъ, тогда по лѣсу сильный голкъ пошелъ.*
- Голтина**, сердцевина дерева, бревна, съ котораго содрана или отколота дрань.
- Голчить**, производить звукъ, голкъ въ лѣсу.
- Голыдыба**, голь, бѣднякъ. *Ты голыдыба, голыдыба, мужикъ!* (старинная пѣсня).
- Горбыль**, нижняя, корневая часть пня.
- Горбина**, доска отъ верхней части бревна.
- Горбинникъ**, горбины, изъ которыхъ что-нибудь сдѣлано, устроено. Дворъ изъ горбинника.
- Гориды**, кружки, стаканы, изъ которыхъ дружка на свадьбѣ угощаетъ гостей виномъ, пивомъ или медомъ. *Мы рвзвы, дружки, по свѣтлой свѣтлицѣ позаживаемъ, горницы понашиваемъ.* (Изъ наряда свадебному поѣзду).
- Городьба**, заборъ, ограда.
- Горсть**, пучокъ отдѣленного отъ кострики льна, вытрепаннаго или вычесаннаго.
- Гридня**, гридняца, гриница, комната, въ которой играется свадьба. *Богоданный батюшка! богоданная матушка! благословите по свѣтлой гриднѣ погудити, стаканъ меду налити.* (Изъ наряда свадебному поѣзду).
- Граблѣвище**, черепъ у граблей.
- Грядка**, полка, лежащая вдоль печи отъ стѣны до *стамика*.

Д.

- Давъ**, давеча.
- Десятѣкъ**, связка изъ десяти горстей льна.
- Дивоватъ**, удивляться.
- Дивно**, много, довольно, полно. *Денегъ дивно, много; воды въ ушатъ дивно, довольно; въ домъ всего дивно, полно.*
- Диковатъ**, смотрѣть на что-либо безъ сознанія, съ испугу, нечаянности, безъ толку; быть поражену удивленіемъ. *Какъ онъ выскочилъ изъ дверей на улицу, то и сталъ диковатъ.* Тегеревъ, смотрящій съ дерева на приближающагося охотника, собаку, — *дикуетъ.*
- Диковатый**, дѣлающій что-либо безъ размысленія, неосмотрительный, вѣдомшныи, вѣтряный.
- Докѣль**, дологъ, докуда.
- Дорожники**, сухари изъ цѣльныхъ витушекъ или булокъ, привозимые въ подарокъ, или въ гостинецъ, приѣзжающими изъ дороги. *Дорожники и гостинцы* значать одно и тоже, а потому *дорога* и *гостинецъ* выражали въ старину одно и тоже понятіе.
- Доспѣтъ**, сдѣлать, кончить, приготовить. *Домъ доспѣлъ, выстроилъ; письмо доспѣлъ, кончилъ; квасу доспѣтъ, приготовить.*
- Дотѣль**, дотолъ, дотѣхъ-поръ.
- Дошлый**, пройдоха, хитрый, смысленный. *Онъ такой дошлый, что и чорта об-*

манеть. *Дюшлый* значить также шкура какого-либо звѣря, годная къ употребленію и полученная въ известное время года, самаго лучшаго качества. *Лисица дюшлая, соболь дюшлый*, то есть пушистые, полученіе это качество и свойственный каждому цвѣтъ зимою.

Дрягать, биться, или бить, кричать могами конвульсивно; итти неровными шагомъ.

Душегрѣйка, твлогрѣйка.

Дѣва,
Дѣваха,
Дѣвонька,
Дѣвья, дѣвчья. } Такъ всегда называютъ въ Южной Сибири дѣвушки одну другую; въ словѣ *дѣвонька* удареніе переносится на букву *о*. (Сравни въ южно-русскомъ нарѣчій *дѣвонка*).
Именовалась мя дѣвья красота (старинная пѣсня).

Б.

Блань, лужокъ, ровное мѣсто въ лѣсу, въ рошѣ.

Блавань, высокій гладкій мысъ на берегу рѣки, озера; иногда холмъ.

Бредливый, ворчунъ, брапчивый, безпокойный, ссорливый *Онъ со вѣми ерес лиць.*

Бреститься, порчать, ссориться, браниться.

Ж.

Жаркой, оранжевый. *Жаркой платокъ,* оранжеваго цвѣта; *жаркіе цвѣтки:* по собственно называется такъ: *trollius asiaticus*.

Жбанъ, деревянная кружка, въ которой держатъ квась.

Жемѹлка, жемѹлечка, жемѹчекъ, пряникъ; иногда, въ переносномъ значеніи, гостинець, подарокъ. *Онъ сунулъ ему хорошую жемѹлку,* то есть, подарилъ.

Жеравѣць, столбъ у колодца, на которомъ лежитъ коромысло съ привязаннымъ на длинномъ шестѣ недромъ, для подниманія воды.

Жердь, длинный толстый колъ.

Жердѣвникъ, жерди. *Дворъ, крытый жердѣвникомъ.*

Жерланца, большой желѣзный крючокъ, которымъ ловятъ налимовъ и щукъ.

Живѣтъ, состояніе, имущество.

Живѣтъ, маленькая рыбка, напримѣръ: плотва, прицѣпляемая жпвѣемъ на *жерлицу* для приманки рыбы.

Жизнѣнокъ, малый, любезный. *Приходилъ ко мнѣ жизнѣнокъ молодой* (пѣсня).

Жирникъ, жаровникъ, плочка съ садомъ, въ которой ставится свѣтильня.

З.

Забѣка, рошча, лѣсокъ, по берегамъ рѣки, озера.

Забережники, льдины, образующіися осенью подлѣ береговъ рѣки или озера.

Заварѹха, распаренная въ кипяткѣ пшеничная или ржаная мука, которую ѣдятъ съ масломъ.

- Заводь**, глубокое, вдавшееся въ берегъ, мѣсто рѣки, всегда противоположное *плёсу*, отмели.
- Завѣтня**, сарай для экипажей.
- Завѣры, завѣрцы**, нороты, калитка въ оградѣ заборѣ.
- Завѣть**, кисть руки, мѣсто, гдѣ ладонь соединяется съ костью, идущею отъ локтя.
- Загнѣта**, четырехъ-угольное углубленіе въ печи, гдѣ загребаются угли съ золою, чтобы сохранить долѣе жаръ и огонь, до слѣдующаго послѣ топки утра.
- Загривокъ**, шея, плечи.
- Задорога**, подъ въ печи.
- Загонъ**, открытый дворъ, въ которомъ собираютъ скотъ предъ выгономъ на паству и нослѣ; также четвертая часть десятины.
- Зазноба**, любовь, любовница.
- Зазнобчивый**, влюбчивый. *Мое личико разгорчивое, рѣтиво сердце зазнобчивое* (старинная пѣсня).
- Займище**, болото, тундра, трясица.
- Зашка**, хуторъ, ферма, загородное хозяйственное заведеніе, при которомъ построены домъ.
- Займѣть**, занимать.
- Закуржавѣть**, покрыться инеемъ. *Потолокъ въ сѣняхъ закуржавѣлъ.*
- Заломъ**, мѣсто на рѣкѣ, покрытое свисающими съ береговъ, во время водополюн, деревьями, которые остановивъ поперекъ русла, представляютъ родъ плота.
- Залѣвокъ**, обрывистое углубленіе, наподобіе лѣвки, ступеньки на днѣ рѣки.
- Залѣвичье**, мѣсто за лѣвкой въ избѣ.
- Запѣвало, запѣвальщица**, мужчина и женщина, начинающіе пѣть какую-нибудь пѣсню.
- Заплѣтъ**, заборъ, ограда изъ досокъ или бревенъ.
- Заплотить**, сдѣлать заплотъ, ограду.
- Заполѣнный**, отъ слова *сполохъ*, вѣтренный, взбалмошный, необдуманно поступающій. *Добрый онъ парень, да немного заполюштын.*
- Запѣна, запѣнъ**, передникъ.
- Запоручить**, отдать что по условію, просватать дѣвушку. *Запоручила меня матушка за удалова ообра молодца.* (свадебная пѣсня).
- Зариться**, желать, получить что-либо. *Зариться на деньги.*
- Зарѣдъ**, скирдъ сѣна, представляющій въ пѣзнѣ длинный четырехъ-угольный
- Заронить**, потерять. *Зар нилъ шину*
- Заручагъ**, получить что, присвоить. *Заручилъ книгу.*
- Засаножиныкъ**, дорожкінъ поясъ, который вкладется за головнице сапога. Выраженіе въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: безъ щитовъ, съ засаножиныи кликомъ полки побѣждаютъ, означаетъ, что воины были такъ храбры.
- Заскѣбнута**, засохнута.

Заскорблѣй, засохшій. *Заскорблѣй глѣвъ.*

Застѣть, затѣнять, заслонять солнечный свѣтъ. *Не зѣсти мнѣ.*

Затонъ, глубоко вдавшійся въ берегъ заливъ рѣки, *зѣводъ*, зѣтишье.

Затынщикъ, воинъ за тыномъ сражающійся; значить также человекъ, дѣйствующаго изъ подтишка, изъ-за другихъ.

Захребѣтникъ мужъ, братъ, или вообще родственникъ *помочанки*, которая выпьетъ наливки или вина во время угощенья за столомъ, послѣ *помочи*, во принимая рюмку отъ хозяйки или хозяина, и, обмочивъ губы, передаетъ выпить вмѣсто себя *захребѣтнику*, который стѣитъ за стуломъ. (Смотри Помочь, помочѣвка).

Зачагѣть, поймать, залучить, получить, приобрести. *Онъ хорошаго коня зачѣгалъ* (приобрѣлъ); *ружье зачѣгалъ* (купилъ). (Смотри: Чагать.)

Зачурѣть, произнесеніемъ слова: *чуръ* или *чуръ того*, *помно*, остановить вліяніе какого-либо колдовства, обаянія, потѣхи нечистой силы.

Завзокъ, перегородка въ рѣкѣ, поперегъ русла, сдѣланная изъ ивовыхъ прутьевъ или тонкихъ дранокъ, переплетенныхъ ивовыми прутьями. Въ ней оставляются промежутки, въ которые опускаютъ *мѣрду*. (Смотри это слово), на дно, привязавъ къ колу. Промежутокъ сверхъ *мѣрды* закрывается такою же, какъ и *завзокъ*, рѣшеткою. Рыба, не находя свободного прохода сквозь рѣшетку, кромѣ устья *мѣрды*, попадаетъ въ этотъ ловъ-придуманннй снарядъ, во множествѣ, особенно въ весеннее время, когда бываетъ ходъ ея.

Збой, надмѣнность, чванство, заносчивость, гордость. *Збой за собой держитъ и лукавство великое.* (Древнее русское стихотвореніе Кирши Давыдова; «Сказка о Куликѣ-Травникѣ.»)

Звонѣцъ, колокольчикъ на шеѣ лошади, у дуги.

Звонница, колокольня.

Звябъ, часть *заплѣта* между двумя столбами.

Звѣрвать, заниматься ловлею звѣрей.

Звѣрвщикъ, звѣрововъ.

Зимнина шерсть, снимаемая съ овцы зимою.

Зимовѣѣ, изба, въ которой останавливаются зимою провѣзжающіе; по-магдоресійски *зимовникъ*.

Зимовщикъ, сторожъ на *зимовѣѣ*.

Зипунъ, кафтанъ; вообще верхняя одежда изъ сукна.

Злобѣкъ, неровность, небольшое возвышеніе на чемъ-либо; низкій холмъ въ полѣ.

Злѣчьсть, несчастіе, горе, бѣдность. *Она живетъ въ такой злѣчьсти.*

Злыдни, тяжелое, несчастное, непріятное въ какомъ-либо отношеніи время, пора.

Зобня, горба.

Зорвѣть, прицѣлнваться, присматриваться.

Зёрка, трубочка на казенной части винтовки надъ *рѣзкою*, надѣваемая на рѣзку для того, чтобы отблескъ отъ ружейнаго ствола не препятствовалъ удобнѣйшему прицѣливанію *Зёрка* означаетъ также обрѣзанную нижнюю часть гусянаго или другаго пера.

Зыбка, колыбель, привѣшенная къ *бечу*. (Смотри это слово).

Зыбунъ, болото, зыблющееся въ то время, когда идутъ по немъ.

Зынь, карманъ, мѣшокъ, въ которомъ хранятся деньги. *А госпожа хозяйка по таньги въ печь, да по деньги въ зынь.* (Изъ рацейки, или поздравительной рѣчи, которою славяице Рождество Христово мальчики и вообще *Христославщици*, привѣтствуютъ хозяина дома.)

И.

Иверень, выбитый отъ какой-либо посуды край, черепокъ; вырѣзка на ухѣ лошади.

Изгрѣбье, грубая, отдѣляющіяся при чесаніи лыка волокна.

Изгрѣбный холстъ, вытканый изъ изгрѣбій.

Изжорезь, мелкій, въ видѣ пыли снѣгъ.

Изурѣчье, украшенія, узоры, на чемъ-либо.

Изурѣчный, украшенный, разрисованный, вышитый узорами. *Платокъ изурѣчный.*

Имѣть, изымать, словить, поймать. *Лошадей имѣть.*

Искоходь, особенная, шланная рысь у лошади.

Ирнать, обшивать полы и подолъ нагольнаго тулупа ремешками.

К.

Кавѣнсь, теплый весенній день, въ который каплетъ съ крышъ вода, отъ тающаго снѣгу.

Капустка, *помочь* на женщинъ и дѣвушекъ, для приготовления капусты въ прокъ. (Смотри слово *Помочь*).

Карѣкша, оловянный слитокъ, въ которомъ заплавлены большіе крючки, для ловли стерлядей и осетровъ зимою. *Карѣкша* привязывается къ длинному, крѣпкому шнуру, *поводку*, и опущенная въ прорубь, выдолбленную на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ рыба, безпрестанно поднимается, при чемъ крючки зацѣпляють рыбу, которую потомъ и вытаскиваютъ съ помощью багра, на ледь.

Карѣвый, рябой, шадровитый.

Карѣга, кривое, сучковатое бревно, лежащее въ руслѣ рѣки. въ озерѣ или болотѣ.

Карѣжникъ, карѣги.

Карча или **Карча**, древесный сучковатый пень, колода или карѣга, препятству-

ющая ходу судна или ловя рыбы неведомъ. *Мы думали, что поймали большую рыбку, а вместо нея вытащили каршу.*

Квѣлить, дразнить, обижать, приводить въ слезы. Это слово большому частію употребляется тогда, когда говорить о ребенкѣ, приведенномъ къътъ иль будь въ слезы. *Онъ расквѣлилъ его. Перестань квѣлить, онъ заплачетъ.* По этому выраженію въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: *квѣлится*, означаетъ иль *цвѣль*, какъ объясняетъ господинъ Максимовичъ, но въ переносномъ смыслѣ *губить, опустошать, раззорать*. *Рано еста начала пеловсикую землю мечи цвѣлится.*

Кябась, (множественное число кябася), камень, привязываемый къ нижней тетивѣ невода.

Кичиболка, кокошникъ, въ первый разъ надѣваемый на молодую, когда *окручаютъ* ее. (Смотри **Окручать**).

Кій, колотушка, которою *глушатъ* рыбу; *бьютъ* печь. (Смотри **Глушить**, **Бить** печь).

Киса, мѣшокъ въ которомъ лежатъ деньги.

Кладушка, корзинка, лукошко, въ которыя кладутся домашнія вещи.

Кладенець, сконецъ.

Кладь, скирдъ хлѣба.

Клять, **клятунка**, горница, иногда чулашъ.

Клюка, кочерга, костыль.

Клюшка, согнутая на подобіе *клячки* палка, которою мальчики гоняютъ шаръ на льду. *Играть въ клюшки.*

Кланъ, палка у невода, къ которой привязываются *тетивы*.

Ковылять, идти неровно, прихрамывать, пррваливаться съ боку на бокъ.

Комавъ, одежда изъ кожи.

Кожемяка, кожевникъ.

Комедѣрь, лѣшій, чортъ; въ переносномъ смыслѣ означаетъ человека жестокаго, готоваго содрать кожу.

Кожура, **кожура**, шелуха, кожица, покрывающая плодъ. *У тыквы толстая кожура.*

Кожурна, кожа.

Кожухъ, тулупъ, шуба.

Коза, желѣзная рѣшетка, на которой кладется зажженое *смольѣ*, когда *лучатъ* рыбу. (Смотри **Смольѣ**, **Лучить**).

Ковица, мѣшокъ для мѣдныхъ денегъ, выдѣланный изъ содранной безъ обыкновеннаго разрѣзыванія шкуры небольшого домашняго животнаго.

Козодокъ, верхняя часть состава у ручнаго пальца.

Колодка, выдолбленное изъ тополеваго или ветловаго бревна ульѣ. *У него двѣдцать колодокъ* (ульѣвъ).

Колодка, расколотый на двѣ части обрубокъ дерева, съ вырубленнымъ по срединѣ отверстиемъ, въ которое вкладывается нога арестанта, для того, чтобъ

онъ не убъжалъ. Обѣ половины *колодки* скрѣпляются на концахъ желѣзными обручами, веревкой или гвоздемъ, *смыкаются*. (Смотри *Смыкъ*).

Омѣдникъ, арстантъ.

Омокодець, колокольчикъ.

Обокъ, роца въ степи, въ полѣ; роци по берегамъ рѣкъ называются *забѣями*. (Смотри *Забѣка*).

Олмыага, коляска, карета, вообще лѣтній экипажъ.

Омонь, конь. Это слово употребляется только въ свадебныхъ пѣсняхъ, напримвръ, въ одной изъ нихъ: *Ахъ, вы комои, комои.*—*Комонь, кони добрые!* Въ Южной Сибири вмѣсто слова: *лошадь*, всегда говорятъ: конь.

Омуха, лихорадка, *трѣсья*. *Затряси тоѣ старуху комухи, что которая до насъ была лига*. (Старинная пѣсня).

Княшій столъ, обѣдъ, дѣлаемый женихомъ для родственниковъ, товарищей и знакомыхъ.

Княжая сваха, сваха съ жениховой стороны.

Кобалка, деревянная лопатка, которою вырываютъ огородные овощи или корни растений.

Корать, укорать, бранить.

Коробѣйка, коробочка, корзинка.

Корѣпать, ломать, дѣлать что не умъючи. *Медвѣдь корову изкорѣпалъ*.

Кострика, стебельки льна, отдѣляющіяся при чесаніи или трепаніи его.

Косѣвища, черепъ у косы.

Котухъ, свиной хвѣвъ, конура для собаки; отъ слова *кутать*.

Кривда, неправда, лукавство. *Въ немъ кривды много*.

Кривда, рыболовный снарядъ, наподобіе мрѣжи.

Кривдить, ловить рыбу *кривдою*.

Крючить, ловить рыбу крючьями *каракши*. (Смотри *Каракша*).

Крючить, снимать съ поля горохъ.

Куделя, кужель, лѣтъ на пряслицѣ.

Кужарачъ, (на) четверенькахъ. *Упалъ на кужарачъ*.

Кужить, тереть глаза, насильно выжимать слезы. *Не плачетъ, а только глаза кужить*.

Кунганъ, стеклянный кувшинъ, въ которомъ держатъ пиво и квасъ.

Купавка, почка нераспустившагося цвѣтка, и преимущественно цвѣтка бѣлаго; напримвръ дикой ромашки. *Онъ бѣлъ, какъ купавка; во бесѣдѣ купавъ молодець*. (Старинная пѣсня).

Курлакъ, иней образующійся на потолокъ, стѣнахъ или дверяхъ избы, отъ замерзающихъ испареній.

Курезо, зажженный въ горшкѣ или въ ямѣ коровій помѣтъ или навозъ, для того чтобы выжить изъ избы залетѣвшихъ комаровъ и мошекъ, а въ полѣ отогнать ихъ отъ пасущихся стадъ, стана на сѣнокосѣ или пашнѣ.

Въ дѣтнее время, когда свирѣпствуетъ такъ называемая сибирская язва, *куревá* находятя при въездѣ или выездѣ изъ *поскóбтмы*, для окуриванія пробѣжающихъ.

Курень, мѣсто, гдѣ рубятъ дрова, дѣсосвѣкъ; мѣсто въ полѣ, гдѣ остаются обозы; землянки, балаганы, въ которыхъ живутъ дровосѣки. *Взать въ курень*, въ дѣсосвѣкъ; *стать куренемъ*, остановиться съ обозомъ въ полѣ, для ночлегу, отдыха. Это же самое значеніе имѣетъ слово *курень* и въ Южной Россіи. Въ Монгольскомъ языкѣ также находится слово: *курá*, означающее городъ, главное *кочевье*. Такимъ образомъ, если въ живомъ языкѣ Русскомъ существуютъ слова: *курить* (дымить), *куриться* (дымиться), *куриво*, *курень*, *курение*, то находящееся въ словѣ о Полку Игоревѣ слово: *до куръ Тматорокане*, означаетъ положительно *курени*, *поселеніе*, *улусы*, или въ переносномъ смыслѣ предѣлы Тматороканскіе, а не *пѣтуговъ*, какъ объясняютъ наши ученые. Самый смыслъ этого мѣста въ «Словѣ о Полку Игоревѣ, ясно показываетъ, что тутъ рѣчь идетъ не о времени, но о пространствѣ, на которомъ рыскалъ Всеславъ. Приведемъ здѣсь вполнѣ ту фразу, въ которой упоминается слово, *куръ*. *Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рдяше, а самъ въ ночь влкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ-Тматорокане....* Очевидно, что здѣсь поэтъ говоритъ объ удали Всеслава, достигавшаго въ наѣздахъ своихъ предѣловъ Тматороканскихъ, а не *пѣтуговъ* тамошнихъ или Кіевскихъ, что, по мнѣнію нашему, не имѣетъ ни какого смысла: пространство опредѣляется какими либо предметами, мѣстами и урочищами; а то, что происходитъ во времени, опредѣляется событіями, явленіями или какими либо признаками, во времени же совершающимися. Не входя въ изслѣдованія о подлинности «Слова о Полку Игоревѣ», мы прибавимъ только то, что если донынѣ въ одномъ небольшомъ уголкѣ Россіи—Южной Сибири, сохранились въ живомъ языкѣ рускомъ многія приведенныя въ словарь нашемъ рѣченія, находящіяся въ Словѣ, и положительно объясняющія истинный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ этого произведенія, то конечно изслѣдованіе мѣстныхъ нарѣчій русскаго народа открыло бы много данныхъ, могущихъ объяснить темныя мѣста ея.

Курка, курочка, курица.

Курникъ, пирогъ съ курицею.

Курѣкъ, шкворень, придерживающій рѣспуски на передней оси телеги, повозки и вообще дѣтняго экипажа.

Куть, мѣсто противъ печи, отдѣляемое отъ прочей части избы перегородкою или занавѣскою. Предѣломъ кути служитъ *грѣдка* (смотри это слово). *Куть* есть всегдашнее мѣстопребываніе дѣвушки при гостяхъ; отсюда выводятъ ее родители на показъ жениху, и тамъ сидитъ она съ нимъ послѣ *рукобитья* (смотри *рукобитье*). Въ *кути* готовится также кушанье, хранится на полкахъ посуда и прочія хозяйственныя вещи.

черявый, курчавый, кудреватый.

кыкать, или *кыкать*, кричать, говорится только о лебединомъ крикѣ. *Ужь какъ стали гуси сврые что лебедушку щипати, а лебедушка кыкати* (свадебная пѣсня).

кыкъ, крикъ лебединый. *Лебедь кычетъ*. Въ старину, какъ видно изъ «Слова о полку Игоревѣ», *кыкъ*, значило воинскій крикъ, *гикъ*. *Тогда по русской землѣ рѣдко ратаевъ кыкажутъ*.

кычиги, или *кычига*, созвѣздіе Плеяды; оно называется также утинымъ гнѣздомъ.

Л.

лагунъ, большой ушатъ, кадка, съ неподвижною верхнею крышкою, въ которой подѣвъ края дѣлается отверстіе для наливанія кваса, пива.

лагунка, маленькой лагунъ.

лешобакій, лѣвтяй, человекъ ничего не дѣлающій, любящій только *лежате на боку*.

лѣтъ, жиля, идущія по обѣ стороны шейныхъ позвонковъ. *Накостылять лѣтъ*, наколотить шею.

лестопадная, лихорадка осенняя; она считается самою злѣйшею.

лечина, маска.

лонисъ (нарѣчіе), прошлаго лѣта. *Лонисъ хлѣбъ хорошо родилсѣ*.

лоньшакъ, двухъ-лѣтній жеребенокъ.

ломово, поперечное, въ противоположность *стамово*му, вертикальному. *Отговариваютъ отъ раба Божія (имярекъ) щипоты и ломоты потяготы и позвоты, уроки и призоры, стамово и ломово, нутренню, спдево, закомно и жилляко*. (Изъ наговора знахаря).

лопастъ, ступня ноги.

лопаты, жрать.

лопотъ, вообще всякая одежда. *Лопотъ худа стала*.

лошкочій (издѣвочное), лакей, прислужникъ, блюдолизъ, вообще всякій человекъ, прислуживающійся другому съ какою-нибудь цѣлію.

лосъ, созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

лукъ, излучина берега рѣки, озера, моря; берегъ *заводи*, *затона*. (Смотри это слова).

лукошорье, берегъ морскаго залива.

лукъ, снарядъ, которымъ бьютъ овечью шерсть.

лунка, ямка, дѣлаемая на землѣ для игры въ мячъ. Для этого по числу играющихъ, дѣлаютъ *лунки*, въ прямомъ направленіи, катая надъ нимъ мячъ по-очереди. Если онъ попадетъ въ одну изъ нихъ, то играющій, которому принадлежитъ *лунка*, схвативъ мячъ *лунитъ* имъ того, кто первый попадется подъ руку. Само собою разумѣется, что при этомъ всѣ разбѣются врознь (смотри слова: *лупа*, *лупить*).

Луна, ударъ мячемъ.

Лунить, *лунить*, *улунить*, ударить мячемъ.

Лучать, бить рыбу въ темную лѣтнюю или осеннюю ночь остроугою при свѣтѣ отъ зажигаемаго на *козѣ смолья*. (Смотри эти слова).

Лучать, случится, исполнится. Употребляется бѣльшою частью въ слѣдующемъ выраженіи: *Коли Богъ лучитъ, то зайду, сдѣлаю, буду*.

Лвса, понодокъ изъ конскихъ волосъ, къ которому привязывается рыболовный крючекъ.

Лвсна, дерево.

Лвстовка, сплетенные изъ ремешковъ четки.

Лвтина, шерсть, снимаемая съ овцы лвтомъ.

Лвтось, прошлаго лвта.

Лвшакъ, лвшій.

Лвшачиха, жена лвшаго.

Лвпѣкъ, круглый черепокъ отъ горшка; которымъ играютъ въ лвпки, что дѣлается такъ. Приготовивъ нѣсколько *лвпѣвъ*, кладутъ ихъ на ладонь, и взбрасывая къ верху, подхватываютъ верхнюю частію руки; потомъ вскинуть, принимаютъ на ладонь. Упавшіе въ это время лвпки подбираютъ каждый порознь или по нѣсколькѣ вмѣстѣ съ брошеннымъ къ верху лвпкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не задѣвать тѣхъ лвпковъ, которые еще не собраны съ земли; въ противномъ случаѣ игру начинаетъ слѣдующій. Участвующіе въ ней сидятъ на землѣ кружкомъ.

Лвсникъ, болтунъ, говорунъ, рассказчикъ.

Лвсничать, болтать, говорить, рассказывать безъ умолку.

М.

Магытъ, человекъ высокоаго росту (смотри слово *могутный*).

Мадожи, багровыя пятна на лицѣ.

Марева, оптическое явленіе, замѣчаемое въ ясныя, жаркія дни, лвтомъ, въ степяхъ. Оно представляетъ порою совершенное подобіе волнующагося озера, рѣку, а предметы отдаленныя зыблущимися, которые то понижаются, то возвышаются или совсѣмъ скрываются изъ глазъ и снова возникаютъ мгновенно, отдѣляясь отъ земли и принимая разнообразныя формы. Это явленіе происходитъ отъ струящихся испареній земли, преломляющихъ свѣтовые лучи. Его сравнить можно въ этомъ отношеніи съ видимымъ въ водѣ отраженіемъ какого-либо предмета, напримѣръ, колокольни, *дерева*. При тихой водѣ оно остается неподвижнымъ, но лишь-только поверхность ея зарыбится отъ вѣтерка, отраженіе предмета начинаетъ измѣнять формы свои, прерываться, казаться длиннѣе или короче, смотря по углу зрѣнія.

Марить, печь солнцемъ, жарить: также клонить ко сну. *Такъ и марить меня*, то есть, спать хочется.

Нарио, жарко, тепло.

Нарный, жаркій, теплый. *Сегодня жарный день.*

Наръ, жара солнечная.

Наряный, пунсовый, розовый, багровый; говорится о цвѣтѣ неба или облаковъ во время утренней и вечерней зари. *Маряный вечеръ*, когда небо покрыто розовыми или багровыми облаками. *Маряная заря. Пойду я рабъ Божій при утренней зарѣ маряно въ чистое поле.* (Изъ заклинанія знахара).

Натѣрый, большой.

Натица, балка, на которой лежитъ потолокъ.

Найчить, показывать что-либо издали знаками. *Выбъжавъ изъ лѣсу, онъ сталъ намъ майчить.*

Ножбѣнъ, середина лѣта, июль мѣсяцъ, когда бываетъ сильный жаръ.

Нольтегять, мелькать чѣмъ-нибудь передъ глазами.

Низгирь, паукъ.

Ниланъ, любовникъ, милый человекъ.

Могутный, мощный, дюжій, сильный. Упоминаемое въ «Словѣ о полку Игоревѣ» *могуты*, едва ли есть собственное имя какого-либо народа; по мнѣнію нашему это слово означаетъ *могучихъ* воиновъ, какъ и слово *магьтъ*. *А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вои брата моего Ярославъ съ черниговскими былями, съ Могуты...*

Молавья, молніе.

Молочный, скоромный. *Сегодня молочный день.*

Мотдусъ, бичевка.

Морда, верша.

Мброкъ, мракъ, темнота.

Мудьки, мудяты, маленькія, молодыя рыбки всякаго роду.

Мурашъ, муравей.

Мухортый, лошадь свѣтлогнѣдой шерсти,

Мягкіе, вообще всякія булки, витушки, печенье изъ пшеничной муки.

Н.

Набирка, корзинка, лушошко, туась, въ которые собираютъ ягоды. Она двѣ набирки принесла.

Навой, навойка, ваюкъ, на который навивается пряжа, при тканьи холста.

Навѣтку (нарѣчіе), на исходѣ мѣсяца, на ущербѣ.

Нагавка, замѣтка изъ какого-нибудь лоскутка, надѣваемая на ногу курицы.

Нагалище, шкура барсука, надѣваемая вверхъ шерстью, на ружейный прикладъ для зашиты замка отъ дождя.

Назла, назолушка, тоска, кручина.

Наклонникъ, кокошникъ нанодобіе гребня.

Наледь, вода, выступающая на льду зимою.

Налучина, налушна, футляръ, надѣваемый на лукъ. *Вынималъ онъ изъ налучины тугой лукъ, клалъ на тетиву стрѣлу пернатую.* (Старинная сказка).

Намолоду, время новолунія передъ рожденіемъ. Вообще четыре фазы мѣсяца въ наговорахъ знахарей выражаются такъ: *намолоду, подѣполмъ, на перекрѣ и навѣтху.*

На перекрѣ, время послѣ полнолунія.

Насадъ, лодка, судно. *По Дунаю насадъ плыветъ, по тихому ветляненской (ветловской).*

Насѣрдка, ненависть, мщеніе. *Онъ сдѣлалъ это понасѣрдкѣ,* то есть, изъ мщенія, ненависти.

Натутурниться, нахмуриться.

Нахлунить, нахлобучить.

Наядѣстка, заплатка на сапогѣ, вообще на обуви.

Начѣвка, плоское, овальное корытцо, лотокъ, въ которое кладутся вынутыя изъ печи булки, *шаньги* и прочее.

Ако шнѣй, гвшій, чортъ, нечистая сила.

Ненаглядѣе, ненаглядный, милый, дорогой.

Нѣтель, молодая неотелившаяся еще корова.

Ночесь, ночью, въ ночь,

О.

Оболочка, одежда.

Оболокаться, одѣваться.

Оборки, шнурки, которыми стягиваютъ *опушки чарковъ* на ногѣ (Смотри *опушки, чарки*).

Обѣрыши, остатки ягодъ въ полѣ.

Обходъ, обрядъ, наблюдаемый знахаремъ при выгонѣ скота въ поле на паству, для предохраненія отъ несчастія, волковъ и прочая.

Обутки, вообще всякая обувь.

Объчайка, обручъ у сита или рѣшета.

Огнѣвица, огнѣека, горячка.

Ожегъ, деревянная палка, которою мѣшаютъ дрова или уголья въ печи.

Окарачь, на четверенькахъ.

Оклеваться, поправиться послѣ болѣзни, ободриться послѣ усталости, сна. *Онъ не успѣлъ еще оклеваться.*

Окручать, расплетать у молодой косы на двѣ, обертывая ихъ вокругъ головы и надѣвая кокошникъ.

Опасливый, осторожный. *Молодая жена, опасливая, выглянула въ окошечко.* (Гость Терентьича въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Давидова»).

Опризраться, обмануться въ глазомѣрѣ, не попасть въ цѣль.

- Снолвочь**, передь полночью.
- Слушни**, рубецъ у *чаркдвѣ*, въ который продѣваются *обѣрки* (смотри *Обѣрки*).
- Слѣбѣ**, палица, дубина.
- Слѣбѣнна**, въ переносномъ смыслѣ, болванъ, дуракъ, дубина.
- Слѣлокъ**, человекъ всѣхъ осиливающей, богатырь, силачъ.
- Ссочить**, оскоблить сокъ, подь корою дерева находящейся; въ значеніи переносномъ, значить облупить кого, содрать шкуру, обобрать.
- Сстѣмѣ**, мѣсто, гдѣ былъ стогъ сѣна.
- Ссторѣмѣ**, еловые или сосновые колья, съ сучьями, которыми закладывается устье берлоги медвѣдя, при выкуриваніи его дымомъ.
- Става**, молодая, вновь вырастающая послѣ кошенья, трава. *Лошади пасутся на отавѣ*.
- Створомить**, отогнать напущенную на человека порчу, уроки и прочее.
- Стявухи**, наливка или вино, отливаемая изъ рюмки непьющею ихъ на *пюмочи* или *супраткѣ* двухскою или женщиною въ туюсочекъ, на колѣняхъ поставленный, и уносимая послѣ пирушки домой, какъ гостинцы (смотри *Пюмочь*, *Супратка*).
- Стѣмѣть**, часть гривы у лошади, падающая на другую сторону шеи, *Лошадь вороной жренѣ, на лбу звѣздинка, право ухо пчемѣ, лѣво пороно, грива на праву сторону, на лѣву отметѣ* (изъ описанія примѣтъ лошади).
- Стстѣда**, недюбовь, ненависть. *Не дашь денегѣ — отстѣда навремя; дашь — ссора навѣкъ* (пословица).
- Стстудить**, возбудить въ человекѣ къ кому либо ненависть; заставить разлюбить, возненавидѣть.
- Сханѣ**, продувной, пройдоха, надувало, обманщикъ.
- Схлупенѣ**, выдолбленное бревно, которымъ пригнетаются верхніе концы досокъ или драни на крышѣ дома, *кхѣсь, кхлзекъ*.
- Схдѣганить**, обмануть.
- Схѣстливый**, въжливый, знающій почетъ, приличіе. *А на встрѣчу Терентьищу, скоморохи, люди въжливые, скоморохи все хѣстливые* (Гость Терентьище; древнее русское стихотвореніе Кирши Данилова).
- Схрѣватѣть**, забеременѣть.
- Схчѣпъ**, гибкій шестъ, оглобля, прикрѣпляемая кольцомъ къ матицѣ или потолку; на одномъ длинномъ концѣ очепя привѣшивается *зѣбка* (см. это слово).
- Схчѣмѣчить**, ударить, треснуть кого.
- Схшлѣбрѣть**, ударить, стукнуть кого. Слово: съ *шелбири* упоминаемое въ Словѣ о Полку Игоревѣ, не значитъ ли съ дубинами, съ палицами?
- Схшкѣрда.**, толстая женщина.

II.

Павѣтъѣ, маленькія, боковыя вѣточки, на главныхъ отрасляхъ ствола какого либо дерева.

Пагеленки, чулки съ отрѣзанными носками.

Падь, глубокая, узкая долина между двумя холмами; *балка* въ Южной Россіи.

Пазнокти, мѣсто на послѣднемъ составѣ пальца, гдѣ начинается ноготь.

Палы, огонь отъ зажигаемой весной на дугахъ высушенной травы.

Панѣкъ, большая противъ другихъ бабка, которою играютъ въ бабки, сбывая ихъ съ кону.

Панерсть, панерсь, нагрудникъ, также ремень на груди лошади, идущій отъ передней луки сѣдла, чтобы оно не скатывалось назадъ, особенно при подъемѣ на гору.

Паруша, баня.

Пархай, нечоса, оборванный.

Пасьма, определенное количество нитокъ въ моткѣ пряжи.

Паходка, нижняя часть задней *голки* (смотри это слово).

Паужинь, паужна, закуска, между обѣдомъ и ужиномъ,

Перебрь, каменистое русло рѣки, по которому вода съ шумомъ *перебирается*. Переборы въ Южной Сибири, именно на Иртышѣ, между Семипалатинскомъ и Бухтарминскою крѣпостью, называются также *итверами*, отъ слова *шеръ*, *итеръ*, подводные камни.

Перекрой, первые дни послѣ полнолунія.

Перелѣгъ, перепашка пароваго поля.

Переходы, сѣни, коридоры, галлерей.

Пестерь, большая изъ дранокъ корзина, въ которой хранится шерть, ленъ; въ переносномъ смыслѣ означаетъ человѣка неуклюжаго, неловкаго. *Экой пестерь*.

Пестерѣшка, маленькой пестерь.

Пѣстунъ, наставникъ, дядька.

Пѣствовать, учить, вскармливать, нѣжить.

Пикѣлька, нискѣлька, дудочка, пищокъ.

Пинны, теплые сапоги изъ войлоку, обшитаго холстомъ или кожей.

Плѣнцы, силки, которыми ловятъ тетеревовъ, рябчиковъ и куропатокъ. Для этого скручиваютъ нѣсколько конскихъ волосъ; приготовленные такимъ образомъ снурки, съ петельками на концахъ, привязываютъ на бичевкѣ, которую растягиваютъ на двухъ колышкахъ, на *току*, мѣствъ гдѣ птицы весной понимаются.

Плѣнцы, плѣнки, силочки, дѣлаемые изъ конскихъ же волосъ, для маленькихъ птицъ, укрѣпляемые въ доскѣ, обручѣ или палкѣ, которая кладется на землѣ,

Плетешѣкъ, плетеный изъ чего нибудь снурокъ.

Плѣца, совокъ, которымъ берутъ муку, горохъ и прочее.

Плѣтбище, высокое, ровное мѣсто на берегахъ рѣки, озера.

Плѣвъ (нарѣчіе), означающее срѣзанное горизонтально ухо лошади или другаго домашняго животнаго, для примѣты (смотри *Отмѣтъ*).

Нобриникъ, поединникъ, единоборецъ.

Нобъгъ, толстая доска съ двумя или болѣе желобками, на которую ставятся корчаги съ сусломъ, стекающимъ съ *нобъга* въ кадъ.

Новадѣнное, сборъ за мытье бѣлья на плоту, за валекъ, которымъ бѣлье катаютъ.

Новарѣнка, большая деревянная ложка, уполовникъ, которымъ разбиваютъ кушанье.

Новертѹха, какая либо неопредѣленная легкая болѣзнь. *Что у него? Да не то тряся, не то огневица, а просто повертѹха.*

Новозникъ, кучеръ, ящникъ.

Новоинникъ, кокошникъ.

Новзѣчное, плата, сборъ за вѣнчанье.

Нодборъ, каблукъ у сапога, *чаркѣ*.

Нодзоръ, бахрама у *пѣлога*, занавѣса, фаты.

Нодъзбѣца, чердакъ; пространство отъ потолка до крыши.

Нодклатъ, мѣсто, гдѣ приготовлено для молодыхъ брачное ложе.

Нодлавецъ, мѣсто въ избѣ подъ лавкою.

Нодносъе, мѣсто подъ крыльцомъ у сѣней.

Нодносъ, угощенье, подносимое дружкой на свадьбѣ гостямъ, какъ то вино, закуса, пряники. *Бытъ челомъ нашъ князь молодой, съ княжова стола, княжимъ медомъ. Тысяцкіе надвѣщаютъ, большіе бояре на ногахъ стоятъ. Мы, рѣзвы дружки по свѣтлой свѣтлицѣ похиживаемъ, горницы понашиваемъ. Ножки съ подходимъ, а ручки съ подносомъ: языкъ съ приговоромъ,* и прочее (изъ наряда свадебному поѣзду).

Нодоболѣчка, поддѣвка; вообще верхняя одежда простаго народа, какъ то зипунъ, армякъ и прочее.

Нодоплѣка, подкладка, подшиваемая подъ мужскую рубаху на плечахъ, для болшей прочности. Чтобы выразить какую либо тайну, горе, тоску, обыкновенно говорятъ: *Ужъ такъ тяжело мнѣ, что знаетъ объ этомъ одна грудь да подоплѣка.*

Нодпарина, сбитая сѣдломъ кожа на спинѣ лошади.

Нодполье, мѣсто подъ поломъ избы, въ которомъ ставятся разные припасы и вещи. Ходъ въ подполье бываетъ всегда въ бутѣ, или подъ *гѣлбчиномъ* (смотри это слово).

Нодполнь, время передъ полнолуніемъ. *Мѣсяцъ былъ подъ полнь,* когда я вывѣгъ.

Нодручникъ, покровительствуемый кѣмъ-либо человѣкъ, подслуживающійся.

Нодсѣнникъ, мѣсто подъ поломъ сѣней, въ которое ходъ бываетъ изъ *подмѣстья*.

Нодходъ, церемонная выстѹпка дружки, при угощеніи кого-либо на свадьбѣ, сопровождаемая приличною рѣчью (смотри *подносъ*).

Ноддинцакъ, единоборецъ, сопротивникъ.

Поленица, ватага вольныхъ людей, наѣздниковъ. *Поленица удала.*

Поленичать, наѣздничать.

Полкать, бѣгать, ѣздить, рыскать. *Онъ ничего не дѣлаетъ, а только полкѣтъ.*

Полозь, большой змѣй. По этому выраженію въ Словѣ о Полку Игоревѣ: *зложію ползоша только*, значить что змѣи ползли только, а не дятлы, какъ объясняетъ господинъ Де-Ларю (переложеніе его; Одесса; 1839 года). Приводимъ вполнѣ это мѣсто: *Тогда врани не граахуть, галици помлѣкша, сорокы не трокаташа, полозію ползоша только, дятлове тектмакъ путь къ рѣкѣ кажуть, созовіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають*]

Полозь, занавѣсъ у кровати, низенькая четырехъ угольная падатка, въ которой спать въ стану на сѣнокося, въ полѣ, на пашнѣ. *Шитый, браный полжѣкъ* (старинная пѣсня).

Полудновать, жить послѣднія минуты передъ смертью.

Полудница, воображаемое существо, представляемое въ видѣ старухи въ хмотьяхъ, съ волосами всклооченными и покрытыми *отрѣпьями*. Она охраняетъ огороды отъ опустошенія дѣтей.

Полудружье, помощникъ дружки.

Польсовщикъ, лѣсной сторожъ.

Помазъ, трапка, которою намазывается скворода масломъ, при печеніи блиновъ, оладьевъ.

Помочь, какая либо сельская работа, производимая не по найму, но за одно только угощеніе, вечеромъ, по окончаніи ея; обѣдъ и *пѣужинъ* также бываютъ хозяйскія. Помочь дѣлаютъ для того, чтобы, пользуясь хорошою погодою, сжать разомъ хлѣбъ, скосить траву, убрать его по высушкѣ въ стѣги или скирды; вывести зимою; мять ленъ; спрясть его и овечью шерсть; приготовить въ прокъ капусту; однимъ словомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно много рукъ и времени. (Смотри *Капустка*, *Супратка*, *Закрѣбѣтникъ*, *Отливушки*.)

Помочанинъ, *ка*, приглашенный, *ая* на помочь.

Понитокъ, ткань, у которой основа изъ шерстяной, а утокъ изъ льняной пряжи.

Понѣсъ понести, или понестись, забеременѣть.

Попрятчилось, понездоровилось съ глазу, съ уроковъ; случилось что нежданное.

Поручить, посчастливить. *Поручи мнѣ*, то есть принеси счастье въ чемъ-нибудь, въ игрѣ, въ работѣ.

Поручья, запястья, браслеты.

Поскѣтина, околица, ограда, сдѣланная около деревни. *Поскѣтина* дѣлается для того, чтобы пасущійся въ ней скотъ не могъ заходить на пашни и сѣнокося, которые бываютъ всегда вдали отъ деревень, иногда верстъ до двадцати. Въ ней устраиваются двое *заворъ*, при въѣздѣ и выѣздѣ; при

каждыхъ находится яма для *курева*. Хозяйственные угодья въ Южной Сибири расположены совершенно наоборотъ противъ великороссійскихъ губерній. Дома въ деревняхъ сибирскихъ не тянутся въ одну линію; каждый изъ нихъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ, огражденный изгородю, въ которой находятся однѣ или двое *заборъ*. Въ оградѣ противъ избы *амбаръ*, *погребъ* (ледникъ); за ними баня, огородъ для овощей; назади избы дворъ, покрытый *повѣтью*, притонъ для скота, хлѣвъ для овецъ и курятникъ. Оттого есть тамъ деревни, растянутыя версты на двѣ и болѣе, и такое расположеніе ихъ весьма полезно и выгодно во многихъ отношеніяхъ, особенно въ случаѣ пожара, который ограничивается болѣею частію истребленіемъ только того дома, гдѣ начнется. Пашни, какъ сказали мы выше, находятся вдали отъ деревень.

Постать, мѣсто, гдѣ жнуть хлѣбъ, косить траву. *Сърпъ остался на постать*.
Постельница, женщина, которая отвозитъ къ жениху приданое невесты и приготавливаетъ постелью.

Потникъ, войлокъ, подкладываемый подъ сѣдло, на спину лошади.

Потѣя, ремень у задней луки сѣдла, подкладываемый подъ рѣпицу хвоста лошади, чтобы оно при спускѣ подъ гору не скатывалось впередъ. Въ переносномъ смыслѣ *сбиться съ потѣй*, значить сбиться съ толку.

Потагъ, веревка у оброти, узды, за которую привязываютъ лошадей къ столбу, яслямъ.

Похимостить, испортить, сглазить, изурочить. *На свадьбѣ кто-то ее похимостилъ*.

Приворотникъ, приворотникъ, сторожъ у воротъ.

Пригонъ, открытый дворъ, въ которомъ собираютъ скотъ предъ выгономъ на паству и послѣ (смотри *Загонъ*).

Призоръ, порча, сглаженье, уроки (см. *Лосновѣ*).

Приколъ, длинная веревка, арканъ, одинъ конецъ котораго привязывается къ уздѣ, а другой къ короткому крѣпкому колу, вбиваемому въ землю, чтобы выпускаемая на паству лошадь не могла убѣжать (*лошадь на приколѣ*).

Пришелѣндывать, болтать, рассказывать, съ какимъ-либо особеннымъ манеромъ; лисить.

Приколѣживать, шепелять нарочно языкомъ.

Приспѣшникъ, служитель, лакей.

Приступокъ, ступенька у печи, которой одинъ конецъ держится на *сталикѣ*, а другой укрѣпляется въ стѣнѣ избы,

Пристѣвъ, игра въ мячъ, въ которой, кидая его въ стѣну, ловятъ по очереди руками, при отскакиваніи.

Присушка, привораживаніе.

Притка, урокъ, порча, сглаженье (смотри *Призоръ*); болѣзнь отъ неизвѣстной причины. *Банная притка*.

Прихвостень, безотвязный, постоянно за кѣмъ-нибудь слѣдующій.

- Причитатьъ**, плагать подъ напѣвъ приличныхъ какому-либо случаю словъ.
- Пробѣль**, проточная вода. *Какъ бѣлая щука рыба не можетъ жить безъ пробѣжи, такъ бы красная-дѣвица (нямярѣкъ) не могла ни жить ни быть безъ такого-то (изъ заклинанія знахаря).*
- Простень**, веретено съ пряжею.
- Простины**, прощанье. *Были на простинахъ.*
- Простоволоска**, женщина, не покрывающая головы ни платкомъ, ни кокошникомъ, что почитается за великій грѣхъ у раскольниковъ. *Въ послѣднія времена будутъ женщины простоволоски, а дѣвки самокружки (изъ бесѣды раскольника о близкой кончинѣ міра).*
- Протѣка**, рукавъ рѣки.
- Прочикнуться**, показаться на верхъ, выступить изъ какой-либо среды на поверхность. *У него усь прочикнулся.*
- Прясло**, зѣвно заплота. *Перескочить черезъ прясло.*
- Пудовикъ**, пудѣвка, мѣра, вмѣщающая въ себя пудъ муки, гороху или другого хлѣба; четверикъ.
- Пуртъ**, плетеный изъ прутьевъ или веревокъ съ дранками кузовъ телеги.
- Пятѣ**, пятка, нижняя часть двери въ притворѣ, опирающаяся на порогъ стержнемъ. *Отворить двери напята (настежь).*

Р.

- Разботѣть**, растолстѣть, разбухнуть. *Дверь разботѣла.*
- Раздѣль**, холмъ на степи, или между двумя долинами, раздѣляющій ручьи, текущіе въ какую-либо рѣчку.
- Раздѣлка**, палочка, продѣваемая между ногъ свиной туши, когда ее опаливаютъ на огнѣ.
- Разстѣни**, мѣсто, гдѣ раздѣляется дорога на двое, при выѣздѣ за городъ, за околицу; гдѣ отѣзжающіе прощаются съ родными, расстаются.
- Разшапѣря**, растопыривающій ноги и руки.
- Разшапѣряться**, растопырить ноги и руки.
- Рѣбить**, работать.
- Рѣгульки**, водяные орѣхи.
- Рѣта**, клятва, обѣщаніе. *Богу роту далъ.*
- Рѣкобитье**, помолвка, сговоръ.
- Рѣбалка**, мѣсто, гдѣ ловятъ рыбу. *Увѣхатъ на рѣбалку.*
- Рѣкоставъ**, время замерзанія рѣкъ.
- Рѣчунка**, рѣченька.
- Рѣчунка**, рѣчка.
- Рѣдникъ**, судящій о чемъ либо.
- Рѣдить**, судить, учреждать порядокъ.
- Рѣсный**, покрытый, усыянный ягодами. *Мы много нашли рѣсныхъ смородины.*

- УЧИТЬ**, посчастливить, имѣть успѣхъ. *Ему все ручить*, то есть все приносить счастье, успѣхъ (смотри **Поручить**).
- УШНИКЪ**, полотенцо, *утиральникъ* (смотри это слово).

С.

- Сайва**, житница построенная на столбахъ.
- Сакать**, доставать изъ невода рыбу *сакомъ*. Въ переносномъ смыслѣ значить получить что, прибрать къ рукамъ, приобрести. *Онъ много сакнулъ денегъ*.
- Сало**, моха, назъачаемая при игрѣ въ мячъ.
- Сальникъ**, булка, печеная съ рубленнымъ жиромъ.
- Самокрутка**, дѣвушка, убирающая волосы въ двѣ косы, то есть, сама себя *окручающая*. Это считается также великимъ грѣхомъ у раскольниковъ, какъ и ходить женщинѣ *простоволѣской* (см. **Простоволѣска**).
- Сбитень**, двѣ или три бѣбки, на одномъ гвоздѣ насаженные, для игры въ бѣбки.
- Свѣшить**, сватать.
- Свинѣрикъ**, свиной хлѣвъ.
- Свистѣлка**, свистокъ.
- Свѣдѣать**, потрошить быка, или корову.
- Свѣжнѣ**, говѣдина.
- Силлимена**, соломина.
- Сямы**, пружины, приводящія въ движеніе куклу, статую. *Онъ словно на сямѣ*, — говорится о человѣкѣ, который, разговаривая, размахиваетъ руками или коверкается.
- Скалка**, маленькій ящикъ, въ которомъ укрѣплено горизонтальное веретено или валикъ съ маховымъ колесомъ на толстомъ концѣ. На острый конецъ веретена, выходящій дюймовъ на шесть за подставку, надѣвается *цѣпка* для навиванія на нее съ *тюрика* или *воробъ* пряжи (смотри **Цѣпка**, **Тюрикъ**, **Воробъ**).
- Складень**, складной ножикъ.
- Складня**, мѣдный образъ, складывающійся изъ двухъ или болѣе половинокъ.
- Скопосной**, скоро, вдругъ, какъ-бы съ испугу бросающійся. *Лошадь скопосная*.
- Скоропѣйка**, **Скоропѣя**, злая, ехидная женщина.
- Скорблѣй**, черствый. *Скорблѣй хлѣвъ*.
- Смотрѣнье**, день, въ который смотрять невѣсту.
- Сновѣлка**, станокъ, для приготовленія основы для какой-либо ткани.
- Собина**, домашній скотъ, собственность. *У него много собины*.
- Сбѣга**, долина въ бору.
- Солоныца**, солонка.
- Солоныкъ**, пирогъ, сгибень съ солью.
- Сбѣка**, гора, отдѣльно стоящая.

Соромъ, страмъ.

Сосунецъ, Сесунѣкъ, теленокъ, неотлученный отъ матери.

Сибово, составное (смотри **Лосновѣ**).

Сибриникъ, поединщикъ, сопротивникъ.

Сродный, двоюродный.

Станикъ, столбикъ подгъ печи, поддерживающій палатный брусъ и *градку* (см. это слово).

Стано, прямо, вертикально.

Становѣ, прямое, вертикальное (смотри **Лосновѣ**).

Станица, оставленное рѣкою русло.

Становище, становье, мѣсто, гдѣ останавливаются пробѣжающіе въ погѣ, для отдыху лошадамъ и ночлега, *курень*.

Станѣкъ, станція.

Станъ, балаганъ, землянка на *становьѣ*, сѣнокосъ, пашнѣ.

Становщикъ, живущій на *стану* сторожъ; также пристанодержатель.

Стѣльничъ, правитель. Употребляется только въ сказкахъ.

Столовать, пировать, сидѣть за столомъ.

Столованіе, пиръ.

Стрѣнжить, спутать три ноги у лошади, чтобы она не уходила съ паствы.

Стругъ, Стружокъ, судно. *Построила матутка на Волгѣ стружокъ* (старинная пѣсня).

Стрѣль, быстрое мѣсто въ рѣкѣ. *Плыть по стрѣжѣ*.

Ступа, тихій шаръ лошади.

Стѣнь, тѣнь отъ человѣка. *Онъ какъ стѣнь ходитъ за мной*.

Судачить, сплетничать.

Судомойка, мочалка, которою моютъ посуду.

Судой, мутной квасъ.

Сумы перешѣтные, два кожаные мѣшка на широкомъ ремнѣ, перекидываемые черезъ сѣдло верховой лошади. Въ нихъ возятъ дорожные припасы.

Суметь, снѣговой сугробъ.

Супѣнь, ремень, которымъ стягиваются вѣщи у хомута запрягаемой лошади.

Супрятка, помочь, дѣлаемая на жещинѣ и дѣвушекъ для приготовления пряжи изъ льна и шерсти (смотри **Помочь**).

Супрятица, приглашенная на *супрятку* помочанка.

Сурасъ, незаконнорожденный.

Суслѣтъ, куча сноповъ, поставленныхъ на жнивѣ для просушки.

Сусѣдко, домовой.

Сусѣкъ, закрома, гдѣ хранится жито или другой зерновой хлѣбъ.

Сутуновъ, толстое бревно.

Схѣдня, колъ, палка, которая кладется отъ хлѣбной клады на *тынокъ* (смотри это слово).

Счастки, счастье. *На твои счастки*.

Объ носка бороться, борьба, въ которой два поединщика берутъ друга друга правыми руками за воротъ одежды, а носкомъ лѣвой ноги стараются сбить на землю одинъ другаго, что должно сдѣлать сразу три раза, въ противномъ случаѣ борьба считается неоконченною. На побореншаго выходятъ другіе.

Обынять, поймать. Сымать лошадей пошелъ.

Объ(я)льница, большое овальное корыто, надъ которымъ сѣютъ муку.

Т.

Таврать, кѣймить лошадь каленнымъ желѣзомъ, изображающимъ начальныя буквы имени хозяина, или какой-нибудь другой знакъ.

Тавро, кѣймо, которое обыкновенно кладется на заднюю *холку* (смотри **Холка**).

Тайга, густой лѣсъ на горахъ. Кажется, это слово татарское, состоящее изъ *тау* — гора и *гай* роца, лѣсъ: Слово: *гай* встрѣчается и въ мадорос сѣйскомъ нарѣчіи: *ой, пидъ гаемъ, пидъ зелененькимъ*.

Такать, поддакивать, соглашаться во всемъ.

Таковизникъ, поддакивающий другому.

Тальникъ, верба, отъ татарскаго слова, *талъ*, лѣсъ лиственный; *кара-талъ*, черный лѣсъ.

Ташка, тамъ. *Тамокі ягодъ много*.

Тарнобойка, разбитная, бойкая женщина, говорунья.

Тетива, веревка у невода, къ которой привязывается сѣтъ; также струна, ремешъ у лука, на которую накладывается стрѣла.

Титькать, звѣнѣть, звонить въ колоколъ. *Пора вставать; въ колоколець титькали*.

Толкунка, человекъ не сидящій на мѣстѣ.

Толкованный, толковитый, смышленный.

Толкованные, смышленые.

Толмачъ, переводчикъ.

Толмачать, переводить.

Токъ, мѣсто гдѣ молотятъ хлѣбъ, и гдѣ собираются птицы весною во время пониманья.

Токовать, собирать птицъ на *токъ*.

Токовщикъ, одинъ изъ самцовъ птицъ, который собираетъ ихъ на *токъ* весною. Когда ловятъ въ это время тетеревовъ шѣвницами, то если попадется въ силокъ *токовщикъ*, его тотчасъ выпускаютъ; въ противномъ случаѣ стадо разлетается. По замѣчанію охотниковъ, токовщики бываютъ у тетеревовъ, рябчиковъ, глухарей, куропатокъ и журавлей.

Травянка, маленькая щука.

Транезникъ, церковный сторожъ.

Треснутъся, отрещись, опереться отъ чего либо. *Онъ трѣкнулся, жоть и видѣлъ*.

- Тредогъ**, ременное или веревочное *путо*, которымъ спутываются двѣ переднія и одна задняя нога у лошади, чтобы она не уходила съ паствы далеко.
- Тренало**, деревянная узенькая лопатка, которою выколачиваютъ *кострику* изъ горсти льна.
- Третьякъ**, трехъ-лѣтній жеребенокъ.
- Трунца**, тихая рысь лошади.
- Трясна**, болото, зыбунъ.
- Трясучка**, лихорадка (смотри **Трясья**).
- Трясучій**, человекъ суетливый, хлопотунъ.
- Трясья**, лихорадка.
- Туга**, тоска.
- Тунцо**, даромъ.
- Тунеть**, отдается по землѣ звукъ отъ бѣгущаго вдали стада. *Земля тунеть* (въ Словѣ о Полку Игоревѣ).
- Тутюка**, тутъ. *Тутюка лописъ трава хорошо родилась*.
- Туясъ**, **Туясокъ**, буракъ изъ бересты. Въ Сибири дѣлаютъ *туяса*, вмѣщающіе до полутора ведръ воды.
- Тынина**, колъ.
- Тынь**, заборъ, ограда изъ тынинъ. *А вокругъ двора желѣзный тынь; на тынинкѣ по макюкѣ* (древнія Русскія Стихотворенія Кириши Данилова).
- Тынокъ**, круглая изъ кольевъ загородка, въ діаметрѣ до трехъ четвертей аршина, вышиною до двухъ аршинъ, на верху съ соломенною крышкою, обрѣзающеюся свободно на оси. Въ тынокъ ловятъ тетеревовъ, поставя его подъ хлѣбной *кладу*. деревья или сѣннаго стога, а надъ крышкою вѣшиваютъ для приманки пучокъ рябины или калины. Птица перебравшись на тынокъ по *сходнѣ*, и стараясь достать ягоды, должна непременно ступить на крышку, а вставъ на нее проваливается внизъ. Крышка же, отъ привѣшенной внизу тяжести, опять принимаетъ горизонтальное положеніе (Смотри **Сходня**).
- Тычка**, игра въ свайку.
- Тяга**, сырой березовый колъ, пруть, прикрѣпляемый подѣ *чекы* къ задней телѣжной оси и верхнему углу короба, въ которомъ возятъ уголь, для того, чтобы коробъ не могъ опрокинуться.
- Тюрикъ**, пустой деревянный цилиндръ, на который сматываютъ съ *верви* пряжу.

У.

- Уваль**, холмистое возвышеніе.
- Углавъ**, нелюдимъ, необщительный, любящій сидѣть *въ углу*.
- Удьянце**, пруть, въ которому привязывается *лѣса* съ крючкомъ.
- Удьяльщикъ**, который ловитъ рыбу удою.

Узорочья, Изурочья, украшенія на чемъ либо, драгоценности.

Уразъ, моментъ какого-нибудь дѣйствія. *Со того уразу молодецкаго (Василій Буслеевичъ въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова).*

Урось, капризь. *На него урось пришелъ.*

Уросить, капризничать.

Уросливый, капризный. Въ три слова эти, употребляются бѣльшею частію въ отношеніи къ дѣтямъ.

Ускбкъ, скачекъ лошадиный.

Усбница, вражда, ссора.

Усбникъ, враждующій, ссорящійся.

Усталъ, усталость.

Утигъ, боль въ поясницѣ.

Утиральникъ, полотенцо, рушникъ.

Утѣръ, вырѣзка въ клѣпкахъ ушата, бочки, задочки, въ которую вставляется дно.

Ушкакъ, заяць.

Х.

Хайлатъ, горланить, кричать, шумѣть.

Хайло, горло, пасть.

Халуи, лакей, слуга.

Хамовщина, лакейщина.

Хаятъ, поносить, бранить, корить, злословить.

Хахаль, обманщикъ, надувало, фертикъ. *Этой хахаль!*

Хворосты, вареное въ маслѣ на сырной недѣлѣ пирожное.

Хлипкій, слабый, чувствительный къ чему-нибудь. *Ноги хлипки къ морозу.*

Хлопуша, враль, лгунъ.

Хлопать, врать, лгать.

Хлѣбница, плетеная изъ прутьевъ или короньевъ корзина, въ которой держатъ хлѣбы.

Хода, скорый, плавный шагъ лошади. *Лошадь съ ходой. Пошла съ ходы.*

Холка, ляшка, верхняя часть задней ноги у лошади и вообще у всякаго животного.

Холодникъ, открытый дворъ въ полѣ, на высококомъ мѣстѣ съ *повѣтью*, для защиты домашнихъ животныхъ отъ жару.

Холодянка, лягушка.

Хомутина, озеро, русло рѣки, въ видѣ подковы.

Хоть, хочъ, желаніе.

Храпять, храпеть.

Хранки, ноздри.

Ц.

Цавка, трубочка, въ діаметрѣ до $\frac{1}{2}$ дюйма, длиною до 4-вершковъ, на которую навиваютъ пряжу для *утки* на *скалкѣ*, а потомъ укрѣпляютъ въ чепокъ при тканьи холста, сукна и прочаго.

Цѣло, (чело), мѣсто надъ топливомъ печи.

Ч.

Чагать, ловить рыбу, загородивъ для этого русло рѣки двумя неводами. Чагѣютъ такимъ образомъ язей на рѣкѣ Агсѣ, текущей съ лѣвой стороны въ Обь. Эта ловля или, лучше сказать, охота, производится слѣдующимъ образомъ: Выбравъ ровное чистое русло, растягиваютъ поперегъ его неводъ, приподнявъ кольями верхнюю тетиву на полъаршина надъ водою. Послѣ этого, версты за полторы ниже, спускаютъ двѣ или три лодки и поднимаются на веслахъ вверхъ, съ пѣснями, крикомъ, производя, чѣмъ только можно, шумъ; часть охотниковъ идетъ берегомъ, кидая палки и камни въ воду. Приблизясь къ первому неводу, сажень за пятьдесятъ ниже его, растягиваютъ, сколь можно проворнѣе, другой, также приподнявъ его кольями надъ водою; отъ чего язи, если *ручи* ихъ не было чѣмъ нибудь испугано съ берегу, попадаютъ между двухъ перегородокъ изъ неводовъ. Захвативъ ихъ, или какъ говорится *зачагивѣвъ*, начинаютъ кидать топя третьимъ неводомъ. Каждый изъ нихъ бываетъ сажень до двадцати-пяти. Язи, стараясь избѣжать этого пѣна, прыгаютъ черезъ невода, которыми перегороджено русло рѣки, отъ чего и нужно поднимать ихъ надъ водою. Слово *чагать*, какъ видно изъ этого описанія, значить *пѣвнать*, *заговѣтнать*, *поймать*, а потому и корень его: *чага*, упоминаемая въ Словѣ о Полку Игоревѣ, значить пѣвница. *А же бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ*.

Чарки, черевки, обувь.

Часовать, жить послѣдніе часы передъ смертью.

Чихлядь, дымъ, тяжелый, удушливый запахъ отъ чего нибудь горящаго.

Чашникъ, раскольникъ, старовѣръ, объдающій изъ своей чашки.

Чашничать, вѣсть изъ своей чашки.

Чеботарь, сапожникъ.

Чебичъ, вопросъ, съ которымъ обращаются къ чловѣку незнакому желая узнать о прозваніи: *Чебичъ? Ивановъ*.

Чешѣръ, головная боль, мигрень.

Чепаться, качаться. *Идетъ да чепается*.

Чередить, готовить лошадь къ скачкѣ.

Чернь, густой непроходимый лѣсъ; въ Восточной Сибири — *тайга*.

Четвертина, мѣдная посуда, вмѣщающая четверть ведра вина.

Четырки, четвереньки.

Чинягалище, кивкаль.

Чинутать, сплетничать, поселать есору, вражду.

Чоботъ, сапогъ.

Чолка, волосы на лбу лошади между ушей. По этому *чръсна*, *чолка* въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ выраженіи: *чръскъ стягъ, бѣла хортевь, чръсне чолка, сребрено стружіе, храброму Святъславичу*. значить *бунчукъ* или конскіе красные волосы на верхней части древка у знамя.

Чуваль, наружная часть трубы надъ цѣломъ печи.

Чубарый, пестрый.

Чудаки, **Чудъ**, такъ называютъ Русскіе первобытныхъ жителей Сибири, оставившихъ послѣ себя одни только могильные курганы—*бугры*, съ грубыми названіями на нѣкоторыхъ, изображающими подобіе людей, и находящимися въ буграхъ золотыми, серебряными и мѣдными вещами, также костями людей и животныхъ. Происхожденіе кургановъ Русскіе объясняютъ такъ: *Чудаки* были народъ сильный и богатый, имѣли множество стадъ и жили въ изобиліи. Передъ завоеваніемъ Ермакомъ Сибири стала вдругъ въ разныхъ мѣстахъ тамошняго края произрастать береза. *Чудаки*, удивляясь невиданному дотолѣ дереву, спрашивали своихъ шамановъ, что бы это значило? Шаманы имъ объяснили, что появленіе бѣлаго дерева предзнаменуетъ воиновъ Бѣлаго Царя, которые покорятъ все сибирскіе народы. *Чудаки*, испуганные пророчествомъ, заживо погребли себя со всемъ своимъ имуществомъ, отчего въ буграхъ и находятся разныя драгоценныя вещи и кости. По этой причинѣ Русскіе и назвали ихъ *Чудаками*, *Чудью*, то есть, *смытыми*, *глупыми*.

Чурать, произнести слово **Чуръ**, останавливающее дѣйствіе нечистой силы, коловодства и обаянія.

Чурка, короткій обрубокъ дерева.

Чунка, свинья.

III.

Шадровитый, рябой.

Шамшұра, теплая зимняя шапка, надѣваемая старушками; также *кокошникъ*, *п. войникъ*.

Шавъга, ватрушка.

Шатұвъ, бродяга, безъ дѣла шатающийся; также нечистый духъ, то есть, гѣшій, чортъ.

Шапёриться, топырять ноги и руки, кривляться, ломаться.

Шапёря, неуклюжій, недокжій. (Смотри *разшперя*, *разшпериться*).

Шерстобитъ, человекъ, который осенью ходить по домамъ со своимъ снарядамъ для битья шерсти.

Шилохвѣстка, не сидящая на мѣстѣ или дома женщина.

Ширинка, вышитое узорами полотенно, холстъ для платка.

Шипъ, шипѣнье.

Ширкунчикъ, пустой мѣдный шарикъ съ дробью, привязываемый къ сбруѣ лошади, вмѣсто колокольчика.

Ширкать, нюхать табакъ.

Ширчокъ, щепотка нюхательнаго табаку.

Шорфы, жерди, поставленныя въ видѣ конуса, на которыхъ раскладывается въ полѣ горохъ для просушки.

Шуга, ледъ, несомый по рѣкѣ весною или осенью.

Шушунъ, шугай или коета.

Шустрый, понятливый, смѣтливый, рѣзвый. *Шустрый мальчишъ*, понятливый; *шустрая лошадь*, рѣзвая.

Щ.

Щепеткой, щеголь, модникъ.

Щепетко, щеголевато, модно.

Я.

Ягать, кричать, шумѣть.

Ягодицы, щеки.

Язѣвка, крючекъ, на который ловятъ язей удою.

Ялая, молодая корова, *нѣтель*.

Яловець, гребень изъ конскихъ волосъ на шлемѣ.

Ялъ, верхняя часть шеи у лошади, гдѣ растеть грива

Яръ, обрывистый берегъ у рѣки, озера.

Ярка, молодая овечка.

Ятно, явственно. *Ятно написано*.

Ятныи, явственный.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ ДРЕВНЕМЪ и НОВОМЪ МІРѢ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Мы безпрестанно говоримъ о литературѣ древней и новой, христіанской и языческой, но весьма мало знаемъ условія, при которыхъ развивалась та и другая. Между-тѣмъ христіанство, религія внутренняго міра, сдѣлавшись духовною пищею челоуѣка, обратилась, такъ сказать, въ кровь его и разлилась по всѣмъ вѣтвямъ его жизни, такъ что уже ни какое явленіе въ его нравственномъ быту не могло выйти изъ идей христіанскихъ: и наука и поэзія, и музыка и живопись, и литература, все стало подъ скипетромъ этихъ идей, или, лучше сказать, слилось съ ними.

Цѣль этого труда—показать вліяніе христіанскихъ идей на искусство, въ особенности на поэзію, и существенное различіе между древнимъ и новымъ міромъ въ этомъ отношеніи. Это не будетъ ни богословская ни философическая диссертація, но просто литературно-критическое разсужденіе. Я думаю достигнуть цѣли разборомъ извѣстнаго сочиненія, далеко уже не новаго, но которое недавняя смерть знаменитаго автора возобновила вдругъ въ памя-

ти всей Европы, разборъ Шатобриановой книги «Духъ христіанства», разумѣется, только тѣхъ частей, которыя касаются искусства и литературы.

Шатобрианъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ эпопеемъ, какъ того рода поэзіи, гдѣ болѣе всего господствовала мнѳологія. Здѣсь онъ опровергаетъ Аристотеля, который ставилъ драму на первое мѣсто: «Аристотель, говоритъ онъ, представлялъ, что эпическая поэма вся заключается въ трагедіи, но кажется можно думать напротивъ, что драма вся заключается въ эпопее. Прощаніе Гектора съ Андромахой, Пріамъ въ палаткѣ Ахилла, Дидона въ Карфагенѣ, Эней у Эвандра, Танкредъ и Эрминія у Тасса, Адамъ и Ева въ эпопее Мильтона, суть истинныя трагедіи, гдѣ недостаетъ только раздѣленія на сцены и именъ говорящихъ. Кромѣ того самая трагедія не получила ли своего начала отъ Илиады; чудеса, описанія, эпизоды не составляютъ драматической пружины; всякій родъ звука, даже звукъ комическій, всякая поэтическая гармонія, отъ лиры до трубы, можетъ раздаваться въ эпопее. Эпопея заключаетъ въ себѣ части, которыхъ лишена драма; она требуетъ болѣе общаго таланта, она должна быть гораздо полнѣе трагедіи.... и въ самомъ дѣлѣ, что труднѣе сдѣлать: пять актовъ Эдипа-царя или создать двадцать четыре пѣсни Илиады? Иное дѣло представить трудъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иное дѣло возвести памятникъ, требующій трудовъ цѣлой жизни. Конечно Софокль и Эврипидъ были превосходные геніи, но получили ли они отъ вѣковъ то удивленіе, то величіе славы, какими по справедливости пользуются Гомеръ и Виргилій! Наконецъ если драма есть первый родъ произведеній, а эпопея только второй, то отчего же отъ Грековъ и до насъ можно насчитать не болѣе пяти или шести эпическихъ поэмъ, между тѣмъ какъ нѣтъ народа, который бы не хвалился что онъ имѣетъ множество прекрасныхъ трагедій.»

Кажется, что Шатобрианъ напрасно увлекся своими доказательствами; споръ о преимуществѣ того или другаго искусства, того или другаго роду — споръ совершенно бесполезный: всѣ искусства и всѣ роды ихъ, совершенно равны, все зависитъ отъ таланта, который трудится надъ ними. Кисть Рафаэля, музыка Бетховена или Моцарта, прекрасное лирическое произведеніе, высокая трагедія, громадная эпопея дѣйствуютъ на насъ одинаково благотвѣтельно и увлекательно; и кто скажетъ что, такое-то впечатлѣніе было лучше другаго? Всѣ доказательства Ша-

тобріана можно ограничить вопросом : отчего же эпопея, — я разумно истинную эпопею, — является только у народа, начинающего созывать свое образование, отчего она не является, — по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не видимъ, — у народа, уже достаточно образованнаго? Оттого, что въ эпопеѣ господствуетъ чудесное, которому безотчетно предается мѣщенствующій умъ, между тѣмъ какъ умъ образованный, вѣра ему, старается очистить его отъ побочных прикрасть.

Въ древней эпопеѣ, главное мѣсто занимала мифологія, дѣйствія боговъ въ ряду съ дѣйствіями людей. Въ какомъ же отношеніи находились между собою тѣ и другія дѣйствія? Шатобріанъ объ этомъ умалчиваетъ, между тѣмъ какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ для сравненія эпопей древней и новой. Онъ только замѣчаетъ, что люди и ихъ страсти должны занимать первое мѣсто въ эпопеѣ, что одно чудесное не можетъ составлять ея сюжета; и если бы Гомеръ и Виргилій основывали свои сцены на Олимпѣ, то, несмотря на ихъ геній, сомнительно, чтобы они могли до самаго конца поддержать интересъ драматическій. Мы же скажемъ, что въ Иліадѣ Гомера, главный сюжетъ составляетъ именно чудесное; здѣсь главные герои — Ахиллъ, Агамемнонъ, Гекторъ, но героиня — судьба; всѣ дѣйствія людей совершаются подъ ея вліяніемъ; оттого мы не встрѣчаемъ личности, въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни въ одной человеческой душѣ; здѣсь нѣтъ свободной воли, а все управляется законами судьбы. Подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, эпопея должна была получить другой видъ. Первымъ образцомъ ея является «Божественная Комедія» Данте; но Шатобріанъ болѣе останавливается на эпопеяхъ Тасса и Мильтона, а о Данте не говоритъ почти ничего опредѣленнаго, упрекая его въ томъ что чудесное составляетъ сюжетъ его сочиненія, а не двигателя, или не машину, какъ онъ выражается. Намъ такъ кажется совершенно напротивъ, что въ поэмѣ Данте главный предметъ — человекъ въ различныхъ, многообъемлющихъ проявленіяхъ своей жизни подъ вліяніемъ тѣхъ несокрушимыхъ законовъ истинной религіи, которые окружаютъ человека и направляютъ его къ добру. Въ древней эпопеѣ жизнь ограничивалась только настоящимъ, земнымъ, будущее небесное для нея не существовало, или если существовало, то было покрыто непроницаемой завѣсой. У Данте же напротивъ, это-то будущее, это-то загробное и составляетъ чудесное эпопей. Вѣра, надежда, любовь, и добрыя дѣла; свобод-

ная воля, вмѣсто неутомимой судьбы; добро и зло происходят отъ воли человѣка; въ помощь уму дается божественная благодать, которая открываетъ новый источникъ свѣту. Вотъ христіанская жизнь. На ней-то Данте основалъ свою поэму. Правда, съ перваго взгляду покажется, что главный предметъ ея есть именно чудесное, но вникнемъ въ самый ходъ поэмы, отстранимъ по возможности все чудесное, поэма не разрушится, передъ нами останется человѣкъ со всѣми своими стремленіями, со всѣми своими страстями, но такъ сказать слитый со своей божественной религіей, потому что безъ этого нѣтъ возможности представить ни одного человѣка - христіанина. Какой же высшій смыслъ поэмы Данте? Сама собою она распадается на три части; въ первой: человѣкъ съ помощью своего ума и съ надеждой на благодать, вращаясь только между всѣми земными благами и наслажденіями, наконецъ сознаетъ недостаточность, ничтожность тѣхъ благъ, которыя искупаются страданіями. Таковъ смыслъ первой части, смыслъ «Ада», представленнаго поэтомъ. Человѣкъ можетъ избавиться отъ вѣчныхъ страданій только покаяніемъ, и облегчить себя отъ временныхъ страданій надеждой, что его ожидаетъ лучшая, нетлѣнная жизнь; онъ можетъ очиститься отъ всѣхъ земныхъ несовершенствъ и пороковъ, чтобы достигнуть своего высшаго назначенія: это составляетъ вторую часть эпоса Данте, «Чистилище». Здѣсь человѣкъ является въ полной своей духовной жизни; съ трудными страданіями и съ чистой надеждой; вращаясь на землѣ, въ то же время онъ возносится духомъ къ небу; занятый грустными воспоминаніями, раскаяніемъ, онъ стремится и въ отрадное будущее. Третью часть составляетъ «Рай»; здѣсь человѣкъ отдѣляется духомъ отъ всего земнаго, чистый и непорочный, какъ при самомъ сотвореніи своемъ; онъ весь углубляется въ идею того, кто далъ ему свое подобіе, и только въ ней, въ этой величайшей истинѣ, находятъ все свое счастье и блаженство. И такъ во всѣхъ трехъ частяхъ видѣнъ человѣкъ, слитый съ религіей; высшее таинственное-чудесное заключается въ самомъ дѣйствіи религіи, къ которой прибѣгаетъ человѣкъ, и изъ подъ вліянія которой онъ не имѣетъ силы освободиться даже своимъ отреченіемъ. Но при всемъ этомъ свободная воля человѣка не прикосновенна. Жестокое *Fatum* совершенно устранено изъ круга искусства.

Но явное-чудесное въ эпосѣ Данте, это самый Адъ и Рай, ко-

торыя существенно отличаются отъ Тартара и Елисейскихъ Полей древняго міра, далѣе добрыя и злыя духи, отношеніе живыхъ къ умершимъ. О всемъ этомъ Шатобрианъ говоритъ особо въ четвертой книгѣ этого отдѣла, разбирая отношеніе поэзій къ сверхъестественнымъ существамъ. Мы же замѣтимъ, что все это необыкновенно поразительно въ поэмѣ Данте. Новое искусство, отбросивъ мнѳологическія имена, въ замѣнъ ихъ дало поэзій богатѣйшій источникъ красоты въ нетлѣнныхъ духахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую поэзію умѣлъ извлечь Данте изъ существа ангеловъ! какіе страшные и всесокрушающіе порывы нашелъ онъ въ стремленіяхъ злаго духа! Этотъ новый источникъ поэзій далъ ей и новыя оттѣнки. Вотъ на примѣръ одно описаніе Данте: «Меня схватилъ ангелъ Господень, а демонъ Ада кричалъ ему: зачѣмъ ты лишаешь меня моей добычи? ты уносишь эту душу за одну слезинку, которая уничтожаетъ всѣ права мои, но я поспорю иначе за свою добычу. Адскій духъ спустилъ съ цѣпи Вѣтры, и дулъ свирѣпыми порывами съ той силой, которую даетъ адская природа; онъ покрылъ тучами все пространство между Грато-Маньо и вершиной Апенниновъ, сгустилъ верхній воздухъ, и пары разрѣшились водою: пошелъ дождь, земля болѣе не могла всасывать въ себя воды, образовались потоки; они устремились къ главной рѣкѣ, какъ бываетъ въ ужасныя наводненія, такъ что никакая сила не могла бы остановить ихъ. Аріано принявъ мой охладѣлый трупъ, и повлекъ его въ Арно, раздѣливъ мои руки, которыя я скрестилъ на груди своей въ то время, какъ изнемогалъ въ предсмертной мукѣ». * Какой свирѣпый разгулъ злаго духа за одну душу человѣческую! Или вотъ другое, нѣжное, какъ-бы воздушное описаніе: «Примѣтя пловца, онъ закричалъ мнѣ: «Скорѣй на колѣни, вотъ ангелъ Господень, скрести свои руки, ты встрѣтишь еще много такихъ служителей; въ этомъ мірѣ, удаленномъ отъ всякаго живаго существа, нѣтъ веселья, изобрѣтенныхъ предприимчивостью людей; его паруса — собственныя его крылья: видишь ли, какъ онъ поднимаетъ ихъ къ небу, и волнуетъ воздухъ своими нетлѣнными перьями, которыя не измѣняются подобно волосамъ смертныхъ». Чѣмъ ближе былъ небесный житель, тѣмъ блестяще онъ казался намъ, такъ что мои глаза уже не могли сносить его блеска. Онъ причалилъ къ берегу свою легкую красивую ладью, которая чуть-чуть скользила

* Purgatorium. cant. V.

но водной поверхности. Священный плавец, стоя на краю лодки, выражалъ въ чертахъ своихъ все свое блаженство. Съ нимъ было болѣе ста душъ; все онъ властно шёлъ плавань: Во вѣхъ Израилевъ изъ Египта. По окончаніи вѣстившій ангелъ благословилъ ихъ, и все онъ устремился на берегъ, а онъ отчалилъ назадъ съ обыкновенной быстротою. *

У Данте встрѣчается много подобныхъ описаній, взятыхъ что-то изъ идей христіанскихъ.

Наконецъ, какая живая и увлекательная поэзія въ этомъ отношеніи жителей земли съ жителями неба, живыхъ съ умершими, которыхъ представилъ Данте! Это чудесное занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ его поэмѣ.

Данте можно упрекнуть въ томъ, что онъ принимаетъ многія мифологическія существа, которыя для христіанскихъ читателей потеряли все свое значеніе. Это весьма важный недостатокъ поэмы.

Но обратимся къ Шатобриану. Упомянувъ почти только имя Данте, онъ тотчасъ переходитъ къ Тассу, но у Тасса мы не находимъ и тѣни того, что видимъ у Данте; эпопея его не можетъ даже назваться въ строгомъ смыслѣ эпопеей.

«Въ новомъ мірѣ», говоритъ Шатобрианъ, только два предмета для эпической поэмы; это — крестовые походы и открытіе Нового Свѣта. Крестовые походы произвелъ Освободившій Иерусалимъ; эта поэма — превосходный образецъ для сочиненій. Здѣсь можно научиться смѣшивать предметы, не сливая ихъ: искусство, съ какимъ Тассъ переноситъ васъ изъ ораженія на сцену любви, со сцены любви въ совѣтъ, отъ процессіи въ магическій дворецъ, изъ него въ поле, со штурма въ гротъ пустыяника, отъ тревоги осажденнаго города въ книжку пастуха, это искусство, скажемъ, удивительно. Описаніе характеровъ не менѣе искусно: свирѣпость Аргана противоположно великодушію Танкреда; величіе Солimana — блеску Ренальда, мудрость Годфрида — пронырству Аладина; даже пустыяникъ Петръ, какъ замѣчаетъ Вольтеръ, не оставленъ безъ прекраснаго контраста въ волшебникѣ Исменѣ. Что жъ касается до женщинъ, то Аринда полна кокетства, Эрминія — чувствительности, Клоринда — холодности. Тассъ представилъ бы намъ весь кругъ женскихъ характеровъ, если бы онъ описалъ еще характеръ матери. Мо-

* Purgat. cant. II.

жетъ-быть должно искать причину этого опущенія въ природѣ его таланта, въ которомъ было болѣе очарованія чѣмъ истины, болѣе блеску чѣмъ вѣжности. Но Тассъ почти всегда становится ложнымъ, когда заставляетъ говорить сердце, и если истинныя красоты суть выраженія души, то онъ необходимо долженъ стоять ниже *Виргилия*.

Все это такъ, но гдѣ же здѣсь главное условіе эпоса — чудесное; кажется и самъ Шатобрианъ не находитъ его. «Что было бы, говоритъ онъ, если бы Тассъ осмѣлился употребить могущество святыни христіанской? но въ немъ недостаетъ смѣлости. Эта-то робость заставила его пользоваться крошечными силами магіи, между-тѣмъ какъ онъ могъ бы извлечь безмѣрное отъ Гроба Иисуса Христа, о которомъ онъ говоритъ только мимоходомъ, отъ земли, освященной столькими чудесами!... Прибавимъ еще, что онъ мало воспользовался и магометанствомъ, обряды котораго тѣмъ болѣе любопытны, чѣмъ менѣе извѣстны. Наконецъ онъ могъ бы бросить взглядъ на древнюю Азію, на славный Египетъ, на этотъ великій Вавилонъ, на этотъ гордый Тиръ, на времена Соломона и Исаи. Не должно ли удивляться, что муза его, пробѣгая по землѣ Израиля, забыла арфу Давида?....»

Мы совершенно согласны съ этимъ, и по этому ставимъ «Божественную Комедію» Данте, какъ эпосею, выше и совершеннѣе «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, которая имѣетъ множество достоинствъ, но не имѣетъ того, что могло бы сдѣлать ее образцомъ эпоса христіанской. Гдѣ въ ней то чудесное и имѣетъ поэтическое, которое мы встрѣчаемъ у Данте? Чудеса, основанныя на современномъ суевѣріи и на вѣру въ магію не могутъ назваться христіанскими, ни даже стать на ряду съ ними, а собственно христіанскаго чудеснаго мы находимъ въ ней весьма немного: здѣсь есть энтузіазмъ, даже фанатизмъ, который протекалъ изъ набожности и одушевлялъ крестоносцевъ, но все это не чудесное. Вотъ отчего поэма Тасса въ строгомъ смыслѣ не можетъ назваться эпосею.

Теперь обратимся къ Мильтону. «Потерянный Рай» Шатобрианъ разбираетъ подробно и прекрасно. Воспользуемся собственными его словами: «Потеряному Раю» Мильтона, говоритъ онъ, можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что чудесное есть сюжетъ, а не яружива дѣйствія; но, несмотря на это, въ немъ мы находимъ высшія красоты, которыя существенно истекаютъ изъ нашей религіи.

«Мильтонъ — первый поэтъ, который заключилъ свою поэму несчастіемъ главнаго лица, противъ принятаго правила. Окончить поэму несчастіемъ, намъ кажется болѣе занимательнымъ, болѣе величественнымъ, болѣе сходнымъ съ человѣческимъ, чѣмъ окончить ее счастіемъ.... Колыбель Рима, воспѣтая Виргіліемъ, конечно великій предметъ для Римлянъ; но что сказать о томъ предметѣ поэмы, который рисуетъ намъ катастрофу, гдѣ всѣ мы побѣждены, который представляетъ намъ не основателю того или другаго общества, а отца роду человѣческаго! Мильтонъ не расписываетъ передъ нами ни сраженій, ни погребальныхъ игръ, ни боевыхъ полей, ни осажденныхъ городовъ; онъ представляетъ первую мысль Бога, обнаруженную въ твореніи міра, и первыи мысли человѣка, выходящаго изъ рукъ Создателя. Что можетъ быть величественнѣе и вмѣстѣ трогательнѣе, какъ эти первыи движенія человѣческаго сердца! Адамъ пробуждается къ жизни, открываетъ свои глаза, но самъ не знаетъ, откуда онъ явился. Онъ смотритъ на сводъ небесный, желаніе побуждаетъ его устремиться къ этому своду, и онъ, съ поднятой головой къ небу, вдругъ вскакиваетъ на ноги. Онъ ощупываетъ свои члены, бѣжитъ, останавливается, онъ хочетъ говорить, и онъ говоритъ. Онъ называетъ по имени, сообразно съ природой, все, что видитъ; онъ кричитъ: о ты, солнце, и вы, деревья, лѣса, холмы, долины, животныя!... и всѣ имена, какія онъ даетъ, суть истинныя имена.

Зачѣмъ же Адамъ обращается къ солнцу и деревьямъ? Онъ спрашиваетъ ихъ, знаютъ ли они имя Творца его? Такимъ образомъ первое чувство, испытываемое человѣкомъ есть чувство бытія высшаго Существа. Первую нужду, которую сознаетъ онъ, это нужда въ Богѣ. И какъ Мильтонъ превосходитъ въ этомъ мѣстѣ! Но могъ ли бы онъ вознестись до такихъ мыслей, если бы не былъ христіаниномъ?

Наконецъ Богъ является Адаму: Творецъ и твореніе бесѣдуютъ вмѣстѣ: они говорятъ объ одиночествѣ.... Но вотъ Адамъ засыпаетъ. Богъ извлекаетъ изъ пѣдра нашего прародителя новое твореніе, которое и представляетъ ему по пробужденіи: «Прелесть въ ея поступи, небо въ глазахъ ея, и достоинство и любовь во всѣхъ ея движеніяхъ. Она получаетъ названіе жены, и создана отъ мужа. Человѣкъ оставитъ для нея своего отца и свою мать.» Поэтъ продолжаетъ развивать эти великія картины человѣческой природы. Характеръ жены обрисованъ удивительно

въ роковомъ паденіи. Ева падаетъ черезъ гордость. Она думаетъ, что у ней довольно силы, что она можетъ существовать одна, и не хочетъ, чтобы Адамъ былъ ей сопутникомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она собираетъ цвѣты. Это прекрасное созданіе, въ самой своей слабости увѣренное въ своей непобѣдимости, не знаетъ, что одно слово можетъ поработить ее. Священное Писаніе всегда изображаетъ намъ женщину рабыней своего тщеславія...

Такимъ образомъ объяснена одна изъ чудесныхъ истинъ, скрытыхъ въ Священномъ Писаніи: Богъ, наказывая жену родить дѣтей въ скорбяхъ, далъ ей противъ нихъ и огромную силу; но въ то же время, въ наказаніе за ея грѣхъ, онъ оставилъ ее слабою передъ удовольствіемъ. Мильтонъ называетъ женщину прекрасной ошибкой творенія. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ Земли, которая рождала Смерть, въ то время, какъ Ева подносила къ устамъ своимъ роковой плодъ. Когда она представляетъ его своему супругу, онъ не рветъ волосъ на своей головѣ, не испускаетъ крику, но дрожь поражаетъ его, онъ нѣмѣетъ, съ полуоткрытымъ ртомъ онъ только смотритъ на свою жену. Онъ видитъ глубину преступленія, но съ одной стороны, если преступить заповѣдь, онъ сдѣлается жертвой смерти, съ другой, если останется вѣрнымъ, онъ сбережетъ свое безсмертіе, за то потеряетъ свою сопутницу, отнынѣ осужденную на смерть. Онъ можетъ отвергнуть плодъ, но можетъ ли онъ жить безъ Евы? Борьба не продолжительна: весь міръ принесенъ въ жертву любви. вмѣсто того чтобы обременять жену свою упреками, Адамъ утѣшаетъ ее, и беретъ изъ руки ея роковое яблоко. При совершеніи этого преступленія еще ничего не измѣнялось въ природѣ, только страсти начали свою первую грозу въ сердцахъ несчастной четы. Адамъ и Ева засыпаютъ, но въ нихъ уже нѣтъ той невинности, которая дѣлаетъ сны воздушными. Скоро они проснулись отъ этого мятежнаго сна, но какъ будто бы только освободились отъ суровой бессонницы. Тогда-то представляется имъ собственный грѣхъ ихъ. «Что мы будемъ дѣлать? закричалъ Адамъ: отчего ты въ наготѣ? Закроемся, чтобы насъ не видали въ этомъ состояніи.» Но одежда не закрываетъ совѣсти.

Между-тѣмъ святая печаль поразила ангеловъ, но эта печаль, прибавляетъ поэтъ, вмѣстѣ съ состраданіемъ, нисколько не измѣняла ихъ блаженства.

Богъ посылаетъ своего Сына судить виновнаго. Судья ниско-

дитъ, и зоветъ Адама: «гдѣ ты.» Адамъ прячется. «Господи, говорить онъ, я не смѣю тебѣ показаться, потому-что я нагъ.» «Какъ ты узналъ свою наготу? развѣ ты вкусилъ плодъ познанія?»

Адамъ признается въ своемъ преступленіи; и Господи проноситъ рѣшеніе: «Человѣкъ! ты будешь ѣсть хлѣбъ въ потъ лица твоего, въ трудахъ будешь раздирать нѣдро земли, ты вынешь изъ праха и превратишься въ прахъ. Жена! ты будешь рождать дѣтей въ скорбяхъ.»

Вотъ исторія человѣка въ нѣсколькихъ словахъ. Не знаю, пораженъ ли читатель такъ же, какъ мы, но въ этой картинѣ изъ «Бытія» есть что-то столь необыкновенное, столь великое, что она стоитъ выше всѣхъ объясненій.

Но вотъ за грѣхомъ измѣняется самая природа; перемѣняется воздухъ, холодные пары и густыя облака затемнили небо, молнія поражаетъ деревья; животные бѣгутъ при видѣ человѣка, волкъ начинаетъ преслѣдовать ягненка, коршунъ раздирать голубя. Адамъ сидитъ одинъ среди ночи, видитъ все это, и надеется въ отчаяніе, онъ желаетъ снова войти въ нѣдра земли; но онъ пораженъ сомнѣніемъ — есть ли въ немъ что-нибудь бессмертнаго? можетъ-ли погибнуть это дыханье жизни, полученное отъ Бога? что если смерть! ему не принесетъ ни какой пользы? если онъ осужденъ на вѣчное несчастіе? Возвышеннѣе и нажнѣе красоты не можетъ требовать философія. Не только поэты древніе никогда не основывали отчаянія на подобномъ чувствѣ; но столь великаго мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ писаніяхъ человѣковъ.

Ева слышитъ стоны своего мужа, Ева приходитъ къ нему, Адамъ отталкиваетъ ее, она бросается къ его ногамъ, омываетъ ихъ слезами. Адамъ тронутъ, онъ поднимаетъ ее. Ева предлагаетъ жить въ воздержаніи, или предать себя смерти, чтобы спасти свое потомство. Это отчаяніе женщины поражаетъ нашего прародителя; онъ отвѣчаетъ ей: «Ева, надежда, которую ты основываешь на могилѣ, и твое презрѣніе къ смерти, ясно показываютъ мнѣ, что въ тебѣ есть вѣчто не подчиненное уничтоженію.»

Несчастливая чета обращается съ молитвой къ Богу, и вѣрять себя вѣчному милосердію; они простраются на землѣ, и возносятъ свое сердце и свой умолятельный голосъ къ Тому, Кто прощаетъ. Эти звуки долетаютъ до небесной обители, и Сынъ хо-

доставляютъ за нихъ у Отца. Эти черныя стѣныя сокрушеннаго сердца, прѣлагающія дорогу, по которой скоро должны сдѣловать все стѣныя міра; эти умилныя просьбы, которыя сдѣлываются съ ладонью, передъ Святой-святыхъ; эти слезы, раскаянія, которыя своимъ внушаютъ радость небеснымъ духамъ, эти слезы, представляемыя Предвѣчному Искучителю, рада земнаго, эти слезы, трѣгающія самаго Бога (такое мѣлчество нѣтъ первая молитва челоука среди раскаянія и несчастія!) все эти соединенныя красоты имѣютъ въ себѣ нѣчто столь нравственное, столь торжественное, столь трѣгательное, что они никогда не могутъ сравниться ни съ какими созданіями древняго вымысла.

Всѣвышній складываетъ, и опредѣляетъ спасеніе челоука. Мильтона употребилъ съ большимъ искусствомъ это первое таинство Священнаго Писанія.

Шатобрианъ прекрасно разобралъ содержаніе Потеряннаго Рая, вытекающее прямо изъ христіанства, но опять забылъ показать гнѣбныя черты, которыя отличаютъ истинную эпопею христіанскую. Какъ въ Божественной Комедіи Данте, такъ и здѣсь мы видимъ все ту же свободную волю челоука, а не безжалостную Судьбу. Находясь передъ блаженствомъ и гибелью, челоукъ колеблется, онъ можетъ избрать и то и другое, что хочетъ, онъ выбираетъ послѣднее и ничѣмъ не можетъ удержаться, потому что его влечетъ собственная воля; отсюда и жестокое, страшное угрызеное раскаяніе, потому что раскаиваться можно только въ томъ, что сдѣлала собственная наша воля.

Кто будетъ спорить о высотѣ, о таинственности чудеснаго, которымъ проникнута вся поэма Мильтона! и если Лонгинъ, язычникъ, былъ пораженъ величіемъ словъ «Бытія», можетъ ли христіанинъ не чувствовать огромности такого событія, каково надеженіе челоука!

Грекъ или Римлянинъ, могъ восхищаться чудеснымъ въ Илиадѣ или Энеидѣ, но могъ и не вѣрить ему, какъ въ послѣдствіи и дѣйствительно не вѣрили, а все приписывали поэтической фантазіи, но здѣсь поэтической восторгъ сливается съ чистымъ несокрушимымъ религіознымъ вѣрованіемъ всехъ. Описаніе злыхъ духовъ, бурный полетъ ихъ на зовъ своего вождя, описаніе ангеловъ, превосходно выражены у Мильтона; здѣсь все напоминаетъ истинныя Вѣры и по нашему мнѣнію эта поэма вполне образцовая христіанская эпопея; она не есть осколокъ съ по-

эмъ Гомера или Виргилія, какъ поэма Тасса, но чисто оригинальное произведеніе, вылившееся изъ поэтической души, вполне проникнутой святыею. Прочтите эту зависть дьявола, когда онъ страстнымъ взоромъ смотритъ на блаженство человѣка, когда онъ даетъ обѣты и клятвы сокрушить это блаженство, и вамъ сдѣлается страшно; прочтите съ какой заботливостію и съ какой нѣжностію ангелы охраняютъ счастливое жилище человѣка, и на душу вашу повѣтъ сладостію, потому что вы вѣрите непорочно и глубоко.

Такимъ образомъ Божественную Комедію и Потерянный Рай можно представить, какъ единственные образцы христіанской эпопей.

Далѣе Шатобріанъ касается нѣкоторыхъ французскихъ и испанскихъ поэмъ, которыя у насъ неизвѣстны, и въ которыхъ онъ самъ, кромѣ немногихъ мѣстныхъ красотъ, не находитъ почти ничего. Лузіада Камоенса содержитъ въ себѣ нѣсколько трогательныхъ мѣстъ и высокихъ стиховъ, но басни перемѣшаны съ чудеснымъ религіознымъ, такъ что, въ этомъ отношеніи, теряется все достоинство. Мессіада Клопштока, исполненная частныхъ красотъ, также не можетъ служить образцомъ эпопей христіанской. Что же сказать о Генріадѣ Вольтера? «Если умный планъ, живой и сжатый рассказъ, прекрасное изложеніе, чистый вкусъ, правильный стиль суть единственные необходимыя качества эпопей, то Генріада — поэма вполне оконченная: но этого не достаточно; нужны еще дѣйствія героическія и чудесныя.» Шатобріанъ изъ патріотизма посвящаетъ Генріадѣ цѣлую главу, но мы ничего не можемъ извлечь изъ нея. Распространяясь о ней, мы должны бы были распространиться такимъ же образомъ и о нашемъ Херасковѣ, его Россіадѣ и Владимірѣ: куда бы это повело насъ! Уже одно окончаніе.... *iada* въ названіяхъ поэмъ ясно выражаетъ ихъ подражательность, или желаніе подражать *Иліадѣ*; оттого все онѣ и падаютъ, далеко не похожія на свой образецъ.

Мы не будемъ говорить ни о Вольтерѣ ни о другихъ, потому что цѣль паша находить достоинства и красоты, а не указывать на безпрестанныя ошибки, противорѣчія и недостатки; и лучше перейдемъ къ другому отдѣлу, и покажемъ отношеніе христіанской поэзіи къ человѣку.

Въ этомъ отдѣлѣ Шатобріанъ разсматриваетъ изображеніе характеровъ, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ искусствѣ. Характе-

ры онъ раздѣляетъ, на естественные, природные, какъ напримѣръ характеръ отца, матери, мужа, жены, и на общественные, какъ характеръ жреца, воина, и прочіе. Христіанство, говоритъ онъ, ведетъ наравнѣ таинства Святыни и таинства человѣческаго сердца; представляя истиннаго Бога, оно представляетъ и истиннаго человѣка: это болѣе благопріятствуетъ кисти характеровъ, чѣмъ ученіе, нисколько не входившее въ тайны страстей; самая прекрасная половина поэзіи, половина драматическая, не получала рѣшительно никакой помощи отъ религіозныхъ вѣрованій древняго міра.

Съ перваго взгляду дѣйствительность кажется противорѣчить этой мысли Шатобріана, мысли вѣрной и глубокой. Мы вспоминаемъ Ореста, преслѣдуемаго фуриями, отъ которыхъ ему нѣтъ видѣ покоя; мы вспоминаемъ много другихъ примѣровъ, и всѣ они, кажется, поставляютъ человѣка въ трагическое положеніе: но выйдемъ глубже въ предметъ: вытекаетъ ли все это прямо изъ сущности древнихъ вѣрованій? не есть ли это только произвольн. поэта? — и мы увидимъ, что оно сифшивается, но не слито съ ними. Хотя древніе олицетворяли добро и зло въ своихъ бѣгахъ, но нравственность не вытекала прямо изъ ихъ религіи; она оставалась чѣмъ-то придаточнымъ къ жизни; такъ что пользы въ этомъ олицетвореніи? Внушало ли оно имъ необходимость добра и неискупность зла? Правда, они боялись того или другаго бога, но это былъ природный инстинктъ, который отвлекалъ отъ зла, и притомъ добро и зло были весьма условны.

Такимъ образомъ драматическія положенія вытекали только изъ одной природы человѣка, но въ новомъ искусствѣ истина слита съ Богомъ, и борьба съ истинной и за истину, вотъ высокое драматическое положеніе; кто борется за истину, тотъ получаетъ безстрашную силу; кто достигаетъ ее, тотъ приходитъ въ восторгъ; кто падаетъ черезъ нее, тотъ исполняется грусти, но не отчаянія; кто же идетъ противъ истины, тотъ наконецъ подвергается гибели; кто только отступаетъ отъ нея, тотъ получаетъ угрызеніе, раскаяніе, страхъ. И все это явно вытекаетъ изъ нашей религіи.

Въ христіанствѣ, религія и нравственность слиты между собою. Священное Писаніе говоритъ намъ о нашемъ началѣ, поучаетъ насъ о нашей природѣ; христіанскія таинства охраняютъ насъ; только мы являемся вездѣ, для насъ Сынъ Божій принесъ себя въ жертву. Отъ Моисея до Иисуса Христа, отъ Апостоловъ до

послѣднихъ Отцовъ Церкви, все открываетъ картину внутренняго человѣка, все стремится разсѣять ночь, которая покрываетъ его, и это есть отличительный характеръ христіанства, что человѣкъ всегда въ связи съ Богомъ, между-тѣмъ какъ другія исповѣданія отдѣляютъ Творца отъ природы. Вотъ неисчислимая выгода, которую поэты должны бы были замѣтить въ христіанскихъ повліятяхъ.

Отсюда Шатобрианъ переходитъ къ описанію характера супруговъ, какъ въ древнемъ такъ и въ новомъ искусствѣ. Для перваго онъ беретъ примѣромъ Улисса и Пенелопу изъ «Одиссеи».

Улиссъ, или Одисей, послѣ долгаго своего странствованія, наконецъ приплываетъ въ свое отечество на островъ Итаку; но здѣсь онъ находитъ, что весь домъ его занятъ толпой нахальныхъ искателей руки Пенелопы, жены его, которые почтили его погибшимъ, хотя Пенелопа всегда оставалась вѣрнымъ своему мужу. Извѣстна, какииъ образомъ Улиссъ наказалъ оскорбителей своей жены, въ то время какъ она спала, не зная о прибытіи мужа. Проснувшись, она слышитъ отъ кормилицы невѣроятный разсказъ всего случившагося, и не можетъ повѣрить. Но вотъ слова самого Гомера: «Она сходять по лѣстницѣ, переступаетъ каменный порогъ, и садится при блескѣ очага подлѣ Улисса, который также сидѣлъ при подножіи колонны, потупивъ глаза. Онъ ожидалъ рѣчи отъ своей супруги; но она молчала: удивленіе оковало ея сердце».

Далѣе Телемакъ, сынъ Улисса и Пенелопы, обвиняетъ свою мать въ холодности, но Улиссъ улыбается и пзвиняетъ жену свою. Пенелопа еще въ сомнѣніи, она не узнаетъ Улисса, и чтобы испытать его, приказываетъ приготовить ему постель въ особой, но не въ брачной комнатѣ. Тогда Улиссъ возвысилъ свой голосъ: «Кто жъ занялъ мое ложе? Развѣ оно больше не привязано къ стволу оливы, вокругъ котораго я самъ построилъ горницу?...

«При этомъ ясномъ показаніи, продолжаетъ Гомеръ, она узнала Улисса; и вся въ слезахъ бѣжитъ къ нему, обвиваетъ свои руки около шеи своего супруга, цѣлуетъ его дорогую голову; успокойся, не сердись, говоритъ она... ты былъ всегда мудрейшій изъ людей... Не сердись, не негодуй, если я колебалась броситься въ твои объятія; мое сердце билось страхомъ, чтобы какой-нибудь пришлецъ не обольстил моего довѣрія ложными словами... Но теперь, у меня есть ясное доказательство, что ты -- мой супругъ; ты упоминалъ о нашемъ ложѣ, которое, про-

мѣ тебя не видалъ никто, его знаемъ только мы двое, и еще одна раба, Акторисъ, которую подарилъ мнѣ мой отецъ, когда я отправлялась въ Итаку, ибо она стережетъ двери нашей спальни. Теперь ты возвращаешь увѣренность сердцу, которое печалью сдѣлала недовѣрчивымъ».

«Она сказала, и Улиссъ, не имѣя нужды удерживать слезы, плакалъ за свою цѣломудренную и благоразумную супругу, прижималъ ее къ своему сердцу. Какъ мореходцы смотрятъ на желанную землю, когда Нептунъ разбиваетъ ихъ быстрый корабль игралище вѣтровъ и непрерывныхъ волнъ; плывя въ небольшомъ числѣ, по бурному морю, они вплавь достигаютъ земли, покрытые соленой пѣной, полные радости, выходятъ на морской берегъ, убѣжавъ отъ смерти: такъ точно Пенелопа устремляетъ свои прелестные взоры на Улисса; она не можетъ оторвать своихъ прекрасныхъ рукъ отъ шеи героя.... Между тѣмъ Евримова, держа въ рукѣ свѣтильникъ и предшествуя стопамъ Улисса и Пенелопы, вела ихъ въ брачный покой».

Вотъ весь рассказъ Гомера.

«Гдѣ же красота кисти? спрашиваетъ Шатобрианъ, и отвѣчаетъ: «Въ истинѣ!»

Новые писатели, продолжаетъ онъ, вообще опытнѣе, чувствительнѣе, тоньше, даже часто заппмательнѣе въ своихъ произведеніяхъ, чѣмъ древніе, но зато эти гораздо проще, величественнѣе, изобильнѣе, и главное, вѣрнѣе чѣмъ новыя; у нихъ болѣе точный вкусъ, воображеніе болѣе благородное, они умѣютъ работать только цѣлостью, единство (*l'ensemble*), и мало обращаютъ вниманія на украшенія; скорбный пастухъ, разсказывающій старикъ, сражающійся герой, вотъ для нихъ вся поэма, и не знаешь отчего эта поэма, въ которой почти нѣтъ ничего, исполнена и обставовлена гораздо лучше нашихъ романовъ, нагруженныхъ приключеніями и лицами. Искусство писанія, кажется, слѣдовало за искусствомъ живописи: палитра новаго поэта покрывается безмѣрнымъ разнообразіемъ красокъ и оттѣнковъ; древній же поэтъ слагаетъ свои картины изъ трехъ цвѣтовъ Поллукота. Латиняне, занимая мѣсто между Греками и нами, удерживаютъ заразъ двѣ манеры: простоту основанія Грековъ, и наше искусство въ подробностяхъ. Эта счастливая гармонія двухъ вкусовъ возводитъ Виргилія до совершенства.

* Одиссея кн. XXIII.

Взявъ за образецъ характеры первыхъ супруговъ, описанные Мильтономъ, посмотримъ на новѣйшую поэзію въ этомъ отношеніи. Дьяволъ проникаетъ въ земной рай. Тамъ, среди животныхъ, онъ замѣчаетъ два существа, съ благороднымъ видомъ, съ прямымъ и высокимъ стапомъ, какъ у безсмертныхъ духовъ. Во всемъ первоначальномъ достоинствѣ ихъ рожденія, величественная нагота покрываетъ ихъ; они точно владыки этой новой вселенной, и кажется достойны быть ими; изъ за свѣтлыхъ взоровъ ихъ блестятъ силы славнаго ихъ Создателя: истина, мудрость, строгая и чистая святость и добродѣтель, изъ которой вытекаетъ дѣйствительная сила власти челоуѣка. Но во всемъ эти небесныя созданія различны между собою, какъ то показываетъ ихъ полъ: онъ созданъ для созерцанія и мужества, она для нѣжности и граціи. Онъ только для Бога, она же для него, и въ немъ для Бога. Открытое чело, важный взоръ перваго выражаютъ безусловное могущество; его гяциентовые волосы, раздѣляясь на лбу прекрасными кудрями, спускаются по обѣимъ сторонамъ, но не волнуются за его широкими плечами, между-тѣмъ какъ у его сопутницы прекрасныя косы, подобно золотому покрывалу, унадаютъ до пояса, и тамъ вьются въ прихотливыя кольца: такъ вокругъ хрупкой тычкы вьеть виноградникъ свои нѣжныя лозы.....

Такъ шли великіе супруги по уединенному Едему; они не убѣгаютъ ни взора Бога, ни взоровъ ангеловъ, ибо въ нихъ нѣтъ худой думы. Такъ шла держась за руку гордая чета, соединенная нѣкогда въ объятіяхъ любви, Адамъ, лучшій изъ всѣхъ людей, составившихъ его потомство, Ева, прекраснѣйшая изъ женщинъ между тѣми, которыя рождаютъ ся дочерей».

Какое превосходное описаніе нашихъ прародителей. Но вотъ они удаляются на тѣнистый берегъ источника; тамъ они вкушаютъ свою вечернюю трапезу среди животныхъ, которыя играютъ вокругъ своего царя и своей царицы. Дьяволъ, скрытый въ тѣлѣ одного изъ этихъ животныхъ, смотритъ на обонхъ супруговъ, и, кажется, самъ смягчился ихъ красотой, ихъ невинностью, и думою золь, которыя онъ хочетъ внести въ это блаженство. Между-тѣмъ Адамъ и Ева нѣжно бесѣдуютъ при источникѣ. Но вотъ опять слова Мильтона. «Я часто вспоминаю тотъ день, говорятъ Ева, когда пробудясь отъ перваго сна, я увидѣла себя подъ тѣнью посреди цвѣтовъ; не зная, гдѣ я, кто я, какъ и когда очутилась въ этихъ мѣстахъ. Недалеко отъ ме-

пя, въ разсѣливѣ скалы журчала волна, разстилась влажной ска-
тертью; скоро она представила свой ручей, чистый какъ небѣ.
Я подошла къ этому мѣсту съ робкой душой, сѣла на зеленый
берегъ, и смотрѣла въ прозрачное озеро, которое было точно
другое небо. Только что я наклонилась къ водѣ, какъ во влаж-
номъ стеклѣ показалась тѣнь, она наклонилась ко мнѣ также,
какъ я къ ней. Я вздохнула, и она вздохнула; я снова наклони-
ла голову, и милое видѣнье возвратилось также быстро съ тѣми
же взорами сочувствія и любви. Мои глаза были устремлены на
этотъ предметъ; долго бы жгло меня напрасное желанье, если
бы не голосъ въ пустыни: «прелестное созданіе, то, что ты ви-
дишь — ты сама; съ тобой онъ бѣжитъ, и съ тобой возвра-
щается. Ступай за мной, я поведу тебя туда, гдѣ пустая тѣнь
не будетъ обманывать твоихъ объятій, гдѣ ты найдешь свое по-
добіе, онъ будетъ всегда съ тобою, ты дашь ему множество дѣ-
тей, подобныхъ себѣ, и ты будешь называться матерью человѣ-
ческаго рода». Что могла я сказать на эти слова? Повиноваться,
и идти за невидимымъ вожатымъ! Скоро я увидѣла тебя подъ
яворомъ! О, какъ ты мнѣ показался великъ и прекрасенъ!... Я
хотѣла бѣжать, но ты послѣдовалъ за мною, ты, возвыся голосъ,
кричалъ: «Ева, знаешь ли, кого ты убѣгаешь? ты плоть и кости
того, отъ кого бѣжишь.... О половина души моей, я ищу тебя,
тебя зоветъ другая половина! При этихъ словахъ, твоя ибжная
рука схватила мою: я повиновалась и съ этихъ поръ узнала,
какъ возвышается грація мужской красотой и мудростью, кото-
рая одна истинно прекрасна». Такъ говорила мать людей. Со
взорами полными любви, и въ сладостной небрежности, она скло-
нилась, обнявъ нашего перваго отца. Половина ея груди, дыша
подъ золотомъ ея волнистыхъ косъ, своей сладострастной наго-
тою таинственно касалась наготы груди ея мужа. Адамя, восхи-
щенный ея красотой и граціями, улыбался ей.... потомъ напе-
чатлѣлъ чистый поцѣлуй на прелестныхъ губахъ матери людей.

Далѣе поэтъ описываетъ природу, которая окружала первыхъ
супруговъ, описаніе самое блестящее, но мы не приведемъ его,
боясь длинноты выпсокъ. Они идутъ въ брачную бесѣдку, совер-
шивъ прежде молитву Предвѣчному. Они пропикаютъ въ глуби-
ну роши, и ложатся на ложе все изъ цвѣтовъ.

Тогда какъ въ древней поэзіи все въ супружествѣ грубо, само-
управно, сладострастно, въ повѣйшей мужнина, только-что ро-
жденный и неопытный, уже выражаетъ собою превосходный

образецъ мужа; ясно видишь, что онъ вышелъ не изъ слабыхъ мѣдръ женщины, а изъ живыхъ рукъ Бога. Онъ благодаренъ, величественъ и полный невинности и вмѣстѣ гения; онъ таковъ, какимъ представляетъ его Священное Писаніе, достойный уваженія отъ ангеловъ, и уединенной бесѣды со своимъ Творцомъ.

Теперь слѣдуетъ вопросъ, какъ христіанство существенно подѣйствовало на характеры супруговъ?

Вспомнемъ прежде въ самое основаніе древняго брака. Что составляетъ эту тѣсную связь между Улиссомъ и Пенелопею? какая причина этой взаимной нѣжности? Любовь, только одна любовь, вотъ ихъ связь, вотъ основаніе того видимаго между ними равенства; не то же ли самое мы видимъ и въ другой четѣ, описанной Гомеромъ, въ Гекторѣ и Андромахѣ? Но всегда ли любовь бываетъ вѣчна? хорошо если она обратится въ привычку, но если она переживается на чистую тиранію, что очень легко, потому что древняя религія нисколько не касалась брака, хотя и запрещала многоженство: тогда должно было уничтожиться и равенство и связь супруговъ; сильный подчинялъ себѣ слабого, а слабый долженъ былъ безпрекословно подчиняться сильному, потому что онъ не находилъ законовъ, на которые бы могъ опереться.

Слѣдственно, кромѣ матеріальной любви, мы видимъ, нѣтъ никакой другой связи между древними супругами. Гдѣ жъ поэтъ будетъ искать разнообразія этихъ характеровъ? Въ любви? но любовь между супругами выражается безстрастно и почти одинаково. Между Улиссомъ и Пенелопею, Гекторомъ и Андромахой небольшое различіе, оно заключается только во внѣшнихъ обстоятельствахъ; здѣсь встрѣча, тамъ прощаніе. Въ тираніи? но для Грека она очень естественна: въ дѣлѣ брака всякій поступаетъ по правамъ своимъ, а права его любовь или сила. Въ комизмѣ? но здѣсь нѣтъ комизма, потому что бракъ не обуславливается законами; все вытекаетъ изъ природы вещей, такъ какъ смотрятъ на нихъ, а въ природѣ нѣтъ ни драматизма ни комизма. Слѣдственно, поэтъ не находитъ разнообразія въ супружескихъ характерахъ; отъ того въ древнихъ произведеніяхъ мы весьма немного встрѣчаемъ ихъ. Въ христіанствѣ же совершенно напротивъ. Конечно и здѣсь также дѣйствуетъ любовь, но она соединена съ религіей; религія освящаетъ бракъ, и есть вмѣстѣ съ любовью его основаніе; здѣсь, если любовь и погаснетъ, то все же между супругами остается связь, потому что здѣсь бракъ имѣетъ уже свои зако-

ны; во всякомъ случаѣ равенство между ними не нарушается, а если иногда мы встрѣчаемъ и противное, то это вытекаетъ не изъ существа религія, а изъ стариннаго взгляда народа на вещи, или изъ слабости характера лица. Бракъ, обусловленный законами, представляетъ и другой характеръ супруговъ; изъ этого сознательнаго равенства и вытекаетъ та плѣнительная взаимная довѣренность и вѣжливость, которыми отличается новѣйшая жена, жена христіанка. У Мильтона, въ характерахъ первыхъ супруговъ, дѣйствуетъ не только одна любовь, но и сознаніе жены, что она создана для мужа, и сознаніе мужа, что онъ долженъ быть хранителемъ и соупитникомъ слабой, но престной жены своей.

Какой богатый, неисощимый источникъ для поэта; онъ видитъ законъ, законъ таинственный, нечеловѣческій, хотя и для чловѣка; сколько онъ видитъ дорогъ, по которымъ идутъ супруги, чтобы сохранить этотъ законъ; сколько разнообразныхъ уклоненій, явныхъ и тайныхъ все отъ того же закона, и отсюда сколько различныхъ очертацій характеровъ одной и той же категоріи.

Отъ поэтическихъ характеровъ супруговъ, Шатобрианъ переходитъ къ характеру отца, и для примѣровъ беретъ Пріама изъ Илиады Гомера и Люсиньяна (Lusignan) изъ «Заиря». Разсмотримъ характеръ отца, говоритъ онъ, въ двухъ высшихъ и самыхъ трогательныхъ положеніяхъ жизни — въ положеніи старости и несчастія. Пріамъ, монархъ, падшій съ высоты своей славы, монархъ, мнлостей котораго искали когда-то сплывыя земли, этотъ Пріамъ, съ волосами, посыпанными пепломъ, съ лицомъ, орошеннымъ слезами, одинъ посреди ночи проникаетъ въ станъ Грековъ. Унуженный, на колѣняхъ, предъ неумолимымъ Ахилломъ, онъ цѣлуетъ его страшныя руки, которыя дымялись кровью его сыновей; онъ проситъ тѣло своего Гектора. «Ахиллъ, вспомни о своемъ отцѣ, равнобожный Ахиллъ! онъ сгорбленъ, какъ и я, подъ тяжестью годовъ, и достигаетъ, какъ и я, послѣдней грани старости; можетъ быть въ эту самую минуту, онъ угнетенъ могущественными сосѣдями, не видя подлѣ себя никого, кто бы могъ защитить его; и между тѣмъ при одной вѣсти, что ты живъ, сердце его возрадуется, съ каждымъ днемъ онъ надѣется видѣть возвращеніе своего сына изъ Трои. А я, несчастнѣйшій изъ отцовъ, изъ столькихъ сыновей, которыхъ я насчитываю въ великомъ Илионѣ, я не надѣюсь, что и одинъ

останется со мной. Пятьдесятъ было ихъ, когда Греки сошли на эти берега, девятнадцать рождены отъ одной матери, остальныхъ дали мнѣ различныя плѣнницы. Большая часть ихъ поражены жестокомъ Марсомъ; остался одинъ, защита своихъ братьевъ и Тронъ. Ты убилъ его, сражаясь за свое отечество, Гекторъ. Для него-то я пришелъ на ахейскій флотъ; я пришелъ выкупить его тѣло; я принесъ тебѣ богатый выкупъ. Ахиллъ, вспомни боговъ, будь сострадательнъ, вспомни о своемъ отцѣ. О, какъ я несчастливъ! ни одинъ злополучный не имѣлъ столько бѣдствія: я цѣлую руки, убившія моихъ сыновей.»

Сколько красотъ въ этой просьбѣ! какая сцена разстилается передъ читателемъ; ночь, палатка Ахилла, этого героя, оплакивающего Патрокла передъ вѣрнымъ Автомедономъ; является Приамъ, и падаетъ къ ногамъ сына Пелея. Тамъ, въ тѣни, стоятъ колесницы, привезшія подарки властителя Тронъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи, обезображенный трупъ великодушнаго Гектора, безчестно брошенный на берегу Геллеспонта.

Вникните въ рѣчь Приама, и вы увидите, что второе слово, произнесенное Приамомъ, есть слово «отецъ»; вторая мысль въ томъ же самомъ стихѣ, есть похвала гордому Ахиллу; богоподобный Ахиллъ, говоритъ онъ.

Приамъ долженъ былъ сдѣлать большое усиліе, чтобы назвать такимъ образомъ убійцу Гектора: во всемъ этомъ видно глубокое знаніе человѣческаго сердца.

Самое пѣжное воспоминаніе, какое можно было представить сыну Пелея, напомиравъ ему объ его отцѣ, это было безъ сомнѣнія старость того же отца. До-тѣхъ поръ Приамъ не смѣлъ сказать ни слова о себѣ самомъ; но вотъ представляется отношеніе, которое онъ схватываетъ съ трогательною простотою: «какъ я, говоритъ онъ, онъ достигаетъ послѣдней грани старости». Такимъ образомъ онъ говоритъ о себѣ только вводя себя въ сравненіе съ Пелеемъ; въ несчастномъ и униженномъ царѣ онъ представляетъ Ахиллу собственнаго его отца. И съ какимъ искусствомъ онъ упоминаетъ о своемъ сынѣ. Если бы онъ тотчасъ назвалъ Гектора, то Ахиллъ вспомнилъ бы о Патроклѣ и о своемъ мщеніи. Но Приамъ сначала остерегается назвать его, онъ просто говоритъ: «остался одинъ и ты убилъ его сражаясь за свое отечество.» И какая здѣсь глубокая осторожность; словами: «сражаясь за свое отечество», Приамъ силится извинить убійцу сво-

его сына. Наконецъ, Пріамъ напоминаетъ ему о справедливыхъ богахъ, и въ послѣдній разъ приводитъ ему на память Пелея. Черта, заключающая просьбу Пріама, есть черта высокаго въ патетическомъ родѣ.

Въ Заврѣ, говоритъ Шатобрианъ, мы найдемъ характеръ отца въ совершенной противоположности съ Пріамомъ. По справедливости, нельзя сравнивать эти двѣ сцены, ни въ самомъ составѣ ихъ, ни въ силѣ обрисовки, ни въ красотѣ поэзіи; но всё-таки торжество остается за новѣйшими пьесами.

Крестоносецъ, обремененный несчастіемъ и славой, дряхлый Люсиньянъ, оставшійся вѣрнымъ своей религіи, и въ глубинѣ тюрьмы умоляетъ юную влюбленную дочь свою, чтобы она внимала голосу Бога отцовъ ея. Сцена превосходная; вся она основана на евангельской нравственности и на христіанскомъ чувствѣ.

«Боже *», говоритъ Люсиньянъ, шестьдесятъ лѣтъ сражался я ради твоей славы; я видѣлъ, какъ рушился твой храмъ, и какъ погибла о тебѣ и память; забытый двадцать лѣтъ въ ужасной темницѣ, я со слезами умолялъ тебя за своихъ несчастныхъ дѣтей; и теперь, когда ты вновь соединилъ мое семейство, я нахожу свою дочь — твоей противницей. Я несчастный; вотъ твой отецъ, это я, это моя тюрьма похитила у тебя твою вѣру. Моя дочь, вѣрный предметъ моихъ послѣднихъ страданій; подумай, подумай по-крайней-мѣрѣ о крови, которая течетъ въ жилахъ; эта кровь двадцати королей и всѣхъ христіанъ, такъ же какъ и я; эта кровь героевъ — защитниковъ моей вѣры, эта кровь мучениковъ. Дочь, еще милая моему сердцу, знаешь ли ты свою судьбу? Знаешь ли ты свою мать? знаешь ли ты, что въ минуту, когда она произвела на свѣтъ этотъ послѣдній плодъ несчастной любви, въ ту минуту, передъ моими глазами, ее поразила неистовая рука, рука злодѣя, которому предалась ты? твои братья, мученики, зарѣзанные предъ моимъ лицомъ, простираютъ тебѣ свои окровавленные руки съ высоты небесъ. Твой Богъ, которому ты измѣнила, твой Богъ, на котораго ты налагаешь хулы, въ этихъ самыхъ мѣстахъ умеръ за тебя и за весь свѣтъ; въ этихъ мѣстахъ, гдѣ моя рука такъ часто служила

* Mon Dieu! j'ai combattu soixante ans pour ta gloire;

J'ai vu tomber ton temple et périr ta memoire. :: np.

ему, въ мѣстахъ, гдѣ его кровь говоритъ тебѣ моимъ голосомъ. Посмотри на эти сцены, посмотри на этотъ храмъ, превращенный въ развалины твоими владыками, все говоритъ о Богѣ, за котораго отмщали твои предки. Обрати свои глаза, вотъ его могила передъ этимъ дворцомъ; вотъ здѣсь гора, гдѣ омывая наши грѣхи, онъ испустилъ дыханіе поды ударами нечестія; тамъ, изъ своей могилы онъ снова воззвалъ себя къ жизни; тамъ ты не можешь ступить ни одного шага, чтобы не видѣть своего Бога....»

Древній міръ, говоритъ Шатобріанъ, нисколько не представляетъ подобнаго интереса, потому что онъ не имѣетъ подобнаго ученія. Политизмъ, нисколько не сопротивляясь страстямъ, не могъ вводить эти внутреннія боренія души, столь обыкновенныя поды вліяніемъ евангельскаго закона; изъ нихъ-то однако рождаются самыя трогательныя положенія. Патетическій характеръ христіанства увеличиваетъ еще прелесть трагедіи «Завра». Если бы Люсиньянъ напоминалъ своей дочери только о счастливыхъ богахъ, о пірахъ и радостяхъ Олимпа, для нея все это представляло бы весьма слабый интересъ, и произвело бы смыслъ, противный тѣмъ нѣжнымъ движеніямъ, которыя старается возбудить поэтъ.

Относительно къ поэтическимъ изображеніямъ отца, и особенно матери, очень трудно схватить общую черту въ разборѣ Шатобріана. Какую же отличительную черту дало христіанство этимъ характерамъ? что особеннаго оно принесло для нихъ? Постараемся яснѣе разрѣшить этотъ вопросъ. Основаніе характера отца и матери заключается въ природѣ; только природа внушаетъ имъ чувство къ ихъ дѣтямъ, потому что оно *ихъ дѣтя*; отсюда истекаютъ всѣ заботы родителей, заботы которыя внушаетъ имъ собственное ихъ сердце. Но въ чемъ же заключаются эти заботы? Доставить дѣтямъ своимъ все то, что разумѣютъ поды именемъ счастья, такъ что счастье сына дѣлается неразлучнымъ со счастьемъ отца или матери, которые страдаютъ страданіями своихъ дѣтей, и радуются ихъ радостями. Въ этомъ случаѣ различіе въ характерахъ между отцомъ и матерью такое же, какое между мужчиной и женщиной: отецъ дѣйствуетъ болѣе умомъ, мать болѣе чувствомъ.

Такимъ образомъ отношеніе между родителями и дѣтьми составляетъ этотъ природный инстинктъ, и ни одна религія, кроми

христіанской, не возвышаетъ его высшими законами. Въ Римѣ отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми; въ Греціи, хотя и ограничивалась эта власть отца, но не религіей, а гражданствомъ. Въ чемъ же собственно состояла любовь и забота языческаго отца, если природный инстинктъ его не былъ заглушенъ какою-нибудь другою сильнѣйшею страстью, какъ то часто случалось? Грекъ или Римлянинъ хорошо зналъ только свою настоящую, земную жизнь, а о будущей, загробной, онъ имѣлъ весьма темное и сбивчивое понятіе, и потому нисколько не думалъ о ней; слѣдственно забота его о дѣтяхъ не могла простираться далѣе земнаго: она касалась болѣе матеріи чѣмъ духа, или лучше сказать, эта забота была о счастливой обстановкѣ вещей, окружающихъ сына или дочь; но измѣнилась такая обстановка, и дѣти нерѣдко дѣлались жертвою любви своего отца. Вспомните разсказъ Тита-Ливія о Виргиніи. Отецъ ея видитъ неминуемое безчестіе своей дочери; что же онъ дѣлаетъ? къ чему побуждаетъ его отцовская любовь? она влагаетъ въ его руку ножъ, и обращаетъ его не противъ наглого оскорбителя Виргиніи, а противъ нея-самой; отецъ изъ любви убиваетъ свою дочь. Изъ этого примѣра ясенъ характеръ любви; инако не можетъ и быть: ибо какое утѣшеніе остается человѣку, если его земное благоденствіе разрушено, и если онъ не вѣрнѣтъ въ другое высшее, небесное. Корнелія, дочь Сципіона, называла своихъ сыновей Кая и Тиберія Гракховъ — своимъ лучшимъ сокровищемъ и утѣшеніемъ. Она готовила ихъ для занятія высокихъ должностей, и для этой цѣли употребила всѣ средства для развитія и образованія ихъ. «Всѣ знаютъ меня, какъ дочь Сципіона, говорила она, но я хочу, чтобы меня знали, какъ мать Гракховъ.» Вотъ тонкая и пѣжная черта характера матери. Отецъ не могъ сказать этого. Заботясь о своихъ дѣтяхъ, онъ столько же заботился и о себѣ, отчасти изъ своего собственнаго честолюбія, отчасти и для того, чтобы, получивъ вліяніе и авторитетъ между своими согражданами, устроить судьбу своихъ дѣтей. Мать же все свое вниманіе обращаетъ только на дѣтей; только ихъ счастіемъ счастлива она, она ищетъ славы только въ ихъ славѣ, она живетъ только ихъ жизнью. Эта отличительная черта характера матери еще поразительнѣе въ христіанствѣ. Здѣсь заботы о вѣншнемъ и внутреннемъ, о земномъ и небесномъ сливаются, ибо первая безъ послѣдней ничего не значитъ. И какая высокая поэзія въ этой заботѣ отца или матери. Смотрите съ какой

страстью Люсиньянъ слится убѣдить свою дочь, чтобы спасти ея душу. Этого нигдѣ нельзя найти у древнихъ, и если Пріамъ заботился о безчувственномъ трупѣ своего любезнаго Гектора, то это уже послѣдняя грань заботы, далѣе ея нѣтъ ничего.

Такимъ образомъ мы видимъ, сколько прибавляютъ христіанскія понятія къ природной, инстинктивной любви отца, и какъ они возвышаютъ ее. Эта любовь не та, которую выказалъ отецъ Виргинія, хотя иногда и выражается въ подобныхъ чертахъ. Понялъ ли бы напримѣръ Грекъ или Римлянинъ ту сцену изъ «Орлеанской Дѣвы» Шиллера, гдѣ Тибо, отецъ Іоанны д'Аркъ, слится обвинить свою дочь въ чародѣйствѣ; а между-тѣмъ тутъ выражается высокая любовь къ дочери.

Въ то время, какъ король и народъ съ торжествомъ окружаютъ спасительницу-дѣву, Іоанну д'Аркъ, и признаютъ ее посланницею неба, является Тибо, отецъ Іоанны.

ІОАННА, восклицаетъ.

О Боже, мой отецъ!

Множество голосовъ.

Ея отецъ.

ТИБО.

Такъ, горестный, несчастный

Ея отецъ, пришедшій самъ предать

На судъ свое дитя.*

ГЕРЦОГЪ.

Что это значитъ?

ТИБО, королю.

Ты думаешь: могущество небесъ

Тебя спасло; ты, государь, обмануть;

Народъ, ты ослѣпленъ; вы спасены

Искусствомъ адовымъ.

Всѣ отступаютъ въ ужасъ.

ДЮНА.

Безумство!

ТИБО.

Нѣтъ!

Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрити,
 Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель
 Себя явилъ въ такой ничтожной твари?
 Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
 Отважится ль она обманъ свой хитрый,
 Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
 Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятаго:
 Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?

Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Іоанну, она стоитъ неподвижно.

АГНЕСА.

Она молчитъ!

ТНЕО.

Она должна молчать

Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
 Безмолствуютъ. Она святая, небомъ
 Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
 Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревль
 Нечистый духъ гнѣздится, было все
 Придумано; тамъ вѣчность продала
 Она врагу, чтобъ славою минутной
 Здѣсь на землѣ ее онъ возвеличилъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасно! но отцу повѣрить должно;
 Отцу ли дочь свою оклеветать?

ДЮНА.

Безумецъ! кто жестокому безумцу,
 Губящему дѣтей своихъ повѣритъ?

АГНЕСА.

Ахъ! отвѣчай; молю тебя, прерви
 Ужасное твое молчанье.

.....
 Іоанна молчитъ, Агнеса отступая отъ нея съ ужасомъ.

.....
 Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ.

ТНЕО.

Отъ имени гремящаго тамъ Ёога

Я говорю: Иоанна отвѣчай,
 Скажи, что ты невинна, что врага
 Нѣтъ въ сердцѣ у тебя, и въ клеветѣ
 Изобличи отца.

Что, какъ не любовь побудила Тибо явиться обвинителемъ своей дочери; онъ видѣлъ, что душа ея пропала для вѣчности, и вотъ онъ хочетъ этимъ торжественнымъ обвиненіемъ привести ее на путь раскаянія, и если онъ погубитъ ея тѣло, которому угрожало сожженіе, за то спасетъ душу, о которой главная забота христіанина; если онъ разрушитъ ея земное торжество и величіе, то сохранитъ небесное. Эта любовь слишкомъ глубока, нестижима для язычника.

Разбирая поэтическіе характеры сына и дочери въ древнемъ и въ новѣйшемъ искусствѣ, Шатобрианъ беретъ два примѣра, Гусмана изъ трагедіи Вольтера «Альзира» и Ингенію изъ трагедіи Расина.

Альзира, говоритъ онъ, не смотря на неправдоподобность правды, — трагедія чрезвычайно увлекательная; тамъ христіанская мораль, возвышаясь надъ моралью обыкновенной, сама по себѣ составляетъ священную поэзію. Въ Гусманѣ видѣтъ не Телемакъ, послушный Улиссу, не запальчивый Ахиллъ, но молодой человѣкъ, въ которомъ религія сражаетъ и подчиняетъ прочія склонности. Миръ, царствующій въ душѣ Альвареса, отца Гусмана, не есть миръ, вытекающій единственно изъ природы. Посмотримъ, какимъ образомъ Несторъ старается усмирить страсти Антилоха? Сначала онъ представляетъ ему примѣры молодыхъ людей, которые погибли оттого, что не хотѣли слушать своихъ отцовъ; потомъ къ этимъ примѣрамъ прибавляетъ извѣстные правила, на послушаніе юности, и на опытность стариковъ; наконецъ, кончаетъ свои увѣщанія похвалою самому себѣ и печалью о дняхъ стараго времени. Авторитетъ же, устремляемый Альварезомъ, совсѣмъ другаго рода: онъ забываетъ свои годы и свою отцовскую власть, и говоритъ только именемъ религіи; онъ не старается отвратить Гусмана отъ частнаго порока, но онъ совѣтуетъ общую добродѣтель, любовь, судьбу небеснаго человѣчества, которую принесъ на землю Сынъ Человѣческій, и которая не существовала прежде основанія христіанства. Такимъ образомъ Альварезъ, исправляющій своего сына, какъ отецъ, и повинующійся ему, какъ подданный, составляетъ черту

высокой морали, столько же превосходящей мораль древнихъ, какъ Евангеліе превосходитъ діалоги Платона.

Ахиллъ, сразивъ своего врага, ругается надъ нимъ и безче- стить его. Гусманъ тоже гордъ, подобно сыну Пелея, но онъ пораженный рукою Замора, въ цвѣтъ лѣтъ, разставаясь съ жиз- нію, теряя и обожаемую супругу и обширную власть, вотъ ка- кой приговоръ произнесъ онъ надъ своимъ противникомъ и убійцею; онъ показываетъ блестящее торжество религіи, и оте- ческій примѣръ на христіанскаго сына:

«Мой отецъ, предъ твой взоръ приводитъ меня небо, которое хочетъ моею смертію, и которая въ эту минуту отсрочиваетъ ее. Моя душа, уже готовая тебя покинуть, останавливается передъ тобою, но для того, чтобъ подражать тебѣ. Я умираю, завѣса упадаетъ, и новый день освѣщаетъ меня; только при концѣ мо- ей жизни я узналъ себя: до самой этой минуты, влекущей меня въ гробъ, я заставлялъ стнать челоуѣчество подъ тяжестью моего высокоумія. И теперь небо отмщаетъ за землю, но моя жизнь не можетъ заплатить за кровь, которою обогрлалась рука моя. Счастіе ослѣпило меня, смерть образумила. Прощаю той рукѣ, которою самъ Богъ поразилъ меня; я былъ властитель въ этихъ земляхъ, и теперь еще пока я одинъ повелѣваю имъ, я одинъ могу давать имъ милость, и я даю ее Забору. Живи гор- дый врагъ, будь свободенъ, и вспомни, какова была смерть христіанина. Вотъ различіе въ богахъ, которымъ мы служимъ: твои побуждаютъ тебя къ убійству и мщению, мой же... когда твоя рука поразила меня... онъ приказываетъ мнѣ сожалѣть о тебѣ и простить тебя.»

Ифигенія и Заира представляютъ замѣчательную параллель, по- лагаетъ Шатобрианъ. Та и другая подъ игомъ отеческой власти, преданы своей родной религіи. Хотя Агамемнонъ требуетъ отъ Ифигеніи двойной жертвы -- любви и жизни, а Люсианьянъ отъ Заиры только забвенія любви; но для страстной женщины жить и отказаться отъ предмета своей страсти, можетъ быть условіе хуже самой смерти. Что касается до природнаго интереса, то оба положенія могутъ быть въ равновѣсіи: посмотримъ, можетъ ли быть то же самое относительно къ интересу духовному.

Агамемнонъ, повинуваясь богамъ, приноситъ свою дочь въ жер- тву своему честолюбію. Зачѣмъ же юная Гречанка посвящается Нептуну? Не тиранъ ли это, которымъ она должна глумиться? Здѣсь зритель противъ неба беретъ участіе въ Ифигеніи; со-

страданіе и ужасъ имѣютъ опору единственно на интересъ природномъ, и если бы вы могли выкинуть изъ пьесы все религиозное, то ясно, что театральнѣйшій эффектъ остался бы тотъ же самый. Но сдѣлайте то же самое въ Заирѣ и все будетъ уничтожено. Искупитель не жаждетъ крови, Онъ хочетъ только жертвы страстей. Онъ искупилъ челоѣчество; Онъ сносилъ обиды и презрѣнія; а она отдала свое сердце и свою руку тѣмъ, которые преслѣдовали ея милосердаго Бога; тѣмъ, которые держали въ оковахъ наследника Бульіона, защитника вѣры, отца Заиря.

«Теперь поищемъ въ самомъ существѣ Ифигеніи, представленной Расиномъ, вліянія новѣйшихъ понятій. Брюмоа замѣтилъ, что Эврипидъ, внувивъ Ифигеніи ужасъ смерти и желаніе спаситься отъ нея, говоритъ согласіе съ природою, тѣмъ Расинъ, у котораго Ифигенія кажется черезъ-чуръ преданною. Замѣчаніе само по себѣ справедливое, но Брюмоа не замѣтилъ, что Ифигенія Расина — произведеніе кисти христіанской. Ей говорили отецъ и небо: что жъ оставалось ей дѣлать, какъ не повиноваться. Здѣсь христіанскія чувства идутъ далѣе природы, и слѣдственно согласіе съ прекрасной поэзіей. Ифигенія, подавляющая свою страсть, интересуется болѣе Ифигеніи, оплакивающей свою смерть.

Въ древнемъ мірѣ только одна природа внушала сыну долгъ къ отцу; въ новомъ же — природа, опредѣляемая и направляемая религіей: тамъ долгъ не имѣлъ опредѣленнаго сознательнаго значенія, потому что не имѣлъ ясныхъ видимыхъ законовъ, на которые бы онъ могъ, не колеблясь, твердо опереться; отъ того голосъ природы здѣсь иногда заглушался голосомъ страстей. Орестъ, въ порывѣ мщевія за смерть своего отца, убиваетъ свою мать Клитемнестру, и уже послѣ Фурій начинаютъ терзать его, но прежде рука его не содрогнулась на такое злодѣяніе. Гамлетъ былъ въ такомъ же положеніи, какъ и Орестъ; онъ зналъ злой умыселъ своей матери противъ своего отца, но онъ не поступилъ подобно Оресту. Здѣсь чувство мщевія вступаетъ въ страшную борьбу съ чувствомъ долга къ матери, потому что Гамлетъ былъ христіанинъ, и долгъ, который внушала ему природа, ясно опредѣлялся религіей. Какая пища для поэзіи. А сколько можетъ быть другихъ положеній, не понятныхъ древнимъ, а между тѣмъ производящихъ сокрушительную грозу въ душѣ христіанина. Духъ беретъ перевѣсъ надъ тѣломъ. Коріолянъ, убѣжденный слезами и прось-

бани своей матери, отступилъ отъ Рима, зная, что его ожидаетъ гибель; Антигона, оставя все, слѣдуетъ за своимъ несчастнымъ отцомъ, облегчаетъ его страданія, утѣшаетъ его въ несчастіи: поразительныя черты характеровъ, но они не возвышаютъ такъ душу, какъ напримѣръ, слѣдующая сцена Пушкина, въ которой одна мысль объ умершей матери возбуждаетъ въ сынѣ раскаяніе и отчаяніе за его безумную жизнь.

Пиръ во время гумы.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальснгамъ? ты ль самый тотъ,
Кто, три тому недѣли, на колѣняхъ
Трупъ матери, рыдая, обвиналъ,
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына,
Въ пире разврата, слыша голосъ твой,
Поющій бѣшенныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной?

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками, (прости меня Господь)
Погибшаго, но милого созданья.
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отсель; поздно слышу голосъ твой,
Меня зовущій; признаю усилья
Меня спасти.... старикъ или же съ миромъ.

Какой бурный порывъ словъ, какая безнадежность и какое страшное сознание своихъ беззаконій при имени милой матери,

между-тѣмъ, какъ за минуту предъ этимъ были и радость, и смѣхъ, и забвеніе всего въ душѣ Вальснгама.

Мы могли бы коснуться такимъ же образомъ характера вообще кровнаго родства, но мы увидимъ тамъ одно и то же: въ древнемъ мірѣ всадъ — одна физическая природа; въ новомъ всюду проникаетъ небесное владычество духа, которое возвышаетъ насъ надъ матеріей.

Зная своего безконечнаго Творца, человѣкъ самъ стремится своимъ духомъ въ безконечное, заоблачное, жаждетъ чего-то высшаго, духовнаго, независимаго отъ матеріи; духъ его сознаетъ свою мощь, потому что онъ сознаетъ своего Творца, но въ то же время прикованный тѣломъ къ землѣ, и не находя себѣ насыщенія, производитъ благородную, могучую борьбу. Только въ христіанской землѣ могли явиться Фаустъ и Манфредъ; древній міръ не понималъ бы ихъ. Они могли быть произведеніемъ только христіанскихъ гениевъ.

Характеръ новѣйшаго священнослужителя представляетъ искусство удивительно много разнообразія и величія. Сколько картинъ создало искусство, отъ деревенскаго пастыря до первосвященника, отъ городского приходскаго священника до анахорета на какой-нибудь скалѣ, отъ миссіонера и отшельника посвятившихъ себя облегченію золъ человѣчества, до пророка древняго Сіона. Вотъ сестры милосердія, которыя посвящаютъ юность свою нашимъ страданіямъ; вотъ обитательницы монастырскія, которыя воспитываютъ будущихъ супруговъ.

Первосвященникъ Евреевъ, готовый надѣть корону на Іоаса, вдругъ, вдохновенный священнымъ духомъ въ Іерусалимскомъ храмѣ, онъ говоритъ: «Вотъ какіе мстители вооружаются на брань, за тебя, вѣчная мудрость — священники и дѣти! но если ты поддержишь ихъ, кто можетъ поколебать ихъ; когда ты захочешь, ты можешь вызвать насъ изъ могилъ; ты поражаешь, ты и лечишь; ты разрушаешь, ты и воскресаешь; они не надѣются на свои собственныя силы, но на твое имя, столько разъ оказывавшее имъ помощь, на твой храмъ, въ которомъ твое святое присутствіе.... Но отъ чего мое сердце трепещетъ священнымъ ужасомъ? неужели божественный духъ овладѣлъ мною? да, это онъ, онъ согрѣваетъ меня, онъ говоритъ, мои глаза прозрѣваютъ, и темныя вѣка передо мной ясиѣютъ. Небо и земля, внимайте моему голосу. Не говори, Іаковъ, что Господь твой

Святъ; грѣшники разступитесь, Господь воздвигается! *! Не нужно нашихъ ни какихъ комментариевъ, прибавляетъ Шатобрианъ.

И сколько мы найдемъ такихъ поразительныхъ сценъ у славнѣйшихъ поэтовъ новаго мѣра. Вотъ, на примѣръ, явленіе священнослужителя посреди безумной пирующей толпы:

священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
 Вы пируествуете и вѣселии разврата
 Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
 Повсюду смертію распространенной!
 Среди ужаса плачевныхъ похоронъ,
 Среди блѣдныхъ лицъ молюсь я на кладбищѣ,
 А ваши ненавидимые восторги
 Смущаютъ тишину гробовъ — в землю
 Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
 Когда бы стариковъ и женъ моления
 Не освѣтила общей смертной ямы,
 Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника терзаютъ,
 И въ тьму кромѣшную тащатъ со свѣтомъ

.....

.....

Я заклинаю васъ святою кровью
 Спасителя, распятаго за васъ:
 Прервите пиръ чудовищный, когда
 Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
 Утраченныхъ возлюбленныхъ души.

Приведемъ еще превосходную сцену между Манфредомъ и священникомъ (Байрона); она во всей полнотѣ покажетъ все величіе и достоинство этого характера, какого не могли знать древніе.

АББАТЪ, входить.

Да будетъ пиръ съ грѣсомъ Манфредомъ.

МАНФРЕДЪ.

Благодарю, мой отецъ, будьте милымъ гостемъ въ этомъ замъ

- * Voila donc quels vengeurs s'arment pour ta querelle!
- Des prêtres, des enfans, o sagesse éternelle!
- Mais si tu les soutiens, qui peut les ébranler?
- Du tombeau, quand tu sais nous rappeler. и проч

Рассиисъ.

кѣ; ваше присутствіе дѣлаетъ ему честь; оно благословеніе для тѣхъ, кто живетъ въ немъ. Что вамъ отъ меня угодно, мой почтенный гость?

АББАТЪ.

Я буду говорить безъ обиняковъ: мои сѣдые волосы, моя речность, мое служеніе будетъ моимъ извиненіемъ. Странные и соблазнительные слухи безчестятъ ваше имя, это славное имя искони вѣровъ. Ахъ! можетъ ли оно перейти безъ пятна къ вашимъ потомкамъ?

МАНФРЕДЪ.

Продолжайте, я васъ слушаю.

АББАТЪ.

Носится молва, что вы занимаетесь тайнами, запрещенными любопытству людей; говорятъ, что вы заключили союзъ съ жителями мрачныхъ жилищъ.... Я знаю, что вы рѣдко общаетесь съ міромъ и людьми себѣ подобными; я знаю, что вы подобно Анахорету, въ самомъ строгомъ уединеніи, и что оно не совсѣмъ свято.

МАНФРЕДЪ.

А кто распространяетъ эти слухи?

АББАТЪ.

Мои братья въ Богѣ, крестьяне, ваши собственные вассалы, которые съ безпокойствомъ смотрятъ на васъ. Ваша жизнь течетъ среди величайшихъ опасностей.

МАНФРЕДЪ.

Моя жизнь? Оставляю ее вамъ.

АББАТЪ.

Я прихожу спасать, а не губить.... Я висколько не хочу проникать въ тайну вашей души, но если молва справедлива, еще есть время призвать покаяніе и милосердіе; примиритесь съ непорочной церковью, и церковь примиритъ васъ съ небомъ.

МАНФРЕДЪ.

Я слышалъ васъ; вотъ мой отвѣтъ: то, что я былъ, или то, что я теперь, знаютъ только небо да я. Въ мои посредники я не изберу ни одного смертнаго. Преступилъ я какіе нибудь законы? пусть же докажутъ это, и потомъ опредѣлятъ мнѣ наказаніе.

АББАТЪ.

Мой сынъ, я не говорю о наказаніи, но о прощеніи и покаяніи. Отъ васъ зависитъ избраніе. Наши догматы, наша вѣра, дали мнѣ власть направлять грѣшниковъ по стези надежды и добродѣтели; право наказанія я оставляю небу. «Наказаніе принадле-

жать только мнѣ», говоритъ Господь, и его служитель со смиреніемъ повторять эти важные слова.

МАНФРЕДЪ.

Старикъ! ни что не въ состояніи вырвать изъ сердца живаго чувства преступленій, страданій, наказанія, какое оно опредѣляетъ самому себѣ, ничто, ни состраданіе служителей неба, ни молитвы, ни покаяніе, ни скорбное лицо, ни постъ, ни ужасъ, ни муки того глубокаго отчаянія, которое преслѣдуетъ насъ совѣстью, не страша насъ страхомъ ада.... Нѣтъ мученія, которое могло бы выразить правосудіе надъ тѣмъ, кто самъ себя осуждаетъ, и самъ себя наказываетъ.

АББАТЬ.

Эти чувства похвальны: когда-нибудь они уступятъ мѣсто сладкой надеждѣ. Вы будете смѣло, съ вѣрнымъ упованіемъ смотрѣть на счастливое жилище, отверзтое для всѣхъ, кто ищетъ его, какія бы заблужденія ни были у нихъ на землѣ; но чтобъ покаяться въ этихъ заблужденіяхъ, нужно прежде почувствовать необходимость покаянія. Продолжайте, графъ Манфредъ. Все, чему можетъ научить васъ наша вѣра, научить васъ; и вы омоешь отъ всего, что мы можемъ разрѣшить вамъ.

МАНФРЕДЪ.

Когда шестой римскій императоръ увидѣлъ свой послѣдній часъ, побѣждаемый раной, которую онъ нанесъ себѣ собственной своей рукой, чтобъ избѣжать стыда наказанія приготовленнаго ему севатомъ, нѣкогда рабомъ его, тогда одинъ солдатъ, подвижный великодушнымъ состраданіемъ, хотѣлъ удержать кровь своего императора полою своего платья. Римлянинъ, умирая, отталкиваетъ его, и со взглядомъ, выразившимъ еще прежнюю власть, сказалъ ему: уже слишкомъ поздно! не въ этомъ ли твоя вѣрность?

АББАТЬ.

Что вы хотите сказать?

МАНФРЕДЪ.

Я отвѣчаю подобно ему: уже слишкомъ поздно.

АББАТЬ.

Никогда не можетъ быть поздно примириться вамъ со своей душой, и вашей душѣ съ Богомъ....

Удостойте выслушать меня....

МАНФРЕДЪ, живо.

Старикъ, я уважаю твое служеніе, я почитаю твои сѣдины, я вѣрю, что твое намѣреніе благочестиво, но все это напрасно. Не

предполагаю во мнѣ легковѣріе, только для твоей безопасности я избѣгаю дальнѣйшаго разговора. Прощай.

УХОДИТЬ.

АББАТЬ.

Этотъ человѣкъ могъ бы быть благороднымъ созданиемъ. Какое онъ теперь—это хаосъ, достойный уваженія, смѣшеніе свѣта и тьмы, генія и праха.... Онъ идетъ на гибель, во я спасу его; сдѣлаемъ другую попытку.... Мой долгъ повелѣваетъ мнѣ для блага осмѣлиться на все....

Вотъ еще другая поразительная сцена, которая можетъ служить продолженіемъ первой. Манфредъ въ башнѣ разсматриваетъ звѣзды. Къ нему входитъ тотъ же самый аббатъ.

АББАТЬ.

Еще разъ прошу у васъ извиненія, вторично посѣщая васъ; не примите за обиду нескромную докучливость моей ревности; охотно принимаю на себя всю вину; да освѣтитъ вашъ разумъ все доброе, зачѣмъ я не могу сказать, ваше сердце. Если бы я своими увѣщаніями и своими молитвами могъ тронуть его, то я привелъ бы на добрый путь благородное сердце, которое заблудилось, но которое еще не потеряно.

МАНФРЕДЪ.

Ты не знаешь меня. Мои дни сосчитаны, и мои дѣла уже записаны въ небольшой книгѣ. Удались, твое присутствіе здѣсь можетъ принести тебѣ гибель; удались.

АББАТЬ.

Вы мнѣ угрожаете?

МАНФРЕДЪ.

Я, нѣтъ. Я просто объявляю тебѣ, что для тебя здѣсь есть опасность, и я хотѣлъ бы предохранить тебя.

АББАТЬ.

Что вы хотите сказать?

МАНФРЕДЪ.

Смотри, ты не видишь ничего....

АББАТЬ.

Я вижу то, что очень было бы способно заставить меня дрожать, но я не боюсь ничего. Я вижу мрачный и ужасный призракъ, выходящій изъ земли, какъ адская святыня.... онъ между вами и мной, но я не боюсь его.

МАНФРЕДЪ.

Ты не боишься ничего, это правда, но его видъ можетъ обезсилить твои члены, обремененные годами. Удались, повторяю тебѣ.

АББАТЬ.

А я повторяю, что я не удалюсь, пока не разсвѣю этого призрака. Чтѣ онъ здѣсь дѣлаетъ?

МАНФРЕДЪ.

Я не знаю, не я звалъ его, онъ самъ пришелъ ко мнѣ.

АББАТЬ.

Увы! погибшій человекъ! Какое сношеніе имѣете вы съ подобными гостями? Я трепещу за васъ; зачѣмъ онъ смотритъ на васъ, а вы на него? А! вотъ онъ открываетъ свое лицо.... въ глазахъ его блеститъ безсмертіе ада.... Прочь отсюда!...

Эти сцены вполне новѣйшія. Характеръ аббата есть идеальный характеръ христіанскаго священника, для котораго нѣтъ страха, а неодолимое усиліе примирить съ Богомъ душу грѣшника. Характеръ Манфреда могъ развиваться въ такихъ границахъ только подъ вліяніемъ чувствъ христіанскихъ.

Можно бы было привести еще множество поэтическихъ сцѣнъ христіанскаго священника, и всѣ онѣ докажутъ одно и то же, что этотъ характеръ — опять несчастный источникъ для поэзіи.

Приведемъ этотъ разборъ, вполне заслуживающій вниманія.

Духъ героическихъ вѣновъ, говорятъ Шатобріанъ, состоитъ изъ смѣшенія еще грубаго гражданскаго состоянія и состоянія религіознаго, вознесеннаго на высшую степень своего вліянія. Варварство и политеизмъ произвели героевъ Гомера, варварство и христіанство воспитали рыцарей Тасса. Кто же, *герои или рыцари* заслуживаютъ предпочтенія, какъ въ описаніи нравственномъ, такъ и въ поэтическомъ? Вотъ что нужно вамъ изслѣдовать. Сравнивая человекъ съ человекомъ, намъ кажется, что лица *Освобожденнаго Иерусалима* выше лицъ *Иліады*. Въ самомъ дѣлѣ, какое различіе между рыцарями столь свободными, столь безкорыстными, столь человѣческими, и героями — коварными, жадными, жестокими, ругающимися надъ трупами своихъ непріятелей, наконецъ поэтическими по своимъ порокамъ такъ, какъ первые по своимъ добродѣтелямъ. Если подъ героизмомъ разумѣть усиліе противъ страстей въ пользу добродѣтели, то конечно истиннымъ героемъ будетъ Годфридъ, а не Агамемнонъ. Теперь мы спрашиваемъ, отчего Тассъ, изображая рыцарей, начерталъ модель совершеннаго воина, тогда какъ Гомеръ, представляя людей героическихъ временъ, составилъ различные виды чудовищъ? Потому что христіанство дополнило художественный нравственный идеалъ или художественный идеалъ характеровъ, а политеизмъ не могъ дать этой выгоды пѣвцу Иліона.

Есть два рода-идеаловъ, продолжаетъ Шатобрианъ, художественный идеалъ нравственный, и художественный идеалъ физическій; тотъ и другой получаютъ свое начало отъ общества.

Человѣкъ слишкомъ близкій къ природѣ, какъ напримѣръ дикій, не можетъ знать ихъ. Въ своихъ пѣсняхъ онъ довольствуется передавать только то что онъ видитъ. Какъ онъ живетъ посреди пустынь, то его картины благородны и просты: тамъ вы не найдете худаго вкуса, но онѣ однообразны, и ихъ дѣйствія не доходятъ до героизма.

Вѣкъ Гомера уже далекъ отъ этихъ первыхъ временъ. Житель Канады провазаетъ дикую козу своими стрѣлами; вотъ онъ посреди лѣса сдираетъ съ нея кожу, вотъ онъ тащитъ свою плѣтвицу на уголья зажженного дуба: все поэтическое въ этихъ нравахъ. Но въ палаткѣ Ахилла есть чаши, есть вертелы, сосуды. Нѣсколько подробностей болѣе, и Гомеръ могъ бы впасть въ неприличныя описанія, но онъ уже вступилъ на путь художественнаго идеала, начиная кое-что скрывать. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ умножаются нужды жизни, поэты сознаютъ, что не должно все рисовать передъ глазами, какъ это дѣлалось въ прошедшемъ, но извѣстныя части картины должно закрывать покрываломъ. Сдѣлавъ этотъ первый шагъ, они видятъ еще, что должно *выбирать*....

И такъ всегда скрывая и выбирая, отбрасывая и прибавляя, они мало-по-малу достигли до образовъ, которые уже не были чисто изъ природы, но совершеннѣе ея: артисты называютъ эти образы художественнымъ идеаломъ. Такимъ образомъ можно опредѣлить художественный идеалъ—искусство выбирать и скрывать. Это опредѣленіе относится равно къ художественному идеалу нравственному и физическому; одинъ мы образуемъ, скрывая слабую часть предметовъ, другой—удаляя отъ взоровъ извѣстныя слабыя стороны души: душа имѣетъ свои постыдныя нужды и свои низости, какъ и тѣло....

Теперь если вы захотите представить первые вѣка Греціи, то простота нравовъ откроетъ вамъ много прекраснаго, тогда какъ варварство характеровъ поразитъ васъ непріятно: политизмъ не снабжаетъ ничѣмъ, чтобы исправить дикую природу и недостаточность первоначальныхъ добродѣтелей.

Рыцарство же, представляетъ прекрасное смѣшеніе истины и изобрѣтенія или вымысла. Съ одной стороны поэтъ можетъ представить картину нравовъ во всей ихъ наивности: старый замокъ, большой очагъ, турниры, охоты, звукъ рога, шумъ оружія;

нѣтъ ничего, оскорбляющаго вкусъ, нѣтъ ничего, что должно выбрать или скрыть. Съ другой стороны поэтъ не затемнитъ свою живопись представленіемъ человѣка варвара или человѣка природы (*l'homme naturel*); христіанство даетъ ему совершеннаго героя.

Теперь покажемъ, что эти рыцарскія добродѣтели, возвышающіе рыцаря до художественнаго идеала, добродѣтели истинно христіанскія; если бы они были только простыя нравственныя добродѣтели воображаемыя поэтомъ, то онѣ были бы безъ движенія и безъ дѣйствія, что можно судить по Энею, котораго *Виргилій* сдѣлалъ какимъ-то философскимъ героемъ....

Добродѣтели христіанскія имѣютъ крылья, онѣ страстны. Не довольствуясь удерживаться отъ зла, онѣ хотятъ дѣлать добро онѣ имѣютъ дѣйствительность любви, и держатся въ высшей странѣ. Таковы были добродѣтели рыцарей....

Вѣра и вѣрность были ихъ первыми добродѣтелями.... Рыцарь никогда не лгалъ — вотъ христіанинъ; рыцарь былъ бѣдѣ и безкорыстѣйшій изъ людей — вотъ ученикъ Евангелія; рыцарь проходилъ вдоль и поперекъ міра, помогая вдовѣ и сиротѣ — вотъ любовь Иисуса Христа. Рыцарь былъ нѣженъ и учтивъ; кто могъ дать ему эту нѣжность, если не религія, которая всегда внушаетъ уваженіе къ слабости? Съ какой благосклонностью говорить о женщинѣ самъ Иисусъ Христосъ въ Евангеліи.

Наконецъ христіанскія идеи произвели честь и мужество новыхъ героевъ, которое стоитъ выше храбрости героевъ древнихъ. Истинная религія научаетъ насъ, что человѣкъ долженъ мѣряться не силой тѣла, а величіемъ души.

Извѣстно, какъ благопріятенъ эпопеей рыцарскій характеръ. Какъ прекрасны всѣ эти рыцари освобожденнаго Иерусалима: блестящій Ренальдъ, великодушный Танкредъ, дряхлый Раймондъ Тулузскій.... Чтобы судить о различіи героевъ Гомера и Тасса, достаточно бросить взглядъ на станъ Годфрида и на валы Сиона. Съ одной стороны рыцари, съ другой *древніе герои*. Еще Солиманъ не имѣетъ столько блеска древности, потому что поэтъ даетъ ему нѣкоторыя черты рыцарскаго великодушія, такъ что главный герой невѣрныхъ заимствуетъ свои черты отъ христіанства. Но только въ Годфридѣ можно удивляться высотѣ героическаго характера. Эней хочетъ удалиться отъ соблазна женщины, онъ потушаетъ глаза (*immota tenebat lumina*), онъ скрываетъ свое смущеніе, онъ говоритъ пустыя рѣчи, но не такъ христіан-

скій начальникъ отвергаетъ прелести Армиды; онъ противится, потому что ему хорошо извѣстны тлѣнныя приманки свѣта; онъ продолжаетъ свой полетъ къ небу, какъ сытая птица, которая никогда не спускается туда, гдѣ обманчива пища мнѣ его *.

Должно ли сражаться, быть въ совѣтѣ, усмирить возмущеніе. Годфридъ вездѣ великъ, вездѣ важенъ. Улиссъ ударяетъ Терсита своимъ скипетромъ, и останавливаетъ Грековъ, готовыхъ возвратиться на свои корабли. Эти нравы наивны и живописны. Но посмотрите, вотъ Годфридъ является одинъ среди разъяреннаго стана, обвиняющаго его за то, что онъ приказалъ убить героя. Какая благородная и трогательная красота въ просьбѣ этого начальника, полного сознанія своей добродѣтели! Среди битвы, святое и величественное мужество, неизвѣстное воякамъ Гомера, одушевляетъ христіанскаго ратника. Эней, покрытый священнымъ оружіемъ, стоя на галерѣ, которая приближаетъ его къ берегамъ Рутула, представляетъ героическое положеніе; Агамемнонъ, подобный громовержцу Юпитеру, выражаетъ образъ, полный величія; но Годфридъ не ниже отца Кесарей, ни вождя Атридовъ, въ послѣдней пѣснѣ «Іерусалима» Солнце только что восходитъ; войска на готовѣ, вѣтеръ развиваетъ знамена; на каскахъ волнуются перья; одежды, бахрамы, брони, оружія, цвѣта, золото, желѣзо, все блеститъ при первыхъ лучахъ дня. Годфридъ на быстромъ конѣ объѣзжаетъ ряды своего войска; онъ говоритъ, и рѣчь его образецъ воинскаго краспорѣчія. Его голова, его лицо блеститъ необыкновеннымъ блескомъ: ангелъ побѣды невидимо покрываетъ его своими крыльями. Вдругъ настаетъ глубокое молчаніе: легіоны простерлись на землю, возносясь къ Тому, кто побѣдилъ Голіаѳа рукою юнаго пастуха. Но вотъ звучитъ труба, встаютъ христіанскіе воины, и вдохновенные Богомъ, устремляются на непріятельскіе полки.

* Qual satura ongel, ehe non si cali,
Ove il cibo mostrando, altri l'invita.

В. СТОЮНИНЪ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛѢ ВЪ РОССИИ.

=

Чайной торгъ между русскими купцами и Китайцами составляетъ нынѣ одну изъ важнѣйшихъ отраслей внѣшней торговли Россіи. Развитие этого торга началось съ осьмнадцатаго столѣтія и значительно усилилось съ приращеніемъ вывоза чая. Изъ русскихъ произведеній мягкая рухлядь была первоначально главною статьею отпуска въ Китай, а изъ мануфактурныхъ товаровъ промывались преимущественно иностранныя сукна. По прекращеніи транзита прусскихъ суконъ въ 1822 году, ихъ мѣсто заняли польскія, и до тридцатыхъ годовъ промывъ этихъ суконъ быстро возрасталъ. Устраненіе совѣстничества ихъ съ русскими сукнами въ кяхтинской торговлѣ поощрило сбытъ послѣднихъ до такой степени, что нынѣ онѣ занимаютъ первое мѣсто между товарами, промываемыми Китайцамъ. Кромѣ суконъ отпускаются въ Китай и другія издѣлія русскихъ фабрикъ, какъ-то, шерстяныя: драдедамы, намлоты; бумажныя: вельвереты или пледы, нанка и прочее; льняныя: чешуйка, тикъ; кожевенныя:

юсть, козлы и сафьянъ, и частью металлическія издѣлія. Всѣ эти товары промѣниваются почти исключительно на чай. Возрастающій привозъ его въ Россію изъ Китая доставляетъ значительный сбытъ произведеніямъ нашей фабричной и заводской промышленности и поддерживаетъ отпускъ мягкой рухляди, которая все еще требуется туда въ большомъ количествѣ, хотя съ нѣкотораго времени она уступила первенство сукнамъ и вельверетанъ. Сверхъ-того вывозятся въ Китай черезъ Кяхту нѣкоторые транзитные товары: мягкая рухлядь, камлоты, коральки (называемые *маржанъ*) и другіе. Изъ китайскихъ произведеній, кромѣ чая, сбываются въ Россіи весьма немногіе предметы: значительному вымѣнъ китайки, которая нѣкогда была у насъ въ большомъ употребленіи, давно уже прекратился, а поддерживается только привозъ нѣкоторыхъ шелковыхъ и бумажныхъ издѣлій, сахару-леденцу, шелку и другихъ предметовъ въ маловажныхъ количествахъ.

По объявленнымъ цѣнамъ привезено чаевъ и другихъ товаровъ изъ Китая, съ 1841 по 1846 годъ *, въ сложности круглымъ числомъ, на сорокъ милліоновъ рублей серебромъ; въ томъ числѣ одного чаю слишкомъ на тридцать-осемь милліоновъ, а прочіихъ товаровъ только на два милліона **. И такъ цѣнность чаевъ составляла девяносто-пять процентовъ всего привоза.

Чай есть главнѣйшій продуктъ, которымъ Китайцы платятъ за необходимыя имъ иностранныя произведенія. Съ умноженіемъ въ Китаѣ потребности въ нашихъ товарахъ усилился привозъ чаевъ въ Кяхту. Китайцы доставляютъ ихъ туда не по заказамъ русскихъ купцовъ, не для продажи за наличныя деньги, но для промѣну на товары; слѣдовательно, привозъ чаю не представлялъ бы постояннаго приращенія, если бы они не находили успѣшнаго сбыту для вымѣниваемыхъ ими товаровъ. Русскіе купцы, пользуясь выгодами отъ продажи чаю, при возрастающемъ употребленіи его въ Россіи, стали увеличивать заготовку товаровъ, требуемыхъ Китайцами, и такимъ образомъ эта торговля посте-

* Сравненіе этого періода съ предъидущими годами невозможно, потому что до 1841 года отпускъ и привозъ въ кяхтинской торговлѣ оцѣнивались въ «Видахъ торговли» по промѣннымъ цѣнамъ, а съ этого года выказываются по объявленнымъ.

** Средняя сумма годичнаго привоза: чаю на 6,349,394 рубля, другихъ товаровъ на 325,530 рублей, всего 6,674,924 рубля серебромъ.

менно достигла обширнаго развитія, такъ, что нынѣшній вывозъ товаровъ изъ Россіи въ Китай почти вдвое болѣе отпуску ихъ во все другія азіатскія владѣнія *.

Въ общемъ итогѣ товаровъ, промышленныхъ въ Кяхтѣ на чай, съ 1841 по 1846 годъ включительно, фабричныя и заводскія издѣлія составляли семьдесятъ процентовъ, мягкая рухлядь двадцать-одинъ, а прочіе товары десять **. Весь вывозъ издѣлій русскихъ фабрикъ, по европейской и азіатской торговлѣ, простирается въ это шестилѣтіе на 63,045,597 рублей (средняя сумма 10,507,600 рублей въ годъ), въ томъ числѣ отпускъ ихъ черезъ Кяхту въ Китай составлялъ сорокъ три процента.

Въ то же время мягкой рухляди (русской) вывезено въ Европу и въ Азію на 13,638,285 рублей (средняя сумма 2,273,047 рублей), а черезъ Кяхту въ Китай около шестидесяти-двухъ процентовъ всего отпуска. Эти данныя показываютъ важность нашего кяхтинскаго торговаго сбыта, въ промѣтъ на чай, такихъ произведеній, которыя не находятъ себѣ достаточнаго истоку въ другихъ странахъ. Торговля наша съ Китаемъ способствовала развитію многихъ отраслей внутренней промышленности, оживила коммерческую дѣятельность и промыслы въ Сибири, и открыла казны важный источникъ доходу ***. Столь выгодные для государства результаты были слѣдствіемъ успѣховъ потребленія чая, которое въ Россіи значительно распространилось съ начала нынѣшняго

* Отпущено съ 1841 по 1846 годы :	Средняя сумма отпуска.
Въ Китай на 40,017,387 руб.	6,669,564 руб. сер.
Въ другія страны Азіи . 20,427,062 —	3,405,011 —
Итого . . 60,444,449 руб.	10,074,575 руб. сер.

** Съ 1841 по 1846 годы отпущено въ Китай черезъ Кяхту :

Фабричныхъ и заводскихъ издѣлій на 27,367,570 руб.	Средняя сумма.	4,561,261 руб. сер.
Мягкой рухляди 8,340,995 —		1,390,166 —
Прочихъ товаровъ 1,027,459 —		171,243 —
Итого . . 36,736,024 руб.		6,122,670 руб. сер.
Транзитныхъ товаровъ на 2,156,170 —		359,362 —
Всего вообще . . 38,892,194 руб.		6,482,032 руб. сер.

*** Пошлинный сборъ съ чая въ 1846 году составлялъ въ осмнадцать процентовъ всего таможеннаго дохода.

столѣтія. Средній привозъ его составлялъ: въ 1804—1840 годахъ 75,076 пудовъ, въ 1811—1820 годахъ 96,145 пудовъ, въ 1821—1830 годахъ 143,196, въ 1831—1840 годахъ 190,228, въ 1841—1846 годахъ 281,941 пудъ. Въ послѣдній періодъ привезено на двѣсти семьдесятъ-пять процентовъ болѣе нежели въ первый.

Между европейскими государствами и колоніями ихъ Россія занимаетъ нынѣ третье мѣсто по привозу чаю, какъ видно изъ слѣдующаго обзорѣя.

Среднія пропорціи потребленія чаю * :

Въ Великобританіи	1,273,700 пуд.
— Соединенныхъ Штатахъ . . .	875,000 —
— Россіи	316,000 — **
— британскихъ колоніяхъ	200,000 —
— Голландіи и ея колоніяхъ . .	28,500 —
— Германіи	19,300 —
— Франціи и ея колоніяхъ . . .	14,000 —
— Южной Америкѣ	14,000 —
— Бельгіи	5,600 —
— Испаніи и Португаліи	2,800 —
— Итали	1,400 —
— Швеціи и Даніи	700 —
<hr/>	
Итого	2,250,000 пуд.

Сбытъ чаевъ въ Россіи составляетъ седьмую долю всего вывоза ихъ изъ Китая и превышаетъ почти на осемь процентовъ пропорцію ихъ потребленія во всѣхъ другихъ странахъ совокупно, за исключеніемъ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Потребленіе чаю въ этихъ двухъ государствахъ равняется почти тремъ четвертямъ отпуска его изъ Китая; изъ остальнаго количества половина приходится на часть Россіи, треть поступаетъ въ британскія колоніи, а шестая доля употребляется во всѣхъ другихъ странахъ. Пропорціи потребленія чаю, по числу жителей, составляетъ :

* См. «Voyage en Chine», par Hausmann, 1847—1849 годахъ.

** Эту пропорцію составляетъ среднее количество чаю, оплаченнаго пошлиною въ 1844, 1845 и 1846 годахъ, а именно: байховаго 205,000 и кипичнаго 111,000 пудовъ.

Въ Великобритавіи	1,8 фунта
— Голландіи	1,07 —
— Соединенныхъ Штатахъ	1 —
— Франціи	0,3 лота.
— Германіи	0,5 —

Въ Россіи, по числу жителей, приходилось бы только 4,9 лота на cadaго; но эта пропорція не можетъ дать настоящаго понятія о потребленіи у насъ китайскаго чаю, который вовсе неизвѣстенъ многочисленнѣйшей массѣ народонаселенія и употребляется только городскими обывателями. Разсчитывая потребленіе китайскаго байховаго чая въ Россіи, по числу городскихъ жителей, составляющему до пяти милліоновъ, находимъ, что на cadaго изъ нихъ прійдется 4,6 фунта, или почти такая же пропорція, какая нынѣ приходится на cadaго изъ двадцати-семи милліоновъ жителей Великобритавіи.

Любопытно разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ съ начала нынѣшняго столѣтія увеличилось потребленіе чаю въ трехъ государствахъ, которыя снабжаются имъ въ значительнѣйшемъ количествѣ.

Средній годовоі расходъ чая * :

	Въ Велико- бритавіи.	Въ Соединен. Штатахъ.	Въ Россіи.
Въ 1801—1810 годахъ	653,018	96,381	75,076 пуд.
— 1811—1820 ———	678,076	пять свѣденій.	96,145 —
— 1821—1830 ———	784,577	171,197	143,196 —
— 1831—1840 ———	956,716	325,912	190,228 —
— 1841—1846 ———	1,141,771	пять свѣденій.	281,941 —

Въ Великобритавіи правильнѣйшій ввозъ чаю уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія доходившій до 650,000 пудовъ, представлялъ весьма медленное приращеніе до повѣйшаго времени: въ десяти-лѣтніе періоды, съ 1801 по 1810 годы и съ 1811 по 1820 годы, среднее количество чаю, оплаченнаго пошлиною, было почти одинаково; въ 1821—1830 годахъ оно увеличилось на пятнадцать процентовъ, въ 1831—1840 годахъ около двадцати-двухъ процентовъ, а въ 1841—1846 годахъ на девятнадцать процентовъ. Вооб-

* Количества, означенныя въ этой таблицѣ, показываютъ среднюю пропорцію чаю, оплаченнаго таможенною пошлиною при выпускѣ на внутреннее потребленіе.

еще въ послѣдній періодъ потребленіе чаю было на семьдесятъ-пять процентовъ болѣе чѣмъ въ первый. Эти количества показываютъ только пропорцію чаю, оплаченнаго пошлиною; но если бы возможно было исчислить контрабанду, то развитіе его потребленія представилось бы въ другомъ видѣ. До 1784 года, чай былъ обложенъ высокою пошлиною, около ста двадцати процентовъ съ цѣны, и оттого большею частью провозился тайно; съ 1775 по 1784 годы, весь привозъ составлялъ отъ 80 до 150,000 пудовъ. Убѣдясь въ невозможности пресѣчь контрабандный торгъ чаемъ, правительство въ 1784 году уменьшило пошлину до двѣнадцати съ половиною процентовъ. Вслѣдствіе этой мѣры, правильный ввозъ увеличился втрое: съ 1789 по 1795 годы оплачивалось пошлиною отъ 400 до 500,000 пудовъ чая. Во время войнъ, умножившихъ государственные расходы, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, пошлина съ чаю, подобно другимъ налогамъ, была постепенно возвышаема до тридцати, тридцати-пяти, сорока, пятидесяти и девяноста-пяти процентовъ на высшіе сорта, отъ двадцати до шестидесяти-пяти процентовъ на низшіе и, наконецъ, въ 1806 году, установлена однообразная пошлина въ девяносто-шесть процентовъ съ цѣны чаю всѣхъ сортовъ. Въ 1819 году положено взимать эту пошлину только съ низшихъ сортовъ, а на высшіе прибавлено четыре процента съ цѣны. Пошлина въ этомъ размѣрѣ оставалась безъ измѣненія до 1834 года и составляла около двухъ сотъ процентовъ, при монопольныхъ цѣнахъ, по которымъ чай продавался въ Великобританіи, пока Остъ-Индская Компанія пользовалась исключительнымъ правомъ на торговлю съ Китаемъ. Подъ вліяніемъ такого стѣснительнаго тарифа правильный ввозъ чаю не могъ быстро возрастать. Съ отиѣненіемъ монополіи Остъ-Индской Компаніи, въ 1834 году, установлены по сортамъ чаю различныя пошлины (въ одинъ шиллингъ шесть пенсовъ, въ два шиллинга два пенса и въ три шиллинга съ фунта); но неудобство взиманія ихъ, по разнообразію доброты этого товара, заставило скорѣе ввести одинаковую пошлину со всѣхъ сортовъ чаю, по два шиллинга и одному пенсу съ фунта (около одного рубля шестидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта). Съ тѣхъ поръ, втеченіи десяти лѣтъ, при свободной торговлѣ съ Китаемъ, потребленіе чая въ Великобританіи увеличилось слишкомъ на сорокъ процентовъ. Несмотря на домогательство объ уменьшеніи высокой пошлины, которою онъ обложенъ, англійское правительство, при повѣйшей реформѣ тарифа, не кос-

нулось этой важной статьи таможенного дохода, приносящей въ годъ отъ четырехъ до пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около двадцати четырехъ до тридцати милліоновъ рублей серебромъ).

Въ Соединенныхъ Штатахъ потребление чаю съ начала вывѣшняго столѣтія чрезвычайно распространилось: средній привозъ, за вычетомъ отпуску, въ 1821—1830 годахъ, былъ на семьдесятъ-семь процентовъ болѣе чѣмъ въ 1801—1810 годахъ, а въ 1831—1840, по отмѣненіи привозной пошлины, увеличился противъ 1801—1810 годовъ на двѣсти-сорокъ процентовъ.

Въ Россіи сбытъ чаевъ усилился также въ значительной пропорціи, особенно въ новѣйшее время; въ 1840—1846 годахъ привозъ былъ болѣе:

Противъ 1831—1840 годовъ на 48 проц.	
—— 1821—1830	—— 96 —
—— 1811—1820	—— 193 —
—— 1801—1810	—— 275 —

Чай, поступающіе на внутреннее потребление, съ платежемъ таможенной пошлины, получаютъ отъ Китайцевъ черезъ Кяхту и въ небольшомъ количествѣ черезъ Семипалатинскъ. По общему тарифу для европейской торговли чай запрещенъ къ привозу съ 1822 года, а до того времени съ 1797 года былъ обложенъ высокою пошлиною (по одному рублю пятидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта). Кантонскій чай допускается къ привозу съ 1819 года только въ одесское порто-франко, гдѣ онъ обложенъ пошлиною по тридцати копѣекъ серебромъ съ фунта.

По кяхтинскому тарифу 1800 года, взималось таможенной пошлины съ чаю зеленого лучшаго десять, съ простаго пять, съ чернаго семь и съ кирпичнаго одинъ рубль ассигнаціями съ пуда. Въ 1812 году установленъ добавочный сборъ съ чаю зеленого лучшаго одинъ рубль осемьдесятъ-пять копѣекъ, съ простаго одинъ рубль двадцать копѣекъ, съ чернаго одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ и съ кирпичнаго пятнадцать копѣекъ съ фунта. Съ тѣхъ-норъ таможенная пошлина, съ присоединеніемъ къ ней сборовъ подъ разными наименованіями, составляла до 1842 года:

	Съ фунта.
Съ зеленого лучшаго	около 69 коп. сер.
— — — простаго	44 —
— чернаго	55 —
— кирпичнаго	6 —

По кяхтинскому тарифу 1841 года, чай обложень одинаобразно пошлиною въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Съ фунта.
Зеленый лучший	75 коп. сер.
— — простой	47 —
Черный	60 —
Кирничный	10 —

Въ 1845 году, для облегченія чайной торговли, постановлено взимать съ ординарнаго чаю, вмѣсто шестидесяти, по сорока копѣекъ серебромъ съ фунта, и въ то же время возвышена пошлина на цвѣточные чай и на зеленый лучшаго сорта до осьмидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта.

Въ 1846 году, оплачено пошлиною *:

Байхового цвѣточнаго	89,740 пуд. 33 фунта	на 3,779,797 руб. сер.
— — ординарнаго		
или торговаго	144,992 — 24* — —	3,039,869 — —
Зеленаго и простаго	608 — 36 — —	25,029 — —
Кирничнаго	177,903 — 20 — —	434,324 — —

Итого 353,245 пуд. 33 фунта на 7,279,019 руб. сер.

Цѣнность чаевъ, оплаченныхъ пошлиною, изчислена въ «Видахъ торговли» по объявленнымъ цѣнамъ, по которымъ средняя цѣна за фунтъ составляла въ Кяхтѣ, круглымъ числомъ:

На цвѣточный чай около 100 коп. серебромъ.

И торговый . — — 50 коп. серебромъ.

При нынѣшней пошлинѣ съ цвѣточнаго по осьмидесяти копѣекъ, а съ торговаго по сорока копѣекъ, она составляетъ на тотъ и другой до осьмидесяти процентовъ, а при прежней одинаковой пошлинѣ, по шестидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта, приходилось на первый — шестьдесятъ процентовъ, а на послѣдній — сто-двадцать процентовъ. Само собою разумеется, что эта пропорція представляетъ только средній выводъ, и что она можетъ

* До 1846 года, количество чаевъ, оплаченныхъ пошлиною, показывалось въ «Видахъ торговли» общими итогомъ безъ раздѣленія на главные сорта ихъ.

** Въ этомъ количествѣ заключаются 5004 пуда, (на 254,816 руб. сер.) кантонскаго чаю, оплаченнаго пошлиною въ одесскомъ порто-франко.

Быть болѣе или менѣе въ отношеніи различныхъ сортовъ чаю, смотря по разности въ ихъ цѣнахъ.

Весь пошлинный сборъ съ чаевъ доходилъ въ 1846 году до 5,700,000 рублей серебромъ. Должно замѣтить, что ни въ одинъ изъ предъидущихъ годовъ не было оплачено пошлиною такого большаго количества чаю, какъ въ 1846 году.

Изъ отчета о привозѣ чаевъ за этотъ годъ видно, что потребленіе въ Россіи зеленаго чаю весьма маловажно. Въ прежніе годы, расходъ его былъ гораздо значительнѣе: въ 1830 году привезено до 1,300 пудовъ, а въ 1810 году до 12,000 пудовъ. Въ Великобританіи также расходъ зеленаго чаю не великъ и составляетъ менѣе пятой доли всего количества чаевъ, вывозимыхъ туда изъ Китая; напримѣръ:

	Въ 1844—1845 г. *.		Въ 1845—1846 г.	
Чаю чернаго . . .	1,156,789	пуд.	1,249,321	пуд.
— зеленаго . . .	342,089	—	350,250	—
	Итого 1,498,878		пуд. 1,699,571 пуд.	

Зеленые чаи сбываются преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ; напримѣръ, съ 1833 по 1841 годъ средній вывозъ чаевъ изъ Кантона въ Соединенные Штаты составлялъ 93,760 пудовъ чернаго и 336,206 пудовъ зеленаго чаю; слѣдовательно послѣдняго расходится тамъ втрое болѣе.

Черные и зеленые чаи получаютъ съ однороднаго растенія; ихъ различіе происходитъ отъ употребляемыхъ Китайцами способовъ приготовленія чайныхъ листьевъ для этихъ двухъ родовъ чаю. Какъ черные, такъ и зеленые чаи подраздѣляются на многіе сорта, различные видомъ, вкусомъ и запахомъ. Такое разнообразіе ихъ зависитъ отъ климата и почвы тѣхъ мѣстъ, гдѣ родится чайное растеніе, отъ времени сбора чайныхъ листьевъ и отъ различныхъ способовъ приготовленія ихъ на продажу. Ограничиваемся здѣсь описаніемъ тѣхъ сортовъ, которые извѣстны въ кяхтинской торговлѣ, снабжающей чаемъ всю Россію.

Чайные листья, собираемые съ молодыхъ деревьевъ, признаются лучшими, по обильному содержанію въ нихъ соку и по благовонности ихъ. Первые росточки и первые развернушіеся листья составляютъ отборный сортъ. Листья тѣхъ же деревьевъ, во втораго сбора, считаются добротой ниже и такъ далѣе, чѣмъ

* Годъ считается съ іюля одного до іюля слѣдующаго года.

старше, тѣмъ хуже. При появленіи листковъ на чайномъ деревѣ, они имѣютъ видъ серебряной иголки и потомъ, постепенно развертываясь, получаютъ видъ листьевъ, которые, по мѣрѣ своего возраста, становятся грубѣе, лишаются блестящаго, какъ бы серебрястаго, пушка и пріятнаго аромату. Листки чайнаго, растенія при самомъ сборѣ, сортируются и кладутся въ разныя корзины, начиная отъ нѣжныхъ молодыхъ листковъ съ серебрянымъ пушкомъ до самаго грубаго листа. Смотри по этому различію листковъ въ отношеніи къ возрасту, чай раздѣляется на многіе сорта.

Свѣжій листь, снятый съ чайнаго дерева, не очень душистъ, его запахъ усиливаютъ выпариваніемъ на легкомъ огнѣ, въ чугунныхъ котелкахъ, при безпреставномъ и весьма проворномъ помѣшиваніи палочкой. Когда листья начнутъ издавать запахъ, выпариваніе прекращается. Чайные листья перваго сбора выпариваютъ легко и скоро, а послѣдовательно собранные выпариваются болѣе и болѣе. Такимъ образомъ готовится червяй чай изъ листиковъ, которые отъ возрасту лишились блага пушка.

Для приготовленія зеленаго чая употребляютъ отборныя молодые листочки, у которыхъ отрываютъ кончики и стебельки; во время подогрѣванія отмахиваютъ вѣромъ горячій паръ, чтобы чай не пожелтѣлъ и не измѣнилъ своего запаха и вкусу. Потомъ высыпаютъ его на лотки или фарфоровыя блюда, разстилаютъ тонкимъ слоемъ и проворно отмахиваютъ вѣромъ горячій паръ, а между тѣмъ пока чай влаженъ, переминаютъ его руками, отчего листочки какъ бы свертываются. Послѣ того, вторично высыпаютъ чай въ котелки и подсушиваютъ его на легкомъ огнѣ. Низкіе сорта зеленаго чаю, состоящаго изъ огрубѣвшихъ листьевъ, окрашиваютъ, какъ говорятъ, какимъ то особеннымъ безвреднымъ веществомъ, для приданія имъ зеленаго цвѣту, котораго они лишаются отъ возрасту.

Обработанный чай надушивается разными пахучими цвѣтами: ихъ перекладываютъ, плотно затыкаютъ и подогрѣваютъ черезъ воду; потомъ, остудивъ, вынимаютъ цвѣты, а чай, завернувъ въ бумагу, сушатъ. Лучшій чай не терпитъ пахучихъ цвѣтовъ и портится отъ нихъ; поэтому ими сдабриваютъ только средственныя чаи.

Ароматъ, свойственный хорошему чаю, происходитъ отъ самыхъ листьевъ, а не отъ какой-либо примѣси. Увѣряютъ, что

высокіе сорты чаю вспрыскиваютъ еще особенною водою, составленною изъ разныхъ ароматическихъ цвѣтковъ, отъ которой чай будто-бы получаетъ запахъ, отзывающійся гнилостью.

По рассказамъ Китайцевъ, торгующихъ въ Кяхтѣ, можно заключить, что не все владѣльцы чайныхъ плантацій сами занимаются приготовленіемъ чаевъ: собранные листья обыкновенно выносятъ на рынки, какъ зелень; ихъ скупаютъ чайные мастера, которые сортируютъ ихъ и каждый, по своему усмотрѣнію и способу, приготовляетъ чай на продажу.

Кромѣ чернаго и зеленаго есть еще *бѣлый чай* (по-китайски «бай»), который въ цѣльномъ видѣ не вывозится изъ Китая. Этотъ чай состоитъ изъ самыхъ молодыхъ листиковъ, подернутыхъ снизу бѣловатымъ пушкомъ. Они называются цвѣтками и обыкновенно примѣшиваются къ черному чаю, который и получилъ оттого названіе *цвѣточнаго байховаго чаю*.

Байховыхъ чаевъ (цвѣточныхъ и ординарныхъ) съ 1836 года оплачено пошлиною *:

Въ 1836 году ** . . .	136,229	пуд.
— 1837 —	135,809	—
— 1838 —	129,215	—
— 1839 —	143,842	—
— 1840 —	152,954	—
— 1841 —	171,561	—
— 1842 —	196,577	—
— 1843 —	139,075	—
— 1844 —	178,695	—
— 1845 —	201,042	—
— 1846 —	235,342	—

Байховые чай вообще раздѣляются на *фамильные, сансинскіе и обыкновенные*.

Подъ названіемъ *фамильных* разумѣются тѣ чаи, которые покупаются торгующими въ Кяхтѣ Китайцами лично или приказчиками ихъ, на чайныхъ плантаціяхъ и промѣниваются русскимъ

* Со включеніемъ и зеленыхъ чаевъ, пропорція которыхъ, какъ замѣчено выше, весьма маловажна.

** Въ «Видахъ торговли» до 1836 года эти чай не были отдѣлены отъ кирпичныхъ.

купцамъ, подъ собственною фирмою, выставленною на цѣбываніе съ чаемъ. Покупая чай въ Фучанѣ или Фудзиянѣ *, торговцы стараются, чтобы чай, известныи водъ нкъ фамиліею, былъ той же доброты и тѣхъ же сортовъ, каковы они предпочитаютъ торговать. Они означаютъ свою фамилію на цвѣточныкъ сортахъ чаевъ, зная, что каждый изъ русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Кяхтѣ, предварително увѣренъ въ добротѣ чая, носящаго такую-то именно фамилію.

Сансинскіе чай заготавливаются также въ Фучанѣ, но такими купцами, которые не ѣздятъ въ Кяхту и не производятъ тамъ торговли, а продаютъ свои чай въ Калганѣ (въ губерніи Саян-ск) Китайцамъ, торгующимъ съ Кяхтою **. Сансинскихъ чаевъ не называютъ фамильными, хотя они также имѣютъ на цѣбкахъ фамиліи своихъ хозяевъ. Эти фамиліи известны только торгующимъ въ Кяхтѣ Китайцамъ и русскимъ купцамъ. Впрочемъ, высокіе сорта этихъ чаевъ продаются также подъ фамиліею своихъ хозяевъ. Во всей партіи сансинскихъ чаевъ бываетъ только около десятой части цвѣточныхъ, а прочіе всѣ черные.

Ординарными или *обыкновенными* называются не высокіе цвѣточныя и черныя чай. Привозъ ихъ въ настоящее время незначителенъ.

По укладкѣ, байховые чай раздѣляются на *квадратные* и *не квадратные* или *полуторные*. Квадратное мѣсто или цѣбикъ (деревянный ящикъ) бываетъ мѣрою въ десять вершковъ во всѣ три конца, а полуторное длиною въ двѣнадцать вершковъ, шириною въ девять и глубиною въ одиннадцать съ половиною вершковъ. Иныя мѣста внутри выложены желтою мягкою бумагою и такой укупорки чай бываетъ только сансинскій; въ другія же мѣста вкладываютъ свинцовыя и малою частію оловячныя банки въ которыхъ чай запаиваъ пѣ-глухо. Снаружи каждое мѣсто обложено бамбуковыми листьями и оплетено тростяниковыми лыками. Мѣста насыпаются чаемъ сколько возможно туже, чтобы онъ въ пути не перебывался отъ тряски. Верхній слой его бываетъ варданѣе, то есть, засыпанъ отборнымъ чаемъ, называемымъ *верхи* или *верховикъ*, котораго бываетъ въ цѣбикѣ не болѣе двухъ

* Въ этой провинціи Китая производится главнѣйшая заготовка чаевъ и отсюда отправляютъ ихъ какъ въ Кяхту, такъ и въ Кантонъ.

** Право торговли съ Русскими въ Кяхтѣ предоставлено Сансинцамъ; купечество другихъ провинцій не имѣетъ этого права.

сунуть, а иногда и меньше. Въ каждом изъ нихъ съ близлежащаго чайнаго складируется одна, либо двѣ застурки на бумагахъ краснаго и частью желтого цвѣту, на китайскомъ и русскомъ языкахъ, съ фамилію «узы» (то есть, китайскаго торговца дома), съ употребленіемъ въ добротѣ чаю, въ полновѣсности насытки и тому подобнаго.

Байховые чай бываютъ двухъ родовъ, *цвѣточныя* и *черныя* или *травяныя*.

1. *Цвѣточные чай* состоятъ изъ чернаго, свѣтлаго съ длинными молодыми листками съ серебристыми пушикомъ, только что образовавшіеся изъ почки. Эти листки бываютъ болѣею частью свернувшись вдоль такъ, что нижняя пушистая бѣлая сторона изъ обращена наружу, а верхняя тонкозеленая внутрь и оттого она узка и длинна, какъ иглы. Самые длинные изъ нихъ и самые лучшіе бываютъ не болѣе четверти вершка или дюймаго морота этой мѣры. Чѣмъ они цѣлье, тѣмъ добротѣе. Пороченныя, худо свернувшіеся листочки, съ бѣлочною зеленою или смуглою, болѣе переломанныя или перебитыя, считаются худшими. Качество бѣлаго чай въ цвѣточныхъ чайкѣ бываетъ очень различно; смотря по качеству и пропорціи его опредѣляется ихъ доброта.

Высокаго сорту цвѣточные фамильные чай, *лянсинны*, отличаются отъ другихъ сортовъ, не только добротою и количествомъ бѣлыхъ листочковъ, но и добротою чернаго чаю, входящаго въ составъ этого сорту. Въ Лянсинвахъ черныя чай бываетъ цвѣтотъ самый тонкозеленый, съ свѣтлымъ отливомъ, вовсе безъ красноты, какия приобщается въ другихъ черныхъ чайхъ. Онъ убережетъ и гораздо больше на ощупь. Его приготовляютъ изъ молодыхъ, небольшихъ листочковъ, между которыми находится довольно изъ таковой же величины, какъ въ бѣломъ чаѣ, только съ тою разницею, что они снизу не бѣлы, а темны. Бѣлый чай въ Лянсинныхъ состоитъ изъ свернутыхъ кругловатыхъ, вѣтвяныхъ листочковъ, въ видѣ вѣточекъ, бывающихъ по два и по три вмѣстѣ. Лянсинны имѣютъ ароматный запахъ и на вкусъ очень пріятны. Если этотъ чай хорошенько пожевать, то онъ болѣе другихъ цвѣточныхъ чаевъ отзывается особенною пріятною сладостію.

Цвѣточные фамильные чай прочихъ сортовъ набираются изъ бѣлыхъ, черныхъ и частью желтоватыхъ листочковъ и стебельковъ. Бѣлые листки въ нихъ бываютъ мельче листовъ, со-

ставяющихъ уборку цвѣточныхъ чаевъ высокаго сорту, не имѣютъ такого аромату и отзываются задхлостью, какъ высокіе сорты. Верхн этого чая въ каждомъ мѣстѣ засыпаны лучшимъ чаемъ, уборкою похожимъ на чай высокаго сорта.

Изъ известныхъ фамильныхъ чаевъ, тѣ, которые ароматнѣе, имѣютъ хорошую уборку и больше листочковъ въ видѣ вѣточекъ считаются вообще лучшимъ.

По кяхтинской сортировкѣ фамильные цвѣточные чаи обыкновенно раздѣляются на четыре сорта. Цвѣточный чай Китая Маюкона издавна славится превосходною добротой и поступаетъ всегда въ первый сортъ. Къ этому же сорту причисляется чай Шитычуана, не уступающій въ добротѣ Маюкону*. Второй сортъ составляютъ чаи торговцевъ: Вансунчо, Тысышши и Юнь-чянъ-ана. Цвѣточные чаи прочихъ фамилій: Мьюта, Коачева, Юсу-чо и многіе другіе принадлежать къ низшему разряду и номѣняются, смотря по ихъ добротамъ, въ третій и четвертый сорта.

Пропорція привозу фамильныхъ цвѣточныхъ чаевъ бываетъ различна, отъ 50 до 60,000 мѣствъ. Между этими чаями самый высокій сортъ, лянсинъ, известенъ также подъ фамиліями своихъ хозяевъ: Маюкона, Шитучуана, Мьюты, Кокусина и Тысышши. Лянсинъ доставляютъ отъ 500 до 1000 мѣствъ, и въ этой небольшой партіи случаются самые высокіе сорта, отъ 100 до 200 мѣствъ, привозимые какъ рѣдкость.

Цвѣточные фамильные чаи получаютъ почти всегда въ квадратныхъ мѣстахъ, вѣсомъ отъ 53 до 57 фунтовъ и очень немного въ полоторныхъ, вѣсомъ отъ 75 до 80 фунтовъ. Они бываютъ обыкновенно уложены и запаканы въ свинці. Русскіе торговцы называютъ эти чаи *насытными*. Цвѣточные чаи привозятся также въ небольшихъ свинцовыхъ и частью оловянныхъ чайницахъ или банкахъ, уложенныхъ въ ящички подъ лакомъ, либо оклеенные тафтою и украшенные рисованными, либо наклеенными, разноцвѣтными узорами и фигурами; иногда же бываютъ запаканы въ однихъ только оловянныхъ банкахъ, безъ деревянныхъ ящичковъ. Чаю бываетъ въ банкахъ отъ 24 до 1 фунта, смотря по числу ящичковъ въ мѣстѣ. Цвѣточные чаи этой упаковки известны въ розничной продажѣ подъ названіемъ *илучимыхъ чаевъ*. Ящички съ банками укладываются въ деревянные ящики

* Чай фамиліи Шитычуанъ известенъ только въ Кяхтѣ, а въ Россіи ему присвоено названіе «Шилунги» по фамиліи товарища Шитычуана.

резиной мѣры, которые бываютъ также съ обкладкою изъ бамбуковыхъ листьевъ, связанныхъ тростниковыми лыками. Эти ящики называются «мѣстами.» Въ каждое мѣсто такихъ чаевъ укладываются по 2, 4, 8, 12, 16, 24, 32 и 48 деревянныхъ или оловянныхъ ящичковъ, смотря по ихъ величинѣ. Иногда тѣ мѣста, въ которыхъ бываютъ по два ящика, привозятся и отдѣльно въ камышевыхъ плетухахъ и называются *полу-мѣстами*.

Лянсинные чай получаютъ насыпные, запаивные въ свинцѣ, въ квадратныхъ мѣстахъ, отъ 40 до 46 фунтовъ, либо штучные въ оловянныхъ банкахъ и нарядныхъ ящикахъ, такой же укладки и мѣры какъ цветочные. Эти высокаго сорта чай, насыпанные въ банки съ горлами, весьма уважаются въ Россіи и продаются подъ названіемъ *горловыхъ, лянсинныхъ чаевъ*.

2. *Торговые или черные ординарные чаи* привозятся въ квадратныхъ мѣстахъ, и состоятъ изъ крупноватыхъ сизыхъ, черныхъ, красноватыхъ, желтоватыхъ листочковъ и стебельковъ ихъ. Тѣ черные чай, которые имѣютъ пріятный запахъ и вкусъ, мелкую уборку, состоящую изъ крупновернувшихся листьевъ сизаго или чернаго цвѣта, считаются лучшими. Чѣмъ крупнѣе листья, тѣмъ, конечно, они старѣе, жестче, грубѣе, имѣютъ болѣе красноватый, рыжій цвѣтъ и хорошо не свертываются, а какъ-будто раскидываются и въ кучѣ лежатъ не складно; они бываютъ суше, ломче, слѣдовательно сорнѣе и увѣсистѣе. Напротивъ того, молодые листочки мелки, вѣжнѣе и тоньше, высыхая свертываются лучше, складнѣе и въ кучѣ ложатся тѣснѣе и убористѣе, не такъ ломки и слѣдовательно цѣлѣе, чище, менѣе сорны и легче вѣсомъ; на ощупь мягки и цвѣтомъ темнѣе. И такъ, чѣмъ убористѣе, складнѣе, вѣжнѣе и чернѣе листья, тѣмъ лучше сортъ чая; чѣмъ раскидистѣе, грубѣе на ощупь, сорнѣе, красноватѣе и чѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ стебельковъ и вѣточекъ, тѣмъ ниже сортъ. Когда чай скорѣе сливается, то есть когда онъ даетъ менѣе крѣпкаго, вкуснаго и пахучаго настою, то это вѣрный признакъ, что чай не хорошъ; чѣмъ ниже сортъ его, тѣмъ больше вяжетъ языкъ и отзывается непріятною горечью. Самые лучшіе чаи на вкусъ какъ-бы мягки, не вяжутъ и не очень горьки, запахъ имѣютъ особенный, отзывающійся какъ-будто гнилью, что почти незамѣтно въ низшихъ сортахъ.

Торговые чаи, привозимые въ полуторныхъ мѣстахъ, лучше квадратныхъ запахомъ, вкусомъ и уборкою, которую составляютъ хорошо свернувшіеся сизые, черноватые и красноватые листья, а желтыхъ и зеленоватыхъ бываетъ очень мало.

Во всѣхъ квадратныхъ и полуторныхъ мѣстахъ съ торговыми чаемъ верхній свой состоятъ изъ цѣвочнаго чая съ бѣлыми листьями, который впрочемъ не имѣетъ запаха и вкуса свойственнаго цѣвочному фамилльному чаю, вѣроятно потому, что онъ, будучи долго закупоренъ въ одномъ мѣстѣ съ торговыми чаемъ, принимаетъ его свѣтло, но не измѣняетъ своего вида.

Между торговыми чаемъ, фамилльные предпочитаютъ сансинскимъ, а сансинскіе выше обыкновенныхъ. Въ торговлѣ, разделяются сансинскіе чай на три сорта и бѣтѣ: на первый высшій, второй или средній, и третій простой сортъ; остальные сорта бывають въ незначительномъ количествѣ и низкой доброты.

Фамилльные торговые чай привозятся въ квадратныхъ мѣстахъ отъ 60 до 65 фунтовъ и въ полуторныхъ отъ 82 до 87 фунтовъ въ каждомъ. Пропорція привосу этихъ чаевъ доходитъ отъ 15 до 25 тысячъ мѣствъ.

Сансинскихъ торговыхъ чаевъ привозится отъ 30 до 45 тысячъ мѣствъ. Они называються обыкновенно въ полуторныхъ мѣста, отъ 80 до 87 фунтовъ. Чай, подходящій къ сансинскимъ, получаютъ въ такой же укладкѣ и почти такого же вѣсу. Между сансинскими чаемъ бывають высшіе сорта, которыхъ привозится отъ 5 до 7 тысячъ мѣствъ; они извѣстны подъ фамиллины своимъ именемъ. Прочіе сансинскіе чай дѣлятся, смотря по ихъ добротѣ, иногда только на два сорта, иногда на три, а иногда даже и на шесть сортовъ, изъ которыхъ самыя послѣдніе, пятый и шестой, состоятъ изъ чаевъ грубыхъ, низкой доброты и въ Кяхтѣ называються «кайтѣкскими»; этихъ чаевъ вымѣнивають мало и стараются набѣгать, отъ того что сбытъ ихъ въ Россіи затруднительнѣе.

Обыкновенныхъ торговыхъ чаевъ получается самая малая часть. Они бывають въ квадратныхъ мѣстахъ вѣсомъ отъ 55 до 60 фунтовъ.

3. Зеленые чай имѣють цвѣтъ темный, либо изъ желта зелены, какъ-бы мутный или болотный. Молодые листочки этого чаю ссытаны въ немъ довольно мелко и даже какъ-бы въ видѣ зеренъ, между которыми попадаются головки отъ чайныхъ цѣвочковъ. Онъ отличается отъ черныхъ и цѣвочныхъ чаевъ своимъ особеннымъ запахомъ и вкусомъ, болѣе горьковатымъ и менѣе жгущимъ. Въ Россію зеленый чай доставляется только подъ двумя названіями, или фамиллины: *Хинъ-Лунъ-ты* и *Чан-ко-тай*. Чай этихъ двухъ фамилій не имѣетъ особенныхъ постоянныхъ отацтій. По-

да привозится чайъ называемый императорской или *ханскій-жемчужный*, который отличается отъ прочихъ желтоватымъ цвѣтомъ и тщательнѣйшимъ выборомъ и приготовленіемъ листовъ *. Зеленый чайъ бываетъ: *баночный*, въ тонкихъ оловянныхъ баночкахъ, оклеенныхъ бумагою, по 60 банокъ въ мѣстѣ и въ каждой по фунту чаю, либо по 12 банокъ въ мѣстѣ и въ каждой по 5 фунтовъ чаю, и *канцуй*, то есть уложенный въ небольшие деревянные ящики съ свинцовыми банками, вмѣщающими по 10 фунтовъ чаю. Ящики росписаны снаружи цвѣтами и картинками, обложены китайскою тонкою травою и оплетены весь кругомъ красивою тростниковою рѣшеточкою. Въ одно мѣстѣ укладываютъ по шести такихъ ящиковъ. Иногда укладываютъ зеленый чайъ въ малыхъ равной величины банкахъ, вложенныхъ въ соответственные имъ величины ящики, царядно убранные разными наклеенными фигурами; такой чайъ называется «подъ куклами», потому что въ украшеніяхъ представляются человѣческія и другія изображенія, которыя или нарисованы или выпукло сдѣланы изъ шелковыхъ матерій. Этотъ чайъ бываетъ болѣею частью *фамлиа Чаа-ко-шай*. Вообще въ оптовой торговлѣ зеленый чайъ извѣстенъ только упомянутыхъ разборовъ и *фамлиа*, а въ розничной, мѣлочной продажѣ, ему даютъ разныя названія, напримѣръ *жуланъ*, *ванзовой*, *лянцовой*, и тому подобныя.

Зеленые чаи, привозимые въ Россію, обыкновенно бываютъ не изъ самыхъ лучшихъ, а изъ средственныхъ сортовъ. Самые высокіе сорта, извѣстные подъ названіемъ *ханскихъ*, привозятся только по заказу, по нѣскольку ящиковъ. Простыхъ зеленыхъ чаевъ, по худой ихъ добротѣ, доставляется также очень мало. Весь привозъ зеленыхъ чаевъ бываетъ отъ 500 до 700 мѣствъ.

Къ рѣдкимъ и мало-употребительнымъ въ Россіи чаямъ принадлежатъ *желтые чаи*, которые цвѣтомъ и видомъ похожи на сухой шафранъ. Желтый *силью а-неха*, мельче, нѣжнѣе, убористѣе и запахомъ слабѣе, нежели *санъ-пхень*, который крупнѣе и душистѣе. Низкій сортъ «санъ-пхень» называется *таъ эръ*.

* Этотъ чайъ называется ханскимъ, потому что доставляется къ императорскому двору въ видѣ дани и, бывъ потомъ розданъ чиновникамъ, во время праздниковъ, продается ими торговцамъ. Названіе жемчужнаго дано этому чаю отъ того, что нѣжныя листья его бывають свернуты въ видѣ жемчужины.

Желтый чай, приготовляемый на водѣ, даетъ настой схожій съ зеленымъ чаемъ, но отличающійся тѣмъ, что на бѣломъ фарфоровомъ блюдѣ отражаетъ розовымъ цвѣтомъ, тогда какъ настой зеленого чаю выходитъ желтый съ зеленью. Вообще желтые чай пріятнѣе зеленыхъ по виду и вкусу. Чай *самъ-лхенъ* разныхъ сортовъ — самый употребительный въ Китаѣ.

Самой низкой доброты чай — такъ называемый *кирпичный*, получившій это названіе отъ того, что чайные листья въ немъ крѣпко сбиты въ бруски или кирпичи четырехъугольной формы. Чай этого роду привозится въ Россію для сбыту сибирскимъ инородцамъ, Татарамъ и Калмыкамъ. Въ новѣйшее время расходъ кирпичнаго чаю значительно увеличился, какъ видно изъ слѣдующей вѣдомости о количествѣ этого чаю, оплаченномъ пошлиною съ 1836 года *.

Въ 1836 году.	79,455 пуд.
— 1837 —	58,161 —
— 1838 —	71,937 —
— 1839 —	66,426 —
— 1840 —	66,031 —
— 1841 —	76,104 —
— 1842 —	67,637 —
— 1843 —	92,389 —
— 1844 —	85,424 —
— 1845 —	129,911 —
— 1846 —	117,903 —

Средній привозъ кирпичнаго чаю, въ теченіи семи лѣтъ до 1843 года составлялъ 69,393 пудовъ, а въ послѣдніе четыре года увеличился до 106,407 пудовъ. Нельзя предполагать, что сбытъ этого чаю могъ усилиться въ столь короткое время и въ такой значительной пропорціи (слишкомъ на 50%) единственно отъ обращенія его расхода между азійскими племенами; до 1843 года кирпичнаго чаю оплачивалось пошлиною около 70,000 пудовъ въ годъ, а въ послѣдующіе годы до 100,000 пудовъ, и болѣе. Въ новѣйшее время употребленіе его стало распространяться между русскимъ простымъ народомъ, особенно въ Сибири. Сверхъ того,

* Въ «Вѣдахъ Торговли» до 1836 г. нѣтъ свидѣній о количествѣ привоза кирпичнаго чаю.

предполагаютъ, что кирпичный чай употребляется и внутри Россіи, въ видѣ примѣся къ низкимъ сортамъ торговыхъ чаевъ.

Чай въ кирпичахъ бываетъ изъ-бура зеленоватый или желто-бурый, иногда темно-бурый. Каждый «кирпичъ» или брусокъ длиною до 8 вершковъ, шириною въ $3\frac{1}{2}$, 4 и $4\frac{1}{2}$ и толщиною въ полвершка, иногда и болѣе, вѣсомъ около $3\frac{1}{2}$ фунтовъ. Чайныя листья въ немъ сдавлены и засушены такъ крѣпко, что только сильный человекъ можетъ переломить кирпичъ просто руками. Чѣмъ крѣпче сдавленъ кирпичъ, тѣмъ мельче въ немъ листья, и тѣмъ онъ спорѣе, и чай изъ него наваривѣе. Его можно только терѣть на теркѣ или скоблить ножомъ, либо рѣзать пилою; въ урѣзѣ онъ плотенъ безъ моздрей.

Китайцы, по увѣренію однихъ, готовятъ кирпичный чай изъ листьевъ чайнаго растенія, старыхъ и грубыхъ, со стебельками и вѣтками, а по словамъ другихъ, на дѣланіе кирпичнаго чаю употребляютъ листья съ чайнаго дерева, растущаго въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ листья его не имѣютъ того вкуса, какой нуженъ хорошему чаю. Нѣкоторые предполагаютъ, что онъ готовится изъ остатковъ спитаго чаю.

Кирпичный чай обыкновенно готовится на молокѣ съ солью, либо на водѣ съ солью и коровьямъ масломъ. Настой золотника кирпичнаго чаю въ полуфунтѣ горячей воды выходитъ густаго темно-коричневаго цвѣту, горекъ, вяжетъ во рту, довольно приторенъ и отзывается чѣмъ-то гниловатымъ. Впрочемъ этотъ гниловатый вкусъ, какъ полагаютъ должно, принадлежитъ собственно чаю и есть природное, а не поддѣльное его качество. На поверхности настоя замѣтна какая-то жирная и нечистая густота, которая, по словамъ Китайцевъ, происходитъ будто-бы отъ клейкихъ, безвредныхъ веществъ, употребляемыхъ для соединенія чая въ плотные кирпичи.

Кирпичный чай привозится въ камышевыхъ плетушкахъ въ видѣ ящичковъ; кирпичи переложены влохою китайскою желтою оберточною бумагою, по 36 штукъ въ каждомъ мѣстѣ.

Къ роду кирпичнаго чаю принадлежитъ *чай-лугань*, который отличается отъ него тѣмъ, что не соединенъ въ кирпичи, а продается разсыпной; притомъ онъ нѣсколько лучше кирпичнаго видомъ и вкусомъ. Этотъ чай употребляется въ Монголіи вмѣсто мелкихъ денегъ. Въ Кяхту привозятъ его очень мало.

Въ Кяхту привозится изрѣдка *чай-пурча*, сжатый въ шарики, твердые, какъ плитки кирпичнаго чая. По виду своихъ листочковъ, онъ имѣетъ сходство съ байховымъ чаемъ, но отличается

болѣе вяжущимъ и горьковатымъ вкусомъ. Шарьки бываютъ вѣсомъ до 11 золотниковъ и увязаны въ шпрокляхъ бамбуковыхъ листьяхъ по десяти шариковъ въ каждой вязанкѣ.

Здѣсь нечислены сорта чаевъ, вымѣниваемыхъ отъ Китайцевъ въ Кяхтѣ. Въ новѣйшее время успѣлся привозъ чаевъ также въ Семипалатинскъ изъ Китая чрезъ Чжунгарію. Кирпичнаго чаю привезено: въ 1824 году 20 пудовъ, въ 1828 году 140, въ 1830 году 275, въ 1832 году 425, въ 1833 году 580, въ 1834 году 755, въ 1835 году 948; съ 1836 года сталъ успливаться привозъ и байховыхъ чаевъ:

Привезено:	Байхового:	Кирпичнаго:
Въ 1836 году	9	1,411 пудовъ
— 1837 —	19	1,008 —
— 1838 —	10	1,136 —
— 1839 —	152	1,727 —
— 1840 —	1,221	1,556 —
— 1841 —	1,362	1,714 —
— 1842 —	473	3,255 —
— 1843 —	755	4 555 —
— 1844 —	1,221	3,382 —
— 1845 —	2,532	5,515 —
— 1846 —	2,686	8,208 —

Чай, доставляемые въ Семипалатинскъ, получаютъ съ караванами изъ китайскихъ городовъ: Чигучака и Кульджи (въ Чжунгаріи), куда привозится чай изъ южныхъ провинцій Китая, гдѣ находятся чайныя плантаціи. Изъ тѣхъ же мѣстъ доставляются чай и въ Кяхту.

Протяженіе пути, по которому идутъ чай съ мѣстъ приготовленія ихъ до Кяхты, составляетъ до 5000 верстъ. Большая часть байховыхъ чаевъ, собираемыхъ въ Фуцзянской области (въ юго-восточномъ Китаѣ *), отправляется сухимъ путемъ, либо водою, до города Чувъ-ань, въ той же области; отсюда до города Цзянь-Шань, на разстояніи 150 верстъ переносится, чрезъ горы, людьми, на коромыслахъ, на которыя навѣшиваютъ по одному мѣсту съ той и другой стороны. Въ Цзянь-Шанѣ погружаютъ чай въ желкія суда, по 200 ящечковъ въ каждое; онѣ идутъ около 40 верстъ рѣкою, въ Цзянь-Тхань Цзянь и здѣсь перегружаются въ другія суда, вмѣщающія до 500 ящечковъ. Пройдя го-

* Въ этой области находится портъ Эшой (Ся шынъ), открытый выст для европейской торговли.

родъ Ханъ-Чжу, суда входятъ въ заливъ восточнаго моря и держась около береговъ его, достигаютъ рѣки Вуснагъ, по которой поднимаются до города Шаньхая, гдѣ чай опять перегружаются въ большія суда, въ которыхъ помѣщается до 1500 чайныхъ ящиковъ въ каждомъ, кромѣ разныхъ другихъ товаровъ. Эти суда идутъ къ острову Чувъ-мынь, лежащему въ открытомъ морѣ, около 55 верстъ отъ города Шань-Хая * и держась береговъ, отправляются къ приморскому городу Тянь-Цзину; при благопріятной погодѣ, онѣ совершаютъ этотъ путь въ пятнадцать дней. По перегрузкѣ въ мелкія суда, вмѣщающія до 200 мѣстъ каждое, чай по излучистой рѣкѣ Бай-хэ, доходятъ въ 10 дней до города Туиъ-Чжеу, отстоящаго на 22 версты отъ Пекина. Дальнѣйшая перевозка чаевъ производится сухопутно, на верблюдахъ и частію на телѣгахъ быками. Отъ Туиъ-Чжеу до пограничной китайской крѣпости Чжанъ-цзя кеу (Камава), сборнаго мѣста всѣхъ чаевъ, считается около 252 верстъ, и отсюда по Гобійской степи до Кяхты 1282 версты. На доставку чаевъ изъ Фуцзяня въ Кяхту, требуется, смотря по обстоятельствамъ, до трехъ мѣсяцевъ и болѣе.

Кромѣ описаннаго здѣсь пути, есть сухопутный трактъ, проходящій по внутреннимъ губерніямъ, Дзяпъ-си, Ху-бэй, Хе-нань и Джили; онъ служитъ для чаевъ, идущихъ въ западную часть Китая. Сначала ихъ везутъ по рѣкамъ и озеру, до 1300 верстъ и переносятъ на коромыслахъ, на разстояніи около 100 верстъ; на остальномъ пространствѣ до Калгана, составляющемъ около 1200 верстъ, перевозятъ чай на телѣгахъ, муламъ. Доставка чаевъ этимъ путемъ замедляется ипогда отъ чрезвычайнаго разлива Желтой Рѣки, чрезъ которую нужно переправлять ихъ. Въ избѣжаніе перевозки моремъ, можно бы отправлять чай отъ города Ханъ-Чжеу (о которомъ упомянуто выше), по знаменитому каналу, идущему отсюда до Пекина; но этимъ путемъ пользуются только для доставки хлѣбныхъ и другихъ казенныхъ запасовъ въ столицу; отправленіе большихъ купеческихъ кладей по каналу не дозволено, за исключеніемъ кирпичнаго чая, которымъ снабжается вся Монголія. Для облегченія доставки его въ этотъ край, казна допускаетъ отправленіе кирпичныхъ чаевъ по каналу: изъ Пекина они идутъ въ близлежащій городъ Туиъ-Чжеу,

* Портовый городъ Шань-Хай, открытый вывѣ для европейской торговли, есть складочное мѣсто для всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ съ юга и юго-востока, для отправленія въ Пекинъ.

откуда развозятся по Монголіи. Изъ этого же мѣста доставляется кирпичный чай, вмѣстѣ съ другими чаями, въ Калганъ, откуда ихъ отправляютъ по Гобійской степи въ Маймачинъ къ русской границѣ.

Маймачинъ, китайская торговая слобода, служитъ мѣстопробываемъ Китайцевъ, торгующихъ съ Русскими въ Кяхтѣ. Китайскіе купцы съѣзжаются въ Маймачинъ только на три или четыре мѣсяца, и по окончаніи расторжки, уѣзжаютъ въ Калганъ или въ другіе китайскіе города, а въ Маймачинѣ оставляютъ своихъ приказчиковъ. Изъ хозяевъ большихъ магазиновъ не многіе ѣздятъ въ Кяхту; туда отправляются большею частію товарищи или компаніоны, которые сложились для торгу частями капиталовъ или получаютъ въ вознагражденіе условленную часть изъ выручки и отъ того стараются о выгодахъ своего торговаго дома точно также, какъ бы производили дѣла на собственный капиталъ.

По трактату, заключенному между Россіею и Китаемъ, 21 октября 1727 года, торговая слобода Кяхта, въ ста двадцати саженьяхъ отъ Маймачина, назначена сборнымъ мѣстомъ русскихъ купцовъ, торгующихъ съ китайцами. По особымъ правиламъ, для Кяхтинскаго торгу постановленнымъ, вся торговля производится здѣсь мѣною товаровъ и строжайше воспрещено покупать или продавать ихъ на деньги, также давать Китайцамъ или брать отъ нихъ товары въ долгъ. Для оптовой мѣны, Китайцы ходятъ въ дома или, по ихъ понятіямъ, въ лавки русскихъ купцовъ, и осматрѣвъ тамъ образцы товаровъ, объявляютъ купцамъ какой товаръ и какое количество его желаютъ вымѣнять на свои чай или другіе товары. Сторговавшись съ русскимъ купцомъ, Китаецъ получаетъ отъ него условленные товары и отправляетъ ихъ немедленно въ Калганъ, гдѣ находятся главные складочные магазины китайскихъ купцовъ по кяхтинской торговлѣ; тамъ собирается пошлина со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Маймачина, а въ этомъ мѣстѣ они освобождены отъ всякихъ сборовъ.

Въ кяхтинской торговой слободѣ, подобно какъ въ Маймачинѣ, товары не подвергаются ни какимъ сборамъ, а для платежа таможенныхъ пошлинъ вывозятся въ Троицкосавскъ, гдѣ находится Кяхтинская Таможня. Этотъ пограничный городъ лежитъ въ трехъ съ половиной верстахъ отъ Кяхты.

Оптовая мѣна съ Китайцами обыкновенно производится въ декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ, когда чай приходитъ въ Май-

мачинъ. Главная расторжка продолжается не болѣе полутора мѣсяца.

Для постоянного надзору за мѣновымъ торгомъ, купечество, торгующее въ Кяхтѣ, избираетъ ежегодно *компаніоновъ*, изъ опытныхъ и достойныхъ людей всѣхъ трехъ гильдій. Должность компаніоновъ состоитъ, во первыхъ, въ постановленіи цѣвъ русскимъ товарамъ для вымѣна китайскихъ; во вторыхъ, въ точной по этому постановленію разцѣнкѣ товаровъ, привезенныхъ изъ Россіи, для промѣну Китайцамъ, и въ третьихъ, въ повѣркѣ, дѣйствительно ли китайскіе товары вымѣнены, а русскіе промѣнены, по установленнымъ цѣнамъ. Законъ вмѣняетъ компаніонамъ и всему купечеству въ обязанность наблюдать, чтобы никто изъ купцовъ при взаимной мѣнѣ не промѣнивалъ русскихъ товаровъ ниже, а китайскихъ выше постановленныхъ цѣвъ *.

При постановленіи цѣвъ для размѣну товаровъ, компаніоны составляютъ два реестра: одинъ для русскихъ и иностранныхъ, другой для китайскихъ товаровъ; потомъ, назначивъ цѣвы, вносятъ ихъ въ реестры. По утвержденіи положенныхъ цѣвъ подписью компаніоновъ и всего купечества, торгующаго въ Кяхтѣ, подлинныя реестры хранятся у компаніоновъ и записываются въ особую книгу, а копія съ нихъ доставляются въ Кяхтинскую Таможню и выдаются производителямъ мѣноваго торгу въ Кяхтѣ.

Сообразно постановленнымъ для промѣна цѣнамъ, компаніоны обязаны, при таможенномъ досмотрѣ товаровъ, привезенныхъ изъ Россіи въ Троицкосавскъ, сортировать ихъ по настоящей добротѣ и сдѣлать имъ разцѣнку, причемъ составляется реестръ въ трехъ экземплярахъ, съ означеніемъ имени хозяина, рода и качества товаровъ и цѣвъ, кагія постановлены для мѣны. Одинъ изъ этихъ реестровъ отдается купцу, которому принадлежатъ товары, другой оставляется въ таможнѣ, а третій компаніоны берутъ себѣ для записки въ книгу.

Предъ наступленіемъ расторжки, когда въ Маймачинъ доставятся чай, изъ количества, заготовленнаго къ расторжкѣ, компаніоны берутъ отъ Китайцевъ пробы чаю изъ каждой фузы: рассматривъ ихъ на видъ, испытавъ на вкусъ и сравнивъ доброту ихъ съ чаями прежняго привозу, распредѣляютъ чай на сорты по добротамъ ихъ, и въ тоже время, привѣсивъ по нѣсколь-

* Виновиный въ нарушеніи этого правила подвергается взысканію: въ первый разъ пятнадцать рублей серебромъ, второй разъ вдвое, а въ третій разъ высылается изъ Кяхты и впредь къ торгу не допускается.

ку ящиковъ изъ каждой фамилии и сорта чая, опредѣляютъ средній вѣсъ его въ разныхъ сортахъ.

Раздѣлка всѣмъ чаямъ, по принятому кяхтинскимъ купечествомъ обычаю, установлена слѣдующая: байховый цвѣточный насыпной и ящичавый, въ квадратныхъ и полуторныхъ мѣстахъ, 120 рублей; торговый насыпной квадратный 60 рублей, полуторный 80 рублей; зеленый простой 80 рублей, а лучшій 120 рублей; кирпичный 18 рублей за мѣсто. Эти постоянныя цѣны (на ассигнаціи) служатъ мѣриломъ, для раздѣлки русскихъ товаровъ, назначенныхъ въ промѣнъ.

Для постановленія промѣнныхъ цѣнъ принимается въ соображеніе, съ одной стороны, количество привезенныхъ чаевъ, равно какъ пропорція и доброта каждаго сорта ихъ, а съ другой—количество доставленныхъ къ расторжкѣ въ Кяхту русскихъ и иностранныхъ товаровъ, поступающихъ на мѣну. Въ раздѣлкѣ ихъ руководствуются «положеніемъ», первоначально состоявшимся въ 1801 году, и отъ того промѣнныя цѣны гораздо ниже настоящихъ. На этомъ основаніи, ежегодно, передъ расторжкой составляется «положеніе», подписываемое всѣмъ купечествомъ, торгующимъ въ Кяхтѣ. Этотъ актъ опредѣляетъ, по какимъ цѣнамъ промѣнывать Китайцамъ русскіе и иностранные товары и какъ рассчитывать противъ ихъ раздѣлки, вымѣнъ разныхъ сортовъ чаю и другихъ китайскихъ товаровъ.

Въ «положеніи» обыкновенно назначаются цѣны, ниже которыхъ не слѣдуетъ промѣнывать товаровъ на торговый фамильный квадратный чай; напримѣръ:

Сунна мизирискія по добротамъ	отъ 56 до 102 р. за половинку.
Вельвереты обыкновенные	— 55 — 90 к. аршинъ.
Юфть	— 9 р. 75 к. до 12 р. за пару кожъ.
Бѣлка, по сортамъ	— 80 р. до 260 руб.

Принимая въ основаніе эти цѣны для вымѣну ста мѣстъ торгового фамильного квадратнаго чаю, который цѣнится въ 60 рублей за мѣсто, получимъ слѣдующій примѣрный расчетъ:

Сунна мизирискаго, въ 56 руб., пятьдесятъ половинокъ	2,800 руб.
Вельверета, въ 90 коп., двѣ тысячи аршинъ	1,800 —
Юфтя, по 12 р. за пару кожъ, 200 кожъ	1,200 —
Бѣлки, въ 80 р., двѣ тысячи пятьдесятъ штукъ	200 —
	<hr/>
	6,000 руб.

По промѣннымъ цѣнамъ, эти 100 мѣстъ торгового фамильного

квадратнаго чая обходятся въ 6000 рублей, но действительная стоимость ихъ определяется настоящими цѣнами тѣхъ товаровъ, за которые вымѣнятъ чай. Напримеръ, мизрицское сукно стоитъ кяхтинскому купцу отъ 115 до 200 рублей за половнику, вельвереть обыкновенный отъ 70 копѣекъ до 2 рублей за аршинъ, юфта отъ 14 до 24½ рублей за пару кожъ, бѣлка отъ 250 до 700 рублей за тысячу. Применяя къ этимъ цѣнамъ, для вывода, во чтѣ обойдется партія, состоящая изъ 100 мѣстъ торговаго фамильнаго квадратнаго чаю, по вышеприведенному расчету, находимъ:

Сукна мизрицскаго (въ 56 рублей) пятьдесятъ половинокъ, цѣною 115 руб. за половнику	5,750	рублей	ассигнаціями.
Вельверета обыкновеннаго (въ 90 копѣекъ) двѣ тысячи аршинъ, цѣною 1 рубль 60 копѣекъ за аршинъ	3,200	—	—
Юфта (въ 12 рублей) двѣсти кожъ по 24 рубля за пару кожъ	2,400	—	—
Бѣлки (въ 80 рублей) двѣ тысячи пятьсотъ штукъ, по двѣсти пятьдесятъ рублей за тысячу.	625	—	—
<hr/>			
	Всего	11 975	рублей ассигнаціями.

Такимъ образомъ, по настоящимъ цѣнамъ, за промѣнные товары, каждое мѣсто этой партіи чаевъ обошлось бы въ 120 рублей ассигнаціями. Къ этой цѣнѣ слѣдуетъ присовокупить таможенную пошлину, провозные и другіе расходы. Считая въ цибикѣ торговаго фамильнаго квадратнаго 65 фунтовъ, приходится заплатить кяхтинской пошлины (1 рубль 40 копѣекъ ассигнаціями съ фунта) 91 рубль ассигнаціями съ каждаго мѣста. Провозъ отъ Кяхты до Нижняго-Новгорода и до Москвы, обходится по обыкновеннымъ цѣнамъ, около 60 рублей ассигнаціями съ цибика въ 2½ пуда. Слѣдовательно этотъ чай будетъ стоить съ пошлиною и провозомъ до 270 рублей за мѣсто, кромѣ процентовъ по кяхтинскимъ векселямъ, платы за комиссію отъ 6 до 8 процентовъ и расходовъ на упаковку чайныхъ мѣстъ, на жалованье приказчикамъ и прочее. За вычетомъ всѣхъ этихъ издержекъ (считаемыхъ круглымъ числомъ около 25 рублей на мѣсто), кяхтинскому торговцу едва придется выручить свой капиталъ, если торговый фамильный чай будетъ продаваться на нижегородской ярмаркѣ не дороже 300 рублей ассигнаціями за мѣсто.

Расчетъ о вымѣнѣ чая сдѣланъ здѣсь только примѣрно на торговый фамильный квадратный чай, по которому разцѣпываются всѣ промѣниваемые товары. Для вымѣну другихъ сортовъ чаю, «положеніе» опредѣляетъ, сколько процентовъ должна составлять накладка или уступка въ цѣнѣ товара, смотря по расцѣпкѣ, опредѣленной для промѣна его на торговый фамильный квадратный чай. Отъ того, при вымѣнѣ разныхъ сортовъ чаю на товары разнаго роду и различныхъ добротъ, по которымъ сдѣлана расцѣпка въ «положеніи», расчетъ выходитъ весьма сложный. Для поясненія его, приведемъ здѣсь самый простой примѣръ:

Положимъ, что русскій купецъ желаетъ вымѣнить по дюжинѣ мѣсть чая разныхъ сортовъ на мизрицское сукно высокой доброты, которое по «положенію» слѣдуетъ промѣнивать въ торговлѣ на фамильный квадратный чай не ниже 100 рублей за половинку. За дюжину мѣсть чаю каждаго сорта нужно будетъ отдать различную пропорцію мизрицскаго сукна, смотря по сорту вымѣниваемыхъ чаевъ, какъ видно изъ слѣдующаго примѣрнаго расчета:

Сорты чаевъ по 12 мѣсть каждаго чая.	Въ какую цѣну принимается чай за мѣсто.	Съ какою уступкою или накладкою на рубль промѣ- нивается то- варъ.	Цѣна за поло- винку сукна, оцѣненного въ 100 руб. для промѣна на Т. К. Ф. чай.	Сколько поло- винокъ сукна приходится от- дать.
Цвѣточный фамильный квадратный:				
1-го сорта . . .	120	съ накл. 10 к.	110	13
2-го — . . .	»	15 —	115	12
3-го — . . .	»	30 —	130	11
4-го — . . .	»	35 —	135	10
Полоторный	»	съ уступ. 5 —	95	15
Обыкновенный	»	— накл. 3 р.	300	4
Самсисскій, цвѣточный, полоторный.	»	— — 30 к.	130	10
Зеленый 1-го сорта . .	»	— — 50 —	150	9
— — обыкновенный	80	— — 2 р.	200	4
Торговый фамильный:				
— — квадратный .	60 р.	по положенію	100 р.	7
— — полоторный.	80	съ уступ. 5 к.	95 —	10
Торговый обыкновенный	60	— накл. 3 р.	300 —	2
Самсисскій торговый полоторный:				
1-го сорта . . .	80	— — 10	110	8
2-го — . . .	»	— — 25	124	7

По этому примѣрному исчисленію, понятно, что количество товаровъ, промѣниваемыхъ на чай, бываетъ болѣе или менѣе, смотря по роду и качеству ихъ, и по сортамъ чая: тѣмъ разнообразнѣе промѣниваемые товары и сорта вымѣниваемыхъ чаевъ, при различной пропорціи тѣхъ и другихъ, тѣмъ сложнѣе выходитъ расчетъ; большой навыкъ и смѣтливость нужны для скорого соображенія: сколько какого товару и какихъ именно сортовъ можно съ выгодною промѣнять на известную пропорцію чаю разныхъ сортовъ, придерживаясь раздѣлки, определенной «положеніемъ». Обстоятельное изслѣдованіе этихъ купеческихъ расчетовъ потребовало бы разнообразныхъ выкладокъ съ поясненіями, которыя для практическихъ людей, знакомыхъ съ кяхтинскимъ мѣновымъ торгомъ, будутъ бесполезны, а для другихъ, не изучавшихъ его на дѣлѣ, едва ли могутъ быть удовлетворительны; практика, навыкъ и собственный интересъ лучше всякихъ примѣрныхъ счетовъ научаютъ купца, какимъ образомъ вести торговля дѣла въ Кяхтѣ, и извлекать выгоды изъ коммерческихъ оборотовъ, которые кажутся съ перваго взгляду такими дробными и запутанными.

Въ мѣновомъ торгѣ съ Китайцами, русскій купецъ находитъ свой расчетъ въ томъ, чтобы чан обошлись ему дешевле, то есть чтобы дать за нихъ менѣе своего товару или вымѣнять ихъ съ болѣею накладкою на свой товаръ, а Китаецъ въ свою очередь старается пріобрѣсти русскіе товары сходиѣе, требуя уступки въ цѣнѣ, или отдачи болѣе пропорціи товару за предлагаемое имъ количество чаю разныхъ сортовъ. Случается, что въ «положеніи», составленномъ кяхтинскими купцами, нѣкой товаръ оцѣненъ высоко и отъ того Китайцы требуютъ другихъ, для нихъ выгоднѣйшихъ, товаровъ напримѣръ: за цибикъ чаю такого-то сорта, по «положенію», нельзя взять менѣе трехъ сотъ бѣлокъ, а Китайцы хотятъ получить триста-двадцать. Въ такомъ случаѣ, купцы, торгующіе этимъ товаромъ, обращаются къ компаніонамъ съ просьбою объ измѣненіи раздѣлки, и тогда по общественному приговору допускается перемѣна въ «положеніи». При составленіи этого акта и при всякомъ измѣненіи его, во время расторжки, неизбѣжны споры и распри между торгующими. Товаръ, назначенный въ промѣнъ, могъ обойтись одному купцу дешевле, другому — дороже; того же самаго товару у одного на рукахъ много, у другаго — мало; нѣкой по своимъ денежнымъ обстоятельствамъ можетъ не спѣшить промѣномъ, другой нуждается въ скорѣйшемъ сбытѣ своихъ товаровъ; одинъ

хотятъ, чтобы товары ихъ были оцѣнены не высоко, надѣясь скорѣе вымѣнять на нихъ большое количество чаевъ; напротивъ того, другіе требуютъ высшей оцѣнки, если товаръ обошелся имъ дорого, рассчитывая, что при большомъ спросѣ на него, можно будетъ сдѣлать выгодаую мѣну, или возвыщаютъ цѣну на свои товары, для того чтобы чай, по вымѣну, обошелся дешево, когда предвидится пониженіе ихъ цѣвъ отъ большаго привозу. Сверхъ того, въ раздѣлкѣ требуется уравненіе промѣн-ныхъ цѣвъ, то есть чтобы одни товары не были оцѣнены слишкомъ низко или высоко противъ другихъ; если товаръ оцѣненъ очень высоко, то промѣвъ его можетъ затрудниться, между тѣмъ какъ другіе товары будутъ сбываться успѣшнѣе; а если оцѣнка однимъ товарамъ положена слишкомъ низкая противъ другихъ, то чай будутъ обходиться [въ вымѣнѣ на одинъ товаръ дороже, нежели на другой, и слѣдовательно, для одной стороны мѣна будетъ не такъ выгодна, какъ для другихъ торгующихъ, которые промѣнивали свои товары по высшимъ цѣнамъ. Всѣ эти противоположные интересы должны быть, по возможности, согласованы при составленіи акта о раздѣлкѣ товаровъ: это рѣшается купечествомъ, въ общемъ собраніи, большинствомъ голосовъ; тутъ перевѣсъ остается всегда на сторонѣ торговцевъ, которые, по своему капиталу и связямъ, имѣютъ значительнѣйшее вліяніе на дѣла.

Неудобства и стѣсненія для торгующихъ, сопряженные съ вышшимъ устройствомъ кяхтинскаго торга, возбуждаютъ вопросъ: въ какомъ отношеніи эта система полезна для нашей торговли съ Китаемъ? Одна изъ главныхъ ея особенностей, весьма важная по своимъ послѣдствіямъ, состоитъ въ томъ, что цѣны товаровъ по мѣновому торгу зависятъ отъ особыхъ условій, не подходящихъ подъ общія начала обыкновенной торговли. Русскій купецъ, оцѣнивая свой товаръ въ «положеніи» для промѣну на чай, гораздо ниже настоящей ихъ стоимости, рассчитываетъ вознаградить себя съ барышемъ на продажѣ чаевъ въ Россіи и опредѣляетъ имъ цѣну, смотря по тому во сколько ему обошелся промѣненный на нихъ товаръ. Такимъ образомъ русскіе товары могутъ продаваться въ Китаѣ весьма сходными цѣнами, которыя не составляютъ дѣйствительной ихъ стоимости, а зависятъ собственно отъ того, во сколько обошлись эти товары китайскому купцу, по вымѣну ихъ на чай. Если бы кяхтинская торговля производилась не мѣною, а на деньги и въ кредитъ, то русскіе товары, будучи продаваемы по настоящимъ

ихъ цѣнамъ, обходились бы Китайцамъ гораздо дороже и въ такомъ случаѣ, многія статьи этой торговли не могли бы имѣть значительнаго сбыту, которыми нынѣ онѣ пользуются посредствомъ мѣны на китайскій товаръ.

Это обстоятельство, кажется, достаточно оправдываетъ необходимость выпѣшней системы кяхтинскаго торга, для развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, и очевиднѣйшимъ доказательствомъ благоприятнаго ея вліянія на эту торговлю служитъ значительное приращеніе сбыта русскихъ мануфактурныхъ товаровъ въ Китаѣ.

Устройство кяхтинскаго торга, въ выпѣшнемъ его видѣ, существуетъ около пятидесяти лѣтъ. Втеченіи этого времени, кущество свыкло съ порядкомъ, установленнымъ для этого торга, такъ, что правила, для него изданныя въ 1801 году, досихъ поръ соблюдаются безъ всякаго измѣненія. Мы видѣли выше, какимъ торговымъ обычаемъ подчинена кяхтинская распродажа съ Китайцами; теперь намъ остается разсмотрѣть какимъ порядкомъ производится выпускъ чая въ Кяхту, для отпраленія въ Россію.

Вымѣненные чаи, по доставленіи ихъ изъ Кяхты въ Троицко-савскъ, складываются тамъ въ пакгаузахъ, при таможенѣ. Во время таможеннаго досмотру чая, компаніоны обязаны, по представленію отъ купца реестру, свидѣтельствовать и разсортировать чай, то есть разобрать по сортамъ, отдѣляя фамилные цвѣточные отъ торговыхъ, а потомъ разсматривать, промѣнены ли русскіе товары на чай по тѣмъ цѣнамъ, какія назначены при расцѣпкѣ. Послѣ такой повѣрки, составляются, за подписью всѣхъ компаніоновъ и директора таможи, два реестра о количествѣ и цѣвѣ товаровъ съ означеніемъ, во первыхъ, когда именно производилось ихъ освидѣтельствованіе, и во вторыхъ, какіе именно русскіе и иностранные товары на какіе китайскіе товары, каждый порознь, промѣнены. Одинъ реестръ оставляется въ таможенѣ, а другой вносится компаніонами въ особую книгу.

Послѣ досмотру и повѣрки чайныхъ мѣстъ, ихъ зашиваютъ въ кожи *, съ положеніемъ таможенныхъ пломбъ, и на кожаной обшивкѣ дѣлается партъзка нумеровъ и буквъ для означенія сортовъ чая, имени и фамиліи хозяина, напримѣръ: буквы Ц. Ф.

* На зашивку чайныхъ мѣстъ употребляютъ размоченныя бычьи и коровьи кожи; этою работою занимается въ Кяхтѣ особые мастера, составляющіе ширейшую артель.

значать цвѣточный фамильный, Ц. С., цвѣточный савенскій, Т. Ф., торговый фамильный, П. Ф., полуторный фамильный, Н. С., квадратный савенскій и такъ далѣе.

Въ отношеніи къ уплатѣ пошлины за чай, кяхтинскимъ купцамъ предоставлено на волю вносить часть пошлинъ или всѣ пошлины, въ Кяхтѣ, или переводить ихъ по векселямъ, для платежа въ Иркутскѣ, Тобольскѣ, Москвѣ и С. Петербургѣ. При переводѣ пошлинъ дается купцамъ отсрочка въ платежѣ, для первой половины на 9, а для послѣдней на 18 мѣсяцевъ, съ уплатою зато въ пользу казны по шести процентовъ въ годъ, сколько по расчету причтется по день уплаты по векселямъ, за 9 или 18 мѣсяцевъ. Для обезпеченія казны въ исправномъ платежѣ пошлинъ, при переводѣ ихъ берутся съ купцевъ векселя съ залогомъ и поручительствами. Чтобы не сдѣлать купечеству затрудненія въ представленіи узаконенныхъ залоговъ, принимаются по кяхтинскимъ векселямъ, аттестаты магистратовъ, ратушь и городскихъ думъ, съ надежными поручительствами. Если присутственное мѣсто засвидѣтельствуетъ только подпись руки купца и поручителей по немъ, безъ удостовѣренія въ вѣрности платежа переводныхъ пошлинъ, то, сверхъ поручительства, оставляется въ обезпеченіе треть чаевъ тѣхъ самыхъ сортовъ, которые выпускаются съ выдачею векселя; въ такомъ случаѣ поручители принимаются по суммѣ объявленнаго или гильдейскаго капитала. Если по переводнымъ векселямъ будутъ вывезены двѣ трети чаевъ по однимъ свидѣтельствамъ съ поручительствами, то въ обезпеченіе векселей удерживается въ Кяхтѣ третья часть чаевъ, которую таможня выпускаетъ по мѣрѣ уплаты пошлинъ по векселямъ за выпущенныя двѣ трети чаевъ. Въ случаѣ надобности, дозволяется также, вмѣсто оставленной въ обезпеченіе третьей части чаевъ, принимать въ залогъ русскіе и иностранныя товары, хранящіеся въ кяхтинскомъ гостинномъ дворѣ, на такую сумму, которая равнялась бы полной пошлинѣ за выпущенныя по векселямъ двѣ трети чаевъ; но выпускъ чаевъ на этомъ основаніи дозволяется не ранѣе какъ во второй половинѣ года, начиная съ августа, дабы преждевременнымъ вывозомъ ихъ изъ Кяхты, не уронить цѣна на Нижегородской ярмаркѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Съ открытіемъ расторжки въ Кяхтѣ, болѣе половины вытѣненныхъ чаевъ вывозятся оттуда въ январѣ, февралѣ, мартѣ и частію въ апрѣлѣ; потомъ отправляютъ ихъ по частямъ въ разное время года, наиболѣе въ августѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Перевозка чаевъ производится зимнимъ и лѣтнимъ путемъ, и въ послѣднемъ случаѣ, частью сухопутно, частью водою.

При отправленіи изъ Кяхты, въ зимнее время, они идутъ на Селенгинскъ, Верхнеудинскъ и черезъ озеро Байкалъ, по льду, до Иркутска, куда доставляются въ семь и восемь сутокъ. Зимняя перевозка по Байкалу продолжается обыкновенно съ половины января до половины апрѣля. Если, по торговымъ обстоятельствамъ, встрѣтится надобность въ перевозкѣ чаевъ передъ замерзаніемъ Байкала въ декабрѣ, то отправляютъ ихъ по Круго-Байкальской дорогѣ, почтовой или Игумновской; но тотъ и другой путь затруднительны и сопряжены съ большими издержками.

Изъ чаевъ, доставленныхъ въ Иркутскъ, остается здѣсь небольшая часть для продажи по Восточной Сибири. Зимнимъ путемъ отправляютъ чай изъ Иркутска на Нижнеудинскъ, Красноярскъ и Томскъ. Изъ чаевъ, прибывшихъ сюда въ январѣ, отдѣляется часть къ Ирбитской ярмаркѣ, которая бываетъ во второй половинѣ февраля. На этой ярмаркѣ покупаютъ ихъ для Западной Сибири, также для губерній: Пермской, Казанской, Оренбургской, Вятской, Вологодской и Архангельской.

Чай, отправляемые изъ Иркутска въ февралѣ и мартѣ, обыкновенно везутъ въ Томскъ. Въ началѣ мая ихъ отправляютъ изъ Томска въ Тюмень, частью сухимъ путемъ, а большею частью водою по рѣкѣ Топи въ рѣку Обь, изъ Оби въ рѣку Иртышъ, отсюда въ рѣку Туру, по которой доходятъ до Тюмени послѣ половины іюня; далѣе везутъ чай сухимъ путемъ около двѣнадцати дней до Перми, гдѣ на пристани рѣки Камы грузятъ въ суда, на которыхъ доставляютъ ихъ по рѣкамъ Камѣ и вверхъ по Волгѣ, къ Нижегородской ярмаркѣ, въ концѣ іюля. Отъ Кяхты до Нижняго Новгорода чай бывають въ дорогѣ обыкновенно около шести мѣсяцевъ.

Чай, назначенные въ Москву, отправляются изъ Кяхты въ разное время года. Ихъ перевозятъ зимнимъ путемъ отъ Кяхты до Иркутска (557 верстъ), отъ Иркутска до Томска (1554 версты), отъ Томска до Тюмени (1768 верстъ), отъ Тюмени до Казани (1236 верстъ) и отъ Казани до Москвы (821 верста), всего 5936 верстъ. Зимнимъ путемъ чай приходятъ изъ Кяхты въ Москву обыкновенно въ семьдесятъ и восемьдесятъ дней.

По вскрытіи озера Байкала, отправляютъ чай изъ Кяхты на телѣгахъ, до устья рѣки Селенги, къ Чертовкиной Пристани или Посольскому Монастырю; отсюда перевозятъ ихъ на большихъ купеческихъ судахъ къ Лиственничной Станціи, на Байкалѣ

въ истоку рѣки Ангара, либо спускаютъ внизъ по Ангартъ, три версты отъ Байкала, къ Нижнейской пристани, гдѣ чаи перегружаются въ карбасы (плоскостовные суда съ крышею), для сплаву внизъ по Ангартъ до Иркутска. Въ случаѣ востунаго вѣтра, суда достигаютъ Ангары въ нѣсколько часовъ, но при противномъ вѣтрѣ, особенно въ осеннее время, не имѣя возможности лавировать, несутся по озеру иногда нѣсколько дней, иногда около мѣсяца и болѣе и даже возвращаются къ тому мѣсту, откуда вышли. Эти затрудненія въ перевозкѣ чаевъ по Байкалу отвратятся съ учрежденіемъ тамъ постоянного пароходства, которому положено начать въ 1845 году.

По привозѣ чаевъ въ Иркутскъ, ихъ отправляютъ далѣе сухимъ путемъ, какъ упомянуто выше.

Въ прежнее время, для перевозки чаевъ, пользовались водяною коммуникаціею отъ Иркутска до Енисейска, по рѣкѣ Ангартъ, впадающей въ Енисей, и потомъ по рѣкѣ Енисею до устья рѣки Кемп, отсюда волокомъ до Маковской Пристанн у рѣки Кети, впадающей въ рѣку Обь; также доставляли чай изъ Иркутска сухимъ путемъ, въ Ачинскъ, къ пристани на рѣкѣ Чулымѣ, впадающей въ Обь. По затруднительности этой водяной коммуникаціи, чай, отправляемые изъ Иркутска въ Тюмень, доставляются нынѣ водою къ этому мѣсту только изъ Томска выше упомянутымъ путемъ.

Провозныя цѣны измѣняются, смотря по времени года, и возвышаются пачеболѣе, когда чай должны поспѣть къ назначенному сроку или когда нужно везти ихъ вокругъ Байкала по гористой и дурной дорогѣ, или въ позднее осеннее время. За провозъ отъ Кяхты до Иркутска платятъ отъ одного съ половиною до двухъ съ половиною и трехъ съ половиною рублей ассигнаціями съ пуда; отъ Иркутска до Томска зимою семь и десять рублей, отъ Томска до Тюмени водою одинъ съ половиною до двухъ съ четвертью рублей, а сухимъ путемъ отъ трехъ до пяти рублей; отъ Тюмени сухимъ путемъ до Перми одинъ съ половиною до двухъ съ половиною рублей, и отъ Перми до Нижняго Новгорода водою одинъ рубль двадцать копѣекъ до одного рубля семидесяти копѣекъ. За провозъ отъ Тюмени до Казани платятъ отъ двухъ съ половиною до пяти рублей, а изъ Казани до Москвы одинъ съ половиною до двухъ съ половиною рублей ассигнаціями съ пуда. Вообще можно считать, что доставка чаевъ изъ Кяхты обходится: до Москвы отъ пятнадцати до соро-

ка рублей, а до Нижнего Новгорода, къ ярмаркѣ, не дешевле двадцати рублей съ пуда.

При отправленіи чаевъ изъ Кяхты на Нижегородскую ярмарку или Москву отдають ихъ на доставку, подрядчикамъ, либо посылають съ чаими приказчи́ковъ, которые нанимають извозчиковъ по дистанціямъ: отъ Кяхты до Иркутска, отъ Иркутска до Томска, отъ Томска до Тюмени, отъ Тюмени до Казани и отсюда до Москвы. Съ подрядчиками обыкновенно заключаютъ контракты, съ выдачею половины или двухъ третей денегъ, при отправленіи чаевъ, и съ уплатою остальныхъ денегъ по доставкѣ и сдачѣ товару, а иногда подрячаютъ и безъ задатковъ. Чай принимаются доставщиками на вѣсъ, по взвѣскѣ каждого цибика порознь, какъ до зашивки чайныхъ мѣсть въ кожи, такъ и послѣ зашивки ихъ; въ послѣднемъ случаѣ полагается до пяти фунтовъ на усушку кожъ. Потомъ составляются двѣ фактуры на чай: одна съ означеніемъ вѣсу каждого цибика безъ шири обшивки), а въ другой означается число мѣсть чая каждого. (сорта и каждой фамиліи и сколько вѣсу въ каждомъ отдѣльно. Обѣ фактуры пишутся въ Кяхтѣ на гербовой бумагѣ и скрѣпляются подписью доставщика. По этимъ накладнымъ принимаютъ и сдаютъ чай въ дорогѣ и по прибытіи ихъ на мѣсто.

Въ избѣжаніе подлоговъ и убытковъ, чай обыкновенно принимаются «на совокъ», то есть, берутъ изъ чайныхъ мѣсть пробу «совкомъ» (желѣзнымъ длиннымъ желобкомъ), которымъ прокалывается цибикъ. По вымѣнѣ чаевъ отъ Китайцевъ, при приѣмѣ пробуютъ совкомъ каждое мѣсто. Такимъ же образомъ принимаются чай доставщиками и отъ нихъ извозчиками при перекладкѣ по дистанціямъ и отъ доставчи́ковъ хозяевами и торговцами при сдачѣ чаевъ, чтобы не припятъ чай подмоченный, гнилой или съ постороннимъ запахомъ, либо подмѣшанный въ дорогѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, чай теряетъ всю цѣну, а попортившійся не стоитъ половины своей цѣны. Подобную порчу можно открыть не иначе, какъ доставъ изъ цибика горсть чая, не болѣе одного или двухъ лотовъ. Случается, что доставщики или обозные прикащики, сопровождающіе чай отъ Кяхты до Нижнего Новгорода или до Москвы, вытаскиваютъ чай изъ цибиковъ совкомъ и оттого ящики выходятъ легче противъ накладныхъ, даже до двухъ фунтовъ и болѣе въ цибикѣ *; въ

* Недостатокъ одного фунта приписывается въ разсчетъ.

такомъ случаѣ съ доставщиковъ взыскивается за недостающее количество, а чай, какъ легковѣсный и совкомъ измятый, цѣнится дешевле продаваемого въ полныхъ цибникахъ.

Кяхтинскіе производители, вымѣнивающие чай у Китѣцевъ, продаютъ его оптовымъ торговцамъ по фактурамъ и сдаютъ по накладнымъ. Если проданы чай, находящіеся въ дорогѣ, то они препровождаются прямо къ покупателямъ для приѣму по накладнымъ отъ доставщиковъ. Чай, купленные на Нижегородской ярмаркѣ, принимаются прямо отъ доставщиковъ по выгрузкѣ изъ судовъ на пристани.

На нижегородской ярмаркѣ производится оптовая продажа чая кяхтинскими торговцами, то есть изъ первыхъ рукъ, и здѣсь же онъ продается оптомъ изъ вторыхъ рукъ въ третьи, городовымъ покупателямъ. Сверхъ-того, оптовые торговцы отправляютъ съ этой ярмарки большіе транспорты чаевъ въ Москву, Санкт-Петербургъ и Казань.

Чайная торговля на нижегородской ярмаркѣ имѣетъ важное значеніе для ярмарочной торговли вообще. Не смотря на поднятіе ярмарочныхъ флаговъ, по привозѣ всѣхъ товаровъ, не смотря на съѣздъ всего купечества, ярмарочная торговля не считается начавшеюся въ коммерческомъ смыслѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не состоится продажа чаевъ изъ первыхъ рукъ. До того времени, не устанавливаются цѣны на всѣ вообще предметы ярмарочной торговли и не опредѣляются условій о срокахъ денежныхъ расчетовъ за товары. Въ первыхъ числахъ августа, все вниманіе купечества бываетъ устремлено на «Китайскіе Ряды», гдѣ главные оптовые торговцы рѣшаютъ вопросъ о чаѣ: отъ ихъ рѣшенія на счетъ цѣнъ и условій о платежѣ денегъ не рѣдко зависитъ участь ярмарки. Купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, получивъ деньги за чай, тотчасъ покупаютъ сукна, вельвереты, мѣха и другіе товары, отпускаемые въ Китай; также запасаются разными мануфактурными издѣліями, винами, сахаромъ и прочимъ, для Сибири. Отъ того на ярмаркѣ вдругъ разливаются деньги, цѣны устанавливаются на всѣ товары и торговля принимаетъ правильный, постоянный ходъ. Если по какому-нибудь несчастному обстоятельству, чай не успѣли бы въ Нижній-Новгородъ къ сроку, или по какой-нибудь причинѣ чай не были бы проданы въ ярмаркѣ, то вся торговля въ ней могла бы сильно пострадать.

Привозъ чая на Нижегородскую ярмарку съ умноженіемъ вы-

мѣна ихъ въ Кяхтѣ, значительно увеличился въ послѣдніе годы. Байховыхъ чаевъ, круглымъ числомъ, привезено:

Въ 1833 году	около 28,000	ящичковъ.	Въ 1841 году	около 50,000	ящичковъ.
— 1834 —	— 32,000	—	— 1842 —	— 45,000	—
— 1835 —	— 34,000	—	— 1843 —	— 35,000	—
— 1836 —	— 31,000	—	— 1844 —	— 40,000	—
— 1837 —	— 37,000	—	— 1845 —	— 54,000	—
— 1838 —	— 34,000	—	— 1846 —	— 63,000	—
— 1839 —	— 34,000	—	— 1847 —	— 57,000	—
— 1840 —	— 50,000	—			

Кирпичнаго чаю привозилось на ярмарку, съ 1833 по 1840 годъ, ежегодно отъ 4000 до 7000 ящичковъ, а въ новѣйшее время иногда отъ 10 до 20 тысячъ ящичковъ. Чай этого роду покупается здѣсь оптомъ, большею частью для распродажи въ Казани и Астрахани.

Изъ чаевъ, купленныхъ оптовыми торговцами на нижегородской ярмаркѣ, часть продается здѣсь, какъ выше сказано, городовымъ покупателямъ, и все не распроданное количество отправляется въ Москву, куда также доставляютъ чай прямо изъ Кяхты. Москва есть средоточіе внутренней чайной торговли; отсюда рассылаютъ чай на Ростовскую, Коренную и другія главнѣйшія ярмарки, и въ разные внутренніе города, равно какъ въ Санкт-петербургъ, гдѣ находятся кладовыя московскихъ главныхъ торговцевъ, для продажи чаевъ въ магазины.

На нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ опковыя покупки чаю производятся на различныхъ условіяхъ, съ платежемъ всѣхъ денегъ за вычетомъ двѣнадцати процентовъ, или съ уплатою одной половины деньгами съ вычетомъ двѣнадцати процентовъ, а другою половиною векселями на осьмнадцать и до двадцати-двухъ мѣсяцевъ.

При продажѣ партій чаевъ разныхъ сортовъ обыкновенно производится разцѣвка, по которой опредѣляютъ среднюю цѣву за ящикъ, и на него дѣлаютъ прицѣвку или уцѣвку, смотря по обстоятельствамъ, отъ одного до трехъ, пяти процентовъ и болѣе. Напримѣръ, продаваемая партія состоитъ изъ тысячи ящичковъ, въ числѣ которыхъ находится **:

* Въ этотъ годъ привозъ уменьшился по случаю поздней расторжки въ Кяхтѣ.

** По цѣнамъ, здѣсь означеннымъ разцѣвчивались чай на нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ, въ 1847 году.

10	ящиковъ цвѣтнаго маюкона	лясиа	по 700 руб.	7,000 руб
5	_____	_____	_____	_____
4	_____	_____	_____	_____
10	_____	_____	_____	_____
5	_____	_____	_____	_____
40	_____	_____	_____	_____
50	_____	_____	_____	_____
340	_____	_____	_____	_____
10	_____	_____	_____	_____
24	_____	_____	_____	_____
26	_____	_____	_____	_____
54	_____	_____	_____	_____
400	_____	_____	_____	_____
12	_____	_____	_____	_____
10	_____	_____	_____	_____

1000 ящиковъ 420,560 руб.

Средняя цѣна выходитъ четыреста-двадцать рублей ассигнаціями за ящикъ. При продажѣ за наличныя деньги слѣдуетъ изъ этой цѣны вычесть двѣнадцать процентовъ; выручка за тысячу ящиковъ составитъ 369,600 рублей ассигнаціями. Если продажа сдѣлана съ полученіемъ половины суммы наличными деньгами, то за вычетомъ изъ нея двѣнадцати процентовъ, и по уплатѣ остальной суммы векселями въ осьмнадцать и двадцать мѣсяцевъ, выручка составитъ 394,800 рублей ассигнаціями. Изъ этихъ денегъ слѣдуетъ заплатить таможенную пошлину, которой на эту партію придется: за цвѣточный и зеленый чай 83,048 рублей ассигнаціями, а за черный или торговый 57,971 рубль, всего 141,019 рублей; сверхъ того проценты за отсрочку пошлины одной половины на девять, а другой на осьмнадцать мѣсяцевъ, считая по шести на сто въ годъ, составятъ на всю сумму пошлинъ 9,517 рублей. Провозныхъ расходовъ до Москвы, полагая среднюю плату двадцать-пять рублей съ пуда, приходится: съ не-квдратныхъ чаевъ (цибикъ въ три пуда) 37,500 рублей, а съ квадратныхъ (цибикъ въ два съ половиной пуда) 31,250 рублей, всего 68,750 рублей. Разныхъ другихъ расходовъ, полагаемыхъ, по купеческимъ счетамъ, не менѣе двадцати-пяти рублей ассигнаціями на мѣсто, съ тысячи ящиковъ 25,000 рублей. И такъ, за вычетомъ пошлинъ, провозныхъ и прочихъ расходовъ (всего 244,280 рублей) очистится на партію чаевъ, помеченныхъ въ

примѣрной фактурѣ, около ста-двадцати-пяти рублей за мѣсто, на наличныя деньги, и около ста-пятидесяти рублей ассигнаціями на векселя. Считаая средній вѣсъ чаю въ каждомъ мѣстѣ этой партіи кругомъ по семидесяти фунтовъ, находимъ, что оптовая цѣна при продажѣ за наличныя деньги составитъ около одного рубля осьмидесяти копѣекъ, а на векселя до двухъ рублей пятнадцати копѣекъ ассигнаціями за фунтъ.

Изъ этого примѣрнаго расчета видно, что цѣны чаевъ въ оптовой покупкѣ изъ первыхъ рукъ, отъ кяхтинскихъ партіонныхъ торговцевъ, довольно умѣренны, судя по тому что выручка съ чаевъ должна покрыть не только пошлинные и другіе расходы на нихъ употребленныя, но и стоимость товаровъ, промѣненныхъ на чай. Партіонный торговецъ, продавая чай разныхъ сортовъ, опредѣляетъ имъ цѣны по расчету, во сколько обошелся ему каждый сортъ въ промѣнѣ и потомъ исчисляетъ среднюю цѣну на всю партію: онъ довольствуется барышомъ, который очистится ему въ сложности по этой цѣнѣ, хотя нерѣдко случается отъ нѣкоторыхъ сортовъ понести убытокъ, а на другихъ едва приходится воротить свой капиталъ.

Отъ поддержанія цѣнъ на чай внутри Россіи, то есть на главныхъ рынкахъ чайной торговли, нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ, зависятъ выгоды кяхтинскихъ торговцевъ, которые должны выручить изъ этихъ цѣнъ весь капиталъ, затраченный на покупку и доставку товаровъ въ Кяхту и на отправленіе чаевъ въ Россію. Если бы кяхтинскій торгъ производился на деньги или на векселя, то Русскій купецъ, распродавъ свои товары Китайцамъ, пріобрѣталъ бы отъ нихъ чай на вырученный капиталъ; въ такомъ случаѣ не было бы взаимной зависимости между цѣнами проданныхъ и купленныхъ товаровъ, какая существуетъ при мѣнѣ одного товару на другой. Всякой торгъ съ Китайцами на деньги строжайше воспрещенъ и мѣна производится съ наблюденіемъ, чтобы огнюдь не брать и не отпускать товаровъ въ кредитъ; слѣдовательно кяхтинскіе торговцы встрѣчаютъ въ своихъ оборотахъ такое ограниченіе, которому не подвергаются другіе купцы. Кяхтинскій торговецъ долженъ имѣть готовый капиталъ на закупку и доставку товаровъ, назначенныхъ для промѣну Китайцамъ, но выручить его можетъ не иначе, какъ продажей вымѣненныхъ чаевъ и подвергается новымъ расходамъ на отправленіе этого товару къ нижегородской ярмаркѣ и въ Москву, а здѣсь чай продается большею частію на векселя въ дальніе сроки. Такой ходъ кяхтинской торговли замедляетъ въ ней оборотъ ка-

питаловъ, которые и безъ того весьма медленно обращаются по отдаленности Кяхты отъ главныхъ внутреннихъ рынковъ: доставка товаровъ въ Кяхту и оттуда вовлекаетъ купца въ значительную потерю времени и въ большія издержки съ собственнымъ рискомъ и съ остановками отъ разныхъ случайностей въ пути на протяженіи около шести тысячъ верстъ.

При этихъ особенныхъ свойствахъ кяхтинскаго торговаго, утвердилось, въ чайной торговлѣ, преобладаніе нѣкоторыхъ значительныхъ торговыхъ домовъ, владѣющихъ большими капиталами. Изъ пятидесяти семи купеческихъ домовъ, торговавшихъ въ Кяхтѣ въ 1846 году, два московскіе дома промѣняли и вымѣняли товаровъ по объявленнымъ цѣнамъ на два съ половиною милліона рублей серебромъ, семь домовъ на три съ половиною милліона рублей, а сорокъ-семь домовъ на восемь милліоновъ рублей. Изъ девяти домовъ, производящихъ нынѣ значительный торгъ въ Кяхтѣ, пять торгуютъ тамъ болѣе двадцати лѣтъ; но изъ остальныхъ сорока осьми только десять принадлежатъ къ старымъ домамъ. Въ новѣйшее время, съ умноженіемъ числа торгующихъ въ Кяхтѣ, тамошняя торговля стала раздробляться: въ 1816 году считалось только 17 домовъ, въ 1826 году 37; въ 1836 году 40; а въ 1846 году 57. Новыхъ домовъ учредилось съ 1816 по 1826 годъ 27, съ 1826 по 1836 годъ 19, съ 1836 по 1846 годъ 32; прекратили дѣла въ Кяхтѣ: съ 1816 по 1826 годъ 7 домовъ, съ 1826 по 1836 годъ 16, съ 1836 по 1846 годъ 14. Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, изъ 78 вновь открытыхъ домовъ, выбыло 30; старыхъ удержалось не болѣе 16; остальные же 32 дома возникли въ новѣйшее время (съ 1836 по 1846 годъ). Эти факты доказываютъ непостоянство и непрочность кяхтинской торговли, требующей большихъ капиталовъ, для которыхъ не такъ ошутительно медленное обращеніе, и отъ того слабосильнымъ домамъ трудно состязаться съ ними.

Раздробленіе кяхтинскаго торговаго, въ новѣйшее время, заставило значительные торговые дома ограничить свои обороты: съ умноженіемъ числа торговцевъ, соглашеніе различныхъ интересовъ относительно разцѣнки товаровъ и поддержанія цѣнъ на чай, сдѣлалось болѣе и болѣе затруднительнымъ. Съ тѣхъ-поръ какъ прекратились условія между кяхтинскими торговцами объ оставленіи известной пропорціи чаевъ въ Кяхтѣ, привозъ ихъ на нижегородскую ярмарку сталъ ежегодно возрастать и при большомъ количествѣ его не было возможности удерживать цѣны отъ упадка. Въ какой мѣрѣ онѣ понизились въ новѣйшее время, можно видѣть изъ слѣдующаго.

дѣтъ изъ слѣдующаго сравненія московскихъ цѣнъ на употребительнѣйшіе сорта чая, при продажѣ изъ первыхъ рукъ. Цѣны показаны на третій сортъ фамильнаго цвѣточнаго и чернаго квадратнаго за пару мѣстъ.

Въ 1841 —	955	900	рублей ассигнаціями.
— 1842 —	883	795	— —
— 1843 году съ марта до августа	800	1,018	— —
Послѣ нижегородской ярмарки . .	930	795	— —
— 1844 году	750	840	— —
— 1845 — 815	—	— —
— 1846 — 800	—	— —
— 1847 — 725	—	— —

Упадокъ цѣнъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ привозу чаевъ въ пропорціи, превышающей ихъ дѣйствительное потребленіе. Расходъ чаю, даже при упадкѣ цѣнъ, не могъ вдругъ усилиться въ соразмѣрности съ умноженіемъ привозу, потому что кяхтинскіе чай не довольно дешевы для многочисленнѣйшаго класса потребителей. Цѣнность этихъ чаевъ ограничиваетъ ихъ сбытъ въ государствѣ пропорціею, которая постепенно, но медленно увеличивается: еслибы умноженіе привозу сопровождалось соотвѣтственнымъ приращеніемъ ихъ расходу, то цѣны могли бы удержаться отъ упадку; но при чрезмѣрномъ вымѣнѣ чаевъ, они понизились такъ, что, по отзывамъ кяхтинскихъ торговцевъ, приходится продавать одни сорта чаевъ съ весьма малымъ барышомъ, а другіе съ убыткомъ.

Къ охраненію интересовъ кяхтинскаго торговаго, тѣсно связанныхъ съ выгодами внутренней промышленности, законъ разрѣшаетъ купечеству, торгующему въ Кяхтѣ, составлять акты о выпускѣ оттуда чаевъ въ разные сроки, по частямъ, для поддержанія продажныхъ цѣнъ на чай внутри имперіи. Слѣдовательно, отъ благоразумной распорядительности самихъ кяхтинскихъ торговцевъ зависитъ принятіе соотвѣтственныхъ мѣръ къ отвращенію убыточнаго пониженія цѣнъ на чай, при чрезмѣрной пропорціи его вымѣна. Находя, вѣроятно, затруднительнымъ ограничивать, по взаимнымъ соглашеніямъ, количество чаевъ, вывозимыхъ изъ Кяхты внутрь имперіи, кяхтинскіе торговцы, при упадкѣ цѣнъ на этотъ товаръ, начали стараться вымѣнивать его какъ можно сходяще, и для того стали возвышать промѣнные цѣны своихъ товаровъ, такъ, что подняли ихъ, въ послѣдніе годы, до пятидесяти процентовъ. При возвышеніи про-

нѣнныхъ цѣнъ, чай, конечно, обходится дешевле, потому что Китайцы вынуждаются увеличивать пропорцію его, для выгона потребныхъ имъ товаровъ; но въ то же время, съ возрастающаго количества вымѣниваемыхъ чаевъ еще болѣе понижаются продажныя ихъ цѣны. Такимъ образомъ непрерывное возвышеніе промѣнныхъ цѣнъ, будучи сопряжено съ дальнѣйшимъ упадкомъ продажныхъ цѣнъ на чай, не можетъ поддерживать выгоды кяхтинскихъ торговцевъ, и нельзя притомъ не опасаться вредныхъ послѣдствій для сбыту нашихъ товаровъ въ Китаѣ: если Китайцы должны будутъ платить за русскіе товары годъ отъ году дороже, то безвыгодность этой торговли заставитъ ихъ уменьшать привозъ чаевъ въ Кяхту и ограничивать вымѣнъ русскихъ товаровъ, особенно мануфактурныхъ издѣлій. Напротивъ того, при вышѣншихъ видахъ на развитіе европейской торговли въ новооткрытыхъ для нея портахъ Китая, нужно бы стараться о промѣнѣ нашихъ товаровъ Китайцамъ по сходнымъ цѣнамъ, то есть поддерживать цѣнность чаевъ въ вымѣнѣ ихъ отъ Китайцевъ, для того, чтобы наши товары обходились имъ не дорого.

Поддержаніе и даже умѣренное возвышеніе продажныхъ цѣнъ на чай въ Россіи, для выгодъ кяхтинской торговли и сопряженныхъ съ нею отраслей внутренней промышленности, едва ли могло бы, впрочемъ, ощутительно повредить успѣхамъ потребленія кяхтинскаго чая: употребительнѣйшіе сорта его (за исключеніемъ кирпичнаго) могутъ расходоваться только въ высшемъ и среднемъ классѣ городскихъ жителей, для которыхъ этотъ чай можетъ быть доступнымъ по своей цѣнности. Но какъ, съ другой стороны, для пользы потребителей вообще желательно, чтобы чай обходился имъ какъ можно сходнѣе,—и это есть необходимое условіе для распространенія его сбыта въ государствѣ,—то рождается вопросъ: какимъ образомъ согласить нужды потребленія съ выгодами кяхтинскаго торгова, требующими, напротивъ того, поддержанія и даже возвышенія цѣнъ на этотъ товаръ?

Удешевленіе чаю въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно могло согласоваться съ обстоятельствами кяхтинской торговли, зависить отъ уменьшенія стоимости этого товара, которая слагается: 1) изъ цѣнности мануфактурныхъ и другихъ произведеній, покупаемыхъ для промѣну на чай; 2) изъ провозныхъ и другихъ расходовъ, которымъ подвергается кяхтинскій торговецъ, для доставки отпускныхъ товаровъ въ Кяхту и вымѣненныхъ на эти товары чаевъ изъ Кяхты въ Россію, и 3) изъ процентовъ съ капитала, затрачиваемаго на всѣ эти расходы, и по отдален-

ности Кяхты отъ главныхъ внутреннихъ рынковъ, отащавагося должно безъ обороту, до выручки денегъ отъ продажи чаявъ. Не смотря на то, какия обстоятельства могутъ имѣть вліяніе на пониженіе цѣнности чаявъ, зависящей отъ этихъ трехъ условій.

1) Изъ товаровъ, поступающихъ въ промѣну на чай, мануфактурныя издѣлія русскихъ фабрикъ, преимущественно сукна и вельветы, пользуются значительнѣйшимъ обыткомъ. Чѣмъ дешевле будутъ обходиться кяхтинскому торговцу промѣняваемые товары, тѣмъ сходяще прійдется ему вымѣненные на нихъ чай. Слѣдовательно, пониженіе цѣны чаявъ, на этомъ основаніи, можетъ произойти преимущественно отъ удешевленія нашихъ издѣлій, сбываемыхъ въ Китай, удешевленія возможнаго, съ выгодою для фабрикантовъ, только при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашей мануфактурной промышленности и зависящаго наиболѣе отъ уменьшенія издержекъ въ фабричномъ производствѣ.

2) Кромѣ стоимости русскихъ товаровъ, промѣненныхъ на чай, кяхтинскій торговецъ долженъ выручить изъ продажной цѣны чаявъ, сверхъ таможенной пошлины съ нихъ, всѣ издержки и убытки, понесенные имъ при доставкѣ отпускныхъ товаровъ въ Кяхту и при провозѣ вымѣненныхъ чаявъ въ Россію. Въ новѣйшее время, провозные расходы въ Сибири значительно увеличались: до 1838 года провозъ между Нижнимъ Новгородомъ и Иркутскомъ обходился отъ осьми до десяти рублей ассигнаціями съ пуда, а съ 1842 года стоилъ отъ двадцати до двадцати осьми рублей ассигнаціями. Такое чрезвычайное возвышеніе провозной платы есть слѣдствіе дороговизны на всѣ жизненные припасы, произшедшей отъ развитія золотопромышленности въ Сибири *. Для сокращенія значительныхъ расходовъ на перевозку товаровъ по сибирскому тракту, ближайшимъ способомъ было-бы: построеніе постоянной и удобной кругобайкальской дороги, введеніе вараходства на озерѣ Байкалѣ и Сибирскихъ рѣкахъ и вообще улучшеніе судоходныхъ путей. Извѣстно, что водной путь съ немногими перелоками, можетъ замѣнить въ этомъ краѣ сухопутную доставку, сопряженную нынѣ съ большими расходами, которые падаютъ на цѣнность чаю. Этимъ способомъ не только удешевится провозъ товаровъ, но и перевозка ихъ будетъ производиться скорѣе и вѣрнѣе нынѣшней. Сверхъ того,

* См. М 3. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1848, года, въ статьѣ господина Щуквина: «О вліяніи золотыхъ промысловъ на цѣнность жизненныхъ припасовъ въ восточной Сибири.»

для огражденія торговцевъ отъ убытковъ, при нынѣшней перевозкѣ кяхтинскихъ товаровъ на протяженіи около 12,000 верстѣ въ оба пути, необходимо застрахованіе этихъ кладей; до-сихъ-поръ не обращено вниманія на этотъ способъ возмѣщенія потерь, неразлучныхъ съ доставкою товаровъ въ разные времена года, то сухимъ, то водянымъ путемъ.

И наконецъ 3) медленное обращеніе капиталовъ въ кяхтинскомъ торгѣ, зависящее отъ причинъ, о которыхъ упомянуто выше, имѣетъ также существенное вліяніе на цѣнность чаевъ. Очевидно, что чѣмъ менѣе нужно будетъ затрачивать капиталу въ товарахъ, провозныхъ и другихъ расходахъ, и чѣмъ скорѣе будетъ совершаться оборотъ его, тѣмъ легче будетъ для кяхтинскихъ торговцевъ довольствоваться меньшимъ процентомъ на употребленный ими капиталъ, и слѣдовательно тѣмъ скорѣе могутъ продаваться чаи.

Указавъ на главные обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ пониженіе цѣнъ чаевъ въ нашей торговлѣ, не можемъ, однако, не замѣтить, что кяхтинскіе чаи едва ли могутъ когда-нибудь сравниться съ кантонскими въ дешевизнѣ. Эта разница въ цѣнахъ ихъ происходитъ, во первыхъ, отъ издержекъ на дальній провозъ чаю изъ Южнаго Китая въ Кяхту и отсюда внутрь Россіи, и во вторыхъ, отъ качества чаевъ, потому что въ Кяхту идутъ лучшіе сорта, которые, по своей цѣнности, могутъ выдерживать провозные расходы. Напротивъ того, чаи, вывозимые изъ Китая моремъ, доставляются изъ чайныхъ округовъ, ближайшихъ къ Кантону, Шангхаю и другимъ китайскимъ портамъ, открытымъ нынѣ для европейской торговли. По этому не удивительно, что покупаемые тамъ чаи вообще обходятся Европейцамъ несравненно дешевле кяхтинскихъ, и что въ Европу можно отправлять оттуда чаи низшихъ сортовъ, которые вовсе не привозятся въ Кяхту. Чтобы дать понятіе о дешевизнѣ чаевъ, продаваемыхъ въ Кантонѣ и Шангхаѣ, помѣщаемъ здѣсь цѣны, по которымъ покупались тамъ чаи въ декабрь 1845 года. Эти цѣны переложены на русскія деньги, съ удержаніемъ англійскихъ названій для разныхъ сортовъ.

Кантонскія цѣны:

Черные чаи:

Songou	1 сорта	около 33	коп. сер.	за фунтъ.
—	2	—	27	— — —
—	3	—	20	— — —

Souchong	30	коп. сер. за фунтъ.
Pe кое обыкновенный	29	— — —
— лучший	51	— — —

Зеленые чай:

Twankay	26	— — —
Hyson	48	— — —
Hyson-skin	20—23	— — —
Yong-Hyson	31	— — —
Imperial	42—51	— — —
Gunpowder	44—54	— — —

Шанхай, одинъ изъ новооткрытыхъ для Европейцевъ портовъ Китая, по своему географическому положенію, вѣроятно, сдѣлается важнѣйшимъ средоточіемъ чайной торговли: этотъ товаръ можетъ быть удобно доставляемъ сюда изъ сосѣдственныхъ округовъ, изобилующихъ чайными плантаціями, и потому обходится здѣсь еще дешевле нежели въ Кантонѣ. Въ декабрѣ 1845 года, низкіе черные чай продавались въ Шанхай около 12, 20, 30 до 35 копѣекъ серебромъ за фунтъ, по сортамъ, а цѣны зеленымъ чаямъ были слѣдующія:

Twankay — около 17 до 26 коп. сер. за фунтъ.
Hyson 26 — 71 — — —
Hyson skin 10 — 16 — — —
Yong hyson 25 — 33 — — —
Imperial 26 — 28 — — —
Gunpowder 28 — 71 — — —

Должно замѣтить, что въ Шанхай цѣны вообще очень измѣнчивы, потому что дѣла производятся большею частію мѣною, и оттого случается, что цѣна одного товара покрываетъ убытокъ, либо отнимаетъ барышъ, полученный торговцемъ на другомъ товарѣ. Значительное приращеніе вывоза чаевъ изъ Шанхая доказываетъ, что эта отрасль торговли быстро усиливается: въ 1844 году весь отпускъ ихъ составлялъ около 35,000 пудовъ, а въ 1845 году вывезено уже слѣшкомъ 240,000 пудовъ. Въ то же время отпускъ чаевъ изъ Кантона простирался до 2,000,000 пудовъ въ 1844 году и до 2,260,000 пудовъ въ 1845 году.

Сравнимъ теперь лондонскія и гамбургскія цѣны чаевъ съ цѣнами ихъ на нижегородской ярмаркѣ. Чай привозится въ Лондонъ прямо изъ Китая, а въ Гамбургъ изъ Англіи и Соеди-

ненныхъ Штатовъ. По цѣнамъ, означеннымъ ниже, продавался чай въ январѣ 1848 года, за исключеніемъ таможенной пошлины:

По сортамъ:	Биржевыя цѣны			
	въ Лондонѣ,		въ Гамбургѣ.	
	за фунтъ.			
а) Черные чай:				
Bohe	около 5	— 10	к. сер.	10 — 15 к. сер.
Songou	— 17½	— 45	—	26 — 50 —
Souchong	— 25	— 35	—	17½ — 40 —
— — superior	— 37	— 70	—	45 — 70 —
Peko				50 — 220 —
— ordin.	— 25	— 90	—	
— ordin.				40 — 47½ —
б) Зеленые чай:				
Hyson—skin				30 — 60 —
— ordin.	— 17	— 50	—	
— ordin.				12½ — 17½ —
Hyson	— 55	— 110	—	75 — 120 —
Hyson—ordin.	— 32	— 50	—	50 — 70 —
Twankay	— 15	— 84	—	24 — 57½ —
Imperial	— 22½	— 90	—	37½ — 140 —
Gunpowder	— 25	— 140	—	47½ — 140 —

Въ нѣкоторыхъ сортахъ оказывается большая разница между лондонскими и гамбургскими цѣнами, происходящая отъ разнообразія добротъ чаю, отъ пропорцій наличныхъ запасовъ и отъ другихъ торговыхъ обстоятельствъ.

Въ оптовой продажѣ чая въ Нижегородской ярмаркѣ 1847 года, фунтъ чая, за вычетомъ таможенной пошлины, стоить *:

* Чай продается у насъ фунтами только въ розничной торговлѣ, а въ оптовой — цѣна считается за мѣсто, и въ продажныхъ цѣнахъ всегда включается таможенная пошлина (80 копѣекъ серебромъ съ цвѣтчаго и зеленого, 40 копѣекъ серебромъ съ чернаго или торговаго и 10 копѣекъ серебромъ съ кирпичнаго, съ фунта); но для удобнѣйшаго сравненія съ иностранными цѣнами, мы исчислили оптовый цѣны кяхтинскихъ чаевъ за фунтъ, съ вычетомъ таможенной пошлины, принявъ въ обычай Лондонской и Гамбургской биржи.

Изюмчатого лисичка	около 2 р. 70 копѣекъ серебромъ.
Изюмчатого чайнаго	— 1 — 30 до 2 р. серебромъ.
Торговаго квадратнаго	— 90 копѣекъ.
— не квадратнаго	— 1 —
— савсискаго	— 90 до 95 копѣекъ
Зеленаго 1-го сорта	— 1 — 10 копѣекъ.
Кирпичнаго	— 20 копѣекъ.

Но сравненію этихъ цѣнъ съ лондонскими и гамбургскими видно, что только самые высокіе сорта чая подходятъ въ тамошней торговлѣ къ цѣнамъ кяхтинскихъ чаевъ, а простые сорта чернаго и зеленаго чая, вовсе неизвѣстные въ кяхтинской торговлѣ, продаются въ Лондонѣ и Гамбургѣ почти въ одной цѣнѣ съ кирпичнымъ чаемъ и даже дешевле. Судя по такимъ низкимъ цѣнамъ этихъ чаевъ въ Лондонѣ и Гамбургѣ, не удивительно, что кантонскій чай тайно водворяется въ Россіи *. Эта контрабанда не можетъ не существовать, если бы даже вовсе отменить кяхтинскую пошлину съ чаевъ: низкіе сорта кантонскаго чая такъ дешевы, что нѣтъ ни какой возможности продавать по подобнымъ цѣнамъ чай высшей доброты, доставляемые чрезъ Кяхту.

* Привозъ его дозволенъ только въ Одѣскомъ Порто-Франко. Замѣтательно, что количество чая, привозимаго въ Одессу, значительно увеличилось.

П р и в е з е н о :

Въ 1827 году	345 пудовъ.	Въ 1827 году	1576 пудовъ.
— 1828 —	622 —	— 1838 —	1560 —
— 1829 —	609 —	— 1839 —	1692 —
— 1830 —	620 —	— 1840 —	2002 —
— 1831 —	600 —	— 1841 —	1979 —
— 1832 —	728 —	— 1842 —	2690 —
— 1833 —	582 —	— 1843 —	2416 —
— 1834 —	1219 —	— 1844 —	2209 —
— 1835 —	1219 —	— 1845 —	2987 —
— 1836 —	1200 —	— 1846 —	5004 —
Итого: 7643		Итого: 24114	

По десятилѣтней сложности привезено чаю въ Одессу въ 1837—46 годахъ на 215% болѣе нежели въ 1827—36 годахъ.

Кромѣ контрабанднаго ввозу кантонскихъ чаевъ, противъ котораго приняты, съ 1837 года, строжайшія мѣры въ западныхъ губерніяхъ, куда эти чай наиболѣе водворяются *, продажа такъ

* Высочайше утвержденнымъ въ 16 день 1836 года, мѣникомъ Государственнаго Совѣта, положено:

1) Възвѣстить въ непремѣнную обязанность купечеству отправлять кяхтинскіе чай изъ внутреннихъ губерній въ западныя пограничныя, именно: курляндскую, виленскую, гродненскую, волинскую и подольскую, и въ области: бѣлостокскую и бессарабскую и обратно, не иначе, какъ въ тѣхъ самыхъ цибникахъ и въ той же укупоркѣ, въ которыхъ получаютъ они изъ Кяхты, съ сохраненіемъ наложенныхъ кяхтинскою таможеню пломбъ. 2) Но когда московское и савктпетербургское купечество, какъ главнѣйшее производящее торгъ на Кяхтѣ, встрѣтитъ надобность отправлять чай эти въ означенныя губерніи и области не въ полныхъ цибникахъ или въ другой укупоркѣ, то допускать это съ тѣмъ, чтобы нераскупоренные еще цибники были представляемы въ савктпетербургскую или московскую таможеню, гдѣ по освидѣтельствованіи ихъ и по пересылкѣ чаевъ въ другія помѣщенія, налагать таможенныя пломбы или печати смотря по удобности, съ донесеніемъ каждый разъ Департаменту Внѣшней Торговли. 3) Затѣмъ всѣ перевозимые торговцами въ западныхъ губерніяхъ изъ одного города и мѣстечка въ другіе, равно и вывозимые оттуда во внутреннія губерніи чай, неизбѣжно подлежащей укупорки и пломбъ кяхтинской, либо которой-нибудь изъ столичныхъ таможенъ, а равно когда самая укупорка будетъ раскрыта, призывать за тайно-водворенные и подвергать конфискаціи на основаніи таможенныхъ правилъ, со взысканіемъ съ провозителей въ пеню пятикратной пошлины, взимаемой на Кяхтѣ съ лучшаго китайскаго байховаго чая. 4) Мелкіе торговцы, развѣзжающіе въ помянутыхъ губерніяхъ и областяхъ изъ одного мѣста въ другое, для дробной продажи, подлежатъ равношѣрно, какъ означеннымъ правиламъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что помѣщенія у нихъ съ чаемъ могутъ быть раскрыты, такъ и постановляемому здѣсь взысканію. Но эти правила не оеосеяты къ провѣзжающимъ частнымъ лицамъ, не принадлежащимъ къ торгующему сословію. Въ 5 и 6 пунктахъ содержатся правила о конфискаціи чаевъ и о распредѣленіи денегъ, взысканныхъ въ пеню и вырученныхъ отъ продажи чаю при таможенныхъ, для вывозу его за границу въ опредѣленный срокъ. Въ случаѣ неявки покупателей положено подвергать чай уничтоженію. На основаніи указа, отъ 20 іюля 1845, прекращена аукціонная продажа конфискованныхъ чаевъ при таможенныхъ и повелѣно предавать ихъ истребленію.

азываемаго *капорскаго чаю*, или примѣсь его къ китайскому, также преслѣдуется закономъ. Сборъ травы, изъ которой приготавливаютъ канорскій чай или *иванъ-чай*, строжайше воспрещенъ, и если кто изъ покупателей въ лавкахъ, рядахъ или другимъ образомъ найдетъ въ китайскомъ чаѣ примѣсь капорскаго и по объявленіи о томъ она будетъ открыта и доказана, то продавецъ, сверхъ законнаго взысканія съ него, подвергается опубличованію за обманъ.

По договоризнѣ кяхтинскихъ чаевъ, въ сравненіи съ кантонскими, сбытъ первыхъ ограничивается потребленіемъ въ Россіи, хотя еще въ 1826 году, для облегченія отпуску чаевъ въ Европу, установленъ возвратъ кяхтинской пошлины при вывозѣ ихъ въ иностранныя земли. Съ тѣхъ поръ по 1846 годъ включительно отпущено въ Европу 3,100 пудовъ чаю, среднимъ числомъ около 150 пудовъ въ годъ. Небольшое количество чаевъ байковыхъ и кирпичныхъ вывозится въ Персію и Среднюю Азію.

Кяхтинскіе чай употребляются въ западной Европѣ, большею частью, живущими тамъ Русскими, а для жителей тѣхъ странъ составляютъ только предметъ прихоти. Они находятъ эти чай несообразно дорогими. Притомъ во всѣхъ государствахъ тамошныя постановленія поощряютъ нынче привозъ чаю прямо изъ Китая, и это обстоятельство также служитъ къ стѣсненію заграничнаго сбыта кяхтинскихъ чаевъ. Въ Великобританіи, которая потребляетъ самое большое количество чаю, привозъ его былъ дозволенъ только изъ Китая и Остиндіи. Въ другихъ государствахъ, чай обложенъ слѣдующими привозными пошлинами въ фунта:

Во Франціи:

На французскихъ корабляхъ:

Изъ Китая и Остиндіи	около 15 к. сер.
— Россіи	— 25 — —
— другихъ мѣстъ	— 51 — —
На иностранныхъ корабляхъ безъ различія	— 61 — —

Въ Бельгіи, по сортамъ:

Изъ Китая, на бельгійскихъ корабляхъ	отъ 1½ до 2½
Изъ другихъ мѣстъ	56 к., 1 р. 6 к., 2 р. 6 к.

Въ Голландіи, по сортамъ:

Изъ Китая, на голландскихъ корабляхъ	1½ до 2½ п
— другихъ мѣстъ	4 — 5½ —
Въ Германскомъ Таможенномъ Союзѣ	8
Въ Австрійской Имперіи	43

Во всѣхъ этихъ государствахъ, за исключеніемъ Голландіи, потребленіе чая вообще очень маловажно, и онъ снабжается въ достаточномъ количествѣ изъ Англій, Гамбурга и Амстердама.

Г. И-Ъ.

==

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ.

==

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

==

До начала нынѣшняго столѣтія, европейскія государства мало нуждались въ привозѣ иностраннаго хлѣба, и торговля имъ ожи-влялась только въ неурожайные годы; но и тогда, при несовершенствѣ внутреннихъ сообщеній и ограниченномъ развитіи коммерческихъ связей и мореходства, снабженіе привознымъ хлѣбомъ тѣхъ странъ, которыя терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, не могло быть значительно. Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, внутреннее продовольствіе обезпечивалось собственнымъ хлѣбомъ при обыкновенномъ урожаѣ, а въ изобильные годы еще оставались избытки для заграничнаго отпуска. Иностраннѣй хлѣбъ требовался часто и въ большемъ количествѣ только въ Швецію, Норвегію, Голландію, Испанію, иногда въ Португалію. Великобританія и Франція снабжались имъ только въ неурожайные годы изъ нѣмецкихъ и балтійскихъ портовъ, а въ другое время сами отпускали его за границу. Хлѣбъ вывозился большею частію изъ Данцига, Риги, Гамбурга, въ сѣверную Европу и Испанію, которая получала его также изъ Великобританіи и Франціи. Сицилія и сѣверная Африка были житницами для прибережныхъ странъ Средиземнаго Моря. Не

прежде какъ въ концѣ осмнадцатаго столѣтія, по завоеваніи Россіею портовъ на Черномъ Морѣ и по основаніи Одессы, начался вывозъ оттуда хлѣба: въ 1786 году пшеницы отпущено изъ этихъ портовъ 68,731 четверть, а въ 1793 году 162,000 четвертей. Пшеница вывозилась также изъ Риги, Архангельска и Санктпетербурга, но въ этихъ портахъ главною статьею хлѣбнаго торгу была рожь, которая вмѣстѣ съ ячменемъ и овсомъ отпускатся за море, почти исключительно черезъ рижскій портъ. Вывозъ хлѣба изъ Санктпетербурга и Архангельска, до 1762 года, былъ то запрещенъ, то дозволенъ, смотря по состоянію внутренняго урожая. Наконецъ, въ 1762, разрѣшенъ свободный вывозъ хлѣба изъ всѣхъ русскіхъ портовъ съ пошлиною вполонину менѣе противъ взимаемой въ Ригѣ, гдѣ эта отрасль торговли упрочилась съ давняго времени. Въ 1771—1773 годахъ, средній отпускъ хлѣба изъ Россіи составлялъ 870,000 четвертей; неурожанъ, бывшіе въ разныхъ краяхъ Европы, въ 1770 и 1771 годахъ, заставили иностранцевъ обратиться тогда къ покупкѣ хлѣба въ русскіхъ портахъ.

Въ концѣ осемнадцатаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, потребность въ привозѣ хлѣба значительно увеличилась во многихъ странахъ Европы, по случаю неурожаявъ и войнъ, отягчавшихъ большое число рукъ отъ земледѣлія. Въ Великобританіи, съ развитіемъ мануфактурной промышленности, городское народонаселеніе возрасло до такой степени, что хлѣбныя запасы, оставшіеся прежде для отпуска, должны были поступать на внутреннее продовольствіе: съ 1754 по 1774 средній отпускъ пшеницы составлялъ тамъ до 226,000 четвертей въ годъ, а привозъ только 80,000 четвертей; но въ послѣдствіи вывозъ уступалъ привозу: съ 1774 по 1791 привозилось пшеницы, среднимъ числомъ въ годъ 232,000 четвертей; съ 1691 по 1801 включительно 863,000 четвертей, и средній вывозъ въ этотъ періодъ былъ не свыше 103,000 четвертей. Во все это время англійскіе порты были безирерывно открыты для ввозу пшеницы. Хотя парламентскимъ актомъ 1791 года, иностранный хлѣбъ обложенъ высокою пошлиною, двадцать четыре шиллинга три пенса съ квартера (около шести рублей серебромъ съ четверти) пшеницы, когда уставная средняя цѣна ниже пятидесяти шиллинговъ (дѣвѣнадцать съ половиною рублей серебромъ за четверть), и два шиллинга шесть пенсовъ съ квартера (около шестидесятидвухъ съ половиною копѣекъ серебромъ съ четверти), при возвышеніи ея отъ пятидесяти до пятидесяти-четырехъ шиллин-

говъ (около двѣнадцати съ половиною до тринадцати рублей серебромъ за четверть); однако въ теченіе десяти лѣтъ средняя цѣна почти постоянно держалась выше пятидесяти четырехъ шиллинговъ; отъ того пшеница платила низшую пошлину, только два съ половиною шиллинга съ квартера, и ввозъ иностраннаго хлѣба былъ даже поощряемъ большими преміями. Во Франціи, до революціи, отпускъ хлѣба значительно превышалъ привозъ: съ 1779 до 1789 года отпущено, по десяти-лѣтней сложности, 3,047,532 четверти, а привезено только 872,252, въ 1789 году привезено 1,143,756, въ 1790 году 1,055,767, въ 1802 году 602,967 четвертей. Голландія и Швеція въ то же время нуждались въ значительномъ привозѣ хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ, хлѣбная торговля достигла обширнаго развитія, хотя непрерывныя войны на европейскомъ материкѣ затрудняли отправку и перевозку такого громоздкаго товару, какъ хлѣбъ. Въ 1793 — 1895 годахъ, средній отпускъ хлѣба изъ Россіи составлялъ до 400,000 четвертей, а съ 1800 по 1805 годъ, вывозилось среднимъ числомъ 2,218,307 четвертей въ годъ.

Въ послѣдствіи, континентальная система останавливала свободное движеніе хлѣбной торговли, и вообще до возстановленія общаго мира, политическія и военныя обстоятельства препятствовали умноженію вывоза хлѣба изъ Россіи: съ 1806 по 1810 годъ средній отпускъ составлялъ только 595,953 четвертей, а съ 1811 по 1815 годъ 549,620 четвертей.

Неурожаи во многихъ странахъ западной Европы увеличили потомъ требованія на хлѣбъ въ нашихъ портахъ: съ 1816 по 1820 годъ, отпущено изъ Россіи 13,854,343 четверти зерноваго хлѣба. Главнѣйшую часть этого отпуска составляли слѣдующіе хлѣба:

	Пшеницы.	Ржи, ячменя и овса.	Всего вообще.
Въ 1816 году	1,441,335	632,512	2,073,847 четвертя.
— 1817 —	2,337,996	2,865,635	5,203,631 ———
— 1818 —	1,774,520	1,444,322	3,218,842 ———
— 1819 —	1,709,061	1,648,962	3,358,023 ———

Съ двадцатыхъ годовъ измѣнились обстоятельства хлѣбной торговли. По установленіи общаго мира въ Европѣ, уснѣхи хлѣбопашества и воздѣлыванія картофеля повсемѣстно ограничили потребность въ привозѣ хлѣба, хотя расходъ его увеличился отъ приращенія общаго числа жителей и въ особенности городского населенія. Въ то же время почти всѣ европейскія

государства стѣснили привозъ иностраннаго хлѣба тарифными постановленіями и стали допускать его на внутреннее продовольствіе только въ неурожайные годы. Россія, оставалась постоянно житницею для Европы, и не переставала снабжать хлѣбомъ тѣ страны, которыя нуждались въ подвозахъ его изъ заграницы; но эта отрасль нашей вѣшной торговли должна была испытывать большія колебанія: вывозъ хлѣба то возрасталъ, то уменьшался, смотря по состоянію урожаевъ и по мѣрѣ заграничныхъ требованій.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати четырехъ лѣтъ, съ 1824 по 1847 годъ, отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи шесть разъ составлялъ по цѣнѣ отъ трехъ до пяти милліоновъ рублей серебромъ, пять разъ отъ пяти до десяти милліоновъ рублей серебромъ, шесть разъ отъ одиннадцати до пятнадцати милліоновъ рублей, и столько же разъ былъ свыше шестнадцати милліоновъ рублей серебромъ. По двадцати-четыре-лѣтней сложности, цѣнность всего отпуска хлѣбныхъ припасовъ простиралась до 345,158,610 рублей серебромъ, но эта огромная сумма распредѣлялась по отдѣльнымъ годамъ въ чрезвычайно различной пропорціи.

Хлѣбныхъ припасовъ всякаго роду отпущено :

Въ 1824 году на	3,316,409 р. сер.	Въ 1836 году на	7,049,466 р. сер.
— 1825 — —	4,616,869 ———	— 1837 — —	10,881,123 ———
— 1826 — —	4,673,242 ———	— 1838 — —	14,948,119 ———
— 1827 — —	10,552,564 ———	— 1839 — —	24,964,969 ———
— 1828 — —	4,117,047 ———	— 1840 — —	13,747,508 ———
— 1829 — —	9,562,371 ———	— 1841 — —	9,798,958 ———
— 1830 — —	18,587,937 ———	— 1842 — —	11,658,358 ———
— 1831 — —	18,200,523 ———	— 1843 — —	12,514,931 ———
— 1832 — —	15,494,494 ———	— 1844 — —	15,958,056 ———
— 1833 — —	5,251,014 ———	— 1845 — —	16,193,782 ———
— 1834 — —	1,718,994 ———	— 1846 — —	28,517,492 ———
— 1835 — —	3,840,457 ———	— 1847 — —	78,983,953 ———

Для объясненія этихъ разительныхъ колебаній въ заграничномъ сбытѣ нашего хлѣба, нужно обратить вниманіе на общія и естественныя причины, отъ которыхъ зависить непостоянство хлѣбной торговли.

Во всякомъ государствѣ воздѣлываніе хлѣба составляетъ необходимѣйшую отрасль народной промышленности, какъ средство къ

обеспеченію внутренняго продовольствія. По самому свойству этого продукта нѣтъ возможности снабжаться имъ въ достаточномъ количествѣ изъ другихъ странъ: перевозка и храненіе сопряжены съ такими затрудненіями и расходами, какія не встрѣчаются для многихъ другихъ товаровъ. Хлѣбъ принадлежитъ къ самымъ громоздкимъ продуктамъ и въ пропорціи къ своему объему имѣетъ весьма малую цѣнность, которая отъ путевыхъ издержекъ чрезмѣрно возвышается. Трудность доставки его изъ отдаленныхъ мѣстъ въ такомъ большомъ количествѣ, какое нужно для продовольствія многочисленныхъ странъ, лишаетъ ихъ возможности совершенно обеспечивать свое потребленіе заграничнымъ привозомъ; оттого во всѣхъ государствахъ, даже при скудной жатвѣ, количество хлѣбныхъ припасовъ изъ-за границы весьма маловажно въ сравненіи съ пропорціею, необходимою на внутреннее продовольствіе. Если бы Англія, для которой нужно ежегодно до осьмидесяти-пяти милліоновъ четвертей хлѣба, употребила на доставку его изъ за границы весь свой купеческій флотъ, составляющій два съ половиною милліона тоннъ, то, полагая по семи четвертей на тонню, она могла бы привезти только семьнадцать съ половиною милліоновъ четвертей, то есть, не болѣе того количества, какое нужно на семьдесятъ пять дней. И такъ, очевидно, что всякое государство по необходимости должно продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ и что недостатокъ внутренняго урожая можетъ быть только въ нѣкоторой мѣрѣ пополняемъ заграничнымъ привозомъ; очевидно также, что внѣшній сбытъ хлѣба всегда долженъ зависѣть отъ измѣнчивости урожая и отъ состоянія запасовъ въ разлчныхъ странахъ. Вотъ первая естественная причина значительныхъ колебаній въ отпускѣ хлѣба изъ Россіи.

Другая причина непостоянства хлѣбной торговли простирается также изъ самаго свойства этого продукта. Хлѣбъ отличается отъ всѣхъ другихъ товаровъ тѣмъ, что во всякой странѣ онъ составляетъ первѣйшую потребность; оттого, въ случаѣ недостатка, цѣны на хлѣбъ возвышаются болѣе и скорѣе чѣмъ на какой-нибудь другой товаръ. Самое опасеніе насчетъ нужды въ продовольствіи сильно способствуетъ возвышенію хлѣбныхъ цѣвъ. Хлѣбъ не принадлежитъ къ такимъ товарамъ, количество которыхъ можетъ быть увеличено по востребованію; производство его подчинено неизмѣннымъ законамъ природы: между посѣвомъ и жатвою есть промежутокъ, который невозможно сократить никакими человѣческими усиліями. Слѣдовательно потребность въ

хлѣбъ должна быть удовлетворяема наличными запасами, поступающими на продажу отъ сельскихъ хозяевъ и хлѣбныхъ торговцевъ. Количество этихъ запасовъ измѣняется, смотря по урожаю, и оттого на обезпеченіе потребности въ хлѣбѣ необходимо заготовлять его своевременно для снабженія имъ тѣхъ мѣстъ, которыя нуждаются въ подвозахъ. Но измѣнчивость урожаяевъ и цѣнъ на хлѣбъ подвергаетъ торговца большому риску. Ни какая торговля не встрѣчаетъ столько внезапныхъ и непревидимыхъ случайностей какъ хлѣбная. Соображенія, на которыхъ она основана, существенно зависятъ отъ крайне переменчивыхъ видовъ на урожай, отъ количества наличныхъ и ожидаемыхъ запасовъ и отъ чрезвычайныхъ колебаній, которымъ подвержены хлѣбныя цѣны. Если оказывается гдѣ-либо недостатокъ въ хлѣбѣ, то требуется скорѣйшая помощь и выигрываетъ тотъ, кто успѣлъ доставить хлѣбъ во время высокихъ цѣнъ; если по какому-нибудь случаю хлѣбъ прійдетъ позже, когда отъ стеченія подвозовъ и новала нужда, то весь расчетъ на выгодную продажу уничтожается и спекулантъ бываетъ принужденъ сбывать свой товаръ съ убыткомъ. Такая зависимость хлѣбной торговли отъ множества случайностей часто производитъ въ ней сильные и внезапные переломы. Требования на хлѣбъ не имѣютъ правильного постояннаго ходу: они возникаютъ вдругъ и усиливаются быстро; при неурожаѣ или недостаткѣ запасовъ, капиталы устремляются на покупку хлѣба и своимъ совмѣстничествомъ возвышаютъ цѣны; дороговизна привлекаетъ подвозы и, отъ большаго стеченія ихъ, цѣны внезапно упадаютъ, тѣмъ болѣе, что хлѣбъ не принадлежитъ къ такимъ товарамъ, которые могутъ быть удобно пересылаемы изъ одного мѣста на другое на продажу. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ сбытъ хлѣба подверженъ безпрерывнымъ колебаніямъ.

Это естественное непостоянство въ требованіяхъ на хлѣбъ еще усугубилось искусственными причинами, именно, введенною во многихъ государствахъ системою переменныхъ пошлинъ съ привознаго хлѣба, которыя въ опредѣленномъ размѣрѣ понижаются съ возвышеніемъ внутреннихъ цѣнъ, а съ упадкомъ ихъ поднимаются, такъ, что ввозъ долженъ прекращаться, и для возобновленія его нужно ожидать сбавки пошлинъ, когда внутреннія цѣны поднимутся до извѣстной степени. Очевидно, что эта пошлинная система должна была вообще увеличить риски спекулянтовъ, и происшедшія оттого колебанія въ заграничномъ сбытѣ хлѣба много способствовали измѣнчивости отпуска его и умень-

шею выгоду, какія Россія могла бы извлекать отъ вѣншей торговли хлѣбомъ. По своей отдаленности отъ тѣхъ странъ, которыя всего чаще и наиболѣе нуждаются въ привозѣ хлѣба, Россія можетъ отпустить его туда прямо, только при продолжительномъ требованіи, и то единственно изъ наличныхъ запасовъ, заблаговременно свезенныхъ въ ея порты. Дальнее разстояніе ихъ отъ внутреннихъ мѣстъ, недостатокъ удобныхъ во всякое время сообщеній съ ними и остановка навигаціи въ портахъ въ зимніе мѣсяцы, лишаютъ Россію способовъ пользоваться заграничнымъ требованіемъ на хлѣбъ въ той мѣрѣ, какъ это бываетъ возможно для другихъ странъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Подъ влияніемъ системы переменныхъ пошлинъ, хлѣбная торговля сосредоточилась въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ мѣстамъ сбыта складочныхъ портахъ, какъ-то: въ Гамбургѣ, Амстердамѣ, Марселѣ; Генуѣ, Ливорно и Триестѣ; туда стали стекаться подвозы хлѣба, закупленнаго по сходнымъ цѣнамъ въ изобильныхъ имъ краяхъ. Сложенный въ этихъ портахъ хлѣбъ можетъ быть удобно сбываемъ оттуда въ иностранныя земли, лишь только тамъ окажется требованіе; въ такомъ случаѣ портовые спекулянты успѣваютъ воспользоваться выгодными цѣнами и сбавкою пошлинъ до прибытія подвозовъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Напротивъ того хлѣбъ, отправленный изъ Россіи, не всегда подспѣваетъ на иностранные рынки въ самое благоприятное время; первая потребность можетъ быть удовлетворена изъ ближайшихъ мѣстъ, а дальнѣйшіе подвозы могутъ прійти въ такую пору, когда съ упадкомъ цѣнъ возвысится привозная пошлина. Такимъ образомъ система переменныхъ пошлинъ, принятая, по примѣру Англій, разными европейскими государствами, не только причинила сильныя колебанія въ требованіи и цѣнахъ на хлѣбъ вообще, но имѣла особенно невыгодныя послѣдствія еще оттого, что лишала эти государства возможности снабжаться хлѣбомъ, посредствомъ правильной торговли изъ тѣхъ странъ, гдѣ можно пріобрѣтать его по сходнѣйшимъ цѣнамъ.

Значительнѣйшія колебанія въ отпускѣ хлѣба изъ Россіи продолжались до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія; съ 1841 года наступилъ періодъ постояннаго приращенія этой отрасли нашей вѣншей торговли. Съ 1824 по 1840 годъ отпущено хлѣбныхъ припасовъ на 171,533,079 рублей, а съ 1841 по 1847 годъ на 173,625,531 рубль серебромъ. И такъ вывозъ ихъ въ послѣднее семилѣтіе былъ почти на два милліона рублей болѣе, чѣмъ въ предъидущія семнадцать лѣтъ. Если исключить необыкновен-

ный въ хлѣбной торговлѣ 1847 годъ, то и въ такомъ случаѣ средній отпускъ хлѣба въ послѣдній періодъ будетъ имѣть значительный перевѣсъ: съ 1824 по 1840 годъ, при большихъ колебаніяхъ въ заграничномъ сбытѣ хлѣбныхъ припасовъ, средній годичный вывозъ простирался на 10,090,416 рублей серебромъ, а въ 1841 — 1846 годахъ на 15,773,596 рублей; слѣдовательно въ этомъ періодѣ отпущено на пятьдесятъ шесть процентовъ болѣе. Въ послѣднее десятилѣтіе Россія ежегодно отпускала хлѣба на сумму около десяти милліоновъ рублей серебромъ, и болѣе, тогда какъ въ предъидущіе четырнадцать лѣтъ вывозъ его только шесть разъ превышалъ эту сумму. Въ новѣйшее время, европейскія государства, несмотря на успѣхи ихъ земледѣлія, стали болѣе и чаще нуждаться въ иностранномъ хлѣбѣ; съ приращеніемъ ихъ народонаселенія, развитіе мануфактуръ и другихъ промысловъ уменьшило тамъ количество рукъ, занятыхъ хлѣбопашествомъ, и во многихъ странахъ дальнѣйшее распространеніе его остановилось за недостаткомъ удобной земли.

Значеніе хлѣба въ нашей отпускной торговлѣ, по непостоянству вывоза этого товару, подвержено большимъ измѣненіямъ: въ иные годы онъ составлялъ не болѣе шести процентовъ, а въ другіе до тридцати процентовъ всей цѣнности отпуска по нашей европейской торговлѣ. При значительномъ вывозѣ хлѣба, пропорція его въ отношеніи къ цѣнности всего отпуска увеличивается еще отъ того, что въ тѣ годы, когда бываетъ чрезвычайное требованіе на хлѣбъ за границею, сбытъ другихъ нашихъ товаровъ обыкновенно уменьшается, напримѣръ:

Отпущено:	Хлѣба.	Другихъ товаровъ.
Въ 1825 году на	4,616,869	58,679,789 рублей серебромъ.
— 1830 — —	18,587,937	48,774,643 — —
— 1836 — —	7,049,466	64,507,944 — —
— 1846 — —	28,517,429	59,875,476 — —

Хлѣба отпущено въ 1830 году почти на четырнадцать милліоновъ рублей болѣе чѣмъ въ 1825 году, а другихъ товаровъ меньше на десять милліоновъ; въ 1836 году вывозъ хлѣба былъ на одиннадцать съ половиной милліоновъ меньше чѣмъ въ 1830 году; но другихъ товаровъ отпущено почти на шестнадцать милліоновъ болѣе; въ 1846 году вывезено ихъ почти на пять милліоновъ меньше чѣмъ въ 1836 году, тогда какъ вывозъ хлѣба увеличился вчетверо.

Такое влияние хлебной торговли на заграничный сбытъ другихъ нашихъ произведеній зависитъ отъ причинъ, которыя всегда обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ неурожайные годы: капиталы обращаются тогда преимущественно на закупку хлѣба; дороговизна продовольствія ограничиваетъ потребление другихъ товаровъ; отъ уменьшенія ихъ сбыта мануфактуры и торговля приходятъ въ разстройство, внезапный выпускъ большихъ суммъ за границу въ уплату за хлѣбъ производитъ нужду въ деньгахъ, и стѣсненіе коммерческихъ оборотовъ превращается наконецъ въ бѣдственный кризисъ. Эти явленія въ сильѣйшей степени обнаруживались въ Великобританіи, которая чаще другихъ европейскихъ государствъ терпитъ недостатокъ въ продовольствіи и отъ того нуждается въ большомъ привозѣ иностраннаго хлѣба. Послѣдствія кризисовъ, которымъ подвергается тогда промышленность этого государства, должны отражаться на сбытъ русскихъ товаровъ тѣмъ болѣе, что Великобританія служитъ главнѣйшимъ для нихъ истокомъ.

Обозрѣвая движеніе нашей отпускной торговли съ 1824 года, можно удостовѣриться, что значительное приращеніе ея въ новѣйшее время послѣдовало преимущественно отъ усилившагося сбыта хлѣба, между тѣмъ какъ вывозъ другихъ произведеній представлялъ весьма слабое развитіе. По пяти-лѣтнимъ сложностямъ, средній отпускъ составлялъ слѣдующія суммы:

Хлѣба. Другихъ товаровъ. Всего вообще.

	Хлѣба.	Другихъ товаровъ.	Всего вообще.
Въ 1824 — 1828 годахъ на	5,555,226	49,169,907	54,624,133 рубля сереб.
— 1829 — 1833 — —	13,419,268	49,723,714	63,142,982 — —
— 1834 — 1838 — —	7,488,832	58,435,109	65,923,941 — —
— 1839 — 1843 — —	14,537,745	62,106,195	76,643,940 — —
— 1844 — 1846* — —	20,223,110	62,346,955	82,570,065 — —

Изъ этихъ видовъ видно, во-первыхъ, что въ оба первые періода, отпускъ другихъ товаровъ простирался почти на одинаковую сумму, тогда какъ хлѣба вывезено во второй періодъ почти на 146 процентовъ болѣе нежели въ первый; во-вторыхъ, что въ слѣдующее пятилѣтіе (1834 — 1838), при уменьшившемся отпускѣ хлѣба около осьмидесяти процентовъ противъ предъидущаго періода, вывозъ другихъ товаровъ увеличился только на семнадцать процентовъ, и это пяти-лѣтіе было эпохою самаго

* По трехъ-лѣтней сложности.

значительнаго приращенія ихъ сбыта; и въ-третьихъ, что въ послѣднiе два періода, отпускъ другихъ товаровъ составлялъ почти одинаковую сумму, а противъ предъидущаго пятилѣтія (1834—1838) увеличился не болѣе какъ на шесть процентовъ; въ сравненіи съ тѣмъ же періодомъ приращеніе отпуска хлѣба простиралось въ 1839 — 1843 годахъ на девяносто-четыре процента, въ 1844 — 1846 году на сто-семьдесятъ процентовъ.

Средняя пропорція вывоза хлѣба въ отношеніи къ цѣнности всего отпуска по нашей европейской торговлѣ, въ десятилѣтія съ 1824 по 1833 и съ 1834 по 1843 годъ оставалась почти одинаковою, составляя не менѣе пятнадцать процентовъ; въ 1844—1846 годахъ эта пропорція увеличилась до двадцати-четырехъ процентовъ, по случаю большаго отпуска хлѣба въ 1846 году, и она была бы еще значительнѣе, если принять въ расчетъ 1847 годъ, который по огромному вывозу хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи составлялъ необыкновенную эпоху во внѣшней ея торговлѣ.

Цѣнность всего отпуска хлѣба, по двадцати-четырехъ-лѣтней сложности, съ 1824 по 1847 годъ включительно, составляла 345,158,610 рублей серебромъ, въ томъ числѣ:

Пшеницы вывезено на	240,859,494	рублей серебромъ.
Ржи	59,884,297	—
Овса	16,934,495	—
Ячменя	11,857,944	—
Гороху, и прочаго	15,623,081	—

Всего на 345,158,610 рублей серебромъ.

И такъ, цѣнность пшеницы простиралась до семидесяти процентовъ всего отпуска, ржи до семнадцати процентовъ, а прочаго хлѣба около тринадцати процентовъ.

Разсмотримъ теперь количество отпуска въ этомъ двадцати-четырехъ-лѣтнемъ періодѣ по каждому роду хлѣба отдѣльно.

Пшеницы отпущено:

Въ 1824 году	724,957	четвертей.	Въ 1830 году	2,524,095	четвертей.
— 1825 —	971,795	—	— 1831 —	1,794,315	—
— 1826 —	1,046,595	—	— 1832 —	1,930,198	—
— 1827 —	1,672,214	—	— 1833 —	691,916	—
— 1828 —	237,966	—	— 1834 —	170,689	—
— 1829 —	1,138,667	—	— 1835 —	693,575	—

Въ 1836 году	1,456,888	четвертей.	Въ 1842 году	1,819,316	четвертей.
— 1837 —	1,908,693	—	— 1843 —	2,035,098	—
— 1838 —	2,278,121	—	— 1844 —	2,503,259	—
— 1839 —	2,906,620	—	— 1855 —	2,780,040	—
— 1840 —	1,798,385	—	— 1846 —	3,171,756	—
— 1841 —	1,531,383	—	— 1817 —	5,945,394	—

Сложный отпускъ пшеницы составлялъ 43,762,234 четверти. За исключеніемъ 1833, 1834 и 1835 годовъ, когда вывозъ ея былъ незначителенъ, по случаю неурожаевъ въ Южной Россіи, количество отпуска съ 1830 по 1846 годъ простиралось ежегодно отъ полутора до трехъ милліоновъ четвертей, а въ 1847 году доходило почти до шести милліоновъ четвертей. Въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, Россія отпустила 30,135,253 четверти пшеницы и пятая доля этого огромнаго количества вывезена въ 1847 году, а въ предъидущее двѣнадцати-лѣтіе (съ 1824 — 1845 годъ) весь отпускъ простирался до 13,626,981 четверти. И такъ, въ послѣдній періодъ (1836 — 1847) отпущено пшеницы на сто-двадцать-одинъ процентъ болѣе нежели въ первый (1824—1835). Вывозъ ея, по двадцати-четыре-лѣтней сложности, распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Съ 1824 по 1846 г.	Въ 1847 г.	Всего вообще.
Изъ Архангельска	510,222	65,667	575,889 четвертей
— Санктпетербурга	1,384,152	521,305	1,905,457 —
— Рига	748,353	95,954	844,307 —
— другихъ балтійскихъ портовъ .	67,237	5,506	72,743 —
— Одессы	20,089,806	2,798,183	22,887,989 —
— Другихъ южныхъ портовъ .	13,639,370	2,267,906	15,907,276 —
По сухопутной границѣ	1,383,700	190,873	1,574,573 —
И того	37,822,840	5,945,394	43,768,234 четверти.

Распредѣленіе всего отпуска пшеницы по главнымъ путямъ ея вѣшняго сбыта, съ 1824 по 1847 включительно, выражается слѣдующими цифрами:

Отпускъ изъ Архангельска составлялъ около	1 проц.
— Санктпетербурга	4 —
— Рига и другихъ балтійскихъ портовъ	2 —
— Одессы и другихъ южныхъ портовъ	90 —
По сухопутной границѣ	3 —

покоѣ такъ долго, какъ это дѣлается нынѣ. Арнаутка, требующая богатой почвы для доставленія хорошаго урожая, еще имѣетъ въ свою пользу давность привычки земледѣльцевъ и мѣнѣе старыхъ хозяевъ; болгарскіе колонисты также предпочитаютъ ее другой пшеницѣ; но во всѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, гдѣ по малому пространству пахатныхъ земель, чаще приходится заступать одно и то же поле, гирка предпочитается арнауткѣ.

Въ прежнее время, арнаутка продавалась гораздо дороже мягкой пшеницы, а нынѣ разница въ цѣнѣ не значительна и въ нынѣшніе годы арнаутка бываетъ даже дешевле озимой и гирки. Впрочемъ, цѣна арнаутки измѣняется смотря потому, откуда поступаетъ самое большое требованіе на пшеницу: если она требуется наиболѣе въ Италію или въ Левантъ, то цѣна арнаутки возвышается, потому что тамъ весьма обширно потребленіе этого хлѣба; если главный спросъ на пшеницу — для отправки въ Англію или во Францію, то требуется преимущественно мягкая пшеница (озимая и гирка) и въ такомъ случаѣ цѣны на арнаутку упадаютъ.

Пшеница, называемая въ южной Россіи арнауткою, извѣстна въ низовыхъ губерніяхъ подъ названіемъ *бѣлотурки*, и въ Санкт-петербургѣ, при заморскомъ отпускѣ, продается подъ именемъ *кубанки*. Она имѣетъ самое крупное, почти прозрачное зерно; въсомъ въ четверти бываетъ отъ 9 пудовъ 25 фунтовъ до 11 пудовъ 10 фунтовъ съ кулемъ. Кубанку, какъ лучшій сортъ изъ яровыхъ пшеницъ, употребляютъ для крупчатой муки. Эта пшеница родится въ лучшемъ видѣ на новяхъ; но при посѣвѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ сѣменами, собираемыми съ той же самой полосы, зерно выходитъ мельче и тусклѣе: такой сортъ извѣстенъ въ торговлѣ подъ именемъ *перерода*. Та и другая пшеница покупаются большею частію въ Самарѣ и въ Хвалынскѣ. Особый родъ кубанки, зерномъ красноватой, называется *краснотуркою*.

Яровая пшеница, называемая *рускою*, видомъ совершенно разнится отъ бѣлотурки и походитъ болѣе на озимую. Лучшими сортами ея для крупчатой муки признаются: *саксонка*, пшеница чистаго наливнаго зерна (въ девять пудовъ десять и двадцать пять фунтовъ) получаемая изъ саратовскихъ колоній, и *лысковская*, *скоросѣлка* (въ девять пудъ десять и двадцать фунтовъ). Средніе сорта, въсомъ отъ девяти до десяти пудовъ, получаютъ изъ Промзвана (сибирской губерніи) и Лыскова (нижегородской губерніи). Низкій сортъ этой пшеницы, продаваемой подъ ие-

изъ чистопольской, изъ казанской губерній, идетъ на муку низшаго разбору и частью въ крахмаль.

Озимая пшеница, поступающая также въ заграничный отпускъ изъ Санктпетербурга, бываетъ различныхъ сортовъ: лучшая по чистотѣ и наливу зерна, называется орловскою; она бываетъ вѣсомъ въ четверти отъ девяти до десяти пудовъ съ кулемъ и употребляется на высокіе сорты крупчатой муки или на удобреніе прочихъ пшеницъ при передѣлѣ въ муку. Средній сортъ, мельче и темнѣе зерномъ, называется мценскою, по имени пристани, на которой обыкновенно покупаютъ эту пшеницу. Изъ Моршанска получается пшеница низкаго сорту и въ торговлѣ известная подъ названіемъ моршанской.

Пшеница съ низовыхъ приставей доставляется въ Санктпетербургъ чрезъ Рыбинскъ, и привозъ ея зависитъ отъ требованій для отпуску; когда вѣтъ спросу изъ за границы, большая часть запасовъ передѣливается въ муку для внутренняго продовольствія.

Отпускъ пшеницы изъ другихъ портовъ Россіи, даже при значительномъ требованіи на нее, бываетъ маловажный, по отдаленности ихъ отъ главныхъ мѣстъ воздѣлыванія этого хлѣба. Въ Архангельскѣ привозится небольшое количество пшеницы только изъ вятской губерній. Тамъ она воздѣливается преимущественно въ южныхъ уѣздахъ, откуда ближе доставлять ее къ камскимъ приставямъ для отправленія въ Рыбинскъ, нежели къ двинскимъ для сплаву въ Архангельскъ. Рига снабжается пшеницею также въ небольшомъ количествѣ, оттого что изъ ближайшихъ губерній одна только курляндская отпускаетъ этотъ хлѣбъ за границу, а изъ великороссійскихъ губерній только орловская отправляетъ пшеницу изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ водянымъ путемъ къ рижскому порту. Въ западныхъ губерніяхъ воздѣлываніе пшеницы вообще незначительно; она идетъ оттуда частью въ Ригу, частью въ Кенигсбергъ и Данцигъ, куда доставляютъ пшеницу преимущественно изъ возынской губерній. Къ Данцигу также сплавляется пшеница изъ Царства Польскаго, по Вислѣ, для отпуску за море. Польская пшеница весьма уважается по отличному ея качеству. Хотя она мелко зерниста и вѣсомъ легче нѣкоторыхъ другихъ пшеницъ, однако цѣнится выше ихъ отъ того, что зерно ея имѣетъ очень тонкую кожицу и даетъ превосходнѣйшую муку. Данцигская (польская) пшеница требуется преимущественно въ Англію. Вывозъ этого хлѣба изъ Данцига постояннѣе и значительнѣе, чѣмъ въ другихъ балтійскихъ портахъ.

Пшеницы отпущено изъ Данцига.

Въ 1837 году	448,945	четвертей.	Въ 1842 году	619,620	четвертей.
— 1838 —	654,915	—	— 1843 —	719,720	—
— 1839 —	598,650	—	— 1844 —	690,915	—
— 1840 —	709,695	—	— 1845 —	511,590	—
— 1841 —	604,665	—	— 1846 —	371,420	—
			— 1847 —	580,575	—

Рожь занимаетъ важное мѣсто въ русскомъ земледѣліи, оттого, что во многихъ губерніяхъ, по качеству почвы и по вліанію климата, обширныя земли не могутъ производить другихъ болѣе цѣнныхъ хлѣбовъ, и притомъ эти хлѣба слишкомъ дороги для замѣны ржи въ народномъ продовольствіи. Ржаной хлѣбъ составляетъ главную пищу русскаго народа и потребляется въ огромномъ количествѣ на винокурениіе. Въ иностранныя земли рожь отпускается болшею частью изъ сѣверныхъ портовъ; но вообще заграничный сбытъ ея подверженъ большимъ колебаніямъ, какъ видно изъ слѣдующаго обозрѣнія отпуска ржи съ 1824 года.

Въ 1824 году	19,085	четвертей.	Въ 1836 году	114,792	четвертей.
— 1825 —	26,616	—	— 1837 —	359,846	—
— 1826 —	103,261	—	— 1838 —	657,675	—
— 1827 —	684,694	—	— 1839 —	1,039,007	—
— 1828 —	779,926	—	— 1840 —	112,947	—
— 1829 —	793,488	—	— 1841 —	73,140	—
— 1830 —	913,998	—	— 1842 —	178,841	—
— 1831 —	1,140,787	—	— 1843 —	496,790	—
— 1832 —	1,174,277	—	— 1844 —	698,627	—
— 1833 —	320,438	—	— 1845 —	244,114	—
— 1834 —	76,714	—	— 1846 —	1,708,401	—
— 1835 —	41,372	—	— 1847 —	2,650,760	—

Весь отпускъ ржи, по двадцати-четырехъ-лѣтней сложности, составлялъ 14,439,587 четвертей. Самый большой вывозъ, свыше пяти сотъ тысячъ четвертей, былъ съ 1827 по 1832 годъ, потомъ въ 1838 по 1839 годъ, 1843 по 1844 годъ, и наконецъ въ 1846 по 1847 годъ. Въ эти двѣнадцать лѣтъ отпущено ржи, въ сложности, 12,768,330 четвертей и въ томъ числѣ 2,680,760 четвертей въ 1847 году. И такъ, въ остальные двѣнадцать лѣтъ сложный отпускъ составлялъ только 1,371,257 четвертей, то есть почти вполонину менѣе того количества, какое отпущено въ одинъ 1847 годъ.

Вывозъ ржи въ 1824 по 1847 годъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Отпущено:

Изъ Архангельска	1,726,930 четв.
— Санктпетербурга	1,921,971 —
— Риги	4,511,184 —
— другихъ балтійскихъ портовъ	2,270,888 —
— Одессы	1,111,109 —
— другихъ южныхъ портовъ	496,238 —
По сухопутной границѣ	2,401,266 —
Итого	14,439,516 четв.

По этимъ количествамъ изчислимъ теперь пропорцію отпуска ржи изъ разныхъ портовъ. Въ общей сложности, съ 1824 по 1847 годъ включительно, вывозъ:

Изъ Архангельска составляя около	12 проц.
— Санктпетербурга	13 —
— Риги и другихъ балтійскихъ портовъ	41 —
По сухопутной границѣ	16 —
— Одессы и другихъ южныхъ портовъ	12 —

Этотъ выводъ показываетъ, что самое значительное количество ржи отпускается изъ Риги и другихъ остзейскихъ портовъ и по сухопутной границѣ къ прусскимъ портамъ; въ этомъ сбытѣ принимаютъ участіе всѣ остзейскія и западныя губерніи. Замѣчательно, что вывозъ ржи изъ Архангельска и Санктпетербурга составляетъ почти одинаковую пропорцію, хотя къ архангельскому порту доставляется рожь только изъ двухъ губерній: вятской и вологодской, а для Санктпетербурга ржаной хлѣбъ въ зернѣ и мука закупаются въ плодороднѣйшихъ низовыхъ губерніяхъ, какъ для внутренняго продовольствія, такъ и для отпуска. При чрезвычайномъ требованіи на рожь, въ 1846 и 1847 году, значительно увеличился вывозъ ея изъ всѣхъ портовъ и въ особенности изъ Санктпетербурга. Въ эти два года отпущено:

	Въ 1846 г.	1847 г.	Итого.	Съ 1824 по 1845 г.
Изъ Архангельска	329,817	352,640	682,458	1,044,492 четв.
— Санктпетербурга	583,152	685,378	1,268,530	653,441 —
— Риги	265,464	695,811	961,275	3,549,919 —
— другихъ балтійскихъ портовъ	67,500	125,833	193,333	2,077,546 —
— Одессы	251,526	333,876	585,402	525,707 —
— другихъ южныхъ портовъ	60,902	176,173	237,075	259,163 —
По сухопутной границѣ	150,039	311,049	461,088	1,940,178 —
Всего	1,708,401	2,680,760	4,389,161	10,050,426 четв.

Въ 1846 и 1847 году отпущено ржи изъ Санктпетербурга почти вдвое болѣе чѣмъ съ 1824 по 1845 годъ, и вывозъ изъ Одессы и другихъ южныхъ портовъ почти равнялся сложному отпуску изъ нихъ за предыдущіе двадцать два года. Сравненіи съ этимъ періодомъ, вывозъ ржи изъ Архангельска и Риги въ 1846 и 1847 году былъ также весьма значителенъ.

До 1846 года, рожь вывозилась изъ южной Россіи рѣдко и въ маломъ количествѣ, но въ оба послѣдніе года, по случаю дороговизны зерноваго хлѣба въ западной Европѣ, усилилось требованіе на рожь и въ южныхъ портахъ, для отпуску въ Бельгію, Голландію, Бременъ и другіе мѣста. Въ южной Россіи закупаютъ ржи менѣе, нежели на сѣверѣ, потому что климатъ и почва способствуютъ тамъ урожаю пшеницы, составляющей главную статью отпускной торговли, а рожь обращается въ этомъ краѣ преимущественно на внутреннее потребленіе.

Въ обыкновенное время, рожь продается въ окрестностяхъ Одессы отъ шести до семи рублей ассигнаціями за четверть, а иногда менѣе; но чѣмъ далѣе внутрь края, тѣмъ цѣны ниже и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходятъ до трехъ и трехъ съ половиною рублей ассигнаціями за четверть. Чрезвычайное возвышеніе цѣны на рожь въ 1846—1847, когда она доходила въ Одессѣ почти до двадцати рублей ассигнаціями за четверть, поощрило къ доставкѣ этого хлѣба для отпуску за море. Если бы требованіе на рожь въ южныхъ портахъ сдѣлалось постояннымъ, при цѣнѣ не менѣе девяти или десяти рублей ассигнаціями за четверть, то воздѣльваніе ржи для заграничнаго сбыту приобрѣло бы нѣкоторую важность въ мѣстахъ, ближайшихъ къ портамъ или судоходнымъ рѣкамъ южной Россіи. При цѣнахъ на рожь существовавшихъ до сихъ поръ въ Одессѣ почти неизмѣнно отъ шести до семи рублей ассигнаціями, помѣщики никогда не считали рожь статью дохода, потому что такіа цѣны едва покрываютъ издержки воздѣльванія и доставки ржи *.

Ячмень, вывозимый болѣею частью изъ нашихъ остзейскихъ портовъ, отпускается за границу въ небольшомъ количествѣ, сравнительно съ другими хлѣбами. Втеченіе послѣднихъ двадцати-четырехъ лѣтъ отпущено:

* Смори въ № 3 «Записокъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи», статью господина Демоя о сбытѣ ржи.

Въ 1824 году.	56 590 четв.	Въ 1836 году.	52,491 четв.
— 1825	— 87,775	— 1827	— 121,700
— 1826	— 168,685	— 1838	— 235,230
— 1827	— 197,562	— 1839	— 255,680
— 1828	— 171,881	— 1840	— 168,458
— 1829	— 183,86	— 1841	— 83,403
— 1830	— 277,798	— 1842	— 114,672
— 1831	— 247,922	— 1843	— 161,941
— 1832	— 299,126	— 1844	— 328,249
— 1833	— 83,300	— 1845	— 59,539
— 1834	— 56,456	— 1846	— 81,882
— 1835	— 19,535	— 1847	— 285,787

Отпускъ во всѣ эти годы составлялъ въ сложности 3,815,536 четвертей. Самый большой вывозъ свыше 15,000 четвертей, былъ съ 1826 до 1833 года, потомъ съ 1838 до 1841 года, въ 1843—1844 и въ 1847 году. Въ эти тридцать лѣтъ отпущено 2,982,805 четвертей, а въ остальные одиннадцать лѣтъ только 832,731 четверть, то есть, около 75,000 четвертей въ годъ.

По двадцати четырехъ-лѣтней сложности, съ 1824 по 1847 годъ включительно, отпускъ ячменя распределялся слѣдующимъ образомъ:

Изъ Архангельска	75,078	четвертей.
— С. Петербурга	25,283	—
— Риги	1,196,739	—
— другихъ балтійскихъ портовъ	1,498,809	—
— Одессы	329,924	—
— южныхъ портовъ	408,928	—
Не сулопутной границѣ	290,773	—

Всего 3,815,536 четвертей.

И такъ, вывозъ изъ Риги и другихъ балтійскихъ портовъ составляетъ три-четверти всего отпуска.

Овесъ отпускается въ наибольшемъ количествѣ изъ Архангельска и балтійскихъ портовъ.

Вывозъ его очень непостояненъ: съ 1824 по 1847 отпускалось свыше 200,000 четвертей, въ 1827, 1829, 1830 — 1831, 1837, 1839 — 1840, 1845, 1846, 1847, въ десять лѣтъ, сложный отпускъ составлялъ 5,421,398, а въ остальные четырнадцать лѣтъ

отпущено почти въ шестеро менѣе. Отпускъ овса съ 1824 по 1837 составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1824 году.	25,904 четв.	Въ 1836 году.	15,455 четв.
— 1825 —	23,465 —	— 1837 —	252,841 —
— 1826 —	144,399 —	— 1838 —	70,577 —
— 1827 —	807,645 —	— 1839 —	523,740 —
— 1828 —	79,163 —	— 1840 —	310,546 —
— 1829 —	478,890 —	— 1841 —	61,255 —
— 1830 —	212,319 —	— 1842 —	105,995 —
— 1831 —	102,988 —	— 1843 —	92,586 —
— 1832 —	107,018 —	— 1844 —	150,533 —
— 1833 —	45,480 —	— 1845 —	24,9565 —
— 1834 —	16,193 —	— 1846 —	362,442 —
— 1835 —	25,897 —	— 1847 —	1,560,422 —

Въ эти двадцать-четыре года отпущено овса въ сложности 6,385,318 четвертей, и почти четвертая доля вывезена въ 1847 году. Сложный отпускъ распредѣлялся на слѣдующія количества:

Изъ Архангельска	2,696,004 четв.
— С. Петербурга	755,538 —
— Риги	2,076,342 —
— другихъ балтійскихъ портовъ .	187,658 —
— Одессы	248,870 —
— другихъ южныхъ портовъ . .	72,216 —
По сухопутной границѣ	348,690 —
<hr/>	
Итого 6,385,318 четв.	

Вывозъ овса изъ Архангельска доходилъ до сорока-двухъ процентовъ, изъ Риги до тридцати процентовъ, изъ С. Петербурга до одиннадцати процентовъ, всего отпуску по двадцати-четырёхлѣтней сложности.

Кукуруза, воздѣлываемая только въ Бессарабіи и новороссійскихъ губерніяхъ, вывозится за границу въ небольшомъ количествѣ. При самомъ значительномъ отпускѣ хлѣба изъ южной Россіи, кукурузы отпущено:

Въ 1844 году	77,689 четв.
— 1845 —	50,275 —
— 1846 —	65,145 —
— 1847 —	53,882 —

Горохъ отпускается изъ разныхъ портовъ Россіи, въ мало-важныхъ партіяхъ; самый большой отпускъ его въ послѣдніе годы доходилъ отъ двадцати до двадцати-пяти-тысячъ четвертей.

Мука, крупа и сухари. Кромѣ незначительнаго вывозу этихъ припасовъ изъ разныхъ портовъ для корабельной провизіи, постоянный отпускъ муки производится изъ Архангельска въ Норвегію, изъ Одессы въ Константинополь и чрезъ сухопутную границу въ пограничныя мѣста.

Въ «Видахъ торговли» показывается только, на какую сумму отпущено муки всякаго роду, безъ означенія количествъ отпуска, а крупа и корабельные сухари, по маловажности ихъ вывозу, показаны въ одной общей статьѣ «хлѣба разнаго». Слѣдующая таблица заключаетъ въ себѣ среднія суммы отпуску муки:

Изъ портовъ:	съ 1829 по 1835 г.	Съ 1836 по 1846 годъ.
Бѣломорскихъ на . . .	34,567	130,550 руб. сереб.
Балтійскихъ	25,915	30,439 —
Черноморскихъ . . .	17,684	109,971 — —
По сухопутной границѣ .	21,632	20,873 — —
	<hr/>	<hr/>
Итого	99,798	301,833 руб. сереб.

Мука всякаго роду вывозится изъ балтійскихъ портовъ и по сухопутной границѣ, на незначительную сумму и отпускъ тамъ почти нисколько не увеличился.

Изъ Архангельска и другихъ бѣломорскихъ портовъ отправляется почти исключительно ржаная мука въ сѣверную Норвегію для промѣна на рыбу. Льготы, предоставленныя, въ 1835, поморскимъ жителямъ архангельской губерніи для торговыхъ сношеній ихъ съ Норвегією, благопріятствовали значительному приращенію вывоза туда муки, которая составляетъ необходимую потребность этого края.

Изъ южныхъ портовъ, преимущественно изъ Одессы, вывозится пшеничная мука, которая однако находитъ сбытъ почти исключительно въ Константинополѣ, а въ дальнѣйшія мѣста не отправляется, вѣроятно потому что не можетъ выдерживать продолжительной перевозки.

Для поощренія отпуска пшеничной муки и корабельныхъ сухарей были устанавлены, въ 1839 году, на семь лѣтъ, преміи или награды, состоявшія въ выдачѣ шкинерамъ въ первые четыре года по тридцати копѣекъ, въ пятомъ по двадцати копѣекъ, въ

шестомъ по пятидесяти центовъ, а въ седмь по десяти центовъ серебромъ въ бочки муки и бухарей (отъ пяти до шести шудъ безъ тары), за вывозъ ихъ изъ Балтійскихъ, черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Эта мѣра, можетъ быть, способствовала приращенію вывоза пшеничной муки изъ Одессы, откуда, впрочемъ, она отправлялась въ Константинополь и прежде нежели были установлены эти преміи; во сбытъ ихъ изъ Балтійскихъ портовъ несколько не увеличился и даже въ 1847 году, при огромномъ вывозѣ хлѣба изъ Петербурга, пшеничной муки отпускаемо только до 16,000 четвертей.

Неоднократные опыты отправленія русской пшеничной муки въ Англію и въ Америку оказывались неудачными, оттого что она негодится для дальней перевозим моремъ: посланная туда мука превратилась въ крѣпкую массу, прогоркла и ожела. Такая порча происходитъ отъ способа приготовленія муки на русскихъ мельницахъ: пшеницу, нѣсколько высушенную, обыкновенно смачиваютъ предъ размоломъ, чтобы придать ей лучшей видъ; приготовленная такимъ образомъ мука не можетъ долго сохраняться въ пути.

Для полученія прочной муки, непремѣнное условіе состоитъ въ томъ, чтобы пшеницу молоть въ сухомъ видѣ, и вообще, какъ при самомъ размоломъ, такъ при укуборкѣ и отправленіи, устранять вліяніе на нее сырой температуры воздуха, также выбирать на корабляхъ сухое помѣщеніе для бочекъ и муку набивать въ нихъ какъ можно плотнѣе. На американскихъ усовершенствованныхъ мельницахъ готовятъ значительное количество прочной пшеничной муки, которая отправляется изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Вестиндію, Южную Америку и Европу.

Заведеніе въ хлѣбородивѣйшихъ губерніяхъ мукомольныхъ мельницъ, по образцу американскихъ, для отправленія пшеничной муки къ портамъ, много способствовало бы развитію нашей хлѣбной торговли. Отпуская пшеницу въ зернѣ, мы не только предоставляемъ иностранцамъ прибыль отъ передѣла этого хлѣба въ муку, но теряемъ также и въ цѣнѣ его на мѣстѣ продажи, по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ зерновой хлѣбъ въ кулахъ или мѣшкахъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста въ сравненіи съ мукою, уложенною въ бочки; оттого перевозка его обходится дороже и требуетъ большаго числа судовъ, что также способствуетъ возвышенію фрахтовъ, и во-вторыхъ, въ дальнемъ морскомъ пути, зерновой хлѣбъ портится отъ сырости и другихъ случайно-

стей на морѣ скорѣе, нежели мука, прочнымъ образомъ приготовленная, и оттого онъ не иначе принимается на страхъ, какъ съ освобожденіемъ страховщиковъ отъ ответственности за частный ущербъ или вредъ, могущій приключиться грузу. Все эти обстоятельства возвышаютъ стоимость нашей пшеницы на двостороннихъ рынкахъ и понижаютъ ея цѣнность въ нашихъ портахъ, при обыкновенномъ ходѣ торговли. Сверхъ того, нужно принять въ соображеніе, что дальность и трудность доставки хлѣба, изъ плодороднѣйшихъ губерній къ портамъ, обременяютъ его расходами, угнѣтающими цѣны на мѣстахъ закуски. При такихъ невыгодахъ въ сбытѣ зерноваго хлѣба, нельзя не пожалѣть, что у насъ еще не обращено надлежащаго вниманія на приготовленіе пшеничной муки для заморскаго отпуску, хотя теперь, кажется, наступило самое благоприятное время для развитія этой отрасли торговли: Великобританія, требующая для своего продовольствія преимущественно пшеничнаго хлѣба, не стѣсняетъ тарифомъ привоза хлѣбныхъ припасовъ, и слѣдовательно намъ можно вступить въ совмѣстничество съ Соединенными Штатами по снабженію этого государства пшеничною мукою, которая найдетъ тамъ обширнѣйшій сбытъ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ Европы привозъ муки всякаго роду стѣсненъ тарифными постановленіями.

Ржаная мука даже при большомъ требованіи на хлѣбъ за границею, до 1847 года никогда не вывозилась изъ Россіи въ значительномъ количествѣ, частью оттого, что не выдерживаетъ морскаго пути, частью по предубѣжденію иностранцевъ, будто хлѣбъ изъ русской ржаной муки составляетъ тяжелую и нездоровую пищу. По обыкновенной нуждѣ въ хлѣбныхъ припасахъ всякаго роду въ 1847 году возникло требованіе и на ржаную муку; она вывозилась наиболѣе изъ санктпетербургскаго порта въ нѣмецкіе порты и въ Англію; это былъ первый опытъ отправки туда большаго количества ржаной муки, которую Англичане стали выписывать преимущественно для продовольствія Ирландіи, пострадавшей отъ неурожая картофеля. Ржаной муки вывезено изъ санктпетербургскаго порта, въ 1847 году, 771,242 четверти на 4,627,460 рублей серебромъ. При крайней дороговизнѣ хлѣба, эта мука покупалась охотно; но какъ отъ неумѣнья обращаться съ нею (иностранцы не пекутъ и не умѣютъ печь кнелаго ржаного хлѣба, подобнаго русскому) трудно было ввести ее въ общее употребленіе, то большая часть закупокъ была передана изъ Англіи въ Германію, и послѣ упадка хлѣб-

ныхъ цѣнъ стали употреблять ржаную муку въ кормъ скоту и продавали ее за безцѣнокъ. Первые подвозы ее сбывались также успѣшно въ Пруссiю, во время высокихъ цѣнъ на хлѣбные припасы; но на послѣдокъ, количество доставленной туда ржаной муки оказалось слишкомъ великимъ и не иначе можно было сбывать ее, какъ съ большимъ убыткомъ; требованiе на эту муку и тамъ уменьшилось отъ непривычки обращаться съ нею. Сверхъ того, иностранцы стали упрекать русскихъ торговцевъ за то, что многiе грузы этого хлѣба были дурнаго качества и повредились въ пути; но къ оправданiю противъ этого нарѣканiя должно замѣтить, что при внезапномъ требованiи на ржаную муку изъ за границы, въ 1847 году, портовые купцы должны были дѣлать покупки изъ готовыхъ запасовъ муки, которая обыкновенно назначается для внутренняго продовольствiя и, по самому способу ея приготовленiя, не можетъ избѣжать порчи при перевозкѣ моремъ.

Въ Россiи готовятъ муку изъ ржи трехъ сортовъ: а) сухой рижной, вѣсомъ отъ сорока-осьми до сорока-двухъ фунтовъ въ четверикѣ; б) такой же вѣсомъ отъ сорока двухъ до тридцати-осьми фунтовъ и с) овинной, дурно просушенной и иногда сырмомолотной разнаго вѣсу. Первые два сорта называются партiоннымъ хлѣбомъ; купцы покупаютъ ихъ у значительныхъ помѣщиковъ, въ хорошо устроенныхъ хозяйствахъ, а третiй сортъ они получаютъ отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, на базарахъ у крестьянъ, однимъ словомъ, гдѣ случится. Цѣна ржи перваго сорту превышаетъ цѣну ржи втораго пятнадцатю, а третьяго по-крайней мѣрѣ тридцатю копѣйками серебромъ за четверть на мѣстѣ. Рожь перваго сорту обращается преимущественно на ситничную и обойную муку, или на сдобренiе муки изъ третьяго сорта. Рожь втораго и третьяго сортовъ идетъ собственно на такъ называемую ржаную муку, съ подбавкою однако жъ въ третiй сортъ нѣкотораго количества ржи перваго сорта, для того, чтобы сравнительное достоинство муки смолотой изъ обоихъ сортовъ было одинаково.

Мука изъ ржи третьяго сорта столь же питательна и на вкусъ часто лучше муки втораго сорта; отъ того при покупкѣ для внутренняго и непосредственнаго потребленiя до-сихъ поръ не было разницы въ цѣнѣ. Мука изъ ржи втораго сорту, то есть, совершенно просушенной, могла выдержать перевозку моремъ безъ всякой порчи; но какъ въ мукѣ изъ третьяго сорту заключалась болѣе или менѣе нѣкоторая внутренняя сырость, то зна-

чительная часть этой муки, при перевозкѣ моремъ, должна была слѣться, прогоркнуть и сдѣлаться негодною къ употребленію. Половина, если не болѣе, муки, заготовляемой купцами для внутренняго употребленія, готовится изъ ржи третьяго сорту. Купцы впрочемъ, не могутъ дѣйствовать иначе: если бы вздумали заготовить муку изъ одной партіонной ржи, то мука обошлась бы имъ дороже, нежели тѣмъ, которые стали бы покупать рожь третьяго сорту и обращать ее въ муку. Какъ въ питательности и вкусѣ обояхъ сортовъ муки нѣтъ ни какой существенной разницы, какъ мука изъ ржи третьяго сорта можетъ храниться въ сухомъ мѣстѣ цѣлые годы безъ поврежденія, и какъ, на русекнхъ хлѣбныхъ рынкахъ, количество заготовленнаго хлѣба почти всегда превышаетъ дѣйствительную потребность, то покупатели обратились бы предпочтительно къ тѣмъ продавцамъ, которые бы отдавали свой хлѣбъ дешевле.

Въ 1847 году иностранцы, по необходимости, купили для отпуска хлѣбъ, заготовленный на внутреннее удовольствіе, и если часть купленныхъ ими грузовъ повредилась въ пути, то эта порча произошла отъ свойства самаго товару, который по способу приготовленія его не назначался для морской перевозки.

Неудачный опытъ въ заграничномъ сбытѣ ржаной муки при обыкновенномъ вывозѣ ея въ 1847 году доказалъ, что для заморскаго отпуска нужно готовить муку изъ партій ржи, совершенно высушенной, и что наша обыкновенная ржаная мука во неуѣннѣю иностранцевъ обращается съ нею, не годится для заграничныхъ рынковъ. Но какъ до-сихъ-поръ этотъ товаръ заготавливается у насъ почти исключительно для внутренней продажи и нѣтъ въ виду постоянного спросу на него во виѣшней торговлѣ, то въ настоящее время еще не представляется достаточныхъ выгодъ отъ приготовленія ржаной муки для заморскаго отпуска: въ тѣхъ странахъ, гдѣ наиболѣе употребляется ржаной хлѣбъ, потребность въ привозѣ его изъ за границы возникаетъ только въ неурожайные годы, и тогда иностранцы обыкновенно выписываютъ рожь въ зернѣ, предоставляя собственнымъ мукомольнымъ заведеніямъ передѣлывать ее въ муку.

Изложивъ въ подробномъ обзорѣннѣ вывоза хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи, за послѣдніе двадцать четыре года, общіе выводы о распредѣленіи отпуска главныхъ родовъ хлѣба по морской и сухопутной границамъ, обратимся теперь къ изслѣдованію движенія хлѣбной торговли на всѣхъ пунктахъ, черезъ кото-

рассе направляется вывозъ хлѣба изъ Россіи въ Европу. Цѣнность отпуска всѣхъ хлѣбныхъ продуктовъ черезъ главные таможенные означается въ «Вѣдахъ Торговли» только съ 1839 года, и потому, для общаго обозрѣнія хлѣбной торговли, ограничимся девяти-лѣтнимъ періодомъ, съ 1839 до 1847 года. Въ этотъ періодъ сложный отпускъ хлѣба всякаго рода составлялъ слѣдующія суммы:

	Съ 1839 по 1846 г.	Въ 1847 г.	Итого.
По Бѣлому Морю . . . на	6,775,361	4,066,797	10,842,157 руб. сер.
Изъ Санктпетербурга . —	6,035,553	15,649,766	21,685,319 ———
— Риги —	8,398,071	11,583,275	19,921,346 ———
— другихъ балтійскихъ портовъ . —	4,191,468	1,262,793	5,455,191 ———
— Одессы —	57,620,011	29,113,229	86,733,240 ———
— другихъ южныхъ портовъ —	42,830,451	15,154,848	57,985,299 ———
По сухопутной границѣ —	7,517,200	3,202,266	10,719,456 ———
Итого на	133,358,055	78,983,953	212,342,008 руб. сер.

Огромный вывозъ хлѣба въ 1847 году составлялъ 37 процентовъ всего отпуска по девяти-лѣтней сложности и распредѣлялся, въ круглыхъ числахъ, слѣдующимъ образомъ:

По Бѣлому морю	около 5	процентовъ.
Изъ Санктпетербурга	— 20	———
— Риги и другихъ балтійскихъ портовъ	— 16	———
— Одессы и другихъ южныхъ портовъ	— 55	———
По сухопутной границѣ	— 4	———

Въ этотъ достопамятный годъ, вывозъ хлѣба изъ Южной Россіи превзошелъ на 21 процентъ сумму отпуска его изъ всѣхъ другихъ частей государства, не смотря на то, что заграничный сбытъ хлѣба черезъ санктпетербургскій портъ былъ въ 1847 году необыкновенно великъ, а изъ Риги и другихъ балтійскихъ портовъ вывезено хлѣба въ одинъ этотъ годъ почти на такую же сумму, до какой простирался сложный отпускъ въ теченіе всего предъидущаго осьми-лѣтія.

За исключеніемъ этого необыкновеннаго года, сложный отпускъ хлѣба, съ 1839 по 1846 годъ, почти равнялся отпуску съ 1824 по 1838 годъ: въ эти пятнадцать лѣтъ отпущено хлѣб-

никъ продуктовъ на 132,816,002 рубли серебра, а въ осьми-
лѣтіе съ 1839 по 1846 годъ, на 133,358,055 рублей серебра.
Въ эту благоприятную для нашей хлѣбной торговли эпоху, цѣн-
ность отпуска всѣхъ хлѣбныхъ продуктовъ распредѣлялась на
слѣдующія пропорціи:

По Бѣлому Морю	около	5	процентовъ.
Изъ Санктпетербурга	—	4½	—
— Риги и другихъ балтійскихъ портовъ . .	—	9	—
По сухопутной границѣ	—	5½	—
Изъ Одессы и другихъ южныхъ портовъ . . .	—	75	—

Эти выводы показываютъ, что по осьмилѣтней сложности, цѣнность отпуска хлѣба изъ Южной Россіи была почти втрое болѣе совокупнаго отпуска изъ другихъ мѣстъ; что наименьшая пропорція приходится на долю отпуска изъ Санктпетербурга; что вывозъ изъ Риги и другихъ балтійскихъ портовъ былъ вдвое болѣе санктпетербургскаго отпуска, и что послѣдній почти равнялся отпуску по Бѣлому Морю (то есть черезъ Архангельскъ) и немногимъ уступалъ отпуску по сухопутной границѣ.

Значительный перевѣсъ южныхъ портовъ въ отпускной торговлѣ хлѣбомъ происходитъ оттого, что они сбываютъ въ иностранныя земли преимущественно пшеницу, которая требуется туда въ наибольшемъ количествѣ. Съ 1839 по 1846 годъ сложный отпускъ составлялъ слѣдующія суммы:

	Пшеницы.	Ржи овса и ячменя.	Прочаго хлѣба.
Изъ южныхъ портовъ на	94,430,352	2,778,965	3,241,145 руб. сер.
— другихъ мѣстъ —	5,471,721	24,569,148	2,866,724 —
Итого	99,902,073	27,348,113	6,107,869 руб. сер.

Пшеница, отпущенная изъ южныхъ портовъ, составляла около 75 процентовъ, а между другими мѣстами распредѣлялся большою частью вывозъ ржи, овса и ячменя, простиравшійся въ совокупности до 20 процентовъ всей суммы отпуска; остальнымъ пять процентовъ приходится на долю прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ.

Обращаясь къ вывозу главныхъ родовъ зерноваго хлѣба, по

весьма малое количество хлѣба за границу, хотя этотъ край болѣе ста лѣтъ пользуется водяною коммуникаціею съ Санктпетербургомъ. Слабое участіе этого порта въ заморской торговлѣ хлѣбомъ нельзя приписать недостаточному развитію внутренняго хлѣбнаго торгу. Извѣстно, что заготовка и доставка хлѣба къ Санктпетербургу составляетъ важную отрасль внутренней промышленности и предметъ особенныхъ попеченій правительства, по большому количеству потребныхъ на мѣстное продовольствіе хлѣбныхъ припасовъ всякаго рода, которыми эта многочисленная столица снабжается преимущественно изъ отдаленныхъ хлѣбородныхъ губерній водянымъ путемъ. Торговля хлѣбомъ къ Санктпетербургу, приводящая въ движеніе большіе капиталы по закупкамъ на вольную продажу и для поставокъ въ казну, производится отъ разныхъ пристаней, лежащихъ по рѣкамъ: Волгѣ, Суры, Вяткѣ, Камѣ, Окѣ и притокамъ ея: Зутѣ, Цѣи и Мокшѣ. Низовые караваны нагружаются на Волгѣ: въ саратовской губерніи, наиболѣе пшеницею и ржаной мукою, съ тамошнихъ пристаней аратовской, олгеской, окровской, катерининской, вальинской и другихъ; въ симбирской губерніи, преимущественно у Самары, куда пшеница свозится изъ симбирской и югозападной части оренбургской губерніи; далѣе при устьѣ Камы, у Ланшева, присоединяются камскіе караваны съ ржаной мукою, рожью и овсомъ изъ губерній пермской, вятской, частью также изъ казанской и оренбургской; съ волжскихъ пристаней казанской губерніи у города Казани или собственно у бакалдинской пристани, въ Чебоксарахъ и другихъ, грузятся наиболѣе мука ржаная и крупчатая, овесъ и рожь. Съ рѣки Суры, впадающей въ Волгу у Васильсурска, идутъ отъ промзикской пристани: ржаная мука, овесъ, пшеница, гречневая крупа изъ симбирской и пензенской губерніи; отъ васильсурской пристани, выше которой лежитъ извѣстное по хлѣбной торговлѣ село Воротынецъ, отправляются, изъ ближайшихъ мѣстъ нижегородской, казанской и симбирской губерній, овесъ и ржаная мука; но отпущекъ ихъ бываетъ значительно съ лысковской пристани, лежащей на Волгѣ, выше Васильсурска. Далѣе съ рѣки Оки, впадающей въ Волгу у Нижняго-Новгорода, идутъ ржаная мука, рожь, овесъ, горохъ, гречневая крупа; все это доставляется преимущественно изъ Моршанска, куда свозятся продукты изъ губерній пензенской, тамбовской, частью воронежской и саратовской. Къ хлѣбнымъ запасамъ, идущимъ съ низовыми караванами, у Нижняго-Новгорода и другихъ пристаней до Рыбинска, присоединяются грузы, состоящіе наи-

болѣе изъ перекулаченнаго хлѣба. Въ Рыбинскѣ, большая часть низовыхъ судовъ разгружается, потому что онѣ не могутъ подниматься выше по Волгѣ. На этой пристани скупеютъ хлѣбъ мѣстные купцы и торговцы верховыхъ городовъ: Мологи, Мышкина, Углича, Калютина, Ржева, Камшина, Тверя, Торжка, Устюжны, Весьеговска, Тихвина, Бѣлозерска и другия. Хлѣбъ, скупленный рыбинскими торговцами, отправляется въ Санктпетербургъ, въ ту же навигацію, либо оставляется въ Рыбинскѣ до слѣдующей весны. Торговцы другихъ мѣстъ отвозятъ купленный хлѣбъ немедленно въ свои города и тамъ распродаютъ его мѣстнымъ и окрестнымъ жителямъ или отправляютъ къ Санктпетербургу слѣдующею весною до прибытія еще низовыхъ судовъ и въ другое благопріятнѣйшее для коммерческихъ оборотовъ время. Кромѣ зерноваго хлѣба, ржаной муки и крутъ, доставляемыхъ низовыми судами, изъ Рыбинска отправляется въ Санктпетербургъ большое количество крупчатки. Къ хлѣбнымъ караванамъ, выходящимъ изъ Рыбинска, присоединяются на Волгѣ: Гжатскій и сычевскій караваны съ хлѣбомъ преимущественно изъ смоленской, частью изъ тульской и орловской губерній, и верхневолжскій караванъ отъ пристаней ржевской, зубцовской и другихъ, получающихъ хлѣбные принасы изъ сосѣднихъ уѣздовъ тверской губерніи, частью же изъ московской и смоленской, откуда доставляются къ Волгѣ зимнимъ путемъ. Овесъ составляетъ главную часть грузовъ, отправляемыхъ какъ съ этихъ пристаней, такъ съ ильменьскимъ или новгородскимъ караваномъ (съ рѣкъ Шелони, Явани, Пемы, и Подсты), доставляющимъ произведенія псковской и частью новгородской губерній.

Всѣ эти караваны приходятъ къ рожковской пристани, находящейся при рѣкѣ Невѣ, близъ Санктпетербурга. По «Видамъ внутренняго судоходства», издававшимся съ 1837 по 1840 годъ, привозъ сюда хлѣбныхъ припасовъ всякаго роду простирался по цѣнѣ, среднимъ числомъ, въ годъ на десять съ четвертью миллионъ рублей серебромъ, а по «Видамъ вѣншей торговли» средній отпускъ пшеницы, ржи, ячменя и овса за границу составлялъ въ эти годы, по цѣнѣ только 500,000 рублей серебромъ.

Для мѣстнаго продозолетвія, привозятъ изъ Санктпетербурга муку, крупу, овесъ и другіе принасы, а пшеница и рожъ доставляются сюда въ значительнѣйшемъ количествѣ только при большомъ заморскомъ требованіи. По видамъ внутренняго судоходства привозъ этихъ хлѣбовъ составлялъ слѣдующія количества:

	Пшеницы.	Ржи.
Въ 1837 году	42 155	86,682 четв.
— 1838 —	57,982	77,673 —
— 1839 —	203,245	120,109 —
— 1840 —	50,704	4,936 —

Эти цифры показываютъ, что привозъ пшеницы и ржи увеличился въ 1839 году, когда было большое требованіе на эти хлѣба для заграничнаго отпуска. Въ обыкновенное время, надѣльные запасы зерноваго хлѣба въ Санктпетербургѣ бывають маловажны и едва могутъ удовлетворять только случайнымъ требованіямъ, поступающимъ изъ за границы во время навигаціи. При значительномъ спросѣ на хлѣбъ, для заморскаго отпуска, если приказы получатся здѣсь въ концѣ лѣта, нѣтъ возможности ихъ выполнить посредствомъ своевременной доставки хлѣба съ дальнихъ пристаней, откуда онъ подвозится въ Санктпетербургъ, черезъ Рыбинскъ. Изъ запасовъ, сложенныхъ въ Рыбинскѣ и на верхнихъ пристаняхъ между Рыбинскомъ и Санктпетербургомъ, еще можно получить хлѣбъ въ одну навигацію; но подвозы съ низовыхъ пристаней могутъ прибыть въ Санктпетербургъ не ранѣе какъ на слѣдующій годъ, когда можетъ быть вовсе прекратится требованіе на хлѣбъ, для отпуска за море.

Къ отвращенію этихъ неудобствъ хлѣбной торговли при Санктпетербургскомъ портѣ, давно уже предполагалось учредить здѣсь для складки хлѣба особые амбары *. По недостатку ихъ, значительнѣйшая часть хлѣбныхъ продуктовъ, привозимыхъ въ столицу, складывались на берегу Невы въ рогоженныхъ балаганахъ, и самая пристань для причала судовъ съ хлѣбомъ требовала удобнѣйшаго устройства. Наконецъ, въ исходѣ 1846 года, изданы Высочайше утвержденныя правила объ устройствѣ въ Санктпетербургѣ хлѣбныхъ амбаровъ, буяновъ и пристаней, со взиманіемъ за складку продуктовъ, установленнаго сбора въ городской доходъ **.

Препятствія, затрудняющія хлѣбную торговлю при Санктпетербургскомъ портѣ, рѣзко отразились на движеніи заморскаго отпуска хлѣбныхъ продуктовъ: при всемъ непостоянствѣ заграничныхъ требованій на хлѣбъ, сбытъ его въ иностранныя земли черезъ Санктпетербургъ, могъ бы достигать гораздо значитель-

* Проектъ о томъ былъ составленъ коммерціи совѣтникомъ В. А. Поповымъ и напечатанъ въ газетѣ Сѣверный Муравей, 1832 года. № 43.

** См. № 142 Коммерческой Газеты, 1846 года.

нѣйшаго количества, если бы въ случаѣ спросу, для отпуска, можно было по времени получать необходимые подвозы хлѣба. Невозможность скорой и вѣрной доставки его къ Санктпетербургу изъ низовыхъ, плодородныхъ губерній, или даже изъ рыбнскихъ запасовъ, всегда противодѣйствовала снѣжному движению хлѣбной торговли на санктпетербургской биржѣ: вывозъ хлѣбныхъ припасовъ изъ этого порта значительно усиливался только въ случаѣ большого и продолжительнаго требованія на хлѣбъ за границую.

Въ послѣднiя двадцать-четыре года отпущено зерноваго хлѣба изъ Санктпетербурга:

	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Оса.	
Въ 1824 году	400	255	—	—	четв.
— 1825 —	1,000	—	—	—	—
— 1826 —	4,469	3,468	—	17,500	—
— 1827 —	1,825	14,711	,108	65,567	—
— 1828 —	37,756	53,310	—	10,092	—
— 1829 —	300,630	99,909	6,638	12,216	—
— 1830 —	243,558	126,096	1,513	8,616	—
— 1831 —	397,945	176,649	6,507	79,198	—
— 1832 —	142,560	5,980	—	—	—
— 1833 —	13,334	3,226	—	10	—
— 1834 —	—	4	—	—	—
— 1835 —	2	—	—	—	—
— 1836 —	—	3,131	—	—	—
— 1837 —	6,091	18,752	—	50,049	—
— 1838 —	37,748	72,289	1,865	2,160	—
— 1839 —	103,902	32,521	—	32,705	—
— 1840 —	6,589	8	—	27,540	—
— 1841 —	16,888	—	—	—	—
— 1842 —	2,268	12	—	—	—
— 1843 —	—	1,040	—	—	—
— 1844 —	—	338	—	2,006	—
— 1845 —	15,694	41,742	210	2,705	—
— 1846 —	51,483	583,152	1,395	63,867	—
— 1847 —	521,305	685,378	3,049	381,406	—
Всего . .	1,905,457	1,921,971	25,285	755,538	четв.

Сложный отпускъ пшеницы, въ двадцать четыре года, простирался до 1,900,000 четвертей, но если исключить количество пшеницы, вывезенной въ 1829, 1830, 1831 и въ 1847 годахъ, то

на остальные двадцать лѣтъ придется, въ сложности, только 336,000 четвертей, тогда какъ въ навигацію 1847 года отпущено слишкомъ полмилліона четвертей.

Ржи вывезено въ теченіи двадцати-двухъ лѣтъ, съ 1824 до 1846 года, до 650,000 четвертей, а въ 1846 — 1857 годъ, отпущъ былъ почти вдвое болѣе этого количества.

Ячмень всегда вывозился рѣдко и въ маловажномъ количествѣ.

Отпущъ овса, съ 1824 до 1847 года, составлялъ въ сложности только 256,632 четверти; слѣдовательно въ двадцать-три года отпущено менѣе чѣмъ въ одинъ 1847 годъ: вывозъ овса въ этомъ году простирался до 381,406 четвертей.

Весь отпущъ хлѣбныхъ припасовъ (хлѣба въ зернѣ, гороху, муки и прочаго) изъ Санктпетербурга составлялъ слѣдующія суммы:

Въ 1839 году на	1,104,737	руб. сер.
— 1840 ———	144,725	———
— 1841 ———	157,568	———
— 1842 ———	22,630	———
— 1843 ———	8,392	———
— 1844 ———	9,945	———
— 1845 ———	408,605	———
— 1846 ———	4,289,603	———
— 1847 ———	15,649,766	———

Изъ этого обзорѣнія видно, что хлѣбная торговля при Санктпетербургскомъ портѣ, послѣ продолжительнаго бездѣйствія, стала оживляться въ 1845 году, значительно усилилась въ 1846 и возрасла въ 1847 до огромнаго размѣра, въ слѣдствіе чрезвычайной нужды въ хлѣбѣ за границею. Этотъ годъ доказалъ, что въ случаѣ большаго требованія, Санктпетербургъ можетъ снабдить иностранныя земли такимъ количествомъ хлѣба всякаго роду, какое до-сихъ поръ ни одинъ изъ сѣверныхъ портовъ не былъ въ состояніи доставить къ заграничному отпуску.

Въ сравненіи съ Санктпетербургомъ Архангельскъ, по отдаленности своей отъ портовъ западной Европы, находится въ менѣе благопріятномъ положеніи относительно хлѣбной торговли; но принимаетъ въ ней дѣятельнѣйшее участіе, хотя снабжается хлѣбомъ только изъ двухъ губерній, тогда какъ въ Санктпетербургъ стекаются хлѣбные припасы изъ десяти губерній, служащихъ главною житницею сѣверной и центральной Россіи. За исключеніемъ 1846 и 1847 годовъ, когда вывозъ хлѣба изъ санктпе-

тербургскаго порта превзошелъ архангельскій отпускъ, количество ржи и овса, отпущенное изъ Архангельска, съ 1824 по 1845 годъ, было гораздо значительнѣе въ сравненіи съ отпускомъ этихъ хлѣбовъ изъ Санктпетербурга.

Отпущено въ сложности:	Ржи.	Овса.
Изъ Архангельска.	1,044,492	1,978,429 четвертей.
— Санктпетербурга.	649,718	288,865 ———

И такъ изъ Архангельска отпущено овса на пятьсотъ-осемьдесятъ-четыре процента, а ржи на шестьдесятъ-одинъ процентъ болѣе чѣмъ изъ Санктпетербурга. Пшеница рѣдко отпускается изъ Архангельска въ большомъ количествѣ. Вывозъ ячменя отсюда также весьма маловаженъ.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати-четыреохъ лѣтъ, отпущено зерноваго хлѣба чрезъ архангельскій портъ:

Въ 1824 году.	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	четвертей.
— 1825 —	7,340	1,200	1,230¼	3,980	—
— 1826 —	8,046	325	„	898¼	—
— 1827 —	12,442	5,651	311¼	11,026	—
— 1828 —	1,800	42,223	3,575	309,095	—
— 1828 —	11,870	33,291	750	47,280	—
— 1829 —	127,600	98,251	11,907	365,922	—
— 1830 —	68,270	157,228	2,011	75,100	—
— 1831 —	113,110	169,092	9,804	233,100	—
— 1832 —	32,744	191,133	425	20,130	—
— 1833 —	13,400	32,700	„	28,152	—
— 1834 —	60	1,658	„	15,180	—
— 1835 —	95	235	„	21,195	—
— 1836 —	„	710	5	579	—
— 1837 —	60	4,845	„	58,440	—
— 1838 —	2,050	33,398	„	14,648	—
— 1839 —	25,437	108,327	1,010	157,345	—
— 1840 —	12,298	3,687	„	136,929	—
— 1841 —	91,900	4,711	„	32,400	—
— 1842 —	29,682	14,660	50	73,550	—
— 1843 —	4,366	8,374	50	75,230	—
— 1844 —	3,090	74,208	50	79,400	—
— 1845 —	4,620	58,550	1,750	219,130	—
— 1846 —	20,142	329,818	15,350	250,020	—
— 1847 —	65,667	352,640	26,800	467,575	—
Итого	575,089	1,726,930	75,078	2,696,004	четвертей.

Отпускъ этихъ родовъ хлѣба изъ Архангельска подверженъ колебаніямъ, зависящимъ отъ непостоянства заграничныхъ требованій. Овесъ составляетъ здѣсь главнѣйшую статью хлѣбной торговли и вывозится отсюда большею частью въ Великобританію.

Сверхъ того поморскіе жители архангельской губерніи обыкновенно отправляютъ въ Норвегію, ржаную муку и другіе хлѣбные припасы, закупаемые въ Архангельскѣ.

Хлѣбъ всякаго роду доставляется къ этому порту изъ губерній вологодской и вятской водянымъ путемъ. Суда, идущія изъ вологодской губерніи, нагружаются хлѣбомъ на рѣкѣ Сухонѣ, въ вологодской дистанціи; на рѣкѣ Югѣ, въ Никольскѣ и частью на рѣкѣ Вычегдѣ, въ Сольвычегодскѣ и Устьсысольскѣ. Въ значительнѣйшемъ количествѣ свозится хлѣбъ изъ вятской губерніи, къ пристанямъ нашульской и быковской на рѣкѣ Лузѣ, впадающей въ рѣку Югъ. Запасы, отправляемые съ рѣкѣ Сухоны, Юга и Лузы, сосредоточиваются въ Великомъ-Устюгѣ, гдѣ значительная часть ихъ раскупается въ окрестные города и селенія, и для дальнѣйшаго сплава по Сѣверной Двинѣ къ Архангельску. На пути отъ Устюга до Архангельска къ этимъ запасамъ присоединяется, въ небольшомъ количествѣ, хлѣбъ изъ соѣдственныхъ мѣстъ архангельской губерніи.

Привозъ хлѣба по Двинѣ къ Архангельску, для продовольствія бѣломорскаго края и для заграничнаго сбыту, измѣняется, смотря по урожаю во внутреннихъ губерніяхъ и зависитъ также отъ покупокъ для отпуску за море. При большомъ требованіи изъ-за границы, покупки дѣлаются зимою въ контракты, и за проданный хлѣбъ, съ открытіемъ судоходства, доставляется на баркахъ; въ случаѣ же непредвидѣннаго спросу, покупаютъ хлѣбъ изъ наличныхъ запасовъ, потому что новые подвозы уже не могутъ подоспѣть съ дальнихъ пристаней, отъ которыхъ суда сплавляются только въ весеннее половодіе.

При такихъ ограниченнѣхъ способахъ водяной коммуникаціи, купечество, торгующее при архангельскомъ портѣ, обыкновенно заготавливаетъ хлѣбный товаръ въ количествѣ, какое можетъ быть потребно, судя по котрактамъ изъ-за границы и другимъ коммерческимъ соображеніямъ. Рѣдко случается, что требованія на хлѣбъ превышаютъ наличное количество его при портѣ и обыкновенно, къ открытію навигаціи еще остаются достаточные запасы для нагрузки первыхъ кораблей до прибытія новыхъ подвозовъ. Барки съ хлѣбомъ, отправляемыя отъ внутреннихъ при-

становя къ Архангельску, весной, доходить туда ко времени самаго большого приходу кораблей, и если въ эту пору поступать заграничныя требованія, то легко могутъ быть удовлетворены нѣ въновь заготовленнаго количества хлѣба.

Вывозъ хлѣба изъ Риги и другихъ портовъ остзейскихъ губерній составлялъ по двадцати-четыре-лѣтней сложности (съ 1824 по 1847 годъ) слѣдующія количества:

	Изъ рижскаго порта.	Изъ другихъ остзей- скихъ портовъ.
Пшеницы	844 307	72,743 четверти.
Ржи	4,511,194	2,270,888 —
Ячменя	1,196,789	1,489,809 —
Овса	2,076,342	187,658 —
Итого:	8,628,582	4,020,098 четвертей.

Эти цифры показываютъ, что зерноваго хлѣба вывезено изъ Риги вдвое болѣе, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ остзейскихъ портовъ. Такой перевѣсъ рижскаго отъпуска происходитъ оттого, что во всемъ остзейскомъ краѣ Рига единственный портъ, имѣющій водную коммуникацію съ внутренними губерніями; другіе порты, Ревель, Гапсаль, Перновъ, Видава, Либавъ, получаютъ всѣ продукты сухимъ путемъ и снабжаются ими только изъ ближайшихъ мѣстъ.

Къ рижскому порту, по Западной Двинѣ, доставляется хлѣбъ, заготовляемый на пристаняхъ этой рѣки и впадающихъ въ нее рѣкъ Обши, Межи и Каспи. На пристани Бѣльскую (у рѣки Обши) и Порѣцкую (у рѣки Каспи) свозится хлѣбъ изъ губерній смоленской, орловской и тульской, а къ разнымъ двинскимъ пристанямъ подвозятся хлѣбные запасы изъ губерній витебской, могилевской, вилевской и курляндской; изъ ближайшихъ мѣстъ ливонской губерніи хлѣбъ доставляется также въ Ригу сухимъ путемъ. Доставка по Двинѣ производится только въ весеннее половодье и оканчивается обыкновенно въ половинѣ мая. По этому заблаговременныя покупки хлѣба на пристаняхъ, для отъпуска чрезъ Ригу, можно дѣлать по полученнымъ приказамъ зимою или рано весной; въ другое время года, въ случаѣ требованій изъ за границы, нельзя получить подвозовъ воднымъ путемъ. Это неудобство отвращается въ Ригѣ удовлетвореніемъ случайнаго спросу изъ мѣстныхъ запасовъ, для храненія которыхъ съ давняго времени устроены здѣсь складочныя магазины по примѣру нѣмецкихъ портовъ.

Втеченіи послѣднихъ двадцати-четырехъ лѣтъ отпущено изъ Риги:

	Пшеница.	Ржи.	Ячмень.	Оса.	
Въ 1824 году	1,718	425	8,066	13,978	четв.
— 1825 —	13,257	1,991	23,795	17,960	—
— 1826 —	16,645	28,999	77,372	98,252	—
— 1827 —	15,537	233,496	83,945	453,628	—
— 1828 —	52,553	346,632	79,528	16,552	—
— 1829 —	234,307	303,719	61,018	22,800	—
— 1830 —	57,356	319,559	39,083	81,925	—
— 1831 —	181,842	515,629	95,480	216,043	—
— 1832 —	79,225	540,313	119,056	29,827	—
— 1833 —	6,521	74,607	10,348	1,973	—
— 1834 —	156	9,301	12,476	,	—
— 1835 —	604	158	2,856	,	—
— 1836 —	3,101	4,090	10,360	1,660	—
— 1837 —	784	98,956	11,336	107,621	—
— 1838 —	11,054	297,999	33,324	17,652	—
— 1839 —	55,837	493,244	109,931	264,971	—
— 1840 —	6,520	17,593	80,865	74,716	—
— 1841 —	2	19,856	13,837	9,548	—
— 1842 —	3,994	49,732	22,440	28,971	—
— 1843 —	4,128	104,627	73,755	3,949	—
— 1844 —	2,285	90,513	152,928	21,253	—
— 1845 —	,	3,650	846	,	—
— 1846 —	927	365,464	9,823	33,191	—
— 1847 —	95,954	695,811	84,468	557,845	—
Итого . . .	844,307	4,511,194	1,196,739	2,076,342	четв.

Пшеница, въ сравненіи съ другими хлѣбами, вывозится изъ Риги въ маловажномъ количествѣ; за исключеніемъ отпуска въ 1829 и 1831 годахъ, составлявшаго 416,149 четвертей, сложный вывозъ въ остальные двадцать-два года простирался до 428,158 четвертей или около 19,500 четвертей въ годъ.

Рожь вывозилась изъ этого порта въ значительномъ количествѣ съ 1825 по 1832 годъ, по случаю большаго требованія на нее для отпуска въ Голландію; въ теченіе этихъ шести лѣтъ отпущено въ сложности 1,719,035 четвертей. Годичный вывозъ ржи изъ рижскаго порта въ послѣдствіи былъ свыше ста-тысячъ четвертей только въ 1838—1839 годахъ, въ 1843, 1846—1847 годахъ, и, за исключеніемъ этихъ годовъ, сложный отпускъ въ остальные десять лѣтъ доходилъ только до 358,186 четвертей.

Вывозъ ячменя составлялъ около 100 до 150,000 четвертей только въ 1831 — 1832, 1839 и 1844 годахъ,, и вообще былъ

подверженъ большимъ колебаніямъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Отпускъ овса былъ свыше 100,000 четвертей только въ 1827, 1831, 1837, 1839 и 1847 годахъ. Если исключить количества, вывезенныя въ эти годы, въ сложности 1,602,108 четвертей, то на остальные девятнадцать лѣтъ придется только 474,234 четверти.

Неурожан, случавшіеся какъ въ остзейскихъ, такъ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, изъ которыхъ Рига снабжается рожью, ячменемъ и овсомъ, ограничивали отпускъ этихъ хлѣбовъ съ 1834 по 1836 годъ, въ 1840—1841 годахъ и въ 1845 году, а въ другіе годы, кромѣ тѣхъ, о которыхъ упомянуто выше, заграничныя требованія на хлѣбъ были не значительны, и въ особенности потерпѣлъ отпускъ ржи и ячменя отъ введенія перемѣнныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба въ Голландію, которая снабжалась имъ преимущественно изъ Риги.

Въ подобныхъ же обстоятельствахъ находилась хлѣбная торговля и другихъ остзейскихъ портовъ, которые отпускаютъ за границу большею частью рожь и ячмень, и въ маломъ количествѣ овесъ, изъ губерній эстляндской, лифляндской и курляндской; сверхъ того изъ послѣдней вывозится повременамъ пшеница черезъ Ригу и Лябаву.

Немаловажный отпускъ пшеницы и ржи направляется изъ западныхъ губерній Россіи къ прусскимъ портамъ: туда сплавляютъ хлѣбъ по водяной коммуникаціи изъ губерній волынской, гродненской, ковенской и виленской; небольшое количество зерноваго хлѣба вывозится также сухимъ путемъ въ пограничныя мѣста. По двадцати-четыре-лѣтней сложности (1824 — 1847) весь отпускъ чрезъ западную границу составлялъ слѣдующія количества:

Пшеницы . . .	1,574,573	четв.
Ржи	2,401,266	—
Ячменя	290,773	—
Овса	348,690	—

Итого . . . 4,615,302 четв.

Заграничный сбытъ хлѣбныхъ продуктовъ этого края стѣсняется недостаткомъ удобнаго сообщенія съ портами: хлѣбъ сплавляемый къ Мемелю, Кенигсбергу и Данцигу, можетъ быть отправленъ съ внутреннихъ пристаней только въ весеннее половодіе, а въ другое время доставка продуктовъ водянымъ путемъ затруднительна по мелководію. Въ прусскихъ портахъ, снабжаемыхъ хлѣбомъ изъ западныхъ губерній Россіи, устроены

складочные магазины, въ которыхъ хранятся запасы, для отпуска за море, по мѣрѣ требованія. Хлѣбъ заготовленный по сходнымъ цѣнамъ, остается тамъ на складкѣ до времени выгоднаго сбыта. Въ этомъ отношеніи прусскіе порты имѣютъ преимущество предъ нашими. Навигация открывается тамъ ранѣе, нежели въ Финскомъ Заливѣ, и они ближе къ главнымъ истокамъ для отпуска хлѣбныхъ продуктовъ. Оттого и сбытъ хлѣба изъ западныхъ губерній къ прусскимъ портамъ не подверженъ такимъ сильнымъ колебаніямъ, какія замѣтны въ отпускѣ его изъ нашихъ балтійскихъ портовъ. За исключеніемъ тѣхъ годовъ, въ которые вывозъ хлѣба черезъ западную границу былъ маловаженъ по случаю скудныхъ урожаевъ въ западныхъ губерніяхъ, сбытъ пшеницы втеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ составлялъ ежегодно около 50 до 100,000 четвертей, не смотря на то, что она доставляется большею частію съ отдаленнѣйшихъ пристаней (изъ волынской губерніи); самый значительный отпускъ этого хлѣба былъ въ 1843 году (118,225 четвертей), въ 1844 году (165,691 четверть) и въ 1847 году (190,873 четвертя). Ржи, доставляемой съ ближайшихъ пристаней, отпущено:

Въ 1827 году	100,364	четв.
— 1828 —	163,638	—
— 1829 —	112,803	—
— 1830 —	92,164	—
— 1831 —	*	—
— 1832 —	83,316	—
— 1832 —	88,200	—
1834, 35 и 36 годахъ	**	—
— 1837 —	100,027	—
— 1838 —	139,289	—
— 1839 —	216,61	—
— 1840, 41 и 42 году	**	—
— 1843 —	241,016	—
— 1844 —	339,135	—
— 1845 —	61,279	—
— 1846 —	150,039	—
— 1847 —	311,049	—

* Въ этомъ году отпущено только 1,545 четвертей, по случаю безпорядковъ въ западномъ краѣ, остановившихъ движеніе торговли.

** Въ 1834, 1835 и 1836 годахъ, равно какъ въ 1840, 1841 и 1842 годахъ, отпускъ ржи уменьшился, въ слѣдствіе недостаточнаго урожая въ западныхъ губерніяхъ.

Втеченіи этихъ четырнадцати лѣтъ рѣдъ отпускаемо только четыре раза болѣе 60,000 до 90,000 четвертей: въ годъ, а десятъ разъ ея вывозъ былъ свыше этого количества и въ нѣкоторые годы даже превышалъ отпускъ изъ рижскаго порта. По этому можно заключить, что при удобнѣйшей доставкѣ продуктовъ изъ нашихъ западныхъ губерній къ прусскимъ портамъ, сбытъ туда хлѣба былъ бы гораздо значительнѣе нынѣшняго отпуска, сдѣланнаго кратковременностью рѣчнаго сплава въ предѣлахъ Россіи.

До сихъ поръ мы рассматривали движеніе хлѣбной торговли сѣверныхъ портовъ, которые всѣ (за исключеніемъ незначительныхъ портовыхъ мѣстъ остзейскаго края), снабжаются подвозами хлѣба изъ внутреннихъ губерній, по водяной коммуникаціи. Напротивъ того, въ южной Россіи хлѣбъ и другіе продукты доставляются къ портамъ большею частью сухопутно.

Перевозка хлѣба производится тамъ на воловыхъ телѣгахъ, чумаками, обыкновенно съ половины мая (послѣ посѣву яровыхъ хлѣбовъ) до половины іюля (то есть до сѣнокоса, а потомъ съ сентября (послѣ посѣву озимей) до зны. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ чумачный промыселъ составляетъ необходимую потребность этого края: ни какой другой извозчикъ не можетъ везти кладъ такъ дешево какъ чумакъ, потому что пужды послѣдняго до крайности малы, телѣга и упряжь сдѣланы имъ самимъ; содержаніе воловъ на подвозномъ кормѣ также обходится не дорого. Впрочемъ, эта перевозка дешева только въ извѣстное время: весной и осенью. Дурное состояніе дорогъ и отсутствіе подвознаго корму лишаютъ возможности отправлять кладъ на волахъ зимою, а лѣтомъ, въ рабочую пору, нѣтъ выгоды употреблять ихъ для перевозки тяжестей.

Такимъ образомъ торговля южныхъ портовъ также встрѣчаетъ затрудненія въ своевременной доставкѣ къ нимъ хлѣба и это обстоятельство нерѣдко имѣетъ весьма выгодное для производителей вліяніе на цѣны: иногда требованіе бываетъ велико и цѣны значительно возвышаются въ ту пору, когда нѣтъ подвозовъ или когда, по расчету времени, нельзя ожидать ихъ изъ дальнихъ мѣстъ; въ такомъ случаѣ выгоднѣйшими цѣнами успѣваютъ пользоваться только тѣ, которые имѣютъ хлѣбъ на складкѣ. Съ умноженіемъ подвозовъ цѣны понижаются, если ихъ не поддерживаетъ большой спросъ изъ-за границы; хозяева, неимѣющіе возможности оставлять свой хлѣбъ на складкѣ, уступаютъ его по существующимъ цѣнамъ, а кто хочетъ выжидать благоприятнѣй-

ного времени, тотъ складываетъ свой хлѣбъ въ названные амбары. Въ Одессѣ, главномъ портѣ для отпуску хлѣба, много большихъ складочныхъ магазиновъ, въ которыхъ можно помѣстить до милліона четвертей. Существованіе амбаровъ для складки хлѣба въ Одессѣ и другихъ южныхъ портахъ облегчаетъ сбытъ его за границу; корабли, приходящіе изъ иностранныхъ портовъ, обыкновенно находятъ запасы, готовые къ заморскому отпуску, и рѣдко случается, чтобы требованія превышали наличное количество хлѣба. Весенніе и осенніе подвозы наполняютъ амбары хлѣбомъ, такъ, что всегда остаются къ слѣдующей навигаціи запасы для нагрузки кораблей въ началѣ года, когда прекращаются подвозы изъ внутреннихъ мѣстъ.

Отпускъ зернового хлѣба изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ составлялъ слѣдующія количества :

	Пшеницы.		Ржан.		Ячменя.		Овса.
	ч	е	т	в	е	р	
Въ 1824 году	665,991	—	—	—	72	—	30
— 1825 —	917,967	—	3 600	—	5,318	—	1,506
— 1826 —	983,727	—	18,811	—	11 897	—	1,725
— 1827 —	1,631,902	—	114,626	—	21,607	—	22
— 1828 —	94,704	—	4,515	—	771	—	707
— 1829 —	362,624	—	—	—	10,436	—	169
— 1830 —	2,057,264	—	11,165	—	141,662	—	37,851
— 1831 —	1,053,647	—	19,899	—	39,800	—	41,763
— 1832 —	1,600,292	—	23,283	—	12,129	—	52,603
— 1833 —	603 743	—	2,690	—	2,841	—	10,188
— 1834 —	132,072	—	—	—	3	—	321
— 1835 —	680,984	—	19,369	—	8,823	—	3,088
— 1836 —	1,410,006	—	76,952	—	21,519	—	11,285
— 1837 —	1,508,654	—	89,442	—	68,954	—	12,661
— 1838 —	2,191,617	—	73,266	—	131 982	—	7,208
— 1839 —	2,648,667	—	62,129	—	67,232	—	20,211
— 1840 —	1,706,653	—	2,809	—	12,328	—	39,871
— 1841 —	1,444,778	—	2	—	2,109	—	10,917
— 1842 —	1,712,739	—	63	—	58	—	17
— 1843 —	1,908,312	—	36,128	—	7,129	—	9,030
— 1844 —	2,330,261	—	148,847	—	49,630	—	25,129
— 1845 —	2,716,145	—	77,274	—	23 943	—	133
— 1846 —	3,036,424	—	312,428	—	21,025	—	300
— 1847 —	5,066,089	—	510,049	—	77,584	—	34 356
Итого	38,795,264	—	1,607,347	—	739,852	—	321,086

Въ общемъ итогѣ отпуска зерноваго хлѣба, пшеница составила девяносто-три процента. Если исключить 1828—1829 годы, когда война между Россією и Турцією остановила торговлю въ южныхъ портахъ, и неблагоприятныя для отпуска хлѣба 1833, 1834 и 1835 годы, по случаю неурожаевъ въ южной Россіи, то, считая съ 1830 года, вывозъ пшеницы изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ составитъ 32,721,618 четвертей. Это количество пшеницы распределялось между ними слѣдующимъ образомъ:

Отпущено:	Изъ Одессы.	Таганрога.	Другихъ пор- товъ.
	ч	е	т
	в	е	р
	т	и	н
Въ 1830 году	1,200,444	437,566	419,254
— 1831 —	482,638	313,243	287,766
— 1832 —	804,040	352,041	444,211
Итого	2,487,122	1,102,850	1,151,231
Въ 1836 году	878,707	263,261	268,038
— 1837 —	950,497	289,051	569,105
— 1838 —	990,511	286,020	915,084
Итого	2,819,716	838,332	1,752,227
Въ 1839 году	1,210,232	553,291	885,144
— 1840 —	780,007	353,259	564,397
— 1841 —	720,372	334,975	389,431
Итого	2,719,611	1,241,525	1,939,962
Въ 1842 году	863,422	427,216	422,100
— 1843 —	1,170,245	341,189	396,878
— 1844 —	1,263,036	407,076	660,149
Итого	3,296,703	1,175,481	1,479,127
Въ 1845 году	1,777,087	287,852	651,209
— 1846 —	1,955,316	293,041	788,067
— 1847 —	2,798,183	756,919	1,510,977
Итого	6,530,586	1,337,812	2,950,263

Весь отпускъ пшеницы, по трехлѣтнимъ сложностямъ въ эти пять періодовъ, составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1830—1832 годахъ .	4,741,303	четверти.
— 1836—1838 — —	5,410,275	— —
— 1839—1841 — —	5,900,098	— —
— 1842—1844 — —	5,951,411	— —
— 1845—1847 — —	10,818,661	— —

Огромный вывозъ пшеницы въ последнее трехлѣтіе распредѣлялся на слѣдующія количества по отпускнымъ портамъ и по губерніямъ, снабжавшимъ ихъ этимъ хлѣбомъ. Отпущено:

Черезъ Одессу :	Четверти.
Изъ губерній подольской, волинской, кievской, херсонской и сосѣдственныхъ уѣздовъ бессарабской области	6,530,586
Черезъ Таганрогъ и Ростовъ-на-Дону :	
Изъ губерній екатеринославской и воронежской, земли донскаго и черноморскаго войска, кавказской области и отъ Дубовки съ низовыхъ пристаней рѣки Волги	1,918,677
Черезъ Мариуполь :	
Изъ екатеринославской губерніи	825,883
Черезъ Бердянскъ :	
Изъ губерній таврической и екатеринославской	894,157
Черезъ Евпаторію, Феодосію и Керчь :	
Изъ таврической губерніи	200,364
Черезъ дунайскіе порты Измаилъ и Рени :	
Изъ бессарабской области	448,994
<hr/>	
Итого	10,818,661

Этотъ выводъ показываетъ, что губерніи, изъ которыхъ сбывается пшеница черезъ Одессу, доставляютъ почти три-пятыхъ всего отпуска, и что третья доля его получается изъ губерній, отправляющихъ свою пшеницу къ азовскимъ портамъ; остальное незначительное количество приходится на долю дунайскихъ и крымскихъ портовъ.

Вывозъ другихъ родовъ зерноваго хлѣба (ржи, ячменя и овса) изъ южной Россіи непостояненъ и, въ сравненіи съ отпускомъ изъ сѣверныхъ портовъ, весьма незначителенъ.

Разсматривая движеніе хлѣбной торговли съ 1824 года, нельзя не обратить вниманія на значительное развитіе отпуска хлѣба изъ южныхъ портовъ, между тѣмъ, какъ заграничный сбытъ его изъ сѣверныхъ портовъ ощутительно измѣнился. Если исключить

1846 годъ и 1847 годъ, отличавшіея необыкновеннымъ вывозомъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи, то раздѣливъ предъидущіе двадцать-два года (считая съ 1824 по 1845 годъ включительно) на два періода, получимъ слѣдующія количества сложнаго отпуска:

Изъ сѣверныхъ портовъ.

	Съ 1824 по 1834 годъ.	Съ 1835 по 1845 годъ.
Пшеницы	2,263,524	336,401 четверть.
Ржи	5,124,699	1,990,034 ———
Ячменя	1,547,679	847,311 ———
Овса	2,400,287	1,435,402 ———
Всего	11,336,189	4,639,148 четвертей.

Изъ южныхъ портовъ:

	Съ 1824 по 1834 годъ.	Съ 1835 по 1845 годъ.
Пшеницы	10,133,933	20,588,818 четвертей
Ржи	198,579	747,877 ———
Ячменя	246,536	395,323 ———
Овса. §	146,711	139,550 ———
Всего	10,725,759	21,871,568 четвертей.

Это обозрѣніе показываетъ что вывозъ всѣхъ родовъ зерноваго хлѣба изъ сѣверныхъ портовъ, въ послѣдній періодъ, былъ въ общей сложности на 144 процента менѣе, чѣмъ въ предъидущій. Непротивъ того, въ южныхъ портахъ, откуда вывозится преимущественно пшеница, при небольшомъ сбытѣ другихъ хлѣбовъ, отпускъ ея въ послѣдній періодъ увеличился вдвое и почти въ такой же пропорціи умножился вывозъ прочихъ родовъ зерноваго хлѣба, въ сравненіи съ предъидущимъ періодомъ.

Въ южной Россіи пшеница принадлежитъ къ числу продуктовъ производимыхъ для заграничнаго отпуска, потому что этотъ хлѣбъ постоянно вывозится изъ тамошнихъ портовъ въ разныя мѣста, прилежащія къ Средиземному Морю. Изобиліе и дешевизна пшеницы въ черноморскихъ портахъ всегда поддерживали ея заграничный сбытъ. При существованіи переменныхъ пошлинъ съ хлѣба въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, торговля черноморскою пшеницею сосредоточилась въ складочныхъ пор-

тахъ: Марсели, Генуя, Ливорно, и Триестъ; туда стали стекаться подвозы пшеницы, закупленной по скользящимъ цѣнамъ въ портахъ южной Россіи, для отправки, по мѣрѣ требованія, въ разные иностранные порты, чтобы своевременно воспользоваться сбавкою привозныхъ пошлинъ, въ случаѣ возвышенія таможенныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Южная Россія, по своей отдаленности отъ главныхъ источниковъ для сбыта ея пшеницы, отпускала ее туда прямо только при продолжительномъ требованіи и по полученнымъ оттуда приказамъ. Такимъ образомъ выгоды отъ заграничнаго сбыту черноморской пшеницы обращались болѣею частью въ пользу спекулянтовъ въ иностранныхъ портахъ, откуда этотъ хлѣбъ изъ таможенныхъ занасовъ доставляется на мѣста потребленія при благоприятныхъ цѣнахъ. Такое положеніе отпускной торговли пшеницею въ портахъ южной Россіи лишало мѣстныхъ производителей и торговцевъ возможности пользоваться выгодными обстоятельствами хлѣбнаго торга, но не препятствовало умноженію вывоза хлѣба. Значительное приращеніе этой отрасли торговли въ нашихъ южныхъ портахъ доказываетъ, что потребность въ закупкѣ тамъ пшеницы, для снабженія иностранныхъ рынковъ, постоянно возрастала.

Напротивъ того, вывозъ этого хлѣба изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ значительно уменьшился, по отдаленности ихъ отъ внутреннихъ губерній, которыя изобилуютъ пшеницею, и въ слѣдствіе соперничества иностранныхъ балтійскихъ и нѣмецкихъ портовъ, которые, по своему географическому положенію, имѣютъ болѣе удобствъ къ сбыту этого хлѣба, въ случаѣ требованія его въ Великобританію, сѣверную Францію, Нидерланды и другія мѣста. Переменные пошлины съ иностраннаго хлѣба во всѣхъ этихъ государствахъ благоприятствовали подвозамъ его изъ ближайшихъ портовъ, Гамбурга, Амстердама, Данцига и другихъ; при возникшемъ требованіи на пшеницу, для которой Великобританія всегда служила главѣйшимъ источникомъ, прусскіе и другіе нѣмецкіе порты, успѣвали доставлять свои запасы прежде нежели могли подоспѣть корабли съ русскою пшеницею, и отъ того только въ случаѣ чрезвычайнаго требованія усиливался вывозъ ея изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ. Другіе хлѣба, и именно рожь, овесъ и ячмень, покупались въ этихъ портахъ, для отпуску въ разныя стороны сѣверной и сѣверо-западной Европы тогда только, когда случался въ нихъ неурожай: успѣхи хлѣбопашества и воздѣлыванія картофеля значительно ограничили въ этихъ странахъ потребность въ иностранномъ хлѣбѣ, и даже тѣ изъ нихъ,

которые, въ прежніе годы, постоянно снабжались нѣтъ изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ, стали гораздо рѣже и менѣе нуждаться въ заграничномъ привозѣ.

При такихъ обстоятельствахъ хлѣбной торговли усугубились невыгоды географическаго положенія нашихъ балтійскихъ портовъ; доказательствомъ тому служитъ приращеніе вывоза хлѣба изъ Россіи къ прусскимъ портамъ для заморскаго отпуску. Черезъ западную границу отпущено:

	Съ 1824 по 1834 годъ.	Съ 1835 по 1845 годъ.
Пшеницы	541,948	779,152 четверти.
Ржи	709,9 6	1,230,191 ———
Ячменя	36,765	166,334 ———
Овса	56,426	179,871 ———
И того	1,345,135	2,355,548 четвертей.

Прусскіе порты Кенигсбергъ, Мемель и Данцигъ, снабжаются хлѣбомъ изъ нашихъ западныхъ губерній по рѣчной коммуникаціи, и отправляютъ его въ иностранные порты, пользуясь удобствами скорѣйшей и своевременной доставки туда своихъ хлѣбныхъ запасовъ. Отпускъ хлѣба изъ Россіи черезъ западную ея границу увеличился почти на 75 процентовъ, между тѣмъ какъ вывозъ изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ уменьшился на 144 процента.

Система переменныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба, введенная въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, усугубила колебанія портовыхъ цѣнъ и угнѣтала цѣны на хлѣбъ особенно въ нашихъ портахъ: иностранцы старались покупать его здѣсь большею частью при самыхъ сходныхъ цѣнахъ, потому что не всегда можно было рассчитывать на своевременный подвозъ хлѣба изъ Россіи. Прекращеніе навигаціи въ нашихъ портахъ въ зимнюю пору и отдаленность ихъ отъ главныхъ мѣстъ для сбыту хлѣба стѣсняла предприимчивость спекулянтовъ, тѣмъ болѣе, что подвозы изъ Россіи не рѣдко приходили на иностранные рынки въ ту пору, когда, отъ стеченія запасовъ изъ другихъ мѣстъ, цѣны понижались и прекращался выпускъ хлѣба на внутреннее продовольствіе съ низшею пошлиною; въ такомъ случаѣ надлежало или оставлять тамъ хлѣбъ на складкѣ, въ ожиданіи выгоднѣйшей продажи, или прискивать ее въ другомъ иностранномъ портѣ. Такое положеніе нашей хлѣбной торговли

съ иностранными землями увеличивало риски спекулянтовъ при закупкахъ хлѣба въ нашихъ портахъ и должно было противо-дѣствовать возвышенію тамошнихъ цѣнъ въ соразмѣрности съ тѣми, какія существовали на иностранныхъ рынкахъ и въ портахъ, ближайшихъ къ тѣмъ мѣстамъ, которые нуждались въ привозѣ хлѣба изъ за границы.

Втеченіи двадцати-пяти лѣтъ, съ 1822 по 1846 годъ включительно, отпускъ главныхъ родовъ хлѣба изъ Россіи оцѣнивался въ Видахъ Торговли по среднимъ годовымъ цѣнамъ, означеннымъ въ слѣдующей таблицѣ.

Среднія цѣны за четверть.

	Пшеница,		Рожь.		Овесь.		с.
	въ портахъ		въ балт.	въ Архан-	въ балт.	въ Архан-	
	балтійск.	черномор.	портахъ	гельскѣ.	портахъ.	гельскѣ.	
Въ 1822 г.	7 р 50 к.	5 р. 46 к.	4 р. — к.	2 р. 31 к.	2 р. 85 к.	1 р. 14 к.	
— 1823 —	6—48—	4— 58—	4—92—	2—50—	2—85—	1—53—	
— 1824 —	5—86—	3—87—	3—32—	2—38—	2— „—	1—27—	
— 1825 —	4— 8—	4—35—	2—85—	3—15—	1—85—	1—43—	
— 1826 —	4—58—	3—13—	3—94—	2—53—	2—48—	2—14—	
— 1827 —	4—46—	3—14—	3—71—	2—85—	2—57—	2—28—	
— 1828 —	5—11—	2—57—	3—14—	2—57—	2—28—	1—43—	
— 1829 —	5—93—	3—71—	3—11—	2—52—	2— 9—	1—57—	
— 1830 —	6—45—	5—71—	3— 2—	2—57—	2—20—	1—71—	
— 1831 —	7—23—	6—17—	3—71—	2—85—	2—56—	2—28—	
— 1832 —	6—68—	4—85—	3—71—	2—85—	2—14—	1—57—	
— 1833 —	6—23—	5—14—	4—28—	3—71—	2—28—	1—43—	
— 1834 —	5—40—	6—43—	4—51—	5— 8—	2—28—	1—85—	
— 1835 —	5—43—	4—85—	4—85—	5—77—	2— 9—	1—85—	
— 1836 —	5—43—	4—28—	4—33—	3— „—	2—57—	2— „—	
— 1837 —	6—36—	4—28—	3—44—	3—14—	2— 9—	1—85—	
— 1838 —	8—35—	4—85—	4—28—	3—30—	2— „—	1—58—	
— 1839 —	7—80—	6—14—	4—30—	3—30—	2—45—	1—71—	
— 1840 —	9—22—	6—10—	5— 7—	4— 8—	3—21—	2—36—	
— 1841 —	9— „—	5—60—	6—71—	4—20—	2—40—	2— „—	
— 1842 —	8—67—	5—53—	3—35—	3—75—	3—74—	2—10—	
— 1843 —	7—87—	4—85—	4—50—	3—48—	2—40—	1—67—	
— 1844 —	7—95—	4—60—	4—24—	3—20—	2—44—	1—80—	
— 1845 —	6—40—	5— „—	4—57—	3—60—	3— „—	1—80—	
— 1846 —	8—13—	5—45—	5—80—	4—80—	4— „—	2—85—	

Изъ этой таблицы видно, что портовые цѣны, втеченіи двадца-

ти-пяти лѣтъ, съ 1822 по 1847 годъ, представляли значительныя колебанія, смотря по требованію на хлѣбъ, которыя по самому свойству этого товара, бывають очень измѣнчивы; оттого и нельзя опредѣлить, по сравненію среднихъ цѣнъ одного пяти или десятилѣтняго періода съ средними цѣнами другаго, въ какой мѣрѣ онѣ возвысились или упали: одинъ слишкомъ дешевый или слишкомъ дорогой годъ понижаетъ или поднимаетъ среднюю цѣну за весь періодъ, и если въ слѣдующемъ періодѣ не было ни одного года съ такою необыкновенною цѣною, то сравненіе обонхъ періодовъ можетъ привести къ ошибочному заключенію. Чтобы точнѣе опредѣлить, возвышаются или понижаются цѣны на хлѣбъ, мы изчислили среднія цѣны по десяти-лѣтіямъ съ 1822 года и такъ далѣе, откидывая сверху по одному году и прибавляя по одному году снизу: этимъ способомъ уравниваются значительныя разности въ среднихъ цѣнахъ, происходящія отъ слишкомъ высокихъ или слишкомъ низкихъ цѣнъ въ отдѣльные годы, и, слѣдовательно, устраняется вліяніе необыкновенныхъ годовъ на среднія цѣны, при вычисленіи ихъ по десятилѣтней сложности *.

Среднія цѣны пшеницы въ портахъ:

	Балтійскія.	Черноморскія.
Въ 1822—1831	5 руб. 86 коп. . . .	4 руб. 26 коп. за четв.
— 1823—1832	5. — 78 — . . .	4 — 20 — ———
— 1824—1833	5 — 76 — . . .	4 — 26 — ———
— 1825—1834	5 — 71 — . . .	4 — 12 — ———
— 1826—1835	5 — 85 — . . .	4 — 75 — ———
— 1827—1836	5 — 93 — . . .	4 — 68 — ———
— 1828—1837	6 — 12 — . . .	4 — 79 — ———
— 1829—1838	5 — 45 — . . .	5 — 52 — ———
— 1830—1839	6 — 63 — . . .	5 — 27 — ———
— 1831—1840	6 — 91 — . . .	5 — 30 — ———
— 1832—1841	7 — 9 — . . .	5 — 25 — ———
— 1833—1842	7 — 29 — . . .	5 — 32 — ———
— 1834—1843	7 — 45 — . . .	5 — 29 — ———
— 1835—1844	7 — 67 — . . .	5 — 10 — ———
— 1836—1845	7 — 77 — . . .	5 — 12 — ———
— 1837—1846	8 — 4 — . . .	5 — 24 — ———

* Смотри журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1845. Лѣ 4, о цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи.

Цѣны пшеницы въ балтійскихъ портахъ поднялись на тридцать-семь процентовъ, а въ черноморскихъ на двадцать-три процента. Разность между цѣнами ея въ этихъ портахъ составляла отъ двадцати-пяти до двадцати-шести процентовъ. Пшеница, вывозимая изъ южныхъ портовъ, всравненіи съ балтійскою, дешевле и вздорожала менѣе, оттого, что въ новѣйшее время воздѣлываніе этого хлѣба въ южной Россіи значительно распространилось и почти все количество производимой тамъ пшеницы направляется къ ближайшимъ портамъ, для заграничнаго отпуску. Напротивъ того, почти всѣ губерніи, изъ которыхъ пшеница доставляется въ балтійскіе порты, находятся въ весьма дальнемъ отъ нихъ разстояніи и цѣны ея значительно возвышаются отъ провозныхъ расходовъ; притомъ въ низовыхъ губерніяхъ, гдѣ обыкновенно закупаютъ пшеницу для отпуску черезъ Санктпетербургъ и частью черезъ Ригу, воздѣлываніе ея, по непостоянству заморскаго требованія, ограничивалось до-сихъ-поръ пропорціею, потребою для внутренняго продовольствія, и оттого при случайномъ спросѣ на пшеницу для заграничнаго отпуску, цѣны ея въ балтійскихъ портахъ возвышались гораздо болѣе, нежели въ черноморскихъ.

Среднія цѣны на рожь и овесъ:

	Въ балтійскихъ портахъ:				Въ Архангельскѣ:			
	Рожь.		Овесъ.		Рожь.		Овесъ.	
Въ 1822—1831 году.	3 р. 47 к.	2 р. 37 к.	2 р. 62 к.	1 р. 67 к.	сер. за четв.			
— 1823—1832 —	3 — 44 —	2 — 30 —	2 — 67 —	1 — 72 —	—			
— 1824—1833 —	3 — 37 —	2 — 24 —	2 — 79 —	1 — 71 —	—			
— 1825—1834 —	3 — 49 —	2 — 27 —	3 — 6 —	1 — 78 —	—			
— 1826—1835 —	3 — 69 —	2 — 29 —	3 — 33 —	1 — 81 —	—			
— 1827—1836 —	3 — 73 —	2 — 30 —	3 — 37 —	1 — 79 —	—			
— 1828—1837 —	3 — 71 —	2 — 25 —	3 — 40 —	1 — 75 —	—			
— 1829—1838 —	3 — 82 —	2 — 23 —	3 — 47 —	1 — 76 —	—			
— 1830—1839 —	3 — 94 —	2 — 26 —	3 — 52 —	1 — 78 —	—			
— 1831—1840 —	4 — 14 —	2 — 36 —	3 — 64 —	1 — 84 —	—			
— 1832—1841 —	4 — 44 —	2 — 35 —	3 — 79 —	1 — 82 —	—			
— 1833—1842 —	4 — 41 —	2 — 51 —	3 — 79 —	1 — 87 —	—			
— 1834—1843 —	4 — 43 —	2 — 52 —	3 — 73 —	1 — 89 —	—			
— 1835—1844 —	4 — 40 —	2 — 55 —	3 — 37 —	1 — 89 —	—			
— 1836—1845 —	4 — 37 —	2 — 77 —	3 — 60 —	1 — 99 —	—			
— 1837—1846 —	4 — 52 —	2 — 79 —	3 — 60 —	1 — 96 —	—			

Цѣны на рожь въ балтійскихъ портахъ поднялись на 34 про.

цента, въ Архангельскѣ на 37 процентовъ, а въ цѣнахъ на овесъ возвышеніе составляло около 17 процентовъ, какъ въ балтійскихъ портахъ, такъ и въ Архангельскѣ. Во все это время, цѣны въ Архангельскѣ были гораздо ниже чѣмъ въ балтійскихъ портахъ: сравнивая между собою самыя низшія и самыя высшія цѣны, находимъ, что въ этихъ портахъ овѣ были выше чѣмъ въ Архангельскѣ: на рожь, отъ 25 до 23 процентовъ, а на овесъ отъ 33 до 42 процентовъ. Такая разность объясняется тѣмъ, что внутреннія губернія, снабжающія Архангельскъ хлѣбомъ, по водяной коммуникаціи ихъ съ этимъ портомъ, отправляютъ туда избытки своихъ урожаевъ, для заграничнаго отпуска, не имѣя другаго удобнѣйшаго истоку, тогда какъ балтійскіе порты снабжаются хлѣбомъ большею частью изъ такихъ губерній, въ которыхъ производится главная заготовка его для внутренняго потребленія и, слѣдовательно, заморское требованіе на хлѣбъ должно возвышать тамъ цѣны болѣе нежели въ мѣстахъ заготовки его для Архангельска; притомъ, за исключеніемъ подвозовъ, приходящихъ изъ остзейскихъ губерній къ ихъ портамъ, хлѣбъ, отпускаемый изъ Санктпетербурга и частью изъ Риги, доставляется изъ отдаленныхъ внутреннихъ мѣстъ съ большими издержками, которыя увеличиваютъ цѣны въ этихъ портахъ.

Отпускъ хлѣба изъ сѣверныхъ портовъ, случавшійся только въ неурожайные годы за границею, не могъ имѣть постоянного вліянія на цѣны въ этихъ портахъ: временное требованіе на хлѣбъ производило только значительныя колебанія въ нашихъ портовыхъ цѣнахъ; овѣ то возвышались, то упали болѣе или менѣе, смотря по видамъ на заграничный сбытъ. Постепенное возвышеніе цѣнъ, которое оказывается по десяти-лѣтнимъ сложностямъ, съ 1822 по 1846 годъ включительно, слѣдуетъ приписать успѣхамъ промышленности въ многолюднѣйшихъ центральныхъ губерніяхъ. Съ умноженіемъ фабрикъ и заводовъ въ этомъ край уменьшилось тамъ число рукъ, занятыхъ хлѣбопашествомъ, и увеличился сбытъ хлѣбныхъ припасовъ для продовольствія промышленнаго класса въ тамошнихъ городахъ и селеніяхъ. Это обстоятельство должно было необходимо подѣйствовать на состояніе цѣнъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, продовольствующихъ тотъ край, и не могло не отразиться на цѣны хлѣба при покупкахъ его для заграничнаго отпуска изъ сѣверныхъ портовъ.

Напротивъ того, въ южныхъ портахъ, отпускающихъ преимущественно пшеницу, которая, какъ выше замѣчено, возды-

вается въ южной Россіи почти исключительно для сбыту въ иностранныя земли, цѣны могли возвышаться единственно отъ усилвшихся требованій на этотъ хлѣбъ для заграничнаго отпуска, но измѣчивость ихъ причиною, что портовые цѣны, по десяти-лѣтнимъ сложностямъ, не представляютъ значительнаго возвышенія.

Движеніе портовыхъ цѣнъ на хлѣбъ въ двадцати пяти-лѣтній періодъ, съ 1822 по 1846 годъ, обнаруживаетъ, что въ новѣйшее время онѣ постепенно возвышались, но въ самомъ возвышеніи ихъ происходили, изъ года въ годъ, чрезвычайныя колебанія. Въ этой колеблемости хлѣбныхъ цѣнъ заключается главный источникъ жалобъ сельскихъ хозяевъ на разстройство доходовъ, зависящихъ отъ хлѣбопашества *. Не входя въ изысканіе коренныхъ причинъ этого явленія, обыкновенно обвиняютъ хлѣбныхъ торговцевъ въ томъ, что они, изъ корыстныхъ видовъ, стараются угнѣтать цѣны на внутреннихъ рынкахъ и пользуются значительными выгодами, особенно при продажѣ хлѣба въ портахъ для заграничнаго отпуска, между-тѣмъ какъ производители не извлекаютъ существенной пользы отъ возвышенія портовыхъ цѣнъ. Жалобы на чрезмѣрную разницу между внутренними и портовыми цѣнами нашли себѣ новую опору въ событіяхъ хлѣбной торговли 1847 года: цѣны, по которымъ хлѣбъ продавался тогда при портахъ для заграничнаго отпуска были дороже тѣхъ, какія платились на внутреннихъ рынкахъ, втрое и даже болѣе. Причину такой разницы въ цѣнахъ нужно искать въ положеніи нашей внутренней и портовой торговли хлѣбомъ, и если вникнуть въ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ она находится, то нисколько не будетъ удивительно, что хлѣбъ покупается на внутреннихъ рынкахъ по низкимъ цѣнамъ, въ сравненіи съ портовыми.

Торговцы закупаютъ хлѣбъ* болшею частью въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ портовъ, и приступаютъ къ значительному заготовленію хлѣба для отправки туда только въ случаѣ большихъ требованій изъ за границы. По затруднительности и медленности сообщеній внутри Россіи, нужно покупать хлѣбъ осенью и зимою, чтобы приготовить его для весенней отправки къ порту:

* Здѣсь кстати будетъ указать на подробныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ, А. П. Заблоцкаго, въ статьѣ его подъ заглавіемъ: *Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи*. (См. Отечественныя записки 1846 года, № 5 и 6).

купленный весной хлѣбъ можетъ подоспѣть, и то не всегда, къ концу навигаціи, а если купить въ исходѣ лѣта или въ началѣ осени, то можно доставить его къ порту въ дальнихъ мѣстахъ не прежде, какъ въ слѣдующемъ году. Такое положеніе нашей внутренней коммуникаціи чрезвычайно стѣсняетъ хлѣбную торговлю, которая, при частыхъ перемѣнахъ въ требованіи и цѣнахъ, отъ неразлучныхъ съ нею спекуляцій, подвержена случайностямъ, измѣняющимъ все виды и расчеты. Она требуетъ дѣятельнаго движенія, чтобы во-время воспользоваться выгодными для нея обстоятельствами. Ни въ какой торговлѣ не случаются такіе частые и разительные переходы отъ выигрышей къ убытку, какъ въ хлѣбномъ торгѣ, особенно при портахъ. По этому весьма естественно, что при нынѣшнихъ способахъ доставки нашихъ товаровъ къ портамъ, какъ внутренній торговецъ, такъ и биржевой купецъ, покупающій хлѣбъ за полгода или за годъ впередъ, долженъ дѣйствовать съ большою осторожностію, въ огражденіе себя отъ потерь, на случай перемѣны обстоятельствъ къ тому времени, когда товаръ придетъ на мѣсто сбыта. При покупкѣ хлѣба на внутреннихъ рынкахъ, торговецъ предлагаетъ только такую цѣну, при которой, по всемъ расчетамъ, онъ не можетъ остаться въ накладѣ, продавая свой товаръ биржевому купцу. Когда хлѣбъ покупается при портѣ съ поставкою въ опредѣленный срокъ по условленной цѣнѣ, тогда покупатель, биржевой купецъ, старается законтрактовать товаръ какъ можно дешевле, чтобы избѣжать убытку, или по-крайней-мѣрѣ не ошибиться въ расчетѣ, если портовые цѣны упадутъ сверхъ ожиданія. Торговецъ, продающій хлѣбъ биржевому купцу по контракту, рассчитываетъ, въ свою очередь, приобрести барышъ отъ дешевой покупки на внутреннихъ рынкахъ, рискуя понести убытокъ или не выполнить своего обязательства въ случаѣ возвышенія тамошнихъ цѣнъ. Взаимное соперничество покупателей можетъ иногда возвысить цѣны на внутреннихъ рынкахъ, въ пользу производителей; но немвогіе изъ нихъ въ состояніи удерживать свои запасы, чтобы отвратить упадокъ цѣнъ; большою частью, помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, обыкновенно спѣшатъ сбыть свой хлѣбъ и, не находя надобности оцѣнивать, во что онъ имъ обошелся, считаютъ возможнымъ отдать его за какуюнибудь цѣну. Если бы помѣщики, продающіе свой хлѣбъ, знали настоящую ему цѣну, ниже которой нельзя уступить, безъ убытку, или другими словами: если бы стоимость этого продукта опредѣлялась оцѣнкою трудовъ и расходовъ, на чего употреблѣ-

ныхъ, въ такомъ случаѣ существовалъ бы правильный размѣръ для цѣнъ на хлѣбъ. Оттого, что эти цѣны не имѣютъ у насъ твердаго основанія, онѣ подвержены чрезвычайнымъ колебаніямъ и совершенно подчинены вліянію торговцевъ: слѣдя за ходомъ цѣнъ и за движеніемъ подвозовъ, зная близко торговыя обстоятельства, хлѣбные торговцы легко могутъ господствовать на внутреннихъ рынкахъ и, по своимъ соображеніямъ, платить за хлѣбъ дешевле или дороже.

Огромная разниа между цѣнами при покупкѣ хлѣба на внутреннихъ рынкахъ и при продажѣ его въ портахъ, возбуждаетъ сѣтованія на угнѣтеніе цѣнъ торговцами, тѣмъ болѣе, что послѣднимъ достается значительная часть выгодъ отъ перемѣнъ въ цѣнахъ. Торговецъ, стараясь купить товаръ какъ можно дешевле и продать его подороже, руководствуется коммерческимъ расчетомъ, безъ котораго торговля не можетъ существовать. По справедливости, большій барышъ долженъ принадлежать тому, кто подвергается большому риску, а хлѣбная торговля особенно сопряжена съ множествомъ случайностей, которыхъ невозможно предвидѣть; изъ всѣхъ родовъ торговли она подвержена наиболѣе спекуляціямъ, производящимъ чрезвычайныя колебанія въ цѣнахъ, отъ которыхъ одни богатѣютъ, другіе разоряются. Эти спекуляціи причиною той огромной разницы, которая оказывается обыкновенно между внутренними и портовыми цѣнами на хлѣбъ. Она распредѣляется въ чрезвычайно различной пропорціи не только между производителемъ и биржевымъ купцомъ, но и между торговцами, покупающими хлѣбъ на внутреннихъ рынкахъ и продающими его при портахъ. Отъ возвышенія портовыхъ цѣнъ на хлѣбъ, по случаю требованія его за границу, выигрываютъ изъ внутреннихъ торговцевъ только тѣ, которымъ онъ обошелся сходно въ покупкѣ или которые, запродавъ его по контрактамъ съ биржевыми купцами, успѣли купить дешево изъ первыхъ рукъ; но какъ вмѣстѣ съ портовыми цѣнами возвышаются цѣны на хлѣбъ въ рукахъ перекупщиковъ, то многіе торговцы, будучи вынуждены покупать у нихъ хлѣбъ по высшимъ цѣнамъ, для поставки его по контрактамъ, должны довольствоваться гораздо меньшимъ барышемъ и даже подвергнуться убыткамъ отъ разности въ цѣнахъ. Возвышеніе заграничныхъ цѣнъ въ 1846 по 1847 годъ побудило биржевыхъ купцевъ надавать цѣны за хлѣбъ, при покупкѣ его въ контрактъ и на мѣстѣ, въ портахъ. Однако разность въ цѣнахъ, по которымъ онъ поку-

пался здѣсь и продавался за границу, такъ велика, что конечно, внутренніе торговцы не приобрѣли такихъ огромныхъ выгодъ, какія достались портовымъ конторамъ отъ продажи закупленнаго ими хлѣба по цѣнамъ, непрерывно возвышавшимся на иностранныхъ рынкахъ. При благопріятныхъ видахъ на хлѣбный урожай въ западной Европѣ, и по случаю умноженія подвозовъ хлѣба въ тамошніе порты, цѣны стали упадать и биржевые спекулянты, платившіе дорого за хлѣбъ для перепродажи его по высшимъ цѣнамъ, сами потерпѣли наконецъ значительные убытки. Такой переломъ въ хлѣбной торговлѣ былъ одною изъ причинъ бѣдственнаго кризиса, отъ котораго, въ концѣ 1847 года, пострадала торговля на многихъ европейскихъ биржахъ.

Г. И — нь.

=

V.

КРИТИКА.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Курсъ Физической Географіи, изданный Г. Петровскимъ, профессоромъ Ришельевского Лицея. Одесса.

Физическая географія, въ наше время, бесспорно одна изъ прекраснѣйшихъ, занимательнѣйшихъ, удивительнѣйшихъ наукъ человѣческихъ. Одни начинаютъ ее, послѣ математическаго опредѣленія шаружнаго вида земнаго шара и отношенія его къ другимъ подобнымъ тѣламъ, орographicескимъ взглядомъ, или физическимъ описаніемъ поверхности суши и водъ, и оканчиваютъ внутреннимъ устройствомъ извѣстной намъ части коры ядра земнаго. Напротивъ того, другіе начинаютъ, опять послѣ математическаго очертанія шара, внутреннимъ сложеніемъ этой коры и оканчиваютъ описаніемъ физическаго состоянія ея поверхности, — углубленій, возвышеній, горъ, водъ, и прочая — что и составляетъ главный предметъ этой науки. Которая изъ двухъ методъ лучше, это мы отдаемъ на судъ тѣхъ, кому судить не о чемъ, а хочется. Скажемъ только, что по второй изъ нихъ написанъ «Курсъ физической географіи», изданный въ

Одессъ и этимъ заключимъ рѣчь о вопросѣ, съ чего начинать физическую географію и чѣмъ ее оканчивать. Съ чего и чѣмъ угодно — лишь бы дѣло было ясно и наука представлена чисто, вѣрно, въ настоящемъ, современномъ ея видѣ.

Послѣ этого вступленіи относящагося къ методу, которую мы не дорожимъ, обратимся къ содержанію книги и посмотримъ, въ какой степени положенія ея соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію науки.

Авторъ одесскаго «Курса физической географіи», говорить (параграфъ 17): «Углубляясь во внутренность земли, только такимъ образомъ мы можемъ приобрести точныя познанія о свойствахъ, количествахъ и расположеніи веществъ, составляющихъ массу нашей планеты. Хотя нѣтъ недостатка въ подобныхъ раскапываніяхъ земной поверхности, производящихъ на различныхъ ея пунктахъ, при добываніи изъ нѣдръ ея металловъ, каменнаго угля, горной соли и другихъ минераловъ, или при устройствѣ такъ называемыхъ артезианскихъ колодезевъ; но какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣдко когда достигаютъ глубины свыше одной версты....»

Да кто же въ наше время судить или хочетъ судить о сложеніи планеты по *раскапываніямъ* ея поверхности? Кому даже изъ тѣхъ, которые знаютъ землю только по книгамъ, не известно нынче, съ какими трудностями для наблюденій сопряжено углубленіе въ рудникахъ инструментами внутри земли? При всемъ возможномъ совершенствѣ механизмовъ нельзя прорыть и до четверти версты, безъ встрѣчи съ препятствіями, противъ которыхъ они безсильны, потому что, не смотря на трудный подъемъ на поверхность добытыхъ въ рудникахъ минераловъ, еще на этой глубинѣ встрѣчаются непреодолимые притоки воды, и воздухъ бываетъ стѣсненъ до того, что не горятъ даже свѣчи. Но всѣ эти испытанія, до какой бы они глубины ни простирались, вовсе не ведутъ къ тому, чтобы по нимъ можно было сдѣлать какое-нибудь основательное заключеніе о строеніи земнаго шара: вообще рудники почти не касаются основныхъ *первозданныхъ породъ*, говоря терминологіей автора «Курса», а болѣе находятся въ

тѣхъ слояхъ земли, которые онъ называетъ *переходными* и *второзданными* почвами, и въ породахъ этихъ періодовъ. Артезіанскіе же колодцы заключаются въ его *третичныхъ* почвахъ, касаясь только верхнихъ осадковъ второзданнаго періода. Наслоеніе *переходныхъ* и *второзданныхъ* породъ, которыя лежатъ на кристаллическихъ породахъ, какъ на фундаментъ, начиная отъ этого фундамента до самой поверхности, вы можете видѣть такъ же ясно какъ карты въ раскрытой настолѣ колодѣ, не дотрогиваясь до земли даже кончикомъ пальца. Тамъ, гдѣ находится горы или рѣчныя и морскія углубленія, во всѣхъ этихъ мѣстахъ оно обнажено такъ, что несравненно удобнѣе и вѣрнѣе разсматривать его въ этомъ природномъ положеніи, чѣмъ во всякомъ другомъ случаѣ, и не предстоитъ ни малѣйшей надобности копать, развѣ только изъ любопытства въ тѣхъ окрестностяхъ, гдѣ переходныя, второзданныя и третезданныя породы выполняютъ впадины, котловины и другія углубленія. Нынче наука и не наблюдаетъ иначе. Авторъ «Курса» говоритъ о *верстѣ*: между тѣмъ изъ горы, вышнюю верстѣ въ шесть надъ поверхностью моря; изъ снѣговъ, лежащихъ на ихъ вершинахъ, вѣчно струятся ручейки воды, которые прорѣзали толщъ какъ ножомъ, слились въ потоки, прорѣзывающіе ихъ далѣе и глубже, а изъ этихъ потоковъ образовались рѣки, достигающія до моря, посредствомъ прорѣзыванія толщъ все глубже и глубже. Слѣдуйте отъ снѣговъ до моря за теченіемъ одного ручейка, одного потока и одной рѣки, и вы, по берегамъ ихъ, сочтете всѣ породы, всѣ слои, въ этой шести-верстной толщѣ, разрѣзанной и смытой водою покато отъ снѣговой вершины до моря. Въ морѣ земля спускается вглубь опять покато, постепенно открывая ребра срѣзанныхъ слоевъ. Здѣсь еще вы можете видѣть ихъ на версту. Вотъ уже седьмая верста. Въ наше время профессоръ Forbes изслѣдовалъ море именно до этой глубины. Какъ же послѣ этого заводить рѣчь о рудникахъ, объ *углубленіяхъ* въ кору земную сверломъ артезіанскихъ колодцевъ, и тому подобныхъ трудахъ, почти бесполезныхъ для науки, и зачѣмъ воскрешать эту несчастную *версту*, о которой толковали еще наши старые учителя?

Источникъ Рейна находится почти въ двухъ верстахъ надъ поверхностью моря. Спуститесь по Рейну — путешествіе очень пріятное и модное — и наблюдайте наслоеніе береговъ. Это все равно, какъ будто вы углубились на *два* версты въ землю подъ вашими ногами.

« Геологи, говоритъ авторъ «Курса», принимаютъ *обыкновенно* слѣдующіе роды различныхъ формаций, которыя мы « опишемъ одну за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ, « по всей вѣроятности, возникли: во-первыхъ получила свое « начало *первозданная* почва, потомъ *переходная*, за нею *сто-* « *ричная*, далѣе *третичная* и напоследокъ образовался са- « мый верхній слой земли, названный *накосною почвою*. »

« Первозданную почву, продолжаетъ онъ, составляютъ тѣ « ископаемыя, которыя не содержатъ въ себѣ и слѣдовъ ор- « ганическихъ существъ, какъ изъ царства животнаго, такъ « и изъ царства растений, и которыя, по всей вѣроятности, « образовались въ то время, когда еще не было на землѣ *орга-* « *нической жизни*. Онѣ суть гранитъ, гнейсъ, слюдяный сла- « нецъ, глинистый сланецъ, порфиръ, серпентинъ, кварцъ. « Гранитъ есть послѣдній минералъ, который встрѣчается « *обыкновенно* на самыхъ большихъ глубинахъ при *раскапы-* « *ваніи* земной коры; на немъ лежитъ гнейсъ, еще ближе къ « поверхности находится слюдяный сланецъ, » и такъ далѣе.

Во-первыхъ, при *раскапываніяхъ* обыкновенно не копаютъ до граниту: одни лишь только самые плохіе горные инженеры могутъ избрать для *раскапываній* такое мѣсто, гдѣ лопата вдругъ наткнется на гранитъ. Во-вторыхъ, при другого рода *раскапываніяхъ* гранитъ *обыкновенно* можно найти на самой незначительной глубинѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ подъ поверхностью земли, какъ это случается въ окрестностяхъ Петербурга при рытіи колодезевъ. А въ-третьихъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, никто уже не думаетъ утверждать, чтобы въ мірозданіи могла быть когда-нибудь такая эпоха, въ которую бы жизнь органическая не дѣйствовала. Наконецъ, изъ того, что въ кристаллическихъ породахъ, о которыхъ авторъ рассказываетъ, не находятъ ни какихъ органическихъ остатковъ, еще не слѣдуетъ, чтобы эти породы

можно было бы почитать *первозданными*, какъ полагали прежде, потому что эти породы, подобно породамъ, образующимся въ дѣйствующихъ волканахъ, гдѣ органическихъ тѣлъ также не содержится, несмотря что онѣ лежатъ на самой поверхности земли, могли образоваться въ недрахъ породъ, которыя нынче на нихъ покоятся и въ которыхъ развивалась прежде организація животныхъ и растений. Скандинавскіе Альпы представляютъ примѣры этого. Геологи настоящаго времени рѣшительно не соглашаются съ ученымъ авторомъ «Курса» принять кристаллическія породы за *первозданныя*. Что жъ касается до необыкновенной глубины, на которой *при раскапываніяхъ* находятъ *обыкновенно* гранитъ, то строкъ черезъ двадцать авторъ «Курса» не соглашается и самъ съ собою. Онъ говоритъ—но чтобы понять то, что онъ говоритъ, надобно знать, что онъ смѣшиваетъ *породы* съ *минералами* и съ *ископаемыми* — онъ говоритъ: «Хотя состав-
« ляющія первозданную почву ископаемыя всегда должны
« бы находиться подъ всеми *минералами*, принадлежащими
« позднеѣйшимъ формаціямъ; но, не смотря на это, мы ихъ
« встрѣчаемъ на вершинахъ высочайшихъ горъ и изъ нихъ-
« то *обыкновенно* состоятъ рѣзко выдающіяся остроконечія
« горныхъ хребтовъ, которыя почитаются остатками огром-
« нѣйшихъ массъ, распавшихся отъ дѣйствія воздуха и воды
« на мелкія части и унесенныхъ сею послѣднею въ низмен-
« ные мѣста; причѣмъ уцѣлѣли до нашего времени круп-
« чайшія части этихъ массъ, коихъ раньше или позже жи-
« даетъ подобная участь »

Какъ ни странна эта гипотеза, и еще другая той же древности, изложенная въ слѣдующемъ параграфѣ, ясно и несомнѣнно, что авторъ хотѣлъ тою и другой высказать, будто первозданныя породы не только составляютъ фундаментъ для другихъ породъ, дополняющихъ строеніе земнаго шара, то есть находятся подъ филладовыми и сѣровакковыми, или переходными породами, но даже, выходя изъ-этихъ породъ, прорѣзываютъ всѣ на нихъ лежащія осадочныя породы и въ нихъ залегаютъ, подобно породамъ, образующимся передъ нашими глазами при дѣйствіи волкановъ. Составляя горы, цѣлые

вряжи, даже цвѣи ихъ, отъ дѣйствія стѣхій обращаются въ дрсву. Эти частицы сносятся потомъ съ мѣсть болѣе возвышенныхъ въ мѣста болѣе низменныя дождевыми и снѣжными водами, и образуютъ тамъ толщи наносныхъ земель, песку, глины, изъ которыхъ потомъ вновь возникаютъ породы, извѣстныя у автора подъ именами осадочныхъ *второзданныхъ* и *третьезданныхъ*.

Дальнѣйшія разсужденія «Курса» еще болѣе удостовѣряютъ насъ, что таковъ образъ мыслей ученаго автора. «Переходная почва, говоритъ онъ далѣе, состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ составныхъ частей, какъ и первозданная, отъ которой она отличается только тѣмъ, что въ мине алахъ (читай: въ породахъ), се образующихъ, попадаютъ частію раковины, частію же оттиски растений. Это обстоятельство служитъ явнымъ доказательствомъ, что переходная формація образовалась послѣ первозданной, не заключающей въ себѣ вовсе органическихъ продуктовъ, и прежде вторичной почвы, въ которой встрѣчаются *погребенными* остатки болѣе развитыхъ существъ, принадлежащихъ къ царству животныхъ *. Расположеніе частей, составляющихъ переходную почву, указываетъ ясно (?), что во время ея образованія происходилъ *важный переворотъ* (?) на поверхности земли, отъ котораго много потерпѣли каменные массы первозданной формація и изъ обломковъ этихъ послѣднихъ образовались пласты переходной почвы, расположенные безъ всякаго порядка, и образующіе съ горизонтомъ всевозможные углы отъ нуля до девяноста градусовъ. Составныя ея части суть: граувакка, глинистый сланецъ, гнейсъ, кварцъ, известнякъ, гранитъ, порфиръ и сіенитъ.»

Какъ гнейсъ, такъ гранитъ, порфиръ, сіенитъ, словомъ, весь этого роду породы состоятъ, какъ и породы *первозданныя* автора «Курса», не изъ угловатыхъ или округленныхъ (признаки насильственнаго перелома и увлеченія), но изъ

* Насчетъ остатковъ растений и животныхъ, они находятся всюду, и въ переходныхъ и въ второзданныхъ породахъ, и находятся, не въ *погребенномъ*, а въ окаменѣломъ состояніи. Въ первыхъ породахъ эти остатки только появляются, во второзданныхъ они уже развиты и обильны.

кристаллическихъ чешуекъ, листочковъ и зеренъ, то есть, изъ кристалловъ въ несовершенномъ очертаніи, слѣпленныхъ въ сплошныя массы, но безъ всякаго цемента. Изъ этого уже замѣтно, что составныя части ихъ неразлучались до настоящаго времени, не смотря на дѣйствіе предполагаемыхъ авторомъ важныхъ переворотовъ, которые будто-бы происходили во время ихъ образованія. Нынче думаютъ, напротивъ, что если тутъ происходило что-нибудь такое, такъ эти-то породы и были причиною этихъ переворотовъ. Если бы и не прежде, а уже при возникшемъ переворотѣ, или послѣ него, образовались переходныя породы, филладовыя и сѣровакковыя, изъ обломковъ первозданныхъ породъ, то какимъ бы образомъ могли эти породы первозданныя достигнуть значительныхъ высотъ не имѣя на что опереться? какъ умудрились бы онѣ, не будучи ни чѣмъ стѣснены и сжаты, подняться и взгромоздить вершины сооруженныхъ ими горъ на горизонтъ, на которомъ мы встрѣчаемъ ихъ теперь заключенными въ филладовыхъ, сѣровакковыхъ и осадочныхъ массахъ? Мы видимъ, что раскаленные до жидкаго состоянія огнемъ каменные массы, образующіеся въ нынѣшнихъ волканахъ, едва только выступаютъ на поверхность осадочныхъ породъ, переливаются чрезъ края кратеровъ, текутъ и распространяются по землѣ ровно, а не поднимаясь вверхъ!

Вулканическія породы, какого бы онѣ ни были времени и образованія, также какъ и плутоническія, находятся въ тѣсной связи не только съ этими породами, но и съ нормальными, кристаллическими, тѣми, которыя составляютъ нижнюю сторону коры, обхватывающей ядро земное, или ея сердцевины. Оттуда онѣ, по мѣрѣ образованія этихъ нормальныхъ и побочныхъ или плутоническихъ толщъ изъ остатковъ, отдѣляющихся отъ образованія породъ ядра земли и на его же почвѣ, выступаютъ постепенно на поверхность. Такимъ образомъ плутоническія породы съ одной стороны, именно съ нижней, склоняются къ нормальнымъ, кристаллическимъ, тѣмъ, на счетъ которыхъ преимущественно образуются; а съ другой или верхней стороны къ вулканическимъ, непосредственно возникающимъ изъ остатковъ при образова-

нѣ плутоническихъ и отчасти нормальныхъ. Поэтому плутоническія породы—ничто другое какъ только продолженіе или измѣненіе нормальныхъ, а вулканическія породы измѣненіе плутоническихъ.

Какъ плутоническія породы, такъ и нормальныя образуются и въ наше время, изъ разрушенныхъ частей другихъ породъ, что доказывается землетрясеніями, вспышками вулкановъ и всегдашнимъ дыменіемъ ихъ. Только это образованіе совершается уже теперь на такой глубинѣ, откуда нормальныя и плутоническія породы не досягаютъ поверхности, а залегаютъ на мѣстѣ образованія, въ пустотахъ оставшихся отъ выступленія наружу вулканическихъ породъ и газовъ. Вулканическія же породы образуются въ нѣдрахъ коры посредствомъ огня и газовъ, распространяющихся при образованіи нормальныхъ и плутоническихъ породъ на почвѣ ядра земнаго и изъ него же на противоположной сторонѣ породъ, извѣстныхъ подъ названіями переходныхъ, филладовыхъ и сѣровакковыхъ, и находящихся въ соприкосновеніи и въ связи съ кристаллическими породами верхней стороны ядра.

Во время образованія этихъ породъ внутри, возникаютъ постепенно, изъ переходныхъ, отъ дѣйствія воздуха и воды на поверхности коры или подъ вліяніемъ наружнаго и внутренняго климатовъ, толщи породъ извѣстныхъ у автора «Курса» подъ названіями осадочныхъ и наносныхъ.

По всѣмъ этимъ, а также и многимъ другимъ очень уважительнымъ причинамъ не вѣроятно, чтобы всѣ переходныя породы автора, даже и основныя нормальныя, тальково-глинистыя или филладовыя и сѣровакковыя, гдѣ также какъ и въ кристаллическихъ,—по его мнѣнію первозданныхъ,—окаменелостей не встрѣчается, образовались будто-бы не прежде возникшаго переворота. Если же что-нибудь и образовалось изъ обломковъ, зеренъ и сплошныхъ массъ, разрушившихся и отдѣлившихся отъ кристаллическихъ породъ коры ядра при переворотахъ, то только тѣ изъ переходныхъ породъ, которыя непосредственно покоятся на филладовыхъ и сѣровакковыхъ и содержатъ въ себѣ остатки животныхъ и растеній. Переходныя породы эти суть кварцево-конгломе-

ратныя, куда относятся песчано-зернисто-кварцевыя и аркозовыя породы; также полевошпатово-глинистыя (каолиновыя), къ которымъ принадлежатъ песчаныя и глинисто сланцовыя породы. Въ отношеніи къ филладовымъ и сѣровакковымъ толщамъ, эти породы не что другое какъ толщи побочнаго или второстепеннаго образованія. Толщами случайнаго или третестепеннаго образованія будутъ, слѣдственно, породы известковыя и антрацитныя, или углисто-глинисто-сланцовыя, большею частію занимающія середину между побочными и нормальными породами и склоняющіяся то къ тѣмъ, то къ другимъ. Онѣ возникли изъ частицъ, изъ отдѣлившихся черезъ разрушеніе отъ тѣхъ и другихъ породъ; и потому заключаютъ въ себѣ и остатки органическихъ тѣлъ: въ тѣхъ породахъ, которые склоняются на сторону нормальныхъ, большею частію растенія, въ тѣхъ, которыя—къ побочнымъ, животныя.

Такимъ образомъ все наслоеніе переходныхъ породъ нормальной почвы образуютъ двѣ формации; побочную почву также — двѣ формации; и столько же формаций случайную. Все это наслоеніе дѣлится на три почвы и подраздѣляется на шесть формаций.

Во всѣхъ этихъ переходныхъ образованіяхъ, толщи построенію своему большею частью склоняющіяся къ побочнымъ кристаллическимъ, и къ нормальнымъ филладовымъ и сѣровакковымъ породамъ, и принятые «Курсомъ» по ненахожденію въ нихъ окаменѣлостей, за первозданныя и переходныя безъ удовлетворительнаго объясненія причины, не имѣютъ связи ни съ одною изъ осадочныхъ переходныхъ породъ, развѣ только, что они разрушаясь дѣлаются осадочными породами и находятся въ нихъ въ отдѣльномъ и какъ бы независимомъ состояніи. Поэтому онѣ и должны быть помѣщены подъ общимъ названіемъ «постороннихъ», принадлежащихъ къ образованіямъ другихъ періодовъ. Къ тому же всѣ эти переходныя формации, не могутъ быть въ безпорядкѣ, какъ о томъ рассказываетъ «Курсъ», а только, по разновременному образованію онѣ не параллельны между собою; но лежатъ въ такомъ порядкѣ, что въ каждой изъ

нихъ одинъ слой соответствуетъ другому. Такимъ-образомъ получаютъ онъ свою собственную параллельность, несколько не нарушаемую тѣмъ, что онъ встрѣчаются поднятыми, разорванными, иногда сдвинутыми съ мѣсть и опрокинутыми; повидимому, отъ выступленія изъ-подъ нихъ и по нимъ первозданныхъ и переходныхъ породъ «Курса». Но объ этихъ породахъ, геологи настоящаго времени знаютъ только то, что въ основномъ образованіи ихъ гнейсъ перемежается гранитомъ, переходящимъ въ гнейсъ; а въ верхнемъ гранитъ — гнейсомъ, обращающимся въ гранитъ. Формация слюдянаго сланца, помѣщается обыкновенно между двумя этими формациями, склоняясь то на сторону гранито-гнейса, то къ гнейсо-граниту. Формация хлоритоваго и тальковаго сланцевъ по большей части покоятся на гнейсо-гранитовой формации, такъ-что на верхней ихъ сторонѣ непосредственно лежатъ толщи филладовыхъ и сѣровакковыхъ формаций и находятся съ ними въ такой же тѣсной связи, какъ и съ породами формации гнейсо-гранитовой. Породы первыхъ пяти формаций, къ какому бы они ни относились времени, суть нормальные, также какъ филладовыя и сѣровакковыя или *переходныя*.

Гранитъ, который состоитъ изъ крупныхъ кристаллическихъ обломковъ и зеренъ полеваго шпату и кварцу, равно какъ и тотъ, въ которомъ мѣсто полеваго шпата заступаетъ лабрадоръ, или тотъ, въ которомъ встрѣчаются роговая обманка, цирконъ, шерлъ, вениса, оловянный камень и другіе минералы, всѣ эти гранитныя породы перемежаются сіенитовыми, роговообманковыми и шиллертейновыми толщами. Въ этихъ, также какъ и въ гранитныхъ, встрѣчаются амфиболитовый или роговообманковый камень, протогенъ, еврейскій или письменный гранитъ, эфотитъ или габбро, кератитъ, шиллерштейнъ, различные порфиры, трахиты, базальты, діоритъ, зеленый камень, лава. Въ отношеніи къ нормальнымъ, эти породы находятся какъ бы въ случайномъ видѣ, и въ побочномъ къ формациямъ гранита и сіенита. Гранитъ, перемежаясь съ сіенитомъ, а этотъ съ гранитомъ, и переходя одинъ въ другой, образуютъ рядъ породъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и склоняются то

къ нормальнымъ, то къ вулканическимъ. Тутъ возникнутъ формации, въ первомъ случаѣ, гранитовая, а въ последнемъ гранито-сіенитовая и сіенитовая; въ которыхъ заключаются иногда и гнейсовыя породы, гдѣ по большей части находится вениса. И потому названы тѣ, которыя большею частью, но строенію своему, подобны нормальнымъ, побочнымъ, выступнымъ, или плутоическими породами. Напротивъ, тѣ изъ выступныхъ породъ, которыя приближаются болѣе или менѣе къ породамъ, образующимся передъ нашими глазами въ дѣйствующихъ волканахъ, получаютъ нынче названіе случайныхъ или вулканическихъ формаций, порфировой, полеватошпатовой, трахитовой и такъ далѣе. Эти-то породы, также какъ и плутоическія, большею частью, выходя изъ-подъ нормальныхъ кристаллическихъ, врѣзываются въ переходныя и осадочныя и, какъ бы покоясь на нормальныхъ кристаллическихъ, вмѣстѣ съ ними составляютъ кряжи, горныя гребни, пики, хребты и отдѣльныя возвышенія земли.

На чемъ лежитъ гранито-гнейсовое наслоеніе? Геологія настоящаго времени этого не знаетъ; но по слѣдующимъ обстоятельствамъ должно полагать, что есть порода плотнѣе гнейса, а можетъ быть и вейсъ-штейна, съ которымъ онъ при основаніи наслоенія перемежается и въ него переходитъ, составляя какъ-бы шестую формацию породъ нормальныхъ кристаллическихъ. Можно сказать, что эта формация составляетъ нормальную, или первостепенную почву плотной массы и неизвѣстной породы, перемежающейся вейсъ-штейномъ. Впрочемъ, далѣе отъ гранито-гнейсовой формации къ центру земли быть-можетъ найдутся еще другія породы, несравненно плотнѣе вейсъ-штейна, и еще и въ полуметаллическомъ и металлическомъ состояніяхъ, въ какомъ находится при основаніи филладовыхъ и сѣровакковыхъ породъ итаберитъ, или желѣзный сланецъ.

Формацией побочной или второстепенной будетъ тогда гранито-гнейсовая и гнейсо-сланянная, а случайною или третестепенною гранито-сланянная и гнейсо-гранитная.

Формации хлоритоваго и тальковаго сланцевъ занимаютъ

мѣсто въ ряду этого строенія; но не менѣе, если не болѣе того, выходя изъ этого строенія, склоняются къ переходнымъ породамъ филладовой и сѣровакковой формацій и состоятъ съ ними въ тѣсной связи; тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или гдѣ онѣ не въ значительномъ развитіи, въ первомъ случаѣ распространяются онѣ такъ, что составляютъ какъ-бы независимыя формаціи, хлоритовую и тальковую, попеременно сѣбяющія одна другую, и соединены не замѣтно съ гнейсо-гранитною формаціею взаимными переходами: хлоритовыя породы въ одномъ мѣстѣ, развиваясь, вытѣсняють породы гнейсо-гранитной формаціи и тальковыя; а въ другомъ тамъ, гдѣ гнейсо-гранитная и гравито-сланцевая формація развиты, онѣ вытѣснены сами и склоняются обыкновенно къ породамъ этихъ формацій и къ едва замѣтнымъ, наверху ихъ лежащимъ, тальковымъ породамъ, которыя являются здѣсь болѣею частью въ итаколуитномъ и известковомъ состояніяхъ, переходя въ филладовыя и сѣровакковыя породы. Напротивъ, или съ другой стороны, тамъ, гдѣ филладовыя и сѣровакковыя породы мало развиты и составляютъ не болѣе какъ одну сѣровакково-филладовую формацію, хлоритовыя и тальковыя породы образуютъ только хлоритово-тальковую формацію. При большемъ развитіи филладовой и сѣровакковой формацій, являются отчасти, и то въ глинистомъ состояніи, однѣ только тальковыя породы, въ которыхъ едва бываютъ замѣтны хлоритовыя, въ вытѣсненномъ состояніи, перешедшемъ въ ампелитъ, кровельный и аспидный сланцы. Такимъ образомъ породами нормальной или первостепенной почвы будутъ формаціи хлоритово-тальковая и сѣровакково-филладовая; побочной или второстепенной кварцево-конгломератная и тальково-известковая; случайной или третьестепенной антрацитная и глинисто-известковая, известная подъ названіемъ горнаго известняка.

Это строеніе земли, кромѣ науки въ теперешнемъ ея видѣ, представляетъ намъ и наша собственная родина, именно наслоеніе Кавказа и Новороссійскаго Края, особенно по Днѣпру и въ уѣздахъ: маріупольскомъ, александровскомъ, алек-

сандрийскомъ, бобринецкомъ. Одесскому «Курсу» не далеко было ходить за справками и въ книгахъ и въ природѣ, и не смотря на благонамѣренныя извиненія его въ природѣ, мы находимъ сбивчивость и запоздалость его, по этой важной статьѣ физической географіи, не совсѣмъ извинительными, при всей готовности нашей къ снисхожденіямъ.

Далѣе встрѣчаемъ, къ удивленію нашему, слѣдующее: « Вторичная почва представляетъ болѣе правильности « въ образованіи пластовъ, нежели двѣ предшествовавшія формации. Главные ея составные элементы суть « известнякъ и песчаникъ, изъ коихъ послѣдній обязанъ своимъ происхожденіемъ каменнымъ массамъ первозданной « формации, раздробленнымъ въ мельчайшія части, которыя « потомъ опять соединились въ одну сплошную массу, при « помощи особенной связующей матеріи или вслѣдствіе про- « должительнаго и тѣснаго соприкосновенія малѣйшихъ зе- « ренъ кварцоваго происхожденія. Изъ расположенія пла- « стовъ вторичной почвы легко заключить, что она образо- « валась, по всей вѣроятности, черезъ осажденіе изъ жидкаго « вещества. Главнѣйшія видоизмѣненія *этой формации* * мо- « жно подвести подъ слѣдующія четыре отдѣла: самые низ- « шіе ея слои состоятъ изъ краснаго песчаника, перемежа- « ющагося съ пластами каменнаго угля; на нихъ покоится « флечовый или такъ называемый альпійскій известнякъ; « еще выше лежитъ пестрый песчаникъ новѣйшаго образо- « ванія **, а напослѣдокъ еще ближе къ поверхности земли « находится раковинный известнякъ, переходящій въ мѣло- « вые пласты разнаго рода. Красный песчаникъ получилъ « свое названіе отъ красноватаго цвѣта, сообщеннаго ему « желѣзною окисью. Изъ числа металловъ, заключающихся « въ немъ, кромѣ желѣзной окиси заслуживаютъ особеннаго « вниманія мѣдь, свинецъ и *отчасти* (заслуживаетъ особен-

* Второзданная породы образуютъ, какъ мы видимъ, не одну, а нѣсколько формаций, какъ и самъ «Курсъ» послѣ того въ этомъ сознается.

** Пестрый песчаникъ только и извѣстенъ одинъ; а есть красный песчаникъ разныхъ образованій, изъ которыхъ одно извѣстно подъ именемъ *древняго* краснаго песчанику, а другое — *новаго* краснаго песчанику.

«наго вниманія) ртуть. Онъ содержитъ въ себѣ множество «окаменѣлаго дерева и самыя богатыя копи каменнаго «угля.» Не касаясь сущности самыхъ гипотезъ, не заслуживающихъ даже и *отчасти* особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что это и не принадлежитъ къ «Курсу» по цѣли, можно замѣтить только, что, послѣ указанныхъ въ выноскахъ ошибокъ, одинъ уже слова *раковистый*, или какъ «Курсъ» называетъ, *раковинный известнякъ переходитъ въ мыловыя пласты разнаго роду*, въ состояннн привести въ ужасъ всю нынѣшнюю науку. Известнякъ, о которомъ говорится, раздѣленъ отъ мѣлу значительнымъ пространствомъ, занимаемымъ формациями рухляковъ смолистыхъ, радужныхъ и лиасовыхъ; сверхъ-того юрскимъ известнякомъ и зеленымъ песчаникомъ, на которомъ покоится уже мѣлъ; такъ, что онъ ни какой связи съ раковиннымъ известнякомъ не имѣетъ; и эта порода не можетъ въ него и *переходить*.

Мы готовы подразумѣвать, что «Курсъ» говоритъ только о древнемъ красномъ песчаникѣ и о пестромъ песчаникѣ. Куда же дѣвались формации угольнаго известняку, угольнаго песчанику, новаго краснаго песчанику и рухляки смолистые, радужные и лиасовые; а также юрскій известнякъ и зеленый песчаникъ? Кромѣ-того, въ древнемъ красномъ песчаникѣ, о которомъ онъ мечтаетъ, указываемыхъ имъ каменнаго угля и рудъ не находится. Песчаникъ этотъ только безрудностью своею и отличается отъ сѣрой вакки, служащей ему непосредственною подстилкою, и отъ лежащаго на немъ угольнаго песчанику, въ которомъ только и заключаются богатѣйшіе источники каменнаго угля. Находимые въ древнемъ красномъ песчаникѣ въ весьма незначительномъ количествѣ слои горючаго минерала очень тонки и совершенно не выгодны; нигдѣ угля не добываютъ оттуда еще и потому, что болѣею частью встрѣчаемый здѣсь уголь съ одной стороны обращается въ антрацитъ, а съ другой въ горючій сланецъ. Къ тому жъ онъ сильно пропитанъ желѣзнымъ окисломъ и землею, такъ что иногда и не горитъ.

Все наслоеніе осадочныхъ породъ раздѣляется на двѣ эпохи. Къ одной изъ нихъ относится формация: нормальной или

первостепенной почвы древняго краснаго песчанику и угольнаго песчанику; побочной или второстепенной—новаго краснаго песчанику и пестраго песчанику; и случайной или третъестепенной—рухляковаго или раковистаго известняку и рухляковъ смолистыхъ и радужныхъ. Къ другой эпохъ принадлежатъ формаціи: нормальной или первостепенной почвы—ліасовыхъ рухляковъ и юрскаго или мергельнаго известняку; побочной или второстепенной—зеленаго мѣловаго или рухляковаго песчанику и мѣлу; и случайной или третъестепенной—формація льпной глины, песку, песчанику, лигнита и костяноноснаго гипсу и формація глинянаго раковиннаго известняку. Въ двухъ-то послѣднихъ формаціяхъ обыкновенно встрѣчаются и кости четвероногихъ животныхъ.

Такимъ образомъ, коротко сказать, земледаніи нынче считается всего только два: одно земледаніе, известное подъ названіемъ кристаллическихъ породъ, а другое—подъ именемъ осадочныхъ. Кристаллическія породы составляютъ ядро, а осадочныя его кору. Они образуютъ четыре періода, заключающіе въ себя шесть эпохъ, и подраздѣляются на восемнадцать почвъ и тридцать шесть формацій.

Два періода составляющіе три эпохи, девять почвъ и восемнадцать формацій заняты образованіемъ кристаллическихъ нормальныхъ, плутоническихъ и вулканическихъ породъ. Столько же періодовъ, эпохъ, почвъ и формацій остается и для образованія осадочныхъ и переходныхъ породъ, склоняющихся то къ этимъ осадочнымъ, то къ кристаллическимъ. Породы первыхъ двухъ періодовъ образовались, по нынѣшнимъ понятіямъ науки, отъ дѣйствія газовъ и жару, развивающихся въ породахъ двухъ послѣднихъ періодовъ, или въ породахъ осадочныхъ, и именно отъ дѣйствія на эти же породы; осадочныя же породы, отъ дѣйствія воздуха и воды кристаллическихъ породъ первыхъ двухъ періодовъ на нихъ же самихъ; при чемъ въ кристаллическихъ породахъ возникаютъ газовые и огненные вулканы, какъ отверстія для выхода наружу образовавшихся внутри газовъ, огня и горныхъ породъ, а въ осадочныхъ воздушные и водяные

волканы, известные подъ именами грязныхъ сопокъ, горячихъ водъ и нефтяныхъ источниковъ.

Теперь, если станемъ разсматривать все эти слои по тому порядку, какъ они первоначально возникали при дѣйствіи воздуха и воды около своихъ центровъ и возникаютъ еще и теперь передъ нашими глазами, или по обратному порядку, сверху, начиная отъ воды внизъ къ центру шара, то безъ сомнѣнія убѣдимся, что осадочныя породы, особенно осадочныя нормальныя, образующіяся нынче посредствомъ воды въ томъ же порядкѣ какъ и первоначально, сохраняютъ въ себѣ то же свойство, въ которомъ по образованію своему находились и такъ называемыя *первозданныя* породы, и то же вещество, изъ котораго эти породы состояли. Подъ ними лежатъ изъ нихъ образовавшіеся около центра шара и продолжаютъ образоваться первопереходныя породы, болѣе всего къ нимъ склоняющіеся и известныя вѣкогда подъ названіемъ *переходныхъ*; далѣе внизъ второпереходныя, образующіяся потомъ изъ перво-переходныхъ. Породы эти, названныя нынче болѣе точнымъ именемъ кристаллическихъ нормальныхъ и плутоническихъ, ближе всего къ нимъ подходящихъ, склоняются теперь преимущественно къ второзданнымъ породамъ, которыя зовутъ вулканическими, и къ тѣмъ изъ плутоническихъ породъ, которыя ближе къ нимъ по своему строенію.

Отъ начала до самаго конца образованія первозданныхъ породъ, земля имѣла, по-видимому, правильную форму шара, какую имѣютъ отдѣльныя капли воды или ртути. Въ той мѣрѣ, въ какой происходило образованіе около ея центра первопереходныхъ и второпереходныхъ породъ изъ породъ составлявшихъ ядро первоначальной земли, она вытягивалась и, по образованію ядра изъ этихъ породъ и отступленія ихъ отъ центра, получила правильный эллипсоидальный видъ. Цилиндрическую форму, какую земля имѣетъ въ наше время, конечно, получила уже отъ утолщенія не ней ядра изъ второзданныхъ породъ и отступленія ихъ отъ центра шара.

Здѣсь надобно замѣтить, что, при составленіи ядра первопереходныхъ породъ и выступленія породъ его наружу

долженъ былъ образоваться при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ земли, какія мы встрѣчаемъ въ минералахъ, кубъ; а кубъ не что иное въ отношеніи къ нормальной формѣ, шару, какъ побочная или второстепенная форма.

Нормальная форма переходнаго состоянія земли, по видимому есть эллипсоидъ. Каждая изъ эпохъ, отъ образованія второзданнаго ядра земли и выступленія его наружу, должна была дать ей новый наружный и внутренней видъ, или второстепенную форму. Форма эта не иначе можетъ образоваться изъ нормальной и побочной кубической, какъ только составивъ двѣ четырехъ-стороннія пирамиды, заостренныя столькими же плоскостями и при основаніяхъ соединенныя, такъ что выйдетъ правильный октаэдръ, гдѣ вершины пирамидъ, наслоенія первопереходныхъ породъ, упираются въ центръ, въ основаніе наслоенія первозданнаго ядра; а вершины наслоенія второпереходныхъ породъ—во второзданное.

Нормальная форма второзданнаго состоянія земли — цилиндръ. Отъ образованія въ переходныхъ породахъ второзданыхъ толщъ, а на этихъ породахъ изъ нихъ же новыхъ или побочныхъ первозданныхъ, именно обломочныхъ и конгломератныхъ, аркозовыхъ и глинистыхъ, переходныхъ и осадочныхъ, цилиндръ измѣнился въ шестистороннюю призму. Отъ образованія же въ первозданныхъ породахъ, выступившихъ по трещинамъ наружу, второзданныхъ толщъ, составились изъ всѣхъ этихъ породъ хребты и кряжи горъ и заострилась ими же эта призма съ обоихъ концовъ шестью плоскостями, такъ, что вершины ея указываютъ теперь, особливо отъ означенныхъ хребтовъ и кряжей, главную или основную минералогическую ось земли, которая проходитъ сквозь центры самыхъ ядеръ первозданныхъ, переходныхъ и второзданныхъ породъ.

Несмотря на различныя частныя измѣненія, которымъ земля подвергалась во всѣ эпохи, она, по видимому, въ каждую эпоху удерживала нормальныя или первостепенныя формы, шаръ и кубъ; побочныя или второстепенныя, эллипсоидъ и

октаэдръ; и случайныя или третьестепенныя, цилиндръ и призмѣ.

Эти общія понятія нынѣшней науки о различныхъ формахъ земли какъ кристалла неизвѣстны «Курсу физической географіи». Частныя понятія и частныя свѣдѣнія всегда труднѣе обобщать. Не мудрено, что въ этомъ отношеніи странницы его не представляютъ ничего существеннаго и замѣчательнаго, кромѣ обичивости, неправильности и несвойственности въ выраженіяхъ несогласія съ современными свѣдѣніями. Для облегченія «Курсу» и нашимъ читателямъ уразумѣнія предмета, о которомъ мы здѣсь рассуждали и котораго не можемъ окончить въ этой статьѣ, все сказанное о земледаніи мы представимъ покаместъ въ одной общей таблицѣ.

ГЕОЛОГИЧЕ

СТРОЕНИЯ ЗЕМЛИ СЪ ПРИНАДЛЕЖАЩИМИ КЪ И

ЭШЛЕЗДАНИЯ.

ПЕРИОДЫ.

ЭПОХИ.

I.

Породы полукристаллическія или кристалловидныя, первопереходнаго періода; образовались, по видимому, въ нормальномъ видѣ въ газахъ воздуха; въ побочномъ въ водѣ и въ случайномъ въ огнѣ.

I.

Нормальное, перво-
степенное строеніе
или, кристаллизиро-
ванное въ воздухѣ.

I.

Нормальная,
или первостепенна

II.

Побочная,
или второстепенна

II.

Первозданныя породы, сплошныя и зернисто-песчаныя, образовались въ нормальномъ видѣ въ воздухѣ, въ побочномъ въ газахъ и въ случайномъ въ огнѣ.

II.

Побочное, вто-
степенное строеніе
или, измененной тая-
емъ въ водѣ и въ
огнѣ.

III.

Случайная,
или третьестепенна

III.

Второпереходныя породы въ кристаллическомъ видѣ; образова-
лись въ нормальномъ видѣ въ
огнѣ, въ побочномъ въ воздухѣ
и въ случайномъ въ водѣ.

IV.

Нормальная,
или первостепенна

IV.

Второзданныя плотныя и кри-
сталловидно зернистыя или полу-
кристаллическія породы, образо-
вались въ нормальномъ видѣ въ
газахъ; въ побочномъ въ водѣ и

V.

Побочная,
или второстепенна

VI.

Случайная,
или третьестепенна

въ случайномъ въ воздухѣ

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОНИСЬ.

=

АВГУСТЪ, 1848.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Когда солнце покрыто траурнымъ крепомъ, когда страшная болѣзнь коситъ цвѣтъ жизни человѣческой и изъ земли быстро вырастаютъ новыя могилы, о могилахъ только и можно говорить, о! читатели, тамъ, гдѣ мы съ вами охотно смѣялись прежде надъ суетою умовъ, надъ тщеславіемъ людей, надъ продѣлками книжнаго самолюбія. Лишь только появилась холера въ Петербургѣ, первыя жертвами ея сдѣлались книги. Сегодня рѣшительно не о чемъ было бы мнѣ бесѣдовать съ вами въ этомъ мѣстѣ, если бы изъ Кіева не получилъ я сочиненія, достойнаго занять ваше вниманіе:

ОБЗРѢНІЕ МОГИЛЪ, ВАЛОВЪ И ГОРОДИЩЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ, изданное, съ Высочайшаго соизволенія, кіевскимъ граюдинскимъ губернаторомъ, Иваномъ Фундуклеемъ. (Кіевъ, 1848, въ 4., стр. 130, и XV листовъ рисунковъ.)

Люди серьезные — да кто теперь не смотритъ серьезнымъ! — будутъ съ удовольствіемъ для себя и съ благодарностью къ автору изучать этотъ опытъ усердныхъ и совѣстливыхъ изыска-

вій по части столь интересной для отечественной археологiи и столь мало известной всѣмъ намъ донынѣ. Я только желаю душевно, чтобы книга эта не произвела ни въ комъ того тяжкаго и печальнаго впечатлѣнія, которое испыталъ я самъ по прочтенiи ея. Содержанiе заняло такъ живо мое вниманiе, такъ глубоко — мое воображенiе, что, несмотря на нездоровье и страданiя подъ влiянiемъ холерной атмосферы, я разстался съ творенiемъ почтеннаго кiевскаго археолога не прежде какъ усталость сомкнула мнѣ вѣки. Какое зрѣлище представилось мнѣ мгновенно! Я увидѣлъ сквозь душную и тяжелую атмосферу болѣзненнаго сна эти необозримыя равнины, которыя простираются отъ Оки и верхняго Днѣпра до Чернаго Моря. Какое-то красное, багровое солнце, безъ лучей и блеску, освѣщало ихъ тусклымъ, кровавымъ свѣтомъ. Глубокая тишина означала совершенное отсутствiе человѣка на этой обширной и печальной площади, этой нѣкогда шумной *vacina gentium*, казавшейся нынче сплошь покрытою, — въ однихъ мѣстахъ, купами черныхъ и бѣлыхъ палатокъ изъ войлока, юртъ пустыхъ и большею частью опрокинутыхъ вѣтромъ или изорванныхъ бурями, — въ другихъ мѣстахъ, рядами насыпей, кургановъ, могилъ, на которыхъ стояли уродливые истуканы, бывшіе могучіе боги этой земли, — боги смерти, войны и мщенiя, — и страшно всѣ вдругъ смотрѣли на меня своими огромными сверкающими глазами. Земля около нихъ была усыпана костями и черепами, точно такъ же какъ ученые страницы кiевской книги. Вдругъ всѣ эти истуканы начинаютъ шевелиться, колебаться, и валиться съ своихъ основанiй, насыпи и курганы разверзаются, и изъ вѣдръ старыхъ могилъ встаютъ въ полномъ вооруженiи забытые герои этого неизвѣстнаго міра, всѣ прежніе его побѣдители и побѣжденные, мертвецы-угнетатели и мертвецы-рабы, Скифы, Ахаты, Паралы, Роксоланы, Ариаспы съ однимъ глазомъ и Фтирофаги съ своимъ отвратительнымъ завтракомъ, Людоѣды вооруженные длинными копiями и щитами въ ростъ человѣка и Чернокафтанники въ латахъ изъ веревокъ, облитыхъ смолою, съ разрисованнымъ лицомъ, Сарматы исполнискаго сложенiя съ сажеными крыльями за плечами, и Гунны щетинистые, малорослые, съ широкимъ лицомъ, сплюснутымъ носомъ и узкими глазами, Готы, Анты, Болгары, Обри, Дулебы, Руссы, все, что здѣсь жило, чванилось, страдало, гордилось, стонало и исчезло, всѣ племена и поколѣнія, которыхъ прахъ затронуло и раскры-

ю любознательное перо господина Фундуклея. Явленіе это было какъ поразительно, живо, страшно, что я внезапно проснулся въ горячечной испаривѣ и со спершимся въ груди воздухомъ, который долго не давалъ мнѣ сообразиться и вспомнить, гдѣ я нахожусь. Въ первую минуту мнѣ показалось, что ужасный Обръ, вылѣзшій изъ кургана, держитъ меня желѣзною рукою за горло, и давить грудь мою колѣномъ. Впослѣдствіи оказалось, что это была тяжелая книга господина Фундуклея, свалившаяся мнѣ на грудь и нижнюю часть шеи со столика, стоявшаго у постели. Долго не могъ я взглянуть на эту книгу послѣ этого приключенія: передо мной тотчасъ являлись эти страшныя могилы южной и средней Скивіи, раскрытыя и наполненныя человѣческими костями. Теперь, когда эти болѣзненные впечатлѣнія постепенно разсѣялись или, по крайней мѣрѣ, ослабли, я желаю представить вамъ отчетъ въ содержаніи любопытной книги, подѣйствовавшей такъ странно, вмѣстѣ съ холернымъ воздухомъ, на мои нервы.

Могилы, валы, городища, и насыпи — суть единственные памятники вѣковъ минувшихъ на этихъ историческихъ равнинахъ, на которыхъ гевій человѣческій купался въ крови и промышлялъ только убійствомъ и грабежемъ, не зная благодѣяній и утѣшеній искусства, не сооружая ничего для идей, не возвышаясь къ прекрасному, не заботясь объ идеальномъ. Это — въ полномъ значеніи слова — отворотная сторона медали въ сравненіи съ Италіей, гдѣ нога и взоръ вашъ безпрестанно спотыкаются, на почвѣ, на стѣнахъ, на полуразрушенныхъ сводахъ, объ обломки гевіальныхъ трудовъ и, облеченныхъ въ прекрасныя формы, славы и силы минувшаго человѣка; гдѣ лопата археолога, погружаясь въ землю, открываетъ на всякомъ шагу удивительное наслоеніе нѣсколькихъ могучихъ образованностей; гдѣ каждый пластъ разрытой земли становится живою исторіей особенной эпохи ума, блеску и благоденствія человѣческаго. Ничего подобнаго нѣтъ ни на поверхности ни въ почвѣ Великой Скивіи, прінявшей впослѣдствіи названіе Малороссіи. Могилы, или курганы, этой земли заслуживаютъ однако жъ заботливости науки. Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть ихъ принадлежитъ самой глубокой древности. Какъ въ нихъ не находятъ, вообще, ни медалей ни другихъ памятниковъ съ надписями, то и нѣтъ возможности опредѣлить ихъ сравнительныя эпохи, и авторъ справедливо замѣчаетъ, что подобнаго роду историческія развѣскапія должны сперва пройти черезъ длинный рядъ гипотезъ, черезъ продолжи-

тельную борьбу мѣній, прежде чѣмъ выработается изъ нихъ какое нибудь положительное или вѣроподобное свѣдѣніе. Напередъ должно стараться собрать какъ-можно болѣе данныхъ, изъ которыхъ можно было бы дѣлать выводы. Въ нынѣшнее время произнести приговоръ о могилахъ тѣмъ менѣе возможно, что хоть бы мы, благодаря просвѣщенному усердію господина Фундуклея, и имѣли въ рукахъ полныя свѣдѣнія объ одной определенной мѣстности, напримѣръ о кievской губерніи, этого еще не достаточно. Эти памятники принадлежатъ не одной губерніи кievской, но и другимъ сосѣднимъ, и едва ли не разбѣяны они, въ большемъ или меньшемъ числѣ, по всему пространству Россіи: ихъ мѣстоположеніе, сходства и различія, конечно означаютъ разныя народности и разныя эпохи. Но, для уразумѣнія этого, нужно было бы сравнить ихъ въ обширномъ видѣ. Другое немаловажное условіе для пользы подобныхъ изслѣдованій — систематическое раскапываніе могилъ. Трудъ этотъ сопряженъ съ большими издержками, съ обширною ученою дѣятельностью, и авторъ боится, чтобы онъ не остался навсегда въ видѣ *rius votum* науки или, по-крайней-мѣрѣ не заставилъ ея ждать своихъ результатовъ многіе десятки лѣтъ. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы начать съ того, что господинъ Фундуклей сдѣлалъ теперь для кievской губерніи, — съ изготовленія правильной ученой описи могилъ каждой губерніи, чтобы, руководствуясь ею, удобно было производить дальнѣйшія разысканія и сообразить самую систему раскапываній.

Относительно къ исторической важности ни одинъ изъ предметовъ кievскаго края и другихъ мѣстностей Россіи, не можетъ сравняться съ могилами, или *курганами*, за исключеніемъ можетъ-быть *валовъ*, изъ которыхъ одни вѣроятно служили стѣнами городамъ и поселеніямъ скифскимъ и другимъ, а другіе означали границы древнихъ владѣній или были просто военными укрѣпленіями. Авторъ «Обозрѣнія», наложивъ подробно всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о могилахъ, представляетъ, по своей губерніи, такое же тщательное описаніе положенія, направленія и формы находящихся тамъ *валовъ* и даетъ ихъ планы.

Городищамъ и *замковищамъ* авторъ «Обозрѣнія» не приписываетъ далеко ни той древности, ни той важности, которыя придавалъ имъ романтическія гипотезы покойнаго Ходаковского. По его мнѣнію, это — для окопы, слѣды оборонительныхъ городковъ,

или основанія старинныхъ поселеній, которыя представляютъ тотъ же интересъ, не болѣе, какъ развалины готическихкихъ замковъ въ Германіи. Эти обросшія кустарникомъ насыпи, подобно грубымъ остаткамъ среднихъ германскихъ вѣковъ съ грубыми легендами о полудикихъ владѣльцахъ мѣста, сопровождаются и у насъ преданіями, сохраняющимися въ повѣсти простаго народа, которая порой не забыла еще и ихъ названій. Тѣмъ не менѣе авторъ почитаетъ и эти слѣды прошедшаго заслуживающими любопытства и описанія. Для старинной географіи края они даже представляютъ нѣкоторую важность, основательно имъ отмѣченную.

Всѣ эти памятники, также какъ и предметы открытые въ землѣ при случайномъ или нарочномъ ихъ раскапываніи, описаны по уѣздамъ, съ археологическою точностью, и изображены наглядно въ хорошихъ рисункахъ. Разумѣется, что открытія въ землѣ любопытствѣ тутъ всего прочаго. При правильномъ разрытіи, особымъ чищовникомъ, въ 1845 году, чигиринскихъ кургановъ, которые по своей формѣ носятъ названія *острыхъ*, *чубатыхъ*, *рядныхъ*, то есть, стоящихъ рядомъ, и такъ далѣе, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, сдѣланныхъ на земляхъ осотянскихъ, удалось наконецъ попасть на весьма замѣчательное открытіе. Подъ одною изъ могилъ перваго разряду, въ землѣ, на три аршина ниже ея горизонтальной поверхности, найдена катакомба, въ ней полный человѣческой оставъ, и при немъ остатки ржавѣвшаго желѣза и двадцать двѣнадцать стрѣлъ. Стрѣлы эти, работы чистой и искусной, сдѣланы изъ особеннаго блага металлическаго состава; нѣкоторыя покрыты какъ-бы зеленою финифтью. Всѣ онѣ были весьма мало, или и совсѣмъ не были, повреждены ржавчиною. Одна стрѣла была изъ кости. Открытіе этой катакомбы подтверждаетъ существованіе обычая насыпать курганы только надъ гробами знатнѣйшихъ лицъ въ народѣ; для обыкновеннаго погребенія, такой трудъ былъ бы слишкомъ дорогъ.

Разрываются были въ то же время и могилы втораго разряду, изъ числа тѣхъ, которыя представляютъ собою какъ бы одинъ курганъ съ двумя верхами, поставленный поверхъ другаго кургана. Эти могилы, называемыя *чубатыми*, по замѣчанію автора, весьма схожи по виду съ свадебнымъ караваемъ, и тѣмъ съ перваго разу обращаютъ на себя вниманіе. Почти во всѣхъ.

такихъ могилахъ находили уголь и пепель, перемѣшанные съ землею. Въ одной, на значительной глубинѣ, нашли множество кирпича, и это привело къ догадкѣ, что тамъ былъ заваленный погребъ. Часто находили стрѣлы, желѣзные вещи съѣденныя ржавчиною, и небольшія каменные кольца, подобныя перстнямъ, но которыя служили, вѣроятно, къ натягиванію лучной тетивы; множество человѣческихъ череповъ; также въ нѣкоторыхъ могилахъ звѣриныя кости. Открывая постоянно въ большихъ могилахъ кости звѣрей, а въ малыхъ кости людей, чиновникъ заключилъ, что въ первыхъ погребены лошади и верблюды, убитые въ сраженіи. Остатки звѣрей, находимые въ могилахъ, отдѣльно, или при костяхъ человѣческихъ, вообще заслуживаютъ вниманія; ихъ закапываніе было, конечно, слѣдствіемъ особеннаго обычая, который не бесполезно отмѣтить.

Случайно находимы бываютъ древнія вещи и въ такихъ мѣстахъ, которыхъ поверхность не отличается ни какою особенностью. Въ гробѣ, отысканномъ въ Осотѣ, при человѣчьемъ оставѣ, найдено не мало вещей значительной цѣнности, изъ золота и камней, и въ числѣ ихъ бронзовый истуканчикъ, нынѣ хранящійся въ музеѣ древностей при университетѣ Святаго Владимира.

Въ селеніи Рейментаровкѣ, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ помѣщичій дворъ, при копаніи земли открыты были горшки, полные пережженныхъ человѣческихъ костей.

Въ Стрёмовкѣ найденъ женскій оставъ, въ сидячемъ положеніи. Такое открытіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что возлѣ Урала въ симбирской губерніи находятъ цѣлыя кладбища людей, въ этомъ положеніи похороненныхъ. Авторъ могъ бы отмѣтить еще, что въ томъ же видѣ открываютъ и тѣла древнихъ Этрусковъ въ погребальныхъ подземельяхъ, доставившихъ Ватикану, лондонскому Національному Музеуму и чудному кабинету кавалера Кампаны въ Римѣ богатѣйшія собранія самыхъ новыхъ и самыхъ любопытныхъ древностей. Это приводитъ намъ на память одно весьма занимательное обстоятельство. Въ собраніи кавалера Кампаны есть этруская повозка, въ которой колесо, оковка, форма и насадка оси — совершенно русскія. Этрусская повозка кажется вынче сдѣланою валдайскимъ мастеромъ.

Случается очень часто находить въ чигиринскомъ уѣздѣ въ землѣ серебряныя и золотыя римскія монеты. Въ селеніи Бир-

нахъ, расположенномъ на большихъ пескахъ, послѣ проливныхъ дождей отыскиваютъ небольшія монеты Цезарей. Достоинно уваженія замѣчаніе Чацкого, что надъ Тясминомъ, чаще нежели гдѣ нибудь находятъ римскія монеты. «Столько протекло вѣковъ», говоритъ онъ; «а между-тѣмъ, почти ежедневно выкапываютъ древнія монеты, особенно въ Украинѣ и Подольи. Трудно повѣрить, чтобы какой-нибудь пришлецъ случайно обронилъ ихъ въ позднѣйшія времена. Поселяне находятъ ихъ разбросанными по одиночкѣ, и называютъ ихъ *ивановыми головками*, вѣроятно потому, что выбитыя на этихъ монетахъ изображенія Цезарей имѣютъ для нихъ нѣкоторое сходство съ иконою усѣкновенія главы Предтечи. Ихъ везетъ въ Лейпцигъ смысленный купецъ, и къ ближайшему золотыхъ дѣлъ мастеру отнесетъ поселанинъ или жидъ-барышникъ. Но находятъ ихъ иногда и по нѣскольку сотъ, въ одномъ горшкѣ или котлѣ. Однако кажется, что доселѣ мало находимо было римскихъ монетъ, по эту сторону Случи. За Махновкою оканчивается открытіе монетъ. Достоинно замѣчанія, что древнія римскія монеты, находимыя въ Подольи, принадлежатъ большею частію Нервѣ, Траяну и Адриану; на Украинѣ онѣ касаются временъ Гордіановъ, надъ Бугомъ и Тясминомъ—царей Понта, Босфора и рода Ольвіи (надъ Дибиромъ); но очень рѣдко попадаются монеты Цезарей и ихъ жевъ со временъ Кара....»

Но доказательствомъ того, что не всѣ памятники тамошняго края относятся къ этой почтенной древности, служатъ слѣдующія открытія :

Въ селеніи Глыбочкѣ, уманскаго уѣзда, вблизи могилы, у основанія которой находились слѣды печей, были отысканы при вспахиваніи поля, бронзовый шаръ вѣсомъ въ осьмнадцать фунтовъ, большаго размѣру напцырь, человѣческой оставъ, стрѣлы, оловяныя пули для карабиновъ, патроны, кинжалъ, и нѣсколько другихъ мелочныхъ военныхъ вещей.

Въ селеніи Ольшанкѣ нѣкогда была разрываема могила, съ намереніемъ отыскать въ ней деньги; но вмѣсто того отрыты были кости, длинная сабля, турецкое стремя, и нѣсколько арабскихъ монетъ.

Въ селеніи Полтавинѣ, каневского уѣзда, въ разрытомъ городищѣ, отысканъ желѣзный крестъ въ сажень длиною; кромѣ

того пепель, дубовое уголье, кирпичъ, человѣчьи кости, и ямы въ родѣ погребовъ, ведущія во внутренность городка.

Въ селеніи Мартыновкѣ, въ могилѣ названной Рачковою, открыты необыкновенной величины человѣчьи кости, такъ что кость отъ колѣна по суставъ имѣла въ длину аршина полтора, а голова полъ аршина. Авторъ, не присовокушляя ни какого замѣчанія, не позволяетъ читателямъ отгадать, вѣрить ли онъ или нѣтъ этому необычайному открытію. Мы надѣемся, что оно было сдѣлано не въ его присутствіи.

Другое подобное открытіе очевидно дошло до его свѣдѣнія только по рассказамъ. Въ сквирскомъ уѣздѣ, при селѣ Завадовкѣ, въ одной распаханной могилѣ, найдены человѣчьи кости, необыкновенной величины, которыя отъ соприкосновенія съ виѣшнимъ воздухомъ разсыпались въ прахъ. *Говорятъ*, будто голенъ была въ четыре фута. Тутъ же найденъ кусокъ ржаваго желѣза, наподобіе пика.

Недалекѣ отъ села Быкова и въ самомъ Грубскѣ находимы были монеты; въ особенности, широкій серебряный грошъ, чеканенный въ Прагѣ, съ изображеніемъ чешскаго короля Вацлава Третьяго, царствовавшего съ 1230 до 1253 года.

Кромѣ настоящихъ катакомбъ, находящихся подъ основаніемъ могилъ, оказывается, что внутри другихъ могилъ находились деревянные постройки. По-временамъ попадаются остатки дубовыхъ и иныхъ брусевъ, которые очевидно не могли быть остатками обыкновеннаго гроба, а составляя стѣны склеповъ, принадлежавшихъ временамъ до-христіанскимъ. Въ одной могилѣ, въ каневскомъ уѣздѣ, найдены два смежныхъ, но особо построенныхъ склепа изъ бревенъ. Въ одномъ изъ нихъ были стрѣлы, желѣзные вещи, ножи; въ другомъ кувшинъ, чашка съ ручкою и кусокъ гладкаго камня, похожаго на точильный. Замѣчательно, что оставы человѣчьи были безъ череповъ и головъ. Это напоминаетъ обычай геродотовыхъ Царствующихъ Скивоу, Skoloti (по-готски Skolt, по-скандинавски Skjöld, Шиты), отсѣкать головы убитымъ врагамъ и приносить ихъ царю, который платилъ за каждую голову. Но не безпримѣренъ въ этнографіи также обычай погребать головы въ одномъ мѣстѣ, а туловища въ другомъ, на подобіе того какъ теперь, въ наши болѣе сентиментальные времена, поступаютъ съ сердцами. Это подтверждается и здѣсь открытіями могилъ, наполненныхъ одними черепами, по случаю которыхъ авторъ напрасно выводитъ на поприще сказаніе Стра-

бона объ обычаѣ Сякоувъ *Антропофаговъ* (Людоѣдовъ) и *Меланхленовъ* (Черпокафтанниковъ), пожравшихъ тѣла умершихъ, и погребавшихъ съ почтеніемъ только головы. Эти два народа никогда здѣсь не обитали. Ни какая основательная критика древнихъ текстовъ допустить этого не можетъ. Въ небольшой могилѣ надъ Стугною, въ васильковскомъ уѣздѣ, на лугу открыто нѣсколько человѣчьихъ головъ. Въ Рейментаровкѣ, чигиринскаго уѣзда, найденъ былъ, лѣтъ за тридцать, въ нѣкотораго рода сундукѣ, одинъ только человѣческій черепъ; въ Тимошевкѣ, того же уѣзда, въ одной изъ раскопанныхъ могилъ, великое множество череповъ человѣческихъ.

Могилы кievской губерніи представляютъ многія доказательства труносожиганія. Въ Рейментаровкѣ, чигиринскаго уѣзда, найдено нѣсколько небольшихъ горшковъ съ недожженными человѣчьими и, какъ кажется, дѣтскими костями. Къ тому же обстоятельству относятся находимыя часто пепельницы и слезницы. Примѣчательнѣйшія, сохраненныя въ цѣлости, урны найдены въ сквирскомъ уѣздѣ и въ тарашанскомъ. Черепки такихъ сосудовъ, очевидно древніе, выкапываются часто. Въ Ходоровѣ, надъ Двѣпромъ, также найдена пепельница. Сосуды могилы каневского уѣзда, одинъ гладкой, другой съ изображеніями, были наполнены землею; но вѣроятно, что это былъ пепелъ. Въ Польшѣ подобные сосуды были такъ часто находимы въ землѣ, что составила басня, повторенная нѣкоторыми писателями, о *самородныхъ горшкахъ*.

Въ Коростышевѣ, радомысльскаго уѣзда, найденъ человѣчій остовъ, обложенный березовою корою. Такіе остовы не безпримѣрны и въ другихъ мѣстахъ. Въ звенигородскомъ староствѣ, въ ольшанскомъ имѣніи, въ четырехъ могилахъ найдены остовы, обложенные камнями. Въ Скандинавіи и на островѣ Эзелѣ находимы были тѣла подъ каменными постройками, наполненными внутри мелкими камешками.

Недавнія разысканія въ уѣздѣ каневскомъ, по направленію къ Двѣпру, открыли гробовища народовъ, которые ученый авторъ «Обозрѣнія» называетъ «образованными», основываясь на открытіи въ одной изъ этихъ могилъ сосуда, въ родѣ такъ-называемыхъ этрусскихъ вазъ. Но такія же вазы Сякоуы покупали у черноморскихъ Грековъ и уносили съ собою послѣ смерти въ землю какъ любимую утварь, какъ рѣдкость и драгоценность.

Между селеніями Пищальниками и Лазурцами вовсе не найдено человѣчьихъ остововъ, а только подъ слоемъ пепла и дубовыхъ угольевъ сосуды, наполненные землею, или прахомъ. Эти сосуды помѣщены были одинъ надъ другимъ въ одинаковой глубинѣ: прежде всего — глиняная амфора или урна, безъ всякихъ украшеній; потомъ мѣдный сосудъ; наконецъ муравленая подъ бронзовый цвѣтъ урна, съ двухъ сторонъ украшенная изображеніями, работы греческой. Открытіе это ни какъ не можетъ служить доказательствомъ, чтобы греческія колоніи простирались когда-либо до Канева. По этой аналогіи пермская Венера доказывала бы поселенія древнихъ Грековъ въ имѣніяхъ графовъ Строгановыхъ. Торговля греческими писанными сосудами была весьма обширна съ самой глубокой древности, и можно было бы удивляться противному — какъ не находятъ этихъ сосудовъ на всемъ пространствѣ стариннаго сѣвера?—если бы мы не знали изъ повѣсти Геродота же, сколько гнушались Скивы вѣрою Грековъ, а писанныя вазы (*vases peints*) были почти исключительно покрыты сюжетами изъ ихъ мифологіи. Нѣкоторая часть черноморскихъ Скивовъ, которыхъ звали Эллинскими, какъ кажется, не питала этого народнаго отвращенія. Жилища Калиппидовъ, союзниковъ и охранителей эвксинскихъ колоній, простиралась почти до этихъ мѣстъ.

Особенное вниманіе автора обратилъ на себя одинъ родъ могилъ, которыя на мѣстѣ называютъ *майданными* и полагаютъ, что это — просто старинныя мѣста выдѣлки селитры. Могилы такія — если только онѣ могилы — всегда раскопаны и представляютъ слѣды печей, золы и другихъ остатковъ какой-то работы, производившейся съ огнемъ. Ученый авторъ «Обозрѣнія» конечно увлекся слишкомъ далеко желаніемъ придать имъ археологическое значеніе, допустивъ предположеніе, неможно необычайное, которымъ онъ старается доказать, будто это не селитряныя или другіе какіе-нибудь заводы, а *печи*, въ которыхъ *Людоды* жарилъ людей, пожираемыхъ ими церемоніально.

«Ненадежность всѣхъ предложенныхъ доселѣ гипотезъ заставляетъ насъ искать новой. Могилы эти не были майданами селитряными, поташными или смоляными, — какъ это ошибочно представляютъ себѣ простолюдины; не были онѣ окопами военными, — потому что кругловатая форма отличаетъ ихъ ясно отъ военныхъ окоповъ, четырехъугольных и равностороннихъ; нако-

« нецъ онѣ не суть осѣвшія гробовыя могилы. Очевидно, что онѣ
 « сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ видѣ соотвѣт-
 « ствовавшемъ ихъ назначенію.... но какому? вотъ въ чемъ зада-
 « ча, для которой рѣшаемся представить слѣдующую гипотезу.

« Всегда насъ занимало то, что раскопанныя могилы весьма
 « обыкновенны въ той сторонѣ, которую, по *точнѣйшему разу-*
 « *мльію Геродотова текста* (!!!), можно признавать за страну
 « Меланхленовъ. Занимающіеся этою частью географіи Силевовъ
 « *единогласно* (???) соглашаются въ томъ. Господинъ Надеждинъ
 « явно предвигаетъ юго-восточный кливъ четырехугольника Геро-
 « дотова къ мѣстечку Крылова, лежащему при впаденіи въ Днѣпръ
 « рѣки Тясмина. Немного далѣе должны лежать страны *Андрофа-*
 « *говъ* (Лудоѣдовъ) и *Меланхленовъ* (Чернокафтанниковъ). Коло-
 « тай выводитъ также начало княжества Сѣверскаго, воеводства
 « Черниговскаго, городовъ Чернигова, Чернобыля и такъ далѣе,
 « отъ *чернаго цвѣта*, отъ котораго и имя *Меланхленовъ*. Здѣсь
 « прасовокупляется замѣчаніе, по самой новости стоющее внима-
 « нія, что та страна, которая по Геродоту должна бы быть нѣ-
 « когда заселенною Меланхленами, есть единственная во всей
 « Украинѣ и смежныхъ провинціяхъ, гдѣ простолюдины и доны-
 « вѣ носятъ однѣ только черныя свиты. Вездѣ въ окружности
 « будничнымъ и праздничнымъ одѣяніемъ народа служатъ свиты
 « бѣлыя. Въ Чигиринщинѣ только и ближайшихъ къ ней мѣстахъ
 « у мужичъ и женщинъ особеннымъ щегольствомъ считаются
 « свиты черныя. Всобще эта страна имѣетъ что-то болѣе дикое
 « и угрюмое, нежели во всей остальной Украинѣ. Кто прислуши-
 « вался къ напѣву здѣшнихъ пѣсень, тотъ легко могъ замѣтить,
 « что онѣ при границахъ Подолія и Волыни пѣжиѣе и веселѣе;
 « по чѣмъ глубже въ Украину, тѣмъ онѣ становятся заунывнѣе;
 « и въ Чигиринщинѣ, хотя по деревнямъ онѣ не перестаютъ раз-
 « даваться по цѣлымъ ночамъ, однако же отзываются глубокою
 « грустью и дикою угрюмостью. Во всѣхъ иныхъ обычаяхъ при-
 « мѣчается тоже почти такая же постепенность. Наружный видъ
 « простолюдиновъ и ихъ обыкновенія, такъ сказать, жестче, гру-
 « бѣе, диче. Должно еще присовокупить, что здѣшніе простолю-
 « динны не признаютъ окрестныхъ жителей за *своихъ*, и придаютъ
 « имъ разныя презрительныя прозвища. Конечно, тотъ не ска-
 « жетъ ничего новаго, кто замѣтитъ, что вообще этотъ народъ
 « здѣсь не есть исконный. Мы знаемъ обстоятельно исторію за-
 « селенія этой страны и оно весьма недавнее. Но развѣ прибы-

« вавшіе сюда разновременно пришельцы, увеличивая собою на-
 « родонаселеніе, не могли заставить здѣсь остатковъ древняго на-
 « родонаселенія, которыхъ природный духъ вкоренялся и сохра-
 « нялся въ пришельцахъ?... Противъ этого мы не имѣемъ также
 « ни какихъ доказательствъ. Между тѣмъ самый фактъ — какія
 « бы ни могли быть его причины, и какія бы ни были выводы-
 « мы заключенія объ немъ — есть несомнѣнный; и для того мы
 « упоминаемъ объ немъ въ этомъ мѣстѣ.

« Народы, которыхъ Геродотъ здѣсь поселяетъ, должны быть
 « *людоды*. Насыпи, о которыхъ мы только-что говорили, не
 « могли ли быть приспособлены къ обычаю этихъ народовъ? Разъ-
 « исканія Колонтая, упомянутыя нами уже не разъ, приводятъ
 « насъ къ вывѣшнымъ догадкамъ. Посмотримъ же, какія исторія-
 « ческія свидѣтельства приводитъ намъ этотъ писатель о *людо-*
 « *льдствѣ* Меланхленовъ и иныхъ скинскихъ народовъ. « *Andro-*
 « *phagi*, говоритъ Геродотъ, *agrestissimos omnium hominum mo-*
 « *res habent; non judiciis, non legibus utentes; pecuârium exercen-*
 « *tes; vestem scithicâ similem portantes; propriam linguam haben-*
 « *tes. Melanchleni omnes indumenta nigra gerunt, unde et cogno-*
 « *men habent, qui soli ex his humana carne vescuntur.*»

« Изъ этого описанія видно, что хотя два народа эти имѣли
 « варварскій обычай; но какъ они вели уже пастушескую жизнь,
 « то безъ сомнѣнія питались и употребляли въ пищу человѣчьи
 « тѣла не изъ необходимости, а изъ предрасудка; и это обыкно-
 « веніе, вѣроятно, было слѣдствіемъ какого-либо священнаго ихъ
 « религіею обряда, въ которомъ тавлась месть къ врагамъ, или
 « измѣна пришельцамъ. Яснѣе мы узнаемъ это изъ другаго свидѣ-
 « тельства Геродота, гдѣ онъ говоритъ (кн. I, глава 216), что
 « Массагеты закалали собственныхъ своихъ родственниковъ, до-
 « стигшихъ старости; что тѣла ихъ, приготовленныя вмѣстѣ съ
 « мясомъ другихъ животныхъ, они пожирали; когда же кто уми-
 « ралъ своею смертію, то погребали его въ землѣ въ знакъ пе-
 « чали, что онъ не дожилъ до старости, которая сдѣлала бы его до-
 « стойнымъ быть погребену во внутренностяхъ своихъ потом-
 « ковъ, родственниковъ или друзей; наконецъ присовокупляетъ,
 « что они ничего не сѣютъ, но питаются отъ скотовъ и рыбной
 « ловли.

« Изъ этого видно, что Массагеты ѣли тѣла человѣчьи не изъ
 « нужды, потому что занимались скотоводствомъ; но по обязанно-

« етъ религіознаго установленія, потому что то было торжественное погребеніе, къ которому побуждала ихъ религія. Послѣ этого, « объясняя одно свидѣтельство другимъ, мы легко поймемъ, что « подобнымъ образомъ Андрюфаги и Меланхлены, провождавшіе « жизнь пастушескую, были людодѣлами не изъ необходимости, но « вѣроятно по долгу своей религіи, къ которому обязывали ихъ лож- « но принятыя правила. То же самое свидѣтельствуемъ Геродотъ « и объ Исседонахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Исседоны « не закалали своихъ старцевъ; но ѣли тѣла умершихъ, вмѣстѣ « съ тѣлами животныхъ, и на такое пиршество приглашали сво- « ихъ родственниковъ и друзей; голову же умершаго, очистивъ « отъ мясныхъ частей, позолачивали и похороняли съ почтеніемъ « и съ особенною торжественностью, празднуя ежегодно память « умершаго. Къ этому описанію Геродотъ присовокупляетъ, что « у Исседоновъ каждый сынъ обязанъ былъ совершить подобный « обрядъ надъ своимъ отцомъ, и что этотъ народъ славился въ « его время справедливостью и хорошими обычаями. (См. кн. IV. « с. 292, ed. Wesselin).

« Изъ всего этого видно, что употребленіе въ пищу мертвыхъ « тѣлъ у Андрюфаговъ, Меланхленовъ и Исседоновъ, было слѣд- « ствіемъ не дикихъ и жестокихъ обычаевъ, но заблужденій, про- « исходившихъ отъ ихъ ложной религіи, которая, преодолевая « естественное отвращеніе, вмѣнила такой обычай въ долгъ благо- « дарности. Если бы мы почему либо могли въ томъ усомниться, « при чтеніи свидѣтельства Геродотова объ Андрюфагахъ и Мелан- « хленахъ, то надлежащій разборъ его же свидѣтельства о Мас- « сагетахъ и Исседонахъ, — которыхъ онъ выставляетъ также за « людодѣловъ, но хвалитъ притомъ ихъ наилучшіе обычаи, и опи- « сываетъ весь этотъ обрядъ, какъ обязанность религіозную, — « уничтожаетъ всякое сомнѣніе.

« Мы не имѣемъ нужды распространяться о другихъ обычаяхъ « жертвоприношенія людей, какъ-то: о жертвоприношеніи неволь- « никовъ, общемъ Скноамъ съ иными народами, о чемъ свидѣ- « тельствуетъ тотъ же Геродотъ; о жертвоприношеніи преступ- « никовъ, извѣстныхъ даже у Римлянъ, у которыхъ слово *supplicium* « означало умилостивленіе боговъ о прощеніи народу какого- « либо преступленія, во время котораго приносились въ жертву « преступники; о принесеніи въ жертву иностранцевъ, извѣстномъ « въ сосѣдственной намъ Тавридѣ; наконецъ о принесеніи въ

« жертву дѣтей и дѣвицъ, чему находимъ примѣры у Лакедонянъ и Италийцевъ, на островѣ Кипрѣ, и еще больше у многихъ народовъ сирійскихъ, которые почитали боговъ Бабаа и Молоха.

« Но довольно объ этомъ обычая, общемъ для всѣхъ варварскихъ народовъ, еще не совершенно уничтоженномъ, кажется, и нынѣ на островахъ южнаго океана. Для насъ важно то, что Геродотъ явственно приписываетъ этотъ обычай Скивамъ, и тому именно поколѣбію Скивовъ, которое кажется обитало въ странахъ нами разсматриваемыхъ. А современный намъ ученый (Колоптай) справедливо заключаетъ, что этотъ обычай былъ не простымъ людоедствомъ, но обрядомъ, возникшимъ изъ поватій религиозныхъ.

« На основаніи такого факта и такого изъясненія его, мы строимъ свою гипотезу. Обычай пожиранія людей, выполняемый по обряду, не могъ совершаться безъ торжественныхъ каких-нибудь приготовленій. Представимъ ли мы его совершавшимся надъ невольниками и военноплѣнными, или надъ членами своего рода, умершими въ старости: въ томъ и въ другомъ случаѣ обрядъ этотъ долженъ былъ совершаться съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ, составлять нѣкоторое празднество; онъ былъ, безъ сомнѣнія, постоянныя для себя обрядныя правила; наконецъ *требовалъ опредѣленнаго, нарочно для этой цѣли, обряднаго мѣста*. И вотъ, такими мѣстами всего въброятъ, по нашему мнѣнію, были могилы, которыхъ назначенія иначе изяснить не можемъ. Усматривая изъ бытописаній, что пожираніе людей было въ обыкновеніи по-крайней-мѣрѣ у нѣкоторыхъ скинскихъ племенъ; предполагая, что для этого нужно было особое жертвенное мѣсто; зная, что алтари и памятники здѣшнихъ древнихъ народовъ были (иные и быть не могли) только насыпные изъ земли, мы естественно доходимъ до заключенія, что мѣста такого обрядосовершенія должны были находиться въ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ могилъ.

« Съ другой стороны, встрѣчая между могилами нѣкоторыя тѣнія, которыхъ форма не можетъ быть объяснена обыкновеннымъ, употребительнымъ у всѣхъ народовъ и въ разныя времена назначеніемъ, мы ищемъ для нихъ особаго назначенія, и относимъ ихъ къ тому, о которомъ намекаютъ намъ историческія сказанія. По-крайней-мѣрѣ, видъ этихъ виадистыхъ ва-

« сыпей не противорѣчить тому, что онѣ могли быть назначены
 « для тѣхъ людоедныхъ жертвоприношеній. Обводъ вала, можетъ
 « быть, служилъ мѣстомъ сѣдалища для пиршествовавшихъ, для
 « родовичей, для старшинъ племени и такъ далѣе. На виѣшнемъ
 « полукружїи могли стоять прочіе зрители. Впадина, находящаяся
 « въ серединѣ, была весьма удобна для приготовленія въ пищу
 « человѣческаго трупа съ мясомъ другихъ животныхъ; наконецъ
 « часто встрѣчаемая могила противъ воротъ могла служить для
 « погребенія костей и головы. Всѣ эти подробности, такимъ ли,
 « или инымъ способомъ производимы были, не уничтожаютъ об-
 « щаго ихъ назначенія. Такая могила весьма могла соответство-
 « вать вышепомянутой цѣли. Для каждаго важнѣйшаго обряда
 « могли быть насыпаемы особо могилы; и это оправдываетъ
 « встрѣчу такихъ могилъ по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ.»

Отдавая всю справедливость новости и замысловатости этого предположенія, мы не думаемъ, чтобы оно могло выдержать серьезный разборъ. Во-первыхъ помѣщеніе Меланхленовъ и Андрофаговъ въ кievской губерніи не найдетъ себѣ навѣрное ни одного защитника между классическими критиками и географами, пользующимися какииъ-либо авторитетомъ. Во-вторыхъ, нынче уже никто не сомнѣвается, въ настоящемъ ученomъ свѣтѣ, что Скиѳія Геродотова обнимаетъ всю Сквоію, весь сѣверъ, отъ Чернаго Моря, до Балтійскаго въ одну сторону и до Бѣлаго въ другую. Въ третьихъ, черные кафтаны носятъ также и въ восточной части новгородской губерніи и въ остзейской провинціи, гдѣ водится примѣчательная для натуралистовъ порода черныхъ овецъ — словомъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обитала старинная Чудь. Если бы нужно было заводить преніе объ этомъ предметѣ, намъ не трудно было бы доказать положительно, съ словарями и исторіей въ рукѣ, что Геродотовы *Меланхлены*, или Черные Кафтаны, не что иное какъ буквальный переводъ до нынѣ извѣстнаго народнаго названія *Чудь-Чухонъ* (*чудь*, черный, въ языкѣ новгородской Чуди; *чухонъ*, *чухай*, *чуха*, кафтанъ), точно также какъ *Androphagos*, Людоедъ; буквальный переводъ народнаго названія Литовцевъ, *Liteitis* (*lit—eitis*, что значитъ *людо ѣдъ* на языкѣ Готовъ, или геродотовыхъ Царствующихъ Скиѳовъ; по-англо-саксонскому *lid-eiter*, *lid-eater*). Исседоны положительно жили на Бѣломъ Озерѣ. Въ этомъ случаѣ и готскіе и чудскіе языки равномѣрно даютъ одинаковое значеніе; *isse don* — *wisse dan* — *бѣлозеро*. Свѣтъ, со времени Геродота и Страбона, гораздо менѣе измѣнился

нежели какъ многимъ кажется. При Страбонѣ была уже *Великороссія* у верховьевъ Днѣпра и Волги, гдѣ онъ помѣщаетъ народъ *Borussi* (Во, великій, по-готски; *bōh, bog, bogi*, великанъ; а *rus*, Руссъ, и въ то же время *щитъ*, то же что *skolt* и *skjöld*, у Геродота же *skolot*, Скиноъ). Да Великороссія существовала уже и во время Геродота: доказательство—название рѣки Днѣпра, *Borysthenes*, *бо-рюс-тен*, рѣка или вода Боруссовъ, Великихъ Руссовъ, или Великихъ Щитовъ—или, если угодно, Великихъ Скиноовъ, потому что это все одно.

==

КУРСЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ. *Изданный Г. Петровскимъ, профессоромъ Ришельевского Лицея. Одесса.*

=
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
=

Необходимо пополнить и окончить разсужденіе о строеніи земнаго шара, вызванное одесскимъ «Курсомъ», которое такъ беззаботно отдѣлалось устарѣлыми отвѣтами отъ вопроса, сдѣлавшагося въ наше время первенствующимъ въ физическомъ описаніи земли. Таблица, которую мы приложили къ первой статьѣ, можетъ представлять нѣкоторый интересъ читателямъ: въ ней видѣли они простой, но чудно-замысловатый порядокъ, по которому природа, сколько мы нынче понимаемъ ея механическія тайны, строила съ начала мірозданія и донынѣ продолжаетъ строить этотъ шаръ, вѣчно кружащійся около центра всей этой механики, Солнца; изъ нея также можно было усмотрѣть какъ соединяются между собою составныя части шара и какъ изъ нихъ образуются нынче газовые, водяные, огненные и земляные тѣла, и подобныя тѣмъ, изъ которыхъ составился онъ первоначально.

Поверхъ лежатъ первопереходныя породы: они образуютъ каменно-земляную оболочку ядра планеты, на подобіе *зеленой шелухи* грецкаго орѣха. Подъ ними покоятся породы второпереходныя, служащія фундаментомъ всему земле-

зданію и составляютъ минеральную кору того же ядра, какъ бы твердую орѣшную скорлупу, обхватывающую самую сердцевину плода.

Къ одной сторонѣ тѣхъ и другихъ породъ прилегаютъ въ видѣ насѣдовъ и наплывовъ, какъ-бы въ слѣпленномъ видѣ, первозданныя земляныя породы; а къ другой, противоположной, подобныя имъ второзданныя, минерально-каменные, расположенныя въ видѣ накипи, насѣду и вагари соковъ.

Всѣ логическія и ученія вѣроятности позволяютъ предполагать, что самую сердцевину, настоящее ядро планеты, составляетъ преимущественно нѣчто въ родѣ жидкой или полу-жидкой металлической массы, нѣчто похожее на всѣмъ извѣстный металлъ, ртуть. Масса эта находится тамъ въ состояніи противоположномъ той металлической массѣ, которая образуется въ корѣ подъ сланцевыми породами изъ подъ итוברитоваго или желѣзнаго сланца; но въ прямомъ сходствѣ мѣстоположенія съ той металлической массой, которая, подобно благороднымъ металламъ и драгоценнымъ камнямъ, заключается въ наносной землѣ, извѣстной подъ названіемъ молассовой почвы. Эта земля — болѣе или менѣе песчаная, жирная, тальковатая и болотисто-грязная или тальково-глинистая — пропитана талькомъ, селенитомъ, известковымъ шпатомъ, желѣзнымъ и марганцовымъ окислами, сѣрою, бромомъ, боромъ, іодомъ, калиемъ, натріемъ и другими полу-металлическими и металлоидными тѣлами, большею частію въ кислотномъ и окисленномъ состояніяхъ; сверхъ того пескомъ, галешникомъ и водою; въ такой землѣ заключаются и мѣсторожденія нефти и самородной ртути.

Плевою жидко-металлическому ядру служитъ тамъ, по видимому, другая масса, находящаяся въ земляно-металлическомъ состояніи; масса противоположная металлическо-земляной, которая составляетъ мѣсторожденіе ртутнаго образованія, полу-металлическую и полу-земляную породу въ рухляковатомъ состояніи, извѣстную подъ именемъ мѣдистаго сланца. Металлическо-земляная масса вмѣстѣ съ тѣлами и каменными породами, которыя сопровождаютъ ее, повиди-

мому устроилась въ промежутокъ времени образованія самородной ртути и металлическо-жидкой массы и, поэтому, одному изъ этихъ тѣлъ она—кора, а другому напротивъ — ядро.

Такимъ образомъ, для состроенія всего шара достаточно двухъ началъ, жидко-металлическаго, и землянаго: или точнѣе, одного только начала, жидко-металлическаго, изъ котораго образуется земляное, служащее опять источникомъ образованію разныхъ веществъ металлическихъ. Эти два начала, въ земледаніи, занимаютъ внутреннія полости и производятъ тамъ въ различныхъ состояніяхъ всѣ различныя тѣла простые, неразлагаемыя, какъ кажется, ни природою, ни искусствомъ; они же даютъ начало угольнымъ, смолянымъ, маслянымъ и водянымъ тѣламъ, составленнымъ изъ этихъ тѣлъ простыхъ. Ртуть, по-видимому, не что иное какъ видоизмѣненіе того основнаго жидко-металлическаго начала ядра планеты, изъ всѣхъ наружныхъ тѣлъ наиболѣе на него похожее. Тѣла угольныя, смоляныя, масляныя и водянистыя — только несовершенное развитіе металла, быть-можетъ той же ртути; только начало появленія ея, первое зарожденіе ея въ водяныхъ и земляныхъ тѣлахъ, или просто выступленіе ея въ видѣ этихъ тѣлъ изъ внутреннихъ полостей, въ которыхъ она образуется и до дозрѣванія своего скрывается, и откуда распространяется во всѣ стороны, просачиваясь сквозь наружныя тѣла, измѣняя ихъ своимъ дѣйствіемъ, и сама измѣняясь отъ обратнаго ихъ вліянія. Словомъ, все земледаніе можетъ быть изображено слѣдующимъ простымъ положеніемъ: это — не что иное какъ *минеральная циркуляція*, вѣчная переработка одного начала, скопленнаго въ сердцѣ шара, въ тысячи различныхъ тѣлъ, образующихъ кору ему, и вѣчное обратное возстановленіе, изъ этихъ безчисленныхъ тѣлъ, того же основнаго начала, которое имѣетъ самый тяжелый видъ свой, жидко-металлическій, въ сердцевинокѣ планеты, а самый легкій видъ, летуче-воздушный, на вѣшнихъ предѣлахъ ея, гдѣ оно окружаетъ ее атмосферою газовъ, воздухомъ. Вода кажется среднимъ состояніемъ этого единаго начала всей земной матеріи.

Но тотъ ли самый порядокъ дѣйствій имѣетъ вода, вторая

послѣ твердой коры или средняя, жидкая оболочка ядра? Она служить ядромъ — воздуху, третьей, летучей оболочкѣ планеты. Кора водѣ — воздуху; и мы видимъ, какъ вода, принимая различные виды, образуетъ въ немъ пласты и слои своихъ паровъ, своихъ превращеній, которые потомъ возвращаются на поверхность земли въ другомъ переработанномъ видѣ и учреждаютъ настоящую циркуляцію воды изъ моря, черезъ воздухъ, земляныя и каменные почвы, опять въ море.

Не то ли самое явленіе представляетъ намъ обращеніе крови въ животномъ тѣлѣ и соковъ въ растеніяхъ?

Во всемъ механизмѣ природы господствуетъ удивительное единство методы, средствъ и цѣли. Мудрость наукъ направлена къ разоблаченію этого единства. Чего она не можетъ связать съ нимъ, то навѣрное ложно понимается ею, и оно — не объясненіе, а путаница.

Почему допускаемъ мы, что въ сердцѣ планеты, въ ядрѣ ея, начало это должно представлять видъ, не обыкновеннаго твердаго металла, а жидкаго, или полу-жидкаго металла, подобнаго ртути? Простое логическое соображеніе дастъ отвѣтъ на это. Если бы ядро не было жидко, твердая оболочка, каменная кора, была бы не нужна. На томъ же основаніи твердъ и черепъ, окружающій и охраняющій ядро человѣка, мозгъ.

Послѣднимъ превращеніемъ, конечною комбинаціей многочисленныхъ видовзмѣненій жидко-металлической массы ядра—есть очевидно произведеніе веществъ, которыхъ химическая игра является въ видѣ органической жизни у точки соприкосновенія земли, воды и воздуху. Это—безспорно самая высprenняя форма, которую можетъ принять жидко-металлическая масса ядра. Но эта высprenняя, такъ сказать уже эфирная форма даетъ опять начало землѣ, именно той, которую зовутъ растительной и которая образуется при посредствѣ воды передъ нашими глазами не изъ чего другаго какъ только изъ изверженій и остатковъ тѣла животныхъ и растеній, когда они живутъ или когда, умерши, разрушаются. Изъ растительной земли произойдутъ впоследствии камен-

ныя породы, а изъ нихъ опять образуются металлы, видъ матеріи, стремящейся возвратиться къ первобытному виду ядра, къ состоянію жидко-металлической массы, и во время этого стремленія производящій въ корѣ земной тысячи видовъ вещества, и тысячи сотрясеній, вспышекъ, переворотовъ.

Легчайшая и тончайшая форма жидко-металлической массы ядра заключается въ водородѣ. Вода собственно не что иное какъ водородъ, самый летучій металлоидъ, и этимъ безъ труда объясняется великая роль воды въ органической жизни и въ образованіи минеральныхъ породъ. Соединеніе этого легчайшаго металлоида съ другимъ лѣтучимъ металлоидомъ, кислородомъ, нѣсколько болѣе тяжелымъ перваго, даетъ водороду извѣстный жидкій видъ, называемый *водою*. Но водородъ отнимаетъ у земель этотъ кислородъ, который въ соединеніи съ настоящими металлами образуетъ всѣ извѣстныя земли. Самый водородъ воды отдѣлился не откуда болѣе какъ отъ каменныхъ породъ, изобилующихъ имъ и возникшихъ изъ земель, которыя возникли сами изъ разныхъ видовъ металла. Слѣдовательно. вода — произведеніе земли, камня, или, коротко сказать, металла.

Что такое *воздухъ*? Слой одного изъ самыхъ тяжелыхъ летучихъ металлоидовъ, называемаго *азотомъ*, пропитанный отнятымъ у воды извѣстнымъ количествомъ водороду и отдѣлившимся отъ земель слѣдомъ углероду. Воздухъ поэтому точно такое же произведеніе земли или металла какъ и вода.

Въ полосѣ, ближайшей къ воздуху и водѣ, углеродъ переходитъ въ другіе металлоиды, частью летучіе, частью твердые, но самые легкіе. Здѣсь мы тотчасъ находимъ хлоръ и кремній; потомъ съ этими же тѣлами фторъ, потомъ съ этимъ металлоидомъ бромъ, а за тѣмъ фосфоръ, сѣру, боръ, селенъ, іодъ и тѣла жидко-металлическія смолянаго состоянія. Въ первомъ случаѣ образуется водяная или земляно-водяная почва; а изъ водороднаго состоянія углерода, напротивъ, нефтяная или водяно-земляная.

По мѣрѣ образованія этихъ тѣлъ въ корѣ водяно-землянаго или наноснаго состоянія земли, и образованія въ ней металловъ черезъ просачиваніе жидко-металлической массы

изъ ядра шара, образуются въ той же степени и въ той же землѣ насчетъ ея остатковъ осадочныя, сланцовыя, или переходныя кристаллическія, нормальныя, плутоническія и вулканическія породы.

Въ нынѣшнемъ состояніи человѣческаго знанія едва ли кто изъ химиковъ, физиковъ или геологовъ сомнѣвается въ томъ, что всѣ неразложимыя искусствомъ и неразлагаемыя природою тѣла, которыя химія поэтому и называетъ простыми, суть только видоизмѣненія одного и того же основнаго тѣла планеты, разныя болѣе или менѣе рѣзко металлическія состоянія одного и того же вещественнаго начала. Тѣла эти потому и не подчиняются разложенію, что они не различныя тѣла, а только различныя состоянія какого-то первоначальнаго металла, изъ котораго должно по необходимости состоять ядро планеты, и который по всѣмъ логическимъ и физическимъ вѣроятностямъ долженъ, какъ сказано, находиться въ жидкомъ или полу-жидкомъ состояніи, подобномъ состоянію ртути.

Чтобы удобнѣе и простѣе понять начало, необходимость и порядокъ образованія земной коры, представимъ себѣ, въ началѣ или въ данной эпохѣ мірозданія, огромную каплю этого ртутовиднаго металла, повисшую въ пространствѣ и сгустившуюся изъ вселенской матеріи, наполняющей собою все пространство. Капля эта, разумѣется, будетъ имѣть видъ шара, подобно каплѣ ртути, и находится въ кругу дѣйствія какого-нибудь центрального тѣла, на примѣръ Солнца. Испаримость и удивительная тѣлопроницаемость ртути, которая просачивается черезъ свинецъ какъ черезъ цѣдилку, извѣстны. Довольно отдать себѣ отчетъ въ прямомъ дѣйствіи лучей Солнца на поверхность такого шара, чтобы убѣдиться, что вокругъ его должна тотчасъ же образоваться атмосфера пару того же самага ртутовиднаго начала, а на поверхности возникнуть корка въ видѣ накипи или запеку. Дѣйствіе атмосферы пару, возбуждаемаго лучами Солнца на эту корку съ одной стороны, и дѣйствіе слиящагося пройти черезъ корку новаго пару изъ ртутовиднаго ядра, должно мгновенно дать начало, во-первыхъ, наружному слою новаго вещества на

коркъ; во-вторыхъ, внутреннему слою другаго вещества подъ коркою, и въ-третьихъ, разнымъ видоизмѣненіямъ основной ртутовидной матеріи и въ самой коркъ и въ атмосферѣ пары. Какъ дѣйствія эти не утихаютъ ни на минуту и, напротивъ того, становятся еще сильнѣе и сложнѣе черезъ вращеніе шара на оси и быстрое теченіе его вокругъ Солнца, изъ чего возникаютъ времена года и климаты, то не трудно понять, что образованіе новыхъ тѣлъ, новыхъ видовъ одного и того же основнаго начала, новыхъ сочетаній этихъ видовъ, должно происходить съ неимоверною быстротою въ коркъ, подъ коркою, на коркъ и надъ коркою, въ атмосферѣ, и что корка эта въ самое короткое время должна значительно утолщиться, покрываясь сверху и подбиваясь изнутри безпрестанно новыми слоями, массами, толщами.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что, при такомъ порядкѣ дѣла, кора шара должна до безконечности утолщаться, и вещество ядра уменьшаться? Ни сколько.

Безпрерывное стремленіе матеріи ядра принимать новые виды при встрѣчѣ съ наружнымъ дѣйствіемъ Солнца и такое же постоянное обратное стремленіе этихъ новыхъ видовъ возвратиться черезъ воздѣйствіе къ первобытному виду, производятъ то, что видоизмѣняемость заключается наконецъ въ границахъ равновѣсія между собственнымъ экспансивнымъ дѣйствіемъ ядра и тяготѣющимъ на него дѣйствіемъ Солнца: виды мѣняются, тѣла и слои тѣлъ переходятъ одни въ другіе; что было нѣкогда жидкимъ металломъ и сдѣлалось потомъ черезъ окисленіе землею, а черезъ разныя химическія дѣйствія и жаръ возбужденный ими, сланцомъ, гранитомъ, шпатомъ, можетъ втеченіи вѣковъ сдѣлаться растительною землею, известнякомъ или мѣломъ, а тѣ обратно гранитомъ, углемъ, металломъ и металломъ въ твердомъ или въ жидкомъ состояніяхъ; слои и массы коры могутъ измѣняться вѣчно въ извѣстномъ порядкѣ, но сложная толщина ихъ не будетъ выходить изъ предѣловъ равновѣсія дѣйствій центральнаго и наружнаго, то есть, дѣйствія Солнца на планету и дѣйствія планеты на Солнце. Это совершенно то же что кость человѣческая или животная: во-

кругъ ея безпрестанно налипаетъ новый слой костяной матеріи, но кость отъ этого не становится толще, потому что въ то же самое время внутренней слой кости распускается, и, возвращаясь къ жидкому состоянію, исчезаетъ въ потокъ крови. Животныя, которыхъ кормятъ цервою, въ нѣсколь-ко времени представляютъ на костяхъ своихъ слой краснаго вещества, который при перемѣнѣ пищи, вскорѣ покрывается слоемъ новой бѣлой кости. Со временемъ другіе такіе же новые бѣлые слой потѣснятъ этотъ красный слой къ внутренней сторонѣ костяной трубки. Наконецъ красный слой сдѣлается послѣднимъ, внутреннимъ слоемъ; послѣ чего онъ растворится въ сокахъ трубки и изгладится. Черезъ годъ, два или больше, въ костяхъ нашихъ не остается ни одного атома изъ тѣхъ веществъ, которыя ихъ составляли въ данное время; частицы, ячейки, слои — все новое; но порядокъ образованія тотъ же, толщина и размѣры кости, достигшей полнаго возраста и развитія, все одни и тѣ же. Съ корой земли не можетъ быть иначе, ни логически, ни физически. Земная кора не что иное какъ кость, костяной слой, положенный для прочности планеты между жидкимъ ядромъ ея и летучимъ покрываломъ, или атмосферою, то же что скорлупа на мягкотѣломъ ракъ, раковина на слизистой устрицѣ, изверженная изъ ея же слизистаго вещества и окрѣпшая отъ возвратнаго дѣйствія воды, которая окружаетъ ее; раковина эта постоянно убываетъ снаружи отъ третія волнъ, отъ растворяющаго дѣйствія солей морской воды, и въ то же время подбивается изнутри новыми слоями перломутровой матеріи, вырабатываемой въ тѣлѣ устрицы, такъ что по истеченіи извѣстнаго времени внутренней слой сдѣлался наружнымъ, а всѣ наружныя возвратились въ море къ своему первобытному виду жидкой фосфоро-кислой извести, которая слилась въ водѣ съ другими тѣлами и перешла съ пещею въ тѣло другихъ устрицъ, чтобы снова преобразоваться въ раковины.

Можно ли послѣ этого сказать, что *гранитъ, сланецъ, и тому подобное, образовались еще въ ту эпоху, когда на землѣ не было органической жизни?* Не говоря уже о томъ, что

это забавное положеніе старинной геологіи несогласимо съ истинами священныхъ преданій, самый простой толкъ не допускаетъ повторять въ наше время такой парадоксъ. Лишь только первые лучи Солнца упали на поверхность новой планеты, лишь только образовалась первая капля воды и стали возникать изъ основнаго жидкаго металла разные металлоиды, плотные, текучіе и летучіе, взаимныя сочетанія ихъ между собою и сочетанія этихъ сочетаній должны были необходимо и неизбежно дать немедленно начало органической матеріи и жизни. Органическая жизнь не могла не начаться съ первыхъ дней земледанія. Безъ нея образованіе земной коры было бы невозможно. Органическая жизнь, истеченіе ядра планеты, по велѣнію Творца, такъ тѣсно соединена съ существенными условіями бытія и цѣлости этого ядра, что этихъ двухъ видовъ бытія, неорганическаго и органическаго, не возможно ни разъединить, ни понять отдѣльно одинъ отъ другаго. Органическая жизнь связана съ одной стороны съ ядромъ земнаго шара, съ другой съ небомъ и Богомъ. Между Богомъ и ядромъ планеты никогда не было и не могло быть разъединяющихъ промежутковъ пространства или времени: это неоспоримо; а въ такомъ случаѣ, на чертѣ вѣчной связи между центромъ планеты и Разумомъ Вселенной, жизнь органическая также должна была вѣчно и искони занимать свое нормальное мѣсто и производить свое законное дѣло въ великой работѣ земледанія, которое безъ нея не могло бы ни совершиться ни даже начаться. Породы растений и животныхъ могли перемежаться или преобразоваться, и даже должны были переходить извѣстные ряды видоизмѣненій, какъ и все переходитъ въ природѣ, но ненахожденіе въ кристаллическихъ каменныхъ породахъ ископаемыхъ остововъ животныхъ или растений отнюдь не предлогъ для здравой логики къ допущенію эпохъ безжизненныхъ въ земледаніи, потому что это — породы явственно преобразованныя изъ другихъ породъ силами дѣйствующими въ нѣдрахъ земной коры, и не всегда были кристаллическими, какъ и не вѣчно будутъ ими.

Въ такомъ положеніи дѣла, что значать, какой смыслъ

представляютъ выраженія, которыя за «Курсомъ» и мы принуждены были повторять: породы *первозданныя* или *второзданныя*? Тотъ гранитъ, который созданъ въ земной корѣ впервые, давно уже не существуетъ; онъ тысячу разъ измѣнился въ другія формы и воротился къ первобытному веществу ядра, изъ котораго безпрестанно возникали новыя подкорныя породы, поочередно поступавшія въ кору и переходившія въ граниты, а изъ нихъ въ другіе виды веществъ каменныхъ, земляныхъ, металлическихъ, смоляныхъ, масляныхъ, водяныхъ и летучихъ, съ тѣмъ чтобы опять отъ поверхности планеты возвратиться къ ядру черезъ обратный рядъ видоизмѣненій. Нынѣшняя наука чувствуетъ это очень хорошо, и хотъ, можетъ-быть, еще не очень ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ дѣлѣ, однако жъ уже давно не употребляетъ она терминовъ, столь несвойственныхъ предметамъ и столь противныхъ современнымъ объ нихъ понятіямъ. Граниты и другія *первозданныя* породы лежатъ иногда и на породахъ, заключающихъ въ себѣ обильные останки органической жизни. Прежде объясняли это внутреннимъ огнемъ шара, который будто бы содержитъ ядро земли въ расплавленномъ видѣ, и заставилъ эту жидкую минеральную массу выступить черезъ трещины изъ глубочайшихъ нѣдръ планеты и разлиться по осадочнымъ породамъ. Нынче всякой чувствуетъ произвольность и бесполезность такой гипотезы. Бѣлокальное состояніе ядра вовсе не нужно для объясненія подобныхъ феноменовъ. Жаръ и огонь могутъ заключаться въ одной только корѣ; жидко-металлическое ядро можетъ быть также холодно, какъ холодна летучая оболочка шара, воздушная атмосфера. Вся переработка веществъ совершается въ корѣ, великой лабораторіи природы, гдѣ химическія дѣйствія ихъ способны зародить достаточное количество теплоты, огня, влаги и газовъ для всѣхъ процессовъ кристаллизации, сухимъ путемъ и мокрымъ, холоднымъ и огненнымъ. Какъ именно каждая кристаллическая порода зернуется, нынѣшняя наука объяснить этого не можетъ, и потому она приняла термины—*породы плутоническія* и *породы вулканическія* для тѣхъ каменныхъ массъ, которыя повидимому тре-

бывади для образованія своего болѣе или менѣе прямого содѣйствія теплоты и огня. Въ такомъ случаѣ плутоическія породы могутъ безпрепятственно образоваться и между осадочными слоями, насчетъ остатковъ этихъ слоевъ, лишь бы обстоятельства вѣчно совершающейся переработки веществъ доставили въ этомъ мѣстѣ содѣйствіе нужной степени теплоты, воды и газовъ. Какъ образованіе ихъ происходило, этого пока мѣстѣ сказать мы не можемъ и благоразумно оставляемъ дѣло безъ рѣшенія.

Породы растеній и животныхъ, сказали мы, должны переходить рядъ извѣстныхъ измѣненій. На этомъ основаны *эпохи*, приписываемыя большей или меньшей древности разныхъ слоевъ, заключающихъ въ себѣ органическія окаменѣлости. Но курсъ физической географіи, издаваемый въ наше время, не долженъ оставлять читателей своихъ въ невѣдѣніи того смысла, который нынче имѣетъ выраженіе: *геологическая эпоха*. Это уже не относится къ одному времени образованія такого-то слоя. Тутъ еще есть другія, весьма важныя уваженія, которыя нужно принять въ расчетъ. Мѣсто-рожденіе органической жизни есть та точка, гдѣ земля сходится съ моремъ и лучи Солнца дѣйствуютъ прямо: другими словами, она развивается могущественно и процвѣтаетъ съ необыкновенною дѣятельностью только на уровняхъ земли и моря въ среднемъ поясѣ планеты, потому что въ этихъ мѣстностяхъ скопляется самый сильный жаръ Солнца и испаренія всѣхъ родовъ приобрѣтаютъ черезъ него удивительную дѣятельность. Чѣмъ далѣе вы отходите отъ средняго пояса по уровню моря, тѣмъ слабѣе и скудиѣе становится жизнь органическая, породы животныя и растительныя перерождаются и переходятъ постепенно въ другія формы, число живыхъ существъ становится ограниченнѣе, рѣже, и наконецъ, на разстояніи 70° отъ экватора, жизнь совершенно прекращается, издавъ слабыхъ холоднокровныхъ животныхъ, мхи, кривыя березки, мелкій ельникъ и низенькую бруснику, какъ послѣднія усилія своего могущества, столь торжественно дѣйствующаго на морскихъ уровняхъ равноденственной полюсы. Станьте теперь подниматься отъ морскаго уровня въ

воздухъ: вы увидите, что жизнь, по мѣрѣ подъятія вверхъ, ослабѣваетъ, перерождается и скудѣетъ точно въ томъ же порядкѣ какъ по горизонтальному направленію отъ экватора къ полюсамъ, только несравненно быстрѣ: на высотѣ 7000 футовъ вы находите уже то же самое что подъ 70° широты, снѣгъ, едва успѣвающій растаять всерединѣ лѣта, нѣсколько хилыхъ гадюкъ, мохъ, березки, мелькій ельникъ и бруснику. Взойдите на гору нѣсколько выше, и вы уже ничего не найдете кромѣ снѣгу и ледниковъ. У подножія той же горы, при морѣ, красуются между тѣмъ пальмы, сикоморы, теки, растутъ виноградъ, жизнь кипитъ и звучитъ. Для органической жизни, пройти вверхъ 100 футовъ надъ уровнемъ моря, значить то же что пройти 100 верстъ, цѣлый градусъ широты, по этому уровню отъ тропическихъ странъ къ тому или другому полюсу. Спуститесь отъ морскаго уровня внизъ, въ углубленія планеты, наполненныя моремъ. Покатость горы, возвышающейся надъ моремъ, продолжается еще весьма далеко въ его пучинѣ. Но по мѣрѣ пониженія покатости дна морскаго теплота его уменьшается; съ удаленіемъ отъ точки соединенія морскаго уровня съ землею, органическая жизнь постепенно перерождается и оскудѣваетъ, въ обратномъ порядкѣ противъ того, что происходитъ на надморской покатости горы, при подъемѣ къ ея вершинѣ. На глубинѣ 5 или 6,000 футовъ уже нѣтъ ни морскихъ животныхъ, ни морскихъ растеній. Между-тѣмъ на дно морское безпрестанно осаждаются новые слои. Могутъ ли быть осадки эти, и погребаяющіяся въ нихъ остовы органической жизни одинаковы въ одно время, въ одну данную эпоху, на всемъ днѣ какого-нибудь моря или океана? Разумѣется, нѣтъ. Самые разнородные осадочные слои по веществу своему и по степени развитія въ нихъ органической жизни, возникаютъ современно, въ одну и ту же минуту, въ разныхъ мѣстахъ. Прибавьте къ тому, что на днѣ морскомъ есть возвышенія и углубленія, горы и долины. Въ мѣстахъ помельче осадки земляные и органическіе будутъ совсѣмъ другіе чѣмъ въ мѣстахъ глубокихъ и, слѣдственно, болѣе холодныхъ. Не забудьте еще и того обстоятельства, что и дно морское и

суша подвижны и мягки какъ тѣсто , что разныя части ихъ непримѣтно вздуваются и поднимаются, тогда какъ другія осѣдаютъ. Гранитъ и самая твердая сталь кажутся намъ твердыми только потому , что рука наша мала и что прикосновеніе ея къ нимъ ограничивается слишкомъ малымъ пространствомъ протяжимости. Но очень длинный стальной пруть совсѣмъ не такъ твердъ какъ мы привыкли думать о стали: онъ зыблется, теряетъ даже пружинную силу свою, упругость его слаба, вы можете согнуть и свернуть его какъ нитку и онъ даже выпрямляется съ трудомъ, неровно. Сдѣлайте шаръ, не то гранитный, а даже стальной, такой величины какъ Земля, но пустой внутри или несовсѣмъ выполненный какой-нибудь жидкою массой, и имѣйте только руку, довольно большую чтобы обхватить его пальцами, и вы увидите, что, несмотря на порядочную толщину стѣнъ шара такой величины, онъ ничуть не твердъ, вгибается подъ пальцами со всѣхъ сторонъ, поверхность его мягка, зыбка, мало упруга; всякое давленіе производитъ на немъ горбы и впадины. Такая точно и земная кора, при всей мнимой твердости каменныхъ породъ, изъ которыхъ она безпрестанно наслаивается. Разныя внутреннія и виѣшнія давленія невидимо выгибаютъ и вгибаютъ ее въ различныхъ мѣстахъ. Представьте же теперь, что на днѣ морскомъ какое-нибудь глубокое мѣсто болѣе или менѣе быстро выгнулось. На слой, скудный остовами органической жизни, непосредственно станетъ осаждаться слой богатый ими, съ формами полными и отлично развитыми. Спустя нѣкоторое время, это возвышеніе вдругъ осѣло, и осѣло ниже прежняго: что выйдетъ? — ясно, что тогда станетъ осаждаться на него слой совсѣмъ другаго минеральнаго качества, быть-можетъ безъ малѣйшаго слѣда жизни, слой способный, при первомъ удобномъ случаѣ, окристаллизоваться въ видѣ граниту или сланца. И всѣ такіе разнокачественныя осажденія происходятъ, не забудьте, тождевременно на различныхъ глубинахъ дна морскаго. Между-тѣмъ море постепенно отступаетъ, обнажая дно свое, которое, при дѣйствіи солнечной теплоты, покрывается растительностью материковъ, населяется земными животными, наслаивается растительною

и наносною почвою. Разрытіе или другой случай позволяет вамъ разсмотрѣть породы, изъ которыхъ состоитъ почва до весьма значительной глубины. Вы замѣчаете въ нихъ большое разнообразіе или нѣкоторую постепенность въ развитіи и умноженіи окаменѣлыхъ животныхъ формъ, и приписываете то и другое разницѣ въ эпохахъ напластованія или образованія. А между-тѣмъ это разнообразіе — произведеніе современности, дѣло одной и той же эпохи; это постепенность — только постепенность подъему dna морскаго, а не преобразованія органическихъ формъ втеченіи многихъ тысячелѣтій! Всѣ формы существовали въ одно и то же время, только онѣ существовали и погребались въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ достоинство знаменитаго геологическаго термина — эпоха! Съ такими терминами наука, настоящая наука, стала нынче поступать чрезвычайно осторожно, и писатель, понимающій дѣло, долженъ опредѣлить положительно, что такое подразумѣваетъ онъ подъ ними.

Море безпрестанно отступаетъ, сказали мы. Это фактъ. Море непримѣтно перемѣщается, поглощая сушу, и обнажая дно свое. Втеченіи извѣстнаго періода оно обходитъ такимъ образомъ весь шаръ земной. Тяжесть его выгибаетъ упруго-мягкую кору земли въ однихъ мѣстахъ и производитъ горбы и возвышенія въ другихъ. Это — первое начало тѣхъ выпуклостей, изъ которыхъ другіе дѣятели земной коры и воздуху образуютъ потомъ цѣпи горъ, со всѣми ихъ угловатостями, извилинами и развѣтвѣніями. Тяжесть океана выгибаетъ выше уровня моря пятую часть всей поверхности твердой коры шара. Эта пропорція постоянна, потому что тяжесть океана не измѣняется. Втеченіи времени, то что было вогнуто тяжестью воды, что служило дномъ морю, становится мѣстомъ выгнутымъ, сушею, материкомъ. Но измѣняется ли при этомъ форма материковъ? — Едва ли! — Вѣроятно она болѣе или менѣе остается все та же. По всему правдоподобію, здѣсь опять повторяется процессъ кости человѣческой и коры земной, которыя безпрерывно обновляютъ свое вещество, свои слои, сохраняя всегда свою общую форму.

То что мы сказали о прохожденіи органическихъ породъ черезъ рядъ извѣстныхъ измѣненій относится, не къ большей или меньшей полнотѣ развитія жизни въ данную эпоху, но просто къ прекращенію существованія нѣкоторыхъ породъ, или надѣленныхъ слабою воспроизводимостью, или по случайнымъ обстоятельствамъ не находившихъ себѣ достаточной пищи въ мѣстахъ своего рожденія. Конечно великозвѣри и велико-ящеры, мастодонты и мамонты исчезли. Но и въ наше время исчезаютъ нѣкоторыя породы животныхъ, даже породы людей. Красное американское поколѣніе исчезаетъ, и исчезнетъ. Черной африканской породѣ челоуѣка суждена такая же участь самою природою. Въ ихъ недостаточной, неполной, слабой организаціи заключается причина ихъ неизбѣжной гибели. Бѣлая и мѣдная породы, какъ самыя живучія, самыя совершенныя, вытѣснятъ ихъ съ лица земли, которое черезъ нѣсколько десятковъ столѣтій едва будетъ достаточно для вмѣщенія этихъ двухъ плодовитыхъ племенъ.

Прежнее существованіе слоновъ (мамонтовъ) въ Сибири, и нахожденіе въ почвѣ ея окаменѣлыхъ пальмъ, вовсе не доказываетъ того, чтобы эта земля была нѣкогда жаркою странною и чтобы климаты на землѣ измѣнялись, по обстоятельствамъ, или такъ называемымъ переворотамъ, изъ тропическихъ въ холодные и обратно. Мамонты были *сѣверные* слоны: это доказывается ихъ богатою, теплою шерстью. Слѣдовательно и сибирскія пальмы были также пальмы сѣверныя, которыя могли жить въ суровомъ климатѣ, и истребились добровольно съ размноженіемъ другихъ, болѣе живучихъ, болѣе плодовитыхъ породъ растительныхъ. Вообще, въ органическихъ формахъ посредственной и мелкой величины гораздо болѣе жизненной силы чѣмъ въ огромныхъ и какъ-бы переросшихъ. исполинскія формы нѣкоторыхъ проростовъ и другихъ растительныхъ формъ приводили старыхъ геологовъ къ странной гипотезѣ, будто была эпоха, когда воздухъ содержалъ въ себѣ большое количество угольной кислоты, насчетъ углерода которой непомѣрно развивались *первозданныя* растенія. Этотъ вздоръ повторяется еще и те-

перь нѣкоторыми писателями , съ другой стороны разсудительными и дѣльными, хотя нынче изъ физиологическихъ опытовъ извѣстно , что , при малѣйшей прибавкѣ лишней угольной кислоты къ воздуху, растенія мгновенно погибають.

Правду сказать , мы забыли о «Курсѣ физической географіи», средѣ разсужденій, къ которымъ увлекла насъ геологическая часть его. Но въ этомъ виноваты болѣе всего собственныя его достоинства , не заставляющія поминать себя добромъ. Не трудно было бы, и въ другихъ частяхъ его, указать такія же несогласія съ нынѣшнимъ состояніемъ разныхъ наукъ. Да къ чему это ! Неужели критика не имѣетъ права пользоваться мудростью молчанія , когда ей не хочется злословить ?

=

С Е Н Т Я Б Р Ъ , 1848.

==
Н О В Ы Я К Н И Г И .
==

1. СВѢДѢНІЯ ОБЪ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ХОЛЕРѢ, *появившейся въ Санктпетербургѣ въ іюнь мѣсяць 1848 года. Съ приложеніемъ статистической таблицы.* (СП.-бургъ, 1848, въ-8.)

2. НѢСКОЛЬКО ВОПРОСОВЪ ОБЪ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ХОЛЕРѢ, *и дальнѣйшія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ ея въ Санктпетербургѣ.* Д. М. Евгенія Пеликана. (СП.-бургъ, 1848, въ-8.)

3. МЕДИЦИНСКІЙ ОТЧЕТЪ О ХОЛЕРНОЙ ЭПИДЕМИИ ВЪ КІЕВѢ, *составленный профессорами Козловымъ, Цыпуринымъ и фонъ-Вальтеромъ.* (Кіевъ, 1848, въ-8.)

4. НѢЧТО О ХОЛЕРѢ.....

Все о холерѣ; вездѣ и во всемъ холера; Когда же будетъ этому конецъ? Холера заразила своими міазмами и воздухъ и литературу. Передо мной лежатъ еще нѣсколько разсужденій разныхъ цвѣтовъ и форматовъ, книжекъ и книжонокъ въ высшей степени холерныхъ, и которыхъ я не выписываю даже и заглавій. Къ чему! Чтò за такое наслажденіе — холера? Развѣ эта напасть — коммиссія — обуза — республика — уже не надоѣла всѣмъ и каждому? Посѣщеніе ея было ужасно. Воспомянія объ ней слишкомъ грустны. Впрочемъ, такъ какъ холера теперь прошла — или почти прошла — то можно сказать, что этотъ бичъ, котораго столько пугались, вовсе не такъ страшенъ: статистическія таблицы, приложенныя къ «Свѣдѣніямъ», показываютъ, что въ четыре мѣсяца, съ 8 іюня по 8 октября, въ Петербургѣ онъ похитилъ около 14,000 человѣкъ. Положимъ, что до будущаго лѣта еще около 2,000 человѣкъ окончатъ земное поприще свое холернымъ путемъ, при новомъ усиленіи смертности, обнаруживаю-

щемся передъ окончательнымъ уничтоженіемъ эпидеміи и предвѣщаемомъ «Свѣдѣніями». Втеченіи года, холерная смертность дойдетъ такимъ образомъ до 16,000. Но это обыкновенная годичная смертность нашей столицы, въ которой считается зимою 450,000 человѣкъ жителей, а лѣтомъ, съ приходящими рабочими, болѣе 500,000, и круглымъ числомъ, въ будній годъ, безъ холеры, умираетъ отъ 15,000 до 16,000, то есть, по 30 человѣкъ изъ 1000 втеченіи двѣнадцати мѣсяцевъ. Въ самые жестокіе дни холеры, въ концѣ третьей и началѣ четвертой недѣли, когда хоронили отъ 600 до 700 человѣкъ въ день, умирало не болѣе *полутора* человѣка изъ тысячи въ сутки, или по три человѣка въ два дня. Столько же именно народу умираетъ въ Петербургѣ впродолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ, въ обыкновенный годъ, отъ пятидесяти пяти различныхъ болѣзней, общепринятыхъ и утвержденныхъ медицинскими факультетами. Эта пропорція смертности, *въ двѣнадцать мѣсяцевъ*, никого не пугаетъ; никто объ ней и не заботится: но когда она совершается *въ сутки*, всѣ приходятъ въ ужасъ. По-напрасну! Для статистики не все ли равно — годъ или сутки? — лишь бы общій итогъ выходилъ одинъ и тотъ же. Статистика — лучшее предохранительное средство противъ холеры и она должна внести непременно это новое достоинство въ число пользъ и заслугъ своихъ, которыя всегда исчисляеть она въ предисловіяхъ и вступленіяхъ.

Страхъ наводится, собственно, не числомъ умирающихъ въ холерное время, — потому что это число ничтожно, статистически, — но однообразіемъ смертности: всякой, обрившійся заболѣть или умереть, заболѣваетъ или умираетъ одинаковымъ образомъ, непременно холерою, которая въ первый двѣ недѣли рѣшительно не что иное какъ скоротечная диссентерія; а *человѣкъ*, и по части смерти, какъ видно, любитъ разнообразіе. Какой онъ пустой человѣкъ!...

Если бы человѣкъ былъ, отъ рожденія, профессоръ статистики! Онъ бы заранѣе разсчелъ, что, въ данной мѣстности, въ холерный годъ, холерою умираетъ вдругъ не болѣе того, сколько въ другой годъ умираетъ исподоволь тамъ же разными другими болѣзнями, и онъ остался бы совершенно спокоенъ.

Конечно, въ то же самое время, въ этой же мѣстности, умираютъ и другими болѣзнями — но только охотники — любители — и число ихъ незначительно. Это совершенно какъ въ чумѣ, съ которою холера имѣетъ поразительное сходство въ способѣ развитія, свирѣпствованія, и исчезанія. Въ обѣихъ эпидеміяхъ, и по

ихъ окончаша, смертные случаи по другимъ болѣзнямъ уменьшаются на половину: отсюда въ Турціи—повѣріе, будто чума очищаетъ воздухъ и по совершеніи своего періода приноситъ «здоровое время».

Если судить по прежней холерѣ, по примѣрамъ Москвы и Петербурга въ тридцатые годы, то на всю смертность, по холерѣ и по всѣмъ другимъ болѣзнямъ, къ обыкновенной годичной смертности нужно на двѣнадцать мѣсяцевъ прибавить еще половину ея. То есть, если въ обыкновенный годъ, напримѣръ въ Петербургѣ, смертность по разнымъ болѣзнямъ простирается до 16,000, то въ холерный годъ, отъ 8 іюня 1848 по 8 іюня 1849, она не превзойдетъ, по холерѣ и другимъ болѣзнямъ, 24,000, и окажется только одною третью сильнѣе ежегодной смертности — вмѣсто полтора человѣка на каждыя сутки умрутъ два человѣка съ дробью. Пугаться рѣшительно нечего. Статистика — самая утѣшительная наука изъ всѣхъ наукъ въ мірѣ.

Къ статистическимъ таблицамъ холерной смертности въ Петербургѣ, ученый авторъ «Свѣдѣній», докторъ Е. В. Пеликанъ, къ сожалѣнію, не присовокупилъ показаній о смертности по другимъ болѣзнямъ, начиная съ 8 іюня. Краткость времени и трудность собрать вдругъ всё этого роду показанія, были, безъ сомнѣнія, причиною этой неполноты, которую, мы увѣрены, онъ посѣшшитъ устранить въ слѣдующихъ тетрадахъ своего тщательнаго и любопытнаго труда.

Вмѣсто табели дѣйствіямъ другихъ современныхъ болѣзней, авторъ, ко второй статистической таблицѣ о походахъ холеры, приложилъ, покаместъ, подневную табель о дѣйствіяхъ атмосферы. Это приложение, которому многіе могутъ придавать особенную важность, въ состояніи, по нашему крайнему разумѣнію, служить доказательствомъ только тому, что измѣненія и явленія атмосферическія, въ холерное время, не имѣютъ ни какого вліянія на движенія холеры, совершающіяся совсѣмъ независимо отъ воздуха и времени года. Мы тщательно сличали, во время эпидеміи, всѣ показанія метеорологическихъ инструментовъ съ ежедневнымъ ходомъ свирѣпствованія болѣзни, и не примѣтили въ нихъ ни какого взаимнаго соотношенія, сколько-нибудь подходящаго подъ законы физическаго факта. Въ началѣ эпидеміи, одна только упругость паровъ представляла нѣкоторую тѣнь правдоподобной связи между явленіями воздушными и движеніемъ жестокаго *поветрія*, но и этотъ призракъ скорѣ разсѣялся при дневныхъ противорѣчіяхъ и сравненіи другихъ годовъ съ настоящимъ. Многіе старались

усмотрѣть нѣчто общее между холерою и движеніями магнитной стрѣлки: они, какъ кажется, мало справлялись съ магнитическими таблицами за разные изъ прошедшихъ годовъ, вовсе не холерные, и между-тѣмъ чрезвычайно примѣчательные особеннымъ состояніемъ такъ-называемой земной магнитности. Была рѣчь и объ электричествѣ — рѣчь, конечно, весьма неумѣстная, и которую лучше отложить до того времени, когда будетъ рѣшено — что такое электричество. Когда всѣ электрическія теоріи колеблются, можно ли, благоразумно, примѣнять гипотезы которой-нибудь изъ нихъ къ объясненію всеобщаго, планетнаго факта, каковъ холера?

Еще одно, весьма невинное, замѣчаніе: ученый авторъ «Свѣдѣній» вполне согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые причину холеры помѣщаютъ въ воздухъ, въ особенномъ состояніи земной атмосферы, и признаютъ ее явленіемъ теллурическимъ, то есть, планетнымъ, зависящимъ прямо отъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится шаръ планеты, его три оболочки, почвенная, водяная и воздушная. Мы, лично, имѣемъ счастье принадлежать сами къ этому мнѣнію, которое намъ кажется совершенно основательнымъ и неоспоримымъ. Но мы чувствуемъ, въ то же время, что этотъ образъ объясненія холеры вовсе ничего не объясняетъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ науки, для которой недостаточно — помѣстить начало болѣзни въ воздухъ, землѣ и водѣ, чтобы считать вопросъ за удовлетворительно рѣшенный такимъ отвѣтомъ. Терминъ — *явленіе теллурическое* — конечно очень ученый, и въ медицинскихъ разсужденіяхъ имѣетъ свой эффектъ, но, въ сущности, онъ выражаетъ очень обыкновенную идею, которую просторѣіе давно и весьма удачно опредѣлило словомъ *повѣтріе*. Если же холера — повѣтріе, такъ она не можетъ состоять ни въ прямомъ соотношеніи съ современными ей движеніями воздуха, и приложеніе метеорологической таблицы къ таблицѣ ходу эпидеміи, для сравненій, станетъ противорѣчить гипотезѣ относящей зародышъ и начало ея къ особенному состоянію атмосферы.

Объяснимся.

При всемъ своемъ несовершенствѣ, метеорологія дошла до той степени положительной мудрости, что уже ни какаго явленія атмосферическаго не почитаетъ за явленіе случайное и отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ: она нынче убѣждена въ той истинѣ, что всѣ движенія и измѣненія воздушныя составляютъ между собою одно правильное цѣлое, повинующееся неизмѣннымъ законамъ,

имѣють свои опредѣленные порядки, серіи, циклы, и въ кажущейся безладіи сохраняють тотъ удивительный ладъ, изъ котораго ничто въ природѣ выйти не можетъ безъ мгновеннаго разрушенія всей природы. Этотъ вѣтерокъ дуетъ сегодня здѣсь, потому что тогда-то, въ такомъ-то мѣстѣ, дулъ другой извѣстный вѣтерокъ. Все въ этихъ случаяхъ держится въ тѣсной, правильной, обширной, и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывной связи. Такъ думаетъ нынѣшняя метеорологія, и эта идея составляетъ существенный успѣхъ ея, которымъ она въ правѣ гордиться, несмотря на всѣ свои несовершенства.

Слѣдовательно, если холера — явленіе теллурическое, планетное, земле-водо-воздушное, если она повѣтріе и имѣетъ отношеніе къ особенному состоянію атмосферы, такъ она событіе не внезапное; а входитъ въ кругъ метеорологическихъ законовъ, въ серіи и циклы воздушныхъ волненій; оно подготовлено заранее, задолго совершается правильно, неминуемо, вслѣдствіе прежнихъ измѣненій и движеній воздушной оболочки шара, и не зависитъ, не можетъ зависѣть, въ дин своего взрыву, отъ современной дневной метеорогій. Взрывъ этотъ слѣдуетъ по-необходимости своимъ собственнымъ правиламъ, условеннымъ причинами общими и отдаленными.

На этомъ основаніи, къ тремъ вопросамъ, которые ученый нашъ врачъ предлагаетъ на свое и всеобщее разсужденіе во второй тетради «Свѣдѣній», и которые онъ разобралъ прекрасно, — къ какому роду болѣзней принадлежитъ холера по образу своего происхожденія и распространенія? — какое соотношеніе между собою представляютъ ея напряженіе и расширеніе? — можно ли предвидѣть опредѣлительно ея окончаніе у насъ? — къ этимъ вопросамъ мы желали бы прибавить еще нѣсколько вопросовъ, совершенно достойныхъ его вниманія, важныхъ и для общей и для врачебной науки, и, главное, истекающихъ прямо изъ принятаго имъ и почти всѣми мнѣнія объ атмосферномъ происхожденіи холеры. Напримѣръ:

IV. Съ котораго времени должно считать возобновленіе холернаго періода въ Европѣ? Конечно, не съ появленія первыхъ холерносмертныхъ случаевъ по-сю-сторону Кавказа. Господствовавшія у насъ четвертаго лѣта диссентеріи, потомъ, въ прошломъ году, воспаленія, рожи, перемежающія лихорадки, и прочая, не принадлежатъ ли къ холерному циклу атмосферы, не составляютъ ли уже пригетовительнаго періода ея, не суть ли ея необходимыя предтечи и ближайшія условія. Разсматривая отчет-

ты и таблицы, впрочемъ слишкомъ недостаточныя, о холерной эпохѣ тридцатыхъ годовъ, можно замѣтить значительное усиленіе смертности въ годы, предшествовавшіе ея рѣшительному взрыву: слѣдовательно и тогда она пришла въ сопровожденіи предварительныхъ повальныхъ болѣзней, только на это не было обращено вниманія, за непредвидимостью переходу ея изъ Азіи въ Европу. Послѣ окончанія настоящей холерной эпохи, былъ рядъ годовъ, ознаменованныхъ особенными болѣзненными явленіями, выпускаемый также изъ виду разсуждающимъ — между прочимъ въ 1833 году свирѣпствованіе тифа и вслѣдъ за тѣмъ ослабленіе силы прививной оспы. Не полезно ли было бы устремить теперь на этотъ предметъ дѣятельность наблюдателей, привести въ извѣстность порядокъ слѣдованія разныхъ эпидемій до и послѣ первой холерной эпохи, и посмотреть что и какъ послѣдуетъ нынче за второю. Если бы существовала постоянная исторія здоровья человѣческаго, правильная и непрерывная *всеобщая лѣтопись болѣзней*, оказалось бы, можетъ быть, даже, что обѣ холерныя эпохи, прежняя и нынѣшняя связацы между собою рядомъ особенныхъ явленій, страданій, недуговъ, котораго въ другія времена не существовало, и что настоящее, вторичное развитіе холеры есть только неизбѣжное слѣдствіе и окончаніе тогдашняго, перваго. Назначивъ распространенію холеры причиною теллурическое начало и особенное состояніе атмосферы, по нынѣшнимъ метеорологическимъ понятіямъ нужно предположить все это, то есть нѣчто совершенно правильное и полное, слѣдующее опредѣленнымъ законамъ, совершающееся въ предѣлахъ своего непреодолимаго порядка, и имѣющее свой кругъ или циклъ, котораго всѣ части тѣсно связываются между собою неразрывно. Нужно даже — признавъ одной эпидеміи теллурическое и атмосферное происхожденіе — допустить такое же начало и всѣмъ другимъ эпидеміямъ, которыя отнынѣ не могутъ уже быть случайностями: въ атмосферѣ и во всемъ земномъ, планетномъ, нѣтъ капризовъ; все подчинено серіямъ и общему уложенію, къ возможному уразумѣнію котораго стремится наука; слѣдовательно — и это неизбѣжное логическое слѣдствіе того же положенія о происхожденіи холеры — всѣ вообще повѣтрія должны имѣть свой большой общій періодъ, распространяться по одной методѣ — это въ самомъ дѣлѣ и замѣчено — чередоваться въ извѣстномъ порядкѣ, появляться на землѣ, и исчезать съ лица ея по законамъ какого то огромнаго круга здравственности (*sanitalis*) Земли какъ планеты, обитаемой органическою жизнью. Проявленія *теллуричности* —

разидите слово — *землиности*, если угодно — нельзя иначе ни доидмать ни предположить въ патологическомъ отношеніи. Надо принять всѣ строго-логическія послѣдствія допускаемой на одинъ отдѣльный случай гипотезы и заняться сличеніемъ ихъ съ фактами, прошедшими и будущими.

Чума, напридмѣръ, дѣйствионо ослабѣда и псчезаетъ даже въ гдѣздѣ своемъ, Африкѣ, именно со времени усиленія холеры на земномъ шарѣ. Завѣрное, законы природы играютъ тутъ гораздо важнѣйшую роль чѣмъ карантинныя уставы египетскаго паша, которые, разумѣется, соблюдаются по-турецки.

V. Не странно ли, что несмотря на несмѣтное число врачей на этой планетѣ, несмотря на великое число медико-ученыхъ обществъ и учрежденій, на огромную массу просвѣщенія, усердія къ пользамъ челоуѣчества и любви къ наукѣ, составляющую достояніе и честь врачебнаго сословія, на всеобщую умственную дѣятельность вѣка, когда электричество, магнитность, метеорологія другія отрасли знанія заводятъ для себя офціалыныя обсерваторіи и учреждаютъ содержаніе постоянныхъ всемірныхъ лѣтописей движеній магнитной стрѣлки, колебанія ртути въ трубкахъ, качанія маятниковъ, дожда, снѣгу, вѣтровъ, паровъ, падающихъ звѣздъ, — не странно ли, что одна лишь медицина не подумаетъ о заведеніи обширной системы обсерваторій, образованныхъ по одному плану и состоящихъ во взаимной связи для всеобщаго и офціалнаго наблюденія ходу здоровья и движенія болѣзней въ челоуѣчествѣ, для угостовренія пѣтъ ли какихъ-нибудь лпній изопатическихъ въ пространствѣ или во времени, какъ есть въ *теллуризмѣ* лпній изотермическія, лпнія ровнаго магнитнаго склоненія; какъ есть гармонія въ смущеніяхъ магнитной стрѣлки, и такъ далѣе? Не странно ли, что послѣ Ванъ-Свитенова опыта по части исторіи эпидемій, медицина не дѣлаетъ общаго усилія, къ созданію полной, подробной всемірной исторіи здравстввенности, имѣя къ тому готовый и весьма хорошій матеріалъ повсемѣстно, журналы больницъ и госпиталей во всѣхъ городахъ Европы? Не странно ли что, между тѣмъ какъ физики и астрономы, мучительно сличая метеорологическіе и звѣздные регистры ученыхъ городовъ за цѣлыя столѣтія, предпринимають, на всѣхъ точкахъ планеты вдругъ, ужасныя вычисленія — для чего? — чтобы посмотрѣть больше ли дожда падаетъ въ полную чѣмъ въ новую луноу — чтобы удостовѣриться, всегда ли бываетъ холоднѣе около половины марта и іюня или это простой случай — чтобы опредѣлить, назадъ и впередъ, всѣвозвраты какой-

нибудь пустой кометы — медицина донынѣ не позаботилась сдѣлать всеобщій сводъ дневнымъ запискамъ больницъ, истлѣвающимъ въ архивахъ, чтобы узнать, какими поочередно болѣзнями были поражены разныя мѣстности, и нѣтъ ли какой-нибудь примѣчательной особенности въ послѣдованіи болѣзней однихъ за другими? Не странно ли, что медицина не можетъ представить такой хроники даже за послѣднее пятидесятилѣтіе и не болѣе какъ за просвѣщенную и многовращующую Европу? Вопросъ нашъ, пожалуй, съ перваго взгляду, можетъ тоже показаться страннымъ, особенно тѣмъ воображеніямъ, которыя привыкли смотрѣть на все земное и человѣческое какъ на путаницу случайностей; но мы боимся, чтобы отвѣтъ ихъ не вышелъ еще страннѣе, если они вздумаютъ оправдывать медицину въ этой отсталости отъ догадливой дѣятельности другихъ наукъ, и доказывать, что ей не пужны ни обсерваторіи всеобщаго здоровья, ни правильная, точная всемірная, исторія его движеній на поверхности планеты.

VI. Достаточно ли, для науки при описаніи ходу холеры въ одномъ какомъ-нибудь городѣ, имѣть общій итогъ ея ежедневныхъ дѣйствій въ этомъ городѣ, особенно, если онъ обширенъ? Не замѣчено ли, что эпидемія развивается, дѣйствуетъ и ослабѣваетъ не одинаково въ разныхъ частяхъ одного и того же города, что въ каждой мелкой мѣстности она пробѣгаетъ какъ-будто въ другой орбитѣ, быстрѣе или медленнѣе, обширнѣе или сжатѣе, жесточе и кротче, что даже нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ мѣстностей она даже оставляетъ вовсе неприкосновенными? Въ какомъ соотношеніи эти частные періоды болѣзни состоятъ съ свойствами мѣстностей, съ родомъ жизни и занятій обитателей, съ качествами воды и воздуху, которые служатъ имъ для питья и дышанія; и есть ли возможность рѣшить эти вопросы, которыхъ важность и для науки и для врачебной полиціи равно очевидны, не учредивъ, для суточного наблюденія и записыванія всѣхъ движеній человѣческаго здоровья въ предѣлахъ данныхъ округовъ, по-крайней-мѣрѣ такихъ же обсерваторій, какихъ удостоились отъ щедротъ современнаго просвѣщенія простые предметы ученаго любопытства, земная магнитность и средняя годичная температура. Будь у медицины свои обсерваторіи, тщательныя лѣтописи движеній общихъ и частныхъ болѣзней, или здравственности, хоть за одно столѣтіе, о! тогда медицина — но только тогда — торжественно и съ гордымъ челомъ вступила бы въ савонный кругъ точныхъ наукъ, которыя до нынѣ не хотятъ принять ея въ свое общество.

Всѣмъ, жившимъ въ Константинополь, извѣстно, что чума — хоть это контагіонистамъ и очень по нутру — нерѣдко свирѣпствуетъ въ одной части города, почти вовсе не трогая другихъ частей въ продолженіи довольно значительнаго времени, и потомъ вдругъ вспыхиваетъ въ этихъ частяхъ, а въ иныхъ мѣстахъ; расположенныхъ по Босфору и состоящихъ въ ежедневномъ, безпрепятственномъ сообщеніи съ ними, иногда начинаетъ дѣйствовать тогда уже, когда въ городѣ болѣзнь ослабла и почти прекратилась; нѣкоторыя же мѣста, лежащія рядомъ, или посѣщаетъ только слегка или и вовсе оставляетъ неприкосновенными. Не то ли самое примѣчено было въ Москвѣ и ея окружностяхъ, въ обѣ холерныя эпохи? Не обнаружили ли и у насъ въ Петербургѣ подобныя явленія? И не стоятъ ли они самаго тщательнаго ученаго изслѣдованія? Иногда отдѣльные дома, и даже семейства, бывали, какъ въ чумѣ, поражаемы особенною холерною болѣзностью и смертностью: не заслуживаетъ ли это обстоятельство приведенія въ положительную достовѣрность относительно его причинъ и условій?

VII. Не слѣдствіе ли глазнаго обману приводимое многими писателями наблюденіе о передачѣ холеры отъ однихъ многочисленныхъ мѣстъ другимъ по путямъ постояннаго сообщенія? Правда, холера въ разныхъ мѣстахъ часто начинается смертью людей, прибывшихъ изъ мѣстъ, уже опустошаемыхъ ею: но не оттого ли это, что эти люди, имѣя уже въ себѣ холеру, по прибытіи своемъ въ мѣсто, совершенно *приготовленное* къ ея взрыву, дѣлаются здѣсь первыми жертвами ея, какъ самые пораженные и самые для нея удобные? Заболѣли бы, умерли бы эти люди, если бъ они изъ холернаго мѣста были непосредственно перемѣщены въ такое мѣсто, гдѣ атмосфера еще вовсе свободна отъ всякаго холернаго вліянія? — если только такія мѣста существуютъ во время начатаго эпидеміей движенія по поверхности планеты.

Цѣлыя десятки другихъ вопросовъ, чрезвычайно интересныхъ и еще вовсе нетронутыхъ, можно было бы предложить, какъ скоро рѣчь пойдетъ о теллурическомъ началѣ и атмосферномъ распространеніи какой бы то ни было эпидеміи: но и этихъ бѣглыхъ указаній на обширность и разнообразіе поля уже достаточно для проникательнаго трудолюбія ученаго автора «Свѣдѣній». Докторъ Е. В. Пеликанъ, молодой врачъ съ превосходными дарованіями, сынъ одного изъ главъ и свѣтилъ русской медицины, можетъ много сдѣлать для нея, если, оставивъ всторонѣ истертыя вопросы, о которыхъ всѣ разсуждали безъ положитель-

наго результата, посвящать себя разбору другихъ вопросовъ, бо-
льше существенныхъ, болѣе обширныхъ и глубокихъ, и домыслъ
оставляемыхъ безъ вниманія, хотя они — прямое слѣдствіе рѣ-
шенія, общепонимаемаго на первые; если онъ, особенно, своимъ
талантомъ, своимъ усердіемъ, подвигнетъ въ ученюмъ свѣтъ идею
врачебныхъ обсерваторій и всеобщей исторіи здравственности,
какъ Александръ Гумбольдъ подвинулъ идею обсерваторій магнит-
ическихъ и исторіи движеній стрѣлки, какъ Association англій-
скихъ ученыхъ подвигаетъ теперь учрежденіе обсерваторій
физико-метеорологическихъ по новому плану, съ самозависыма-
ющими инструментами, во избѣжаніе всякихъ человѣческихъ не-
вѣрностей. Здравственность въ современномъ и изслѣдованіе ея
въ прошедшемъ человѣчествѣ — нынче великая потребность на-
уки, не желающей отставать отъ общей науковой дѣятельности.

Е. В. Пелликавъ, не только усердный статистикъ санктпетер-
бургской холеры; онъ въ то же время и живописецъ ея. Въ пор-
ретъ, приложенномъ ко второй тетради «Свѣдѣній», она какъ двѣ
капли воды похожа на Гору-Дѣвцу, die Jungfrau, одну изъ краси-
вѣйшихъ пиковъ Бернскихъ Альпъ. Это графическое изображеніе
движеній негодной эпидеміи очень любопытно и поучительно;
оно состоитъ изъ трехъ кривыхъ линій, изъ которыхъ первая
представляетъ напряженіе болѣзни по числамъ заболѣвающихъ,
вторая смертность, третья выздоравливаніе.

Но какъ ни замѣнательны всѣ эти холерныя задачи, какъ онѣ ни
важны для человѣчества, для общей науки, для врачебнаго ис-
кусства, онѣ однако жъ далеко не такъ веселы какъ «Полезное
Открытіе» двоюродна Ивана Шепгелдзева, совершившееся тоже
въ стѣнахъ нашей столицы, къ вѣчной ея славы и неисчислимой
пользѣ всей вселенной:

ПОЛЕЗНОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ. *Силотворъ дворянина Ивана Шеп-
гелдзева. (С. Петербургъ, 1848, въ-12.)*

«Гдѣ взять силу, которой нѣтъ?» спрашиваетъ означенный
почтеннѣйшій дворянинъ въ началѣ своего творенія: «гдѣ до-
«стать такого рабочаго, который ничего не стѣдитъ? что можно
«достать, не имѣя ни копейки, даромъ?»

На эти ужасные вопросы, способные вызвать у людей невѣж-
ливыхъ тьму неумѣстныхъ отвѣтовъ, настоящій отвѣтъ помѣ-
щенъ въ концѣ того же творенія: «Обратитесь ко мнѣ съ предло-
женіями — за тысячу рублей серебромъ получите то, что мо-
жно достать не имѣя ни копейки, безденежно, даромъ.»

« Я живу теперь въ десятой квартирѣ третьяго этажа, на углу Слоновой, девятой Рождественской и Малоохтенскаго проспекта, на Пескахъ, во второмъ кварталѣ Рождественской части. Мой адресъ: Его Благородію Ивану Петровичу Шенгелидзеу. »

Получите *салотворъ* дворянина Шенгелидзева, *полезное изобрѣтеніе*, силу удивительную, даровую, мѣднаго гроша не стоящую, дѣйствующую на томъ основаніи, что... всѣ донынѣ извѣстныя силы... Вотъ въ томъ и сила, что изъ творенія дворянина Ивана Петровича Шенгелидзева, вы ничего не поймете, ни на какомъ основаніи сила его дѣйствуетъ, ни въ чемъ она состоитъ! Ивно только то, что дворянинъ Иванъ Петровичъ Шенгелидзевъ, разсматривая всѣ донынѣ извѣстныя силы, силу паровъ, силу рукъ, силу животныхъ, силу воды, и прочая, нашелъ, что всѣ онѣ безсилны. Всѣ онѣ требуютъ большихъ издержекъ. Сила паровъ, напиряръ, есть собственно сила денегъ, которыхъ стоить пары: чѣмъ больше употребите вы денегъ на парь, тѣмъ лучше и могущественнѣе оны дѣйствуютъ. Такъ какая же это *сила*! Выходить, что донынѣ дѣйствовали однѣ деньги, и что человекъ, царь природы, безъ денегъ былъ бѣзсилецъ. Безъ денегъ и природа служить ему не хотѣла! А между тѣмъ онъ квастался своей изобрѣтательностью, своей наукою, своими побѣдами надъ природою. О, суета суетъ! о, мракъ! о, ослѣпленіе! Дворянинъ Иванъ Петровичъ рѣшился передѣлать все это, просвѣтить человѣчество, проучить природу. Человекъ не обязанъ платить ей жалованіе: природа даромъ должна работать на своего господина.

Озираясь во всѣ стороны и размышляя, новый Ньютонъ, онъ примѣтилъ, что Земля путешествуетъ милліоны верстъ около Солнца безденежно, не платя ему ни копейки за свою прогулку въ годичной орбитѣ: что, какъ извѣстно, совершается помощью силы всеобщаго тяготѣнія; тогда какъ мы, чтобы съѣздить въ Павловскъ помощью силы паровъ, должны за двадцать пять верстъ заплатить полтвѣникъ. Прыгнувъ изъ окошка третьяго этажа, тою же силою всеобщаго тяготѣнія вы полетите не вверхъ, къ небу, а внизъ, на мостовую, и опытомъ доказано, что такимъ образомъ можно свернуть себѣ шею даромъ, безъ малѣйшаго разоренія для своего кармана. Слѣдовательно, даровая сила природы найдена: это-та же знаменитая, могучая сила всеобщаго тяготѣнія, которая движетъ все на небѣ и на землѣ; которую угадалъ великій Ньютонъ, но которою не умѣлъ онъ воспользоваться. Дворянинъ Иванъ Петровичъ Шенгелидзевъ былъ счастливѣе его: онъ всмалъ на чудную мысль упо-

требить ее въ дѣло какъ силу двигательную для машинъ и орудій, замѣнить ею пары и всѣ прочія денежныя силы, ввести во всеобщее употребленіе. Сила тяготѣнія находится повсюду; она рѣшительно ничего не стѣнитъ; каждый можетъ взять ее и заставить работать за себя, лишь бы только зналъ толкъ въ ея употребленіи, имѣлъ нужную споровку. Какъ это сила совершенно новая, небывавая въ дѣлѣ донинѣ, нѣкѣмъ нетронутая для полезной цѣли, то изобрѣтатель *полезнаго изобрѣтенія*, по своему изобрѣтательскому праву, и назвалъ ее *Силотворомъ дворянина Ивана Шенгелидзева*. Вода искови ворочаетъ колеса мельницъ помощью силы всеобщаго тяготѣнія; гири, силою всеобщаго тяготѣнія, уже слишкомъ тысячу лѣтъ приводятъ стѣнные часы въ движеніе; лошадь тащитъ повозку вслѣдствіе той же силы тяготѣнія, которая позволяетъ ей упираться ногами въ землю: нужды нѣтъ! дворянинъ Иванъ Петровичъ Шенгелидзевъ увѣренъ и увѣряетъ, что силы всеобщаго тяготѣнія никто до него не примѣнялъ къ практическимъ потребностямъ и что она — его собственность, его неотъемлемый «силотворъ.»

Но кстатѣ ли заводить споръ о первенствѣ употребленія! Зачѣмъ не признавать дворянина Ивана Шенгелидзева Ваттомъ и Фультономъ тяготѣнія! Вѣдь произвестъ въ геніи тоже не стѣнитъ ни копѣйки: перо пишетъ, чернила текутъ на бумагу, помощью даровой силы всеобщаго тяготѣнія. Какъ скоро изобрѣтатель полезнаго изобрѣтенія нашелъ особенный, доселѣ неизвѣстный способъ употреблять эту силу съ выгодною для движенія машинъ и снрядовъ, онъ великій человекъ. А способъ такой онъ нашелъ: это явствуетъ изъ его творенія; способъ чрезвычайно замысловатый, совершенно оригинальный. Стѣнитъ только, говорить онъ, *нейтрализовать* силу всеобщаго тяготѣнія, — то есть, ясенѣ и проще, по-русски, уничтожить ее, сдѣлать безсильною, — и тогда-то станетъ она дѣйствовать вамъ могущественнѣе всѣхъ извѣстныхъ силъ; тогда-то начнутся чудеса: сила всеобщаго тяготѣнія, которая собственно состоитъ изъ двухъ силъ, центростремительной и центробѣжной — *преблагородная сила!* — будетъ безъ всякой издержки таскать вамъ воду въ третій этажъ, носить дрова, чистить платье и сапоги, крутить витки, ткать атласы и бархаты, пахать и орошать поля, тушить пожары, двигать экипажи — центробѣжную силу запряжете вы въ дышло — центростремительная встанетъ на запятки — вы прыгнете въ карету, и — *пошелъ!* — вы покатите во всю Ивановскую.

Да какъ запречь ее? Въ томъ-то и секретъ!

« Но, полно *болтать*, » продолжаетъ изобрѣтатель полезнаго изобрѣтенія. « Кромѣ шутокъ: въ концѣ прошлаго 1847 года, я изобрѣлъ такую машину. Послѣ осемнадцати-лѣтнихъ трудовъ и изысканій, мнѣ, наконецъ, посчастливилось сдѣлать открытіе, благотѣльное для всего человѣчества вообще, и для Россіи въ особенности. Я придумалъ машину, которая не расходуетъ движущую силу, но сама ее производитъ и гидравлическій самодвижитель столь сильный, что онъ вполне можетъ замѣнить силу паровой машины. Она дѣйствуетъ отъ дна постройки и до совершенной порчи, отъ тренія, матеріаловъ, изъ которыхъ построена. Силу ее можно увеличить, до какой угодно степени, самыми простыми, самыми дешевыми неодушевленными предметами: свинцомъ, булыжникомъ, пескомъ, глиною, даже простою землею, всѣмъ, чѣмъ угодно, что ничего не стоитъ, но имѣетъ значительный вѣсъ и тяжесть. Она вполне можетъ замѣнить силу паровой машины. Издержки на каменный уголь и топливо будутъ сбережены и нѣчего опасаться взрывовъ паровыхъ котловъ въ печахъ паровыхъ машинъ; взрывовъ, истребившихъ неоднократно такое множество людей, пароходовъ и паровозовъ. Ее можно употребить для приведенія въ движеніе механизма всѣхъ фабрикъ, мельницъ, заводовъ, пароходовъ и паровозовъ; для поднятія воды на всякую высоту; для орошенія, во время засухъ, полей, луговъ, садовъ и огородовъ; для осушенія болотистыхъ и низменныхъ мѣстъ и для быстрого тушенія пожаровъ. Во время засухъ, не одинъ, а цѣлые десятки и сотни миллионовъ рублей будутъ сбережены. Во время сильныхъ пожаровъ, не брызги пожарныхъ трубъ, но цѣлыя рѣки воды потекутъ для потушенія бушующаго пламени ».

Какъ вы видите, дворянинъ Иванъ Петровичъ Шенгелидзе въ изобрѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ вѣчное движеніе, и притомъ еще вѣчное движеніе необыкновенно могучее. Машина его — само-двигатель; данной силы она не требуетъ; сама производитъ и силу и слѣдствія силы; тяжесть, сама собою, стремится у него и *внизъ*, что всегда дѣлаетъ она охотно, и *вверхъ*, чего никогда не дѣлала она донынѣ, не будучи принуждена къ этому другою постороннею силою, силою *данною*, какъ говоритъ механика. И все это самымъ простымъ образомъ! — *нейтрализуя тяжесть!* — то есть, сдѣлавъ такъ, чтобы тяжесть вдругъ не была тяжелою, когда ей приходится подниматься послѣ опущенія.

« *Смышлы мнѣ люди.* » восклицаетъ изобрѣтатель полезнаго

изобрѣтенія въ восторгѣ отъ своей чудной идеи: « смѣшны мнѣ люди, которые упрямы сами и упрямятъ другихъ, что такая машина не возможна!»

На что люди, обидѣвшись, могутъ отвѣтить ему: смѣшное намъ изобрѣтатель полезнаго изобрѣтенія, который увѣреетъ самъ и увѣряетъ другихъ, будто тяжесть, переставъ быть тяжелою по его произволу, не повиснетъ между Солнцемъ и Землею въ томъ же мѣстѣ, гдѣ она вдругъ *нейтрализовалась*, не пойдетъ вверхъ сама собою, безъ толчка, даннаго постороннею силой.

Послѣ чего люди и изобрѣтатель будутъ квиты и о *силотворѣ* дворянина Ивана Шенгелидзева рѣчь никогда не возобновится.

Холера и снотворъ, вотъ два великія событія, вотъ все, о чемъ можно говорить, и плакать, и смѣяться, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, не произведемъ почти ничего болѣе. Есть нѣсколько переводовъ; между ними одинъ полезнѣе полезнаго изобрѣтенія. Это —

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЗИОЛОГІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА. Сочиненіе доктора Валентина. Переводъ съ нѣмецкаго. (СП.-бургъ, 1848, въ 8., стр. 438.)

Книга эта, переведенная по порученію медицинскаго департамента военнаго министерства — и по выбору фактовъ и по ихъ изложенію, одно изъ лучшихъ, во всей физиологической литературѣ, руководствъ къ познанію органической экономіи человѣка. Авторъ ея, знаменитый берлинскій профессоръ, извѣстенъ множественномъ весьма любопытныхъ и тонкихъ наблюденій, произведенныхъ и отдѣльно имъ однимъ и виѣстѣ съ другими физиологами; наблюденій, которыя отчасти преобразовали науку введеніемъ въ нее новыхъ понятій и новыхъ видовъ. Авторитетъ доктора Валентина великъ по этой важной и занимательной части опытнаго знанія, и услуга, оказанная начальствомъ военнаго медицинскаго департамента, озаботившимся доставить намъ русскій переводъ этого творенія, будетъ столько же полезна врачебному сословію, сколько пріятна всей публикѣ, — потому что книгу доктора Валентина можетъ съ наслажденіемъ читать всякій свѣтскій человѣкъ, достаточно образованный для того чтобы находить тайны природы достойными своего любопытства.

ДВА АДМИРАЛА, романъ Фенимора Купера. Переводъ съ англійскаго. (СП.-бургъ, 1848, въ 8., две части).

Одно изъ занимательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго романиста, нашего въ искусствѣ, съ рѣдкою лов-

нестью, то именно *juste-milieu* покоритъ, интересу и живости, которое одну половину читателей приводитъ въ восторгъ, а другую половину заставляетъ зѣвать, при одномъ и томъ же рассказѣ. Красоту такого рода, въ словесности, въ музыкѣ, въ живописи, называютъ *классическою*. Слогъ тутъ играетъ всегда важную роль. И въ самомъ дѣлѣ, Кунеръ болѣею половиной своей славы обязанъ слогу. Кромѣ того, чистота и правильность языка у него удивительны: онъ превосходно пишетъ по-англійски,—гораздо лучше чѣмъ русскій переводчикъ его по-русски — у *когого* переводчика безпрестанно встрѣчаются акты *парламента*, вмѣсто «парламентскіе акты», *корабли въ службу его величества*, вмѣсто «корабли флота его величества», *передъ глазами рисовался великолѣпный флотъ, тихо покачиваясь*, вмѣсто «тихо покачивавшійся», *на якоряхъ*, и сотни другихъ солецизмовъ, которые впрочемъ, не очень примѣтны на желто-сѣрой грязной бумагѣ, служащей имъ грунтомъ.

УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ КНЯЗЯ КОНОПЛЯНОВЪ-СЪМЯЧКО И ЕГО СЕСТРЫ. *Сочиненіе Леона Гозлаиа. Переводъ (СП.-бургъ, 1848, съ. 12.)*

Не подумайте, что это осколокъ гофмановской фантазіи, или разведенная въ жидкости французской прозы ирѣшная капля англійскій ерозеичъ идея знаменитаго поэта-пастуха, Бѣрнса, John Bar-leucorn. Заглавіе могло бы привести васъ въ заблужденіе. Это — просто дѣтская сказка, въ которой *Леопольдъ-Леопольдини*, сынокъ князя *Орфано Орфаны*, получаетъ, по изложеннымъ въ книгѣ обстоятельствамъ, прозвище князя *Конопляное-Смячко*. Сказка не чужда своего роду занимательности. На этотъ разъ, слогъ русскаго переводчика не уступаетъ слогу подлинника: оба равно блестятъ отсутствіемъ мзящества и правильности выраженія, что, для успѣховъ дѣтей въ познаніи роднаго языка и во вкусѣ, должно быть очень полезно.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

НОВОНЗОБРѢТЕННЫЙ СПОСОБЪ ВЫШИВАНІЯ *по канвъ*. (СП.-бургъ, 1848).—Книжечка, для вящей безопасности «новозобрѣтенія», запечатанная печатью автора. Она и продается въ этомъ видѣ сочиненія *по секрету*. Разумѣется, что критики, какъ бы любопытны ни были, не имѣютъ права распечатать: противъ ихъ-то нескромности и принята эта мудрая мѣра предосторожности. А распечатать ужасно имъ хочется! Я увѣренъ, что тамъ заключается «полезное изобрѣтеніе» —какой-нибудь *Канвотворъ*—пѣчто, быть-

можетъ, еще удивительнѣе *Силотвору* — могучій *самодвижитель*, производящій самъ собою и канву, и шелкъ, и узоръ, и шитье, даромъ, безъ труда и безъ издержекъ.

При покупкѣ брошюры соблюдается особеннаго роду церемонія: покушнику не позволено распечатать книжечку прежде чѣмъ онъ положитъ полтинникъ на прилавокъ. Важность секрета требуетъ этого непременно.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Изданіе «*Справочнаго энциклопедическаго словаря*» продолжается съ усердіемъ, достойнымъ всякаго одобренія. Въ последнее время вышелъ томъ десятый, заключающій въ себѣ буквы Т и У.

— Два новыя учебныя руководства, вышедшія недавно, заслуживаютъ предварительнаго упоминанія въ этомъ мѣстѣ, какъ хорошія книжныя извѣстія. Первое изъ нихъ: «*Прямолинейная и сферическая тригонометрія*», сочиненіе извѣстнаго моряка-преподавателя и писателя, С. И. Зеленаго; второе: «*Руководство къ російскимъ законамъ*», трудъ профессора Н. Ѳ. Рождественнаго. Первое составляетъ, собственно, одинъ изъ курсовъ Морскаго Кадетскаго Корпуса; второе одинъ изъ курсовъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

==

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

СПИРТОВОЕ ОСВѢЩЕНІЕ УЛИЦЪ. По представленію господина министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше разрѣшено, для освѣщенія городскихъ улицъ, употребленіе, въ видѣ опыта, спирту, и особенные комитеты имѣютъ заняться введеніемъ этого новаго роду освѣщенія, взамѣнъ стараго, маслянаго.

Цѣль предлагаемыхъ здѣсь замѣчаній, которыхъ сочинитель практическимъ образомъ довольно знакомъ съ дѣломъ, — сдѣлать ощутительнымъ для всякаго, какъ обширны и благотѣльны должны быть послѣдствія этой мѣры, и собрать тѣ опытыныя свѣденія, которыя могутъ содѣйствовать къ прочному ея успѣху.

Нѣтъ сомнѣнія, что занятія комитетовъ въ обѣихъ столицахъ приведутъ къ исключительному употребленію въ городскихъ фонаряхъ терпентиннаго спирту, какъ это уже давно дѣлается въ соединенныхъ Американскихъ Штатахъ. Оставимъ покаместъ въ сторонѣ, второстепенныя выгоды новаго роду освѣщенія. Одна же замѣна масла, которое такъ дорого стѣитъ, такъ сильно иссушаетъ землю, и для котораго всегда готовъ сбытъ, дома или на границу, роднымъ матеріаломъ, нестоющимъ изобильнымъ въ Россіи, не имѣющимъ въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстахъ ни

Т. XC. — Отд. VII.

какого употребленія, и слѣдовательно лишенымъ тамъ всякой цѣнности, есть очевидно такая выгода, что первымъ послѣдствиемъ будетъ дарованіе цѣны многимъ тысячамъ десятинъ лѣсу, ни на мачты, ни на постройки негоднаго, и по отдаленности отъ удобныхъ водяныхъ сообщеній остающагося вовсе бесполезнымъ.

Въ одномъ Петербургѣ — до пяти тысячъ уличныхъ фонарей. Они сожигаютъ ежегодно до двадцати-тысячъ пудовъ масла, цѣною до двухъ-сотъ-осмидесяти-тысячъ рублей ассигнаціями.

За такую цѣну, употребляя терпентинный спиртъ, вся наша великолѣпная столица будетъ освѣщена по-крайней-мѣрѣ не хуже лондонскихъ улицъ; шесть тысячъ десятинъ въ глуши пропадающаго лѣсу будутъ приносить вѣрнаго доходу по сорока-пяти рублей съ десятины; многія сотни семействъ найдутъ нетрудную и хорошо оплачиваемую работу, и на сохраненіе лѣсовъ, этотъ важный предметъ государственнаго хозяйства, возникнетъ самое прямое и сильное побужденіе, собственный интересъ владѣть.

Каждое шести-вершковое близъ корня сосновое дерево, безъ истощенія, можетъ давать въ теченіе болѣе полулѣтка, ежегодно по десяти фунтовъ смолянаго соку. Оно дѣтъ и гораздо болѣе, но въ такомъ случаѣ скоро теряетъ жизненные силы и засыхаетъ.

Пудъ такого соку, надлежащимъ образомъ подверженный перегонкѣ почти той же какъ при винокуреніи, только съ несравненно простѣйшимъ приборомъ, разделяется на двѣ различныя части: летучая часть переходитъ въ подставленный съ холодною водою сосудъ, охлаждается и садится на поверхность воды: это терпентинъ, скипидарное масло; другая часть остается въ кубѣ, это — гарпіусъ или канфоль.

Изъ пуда смолянаго соку, терпентину получается около пяти фунтовъ.

Въ такомъ состояніи терпентинъ заключаетъ въ себя еще воду и твердыя смоляныя части, дѣлающія его неспособнымъ къ горѣнію въ лампахъ.

Чтобы добыть въ чистомъ видѣ, всыпаютъ въ него небольшое количество негашеной извести, которая жадно поглощаетъ воду. Отстоявшуюся жидкость потомъ сливаютъ и подвергаютъ вторичной перегонкѣ, на соразмѣрномъ жару. Это и будетъ терпентинный спиртъ.

Впрочемъ для доведенія его до той степени уточненія, которую онъ необходимо имѣть долженъ, для горѣнія въ лампахъ, есть

разные способы и почти у каждаго фабриканта свой собственный, часто секретный. Сущность всѣхъ безъ исключенія способовъ состоитъ въ пропусканіи терпентиннаго спиртоваго пару, при возможно меньшей теплотѣ, сквозь известковую воду и щелочные растворы, въ окончательномъ промываніи его водою, и процѣживаніи сквозь известь.

Изъ пяти фунтовъ терпентину, можно получить четыре фунта совершенно чистаго спирту.

Въ приспособленныхъ для него лампахъ, горитъ онъ прекрасно съ бѣлымъ, даже ослѣпительнымъ блескомъ. Въ Сѣверной Америкѣ онъ давно во всеобщемъ употребленіи.

Къ освѣщенію имъ внутренности жилыхъ покоевъ, однако же, есть три важныя препятствія: тяжелый запахъ, великая воспламеняемость, даже отъ приближенія горящаго тѣла, и опасность храненія въ домѣ такого горючаго и жидкаго матеріала, котораго нѣсколько капель, по неосторожности пролитыхъ, могутъ произвести пожаръ.

Для уличныхъ фонарей, разумѣется, ни одно изъ нихъ не виѣтъ мѣста.

Въ Англіи утонченный терпентинный спиртъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ *камфины*, camphine. Въ Лондонѣ фунтъ его стоитъ около четырнадцати копѣекъ серебромъ.

Въ 1843 году, знаменитому англійскому химику Юру (Andrew Ure) поручено было изслѣдовать опытомъ, во что обходится и какъ велика освѣщающая сила камфины, въ сравненіи съ масляными лампами и свѣчами.

Донесеніе его заключало въ себѣ слѣдующее:

Въ патентованной лампѣ Ионгова устройства, терпентинный спиртъ горитъ съ величайшимъ блескомъ, безъ всякаго дыму, и одна англійская пинта его (около 35 кубическихъ дюймовъ объема, а въсомъ одинъ русскій фунтъ осьмнадцать золотниковъ) втеченіи десяти часовъ производитъ свѣтъ, равный свѣту двѣнадцати восковыхъ свѣчъ, по три въ фунтѣ, то есть, освѣщаетъ почти точно такъ же какъ четыре фунта восковыхъ свѣчъ.

Относительно стоимости этого свѣту въ сравненіи съ прочими свѣтящими матеріалами оказалось, что свѣтъ терпентиннаго спирту или камфины обходится:

Въ двѣнадцать разъ дешевле восковыхъ свѣчъ,

Въ осемь съ половиною разъ дешевле свѣчъ стеариновыхъ.

Въ четыре съ половиною раза дешевле свѣчъ сальныхъ.

Въ два съ половиною раза дешевле лучшей масляной лампы Карселева устройства, съ механическимъ движеніемъ.

Но величайшее превосходство терпентиннаго спирту состоитъ въ совершенной чистотѣ и свѣжной бѣлизнѣ доставляемаго имъ свѣту: при немъ вѣжнѣйшія цвѣта и тѣни картинъ, проблески колорита, и прочая, представляются въ натуральномъ видѣ, а не съ тѣми фальшивыми оттѣнками, которые всегда сообщаютъ имъ свѣчи и масляныя лампы.

Кромѣ важности такого освѣщенія въ отношеніи къ государственной экономіи, кромѣ удобства освѣщать даже и малые города самымъ лучшимъ образомъ, наконецъ кромѣ дешевизны и необычайнаго блеску, оно имѣетъ еще одну выгоду, которую легко оцѣнить каждый.

Произведеніе всякаго горѣнія, какъ извѣстно, имѣетъ съ углекислымъ газомъ, есть неизбежно вода. Въ фонаряхъ уличныхъ по необходимости отъ вѣтру довольно плотно закрытыхъ, эта вода отдѣляясь отъ сгорающаго внутри матеріала и не находя для себя удобнаго выхода, осаждается на стекла, отчего они во всякое время болѣе или менѣе тускнутъ, а въ морозы замерзаютъ, представляя преграду распространенію свѣту. Своевременное обтираніе поту съ фонарныхъ стеколъ и поправка нагарающихъ свѣтиловъ, въ сильные морозы и продолжительныя зимнія ночи, дѣлаютъ обязанность нижнихъ городскихъ служителей тяжкою и изнурительною, а свѣтъ слабымъ и ненадежнымъ.

Спиртовые фонари, гдѣ свѣтъ пронстекаетъ изъ одной точки, могутъ быть искусственнымъ образомъ и притомъ безъ малѣйшаго вреда для силы или постоянства свѣту, провѣтриваемы, то есть, устроены такъ, что вода и углекислый газъ будутъ выходить изъ фонаря сами собою, а внутренность всегда наполняться свѣжимъ воздухомъ. Черезъ это всякая осадка или потѣніе стеколъ и, следовательно, необходимость протиранія совершенно устраняются, къ величайшей пользѣ дѣйствительнаго освѣщенія и съ человѣколюбивымъ уменьшеніемъ труда приставленныхъ людей.

Устройство провѣтривающихся фонарей съ полнымъ успѣхомъ сдѣлано и введено, еще въ 1842 году, профессоромъ Фаредѣ, который занимался рѣшеніемъ этого вопроса, очень важнаго для маяковъ, по желанію и приглашенію лондонскаго Trinity-House (главнаго управленія всѣми портовыми сооружеиіями и маяками). У насъ, конечно, воспользуются трудомъ этого первокласнаго

ученаго, извѣстнымъ по многимъ журналамъ и описаннымъ подробно въ *Philosophical Transactions*, за 1843 годъ.

Если бы, по какимъ-нибудь соображеніямъ, которыхъ пока въ виду нѣтъ, признано было удобнѣйшимъ употреблять терпентинный спиртъ не иначе какъ въ смѣшеніи съ виннымъ спиртомъ, какъ онъ употребляется и теперь въ извѣстныхъ столовыхъ *лампахъ съ жидкихъ газомъ*, то и тогда бы это было нововведеніе весьма благодѣтельное, истинно общепользное, хоть цѣнность освѣщенія увеличилась бы значительно.

Почти во всякомъ домѣ извѣстна эта освѣщающая спиртовая жидкость: она не что иное какъ смѣшеніе двухъ частей виннаго спирту съ одною частию терпентиннаго. Лампа, издерживающая такой смѣси по шестнадцать золотниковъ въ часъ, даетъ такой же сильный свѣтъ, какъ карселевская лампа сожигающая почти столько же масла. Слѣдовательно и стоимость обоихъ родовъ освѣщенія соразмѣрна цѣнамъ того и другаго матеріаловъ. Теперь фунтъ лучшаго ламповаго масла стоитъ сорокъ копѣекъ, а фунтъ спиртовой жидкости семьдесятъ пять копѣекъ мѣдью. Слѣдовательно свѣтъ спиртовой къ свѣту масляному цѣною содержится какъ пятнадцать къ осми.

А какъ изъ опытовъ Юра мы видѣли, что свѣтъ чистаго терпентиннаго спирту въ два съ половиною раза дешевле свѣту карселевской лампы, масляной, то должно признать, что употребленіе утонченнаго терпентина въ денежномъ отношеніи почти въ пятеро выгоднѣе обыкновенной смѣси его съ виннымъ спиртомъ.

Такая великая въ цѣнахъ разница безъ сомнѣнія должна склонить вѣсы на сторону употребленія въ дѣло чистаго терпентиннаго спирта для освѣщенія улицъ. Сочинитель этихъ замѣчаній, основываясь какъ на собственномъ опытѣ, такъ и на давнишнемъ уже опытѣ Англичанъ и Американцевъ, совершенно убѣжденъ, что тутъ нѣтъ ни какихъ непреодолимыхъ препятствій.

Весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ доброкачественности и тонкости спирту. Всѣ жалобы на неудачи происходили единственно отъ его недостатковъ, которые невозможны при нужныхъ мѣрахъ къ обезпеченію приготовления спирту въ самомъ лучшемъ видѣ.

Содержаніе этого спирту въ плотно запертыхъ сосудахъ чрезвычайно важно, потому что, отъ долговременнаго вліянія воздуха, въ качествахъ своихъ онъ значительно измѣняется. Все это въ рукахъ частныхъ мелочныхъ торговцевъ представляетъ бо-

дѣ или менѣ затрудненій успѣху терпентиннаго спирта. Они исчезаютъ самъ собою, когда приборъ и поделеніемъ простѣнныя администраціи дѣло будетъ намъ усвоено.

При отдѣленіи перегонкою терпентиннаго спирту остается множество гаршусъ, канфоль или смола. Всѣ эти названія, въ отношеніи къ нашему практическому употребленію, означаютъ одно и тоже. Вся разница состоитъ въ слѣдующемъ: оставшіяся въ перегонномъ сосудѣ свѣтло-коричневаго цвѣту гаршусъ, по охлажденіи бываетъ сухъ, хрупокъ и для дальней перевозки долженъ быть укладываемъ въ бочки, что при малодѣйности товара затруднительно. Чтобы этого избѣжать, его вдвигаютъ, пока еще горячъ и жидокъ, въ бочки съ небольшимъ количествомъ воды и мѣшаютъ; онъ тогда теряетъ хрупкость, дѣлается даже нѣсколько липокъ, принимаетъ почти черныи цвѣтъ и въ этомъ видѣ называется смолою. Выгода въ томъ, что теперь можно его везти въ простыхъ кулахъ или плетушкахъ въ хворосту. Кромѣ того, что смола немного легче расплавляется нежели гаршусъ, свойства того и другаго вещества въ отношеніи къ газовому дѣлу, тождественны. Нѣтъ лучше матеріала для газоваго освѣщенія внутренности жилыхъ покоевъ, фабрикъ, казармъ и прочая. Два пуда смолы замѣняютъ одинъ пудъ свѣчъ, и притомъ даютъ свѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходный.

Кромѣ того, что для производства смолянаго газу приборъ и все устройство отиѣнно просты, послѣ новѣйшихъ усовершенствованій, даже и самый газометръ, существенное затрудненіе и главный предметъ денежныхъ издержекъ всякаго газоваго сооруженія, сдѣлался почти излишнимъ, по крайней мѣрѣ для смолянаго газу и для небольшихъ заведеній или частныхъ домовъ, гдѣ все первоначальное обзаведеніе непремѣнно окупится въ первые два или три года, а въ малыхъ хозяйствахъ еще скорѣе.

Тамъ, гдѣ въ сутки сжигается не болѣе какъ отъ десяти до двадцати фунтовъ свѣчъ, все газовое устройство займетъ мѣста въ длину и ширину по пяти четвертей аршина, въ вышину аршина три съ половиною. Проводныя газовыя трубы, поглощающія огромныя капиталы при освѣщеніи улицъ, въ домашнемъ заведеніи требуютъ самыхъ маловажныхъ издержекъ.

Напримѣръ, мѣдная труба въ одинъ дюймъ въ поперечникѣ и въ тридцать-пять сажень длиною, совершенно достаточна для проведенія двухъ-сотъ пятидесяти кубическихъ футовъ газу въ часъ. А это количество газу производитъ по-крайней-мѣрѣ столько же свѣту, сколько шесть-сотъ свѣчъ, горящихъ въ одно время. Та-

кая труба, съ мѣдною пайкою, многими выгибами и надежною толщиною стѣнокъ, обойдется никакъ не болѣе пятидесяти рублей серебромъ.

Чистота и пріятный блескъ свѣту, и экономическое употребленіе газу, болѣе всего зависятъ отъ устройства рожковъ или свѣтилъ, въ которыхъ онъ сожигается. Одинъ и тотъ же газъ производитъ весьма различное освѣщающее дѣйствіе, смотря по тому какъ сгараеть.

Одинъ кубическій футъ хорошо приготовленнаго смолянаго газу, выходя изъ открытаго рожка съ одною дыркою около четверти линіи въ діаметрѣ и сгарая въ часъ, будетъ освѣщать такъ же сильно какъ шесть салныхъ свѣчъ, по шести на фунтъ.

Этотъ же самый футъ того же газу, сожженный въ лампѣ съ сорока дырками подъ стекломъ, произведетъ свѣтъ равный уже не шести, а одиннадцати свѣчамъ, горящимъ вмѣстѣ.

Въ 1840 году, въ Единбургѣ, были съ большимъ тщаніемъ произведены обширныя испытанія, для опредѣленія стоимости газоваго свѣту, вравненіи съ другими родами освѣщенія. Опыты эти подробно описаны въ Transactions of the Royal Scottish Society of Arts, 1841 годъ.

Вотъ ихъ окончательные выводы: цѣна угольнаго газу, полагая за каждую тысячу кубическихъ футовъ его по девяти рублей ассигнаціями, оказалась въ слѣдующемъ содержаніи:

Къ салнымъ свѣчамъ какъ одинъ къ семи съ половиною, когда газъ сожигался въ рожкахъ открытыхъ, съ одною дыркою.

Къ нимъ же, какъ одинъ къ тринадцати, когда сгаралъ въ аргандовыхъ лампахъ, подъ стекломъ.

Къ стеариновымъ свѣчамъ, какъ одинъ къ пятнадцати съ половиною, въ открытыхъ рожкахъ.

Къ нимъ же, какъ одинъ къ двадцати-семи съ половиною въ лампахъ, подъ стекломъ.

Къ ламповому маслу, какъ одинъ къ четыремъ, когда газъ и масло сожигались въ самыхъ лучшихъ лампахъ.

Къ восковымъ свѣчамъ, какъ одинъ къ четырнадцати, изъ открытыхъ рожковъ.

Къ нимъ же, какъ одинъ къ двадцати-шести, изъ лампы со стекломъ.

А какъ смоляной газъ имѣетъ вдвое большую освѣщающую силу противъ угольнаго, въ этихъ опытахъ употребленнаго, то сравнительную экономію всякой легко можетъ опредѣлить, смо-

три по тому, во что ему газъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, обходится.

Изъ опытовъ Юра известна относительная цѣнность освѣщенія терпентиннымъ спиртомъ.

Самъ я, въ собственномъ заведеніи, долго занимался почти всеми родами освѣщенія, а болѣе всего смолянымъ газомъ, и могу утвердительно сказать, основываясь на опытѣ въ большомъ видѣ, что смоляное газовое освѣщеніе обойдется втрое дешевле свѣчь и вдвое дешевле масла, если только производить его всякому у себя, домашнимъ образомъ, и что кромѣ несравненно лучшаго свѣту, устраненіе покупки, чистки и перемѣны лампъ, искръ, нагару и духоты отъ свѣчь и ненадобность въ особой прислугѣ, для всякаго будутъ отмѣнно выгодны. **ВАСИЛІЙ КАРЕЛИНЪ.**

ЗАМѢЧАНІЯ ПЕРМСКАГО ВРАЧА О ПРИЧИНѢ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ХОЛЕРЫ ПО СИСТЕМАМЪ ВОДЪ. (Мы съ большимъ удовольствіемъ даемъ гласность наблюденіямъ почтеннаго доктора Л. Ибаева, согласно его желанію, но позволимъ себѣ замѣтить, что нареканія его на невниманіе ученыхъ къ обстоятельству, на которое онъ указываетъ, подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Не онъ первый происхожденіе холеры приписываетъ особеннаго роду пыли, падающей изъ воздуха. Въ 1834 году въ Генуѣ упала такая же пыль, какъ нынче въ Перми, въ эпоху появленія холеры. Въ 1835 году французскіе врачи замѣчали въ разныхъ мѣстахъ Алжиріи современность паденія воздушной пыли и начала холеры. О пыли этой много было толковъ и споровъ по ученымъ и неученымъ журналамъ, и въ то время, и еще весьма недавно. Господинъ Ибаевъ не зналъ объ этомъ. Тѣмъ лучше. Однородность выводовъ его въ Перми съ выводами врачей италійскихихъ въ Пиемонтѣ и французскихихъ въ Африкѣ, получаетъ черезъ это особенную занимательность. Отдаленность мѣсть и эпохъ придастъ ей новый интересъ передъ любопытствомъ читателей).

«Всѣ россійскія губерніи говоритъ онъ, посѣтилъ гнѣвъ Божій и наконецъ, пынѣшняго лѣта, Пермскую.

«Кто изъ жителей города Перми не видѣлъ, что улицы, огороды, крыши, словомъ всё, послѣ дождя (нынѣшняго лѣта, какого числа и мѣсяца не помню), покрылись желтымъ; сѣрво-видными пятнами, которыя самымъ желчнымъ цвѣтомъ своимъ говорили: «Мы — причина желчной болѣзни, мы холера?» Это

видѣли всѣ жители Перми, и видѣли не одинъ разъ. Дождь, оставившій желчныя большія пятна былъ два или три раза; но объ этомъ явленіи я не читалъ ни въ одной газетѣ и не слышалъ ни отъ одного медика или аптекаря, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ подвергнулъ это метеорическое вещество испытанію.

Что касается до меня, то я, въ пятьдесятъ лѣтъ моей жизни, въ первый разъ видѣлъ подобное явленіе и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ отъ медицинскихъ и химическихъ изслѣдованій; но тщетно.

Я полагалъ, что ученые, собравъ сѣрновидную пыль, предложатъ покусать своимъ домашнимъ животнымъ, курицъ, кошекъ, собакъ; опишутъ послѣдствія этой пищи; подвергнуть химическимъ изслѣдованіямъ и скажутъ намъ: «Слухъ о недобрыхъ людяхъ отравляющихъ народъ, совершенно ложенъ. Мы видѣли охраняю пыль павшую съ дождемъ, испытали, и нашли, что она состоитъ вотъ изъ чего и вотъ изъ чего, и дознали положительно, что отъ нея собственно происходятъ всѣ извѣстные припадки.» Этими, господа ученые развязали бы всѣхъ недоумѣніе; всѣ бы мы поняли не гадательно, а положительно, что болѣзнь холера не отъ злыхъ людей, а отъ гнѣва Божія, разлившаго болѣзнь эту въ воздухъ и водѣ, которая сообщилась, или лучше, впиталась и растеніями, отъ которыхъ большею частию заболѣваютъ люди недостаточные, принужденные по необходимости пьтаться зеленью, огородными растеніями, ягодами и грибами. Мы бы тогда поняли, что судя по обширности рѣки и ручьевъ ея наполняющихъ, она болѣе и насыщена этою падшею на нихъ метеорическою пылью, нежели ключи или колодцы, особенно же закрытые. Поняли бы, что хотя эта желчная пыль покрыла и всю окрѣжность колодца, однако сквозь землю процѣживаясь съ дождевою водою, какъ грубая матерія, въ ключъ, наполняющій колодець пройти не можетъ, — а въ рѣку сплыть съ ручьями происходящими отъ дождя можетъ удобно.

Нынѣ я смотрю на окружающіе мою осѣдность кровли, заборы, огороды, но не вижу нигдѣ метеорической сѣрновидной пыли, которая какъ пѣнка покрывала лужи происшедшія отъ тогдашняго дождя. Куда жъ дѣвалась эта охра? Разумѣется смыта дождемъ и сдута вѣтромъ. Но, куда, вопросъ? Опять таки разумѣется, что по покатоности мѣстоположенія города Перми, боль-

шая часть ея сплыла въ Каму не только съ крышъ, но и съ тѣхъ мѣстъ земли, на которыя пала съ дождемъ или сдута вѣтромъ.

Теперь не мудреное дѣло рѣшить, почему смертность отъ холеры въ городѣ Перми несравненно менѣе нежели въ другихъ городахъ, а именно, въ Перми почти каждый домъ имѣетъ свой колодець, — а камскую воду употребляютъ весьма немногіе, и то только большею частію для самовара.

Теперь не мудреное дѣло рѣшить и то, почему холера идетъ системою водъ, и *«переходитъ съ однихъ рѣкъ на другія, лишеныя воднаго сообщенія съ первыми»* *. Если у насъ, въ Перми, видѣли это атмосферическое явленіе, собирали и промолчали; то вѣтъ мудренаго, что видѣли подобныя явленія и въ другихъ мѣстахъ, и также промолчали.

Весьма можетъ быть, что я ошибаюсь, предполагая эту метеорическую пыль ядовитою; это не моя вина. Я надѣялся на ученѣйшихъ, и не подвергнувъ ту пыль ни изслѣдованію, ни даже разсмотрѣнію, да и несмотря на всю мою любознательность, и не могъ ея изслѣдовать, потому что едва шевелился въ постели, будучи одержимъ тяжкою болѣзнію. Итакъ, если я ошибаюсь, полагая эту атмосферическую желтую пыль ядовитою; то прошу меня извинять. Впрочемъ думаю и такъ: если эта желтизна, павшая съ дождемъ, вещество совершенно подобное охрѣ, и столько же не ядовитое, то и тогда она для желудка вредна **; какъ лишняя и не бывавая въ атмосферѣ. А мы знаемъ, что все лишнее причиняетъ разстройство въ нашемъ организмѣ, и всякая пища, къ которой мы не сдѣлали привычки, причиняетъ поносъ или рвоту, или какіе либо иные переполохи въ тѣлѣ, и не только пища, но даже питье воды не той, къ которой мы привыкли, рѣдко проходитъ безъ послѣдствій. Что жъ удивительнаго задержать отъ вдыханія воздуху или питья воды, въ которыхъ не

* Замѣчаніе апрѣльской книжки Библіотеки для Чтенія, стр. 38.

** На третій день послѣ перваго паденія этой охры, оказался поносъ у госпожи и ея горничной, квартировавшихъ въ домѣ госпожи Малгаиской, и у многихъ по городу проявлялись различныя холерическія припадки, но весьма легкіе и удобоиспѣлимые. Потому почти каждый изъ жителей Перми что-нибудь изъ признаковъ холерическихъ припадковъ испыталъ себя.

являлась небывалая, хотя бы по свойству своему даже не ядовитая примѣсь. Посмотрите, какъ причиняеть рвоту архангельскому жителю кусокъ проглоченнаго огурца; почему же съ нами этого не бываетъ? Потому, что архангельскіе жители никогда не ѣли огурцовъ, а мы къ огурцамъ привыкли. Вотъ фактъ того, что если эта желчная пыль и столько же безвредна или не ядовита, какъ огурецъ, то и тогда, какъ небывалая въ воздухѣ и водѣ, можетъ дѣйствовать неблагоприятно на организмъ не сродненный сънею.... *Левъ Ибаевъ. Пермь, 20 августа, 1848.*

(Далѣе почтенный пермскій нашъ корреспондентъ, переходя отъ общаго ученаго вопроса къ практической медицинѣ, излагаетъ разпыя средства леченія холеры. Эту часть разсужденія его мы считаемъ нужнымъ выпустить, отмѣтивъ здѣсь главный фактъ, который онъ приводитъ въ подкрѣпленіе своей теоріи, а именно, что ключевая холодная вода, какъ вода неспорченная воздушною пылью, по его наблюденіямъ, не только безвредна, но даже полезна въ холерѣ, впротівность водѣ рѣчной и озерной, напитавной этою пылью.)

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Le vrai club des femmes, Истинный клубъ женщинъ*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Мері.

Господинъ Мері человекъ весьма умный и съ неоспоримымъ талантомъ; стихи и проза такъ и льются изъ подъ его пера; языкъ покореиъ ему какъ хорошо вышколенная лошадь; всѣ его сочиненія отлѣчаются непринужденностью вымысла, наблюдательностью, веселостью, иногда насмѣшливою, но незлобною. Но господинъ Мері не можетъ-быть хорошимъ драматургомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Если онъ пишетъ, то только для собственнаго удовольствія и по влеченію своей прхотливой фантазіи. Каждое произведеніе его должно вылиться разомъ; онъ не станетъ ни обдумывать его напередъ, ни округлять и исправлять послѣ. Поэтому и комедія его вещь въ родѣ пословицъ Альфреда де-Мюссэ. Основа ея самая тоненькая, самая хрупкая, но она такъ мастерски перевита остроумными подробностями; въ ней столько удачно схваченныхъ чертъ современной жизни, и все это написано такими свободными и стройными стихами, что никакъ не оторвешься отъ его прелестной фантазіи.

Все дѣло вотъ въ чемъ. Мадамъ Дезобенъ, молоденькой и хо-

рошенкой вдовушкѣ, страхъ какъ хочется дать балъ; но кто же поѣдетъ на балъ, когда всѣ заняты гораздо важнѣйшими дѣлами? Одинъ придумываетъ новый планъ «финансовъ», другой дежурный по національной гвардіи? Дамы хлопочутъ о законѣ о разводахъ, или слушаютъ разглагольствованія какого-нибудь клубнаго витія. Мадамъ Дезобень прибѣгаетъ къ хитрости, и тѣмъ охотнѣе, что это доставитъ ей случай подурачить одну престарѣлую пріятельницу, мадамъ Дессонъ, ужасно надоѣвшую ей своими газетными разсужденіями и бреднями объ эманципаціи женщинъ. Она созываетъ гостей на открытіе новаго клуба женщинъ, клуба, въ которомъ одиѣмъ женщинамъ предоставлено будетъ право судить и рѣдить обо всемъ, говорить безъ умолку всѣмъ вмѣстѣ; мужчинамъ же будетъ позволено только слушать, молчать и благоговѣть передъ премудростью прекраснѣйшей половинны человеческого рода. Гости съѣзжаются, и предсѣдательница, мадамъ Дессонъ, открываетъ засѣданіе. Первый вопросъ, объ исключеніи мужчинъ изъ дипломатической службы, рѣшенъ мигомъ, и мудрыя законодательницы приступаютъ къ вопросу о разводѣ. Предсѣдательницѣ, три раза испытавшей ярмо супружества и три раза овдовѣвшей, вопросъ этотъ очень сподрученъ. Чтобъ выказать все свое глубокомысліе и многолѣтнюю опытность, она пускается въ такую безконечную рѣчь, что прекрасные слушательницы начинаютъ скучать, зѣвать и все собраніе погрузилось бы въ глубокій сонъ, если бы заманчивые звуки вальса не заставили ихъ встрепенуться. Кавалеры ангажируютъ дамъ, и всѣ отправляются танцовать, оставивъ мадамъ Дессонъ проповѣдовать въ пустынь. Комедія кончается блестящимъ баломъ, истиннымъ клубомъ женщинъ.

Не менѣе блистательный успѣхъ, и вполнѣ заслуженный имѣлъ:

2. *Le Chandelier, Подсвѣчникъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, господина Альфреда де Мюссэ.

Метръ Андрѣ нотаріусъ и мужъ, какихъ много; втрое старше жены, безобразный, глупый, скучный, и въ придачу ревнивый. Онъ всталъ чѣмъ свѣтъ, въ страшной невагодѣ, и дѣлаетъ ужасную супружескую сцену жепѣ, подъ пустымъ предлогомъ, будто у мадамъ Андрѣ водится любовникъ, потому что его конторщикъ Лавдра видѣлъ, что какой-то мужчина перелѣзъ черезъ заборъ. Но Жакелины не испугать: она знаетъ мужа, какъ свои пять пальцевъ, и умѣетъ за него взяться. «Ты видѣлъ этого мужъ»

чтву? — Нѣтъ. — Какъ же ты смѣешь позорить меня! За тѣмъ слезы, стоны, жалобы, угрозы, словомъ весь женскій арсеналъ; метру Андрѣ остается часть на колѣна и просить прощенія, которое супруга великодушно ему даруетъ, прогоняя его въ то же время изъ своей комнаты. И пора была; капитанъ Клаварошъ, во время этого супружескаго объясненія едва не задохся въ шкафу; послѣ этого не удивительно, что онъ холодно и почти съ досадою слушаетъ жалобы и опасенія своей возлюбленной. «Когда тебѣ не даетъ проходу злое животное, именуемое ревнивымъ мужемъ, надо завестись подсвѣчникомъ,» говоритъ онъ. — «Какимъ подсвѣчникомъ?» спрашиваетъ Жакелина.

Вы, вѣроятно, не менѣе Жакелины полюбопытствуете узнать, что это за подсвѣчникъ? Знайте же, что на языкѣ армейскихъ волокитъ и остряковъ, подсвѣчникомъ называется благовидное существо, несущее всѣ тягости любви, не пользуясь ея преимуществами; онъ вездѣ неотступно слѣдуетъ за своею красавицею, томно смотритъ ей въ глаза, чтобы предупредить каждое ея желаніе, нашептываетъ ей всякій любовный вздоръ, по вечерамъ вграетъ въ карты или въ шашки съ прозорливою тетушкою; красавицѣ служитъ предметомъ, на которомъ можно, при случаѣ, вымещать свою досаду, и ея обожателю громовымъ отводомъ противъ ревности мужа, у котораго онъ сидитъ какъ бѣльмо на глазу.

Сказано, сдѣлано. Жакелина заводится подсвѣчникомъ, и выбираетъ въ эту должность младшаго писца своего мужа, Фортунію; многомъ влюбляетъ его въ себя, и онъ отдается ей душой и тѣломъ. Вотъ они сидятъ за столомъ четверомъ! Метръ Андрѣ, Жакелина, Клаварошъ и Фортунію. Клаварошъ проситъ Фортунію спѣть пѣсню, что тотъ исполняетъ такъ хорошо, и съ такимъ успѣхомъ, что Клаварошу становится завидно и досадно; онъ находитъ пѣсню слишкомъ мѣщанскою. Жакелина уводитъ молодаго писца въ свою комнату; онъ бросается къ ея ногамъ, клянется ей въ любви, требуетъ самыхъ тяжелыхъ испытаній.... но на лѣстницѣ раздаются шаги; мадамъ Андрѣ приказываетъ молодому человѣку бѣжать, а сама идетъ на встрѣчу идущему. Фортунію, нашедши всѣ двери запертыми, принужденъ спрятаться за занавѣсами, и такимъ образомъ слышитъ весь разговоръ своей возлюбленной съ капитаномъ; ревнивый любовникъ требуетъ, чтобы подсвѣчникъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а Жакелина, его

божество, слушаетъ это съ покорностью и обѣщаетъ повиноваться.

Между тѣмъ подозрѣнiя метра Андре, были успокоены: только на время; онъ опять начинаетъ ревновать, шумѣть, и рѣшается съ садовникомъ всю ночь стеречь въ саду, съ ружьями, и подкараулить негодяя, который лазитъ черезъ заборъ. Славно будетъ, подсунуть его! думаетъ Клаварошъ, и принуждаетъ Жакелину назначить ему свиданiе въ саду, въ полночь. Записка отправлена. Но едва Клаварошъ уходитъ, мадамъ Андре призываетъ Фортуню; вывѣдавъ отъ него, что онъ слышалъ ея разговоръ съ капитаномъ, и не смотря на то, намѣренъ явиться на опасное свиданiе, чтобы спасти ее, она падаетъ предъ нимъ на колѣна, сознается въ любви къ нему, и умоляетъ его простить ее, и любить по прежнему. Черезъ вѣсколько минутъ дѣйствующiя лица опять сидятъ за столомъ вчетверомъ: метръ Андре, Жакелина, Клаварошъ и Фортуню; но уже Фортуню проситъ капитана сѣсть пѣсню, и находитъ его пѣсни удивительно старыми и избитыми.

Повѣсть, какъ видите, очень простая и обыкновенная: о томъ, какъ жена надуваетъ мужа и держитъ любовника, а потомъ надуваетъ и любовника и беретъ другаго. Сколько нужно ума въ разговорѣ и оригинальности въ формѣ, чтобы развить эту тему на три дѣйствiя, и составить изъ нея пьесу занимательную, живую, веселую. Но Альфредъ де-Мюссѣ уже доказалъ, что онъ мастеръ своего дѣла, и что какъ ни просты данныя, изъ-подъ его пера онѣ выйдутъ самымъ прелестнымъ твореньцемъ.

3. *Le Petit de la mobile, Малютка подвижной національной гвардiи*, водевилъ въ двухъ дѣйствiяхъ, господъ Жюль Кордье и Клервиля.

Юные герои подвижной гвардiи живѣ въ такой же чести, какъ были въ свое время сѣдые герои наполеоновской гвардiи; ихъ воспѣваютъ въ стихахъ и въ прозѣ, печатаютъ ихъ портреты, имъ посвящаютъ полки и галоны. Недоставало только пьесы въ ихъ честь; господа Кордье и Клервиль взялись пополнить этотъ недостатокъ, и состряпали пьеску удивительно чувствительную и чванную, напоминающую подчасъ блаженные времена Беркена; не смотря на свою слабость она имѣла огромный успѣхъ, который ни когдѣ не удивить, потому что современность первое ус-

новіе успѣха пьесы, не отличающейся богатствомъ содержанія или истиннымъ литературнымъ достоинствомъ.

Вотъ содержаніе этого водевиля. Жульенъ, молодой герой подвѣжной гвардіи, сражается на баррикадахъ рядомъ съ своимъ дѣдомъ, Марселемъ, и получаетъ крестъ почетнаго легіона за храбрость сраженія. Когда ему присылаютъ патентъ, Марсель, который также ожидаетъ креста, еще съ баррикады 1793 года, воображаетъ, что наконецъ вспомнили о немъ, и съ дѣтскими восторгомъ рассказываетъ о своемъ счастьи внуку. Жульенъ, видя ошибку старика, не хочетъ огорчить его, снимаетъ крестъ съ своей груди, и надѣваетъ на грудь дѣда; себѣ же надѣется за службу другой. Къ этому припутана еще любовная интрига сестры Жульена, въ которой онъ опять разыгрываетъ роль вѣрнаго кодушшаго брата, благодѣтеля всего своего семейства.

4. Van-Dyck à Londres, *Ванъ-Дейкъ въ Лондонѣ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Мишеля Каррей и Карре.

5. Un premier coup de canif, *Первая прорѣха*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ Анисе Буржуа и Бризбарра.

Двѣ пьески изъ самыхъ обыкновенныхъ, о которыхъ нельзя сказать ни худа, ни добра; легонькія интрижки, безъ цѣли и безъ мысли, которыя выѣзжаютъ на двухъ, трехъ забавныхъ сценахъ.

Ванъ Дейкъ пишетъ портретъ Карла Перваго; король такъ любитъ его, что хочетъ назначить своимъ посланникомъ, и женить на племянницѣ одного стараго лорда, которую Ванъ-Дейкъ любитъ, и которая отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Но благородный лордъ, неизвестно почему, ненавидитъ Ванъ-Дейка, и строитъ ему всякія козни. Онъ выписываетъ другаго живописца, Ванъ-Бала, и поручаетъ ему писать портретъ племянницы; его же онъ прочитъ на мѣсто Ванъ-Дейка, въ посланники и въ мужа своей питомицы. Провѣдавъ это, Ванъ-Дейкъ находитъ средство сировадить соперника на родину, является, подъ его именемъ къ лорду, одурачиваетъ его, и добивается своей цѣли: руки дѣвушки и дипломатической миссіи.

Другая пьеса также не нова. Мосей Бодинье былъ бы препорядочный мужъ, если бы не вздумалъ вдругъ лукавый внушить ему желаніе сдѣлать небольшую прорѣху въ брачномъ контрактѣ. Этотъ лукавый явился въ видѣ мосей Пате, давниш-

яго пріятеля Бодинье, который, пользуясь отсутствіемъ своей жены, наслаждается всѣми удовольствіями холостой жизни. Встрѣтись съ Бодинье на станціи желѣзной дороги, онъ такъ воспламеняетъ его пылкой воображеніе своими разсказами, что Бодинье отсылаетъ жену домой, увѣривъ ее, будто ему надо немедленно ѣхать въ Орлеанъ, а самъ отправляется къ первому ресторану, и заказываетъ обѣдъ на славу, чтобы угостить мосьё Пате, мамзель Селестину, мамзель Агнесу и еще полдюжины ихъ пріятельницъ. Мѣжду тѣмъ какъ онъ ждетъ дорогихъ гостей, глядь, входитъ мадамъ Бодинье съ прекраснымъ молодымъ оенцеромъ, и требуетъ особенной комнаты. Бѣдный Бодинье! онъ не можетъ даже уличить невѣрной, а долженъ только подкатривать въ замочную щелочку, какъ они шепчутся, жмутъ другу другу руки, обнимаются... нѣтъ, этого онъ не въ силахъ вытерпѣть, врывается въ комнату... Мадамъ Бодинье не трудно оправдаться; молодой оенцеръ ея братъ, только что пріѣхавшій въ отпускъ, и котораго она встрѣтила на станціи желѣзной дороги. Гораздо труднѣе объяснить, какимъ образомъ самъ Бодинье попалъ вдругъ съ Орлеанской дороги къ парижскому ресторану. Тутъ же, на бѣду, являются мосьё Пате, мамзель Селестина, мамзель Агнеса и ихъ пріятельницы. Что дѣлать? Кчастию, оенцеръ, видя неловкое положеніе Бодинье, выручаетъ его, принимая его грѣшки на свой счетъ, а мосьё Пате платитъ за заказанный обѣдъ. Бодинье же даетъ себѣ слово впредь не нарушать своихъ супружескихъ обязанностей.

6. *Les libertins de Genève, Женевскіе вольнодумцы*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Марка Фурнье.

7. *Le Morne au diable, Чортова гора*, драма господина Евгения Сю.

Извѣстно, что Кальвинъ называлъ вольнодумцами враждебную ему партію, противившуюся ему и какъ религіозному реформатору, и какъ политическому законодателю. Партію эту составляли преимущественно послѣдователи Михаила Сервета. Поэтому можно бы полагать, что господинъ Фурнье хотѣлъ представить въ драматической формѣ борьбу двухъ великихъ реформаторовъ, борьбу страшную, кончившуюся сожженіемъ Сервета какъ еретика. Не тутъ то было; господинъ Фурнье придумалъ какую-то мелодраматическую *сказку*, связалъ нѣсколько трескучихъ заекъ

тозъ и неправдоподобныхъ произшествій, назвалъ главныя дѣйствующія лица Кальвиномъ и Серветомъ, потому что это давало ему возможность дать затѣйливое названіе пьесѣ, и пустилъ ее въ ходъ.

Кальвицъ, въ пьесѣ господина Фурнье, женился на женѣ Сервета, убѣдивъ ее въ смерти мужа; Оделетта однакожъ не можетъ забыть его, и ненавидитъ Кальвина, какъ его противника; она имѣетъ отъ перваго мужа сына Донасьена, котораго воспитываетъ какъ приемыша; самъ Кальвинъ готовитъ изъ него будущаго богослова. Между-тѣмъ Серветъ, изгнанный изъ Женевы, приходитъ тайкомъ въ городъ, повидаться съ своею женою; лазутчики Кальвина узнаютъ это, схватываютъ и передаютъ суду. Чтобъ спасти его отъ смерти, Оделетта похищаетъ у своего втораго мужа какія-то важныя бумаги и передаетъ ихъ начальникамъ Вольнодумцевъ, которые въ свою очередь передаютъ Сервету. Но Серветъ не хочетъ воспользоваться ими, потому-что его торжество должно погубить Донасьена, который содержится въ тюрьмѣ рядомъ съ нимъ, въ качествѣ заложника, до дня состязанія, и въ которомъ онъ узналъ своего сына; онъ и перебрасываетъ бумаги къ Донасьену, сквозь рѣшетку окна. Такимъ образомъ Донасьевъ торжествуетъ, а Серветъ, не смотря на усилія своихъ приверженцевъ, долженъ или отречься отъ своего ученія, или погибнуть на кострѣ. Онъ не дорожитъ жизнью, но хотѣлъ бы еще разъ обнять сына, и для-того готовъ отречься. Но Донасьевъ, узнавъ что побѣжденный — его отецъ, лишаетъ себя жизни, чтобъ спасти его отъ позору отреченія. Послѣ этого, Серветъ твердо и равнодушно идетъ на костеръ.

Узнаете ли вы тутъ хоть тѣнь истинной исторіи Кальвина и Сервета?

Что касается до драмы господина Сю, мы не станемъ рассказывать ея. Кто не знаетъ его романа, подъ тѣмъ же названіемъ, основаннаго на вѣльномъ преданіи о герцогѣ Монмутѣ, который будто бы свасся отъ плахи, выдавъ за себя другаго. Скройте изъ этого романа драму, по давно извѣстному рецепту, нагромодите побольше несообразностей и трескучихъ эффектовъ, придайте въ помощь людямъ нѣсколько змѣй, ягуаръ и прочихъ плетоядныхъ животныхъ, и вы получите «Чортову гору». Впрочемъ она имѣла огромный успѣхъ, какъ и всѣ ея сестры.

8. Marceau, ou les Enfants de la république, *Марсо, или дѣти республики*, драма господъ Анисе-Буржуа и Массона.

Господинъ Анисе-Буржуа мастеръ на всѣ руки; съ однимъ со-трудникомъ пишетъ онъ водевилы, съ другимъ комедіи, съ тре-тьимъ чувствительныя драмы, патріотическія пьесы. «Марсо» принадлежитъ къ послѣднему разряду: это пьеса патріотическая, въ родѣ «Маршала Нея», о которомъ мы говорили въ одной изъ прошлыхъ книжекъ. Авторы проводятъ передъ зрителями, будто въ волшебномъ фонарѣ, полдюжину знаменитостей, которыя едва-ли сами узнали бы себя въ этихъ портретахъ; Тальму, Клебера, Шенье, Робеспьера, аббата Грегуара, Бонапарта, и наконецъ своего героя; подвергаютъ его опасностямъ, которымъ онъ, мо-жетъ-быть, никогда не подвергался, заставляютъ влюбиться въ молодую Вандеянку, казнятъ его невѣсту, убиваютъ его самого, и заключаютъ этотъ наборъ несправностей «апофеозомъ» героя.

9. Nisida, ou les Amazones des îles Açores, *Низиды, или Амазонки Асорскихъ Острововъ*, большой пантомимный балетъ, въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Мабилля и Делпны, съ музыкою господина Бенуа.

До сихъ-поръ сочинители балетовъ мало заботились объ исто-рической истинѣ своихъ произведеній; случалось имъ давать ге-рою или героинѣ имя заимствованное изъ исторіи, и даже брали очеркъ своихъ балетовъ изъ историческаго учебника. Авторы же «Низиды» хотятъ, чтобы весь свѣтъ зналъ ихъ историческую добросовѣстность; въ предисловіи къ своей программѣ они исчи-сляютъ цѣлую дюжину рѣдкихъ фолиантовъ и квартантовъ на латинскомъ, испанскомъ, голландскомъ и англійскомъ языкахъ, съ которыми любопытные могутъ справиться, и изъ которыхъ они почерпали свои свѣденія о странѣ Амазонокъ, видѣнной въ XVI вѣкѣ португальскимъ монахомъ, отцемъ Геррерою, и гол-ландскимъ путешественникомъ, Юганномъ Гиккинсомъ. Что ка-сается до насъ, намъ некогда отыскивать эти рѣдкія книги, и потому мы лучше повѣримъ господамъ авторамъ на слово. Они вычтали изъ отца Герреры и Юганна Гиккинса, что на океанѣ есть островъ, который они, неизвѣстно почему, полага-ютъ однимъ изъ Асорскихъ Острововъ; на томъ острову живетъ племя, напоминающее древнихъ Амазонокъ, племя воинственнос-жестокое, и состоящее изъ однихъ женщинъ; мужчинъ на остро-вѣ вовсе нѣтъ; даже если родится младенецъ мужескаго пола,

его немедленно убиваютъ. Но какъ такое племя должно бы скоро вымереть. то противъ этого принята слѣдующая мѣра: каждый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, снаряжается флотилія Амазонокъ и отправляется разбойничать на океанѣ, и искать жужжннъ; набравъ достаточное число, Амазонки завязываютъ имъ глаза и везутъ на свой островъ; тамъ ихъ кормятъ, холятъ, ласкаютъ въ продолженіи однихъ сутокъ, потомъ опять завязываютъ имъ глаза, и развозятъ по мѣстамъ.

Такой-то день выбрали авторы для своего балета. Царевна Низида возвращается изъ своей морской экспедиціи съ богатымъ призомъ; она захватила цѣлый испанскій экипажъ, въ которомъ особенно замѣчательны прекрасный Этуръ-де Буадасѣ, и горбунъ довь Оскаръ-де-Барбуда. Начинаются пляски, радости; не забудьте, что день коротокъ, а до слѣдующаго дня ждать цѣлый годъ! Царица Жозефа, новая Калипсо, старается прельстить прекраснаго Телемака-Этура; но онъ неблагодарный, не смотритъ на ея ветхія прелести; сердце его давно отдачо Низидѣ; оно такъ и нужно, чтобъ балетмейстеру сочинить новый *pas de trois*.

Бьетъ роковой часъ разлуки; Амазонки въ послѣдній разъ прощаются съ своими возлюбленными, сажаютъ ихъ на корабль и отправляютъ. Но царица и царевна позволяютъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ законовъ: имъ мало одного дня счастья; объ назначаютъ свиданіе Этуру. Вотъ онъ ждетъ своей царевны въ какомъ то волшебномъ гротѣ, гдѣ все, кажется, создано для счастья и любви; и между-тѣмъ какъ ноги его выдѣлываютъ краснорѣчивый монологъ нетерпѣвія и надежды, вмѣсто одной является цѣлая толпа красавицъ, полунагихъ, съ распущенными волосами, и не обращая вниманія на присутствіе Этура, купаются, играютъ и танцуютъ въ водѣ, и наконецъ оставляютъ прекраснаго Испанца съ царевною.

Между тѣмъ царица, тщетно прождавъ его, выходитъ изъ своего грота, встрѣчаетъ горбуна Оскара, и въ темнотѣ принимаетъ его за Этура. Только на разсвѣтѣ узнаетъ она свою ошибку; въ порывѣ бѣшенства и ревности, она приказываетъ казнить неблагодарнаго Испанца и вѣроломную соперницу, Несчастныхъ выкутъ подъ музыку на лобное мѣсто, не давъ имъ даже проститься. Къ счастью горбунъ Оскаръ успѣлъ бѣжать къ своимъ землякамъ на корабль и везетъ ихъ на выручку товарища. Амазонки хватаются за оружіе, и намѣрены твердо стоять за неза-

зисимость своего царства; Испанцы, какъ вѣжливые кавалеры, не хотятъ употреблять противъ прекрасныхъ неприятелиницъ ни мечей, ни ружей, а закидываютъ ихъ цвѣтами, и душатъ поцѣлуями. Войнаственные дѣвы не могутъ устоять противъ этого необычайнаго оружія, встаютъ противъ своей царицы, и отрываются отъ своихъ законовъ и вдовства. Низида наследуетъ престолъ Жозефы, и отдаетъ его вмѣстѣ съ рукою Этуру.

Не смотря на роскошь декорацій, па купанье и военные штры Амазонокъ', балетъ имѣлъ плохой успѣхъ, и публика только что не зѣвала.

Музыкальныя новости. Еще очень недавно репертуаръ фортепіанной музыки состоялъ почти изъ однихъ варіацій. Какъ скоро какая-нибудь изъ любимыхъ народныхъ или оперныхъ мелодій попадалась въ руки искуснаго музыкальнаго повара, изъ нея немедленно приготавлилось музыкальное рагу, которое затѣмъ обыкновенно предлагаемо было голодной публикѣ, какъ самое вкусное блюдо. Само собою разумѣется, что варіація требуетъ менѣе знанія, вкуса и творчества, нежели какая-нибудь иная музыкальная форма. Элементы мелодическій, гармоническій и ритмическій, однимъ словомъ — музыкальное зерно уже находится въ самой темѣ, а потому дѣло варіацій только измѣнить и распространить форму, выразить мысль темы другимъ образомъ, украсивъ мелодію пестрыми пассажами и разнаго рода фигурами. Такая работа можетъ быть доступна даже средствамъ ученика композиціи, если онъ обладаетъ только въ известной степени техническимъ исполненіемъ.

Не трудно передать чужую мысль своими словами, но мысль не всегда выигрываетъ при такой передачѣ. Внутренняя необходимость — главное условіе всякаго изящнаго произведенія, а именно этой необходимости почти вовсе нѣтъ мѣста въ варіаціи. Логическое объясненіе придаетъ мысли много ясности и силы, простое же описаніе не только не придаетъ ей никакого новаго достоинства, но напротивъ, часто лишаетъ ее первобытной прелести изложенія. Варіація принадлежитъ въ этомъ отношеніи не къ объясненіямъ, а къ описаніямъ. Самый возвышенный родъ музыкальныхъ сочиненій, такъ называемая комнатная музыка (*Kammermusik*), квартеты, сонаты, симфоніи, соединяя въ себѣ музыкальныя формы, не рѣдко допускаютъ

также и вариация. Но здѣсь эффектъ ихъ гораздо удачѣе; при-
чиной тому цѣль, съ которою они употребляются: въ комнат-
ной музыкѣ они имѣютъ мѣсто только тогда, когда тема, испол-
няя процессъ контрапунктическаго развитія и пройдя чрезъ
весь лабиринтъ гармоническихъ и ритмическихъ сочетаній, по
соединеніи своемъ съ другими мотивами, должна быть снова
возсоздана въ первобытномъ характерѣ. Въ этомъ случаѣ вари-
ція обуславливаетъ собою только внѣшнюю сторону темы, она
придаетъ послѣдней грацію, живость, силу, и потому вполне
естественна. Дѣвушка послѣ танца, воинъ послѣ битвы, если хо-
тите, тѣ же самые, что и до начала танца или битвы, но на-
ружный видъ ихъ уже совершенно другой: ланиты дѣвы пы-
шутъ уповаемъ танца, шагъ ея не твердъ и неровенъ; во взо-
рахъ воинъ горитъ огонь отваги.

Такая вариация, вытекающая изъ пзмѣнившейся настроенности ду-
ха, заранѣе заключаетъ въ себѣ полное согласіе съ темой, такъ
строго соблюдаемое обыкновенною вариацией. Комнатная музыка
употребляетъ вариацию какъ фугу или вообще какъ всякую дру-
гую форму: она допускаетъ ее, впрочемъ ей не подчиняясь,
пользуется ею единственно только по необходимости. Въ этой
способноти усвоивать всѣ возможныя формы состоитъ превос-
ходство комнатной музыки предъ прочими родами, но вмѣстѣ
съ тѣмъ, здѣсь то и есть камень преткновенія для большей ча-
сти композиторовъ. Такъ какъ сліяніе различныхъ формъ дол-
жно быть обусловлено опредѣленнымъ характеромъ всего созда-
нія, — что для посредственнаго таланта вовсе не по силамъ, — то
одни только истинно высокіе таланты въ состояніи создать на
этомъ поприщѣ что-нибудь замѣчательное. Если число этихъ та-
лантовъ очень не велико, то съ другой стороны произведенія
ихъ носятъ въ себѣ такой зародышъ вѣчной жизни, что не бо-
ятся ни времени, ни моды, и нравятся равно и современнику и
потомку.

Комнатная музыка не всегда однако жъ допускаетъ вариацию.
въ такомъ видѣ, какъ мы сейчасъ объяснили; иногда она даетъ
ей самостоятельное значеніе. Въ созданіяхъ Гайдна, Моцарта и
Бетголена, преимущественно въ сонатахъ и квартетахъ для
струнныхъ инструментовъ, очень часто мѣсто адажіо занимаетъ
тема съ вариациями. Хотя эти вариации по видимому точно также
подчиняются всѣмъ условіямъ формы, какъ и вариации нѣмѣшнія

однако послѣдствія много разнятся отъ первыхъ, какъ техническимъ построениемъ, такъ и самымъ внутреннимъ характеромъ. Откуда же это различіе, различіе замѣтное даже для людей непосвященныхъ въ таинства искусства? Намъ скажутъ, что причину тому мы сами сейчасъ объяснили: одинъ только истинный гений можетъ писать для комнатной музыки и слѣдовательно произведенія этого рода, въ самыхъ частностяхъ своихъ, должны имѣть колоритъ, недоступный для посредственности. Положимъ такъ, но Моцартъ, Гайднъ и даже Бетговенъ писали также варіаціи, которыя очень мало отличаются отъ произведеній обыкновенныхъ композиторовъ. Правда, эти варіаціи принадлежатъ къ ихъ слабѣйшимъ произведеніямъ, но тѣмъ не менѣе, съ перваго взгляду замѣтно, что онѣ написаны въ совершенно иномъ стилѣ, и что собственно стиль есть главная причина ихъ отличія. Особенность стиля комнатной музыки заключается въ строгомъ логическомъ развитіи характера пьесы, въ постепенно возрастающей теплотѣ чувства и въ симметрической группировкѣ всѣхъ частностей. Технические средства здѣсь также другія, нежели въ блестящемъ стилѣ. Здѣсь нѣтъ пассажей, написанныхъ единственно для трудностей, но зато грація и чувство, стоятъ на первомъ планѣ. Моцартовы варіаціи всѣ написаны въ блестящемъ стилѣ и потому въ наше время уже утратили свое достоинство, напротивъ въ произведеніяхъ Гайдна и, преимущественно, Бетговена есть такія варіаціи, которыя могутъ быть образцами изящнаго стиля для всѣхъ вѣковъ.

Укажемъ для примѣру на Гайдновскія варіаціи въ F-moll и Бетговенскія на русскую пѣсню (A-dur) и въ большой сонатѣ A-moll съ аккомпаниментомъ скрипки.

Въ квартетахъ и пьесахъ для оркестра, гдѣ всякій инструментъ имѣетъ свой самостоятельный голосъ, и контрапунктъ занимаетъ главную роль, варіаціи получаютъ болѣе строгій характеръ. Въ блестящемъ стилѣ — это болтовня объ ежедневныхъ новостяхъ, въ оркестровой музыкѣ строгое разсужденіе о разумной мысли. Какъ не вспомнить при этомъ случаѣ прекрасныхъ, трогających душу варіацій Гайдна «Gott erhalte Franz den Kaiser», въ большомъ квартетѣ C-dur. Онѣ не оставляютъ темы ни на минуту, проводятъ ее чрезъ множество контрапунктическихъ смеленій, и придаютъ ей необыкновенную теплоту чувства и какой-то особенный смыслъ. Рѣшительно не знаешь, чему болѣе удивлять-

са, необыкновенному ли мастерству строгой тематической работы или теплотѣ чувства, которую композиторъ съ помощью изумительнаго знанія контрапункта, доводитъ до высочайшей степени естественности. Можно смѣло утверждать, что искусство, заключенное въ такую строгую форму, никогда не было такъ доступно теплотѣ чувства, какъ въ этой пьесѣ. Это строгая средневѣковая схоластика, украшенная благоухающимъ вѣнкомъ.

У Моцарта и Бетговена есть также прекрасныя варіаціи, впрочемъ, написанныя въ стилѣ болѣе легкомъ.

Изъ новѣйшихъ композиторовъ, писавшихъ варіаціи въ томъ же стилѣ, замѣчательны Онслоуэ и Шпоръ.

Въ финалахъ большихъ произведеній варіаціи мало употребительны, а если изрѣдка и встрѣчаются, то не иначе какъ въ видѣ поверхностнаго изложенія темы, и скоро уступаютъ мѣсто развитію болѣе свободному. Такъ поступилъ съ варіаціею Бетговенъ въ финалѣ своей героической симфоніи. Моцартъ въ финалахъ квартета D moll и квинтета C-moll оставляетъ варіаціи болѣе обширное поле дѣйствія.

Новѣйшая варіація (*variation brillante*), хотя того же самаго происхожденія какъ и помянутая, однако характеръ ея совершенно иной. Это пустое дѣтище свѣта, лишенное самостоятельности, а подчасъ и смысла, не проникнутое ни однимъ постояннымъ чувствомъ, а между-тѣмъ впечатлительное до чрезвычайности, и потому любимое только посредственностію, и рѣдко, очень рѣдко, людьми истинно разумными.

Толпа воздѣльвателей этой отрасли искусства, всегда съ ожесточеніемъ защищала свои убѣжденія противъ нападеній здравой критики. Причина тому самая простая. Такая варіація вполне доступна пониманію этихъ людей. Начиная отъ Корелли и Скарлатти до Геліакэ и Герца, она постоянно переходила въ наследство отъ отца къ сыну, и такимъ образомъ приобрѣла въ музыкальномъ мірѣ семейное и гражданское право, которое не могли у нея отнять ни какія нападки критики. Но, наконецъ, часъ ея пробилъ. Огромный переворотъ, происшедшій въ послѣднее время въ фортепіанной игрѣ, новыя формы, созданныя искусствомъ, поставившимъ себѣ цѣлію пѣвучесть — нанесли варіаціи страшный ударъ.

При первомъ появленіи этюды, пѣсенъ безъ словъ, фантазій,

поклонники варіаціи со стыдомъ бѣжали съ поля битвы и покинули свою повелительницу. И теперь низверженная царица, лишившись своихъ подданныхъ, блуждаетъ одна какъ въ пучины, и рада, если какая-нибудь сострадательная душа приметъ ее на время подъ свой шровъ.

Но какъ въ матеріальномъ свѣтѣ, такъ и въ духовномъ, ни что не проходитъ совершенно, а только измѣняется. То, что, казалось, погнбло навсегда, является въ новомъ видѣ и снова начинаетъ свершать свой жизненный путь. Такъ точно случилось и съ варіаціей. Музыкальные продавцы вычеркнули ее изъ своихъ каталоговъ, композиторы презрѣли ее, артисты не хотятъ объ ней и слышать, — она, по-видимому, умерла, или, по-крайней-мѣрѣ, при послѣднемъ издыханіи. Ни чуть не бывало: она живетъ, и живетъ лучше и разумнѣе нежели прежде. Она составляетъ теперь существенную часть современныхъ сочиненій, преимущественно тѣхъ, достоинство которыхъ основывается на технической сторонѣ исполненія. Высшая форма варіаціи потерпѣла значительное измѣненіе, имя ея исчезло изъ музыкальнаго репертуара, но, подъ именемъ парафраза, транскрипціи, этюды и фантази, она цвѣтетъ роскошнѣе нежели прежде. Современное превосходство ея заключается въ единствѣ формы, въ ея логической послѣдовательности, которая заступила мѣсто прежней разрывчивости. Теперь заключеніе уже не слѣдуетъ болѣе за каждымъ шестнадцатю тактами; нѣтъ болѣе прежнихъ истертыхъ риторическихкихъ и гармоническихкихъ отношеній; новыя мысли пробиваются подчасъ сквозь различныя сплетенія тоновъ, онѣ те сливаются съ темою, то расходятся съ ней, ежеминутно представляютъ ее въ новомъ свѣтѣ и наконецъ въ окончаніи исчезаютъ въ общей гармоніи цѣлаго.

Такимъ образомъ развилась новая форма, которая собственно есть ни варіаціа, ни самостоятельное сочиненіе, а заимствуетъ основную мысль отъ другихъ сочиненій и всю заслугу полагаетъ въ искусствѣ изложенія и сплетенія мотивовъ. Наше время бѣдно изобрѣтеніемъ, и съ другой стороны богато вкусомъ и техническимъ совершенствомъ; естественно, что ему нужны такіа сочиненія, которые не требуютъ особеннаго творчества и, довольствуясь прелестью изложенія, представляютъ науку и технику въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Цѣлый legionъ композиторовъ радостно приветствовалъ Гальберга и Шоста, когда они

первые съ своими фантазіями и транскрипціями вступили на новый путь, до того времени неизвѣстный, путь, на которомъ въ настоящую минуту подвизаются не-крайней-мѣрѣ дѣй третьи современныхъ композиторовъ.

Во всякомъ случаѣ этотъ новый родъ сочиненій есть шагъ впередъ во вѣдѣннѣй жизни искусства: во-первыхъ, въ немъ болѣе внутренней жизни, мысли и вкусу, нежели въ родѣ нѣтъ смѣненіемъ; во-вторыхъ, дѣйствіе его на вкусъ массы чрезвычайно благотворно. Но съ другой стороны, для самого искусства, въ немъ мало пользы: подобно своей предшественницѣ, варіаціи, онъ вполне искореняетъ модѣ и слѣдовательно никогда не можетъ достигнуть до самостоятельности камерной музыки. Притомъ онъ дѣйствуетъ губительно и на самихъ композиторовъ: легкость работы и одобреніе массы заставляютъ даровитыхъ людей мельчать свои мысли и укладывать свое вдохновеніе въ извѣстныя формы, преимущественно нравящіяся толпѣ. Нечего называть по имени даровитыхъ композиторовъ (кто ихъ не знаетъ?), которымъ искусство, казалось, предлагало болѣе возвышенную сферу дѣятельности, и которые между тѣмъ остались при маленькихъ транскрипціяхъ, романсахъ и этюдахъ. Конечно эти романсы и этюды доставили имъ знаменитость; но спрашивается: на долго ли? Вѣрно, не въ потомствѣ.

И такъ порадуемся счастливой метаморфозѣ варіацій, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ восхищаться ими съ болѣею осторожностію, чтобы не испортить свой вкусъ безсознательнымъ наслаженіемъ, а равно и не утратить способности сочувствовать тому роду музыки, который недоступенъ посредственности, не поддается подъ вкусъ толпы, но идетъ разумно путемъ самобытнымъ.

Насъ навели на эти мысли новыя пьесы, полученные на дняхъ, въ огромномъ количествѣ, въ музыкальномъ магазинѣ господина Бернара. Укажемъ нашимъ читателямъ на нѣкоторыя изъ нихъ: такимъ образомъ мы придѣлаемъ практическое окончаніе къ статьѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дадимъ случай піанистамъ повѣрить на дѣлѣ справедливость нами сказаннаго.

Liszt. Grande paraphrase de la marche du sultan Abdul Medjid-Khan, de Donizetti.

Тема марша, G moll, начинается въ низкомъ басу; она звучитъ

здѣсь мрачно и сурово; затѣмъ восходя постепенно, посредствомъ различныхъ фигуръ, и дѣлаясь страстнѣе и страстнѣе, разражается прекраснымъ мелодическимъ трио Es dur, въ полномъ развитіи котораго, передъ вступленіемъ въ прежнюю тему, слышится прекрасный октавный канонъ, одна изъ богатѣйшихъ идей Листа. Послѣ краткаго гармоническаго испещреннаго переходу, композиторъ вступаетъ въ первую тему, и затѣмъ снова переходитъ въ трио уже въ G dur, которое и оканчивается пьесу самымъ блистательнымъ образомъ.

Сравнительно съ другими произведеніями Листа, въ этой пьесѣ нѣтъ особенныхъ трудностей; она чрезвычайно эффектна, и для виртуоза должна имѣть большую цѣну.

Th. Kullak. Deux paraphrases de concert sur Ernani de Verdi, op. 43.

Th. Kullak. Fleurs du Sud, six mélodies italiennes paraphrasées, op. 46.

Куллакъ не имѣетъ ни гениальности, ни техническаго совершенства своего образца — Листа; несмотря на то, онъ очень удачно замѣняетъ первое условіе какою-то особенною кокетливостію стиля, а второе — соединеніемъ всѣхъ возможныхъ средствъ, производящихъ эффектъ. Изъ всѣхъ безчисленныхъ подражателей Листа онъ всё-таки самый счастливейшій. Это очень удачный портретъ Листа... написанный мѣломъ.

Два названныя нами парафраза Эрнани, финалъ перваго акта и арія «Lo vedremo, veglio audace», пьесы чрезвычайно пріятныя и эффектныя. Онѣ навѣрно понравятся многимъ, особенно послѣдняя, парафразъ аріи.

Изъ «Fleurs du Sud» вышло только двѣ тетради; въ первой «Romanella», прекрасная италіянская мелодія; во второй — пѣснь рыбака Micheletta, веселая, живая баркаролла, по характеру совершенно противоположная элегической Romanella.

Укажемъ кстати еще на одно произведеніе.

Ch. Evers. Impressions de l'Italie. Six morceaux pour le piano. Oeuv. 42.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ замѣтованными мотивами, а съ самобытными, притомъ мотивами прекрасными и полными мысли, которыя не довольствуются простою формой мелодій и

подчасъ подходить подъ стѣль совать. Изложивъ мелодію съ артистическою самостоятельностью, композиторъ, Богъ вѣсть почему, налагаетъ на себя обязанность, повторить ее въ видѣ варіаціи. Варіація, хотя бы даже и современная, вовсе не нужна, когда главная идея уже вполне выражена прекраснымъ предшествующимъ изложеніемъ. Это—бѣдная проза, немилосердо разрушающая поэтическій эффектъ піесы. Выпустите варіацію, и піеса доставитъ вамъ истинное наслажденіе. Только первая изъ этихъ піесъ отчасти напоминаетъ своимъ характернымъ мотивомъ Италію; въ остальныхъ нѣтъ ни какого мѣстнаго колориту: онѣ годятся для всѣхъ странъ и народовъ. Изъ нихъ намъ понравились, преимущественно первая, E-dur, и третья, Es-dur.

Лондонъ. Вотъ что пишутъ о первомъ представленіи «Гугенотовъ» на Ковентгарденскомъ Театрѣ. Ни одинъ изъ спектаклей нынѣшняго сезона не удостоивался подобнаго торжества: королева и принцъ Альбертъ находились въ театрѣ; вдовствующая королева и герцогиня Кентская (мать Викторіи), тоже присутствовали въ своихъ ложахъ. Для ея величества устроена была особенная ложа въ самомъ центрѣ театра. Убранство ея отличалось великолѣпіемъ и вкусомъ. Видъ театрального зала, наполненнаго самымъ блестящимъ обществомъ, въ которомъ присутствовали всѣ лондонскія аристократическія, литературныя и артистическія знаменитости, былъ по истинѣ удивителенъ. Въ началѣ спектакля пропѣтъ былъ народный гимнъ: «God save the Queen», въ исполненіи котораго въ соло, участвовали Вiардѵ, Альбони и Кастеллавъ. Затѣмъ послѣдовала сама опера. Вотъ реестръ въ хронологическомъ порядкѣ всѣмъ впечатлѣніямъ, произведеннымъ ею на публику. *Актъ первый.* Аплодисментъ за оргію; успѣхъ Маріо въ романсѣ «Ah più bianca!» съ аккомпаниментомъ альта (господинъ Гилль). Мариня хорошо пропѣла хоромъ: «O tu, che ognor». «Pif raff» заставилъ его пропѣтъ во второй разъ. Альбони прекрасно исполнила кавативу: «Nobil donna». Финалъ пропѣтъ съ энергіей. *Вторая часть.* (Надо замѣтить, что два первые акта соединены въ одинъ). Здѣсь первое торжество досталось на долю Альбони; она пѣла восхитительную арію, написанную нарочно для нея Мейерберомъ. Трудно представить себѣ что-нибудь веселѣе, живѣе, мелодичнѣе этого отрывка, орке

етровка котораго чрезвычайно оригинальна и блестяща. Восторженная публика единодушно требовала повторенія. Маріо и Каstellанъ были очень хороши въ дуо: «Bella divina». Сцена примиренія и финалъ исполнены Маріо, Марини, Тамбурини и Талианни достойнымъ образомъ заключили первый актъ, и завѣсъ опущена со славой.

Второй актъ. Хоръ «Rata-plan» очень понравился; кушеты пѣлъ Лавіа. «Ave Maria», хоръ женщинъ, прошелъ удачно. Большой дуо Віардò и Марини произвелъ fanatismo; здѣсь Віардò въ свою очередь одержала побѣду. Септуоръ дуэлъ былъ исполненъ превосходно. Маріо превзошелъ себя; теноры Мен и Лавіа и басы Тамбурини, Марини, Рашъ и Полонини много способствовали его торжеству. Военный оркестръ, помѣщенный на сценѣ, хоры прекрасно исполнявшіе свое дѣло, великолѣпныя декораціи — все это вмѣстѣ было въ высочайшей степени эффектно: на сценѣ за-разъ собрано было до четырехъ сотъ человѣкъ. Рукоплесканія не умолкали.

Но настоящимъ триумфомъ былъ *третій актъ*. Здѣсь успѣхъ колоссальный отъ первой ноты до послѣдней. Сцена разговора и благословенія оружія была потребована вторично. Какой оркестръ! какіе хоры! какое единство въ исполненіи! А дуо Віардò и Маріо! Какъ описать восторгъ произведенный этимъ восхитительнымъ пѣніемъ, этою въ высшей степени драматическою игрою! Послѣ двукратнаго вызова исполнителей, публика долгое время не могла успокоиться, и продолжала хлопать безъ устали.

Четвертый и послѣдній актъ. За сценой бала слѣдовало тріо Віардò, Маріо и Марини. Оно прослушано было съ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ; публика какъ бы боялась проронить одну фразу, однаъ звукъ изъ этой божественной гармоніи. Вдругъ раздаются выстрѣлы и защитники метивы погибаютъ, но публика звать ничего не хочетъ, и неистово требуетъ ихъ къ себѣ. Віардò, Маріо и Марини были вызваны три раза; вслѣдъ за ними два раза появлялся на сценѣ Коста, и оба раза былъ привѣтствованъ самыми отчаяннымъ и рукоплесканіями. Жаль, что Мейерберъ, главный виновникъ торжества, не былъ въ театрѣ.

Три представленія «Гугенотовъ» слѣдовали непосредственно одно за другимъ, и всѣ три съ равнымъ успѣхомъ. Въ третій разъ театръ былъ просто, какъ говорится, биткомъ набитъ. Сотни посѣтителей не могли добратся до своихъ мѣстъ, и принуж-

дены были оставаться въ корридорѣ. Герцогиня Кентская присутствовала въ спектаклѣ; въ королевской ложѣ сидѣла одна герцогиня Кембриджская: королева и принцъ Альбертъ поручили объявить директорамъ, что поѣздка въ Осборнъ препятствуетъ имъ, въ крайнему сожалѣнiю, присутствовать еще разъ при представленiи образцоваго произведенiя Мейербера. Публика какъ и въ предъидущiе разы была самая отборная. Вообще Ковенгарденскiй Театръ вмѣстала въ себѣ три представленiя сряду всѣхъ англiйскiхъ знаменитости. Всѣ англiйскiе журвалы, за исключенiемъ одного, тактика котораго впрочемъ очень повѣтна, отозвались о музыкѣ «Гугенотовъ» съ особенною похвалою. Вотъ имена этихъ журналовъ: Times, Morning Herald, Morning Post, Morning Advertiser, Daily News, Athenaeum, Britannia, Illustrated London News, John Bull, Spectator, Atlas Musical World, Literary Gazette, Examiner, Ladies News Papers, Court Journal, Era, Globe, Sun и прочiе. Многие изъ замѣчательныхъ англiйскiхъ писателей печатно выразили энтузиазмъ, произведенный въ нихъ «Гугенотами». Однимъ словомъ, эта пiеса оставитъ эпоху въ лондонской музыкѣ.

Вотъ списокъ персонажей и артистовъ: Маргарита — Кастелланъ; статсъ-дама — Беллини; графъ Санъ-Бри — Тамбурини; Валентина — Виардò; графъ Неверскiй — Талиафико; Декоссе — Мен; Таваннъ и Боа Розе — Лавиа и Половини; Де Рецъ — Половини; Мери — Рашъ; Мореверъ — Сольди; Рауль — Марио; Марцелло — Марини; три монаха — Мен, Рашъ и Половини; начальники стражи — Таламо; Урбано — Альбони.

Можно сказать рѣшительно, что нигдѣ «Гугеноты» не были исполнены съ такимъ совершенствомъ какъ въ Лондонѣ. Единство исполненiя — небывалое! Полина Виардò восхитительна; Марио истинно высокъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ. Марини въ роли Марцелло вполне на своемъ мѣстѣ; эта роль какъ-бы нарочно написана для него; онъ поетъ вѣрно и съ большой энергiей. Тамбурини въ роли Санъ-Бри и Талиафико въ роли Неверскаго очень хороши; первый преимущественно въ сценѣ заговора. Пажъ (Альбони) живъ и веселъ; пѣнiе его — просто очарованiе. Честь и слава директору Коста! Онъ не жалѣлъ ничего на обстаповку и поставилъ оперу съ невиданнымъ великолѣпiемъ.

Успѣхъ «Гугенотовъ» побудилъ дирекцiю подумать о поставкѣ на сцену образцовыхъ произведенiй всѣхъ школъ, не ограни-

чиваясь однимъ италіянскимъ репертуаромъ, который, нечего сказать, постоишился порядкомъ. Въ предстоящій сезонъ намѣреваются дать «Жидовку» — Галеви, «Роберта» — Мейербера, «Фелеллу» — Обера, «Волшебную флейту» — Моцарта и «Ифигенію» — Глюка. Нынѣшній сезонъ думаютъ заключить операми «Вильгельмъ Телль» и «Фиделію». Въ первой будетъ дебютировать Рожэ — Въ бенефисъ Гризи шла «Норма» и за нею послѣдній актъ «Фаворитки». Альбони пѣла «Non più mesta» изъ «Ченерентолы».

— Представленіе «Вильгельма Телля» на Ковентгарденскомъ Театрѣ не удовлетворило всеобщимъ ожиданіямъ. Въмѣсто колоссальнаго успѣху опера удостоилась страшнаго фіаско. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ дирекція вовсе не виновата, она сдѣлала все что могла. Оркестръ, хоры, артисты были прекрасны, а между тѣмъ пѣса не имѣла успѣху. Причиною тому, какъ кажется, ничтожность либретто, а равно и самой партіи, которая послѣ двухъ прекрасныхъ актовъ совершенно падаетъ въ третьемъ; сюда слѣдуетъ присоединить и то обстоятельство, что Рожэ, занимавшій роль Арнольда, былъ нѣсколько нездоровъ и потому пѣлъ не съ такой энергіей и силой, какъ обыкновенно. Эта болѣзнь помѣшала слѣдующему представленію «Вильгельма Телля». Тамбурини занималъ роль Вильгельма. Кастанья — Матильды, Марини — Вальтера, Корбаря — Джемми. Увертюра была исполнена превосходно. Ее потребовали вторично; хоръ заговора произвелъ восторгъ, но послѣ этого хора уже ничто не обратило на себя вниманія публики: скука и утомленіе заступили мѣсто восторгу.

— Бенефисъ директоровъ Ковентгарденскаго Театра составленъ былъ изъ «La Dona del Lago», сцены изъ «La Prova», послѣдняго акта «Гугенотовъ» и дивертисмента.

Парижъ. На дняхъ было открытіе обоихъ лирическихъ театровъ. Толпа стремилась въ театръ de la Nation слушать безсмертнаго и вѣчно юнаго Роберта. Алзаръ и Гемаръ исполняли роли Бертрана и Роберта. Госпожа Нау — Изабеллы, госпожа Гриниъ — Алисы. Послѣдняя пѣвица покинула комическую оперу, гдѣ она дебютировала такъ удачно. У нея есть все что нужно для роли Алисы, и потому не удивительно, что публика слушала ее съ наслажденіемъ. Гриниъ поправится еще болѣе, если она только привыкнетъ управлять своимъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, и будетъ пѣть съ большимъ спокойствіемъ. Во всякомъ случаѣ эта пѣвица — замѣчательное приобрѣтеніе для парижской оперы.

— Къ сожалѣнію ангажементъ Бароале не состоялся: требованія артиста, отчасти извиняемыя обстоятельствами, оказались не по силамъ дирекціи.

— Маріе, отправившейся въ Италію теноромъ и возвратившейся оттуда баритономъ, ангажированъ въ оперу. Въ Италіи онъ имѣлъ большой успѣхъ.

— Теперь разучиваютъ новый балетъ Амазонки (*Les Amazones*) и новую оперу «*Jeanne-la-Solle*», музыку которой написалъ Кляппсонъ, а либретто Скрибъ.

— Въ день открытія *Opera-Comique* даны были двѣ піесы: «*L'eau merveilleuse*» и «*la Fille du regiment*», а на другой день — «*Fiorella et Gille ravisseur*».

— Дирекція театра *de la Nation* условилась съ Фелиціаномъ Давидомъ на счетъ исполненія его новой мистеріи въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ *l'Eden*, текстъ которой написалъ Мери; исполнителями будутъ Алзаръ, Путье, Портё и госпожа Гриммъ.

— Здѣсь образовалось новое музыкальное общество подъ названіемъ «*Société des concerts*», которое даетъ концерты въ Зимнемъ саду. Въ числѣ членовъ этого общества много замѣчательныхъ артистовъ; главными директорами избраны Гейгель и д'Энвевъ; директоромъ музыки Фесси. Первый концертъ, составленный изъ піесъ, какъ новыхъ, такъ и классическихъ, имѣлъ огромный успѣхъ.

— Недавно въ газетахъ объявлены были имена лицъ, удостоившихся получить преміи за лучшія патріотическія музыкальныя сочиненія. Въ конкурсѣ представлено было до осьми сотъ піесъ. Изъ нихъ удостоились наградъ слѣдующія: «*Ода Симфонія*», слова и музыка Эльвера, бывшаго воспитанника Французской Академіи въ Римѣ и теперешняго профессора парижской Консерваторіи; «*Торжественный гимнъ свободы*», слова Фурнье, музыка Эрмеля, тоже воспитанника Французской Академіи въ Римѣ; «*Гимнъ отечеству*», слова госпожи Альтенгеймъ Суме, музыка Кресте Фауландеръ. Преміи состоятъ изъ бронзовыхъ медалей.

— Берліозъ опять переселился сюда на постоянное жительство.

— Для дебюта баритона Маріе давали оперу Галеви «*Карль VI*». Артистъ вышелъ изъ испытанія со славою. Онъ собственно ни теноръ ни баритонъ. Для перваго голосъ его имѣетъ слишкомъ малый объемъ, для втораго въ немъ нѣтъ достаточной звучности и густоты; переходы его въ высокія ноты тоже не отличаются

особенною пріятностію. Вѣроятно, Маріе не дойдетъ до первенства: онъ будетъ полезенъ для оперы, но никогда не замѣнитъ собою пѣвца, котораго мѣсто теперь занимаетъ.

— Дюпре снова явился на сцену въ Гугенотахъ. Имя его привлекло въ театрѣ многочисленную публику. Великій артистъ не измѣнилъ себѣ, особенно въ четвертомъ актѣ; публика встрѣчала и провожала его громкими рукоплесканіями. Успѣхъ Дюпре раздѣляла мамзель Юліана Фояъ-Гельдеръ, прибывшая вмѣстѣ съ нимъ изъ Брюсселя.

— Во Франкфуртѣ умеръ, 22 іюля, капельмейстеръ и содиректоръ театра Гуръ. На мѣсто его приглашаютъ Юлія Ритца, капельмейстера лейпцигскаго театра.

— Вивье взумилъ весь Манчестеръ своими аккордами на валторнѣ. Слушатели сначала не вѣрили своимъ ушамъ, но затѣ, удостовѣрившись въ дѣйствительности факта, предалися самому отчаянному энтузиазму. Впрочемъ Вивье не довольствовался одними аккордами: его инструментъ просто пѣлъ въ этотъ вечеръ. Публика заставила повторить двѣ піесы: «Cantabile» его сочиненія и знаменитую серенаду Шуберта.

— Въ Кельнѣ праздновали большимъ торжествомъ юбилей тамошняго собора. Въ этомъ торжествѣ, какъ и слѣдовало ожидать, музыка занимала почетное мѣсто. Въ первый день, 14 августа, въ большой залѣ Казино было музыкальное утро, устроенное обществомъ пѣвца. Вечеромъ въ торжественной процессіи участвовали хоры обѣихъ коллегій, хоры приходскіе, общество пѣвца и другія музыкальныя общества. За тѣмъ на хорахъ собора исполнена была Кантата. На слѣдующій день, по случаю освященія новыхъ построекъ, церковь была заперта, и потому хоры исполнили вѣсколько гимновъ и каптикъ на чистомъ воздухѣ. На третій день пропѣты были одинъ за другимъ — Гимнъ Пію Девятому, сочиненіе Мазини, — пѣснь «Королю покровителю» и пѣснь «Правителю Имперіи». Торжество окончилось концертомъ въ Гюрценихѣ, за которымъ слѣдовалъ балъ.

— Въ Брюсселѣ недавно одинъ изъ спектаклей окончился самою шумною сценою. Наканувъ какой-то зритель, недовольный исполненіемъ піесы, вздумалъ свистать; его заставили замолчать. На другой день, онъ посажалъ цѣлую кучу свистуновъ и при окончаніи спектакля сталъ на самомъ дѣлѣ протестовать противъ вчерашняго запрещенія. Свистъ поднялся ужаснѣйшій. Дурное исполненіе оперы «Карлъ Шестой» было поводомъ къ наде-

нiю. Не смотря на отчаянное сопротивление пертера, сантукки удержали за собой поле битвы.

КНИГИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3).

(Цѣны на серебро.)

Collection complète des contes du chanoine Schmid.

Chaque volume in-18. à 10 c.

Agnès, ou la petite joueuse de Luth. 1 vol.

Bon (le) Fridolin et le mechant Thierry. 2 vol.

Colombe' (la), suivie du serin et du ver luisant. 1 vol.

Contes dédiés à l'adolescence. 2 vol.

Contes (nouveaux) pour les enfans. 3 vol.

Corbeille (la) de fleurs. 1 vol.

Croix (la) de bois, suivie de l'enfant perdu et de la chapelle de la forêt.
1 vol.

Deux (les) frères, 1 vol.

Eustache ou histoire des premiers temps du Christianisme. 1 vol.

Fernando, histoire d'un jeune Espagnol. 1 vol.

Geneviève de Brabant. 1 vol.

Guirlande (la) de hont blon. 1 vol.

Histoires tirées de l'Ecriture Sainte. 2 vol.

Itha, comtesse de Toggenbourg. 1 vol.

Jean et Marie ou les fruits d'une bonne éducation. 1 vol.

Ludovico, ou le petit émigré. 1 vol.

Oeufs (les) de' paques. 1 vol.

Petit (le) mouton. 1 vol.

Petit théâtre de l'enfance. 1 vol.

Rose de Tannembourg. 2 vol.

Théophile. 1 vol.

Veille (la) de Noël. 1 vol.

Suites aux contes du chanoine Schmid par Glatz, Krummacher etc.

Chaque volume in-18. à 10 c.

Barque (la) du pécheur. 1 vol.

Bou (le) fils. 1 vol.

Т. XC. — Отд. VII.

- Charles Seymour, suivi du petit oiseleur. 1 vol.
 Chaumière (la) irlandaise. 1 vol.
 Etrennes (nouvelles) dédiées aux enfans. 1 vol.
 Famille (la) africaine. 1 vol.
 Ferme (la) des tilleuls. 1 vol.
 Historiettes pour les enfans. 1 vol.
 Iduna, entretiens moraux. 1 vol.
 Marguerite. 1 vol.
 Petit (le) fauconnier. 1 vol.
 Paraboles de Krummacher. 2 vol.
 Tellheim ou vertu et malheur. 1 vol.

	R. C.
MÉMOIRES POSTHUMES. Lettres et pièces authentiques touchant la vie et la mort de Charles-François duc de Rivière. Bruxelles 1829. 1 vol. in-8.	— 85
SANSON. Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française. Paris 1830. 2 vol. in-8.	1 50
MARAVIGNA. Mémoires pour servir à l'histoire naturelle de la Sicile. Paris 1838. 1 vol. in-8.	— 75
GIRARDIN. Mémoire sur la situation politique et militaire de l'Europe à l'occasion des traités sur le droit de visite. Paris 1844. 1 vol. in-8.	1 70
PONCELET. Mémoire sur la stabilité des revêtements et de leurs fondations. Liège 1845. 1 vol. in-8.	1 50
SULLY (duc de). Mémoires. Paris 1822. 6 vol. in-8.	10 —
TRUILLIER. Mémoire descriptif de la route de Téhéran à Meched et de Meched à Jezd. Paris 1841. 1 vol. in-8. et accompagné de 4 cartes itinéraires.	2 80
TILLY (Alexandre de). Mémoires pour servir à l'histoire des mœurs de la fin du 18 ^e siècle. Paris 1828. 3 vol. in-8.	3 —
STRATÉGÈMES militaires et ruses de guerre. Paris 1826. 2 vol. in 32.	— 80
SOIRÉES AMUSANTES. Anecdotes, historiettes etc. Bruxelles 1836. 1 vol. in-32.	15 —
GOETHE. Werther. Paris 1834. 2 vol. in-32.	50 —
FLORIAN. Oeuvres complètes, Bruxelles 1828. 28 vol. in-32.	3 —
DU CIS. Oeuvres. Paris 1824. 4 vol. in-32.	2 —
DESTOUCHES. Oeuvres choisies. Paris 1826. 3 vol. in-32.	1 —
CORNEILLE. Chefs d'oeuvre. Paris 1825. 1 vol. in-32.	— 50

MOLIERE. Oeuvres complètes. Paris 1825. 8 vol. in-32.	2 —
RABELAIS. Oeuvres. Paris 1827. 5 vol. in-32.	1 25
REGNARD. Oeuvres. Paris 1825. 4 vol. in-32.	1 —
PORTAL. Mémoires sur l'organisation de la puissance navale de la France. Paris 1846. 1 vol. in-8.	2 —
ROLAND (Mme). Mémoires avec notes et éclaircissemens historiques par Berville. Paris 1827. 2 vol. in-8.	2 —

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ [Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для скрипки.

- BEETHOVEN.** Collection complète des Quintetti, Quatuors et Trios composés pour instrumens à cordes. Nouvelle édition, (cartonnée en cinq volumes. (Цѣна съ пересылкою 35 р.).
- BENEDICT et PANOFKA.** Sérénade et Bolero. Grand duo pour piano et violon. op. 59 (2 r. 29 c.).
- BERIoT.** Valses pour violon et piano. op. 58 (1 r. 72 c.).
- et **WOLFF.** Grand duo brillant pour piano et violon sur la muette de Portici. op. 62 (2 r. 29 c.).
- BREE.** 3e grand quatuor pour deux violons, alto et violoncelle (3 r. 43 c.).
- DAVID.** Introduction et variations brillantes sur un thème original, avec orchestre. op. 19 (4 r.) avec piano (1 r. 72 c.).
- FELICIEN DAVID.** Douze mélodies pour piano et violon, liv. 1. 2 (chaque 1 r. 72 c.).
- FLOTOW.** Ouverture de l'opéra Martha, pour deux violons, alto et violoncelle (1 r. 72 c.).
- HAUPT.** Suite d'airs nationaux russes variés pour violon et piano. liv. 1. Не бѣлы снѣги (1 r.).
- HAUSER.** Trois morceaux de salon pour le violon avec piano. op. 16 et 21 (1 r.).
- HELLMERSBERGER.** Sonate pour piano et violon. op. 3 (2 r. 29 c.).
- Duo concertant pour piano et violon sur l'opéra Martha (2 r.).
- Potpourri sur des motifs de l'opéra Martha pour deux violons, alto et violoncelle (2 r. 29 c.).

- KAYSER.** Les délices des amateurs pour piano et violon. op. 12. № 6.
Les quatre fils d'Haymon de Balfe (1 r. 43 c.).
- Duos faciles et agréables sur des thèmes favoris des opéras pour deux violons. liv. 12 (1 r.).
- RUEFFNER.** Revue musicale. Collection de morceaux faciles pour piano et violon sur des thèmes favoris. op. 305. Cah. 18 (1 r. 43 c.).
- Les delassements de l'étude. Collection de morceaux faciles pour deux violons. Cah. 1. 2 (chaque 85 c.).
- KULLAK et BEKERT.** Grand duo brillant sur des mélodies romaines et napolitaines pour piano et violon concertants, op. 39 (2 r. 29 c.).
- LEONARD.** 1^r Concerto pour le violon avec orchestre. op. 10 (4 r.) avec piano (2 r. 29 c.).
- МАЗАТЬ.** Лучшій скрипичный учитель или новѣйшая школа вывѣщенной школы на скрипкѣ. Теоретическое и практическое наставленіе какъ выучиться въ короткое время, по новой весьма легкой методѣ, играть на этомъ инструментѣ, правильно и ловко. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. Methode de violon (3 r.).
- NOWOTNY.** Fantaisie pour le violon avec piano. op. 13 (85 c.). Fantaisie pour le violon avec piano. op. 14 (1 r. 15 c.).
- PANGFKA.** Deux nocturnes brillans sur des motifs de l'opéra: Mina, avec piano. op. 50 (1 r. 43 c.).
- SAMENTINI.** Fantaisie sur un air de Donizetti, avec piano. op. 2 (1 r. 72 c.).
- STEVENIERS.** La strène. Concertino avec piano (2 r.).
- Souvenir de Dom Sébastien. Morceau de salon, avec piano. op. 10 (1 r. 43 c.).
- VIEUXTEMPS.** 2e grand concerto. op. 25 pour le violon avec orchestre. op. 25 (10 r. 85 c.).
- 3e grand concerto. op. 25, avec piano (5 r. 15 c.).

Пьесы для фортепiano.

- BEYER.** Répertoire des jeunes pianistes. liv. 19. La Juive (72 c.). I Lombardi (72 c.). Six morceaux élégants. op. 96. № 1 à 6 (chaque 72 c.).
- COLLECTION des opéras.** Choix de morceaux favoris de l'opéra I des Foscari (1 r. 43 c.). Macbeth (1 r. 15 c.). I Masnadieri (1 r. 15 c.).
- CZERNY.** Premiers moyens d'acquérir de la dextérité sur le piano. Trente-six exercices mélodieux par ordre progressif. op. 792 (3 r. 15 c.).
- Le plaisir du jeune pianiste après les premières leçons. Choix de

petites récréations en formes de fantaisies, rondolettos, transcriptions, variations etc. sur les mélodies favorites, op. 794. liv. 1 à 12 (chaque 58 c.).

DOBZYNSKI. Mouvement et repos. Etude. op. 60 (1 r. 15 c.).

DOEHLER. La dansante. Grande valse. op. 67 (85 c.).

BINBRODT. Quatre mazurkas (85 c.).

EVERS. Impressions de l'Italie. Six morceaux. op. 42. № 1 à 6 (chaque 85 c.).

HELLER. Réveries. op. 58 (1 r. 15 c.) Valse brillante. op. 59 (1 r. 15 c.). Canzonetta. op. 60 (1 r. 29 c.). Deuxième tarantelle op. 61 (1 r. 43 c.). Deux valses. op. 62 (1 r. 43 c.).

KALLIWODA. Cinq mazurkas. op. 153. № 1 (85 c.). Trois marches militaires. op. 153. № 2 (85 c.).

KOLLMANN. Fantaisie brillante sur un thème favori. op. 16 (85 c.).

KULLAK. Prélude et scherzo. op. 25. № 5 (1 r. 29 c.). Saltarello. Solo pour le piano. op. 25. № 6 (1 r. 29 c.)

— Album espagnol. Mélodies originales paraphrasées. op. 45. № 1—6 (chaque 85 c.).

— Fleurs du sud. Six mélodies italiennes paraphrasées. op. 46 (7 r. 15 c.).

MAYER. Le sourire. Fantaisie. op. 107 (1 r. 15 c.). Souvenir de Pologne. Mazurka. op. 112 (1 r. 15 c.).

MEYER (L. de). Tableaux caractéristiques. op. 54 (1 r. 72 c.)

ROSELLEN. Fantaisie brillante sur l'opéra: Robert le diable. op. 102 (1 r. 72 c.). Trois réveries. op. 103. № 1, 2, 3 (chaque 1 r. 15 c.).

THALBERG. Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: la Gazza ladra de Rossini. Decameron. № 6. op. 57 (1 r. 43 c.).

WALDMUELLER. Deux fantaisies sur des motifs de l'opéra Martha. op. 49 et 51 (chaque 1 r. 15 c.).

WILLMERS. Klänge aus dem Süden. Fantasie-Stücke über italienische Volksmelodien. op. 56. № 1—5 (chaque 1 r. 15 c.).

(Выписывающие нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающие на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла девятая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Rosellen. Fantaisie brillante sur l'opéra: Robert le diable, op. 102. — Raff. L'abandonata, mélodie. — Reiss. Allegro. — Heller. Air de Schubert, transcrit. — Lumbye. Reunions - Galop. — Henrion. Holz-Polka. — Duvernoy. Air de ballet. — Burgmüller. Benedetta, fantaisie brillante. — Лазаревъ. Романсъ. — David. Романсо. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ, № 7. (Головая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

Господа, желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1848 годъ, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

==

ОСЕМНАДЦАТЫЙ СЪЕЗДЪ АНГЛІЙСКИХЪ УЧЕНЫХЪ. *Засѣданіа отъ 9—16 августа въ Свенси, въ княжествѣ Валлискомъ.* 1. *Самописные барометры и термометры.* Покровительство, оказываемое Собраніемъ метеорологическимъ обсерваторіямъ, устраиваемымъ по новому плану, гдѣ инструменты сами записываютъ наблюденія, что гораздо вѣрнѣе усердія и бдительности наблюдателей, состоящихъ на жалованьѣ, подало поводъ къ разнымъ изобрѣтеніямъ по этой интересной части. Господинъ Harrison представилъ собранію описаніе и рисунокъ своего самописнаго (self-registering) термометра. Извѣстно, какъ чувствительны къ перемѣнамъ температуры длинныя металлическія проволоки и струны. Фортепіанная струна, напримѣръ, при внезапномъ охлажденіи комнаты мгновенно и значительно повышается въ тонѣ, — значитъ она становится короче; при усиленіи теплоты отъ множества свѣчь, дыханія присутствующихъ или другихъ причинъ, тонъ ея понижается, — значитъ она вытягивается, дѣлается длиннѣе. Изъ множества точныхъ измѣреній извѣстно, что пруть, напримѣръ, мѣдвѣный, длиною въ 580 дюймовъ или 48½ футовъ, при пониженіи или повышеніи температуры воздуха на восемьдесятъ градусовъ Реомюра сокращается или удлиняется на цѣлый дюймъ; пруть или полоса желѣза, той же длины — на 7 линий, и такъ далѣе. Сила этого растяженія или сжатія атомовъ металла немовѣрна: полоса чугунная, поставленная перпендикулярно, и нагрѣваемая во всю длину, поднимаетъ огромнѣйшія

тяжести верхнимъ концомъ своимъ, если нижній упирается во что-нибудь твердое и неломкое. Если воспользоваться этою способностью металловъ, такъ самописный термометръ—готовъ, потому что главное условіе его — большая чувствительность къ теплотѣ и холоду и большая крѣпость матеріала, позволяющая придѣлать къ концу удлиняющагося и сокращающагося столба карандашъ или грифель такъ, чтобы онъ чертилъ твердо и чисто на бумагѣ или доскѣ, разграфленной на градусы въ одномъ направленіи, и на часы, минуты и секунды въ другомъ, подобно циферблату, и подвигающейся постепенно помощію часового механизма, который опредѣляетъ время. Свернувъ плоскою улиткой толстую мѣдную проволоку въ $48\frac{1}{2}$ футовъ длины, вы получаете передвиженіе карандаша, прикрепленнаго къ одному концу ея, равное цѣлому дюйму при перемиѣнѣ температуры, равной осьмидесяти градусамъ, то есть, $\frac{1}{80}$ долю дюйма на одинъ градусъ теплоты. Это пространство — слишкомъ микроскопическое: но его можно увеличить посредствомъ рычага, котораго тяжелый и короткій конецъ лежалъ бы на оконечности мѣдной проволоки и ось котораго, или точка опоры, была бы удалена отъ этого конца на столько, чтобы другой, длинный конецъ имѣлъ движеніе осемьдесятъ разъ обширнѣе движенія короткаго конца: тогда при измѣненіи температуры на одинъ градусъ карандашъ подвигается на цѣлый дюймъ. Это пространство очень удобно можно раздѣлить на десятыя и даже на сотыя доли градуса. Карандашъ можно укрѣпить на длинномъ концѣ рычага, который будетъ ходить по разграфленному циферблату.

Затрудненіе, для полученія математической точности, можетъ состоять въ укрѣпленіи другаго конца проволоки такъ, чтобы онъ не подвигался ни впередъ ни назадъ: его нужно было бы упереть въ большую массу твердаго камня. Помѣщеніе такой массы не удобно въ комнатахъ и притомъ же большая масса каменная будетъ сама сжиматься и расширяться при перемиѣнахъ температуры. Но эти неудобства могутъ быть устранены употребленіемъ двухъ прутовъ или двухъ полосъ различнаго металла, напримѣръ, мѣднаго и чугунаго: они сокращаются и удлиняются не одинаково; разница въ ихъ сокращаемости, которая на 10 футовъ доходитъ до $\frac{1}{20}$ доли дюйма при измѣненіи температуры на 40° , можетъ служить основаніемъ движенію нѣсколькихъ рычаговъ, опирающихся на оба конца обонхъ прутовъ, и движущихъ другъ друга. Длина и точки опоры рычаговъ могутъ

быть опредѣлены такъ, что длинный конецъ послѣдняго рычага пройдетъ по циферблату цѣлый дюймъ пространства тогда какъ разница въ сокращеніи двухъ металловъ будетъ составлять не больше $\frac{1}{20}$ доли дюйма.

Такъ именно устроенъ самописный термометръ господина Гаррисона. Часовой механизмъ, подставляющій карандашу разграфленную бумагу по мѣрѣ теченія времени, устроенъ хронометрически и заводится на цѣлую недѣлю. По истеченіи наблюдатель снимаетъ съ цилиндра приклеенную къ нему бумагу съ вѣрною графическою линіей движенія теплоты втеченія семерыхъ сутокъ, для вычетовъ и храненія, и наклеиваетъ новую бумагу.

При этомъ случаѣ господинъ Lloyd сообщилъ описаніе новоизобрѣтеннаго самописнаго барометра, который былъ представленъ ему для повѣрки и испытанія. Не возможно представить себѣ ничего проще и прочнѣе. Мѣдный цилиндръ, имѣющій въ одномъ концѣ плотное дно съ краномъ, задѣлывается съ другаго конца очень тонкою бляшкою желтой мѣди. Черезъ кранъ, помощью пневматической машины, вытягивается изъ цилиндра половина, или больше, заключеннаго въ немъ воздуха. Остальная часть воздуха въ цилиндрѣ дѣлается столь чувствительной къ давленію атмосферы, что бляшка немедленно вгибается или выгибается при малѣйшемъ измѣненіи его. На бляшкѣ лежитъ короткий и тяжелый конецъ рычага, повертывающагося на штифтикѣ и котораго противоположный длинный конецъ умножаетъ величину движеній бляшки во сто разъ. Карандашъ насаживается на этотъ длинный конецъ и приводится въ сообщеніе съ бумагойъ точно такого же часоваго механизма какъ тотъ, о которомъ мы сейчасъ говорили.

Господинъ Lloyd говоритъ, что при испытаніи этого инструмента втеченія довольно долгаго времени, замѣченная имъ разница между этимъ воздушнымъ и отличнѣйшимъ ртутнымъ барометромъ не превосходила $\frac{1}{100}$ дюйма.

2. *Эффектъ звуковъ во время быстрого движенія на желѣзныхъ дорогахъ. Новое сходство между звукомъ и свѣтомъ.* Господинъ Scott Russell сообщилъ любопытное наблюденіе надъ звукомъ, которое имѣлъ онъ случай сдѣлать во время ускоренныхъ и очень быстрыхъ поѣздокъ съ экстренными паровыми поѣздами. Ежели свистать или звонять на станціи, къ которой паровозъ очень быстро приближается, то нота этого свисту или звону по-

степенно возвышается, и наоборотъ, она понижается при быстромъ удаленіи отъ точки исходу звуку.

Господинъ Scott Russell полагаетъ, что это занимательное явленіе можно объяснить тѣмъ, что во время быстрого приближенія къ звуку, ухо бѣжитъ на встрѣчу звуковымъ волнамъ воздуха, и такимъ образомъ получаетъ въ секунду большее число вибраціонныхъ сотрясеній, нежели получило бы, оставаясь на мѣстѣ или движась съ небольшою скоростью. Дѣйствіе это будетъ въ родѣ того, какое оказываетъ дождь на быстро бѣгущаго человека, который подбѣгаетъ подъ большее количество капель и бываетъ болѣе промоченъ дождемъ, чѣмъ другой человекъ, бѣгущій съ умеренною скоростью. Звуковая волна можетъ въ этомъ случаѣ быть уподоблена дождевой каплѣ.

Этотъ способъ объясненія, по мнѣнію профессора Brewster'a, можно оспаривать болѣе или менѣе основательно, но тѣмъ не менѣе замѣчательно разительное сходство свойствъ звуку и свѣту при подобныхъ скоростяхъ движенія. Онъ нѣтъ случая удостовѣриться, что быстро приближаясь къ предметамъ, окрашеннымъ различно, предметы красные кажутся глазу гораздо ближе, чѣмъ желтые, а желтые ближе чѣмъ зеленые, синіе и фіолетовые, и что даже красный цвѣтъ, при весьма быстромъ удаленіи отъ краснаго предмета постепенно переходитъ въ зеленый, фіолетовый и наконецъ въ черный. Изъ чего, при сравненіи этого эфекту съ эфектомъ звуку, должно заключить, во-первыхъ, что красный цвѣтъ есть *самый высокій тонъ свѣту*, а фіолетовый *самый низкій*; во-вторыхъ, что о разстояніяхъ глазъ нашъ судить не иначе, какъ по кажушимся ему цвѣтамъ предметовъ. Это обстоятельство можно легко повѣрить быстрымъ взглядомъ на раскрашенную ландкарту: государства, окрашенные красными отливами, поражаютъ зрѣніе первые, кажутся ближе къ глазу и какъ-бы выходятъ изъ бумаги.

3. *Опыты съ углекислымъ газомъ и растеніями.* Въ пятомъ отдѣленіи этой книжки упомянуто о странномъ предположеніи геологовъ старой школы, которые допускаютъ серіозно, будто въ прежнія геологическія эпохи воздухъ былъ наполненъ страшнымъ угаромъ, то-есть, очень богатъ газомъ угольной кислоты, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, и объясняется исполинскій ростъ нѣкоторыхъ ископаемыхъ растеній; нынче они довольно мелки, растутъ слабо, потому что воздухъ чистъ; но тогда — о! тогда, дѣло дру-

гое! — въ угарномъ воздухѣ, разумѣется, они росли какъ *угарьлые*. Ипотеза эта, при всей своей забавности, такъ нравится многимъ ученымъ воображеніямъ, что онѣ никакъ не могутъ разстаться съ нею. Господинъ Нун сообщилъ Собранію, что новые опыты предприняты были въ оранжереяхъ ботаническаго сада въ Кью съ цѣлью удостовѣриться, увеличивается ли ростъ растеній при умноженіи въ воздухѣ пропорціи угольной кислоты. Уморили уже множество прекрасныхъ растеній, и до-сихъ-поръ не получили ни какого результата, за исключеніемъ развѣ того, что нѣкоторыя растенія можно постепенно пріучить къ угару столько, что они кое-какъ живутъ въ немъ, если прибавка углекислаго газу къ воздуху очень незначительна, но увеличенія въ объемѣ ихъ незамѣтно и всякое чрезмѣрное усиленіе пропорціи угарнаго начала становится для нихъ убійственнымъ. Опыты еще не прекращены: продолжаются.

4. *Дѣйствіе морской или поваренной соли на растительность.* Въ послѣднее время громко провозгласили на всѣхъ языкахъ чудеса морской соли, какъ средства удобренія растительной земли: мы не хотѣли вмѣшиваться въ эти преувеличенія, не вня достаточныхъ поводовъ приписать соли избытокъ полученной жатвы, который могъ быть слѣдствіемъ другихъ причинъ и непримѣченныхъ постороннихъ вліяній. Теперь, встрѣчая противорѣчащій опытъ, мы можемъ поставить два различныя дѣйствія соли рядомъ и передать ихъ на судъ сельскимъ хозяевамъ. Энтузіазмъ, произведенный въ нѣкоторыхъ парижскихъ воображеніяхъ прославленнымъ открытіемъ *самаго могучаго* тука, чуть не превратилъ соль во Франціи въ политическій и революціонный вопросъ. Напротивъ господинъ Randall докладывалъ Собранію въ Сведеніи о достовѣрномъ и хорошо обеуженномъ фактѣ, который показываетъ, что поваренная соль — ядъ для растеній. Фактъ замѣченъ былъ случайно — погибелю въ одномъ саду множества фуксій и другихъ растеній. Господинъ Линдли, которому ихъ показывали, рѣшилъ что они *отравлены*. Но причины и способу отравленія никто не могъ угадать. Наконецъ открылось, что въ колодець, изъ котораго черпали воду для поливки, откуда-то прокрадывалась морская соль. Послѣ химическаго разложенія этой воды въ минеральномъ осадкѣ ея, который обыкновенно составляетъ отъ двухъ до трехъ процентовъ на данное количество воды, нашли, что морская соль

(хлористый съдѣй) составляла большую половину его, или почти полтора процента. Вѣроятно, въ колодецѣ учредилось подземное сообщеніе съ моремъ. Со времени этого открытія начали дѣлать постоянные и тщательные опыты съ водою колодца и съ растворами морской соли въ дождевой водѣ въ различныхъ пропорціяхъ. Эти испытанія, стоившія жизни множеству растений, удостоверяли наконецъ положительно, что поваренная соль — чрезвычайно вредное вещество для растительности и, какъ удобрительное средство, никуда не годится. Весьма легкіе растворы поваренной соли въ дождевой водѣ сначала какъ будто благопріятствуютъ жизни и развитію, но, *отъ повторительной поливки земли такими растворами, въ короткое время накапливается соли въ ней столько, что почва становится солончаковатою, корни гниютъ, листья и стволы обезцвѣчиваются хлоромъ, и растенія умираютъ.* Вѣрѣйшее средство испортить самую лучшую растительную почву — поливать ее растворомъ морской соли года два или три.

5. *Холодильное свойство водороду.* Профессоръ Grove, при одномъ изъ многочисленныхъ опытовъ своихъ бѣлокаленія платиновой проволоки помощью электрическаго тока, замѣтилъ, что когда струя водороднаго газа проходила мимо такъ накаленной проволоки, температура огня значительно понижалась. Это заставило его подвергнуть испытанію другіе газы и придумать разныя замысловатые снаряды для точности наблюденій. Господинъ Гровъ убѣдился, что азотъ, кислородъ, углеродъ, и прочая, не оказываютъ такого вліянія на температуру нагрѣтаго тѣла; напротивъ — даже усиливаютъ жаръ, но прикосновеніе водороду постоянно уменьшаетъ его. Чему приписать это свойство водороду, газу столь легкаго и столь воспламенительнаго, господинъ Гровъ не понимаетъ; всѣ гипотезы, какія можно сдѣлать при нынѣшнихъ понятіяхъ о молекулярныхъ дѣйствіяхъ, неудовлетворительны; но сомнѣваться нельзя отнынѣ, что источникъ холоду — водородъ и что холодильное свойство принадлежитъ въ различныхъ степеняхъ всѣмъ составамъ, въ которыхъ водородъ участвуетъ.

6. *Новое и полезное свойство коку.* Кокъ, а по-русски коксъ, на томъ же основаніи какъ *бифстекъ* по-русски *бифстексъ*, есть, какъ извѣстно, перегорѣлый каменный уголь, лишенный почти

до чиста водороду и другихъ пламенѣющихъ началъ. Кокъ почитаютъ почти чистымъ углеродомъ, съ малою примѣсью минеральныхъ веществъ, не улетѣвшихъ съ дымомъ и не высыпающихся съ золою изъ угля. Кокъ, по донесенію господина Nasmyth'a можетъ служить подкрѣпленіемъ давно принятому положенію, что алмазь есть самый чистый углеродъ въ кристаллическомъ видѣ, потому что, по опытамъ этого ученаго, кокъ рѣжетъ стекло такъ же хорошо какъ алмазь: «не *рисуется* только, а *рѣжется*,» прибавляетъ господинъ Nasmyth; «рѣжетъ до того, что можетъ превосходно замѣнять алмазь въ ремеслѣ стекольщика.»

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. 1. Количесство дожда на высотахъ и въ низменныхъ мѣстахъ. Образование граду. Докторъ Phillips, какъ извѣстно, подъ покровительствомъ Съѣзду англійскихъ ученыхъ, занимался опредѣленіемъ этого вопросу посредствомъ опытовъ, производившихся въ разныхъ частяхъ высокихъ башенъ, и въ результатѣ получалъ, во первыхъ, что дождевая капля увеличивается въ объемѣ по мѣрѣ приближенія своего къ землѣ, и во вторыхъ, что количество падающаго дожда гораздо менѣе вверху чѣмъ внизу, какъ и слѣдуетъ быть тамъ, гдѣ капли меньше объемомъ. Профессоръ Миллеръ, по наблюденіямъ своимъ въ гористыхъ мѣстоположеніяхъ, утверждалъ въ послѣдствіи, что, въ горахъ, напротивъ, возвышенныя мѣста получаютъ гораздо болѣе воды изъ воздуха чѣмъ долины лежащія у ихъ подножья. Господинъ Hamersham считалъ нужнымъ заняться повѣркою этихъ показаній. По измѣреніямъ его, сдѣланнымъ многократно въ самыхъ удобныхъ къ тому мѣстностяхъ трехъ гористыхъ графствъ Англій, горныя высоты орошаются гораздо меньшею пропорціей дождевой воды, чѣмъ мѣста лежащія подъ ними.

Этого и должно было ожидать вспомявъ процессъ образованія граду, котораго теорія донынѣ спорна, потому что сочинители объясненій граду не наблюдали его среди высокихъ горъ. Давно замѣчено, что градныя внутри всегда содержатъ снѣгъ. Происхожденіе этого снѣгу толковали различно, а оно просто, и въ горахъ нерѣдко случается быть его свидѣтелемъ. Когда случатся два яруса облаковъ, скопившихся одинъ надъ другимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, путникъ спускающійся съ горы въ промежуткѣ двухъ ярусовъ тучъ, получаетъ снѣгъ на голову изъ

верхняго яруса, если этотъ ярусъ очень высоко и тамъ сдѣлалась зимняя стужа. Войдя въ нижній ярусъ тучъ, онъ встрѣчаетъ дождь и снѣгъ вмѣстѣ, а спустясь въ долину находить ее покрытою снѣжимъ градомъ. Снѣгъ, шедшій изъ верхняго яруса, проходя черезъ второй пластъ тучъ, который былъ гораздо теплѣе и разрѣшался въ то самое время дождемъ, обливается дождевыми каплями; тѣ мгновенно замерзаютъ вокругъ клочковъ снѣгу; зародышъ градины продолжаетъ паденіе, обливается новыми каплями воды по мѣрѣ столкновенія съ ними, и объемъ градины нарастаетъ постепенно новыми слоями тоненькаго льду. Слой эти, завертызающіе снѣговую сердцевину, можно примѣтить иногда и простымъ глазомъ, разрѣзавъ градину. Градъ, такимъ образомъ, для образованія своего требуетъ непремѣнно современнаго присутствія двухъ ярусовъ тучъ различной температуры. При температурѣ болѣе или менѣе одинаковой въ обоихъ ярусахъ, упадетъ только дождь, но подъ первымъ ярусомъ онъ будетъ скуднѣе чѣмъ подъ вторымъ, черезъ который капли перваго проходятъ. Самая многочисленность облачныхъ ярусовъ, которыхъ порой можно видѣть до трехъ и четырехъ на скатѣ высокой горы, показываетъ, что количество дождя должно необходимо быть обильнѣе у подошвы чѣмъ въ половинѣ высоты и въ самомъ верху.

2. *Постоящее различіе между артеріальною и венозною кровью.* Прежняя физиологія допускала, что кровь, текущая въ венахъ (черная), превращается въ артеріальную (красную), отъ прикосновенія въ легкихъ съ воздухомъ, окисляясь его кислородомъ. Ученіе это рушилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ наблюденій и опытовъ доктора Стивенса, который показалъ, что кислородъ и воздухъ вовсе не нужны для превращенія черной крови въ красную. Пыльце обыкновенно полагаютъ, что это превращеніе совершается подъ влияніемъ солей такъ называемыхъ *среднихъ*, то есть, по-русски, прѣсныхъ, не обнаруживающихъ ни кислаго ни щелочнаго дѣйствія.

Профессоръ Rees, примѣтивъ случайно особенный запахъ кровяныхъ шариковъ, когда они лопаются отъ прикосновенія съ воздухомъ, былъ увлеченъ этимъ обстоятельствомъ къ изслѣдованіямъ и опытамъ, которые наконецъ убѣдили его совершенно, что отдаленною и первою причиною превращенія черной крови въ красную есть въ самомъ дѣлѣ воздухъ, но ближайшею и не-

посредственною — прѣсныя соли. Фосфористое жирное вещество составляетъ одинъ изъ главныхъ составныхъ элементовъ красныхъ шариковъ, плавающихъ въ водянистой части или пасокѣ крови. При вдыханіи воздуха въ легкія, это вещество сжигается первое, отъ соединенія съ кислородомъ, и производитъ, по необходимости, углекислый газъ, воду и фосфорную кислоту, которая должна тутъ же растворяться въ пасокѣ, потому что дыханіемъ она изъ тѣла не изгоняется. Съ щелочнымъ началомъ пасоки, она немедленно образуетъ прѣсную соль. По изслѣдованіямъ господина Риса, которыхъ подробности, совершенно химическія, мы пропускаемъ, *типъ венозной* (черной) *крови* состоитъ въ слѣдующемъ: 1. кровяной шарикъ, содержащій въ себѣ фосфористое вещество; 2. пасока, свободная отъ фосфорно-кислой щелочи, *типъ артеріальной* (красной) *крови*: 1. кровяной шарикъ, лишennyй фосфористаго жирнаго вещества, которое пережглось при соединеніи съ кислородомъ воздуха въ легкихъ въ углекислый газъ, воду и фосфорную кислоту; 2. пасока, насыщенная значительнымъ количествомъ фосфорно-кислой щелочи въ видѣ прѣсной или средней соли.

Пасока, водянистая часть крови, какъ кажется, составляетъ основаніе ея и всей животной жизни. Въ этой жидкости происходятъ разложенія и слагаются самые важные составы. Пасока, въ организмѣ, имѣетъ двѣ формы, которыя безпрестанно перемежаются между собою: то она течетъ въ кровеносныхъ трубкахъ, увлекая въ потокъ свой красные шарики, которые сообщаютъ крови цвѣтъ и густоту, то встрѣчается въ промежуткахъ тканей, которымъ служитъ она кормовымъ сокомъ. Въ томъ и другомъ видѣ она — поприще и орудіе всѣхъ важнѣйшихъ преобразеній жизненныхъ матеріаловъ и она-то, ея измѣненія — настоящая причина перемѣнъ въ цвѣтѣ крови, красящей отъ образованія въ пасокѣ фосфорной соли, для которой фосфорная кислота образуется изъ разрушенія шариковъ отъ прикосновенія къ нимъ воздуху.

ФИЛОМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ПАРИЖѢ. *Собственные, органическія движенія въ яйцѣ.* «Въ яйцѣ, даже въ яйцѣ неоплодотворенномъ, разсуждаетъ господинъ Quatrefages въ то же самое время, совершаются различныя, но правильныя движенія, какъ и въ живомъ существѣ. Неоплодотворенныя яйца холоднокровныхъ водныхъ животныхъ, пущенныя свободно въ водѣ, безъ

прикрытія, тотчасъ начинаютъ вбираться въ себя сквозь оболочку. Проникнувъ внутрь яйца, вода растягиваетъ оболочку, удаляетъ ее отъ желтка и часовъ черезъ шесть или семь образуетъ слой, который можно было бы принять за бѣлокъ. Пуркинъевъ пузырькъ, который прежде былъ видѣнъ внутри яйца по причинѣ своей прозрачности, исчезаетъ, и въ желткѣ возникаютъ движенія, подобныя тѣмъ, какія замѣчаются въ яйцѣ оплодотворенномъ и прилично согрѣтомъ. Масса желтка безпрестанно измѣняетъ свою форму, то течетъ вся отъ одной точки къ другой, то образуетъ различные комки, которыхъ преобразенія можно преслѣдовать глазомъ. Всѣ эти движенія происходятъ преимущественно въ прозрачной жидкости или пасокѣ, связывающей шарики желтка, которые въ ней плаваютъ и которые она увлекаетъ въ разныя стороны. Иногда сама она образуетъ комки, совершенно свободные отъ шариковъ, но они быстро исчезаютъ. При этомъ дѣйствіи шарики становятся мельче, число ихъ уменьшается, и, слѣдовательно, существованіе пасокъ и важность ея роли становятся явственнѣе.

«Долго я думалъ, какъ вообще всѣ думаютъ, что движенія эти нечто иное какъ броженіе яйца, начинающаго портиться, но болѣе внимательное наблюденіе удостовѣрило меня, что это — движенія собственной жизни яйца, добровольныя, самостоятельныя, не зависящія ни отъ проникшей туда воды, ни отъ порчи, ни отъ дѣйствія такъ называемыхъ сперматозондовъ, которое, разумѣется, должно начинаться уже послѣ оплодотворенія яицъ. Какъ сперматозонды имѣютъ свои природныя вибраціи и волненія, такъ точно и желтокъ яйца, отдѣлившагося отъ существа матери, имѣетъ свои. Только эта собственная жизнь сперматозондовъ и собственная жизнь желтка скоро обезсиливаются и исчезаютъ, если движенія той и другой не сочетаются между собою. Прикосновеніе движеній сперматозондовъ къ движеніямъ желтка имѣетъ цѣлью только подкрѣпить ихъ, продлить, устроить и направить къ образованію формы живаго существа, но они существуютъ и безъ участія сперматозондовъ, составляя природное и основное свойство пасокъ желтка, которая и есть организующая жидкость, поприще всѣхъ превращеній матеріаловъ, изъ которыхъ жизнь строится.»

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Новый (осьмой) спутникъ Сатурна.* Господинъ Levertier, въ засѣданіи отъ 2 октября, сооб-

щилъ извѣстіе, полученное имъ изъ Ливерпуля отъ господина Ласселя, что этому искусному астроному удалось открыть осьмаго спутника Сатурна. Во второй половинѣ сентября, тщательно преслѣдуя Сатурна, онъ примѣтилъ, въ числѣ свѣтилъ различной величины, окружавшихъ эту планету, и въ чертѣ спутниковъ ея, звѣздочку, которая показалась ему новою въ этомъ мѣстѣ. Отмѣтивъ положеніе ея относительно къ двумъ неподвижнымъ звѣздамъ, въ слѣдующую ночь нашелъ онъ положеніе это разстроеннымъ: звѣздочка значительно отъ нихъ удалилась и втеченіе этой ночи продолжала еще удаляться, пробѣжавъ въ 2 часа и 6 минутъ времени 2 градуса и 46 минутъ пространства, не выходя однакожъ изъ черты спутниковъ, которымъ сэръ Джонъ Гершель присвоилъ имена: Мимасъ, Эпелладъ, Фетисъ, Діана, Рея, Титанъ и Іапеть, почитаемый за самага отдаленнаго. Всѣ соображенія, приводятъ господина Ласселя къ заключенію, что она принадлежитъ къ числу этихъ спутниковъ и течетъ за Титаномъ и Іапетомъ. Правда, скорость ея необычайна для Сатурнова спутника, но она впрочемъ не превосходитъ вѣроятной ошибки измѣренія въ такое короткое время и при такомъ маломъ числѣ наблюденій, которыя дурная погода, къ сожалѣнію, остановила.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La taverne du diable, Чортова корчма*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господъ Альбуаза и Бернара Лопеса.

Странная пьеса съ бурей, пожаромъ, корчмою, похищеніемъ, убійствомъ, судомъ, воскресшими покойниками и прочими принадлежностями мелодрамы.

Дѣйствіе происходитъ въ Америкѣ. Старикъ Мурфи, честный нью-іоркскій негодянтъ, разоренъ банкротствами банкировъ; какъ онъ ни старается поддержать свои дѣла, ему самому нѣтъ возможности избѣжать банкротства. Къ этому горю присоединяется еще другое; сынъ его Ричардъ отъявленный кутла, игрокъ, мотъ, словомъ, имѣетъ всѣ свойства мелодраматическаго негодая; даже любовь къ прекрасной дѣвушкѣ не можетъ исправить его. Эмма, дочь капитана Вальтера, стараго друга Мурфи, имѣла несчастіе понравиться двоимъ, Ричарду и молодому лорду Клей полю, который нѣчто въ родѣ Яго. Непримиримая вражда возникаетъ между соперниками. Клейполь промѣниваетъ Ричарду лошадь съ норовомъ на невольницу, въ которую влюбленъ пріятель его, боксёръ Пяклеръ. Ричардъ долженъ на этой лошади

участвовать въ скачкѣ, и Клейполь твердо надѣется, что она сломить ему шею; если же нѣтъ, то Пиклеръ ему поможетъ отдѣлаться отъ соперника.

Лошадь дѣйствительно понесла сѣдока, и надежда Клейполя сбылась бы, если бы не подоспѣлъ нѣкто Огльби и не застрѣлъ лошади. Этотъ Огльби одинъ изъ директоровъ компаніи застрахованія жизни, и Ричардъ принадлежитъ къ числу его вкладчиковъ: вотъ почему онъ такъ заботится о его сохраненіи. Ричарду очень досадно лишиться лошади, но онъ утѣшается тѣмъ, что опасность, которой подвергался, открыла ему любовь Эммы. Зато можете себѣ представить бѣшенство Клейполя. Онъ призываетъ Пиклера и обѣщаетъ подарить ему невольницу Розу, если онъ спровадитъ Ричарда. Дѣло слажено.

Ричардъ обѣщалъ Эммѣ бросить свою безпорядочную жизнь; но едва онъ съ нею разстался, пріятели и пріятельницы соблазняютъ его, и онъ садится съ ними пировать. Клейполь приводитъ Вальтера, который въ негодованіи, не слушаетъ ни какихъ оправданій и объявляетъ, что свадьбѣ не быть, и что онъ въ тотъ же день ѣдетъ съ дочерью въ Европу. Не этого хотѣлъ Клейполь: ему нужно, чтобы Эмма осталась, но чтобы она не водилась съ Ричардомъ; по этому онъ сажаетъ его въ тюрьму за долги, а ее похищаетъ и прячетъ въ какой-то разбойничій притонъ, называемый «Чортовою корчмою».

Мурфи выручилъ сына изъ тюрьмы; Ричардъ съ отчаянія пускается играть пуще прежняго и выигрываетъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Съ отчаянія же онъ отдаетъ эти деньги въ общество пожизненнаго страхованія, и хочетъ лишить себя жизни. Страшная буря; Ричардъ приходитъ къ Чортовой корчмѣ и хочетъ переправиться на лодкѣ на островъ Альбани; но видя, что никто не смѣетъ везти его, онъ покупаетъ лодку и уже садится въ нее, когда прибѣгаетъ Роза и открываетъ, что Эмма похищена и находится въ корчмѣ, и что Вальтеръ съ матросами ищетъ ея. Ричардъ хочетъ ворваться въ корчму, но на порогѣ встрѣчаетъ человѣка въ маскѣ; онъ срываетъ маску и видитъ Клейполя, который въ бѣшенствѣ поражаетъ его кинжаломъ и бѣжитъ. Приходятъ Вальтеръ, видятъ трупъ Ричарда и считают его похитителемъ, радуется, что преступникъ уже наказанъ по заслугамъ. Эта радость будетъ ему дорого стоить.

Клейполь, убѣгая, поджегъ корчму, чтобы избавиться отъ

трехъ лицъ, могущихъ его погубить : Пиклера , Розы и корчемщицы.

Смерть Ричарда доставила его отцу сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, въ которые была застрахована его жизнь ; старикъ радуется , что такъ неожиданно избавляется отъ позору; но радость смѣняется отчаянiемъ , когда приходятъ Эмма и Вальтеръ, и открываютъ несчастному , что онъ спасенiемъ обязанъ смерти сына.

Между-тѣмъ надъ Вальтеромъ наряженъ судъ ; онъ подозрѣвается въ убiйствѣ Ричарда; Клейполь предсѣдатель присяжныхъ и всѣми силами старается, чтобы состоялся обвинительный приговоръ. Но какъ предсѣдатель, онъ имѣетъ право испросить помилованiе одного осужденнаго; онъ предлагаетъ Эммѣ употребить это средство съ тѣмъ, чтобы она согласилась быть его женою. Несчастная уже готова принести себя въ жертву для спасенiя отца, но въ эту минуту является самъ Ричардъ, Пиклеръ и Роза, и обличаютъ настоящаго преступника. Какимъ образомъ они воскресли, про то знаетъ авторъ.

Конецъ какъ слѣдуетъ.

2. Jeanne Mathieu, *Жанна Матье*, водевилъ въ одномъ дѣйствiи, господина Фурнье.

У банкира Нерандо есть дочь-невѣста, еще разборчивѣе разборчивой невѣсты баснописца. Мамзель Жанна не требуетъ отъ жениха ни чиновъ, ни богатства, ни красоты; она хочетъ одного: чтобы женихъ полюбилъ ее не изъ приданаго, а ради ея самой, ея добродѣтелей и талантовъ. По этому Жанна отказала уже многимъ искателямъ ; но какъ она уже совершеннолѣтняя, а въ дѣвкахъ засидѣться ей не хочется, то она уговорила отца ѣхать на воды, и жить тамъ подъ именемъ небогатаго купца Матьё. Банкиръ согласился, но написалъ молодому миллионеру Сезару Меркаде, чтобы онъ прiѣхалъ въ Трепоръ и просилъ руки Жанны подъ скромнымъ вымышленнымъ именемъ. На другой же день послѣ ихъ прибытiя является бѣдный молодой живописецъ, Людовикъ ; онъ съ первой почти встрѣчи говоритъ Жаннѣ, что она очаровательна, но рисуетъ прескверно. Эта откровенность нравится разборчивой невѣстѣ, и молодые люди къ вечеру любятъ другъ друга какъ нельзя болѣе. Людовикъ рисуетъ портретъ мамзель Жанны. Нерандо находитъ, что это можетъ окомпрометировать дочь и проситъ молодаго человѣка объясниться;

у Жанны, говорить онъ, будетъ только три тысячи франковъ приданаго. Для бѣднаго артиста это кладъ, и вотъ молодые люди — женихъ и невѣста. Всѣ довольны, пока Нерандо не выбалтываетъ, что этотъ Людовикъ никто иной какъ миллионеръ Меркаде. Мамзель Жанна въ негодованіи; слышать не хочетъ о Меркаде, и не хочетъ пускать его на глаза. Но Людовикъ умоляетъ, чтобъ ему позволили объясниться. Выходитъ, что Нерандо попался въ собственные свои сѣти: Людовикъ совсѣмъ не тотъ, за кого онъ его принималъ, а дѣйствительно бѣдный художникъ. Старикъ бѣсится, клянется, что свадьбѣ не бывать, однако жъ принужденъ покориться судьбѣ и упрямой головкѣ дочери.

Въ пьескѣ есть хорошія, забавныя сцены, которыя выкупаютъ власть дѣйствія; она имѣла успѣхъ.

3. *Candide, Кандидъ*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Клервиля, Сентъ Ива и Шоллѣ.

Кто не читалъ забавной, полной сатиры и глубокаго смысла повѣсти Вольтера, отъ которой Маркиза Помпадуръ помирала со смѣху, и надъ которою задумывался Людовикъ Пятнадцатый? Отбросьте девять десятыхъ ея ума, и весь ея философскій смыслъ, потомъ скройте остальное на дѣйствіе и сцены, вклейте кой-гдѣ куплеты, и получите вышеприведенный водевилъ.

Кунегунда, дочь знаменитаго барона, котораго все богатство заключается въ семидесяти трехъ гербахъ, прислуга въ одномъ челоѣкѣ, такомъ же изсохшемъ какъ онъ самъ, а царня въ одной трехногой собакѣ, Кунегунда любитъ юнаго, прекраснаго Кандида. Кандидъ же ученикъ мудраго философа Панглоса. Почтенный учитель внушаетъ ученику самую строгую мораль, которой самъ однако же не всегда соблюдаетъ, что ясно доказывается урокомъ любви, который онъ даетъ Пакеттѣ: бѣдняжка, какъ ни сопротивляется, можетъ быть и уступила бы внушеніямъ соблазнителья, если бы, къ счастью ея, баронъ, охотясь, не принялъ Панглоса за зайца, и не подстрѣлилъ его куда-то по близости спины. Кунегунда, подсмотрѣвшая урокъ Панглоса, хочетъ повторить его съ предметомъ своей любви; Кандидъ въ ужасѣ и смущеніи падаетъ къ ея ногамъ, въ то самое время какъ входитъ разгнѣванный отецъ красавицы, и не совсѣмъ вѣжливо выталкиваетъ его за дверь.

Во второмъ дѣйствіи баронъ, его дочь, Кандидъ, и прочія лица осаждены Болгарами въ женскомъ монастырѣ, куда они скры-

лись въ женскихъ платьяхъ. Монастырь взятъ, и начинается рѣзня, грабежъ, и прочая. Потомъ вы встрѣчаете своего пріятеля Кандида въ Венеціи, гдѣ онъ обѣдаетъ въ трактирѣ съ пятью безземельными королями, и покупаетъ корсиканское королевство у короля Теодора, которому нечѣмъ заплатить за обѣдъ. Далѣе онъ видитъ во оубъ Эльдorado, страну блаженства, гдѣ люди такъ счастливы, что имъ уже нечего желать; Кандидъ рѣшаетъ, что когда нечего желать — скучно; а гдѣ скука, тамъ нѣтъ счастья, и потому лучше оставаться на нашемъ свѣтѣ какъ онъ ни гадокъ.

Въ третьемъ дѣйствіи, наконецъ, Кандидъ узнаетъ Кунегунду, уже не знатную баронскую дочь, а кухарку въ трактирѣ; онъ извлекаетъ ее изъ нищеты, женится на ней, и отправляется съ Панглосомъ въ Корсику садить капусту и рѣпу.

Успѣхъ этой пьесы, не смотря на крупную соль ея шутокъ и остротъ, самый посредственный.

4. *Joséphine et Napoléon, Жозефина и Наполеонъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Дальера.

Раскройте любую біографію Наполеона, и прочтите исторію его развода съ Жозефиною; авторъ драмы идетъ рука объ руку съ исторіею, не отступая отъ нея ни на шагъ: драма написана гладкими, классическими стихами, вяла и слезлива до безконечности, впрочемъ одинъ характеръ очерченъ въ ней довольно удачно: это характеръ несчастной супруги, которая, съ отчаяніемъ въ душѣ, добровольно покоряется разводу съ нѣжнолюбимымъ мужемъ, потому что этой жертвы требуютъ его политическіе виды.

5. *Les Femmes de Paris, Парижскія жены*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, госпожи Ансд.

Графъ Терсанъ старый закоснѣлый развратникъ, котораго ничто не остановитъ, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи его страстей. Окомпрометировавъ мадамъ де-Бюсси, онъ долженъ стрѣляться съ ея мужемъ, и тяжело ранитъ его. Между-тѣмъ какъ онъ ухаживаетъ за врачомъ, какой-то негодяй, Делафорши, слышавшій, что де-Бюсси имѣетъ при себѣ важныя бумаги и большія деньги, добываетъ его и убѣгаетъ съ добычею. Является полиція и схватываетъ случившагося тутъ ремесленника Тибдъ; его судятъ, и приговариваютъ къ смерти. Къ счастью, онъ между-тѣмъ догадался убѣжать.

Прошло шестнадцать лѣтъ. Графъ Терсанъ все прежній развратникъ; а Делафорши неизвѣстно какими средствами разбогатылъ. Онъ даетъ графу взаймы сто-тысячь на свадьбу свою съ дочерью графа Еленю; но Терсанъ проматываетъ эти деньги на новыя интриги: между прочими похищаетъ Лену, свою побочную дочь. Къ счастью, жена графа является въ самую пору, чтобы предупредить новое преступленіе. Счетъ жертвамъ графа вышелъ бы почти также диненъ какъ счетъ Лепорелло: тутъ и жена Тибб, и его сестра, и кого еще вѣтъ? Наконецъ старость и дряхлость образумливаютъ графа; онъ мирится съ женою и становится порядочнымъ человѣкомъ. Ремесленникъ Тиббъ возвращается на родину и живетъ по прежнему трудомъ. Елена отказываетъ Делафорши, за то, что онъ изъ мести пытался отравить графа.

6. *Le Lion empaillé, Набитый Левъ*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ съ куплетами, Леона Гозлана.

Эта комедійка очень проста и незатѣйлива, но въ ней есть умныя сцены, удачно подмѣченныя черты, и забавныя выходы. Все дѣло въ томъ, что одинъ старый холостякъ, который молодился, волочился и веселился, пока не прокутилъ имѣніе и здоровье. Наконецъ, чтобы не остаться на старости безъ хлѣба, и безъ доброй души, которая бы за нимъ ухаживала, онъ рѣшается жениться на своей хорошенькой кухарочкѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Три мѣсяца тому назадъ италіянская музыка потерпѣла значительную утрату: Доницетти умеръ въ Бергамо. Творецъ «Анны Болены», «Лучіи», «Фаворитки», «Любовнаго напитка», «Донъ-Паскуале» и многихъ другихъ прекрасныхъ партицій, переведенныхъ на всѣ европейскіе языки и пѣтыхъ на всѣхъ европейскихъ театрахъ, угасъ измученный трудами, истомленный поэтическимъ вдохновеніемъ, а отчасти излишествомъ наслажденій, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ, въ минуту полного развитія своего таланта.

Доницетти принадлежитъ къ поколѣнію драматическихъ композиторовъ, господство котораго на италіянской сценѣ началось съ той поры, когда замолкъ гениальный Россини. Съ этого времени пять композиторовъ ставятся въ главѣ музыкальнаго движенія въ Италіи — Доницетти, Беллини, Меркаданте, Пачини и Верди.

Въ прошедшихъ нумерахъ нашего журнала мы представили биографію Донидзетти, съ подробною оцѣнкою замѣчательнѣйшихъ его произведеній. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о другихъ дѣятеляхъ послѣдняго періода италянскаго музыкальнаго искусства.

Россіи явился на музыкальное поприще въ то время, когда уже не существовали великіе композиторы второй половины осемнадцатаго столѣтія, или по-крайней-мѣрѣ уже ничего не писали. Это было въ 1812 году. (Паезіелло умеръ въ 1816 году). Между многочисленными и вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожными ихъ подражателями, оспаривавшими другъ у друга наслѣдство великихъ мастеровъ, преимущественно отличались трое: Майеръ, Паеръ и Женедали. Майеръ родился въ Баваріи, въ одной деревенькѣ, и дебютировалъ на италянскій сценѣ въ 1794 году. Онъ составилъ себѣ извѣстность четырьмя операми, именно: «Ginevra di Scozia», «Medea», «La Rosa bianca», «La Rosa», которыя памятны многимъ знатокамъ. Оркестровка нѣсколько побогаче нежели оркестровка современниковъ, нѣкоторая ловкость въ аранжировкѣ *troupeaux d'ensemble*, мелодіи хотя и слишкомъ сокращенныя, но не лишены возвышенности, блеску и германской сентиментальности, вотъ обыкновенныя достоинства оперъ Майера. Паеръ, членъ парижскаго института, умершій въ 1839 году, былъ композиторъ уже болѣе искусный и болѣе разнообразный нежели Майеръ. Онъ родился въ Пармѣ, въ 1771 году, откуда былъ вызванъ въ Вѣну, въ 1797 году. Здѣсь услышалъ онъ оперы Моцарта, которыя сильно поразили его и вмѣстѣ съ тѣмъ навели на мысль объ инструментовкѣ болѣе энергичской и самобытной, нежели инструментовка его соотечественниковъ. «Гризельда», «Камилла» и «Агнеса», лучшія его произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ дѣйствительнаго направленія этого таланта, сліянія школы германской со школою италянскою. Женедали, напротивъ, весь Итальянецъ. У него является брѣво, блескъ, мелодіи и особенная живость стиля,—достоинства, которыя достались въ удѣлъ и его преемнику.

Посреди этихъ идей, посреди музыкальныхъ формъ, по наружности звучныхъ, но внутри пустыхъ и безжизненныхъ, довольно похожихъ на литературу французской имперіи, явился Россіи. Полный жизни и смѣлости, юный композиторъ присвоилъ себѣ все, что нашелъ замѣчательнѣйшаго у своихъ современниковъ, и возвысилъ заимствованное до самобытности. Многочисленныя и разнообразныя его произведенія отличаются

блестящимъ изобрѣтеніемъ, обиліемъ и свѣжестью мотивовъ, силою акомпанимента, новостью гармоніи и полнотою страсти. Россіини какъ гевій преимущественно италіанскій, какъ порожденіе громкой и вмѣстѣ съ тѣмъ чувственной эпохи, скоро совершенно отрѣшается отъ школы своихъ предшественниковъ. Онъ исходитъ изъ осемнадцатаго вѣка, какъ изъ тихой долины, и летитъ впередъ съ быстротою нетерпѣливаго завоевателя. Это Бонапартъ, спускающійся съ Альповъ, для покоренія цвѣтущихъ равнинъ Ломбардіи.

Новое философское и литературное направленіе, современное паденію Имперіи, начало проникать въ Италію въ 1820 году. Это направленіе, родившееся изъ потребности возвышенія идеала человеческой натуры, смѣсь странныхъ учевій, религіозныхъ вдохновеній, воспоминаній о прошедшемъ, вѣжныхъ и наивныхъ мечтаній, явилось по эту сторону Альпъ, какъ нашествіе сѣверныхъ народовъ на южную цивилизацію и образовало цѣлую школу нововодителей. Послѣдніе основывали свои дѣйствія на томъ принципѣ, что искусство должно быть выраженіемъ истинныхъ глубокихъ движеній души, и будучи вдохновлены произведеніями Гёте и Шиллера, поэмами Байрона и романами Вальтеръ-Скотта, старались дать литературѣ своей страны характеръ болѣе строгій и логическій, и освѣжать формы поэзи и воображенія. Музыка тоже должна была испытать на себѣ это новое направленіе духа, которое и сообщилъ ей прежде всѣхъ Беллини.

Беллини родился третьяго ноября 1802 года, въ Катано. Онъ получалъ свое музыкальное образованіе въ Неаполѣ въ консерваторіи, подъ дирекціею Тритто и потомъ Цингарелли. Первая опера его «*Bianca e Gerardo*» имѣла нѣкоторый успѣхъ на театрѣ Санъ-Карло и потому на слѣдующій годъ онъ былъ вызванъ въ Миланъ, гдѣ и написалъ «*Пирата*» для Пасты и Рубини. Эта опера имѣла огромный успѣхъ и разнесла по Италіи имя Беллини, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Рубини. Въ 1828 году онъ написалъ въ томъ же городѣ «*La Straniera*», а въ 1831 «*Соннамбулу*». Послѣднее произведеніе написанное тоже для Пасты и Рубини произвело восторгъ. Упоенный успѣхомъ, Беллини придалъ своему стилю большую строгость, и сочинилъ «*Норму*», послѣднее созданіе Пасты. Въ 1833 онъ явился въ Парижъ, гдѣ послѣ поѣздки въ Лондонъ, въ 1834 году создалъ послѣднее свое произведеніе «*Пуритане*». Исполнителями этой оперы были четыре знаменности, составлявшія въ то время славу парижской италіанской

оперы—Гризи, Тамбурини, Лаблашъ и Рубини. Онъ умеръ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ перваго представленія этой оперы. Натура Беллини была необыкновенно деликатна, гений его былъ болѣе пріятный и нѣжный нежели могучій, болѣе вдохновенный нежели разнообразный. Все это избавило его отъ вліянія Россини и заставило искать вдохновенія у великихъ мастеровъ осемнадцатаго вѣка. Онъ заимствовалъ у Папписелло пріятный и элегическій стиль. Это преимущественно замѣтно въ «Соннамбулѣ», партія которой лучше другихъ выражаетъ личность композитора. Несмотря на недостатокъ музыкальнаго образованія, Беллини не всегда довольствовался простою передачею мелодій; напротивъ, иногда доводилъ ихъ до идеальной искусственности, что преимущественно замѣтно въ «Пуританахъ», оперѣ написанной съ большою отчетливостію. Инструментовка Беллини, по болѣе части слабая, не лишена иногда блеску. Онъ заимствуетъ элементы ея у Россини, иногда у Вебера, послѣднее особенно замѣтно въ интродукціи «Пуританъ». Произведенія его отличаются характеромъ элегическимъ, который выражается въ тихой, ровной декламации, въ пѣніи, не блестящемъ, какъ у Россини, но полнымъ чувства и естественности. Беллини родился въ странѣ благодатной; ухо его съ дѣтства привыкло къ грустнымъ мелодіямъ сицилійскихъ пастырей; сердце его полно было нѣжной меланхоліи, внушаемой въ южныхъ странахъ длинными тѣнями вечера и безконечнымъ горизонтомъ моря, меланхоліи, которая видна въ произведеніяхъ Теокрита, въ мадригалахъ Гезуальдо и преимущественно у Перголезе и Паэзіелло; не удивительно, что онъ смѣшиваетъ свое южное вдохновеніе съ туманными и пантеистическими мечтаніями литературы германской и англійской, и создаетъ изъ всего этого новое цѣлое, полное прелести и таинственности.

Верди, послѣдній по времени изъ итальянскихъ композиторовъ — талантъ совершенно противоположный Беллини. Онъ родился въ окрестностяхъ Милана; говорятъ, что старій дядя пасторъ научилъ его первымъ правиламъ музыки, упражняя въ игрѣ на церковныхъ органахъ. Провидѣніе и трудъ довершили остальное. Первое произведеніе, доставившее ему извѣстность, было «Навуходоносоръ», опера, которая имѣла въ Миланѣ огромный успѣхъ. Затѣмъ около десяти партій его приняты были съ энтузіазмомъ во всей Италіи, исключая впрочемъ Неаполя. Въ странѣ Россини музыка Верди сдѣлалась народною; его мелодіи распѣ-

ваются на всѣхъ площадяхъ и улицахъ. Творецъ «Навуходоносора», «Эрнани», «Двухъ Фоскарн» и «Ломбардовъ» соединяетъ со строгостію стѣля фантазію болѣе возвышенную нежели богатую. Мысли его не лишены ни блеску, ни силы, но зато онѣ постоянно вращаются въ одномъ и томъ же кругу. Композиторъ, къ сожалѣнію, не будучи въ состояніи придать имъ разнообразія формы, впадаетъ часто въ односторонность, явно облачающую скудость изобрѣтенія. Верди чрезвычайно любитъ драматическія эффекты; онѣ постоянно гонятся за ними, и если наконецъ достигаетъ желаемого, то скорѣе посредствомъ удачнаго взрыва звуковъ, происходящаго какъ-бы случайно, нежели посредствомъ послѣдовательнаго развитія частностей. Сверхъ-того онѣ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ унисову, формѣ однообразной уже по своей натурѣ и, слѣдовательно, требующей большой осторожности со стороны композитора. Оркестровка Верди иногда слишкомъ громка, иногда слишкомъ бѣдна, а подъ часъ то и другое вмѣстѣ. Верди старается акомпанировать человѣческому голосу посредствомъ самыхъ неблагоприятныхъ инструментовъ, напримѣръ *cornet à piston*. Такая аффектація производитъ непріятное впечатлѣніе и годится болѣе для маскарада нежели для строгой музыки. Оперы Верди подвергаютъ голосъ пѣвца страшнымъ усліямъ и потому чрезвычайно много вредятъ искусству пѣнія. Вообще талантъ этого композитора, лишенный вѣжности и граціи и поддерживаемый единственно преданіями нѣмецкой и французской школы, долженъ быть разсматриваемъ какъ талантъ ложный.

Начини—авторъ «Ніобы», «Послѣдняго дня Помпей», «Сафо» и тридцати другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ оперъ — ничто иное какъ слабый раздражитель Россіи. Меркаданте, композиторъ умный и искусный, но не имѣющій рѣшительно ни какой самобытности. Сначала онѣ пошелъ по стопамъ Россіи, потомъ сталъ подражать Беллини, а теперь уже гонится за жалкою славою Верди.

Изъ сказаннаго нами видно, что послѣ Россіи характеръ италіанской школы значительно измѣнился. Вліяніе иностранной литературы и новыхъ теорій драматическаго искусства заставило италіанскихъ композиторовъ прибѣгнуть къ бурному изображенію страсти, и забыть пріятное, вѣжное чувство. Что-то въ родѣ мистицизма овладѣло свѣтлымъ воображеніемъ Италіанцевъ. Мелодіи ихъ быть-можетъ болѣе глубокія, болѣе возвышенныя, менѣе развиты, менѣе блестящи нежели мелодіи Россіи. Искус-

ство проводить тему чрезъ всѣ фазы ея развитія, посредствомъ эпизодовъ и модуляцій, совершенно пренебрежено; инструментовна сдѣлалась грубѣе и притомъ уже не имѣетъ той полноты и того изящнаго разнообразія, которому мы удивляемся въ «Отелло» и «Семирамидѣ». Послѣдователи Россіи очевидно уронили искусство; они изуродовали драматическое выраженіе, придавъ ему натянутость и пустоту мелодрамы. Однимъ словомъ, италіанская опера теперь больше ничего, какъ «taleau de genre».

И въ этомъ-то кругу дѣйствовалъ Донидзетти. Какъ композиторъ болѣе искусный и болѣе энергическій, хотя и менѣе оригинальный нежели Беллини, онъ далеко оставилъ за собою Меркаданти, Верди, Пачини и прочихъ композиторовъ втораго порядка, и потому имѣетъ право на гениальность. Мѣсто его въ исторіи искусства непосредственно послѣ Россіи. Чтобы опредѣлить заразъ благородство натуры и прелесть таланта композитора «Лучіи», подъ портретомъ его слѣдуетъ подписать слова изъ финала этой оперы:

O bell' alma innamorata!

Парижъ. Въ Зимнемъ саду концерты продолжаются безостановочно. Замѣчательнымъ событіемъ было здѣсь появленіе госпожи Видеманъ, исполнившей въ одномъ изъ послѣднихъ концертовъ нѣсколько отрывковъ изъ «Фаворитки» и «Карла Шестаго». По нашему мнѣнію, эта красивая и умная пѣвица въ концертахъ вовсе не на своемъ мѣстѣ: она забываетъ, что поетъ не на сценѣ и вноситъ въ концертное исполненіе такіе элементы, которые здѣсь вовсе излишни. Она исполняетъ роль, а не музыкальный отрывокъ. Въ этомъ отношеніи ей прекраснымъ примѣромъ могъ бы служить Поншаръ: его жестикуляція, выраженіе, произношеніе — само совершенство. Публика вполне поняла достоинства этого артиста и увѣчала громкими рукоплесканіями исполненіе мелодіи изъ *Jenny ouvrrière* и драматическаго романса изъ «Richard Coeur de lion, Une Fièvre brûlante». Послѣдняя пѣсня пропѣта была Поншаромъ вдвоемъ съ Ивемъ-Гепеномъ чистымъ приятнымъ теноромъ, который современемъ вѣроятно сдѣлается любимцемъ публики, если только будетъ придавать своему пѣнію болѣе выраженія. Госпожѣ Норде, исполнившей большую арію изъ «Лучіи», тоже не мѣшало бы обратить поболѣе вниманія на выраженіе. Какъ хотите, а прекрасная метода, вѣрный и гибкій голосъ въ пѣніи еще не все: нужно подумать и о чувствѣ. Скажемъ

здѣсь кстатн, что учредители концертовъ весьма благоразумно распорядились, включивъ въ свой репертуаръ аріи и отрывки изъ оперъ. За этими піесами отдыхаешь отъ романсовъ и пѣсенокъ, которыя къ несчастію не умолкаютъ въ Парижѣ ни на минуту. Исполнять предъ публикою піесы серіозныя, значитъ развивать ея музыкальный вкусъ. Давно бы пора!

Въ этомъ концертѣ скрипачъ Леопъ-Лесіе исполнилъ фантазію своего сочиненія. Этотъ артистъ дебютировалъ съ успѣхомъ два или три года тому назадъ въ концертѣ пѣвицы Даморо. За тѣмъ онъ впалъ въ фокусы и манерности, и сдѣлался однимъ изъ тѣхъ исполнителей, про которыхъ говорятъ: маленькій талантъ, и больше ничего. Теперь онъ, кажется, старается выбраться на прежній путь; въ добрый часъ! Онъ выигралъ много въ полнотѣ звука и стиля, а равно и въ выраженіи; но тѣмъ не менѣе въ игрѣ его эти качества ни что иное какъ поэтической элементъ искусства, дѣйствующій, посредствомъ инструмента, на умъ, чувство и воображеніе слушателей.

Подземная, отдаленная, а подъ часъ и не совсѣмъ согласная гармонія мѣдныхъ инструментовъ; отрывки изъ любямыхъ оперъ, исполняемые довольно искуснымъ оркестромъ, подъ дирекціею Фесен; фейерверкъ выходящій изъ воды и отражающійся на стеклянныхъ сводахъ сада, и наконецъ настоящая венеціанская карнавальная ночь — вотъ чудеса, которыми наслаждаются въ Зимнемъ Саду три раза въ недѣлю глаза и уши Парижанъ, собирающихся сюда, отдохнуть отъ политики и помечтать подъ вечерокъ на свѣжемъ воздухѣ.

— Галевн написалъ новую оперу «Le val d'Andore», — слова Сень-Жоржа, — которая уже репетируется.

— Сюда прибылъ недавно піанистъ Прюданъ, впрочемъ не надолго.

— Въ Консерваторіи произошли лѣдующія перемѣны: Циммерманъ послѣ тридцати-двухъ лѣтъ постоянныхъ трудовъ вздумалъ оставить службу, но министръ назначилъ его инспекторомъ ортепінныхъ классовъ и членомъ комтета. На его мѣсто явилось трое соискателей, Мармонтель, Прюданъ и Альканъ, всѣ трое его ученики: самая лучшая похвала учителю! Мѣсто получилъ первый, хотя и менѣе знаменитый нежели двое послѣднихъ, но уже два года съ успѣхомъ занимающій въ Консерваторіи мѣсто Генриха Герца. По нашему мнѣнію, ему лучше было бы остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: получая тѣже самыя матеріальныя выго-

годы, онъ современемъ могъ бы вполне замѣнить собою Герца, который по всемъ вѣроятностямъ навсегда останется въ Америкѣ. Что же выходить теперь изъ противнаго? Надо назначить кого-нибудь временно на мѣсто Герца. Само собою разумѣется, что ни Пруданъ, ни Альканъ, не примутъ этого назначенія, и такимъ образомъ Консеваторія навсегда лишится двухъ знаменитыхъ виртуозовъ, имена которыхъ много могли бы способствовать ея славѣ. — Въ скрипичномъ классѣ въ настоящее время то же открылось одно вакантное мѣсто, именно по случаю выхода въ отставку Габенска. На это мѣсто претендуютъ трое: Данкла, Кювильонъ и Гауманъ, но въ Консеваторіи уже и безъ того четыре профессора этого предмета, что вполне достаточно по потребностямъ школы и числу учениковъ. Вслѣдствіе того рѣшено было при первой открывшейся вакансіи, вмѣсто назначенія новаго профессора, закрыть самый классъ, — что и исполнено.

— Концертное общество избрало Габенска своимъ почетнымъ директоромъ. Такимъ образомъ оно вполне выразило свою признательность къ человѣку, который былъ сперва его основателемъ, а за тѣмъ и директоромъ болѣе двадцати лѣтъ.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Національному Собранію назначить въ пользу бывшей Большой Оперы (нынѣ Théâtre de la Nation), сверхъ ассигнованныхъ 820,000 франковъ, еще 170,000 франковъ, и за тѣмъ на поддержку всѣхъ остальныхъ театровъ 500,000 франковъ, изъ числа которыхъ 85,000 на Комическую Оперу. — Собраніе утвердило все сказанное и кромѣ того назначило 200,000 франковъ для вспомоствованія артистамъ. Изъ объявленія министра видно, что въ Парижѣ крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ живутъ отъ театровъ.

Лондонъ. Господинъ Банкъ формируетъ теперь новую оперную труппу для Ковентгарденскаго Театра. Ривесъ и Витвортъ уже ангажированы. Говорятъ, Ниссенъ будетъ примадонною. Между другими пѣвицами называютъ госпожъ Гей Бирчъ, Валластъ, Мессентъ и Миранъ. Театръ откроется перваго октября оперою Обера «Ганде», переведенною на англійскій языкъ. За тѣмъ послѣдуютъ оперы Бальфа и Валласа и кромѣ того много другихъ новостей.

— Говорятъ что Тальбергъ остается здѣсь на постоянное жительство.

— Во Франкфуртѣ Францъ Мессеръ, директоръ общества Святой

Цецилия, назначенъ директоромъ концертовъ Музея, на мѣсто покойнаго Гура. На здѣшнемъ городскомъ театрѣ возобновлена опера: «Двое слѣпыхъ изъ Толедо».

— Въ Бернѣ, 13 и 14 числа, происходило большое музыкальное торжество (le grand festival de la Suisse). Здѣсь особенный интересъ возбуждали двѣнадцать венгерскихъ пѣвцовъ, которые пѣли свои народныя пѣсни съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и чувствомъ.

— Въ Константинополѣ окончены залъ театра. Всѣ видѣвшіе отзываются объ немъ съ большою похвалою.

— Въ Бергамо воздвигнута будетъ мраморная статуя царю теноровъ Рубини.

— Въ Штутгардѣ придворная театральная труппа, въ скоромъ времени, кажется, окончательно будетъ распущена. Въ концѣ іюля всѣ балетные артисты (слишкомъ шестьдесятъ человѣкъ) были уволены. Вскорѣ за тѣмъ получили отставку всѣ хористы; таже участь предстоитъ теперь и всѣмъ членамъ оркестра, драмы и оперы, аганжированнымъ не по контракту.

— Въ Гамбургѣ, музыкальнымъ продавцемъ Шубертомъ была назначена премія за лучшую нѣмецкую патриотическую пѣсню: господъ Кребсъ, Грудъ, Шинделмейссеръ и Шеферъ, назначенные судьями, не нашли достойнымъ награды ни одно изъ двухъ-сотъ-сорока четырехъ сочиненій. Впрочемъ надо замѣтить, что слова пѣсни такъ плохи, что ими трудно воодушевиться композитору.

— Врачъ Луи Берлиозъ, отецъ знаменитаго Гектора Берлиоза, умеръ въ Котъ Сентъ-Антоанъ (въ Изерскомъ департаментѣ) на семьдесятъ шестомъ году своей жизни.

— Робертъ Шуманъ окончилъ свою оперу «Женсвѣва». Лордцингъ пишетъ новую оперу «Регина».

— Въ Берлинѣ скоро снова откроется Италіянская Опера. Аганжированныя пѣвицы — Фодоръ, Долиотти, Норманни; теноры — Лабочетта, Пардини, Каталано; баритонъ — Ринальдини; басъ — Понсъ. Спектакли откроются «Нормою» Беллини: за тѣмъ послѣдуютъ «Волшебная Флейта», «Фенелла», «Фра-Діаволо» и новая опера Барбіери «Коломбо».

— Въ Висбаденѣ рѣшена, 26 августа, участь тамошняго театра: онъ переименованъ изъ придворнаго въ народный. Дирекція требовала 32,000 флоринновъ ежегоднаго вспомошествованія, но вмѣсто того получила только 11,600 флоринновъ. Сумма эта назна-

чается съ 1 сентября 1848 по 1 января 1849. Съ того времени театръ получить окончательное преобразование.

— На Страсбургскомъ Театрѣ снова начались предетавленія. Городъ выдалъ директору на шесть зимнихъ мѣсяцевъ 30,000 франковъ вспомошествованія.

— Новая опера Проха «Der gefährliche Sprung» не имѣла въ Вѣнѣ ни какого успѣха. Вообще, какъ кажется, знаменитому композитору пѣсень не везеть на сценѣ.

— Лейпцигское музыкальное общество «Эвтерпа» будущею зимою снова откроеть свои вечера. Сперва даны будутъ четыре концерта, въ залѣ книжной биржи, подѣ дирекціею капельмейстера Нетцера. Если дѣло пойдетъ хорошо, то общество на этомъ не остановится.

— Въ Ригѣ умеръ отъ холеры актеръ Волбрюкъ, авторъ либретто Мартперовыхъ оперъ «Вампиръ», «Храмовой Рыцарь» и «Жидовка».

— Нѣмецкое общество пѣвнйя въ Константинополѣ дало праздникъ въ честь германскаго единства; въ этомъ торжествѣ было отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ участниковъ.

— Въ Венденѣ (въ Лифляндіи) недавно происходило музыкальное празднество подѣ дирекціей господина Рудольфа Постеля. Между прочимъ исполнены были мотеттъ Гайдна, хоры изъ реквиема Моцарта, сорокъ второй псаломъ Мендельсона-Бартольди. Число пѣвчихъ простиралось до ста-пятидесяти.

— Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Пруссіи намѣревается издать новое уложеніе по части искусствъ и художествъ, и потому вызываетъ желающихъ представить по этому предмету проекты. Здѣсь разумѣются всѣ отрасли искусства, въ томъ числѣ музыкальное и драматическое, и между прочимъ идетъ рѣчь о томъ, какимъ образомъ лучше устроить школы для разныхъ искусствъ, и способствовать развитію замѣчательныхъ талантовъ. По этому 24 августа было собраніе берлинскихъ музыкантовъ подѣ предсѣдательствомъ Маркса, на которомъ рѣшено назначить для изученія этого предмета особую комиссію изъ людей знакомыхъ съ искусствомъ какъ теоретически такъ и практически. Затѣмъ, на второмъ собраніи, было объявлено присоединеніе многихъ другихъ прусскихъ обществъ къ Берлинскому Обществу, утверждены первые десять параграфовъ уложенія, и прочтенъ декретъ правительства, въ которомъ изъясняется, что въ настоящее время совершенно

невозможно созвать на конгрессъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ прусскихъ музыкантовъ, и по необходимости должно довольствоваться трудами артистовъ находящихся на лицѣ и предложившихъ обществу свои услуги.

Петербургская музыка понесла отъ холеры нѣсколько чувствительныхъ потерь. При самомъ началѣ эпидеміи скончался баронъ Раль, директоръ военной музыки нашей италіанской оперы. Онъ былъ знаменитый художникъ и знатокъ своего дѣла. За нимъ послѣдовалъ, 22 августа, Юсефъ Гизъ, скрипачъ, стяжавшій своимъ прекраснымъ талантомъ европейскую извѣстность. Онъ родился въ 1804 году, въ Гентѣ. Получивъ блестящее образованіе, онъ уже осьми лѣтъ игралъ въ публикѣ второй концертъ Лафона, а два года спустя исполнялъ, тоже публично, свои собственные сочиненія. Игра его преимущественно отличалась выраженіемъ, пылкію чувствъ и какою-то особенною характерностію. Его чрезвычайная нервозность, проявлявшаяся преимущественно во время игры, много вредила внѣшнему впечатлѣнію. Сочиненія его не имѣютъ особеннаго музыкальнаго достоинства, но за то отличаются блескомъ и пріятностію; эти два качества были главною причиною ихъ повсемѣстной извѣстности. Гизъ прибылъ сюда, прошлою осенью, изъ Парижа, въ надеждѣ получить ангажементъ. Вскорѣ по прибытіи онъ впалъ въ болѣзнь, въ первую горячку, продолжавшуюся цѣлую зиму. Эта болѣзнь до такой степени разстроила его средства, впрочемъ и безъ того не огромныя, что ему пришлось бы терпѣть страшную нужду, если бы благородный Вьетанъ не далъ въ его пользу блистательнаго музыкальнаго утра. Весною здоровье его нѣсколько поправилось: онъ могъ выходить и даже по временамъ принимался за скрипку; къ несчастію облегченіе это было не долговременно: мѣсяць спустя онъ сдѣлался жертвою эпидеміи. Перваго сентября умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ здѣшнихъ артистовъ, знаменитый виолончелистъ Іоаннъ Веніаминъ Гросъ. Онъ родился въ Эльбингѣ (въ восточной Пруссіи) гдѣ по настоящее время живетъ его отецъ, учитель гимназіи. Получивъ свое музыкальное образованіе въ Берлинѣ, ангажированъ былъ въ кенигштадскій театральнй оркестръ. За тѣмъ онъ переселился въ Дерптъ, чтобы участвовать въ квартетахъ одного извѣстнаго любителя музыки, и наконецъ, чрезъ нѣсколько времени прибылъ въ Петербургъ. Онъ находился здѣсь въ числѣ артистовъ театральнаго оркестра, и кромѣ того имѣлъ уроки въ лицѣ. Въ началѣ настоящаго

года онъ вышелъ въ отставку и намѣревался уже возвратиться въ Германію, чтобы жить тамъ пріобрѣтеннымъ на службѣ пенсіономъ, какъ внезапно удостоенъ былъ приглашенія давать уроки при Высочайшемъ Дворѣ. Онъ остался въ Петербургѣ, надѣясь употребить свое новое, блистательное положеніе на пользу искусства. Къ сожалѣнію, ему не суждено было долго радоваться новому счастью: холера похитила его въ одни сутки. Отъ роду ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ. Гросъ былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ виолончелистовъ; въ игрѣ его былъ только одинъ недостатокъ—отсутствіе увлекательности, что для солиста значитъ много. За то въ квартетахъ онъ былъ неподражаемъ; можно рѣшительно утверждать, что въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ соперниковъ. Всѣ знаменитѣйшіе скрипачи, посѣщавшіе Петербургъ, напримѣръ Вьетанъ и Эрнстъ, играли съ нимъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Гросъ былъ умный, вдохновенный композиторъ. Онъ всегда ставилъ себѣ цѣлю идеалъ высокаго искусства и стремился къ нему всѣмъ своимъ умомъ и чувствомъ; мода и пустой блескъ были ему неизвѣстны. Мы съ особеннымъ наслажденіемъ вспоминаемъ тріо его сочиненія, исполненныя имъ, Эрнстомъ и Альбрехтомъ, которыя намъ удалось слышать въ прошедшемъ году. Эти истинно классическія сочиненія существуютъ пока только въ манускриптахъ, и вѣроятно находятся въ числѣ его посмертныхъ сочиненій, запасъ которыхъ долженъ быть очень значителенъ, потому что Гросъ при жизни своей издавалъ очень мало. Онъ сочинилъ увертюру къ Шиллеровой трилогіи «Валленштейновъ Лагеръ», которая тоже должна быть очень замѣчательнымъ произведеніемъ, если судить по тому, что мы слышали объ ея характерѣ отъ самаго композитора.

Гросъ былъ замѣчательный человѣкъ не только по таланту, но и по прекраснѣйшей, благороднѣйшей душѣ. Гдѣ искусство нуждалось въ помощи, тамъ смѣло можно было рассчитывать на него; въ этомъ случаѣ ни какое усиліе, ни какая жертва не были ему невозможны. Мысль учредить музыкальныя утра, выполненная Вьетаномъ, собственно принадлежитъ ему. Концертъ филармоническаго общества тоже многимъ ему обязанъ. Въ нынѣшнемъ году единственно чрезъ его содѣйствіе общество получило возможность исполнить «Илію». Какъ былъ бы онъ теперь полезенъ искусству, въ своемъ новомъ, независимомъ положеніи! У него было уже нѣсколько прекрасныхъ плановъ насчетъ будущей зныи,

которые смерть разрушила теперь такъ безжалостно. Однимъ словомъ, смерть Гроса для петербургской музыки — потеря неоцѣнимая, потеря, которую она не забудетъ долго, очень долго.

Въ тотъ самый день, когда мы хоронили Гроса, умеръ скоростужио музыкальный ветеранъ Месь, отличный опытный скрипачъ, бывшій долгое время однимъ изъ необходимыхъ артистовъ здѣшняго театральнаго оркестра. Нѣсколько недѣль спустя послѣ Меса лишились мы статскаго совѣтника Штекгарта, знатока и любителя музыки, извѣстнаго въ петербургской музыкальной литературѣ многими прекрасными критическими статьями.

Да! много утратъ потерпѣли мы въ послѣднее время—будемъ надѣяться, по-крайней-мѣрѣ, что утраты эти были послѣднія, и что смерть не потребуетъ болѣе для себя новыхъ жертвъ изъ среды истинныхъ жрецовъ искусства, число которыхъ въ Петербургѣ и безъ того очень ограничено.

Въ концѣ нынѣшняго лѣта русская опера дала нѣсколько представлений. Госпожа Дюпетио и Гумбинъ дебютировали въ Фавориткѣ не безъ успѣха. Между прочимъ дана была опера Львова и графа Сологуба «Ундина,» о которой было говорено такъ много. При первомъ представленіи почитатели таланта композитора приготовили этой оперѣ блистательный пріемъ. Затѣмъ она дана была еще три раза, и съ тѣмъ же успѣхомъ. Нѣкоторыя мѣста въ ней очень удачны.

Въ послѣднее время мѣсто русской оперы заступила италіянская, составъ которой въ нынѣшнемъ году слѣдующій: пѣвицы—Фредцполини, Корбари, Ангри; пѣвцы — Сальви, Гардонн, Тамбурини, Колетти, Тальяфико и Росси. Госпожа Ангри на дняхъ сильно заболѣла, и потому вѣроятно не скоро явится на сценѣ. Тѣмъ не менѣе нынѣшній составъ оперы заставляетъ насъ надѣяться весьма многого, особенно если репертуаръ ея будетъ нѣсколько разнообразнѣе прошлогодняго.

КНИГИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэри и Комп., комиссіонера Императорской Библиотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петяля, № 3.)

(Цѣны въ серебрѣ).

	В. С.
BLOSSEVILLE (de). Mémoires de John Tanner ou trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord. Paris 1835. 2 vol. in-8.	3 —
DUTROCHET. Mémoires pour servir à l'histoire anatomique et physiologique des végétaux et des animaux. Paris 1837. 2 vol. in-8. et atlas.	6 —
Mémoires d'un vicaire de campagne. Paris 1841. 1 vol. in-8.	1 30
Mémoires du colonel Voutier sur la guerre des Grecs. Paris 1823. 1 vol. in-8.	60 —
GREPPO. Mémoire sur les voyages de l'Empereur Hadrien et sur les médailles qui s'y rapportent. Paris 1842. 1 vol. in-8.	1 50
Mémorial de l'artillerie, ou recueil de mémoires, expériences, observations et procédés relatifs au service de l'artillerie. Bruxelles 1839. 1 vol. in-8. et atlas.	9 —
MICHEL. Mémorial de l'artilleur marin. Paris. 1 vol. in-8.	1 50
FALLOT. Mémorial de l'expert dans la visite sanitaire des hommes de guerre. Bruxelles 1837. 1 vol. in-8.	50 —
QUINET. Mes vacances en Espagne. Paris 1846. 1 vol. in-8.	1 70
MONTARAN (Baronne de). Mes loisirs. Paris 1845. 2 vol. in-8.	4 —
Merveilles (les) de la France ou le vade mecum du petit voyageur orné des sites et des monument les plus remarquables de la France. Paris. 1 vol. in-8.	1 15
LAMOTHE-LANGON. Les merveilles de la nature poème en six chants. Paris 1838. in-8.	50 —
BONJOUAN DE LAVARENNE. Mémorial de l'officier d'état-major en campagne, ou recueil de documents utiles pour faire la guerre. Paris. 1 vol. in-8. avec atlas.	2 —
Mémorial de gouverneur Morris, homme d'état Américain. Traduit de l'Anglais de Jared Sparks, avec annotations, par Augustin Gandais. Paris 1842. 2 vol. in-8.	3 —

ENCYCLOPÉDIE PORTATIVE ou résumé universel des sciences, des lettres et des arts, en une collection de traités séparés, par une société de savans et de gens de lettres; à 25 cop. le vol. format in-32.

Anthropographie, ou résumé d'anatomie du corps humain, par Meyranx. 1 vol.

Botanique. Par Lamouroux. 2 vol.

Chimie organique, par Panpaille. 1 vol.

—— Inorganique. 1 vol.

Chirurgie, par Meirieu. 1 vol.

Composition et exécution des jardins d'ornement. 1 vol.

Droit naturel et du droit des gens. 1 vol.

Droit criminel et pénal. 1 vol.

Eloquence, par Parisot. 1 vol.

Hygiène privée. 1 vol.

—— publique et médecine légale. 1 vol.

L'industrie et commerce. 1 vol.

Institutions modernes. 1 vol.

—— anciennes et au moyen âge. 1 vol.

Iconographie des familles végétales. 2 vol.

Mœurs et coutumes des nations. 1 vol.

Histoire des sciences philosophiques. 1 vol.

—— des sciences occultes. 1 vol.

—— Etudes historiques. 1 vol.

Médecine. 1 vol.

Minéralogie. 2 vol.

Morale. 1 vol.

Peinture. 1 vol.

Physiologie de l'homme. 1 vol.

Physique des corps pondérables. 1 vol.

—— des corps impondérables. 1 vol.

Phytographie ou histoire naturelle des plantes. 2 vol.

Précis d'un traité de poétique. 1 vol.

—— de rhétorique positive. 1 vol.

Ouvrages in-32.

BARBIER. Il Pianto. 1 vol.

BARTHELEMY. Cinquième anniversaire. 1 vol.

—— L'art de fumer. 1 vol.

—— L'Enéide. 2 vol.

—— e MERY. Oeuvres. 3 vol.

R. C.

— 25

— 10

— 10

— 50

1 50

BELTIN. Oeuvres. 2 vol.	— 40
BOILEAU. Oeuvres. 1 vol.	— 50
DUMAS. L'Alchimiste. 4 vol.	— 10
—— Angèle. 1 vol.	— 10
—— Antony. 1 vol.	— 10
—— Cathérine Howard. 1 vol.	— 10
—— Charles VII. 1 vol.	— 10
—— Christine. 1 vol.	— 10
—— Caligula. 1 vol.	— 10
—— Demoiselles de St.-Cyr. 1 vol.	— 10
—— Don Juan de Marana. 1 vol.	— 10
—— Halifax. 1 vol.	— 10
—— Henri III. 1 vol.	— 15
—— Kean. 1 vol.	— 15
—— Le Mari de la veuve. 1 vol.	— 10
—— Napoléon Bonaparte. 1 vol.	— 10
—— Richard Darlington. 1 vol.	— 10
—— Teresa. 1 vol.	— 10
—— La tour de Nesle. 1 vol.	— 10
—— Un mariage sous Louis XV. 1 vol.	— 10
DELAUVIGNE. Don Juan. 1 vol.	— 20
—— La popularité. 1 vol.	— 10
—— Une famille. 1 vol.	— 10
DESCHAMPS (Emile), Poésies. 1 vol.	— 15
GIRARDIN (Mme). Judith. 1 vol.	— 10
HUGO. Bug-Jargal. 1 vol.	— 20
—— Burgraves. 1 vol.	— 10
—— Cromwell. 1 vol.	— 20
—— Esmeralda. 1 vol.	— 10
—— Han d'Island. 2 vol.	— 50
—— Le Rhin. 1 vol.	— 75
—— Ruy Blas. 1 vol.	— 10
LAMERTINE. La chute d'un ange. 1 vol.	— 50
—— Recneillemens poétiques. 1 vol.	— 10
MILLEVOYE. Oeuvres. 1 vol.	— 40
PONSARD. Lucrèce. 1 vol.	— 10
QUINET. Prométhée. 1 vol.	— 10
REBOUL. Le dernier jour. 1 vol.	— 10
SAINTE BEUVE. Joseph Delorme et les consolations. 1 vol.	— 25
—— Pensées d'Aout. 1 vol.	— 10
TASTU. Poésies nouvelles. 1 vol.	— 25

TOURQUETY. Poésies catholiques. 1 vol.	— 10
——— Hymnes sacrées. 1 vol.	— 10
VIGNY (Alfred). Poèmes. 1 vol.	— 25

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Берварда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскала, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Новыя пьесы для фортепiano съ аккомпаниментомъ.

- ALKAN.** Trio pour piano, violon et basse. op. 30 (5 r. 15 c.).
- BEETHOVEN.** Trio pour piano, violon et violoncelle, arrangé d'après le quatuor. op. 74, par Belcke (4 r. 58 c.).
- BERLOT.** Premier Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 59 (3 r. 43 c.).
- BOOM.** Grand Trio, op. 14 pour piano, violon et violoncelle (5 r. 72 c.).
- DANCLA.** Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 37 (3 r. 43 c.).
- EHLERT.** Allegro concertant pour piano, violon et violoncelle. op. 7 (2 r. 39 c.).
- HENSELT.** Concerto pour le piano avec orchestre. op. 16 (9 r. 72 c.)
avec quintuor. op. 16 (6 r. 29 c.).
- KUFFERATH.** Quatuor pour piano, alto violon et violoncelle. op. 12 (5 r. 15 c.).
- LEWY.** Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 14 (5 r. 72 c.).
- LITOLFF.** Concerto-Symphonie national Hollandais pour piano avec orchestre. op. 45 (10 r. 29 c.).
- MARSCHNER.** Grand Trio pour le piano, violon et violoncelle. op. 138 (4 r. 29 c.).
- MAYER.** Concerto symphonique pour piano avec orchestre. op. 89 (12 r. 58 c.).
- ONSLOW.** Quintette pour piano, violon, alto, violoncelle et contrebasse. op. 70 (6 r. 29 c.).
- OSBORNE.** Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 52 (4 r.).
- REISSIGER.** 17e grand Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 183 (3 r. 43 c.).
- SCHUMANN (Clara).** Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 17 (3 r. 43 c.).
- SKRAUP.** Trio pour piano, violon (ou flûte) et violoncelle. op. 28 (2 r. 85 c.).

VOLLWEILER. Premier trio. op. 20 pour piano, violon et violoncelle
(3 r. 43 c.).

Пьесы для фортепiano.

ALKAN. Marche funèbre. op. 26 (1 r. 15 c.). Marche triomphale.
(1 r. 43 c.).

BERNARD. Trois mazurkas de salon (85 c.).

— Trois romances favorites de A. Warlamoff transcrites en pièces
de salon (1 r.).

— Не одна во полѣ дорожнички. Air russe favori varié (1 r.).

BEYER. Deux fantaisies sur des motifs de Donizetti. op. 94. № 1. La
fille du régiment (1 r. 15 c.), № 2. Dom Sébastien (1 r. 15 c.).

BRUNNER. Rondeau sur l'opéra: Linda di Chamounix (50 c.).

BURGMUELLER. Cantabile et rondeau-valse sur l'opéra: Ne touches
pas à la reine (75 c.).

— Benedetta. Fantaisie brillante (75 c.).

— Fantaisie sur la romance favorite: la brune Thérèse (75 c.).

— Fantaisie et valse sur des motifs de Rossini. op. 96. № 1, 2
(chaque 1 r.).

CZERNY. Premiers moyens d'acquérir de la dextérité sur le piano.
Trente-six exercices mélodieux par ordre progressif. op. 792
(3 r. 15 c.).

— Le plaisir du jeune pianiste. Choix des petites récréations. op.
794. liv. 1 à 12 (chaque 58 c.).

DOBZINSKY. Hommage à Mozart. Fantaisie sur des thèmes de l'opéra:
Don Giovanni. op. 59 (2 r.).

— Mouvement et repos. Etude. op. 60 (1 r. 15 c.).

DREYSCHOCK. Zum Wintermärchen. Rapsodie. op. 40 (1 r. 15 c.).
Souvenir de Berlin. Bluette. op. 41 (1 r. 29 c.). Pastorella. op.
42 (85 c.). Scherzo. op. 43 (1 r. 43 c.). Capriccio. op. 44
(1 r. 15 c.). Morceau caractéristique. op. 45 (1 r. 15 c.). Rap-
sodie. op. 46 (1 r.). Andantino et allegro appassionato (1 r. 15 c.).
Andantino con variazioni. op. 51 (1 r.).

EVERS. Impressions de l'Italie. Six morceaux. op. 42. № 1 à 6 (chaque
85 c.).

FESCA. Le dernier soupir. Fantaisie élégiaque. op. 58 (1 r. 72 c.).

GORIA. Chanson espagnole. Solo de concert. op. 33 (1 r. 43 c.).

— Nocturne de soirée sur «Una furtiva lagrima.» op. 34 (85 c.).

GUNGL. Signale für die musikalische Welt. Potpourri. op. 68 (1 r. 72 c.).

GUTMANN. Dix études caractéristiques de concert. op. 12. Cah. 1. 2
(chaque 2 r. 15 c.).

- HELLER.** Rêveries. op. 58 (1 r. 15 c.). Valse brillante. op. 59 (1 r. 15 c.).
Canzonetta. op. 60 (1 r. 29 c.). Deuxième Tarantelle. op. 61
(1 r. 43 c.). Deux valses. op. 62 (1 r. 43 c.).
- KULLAK.** La belle amazone. Rondeau alla polacca. op. 44 (1 r. 72 c.).
Air de l'opéra: la reine de Chypre, transcrit (75 c.).
- Album espagnol. Mélodies originales paraphrasées. op. 45. № 1—
6 (chaque 85 c.).
- Fleurs du sud. Six mélodies italiennes paraphrasées. op. 46
(7 r. 15 c.).
- MAYER.** Invitation à la valse. op. 113 (1 r.).
- ROSELLEN.** Trois rêveries. op. 103. № 1. 2. 3 (chaque 1 r. 15 c.).
- RAVINA.** Solo de concours. op. 15 (75 c.).
- SCHILLER.** Chant sans paroles (30 c.).
- THALBERG.** Fantaisie sur des mélodies de F. Schubert. op. 57. № 5
(1 r. 15 c.). Fantaisies sur des thèmes de l'opéra: la Gazza la-
dra. op. 57. № 6 (1 r. 43 c.).
- VOSS.** Choeur de la Norma. Improvisation (75 c.).
- Un soir au château rouge à Paris. Polka brillante. op. 62 (60 c.).
- WILLMERS.** Klänge aus dem Süden. Fantasie-Stücke über italienische
Volksmelodien. op. 56. № 1 — 5 (chaque 1 r. 15 c.).
- Un rêve d'amour. Nocturne. op. 55 (1 r. 15 c.).
- Reminiscences de l'opéra: Ernani. op. 54 (1 r. 43 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, полу-
чаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать ру-
блей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой
пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредствен-
но въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать че-
резъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издавы или
объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла десятая тетрадь «Нувеліста», которая
содержитъ въ себѣ: Mayer. Invitation à la valse. — Bernard. Air
bohémien russe «Скажи затѣмъ» varié. — Deutsch. Les francs-chasseurs.
morceau lirique. — Kütz. La rose des alpes. — Dancke. Chant d'au-
tomne. — Kazinsky. La gracieuse. — Putscheka. L'élégante, valse. —
Rosellen. L'iris. Divertissement. — Hünten. Le bleuets, air allemand
varié. — Станюковичъ. Горныя вершины, романсъ. — Masini. Ве-
тансе. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ, № 10. (Го-
довое цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.
сереб.)

МОДЫ.

=

Въ Парижѣ, которому нынче въ модахъ уже ни одна земля не повинуется, который черезъ свои сумасбродства потерялъ всю свою власть вкуса и изящества надъ Европою, въ Парижѣ—одна теперь главная, великая, всеобщая мода—нищета. «Нищета! нищета! нищета!» кричатъ всѣ журналы, модные и немодные. Но при всей этой нищетѣ, великолѣпные бархаты, полноцѣсныя шелковыя матеріи, богатые атласы — въ большомъ употребленіи, потому что никогда еще они не были такъ дешевы: разоряющіеся за недостаткомъ въ покупщикахъ, лавки и фабрики продаютъ свои лучшіе товары за безцѣнокъ, и щеголихи, которыя прежде не въ состояніи были носить ничего порядочнаго, спѣшаютъ воспользоваться случаемъ и наряжаются какъ княгини. Этого достаточно, чтобы настоящія, образцовыя щеголихи одѣвались простѣе чѣмъ когда-либо и поддерживали нищету въ хорошемъ тонѣ: нищета — это очень благородно!

Разумѣется, что новыя выдумки моды дѣлаются теперь преимущественно для такихъ дамъ, которыя донынѣ были очень счастливы щеголая въ старыхъ выдумкахъ.

Въ истинно-изящномъ свѣтѣ всѣ вообще новыя парижскія выдумки возбуждаютъ недоумѣчивость и даже открытое сопротивленіе. Новый фасонъ шляпокъ, очень маленькихъ, очень сдвѣзанныхъ и вогнутыхъ надъ лбомъ встрѣчаетъ сильную оппозицію. Да и въ самомъ дѣлѣ, фасонъ, такъ сказать, безобразенъ: шляпка изрядно походитъ на чепчикъ. Донинѣ большинство благородныхъ щеголихъ придерживается прошлогодняго фасону съ едва примѣтными измѣненіями: форма краю полей спереди — совершенно круглая, безъ вгibu. Перья на шляпкахъ очень приняты. Уборка внутри — вообще тюлевая. Волосы — волнистыя, или гладкіе съ двумя толстыми и длинными буклями.

— Тѣ, которыя одѣваются пышно за безцѣнокъ, употребляютъ бархаты, роскошныя атласы и дорогіе моарѣ для утреннихъ невырѣзныхъ платьевъ; обшиваютъ юбки дюжинами кружевныхъ волановъ, убираютъ мантиліи кружевами, брандебурскими и агрантавами вмѣстѣ, а пардесю тремя и четырьмя рядами богатой бахромы. Большая часть такихъ платьевъ закрываютъ

грудь до самой шеи, à la puritaine; прочія бываютъ съ умѣрен-
нымъ вырѣзомъ.

— Въ противорѣчіе страшнымъ по египетскому убранству
своему мантиліямъ и пардею, являются въ большомъ множествѣ
атласныя и бархатныя кофточки въ обтяжку, безъ украшеній, и
съ успѣхомъ соперничаютъ съ ними.

— Какъ самые чудесные цвѣты теперь въ Парижѣ ни по
цвѣту, то всякія разныя щеголихи простираютъ употребленіе ихъ
нерѣдко до фанатизма. Бархаты на зимнихъ платьяхъ для гу-
лянія обшиваютъ дорожки мѣлами, на томъ же основаніи.

— На случай проволитныхъ дракъ и холеры, которыя по-
минутно могутъ вспыхнуть въ Парижѣ или вдругъ или одна
вслѣдъ за другою, самые смѣтливые и предусмотрительные изъ
тамознихъ модныхъ магазиновъ выставили модели очень мелкихъ
трауровъ. Невозможно представить себѣ ничего печальнѣе-
нѣже.

=

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Быть русскаго дворянина въ разные эпохи его жизни. Сочиненіе автора «Семейства Холмскихъ»	1	✓
Девятое марта. Быль. <i>Н. Кукольника.</i>	141	✓
Полтавскіе вечера. Вечеръ второй. <i>Е. Гребенки.</i>	211	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Персская красна-дѣвица, или день святаго Валентина. Романъ Вальтеръ-Скотта.	1	✓
---	---	---

Вудстокъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. Часть вторая и послѣдняя.	1
---	---

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Этнографическіе очерки южной Сибири. <i>Степана Гуллова.</i>	1
То же. Статья вторая	59
Искусство и литература въ древнемъ и новомъ мірѣ. Статья первая. <i>В. Стоюнина.</i>	143

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О чайной торговлѣ въ Россіи. <i>Г. Н—а.</i>	1
Статистическія изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ. Статья первая. <i>Г. Н—а.</i>	49

V.

КРИТИКА.

Курсъ физической географіи, изданный <i>Г. Петровскимъ</i> , профессоромъ Рижскаго Лицея. Одесса. Статья первая.	1
То же. Статья вторая.	19

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1848. Новыя книги.	1
Октябрь, 1848. Новыя книги и брошюры.	17
— — Разныя извѣстія.	32

VII.

С М Ъ С Ъ.

АВГУСТЪ.

Спиртовое освѣщеніе улицъ	1
Замѣчанія пермскаго врача о причинѣ распространенія холеры по системамъ водъ.	8
Французскій театръ въ Парижѣ	11
Музыкальныя новости.	20
Новыя французскія книги	33
Новыя музыкальныя сочиненія.	85

ОКТАБРЬ.

Осемнадцатый сѣздъ англійскихъ ученыхъ. Засѣданія отъ 9 – 16 августа въ Свенси, въ княжествѣ Валлискомъ.	
1. Самописные барометры и термометры.	49
2. Эффектъ звуковъ во время быстрого движенія на желѣзныхъ дорогахъ. Новое сходство между звукомъ и свѣтомъ.	41
3. Опыты съ углекислымъ газомъ и растеніями.	42
4. Дѣйствіе морской или поваренной соли на растительность.	43
5. Холодильное свойство водороду.	44
6. Новое и полезное свойство коку.	44
Королевское общество ученыхъ въ Лондонѣ. 1. Количество дождя на высотахъ и въ низменныхъ мѣстахъ. Образование граду.	45
2. Настоящее различіе между артеріальною и венозною кровью	46
Филомаэическое общество въ Парижѣ. Собственныя, органическія движенія въ яйцѣ.	47
Парижская академія наукъ. Новый (осьмой) спутникъ Сатурна.	48

Французскій театръ въ Парижѣ.	49
Музыкальныя новости.	54
Французскія книги.	67
Новыя музыкальныя сочиненія.	70
Моды.	73

7

=

JAN 24 1930

